КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВОСЬМОЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Подготовка Балканской войны 1912 г.—Записки А. С. Ермолова.—Из дневника А. Н. Куропаткина (1905—1906 г.г.).—Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.)—К истории Лорис-Меликовской конституции.—Октябрьский переворот и ставка.—Омские события при Колчаке.—Указы Е. И. Пугачева.—Литература 60-х г.г.—Революция 1848 г.—В годы реакции.—Казнь А. Матюшенко и др.

ЦЕНТРАРХИВ

1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Предисловие *А. Л. Попова*	3—48
2. Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.	49—69
3. Из дневника А. Н. Куропаткина (с 23 декабря 1905 г. по 12 марта 1906 г.).	70—100
Примечания.	98—100
4. Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым. (1880—1881 г.г.)	101—131
5. К истории Лорис-Меликовской «конституции». (Заседание совета министров 8 марта 1881 г.). Предисловие *А. А. Сергеева*	132—152
I. Из дневника Е. А. Перетца	133—150
II. Из дневника вел. кн. Константина Николаевича	151—152
Примечания	152—
6. Октябрьский переворот и ставка. Статья *А. Г. Шляпникова*	153—175
7. Омские события при Колчаке. (Окончание.)	176—192
8. Указы Е. И. Пугачева и его коллегии. Предисловие *С. А. Голубцова*	193—206
Снимки с „Указов" Е. И. Пугачева и автографы деятелей восстания 1773 г.	
9. Литература 60-х годов по отчетам III отделения	207—232
10. Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Предисловие *А. Кутузова*	233—236
11. Неизданная сказка А. П. Чехова. Предисловие *С. Любимова*	237—239

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

12. Революция 1848 г. и французские подданные в Москве. Сообщил *В. М.*	240—241
13. В годы реакции. Сообщил *А. М. Зайончковский*	242—243
14. Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. Сообщил *В. Дмитриев*	243—244
15. Николай Романов 28 февраля—4 марта 1917 г. Сообщил *А. Сергеев*	244—246
16. Пенсионная практика Временного Правительства. *М. Г. Флеер*	246—250
17. Казнь Афанасия Матюшенко. Сообщила *К. И. Воинова*	250—254

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЕРВЫЙ (ВОСЬМОЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз № 9022. Главлит № 34862. Напеч. 5000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Балканской войны 1912 г.

Среди материалов архивного фонда бывш. мин. ин. дел, относящихся к делопроизводству III политического отдела (Ближне-Восточного), сохранились коллекции документов, подобранные по вопросу о дипломатической подготовке Балканской войны.

Указанные коллекции отнюдь не могут претендовать ни на исчерпывающую полноту, ни на достаточную выразительность и характерность подбиравшегося в министерстве материала, ни на свободу от исторически ненужного архивного балласта; в них имеются кроме того значительные хронологические пробелы.

В основу настоящей публикации, представляющей собою первую из имеющих последовать за нею частей, положена одна из указанных выше коллекций (носящая заголовок «Дипломатические переговоры, предшествовавшие 1 войне»; 16 сентября 1911 г.—21 июля 1912 г.), существенно пополненная материалами, заимствованными из делопроизводств других отделов и вместе с тем подвергшаяся значительному сокращению в результате отсеивания всего того, чем без явного ущерба для дела представилось возможным пренебречь.

Публикуемые материалы представляют кусок истории активной русской политики на Балканах, тех последних усилий русской дипломатии, законным детищем коих явились балканские войны, эти предтечи империалистской войны.

Обследуемый кусок истории оказывается по необходимости вырванным из близлежащего исторического контекста.

Предпосылаемые документам вводные строки имеют своим назначением, хотя бы в самых беглых и фрагментарных чертах, напомнить читателю о существовании генетической связи между публикуемыми «переговорами» и предшествующими им «поступами» русской политики на Балканах.

«Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы разделаемся с другими, более спешными делами»,—говорил министр иностранных дел кн. Лобанов, объясняя линию внешней политики, принимаемую русским правительством в 90-х годах.

Известно, что это была линия, направленная на соискание главою государства адмиральского звания, на получение шефства над водами Тихого океана, линия, оборвавшаяся в 1904 г. в связи с полным провалом испытуемого.

Претерпев в связи с указанными «спешными» делами горькую неудачу, получив дополнительные разочарования в делах внутреннего управления, после недолгих

хождений своего будущего премьера по приемным парижских банкиров, царское правительство охватывается обновленными чувствами дружбы и признательности к своей старой союзнице и вместе с тем попадает в объятия к ее новым английским друзьям.

Соглашение 1907 года означало для России не только воздержание от активности в делах Средней Азии, но и определяло собою возвращение ее при первых возможностях к активной политике на Ближнем Востоке.

Правда, возвращаясь на Ближний Восток, Россия находила теперь положение здесь существенно изменившимся.

Не забудем, что в 1897 году, в момент своего явственного устремления к Тихому океану, русская дипломатия стабилизовала ближневосточные дела исключительно путем обоюдного соглашения с Австрией, путем полюбовного с нею раздела сфер влияния на Балканах. Когда, в 1903 г., вспышка четнического движения в Македонии грозит накалить политическую атмосферу на полуострове, делом тушения македонского пожара занимаются представители тех же двух «наиболее заинтересованных» на Балканах держав, обсуждающие в Мюрцштеге, в стенах охотничьего замка Габсбургов, программу реформ в Македонии. Заслуживает внимания маленькая подробность: мюрцштегская программа официально сообщалась Порте в нотах, врученных одновременно русским и австро-венгерским послами,—это служило торжественным провозглашением принципа, по которому всякие действия на Балканском полуострове должны предприниматься не иначе, как по взаимному соглашению.

Годы 1904—1905 отмечаются принципиальным изменением традиционной английской политики в ближневосточном вопросе и значительным ростом английского влияния на Балканах. Балканский вопрос становится предметом особых забот европейского концерта, а лейтмотивом всех действий этого концерта являются англо-германские антагонизмы.

Еще раньше, во время англо-турецкого табасского инцидента 1906 г., имевшая случай манифестировать в пользу Англии русская дипломатия, руководимая поклонником сэра Эд. Грэя, с неизбежностью должна была теперь итти и в балканских делах в английском фарватере.

Можно сказать, что линия этого нового английского фарватера в известной степени, до известного предела даже гармонировала с теми «историческими задачами» на Балканах, к осуществлению которых русская дипломатия почувствовала себя вновь призванной. Напомним, что старый лозунг Гладстона «растерзать тело Турции» начинает приобретать в Англии некоторую популярность. В резидирующем в Лондоне «Балканском Комитете» слышатся речи и выносятся резолюции на тему об ответственности Англии за установление порядка в Македонии. Влиятельный член «Балканского Комитета» Ноэль Бэкстон (в своей книге, «Europe and the Turks», изданной в 1907 г.) проводит мысль о желательности довести дело до открытого разрыва на Балканах, пустив застрельщиком Болгарию. Тенденции эти отражаются и в английских официальных кругах: в тронной речи (29—I—1908 г.) подчеркиваются серьезные опасения, внушаемые положением в Македонии; сэр Э. Грэй обращается к Извольскому (28—II—1908 г.). с официальным заявлением о неотложности македонских реформ; оживляется деятельность в Болгарии английских агентов, стимулирующих у болгар агрессивные стремления в Македонии.

Вместе с тем не менее явственно намечаются тенденции австро-германской политики. Когда, набросанный при свидании в Свинемюнде (август 1907 г.) Извольским

и Бюловым и редактированный затем Извольским совместно с Эренталем, проект судебных реформ в Македонии обсуждается (в декабре того же года) на конференции послов в Константинополе, германский посол к немалому удивлению своих коллег подвергает проект резкой критике, а австрийский представитель жестокую критику собственного проекта молчаливо одобряет. План судебной реформы в Македонии рушится в корне. Конец русско-австрийского соглашения на Балканах уже намечается явственно... «Циничный жест» австро-венгерской дипломатии находит исчерпывающее объяснение в тех переговорах, которые ведет в это время гр. Эренталь с турецким правительством—он обещает последнему отказаться от поддержки собственного проекта реформ, если Турция согласится на постройку железной дороги через Новобазарский санджак. Проектируемая ветка, длиною в 160 км., должна сомкнуть австрийскую сеть с турецкой дорогой от Митровицы на Салоники. Громадность ее экономического и политического значения—особенно в предвидении соединения турецкой сети с греческой—было неоспоримо. «Таким образом получится,—говорил Эренталь 28—I—1908 г. в венгерской делегации,—прямое сообщение Вена—Будапешт—Сараево—Афины—Пирей, которая послужит кратчайшей дорогой из центральной Европы в Египет и Индию».

Австрийский проект не без основания квалифицировался русским министерством ин. дел., как решительное и непоправимое нарушение русско-австрийского соглашения о разделе сфер влияния на Балканах. Не без основания, возвращаясь к активности на Ближнем Востоке, русское правительство ставит на очередь вопросы об усилении своей боевой мощи (заседание Государств. Думы 30—VI—1908 г.), те самые вопросы, которые в эту же пору фиксируют внимание английского правительства, вносящего в парламент законопроект о широкой судостроительной программе (24—II—1908 г.). В то же время в противовес австрийскому ж.-д. проекту русскими финансовыми кругами выдвигается старый сербский проект Дунайско-Адриатической дороги (от Мрдаре до Дьякова и далее на побережье), и делегат русских банков, Вышнеградский, ведет в Париже переговоры с представителями французских и итальянских финансовых групп.

Разумеется, в каких бы формах русская активная политика на Балканах ни проявлялась, формы эти оказывались различными сторонами одной и той же, неизменной для политики царизма, сущности—его исконного тяготения к проливам.

При функциональном расстройстве экономики и военной системы не приходилось, конечно, и помышлять о какой-либо акции, хотя бы отдаленным образом напоминавшей обручевский проект 1897 г. о прямом захвате верхнего Босфора. Ведь совсем недавно (28—I—1908 г.) Совет государственной обороны на заседании, посвященном вопросу «о подготовке к войне с Турцией», признал «необходимым ныне избегать принятия таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения».

Оставалось, следовательно, рассчитывать или на длительный затяжной процесс мирного проникновения или на тонкую дипломатическую игру, становившуюся тем более тонкой, чем более слабыми были реальные рессурсы, утончавшуюся порой до того предела, когда запутавшимся игрокам приходилось ретироваться с дипломатической сцены с испорченной репутацией. Первые же шаги новой русской политики на Балканах, характеризующиеся чертами такой игры, игры, несогласованной с видами англо-французской дипломатии, а потому—рискованной, ознаменовываются

неудачей, известной под именем дипломатической Цусимы. Мы имеем в виду все то, что связано с фактом аннексии Боснии и Герцеговины.

Склонные к драматизации исторического процесса исследователи факт этот нередко полагают исходным пунктом всей той цепи событий, которые привели в конечном счете к империалистской войне. Факт этот ждет еще своего документального освещения, но и то, что уже известно о нем, наделяет его всеми характерными для узлового момента особенностями и вместе с тем помогает правильной исторической установке той роли запевалы, какую начинает играть царская Россия в ближне-восточном концерте.

Не спрашивая броду у своих старших друзей, русский министр иностранных дел стремительно бросается к водам Босфора, которых он надеется достигнуть путем дипломатической сделки со своим исконным антагонистом на Балканах.

19—VI—1908 г. Эренталь получает от Извольского многозначительный меморандум. нетерпеливый министр заявляет об отсутствии со стороны России возражений против проведения санджакской дороги; вместе с тем он выражает согласие на то, чтобы «связь с Боснией и Герцеговиной Австрия сделала постоянной»; взамен всего этого он хочет получить открытие проливов для русских военных судов. Полагая себя связанным в босне-герцеговинском вопросе секретными соглашениями с Австрией 1881 и 1884 г.г., Извольский при личном свидании с Эренталем в Бухлау (15—IX—1908 г.) безоговорочно подтверждает свое согласие на аннексию, в то время как Эренталь сохраняет себе свободу действий ссылкой на то, что вопрос о проливах должен быть решен Европой. Пока нашаливший дипломат в поисках сочувствия и поддержки совершает свое дипломатическое турнэ по Европе, Эренталь успевает поставить русское правительство перед совершившимся фактом (6—X—1908 г.). Компенсируя Турцию отказом от Новобазарского санджака, австрийский министр ин. дел. превентивным санкционированием независимости Болгарии завоевывает симпатии последней и тем наносит дополнительный удар престижу своего неудачливого соперника. Ставка Извольского на проливы оказывается битой, Берлинский же Трактат и status quo на Балканах нарушаются и нарушаются исключительно в пользу Австрии. Попытки Извольского, направленные к организации дипломатической самообороны путем созыва конференции держав и вознаграждения наиболее пострадавших, терпят фиаско.

Поглощенная всецело мароккским вопросом, искусно обостряемым германской дипломатией, Франция не проявляет интереса ни к вопросу о русских притязаниях на проливы, ни к вопросу о созыве конференции. Расчетливая и осторожная и раньше, после июльского переворота в Константинополе позиция Англии становится в ближне-восточном вопросе особенно осторожной и выжидательной: усматривая полную неготовность России к серьезным выступлениям, Англия не оказывает политике Извольского реальной поддержки. Предъявляемое 23—III—1909 г. германским послом в Петербурге ультимативное требование открытого признания аннексии выполняется Извольским безоговорочно, с «унизительною» поспешностью. По тому же вопросу о проливах заключаемое с Италией соглашение в Ракониджи (25—X—1909 г.), являющееся единственным фактом, могущим войти в актив царской ближне-восточной политики в период 1908—1909 г.г., разумеется, не может исправить положения.

Поставленная перед фактом нарушения «равновесия» на Балканах и завоеванного здесь двуединой монархией господствующего положения, встречающая после

низвержения Киамиля (февраль 1909 г.) ярко выраженную германскую ориентацию в Константинополе, изолированная от дружественных держав в своих наивно-активистских тенденциях, русская дипломатия оставлялась на второй год в том же классе для переподготовки в балканском вопросе и вынуждалась заняться исправлением наделанных ею ошибок—под наблюдением сэра Грэя восстановить добрососедские отношения с Австрией (соглашение 1910 г.), заявить в Потсдаме (4—XI—1910 г.) о своей готовности к поддержанию status quo на Балканах и затем перейти к очередным делам, т.-е. к медленной, строго локализованной, подготовительной работе на полуострове, работе по созданию, так называемой балканской федерации.

Строго говоря, эта подготовительная работа велась и раньше. Аннексия, лишь юридически оформившая созданное 30 лет тому назад для Боснии и Герцеговины положение, принципиально не внесла ничего нового, но, вместе с санджакским жел.-дор. начинанием, явилась ярким выражением австрийских агрессивных стремлений на Балканах, обострявших существовавшие антагонизмы и прежде всего и больнее всего ударявших по интересам Сербии. Напомним, что еще по договору 1882 г. с Австрией Сербия соглашалась оставить Боснию и Герцеговину за Македонию. Напомним, что в период своих неудачных попыток Извольский требовал для Сербии территориальной компенсации, дающей ей через юго-восточную часть Герцеговины выход к берегам Адриатики. Крушение национальных сербских надежд вызывает в стране острое возбуждение и рефлектирует образованием кабинета, открыто принимающего программу сопротивления Австрии. Вместе с тем все расчеты сербских политиков направляются теперь на территории, лежащие к югу, т.-е. на спорные районы Македонии.

Созданное тем же фактом и осложненное коронованием князя Фердинанда умаление сюзеренных прав султана стимулировало исконные болгарские притязания на Македонию. Взаимно антагонистические сербские и болгарские притязания на македонские вилайеты встречают отпор в младотурецкой национальной политике, но не теряют от того ни на иоту в своей все возрастающей напряженности. Тот же Македонский вопрос и обостряющийся вопрос Критский создают с момента младотурецкой революции и в Греции почву, благоприятную для антитурецкого движения. Не приходится в данном случае и говорить о тех сербах, которых называли черногорцами, которым удалось сохранить свою независимость от теснившей их Турции, но пришлось стать в полувассальные отношения к России.

Конъюнктура на Балканах, как видим, не отличалась простотой, зато давала русской дипломатии благодарный материал для «производительной» работы, заслуживавшей полного поощрения со стороны осмотрительных англо-французских друзей.

Цель, намечавшаяся русской дипломатией, была отчетливая и ясная, такая же отчетливая и ясная, как и прежде—овладение проливами: средством для достижения этой цели являлись прежде всего балканские славянские государства; очередной задачей—их вовлечение в орбиту русской политики и создание союза, направленного против Турции.

Ущербленная австрийской агрессией, поставленная под постоянную угрозу австрийского удара, при содействии русской дипломатии заключающая в Париже заем на военные цели, Сербия с момента аннексии оказывается отброшенной всецело в русскую сферу влияния.

Главным объектом русской дипломатической обработки должна была стать Болгария, в течение последнего десятилетия сильно выросшая экономически и культурно, быстро приобретавшая значение решающего фактора среди государств Балканского полуострова.

С момента сентябрьских софийских торжеств 1907 года, посвященных юбилею русско-турецкой войны, русское представительство в Софии приступает к энергичному «обволакиванию» болгарских правящих кругов, к организации болгарского «общественного мнения». Русский поверенный в делах в Болгарии план своих работ, к которым он собирался приступить «без потери времени», при этом определял так [1]): прежде всего—«взглянуть на нее (Болгарию. *А. П.)* не как на цель, а как на средство, которое выгодно может быть использовано нами»; далее—«использовать унаследованный от войны 78 г. культ России как страны-освободительницы», укрепить «нравственные связи» с болгарами и, наконец,—«перейти к конкретному уговору», оставаясь в то же время «хозяином положения, имея все нити в руках, а следовательно, и возможность сделать решающий шаг тогда, когда это будет соответствовать нашим видам».

Та работа, какую развивает русский дипломатический представитель в Софии вкупе с русским военным агентом, оказывается настолько энергичной, что даже энергичному министру ин. дел приходится неоднократно удерживать своих сотрудников от излишнего рвения. Осторожность приходилось соблюдать тем большую, что отяготившее государственный бюджет крупными расходами на вооружение болгарское правительство к тому времени было особенно сильно преисполнено национального нетерпения в деле достижения своих «исторических целей».

Главная роль в русско-болгарских переговорах в тот период выпадает на русского военного агента, полковника Леонтьева, который интересуется преимущественно вопросом о военной конвенции. Известно, что русское правительство было связано с Болгарией секретным военным соглашением 1902 года, направленным исключительно против Румынии и Австрии и утратившим к рассматриваемому времени всякое политическое значение. Во время частых свиданий полк. Леонтьева с болгарскими генералами разговор обычно вращался вокруг вопроса об условиях, на каких должна быть заключена новая военная конвенция. Конвенция, очевидно, должна была быть направлена теперь против Турции.

Затевая свою «игру» в Вене, руководитель русского дипломатического ведомства отнюдь не был расположен, как мы видели, к «непосредственным действиям», не был расположен уже по одному тому, что для этого не было реальных возможностей. Естественно и понятно, что и теперь он давал своему представителю в Софии директиву держать курс на «соглашение исключительно политического характера, а не на военное». Правда, недели за две до тырновского акта, русское правительство, склоняя Болгарию к «совместному с Россией плану действий», для объявления независимости выражало готовность заключить с княжеством военную конвенцию. Русской дипломатии не посчастливилось и в этой скромной попытке. Болгарское правительство уклонилось от русского предложения. «Князь все время колебался,—рассказывает об этом полк. Леонтьев [2]),—и окончательное решение принял

[1]) См. депешу Сементовского-Курило от 12/XI—1907 г.

[2]) См. донесение полк. Леонтьева на имя нач-ка генер. штаба от 1/X—1908 г.

только в воскресенье, 26 сентября, когда ему стала известна сущность русского предложения... На другой же день, в понедельник, князь делает роковой шаг, идущий совершенно вразрез с нашими желаниями... Князю нужно было спешить: задержись он еще немного,—и ему волей-неволей пришлось бы пойти навстречу русским предложениям... князь не потерялся и быстро принял решение, сразу сделавшее его чуть ли не господином положения... Своим тырновским переворотом князь сразу поймал двух зайцев... отделался от слишком тесной военной связи с Россией, могущей его скомпрометировать в глазах Австрии, и одновременно получил столь давно и страстно желанную им царскую корону»...

Упустив политически выигрышный момент объявления независимости, русское правительство спешит сыграть привычную для него роль «освободителя» и посредством финансовой сделки укрепить отношения с новообразовавшимся царством: отказываясь от части причитающегося ему от Турции военного долга, оно выражает готовность освободить Болгарию от вытекающих из факта провозглашения независимости финансовых обязательств последней по отношению к Турции, взяв с Болгарии долговое обязательство на ту же сумму: 7/20 апреля 1909 г.

Извольский подписывает декларацию «об отказе России в пользу Турции от 40 аннуитетов военного вознаграждения»; 8/XII—1909 г. заключается русско-болгарская конвенция, «о займе в 82 милл. франков».

Приступ национализма в турецкой политике вызывает в дальнейшем согласительные настроения у болгар. «В последнее время, — сообщает Сементовский-Курило 28—I—1909 г. [1]), — отношения между соседями настолько обострились, что даже вооруженное столкновение становилось вероятным». В это же время болгарский представитель в Белграде ведет переговоры о заключении секретной военной конвенции с Сербией. Македонский вопрос является, однако, камнем преткновения, и переговоры остаются висеть в воздухе. Во время приезда царя Фердинанда в Петербург в феврале 1909 г. Извольский обещает Болгарии содействие в достижении ею своих национальных вожделений, «для каковой цели,—по словам министра [2]),—имеется уже конкретное понятие сан-стефанской Болгарии». Вместе с тем он убеждает Фердинанда прежде всего «решительно отказаться от агрессивных действий против Сербии». В помощь Извольскому привлекается и столь занятая в ту пору своими «местными» делами союзная дипломатия: осенью того же года (октябрь 1909 г.) Милованович ведет с Пишоном беседы на тему о «более тесном единении между балканскими государствами» и просит руководителя французской внешней политики «оказать давление на Болгарию». «Г. Пишон, — доносил русский посол в Париже [3]), — выразил министру полное сочувствие Франции установлению этого соглашения».

В чем заключалась в ту пору сущность сербо-болгарских разногласий? Милованович отстаивал мысль о разделе Македонии. Болгарские политики противопоставляли этому идею автономной Македонии, рассчитывая таким путем подойти к вопросу о воссоединении этой области с королевством.

Не безынтересным представляется то обстоятельство, что русская дипломатия принимает сербскую точку зрения. В своем инструктивном письме [4]) к Сементовскому

[1]) См. письмо Сементовского-Курило Чарыкову ст 28/I—1909 г.

[2]) См. секретн. телеграмму Извольского Сементовскому от 17/II—1909 г.

[3]) См. депешу Нелидова из Парижа от 29/X—1909 г.

[4]) См. секр. письмо Извольского Сементовскому от 20/III—1909 г.

министр основы для соглашения схематически намечал так: «Район Константинополя и проливы входят в исключительную сферу интересов России»; Болгария «будет иметь право стремиться к расширению своих границ в размере сан-стефанской Болгарии»; Сербии отводятся «области, открывающие ей доступ к побережью Адриатического моря». Построенное на таких основах соглашение Извольский считал возможным «подкрепить» особою военною конвенциею. «Быка надо взять за рога...,— комментировал Сементовский занятую русским дипломатическим ведомством в Македонском вопросе позицию [1]), — стремиться к автономии Македонии нам не приходится... Поставленная цель может быть достигнута лишь при условии раздела Турции».

Во время посещения Фердинандом Петербурга Извольский вручает сопровождающим болгарского царя министрам Малинову и Паприкову разработанный министерствами — ин. дел и военным — новый проект военной конвенции с Болгарией. Как признавался сам автор проекта [2]), отличительною чертою его являлась «разница в обязательствах», принимаемых на себя Россиею и Болгарией: в то время, как Россия обязывалась лишь к проведению мобилизации, Болгария должна была открыть военные действия.

Тенденции русской политики в отношении Болгарии вырисовываются с достаточной ясностью: соблазняя болгар перспективой раздела Турции, русская дипломатия стремилась не только к «удержанию в своих руках нитей болгарской политики», не только к предупреждению самочинного выступления Болгарии, она пыталась превратить Болгарию в своего прямого вассала, как это ей почти удалось сделать с Черногорией заключением 2—XII—1910 г. составленной в аналогичном духе военной конвенции.

Домогательства русских империалистов встречают в болгарских правящих сферах серьезный отпор. Вторая по счету попытка петербургской дипломатии связать Болгарию военной конвенцией не удается. В апреле—мае 1910 г. на ряде устраиваемых русским представителем в Софии, «длящихся целыми днями», совещаний, в которых принимают участие Малинов и генералы Паприков и Николаев, русский проект подвергается всестороннему обсуждению.

Посвящаемая этим совещаниям информация русского посланника составляется в минорных тонах и содержит в себе преимущественно указания на «основные черты болгарского характера — подозрительность и упрямство» [3]). Вопрос о будущих разграничениях с Сербией попрежнему срывает переговоры. Попытка воспользоваться тревогой, порождаемой слухами о румыно-турецкой конвенции (сентябрь 1910 г.), и завязать болгаро-сербские переговоры в Белграде также разбивается об уклончивость болгар [4]). Старания русского военного ведомства соблазнить болгар военными заказами парализуются конкуренцией германских заводчиков, получающих заказы на изготовление орудий и миноносцев. «Наше положение в этом отношении даже ухудшилось,—жалуется военный министр в письме к управляющему министерством ин. дел [5]),—очевидно намерение (болгар. *А. П.*) уклониться от русской помощи».

---

[1]) См. секр. письмо Сементовского от 13/I—1910 г.

[2]) См. секр. письмо Извольского Сементовскому от 22/III—1910 г.

[3]) См. секр. письмо Сементовского от 14/V—1910 г.

[4]) См. секр. телеграмму Гартвига от 22/IX—1910 г.

[5]) См. секр. письмо военного м-ра управляющему мин-вом ин. дел от 27/III—1911 г.

Сменяющий Извольского Сазонов не только усваивает основную линию своего предшественника, но еще с большей настойчивостью, с большей систематичностью и еще ближе подходит к вопросу. Он начинает с того, что последнюю депешу Извольского, излагавшую точку зрения министерства на принципы русско-болгарского соглашения, заменяет тождественной депешей за своей подписью [1]). Вместе с тем он наставляет своего представителя в Софии в случае упорства болгар в вопросе о «разнице обязательств» уступить, оговорив осторожно, что от необходимости выполнения взятых на себя обязательств русское правительство будет все же считать себя свободным. В то же самое время, при всей своей осторожности, Сазонов с прогрессирующей отчетливостью заостряет свои планы на войне с Турцией. При этом, устанавливая «принцип сохранения свободы решения относительно военных действий против Турции», Сазонов уже в декабре 1910 года намечает сокрушение Турции исключительно руками будущих балканских союзников [2]). Он разъясняет болгарам: «Военное вмешательство наше в турецко-болгарскую войну не всегда будет полезно для болгар, а, в особенности, в конечном фазисе войны, так как последствием такого вмешательства может явиться открытие военных действий с чьей-нибудь третьей стороны». Прежде же всего и сильнее всего Сазонов стремится к тому, чтобы примирить болгаро-сербские разногласия. Своему представителю в Софии он наказывает при обсуждении вопроса о разделе Македонии, во избежание обострения антагонизма между обоими государствами,—воздерживаться от точного определения территорий. Он советует болгарам быть умеренными и осторожными, он предостерегает их от того, чтобы, стесняя развитие Сербии в сторону Македонии, они не толкнули королевство на сближение с Австро-Венгрией; он угрожает им, что, в случае затяжки переговоров, Россия оставит за собой право поступить так, как диктуют ей ее интересы [3]). Хотя Сазонову, как и его предшественнику, также не удалось заключить формального соглашения с болгарами, однако продукция его работы на полуострове прогрессивно возрастает, положение России на Балканах заметно укрепляется. Оно укрепляется настолько, что, строго говоря, отпадает даже необходимость в особом формальном соглашении с Болгарией.

Не только субъективные факторы—возрастание боевой мощи русской армии—определяют теперь более решительный и энергичный тонус русской политики на Балканах. Целый ряд объективных факторов как общеевропейского, так и местного балканского значения действовал в том же направлении.

Правда, английское правительство и теперь, как и в 1908 г., проявляет большую сдержанность в вопросе о притязаниях России на проливы, и Бенкендорфу не удается получить от Грэя обещания поддержать перед Турцией ее требования [4]). Зато переговоры с Францией по тому же вопросу ставятся на более твердую почву. Последовавшее за потсдамскими переговорами охлаждение в русско-французских

---

[1]) См. письмо Сазонова Сементовскому-Курило от I/XII—1910 г.

[2]) См. там же.

[3]) См. И. Гешов, «Балканский Союз». Изд. 1915 г., стр. 28.

[4]) Необходимо подчеркнуть, что вопрос об отношении Англии к развертываемой Россией на Балканах политике с особою настоятельностью требует документального освещения. Публикация документов по истории до-военных русско-английских отношений, а равным образом отношений русско-французских, предшествующих периоду 1910—1914 г., приобретает таким образом значение неотложной задачи.

отношениях сменяется рецидивом сближения. В апреле 1911 г. русский поверенный в делах в Берлине заявляет о том, что действия Франции в Марокко признаются русским правительством «корректными и естественными». А происходящее 18/31 августа 1911 г. в Красном Селе совещание начальников русского и французского штабов, где детально обсуждается план предстоящего совместного вооруженного выступления против Германии, само по себе является столь ярким фактическим доказательством возрождающейся русско-французской дружбы, что утрачивается необходимость цитировать произносимые на совещании речи генералов Жилинского и Дюбайля, посвященные тому же вопросу о взаимных обязательствах и взаимной признательности [1]). В то же самое время, не прерываясь, продолжаются переговоры, которые ведет в Париже Извольский с Де-Сельвом [2]).

К началу сентября Сазонов, полагая, что наступает момент, когда приходится «приступить в отношении наших вопросов к определенным переговорам и, может быть, даже действиям», дает Извольскому директиву добиваться закрепления предыдущих переговоров с французами «обменом писем между обоюдными министрами иностранных дел». А в середине сентября русский посол в Константинополе получает и формальную инструкцию приступить к переговорам с Портою о проходе через проливы русских военных судов. Шаги русского правительства на Балканах начинают отличаться такой твердостью, что, когда тот же посол, стараясь склонить Порту к уступкам, неосмотрительно обещает последней содействие установлению дружественных отношений с балканскими государствами и сохранению status quo на полуострове,—он получает от своего патрона заслуженный упрек в неосторожности [3]).

Назревание итало-турецкого конфликта в северо-африканских турецких владениях, создавая немалые затруднения в делах тройственного союза, расценивается русскою дипломатиею как явление «выгодное» и входит внушительным звеном в международную конъюнктуру, благоприятствующим укреплению активистских тенденций русской дипломатии [4]).

В благоприятном для русской дипломатии смысле складывается к тому времени и обстановка на самом Балканском полуострове.

С половины января 1911 г. Болгария находится в напряженной таможенной войне с Турцией, всякий товарообмен между соседними государствами прекращается. Болгария вынуждена начать с Сербией переговоры о таможенном соглашении. Заострявшееся против Турции таможенное соглашение косвенно оказывалось направленным и против Австро-Венгрии, против ее тяготения к Салоникам, которые болгары искони считали своим неотъемлемым достоянием.

Впервые после 1905 года, года таможенной войны между Сербией и Австрией, болгарские и сербские интересы объединялись по конкретному жизненному поводу на твердой экономической основе. «Отношения между Болгарией и Сербией, доселе корректные, но холодные,—пишет по этому поводу секретарь русского посольства в Софии [5]),—как будто за последние дни сдвинулись с мертвой точки».

---

[1]) См. «Материалы по истории франко-русских отношений 1910—14 г.», изд. НКИД 1922 г., стр 701—704.

[2]) См. там же, стр. 112, 115, 118—144.

[3]) См. там же, стр. 531.

[4]) См. там же письмо Извольского Нератову от 13/26 сентября 1911 г., стр. 115.

[5]) См. донесение Урусова из Софии от 1/II—1911 г.

Происходившая в Болгарии внутренняя политическая борьба приводит к середине марта 1911 года к власти народняко-прогрессистскую руссофильскую коалицию Гешова-Данева. «России нужно иметь сильную активную политику. Это нужно ей, нужно и нам, балканским славянам, которые существуют только благодаря мощному существованию России»,— говорил Данев русскому посланнику в одной из своих бесед по окончании министерского кризиса [1]). Хотя во главе нового кабинета становится Гешов, более осторожный, склонный на первых порах уделять преимущественное внимание ликвидации болгаро-турецких трений, но положение русского дипломатического представительства в Софии остается твердым и устойчивым. В письме от 28/III Урусов писал: «Работы еще предстоит много, но условия работы ныне крайне легки, и работа может быть до крайности производительна — Болгария вошла ныне в орбиту русской политики» [2]).

Очередное восстание в Албании, деятельно поддерживаемое Австрией, у которой оживляется также тяготение к Новобазарскому санджаку, выдвигает лозунг «автономной Албании» с границами, простирающимися до пределов Болгарии, и подымает болгарофильские настроения сербов. Проводимая младотурками политика истребления болгарского населения в Македонии действует на болгар в том же направлении.

Взаимное тяготение соседних стран становится настолько сильным, что грозит даже перелиться через те формы, какие определяла им русская дипломатия: в мае месяце Урусов с огорчением узнает, что Милованович без его ведома ведет с Гешовым переговоры о поднятии восстания в Македонии и объявлении войны Турции [3]). Подобный «самостоятельный от России образ действий» представлялся русской дипломатии не только «нежелательным», но прямо «опасным». Он представлялся опасным тем более, что шел вразрез с намечавшейся русским правительством кампанией дипломатических переговоров в Константинополе о проходе русских военных судов через проливы и грозил сорвать необходимое урегулирование с Турцией вопроса о мало-азиатских железных дорогах. «Наиболее действительным средством была бы решимость России взять в свои властные руки переговоры о политическом сближении Сербии и Болгарии»,— писал по этому поводу Урусов [4]), откликаясь на преподанные ему министерством инструкции о «несвоевременности» выступления балканских государств против Турции.

Русской дипломатии не приходилось принимать предупредительных мер. С возникшими сербо-болгарскими переговорами повторилась старая история: коль скоро дело дошло до вопроса о разграничениях в Македонии, переговоры затормозились сами собой: пробивающие себе путь к берегам Адриатики сербы предъявили претензии на северные округа Македонии, в частности на округ Ускюбский; занятые осуществлением проекта железно-дорожной линии Кюстендиль-Куманово и укреплением своего влияния в Ускюбе, болгары не соглашались уступать последний.

Русской дипломатии удается при таких условиях удержать сербо-болгарские переговоры в своих руках и сохранить положение арбитра в спорных вопросах.

---

[1]) См. письмо Урусова от 28/III—1911 г.

[2]) Необходимо отметить, что к рассматриваемому времени относится заключение Болгарией небольшого жел.-дор. займа в Англии, а некоторое время спустя она будет вести переговоры о крупном займе с парижской биржею.

[3]) См. письмо Урусова от 2/V — 1911 г.

[4]) См. там же.

Правда, работы попрежнему «предстояло много», и работа была не легкая. Трудность условий работы характеризуются уже одним фактом — величайшей конспирацией, которой покрываются переговоры: даже в Белграде часто не знают о том, что предпринимает русская дипломатия в Софии; собирающийся выехать в Софию, чтобы оказать помощь Неклюдову, Гартвиг удерживается министерством, «дабы не возбудить предположения о существовании переговоров» [1]); в переговоры не посвящается даже русский посол в Париже, неоднократно жалующийся на свою неосведомленность в вопросе.

Но инициативная роль Петербурга становилась день ото дня значительнее. Предпринятая министерством ин. дел объединительная работа быстро подвигалась вперед.

Руками русской дипломатии выковывалось соглашение, в тексте которого, по меткому замечанию Пуанкарэ, слова «status quo» упоминаются только тогда, когда речь идет о необходимости его нарушения; выковывался военный союз балканских народов, направленный против той страны, которая владела «ключом» от русского «дома».

А. Попов.

---

[1]) См. секретную телеграмму Нератова от 17/V—1911 г.

№ 1. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 16(29) сентября 1911 г. № 61.

Только что Тодоров подтвердил мне, что Болгария совсем не интересуется сущностью Триполийского вопроса и триполийских событий. Но возможные последствия итальянской оккупации, а именно— либо война, либо албанское движение, либо в случае уступки со стороны Порты — свержение младо-турок их противниками и внутреннее замешательство в Турции, подобные последствия не могут не иметь серьезного отражения в Болгарии. Тодоров прочел мне только что расшифрованную телеграмму Сарафова, в коей он предлагает между прочим, чтобы наш посол преподал ему совет болгарам держаться крепко заодно с Сербией, Черногорией и Грецией, дабы сохранить Балканский полуостров неприкосновенным для балканских народов. Я позволил себе сказать Тодорову, что очень сочувствую мысли установить и усилить искреннюю связь с сербами на случай всегда возможных непредвиденных осложнений и чужого вмешательства, но что я не считаю такую опасность близкой; на всякий же случай самым серьезным образом попросил болгарское правительство в лице Тодорова быть с нами вполне откровенным и ни на что не решаться, не посоветовавшись с нами предварительно. Тодоров заверил меня, что настоящее правительство никогда не приготовит России сюрпризов. Мое личное мнение, что опасность происходящего лежит именно в том, что события готовят почти неопреодолимое испытание для младо-турок и, следственно, скорые внутренние потрясения. В последнем же случае я опасаюсь, что остановить болгар будет почти невозможно.

Неклюдов.

№ 2. Депеша посла в Константинополе.

Буюкдере. 17(30) сентября 1911 г, № 95.

Опасение, как бы итальянское наступление на Триполи не вызвало возбуждения Восточного вопроса, уже пробудило и римский, и венский кабинеты, как известно, сделать с циркулярным телеграфным предупреждением к балканским прав-вам, увещевая их хранить мир

и спокойствие. Об основаниях этого опасения и о 3 конкретных для него поводах было упомянуто в моей телеграмме вашему прев-ву от 13 сего сентября за № 572 [1]), при чем было выяснено, что означенное опасение разделяется в полной мере здешним германским послом и что среди болгар, греков и черногорцев замечается ныне сильно приподнятое настроение. Так как для нас очень важно, чтобы упомянутые опасения не оправдались, то я полагаю, что с нашей стороны не встретится возражений против проектированного графом Эренталем обсуждения этого предмета всеми державами, не исключая, однако, по моему, и Италии. Но, когда будут сделаны балканским прав-вам внушения и с русской стороны, то казалось бы необходимым иметь в виду, что, несмотря на усилия держав и даже на искреннюю сдержанность балканских прав-в, удары, наносимые Италиею загнившему зданию турецкой империи, могут его не только ослабить, но и опрокинуть. В предвидении этой возможности нам крайне желательно по возможности поощрить и ускорить тот процесс взаимного сближения и соглашения между балканскими прав-вами и народностями, который начался в прошлом году и о развитии коего я имел честь телеграфировать 13 сего сентября за № 573 [2]). Здешний болгарский посланник при первом же теперешнем свидании со мной сообщил мне с радостью, что Софийский синод ныне признал желательным соглашение со вселенскою патриархиею, чему он до сих пор противился. Г. Сарафов отметил также с удовлетворением, что не только взаимные греко-болгарские убийства и насилия в Македонии прекратились, но что между обеими народностями распространяется все шире убеждение в необходимости согласиться и сплотиться для стстаивания общих обеим интересов от посягательств турок. Примером успеха в этом направлении является представление Порте, по общем совещании, тождественных петиций (такриров) вселенским патриархом, болгарским экзархом и армянским местоблюстителем по вопросам школьному и о воинской повинности. Турки оказались вынужденными отнестись к этому выступлению чрезвычайно примирительно, именно ввиду его коллективного характера. Мне известно через черногорского поверенного в делах, который после своего успеха в вопросах об Адриатической дороге и Скутарийском озере усиленно хлопочет о балканском «споразумении» в видах будущей балканской федерации под покровительством России, что между Болгарией и Грецией

[1]) В своей беседе с Чарыковым 13/IX германский посол высказывал опасения по поводу возможного, по его мнению, обострения Восточного вопроса в случаях: «если Турция, лишенная возможности оборонять Триполи, попытается вознаградить себя походом в Фессалию», и «если внутренняя катастрофа и действия итальянского флота на турецких побережьях вовлекут балканские государства в нападение на Турцию».

[2]) В тел. № 573 Чарыков доносил, что ...среди балканских государств замечается приподнятое настроение и надежда «выместить на Турции все, содеянное ею им и их сродникам зло» и что параллельно с этим «ускоряется сближение между Болгарией и Грецией».

достигнуто соглашение по самому острому для обеих вопросу о Салониках в том смысле, что, в случае распадения Турции, Салоники и Константинополь станут вольными городами в составе федерации. Г. Попович ожидает также, что болгары согласятся признать Ускюб за сербами, если Болгария получит Адрианополь. Только между Черногорией и Сербией отношения попрежнему плохи на личной господарской почве, так что между ними о соглашении нет разговоров. Когда здешние балканские представители заговаривают со мной на эту тему, я высказываю им следующее. Их интересы, совпадающие в данном случае с интересами держав, побуждают желать в настоящее время — и несмотря на итало-турецкую войну — сохранения на балканском полуострове мира и status quo. Но ввиду невозможности предугадать, как отзовется на турецком государстве нападение Италии, было бы благоразумно со стороны балканских государств постараться столковаться о своих общих интересах, отнюдь не для того, чтобы напасть на Турцию или изменить в чем-либо свое корректное отношение к ней, а для того, чтобы не начать драться друг с другом в случае наступления турецкой катастрофы и чтобы, напротив, выступить уверенно, соединенными дружественными силами, на защиту означенных интересов. Мне кажется, что теперь настала психологическая минута для подобного принципиального сближения. Если даже, как я думаю, Турция переживет теперешний кризис, упомянутое соглашение станет «un point acquis» для русских и общебалканских интересов на благо всем его участникам, даже в мирное время и в пределах существующего на Балканах положения.

Н. Чарыков.

№ 3. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 18 сентября (1 октября) 1911 г. [1])

По поводу обострения Триполийского вопроса имел вчера продолжительную беседу с Милвановичем, который не без тревоги осведомился об итальянском ультиматуме, опасаясь каких-либо осложнений на Балканском полуострове. Я старался в согласии с циркулярной телеграммой вашего превосходительства рассеять опасения министра, сказав, что сохранение мира на Балканах будет зависеть от самих славянских государств, интересам коих турецко-итальянское столкновение не представляет никакой угрозы. Милованович в отношении образа действий Сербии дал мне самые успокоительные заверения. На мой взгляд, не может быть сомнения в том, что Сербия, неукоснительно следуя указаниям императорского правительства, будет в пределах крайней возможности соблюдать спокойствие: с ее стороны менее всего можно ожидать каких-либо активных выступлений, она нуждается в мире и до поры до времени дорожит поддержанием

[1]) В оригинале № отсутствует.

добрых отношений с Турцией. Но, как я неоднократно доносил, в Сербии не найдется правительства, которое в силах было бы сдержать народ в случае: а) занятия Болгарией Македонии, б) революции и взрыва фанатизма в Коссовском вилайете и в) вступления австрийских войск в санджак. Последняя случайность более всего пугает сербское правительство, не без основания опасающееся выступления Австрии, под предлогом охраны «status quo» на Балканах. Сегодня утром посетил меня Пашич, подтвердивший опасения и заверения Миловановича. Он напомнил, что за время албанского движения Австрия неустанно принимала различные военные меры и что ныне у нее на боснийско-герцеговинской границе сосредоточено 80.000 войска в полном вооружении. Смею думать, при обсуждении возможных случайностей означенное обстоятельство заслуживает особого внимания.

Гартвиг.

№ 4. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 19 сентября (2 октября) 1911 г. № 65.

Сегодня Тодоров сообщил мне совсем доверительно следующее: болгарский кабинет полагает и надеется, что столкновение Турции с Италией ограничится одним Триполийским вопросом. Но горькое сознание турецкого унижения может вызвать в Турции через некоторое время внутренние потрясения и создать опасности для балканских христианских государств и народностей. Ввиду сего и соображаясь с советами, высказанными мною Тодорову 16 числа, кабинет решил ныне же приступить к установлению возможно более искреннего согласия с Сербией на почве полюбовного разграничения и объединения интересов обеих стран на полуострове и в целях охранения status quo от всякого посягательства извне или же со стороны Турции, могущего нанести ущерб этим интересам. Сегодня Тодоров уже имел первые объяснения в этом смысле с сербским поверенным в делах и просил Гешова и царя Фердинанда не слишком замедлять возвращением в Софию. В Белград послан конфиденциально Ризов. Гешов предлагает Милованович свидание в вагоне на обратном пути через Белград. Тодоров добавил, что царь Фердинанд, несомненно, одобрит эти начинания, но, вероятно, подчинит свое окончательное согласие одному главному условию: это, чтобы соединенные Сербия и Болгария могли опираться на поддержку России и на помощь ее в случае крайней нужды. Для Болгарии эта помощь вообще могла бы в сущности ограничиться обеспечением ее тыла от нападения Румынии. Я ответил Тодорову, что не замедлю довести все это до сведения вашего, пока же могу лишь одобрить самый факт единения с Сербией, но с нарочитой оговоркой, чтобы единение это имело ближайшей целью охранение status quo на Балканах. Я следующим образом оцениваю все вышеизложенное: король не чужд этому плану—см. заявления

Фичева французскому посланнику,—но не принял еще окончательного решения; кабинет искренен, и мои доводы имеют на него действие. Соглашение Болгарии с Сербией имеет один опасный элемент — искушение воспользоваться им для наступления. Но, с другой стороны, нынешняя минута, столь благоприятная для устранения печальной сербско-болгарской вражды, может не повториться. Нам следует решить, что́ для нас желательнее: отсутствие вышеизложенной, впрочем, гадательной опасности или же соглашение Сербии с Болгарией, с заручкой, разумеется, нашего воздействия? Если желательным будет признано сербо-болгарское соглашение, то следует, не теряя времени, выработать и сообщить мне те основания, на которых Россия готова была бы покровительствовать соглашению, и те случаи, в коих согласившиеся стороны могут рассчитывать на нашу поддержку. Считаю также долгом предупредить против ложных слухов. В настоящую минуту, например, в Сербию усиленно проникают слухи о соглашении между Австрией и Болгарией, направленном против сербских интересов. Тодоров сказал мне, что он доподлинно знает, что эти слухи передаются и в Белград, и в сербскую миссию здесь болгарами-стамбуловистами.

Неклюдов.

№ 5. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 21 сентября (4 октября) 1911 г. № 1401.

Сообщается в Белград.

Вашу № 65 получил.

Приветствуя искреннее стремление Болгарии и Сербии полюбовно разграничить и объединить их интересы в виду сложного нынешнего положения,— мы вместе с тем вполне одобряем и ограничительную оговорку вашу о ближайшей цели объединения, а именно, согласования обоюдных действий в видах сохранения status quo. Действительно, самовольное выступление славянских держав не только не встретит нашего сочувствия, но, по нашему убеждению, будет для держав этих гибелью, ибо вызовет и оправдает дальнейшие выступления со стороны Австрии. Иначе стояло бы дело, если бы последовало вызывающее действие со стороны Турции. Мы надеемся, что в таком случае обе державы обратятся к нам за советом и вполне готовы совместно обсудить положение. Для вашего личного сведения присовокупляю, что предметом наших работ явилось бы согласование наших действий в зависимости от возможных шагов Австрии.

Нератов.

№ 6. Весьма доверительное письмо посла в Вене.

Вена. 22 сентября (5 октября) 1911 г.

Граф Эренталь, несомненно, не ожидал столь острого поворота вопроса о конфликте из-за Триполи. В принципе Австро-Венгрия, как и Германия, не оспаривали права Италии на территорию Триполитании, но Эренталь был уверен, что пока не следовало ожидать разрыва между Италией и Турцией и столь энергичных со стороны Италии военных действий. Сан-Джулиано, которого обвиняли в чрезмерной уступчивости по отношению к графу Эренталю, перехитрил его и доказал, что тройственный союз не всегда однозначущее с тройственным единомыслием. Вот настоящая причина раздраженного состояния, в котором находится граф Эренталь.

Появление итальянской эскадры у албанского побережья и морские действия в виду Превезы настолько озлобили Эренталя, что можно даже было ожидать разрыва между обеими союзными державами. Во всяком случае было предписано всем морским офицерам, находящимся в отпуску, вернуться на свои суда, и эскадра должна была быть наготове на всякий случай. К счастью, объяснение и опровержение итальянского правительства касательно высадки у Превезы успокоили общественное мнение, и инструкции, данные герцогу Абруцкому, отчасти удовлетворили Эренталя, который во всех своих разговорах с представителями держав настаивает на необходимости сохранения территориального status quo на Балканском полуострове; непосредственные интересы Австро-Венгрии были бы затронуты, если военные действия Италии касались бы территории Албании.

Мой французский коллега Крозье сообщил мне крайне доверительно, что Эренталь выказал раздражительность и в разговоре с ним, обвиняя Францию в возбуждении Марокккского вопроса и напрасном военном походе на Фец, который несогласен с Алжезирасским договором; он прибавил также, что общественное мнение Франции, отголоском которого он является, относится слишком враждебно к Германии. На это Крозье возразил вполне основательно и с некоторой горячностью, что поход в Марокко вызван гуманитарными целями, которые стоят выше всего, Франция доказала свою умеренность, так как войска ее даже не вошли в Фец, раз (sic!) цель была достигнута; Германия же, отправляя военное судно в Агадир, возбудила общественное мнение во Франции и, может быть, побудила этим и Италию принять энергичные меры для защиты своих экономических интересов в Африке. Впрочем, непосредственные переговоры между Францией и Германией, надо надеяться, приведут к соглашению. Крозье счел также долгом прибавить, что и Австро-Венгрия нарушила договор на Балканском полуострове и поколебала этим силу трактатов.

Германский посол Чиршский, в свою очередь, заметил раздражительность Эренталя и в разговоре со мною заявил, что, по его мнению,

Италия должна была занять войсками Триполи, как это сделала Англия в Египте, без всякого объявления войны, потому что одно это слово опасно для балканских государств, где малейшая искра может зажечь общую войну, тем более, что слабость Турции станет явной.

Итальянский посол герцог Аварна относится более снисходительно к раздражительности Эренталя, хотя ему пришлось ее испытать сильнее, чем другим. Он считает состояние графа Эренталя болезненным и нервную его раздражительность лишь кратковременной. Герцог Аварна сообщил мне доверительно, что предложение короля черногорского действовать совместно с Италией против Турции было энергично отвергнуто и было сообщено вашему превосходительству королевским послом Мелегари с заверением о нежелании Италии распространения конфликта с Турцией за пределы Триполитанского вопроса. Королевское правительство крайне благодарно нам за сделанное поверенным в делах Обнорским энергичное представление в смысле воздержания Черногории от всякого вмешательства в итальянско-турецкую войну.

Турецкий посол Решид-паша избегает говорить о своих разговорах с графом Эренталем; он высказывает только убеждение, что великие державы должны будут вмешаться для прекращения войны между Турцией и Италией. Он находит, что Италия уничтожила дерзким образом все договоры с Турцией и начала войну при небывалых условиях. Будущий министр иностранных дел не мог говорить иначе, а Решиду-паше трудно будет, как он сам это сознает, отказаться от этого портфеля. Он жертвует собой с большим бескорыстием, потому что он отдает себе прекрасно отчет, что для Турции он, вероятно, останется навсегда министром иностранных дел, которому придется подписать с Италией тяжелый для самолюбия Оттоманской Порты мир.

Гирс.

№ 7. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 23 сентября (6 октября) 1911 г. № 147.

Копия в Софию.

Считаю долгом представить по поводу телеграммы Неклюдова № 65 дополнительные данные и некоторые возражения. Прежде всего в этой телеграмме ставится дилемма: допускать сербо-болгарское соглашение, либо воспротивиться ему. На мой взгляд ответ возможен только положительный. Настоящая минута такова, что оба государства совершили бы величайшее преступление пред Россией и славянством, если бы проявили хотя малейшее колебание. Опасений, о коих упоминает Неклюдов, быть не может, ибо, если Тодоров правильно осветил дело, соглашение имеет в виду, помимо распределения сфер влияния, «охрану» взаимных интересов на случай осложнений в будущем, стало быть, исключает ближайшее активное выступление, на ко-

торое сербы не пойдут без согласия России. Почин в возбуждении нынешних переговоров принадлежит не столько болгарским министрам, сколько Ризову, которого много лет знаю как ярого сторонника сербо-болгарского соглашения. Король Фердинанд всегда противился в угоду Австрии, а болгарское правительство не решалось делать естественной уступки сербам в Македонии, опасаясь мести македонских комитетов. Ответственность перед этими комитетами ныне взял на себя Ризов, обещавший свое воздействие на них. Это склонило Тодорова к возложению на Ризова доверительной миссии—прозондировать почву в Белграде. Ризов беседовал со мною, Пашичем и Миловановичем; моя роль заключалась преимущественно в примирении сторон насчет распределения сфер влияния, вечного камня преткновения. Некоторые результаты достигнуты, и Ризов сегодня уехал в Вену обнадеженный. Он рассчитывает склонить Гешова и короля Фердинанда, которому, наконец, придется отказаться от политики лавирования между Россией и Австрией. Оговорки, которых ожидает от короля Тодоров, мне кажутся совершенно недопустимыми: ведь речь идет о двойственном соглашении между Сербией и Болгарией, а вовсе не о русско-сербо-болгарской конвенции, где особыми условиями определялась бы и роль России. В этих видах, казалось бы едва ли желательным выработка и сообщение нами болгарам оснований нашей помощи и поддержки. Такое сообщение было бы в самом деле не только соблазном, но прямо поощрением сербов и болгар к активному выступлению и, в конце концов, скомпрометировало бы Россию в глазах прочих держав, имеющих интересы на Балканском полуострове. Ни Сербия, ни Болгария не могут обусловливать свое согласие какими-то предварительными обязательствами со стороны России. Полагаю, что выработка условий соглашения должна всецело принадлежать обоим славянским государствам. Затем проект представляется на одобрение императорского правительства, которое, конечно, всегда и во всех случаях оставляет за собой верховное руководительство и, коли найдет нужным, окажет свою помощь.

Гартвиг.

№ 8. Депеша посланника в Белграде.

Белград. 25 сентября (8 октября) 1911 г. № 56.

В секретных телеграммах своих я имел честь представить императорскому министерству картину того общего тревожного настроения, которое охватило Сербию при первом известии о турецко-итальянском столкновении.

Настроение это, надо сознаться, вполне оправдывалось уже тем обстоятельством, что одновременно почти вся европейская печать в один голос заговорила о грозных последствиях возникшего кон-

фликта, прозрачно намекая даже на возможность или вероятность государственного переворота в Турции. Что же могло бы обозначить собою это внезапное крушение режима, созданного в Константинополе, как не полную анархию на всем протяжении Балканского полуострова?

Перед Сербиею, как отчасти и пред прочими малыми государствами, сама собой возникала трудно разрешимая дилемма: соблюдать ли, наперекор всем грозным предзнаменованиям, выжидательное положение и таким образом подвергнуть себя риску быть захваченною событиями врасплох? Либо заранее принять все необходимые меры к защите своих интересов и тем самым неосторожно создать благовидный предлог для той державы, которая, как здесь хорошо известно, только и ждет случая, чтобы хоть с некоторым основанием выступить для поддержания нарушенного status quo на Балканах?

Полученные здесь вскоре известия о принятой на себя великими державами задаче—сделать все возможное в целях локализации военных операций — вывели белградское прав-во из крайне напряженного состояния и возымели самое благотворное действие на политические и общественные круги. На-ряду с этим я воспользовался сведениями, заключавшимися в сообщенных мне вашим превосходительством телеграммах из Цетинье, Афин и Софии, чтобы рассеять мрачные мысли короля Петра, о коих его величество поведал мне на аудиенции.

Твердое решение сербского прав-ва не нарушать спокойствия, само собой разумеется, вызывает крайнее озлобление в оппозиционной среде, откуда раздаются голоса, настоятельно требующие мобилизации королевской армии. Органы австрофильской печати осыпают министров, и главным образом Миловановича, резкими нападками, обвиняя их в трусости, беззаботливости и близорукости, которую будто бы так ярко проявил министр иностранных дел уже во время аннексионного кризиса. По мнению этих газет, для Сербии подготовляется новый тяжелый удар — захват Австриею Новобазарского санджака.

К этим науськиваниям австрийских провокаторов здесь давно привыкли, и потому они не вызывают большого впечатления.

При всем том, однако, было бы ошибочно думать, что тревога в Сербии совсем миновала. Этого не может быть уже потому, что не миновала и самая опасность, о которой ежедневно свидетельствуют десятки агентских телеграмм.

Для Сербии, как я имел честь неоднократно доносить, опасность эта троякого рода: революция в Коссовском вилайете, захват Болгариею Македонии и вступление австрийских войск в Новобазарский санджак. Которая из них наиболее вероятна при нынешних, крайне осложнившихся, обстоятельствах — сказать трудно.

Но сомнения не может быть в том, что во всех трех случаях — сербские войска вынуждены будут переступить границу.

Гартвиг.

№ 9. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 25 сентября (8 октября) 1911 г. № 42.

Весьма доверительно.

Болгарский председатель совета министров Гешов был у меня сегодня и сообщил мне свой разговор с Сельвом и Эренталем. Оба показались ему оптимистами и сказали ему, будто бы Италия для скорой ликвидации Триполийского вопроса согласится признать для Триполи номинальный сюзеренитет Турции и дать ей денежное вознаграждение. Затем Гешов сказал мне, что Неклюдов и Гартвиг очень настаивают перед ним и Милововичем на заключении союза Болгарии с Сербией под покровительством России. Гешов прекрасно отдает себе отчет, что такой балканский блок, заключенный при нынешних тревожных условиях, сильно возбудит против Болгарии и Сербии Австрию, за которой в этом случае будут стоять Румыния и Турция. Прежде чем решиться на такой шаг, Гешов желал бы знать, на какую гарантию со стороны России может рассчитывать Болгария. Гешов прибавил, что ему известно, что Неклюдов поехал в Давос к министру иностранных дел, чтобы изложить ему этот вопрос. Я ответил, что всякое сближение Болгарии с Сербией будет встречено с нашей точки зрения только сочувственно. Сплочение православного славянского элемента — большая сила, но я ничего не могу ему сказать насчет условий гарантий такого союза, так как инструкции, данные Неклюдову и Гартвигу на этот счет, мне неизвестны. Наши представители на Балканах являются единственными компетентными органами для таких переговоров. Могу только посоветовать выждать возвращения в Софию Неклюдова. Кроме того, в данное время наш общий интерес — соблюдение самого строгого нейтралитета. «Это возможно,— возразил мне Гешов.—На Балканском полуострове, если все будет тихо, во всяком случае, мы ни на какой шаг не решимся без ведома России».

Гирс.

№ 10. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел послу в Константинополе.

С.-Петербург. 26 сентября (9 октября) 1911 г. № 1438.

Сообщается в Софию.

Болгарский посланник передал, что его правительство очень встревожено полученным им из серьезного источника известием о производящейся мобилизации в Адрианопольском округе и сосредоточении турецких войск на болгарской границе. В случае подтверждения этого сведения, болгарское военное ведомство должно будет, в свою очередь, принять некоторые военные меры предосторожности;

отсюда опасность возбуждения умов и инцидентов нежелательных для сохранения мира.

Благоволите объясниться по этому поводу с турецким правительством, указав на необходимость прекращения означенных военных мер, стоящих в противоречии с только что заявленным Турцией желанием скорейшего мирного исхода.

Одновременно вы могли бы обратить внимание турок на желательность сократить военные меры на границе Греции. В этом смысле получает указания и Бомпар.

Нератов.

№ 11. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 28 сентября (11 октября) 1911 г. № 68.

Получил телеграмму № 1438. Ссылаюсь на мою телеграмму № 67 [1]).

Тодоров искренно благодарит за порученное послу в Константинополе выступление касательно необходимости прекращения мобилизации в Адрианопольском вилайете. Он сообщил мне, что решено выждать результата сказанного выступления и, в случае неудовлетворительного ответа Порты, произвести мобилизацию артиллерии, на что нужно две недели, тогда как остальные войска мобилизируются в шесть дней. Настроение правительства спокойно, но оно, повидимому, готово ко всяким осложнениям и вовсе не боится их. Тодоров дал мне уверение, что Болгария первая не начнет военных действий против Турции, но высказал уверенность, что она сумеет дать отпор, а совместно с Сербией, Черногорией и Грецией несомненно уничтожит турок; в таком случае помощь, ожидаемая от России, сводилась бы к нейтрализации Румынии. До сих пор с Грецией, несмотря на старания греческого посланника, никакого соглашения не существует. Завтра возвращается Гешов и сообщит о результатах поездки Ризова в Белград. Настроение в обществе и политических и военных кругах весьма приподнятое: оппозиция очень довольна наступившими осложнениями, ждет или войны, или падения коалиционного кабинета и замены его Радославовым. Турецкий поверенный в делах крайне обеспокоен слухами о готовящейся мобилизации болгарской армии и опасается, что факт этот послужит в Константинополе сигналом к войне. По последним известиям Сарафов получил от Порты заявление вполне благоприятного и успокоительного свойства. Положение остается тем не менее крайне тревожным, и осложнения на почве болгаро-турецкой неприязни могут возникнуть и разрастись.

Урусов.

---

[1]) В телеграмме за № 67 от 26/IX 1911 г. Урусов сообщает о крайне тревожных настроениях, создающихся в Софии под впечатлением от мобилизации турецких корпусов Адрианопольского вилайета, и просит сделать соответствующее представление в Константинополе.

№ 12. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 28 сентября (11 октября) 1911 г. № 69.

По приказанию военного министра главный интендант армии генерал Диков обратился ко мне со следующим заявлением: болгарская армия нуждается в 200.000 шинелях и в 150.000 пар сапог. Не может ли она получить эти вещи в самом непродолжительном времени распоряжением российского главного интендантства от законтрактованных им поставщиков. В случае, если нужное количество не находится у поставщиков в готовом виде, не будет ли возможно получить означенные выше предметы из вещевых складов интендантства. Ввиду настоятельной нужды в означенных вещах и в случае отказа с нашей стороны Болгария принуждена будет обратиться с подобною просьбою к Австрии. Кроме того, Болгарии нужны тысячи две ремонтных лошадей. Может ли она рассчитывать получить их из России при посредстве российских ремонтных комиссий. Считал бы крайне желательным в настоящую минуту оказать просимую помощь Болгарии, так как обращение ее к Австрии может быть использовано последней в своих видах, как доказательство приготовлений Болгарии к войне.

Урусов.

№ 13. Депеша поверенного в делах в Афинах.

Афины. 29 сентября (12 октября) 1911 г. № 28.

Рядом последовательных телеграмм я имел честь доносить вашему прев-ству об отношении греческого прав-ва к внезапно вспыхнувшей между Италией и Турцией войне из-за Триполи.

С самого начала кризиса г. Венизелос, со свойственным ему трезвым взглядом на вещи, понял, что теперешние обстоятельства не представляют пока никакой аналогии с событиями осени 1906 г., когда Турция находилась под угрозой вторжения в ее пределы австро-венгерской и болгарской армий и когда Греция имела поэтому основания надеяться извлечь для себя, на почве Критского вопроса, выгоды из затруднительного положения своей соседки.

Афинский кабинет вполне отдает себе отчет, что, доколе турецко-итальянская война ограничивается вопросом о Триполи, малейший неосторожный шаг Греции угрожал бы ей расправой со стороны турок, которые с величайшей охотой выместили бы на ней заодно и свою бессильную злобу против итальянцев.

Не будучи еще подготовленною к войне и не надеясь на поддержку извне, Греция решила ввиду этого занять пока выжидательное положение. Активного выступления с ее стороны возможно ожидать лишь в том случае, если бы Австро-Венгрия или балканские державы сочли

момент подходящим для осуществления своих замыслов на Балканах. В этом случае, конечно, и Греция едва ли останется безучастной зрительницей событий.

В настоящую минуту, однако, опасения за сохранение мира между Грецией и Турцией стали возникать с другой стороны, о которой я равным образом подробно телеграфировал вашему пр-ству.

Военные мероприятия Турции вдоль греческой границы невольно внушали здесь мысль о затаенном намерении Порты или, вернее, комитета «Единение и Прогресс» произвести диверсию в сторону Греции. В этом смысле появились за последнее время статьи в некоторых турецких газетах, и даже такой выдающийся член младо-турецкого комитета, коим является оттоманский военный агент в Берлине Энвербей, будто бы заявил, что о мире Турция будет говорить с Европой после занятия Афин.

Придавать этим тревожным признакам преувеличенное значение было бы, конечно, неуместно, но столь же неосторожно было бы со стороны греков оставлять их вовсе без внимания. Упорно веденная за последние три года среди масс турецкого населения анти-греческая пропаганда разожгла против них фанатизм мусульман, а слабость нынешнего оттоманского правительства не дает ручательства, что оно сможет удержать в своих руках управление событиями. Наконец, не лишено правдоподобия опасение, что тяжелый удар, только что нанесенный престижу младо-турецкого комитета, побудит сторонников его к попытке восстановить свое обаяние, пожав дешевые лавры в ином направлении.

При указанных условиях, мобилизация войск Янинского и Салоникского вилайетов, со включением в число последних мало-азиатских редифов Айдинского вилайета, несомненно, являлась угрозой Греции, тем более, что, как ваше прев-ство изволили заметить в секретной телеграмме от 18 сего сентября № 1356 [1]), силы эти едва ли могут быть использованы против Италии.

Ввиду сего эллинское правительство подготовлялось, в целях успокоения общественного мнения страны и в особенности приграничного населения, произвести частичную мобилизацию войск на турецкой границе. В ответ на сделанное мне по этому поводу предупреждение со стороны греческого министра иностранных дел я указал моему собеседнику на опасные осложнения, к которым может повести эта мера, именно, в виду того брожения умов в Турции, на которое указывал сам Грипарис. Министр согласился с этим замечанием и заявил мне, что мобилизация будет произведена во всяком случае лишь в самых скромных размерах, дабы ее оборонительный характер оставался совершенно ясным. Афинский кабинет, по его словам, лишь крайне

[1]) В телеграмме от 18/IX за № 1356 министр ин. дел проводит мысль о желательности, чтобы Греция не навлекла на себя подозрений Турции, вооруженные силы которой придают ей серьезный вес при решении балканских вопросов.

неохотно пошел бы на этот шаг, но оставить в настоящее тревожное время свою северную границу совершенно беззащитной было бы с его стороны преступлением перед страной.

Однако вторичные заверения в миролюбии Турции и отсутствии у нее каких-либо агрессивных замыслов против Греции, сделанные здесь оттоманским поверенным в делах, от имени Саид-паши и турецкого военного министра, внесли некоторое успокоение. Как я имел честь телеграфировать вам 27 сего сентября за № 59 [1]), эллинское прав-во решило, во внимание к дружественным заявлениям Порты, отказаться пока, в ожидании дальнейшего развития событий, от предположенной мобилизации.

Резюмируя сказанное, позволю себе еще раз подтвердить вынесенное мною из бесед с эллинскими м-рами и из наблюдений за здешним настроением.

Греция останется спокойною, пока нынешняя война не вызовет осложнений на Балканах и доколе Турция не обнаружит прямой попытки вознаградить себя на ее счет за потерю Триполи.

Сознавая, что Критский вопрос мог бы послужить к тому благодарным предлогом, эллинский м-р иностр. дел заверил меня, что афинский кабинет будет и впредь прилагать всяческие усилия к избежанию каких-либо осложнений на этой почве.

Татищев.

№ 14. Письмо врем. упр. министерством ин. дел на имя военного министра.

29 сентября (12 октября) 1911 г. № 644 [2]).

При сем имею честь представить на заключение и зависящее распоряжение вашего в. пр-ва копию с секретной телеграммы поверенного в делах в Софии, в коей изложены некоторые ходатайства болгарского правительства [3]).

Считаю долгом присовокупить, что по моему мнению представляется весьма желательным удовлетворить сказанные ходатайства, во избежание обращения Болгарии с тою же просьбою к Австрии, что, как справедливо указывается князем Урусовым, легко могло бы быть использовано последней во враждебных нам целях.

О последующем имею просить ваше пр-ство не оставить меня уведомлением.

Нератов.

[1]) В телеграмме за № 59 Татищев сообщал о посещении 26/IX турецким поверенным в делах в Афинах Венизелоса и Грипариса и о сделанных им от имени Порты миролюбивых заверениях, в связи с чем последовала со стороны греческого правительства отмена мобилизации.

[2]) Воспроизводим текст письма по сохранившемуся черновику.

[3]) См. выше телеграмму Урусова за № 69.

№ 15. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 30 сентября (13 октября) 1911 г. № 71.

Гешов обратился ко всем представителям великих держав — с просьбой довести до сведения их правительств — с заявлением следующего содержания:

«Было бы желательно, чтобы, сообщая болгарскому правительству заверения Турции, великие державы гарантировали Болгарии искренность этих заверений, а также и то, что Болгария не подвергнется в будущем нападению».

Считаю долгом сообщить, что мысль о подобной гарантии со стороны великих держав всецело исходит от французского посланника, который видит в этой мере последнюю возможность предупредить мобилизацию со стороны Болгарии. Гешов, вернувшийся вчера, пошел на это предложение в виду того воинственного настроения, которым воодушевлен кабинет, главным образом генералы Никифоров и Тодоров. Итальянский посланник надеется устроить так, чтобы его правительство поддержало перед Берлином и Веной своевременность такого общего выступления. Между тем все сведения, пришедшие до сих пор из Константинополя, самым категорическим образом свидетельствуют о полном миролюбии Турции по отношению к Болгарии. Сарафов получил от турецкого военного министра и министра иностранных дел и телеграфировал сюда самые успокоительные и мирные заверения, и великими державами, по ходатайству Тодорова, уже были предприняты в Константинополе некоторые предохранительные шаги, до выяснения результатов коих новое выступление держав может быть сочтено преждевременным. Таким образом опасения болгарского кабинета не оправдываются настоящим положением вещей, на что было обращено внимание Гешова английским посланником и мною; однако Гешов очень встревожен и несколько растерян, как перед общественным мнением, так и вследствие того, что находится в одиночестве среди своих коллег, считающих, на-ряду со многими, настоящий момент удобным для разрешения Македонского вопроса, на каковую точку зрения как будто, к сожалению, соблазняется стать и сам Гешов. Впечатление получается такое, будто против кабинета имеется искусственная интрига, могущая окончиться из-за вопроса о мобилизации падением Гешова, который с нетерпением ждет ответа императорского правительства на свое вышеизложенное обращение [1]).

Урусов.

---

[1]) 2 октября текст телеграммы Урусова был сообщен послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Константинополе и Риме.

№ 16. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 1(14) октября 1911 г. № 158.

Сообщая мне переданное в телеграмме моей № 155 [1]) известие о проезде болгарского председателя совета министров через Белград без предупреждения, Милованович был введен в заблуждение вполне благоразумною осторожностью Гешова, который, для отвлечения внимания, пропустил предварительно некоего болгарина под своим именем. Сам же Гешов под строгим инкогнито прибыл на другой день в Белград и с вызванным им Милованович проехал до станции Ягодино, беседуя о сербо-болгарском соглашении. Впечатления Миловановича самые благоприятные [2]). На сей раз болгары, повидимому, признали настоятельную важность итти рука об руку с Сербиею. Гешов уверял, что ныне и король Фердинанд пришел к таковому сознанию. Оба министра наметили в общих чертах основные условия соглашения, которое будет иметь характер оборонительного и наступательного союза. Оборонительного — в случае нападения какой-либо державы на одну из договаривающихся сторон, наступательного — на случай возникновения балканских осложнений, которые непосредственно угрожали бы их интересам. Относительно распределения сфер — сербы заранее отказываются от каких-либо притязаний на Солунский вилайет; болгары — на Скутарийский и часть Ускюбского к северу от Шар-Планины. Спорные подробности представляются на третейский суд России. Милованович настойчиво указывал на необходимость, чтобы переговоры велись под постоянным наблюдением России и чтобы третий экземпляр договора был официально сообщен императорскому правительству. Гешов сказал, что таково желание и его партии. Передаточным каналом в письмах, строго секретных, по желанию Гешова, избран сербский посланник в Софии Сполайкович. Выбор прекрасный. Во время беседы Милованович всячески старался выведать, не скрывается ли под неожиданным склонением короля Фердинанда в пользу соглашения какой-либо выработанной в Вене уловки; но никаких данных к сему не обнаружилось. Гешов, видимо, с полной искренностью обсуждал дело, не скрывая при этом, что в Болгарии более всего опасаются тайных замыслов со стороны Румынии. Милованович, под своими впечатлениями недавнего посещения Бухареста, старался успокоить Гешова, что сербо-болгарское соглашение и явится самою верною гарантиею против козней этой державы.

Для сообщения всего изложенного Милованович заходил ко мне вместе с Пашичем, который, как лидер властвующей радикальной партии, вполне одобрял предварительные переговоры министра-председателя с Гешовым. Свидание последних осталось тайной для всех.

Гартвиг.

---

[1]) Телеграмма № 155 в делах отсутствует.

[2]) О совещании Гешова с Миловановичем см. книгу И. Е. Гешова «Балканский союз», стр. 14 изд. 1915 г.

№ 17. Секретная телеграмма поверенного в делах в Цетинье.

Цетинье. 1(14) октября 1911 г. № 145.

Вернувшийся на-днях из Антивари король Николай, пригласив меня во дворец, заявил мне, что через неделю он вступит со своими войсками в санджак, и что тогда всякие советы со стороны России будут тщетными. Я заметил его величеству, что такое заявление кажется мне совершенно непостижимым после неоднократных представлений со стороны императорского правительства о необходимости для Черногории воздерживаться от самостоятельных выступлений против Турции, и в особенности после категорического заверения о невмешательстве Черногории в итальяно-турецкую войну, только что данного мне, в отсутствии короля, от имени его величества, министром иностранных дел Греговичем. Я добавил, что во всяком случае такой шаг Черногории встретил бы самое энергичное осуждение и отпор со стороны всех держав и в особенности России. После минутного молчания, король вдруг сказал мне, что он пошутил и что Черногория status quo не нарушит. Как я узнал позднее, такое же заявление, с той же последующей оговоркой о шутке, было сделано королем в тот же день болгарскому и сербскому посланникам, ввиду чего я и не считаю возможным умолчать перед императорским министерством об этом по меньшей мере странном припадке веселости черногорского господаря. Сегодня король с министром-президентом, военным министром, генералом Мартиновичем и большой свитой выехал в Грахово, откуда последует в Никшич.

Обнорский.

№ 18. Секретная телеграмма врем. упр. министерством ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1489.

Телеграмма № 71 получена. Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Вену, Константинополь, Рим.

Благоволите доверительно высказаться перед Гешовым в следующем смысле.

По поводу его обращения к державам о гарантии искренности турецких заверений мы обменяемся взглядами с другими кабинетами.

В настоящую же минуту можем быть выразителями всеобщего убеждения, что Турции не может притти на мысль напасть на Болгарию. От этого Турция ничего не выиграет, даже в случае военного успеха, ибо решающее слово будет принадлежать не Турции. Поэтому мы предостерегаем болгарское правительство от увлечения мыслью, что со стороны Турции возможно нападение и что, вследствие сего, Болгарии будто бы первой выгоднее выступить с военными действиями.

Если такое настроение существует в болгарских сферах, то обеспечена ли Болгария с тыла и существует ли у нее согласие с Сербиею, которая в случае движения к югу, несомненно, поставит себя под удары Австро-Венгрии. Недостаточно обдуманные действия Болгарии, вызвав волнения в Македонии и Албании и общее замешательство среди разноплеменных местных элементов, приведут неминуемо к занятию Новобазарского санджака и дальнейших округов австрийскими войсками, что поставит в конце концов Болгарию в непосредственное соприкосновение с Австро-Венгрией, а такой исход всегда признавался в самой Болгарии весьма опасным для ее будущего развития.

Все изложенное побуждает нас продолжать наши советы спокойствия, в уверенности, что Болгария только выиграет от продолжения принятого ею планомерного образа действий, совершенно обеспечивающего ее основные национальные интересы, даже на почве Македонского вопроса.

Нератов.

№ 19. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии

С.-Петербург. 2 (15) октября 1911 г. № 1492.

Ввиду критического оборота, который грозит принять положение в Болгарии, весьма важно самым доверительным образом выяснить, с какими впечатлениями вернулся Гешов из Вены. Он пробыл там дольше, чем предполагалось, и уклонился от обещанного свидания с Миловановичем на обратном пути. Ввиду сего позволительно спросить, не Австрия ли толкает Болгарию к активному выступлению, действуя в таком случае с явно эгоистическим намерением занять санджак и задушить Сербию.

Благоволите, возможно обстоятельно, проверить это впечатление,—что необходимо для определения дальнейшего отношения нашего ко всему вопросу.

Нератов.

№ 20. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Вене, Лондоне и Париже.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1493.

Сообщается в Рим и Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Урусова № 71.

Ввиду критического настроения, начинающего овладевать Болгарией, мы полагали бы желательным совместное воздействие великих держав в целях успокоения. Благоволите осведомиться о взгляде на вопрос министра иностранных дел и о способах, коими, по его мнению, лучше всего осуществить просимое Гешовым совместное ручательство.

Мы, с своей стороны, не прекращаем успокоительное воздействие в Софии.

Нератов.

№ 21. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послу в Берлине.

С.-Петербург. 2(15) октября 1911 г. № 1499.

По разным признакам допустима возможность согласования нынешнего выступления Болгарии о гарантии держав с активными планами Австро-Венгрии на Балканах. Весьма желательно было бы выяснить намерения венского кабинета. Думаю, что удобнее всего сделать это в Берлине, где не сочувствуют в принципе ни агрессивной политике Эренталя, ни возможности увеличения замешательств в Турции. Объяснения в этом смысле желательно облечь в частную форму и лично от вас без упоминания об инструкциях из Петербурга. О последующем благоволите телеграфировать.

Нератов.

№ 22. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Париже, Вене и Лондоне.

С.-Петербург. 3(16) октября 1911 г. № 1516.

Сообщается в Рим, Константинополь и Софию.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1493.

Германский, французский и английский представители запросили нашего мнения о циркулярном обращении Гешова, заявив готовность последовать в этом вопросе нашей инициативе. Я предложил тогда, чтобы представителями пяти держав в Софии, на основании уже полученных этими державами в отдельности заверений Порты, сообща было заявлено Гешову, что державы убеждены в отсутствии у Порты намерения напасть на Болгарию, и что о таковом своем заявлении Болгарии державы уведомили Порту. Сделанное в Софии заявление должно бы быть затем доведено сообща же до сведения Порты с присовокуплением, что державы этим путем принимают во внимание предыдущие заверения Порты о ее намерении нападать на Болгарию.

Если бы которая-нибудь из держав, соглашаясь с таким образом действий, не считала бы достаточными уже сделанных Портою заверений, то следовало бы сообща попросить у Порты заявления в этом смысле.

Первый порядок нам кажется предпочтительнее, чтобы пощадить самолюбие Порты.

Благоволите в этом смысле объясниться с правительствами, при коих вы аккредитированы, и о последующем телеграфируйте.

Нератов.

№ 23. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж. 4(17) октября 1911 г. № 145.

Получил телеграммы №№ 1489, 1491 и 1493.

Французское правительство затрудняется высказаться в пользу просимой Гешовым формальной гарантии, считая таковую практически неосуществимой, но оно готово оказать самое энергическое совместное воздействие на Порту и об ответе ее сообщить болгарскому правительству. Французскому посланнику в Константинополе предписано совещаться с русским и английским послами и присоединяться к их шагам в вышеизложенном смысле.

Извольский.

№ 24. Секретная телеграмма посла в Лондоне.

Лондон. 4(17) октября 1911 г. № 239 [1]).

Телеграмму № 1516 получил.

О' Бэйрн передаст вам ответ Грэя, который, по-моему, совсем совпадает с вашим предложением. Никольсон очень сочувственно относится к вашему предложению и поддерживает его пред отсутствующим Грэем. Никольсон не видит необходимости в требовании новых мирных гарантий по отношению к Болгарии. С одной стороны, он не думает, чтобы сейчас Порта имела какое-либо агрессивное намерение по отношению к Болгарии, с другой же он опасается, что этим без всякой необходимости будет нанесено оскорбление Порте.

Бенкендорф.

№ 25. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел послам в Берлине, Лондоне, Вене и Париже.

С.-Петербург. 4(17) октября 1911 г. № 1526 [2]).

Сообщается в Константинополь.

Ссылаясь на вашу телеграмму № 1816. Вот формула, предлагаемая нами для обращения в Софии.

От имени своего правительства нижеподписавшийся честь имеет довести до сведения болгарского правительства, что российское правительство, получив от Высокой Порты официаль-

[1]) Перевод с французского.

[2]) Перевод с французского.

ное заверение в том, что оттоманское правительство не питает никаких агрессивных замыслов по отношению к Болгарии, выражает убеждение, что Турция не нападет на Болгарию. Нижеподписавшийся считает нужным отметить, что, обращаясь с настоящим заявлением к Высокой Порте, российское правительство примет к сведению прежние заверения оттоманского правительства.

Если заинтересованные правительства примут означенную формулу, их представители в Константинополе могли бы быть уполномочены составить соответствующее обращение к Порте.

Нератов.

№ 26. Секретная телеграмма посла в Париже.

Париж, 5(18) октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1517.

Де-Сельв вполне соглашается на предложенную вами процедуру и принимает выработанную формулу сообщения болгарскому правительству. Французским представителям в Софии и Константинополе даются соответствующие инструкции.

Извольский.

№ 27. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София, 5(18) октября 1911 г. № 73.

Получил телеграммы №№ 1488 [1]) и 1492.

Положение, несомненно, успокаивается. Повторные заверения о миролюбии Порты здешнего турецкого поверенного в делах, вполне откровенные объяснения Ассим-бея с Сарафовым и известие о благожелательном отношении великих держав к просьбе Гешова о гарантиях повернули последнего на прежний путь мирной политики и желания добрососедских отношений с Турцией. Что же касается разговора Гешова с Эренталем, то таковой был полностью сообщен лично Гешовым нашему послу в Вене. Какого-либо яркого впечатления разговор этот на Гешова не произвел. Между прочим Эренталь выразил одобрение и за то, что он в соблюдении status quo и мира на Балканах следует примеру и желанию великих держав. Политический путь Австрии в Болгарии лежит через короля Фердинанда—его происки и интриги тем и опасны, что не подлежат какому-либо непосредственному контролю на месте. Продолжающееся в нынешнее неспокойное время пребывание короля в Австрии, что вызывает здесь общее недовольство, может возбудить подозрение относительно подготовляющихся намере-

[1]) Телеграммы № 1488 в делах не имеется.

ний этой державы, не проявившихся, однако, здесь в сколько-нибудь заметной и действительной форме. Обострившееся отношение создалось на почве внутренней политики и всеобщего подъема, неизбежного когда как-либо затрагиваются болгаро-турецкие отношения. С Милованновичем Гешов беседовал на возвратном пути в Софию три часа—результатом свидания Гешов весьма доволен; между прочим был затронут вопрос о возможном совместном выступлении против Турции. Остается лишь предполагать, что подобный обмен взглядов при наличности в Софии крайне возбужденного настроения и мог внушить Гешову мысль, быстро им отброшенную, о более активной политике. Во всяком случае нынешнее болгарское правительство настолько искренно и открыто расположено к России, что о каком-либо непосредственном влиянии австрийской дипломатии на нынешних министров не может быть и речи. В продолжение только что прощедших дней австрийский посланник, еще мало освоившийся с положением вещей, ни разу не уклонился от вполне согласных с другими посланниками действий и мнений и на-днях собирается ехать в отпуск.

Урусов.

№ 28. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 5(18) октября 1911 г. № 74.

Копия в Константинополь.

Турецкий поверенный в делах вчера сделал Гешову официальное сообщение от имени Порты о ее миролюбии относительно Болгарии и, указав на принятые военные меры успокоительного характера, просил ответного сообщения болгарского правительства. Сегодня Гешов даст ответ болгарского правительства следующего содержания:

«Болгарское правительство, принимая к сведению официальное заверение Высокой Порты, что резервисты Драмы будут распущены, а также, что не будут увеличены корпуса в Адрианополе и Киркилиссе и будут исчислены по 100 на батальон, заявляет, что оно этими мерами удовлетворено в полной мере. Все же оно считает нужным настаивать на немедленном и точном исполнении сделанных в этом смысле распоряжений. Вместе с тем болгарское правительство заявляет, что призыв резервистов не был объявлен и что оно не запрещало и запрещать не намерено вывоз в Турцию зернового хлеба и фуража» [1]). Обсудив совместно со мною положение, Гешов решил при вручении ответа не скрывать от Рефик-бея вновь сделанного обращения Болгарии к великим державам с просьбою получить гарантию искренности турецких заверений.

Урусов.

[1]) Текст сообщения приводится в переводе с французского.

№ 29. Секретная телеграмма поверенного в делах в Софии.

София. 6(19) октября 1911 г. № 75.

Копия в Афины.

Греческий посланник вновь и не в первый раз сообщил Гешову о желании своего правительства достигнуть соглашения с Болгарией на случай, если какая-либо из этих держав подвергнется нападению со стороны Турции. Соглашение должно установить взаимное обязательство оказать при таковом нападении вооруженную помощь и объявить Турции войну. Гешов, желая вообще установления со всеми балканскими державами хороших отношений, ответил посланнику в благожелательных, но общих выражениях. Я указал Гешову, что Россия приветствует всякое согласование общих интересов балканских держав, но что на предполагаемое Грецией соглашение нужно итти с большой осторожностью, ибо у Греции имеется постоянный повод к недоразумениям с Турцией—Крит, и, заручившись помощью Болгарии, греки легко могут повести более активную и, следовательно, опасную и эгоистическую политику.

Урусов.

№ 30. Секретная телеграмма врем. упр. мин. ин. дел поверенному в делах в Софии.

С.-Петербург. 6(19) октября 1911 г. № 1547.

Сообщается в Вену, Берлин, Лондон, Париж и Константинополь.

Ссылаясь на мою телеграмму № 1526.

Ввиду замечания австрийского правительства не видим препятствий, чтобы предполагаемая формула заявления была сообщена устно, а не письменно. Сговоритесь в этом смысле с коллегами.

Нератов.

№ 31. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 10(23) октября 1911 г. № 77.

Здесь все совершенно успокоилось. Официозная газета «Мир» перепечатала в пятницу превосходную заметку, доказывающую необходимость наилучших отношений между Болгарией и Турцией. Теперь выяснилось, что турки, кем-то и чем-то напуганные, действительно, сделали первые шаги к мобилизации адрианопольского корпуса, но были во-время остановлены энергичным вмешательством Ассимбея, выехавшего в эту самую минуту из София в Константинополь. Болгарские военные, испугавшись возможности быть опереженными в мобилизации, подняли тревогу, к которой немедленно присоедини-

лась пресса, особенно оппозиционная. Тодоров и другие министры были увлечены этой паникой. Напротив того, Гешов, прибывший в разгар кризиса и поддержанный энергичными действиями русского поверенного в делах и английского посланника, выказал твердость и благоразумие и вполне овладел положением. Между прочим, сильно содействовали успокоению членов кабинета ваша телеграмма № 1401 и телеграмма Чарыкова № 625 [1]), которые Урусов счел уместным сообщить в парафразе и с необходимыми пропусками Гешову. Могу лишь вполне одобрить все мероприятия Урусова, но только обращаю внимание ваше на то, что фраза его в телеграмме № 73 о короле Фердинанде, как проводнике австрийского влияния, основана на личных соображениях общего свойства и не имеет никакого касательства к настоящему кризису. Напротив того, король Фердинанд телеграфировал из Вены самые настоятельные советы успокоения и не одобрял даже просьбы о «гарантии» держав. Король вернулся сюда в пятницу утром.

Неклюдов.

№ 32. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 80.

№ 1. За время трехчасового свидания ночью в вагоне Гешов и Милованович обменялись самыми дружелюбными взглядами по предмету сербо-болгарского союза. Гешов записал под диктовку Милановича предлагаемые сербами основания союза. Одна из статей предвидит возможность наступательных действий в Македонии и Старой Сербии. Статья эта не нравится ни Гешову, ни его коллегам, которые не оставили еще всякой надежды на установление добрососедских сношений с Турцией и на возможность достижения широкой автономии для Македонии и Старой Сербии. Вполне одобряя их взгляд, я предложил Гешову, в качестве чисто личного моего измышления, иной текст, который ему на первый взгляд понравился, но над коим он еще подумает. Оба эти текста в третьей телеграмме. Благоволите сообщить ваше о них мнение. Гешов крайне доволен своим субботним докладом у короля Фердинанда. Король вполне одобрил все шаги к установлению единения с Сербией и предоставил кабинету полную свободу выработать основания союза. В противность моим ожиданиям болгары до сих пор не связывают вопроса о сербском союзе с вопросом о защите их нами со стороны Румынии, но Гешов уже дважды предупреждал меня, что болгары не иначе заключат союз, как с полного согласия России на все статьи договора и с сообщением обеими сторонами текста.

Неклюдов.

[1]) В телеграмме № 625 от 22/IX 1911 г. Чарыков сообщал, что предпринятая Турцией мобилизация связана исключительно с объявлением войны Италиею, носит умеренный и частичный характер и не является угрозой ни для Болгарии, ни для Греции.

№ 33. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 81.

№ 2. Ссылаюсь на телеграмму Урусова № 75.

Я повторил Гешову доводы Урусова, ратующие против принятия греческого соглашения, и, вообще, указал ему на опасность подобной, чисто воинственной, постановки вопроса. Гешов согласился со мной насчет последнего, но выразил все-таки желание кабинета не отвергать греков и найти какую-либо иную формулу для установления желаемого с обеих сторон единения. Сегодня Гешов добавил мне, что король Фердинанд особенно настаивает на соглашении с греками. Со своей стороны, он, Гешов, имел достоверные сведения, что Эренталь предлагал Греции вступить в балканский антиславянский блок, т.-е. блок Австрии, Румынии и Албанцев. Гешов полагает, что, отстраняя совсем греков, болгары могут действительно кинуть их в подобную комбинацию. Предлагаемый мною лично текст сербо-болгарского соглашения редактирован так, что не только Греция и Черногория, но даже и Порта могли бы под ним подписаться, что особенно нравится Гешову.

Неклюдов.

№ 34. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 11(24) октября 1911 г. № 82 [1]).

Основы соглашения, предложенные Миловановичем: 1) полный оборонительный союз против кого бы то ни было, кто совершит нападение на Болгарию или на Сербию; 2) оборонительный союз против кого бы то ни было, кто попытается занять Македонию, Старую Сербию или северную часть Албании; 3) наступательный союз: I) с целью освобождения Македонии и Старой Сербии при обстоятельствах, по мнению обеих договаривающихся сторон, подходящих; II) с целью прекращения анархии или резни в провинциях, в которых задеты интересы сторон или одной из них. Основы соглашения, предложенные Неклюдовым: Сербия и Болгария заключают тесный союз с целью: 1) обоюдной защиты двух стран против всякой нападающей на них державы; 2) отстаивания территориального status quo в турецких провинциях, граничащих с обеими странами, от попыток изменить этот status quo либо занятием территории, либо другими способами; 3) защиты в упомянутых турецких провинциях жизненных интересов национальностей с какой-либо из договаривающихся сторон мерами, полностью соответствующими степени опасности, угрожающей жизненным интересам данных национальностей.

Обе договаривающиеся стороны будут счастливы, если и другие балканские страны примкнут к этому союзу.

Неклюдов.

---

[1]) Перевод с французского.

№ 35. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 12(25) октября 1911 г. № 83.

Австрийский посланник получил, наконец, предписание к устному заявлению, формула коего значится в вашей телеграмме 6 октября. Но английский посланник еще не получил предписания. Это заявление, уже и так запоздалое, крайне желательно для Гешова, которого оппозиция громко обвиняет, что его обращение к державам, унизительное для Болгарии, осталось к тому же без всякого действия. Между тем в субботу открывается Народное Собрание, и для Гешова крайне важно было разбить перед тем оппозиционную интригу. Нам же в настоящую минуту необходимо всячески поддерживать кабинет Гешова. Посему прошу спешно разрешения сделать заявление до субботы, к чему, как я уже выяснил, охотно присоединятся другие три посланника. Я знаю, английское запоздание не вызвано никакими особыми соображениями лондонского кабинета и его представителя. Мои отличные отношения с сим последним служат к тому ручательством, что никакого недоразумения отсюда не выйдет.

Неклюдов.

№ 36. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 17 (30) октября 1911 г. № 1632.

Получил №№ 80, 81, 82.

Предварительно дачи заключения по существу желал бы знать те замечания Гешова на ваш текст, о возможности коих вы упоминаете. Лично полагаю, что было бы лучше нам не выступать с определенными пунктуациями, предоставив формулировку исключительно самим договаривающимся. В частности, и в виду желаемой возможности привлечения и Турции и других, полагал бы в вашем пункте 2 вместо слов, «в провинциях, граничащих с обеими странами», выразиться общее «на границах».

Относительно третьего пункта опасаюсь, что определение «жизненных интересов» легко подаст обеим сторонам повод к вредным для дела разногласиям.

Нератов.

№ 37. Депеша посланника в Софии.

София. 17 (30) октября 1911 г. № 38.

Только в субботу, 15 октября, было сделано г. Гешову представителями России, Франции, Германии и Австрии то словесное сообщение, которое служило предметом обмена мнений и многочисленных теле-

грамм и имело целью успокоить Болгарию относительно намерений Порты. Сделано было это сообщение точно по формуле, преподанной в телеграмме вашего прев-ва от 6 октября, за № 1526.

В сущности, ни в каких успокоительных заверениях не было нужды; все уже давно успокоилось, и между Софией и Константинополем установились вновь самые дружелюбные отношения (до первого недоразумения—понятно). Но г. Гешов все-таки дорожил сообщением, так как и при дворе и в оппозиционной печати его критиковали за обращение к державам, и оставление державами этого обращения без всякого ответа, понятно, подорвало бы престиж Гешова.

Вот почему я настаивал на необходимости сообщения и перед вашим прев-вом и перед моим британским коллегой.

Сэр Генри Бакс Айронсайд был с самого начала против сообщения: видел в обращении Гешова к державам совершенно ненужный шаг, навязанный ему французским посланником (с чем я лично не могу до некоторой степени не согласиться). Кстати у сэра Генри с г. Палеологом—личные нелады, и это, конечно, усугубляло их разногласие, но когда австрийский посланник получил, наконец, приказание присоединиться к нашему общему шагу и я обратился к сэру Генри, не получившему никаких указаний из Лондона, с просьбой вызвать таковые,—то британский посланник сдался весьма охотно на мои доводы и протелеграфировал в Лондон *срочно*, прося дозволения присоединиться к нашему шагу, дабы помочь тем Гешову и вывести его из фальшивого положения. К сожалению, на эту срочную телеграмму целых 2 дня не приходило никакого ответа, вследствие чего я, сговорившись с сэром Генри, решил сделать г. Гешову ожидаемое им сообщение в субботу; в тот же день сделали то же сообщение и остальные 3 посланника.

Неклюдов.

№ 38. Депеша посланникав Софии.

София. 17 (30) октября 1911 г. № 39.

Триполийские события отозвались здесь вначале тем кризисом, который улажен был довольно легко, благодаря благоразумию г. Гешова и нового турецкого министра иностранных дел, Ассим-бея. С тех пор он служил скорее сближению болгар с турками. Отнюдь не надо, однако, основывать на этом преувеличенных надежд. Со стороны болгар,—людей реальной политики и подбирателей выгоды всюду, где таковая представится,—сближение с турками обозначает желание немедленно что-нибудь у них выговорить. В настоящую минуту они хотят выговорить: 1) постройку линии Кюстендиль — Куманово, 2) возможно более выгодный для Болгарии торговый договор и 3) облегчение для болгарской школьной пропаганды в Македонии. Если турки не сделают болгарам существенных уступок по этим вопросам, то болгарское дружелюбие превратится в недоверие и враждебность.

Но, кроме того, и другие причины могут нарушить добрососедские отношения между болгарами и турками: усиленные албанские грабежи и убийства в Македонии, вооружение турок невдалеке от болгарских границ и тому подобное могут каждую минуту вызвать новый кризис в болгаро-турецких отношениях.

И в этом смысле безнадежно затягивающиеся военные действия в Триполи представляют, конечно, лишнюю опасность для Порты и лишнее искушение для болгар.

Неклюдов.

№ 39. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 18(31) октября 1911 г. № 84.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 81.

Гешов снова говорил мне о греческом предложении и настаивает на сообщении ему мнения о сем императорского кабинета. Я полагаю, что в той форме, которую предложила Греция, т.-е., что, если Турция нападет на одну из стран, то другая обязана объявить Турции войну,— соглашение было бы опасным для мира на Балканах. Но соглашение, направленное исключительно к охранению status quo, могло бы быть лишь полезно и нам приятно. Если вы согласны с этим, то благоволите возможно скорее уполномочить меня выразить Гешову этот взгляд от имени императорского правительства.

Неклюдов.

№ 40. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 20 октября (2 ноября) 1911 г. № 171.

Сербский посланник в Константинополе сообщил, что наш посол настойчиво советует, чтобы Сербия каким-либо конкретным шагом засвидетельствовала о желании своем войти в тесное соглашение с Турцией в целях охранения общих интересов балканских государств. В здешних правительственных кругах это вызвало некоторое смущение. За последние годы сербское правительство явило не мало доказательств своего искреннего дружелюбия к Турции и готовности поддержать с ней добрососедские отношения, не встречая, однако, взамен сего ни малейшего расположения турок к защите интересов сербского населения в пределах империи. Приняв, согласно указаниям императорского правительства, твердое решение поддерживать и впредь самые мирные отношения с Турцией, сербы считают едва ли своевременным выступить с какими-либо союзническими предложениями в Константинополе, где до сих пор не хотят понять значения тесного сближения со славянами. С своей стороны, могу только присоединиться к этой

точке зрения сербского правительства. Вполне ясные и откровенные шаги к сближению должны быть сделаны турками, а не сербами, ничем не вызываемое выступление коих было бы с надменностью принято турками, как заискивание. Помимо сего полагаю, что настойчиво предлагаемый Чарыковым шаг сербского правительства вызвал бы недоверие в Софии и, несомненно, повредил бы налаживающемуся сербо-болгарскому сближению, которое и для славян и для России несравненно важнее, нежели весьма проблематическая балканская конфедерация во главе с младотурками, доказавшими свою политическую недальновидность.

Гартвиг.

№ 41. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 1688.

№ 84 получил.

Полагаю, что руководящие начала, изложенные в телеграмме моей № 1632, вполне применимы и по отношению к Греции с сохранением в силе принципа status quo, что можете заявить Гешову.

Нератов.

№ 42. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Белграде.

С.-Петербург. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 1694.

В виду разнесшихся в печати суждений о давлении России в смысле образования балканской федерации с участием Турции, считаем долгом пояснить, что принцип взаимного сближения балканских народностей нами попрежнему считается правильным. Что же касается формулы, то, вполне предоставляя ее выработку почину самих договаривающихся, полагаем, что она должна допускать мысль о присоединении и Турции к соглашению.

В этом смысле мы высказываемся и в Софии.

Нератов.

№ 43. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 22 октября (4 ноября) 1911 г. № 172.

Весьма доверительно. Вскоре после возвращения короля Фердинанда Гешов раза два обращался к сербскому посланнику в Софии с заявлением о желательности возможно скорее приступить к переговорам относительно проектированного сербо-болгарского соглашения. Осведомившись об этом, Милованович тотчас же вызвал Сполайковича. По тщательном обсуждении дела с Пашичем и некоторыми дру-

гими политическими деятелями, Милованович вручил Сполайковичу, вернувшемуся вчера в Софию, первый набросок проекта соглашения, который служил исходной точкой для переговоров с болгарским правительством. Передавая мне весьма доверительно содержание проекта, Милованович убедительно просил сохранить его в строжайшей тайне. Излагаю текст в общих чертах: после обычного предисловия об одушевляющих королей Петра и Фердинанда чувствах взаимной дружбы, одиннадцать статей соглашения проектированы в нижеследующем порядке: Ст. 1. В случае, если владениям одной из договаривающихся сторон угрожает нападение какой бы то ни было третьей державы, другая сторона обязуется без замедления и без всяких оговорок оказать помощь своей союзнице всеми имеющимися у нее военными силами. Ст. 2. В случае, если бы какая-либо из европейских держав (чтобы не сказать Австрия) обнаружит явное стремление присвоить или оккупировать, хотя бы и на-время, часть балканской территории, и таковые действия ее признаны были бы одною из договаривающихся сторон достаточным поводом к открытию военных действий—casus belli,—то другая сторона, как и в первой статье, обязана помогать союзнице военною силою. Ст. 3. Если положение на Балканах будет признано одной из сторон благоприятным для осуществления национальных задач, то, предварительно активных действий, она обязана договориться с другой стороной. Если соглашение не будет достигнуто, дело представляется на суд России, положительное и отрицательное решение коей обязательно для обеих сторон. В случае отказа России высказаться определенно, упорствующая сторона может начать действия на свой страх, но другая обязана соблюдать благожелательный нейтралитет, мобилизировав армию, которая должна быть готовою оказать помощь, если Турция найдет поддержку в третьей державе. Помощь союзнице является, однако, обязательной, если одна из сторон вынуждена будет объявить войну Турции в случае поголовной резни, взрыва фанатизма и революции в смежных с Сербией и Болгарией провинциях. Ст. 4. Во всех вышеприведенных случаях территории, занятые союзницами, составляют временно общую собственность; но Сербия заранее отказывается в пользу Болгарии от Адрианопольского вилайета и части Коссовского на юг от Шар-Планины; в свою очередь Болгария отчуждает Сербии Скутарийский вилайет и часть Коссовского к северу от Шар-Планины. Относительно полюбовного дележа Битолийского и Салоникского вилайетов—договаривающиеся стороны будут ходатайствовать о милостивом третейском решении государя императора. Ст. 5 предвидит заключение военной конвенции, которая, составляя нераздельную часть соглашения, должна быть выработана к 31 января 1912 года. Ст. 6. Соглашение имеет силу до 31 декабря 1916 года, с обычными оговорками о прекращении и продолжении. Ст. 7. Соглашение в двух экземплярах на сербском и болгарском языках скрепляется подписью обоих монархов и контрассигнируется министрами иностранных дел; к военной конвенции присоединяются

подписи особых военно-уполномоченных. Ст. 8. Третий экземпляр соглашения и военной конвенции, с французским переводом, сообщается благосклонному вниманию императорского правительства с просьбою исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на утверждение 4-й статьи. Ст. 9. Обе стороны допускают в будущем, по предварительному взаимному уговору, присоединение к настоящему соглашению других держав, как-то: Черногории и Греции. Ст. 10. Сообщение кому бы то ни было означенной конвенции допустимо лишь по обоюдном испрошении сторонами согласия России. Ст. 11. Все недоразумения по букве и смыслу настоящего соглашения представляются на суд России. Смею думать, что в изложенном виде проект соглашения едва ли дает повод к каким-либо опасениям, особенно, если принять во внимание, что допускаемое статьей 3-й активное выступление при благоприятных для славян обстоятельствах, которые нельзя не предусмотреть ввиду подготавляющегося исподволь развала Турции, достаточно обуздывается обязательными обращениями за советами к императорскому правительству.

Гартвиг.

№ 44. Депеша посланника в Белграде.

Белград. 23 октября (5 ноября) 1911 г. № 63.

Дело пресловутой балканской федерации, под главенством Оттоманской империи, снова поставлено на очередь. Достойно внимания, что политическая комбинация эта всплывает наружу всякий раз, как Турция испытывает какие-либо внешние затруднения. При этом, что также весьма характерно, в указанных выше случаях энергические настояния на скорейшем привлечении славянских государств к балканскому союзу обнаруживаются не в константинопольских правительственных кругах, как следовало бы ожидать, а в среде тех уже немногочисленных дипломатов, политиков и публицистов Европы, которым все еще хочется верить в турецкое перерождение. Но интересно поставить себе вопрос: как же относятся к идее конфедерации сами-то балканские державы, усиленно приглашаемые сплотиться воедино?

Что касается славянских государств, то они, надо сознаться, в достаточной мере равнодушны ко всем периодически подогреваемым толкам о готовящейся и принимающей будто совсем определенную форму балканской федерации; страстная проповедь о громадной важности для славян союза с Турцией представляется им малоубедительной; хотя, при известных условиях, они, особливо под давлением России, конечно, не противились бы вступлению на этот путь. Однако вовсе не потому, чтобы они ожидали для себя ни весть каких благ от сближения с Турцией, а исключительно в расчете добиться некоторой передышки от хронически возникающих на Балканах тревог, выиграть

время и, собравшись исподволь с силами, приступить в благоприятную минуту к окончательной расплате со своим исконным неприятелем. Другой точки зрения на конфедерацию у славян быть не может. И не нам, конечно, ставить им это в упрек; ибо, по крайнему разумению моему, и сама Россия едва ли иначе оценивает помянутую политическую комбинацию.

В самом деле, в чем заключается сокровенный смысл и значение политики России на Ближнем Востоке? По-моему, она преследует две ясные, вполне определенные конечные цели:

1) облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове, и

2) осуществить и свою собственную вековую историческую задачу: стать твердою ногою на берегах Босфора, у входных ворот «Русского озера».

Спрашивается, можно ли, ввиду указанных задач России и славянских государств на Ближнем Востоке, считать балканскую федерацию во главе с Турциею прочной, жизненной политической системой, будто бы всецело обеспечивающей интересы ее сочленов—очевидно, нет. На нее можно смотреть лишь, как на временную, выжидательного характера, комбинацию, к которой дозволительно примкнуть только потому, что ни Россия, ни славяне не в состоянии сейчас осуществить то, что рано или поздно они должны сделать непременно. Совсем в другом положении находится Турция. Для нее, и только для нее, федерация представляет одни выгоды, как это ни покажется на первый взгляд странным после всего изложенного. Да, балканская федерация выгодна для Турции, во-первых, потому, что она на более продолжительный срок отдалила бы ликвидацию своих европейских владений; а, во-вторых, и это главное, потому, что, обеспечив союзом со славянами status quo на Балканах и приобретя таким образом благожелательный нейтралитет России, она могла бы свободнее располагать всеми своими военными силами для защиты других частей империи от разбойничьих захватов со стороны мнимых друзей и покровителей молодой Турции. К сожалению, или к счастью, в Константинополе никогда не хотели этого понять. На все вызовы и уговоры вступить в союз с балканскими государствами, младо-турки отвечали двойной игрой. Конфедерация в их руках служила своего рода «диверсией», военной хитростью в минуты опасности. Они делали вид, дабы запугать Европу, что вот-вот не сегодня-завтра совсем готовы сговориться насчет федерации и... тотчас по миновании опасности, открыто становились в ряды врагов России и славянства. Так младо-турки действовали во время аннексионного кризиса, в период обострения албанского движения; так, очевидно, поступят они и теперь, по окончании триполийских затруднений. Вот почему я позволяю себе считать балканскую конфедерацию во главе с Турциею весьма проблематическою комбинациею, сочувство-

вать которой до известной степени мы, конечно, можем, но в осуществимость которой верить нельзя до тех пор, пока в Оттоманской империи властвуют младо-турецкие комитеты.

С этой точки зрения едва ли согласится наш посол в Константинополе, которому сейчас, — не знаю, насколько справедливо — почти вся европейская печать приписывает весьма активную роль в склонении турок к союзу с балканскими государствами. Дозволительно, однако, спросить себя, каким образом мысли свои, вполне сочувственные конфедерации, гофмейстер Чарыков согласует с высказанными им взглядами в депешах, которые получены мною с последним курьером? Так, в депеше от 17 октября № 95 наш посол характеризует турецкую империю «загнившим зданием», которое могут опрокинуть даже удары, наносимые Италиею, вовсе не такие уж страшные, если судить по военным реляциям. Далее, в № 94, от того же числа, гофмейстер Чарыков говорит, что ослабление Турции чужими руками для русских интересов «вовсе невредно».

Ведь, как то, так и другое утверждение прямо в корне подрывает значение и пользу столь настойчиво проповедуемой системы сближения Турции со славянскими государствами. В самом деле, какую цель может иметь, какую выгоду и кому именно может принести постановка конфедерации на подгнившем фундаменте, готовом рухнуть при малейшем к нему прикосновении? А затем, какой расчет нам усиливать Турцию славянскими союзами, когда, напротив, ослабление ее для нас вовсе не вредно? Над этими вопросами стоит серьезно подумать; особливо, если принять во внимание, что, по словам гофмейстера Чарыкова, в турецкой печати (да и в одной ли печати) замечается стремление свалить на Россию вину за теперешнюю беду, и что при настоящем настроении турецких мусульман было бы достаточно даже пустяшного повода, дабы накопившееся и бессильное против Италии и Германии озлобление повернуть против единственного соседа Турции из числа великих держав—России.

Да, чисто младотурецкая логика! Одна из держав тройственного союза не так давно самовольно присваивает две оттоманские провинции на Ближнем Востоке, и Турция, быстро примирившись с этою потерею, вымещает свою досаду и злобу на России открытым переходом в лагерь ее врагов. Ныне другая держава того же союза, при молчаливом попустительстве третьего сочлена, среди бела дня грабит африканские владения Турции, и последняя не колеблется снова винить в том Россию, угрожая даже возбуждением против нее мусульманского фанатизма!

И вот, перед такой-то перспективой—от России настоятельно требуется благожелательное покровительство сформированию балканской конфедерации. А на-ряду с этим что-то вовсе не замечается открытых, смелых шагов в этом направлении со стороны турок. По газетным и телеграфным сообщениям, в константинопольских правительственных сферах весьма туманно обсуждался вопрос о каких-то новых

союзах, а в мечетях мусульманское духовенство проповедывало о священной войне против России и об истреблении гяуров—подданных султана.

Но, как бы то ни было, если, в силу высших политических соображений, сближение славянских государств с Турцией признается все же желательным,—то, повторяю, сербы противиться этому не будут. Однако королевское правительство, как я имел честь телеграфировать, считало бы крайне опасным выступать ныне пред турками с какими-либо союзническими предложениями, как то советовал гофмейстер Чарыков сербскому посланнику в Константинополе.

При наличности более отрицательного отношения болгар к проектируемой конфедерации всякий заискивающий шаг сербов в Царьграде неминуемо вызвал бы недоверие в Софии и повредил бы делу сербо-болгарского соглашения, которое по своей политической важности составит новую эпоху в истории славянства.

Гартвиг.

(Окончание следует.)

ЗАПИСКИ А. С. ЕРМОЛОВА [1]).

Печатаемые ниже две всеподданнейшие записки принадлежат перу б. министра земледелия и государственных имуществ в эпоху политической «весны» 1904—1905 г.г. А. С. Ермолова. Первая записка датирована самим автором 17 января 1905 г., вторая—31 января того же года. Первая записка представляет собой, в сущности, изложение беседы Ермолова и Николая II 17 января 1905 г. по поводу положения дел, создавшегося в результате событий кровавого воскресенья 9 января, беседы, закончившейся несколько неожиданно для нелюбившего экспромптов царя учреждением совещания министров с председателями департаментов государственного совета для выработки «мер государственной важности, последними событиями вызываемых». Записка от 31 января является логически продолжением первой, но уже в форме всеподданнейшего монолога, в котором идея «непосредственного общения царя с народом», высказанная Ермоловым 17 января, находит выражение в виде всесторонне мотивированного предложения поспешить с созывом «всенародной земской думы», как единственного средства восстановить потерянное правительством доверие страны. 9 января убедило царя, что, говоря его словами, «невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска». Выслушав это признание, Ермолов предложил царю «отдать себе ясный отчет, на кого же опираться». По его мнению, катастрофы 9 января не было бы, если б в России было настоящее правительство, но вместо него действовали «отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление». Отдельные министры не могли предупредить расстрелов 9 января, не могли сообща выработать каких-либо предохранительных мер, так как совещания министров не узаконены царем, а в компетенцию комитета министров «дела подобного рода» не входили. Даже происходившие под председательством царя особые совещания не давали результатов, так как министры большей частью не знали, о чем царю «угодно будет с ними говорить». Николай, согласившись, что совещания под его председательством, действительно, «далеко не достигали цели», приказал Ермолову поехать прямо после приема к председателю комитета министров и передать ему от его имени, чтоб он *немедленно* собрал совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета по поводу мер, необходимых для успокоения страны. Ермолов, признав, что такие совещания помогут организовать солидарное правительство, в дальнейшей беседе продолжал, однако, настаивать на необходимости установить, на кого же правительство должно опираться, так как в дворянстве — раскол, а в земских собраниях консервативное направление не получило преобладания. Страна же требовала реформ — о чем свидетельствовали многочисленные адреса на высочайшее имя, — и

не верила министрам, стоявшим в виде непроницаемой стены между царем и народом. Средостение это следовало уничтожить и установить «непосредственное прямое общение между царем и народом». Отказавшись говорить, в каких формах он мыслит это «общение», Ермолов выразил только убеждение в безусловной необходимости «призвания представителей русской земли» и в том, что царю «нужно самому пойти навстречу народным пожеланиям». В заключение Ермолов просил царя поручить учрежденному им совещанию, помимо рассмотрения вопросов, связанных с событием 9 января, обсудить мероприятия, намеченные указом 12 декабря 1904 г., «но идущие далее реформ, им возвещенных». Царь согласился.

Через две недели Ермолов вошел к царю с новым докладом по поводу «неуспешной пока борьбы с внутренним врагом». Отметив, что подавление рабочих беспорядков не привело к умиротворению страны, а скорее дало обратные результаты, так как беспорядки перекинулись в деревни, где они «в сто раз опаснее, чем в городах», — Ермолов дал во второй своей записке яркую картину дезорганизации во всех сферах русской общественной жизни. Он отметил развал высшей и средней школы, раскол в дворянстве, объединение которого представлялось ему невозможным в условиях полицейского режима, борьбу крайних течений в земстве, агитацию среди пока безмолвной многомиллионной крестьянской массы, «подавленной множеством стоящего над ней начальства», разобщенность правительственной администрации, усилившуюся с учреждением должности петербургского генерал-губернатора, которому было присвоено право принимать чрезвычайные меры без ведома отдельных министров и совещания последних. Ермолов выход видел только в обращении к «безмолвному большинству народа», в созыве всенародной земской думы, иначе, — казалось ему, — власть самых энергичных администраторов окажется эфемерной. Предвидя, что в этой думе могут раздаться голоса об учредительном собрании, Ермолов успокаивал царя соображением, что эти голоса будут заглушены огромным большинством, «верным народным преданиям, коренным основам русского государственного строя». Ермолов не побоялся произнести страшное слово «конституция»: «когда назреет время, — сказал он, — жалует русский царь своему народу и конституцию». Записка заканчивается просьбой исполнить это немедленно, ибо дорог каждый день и час, при чем автор подсказывает царю и форму его волеизъявления о созыве народных представителей — манифест или надпись на одном из многочисленных всеподданнейших адресов.

Через две с половиной недели после этого доклада Ермолова страна узнала, какую конституцию «пожаловал» ей царь: 18 февраля подписан был рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина о «привлечении достойнейших, доверием народа избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Николай записал в этот день в своем дневнике: «дай бог, чтоб эта важная мера принесла России пользу и преуспеяние!» Однако этой «важной мере» не суждено было претвориться в жизнь: наступила первая революция, которая Булыгинскую думу смела с политической арены и, при всех своих неудачах, завоевала народу многим больше, чем могло «пожаловать» ей самодержавие.

I.

При всеподданнейшем докладе моем 17 января 1905 года государь император обратился ко мне с вопросом о настоящем положении дел. На это я испросил у его величества соизволение высказать свое откровенное мнение по всей совокупности переживаемых нами событий, что мною и было сделано в следующих выражениях:

«Россия переживает в настоящее время тяжкое, беспримерное в истории ее положение, последствия которого предугадать невозможно. Ваше величество—самодержавный царь русской земли, но нужно, чтобы самодержавие стояло незыблемо, опираясь на твердую почву, и чтобы никакие события не могли его поколебать. А между тем, обстоятельства идут быстро, и надобно предвидеть все возможное. Если путем пролития крови на улицах С.-Петербурга удалось остановить движение рабочих, то действительного успокоения этим не только не достигнуто, а, может быть, наоборот; агитация не прекратилась, но может принять другие формы, может выразиться в ряде покушений, которые, сколько известно, уже теперь подготовляются анархист-(с)кими деятелями и от которых никто и вы сами, ваше величество, не застрахованы, несмотря на все принимаемые для охраны вас меры. Мы знаем, что вы смерти не боитесь, в вашей личной храбрости все уверены, но ваша жизнь принадлежит России, и вы должны подумать, что будет с государством, с троном, если покушение удастся».

Государь.—Я смерти не боюсь, верю в промысел божий, но знаю, что́ не имею права рисковать своей жизнью.

«Да, не имеете права рисковать, не должны рисковать, но вам необходимо подумать о том, на каких началах самодержавное правление ваше должно найти опору. На одну вооруженную силу, на одни войска вам опираться нельзя. 9 января войска выполнили тяжкую выпавшую на их долю задачу—стрелять в беззащитную толпу. Волнения, происходившие в Петербурге, теперь перекинулись в бо́льшую часть городов России, и везде приходится их усмирять вооруженною силою. Покуда это еще удается, и войска исполняют свой долг, но, во-первых, что́ придется делать тогда, когда беспорядки из городов перейдут в селения, когда поднимутся крестьяне, когда начнется резня в деревнях,—какими силами и какими войсками усмирять тогда эту новую пугачевщину, которая разольется по всей земле, а во-вторых, ваше

величество, можно ли быть уверенным, что войска, которые слушались теперь своих офицеров и стреляли в народ, но которые вышли из того же народа, которые даже теперь находятся в постоянном общении с населением, которые слышали вопли и проклятия, к ним обращенные со стороны их жертв, — при повторении подобных случаев поступят так же?»

Государь.—Я понимаю, что невозможно положение правительства, если оно опирается только на войска...

«Да, ваше величество, но надобно же вам отдать себе ясный отчет, на кого опираться. Вы можете опираться только на народ, но для этого нужно, чтобы народ мог в вас верить и продолжать видеть в вас своего защитника, а между тем посмотрите, что́ происходило 9 января. Массы рабочих со всех концов Петербурга собираются ко дворцу вашего величества не со злыми намерениями, не с целью ниспровержения престола, не с целью даже предъявления вам каких-либо требований политического характера—о тех требованиях, которые были заявлены в их прошениях на основании наущения разных революционных деятелей, огромная масса этих рабочих не знала и их не понимала, ею руководила только одна мысль,—они шли к своему царю для того, чтобы повергнуть к престолу верноподданнические заявления о своих насущных нуждах и потребностях, чтобы излить перед вами всю горечь, всю тяжесть своего положения. Представители этой массы ранее обращались к вашим министрам, но никем не были приняты, никто их не выслушал, хотя в то же время делались собрания фабрикантов [2]), и их мнения выслушивались и принимались в расчет. Толпа шла к вам, введенная в заблуждение своими вожаками и верившая в то, что вы ее примете, что вы к ней выйдете сами и выслушаете ее мольбы... Я не буду говорить о том, что́ произошло далее,—толпу встретили залпами, разгоняли оружием. Быть может, для охранения внешнего порядка и нельзя было иначе поступить,—этого я не касаюсь, но факт тот, что среди этой беззащитной толпы оказалось много сотен жертв, даже не понимавших, из-за чего их убивают. Думаю я, ваше величество, что если бы у нас было настоящее правительство, то это можно было бы предупредить. Я не знаю, возможно ли было бы вашему величеству выйти к этой толпе, но я думаю, что ее заявления должны были быть заблаговременно выслушаны и рассмотрены и, быть может, вашему величеству можно было бы заранее объявить, что вы соизволите принять депутацию от рабочих, что повелите рассмотреть и удовлетворить их законные пожелания, откинув все то, что не могло исходить от рабочих, вроде нелепого требования об отделении церкви от государства и тому подобных, очевидно со стороны навеянных, фраз. К сожалению, таких предупредительных мер принято не было, и роковые события произошли. Но нужно, чтобы ваше величество в той или иной форме обратились к народу со своим царским словом, нужно, чтобы население непосредственно от вас услышало глубокое сожаление ваше о том, что́ произошло, выражение воли вашего величества рассмо-

треть и удовлетворить законные ходатайства и пожелания рабочих, а главное, нужно проявление участия к невольным жертвам катастрофы. Среди массы погибших были не одни вожаки и революционеры, была толпа, были женщины и дети, даже случайно находившиеся на месте происшествия. Нужно, чтобы ваше величество пришли к ним на помощь. Если тут были виновные и заслужившие свою участь, то их семьи и дети представляют тех же невинных жертв, а вашему величеству необходимо отнестись к ним ко всем с одинаковой милостью. По Петербургу ходят теперь разные барышни, разные курсистки за сбором пожертвований для пострадавших. Я знаю, что они уже приходили к некоторым членам государственного совета. Ко мне они еще не обращались, но если они ко мне придут, то я почту себя обязанным дать, что̀ окажется для меня возможным, и я дам, не справляясь, куда деньги пойдут, действительно ли в пользу невинных жертв катастрофы или на дальнейшую агитацию. Когда меня будут просить о помощи во имя пострадавших, я не сочту себя в праве отказать, но нужно, ваше величество, чтобы пришли на помощь не мы, а вы, и только тогда народ отделит вас от действительно виновных в событии 9 января лиц».

Государь.—Я уже решил обратиться к народу с воззванием или манифестом, и у меня лежит несколько проектов таких манифестов. За сим я предполагаю, как только водворится хотя внешний порядок, принять депутацию от рабочих [3]) и непосредственно к ним обратиться, а также решил притти на помощь и жертвам катастрофы [4]).

«Ваше слово, государь, обращенное к народу, я считаю безусловно необходимым. Я позволил себе говорить вам об этом 10 января, следовательно, на другой день после катастрофы. То, что появилось после этого,—объявление, подписанное министром финансов и ген.-губернатором Треповым, не может заменить его [5]). Для народа этого недостаточно. Министра финансов он не знает, он не понимает, почему министр финансов говорит вашим именем, народу неизвестно, в ведении какого министерства находятся фабрики и заводы. Народ не знает нас, министров, а знает вас, ваше величество, и ваш голос должен он услышать. Точно так же не произведет никакого впечатления и послание св. синода [6]). Вам известно, что духовенство у нас никакого влияния на население не имеет, и что оно иногда само для поддержания православия обращается к мерам чисто полицейского свойства. Не знаю, известно ли вам, что когда, по случаю рождения наследника цесаревича, в одной раскольничьей церкви на юге начали звонить в колокола, то виновные в том раскольники были посажены под арест. В Киеве, недавно, едва ли не накануне издания указа 12 декабря 1904 г., возвещавшего о веротерпимости [7]), и после манифеста 1903 года, в котором проводилась та же мысль о веротерпимости, с одной раскольничьей молельни было приказано сбить крест. Не может иметь и не имеет наше духовенство при таких условиях никакого влияния на народ, и его воззвание столь же мало произведет впечатления, как и объявление министра финансов.

Позвольте мне затем, государь, коснуться другого вопроса нашего государственного строя, недостатки которого при настоящих событиях выказались особенно рельефно. В том, что произошло, виновато правительство, виноваты мы, ваши министры; но что же мы могли сделать при настоящем строе нашей государственной организации, при котором в действительности правительства нет, а есть только отдельные министры, между которыми, как по клеточкам, поделено государственное управление. Каждый из нас знает свою часть, но что делают другие министры, иногда даже в области совершенно однородных дел, мы не знаем и не имеем никакой возможности узнать. Когда за несколько дней до 9 января пошли слухи, что нечто приготовляется, когда многие из нас сознавали, что необходимо принять решительные меры для предупреждения ожидавшихся волнений, что же мы, отдельные министры, могли сделать? О том, что происходило, что готовилось, я мог судить только по слухам; я знал об этом не более, чем любой обыватель г. Петербурга. Более того, когда накануне 9 января у министра внутренних дел состоялось совещание ввиду ожидавшихся событий, в этом совещании участвовали, кроме чинов министерства внутренних дел и несколько военных, только министр финансов и случайно заехавший к кн. Святополк-Мирскому министр юстиции ст.-секретарь Муравьев. Я допускаю, что не было оснований приглашать министра земледелия и государственных имуществ, в ведении которого в Петербурге нет ни фабрик, ни заводов, но каким образом можно было не привлечь в этом совещании (Sic! *Ред.*) министра путей сообщения, у которого на заводах находится несколько тысяч рабочих, и управляющего морским министерством, в ведении которого десятки тысяч рабочих Балтийского, Обуховского, Колпинского заводов? Их не сочли даже нужным спросить, что́ у них делается, что́ они предполагали бы сделать. К ним обращались рабочие, но что́ они могли бы им сказать, не имея никаких сведений о том, что́ предпринял министр финансов, и рискуя, следовательно, поступив иначе, внести в дело еще бо́льшую смуту? С своей стороны, проникнутый сознанием важности минуты, я думал созвать у себя собрание министров, но в силу чего я мог бы это сделать? Я мог бы пригласить только некоторых в качестве своих знакомых, но для того, чтобы это было настоящее совещание министров, нужно, чтобы подобные совещания были узаконены вашим величеством, чтобы они были *обязаны* собираться во всех важных случаях для обсуждения вопросов высшего государственного управления. Существующее учреждение—комитет министров—этой задаче совершенно не удовлетворяет, так как дела подобного рода не входят в круг его компетенции. Так, когда в заседании 11 января председатель поднял вопрос о необходимости представить на благовоззрение вашего величества об учреждении высшей комиссии из нескольких назначенных вашим величеством сановников для рассмотрения событий 9 января во всей их совокупности и для установления ответственностей, комитет министров, при всем сочувствии своем этой

мере по существу, не счел себя в праве, в лице старейших своих членов, принять этот вопрос к своему рассмотрению без особого на то высочайшего уполномочия. Вашему величеству несколько раз угодно было собирать нас в особых совещаниях под высочайшим своим председательством, но я позволю себе высказать, что эти совещания не всегда достигали цели и не приносили результатов, которых можно было ожидать, и вот почему. Мы являлись к вам по вашему зову неподготовленными, большею частью мы даже не знали, о чем вашему величеству угодно будет с нами говорить. Мы не имели возможности заблаговременно обсудить эти вопросы между собою, вследствие чего и происходило в вашем присутствии такое разногласие во мнениях, в котором вам самим бывало не легко разобраться. Я не ожидаю, чтобы и при предварительном совещании министров нам всегда удавалось достигать единодушия, но тогда мы будем представлять на ваше благовоззрение два обдуманных, мотивированных мнения, по которым вы уже будете иметь возможность сказать свое верховное решающее слово».

Государь.—Да, я сознаю, что эти совещания под моим председательством далеко не достигают цели, почему я так редко их и созываю. Но я уже решил образовать совещание из министров. Поезжайте прямо отсюда к председателю комитета министров и передайте ему мою волю, чтобы он немедленно собрал совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения тех мероприятий государственной важности, которые вызываются событиями последнего времени, а равно представил бы заключение совещания о мерах, необходимых для успокоения страны. Скажите ему далее, что я желаю, чтобы такие же совещания собирались и впредь по вопросам высшего государственного управления, притом как по инициативе председателя совещания, так и по тем вопросам, которые отдельные министры признают нужным в это совещание вносить. Я уже ранее хотел изменить порядок собрания совета министров и слить этот совет с комитетом министров с тем, чтобы в исключительных случаях заседания совета происходили бы под моим личным председательством, но об этом можно будет еще подумать, тем более, что это требовало бы изменений в самом законе об учреждении комитета министров. Теперь же роль совета может исполнять то совещание, о котором я говорил, тем более, что я в самом близком будущем намерен созвать это совещание и под своим председательством.

«Я думаю, ваше величество, что то совещание, которое вы высочайше соизволили повелеть образовать, должно внести в дело государственного управления существенные улучшения и устранить рознь и полное отсутствие солидарности между министрами, которые существуют теперь. Позвольте мне откровенно сказать вашему величеству, что в настоящее время у нас правительства нет. Я имею счастье сидеть перед вами и всеподданнейше докладывать. Это и есть в данную минуту правительство, но завтра на это же место сядет другой министр,

и будет другое правительство, и этот другой министр может докладывать вашему величеству дела в совершенно обратном направлении тому, как их докладывал его предместник. На таких началах прочное государственное управление существовать не может. Но это только одна сторона дела. Для того, чтобы правительство было прочно, нужно знать, на кого ему опираться. Несколько лет тому назад опорою правительства считалось дворянство, и был предпринят целый ряд мер, чтобы усилить влияние дворянства на местах, было коренным образом изменено земское положение, чтобы дать в нем дворянству преобладающее влияние. Но с тех пор положение дела существенно изменилось. Не говоря уже о том, что в самом дворянстве происходит раскол, доказательством которому служат разница мнений и споры, происходящие ныне даже в самом сердце России—Москве, земские собрания, несмотря на преобладание дворян, не получили консервативного направления, которого от них ожидали, а скорее—наоборот. Сознание необходимых реформ, необходимости выхода из настоящего положения проникло повсюду, и теперь, ваше величество, получаете ежедневно от земских собраний и от дворянских собраний всеподданнейшие адреса, в которых обращаются к вам, как к самодержавному царю, с просьбой разрешить сплотиться вокруг трона для того, чтобы ваше величество непосредственно от представителей населения услышали голос страны, голос русского народа. Нельзя считать все эти заявления и адреса преступными, и не от одних только представителей крайних партий они исходят. К вашему величеству обращаются как к державному вождю русской земли и желают,—я позволю себе сказать, справедливо желают,—чтобы ваше величество непосредственно услышали голос народа, который теперь, как думают у нас в России, не доходит до вашего величества потому, что будто бы мы, ваши министры, образуем вокруг вас непроницаемую стену и не только не даем вам возможности узнать и услышать правду, не только не идем навстречу вашим благим предначертаниям на пользу вашего народа, но ставим им преграды, и, быть может, это общераспространенное мнение имеет некоторое основание. Так, ваше величество, вы 12 декабря минувшего года издали благодетельный указ, в котором возвестили народу целый ряд высоко важных реформ. Этот указ был объявлен, но что же произошло с тех пор? Мы больше месяца сидим в комитете министров за разработкою ваших предначертаний, мы по совести стремимся выполнить волю вашего величества, но что же знает об этом народ? Какие же результаты от деятельности комитета министров он до сих пор видел. Отсюда и возникает предположение, что мы, министры, относимся к вашим предначертаниям враждебно, что мы стремимся оттянуть их осуществление, загасить вашу волю, как недавно выразилась по этому поводу одна из газет» [8]).

Государь.—Скажите председателю комитета министров, что я требую, чтобы по мере того, как я буду утверждать журналы комитета,

немедленно помещались в газетах сообщения о главных намеченных мерах и результатах обсуждения дел в комитете.

«Высочайший указ вашего величества возвещает целый ряд в высшей степени важных реформ, которые, несомненно, будут проведены согласно вашей воле, но нужно, чтобы народ в это верил, а он нам, министрам, и в этом случае не доверяет, и потому я позволю себе вернуться к тому, что́ я высказывал при обсуждении в совещании под вашим председательством проекта указа 12 декабря—о необходимости привлечения к участию в законодательной работе представителей населения, но только теперь надо пойти в этом вопросе далее. Мы живем быстро, и того, что было достаточно $1^1/_2$ месяца тому назад, теперь уже слишком мало. Теперь уже нельзя ограничиться теми слабыми формами участия выборных представителей в подготовительной разработке отдельных законопроектов, о котором была речь тогда. Теперь нужно непосредственное прямое общение между царем и народом. Я не буду пока говорить о формах, в которых это общение может выразиться, о том, как организовать призвание представителей русской земли, но глубоко убежден, что теперь или в ближайшем будущем это призвание безусловно необходимо и что вашему величеству нужно самому пойти навстречу народным пожеланиям для того, чтобы в самом народе найти опору царскому престолу. Думаю я, что теперь, когда Россия ведет такую тяжкую войну с Японией, последствия которой едва ли возможно предугадать, эта опора более, чем когда-либо, необходима, потому что только народ может дать вам силу, потребную для борьбы как с внутренним, так и с внешним врагом, но нужно к этому обратиться пока еще не поздно, а при настоящих условиях ни за один день поручиться нельзя. Дозвольте поэтому, ваше величество, учрежденному вами совещанию сверх вопросов, непосредственно связанных с событием 9 января, рассмотреть также вопрос о дальнейших мероприятиях, направленных к той же цели, как и указ 12 декабря, но идущих далее реформ, им возвещенных».

На сие последовало высочайшее его императорского величества соизволение.

После доклада его величеству текущих дел министерства и по возвращении в помещение, отведенное мне в Большом дворце, я изложил на бумаге сущность полученного мною высочайшего повеления и затем вновь вернулся в Александровский дворец, чтобы просить его величество прослушать мною написанное, ввиду того, что я придавал полученным мною указаниям значение акта высокой государственной важности. Прочитав мною написанное, государь, приказав сделать в тексте некоторые редакционные исправления, в остальном изволил изложенное одобрить и еще раз повелел мне немедленно сообщить председателю комитета министров высочайшее

повеление об образовании совещания, что мною того же 17 января и исполнено.

Самый текст высочайшего повеления изложен мною в нижеследующей, прочитанной и одобренной его величеством, редакции:

«При всеподданнейшем докладе моем 17 сего января, государю императору благоугодно было повелеть мне передать председателю комитета министров высочайшую его величества волю о том, чтобы статс-секретарь Витте немедленно собрал под своим председательством совещание из всех министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение его величества предположений совещания о мерах государственной важности, последними событиями вызываемых, в связи с дальнейшими мероприятиями к успокоению страны и необходимыми, по мнению совещания, реформами, сверх возвещенных в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Вместе с тем, государю императору благоугодно было повелеть статс-секретарю Витте собирать такие же совещания и впредь, когда это окажется необходимым по ходу высшего управления, как по его инициативе, так и по вопросам, которые отдельные министры признают нужным в это совещание вносить».

Статс-секретарь *Алексей Ермолов*.

17 января 1905 г.

II.

Трудную и смутную годину переживает ныне русская земля. С одной стороны, тяжелая и неудачная для нас война на далекой окраине страны вызывает крайнее напряжение ее сил и средств. С другой стороны, столь же неуспешная пока борьба с внутренним врагом, не останавливающимся ни перед какими мерами для достижения своих разрушительных целей; агитация в сфере фабричных рабочих уже принесла свои плоды и привела к целому ряду кровавых столкновений, при чем подавление внешних беспорядков отнюдь не сопровождалось внутренним умиротворением, а скорее—наоборот. Рабочие беспорядки наносят притом самим рабочим и всей нашей промышленности непоправимый ущерб, который точно так же входит в цели агитаторов. Но они этим не удовольствуются и теперь уже переносят свою деятельность в среду сельского населения, где рассчитывают найти подготовленную почву для агитации в самом болезненном для нашего крестьянства вопросе—о земле. Возникновение аграрных беспорядков среди сельского населения, которые будут во сто крат опаснее рабочего движения в городах и подавление которых будет неизмеримо труднее, составляет ныне, после успеха их деятельности среди рабочих, главную задачу агитаторов, и едва ли можно сомневаться в том, что их цель будет ими во многих местах достигнута. К тому имеются уже теперь зловещие признаки... На-ряду с этим, столь же несомненно,

что составляющая тайное ядро агитации кучка анархистов вступит на путь преступных покушений против лиц, которых они считают помехой своим вожделениям и которым они хотят мстить за свои неудачи, при чем от этих покушений ничья жизнь не застрахована.

Такова одна сторона переживаемых нами грозных событий. Но нельзя скрывать от себя, что они имеют и другую сторону, едва ли менее грозную и опасную для государственного благоустройства, это — именно та всеобщая дезорганизация во всех сферах нашей общественной жизни, которая отнимает у правительства всякую возможность успешной активной борьбы с повсеместно разлившейся и проникшей во все закоулки русской земли внутренней и глубокой смутой. Если внешние уличные беспорядки можно подавлять оружием, если толпы бунтарей можно разгонять войсками, где они есть в достаточном количестве и поколе можно рассчитывать на их повиновение начальству при столкновениях с народными массами, то с этой внутренней смутой борьба неизмеримо труднее; при тех средствах, которыми ныне располагает правительство, и при тех мерах, к которым оно доныне прибегало, борьба эта едва ли даже может иметь какие-либо шансы на успех. Не может эта борьба быть успешной, пока правительственная власть не найдет себе твердой опоры в самом народе, — а между тем, при настоящих условиях дезорганизация царит повсеместно, и правительству не на ком (Sic! *Ред.*) опереться. Тут приходится иметь дело с целым рядом явлений, даже более страшных, нежели уличные беспорядки, и устранение которых будет еще труднее, если вообще такое устранение возможно обычными мерами воздействия полицейского характера, в чем приходится более чем сомневаться, по крайней мере, на основании опыта.

Позволю себе привести наиболее яркие тревожные признаки этой дезорганизации во всех сферах русской жизни. Вашему величеству известно, что все высшие учебные заведения в настоящее время повсеместно в России закрыты, и возобновление занятий в них при настоящих условиях немыслимо. В аудитории пришлось бы вводить уж не полицию, как это иногда практиковалось прежде, хотя и безуспешно, но роты вооруженных солдат, что также не достигнет цели, так как ни один профессор под охраною штыков читать лекций не согласится, да не будет иметь и слушателей. Уже в настоящее время 342 профессора, в числе коих есть выдающиеся ученые и академики, засвидетельствовали об этом в своей известной записке [9]). Можно сказать, что их следует удалить, но, во-первых, кем же их заменить, а во-вторых, нельзя сомневаться в том, что их удаление повлечет за собой уход и всех остальных профессоров и преподавателей, и тогда высшее образование в России фактически перестанет существовать. В настоящее время волнения проникают уже в средние учебные заведения, часть которых тоже закрыта, а в других для подавления беспорядков вызывались войска и прибегалось к стрельбе против гимназистов. Этим ли путем возможно достигнуть умиротворения страны, и если

несомненно, что волнения в учебных заведениях представляют собою только отражение того настроения, которое существует в данную минуту в обществе, то, с другой стороны, кровавые репрессии против студентов и гимназистов неизбежно поведут к еще большему возбуждению общества против правительства, к таким мерам прибегающего. Ведь у этих студентов и гимназистов, которые не были преступниками, когда семья отдавала их в школы, есть отцы и матери, есть братья и сестры... Никакими насильственными мерами, никакими полицейскими воздействиями достигнуть умиротворения учебных заведений и восстановления в них занятий нельзя, а, наоборот, можно вызвать только еще бóльшую смуту, еще более страшные столкновения и вывести учащихся на путь активной борьбы и сопротивления власти, тогда как теперь эта борьба с их стороны еще только пассивная. Восстановиться же нормальная жизнь учебных заведений может лишь с общим успокоением страны.

В среде дворянства, которое некогда считалось вернейшим оплотом самодержавия и царского престола, теперь происходит печальный раскол, и оно уже не представляет собой той сплоченной, единодушной массы, коим оно являлось прежде. Даже в сердце России — в Москве,—в среде московского дворянства образовались две враждебные партии, и раздвоение зашло так далеко, что не могли даже состояться выборы губернского предводителя дворянства,—факт едва ли не беспримерный [10]). И не подлежит сомнению, что в среде дворянства есть лица, готовые примкнуть к крайним партиям и стать в ряды самой ярой оппозиции, если правительство не найдет возможным своевременно привлечь все дворянство на свою сторону и сплотить эту разрозненную ныне среду под одним общим знаменем служения порядку и правде. Но очевидно, что такое объединение невозможно под давлением одного только полицейского режима, преследующего лишь внешний порядок,—и пока правительство, пока высочайшая власть не выйдет сама навстречу их сокровенным стремлениям и пожеланиям блага народного, на почве общих, а не одних только узких дворянско-сословных интересов, над которыми само дворянство, в лице лучших своих представителей, давно уже возвысилось.

Еще прискорбнее, еще безвыходнее настоящее положение в земстве. Реформа 1891 года, направленная к тому, чтобы усилить в земских собраниях преобладание считавшегося в ту пору наиболее консервативным дворянского элемента, как известно, цели не достигла и сделала то, что нынешнее земство уже не может считаться истинным представителем даже чисто хозяйственных интересов местного населения, значительной части которого—крестьянству—доныне наиболее консервативному во всем, что не касается вопроса о земле, в земство старательно сокращен доступ, так же как и духовенству и купечеству. И в земстве ныне та же, но еще более обостренная, нежели в дворянстве, борьба крайних партий с партиею умеренных, при которой крайние элементы, пользуясь всеми, в том числе и нелегальными,

способами для достижения своих целей, всегда будут иметь перевес, в особенности при сочувствии некоторых наиболее беспокойных классов общества, в среду которого та же борьба переносится из зал дворянских и земских собраний и где она разжигается на разных банкетах, в заседаниях обществ, на разных дозволенных и недозволенных съездах и т. п. При настоящем взволнованном настроении всего общества, под влиянием ужасов войны и не менее ужасных внутренних событий, земские собрания не чувствуют себя в силах спокойно работать в пределах дозволенной им области местных хозяйственных интересов и вовлекаются в сферу вопросов государственной политики, выражая свои стремления и пожелания в форме всеподданнейших адресов, содержание которых далеко выходит за пределы означенной области, либо прибегают к способу пассивной борьбы, путем прекращения заседаний и отказа от работы, впредь до наступления более благоприятного времени в неизвестном будущем. А между тем, и тут есть почва для успокоения умов и для примирения партий—за исключением крайних, которые только в этой борьбе и получают силу, но которые неизбежно остались бы в меньшинстве и выказали бы полное свое бессилие при постановке дела на легальной почве. Путь для этого успокоения—все тот же царский призыв к общей дружной работе на благо народа, к служению правде, к выражению перед престолом истинных, давно назревших нужд и потребностей народа, столь обострившихся в настоящую тяжелую и смутную годину его исторической жизни.

Но позади дворянства и земства и ниже так называемых интеллигентных классов стоит громадная, многомиллионная масса русского народа, состоящая из крестьян, мещан и т. п. До этой темной массы также доходят отголоски происходящих ныне событий, и она не понимает, что́ вокруг нее творится, не знает, кто ей друг и кто враг. С одной стороны, она подавлена множеством стоящего над ней начальства, к которому она никогда не относилась иначе, как с величайшим недоверием, и от которого ничего доброго себе не ждет. С другой стороны, ее смущают разного рода радетели, которые разжигают самые опасные ее инстинкты, в надежде сделать ее послушным орудием для достижения своих преступных целей. За первыми народ не видит царя, а вторых нередко принимает за царских посланцев и берет из их рук разные золотые грамоты, сулящие ему осуществление его заветных мечтаний о земле. В глазах народа правительство—господа или паны—это—одно, это—враждебная ему сила, стоящая между ним и царем и мешающая царю излить на него свою благость в виде дополнительного наделения его помещичьими землями. На этой струне всяким агитаторам играть легко, и это—игра опасная, так как для нее всегда готова самая благодарная почва. Царским именем можно подвинуть народ на величайшие подвиги, но и на самые страшные преступления. Поэтому, крайне важно, чтобы и народ мог услышать настоящее царское слово, которое разоблачило бы перед ним обманщиков. Велика бедность рус-

ского народа, велики несомые им тяготы. Темна и бесправна эта масса, которая, однако, также стремится к правде и свету, ищет выхода из своей безвыходной нужды. На положение нашего крестьянства вашему величеству уже благоугодно было обратить свое милостивое внимание в высочайшем указе 12 декабря 1904 года, как и в манифесте 26 февраля 1903 г., но меры к улучшению крестьянского положения, вами предуказанные, едва ли возможно построить на правильных и верных началах, не выслушав непосредственно голоса народа о его нуждах и пожеланиях не в области неосуществимых мечтаний, но на почве реальных его потребностей, которые ближе всего знать самому же народу. Без этого—самые серьезные, но построенные на отвлеченных теоретических началах проекты могут оказаться несоответствующими действительным интересам крестьянства и внести в его жизнь только новую смуту и расстройство. Но народ безмолвен, его не спрашивают, и другим приходится пока говорить за него. Правда, что при настоящей темноте народных масс, при их бесправном, приниженном состоянии, они не всегда могут сознательно отнестись к своему положению, но на наиболее наболевшие вопросы их жизни и быта и они сумеют дать правильный ответ. Поэтому, при вашем обращении к народу, и эта наиболее многочисленная часть ваших верноподданных не должна быть ни забыта, ни обойдена. Если ваша царская милость простерлась ныне на рабочих, которым предоставлено, в лице своих выборных, свободно высказаться о своих нуждах и причинах своих неудовольствий, то тем важнее, казалось бы, обратиться с таким же призывом и к главной народной массе—крестьянству.

Стремления, пожелания и упования дворянских и земских собраний, являющихся пока единственными, хотя и не уполномоченными на то законом, выразителями всенародных нужд и пожеланий, выливаются в форме адресов, обращаемых к царскому престолу. Быть может, значительная часть этих адресов нелегальна и как таковые не могут даже в установленном порядке дойти до вашего величества, но их, тем не менее, нельзя считать ни преступными, ни исходящими от одних только представителей крайних революционных партий. В них уже слышится робкий, еще неуверенный в себе голос народа, к которому поэтому нельзя не прислушаться. Более того, только милостивым и внимательным отношением вашего величества к этим всеподданнейшим адресам и можно дать благонамеренной части русского общества пути и средства для борьбы с крайними элементами и способствовать сплочению элементов порядка, которые ныне представителями крайних партий подавлены и терроризованы, невзирая даже на численное меньшинство последних. Значительная часть этих адресов полна верноподданнических чувств, выражает готовность сплотиться вокруг царского трона на его защиту против смуты и крамолы, коль скоро будет дана на то законная почва, коль скоро царем будет услышан взывающий к нему голос удрученной русской земли.

Нельзя, затем, скрывать от себя, что при настоящих условиях одна правительственная власть, в лице министров, генерал-губернаторов, губернаторов и вплоть до низших органов администрации, бессильна для борьбы с разъедающим все наше государство злом, с заражающей весь организм русского народа гангреной, против которой никакое оперативное лечение не поможет, как не помогали никогда ссылки, заточения и всякие преследования отдельных лиц. Смута пустила глубокие корни и вызывает необходимость принятия мер более радикальных путем обращения к здоровым еще элементам русского народа, путем призыва их, призыва представителей этого народа с высоты царского престола для общего государева дела устроения земли русской. Не как к врагу своему, должен отнестись русский царь даже к заблудшей части своего народа, не путем преследования и репрессалий можно вернуть ее в лоно отчее, не на борьбу с народом должно выступать правительство, а, напротив, на нем, на русском народе в его совокупности, без различия состояний, убеждений, верований и языка, и только на нем должна и может опираться царская власть. Та дезорганизация, которая охватила все сферы русского общества, столь же наглядно выказывается ныне и в действиях правительства, которое не сплочено в лице единой сильной власти, а, напротив того, до последнего времени, было разобщено в лице отдельных министров, действовавших каждый за свой страх и в пределах своего разумения, и хотя по закону ответственных перед царем, но за которых фактически несет ответственность царь перед своим народом. И если тяжела шапка Мономаха, то еще тяжелее она в такие трудные минуты, как настоящая... Учрежденное ныне по воле вашего величества особое совещание министров и председателей департаментов государственного совета может до некоторой степени разобщенность отдельных органов правительственной власти устранить и злу помочь, но лишь отчасти, тем более, что ныне появились новые признаки раздвоения и расчленения власти, с учреждением С.-Петербургского генерал-губернаторства [11]), с присвоением генерал-губернатору права принятия всевозможных мер, иногда в высшей степени серьезных и чреватых последствиями, не только помимо, но и без ведома отдельных министров и общего их совещания. Нельзя скрывать от себя, что такое положение крайне опасно и что единой сплоченной и ответственной, не за отдельные свои действия, но за всю совокупность правительственной политики, власти будет при этом еще меньше.

Основы необходимого порядка на Руси и водворения в ней законности уже положены в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Но возвещенных в нем предначертаний вашего величества теперь уже недостаточно, так как необходимо и соответственное проведение их в жизнь, которое встретит неодолимые затруднения в царящей ныне на Руси смуте и недоверии общества к правящим сферам, в руки коих передано осуществление этих мероприятий. В обществе нет уверенности ни в прочности возвещаемого этим указом порядка, ни в том, что необ-

ходимые реформы будут приведены в соответствие с требованиями жизни. Царящей на Руси смуты, блуждания мысли и сомнений в самых началах нашей правительственной системы, при полном отчуждении власти от народа, указ не устранил, ожидавшегося от него успокоения он не внес, порядка не водворил, и даже сопровождавшее его грозное правительственное сообщение [12]) никакого воздействия на общество не оказало и только еще более распалило страсти. Антиправительственная борьба стала еще более напряженной, еще далее распространилась вглубь страны, охватила даже наиболее спокойные доселе сферы. По моему глубокому убеждению, выход из настоящего положения, на-ряду с полным объединением правительственной власти, может быть только один—непосредственное обращение вашего императорского величества к русскому народу, призыв свободно избранных представителей его, и притом представителей всех классов и состояний, в виде такого собрания, такой народной земской думы, в которой самые сокровенные думы и стремления русского народа могли бы найти себе верное отражение и выражение. А что стремления эти являются стремлением к порядку, к восстановлению силы и благоустройства русской земли, в том не может быть сомнения и не может быть иначе, пока жив и крепок еще русский народ, пока еще тверды вековые основы и устои его жизни, верность престолу, вера в промысел божий, преданность помазаннику божьему—русскому царю. И не заглушат его голос перед вами, государь, отдельные клики революционеров и анархистов, которые сильны и опасны лишь, пока они одни говорят и действуют среди благонамеренной, но инертной массы населения, составляющей громадное, хотя пока еще безмолвное, большинство вашего народа. К этому большинству и надо вам обратиться и дать ему возможность от имени всей русской земли высказать свое твердое уверенное слово, пока еще вражья сила не вконец его заполонила своими темными происками и лестью. Не революционный элемент, не опасность для царского престола, для могущества и единства русской земли представит такая всенародная земская дума, а напротив, она составит оплот вашему престолу, она закрепит ту основу, которую ныне хотят у него отнять, она восстановит исконную связь царя с народом, которые один без другого немыслимы. Правительственная же власть в лице министров, администрации и даже столь ненавистной ныне русскому обществу бюрократии явится тем, чем ей быть надлежит,—исполнительницею царской воли, основанной на свободно восходящих до высоты царского престола выражениях потребностей, нужд, стремлений и горя русской земли. Вне этого—несть спасения, и государство очутится на краю гибели, от которой не спасут его ни войска, ни министры, ни самые энергичные администраторы, власть которых явится эфемерной и призрачной, коль скоро она будет направляться, даже при самых лучших их намерениях, не в согласии и единении с голосом и пожеланиями народных масс. Голос этот пока доходит до вашего величества в виде обращаемых к вам адресов дворянских

и земских собраний, не всегда между собою единодушных, как не во всем единодушны в своих стремлениях и разные классы русского народа, но одинаково взывающих к русскому царю, в котором народ видит носителя правды и мира на земле, сосредоточие русского государства, источник его мощи, хранителя его единства. Других способов выражения своих стремлений и нужд, помимо этих адресов, пусть даже не всегда легальных, не всегда исходящих от большинства населения, у русского народа пока нет, а потому не велите, государь, их отметать, а обратите на них ваше царское око, внемлите звучащему в них голосу вашего народа и пойдите ему навстречу: пусть и народ услышит от вас в ответ ваше призывное ободряющее слово. Нужно это сделать, пока еще не поздно, пока Русь в своем богоданном царе, в своей силе и мощи не изверилась. Если эта вера, если эта духовная соль земли русской потеряет свою силу, то чем осолится?

Я знаю, что до вашего величества доходят и другие голоса даже из среды ближайших сотрудников ваших. Я знаю, что существует мнение об опасности созыва народных представителей, особенно в настоящую смутную годину, среди разыгравшихся страстей; существует опасение, что в собрании этих представителей могут подняться голоса о коренном изменении вековых устоев нашего государственного строя, об ограничении царской власти, о конституции; что земский собор может превратиться в учредительное собрание, что крестьянство может поднять вопрос о черном переделе, что опасность может угрожать даже единству русской земли. Что подобные голоса в собрании могут раздаться—этого отрицать нельзя, но, с другой стороны, нельзя не быть уверенным и в том, что в таком собрании, где все классы населения будут иметь своих представителей, где взгляд народа и его дух будет иметь верное выражение,—эти единичные голоса будут заглушены огромным большинством, верным народным преданиям, коренным основам русского государственного строя. Ведь эти голоса раздаются и теперь, и теперь они более опасны, не находя себе отпора среди безмолвия масс. Нет, государь, таких явлений бояться нечего, и никакой действительной опасности они не представят. Когда назреет время, жалует русский царь своему народу и конституцию. Но нельзя не видеть горшей опасности в том, если ничего не будет сделано, если настоящее настроение общества, не услышанное русским царем, не найдет себе законного исхода, если смута будет развиваться и охватывать все более глубокие слои населения, пока еще от нее свободные. С той бедой, которая тогда разразится, уж ничем нельзя будет совладать, и это будет гибель уже не одного только царского престола, не одного самодержавия, но и всего русского государства. Не дай бог никому из нас, верных подданных вашего императорского величества, верных сынов России, дожить до этого ужаса!..

Дозвольте мне, затем, государь, в заключение высказать, что́, по моему глубокому убеждению, надо сделать, и сделать немедленно,

пока еще время окончательно не упущено. При настоящих обстоятельствах дорог каждый день и каждый час.

Нужно—вся Россия ждет,—чтобы с высоты престола раздалось царское слово, в торжественной ли форме манифеста, в форме ли надписания вашим величеством на одном из поступающих к вам верноподданнических адресов,—непреложного решения вашего выслушать голос русского народа и для сего созвать, в ту пору, когда вы признаете сие благовременным, свободно избранных представителей от всех сословий русской земли, в виде всенародной земской думы. В такую смутную годину такая всенародная дума могла бы только подкрепить царственные думы державного вождя русской земли и облегчить бремя его забот о благе и нуждах его верноподданных и ничем не нарушила бы коренных основ нашего исконного государственного строя, сложившегося еще при царях—ваших великих предшественниках, не раз в тяжелые эпохи русской истории обращавшихся к своему народу и в тесном общении с ним находивших основу для своих предначертаний.

Одновременно с таким призывным царским словом, которое, как соборный благовест, раздастся по всей земле русской, пробудит лучшие ее силы, разгонит царящий над нею ныне мрак и заглушит дерзновенные голоса ее врагов, вашему величеству надлежало бы повелеть избранным вами старейшим, испытанным в служении царскому престолу, своим сановникам, купно с выдающимися деятелями русской земли, вашим величеством на то призванным, наметить тот способ, коим могло бы осуществиться созвание выборных представителей от всех сословий русского государства в определенном числе и надлежащем между ними соотношении, для образования всенародной русской земской думы. На эту думу, собранную, когда и где ваше императорское величество повелите, надлежит возложить обсуждение наиболее важных вопросов современной нашей жизни и поднесение к подножью царского престола истинного мнения русского народа, выраженного избранными им представителями, о наиболее соответственных для общего блага способах разрешения сих вопросов верховною волею вашего величества.

На-ряду с сим и тем путем, который вашему величеству угодно будет для того указать, надлежит обсудить вопрос о способах постоянного участия представителей населения,—в форме ли той же земской думы или ее делегации, или иным образом,—в предварительном рассмотрении важнейших законодательных мер и намеченных вами предначертаний к устроению русской земли прежде осуществления их державным вашего императорского величества произволением.

Твердо верую, что только таким способом сбращения русского царя к своему народу будет положен предел царящей ныне смуте, на борьбу с навеянною извне революционно-социалистическою пропагандою выступит само общество, отыщутся способы и средства для уврачевания нанесенных войною тяжелых ран. Тогда наступит и столь необходимое успокоение страны, и жизнь ее войдет в свою нор-

мальную колею; государство станет на путь мирного развития, и намеченные вашим величеством реформы получат свое осуществление при полном доверии населения к деятельности правящих сфер. Россия возродится на исконных и неложных началах единения царя с народом, на которых издревле сложилась наша государственная жизнь в историческом ходе ее судеб. Если же эта исконная связь русского царя с его народом порвется, то уже никакими мерами ее не восстановить, но не будет тогда и дорогой нам России, еще мощной и живучей, но ныне неисповедимыми путями провидения тяжко испытуемой.

Статс-секретарь *Алексей Ермолов.*

31 января 1905 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Обе записки А. С. Ермолова напечатаны на машинке на обеих сторонах писчей бумаги, в первой—12 стр., во второй — 14 стр. В заголовке первой записки сделана рукой Икскуля следующая пометка: «По желанию статс-секретаря Алексея Ермолова настоящая записка вносится на хранение в архив государственного совета. Государственный секретарь барон Икскуль. 30/I. 5». В заголовке второй записки его же рукой написано: «Приобщить к первой записке статс-секретаря Ермолова. Государственный секретарь барон Икскуль. 14/II.5». Подписи «статс-секретарь Алексей Ермолов» и датировка в первой записке сделаны рукой Ермолова.

Записки были переданы в «собственные руки» управляющего архивом государственного совета С. А. Панчулидзева в запечатанных печатью Икскуля конвертах. К первой было приложено следующее сопроводительное письмо Икскуля к Панчулидзеву: «Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич, прилагаю записку А. С. Ермолова. Она не подлежит оглашению и может быть выдаваема для прочтения в архиве не иначе как с моего разрешения. Совершенно вам преданный Ю. Икскуль. 31/I.5». Первая записка и письмо Икскуля были вложены в конверт и запечатаны 5 печатями Панчулидзева. На конверте последний сделал следующую надпись: «Записка, переданная г. государственным секретарем для хранения в государственном архиве 31 января 1905 года. *Пакет сей без разрешения г. госуд. секретаря не выдавать.* С. Панчулидзев. 31/I.905». Дополнительно ко второй записке гос. секретарь бар. Ю. А. Икскуль переслал сопроводительное к этой записке письмо А. С. Ермолова: «Глубокоуважаемый барон Юлий Александрович, позвольте препроводить к вам при сем, для приобщения к первой, и вторую мою записку, представленную мною государю императору 31 минувшего января. В этой записке я излагаю свои взгляды на современное положение и позволяю себе указывать на созвание народных представителей, как на единственный возможный выход из него. Искренно вам преданный А. Ермолов». На письме карандашная пометка рукою Икскуля: «17/IV. Прошу приложить к записке». На конверте, в котором было переслано это письмо, Панчулидзев, запечатав его своей печатью, сделал следующую надпись: «В секретное отделение. Письмо статс-секретаря А. С. Ермолова г. государственному секретарю барону Ю. А. Икскулю. Управляющий архивом С. Панчулидзев. 26 апреля 1908 г.». Обе записки и письмо в архиве государственного совета были запечатаны (большой печатью гос. канцелярии и четырьмя печатями Панчулидзева) в конверт, на котором была сделана следующая надпись: «Две записки, переданные на хранение в архиве государствен-

ного совета, от государственного секретаря. Первая—31 января 1905 г., вторая—15 февраля 1905 г. Не могут быть распечатаны без разрешения господина государственного секретаря». 2 января 1914 года конверт был распечатан, о чем на конверте была сделана следующая приписка: «Означенный пакет был вскрыт управляющим архивом 2 января 1914 года. Исп. д. архивариуса В. Строев». После просмотра записки вместе с прежним конвертом были вложены в новый конверт, запечатанный по образцу первого, на обложке его была повторена надпись первого конверта, скрепленная подписью того же В. Строева.

В настоящее время записка хранится в Ленинградском Историко-Революционном Архиве.

[2]) В январе 1905 г., в разгар забастовки, начавшейся 3 января, у мин. финансов Коковцева было совещание фабрикантов и промышленников с участием фабричных инспекторов по вопросу о мерах к прекращению забастовочного движения на петербургских фабричных и заводских предприятиях.

[3]) 19 января Николай II принял в Царском Селе, в присутствии Трепова и Коковцева, специально подобранную полицией депутацию от рабочих. Он обратился к ним с речью по поводу происходивших в столице волнений, обещая принять меры к улучшению быта рабочих. После приема рабочие посетили Знаменскую церковь и были накормлены обедом в лицее.

[4]) 12 января было опубликовано в газетах о пожертвовании царем и царицей 50.000 рублей в пользу семейств рабочих, убитых и раненых во время происшедших беспорядков в Петербурге.

[5]) 15 января в газетах было опубликовано сообщение, подписанное составившим его министром финансов Коковцевым и петербургским генерал-губернатором Треповым, с призывом к рабочим вернуться к труду, с уверениями, что нужды их «близки сердцу государя», повелевшего разработать вопрос о страховании, и что министерство финансов «готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени». По распоряжению Трепова это сообщение во множестве экземпляров было распространено на фабриках и заводах.

[6]) В послании синода от 14 января, опубликованном 16 января, говорилось о новых «испытаниях» России, о смуте, созданной подстрекателями—«недостойным священнослужителем» (Гапоном) и подкупленными со стороны врагов России (японцев и англичан) лицами. Воззвание заканчивалось призывом к рабочим «беречься ложных советчиков, наемников врага».

[7]) В именном указе сенату 12 декабря 1904 года («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка») признана была необходимость преобразований и внесения в законодательство «существенных нововведений». В начале указа говорилось о мерах к улучшению быта крестьян, которые должны быть «полноправными свободными сельскими обывателями». Далее указ признавал необходимым предоставить земским и городским учреждениям «более самостоятельности», ввести государственное страхование рабочих, пересмотреть исключительные законоположения, направленные против «врагов общественного порядка», охранять веротерпимость и пересмотреть узаконения о правах раскольников и инородцев, устранить излишние стеснения печати. На комитет министров указом возлагалась обязанность в кратчайший срок выработать мероприятия по всем указанным вопросам.

[8]) Это приказание Николая было исполнено: в газетах стали периодически появляться сообщения с изложением происходивших в комитете министров обсуждений различных мер, намеченных указом 12 декабря 1904 года.

[9]) В «Наших Днях» 19 января была напечатана записка 342 ученых, в которой говорилось, что «наш школьный режим представляет собой общественное и государственное зло... Наука может развиваться только там, где она свободна, где она ограждена от постороннего посягательства... где этого нет, там и высшая школа, и средняя, и начальная должны быть признаны без-

надежно обреченными на упадок и прозябание». Записка ставила школьную реформу в прямую зависимость от осуществления общей государственной реформы в России.

[10]) 28 янв. в московском губ. двор. собрании не могли состояться выборы моск. губ. предводителя дворянства вследствие отказа прежнего предводителя кн. Трубецкого баллотироваться вновь, т. к. в среде дворянства он не видел единодушия, а также вследствие отсутствия кандидатов, которые могли бы объединить дворянство. Выборы были отложены на май.

[11]) 15 января был опубликован именной указ сенату от 11 января об учреждении должности петербургского генерал-губернатора, коему предоставлялись исключительные полномочия «в видах охранения государственного порядка и общественной безопасности». На эту должность был назначен отдельным указом того же 11 января генерал-майор свиты его величества б. московский обер-полицеймейстер Д. Ф. Трепов, прославившийся осенью 1905 г. изданием приказа с знаменитой фразой: «патронов не жалеть».

[12]) Вслед за указом 12 декабря 1904 г. было опубликовано (15 дек.) правительственное сообщение, в котором говорилось, что пожелания собраний в Петербурге, гласных разных губернских земств осенью того же года о реформах внутреннего управления послужили поводом к живому обсуждению вопросов о реформах в печати, в губернских и земских собраниях, среди молодежи и вызвали даже антиправительственные демонстрации. Сообщение грозило, что впредь «всякое нарушение порядка и спокойствия и всякие сборища противоправительственного характера должны быть и будут прекращаемы всеми имеющимися в распоряжении властей средствами», и т. д. Сообщение не имело успеха. В прессе продолжалось оживленное обсуждение вопросов внутренних реформ, и даже в «Новом Времени» стали появляться такие статьи, как «На пороге к преобразованиям» и др.

Из дневника А. Н. Куропаткина [1]).

С 23 декабря 1905 года по 12 марта 1906 года.

23 декабря. Г. Шуанченпу.

Все чаще приходят известия, хотя и отрывочные, о начавшейся в России реакции. Сигнал будто бы подан с высоты трона. Будто бы придворная партия выдвигает Игнатьева и ломит Витте и что во главе реакции стоит великий князь Николай Николаевич, добивающийся военной диктатуры. Не знаю, насколько эти сведения верны, но считал бы лично роковым для России и государя делом, если бы он по слабости воли уступил бы таким злобным фигурам, как Николай Николаевич. Это был бы роковой шаг, если бы государь, дав манифест 17 октября, стал бы уклоняться привести его в исполнение. Уже и ныне престиж царской власти и престиж государя Николая II подорван не только в населении, но и в армии. Но пока государь искренно хочет исправить зло, причиненное им России по советам: Горемыкиных, Сипягиных, Плеве, Безобразовых, Абаза, Мещерских, Сергея Александровича и Николая Николаевича—пока государь, искренно и твердо о т к а з а в ш и с ь о т с а м о д е р ж а в и я, пойдет по пути, указанном им России в манифесте 17 октября, он останется во главе России, и, думаю, огромная масса армии останется ему верна. Но если начнутся новые колебания, и он снова начнет цепляться за выпущенную им из своих слабых рук самодержавную власть, то это станет сигналом для общих восстаний по Руси, армия разделится, будут междоусобные брани, и в результате представители крайних социал-демократических и даже анархических партий возьмут верх. Россия быстро пойдет к демократической федеративной республике. Но это еще не все. 140-милл. население, оставшееся без твердой власти, без правительства и раздираемое внутренними кровавыми распрями, представляет опасность для спокойствия всего мира. Все крайние социалистические партии должны теперь зорко присматриваться к тому, что происходит в России, и обдумывать вопрос: не следует ли события, происходящие в России, считать удобным моментом для начала социальной революции во всей Европе. И это будет ужасный переворот, который проглотит правительства,

[1]) См. «Красный Архив», т. VII, стр. 55—69.

капиталы и армии. Вот почему вмешательство в русские дела европейских государств вовсе не так невероятно, как это может казаться с первого взгляда: Вильгельм, Франц Иосиф, Эдуард и другие, начав приводить Россию в порядок, в сущности будут защищать собственные шкуры.

Я ознакомился с настроением армий, находящихся в Манчжурии, и смело могу утверждать, что офицерский состав и нижние чины возврата к прошлому, столь печальному, не желают и этот возврат считают невозможным.

Нижние чины, почти два года расшатываемые прокламациями, газетами, письмами из дому, уже не те, что были два года тому назад: они почувствовали свою силу и во многих случаях, как это ни печально признавать, уже заставляли своих начальников бояться себя, заставляли, действуя скопом, исполнять свои требования.

Дисциплина пошатнулась, и если начнется борьба за возврат самодержавия, то во многих случаях войска станут на сторону свободы и прогресса против мрачной реакции.

Лучшие элементы армии находят великое утешение при постигших Россию неудачах в сознании, что в результате неудач Россия явится обновленною, освобожденною не только от бюрократического режима, но и от безрассудств самодержавия. Это утешение нельзя отнять от армии. Это утешение армия не может заменить другим. Слабость самодержавной власти привела Россию к поражению. Искупление может быть одно, и вполне благородное,—отказ от самодержавия. Это и сделано манифестом 17 октября. Возврата быть не может.

28 декабря.

Праздники встречены и проходят тихо. Запасные 1-й очереди трех Сиб. корпусов отправлены благополучно. Теперь пошли запасные X ар. корпуса. Движение по Сибирской дороге несколько упорядочилось эти дни. Забайкальская дорога тоже стала возвращать теплушки и товарные вагоны исправнее, но все это пока очень не надежно, ибо в сущности попрежнему все движение в руках стачечников, и от произвола зависит прекратить движение. Стачечные комитеты продолжают наполнять армию прокламациями, в которых приглашают войска освободиться от своих начальников, выбрать себе тоже комитеты, которые, совместно с стачечными комитетами на железной дороге, и установят план перевозки войск. Указывают, что начальники плохо пользуются дорогой, что можно было бы перевести в Россию с 24 августа (перемирие) 750.000 человек. По сведениям из Сибири и России наши запасные—владивостокские, харбинские пленные и моряки—идут беспорядочно и буйствуют по дороге.

Из России получаем сведения из японских и шанхайских газет, очень преувеличенные и неблагоприятные для России. Имеется известие, что в Лифляндии объявлено республиканское правление,

что в Москве идет упорный бой на улицах, с употреблением артиллерии, что Ростовский гр. полк присоединился к бунтовщикам, что Мищенко (находящийся в армии) вступил в Москве в командование гренадерами и т. п.

Вчера виделся с ген. Линевичем, приезжавшим на несколько дней в Харбин. Имел с ним серьезный и неприятный для него разговор. Он не понимает важности совершающихся кругом нас событий и не признает нужным бороться против крайних партий, ведущих Россию к республике, раздроблению. Он несколько раз повторял мне, что порядок не будет восстановлен в России, пока не явится у нас свой Наполеон, способный сломить все и всех. Уж не себя ли он мнит этим Наполеоном?

Я ему с откровенностью высказал и повторил это начальнику штаба Благовещенскому, что считаю первую часть кампании, веденной Линевичем по эвакуации армии, проигранною. Что как я проиграл первую кампанию, имея помощниками Гриппенберга, Каульбарса и Бильдерлинга, а союзником его Линевича, так и он проиграл теперь первую часть кампании, имея помощниками: Казбека, Хрещатицкого, Надарова и Холщевникова. Я ему помогаю, но не во всем успеваю убедить его. Что революционная партия добилась захвата власти в Харбине, Владивостоке и Чите, подчиненных ему, Линевичу, вызвала беспорядок, втянула в политическую борьбу и разбойничество воинских чинов, отравляет армию, возмутила запасных тыла, вызвала несправедливую отправку вперед расшатанных, грабивших Владивосток запасных. Наша родина, в тяжелое переживаемое ею время,—говорил я,—нуждалась в присылке ей твердых боевых частей, дабы усмирить смуту, а мы ей послали бунтующие эшелоны запасных. Этим мы не только не усилили средств России для борьбы со смутою, но еще ослабили их. Снова вспомнил мое настояние посылать корпуса войск, а не запасных. Вспомнил и снова настаивал на необходимости с каждым эшелоном запасных посылать для поддержания порядка по одной роте пехоты.

Упрекнул старика, что если бы он послушался меня, то в России уже было бы два или даже три лишних корпуса войск: X, XVII и I армейские. Что XIII корпус не следовало посылать во главе всех корпусов. Перевозки морем идут очень медленно. Пока отправлено 11.000 человек. Я настаивал, чтобы мы готовили средства на 200.000 человек. Линевич возражал, что в России войск много, что для охраны пути движения запасных можно занять войсками станции, что запасные стремятся только попасть домой и беспорядков не делают.

Я снова настаивал на необходимости подготовки к серьезной борьбе, чтобы только не дать сибирским владениям России попасть в руки крайней партии социал-революционной, что иначе Сибирь придется завоевывать вторично. Что мы теперь же, без указаний из Петербурга, должны принять определенную программу для действий, в основу которой положить: 1) сохранение царской власти, но ограни-

чение ее Государственной Думой на основаниях манифеста 17 октября, 2) неделимость России. Поэтому крайняя партия, стремящаяся к республике и дроблению России, должна быть остановлена, лишена средств борьбы (железные дороги, телеграф, возмущение армии), лишена возможности возмущать армии. Что надо к этой цели итти систематично, надо занять прочно войсками различные важные пункты на железной дороге, сильнее, чем это сделано теперь, и подготовить средства снова вернуть владение и распоряжение железными дорогами, телеграфом. (Усиленно формировать железнодорожные части, готовить в большем числе телеграфистов.) Надо,—повторял я,—строить этапы. Указал, что в г. Шуанченпу моим распоряжением устроен этап на 3.000 человек, стоивший 8.500 рубл. Что надо готовиться с весны двинуть вдоль дороги артиллерию, обозы, конные части.

Что по отношению к армии надо усиленно водворять пошатнувшуюся дисциплину. Не оставлять безнаказанными случаи массового неповиновения запасных, отказывавшихся в разных частях выходить на занятия и работу и требовавших немедленной отправки их на родину.

После переговоров по этим вопросам ген. Линевич с неудовольствием прочел мне депешу государя, полученную через Шанхай, от 12 или 14 декабря о том, что он возлагает на ген. Ренненкампфа приведение в порядок Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской дорог, другими словами—удаление с них стачечных комитетов. Приказывает дать ему столько войск, сколько ему для этой цели понадобится, и поручает ему действовать по соглашению с начальством Сибирского военного округа и тыла округа (Сухотиным и Ивановым). Линевич справедливо усматривает в этом назначении некоторый укор своей деятельности и не скрывает своего неудовольствия. Он говорил мне, что Петербург только портит ему дела, что его приказание ехать Захарову по Сиб. дороге для водворения там порядка было отменено из Петербурга депешею Палицына. Что он, Линевич, требовал только 7 сквозных поездов, но что Коковцев обессилил дорогу, отобрав с нее паровозы.

Относительно Ренненкампфа у Линевича было мнение первоначально пустить его по поручаемым ему для приведения в порядок дорогам в виде как бы туриста, для ознакомления с положением дела. Я возразил на это, что такое решение вызовет большую потерю времени, Линевич же указывал, что он опасается за результат принятия крутых мер; теперь запасные идут 3—4 поездами в сутки, а тогда все движение может на некоторое время приостановиться, что отразится волнением и даже бунтом в армии. С этим мнением не мог не согласиться, что мы находимся в заколдованном круге, и требуется действительно большая осторожность, чтобы не ухудшить нашего положения. Стачечные комитеты успели вселить в нижних чинах убеждение, что работают в интересах нижних чинов. Если комитеты будут устранены или если другие меры вызовут прекращение или заминку движения, рево-

люционная партия воспользуется этим, чтобы обратить неудовольствие нижних чинов против начальствующих лиц.

Миссия Ренненкампфа мне представляется весьма трудною и щекотливою.

Для успеха ее мне представляется необходимым:

а) Установление из Петербурга правительственной программы для действий как в азиатских владениях России, так и на дорогах, там проложенных, с целью восстановления в полной силе правительственной власти на железной дороге и в оседлых пунктах. Эта программа должна одновременно приводиться в исполнение всюду, как в России, так и в Сибири.

б) Объединение мероприятий по железной дороге, кои будут приниматься для борьбы с социал-революцион. и социал-демократической партиями, с мероприятиями в тех же видах, кои надлежит принять: а) по отношению гражданского населения Приамурья, Манчжурии и Сибири, б) по отношению войск в этих же местах.

в) Принятие мер к изъятию телеграфа из рук революционной партии и принятия в распоряжение правительственных властей телеграфной сети правительственной и железнодорожной. Без владения телеграфом успеха достигнуть нельзя. Не будет единения мер и быстрой подачи помощи туда, где в том встретится надобность.

г) Занятие железной дороги до Челябинска войсковыми частями в достаточной силе, чтобы подавить всякое насилие.

д) Неотложное принятие мер к установлению самого полного полицейского порядка во всех населенных пунктах, лежащих по дороге и на железной дороге (прекращение пьянства, разбоя, краж, бесчинства нижних чинов и офицеров на станциях, бесчинства железнодорожных агентов, отцепляющих по своему усмотрению вагоны с начальствующими лицами, распространяющих прокламации).

е) Принятие мер к самому строгому порядку и дисциплины в следующих по дороге воинских эшелонах (посылать в каждом эшелоне с запасными—по роте, а в некоторых—и по две роты пехоты).

ж) Принятие мер, дабы армия не разложилась прокламациями, особенно путем перевозки их по железной дороге.

Объединение сил и средств в предстоящей борьбе: железнодорожных, жандармских, полицейских, средств охранной стражи и войсковых (установление участков с военными начальниками, введение военного положения). Строгое беспощадное подавление всяких насильственных действий со стороны революционной партии: социал-демократической и социал-революционной, прекращение деятельности этих партий в Харбине и Чите [1]).

---

[1]) Особенно вредна так называемая социал-демократическая рабочая группа в Харбине, наводняющая армию прокламациями. Глава—студент Иванов. *Примеч. автора.*

з) Прекращение деятельности социал-демокр. и социал-револ. повременных изданий. Прекращение деятельности типографий этих органов, печатающих прокламации для войск.

Усиленное формирование на особых началах железнодорожных войск. Обращение саперных войск на железнодорожные надобности.

и) Для успеха водворения порядка и правительственной власти в азиатских владениях России и в частности на железных дорогах, необходимо, чтобы борьба наша с революционными партиями отнюдь не имела р е а к ц и о н н о г о характера. Эта борьба должна вестись от лица глубоких масс русского народа, для которых основы манифеста 17 октября неразрывно связаны с продолжением ограниченной царской власти и целости России.

Так должна в частности вестись и деятельность Ренненкампфа. Он должен всюду показывать приверженность к основам манифеста 17 октября, в смысле как указано выше, т.-е. с сохранением Российской и м п е р и и в ее настоящем виде с императором во главе, ограниченным во власти Государственной Думою и с населением этой империи, свободным в своих внутренних делах, свободным в своих верованиях по манифесту 17 октября. Самое надежное, если бы деятельность Линевича, Ренненкампфа, Сухотина и других, кому будет поручено водворение на Руси порядка, прекращение смуты, регламентировалась бы постановлением Государственной Думы, если бы, другими словами, деятельность этих лиц подкреплялась не только сочувствием, но требованием представителей народа (большинства сих представителей, ибо единогласия достигнуть будет нельзя).

Вчера приходил ко мне помощник Гиринского комиссара, проживающий в Шуанченпу, и доложил, что по получаемым им сведениям в южных районах Гиринской провинции подготовляется боксерское движение среди китайского населения, наподобие бывшего в 1900 году. Из числа признаков указывает на некоторую заносчивость китайского населения по отношению к нижним чинам и невнимательность властей к нашим требованиям.

Дал средства и приказал организовать тайную разведку не только в южной Гиринской провинции, но и в районе, занятом японцами. Оказалось, что никакой разведки у нас не организовано, и средств он не имеет. Помощник комиссара капитан Сенютин, хотя и проживает в Шуанченпу, но мне не подчинен.

29 декабря.

Вчера вечером ген. Лауниц докладывал мне, что в саперном батальоне (I армейского корпуса) один сапер из поповичей, выхватив красный флаг, стал провозглашать свободу и неповиновение начальникам; другой, схватив винтовку, приглашал нижних чинов итти бить офицеров. Оба быстро арестованы. Назначено следствие.

В команде запасных, неправильно присланных на этап в Шуанченпу (оказались 2 очереди, а не первой) произошли беспорядки.

Команда собрана из служивших в транспортах, госпиталях, этапных пунктах. Требовали свечей, чтобы играть в карты и пьянствовать. На перекличке несколько человек упало, притворяясь пьяными, не хотели признать начальниками 6 унтер-офицеров, к ним присланных для наблюдения за порядком, грубо относились к назначенному к ним офицеру. Назначил дознание, вызвал сотню казаков, роту пехоты. Приказал виновных поставить на чистку этапного пункта (масса навоза, оставленного проходившими конными частями с подарочными лошадьми), приказал уменьшить дачу мяса с $^3/_4$ ф. на $^1/_4$ ф., ибо отказались работать, бесились с жиру. Приказал принять все меры без пролития крови для водворения порядка, но не останавливаться перед употреблением оружия, когда будет оказано неповиновение. Потребовал, чтобы начальник дивизии Новиков лично руководил принимаемыми мерами. Приказал зачинщиков арестовать и передать следователю. Наиболее из них виновных отправить в полки, из которых были присланы, а кого надлежит, то отдать полковому суду. Просил сделать это быстро. Приговор полкового суда до 4 месяцев тюрьмы. Остальных оставить временно на этапном пункте и назначать на тяжелые работы (выкопать кругом этапного пункта глубокий ров и устроить изгородь).

1906 год.

4 января.

Новый год встретили тихо. Запасные отправляются довольно успешно и по расписанию. Уходит ежедневно 3—4 воинских сквозных поезда. По сведениям от Сухотина и Палицына, запасные идут буйно. Мое предложение об отправке с каждым эшелоном по роте пехоты до сих пор не уважается. Из России 1 января получены добрые вести о том, что кровавая борьба в Москве окончена. Революционеры частью перебиты, частью взяты в плен и что войска не присоединились к восставшим. Хуже обстоит дело у нас в Чите. Холщевников вел себя позорно. Передал городское управление, правительственные почту и телеграф в руки шайки социал-революционеров. Можно сказать, что в Забайкалье ныне республиканское правление. Восставшие захватили 750 ружей из железнодорожного батальона, вызвали смуту в войсках. Военные открыто печатают свои фамилии в офиц. органе области: «Забайкальских Ведомостях», называя себя социал-революционерами.

По моему предложению, двинули в Забайкалье 5 Вост.-Сиб. стр. дивизию с надежным генералом Полковниковым. Туда же едет и генерал Засулич, ибо там соберется весь II Сиб. корпус прежнего боевого состава.

Вчера объезжал полки 5 В.-Сиб. стр. див. Прощался с офицерами 18 В.-Сиб. стр. полка. После завтрака дал длинное разъяснение того, что происходит в России, какие образовались партии, что происходит в Забайкалье и на железной дороге. Необходимо было подготовить

их к тому, что они встретят в Забайкалье. Упорно подчеркивал, что их деятельность отнюдь не должна носить характер реакции против 17 октября. Что они вместе с царем и поставленным им правительством должны защищать царскую власть, ограниченную Государственною Думою, неделимость России, невмешательство армии в борьбу политических партий.

Полки представились хорошо. В 17 полку нет папах. В 20 полку и в госпитале недостаточно противопожарных средств. Одного ротного командира арестовал на 3 суток. 18 полк представился в полном составе. Отличный вид. Мороз и ветер были сильные.

19 полка не видел. В горной батарее запасные просили уволить их скорее, ибо они южане и боятся опоздать к началу полевых работ. Объяснил им, что очередь нарушена не будет.

В хлебопекарне, где прежде хлеб не удавался, стали теперь выпекать отличный хлеб, благодаря примеси американской пшеничной муки.

Полковникову с 17 офицерами для переезда в Забайкалье предоставили одну теплушку. И по моей просьбе, в Харбине дадут хороший классный вагон.

Офицеры 5 Вост.-Сиб. стр. див. очень дорожат привилегиями службы в Приамурском крае и ввиду предположения о переводе их в Иркутск в числе 96 человек просили о переводе их в войска, остающиеся в Приамурье. Необходимо выхлопотать им сохранение льготы, иначе состав дивизии разрушится, а дивизия прекрасная. Один шт.-оф. 18 полка, сидевший против меня за завтраком, 14 лет служил в Приамурье (два раза ранен в войну), остался до выслуги пенсии на службе (600 рубл.) один год, а теперь должен будет всего лишиться. Не ездил в жизни далее Иркутска, где окончил юнкерское училище.

6 января.

Вчера вечером получено известие, что через Хинганский перевал поезда идут крайне медленно. Приходится состав поезда делить на две части и проводить каждую отдельно. До Хингана ждут очереди 30 эшелонов; 6 эшелонов скопились в Харбине. Мороза на Хингане до 40°. У нас сегодня 28°. Паровозы промерзают, но, главное, ремонт их очень плох. Мастеровые железной дороги в мастерских занимаются более политикой, чем работают. Генерал Иванов говорил мне вчера, что, по заявлению начальника эксплоатации, только 50% мастеровых работает порядочно, остальные почти не работают. Иванов просил помощи мастеровыми из армии, и я охотно помогу, но горе в том, что Иванов и другие боятся неработающих мастеровых уволить, опасаясь забастовки на железной дороге. Между тем без принятия решительных мер, мы дождемся полной остановки деятельности на железной дороге. Затруднения на Хингане, о которых сказано выше, отразились приостановкой движения на 4—5 дней.

Линевич вчера с горечью говорил мне по телефону, что его деятельностью по эвакуации армии недовольны, что осуждают за вывоз запасных, а не целых частей войск. И поделом. Упрямый старик хотел сделать по-своему и вышло, конечно, хуже, но ему испортили много Казбек, Надаров и Холщевников. Особенно первый, потребовавший немедленного увольнения запасных из Владивостока. Это было сделано, когда запасные трех армий, которые справедливо обиделись нарушением их права быть вывезенными в Россию ранее запасных Владивостока, заволновались, стали грозить беспорядками.

12 января.

Сегодня 26-летняя годовщина штурма Геок-Тепе. Вспоминаю войска, которыми я там командовал на штурме. Нижние чины 21 дивизии были слабы, мелки, невзрачны, но офицеры были прекрасные. Много повредило делу то, что от полков 21 дивизии взяли по два батальона, б е з к о м а н д и р о в полков. Отобрали нам частью худших нижних чинов. Особенно бранили тогда командира Ширванского полка полковника Линевича, ныне главнокомандующего. Он, действительно, отобрал к нам из оставшихся у него двух батальонов плохих людей (требовалось укомплектовать посылаемые батальоны за счет остающихся). Через 25 лет повторил то же: из армии отобрал, что похуже, и это направил в Россию, чтобы облегчить армию, освободить ее от ненадежных элементов, не думая о том, что России необходима была помощь, а то, что послано вперед: распущенные запасные тыла, Владивостока, моряки, пленные—только ослабляло Россию. Как 25 лет тому назад, так и теперь общий интерес был принесен в жертву узкому частному интересу. Основная черта характера осталась та же.

Сейчас получил известие из Владивостока крайне печальное и тревожное. Бог даст не подтвердится: что Селиванов убит пулеметами при осмотре батарей. Убит начальник штаба и два адъютанта, при нем находившиеся. 32 полк перешел «на сторону народа». Комендантa заменил Модль, тоже убитый. Казаки отступили за первую речку, где ожидают подкреплений.

Вот к чему нас привело заигрывание и слабость Казбека и слабость Линевича.

Необходимо принимать серьезные меры. Пересматривал список начальствующих лиц для замены Селиванова. Наиболее надежными считаю Русанова, Топорнина, Флейшера, Артамонова, но для приведения в порядок наиболее пригоден Мищенко—по своему авторитету и решительному характеру. Придется, быть может, вести сражения с возмутившимися войсками.

Сейчас Линевич по телефону говорил, что во Владивостоке плохо, хотя и не так, как передали мне. Что стрелки пока на стороне правительства, но часть крепостных артиллеристов взбунтовалась. Селива-

нов два часа говорил с ними, но не успел уговорить, а когда поехал от них, они стали стрелять в него и ранили в шею, что затем толпа артиллеристов пошла в город и освободила Мястковского и других арестованных. Власти растерялись. Принял мой совет послать для усмирения ген. Мищенко. Приказал приготовить к отправке во Владивосток 3 дивизию (Восточно-Сибирскую)

23 января.

Приезжал из Иркутска ген. штаба капитан Квитницкий, помощник заведующего передвижением Иркутского района (от Иннокентьевского к востоку). Рассказывал мне удивительные дела про Забайкалье. Думаю, много преувеличено. Говорил, что во главе революционной партии в Забайкалье стоит сам Холщевников с дочерью и с чинами своего штаба. Что там революционеры в Чите приготовились к отчаянной обороне. Имеют до 3.000 ружей. Захватили пулеметы, следовавшие в одну из частей войск, орудие запасной батареи и будто захватили орудие одной из батарей XIII корпуса. Что Читинский казачий батальон примкнул к бунтарям. Что в Читинском пехотном полку тоже большое брожение. Что без боя не сдадутся Ренненкампфу. Уверен, что кровопролитие легко может произойти, но уверен, что при проявлении силы и убеждении в ее готовности действовать масса смирится и главарей можно будет захватить с малым кровопролитием или вовсе без кровопролития. Капитан Квитницкий про Сибирскую дорогу рассказывал тоже ужасы. По его словам, «она умирает естественной смертью», и смерть наступит не позже как через два месяца (прекращением движения). Главными сему причинами он считает: 1) безначалие и слабоначалие. Начальство живет в Томске и все приказывает бумагами, которых никто не исполняет. 2) Каждый участок, каждое депо живет особой жизнью, не слушаясь начальства. 3) Особенно беспорядочно идет дело по службе тяги. Паровозы не ремонтируются, частью по недостатку крытых помещений, частью по нежеланию рабочих работать. Платят помесячно и поденно, а не поурочно и занимаются политикой, а не делом своим. Машинисты отказываются брать обратные грузы и идут резервом. При депо скопилась масса паровозов, требующих ремонта. Топлива очень мало, и оно нехорошо. Дрова сырые. Подрядчики плохи. Мошенничество большое. 4) Служба движения тоже в беспорядке. Передача подвижного состава не совершается. Массы грузов скоро два года стоят без движения, занесенные снегом. 5) Морозы мешают ремонту.

Все это он передавал Линевичу, но встретил отпор. Ивановский, новый начальник Сибирской дороги, зять Линевича, не смотрит так мрачно на дело и обещает скоро дать шесть сквозных воинских поездов.

24 января.

Генерал Экк высказал вчера, что из находящихся ныне в 71 дивизии штаб-офицеров он признает в высокой степени выдающимися Широкова (Дрисского полка) и Полянского (Бугульминского полка). Отличен командующий бригадою бывший командир Бугульминского полка Зароко-Зароковский. Этих трех надо быстро двигать вперед. Широков—генерального штаба. Хорош Горелов Черноярского или Бугульминского полка. Слабее других Бемельбург. Но это лично храбрый и очень заботливый командир, несколько ограничен. На Гаутолинском перевале был ранен.

Совершенно не выдержали боевого испытания: Чембарского полка ген. штаба Зароков. Выбыл после Ляояна 22 августа. Трусил.

Не выдержал экзамена полк. Тихонов; Черноярского полка. Угнетенное настроение. После сентябрьских боев вынужден был уйти.

Сейчас ген. Линевич из Харбина по телефону сообщил мне, что Чита покорилась. Что Сычевскому и Полковникову (ген.-майор, команд. II Сиб. корп., начальник 5 стр. див., большой молодец) удалось без пролития крови—большая заслуга—привести население и гарнизон к покорности. Стачечники приступили к сдаче оружия. Сдано свыше 2.000 ружей. 200 человек арестовано, в тюрьме. Из них 12 главарей. Арестовано и несколько офицеров. Холщевников отрешен от должности и тоже арестован. В Сретенск командирован Тисимо-Денисович тоже навести порядок. Ренненкампф прибавляет в своей депеше, что он очень доволен действиями Сычевского и Полковникова и помогает им. Линевич очень доволен. Говорит, что достаточно было Ренненкампфу простоять под Читою 10 дней с поднятым мечом, чтобы читинцы покорились.

Доволен осмотром, кажется, 29 полка, отправляемого в Иркутск. Очень довольны туда итти. Народ молодой, хороший. Командир, бывший Козловского полка, молодец.

Сегодня я получил из Владивостока два письма: одно от г. м. барона Икскуля, другое от подп. ген. штаба Гаврилицы. Очень печальные по содержанию. Полная распущенность. Город в значительной степени в руках мятежников. Ледоколы ходят по милости матросов. Железная дорога грузит уголь с согласия стачечников. Матросы ходят по городу вооруженные и придираются к офицерам. Гаврилица тем не менее считает, что гарнизон еще не расшатан вконец и можно живо его повернуть в сторону порядка. Надо, чтобы явился энергичный начальник. Против Казбека, все и всех распустившего, общее озлобление.

Икскуль в очень мрачных красках описывает ход порученного ему дела перевозки морем запасных в Россию. Масса проходимцев хочет поживиться на этом деле. Солидные фирмы избегают предлагать услуги, ибо цена низка. Те, которые предлагают за 120 рублей с че-

ловека—ненадежны. Ничего не устроил должным образом для приема запасных. Средств не отпущено. Нужных ему людей не дают. По этому письму я испросил у Линевича немедленно командировать во Владивосток Миллера, полковника инженерного, бывшего начальника этапов I армии, ныне и. д. начальника военных сообщений I армии. Человек чрезвычайно надежный, испытанной честности и энергичный. Линевич согласился. Командирую с Миллером трех хороших офицеров. Это совершенно не мое дело, но при общей растерянности и неопытности надо было быстро помочь. Икскуль жалуется на нервное расстройство. Гаврилица свидетельствует, что Икскуля на долго не хватит, Миллер может заменить его с успехом.

Провожаю все эти дни по одному и по два эшелона запасных I арм. корпуса. Отлично выглядят. Хорошо, тепло одеты. Все были новгородцы (Выборгского, Вильманстрандского, Нейшлотского полков). Сегодня Петровского полка, тверцы. Эти поменьше. В боях Петровцы были слабее Выборжцев и Нейшлотцев. Смотрят на меня, при проходе мимо них, ласково, любовно. Много с ними пережили вместе радости и горя. Нейшлотцы могут вспоминать, как я их встретил под выстрелами на Шахэ усталых, мокрых, голодных, и, ободрив их, двинул вперед (у Немировича эта сценка описана подробно). Вильманстрандцы могут вспоминать, как я их направлял 1 октября в первый для них бой и лично вел к сопке с деревом. Петровцы могут вспоминать, как рано утром 4 октября при обходе мною, около сопки с деревом, под сильным неприятельским огнем, окопов, занятых Петровцами (я шел с наружной стороны), они уговаривали меня спуститься к ним в траншею, а когда я не послушался, то несколько человек быстро выскочили из траншеи взяли меня на руки и спустили на дно траншеи. То был тяжелый вид: после боя ночью на 4 число всюду лежали трупы — наши и японские. Многие из них с следами тяжкого рукопашного боя.

Офицеры пришли проводить запасных. Отношения теплые. Были и командиры. Из них Нейшлотского—полк. Торчаловский—не из важных. Другие в I корпусе довольно хороши, особенно Царицынского полка полк. Николаев, Выборгского—Михеев, Каспийского георг. кавалер . . . . . [1]), Вильманстрандского—георг. кавалер Тихомиров, Самарского—Драгомиров, Новочеркасского—Каренов. Провожают тепло.

27 января

Вчера поздно вечером Линевич передавал, что в Чите г. м. Полковников и г. м. Сычевский распоряжались энергично и успешно. Одного 17 стр. полка, с Тишиным, прибывшего в Читу, было достаточно, чтобы заставить всех бунтарей смириться. После требований немедленно покориться и сдать оружие, таковое стало сдаваться в очень большом

[1]) На месте точек в подлиннике пустое место; фамилия осталась не вставленной. *Прим. ред.*

числе. Сдавали женщины и даже дети... Ружья, холодное оружие. При обыске отобрано 100 пудов пироксилину, много приготовленных бомб, ручных гранат, особых адских машин. Арестовано 81 нижний чин железно-дорожного батальона, арестовано 80 мастеровых. При аресте оружейного мастера он убил одного офицера. Арестовано и несколько офицеров. Холщевников не арестован, а отрешен от должности.

Вчера сидел у меня Гершельман, назначенный командующим войсками московского военного округа, и г. м. Михаил Васильевич Алексеев—на место генер.-квартирмейстером в комитет государственной обороны. Вспоминали трудности войны. Гершельман жаловался на состав 9 п. дивизии, с которой ему пришлось итти в бой по приходе из России. Было в ротах по 30 старослужащих и 30 молодых солдат, но прошедших порядочно курс обучения. Все остальные запасные из Полтавской губернии, уже участвующие в беспорядках, многие старые, самых старших сроков. Не только не было военного одушевления, но не было и охоты итти в бой. Война была ненавистною.

Гершельман говорил, что дивизия окрепла на позициях на Шахэ, когда привыкла к ежедневной опасности.

Доставили мне еще брошюру социал-революционной партии под заглавием «К офицерам русской армии». Содержание то же, и тот же основной клич: «чем хуже, тем лучше».

Выпишу следующие слова, как общую характеристику всех подобных изданий, во множестве распространившихся в армии во время военных действий.

«Всякая ваша победа грозит России бедствием упрочения «порядка», всякое поражение приближает час избавления. Что же удивительного, что русские радуются успехам наших противников».

И несмотря на то, что армию систематически развращали, понижали ее боевые качества, мы крепли и к августу доросли до права на победу. Ген. Алексеев говорил мне, что у солдат III армии было твердое желание продолжать войну до победы. Что без победы они не хотели возвращаться домой: «бабы засмеют»,—говорили они.

30 января.

Прочел сегодня японско-китайский договор. Много опасностей для будущего России представляет этот договор. Прежде всего, в договоре указано, без согласия с Россией, что иностранцы допускаются в Харбин, Хайлар, Цицикар, Айгунь и Манджуль [1]), последнее непонятно. Что это за Манджуль? Таким образом Япония распоряжается помимо нас северною Манчжуриею. Очевидно под иностранцами надо разуметь японцев. И вот они засядут в Хайларе у Забайкалья и в Айгуне на Амуре, против Благовещенска в Харбине, вытесняя русских, командуя китайцами.

---

[1]) Это оказалась станция Манчжурия. *Прим. автора.*

2) За выводом японских и русских войск китайцы вводят свои войска, обученные, командуемые японцами. Это уже не будет сброд 1900 года, а серьезная военная сила. И эта сила будет стоять у Забайкалья и Благовещенска, чтобы помочь японцам отрезать от России Амурскую и Приамурскую области.

3) Японцы получают право продолжать железную дорогу от Ялу до Мукдена, куда захотят. Очевидно, продолжат до Гирина, чтобы иметь два коммуникационных пути на двух операционных направлениях, одном к Харбину, другом к Гирину.

4) Японцы уберут свою железнодорожную стражу, если уберем мы.

В том же номере газеты (харбинской) «Новый Край», № 24, где напечатан текст японско-китайского договора, помещена статья: «К новому договору с Китаем» (русско-китайскому). По этому договору группа частных русских предпринимателей желает отправить петицию к Покотилову, чтобы просить: а) Восточно-Китайскую дорогу сделать частною; Харбин устроить на манер иностранных сетлементов. Такие планы совершенно соответствуют японским и имеют целью помочь Японии и Китаю вытеснить русскую правительственную власть и русскую вооруженную силу из северной Манчжурии... Прибавлю, что Габриель отправился в Пекин как представитель интересов Русско-Китайского банка. Это отъявленный социал-демократ, если не социал-революционер, сепаратист и, кажется, польский еврей. Стоял во главе харбинской шайки, возмущавшей армию вместе с Лепешинским и студентом Ивановым.

План Японии раскрывается. Очевидно, заняв с боя южную Манчжурию, Япония, при содействии Китая и деятелей харбинских, займется в течение некоторого времени мирным овладением северной Манчжурии. Право поселиться в разных важнейших пунктах северной Манчжурии будет использовано японцами очень широко. Харбин обратится в интернациональный пункт с преобладающим японским влиянием. Поддерживаемые японцами, китайцы потребуют очищения Вост.-Кит. дороги от нашей военной охраны. Отказ—война. Мы уступим. Но и при охране нашей по 15 чел. на версту охрана будет очень слабая.

Подготовившись, Япония и Китай двинутся на Россию, поставив целью действий овладение Приморскою и Амурскою областями, дабы навсегда отрезать Россию от Великого океана. Витте уже пустил Японию к северу на Сахалине до 50° широты. Владивосток, Хабаровск, Харбин, Хайлар, Манчжурия лежат *южнее* 50° широты. Японцы получили, таким образом, на Сахалине фланговую позицию относительно низовьев р. Амура и позиции для действий в тыл Владивостоку.

Опасность в близком будущем грозит России большая. Какие же надо предпринять средства для предотвращения ее? Я уже писал Линевичу об угрожающей нам опасности и указывал, как на лучшее и главное средство—это скорейшую постройку второго пути на Сибирской дороге, хотя до Карымской дороги от Сретенска до Хабаровска

с веткою: Благовещенск—Цицикар и веткою Ажехе—Гирин. Но главными мерами надо считать меры: а) к ослаблению Японии, б) к приобретению союзников. Экономическое положение Японии ныне очень тяжелое. Надо этим пользоваться, чтобы вызвать в Японии кризис, прекратить дальнейшие вооружения. Надо создавать Японии затруднения в Корее и Китае. Японцы так грубы и жестоки с слабыми, что надо помочь вызвать против них раздражение глубоких масс в Китае и Корее. Если этого не будет сделано, желтая опасность станет грозною, и мы увидим когда-нибудь желтолицых на Урале и Волге. Надо не дозволить организовать по-военному корейское и китайское население. Тут необходима помощь других держав. Увлекшись милитаризациею Китая, японцы могут вызвать возмущение против европейцев во всем Китае, и тогда Европа и Америка должны будут вступиться за свои интересы. Надо поощрять всюду экономическую конкуренцию японцам, дабы лишить их материальных средств, в) относительно союзников — надо прежде всего поссорить англичан с японцами. Японцы так зазнались, что потеряли голову и дадут к тому частые поводы. Уже и теперь они, к нашей выгоде, вызывают негодование в Англии попыткою учредить контроль над военною готовностью англичан Индии. Но главным для сего средством должно быть полное успокоение англичан со стороны Индии. Надо это сделать крепко. Но, пока возможны появления новых Безобразовых, достигнуть этого нельзя.— Необходимо, чтобы вопрос о войне и мире и основах внешней политики не составлял прерогативу верховной власти, а контролировался и направлялся представителями народа. Иначе доверия Европы или Америки мы не заслужим, и Англия будет продолжать опасаться наших фантастических планов в Индии, Персии (Чохбар) и др. пунктах.

Надо умело вести дело так, чтобы на месте Япония возбудила бы против себя китайцев и корейцев, а извне—весь мир (американцев, германцев, англичан, французов). В новой войне мы не должны быть одиноки. Целью войны должно быть поставлено: лишить Японию права иметь военный флот. Это я писал еще в 1896 году, когда окончилась японо-китайская война. Япония должна быть изгнана из азиатского материка. Китаю возвращен Квантун и южная Манчжурия. Корея организована, как отдельное государство. России отдана северная Манчжурия, как я писал о том в 1903 году. Но главное—лишение флота Японии. Китай должен быть тоже взят в тиски и лишен опасной военной силы, если таковая ко времени войны будет создана.

Для соображения мер на будущее, надо помнить лозунг Японии: Азия для азиатов. Часть этого боевого клича, вероятно, выражается ныне секретно у японцев так: Японское море должно омывать японские берега. Главная часть этой задачи благодаря Витте (Портсмутский договор) уже достигнута: корейский берег и часть сахалинского уже в руках японцев. Остался Владивосток, побережье до устья Амура, остальная часть Сахалина, устье Амура с Николаевском и Татарский пролив.

Из мер внутренних надо в возможной степени усилить колонизацию Сибири и Приамурского края в особенности. Надо развить в населении сознание грозящей им опасности и вызвать патриотизм, самодеятельность, стремление к самообороне. Надо сообщить всему подрастающему поколению воинственность. Надо каждую школу обратить в школу патриотическую, военную, обучать детей маршировке, стрельбе, строю. Надо поощрять гимнастические, стрелковые общества. Надо забыть в Сибири политическую борьбу и помнить о той великой борьбе, которая ныне неминуемо предстоит России за самое сохранение за нею Сибири. Надо, чтобы вся Россия участвовала в этой подготовке, чтобы весь народ сознал важность предстоящей борьбы. Надо, чтобы при новой войне, таковая стала народною, чтобы весь 150-милл. народ, как один, не жалея себя, нес жертвы на эту войну своим телом, умом, имуществом. Главное—надо приготовиться к тому, что война будет продолжительна, первое время будет сопровождаться неудачами. Надо твердо верить в окончательную победу, не жалеть времени, сил и средств и добиться полной победы. Надо, чтобы русский народ захотел твердо победы, и победа придет.

3 февраля.

Сегодня приехал ко мне ген. Гродеков и передал следующий рескрипт государя (от 31 декабря):

«Алексей Николаевич.—За окончанием военных действий и значительным сокращением состава армий я признал за благо освободить вас ныне от командования армиею. Повелеваю вам теперь же вернуться в Европейскую Россию морем, через Владивосток, для выяснения условий перевозки чинов запаса морским путем и представления мне доклада по сему вопросу. По прибытии в один из портов Черного моря вы получите дальнейшие мои повеления. *Николай*».

В Царском Селе.
31 декабря 1905 года.

Итак, это ссылка. Лишение родины, ранее чем меня выслушали, ранее чем отчет о военных действиях, мною представленный, рассмотрен.

Гродеков не мог объяснить мне, что меня ожидает, но высказал, что против меня вследствие газетных статей существует возбуждение, что меня обвиняют в составлении на войне состояния в несколько миллионов, что неудачи на войне признают причиною революции в России и т. д. Выезжаю 9 февраля, закончив все дела армии.

5 февраля.

Сегодня получил от военного министра следующую депешу (от 4 февраля):

«Государю императору благоугодно, чтобы для облегчения положения ген. Гродекова вы выехали возможно скорее из армии. О времени выезда прошу телеграфировать для доклада его величеству» г. л. *Редигер*.

Точно такого же содержания получил депешу и ген. Линевич.

И вот при таком обращении с главным начальником хотят твердой дисциплины в войсках, возможной только тогда, когда старшие начальники поставлены высоко и относятся к ним и к их заявлениям с уважением.

При отъезде Гриппенберга мое ходатайство относительно его не уважили. Он уехал, как триумфатор, в особом экстренном поезде, задерживая эшелоны, делая истории в Иркутске. Авторитет мой был подорван. Каульбарсы и Бильдерлинги подняли голову и изменили тон.

При ведении переговоров в Портсмуте Линевича игнорировали. О необходимости сохранить за нами все занимаемые к августу нами позиции, о важности их для нас никто не справлялся. Линевича ошельмовали этим и подорвали его авторитет. Отдали зря наши две оборонительные линии Сыпингайскую и Гунжулинскую.

Теперь его гонят, как штрафованного, дабы он облегчил положение Гродекова, «возможно скорее» из армии. Точно несколько лишних дней для окончания и сдачи массы дел, лежащих на главнокомандующем, не будут полезны для Гродекова, ибо передача их произойдет без суеты и небрежности, от которой могут пострадать тысячи лиц и серьезные государственные интересы. И подобная депеша посылается после того, что задача, возложенная на Гродекова—сменить Линевича, тщательно скрывалась от Линевича. Его могли свободно предупредить, чтобы он приготовился к отъезду. Это было бы и полезно и вежливо.

В армии идет ропот по поводу такой странной бесцеремонности по форме с главнокомандующим. О себе не говорю.

Повторяю: государь, к несчастью для России и своему, с людьми обращаться неумеет. Точно в нем явилось желание подражать Павлу. Произношу это имя, ибо Гродеков, говоря о петербургских порядках, сказал, что «государь наш превзошел Павла».

Харбин, 10 февраля.

Вчера выехал из Шуанченпу в Харбин. Проводы массою офицеров и нижних чинов были трогательные...

В Харбин прибыл в пятом часу пополудни. Опять оказалась масса встречающего народа, масса офицеров, все начальствующие лица. Опять был тронут знаками неподдельного чувства привязанности, благодарности, доверия.

Все распоряжения к отъезду во Владивосток были сделаны.

По сношении с ген. бароном Икскуль мне пришлось бы ехать во второй половине февраля на одном из судов Добровольного флота или датской компании. Пришлось бы невольно пробыть во Владивостоке 8—14 дней.

Ночью на 14 февраля мною получена следующая депеша от государя, не шифрованная:

«Разрешаю вам возвратиться из армии сухим путем с первым отходящим эшелоном. Вместе с сим я поручил генерал-адъютанту барону Фредериксу передать вам мои дальнейшие желания. *Николай*».

Депеша была послана из Царского Села 9 февраля в 4 часа дня. Получена в Харбине 9 в 11 час. 30 мин. дня. Мною получена в 12 час. 25 мин. пополуночи.

Труды в Манчжурии в течение двух лет и особенно душевные волнения не прошли даром для моего организма. В течение 1905 года стали чаще являться признаки расстройства нервной системы. Сердце расширилось, стали учащаться головокружения, стали случаться обмороки и из них один глубокий. Пользовавший меня прекрасный врач, доктор медицины Иван Федосеевич Дейкун, настоятельно советовал прекратить работу и ехать на полный отдых, но не таковы были дела, чтобы мог покинуть армию. Ждали военных бунтов, ждали, что революция в России сделает успехи, и мы вынуждены будем выручать Россию, быть может, пробиваясь через Сибирь.

Обсуждая вопрос о поездке в Россию, когда забастовщики взяли в свои руки железную дорогу, морем, я получил указание от доктора Дейкуна, что при сердечных припадках мне ехать морем нельзя, без серьезной опасности во время приступов морской болезни (ожидалась бурная погода).

Таким образом переезд морем, указанный государем, кроме страданий нравственных, был опасен и для здоровья. Это здоровье было мне необходимо, дабы окончить отчет мой по военным действиям. Этим отчетом я обязан был не только перед государем, но и перед родиною. Мне требовалось поработать еще два, три месяца с Гаврилицею, Болховитиновым и отчасти Илинским, чтобы закончить и отдать в печать два тома: один—по операциям на реке Шахэ, другой—по операциям под Мукденом. Ссылать меня, не выслушав оправдания, тоже было неправильно.

Вот почему я отправил 4 февраля следующую депешу государю:

«Согласно с повелением, изложенным в полученном мною вчерашнего числа от ген. Гродекова рескрипте, я сделал все распоряжения и через несколько дней, закончив дела армии, выезжаю во Владивосток. Дерзаю ходатайствовать о разрешении отправиться из армии в Европейскую Россию не морем, а железною дорогою с одним из воинских эшелонов. Еще 31 августа я просил у ген. Линевича об освобождении меня от командования армиею и телеграфировал о том же военному министру. По повелению в. и. в. военный министр мне ответил, что ходатайство о моем увольнении должно исходить от генерала Линевича. При трудных обстоятельствах, которые пришлось пережить армиям, генерал Линевич до февраля месяца не признал возможным уволить меня. Из медицинского свидетельства, представленного мною генералу Линевичу месяц тому назад, с просьбой об увольнении по болезни от

командования армиею, видно, что непосильные двухлетние труды вызвали у меня в сильной степени болезненные явления нервной системы, нервное расширение сердца, обмороки, при которых возвращение из армии морем, при ожидаемой бурной погоде, к страданиям нравственным прибавит страдания физические. Для окончания отчета, которым я обязан по закону перед своим государем, по ведению мною военных действий мне потребуется еще около двух месяцев при содействии двух офицеров, ныне со мной работающих. В великой справедливости вашей не откажите, государь, начальнику армии, не давшему России победы, но сохранившему и укрепившему армию, представить подробные объяснения своих действий вашему императорскому величеству или лицу, вами назначенному, или судилищу, вами избранному. Одна правда может успокоить взволнованное по поводу наших военных неудач общественное мнение и послужить на пользу армии. Находясь вдали от Петербурга, я не могу спешно и быстро закончить свой отчет.

Верноподданный в. и. в. ген.-ад. *Куропаткин*».

Вышеприведенная депеша государя и есть ответ на эту мою депешу.

Сегодня я выехал в час пополудни из Харбина с воинским эшелоном № 436. В эшелоне следуют запасные VI Сиб. корпуса (парковые саперы) и в охране 1½ роты Псковского полка...

11 февраля. Цицикар.

Следуем с опозданием на два часа. Переменяли две теплушки на станции Андо, в коих загорелись буксы.

На станции Цицикар подробно осматривал обширное имущество — конно-железных дорог, паровой и конной. Ценность большая. Надо прокладывать к Благовещенску.

Осматривал и огромный инвентарь в машинах инженера Михайловского, поставлявшего в армию сено.

Гродеков при моих свиданиях два раза говорил мне о том, что комитет государственной обороны не признал возможным продолжать борьбу с Японией. Пришли к заключению, что уже не могут больше послать подкреплений, а также артиллерийских снарядов. Это, конечно, не так: нам нужны были не подкрепления и укомплектования. Их было очень много; особенно надо было взяться за молодых возрастом ратников ополчения. Они лучше дрались бы, чем старшие сроки запасных. Равно 9 февраля ген. Михеев говорил мне, что ко времени окончания войны он имел в своих складах, кроме парковых и войсковых запасов, 115.000.000 ружейных патронов и 360.000 пушечных. Этого нам хватило бы надолго. Просто не хватило твердости и воли продолжать войну. Такое решение комитета государственной обороны было про-

тивно мнению главнокомандующего и командующих армиями, но таковое, конечно, во многом снимает с Витте ответственность за заключение мира.

Генерал Кондратович и генерал Гернгросс 8 февраля говорили мне, что их удивляет, что в критике наших действий сравнивают число батальонов наших и японских и строют на этом выводы. Что наши батальоны в большинстве случаев были в д в о е с л а б е е японских. Кондратович указал, что у него в 9 дивизии под Ляояном осталось в 12 батальонах 3.000 штыков.

14 февраля. Между ст. Борзя и Читою.

Едем 5-й день. Поезд идет по расписанию. Всюду вполне достаточный порядок. Везде меня встречали воинские власти и население. Очень приязненные встречи. При проводах снимали шапки, низко кланялись; бежали за вагоном. При прогулках моих всегда провожатых более, чем бы то было приятно. Запасные, с которыми я еду, относятся ко мне трогательно. Выскакивают из теплушек, только чтобы поздороваться. Смотрят так тепло и серьезно, что заставляют забывать многие петербургские обиды.

Сегодня Болховитинов встретил на станции Борзя старого деятеля Владивостока. Потерял там во время смуты значительную часть своего имущества. Юрист. Образованный человек. Рассказывал необычайные вещи. Главное это то, что Линевич и я с армиею решили присоединиться к смуте, овладеть положением и продиктовать Петербургу и Царскому Селу свою волю. Что поэтому Линевич чуть не поощрял смуту в тылу и в армиях. Чтобы нас изъять, и послан был Гродеков под великой тайною. Что в России знают, что вся армия верит мне и любит меня.

Как раз на станции Борзя, сегодня, 14 февраля, мною получена от ген.-ад. барона Фредерикса депеша следующего содержания (шифрованная).

«Царское Село. Дворец, генер.-адъютанту Куропаткину.

Государю благоугодно разрешить вам возвратиться из армии сухим путем. Вместе с сим его величеству угодно было поручить мне предложить вам для спокойного окончания имеющего быть принятым государем вашего отчета избрать по вашему желанию пребывание себе в имении вашей матери Псковской губернии или в представляемой вам даче, нанятой для военного министра в Мисхоре. Пребывание же в Петербурге или окрестностях в настоящее время может вызвать нежелательную обостренную газетную полемику. Ввиду сего во всяком случае его величеству благоугодно, чтобы вы безусловно воздержались от приема корреспондентов и печатания каких-либо объяснительных или оправдательных статей, а равно и оглашения ваших мнений. Хорошо зная ваши патриотические и верноподданнические чувства,

уверен, что вы в настоящей депеше усмотрите возможность избежать каких-либо случаев, могущих в настоящее трудное время вызвать какие-либо осложнения. Ответ прошу на мое имя Царское Село. ген.-ад. барон *Фредерикс*».

Итак, на меня могут возводить самые постыдные обвинения, печатать, напр., как о факте, о вкладе в 2.650.000 рубл. золотом в Государственный банк. Никто при этом из власть имеющих пальцем не шевелил опровергнуть явную клевету, что так легко было сделать, а мне не приказывают не только защищаться, но даже высказывать свои мнения.

Свобода личности, печати и слова, возвещенные манифестом 17 октября, надеюсь, через некоторое время коснутся и меня. Меня или надо защитить, напечатав мои отчеты, или придется просить уволить меня от звания генерал-адъютанта и уволить в отставку, чтобы получить право защиты.

Чита. 15 февраля.

Долго говорил с ген. Сычевским, рекомендованным мною на должность военного губернатора Забайкалья и блестящим образом справившегося, б е з п р о л и т и я к р о в и, с серьезными беспорядками в Чите. Он удручен множеством стоящего над ним начальства: ему приказывает из Петербурга Дурново, из Харбина Иванов (начальник тыла) и Гродеков, Ренненкампф из Верхнеудинска, военный министр—по казачьим делам, и еще едет Унтербергер. Особенно удручает его масса циркуляров Дурново. Пробовал разносить за малую энергию в Чите, но получил отпор от Ренненкампфа. Дурново то подгоняет к решительным мерам, то взывает к осторожности. Сообщил, между прочим, что весною революционная партия собирается сделать новую особо сильную попытку. Сычевский признает положение в Забайкалье серьезным. По его мнению, зараза проникла глубоко во все углы, заразила казачество. Что масса ссылаемых—учителя. Интеллигенция на стороне революционеров. Цель—республика. Две войны и неправда в кабинетских землях дают благоприятную почву для недовольства. Сычевскому и Ренненкампфу пришлось массу сместить, но Дурново до сих пор не утверждает ни Сычевского, ни вице-губернатора, ни мелких чинов, Сычевским представленных. Из представленной мне Сычевским записки видно, что им арестовано 218 человек, но несколько главнейших главарей скрылись благодаря медленной присылке Сычевскому войск. В военных революционных кружках главную роль играли инженеры и железнодорожные офицеры. Главный военный инженер поляк, не представивши отчета на $1^1/_2$ милл. рублей, скрылся.

Г. л. Холщевников вел себя позорно.

Насколько серьезно было положение, видно из следующих данных о захваченном и сданном оружии:

	Захвачено:	Сдано:
3 лин. винтовок	12.091	4.425
» » драгунских	1.110	681
берданок пехотных	8.917	9.000
3 лин. драг. винтовок	1.050	0.

Таким образом масса оружия еще не сдана. Надеются, что оружие было брошено в озеро.

Захватили вагоны со снарядами, небрежно отправленные из Харбина в Читинский склад ген. л. Михеевым без должных предосторожностей.

Сычевский входил к стачечникам без конвоя. Его окружали вооруженные революционеры, хотели арестовать, но и среди них нашлись люди, которые отстояли Сычевского, указав, что за оказанное им доверие ответить низостью—нечестно. Сычевский три часа уговаривал сложить оружие. Первоначально не подействовало, но начался раскол. По второму призыву революционеров к оружию (производился гудок), явились с оружием только 200 человек. Остальные покорились. Тогда покорились и эти 200 человек.

Рассказы про Меллер-Закомельского в Чите просто невероятны. Сычевский мне рассказывал, что Меллер засекал шомполами чуть не на смерть. Одновременно били 4 солдата шомполами, и это считалось за один удар. По словам Сычевского буквально срывали мягкие части тела. Но главное зверство произведено на станции Иланской. Там манифестантов с красными флагами, 400 человек почти, окружили солдаты и начали расстреливать. Только 60 человек оказалось ранеными. Остальные были убиты.

Ренненкампф имел с Меллером переговоры не особенно приятные. Он предложил Меллеру, приехавшему на ближний к Чите разъезд, уехать обратно. Меллер исполнил, но разобрал путь и перерезал телеграф...

И такого Малюту Скуратова послали для водворения порядка и законности. Боюсь, что миссия Меллера принесет еще в будущем большой вред.

Странно, что Скалон ничего мне не рассказывал про избиение манифестантов на ст. Иланской. Быть может, стыдился рассказать об этом зверском деле.

16 февраля. Сел. Мысовск на оз. Байкал.

Вчера в Хилке встретил меня ген. Ренненкампф. Выстроили весь гарнизон и эшелон, с ним следующий как конвой (71 дивизии). Очень тепло встретились и также простились. Ренненкампф оканчивает судные дела. При нем образован полевой суд. Ни одно наказание не налагается помимо суда. Всех подробно опрашивают. Где нужно, проявляется снисхождение. Впечатление благоприятное. Даже революционеры признают действия Ренненкампфа, хотя и строгими, но основанными на порядке и законе.

Не так относятся к действиям Меллер-Закомельского. Этот проявил жестокость для правых и виноватых. Особенно бранят войскового атамана Заботкина. На войне ничем особым себя не заявил, а тут зверствовал.

Сведения, переданные мне г. м. Сычевским об избиении манифестантов на ст. Иланской, переданы мне Ренненкампфом в другом виде. Рассказ ближе подходит к тому, что мне передавал и Скалон. Была сходка в депо, на которую и напали Меллеровские опричники. Ренненкампф говорит, что взяли в плен 60 чел., остальные из 400 чел. были убиты или ранены. Может быть, и это еще преувеличено.

На ст. Мысовая, или г. Мысовск, осмотрел батальон храброго подполковника Ступина, георгиевского кавалера 20 В.-Сиб. стр. полка. Отпустили запасных 2 очереди и уволили в запас сроки службы 90 и 91 годов. Приготовились увольнять сроки службы 1902 г. Осталось в ротах 65—90 чел. Новобранцев пришлют еще по 130 человек в роту. Унтер-офицеров осталось очень мало. Есть роты, где всего три. Офицеров налицо в батальоне 4 человека вместе со Ступиным и по одному зауряд-прапорщику. Отлично устроились в бараках, бывших под царскосельским лазаретом. Нашел зимние занятия в ходу. Одеты хорошо. Вид отличный, но все молодежь. Зауряд-прапорщики дружно с офицерами работают и с ними же помещаются в комнатах. Спрашивал одного офицера командира роты, живущего с зауряд-прапорщиком: как он ему говорит: ты или вы. Ответил «ты»—прибавив, что он к нему поступил в роту 7 лет тому назад и иначе относиться не может, но оба крепко любят и почитают друг друга и выручали друг друга в бою.

Спрашивал офицеров, что им желательно сохранить из одежды, ответили дружно: сюртук и для лета особую легкую тужурку. Один из них сказал, что за 6 лет службы в Приамурье он только три раза надевал мундир. Жаловались также, что цвет пальто очень марок, но пальто их удовлетворяет. У всех были сюртуки на меху.

19 февраля.

В Иркутске меня встретил ген. Унтербергер. Провел у меня в вагоне 2 часа. Успокоил, что в России, по его мнению, реакция не готовится, что Дурново не реакционер. Относительно Витте высказывался сдержанно. Признал двойственность, если не тройственность, его роли.

Относительно дел Дальнего Востока смотрит вперед бодро. На желтую опасность взирает оптимистически. По его словам, он был убежденный сторонник самого упорного продолжения войны и считал положение японцев, ко времени заключения мира, крайне тягостным. Считал, что никакого Сахалина можно было им не давать. Что сами японцы видели, что на суше их кампания не могла окончиться удачею. Их сопротивление было сломано на Шахэ и под Мукденом. Главное, что им надо было—это возвратить произведенные затраты. На это они никак не могли рассчитывать. Даже если бы они взяли Владивосток и Харбин, что Унтербергер признавал невозможным, то и тогда нам надо было итти к Забайкалью и продолжать войну. Ныне положение Японии отчаянное: долг в полутора миллиарда рублей тяжело ляжет

на их бюджет годовой в 250 милл. рубл. Налоги возросли втрое и ухудшили экономическое положение всего населения. Между тем Унтербергер по законченной им в прошлом году Нижегородской ярмарке утверждает, что бывшая война мало коснулась экономического положения государства. Что забастовки дорог и революционное движение гораздо более нанесли вреда населению, чем война. Разоренные войной японцы не могут дать значительное развитие своим вооруженным силам. Китайцы отлично поняли, что японцы не победили русских на суше при самых для нас неблагоприятных условиях: неожиданное нападение японцев, долго готовившихся к борьбе, на нас, совершенно не готовившихся к войне; малое число у нас войск, разброска их, неготовность железной дороги и, главное, внутренняя смута. Пользуясь этими исключительно благоприятными условиями, японцы поставили все «ва-банк» и, действительно, напрягли усилия всего народа, всей страны, чтобы, пользуясь этою благоприятною обстановкой, вытеснить нас из Манчжурии и захватить такие куски нашей территории, которые позволили бы им рассчитывать за возврат этих кусков получить контрибуцию. Ничего этого им не удалось. К заключению мира мы стояли сильнее, чем когда-либо, стояли сильнее японцев. Китайцы понимают это и, когда их японцы начнут втравливать в новую войну с нами—не пойдут. Я не смотрю так оптимистически и указал Унтербергеру на нравственный престиж, приобретенный японцами во всей Азии, который грозит опасностью всему старому свету. Азия для азиатов—это призыв к борьбе азиатов против русских, англичан, французов, немцев. Учителя и руководители—японцы. Вслед за этим лозунгом последует другой: Африка для африканцев.

Первым этапом в этом ожидаемом движении желтой расы я указал Унтербергеру занимаемую нами Манчжурию.

Китайцы, подталкиваемые и поддерживаемые японцами, несомненно, после эвакуации наших войск начнут наступление на Манчжурию, первоначально мирное: колонизационное, вводом обученных японцами войск, старанием захватить в свои руки Манчжурскую железную дорогу. Указал, что нам надо энергично готовиться к борьбе. Что мы пережили только первый акт драмы на Дальнем Востоке, а пьеса эта в нескольких актах, прологе и эпилоге. Пролог—это японско-китайская война. Эпилог будет, в зависимости от нашей деятельности и соглашения с Европою, в двух решениях: или мы будем отброшены к Байкалу, потеряв Приамурский край и Забайкалье, или выйдем на берег Тихого океана, а Япония будет оттеснена на свои острова и лишена права иметь военный флот.

В смысле готовности новой борьбы и ближайших наших задач на Дальнем Востоке, я указал Унтербергеру на следующее:

Портсмутский договор лишил нас передовой базы в Манчжурии. Не спросясь Линевича, мы отдали Сыпингайскую и Гунжулинскую позиции. Этим мы отдали важный район не только для сосредоточения, но и для питания армии. Гиринская провинция и Бадунинский район

и район Сунгарийский могли сильно облегчить довольствие миллионной армии. Если мы быстро будем оттеснены к Харбину, то почти все довольствие армии надо рассчитывать на подвоз из России. Поэтому надо: а) принять меры к возможно широкому использованию средствами Манчжурию лежащими к югу от Манчжурии, б) вызвать производительность и увеличить продовольственные средства между магистралью и Амуром, в) быстро и энергично увеличивать производительные силы Приамурского края. В настоящем его состоянии край этот почти не помогал армии. Кроме хлебопашества и скотоводства, заняться рыболовством и приготовлением рыбы впрок, особенно вяленой и сушеной, чтобы заменить ею в значительной части мясные порции в войсках.

Но при занятом ныне японцами положении, владея морем, построив железную дорогу от р. Ялу к Гирину, японцы будут располагать операционным и коммуникационным направлениями: а) Порт-Артур—Харбин, б) р. Ялу—Гирин. Надо нам деятельно усиливать свои средства подвоза: этот подвоз потребуется в несравненно большей степени, чем в минувшую войну. Сибирская магистраль должна получить второй путь. Путь от Сретенска до Хабаровска с веткой от Благовещенска до Цицикара должен обеспечить нам сообщение, когда магистраль будет прервана. Для лучшего обеспечения Гиринского района, надо провести ветку к Гирину. Как средство, надо дать чрезвычайное развитие колонизационного развития.

Унтербергер прибавил, что прежде всего надо провести железную дорогу до Покровки, ибо только оттуда начинается судоходство по Амуру. Ему обещали. Это 350 верст.

28 февраля.

Вчера проехал Омск, где пробыли около суток. Следуем хорошо, не только не с опозданием, но выгадывая противу росписания, никого при этом не обгоняя. Очевидно, расписание воинского движения составлено со слишком большими остановками. Вполне возможно сократить в общем переезд до Дальнего Востока и обратно воинских поездов на два, три дня. Выигрыш будет большой. Сибирская дорога опять произвела тяжелое впечатление, восточный участок ее, проходящий по гористой местности, очень неудачно трассирован. Почти всюду приходилось давать в помощь второй паровоз, а в одной вышке—третий. Между тем наш поезд значительно легче товарного. Но что всего тревожнее—это состояние подвижного состава. На деповских станциях огромное количество замороженных паровозов. Те, которые работают, очень запущены, ослабели, давно требуют ремонта. Вагонный парк запущен.

В помещениях большая нужда. На одной из пустынных станций начальник станции рассказал мне, что у них начальники участков занимают огромные квартиры, до 50 кв. сажен площадью, а многие

служащие ютятся, как нищие, что ремонтная сумма расходуется тоже главным образом на большие квартиры. Но он же говорил мне, что на это обращено внимание и, кроме того, передал, что для лучшего обеспечения служащих практикуется выдача ссуд и нарезка участков для постройки служащими своих домов. Но дело это пока идет медленно: многие боятся закрепощать себя в сибирской тайге.

За два года население при станциях значительно развилось. В общем при многих из станций (деповских) общее число населения составляет 3—4—6.000 человек. Между станциями поселений мало. Работа еще предстоит огромная.

В Красноярске встретили ген. Редько, командир и офицеры Красноярского полка. Редько подробно рассказал свои действия с Красноярским полком по усмирению железнодорожных служащих и 250 железнодорожных нижних чинов с офицером запаса, принявшим общее командование. Бунтовщики заперлись в мастерских и нескольких домах и сильно укрепились. Войска обложили их, но не решались штурмовать. На 6 день бунтовщики сдались. Пушки не поспели вовремя. Из пулеметов и ружей огонь был открыт, кажется, на 4 день. Бунтовщики отвечали огнем. У нас убито 3 и ранено 8. Бунтовщики потеряли около 15 человек. Сдача произошла при уговорах представителей от города, явившихся парламентерами. Офицер, командовавший бунтовщиками, успел убежать. Редько боялся большого кровопролития и мог даже ожидать, что штурм будет отбит: не располагал взрывчатыми средствами, приходилось штурмовать каменные стены с голыми руками.

Проезжали и ст. Иланскую. Бой там был менее жесток, чем по слухам рассказывал мне ген. Сычевский.

В Омске видел всех офицеров (старших) Сибир. Каз. войска, ген. штаба. Губернатор Романов встретил меня. Сухотин — больной, не выходил из дома, я провел день у него. Много рассказывал про требования из Петербурга. Реакционного движения, вполне проявленного и направленного против манифеста 17 октября, не усматривает. Витте называет злым гением России. Заключение мира считает подлым для Витте делом. Вытащил мой всеподд. доклад 1900 года [1]) и сказал, что всем проезжающим в оправдание меня прочитывает заключительные места доклада (печатного). Конец таков:

«Против желания русского монарха, противно интересам России, война может разгореться. Это, конечно, будет большим несчастьем для всего мира, но собственно для России может быть несчастие еще более тяжкое: это—несвоевременное, ранее полной победы, окончание начатой борьбы.

Русскому монарху придется проявить железную твердость характера, чтобы в случае неудачи первой кампании, после первых и тяжких последствий войны—голода, болезней, застоя в делах и, главное,

[1]) По поводу задач нового столетия в деятельности военного министерства.

огромных потерь убитых и раненых, противостоять советам со всех сторон: признать Россию побежденною и заключить мир».

Доклад помечен 14 марта 1900 года.

Сухотин все два года почти безвыездно провел в Омске. Работал тяжело и несколько опустился. Говорил о беспорядочном движении войск через Омск, о массе отставших запасных; более всего отставших было, по его словам, из войск московского и петербургского военных округов. Они с разрешения Владимира и Сергея Александровича, уже призванные в части, были отпускаемы домой, чтобы проститься и присоединиться к своему эшелону при проходе его через их ближайший город. Опаздывали. Таких отсталых скопилось только в Омске свыше 10.000 человек, которые размещены в один Омский запасный батальон; почти не обучались за отсутствием достаточного числа офицеров. Кажется, в батальоне было 12—16 рот. Он же говорил мне, что командиры стрелковых частей сами говорили, что они преднамеренно не принимали мер для поимки бежавших во время пути евреев, дабы освободить от них свои части, переполненные евреями. Не надеялись, по их словам, и на поляков.

Затем Сухотин рассказал мне, со слов ген. Орлова, проводившего 54 див. через Омск, о том неподготовленном состоянии, в котором он дивизию вел. Только что они собрали запасных и начали занятия, не успели еще пройти и половину курса стрельбы, не делали с тактическими целями учения, как пришел приказ двигаться к железной дороге для царского смотра. Все было заброшено, и стрельба и тактика, только бы прошли хорошо церемониальным маршем. 6 дней провели только в ожидании. На обратном пути тоже неожиданно их стали сажать в поезд и повезли на Дальний Восток еще незакончившими сколько-нибудь сносно свое обучение,—совершенно не учившиеся как бригада и дивизия в поле, не повторившие ни стрельбы, ни тактики в поле, с массою вновь прибывших офицеров, прибывших даже после начала движения и совершенно не знавших нижних чинов. Там 40 дней в вагонах и прямо в бой в гаолян под Ляояном. В результате — бегство. А материал был хороший.

Если бы мое ходатайство было уважено и мобилизация была объявлена тотчас после пасхи всем подкреплениям, то мы получили бы иную силу в запасных, особенно, если бы не брали старшие сроки.

2 марта в Челябинском.

Приехали в Европейскую Россию. Перемена идет незаметно. Население плотнее: больше деревень, храмов, больше русских людей на станциях. Ко мне относятся ласково, почтительно, с нескрываемым при этом любопытством. На нескольких станциях, где я не хотел сходить, ко мне присылали депутатов, что собравшиеся просят меня выйти, дабы они могли поздороваться со мной, пожелать счастливого пути.

В Челябинске был у меня г. м. Стельницкий, один из доблестнейших начальников частей минувшей войны. Командовал Семипалатинским полком и составил ему добрую славу. Я усердно тащил его вверх и с очень большим трудом добился производства его в генерал-майоры. Теперь он исполняет должность временного генерал-губернатора в Челябинске и исполняет без зверских приемов разных Меллеров, спокойно и с успехом. При каждой вести о готовящемся беспорядке, он без всякого конвоя является среди рабочих, на их сходки и приводит волнующихся к порядку. Сил и средств для исполнения им этой должности ему никаких не дано.

Очень горячо говорил мне, как трудно ему было в должности еще командира полка справляться с запасными осени 1904 года. Говорил: прежде всего приходилось опоражнивать карманы, наполненные всякими прокламациями.

Жаловался, что никакого военного одушевления не было не только между нижними чинами, но и между офицерами. Говорил, что в первых боях рано отступали, потом к потерям притерпелись. Очень надежною считал свою бригаду летом прошлого года, выучились, привыкли к войне

7 марта. Тула.

В Сызрани заведующий общею перевозкою войск полковник Мелянт (командовавший на войне Волынским полком) рассказывал мне про московские беспорядки. Говорил мне, что старый Малахов совершенно растерялся, что только прибытие Семеновского полка повернуло дело к отпору революционной партии. Он, Мелянт, пробыл дни «революции» в самой Москве. Считает, что общее число восставших было не более 5.000 человек. Что все это, главным образом, была зеленая молодежь: фабричные парни, учащиеся. Что главари, частью евреи, показывались на баррикадах и исчезали. Что один из бойцов дружины говорил лично Мелянту, что им хорошо платили. И из других источников Мелянт слышал, что первые дни дружинникам платили по три рубля в день, затем сбивали на два, потом на 1 рубль и, наконец, начали платить по 20 коп., и тогда они разошлись.

По рассказу Мелянта, самым буйным и беспокойным элементом при проезде Сызрани оказались запасные XIII корпуса. Их везли с оружием, в составе рот и батальонов выделены кадровые части (срочно служащих) для охраны линии. Запасные XIII корпуса толпами с угрозами требовали немедленного их отправления.

12 марта. Шешурино.

7 марта приехал в Москву. Встреча была более теплая, чем я ожидал. В Серпухов и в Москву меня выехали встречать многие близкие и жена с сыном и братом. Встретили Левашев с женою, Рудоновский, Величко, баронесса Сакен, Урусов, Кнорринг, гр. Бобринский, доктор Дейкун.

Гр. Бобринский по поручению кн. Трубецкого передал мне, что государь остался доволен корректностью моего отношения ко всем нападкам на меня и полным порядком, поддержанным мною в армии. Доволен также тем, что я посылкою в Харбин бригады казаков и бригады стрелков помог приведению в порядок Харбина. На Линевича большое недовольство, особенно за переговоры со стачечниками, прием их депутации, разговоры с корреспондентами. Вообще, по словам гр. Бобринского, государь возмущен нашими генералами, пустившимися в оправдательную газетную полемику. Линевич не был принят государем.

Относительно меня государь говорил, что, вероятно, примет меня в мае.

Относительно внутренних дел Бобринский говорил, что Дурново забирает силу, и хотя манифест 17 октября сохраняет большую силу, но в борьбе с революционною пропагандою невольно заходят далее, чем бы то следовало, и своими действиями напоминают реакцию, решительно идущую к возобновлению старых порядков.

Витте, по словам Бобринского, играет не вполне ясную роль. Все им недовольны, но сознают, что заменить его некем. У государя в силе Трепов (московский).

Относительно меня Витте дважды говорил государю, что надо меня послать на Кавказ.

Государь говорил о Туркестане.

9 марта приехал в Шешурино.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Кутайсов, П. Ив., гр., был генерал-губернатором Восточной Сибири в 1903—1905 гг.

20 октября 1905 года в Томске местными черносотенцами и переодетыми городовыми была устроена патриотическая манифестация. Толпа погромщиков с портретами царя прошла по главной улице к зданию управления железной дороги, где в это время находилось много служащих управления и линейных; туда же забежала, скрываясь от погромщиков, и посторонняя публика. Началась осада. Толпа развела костры, пыталась зажечь здание. Ночью начался пожар. Находившиеся в горевшем здании люди выбрасывались в отчаянии из окон второго и третьего этажей на улицу, где добивались солдатами или толпой громил. Число пострадавших достигло 500 человек.

«Рассказы Рожественского про Владивосток просто невероятны». Очевидно Куропаткин имеет в виду военный мятеж 30 октября 1905 г., поднятый запасными демобилизованной армии, давно ожидавшей отправки на родину. Обещанием выполнить все требования запасных комендант крепости, Казбек, добился успокоения.

Надаров, Ив. П., ген., был главным начальником тыла Манчжурской армии.

Стачечный комитет Вост.-Китайской жел. дор. избранный 24 ноября 1905 г. общим собранием служащих всех служб и отделов жел. дороги, постановил примкнуть к общей ж.-дор. забастовке, не прекращая работ по эвакуации и снабжению армии. Но вскоре же, убедившись на практике, как трудно прекратить пассажирское и коммерческое движение, тесно связанное с жизнью армии и самих служащих, постановил со 2 декабря прекратить забастовку, доведя об этом до сведения центр. стачечного комитета, и предлагал выразить свою солидарность с товарищами в другой форме.

Дурново, П. Н., в 1905—1906 г.г. был директором департамента полиции министерства внутренних дел.

Хорват, Д. Л., ген., был начальником Восточно-Китайской дороги. Позднее, в 1918—1919 гг. сыграл выдающуюся роль в организации контр-революционных сил на Д. Востоке.

Мищенко, П. И., ген., командовал сводной казачьей дивизией и находился в непосредственном распоряжении главнокомандующего.

Ренненкампф, П. К., ген.-лейт., назначенный начальником карательной экспедиции на Восточно-Китайскую, Забайкальскую и Сибирскую жел. дороги, в начале японской войны состоял в распоряжении главнокомандующего, затем командовал VII, а позднее (в 1906 г.) III сибирским армейскими корпусами.

Захаров, П. М., полк., был начальником военных сообщений тыла Манчжурской армии. Предлагаемая командировка Захарова на Сибирскую железную дорогу для водворения порядка была отменена приказом начальника штаба ген.-лейт. Голицыным.

Сухотин, ген., командовал Сибирским военным округом.

И. В. Холщевников, командующий войсками и военный губернатор Забайкальской области, проявил большую нерешительность в борьбе со стачечным движением на Забайкал. жел. дор., за что, после разгрома Читы отрядом Ренненкампфа, был отрешен от должности и отдан под суд.

Хинганский перевал — горный кряж, начинающийся на севере у берегов Амура в месте слияния Шилки с Аргунью, отделяет Монголию от Манчжурии. Высота гор в северной части достигает до 1.200 метров.

Штурм Геок-Тепе, упоминаемый Куропаткиным, — один из эпизодов военной экспедиции 1880—1881 г.г. в Закаспийский край. Геок-Тепе—несколько текинских поселков в Ахал-Текинском оазисе, прикрытых крепостью Янчи-Шаар. Экспедиция генерала Скобелева имела ожесточенные бои с текинцами, стремившимися не без успеха помешать осадным работам. Тем не менее к 12 января работы были закончены, и штурм был назначен тремя колоннами, одной из которых командовал полковник Куропаткин. Когда после артиллерийского огня в стенах крепости была сделана брешь, отряд Куропаткина после короткого, но упорного рукопашного боя ворвался в крепость и захватил холм Денчиль-Тепе; почти одновременно вошли в крепость и остальные колонны.

Селиванов, А. Н., ген.-лейт., во время японской войны командовал II сводным стрелковым корпусом. Был ранен во время январск. мятежа во Владивостоке. После отставки гр. Кутайсова был назначен ген.-губ. Восточной Сибири и командующим воен. округом (временным-ген.-губернатором после Кутайсова был некоторое время ген. Ласточкин).

Чита фактически была в руках рабочих читинских ж. д. мастерских, к которым присоединилась часть солдат местного гарнизона. В первых числах ноября было приступлено к организации рабочей дружины. Был организован жел.-дор. комитет для упорядочения ж. д. движения и скорой переброски в Евр. Россию эшелонов запасных демобилизуемой армии. Между тем карательные экспедиции Ренненкампфа и Меллер-Закомельского приближались к Забайкалью. Началась деятельная подготовка к вооруженному сопротивлению. Однако в последний момент сопротивление было признано бесцельным. Эшелоны Ренненкампфа вошли в город. Началась расправа и аресты. Военно-полевой суд вынес смертные приговоры Григоровичу (Костюшко Волюжанину), Цупсману, Вайнштейну и Столярову; 40 человек осуждено на каторгу.

Покотилов, Дм. Дм., д. ст. сов., был чрезвычайным посланником с полномочиями министра в Пекине.

Лепешинский, В. П., старый народоволец, член стачечного комитета, служил на Вост.-Китайск. жел. дороге, за участие в стачечном движении 1905 г. был осужден на 2 года тюрьмы. Умер в 1916 г.

Безобразов, А. М., статс-секретарь, инициатор захватнической политики в Корее путем получения там концессий на имя подставных частных обществ.

Гродеков, Н. Ив., ген.-от-инфэнт. До японской войны был приамурским ген.-губернатором и командующим войсками округа. Позднее был членом Гос. Совета. По отозвании Линевича из действующей армии назначен на его место по настоянию гр. Витте, хотя вел. князь Николай Николаевич выдвигал на этот пост барона Мейендорфа.

Гриппенберг, Ос. К., ген., командовал II Манчжурской армией.

Каульбарс, А. В., ген., барон, командовал во время японской войны первоначально III Манчжурской армией, затем II.

Бильдерлинг, Ал. А., ген., барон, командовал первоначально XVII арм. корпусом, затем временно был командующим III манчжурской армией.

Унтербергер, П. Ф., ген.-лейт., был назначен командующим войсками приамурского военного округа и приамурским ген.-губернатором.

Красноярская организация РС-ДРП с самого начала октябрьской забастовки фактически захватила власть над Красноярском и его центральными для всей Сибирской жел. дороги мастерскими. Мощь революционных организаций Красноярска окрепла к декабрю 1905 г. настолько, что карательная экспедиция Меллер-Закомельского не решилась сделать нападение с запада. Для ликвидации «Красноярской Республики» (так именовали Красноярск каратели) был использован такой прием: приказом главного командования армии в 20-х числах декабря, во время жестоких сибирских морозов искусственно была создана задержка («пробка») для двигавшихся на запад эшелонов демобилизованных солдат. Вблизи самого города им было заявлено, что дальше, якобы, их не пускают ехать забастовщики и поэтому им необходимо самим пробиться через Красноярск. Демагогическая пропаганда сделала свое дело: 23 декабря полки вошли в город. Рабочие решили без сопротивления не сдаваться. В главные ж.-дор. мастерские свозилось оружие, и на заре 25 декабря в сборно-паровозном цехе оказались осажденными тысячной армией отряды революционеров — ж.-дор. рабочих и солдат ж.-д. батальона. Осада длилась около 10 дней, мастерские обстреливались из пулеметов и атаковались. 3 января Красноярск пал.

Малахов, Н. Н., ген., в декабрьские дни 1905 г. был помощником командующего войсками московского военного округа.

Бобринский, гр., был адъютантом Куропаткина

Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым.

(1880—1881 г.г.)

Печатаемая ниже переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым целиком охватывает недолгий период пресловутой «диктатуры сердца», именно—от назначения Лорис-Меликова главным начальником верх. распор. комиссии (февр. 1880 г.) до полного заката его политической карьеры (29 апр. 1881 г.). Переписка начинается письмом Александра III от 21 февраля 1880 г., т.-е. через девять дней после вступления Лорис-Меликова в должность главы верх. распор. комиссии, созданной по инициативе и при активнейшей поддержке Александра III, тогда еще цесаревича. Переписка свидетельствует не только о глубоком интересе будущего царя Александра III к деятельности Лорис-Меликова, но и о сочувствии его либеральным планам «диктатора». Последний же прямо заявлял своему высокому корреспонденту: «С первого дня назначения моего на должность главного начальника верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества» (9 апр. 1880 г.). Переписка за 1880 год ярко свидетельствует о действенном контакте обоих корреспондентов в деле «успокоения отечества», и в этом ее исключительный интерес. Однако союз длился недолго: событие 1 марта 1881 года положило конец и переписке и расположению Александра к своему корреспонденту. После смерти своего отца, новый царь, под влиянием Победоносцева и своего воспитателя, главы придворной консервативной партии, гр. С. Г. Строганова, «раскаялся» [1]) в том, что, следуя внушениям Лорис-Меликова, едва, было, не стал конституционалистом, а это, как он думал, было бы гибелью России. Естественно поэтому наступившее охлаждение Александра III к всесильному недавно диктатору. Лорис-Меликов почувствовал это, конечно, еще в заседании 8 марта, где, несмотря на поддержку Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и др., проект его об «общей комиссии», т.-е. о привлечении в правительство представителей земств и городов, был, после речи Победоносцева, сдан в ту «комисию», которая обычно является синонимом провала. Он, правда, пытался продержаться еще некоторое время, но вскоре увидел, что игра проиграна безнадежно, и 29 апреля подал прошение об отставке «по болезни». Недавний союзник не замедлил согласием на просьбу об отставке, которой он, по

[1]) См. ниже «Заседание совета министров 8 марта 1881 г.»

его словам, ждал, так как они «разошлись совершенно во взглядах», а «это, конечно, долго продолжаться не могло».

Переписка воспроизводится здесь по подлинникам, хранящимся во II Отд. Госархива РСФСР. Письма печатаются по новой орфографии, почти скрадывающей безграмотность Александра III («заѣдетѣ» и т. п.), но с сохранением других особенностей его правописания; пунктуация же везде исправлена. О других особенностях текста сделаны соответствующие оговорки в подстрочных сносках.

В конце переписки помещены именной указатель и примечания.

1.

21 февраля 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, если Вы не слишком заняты и если Вам будет возможно, прошу Вас очень заехать ко мне сегодня в $8^1/_2$ часов вечера,— мне бы хотелось поговорить с Вами.

Александр.

2.

25 февраля 1880 г.

Аничков дворец.

Посылаю Вам, любезный граф, письмо, полученное мною от гр. Воронцова-Дашкова [1]), и при нем прокламацию, которую получил один из офицеров л.-гв. Финляндского полка. В особенности обращаю Ваше внимание на умные действия петербургской полиции.

Александр.

Ваше высочество,

Полковник Теннер [2]) мне сегодня принес прилагаемую прокламацию, полученную поручиком Ивановым, одним из офицеров, бывших в гл. карауле 5 февраля. Прокламация получена в прошлую ночь и тотчас же полковником Теннером отнесена градоначальнику. Доношу об этом Вашему высочеству для сведения.

При этом меня поразил рассказ п. Теннера про массу городовых, собранных в полиции для обыска 250 домов и в числе их какой-то столярной мастерской, в которой собираются господа социалисты.

Ежели посторонний человек, случайно зашедший, мог, вероятно, без особых хлопот, узнать о цели и приблизительном направлении скопища полицейских, то как же социалисту, приставленному к наблюдению за полицией, или даже в ней служащему, подробно не узнать все и во-время не сообщить?

Душой преданный

И. Воронцов.

3.

27 февраля 1880 г.

Любезный граф, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером в 9 часов? Если же Вы заняты и Вам нет времени, пожалуйста, не стесняйтесь: я могу назначить другой день. Давно с Вами не виделся и не говорил [3]).

Александр.

4.

3 марта 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером в 9 ч. *), чтобы поговорить?

Вместе с этим посылаю Вам полученную мною просьбу. Из дел III отд., наверно, можно будет узнать, что за личность этот Лопатин [4]) и заслуживает ли он внимания [5])?

Александр.

5

9 марта 1880 г.

Я прочел, любезный Михаил Тариелович, Вашу записку и откровенно Вам скажу, что она меня вполне удовлетворяет [6]).

Дай бог, чтобы государь так же отнесся к ней, и тогда можно будет действовать решительнее и с полным спокойствием.

Дай бог в добрый час!

Цесаревич Александр.

6.

14 марта 1880 г.

Palais Anitshkoff.

Любезный граф, если Вы можете, заезжайте ко мне сегодня, пожалуйста, около 9 ч. вечера.

Мне более не удается быть на Ваших докладах у государя, и я ничего не знаю.

А.

*) Зачеркнуто: 10 ч.

7.

15 марта 1880 г. *).

Считаю долгом почтительно доложить Вашему императорскому высочеству, что сегодня я ездил к министру двора и ознакомился с запискою, представленною вчера полковником Федоровым [7]) относительно обязанностей заведывающего дворцом. Записка эта будет доложена завтра графом Адлербергом [8]) государю императору, и можно надеяться, что она удостоится высочайшего утверждения. По мнению моему, записка составлена, в главных основаниях, толково, хотя и нет сомнения, что потребует впоследствии, как всякое начинание, некоторых изменений или дополнений.

Сегодня же я счел необходимым опросить подробно во дворце дежурного по караулам и других о существующем порядке пропуска во дворец лиц военного и гражданского ведомств. Подробности этого дела, а также личные соображения мои, буду иметь честь доложить Вашему высочеству при первом случае.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов*.

8.

23 марта 1880 г.

Завтра в 2 часа назначено заседание комитета министров, в коем будет обсуждаться вопрос о правах генерал-губернаторов и об отношениях их к главному начальнику верховной комиссии [9]).

Ввиду этого не могу, к сожалению, воспользоваться милостивым разрешением быть у Вашего высочества завтра в 2 часа.

Представляю при сем письмо г. Лихачева [10]). Подробности буду иметь честь доложить лично.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

9.

24 марта 1880 г.

Мне так досадно, любезный граф, что не удалось вчера повидаться с Вами. Если Вы могли бы заехать сегодня ко мне после заседания комитета министров, до 6 ч. я дома и свободен и буду Вас ждать.

К сожалению, не могу назначить позже, потому что у меня музыкальный вечер.

Александр.

*) «1880» приписано красным карандашом; то же самое далее в письмах №№ 8, 11, 15, 16, 18.

10.

29 марта 1880 г

Считаю долгом представить при сем экземпляр весьма интересных показаний Гольденберга [11]). Экземпляр этот составлен для Вашего императорского высочества и потому возвращению не подлежит.

Согласно полученного разрешения, явлюсь сегодня в $8^1/_2$ часов вечера.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

11

2 апреля 1880 г

Долгом считаю представить при сем для прочтения Вашему императорскому высочеству весьма интересную записку, составленную лично для меня статс-секретарем Кахановым [12]) по поводу продолжительной переписки или, выражаясь точнее, пререканий между министерством юстиции и III отделением. В записке Каханова изложены, по мнению моему, некоторые взгляды о нашем судебном ведомстве столь метко, что во мне явилось желание ознакомить Ваше высочество с ее содержанием.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

12.

2 апреля 1880 г.

Весьма дельно и, к сожалению, справедливо. Желательно было бы показать эту записку государю, чтобы он убедился, до чего ненормально и неправильно направление министерства юстиции

А. *).

13.

9 апреля 1880 г.

Согласно полученному мною разрешению, имею честь представить при сем на предварительное прочтение и для личного сведения Вашего императорского высочества записку, составленную для государя императора [13]).

С первого дня назначения моего на должность главного начальника верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе, как в одинаковом с Вашим высочеством направлении,

*) Эта записка написана карандашом.

находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества.

Буду счастлив, если Ваше высочество соизволите одобрить записку вполне или сделать какие-либо замечания на изложенные в ней мысли, которые, несомненно, приму к руководству.

В этих соображениях дозволяю себе представить Вам записку вчерне. Она будет окончательно переписана лишь по возвращении от Вас.

Смею надеяться, что, по прочтении, Ваше высочество разрешите мне явиться к Вам для представления устных объяснений и дополнений.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

14.

11 апреля 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать ко мне сегодня до 9 ч. вечера переговорить о Вашей записке?

Александр.

15.

11 апреля 1880.

Сегодня в 9 часов вечера буду иметь честь явиться к Вашему высочеству. Заранее прошу извинения, если запоздаю 10 или 15-ю минутами: возвратясь домой, узнал, что, по приказанию государя императора, министр народного просвещения [14]) заезжал ко мне по какому-то делу и в $8^1/_2$ часов вечера хотел снова быть у меня.

О результате представленной мною сегодня записки не могу еще доложить Вашему высочеству что-либо определительное. Государь прочтет ее сегодня и, вероятно, выразит завтра, при докладе моем, свое личное мнение. Опасаюсь лишь одного, чтобы его величество не передал записки кому-либо из министров, для прочтения которых можно будет составить особую записку, имеющую более служебную форму, чем та, которая представлена сегодня государю—для личного сведения.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

16.

12 апреля 1880 г.

На случай, если записка моя, с последовавшими на ней резолюциями, не была передана Вашему высочеству сегодня утром государем императором, считаю долгом представить Вам при сем для прочтения.

Подробности происходившего при всеподданнейшем докладе моем буду иметь честь передать Вашему высочеству при личном свидании.

По прочтении благоволите приказать возвратить мне записку.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

17.

12 апреля 1880 г.

Слава богу! Не могу выразить, как я рад, что государь так милостиво и с таким доверием принял Вашу записку, любезный Михаил Тариелович.

С огромным удовольствием и радостью прочел все пометки государя; теперь смело можно идти вперед и спокойно и настойчиво проводить Вашу программу на счастье дорогой родины и на несчастье г.г. министров, которых, наверно, сильно покоробит эта программа и решение государя, да бог с ними!

Поздравляю от души и дай бог хорошее начало вести постоянно все дальше и дальше и чтобы и впредь государь оказывал Вам тоже доверие!

Я Вам очень благодарен за это приятное сообщение; мне государь не говорил ничего про записку, так что я ничего не знал о ее судьбе.

От души Ваш

Александр.

18.

16 апреля 1880 г.

По некоторым изменившимся обстоятельствам, имею честь покорнейше просить Ваше высочество повременить объяснением Вашим с государем императором о гр. Толстом. Причину этой (двухдневной) приостановки доложу лично при первом разрешении явиться к Вашему высочеству.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

19.

7 апреля 1880 г.

По приказанию государя императора, честь имею представить при сем Вашему императорскому высочеству показания, данные арестанткою Андреевскою, содержащеюся ныне в доме предварительного заключения. Дальнейшие сведения, которые будут добыты от Андреевской, я не премину представить также Вашему высочеству.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

20.

8 мая 1880 г.

Аничков дворец.

Любезный граф, мы так давно с Вами не видались, что я был бы очень рад, если Вы могли бы заехать ко мне сегодня в $9^1/_2$ часов вечера.

Александр.

21.

18 мая 1880 г.

Честь имею представить на усмотрение Вашего императорского высочества полученное мною сего числа донесение и. д. градоначальника, основанное на данных, добытых агентурным путем. Обязываюсь присовокупить, что подобного рода донесения поступают ко мне весьма часто, но по проверке оказываются в большей части вымышленными. Поэтому я полагал бы не докладывать государю императору о содержании упомянутого донесения, впредь до более тщательного расследования.

Представляю также письмо, полученное мною от полковника Баранова из Парижа.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

22.

18 мая 1880 г.

Очень Вам благодарен, любезный Михаил Тариелович, за присылку письма Н. М. Баранова, которое весьма интересно, и кажется, что его взгляд на многое верен.

Что же касается до донесения Федорова, то я почти уверен, что это вздор, но, конечно, следить за этим необходимо.

Я очень рад, что Вы не докладываете подобные донесения государю, это только его раздражает и напрасно тревожит.

Одно, что заслуживает внимания, это то, что надо весьма зорко следить за этим поганым патронным заводом; это положительно гнездо пропагандистов и уже издавна.

Надеюсь, когда будет у Вас время, Вы заедете ко мне на Елагин, только, пожалуйста, телеграфируйте или напишите накануне, а то, пожалуй, не застанете меня дома. Ваш

Александр.

23.

21 июня 1880 г.

Царское Село.

При сем честь имею представить Вашему императорскому высочеству письма и телеграммы, полученные мною в последние 4 дня от посла нашего в Лондоне кн. Лобанова [16]). Хотя можно предполагать, что заявление, сделанное Сарачинским, вымышлено и имеет целью лишь вымогательство денег, но при всем том невозможно не принять некоторых мер предосторожности, так как социалисты, теряя в последнее время под собою почву, могут быть подвинуты руководителями своими на какое-либо неожиданное и, так сказать, отчаянное предприятие.

Для усиления надзора в Гапсале, командируются сегодня 5 агентов. Смею думать, что Ваше высочество не станете гневаться на это распоряжение.

Письма кн. Лобанова были представлены мною государю императору, ибо я не счел себя в праве умалчивать о сведениях, сообщаемых нашим послом.

Полковник Баранов и ординарец мой майор Литвинов выехали вчера в Женеву и за сим о всяком подтверждении каких-либо фактов из показаний Сарачинского я не замедлю довести до сведения Вашего императорского высочества.

Благоволите приказать по прочтении представляемой переписки возвратить мне обратно с командируемым мною фельдъегерем.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов.*

24.

Гапсаль. 1880 г. 23 июня.

Благодарю Вас очень, любезный граф Михаил Тариелович, за письмо и присланные бумаги.

Хотя я тоже уверен, что все эти слухи вымышленные, но, конечно, осторожность не мешает, и нужно принять некоторые меры предосторожности. Что касается до Гапсаля, то вряд ли здесь нужно принимать новые меры, так как здесь уже они приняты и здесь так спокойно и тихо.

Главное, что желательно было бы, это — надзор за приезжающими на пароходах и по почте, на это если употребить вновь присланных вами агентов, было бы весьма полезно и необходимо, а во всем остальном они будут бесполезны, так как полиции здесь довольно, и потом я взял с собою моих казаков-кубанцев.

Здесь отлично, тихо, спокойно и погода великолепная, так что наслаждаемся вполне.

До свидания 29 июня в Царском Селе.

Жму Вам крепко руку. Ваш

Александр.

25.

Гапсаль. 1880 г. 18 июля.

Любезный граф Михаил Тариелович, возвращаю Вам оба номера «De la Nouvelle Revue», которые Вы мне одолжили перед нашим отъездом в Гапсаль.

Я прочел статьи с большим интересом и могу сказать откровенно, что они сделали на меня самое отвратительное впечатление.

Ясно видно из многих фактов, что все источники идут от в. к. Николая Николаевича [17]), и решительно никто, кроме его и Непокойчицкого [18]), не могли знать многого, что напечатано теперь. Есть вещи справедливые, но рядом с этим самая наглая ложь и выдумка, что доказывает тенденциозность этих статей и для чего они были напечатаны.

Если *) Никол. Никол. не был бы п р о с т о г л у п, я бы прямо назвал бы его п о д л е ц о м, потому что все эти статьи ничто иное, как явная ложь и великая подлость!

Не понимаю только одного, кто этот мерзавец, который мог предложить Ник. Ник. подобную статью, или это его собственная инициатива в этом милом деле.

Пожалуйста, сообщите мне все подробности этого дела, которые Вы могли собрать, меня весьма интересует знать, кто эта личность, которая предложила свои подлые услуги.

Слава богу, у нас все благополучно, и мы продолжаем наслаждаться чудной погодой, морскими купаньями и, главное, тишиной и спокойствием симпатичного Гапсаля!

Пожалуйста, если есть что нового и интересного, напишите мне.

Как была встреча Грейга [19]) с Бунге [20])?

К. П. Победоносцев [21]) обещал писать, да ничего до сих пор от него не получал, пожалуйста, скажите ему это, когда увидитесь.

До свидания, любезный граф Михаил Тариелович. Жму Вам крепко руку. Ваш

Александр.

---

*) Первоначально было написано: «Есть ли».

26.

31 июля 1880 г. Царское Село).*

Глубоко признателен Вашему императорскому высочеству за письмо от 19 (sic!) июля, которым Вам угодно было почтить меня.

Долгом считаю представить при сем копию со всеподданнейшего доклада моего от 26 сего июля [22]). Сколько могу судить, доклад этот был принят государем императором весьма благосклонно; окончательного решения еще не последовало и, по всем вероятиям, его величество признает нужным переговорить предварительно о возбужденном мною вопросе с гр. Валуевым [23]) и ст.-секретарем Маковым [24]). Не скрою от Вашего высочества, что для вящего успеха дела я имел в виду представить доклад лишь по возвращении Вашем из Гапсаля; но некоторые случайные обстоятельства, изложением которых не смею обременять Вас в настоящем письме, побудили меня ускорить представлением, дабы вопрос получил окончательное решение до отъезда государя императора в Ливадию.

Статья, появившаяся в «La Nouvelle Revue» о русско-турецкой войне, по имеющимся здесь сведениям, написана при посредстве доктора Шершевского [25]), состоящего при великом князе Николае Николаевиче. Из прилагаемых двух статей «Голоса» и выписок из перелюстрованных писем **) Ваше высочество изволите усмотреть достоверность этого предположения. В военном министерстве изготовлена ответная статья, которая, вероятно, появится скоро в одном из наших журналов и, без сомнения, будет переведена на французский язык. Статья составлена дельно и местами весьма ясно намекает, какими источниками пользовался автор памфлета, появившегося во французском журнале. Статья в «Nouvelle Revue» не могла не огорчить государя; взгляд его по отношению к тенденциозности и неблаговидности напечатания за границею анонимных статей совершенно совпадает с мнением Вашим, и при передаче мне для прочтения изготовленной ответной статьи я доложил государю содержание той части Вашего письма, в которой Вы высказываете вполне одинаковое мнение относительно автора памфлета. Явления подобного рода не могут нас радовать уже потому, что, преследуя подпольную печать, проявляющуюся в среде нигилистов и других негодяев, мы сами как будто бы практикуем ремесло это свыше, чем, очевидно, расшатываем дисциплину понятий даже в войсках.

Новый товарищ министра финансов Бунге прибыл дней с 10 тому назад и вступает, по случаю отъезда генерала Грейга на 2½ месяца, в управление министерством. Я виделся с Бунге уже два раза,

---

*) На первой странице этого письма, в правом верхнем углу, имеется пометка рукой Александра: «Получил в Гапсале 2 августа 1880 г.».

**) Указываемых статей и выписок при оригинале письма нет.

говорил с ним о некоторых предметах и вынес убеждение, что человек этот приложит все свои знания и старания, дабы сколько-нибудь облегчить то трудное положение финансовое, в котором мы находимся ныне. На все это, конечно, нужно время, так как для полного финансового оздоровления потребны не месяцы, а целые годы; в данную же минуту назначение Бунге может лишь способствовать восстановлению в обществе поколебленного доверия к нашей финансовой администрации. Что касается Грейга лично, то, при неожиданном для него назначении Бунге, он совершенно подчинился твердо выраженной воле государя и сам, конечно, не станет противодействовать своему новому товарищу; но нельзя не опасаться, чтобы искусившиеся в интригах чиновники, ревниво смотрящие на непрошенного сослуживца-начальника, не вредили ему в предстоящей деятельности и не создавали бы ему постоянных затруднений, в борьбе с которыми Бунге вынужден будет терять, лишь понапрасну, дорогое время.

Я признал полезным и необходимым передать г. Бунге при первом же свидании, что Ваше высочество милостиво относитесь к нему, и что в разумных своих начинаниях он всегда может рассчитывать на Вашу поддержку.

Дело нигилистов находится в том же положении, в каком оно было во время недавнего пребывания Вашего высочества в Царском. Активных действий, за исключением одного случая, хотя и не проявляется, но самое это затишье побуждает нас усугублять надзор. Недавно произведено в Петербурге четыре весьма важных ареста. Одна из задержанных—дочь отставного гв. ротмистра Дурново [26]), как видно из взятых у нее бумаг, несомненно, состоит деятельным членом московского революционного комитета. Сюда она прибыла, по всей вероятности, как посредница между московским и петербургским комитетами, так как при ней найдена и касса в 3500 рублей. В схваченных у Дурново бумагах имеется указание на отправленный с нею печатный станок, вероятно, ручной; но до сих пор станок этот еще не открыт; арестованная сама не хочет давать п о к а никаких показаний. При ней же найден «Устав федерального общества «Земля и Воля». Второй арестованный З а х а р ч е н к о взят на Литейной, вместе с гражданскою женою еврейкою Рубанчик. Захарченко сознался уже, что работал в подкопе, сделанном прошлою осенью в Александровске Екатеринославской губернии, и пояснил, что взрыв не последовал благодаря только случайности, вследствие дурного действия проволок, обнаружившемся во время сомкнутия электрического тока. Арестованный в том же доме на Литейной С и д о р е н к о [27]) отказывается еще от всяких показаний; при нем захвачены письменные доказательства принадлежности его к революционному сообществу.

24 сего июля задержан Александр (? *Ред.*) П р е с н я к о в [28]), разыскивавшийся с 1878 года. Будучи арестован два года тому назад, Пресняков бежал из Адмиралтейской части, вслед за Кропоткиным и на вороной лошади. В прошлом году он был в Париже и в среде ниги-

листов всегда слыл за отчаянного фанатика. Ныне, при задержании Преснякова 25 июля, он ранил смертельно швейцара и легко в руку дворника. Виселица, конечно, не минует этого негодяя; но, к сожалению, он не хочет еще говорить; не именует скрывшегося товарища своего и поэтому приходится, по необходимости, отложить до времени предание его военному суду.

Недели с две тому назад появились, было, листки Народной Воли, отпечатанные на ручном станке и в весьма ограниченном числе. Есть полная вероятность, что листки эти печатались где-либо в окрестностях Москвы и привезены сюда девицею Дурново. Распространителем здесь листков оказался некто Иванчин-Писарев [29]), давно известный III отделению, как ярый революционер. Вот уже более 2 недель, как мы разыскиваем Иванчина но, к сожалению, не можем до сих пор захватить его. Из числа 150 экземпляров отпечатанных Народной Воли, 115 успели задержать в почтовых ящиках, так что листок не получил большого распространения. Один экземпляр листка решаюсь препроводить к Вашему высочеству, несмотря на то, что вся вторая половина его посвящена самому непристойному глумлению надо мною *).

Не знаю, дошло ли до сведения Вашего высочества, что Гольденберг на прошлой неделе повесился в своей камере в Петропавловской крепости, оставив обширные записки о причинах, побудивших его к самоубийству. Вся прошлая неделя замечательна тем, что независимо Гольденберга в Петропавловской крепости и в доме предварительного заключения было три покушения на самоубийство. Студент Броневский [30]) повесился, было, на простыне, но был снят в самом начале покушения. Хищинский отравился раствором фосфора и приведен в чувство своевременно поданным медицинским пособием, наконец, Малиновская [31]), осужденная в каторжные работы, пыталась два раза лишить себя жизни, но была во-время предупреждена.

Я коснулся этих явлений, так как они приводят к прискорбному заключению, что на исцеление людей, заразившихся социальными идеями, не только трудно, но и невозможно рассчитывать. Фанатизм их превосходит всякое вероятие; ложные учения, которыми они проникнуты, возведены у них в верования, способные довести их до полного самопожертвования и даже до своего рода мученичества.

К. П. Победоносцев возвратился третьего дня и рассказывал мне подробности отрадного пребывания своего в Гапсале; всею душою завидовал ему потому только, что не имею возможности приехать в Гапсаль.

Повергаю к стопам государыни цесаревны мой глубочайший поклон и пожелания ее высочеству постоянных семейных радостей.

Преданный Вашему высочеству слуга

гр. *Михаил Лорис-Меликов.*

*) Листка при письме не сохранилось.

P. S. Прошу великодушного снисхождения за спешность письма и неразборчивость почерка; при массе занятий мне довелось писать его в присутствии разных докладчиков и посетителей.

Сегодня государь император соизволил повелеть гр. Валуеву изготовить проект указа, совершенно согласный с содержанием представленного мною 26 июля всеподданнейшего доклада.

27.

1880 г. 3 августа.

Гапсаль.

Благодарю Вас от души, любезный граф Михаил Тариелович, за Ваше длинное и интересное письмо и за приложение к нему.

Ваш доклад государю прочел я с большим любопытством и удовольствием. Мне уже передавал, по Вашему поручению, К. П. Победоносцев о сущности дела, и я вполне разделяю Ваш взгляд на невозможность продолжения существования верховной комиссии в том виде, как она была до сих пор. Что меня в особенности обрадовало, это то, что в конце письма Вы пишете, что государь приказал Валуеву изготовить проект указа, согласный с содержанием Вашего доклада от 26 июля. Значит, государь согласен, и дело будет исполнено, и слава богу.

Мне государь писал, что по поводу статей в «Nouvelle Revue» он имел весьма неприятное и тяжелое объяснение с Ник. Ник. и что при этом он ему высказал всю правду, так что государь прибавляет в письме: «не знаю, что он (т.-е. Н. Н.) сделает теперь, но если будет проситься уйти, я *его не удержу*». Значит, государь весьма не доволен поведением своего брата, и я могу откровенно Вам признаться, что я *очень рад*, что, наконец, государь энергично начал действовать с семейством, а то они позволяют себе все и безнаказанно.

Теперь бы не мешало и старшему (sic!) брату государя, при удобном случае, тоже дать хорошего нагоняя!

Надеюсь, что Бунге во время своего $2^1/_2$-месячного управления мин. финансов положит начало новой финансовой эры и что подчиненные не будут слишком интриговать против него.

Я буду очень рад увидеть его и переговорить с ним при моем возвращении.

При этом возвращаю Вам все бумаги и приложения, кроме листка Народной Воли, который я не успел еще прочесть, а фельдъегеря я не хочу задерживать; пришлю или привезу его сам.

Цесаревна поручила мне очень Вас благодарить за поклон и просит передать и ее.

До свидания, любезный граф Михаил Тариелович; я надеюсь 13 августа быть в Царском Селе. С большим сожалением расстанемся мы с милым Гапсалем, но что же делать—всему свой конец!

Жму Вам крепко руку.

Ваш *Александр.*

28.

3 сентября 1880 г.

Петербург.

Долгом считаю доложить Вашему императорскому высочеству, что вчерашнего числа у министра юстиции, в присутствии моем и сенаторов, назначенных для ревизии некоторых губерний, происходило обсуждение проекта инструкции, составленной на основании указаний, сообщенных министерствами: внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения, и подлежащей представлению на высочайшее утверждение [32]). В совещании возбужден был мною вопрос о том, не надлежало ли бы передать проект инструкции, предварительно представления его государю императору, на рассмотрение государственного совета или комитета министров?

При обсуждении этого вопроса присутствующие нашли, что проект не подлежит рассмотрению вышеназванных учреждений: государственного совета—потому, что такое рассмотрение не входит в круг предметов, подлежащих ведению его, как учреждения законодательного, а комитета министров—потому, что некоторые члены находятся в отсутствии; остальные же сами участвовали в его составлении. Но, вместе с тем, все присутствующие полагали необходимым испросить разрешение Вашего императорского высочества, чтобы проект инструкции, прежде представления на высочайшее усмотрение, был доложен Вашему высочеству, в присутствии председателя комитета министров, как не участвовавшего в составлении означенного проекта, министра юстиции и моем.

Если Вашему высочеству благоугодно будет одобрить настоящее предположение, а равно, если Вы соизволите разрешить пригласить к совещанию и самих ревизующих сенаторов, что, по моему убеждению, было бы весьма полезно, то по получении о том приказания Вашего высочества, я сделаю необходимые распоряжения.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов.*

29.

11 сентября 1880 г.

Петербург.

Долгом считаю представить при сем Вашему императорскому высочеству на прочтение записку статс-секретаря Жомини [33]) с приложениями.

С своей стороны находил бы совершенно излишним представлять означенную переписку государю императору, во-первых, потому, что сведение о намерении взорвать яхту «Ливадия» доставлено в посоль-

ство известным уже нам шарлатаном Мейном, а во-вторых, что самое сведение это сообщено адмиралу Попову [34]), который, несомненно, примет меры для спасения излюбленного им судна.

Если Ваше высочество соизволите разделить мнение мое относительно излишества представления государю императору письма князя Лобанова, то в этом смысле я отвечу ст.-секр. Жомини.

В заключение обязываюсь доложить, что князь Лобанов, к сожалению, весьма неразборчиво относится вообще к заявлениям, делаемым ему всевозможными проходимцами, и таким образом, сообщая нам непроверенные на месте сведения, вызывает лишь напрасную тревогу и вовлекает в непроизводительные и крупные расходы.

Считаю не излишним доложить, что, по дошедшим до меня слухам, известие о пробе яхты «Ливадия», помещенное недавно в газете «Новое Время», было будто бы сообщено адъютантом генерала-адмирала Семечкиным [35]), который получил о том сведение от одного из свиты его высочества. За достоверность этого слуха я, впрочем, не ручаюсь.

Генерал-адъютант граф *Лорис-Меликов.*

30.

1880 г. 11 сентября.

Петергоф

Простите мне, любезный граф Михаил Тариелович, что отвечаю на Ваше письмо только сегодня. Как я Вам телеграфировал, мы были два дня на охоте в Гатчине и поэтому не мог ответить раньше.

Я был бы очень рад прочесть инструкцию для ревизующих сенаторов в Вашем присутствии, а так же Валуева и Набокова [36]), но что касается приглашения в это совещание самих сенаторов, я не считаю себя в праве это сделать, так как это было бы нечто в роде совещания под моим председательством, на что я не получал ни приказаний, ни разрешения государя.

Итак, я полагаю ограничиться прочтением этих инструкций у меня в присутствии Валуева, Набокова и Вас, в понедельник, 15 числа, в Петергофе в $11^1/_2$ утра.

Сенаторов, во всяком случае, я желал бы видеть до их отправления на ревизии и поговорить с ними, но это я успею сделать позже, так как они еще не уедут ранее конца месяца.

Ваш от души

Александр.

31.

22 ноября 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, мне бы очень хотелось с Вами поговорить, но не знаю, можете ли Вы заехать ко мне сегодня вечером к 9 часам.

Если сегодня Вам нет времени, то завтра в то же время. Пожалуйста, дайте мне ответ.

Ваш от души

Александр.

32.

15 дек. 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать сегодня вечером ко мне к 9 часам? Давно не видались и есть о чем переговорить.

Ваш *А.* *).

33.

15 декабря 1880 г.

Сейчас получил приказание приехать в $9^1/_2$ часов к вечернему собранию в Зимний дворец; поэтому испрашиваю соизволения Вашего императорского высочества явиться, вместо сегодня, завтрашнего числа. Крайне сожалею, что неожиданно лишен возможности видеть Ваше высочество, тем более, что имею и с своей стороны доложить о некоторых вопросах.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

34.

17 дек. 1880 г.

Я очень сожалею, любезный Михаил Тариелович, что вчера не удалось нам видеться.

Предлагаю Вам приехать ко мне в пятницу вечером, 19 числа, в 9 часов. Сегодня едем с государем на охоту в Гатчину.

Ваш *А.* *).

35.

20 декабря 1880 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, посылаю Вам на прочтение статью газеты «Страна», которую я нахожу в высшей степени неприличною.

Крайне не желательно, чтобы дозволялось газетам писать о внутреннем быте полков и их домашней жизни. К сожалению, это уже

*) Записка написана карандашом.

третья статья в газетах в том же роде, и это постоянное науськивание офицеров на своих полковых командиров весьма прискорбно и подло.

Мне кажется, что нельзя запретить говорить газетам о военном деле вообще, об администрации, но мне тоже кажется, что можно положительно запретить газетам писать о внутрен. жизни полков, а тем более так нагло врать, потому что все эти истории, поднятые газетами, не более не менее, как чистая ложь и клевета, и ничего подобного в полках не было.

Еще раз настойчиво прошу, чтобы было внушено газетам и этим мерзким петербургским писакам, чтобы они не смели задевать полки и не писали бы более подобных статей.

Ваш *Александр*.

36.

21 декабря 1880 г.

Приказание Вашего императорского высочества по поводу помещенной в № 99 газеты «Страна» передовой статьи, я имел честь получить вчера вечером. Весьма сожалею, что о существовании ее мне не было известно раньше. Вполне разделяя, и с своей стороны, убеждение о неудобствах появления в печати статей, касающихся внутренней жизни полков и могущих возбудить неприязненные отношения между начальствующими и подчиненными, крайне вредные в интересах военной службы, я сегодня же приму соответствующие меры к недопущению на будущее время статей, подобных напечатанной в «Стране» и ранее этого в «Петербургских Ведомостях». В этом смысле мною, вместе с сим, изготовляются должные указания главному управлению по делам печати, а редакторам бесцензурных изданий будет объявлено особым циркуляром воспрещение, под страхом законного взыскания, печатать статьи, касающиеся внутреннего быта полков, направленные к возбуждению в среде военнослужащих розни и колебанию дисциплины. Но так как распоряжения мои могут быть приведены в исполнение не ранее завтрашнего дня, то я позволяю себе испрашивать снисхождение Вашего высочества, если бы в наших периодических изданиях появились случайно, до вторника утром, какие-либо статьи по тому же предмету, предупредить которые, при существующих условиях печати, вне моей власти.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов*.

37.

22 дек. 1880 г.

Любезный граф, вчера после обеда кн. Юрьевская [37]) передала мне, что она имела с Вами разговор, содержание которого она желала бы, чтобы Вы передали мне.

Если это спешное дело, то можете ли Вы заехать ко мне сегодня часов вечера, так как я еду потом на охоту?

Если же особенной спешности нет, то я могу назначить другой день.

Отвечайте, пожалуйста, как Вам удобнее.

Ваш *Александр* *).

38.

22 декабря.

Хотя спешного в переданном мне разговоре ничего нет, но, пользуясь разрешением, буду иметь честь явиться к Вашему императорскому высочеству сегодня в 5 часов, чтобы доложить кстати о появившейся в газете «Страна» статье относительно полковника Грипенберга [38]).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

39.

21 января 1881 г.

Любезный граф Михаил Тариелович, можете ли Вы заехать сегодня вечером ко мне в 9 ч., чтобы переговорить о записке, которую я прочел с большим интересом, но необходимо о многом переговорить [39]).

Ваш *А.*

40.

2 марта 1881 г.

Благоугодно ли будет повелеть, чтобы при переездах Вашего императорского величества из Аничкова дворца в Зимний конвойные казаки сопровождали Ваш экипаж?

Со своей стороны, позволяю себе всеподданнейше доложить, что, ввиду значительного стечения народа на улицах, предосторожность эта, казалось бы мне, на первых, по крайней мере, днях, необходимою (sic!).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

41.

3 марта 1881 г.

Квартира, из которой 1 марта были выданы двум злодеям снаряды, употребленные ими в дело, открыта сегодня пред рассветом.

*) Записка написана карандашом.

Хозяин квартиры застрелился, жившая с ним молодая женщина арестована [40]). Найдены два метательные снаряда и прокламация по поводу последнего преступления, при сем представляемая *).

Подробное донесение будет всеподданнейше представлено Вашему императорскому величеству сегодня к полудню.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

42.

1 марта 1881 г.

Сегодня в два часа по полудни, в Малой Садовой, открыт подкоп из дома графа Менгдена из сырной лавки. Предполагается, что в подкопе установлена уже батерея. К осмотру экспертами будет приступлено. Пока обнаружено, что вынутая земля скрывалась в турецком диване и бочках. Лавка эта была осматриваема полициею до 19 февраля вследствие подозрений, которые навлекли на себя недавно прибывшие в столицу хозяин лавки крестьянин К о б о з е в [41]) и его жена; но при осмотре ничего в то время не было обнаружено.

Сегодня в ночь решено произвести осмотр всех подвальных помещений в зданиях по Манежной площади.

Генерал-апъютант гр. *Лорис-Меликов* **).

43.

1 марта 1881 г.

Не соизволите ли Ваше императорское величество признать возможным совершить переезд в Зимний дворец не в назначенное (sic!) для панихиды время, а ранее хотя одним часом?

Прошу великодушного прощения за настоящую просьбу. Сердце Ваше поймет руководящее мною чувство.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

44.

12 марта 1881 года.

На двух последних допросах, происходивших вчерашнего и сего числа, государственный преступник Рысаков [42]), обнаружив желание раскрыть все известные ему обстоятельства заговора, предшествовавшего злодейскому преступлению 1 марта, указал на нижеследующее:

*) К письму приложено объявление «От Исполн. Комитета» о казни Александра II, напеч. 2 марта 1881 г. в типографии «Народной Воли».

**) Письмо написано чужой рукой и только подписано Лорис-Меликовым; последним вписано также слово «вынутая».

1. Прежде чем устроить конспиративную квартиру на Тележной улице, заговорщики имели подобную же квартиру в доме № 27 по Троицкому переулку.

2. Найденный в квартире по Тележной улице план местности, прилегающей к месту совершения преступления, был составлен Перовскою [43]) с указанием на нем постов, которые должны были занять злодеи для осуществления своего преступного замысла.

Произведенным уже расследованием удостоверено, что в указанной Рысаковым квартире по Троицкому переулку проживала Геся Гельфман [44]) и была устроена тайная типография *).

Допросы будут продолжаться всю ночь.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

Прокурор судебной палаты и его помощник, на основании имеющихся пока данных, приходят к выводу, что злоумышленники изыскивали еще только пути для совращения комендантского писаря и двух жандармов—сторожей Алексеевского равелина. Правильность этого вывода может только разъясниться при дальнейшем дознании. Об этом считаю долгом дополнительно всеподданнейше доложить Вашему величеству [45]).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

45.

14 марта 1881 г.

Всеподданнейше докладываю, что из числа упоминаемых в шифрованной записке Перовской лиц, оказались: писарь комендантского управления—Александр Дубровин [46]) и жандармы при Алексеевском равелине Исаков [47]) и Александров [48]). Обыск продолжается; арестованные будут доставлены немедленно в управление, где производится дознание.

Подробный осмотр равелина, Трубецкого бастиона и вообще крепости вместе с сим производится.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

Если по доставлении арестованных показания их окажутся существенными, то не замедлю доложить об этом Вашему величеству.

46.

Всеподданнейше докладываю, что по показаниям, отобранным вчерашнего числа у арестованного студента Якубовского, задержаны

*) Начало письма до слова «допросы» написано чужой рукой; начиная же со слова «допросы» до конца написано рукой Лорис-Меликова. Часть письма от слов «прокурор судебный палаты» — postscriptum

сегодня два студента С.-Петербургского университета Аркадий Тырков [49]) и Фермор), а также девица Оловянникова, дворянка Курской губернии [50]).

По предъявлении этих лиц преступнику Рысакову, он признал в них «Лизу» и «Аркадия», следивших вместе с ним за проездом в бозе почившего государя императора.

После подобных наблюдений Аркадий водил обыкновенно Рысакова на конспиративную квартиру для отчета о своих наблюдениях Перовской. На этой же квартире Рысаков встречал Лизу, оказавшуюся Оловянниковой, сестрой жены арестованного в начале февраля Баранникова (он же Кашурников, Тюриков, Алафузов), уроженец Курской губернии [51]).

Рабочий «Петруха» [52]), упоминаемый в шифрованной записке Перовской, также открыт.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

47.

14 марта 1881 г.

В газете «Молва» от сегодняшнего числа и в «Русском Курьере», издаваемом в Москве, появились передовые статьи, заключающие в себе косвенные указания на пользу представительного правительства в России.

Всеподданнейше докладываю, что, озабоченный сегодня и завтра множеством спешных распоряжений, я вынужден отложить до понедельника обсуждение вопроса относительно необходимости преследования этих статей.

В понедельник поставлю себе также в обязанность положить Вашему императорскому величеству подробно о причинах, побудивших меня привлечь к судебной ответственности редакцию «С.-Петербургских Ведомостей» за статью 10 марта, направленную огульно против всей русской администрации прошедшего царствования, так как мера эта, вызвав полное одобрение весьма многих, навлекла, однако, к удивлению моему, нарекания со стороны некоторых лиц.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

48.

23 марта 1881 г.

Во исполнение высочайшего повеления Вашего императорского величества, я был сегодня у статс-секретаря Сабурова [53]) и объявил ему высочайшую Вашего величества волю.

Статс-секретарю Танееву [54]) передал также о поднесении к подписанию Вашего величества двух указов, а именно: о назначении барона Николаи [55]) министром народного просвещения и об увольнении Сабу-

рова, согласно прошения, от занимаемой должности, с назначением присутствовать в правительствующем сенате.

За сим решаюсь всеподданнейше ходатайствовать, не благоугодно ли будет повелеть, чтобы статс-секретарь Сабуров представился завтра Вашему величеству.

Побуждаюсь к этому ходатайству теми соображениями, что по вопросу об увольнении его от должности, как окончательно уже решенному, никаких дальнейших объяснений не потребуется, а между тем статс-секретарь Сабуров, оказавшись несоответствующим своему назначению, принадлежит, однако, к разряду лиц нравственно вполне чистых. Несколько милостивых слов, выраженных ему Вашим величеством, благотворно повлияют на него.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

49.

9 апреля 1881 г.

Всеподданнейше представляю при сем Вашему императорскому величеству полученную мною вчера вечером собственноручную записку княгини Юрьевской. Записка составлена, после личного объяснения моего вчера утром с княгинею, совершенно согласно с теми предположениями, которые были предварительно доложены Вашему величеству гр. Адлербергом и мною в воскресенье 5 сего апреля.

Если содержание записки будет одобрено Вашим величеством, то, во избежание каких-либо затруднений, находил бы полезным и даже необходимым закончить все дело в ближайший срок*).

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

50.

10 апреля 1881 г.

Повеление Вашего императорского величества по поводу записки княгини Юрьевской, получено мною сегодня утром.

Осмеливаюсь всеподданнейше доложить, что требовать от княгини какого-либо нового обязательства, в дополнение к представленной ею записке, по мнению моему, едва ли было бы удобно в настоящее время ввиду болезненно-раздражительного ее состояния и испытанных потрясений. Мне кажется, что, прося о покупке отдельного дома для помещения своего с детьми, княгиня тем самым отказалась от всяких притязаний на жительство как в Зимнем, так и в каких-либо из загородных дворцов. Но если бы, сверх ожидания, подобные претензии могли когда-либо возникнуть, то, опираясь на данное ею собственно-

*) Записки при письме не сохранилось.

ручно изложенное письмо, они всегда могут быть отклонены даже не именем Вашего величества, а обыкновенным официальным путем.

По этому поводу я говорил сегодня с гр. Адлербергом, который выражает одинаковое со мною мнение.

Что же касается капитала в 3 милл. 400 т. рублей, то я, с своей стороны, употреблю все усилия, чтобы княгиня исполнила заявленное ею решение внести этот капитал в государственный банк на имя своих детей; но взять на себя положительное за это ручательство, я, как человек, не могу. Если бы под влиянием окружающих ее, известных Вашему величеству, лиц (за исключением, впрочем, г-жи Шебеко), княгиня пожелала впоследствии изменить первоначальное, ею самою указанное, назначение упомянутого капитала, то, в предупреждение сего, государственному банку могут быть преподаны секретные указания, чему бывали примеры, в силу коих, без ведома и воли Вашего величества, никакие подобные изменения не должны быть допускаемы.

Подлинную записку княгини Юрьевской при сем представляю обратно. Полагаю, что означенная записка должна храниться или в столе Вашего величества или же в делах министерства императорского двора.

По приглашению великого князя Константина Николаевича я был сегодня у его высочества и оставался там около часу времени. О предмете происходившего разговора всеподданнейше доложу Вашему величеству при первом приезде в Гатчино. К сожалению, у меня возобновился сегодня вечером пароксизм лихорадки, и не знаю, в состоянии ли буду выехать ранее вторника в Гатчино. Впрочем, в случае надобности, могу явиться, хотя бы был болен.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

51.

13 апреля 1881 г.

Имея всеподданнейше доложить Вашему императорскому величеству по некоторым делам, испрашиваю соизволения прибыть в Гатчино завтра или в среду. При этом не благоугодно ли будет разрешить мне явиться, по примеру прошлого раза, к 9 часам вечера, так как, сколько мне известно, утро Вашего величества по вторникам и по средам занято докладами других министров, имеющиеся же у меня дела могут потребовать несколько продолжительного времени.

Всеподданнейше представляю дополнительные показания арестанта Меркулова [56]), он же Яковенко, задержанного 27 февраля. Показания эти заслуживают особенного внимания. При первоначальных допросах Яковенко уклонялся от прямых объяснений, со вчерашнего же дня стал говорить с большею откровенностью. В представляемом докладе начальника жандармского управления не помещено еще одно указание Яковенко на германско-подданного немца, принадлежащего

к террористической партии и знавшего о готовившемся преступлении 1 марта. Яковенко обещал припомнить до завтрашнего утра фамилию упомянутого немца, присовокупив, что он проживал в Петербурге по действительному паспорту и потому розыск его будет, вероятно, возможен.

Дознано также, что ложную фамилию Кобозева носил Юрий Богданович, а жены его — Акимова, она же Баска [57]). Это последнее сведение с некоторыми подробностями сообщено градоначальнику, которым принимаются все меры по розыску. Точно также подтверждается показаниями одного арестанта, что Тригони [58]) бывал у Кобозевых в сырной лавке.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов.*

52.

23 апреля 1881 г.

По возвращении сего числа из Гатчины, я немедленно отправился к военному министру, для передачи ему высочайших Вашего величества указаний относительно назначения свиты Вашего величества генерал-майора князя Голицына [59]) и исправляющим должность оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками округа, с увольнением от этих должностей генерал-адъютанта Крыжановского [60]), о чем мною сегодня же будет ему сообщено письмом.

При объяснениях моих по этому поводу с военным министром возникло соображение, которое, по взаимному с ним соглашению, считаю обязанностью повергнуть на высочайшее Вашего величества благоволение.

При первоначальных предположениях относительно замещения должностей оренбургского генерал-губернатора и командующего войсками, имелось в виду, в случае изъявления генерал-адъютантом кн. Имеретинским [61]) согласия принять эти обязанности на себя, на должность атамана донского войска назначить князя Голицына как лицо, близко знакомое с казачьим бытом, так и по отсутствию других соответственных кандидатов.

Не благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству соизволить на назначение оренбургским генерал-губернатором и командующим войсками генерал-адъютанта Ванновского [62]), который, как Вашему величеству лично известно, по своим нравственным и служебным качествам с полным достоинством может занимать этот пост. В случае воспоследования высочайшего изволения, князь Голицын мог бы быть назначен наказным атаманом донского войска вместо генерал-адъютанта Краснокутского [63]). Хотя этот последний изъявлял согласие оставаться в настоящей должности до осени, чтобы руководить начальными работами по переустройству земства в Донской Области, но, по сделанному им самим заявлению, он охотно откажется теперь же

от деятельности наказного атамана. В этом последнем случае назначение на его место князя Голицына могло бы последовать в ближайший срок.

Буду ожидать окончательных повелений Вашего императорского величества, которые не премину сообщить и военному министру.

Генерал-адъютант гр. *Лорис-Меликов* *)

53.

29 апреля 1881 г.
С.-Петербург.

Ваше императорское величество.

Давно уже расстроенное здоровье мое, в последнее время, вследствие чрезмерных трудов, стало ухудшаться все более и более.

В 1876 году, находясь на излечении за границею, я, ввиду осложнившихся политических отношений и ожидания возможности военных действий, призван был, по личному выбору в бозе почившего государя императора, для сосредоточения на кавказской границе корпуса, действовавшего впоследствии в Азиатской Турции, и с той поры до настоящего времени не прерывал усиленной деятельности в званиях: сперва командующего означенным корпусом, затем, последовательно: временного астраханского генерал-губернатора для принятия мер против эпидемии на низовьях Волги, вызвавшей повсеместную тревогу; харьковского генерал-губернатора, главного начальника верховной распорядительной комиссии и, наконец, министра внутренних дел.

Исполнение всех этих обязанностей, требовавших чрезвычайного напряжения сил, довело ныне здоровье мое до такого состояния, при котором продолжение занятий является невозможным.

Обстоятельства эти вынуждают меня повергнуть к стопам Вашего императорского величества всеподданнейшую просьбу мою об увольнении от занимаемой ныне мною должности.

Настоящую просьбу я желал представить лично Вашему величеству, но по нездоровью лишен, к прискорбию, возможности явиться в Гатчино.

С чувством глубочайшего благоволения и безграничной преданности

имею счастие быть Вашего императорского величества верноподданный слуга

Граф *Михаил Лорис-Меликов.*

---

*) На четвертой (чистой) странице этого письма рукой Александра III написано: «Гр. Орлов-Давыдов. Князь Ферд. Витгенштейн».

54.

1881 г. 30 апреля.

Гатчина.

Любезный граф Михаил Тариелович, получил Ваше письмо сегодня рано утром. Признаюсь, я ожидал его, и оно меня не удивило. К сожалению, в последнее время мы разошлись совершенно с Вами во взглядах, и, конечно, это долго продолжаться не могло. Меня одно очень удивляет и поразило, что Ваше прошение совпало со днем объявления моего манифеста России [64]), и это обстоятельство наводит меня на весьма грустные и странные мысли!?

Так как Ваше здоровье, действительно, сильно расстроилось за последнее время, то понимаю вполне, что оставаться Вам трудно на этом тяжелом посту. И так, любезный граф Михаил Тариелович, мне остается одно: поблагодарить Вас от души за то короткое время, которое мы провели вместе и за все Ваши труды и заботы.

Искренно Вам благодарный

Александр.

Примечания.

[1]) *Воронцов-Дашков, Иван Иллар.*, (1837—1916), граф, завед. охраной Александра III, с авг. 1881 по 1897 г.—министр двора и уделов.

[2]) *Таннер, Иерем. Карл.*, полк., ком. л.-гв. Финляндского полка.

[3]) 27 февраля 1880 г. происходило особое совещание, под председательством гр. Валуева, с участием вызванных в Петербург генерал-губернаторов, по вопросу о согласовании деятельности гл. начальника верх. распор. комиссии, III отделения и генерал-губернаторов.

[4]) *Лопатин, Герм. Алекс.*, народоволец.

[5]) Это письмо написано накануне первого заседания верх. распоряд. комиссии, в которой Лорис-Меликов предложил, в целях успешной борьбы с крамолой: 1) объединение действий судебных и административных органов; 2) ускорение производства дознаний и дел о госуд. преступлениях; 3) изменение системы определения политической неблагонадежности и др. Указами 3 и 4 марта 1880 г. гл. начальнику верх. распор. комиссии были временно подчинены III отделение и корпус жандармов.

[6]) Повидимому, речь в письме идет о том всеподданнейшем докладе, в котором Лорис-Меликов рекомендовал ряд мер к объединению действий генерал-губернаторов и губернаторов с действиями губернских жандармских органов. 11 марта Лорис-Меликов сообщил в заседании верх. распор. комиссии об утверждении царем этого доклада.

[7]) *Федоров*, полк., исп. об. петербургского градоначальника.

[8]) *Адлерберг, Алекс. Влад.* (1819—1899), граф, министр двора и уделов.

[9]) В этом заседании комитет министров рассматривал предположения особого совещания, согласно которым генерал-губернаторы, не подчиненные до этого Лорис-Меликову, обязывались доносить ему о всех лицах, высылаемых ими админ. порядком, а также представлять все сведения по делам о государственных преступлениях. Предположения эти были утверждены Александром II 29 марта.

[10]) *Лихачев, Влад. Ив.*, член петербургской судебной палаты, гласный петерб. городской думы, входивший в состав группы представителей петерб. городского обществ. самоуправления, которых гл. начальник верх. распоряд. комиссии гр. Лорис-Меликов приглашал в комиссию 5 марта 1880 г. для беседы о мерах, необходимых для охранения госуд. порядка и общественного спокойствия в Петербурге.

[11]) *Гольденберг, Григ. Дав.*, народоволец, убийца харьковского губернатора Кропоткина, участник покушений на Александра II, был арестован в 1879 г. и посажен в Петропавловскую крепость; находясь там, выдал многих своих товарищей и там же кончил самоубийством.

[12]) *Каханов, Мих. Сем.*, упр. делами комитета министров (1872—1880), с 6 авг. 1880 г.—тов. министра внутр. дел, с 12 апр. 1881 г.—член госуд. совета.

[13]) Речь идет, повидимому, о том обширном всеподданнейшем докладе Лорис-Меликова, в котором он, дав отчет о своей деятельности в качестве начальника верх. распор. комиссии и набросав неутешительную картину внутреннего состояния России, излагает ряд государственных мероприятий, которые могли бы, по его мнению, восстановить взаимное доверие общества и правительства.

[14]) *Толстой, Дм. Андр.*, граф, по настоянию Лорис-Меликова, был в апреле 1880 г. уволен от должности министра нар. просв. (1865—1880) и обер-прокурора синода; министр внутр. дел с 1882 г.

[15]) *Баранов, Ник. Мих.*, б. кап. 1 р. полк.; после 1 марта 1881 г. петерб. градоначальник.

[16]) *Лобанов-Ростовский, Алек. Борис.*, князь, посол в Лондоне (1879—1882).

[17]) *Николай Николаевич* (1821—1891), вел. кн., член госуд. совета, генерал-фельдмаршал.

[18]) *Непокойчицкий, Артур Адам.*, ген.-адъют., член госуд. совета.

[19]) *Грейг, Самуил Ал.* (1827—1887), ген.-адъют., министр финансов (1878—1880).

[20]) *Бунге, Ник. Христ.* (1823—1895 г.), проф., в 1880 г. назначен тов. министра фин., с мая 1881 г. по 1886 г.—министр финансов.

[21]) *Победоносцев, Конст. Петр.* (1827—1907), член госуд. совета, обер-прокурор синода.

[22]) Последствием доклада 26 июля было упразднение 6 августа указом сенату верх. распор. комиссии с передачей ее дел в мин. внутр. дел, а также III отделения с передачей его дел в то же министерство. Одновременно Лорис-Меликов был назначен министром внутренних дел.

[23]) *Валуев, Петр Алекс.* (1814—1890), граф, председатель комитета министров (с 1 янв. 1880 г.).

[24]) *Маков, Лев Савич*, статс-секретарь, министр внутр. дел (1878—6 авг. 1880 г.); при назначении Лорис-Меликова министром внутр. дел Маков был назначен министром почт и телеграфов.

[25]) *Шершевский, Мих. Марк.*, почетный лейб-медик, получил это звание в 1880 г. за лечение в. к. Константина Николаевича.

[26]) *Дурново, Елиз. Петр.*, дочь штаб-ротмистра.

[27]) *Сидоренко-Колопкевич, Ник. Ив.*, народоволец.

[28]) *Пресняков, Андрей*, участник покушения на Александра II в 1879 г. под Александровском; повешен 4 ноября 1880 г. в Петербурге.

[29]) *Иванчин-Писарев, Алек. Ив.*, народоволец, с 1892 г.—член редакции «Русск. Богатства».

[30]) *Броневский, Валер. Алекс.*, студент-ест. Петерб. универ., землеволец, арестован был в февр. 1880 г., в связи с поисками виновников взрыва в Зимнем дворце; сидел в Петропавловской крепости до августа 1881 г., когда был сослан в Сургут.

[31]) *Малиновская, Александра*, член «Земли и Воли».

[32]) 11 авг. 1880 г. Лорис-Меликов вошел с всеподданнейшим докладом о назначении сенаторских ревизий в нескольких губерниях: «ревизии эти были бы крайне полезны не только для ведомства мин. внутр. дел, но, без сомнения, и для других ведомств, которые могли бы также дополнить этим путем сведения свои по многим весьма важным предметам». Александр II утвердил доклад, согласно которого сенаторами-ревизорами были назначены: Ковалевский, Мордвинов, Половцев, Шамшин. Для них была выработана инструкция о расследовании ряда вопросов по мин. внутр. дел, юстиции, финансов, госуд. имуществ, нар. просв. и путей сообщений.

[33]) *Жомини, Алекс. Генр.*, барон, статс-секретарь, тов. министра иностранных дел.

[34]) *Попов, Андрей Алекс.* (1821—1898), адмирал, виднейший сотр. вел. кн. Конст. Николаевича; «поповками» называли военные суда его конструкции (в том числе и имп. яхта «Ливадия»), оказавшиеся очень неудовлетворительными по своим мореходным качествам.

[35]) *Семечкин, Леонтий Павлович*, капитан-лейтенант, адъютант вел. кн. Константина Николаевича, генерал-адмирала.

[36]) *Набоков, Дм. Ник.* (1826—1904), министр юстиции (1878—1885).

[37]) *Юрьевская, Екатерина Мих.*, светл. княгиня, урожд. княжна Долгорукова, морганатическая супруга Александра II (с 19 июля 1880 г.).

[38]) *Грипенберг, Окс. Казим.*, полк., ком. л.-гв. Московского полка.

[39]) Речь идет, повидимому, о представленной Лорис-Меликовым 28 января 1881 г. всеподданнейшей записке, в которой он, высказавшись против введения в России народного представительства по западно-европейскому образцу, предлагал организовать, для завершения реформ и разрешения стоящих на очереди вопросов в центральных управлениях, временные подготовительные комиссии по образцу редакционных комиссий 1859 года, с тем, чтобы работы этих комиссий были подвергаемы рассмотрению «общей комиссии» с участием представителей земств и городов. Проект Лорис-Меликова, после рассмотрения его особым совещанием (Валуев, наследник, вел. кн. Конст. Конст., Урусов, Абаза и др.) был утвержден царем 17 февраля 1881 г. 1 марта утром Александр II утвердил проект правит. совещания о созыве «общей комиссии», приказав обсудить этот проект, до напечатания, в совете министров 4 марта. В знаменитом заседании 8 марта, под председательством нового царя Александра III, этот проект был провален после речей Победоносцева, Строганова и др.

[40]) Это были *Саблин, Н. А. и Геся Гельфман.*

[41]) *Кобозев-Богданович, Юрий Никол.*, народоволец, участник подкопа для взрыва на Малой Садовой, веденного из сырной лавки, содержателем которой он был вместе с Якимовой.

[42]) *Рысаков, Ник. Ив.*, член Исп. Ком. «Народной Воли», бросил бомбу в Александра II 1 марта 1881 г., казнен 3 апр. 1881 г.

[43]) *Перовская, Софья Львовна* (1853—1881), член Исп. Ком. «Народной Воли», принимала активное участие в покушении 1 марта 1881 г. Казнена 3 апр. 1881 г.

[44]) *Гельфман, Геся Мироновна*, принимала участие в подготовке события 1 марта 1881 г.

[45]) 10 марта при аресте Перовской найдена была шифрованная записка С. Г. Нечаева, в которой он перечислял ряд лиц (в том числе Дубровина, Исакова, «Петруху») из состава команды Петропавл. крепости, при содействии коих Исполн. Комитет мог добиться успеха в подготовлявшемся им освобождении Нечаева из Алексеевского равелина. Частично расшифровав записку, следственные власти не догадались, однако, что в ней речь шла об освобождении Нечаева (см. «Красный Архив», т. V, ст. П. Е. Щеголева: «С. Г. Нечаев в Алекс. равелине», стр. 190—191).

[46]) *Дубровин, Александр*, писарь комендантского управления Петропавловской крепости, участник подготовлявшегося «Народной Волей» освобождения С. Г. Нечаева,

[47]) *Исаков, Николай Александрович*, жандармский унтер-офицер при Алексеевском равелине в Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения оттуда С. Г. Нечаева.

[48]) *Александров, Александр*, жандармский унтер-офицер при Алексеевском равелине в Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения оттуда С. Г. Нечаева.

[49]) *Тырков, Аркадий Влад.*, студент Петерб. ун-та, народоволец, участник события 1 марта 1881 г., умер в 1923 г.

[50]) *Оловянникова, Е. Н.*, член партии «Народная Воля».

[51]) *Баранников* (консп. фамилии—*Кашурников, Тюриков, Алафузов*,), *Алекс. Иван.*, народоволец, принимал участие в убийстве Мезенцева, судился в 1882 г. по делу 20 народовольцев.

[52]) *Петруха* повидимому, один из солдат команды Петропавловской крепости, участник предполагавшегося освобождения С. Г. Нечаева из Алексеевского равелина.

[53]) *Сабуров, Андрей Алекс.* (1838—1916), управл. мин. нар. просв. (с окт. 1880 г. по март 1881 г.).

[54]) *Танеев, Сергей Алекс.* статс-секретарь, член госуд. совета, упр. I отд. собствен. е. в. канцелярии.

[55]) *Николаи, Алекс. Павл.*, барон, член госуд. совета, 24 марта 1881 г. назначен министром нар. просв.

[56]) *Меркулов* (*Яковенко*) *Вас. Аполл.*, народоволец, участник нескольких покушений на Александра II.

[57]) *Акимова (Баска) — Якимова, Анна Вас.*, член партии «Народная Воля».

[58]) *Тригони, Мих. Ник.*, народоволец.

[59]) *Голицын, Григ. Сер.*, ген.-м. свиты е. в.

[60]) *Крыжановский, Ник. Андр.*, ген.-ад., оренбургский ген.-губернатор с 1865 г. по 30 марта 1881 г., когда был уволен без прошения после сенат. ревизии, вскрывшей обстоятельства происходившего при нем расхищения башкирских земель в Уфим. и Оренб. губ.

[61]) *Имеретинский, Алекс. Конст.* (1837—1900), кн., ген.-адъют., начальник штаба войск гвардии и петерб. военного округа.

[62]) *Ванновский, Петр Сем.*, ген.-адъют., с 22 мая 1881 г.—военный министр.

[63]) *Краснокутский Ник. Алекс.*, ген.-адъют., наказный атаман войска донского.

[64]) Александр III говорит о манифесте 29 апреля 1881 г., составленном Победоносцевым втайне от Лорис-Меликова и др. министров. В этом манифесте Александр III говорил о своей вере «в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного с всяких на нее поползновений».

К истории Лорис-Меликовской «конституции».

(Заседание совета министров 8 марта 1881 г.).

В январской книге «Былого» за 1906 год под заглавием «Заседание госуд. совета 8 марта 1881 года» были напечатаны несколько страниц из дневника «видного государственного деятеля», относящихся к знаменитому заседанию 8 марта 1881 г., в котором обсуждался и провален был, после речи «русского папы» Победоносцева, лорис-меликовский проект введения в России народного представительства. Редакцией «Былого» в предисловии к выдержкам из дневника по каким-то соображениям не было названо имя его автора, но в именном указателе к «Былому» за 1906 год, вышедшим в начале 1907 года, автором напечатанных страниц обозначен Е. А. Перетц. Сравнение соответствующих мест хранящегося в Центрархиве дневника госуд. секретаря Е. А. Перетца с напечатанными в «Былом» извлечениями совершенно подтверждает это обозначение. Таким образом в новой перепечатке этих извлечений, казалось бы, не встречается надобности.

Редакция «Красного Архива» сочла, однако, необходимым вновь перепечатать те страницы дневника Перетца, которые относятся к заседанию 8 марта, и вот по каким соображениям. Напечатанный в «Былом» материал представляет собой лишь краткий пересказ, а не точное воспроизведение страниц дневника Перетца, описывающих это историческое заседание совета министров (а не государственного совета, как обозначено в «Былом»), притом пересказ, в котором не только опущены речи ряда ораторов (Валуева, Сольского, Абазы и др.), но и изменен порядок речей. В таком виде отрывок дневника дает лишь весьма слабое представление о том, что в действительности происходило в заседании 8 марта. Поэтому редакция «Красного Архива» дает ниже сего полное воспроизведение записи Перетца от 8 марта 1881 г. (л. л. оригинала 54 об.—86 об.) и записей от 9 и 16 марта, имеющих отношение к тому, что происходило в совете министров 8 марта (л. л. оригинала 94—94 об.).

Таким образом текст записей Перетца за 8, 9 и 16 марта 1881 г. в полном своем виде появляется в печати впервые. Впервые же опубликовываются и извлечения из дневника вел. кн. Константина Николаевича, участвовавшего в заседании 8 марта и произнесшего речь в защиту проекта Лорис-Меликова.

В записях Перетца и Константина Николаевича исправлена только пунктуация и внесены незначительные орфографические поправки.

А. Сергеев.

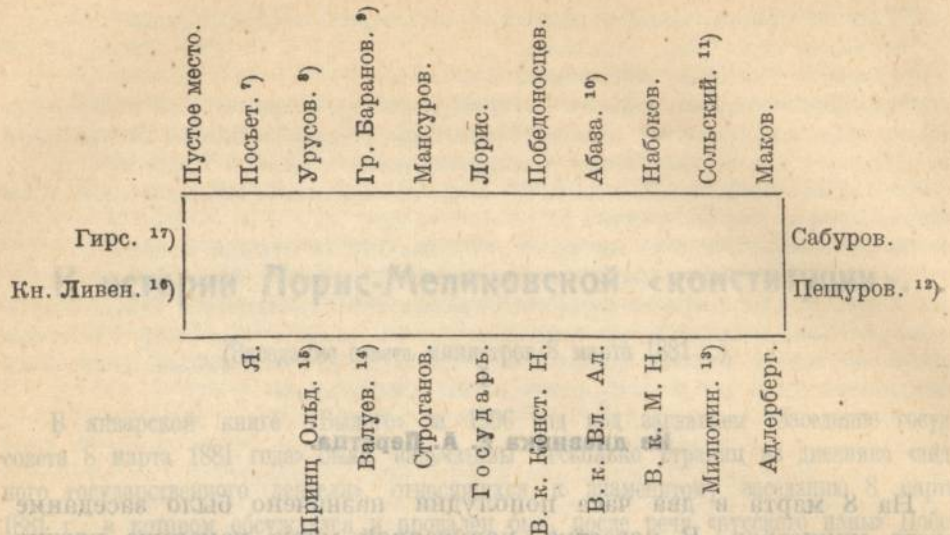
I.

Из дневника Е. А. Перетца.

На 8 марта в два часа пополудни назначено было заседание совета министров. В повестке, полученной мною накануне поздно вечером, не было назначено предмета совещания. Поэтому и так как государственный секретарь присутствует в заседаниях совета министров собственно для представления объяснений по делам госуд. совета, то я просмотрел, насколько позволяло время, записки по всем нашим важнейшим делам. Заботы мои оказались напрасными, так как вопрос, подлежавший обсуждению, совершенно выходил из общего ряда. Приехав в Зимний дворец за четверть часа до назначенного времени, я застал в указанной для сбора малахитовой комнате многих министров, от которых узнал, что обсуждаться будет предположение графа Лорис-Меликова об учреждении редакционных комиссий с участием представителей от земства и городов.

Кроме министров, председателей департаментов госуд. совета, меня и заведующего делами совета, статс-секретаря Н. П. Мансурова [1]), прибыли великие князья Владимир Александрович, [2]) Константин Николаевич [3]) и Михаил Николаевич [4]) и граф С. Г. Строганов [5]).

Ровно в 2 часа государь прислал спросить, все ли налицо, и когда ему было доложено, что не явился только великий князь Николай Николаевич по случаю болезни, его величество вышел в малахитовую комнату и, остановясь у дверей, попросил всех перейти в назначенную для заседания залу (через комнату от малахитовой). С каждым из проходивших государь приветливо здоровался, подавая руку, которою с чувством пожимал руку проходившего. В зале стоял большой продолговатый стол, накрытый малиновым сукном; вокруг стола было поставлено 25 кресел; перед каждым креслом лежала на столе бумага и карандаш. Посреди стола, спиною к окнам, обращенным на Неву, было место государя. Напротив его величества, подле заведывающего делами совета, поместился министр внутр. дел [6]), который должен был докладывать свои предположения: все же остальные разместились, как случилось. Вот вид стола.



Когда все заняли места, его величество, не без некоторого смущения, сказал: «Господа, я собрал вас сегодня, несмотря на переживаемое нами крайне тягостное время, для обсуждения одного вопроса, в высшей степени важного.

Граф Лорис-Меликов, озабочиваясь возможно всесторонним рассмотрением предположений, которые будут выработаны после окончания сенаторских ревизий, а также для удовлетворения общественного мнения, докладывал покойному государю о необходимости созвать представителей от земства и городов. Мысль эта в общих чертах была одобрена покойным моим отцом, который приказал обсудить ее подробно в особом совещании под председательством графа Валуева, при участии моем, великого князя Константина Николаевича и некоторых других лиц.

Журнал совещания, которое, в сущности, согласилось с проектом, был представлен его величеству и одобрен им. Покойный государь сделал, однако, некоторые заметки относительно частностей. Нам предстоит теперь обсудить эти заметки. Но прошу вас быть вполне откровенными и говорить мне ваше мнение относительно всего дела, нисколько не стесняясь. Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел прежде окончательного утверждения проекта созвать для рассмотрения его совет министров».

Затем, обратясь к графу Лорис-Меликову, государь поручил ему прочесть записку о предположениях и проект публикации в «Правительственном Вестнике».

Записка, прочитанная Лорисом, была составлена еще до катастрофы 1 марта, — в начале ее говорилось об успехах, достигнутых примирительною политикой последнего времени.

В этом месте государь прервал чтение словами: «Кажется, мы заблуждались».

Затем говорилось в записке о замеченных беспорядках в местном управлении и необходимости устройства его на лучших основаниях. Прежде всего нужно было обстоятельно изучить существующее, узнать, в чем именно заключаются его недостатки и зависят ли они от одних только злоупотреблений или же от несовершенства самого закона. С этою целью, по всеподданнейшему докладу министра внутр. дел, покойному государю благоугодно было назначить сенаторские ревизии, которыми собирается, а отчасти уже и собран, богатый материал, требующий разработки. Придется составить весьма важные законодательные проекты. Но для того, чтобы проекты эти действительно соответствовали ощущаемым потребностям, министр внутренних дел считает необходимым, чтобы они были составлены и обсуждены при участии людей практических, знающих условия губернской и уездной жизни. Поэтому граф Лорис-Меликов испрашивал соизволение в бозе почившего императора на учреждение особой редакционной комиссии, в которой, кроме должностных лиц правительственных ведомств, участвовали бы представители земства (по 2 от каждой губернии и городов, по 1 от каждого губернского города и 2 от столиц). Комиссия должна подразделяться на отделы для первоначального обсуждения отдельных проектов, а затем соединиться в общее собрание под председательством лица, назначенного государем императором. Выработанные таким образом проекты должны быть внесены на рассмотрение госуд. совета, права которого остаются без всякого изменения.

В проекте публикации выражена была сущность изложенного в записке, при чем сказано было, что предположенные меры были одобрены покойным государем и утверждены царствующим императором.

По прочтении графом Лорис-Меликовым записки и проекта публикации, его величество, вновь обращаясь ко всем присутствующим, просил их, ввиду важности предлагаемой меры и тех последствий, к которым она может привести, высказывать совершенно откровенно мнение их, нисколько не стесняясь предварительным одобрением как покойного государя, так и его самого.

Засим государь обратился прежде всех к сидевшему рядом с ним графу С. Г. Строганову, спрашивая его, что думает он о предполагаемой мере.

Граф Строганов сказал приблизительно следующее:

Ваше величество, предполагаемая Вами мера, по моему мнению, не только не своевременная при нынешних обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная.

Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шелопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде. В последнее время, и без предполагаемой новой меры, власть значительно ослабла, в журналах пишут бог знает что и проповедуют невозможные доктрины. Дошло до того, что,

как я слышал, сам министр внутр. дел признал необходимым призвать к себе журналистов, чтобы потребовать от них некоторой умеренности — (обращаясь к Лорису-Меликову). Не так ли?

Граф Лорис-Меликов. Ваше величество, граф Сергей Григорьевич не совсем прав. Я лично не видал редакторов повременных изданий с осени. В последнее же время, с разрешения Вашего, я действительно объявил им, но не сам, а через начальника главного управления по делам печати, что если в каком-либо периодическом издании будет напечатана статья о необходимости конституции, то такое издание будет мною немедленно прекращено, притом не на основании закона 6 апреля 1866 года, а в силу особого полномочия, дарованного мне Вашим величеством. Угроза эта подействовала.

Граф Строганов. И слава богу... Но, государь, подобная мера не будет уже возможна тогда, когда Вы вступите на путь, Вам предлагаемый.

Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для Вас, ни для России...

Государь. Я тоже опасаюсь, что это первый шаг к конституции.

Затем, обратясь к графу Валуеву, его величество сказал: «Граф Петр Александрович вы, как председатель комиссии, которая рассматривала проект, вероятно, пожелаете высказать Ваш взгляд».

Граф Валуев. Ваше императорское величество, я, с моей стороны, не могу разделять тех опасений, которые только что были высказаны глубоко уважаемым мною графом Сергеем Григорьевичем.

Предполагаемая мера очень далека от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения, до крайности разнообразного. В пределах необъятной империи, под скипетром, Вам богом врученным, обитают многие племена, из которых каждое имеет неоспоримое право на то, чтобы верховной власти Вашего величества были известны его нужды.

Вам, государь, небезызвестно, что я давнишний автор, могу сказать, ветеран рассматриваемого предположения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей. Покойный император, родитель Вашего величества, изволил принять мое предложение милостиво, однако, не признал своевременным дать ему тогда ход. Затем я возобновил свое ходатайство в 1866 году, но и на этот раз в бозе почивший государь не соизволил на осуществление предложенной мною меры. Наконец, в прошлом году я дозволил себе вновь представить покойному государю императору записку по настоящему предмету. Участь ее Вашему величеству известна. Особым совещанием, состоявшимся под председательством его императорского высочества великого князя Константина Николаевича, признано было, опять-таки, несвоевремен-

ным издать к юбилейному торжеству 19 февраля 1880 г. какое-либо законоположение о призыве представителей земства.

Из этого краткого очерка Ваше императорское величество изволили усмотреть, что я постоянно держался одного и того же взгляда на настоящий вопрос. Я не изменю своих убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предлагаемая нам мера оказывается в особенности настоятельною и необходимою. Граф Сергей Григорьевич совершенно справедливо указывает на то, что теперь в газетах пишут бог знает что. Такие злоупотребления печатным словом могут иметь гибельные для государства последствия. Поэтому необходимо озаботиться, чтобы журналистам, этим самозванным представителям общественного мнения, был создан противовес настоящих, законных представителей общества, которое, без малейшего сомнения, и мыслит и чувствует совершенно иначе, нежели авторы газетных статей.

Вот, Ваше императорское величество, соображения и убеждения мои по существу дела. Что же касается затронутого графом Строгановым вопроса о своевременности издать теперь же проектированное нами положение, то в этом отношении я воздержусь от какого бы то ни было заявления. Ваше величество, будучи в сосредоточии дел и обстоятельств, без сомнения, будете сами наилучшим судьей того, следует и возможно ли в настоящую именно минуту предпринимать предлагаемую нам важную государственную меру. Разрешение этого вопроса должно зависеть исключительно от державной воли в. вел-ва.

После речи Валуева государь обратился к великим князьям, но все они пожелали высказать свое мнение после других, когда вопрос более выяснится. Тогда попросил слова военный министр.

Граф Д. А. Милютин. Предлагаемая Вашему величеству мера, — сказал он,—по моему мнению, совершенно необходима и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего. По части внешней политики взгляды Вашего величества нашли себе прекрасное выражение в циркулярной депеше министра иностранных дел. Как видно из известий, приходящих со всех концов Европы, депеша эта произвела всюду наилучшее впечатление. Но она касается собственно международных наших сношений,—из нее не видно, какой внутренней политики будет держаться император Александр III. Между тем, вопрос этот естественно озабочивает всю Россию. Безотлагательное разрешение его представляется мне в высшей степени настоятельным.

Покойный государь по вступлении на престол предпринял целый ряд великих дел. Начатые им преобразования должны были обновить весь строй нашего отечества. К несчастью, выстрел Каракозова [18]) остановил исполнение многих благих предначертаний великодушного монарха. Кроме святого дела освобождения крестьян, которому покойный государь был предан всей душой, все остальные преобразо-

вания исполнялись вяло, с недоверием к пользе их, при чем нередко принимались даже меры, несогласные с основною мыслью изданных новых законов. Понятно, что при таком образе действий нельзя было ожидать добрых плодов от наилучших даже предначертаний; в России все затормозилось, почти замерзло, повсюду стало развиваться глухое неудовольствие... В самое последнее только время общество ожило, всем стало легче дышать, действия правительства стали напоминать первые лучшие годы минувшего царствования. Перед самой кончиной императора Александра Николаевича возникли предположения, рассматриваемые нами теперь. Слух о них проник в общество, и все благомыслящие люди им от души сочувствуют. Весть о предполагаемых новых мерах проникла и за границу...

Государь. Да, но император Вильгельм [19]), до которого дошел слух о том, будто бы батюшка хочет дать России конституцию, умолял его в собственноручном письме — не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством.

Граф Милютин. Ваше величество, не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде. Когда рассматривались проекты крестьянских положений и других важнейших законов, всякий раз, с соизволения покойного государя, приглашаемы были, для предварительного обсуждения этих проектов, люди практические, которые знают действительную жизнь, потому что живут не в столице, а в уездах и деревнях, где многие вопросы представляются в ином свете, нежели в нашей среде. Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т.-е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. Ввиду этого, Ваше величество, я позволяю себе горячо поддерживать предложение графа Лорис-Меликова.

Министр почт и телеграфов Л. С. Маков. Ваше императорское величество, предложения графа Лорис-Меликова мне не были вовсе известны; я ознакомился с ними в первый раз в настоящем заседании и поэтому не могу сообразить их, как бы следовало. Но, сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел, основная его мысль—ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разумения, решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к погибели. Таков мой взгляд на этот вопрос вообще. Но, кроме того, по долгу совести, я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы,—возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благодетельной для отечества.

В смутное нынешнее время, по глубокому убеждению моему, нужно думать только о том, чтобы укрепить власть и искоренить крамолу.

Воля Вашего императорского величества, без сомнения, священна. Если Вам, государь, благоугодно будет утвердить одобренные в бозе почивающим императором предложения графа Лорис-Меликова, то все мы должны преклониться, и все возражения наши должны смолкнуть. Тем не менее я считаю священною обязанностью обратить всемилостивейшее внимание Вашего величества на то, что при обнародовании постановления по этому предмету нужно принять совершенно иную форму, нежели та, которая предлагается графом Лорис-Меликовым. Нельзя говорить о важной этой мере так, как будто она исходит от министра внутренних дел. Подобный правительственный акт может исходить исключительно от Вас, по завету покойного государя, и силою собственной державной воли Вашего императорского величества, а не по мысли и представлению министра внутренних дел. О нем в публикации не должно быть и речи.

Министр финансов А. А. Абаза (с некоторою горячностью). Ваше императорское величество, о министре внутр. дел речь идет вовсе не в публикации, приготовленной для «Правительственного Вестника», а в докладной записке, которая может исходить только от министра.

Затем, что касается других возражений министра почт и телеграфов, то я попрошу разрешения остановиться прежде всего на указании его о невозможности принять предлагаемую меру в нынешние смутные времена. Я бы понял это возражение, если бы смута исходила из народа. Но мы видим совершенно противное. Смута производится горстью негодяев, не имеющих ничего общего с народом, исполненным любви и преданности своему государю. Против шайки злодеев, ненавидимых всем населением империи, необходимо принять самые решительные и строгие меры. Но для борьбы с ними нужны не недоверие к обществу и всему народу, не гнет населения, а совершенно иные средства,—нужно устроить сильную, деятельную и толковую полицию, не останавливаясь ни перед какими расходами. Государственное казначейство отпустит на столь важную государственную потребность не только сотни тысяч, но миллионы, даже многие миллионы рублей.

Наконец, по поводу возражений министра почт я не могу не заметить, что в предложениях графа Лорис-Меликова, которые, по воле покойного государя, обсуждались в особой комиссии при участии Вашего величества, нет и тени того, чего опасается статс-секретарь Маков. Если бы они клонились к ограничению самодержавия, которое более чем когда-либо необходимо в нынешнее время, то, конечно, никто из нас не предложил бы и не поддерживал бы этой меры.

Проектированные редакционные комиссии должны иметь значение учреждения только с о в е щ а т е л ь н о г о. Без совещания с представителями общества обойтись невозможно, когда речь идет об издании важных законов. Только посредством такого совещания познаются

действительные нужды страны. Трон не может опираться исключительно на миллион штыков и на армию чиновников. В царствование покойного государя не раз приглашаемы были и в различные комиссии и даже в госуд. совет лица выборные, именно, предводители дворянства, председатели земских управ, городские головы и т. п. Теперь предлагается поступить несколько иначе, т.-е. приглашать не людей, избранных обществом для совершенно иной цели, а людей, которым население доверит его голос, именно для рассмотрения законодательных проектов. Я, с моей стороны, считаю этот прием важным усовершенствованием, потому что очень хороший предводитель дворянства, городской голова или председатель земской управы могут быть очень плохими советчиками по части законодательной.

Ваше императорское величество, предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою еще и потому, что, как Вашему величеству известно, нам предстоит издать целый ряд законов о новых налогах. Подобного же рода вопросы не могут быть рассматриваемы путем исключительно кабинетным. Для справедливости и практического удобства налога он непременно должен быть соображен при участии тех лиц, которым придется платить его.

Министр внутренних дел граф М. Т. Лорис-Меликов. Ваше императорское величество, при обсуждении настоящих предположений, было не раз упоминаемо, что в нынешние смутные времена нужны иные меры, нежели те, которые теперь предлагаются. В этих отзывах слышится косвенный укор мне за то, что я не сумел уберечь незабвенного покойного государя и общего благодетеля. Я не буду оправдываться. Я действительно виноват, как я о том и докладывал Вам, государь, тотчас же после ужасного события 1 марта. Но если я не мог уберечь покойного императора, то не по недостатку усердия. Я служил ему всеми силами, всею душою и при всем том не мог предупредить катастрофы... Несмотря на убедительную просьбу мою, Вашему величеству не угодно было уволить меня...

Государь. Нет. Я знал, что Вы действительно сделали все, что могли.

Граф Лорис-Меликов. В настоящее время я полагаю, что в отношении к злодеям нужно принять самые энергические меры; но вместе с тем я убежден, что относительно всего остального населения империи правительство не должно останавливаться на пути предпринятых реформ. По окончании сенаторских ревизий нам предстоит издание весьма важных законодательных мер. Необходимо, чтобы меры эти соображены были как можно тщательнее, для того, чтобы они оказались полезными в практическом применении.

Затем не менее важно и то, чтобы на стороне правительства были все благомыслящие люди. Предлагаемая теперь мера может много этому способствовать. В настоящую минуту она вполне удовлетворит и успокоит общество; но если мы будем медлить, то упустим время—

через три месяца нынешние, в сущности, весьма скромные, предположения наши окажутся, по всей вероятности, уже запоздалыми.

Обер-прокурор св. синода К. П. Победоносцев (бледный, как полотно, и очевидно взволнованный). Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена перед гибелью Польши говорили: «Finis Poloniae!», так теперь едва ли не приходится сказать и нам: «Finis Russiae!». При соображении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...

Нам говорят, что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь. Нет! В России хотят ввести конституцию и если не сразу, то, по крайней мере, сделать к ней первый шаг... А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг. Примеров этому множество, и даже в настоящее именно время мы видим во Франции охватившую все государство борьбу, имеющую целью не действительное благо народа или усовершенствование законов, а изменение порядка выборов для доставления торжества честолюбцу Гамбетте [20]), помышляющему сделаться диктатором государства. Вот к чему может вести конституция!

Нам говорят, что нужно справляться с мнением страны через посредство ее представителей. Но разве те люди, которые явятся сюда для соображения законодательных проектов, будут действительными выразителями мнения народного? Я уверяю, что нет. Они будут выражать только личное свое мнение и взгляды.

Государь. Я думаю то же. В Дании мне не раз говорили министры, что депутаты, заседающие в палате, не могут считаться выразителями действительных народных потребностей.

Победоносцев. И эту фальшь по иноземному образцу, для нас не пригодную, хотят, к нашему несчастью, к нашей погибели, ввести и у нас. Россия была сильна благодаря самодержавию, благодаря неограниченному взаимному доверию и тесной связи между народом и его царем. Такая связь русского царя с народом есть неоцененное благо. Народ наш есть хранитель всех наших доблестей и добрых наших качеств; многому у него можно научиться! Так называемые представители земства только разобщают царя с народом. Между тем правительство должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования.

А вместо того предлагают устроить нам говорильню, вроде французских «états généraux». Мы и без того страдаем от говорилень.

которые под влиянием негодных, ничего не стоящих журналов разжигают только народные страсти. Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, приявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?.. К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков.

Затем, открыты были земские и городские общественные учреждения—говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают лица, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту.

Потом открылись новые судебные учреждения—новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, несомненные убийства и другие тяжкие злодейства остаются безнаказанными.

Дали, наконец, свободу печати, этой самой ужасной говорильне, которая во все концы необъятной русской земли, на тысячи и десятки тысяч верст, разносит хулу и порицание на власть, посевает между людьми мирными и честными семена раздора и неудовольствия, разжигает страсти, побуждает народ к самым вопиющим беззакониям.

И когда, государь, предлагают вам учредить, по иноземному образцу, новую в е р х о в н у ю говорильню?.. Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужасающего злодеяния, никогда не бывавшего на Руси,—когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе непогребенный еще прах благодушного русского царя, который, среди белого дня, растерзан русскими же людьми. Я не буду говорить о вине злодеев, совершивших это ужасающее, беспримерное в истории преступление. Но и все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что несмотря на постоянно повторявшиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника! На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!

Государь. Сущая правда, все мы виновны. Я первый обвиняю себя.

Победоносцев. В такое ужасное время, государь, надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи,—а о деле. Нужно действовать.

Речь эта произвела на многих, в особенности на государя, весьма сильное впечатление. Сознавая это, *А. А. Абаза* произнес взволнованным голосом, но при этом весьма решительно.

Ваше величество, речь обер-прокурора св. синода есть, в сущности, обвинительный акт против царствования того самого государя, которого безвременную кончину мы все оплакиваем. Если Константин Петрович прав, если взгляды его правильны,—то Вы должны, государь, уволить от министерских должностей всех нас, принимавших участие в преобразованиях прошлого—скажу смело—в е л и к о г о царствования.

Смотреть на наше положение так мрачно, как смотрит Константин Петрович, может только тот, кто сомневается в будущем России, кто не уверен в ее жизненных силах. Я, с моей стороны, решительно восстаю против таких взглядов и полагаю, что отечество наше призвано к великому еще будущему. Если при исполнении реформ, которыми покойный император вызвал Россию к новой жизни, и возникли некоторые явления неутешительные, то они не более как исключение, всегда и везде возможные и почти необходимые в положении переходном от полного застоя к разумной гражданской свободе. С благими реформами минувшего царствования нельзя связывать постигшее нас несчастие—совершившееся у нас цареубийство. Злодеяние это ужасно. Но разве оно есть плод, возросший исключительно на русской почве; разве социализм не есть в настоящее время всеобщая язва, с которой борется вся Европа; разве не стреляли недавно в германского императора, не покушались убить короля итальянского и других государей, разве на-днях не было сделано в Лондоне покушение взорвать на воздух помещение лорда-мэра?

Обер-прокурор св. синода заявил нам, что вместо учреждения так называемой им «верховной говорильни», нужно, главным образом, заботиться и радеть о народе. Ваше величество, в этом последнем собственно отношении, т.-е. относительно забот о возможном благе народа, взгляды наши совершенно сходятся. Несмотря на то, что всего в ноябре месяце отменен ненавистный всем соляной налог, при чем народ освобожден от уплаты в год 15 миллионов рублей, я, не более двух недель тому назад, имел счастье докладывать покойному государю, в присутствии Вашем, предложения министерства финансов и внутренних дел о понижении выкупных крестьянских платежей на сумму 9 миллионов в год. При первом моем всеподданнейшем докладе Вашему величеству я счел долгом вновь обстоятельно доложить это дело, испрашивая разрешения Вашего внести его в самом безотлагательном времени в госуд. совет. Вашему величеству благоугодно было на это соизволить, выразив желание, чтобы дело было рассмотрено в нынешнюю же сессию совета. Смею думать, что предложения подобного

рода служат доказательством заботы нашей и радения нашего о народе. Но заботясь и радея о нем, не нужно забывать, что, кроме простого народа, в населении государства есть и образованные классы общества. Для пользы дела необходимо, по мере возможности, привлекать их к участию в управлении, выслушивать мнение их и не пренебрегать их советами, весьма часто очень разумными.

Государственный контролер Д. М. Сольский (совершенно спокойно). Ваше императорское величество, обер-прокурором св. синода было высказано много такого, с чем согласны все. Поэтому между нами нет такого коренного различия в убеждениях, как казалось бы с первого взгляда. Разногласие происходит, главным образом, от недоразумения. Ни министр внутр. дел, ни все те из нас, которые согласны с его предложением, вовсе не считают предлагаемую им меру средством, ограждающим против преступлений социализма. И при действии ее преступления социалистов будут по-прежнему возможны. Для борьбы с социализмом нужно иметь прежде всего хорошую полицию, которой у нас нет.

С другой стороны, никто не помышляет о конституции или об ограничении самодержавия. В проекте министра внутр. дел, одобренном особым совещанием, в котором Ваше величество изволили участвовать, прямо выражено, что редакционная комиссия с участием земства и городов имеет лишь голос с о в е щ а т е л ь н ы й; далее сказано также, что существующий порядок рассмотрения дел в государственном совете остается без изменения. Ввиду этого о конституции нет и речи.

Если бы в проекте была хотя тень такой мысли, то каждый из присутствующих, без сомнения, отверг бы ее с негодованием. Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь, нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какою она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо, чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд. Константин Петрович уподобил предлагаемую меру составу французских états généraux. Уподобление это совершенно неправильное. Всем известно, из кого состояли états généraux и какое их было значение. Разве предлагается что-либо подобное этому учреждению?.. Предлагается созвать около ста человек, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами губернских городов. Нельзя сомневаться в том, что избранные лица будут люди вообще умеренные. Они будут совещаться при участии правительственных деятелей и под председательством лица, назначенного высочайшею властью. Затем, если бы это собрание увлеклось, то нельзя думать, чтобы русское правительство, сильное, в некоторых отношениях всемогущее, не имело средств остановить подобное увлечение.

Опасения, и притом напрасные, у нас не новость. Когда покойным государем возбужден был вопрос об освобождении крестьян, тогда многие боялись у нас революции. Последующие события доказали,

что опасения эти не имели ни малейшего основания. Когда введены были земские учреждения, многие предсказывали, что вводимый порядок будет постоянно расти, что земство будет стремиться к приобретению политического значения, что силою вещей правительство будет вынуждено уступить и что таким образом водворится в России правление конституционное. Но разве опасения эти были справедливы? Разве земство стало политическою силою и вышло из тех пределов, которые были ему предуказаны законом? За исключением некоторых отдельных случаев не серьезного даже сопротивления, а скорей невинной болтовни, которые были тотчас же остановлены распоряжением правительственной власти, — земство наше никогда не выходило из границ. Его можно обвинить скорее в бездеятельности, в апатии. Итак, неоднократно возникавшие у нас до сих пор опасения по случаю принимавшихся либеральных законодательных мер, как дознано неопровержимыми фактами, были напрасны, были несправедливы.

Ваше императорское величество, возвращаясь к первоначальному заявлению, я должен снова указать на то, что между нами нет коренного различия в убеждениях. Сам Константин Петрович не отвергает пользы соображения важных законодательных мер при участии людей практических. Но решительно то же самое предлагается и нами. Может быть, мы не сойдемся с Константином Петровичем в подробностях, но подробности есть дело дальнейшего рассмотрения. Обсуждать проект вновь во всех мельчайших его постановлениях, ввиду важности дела, может быть только полезно. Теперь речь идет собственно об основной мысли, а относительно нее, по глубокому моему убеждению, нет различия во взглядах. Нынешний порядок администрации признан самим правительством во многих отношениях неудовлетворительным и требующим исправления. С этим согласен и Константин Петрович. По возвращении сенаторов, которым поручена ревизия многих губерний, и по рассмотрении их трудов будут составлены предположения об изменениях в разных частях законодательства. Необходимо, чтобы изменения эти удовлетворяли действительным потребностям и не остались мертвою буквою. Для этого нужно содействие людей, знающих действительную жизнь.

Кроме общих проектов, касающихся проекта управления, нельзя оставлять без внимания крайней необходимости изменения нашей податной системы. Нынешнее податное обложение в высшей степени несправедливо и тягостно для некоторых классов населения. Но для того, чтобы облегчить одних, нужно обременить других, нужно ввести новые налоги, о чем упоминал еще сегодня министр финансов. Введение же новых налогов обыкновенно возбуждает ропот и увеличивает число недовольных. Почти ничто не ожесточает так людей, как то, если их бьют по карману. Поэтому правительство должно озаботиться не только о том, чтобы подати были справедливые и чтобы они распределялись, по возможности, равномерно,—в этом много помогли бы представители разных местностей и разных классов общества,—но также

и тем, чтобы не нести о д н о м у всей ответственности в принятых мерах. Коль скоро меры эти будут предварительно обсуждены представителями страны, то ответственность будет разделяться ими, и правительство найдет в них опору.

Ваше величество, в заключение я должен сказать, что речью своей Константин Петрович всех нас расстроил. При этом он представил в самых мрачных красках весь ужас нынешнего нашего положения. Но этого он не пошел (sic! *Ред.*). Он раскритиковал все, но сам не предложил ничего. В конце своей речи Константин Петрович справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим; но ограничиваться одною критикою и оставаться неподвижным—невозможно.

После Сольского попросил слова *министр путей сообщения К. П. Посьет*. Довольно нескладно и темно он объяснил, что предполагаемые меры несвоевременны, тем более, что они могут быть приняты за уступки требованиям и угрозам социалистов.

Почти в один голос Лорис-Меликов, Абаза и Сольский заявили, что этого бояться нечего, так как социалисты требуют совсем не того и что предлагаемая мера их, конечно, не удовлетворит.

Председатель департамента законов кн. С. Н. Урусов. Ваше императорское величество, если предложение министра внутренних дел будет принято, то, по моему мнению, нужно рассматривать его не как меру политическую, а как меру практически полезную.

Коль скоро правительство должно искать себе помощи в содействии представителей общества, то необходимо, чтобы эти представители были л у ч ш и е л ю д и страны.

Но из рассматриваемого нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди. Поэтому, Ваше величество, я, с моей стороны, признавал бы полезным и необходимым пересмотреть проект предварительно в комитете министров.

Управляющий министерством народного просвещения А. А. Сабуров. Ваше императорское величество, проект министра внутренних дел признается здесь многими за меру слишком либеральную. Я не могу согласиться с таким мнением. Весьма основательно было возражаемо, что предложение графа Лорис-Меликова не есть что-либо совершенно новое и что, в сущности, оно есть лишь видоизменение и усовершенствование того, что делалось в прежние времена при рассмотрении важных законодательных проектов. При нынешних грустных обстоятельствах мера эта особенно необходима. Она вызывается неотложною потребностью опереться на здоровые силы страны. В настоящее время правительство опирается в своих действиях собственно на одних чиновников, т.-е. на людей хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой сре-

ды. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвою, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому представят, несомненно, более твердую опору для правительства.

Министр юстиции Д. Н. Набоков заявляет тихим голосом (в нашем конце стола его почти не слышно) и в довольно туманных выражениях полное свое сочувствие проекту министра внутренних дел.

Принц П. Г. Ольденбургский. Ваше величество, я присоединяюсь вполне к предложению князя С. Н. Урусова о пересмотре проекта в комитете министров. К этому я прибавлю, что для упрочения порядка и благосостояния государства, по глубокому моему убеждению, нужны два условия: мир и поправление наших финансов, главным образом, посредством бережливости в расходах. Если не будет этих двух условий, то ничто не поможет.

Очередь доходила теперь до меня. Я был в чрезвычайном затруднении: говорить мне или нет? С одной стороны, вопрос почти уже выяснился, с другой же, госуд. секретарь не есть министр и присутствует в совете собственно для объяснений по делам госуд. совета. После некоторого размышления и—не скрою—волнения, я решил так: если государь обратится прямо ко мне, то, высказав в кратких чертах сочувствие свое проекту, я приведу в виде практического аргумента в пользу предлагаемой меры то, что, как видно из многих наших дел, издаваемые у нас законы на деле часто не соответствуют благим намерениям правительства главным образом потому, что они неудобоприменимы, что недостатком этим страдают в особенности те законы, при составлении которых вовсе не были выслушаны отзывы людей дела и практики, например: парциальное (?) положение и закон, ограничивающий право городских и сельских обществ исключать из своей среды порочных людей. Как известно, оба эти узаконения вызвали массу справедливых жалоб, повлекших за собой пересмотр первого из них и приостановление действия второго в административном порядке.—Засим, если бы его величество не обратился ко мне, я решился молчать.

По окончании принцем Ольденбургским коротенького своего заявления, государь посмотрел вопросительно в наш угол, т.-е. на управляющего министерством государственных имуществ князя Ливена и меня. *Князь Ливен* попросил слова и затем, несколько кудряво, объяснил, что, вполне сочувствуя мысли опереться на здоровые силы страны, полагает, однако, что им следует предоставить широкую долю участия в местном самоуправлении. Призывать же депутатов земства в Петербург для участия в делах управления, по мнению князя Ливена, во многих отношениях опасно.

Выслушав Ливена с несколько утомленным видом, государь обвел взглядом все собрание, как бы спрашивая: не желает ли еще кто-нибудь говорить? Я понял, что мне лучше воздержаться от прений.

Слова попросил *великий князь Константин Николаевич.* Ваше величество, —сказал он, —в начале наших суждений П. А. Валуев

заявил, что он считает себя давнишним автором или ветераном рассматриваемых предложений, так как основная их мысль была им предложена покойному государю в 1863 году. Хотя и несколько позднее, именно в 1866 году, я счел также обязанностью, не зная ничего о предположениях Петра Александровича, представить покойному императору записку, в которой выражал убеждение свое в необходимости привлечения сил общественных к рассмотрению важнейших законодательных дел. Государь не давал хода этой записке в течение 15 лет. Только в январе прошлого года она подвергалась обсуждению в особом совещании при участии Вашего величества. Осуществление мыслей моих признано было тогда несвоевременным. Я, с моей стороны, покорился этому, сохранив за собой право возобновлять предложения мои впоследствии. Если бы министр внутр. дел не представил ныне своего проекта, во многом сходного с моим, то я счел бы обязанностью снова заявить о прежних, давнишних моих мыслях. Говорю об этом собственно для того, чтобы выразить, в какой степени я разделяю основную мысль обсуждаемого государственного дела.

Главный противник проекта—обер-прокурор св. синода. Но и он, если вникнуть хорошенько в сказанное им, как правильно заметил государственный контролер, не отрицает пользы призыва к рассмотрению важных законодательных дел людей свежих, практических. Следовательно, и Константин Петрович признает полезным, чтобы существовало звено между государем и его народом. Такое звено я, с моей стороны, считаю безусловно необходимым. Благодаря такому звену русский монарх мог бы узнавать как истинные потребности своего государства, так и недостатки законодательных предположений, составленных людьми кабинетными. Не подлежит сомнению, что в тысячу раз лучше убедиться в таких недостатках п р е ж д е, чем п о с л е утверждения закона. Какое именно должно быть это звено, из кого состоять и как должно действовать,—в этом отношении возникают в нашей среде разные мнения. Ввиду этого, я присоединяюсь к предложению князя Урусова и принца Ольденбургского о дальнейшем еще пересмотре проекта. Покойный мой отец, дед Вашего величества, неоднократно говорил мне, что любимою поговоркою императора Александра I было: «десять раз отмерь и один раз отрежь». Мне кажется, что поговорка эта, как нельзя более, применима к настоящему предмету первостепенного государственного значения. Нужно несколько раз отмерить наши предположения, но в конце концов нужно их отрезать.

Великий князь Михаил Николаевич не считает возможным высказаться, пока не ознакомится с окончательными по этому предмету предположениями.

Великий князь Владимир Александрович (с некоторым жаром). Ваше величество, всеми сознается, что нынешнее положение наше—невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед или шаг назад. Я убежден, что назад итти нельзя, поэтому нужно сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, пред-

ложенной графом Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к подробностям, а не относительно основной мысли. Ввиду этого, не позволите ли, Ваше величество, признать полезным повелеть, чтобы проект был пересмотрен? Но отвергать его, по моему мнению, не следует.

Граф С. Г. Строганов. Государь, я тоже не возражал бы против пересмотра проекта в комитете министров.

Князь С. Н. Урусов. Ваше величество, если Вам благоугодно будет принять мысль о дальнейшем еще пересмотре проекта, то не лучше было бы обсудить ее сначала не в комитете министров, а в составе небольшой комиссии из лиц, назначенных Вашим величеством?

Государь. Я не встречаю к тому препятствий. Цель моя заключается в том, чтобы столь важный вопрос не был разрешен слегка, но, напротив того, был соображен как можно основательнее и всестороннее; (обращаясь к графу Строганову) граф, не примете ли Вы на себя председательство в комиссии?

Граф Строганов. Я всегда и во всем готов служить Вашему величеству. Но позвольте заметить, что 86-ти лет от роду нельзя быть председателем.

Государь. Так не согласитесь ли, по крайней мере, быть членом комиссии?

Граф Строганов. Охотно, государь.

Государь. Благодарю Вас. Я очень бы желал, чтобы Вы участвовали в этом деле.

Граф Строганов, видимо довольный, молча поклонился.

Граф Валуев. Ваше императорское величество, не изволите определить состав комиссии? Или, может быть, Вашему величеству угодно будет определить его впоследствии?

Государь. Да (вставая). Мы можем окончить заседание. Благодарю Вас, господа; (обращаясь к Лорису-Меликову) граф Михаил Тариелович, я должен поговорить с Вами. Пойдемте ко мне.

Заседание окончилось в 4 часа 45 минут. При разъезде Валуев подошел к Абазе со словами: «J'espère que vous avez été contant de moi».—Parfaitement. Mais je n'en dirai pas autant de votre élève (разумея Макова); c'est un laquais *).

Возвратясь домой, я немедленно начертил себе план стола, означив имена сидевших и порядок, в котором говорились речи. Затем против каждого имени я тут же набросал сущность сказанного и отметил даже наиболее рельефные выражения.

После обеда, несмотря на усталость, я тотчас же принялся за подробное изложение (на особых листах) всего бывшего в заседании и не отрывался от этого дела до поздней ночи. Однако мне не удалось окончить все за один раз. Я употребил на это дело еще целых два вечера. В эту книжку я внес составленное таким образом изложение, по обычаю своему, летом.

*) Я надеюсь Вы были мною довольны.—Совершенно, но я не скажу того же о Вашем ученике. Это—лакей

В заседании я следил за всем с таким напряженным вниманием, что у меня осталось в памяти едва ли не каждое слово. Льщу себя надеждою, что изложение мое почти фотографически верно.

9 марта. Великий князь Константин Николаевич доволен результатом вчерашнего заседания. Зато крайне недоволен назначением Баранова [21]) в градоначальники. Назначение это состоялось не по представлению Лориса, а по совету Победоносцева.

Относительно заседания я сказал великому князю, что был поражен, как выступил вчера великий князь Владимир Александрович, заявление которого много способствовало успеху дела.—«А я этому нисколько не удивляюсь,—отвечал великий князь,—Владимир умный и хороший человек. Беда его в том, что он ленив и мало образован, даже в светском отношении. Все внимание покойного государя и императрицы было обращено на воспитание цесаревича Николая Александровича [22]), который был чуть не совершенство. Нынешний же государь и Владимир Александрович в детстве и юношестве были предоставлены почти исключительно самим себе».

Как узнал я в государственном совете, государь по окончании вчерашнего заседания сказал Лорис-Меликову, что председателем комиссии для пересмотра его предположений назначает великого князя Владимира Александровича.

Лорис очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он не прав: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одно заседание?

Лорис избалован—до сих пор все давалось ему слишком легко.

С другой стороны, Лориса многие винят в том, что он побудил государя в назначении заседания до погребения тела покойного императора. Дело вовсе не так спешно, а между тем недели через две или три речь Победоносцева не произвела бы такого впечатления, какое она произвела теперь.

16 марта. Лорис и Абаза вследствие заседания 8 марта не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По-моему мнению, они не правы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их; но необходимо соблюдать правила приличия и вежливости.

Абаза сообщил мне сегодня, что акции Лориса высоки, но что и Победоносцев не совсем без влияния. Много еще перемен будет. «Мы,—продолжал он,—обязаны были высказаться вполне и вступить в открытую борьбу, так как стояли на министерских постах. Но на вас не лежит этой обязанности; потому будьте осторожны и не сжигайте своих кораблей. Поберегите себя для будущего».—И он крепко пожал мне руку.

Желал бы я знать, что значит это наставление. Искренно ли оно или же только светская любезность, соединенная с некоторым расчетом на случай падения...

II.

Из дневника вел. кн. Константина Николаевича.

8 марта 1881 г.

Утро спокойно дома за газетами. В 11 час. в крепости слушали заупокойную обедню. Дома завтракал и работал крестьянщину с Чернявским [23]) и Татариновым [24]). В 2 ч. в Зимний на первый совет министров у молодого государя в малиновой комнате мамá. Предъявлялось дело наше о призыве земских представителей и проект прелестно составленного объявления об этом. Но государь начал словами сомнения и несвоевременности этой меры и просил всех откровенно высказаться. Строганов, нарочно для этого приглашенный, сильно говорил против, тоже Маков (лакейская речь), Посьет, а главное—Победоносцев, доказывая, что это будет только новая говорильня. А Валуев и Милютин, Абаза, Сольский, Набоков и Сабуров сильно и отлично говорили в пользу. Урусов по обыкновению ни то, ни се. Я рекапитулировал все рассуждения, доказывая, что разногласия настоящего нет, что все согласны, что надо же сделать что-нибудь, и доказал необходимость нового пересмотра этого дела. Владимир очень мило говорил, доказывая, что оставаться в теперешнем положении долее невозможно, что необходимо что-нибудь сделать. Говорил очень мило. Это было his maiden speach *), и я его за это потом поцеловал и перекрестил. Так и решили, чтоб снова рассмотреть дело в предварительной комиссии, но состава комиссии не решили. Было уже почти 5 час. Было еще много частных потом разговоров, и я крупно выговаривал Макову за его глупую речь. Воротился ужасно утомленный и отдыхал.

9 марта 1881 г.

Утром $13^1/_2°$ со страшным ветром, а вечером 5°, снег и вьюга. Утром читал газеты. В $^1/_2$ 11 работал с Перетцом [25]) и много толковали про вчерашнее заседание и мое личное положение. В 12 ч. панихида в крепости. Дома за завтраком расспрашивал Костю про Эдинбург-

*) Буквально—«его девственная (первая) речь»; этим выражением в Англии обозначают первую речь нового члена парламента.

ского и узнал более чем странные истории о Новосильском [26]) и его поведении. В $^1/_2$ 2 в совет, весьма короткий, как и крестьянский комитет, а потом длинный разговор с Абазой. Рассказывал мне свои планы об облегчении выкупных платежей и о применении обязательного выкупа и как он про это докладывал и Саше [27]) и новому государю и заручился их согласием и намерен это провести сквозь комитет и совет еще в эту сессию, до ваканта. Потом общий разговор про теперешнее положение, про вчерашнее заседание, про положение Лориса и мое, и что мне делать и как поступать. Положение не легкое, но во всяком случае ничего не сделаю до окончания похорон и торопиться не буду, а буду выжидать.

Примечания.

[1]) *Мансуров, Ник. Павл.*, статс-секретарь, завед. делами совета министров.

[2]) *Владимир Александрович* (1847—1909), вел. кн., ком. войсками гвардии и петербургского военного округа.

[3]) *Константин Николаевич*, (1827—1892), вел. князь, ген.-адмирал, председатель государственного совета.

[4]) *Михаил Николаевич*, вел. кн., член гос. совета, ген.-фельдмаршал, позже — председатель гос. совета.

[5]) *Строганов, Сергей Григ.* (1794—1882), гл. воспитатель сыновей Александра II—Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

[6]) *Лорис-Меликов, Мих. Тар.* (1825—1888), граф, ген.-адъют., главный начальник верх. распоряд. комиссии (12 февр.—6 авг. 1880 г.), министр внутр. дел (6 авг. 1880 г.—7 мая 1881 г.).

[7]) *Посьет, Конст. Никол.* (1819—1899), ген.-адъют., министр путей сообщений (1874—1888).

[8]) *Урусов, Серг. Ник.*, князь, статс-секретарь, председатель департамента законов гос. совета (1872—1882).

[9]) *Барзнов, Эд. Троф.*, граф, председатель деп. экономии гос. совета.

[10]) *Абаза, Алекс. Агеевич*, член гос. совета, министр финансов.

[11]) *Сольский, Дмитрий Март.*, (1833—1910), государственный контролер.

[12]) *Пещуров, Ал. Ал.*, (1834—1891), вице-адм., управл. морским министерством (1880—1882).

[13]) *Милютин, Дмитрий Алекс.*, граф, военный министр.

[14]) *Валуев, Петр Алекс.*, (1814—1890), граф, председатель комитета министров.

[15]) *Принц Петр Георг. Ольденбургский*, (1812—1881), ген.-адъют., главноупр. IV отд. собств. е. в. канцелярии.

[16]) *Ливен, Андрей Алекс.*, князь, управляющий мин. госуд. имуществ.

[17]) *Гирс, Ник. Карл.* (1820—1895), тов. мин. иностр. дел.

[18]) *Караковов, Дм. Влад.*, неудачно покушался на Александра II 4 апр. 1866 г.

[19]) *Вильгельм* (1797—1887), король прусский, германский император.

[20]) *Гамбета, Леон-Мишель* (1838—1882), знаменитый франц. политический деятель, республиканец, президент палаты депутатов; в 1881 г. вел энергичную кампанию за введение закона о выборах в палату депутатов по спискам, а не по округам; противники Г. доказывали, что он добивается изменения выборной системы, чтобы стать диктатором.

[21]) *Баранов, Ник. Мих.*, испр. должность ковенского губернатора, затем петерб. градоначальника; в 1885 г. назначен нижегородским губернатором.

[22]) *Николай Александрович*, цесаревич, старший сын Александра II (род. в 1843 г., умер в 1865 г.).

[23]) *Чернявский И.*, чиновник государственной канцелярии.

[24]) *Татаринов*, повид., тоже.

[25]) *Перетц, Егор Абрам.*, государственный секретарь.

[26]) *Новосильский*, член государственного совета, адмирал, ген.-адъютант.

[27]) *Александр II.*

Октябрьский переворот и ставка [1]).

I.

Зимний дворец занят. Засевшие в Инженерном замке юнкера выбиты. Большинство министров Временного Правительства, ряд главных администраторов Питера, вместе с генерал-губернатором Пальчинским, сидели в Петропавловской крепости. Министерские чиновники и служащие учреждений проводили всеобщую стачку против власти Советов, против победы рабочих, руководимых нашей большевистской партией.

Буржуазные и эсеро-меньшевистские элементы готовятся к борьбе. Организованы «комитеты спасения революции». Авксентьевы, Шрейдеры, Черновы и Даны, купцы Кишкины и Гоцы готовились спасать страну и революцию от «темных сил», которым будто мы, большевики, открывали ворота. Керенский сбежал, собирал рать для спасения буржуазного порядка, шел на рабочую столицу.

В два дня закончился II Съезд Советов. Приняты декреты о мире, о земле, о власти. Выбрано новое правительство, провозглашена власть Советов. Десятки тысяч рабочих Питера взяли винтовки на защиту нового революционного порядка. Тысячи стали на замену саботажников.

А «хвастунишка Керенский» шел походом на рабочий Питер, посылая из Гатчины во все стороны напыщенные телеграммы:

> В ставку и далее по схеме всем, всем: войскам петроградского военного округа и всем, всем объявляю, что я, министр-председатель Временного Правительства и верховный главнокомандующий всей вооруженной силы Российской Республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданного родине. Приказываю всем частям петроградского военного округа, по недоразумению или заблуждению примкнувшим к шайке изменников родине и революции, вернуться не медля ни часу к исполнению своего долга. Приказ этот прочесть во всех ротах, командах, батареях, эскадронах и сотнях: министр-председатель и верховный главнокомандующий *Керенский*.

Оставшиеся в меньшинстве социалисты-революционеры и меньшевики всех оттенков повели атаки на второй Съезд Советов, объявив его «не состоявшимся», разослав по телеграфу свой знаменитый «циркуляр»:

---

[1]) Среди публикуемых тов. А. Г. Шляпниковым материалов из Военно-ученого архива (д. д. №№ 814, 679 и 676) есть документы, опубликованные в свое время в периодической печати. Редакция однако не считала возможным исключить эти документы из статьи, желая дать по возможности исчерпывающий подбор документов, рисующих октябрьско-ноябрьские дни в контр-революционной ставке. *Ред.*

Всем Советам Рабочих и Солдатских Депутатов и армейским комитетам. 20207. Из Петрограда 277 125 26—12 Циркулярно.

Товарищи! Второй Всероссийский Съезд Советов собрался в момент, когда на улицах Петрограда пролилась уже братская кровь, и началась гражданская война, вызванная захватом власти большевиками. Фракции социалистов - революционеров, социал-демократов меньшевиков и интернационалистов, народно-социалистической группы не сочли возможным при таких условиях принимать участие в Съезде и покинули его, вследствие этого ЦИК считает второй Съезд Советов не состоявшимся и рассматривает его, как частное совещание делегатов большевиков, и решения этого Съезда, как незаконные, ЦИК объявляет необязательными для местных Советов и армейских комитетов. ЦИК призывает все Советы и армейские организации сплотиться вокруг него для защиты революции. ЦИК созовет новый Съезд Советов, как только создадутся условия для правильного его созыва. *Исполнительный Комитет.*

Однако сплочения вокруг старого ЦИК'а не произошло: ни армия, ни рабочие не откликнулись на его призывы. Только верхушечки комитетов, почтовые служащие и всевозможные «комитеты спасения революции» ответили на его призывы ругательствами и проклятьями по адресу большевиков, свидетельствуя о своем бессилии. Места же последовали за Питером и Москвой, свергая власть Временного Правительства, устанавливая новую власть Советов.

Вокруг Керенского и «комитетов спасения революции», под прикрытием эсеро-меньшевистской демократии, объединились все силы контр-революции. Все надежды буржуазной контр-революции обратились к фронтам, к ставке, где давно уже организовался военный кулак против «анархии в тылу», т.-е. против рабочих и крестьянских требований в городах и в деревне. На ставку возложил Керенский задачу подавления октябрьского движения, вспыхнувшего в различных городах прифронтовой полосы, а также в Питере и в Москве. Ставка охотно приняла эту задачу на себя и телеграммой на имя главковерха Керенского срочно сообщила:

Все распоряжения сделаны, главкосеву [1]) лично подтверждено мною сегодня о точном выполнении вашего приказа номер 315. На прочих фронтах настроение спокойное. Организуем совместно с комитетами и комиссарами дальнейшее усиление ваших средств. 27 октября 1917 года. № 7963. *Духонин.*

Руководство подавлением октябрьского движения в ставке было поручено генералу-квартирмейстеру Дидерихсу. Последний 28 октября отправил командирам корпусов, стоявших в районе западного и северного фронтов, следующие директивы:

Предлагаю вам: 1) Командировать в Царское Село и Витебск исключительно лишь вполне надежные части с представителями полковых, дивизионных и корпусных комитетов.

2) Исполнять получаемые из ставки приказания, касающиеся назначения войск, не придерживаясь строго буквы их в отношении численного состава и сосредоточивая особое внимание на прочность и надежность частей.

3) Установить связь с местом нахождения главковерха и доложить ему об отданных распоряжениях и спросить непосредственное указание относительно отряда, направляемого на Царское Село. Копии отданных вами распоряжений и полученных от главковерха указаний телеграфируйте мне.

4) Царско-сельскому отряду все время быть в самой тесной связи с главковерхом, для чего он должен быть снабжен необходимыми средствами. № 7975. *Дидерихс.*

При осуществлении этих директив решающее значение имело обладание железнодорожными путями. Воинские части, способные ценой отхода в тыл с угрожавших

[1]) Главкосев—главнокомандующий северным фронтом.

военных позиций для полицейской службы в Москве и Петербурге, находились, и ставке удалось бы осуществить свои переброски сил и надежных частей, если бы ее намерения встретили поддержку в среде железнодорожного пролетариата. Последний был решительно против перевозок воинских сил для подавления рабочих, и соглашательский «викжель» — всероссийский исполнительный комитет железнодорожников—вынужден был стать на путь «примирения» и отрицания гражданской войны. В низовых же организациях железнодорожников дело было значительно благоприятнее для успеха революционного Октября. Там рабочие и служащие отказывались везти войска на Москву и Питер, и, если были вынуждены к этому угрозой оружия, тогда на помощь приходили воинские части гарнизонов узловых станций или рабочие мастерских и депо и задерживали поезда в пути.

Главное командование придавало овладению железнодорожными путями огромное значение, что видно из ряда распоряжений по военным сообщениям западного фронта, подписанных Малявиным:

По условиям настоящего момента является крайне необходимым обеспечить в руках законной власти против бунтовщиков железнодорожные узлы Витебск, Вязьма, Смоленск и Жлобин. Главкозап [1]) приказал немедленно назначить для охраны этих узлов по одной роте от местных или ближайших гарнизонов. 28 октября. 11583. *Малявин.*

Пока ставка была занята передвижением войск и подысканием подкреплений для подавления восстания в Москве и в Питере, восстания стали вспыхивать в самой прифронтовой полосе. Неблагополучно для Временного Правительства было и во фронтовой полосе, в районах расположения штабов. Так, в Минске наши большевики пытались взять власть в городе в свои руки, то же наблюдалось в Пскове, в Киеве. В последнем районе дело осложнялось национальным движением украинцев. О положении дела в районе юго-западного фронта, штаб которого стоял в Киеве, сохранился телеграфный разговор комиссара фронта Н. И. Иорданского с пом. начальника штаба верховного главнокомандующего Вырубовым от 28 октября.

У аппарата комиссар Иорданский просит помнаштаверха Вырубова.

— У аппарата помнаштаверх Вырубов.

(Иорданский).— Здравствуйте, Василий Васильевич. Сегодня у нас боевой день: в Виннице, где большевики захватили власть и где сосредоточен значительный гарнизон, с пяти часов дня идет бой. Воздушная эскадра большевиков совершила предательское нападение на верные революции войска, и было столкновение между нашими и большевистскими броневиками. Большевистский броневик уничтожен. Один из команды сгорел, другой убит. Наши потери: два юнкера убито, несколько ранено, убит один солдат, поврежден броневик. Доблестно руководит броневиками капитан Халипбеков и Устинов. Общее руководство принадлежит моему помощнику Костицыну, темнота приостановила бой, завтра окончание. Большевики начинают разбегаться по окрестностям, приняты меры, чтобы они не повредили железных дорог и проводов. В Киеве в настоящее время происходит арест Совета Солдатских Депутатов, призвавшего гарнизон к восстанию. Правительство располагает в Киеве достаточными и надежными отрядами, на остальном фронте спокойно. Были мелкие попытки большевистской агитации, но все они успешно прекращены комиссарами. 3 Финляндская дивизия и 17 Донской казачий направляются в Петроград на помощь Правительству. Искомюз [2]) находит необходимым назначить начальником отряда своего члена штабс-капитана Павлова, по местным условиям представляется наиболее удобным, чтобы его назначение состоялось в ставке, где вы увидите и будете иметь возможность оценить как самого

[1]) Главкозап—главнокомандующий западным фронтом.

[2]) Искомюз—исполнительный комитет юго-западного фронта.

кандидата, так и общие условия. С своей стороны отмечаю, что штабс-капитан Павлов, будучи молодым, обладает многими достоинствами, прошу Вас сообщить, какие новости. Все.

(Вырубов).— Здравствуйте, Николай Иванович. Сейчас врид комиссарверх получил телеграмму за подписью А. Ф. [1]) из Царского Села; главковерх телеграфирует, что большевизм распадается и что у большевиков нет никакой организации в Петрограде. Эта телеграмма, являясь ответной, хотя по содержанию и не очень значительно доказывает, что Царское Село сегодня было занято. С часу на час ждем известий о входе в Петроград. Сегодня в семь утра говорил с Толстым. Он сообщил, что министры-социалисты уже выпущены, что на улицах обыватели, «превратившиеся в граждан», обезоруживают большевистские караулы. При комитете спасения революции образовался военный отдел, составленный из политического отдела военмина. Повидимому, попытка организовать власть окончательно большевикам не удалась. Из Москвы получены известия, что Кремль в руках правительственных войск. Сегодня в Орше лицо, назвавшее себя уполномоченным рады, встретило головной эшелон 156 дивизии XVII корпуса и предложило вернуться назад и сосредоточиться в Киеве. Врид комиссарверх послал представителя с указанием на ответственность, которой подвергнется командный состав, если не выполнит приказания о продвижении. Я послал категорическую телеграмму Петлюре. Надеемся инцидент уладить. Вчера же послал телеграмму раде, о которой Вы говорили. Сегодня получили от главнавокр [2]) одесского генерала Маркса о присоединении его к одесскому окружному революционному комитету и украинской центральной раде. Телеграмма довольно путаная, и для нас не совсем ясна позиция этого окружного революционного комитета, но, имея в виду постановление рады против большевиков, я полагаю, что позиция эта во всяком случае противобольшевистская. Одесский окружной революционный комитет подчиняется киевскому областному комитету по охране революции. У нас все спокойно, проезжали сегодня несколько большевиков-солдат, бросили на станции пачку большевистских газет. Вот пока все.

(Иорданский).—В Одессе мы знаем, это не совсем так, как изображает Маркс, попавший охотно в слуги уже третьего правительства. Там рада захватила власть в свои руки, через посредство этого самого комитета отстранила комиссара Временного Правительства, который прислал мне протест. Кому подчиняется одесский комитет—трудно сказать, так как киевский комитет вчера догадался, наконец, распустить себя, как раз накануне объявления большевиками восстания; как я и предполагал, все эти почтенные комитеты служили только прикрытием, пока большевики готовились, поэтому я полагал бы, что при первой возможности усердный генерал Маркс должен быть предан суду. Сегодня я опубликовал объявление для фронта и прифронтовых губ., что военная власть в крае принадлежит только военным начальникам и комиссарам. Никакие захватные попытки и никакие политические соглашения для военной власти недопустимы. Всякие комитеты допускаются только как формы сотрудничества и содействия законным представителям власти на юзфронте и прилегающих губерниях. Представители Временного Правительства, опираясь на революционную армию, достаточно сильны, чтобы охранить революцию и подавить контр-революционеров правых и левых. Поэтому я объявляю всякие самочинные организации излишними и призываю политические партии, население сосредоточить силы на выборах в Учредительное Собрание и на обеспечение его созыва в назначенный срок. Пока все.

Прошу, известно ли Вам, в каком направлении предполагается ликвидировать кризис; общеармейские комитеты запросили искомюз об его мнении по вопросу о реконструкции власти, то-есть о создании нового правительства. Это снова ставит вопрос о народном и коалиционном министерстве, что по-моему чрезвычайно запутывает положение. Каковы мнения Правительства это—раз, два—предполагается ли примирение с большевиками или, наоборот, их окончательная ликвидация. Пожалуйста, попросите там члена армейского комитета, чтобы он был у аппарата. Все.

(Вырубов).—Сейчас члена армейского комитета здесь нет, если угодно, могу вызвать. По затронутому Вами вопросу у меня источник тот же, что и у армейского комитета—

---

[1]) Александр Федорович Керенский.

[2]) Главнавокр—главный начальник военного округа.

разговор с Толстым. По словам Толстого, в комитете спасения революции были разговоры о реконструкции власти, говорили об однородном министерстве, называли Авксентьева министром-председателем, предполагали, что А. Ф. останется только главковерхом, но поскольку эти разговоры серьезны и выражают собой мнение значительного большинства—сказать не могу. Во всяком случае, считаю, что освещение этих разговоров носило индивидуальный характер. Из тона телеграммы нельзя заключить, что он склонен к уступкам. Нужен ли Вам член армейского комитета?

(Иорданский).— Это не мне, а члену искомюза, который будет с ним после говорить. Пока прощаюсь с Вами, Василий Васильевич.

(Вырубов).—Всего хорошего, до свидания.

— До свидания.

Вслед за этим разговором ставка вела переговоры с румынским фронтом, комиссаром которого был Тизенгаузен, офицер Кексгольмского полка. Штаб румынского фронта был в Яссах. Район Одессы и часть Черноморского флота состояли в связи с румынским фронтом, о положении дел в котором мы узнаем из разговора Тизенгаузена с Вырубовым.

У аппарата помнаштаверх [1]) Вырубов. Извиняюсь, что я Вас задержал. Говорил с Иорданским, который в дополнение телеграммы генерала Маркса сообщил, что киевского областного комитета уже нет, вчера себя сам распустил. Вместе с тем, по нашим сведениям, рада захватила власть в свои руки и отстранила комиссара Временного Правительства. Очень прошу Вас дать заключение о телеграмме генерала Маркса и выяснить мне позицию как одесского комитета, так и главнокр.

У аппарата комиссаррум [2]) Тизенгаузен.—Мы имели те же сведения, которые Вы только что сообщили. Могу добавить, что от румчерода [3]) получены извещения, что генерал Маркс открыто присоединился к украинцам, что последними устранены правительственные комиссары и занят снабрум [4]).—Румчерод ходатайствовал о вооружении трехсот человек, с помощью которых они надеются восстановить порядок. Мне кажется, что обстоятельства в Одессе сложились не особенно благоприятно для большевиков и украинцев. Помглавкомрум [5]) в срочном порядке предложил генералу Марксу дать объяснение и принять немедленно все меры для того, чтобы телеграф и снабрум ни на минуту не прекращали свою работу. Военно-революционный комитет фронта пока еще не выносил определенного решения по этому вопросу, но, учитывая общее настроение его, я предположительно могу сказать, что он станет в непримиримую позицию по отношению к захватным стремлениям рады. Помглавкомрум, насколько я понял начальника штаба, намерен, с согласия революционного комитета и моего, двинуть кавалерийские части к Одессе для водворения порядка. Переход генерала Маркса никого из нас не удивляет, так как генерал отличается большою способностью плыть по течению. Не откажите информировать меня о последних петроградских событиях—в каком положении находятся петроградские войска и не имели ли они столкновения? Конец.

(Вырубов).—Повидимому, столкновения происходят, сейчас говорю повидимому потому, что точно мы знаем о занятии Гатчины и имеем телеграмму от главковерха из Царского Села о том, что большевики распадаются. Сейчас из Пскова получены сведения о требовании главковерха ускорить прибытие эшелонов. Сегодня в семь утра говорил с кабинетом главковерха, прапорщиком Толстым, который сообщил, что министры-социалисты выпущены, что при комитете спасения революции образован военный отдел. Пока я говорил с Вами, комиссарзап [6]) сообщил: «Получено сейчас вполне проверенное сведение о взятии Петрограда

---

[1]) Помнаштаверх—помощник начальника штаба верховного главнокомандующего.

[2]) Комиссаррум—комиссар румынского фронта.

[3]) Румчерод — исполнительный комитет румынского фронта, Черноморского флота и одесского военного округа.

[4]) Снабрум — начальник снабжения румынского фронта.

[5]) Помглавкомрум — помощник главнокомандующего румынского фронта.

[6]) Комиссарзап — комиссар западного фронта.

войсками Керенского. 1381. Комиссарзап Жданов». В Москве идет бой, правительственные войска заняли центр города, вокзалы в руках большевиков. Начались переговоры. Потери правительственных войск: 30 убитых и 100 раненых. Вот пока все самое главное. Не имеете ли каких-либо вопросов?

(Тизенгаузен).—Большое спасибо. Сообщили нам очень большую радость—надежда на скорое успокоение крепнет с минуты на минуту. Как комиссар (sic!) занимал довольно странное положение, так как являлся представителем несуществующего правительства. С самого начала у нас был организован комитет, в который вошел я и мой помощник. Действуем, что называется, за свой страх, не допуская мысли о возможности оставления работы в этот момент. На фронте исключительное спокойствие, все идет нормальным порядком — нашелся всего один корпус — XXIX, который открыто заявил себя приверженцем нового правительства. Еще раз очень благодарю Вас и прошу не отказать и впредь почаще информировать нас. Что слышно о Станкевиче?

(Вырубов).—Станкевич, по словам Толстого, в Петрограде, жив и здоров. Прошу, в случае надобности, вызвать к аппарату. Буду Вас информировать в дальнейшем. До свидания!

(Вырубов).—Перекрестов приветствует!

Генерал Щербачев в свой черед сообщал ставке секретной телеграммой о том, что «ведутся переговоры через революционный комитет с армиями, формируются особые роты по одной из корпуса». Все фронты принимали участие в организации контр-революционного похода. Все внимание командного состава, а также колебавшейся солдатской массы, было сосредоточено на Петрограде. Даже московские политические и офицерские круги, невзирая на состояние Москвы, наблюдали с живейшим вниманием за исходом борьбы под Петроградом. Все контр-революционные элементы ожидали, что Керенский войдет в Питер победителем, а из Питера поведет борьбу и по другим направлениям.

28 октября штаб московского военного округа имел со ставкой следующий разговор

— У аппарата генерал Дидерихс.

— У аппарата помощник командующего, поручик Ровный. Прошу Вас сообщить, что Вам известно о положении Петрограда, так как Москва не имеет достаточных связей с Петроградом. Когда выйдет помощь и из кого она состоит? Каково положение фронта?

(Дидерихс).—Прямой связи с Петроградом мы не имеем. От коменданта Гатчины знаем, что сегодня между Лигово и Петроградом шел бой. Результаты еще не известны. До сих пор, вследствие некоторых обстоятельств, связь с Керенским мы держим через Москву, поэтому я ждал, что услышу что-либо от В а с. Помощь Вам уже выслана, как я говорил, с юго-западного фронта бригада кавалерии с батареей и с западного фронта батарея казачья под прикрытием сотни. Когда они должны подойти к Москве, точно Вам сказать не могу, это зависит от успешности движения по железным дорогам. На фронтах спокойно, эксцессов пока нет, большевики притихли, но тайная работа их чувствуется. Немцы пытаются завязывать братание. Что Вы можете сказать о положении в Москве?

(Ровный).—После взятия Кремля движение большевиков начинает принимать дезорганизованный характер. В данный момент положение можно охарактеризовать так: центр, главным образом, в наших руках, за исключением района, прилегающего к дому генерал-губернатора. Окраины в руках красной гвардии и взбунтовавшейся части солдат. Замоскворечье не в сфере нашего воздействия. Стрельба большевиками ведется главным образом с крыш из пулеметов и ружей, большинство войск находится у себя в казармах и только незначительная часть выходила на улицу и выходит; по сообщениям наших связников, появляются целые роты и взводы пьяных солдат, а также толпы пьяных рабочих. Москва может очутиться в силу того, что масса имеет оружие, пред пьяным погромом. Можно сказать с уверенностью, что массы вышли уже из подчинения. В руках большевиков в центре не находится ни одно из казенных или общественных учреждений, вокзалы же Курский и Александровский заняты красногвардейцами. Ввиду недостатка сил и переутомленности

верных Правительству войск не представляется возможным быстрое очищение Москвы от восставших. В данный момент получены сведения, что из Владимирской губернии Иваново-Вознесенского фабричного района, где находится вся власть в руках большевиков, двигается батальон красногвардейцев, приняты все меры к их задержке. В 20 часов вечера в комитет общественной безопасности явились руководители большевиков Ногин и Ломов вместе с представителями партии меньшевиков (последние в качестве нейтральных лиц) и запросили пощады, предложив следующие условия: революционный комитет распускается, распускается также комитет общественной безопасности и должен быть создан новый коллекционный орган и немедленное перемирие. Предложение не было принято, комитету общественной безопасности с трудом удалось гарантировать безопасность явившимся большевикам, прошу Вас задавать вопросы, если таковые имеете. Не имеете ли чего из Гатчины?

(Дидерихс).—Получен приказ генерала Краснова, командующего отрядом Керенского, с призывом ко всем казачьим войскам сплотиться в борьбе с анархией и предоставить свои силы Правительству; кроме этого, имеются сведения, что повстанческие войска потерпели поражение, министры-социалисты выпущены из Петропавловской, других сведений нет. Большие ли у Вас потери в войсках и населении?

(Ровный).—В среднем около 30 убитых и больше сотни раненых.

(Дидерихс).—Благодарю Вас, пока больше ничего не имею, очень прошу завтра в 11 часов утра снова ориентировать. Пока до свидания.

(Ровный).—До свидания, привет Василию Васильевичу Вырубову.

(Дидерихс).—Имею Вам передать по приказанию главковерха для вашего личного сведения следующее его приказание, обращенное ко мне: «Приказываю Вам, в случае надобности, по соглашению с наштасевом [1]), устранить от фактического исполнения обязанностей всякого начальника без исключений с последующим мне и наштаверху донесением. Передайте эту ленту наштаверху.

Из этих переговоров видно отчетливо, какое значение придавали наши враги колебаниям москвичей во время боевых действий. Примиренческая политика некоторых большевиков учитывалась как наша слабость и укрепляла боевые надежды наших врагов. Все попытки найти почву для примирения в разгар начавшейся гражданской войны имели дезорганизующее значение и для наших военных сил, расстраивая бойцов, вызывая неподчинение бойцов руководящим революционным штабам.

II.

Обанкротившиеся партии социалистов-соглашателей, несмотря на начавшийся отход от них широких солдатских масс, в октябре месяце еще прочно сидели во всякого рода фронтовых, армейских и корпусных комитетах. Вместе с командным составом все эти организации создавали довольно серьезное сопротивление организационным мероприятиям сторонников восстания, одержавших во многих местах фронта победу в низовых организациях революционной демократии, как полковые, дивизионные комитеты и т. п. Однако верхушечные комитеты, в руках которых находилась власть над штабами, в своем большинстве были против большевиков.

Из Минска от 27 октября телеграммой по всем фронтам и округам сообщалось, что

«фронтовой комитет, армкомитеты 2, 3 и 10 и окружком минского высказались против выступления большевиков и за поддержку Временного Правительства. В Минске Совдеп вчера, 26 октября, сделал попытку захвата власти и ареста штаба. Фронтком не до-

[1]) Наштасев — начальник штаба северного фронта.

пустил ареста штаба. Организован комитет спасения революции, куда входит комиссарзап [1]). Этим комитетом вызваны войска, коими сняты все посты Совдепа. Совдепу предложено подчиниться. Требование исполнено. В Смоленске организован комитет спасения. В Минске спокойно и полный порядок. 11573. *Вальтер.*

От имени съезда румынской армии и войск одесского военного округа поступил протест против выступлений, организованных нашей партией. Протест был подписан офицерами, оказавшимися во главе отряда, и содержал в себе ряд угроз «республиканскими батальонами».

Съезд румфронта [2]) и одесского округа по организации доброармии, в час новых выступлений безответственных элементов, грозящих срывом Учредительного Собрания и тяжкими испытаниями родине, заявляет, что все действующие и формирующиеся батальоны, верные присяге войска-республиканцы будут всемерно поддерживать Временное Правительство, глубоко веря в то, что только оно способно благополучно довести страну к Учредительному Собранию. 861. Председатель съезда капитан *Ващенко*. Областной комиссар *Гершанский*. Председатель комитета полковник *Федоров*.

Однако положение Временного Правительства оказалось непрочным и в районе румынского фронта. В октябре там обострилась национальная борьба, особенно усердно поддерживавшаяся украинцами. В армиях и во флоте шла борьба украинцев, так называемых сепараторов, со сторонниками единой России. На почве и под прикрытием украинизации войск происходила перегруппировка военных сил, подведение вооруженного фундамента под украинизованную украинской буржуазией «раду». Об этой борьбе главный начальник одесского военного округа Маркс доносил по команде в таком духе:

Румчерод публикует, что на вчерашнем совещании, созванном одесским украинским областным революционным комитетом, румчерод и все организации отказались признать подчинение четырех губерний округа киевскому украинскому областному комитету. Образовавшийся из первоначальных революционных комитетов одесский областной комитет сегодня принял ряд практических мер, направленных к сохранению в округе порядка и спокойствия. По моему настоянию цензура с газет снята, приказы главковерха опубликованы, в городе пока спокойно. Главнавокр *Маркс.*

Неопределенное состояние в одесском округе не удовлетворяло ставку, и генерал Духонин телеграммой от 29 октября, в ответ на вышеприведенное сообщение генерала Маркса, запросил его дать более определенный ответ, находя, что его

телеграмма не освещает вопроса отношения новой организации к большевистскому движению, борьба с которым ныне является одной из главных задач тыла фронтов и внутренней России. Благоволите определенно высказать Ваше отношение к этому движению, так как оно не ясно. 7890. *Духонин.*

Большевистское движение — вот главный враг, сокрушить которого стремилась ставка, возглавлявшаяся генералом Духониным. Эту контр-революционную цель ставки чувствовали и солдаты, отчетливо понимали ее и низовые солдатские комитеты на фронте, и каждый в своих возможностях вел с ней борьбу.

---

[1]) Комиссарзап — комиссар западного фронта.

[2]) Румфронт — румынский фронт.

На поставленный Духониным Марксу вопрос, последний ответил телеграфно в тот же день, излагая в ней положение дела в округе и свою позицию.

Начальник округа. Ставлю своей главной задачей всеми мерами и во что бы то ни стало сохранить порядок в тылу и тем спасти положение на фронте. Для сего я стремлюсь согласовать, по возможности, интересы разных организаций, не выступая ни с какими декларациями, ибо такое выступление могло бы вызвать вооруженное выступление той партии, против которой декларация направлена. Необходимо иметь в виду реальное соотношение сил в Одессе: с одной стороны, украинство, опирающееся на украинские и украинизированные части, с другой—большевики, опирающиеся на части гарнизона, наконец, пехотные части, не примыкающие к двум предыдущим, с не всегда определенным лозунгом. Поддерживая возможное единение на почве призыва во время заседаний той или другой организации, сохранить порядок и тем помочь фронту устоять против врага, до сих пор за эти тяжелые дни удалось отстоять в округе в смысле вооруженных выступлений полный порядок. Лично я в первом заседании первоначального одесского революционного комитета, состоявшего из крайних левых партий, в то время, когда Петроград был захвачен большевиками, на вопрос об отношении к власти заявил заседанию, что остаюсь у власти временно до выяснения состава правительства, при чем по этом выяснении могу оставаться на посту лишь при условии согласия на то моей партии трудовиков. Тактика моя, как выяснил сегодня переговорами с помглавкомрумом, разделяется. Что касается Вашего вопроса относительно нового одесского окружного революционного комитета, то отвечаю словами его председателя: «По инициативе революционного комитета при украинской центральной раде, объединившего краевые революционно-демократические организации, состоялось в Одессе соглашение между представителями украинского комитета, румчерода и городского революционного комитета об образовании временного областного революционного комитета, из президиумов украинского комитета румчерода и городского комитета, со включением и других революционно-демократических организаций на общей платформе центральной рады, борьба с анархией и контр-революцией и охрана революции от чьих бы то ни было покушений как справа, так и слева. Начальник округа генерал Маркс дал согласие участвовать в комитете на условии полной поддержки комитетом лозунга единения народов демократической федеративной российской республики и борьбы с попытками захвата власти отдельными группами, в том числе и большевиками. Большевики в одесском округе не допускали попыток к фактическому захвату власти и о присоединении к ним не было и речи в данном временном областном революционном комитете. Председатель совещания В. Чеховский». Я пытался просить Вас к аппарату, дабы путем переговора выяснить окончательно все, что Вас может интересовать, но прямой провод прерван. За последние дни имел три припадка сердца и, отдавая последние силы, чтобы сохранить в округе порядок и не допустить никаких вооруженных выступлений, могу дальше работать лишь при полном ко мне доверии. Выражение такового со стороны помглавкомрума я сегодня получил.—Главнавокр *Маркс.*

В Севастополе, в тылу румынского фронта уже побеждала власть Советов. 29 октября из Севастополя в ставке было получено радио «Всероссийскому Центрофлоту, всем Советам Солдатских и Рабочих Депутатов, всем армейским комитетам, революционным организациям», извещавшая, что:

вся власть взята Советом Военных и Рабочих Депутатов. 26 октября происходила грандиозная манифестация в ознаменование передачи власти Советам, прошедшая с большим энтузиазмом при многотысячной части гарнизона и граждан Севастополя участии под руководством Совета и Черноморского центрофлота. Центрофлот вошел в исполнительный комитет. Исполнительный комитет Совета Военных и Рабочих Депутатов и Черноморский центрофлот».

В киевском военном округе положение было весьма напряженное. Сторонники Временного Правительства принимали всяческие меры подавления большевистского

движения. Все «общественные силы» самого Киева и губернии объединились против блока рабочих и революционных солдат. Все эти политические и военные мероприятия были правильно учтены нашими товарищами и, когда в Питере началось восстание, наши партийные организации в Киеве, при поддержке солдат гарнизона, стали деятельно готовиться к захвату власти. В ставку из штаба киевского округа сообщали:

Киев 28 октября 12 часов 5 минут. Положение в городе к вечеру и ночью было очень тревожное, поступали донесения от постов и дозоров, что в городе временами слышны были отдельные выстрелы, больше со стороны Печерска. В штаб поступали известия, что большевики и красная гвардия к утру готовятся произвести открытое выступление. Ночью был замечен подвоз оружия и огнестрельных припасов во двор, занятый соединенным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Утром было получено официальное уведомление, что революционный комитет рады распался. Караулы в городе усилены, на случай решительных действий подготовлены войска. 9688. *Квицинский.*

Через семь часов после этого донесения поступило второе, сообщавшее о том, что

положение к вечеру прежнее: большевики производят дальнейшую подготовку к выступлению. Штаб большевиков во дворце. Работаю в тесном сотрудничестве с общественными группами, представителями гражданских властей и комиссариата, стоящими на точке зрения решительной борьбы с большевизмом. Около 18 часов у Петровской аллеи проезжавший автомобиль с красногвардейцами обстрелял юнкеров, юнкера ответили. 9761. *Квицинский.*

На другой день после этого восстание в Киеве стало фактом. В ставку поступила телеграмма, доносившая о предпринятом наступлении на Совет:

Киев 29 октября 7 часов. В 17 часов началось наступление к дворцу отрядов юнкеров и казаков с артиллерией и добровольческих дружин, образовавшихся из офицеров союза георгиевских кавалеров и делегатов казачьего съезда. Наступление было принято с целью окружения дворца и ареста большевиков. Однако ввиду непримиримости позиции представителей малой рады в вопросе об аресте и опасение разрушить начинавшееся налаживаться соглашение с ними, что могло повести к резкому обострению отношений между разными частями гарнизона на национальной почве, пришлось отказаться от ареста большевиков и ограничиться разоружением их. По окружении дворца было предъявлено требование сдачи и выдачи оружия. В 22 часа они исполнили это требование и выдали большое количество винтовок, число которых еще не приведено в известность, и два пулемета. Во избежание самосуда над большевиками, небольшое число их было арестовано и отправлено в штаб. Одновременно с этим вооруженные группы населения, двигавшиеся по Крещатику, пытались проникнуть в улицы, ведущие к штабу округа; при отражении этих попыток убит одиннадцатилетний мальчик и ранены: делегат казачьего съезда хорунжий Синявин, два казака и четыре посторонних лица. 9763. *Квицинский.*

Последствия наступления на киевский Совет Рабочих Депутатов и ареста большевиков вызывали возмущение всей солдатской массы гарнизона и рабочих города. Отряды рабочих и солдат ответили на наступление юнкеров, казаков и офицеров контр-ударом, и уже ночью с 29 на 30 октября в ставку сообщили:

Положение в Киеве 29 октября 23 часа 50 минут. На улицах Киева перестрелка, Константиновское военное училище осаждается солдатами запасной конно-горной батареи, на стороне училища чехо-словацкий полк. Убито: офицер и пятеро солдат чехов, один юнкер ранен легко, другой тяжело. Расположенная в Печерске первая рота первой

школы прапорщиков подвергалась обстрелу. 765. Дежурный офицер связи штаба поручик *Дункан*.

В тот же день киевский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, при участии представителей войск гарнизона и рабочих фабрик и заводов, решил взять власть в свои руки, для чего создал революционный комитет, выпустив по этому случаю обращение:

Солдаты и рабочие.

Соединенное заседание Совета Солдатских и Совета Рабочих Депутатов, вместе с представителями фабрично-заводских комитетов и полковых комитетов, постановило подавляющим большинством голосов:

1. Образовать в Киеве революционный комитет в числе 10 избранных Советами товарищей.

2. Передать в его руки всю имеющуюся в распоряжении Советов полноту власти.

3. Поставить его под контроль Советов, имеющих право в любой момент перезбрать его.

4. Поручить ему проводить в жизнь все постановления Сьезда Советов.

За это голосовало не только подавляющее большинство всех присутствовавших, но и подавляющее большинство членов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Соединенное заседание обратилось ко всем солдатам, ко всем рабочим, ко всем угнетенным и оскорбленным с призывом сплотиться вокруг революционного комитета Советов.

Солдаты и рабочие!

Граждане, стонущие под игом буржуазии!

Революционный комитет, опираясь на волю, выраженную вашими представителями, опираясь на доверие рабочих, солдат и всей бедноты, берет на себя обязательство руководить здесь, в городе Киеве, вашей борьбой за право рабочих, солдат и крестьян.

Товарищи!

В ваших руках судьба революции. От вас зависит — победим ли мы или будем раздавлены.

Мы обращаемся к вам с призывом:

1) Никаких выступлений помимо рев. комитета. Разрозненные действия мешают нашему общему делу.

2) Все рабочие, все солдаты, вся беднота должны в этот страшный час беспрекословно выполнять все распоряжения револ. комитета, Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

3) Ни одна воинская часть не должна выступать без распоряжения рев. комитета. Вас, товарищи, обманом могут направить на своих же братьев, на своих товарищей, вас могут обмануть, говоря, что ведут на контр-революционеров или погромщиков, а на самом деле ведя на рабочих и солдат.

Солдаты!

Вы—гордость России, вы не предадите дело революции.

Рабочие!

Вы—передовой отряд всемирной революции. Вы не отступите перед врагом.

Бедняки!

Вы долго терпели, потерпите еще немного, дабы раз навсегда сбросить с себя господство грабителей, угнетателей, спекулянтов и богачей.

Крестьяне!

От вас зависит, будет ли земля в ваших руках или в руках помещиков. Поддержите борьбу рабочих и солдат, и они поддержат вашу борьбу за землю.

Все за одного, один за всех!

В единении — сила!

Объединенных рабочих, солдат, крестьян и всей бедноты никто не сможет разбить.

Объединяйтесь же здесь, в Киеве, вокруг р. к-та С. Р. и С. Д., а по всей России—вокруг Съезда Советов.

Революционный комитет киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

29 октября 1917 года, г. Киев. Дворец.

III.

Часть подготовленных для подавления восставших рабочих и солдат Питера войск ставке удалось передвинуть на помощь Керенскому. Положение с переброской войск по сообщению штаба северного фронта было:

1) До 20 час. 28 октября через Псков проследовало: а) из Острова три эшелона, штаб Уссурийской дивизии со взводом артиллерии и три сотни Амурского казачьего полка, б) из Осташкова двумя эшелонами три сотни и два орудия Уссурийского казачьего полка, 2) из Торопца две сотни Донского полка заканчивают нагрузку и сегодня отправляются, 3) из Новгорода отправлена одна сотня Донского полка, 4) из Витебска предложено грузить 29 октября Приморский драгполк, 5) по донесению коменданта станции Ревель к погрузке 13 и 15 Донского пол. не приступали. На станции Ревель дежурят члены военреволюционного комитета, которые заявили, если составы для этой перевозки будут поданы, то все станционные агенты будут арестованы, 6) 5-й бронДив предположено грузить 29 октября на ст. Валк, 7) прибывший в Псков бронепоезд смерти отправлен в Гатчину. Псков 29 октября 22 часа НР 6024/Б. *Барановский.*

Дальнейшие сведения о передвижении войск на Питер и Москву, поступавшие в ставку, свидетельствовали о массовом сопротивлении солдат такими перебросками. Тот же Барановский сообщал в ставку, что:

ввиду только что переданных командарм XII сведений о брожении среди латышских полков и начавшихся в них эксцессах с арестами офицеров, не представляется возможным послать ныне 17 кавдивизию, как единственно надежную часть в руках командарм XII. Псков 29 октября 2 часа. 6027/Б. *Барановский.*

Вскоре начали поступать в ставку сообщения о том, что войска не пропускаются на узловых пунктах или отказываются итти на Петроград. Из Орши телеграфно сообщали, что там с 29-го четырех часов

стоит эшелон 800 человек, вооруженных 22 пулеметами, направлявшихся на Петроград, заявивший нежелание итти и собирающийся с утра, под влиянием большевиков, захватить станцию и учреждения города. На станции только 100 казаков и в городе 50. Прошу срочного распоряжения. 1236. Начдив 2 куб. *Николаев.*

Кроме того, тот же начальник второй кубанской дивизии Николаев запрашивал ставку о том, как поступить с агитатором большевиком Дмитриевым, «неизвестно откуда появившимся». Ставка ответила приказом о немедленном аресте Дмитриева, подписанным помощником начальника штаба ставки, за комиссара—Ковалевским и председателем общеармейского комитета при ставке Перекрестовым. Однако, арестовать Дмитриева оказалось трудно. Дальнейшие сообщения указывали, что

в Орше пока спокойно. Большевики—вся солдатская масса—хотят захватить власть, опираясь на задержанные два эшелона проходящего полка пехоты, который отказывается следовать дальше. Вчера сорганизовался комитет безопасности. Сегодня создался больше-

вистский комитет во главе агитатор Дмитриев, который предложил правительственным властям и комитету общественной безопасности сложить свои полномочия. Предложение принимается, требуют цензуры местной газеты. В городе имеются казаки, занимающие выжидательное положение, необходимо убрать два эшелона и усилить гарнизон конными частями. Начгар генмайор *Гродзицкий.*

В Жлобине также было неспокойно. Штаб западного фронта принимал меры к «раскупорке» узловых станций и по обеспечению за собой железнодорожных путей. Командир польской дивизии генерал Довбор-Мусницкий сообщал, что:

в Оршу будут отправлены три полка, в Жлобин—один полк. Полки первой дивизии слабого состава по семьсот—тысяче штыков. По только что полученным сведения в Орше все спокойно, эшелон, задержавшийся в Орше, через час выступает. Минский совет спасения революции в моем присутствии высказался за безусловное исполнение приказаний ставки, о чем доношу для сведения. 5192 *Довбор-Мусницкий.*

О создавшейся обстановке в г. Минске, где размещался штаб западного фронта, ставку осведомил по прямому проводу генерал Балуев; во время разговора по прямому проводу, имевшего место 29 октября в 14 часов 30 минут, генерал Раттель вызвал из ставки генерала Балуева и просил:

не отказать в согласии на пропуск трех эшелонов 156 дивизии из Орши через Минск на Слуцк. Эшелоны эти шли все время совершенно спокойно, и только головной из них сегодня ночью в Орше митинговал, остальные находятся между Могилевым и Оршей, подходя к последней, в этих эшелонах подходит (?sic!) и командир полка, насколько можно теперь ручается за полк. Таким образом, если начвосозап [1]), как я ему только что указал, устроит проход этих эшелонов через Минск без остановки, то тем более никаких оснований для недоразумений быть не может. Между тем возвращение их через Могилев и без того осложнит положение Жлобинского узла, путь длиннее и не желательно в видах того, что это направление в то же время и на Киев. Не откажите дать Ваше согласие.

(Балуев). — Я сейчас переговорю с генералом Колюбакиным. 156 дивизию знаю, если направить их в Минск и здесь их оставить, то они, пожалуй, разнесут Минск, а у меня в Минске так мало войск, что я еле-еле сдерживаю 37 и 239 полки; если можно будет пропустить их, не задерживая в Минске, то я сейчас прикажу это сделать. Как живете?

(Раттель).—Покорно благодарю, тяжело приходится по всем швам. Очень необходима Ваша помощь в смысле влияния на минский комитет спасения революции и пропуска эшелонов 3 Финляндской на Петроград и бригады 3 гвардейской кавалерийской на Москву. Сейчас эшелоны этих частей задерживаются около Жлобина до решения вопроса Вашим комитетом. Неужели вопрос существования родины может ставиться в зависимость от борьбы социалистических партий, а между тем дело, повидимому, ставится так. Сейчас генерал Колюбакин мне говорил, что комитет этот в настоящий момент решает настоящий вопрос, между тем каждый час дорог.

(Балуев). — Я сейчас приказал постараться пропустить эшелоны через Минск, что же касается до комитетов, то простите меня и не поставьте в вину то, что я Вам скажу: посадил бы Вас на свое место, тогда Вы бы сказали другое, Вы меня до некоторой степени знаете, но с создавшейся обстановкой бороться очень трудно, во всяком случае добьюсь, что эшелоны будут пропущены. Желаю Вам всего лучшего.

(Раттель).—Всего хорошего, от души желаю, не сомневаюсь, что Ваше влияние окажет свое действие и эшелоны будут пропущены, имею честь кланяться.

Вслед за Раттелем разговор из ставки был между генералом Духониным и Балуевым.

---

[1]) Начвосозап—начальник военных сообщений западного фронта.

У аппарата генерал Духонин.

(Балуев).—Здравия желаю Ваше высокопревосходительство, чем могу служить?

Здравствуйте, Николай Николаевич. Я хотел посвятить Вас в ту обстановку, которая у меня создается для того, чтобы ликвидировать выступление большевиков в Минске, с моего и комиссара согласия образовался комитет спасения революции. 27 числа все шло хорошо и комитет вступил в борьбу с влиянием Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, но последний сдался только видимо и вошел в состав этого комитета. В настоящее время власть почти находится в его руках, сам я занял выжидательную позицию и изображаю человека, сидящего на бочке пороха с подожженным шнуром. На фронте пока особых инцидентов нет, но настроение тревожное и приподнятое, и если еще продолжится это время, то ни за что нельзя ручаться, уже исчерпаны все меры, чтобы удержать все более или менее в порядке, между тем в округе во многих местах верх взят большевиками. Они же ведут усиленную пропаганду на фронте, комитет спасения революции сегодня заявил, что ему принадлежит вся власть на фронте, что я и комиссар подчинены ему,—одним словом, положение очень тяжелое, и даже я в затруднении, как из него выйти. Следовало бы нам почаще давать сведения из ставки, так как тем сведениям, которые объявляются в частных телеграммах, почти никто не верит, Керенский молчит, и благодаря этому у нас нет почвы под ногами, чтобы можно было на что опереться, например, я даже не знаю, какое положение на других фронтах. Не будете ли так добры дать мне ориентировку, чтобы я мог знать, чего ожидать в скором будущем.

(Духонин).—Ведь Вам посылается ежедневно сводка с информацией всего происходящего и мне казалось, что Вы ориентированы. По сведениям, которые я получил ночью, главковерх с частями III конного корпуса и примкнувшими к ним частями петроградского военного округа находится в близком расстоянии от Петрограда; Гатчина, Царское Село находятся в его руках. По сведениям, которые получены им из Петрограда, часть петроградского гарнизона окажет ему поддержку, матросы с крейсера «Аврора» заявляют, что они действовали по недоразумению. Большевики проявляют большую растерянность в Петрограде, чувствуют свою изолированность и отдельными группами выезжают попытать счастья на фронт для агитации. Поезда выходят забросанными большевистскими газетами и прокламациями. Все демократические слои: левые эсеры, меньшевики, даже интернационалисты отделились от большевиков. Большевики освободили министров-социалистов. В министерствах все служащие отказались работать с большевиками, так что фактического правления у большевиков никакого нет. На фронте же в некоторых местах под влиянием большевистской агитации, которая ведется с необычайной энергией, происходят большевистские вспышки, ибо темная масса не проникает в государственные идеи, слепо верит большевистским лозунгам. Конечно, необходимо не выжидательное положение в такой обстановке, а руководящее, необходимо людям разъяснять всю цену большевистских обещаний и полную неосуществимость многих из них, а также, что многое, сообщенное в большевистских газетах, касающееся фактической стороны, бесформенная ложь, а между тем темная масса свои соображения основывает именно на этом ложном фактическом основании. На северном фронте настроение хуже всего в пятой армии, но она постановила никаких войск ни за, ни против не посылать, службу на фронте несет вполне исправно, что касается XII и I, то там лучше, войска отправляются. На юго-западном фронте,—на фронте настроение хорошее, в тылу в двух местах, в Виннице и Киеве, большевистские выступления. Вчера в Виннице происходил бой, есть убитые и раненые, поле осталось за нами, несмотря на то, что большевики бомбардировали с аэропланов в войска, верные Правительству. В Киеве большевики, призывавшие к восстанию, были окружены во дворце, где заседал Совет Депутатов, состоявший из большевиков, и положили оружие. С юго-западного фронта много ходатайств о посылке на поддержку Правительства. На румфронте хорошо, в VI армии, однако, значительно хуже, но эксцессов нет, высказались лишь против посылки войск. В Одессе не все гладко, но особых эксцессов нет, посланы кавалерийские части. В Москве положение такое: правительственным войскам удалось вырвать из рук мятежников Кремль, при чем в их власти пока остался дворец на Тверской, но перестрелка продолжается, большевики сидят на крышах и оттуда стреляют из ружей и пулеметов. Посланы войска на подкрепление. Необходимо больше осведомлять войска, разъяснять им, работать теперь же в контакте

с комиссарами Правительства и комитетами, в которых всегда найдутся влиятельные элементы, сознающие истинную пользу родины, любящие ее горячо и не преследующие своих личных или партийных интересов. В данную минуту вся сознательная Россия, познающая себя как государство, объединяется, и лишь несознательные или сознательные, но анархического направления или трусы стоят отдельно и играют на темной массе. Я понимаю вполне, в какое тяжелое положение Вы поставлены, но это положение не безвыходное, и можно достичь определенных результатов. Мы все сейчас находимся в тяжелой обстановке, но необходимо победить и для этого стремления—все наши чувства и вся наша жизнь. Я прикажу возможно чаще вас ориентировать об обстановке, которая сложна, трудна, но не беспросветна. Насколько я знаю, в комитет спасения у Вас вошла лишь часть нежелательного элемента, неужели с ней не может справиться бо́льшая часть—благомыслящая? С ней необходимо установить самый тесный контакт и опираться на нее. Большевистские произведения, попавшие на фронт, конечно, остановить было невозможно, но это далеко не вызывало необходимости голосования большевистских резолюций. Я позволяю себе подробнее остановиться на этих вопросах, исключительно руководясь горячим желанием и зная общую обстановку на всех фронтах, привести возможно полную ориентировку и решение одних и тех же вопросов на разных фронтах. Очень беспокоит меня Ваше здоровье, как Вы себя чувствуете? Предполагается в район Слуцка, Бобруйска поставить дивизию резерва главковерха, а именно 156, часть ее в Жлобине, часть подходит к нему и сравнительно небольшое число эшелонов продвинулось к Орше, они будут возвращены. Достаточно ли Вами обеспечены железнодорожные узлы Орша — Гомель — Жлобин? Они имеют для нас большое значение, должны быть прочные части, если можно—ударные пулеметные сотни, вот все, что я хотел доложить Вам.

(Балуев).—Очень Вам благодарен за вашу ориентировку, а главное—за Ваши советы, но я уже 8 месяц их провожу в жизнь, и в настоящее время они у меня на фронте малодействительны. Из Вашей ориентировки я вижу, что у меня на фронте положение хуже, чем где-либо, да оно, впрочем, и понятно, так как весь фронт, главным образом, большевистский, и благомыслящий элемент, к сожалению, везде очень мал. Положение мое такое, что я даже не мог в Минск придвинуть ударный батальон и отправить батарею в Москву, из-за этого чуть не весь фронт всколыхнулся, даже Ваши эшелоны были остановлены в Жлобине, стоило больших трудов двинуть их дальше, и занять прочнее железнодорожные узлы мне трудно, для этого надо какие-либо другие войска, а не те, которые стоят на фронте; я не особенный пессимист и уверен, что в конце концов все войдет в норму, но мне необходимо, чтобы было какое-нибудь Правительство, от имени которого я мог бы действовать. Минск в тесной связи с Петроградом, большевики наши опираются на те сведения, которые они получают от большевиков Петрограда. Парировать их очень трудно, нельзя ни за одну часть ручаться, что она будет повиноваться; сейчас, например, мне передают, что в Жлобине до сих пор задержаны эшелоны гвардейской кавалерии, и комитет спасения революции торгуется, пропустить ли их. Надо с Вашей стороны приказания, чтобы они силой прошли, в общем, опять-таки повторяю, скверно, хотя я борюсь со всем этим, но у меня нет ни силы, ни власти, а увещеваниями и разъяснениями здесь ничего не поможешь. Здоровье мое все в том же положении, но в такое горячее время я на него не обращаю внимания и сил хватает его побороть. Вот пока все, что я хотел сказать. Еще три эшелона пришли в Оршу 156 дивизии, и приказано направить их в Слуцк через Минск, я покорнейше просил бы этого не делать, а направить их другим путем. Еще благодарю Вас за ориентировку, простите, что задержал Вас, желаю Вам всего лучшего. *Балуев.*

Ориентировка генерала Духонина была составлена по донесениям штабов армий и фронтов, которые не всегда были чутки и мало способны учитывать подлинное настроение войск. Часто эти донесения сводились к перечню «эксцессов», по которым и делали выводы о надежности части. Однако этот метод не был совершенным, оказывалось очень часто, что дисциплинированные части, в которых «эксцессы», всякого рода нарушения были незначительны, так же дисциплинированно и без «эксцессов» арестовывали штабы и отказывались повиноваться ставке.

Весьма ценны характеристики положения, данные генералом Балуевым. «Благомыслящие» элементы комитета спасения, хотя их и было большинство, были бессильны сломить большевистское меньшинство. И это было не случайно. Настроение масс, под влиянием изменявшейся обстановки, ухудшавшейся с каждым днем, постоянно изменялось в сторону симпатий к большевикам.

Из Минска и Орши движение против ставки захватывает и Смоленск. О положении в этом районе ставка была осведомлена по прямому проводу от 30 октября.

У аппарата по приказанию комиссарверха прапорщик Литке.

— Кто говорит и что угодно?

— Говорит комиссар Галин. В Смоленске тревожное положение, по совету комиссариат просил комиссара третьей армии выслать в Смоленск один полк Туркестанской дивизии, прошу Вашего содействия. Смоленск, как центр округа, необходимо удержать в наших руках. Убедительно прошу Вашего содействия.

Со мной у аппарата помощник командующего войсками московского округа полковник Кравчук, удалось прорваться из Москвы, желает выяснить, в каком положении эшелоны двигаются на Москву, когда можно ожидать их в Москве, там положение тяжелое. Какие новости в Петрограде?

Как только подойдут войска с юго-западного фронта, из них можно будет выделить для очистки узла Орши от большевиков, там 156 дивизия отказалась итти на Невель, требует отправления в Киев, просите содействия Жданова. В Петрограде ЦК железнодорожного союза примкнул к комитету спасения революции, служащие государственных учреждений отказались работать с большевистским Советом Народных Комиссаров. Комитету это известно, говорите последние новости, вошли ли войска Керенского в Петроград?

Должны войти сегодня в связи с приходом пехотных частей, в чем у Керенского недостаток. Штаб северного фронта сообщает, после первых дней колебания настроение изменилось, посылаются части к Петрограду, тревожное положение в Пскове, в Ревеле юнкера не желая подчиняться большевикам, ушли из аппаратной. В Финляндии большевистское настроение. Высказывают намерение оказать помощь большевикам. В большевистских войсках, по сообщению перебежчиков, разложение, отсутствие связи и командования. Начальник штаба перешел на сторону правительственных войск, станция Александровская занята правительственными войсками, со всех сторон подходят пехотные и кавалерийские части, всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области войсковое правительство на Дону временно приняло на себя. Вопрос, не знаете ли, что делается сейчас в Орше, Ржеве, Вязьме и Рославле?

Ржев, Вязьма и Рославль в руках большевиков, в Ржеве мало войск, осталось тысяча человек, пытались вторично разгромить винный склад. Рославль, несмотря на уговоры большевиков двинуть войска на Смоленск, пока отказался. Скажите, знаете ли, идут ли на Москву эшелоны и где в данный момент кавалерийская бригада для Москвы?

Все наше внимание сосредоточено на Орше и на очистке ее узла, войска посылается остаточно, общеармейский комитет посылает туда и всюду своих представителей. Известно ли Вам, что большевиками в Гатчину был выслан сводный отряд от всех частей петроградского гарнизона?

Это известно, спросите начальника штаба, какие будут распоряжения помощнику командующего войсками московского округа, и что Москва может удержаться не больше двух дней.

Сейчас пойду к начальнику штаба узнаю и сообщу, обождете?

— Буду ждать.

Согласно расчетам командного состава, Керенский должен «войти в Петроград» уже 30 октября. Однако, эти расчеты были основаны на бумажных данных о передвижении войск. На деле картина была иная. Отказы ехать на Питер для подавле-

ния восставших изменяли обстановку. Каждый час в ставку поступали сведения об отсутствии то подвижного состава, то паровоза для отправки эшелонов. Железнодорожники узловых станций, рабочие депо и машинисты придерживались совершенно иного взгляда, чем их центр, знаменитый «викжель», колебавшийся в сторону примирения и соглашения с врагами. Сами солдаты, предназначенные к переброске, несмотря на соблазн уйти с фронта и тем избегнуть лишений и опасностей позиционной жизни, все же в массе своей были недовольны навязанной им ролью, отказывались погружаться или задерживались в дороге. Командный состав «принимал меры», но из этого выходило мало толку.

Ставка, обеспокоенная состоянием передвижения, вызывала 30 октября по прямому проводу штаб XVII корпуса и вела с ним следующие переговоры:

У аппарата капитан генштаба Дронов.

Здесь генштаба капитан Колчинский. По приказанию наштаверха, прошу сообщить отправлены ли и когда части на станцию Орша и Дно, и отправлена ли бригада на Петроград? Ответ нужен точный и определенный.

Части XVII корпуса на станцию Орша и Дно не отправлялись, так как не подавался подвижной состав, о чем наштакор [1]) доносил генкварверху [2]). Бригада на Петроград еще не отправлена, а будет отправлена завтра, 31 октября, утром. Не отправлялась бригада потому, что не подавался подвижной состав, а если и подавался подвижной состав, как сегодня, то без паровоза.

Какие меры приняты к скорейшей отправке частей?

Сейчас я доложу наштакору и дам Вам ответ.

Будьте добры, я буду ждать у аппарата.

Сообщу через несколько минут. Хорошо.

Для отправления частей были приняты все меры, но ускорить это отправление было невозможно. Сначала была назначена для отправления в Петроград бригада 3 пехотной дивизии, но ввиду того, что подвижной состав долго не подавался, один из полков, а именно 73 Великолуцкий, отказался ехать, так как он был подвержен пропаганде агитаторов, которые все время на станции Бычиха; приняты все меры, чтобы удалить агитаторов с этой станции. Сегодня назначена для отправления другая бригада, а именно от 35 дивизии, которая завтра же утром будет отправлена на Петроград. Относительно отправления частей на станцию Орша и Дно ожидается подача подвижного состава, как это обещал сделать представитель общеармейского комитета ставки. О чем наштакор просил генкварверха, чтобы ускорить подачу подвижного состава. Все. Капитан *Дронов*.

Обеспечена у вас уверенность в отправке бригады завтра утром?

— В некоторой степени обеспечена эта уверенность ввиду того, что 137 Нежинский полк вынес очень благоприятную резолюцию против большевиков, а потому мы надеемся, что этот полк, а также и 140 Зарайский обязательно завтра выступят.

Несмотря на секретность оперативных действий ставки, контр-революционность их была вскоре вскрыта и стала ясна солдатской массе. В результате этого создалась непосредственная угроза и самому штабу ставки. 29 октября из ставки была отправлена секретная телеграмма главнокомандующему юго-западным фронтом, в которой генерал Духонин просил выслать в Могилев, для охраны ставки, первый революционный полк.

В тот же день из ставки был сделан телеграфный запрос Донскому наказному атаману в Новочеркасск следующего характера:

---

[1]) Наштакор—начальник штаба корпуса.

[2]) Генкварверх—генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем.

Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряда казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки] войск генерала Краснова. 7991. *Духонин.*

Но полицейская роль казакам не улыбнулась. Да и на самом Дону не было спокойно. Из Новочеркасска ответили в ставку весьма неутешительно:

Посылка противоречит постановлению округа и требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания в глазах казаков. По нашим сведениям, большевистское движение идет быстро к ликвидации. Благоволите осветить обстановку для сведения войскового правительства. Полагаю, если и возможна посылка, то не иначе как на смену наших частей, например, полков первой Донской дивизии, давно просящих об отводе на Дон. Необходимо иметь в виду возможный отказ в перевозке со стороны железных дорог. № 46. *Каледин.*

Вместо непосредственной вооруженной поддержки Временному Правительству, донское командование обратилось в ставку со следующим приглашением:

Донское войсковое правительство приглашает Временное Правительство и членов Совета Республики прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками и гарантируется личная безопасность и тех и других. Четвертый кавалерийский корпус, состоящий из Терских и Кубанских казаков, приветствует почин Донского войска, предлагает свою помощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готов до одного положить свои головы за спасение родины. НР 6. Комиссар корпуса *Башмаков.* Председатель корпусного комитета *Тарасов.*

27 октября 1917 года. Принята от Харькова. Расшифровал врид. начальника радиостанции при штабе верховного главнокомандующего. Прапорщик *Головин.*

IV.

Вся буржуазная интеллигенция, вся ее «общественость» и примыкавшие к ней служащие, чиновники государственных и частных учреждений и служб выступили сплошной активной контр-революционной массой. Победа Рабочих и Солдатских Депутатов, победа большевиков в Питере и в Москве была встречена забастовкой служащих и интеллигенции. При активном участии социалистов-революционеров и социал-демократов меньшевиков создались стачечные комитеты, руководившие стачкой служащих и саботажем «свободных профессий». Члены Временного Правительства, выбитые из министерств, были частично арестованы. Однако на свободе осталось некоторое количество «товарищей министров», которые продолжали вести министерскую работу на своих квартирах. Оставшийся на свободе Салтыков посылал во все концы «бодрящие» сведения:

Всем генквартам [1]), комиссарам, комитетам штакор [2]) 17 кавфронт Новочеркасск.

Комиссарам областным, губернским и городов Москвы, Киева, Одессы, Ростова. Копия городским головам губернских городов.

Мобилизация общественных сил продолжается, все аппараты управления отказались работать для захватчиков, происходит полная забастовка всех учреждений, кроме обслуживающих связь и снабжение, замечается большое расстройство в отрядах солдат-большевиков,

---

[1]) Генквар—генерал-квартирмейстер.

[2]) Штакор—штаб корпуса.

многие расходятся по казармам, полное равнодушие рабочих кварталов, войска, направленные Керенским, вчера заняли Гатчину, Царское Село, приближаются к столице, приняты все меры избегать кровавых жертв. Поступают сообщения резолюции армии, протестующие действия захватчиков. Сегодня в столице идет перестрелка районных военных училищ. В городе увеличиваются жертвы мирного населения вследствие беспорядочной стрельбы красногвардейцев. Большевики опять закрыли сегодня очередной выпуск «Известия Крест. Совета». Телеграфная станция занята правительственными войсками. Все опубликуйте. За М. В. Д. *Салтыков*

Все верхушечные организации в армиях, корпусах и дивизиях повели моральную подготовку к тому артиллерийскому и пулеметному обстрелу, которым были подвергнуты рабочие и солдаты Москвы и Питера. Зашевелились ударники, посыпались телеграммы во все концы.

«Министру председателю и главковерх копии дивком [1]) 19 и 12 сиб. комкор 12 и 7 сибирского арком [2]) 7 и искомюз.

Из дарм [3]) 19 дивизии 1407, БС, 27, 23, 55. Только министру председателю и главковерх.

Соединенное собрание полкового и ротных комитетов и офицерского состава 1 революционного ударного полка 27 октября 1917 года, обсудив выступление большевиков и содержание радиотелеграммы организованного ими военно-революционного комитета, постановило: никогда Россия не находилась в столь тяжелом положении как военном, политическом, так и во внутреннем экономическом. Развал, разруха и полнейшая анархия ослабляет силу боевой мощи армии и мешает спокойной работе по созыву Учредительного Собрания и обороне страны. Выступление большевиков в это время соединенное собрание считает авантюрой кучки безответственных элементов, волнующих и развращающих темные несознательные массы и играющих на шкурных и низменных инстинктах толпы. Это выступление может быть гибельным для России и не принесет желанного демократического мира, ибо кроме позорного тяжкого и унизительного сепаратного мира большевизм другого дать не может. Анархия в стране в случае удачи выступления большевиков увеличится и доведет Россию к гибели, наконец, в выступлении большевиков соединенное собрание видит умышленный срыв Учредительного Собрания, которое одно является истинным выразителем чаяний, желаний и требований измученного народа и которое одно может дать прочный демократический мир и закрепление свободы народа. Поэтому ревударполк, выражая полнейшее доверие Временному Народному Правительству, считает своим священным долгом открыто заявить стране и верховному главнокомандующему и главе Временного Правительства вождю российской демократии А. Ф. Керенскому, что полк готов умереть за свободную родину и выступит по первому требованию на защиту Временного Правительства и передает себя в полное его распоряжение для беспощадной борьбы с предателями свободы и нашей горячо любимой родины. Председатель собрания прапорщик *Ларинченко*. Секретарь волонтер *Гордиевский*.

За ударниками изливали свое негодование «штурмовщики», призывая всех сплотиться вокруг них.

Основываясь на призыве центральных комитетов партии социал-революционеров и социал-демократов меньшевиков Совета Крестьянских Депутатов и верховного главнокомандующего и армейского комитета, штурмовой батальон 73 пехдивизии с негодованием заслушал известие о восстании петроградского гарнизона, руководимого большевиками. Батальон единодушно выражает свое глубочайшее презрение всем руководящим демократических и войсковых организаций, которые, позабыв свой долг перед родиной и революцией, бессовестно склонили

---

[1]) Дивком—дивизионный командир.

[2]) Арком—командующий армией.

[3]) Дарм—действующая армия.

свою голову перед чудовищной затеей большевиков, подчеркнув этим свое лицемерие и трусость в тот момент, когда, жертвуя жизнью, нужно вновь смело стать на защиту родины и свободы. Штурмовой батальон во всеуслышание заявляет, что никакой власти, исходящей от большевиков или их поддерживающей, не признает и выражает свое доверие и преданность исключительно Временному Правительству в лице верховного главнокомандующего Керенского. Не забывайте, что выступление и успех большевиков знаменует долгую отсрочку Учредительного Собрания, и наше оружие всегда готово обратиться на тех, кто накануне созыва российского Учредительного Собрания дерзает вносить в народ смуту и проливает народную кровь. Штурмовой батальон призывает товарищей солдат и офицеров дружно сплотиться вокруг нас, чтобы своим мощным призывом, а если придется—оружием, заставить опомниться безумцев. Будьте же, товарищи, смелы и достойны завоеванных свобод, в такой грозный час нельзя кривить душой и ожидать, а нужно во всеоружии стать на защиту закона и порядка. Нас немного, но мы сильны тем, что встаем на защиту святого, правого дела. Да здравствует Временное Правительство и грядущее Учредительное Собрание, которое готовит нам и родине мир и порядок. Штурмовой батальон 73 пехдивизии НР 178. Председатель комитета прапорщик *Варвинский*. Секретарь рядовой *Коваль*. Командир штурмового батальона капитан *Ерощенко*.

Фронтовые и армейские комитеты выступили против большевиков с выражением своих взглядов на программу «революционной власти». Так, комиссар юго-западного фронта телеграфно передал главковерху

Керенскому циксорсод [1]) комитет спасения революции Петроград арком 7, 8, 11, особый совет при военмине комиссарверх коморсев [2]) искомзап [3]) красокар [4]) румчерод комиссарюз [5]) главкомюз [6]) комирас 7, 11, особой Киевская Мысль. 105 ПТК. 26220, 367, 29, 16, 3 только генкварверх Керенскому Совет при военмине комиссарверх по трем адресам.

Сообщаю резолюцию об организации власти, принятую на заседании 28 октября искомюзом: признавая: 1) что в условиях переживаемой страной тяжкой государственной смуты и глубокой хозяйственной разрухи всякое новое внутреннее потрясение грозит неисчислимыми бедствиями, 2) что в глазах широких масс населения и армии Временное Правительство, возглавляемое министром председателем и верховным главнокомандующим Керенским, является единственным законным носителем верховной власти в государстве, 3) что всякое нарушение преемственности в управлении государством и слишком резкая ломка в организации верховной власти в настоящий момент может привести к чрезвычайным политическим осложнениям и поставит страну перед опасностью новой гражданской войны накануне созыва Учредительного Собрания, 4) что созыв Учредительного Собрания, до которого остался всего лишь месяц, являющийся важнейшей задачей дня, неизбежно будет отсрочен в случае новых внутренних потрясений и междоусобий, что грозит стране потерей последней надежды на благополучное разрешение затяжного революционного кризиса, исполнительный комитет юго-западного фронта признает безусловно необходимым восстановление законной власти Временного Правительства; вместе с тем исполнительный комитет признает, что Временное Правительство только тогда может выполнить возложенную на него историей задачу довести страну до Учредительного Собрания, только тогда сможет справиться с растущей в стране и в армии анархией, принимающей угрожающий характер, если направит стихийные стремления малосознательных масс к миру и социальным преобразованиям, в русло организованной общественности и даст им государственное выражение в своей внутренней

---

[1]) Циксорсод—центральный исполнительный комитет Советов Рабочих и Солдатских депутатов.

[2]) Коморсев—командующий морскими силами северного фронта.

[3]) Искомзап—исполнительный комитет западного фронта.

[4]) Красокар—краевой совет кавказской армии.

[5]) Комиссарюз—комиссар юго-западного фронта.

[6]) Главкомюз—главнокомандующий западным фронтом.

и внешней политике. Революционная власть должна дать народу немедленное и ясное свидетельство своего стремления и способности править государством в интересах широких трудовых масс, вступив определенно на путь деятельной международной политики, ведущей к скорейшему заключению всеобщего демократического мира, объявив передачу всей земли земельным комитетам и начав самую энергичную борьбу со всеми контр-революционными и анархическими выступлениями, не становясь, однако, ни в коем случае на путь политики мести и расправы по отношению к рабочим и солдатским массам, втянутым большевиками в их преступную авантюру; Временное Правительство должно решительно и определенно вступить на этот путь, опираясь на широкие круги революционной демократии страны, в лице ее полномочных организаций и временного совета Российской Республики и освободившись от всех элементов, которые кажутся неспособными искренне принять и последовательно осуществлять революционную программу демократии. Председатель искомюза *Дашевский.*

29 октября ставка дала сообщение о состоянии борьбы с большевиками, радио и телеграфу, следующего характера:

Принято в 4 часа 15 мин. 29/X 1917 года.

Всем циркулярно.—Из ставки верховного главнокомандующего.

Командующим войсками московского и остальных округов копии почтово-телеграфным и железнодорожным организациям и городским управлениям.

Обстановка в Петрограде по сведениям, полученным по прямому проводу сегодня в 14 часов от председателя совета военмина Смородинова и члена циксорсод Венгерова, была таковая: От большевиков определенно отмежевались демократические элементы до левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов включительно, предстоит образование нового министерства, этот вопрос является днем обсуждения совещания, созванного в городской думе из циксорсода, крестьянского Совдепа, петроградской думы, представителей социалистических партий, фракций Съезда Совдепов, ушедших со вчерашнего заседания съезда, на котором остались только большевики; со Съезда ушла, сделав соответствующую декларацию, почти вся фронтовая группа Съезда. Это совещание происходит открыто. С фронта имеются сведения следующие: все фронтовые комитеты, кроме северного, совершенно определенно на линии решительной борьбы с большевистским восстанием, армейские комитеты поддерживают их. Относительно юго-западного фронта известно, что поддерживают также корпусные и дивизионные комитеты. Перевозки войск распоряжением главнокомандующего верх. главкосев Черемисова к Петрограду продолжаются, с фронта идут предложения послать на подавление большевистского восстания больших войсковых частей. Вся демократия объединилась против безумной авантюры большевиков, изоляция которых определилась. С фронтами общеармейский комитет поддерживает частную и непрерывную связь. Председатель *Перекрестов.*

Кроме того, в тот же день из ставки была дана сводка сведений политического характера.

Генкварсев [1]), генкварзап [2]), генкварюз [3]), генкваррум [4]), генкваркавфронт [5]).

Сводка сведений о политической обстановке к полудню 29 октября 1917 года Севастополь, центрочер [6]), генеральный комиссар, наморсев [7]) № 4667/79.

---

[1]) Генкварсев—генерал-квартирмейстер северного фронта.
[2]) Генкварзап—генерал-квартирмейстер западного фронта.
[3]) Генкварюз—генерал-квартирмейстер юго-западного фронта.
[4]) Генкваррум—генерал-квартирмейстер румынского фронта.
[5]) Генкваркавфронт—генерал-квартирмейстер кавказского фронта.
[6]) Центрочер—центральн. исполнительный комитет Черноморского флота.
[7]) Наморсев—начальник морских сил северного фронта.

Петроградский район:

Верховный главнокомандующий с головными эшелонами верных Правительству войск, 28 октября зашел в Гатчину, где ему сдались почти без боя выдвинутые большевиками части семеновцев, измайловцев и моряков. По непроверенным сведениям в дальнейшем произошло столкновение между войсками и мятежниками в районе Лигово. Далее правительственные войска заняли Царское Село, где находится и верховный главнокомандующий. К Петрограду по двум линиям, Варшавской и Виндаво-Рыбинской жел. дорог, а также с северного фронта направлено вполне достаточное количество верных Правительству и надежных войск. В самом Петрограде среди большевиков наблюдаются явные признаки разложения, растерянности. При появлении их в министерствах и некоторых учреждениях таковые прекращали свою работу; таким образом, захвативши власть, большевики были лишены возможности ее осуществить. Часть матросов заявила, что они участвовали в восстании лишь по недоразумению. Министр-председатель и верховный главнокомандующий отмечает кризис наступающего среди масс отрезвления, но все же признает политическое положение в Петрограде пока еще очень сложным

Московский район:

В Москве 28 октября весь день происходили столкновения правительственных войск с большевиками, засевшими, главным образом, в Кремле. В результате Кремль и вся центральная часть города, за исключением небольшого района у губернаторского дома, оказалась в руках правительственных войск. Окраины, а также Курский и Александровский вокзалы находятся еще в руках мятежников. Стрельба большевиками ведется, главным образом, из ружей и пулеметов,—с крыш домов. Потери правительственных войск: до 30 убитых и более 100 раненых. После занятия Кремля верными долгу частями движение большевиков приняло дезорганизованный характер, на улицах наблюдается большое количество пьяных солдат и рабочих, опасаются пьяного разгрома города. К Москве по железной дороге направлены с фронта эшелоны верных Правительству войск.

Киевский район:

В Киеве до 28 октября в общем спокойно. 28 октября местный Совдеп, приняв явно сторону большевиков, стал призывать к восстанию. К вечеру члены Совдепа вместе с большевиками были окружены во дворце юнкерами и казаками и арестованы в числе свыше 400 человек, но затем почему-то выпущены на свободу. Правительство располагает в городе достаточными верными силами для поддержания полного порядка. В Виннице 28 октября на сторону большевиков перешла часть гарнизона с броневыми и авиационными частями. Оставшиеся верными Правительству юнкера и часть пехоты и броневиков с 17 часов и до темноты вели бой с большевиками, закончившийся поражением мятежников, которые начали разбегаться по окрестностям. В Одессе хозяевами положения, повидимому, все еще являются большевики и примкнувшие к ним войска, при чем мятежники оказывают сильное влияние и на штаб одесского военного округа. В Одессу направлены верные Правительству воинские части с фронта. Ставка 29 октября 1917 года. *Кусонский*».

Реляции победного характера выпускали засевшие в совете республики социалисты-революционеры, пытавшиеся из Мариинского дворца сделать опорный пункт против власти Советов. До того, как их изгнали красногвардейцы, ими была отправлена следующая телеграмма.

Только наштаверх.

Распространение по всей России всем, всем, всем, также Тифлис красокар председателю. Бюллетень №1 29 октября. Войсками комитетом спасения родины освобождены все юнкерские училища и казачьи части, занят Михайловский, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся, благодаря принятым мерам, совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института—последних убежищ большевиков. Предлагаю сохранять полнейшее спокойствие и,

оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией спасения родины и революции полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого военно-революционного комитета; всем воинским частям, опомнящимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище, Инженерный замок, всякое промедление будет рассматриваться, как измена революции, повлечет за собой принятие самых решительных мер. Председатель совета республики *Авксентьев*. Председатель комитета спасения родины и революции *Гоц*. Комиссар всероссийского комитета спасения родины и революции при командующем армией спасения член военного отдела комитета спасения родины и революции *Синани*. Член военной комиссии центрального комитета партии социалистов-революционеров *Броун*.

Эта телеграмма была принята всеми юнкерами и верными Временному Правительству ударниками, как оперативная директива. Однако переарестовать комиссаров военно-революционного комитета Авксентьеву и Гоцу не удалось. Наоборот, им пришлось самим скрыться из Питера весьма спешным порядком. Но все же эта боевая задача спровоцировала юнкеров на выступление. Они послушались и собрались в Инженерном замке, откуда их выбили озлобленные их провокационными действиями солдаты и красногвардейцы.

А. Шляпников.

(Окончание следует.)

Омские события при Колчаке

(Окончание [1]).

№ 16 [2]).

Протокол

допроса Софии Ивановны Девятовой.

Января 20 дня 1920 г. я, нижеподписавшийся, член чрезвычайной следственной комиссии, председатель ее, К. А. Попов, опрашивал в качестве свидетельницы по делу о расстрелах 22—24 декабря в г. Омске гр. Софию Ивановну Девятову, при чем на предложенные вопросы она отвечала:

Я, София Ивановна Девятова, 36 лет, вдова расстрелянного в гор. Омске 23 декабря 1918 г. Ивана Ивановича Девятова, бывшего управляющего делами ведомств иностранных дел, государственных имуществ, почт и телеграфов при совете управляющих ведомствами Комуча [3]). Муж мой был арестован в ночь на 2 декабря 1918 г. на вокзале в Уфе, с разного рода документами, свидетельствующими об его причастности к Комучу и к партии с.-р., из Уфы отправлен с другими арестованными по делу Комуча, в первую же ночь в Омск, где находился в одиночной камере тюрьмы; я приехала в Омск 14 декабря; дня через три после моего приезда жена заключенного Фомина получила письмо из тюрьмы, что какая-то группа ночью требовала на допрос одиночных заключенных, среди которых был мой муж, затем Фомин, Нестеров, Филипповский и первое время Сперанский. Во время восстания в ночь на 22 декабря мой муж, вместе с другими, был освобожден и рано утром вместе с Фоминым пришел ко мне на квартиру, а вечером 22 декабря он, Фомин и Брудерер, в сопровождении жены Фомина и (не разобрано) вернулись в тюрьму, где были приняты начальником караула; об этом я узнала уже 23 декабря утром. В этот день мне не удалось побывать в тюрьме; на следующее утро я была в Центро-Сибири, где случайно была свидетельницей рассказа Маслова

---

[1]) См. «Красный Архив», т. VII, стр. 201—246.

[2]) Документы №№ 16—18 взяты из дела А. О. Р. № LXXVI $^{55}/_{59}$.

[3]) Комитет членов Учредительного Собрания.

Сергея о том, что в тюрьме произошли расстрелы, что расстрелян кто-то из возвратившихся туда. В тот же день 24 декабря я увиделась там же, в Центро-Сибири, с Фоминой, которая сообщила, что 23 декабря днем она была в тюрьме и тогда Фомина в тюрьме уже не было и ей там сказали, что ночью он был куда-то увезен и в тюрьму не возвратился. О моем муже она в тюрьме не догадалась спросить. Весь остаток дня 24 декабря прошел в посещениях разных властей с целью разузнать, что происходило в тюрьме. Вл. Вас. Куликов ездил к генералу Мартьянову, Сазонов — к Старынкевичу, но везде говорили, что ничего определенного неизвестно, известно лишь, что кто-то расстрелян. 25 декабря с утра я опять была в Центро-Сибири, и Куликов заявил, что он едет к Мартьянову и не оставит его до тех пор, пока не добьется определенных сведений. Часов в 12 дня он вернулся, увел меня, Фомину и Темкину в квартиру Вас. Ем. Парунина и там сказал, что десять человек, арестованных в Уфе, взяли в военно-полевой суд, и больше они в тюрьму не вернулись. Так говорил Мартьянов. Оказывается, что жена Фомина просила Куликова достать разрешение на розыски тела Фомина и похороны. Такое разрешение в письменной форме за подписью Мартьянова было дано. С этой бумагой мы все вчетвером поехали к начальнику гарнизона, потом к начальнику милиции, затем уже втроем без Куликова по районам милиции, затем в анатомический покой, где оказалось около пятидесяти раздетых и обезображенных трупов; сторож покоя нас уверил, что все эти трупы привезены за день 22 декабря, и поэтому мы полагали, что там трупов наших мужей не может быть. В пятом районе нам сказали, что на левом берегу Иртыша, у переправы лежат какие-то трупы. Мы втроем—я, Фомина и Темкина, отправились туда, изъездили весь левый берег около переправы, но ничего не могли разыскать, вернулись опять в район, попросили дать милиционера, который бы знал, где находятся трупы, и поехали с ним, и при его помощи нашли 10 трупов в нескольких саженях от дороги через Иртыш, близ переправы, на берегу в ложбине, при чем девять трупов лежали в ряд, а Брудерер несколько впереди; все трупы были без шуб и пальто, с некоторых сняты были пиджаки, один, а может быть и больше, были в одном белье, все без сапог и все лицами кверху. Среди них оказался из моих знакомых труп Фомина, Брудерера, Барсова и Марковецкого, у которого был снесен череп; у Брудерера была рана на лбу от сабельного удара. Мне при моем психическом состоянии трудно было осматривать трупы подробно, и поэтому я лично не могла увидеть все подробности ран и увечий на трупах; знаю со слов Анатолия Николаевича Сперанского, кажется, или Владыкина, что у трупа Лиссау был отсечен наполовину нос; знаю результаты освидетельствования трупа Фомина, занесенные в протокол, который должен быть у члена правления Закупсбыта Александра Степановича Емелина—по этим результатам на трупе Фомина оказалось до 13 ран штыковых, сабельных и огнестрельных, винтовочных и револьверных. Трупа моего мужа там не оказалось; не ока-

залось и Кириенко, Локтева и Сарова. Поэтому я продолжала поиски, заручившись письмом Куликова к Мартьянову и Тельбергу. Меня принял Мартьянов, который заявил, что дело передано прокуратуре, и рекомендовал обратиться к прокурору палаты Коршунову. Коршунов меня принял в здании судебных установлений. Забыла я сказать, что помощник начальника района, кажется, пятого, омской дивизии, сказал мне, что в загородной роще в двух могилах зарыто 43 трупа, и среди них два интеллигента, остальные рабочие; судя по описанию костюма одного из интеллигентов, один был мой муж, а другой, судя по описанию фигуры,—Кириенко. Я не просила у Коршунова разрешения на разрытие этих могил для отыскания трупа мужа. Коршунов заявил, что мне не о чем беспокоиться, что вскрытие могил—в интересах следствия, что сделает это сама следственная власть и что руководство следствием поручено прокурору Омского окружного суда Казакову, который в это время был у Коршунова. Я обратилась к последнему, и он дал мне бумагу на имя начальника городской милиции, с предложением оказать содействие в розыске тел «убитых» (буквальное выражение) 23 декабря Девятова и Сарова (бумага эта у меня хранится по сие время). Кроме того, Казаков попросил меня зайти к следователю Омского окружного суда Шредеру для дачи свидетельских показаний. Когда я рассказала Шредеру о сведениях, полученных от помощника начальника 5 района, он сказал мне, что и по его сведениям, мой муж и Кириенко взяты были из тюрьмы отдельно от других и присоединены к какой-то группе, которую вели из военно-полевого суда. Шредера я опять просила дать мне разрешение на разрытие могилы в загородной роще, но он меня опять успокаивал, заверяя, что это вскрытие могилы будет сделано им, как следователем, что он сам, как следователь, заинтересован в этом и не успокоится, пока не найдены будут все убитые. С бумажкой Казакова я опять пыталась разыскать труп мужа где-либо помимо этих могил, старалась осмотреть все трупы, которые находили, но розыски были напрасны. При втором посещении Казакова я требовала от Казакова прямого ответа: расстреляны ли убитые по приговору военно-полевого суда или просто убиты? Казаков ответил мне тогда буквально следующее: «обратитесь к начальнику гарнизона Бржезовскому или к начальнику унтер-офицерской школы капитану Рубцову». Я не поняла в чем дело, переспросила «почему к капитану Рубцову»?—Казаков ответил: «он получил под расписку из тюрьмы вашего мужа и Кириенко». Когда я говорила потом об этом со Шредером, он это подтвердил и сказал, что расписка Рубцова пришита к делу. От Казакова я тогда ездила к Бржезовскому: он меня не принял, выслав ко мне своего адъютанта, фамилии которого я не знаю, приметы его такие: среднего роста или несколько выше, плотный, блондин, с русой бородой, окладистой, лицо широкое. Говорила я с ним, по вполне понятным причинам, возбужденно, требуя ответа на вопрос, расстреляны ли убитые по приговору или просто убиты, и где мне искать труп мужа. Он ответил, что ничего не знает, а когда

я заявила, что это неправда, что это они убили, что начальник гарнизона во всяком случае все знает,—он смутился, ничего не ответил, ушел в кабинет начальника гарнизона и через несколько минут, вышедши оттуда, сказал буквально следующее: «Ваш муж и другие расстреляны не по приговору военно-полевого суда, а убиты разъяренной толпой солдат за то, что протестовали против расстрелов большевиков». К капитану Рубцову я уже не поехала. Забыла опять сказать, что при первом посещении Шредера он заявил мне, что могилы в загородной роще будут раскрыты в том случае, если я найду человека, который мог бы опознать Кириенко, чтобы не возить все трупы для опознания в анатомический покой. Время все шло, общество начало успокаиваться и, очевидно, вместе с этим стало меняться настроение власти, и, повидимому, властям судебным даны были новые инструкции, и вот во время одного из моих посещений Казакова он мне уже заявил, что могилы в загородной роще разрываться не будут, так как к этому нет никаких оснований за отсутствием данных у следствия, что там нужно искать мужа моего и Кириенко и добавляет, что помощник начальника района, на которого я ссылалась, отрицает факт даже разговора со мной об этих могилах и зарытых в них двух интеллигентах. Я предложила устроить между мною и этим помощником начальника милиции очную ставку,—он, кажется, ничего не ответил. Тут же Казаков посоветовал мне обратиться к военному прокурору Кузнецову (полковнику); я была у него со Сперанским; Кузнецов на все мои вопросы о муже и его трупе ответил, что он производил дознание только для доклада верховному правителю и мне ничего по поводу того, где искать труп мужа, сказать не может... Отмечу, что во время одного из моих разговоров со Шредером на мой вопрос, почему он не допросит, если не в качестве обвиняемого, то в качестве свидетеля капитана Рубцова, он отвечал, что в интересах и общества и следствия,—чтобы дело возможно дольше оставалось в руках гражданской следственной власти. После того как я получила от Казакова решительный отказ в разрытии могилы в загородной роще, я сделала еще одну последнюю попытку розысков трупа моего мужа и Кириенко, обратившись к Куликову с просьбой съездить по этому поводу к Мартьянову и другим, к кому он найдет нужным. Это было уже около 8—10 января 1919 г. Мартьянов Куликова не принял; он поехал к Коршунову и на этот раз привез оттуда категорическое обещание, что могилы в загородной роще будут разрыты: помню, что после этого заверения Коршунова я со Сперанским была у прокурора Казакова, который мне сказал с улыбкой: «могилы мы решили разрыть, но делаем это только для вашего успокоения». Я заметила: «но, ведь, это и в интересах следствия». Казаков сказал на это: «мы уже произвели вскрытие шести трупов; для нас картина убийства совершенно ясна». Прошло еще несколько дней и только 17 января могилы в загородной роще были, наконец, разрыты, и там действительно оказались трупы моего мужа и Кириенко; муж и Кириенко были одеты, но без обуви и без верхнего платья (пальто и шубы);

что дали результаты вскрытия, я не знаю, но, по словам товарищей очевидцев, в частности Сперанского, оказалось, что у мужа, кроме многочисленных, кажется, огнестрельных ран, была сломана нога, а у Кириенко, тоже израненного, была вывихнута рука.—Из всех своих бесед с Казаковым, Коршуновым и Шредером я вынесла категорическое убеждение, что им были известны, если не все, то часть физических виновников и исполнителей убийств 22—23 декабря в гор. Омске и занимались все время их укрывательством. Более показать в данный момент ничего не имею.

Показания мне прочитаны *С. Девятова.*

Председатель Комиссии *К. Попов.*

№ 17.

Протокол

допроса свидетеля по делу о самосуде

22—23 декабря 1918 г.

Января 25 дня 1922 г. я, нижеподписавшийся, товарищ председателя чрезвычайной следственной комиссии, Константин Андреевич Попов, в помещении гостинницы «Модерн» произвел допрос свидетеля Анатолия Николаевича Сперанского, при чем последний на предлагаемые ему вопросы отвечал:

«Зовут меня Анатолий Николаевич Сперанский, 34 лет от роду, царским и колчаковским правительствами привлекался по политическим делам, прав лишен не был, проживаю в данный момент в г. Иркутске по Казарминской улице в доме № 8. По делу о самосуде в ночь с 22 на 23 декабря в г. Омске могу показать следующее: 2 декабря 1918 года в г. Уфу прибыл сводный отряд под командой полковника Врублевского с целью арестовать совет управляющих ведомствами комитета Учредительного Собрания и центральный комитет партии социалистов-революционеров. Прибывшие воинские части опасались активного сопротивления, а потому операции ареста были произведены чрезвычайно поспешно, без соблюдения каких-либо формальностей. Вне всякой системы, без всякого именного списка было захвачено и ограблено 27 человек, в том числе 2 мальчика-курьера, пулеметчик охраны сибирской гостиницы, мелкие служащие съезда и совета управляющих и т. д.

Арестованных тотчас же посадили в поезд и экстренным порядком доставили в Омск. По дороге офицеры, конвоировавшие партию арестованных, открыто выражали сожаление, что председатель Учредительного Собрания В. М. Чернов избежал ареста, при чем откровенно добавляли, что его, т.-е. Чернова, они живым до Омска не доставили бы.

5-го вечером с вокзала арестованных перевезли в омскую областную тюрьму; четверо: В. Н. Филипповский, И. Г. Нестеров, И. И. Девятов и я были помещены в одиночных камерах, остальные 23 человека — в общих. Первые двое были выделены как лица особо ответственные в качестве управляющих ведомствами; И. И. Девятов был захвачен офицерами отдельно на вокзале, ранее других; при нем было найдено много секретных документов, партийных резолюций и т. д. Кроме того, И. И. Девятов чрезвычайно резко держался при попытке устроить ему допрос на вокзале и сообщил только официальное свое положение: управляющий делами ведомства иностранных дел и государственных имуществ. Что же касается одиозного отношения ко мне, то оно объяснялось моей близостью с В. М. Черновым в Екатеринбурге и Уфе и тем, что в моем ведении находилась охрана как съезда членов Учр. Собр., так и личности В. М. Чернова, успевшего благодаря принятым мерам скрыться до нашего ареста. Несколькими днями позднее в Челябинске были арестованы: член Учр. Собрания кооператор Н. В. Фомин и работник культурно-агитационного отдела в армии М. В. Локтев. Оба были привезены в Омск, помещены в одиночках и после допроса каким-то чиновником военного контроля зачислены за прокурором Омского военного окружного суда. Нам удалось установить сношения между этажами, пересылали записки с уголовными арестантами, и 17 декабря мы знали, что в ночь с 16 на 17 в тюремную контору приезжала группа офицеров и требовала выдать им для «допроса» Н. В. Фомина, И. И. Девятова и А. Н. Сперанского. Начальник тюрьмы Веретенников без письменного ордера выдать заключенных отказался. Таким образом первая попытка самосуда не удалась.

В третьем часу ночи с 21 на 22 декабря все заключенные проснулись от необычайного шума и суеты в тюрьме; бегали люди, мелькали свечи, звенели ключи, слышались радостные голоса. Пришедшие под предводительством штатского (фамилии его никто из местных большевиков назвать мне не мог) молодые солдаты 21 или 22 Сибирского полка сначала не хотели освобождать «учредильщиков», но по настоянию ныне расстрелянного Стрижака-Василенко были выпущены поголовно все политические заключенные; к ним, конечно, в общей суматохе примешалась часть уголовных.

Наша уфимская группа остаток ночи провела в подвале редакции газеты «Слово», на Гасфортовской ул., д. № 10. Часть делала попытку пройти ночью по частным адресам, но наткнулась на патрули и должна была вернуться. Утром все разошлись. Я оставался позднее других, так как на моем попечении оставался чл. Учр. Собрания В. В. Владыкин с больной ногой. Около 10 часов утра приехала лошадь, и нас перевезли на окраину города в рабочую квартиру. Будучи оторваны от остальных, мы ничего не знали о добровольном возвращении товарищей в тюрьму и, наоборот, спешно готовились к отъезду из Омска. О небывалом по жестокости подавлении куломзинского восстания, о драконовском приказе начальника гарнизона Бржезовского, грозив-

шего расстрелом и бежавшим и укрывателям, мы слышали от своих хозяев; но, когда во 2 участке милиции 24 декабря, где были арестованы я и Владыкин, дежурный помощник многозначительно сказал нам, что «ночью в тюрьму отправлять вас не буду—там сейчас главенствуют военные власти»,—то мы не поняли всего трагического значения этих слов. Ночь провели в «каталажке» в главной милиции и только 25 нас привели в тюрьму, где от оставшихся в живых узнали все подробности ночи с 22 на 23 декабря.

В первую очередь были взяты конвоем в «суд» из одиночек: Н. В. Фомин и М. В. Локтев; из общей камеры № 3: А. А. Брудерер, Г. Н. Саров, А. И. Лиссау, Н. Я. Барсов, В. А. Марковецкий; из других камер к ним присоединили: Евгения Маевского (В. А. Гутовского), матроса Бачурина (арестованного патрулем на улице), красноармейца Руденко, б. комиссара Жарова и известного своею предательскою ролью поручика Винтера. Несколько позднее вызвали вниз в контору И. И. Девятова и И. И. Кириенко (каторжанина, члена 2-й Гос. Думы, б. комиссара юго-западного фронта при Керенском и б. комиссара директории при уральском правительстве)... Арестованные провели тревожную бессонную ночь, ожидая либо дальнейших вызовов в суд, либо возвращения уведенных товарищей. Никого больше не вызывали, и никто больше в тюрьму не вернулся. Начальник тюрьмы Веретенников и его старший помощник Пульхеровский были в это время арестованы за бездействие власти и временно обязанности начальника исправлял командированный из главного тюремного управления Хлыбов. На следующее утро надзиратели сообщили заключенным, что «ваших товарищей вывели гулять в березовую рощу», т.-е. расстреляли. Со слов же низшей тюремной администрации было известно, что конвой требовал выдачи председателя омского совдепа К. А. Попова и прокурора публичного обвинения [1]) революционного трибунала Мицкевича, но они оба лежали в сыпном тифе в тюремной больнице, и офицеры успокоились только тогда, когда взяли со старшего надзирателя Томина честное слово, что Попова и Мицкевича спустят в помойную яму. Арестованные, главным образом Э. В. Аникин, работавшие в качестве писарей в тюремной конторе, сообщили, что еще утром 22 декабря в тюрьму, занятую новым правительственным караулом, прибыла большая группа офицеров, расположилась внизу в конторе, потребовала списка заключенных и против целого ряда фамилий сделала отметки ᵛ (красным карандашом) и затем сбоку: «отпр.».—Из числа уфимских арестованных не вернулись 22 декабря в тюрьму: Ф. Ф. Федорович, Н. Н. Иванов, В. Н. Филипповский, И. Г. Нестеров, сибирский депутат Почекуев, орловский депутат В. Владыкин, А. Н. Сперанский и служащий совета управляющих Д. А. Барановский. 26 декабря московский депутат В. Е. Павлов имел свидание с председателем Центро-Сибири В. В. Куликовым, и мы, заключенные,

[1]) Очевидно, представителя публичного обвинения.

окончательно узнали о свершившемся самосуде. С воли нам передали номер газеты «Заря» с передовой статьей Парунина. Чем руководствовались убийцы, делая выбор из наличного числа, осталось совершенно непонятным. В частности, особенно нелепой была смерть А. И. Лиссау, человека совершенно аполитичного, земского культурного работника, арестованного случайно в гостинице «Россия». 27 декабря по постановлению прокурора Казанской судебной палаты Миролюбова 14 оставшихся в живых из уфимских арестованных были освобождены без всяких последствий.

Большинство поспешило уехать из города, а я остался в Омске разыскивать тело И. И. Девятова и Г. Н. Сарова и найти какие-нибудь нити к раскрытию этого преступления. О том, как держали себя судебные и административные власти, может дать подробные показания проживающая ныне в Иркутске С. И. Девятова. Я этого вопроса касаться не буду и в дальнейшем мои показания будут иметь только непосредственное отношение к акту самосуда. Вторично я был арестован в Омске 28 января и за месячный срок успел собрать в городе кое-какие сведения, относящиеся к 22 декабря. В качестве идейных руководителей этого дикого самосуда в обществе называли имена: минфина И. А. Михайлова, генерала Иванова-Ринова, начальника гарнизона Бржезовского и коменданта ставки полковника Деммерта. Относительно самого убийства говорилось, что оно совершено офицерами анненковского отряда, что под давлением возмущенных иностранных представителей Колчак хотел их арестовать, но что виновники бежали в Семипалатинск к своему атаману. В двадцатых числах января по постановлению совета министров была образована чрезвычайная следственная комиссия по делу 22 декабря; персональный состав ее не был опубликован, но мне удалось узнать, что председателем назначен сенатор Висковатов, а членами б. товарищи прокурора Васильев и, кажется, если я не искажаю фамилии, Волесский. С моим арестом всякая моя контр-разведывательная деятельность в этом направлении естественно прекратилась. Однако совершенно случайное обстоятельство помогло мне раскрыть всю картину этого дикого самосуда и узнать имена физических убийц. За переполнением гауптвахты много офицерских чинов содержалось в областной тюрьме. Приблизительно в апреле месяце на короткое время появился в тюрьме штабс-капитан красильниковского отряда Феофил Анатолиевич Барташевский. На запросы о причинах своего ареста Барташевский ответил, что он обвиняется в спекуляции табаком. Вскоре после его освобождения по тюрьме разнеслась весть, что Барташевский никто иной, как убийца членов Учредительного Собрания, открыто говоривший об этом своим интимным друзьям по камере. Тогда мы, группа политических заключенных, приняли все меры к тому, чтобы добыть официальную справку, по какому делу содержался в тюрьме Барташевский. В результате в самом скором времени мы получили копии допроса чрезвычайной следственной комиссии (от военного ведомства

в ней участвовал ген.-м. Погосский) шт.-кап. Барташевского и унтер-офицера Падерина. И тот и другой были арестованы по обвинению в предумышленном убийстве, при чем Падерин сразу дал исчерпывающие показания, а Барташевский пробовал сначала все отрицать, но, уличенный Падериным, во всем сознался. На основании тех материалов, которые имелись в нашем распоряжении, схематическая картина убийства такова: утром 22 декабря в красильниковский отряд является Барташевский и сообщает: «вечером нужны будут надежные люди». На приглашение Барташевского вызываются в качестве «охотников»: Шемякин, Левенталь [1]), Виленкин, Падерин и еще двое, фамилии которых я не помню. Вечером вся эта группа отдает себя в распоряжение председателя военно-полевого суда Иванова, заседавшего в гарнизонном собрании. Получив именной список лиц, которых надо доставить в суд, Барташевский вместе с комендантским адъютантом отправляется в тюрьму, где и берет: Е. Маевского, Винтера, Бачурина, Жарова; из главной милиции к ним присоединяют задержанного арестанта Макова. По приговору суда: Бачурин был приговорен к смертной казни, Маевский к бессрочной каторге, дело же Винтера и Макова направлено к доследованию. Председатель суда распорядился всех обвиняемых доставить обратно в тюрьму. Вместо этого Барташевский всех, кроме Винтера, отправленного на гауптвахту, оставляет в караульном помещении, а сам с комендантским адъютантом и красильниковцами отправляется в тюрьму, где выбирает себе жертв по соглашению с и. о. начальника тюрьмы Хлыбовым. Когда скомплектовали таким путем партию (при чем на руках у Барташевского имеется свой заготовленный список, но почти все занесенные в проскрипционный лист не вернулись в тюрьму), то арестованных вывели на улицу и повели к гарнизонному собранию. Пройдя некоторое расстояние комендантский адъютант крикнул: «Эй, белая папаха, стой!»—выстрелил и смертельно ранил красноармейца Руденко, который замерз на улице... По показаниям унтер-офицера Падерина таким же путем в пути до гарнизонного собрания было убито еще двое арестованных. Ввиду того, что тела редактора уфимской газеты «Народ»—Георгия Николаевича Сарова и работника культурно-агитационного отдела народной армии Моисея Локтева остались неразысканными, есть полное основание предполагать, что на дороге были убиты именно эти два человека. Первый мог обратить на себя внимание своими длинными волосами, а второй—своим резко еврейским типом. Арестованным было запрещено переговариваться между собою, и конвой время от времени стрелял для устрашения над их головами. Подойдя к гарнизонному собранию, офицер Барташевский оставил конвой и арестованных на улице, а сам зашел внутрь помещения. Здесь в гарнизонном собрании Барташевский имел разговор с начальником унтер-офицерской стрелковой школы капитаном Рубцовым. Не помню сейчас дословно запротоколи-

[1]) Свидетель ненамеренно извращает фамилию Виленталя.

рованного в показаниях диалога, но Рубцов определенно спрашивал: «вычищена ли тюрьма»? Барташевский отвечал, что очень многих нет налицо в тюрьме. Тогда Рубцов дополнительно отправился в тюрьму за И. И. Девятовым, которого считал одним из «министров» Комуча, и И. И. Кириенко, с которым реакционное монархическое офицерство имело старые счеты еще по юго-западному фронту. Барташевский вывел из гарнизонного собрания: 1) Евгения Маевского, 2) Жарова, 3) матроса Бачурина, 4) Макова и присоединил их к тюремной партии беглым маршем, подгоняя прикладами и непечатной руганью, повел всех на левый берег Иртыша. По словам Падерина, все арестованные определенно чувствовали, что их ведут расстреливать, особенно с того момента, когда партия направилась за Иртыш. Барташевский и адъютант не позволяли арестованным переговариваться между собою. Как только перешли берег—тотчас же дали залп. «Я не помню, сколько расстрелял»,—добавляет Падерин. Все арестованные упали, но адъютант и Барташевский лично «проверяли» трупы, выстрелив в упор несколько раз из револьвера. Чем объясняется присутствие на трупах штыковых и сабельных ран, Падерин объяснить не мог. Точно так же он отрицал, чтобы трупы были ограблены самими убийцами. Свершив свое дело, все вышеуказанные красильниковцы вернулись к себе в отряд.

Одновременно с расстрелом на Иртыше, капитан Рубцов явился в тюрьму, расписался в получении И. И. Девятова и И. И. Кириенко и, выведя их на Тобольскую улицу, присоединил к партии в 40 человек, которую вели расстреливать в загородную рощу. При таких обстоятельствах, согласно прочитанным нами показаниям, погибли жертвы самосуда 22 декабря.

Далее произошло следующее. Когда под влиянием возмущенного общественного мнения и иностранного вмешательства началось дознание по этому делу, то Барташевский, по показанию Падерина, явился в отряд и сообщил: «Ну, ребята, нам надо удирать, а не то плохо будет». Падерин обратился к начальнику штаба пополнения анненковского отряда Гештовту, который выдал всем красильниковцам подложные удостоверения для проезда в Семипалатинск. Убийцы благополучно прибыли в Семипалатинск, но скоро «соскучились» в чужом городе и вернулись в Омск. Не помню сейчас точно фамилии, но, кажется, Виленкин и Левенталь [1]), умерли от тифа в омском госпитале, Барташевский был арестован чрезвычайной следственной комиссией, обвинялся в предумышленном убийстве, но приблизительно через месяц был освобожден на поруки красильниковского отряда. Чрезвычайная следственная комиссия никаких материалов в печати не опубликовала.

Официальными документами по этому делу могут служить: 1) следствие, производившееся следователем Омского окружного суда Шредером; 2) дознание, произведенное в целях личного доклада Колчаку б. главным военным прокурором полк. Кузнецовым; 3) все дело-

[1]) См. прим. на предыдущей стр.

производство чрез. след. ком. сенатора Висковатова. В подтверждение моего показания прошу допросить сидевшего со мной в одной камере Омской тюрьмы—комиссара почт и телеграфов Сергея Ивановича Агеева.

Много ценных подробностей должны дать б. директор департамента милиции, а в декабре 1918 г. прокурор Омского окружного суда Казаков и управляющий делами б. верховного правителя б. генерал Мартьянов. В смысле укрывательства виновников убийства и тот и другой сделали очень много.

Более показать ничего не могу.

Показание мне прочитано. *Анатолий Сперанский.*

Тов. предс. чрезв. следств. комис. *К. Попов*[1]).

№ 18.

Справка.

Осмотром поступившего 27 сего марта из ликвидационного подотдела юстиции Иркутского губернского Ревкома копии «дела чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной постановлением совета министров от 14 января 1919 г., о расстреле без суда арестантов, взятых из Омской тюрьмы в ночь на 23 декабря 1919 г.» устанавливается, что перечисление фамилий лиц, участвовавших (физически) под командой штабс-капитана Барташевского в расстреле заключенных Омской тюрьмы, встречается: 1) в показаниях Барташевского от 24 марта 1919 г. (л. 78 обор. копии названного дела), 2) в показаниях Викентия Александровича Падерина (л. 90 и л. 91 об.); 3) в протоколе осмотра приказа командира сводной партизанской бригады имени Красильникова полка капитана Драчука за № 27 от 29 декабря 1918 г., при чем: 1) в показаниях Барташевского названы фамилии поручика (мичмана) Виленталя, прапорщика Шемякина и партизанов: Галкина, Падерина и Кукалевского, 2) в показаниях Падерина—он, младший унтер-офицер, Викентий Александрович Падерин, партизаны Галкин и Кукалевский и офицеры Виленталь и Шемякин, 3) в приказе Драчука (л. 68)—поручики Барташевский и Виленталь и прапорщик Шемякин, ефрейторы Викентий Падерин и Владимир Галкин и партизан Николай Кукалевский. Таким образом имен и отечеств поручика Виленталя и прапорщика Шемякина в делах не фигурирует и по отношению к участнику расстрела Шемякину устанавливается лишь, что он прапорщик; по отношению же к мичману Виленталю сообщением начальника штаба партизанской дивизии атамана Анненкова от 27 марта за № 1140 (д. л. 88) устанавливается, что он 26 февраля 1919 года умер в омском военном госпитале, где он числился под фамилией шт.-капитана Горина.

Товарищ председ[ателя] Ир[кутской] губ. чека *К. Попов.*

[1]) С переходом власти к Ревкому Сов. К. Попов, бывший председателем чр. сл. ком. Политцентра, получил назначение тов. предс. губ. чека.

№ 19.

Заключение

об обстоятельствах и участниках убийства заключенных в ночь на 23 декабря 1918 г. в гор. Омске.

Совокупностью показаний лиц, допрошенных Иркутской чрезвычайной комиссией,—Матковского (его дело [1]) л. л. 15 и 26), Рубцова (его дело л. л. 1, 2 и 6), свидетеля Сперанского (л. наст. дела 32—37) и свидетельницы Девятовой (л. наст. д. 23—26), осмотром копий актов предварительного следствия, произведенного судебным следователем при Омском окружном суде по делу «о расстрелах Нила Фомина, Евгения Маевского и др.» и копии актов расследования, произведенного и. д. главного военного прокурора полковником Кузнецовым, и в частности показаний, данных на этом расследовании в первый раз Рубцовым (л. копии 3—4), признанных им теперь (д. Рубцова, л. 1 обор.) единственно правильными из всех показаний, данных им перед колчаковскими властями, и, наконец, из осмотра копии дела чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной «постановлением совета министров от 14 января 1919 г.», в особенности же из взаимной сверки показаний Хлыбова (д.л.4—6), Рубцова (д. л.63—65), Ядрышникова (д. л. 62), Кононова (д. л. 32—33), Барташевского (д. л. 78—81, 94—95, 107, 108), Падерина (д. л. 90—93), Фриде (д. л. 125—126), Черченко (д. л. 29—30, 43—45, 113—114, 120), Иванова (96—97), Мих. Попова (60—61), Ведерникова (33—34), Злобина (38), Шредера (21—22), Драчука (66 и др.), Бржезовского (105—106) и Кашперова (98—99), а также протокола осмотра производства прифронтового военно-полевого суда, действовавшего 22—23 декабря 1918 г. в гор. Омске (д. л. 50—52), устанавливается следующее: по подавлении восстания в гор. Омске, происходившего в ночь на 22 декабря 1918 г., военными властями была организована расправа, с одной стороны, над повстанцами в Куломзине (предместье гор. Омска) и Омске, а с другой стороны, над арестованными ранее по различным делам и по делу о самом восстании, в момент ему предшествовавший. Расправа эта производилась, с одной стороны, под видом военно-полевого суда (в Куломзине и в Омске), а с другой—в форме военного самосуда. Военно-полевой суд был организован в самом Омске начальником гарнизона генералом Владимиром Владимировичем Бржезовским, несомненно, с ведома назначенного 22 декабря командующим войсками генерала Алексея Филипповича Матковского, который признает возможным, что он предал, по представлению и ходатайству Бржезовского, тогда военно-полевому суду кого-либо из заключенных Омской тюрьмы; суд заседал в гарнизонном собрании и действовал в составе начальника том-

[1]) В настоящее время дела эти хранятся в А. О. Р. LXXVI $^{55}/_{49}$.

ского эвакуационного пункта генер. Василия Дмитриевича Иванова, помощника начальника эвакуационного пункта полковника Михаила Георгиевича Попова, солдата Галинина (по показаниям Бржезовского Галкина) и делопроизводителя подпоручика Ведерникова. Из осмотра дела этого суда усматривается, что фактически он производил суд лишь над Бачуриным, Жаровым, Гутовским (Маевским), Фатеевым, Маковым и Винтером, из которых Бачурина, Жарова и Фатеева приговорил к смертной казни, Гутовского—к бессрочной каторге, а дела Макова и Винтера (последний — провокатор) направил к доследованию. Тем не менее, не только первые трое, но и Гутовский с Маковым оказались расстрелянными в эту же ночь. Расстрел их был произведен поручиком отряда особого назначения имени Красильникова Феофилом Анатолиевичем Барташевским совместно с адъютантом коменданта гор. Омска, прапорщиком Николаем Антоновичем Черченко и конвоем из отряда имени Красильникова в лице поручика Виленталя (имя не выяснено), прапорщика Шемякина (имя также не выяснено), младшего унтер-офицера Викентия Александровича Падерина, ефрейтора Галкина и добровольца-партизана Куколенко (он же Кукалевский). При этом, кроме перечисленных выше пяти лиц, которые все являлись заключенными Омской тюрьмы, вместе с ними было расстреляно еще восемь заключенных: Фомин, Брудерер, Марковецкий, Барсов, Саров, Локтев, Лиссау и фон-Мекк; как первые пять расстрелянных, так и эти восемь были взяты из тюрьмы Барташевским и компанией перечисленных красильниковцев не по каким-либо спискам от военно-полевого суда, а по выбору, сделанному Барташевским совместно с и. о. начальника тюрьмы, б. помощником симбирского тюремного инспектора Леонидом Константиновичем Хлыбовым. Последние восемь человек не судились, были только подведены к зданию, в котором заседал суд, где к ним присоединены были 5 человек судившихся, и затем Барташевским, Черченко и пятью названными выше красильниковцами расстреляны за Иртышем. До этого, еще когда Барташевский, Черченко, Шемякин и др. вели на суд первых пять человек, вместе с ними был выведен из тюрьмы заключенный Руденко, отозван вблизи тюрьмы в сторону и убит прапорщиком Черченко. По показаниям этого последнего приказание о расстреле 13 человек, убитых за Иртышем, отдал ему по телефону комендант города полковник Николай Васильевич Бобов. Нужно отметить, что восемь человек, взятых Барташевским за второй прием, взяты им лишь после того, как оказалось невозможным взять других лиц, намеченных в имевшемся при нем списке, при чем в этом последнем списке были фамилии Кириенко, Девятова, Михельсона и Константина Андреевича Попова, из которых Попов был болен сыпным тифом и потому взят не был, Михельсон был освобожден из тюрьмы во время восстания и в нее не вернулся, а Кириенко и Девятов были уже уведены для расстрела в загородную рощу по распоряжению начальника унтер-офицерской школы (тогда капитана) Павла Михайловича Рубцова, при чем они были присоединены

к партии 44 арестованных, приведенных из военного контроля и передававшихся начальником контр-разведки при штабе верховного главнокомандующего полковником Злобиным начальнику гарнизона для предания военно-полевому суду по обвинению в организации и подготовке восстания, и еще не судившихся, но тем не менее расстрелянных вместе с Кириенко и Девятовым, тоже не судившимися, по распоряжению Рубцова офицерами унтер-офицерской школы прапорщиком Бобыкиным, подпоручиком Николаем Михайловичем Ядрышниковым и подпоручиком Дионисием Ивановичем Кононовым, при участии комендантского адъютанта поручика Александра Васильевича Фриде, и команды унтер-офицерской школы в 30 человек, из которой по делу выяснены, как участники расстрела, младшие унтер-офицеры Дмитрий Иванович Чухрий и Борис Михайлович Логинов. Приказание о расстреле всех 46 лиц давалось Рубцовым в присутствии поручика унтер-офицерской школы Константина Васильевича Кашперова, роль которого в этих расстрелах осталась невыясненной, но который сам, по словам Рубцова, вызвался сопровождать его в тюрьму и оставался там все время, пока был там Рубцов. Уже после того как Кириенко, Девятов и 44 человека были расстреляны (это было около двух часов ночи на 23 декабря), был составлен подложный журнал о суде над ними, подписанный председателем в.-п. прифронтового суда и делопроизводителями этого суда названными выше Ивановым и Ведерниковым, при чем подлог совершен неумелой рукой, ибо суд значится законченным в 6 часов утра, а расстрел произведен был в 2 часа ночи, т.-е. на 4 часа ранее приговора, к тому же и утвержденного только 26 декабря. Рубцов в своих показаниях, отобранных у него мною 9 марта с. г. и 7 апреля с. г. говорит, что приказ о расстреле ему дан был начальником штаба гарнизона полковником Сабельниковым (Николай Григорьевич) и начальником гарнизона Бржезовским, при чем утверждает, что приказ этот был дан еще часов в 8 вечера 22 декабря в форме приказа о приведении в исполнение приговора военно-полевого суда по отношению к 44, и в форме приказа присоединить к ним Кириенко и Девятова, уверяя в то же время, что он всех считал приговоренными к смерти и добавляя, что список с фамилиями Кириенко и Девятова дан был ему комендантским адъютантом Фриде, и что в списке этом и другие были фамилии, в том числе Попова, оказавшегося больным тифом и потому не взятого; в показаниях же, данных Рубцовым на дознании, произведенном Кузнецовым, он говорит, что генерал Бржезовский приказал ему «отправиться в тюрьму для суда над 44 членами совдепа, захваченными в ночь с 21 на 22 декабря», а полковник Сабельников сказал ему, Рубцову, что он к этим 44 лицам «должен присоединить несколько большевиков, сидевших в тюрьме», и что, когда он по этим приказаниям приехал в тюрьму, туда вскоре прибыл поручик Фриде и сообщил фамилии пяти лиц, которые должны были быть расстреляны вместе с другими, что из этих пяти лиц в тюрьме оказались только двое, Кириенко и Девятов, и что, когда прибыли 44 человека,

он, Рубцов, допросив их, приказал подпоручику Ядрышникову отвести всех за город и расстрелять, вместе с Кириенко и Девятовым. Таким образом и здесь, как с расстрелами, произведенными Барташевским, Черченко и пятью красильниковцами, выясняется картина подлинного самосуда. Нужно сказать, что по собственному признанию Рубцова от 9 марта с. г. из приведенных в тюрьму 44 человек он не допросил, а лишь спросил по фамилиям, с целью удостовериться, что приведены те, кто значится в списке, представленном конвоем, всего шесть человек. Когда на другой же день после этих самосудов о них известно стало прокурору Омского окружного суда Василию Николаевичу Казакову и и. о. главного военного прокурора полковнику Кузнецову, то первым было назначено следствие, но лишь по расстрелам произведенным Барташевским, а Кузнецовым—произведено по приказанию Колчака (см. дело Колчака д. л.[1])...) дознание; однако дознание Кузнецова и следствие, произведенное следователем Омского окружного суда Николаем Михайловичем Шредером, под наблюдением одного из товарищей прокурора того же суда — фамилия точно не выяснена — и самого прокурора Казакова, имеет все признаки попустительства и укрывательства убийц, а не действительного выяснения истины. Гражданский следователь и прокурор даже не пытались произвести аресты хотя бы точно выясненных физических виновников убийств— Рубцова и Барташевского, и даже не допрашивали их, а полковник Кузнецов не попытался арестовать ни их, ни Сабельникова, ни Бржезовского, хотя Рубцова и Барташевского допрашивал, и из допроса их ясна была виновность как их самих, так и Сабельникова с Бржезовским. Образованная постановлением совета министров от 14 января 1919 г. чрезвычайная комиссия под председательством сенатора Висковатова, генер.-майора Погосского и тов. председателя Омского окружного суда Калугина в свою очередь занята была также не столько выяснением истины, сколько тем же укрывательством и попустительством, и, несмотря на совершенно выяснившуюся роль в убийствах перечисленных выше прикосновенных к ним лиц, из всех них она привлекла в качестве обвиняемых лишь Барташевского и Черченко, но и тех после непродолжительного ареста освободила под надзор начальства Сабельникова и Бржезовского. Комиссия к делу не привлекла Рубцова также и вела следствие настолько небрежно, что, например, не выяснила даже имени и отчества одного из убийц, прапорщика Шемякина, хотя имела к тому полную возможность, хотя бы через начальника отряда особого назначения имени Красильникова, к которому Шемякин принадлежал. Комиссия не обратила затем внимания на то, что 44 арестованных военным контролем «судились» в.-п. прифронтовым судом уже после их расстрела, иначе говоря — постановление суда над ними было просто явным подлогом. В деле не имеется осмотра письма начальника отряда особого назначения имени Красильникова —

[1]) Пропуск в оригинале.

капитана Драчука Петра Кирилловича—от 31 января 1919 г., найденного мною в бумагах комиссии среди разных бланков и повесток, написаного по показаниям Барташевского Петром Драчуком («твой Петя») к Сейфулину — по показаниям б. капитана Ал. Вас. Шемякина (д. Шемякина л. 40)—капитан красильниковской бригады Аркадий Сейфулин («дорогой Аркаша»),—и нет осмотра литеры «А» на 2 офицеров от 31 января за подписью того же Драчука и его адъютанта подпоручика Хиона. Между тем это письмо и эта литера «А» является несомненным доказательством того, что Драчук причастен к укрывательству Барташевского и Виленталя (ныне умершего), ибо по паспортам Горина и Иванова, упоминаемых в письме, скрывались Барташевский и Виленталь, и об этом прямо говорит в своих показаниях Барташевский, заявляя, кроме того, что Драчук намерен был послать в Иркутск, очевидно с той же целью, и еще трех убийц: Шемякина, Галкина и Кукалевского (Куколенко). Драчук остался не привлеченным к делу, как и капитан анненковской дивизии Николай Александрович Гештовт, по показаниям Барташевского и Падерина, помогший Барташевскому и другим красильниковцам, участвовавшим в убийстве, скрыться в последних числах декабря 1918 г., и выдавший им подложные паспорта. Наконец, следствие чрезвычайной следственной комиссии под председательством Висковатова не выяснило и не пыталось выяснить тех организаторов и вдохновителей убийств, которые стояли выше генерала Бржезовского и полковника Сабельникова, может быть, потому, что этим следствие слишком близко подходило бы: 1) к Матковскому, которому, по показаниям б. капитана А. В. Шемякина, был непосредственно подчинен отряд имени Красильникова под командой Драчука; 2) к штабу и ставке верховного главнокомандующего, которой, по словам Матковского, был в то время непосредственно подчинен начальник гарнизона Бржезовский. Лишь случайно в показаниях Барташевского этот верховный главнокомандующий — он же верховный правитель Колчак — фигурирует с приказом «военным властям» «скрыть» Барташевского и всех красильниковцев — убийц заключенных в ночь на 23 декабря, а в показаниях Падерина — с приказом «отправить» их в отряд Анненкова.

На основании изложенного, за исключением из перечисленных выше лиц, причастных к убийствам заключенных в ночь на 23 декабря в гор. Омске или к попустительству и укрывательству этих убийств — умершего в омском военном госпитале в 1919 г. Виленталя, к настоящему делу в качестве обвиняемых должны быть привлечены: 1) б. начальник штаба верховного главнокомандующего Лебедев и б. командующий войсками Омского военного округа Алексей Филиппович Матковский, если не в качестве непосредственных организаторов и руководителей этих убийств, то в качестве попустителей и укрывателей; 2) начальник гарнизона гор. Омска генерал-майор Владимир Владимирович Бржезовский и б. начальник его штаба военный летчик полковник Николай Григорьевич Сабельников, как организаторы убийства; 3) б. комендант гор. Омска, полковник Николай Васильевич

Бобов, как организатор, и его бывшие адъютанты прапорщик Николай Антонович Черченко и поручик Александр Васильевич Фриде, как участники убийств; 4) б. помощник симбирского тюремного инспектора, временно исполняющий обязанности начальника Омской тюрьмы Леонид Константинович Хлыбов, как соучастник убийств; 5) б. подполковник, тогда капитан Павел Михайлович Рубцов, как участник убийств; 6) б. подпоручики Николай Михайлович Ядрышников и Дионисий Иванович Кононов и б. прапорщик Бобыкин, как участники убийств; 7) б. поручик Константин Васильевич Кашперов — тоже; 8) б. поручик Феофил Анатолиевич Барташевский и прапорщик Шемякин, имя которого не выяснено—тоже; 9) младшие унтер-офицеры Викентий Александрович Падерин, Дмитрий Иванович Чухрий и Борис Михайлович Логинов — тоже; 10) ефрейтор Владимир Галкин и партизан-доброволец Николай Кукалевский (он же Куколенко) — тоже; 11) б. помощник начальника Томского эвакуационного пункта полковник Михаил Георгиевич Попов, б. начальник томского эвакуационного пункта генерал Василий Дмитриевич Иванов и солдат Галинин (по показаниям Бржезовского — Галкин) — члены военно-полевого прифронтового суда, как соучастники убийств; 12) бывший начальник контрразведки при штабе главковерха полковник Николай Павлович Злобин — тоже; 13) б. прокурор Омского окружного суда, впоследствии директор департамента милиции Василий Николаевич Казаков, как попуститель; 14) б. следователь Омского окружного суда Николай Михайлович Шредер, как попуститель; 15) б. и. о. главного военного прокурора полковник Кузнецов, как попуститель и укрыватель; 16) б. сенатор Висковатов, б. товарищ председателя Омского окружного суда Калугин и генерал-майор Погосский, как попустители и укрыватели; 17) б. капитан Петр Михайлович Драчук, как укрыватель; 18) б. капитан анненковец Николай Александрович Гештовт, как укрыватель.

Из перечисленных лиц в настоящее время находятся под стражей и препровождаются в Омск Матковский, Рубцов и Казаков. Кроме того, привлечен к делу, в качестве подозреваемого в участии в убийствах 22—23 декабря б. и. о. начальника штаба бригады Красильникова, капитан Александр Васильевич Шемякин, также находящийся под стражей и препровождаемый в Омск, — однако ввиду того, что одним из убийц 22—23 декабря был по данным дела не капитан, а прапорщик Шемякин, в бригаде Красильникова был еще прапорщик Григорий Васильевич Шемякин (брат Александра), а может быть, был и еще какой-либо Шемякин, предъявить Александру Шемякину обвинение в участии в убийствах 22—23 декабря, при данном положении дела, нет оснований, почему к нему предъявлено мною обвинение лишь в соучастии — путем прямого пособничества — в разбойной работе красильниковских банд (см. дело А. В. Шемякина).

Зам. предс. Иркутск. губ. чека *К. Попов.*

Указы Е. И. Пугачева и его коллегии.

Ниже перед читателем пройдут в порядке их появления пять «указов» Пугачева и «определений» его «государственной военной коллегии», начиная с «именного указа» к яицкому (уральскому) казачеству в первые же дни восстания (17 сентября 1773 г.) и кончая «манифестом» к донским казакам (к Березовской станице, в частности), данным в августе 1774 г., т.-е. тогда, когда уже чувствовался близкий закат Пугачевщины. Приуроченные к разным хронологическим моментам, проникнутые несходными подчас настроениями и мыслями, различные по стилю, слогу и каллиграфической манере, эти п о д л и н н ы е документы вождей восстания — живые свидетели того, как постепенно росла, ширилась и крепла Пугачевщина, как она вбирала в себя все новые социальные силы, как усложнялась ее «идеология».

Являясь отражением того, что делал и как думал «главный штаб» восстания в лице Пугачева, его коллегии и группировавшегося около них казачества, помянутые документы вместе с тем должны говорить нам и о стихийных движениях на местах, ибо на местах «прелестные» пугачевские «письма» постоянно находили себе и восторженный отклик и массовое распространение. Для внесения большей наглядности в представления о местных движениях здесь даются фототипические снимки с подписей ряда виднейших вождей этих движений, — по техническим условиям приведенные здесь равно как и «указы» — в уменьшенном виде.

С. Голубцев.

I

Именной указ Пугачева яицкому казачеству [1]).

Самодержавнаго императора нашего великаго государя Петра Ѳедаровича всероссийскаго і прочая і прочая і прочая.

Во имянномъ моемъ указе изображено яицкому воиску какъ вы други мои прежнымъ царямъ служили до капли своей до крови дяды и оцы вашы такъ и вы послужити за свое отечество мне великому государю императору Петру Ѳедаравичу когда вы устоити за свое отечество и ни истечетъ ваша слава казачья от ныне и до веку и у детей вашыхъ будити мною великим государямъ жалованы казаки и калмыки и татары и каторые мне государю императорскому величеству Петру Ѳе*(до)*равичу винъныя были и я государь Петръ Ѳедаравичь во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ рякою съ веръшынъ и до усья и землею и травами и денижънымъ жалованьямъ и свиньцомъ и порахамъ и хлебными ж правиянътамъ я велики государь императоръ жалую васъ Петръ Ѳедаравичь.

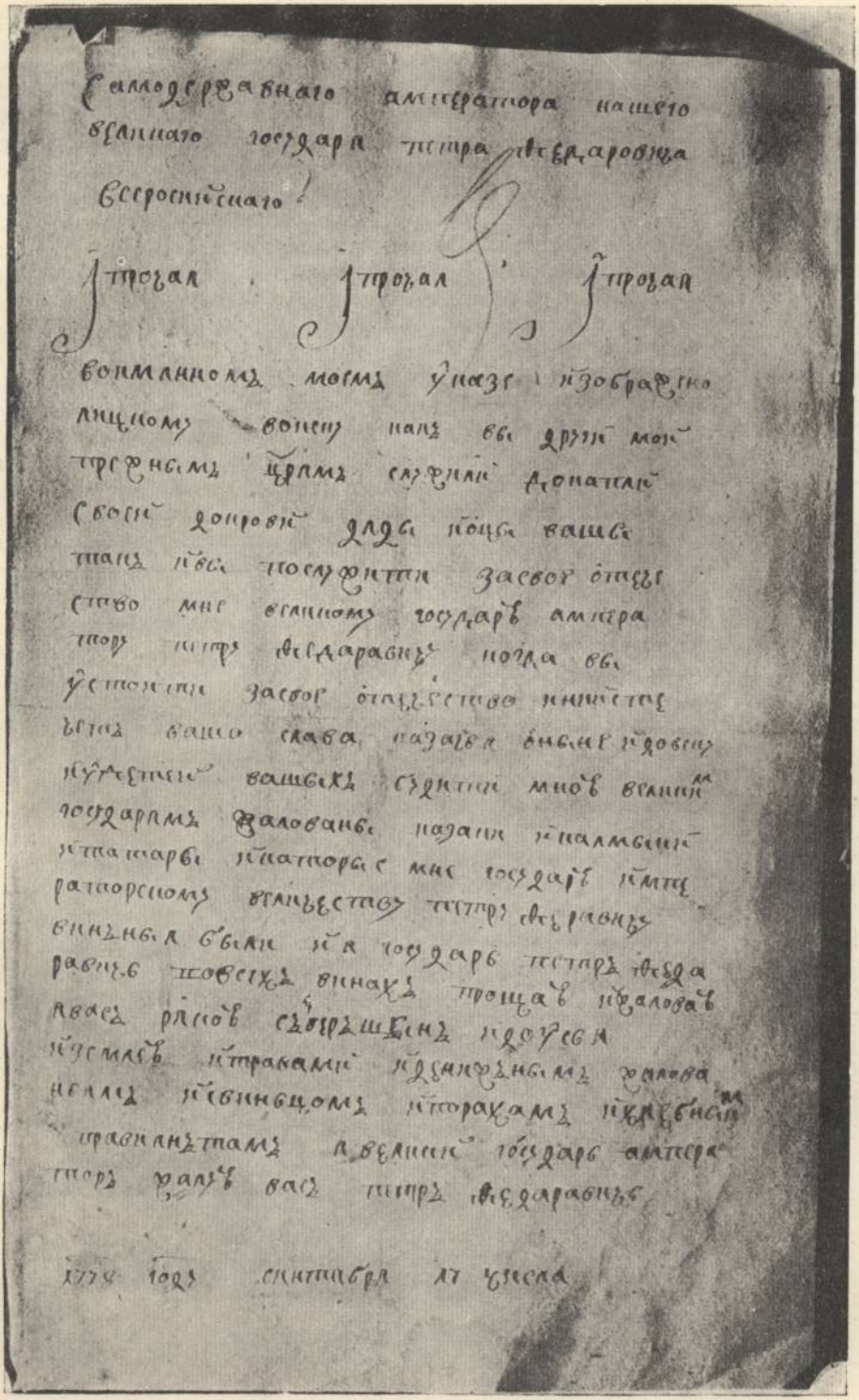
1773 году синтября 17 числа

ПРИМЕЧАНИЯ.

К середине августа 1773 г. через $2^1/_2$ месяца после бегства из Казанской тюрьмы, Емельян Пугачев добрался до окрестностей Яицкого городка (Уральска). Благодаря связям, установившимся у него с некоторыми казаками во время первого пребывания в Яицком городке и в его районе в ноябре—декабре 1772 г. еще до ареста и отправки в Казань, Пугачеву удалось в какой-нибудь месяц широко оповестить яицкое казачество разными путями о «государе», «проявившемся на умете (постоялом дворе) у Степана Оболяева («Еременой Курицы»), по речке Таловой верстах в 60 от Яицкого городка, заполучить значительное количество первых приверженцев и с их помощью не только подготовить надлежащим образом общественное мнение «войсковой стороны» (яицкая оппозиция), но и провести начальные мероприятия по организации восстания, удачно лавируя между необходимостью популярности и опасностью поимки. Утром 16 сентября 1773 г. мы находим Пугачева, признанного государя Петра Феодоровича, со свитой, почтительно державшейся в некотором отдалении, на хуторах казаков Толкачевых, верстах в 100 от Яицкого городка, в окружении человек 40 верных, частью уже испытанных людей, среди которых были не только природные казаки, но и ка-

---

[1]) Б. Лефортовский архив «Секретн. повытья», кн. I, л. 76.



Саллодержавнаго амператора нашего
великаго государя петра Федаровича
всероссийскаго

Іпрочал Іпрочал Іпрочал

воимянномъ моемъ указе изображено
лицкому войску какъ вы другъ мой
прежнымъ царямъ служили до капли
своей доброви дяды и отцы ваши
такъ и вы послужити за свое отече
ство мне великому государю ампера
тору петру Федаровичу когда вы
устоити за свое отечество и нынче
четъ ваша слава, назаеся оныне и довсе
и уже тей вашихъ судити мнѣ великимъ
государямъ жалованы казаки и калмыки
и татары и каторые мне государю импе
раторскому величеству петру Федаровичу
винныя были и я государь петръ Федо
ровичь во всехъ винахъ прощаю и жалованъ
я васъ ряковъ съ черешнею и доусья
и землею и травами и денежнымъ жалова
ньямъ и свинцомъ и порахамъ и хлебнымъ
правилнъ тамъ а великий государь ампера
торъ жалуе васъ петръ Федаровичь

1773 году сентября 17 числа

Указ Е. И. Пугачева 17 сентября 1773 г.

заки из татар, туркмен и калмыков, даже несколько русских беглых помещичьих крестьян. Пугачев начинал свое движение в соучастии с представителями различных социальных и национальных групп.

Яицкое казачье войско, в момент появления Пугачева, было сложным конгломератом разновременных выходцев из многих слоев общества и ряда национальностей. Свое первое воззвание к яицкому войску от 17 сентября 1773 г. Пугачев должен был поэтому адресовать казакам, татарам и калмыкам, формулировав в нем все характерные для казачества того времени «привилегии». Тут и пожалование луговыми землями, недостаток которых чувствовался поддерживавшими Пугачева хуторянами вследствие покушений с разных сторон. Тут и закрепление за казачеством всего течения реки Яика с ее рыбными богатствами, ввиду обозначившегося «внимания» к этой реке некоторых кругов русского дворянства и купечества, а также и монополистских тенденций «старшинской» (правительственной) партии среди яицких казаков. Тут и обещание жалования в его денежной и натуральной форме в соответствии с тем, что яицкое казачество, с одной стороны, жило тогда в условиях все большего втягивания в денежное хозяйство и в оживленный товарооборот как с своими кочевыми соседями, так и с внутренними русскими областями, а с другой — нуждалось в хлебе, которого почти не производило и зависело в приобретении его (равно как и вина) от ряда крупных русских производителей того и другого из среды дворянской знати (Орловы, Зубовы и др.).

Пугачев знал казачьи нужды; благодаря собранной на Яике информации, да и по личному опыту, он умело разбирался во всех больных вопросах казачьей жизни и казачьей психологии. Недаром в тексте «указа» — это характерное упоминание о монаршем прощении «войсковой стороны» в винах перед короной.

Приводимый здесь «указ» (воззвание) к Яицкому войску был оглашен утром того же числа, каким он датирован, перед собравшимися приверженцами «названного» Петра III; читал его тот же Иван Почиталин, первый по времени секретарь Пугачева, чьей рукою указ и написан. При помощи сличения почерка, водяных знаков на бумаге и некоторых сохранившихся известий, есть возможность притти к заключению, что целый ряд последующих документов, вышедших из лагеря восставших от имени государя Петра Феодоровича, написан рукою того же Почиталина. Они могут, следовательно, считаться сохранившимися до нас в подлинниках.

Указ 17 сентября 1773 г. был принят с восторгом всеми, кто собрался под знамена Пугачева; и с момента этого искусного напутствия началось поступательное движение Пугачева к Яицкому городку, а затем и к Оренбургу.

Указ 17 сентября 1773 г. неоднократно воспроизводился в печати как по частям, так и полностью; академик Дубровин напечатал даже его с соблюдением орфографии подлинника («Пугачев и его сообщники», т. I, стр. 246—247); к сожалению, дубровинский текст «указа», при ряде вкравшихся опечаток, не может считаться точным воспроизведением подлинника.

II.

Указ на татарском языке [1].

Перевод: Я великий *(из)* великих, самодержавный властелин стран, в своей руке и силе определенно держащий и владеющий... России — и проч., и проч., и проч. Также над многими землями Всероссийский [высший *(из)* высших] император Петр Феодорович. Всей знати и народу во все стороны его величеством утвержденный проверенный именной указ дан.

Пусть знают и верят! Это высшее письмо дано от собственной руки и языка, чтобы шли к нему с истинным усердием и несли военную службу. Кто с готовностью выйдет навстречу, чтобы видеть мое благословенное лицо и красу; увидав же и признав сознательно и нелицемерно, будет *(ко мне)* веру и усердие *(оказывать)* языком и рукой и сердцем горящим и телом с дорогой душой,— *(тех)* конечно я узнаю.

Жалую вас землей, водой, рыбой, топливом, пашней, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочим.

Кто не подчинится и будет противиться: боярин, генерал, майор, капитан, и другие,—голову того рубите и имущество его грабьте! Против *(таких)* стойте! Головы их рубите! Если окажется у них казна, она должна быть принесена царю! Их обоз и лошади и другое, что необходимое, должно быть доставлено царю! Прочее, в чем нет нужды, расходуйте на армию! В свое время они вас ели; *(вас)*, моих рабов, они лишили воли и свободы; теперь посев их косите, если не подчинятся.

Тех же кто меня признает, кто навстречу ко мне выйдет со службой, — не трогайте, чтобы народ не смеялся *(над нами)*.

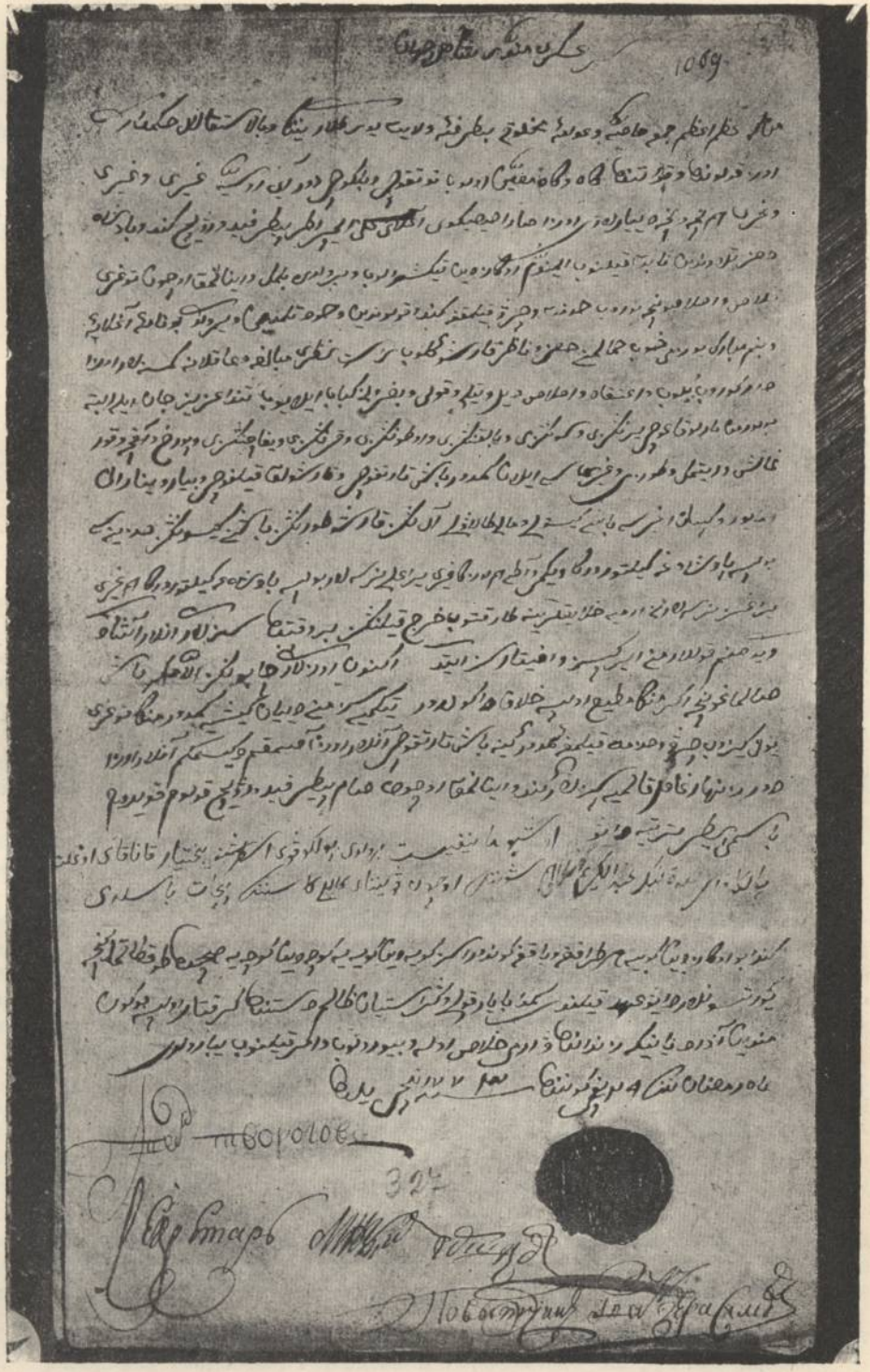
Опять-таки о тех, которые не подчинятся, мое *(приказание)*— вешать их и рубить!

Пожалуйста, будьте осторожными!

Чтобы всякий верил, я сам, Петр Феодорович, свою руку приложил. Я самый Петр третий даю.

---

[1]) Государств. Арх., разр. VI, д. 416, ч. II, л. 327.



Указ Е. И. Пугачева на татарском языке.

Этот манифест дан
Полковой старшина Бахтияр Канакай Оглы.
Полковой сотник Абдул Керим.
Также военной коллегии печать приложена.

Копию с этого указа во все стороны и края посылайте. С копии копию *(сняв)*, с улицы на улицу по сходам, не задерживая, не мешкав, передавайте!

Даю слово: кто раб помещика и *(кто)* попал в руки крестьянских тиранов, с сегодняшнего дня свободен.

Кто в тюрьме, также освобождается!

Такое повеление издается.

Рамазана 24 дня 1773 г.

Иван Твороговъ [1]).

Секретарь Максим Горшковъ.

Повытчикъ Иван Герасимовъ [2]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Сношения восставших с инородцами начались очень рано. Одновременно с указом 17 сент. 1773 г. яицкому войску, от имени Пугачева уже летел гонец с «письмом» к киргизскому Нурали-хану. В конце сентября месяца того же года и в самых первых числах октября отправлены были характернейшие манифесты, рассчитанные на весь приуральский инородческий мир. К этому же типу агитационных листков и прокламаций относится и печатаемый в переводе документ, до сих пор неизвестный в печати. Он настолько ярок и говорит сам за себя, что всякие комментарии по существу излишни. Взять хотя бы этот перечень «милостей», обещанных Пугачевым: в нем так полно и с такой чуткостью оговорены чуть ли не все больные вопросы быта приуральских народностей. Повидимому, составители манифеста предназначали его даже для более широких народных масс, чем только инородчество.

Очень возможно, что имеющиеся в тексте перед последним абзацем слова: «Этот манифест дан» — с упоминанием Бахт. Канакаева и Абдула Керима и с указанием на приложенную к манифесту печать военной коллегии — представляют позднейшую вставку, тем более, что они и написаны-то как будто другою рукою. Не являются ли они своеобразным «контрассигнированием» со стороны Бахт. Канакаева документа более раннего времени, оказавшегося у него в руках и им пускавшегося в оборот?

Автор манифеста — выученик («шакирд») мусульманской духовной школы, получивший образование, видимо, в Бухаре, так как на-ряду с арабизмами употребляет и слова персидские. Автор прибегает иногда даже к персидским оборотам (напр., предлоги), хотя манифест им составлялся, конечно, для тюрко-татарских народностей. Язык документа вычурный, как вычурна и вся, стоящая в начале его, своеобразно-восточная титуляция. В тексте встречаются написанные по-татарски русские слова («даю», «именной»), употребительные в русских документах соответствующего характера; не вставлены ли они для придания манифесту большей убедительности и авторитета? При этом автор обличает свое

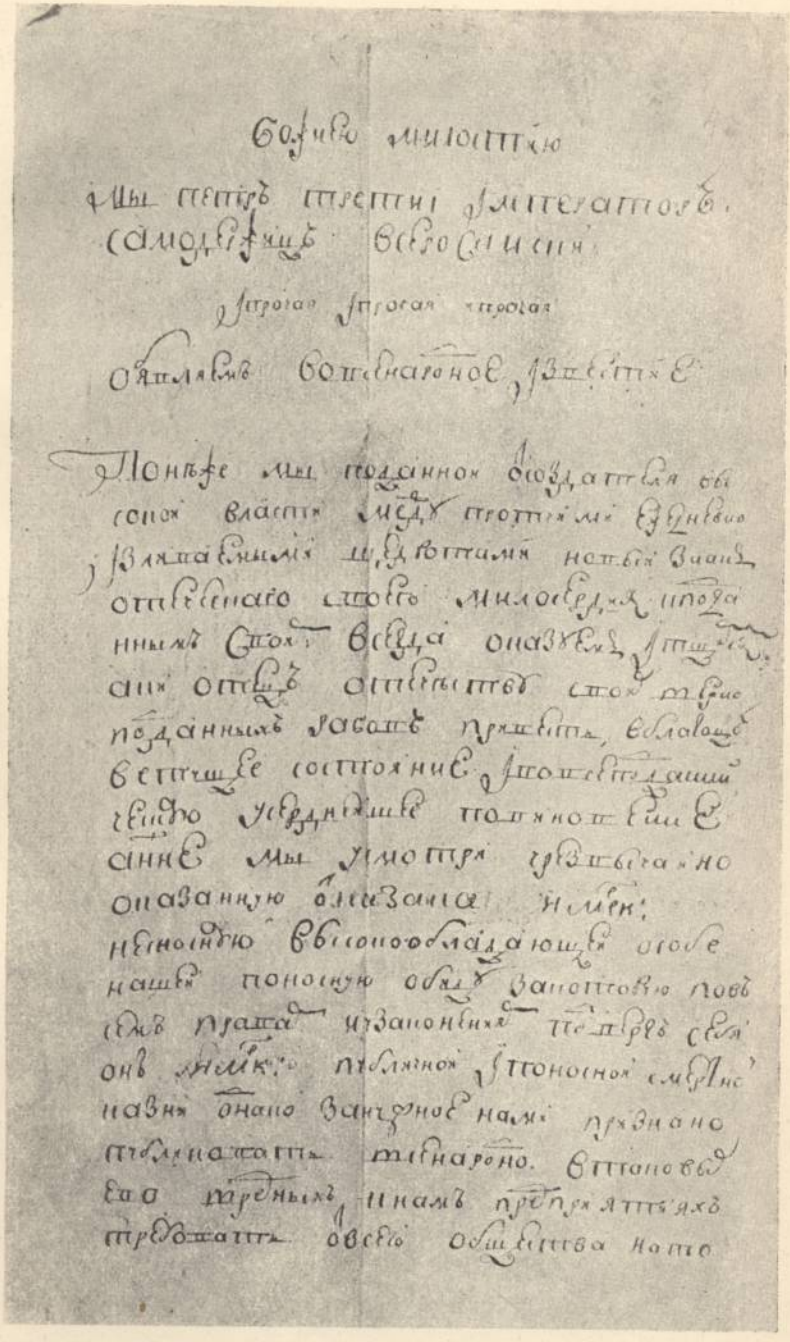
---

[1]) Подписи Творогова, Горшкова и Герасимова — на русском языке.

[2]) Печать красного сургуча, хорошей сохранности, с надписью.

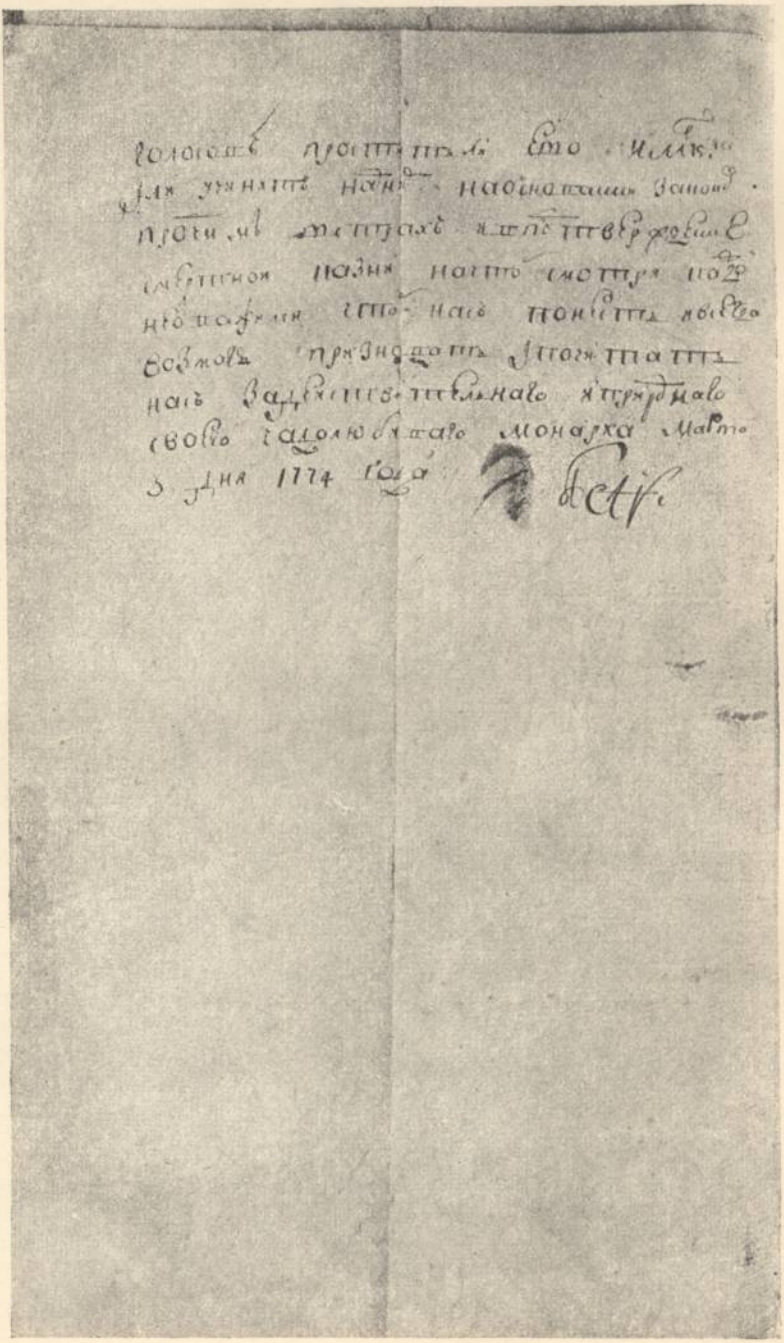
плохое знание русского языка (пишет по-татарски «сарасайский» вместо «всероссийский»). В основной своей части «манифест» является переводом или, может быть, скорее переработкой какого-то русского источника, бывшего под руками у автора. При переводе несколько слов без вреда для смысла опущены, оставшись нерасшифрованными по чисто техническим затруднениям; и в том числе группа слов, стоящая в заглавии манифеста; есть предположение, что их можно перевести, как «полководец» и «светлый царь мира»; слова «высший (из) высших» взяты за скобку, так как в тексте подлинника они, повидимому, зачеркнуты.

Считаю своей обязанностью поблагодарить В. Д. Пятницкого, взявшего на себя труд перевода «манифеста к инородцам», а также проф. В. А. Гордлевского и Галли-Аскара-Гаффурова-Чегатая.



Божиею милостию
Мы петръ третiй императоръ
самодержецъ всероссiйскiй
Изрядно изрядно изрядно
объявляемъ всенародное извѣстiе

Понеже мы подданной нашей
своей власти мздъ противъ
взятыхъ нами отъ
ныне сего
подданныхъ
всенародно
нашей
нашей
нашей



III.

Указ Пугачева от 3 марта 1774 г. [1]).

Божиею милостию мы Петръ третіі імператоръ самодержицъ всероссійски: і прочая і прочая и прочая: обявляемъ во всенародное ізвестие.

Понѣже мы по данной от создателя высокой власти между прочими ежедневно ізливаемыми щедротами новый знакъ отеческаго своего милосердия к подданнымъ своим всегда оказуемъ і тщимся аки отецъ отечѣству своих верноподданныхъ рабовъ привесть в благоцъветущее состояние і во всеподданническую усерднейшее повиновение а ныне мы усмотря чрезвычайно оказанную от казака *имрек*: несносную высокообладающей особе нашей поносную обиду за которую по въсемъ правам и узаконениям подвергъ себя онъ *имрек*: публичной і поносной смертной казни однако за нужное нами признано публиковать всенародно в таковых ево вредныхъ к намъ предприятияхъ требовать от всего общества на то голосовъ простить ли ево *имрек*: іли учинить над ним на основании законов продчимъ в страхъ и в подтверждение смертной казни на чтобъ смотря каждой не отважился чтоб насъ понесть и всегда возмогъ признавать і почитать насъ за действительнаго и природнаго своего чадолюбиваго монарха.

Марта 3 дня 1774 года. Petri.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К марту месяцу 1774 г., в результате 2-месячных усилий нового главнокомандующего войск, действовавших против Пугачева, — А. И. Бибикова, перед восставшими впервые встала необходимость считаться с противником и с серьезностью создавшегося положения. К этому времени вполне обнаружилось движение к Оренбургу значительных сил правительственных войск в охват его и Бердской базы Пугачева по радиальным направлениям от Бугульмы, Бугуруслана и Бузулука. Восставшие ответили встречным походом к крепостям Сорочинской и Тоцкой, повидимому, намереваясь бить поодиночке своих приближавшихся противников (полковн. Юрия Бибикова, генералов кн. П. М. Голицына и П. С. Мансурова), начиная с последнего. Генер. Голицын, между тем, свернул

[1]) Государ. Арх., разр. VI; д. 415, 2-я нумерация; л. 4.

с своей дороги к Оренбургу (Бугуруслан—Оренбург) в район действий Мансурова (Бузулук) и в начале марта 1774 г. оказался лицом к лицу с противником. Первая встреча у деревни Пронкиной (между Бугурусланом и Сорочинской крепостью), протекавшая некоторое время с переменным успехом, закончилась неудачно для восставших, оказавшись предвестницей последующих поражений и настоящего разгрома движения в его первый период.

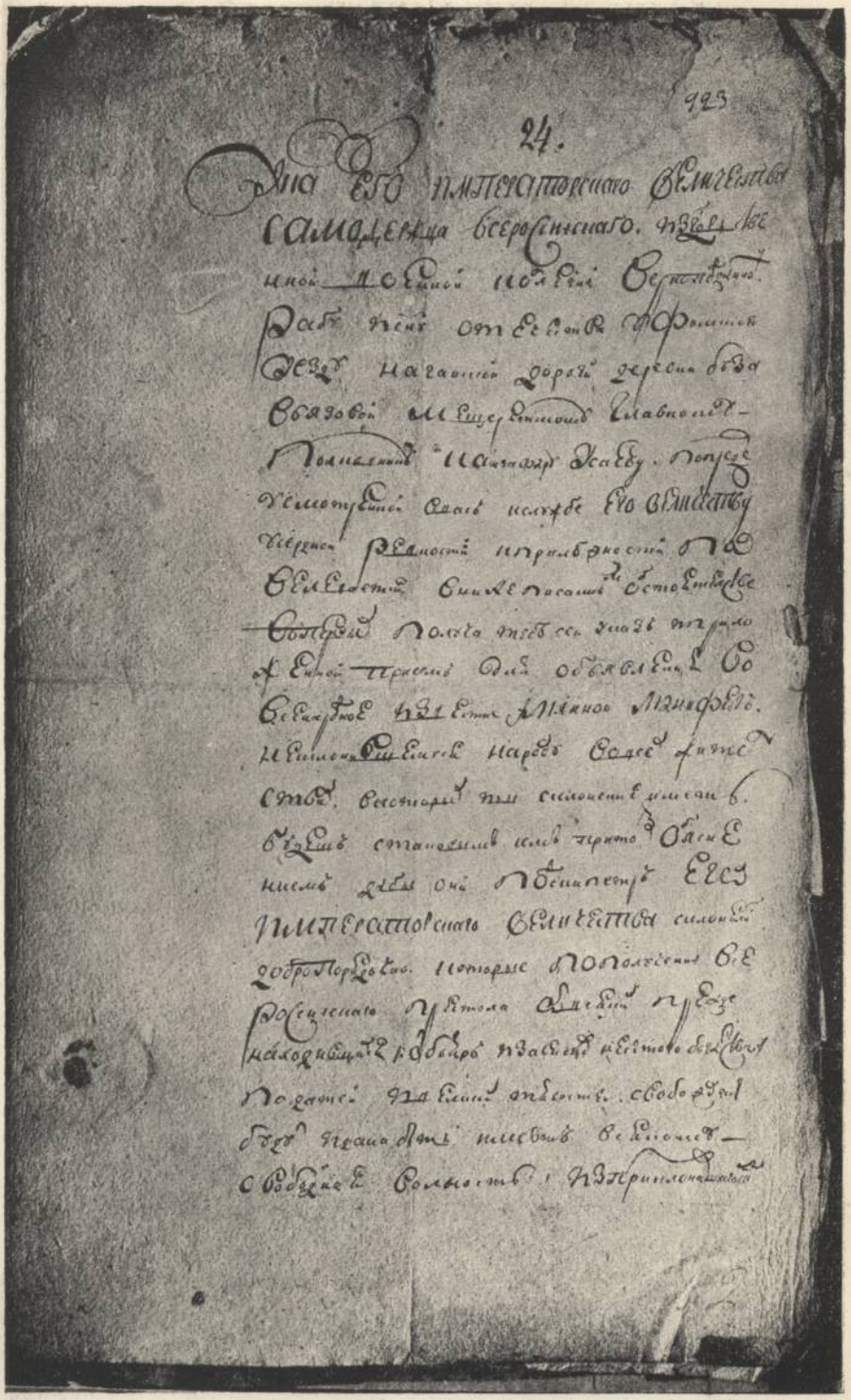
В таких условиях напряженного военного положения и нависавшей опасности вполне понятным делается этот «манифест», остававшийся доселе неизвестным в печати. Очевидно, поднимала голову внутренняя оппозиция: в рядах восставших в результате заметного уже раньше расслоения, начинало проявляться в резких формах раздражение одной части казачества против другой. Пугачев был в этот момент еще достаточно силен, если он мог себе позволить такую роскошь, как обращение к всенародному мнению — плебисциту, призывом к которому, в сущности, и является манифест 3 марта, на-ряду с содержащимся в нем объявлением о винах какого-то казака.

Первоначально этот манифест не имел ли в виду определенного лица? В подлинном его тексте всюду, где теперь стоит «имрек», раньше читалось какое-то слово, затем выскобленное и замененное «имрек». Может быть, этим словом была фамилия одного из казаков, не того ли Черноморского, о казни которого Пугачевым есть карандашная помета почерком того времени на втором листе манифеста. Точных сведений об этом казаке в нашем распоряжении пока нет; возможно, что именно он был депутатом от войсковой оппозиции в комиссии ген.-м. Брахвельда, расследовавшего столкновения между «старшинской» («верной») и «войсковой» (оппозиционной) стороной на Яике в 1762 г.; и не тот ли это Борис Черноморский, который упоминается в списке разоренных в 1774 г. на Яике пугачевским ставленником войсковым атаманом Никитою Каргиным и его товарищами (бывш. Госуд. Арх., разр. VI, д. 418, л.л. 16—17). На основании этих данных можно лишь предполагать, что Черноморские, занимая видное положение в рядах войсковой оппозиции, оказались почему-то в затруднительный для Пугачева момент в числе опальных фамилий в глазах восставших.

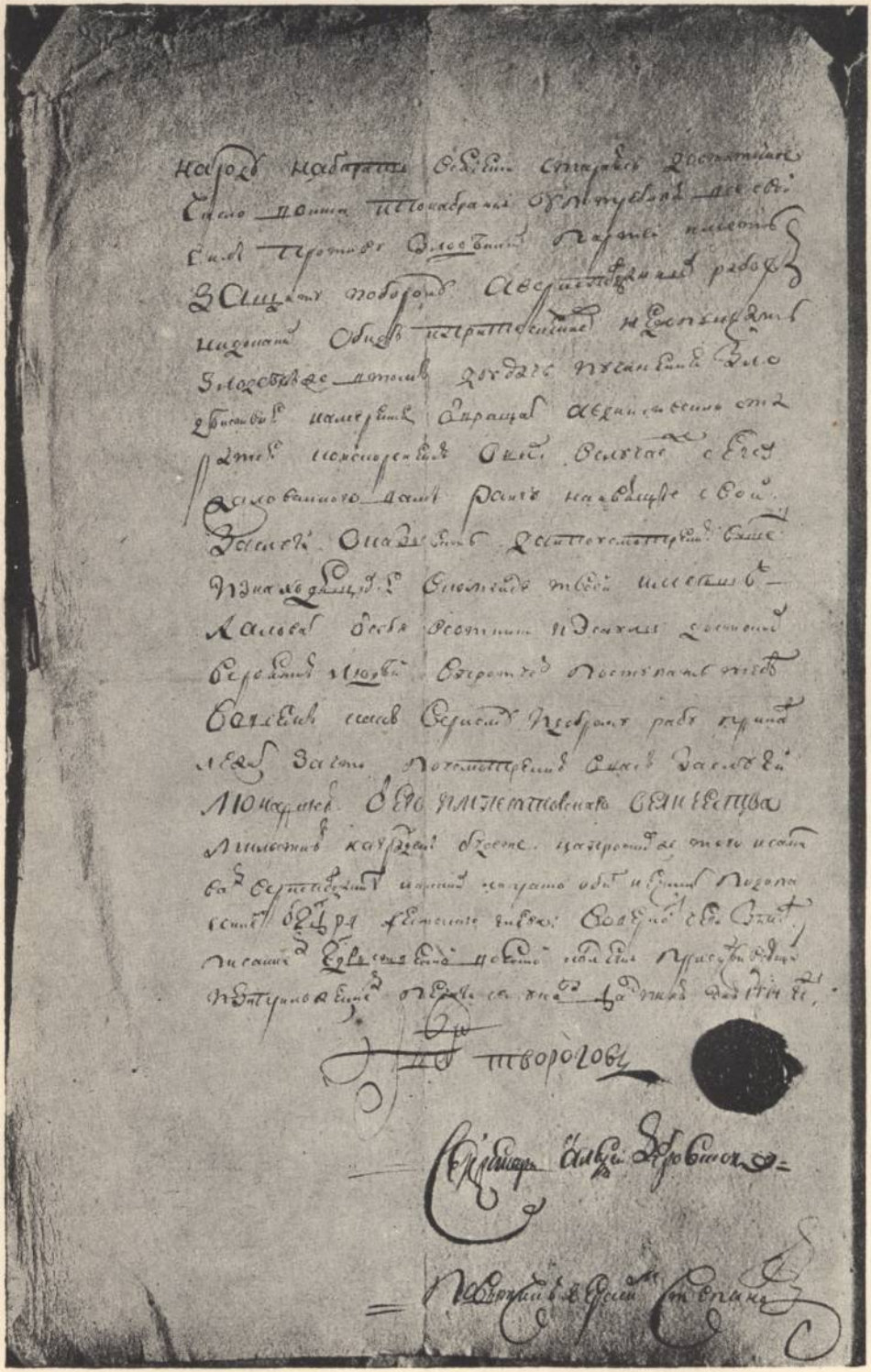
Невольно зарождается мысль: именной подлинный указ о смертной казни определенного лица не стал ли в чьих-то руках, с помощью подчистки и подделки, совершенно неопределенным и бесконечно широким мандатом для борьбы с оппозицией движению среди примкнувших к нему?

Имеющаяся под манифестом иноязычная подпись — не единственная: до нас дошло несколько подлинных документов с такою подписью, вопреки обратному замечанию Дубровина («Пугачев и его сообщники», т. II, стр. 189).

На конверте, в котором долгое время лежал запечатанным манифест 3 марта, стоит надпись рукою генерал-прокурора кн. А. А. Вяземского: «Сей пакетъ хранить в тайной экспедиціи и никому безъ особаго ее величества указа не разпечатать. Князь Александръ Вяземской. Апреля 7 дня 1774 года».



Указ военной коллегии Пугачева Канзафару Усаеву.



IV

Указ государственной военной коллегии Пугачева Канзафару Усаеву [1].

Указ его императорскаго величества самодержца всероссiйскаго, из государьственной военной коллегiи верноподданному рабу и сыну отечества Уфимского уезду Нагаиской дороги деревни Бузавьязовой мещерятскому главному полковнику Канзафару Усаеву. По прежде усмотренной в васъ к службе его величеству усердной ревности и прилѣжности повелевается в ниже писанном обстоятелстве вопервых получа тебѣ сеи указъ и приложенной при семъ для обьявления во всенародное известие iмяннои манифестъ несклонившемуся народу во всех жителствах, в которых ты склонение иметь будешъ с таковымъ имъ притом обяснениемъ дабы они под скипетръ его императорскаго величества склонялись добропорядочно, которые по получении всероссiйскаго престола от всяких прежде находившихся (:от бояръ и зависцов несытого богатства:) податей и великих тягостей свобождены будут и дана быть имеютъ всякому свободная волность из приклонившагося же народу набирать всячески стараясь достаточное число воиска и по набранiи употребляя все свои силы противу злодѣйских партей иметь защиту и оборону а верноподданных рабовъ ни до каких обидъ и притеснениев не допущать злодеѣвъ же въ томъ до удачь и учинения злодѣйствия намерения отвращать а единственно старатся ко искоренению оных в случае же сего жалованного вамъ рангу наивящые свои заслуги оказывать да и по усмотрению вашему из находящихся в команде твоей имеѣшъ жаловать от себя в сотники и эсаулы достойных вероятию людей в протчем поступать тебѣ во всемъ какъ верному и доброму рабу принадлежит за что по усмотрению в васъ заслуги монаршею от его императорскаго величества милостию награждены будете напротив же того и самим вам верноподданным никаких напрасно обид не чинить под опасением от государя жестокаго гнева: во верность чего за подписанием государьственной военной коллегiи присудствующих и за приложением печати сей указ дан июня... дня 1774 году.

Иван Творогов.
Секретарь Алексей Дубровской.
Повытчикъ Герасим Степанов [2].

[1]) Госуд. Арх., разр. VI, д. 420, л. 24.
[2]) Печать красного сургуча.

ПРИМЕЧАНИЯ.

Деревня Бузовьязовая, упоминаемая в этом указе военной коллегии Пугачева, лежала в одном из наиболее инородческих районов у Ногайской дороги из Оренбурга в Уфу, почти на полпути от последней к Стерлитамаку, ближе к Уфе.

Мещеряк Канзафар Усаев — тот самый, который, совместно с Салаватом Юлаевым, руководил инородческим повстанческим движением в районе Красноуфимска и Кунгура в январе 1774 г., брал Красноуфимск, бесплодно держал в осаде Кунгур и стяжал себе, повидимому, дурную славу среди местного русского населения. Вероятно, именно жалобы населения на «бесчинства» башкир послужили основанием для Зарубина-Чики («графа Ив. Никифор. Чернышева»), пугачевского эмиссара и главнокомандующего под Уфой, к отправке под Кунгур «главного российского и азиатского войска предводителя» из русских Ив. Ст. Кузнецова. Этот «предводитель» начал с воззвания, в котором выступил в роли строгого и последовательного охранителя религии и порядка.

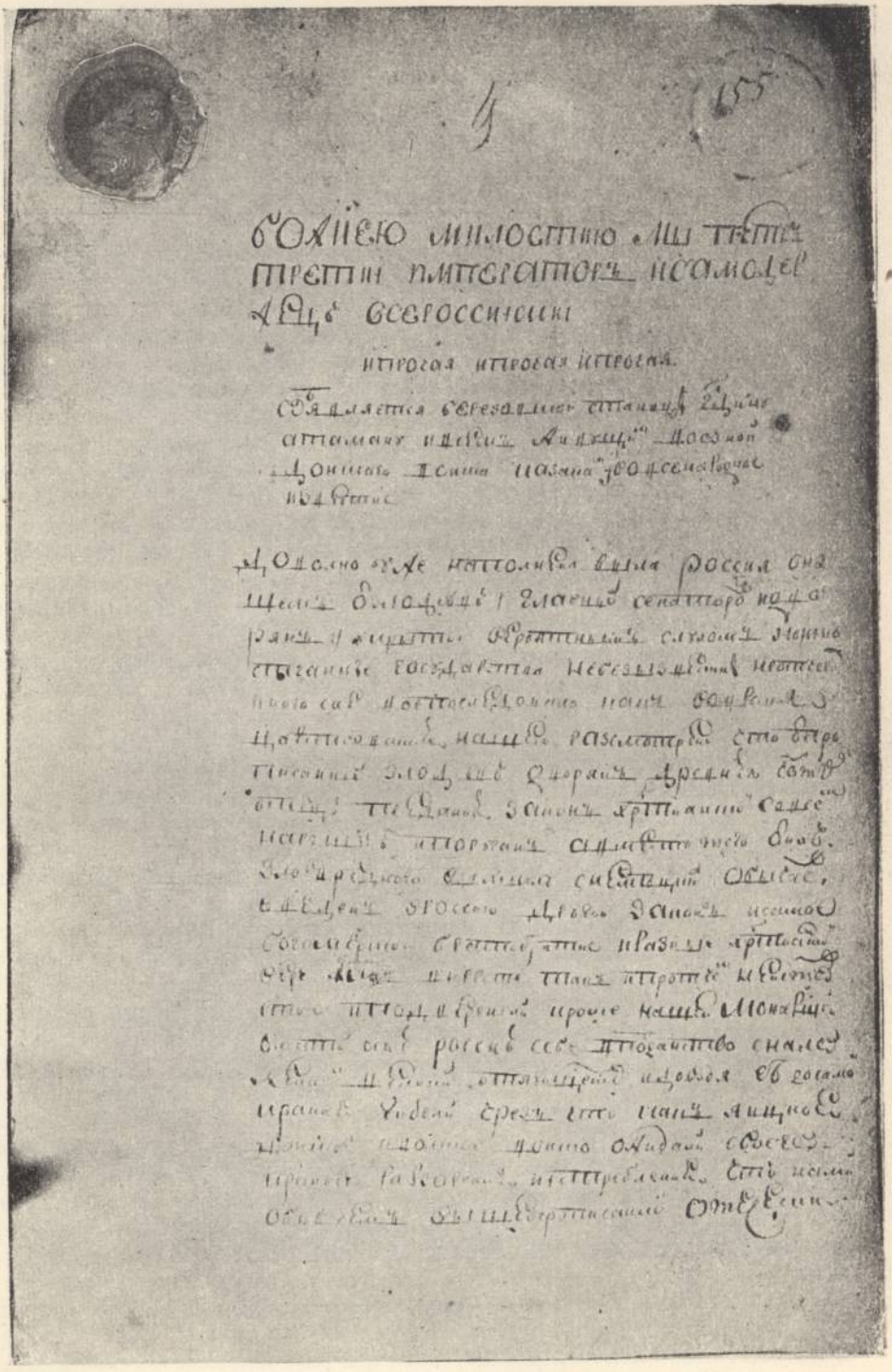
В связи с приведенными фактами становится понятным, почему пугачевская коллегия, оговорив в своем «указе» в самом его начале «прежде усмотренную» в Канзафаре Усаеве ревность к службе е. и. в., в конце сочла необходимым осторожно намекнуть на обязанности не «чинить верноподданным обид» при выполнении вновь возложенной на него миссии.

Следует иметь в виду, что г. в. коллегия Пугачева вообще очень много уделяла внимания «обороне» населения от подведомственных ей воинских сил, руководясь часто очень простым соображением — необходимостью поддержания в населении на желательном уровне способности к оказанию восставшим военной помощи. Недаром рядовой обыватель, в условиях почти поголовного бегства перетрусившей екатерининской администрации, привыкал смотреть на Пугачева, как на действительного, законного и властного поборника дисциплины, порядка и гражданских прав в бурной обстановке восстания. Это делалось тем легче, что регулярные правительственные войска вовсе не отличались бережливым отношением к населению, а по внешнему виду пугачевская армия вряд ли существенно разнилась от «верных» войск, раз главный и самый серьезный противник Пугачева полковник И. И. Михельсон нашел возможным в рапорте главнокомандующему кн. Ф. Ф. Щербатову сообщить однажды (в мае 1774 г.), что он принял «мятежническую толпу» за отряд генер. де-Колонга.

«Указ» в. коллегии на имя Канзафара Усаева относится к одному из последних моментов переходного периода с конца апреля по первую половину июня 1774 г., когда Пугачеву и его поредевшим ближайшим соратникам, после весеннего разгрома движения в марте—апреле 1774 г., приходилось напрягать всю энергию, чтобы заново сорганизовать свою живую силу. То вступая в открытую борьбу с противником, то неоднократно скрываясь в неизвестность, в результате неудачного исхода нескольких столкновений с генер. де-Колонгом и полк. Михельсоном, вожди восстания, между тем, лихорадочно накапливали силы, рассылали во множестве указы с призывами о помощи, подбирали командный состав и неизменно всякий раз ускользали от опасности благодаря быстроте, внезапности и гибкости своих передвижений. В эти переходные месяцы Пугачев должен был опираться, главным образом, на инородцев и башкир, по преимуществу, что не могло не создавать осложнений в отношениях между ним и местным русским населением, заводскими обывателями — в особенности. Все это необходимо учитывать для полного понимания указа на имя Канзафара Усаева. Нужно еще иметь в виду, что «достойными вероятия людьми» в глазах вождей движения были лица из зажиточных слоев населения.

Обращает на себя внимание хорошо сохранившаяся печать красного сургуча.

Повидимому, июньский «указ» военн. коллегии Пугачева Канзафару Усаеву доселе нигде не был ни напечатан, ни упомянут.



Указ Е. И. Пугачева Березовской станице Войска Донского.

Соболезнова сожалели и бамерены.
Были бы злодейского тиранства свобо-
дить и учинить вовсе россия должны.
Зачто и недалеко лишены мы всероссия-
скаго престола и менены злоумышле-
нными публикованными указами Смерти-
ны не по промыслу всевышней десницы
волею его святою дешево соде забвения
имя наше процветает. и по предобяза-
нной присяге признавъ и вверясь отчей
нашей имяни приняли и склонились
попашь с инпетерь и корону Ливуще
Оренбургской казанской Коренбургской губерней
с приписными городами и уездами народъ
такой башкирской калмыцкой орды и после
ленной порене долго сыскать удалось на
Зачье дошло показывать ревность и усердие
и службе нашей охотно бездеяно оных
принудение, того ради Заблаго разсудить
соизволили чрезъ ее нашъ Фемило
тивовищи Указъ дать знать она
шемъ шествия тобе доносной армией какъ
означенной березовской станице станъ
Здесь приводному донскому казачьему дошло
что если оное дозволяется наше
отечество попечение и пожелаетъ
вступить за приводного своего царя

Которой для общаго покоя
тишины пресечь дальнейшее
пиемаше быстрее тобы желающие она
зать решить и жердие для истребления
вредителей общественных дворян явились
в глаза нашей армии еще и сами
мы присутствуем за что безмерно
нашей нашей милости и на первой
случай не дадим жаловать поместья
рублей награждения оставляем не будут
адлы сведения всему донскому дому
повелеваем сей указ станицы бы
ницы пересылать в низ потребных
рек дому а списывать с оного копи-
сы надлежащие исполнения оставлять
в каждой станице. В освидетельство того
мы состоялись рукою подписали и гербы
тщеннее нашею коронью укрепить
соизволили писан в августе дня 1774 го

Петръ

V.

Указ Е. И. Пугачева Березовской станице войска Донского [1]).

Божиею милостию мы Петръ третіі императоръ и самодержецъ всероссіскіі и прочая и прочая и прочая.

Обявляется Березовской станицы господину атаману и всемъ живущим во оной Донскаго воиска казакам і во всенародное известие.

Доволно уже наполнена была Россия о нашемъ от злодѣвъ (:главных сенаторов и дворянъ:) укрытіі вероятнымъ слухомъ но и іностранные государства небезызвестны не от чего ж иного сие воспоследовало какъ во время царствования нашего разсмотрено что от прописанных злодѣвъ дворянъ древняго святых отецъ предания законъ христианской совсем нарушенъ и поруганъ а вместо того от ихъ злоевредного вымыслу с немѣцких обычаев введенъ в Россию другой законъ и самое богомерское братобритие и разные христианской вере какъ в кресте такъ и протчем неистовства и подвергнули кроме нашей монаршей власти всию Россию себе в подданство с наложением великих отягощеніев и доводя еѣ до самой крайней гибели чрезъ что какъ Яицкое Донское и Волское воиско ожидали своего краинего раззорения и істребления что нами обо всемъ вышепрописанном отечески соболезновав сожалели и намерены были от их злодеиского тиранства свободить и учинить во всеі Россиі волность за что нечаянно лишены мы всероссіскаго престола и вменены злоумышленными публикованными указами в мертвые ныне ж по промыслу всевышней Десницы волею Его святою вместо совсем забвения імя наше процветаетъ и по прежде обязанной присяге признавъ и уверясь о точном нашемъ имяни приняли и склонились под нашъ скипетръ и корону живущеи Оренбурской Казанской и Оренбурской [2]) губерней с приписными городами и уездами народъ також башкирская калмытская орды и поселенные по реке Волге Саксоны [3]) и Волское казачье воиско и оказывают ревность, и усердие в службе нашей охотно без всякого от насъ принуждения, того ради заблаго раз-

---

[1]) Госуд. Арх., разр. VI, д. 512, ч. II, л.л. 155—156.

[2]) Вероятно, следует читать: «Нижегородской».

[3]) Имеются в виду немцы-колонисты.

судить соизволили чрезъ сей нашъ всемилостивѣйшіі указъ дать знать о нашемъ шествіі с победоносной армией какъ означенной Березовской станице такъ і всему природному Донскому казачьему войску что естли оное возчюствуетъ наше отеческое попечение и пожелаетъ вступить за природного своего Государя которой для общаго спокойствия и тишины претерпел великия странствіі и немалые бедствіі, то бъ желающые оказать ревность и усердие для истребления вредителных обществу дворянъ явились бы в главную нашу армию где и сами мы присудствуемъ за что бѣз монаршей нашей милости и на первой случай не въ зачетъ жалованья по десяти рублевъ награждения оставлены не будутъ а для сведения всему Донскому воиску повелеваемъ сей указъ станица от станицы пересылать внизъ по течению реки Дону а списывая со оного копіі для надлѣжащаго исполнения оставлять въ каждой станицѣ во свидетелство того мы собственною рукою подписали и государьственною нашею короную укрепить соизволили. Писанъ августа дня 1774 году.

Петръ [1]).

ПРИМЕЧАНИЯ.

Указ к Березовской станице является одним из нескольких, направленных Пугачевым в августе 1774 г. в станицы Волжского (его административный центр — посад Дубовка на Волге) и Донского войск. Он дан с полпути между Камышином (иначе Дмитриевск) и Царицыном в середине месяца, при чем по требованию Пугачева в последний момент перед отсылкой был переадресован на Иловлинскую станицу, куда действительно его и доставили.

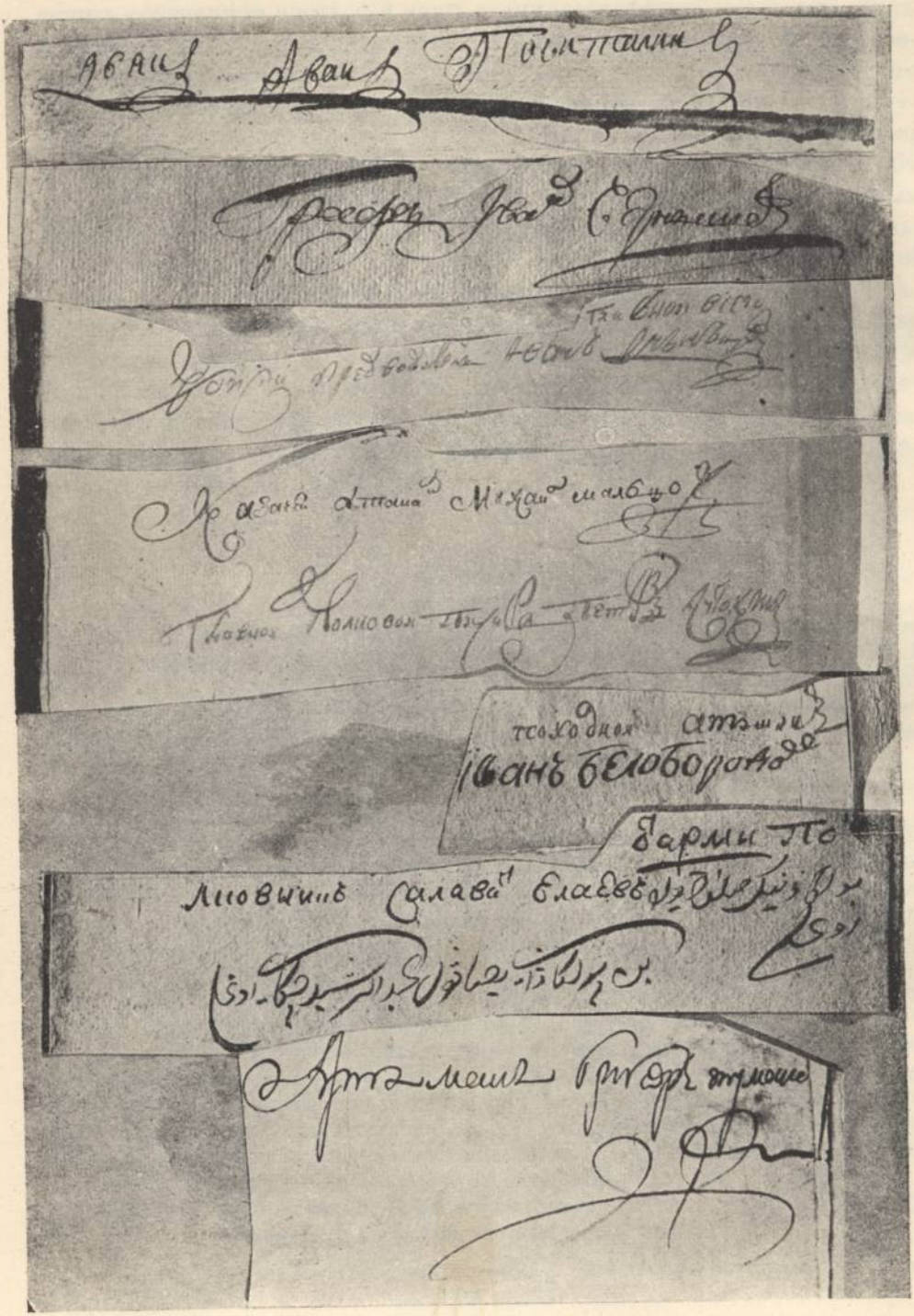
Автором манифеста был последний секретарь Пугачева А. И. Дубровский (Трофимов); он же его и подписал за Пугачева.

Прекрасно, каллиграфически написанный, в стиле, не лишенном изысканности, витиеватый по форме и отчетливый по мысли, весь проникнутый пафосом достигнутых успехов этот «манифест» хронологически соответствует моменту наивысшего торжества Пугачевщины. Исполненный сознания собственного достоинства тон манифеста и его внешний вид не должны однако обманывать нас своим наружным спокойствием. Момент был крайне опасный для Пугачева, может быть, самый критический на всем протяжении восстания. В условиях неурожая 1774 г., при наличии ясно обозначившейся внутренней слабости движения и противоречивости интересов примкнувших к нему социальных групп, Пугачев с тревогой смотрел в сторону родного Дона, неоднократно обращался к нему с призывами, все ждал оттуда поддержки. Целый ряд недоразумений (и среди них — начавшиеся тогда набеги на донские станицы волжских калмыков) встал между Пугачевым и несомненно сочувствовавшими ему донцами и не дал этому сочувствию развернуться в серьезную и активную поддержку.

Манифест, адресованный Березовской станице и всему войску Донскому, был в сущности написан в закатный час восстания.

---

[1]) Перед текстом манифеста печать красного сургуча хорошей сохранности с надписью «Петр III Б(ожией) М(илостию) імператора коруна».



Автографы деятелей восстания 1773 г.

VI. Автографы деятелей восстания.

Подписи некоторых вождей Пугачевщины свидетельствуют о хорошей писарской выучке их носителей, по крайней мере некоторых из них; тогда как другие вожди движения, а их было большинство, — начиная с самого Емел. Пугачева, были людьми неграмотными.

Помимо подписей Ив. Творогова, Макс. Горшкова, Ал. Дубровского, Ивана Герасимова и Герасима Степанова, которые уже встречались нам выше, помимо анонимных порой подписей под манифестами, здесь воспроизведены следующие автографы: Ив. Як. Почиталина, Зарубина-Чики, Ив. Степ. Кузнецова, П. Лутохина и Мих. Мальцова, Ив. Наум. Белобородова, Салавата Юлаева и Григория Туманова. Приводим здесь кое-какие сведения об этих деятелях восстания.

Иван Творогов — бессменный член государственной военной коллегии Пугачева, единственный ее «судья», уцелевший от прежнего состава коллегии при весеннем разгроме 1774 г. Богатый илецкий казак, очень рано примкнувший к Пугачеву; в сентябре 1774 г. оказался в группе, выдавшей вождя восстания правительству.

Максим Горшков — илецкий казак, член и секретарь военной коллегии Пугачева, фактический руководитель центральной канцелярии восставших при недостаточной грамотности думного дьяка Ив. Почиталина. Был взят в плен правительственными войсками в одном из сражений (под Сакмарским городком) в самом начале апреля 1774 г.

Алексей Иван. Дубровский — в действительности беглый мценский купец Ив. Степ. Трофимов. Ведал с мая месяца 1774 г. канцелярией Пугачева и военной коллегии и был одним из самых близких к Пугачеву и активных руководителей восставших вплоть до окончательного поражения Пугачева Михельсоном. Его авторству принадлежит значительное число «пугачевских» манифестов, из коих некоторые им и подписаны за неграмотностью Пугачева.

Повытчик Герасим Степанов — был из числа заводских крестьян. Его звание повытчика (древне-русское слово «выть» — часть, доля, участок) как будто дает возможность предполагать, что пугачевская канцелярия распадалась на «повытья», т.-е. «отделения», или «столы».

Иван Яковл. Почиталин — первый секретарь Пугачева, автор нескольких «манифестов» в первые месяцы восстания член военной коллегии в звании думного дьяка, из зажиточных яицких казаков. Попал в плен в том же сражении, где и Макс. Горшков.

Зарубин-Чика («граф Ив. Никифор. Чернышев») — яицкий казак-хуторянин, один из самых первых и основных соучастников и организаторов восстания. В результате многочисленных жалоб на башкирские «бесчинства», поступивших к Пугачеву от русского, в частности заводского, населения, Зарубин-Чика был отправлен вглубь Башкирии под Уфу с чрезвычайными полномочиями по управлению всем этим краем и главнокомандующим всех действовавших здесь сил. В самых первых числах декабря 1773 г. он прибыл в село Чесноковку под Уфой и, оставаясь в этой резиденции вплоть до вынужденного снятия осады с Уфы в конце марта 1774 г., должен был развернуть широко деятельность по организации и управлению краем. В последних числах марта выступал под именем «гр. Ив. Никифор. Чернышева», может быть, потому, что в руки восставших досталась фамильная дворянская печать с соответствующей надписью. В последних числах марта 1774 г. Зарубин был выдан отряду полковн. Михельсона.

Ив. Кузнецов — табынский казак по своему официальному положению и «главный российск. и азиат. войска предводитель» по терминологии и в глазах

восставших, был одним из главных орудий Зарубина-Чики в его военно-административной политике в Башкирии. Район его деятельности в дек. 73 г.—янв. 74 г.: заводы Саткинский и Златоустовский в Уральск. горах, Красноуфимск — Кунгур. Одно из его воззваний к жителям Кунгура, сохранившееся до нас,— чрезвычайно любопытный образчик того ряда документов восставших, в которых вожди Пугачевщины выступают охранителями порядка, гражданской тишины и даже православной религии, вопреки обнаруженной руководителями башкирского движения мусульманской исключительности.

Мих. Мальцов и Петр Лутохин — ближайшие сподвижники Ив. Кузнецова и продолжатели его деятельности в районе Кунгура и Красноуфимска. В этом последнем они и служили до перехода на сторону Пугачева: один — канцеляристом, другой — писарем.

Ив. Наум. Белобородов — отставной солдат-канонир, из приписных заводских крестьян. После отставки жил в селе Богородском (в районе Красноуфимска — Кунгура) и промышлял торговлей, будучи по всем данным одним из «лучших», наиболее зажиточных людей у себя на селе. Во время движения башкир во главе с Канзафаром Усаевым к Красноуфимску и Кунгуру примкнул «самоохотно» и стал одним из виднейших деятелей Пугачевщины сначала в родных краях, затем под Екатеринбургом и, наконец, в рядах ближайших и непосредственных соратников самого Пугачева. Вскоре после неудачи Пугачева под Казанью Белобородов отдался добровольно правительственным войскам. в расчете (который не оправдался) уцелеть под другой фамилией.

Салават Юлаев—не самый ли яркий и не самый ли характерный представитель башкирского движения в годину Пугачевщины почти на всем его протяжении. Во всяком случае он оказался одним из самых последовательных и упорных ее носителей, которого не сломила даже выдача казаками Пугачева правительству. В Пугачевщину Салават вложил и энтузиазм своей поэтической натуры и всю страстность своеобразно-башкирского понимания задач и методов движения. Недаром он был сыном очень богатого владетельного башкира, лично испытавшего многое от бесцеремонной политики русских заводчиков. Лишь в ноябре 1774 г. Салават Юлаев был выдан правительству своими же соотечественниками, после долгих и безуспешных попыток его поимки другими способами.

Григорий Туманов в марте и апреле 1774 г.—атаман повстанцев под Челябинском, в мае месяце — повытчик в канцелярии военной коллегии Пугачева. В бытность его в этой должности на нем лежала, между прочим, обязанность переводить на татарский язык бумаги, адресуемые тогда инородцам в особенно большом количестве.

Литература 60-х годов по отчетам III Отделения.

1860 год [1]).

О русских периодических изданиях.

В политическом отделе русских газет и журналов нельзя было не заметить сочувствия к совершающимся в Западной Европе переворотам, одобрения конституционных начал, похвалы Гарибальди и другим лицам, действующим ныне на сцене политического мира. Цензура, может быть, и старалась не допускать применений к России, но тем не менее проявлялись статьи такого содержания, что многие читатели находили в них намеки и на наше государство. Имея это в виду, III отделение следило за нашими периодическими изданиями и особенно наблюдало, чтобы в них не развились мысли об отдельности племен, входящих в состав Российской империи.

Из статей сомнительного политического содержания преимущественно замечена была статья, помещенная в С.-Петербургских ведомостях (№ 142) под заглавием «Либеральные учреждения и конституция»; она была дозволена к напечатанию цензурою министерства иностранных дел, которому сообщено, чтобы статьи подобного рода, заключающие в себе «не политическое» о политике, были подвергаемы общей цензуре.

В то же время редактору С.-Петербургских ведомостей, Краевскому, сделано строгое внушение, что если он будет печатать

---

[1]) Печатаемые выборки из отчетов с. е. и. в. канцелярии за 1860—1869 г.г. не представляют новизны в смысле сообщения ими фактов и интересны со стороны оценки этих фактов высшим органом политического сыска, как страницы, на которых сжато формулировано мнение III отделения о текущих событиях литературного порядка и о направлении литературы в указанные годы. Не каждый год имеет в своем отчете главу, посвященную оценке литературных явлений, и не всякое литературное, хотя бы и крупное, событие занимало внимание III отделения, у которого был свой «вкус», свое «понимание» как литературных, так и общественных явлений в целом. Не следует преувеличивать значения этих отзывов. Тут много неожиданностей в оценках. Только «своеобразием» точки зрения на вещи можно объяснить то, что в отзыве за 1869 г. Катков и Леонтьев — столпы официальной правительственной политики — в глазах «историографа» III отделения вырастают в фигуры оппозиции, и оппозиции ко-

подобные статьи, то лишен будет права издавать газету; равным образом и председетелю С.-Петербургского цензурного комитета поставлено на вид, что существенная обязанность его состоит в непрерывном наблюдении за цензорами и за направлением периодических изданий.

Кроме того, литература наша до такой степени приняла характер обличительный, что нет журнала и газеты, в которых не помещалось бы статей о служебных злоупотреблениях и общественных недостатках. Этим направлением увлекаются даже правительственные и полуофициальные издания, так что обличительная литература получила у нас вид как бы законности.

В статьях этого рода допускаются неуместные суждения о предметах, подлежащих ведению только правительства, или намеки на частных лиц, хотя под вымышленными именами, но столь ясные, что в обществе тотчас распространяются догадки, против кого обличение устремлено.

Намеки на личности замечались наиболее в газете «Искра», издаваемой Степановым и Курочкиным.

Между прочим, в 1-м № за 1860 год этой газеты, под рубрикою «Иногородняя корреспонденция», описан был обед, данный в провинции начальнику губернии, и жители Харькова узнали, что в этой статье изображены многие из них, особенно бывший тамошний губернатор, генерал-лейтенант Лужин.

По произведенному розысканию оказалось, что означенную статью составил секретарь харьковского дворянского собрания Краевский, а передал ее в «Искру» секретарь тамошнего же губернского предводителя Велихов, находившийся в С.-Петербурге при своем начальнике, губернском предводителе Бахметеве, и что поводом к составлению этой статьи некоторым образом послужили личные неудовольствия, существовавшие между Лужиным и Бахметевым.

За это чиновник Краевский, подвергавшийся расстройству ума, но впоследствии получивший облегчение от болезни, и Велихов уво-

---

варной и трудно уловимой... Катков и Леонтьев, видите ли, надели маску — патриотизма и любви к государю и, «пользуясь сочувствием некоторых правительственных лиц, безнаказанно (могут) возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи». И далее тот же автор заявляет, что «чиновническая агитация в северо-западном крае поддерживается вследствие пропаганды «Московских Ведомостей»? Здесь явно слышится известная в свое время полемика «Вести» с «Московскими Ведомостями»: «Весть» в вопросе о дворянском землевладении в Западном крае решительно расходилась с «Московскими Ведомостями» и обвиняла их в том же, что и «историограф» III отделения. Конечно, перед таким заявлением «историографа» смолкает всякое намерение оспаривать этот вывод. — «Историографом» III отделения в те годы некоторые (С. А. Венгеров, М. К. Лемке) считают И. А. Арсеньева.

Заголовки для печатаемых отрывков удержаны те, что имеются в отчетах.

Н. Б.

лены от службы, а губернскому предводителю Бахметеву неблагонамеренный поступок служивших под его начальством чиновников поставлен на вид.

Потом, в нескольких №№ «Искры» помещались изображения и статьи, направленные против начальника Астраханской губернии Струве и жены его. Хотя фамилии Струве не упоминалось, но как, с одной стороны, для жителей Астрахани было понятно, до кого это относится, а с другой, получено было частное сведение, что в «Искру» послана из Астрахани новая оскорбительная для тамошнего губернатора статья, то редактору Степанову лично приказано, чтобы в «Искре» статьи насчет действительного статского советника Струве более не помещались.

В течение 1860 года нескольким редакторам и сочинителям статей были сделаны выговоры. Кроме этих начальственных взысканий, один редактор, Степанов, подвергся и личному оскорблению от обиженного им лица. В 40 № «Искры» помещено было изображение в карикатурном виде журналистов, которые, не додав нескольких книжек, прекратили свои издания, в том числе и бывшего издателя «Светописи» художника Оже. Последний встретив Степанова на Невском проспекте, не мог остаться хладнокровным и, в припадке вспыльчивости, ударил его палкой. Степанов приносил на Оже жалобу. Они в III отделении примирены (л. л. 26—33).

1861 год.

О вредных сочинениях на русском языке, печатаемых за границею, и о мерах, принимаемых к недопущению распространения их в России.

В III отделение передан был из комиссии прошений, в отсутствие статс-секретаря князя Голицына, полученный на его имя из Парижа пакет, со вложением 6-го № газеты «Будущность», в которой помещена статья, ложно обвиняющая упомянутую комиссию в неправильных действиях.

После того находящийся в Тульской губернии штаб-офицер корпуса жандармов препроводил в III отделение представленные ему мещанином Литкенсом пакеты с письмом от Петра Долгорукова на его, Литкенса, имя. В этих письмах Долгоруков просил Литкенса передать по три №№ «Будущности» Наталье Посниковой, Ивану Посникову и Осетрову. По собранным сведениям оказалось, что из этих лиц Посникова—нянька Петра Долгорукова, Посников—сын ее, а Осетров управляет имением сына того же Долгорукова, что изгнанник этот, прислав и обещая на будущее время присылать к вышепоименованным лицам свои издания, вероятно, имеет целию распространять чрез них эти издания в России. Литкенсу вменено в обязанность, чтобы он и впредь все получаемое из-за границы от Петра Долгорукова представлял в III отделение.

Донесено было III отделению, что управляющий питейным откупом в Балашове, Саратовской губернии, Огурцов, получает «Колокол». По собранным чрез тамошнего жандармского штаб-офицера сведениям оказалось, что Огурцову передают эту газету наследники умершего откупщика Алфераки и их комиссионер, грек Фумели, живущие по зимам в Балашове, а летом в Таганроге и Ростове, что эти лица имеют случай получать «Колокол» при посредстве иностранцев, а Фумели и сам иногда ездит по делам своим за границу. За всеми этими лицами учреждено наблюдение.

Живущий в Чудове, дворянин Батанов, при проезде на пароходе в Новгород, читал некоторым из пассажиров «воззвание к молодому поколению». Вследствие полученного об этом доноса, по распоряжению начальника Новгородской губернии, произведен был у Батанова обыск, при котором найдены у него два листка «Колокола» и один листок «Под суд»; но упомянутого воззвания не оказалось. Наедине местному жандармскому штаб-офицеру Батанов сознался, что у него было и воззвание, купленное им, вместе с двумя №№ «Колокола» у букиниста в С.-Петербурге, но он впоследствии изорвал это воззвание. За этим дворянином имеется также наблюдение.

Отставной подпоручик Имшенецкий, возвращаясь из-за границы, вез с собою 68 листов «Колокола», несколько книг «Полярной Звезды» и другие запрещенные у нас издания. Все эти листы и книги задержаны у него Радзивиловскою таможнею и доставлены в III отделение; киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору сообщено о предании Имшенецкого суду.

Таурогенская таможня доставила в III отделение несколько экземпляров «Колокола» и «Будущности», оказавшихся между контрабандными товарами, найденными пограничною стражею в лесу близ одной деревни. Как розысканиями не открыто, кем товары были сложены, то и неизвестно, кому принадлежат и куда предположено было отправить упомянутые журналы.

Помещица Тверской губернии Европеус, при возвращении из-за границы, в Вержболовской таможне возбудила против себя подозрение, и по настоянию таможенного чиновника Турбина произведен был у нее обыск. При этом, под платьем ее найдены были сочинения Герцена и Петра Долгорукова, всего 13 книг и 21 лист «Колокола». Кроме того, из привезенного ею письма Петра Долгорукова усмотрено, что этот изгнанник желает войти в переписку с ее мужем, а также с тверскими помещиками Унковским и Головачевым. Г-жа Европеус была арестована и доставлена в С.-Петербург; хотя из допросов ее в III отделении не оказалось, чтобы она в тайном привозе запрещенных книг имела лично преступную цель, но как самый способ привоза этих книг был незаконный, то она подвергнута полицейскому надзору, с обязательством безвыездно жить в имении ее мужа. С тем вместе учреждено наблюдение за самим Европеусом, Унковским и Головачевым, а равно за их перепискою, с воспрещением всем им отъезда

за границу без особого разрешения. Чиновнику же Турбину за его расторопность выдано в награду 500 руб.

При отправлении г-жи Европеус из Вержболова по железной дороге в С.-Петербург собрались до 50 поляков, которые, выражая сочувствие к означенной помещице, приветствовали ее поклонами и бросали к ней в окно вагона цветы. После того служащие при железной дороге и таможне преследовали Турбина за его открытие насмешками. Особенно замеченные в этом: прикомандированный из Варшавской таможни в Вержболовскую чиновник Ольшанский—выслан к месту его служения в Варшаву, а писца Раковского предназначено или уволить от службы, или перевести в другую менее значительную таможню.

Кроме того, обнаружено, что и у нас, в Москве, посредством литографии размножались копии с напечатанных за границею вредных сочинений на русском языке (л. 108—114).

1862 год.

О политическом направлении литературы.

Главною задачею русской литературы последнего времени было выяснить политическое значение народа по отношению его к верховной власти. С этою целью наши публицисты обратились прежде всего к исторической критике: в до-Петровской эпохе, как на политическую самобытность народа—самоуправление,—они указывали на мирские суды, сходки, соборы, уложения, на Новгородское вече, и особенно опирались на избрание государем Михаила Федоровича с «записью», которую они считают равною ограничению власти. Последующие затем события—усиление монархического принципа, в ущерб демократическому началу и образование привилегированных сословий—писатели наши признают явлениями враждебными в жизни русского народа. По их мнению, должно разрушать все, что введено у нас императором Петром I,—централизацию, бюрократию, притязания казенного права, иерархию, основы чинов и сословий, постановления для собственности и личности; должно уничтожать все реформы, не имевшие ничего общего с русскою жизнью, потребности которой вследствие немецкого бюрократизма были не известны; народ подвергся невежеству и бедности; явились корыстолюбие и несправедливость судов. Самую власть императорскую называли, хотя не открыто, деспотизмом, произволом, гнетом.

Для ослабления же в современниках уважения к этой власти темою своих исторических сочинений избирали большею частию одни только несветлые стороны жизни некоторых наших императоров и императриц или старались представить в невыгодном свете узаконения тогдашнего времени. В тех же видах порицались и органы верховной власти — привилегированные сословия. Дворянство,

по мнению писателей-демократов, составляло опричнину Петра I, предавалось вместе с ним разного рода оргиям и, получив в свое заведывание некоторые отрасли управления, сделалось изменником народу; самое увеличение прав дворян было следствием благодарности Екатерины II этому сословию за услуги, оказанные ей при возведении ее на престол. Не менее сильны были нападки на класс служащих и на духовенство. Одним словом, публицисты, защищая народ, давали ясно понять, что под именем народа разумеют один непривилегированный класс, который они называют «меньшею братиею», и только этому сословию стараются придать политическое значение. Бывший профессор С.-Петербургского университета, Павлов, в напечатанной им статье «Тысячелетие России», между прочим, выразил: «обстоятельства избавления России от иноплеменников и избрание Михаила Феодоровича имеют глубокое значение. Кто освободил Россию? Русский народ в лице нижегородского мясника. Кто избрал на московский престол царя?—Также русский народ, в лице выборных земского собора. Кто, наконец, спас жизнь избранного сею землею царя?—Опять тот же русский народ, в лице мужика. Итак, дом Романовых своим восшествием на престол, жизнью своего родоначальника, одним словом, всем обязан русскому народу».

Переходя затем к современному положению простого народа, писатели, под видом содействия материальному и политическому его благосостоянию, высказывали мысли, несогласные с сущностью высочайше утвержденных 19 февраля 1861 года положений о крестьянах и с проистекающими из них правительственными распоряжениями. Было несколько статей, в которых говорилось, что помещичьи земли некогда принадлежали и должны бы принадлежать крестьянам и даже дворовым людям; критиковались или, лучше сказать, перетолковывались некоторые постановления губернских по крестьянским делам присутствий, и вообще порицались многие действия административных и судебных мест по отношениям их к быту крестьян. С другой стороны, было помещено несколько рассказов из быта простого народа. Изображаемые в них отношения высших сословий к низшим, по своему оскорбительному для первых содержанию, могли возмущать и усиливать неостывшую еще вражду крестьян против прежних владельцев. В таких статьях крестьянское сословие представлялось обыкновенно забитым, угнетенным; напротив, в статьях о мятежах, бунтах, о разбойниках, которжниках—восхвалялись молодечество, удаль, отвага и предприимчивость русского человека.

Таким образом, возвышая простой класс людей в ущерб других сословий и проводя идеи о равенстве прав, о равномерности распределения богатств, литераторы наши незаметно проповедывали учение социализма и коммунизма. Сочувствие к первому фактически доказывается и тем, между прочим, что некоторые из наших писателей в бытность в 1862 году на выставке в Лондоне посещали, как

известно, Герцена, который сам о себе печатно объявил, что он неисправимый социалист.

Крайнее мнение наших социалистов, проявляющееся, впрочем, только отрывочно, состоит в необходимости изменить основы общества как устарелые и ввести общность имуществ и женщин, при полном отрицании всякой власти и при безнаказанности деяний. Как на осуществление у нас этой идеи, указывалось на общество раскольников, о которых в последнее время появилось весьма много сочинений.

Вторую степень социального учения составляет мечтание о республиканском правлении, наподобие Американских Штатов, при совершенном равенстве всех членов государства, при самом широком избирательном начале и полной свободе слова; наконец, третье мнение—стремится к осуществлению федеративного устройства России по народностям, при соединении всех славян в одно государство. Это последнее мнение усиливается и разделяется большинством лиц. Органом малороссийской народности служит журнал «Основа».

В связи с направлением социальным проводилось у нас учение о материализме, к счастью, имевшее немногих представителей и появлявшееся преимущественно в журнале «Современник»; имея целью объяснить все существующее законами физической природы, оно отвергает все нравственные начала—разум, бессмертие, религию и, наконец, самое бытие творца. Впрочем, учение это имеет несколько оттенков; так—одни признают даже божественность спасителя, но не признают святости церкви, ее обрядов, постановлений и т. п. Последователи сего учения люди большею частью молодые или недоучившиеся.

Все вышеупомянутые идеи излагались весьма отрывочно, осторожно, а иногда иносказательно. Чтобы понять автора, проповедывающего то или другое учение, необходимо читать все его сочинения в совокупности; иначе—отдельные мысли о таком учении легко ускользают от внимания цензуры.

Но если писатели остерегались явно высказывать свои социальные и атеистические убеждения, то этого вовсе не заметно в статьях их политического содержания, имевших предметом обсуждение современных вопросов и распоряжений правительства. Выражая вообще горячее сочувствие к совершающимся в отечестве преобразованиям, литераторы, даже самые умеренные, не скрывали единодушно убеждения, что правительство, вступив на этот путь, не может уже остановиться на половине предпринятых им реформ; но для счастия страны должно, представляя более простора свободной общественной деятельности, развивать признанные им начала в формах самых обширных. В венце действий правительства они желали видеть ответственность министров, утверждение законов и бюджета выборными от всех сословий; одним словом, желали учреждения у нас представительного правления. При таком убеждении литераторы сильно порицали разного рода установления и вкравшиеся в оные злоупотребления,

а равно личности, не только исторические, но современные, служащие представителями прежнего порядка дел.

Такое направление было столь обще, что сочинения без политической мысли, или нравственные, весьма редко появлялись на страницах наших журналов, заключающих в себе главным образом всю литературу настоящего времени (издание сочинений отдельных почти вывелось из употребления). На авторов означенных сочинений сыпались упреки, обвинения в отсталости, в обскурантизме и даже предательстве. Ревностные глашатаи политической свободы и равенства, — необузданные преследователи стеснений и ограничений всякого рода — поставили в литературе непреоборимые границы для автора, расходящегося в своих воззрениях с их утопическими мечтами; враги произвола в обществах людей—они деспотствовали в области мышления; соболезнуя о государственных преступниках, — налагали тяжелые нравственные оковы на беспристрастного и самостоятельного писателя. Все прежние авторы, служащие украшением русской литературы, подверглись оскорбительным отзывам современных критиков [1]), (л. л. 89—104).

1863 год.

О вредных сочинениях на русском языке, издаваемых за границею.

На одном из английских кораблей, прибывших в Керченский порт, скрытно был привезен ящик, адресованный на имя находящегося там великобританского консула Клипертона, с английскими газетами и листками издания «Колокол». По доставлении их в III отделение, они переданы в распоряжение министерства иностранных дел.

Дворянин Черниговской губернии Гамалея, возвращаясь из-за границы, имел при себе изданные там на русском языке две книги, под названием «Летучие листки» и собрание стихотворений «Декабристов», также отрывок возмутительного листка «Правдивый». Книги эти и листок задержаны, и когда после того Гамалея явился в III отделение, то ему сделано надлежащее внушение, с отобранием подписки, что впредь не будет иметь недозволенных цензурою сочинений.

Кроме того, были привезены из-за границы: в Одессу—поверенным купца Эттингера, Бергом, 16 экземпляров изданий «Колокола» и «Правдивого», и в С.-Петербург, для генерал-майора свиты вашего величества Альбединского, шесть томов сочинений Герцена, и для обер-секретаря правительствующего сената Половцова изданное в Берлине сочинение на русском языке «Временщик».

---

[1]) Далее следует отзыв о романе Тургенева «Отцы и Дети», напечатанный в сборн. Центрархива «И. С. Тургенев. Документы по истории литературы и общественности». Вып. 2. М. 1923 г., стр. 165—166.

Все эти книги и листки на таможнях задержаны и доставлены в III отделение.

В сентябре месяце возникло в Лемберге издание журнала на малороссийском языке: «Мета», с объясненною целью способствовать самостоятельному развитию южно-русского языка и народности, освободиться от «гнета Московского» и таким образом достигнуть автономии; в этом журнале упомянуто также о пожертвованиях, сделанных разными лицами для предпринятого профессором Костомаровым издания учебных книг и евангелия на южно-русском наречии.

По крайне вредному направлению этого журнала, ввоз его в империю воспрещен.

В то же время, по отзыву генерал-адъютанта Анненкова, что в числе лиц, сочувствующих означенным идеям, замечены, как руководители партии, проживающие в Полтаве: учитель Пильчиков, агент литератора Кулиша Трунов и г-н Милорадович, за ними учреждено особое наблюдение (л. л. 133—137).

О политическом направлении литературы.

Никогда еще литература не имела такого политического характера, каким она ознаменовала себя с начала 1863 года. Конечно, такое направление должно приписать событиям, влияние которых отразилось во всем государственном строе России; тем не менее много способствовало тому и само правительство, которое, в сознании важности переживаемой эпохи, признало необходимым доводить до всеобщего сведения, посредством газет, не только совершившиеся факты во всей их наготе, но и все свои распоряжения, явно свидетельствовавшие об усиленной его деятельности. Печати были переданы все обстоятельства польского мятежа, начавшегося, повидимому, неожиданно резнею наших солдат и заявившего потом притязание на отторжение от России ее областей; вмешательство почти целой Европы в дело России; явные происки против нас заграничной революционной партии; с другой стороны, всеподданнейшее заявление всей России о готовности своей жертвовать достоянием и жизнию на пользу отечества; наконец обнародована дипломатическая переписка по польскому вопросу, которая не только выяснила настоящее положение дел, но с замечательною подробностию и искренностию раскрыла исторические факты относительно Польши, которыми руководила либеральная политика императора Александра I. Кроме того, на страницах наших газет в официальном отделе излагалось содержание найденных у мятежников преступных бумаг, возмутительных прокламаций, приказов и других распоряжений подземного польского правительства; помещались выдержки из запрещенных изданий польских и иностранных, самых враждебных нашему правительству и вообще России. Словом, польское восстание сделалось известным читателям наших

газет из официальных источников, со всеми кознями, заговорами и предательством.

При таких данных, писатели наши не могли оставаться равнодушными; и действительно, они выступили на литературно-политическое поле с значительным запасом своих политических взглядов, теорий и убеждений, при пособии литературных агентов-корреспондентов, которых имеют и за границею. Польский вопрос вообще разобран нашими публицистами в видах правительства и с сознанием собственного национального достоинства. Но программа, которую при этом они себе начертали, выходила из пределов, когда-либо прежде заявленных нашею прессою при существовании цензуры.

Было несколько передовых статей, в которых говорилось даже о необходимости даровать Царству Польскому автономию, с признанием его независимым государством, и предлагались меры для приведения в исполнение такого предложения. Равным образом, предлагались меры для восстановления спокойствия и порядка в западных губерниях. Все политические свои доводы наши публицисты подкрепляли большею частию историческими фактами, но нередко прибегали и к таким литературным авторитетам, сочинения которых у нас запрещены. Приводя их мнения, в подкрепление своих собственных, писатели обыкновенно брали только выдержки из тех тенденций,—например, известного социалиста Прудона, Лелевеля и других,—которые не оскорбляя России осуждали польские притязания; иногда они выписывали целиком статью автора, частности которой в высшей степени преступны. Так, в № 24 «Русского Инвалида», в статье чешского писателя Палацкого о Польше, находится следующая фраза: «Я не принимаю на себя призвания писать какую-нибудь похвалу царизму, в котором, я знаю, в последнее столетие произошла какая-то амальгама правительственных начал монгольских с немецкими».

Но если разработкою польского вопроса наши публицисты оказали правительству услугу, то и не упустили воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы под прикрытием заявленного русскими патриотизма не присвоить себе права, с одной стороны, критиковать правительство, а с другой —быть истолкователями совершившихся фактов и представителями общественного мнения в деле, имеющем государственное значение.

Таким образом, описывая состояние западных губерний до возникшего в них мятежа, писатели изображали самыми мрачными красками положение тамошнего сельского населения и православного духовенства, отданных в полную зависимость помещиков-католиков; намекали на вековое равнодушие правительства к интересам русского элемента в тамошнем крае и делали заключение, что открытые действия мятежников, стоящих народу столько пожертвований и крови, могли вывести правительство из апатичного состояния и дали возможность удержать в своих руках край, который без мятежа, при переходной системе действий сам собою, постепенно и незаметно, ополя-

чился бы и навсегда был бы потерян для России. Не менее строгие приговоры произнесены над целым управлением и над отдельными личностями. Маркиз Велепольский и вся высшая администрация в Царстве Польском подверглись беспощадному осуждению и даже заподозрены в предательстве. Говоря об энергической деятельности генерала от-инфантерии Муравьева, сопоставляли ему распоряжения киевского генерал-губернатора с такими оскорбительными замечаниями, что статьи против генерал-адъютанта Анненкова вызвали печатное опровержение их со стороны бывшего начальника Киевской губернии, генерал-лейтенанта Гессе. Но его доводы были слабы. Ими воспользовалась газета «День» и с замечательною ловкостию обратила защитника генерала Анненкова в официального его обвинителя. Не избегли осуждения и дипломатические ноты государственного вице-канцлера; в № 28 той же газеты, указывая на ноту князя Горчакова к нашему посланнику в Австрии, в которой упомянуто о возможности конференции по польскому вопросу между Россией, Австрией и Пруссией, «День» писал: «Мы согласны с мнением тех, которые видят в этом искусный дипломатический маневр, способный оторвать Австрию от союза с Францией и Англией; но едва ли это тройственное соглашение не испугает Франции и общественного мнения Германии призраком «Священного союза», несимпатичной памяти и у славян и в Европе. Мы не можем не пожалеть, что исторический рок продолжает делать наши интересы солидарными с интересами славяноненавистников-немцев, т.-е. Австрии и Пруссии».

Публицисты наши позволили себе «также обсуждать и систему высшего управления в Царстве Польском государственными людьми, давая ясно понять, что под словом высшее управление они разумеют и его императорское высочество наместника царства».

Сравнивая эту систему с принятою в западных губерниях, московские журналы предпочитали последнюю по тому уважению, что если она и не представила еще успехов видимых, то обещала благоприятные последствия в будущем. Столь различные взгляды на один и тот же предмет образовали в нашей литературе два враждебные лагеря, и полемика, продолжаясь в течение года, приняла, наконец, такие размеры, что остановить ее, не дав каждой стороне высказать последнее слово, сделалось почти невозможным по серьезности характера этой полемики и в интересах самого правительства, сфере которого обсуждаемые предметы принадлежали и которому положительные и совершенно обследованные данные могли быть не бесполезны.

По случаю издания книг священного писания и народных учебников на малороссийском наречии, предпринятого профессором Костомаровым, московские журналы видели в этом если не умышленное стремление к сепаратизму Малороссии, то полное заблуждение, навеянное на него тайными происками польской пропаганды, и, упоминая о сборе Костомаровым денег на эти издания, выразились так: «сбор этот гораздо хуже, чем сбор на Руси доброхотных подаяний в пользу

польского мятежа». Костомаров, представив доводы чистоты своих намерений, в то же время требовал удовлетворения за оскорбление его как гражданина.

Борьба литературных партий образовала, наконец, у нас издания в духе самого правительства. Некоторые писатели, предвидя результаты, к которым революционно-литературная партия вела русское общество, решились открыто принять сторону правительства и для поддержания своих изданий просили у него пособия. Получив его, они остались верными этому направлению и защищали высшие государственные принципы с достоинством и твердостью.

Несмотря, однако, на существующее разногласие наших публицистов, они большею частью сходились между собою в мнениях относительно политического значения русского народа, так называемой меньшей братии, и в рассуждении проявляющегося у нас общественного мнения. Доказательств не искали, как в предшествовавшем году, в исторических наших памятниках, но находили в современной жизни народа и в распоряжениях правительства. Всеподданнейшие адресы всех сословий, по мнению наших писателей, доказывали, что в народе живо чувство самоуважения и ответственности пред отечеством, и что самая готовность жертвовать всем заключает в себе скрытое требование народа отомстить внешним врагам за оскорбление его чести. При этом они объяснили, что государственный вице-канцлер в дипломатической переписке также сослался на народные чувства, и чрез это Европа узнала, что в России существует не только правительство, но и народ, о котором прежде никогда не упоминалось. Разбирая адресы, обращали особенное внимание читателей на адрес костромских дворян, которые заявляли желание, чтобы льготы, обещанные Царству Польскому, были распространены равным образом и на Россию, а также на фразу в адресе московских раскольников: «в былинах твоего, Государь, царствования, старина нам наша слышится». В то же время писатели, отдавая полное уважение заслугам князя Горчакова в деле защищения чести России дипломатическим мечом, отзывались об его таланте, даже слоге, которым написаны депеши, и, восхищаясь подробностию изложения политики по польскому делу, в заключении упоминали, что «вот как должно писать в России».

Не лишено также политического характера напечатание в наших газетах частных депеш и адресов, с выражением чувств признательности и уважения к заслугам генералов графа Берга, Муравьева и вице-канцлера князя Горчакова, и ответов сих лиц.

Замечательно и то обстоятельство, что издатель московской газеты «День» печатно приглашал студентов тамошнего университета к составлению адреса от имени студентов с выражением верноподданнических чувств, и имена, объявивших на то согласие, опубликовал в той же газете.

Мысли о политическом значении низших слоев народа особенно подробно развиты при рассуждениях о причинах мятежа в западных

губерниях. Приписывая приостановление явных мятежных действий в том крае сельскому населению, публицисты представляли о необходимости (sic!) даровать этому сословию в благодарность за оказанную услугу политические и гражданские права, в тех видах, что это сословие, свято хранящее религию и язык и привязанное к земледелию, будет служить верным отпором против ненадежного и всегда беспокойного тамошнего дворянства; и что в противном случае ожесточенное прежними поступками помещиков, унижением религии и уничтожением языка, а также настоящими мятежными их действиями, оно само, помимо правительства, может присвоить себе эти права восстанием и всеобщим истреблением дворянства. Одобряя затем принятую правительством меру об обязательном выкупе крестьянами в западных губерниях земли, журналисты предлагали распространить эту меру и на прочие губернии империи, с предоставлением крестьянам иметь большее число голосов в земских учреждениях. В то же время они порицали дворянство не только польское, но и русское, последнее в особенности, за пренебрежение к низшему сословию, к родному языку; проживание за границею, даже в то время, когда и правительство и общественное мнение в Европе возбуждены против России; за пренебрежение, наконец, к серьезному образованию детей, в понятиях которых за границею все русское, не исключая и языка, представляется не иначе как мужикам, указывали, что за это не уважают русских даже заграничные славяне.

Кроме того, повторялись рассказы о бесчеловечии, с каким обращались русские помещики с дворовыми людьми, посягавшими оттого на самоубийство. В одном рассказе помещено, что одна помещица заставляла дворовых людей своих лизать горячую печь...

Защитниками дворянского сословия были сначала московские журналы; они стремились даже к образованию у нас аристократического элемента наподобие английского; но впоследствии отказались от такой программы и, уступая усилившемуся демократическому направлению, обратились к развитию идеи о земском начале.

В напечатанной речи вологодского губернского предводителя дворянства, сказанной им при его избрании, привилегии дворянства и его высокое мнение о себе названы сословными предрассудками и боярскою спесью. Печатая эту речь газета не упустила случая рекомендовать ее, как образец современных гуманных убеждений.

Из ряда всех других статей выступила, по преступности своего содержания, помещенная в Петербургском журнале «Время» под названием «Роковой вопрос». Автор Н. Н. Страхов сказал, что одна из главных причин польского восстания и сочувствия к нему Европы — есть во мнении поляка то, что поляки образованы, а русские — варвары; что те имеют свободные учреждения и существуют как исторический народ, хотя и порабощенный, а в России нет народа; есть только одно правительство, которое не признавало русских достойными тех льгот и преимуществ, какие оно предоставило как полякам, так и

вообще иноземцам; что Европа считает нас не славянами, но азиатами, и только боится одной нашей материальной силы; что полякам, как образованному народу, принадлежит первенство в среде славянских народов; и что такое их значение сознавала сама Россия, заимствуя от Польши европейскую цивилизацию; наконец, сама Москва находилась в руках поляков. Из всего этого автор сделал такой вывод, что требование Польшею прежних ее владений справедливо; она исполняет свое историческое назначение и призвание. Статью свою он заключил тем, что для уничтожения притязаний Польши, Россия, в семье славян, должна принять на себя передовую роль в цивилизации. Вследствие этой статьи, издание журнала «Время» прекращено.

В издававшейся в С.-Петербурге газете «Современное Слово» были помещены статьи без исключения мест, недозволенных цензурою; кроме того, обнаружено, что находившиеся в рукописях выражения преданности высочайшей власти и сочувствия к правительству были редакциею зачеркнуты и не напечатаны с преступною целью. Продолжение этой газеты равным образом запрещено.

Учение социалистов, коммунистов и других политических школ разбиралось во всей подробности.

Для переводов избирались преимущественно сочинения авторов демократического направления. Изданы отдельными книгами сочинения: Бокля, Маколея, Шлоссера, Фохта и Милля, писавшего о представительном правлении.

Не остались без критики и появившиеся у нас возмутительные воззвания и прокламации. Листки «Великорусс» и общества «Земля и Воля» почти целиком перепечатывались на страницах наших газет, конечно, с присовокуплением строгого осуждения; по поводу появления их говорено было, что распространились слухи о готовящейся у нас республике; что правительство опасалось революционного движения, и как смотрит на наших пропагандистов простой народ.

Что касается до развития значительно уже распространенных у нас идей антирелигиозных и учения материалистов, то оно встретило сильный отпор в некоторых наших журналах нравственного и правительственного направления. В этом духе журнал «Вестник Западной и Юго-западной России», издаваемый в Киеве, защищал монархические начала и догматы православия с замечательным самоотвержением в отношении противной партии, а редактор выходящей в С.-Петербурге газеты «Домашняя Беседа», печатно отдавал некоторых наших писателей за распространение ими идей атеизма и материализма уголовному и церковному суду.

Такого рода обличительные статьи, а также появлявшиеся в наших периодических изданиях указания на злоупотребления отдельных личностей и целых учреждений, наконец, статьи о расколах с такими данными, которые до того были неизвестны, доказывают, что наша журналистика, имея повсюду усердных агентов, зорко следит сама за собою и не упускает из виду ни одного обстоятельства, выходящего

из ряда обыкновенных, и тем самым предупреждает правительство в тех именно случаях, когда оно о подобных обстоятельствах не получило по каким-либо причинам официальных донесений и без указания литературы, быть может, и на будущее время осталось бы в неведении.

В последнее время предоставлено нашей прессе обсуждать проекты предпринимаемых правительством преобразований по части судебной, финансовой, ученой и административной. III отделению неизвестно насколько литература, пользуясь этим правом, помогла правительству в его государственных трудах. Тем не менее из появившихся вследствие того статей обращают на себя внимание следующие замечания: высказано мнение, что новый закон, не зарекомендовавший себя практическим приложением на деле, не составляет абсолютной истины и не исключает критики его обществом. Если общество признает закон неудовлетворительным, то это служит предупреждением, что этот закон исполняем не будет, а потому необходимо такое учреждение, в котором закон подвергся бы предварительному гласному обсуждению избранных из народа представителей.

Строго обсужден также закон о смертной казни за политические преступления. Казнь эта, по мнению публициста, досталась нам от времен варварства. Не говоря о том, что никто не имеет по теории права на жизнь и смерть человека, смертная казнь не служит к предупреждению политических преступлений, потому что такие преступники слишком увлекаются своей идеей и ничто не в состоянии остановить их. В подтверждение этого приведено, что по статистике преступлений в данный срок должно быть известное число преступлений; и что виновные суть жертвы целого общества, которым оттого все и сочувствуют. Автор заключает тем юридическим фактом, что человеколюбие уничтожило у нас даже телесные наказания.

Ожидая с нетерпением введения гласного судопроизводства, хроникеры печатно говорили, что, наконец, не будут у нас ни арестовывать и заключать в крепость, ни производить следствие и суд тайно; что усиленные действия высшей полиции (разумея III отделение) суть предсмертные судороги, доказывающие, что существование этой полиции скоро кончится.

1863 год замечателен в литературе и тем, что в наших журналах помещались сочинения содержащихся в крепости подсудимых по политическим делам писателей-арестантов: Чернышевского, Шелгунова, Серно-Соловьевича, Писарева. Кроме того, под псевдонимом Михаила Илецкого печатались стихотворения находящегося в каторжной работе государственного преступника Михайлова, уроженца «Илецкой защиты». В журнале же «Современник» напечатано оправдание изгнанника Петра Долгорукова, написанное им по случаю обвинения его биографом Пушкина в низких интригах против нашего народного поэта и в содействии к преждевременной его смерти. В числе оправданий Петр Долгоруков приводил то обстоятельство,

что в России он находился в близких и дружеских отношениях с некоторыми современными нашими министрами и другими высшими лицами, которые могут защитить его от возведенного на него обвинения.

В заключение нельзя не упомянуть, что наши публицисты, оскорбленные в лице всей России унизительными отзывами о нас иностранной журналистики, которая, несмотря на их либерализм, не исключила их из сонма московитов-варваров, то оскорбленные и враждебными намерениями в отношении России заграничных правительств— не удержались от резких выражений об императоре французов. От порицаний политики Людовика-Наполеона не избавила его и сказанная им в 1862 году фраза; так понравившаяся нашим журналистам, что он «не помазанник Божий, а избранник народа», ни объявленная им в последнее время программа новой политики, которая, по словам его, обещает благоденствие народов. Программа эта называлась у нас комедиею, а Наполеон—изгнанником, выходцем, деспотом-властелином, убившим свободу и конституцию во Франции, даже революционером на троне.

Вообще об иностранных государях и монархическом принципе писалось у нас не только без уважения, но отчасти с пренебрежением. В особенности с постоянною иронией отзывались о прусском короле Вильгельме, о папе Пие IX и о приглашении принцев на престолы греческий и мексиканский.

Сатирические же наши журналы изображали иностранных венценосцев в оскорбительных и грубо-цинических карикатурах. В высшей степени предосудительно были представлены, также в карикатурах, почти все наши министры и некоторые высшие сановники, с замечательным сходством по наружности.

Все вышеизложенное показывает, что наша политическая пресса ничем почти не отличается от направления печатных органов иностранных, даже самых либеральных. Все печаталось у нас при существовании предупредительной цензуры, перешедшей в этом году из ведомства министерства просвещения в ведомство министерства внутренних дел (л. л. 137—178).

1864 год.

О вредном направлении литературы.

Если появление воззваний вообще прекратилось, то вредные идеи, распространяемые ими, продолжали повторяться в некоторых периодических наших изданиях даже с нарушением цензурных правил.

Газеты «Киевлянин» и петербургский «Голос» издавались в духе скрытного сочувствия к польскому вопросу и пользовались общим одобрением поляков, между тем как «Русский Инвалид» и

другие издания с противоположными направлением были ими ненавидимы [1]).

Журналы «Современник» и «Русское Слово», редакции которых взаимно враждебны, помещали на своих страницах статьи одинакового направления с затаенною целию произвести в читателях охлаждение к вере и стремление к ниспровержению общественного порядка и семейных отношений. В некоторых из статей этих журналов возбуждалась неприязнь одного сословия в государстве к другому; в других заключались оскорбительные насмешки над целыми сословиями, а также над должностями гражданской и военной службы; в третьих оглашались обстоятельства, относящиеся до частной жизни разного звания лиц и до происхождения или поведения членов семейства.

На такое направление означенных журналов, равно на несоблюдение цензурных правил, по высочайшему повелению, обращено особое внимание министра внутренних дел.

К числу подобных же произведений литературы следует отнести историческую статью профессора Костомарова о Куликовской битве, напечатанную в изданном Академией Наук месяцеслове на 1864 год. В этой статье, составленной, очевидно, для народного чтения, автор описывает предшествовавшие событию действия русских князей с пренебрежением в неприличном тоне; с одной стороны, он оправдывает рязанского князя Олега в подстрекательстве Мамая и Ягелла ниспровергнуть могущество Москвы, «начинавшее тяготеть над Русью подобно татарскому», с другой—осмеивает деяния великого князя Димитрия Донского. По словам автора, Димитрий своими происками в Орде дважды оставляет «в дураках» Михаила тверского; потом посягает на «захват» русских земель от Литвы; у себя задает беспрестанные попойки; наконец, во время битвы с Мамаем не жалеет оставить на опасность, вместо себя и в своей одежде, любимого боярина Бренка, который и погиб, а сам он бежит с поля, не раненый, и «запрятывается» в лесу, под древо, где после победы его и находят.

Такое изложение одного из важнейших событий в истории России не могло не возбудить между благонамеренными русскими неприятного впечатления и дало повод порицанию Академии Наук за попущение на страницах календаря подобного описания, унижающего достоинство героя славной в истории русского народа эпохи.

Из отдельных случаев относительно направления периодической литературы, по поводу которых производилась в III отделении переписка, замечательны следующие:

1) В «Оренбургских Губернских Ведомостях» помещен рассказ волостного писаря «О русской правде и польской кривде», в котором

---

[1]) Газета «Киевлянин», получающая пособие от правительства, отличилась также нападками на вновь учрежденное братство св. Владимира, цель которого—польза православия и духовного просвещения в видах русской народности. Впрочем, в последнее время направление «Киевлянина» изменилось к лучшему.

особенно порицается латинское духовенство; польские ксендзы названы «живодерами-попами, змеями русского православия». Придавая полякам разные оскорбительные эпитеты, статья советует русским не верить полякам, кто бы они ни были. Наконец, в этой статье находятся следующие фразы об императоре и императрице французов: «Особливо у нынешнего Бонапарта жена злейшая папистка; она все и настраивает мужа против нашей православной Руси итти войною. Говорят, Бонапарт как ни умен, а по жениной дудке поплясывает».

2) По случаю постройки в С.-Петербурге на Большой Морской улице реформатской церкви, в «С.-Петербургских Ведомостях» заявлено с иронией, что подобные высокие здания лишают жителей света и хорошего воздуха, и что вместо иноверческих церквей полезно было бы разводить у нас сады; потом при известии о предположении города уступить даром место, на углу Большой Садовой и Итальянской, под постройку римско-католической церкви, выражено, что лучше было бы построить подобную церковь против Михайловского манежа, «где была панорама».

Появившееся сочинение Шедо-Феротти под заглавием: «Que fera-t-on de la Pologne», в котором автор предлагает дать автономию Польше и не нарушать привилегий прибалтийских губерний, возбудило газетную полемику и произвело на общество особое впечатление.

В августе месяце министерство народного просвещения разослало, при своем отзыве, по нескольку экземпляров этого сочинения в Московский университет и в каждую из тамошних гимназий. В то же время сочинение это было получено по почте, без всяких отзывов, в гимназиях: калужской, тамбовской, пензенской, казанской, уфимской и вятской. По этому поводу в Москве возникло мнение, что министр народного просвещения убедил Шедо-Феротти издать это сочинение, с целию оправдать действия в Польше его императорского высочества великого князя Константина Николаевича. Университетский совет, не видя указания цели присылки означенных книг, счел это даром автора; но, с другой стороны, признавая это сочинение памфлетом, оскорбительным для русского народного чувства и принадлежащим перу, враждебному России, отправил полученные экземпляры обратно в департамент народного просвещения с просьбою о возвращении их по принадлежности.

Между тем в «Московских Ведомостях», редактором этой газеты Катковым, были помещены передовые статьи, в которых сочинение Шедо-Феротти подверглось самому беспощадному осуждению.

После этих статей и возвращения Московским университетом книг в министерство, исправляющий должность пензенского губернского предводителя дворянства Бекетов прислал в университет телеграмму с выражением от имени дворян полного сочувствия мнению его о помянутом сочинении, распространение которого по учебным заведениям «возбудило справедливое негодование всех благомыслящих отцов семейств». Кроме того, московский Английский клуб, желая

также выразить одобрение членам университета, открыл подписку на обед для них.

Что же касается до Каткова, то ему готовился адрес, в котором было 1100 подписей; нижегородское и тульское дворянство прислало ему благодарственные письма; были даже слухи, будто бы московский митрополит Филарет послал ему образ с своеручною надписью.

Комитет цензуры иностранной мотивировал свое разрешение на выпуск сочинений Шедо-Феротти тем, что хотя содержание оного оскорбительно для русского чувства, но запрещать не следует, потому что еще до рассмотрения комитетом оно было распространено в публике старанием известных лиц [1]).

В № 203 «Московских Ведомостей» напечатана статья Юзефовича под заглавием: «Возможен ли мир с нами польской шляхты?». Называя Одессу главным операционным базисом польской деятельности и международною станциею для сообщения со всеми революционными центрами Европы, автор уверяет, что по сведениям, полученным им из первых рук, поляки замышляют изгнать из Одесского учебного округа все, что могло бы поддержать в нем сочувствие к России, предполагая возможным заменить народные православные школы фребелевскими детскими садами для нравственного растления народа, и что осуществление постройки Киево-Одесской железной дороги входит в план польской программы.

По поводу этой статьи попечитель Одесского учебного округа, действительный статский советник Арцимович, представив, что она наполнена клеветою, направленною против его распоряжений, просил о поступлении с Юзефовичем по закону; но министр внутренних дел, хотя признавал, что статью эту не следовало бы допускать к печати в настоящем ее виде, однако, считал более удобным, чтобы для восстановления истины министерство народного просвещения также гласно ее опровергнуло.

Статс-секретарь Головнин, имея в виду, что против бездоказательного заявления Юзефовича помещено уже в газете «Голос» опровержение, полагал неприличным возобновлять полемику, дабы не придать означенной статье большего значения. Между тем в Одессе действительно многие отзывались о попечителе Арцимовиче с недоверием, потому что он, оказывая пристрастие к полякам, предоставлял им вакансии по вверенному ему управлению; главное же местное начальство особого в том значения не находило.

Надворный советник Аксаков составил статью, помещенную в московской газете «День», под заглавием «Женские взятки», о разных возмутительных злоупотреблениях в одном из женских институтов, название которого было скрыто. Поэтому его императорское высочество принц Ольденбургский, не видя возможности отклонить или пре-

---

[1]) Финляндские газеты писали, что сочинению Шедо-Феротти сочувствуют многие влиятельные лица.

следовать описанные беспорядки, просил об истребовании от автора указания института и тех оснований, которые в изложении статьи его руководили. По сношению об этом с московским военным генерал-губернатором, Аксаков был вызван и объяснил, что описание его относится к московскому училищу ордена св. Екатерины, находящемуся под начальством вдовы действительного статского советника Дайер. Но все намеки на то исключены цензурою на основании правил; и что недостатки этого училища были еще прежде оглашаемы печатно одним из преподавателей; справедливость же указываемых злоупотреблений может быть обнаружена только строгим формальным следствием.

В исполнение высочайшего повеления, отзыв этот сообщен принцу Ольденбургскому с тем, чтобы Вашему величеству по содержанию оного было представлено заключение его высочества [1]).

Проживающий в Ницце надворный советник Вульферт во всеподданнейшей просьбе объяснил, что генерал-адъютант князь Воронцов, поручив ему устройство своих имений, не только не вознаградил его за это по условию, но оклеветал письменно, и, не допустив его к объяснениям, отказался от суда по совести, к которому был призываем. Вульферт испрашивал высочайшего разрешения—или повелеть князю Воронцову подчиниться третейскому разбирательству, или же предать дело на суд общественного мнения напечатанием составленной для того рукописи.

По рассмотрении этой рукописи оказалось, что Вульферт, обвиняя князя Воронцова в предосудительных действиях относительно бывших его крестьян, о самом положении 19 февраля 1861 г. отзывался, что «органический этот закон обращен чиновничеством в обыкновенный ряд указов, дополненных, объясненных и большею частию измененных личными циркулярами министров, поколебавшими солидарность и нравственную обязательность этого законоположения, так что в будущем может быть поводом к недоразумениям и оспариванию устройства, основанного на циркулярах, а потому все изменения в этом законоположении должны быть утверждены верховною властью».

По высочайшему повелению, просьба и рукопись Вульферта были переданы министру внутренних дел, который, находя, что последняя не может быть допущена к печати, полагал предоставить просителю, если он имеет доказательства, начать дело по сему иску в подлежащем судебном месте.

Такое заключение статс-секретаря Валуева удостоено высочайшего утверждения, и об этом сообщено послу нашему в Париже для объявления просителю.

---

[1]) Это дело, в исполнение повеления Вашего высочества, было внесено в комитет министров и, по высочайше утвержденному 29 января 1865 г. положению комитета, цензору, пропустившему к печати вышеупомянутую статью без подписи автора, сделано замечание.

Бывший профессор С.-Петербургского университета и училища правоведения Спасович составил учебник уголовного права, отличающийся новизною изложения и опровержением прежних теорий. При защищении этого сочинения на публичном диспуте, для получения степени доктора прав, Спасович вызвал громкие одобрения как некоторой доли ученого сословия, так и студентов. Вообще учебник его встречен молодым поколением с сочувствием и признан соответствующим современному требованию популяризования научных знаний. Но впоследствии в московских периодических изданиях — «Русский Вестник» и «Современная Летопись»—появились рецензии на эту книгу ректора тамошнего университета Баршева и профессора Юркевича, которые, находя в ней начала, противные нашему законодательству, и основы материализма и коммунизма, порицали запутанность понятий автора и осуждали старание его заискивать внимание толпы, льстить страстям ее и освящать заблуждения санкциею науки.

Хотя в строгости этого осуждения видели привычный антагонизм московских литераторов против петербургских, однако нельзя было не согласиться с правильностью взгляда первых, указавших между многими выводами на следующие теории Спасовича:

«Не может быть преступлений против бога, против религии и общественной нравственности. Порядок вещей, основанный на вере в безусловное, рушится: мы входим в мир новый, где все условно, все относительно. Для народов всякая несправедливость влечет за собою ряд страданий, от которых одно лишь спасение—сознательно вступить на иной, лучший путь... деспотизм власти способен задавить и заморить лицо, которое поставило себе целью идеал совершеннейший, нежели господствующий в обществе... пропорция между преступлением и наказанием теряется; порою какое-нибудь полицейское распоряжение обеспечивается в своем исполнении угрозою смертной казни... осуждая на казнь, правительство обнаруживает шаткость и опасность своего положения... но частное лицо, для своей обороны, может употреблять оружие даже и в таком случае, когда могло бы от того уклониться».

«Молодой народ можно воспитать в духе новых начал... кости брошены; процесса развития мысли нельзя остановить, покончив с средними веками, мир современный безвозвратно вступил на новый путь».

Спасович напечатал свои возражения в журнале «Эпоха» и в «С.-Петербургских Ведомостях». Но объяснения его были слабы. В них опять он повторял, что наказания за преступления несправедливы; что евангельское учение или обязывает прощать обиды, или опровергает мирское правосудие. «В римской республике, — приводит он, — были только две репрессивные меры: денежные пени и изгнание; почему бы не допустить и теперь этих наказаний?» Далее, придерживаясь убеждения, что воздаяние есть месть, а устрашение закона—террор, Спасович замечает, что у мятежников (в Китае) пушки так же хорошо стре-

ляют, как и у богдыхана... Наконец, он говорит, что есть запросы на подобные его учебнику произведения; значит, они соответствуют потребности в обществе.

Вашему величеству угодно было повелеть означенный учебник, вместе с представленными министром народного просвещения объяснениями Спасовича, рассмотреть в особой комиссии под председательством действительного тайного советника князя Гагарина. Комиссия эта нашла, что в нем проводится такое учение, которое должно быть строго преследуемо, потому что оно враждебно существующему порядку и подрывает начала общественного устройства.

Вследствие этого, по высочайшему повелению, упомянутое сочинение изъято из числа учебных руководств, а Спасович устранен от преподавания (л. л. 59—80).

1869 год.

О периодической прессе.

Революционная пропаганда, повсюду, когда она прибегала к прессе, задавалась двумя целями: 1) возбуждением общественного мнения прямым или косвенным путем против существующего порядка; 2) деморализацией народных масс путем отрицания нравственно-религиозных начал, или глумлением над ними.

То и другое, к сожалению, существует неоспоримо у нас в России, и для того, чтобы в этом убедиться, стоит лишь тщательно просмотреть, хоть за последние два года, большинство наших периодических изданий.

По непосредственно лежащей на III отделении обязанности следить за направлением общественного мнения и за его ненормальными уклонениями нельзя не указать на то искусственное нравственное брожение, которое в последнее время господствует у нас в обществе и источник которого лежит исключительно в русской периодической прессе, воспользовавшейся законом 6 апреля 1865 года для достижения задуманных ею целей.

При издании закона 6 апреля предоставление печати не права, а только льготы доказывается уже тем, что дозволение издавать журналы и газеты без предварительной цензуры предоставляется не всем издателям, а только тем, которые, по мнению правительства, представляют известные с своей стороны нравственные гарантии. Если бы означенный указ имел в виду даровать полную свободу печати, то, без сомнения, не было бы никакой нужды допускать, вместе с бесцензурною, печать и подцензурную, предварительную.

К сожалению, подлежащая власть как бы стеснялась прибегать к мерам, предоставленным ей законом. Она, так сказать, церемонилась с издателями и после второго предостережения ограничивалась паллиативными мерами: призванием редакторов в главное управление по делам печати и убеждением их поменьше нападать на правительство.

Пресса же наша, делаясь с каждым днем все более и более разнузданною, превратила дарованную ей законом 6 апреля льготу в право свободы печатного слова.

Еще неизвестно, каковы будут результаты трудов высочайше учрежденной комиссии о пересмотре узаконений о печати; но по тем данным, которые представляет наша журналистика за одни только последние два года, можно смело сказать, что она дошла до немыслимой распущенности, тем более усиливающейся, что, с одной стороны, администрация как будто избегает случая пользоваться предоставленною ей законом властию сдерживать печать, а с другой, суды, при рассмотрении дел прессы, возбужденных по инициативе правительственной, в решениях своих прямо идут наперекор администрации, которая в большинстве случаев положительно компрометируется результатами этих решений.

Закон 6 апреля совпал, как известно, с открытием у нас гласного судопроизводства. Идеи антирелигиозные, парламентарная пропаганда и существующая у нас язва отрицания (нигилизма) не могли не иметь нравственного влияния на образ мыслей воспитанников наших высших учебных заведений. Особенно ярыми поклонниками представительной формы правления явились бывшие воспитанники училища правоведения, которые и заняли, в первое время введения у нас открытых судов, должности судей и присяжных поверенных. К корпорации последних стали в особенности примыкать лица, недовольные правительством. Многие, из членов суда и присяжных поверенных' принадлежали, и принадлежат до сих пор, к числу постоянных сотрудников разных редакций, и таким образом между некоторыми органами печати и судом гласным составился подпольный союз, последствия которого отражались и отражаются: 1) в судебных решениях по делам с политическим оттенком; 2) в защитительных речах присяжных поверенных и 3) в периодической печати.

Все журналы и газеты, сознательно занимающиеся противодействием правительству, для большей наглядности можно разделить на группы, соответствующие программам, которыми они задались для достижения своих целей. Первая группа, имеющая более остальных нравственной силы и материальных средств, руководствуется следующею программою: а) путем статей, имеющих форму ученой критики, разбирать сочинения западных социалистов и указывать на превосходства избирательного, ограниченного образа правления; б) в таких же критических статьях отрицать сказания библейские, с целию поколебать основы православия; в) статьями по государственной экономии и финансам представить грустное положение нашего государственного хозяйства и излишнюю, по мнению агентов этой группы, цифру расходов, употребляемых на содержание двора и войска; г) статьями о национальностях и так называемой народности развивать в народе ненависть к народностям не коренным русским и к основанию, помощию соединения всех славянских племен в одно целое, Славянской империи;

д) посредством стенографических отчетов речей адвокатов, принадлежащих к партии, враждебной правительству, распространять революционные идеи и указывать на несостоятельность нашей администрации и е) снабжать материальными средствами издателей популярных сочинений, дабы, помощию помещенных в них статей, развивать ненависть народа к правительству. К этой группе принадлежат: «Вестник Европы», «С.-Петербургские Ведомости», «Голос», «Судебный Вестник», «Отечественные Записки», «Русский Архив», «Русская Старина».

Вторая группа занимается общею социальною и антирелигиозною пропагандою. К этой группе принадлежат: «Неделя», «Дело», «Всемирный Труд» и «Заря».

Третья группа развивает ненависть низших классов общества к высшим, описывает произвол нашей администрации и проповедует, иносказательно, необходимость государственного переворота. К этой последней группе принадлежат: «Искра», «Петербургский Листок», «Современные Известия», «Всеобщая Газета» и «Будильник».

Вне этих групп образовалась искусственно — вследствие возбужденного «Современною Летописью», «Московскими Ведомостями», «Русским Вестником» и «Голосом» крестового похода против немцев—пресса, отстаивающая принцип своей национальности. Эта пресса не имела бы причины существования, если бы партия славянофилов не агитировала прибалтийских провинций. К этой ныне враждебной правительству партии принадлежат: издаваемая в Петербурге газета: «St. Petersburger Zeitung», «Dorpatsche Zeitung», «Neue Dorpatsche Zeitung», «Rigasche Zeitung» и «Revalische Zeitung».

Тут место упомянуть о направлении, целях и образе действий редакторов «Московских Ведомостей», «Современной Летописи» и «Русского Вестника»—Каткова и Леонтьева.

Правительству не следует заблуждаться в мнении своем насчет Каткова и Леонтьева. Многие правительственные лица полагают, что оба эти публициста принадлежат к искренним поборникам ныне у нас существующей нормы правления. Заблуждение это происходит оттого, что Катков и Леонтьев, во время последнего польского восстания, вооружившись знаменем патриотизма, нашли нужным итти в тон общественного мнения, возмущенного действиями поляков. Катков и Леонтьев, как люди весьма способные и снедаемые самолюбием, стремились прежде всего приобрести известность и поддержку со стороны высших властей. Они достигли своей цели двумя путями: постоянною агитациею общественного мнения, путем патриотической пропаганды, возбуждением ненависти против немцев и помощию весьма хитрых сделок с некоторыми из влиятельных лиц.

Хотя Катков и Леонтьев в настоящее время проявляют несколько слабее усвоенное ими направление, но они все еще остались и остаются до сей поры верными двум главным началам своей публичной деятельности: началам народного представительства и необходимости соединения всех славянских племен в одно политическое тело.

Патриотизм, любовь к государю суть маска, дающая широкую возможность редакторам «Московских Ведомостей», пользуясь сочувствием некоторых правительственных лиц, безнаказанно возбуждать и поддерживать беспорядки в окраинах империи. Нравственное брожение в Финляндии и в Прибалтийских губерниях, равно как и чиновническая агитация в Северо-Западном крае, поддерживаются вследствие пропаганды «Московских Ведомостей» и органов прессы, принадлежащей к первой группе журналов и газет.

Славянский вопрос, который под видом невинных и безвредных славянских съездов и славянского комитета всеми силами раздувается одними сознательно, а другими бессознательно, имеет задачею доказать необходимость национального начала в основах государственной власти.

Для правительства, несомненно, вреднее те органы печати, которые под личиною консерватизма, патриотизма и приверженности к царствующей династии возбуждают ропот и неудовольствие в русском обществе, чем те, которые высказывают ясно свои убеждения и дают таким образом возможность правительству принимать против них соответствующие меры. Издание консервативное никогда не выскажется против правительственной системы управления и отдельными частями государства, так как не может не понимать, что правительственное лицо, облеченное доверием от государя, руководствуется указаниями верховной власти, и что порицая действия такого лица, печатный орган этим самым роняет в общественном мнении распоряжения правительства.

Все вышеизложенное заставляет желать, чтобы главное управление печати, в борьбе своей с вредными стремлениями нашей прессы, выказывало более энергии, чем оно проявляет ее в настоящее время. Положение, в которое учреждение это поставило себя теперь, не есть положение руководящее, каковым ему надлежало бы быть, но страдательное. Оно находится как бы под гнетом того преобладания и перевеса, которое взяла над ним печать, и вместо того, чтобы сдерживать периодическую прессу в указанных ей границах, вместо того, чтобы преследовать посягательство ее на религию, нравственность и правительственную власть, оно в большинстве случаев остается в бездействии, не прибегает к мерам преследования, законом ему предоставленными, выходит же из своего пассивного состояния единственно в тех только случаях, когда какая-либо статья по своей преступности переступила уже всякую меру, и когда она обратила на себя даже самое внимание Вашего величества.

К числу второстепенных мероприятий для обуздания нашей перидической прессы следует наблюдать, чтобы газеты и журналы издавались и редактировались не подставными редакторами, как, например, Корш, который не смеет не напечатать статей, присланных ему Черкасовым, Арсеньевым (присяжным поверенным), Стасюлевичем и другими; как, например, Шульгин, подписывающий журнал

«Дело», издающийся и редактируемый известным Благосветловым, которому запрещено издавать «Русское Слово», как, наконец, Супонев и Гейльфрейх, подписывающие «Петербургский Листок», издающийся ныне мещанином Соколовым, самым ярым нигилистом, выгнанным из театральной дирекции за беспокойный нрав и постоянную ненависть к начальству.

Процессы о печати, возбужденные правительственною властию, в сущности, должны были бы слушаться при закрытых дверях; гласному же публичному судопроизводству следует предоставить разбор только по тем делам прессы, которые возбуждены инициативою частных лиц, а именно по делам об обидах, оскорблениях и диффамации.

Наконец, необходимо вовсе запретить печатание стенографических отчетов по делам вроде дела Щапова, где известный Спасович нашел возможным, в десятках тысячах экземпляров, выхвалять учение Луи-Блана. Здесь надо прямо поставить вопрос: для чего конфискуется книга или периодическое издание, коль скоро посредством стенографических отчетов распространяется в несравненно большем количестве экземпляров?

За сим, переходя к правительственной и частной консервативной прессе, к сожалению, можно сказать, что главный наш орган «Правительственный Вестник», по недостатку дарований его редакторов и сотрудников, представляется явлением вполне бесцветным и служит как бы очевидным доказательством бессилия официального органа по сравнению к тем изданиям, в которых сосредоточилась печать, правительству враждебная.

В заключение нельзя умолчать, что Общество литературного фонда в Петербурге заведуется партией, враждебной правительству, и помогает деньгами всем сотрудникам журналов и газет, участвующих в антимонархической и антирелигиозной пропаганде. Общество это действует сознательно и составляет центр, в котором развиваются вредные начала. Со стороны III отделения на него обращено внимание. Оно следит за его деятельностью, но по недостатку обличительных фактов не в праве принять против него никаких мер (л. л. 65—72).

Ф. М. Решетников и „Северная Пчела".

(По неизданным материалам.)

В Ленинграде, в рукописном отделении Публичной Библиотеки, в так называемом «Собрании автографов», находится небольшой архив известного писателя 60-х годов, одного из ранних народников и разночинцев в русской литературе, Ф. М. Решетникова.

На-ряду с черновиками его печатных произведений и листками из записных книжек мы находим там значительную часть его переписки: целых 147 писем к Решетникову [1]) и несколько черновиков его собственных, отправленных, а может быть и неотправленных писем [2]). Решетников, сказавший в одном, неопубликованном еще письме к Н. А. Некрасову [3]), что ему в его писаниях «дорог каждый знак», имел обыкновение наиболее ответственные и крупные письма писать сначала начерно.

Приводимые ниже — также неопубликованные — черновики двух писем адресованы Решетниковым к П. С. Усову, редактору и издателю крупнейшей газеты 60-х годов «Северной Пчелы», с которой Решетников начал свое сотрудничество в столичной печати.

Из этих писем—то жалобных, то резких, то просительных, то требовательных—ярко вырисовывается тяжелое положение, в каком очутился в северной столице двадцатидвухлетний провинциал-разночинец, приехавший сюда с твердым намерением посвятить себя «честному и благородному труду» литературы.

Еще ярче и еще живее встает со страниц публикуемых нами писем во весь свой эксплоататорский рост фигура П. С. Усова.

Печатаемые ниже два письма Ф. М. Решетникова к П. С. Усову представляют большой интерес для биографии ныне забытого писателя, про которого когда-то сказал Тургенев:

— Только и можно теперь читать, что Л. Толстого, когда он не философствует, да Решетникова [4])...

А. Кутузов.

---

[1]) Из них опубликовано Ч. Ветринским только шесть писем Н. А. Некрасова к Ф. М. Решетникову (Сборник «Огни», книга I, стр. 294—298).

[2]) Публичная Библиотека ошибочно считает их оригиналами (см. «Отчет Публ. Библ. за 1902 г.». Спб. 1910, стр. 106). Ту же ошибку делает и Глеб Успенский в своем биографическом очерке Решетникова.

[3]) От февраля 1866 г. (в «Собрании автографов» Публичной Библиотеки).

[4]) Письмо И. С. Тургенева к А. А. Фету от 25—13 января 1869 г. (См. «Северные Цветы» М. 1902 г. Изд-во «Скорпион», стр. 183—184).

Письма Ф. М. Решетникова.

I.

Милостивый государь,

Павел Степанович.

Представьте себе положение человека, получающего жалованье из департамента [1]) за бестолковую переписку бумаг десять рублей, и который должен платить за дрянную квартиру с дрянною пищею 12 руб,; человека, который хочет выбиться из этой канцелярской жизни посредством литературного труда и которому для этого решительно нет никакой возможности при том положении, когда ему и свеч-то не на что купить; человека, который имел возможность поместить три статьи в издаваемой Вами газете [2]), и, получив от Вас согласие принимать мои статьи и печатать с платою мне по $^3/_4$ к. за строку, не может застать Вас дома, когда Вы велите притти за деньгами, или Вы говорите, что у Вас нет денег; человека, который, веря в слова редактора и надеясь получить деньги, в такой-то день забирает в долг у людей, и положение его в этот день, когда от него требуют; человека, который после напрасной ходьбы к Вам, в продолжение месяца, по три раза в неделю, наконец, потерял всякую надежду получить деньги и ищет занятий вечерних в частных домах,—и Вы легко догадаетесь, что должен думать я о Вас, и что будут говорить про меня те, которые верят мне на честное слово [3]).

Если бы Вы не обещали мне денег и печатали статьи даром, я бы не стал просить; если бы Вы, раз навсегда, назначили время и выдали деньги, хотя через контору, то я бы и слова не сказал... Мне, наконец, даже Вашего слуги совестно, которому даже смешно, когда он говорит «нету дома»!..

---

[1]) Решетников по приезде в Петербург (осенью 1863 г.) поступил канцелярским служащим в департамент внешней торговли.

[2]) Сотрудничество в «Северной Пчеле» Решетников начал статьей «На палубе» (№ 222 от 21 авг. 1863 г.)

[3]) Подчеркнуто самим Решетниковым.

Мои долги заставляют меня писать Вам и просить Вас о деньгах. Если я теперь в 11 ч. застану Вас дома и получу ответ притти в такой-то день, то письмо это отдаю в Вашу контору; если же не застану дома, то через слугу и зайду во 2 часу сегодня. Если же в обоих случаях в это время я не получу денег ни от Вас, ни через контору, то больше уже не приду к Вам...

24 окт. (1863 года).

II.

Милостивый государь,

Павел Степанович.

Если Вы не читаете моих писем, то я прошу Вас прочитать хотя это. Оно будет последнее к Вам.

Я надеялся, что в Петербурге я буду помещать свои сочинения с пользою для себя и по приезде обратился к Вам; Вы изъявили согласие печатать и назначили плату. О своем положении я уже говорил Вам, и Вы, как редактор, только знаете бедных, а сами, вероятно, не находились в таком положении.

Все наши сочинители сочиняют для денег, потому что это честный и благородный труд; да отчего и не просить от редакторов денег, когда они, при большом числе подписчиков, делясь по совести с сотрудниками, все-таки наживают больше, чем несколько сотрудников постоянных?

Теперь я убедился, что не все редакторы честны. А уж если в редакторах есть такая замашка,—что говорить о тех людях, про которых пишут эти редакторы и их сотрудники!

Мне было обидно, когда я ходил к Вам по целому месяцу за деньгами и получал, — хотя двадцать раз к Вам, — по три — четыре рубля. Я еще тогда же убедился, что Вы смотрите на мелкую пишущую братию, как на нищих, которых можно прогнать из дому, дать три рубля, чтобы отвязаться на месяц, и все-таки печатать их сочинения.

Я не один, а несколько подобных писак отходили от Вашей квартиры со слезами на глазах, а Вам было смешно.

Положим, до декабря месяца у Вас не было денег; отчего же тогда, когда в конце декабря у Вас были деньги, Вы не расплатились со всеми окончательно? Например, я четыре раза в декабре получил от Вас 40 р., и когда (31 декабря) просил у Вас остальные 50 р., Вы не хотели говорить со мной. После нового года я письменно просил Вас об условиях, Вы не изволили отвечать. А теперь я понял, что между нами не будет никаких условий, потому что в квартиру Вашу меня не пускает Ваш лакей и тогда, когда Вы дома, а в конторе я надоел и надеюсь, что меня не будут пускать и туда. Наконец, Вы сами две недели заставляете меня ходить в контору и говорите, что

сами не получили денег[1]), а в субботу 25 янв. велели сказать конторщику, чтобы я пришел в понедельник, а сегодня скажете притти в среду, когда я прожду Вас напрасно два часа и т. д.

Если у Вас есть сколько-нибудь жалости к нищим, то Вам ничего не стоит развязаться с ним, а Вам хочется,—это видно из того, что Вы рукопись «С Новым Годом» [2]), вероятно, до сих пор не читали, а прежде печатались через неделю. К Вам и в контору я больше не приду, потому что напрасно ходить нечего; послать хозяина, которому я должен, тоже не стоит; поэтому я прошу прислать мне хотя сорок рублей, если Вам жаль пятидесяти, с рассыльным, как это Вы хотели сделать раз в октябре прошлого года; с ним же пошлите и рукопись, если она только не набирается в типографии, а если набирается, то за нее мне не надо денег, я писал с целью возбудить вопрос об улучшении быта почтовых людей [3]).

Если Вы на этой неделе (я буду ждать до воскресенья—следующей недели) не пришлете 40 р., то я буду думать, что Вы письмо это или не читали, или не хотели исполнить то, что следует, и тогда буду надеяться на гласность. Это я пишу не шутя. Конечно, я просьбу на Вас не подам, а у нас есть другие газеты.

Ф. Решетников.

Мой адрес: На Литейной, рядом с домом Юсуповой, дом Филкова № 42, квартира № 17, 4 этаж, у Благодарева.

27 января 1864 г.

---

[1]) Подчеркнуто самим Решетниковым.

[2]) Здесь Решетников имеет в виду очерк «С Новым Годом», которым он закончил свое сотрудничество в «Северной Пчеле». Через два дня после этого письма он был напечатан в «Северной Пчеле» (1864 г. №№ 28 и 29 от 29 и 30 января).

[3]) Очерк «С Новым Годом», который Решетников «писал с целью возбудить вопрос об улучшении быта почтовых людей», произвел в провинции большое впечатление на почтовых служащих и послужил невольной причиной ряда неприятностей для воспитателя и дяди Решетникова, служившего в пермской почте.

Вот что он писал своему племяннику в феврале 1864 г. (письмо не опубликовано, цитирую по подлиннику, находящемуся в Ленинградской Публичной Библиотеке):

«Чрез эти статьи, ты знаешь, что я лишился места кунгурского, где была ныне ваканция, и г. пермский губернский почтмейстер страшно на меня имеет негодование... Чрез тебя я теперь совершенно угнетаем по службе. Где бы прежде не обратили внимание, а ныне все ставится на вид и замечание».

Неизданная сказка А. П. Чехова.

Приводимая сказка сохранилась в архиве с.-петербургского цензурного комитета [1]). Цензор Сватковский, запретивший сказку, не нашел нужным приводить какие бы то ни было мотивы для ее запрещения. В своем докладе комитету он ограничился указанием, что он «находит невозможным дозволить статью под заглавием «Говорить или молчать» (сказка), подписанную «Человек без селезенки», в которой изображается правительственный шпион, в синем костюме, в присутствии которого автор советует «*держать язык за зубами и не болтать лишнего*, чтобы не быть арестованным и не настрадаться до истощения своих сил». Цензурный комитет, в заседании 18 апреля 1884 г., «признавая, согласно мнению цензора, указанную им статью не удовлетворяющей условиям подцензурной печати, определил: к напечатанию оную не дозволять».

Сказка «Говорить или молчать» относится к первому периоду литературной деятельности А. П. Чехова, ко времени его сотрудничества в юмористической прессе, и предназначалась для журнала «Осколки».

Это время, т.-е. начало 1880-х годов, являлось эпохой наиболее мрачной реакции и сугубого цензурного воздействия на печатное слово. Что касается юмористических журналов, то в этот период времени из круга их обсуждения и насмешки были изъяты не только все политические темы и все события политической жизни в Западной Европе, вся область отечественных бюрократических и административных злоупотреблений, но даже хотя бы легкое касательство уклада жизни военнослужащих, духовенства и пр.

Владелец «Осколков», Н. А. Лейкин, при проведении литературного материала через цензурные Сциллу и Харибду, при всей безобидности этого материала, надеялся, главным образом, не на его невинность, а на свое знакомство и дружеские отношения с цензором Сватковским. Письма Н. А. Лейкина за это время пестрят указаниями на «цензорские погромы», как называл редактор «Осколков» бесчисленные помарки, производившиеся в каждом очередном номере [2]).

«Погромам» подвергались нередко и произведения А. П. Чехова,—те произведения начала его литературной деятельности, те «беспретенциозные анекдоты», как характеризует их биограф Чехова А. Измайлов, которые, «будучи одухотворены мыслью или шуткой», «сжато дают сюжет, которого разговорчивому беллетристу

---

[1]) Дело спб. ценз. комит. 1884 г. № 97.

[2]) «Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке». Спб. 1907 г.

хватило бы на целый рассказ» [1]). К числу их относится и сказка «Говорить или молчать». К счастью, цензорское veto, наложенное на них, было непродолжительно, и они все впоследствии появились в печати,—частью на страницах тех же «Осколков», частью в отдельных сборниках рассказов Чехова. «Сказка» не попала ни в один из них и не вошла в полное собрание сочинений Чехова.

С. Л.

Говорить или молчать.

(Сказка.)

В некотором царстве, в некотором государстве жили были себе два друга: Крюгер и Смирнов. Крюгер обладал блестящими умственными способностями. Смирнов же был не столько умен, сколько кроток, смирен и слабохарактерен. Первый был разговорчив и красноречив, второй же — молчалив.

Однажды оба они ехали в вагоне железной дороги и старались победить одну девицу. Крюгер сидел около этой девицы и рассыпался перед ней мелким бесом. Смирнов же молчал, мигал глазами и с вожделением облизывался. На одной станции Крюгер вышел с девицей из вагона и долго не возвращался. Возвратившись же, мигнул глазом и прищелкнул языком.

— И как это у тебя, брат, ловко выходит?—сказал с завистью Смирнов.—И как ты все это умеешь! Не успел подсесть к ней, как уже и готово... Счастливчик!

— А ты что зеваешь? Сидел с ней три часа и хоть бы одно слово! Молчишь, как бревно! Молчанием, брат, ничего не возьмешь на этом свете. Ты должен быть боек, разговорчив? Тебе ничего не удается, а почему? Потому что ты—тряпка!

Смирнов согласился с этими доводами и решил в душе изменить свой характер. Через час он, поборов свою робость, подсел к какому-то господину в синем костюме [2]) и стал с ним бойко разговаривать. Господин оказался очень словоохотливым человеком и тотчас начал задавать Смирнову вопросы, преимущественно научного свойства. Он спросил его, как ему нравится земля, небо, доволен ли он законами природы и человеческого общежития, коснулся слегка европейского свободомыслия, положения женщин в Америке и проч. Смирнов отвечал умно, охотно и с восторгом.

Но каково, согласитесь, было его удивление, когда господин в синем костюме [2]), взяв его на одной станции за руку, ехидно улыбнулся и сказал: следуйте за мной.

---

[1]) А. Измайлов. «Чехов. Жизнь. Личность. Творчество». М. 1916.

[2]) От слов: «в синем костюме» и до конца абзаца подчеркнуто цензором.

Смирнов последовал и исчез, неизвестно куда. Через два года он встретился Крюгеру бледный, исхудалый, тощий, как рыбий скелет.

— Где ты пропадал до сих пор?!—удивился Крюгер.

Смирнов горько улыбнулся и описал ему все пережитые им страдания.

— А ты не будь глуп, не болтай лишнего!—сказал Крюгер.— Держи язык за зубами—вот что.

Человек без селезенки.

Из записной книжки архивиста.

Революция 48 года и французские подданные в Москве.

В III отд. Государственного архива РСФСР., в секретном архиве м. в. ген.-губ. имеется любопытное дело, характерно озаглавленное: «Об объявлении французским подданным, находящимся в Москве, что, несмотря на политические беспорядки в Париже, они могут спокойно оставаться в России» (дело № 35, начато 6 марта 1848 г.).

Дело возникло под влиянием февральской революции 48 года во Франции. III отделение было, повидимому, весьма озабочено событиями в Париже и обратило в первую очередь свое внимание на французских подданных в России. Французским подданным было предложено от имени Николая I «спокойно оставаться в России, продолжать торговлю и другие дозволенные занятия» в случае, если они не изменят своего «скромного поведения». Нарушивших эти условия правительство Николая I угрожало «подвергнуть той самой ответственности по законам, которой подвергаются российские подданные за нарушение общественного спокойствия». Не менее характерен ответ на «августейшие слова» Николая Романова, данный французской колонией в Москве, состоявшей в большинстве из представителей коммерческого мира. Как и следовало ожидать, французская колония в лице французского консула И. Ру-де-Рошеля раболепно просила кн. А. Г. Щербатова «о повержении нелицемерного выражения их благоговения перед источником неисчерпаемых милостей», т.-е. Николаем I.

Приводим переписку III отделения с московским ген.-губ. А. Г. Щербатовым и перевод письма французского консула И. Ру-де-Рошель на имя кн. А. Г. Щербатова.

I.

Секретно.

Его сиятельству кн. А. Г. Щербатову.

Милостивый государь князь Алексей Григорьевич!

Государь император, по случаю политических беспорядков, происшедших в Париже, высочайше повелеть соизволил, дабы Ваше сиятельство, собрав всех французских подданных, в Москве находящихся, объявили им, что его величество, будучи доволен их скромным поведением, дозволяет им, несмотря на означенные события, спокойно оставаться в России, продолжать торговлю и другие дозволенные занятия и быть вполне уверенными в беспрерывном покровительстве его императорского величества всех из них и каждого в особенности, ежели они не изменят своего поведения; с тем вместе, не касаясь их совести и внутренних убеждений, его величество надеется, что они не будут вмешиваться ни в какие политические дела и суждения, выражать мнения и вести переписку по упомянутым событиям; в противном же случае они предупреждаются, что нарушивший эти условия подвергнут будет той самой ответственности по законам, которой подвергаются российские подданные за нарушение общественного спокойствия; впрочем, если кто-либо из них изъявит желание выехать из империи, таковому будет немедленно выдан паспорт, но без возврата.

О таковой монаршей воле сообщая Вашему сиятельству, для зависящего от Вас исполнения, имею честь удостоверить Вас, милостивый государь, в истинном моем почтении и преданности.

Граф *Орлов.*

28 февраля 1848 г. № 342.

На этом документе имеется отметка рукою кн. Щербатова:

«Вызвать всех ко мне в понедельник 8 марта 1848 г.»

А. Г.

6 марта 1848 г.

II.

Секретно.

Милостивый государь
Князь Алексей Григорьевич!

В дополнение отношения моего от 28 февраля № 342, имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство, при объявлении французским подданным, в Москве находящимся, высочайшего повеления насчет того, каким образом они должны вести себя в России, объяснить им обстоятельство, касающееся до выезда из России, в том смысле, что им будет дозволяем и возвратный приезд в Россию, но только тем, которые имеют здесь оседлость и коммерческие дома или производят значительную торговлю, если сверх того, при новом их возвращении, консулы наши удостоверят, что они хорошими правилами своими не подают повода ни к какому о них сомнению.

Примите уверение в истинном моем к Вам почтении и совершенной преданности.

Граф *Орлов.*

6 марта 1848 г. № 382.

III.

Его сиятельству князю А. Г. Щербатову.

Сиятельнейший князь!

Августейшие слова его императорского величества, переданные нам Вашим сиятельством, останутся в воспоминании французской колонии в Москве самым почетным свидетельством, самым энергическим поощрением постоянных ее усилий—сделаться достойною оказываемого ей покровительства.

Чуждая всякой политики, непрерывно занятая частными интересами и торговлею, французская колония глубоко чувствует отеческие попечения Вашего сиятельства и, исполненная искреннейшей признательности к благодетельствующему ей монарху, не может забыть того уважения, которое она обязана питать к благоволящим ей властям и общественному порядку.

С полным убеждением принимаю на себя обязанность удостоверить Ваше сиятельство, что высказанные мною чувства разделяются всем великим семейством французов и находящимися здесь моими соотечественниками. Подобное убеждение будет постоянно поддерживать мое рвение в изложении нужд моих соотчичей и в исходатайствовании вспоможения законным их требованиям.

Возложенные на меня обязанности посредника между французской колониею и начальством Москвы украсились в настоящее время, сиятельнейший князь, самым лестным для меня преимуществом — возможности представить Вашему сиятельству чувства глубочайшего уважения и признательности моих соотечественников к распоряжениям, которыми они были удостоены от его императорского величества, и вместе с тем прибегнуть к Вашему сиятельству с просьбой о повержении нелицемерного выражения их благоволения перед источником неисчерпаемых милостей.

И. Ру-де-Рошель.

Москва.

9 марта 1848.

Сообщил *В. М.*

В годы реакции.

Неудачно закончившееся революционное движение 1905 года не прекратило в России борьбы народных масс против самодержавия. Она ушла в подполье и выразилась, между прочим, в ряде разрозненных партизанских выступлений, с одной стороны, и в «твердом» курсе столыпинского правительства, в образе военно-окружных и военно-полевых судов — с другой.

Навряд ли известно число жертв, погибших в этой борьбе за весь период с 1905 по 1914 годы, но статистические данные за период с 1905 по май месяц 1909 года случайно имеются в двух шифрованных телеграммах от 29 июня и 10 августа 1909 года (№№ 3151 и 1363), отправленных министром иностранных дел Сазоновым русскому послу в Лондоне графу Бенкендорфу по требованию этого последнего.

Непонятное с первого взгляда любопытство графа Бенкендорфа, для удовлетворения которого Сазонов спешно собирает необходимые статистические данные, логически вытекает из существовавшей в те времена международной политической обстановки. Россия остановилась, после неудачной Японской войны и после некоторых колебаний, на новом курсе своей иностранной политики, творцом которой считал себя министр иностранных дел А. П. Извольский, но действительными вдохновителями которой были, как то явствует из анализа архивных документов, великобританское и в особенности французское правительства.

Суть нового политического курса сводилась к обеспечению спокойствия на восточно-азиатских границах государства путем заключения договоров и соглашений, чтобы быть сильным в решении европейских дел.

Для этого необходимо было заключить соглашение с Японией, чего нельзя было достигнуть, ввиду существования англо-японского союза, без сближения с Англией. С 1906 года начинается длительная и трудная работа по сближению двух традиционных врагов, Англии и России, которая и закончилась соглашением между этими странами, подписанным 18 (31) августа 1907 года и касавшимся Персии, Афганистана и Тибета.

Франко-русский союз и англо-франко-русское соглашение послужили основанием той тройственной Антанты, которая боролась на мировой арене с тройственным союзом первоначально мерами дипломатическими, а с 1914 года железом и кровью в мертвой схватке не на жизнь, а на смерть.

ГОДЫ.	Пострадавших от террористич. актов.			Присужденных к смертной казни и казненных.	
	Убитых.	Раненых.	Всего.	Присужденных.	Казненных.
1905	233	358	591	72	10
1906	768	820	1588	450	144
1907	1231	1312	2543	1056	456
Кроме того, военно-полевыми судами с 19 августа 1906 по 20 апреля 1907 года . .	—	—	—	683	683
1908	394	615	1009	1741	825
1909 по 1 мая	65	117	182	628	272
Итого	2691	3222	5913	4630	2390

Новый курс политики не встретил единогласного одобрения общественного мнения ни в России, ни во Франции, ни в Англии. В первой более реакционные кружки тянули в сторону соглашения с Германией; в последних двух левые элементы протестовали против сближения с Россией, выражая этим свое возмущение внутренней политикой русского государства. Макдональд в Лондоне и Жорес в Париже были bêtes noires не только русского министерства иностранных дел, но и своих правительств, подымая постоянно вопрос о разрыве соглашения с Россией, так как такие соглашения способствовали сохранению существовавшего в России образа правления.

По всей вероятности, русскому послу в Лондоне и потребовались приводимые ниже статистические данные как материал для парламентской борьбы с левым крылом палат.

В двух последовательных телеграммах Сазонов приводил следующие цифры пострадавших от террористических актов, с одной стороны, и казненных революционеров — с другой. (См. табл. на стр. 242.)

Особенно почему-то Бенкендорфа интересовал 1909 год, и Сазонов любезно сообщал ему цифры по каждому месяцу этого года отдельно.

ЧИСЛО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ АКТОВ В 1909 Г. [1]).

Месяцы.	Число.	Убитых.		Ранено.		Всего.
		Служащих.	Частных лиц.	Служащих.	Частных лиц.	
Январь	106	16	43	17	38	114
Февраль. . . .	106	15	35	33	30	113
Март	89	12	19	11	27	69
Апрель	76	16	15	26	16	73
Май	63	19	12	19	10	60

Число казненных в 1909 году.

В январе—79, в феврале—64, в марте—30, апреле—39 и мае—25, всего 237 из числа приговоренных к смертной казни 567 человек, т.-е. 41,7% [1]).

Необходимо конечно иметь в виду, что в эти списки не влючены те сотни и тысячи крестьян и рабочих, расстрелянных без суда карательными экспедициями Меллер-Закомельского и Ренненкампфа в Сибири, Пантелеева, Сахарова и Дубасова в центральной России, Орлова и др, генералов в Прибалтийском крае.

Сообщил *А. М. Зайончковский.*

[1]) II отделение Госуд. архива РСФСР. Папка: Londres Pièces expediées 1909.

Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову [2]).

В архиве Шарапова, находящемся в настоящее время в Смоленском губернском архивохранилище, в пакете с надписью «Короленко В. Г.», находится письмо Владимира Галактионовича к Шарапову. Оно написано чернилами на почтовой бумаге. Даты в письме нет. Предположительно, оно было написано в 1888 году (в мае или июне месяце), так как письмо Шарапова к Короленко помечено 1 апреля 1888 г.

[2]) Сергей Федорович Шарапов род. в 1856 г., умер 26 июня 1911 г., известный правый публицист и неославянофил, издававший, после смерти И. С. Аксакова, еженедельную газету «Русское Дело», «Русский Труд», «Свидетель». Его перу принадлежат: роман «Кружным путем», «По Черноморскому побережью» и др.

В своем письме Владимир Галактионович благодарит Шарапова за приглашение сотрудничать в газете «Русское Дело», но отказывается от участия в силу следующих обстоятельств: во-первых, политического расхождения по многим существенным вопросам, поставленным в основу газеты, во-вторых, что «это участие будет истолковано в смысле согласия с основными взглядами и стремлениями журнала» и, в-третьих, что он обременен постоянной работой.

Это письмо представляет из себя большой ценности документ тем, что оно рельефно вскрывает характерную черту личности Владимира Галактионовича: его принципиальность в вопросах убеждений. Он сразу, без обиняков и колебаний, отказывается от участия в журнале, неприемлемом для него по направлению.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич [1]).

Прошу извинить, что долго не отвечал. Письмо Ваше не застало меня в Нижнем.

Я очень благодарен Вам за внимание и, в свою очередь, посылаю в редакцию свои книжки. К сожалению, не могу принять Вашего любезного приглашения. У меня есть постоянная работа, пишу я немного и едва успеваю выполнить ранее принятые обязательства. Не скрою также, что, сочувствуя некоторым частям Вашей программы, я сильно расхожусь с нею по многим существенным вопросам. Без сомнения, художественная деятельность не может и не должна отражать всех партионных оттенков, но более важные и глубокие различия во взглядах проникают и в эту область, обусловливая различие в настроениях. Не странно ли было бы, напр., видеть «Четыре дня» покойного Гаршина (произведение, несомненно, художественное) напечатанным в журнале, посвященном проповеди войны. Лев Никол. Толстой всюду входит со своей собственной окраской. О себе я никоим образом не могу сказать того же, и мое участие в «Русском Деле», без сомнения, было бы истолковано в смысле согласия с основными взглядами и стремлениями журнала, чего в сущности нет. Поверьте, что не «травля» и не «замалчивание», о которых Вы пишете, меня останавливают, а только интерес истины и убеждения. Надеюсь, Вы оцените настоящим образом мой откровенный ответ. Надеюсь также, что несогласие во взглядах не может помешать взаимному уважению, с которым остаюсь готовый к услугам.

В. Короленко.

Сообщил *В. Дмитриев.*

Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 года.

Среди бумаг известного ген.-м. Спиридовича, хранящихся в московском Историко-Революционном архиве, в томе 6 («Письма, отправленные Спиридовичем, и разные заметки», л. л. 23—25), имеется отрывок из «журнала», который велся, повидимому, комендатурой царской ставки. Отрывок относится к 28 февр.—4 марта 1917 года и представляет собой три небольших листа, так наз. «академического» формата, содержащих напечатанный на машинке текст, по характеру своему совпадающий с записями камер-фурьерских журналов, регистрировавших, как известно, «высочайшие» приемы, выходы, приглашенных к столу и т. п. Ценность этого отрывка, печатаемого ниже полностью, заключается в том, что он дает точные официальные даты некоторых важнейших моментов поведения Николая Романова в февральско-мартовские дни, а также сведения об окружавших его в эти моменты лицах. Мы получаем, таким образом, возможность с помощью этого документа уточнить и авторитетно установить хронику первых дней февральской революции. Летописец последней отметит, вероятно, любопытную особенность журнала, сохраненного Спи-

[1]) По ошибке написано: «Сергей Дмитриевич», вместо «Сергей Федорович».

ридовичем: для составителя его Николай Романов и Мария Федоровна даже 4 марта продолжали быть «их величествами».

Журнал за 28 февраля.

От 12 час. 55 мин. ночи его величество принимали: начальника штаба ген.-адъют. Алексеева [1]), дворцового коменданта Воейкова [2]).

В 2 часа ночи его величество, министр императорского двора [3]) и лица свиты отбыли в императорский поезд.

От 2 час. 10 мин. ночи его величество принимали: ген.-адъют. Иванова [4]).

В 5 часов утра императорский поезд отбыл на Царское Село.

К высочайшему завтраку в пути: лица свиты, д. с. с. Ежов [5]) и начальник Александровской жел. дороги Чернай [6]).

Во время остановки на ст. Ржев, его величество изволил прогуливаться.

К высочайшему обеду: лица свиты и д. с. с. Ежов.

1 марта.

В 2 часа 30 мин. ночи со ст. Малая Вишера императорский поезд отбыл на ст. Псков.

От 3 ночи его величеству: Дворцовый комендант Воейков.

От 11 час. 15 мин. утра его величеству: дворцовый комендант Воейков.

К высочайшему завтраку в пути лица свиты и д. с. с. Ежов.

В 7 час. 5 мин. веч. императорский поезд прибыл на ст. Псков.

От 7 час. 10 мин. веч. его величество принимали: ген.-адъют. Рузского [1]).

К высочайшему обеду: лица свиты ген.-адъют. Рузский, начальник его штаба ген. Данилов [2]), начальник снабжения армии и фронта ген. Савич [3]) и д. с. с. Ежов.

От 9 час. 45 мин. веч. его величество принимали: ген.-адъют. Рузского и псковского губернатора д. с. с. Кошкарова [4]).

От 10 час. 45 мин. вечера его величество принимали: министра императорского двора.

От 12 час. 5 мин. ночи: ген.-адъют. Рузского.

2 марта.

От 10 час. 45 мин. утра его величество принимали: ген.-адъют. Рузского и дворцового коменданта Воейкова.

К высочайшему завтраку: лица свиты, псковский губернатор Кошкаров и д. с. с. Ежов.

От 2 час. 30 мин. дня его величество принимали: министра императорского двора, ген.-адъют. Рузского, ген. Данилова и ген. Савича.

От 4 час. 30 мин. министра императорского двора.

К высочайшему обеду: лица свиты и д. с. с. Ежов.

От 9 час. 45 мин. веч. его величество принимали: министра императорского двора, ген.-адъют. Рузского, члена государственного совета Гучкова [5]), члена государственной думы Шульгина [6]) и свиты ген.-майора Нарышкина [7]).

В 2 часа ночи императорский поезд отбыл со ст. Псков на царскую ставку.

---

[1]) Алексеев, Мих. Вас., ген.-адъютант., ген.-от инф., начальник штаба верх. главноком.; после февр. революции верховный главнокомандующий до мая 1917 г.

[2]) Воейков, Влад. Ник., ген.-м. свиты е. в.

[3]) Фредерикс, Влад. Бор., гр., ген.-адъют., ген.-от кав.

[4]) Иванов, Ник. Иудович, ген.-адъют., ген.-от арт., б. главноком. армиями юго-зап. фронта (до марта 1916 г.), состоял при Николае Романове.

[5]) Ежов, д. ст. сов., инспектор царских поездов.

[6]) Чернай, Алекс. Людв., инж. путей сообщ., д. ст. сов.

[1]) Рузский, Ник. Влад., ген.-адъют., ген.-от инф., главноком. армиями сев.-зап. и сев. фронтов.

[2]) Данилов, Ник. Алекс., ген.-от инф.

[3]) Савич, Сергей Сергеевич, ген.-от инф.

[4]) Кошкаров, Бор. Дм., д. ст. сов.

[5]) Гучков, Алекс. Ив., член гос. совета, лидер партии октябристов, ездил вместе с Шульгиным к Николаю Романову с предложением отречься от престола.

[6]) Шульгин, Вас. Вит., член IV госуд. думы, правый.

[7]) Нарышкин, Кирилл Анат., ген.-м. свиты е. в., начальник походной канцелярии его величества.

3 марта.

К высочайшему завтраку в пути: лица свиты, д. с. с. Ежов и начальник Риго-Орловской жел. дороги Генрихсен [1]).

От 7 час. веч. его величество принимали: директора дипломатической канцелярии ставки верховного главнокомандующего камергера Базили [2]).

К высочайшему обеду: лица свиты, кам. Базили и д. с. с. Ежов.

В 8 час. 20 мин. веч. императорский поезд прибыл на ст. Могилев.

На станции для встречи собрались: в. к. Сергей Михайлович [3]) и Борис Владимирович [4]), начальник штаба ген.-адъют. Алексеев, генералы Клембовский [5]) и Смагин [6]), ген.-лейт. Кондзеровский [7]), Лукомский [8]) и Егорьев [9]), свиты ген.-майоры Петрово-Соловово [10]), Богаевский [11]) и Сазонов [12]), ген.-майоры Кисляков [13]) и Тихменев [14]), лейб-хирург Вельяминов [15]), губернатор и начальствующие лица штаба верховного главнокомандующего.

По окончании обхода собравшихся для встречи лиц его величество принимали ген.-адъют. Алексеева.

В 9 час. 55 мин. веч. его величество в сопровождении министра императорского двора и лиц свиты изволили прибыть в губернаторский дом.

Журнал за 4 марта.

От 10 час. 25 мин. утра его величество принимали: принца Александра Петровича Ольденбургского [16]).

В 10 час. 45 мин. его величество прошли в штаб.

В 12 час. 15 мин. дня его величество в сопровождении министра императорского двора и лиц свиты отбыли на вокзал для встречи прибывающей из Киева ее величества государыни императрицы Марии Феодоровны.

К высочайшему завтраку: его величество, ее величество, лица свиты, фрейлина гр-ня Менгден [17]), свиты ген.-майор кн. Долгорукий [18]) и действ. ст. сов. Ежов.

В 3 часа 55 мин. дня ее величество в сопровождении фрейлины графини Менгден и свиты ген.-майора кн. Долгорукого отбыли в поезд.

От 7 час. веч. его величество принимали ген.-адъют. Алексеева.

В 8 час. веч. его величество отбыли к обеду в поезд ее величества.

Сообщил *А. А. Сергеев.*

Пенсионная практика Временного Правительства.

Временное Правительство в заседании 4 марта (журнал заседания № 4, п. 2 в) по представлению министра финансов М. И. Терещенко о пенсиях по государственной службе постановило:

Поручить министру финансов сообщить во всеобщее сведение, что все назначенные до сего времени пенсии сохраняются, и что никто не может быть

---

[1]) Генрихсен, Алексей Густав., инж. путей сообщ., д. ст. сов.

[2]) Базили, Ник. Алекс., ст. сов.

[3]) Сергей Михайлович, вел. кн., ген.-адъют., ген.-от арт., полевой ген.-инспектор при верх. главноком.

[4]) Борис Влад., вел. кн., ген.-м. свиты е. в., походный атаман.

[5]) Клембовский, Влад. Никол., ген.-лейт.

[6]) Смагин, Алексей Алексеевич, б. нач. штаба войска Донского.

[7]) Кондзеровский, Петр Конст., дежурный генерал при штабе верх. главноком.

[8]) Лукомский, Алекс. Серг.

[9]) Егорьев, Конст. Ник.

[10]) Петрово-Соловово, Борис Мих., ген.-м. свиты е. в.

[11]) Богаевский, Африк. Петр., ген.-м. свиты е. в.

[12]) Сазонов, Дм. Петр., ген.-майор свиты е. в.

[13]) Кисляков, Влад. Ник., ген.-м.

[14]) Тихменев, Георгий Мих., ген.-м.

[15]) Вельяминов, Ник. Алекс., лейб-хирург, академик, сост. при импер. главной квартире.

[16]) Принц А. П. Ольденбургский заведывал санитарной частью на фронте.

[17]) Менгден, Зин. Георг., гр., фрейлина Марии Федоровны.

[18]) Долгорукий, Вас. Алекс., кн., ген.-м. свиты е. в., гофмаршал, во время войны состоял при ставке.

лишен назначенной пенсии иначе, как по суду.

А в заседании 10 марта (журнал заседания № 14, п. 5) по представлению того же Терещенко о порядке назначения пенсий было постановлено:

1) Впредь до введения в действие нового пенсионного устава, предоставить министрам вносить на уважение Временного Правительства, по предварительному сношению с министром финансов, представления о назначении пенсий вне правил на применявшихся основаниях и в пределах действовавших в последнее время норм.

2) Предоставить министру финансов образовать особое совещание для обсуждения вопроса о возможностях и условиях введения в действие нового пенсионного устава.

Существо приведенных постановлений ясно,—подтверждение законной силы за назначенными до революции пенсиями чиновникам, безоговорочное признание как норм дореволюционного пенсионного законодательства, так и принятого до революции порядка назначения пенсий, а потому надлежит, хотя бы кратко, охарактеризовать это старое, реставрированное Временным Правительством, законодательство.

Пенсионное законодательство имеет давнее происхождение. Оно относится к 1827 г. Однако ввиду того, что, с одной стороны, оклады пенсий, установленные в 1827 г. (от 85 руб. 80 коп. для канцелярских служителей, до 1.143 руб. 60 коп. для сенаторов в год), впоследствии ввиду вздорожания жизни оказались недостаточными, а, с другой стороны, правительство не желало общим повышением ставок отягощать государственный бюджет,— ввиду этих условий был избран компромиссный путь, сохранившийся вплоть до революции, а постановлениями Временного Правительства продолженный и после революции.— На-ряду с уставом 1827 года было введено назначение пенсий «вне правил» сначала по «высочайшим соизволениям», а затем с 10 июля 1881 г. по постановлениям комитета (впоследствии совета) министров. Комитет министров 8 июля 1883 г. принял правила о назначении усиленных пенсий, коими должен был руководствоваться министр финансов при рассмотрении поступавших на его заключение представлений об усиленных пенсиях. Правила эти были негласные, распубликованы они не были, из опасения, как бы нормы усиленных пенсий не получили в глазах служащих значение законных окладов пенсий, на которые они в праве при наличии указанных в правилах условий претендовать, что в виду не имелось.

Вот это-то пенсионное законодательство, эту-то пенсионную практику и узаконило Временное Правительство своими постановлениями 4 и 10 марта. С одной стороны, были оставлены пенсии тем чиновникам, которые оказали особые отличные выходящие из ряда обыкновенных заслуги — старому режиму, а с другой — предписывалось присуждать пенсии чиновникам, отставленным революцией, за те же, очевидно, особые заслуги старому режиму.

Так Временное Правительство, безоговорочно приняв многомиллионное обязательство по выдаче пенсий старого режима [1]), приступило к назначению новых «на прежних основаниях».

Назначение пенсий разрешалось совещанием товарищей министров Временного Правительства, образованным постановлением 19 марта (журнал заседания № 24, п. 2 д) для рассмотрения вопросов, «которые не имеют принципиального значения и требуют немедленного разрешения». К таким вопросам были отнесены и пенсии, и только в исключительных случаях Временное Правительство само назначало пенсии. Таким особым случаем был, например, вопрос о дальнейшем отпуске пособия, производившегося князьям и княжне Романовским. О назначении этого пособия и способах его выдачи узнаем из следующего документа:

---

[1]) По проекту государственной росписи доходов и расходов на 1916 год это обязательство, значительно, конечно, к марту 1917 г. увеличившееся, выражалось в сумме 144.273.652 руб.

Комиссар Временного Правительства над бывшим министерством двора.

18 июня 1917 г.

Временному Правительству.

Наследники покойного князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, князья Александр и Сергей Георгиевичи и княжна Елена Георгиевна ходатайствуют об очередном (за майскую треть) отпуске сумм, выдаваемых им в виде ежегодного пособия из б. кабинета его величества.

Упомянутое пособие первоначально (в 1899 г.) было назначено покойному князю Георгию Максимилиановичу в сумме 100.000 руб. в год; впоследствии (с 1 мая 1909 г.) по особому высочайшему повелению означенное пособие, ввиду изменившегося семейного положения князя, было уменьшено наполовину (т.-е. до 50.000 руб. в год), с назначением тогда же и срока его производства (на 10 лет, т.-е. по 1 мая 1919 г.).

При отпуске упомянутых сумм с согласия князя удерживалось в пользу племянницы его княгини Д. Е. Кочубей (ныне баронессы Гревениц) сначала по 12.000 руб., а затем (с 1 мая 1909 г.) по 6.000 руб. в год, так что в действительности князю отпускалось сперва по 88.000 руб., а впоследствии по 44.000 руб. в год.

За последовавшей в 1912 году кончиной князя Георгия Максимилиановича бывшим императором было разрешено продолжать отпуск упомянутых 44.000 руб. до наступления предельного срока, на который отпуск этот был вообще назначен (1 мая 1919 г.), вышепоименованным наследникам его: сыновьям Александру и Сергею и дочери Елене, при чем, согласно высочайше утвержденному в сентябре 1913 г. акту о разделе наследственного имущества, отпускаемая из б. кабинета е. в. сумма (44.000 руб.) распределяется следующим образом: княжне Елене Георгиевне — $^1/_8$, т.-е. 5.500 руб., и братьям ее князьям Александру и Сергею — по $^7/_{16}$, т.-е. по 19.250 руб. в год каждому.

Упомянутые деньги выдаются по третям года за каждую треть вперед; последний платеж произведен в январе сего года, т.-е. по 1 мая текущего 1917 года.

Представляя о вышеизложенном, испрашиваю разрешение Временного Правительства на дальнейшее производство означенного денежного отпуска на прежних основаниях до наступления предельного срока, на который отпуск этот был вообще назначен, т.-е. до 1 мая 1919 года.

Подписал: Комиссар *Ф. Головин.*

Временное Правительство, заслушав приведенное отношение в заседании 5 августа (журнал заседания № 148, п. 8 б) постановило:

Производство, установленного князьям и княжне Романовским ежегодного пособия из средств бывшего кабинета его величества продолжать на прежних основаниях до наступления предельного срока, а именно до 1 мая 1919 г.

Так, волею Временного Правительства родственники Николая Романова продолжали получать и после революции пособие из народного достояния [1]).

Как отнеслось бы Временное Правительство к назначению пенсии С. М. Романову, судя по всей его пенсионной практике, сомневаться не приходится. Но в данном случае народные деньги были сохранены.— Вопроса о назначении пенсии С. М. Романову, возбужденного в конце сентября, Временное Правительство рассмотреть уже не успело.

Однако помимо особых случаев обычное назначение пенсий производилось совещанием товарищей министров Временного Правительства. Поскольку в совещании не происходило «разногласия» при решении вопросов и не поступало протестов со стороны того или иного министра, постановления совещания механически утверждались Временным Правительством. Пенсионные вопросы, поставленные на первых же заседаниях совещания, вызвали, однако,

---

[1]) На пенсию претендовал и еще один из родственников Николая Романова—великий князь Сергей Михайлович.

разногласия, так как меньшинство членов совещания, несмотря на указанные постановления Временного Правительства о выдаче пенсий, не могло, очевидно, с прямолинейностью, требуемой этими постановлениями, проводить старую пенсионную политику.

Одно из разногласий произошло на заседании совещания 23 августа (журнал заседания № 163) при разрешении вопроса о назначении пенсий генералам-от инфантерии Маврину и Эверту и генералу-от артиллерии Мрозовскому, по 8.000 руб. в год каждому. По поводу этих пенсий товарищ министра внутренних дел В. Я. Гуревич, говорится в журнале заседания, «заметил, что ввиду оставления значительным числом должностных лиц службы, вследствие невозможности примениться к новому строю, надлежит в настоящее время соблюдать, при назначении пенсий, особую осторожность». Временное Правительство, куда вопрос о пенсиях Маврину, Эверту и Мрозовскому был перенесен вследствие разногласия, происшедшего в совещании, назначило в заседании 10 сентября (журнал заседания № 170, п. 5) пенсии генералам в полном размере.

14 августа (журн. засед. № 155, п.1а), на военное министерство был распространен общий порядок. 6 сентября (журнал заседания № 182) были назначены пенсии членам главного военного суда генералам-от инфантерии Креховецкому-Ющенко, Мухину, Дорошевскому и Волкову, по 6.145 руб. в год каждому, 27 сентября—члену Государственного Совета, сенатору, военному генерал-губернатору областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны генералу-от кавалерии Трепову — 7.000 руб., генерал-губернатору областей Турции, занятых по праву войны, ген.-лейтенанту Пешкову — 4.503 руб., б. варшавскому генерал-губернатору генерал-лейтенанту кн. Енгалычеву — 7.000 руб., б. председателю главного военного суда действ. тайн. сов. Быкову — 7.000 руб. и члену государственного совета, сенатору, помощнику военного министра Гарину— 7.000 руб., 11 сентября—командирам корпусов генералу-от кавалерии Васильеву и генералам-лейтенантам Драгомирову и Роде по 6.000 руб. и т. д.

Другое ведомство, в котором революция, как и в военном министерстве, произвела основательную чистку—министерство внутренних дел, местные агенты которого, губернаторы, полиция, земские начальники были сметены в первые же дни революции, было также взято под покровительство новой власти. Непосредственные руководители министерства внутренних дел Временного Правительства, получив предварительное одобрение министерства финансов, представляли объемистые ведомости о назначении усиленных пенсий, включая в эти ведомости всех отставленных от высших чинов (товарищей министра, директоров департаментов, генерал-губернаторов и губернаторов) до низших чинов городской и земской полиции [1]). Совещание товарищей министров рассматривало представления министерства внутренних дел в заседании 1 сентября. Последняя категория — низшие чины городской и земской полиции — получила пенсии по постановлению этого заседания, что же касается первых, то совещание, не отказав им в пенсиях, *отложило* решение этого вороса, не рискуя, очевидно, сделать такой решительный шаг, не запросив Временное Правительство. Обращение к последнему дало, повидимому, обычный результат.—Часть

[1]) В одной из ведомостей министерства внутренних дел (от 10 июля за № 15720), ничем по личному составу не отличающейся от десятка других того же ведомства, находим 1 генерал-губернатора, 3 члена совета министра внутренних дел, 1 директора департамента, 1 товарища министра, 7 губернаторов, 2 члена совета главного управления по делам печати, 8 вице-губернаторов, 2 чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел, 2 пристава петроградской столичной полиции и 1 чиновника особых поручений при департаменте полиции. Все эти лица, как заявляет ведомость, оставили службу «по болезни». Вместо полагающейся им по закону пенсии в общей для всех них сумме—12.917 руб., министерство ходатайствует для них «за особые заслуги» об усиленной пенсии в общей сумме 81.600 руб.

отложенных в заседании 1 сентября постановлениями совещания 11 октября получили пенсии, в том числе члены совета главного управления по делам печати: Александр Муромцев и Александр Андрияшев, пристава петроградской столичной полиции: Владимир Радугин и Павел Зарецкий. До других, если бы Временное Правительство успело, очередь бы, несомненно, также дошла.

Подводя итог пенсионным выдачам по специально пенсионным журналам заседания совещания от 23 августа, 1, 6, 13, 20 и 27 сентября, 4 и 11 октября получаем следующие цифры назначений по ведомствам:

Министерство финансов	287.410 руб.
» юстиции	273.943 »
» внутренних дел	138.132 »
» земледелия	89.885 »
» почт и телеграфа	74.911 »
» народного просвещения	68.181 »
Государственный контроль	58.421 »
Министерство иностранных дел	51.325 »
» путей сообщения	49.109 »
» исповеданий	43.319 »
» торговли и промышленности	38.770 »
	1.173.406 руб.

Было бы крайне любопытно дать полный список высших чинов министерств, по осторожному выражению Гуревича, не могущих примениться к новому строю и в конце своей долголетней службы очутившихся на иждивении правительства, поставленного революцией,— такой список был бы, повторяем, любопытен, но ввиду его обширности приходится ограничиться только теми лицами, которые возглавляли или были активными руководителями центральных учреждений. Однако и в таком урезанном виде в списке пенсионеров Временного Правительства находим такое блестящее собрание памятных имен: начальник главного тюремного управления П. Гран, тов. мин. финансов Никольский, члены совета мин. финансов Н. Тавлидаров, И. Шведерн, барон Н. Корф, директор департамента госуд. казнач. П. Кутлер, сенатор А. Глищинский, Н. Зайончковский, Джунковский, Н. Зуев, Кузьминский, Шидловский, Вуич, С. Линк, С. Андреевский, тов. об.-прокурора сената О. Виппер, начальники тюрем: донецкой — Болдырев, ревельской — Желтовский, тов. мин. земледелия—Грудистов, посол в Испании—кн. И. Кудашев, посланники в Швейцарии—Г. Плансон-Ростков, Португалии—П. Боткин, Мексики — А. Сталевский, епископ орловский — Григорий и владикавказский — Антонин.

Этот список далеко не исчерпывающий всего состава подобного ранга пенсионеров Временного Правительства.

Вопрос о пенсиях при Временном Правительстве имел острое политическое значение и не иметь такового, конечно, не мог.

Временное Правительство, целиком опиравшееся на старый аппарат государственной власти, естественно поддерживало и материально наиболее видных представителей формально свергнутой монархической власти.

М. Г. Флеер.

Казнь Афанасия Матюшенко.

Восстание на броненосце «Князь Потемкин» в июне 1905 года в достаточной степени освещено в литературе легальной и нелегальной. Однако, освещение подробностей этого события и участников его, путем публикации свежих документов, тем более документов, вышедших из-под пера участников, как нижеприводимое письмо, небезынтересно. События 14 июня в Тендеровской бухте, вспыхнувшие стихийно, опередив организовываемое

«крымским союзом» РСДРП восстание всего Черноморского флота, выдвинули на первый план минного машиниста квартирмейстера Афанасия Николаевича Матюшенко (Матюшенко), даже не числившегося до указанных событий официальным членом партийной организации, а оказывавшего партии только посильное содействие.

Действенность, находчивость, сила воли поставили в центр восстания фигуру А. Матюшенко, расплатившегося за это своей жизнью.

Комиссия, управлявшая восставшим броненосцем, кроме А. Матюшенко, насчитывала в своем составе около 20 матросов, в том числе и автора приводимого ниже письма Ефима Бредихина. И только к одному Матюшенко не был применен седьмой пункт царского указа 21 октября 1905 г. о замене смертной казни 15-летней каторгой.

Следствие «о военном бунте» команды восставшего корабля начато было военно-морским судом уже 30 июня 1905 г. (дело № 1 военно-морского следователя Севастопольского порта). После первого приговора в январе 1906 г. потянулись бесконечные приговоры над вылавливаемыми царским правительством героями черноморской драмы. В московском Историко-Революционном Архиве мы находим дела этого суда (№№ 27, 19 и 20), начатые даже 26 января и 1-го февраля 1917 года (о привлечении к суду бывших потемкинцев И. П. Суржикова, М. И. Павленкова и др.). Февральская революция ликвидировала эти дела, как и многое другое. Тот же военно-морской суд, почти в том же составе, — что интереснее всего, — пересмотрел дела осужденных «потемкинцев» и, в силу указа Временного Правительства от 6 марта 1917 г., они, как осужденные за преступления, учиненные по «политическим побуждениям», от всех последствий судимости были освобождены и восстановлены во всех правах (дела военно-морск. следователя Севастопольского порта № 24 от 5 марта 1909 г., № 137 от 22 декабря 1914 г. и друг.).

В число этих пересмотренных процессов входит и дело Ефима Бредихина, по которому он получил 15 лет каторги (дело № 255 т. I от 26 ноября 1907 г.).

Интересна история ареста Е. Бредихина. Царское правительство, начав следствие о бунте, не оставило работы по «вылавливанию» потемкинцев и неусыпно следило за ними и в России, и за границей.

Как только в Румынии высадились 700 матросов экипажа, тотчас же началась переписка по поводу выдачи всех восставших, о чем имеются шифрованные телеграммы из Бухареста в Петербург на имя министра иностранных дел (Архив б. мин. ин. дел, II Отд. Госархива).

Стоило только 20 марта 1907 г. румынскому министру внутренних дел дать распоряжение арестовать 80 матросов «потемкинцев», обвинявшихся в преступной агитации среди румынских крестьян, как сейчас же последовала самая энергичная переписка между б. директором департамента полиции М. И. Трусевичем, Д. К. Сементовским-Курило [1]), М. Н. Гирсом [2]) и А. А. Нератовым [3]) на тему о высылке «потемкинцев» в Россию и обставлении дела таким образом, чтобы они в России не получили возможности оставаться на свободе. В результате, при высылке Ефима Бредихина в Россию, русской полиции стало точно известно не только местопребывание его, но и факт снабжения румынским паспортом на имя Василия Дингу (дело № 47 м. и. д. 1 департамента, румынский стол «потемкинцы», II Отдел. Госархива).

3 июня (ст. ст.) 1907 г. Е. Бредихин уже арестовывается в Москве и препровождается в Севастополь (дело м. охр. отд. за 1907 г., № 1064 о дезер-

---

[1]) Сементовский-Курило, Д. К., 1907 г. директор департамента полиции.

[2]) Гирс, М. Н., посланник в Бухаресте (в Румынии) 1903—1912 г.

[3]) Нератов, Анат. Анат., чиновник особых поручений при м. и. д. Исполнял обязанности старшего вице-директора 1-го департамента. 1907—09 гг. Товарищ министра с 1911—1917 г.

тире Е. Р. Бредихине нелегально Василий Дингу).

В то время, как Е. Бредихин сидел под крепкими замками в ожидании суда в Севастополе, департамент полиции теми же способами «выудил» и Афанасия Матюшенко.

6 июня 1907 г. департаменту полиции стало известно, что «один из главарей мятежа», Матюшенко, выехал из-за границы в Россию, о чем и даны были секретные циркулярные сообщения по полиции с портретом Матюшенко на предмет его изъятия (III Отд. Госархива. Дело м. охр. отд. с циркулярами департамента полиции № 11 от 1907 г.). А 11 августа (ст. ст.) того же года он уже арестовывается в Николаеве под фамилией Федоренко и опознается.

Подробности ареста и последние минуты Матюшенко мы находим в ниже приводимом письме Е. Бредихина. Письмо в простых, трогающих до глубины души, выражениях четко со всеми характерными подробностями рисует тяжелые минуты прощания Матюшенко с товарищами и его геройскую смерть. Оно направлялось в Бухарест, но по назначению не дошло, так как через секретную агентуру было перехвачено начальником одесского охранного отделения и подлинник направлен в департамент полиции, а копия в Севастополь. Мы ее обнаружили в одном из дел военно-морского суда (III Отд. Госархива, № 255, т. I от 26 ноября 1907 г.) с дознанием и производством о Е. Бредихине. Приводимое ниже письмо сохранилось в делах III Отделения Госархива в копии, напечатанной на машинке с сохранением орфографии не вполне грамотного автора. В печатном тексте исправлена орфография автора и расставлены знаки препинания для ясности смысла.

1907 г. 29 октября.

Дорогой друг, Замфир Арборе [1]). Шлю Вам сердечный привет (и) сообщаю скорбную весть о казни дорогого товарища Матюшенки. 3 июля в Николаеве провокаторски был предан, а из Севастополя офицера ездили устанавливать личность. Узнали и доставили в одесскую тюрьму. 10 октября взят на миноносец, а 11 доставлен в Севастополь. Когда вели в морскую тюрьму, то по всему пути был патруль поставлен: 60 человек конвоя, 7 офицеров. Камера заключения его секретна. Нужно пройти коридор, войти в караульное помещение, из караульного помещения вход в камеру рядом с комнатой кар(аульного) офицера. Ключ у офицера кар(аульного) находился. У дверей часовой и под окном усиленная охрана. На первый же день арестовали, то-есть без постельных вещей и горячей пищи на 5 суток за то, что не вставал на поверку. Выписки не разрешали и никакой передачи от товарищей по заключению. На прогулку вышли только 1 раз за все время. 16 окт. получил обвинительный акт, 17 суд. Также около 100 человек конвоя водили на суд. За потемкинское дело смертная казнь по манифесту 10 окт. 1905 года заменили 15 лет каторги. За прокламацию и воззвание к офицерам армии и флота и карикатуру (на) царя, — смертная казнь — которы(е) [2]) был(и) посланы из Румынии штаб-капитану Данилову под именем Матюшенки, Кара! (кроткий царь). После суда ему разрешили табак курить. С 18 на 19 мы не спали всю ночь: думали, что его возьмут. 19 в 8 час. вечера привезли гроб и столб. Готовая висела. Тут мы узнали, что

---

[1]) Земфирий Арборе, Ралли, старый революционер, анархист, эмигрировавший в 1871 г. из России за границу, сподвижник С. Г. Нечаева, Ткачева, Бакунина. В 1880 г. принял румынское подданство под фамилией Арборе. (Истор.-Рев. Архив, дело моск. охр. отд. № 1587 от 1908 г., «Былое» за 1906 г. № 7). Живет и поныне в Бухаресте. Дети Арборе, Екатерина и Дмитрий, коммунисты. Семья Арборе встретила Е. Бредихина и А. Матюшенко и других «потемкинцев» тепло и оказывала им необходимое содействие и помощь. Вот почему перед смертью А. Матюшенко вспомнил их и просил передать привет.

[2]) Т.-е. прокламация и воззвание к офицерам армии и флота. *Прим. Ред.*

его вешать будут здесь во дворе, чего еще не было. Я находился на верхнем этаже. Мы, т.-е. заключенные, стали прорезать щели в щитах, которы(е) над окнами, придумал это отец Скрыдлов [1]), т. ч. видно вверх кусочек неба только. В начале 5 часа утра стали вводить войско всех частей: 1 эскадрон казаков, эскад(рон) драгун, 2 роты матросов, но без ружей, из всех благонадежных частей армий, т. ч. полный двор и за двором кругом войско. Половина шестого утра входят в мою камеру, заявляют, что Матющенко просит попрощаться со мною. Я был одетым потому, что следил за всем движением. Когда увели меня в караульное помещение, т.-е. раньше меня предупредили, что говорить нельзя ни одного слова, то я увидел — полное помещение офицеров разного калибра, двери открыты камеры, он стоит, правым плечом опершись о плотную стенку, и смотрит на эту свору, собрав(шуюся) смотреть на его смерть. Мы обнялись и я зарыдал как дите, он сказал: «не стоит плакать», оставил мне крест золотой с надписью «спаси и сохрани», медальончик, вещи, и когда я хотел у него спросить, кому что передать, то меня схватили и вывели, на верхнем этаже продержали и в камеру не впустили, пока его провели. Тогда меня обратно свели вниз, там, где помещался Матющенко. Здесь в углу на полу лежали вещи казенные: одеяло, рубашки, тельники, кальсоны, на койке коробка с табаком. Я первым долгом бросился — записки или надписи, но ничего не нашел. Затем открыл окно, но плохо было слышно, когда читали приговор. На второй день мне товарищи, передали следующее: во время чтения приговора он ходил взад и вперед по — над фронтом. Кончили читать приговор, он сказал: «прощайте, товарищи», и еще что-то хотел сказать, но тут командир с «Потемкина», Акимов, закричал: «замолчи», а он ответил: «чего орешь». И повели к виселице. Он взял сам на стол стал и на столе сказал: «вешайте, трусы, но придет время и вас перевешают на фонарных столбах». Палач, как видно, профессиональный, и стал на табуретку, руками набросил петлю, а ногою выбил стол. Забил барабан. 15 мин. висел. Спустили. Стали снимать кандалы. Крутили ноги, выворачивали, так как неудобно было расковывать с мертвого. И только мяли кандалы, и руки развязали, и в шинели положили в гроб. Похоронили за корабельным кладбищем, где уже покоится два солдата Бресского полка, также повешенные за убийство двух офицеров, 15 ноября 07 года пытались поднять вооруженное восстание, но неудачно. Последнее время он мне успел кое что передать: на суде было два защитника, но он отказался от защиты. Кассации не подавал. На суде все принял на себя, т.-е. убийство офицера. Последние слова его записки: «сегодня приговор будет исполнен, умираю за правду с горестью, как подобает революционеру, передай последний мой привет Арборе, прощай!» Так погиб наш товарищ, оставил нам свой пример, как нужно бороться и как помирать за великое дело освобождения народа! Всецело отдал жизнь за народ. Если бы кто знал, что я испытал за эти дни после смерти его! Не мог кушать, и не могу уснуть: я вижу тени его перед собой, как мы прощались, как висит, как ему ноги крутят и как видел его веселым, когда проходил мимо. Да еще кое что: четыре палача было — два, которые вешали, в халатах, отвернуты воротники, так что лица были закрыты и загриммированы. И на предупреждение прокурора, что осторожней, он опасный человек, палач ответил: «я вешал таких, которые цепи рвали, а с этим справлюсь». Показание на Матющенко прапорщика Алексеева, — а остальные все сволочь — подтверждает именно правда (?), — но и безобразно показание. А если для вас это важно, то я могу вам прислать копию обвинительного акта, так как он передал мне его, но я передал вольным людям, где он будет находиться, пока меня переведут в гражданскую тюрьму. Затем сообщаю вам, что 15 человек «потемкинцев» уже здесь находятся.

[1]) Скрыдлов, Никол. Иллар., вице-адм., ком. черн. и тихо-океанск. флота.

приехали сюда (меня) еще не было. Я ожидаю на-днях суда. Судьба неизвестная. 9 негодяев показывают, как на главного руководителя восстания. По получении моего письма, дайте мне ответ, хоть открыточку. Почему-то я не уверен, что мое письмо будет получено вами. И также сообщите, что нового в вашем царстве. Передайте мой привет дед. Пет. [1]) и Гер. [2]) Рак [3]) и всем товарищам. С искренним почтением Бредихин. Адрес Севастополь, военно-морской арестный дом, содержащемуся под стражей Бредихину.

Не мешает кое что сообщить вам: матросов раньше было 10 экипажей около 16 тысяч, теперь один экипаж. Суда стоят, под стенкой человек, пока матросов караулит. На берегу также нет матросов — есть несколько сот, но все в порту арестованы. Ежедневно отправляют на каторгу, в арестантские роты. В помещениях матросских, где раньше находились матросы, теперь казаки, драгуны, армия. Матросы штыка не доверяют. Оружие у матросов все отобрано. Посты флотские, караул занимают армейские.

---

[1]) Дедом Петром «потемкинцы» звали старого народовольца-эмигранта, умершего в 1911 году, известного под именем доктора Петра—настоящая фамилия которого Василий Ивановский. Часть потемкинцев жила у него в Тульче (в Румынии).

[2]) Герадоброджано Константин, эмигрант, с.-д. из бывших народников. Основатель коммун. партии Румынии. Сын его коммунист. «Потемкинцы», в том числе Матюшенко и Бредихин, жили в его семье и Герадоброджано провожал Матюшенко из Румынии.

[3]) Раковский, Христ. Георг., член Р.К.П.(б.). Когда броненосец «Князь Потемкин» прибыл в Констанцу, Раковский первый взошел на судно.

Сообщила *К. И. Воинова.*

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.) — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.—Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста**: Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.— В. Чернов и июльские дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.—Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим. — **Из записной книжки архивиста**: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание).—Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson". — Достоевский „Преступление и Наказание".— Омские события при Колчаке. — **Из записной книжки архивиста**: Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной Воли".—Неизданные письма Л. Толстого Ислявиным.—Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Подготовка Балканской войны 1912 г.— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г.—Волнения во флоте 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показания А. Д. Протопопова.—Октябрьский переворот и ставка.—Вокруг „Гатчины".— Записка Бошняка.— Марксистская период. печать 1896—1906 г.г.—„План убийства" Вильгельма II.— Деление угла на три части.—Письмо Гапона, и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1925

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. Предисловие *А. Л. Попова*. . . . . 3— 31
2. Отражение событий 1905 г. за границей. *С. Залкинд*. . . . . 32— 55
3. Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 года. Предисловие *А. А. Сергеева*. . . . . 56— 65
4. Крестьянское движение 1905 года *С. Дубровский*. . . . . 66— 93
5. Волнения во флоте в 1915 году. Предисловие *Ф. Раскольникова*. . . . . 94—103
6. Из дневника ген. В. И. Селивачева. *Н. Какурин*. . . . . 104—132
7. Показания А. Д. Протопопова. *И. Тоболин*. . . . . 133—155
8. Октябрьский переворот и ставка. Статья *А. Г. Шляпникова* . . . . . 156—170
9. Вокруг „Гатчины“. *Н. Авдеев*. . . . . 171—194
10. Записка А. К. Бошняка. *Б. Е. Сыроечковский*. . . . . 195—225
11. Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г. *Вал. Полянский*. . . 226—268

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

12. „План убийства“ Вильгельма II. *И. Тоболин* . . . . . 269—285
13. Деление всякого угла на три части. . . . . 286—290
14. Письмо Балашева к Столыпину. *М. М. Константинов* . . . . . 291—294
15. Письмо Гапона. *В. Алексеев*. . . . . 294—297
16. Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. *В. Азлецкая*. . . . . 297—299
17. Похороны Н. В. Гоголя. *Н. Бельчиков*. . . . . 300—303

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ВТОРОЙ (ДЕВЯТЫЙ).

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Гиз. № 9491. Главлит. № 37.834. Напеч. 5.000 экз.

1-я Образцовая типография Госиздата. Москва, Пятницкая, 71.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА

Балканской войны 1912 г.

(Окончание [1]).

№ 45. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 24 октября (6 ноября) 1911 г. № 86.

Получил телеграммы №№ 1632 и 1688.

Исполняя инструкции Ваши, я без особого труда убедил Гешова, а через него и остальных членов кабинета, в безусловной необходимости ограничить соглашение с Сербией союзом тесным, но оборонительным и направленным к сохранению status quo. При чем к такому союзу могла бы легко примкнуть и Греция. Тем временем Спалайкович привез из Белграда целый проект союзного договора, коего ст. 3 подробно предвидит и регулирует наступательную войну против Турции, а ст. 4 — раздел завоеванных у Турции провинций. Спалайкович сообщил мне весь этот проект «in extenso», я пошлю вам выписки ближайшею экспедициею. Я объявил категорически Спалайковичу, что ни о каких наступательных действиях или о каких-либо планах раздела Турции Россия и слышать не хочет и что союз Болгарии и Сербии должен быть чисто оборонительным и охраняющим status quo. То же повторил я Гешову, который, впрочем, согласился со мной совершенно. Спалайкович лично охотно сдается на мои доводы и обещал исходатайствовать из Белграда другой проект, строго нашим желаниям соответствующий.

Неклюдов.

№ 46. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Белграде.

С.-Петербург. 28 октября (10 ноября) 1911 г. № 1747.

Сообщается в Софию.

Ваша телеграмма № 172 получена.

Шум, поднятый западной печатью по поводу слухов о балканской федерации, должен побудить балканские государства быть особенно осмотрительными в своих взаимных сношениях и разговорах. Сообщае-

[1]) Красный Архив, т. VIII, стр. 1—48.

мый Вами проект сербо-болгарского договора нуждается в некоторых поправках и по существу и, в особенности, по форме. Не говоря уже о том, что статья 3 предоставляет неравные роли Сербии и Болгарии, так как трудно ожидать от первой самостоятельных выступлений,— вся редакция соглашения, особенно же статья 4, основана на идее военных действий и насильственных захватов, между тем как та же мысль могла бы быть изложена в форме определения культурных сфер влияния, что не казалось бы прямо направленным против Турции и вполне покрывалось бы формулой сохранения status quo.

В этом смысле уже были даны указания Неклюдову, вызвавшие, по его отзыву, сочувствие и Гешова и Спалайковича.

Нератов.

№ 47. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 1 (14) ноября 1911 г. № 179.

Получил телеграмму № 1747 [1]).

Секретно.

Прежде всего по поводу необходимости соблюдать осторожность. Должен заметить, что, поскольку мне известно, обе стороны озабочены сохранением переговоров в строжайшей тайне. По крайней мере, Сербией приняты все меры в этом отношении. Так, здесь даже, кажется, не все министры посвящены в подробности дела; переписка, шифровка телеграмм и пр. ведется в Софии лично Спалайковичем, а в Белграде Миловановичем и начальником отдела. Печать, на основании слухов из Константинополя, действительно, толкует о балканской конфедерации; переговоры о сербо-болгарском соглашении остаются в тайне. В последнее время заговорили о сближении обоих государств с точки зрения экономической, чему послужил поводом официальный отъезд в Софию представителей сербских фирм для переговоров о торговом договоре, таможенном союзе и пр. Это явилось весьма кстати для отвода глаз. Далее — о тексте конвенции: представленная мною схема не есть точная копия с проекта. После ухода от меня Миловановича, я по памяти, в общих чертах, восстановил прочитанный им на сербском языке первый набросок соглашения. Я умышленно не просил у него копии, дабы не связывать императорское правительство, по мнению которого выработку формулы надлежало предоставить всецело почину договаривающихся. Приступив, после долгих враждебных препирательств, к дружеским переговорам, обе державы, видимо, убеждены, что идут на встречу настоятельным советам России касательно славянского сближения, а посему едва ли они полагали, что вырабатываемый ныне в Софии проект соглашения может послужить канвою для балканской федерации. Таковая, казалось, должна вылиться в иную форму, если Ваше превосходительство разделяете соображения, выска-

[1]) Телеграммы № 1747 в делах не имеется.

занные в депеше моей № 64, о намерениях и целях договаривающихся сторон. По всем имеющимся положительным данным ни Сербия, ни Болгария не намерены направить соглашение специально к завоевательным целям. Из личных объяснений Гешова с Миловановичем выяснилось, что обе державы ставят своей задачей прежде всего охранение существующего положения и взаимо-обеспечение своего достояния от покушений извне; активное же выступление допускается, и то лишь с согласия и одобрения России, только в случаях общего обострения дел на Балканах, возможность наступления коего непрестанно обсуждается всей европейской печатью. Смею думать, что и для нас представляется важным предварительный с согласия России уговор обеих держав на этот счет, дабы они, застигнутые событиями врасплох, как то было в 1908 году, не стали действовать друг другу в ущерб. Телеграмма Вашего превосходительства была отправлена до получения моей депеши за № 64, в которой сообщалось о состоявшемся уже изменении 3 статьи в смысле полного предоставления России определять случаи выступления. Сейчас замечаю, что в 3 статье в самом начале мною пропущена важная оговорка: «Если помимо воли сторон status quo на Балканах будет нарушен к их ущербу, если положение и т. д.»—что прямо указывает на их намерение до крайней возможности поддерживать status quo. Статья 4, находясь в тесной связи с предыдущей, распределяет захваты, вызванные против воли обеих сторон исключительными обстоятельствами, предусмотренными 3 статьей. Основанием же для разграничения сфер служат культурные, экономические и национальные задачи. Вообще, обсуждая вопрос с местной точки зрения, почитаю долгом высказать убеждение, что если из настоящего проекта исключить статью о взаимной помощи при исключительных обстоятельствах, то самое соглашение потеряет в глазах обеих держав всякую ценность, и они снова станут в неприязненное друг к другу положение, открывая широкое поле для подпольной агитации извне в ущерб интересам славянским, а следовательно и русским, на Балканском полуострове. Между тем на этот раз и болгарское и сербское правительства видимо одушевлены сознанием необходимости для интересов славянских государств установления общности действий под наблюдением России. По сообщению Спалайковича Гешов горит нетерпением приложить свою подпись к историческому акту первостепенной важности. Обоюдное стремление сторон — не уклоняться от общих указаний миссий, всецело подчинить свои действия контролю императорского правительства — является гарантией, что соглашение не будет использовано ими, как оружие против Турции, с которой они могут вообще сговориться на иных основаниях, если балканская федерация имеет под собой хотя бы какую-либо реальную почву [1]).

Гартвиг.

---

[1]) На полях имеется собственноручная пометка Николая II синим карандашом: «Принципиально Гартвиг прав. Этот вопрос меня очень интересует».

№ 48. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена, 1(14) ноября 1911 г. № 66.

Эренталь высказал мне свое удовольствие, что совет, данный Вашим превосходительством итальянскому послу в Петербурге, и о котором доносит австро-венгерский поверенный в делах в Петербурге, относительно серьезной опасности для сохранения мира на Балканах в случае военных действий Италии на Эгейском море или в Малой Азии,—тождествен с тем, что он сказал итальянскому послу в Вене. Он надеется, что одинаковое мнение, выраженное двумя более всего заинтересованными державами, повлияет на мнение итальянского правительства.

Гирс.

№ 49. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 6(19) ноября 1911 г. № 69.

Эренталь сообщил мне, что он крайне озабочен решением Италии и находит, что при этих условиях выжидательное положение держав более немыслимо. Он допускает мысль, что на-днях итальянский флот ворвется в Дарданеллы, рискуя даже потерять два-три судна, и постарается добраться до Константинополя, дабы заставить султана подписать там мир. Интересы и достоинство России и Австро-Венгрии пострадают в этом случае более всего, другие великие державы менее заинтересованы. Вот почему он находит, что Россия и Австрия должны были бы в виду тождественных интересов в этом вопросе энергично действовать совместно. Он не формулирует нового предложения, чтобы выступать всякий раз с новыми предложениями, что может не понравиться другим, но в доверительном разговоре он дал мне понять, что мы могли бы совместно, если не слишком поздно, настоять на немедленном перемирии воюющих сторон; это дало бы возможность всем державам настоять на посредничестве.

Гирс.

№ 50. Черновик письма вр. упр. мин. ин. дел председателю совета министров и военному министру.

8(21) ноября 1911 г. № 738.

Секретно.

М. Г.

Влад. Ник., Влад. Алекс.

Вследствие секретного письма в. выс. пр-ва от 5 ноября с. г. за № 5221 (ген. Поливанова от 29 окт. с. г. за № 2358 [1]) по вопросу о

[1]) При письме от 29/X 1911 г. за № 2358 ген. Поливанов препровождал копию шифрованной телеграммы военного агента в Черногории, полк. Потапова, передававшего содержание своей беседы с Николаем Черногорским. Последний, указывая на военные приготовления австрийцев и на создающуюся на Балканах новую группировку держав, выражал сожаление по поводу недостаточной активности России.

поступивших в военное м-во донесениях об усилении австрийских войск на южных границах монархии, считаю долгом уведомить, что по полученным в м-ве иностр. дел из разных источников сведениям, в том числе и из препровожденного мною к в. в. пр. письма корреспонд. СПБ. Тел. Аг-ва, Сватковского,—следует заключить, что, несомненно, замечается, или, правильнее, замечалось, в середине октября месяца некоторое усиление военных сил Австрии на границах Новобазарского санджака.

Но, помимо того, что приток новых частей находится в связи с увольнением старослужащих, — нет никаких указаний на то, чтобы имелось в виду какое-либо непосредственное выступление Австрии — разве что наступили бы какие-либо неожиданные осложнения на Балканах. Поэтому, повторив нашим посольствам, миссиям и консульствам указания зорко следить за движением военных сил в санджаке и близ него, — я не вижу оснований в настоящий момент принимать какие-либо особые меры по содержанию упомянутых военных известий.

Примите, и проч.

Нератов.

№ 51. Секретная телеграмма посланника в Белграде

Белград. 10 (23) ноября 1911 г. № 182.

Вчера имел продолжительную беседу с Миловановичем.

Прием короля Петра в Париже по радушию и сердечности превзошел все ожидания сербов. Повсюду и во всем чувствовалось проявление возрастающих со времени аннексии симпатий Франции к Сербии, мирная политика которой встречает полное одобрение во Франции. Кальо, де-Сельв, Делькассэ, Баррер и другие политические деятели, с которыми беседовал Милованович, считают Сербию важным политическим фактором и признают ее культурное значение на Балканах. Франция, в полном единомыслии с Россией, готова всячески содействовать осуществлению национальных задач Сербии. В Париже, по словам министра, относятся весьма скептически к балканской федерации, но глубоко сочувствуют сербо-болгарскому союзу, видя в нем серьезный оплот против германо-австрийского натиска. По поводу означенного союза Милованович советовался в Париже с Ризовым и Станчевым, получавшими указания от короля Фердинанда и Гешова. Соглашение совсем наладилось за исключением статьи о сферах. Дабы обойти и это препятствие, сербское правительство намерено на-днях собрать совещание, к которому будет приглашен Спалайкович, в целях определения самого крайнего минимума сербских притязаний. Милованович надеется, что новая разграничительная черта будет принята в Софии, и таким образом великое славянское дело завершится благополучно.

Гартвиг.

№ 52. Письмо посланника в Париже вр. упр. мин. ин. дел.

Париж. 10 (23) ноября 1911 г.

Милостивый государь
Анатолий Анатолиевич!

Во время пребывания в Париже короля Петра I я имел весьма интересную беседу с сербским министром иностранных дел; г. Милованович начал с того, что самым положительным образом заверил меня в миролюбивых намерениях Сербии и в отсутствии у сербского правительства какого бы то ни было поползновения использовать настоящие события на Ближнем Востоке; с другой стороны, он выразил мне живейшее беспокойство по поводу обширных планов, замышляемых, по имеющимся у него сведениям, Австро-Венгрией; по его словам, австро-венгерское правительство, встречающее противодействие своей балканской политике со стороны Сербии и Болгарии, решило осуществить мысль крупного автономного албанского государства; с этой целью оно тратит большие суммы для возбуждения в Европе интереса и симпатий к албанской народности, будто бы особенно способной к политическому развитию; будущая независимая Албания должна простираться до течения Вардара и захватить большую часть Македонии; само собой разумеется, что государство это должно подчиниться австро-венгерскому протекторату, служить политическим целям Австро-Венгрии и оттеснить на задний план славянские государства, т.-е. Сербию и Болгарию; что касается Черногории, то г. Милованович приписывает ей склонность следовать за Австро-Венгрией, в награду за что ей будет предоставлена часть санджака и некоторые албанские земли со Скутари. Г. Милованович уверяет, что в Болгарии, наконец, поняли всю опасность, угрожающую славянству со стороны Австро-Венгрии и что ныне переговоры о сербо-болгарском соглашении идут гораздо успешнее и имеют все шансы притти к благополучному окончанию; о переговорах этих, по его словам, императорское правительство осведомлено самым подробным образом. На мой вопрос, что́ ему известно о положении, которое займет Румыния в случае столкновения сербо-болгарских интересов с австро-венгерскими, г. Милованович ответил, что, по его убеждению, румынское правительство также не имеет никакого повода способствовать движению Австро-Венгрии вглубь Балканского полуострова, что оно не связано с Австро-Венгрией никакими положительными обязательствами по отношению к Сербии и Болгарии и что в случае ликвидации Европейской Турции оно может удовольствоваться исправлением границы близ Силистрии.

В заключение г. Милованович сказал мне, что, по вполне достоверным сведениям, Австро-Венгрия в весьма серьезных размерах увеличивает численность своих военных сил в Боснии и Герцоговине,

дабы в каждую минуту быть готовой к действиям на Балканах. При этом, как и в 1908 году, она не посылает туда новых частей, а лишь доводит находящиеся там части до численности боевого состава.

Все вышеизложенное, несомненно, известно от г-на Миловановича нашему посланнику в Сербии, который лучше, нежели я, может оценить степень серьезности и обоснованности его слов; тем не менее, мне кажется небесполезным довести до Вашего сведения о моей беседе с этим несомненно умным и хорошо осведомленным государственным деятелем.

Примите, и т. д.

Извольский.

№ 53. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 17 (30) ноября 1911 г. № 93.

Копия в Рим.

Я узнал, будто за последнее время между кое-кем из сербских и итальянских политиков ведутся разговоры о возможности связать действия обеих стран против Турции и Австрии. Разговоры эти не исходят от правительств, но ведут их лица даже официальные. Здешнее итальянское представительство разделилось на два лагеря: посланник, человек рассудительный и имеющий вес в Консульте, не одобряет всякой попытки распространить действия итальянцев на Левантинское побережье; военный агент и первый секретарь открыто проповедуют необходимость крайних мер по отношению к Турции. Сегодня еще последний, оставшийся поверенным в делах, просил Мартенса передать мне его мысль, что Россия не должна была бы вовсе противиться проходу итальянского флота через Дарданеллы, а, напротив, должна была бы пробиться сама в Босфор и решить в свою пользу вопрос о проливах. А между тем это человек вовсе не глупый. Вероятно, подобные же речи держат и в Белграде. Здешних особенно охотно слушает оппозиция.

Неклюдов.

№ 54. Секретная телеграмма посла в Вене.

Вена. 19 ноября (2 декабря) 1911 г. № 84.

Сообщаю в Софию.

Приглашение короля Фердинанда от имени императора Франца-Иосифа, по внушению Эренталя, вызвано желанием австрийского правительства точно определить положение, которое король и его правительство займут в случае осложнений. Идет слух, что будто бы Австрия желает способствовать сближению Болгарии с Румынией, советуя обеим этим балканским державам заключить союз, чтобы охранить

себя от всякой против Австрии федерации. Насколько эти слухи заслуживают внимания, проверить здесь очень трудно. Наш представитель в Софии следит, несомненно, на месте за всяким признаком сближения между Болгарией и Румынией; что же касается союза, то он противоречил бы всем сделанным Болгарией России заявлениям не связывать судьбу страны в ущерб нашим интересам и крайне желательному сближению с Сербией.

Гирс.

№ 55. Телеграмма французского посла в Константинополе французскому министру иностранных дел [1]).

Пера. 7/XII 1911 г.

Состояние умов свидетельствует о некоторой возбужденности, возникшей в связи с событиями в Иштибе и особенно в связи с щедрою раздачей бомб из Македонии. Носятся слухи, что болгаро-македонский комитет получил из Италии пособие в 2 милл. фр. для военных выступлений. Об этом факте будто бы упоминается в отчетах полиции, идущих из Софии в оттоманское министерство иностранных дел, которое не сомневается в участии Италии во враждебных действиях болгарских банд.

Это известие представляется правдоподобным австро-венгерскому послу, уверяющему, что участие Италии дает себя чувствовать также и в Албании через черногорских ставленников. По его мнению, поведение Австро-Венгрии безупречное. По распоряжению своего правительства он заявил Порте, что слухи об усилении гарнизона Боснии и Герцоговины, распространяемые Сербией, лишены всякого основания и что в случае если обстоятельства вынудят австро-венгерское правительство предпринять подобного рода действия, то он немедленно поставит в известность оттоманское правительство.

Итак, положение в Македонии и Албании весьма тревожное, и Австро-Венгрия всеми силами старается не нарушать добрых отношений с Турцией по случаю войны, начатой ее союзницей.

Бомпар.

№ 56. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 23 ноября (6 декабря) 1911 г. № 1966.

Телеграмма № 88 [2]) получена.

Можете в доверительной форме сообщить Гешову, что у нас с Турцией происходит обмен мнений по вопросам, нас специально интересую-

---

[1]) Перевод с франц. В делах нет указаний на природу приводимого документа; повидимому, это копия шифрованной телеграммы (датирована по новому стилю).

[2]) В телеграмме от 9/23 ноября за № 88 Неклюдов, касаясь проникающих в Болгарию слухов о русско-турецких переговорах и о возможности соглашения России с Турцией, просит Нератова известить его заблаговременно об имеющих последовать в этом смысле решениях.

щим. При этом мы с особой осторожностью относимся к вопросам, могущим затронуть интересы балканских государств. В частности, по отношению болгарских интересов нами не намечается никаких сделок, затрагивающих те вопросы, которые служили предметом наших доверительных предложений Болгарии в 1910 г. и относительно коих мы имеем основание ожидать сочувственного с ее стороны приема.

Нератов.

№ 57. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланникам в Софии и Белграде.

С.-Петербург. 23 ноября (6 декабря) 1911 г. № 1967.

Телеграмма № 91 [1]) получена (для Софии).

Телеграмма № 182 получена (для Белграда).

Вследствие разговоров, поднявшихся около вопроса о сближениях балканских государств, не исключая о конфедерации, мы полагаем особенно желательным осуществление сербо-болгарского уговора преимущественно по двум вопросам: взаимная поддержка в случае нарушения status quo и разграничение культурных сфер влияния. Такое соглашение, защищая сбе стороны от непосредственного на них покушения или от предрешения вопросов будущего в невыгодном для них смысле, одновременно предохранило бы их от уклонения в сторону более сложных комбинаций, к чему, повидимому, склонна Австрия, советуя Болгарии сблизиться с Румыниею и сама затевая разговоры с Грециею. Помимо того, что более обширные комбинации потребовали бы и более сложных и продолжительных переговоров,— они легче бы возбудили подозрение Турции.

Вообще, необходима крайняя осторожность для избежания огласки переговоров, так как есть указания, что о существовании их уже осведомился откуда-то итальянский посланник в Белграде.

Нератов.

№ 58. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 28 ноября (11 декабря) 1911 г. № 96.

Ассим-бей предложил Гешову заключить турецко-болгарское соглашение на условиях: 1) Исполнение Турциею болгарских пожеланий относительно Кумановской линии, торгового трактата и других. 2) Строгое невмешательство в обоюдные внутренние дела. 3) Самое благожелательное отношение Порты к правам и желаниям турецких болгар. 4) Десятилетняя гарантия неприкосновенности обоюдных терри-

[1]) В телеграмме от 17/30 ноября 1911 г. за № 91 Неклюдов, сообщая о том, что сербо-болгарские переговоры перестают быть абсолютною тайной, предлагает в целях конспирации прекратить временно всякие переговоры.

торий.—Гешов сообщил мне об этом дня три тому назад, добавив, что дает турецкому посланнику отвезти Ассиму благоприятный, в общем, ответ, но что не придает существенного значения этому предложению и подозревает, что оно было сделано, чтобы увериться, связана ли Болгария с Сербией и соглашается ли гарантировать неприкосновенность Македонии. С тех пор Гешов еще скептичнее относится к турецкому предложению, ибо получил от Сарафова сведения, неблагоприятные болгарским фактическим домогательствам в Константинополе.

Неклюдов.

№ 59. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 29 ноября (12 декабря) 1911 г. № 98.

Король до вчерашнего дня ничего не рассказывал Гешову о своих разговорах в Вене. Напротив того, Даневу он сообщил, что со «старым и больным» императором он о политике не говорил. С Эренталем он разговаривал долго, при чем Эренталь, стараясь выведать намерения Болгарии, сказал будто бы королю, что Австрия в принципе и при известных обстоятельствах не противилась бы расширению болгарских границ в сторону Македонии. Король отвечал на это весьма уклончиво; он заметил, что граф Эренталь и все политические сферы в Вене крайне смущены и озабочены. Король весьма много и с откровенностью сносится за последние месяцы с Даневым, оттеняя тем еще более свою сдержанность с Гешовым, и Данев сообщил мне, что, по его наблюдениям, король за последние недели все более убеждается в прочности и тесном и решительном взаимодействии России, Франции и Англии и уверен также в преимуществе сил сих трех держав над силами Германии и Австрии. Это сознание—как надеются и Данев и Гешов—может заставить короля решиться на окончательный оборот в сторону соглашения с Сербией и Россией, и тогда возврата для него и Болгарии не будет. Я не лишен той же надежды, но все-таки боюсь, как бы органическая нерешительность безусловно неврастеничного монарха не взяла верх, а также, как бы нынешний исключительный фавор искреннейшего руссофила Данева не разрешился бы только удалением на покой Гешова и некоторым ослаблением столь необычно сильной коалиции цанковистов и народняков.

Неклюдов.

№ 60. Письмо вр. упр. мин. ин. дел послу в Вене.

1 (14) декабря 1911 г. № 785.

М. Г.

Николай Николаевич.

Недавняя поездка кор. Фердинанда в Вену и свидание его с имп. Францем-Иосифом невольно останавливают на себе наше внимание.

Как мне кажется, выставленных гр. Эренталем в разговоре с Вами объяснений о желании австрийского правительства точно определить положение, которое Болгария займет в случае осложнений—недостаточно для личных переговоров двух государей, факта, противоречащего, кроме того, еще недавно сделанному Вам гр. Эренталем заявлению, что до весны не предполагается приема в Вене ни одного балканского монарха.

Точно так же трудно объяснить себе приглашение кор. Фердинанда в Вену одним только желанием побудить его к сближению с Румынией.

Более вероятным, следовательно, является предположение, что темой происходивших разговоров служило общее положение Балканского полуострова и, в частности, Македонии.

Исходя из различных отрывочных указаний, особенно же из факта значительного усиления боевой готовности монархии на южных ее границах (о чем военный агент в Вене дополнительно доносит в военное министерство), можно предположить, что разговор с королем болгар происходил в таком направлении: либо Австрия, основываясь внешне на точке зрения status quo, предостерегала Болгарию от всяких его нарушений, прибавив угрозу, что в случае малейшего ее движения она сама вынуждена будет двинуться в сторону Сербии и санджака, либо, предоставив Болгарии свободу действий в сторону Македонии, она советовала ей по этому вопросу сговориться с Румынией. Очевидно, что разговоры эти были бы не легкие и не скорые и тем самым вбивался бы, так сказать, клин между Болгарией и Сербией, сближение коих всегда было особенно ненавистно Австро-Венгрии.

Исходя из вышеизложенных или подобных им догадок, Ваше пр-во, может быть, найдете случай выведать и осветить имп.м-ву суть недавних австро-болгарских разговоров, что, без сомнения, облегчит нам суждение об общем положении балканских дел.

Нератов.

№ 61. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Цетинье.

С.-Петербург. 2(15) декабря 1911 г. № 2048.

Телеграмма № 156 получена [1]).

Не имея достаточно полных данных, чтобы судить, на какие именно надобности нужен Черногории сравнительно крупный заем, не видим основания к протесту или прекращению субсидии от России, расходуемой подконтрольно и на точно определенные предметы. Но при этом не можем не указать королю и его правительству на крайнюю опасность для жизненных условий страны выговариваемого банком Бденкредит права ипотечных операций под недвижимость. Этим путем

[1]) В телеграмме № 156 29/XI Арсеньев сообщал о предстоящем рассмотрении в Скупщине «договора о крупном для королевства займе в Вене, отдающем Черногорию в кабалу Австрии».

при малейшей денежной неисправности сама территория Черногории, к охране коей нами приносятся немалые жертвы, рискует попасть непосредственно в чужие, не всегда дружеские, руки. Не найдет ли королевство иного обеспечения для предполагаемого займа?

Благоволите в изложенном смысле переговорить с министрами и о последующем телеграфировать.

Для личного Вашего сведения: имеем подозрение, не является ли все это дело попыткой короля вынудить нас оказать ему новое чрезвычайное пособие.

Нератов.

№ 62. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 7 (20) декабря 1911 г. № 99.

№ 1. Все эти дни меня посещали поочередно Гешов, Данев и сербский посланник для продолжительных бесед о сербо-болгарском соглашении. Положение следующее: король Фердинанд повторил Гешову свое сочувствие союзу. Гешов и Спалайкович пришли к полному согласию по всем пунктам, кроме разграничения Македонии, хотя тут разногласие сводится лишь к пяди земли близ самой болгаро-турецкой границы, а именно, к местечкам Кратово и Эгри-Паланка с округою. Но, уступив значительную часть сан-стефанских границ, т.-е. Ускюб с Кумановым и Дибру с краем до Охридского озера, и исполнив, таким образом, именно то, чего мы добивались в пользу сербов в прошлом году, болгары, по моему убеждению, дошли до крайнего предела уступок и дальше не пойдут. Принимая во внимание, что для Болгарии соглашение менее необходимо, чем для Сербии, и что болгары идут на него, главным образом, чтобы упрочить за собой русское благоволение, и будучи в особенности уверен, что подписание сербо-болгарского союза окончательно закрепит и Болгарию и царя Фердинанда в полном и искреннем единении с Россией, — я беру смелость настоятельно просить Вас употребить самое решительное давление на сербов в смысле прекращения дальнейших препирательств с их стороны из-за Эгри-Паланки и Кратова. Необходимо спешить. Если соглашение не будет подписано до рождества, то оно, вероятнее всего, никогда не состоится.

Неклюдов.

№ 63. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 8 (21) декабря 1911 г. № 99.

№ 2. — Болгары предлагают как крайнюю границу возможных будущих уступок Сербии следующую линию, почти совпадающую с такою прямой, которую протянули бы от места скрещения границ турецкой, сербской и болгарской до северного угла Охридского озера, а именно, водораздел между рекой Пчинья и ее притоком Крива-

река, река Пчинья; далее от Вардара по прямой почти линии до верхнего угла Охридского озера, оставляя Кичево сербам, а Крушево болгарам. Болгары соглашаются на то, чтобы край на север от этой границы был распределен при случае согласно решению государя императора и даже всецело отдан нами сербам. Сербы спорят лишь относительно восточного начала этой границы, желая обеспечить себе еще Эгри-Паланку и Кратово, на что болгары никогда не согласятся.

Неклюдов.

№ 64. Секретная телеграмма посланника в Софии.

Соф. я. 11 (24) декабря 1911 г. № 102.

Король Фердинанд просит разрешения послать особую миссию в Ливадию, чтобы приветствовать их императорские величества, как то делали доселе турки. Во главе миссии поставлен будет председатель собрания Данев, а к нему присоединен генерал Марков, то-есть нация и двор. Данев сам весьма желал бы побывать официально в России и иметь счастье представиться государю императору. Он первый подал мысль о приветственной миссии и чрезвычайно дорожит ее осуществлением. Гешов ему вполне сочувствует и очень желал бы, чтобы первоначально подписано было соглашение с Сербией, так чтобы миссия Данева явилась первым наглядным актом бесповоротно закрепленного в Болгарии искренно русского курса. Считаю своим долгом всецело поддержать просьбу болгарского короля и правительства. Данев как непреклонный и убежденный сторонник России и как вполне правдивый и надежный государственный человек достоин счастья повергнуть перед их величествами истинные чувства болгарского народа. При этом я был бы чрезвычайно доволен, если бы Вы могли с ним свидеться, переговорить и дать ему подобающие директивы. Было бы поэтому весьма хорошо, если бы прием миссии и время приема, всецело зависящие от благой воли государя императора, могли совпасть с Вашим в Ливадии пребыванием. Разумеется, было бы превосходно, если бы ко дню приема подписано было сербо-болгарское соглашение. Но это всецело зависит ныне от доброй воли сербов и от тех советов, которые у нас признали бы возможным им преподать. Осмеливаюсь просить возможно скорейшего отзыва.

Неклюдов.

№ 65. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 16(29) декабря 1911 г. № 198.

Ссылаюсь на мое донесение № 74 [1]).

К совещаниям по поводу сербо-болгарского соглашения вызван был сюда из Софии сербский посланник. Сегодня в ночь Спалайкович

[1]) Донесение Гартвига № 74 в делах отсутствует.

возвращается к своему посту с окончательной инструкцией, сущность которой заключается в следующем: 1) По обоюдному желанию статьи 3 и 4 выделяются из общего текста и составляют особенное секретное приложение к договору из двух статей. 2) Что касается разграничения сфер в единственно спорной части на северо-востоке, т.-е. от общей государственной границы до Вардара, то сербы выражают готовность принять последний болгарский вариант, но лишь с небольшим изменением, а именно: от Нерадова, вместо направления по прямой линии на юго-запад, разграничительная черта пройдет на юг, перейдет Кривареку у Петралицы и Мостаницы, откуда, обходя Кратово, направится на юго-запад, чрез Живалево, Туралево и Градаште к Вардару. Настоящий сербский вариант, оставляя болгарам и столь желаемые ими Эгри-Паланку и Кратово, отмежевывает в пользу сербов, по сравнению с гешовским вариантом, лишь несколько большую часть Овчье-Поле. 3) Вышеизложенный вариант представляет последнюю и крайнюю уступку сербов, далее которой они итти не могут. Если бы болгары отказались принять его, то сербское правительство предлагает возобновить статью о верховном арбитраже, который коснется спорной местности между последним гешовским и настоящим сербским проектами.

Сообщая мне содержание инструкций Спалайковичу, Милованович обратился с ходатайством об оказании императорским правительством соответственного воздействия в Софии. С своей стороны, почитаю долгом горячо поддержать означенное ходатайство, ибо, во-первых, как мне известно, некоторые члены совещания, с Пашичем во главе, самым решительным образом противятся новой уступке болгарам, и Милованович взял все дело на свою личную ответственность. Во-вторых, упоминаемая выше небольшая площадь на Овчье-Поле не представляет для болгар никакого интереса, напротив, для сербов имеет громадную стратегическую важность как естественный заслон по отношению к Ускюбу.—Наконец, в-третьих, последнее соображение не лишено значения и с русской точки зрения, если принять во внимание, что в будущих событиях Сербия может быть призвана сыграть роль нашего аванпоста.—По впечатлению Спалайковича, Гешов проявляет все время страстное желание подписать скорее соглашение и, конечно, не стал бы создавать затруднений к полюбовному решению настоящего дела. Но последняя граница, повидимому, предложена королем Фердинандом, и в таком случае может возникнуть лишь вопрос личного самолюбия.

Гартвиг.

№ 66. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 17 (30) декабря 1911 г. № 201.

В дополнение моей телеграммы № 198.

Вчера посетивший меня Пашич доверительно поведал, что он настойчиво воспротивился оказанию новых уступок Болгарии в деле

распределения сфер влияния. Если взятое Милованови чем на свою личную ответственность последнее сербское предложение будет отвергнуто болгарами, то, по мнению Пашича, в этом ясно скажется тайное намерение короля Фердинанда вызвать крушение переговоров.

Сообщаю Неклюдову.

Гартвиг.

№ 67. Секретная телеграмма вр. упр. мин. ин. дел посланнику в Софии.

С.-Петербург. 19 декабря 1911 (1 января 1912) г. № 2182.

Сообщается в Белград.

Осведомившись через Гартвига о преподанных Спалайковичу последних инструкциях, очень надеемся, что в виду, с одной стороны, крайней ничтожности желаемой сербами прирезки против болгарского проекта и удовлетворения взаимных домогательств в остальном, а, с другой стороны, важности преследуемой задачи и благоприятности настоящей минуты,—обе державы поспешат притти к соглашению между собой на основании последнего сербского предложения.

Нератов.

№ 68. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 22 декабря 1911 (4 января 1912) г. № 104.

Получил № 2182.

Вчера обе стороны пришли к соглашению относительно разграничения около Ускюба на основании последних инструкций сербского министра иностранных дел, но переговоры неожиданно затянулись касательно самого конечного пункта разграничения: Струги на Охридском озере, которую Гешов bona fide считал давно уступленною сербами болгарам. Отдача Струги сербам, по словам Гешова, встречает почему-то всюду особенную оппозицию со стороны болгарского военного министра. К тому же Ризов, который вместе с Станчевым вел особенные переговоры с сербским министром иностранных дел в Париже и подробно донес о них королю, решительно противится-де уступке Струги, а это сильно влияет на короля. Я показал Гешову Вашу телеграмму и сказал ему, что не могу докладывать Вам о ничтожном клочке земли, раз мы считаем последние предложения сербского министра иностранных дел вполне приемлемыми для болгар. Я взял на свою ответственность присовокупить, что настоящая минута решительная для наших отношений к Болгарии, что России необходимо теперь же знать, с какой группировкой и с какими истинными расположениями ей можно считаться, дабы руководствоваться сим в своей дальнейшей ближне-восточной политике. Сегодня, по моей просьбе, полковник

Романовский изложил те же самые соображения в самой дружеской форме генералу Фичеву. Завтра наш военный агент переговорит с генералом Никифоровым. Надеюсь на должное действие этих доводов на кого следует ввиду проникших откуда-то и весьма беспокоящих болгар слухов о каких-то переговорах, в которые хочет втянуть нас Австрия. Рассчитываю также на искреннее желание Миловановича и Спалайковича, Гешова и Данева заключить соглашение.

Неклюдов.

№ 69. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 24 декабря 1911 (6 января 1912) г. № 105.

В дополнение моей телеграммы № 104.

Из разговора с Фичевым и Никифоровым полковник Романовский вынес впечатление, что и в военных кругах дорожат соглашением с Сербией. В то же время наш военный агент определенно выяснил, что рациональная с топографической точки зрения граница бесспорно должна была бы оставить левый берег нижнего течения реки Черный Дрим и половину местечка Струги за болгарами, иначе граница выйдет совсем искусственная. Ввиду этого болгары едва ли пойдут на уступку домогательствам сербов относительно Струги. До сегодня и Гешов и Спалайкович неоднократно говорили мне, что относительно границ на запад от Вардара никаких пререканий нет и весь спор сосредоточивался вокруг Ускюба. Здесь болгары признали правильность последних предложений Миловановича. Но вопрос о Струге явился для них действительно неприятной неожиданностью. Я высказался бы всецело в этом смысле пред Спалайковичем, если бы не боялся, что в Белграде Пашич и другие недоброжелатели соглашения воспользуются этим, дабы уничтожить работу Миловановича и Спалайковича.

Неклюдов.

№ 70. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 29 декабря 1911 (11 января 1912) г. № 107.

Ссылаюсь на № 105.

Романовский убедил Спалайковича, что будет справедливо немедленно разграничить округ Струги, отдав болгарам несколько верст левого берега Черного Дрима, до впадения в озеро, и взяв себе весь правый берег с правою частью города. Спалайкович телеграфировал Миловановичу, прося разрешения покончить дело на этом основании. Милованович ответил, чтобы Спалайкович выждал и сообщил в Белград соответственно сему предложение с болгарской стороны, а сербское правительство даст ответ. Очевидно, Милованович хочет поддер-

жать мнение мое, Романовского и Спалайковича, но боится оппозиции Пашича. Убедительно прошу вашей поддержки в Белграде. Считаю дело крайне неотложным.

Неклюдов.

№ 71. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 6(19) января 1912 г. № 2.

Ссылаюсь на телеграмму 22 декабря № 206.

После отклонения Миловановичем предложения Гешова о пересмотре уже ранее условленной юго-западной части разграничительной черты в области Охридского озера, которую болгары пытались отодвинуть на север, в Софии, видимо, по бывшим примерам, не теряли надежды добиться от сербов и здесь каких-либо новых уступок. Гешов за все это время неоднократно возвращался к этому вопросу в беседах с Спалайковичем, который в выражениях своих неизменно ссылался: 1) на желательность установления прочной границы с Болгарией по естественному водоразделу и 2) самое главное, на крайнюю необходимость сербам иметь на севере Охридского озера «Hinterland», твердую опору в славянской земле для отражения натиска враждебных албанских племен и ограждения жизненного для Сербии пути к Адриатическому морю. Наконец, на-днях Гешов сообщил Спалайковичу новые варианты граничной черты, как оказывается, целиком изготовленные нашим военным агентом в Софии. Это непосредственное вмешательство полковника Романовского в детальные сербо-болгарские споры, находясь в противоречии с основной мыслью императорского правительства о предоставлении самим договаривающимся сторонам выбора различных формул, породило, кроме того, весьма крупное недоразумение. Он даже, например, болгарам выставлял названный проект под видом «русского» предложения, обязательного для обоих государств. В этом смысле Гешов высказался вчера перед отъезжавшим в Белград Спалайковичем, указав ему на затруднительность для него дальнейшего обсуждения Охридской граничной черты, после того как и военный министр Никифоров и король Фердинанд сочли своим долгом немедленно подчиниться русскому предложению. Между тем вариант Романовского, не удовлетворяя вышеизложенным существенным требованиям сербов, представляет и по техническим и по стратегическим условиям серьезные недостатки. Сегодня зашел ко мне крайне взволнованный Пашич, заявляя о полной неприемлемости для сербов помянутого проекта. Эти не теряют, однако, надежды на возможность найти примирительный выход, если бы Ваше высокопревосходительство сочли соответственным рассеять в Софии мысль о существовании русского предложения, под каковым выдается совершенно частное мнение нашего военного агента. Смею думать, что обязательность последнего тем менее допустима, что таковая постановка

дела в известной степени предрешала бы верховный арбитраж, к которому, быть может, еще вынуждены будут прибегнуть обе стороны. Ходатайствую о спешных инструкциях для избежания перерыва в сербо-болгарских переговорах.

Гартвиг.

№ 72. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 12(25) января 1912 г. № 4.

Между правительством, «Болгарским Народным Банком» и г. Лост как представителем «Креди Франсе» и Франко-Русской группы установлено соглашение об учреждении франко-болгаро-русского банка с капиталом 10.000.000 со снабженною особым капиталом филиалью в Салониках. В русской группе, как заявил мне Лост, участвуют банки «Учетный» и «Международный». Лост отказался от чрезмерных домогательств «Креди Франсе» и, взамен, приобрел деятельное участие «Болгарского Народного Банка». Считаю этот результат весьма полезным и в политическом отношении, так как новый банк отодвинет на задний план все орудовавшие здесь полу-еврейские банки. Участие в подобном деле Поля Думера и Я. И. Утина дают нам хорошие ручательства.

Неклюдов.

№ 73. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 14(27) января 1912 г. № 5 [1]).

Личная. Ссылаюсь на личную телеграмму Вашу от 3 декабря. Заинтересованное лицо изъявило полное свое согласие и живейшую признательность. Ходатайствует о 3 миллионах франках из 4% плюс 1% погашения. Обеспечение долга земельное и имущественное. Лицо выразило желание, чтобы, насколько возможно, все устроено было бы в Петербурге непосредственно с Государственным Банком или вполне доверенным нашим посредником. Прошу ввиду сего сообщить мне, решен ли уже вопрос окончательно и, если возможно, переслать, как можно скорее, мне проект условия. Считаю окончательное обращение к нам, после долгого молчания и, следовательно, колебания, весьма хорошим признаком и рад был бы скорейшему завершению дела.

Неклюдов.

---

[1]) Находящаяся среди прочих телеграмм Неклюдова телеграмма № 5 должна быть поставлена в связь с перепиской, опубликованной в № 4 «Сборника секретных документов» изд. НКИД 1917 г. Лицо, о коем в настоящей телеграмме идет речь, то же, о котором говорит Коковцев в своем письме от 12/VII 1912 г., т.-е. король Фердинанд.

№ 74. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 17(30) января 1912 г. № 6.

Ввиду предстоящего приезда сербского королевича я сегодня и вчера убеждал Гешова покончить дело, оставив границу между Бретаницею и Стругою в неопределенном положении и подлежащею позднее арбитражу России. Но совет министров решил отложить эту комбинацию. Считаю долгом напомнить, что так называемая «граница Романовского» вовсе не представляла собой нашего предложения, а уже уступку, выговоренную мною в пользу сербов при посредстве нашего военного агента. Теперь болгары слушать не хотят о дальнейших уступках. Ввиду сего повторяю, что считаю дело окончательно неудавшимся.

Неклюдов.

№ 75. Секретная телеграмма посланника в Белграде.

Белград. 30 января (12 февраля) 1912 г. № 17.

Ввиду окончания министерского кризиса сербское правительство ныне возобновит переговоры о соглашении с Болгарией, и, поскольку дело это зависит от образа действий Сербии, я не теряю уверенности в благополучном его исходе, ибо в Белграде соглашение оценивается, именно, как акт большой политической важности для будущей судьбы балканских государств. На-днях я имел беседу с приезжавшим сюда в свите великого князя Андрея Владимировича нашим военным агентом в Софии, который, ознакомившись с недавними сербо-болгарскими препирательствами при ином освещении, не мог не признать за сербской точкой зрения большей согласованности с общеславянскими, а стало быть, и русскими интересами. Потому-то, именно, сербы, как я доносил неоднократно, готовы всецело предоставить императорскому правительству окончательное определение границ сфер влияния, тогда как болгары, что подметил полковник Романовский, всячески стараются уклониться от арбитража России. Это мне кажется симптомом важного значения. Ко всему же почитаю нужным пояснить, что между Миловановичем и Пашичем нет разногласия по существу вопроса о соглашении. Налицо имеется лишь несоизмеримость ответственности. За всякий слишком смелый шаг министра иностранных дел ответствует только лидер старорадикалов, а Пашич, естественно, не желает давать оппозиционным группам и прочим нашим недоброжелателям оружие в руки против руссофильской партии, опирающейся на Россию и следующей ее указаниям в делах внешней политики. Но, как бы то ни было, сербы собираются явить новое доказательство своей сговорчивости и желания сообразоваться с нашими советами. В выработанных ныне инструкциях Спалайковичу, отъезжающему завтра в Со-

фию, предлагается несколько примирительных формул относительно спорной Охридской границы. В случае дальнейшего упорства Болгарии сербское правительство пойдет даже на риск принятия варианта Романовского—лишь бы покончить с делом соглашения.

Гартвиг.

№ 76. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 20 февраля (4 марта) 1912 г. № 24.

Судьба сербо-болгарского соглашения решается на этих днях. Думаю выехать в понедельник, если соглашение уже будет подписано, или же если отказ короля обличит окончательно иные его расположения.

Неклюдов.

№ 77. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 28 февраля (13 марта) 1912 г. № 25.

Спалайкович привез сегодня экземпляр договора, подписанный королем Петром и Миловановичем. В четверг — годовщину смерти царя-освободителя—король Фердинанд подпишет, в свою очередь, важный акт сербо-болгарского соглашения. Выеду в субботу. Привезу копию акта и сербский проект военной конвенции. Остановлюсь, если ничего не имеете против, на сутки в Белграде гостем Гартвига [1]).

Неклюдов.

№ 78. Секретная телеграмма посланника в Софии.

София. 1 (14) марта 1912 г. № 26.

Царь Фердинанд подписал вчера акт сербо-болгарского соглашения и приложенный к нему секретный акт, заключающий македонское разграничение сфер и обоюдное намерение заключить сербо-болгарскую военную конвенцию. Таким образом важное дело, начатое трудами Сементовского и Гартвига, приведено к благополучному окончанию. Установлена формальная связь между двумя славянскими государствами. Требуется еще много бдительности и попечений, дабы установить связь искреннюю и тесную между обоими народами и дворами. Вчера я был принят королем. Выезжаю завтра. Проведу субботу в Белграде. Везу вам копии подписанных актов.

Неклюдов.

---

[1]) На полях имеется пометка Николая II: «Хорошо».

ДОГОВОР [1]).

№ 79. О приятельстве и союзе между царством Болгарией и королевством Сербией.

Его величество Фердинанд I, царь болгар, и его величество Петр I, король Сербии, проникнутые верою во взаимность интересов и одинаковость судеб их государств и обоих братских народов, болгарского и сербского, и решившись солидарно соединенными силами охранить эти интересы и заботиться о их всестороннем развитии, сговорились о следующем:

Статья I. Царство Болгария и королевство Сербия гарантируют одно другому государственную независимость и целость государственной территории, обязуясь абсолютно и без всякого ограничения притти на помощь одно другому со всеми своими силами во всяком случае, когда на одну из них нападет одно или больше других государств.

Статья II. Обе договаривающиеся стороны обязуются также притти на помощь одна другой со всеми своими силами в том случае, когда одна какая бы то ни было из великих сил сделает попытку присоединить или оккупировать, или занять своим войском, хотя бы то и временно, какую бы то ни было часть балканских территорий, находящихся в настоящее время под властью турок, если только одна из них найдет это вредным для своих жизненных интересов или сочтет это поводом к войне (casus belli).

Статья III. Обе договаривающиеся стороны обязуются не заключать мира иначе, как только совместно и по предварительному соглашению.

Статья IV. О полном и наиболее целесообразном исполнении настоящего договора будет заключена военная конвенция, в которой будет предвидено как все то, что должно быть предпринято одной и другой стороной в случае войны, так и все, что по отношению военной организации, дислокации и мобилизации войск и отношений верховных командований должно быть утверждено в мирное время о военных приготовлениях, о военном положении и об успешном ведении войны. Военная конвенция будет считаться составною частью настоящего договора. К ее изготовлению будет приступлено не позже 15 дней после подписания настоящего договора, и она должна быть приготовлена в течение не более двух месяцев.

Статья V. Настоящий договор и военная конвенция будут считаться в силе со дня их подписания до 31 декабря 1920 года включительно. Они могут быть продолжены и после этого срока, но после дополнительного соглашения, которое должно быть утверждено двумя договаривающимися сторонами. В случае же, если в день истечения срока договора и военной конвенции стороны будут находиться в войне

[1]) Текст договора дается в переводе, сделанном в министерстве иностранных дел.

или же в положении ликвидации после войны, договор и военная конвенция останутся в силе до заключения мира и ликвидации положения, созданного войной.

Статья VI. Настоящий договор будет подписан в двух одинаковых экземплярах, составленных на болгарском и сербском языках. Они будут подписаны государями и их министрами иностранных дел. Военная же конвенция, составленная также в двух экземплярах, оба на болгарском и сербском языках, будет подписана государями, их министрами иностранных дел и специальными военными уполномоченными.

Статья VII. Настоящий договор и военная конвенция могут быть опубликованы или сообщены и другим государствам только по предварительному соглашению обеих договаривающихся сторон, и то совместно и одновременно.

Точно так же только по предварительному соглашению можно будет принять в союз какое-либо иное государство.

Составлен в Софии 29 февраля тысяча девятьсот двенадцатого года.

Фердинанд. Петр.
Ив. Ев. Гешов. М. Г. Милованович.

Копия.

Секретное приложение к договору о дружбе и союзе между королевством Сербским и царством Болгарии[1]).

Статья I.

В случае, если в Турции наступят неурядицы внутренние, которые подвергли бы опасности государственные или национальные интересы обеих договаривающихся сторон или одной из них, так же, как и в случае, если вследствие внутренних или внешних затруднений, которые возникли бы для Турции, возник бы вопрос о сохранении status quo на Балканском полуострове, та из договаривающихся сторон, которая первая убедилась бы в необходимости начать военные действия, обратится с мотивированным предложением к другой стороне, которая обязана тотчас вступить в обмен мыслей и, если бы она не согласилась со своей союзницей, дать ей мотивированный ответ.

Если соглашение о действиях последует, то об этом сообщается России, и если последняя не воспротивится, то действия начнутся согласно установленному соглашению и вдохновляясь во всем чувствами солидарности интересов. В противном случае, если соглашение не будет достигнуто, то будет апеллировано (спрошено) к мнению России, которое, если и поскольку она его выразит, будет обязательно для обеих договаривающихся сторон. Если Россия не захочет дать

[1]) Текст «секретного приложения» дается в переводе, сделанном в министерстве иностранных дел.

своего мнения и если соглашение между обеими договаривающимися сторонами не могло бы быть достигнуто после того, тогда, если та сторона, которая высказалась за акцию, начала бы одна на собственный риск и страх действия против Турции, другая сторона обязана сохранять дружеский нейтралитет относительно своей союзницы, предпринять тотчас же мобилизацию в размерах, предусмотренных военной конвенцией, и притти всеми своими силами на помощь своей союзнице, если какая-либо третья держава стала бы на сторону Турции.

Статья II.

Все территориальные приобретения, которые были бы добыты совместными действиями по смыслу статей I и II договора, равно и статьи I настоящего секретного приложения, будут находиться под совместною властью (condominium) союзных сторон, и эти приобретения будут ликвидированы тотчас и наипозже в трехмесячный срок по заключению мира и на следующих основаниях:

Сербия признает за Болгарией право на территорию на востоке от Родопа и реки Струмы, а Болгария признает за Сербией право на территорию на север и на запад от Шар-Планины.

Что же касается территории между Шар-Планиной, Родопом, Архипелагом и озером Охридским, если обе договаривающиеся стороны убедятся, что организация этой территории в одну особую автономную область являлась бы невозможной вследствие общих интересов сербской и болгарской народностей из-за иных внешних или внутренних причин, то относительно вышеупомянутой территории будет поступлено на основании следующих изъявлений: Сербия обязуется не требовать ничего вне линии, означенной на приложенной карте, каковая линия начинается от турецко-болгарской границы от Голем-Верх (севернее от Кривой Паланки) и следует вообще в юго-западном направлении до Охридского озера, проходя вершиной Китка между деревнями Метежево и Подржиконь, вершиной на восток от деревни Нерав, водоразделом до вершины 1.000 на север от села Баштево (Градец-Планина), селом Баштево, между деревнями Любенцы и Петралица, вершиной Острич 1.000 (Лисец-Планина) по вершине 1.050 между деревнями Драчь и Опила, селом Талшиманцы и Живалево, по вершине 1.050, по вершине 1.000, селом Кышень, главным водоразделом Градиште-Планины на вершину Гориште, вершиной 1.023, водоразделом между Иванковцы и Логинцы, по линии Ветерско-Сопот и Вардару, через Вардар по гребням гор к вершине 2.550, затем к Пороноле-Планине, водоразделом упомянутой Планины между деревнями Крана и Барбарась, вершиной 1.200 между деревнями Якренево и Дреново чрез вершину Чесма (1.254), водоразделом Баба-Планины и Крушкатенеси, между деревнями Соп и Уверска, верхом Протапской Планины на восток от села Белицы, по Брежаны вершиной 1.200 (Илинска-Планина), водоразделом, вершиной 1.330, вершиной

1.217 и между деревнями Ливониште и Горенцы до Охридского озера у монастыря Губовцы; и Болгария обязуется принять эту границу, если его императорское величество русский царь, qui sera prié верховным арбитром в этом вопросе, выскажется в пользу этой линии. Разумеется, что обе договаривающиеся стороны обязуются принять за окончательную границу ту линию, которую его императорское величество русский царь признает в означенных границах за наиболее отвечающую правам и интересам обеих договаривающихся сторон.

Статья III.

Копия договора с сим секретным приложением равно и военная конвенция будут сообщены совместно императорскому российскому правительству, к которому одновременно обратятся с просьбой ходатайствовать пред его императорским величеством государем императором принять на себя и одобрить для императорского правительства те «роли», которые предусмотрены для них договорными положениями.

Статья IV.

Всякий спор, который возник бы по поводу толкования или исполнения какого-либо положения настоящего договора, секретного приложения и военной конвенции, повергается на окончательное решение России, как только одна из сторон заявит о невозможности достигнуть соглашения непосредственными переговорами.

Статья V.

Никакое постановление настоящего секретного приложения не может быть ни предано гласности, ни сообщено какой-либо другой державе без предварительного согласия обеих договаривающихся сторон и разрешения России.

Учинено в Софии февраля 29 дня 1912 года.

Фердинанд. *Петр.*

Ив. Ев. Гешов. *М. Г. Милованович.*

Сербо-Болгарская военная конвенция [1]).

Белград. 1912 г.

Весьма доверительно.

По смыслу и в силу основных начал II [2]) ст. договора о дружбе и союзе, заключенном между королевством Сербией и царством Бол-

---

[1]) Текст был опубликован в № 3 (2-е издание) «Сборника секретных документов из архива б. мин. иностр. дел», декабрь 1917 г., стр. 99—103, а также в книге Гешова «Балканский Союз», стр. 92.

[2]) В тексте, приведенном в книге Гешова, значится III статьей.

гарией, и ради более успешного ведения войны и полного достижения целей, намеченных союзом, утверждаются следующие постановления, имеющие одинаково обязательную силу и важность, как и постановления самого договора.

Статья I.

Королевство Сербия и царство Болгария обязуются в случаях, предусмотренных ст. I и II договора о союзе, как и ст. I секретного приложения к упомянутому договору,—прибегать друг другу на помощь, а именно: Болгария военною силою по меньшей мере в 200.000 человек, а Сербия—силою в 150.000 человек, подготовленных к военным действиям как на границе, так и вне пределов их территорий.

В вышеупомянутое число не должны входить ратники резервных частей, ни ратники сербского III призыва, ни ратники болгарского ополчения.

Вышеупомянутые войска должны прибыть на границу или за пределы государственной территории по направлению, определяемому надобностями и задачами военных действий, не долее как в 21-дневный срок с минуты объявления войны или извещения одного из союзников о том, что наступило время для союзнических обязательств (casus foederis). Однако и до полного истечения указанного выше срока договорный долг—если это соответствует характеру военной операции и может содействовать успеху войны—обязывает союзника отправлять свои войска на поле брани отдельными частями, по мере их мобилизации и концентрирования, не позже как на 7-й день с минуты объявления войны или наступления casus foederis.

Статья II.

В случае нападения Румынии на Болгарию,—Сербия обязуется тотчас же объявить войну Румынии и направить против нее либо на средний Дунай, либо на операционный театр Добруджи свои войска в составе не менее 100.000 человек.

В случае нападения Турции на Болгарию,—Сербия обязуется вторгнуться в пределы Турции, направив из своих мобилизованных войск не менее 100.000 человек на Вардарский операционный театр.

Если бы Сербия в это время находилась уже самостоятельно или совместно с Болгарией в войне с какой- ибо другой державой, она обязана отрядить против Румынии или Турции все имеющиеся в ее распоряжении свободные войска.

Статья III.

В случае нападения Австро-Венгрии на Сербию,—Болгария обязуется тотчас же объявить Австро-Венгрии войну и направить свои войска в числе 200.000 человек в пределы Сербии для совместных

с сербской армиею наступательных или оборонительных действий против Австро-Венгрии.

Эти обязательства со стороны Болгарии по отношению к Сербии сохраняют силу и в том случае, если Австро-Венгрия под каким бы то ни было предлогом, по соглашению ли с Турцией, или без такового, ввела бы свои войска в Ново-Базарский санджак и тем принудила бы Сербию либо объявить войну Австро-Венгрии, либо отправить войска свои в санджак для защиты своих интересов, вызвав тем столкновение с Австро-Венгриею.

В случае нападения Турции на Сербию,—Болгария обязуется тотчас же вторгнуться в пределы Турции, направив на Вардарский театр из состава мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей армию, численностью не менее 100.000 человек.

Если бы Румыния напала на Сербию,—Болгария обязуется начать агрессивные действия против румынской армии тотчас по переходе ее чрез Дунай в пределы Сербии.

Если бы Болгария в каком-либо из предусмотренных настоящею статьей случаев находилась уже, самостоятельно или совместно с Сербией, в войне с другой державою,—она обязана помочь Сербии всеми остальными свободными войсками, находящимися в ее распоряжении.

Статья IV.

Если бы Сербия и Болгария по предварительному взаимному соглашению объявили войну Турции, то оба союзника, на случай отсутствия других специальных на этот счет распоряжений, обязуются из состава своих мобилизованных, в силу ст. I настоящей конвенции, войсковых частей направить на Вардарский театр армию, численностью не менее 100.000 чел.

Статья V.

В случае, если бы одна из договаривающихся сторон объявила войну какой-либо третьей державе, без предварительного сношения и согласия другой стороны, то последняя освобождается от обязательств, изложенных в ст. I настоящей конвенции, однако, она все же обязана придерживаться по отношению к своей союзнице дружественного нейтралитета за время войны, а также немедленно мобилизовать войско, численностью не менее 50.000 человек, в целях наибольшего ограждения свободы движения своей союзницы.

Статья VI.

Во время союзных военных действий ни одна из договаривающихся сторон не может заключить с противником свыше двадцатичетырехчасового перемирия без предварительного сношения и соглашения с другой договаривающейся стороной.

Договаривающиеся стороны могут вести переговоры о мире и заключить мирный трактат только по предварительному взаимному соглашению.

Статья VII.

Во время войны войсками каждой из договаривающихся сторон и их операциями ведает их законный командир.

Когда отдельные отряды из состава войск обеих договаривающихся сторон действуют против одного и того же объекта,—то общее командование принимает: над единицами одинаковой силы—командир старший по чину; а над единицами различной численности—командир старший по положению.

Когда одна или несколько отдельных армий, принадлежащих к составу войск одной из договаривающихся сторон, поступают в распоряжение другой стороны, то командование над ними сохраняется за их законным военачальником, который, однако, во всех стратегических операциях подчиняется главнокомандующему той стороны, в распоряжение коей он поставлен.

В случае совместных военных действий против Турции, верховное командование на Вардарском театре, согласно ст. IV настоящей конвенции, предоставляется Сербии, если на этом театре будут оперировать ее главные силы, превышающие численностью болгарские войска.

В случае же, если главная сербская армия не будет производить операции на Вардарском театре или ее силы будут слабее болгарских,—то главное командование на означенном театре предоставляется военачальнику Болгарии.

Статья VIII.

В случае, когда войска обеих договаривающихся сторон будут находиться под единоличным командованием, то все приказы и распоряжения, касающиеся стратегических и тактических операций,—будут издаваться на обоих языках—сербском и болгарском.

Ст. Ст. IX, X, XI, XII и XIII

касаются второстепенных постановлений о продовольствии и содержании союзнических войск, о перевозке раненых и больных, погребении убитых и т. п. О распределении военных трофеев. О назначении особых делегатов при штабах для обоюдных сношений. Об исправлении путей сообщения. По различным другим вопросам—начальникам генерального штаба обоих государств предоставляется войти в будущем в дальнейшие переговоры.

Статья XIV.

Настоящая конвенция вступает в действие со дня ее подписания и будет оставаться в силе до истечения срока договора о дружбе и союзе, к коему она прилагается как составная часть.

Белград — София 29 апреля 1912 г.

Подписали конвенцию:

Фердинанд. *Петр.*

Ив. Ев. Гешов. *М. Милованович.*

Ген.-лейт. *Н. Никифоров.* Ген. *Р. Путник.*

Сообщил *Попов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

Айронсайд, сэр Бакс — великобританский посланник в Софии.

Аварна, герцог — итальянский посол в Вене в 1911 г.

Ассим-бей — турецкий посланник в Софии до октября 1911 г.; с октября 1911—1912 г. — министр иностр. дел.

Баррер — французский дипломат; посол в Риме с 1897 г.

Бомпар — французский дипломат; посол в Константинополе с 1909 года.

Фон Бюлов — германский государственный деятель и прусский премьер-министр в 1900—1909 г.г.

О'Бэйрн — советник великобританского посольства в Петербурге с 1906 г.

Бьюкенен, сэр *Джордж* — английский дипломат; посол в Петербурге с 1910—1918 г.

Венизелос, Э.— греческий государственный деятель; греческий премьер-министр в 1910—1915 г.г.

Гартвиг, Н. Г. — русский дипломат; в 1909—1914 г.г. — посланник в Белграде.

Гешов, И. Е. — болгарский политический деятель, лидер партии народняков. В 1911—1913 г.г. — председатель совета министров и министр иностранных дел.

Гирс, М Н. — русский дипломат; в 1902—1912 г.г. — посланник в Бухаресте; в 1912—1914 г.г. — посол в Константинополе.

Гирс, Н. Н. — русский посол в Вене с 1910 г.

Грегович — министр иностранных дел Черногории.

Грипарис — греческий политический деятель; в 1911 г. — министр иностранных дел.

Грэй, сэр *Эдуард* — статс-секретарь по иностранным делам Великобритании.

Данев — болгарский политический деятель, лидер партии прогрессистов, русофил; в 1911—1913 г.г. — председатель болгарского Народного Собрания.

Диаманди — румынский посланник в Софии.

Диков — генерал болгарской службы, главный интендант

Добрович — начальник тайного кабинета болгарского короля.

Извольский, А. П. — русский дипломат; в 1906—1910 г.г. — министр иностранных дел; в 1910—1917 г.г. — посол в Париже.

Империали маркиз — итальянский дипломат; в 1904—1910 г.г. посол в Константинополе, в 1910—1920 г.г. — посол в Лондоне.

Карлотти — итальянский дипломат; в 1906—1908 г.г. — посланник в Цетинье; в 1908—1913 г.г. — посланник в Африке.

Крозье — французский дипломат; в 1911 г. — посол в Вене.

Леонтьев — полковник русской службы; военный агент в Болгарии в 1905—1911 г.г.

Ляпчев — управляющий министерством иностранных дел и министр финансов в Болгарии до марта 1911 года (кабинет Малинова).

Малинов — болгарский политический деятель, лидер демократов, председатель совета министров и министр иностранных дел (до марта 1911 года).

Милованович — председатель совета министров и министр иностранных дел Сербии.

Милоевич — сербский поверенный в делах в Софии (до июня 1911 г.).

Наби-бей — турецкий посланник в Софии с октября 1911 г.

Николаев — генерал болгарской службы, военный министр до марта 1911 г. (кабинет Малинова).

Мелегари — итальянский дипломат; в 1905—1913 г.г. — посол в России.

Нелидов, А. И. — русский дипломат; в 1904—1910 г.г. — посол в Париже.

Нератов, А. А. — вице-директор I департамента мин. ин. дел в 1906—1910 г.г.; товарищ министра иностранных дел в 1911—1917 г.г.

Обнорский, Н. А. — секретарь миссии и русский поверенный в делах в Черногории.

Палеолог, М. — французский дипломат; в 1907—1912 г.г. — посланник в Софии.

Панас — греческий посланник в Софии.

Пашич, Н. — сербский государственный деятель, руссофил, лидер радикальной партии; председатель совета министров в 1906—1908, 1909—1911 и с 1913 г.

Решид-паша — турецкий посол в Вене в 1911 г.

Романовский, Г. Д. — полковник русской службы, военный агент в Болгарии с 1912 г.

Сарафов — болгарский посланник в Константинополе.

Сементовский-Курило, Д. К. — русский поверенный в делах и затем (с 1908 г.) — посланник в Софии до января 1911 года.

Спалайкович — сербский посланник в Софии с июня 1911 года.

Татищев, В. А. — первый секретарь русской миссии в Афинах.

Тодоров — болгарский политический деятель; в 1911—1913 г.г. — министр финансов (в кабинете Гешова).

Тошев — болгарский посланник в Париже.

Фичев — генерал болгарской службы; в 1912 году — начальник генерального штаба.

Чапрашиков — секретарь кабинета царя болгарского.

Урусов, кн. Л. В. — первый секретарь русской миссии в Софии.

Чарыков, Н. В. — русский дипломат; в 1909—1911 г.г. — посол в Константинополе.

Чиршкий — германский посол в Вене.

Энвер-паша — турецкий политический деятель, один из руководителей младотурецкого переворота; в 1909—1913 г.г. — военный агент в Берлине.

Эренталь — австрийский министр иностранных дел и председатель совета министров в 1906—1912 г.г.

Отражение событий 1905 г. за границей.

Публикуемые ниже документы представляют собой извлечение из коллекции документов, сохранившейся в «Секретном Архиве» министра б. м. и. д. в особой папке, имеющей заголовок: «Rossica. События 9 января 1905 г. в С.-Петербурге и отношение к внутренним делам России общественного мнения за границей. Весьма секретные документы, доставленные ген.-майором Рыдзевским в архив начальника Отделения».

Историческое значение указанных архивных материалов заключается не в освещении событий 1905 года, как таковых, а исключительно в том, *какое отражение* за границей эти события получили.

В публикуемых документах отражение событий 1905 года за границей, само собою разумеется, дается преломленным через призму понимания их царскими чиновниками, тем самым дается и материал для характеристики классовой сущности царской дипломатии.

Скудость сведений, которыми мы располагали в данном вопросе до сего времени, придает публикуемым материалам определенную ценность.

То отражение, какое революция 1905 года получила на Востоке (Персии, Турции, Китае), имеющее более крупное историческое значение, но относящееся к более позднему периоду, будет выявлено в материалах, имеющих быть подготовленными к публикации в дальнейших изданиях «Центрархива».

С. Залкинд.

№ 1. Депеша посланника в Брюсселе Гирса.

Брюссель. 11 (24) января 1905 г. № 1.

Вчера вечером произошла перед домом императорской миссии довольно шумная манифестация. Около ста человек явились процессиею, стучали дубинами в ворота и ставни дома, крича неистово: «убийцы, убийцы».

Вскоре прибежали городовые, которые разогнали толпу. Этим все и ограничилось.

Сегодня утром барон Фаверо выразил мне от имени правительства сожаление о случившемся.

О вышеизложенном считаю долгом доложить Вашему сиятельству.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 2. Секретная телеграмма посла в Константинополе Зиновьева.

Пера. 11 (24) января 1905 г.

Лично.

Здесь распространяются самые невероятные слухи о движении среди фабричного населения Петербурга, грозящем будто бы безопасности столицы и государственному порядку. Ввиду неблагоприятного для нас впечатления, которое здесь эти слухи производят, позволяю себе покорнейше просить Ваше сиятельство благоволить сообщить мне точные сведения о том, что происходит на деле в Петербурге. Этими сведениями я полагал бы воспользоваться с целью положить конец превратным и злонамеренным толкам.

Зиновьев [1]).

---

[1]) На полях имеется пометка Ламсдорфа:

«Assez difficile de répondre dans un sens entièrement calmant, mais il faudrait indiquer, je pense, les communiqués officiels du «Правит. Вестник». («Довольно трудно ответить в смысле достаточно успокоительном, но следовало бы, я думаю, указать на официальные сообщения «Правительственного Вестника».)

№ 3. Донесение консула в Триесте барона Кистера.

Триест. 11 (24) января 1905 г. № 18.

Вчера около 9 часов вечера из помещения «Sedi riunite» вышедшая толпа рабочих-социалистов, человек 400, направляясь по Via Nuova, вскоре достигла набережной Riva Garciotti, где помещается императорское консульство.

Перед зданием консульства толпа, увеличившись до 500 человек, произвела враждебную России демонстрацию, крича все время: «abasso il assolutismo» [1]). В это время к толпе подбежало несколько полицейских, пытавшихся разогнать толпу. Но это еще больше ожесточило толпу, которая стала с особенной настойчивостью кричать: «abasso il assolutismo, evviva il proletario, evviva il socialismo» [2]) и бросать в консульство камни. Через несколько минут прибежала масса полицейских, которым удалось, в конце концов, оттеснить толпу от занимаемого мною помещения.

Посетивший меня сегодня утром директор местной полиции г. Бусич заявил мне, что им получены сведения, что на сегодня вечером назначена вторичная демонстрация тех же социалистов, к которым должны присоединиться и либералы; таким образом толпа ожидается в несколько тысяч человек. По моей просьбе охранить щит консульства директор полиции обещал прислать вечером во двор занимаемого мною помещения до 30 полицейских, кроме того, с трех сторон здания консульства будет устроена засада из полицейских. По заявлению г. Бусича, эта демонстрация совершается триестскими рабочими-социалистами, подталкиваемыми местными евреями, в виде протеста против последних прискорбных с.-петербургских событий.

А. Кистер.

№ 4. Выписка из донесения кол. сов. Доливо-Добровольского, консула в Черновицах [3]).

Черновицы. 17 января 1905 г. № 22.

16/29 января, вечером, в зале Черновицкого магистрата была прочитана публичная лекция на тему о рабочих беспорядках в Петербурге женою одного из местных ремесленников.

На лекции присутствовало до 2.000 человек, преимущественно рабочих и мелких ремесленников. По окончании лекции толпа человек в 500 пыталась устроить демонстрацию перед зданием императорского консульства и частной квартирой консула, но принятыми

---

[1]) «Долой самодержавие».

[2]) «Долой самодержавие, да здравствует пролетариат, да здравствует социализм».

[3]) В Австрии.

заблаговременно полицейскими мерами эти манифестации были предотвращены. Означенное происшествие, вызванное несколькими подстрекателями, носит характер случайный и не является выражением общего, вполне спокойного, корректного отношения к российскому представительству всех партий местного населения.

№ 5. Секретная телеграмма посланника в Брюсселе Гирса.

Брюссель. 20 января (2 февраля) 1905 г. [1]).

Я счел долгом выразить энергичный протест бельгийскому правительству по поводу подписки, открытой либеральными органами в пользу жертв царизма. Я не скрыл того чувства негодования, которое вызовет во всей России опубликование этого списка и призыва на помощь делу революции. Министр иностранных дел выразил мне свое глубокое сожаление, но заявил, что бельгийская конституция — более либеральная, чем французская, — делает правительство совершенно бессильным против подобных манифестаций, предоставляя ему лишь путь судебного преследования, последний же имеет свои большие неудобства.

Гирс.

№ 6. Депеша советника посольства в Риме Крупенского.

Рим. 22 января (4 февраля) 1905 г. № 2.

Петербургские стачки и беспорядки, которые привели к вооруженному столкновению толпы с войсками, произвели в Италии, как и везде за границей, сильное впечатление. Если нельзя отрицать, что чувство человеколюбия играло некоторую роль в сострадании здешнего населения к жертвам петербургской стачки, в сущности, симпатия эта главным образом напускная. В ней выразилась общность целей всех недовольных и революционных элементов Европы, которые воспользовались этим удобным случаем для пропаганды своих разрушительных теорий.

В Италии сочувствие народонаселения к убитым рабочим, число которых было неимоверно преувеличено в здешних органах печати, и неприязнь к России вообще выразились в самой неприличной форме не только на улице, но — и что знаменательнее — в стенах самого парламента. Вашему сиятельству уже известно из телеграммы кн. Л. П. Урусова от 13/26 января [2]), что при чествовании памяти подвижников итальянской революции республиканский депутат Мирабелли пред-

[1]) Перевод с французского.

[2]) В указанной телеграмме русский посол в Вене Л. П. Урусов сообщал об инциденте в палате депутатов и о своих объяснениях по этому поводу с итальянским министром иностранных дел, выразившим сожаление о случившемся.

ложил палате послать привет русскому народу, борющемуся, с опасностью жизни, за свободу. При этом названный депутат возымел смелость выразиться о государе императоре в словах, которые мне не подобает передать.

Но дело не в словах какого бы то ни было республиканского депутата, а скорее в том факте, что ни представители правительства, ни председатель палаты не выразили порицания оратору и не отняли у него слова. Заведующие отчетом заседания ограничились только исключением слов Мирабелли из официального протокола. Министр иностранных дел, с которым князь Урусов имел по этому поводу объяснение, не присутствовал при этом. Он выразил князю свое живейшее сожаление о случившемся и сказал, точно так же, как его величество король в прощальной аудиенции, что более энергичное отношение председателя к выходке Мирабелли вызвало бы буйную манифестацию против России, которая соответствовала бы желанию социалистов и республиканцев. Но, как я позволил себе обстоятельно изложить об этом в моем частном письме к Вашему сиятельству, мы, как мне кажется, едва ли можем удовлетвориться этим объяснением.

Подобного рода манифестации происходили также почти во всех городах Италии. В Неаполе в провинциальном совете было единогласно постановлено протестовать против «постыдного царизма», послать «священной памяти убитых» в С.-Петербурге почтительный привет и русскому народу, который не боится смерти, чтобы завоевать свободу, — горячие пожелания успеха. Итальянскому же правительству напомнить, что возрожденная Италия — дочь революции, не может без стыда для себя оставлять своих представителей при монархе, который доверяет свою защиту варварским шайкам, убивающим женщин и детей.

В Риме, кроме этих постановлений разных ассоциаций и обществ, было решено в последнее воскресенье, по инициативе официозной газеты «Tribuna», устроить многочисленную процессию, которой руководили радикальные депутаты. Эта процессия должна была пройти по главным улицам города, остановиться у Капитолия и протестовать там против петербургских происшествий. От Капитолия шествие намеревалось направиться к русской миссии и русскому посольству, перед окнами которых толпа хотела сделать буйную манифестацию. Но здесь надо отдать справедливость римской полиции и стянутым в большом количестве войскам, которые сумели везде, где только собиралась демонстрирующая публика, остановить ее и рассеять без всякого кровопролития. Считаю долгом довести до сведения Вашего сиятельства об одном из случившихся при этом инциденте. В самом начале демонстрации бывший редактор газеты «Россия» и корреспондент газеты «Русь», Амфитеатров, уже прежде в России наказанный и, кажется, впоследствии помилованный, не постыдился обратиться к толпе и окружившим его журналистам и депутатам со следующими словами: «Благодарю римский народ от имени русской либеральной

партии за эту красноречивую демонстрацию и симпатии к нам». Слова эти были встречены громкими рукоплесканиями.

Между арестованными в Петербурге пользуется особенной симпатией Максим Горький, сочинения которого переведены на итальянский язык. Опасаясь, что ему грозит судебное преследование, в Риме, по примеру других стран, образовался комитет под председательством члена палаты, заседающего на крайней левой стороне, князя Сципиона Боргезе. Этот комитет выразил намерение просить здешнего министра иностранных дел передать русскому правительству пожелания в пользу освобождения Горького, а буде министр откажется от передачи, обратиться непосредственно в посольство. Г. Титтони уже уведомил князя Боргезе, что он такого поручения на себя взять не может. Запрошенный в палате депутатов о причинах, побудивших его отказать в передаче русскому правительству этого ходатайства, министр иностранных дел ответил: «Как бы уважительны ни были чувства некоторых депутатов, выразивших симпатии в пользу Максима Горького, одного из самых выдающихся писателей России, однако правительство не могло быть посредником подобных пожеланий, так как этому препятствуют международные приличия». Ответ министра удовлетворил парламент; но некоторые депутаты воспользовались этой осторожной редакцией, чтобы поблагодарить г. Титтони за «дипломатическое» отклонение их ходатайства и послать Горькому привет либеральной партии.

В том же заседании министр иностранных дел был запрошен депутатами Турати и Биссолати, «считает ли он своей обязанностью довести до сведения императорского правительства, что вся Италия глубоко возмущена петербургскими изуверствами». Но на этот вопрос г. Титтони прямо отказался отвечать и вызвал этим шумные протесты, которым, однако, вмешательство президента палаты положило конец.

А. Крупенский.

№ 7. Секретная телеграмма посла в Константинополе Зиновьева.

Пера. 25 января (7 февраля) 1905 г.

На основании полученной от турецкого генерального консула в Батуме телеграммы министр иностранных дел сообщил мне, что возникшая в означенном городе стачка рабочих перешла в открытый бунт, что 55 турецких подданных были убиты и что остальные вынуждены были укрыться в консульстве. Министр ходатайствует о принятии мер к обеспечению безопасности последних.

Зиновьев.

№ 8. Выписка из письма первого секретаря посольства в Брюсселе надворн. сов. П. Боткина.

Брюссель. 25 января (7 февраля) 1905 г.

Петербургские беспорядки послужили сигналом к проявлению враждебных нам демонстраций в Европе и Америке. Особенно сказались эти чувства в Бельгии, где либеральные идеи и социалистический элемент преобладают в печати.

Вы уже знаете о манифестации перед русской миссией толпы молодежи, в продолжение 10 минут кричавшей: «assassins!» [1]), о митингах против «царизма» в народном доме в Брюсселе и в провинциальных городах. О митингах этих под председательством членов бельгийского парламента по городу были расклеены объявления.

Не довольствуясь этим, либеральные органы открыли подписку в пользу «жертв царизма». Собрали они гроши, потому что бельгийцы не тароваты на благотворительность извне, но, как бы то ни было, цель наших недругов была достигнута — демонстрация была произведена, и императорскому правительству еще раз нанесено публичное оскорбление.

Мало того, группа сенаторов и депутатов, с бургомистром города Брюсселя во главе, представила нашему посланнику петицию об освобождении Максима Горького. Петиция эта была возвращена бельгийскому министру иностранных дел, который делал вид, что очень удручен бестактностью бургомистра и выражал порицание, но опять-таки цель была достигнута — факт нового оскорбления получил через газеты должную огласку.

Словом, беснование против нас газет достигло апогея. Разбирая всю чепуху, которую преподносила заграничная печать о России за это последнее время, трудно объяснить ненависть к нам исключительно враждебными чувствами к нашему правительству или болезненной фантазией иностранных корреспондентов.

Тут есть другая причина. Газеты находятся в руках банков или отдельных крупных капиталистов, между которыми много евреев. Они пользуются печатными органами, чтобы воздействовать на общественное мнение и вместе с тем играют на бирже нашими бумагами.

За время недавних волнений наши фонды потерпели колебания от 10 до 12 франков на каждую акцию.

Во всяком случае, нельзя не признать, что во всей этой истории иностранная печать сыграла довольно грязную роль. Тем более желательно развитие за границей деятельности С.-Петербургского Телеграфного Агентства, которое может сдерживать общественное мнение от неизбежных заблуждений.

---

[1]) «Убийцы!»

Недавно проезжал через Брюссель американец Stone, президент «Associated Press».

Он был у меня и рассказал много интересного относительно своих впечатлений о России. Он недавно был в С.-Петербурге и видел многих из наших деятелей. Stone много способствовал возрождению в Америке добрых чувств к России.

№ 9. Письмо посла в Берлине Остен-Сакена.

Берлин. 28 января (10 февраля) 1905 г.

Нервное настроение, охватившее за последнее время широкие слои немецкого общества, выразилось, между прочим, и в принятом на веру слухе о грозящей будто бы русскому писателю Максиму Горькому опасности быть повешенным за участие в рабочих беспорядках.

Слух этот был, насколько можно проследить, пущен из немецкого социалистического лагеря, чтобы создать в здешнем обществе враждебное России движение и привлечь к нему видных представителей германской интеллигенции.

Прием этот удался.

Распространяемые главным образом «Berliner Tageblatt» небылицы о безжалостном, будто бы, обращении правительства с талантливым автором многих ценных в Германии литературных произведений имели последствием, что обнародованное означенной газетой воззвание под заглавием: «спасите Горького!», было покрыто множеством подписей. В числе их встречаются самые громкие имена немецкого ученого и литературного мира.

Бестактность подобной демонстрации была сознана только немногими газетами. Консервативная «Post» заметила по этому поводу, что талант, каким бы он крупным ни был, не может претендовать на безнаказанность в случае несправедливого участия в политических манифестациях.

Несмотря на столь трезвые взгляды, высказываемые некоторыми органами печати, сочувственное движение в пользу Горького все росло в явно враждебном нам смысле. Я позволил себе обратить внимание Вашего сиятельства на это болезненно-нервное состояние умов, проявляющееся не только в Германии, но и всюду, как на симптом возбужденного общественного мнения XX века.

Н. фон-дер-Остен-Сакен.

№ 10. Выписка из доверительной депеши д. т. с. Нелидова, посла в Париже.

Париж. 27 января (9 февраля) 1905 г. № 9.

Печальные события, совершившиеся в Петербурге 9 января, нашли отклик не только в заседании палаты депутатов, о котором я доношу сего числа под № 8, но и во всех народ-

ных собраниях и рабочих союзах. Вожаками направленного против России движения явились везде социалисты-революционеры и анархисты, а среди слушателей и крикунов находилось значительное число русских эмигрантов и студентов.

На первом большом сборище, состоявшемся под председательством Жореса, главную речь держал известный русско-еврейский эмигрант, перешедший во французское подданство, д-р Рубанович. Заключительные слова г. Жореса, составлявшие как бы постановление этого собрания, были призыв к борьбе с русским «царизмом», служащим самым твердым оплотом против повсеместного установления социалистического образа правления. Трудно было бы более ясно обозначить взаимное отношение российского государственного строя и мечтаний разнузданных социалистов.

При выходе с митинга, среди неистовых криков и брани против русского правительства, на улице брошена была бомба, ранившая при разрыве, к счастью, неопасно, несколько человек, в том числе двух полицейских. Подобные же не менее многочисленные собрания происходили во многих местах Парижа, но особенно вблизи университета, в так называемом Латинском квартале, где по преимуществу ютятся русские студенты и студентки, составляющие, вместе с нашими эмигрантами, большинство их посетителей.

Враждебная против нас деятельность и разглагольствования этих собраний распространились и по другим французским городам, при чем одним из наиболее возбуждающих страсти обстоятельств служит арестование Максима Горького. Везде, но преимущественно среди рабочих, собираются сходки, где произносятся зажигательные речи и принимаются направленные против русского правительства решения, которые потом мне посылаются, но мною тщательно возвращаются обратно. Кроме того, я получаю немало писем с грубою бранью и даже прямыми угрозами, которым придает некоторое значение присутствие в Париже большого числа русских революционеров, прибывших с разных сторон, но особенно из Швейцарии. Находясь здесь под руководством нескольких крайне опасных личностей, они, как будто, что-то замышляют. Весьма важно и сближение русских и французских анархистов с итальянскими, небольшое число которых было недавно задержано в Марсели, при чем на них найдены сильно компрометирующие их бумаги.

Я счел нужным обратить на все эти обстоятельства внимание французского правительства. Но министерство Комба и Пеллетана, робко повиновавшееся велениям Жореса и его сподвижников, так распустило полицейскую часть и надзор за деятельностью поборников противогосударственных начал, что весьма трудно теперь остановить разложение правительственного строя и укрепить его власть не только по отношению к внутренним французским делам, но и в применении ее к сношениям с иностранными державами.

Как бы то ни было, вызванное петербургскими происшествиями брожение, крайне для нас невыгодное и могущее стать и прямо опасным, пока еще распространяется. Оно, нет сомнения, уляжется мало-по-малу по мере того, как, с постепенным введением намеченных реформ, станет и в нашем отечестве устанавливаться более прочный и определенный порядок вещей.

№ 11. Выписка из донесения д. с. с. Прозора.

Петрополис. 6 февраля 1905 г. №№ 3, 4.
8 февраля 1905 г. № 6.

Известия о с.-петербургских забастовках и о происшествиях 9 января вызвали в южно-американских республиках враждебное императорскому правительству движение. Аргентинский министр иностранных дел объявил барону Пилару, что аргентинское правительство сделает возможное, дабы воспрепятствовать предполагаемой манифестации в этом смысле. В Монтевидео же состоялся многолюдный митинг с враждебною российскому правительству целью.

Д. с. с. Прозор сообщает, что папский нунций в Бразилии монсиньор Тенти согласился председательствовать в третейском суде, установленном конвенцией, подписанною между Бразилией и Перу по вопросу о спорной территории Акре.

Военный мятеж в Аргентине, о котором д. с. с. Прозор донес в своей депеше от 6 февраля за № 3, кончился полною неудачею. Главные зачинщики бежали в Чили, аргентинское правительство потребовало их выдачи, и вопрос этот в настоящее время находится на рассмотрении подлежащих чилийских властей.

№ 12. Секретная телеграмма консула на Мальте Сакса.

Мальта. 10 (23) февраля 1905 г.

Консульству доносят, что английский пароход «Флавиан» под видом земледельческих орудий намерен выгрузить ружья в Севастополе или Одессе.

Сакс.

№ 13. Выписка из письма гр. Бенкендорфа, посла в Лондоне [1]).

Лондон. 25 июня (8 июля) 1905 г.

По поводу недавних печальных событий, разыгравшихся в России, я должен указать Вашему сиятельству, что ни одно из них — даже наши военные неудачи — не произвело на общественное мнение и,

[1]) Перевод с французского.

полагаю, на правительство более тягостного впечатления, чем последние одесские события и восстание на «Князе Потемкине». Впервые я увидел ясно, что здесь серьезно встал вопрос, не угрожает ли вспыхнувшая в России революция незыблемости существования правительства.

Сравнительно быстрое усмирение одесского восстания восстановило несколько доверие и произвело хорошее впечатление, но безнаказанность — до сего дня — экипажа «Князя Потемкина» возбуждает беспокойство, внушая даже серьезные опасения за настроение, господствующее во всем нашем Черноморском флоте.

№ 14. Депеша посла в Париже Нелидова.

Париж. 17 (30) ноября 1905 г. № 95.

Тревожные известия, продолжающие приходить из России, производят здесь удручающее впечатление и тяжелым гнетом ложатся на настроение биржи.

Быстро поднявшиеся после манифеста 17 октября курсы наших бумаг стали понемногу падать, и в последнее дни дело дошло почти до паники. Особенно тревожным представляется то обстоятельство, что падение курса наших бумаг было до сих пор последствием спекулятивных продаж, имевших целью биржевую игру на понижение. При настоящих обстоятельствах, появляющиеся на бирже все в большем количестве наши ценности продаются их владельцами, постепенно теряющими доверие в прочность финансового положения России. Крестьянское движение, разорение богатых помещичьих имений с заводами, прекращение работ на фабриках, приостановка вывоза за границу,— все это должно неизбежно повлиять на экономический строй государства и отразиться на смете значительным дефицитом. А рядом с этим выезжающие за границу и проживающие вне отечества русские, не получая доходов со своих имений, обязаны продавать находящиеся в их владении ценные бумаги, что способствует уплыву золота из России и обесцениванию наших государственных фондов, не говоря уже об акциях частных предприятий.

Во всем этом еще не принимается в соображение возможность более глубокого государственного переворота, которым недоброжелатели наши пугают французов. Здесь еще верят в конечный успех предпринятых правительством реформ и в продолжение правительственной уплаты процентов и погашения по займам. Французы слишком заинтересованы в этом, чтобы поддаваться этому страху, осуществление которого привело бы к невообразимому разорению значительной части населения, владеющего более чем восемью миллиардами бумаг.

Подобное настроение нам следовало бы поддержать в наших собственных выгодах, и для этого весьма желательно было бы, чтобы наше

финансовое ведомство могло каким-нибудь объявлением в печати утвердить доверие держателей наших бумаг, объяснив им, что для правильной уплаты процентов и погашения приняты все меры, каковы бы ни были затруднения, с которыми правительству пришлось бы бороться.

В таком случае и возможность заключить новый заем была бы сохранена, если бы в то время, когда о нем снова начнутся переговоры, в России могло бы установиться хотя бы временное успокоение на несколько недель, необходимых для оборудования и осуществления этого предприятия.

Если я поволяю себе представить все эти соображения на благовоззрение Вашего сиятельства, то это потому, что денежный вопрос здесь близко связан с прочностью политических уз, соединяющих нас с Францией, значение которых для России в настоящую минуту возросло в том размере, в каком ослаблена наша собственная мощь.

А. Нелидов.

№ 15. Секретная телеграмма посла в Риме статс-секретаря Муравьева.

Рим. 24 ноября (7 декабря) 1905 г.

Вследствие появившегося здесь и обратившего внимание короля слуха о бунте в Литовском драгунском его имени полку наш военный агент по моему поручению запрашивал командира, который категорически опровергнул эти ложные сведения, о чем доложено его королевскому величеству.

Муравьев.

№ 16. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 2(15) декабря 1905 г. № 55.

Из донесения моего от 27 ноября (10 декабря) с. г. № 52 Вашему сиятельству уже известно о моих усилиях склонить датское правительство к принятию более действительных мер против ввоза датскими фирмами в наши пределы оружия и патронов, более или менее значительные партии коих отправляются почти с каждым пароходом, выходящим отсюда в Финляндию. Не довольствуясь разговором с датским министром иностранных дел, я обратился по настоящему делу непосредственно к министру юстиции г-ну Альберти и подробно изложил ему аргументы, высказанные мною ранее того графу Рабену; я указал ему, что оружие и снаряды, вывозимые к нам из Дании, несомненно, способствуют развитию революционной деятельности в наших пределах и что на датском правительстве лежит обязанность всеми зависящими от него мерами препятствовать участию в этой деятельности датских подданных; кроме того, если подобный вывоз

приносит выгоду двум-трем датским фирмам, то, с другой стороны, от революционных беспорядков могут пострадать десятки и даже сотни, датских подданных, занимающихся в России разными видами мирной деятельности. Г-н Альберти ответил мне, что как он, так и все другие члены датского кабинета искренно желали бы оказать нам в настоящем случае услугу, но что в датском законодательстве не имеется ни одной статьи, на основании коей правительство могло бы воспретить в мирное время датским торговым фирмам поставлять оружие и патроны русским или финляндским торговым фирмам; всякое действие датских властей, направленное к стеснению свободы датских негоциантов в этом отношении, тотчас же вызовет не только протесты заинтересованных лиц, но и запрос в риксдаге. Правительство предписало полицейским и портовым властям тщательно следить за погрузкой оружия и патронов в копенгагенском порте, при чем приняты меры к тому, чтобы суда не могли вывозить этих предметов тайным образом; о каждом отправлении оружия и патронов тотчас же доводится до сведения русской миссии, что дает русским властям полную возможность своевременно принять надлежащие меры по прибытии их в русские или финляндские порты. Это, по мнению г-на Альберти, максимум того, что может сделать датское правительство в настоящем случае, и даже за это оно подвергается упреку в стеснении судовых операций в копенгагенском вольном порте.

Из разговора моего с г-ном Альберти я вынес убеждение, что нам не удастся добиться от датского правительства более активных мер; мне остается поэтому лишь продолжать тщательным образом наблюдать за вывозом отсюда в Россию оружия и патронов и извещать по телеграфу императорское министерство о каждом подобном отправлении.

А. Извольский.

№ 17. Черновик письма министра ин. дел Ламсдорфа на имя морского мин. Бирилева.

10 (23) декабря 1905 г. № 974.

Спешно. Секретно.

М. Г.

Алексей Алексеевич!

Секретная телеграмма российск. посланника в Копенгагене от 9 сего декабря, касательно предполагаемой датским пароходным обществом отправки в Либаву на имя командира порта Алекс. Ш. 54 ящиков с оружием, была повергнута мною в числе прочих на всемилостивейшее воззрение государя императора, и его величеству на полях оной благоугодно было собственноручно начертать: «Морскому министру».

Во исполнение таковой монаршей воли имею честь препроводить Вашему превосходительству копию означенной телеграммы.

№ 18. Депеша посла в Берлине Остен-Сакена.

Берлин. 16 (29) декабря 1905 г. № 98.

Новым доказательством участия интернациональной социал-демократии, и особливо немецкой радикальной партии, в поддержании революционного движения в России является опубликованное в рождественском номере газеты «Vorwärts» воззвание международного социалистического бюро к рабочим всех стран.

Воззвание приводит выраженное на социалистическом конгрессе в Париже в 1889 году предсказание, что революция в России осуществима только в виде рабочего движения, но что она вовсе не увенчается успехом. Обсуждая положение дел в России, социалисты приходят к заключению, что, хотя революционною пропагандою достигнута уже блестящая нравственная победа, однако реальные цели еще не осуществлены, и русскому пролетариату придется до полного торжества продолжать месяцами, если не годами, начатую борьбу для низвержения существующего строя.

В этой борьбе иностранные социалисты солидарны с русским пролетариатом, который должен встретить с их стороны не только полное сочувствие, но и материальную помощь.

Воззвание кончается изданием пароля ознаменовать всюду годовщину 9/22 января устройством социалистическими союзами массовых собраний и, по возможности, уличных шествий. На предполагаемых митингах должны говорить заранее намеченные ораторы о революции в России, и в пользу русских собратьев будут сделаны денежные сборы, которые положено передавать затем центральным социалистическим кассам или международному социалистическому бюро.

На-ряду с агитациею для поощрения революционного движения в России немецкие социалисты обнаруживают усиленную деятельность и в самой Германии. Недавние события в Дрездене являются знаменательным симптомом.

В Пруссии революционеры сдерживаются еще страхом перед военной силой. Однако общее брожение умов растет и здесь, и правительству приходится быть на-страже.

Н. фон-дер-Остен-Сакен.

№ 19. Письмо посла в Вене кн. Урусова.

Вена. 25 января (7 февраля) 1906 г.

Согласно указаниям, переданным мне в письме Вашего сиятельства от 12 января с. г. за № 356, я не преминул переговорить с графом Голуховским [1]) по вопросу о воспрепятствовании ввоза оружия

[1]) Австрийский министр иностранных дел.

в Россию. Меры, принятые с этой целью датским правительством, неприменимы к Австро-Венгрии, так как морской торговли между этой страной и Россией не существует; что же касается сухопутной нашей границы, то министр иностранных дел заверил меня вновь, что строжайшие инструкции даны австрийской таможенной страже ввиду воспрепятствования вывозу оружия в пределы России.

Граф Голуховский сказал мне, что можно быть уверенным, что такого вывоза за последнее время не было, разве в самом небольшом размере посредством контрабанды, наравне с другими товарами, провозимыми этим способом через границу, несмотря на бдительность таможенных кордонов. Прекращение или значительное ограничение этого злоупотребления может быть достигнуто лишь усугублением бдительности со стороны русской стражи.

Урусов.

№ 20. Выписка из депеши гр. Остен-Сакена, посла в Берлине.

Берлин. 30 декабря 1905 (12 января 1906) г. № 104.

Главари социал-демократической партии вели за последнее время усиленную агитацию в целях устройства в Пруссии массовых уличных демонстраций против ныне существующего в королевстве выборного закона и в пользу всеобщего избирательного права. Первую и самую внушительную демонстрацию предполагалось приурочить к воскресенью 8/21 будущего января, накануне годовщины известных беспорядков в С.-Петербурге.

Как Ваше сиятельство изволит усмотреть из прилагаемой вырезки из газеты «Tägliche Rundschau», демонстрацию предполагалось начать с созвания 80 социал-демократических митингов в 12 часов дня, которые должны быть закрыты все в одно и то же время, после чего участники их направились бы к Королевскому замку, где в этот день, совпадающий с орденским праздником, соберутся все высшие прусские сановники.

Ввиду этих сведений властями приняты на 8/21 января самые обширные меры предосторожности. Доступы к замку будут закрыты, полицейские наряды значительно усилены, и всему берлинскому гарнизону приказано быть наготове.

Кроме того, придерживаясь взгляда, что холостые выстрелы и удары саблями плашмя лишь раздражают толпу и ведут, в конце концов, к еще большему кровопролитию, правительство сделало распоряжение, чтобы как полиция, так и войска, если бы они были вынуждены прибегнуть к оружию, действовали бы им с полною решимостью.

Все эти меры не могли не отрезвить главарей движения, и в газете «Vorwärts» от имени центрального комитета социал-демократической партии опровергается известие о предстоящих уличных демонстрациях.

Не подлежит сомнению, что такая перемена фронта вызвана, кроме решительного положения, занятого правительством, также и крайне отрицательным отношением к затее социал-демократов со стороны громадного большинства общественных кругов. Даже такой передовой орган как Фоссова газета серьезно предостерегает рабочих не пускаться в столь опасную игру, так как малейшая попытка перенести вопросы законодательного характера на улицу, помимо тяжких последствий для участников, надолго затормозит всякую возможность усовершенствования избирательного закона в установленном для того конституциею порядке.

Остен-Сакен.

№ 21. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 1 (14) января 1906 г. № 2.

Согласно изданному международным социалистическим Комитетом лозунгу — ознаменовать во всех странах годовщину 9/22 января сочувственными революционному движению в России манифестациями — состоялось в минувший понедельник в Копенгагене собрание социалистов под председательством члена фолькстинга Кнудсена.

Главным оратором выступил датский социал-демократ Мейер, который дал в своей речи исторический обзор социалистической пропаганды в России и указал на общую забастовку, как на самую успешную меру борьбы, имеющуюся в руках социал-демократической рабочей партии. При этом он напомнил, что шведскими социалистами было, в свое время, решено объявить общую стачку в случае если бы расторжение шведско-норвежской унии привело к военному столкновению между Швецией и Норвегией.

Собранием была принята резолюция, в которой выражены симпатии датских социалистов «нигилистам и радикалам» в России, как поборникам свободы.

Одновременно собрание объявило свое сочувствие немецкой социалистической рабочей партии в ее настоящей борьбе за расширение избирательного права.

Митинг здешних социалистов прошел спокойно, даже немного вяло, и не отличался многочисленностью посетителей.

Извольский.

№ 22. Отношение директора департамента полиции в первый департамент мин. ин. дел.

2 (15) января 1906 г. № 34.

По полученным из агентурного источника указаниям английский пароход «Горсемор» (Gorsemore), капитаном коего состоит Валькер (Walker), должен был 24 декабря (старого стиля) выйти из Антвер-

пена в Одессу с грузом в 13 ящиков, содержащих каждый по 25 ружей, при чем на ящиках не имеется ни пометок, ни каких-либо указаний относительно фирмы отправителя или имени получателя.

Принимая во внимание, что названный пароход по выходе из Антверпена в Одессу будет иметь остановки в Константинополе, Сулине, Бургасе и Брайлове, департамент полиции имеет честь покорнейше просить первый департамент министерства иностранных дел не отказать в распоряжении телеграфировать нашим дипломатическим представителям в упомянутых портах о прибытии туда парохода «Горсемор» в целях выяснения, действительно ли находится на этом пароходе оружие и, в утвердительном случае, не будет ли оружие перегружено на другой пароход для дальнейшего отправления в Россию или же свезено на берег, и о последующим не отказать уведомить.

Директор *Э. Вуич.*

Заведующий отделом *С. Тимофеев.*

№ 23. Депеша посланника в Копенгагене Извольского.

Копенгаген. 7 (20) января 1906 г. № 1.

В дополнение к донесению моему от 21 декабря 1905 г. (3 января 1906 г.) за № 57 имею честь сообщить нижеследующее.

По получении телеграмм Вашего сиятельства от 21 и 30 декабря я не преминул официальною нотою уведомить датское правительство, что Привислянский край и губернии Курляндская, Эстляндская и Лифляндская объявлены на военном положении и что высочайше утвержденным постановлением совета министров воспрещен ввоз в империю из-за границы оружия, кроме охотничьих образцов; вслед за сим, основываясь на письме, полученном мною от г. финляндского генерал-губернатора, я сообщил тою же нотою датскому правительству, что по местным финляндским законоположениям воспрещен ввоз в Финляндию пушек, ядер, бомб и т. п. военных снарядов, духовых ружей, пороха, нитроглицерина и иных взрывчатых веществ, а также боевых ружей и патронов к оным.

Датское министерство иностранных дел тотчас же опубликовало вышесказанные сообщения во всеобщее сведение и негласным образом предупредило заинтересованные фирмы и пароходные компании, что если они подвергнутся в России возмездию или стеснениям за нарушение упомянутых постановлений, они не могут рассчитывать ни на какую поддержку со стороны датского правительства.

Кроме того, датское министерство иностранных дел продолжает извещать меня каждый раз, когда выходящие из копенгагенского порта в Россию или финляндские суда принимали оружие или снаряды, при чем оно особенно внимательно следит за деятельностью

пароходов финляндского пароходного акционерного общества в Гельсингфорсе — Полярис, Арктурус, Урания и Астрея. О погрузке оружия и снарядов в Финляндию я каждый раз уведомляю финляндского генерал-губернатора шифрованною телеграммою с обозначением количества ящиков и фамилий адресатов.

Вышеизложенными мерами исчерпывается все, чего я имею возможность здесь добиться для стеснения ввоза из Дании в наши пределы оружия; при этом я считаю долгом заявить, что датское правительство выказывает полную готовность оказать нам в этом содействие, но что оно стеснено действующими в Дании законоположениями и опасением вызвать запросы и протесты в риксдаге.

А. Извольский.

№ 24. Секретная телеграмма посла в Риме статс-секретаря Муравьева.

Рим. 10 (23) января 1906 г.

8 и 9 января в Риме и многих других городах Италии социалистами были устроены шумные собрания для ознаменования годовщины прошлогодних петербургских беспорядков и выражения сочувствия русским революционерам. Властями были приняты строгие меры, главным образом, против уличных шествий. В Турине, Милане, Анконе вследствие резких речей ораторов были прекращены самые собрания. В Неаполе при большом сборище молодежи была свалка и аресты. В Риме вчера состоялся близ Колизея многотысячный митинг под руководством депутата Кабрини. Затем при выходе последовало столкновение с полицией при попытке помешать движению трамваев. До 50 чинов полиции и войск ранены и ушиблены палками и камнями. 40 демонстрантов задержаны. Посольство и консульство тщательно охранялись, и нигде перед ними манифестаций не было. Вообще, наши дела были скорее предлогом для черни социалистического и анархистического характера, безусловно осуждаемым общественным мнением. Королем было выражено решительное желание не допускать серьезных нарушений порядка. Президент совета министров, он же министр внутренних дел, лично сделал мне самые категорические заверения об искренних намерениях правительства противодействовать, насколько от него зависит, всем крупным проявлениям агитации против России, по отношению к которой в переживаемом ею трудном времени Фортис неоднократно выражал мне благожелательные дружелюбные чувства вместе с почтительным с своей стороны преклонением перед государем императором.

Н. Муравьев.

№ 25. Депеша посланника в Румынии на имя директора первого департамента мин. ин. дел Гартвига.

Бухарест. 14 (27) января 1906 г. № 88.

Секретно.

Милостивый государь

Николай Генрихович!

В ответ на секретную телеграмму Вашего превосходительства от 4 сего января касательно английского парохода «Горсемора» считаю долгом уведомить Вас, милостивый государь, что префект полиции г. Бухареста, заведующий тайной полицией королевства, сообщил мне, что по сведениям, полученным Констанцским портом, пароход «Горсемор» вышел из Антверпена 20 сего января нового стиля, направляясь в Ливерпуль, и что в Констанце он ожидается через 30 или 35 дней.

При этом князь Мурузи присовокупил, что им дано строжайшее предписание сделать самый тщательный осмотр грузу, который будет выгружен в Констанце или каком-либо другом из портов королевства.

Не ручаясь вполне за достоверность сделанного мне префектом сообщения, считаю долгом присовокупить, что мною даны надлежащие предписания вице-консулам нашим в Сулине и Констанце о своевременном уведомлении меня о прибытии парохода «Горсемор» в один из этих портов.

Гирс.

№ 26. Выписка из секретной депеши д. т. с. Муравьева, посла в Риме.

Рим. 24 января (6 февраля) 1906 г. № 1.

В дополнение к моей шифрованной телеграмме от 10/23 января с. г. имею честь сообщить Вашему сиятельству, что по почину, исходившему из международного социалистического комитета в Брюсселе, 9/22 сего января, в годовщину петербургских беспорядков, по всей Италии, в больших и многих маленьких городах социалистами были устроены манифестации для выражения как сочувствия русской революции и лицам, за нее пострадавшим, так и негодования против правительственных мероприятий к ее подавлению. Этому предшествовала сильная пропаганда в крайней печати и обширное распространение всевозможных объявлений и приглашений к участию в манифестациях. Самые же манифестации, о часе и месте которых заблаговременно оповещалось в газетах, должны были состоять из публичных шествий, собраний или митингов с речами и резолюциями. Правительство заранее приняло по этому поводу довольно строгие меры; отчасти благодаря им, широко задуманные демонстрации большею частью не удались

и быстро прекращались, лишь местами — и, между прочим, в Риме — перейдя в уличное буйство и столкновение толпы с властями. Полиции было приказано не допускать шествий с красными флагами и разгонять скопища, уже успевшие образоваться, а собрания немедленно закрывать при произнесении в них особенно возмутительных воззваний. Распоряжение это исполнялось в различных местностях с неодинаковой энергией и настойчивостью, но почти повсюду манифестанты, состоявшие из немногих крайних радикалов и республиканцев, известных анархистов и социалистов, молодежи, рабочих и всякого сброда, встретились с более или менее упорным и искусным противодействием администрации, полиции и войска. Во всяком случае было очевидно, что правительство, хотя и вынужденное считаться с существующими гарантиями гражданской и личной свободы и многообразными политическими и парламентскими течениями, все-таки не расположено ни потакать шумным демонстрациям «pro Russia», как их тут называют, ни терпеть явные нарушения общественного порядка. Хуже всего, однако, обошлось дело в самом Риме, где сначала были приняты весьма серьезные меры предосторожности и охраны, а в последнюю минуту, из опасения еще бо́льших беспорядков, среди огромного сборища черни был дозволен первоначально запрещенный митинг, вследствие чего потом пришлось уже силою рассеять при выходе многочисленных демонстрантов, ободренных таким послаблением. Собрание в несколько тысяч человек состоялось в так называемом «Orto Botanica», близ Колизея, при чем зажигательные речи произнесли, при оглушительных аплодисментах, социалистический депутат Кабрини и его жена. Была постановлена и довольно туманная резолюция, из которой можно лишь вывести, что римский пролетариат заявляет о своем деятельном сочувствии революционной России и что если с нею вступят в борьбу европейские реакционные силы, то он окажет им сопротивление. По окончании собрания толпа двинулась по разным направлениям к центру города, но была встречена полициею, карабинерами и войсками. Этим последним было запрещено действовать оружием, вследствие чего им оставалось лишь пассивно выносить дерзкие оскорбления. При этом ранено и ушиблено палками и камнями около 50 человек военных и полицейских чинов, в том числе несколько офицеров. Во время своего напора толпа напала на вагон электрического трамвая, продолжавшего работать, и избила кондукторов. Беспорядки, начавшиеся после 2 часов дня, к шести-семи часам вечера прекратились, и порядок был восстановлен. Много манифестантов и буянов, преимущественно люди без определенных занятий, так называемые «terpisti», было задержано и предано суду, который их уже приговорил к сравнительно небольшим срокам заключения.

Муравьев.

№ 27. Отношение департамента полиции.

21 апреля (4 мая) 1906 г. № 6104.

Секретно.

В первый департамент министерства иностранных дел.

Препровождая при сем копию воспроизведенного на гектографе, адресованного на имя родственников казненного государственного преступника бывшего лейтенанта Петра Петровича Шмидта заявления, подписанного двадцатью восемью состоящими на военной службе турецкого правительства лицами, сочувственно относящимися к деяниям вышеупомянутого государственного преступника, департамент полиции имеет честь покорнейше просить первый департамент министерства иностранных дел, не будет ли признано возможным о 28 офицерах, подписавших означенное заявление, поставить в известность оттоманское правительство и о последующем не отказать уведомить.

Директор *Э. Вуич.*

За заведующего отделом *Васильев.*

Копия обращения.

Гражданам Анне Петровне Избаш и Евгению Петровичу Шмидту.

Великий русский народ должен сказать свое последнее слово. Оно грозным эхом пронесется по всему свету. Свершилось неслыханное преступление. Доблестный лейтенант Петр Петрович Шмидт казнен. Ему «повешение» заменено «расстрелом», за неимением специалиста палача. Своим злодеянием Чухнин увековечил свое имя, так как брат ваш и отец обессмертил себя.

Полные негодования, мы, нижеподписавшиеся офицеры армии и флота оттоманской империи, собравшиеся в количестве 28 человек, приветствуем отныне знаменитых граждан г-жу Избаш и Евгения Петровича Шмидта и шлем вам с берегов Босфора наше глубочайшее почтение. Да будет вам утешением наша искренняя любовь к погибшему борцу и его доблестным товарищам Сергею Частнику, Александру Гладкову и Никите Антоненко, принявшим мученическую смерть во имя счастья своей родины. В наших сердцах лейтенант всегда останется великим борцом и страдальцем за права человека. Он будет учителем нашему потомству.

Мы знаем, как велико ваше горе и как ничтожны наши утешения. Но мы все-таки надеемся, что наше, хотя и ничтожное, участие прибавит к тому общему, которое выразит вся честная Россия.

Наш брат Евгений Петрович, наша сестра Анна Петровна, знайте, что речь лейтенанта Шмидта, произнесенная им над трупами борцов

в Севастополе, уже разнеслась по всем закоулкам нашей империи, как и каждое произнесенное им слово.

Клянемся и мы великому гражданину Шмидту, клянемся его дорогим для нас трупом вместе с русским народом, что будем бороться до последней капли крови за святую гражданскую свободу, во имя которой у нас погибло не мало наших лучших граждан. Мы клянемся еще и в том, что будем всеми силами и мерами стараться знакомить турецкий народ с событиями в России, чтобы общими усилиями завоевать себе право жить по-человечески.

Большинство из нас — уроженцы Кавказа, и во имя любви к нашей покинутой родине мы протестуем против смертной казни, которая позором легла на всю Россию. Мы шлем свое презрение тем офицерам, которые под защитой штыков истязали и расстреливали безоружных и ни в чем неповинных граждан. Презрение свое мы распространяем и на тех офицеров, которые под видом верности престолу и отечеству убивали и избивали на улицах беззащитный народ. Потерявшие всякое понятие о долге и чести офицеры эти опозорили себя на весь мир. Возмущенные поведением Семеновцев, донских и других казаков, мы устно и печатно будем рассказывать своим единоверцам об их «великих подвигах». Доблестная русская армия должна их выкинуть из своих рядов. Когда-то европейская печать возмущалась зверством башибузуков в Болгарии, но мы думаем, что русские казаки, и в особенности донские, как их представитель сотник Аврамов, более преступны, потому что убивали своих же братьев христиан, не разбирая ни пола, ни возраста.

Верьте, дорогие друзья Евгений Петрович и Анна Петровна, что лейтенант Шмидт никогда не умрет в наших сердцах, и слава о нем, как он погиб за свою родину, перейдет из рода в род.

Вместе с русским народом мы присоединяем свой крик: «Долой смертную казнь». «Да здравствует гражданская свобода».

1. Али-эффенди (поручик — черкес).
2. Риза-бей (лейтенант — лаз).
3. Ахмет-эффенди (капитан — грузин).
4. Осман-бей (полковник — турок).
5. Гассен-бей (командир крейсера — черкес).
6. Сулейман-бей (майор — черкес).
7. Али-бей (подпоручик — курд).
8. Магомет-эффенди (командир миноноски — турок).
9. Камди-бей (поручик — турок).
10. Маид-бей (подпоручик — албанец).
11. Фуад-бей (капитан — черкес).
12. Хаджи-бей (лейтенант — турок).
13. Мазар-эффенди (бывший камергер — араб).
14. Бешир-бей (подпоручик гвардии — черкес).
15. Инвер-бей (капитан — турок).

16. Муслин-бей (поручик генерального штаба — лаз, из фамилии князей Тавгеридзе, племянник знаменитых генералов-разбойников Бохри-паши и Али-паши).
17. Джелал-бей (лейтенант — черкес, окончивший Ставропольскую гимназию на Кавказе).
18. Искандер-эффенди (жандарм-поручик — черкес, самый знаменитый деятель в революционном движении).
19. Махмуд-бей (переводчик из Ильдиз-Киоска — турок).
20. Тахсим-эффенди (корабельный врач — черкес).
21. Извед-бей (воспитатель в кадетском корпусе, капитан — черкес).
22. Митхат-бей (преподаватель математики в юнкерском училище, подполковник — черкес).
23. Сафар-эффенди (помощник начальника тюрьмы, поручик—албанец),
24. Киамиль-бей (один из адъютантов военного министра, поручик — черкес).
25. Сефир-эффенди (эскадронный командир — курд).
26. Измаил-эффенди (лейтенант — грузин).
27. Тевфик-бей (дежурный офицер при арсенале, капитан — черкес).
28. Магомет Исламович Схагташе (Мате-бей), чиновник министерства народного просвещения — черкес.

Гражданка Анна Петровна!

Прошу список этот тщательно сохранить, ибо подписавших ждет тяжелая кара, если их обнаружите. Они все готовы умереть за святое дело. Протест этот послан в «Русь» и «Путь». Привет Евгению Петровичу. Ваш истинный друг Мамет-бей.

Прошу Вас, гражданка, не упоминать также, через кого мы узнали о Вашем адресе; тот человек, с которым Вы беседовали два раза — вечером и днем перед отъездом — нам очень полезный человек, он за это у нас приговорен к смертной казни. Самое лучшее, если Вы зачеркнете внизу имена подписавшихся. Будьте здоровы — да хранит Вас судьба.

№ 28. Письмо посла в Лондоне гр. Бенкендорфа.

Лондон. 28 сентября (11 октября) 1906 г.

В дополнение к сообщениям, сделанным мною императорскому министерству по поводу английского общественного мнения и той позиции, которую заняла пресса в вопросе о депутации для передачи адреса председателю последней Думы, я должен указать на поворот, который, правда, еще только намечается, но все же уже достаточно ясен, чтобы быть отмеченным. Это — возрастающая здесь популярность личности нашего председателя совета министров.

Что симпатии Англии на стороне либеральных реформ в России — это, несомненно, так сказать, естественно. С начала наших смут все

английские суждения о наших государственных людях основывались на этих симпатиях. Но вместе с тем, однако, — чему способствовали анархистские выступления — отношения к событиям начали давно мало-по-малу изменяться, становясь более спокойными и глубокими. Точка зрения, в сущности, не изменилась, но конкретные суждения стали уже иными.

Вне сомнения, что Столыпин, благодаря своей политике, явной по своей прямоте и ясности своих намерений, — поскольку они известны — умеет, как никто из его предшественников, использовать благоприятную обстановку.

Все это ясно отражается в прессе. Если некоторые наиболее радикальные органы, как «La Tribune» и, на-днях, «Daily News» еще выступают при случае с резкими нападками на наше правительство, то это становится все реже и реже. На-днях по поводу телеграммы из Петербурга, сообщающей, как о совершившемся факте, об обручении великого князя Михаила с принцессой Patricia de Connaught, «Daily News», воспользовавшись этим случаем, позволил себе ядовитый выпад против так называемого «Parti des Grands Ducs». Но эта статья, сколько мне известно, не нашла себе подражания и осталась единственной.

В противовес можно указать статьи, напр., в «Contemporary Review» о наших делах и деятельности председателя совета, а следовательно, правительства; или только что появившуюся статью «Times», подготовленную всеми предыдущими. Эти явления — совершенно новые и, являясь результатом естественной эволюции, заслуживающие, несомненно, известного внимания, так как указывают, что в Англии начинают проникаться доверием к нашему теперешнему правительству. Явление не маловажное.

Считаю долгом отметить все эти соображения, особенно в связи с различными неожиданностями, как в данном случае, с организацией депутации, являющейся следствием интриги, делом рук — как доказывают недавние суждения и факты — немногих мечтателей и опасных безумцев, к которым присоединились крайние элементы «Labour Party», а это вещь, способная ввести в заблуждение русское общественное мнение насчет английского, каким мне оно рисуется. За эти дни я имел немало случаев отдать себе в этом ясный отчет.

А. Бенкендорф.

Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 года.

Ниже печатаются два рапорта Николаю Романову (от 3/XI—1904 г. и 9/I—1905 г.) флигель-адъютанта В. Н. Шебеко, «состоявшего при особе Вильгельма II» с октября 1904 года по ноябрь 1905 года, и письмо Вильгельма II матери Николая Романова, имп. Марии Федоровне, от 19/6 февраля 1905 г. Ценность рапортов Шебеко заключается, с одной стороны, в почти стенографической точности воспроизведения бесед его с Вильгельмом о событиях русско-японской войны и начавшейся революции. с другой стороны, — в той доверительной откровенности, с какой Вильгельм высказывался о России в беседах с этим русским флигель-адъютантом. Дело в том, что Шебеко занимал при германском дворе исключительное положение, аналогичное тому, какое занимал тогда в Петербурге германский военный атташе граф Ламсдорф. При назначении последнего Вильгельм писал Николаю Романову: «я дал ему инструкции, чтоб он считал себя исключительно состоящим при твоей особе, как это бывало во времена Николая I и Александра II. В своих донесениях он ответственен только передо мной лично, и ему раз навсегда запрещено входить в сношения с кем-либо другим, будь то генеральный штаб, министерство иностранных дел или канцлер. Таким образом ты можешь доверить ему какое угодно поручение, запрос, письмо и т. д. для меня и пользоваться им в любом деле в качестве непосредственной связи между нами. Если бы ты пожелал прислать кого-нибудь из твоей свиты, кто бы пользовался твоим полным доверием, то я принял бы его с удовольствием, так как считаю крайне необходимым, чтобы во время этих серьезных событий ты мог, в случае надобности, возможно быстрее сноситься со мной, без громоздкого и нескромного аппарата канцелярий, посольств и т. д.» [1]). Николай согласился и выбрал для прикомандирования к особе Вильгельма флиг.-адъютанта Шебеко, которому довелось быть рупором Вильгельма в критические месяцы русско-японской войны и революции, использованные германским императором для подготовки пресловутого договора в Бьорке. Правда, этот период в значительной степени освещен опубликованной Центрархивом перепиской Вильгельма II с Николаем II, но всеподданнейшие рапорты Шебеко не утратили от этого своей исторической ценности, так как, воспроизводя многое из имеющегося в письмах Вильгельма, они дают ряд новых любопытных данных из истории искусной обработки Николая его «кузеном».

Что касается печатаемого здесь же письма Вильгельма к б. имп. Марии Федоровне, написанного под непосредственным впечатлением известия об убийстве в Москве вел. кн. Сергея Александровича, то оно также представляет значительный интерес как дополнение к обширному письму Вильгельма II Николаю Романову от 21/8 февраля 1905 г. [2]). Подлинники печатаемых документов хранятся во II отд. Госархива РСФСР. Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями А. А. Сергеев.

---

[1]) Центрархив. Переписка Вильгельма II с Николаем II. Москва. 1923, стр. 63.

[2]) Там же, стр. 94—102.

I.

15 ноября 1904 г. [1])

Его императорскому величеству

состоящего при особе императора германского, короля прусского, Вильгельма II, флигель-адъютанта полковника Шебеко

Рапорт.

Всеподданнейше доношу Вашему императорскому величеству, что со времени назначения меня состоять при особе императора германского я уже три раза был приглашен на официальные церемонии, на коих не присутствовали мои коллеги — военные представители других держав.

В первый раз я присутствовал на открытии бронзовых групп на охотничьи сюжеты в берлинском Тиргартене, при чем император и его свита и даже молодая принцесса прусская Виктория-Луиза [2]) были в охотничьих костюмах-мундирах.

О речах, обращенных императором к новобранцам в Потсдаме и Берлине.

Во второй раз я был приглашен в Потсдам на церемонию принесения присяги новобранцами потсдамского гарнизона; кроме меня, никаких иностранцев при этом не было. В обращенной к молодым солдатам речи император, между прочим, сказал, что важность присяги, приносимой именно в этом году, значительно превосходит таковую минувших годов, так как вследствие возгоревшейся на Дальнем Востоке большой войны наступает такое время, что поступающим ныне на службу солдатам может приттись на деле доказать свою верность королю и воинскому делу. Эта речь императора не была опубликована в газетах. Через два дня в Берлине, при присягании новобранцев берлинского гарнизона, в присутствии всех военных агентов, император также держал молодым солдатам

---

[1]) Эта дата написана рукою Николая Романова синим карандашом. Ниже знак ·/., которой он обычно ставил на прочитанных бумагах.

[2]) Дочь Вильгельма II.

речь, при чем, говоря в обычных выражениях о значении присяги, он прибавил, что в настоящее время происходит война, в которой и с одной и с другой стороны солдаты одинаково проявляют чудеса мужества и самоотвержения: такого же понятия о воинском долге требует он и от своих солдат. По окончании церемонии император завтракал в офицерском собрании гвардейского гренадерского Александровского Вашего императорского величества полка и провозгласил первый тост за августейшего шефа полка, прослушав затем, стоя, русский национальный гимн.

Изложение сущности политического разговора с императором.

Наконец, в третий раз, в ряду лиц свиты императора я вчера присутствовал в Потсдаме на встрече великого герцога и великой герцогини Мекленбург-Стрелицких и на последовавшем затем завтраке в честь их высочеств. Тотчас после завтрака император подошел ко мне и начал разговор, который кончился только, когда к нему подошла великая герцогиня со словами: «Wilhelm, ich glaube, wir müssen schon fort» [1]).

Благоприятный поворот в ходе дел на театре войны.

Начав с воспоминаний о вновь назначенном командире X арм. корпуса, генерале Церпицком, как о бывшем командире Выборгского полка, и по этому поводу о блестящей деятельности этого полка и его командира, полковника Зайончковского [2]), выручившего по личной своей инициативе отряд генерала Мищенки [3]) из тяжелого положения в бою у реки Сахэ, император перешел на положение дел на театре войны и признал настоящее положение благоприятным: силы и удаль японцев заметно слабеют, потери их под Порт-Артуром, по донесениям «его агентов», превосходят 50 тыс. человек, источники пополнения иссякают, мужественное и упорное сопротивление слабейших численностью русских войск совершенно не предвиделось японцами, и не подлежит сомнению, что уже теперь Япония подготовляет почву для посредничества соединенных Франции и Англии с целью «прекращения кровопролития» тотчас после падения Порт-Артура. Император убежден, что если только нервы генерал-адъютанта Стесселя [4]) не ослабнут, крепость продержится еще долгое время, хотя бы число защитников и еще значительно убавилось: собственно крепостная ограда вся еще в наших руках, и все так называемые «форты», коими овладевают японцы, оказываются лишь передовыми укреплениями.

---

[1]) «Вильгельм, я думаю, что нам уже пора уходить».

[2]) Зайончковский, Андрей Мед., в 1904—1905 г.г. командовал 85 пех. Выборг. п., шефом которого был Вильгельм II с 6 мая 1884 г. Полк участвовал в боях под Ляояном, Мукденом и на р. Шахэ (Сахэ).

[3]) Мищенко, Пав. Ив., ген.-лейт., ген.-адъют., начальник Уральско-Забайк. казачьего сводного дивизиона, сост. в распоряжении главнокомандующего.

[4]) Стессель, Анат. Мих., ген.-лейт., комендант Порт-Артура, сдал его японцам в конце декабря 1904 г.

Несвоевременность переговоров о мире и посредничестве.

Но хотя бы крепость и пала — заключение мира теперь же является слишком очевидною выгодою для явных и тайных врагов России. Хотя император и писал об этом лично Вашему величеству, но он желает еще раз настоять на этом пункте. На этих днях sir Frank Lascelles (английский посол в Берлине) перед отъездом в отпуск спрашивал императора, сколько времени, по его мнению, продолжится еще война. «А, может быть, еще два — три года», — ответил император; посол даже побледнел и стал говорить о гуманности, цивилизации и т. д. «А вы думали, что Россия так и успокоится, не одержав еще ни одного осязательного успеха? Да она еще даже не воспользовалась обеспеченностью своего тыла, т.-е. западной границей империи; нет, Вы еще подождите: вот она сосредоточит еще несколько сот тысяч человек, сотрет с лица земли японскую армию, да тогда заговорит о мире». С таким мало-утешительным для него заключением посол и уехал в Англию.

Охлаждение между императором и королем Эдуардом.

Вообще в Англии императором, по его собственным словам, теперь очень недовольны: без его ведома король составил план женить кронпринца на принцессе Connaught, в надежде таким путем впоследствии влиять на политику Германии; весною этого года кронпринц получил приглашение на охоту в Англии от короля Эдуарда, о чем император ничего не знал; но когда принц стал просить разрешения ехать, он тотчас догадался, в чем дело, и предложил ему сперва побывать в Шверине: там он быстро воспламенился, и все устроилось к лучшему [1]); потом он уж сам не захотел ехать в Англию; но гнев короля по этому поводу достиг таких пределов, что в день рождения германской императрицы (9/22 минувшего октября) не было получено ни одной поздравительной телеграммы от английской королевской фамилии! — Говоря об Англии, император со свойственною ему резкостью выражений отзывался о деятельности в Лондоне русского посла графа А. К. Бенкендорфа, признавая ее весьма неудовлетворительной и прибавляя, что, по его мнению, опасно вверять очень ответственные должности католикам, так как у них государственные интересы родины всегда остаются на втором плане.

О происшествии с эскадрою адмирала Рожественского и английскими рыбаками.

Далее император высказывал предположение, что после первой серьезной неудачи Японии Англия от нее отвернется; да и симпатии Японии к Англии заметно слабеют: она ожидала от союзницы более действительной помощи и затеяла всю историю у Doggers Bank [2]) с главной целью вовлечь в войну и Англию, так как убедилась, что собственных сил стало нехватать. Адмирал Рожественский иначе не мог

---

[1]) Кронпринц Вильгельм — женился в 1905 г. на принцессе Мекленбург-Шверинской, Цецилии.

[2]) В октябре 1904 г. эскадра адмирала З. П. Рожественского, отправленная на выручку Порт-Артура, обстреляла в Северном море, у Доггер-Банка, рыболовные суда гулльских рыбаков, приняв их за японские миноносцы. Этот инцидент

и не должен был поступать; виденные с его судов миноносцы должны, безусловно, быть английского происхождения, так как они были четырехтрубными; очень вероятно, что это те же суда, которые несколько времени тому назад были предлагаемы русскому правительству, отказавшемуся от приобретения вследствие недостаточной их величины: ведь, они затем бесследно исчезли. Может быть, даже они японцами и не были куплены, а только взяты для пробного плавания и для наведения русского огня на английских рыбаков. А Франция с самого начала действовала не так, как подобает верному союзнику; ей следовало тотчас по выходе русской эскадры из датских вод принять ее под свое покровительство и линиею своих судов охранять нарушенный фланг, и, таким образом, провести эскадру мимо английских берегов; в случае же какого-либо протеста смело и открыто заявить, что считает своим долгом оберегать флот союзной державы в черте своих вод. Но чего же ожидать от «купленного англичанами» Delcassé? [1]). Он душою стоит за Англию и теперь в сообществе с нею и с Италиею занят проведением своей политики в Македонии и вообще на Балканах, всеми силами противодействуя осуществлению Мюрцштегских реформ [2]) и возобновляя политическую комбинацию времен Крымской войны.

Планы Англии в Афганистане и значение индийской границы.

Тем временем Англия, покончив с Тибетом, готовит подобного же рода экспедицию в Афганистан [3]), начав с умерщвления единственного состоявшего на службе эмира немца, управлявшего там оружейным заводом; по пути в Пешавер немец исчез: конечно, он оказался убитым разбойниками, но за разбойниками известно кто скрывается.

Экспедиция в Афганистан будет иметь последствия более важные, чем тибетская, которая, между прочим, принуждена была ограничиться не блестящими результатами: китайская императрица потребовала изменений в договоре, а последний даже не был скреплен китайским амбанем.—Через Афганистан же дорога открыта и в Персию;

едва не привел Россию к войне с Англией. Расследование этого происшествия было передано в международную следственную комиссию, заседавшую в Париже в феврале 1905 г. Согласно решения этой комиссии русское правительство должно было уплатить пострадавшим английским рыбакам 65.000 фунтов стерлингов.

[1]) Французский министр иностр. дел (1898—1905 г.).

[2]) 20 сент. (3 окт.) 1903 г. Николай Романов и австр. имп. Франц-Иосиф заключили в Мюрцштегском охотничьем замке соглашение по вопросу о введении реформ в Монастырском, Коссовском и Салоникском вилайетах Македонии, при сохранении status quo на Балканах. Сущность этих реформ заключалась в организации контроля и наблюдения в этих трех вилайетах через двух назначенных Россией и Австрией гражданских агентов в помощь генерал-инспектору Македонии и в организации жандармерии при помощи великих держав. Комбинация времен Крымской войны — «союз Франции, Англии и Италии».

[3]) В начале декабря 1904 г. вице-король Индии лорд Керзон отправил к афганскому эмиру дипломатическую миссию, которая, пробыв в Кабуле около 4 месяцев, 21 марта 1905 г. заключила с эмиром соглашение, по которому индийское правительство возобновило уплату субсидии афганскому эмиру, а последний подтвердил все прежние обязательства Афганистана по отношению к Индии.

а между тем именно здесь и только здесь свободен для России доступ к истинно теплому и открытому морю. Беда, если англичане укрепятся в Афганистане: единственный действительно чувствительный пункт Англии, это — граница Индии, и, «не будь великодушного письма его величества к покойной королеве Виктории, Индия могла бы теперь быть русскою провинциею, и тогда нынешней войны, конечно бы, не было. Едва ли такой удобный случай скоро опять представится».

О присутствии великих князей в действующих войсках.

В заключение император выразил удивление, что великий князь Николай Николаевич не принимает на себя командования всею конницею действующих в Манчжурии армий: и он, император, и все военные люди, его окружающие, этого ожидали и надеялись увидеть применение на практике блестящих дарований великого князя как кавалерийского генерала; конечно, командование армиею было бы рискованно вверять человеку, неопытному в вождении пехотных масс; впрочем, к удивлению императора, его высочество в разговоре с принцем Генрихом [1]), после крестин наследника цесаревича, не высказывал большого желания ехать на театр войны. Вообще император полагает, что присутствие среди действующих войск великих князей, под условием полного подчинения их высочеств главнокомандующему во всех отношениях, имело бы благодетельное влияние и на войска и на народные массы, обнаруживая участие царствующего дома в народных испытаниях. «Я б своих принцев непременно отправил в армию, если бы пришлось вести подобную войну; мои сыновья меня очень порадовали, прося назначить их в состав экспедиционного корпуса в юго-западной Африке (для подавления восстания племен гереро), даже младшие, которые еще учатся в Plön; но, конечно, там, среди черных дикарей, им не место».

Все вышеизложенное составляет точную передачу, без каких-либо комментарий, мыслей, высказанных мне вчера императором, и я осмелился воспользоваться данным мне Вашим императорским величеством милостивым разрешением доносить о подобных разговорах непосредственно, так как не все здесь изложенное удобно представлять на предварительное прочтение третьих лиц. Притом и флигель-адъютант граф Ламсдорф [2]) доставляет свои рапорты непосредственно императору Вильгельму. В главный же штаб я доношу лишь выдержки из сего рапорта, не касающиеся отдельных личностей.

Флигель-адъютант полковник *Шебеко*.

№ 286. 3 [3]) ноября 1904 г.
Гор. Берлин.

---

[1]) Альберт-Вильгельм-Генрих, брат Вильгельма II, главный начальник германского флота, на крестинах наследника Алексея, 11 августа 1904 г., замещал Вильгельма, приглашенного Николаем Романовым в крестные отцы его сына.

[2]) Личный адъютант Вильгельма II, прикомандированный к особе Николая Романова.

[3]) Так в оригинале.

II.

Его императорскому величеству

состоящего при особе императора германского, короля прусского, Вильгельма II, флигель-адъютанта полковника Шебеко

Рапорт.

Вашему императорскому величеству долгом считаю всеподданнейше безотлагательно донести о сущности сказанного мне сего числа императором Вильгельмом при моем представлении по случаю возвращения в Берлин. Император показался мне весьма озабоченным, и ближайшие его приближенные говорили мне, что происходящие в России события сильно влияют на нравственное состояние его величества.

В ответ на сообщение мною поручений Вашего величества, относительно удовлетворения установившимися отношениями и желания поддерживать их и впредь, император с грустной улыбкой и глубоким вздохом сказал: «Как я был бы рад помочь, чем могу, государю: все мои стремления к этому направлены, но что же я могу делать, если все мои советы остаются без последствий? По моим впечатлениям, подтверждающимся получаемыми мною сведениями, положение дел в России становится серьезным, что может весьма неблагоприятно отразиться на военных операциях в Манчжурии. В настоящее время остановить дальнейшие успехи элементов беспорядка и анархии можно только самыми энергичными действиями и притом обставив их подходящею торжественностью. Сохрани бог от какой-либо уступки бунтующей черни: малейший шаг в этом направлении должен иметь гибельные последствия, и, кроме того, вести одновременно два таких сложных дела, как большую войну и реформы внутреннего управления и всего государственного строя — положительно невозможно. Одинаково невозможно кончить войну с Японией, не одержав очень существенных успехов; следовательно, приходится отложить всякую мысль о внутренних реформах, хотя бы и признавалась некоторая потребность в таковых. Но, придя к такому бесповоротному решению, необходимо объявить о нем во всеуслышание, чтобы положить конец всяким толкам и прекратить всякие местные попытки влиять на общегосударственную политику. Наиболее подходящим местом для объявления столь важного решения может быть только Москва, появление в коей царя придаст каждому его слову священную торжественность, производящую огромное впечатление на массы: а, как достоверно известно, массы беззаветно преданы его величеству и только ждут его слова, чтобы следовать его указаниям. Поэтому государь одним бы ударом умиротворил бушующие страсти, успокоил все сомнения и в то же время обеспечил бы себе общее сочувствие и общественную помощь для успешного окончания войны, если бы, окружив себя возможно более блестящею свитой из

лиц высшего духовенства, дворянства и приближенных, он поехал в Москву и там, собрав благомыслящих представителей всех сословий, объявил торжественную декларацию в том смысле, что в настоящее время отечество ведет большую войну, от исхода коей зависит вся его будущность: безусловная победа над врагом является не только желательною, но насущною необходимостью для дальнейшего благополучного существования России; в такой критический период истории государства все помыслы и все усилия каждого русского, от царя и до последнего его подданного, должны быть всецело направлены к этой единственной, непосредственной цели, к победе над врагом; всякие другие заботы теперь несвоевременны, тем более столь сложные, как внутренние преобразования; а посему такова его царская воля, чтобы отныне прекратились всякие обсуждения вопросов внутренней политики; до благополучного окончания войны никаких существенных реформ произведено быть не может, и всякая попытка в этом направлении людей или обществ, к тому не призванных, явится противодействием высочайшим предначертаниям и, как таковое, будет неумолимо преследоваться, при чем само общество должно притти на помощь своему государю, стремящемуся единственно к благу России, и тушить в зачатке всякие подобные попытки. По окончании же войны, собрав совет людей, облеченных высочайшим доверием, будут обсуждены вопросы о внутреннем благоустроении, и приняты будут меры, кои его величеством признаны будут полезными для блага любезного ему народа.

Подобная энергично произнесенная речь должна, по мнению императора, неминуемо иметь самые благие последствия: в народе явится уверенность в спокойном будущем — собственно другого ничего и не требуют массы,—и одновременно потекут новые приношения на военные надобности и [проявится] тот подъем народного духа, который является лучшим залогом успешной борьбы с внешним врагом. В конечном же успехе этой борьбы император ни минуты не сомневается: подкрепив адмирала Рожественского чем только возможно, ему бы можно предложить произвести высадку в каком-либо совершенно неожиданном пункте неприятельской территории и устроить себе таким путем собственную базу; тем временем энергично наступать в Манчжурии: уже одна обрисовка решительных намерений и умелого их исполнения даст великолепную почву для достойного России окончания войны. Англии же, по мнению императора, не следует опасаться: его величество говорил, что большою ошибкою (он выразился гораздо энергичнее) министра иностранных дел и нашего посла в Лондоне было запугивание призраком неминуемого открытия в тех или других случаях Англиею военных действий против России; такой опасности никогда не существовало, не было ее и в самый критический период гулльского инцидента, не будет ее и впредь: из 7 миллиардов, потраченных Англиею в Трансваале, она не вернула себе еще и одного миллиона: при таких условиях она войны вести не может и не будет, и если бы были двинуты в начале нынешней войны два корпуса к границе Индии, помощь Англии

Японии была бы много менее явною, не было бы ни тибетского, ни последнего афганского договора. К глубокому сожалению, — говорил император, — граф Ламсдорф совершенно загипнотизирован Delcassé, который несравненно старательнее соблюдает английские интересы, чем свои французские, и совместно с Англиею стремится посеять недоверие между Россиею и Германиею: было бы очень печально, — прибавил император, — если бы ему это удалось.

Ваше императорское величество, я, конечно, в этом донесении являюсь только верным передатчиком высказанных мне мыслей императора Вильгельма и не позволил себе и тени собственных умозаключений, но как верный передатчик я обязан все повторить, что было мне сказано: император энергично предостерегал от вверения внутреннего переустройства России человеку, подобному статс-секретарю Витте [1]), по его мнению, весьма опасному, памятующему нанесенные его самолюбию уколы и не воодушевленному старыми дворянскими традициями и принципами, которые в других случаях обеспечивают от скрытых стремлений или намерений, пагубных в ближайших советниках трона. По высказанному мне его величеством убеждению, конечные его цели, если даже они, по его понятиям, и не идут в разрез с интересами России, все же они ни в чем не могут согласоваться с видами и желаниями Вашего императорского величества.

Флигель-адъютант полковник Шебеко.

№ 9. 9 января 1905.
Гор. Берлин.

III.

Берлин. 19 II—1905 [2]).

Дорогая кузина!

Извини меня, что я отнимаю у тебя время этими строками, но ужасные известия из Москвы [3]) заставляют меня взяться за перо. Как верный друг твоего милого сына и его семьи я, естественно, слежу с напряженным вниманием за развитием событий в России, особенно поскольку они касаются лично его и его близких и могут иметь благоприятные или неблагоприятные последствия для царствующего дома. Прими поэтому эти строки, как результат размышлений преданного наблюдателя, который, смотря на вещи издали, воспринимает их, может быть, не столь точно, но зато с большей объективностью, нежели тот, кто находится под непосредственным влиянием событий.

---

[1]) Витте, Сергей Юльевич, в 1904—1905 г. был председателем комитета министров.

[2]) Оригинал на немецком языке.

[3]) 4 февраля 1905 г. был убит в Москве соц.-рев. Каляевым вел. кн. Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, дядя Николая Романова, имевший на последнего значительное влияние.

Я в ужасе от московских событий. Какой удар для всего Вашего дома и для бедного Ники! Раз уж мы были с ним добрыми друзьями в хорошие дни, то теперь, в трудное для него время, я, конечно, еще сильнее чувствую себя его добрым товарищем. Рассматривая создавшееся положение, я, конечно, задаю себе вопрос: «что надлежит делать?». Чтобы с уверенностью ответить на этот вопрос, я должен был бы точно учесть и взвесить всю опасность как внутреннего, так и внешнего Вашего положения, — сделать чего я, конечно, не могу. Тем не менее, одно ясно,— что необходимо, чтобы государь лично решился определенно выявить свою монаршую волю, чем он мог бы привлечь к себе внимание народа и воодушевить армию. Поскольку я могу судить — и его страна, и весь мир видели бы спасение в том, чтобы его величество выявил свою личную волю ко всеобщему сведению каким-нибудь решительным энергичным актом. Если бы, кроме того, представилось возможным пообещать народу проведение каких-либо надлежащих реформ — в том именно духе, в каком они предполагались самим государем, чему, к несчастию, воспротивился Витте, это произвело бы решительное и умиротворяющее действие. Само собой разумеется, что здесь необходимо систематическое и постепенное проведение, а отнюдь не «соглашение с мятежниками» (pacte avec l'emeute). Наконец, я спрашиваю себя,—чем мог бы е. в. наиболее у п р о ч и т ь свое положение? Необходимо каким-нибудь а к т о м завоевать себе популярность. Как же сделать это наиболее легким способом? Вступив в более тесные и деятельные отношения с армией. Так это было и так остается для всех стран и во все времена. Я полагаю, конечно, что армия еще в состоянии одержать победу. До сих пор она сражалась геройски. Для того, чтобы подобный акт монаршей воли совершился в надлежащей обстановке, государю следовало бы возвестить свою волю России в Москве, непосредственно из Кремля. Глубоко отразилось то обстоятельство, что в прошлом году священная война не была объявлена с кремлевских стен непосредственно е. в. Теперь, когда вся страна в тревоге и движении, она ждет какого-либо акта от своего монарха. Пусть он обратится к ней из Кремля — он увидит у своих ног Москву и, вероятно, за одно с нею и всю Россию. Вместе с апостолами повторяю слова псалма: «знания наши несовершенны», так как я не знаю России и сужу лишь с общечеловеческой точки зрения, с чувством неизменной любви к е. в., твоему милому сыну, так же, как и ко всем вам.

Прощай, милая кузина, не посетуй на меня за это письмо.

Твой неизменно тебе преданный
кузен *Вильгельм.*

Крестьянское движение 1905 года.

Печатаемая ниже записка составлена департаментом полиции в ноябре 1905 г. для Витте, бывшего тогда председателем совета министров. Она охватывает собою период от начала движения в феврале 1905 года до ноября того же года. Материалом для составления записки послужили подбираемые департаментом полиции донесения губернаторов, начальников губернских жандармских управлений, письма и телеграммы землевладельцев и т. п. Эти материалы сгруппированы по губерниям и по годам революции 1905—1907 г.г. (в настоящее время они подготовлены к печати).

Подлинник печатаемой докладной записки хранится в деле департамента полиции (4 делопроизводство, дело № 2550 за 1905 год «Крестьянские беспорядки», общая переписка).

Записка представляет несомненную ценность как фактическая сводка по крестьянскому революционному движению.

Вряд ли стоит здесь объяснять и вдаваться в критику освещения департаментом полиции движения и объяснений его причин. Записка начинается с очерка «подъема социал-революционной деятельности в России». Так как одной из главных причин движения являлась с точки зрения департамента полиции революционная агитация, то с нее департамент полиции и начинает. Вводная часть ничего абсолютно нового не дает, так как материалы, легшие в его основу, уже использованы в опубликованной работе охранника Спиридовича, почему редакция решила эту часть записки опустить [1]).

Департамент полиции на-ряду с «агитацией» ищет по-своему и экономических причин движения. Однако экономические предпосылки в печатаемой записке нашли лишь слабое отражение. Материалы, на основании которых составлялась записка, дают более богатые сведения о вопиющем грабеже крестьян помещиками. Как раз накануне 1905 года сельско-хозяйственный подъем, вызываемый ростом цен и общими условиями капиталистического развития в России, позволил помещикам перейти в решительное наступление против крестьянства: помещики захватывали земли, которые ранее находились в крестьянском пользовании, сокращали сдачу в аренду, неимоверно поднимали арендную плату, без конца штрафовали крестьян за потравы и т. п.

Что же касается упоминаемых в записке «далеко не желательных отношений между экономической администрацией, с одной стороны, и местными крестьянами и ра-

---

[1]) «Партия социалистов-революционеров и ее предшественники» (1886—1916 г.г.), (см. гл. V и VI, стр. 85—94, 108—118, 1 изд. П. 1916 г.)

бочими, с другой», что, по мнению департамента полиции, являлось одной из причин крестьянских «беспорядков», то это лишь весьма слабое отображение издевательства администрации имений над крестьянами и имевшей место в действительности революционной ненависти крестьян.

Если действительная борьба крестьянства против гнетущих их остатков крепостничества в деревне и против полукрепостной власти помещика нашла в записке лишь слабое и к тому же кривое отображение, то соответственное кривое отображение нашло и само движение и борьба правительства с ним. В записке нет сведений ни об экзекуциях, ни о массовых порках, которые учинялись карательными отрядами, ни о массовых расстрелах, ни даже об обстреле артиллерийским огнем крестьянских деревень. Между тем, в революцию 1905 года это было обычными приемами оголтелой помещичьей реакции. Все это скрывается под стереотипной фразой прекращения беспорядков «при помощи войск».

Однако, несмотря на все это, записка все же дает довольно полную фактическую сводку революционной борьбы крестьянства против помещиков и помещичьей власти в деревне. Читатель даже при специфически охранном описании событий сумеет из печатаемой записки извлечь нужные ему материалы по крестьянской революции 1905 года.

С. Дубровский.

Докладная записка департамента полиции председателю совета министров С. Ю. Витте.

31 июля и 1 августа сего года, под Москвою, состоялся съезд союза крестьян в целях обсуждения вопросов о правах личности, устройстве нового сельского самоуправления, народном представительстве, аграрном вопросе и пр., а также выработки организаций «всероссийского крестьянского союза»: волостных, уездных и земских. Весною же сего года «крестьянский союз» вошел в состав образовавшегося в Москве «союза союзов», имеющего целью объединить все революционные фракции для совместных действий к достижению общей цели, — изменения существующего в России государственного строя.

Во время происходившего 24 мая в Москве заседания «союза союзов» представителями «крестьянского союза» была выработана особая политическая программа, при чем указано: настоящее бедственное положение крестьян вследствие малоземелья, непосильных поборов и налогов, неграмотности населения и его бесправия не может быть исправлено настоящим чиновничьим государственным управлением, а потому для достижения намеченных благ народа и впредь до уравнения крестьян с остальными сословиями учреждается «всероссийский крестьянский союз» из представителей всех губерний по 5 от каждой, с отделениями на местах: губернское—по 5 человек на уезд и уездное—по 5 человек от волости. Волостной союз состоит из неограниченного числа лиц, все дела в нем решаются большинством голосов. В уездном союзе дела решаются съездом уполномоченных от волостных союзов; губернского союза дела решаются съездом уездных уполномоченных, всероссийского союза — съездом губернских уполномоченных.

Независимо от широкого развития революционной пропаганды, как одного из главных факторов аграрных беспорядков, следует признать, что второю столь же важною причиною таковых являются и экономические условия крестьянской жизни.

При исследовании тех требований, которые крестьяне предъявляли к владельцам имений, оказывалось, что на первом плане стоит везде требование об отводе крестьянам на тех или иных условиях сенокосов или вообще участков, годных для пастьбы лошадей и рогатого скота.

Вторым по своему значению следует поставить требование об отдаче крестьянам в аренду, на возможно менее стеснительных для

них условиях, пахотных участков и притом в том количестве, которое необходимо крестьянам, так как весьма часто крестьяне не имеют достаточной надельной земли и не могут в течение года из своего надела питаться, одеваться, отопиться, иметь мертвый и живой инвентарь, приобретать семена для посева и, наконец, оплатить все подати и повинности: государственные, земские и мирские.

Далее выставляется требование о приеме на экономические работы исключительно местных, а не пришлых, рабочих и увеличение заработной платы. Требование это вызывается тем соображением, что во многих имениях пришлые рабочие принимаются весьма охотно, так как экономии, нанимая значительное число рабочих со стороны, имеют целью обеспечить себя на случай ухода с работ местных рабочих, ибо рабочему, пришедшему на заработки из чужой губернии, иногда издалека, несомненно труднее уйти из экономии, отказавшись по тем или иным основаниям от работы, чем местному крестьянину.

Затем крестьяне настаивают на проверке крестьянских наделов с выкупными актами, указывая на нарушение будто бы помещиками крестьянского владения. Иногда требования этого рода ограничиваются лишь домогательством о предъявлении сельскому обществу копии уставной грамоты.

Из остальных менее важных крестьянских требований можно указать на требование об улучшении пищи для сельских рабочих, о сокращении рабочего дня и об устранении таких существенных неудобств для крестьянского хозяйства, как чересполосица, узость прогонов для скота, огораживание владельцами принадлежащих им прудов, проходящих чрез имения дорог, и т. п.

Наконец, третьей причиной аграрных беспорядков являются в некоторых имениях далеко не желательные отношения между экономическою администрацией, с одной стороны, и местными крестьянами и рабочими, с другой. Так, в некоторых экономиях имели место случаи неправильного расчета рабочих, а именно записи в рабочие книжки последних меньшего против следуемого количества рабочих дней, или же экономии в случае ненастной погоды, препятствовавшей работам, удовлетворяли рабочих не за весь день, а за половину. В некоторых имениях причиною беспорядков являлось озлобление крестьян, вызванное значительными штрафами за случайные потравы помещичьих полей и лугов или крайне грубым отношением служащих в экономии к местным крестьянам.

Кроме изложенных причин возникновения аграрного движения, можно указать вообще на неосведомленность народных масс о тех мероприятиях, которые правительство наметило для улучшения государственного строя, об образовании комиссии по крестьянскому вопросу и пр. При разъяснении крестьянам, что правительство принимает меры к улучшению их положения, сходы давали слово поддерживать порядок. При указанной неосведомленности крестьян проникавшие в крестьянскую среду слухи о происходящих во многих местах

стачках и забастовках, политических убийствах и других беспорядках с особою интенсивностью воспринимались крестьянами и побуждали их к грубому и насильственному способу добиваться улучшения своего благосостояния.

В наиболее широких размерах в текущем году аграрные беспорядки происходили в губерниях: Курской, Орловской, Черниговской, Воронежской, Саратовской, Курляндской, Лифляндской, Харьковской и Херсонской.

В губерниях Курской, Орловской, Черниговской и Воронежской аграрные беспорядки в общих чертах выразились в следующем:

В ночь на 6 февраля крестьяне села Сального и дер. Холзовки, Дмитриевского уезда, Курской губернии, совершили массовую порубку в имении купца Попова, у которого сложились дурные отношения с крестьянами, при чем оказали вооруженное сопротивление чинам полиции, а в ночь на 15 февраля разграбили хутор купца Черничина; с этого времени движение стало разрастаться с поразительною быстротою, при чем нельзя было не усмотреть, что оно шло по заранее выработанному плану. Так, в каждом селении крестьяне с вечера запрягали лошадей и ждали сигнала, который подавался им грабителями в виде пука зажженной соломы. Тогда целое село на подводах с криком и шумом, с ружейными выстрелами бросалось на ближайшую экономию. Таким образом почти одновременно с нападением на хутор купца Черничина совершены поджоги в имениях барона Мейендорфа в селе Прилепах и в урочище Лиски. 18 февраля крестьяне напали на экономию дворянки Мейер, разграбив там хлеб и экономическое имущество, а в ночь на 19—на экономию барона Мейендорфа при селе Дубовицах. Войска в район беспорядков прибыли лишь 20 февраля, а между тем в ночь на это число крестьяне успели произвести нападение на экономию дворянина Мытаревского, на Калиновский и Елисаветовский хутора Шауфуса, а также на винокуренный завод при селе Гламаздине шталмейстера Волкова и на постройки при хуторе Мокреньком, которые подвергнуты были сожжению. В ту же ночь был ограблен хлеб и разное имущество в экономии барона Мейендорфа при Добром Поле. Прибывшие в недостаточном количестве войска не в состоянии были предотвратить дальнейших поджогов и разграблений имений в Дмитриевском уезде, происходивших до 22 февраля, в коих принимало участие свыше 40 сельских обществ. Беспорядки эти и буйства, принявшие стихийный характер, увлекая за собою окрестные селения, перешли уже 19 февраля на смежный Севский уезд, Орловской губернии, при чем оказалось, что в Дмитриевском уезде были за несколько дней разграблены 15 имений и экономий.

В Севском уезде движение это попало на весьма благоприятную почву, так как местные крестьяне значительно менее обеспечены землею и находятся в худших экономических условиях, нежели курские.

19 февраля в Севском уезде произведен был погром имения Погребы при деревне Витиче, затем 20 февраля разграблена экономия Поздны-

шевка, принадлежащая Подлиневу, с поджогом сена, соломы и сельскохозяйственного инвентаря, а на следующий день подвергся разгрому хутор Георгиевский землевладельца Петровского.

Прибывшие войска не могли сразу восстановить порядок, так как передвижение пехоты на подводах во время распутицы происходило весьма медленно. Обстоятельство это дало буйствовавшим крестьянам возможность в ночь на 22 февраля разграбить еще несколько имений и двинуться к Хинелю, где помещается экономия и винокуренный завод Терещенки. По данному сигналу громадная толпа стала громить и поджигать завод, в чем помогали и местные крестьяне. При этом были разбиты все экономические постройки, разграблены хлеб и спирт, а также сожжен завод и прилегающие к нему хутора и экономии. Движение в Севском уезде захватило 16 сел, с населением в 16 тысяч душ. Прибывшие в это время пехотные части были уже распределены по всему уезду и приостановили дальнейшее движение беспорядков, но не могли воспрепятствовать, чтобы толпы крестьян, грабивших Хинель, не перешли в соседний Глуховский уезд, Черниговской губернии.

Описанные беспорядки в Севском уезде повторились также в Дмитриевском и Трубчевском уездах той же Орловской губернии.

В Дмитриевском уезде беспорядки эти выразились главным образом в погроме Долбенкинской экономии великого князя Сергея Александровича, где местное население было крайне неприязненно настроено к этой экономии вследствие чрезвычайно строгой системы штрафов, установленных управляющим имением егермейстером Филатьевым, налагавшим их по разным поводам, особенно же часто за появление крестьянского скота и птиц на лугу возле речки, протекавшей в селении, к которой, однако, не было другого пути. Кроме того, крайне неприятное впечатление произвела на крестьян продажа Филатьевым постороннему лицу земли, расположенной среди селения и необходимой крестьянам для поселения. Ввиду таких отношений и под влиянием сильного опьянения окрестные крестьяне учинили полнейший разгром экономии, сопровождавшийся пожаром, в чем принимали участие крестьяне семи окружных деревень.

Последним, и притом весьма слабым, проявлением крестьянских беспорядков в Орловской губернии было движение, охватившее некоторые сельские общества Трубчевского уезда, при чем жертвою крестьянских беспорядков по преимуществу оказались мелкие экономии, принадлежащие землевладельцам, не сумевшим установить нормальных отношений с местными крестьянами. Беспорядки эти начались 3 марта и с появлением войск прекратились, при чем главною почвою возникновения буйств послужили испытываемые крестьянами в течение года продовольственные затруднения вследствие бывшего перед тем неурожая, а, главным образом, прекращения казенным ведомством лесных работ, дающих обыкновенно населению значительный заработок.

Крестьянские беспорядки в Черниговской губернии представляются непосредственным продолжением тех бесчинств, которые толпы крестьян произвели в Севском уезде, Орловской губернии. Эти толпы, разгромив Хинельский винокуренный завод и опьянев от разграбленного спирта и водки, бросились в смежную Черниговскую губернию, где 22 февраля в Глуховском уезде сожгли и уничтожили на Михайловском хуторе громадный сахарный завод Терещенки, при чем разграбили имевшийся налицо сахар и разное имущество служащих.

Беспорядки в Воронежской губернии сосредоточились в Бирюченском уезде, в коем крестьяне наименее обеспечены землею по сравнению с другими местностями губернии, и явились отголоском беспорядков в Курской губернии, при чем в данной местности пущен был слух, что будто бы царь просит крестьян притти к нему на помощь и отобрать у помещиков землю. Под влиянием подобного слуха, и желая тем или иным способом приобрести землю, крестьяне села Веселой Бирюченского уезда стали громить некоторые экономии, но принятыми при помощи войск мерами беспорядки эти были быстро подавлены.

В Саратовской губернии наиболее серьезные беспорядки возникли в конце мая текущего года в Петровском, Саратовском и Балашовском уездах, выразившиеся массовыми ночными и явными денными покосами, потравами и поджогами у местных землевладельцев и нападением на чинов полиции. На-ряду с сим в Аткарском уезде начались забастовки сельско-хозяйственных рабочих с насилиями над желающими работать крестьянами, а также сборища в лесах с участием лиц, прибывших из Саратова, при чем были постановлены приговоры о недозволении никому снимать земли у помещиков дороже 10 рублей за десятину.

В первых числах июня подобные же беспорядки возникли в селе Турках Балашовского уезда, при чем в означенном уезде проявилась усиленная пропаганда к склонению крестьян составлять приговоры о ходатайствах об отнятии земли у помещиков и проведении радикальной политической программы. Затем в Аткарском уезде крестьяне в нескольких волостях завладели покосами помещиков, выезжая ночью с оружием в руках на луга и пастбища и совершая насилия над служащими, а в Сердобском уезде произошли открытые беспорядки в селах Пяше и Борках, где буйствовавшие крестьяне пытались разграбить винную лавку и успели учинить поджоги у некоторых соседних помещиков.

В Петровском уезде крестьяне завладели лугами в имении земского начальника Кожина и приступили к рубке леса, в Саратовском же произвели несколько поджогов имений.

Хотя при помощи войск беспорядки и были временно прекращены, тем не менее таковые возобновились в ночь на 27 июня в селах Биклей и Григорьевке Саратовского уезда. При этом буйствовавшие крестьяне сожгли дом и постройки в экономии Киндякова, а оставшийся хлеб и инвентарь разграбили; одновременно с сим сожжена соседняя экономия Ховена, где имущество также было разграблено.

Самовольные действия крестьян по захвату владельческого хлеба происходили также в июле сего года в Аткарском уезде, в деревне Медведевке, с полей графини Воронцовой-Дашковой, и в Балашовском уезде, в селе Михайловке, где крестьяне увезли хлеб с полей княгини Гагариной, а также и в имении Петрово-Соловово. При этом выяснено, что увоз копен хлеба с полей помещиков производился целыми селениями, где в каждом была группа зачинщиков, действовавших на остальных не только уговором, но и насилием.

Возникшие в Саратовской губернии аграрные беспорядки были прекращены решительными мерами администрации при помощи войск.

По последним сведениям, относящимся к октябрю сего года, подверглись вооруженному нападению и грабежу некоторые экономии, прилегающие к станции Лопуховке и Жерновке в Аткарском уезде [1]).

Происходившие в Харьковской губернии крестьянские беспорядки первоначально проявились в отдельных местностях и не имели между собою связи; так, 29 марта текущего года крестьяне села Бабаева Харьковского уезда, стали производить самовольную порубку леса, принадлежащего землевладельцу Флоту и расположенного смежно с крестьянскою землею. Причиною означенных беспорядков оказалась неразмежеванность крестьянской и помещичьей земли на основании уставной грамоты.

В начале апреля возникли беспорядки в имении князей Юсуповых «Ракитном», потребовавшие вмешательства военной силы.

25 мая в Богодуховском уезде произошли беспорядки в имении землевладельца Кенига вследствие того, что объездчик, служащий в этой экономии, выстрелом из револьвера убил крестьянина Трофимова, самовольно ловившего рыбу в этой экономии.

В первых числах июня в Лебединском уезде было замечено во многих местах стремление крестьян к самовольному захвату хлебных и кормовых запасов на владельческих землях, а в селе Луцинове крестьяне сожгли дом помещика Булатович.

10 июня возникшие в означенном уезде беспорядки стали быстро разрастаться, при чем в Михайловской, Груньской и Степной экономиях графа Капниста и в Андреевской экономии помещика Глазенапа произошла общая забастовка сельско-хозяйственных рабочих, а крестьяне Михайловской и Андреевской экономий стали требовать прирезки им земельных наделов. Буйствующая толпа пьяных крестьян в селе Марковке, прилегающем к селу Луциновке, разбивала дома и сделала попытку поджечь винокуренный завод предводителя дворянства Величко.

После того волнения крестьян стали распространяться и на окрестные селения: Голубовку, Грамино, Татищево и Штеновку. В Зелинской

---

[1]) Согласно полученной 22 сего октября телеграмме саратовского губернатора, возникшее в Аткарском и Саратовском уездах аграрное движение, сопровождающееся разгромом имений, начинает переходить и на соседние уезды.

и Дмитриевской экономиях Лебединского уезда объявлена была рабочими забастовка, и крестьянами стали производиться потравы помещичьих лугов. Разрастаясь, это движение перешло на экономии князей Щербатовых при селе Толстом, где буйствовавшею толпою нанесены были побои чинам полиции.

10 же июня крестьяне разгромили дома в имении Козелном и сожгли сельско-хозяйственные орудия и инвентарь. В тот же день в соседней слободе Ольшанке совершено было нападение на усадьбу Тарновского, и учинен поджог в имении Харитоненко. Ввиду охватившего почти весь Лебединский уезд волнения вызвано было значительное количество воинских сил, тем более, что были получены указания на намерение крестьян отобрать землю у помещиков. Вскоре движение это распространилось и на Сумский уезд и выразилось в забастовках сельско-хозяйственных рабочих, потравах помещичьих лугов, поджогах и разгромах владельческих экономий и нанесении побоев чинам полиции. При этом крестьяне Сумского уезда, собравшись в числе около пяти тысяч человек, под влиянием политических агитаторов, 29 мая 1905 года, постановили требовать немедленного созыва Учредительного Собрания для разрешения, между прочим, вопроса—нужно ли отбирать все земли (дворянские, монастырские, удельные и кабинетские) и немедленного уничтожения института земских начальников и сельских стражников, как препятствующих свободному обсуждению крестьянских нужд, а до удовлетворения этих требований решили отказываться от исполнения всех государственных повинностей, как-то: платежа налогов, податей, поставки запасных, новобранцев и пр., так как эти повинности наложены на крестьян помимо их воли.

Своевременное появление значительного количества войск в районе, охваченном волнениями, а равно и объезды пунктов, где возникли беспорядки, командированным по высочайшему повелению в Харьковскую губернию генерал-адъютантом Струковым и губернскою властью для соответственных разъяснений крестьянам на волостных и сельских сходах всей преступности образа их действий произвели благотворное влияние на настроение местного крестьянского населения и привели в конце июня к локализации беспорядков, а затем и к полному их прекращению.

Из представленной генерал-адъютантом Струковым записки об аграрных беспорядках, происходивших в мае и июне сего года в Харьковской губернии, усматривается, что прежде всего причиною таковых являлись крайне неблагоприятные экономические условия крестьянского хозяйства, как-то: 1) недостаточность земельных наделов, 2) невозможность в большинстве случаев получать аренду из первых рук, 3) полное отсутствие в некоторых местах выпасов для скота, 4) чересполосица, 5) отдаленность в некоторых случаях наделов от крестьянских усадеб, 6) несоответственно составленные в свое время уставные грамоты и 7) отсутствие дешевого кредита.

Кроме того, к числу причин беспорядков следует отнести усиленную противоправительственную пропаганду и, наконец, в некоторых имениях ненормальные отношения, установившиеся между экономиями и окружным сельским населением.

В текущем октябре получены были указания о возникшем брожении и готовящихся враждебных действиях крестьян деревни Смольянинова в Старобельском уезде, принадлежащей Паскевичу, на что и обращено внимание харьковского губернатора для принятия соответственных мер.

В Херсонской губернии недоброжелательное отношение крестьян к помещикам стало резко обнаруживаться среди населения Одесского, Елисаветградского и Александрийского уездов, где аграрное движение проявилось отчасти под влиянием малоземелья, отчасти же вследствие пропаганды социал-демократических идей среди крестьян и распространения в широких размерах прокламаций. Прямым следствием сего явился целый ряд поджогов и других проявлений самоуправства и насилия местного населения по отношению к помещичьим экономиям. При этом вооруженные крестьяне скопом избивали и разгоняли наемных, пришлых из Киевской и Полтавской губерний, рабочих и по взаимному между собою уговору устанавливали столь высокую цену на всякие работы, что землевладельцы не могли пользоваться их услугами и при таких условиях уборка хлебов и ведение хозяйства делались совершенно невозможными.

Начавшиеся в мае сего года в указанных уездах беспорядки, принявшие, особенно в Елисаветградском уезде, стихийный характер, при чем буйствующие крестьяне жгли усадьбы, изгоняли помещиков, служащих и рабочих под угрозой смерти, в июне перешли и в Ананьевский уезд, где они проявились также в весьма широких размерах. Для выяснения дела об означенных беспорядках в Херсонской губернии был по высочайшему повелению командирован туда генерал-адъютант граф Игнатьев, вскоре по прибытии коего принятыми мерами, при помощи весьма значительного количества войск, беспорядки эти к началу июня месяца были подавлены.

Засим с особою интенсивностью проявилось аграрное движение в Курляндской и отчасти в Лифляндской губерниях, где причины такового в значительной степени отличались от тех, коими обусловливалось это движение в губерниях с русским населением.

Движение среди латышей Прибалтийского края имело первоначально исключительно экономический характер, но, начиная с 1903 года, в этой мирной борьбе стала открыто принимать участие возникшая в 80-х годах латышская социал-демократическая партия, рядом с которой, хотя и независимо от нее, выступала со своей вредной деятельностью социально-революционная организация, присвоившая себе наименование «латышский рабочий союз». Под влиянием усиленной агитации, которая велась представителями вышеупомянутых партийных группировок, движение среди сельского рабочего населения стало за

последнее время приобретать во многих случаях резко революционный и зачастую открыто анархический характер. При этом, утратив значение нормального общественного явления, движение это превратилось в безудержное разрушение всех устоев общественной и государственной жизни, сопряженное с полным презрением к религии, к человеческой жизни и частной собственности.

С особенною интенсивностью стало это движение проявляться с первых месяцев нынешнего года и выразилось сначала в целом ряде забастовок то возникавших, то прекращавшихся в течение трех месяцев на фабриках, заводах в железнодорожных мастерских и среди портовых рабочих городов Риги, Валка, Либавы, Митавы и Виндавы. Затем, постепенно расширяясь, преступное движение это перешло от городов и в сельские местности Лифляндской и Курляндской губерний. И здесь его проявления отмечены были теми же признаками анархического характера, как и в городах, сопровождаясь убийствами должностных и частных лиц, не прекращающимися поджогами, нападением буйствующих вооруженных шаек на усадьбы, терроризацией мирного населения, вполне обезволенного и находящегося во власти агитаторов, неоднократными покушениями на крушение поездов и порчу железнодорожного пути и разрушением телеграфа и телефонного сообщения по линиям железных дорог и между помещичьими усадьбами.

В течение марта месяца беспорядки эти еще не имели массового характера, проявляясь в немногих пунктах Лифляндской губернии, а также Гробинском и Газенпотском уездах Курляндской губернии. Движение вызвано было появлением среди мызных рабочих и мелких земельных арендаторов неизвестных в данной местности агитаторов, которые, при содействии местных подстрекателей, стали побуждать недовольных среди рабочего населения требовать от помещиков увеличения заработной платы, сокращения числа рабочих часов и уменьшения вносимой за землю аренды. Под руководством вышеупомянутых подстрекателей мызные батраки стали нападать на имения, при чем нападения эти сопровождались разгромом и поджогом усадебных строений и порубками в помещичьих лесах. Первоначально в марте месяце разгрому в Лифляндской губернии подверглись имение барона Нолькена, затем имение Лугден, Таббифер, Толама, Мойзекац, при чем в Гроздонской волости вынесен был из школы портрет государя императора и изрезан в куски.

В то же время начались беспорядки и в Гробинском уезде Курляндской губернии, а также и Газенпотском, где совершены были поджоги и нападения на чинов полиции.

Начиная с апреля, с наступлением более теплой погоды и полевых работ, революционное движение в сельских местностях стало еще более развиваться. В Лифляндской губернии оно проявилось с особенной силой в Венденском уезде, а в Курляндской— в Газенпотском и выразилось в поджогах помещичьих усадеб, разрушении корчем, телеграф-

ных линий и телефонных сообщений и в одном случае — остановке поезда.

С мая месяца демонстрации стали проявляться в лютеранских церквах во время богослужения, главным образом во время произнесения молитв за государя императора, при чем религиозное чувство молящихся грубо оскорблялось, и пасторы подвергались всяческим насилиям.

В мае и июне месяцах подобные демонстрации стали повторяться почти каждое воскресенье и происходили по всему протяжению Венденского и Рижского уездов Лифляндской губернии и Митаво-Баусского Курляндской, при чем пасторы подвергались оскорблениям и избиению, а демонстранты выкидывали красные флаги и пели песни революционного содержания. Прихожане неоднократно пытались защищать своих пасторов, но не в силах были бороться с вооруженными агитаторами, руководившими толпою. Во время одной из таких попыток был убит выстрелом из револьвера, 3 июня, в Крон-Сессовской церкви Митаво-Баусского округа барон Александр Бистром, и ранен предводитель дворянства барон Ган. В результате этих бесчинств лютеранская консистория вынуждена была закрыть церкви многих приходов.

В конце июня и в июле месяцах революционное движение в сельских местностях Лифляндской и Курляндской губерний стало особенно усиливаться и к концу месяца получило положительно угрожающий характер. Произносились речи с призывом к насилию, ко всеобщей забастовке и к поголовному вооружению; бродячие шайки злоумышленников обезоруживали сторожей, охранявших имения и мызы, заставляли присоединяться к шайкам сельское население и снабжали крестьян оружием, которого имели, повидимому, значительные запасы. В Донгагене были совершены крупные поджоги, а выехавший туда для расследования дела и водворения порядка помощник уездного начальника Шмидт был убит в пути выстрелом из ружья.

В первой половине июля совершено было несколько убийств и покушений на должностных лиц. Так, 9 июля из засады близ Дурбена Гробинского уезда убит комиссар по крестьянским делам фон Бреверн. Там же, в Гробинском уезде, в ночь на 17 июля в своем имении убит помещик Адольф Бистром.

12 июля вспыхнуло с особою интенсивностью движение в Рижском уезде, возникшее сперва в восьми имениях близ станции Ремерсгоф, а затем 13, 14 и 16 распространившееся на четырнадцать имений, расположенных около станций Кокенгузен, Рингмунсдорф и Зегевольд. Предварительно шайки злоумышленников постарались изолировать имения одно от другого, уничтожив между ними телефонное сообщение, а затем производили нападения на имения и совершали поджоги; таким образом беспорядки распространились по всему Рижскому уезду и проявились с особенною силой в южной его части.

В то же время в Венденском уезде власти совершенно не признавались, везде происходили беспорядки и погромы, хлеб уничтожался на корню, совершались повсеместно потравы помещичьих лугов, происходили ежедневно шествия с красными флагами, церкви осквернялись, пасторы подвергались насилию, а зерцала в сельских судах и портреты государя императора выбрасывались и подвергались обезображению.

В Курляндской губернии в июле месяце восстание среди сельских рабочих захватило почти весь Добленский уезд и части уездов: Митаво-Баусского, Фридрихштадтского, Виндавского, Газенпотского и Гробинского. Толпы сельских рабочих разбивали архивы и канцелярии волостных правлений, сжигали документы, призывные списки, разрушали телеграфные столбы и полотно железной дороги, а также производили нападения на должностных лиц.

События эти, свидетельствовавшие о полной дезорганизации, внесенной революционными партиями в местную общественную и политическую жизнь, главным образом, Курляндской губернии, а также систематическое нарушение государственного порядка, сопровождавшееся преступлениями против личной и имущественной безопасности проживающих там лиц, привели к объявлению в Курляндской губернии 6 августа сего года военного положения, со введением коего и последовало умиротворение охваченных беспорядками местностей.

В значительной степени в текущем году проявилось аграрное движение и в пределах Киевской губернии.

Начавшись в начале года в отдельных местностях, движение это, выразившееся в потравах, порубках помещичьих лесов и незначительных погромах, при сопротивлении чинам полиции, в мае текущего года стало быстро распространяться в Киевской губернии. Кроме обнаруженной в разных местностях противоправительственной пропаганды, на развитие движения сильное влияние оказывали неудовлетворительные местные экономические условия. Требуя от помещиков чрезмерного повышения заработной платы и сильно озлобившись на владельцев имений за наем посторонних рабочих, крестьяне сначала стали с угрозами требовать от посторонних рабочих оставления ими занятий, а когда их подстрекательства не увенчались успехом, они принялись за систематические поджоги имений и истребление запасов хлеба, сена, соломы и владельческого имущества. Беспорядки эти, сопровождавшиеся также захватами и запашками помещичьей земли, в мае месяце распространились на Таращанский, Васильковский, Каневский, Сквирский, Бердичевский и Звенигородский уезды полностью и частью на уезды Черкасский и Киевский. При водворении порядка и заарестовании зачинщиков буйствовавшие крестьяне оказывали повсюду вооруженное сопротивление и производили насилие над жизнью и имуществом помещиков, вследствие чего многие из них бросали свои имения на произвол судьбы. Беспорядки эти и буйства продолжались до конца июля и были подавлены лишь при помощи

весьма значительного количества войск, которые были расквартированы по всей Киевской губернии и под охраною коих посторонние рабочие приступили к работам в помещичьих усадьбах.

В остальных губерниях Европейской России аграрные беспорядки, обусловливавшиеся вышеприведенными общими причинами, не выражались в столь интенсивной форме и заключались в общих чертах в следующем:

В Тамбовской губернии: в апреле текущего года крестьяне деревни Ильинки Кирсановского уезда, в силу состоявшегося у них приговора о том, чтобы не выходить на работы к землевладельцам на прежних условиях, а лишь по ценам, означенным в приговоре, отказались выйти на работы в имении уездного предводителя дворянства Андреевского и силой согнали крестьян, призванных на работы из другого уезда.

Подобное же волнение охватило Курдюковскую, Калугинскую, Трескинскую и Богдановскую волости того же уезда и несколько деревень Тамбовского уезда.

В том же апреле крестьяне Кирсановского уезда несколько раз произвели потравы экономических посевов в имении Балыклей княгини Шаховской.

В мае крестьяне села Малой Алабухи Борисоглебского уезда произвели покосы и потравы в имении князей Волконских, сдавших луга в аренду шестому запасному кавалерийскому полку.

В июне крестьяне деревни Екатериновки Лебедянского уезда, после ряда поджогов в имении графа Мих. Пав. Толстого (село Трубечино), самоуправно скосили луга и предъявили требование о предоставлении им выпасов для скота. Волнение вызвано главным образом действиями конторы графа Толстого, грубым обращением и взысканием больших штрафов.

Затем крестьяне села Кузьминских Отвершок и деревни Тынковки Липецкого уезда произвели потравы лугов, полей и посевов хлеба в имении Кожиной.

В июне же крестьяне деревни Тачи Моршанского уезда производили потраву экономических лугов помещицы Буреминой, оказывая сопротивление стражникам, а затем, под влиянием агитаторов, представили управляющему имением требование о сдаче им в аренду 300 десятин по 7 р. 50 коп., угрожая в противном случае самовольно запахать землю и урожай настоящего года свезти по своим дворам.

В июле крестьяне сел Екатеринопольского и Моршани и деревни Балакиревки Кирсановского уезда самовольно свезли с полей помещиков Петрово-Соловово и княгини Шаховской до 10 тысяч копен ржи и до 4 стогов сена, при чем оказали вооруженное сопротивление экономическим служащим.

Одновременно произошли беспорядки в Балашовском уезде, где крестьянами захвачен хлеб помещика Сатина.

В июле же крестьяне села Кинек самовольно свезли со станции Лопуховки Рязанско-Уральской железной дороги 1.800 пудов хлеба.

В Нижегородской губернии: в апреле крестьяне Лукояновского уезда подожгли большой омет соломы в имении баронессы Мейендорф, воспрепятствовали тушению огня и произвели ряд бесчинств.

В апреле же крестьяне деревни Баевой прогнали рубщиков из лесной дачи Горсткиной, заявляя, что по какой-то старинной грамоте лес принадлежит им.

В период времени с 18 по 25 апреля был ряд поджогов имущества землевладельцев в разных пунктах Сергачского уезда.

В мае крестьяне деревни Протасовой и села Чукол Сергачского уезда за недостатком собственных выпасов произвели ряд потрав в имении графа Протасова-Бахметева.

В июне в том же Сергачском уезде произошло несколько случаев насильственного захвата крестьянами помещичьих земель.

4 июля крестьяне села Фокина Васильевского уезда самовольно произвели покос на лугах, арендуемых их односельчанином в имении дворян Норды, при чем избили арендатора и разрушили караулку принадлежащего ему перевоза через Волгу.

В июле крестьяне деревни Отар Васильевского уезда, согласно сельскому приговору, самовольно скосили часть лугов землевладелицы Петровской, относительно коих крестьянами ведется дело в окружном суде. Подобный же приговор был составлен крестьянами с. Криуши относительно спорного, но находящегося в фактическом владении Зыбиной, леса.

В сентябре крестьяне 2 Белкинского общества Семеновского уезда, составив предварительно приговор, разделили до 75 десятин лесной дачи купца Гребенщикова и произвели самовольную порубку, оказав сопротивление полиции.

В сентябре же крестьяне села Тумботина деревни Вязовки Горбатовского уезда произвели порубку леса на даче Спорышевых, относительно коей ими ведется с владельцами судебный процесс.

В Калужской губернии: в июле крестьяне села Дальняя Борисовка Калужского уезда, в имении Ершова, в числе 200 человек произвели разгром усадьбы и похитили 871 руб. и домашние вещи, сделав попытку поджечь дом.

В июле же на мельнице в имении княгини Урусовой, при сельце Росве Перемышльского уезда, крестьяне, благодаря подстрекательству неблагонамеренных лиц, силой не разрешили прудить мельницу, а по прибытии для объяснений с ними исправника держали себя крайне дерзко и только ввиду прибытия отряда драгун начинавшиеся беспорядки прекратились.

В Рязанской губернии: в июне крестьяне села Братовки Раненбургского уезда расхитили запас хлеба в имении Поповых.

В июле крестьяне Ильинских выселок Раненбургского уезда самовольно потравили пастбище в имении Горшанова.

Крестьяне села Братовки Раненбургского уезда разгромили хутор купца Никитина вследствие найма последним рабочих из другой местности.

В Костромской губернии: в июне в Макарьевском уезде на земельных владениях Лицова-Кашина и Демидова произошли аграрные беспорядки, которые выразились в сопротивлении властям, в самовольной рубке леса, в захвате лугов и пастбищных участков. Причиною этих беспорядков оказалось введение строгой охраны имущества новыми владельцами их, чего прежде не было.

В Тульской губернии: в марте крестьяне села Алмазова Молоденской волости Епифановского уезда произвели разгром в арендуемом ими имении, бывшем графа Игнатьева, приобретенном крестьянином Басмановым. Беспорядки эти вызваны были непризнанием крестьянами нового владельца.

В апреле на хуторе графов Бобринских Жданка крестьяне совершили поджог соломы.

В мае в сельце Бокше Веневского уезда, в имении Глазштейна крестьяне ворвались в квартиру арендатора, избили его и подожгли экономические постройки.

В июле в селе Березовке Веневского уезда происходили крестьянские волнения, вызванные личным раздражением крестьян названного селения к местному арендатору Кочукову.

В Смоленской губернии: 11 июля крестьяне деревни Новоселье Духовщинского уезда прогнали экономических косцов в имении Скоробогатова и произвели покос лугов помещика.

19 августа крестьянами деревни Одинцова Смоленского уезда и деревни Бакланова Краснинского уезда произведены самоуправные действия в хуторе Бакланове, имении княгини Оболенской.

В августе крестьяне деревни Буды Рославльского уезда насильственно завладели принадлежащим соседним землевладельцам Евстафьевым участком земли, поверив толкам стариков, что участок этот принадлежал им издавна по праву дарения. Убедившись затем в неосновательности этих толков, они отказались от своих притязаний.

В сентябре крестьяне деревни Новой Смоленского уезда произвели порубку леса в имении помещика Семенова на участке в 24 десятины и разделили землю между собою, считая ее своею собственностью ввиду недостающего у них количества надельной земли в размере $6^1/_2$ десятин, которые уже и присуждены им были Смоленским окружным судом, но не были еще прирезаны к их наделу за непредставлением ими следуемой суммы на выезд землемера и члена окружного суда.

В Тверской губернии: 13 июля крестьяне деревень Ручков и Преображения Вышневолоцкого уезда самовольно произвели покос во владении двоих крестьян-собственников, основывая свои самоуправные действия на держащемся издавна в их среде мнении, что указанное владение составляет часть их надельной земли.

В Псковской губернии: в апреле крестьяне деревни Печки Псковского уезда произвели самовольную порубку леса во владении помещицы фон Бюнтинг и захватили участок принадлежащей ей земли, при чем свой образ действий мотивировали недостаточностью отведенного им надела.

В мае крестьяне деревни Паколова Великолуцкого уезда самовольно захватили землю, принадлежащую жене генерала Чагиной.

В Эстляндской губернии: в июне в имении Фикель Гапсальского уезда толпа крестьян выстрелами и камнями оказала сопротивление судебному приставу, исполняющему решение суда о выселении двух крестьян с арендованных участков.

В Витебской губернии: в январе замечались самовольные массовые порубки, производимые по ночам крестьянами в помещичьих лесах Двинского уезда. При преследовании порубщики оказывали вооруженное сопротивление чинам полиции и лесной стражи. Означенные случаи происходили в имениях: Каменец — владельца Реута, Амбельмуйжа — графа Платера-Зиберга, Александрово — Разноцветова, Иозефово — владельца Шахно, Комбуль — графа М. Броэль-Плятера, Боровка — графа Е. Броэль-Плятера, Поболь — Бржезинской, Янополь — Ромера, Балиново — Верещинских и Субанайты — Савицкого. Причиною самоуправства было распространение слухов о предстоящем переделе земли и возможности безнаказанно грабить помещиков, а также острая нужда сельского населения в топливе и невозможности достать таковое на месте по доступной цене.

В феврале крестьяне ограбили семь имений в Двинском и Полоцком уездах: Сиверсгоф, Магнусово, Александрово, Асташево, Мариамполь, Биржи и Дубняги, выломали окна, разломали печи и расхитили из домов все вещи, которые бежавшие помещики не успели захватить с собою. Причиною является пропаганда революционных организаций и широкое распространение среди крестьян нелегальных брошюр и прокламаций, возбуждающих против капиталистов и помещиков.

В марте крестьяне Банонской волости Полоцкого уезда, приехав в лесную дачу Вороночи владелицы Лисовской, в числе 70 человек, вырубили 40 пней, при чем произвели несколько выстрелов в лесных сторожей.

В марте крестьяне деревни Туманы Звирздинской волости Люцинского уезда вырубили самовольно лес, принадлежащий владельцу Колпачу.

В июне толпа латышей из Венденского уезда явилась в имение Аташино Режицкого уезда с красными флагами, на коих была надпись: «долой помещиков» и потребовала от владельца, графа Борх, подписания «условия для рабочих» (сокращения рабочего дня, увеличения платы и пр.). По исполнении графом сего требования крестьяне с пением революционных песен удалились.

В июне крестьяне деревень Гирены, Круманы и др., находящихся вблизи имения Рушендорф барона Корфа, в районе Унгермуйжской

волости, явились на Рушендорфскую водяную мельницу и самоуправно уничтожили мельничную запруду, и, кроме того, почти все крестьяне стали самовольно пасти скот на землях барона Корфа.

В августе в имении Глазманке Двинского уезда нападением неизвестных латышей, прибывших из Курляндской и Лифляндской губерний, была разграблена касса в казенной винной лавке.

В Виленской губернии: 27 мая в имении Желудок Лидского уезда, княгини Святополк-Четвертинской, крестьяне произвели беспорядки, выразившиеся в самовольной пастьбе скота в лесу и на лугу помещицы.

17 июня крестьяне деревни Семяги Лидского уезда самовольно скосили часть сенокоса, принадлежащего имению Уховщина помещика Морачевского.

8 августа крестьяне деревни Кейзики Дисненского уезда в лесу помещика Пржездецкого произвели самовольную рубку леса, захваченного, по их мнению, неправильно помещиком.

В августе же крестьяне деревни Данюшева Свенцянского уезда произвели самовольную рубку леса помещицы Чарноцкой-Данюшевой.

В Ковенской губернии: в апреле в Вилькомирском уезде в имении Венцловича произошли крестьянские беспорядки, при чем была сожжена мельница владельца.

В мае в Тельшевском уезде в имении князя Огинского беспорядки выразились в самоуправных действиях против владельческих прав князя Огинского.

В июне в Россиенском уезде в имении графа Плятера беспорядки произошли из-за пастбищных участков, признанных правительствующим сенатом за графом Плятером.

В июне же в Поневежском уезде в имении барона Бистрома беспорядки произошли на почве повышения заработной платы и выразились в забастовке крестьян.

В июле в Поневежском уезде в фольварке графа Тышкевича произошли беспорядки, с сопротивлением властям, из-за пастбищных участков.

В Шавельском уезде в имении Нейранду последовали забастовки и беспорядки на почве повышения заработных плат.

В Гродненской губернии: в последнее время крестьяне некоторых деревень Брестского уезда самовольно начали пасти скот и косить луга на угодьях помещиков. В особенности крестьяне деревень Вельямовичи, Ставы, Хотиново и Меликовичи оказали упорное сопротивление при подавлении этих самоуправных действий.

Кром сего, в Гродненском, Волковыском и отчасти в Сокольском и Белостокском уездах происходила почти полная забастовка крестьянских рабочих, кои не хотели работать в экономиях даже за отработок.

В Минской губернии: в марте среди крестьян местечек Пуховица и Березина произошли волнения, выразившиеся в намерении крестьян разграбить помещичьи усадьбы, для прекращения которых были вы-

званы войска. Усиленное брожение среди крестьян было вызвано как разбрасыванием преступных прокламаций, так и агитациею некоторых лиц, привлекавшихся к дознаниям и возвратившихся из ссылки, при чем центром распространения всевозможных толков явилось село Блонь Игуменского уезда.

В мае в деревне Стреличеве Речицкого уезда крестьяне, завладев помещичьею землею, оказали упорное сопротивление властям.

В июне происхдоили случаи захвата крестьянами помещичьих выгонов, при чем свое право пасти скот на этих выгонах крестьяне основывали на существующих будто бы у них сервитутах. Кроме сего, крестьяне самовольно захватывали сенокосы помещиков и производили пастьбу скота на помещичьих угодьях.

В некоторых волостях Новогрудского уезда крестьяне составили приговоры с клятвенным обещанием прекратить всякие работы в помещичьих имениях и удалить годичных батраков впредь до удовлетворения их требований к помещикам о повышении годичной и поденной заработной платы. При этом происходили случаи избиения крестьян, не желавших присоединиться к движению.

В Могилевской губернии: в Быховском уезде весною было несколько случаев рубки крестьянами помещичьего леса скопом, с насилием над лесною стражею и чинами полиции. Затем, в мае и июне начались забастовки рабочих в некоторых имениях, при чем рабочие предъявляли требования о повышении заработной платы. В имении Манцево Оршанского уезда 4 крестьянина согнали рабочих с полей помещика Гаевского и отправились в усадьбу, где потребовали от него денег и, не удовлетворившись данными им 5 руб., сорвали с него часы, угрожая при этом, в случае неудовлетворения их требований о повышении заработной платы, лишить его жизни. В имении Гобеля Горецкого уезда при указании землемеров границы спорного луга с крестьянами деревни Кшицы последние оказали вооруженное сопротивление властям. Вооруженные беспорядки происходили также и в некоторых имениях Оршанского уезда. 25 июня в имении Захарполье графа Чернышева-Кругликова Рогачевского уезда явился неизвестный человек и предъявил управляющему имением требование улучшения положения рабочих, а затем предложил последним прекратить работы. Кроме сего, это лицо появилось и в других имениях, подстрекая рабочих к прекращению работ. В деревне Заполье Люблинской волости Горецкого уезда при удалении крестьян с помещичьего луга, на котором они пасли свой скот, последние произвели несколько выстрелов в служащих имения.

В июле в имении Заболотье Анновской волости Оршанского уезда крестьяне вынули из помещичьей мельницы заставы и спустили воду, а в имении Хольневичи Сеннинского уезда разгромили мельничную греблю.

В августе в имении князя Любомирского крестьяне самоуправно выгнали своих лошадей для пастьбы на лугах владельца имения, при

чем при попытке сторожа удалить лошадей они оказали ему сопротивление.

В Полтавской губернии: в апреле в имении княгини Ливен крестьяне, в количестве до 200 человек, предъявили экономии требования, не согласные с договорами и условиями по аренде и уборке земельных угодий, при чем требования свои сопровождали угрозами насилий.

В июне возникли беспорядки в селе Ивановском Роменского уезда из-за спорного луга с соседними владельцами.

В июне же аграрные беспорядки приняли обостренный характер, при чем явное неудовольствие крестьян выразилось в частых столкновениях с владельческими экономиями. Так, в имениях княгини Кантакузиной, графини Сперанской и других беспорядки эти происходили главным образом на почве недостатка земельных наделов, не имевших ранее особого значения ввиду возможности отхожих промыслов, за последнее время прекратившихся за отсутствием работонанимателей.

В июле месяце в Полтавской губернии было несколько единичных случаев подстрекательства крестьян не заключать формальных договоров с землевладельцами; при этом агитаторами распространялся слух о предстоящем будто бы в скором времени переделе земли.

В том же июле крестьянами разграблена усадьба зажиточного казака Собко, при селе Чевелье Лубенского уезда, ввиду недоброжелательных отношений к нему местного крестьянского населения.

В Волынской губернии: в мае крестьяне сел Путрины, Лютерки, Мокрец и других смежных селений Заславского уезда произвели беспорядки, выразившиеся в самовольной пастьбе скота в имении землевладельца князя Сангушко.

Крестьяне села Дертей Новоградволынского уезда произвели в мае беспорядки по поводу последовавшего со стороны землевладельца Доморадского запрещения пасти скот в своем лесу: на порубах, запустах и молодняках.

Крестьяне села Перемышля Заславского уезда произвели в июне беспорядки в имении князя Сангушко, требуя увеличения поденной платы и окончания работы ранее семи часов.

12 сентября крестьяне села Смолдырева в имении графа Потоцкого произвели самоуправные действия по поводу распашки леса и предъявили одинаковое с собственником имения право на сенокосы.

В Подольской губернии: в марте в нескольких имениях Подольской губернии были массовые крестьянские беспорядки, выразившиеся в значительных порубках в помещичьих лесах. Самоуправство это было вызвано подстрекательством агитаторов.

В апреле крестьяне местечка Городка, толпою около 300 человек, нарушили межи в имении помещика Виноградского и произвели насилие над личностью управляющего имением Пашкевича.

В мае крестьяне в имении графа Маркова Нижне-Ольчедаевское разогнали служащих и угрожали их имуществу и жизни.

В мае же в селе Мокром Балтского уезда разгромлено несколько хуторов, при чем убит владелец одного из них, Войтенко.

В мае в Ольгопольском уезде была разгромлена Крутянская экономия, при чем разгром этот сопровождался убийством нескольких служащих.

В мае крестьяне местечка Крутых и сел: Петровки, Плоти и Семеновки напали в местечке Крутых на экономический дом, в котором жил уполномоченный владельца Беренс, уничтожили все находившееся в нем имущество последнего, разбили и расхитили кассу, в которой находилось около 4 тысяч наличных денег.

В мае администрацией Тростянецкого сахарного завода в Брацлавском уезде были наняты 612 человек рабочих из Волынской губернии; по прибытии их на завод местные крестьяне вступили с ними в драку и не допустили их к началу работ, почему вышеуказанных рабочих пришлось отправить обратно по местам приписок в Волынскую губернию.

В мае в Могилевском уезде в имении Беляны-Шоргородские барона фон-Кнорринга крестьяне разогнали рабочих и служащих, угрожая им убийством.

В мае толпа крестьян села Белоусовки Гайсинского уезда, числом до 200 человек, явилась во двор арендатора Седлецкого и разогнала всех служащих у него, а потом отправилась и сделала то же на вальцевой мельнице, арендуемой евреем Рихом. С прибытием исправника и войск беспорядки прекратились.

В селах Заборозновец и Пилипковец Ушицкого уезда крестьяне, собравшись толпою, отправились в местную экономию и удалили оттуда всех служащих как годичных, так и поденных.

В селе Рернати Балтского уезда в имении землевладельца Гудим-Левковича толпа крестьян около 60 человек напала из засады на экономических служащих, совершавших ночной объезд экономических угодий, при чем большинству участников объезда, в том числе и управляющему, были нанесены побои и поранения.

В мае в селе Ометинец Гайсинского уезда крестьяне толпою до 300 человек с палками в руках разогнали ставших на поденные полевые работы односельцев, а затем, направившись к экономической усадьбе, силою и угрозою удалили всех рабочих и постоянных служащих. Такому же изгнанию подверглась и вся домашняя прислуга помещика и управляющего имением.

В мае в имении Сумовке Гайсинского уезда, при ферме Тьма, крестьяне бросились громадной толпой и прогнали работавших на полях у фермы рабочих, при чем многим из них нанесли побои. Затем, вооружившись сапами, они явились в экономию и, окружив квартиру уполномоченного помещика Бабского, стали требовать работы или уплаты денег за то время, которое они не работали, при чем требование свое сопровождали бранью и угрозами смерти. С прибытием властей и войск беспорядки прекратились.

В Бессарабской губернии: в феврале сего года поселяне села Ульмы произвели порубку и хищение в лесах имений помещиков Алексанова и Огановича, сопровождавшиеся насильственными действиями против охраняющей леса стражи.

В марте поселяне села Погарничен Сусленской волости Оргеевского уезда явились на помещичью землю Артемия Назарова и, самоуправно отмежевав полосу в 60 десятин, поделили ее на 30 участков, границы коих обозначили бороздами плугов, и приступили к дальнейшей распашке. Означенная земля, в количестве около 300 десятин, в 1875 году перешла во владение Назарова из надельной крестьянской земли по договору, который названные крестьяне считают результатом вовлечения их в невыгодную сделку.

В июле в имении Шолданешты Оргеевского уезда крестьяне отмежевали себе от помещичьей земли владельца Рышлякова 790 десятин, на которые претендовали давно, но проиграли судебное дело во всех инстанциях.

В Екатеринославской губернии: в апреле крестьяне села Коноплянки Славяносербского уезда бросились на жилые дома и усадьбы крестьян Таврической губернии, проживающих около села Коноплянки на купленной земле, при чем разгромили 17 домов. Причиной беспорядков послужило недоразумение относительно права собственности на землю.

В мае крестьяне села Звонацкого Екатеринославского уезда самовольно выпустили скот для пастьбы на предназначавшуюся для покоса траву экономии Маламы, при чем избили урядника и объездчиков.

В июне забастовали полевые рабочие в Криничеватовской волости, разграбили лавки и сожгли земские бараки.

В июле крестьяне села Червaневки Бахмутского уезда сожгли скотный двор и сарай землевладельца Васильева и взорвали динамитом водяную мельницу. Причиною сего послужило непомерное возвышение арендной платы.

В июле же толпа крестьян на ярмарке в селе Софиевке Верхнеднепровского уезда разбила театр, две лавки, картузные рундуки и балаганы шорного ряда и разграбила товар.

В августе крестьяне села Федоровки Александровского уезда оборвали все фрукты в саду имения Константиновых и подожгли скирды сена.

В Таврической губернии: 7 апреля крестьяне сел Збурьевки и Чулаковки Днепровского уезда самовольно вывезли из имения помещика Классина 23 подводы ячменной соломы. На другой день крестьяне той же местности прибыли в имение Классина на 33 подводах, при чем вследствие убеждения встретившего их унтер-офицера таврического губернаторского жандармского управления, что самовольно брать в чужом имении ничего нельзя, обратились лично к хозяину имения с просьбой дать им соломы ввиду полного отсутствия у них корма для скота. Просьба их была удовлетворена.

В апреле же крестьянами Днепровского уезда производились самовольные выпасы на частно-владельческих землях.

1 мая крестьяне деревни Саблы Симферопольского уезда, будучи недовольны запрещением нового управляющего имением Давыдова самовольно пользоваться лесом и лугами помещика, что производилось ими в течение многих лет, произвели разгром дома управляющего и покушались произвести поджог.

26 мая крестьяне села Рейска Днепровского уезда самоуправно вывезли из имения князя Трубецкого Долматовки 50 подвод сена, при чем произвели семь выстрелов в рабочих экономии. Такое же самоуправство было учинено крестьянами в имении помещика Тропина того же уезда.

15 июня крестьяне ближайших поселков к имению князя Трубецкого Тарханы, в 10 верстах от г. Керчи, заставили экономических рабочих прекратить косьбу сена, заявив управляющему имением желание, чтобы покос производился ручным способом, как это было до сего года, и чтобы работа эта была предоставлена им, так как, лишившись постоянного заработка, они останутся без куска хлеба.

В августе татары деревни Коперликовой Феодосийского уезда, кои оспаривали у соседнего землевладельца дворянина Челебиева права на его владения, при чем иски их судебными решениями были оставлены без последствий, за исключением лишь 50 десятин, произвели, по подстрекательству агитаторов, захват принадлежащего Челебиеву сенокоса, посевов хлеба и учинили порубку леса.

В Донской Области: в июне крестьяне слободы Больше-Крепинской Таганрогского округа выгнали своих лошадей для подножного корма на сенокос землевладельца Мазаева, при чем избили полицию.

В июле крестьяне слободы Успенской Таганрогского округа произвели погром экономии Бишлера, разграбили все имущество и уничтожили припасы в кладовых.

В августе крестьяне села Артемовки разграбили и сожгли экономию землевладельца Жердева, при чем беспорядки эти были начаты запасными нижними чинами.

В августе крестьяне п. Дубровского разгромили дом и контору экономии Байбуса, разграбили все имущество и сожгли строения. Беспорядки эти были начаты запасными нижними чинами.

В августе же крестьяне в слободе Голодаевке разгромили кладовую с ружьями при волостном правлении.

В сентябре крестьяне деревни Верной Ростовского на Дону округа самовольно забрали посев и произвели между собою раздел земли владелицы Евлановской, при чем избили полицию.

В Астраханской губернии: в марте крестьяне села Михайловки Енотаевского уезда самовольно захватили земли, принадлежащие калмыцкому духовенству.

Вообще, в последние годы население русских сел, окружающих калмыцкую степь Астраханской губернии и расположенных в пределах

этой степи, вследствие незначительного количества имеющейся у них надельной земли постоянно захватывало отданную в пользование калмыкам землю и вторгалось со своим скотом в степь. Общее брожение среди крестьянского населения империи по вопросам земельного характера нашло себе место и среди крестьян Астраханской губернии, которые прежде всего решили завладеть той землей, в которой, по мнению крестьян, калмыки не нуждаются и которая будто бы отдана калмыкам неправильно, так как они не служат государству и не отбывают воинской повинности.

В Оренбургской губернии: в июне вследствие агитационной деятельности некоторых лиц замечено было волнение села Николаевки Троицкого уезда в районе имения наследников графа Мордвинова. Брожение это, однако, не выразилось в каких-либо серьезных беспорядках и явилось результатом безземелия крестьян села Николаевки, отказавшихся при освобождении от крепостной зависимости от получения наделов и вынужденных теперь арендовать частно-владельческие земли по высокой цене.

В Самарской губернии: в марте крестьяне села Золотаревки, имения князя Оболенского, высказывали намерение самовольно запахать землю владельца.

В апреле крестьяне села Страхова самовольно уменьшили арендную плату за землю, арендуемую ими у помещика Аксикова.

Крестьяне деревни Покровки самовольно уменьшили арендную плату за участок, арендуемый у владельца Шихобалова.

В июне произведен ряд поджогов в имении графа Орлова-Давыдова в Ставропольском уезде и на хуторе дворянина Данненберга в Бузулукском уезде, совершенных крестьянами в силу обостренных отношений с владельцами и управляющими, вызванных малоземельностью крестьян и полною зависимостью последних от крупных землевладельцев.

В июне же крестьяне села Верхней Орлянки Бугурусланского уезда самовольно воспользовались чужим выгоном для своего скота.

В Казанской губернии: в мае в Чистопольском уезде в имении Стрижевской беспорядки выразились в насильственной вспашке земли, принадлежащей Стрижевской, и в поджогах.

В том же уезде в имении графа Блудова беспорядки выразились в той же форме, с оказанием властям вооруженного сопротивления.

Брожение и недовольство происходили и в других уездах Казанской губернии, но серьезных последствий не имели, и принятыми своевременно мерами беспорядки были устранены.

В Пензенской губернии: в апреле крестьяне 15 селений Чембарского уезда, преимущественно в районе имений графа Уварова, предъявили требования к землевладельцам о понижении арендной платы, угрожая в случае неисполнения требования самовольным захватом земли и разграблением экономического имущества. Волнение это, однако, ввиду прибытия воинской силы не приняло опасных размеров.

В июне крестьяне села Василевки Наровчатского уезда самовольно захватили пастбище землевладельца Водар и отказались уплатить присужденные земским начальником в пользу Водара 400 рублей.

В июне же крестьяне села Сивини Краснослободского уезда потребовали от владельца винокуренного завода Галова уступки земель, а также выдачи им муки по низшей цене; когда же им было в этом отказано, они произвели беспорядки и насильственно удалили рабочих; независимо от сего, они разграбили экономические амбары и увезли до 3.400 пудов муки.

Крестьяне села Верков Мокшанского уезда, недовольные администрацией имения Анисимова, 15 августа подожгли гумно, от тушения которого некоторая часть крестьян совершенно уклонилась; причиною этих беспорядков послужили недоразумения на аграрной почве.

В Симбирской губернии: в марте крестьяне владений графа Орлова-Давыдова предъявили требования о понижении арендной платы, с угрозами самовольного захвата земли в случае неисполнения их требований.

В мае крестьяне деревни Малой Кузьминки Ардатовского уезда имения княгини Куракиной, собрав сход, заявили управляющему имением требование об увеличении количества арендуемой ими земли, угрожая в случае неисполнения их желания захватом земли самовольно, так как таковой у них крайне недостаточно. Не получив удовлетворения их требования, крестьяне деревни Малой Кузьминки не ограничились угрозами и произвели массовые беспорядки, поджоги, насилия над служащими при экономии, с захватом пастбищ для скота.

Крестьяне села Атяшева Курмышского уезда в мае самовольно захватили пастбище у владельца Пашкова.

В августе сего года татары деревни Малой Цильны самовольно захватили землю крестьян села Русской Цильны Буинского уезда.

В Пермской губернии: в мае заводские крестьяне Алапаевских заводов произвели беспорядки, при чем сожгли склады топлива, 26 жилых домов и покушались на жизнь управляющего; причина волнений не известна. С прибытием войск беспорядки прекратились.

В Вятской губернии: самовольные порубки и прочие самоуправные действия крестьян в текущем году не выходили по количеству и интенсивности их из пределов, свойственных обычному течению жизни, при чем никаких указаний на отдельные случаи не имеется.

В Варшавской губернии: в текущем году в некоторых уездах сельско-хозяйственные рабочие производили в имениях помещиков беспорядки, принуждая рабочих этих имений к забастовкам и требуя от землевладельцев улучшения быта и повышения наемной платы.

В Пултусском уезде крестьяне из нескольких деревень ворвались в Вышковский казенный лес и произвели самовольную порубку.

В Петроковской губернии: 2 марта рабочие имения Лисовице Бендинского уезда потребовали повышения платы и увеличения арендной платы; когда же им в этом было отказано, они, прекратив

работы, отправились в соседнее имение, толпой в 40 человек двинулись в имение Рогов, где также прекратили работы.

В это же время происходила самовольная пастьба скота в лесах имения его величества Спала, но вследствие ареста некоторых крестьян и принятых мер пастьба прекратилась.

В Плоцкой губернии: 5 марта рабочие фольварка Хелмице-Мала, потребовав повышения платы, оставили работу. Присоединив к себе рабочих соседнего имения, они толпой отправились в другие имения с требованием прекратить работы, что и было исполнено.

В Радомской губернии: в июне крестьяне деревни Поляны Радомского уезда производили самовольные пастбища в казенном лесничестве и рубили дрова в этом же лесу.

В Седлецкой губернии: в феврале крестьяне деревни Олексин произвели самовольную порубку в лесу помещика Зильберберга.

В феврале же жители имения Межиречья произвели самовольную порубку и вывозку дров, при чем оказали сопротивление чинам земской стражи.

Крестьяне деревни Вырыки захватили участок луга графа Замойского и уничтожили пограничные знаки.

В Келецкой губернии: в июле произошло столкновение крестьян деревни Псары и деревни Вильков Келецкого уезда с чинами Екатерининского лесничества по поводу самоуправной пастьбы крестьянами своего скота в казенном лесу названного лесничества, при чем вооруженная кольями толпа, приблизительно в 600 человек, была частью арестована, частью разогнана при помощи военной силы.

В Ломжинской губернии: в феврале большая часть жителей деревни Глембоч гмины Шумова Ломжинского уезда, во главе с солтысом, отправилась в лесную дачу Кленово и произвела самовольную порубку леса.

В мае крестьяне некоторых селений гмины Гиврихи Кольненского уезда произвели потраву казенных лугов, при чем оказали сопротивление лесной страже, пытавшейся задержать скот. Свои самоуправные действия крестьяне объяснили тем, что прежде этими выгонами пользовались они, а в последние годы пользуются лесники, которые отдают выгоны за бесценок в аренду евреям.

В Люблинской губернии: в марте толпа крестьян, вооруженная палками, отправилась из села Гахебова Новоалександрийского уезда в имение Ястково Люблинского уезда, где потребовала от служащих в имении прекращения работ, а затем, собрав всех батраков, толпа увела их с собою в другие имения с целью предъявления тех же требований. Подобные же беспорядки происходили также и в некоторых других селах Люблинской губернии, при чем крестьяне, прекращая работы в экономиях, предъявляли требования о повышении заработной платы и вообще об улучшении их положения. Означенные требования нередко сопровождались угрозами, вынуждавшими владельцев уезжать из имений.

В Тифлисской губернии: 27 февраля в селении Кавтисхеви Горийского уезда состоялся сельский сход от 10 окрестных селений, на коем было постановлено потребовать упорядочения прав на пользование пастбищными местами и наливной водой, а также проселочными дорогами, проходящими чрез имения частных лиц. Вместе с тем постановлено требовать уменьшения платы с крестьян на содержание школ, сельских должностных лиц и за требы духовенству.

Такого же рода сход состоялся в селении Медживрисхеви того же уезда. На обоих сходах толпа расходилась с криками «да здравствует единство и свобода».

2 марта в селении Земо-Голи Горийского уезда состоялась сходка до 600 человек, на коей было постановлено прекратить уплату «податей помещикам» и на содержание духовенства, начать бесплатное пользование помещичьими землями, пастбищами и лесами, а также не обращаться к содействию полиции и мировых судей, а разбирать дела чрез своих выборных десятских, сотских, тысячников.

5 марта в селении Михайлово произошла сходка до 1.000 человек, на которой состоялось такое же постановление, при чем присутствовавшие здесь же рабочие депо станции Михайлово пытались провести требования и политического характера. Вместе с тем решено было для достижения уступок со стороны властей прибегать к террору путем поджогов сельских управлений и убийства чинов местной администрации. Подобные сходки происходили и в других местах означенного уезда, при чем были случаи поджогов усадеб помещиков и зажиточных крестьян.

В апреле сего года крестьяне Телавского уезда, закрыв свои сельские канцелярии, школы и лавки, настаивали на удалении из селений чиновников, состоящих на государственной службе, и предъявили помещикам требования на бесплатное пользование их лесами и землями, при чем стали производить самоуправные действия, как-то: порубку лесов и уничтожение виноградников.

В Сакараульском, Земо-Тионетском, Накалакарском, Сакдрионском, Магароскарском сельских обществах крестьяне предъявили требования, чтобы помещичьи и казенные земли и помещичьи леса предоставлены были в их распоряжение. К возбуждению крестьян направлены были усилия прибывших из Тифлиса агитаторов.

8 августа крестьяне селения Греми-Теловского, вооружившись дубинами, воспрепятствовали инженерам произвести размежевание казенной земли.

В Кутаисской губернии: 20 января произошли беспорядки близ железнодорожной станции Квирилы, выразившиеся в том, что крестьяне окрестных сел, собравшись за полосой отчуждения, стали препятствовать ремонтным рабочим заниматься очисткою снега с полотна дороги.

26 января произошли беспорядки в селении Дадзихаиши Кутаисского уезда, которые выразились в том, что толпа крестьян около

4.000 человек с выстрелами двинулась по улице селения, ворвалась в школу, аптеку и сельское управление, при чем был изорван портрет государя императора.

В феврале и марте в Шарапанском уезде крестьяне сожгли 7 сельских правлений, в Сенакском — 5 и в Зугдинском — одну церковь и сельскую канцелярию, при чем принуждали сельских должностных лиц оставить службу.

В Эриванской губернии: за последнее время наблюдались частые случаи самовольных порубок, учиняемых на помещичьих и казенных лесных дачах, ввиду малой площади занимаемой в губернии лесом, дороговизны его, а также благодаря смежности крестьянских наделов и чересполосности их с лесными угодьями.

С окончанием полевых работ и уборки хлеба аграрное движение почти повсеместно, за исключением, как выше изложено, Саратовской губернии, заметно утихло, что объясняется главным образом тем обстоятельством, что с наступлением осеннего времени отпали те жгучие причины, которые заставляли крестьян совершать самоуправные действия (как-то: потравы, покосы, захваты земли для посевов и пр.), а также и то, что противоправительственная пропаганда за последнее время направлена была преступными агитаторами в среду городского населения.

ВОЛНЕНИЯ ВО ФЛОТЕ В 1915 ГОДУ.

Публикуемые письма министра внутренних дел Хвостова к председателю совета министров Горемыкину, относящиеся к концу 1915 г., имеют немаловажное общественное значение. Они обрисовывают настроение моряков Балтийского флота незадолго до революции. В самом деле, во второй половине 1915 г., в связи с военными неудачами на фронте, стало наблюдаться общее «полевение». К этому времени относится возникновение среди буржуазии так называемого «прогрессивного блока», объединившего в своих рядах от правых националистов до «левых» кадет. К этому же времени русская буржуазия бешено развила деятельность «Земгора» (Союза земств и городов) и других общественных организаций, делавших робкие попытки играть политическую роль.

Среди рабочих, матросов и солдат этот процесс полевения проявился в гораздо более бурных формах. Здесь он осуществлялся в наростании революционных настроений и в прямых революционных вспышках, предвещавших близость революции. В частности, в Балтийском флоте к осени 1915 г. значительно окрепли большевистские организации, влияние нашей партии в сильнейшей степени возросло. Это обстоятельство не могло пройти незамеченным со стороны департамента полиции. В последние месяцы 1915 г. был произведен целый ряд арестов матросов-большевиков на судах Балтийского флота. В Гельсингфорсе были разгромлены большевистские организации на первой бригаде крейсеров. Особенно крепкой и многочисленной являлась партийная организация на крейсере «Россия». Поэтому здесь был произведен исключительно свирепый разгром. Охранка сняла с корабля и засадила в тюрьму около 40 матросов, в том числе виднейших большевиков: Тимофея Ивановича Ульянцева, Пелихова и других. Через несколько месяцев такой же разгром постиг кронштадтскую партийную организацию. На учебном судне «Александр II» был арестован унтер-офицер Иван Давыдович Сладков, один из фактических руководителей кронштадтских матросов-большевиков. Наконец, около того же времени, осенью 1915 г., вспыхнуло восстание на линейном корабле (дредноуте) «Гангут». Печатаемые ниже официальные документы в понятных целях стараются смягчить значение этого события, изобразив его как ординарные беспорядки. Между тем, это было настоящее восстание, непосредственное, хотя и стихийное, проявление революционных чувств и настроений балтийских моряков. Команда «Гангута», состоявшая из 1.500 человек, в действительности не только «подняла ропот», как это пытается изобразить записка Хвостова, а вышла из повиновения своему начальству, отказалась подчиняться распоряжениям офицеров и предъявила определенные требования. Если бы дело заключалось только в невин-

ном ропоте и в выключении динамо-машины, то был бы совершенно непонятным последовавший затем арест 95 матросов, из коих одному — Павлу Яковлевичу Петрову — даже угрожала смертная казнь. Нет, тут дело было гораздо серьезнее, чем это задним числом стремился изобразить в докладе своему начальнику министр внутренних дел Хвостов.

Правда, восстание на «Гангуте» не было поддержано другими кораблями Балтфлота. Оно остановилось на первой стадии. Гангутские матросы, видя свою изолированность, не решились перейти к захвату власти. В этом состоит отличие Гангутского выступления от Севастопольского восстания на «Очакове» 14—15 ноября 1905 г.

Однако, если матросы других кораблей не присоединились к восстанию на «Гангуте», то их моральное сочувствие было единодушно на стороне восставших. Это доказывается тем фактом, не скрываемым даже в записке царского бюрократа, что команда с «Рюрика» отказалась конвоировать арестованных на «Гангуте» матросов. Мало того, события на «Гангуте» нашли широкий отклик на других судах Балтийского флота.

«Происходившие на «Гангуте» беспорядки, — пишет по этому поводу Хвостов, — вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных: на всех судах флота команды решили предъявить те же требования во время зимней стоянки судов, а если эти требования не будут удовлетворены, объявить общую забастовку. Если же арестованные матросы будут преданы суду и осуждены, то указанное выше выступление произойдет даже ранее зимы; в случае же принятия по отношению к судовым командам каких-либо репрессий, задуманная забастовка может обратиться в бунт».

Далее Хвостов прибавляет, что пропаганда в этом духе ведется не только среди моряков, но и среди сухопутных частей кронштадтского гарнизона, «которые также высказываются за необходимость принять участие в протесте одновременно с флотом».

Если даже Хвостов, систематически стремящийся затушевать действительную картину событий наложением более мягких красок, пытается изобразить положение вещей в шаблонном духе казенного оптимизма, если даже он вынужден признать возможность бунта не только среди матросов, но и среди солдат, то это показывает, насколько сильно была накалена почва под ногами царизма. Вся политика старого режима в отношении матросов и солдат строилась на создании между ними искусственной розни.

Этот солдатско-матросский антагонизм старательно поддерживался как в армии, так и во флоте. На почве этого взаимного натравливания царским сатрапам неоднократно удавалось спровоцировать драки, а иногда и массовые побоища между солдатами и матросами в Кронштадте, Гельсингфорсе и других портовых городах. Эта вражда исчезла лишь со времени революции, когда, наконец, установилась тесная и уже неразрывная смычка сухопутных и морских масс, представляющих собою плоть от плоти и кость от кости рабочего класса и крестьянства.

Докладная записка Хвостова в качестве главной причины так называемых «беспорядков» считает «недовольство матросов офицерами немецкого происхождения».

Само собою разумеется, это объяснение совершенно неверно.

Истинные причины восстания были гораздо глубже. Они коренились в общем процессе революционизирования широких масс, которое охватило в то время рабочий класс и крестьянство, армию и флот.

В связи с этим среди солдат и матросов стихийно росла вражда к офицерам, символизировавшим в глазах массы систему старорежимного угнетения и оплот ненавистного царского трона.

Правда, это анти-офицерское настроение частично пошло по линии наименьшего сопротивления, направившись по руслу борьбы только с офицерством германского происхождения. В эпоху сильнейшего шовинистического угара трудно было остаться в стороне от этого поветрия. Однако не приходится отрицать того факта, что значительная часть моряков уцелела от шовинистической заразы; кроме того, даже германофобские настроения объективно выражали стихийную ненависть матросов против дворянско-барского офицерства вообще.

Конечно, наша партия прилагала все усилия для разъяснения массам, что дело вовсе не в офицерах-немцах и даже не в офицерах вообще, а во всем царском режиме.

Эта большевистская пропаганда, разумеется, имела успех. К моменту февральской революции шовинистические чувства по отношению к так называемому «внутреннему немцу» уже сгладились, и в процессе революционных событий офицеры, носившие немецкие фамилии, третировались на равном основании с их русскими коллегами.

В заключение следует обратить внимание читателей еще на один факт.

По словам Хвостова, «особенно пользуется широким распространением среди нижних чинов газета «Речь».

Это не соответствует действительности. Орган ЦК кадетской партии еще можно было встретить в кают-компании, в руках офицеров, слывших за «либералов». Но среди матросов эта профессорски-адвокатская газета, писавшая статьи непонятным для масс интеллигентским языком и высказывавшая весьма умеренные политические суждения, была совершенно непопулярна.

В матросском кубрике чтение «Речи» с успехом заменялось чтением ленинского «Социал-демократа» и прокламаций П.К. партии большевиков.

Ф. Раскольников.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.

№ 175383.
17 ноября 1915 г.

1.

Его высокопревосходительству
И. Л. Горемыкину.

Доверительно.

Милостивый Государь
Иван Логгинович!

Имею честь препроводить при сем Вашему высокопревосходительству поступившие в мое распоряжение агентурные сведения по поводу наблюдающегося в последнее время среди судовых команд Балтийского флота брожения.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

готовый к услугам *А. Хвостов.*

2.

Наши временные неудачи за последнее время на сухопутном фронте отозвались с весьма нежелательной стороны на настроении нижних чинов Балтийского флота.

Захват воюющими с Россией державами большей части Привислинского и Прибалтийского края и возврат в руки врагов взятой было нами Галиции, равно как и некоторые кажущиеся матросам недочеты в действиях наших морских сил, нижние чины флота относят к измене военного начальства немецкого происхождения; при этом во многих случаях нижние чины, не разбираясь в точном определении национальности командного состава и судя только по иностранным фамилиям некоторых из начальствующих лиц, ошибочно относят их к лицам немецкого происхождения.

В числе факторов повышенного настроения матросов явились также: роспуск государственной думы и влияние легальной прессы левого направления, критикующей деятельность правительства в в борьбе с немецким засильем и дороговизною; особенно пользуется широким распространением среди нижних чинов газета «Речь».

Помимо газет, брожение в умах нижних чинов флота поддерживается также и прикомандированными к судовым командам прапор-

щиками флота, близко соприкасающимися с нижними чинами. Они открыто говорят матросам, что в России тотчас по окончании войны, независимо от результата ее, возникнет внутренняя война, в целях окончательного искоренения немецкого засилья.

На-ряду с этим значительную долю влияния на повышенное настроение матросов оказало бестактное обращение некоторых лиц командного состава с матросами и недоброкачественность на некоторых судах пищевого довольствия.

Возбужденное состояние нижних чинов флота фактически проявлялось: 1) в усиленном с их стороны интересе к деятельности левых партий государственной думы; 2) в открытом выражении недовольства бездействием русского правительства, не сделавшего, по их мнению, ничего для успеха войны и даже, в противоположность германскому правительству, ничего не предпринявшего в этом направлении в течение года войны, и, наконец, 3) в возмущении слабыми мерами по искоренению в России немецкого засилья со стороны правительства, коим будто бы руководит немецкая партия при высочайшем дворе. Происками этой германской придворной партии матросы объясняют и назначение верховного главнокомандующего на Кавказ и даже высказывают предположение о возможности, под влиянием той же партии, желательного для Германии заключения мира, который, по их убеждению, повлечет за собою небывалую доселе в истории революцию, угрожающую не только «стереть дом Романовых, но и совершенно изменить строй России».

Таким возбужденным состоянием нашей Балтийской эскадры не преминули, конечно, воспользоваться революционные элементы всех оттенков, которые стремятся распространить это недовольство в широких кругах нижних чинов армии и флота, дабы свести свои старые счеты с правительством, основательно полагая, что для осуществления их заветной мечты войска в их руках будут сильным оплотом. Но для успешности задуманного плана они, считаясь с патриотическим настроением массы, не выступают в данном случае с своими программами, а стараются лишь порицанием действий правительства в настоящей войне возбудить умы солдат и поднять общее недовольство в армии. Пропагандируя, что война нужна исключительно капитализму, а не русскому или германскому народу, они внушают солдатам, что до объединения социалистов всех стран и до возникновения общего народного недовольства и возмущения против правительств в воюющих странах и, наконец, до полного их свержения, никакая победа той или иной группы держав ничего не даст народам стран, охваченных войной, ввиду чего необходимо стремиться лишь к скорейшему окончанию войны, не считаясь с ее результатом, а для этого необходимо всеми способами затруднять работу общества и правительства по изготовлению боевого снаряжения, организовать забастовки и народные возмущения.

Стремление революционеров использовать в своих целях возбужденное настроение нижних чинов флота в настоящее время, хотя и не

выливается в планомерную пропаганду и не имеет преобладающего значения, однако может служить показателем настроения некоторой части матросов. Существует все же убеждение, что идея эта может иметь широкое развитие в случае дальнейшего наступления германцев в глубь России, при чем это обстоятельство может вызвать среди судовых команд возникновение массовых беспорядков.

Самую благодарную почву эта пропаганда находит себе среди матросов береговых команд из числа призванных из запаса и вышедших из тюрем и дисциплинарных частей войск, а также среди распропагандированных ранее нижних чинов флота.

Между прочим, пропагандисты указывают на необходимость предания суду не только бывшего военного министра, генерала Сухомлинова, но и тех, кои виновны в недоставлении в армию достаточного количества боевых снарядов, а равно на необходимость смещения всех генералов и офицеров, носящих немецкие фамилии, внушают добиваться ответственности министров пред народом, амнистии всем политическим преступникам и полного осуществления реформ, обещанных манифестом 17 октября 1905 года. Настоятельное предъявление всех этих требований должно быть, по мнению пропагандистов, возложено на флот, который, являясь в настоящее время главной защитой Петрограда, более всего дорог правительству, и оно безусловно будет считаться с требованиями матросов и принуждено будет, по словам тех же пропагандистов, итти на всякие уступки, а тогда представится полная возможность осуществить партийную программу и передать правление в руки народа.

Фактическая сторона дела, на которой обосновывается это брожение, заключается в нижеследующем.

Нижние чины флота, под давлением указанных выше обстоятельств, прежде всего весьма подозрительно относятся ко всем действиям нашего военного флота и весьма склонны видеть со стороны чинов командного состава, носящих немецкие фамилии, измену там, где она, можно полагать, вовсе не имеет места: так, вице-адмирала Кербера матросы обвиняют в злодейском замысле уничтожить весь наш Балтийский флот. По их словам, он просил будто бы у адмирала Канина разрешения ввести все наши дредноуты в Рижский залив, где они неминуемо попали бы в руки врагов, но, к счастью, этого разрешения не получил. В августе сего года практическое движение линейных кораблей по распоряжению вице-адмирала Кербера будто бы намеренно было поведено с такой быстротой, что вызвало самовозгорание некоторых частей машинного отделения. Затем эта эскадра линейных кораблей, изменившая, по приказанию того же Кербера, первоначальный курс, взяла такое направление, которое, по мнению матросов, неминуемо должно было привести эскадру к катастрофе; и действительно, суда, проходя между подводными камнями, повредили себе борта, а корабль «Севастополь» налетел на камень и пробил себе дно, вследствие чего ныне выведен из строя; судно же «Гангут» постра-

дало настолько, что временно потеряло свою боевую силу. Наконец, при разведке Кербер не позволил, будто бы также намеренно, расстрелять занятый немцами около Риги маяк, приспособленный ими в качестве наблюдательного пункта и вооруженный батареей.

Вторым лицом из командного состава Балтийского флота, которого как немца по происхождению ненавидят матросы и обвиняют в измене, является командир эскадренного миноносца «Сильный», капитан 2-го ранга барон Эрих Брунович Фитингоф. По словам матросов, барон Фитингоф явно симпатизирует германцам. Так, миноносцы «Сильный» и «Расторопный», посланные минувшим летом на разведку к Либаве, встретив неприятельские миноносцы, вступили с ними в перестрелку; однако барон Фитингоф сначала уклонялся от боя, а затем, когда уже пришлось вступить в бой, всеми силами старался будто бы обезвредить для врага эту стрельбу.

Матросы утверждают далее, что во время плавания миноносца «Сильный» без других судов барон Фитингоф намеренно и притом без всякой надобности дает полный ход машине, вследствие чего преждевременно изнашивается механизм миноносца, и он может быть вследствие этого выведен из строя.

В подтверждение своих подозрений матросы указывают также на следующий случай: однажды с миноносца замечена была неприятельская подводная лодка, которую представлялась полная возможность уничтожить, на чем и настаивал старший офицер, предлагая командиру судна развить ход и настигнуть лодку; однако барон Фитингоф, прибавив слегка ход судна, намеренно направил его в сторону от лодки.

Свое озлобление на немецкое засилье во флоте матросы распространяют и на командира тральщика, барона Роопа, коего обвиняют в том, что он будто бы не дал разрешения на проверку национальности неизвестного судна, появившегося в виду тральщиков, охранявших тайную расстановку мин на позиции, заверяя, что это судно шведское и проверке поэтому не подлежит, вследствие чего появившееся судно, не будучи установлено, скрылось.

Возбужденное настроение матросов и недовольство их командным составом особенно рельефно проявилось в следующем случае: в конце августа в Петрограде, во время проводки из устья Невы к морю только что построенного эскадренного миноносца «Победитель», на последнем по нераспорядительности командира была повреждена около одного из невских мостов носовая часть миноносца. Небрежность эта настолько возмутила рабочих металлического машиностроительного завода, на котором миноносец строился, что они отказались от его ремонта, указывая, что труды их будто бы намеренно уничтожаются судовым начальством; вследствие этого миноносец пришлось отправить для ремонта в Кронштадт; случай этот на другой же день стал известен среди судовых команд Балтийской эскадры и произвел на солдат настолько тяжелое впечатление, что сдерживаемое ими до того времени возбужденное настроение вылилось в открытое возмущение, и команды нижних

чинов «Громобоя», «России» и «Баяна» совместно с командами отряда дредноутов стали громко высказывать свое недовольство по поводу немецкого засилья во флоте и кричать: «долой немцев». Для водворения порядка был вызван начальник 2-й бригады крейсеров, адмирал Курош, который в крикливом тоне стал объяснять матросам их незаконные действия и грозить им виселицей, но матросы будто бы ответили ему, что «их тысячи, что всех их не перевешать и что скорее сам адмирал ими будет повешен»; такое возбужденное состояние нижних чинов заставило адмирала поспешно уехать.

К числу причин, вызывающих в матросах оппозиционное настроение по отношению к начальствующим лицам, должна быть отнесена также, как было сказано выше, и недостаточная заботливость некоторых командиров и старших офицеров о довольствии нижних чинов.

Так, однажды матросам подали на обед щи, сваренные из недоброкачественного мяса с червями, каковое обстоятельство вызвало крайнее недовольство нижних чинов. На этой же почве происходили возмущения на линейном корабле «Император Павел I» и на крейсере «Россия». На последнем матросы, собравшись на баке, стали шуметь, требовать улучшения пищи, более человеческого обращения с ними со стороны начальства и удаления офицеров, носящих немецкие фамилии. Для прекращения беспорядка к матросам вышел командующий бригадой крейсеров контр-адмирал Курош и с револьвером в руках стал требовать выдачи зачинщиков и прекращения беспорядков, угрожая, в противном случае всех их перестрелять, но из толпы матросов раздался крик, что «теперь не 1905 год, что все матросы поумнели и их теперь не запугать и что раньше, чем контр-адмирал Курош выполнит свою угрозу об их расстреле, они выкинут его за борт». 24 сентября на учебном судне «Двина» командой также было проявлено недовольство обедом. Старший офицер судна, узнав об этом, выстроил всю команду на верхней палубе и, обходя ее с револьвером в руке, грозил матросам расстрелом при повторении подобного случая; однако узнавший об этом командир судна сделал внушение старшему офицеру и приказал сварить матросам пунш и выдать хороший ужин, а обед вылить за борт.

На этой же почве возникли беспорядки и на линейном корабле «Гангут». 21 октября на этом корабле происходила нагрузка угля, затянувшаяся почти до ужина, на который матросам была выдана жидкая гречневая каша. Недовольная этим команда подняла ропот и заявила, что их изнуряют непосильной работой, а порядочной пищи не дают и что они требуют убрать из флота немцев, а в особенности старшего офицера с немецкой фамилией, который изнуряет матросов работой и постоянно грозит расстрелом.

На следующий день, 22 октября, команда «Гангута», воспользовавшись отсутствием командира, остановила динамо-машину, вследствие чего погасло электричество, вышла на палубу и когда прибыл командир судна капитан 1-го ранга Кедров, заявила ему, что она не может далее

выносить присутствия на корабле старшего офицера и вообще протестует против немецкого засилья во флоте. В результате на судне было арестовано 95 человек, которые под конвоем отправлены были в гор. Ревель. Для охраны их были вытребованы миноносцы и смешанная команда с военных броненосцев, при чем одна из них с «Рюрика» отказалась будто бы исполнить возложенное на них поручение — конвоирование арестованных, заявив, что в конвой они не пойдут и что из флота немедленно следует удалить всех немцев. В свою очередь, командир судна «Андрей Первозванный» капитан 1-го ранга Град, по происхождению швед, отказался дать своих людей в конвой и донес об этом командующему Балтийским флотом, который согласился с этим распоряжением.

Происходившие на «Гангуте» беспорядки вызвали сильное волнение среди матросов всех судов Балтийского флота и береговых команд, при чем среди них возникли толки о необходимости освобождения арестованных; на всех судах флота команды решили предъявить те же требования во время зимней стоянки судов, а если эти требования не будут удовлетворены, объявить общую забастовку. Если же арестованные матросы будут преданы суду и осуждены, то указанное выше выступление произойдет даже ранее зимы; в случае же принятия по отношению к судовым командам каких-либо репрессий задуманная забастовка может обратиться в бунт. Пропаганда на эту тему усиленно ведется не только среди нижних чинов флота, но и среди сухопутных частей кронштадтского гарнизона, которые также высказываются за необходимость принять участие в протесте одновременно с флотом.

Главной причиной всех этих беспорядков является, очевидно, недовольство матросов офицерами немецкого происхождения; недовольство это возникло еще в начале войны и особенно усилилось после явной измены капитана 1-го ранга фон-Дена, который, командуя крейсером «Новик» и будучи окружен в мае сего года германскими судами, намеревался сдаться, но был арестован воспротивившимися этому офицерами, которые и прорвались благополучно через неприятельский строй. По возвращении в Ревель фон-Ден застрелился. После же ареста матросов на «Гангуте» озлобление настолько усилилось, что на некоторых судах, по словам матросов, могут произойти случаи выбрасывания нежелательных офицеров за борт.

В целях предотвращения дальнейшего развития возбужденного состояния нижних чинов Балтийского флота судовым начальством больших судов приняты особые меры предосторожности; такие же меры, выработанные особой войсковой комиссией, приняты и по кронштадтскому гарнизону. Для расследования же беспорядков на «Гангуте» в Кронштадт прибыла из Петрограда комиссия в составе председателя контр-адмирала Небольсина, членов — капитана 1-го ранга Бутакова 3-го и капитана 2-го ранга Руднева 3-го при делопроизводителе полковнике Мартианове; занятия этой комиссии начались 4 сего ноября.

УПРАВЛЯЮЩИЙ
МИНИСТЕРСТВОМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.
№ 175420
17 ноября 1915 года.

3.

Доверительно.

Милостивый Государь
Иван Логгинович!

В дополнение к письму от 25 минувшего октября за № 174459 имею честь уведомить Ваше высокопревосходительство, что для расследования беспорядков, происшедших на линейном корабле «Гангут», распоряжением командующего Балтийским флотом была образована специальная, под председательством контр-адмирала Небольсина, следственная комиссия, работы коей уже заканчиваются.

В настоящее время, по сообщению контр-адмирала Небольсина, точно установлено, что на означенном корабле беспорядки возникли не под влиянием революционной пропаганды, исходившей с берега, а исключительно лишь на почве существующего во флоте недовольства офицерами немецкого происхождения и, в особенности, старшим лейтенантом бароном Фитингофом.

Что же касается арестованных по сему делу матросов, то они, согласно предположению следственной комиссии, имеют быть распределены на три категории, при чем в первую группу будут включены 33 человека, предназначенных к преданию военно-морскому суду по обвинению в бунте; во вторую категорию намечены 27 лиц, коих решено к судебной ответственности не привлекать, а списать как находящихся в подозрении с линейного корабля «Гангут» и отдать под надзор морского начальства в Кронштадте, и, наконец, к третьей категории отнесены 38 матросов, которые, ввиду выяснившейся полной непричастности их к беспорядкам, будут возвращены в состав команды «Гангута».

К изложенному долгом считаю присовокупить, что некоторым из предаваемых военно-морскому суду матросов, как, например, трюмному матросу Павлу Яковлеву Петрову, ранее проходившему службу в Гвардейском Экипаже, угрожает смертный приговор.

Прошу Ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

готовый к услугам *А. Хвостов.*

Его высокопревосходительству
И. Л. Горемыкину.

Из дневника ген. В. И. СЕЛИВАЧЕВА.

Дневник генерал-лейтенанта Б. И. Селивачева представляет ряд ежедневных записей, аккуратно веденных им в течение мировой войны.

В этих записях находят отражения как боевые события, участником которых являлся автор, так и его личные переживания и впечатления.

Для историка дневник представляет особый интерес в той его части, где ген. Селивачев оказался вынужденным так или иначе реагировать на политические события, ворвавшиеся в монотонную и размеренную жизнь автора, сначала начальника пехотной дивизии, затем командира корпуса и, наконец, командующего VII армией.

В дневнике Селивачева мы не найдем глубокого анализа событий и правильной оценки их значения. Этого и трудно было ожидать от генерала, насквозь пропитанного взглядами и настроениями среды, в которой он жил и действовал.

Зато отдельные штрихи быта и настроений, зафиксированные автором, представляют несомненное значение для всякого интересующегося революцией 1917 года.

Особенный интерес представляет отражение в дневнике фактов, рисующих процесс разложения армии, начавшийся задолго до февральской революции.

В этом отношении весьма характерны записи в дневнике Селивачева от 15 и 18 марта. Сообщив о газетных слухах о подготавливаемой немцами 2.000.000 армии для похода на Петроград, о тревоге, распускаемой военным министром Гучковым, о сборе немцами значительных сил против нашего северного фронта, автор среди всех этих вздорных слухов и сплетен роняет, сам того не сознавая, весьма ценный исторический штрих, свидетельствующий о двойственности Временного Правительства. Именно, он сообщает о разговоре своего дивизионного интенданта с одним из членов комиссии генерала Поливанова, в котором этот член комиссии просил дивизионного интенданта при случае передать в войска, чтобы после организации комитетов эти последние выносили резолюции о доверии Временному Правительству, подтверждая эти резолюции телеграммами. По словам члена комиссии, эта мера должна была послужить противовесом Петроградскому Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, желавшему подорвать престиж Временного Правительства.

Не будучи даже официальным, этот разговор тем не менее весьма характерен для близких к Временному Правительству кругов. Эти факты и штрихи в дневнике, предшествующем февральским событиям, тонут в массе несущественных и не имеющих никакого исторического значения мелочей, но тем не менее они дают довольно яркую картину «предвестников» революции в отношении настроений не только солдатской массы, но и ее руководящих кругов.

Так, в записи от 16 января автор, передавая один из питерских слухов о трениях между бывшим царем и английским посланником Бьюкененом из-за бывшей императрицы, делает следующую приписку: «Вот до какого позора дожила наша императрица и весь наш царствующий дом!».

19 января автор, комментируя уход из начальников штаба генерала Гурко, приводит как один из мотивов ухода слух, циркулировавший в армии, о том, что Гурко ушел из-за нежелания делать служебный доклад императору в присутствии императрицы.

В записи того же дня автор делает следующую интересную заметку:

«Священники указывают на трудность пастырской деятельности, ибо люди, много читая газеты, вечно требуют разъяснений и жалуются на несправедливость правительства,— грустное явление, но, к сожалению, неизбежное теперь при свободе писаний в газетах, закрывании государственной думы, Распутинской истории и пр. и пр.... Да, кстати, у нас и народ начинает развиваться».

29 января Селивачев отмечает в своем дневнике о возмущениях в рабочих партиях из туркмен из-за несоблюдения с ними договорных условий.

12 февраля автор сообщает об отказе части рот северного фронта итти в атаку и о последовавших затем репрессиях и расстрелах.

В записи от 26 февраля автор сообщает крайне любопытный эпизод, свидетельствующий о том скрытом разложении, которое захватило даже отборные части, именно об убийстве солдатами особой пехотной бригады, посланной во Францию, при высадке в Марсели одного из баталионных командиров, подполковника Крузе, при чем солдаты мотивировали свое убийство тем, что баталионный командир был немец.

По мере приближения февральских дней политические настроения все чаще начинают проникать в армию.

2 февраля Селивачев записывает в своем дневнике: «Недовольство в народе становится сильнее и сильнее, несмотря на то, что полиция, кроме пулеметов, получила уже и бронированные автомобили... Революция неминуема».

6 февраля автор отмечает циркулирующие в Тарнополе слухи о предстоящем якобы возвращении в Петроград гвардии в связи с начавшимися в столице волнениями и о беспорядках на пороховом заводе.

По некоторым местам своих записей, предшествующих февральской революции, автор рисуется человеком, живо чувствующим недостатки режима.

Так, в записи от 28 января автор бросает следующую фразу: «неуменье организовать, управлять и наблюдать — вот наше несчастье нашей общей и военной жизни».

29 января, отмечая никуда негодную подготовку специальных частей третьеочередных дивизий, автор, обвиняя в этом бывшего командующего войсками московского военного округа генерала Сандецкого, ставленника высоких сфер, горько замечает: «Вот в чьих руках была подготовка наших частей, на кои теперь ложится задача последних усилий для победы над врагом!».

4 февраля, говоря в своем дневнике об интриге, которую вели против Алексеева Протопопов, Штюрмер, Вырубова и Распутин, и критикуя последнего царского военного министра, генерала Беляева, автор восклицает: «Вот какие ничтожества решают наши великие дела!».

Поступив в академию генерального штаба армейским пехотным офицером, Селивачев окончил ее без причисления к генеральному штабу по мотивам, имевшим мало отношения к успешности его научных занятий, и снова вернулся в строй тянуть лямку армейского пехотного командира.

Русско-японская война 1904—1905 г.г. застала его командиром баталиона, в каковой должности он и отправился со своим полком на войну.

Тяжело раненый во время этой кампании, Селивачев снова по излечении возвращается в строй, где последовательно получает должности командира пехотного полка и—с производством в генералы — командира пехотной бригады.

В последней должности застает Селивачева начало мировой войны, при чем он сначала формирует второочередную 4-ую Финляндскую стрелковую бригаду, с которой и выступает в поход, а затем, с переформированием этой бригады в дивизию, он в течение первых трех лет войны командует ею. За это время Селивачев показал себя довольно энергичным командиром.

В первые месяцы февральской революции Селивачев получает корпус, которым командует недолго, а затем и VII армию. Здесь он был арестован комиссаром юго-западного фронта Иорданским за сочувствие Корниловскому мятежу. Вскоре освобожденный, Селивачев последние месяцы кампании провел не у дел.

Революцию Селивачев готов был воспринять, как смену лиц — не более, и потому с первых же дней он отшатнулся от революции, когда увидел на политической сцене народные массы.

С особой тщательностью он отмечает в своем дневнике все слухи, толки и сплетни, могущие набросить тень на революцию или ее деятелей. Солдатские выборные организации и институт комиссаров в армии находят в нем упорного противника.

Ожесточенная борьба Селивачева с революционными органами его армии привлекает на себя внимание и вызывает вмешательство высших инстанций.

Для характеристики сложившихся отношений в армии, которою командовал Селивачев, приводим выдержку из донесения начальника отделения общих дел управления военного комиссара юго-западного фронта, штаб-ротмистра Кузьмина-Караваева, без № и даты, но, повидимому, относящегося к концу июля:

«...У комиссариата 7 чрезвычайно неладно обстоит дело по отношению командарма VII и к штарму. Определенно указывают, что назначение наштарма VII графа Каменского явилось делом чей-то протекции.

«Наштарм VII, человек старой формации, определенный противник революции или во всяком случае не понимающий сущности и задачи революции и тем самым весьма затрудняет работу представителей революционной власти в армии... Нижние чины штаба также не склонны проявлять хотя бы корректную деловую вежливость.

«Тов. комиссара Сургучев, человек очень твердый, определенный, умеющий себя поставить на должную высоту, также констатирует полную невозможность работать в создавшейся в VII армии обстановке» [1]).

Все эти обстоятельства надлежит иметь в виду при чтении той части дневника, которая следует за февральским переворотом.

Все события революции преломляются весьма своеобразно в понимании автора.

---

[1]) Дело канцелярии военного министерства по описи В. Уч. Арх. № 82.

При чтении записок читатель много раз будет натыкаться на места, характерные для политической безграмотности автора.

Политически невежественный автор сохраняет довольно верное чутье настроения солдатских масс и верно передает его. 11 марта автор пишет: «Подъема в войсках нет, совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война и каждый, вернувшись домой, займется своим делом. А тут — опять бои и бои не на живот, а на смерть!..». 10 марта Селивачев пишет в своем дневнике, что «солдаты желают теперь только одно — еды и мира, так как устали от войны... питаться же громкими фразами, — прибавляет автор, — наш солдат не может».

Как мы уже отметили, наш автор вскоре оказался в стане недоброжелателей, а затем и врагов революции. Поэтому страницы его дневника широко открыты всем ложным и провокационным слухам и басням, чернящим революцию. Мы сохранили их в тексте, чтобы дать возможность читателю проследить ту внутреннюю сначала подсознательную контр-революцию в армии, которая нашла затем своего вождя в лице генерала Корнилова.

В нашем распоряжении имелись две тетради дневника Селивачева; одна охватывает период времени с 13 января по 4 апреля 1917 г., когда автор командовал 4 Финляндской стрелковой дивизией, стоявшей сначала в резерве, а потом заступившей на пассивный участок фронта; другая посвящена описанию событий за время с 1 июля по 8 августа 1917 г., когда автор командовал VII армией, принимавшей участие в известном июньском «наступлении Керенского» на юго-зап. фронте. Записки автора за этот период начинаются именно тогда, когда наступление приостановилось, а затем обратилось в беспорядочный отход на государственную границу. Но эти события всею своею тяжестью легли на соседние армии, и VII выполнила свой отход сравнительно благополучно, в силу чего боевые эпизоды и в этой части дневника Селивачева играют соподчиненную роль по отношению к фактам, рисующим внутреннее состояние армии, ее распад, и характеризующим внутренние взаимоотношения командования, комиссаров, комитетов и солдатских масс.

Готовя дневник Селивачева к печати, мы освободили его от излишних длиннот, многословия, молитвенных обращений, обильно рассыпанным на каждой странице дневника, и совершенно выпустили чисто военную часть, как посвященную описаниям эпизодов второстепенного боевого значения, уже описанным в целом в специальных трудах.

Освобождение дневника от всех излишних и не имеющих прямого исторического значения деталей позволяет нам ясно представить себе картину постепенного развала старой русской армии, достаточно полно отраженную дневником Селивачева, в чем и заключается его историческое значение.

Н. Какурин.

1917 год.

(3 марта — 1 апреля.)

3 марта. Пошел пешком на позицию сперва в правый бат-н шт.-капит. Соловьянова, а затем — в левый, где мне хотелось осмотреть тыл, видимость и обстрел долины р. Серета. В штабе 14 Ф. с. п. оказался плакат, вывешенный сегодня ночью немцами и снятый нашими разведчиками. В плакате значится, что в Петрограде вспыхнула революция, что власть захвачена 12-ю членами гос. думы, поставившими депутата думы Энгельгардта градоначальником; все министры заключены в тюрьму, и 30.000 гарнизон столицы присоединился к мятежникам. Повидимому, нет дыма без огня, так как по возвращении домой прочитал телеграмму, о том, что из ставки ожидается объявление важного акта, который должен успокоить умы столицы, взволнованные вопросами продовольственными; попутно потребовали в штаб корпуса офицера за получением какого-то секретного документа. Нам предписывается принять все меры к избежанию эксцессов. Что-то господь даст — ужасное переживаем время!!

13 часов. Сейчас получена бумага с манифестом государя об отречении от престола и передаче его вел. кн. Михаилу Александровичу, а главнокомандования армиями—вел. князю Николаю Николаевичу. Войска и флот Балтийский действительно примкнули в революционерам, а председателем комитета назначен Родзянко. Порядок восстановлен в обеих столицах. Господи, господи, помози нам справиться с нашей великой задачей! Вот до чего довела государя его слепота по отношению к государыне. По слогу манифеста совершенно ясно, что он продиктован государю от первого до последнего слова. Да и дан он в о П с к о в е с ясной тенденцией отклонить от государя всякое влияние, могущее повести к колебаниям и нерешительности. Оригинальное указание на характер действий флота, который «примкнул к правительству во избежание гибели», — очевидно, при междоусобице. Председателем совета министров назначен князь Львов.

Сегодня в 16 часов собираю к себе нач-ков частей, полковых священников и уполномоченных для объявления им новости и обсуждения вопроса о разъяснении положения нижним чинам.

Все еще не могу опомниться от совершившегося — вот превратность судьбы,— вот вам и блеск царского трона и могущество власти!!.

Не в этом, видно, истинное счастье, и я думаю, что государь с удовольствием бы поменялся теперь местами с любым из нас на фронте. Недаром же великий сердцевед Суворов на смертном одре сказал: «Долго гонялся я за славою — все тщета, покой души у престола всевышнего»... Интересно, что в основание нового порядка вещей новое правительство поставило выработку законов на основании принципа сохранения монархического начала... Впрочем, в манифесте, напутствуя Михаила Александровича, государь желает ему работу совместную с новым правительством на основаниях, выработанных последним.

На заседании изложил свой взгляд и предложил принять к руководству, что теперь крайне необходимо ввиду того, что противник бросает уже прокламации в бомбах... Все выслушали мои указания и приняли их серьезно, но вдруг благочинный дивизии заявил, что он не может итти против своей совести и до получения подтверждения от св. синода отказывается вести какие-либо беседы с нижними чинами. Конечно, это крайне поразило всех участников заседания, тем более что отец Любимцев сказал: «а может быть, государя заставили подписать отречение или даже арестовали». Никакие убеждения не могли столкнуть с места благочинного, и тогда мне пришлось заявить, что если по получении официального акта он откажется исполнить мое требование, я принужден буду принять все меры строгости, если он не сочтет более удобным теперь же отстраниться. На это он ответил, что он может уйти только силою. Манифест государя объявлять не разрешено по просьбе Родзянки,— видимо, появились какие-то осложнения, до разбора коих манифест задержан.

С минуты на минуту ожидаем телеграммы — объявлять ли манифест об отречении государя от престола.

(с. Тросьцянец — позиция.)

4 марта. В 7 часов выехали на позицию.

К 11 часам пришел в 15 Ф. с. п., где по телефону из штаба дивизии получил доклад нач-ка штаба дивизии о том, что манифест приказано объявить. Домой вернулся в 12 часов и здесь застал телеграмму с манифестом великого князя Михаила Александровича, по которому он соглашается исполнить требование брата — вступить на престол только в том случае, если будет избран представителями народа путем всеобщего, тайного и проч. избрания. Итак, пока мы без царя. Пастор, приезжавший сегодня служить, говорил за обедом, что Родзянко предлагал государю оставаться, лишь бы заключить в монастырь государыню, но он отказался. Великий князь Николай Николаевич издал приказ о своем вступлении в главнокомандование и предписал исполнять распоряжения Временного Правительства. Военным министром, а временно и морским назначен Александр Иванович Гучков; министром иностранных дел — Милюков.

Вот превратность судьбы великих мира сего. Являвшийся мне полковник Иванов, допущенный к командованию 13 Ф. с. п., говорил, что

государыня во время петроградских событий укрылась в английском посольстве и будто бы уже уехала в Англию.

Все министерство из числа октябристов, левых и трудовиков — это явная гарантия за то, что ни о каком сепаратном мире с Германией и мечтать не будут... Не это ли начало конца Германии?? Тем более, что и великий князь Николай Николаевич ярый противник немцев.

17^{20} часов приходил священник 3 пех. дивизии по вопросу о том, как поминать теперь на богослужении: государя нельзя, нельзя и вел. князя Михаила, не принявшего еще престол. А духовное начальство, конечно, молчит упорно, очевидно, не желая попасть впросак.

Сейчас получена телеграмма вел. кн. Николая Николаевича, подтверждающая действительность манифеста государя и заявление великого князя Михаила Александровича и предписывающая всем нач-кам внушить нижним чинам необходимость стойко держаться против врага и спокойно выжидать народного решения о выборе царя.

Нач-к штаба говорил, что в газетах пишут об аресте в Петрограде всех министров, а в Москве—командующего округом, генерала Мрозовского [1])...

5 марта. В 8 часов приехал в резервный бат-н 16 Ф. с. п., где к-р полка читал манифест, а в 12^{30} приехал домой. День чудный, светлый, ярко-солнечный.

Сейчас пришла телеграмма о крупных успехах французов.

6 марта. Командир корпуса, отдал приказ, по коему ясно, что, кроме верховного главнокомандующего, он не признает никого из Временного Правительства. Это глубочайший монархист, участник «Русского Знамени» и юдофоб чистейшей воды...

Новая радиотелеграмма сообщает о крупных успехах французов, заставивших немцев отойти на 20 верст и на фронте около 100 верст. Немецкие арьергарды оказывают упорное сопротивление, но у французов идет безостановочное преследование конницей.

Из 6 арм. корп. передавали, что в Австро-Венгрии — революция на почве требования прекратить войну и отделения Венгрии от Австрии.

Сейчас получена телеграмма, предупреждающая о появлении каких-то делегаций от нового правительства с целью разоружения офицеров и жандармов и о направлении в армию воззваний рабочей партии, призывающей нижних чинов не повиноваться офицерам. Приказано делегации захватывать и предавать полевому суду. Итак, анархия начинает уж действовать...

Главный священник фронта уведомил сегодня, что царствующий дом поминать не надо, а поминать «благоверный правительствующий синклит»... Тоже ведь подобрали выражения!!! Что-то теперь скажет благочинный.

7 марта. Вчера одна сестра милосердия сообщала, что есть слух, будто из царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши

тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда — ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!!

Характерная особенность. Новое правительство обращалось ко всем со своими воззваниями и совершенно умолчало о губернаторах — как будто их и не было никогда.

Вчера получил телеграмму от к-ра 743 запасного пех. полка, укомплектовывающего дивизию, такого содержания: «Счастлив сообщить, что полк в полном составе офицеров и нижних чинов присоединился к новому правительству. Продолжаем работать по подготовке укомплектований».

Несомненный дурак — какое мне дело до его политических убеждений: присылай лучше обученные укомплектования.

К-р 16 Ф. с. п. представил сегодня привезенный отпускным н. чином приказ № 1 партии Солдатских Депутатов с приказанием солдатам не отдавать чести, становясь во фронт и вообще вне службы, не титуловать «ваше превосходительство», «ваше высокоблагородие», а г-н генерал, г-н полковник и т. д.

8 марта. По вчерашним газетам совершенно ясно, что в Петрограде было кровопролитие: по одним слухам, убито и ранено 6.000; а по другим — 20.000 человек. Первыми примкнули к революции — л.-гв. Волынский запасный полк, затем л. гв. Литовский и л. гв. Казачий. Словом, гвардия — эта баловница царская — сыграла и тут ту роль, которую она играла при всех переворотах... Но удивительно хорошо соображен момент: даже гвардия не имеет прочного, надежного кадра старых офицеров, не говоря уж об армии, сплошь состоящей из третьего сословия — извозчиков, печников и т. п. Несомненно, что после войны революция была бы более кровавая, а теперь — провинция просто таки присоединилась. Это опять доказательство того, что политическая жизнь страны в руках ее политических центров.

Генерал Мрозовский, будучи арестован, послал заявление Временному Правительству о своей солидарности с последним.

Выехал на позицию в 7 ^{30} часов и побывал на наблюдательном пункте на высоте 416. Батареям, видно, странно, что генерал ходит по позиции, разговаривает, расспрашивает, хотя некоторые прямо таки говорили: «Вас-то мы уверены, что увидим»...

9 марта. Вчера интересовался у к-ров полков, как отнеслись н. чины к событиям отречения государя. На это все ответили, что отнеслись очень спокойно, а некоторые прямо заявили: «Да мы это ведь давно знали и ожидали». Только некоторых смущает вопрос — «а что же будет с наследником?».

Газеты последних дней полны подробностями отречения государя и между прочим указывают, что Воейков советовал государю открыть западный фронт немцам, чтобы усмирить восстание. Это указание на западный фронт особенно характерно потому, что из 3-х главнокомандующих фронтами только Эверт не откликнулся на призыв Родзянки и до настоящего времени хранит упорное молчание. Характерно это

еще и потому, что на этом фронте вот уже более года не только нет успехов, но полнейшее непродвижение вперед.

Получено циркулярное воззвание «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» и приказ нового военного министра. Оба эти документа прикладываю здесь, как доказательство, до чего можно дойти в абсурдах — что-то выйдет из этого при составе наших граждан - солдат.

Сейчас приходил ко мне полковник Богданович, оставшийся временно за генерала Перрет [2]). Как старый служака он, конечно, возмущается новым режимом и распорядками военного министра; между прочим, он рассказывает, что киевский комиссар Оберучев [3]) был изгнан из 37 артиллерийской бригады — за неблаговидные поступки; вот каковы комиссары нового правительства!!!

10 марта. Лег в 0^{30} часов, проведя время в беседе с уполномоченным земского союза Блохом по поводу совершившихся событий. Толковали о том, что приказы военного министра всецело отдают влиянием «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», с которым, несомненно, Гучков не может не считаться.

Я прямо доказывал, что вопрос пойдет дальше, и все распоряжения этого «Совета» будут приняты Гучковым для введения в армию, хотя и пройдут через комиссию генерала Поливанова. В доказательство этого я указал на приказ «Совета Депутатов» о разоружении офицеров и о неисполнении н. чинами приказаний офицеров о выдаче им оружия из рот, которое должно быть в ведении особых комитетов из нижних чинов.

На это капит. Архангельский [4]) (большой приверженец нового правительства) сказал, что это распоряжение «Совета Депутатов» не относится к действующей армии, так как приказом № 4 Совет уже разъяснил, что это касается лишь гарнизона Петрограда, дабы не позволить образоваться контр-революции.

Далее поднялся вопрос об Учредительном Собрании — я ответил, что глубоко убежден, что армия будет привлечена к выборам, так как иначе некому же будет и выбирать — в деревнях остались лишь бабы и дети. А раз допустить выборы в армии — значит допустить и предвыборную агитацию, что недопустимо по боевой обстановке. Я глубоко убежден, что солдаты желают теперь только одно — еды и мира, так как устали от войны, питаться же громкими фразами об «отечестве», его славе и могуществе родины наш солдат не может, особенно настоящий, так как в деревнях его в этом духе не воспитывали, а армия не имеет времени заняться этим, так как должна вести бой; и если наши старые, воспитанные в этом духе, солдаты, в начале войны были огорчены, что она не кончилась (как это говорили) через 3 м-ца, и мы увидали настойчивое стремление их под разными предлогами в тыл, то что же сказать о современном солдате, который воспитывается в наших запасных полках? Да и кто же попадает в «Совет Депутатов»? Тыловые писаря разных учреждений, скрывающиеся в тылу наши нижние чины, разные шоферы, по протекции попавшие в тыл, т.-е. весь тот хлам,

который не видал, не знает и не чувствует войны. Может ли наш солдат верить в высокие слова этих Солдатских Депутатов о необходимости вести войну до победного конца, если эти депутаты спрятались сами от войны по протекции старого режима, им же ненавистного??!

Не знаю, как ответят мои к-ры полков по требованию военного министра, я же лично дам такой ответ: «для меня, как человека военного, всякий приказ военного министра непреложен к исполнению; обсуждать затронутые в нем вопросы я считаю возможным лишь до тех пор, пока они не вылились в форме приказа. Тем более вопросы внутренней жизни войск, которая должна основываться на принципах, а не на разнообразной обстановке, повелевающей в бою; как начальник, я не мог бы доверять своем подчиненному, позволяющему себе критиковать отданный мною приказ».

Встал сегодня в 7^{30} часов. Утро тихое, слегка морозное; продолжает итти снежок.

9^{30} часов — сейчас еду на позицию — в 16 Ф. стр. п. Вчера генерал Ларионов [5]) рассказывал о возмутительном поведении нижних чинов в Киеве и на железной дороге; снимая с офицеров револьверы и шашки, они одевают их на себя, при чем поверх шинелей носят снятые же с офицеров ордена с мечами. Нач-к штаба 39 пех. див. рассказывал Ларионову, что от него в Петрограде какой-то студент потребовал шашку и когда тот отказался отдать, то его под конвоем 3 вооруженных солдат повезли в Таврический дворец. Здесь к нему вышел какой-то штатский, снова потребовавший от него шашку, на что полковник ответил, что ее не отдаст, а если ее возьмут силою, то он не уедет в армию. После совещания с кем-то штатский оставил шашку полковнику.

Сегодня прислали текст присяги на верность новому Временному Правительству с приказанием немедля привести полки к присяге под своими знаменами.

Ясно, что развал начинается: в петроградском гарнизоне нижние чины сами себе выбирают начальников, а скоро это будет и на фронте: уже сегодня автомобильно-пулеметный взвод в Заложце потребовал удаления младшего офицера — человека строгого и требовательного. В Тарнополе сегодня была уже присяга Временному Правительству.

Сегодня же получил просьбу от медицинского персонала 91 передового перевязочного отряда без подписей, но с посвидетельствованием старшего врача Терпсихорова о том, чтобы управление отрядом при новом правительстве было передано в руки медицинского персонала...

Я ответил: 1) что не уполномочен входить во внутреннюю жизнь отряда и 2) что считаю медицинский персонал не подходящим для замещения этой должности.

По словам полковника Давыдова, приказ военного министра произвел на офицеров неприятное впечатление...

В штабе корпуса ходят слухи, что Временное Правительство отыскивает скрывшегося куда-то бывшего императора.

По рассказам офицера, вернувшегося из Петрограда, генерал Эверт получил телеграмму за подписью государя о допущении немцев в Россию для усмирения восстания. Телеграмму эту, составленную якобы Воейковым и Фредериксом, он не исполнил, тем более, что вскоре получил и телеграмму Родзянко, с которой тот обращался ко всем главнокомандующим фронтами.

11 марта. Вчера вечером с капитаном Архангельским сели за ознакомление с присланным мне планом прорыва на участке 6 арм. корпуса. План этот прислан только для моего сведения.

Предстоящая операция, говоря откровенно, крайне пугает меня: подъема в войсках нет, совершившийся переворот притянул к себе мысли армии, которая безусловно ждала, что с новым правительством будет окончена война и каждый, вернувшись домой, займется своим делом. А тут — опять бои, и бои не на живот, а на смерть, так как немцы, стягивая свои силы и сокращая свой фронт на стороне Франции и Англии, усиливают удар на нашем фронте, тем более, что по последним данным число их дивизий доведено уж до 200, правда, с переходом к 3-х-полковым дивизиям... Какие бы громкие фразы ни говорили от «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», уставший от войны и ее ужасных лишений солдат не поднимется духом больше, нежели он поднимался при царе, а со стороны офицеров едва ли что можно ждать путного: старые оскорблены, а молодые — неопытны, да и также обижены, так как ограничение прерогатив офицерского звания, к которым, в сущности говоря, они и стремились, ставит их в ложное положение. Вчера передавали, что выработан проект уменьшения содержания офицерам и увеличения жалованья солдатам. Словом, «хам» уже идет, и я глубоко убежден, что скоро наступит время террора и междоусобицы. Ожидать счастливого окончания для нас войны невозможно — я не пророк, но глубоко убежден, что мы потеряем Польшу и Курляндскую губернию и Буковину с Галицией. Выборный начальник «хам», не зная России и не понимая ее задач исторических, несомненно будет рассуждать так, как и его гражданин-солдат, который знает только свою волость и ее только и считает своим отечеством. Живем в ужасное время, явившееся следствием преступных деяний государя, продиктованных ему немецкой партией. Положение великих князей отчаянное: «Советы» требуют удаления всей фамилии Романовых из пределов России и недопущения их к каким-либо ответственным должностям. Великий князь Николай Николаевич не приезжает еще с Кавказа, и надо думать, что верховное главнокомандование оставлено за ним как временная уступка Временному Правительству и Родзянке — личному приятелю Николая Николаевича.

Симпатии и доверие, какими Ник. Ник. пользуется в армии, будут, на мой взгляд, служить главной причиной его удаления во избежание могущего быть поворота событий...

Генерал Иванов, ехавший к государю с 700 георгиевскими кавалерами якобы для поднесения ему ордена св. Георгия 3 степ., ушел

в отставку и идет в монастырь[6]). Это заветная мечта старика, особенно сильная после отчисления его от главнокомандования юго-зап. фронтом.

Несомненную карьеру делает Брусилов: хитрый старик, видя окружающее, первый стал заигрывать с народом: когда хотели уничтожить земские организации по причине их якобы бесполезности на фронте, а на самом деле, считая их революционными, Брусилов, единственный из главнокомандующих, дал им идеальную аттестацию, признав их безусловно необходимыми в армиях фронта. Я лично глубоко убежден, что его ожидает пост верховного главнокомандующего... Будет ли только от этого прок — бог весть: по словам его сотрудников и близко видевших его работу — он совершенно неспособен к личной работе, которую предоставляет выполнять другим — всякие боевые операции ему необходимо подолгу растолковывать, так как сам охватить вопроса он не в состоянии. Велико у него «военное счастье», но не забудем, что говорил великий старик Суворов: «сегодня счастье, завтра счастье — помилуй бог, надо же когда-нибудь и уменье». Вот этого-то последнего у Брусилова и не имеется.

Сейчас получена телеграмма Родзянки к начальнику штаба верховного, в коей значится, что все приказы «Совета Рабочих Депутатов», попадающие теперь нелегальным путем в армию, не имеют никакого значения, так как «Совет Депутатов» в составе правительства не состоит.

Вместе с тем прислано и воззвание к армии от Родзянки, по которому он призывает офицеров и солдат сплотиться, бросить всякие раздоры между собой, дабы дать отпор врагу, который хочет воспользоваться настоящим положением и нанести нам удар, который мог бы приостановить новую жизнь государства. Рознь начинается!

15 [45] часов приходил полковник Яковец доложить от к-ра 13 Ф. с.п., что две роты, 10 и 11 после чтения всех этих манифестов и воззваний отказались итти на работы. После разговора с ними к-ра полка обе роты пошли, и инцидент был исчерпан. Полковник Яковец рассказывает, что австрийцы вывесили против 16 Ф. с. полка плакат с надписью «Скажите, куда вы девали вашего — на днях мы собираемся туда же отправить и нашего»... Усиленно говорят, что в Австрии полное брожение, а в Венгрии уже революция.

Наш «Солдатский Вестник» усиленно говорит, что 15 марта нас сменят.

Приезжавший с докладом дивизионный интендант рассказывал, что солдатская распущенность дошла до того, что два артиллериста, остановленные подполковником Демчинским за неотдание чести, ответили ему, что теперь нет отдания чести, а есть взаимное приветствие, и что он, подполковник, мог бы первым приветствовать их. Он же рассказывал, что 404 пех. полк (101 пех. дивизии) отказался атаковать, заявив, что чужой земли России не надо, а что и без того мы взяли чужую землю — Галицию и Буковину. Вот до чего доводят теперь армию всякого рода приказами!!!

Комиссия генерала Поливанова спешно разрабатывает закон для омоложения командного состава армии. Несомненно, главная цель этого — впустить в армию возможно больше офицеров из солдат... «Хам» идет, идет самым настойчивым образом. Ротные комитеты уже введены, но пока их функции сведены к заведыванию хозяйством.

12 марта. Вопросы внутренней жизни частей невероятно волнуют всех — не дай бог, если анархия перекинется к армии — это будет ужасный зверь, перед которым не устоит ничто. Вчера по газетам было видно, что Грузинов [7]) заискивал у Керенского, чтобы остаться на должности командующего войсками, и тот обещал похлопотать у правительства — личность Грузинова таким образом обрисовывается вполне. Вчера получил письмо от Татуси из Петрограда — пишет о тех ужасах, которые они пережили: в газетах не было и $^1/_8$ того, что было на деле. Вот вам и свобода печати и слова.

По газетам — вся царская фамилия арестована. Татьяну удалось спасти от отравления; слухи по этому поводу самые разноречивые — некоторые говорят, что она жила с Распутиным и забеременела от него, а между тем была невестой румынского наследника, некоторые же говорят, что она не могла пережить позора, павшего на семью.

13 марта. Лег спать в 2 часа, заговорившись с начальником штаба по поводу современных событий.

Вчера саперная отдельная № 74 рота, состоящая при дивизии, подала мне заявление на к-ра роты шт.-кап. Яковлева, обвиняя его в том, что он читает им не все распоряжения Временного Правительства, объяснив это тем, что они идиоты и все равно ничего не поймут, а равно и тем, что все это глупая затея, так как Россия некультурна. Тут же саперы заявили, что они никак не могут служить с прапорщиком Мейстером и фельдфебелем, так как они дерутся; сверх того, саперы указывают на неправильности в роте по поводу пользования ротными и заработчими деньгами... Разобрать все эти вопросы поручил генералу Ларионову. Вообще, как весь состав сапер, так особенно офицерский состав этой бывшей ополченской роты ниже всякой критики...

Штаб корпуса, видно, очень трусит перед новыми порядками: вчера только прислали текст присяги, как уже сегодня запрашивают, почему не доносим о приведении н. чинов к присяге. Ответил, что привод к присяге под знаменем (как требуется) требует сбора людей, что стоя на позиции невозможно, а посему это будет выполнено постепенно, отводя роты в дивизионные резервы.

Сейчас из штаба корпуса прислали аноним, присланный к-ру корпуса от инженерной роты капитана Молчановского (дивиз. инженер), на то, что он не позволяет роте читать газеты и вообще является приверженцем старого образа правления и режима. Наглости солдат теперь не оберешься...

Но то же выдумало и наше умное начальство: присягу вести под знаменем, включающим в себе все стимулы прежней власти: имя царя,

двуглавый орел и знак веры — образ, а между тем все эти стимулы уже уничтожены, так как даже вера не требуется, так как ни поднимания руки, ни креста, ни евангелия, как атрибутов веры, при присяге не введено... Зачем же требовать присутствия священников и знамени, вероятно, не додумались!

Сейчас нач-к штаба 6 Сибир. дивизии запрашивал у нас, по какому случаю в 3 пех. дивизии были устроены манифестации и не было ли о них какого-либо распоряжения свыше... Очевидно, нач-к 3 п. див. генерал Шолп решил доказать, что он не немец и вполне сочувствует перевороту...

В саперных частях началось уже брожение: пришедший сегодня капитан Молчановский (дивизион. инженер) доложил, что вчера саперы его роты заявили ему и старшему офицеру, что они просят их уйти; признавая их авторитет и знания, они не могут допустить совместной службы, так как они слишком горячи и могут своею требовательностью довести роту до вреда ей и себе. Капит. Молчановский доложил мне, что его старший офицер обещал роте уйти и подал рапорт о болезни. То же самое хочет сделать и он, Молчановский.

Мы с нач-ком штаба капитаном Архангельским возмутились и заявили ему, что это недопустимо, так как означало бы дать прецедент для других; в то тяжелое время, которое мы переживаем, на нашу долю офицера выпадает тяжкий долг до конца стоять у власти, а не сдавать ее по первому требованию. Вполне возможно, что многим придется и пострадать, но не надо забывать, что это и есть тот крест, который каждый должен взять на себя и нести его безропотно.

14^{30} часов штаб принимал присягу, перед которой я сказал короткую речь на тему, что дарованная свобода дала и обязательства — твердо стоять на защиту родины и исполнять свой долг; уважение к личности не противоположно исполнению приказания начальника, а наоборот.

Полковник Сулимов рассказывал, что опрашивал стрелков о современном положении — далеко не все сочувствуют введенным новшествам; больше всего хлопочут они — будет ли им прирезана земля за счет помещиков, уделов и монастырей — вот их главнейшее желание. Между прочим, вчера подполковник 13 Ф. с. п. Папчинский донес своему к-ру полка о том, что из 16 Ф. с. п. якобы передали, что обстреляться будут, а наступать отказываются и что якобы артиллерия тоже сообщила, что если пойдут в наступление, то она будет стрелять по своим. Этот рапорт я передал к-ру 16 Ф. с. п., который сегодня доложил мне, что разбирал это дело и оказалось как раз наоборот: 13 Ф. с. п. угрожал 16-му, что если они пойдут в наступление, то солдаты 13 Ф. с. полка будут в них стрелять — это говорили какие-то стрелки 16 полка лавочнику солдатской лавки 16 полка. Как и всегда — правды не сыщешь...

Вечером приходил генерал Перрет. Он передал со слов прибывшего к нему в бригаду священника, что Эверт уволен, а на его место

назначен генерал Лечицкий. Сбывается все то, что я предсказывал, так как и вел. кн. Николай Николаевич, прибывая в ставку, будет иметь совещание с кн. Львовым. Лично думаю, что это совещание окончится отказом от верховного главнокомандования ввиду категорических требований, чтобы никто из великих князей не стоял у ответственных постов и чтобы вся фамилия Романовых была убрана из России.

14 марта. Мои предсказания сбылись — великий кн. Николай Николаевич отрешен от должности главнокомандующего, и временно в главнокомандование вступил генерал Алексеев. Ген. Эверт вышел в отставку.

В газетах пишут об уничтожении капитула орденов ввиду предположенного уничтожения большинства орденов — тяжко это будет для тех, кто так дорожил знаками отличия...

В 16^{30} часов прошел в 91 передовой перевязоч., где сегодня приводили к присяге. После присяги я сказал краткое слово, выяснив людям значение свободы и долга в исполнении обязанностей службы.

Вечером приехал прапорщик Носарь, привезший массу новостей из Тарнополя. Рассказывал он о том, что нач-к гарнизона Тарнополя генерал-майор Карлстедт, который был при Бобрикове полицеймейстером Гельсингфорса и был более Бобриков, нежели сам Бобриков, теперь стал заигрывать с солдатами, разрешает митинги и подтягивает офицеров за невнимание к солдатам. Офицер 8 Ф. стр. п., вернувшийся из Петрограда, рассказывает, что в петроградском гарнизоне Совет Солдатских Депутатов сместил нежелательных офицеров, отправил их на фронт и поставил угодных солдатам — вот до чего дошло дело — не дай бог, если эта волна докатится до действующей армии. Уехавший генерал Оболешев [3]) куда-то неизвестно исчез, так как в Москву он не приезжал, а из Киева уехал в отдельном вагоне. Темные догадки идут о том, что он арестован. По словам Носаря, он приехал ультра-левым, а уехал, наоборот, ультра-правым. Арест его, по догадкам Носаря, имеет связь с прежней деятельностью его как нач-ка штаба московского округа — бог ведает, насколько все это правильно.

Идут слухи, что верховным главнокомандующим будет генерал Рузский.

По рассказам офицера, вернувшегося из Петрограда, в руках рабочих депутатов имеется 1.200 пулеметов, готовившихся к отправлению в армию из офиц. стрелков. школы и переданных в руки рабочих присоединившейся к революции школой... Значит, армии не дождаться усиления пулеметами.

15 марта. К-р 14 Финляндского стрелкового полка доложил мне, что получил рапорт капитана Ольшевского о том, что 7 и 8 роты отказались итти на работы и что он не ручается за дисциплину батальона. Я приказал передать, что сейчас приеду сам говорить с ротами. В 11^{30} часов приехал в Бенювский лес к построенным ротам, поздоровался с ними, поздравил с принятием присяги и, обратившись к ним,

предложил рассказать мне, как они понимают присягу. Вышел унт.-офицер, который весьма разумно доложил, что раньше они не знали, за что дерутся, так как дрались за немцев и предателей родины, теперь же им ясно, что они дерутся за счастье свободной России и что долг каждого — добиться победы. Я обратился к ротам и спросил, согласны ли они с объяснением унт.-офицера; все ответили, что согласны. Тогда я сам разъяснил им, что такое долг, повелевающий им драться при всех условиях, и они обещали мне работать безропотно. Затем я спросил их, слыхали ли они, что некоторые мутят слухами о выборе себе нач-ков. Так вот, чтобы объяснить им, в чем дело, я предлагаю вместо себя выбрать нач-ка дивизии, на что даю им $^1/_4$ часа. Сам отъехал в сторону переговорить с офицерами. Стали что-то говорить между собою. Через 15 минут, спросив, готово ли, подъехал к ним и спросил, кого же они выбрали себе нач-ком. Все в один голос ответили: «Вас, только вас». Я ответил: «Спасибо вам, но за что же это вы меня выбрали — ведь я и ругал нередко крепко и строг был». Тогда они ответили, что я всегда с ними, что они могут говорить со мной, что я все знаю и что скажу, то так и надо делать, что они верят мне. Тогда я разобрал им по очереди все эти свои достоинства и доказал, что для этого надо учиться, много работать и жить с ними, а посему им и трудно будет выбирать себе нач-ка, не зная знаний и жизни других.

Люди успокоились, я поблагодарил за работу и любовь ко мне и уехал...

К 13 часам вернулся домой. Тут ждал меня доклад дивизионного инженера о том, что болезнь офицеров (фиктивная, так как большинству саперы заявили, что совместная с ними работа немыслима), отбирание унт.-офицеров и состояние сапер лишает его возможности вести работы по той же системе, что и раньше.

Воззвания Гучкова старательно указывают на усиление немцев на нашем северном фронте для движения на Петроград.— Бог ведает, откуда идут эти слухи, но думаю, что цель их — запугивание «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», фактически присвоившего себе контрольную власть над правительством и стремящегося захватить власть в свои руки.

До какой ерунды доходит дело нового правительства, видно из следующего: командующим войсками московского военного округа назначен приказом армии и флоту подполковник Грузинов, при наличии в округе генерал-ст инфантерии действительной службы Протопопова — просто не верится в подобную вакханалию...

Сегодня предложили быть экономнее в осветительных патронах и ручных гранатах, так как отпуска их с фронта нет.— Это перед началом-то серьезных операций!!!

16 марта. Вчера газета «Киевская Мысль» напечатала обзор царствования дома Романовых, указывая, насколько вокруг этого дома сплетено было закулисных интриг, убийств и насилий... Жутко читать подобные вещи. Все великие князья вышли в отставку.— Иного

решения, конечно, не могло и быть. Однако в газетах проскальзывают слухи о начавшейся по местам контр-революции, для подавления которой правительство вынуждено послать войска.

Наше начальство старательно принимает меры к предупреждению недовольства в войсках, то и дело предупреждая о «необходимости разъяснять солдатам значение стихий в вопросах подвоза продовольствия, какового может не хватить». Группа интендантов обратилась к Гучкову с заявлением своей радости о свободной России; тогда вопрос довольствия войск несомненно станет на других началах; тут же группа заявляет, что многое расскажет из порядка в хозяйстве при старом режиме... Ослиное копыто заведомых жуликов и льстецов!!!

Получил неприятный доклад: в 16 Ф. с. полку перебежало к противнику 8 челов. разведчиков, бросивших винтовки; производится дознание, но факт неприятный, так как, повидимому, это расчет на безнаказанность после войны ввиду наступившей свободы и отмены смертной казни.

Опять телеграмма с указанием на необходимость потерпеть отсутствие фуража, каковой не подвозится, а в запасах фронта его нет. Комиссия генерала Поливанова разрабатывает вопрос омоложения высшего командного состава, при чем как принцип ставят: назначение на должности «по выбору» вне списка старшинства, и все это мотивируется тем, что при современной позиционной войне старшие нач-ки обратились в стратегические кабинеты в усадьбах, из коих они никуда не показываются... Что говорить — это правда, но назначение «по выбору» поставит в тяжелое бесправное положение не выбранных и создаст неуверенность в завтрашнем дне, а отсюда и «нырянне» к высшим...

Сапожный вопрос изо дня в день становится острее и острее. Сегодня подал телеграмму к-ру корпуса, излагая положение вопроса и прося не менее 3.000 пар сапог.

17 марта. Генерал Перрет рассказал мне, что 2 солдата 2 батареи явились сегодня к к-ру батареи и доложили ему, что они избраны депутатами в комитет в Заложце и идут на собрание...

Вернувшись домой, я рассказал об этом капитану Архангельскому, который в ответ на это подал мне телеграмму из корпуса о том, что предписано сформировать офицерско-солдатские комитеты в армиях и корпусах, допустив туда и гражданских лиц; положение о них разрабатывается армиею, которая запрашивает, не сочтено ли будет необходимым сформировать дивизионные комитеты. Я отвечаю, что дивизия и полк настолько заняты боевыми вопросами, что формировать комитеты не имеют возможности. Боюсь одного — комитеты начнут собираться в наиболее страдное боевое время, когда многим охотно уйти в тыл.

Рабочая партия требует окончания войны во что бы то ни стало, и это теперь, когда с минуты на минуту можно ожидать начала больших боев! — Пропаганда, проникнув в войска, приведет к жестоким вещам!!!

Вчера в газете «Русское Слово» генерал Алексеев был назван временным верховным главнокомандующим. По всем вероятиям, верховного главнокомандующего не будет, а на манер Франции вопросы будут решаться советом министров. Исполнителем же боевых операций будет нач-к штаба — в данном случае генерал Алексеев...

Надо ждать, что недалеко то время, когда вопрос о твоем существовании как нач-ка будет дебатироваться и баллотироваться в комитете офицерских и солдатских депутатов. — Надо готовиться к отъезду из армии, раз только начнешь предъявлять требования исполнения долга.

11 ч. веч. (23 часа) пришел к-р артилл. бригады с к-ром 1 батареи капитаном Цивинда, доложившим, что у него в батарее произошел инцидент.— Младший офицер, ехавший на разведку, заговорил с разведчиком и высказался в духе приверженности старому строю, сказав: «Не было фуража при старом правительстве, нет его и при новом; войне не кончиться в нашу пользу, но как бы она ни кончилась, а я после войны сниму мундир и уеду в Германию». На это разведчик ответил ему: «Какой же вы русский офицер, если так говорите?».

На это офицер приказал ему замолчать, угрожая в противном случае пустить пулю в голову.

Днем капитан Цивинда, проходя через батарею и увидав собравшихся солдат, спросил о чем они беседуют. Они отвечали, что говорят о подпоручике, которого за такие слова необходимо арестовать.

Капит. Цивинда ответил на это, что он разберется и доложит к-ру бригады. Люди разошлись, но когда он вечером возвращался с наблюдательного пункта, к нему подошли 2 солдата-артиллериста и заявили ему, что выбраны депутатами потребовать ареста подпоручика, так как с такими взглядами он не должен служить в армии, ибо он может действовать на пользу врага. При этом они добавили, что говорить теперь могут, так как им это объяснил комиссар, который в Заложце беседует с солдатами, и что если ему доложат, то он завтра же прикажет арестовать офицера... Я позвонил нач-ку штаба корпуса, которому рассказал весь инцидент и просил сообщить, кто допустил комиссара для разъяснений и почему, допустив в Заложце комитет, к-р корпуса не счел нужным поставить нас в известность? Генерал Кадошников ответил, что о существовании комиссара он ничего не знает, комитета в Заложце нет, но что к-р корпуса разрешил собраться по 2 депутата от части и обсудить свои дела согласно создавшегося положения. Разъяснение вопросов взял на себя корпусный комендант. Я ответил, что прошу доложить обо всем к-ру корпуса, но что считаю долгом указать, что разъяснения непрошенных комиссаров ставят нас, нач-ков, в глупое положение, так как в своих решениях мы подчиняемся требованиям солдат...

Подобные инциденты совершенно ясны — в 3 пехотн. дивизии и в 3 артиллер. бригаде уже введены комитеты — ну нашим, конечно, завидно...

Завтра во избежание неприятностей сам арестую офицера...

18 марта. Вчера интендант дивизии доложил по телефону о том, что корпусн. интендант 17 корпуса отпустил в дивизию 2.400 пар сапог; им затребовано еще 60.000 на корпус, но пока не получено. Слава богу, что отпустили и это количество!!!

Газеты полны известий, что немцы собирают до 2.000.000 для движения на Петроград, а военный министр Гучков усиливает тревогу, сообщая о сборе против северного фронта больших сил и о наводнении Финляндии немецкими шпионами после снятия в ней нашей жандармской охраны.

В 7 часов выехал с к-ром артиллер. бригады на позицию 1 батареи, где приказал арестовать поручика Жданова и, собрав батарею, переговорил с ней о дисциплине. — Рассуждения здравые и разумные. Ко мне относятся отлично.

В 12^{00} часов отправился домой, где меня уже ждал вр. команд. 3 арт. бригадой полковник Борисов, который доложил мне о причинах, по коим им было разрешено в батареях обсуждение своих внутренних дел... Это разрешение привело, однако, к тому, что поселило раздор и зависть. В 3 пех. див. во всех полках уже действуют комитеты. Я говорил с нач-ком штаба корпуса, который сказал мне, что пришло распоряжение об образовании распорядительн. комитетов в составе 5 солдат и 2 офицеров — по выбору. Комитет этот будет ведать всеми внутренними делами, разрешать недоумения в солдатской среде и знакомить ее со всеми новшествами боевого дела — это будут посредники между к-ром полка и солдатами. Каптенармусы, артельщики и кашевары рот будут выборными; они же будут раздавать солдатам жалованье и прочее довольствие. — Полагаю, что это очень хорошо — не будет нареканий на офицеров, и эти последние будут освобождены от лишней заботы и работы. На-днях это будет объявлено официально... А пока только одни разговоры и разговоры.

Затем пошел побеседовать с арестованным поручиком 1 Ф. с. арт. бриг. Ждановым. Состояние молодого человека тяжелое: он твердит только одно, что обязан всем царю, так как воспитывался на счет казны, всегда любил и любит государя и не может помириться с настоящим положением. Я убеждал его помнить присягу и не волновать себя излишними вопросами, а главное — не высказывать свои мысли, имея их про себя; то, что чувствует он, ни до кого не касается, а говорить все, что чувствует, не следует. Жданов просил прислать к нему священника; — много изломанных мыслей и понятий будет после этого переворота, местами перешедшего в буквальную анархию с солдатским разгулом.

Вечером приехал подполковник Каминский [8]), рассказывавший за ужином массу новостей. Между прочим, говорил, что один из членов комиссии Поливанова — полковник генерального штаба — говорил ему, что вопрос омоложения армии окончательно решен и теперь уничтожаются все кандидатские списки и назначение будет по выбору, при чем

на все солдатские должности до фельдфебеля включительно выборы предоставлены солдатам. Этот же офицер просил Каминского передать в войска, чтобы по организации комитетов те выносили резолюции о доверии Временному Правительству, подтверждая это телеграммами последнему, что необходимо как противовес Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, видимо желающему подорвать престиж правительства. На обратном пути Каминский уехал среди матросов Гвардейского Экипажа, заполнявших все места во всех классных вагонах; эти матросы рассказывали Каминскому, что на царской яхте «Штандарт» они часто подглядывали в каюту Александры Федоровны в то время, когда она была в объятиях то одного, то другого офицера, получавших за доставлявшееся ей удовольствие флигель-адъютантство или другие награды — «охотница до наслаждений венеры она была большая».

И это в то время, когда всякий вход женщин на корабль запрещен...

Сегодня из 16 Ф. с. полка опять без вести пропал стрелок 10 роты. К-р 16 п. сообщил, что солдаты батальона 11 пех. полка, прибывшие в Лопушаны, по дороге стали отказываться от работ. Офицеры их уговорили, но когда бат-н прибыл в Лопушаны, то к-р бат-на доложил полковнику Сулимову, что, пройдя по грязи, батальон не в состоянии интенсивно работать.

Полковник Сулимов спросил меня, что делать, на что я ответил, что отправить домой, так как при этих условиях считаю невозможным пользоваться батальоном. «Хам» и разруха идут рука в руку...

До настоящего времени не присылают к нам укомплектования, а роты все тают и тают — уже теперь дошли до 120—130 штыков. На это меня утешают, говоря, что в полках 17 корпуса роты дошли до 80 человек.

19 марта. Вечером приезжал вр. и. д. нач-ка штаба корпуса, разбиравшийся в инциденте, происшедшем в инженерной роте 3 пех. дивизии. Как результат разбирательства — удаление капитана Молчановского от командования ротою. По сему случаю в роте долго были слышны крики ура. — Итак, «хам» уже пришел!..

Сегодня в полки послали новое положение о самоуправлении в ротах и об образовании комитета.

20 марта. Полковник Сулимов доложил мне, что батальон 11 пех. полка пришел на работы в 2 часа, а ушел с работы в 4 часа. Сегодня ставлю в известность к-ра полка с просьбою принять меры.

Вчера инсп. артиллер. корпуса рассказывал моему к-ру бригады, что и в артиллерии началось омоложение армии — увольняют 17 инспекторов артиллер. корпусов.

Помощником военного министра назначен генерал Маниковский, который шел впереди толпы с красным знаменем, — вот наши бывшие приверженцы монархического строя, зажигавшие своими речами за царя. — Сколько же лжи и неправды сплотилось вокруг царского трона!!!

Вчера к-р сотни, состоящей при дивизии, был в Заложце — в штабе корпуса и слышал, что будто Англия прислала нашему правительству такой ультиматум: «Если Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не оставит в покое вашу армию, то мы заключаем с Германией сепаратный мир». — Если это верно, то это отличный ушат воды на голову нашего «Совета», пытающегося прикончить войну. А что, надо полагать, это верно, можно судить по недавнему официальному выступлению Бьюкенена, заявившего, что «Англия ведет войну для освобождения народов от ига прусского милитаризма, не преследуя никаких агрессивных задач, так как ей никаких земельных приобретений не нужно». Вот как говорят наши союзники.

Инсп. артиллер. корпуса генерал Селиверстов (мой товарищ по Псковскому корпусу) говорит, что в гвардии до сих пор не присягнули л.-гв. Павловский, л.-гв. Гренадерский и л.-гв. Волынский полки. — Офицеры присягнули, а солдаты требуют присяги за подписью Родзянко. Л.-гв. Волынский полк, однако, уже уговорили...

Беспорядки везде идут большие, при чем в Луганске они приняли такой оборот, что Временное Правительство послало для усмирения войска — вот вам и характерная особенность: свобода, отмена смертной казни, а рядом расстрелы, о которых правым газетам писать *не* разрешается.

Начальник штаба доложил мне телеграмму, по коей предложено высказать мнение относительно предложения главнокомандующего фронтом об исключении всех дисциплинарных прав начальников, оставив только замечания и выговоры; все проступки рассматривать в особых полковых судах из офицеров и нижних чинов... Я ответил, что на мирное время это отличио, а на войне заниматься судоговорением некогда... Доживаем до полного развала армии — и это при нашем-то составе!!!

К 13 часам приехали Табуи [10]) — полковник франц. генерального штаба, состоящий для связи у нас с французской армией, и сопровождающий его князь Кропоткин, а равно и полковник Елчанинов. С французом пришлось, хоть и с грехом пополам, говорить по-французски, дав ему объяснение своей позиции, а так как он особенно заинтересовался организацией артиллерийской обороны, то в 15 часов я назначил к нему генерала Перрет, а сам беседовал с полковником Елчаниновым, который рассказывал мне, какие безобразия творятся в 35 артиллерийской бригаде, где офицеры говорят зажигательные речи, составляют подписку на революционную библиотеку для солдат...

По его рассказам, в одном из полков требуют 8-часового окопного дня, предъявляют требование убрать нелюбимого офицера и т. п.

В 16^{30} часов говорил с саперной ротой и разбирался в их жалобах, недослушанных генералом Ларионовым... Народ — сплошной мерзавец. Просят о смещении фельдфебеля. В свою очередь унтер-офицеры подали просьбу отправить их, как перешедших 42-летн. воз-

раст, для службы в тыловые учреждения; но главный мотив — невозможность службы при существующей распущенности солдат...

До ужина опять беседовали с французом по поводу событий.

Князь Кропоткин рассказывал, что один из офицеров штаба 50 пех. дивизии, только что вернувшийся из Петрограда, рассказывает, что «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов» приказом своим № 3 требует смещения Брусилова и Алексеева, указывая, что их популярность опасна для революции...

Сегодня в газете есть известие об убийстве в Твери ген.-майора Чеховского — бывшего к-ра 15 Ф. стр. полка... Анархия идет полным ходом.

21 марта. Вчера наш французский гость до глубины души возмущался переносом в армию политики, а наши радуются этому.

Сегодня в газетах объявлено о предании суду бывшей императрицы, обвиняемой в сношениях с Вильгельмом, также предается суду и бывший император. Ужас берет! Полковник Табуи, узнав об этом, сказал: «Это совершенно так же, как начиналась революция у нас».

Полковник Сулимов доложил сегодня, что батальон 11 пех. полка, своевременно прибывший на работы, отказался от работы ввиду того, что в окопах грязно. Я передал обо всем этом к-ру 11 пех. полка, сказав, что прошу принять меры, не желая совершенно жаловаться нач-ку дивизии.

Сегодня в газете «Киевская Мысль» сказано, что комиссия генерала Поливанова выработала ряд мер: 1) полное неотдание чести офицерам, при чем взаимное приветствие между офицерами и солдатами предоставляется их личному усмотрению; 2) дисциплинарные взыскания предоставляется накладывать только дисциплинарным судам, в состав которых входят солдаты по 5 в каждой роте; 3) для рассмотрения дел по обвинению офицеров в неправильном отношении к солдатам также учреждаются особые суды, в состав которых входят и солдаты.

Договариваемся до предела!!!

Сейчас пришла телеграмма о том, что на театре военных действий полевые суды остаются за тем лишь исключением, что в постановлении не может быть назначена смертная казнь. Слава богу, что хоть эта-то острастка оставлена для нашего гражданина-солдата!!!

22 марта. Вчера рассказывали, что генерал Оболешев возвращается к дивизии; вызывали его для объяснений в Петроград ввиду того, что он посылал поздравительную телеграмму жене Михаила Александровича.

В 8 часов поехал в 13 Ф. с. полк.

На обратном пути беседовал с ротой бат-ного резерва по вопросам современного положения, о выборах в ротах и т. п.

После обеда приезжал ко мне к-р 11 пех. полка полковник Протазанов. Рассказывал мне, что у него в полку отказались присягать под знаменем, так как на нем имеются инициалы царя, потребовали сыграть марсельезу. Далее сказали, что в атаку не пойдут, так как этой

земли им не дадут». Когда, наконец, их удалось убедить, что победа будет возможна, только при наступлении могут быть хорошие результаты, то они заявили, что сами организуют наступление, при чем во главе полка должен наступать к-р полка под сенью красного флага...

Вообще развал приближается...

23 марта. Сегодня в нашу армию направляются члены государственной думы: князь Шаховской, Макагон и еще один, командированные для разъяснения солдатам смысла и значения совершившегося переворота.

Вечером пришли два донесения от к-ра 14 Ф. с. п. о начавшемся знакомстве наших и австрийских солдат; положение ненормальное, а посему приказал запретить и строго следить.

24 марта. Укомплектований все нет и нет, а между тем убыль в полках очень большая и особенно эвакуированными по болезни, преимущественно простудной, благодаря отчаянным работам в постоянной грязи и воде.

25 марта. Сегодня телеграммой сообщено об оставлении нашими войсками Рудка-Червищенского плацдарма при очень больших потерях.

Сегодня второй день, что заседает исполнительный дивизионный комитет.

По окончании заседания я пришел и обратился с речью, поблагодарил за внимательное отношение к нуждам дивизии и выразил уверенность в том, что работа дивизионного комитета будет основана на принципе взаимного доверия и терпимости к «чужому» мнению, так как только тогда может быть плодотворная работа. Сегодняшним заседанием установлено однообразие в работе комитетов дивизии, при чем по докладу нач-ка штаба некоторые из солдат просто-таки высказывались за то, чтобы все хозяйств. суммы и операции были на попечении самих н. чинов — словом, полное расширение своих прав.

26 марта. Вчера в газете «Киевская Мысль» было сообщено, что от особой армии выехали в Петроград делегаты в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и в запасные гвардейские бат-ны, чтобы заявить, что особая армия с оружием в руках будет защищать Временное Правительство и не потерпит ничьего вмешательства в дела правления до созыва Учредительного Собрания... Это отличный удар по Совету Депутатов... Права гвардии отменяются. Вчера же было написано об отмене всех орденов, кроме ордена св. Георгия, и об учреждении особого Георгиевского креста, который будет присуждаться офицерам постановлением солдатской думы за храбрость...

— Первый шаг к выборам офицеров солдатами...

Вернувшийся вчера из Тарнополя солдат доложил, что отпускных так много, что в Тарнополе не попавшие в поезда солдаты произвели буйство, разбили окна вокзала. Солдат сам видел священников, сидевших на крышах вагонов. Повидимому, количество отпускных превышает установленную норму; иными словами — мы своими же руками разрушаем нашу же дисциплину.

В 15 часов поехал в 14 Ф. стр. полк с целью переговорить о недоразумениях, возникших у него с исполнительным комитетом. Полковн. Давыдов стоит на своих прежних «реакционных» понятиях и никак не может допустить уступок солдатскому самоуправлению. Дал ему свои указания и выработанное положение в дивизионном комитете...

Приезжал сегодня с докладом дивизионный интендант, доложивший о том, что дивизии дали дополнительно 400 пар сапог, — слава богу! Кстати разобрались с вопросом об отпуске фуража частям дивизии, так как артиллер. бригада заявила жалобу на неправильное распределение фуража в интендантстве; жалоба оказалась неправильною.

Дивизионный интендант представил рапорт с изложением сведений о неполучении фуража и получаемыми утешениями вроде того, что надо потерпеть неизбежные лишения войны и т. п. Вместе с тем он пишет, что, несмотря на целый ряд ходатайств, лошадей не додают, и теперь некомплект в дивизии достиг до 500 лошадей...

27 марта. Сейчас пришла телеграмма от нач-ка штаба армии генерала Романовского. «Сердечно поздравляю назначением ком. кор. 49. Шлю наилучшие пожелания». Итак, назначение состоялось.

Сегодня передали телеграмму Гучкова верховному главнокомандующему генералу Алексееву с призывом теперь же и безжалостно освободить армию от неспособного и устаревшего командного состава, дабы дать широкий простор движению, таланту и энергии. Посему к 28 требуется представление тех, кои подлежат увольнению, с указанием, с переводом ли на тыловые должности, или в отставку... Ну можно ли заниматься этим в настоящее время, когда мы сами же ждем «громового» удара со стороны немцев, заполонивших все и вся своими шпионами, не сдерживаемыми теперь ни полицией, ни жандармами??!...

Сегодня в 11 часов вновь в 14 Ф. с. п. выходили солдаты из окопов для разговоров с австрийцами, о чем мне сообщил к-р 3 артил. бригады. Полковник Давыдов, открыв огонь по разговаривавшим, счел, однако, необходимым умолчать об этом, и, когда я спросил, для чего он скрывает факт, он ответил, что до сих пор не имеет донесения от командира батальона — это с 11 до 17 часов-то, — но что австрийцы передали нашим прокламацию, которую он представил мне. Полковник Давыдов буквально таки невозможный по своим взглядам и характеру к-р полка!!!

Делегаты от государственной думы прибывают для бесед с представителями от полков. Завтра 28 марта в 11 часов собираем своих представителей в сел. Тросьцянец...

28 марта. Вчера говорил с благочинным дивизии относительно солдат. Он, который всегда так отстаивал солдат перед офицерами благодаря чему в полку происходили эксцессы, требовавшие моего вмешательства, говорит, что после данной свободы солдат разнуздался невообразимо: одна мечта и один разговор у них — скорее домой, никаких высоких идей, никакой любви к родине—ничего: «зачем мне свобода, если меня убьют?» — вот лейтмотив их мнений и мечтаний. Все громкие фразы

и слова с тыла об «опасности отечества» о «призыве в окопы» встречаются неумолимой логикой: «Пусть те, которые это говорят и пишут, заменят нас в окопах, в которых мы сидим уже $2^1/_2$ года, а мы пойдем на их места. Вот тогда посмотрим, что из этого выйдет: они много кричат». Ну, что можно сказать против подобных доводов и убеждений? Что можно сказать против указаний на полицию, которая заключает в себе самых крепких и здоровых солдат и ничего не делающих? А тут еще и подтачивающее и разлагающее влияние «Известий Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», требующих прекращения войны, так как никаких аннексий нам не нужно: проливы в мирное время все равно открыты (??), а сами мы все равно не выходим в открытое море. Подобные рассуждения на темного человека производят ошеломляющее впечатление — ведь ни география, ни наши иностранные рынки для него ничего не говорят. А г. г. офицеры, не имевшие права в мирное время даже читать «якобы неблагонадежных» газет, оказались совершенно неподготовленными к политическим выступлениям и беседам; современная же молодежь — офицеры абсолютно никуда не годны для воспитания солдата — полнейшее незнание, полнейшее лентяйничание и полнейшее непонимание обстановки.

В 10^{30} часов на автомобиле поехал к восточной окраине сел. Тросьцянец, куда одновременно подъехал и автомобиль из штаба корпуса с депутатами государственной думы князем Шаховским, Кузьминым и Макагоном. Пока строились представители от моих полков, а равно и подошедшие сюда 9 и 11 пех. полки, все мы зашли в столовую земского союза, где повели беседу на современные темы. Депутаты признались, что Временное Правительство в руках у Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и что вырваться из этих рук правительству в высшей степени трудно.

Далее вышли на площадь, и со стола депутаты думы начали говорить свои речи на тему единения офицеров и солдат и на тему о задачах армии.

После их речей поднялся я — было жутко: как-то примут мое выступление. Речь моя покрывалась громкими рукоплесканиями и криками «ура». Затем следовал ряд ораторов от солдат и офицеров, на которые отвечали члены думы. Только к 14 часам удалось взять членов думы к обеду и окончить собеседования, которые грозили затянуться до позднего вечера, так как являлось все больше и больше желающих начать говорить речи.

Обедали депутаты у нас. За обедом они поведали о том ужасном хаосе, который царил в Петрограде. Кн. Шаховской сказал, что положение генерала Корнилова крайне трудно, так как теперь стали пускать слух, что он нарочно выпущен из плена, чтобы захватить власть.

Пулеметный полк (члены думы не знают какой такой) занял Народный дом, окопался, никого не впускает к себе и не выражает никаких пожеланий и мнений...

Оссбенный ужас творится во флоте и главн. сбразом в Кронштадте: там власть вполне в руках матросов, которые перебили до 1.000 офицеров [11]), а часть держат арестованными; никакие уговоры членов думы, командированных туда, не действуют: офицеров из-под ареста не выпускают, говоря, что когда пойдут в плавание, то возьмут их с собой и приставят советчиками к выбранными ими к-рам из матросов для руководства— вот до чего дошло дело!

После обеда члены-депутаты уехали.

Сегодня из окопов противника бросали опять прокламации, а на имя 14 Ф. с. п. пришли по почте газеты самого ярого содержания, в коих требуется казнить Алексеева и вообще покончить со всеми служившими при старом режиме. Вот катится та волна, о которой говорили члены государственной думы и которая, по мнению членов, идет за ними... За обедом я сказал речь, подчеркнув всю трудность офицерского полсжения...

Сегодня запрашивали лета всех нач-ков от к-ров полков и выше — видно, начинают применять возрастный ценз для очищения армии от престарелых...

29 марта. Сегодня происходило 3-е заседание дивизионного комитета, в коем выработано обращение к тылу, который призывается к работе у станков во имя долга, а затем решено: в заседания этого комитета приглашать чиновника от управления дивизион. интенд., к которому могли бы обращаться по вопросам продовольствия, столь жгуче разбираемым в полковых комитетах. Далее выработано постановление предложить полковым комитетам признать за дивизионным право выражать постановления, кои были бы обязательны к руководству полковым комитетам. Вообще ясна тенденция сорганизоваться и понять свои права и обязанности как комитета...

30 марта. Немцы старательно пускают шары с прокламациями, в коих указывают на речь в рейхстаге Бетман-Гольвега о том, что они ведут не завоевательную политику; в этих словах нет уже ни звука обвинения англичан в подстрекательстве России, нет и упоминания на богом данного нам царя, которого свергли с престола. Общее неуважение к династии Романовых так велико в массе, что сказать трудно...

Сегодня к-р дивизиона 17 мортирн. рассказывал, что солдаты подали заявление, что деньги копить не надо, а посему собрались завладеть денежным ящиком и раздать поровну между солдатами...

31 марта. Вчера из австрийских окопов вновь в 14 Ф. стр. полк переслали воззвание с приглашением сегодня, в пятницу, прислать депутата для переговоров с ручательством, что прибывшему ничего дурного сделано не будет.

Это начинается повторение прошлогодней пасхальной истории, когда братание привело к пленению 2 офицеров и 85 солдат...

Сегодня в газете объявлено об увольнении в отставку генерала Леша [12]) и к-ра 3 арм. корпуса ген. Янушевского за Стоходскую панаму. Давно пора было убрать Леша!!!...

Вечером прибыло в дивизию 5 рот укомплектования. По словам нового нач-ка штаба, как бывшего к-ра запасного полка — это вполне распропагандированная масса. Когда они прибыли к нему в полк, то часть их не пожелала взять с собой винтовки, «так как они устали»...

1 апреля. В 6[30] часов поехал в 14 Ф. с. п., чтобы поздравить к-ра с полковым праздником. Там к-р полка доложил мне, что полковой комитет отлично настроен и разумен, но зато общее собрание выборных прямо невозможно — требуют отчета в деньгах и в хозяйстве полка, заявляя, что, вероятно, нач-к хоз. части и другие сговорились обкрадывать. Удивляться всему этому не приходится: чего только в свое время не наслышались солдаты-писаря в канцеляриях и штабах и теперь, конечно, воображают, что все так и идет везде... В 15 Ф. с. п. комитет заявил, что следовало бы поверить полковую отчетность.

В 9 часов вернулся домой и застал солдат, прибывших на укомплектование из 74 пех. п. Прибыли с красными флагами и стягами, на коих надписи: «Вперед на врага», «Война до победного конца», «Долой германский милитаризм» и т. п. Пользуясь этими надписями, сказал солдатам подобающую речь и приказал удовлетворить желание некоторых вернуться в свои родные полки...

Генерал Бринкен [13]) чуть не был арестован солдатами во время своей речи на площади, где он спутался в словах, как человек, не могший признать происшедшего переворота. Во время речи с ним сделалось дурно, он упал, его расстегнули, он простудился и получил и воспаление легких и закупорку аорты от напряжения.

Что делается в армии — бог весть: генерал Щербачев лично ездил уговоривать полки, отказавшиеся занять окопы — вот где ужас...

3 апреля. В районе 16 Ф. с. п. вышел перебежчик чех, который на допросе показал, что наступать они не собираются и боятся наступления русских...

Показывает, что офицеры говорят, что в наступление не пойдут. Словом, картина — подобная нашей...

7[30] веч. (19[30] часов) приехал в Тарнополь и поместился в штабе 6 Финл. стр. дивизии.

Нач-к дивизии генерал Оболешев рассказал мне, как, будучи вызван советом министров на должность командующего войсками московского округа, он по приезде узнал от князя Львова о том, что его назначение не одобрено Советом Рабочих и Солдатских Депутатов. Кн. Львов советовал Оболешеву добиться беседы с Советом, на что тот категорически отказался.

Рассказал мне Оболешев о том, что подполковник 23 п. Попов уволен им в резерв за безусловную анархию, которую он вводил в полку с помощью шт.-капитана Зюньзя.

В Тарнополе ходят темные слухи, что через 2 недели здесь будут австрийцы. Не мудрено появляться разным слухам, когда благодаря «свободе» на свободе разгуливают пленные австрийские солдаты и офицеры, при чем один из последних появляется в рестораны и кофейни и совершенно свободно принимает участие в разговоре с нашими офицерами, весьма невыдержанными на язык.

В отряде рассказывали, что не так давно приехало пополнение из Сибири в запасный полк в Трембовлю, по дороге они занимались производством арестов тех лиц, на коих указывали им железнодорожные служащие, как на лиц ненадежных и реакционеров...

Арестованных они подвергали унижениям: так, с жандармского подполковника содрали погоны, которые были расхвачены по кусочкам сестрами милосердия санитарного поезда «на память». Этого же подполковника, захватив с собой, посадили не в классный вагон, а среди солдат в теплушку, при чем когда он, проходя через ряд вагонов, захотел пролезть через переход, его не пустили конвойные, потребовав лезть под вагон «как это мы делаем». Подумаешь, какое это укомплектование!

Как велики эксцессы, можно видеть из того, когда пришедшей толпе стал говорить генерал Щербачев, один из толпы бросился к нему, выхватил у него шашку и в полной истерии воткнул ее в землю, закричал толпе «клянемся генералу, что выполним то, что он требует — поддержим порядок и дисциплину», после этого оратор упал в обморок... Просто сумасшедшее время!!!

Разговаривал вечером с генералом Оболешевым, который рассказывал о том, что творится в 23 Ф. стр. полку у полковника Кондратенко. — Главным вожатым всего дела оказался шт.-кап. Зоньзя, а подголоском его подполковник Попов — бывший 13 Ф. стр. полка. Его зажигательные речи настолько нелепы, что слышавшие их члены государственной думы назвали его сумасшедшим человеком. Теперь его сплавили в резерв армии, куда вслед за ним отправляют и полковника Кондратенко, который, по слабости своего характера, всецело отдается требованиям комитета и сменяет с должностей офицеров по требованию солдат...

4 апреля, г. Тарнополь... После обеда виделся с прапорщиком Носарем, только что вернувшимся из армейского комитета. Носарь говорит, что из ставки даны общие указания о порядке и характере действий всех комитетов, а посему их комитет ничего не вырабатывал, а лишь обменялся взглядами на положение вещей в армии. За исключением депутата от 4 пех. дивизии, общий голос говорит, что внесенная в армию разладица, несомненно, понизила боевую способность армии, а отнюдь не повысила ее, как это утверждает депутат от 4 пех. дивизии, где, как слышно, далеко не так все благополучно, хотя он и утверждает, что этот вопрос у них обсуждался и дал твердые основания думать, что в боевом отношении дивизия даже окрепла.

(Продолжение следует).

Примечания.

[1]) *Мрозовский* — командующий войсками московского военного округа во время февральской революции, назначенный незадолго до февральской революции.

[2]) *Перетт* — командир 4 Финляндской стрелковой артиллерийской бригады.

[3]) *Оберучев* — первый командующий войсками киевского военного округа после февральской революции. В Октябрьские дни боролся в Киеве за власть Временного Правительства.

[4]) *Архангельский* — вр. и. д. наштадив 4 Финляндской стрелковой.

[5]) *Ларионов*, ген. — командир бригады 4 Финляндской стрелковой дивизии.

[6]) *Иванов*, генерал — бывший главнокомандующий юго-западным фронтом, в момент разгара Февральской революции был командирован в Царское Село и Петроград с отрядом георгиевских кавалеров для подавления революции. Осуществить своей задачи ему не удалось, так как его отряд перешел на сторону восставшего гарнизона. Арестованный Вр. Правительством, но потом освобожденный, генерал Иванов дальнейшего активного участия в событиях не принимал.

[7]) *Грузинов* — первый командующий войсками моск. воен. округа после свержения царского правительства.

[8]) *Оболешев* — бывший начальник штаба моск. воен. округа, в момент февральской революции или незадолго до нее назначенный начальником третьеочередной 6 Финляндской стрелк. дивизии, формировавшейся под наблюдением начальника 4 Финляндской стр. дивизии.

[9]) *Каминский* — дивизионный интендант 4 Финляндской стрелк. дивизии.

[10]) *Табуи*, полков. — представитель французской военной миссии, командированный на участок 4 Финляндской стр. дивизии.

[11]) Цифра, явно преувеличенная.

[12]) *Леш*, ген. — командующий III армией.

[13]) *Бринкен*, ген. — командир XXII арм. корпуса.

ПОКАЗАНИЯ А. Д. ПРОТОПОПОВА.

В двух книжках «Падение царского режима» [1]) опубликованы, в числе других, четыре стенограммы допросов А. Д. Протопопова в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В дополнение и разъяснение к ним ниже приводятся показания Протопопова, которые представляют большой интерес. Не выходя из круга вопросов, уже наметившихся в Комиссии, показания эти значительно расширяют рамки ранее данных ответов, дают освещение, фон, детали многих фактов.

В противоположность мнению П. Е. Щеголева, который в предисловии своем к названному выше изданию [2]) находит, что «его объяснения на многочисленных допросах и в пространных объяснениях, писанных в уединении крепостной камеры, совершенно откровенны», — следует отметить очень большую сдержанность в показаниях Протопопова. Мы могли бы это обстоятельство иллюстрировать на десятках примеров.

Комиссия — вовсе не была «следственной». Получается впечатление, что председатель ее давал возможность говорить опрашиваемому о таких вещах, делах, событиях, фактах, о которых последний хотел говорить, и в том освещении, какое ему было угодно.

Поэтому такую важность играют детали, которые необходимо накопить, чтобы затем уже использовать их для выводов. Приходится собирать отдельные штрихи. Такие штрихи и дает публикуемое впервые показание Протопопова.

Протопопов касается (именно «касается») множества вопросов. Старается скользить — не затронуть бы такого вопроса, на котором можно увязнуть.

Тут целый калейдоскоп. Есть мелкое, ненужное...

Но есть и интересное.

В п. 11 показаний Протопопов рассказывает о военной цензуре, которая стала интересоваться депешами, передаваемыми через императорский стол. «Главным управлением почт был составлен ответ о том, что корреспонденция этого стола изъята от цензуры. Об этом случае я говорил царю. Этот случай и заставил меня изъять депеши Распутина (из хранилища почтамта) царю, царице, а с ними и другие, как я показывал в Комиссии».

Но именно этого он не показывал Комиссии. Не говорил о боязни военной цензуры. «Должен прибавить, — говорит дальше Протопопов, — что в 3-х или 4-х

---

[1]) Ленгиз, 1924 г., под редакцией П. Е. Щеголева.

[2]) Т. I, стр. XXIX.

депешах к царю и царице упоминалось обо мне; хотя я в них и назван Калининым, все же это упоминание обо мне в депешах Распутина мне было неприятно». — Здесь как будто полная откровенность. Признает Протопопов, что изъял корреспонденцию и по личным мотивам. Но самый главный штрих, мимо которого прошел Протопопов, это вопрос о том, какие же депеши, чьи изъял он вместе с депешами Распутина («а с ними и другие»).

Если депеши Распутина изъяты из ведения военной цензуры, то почему бы депешам самого Протопопова не проходить через императорский стол? Не пришлось ли производить выемку корреспонденции при таких обстоятельствах, когда личные мотивы стояли на первом месте?

Самая неприятная вещь—поездка за границу, Вартбург... В особенности после того, как выплыл, в дополнение, Карл Перен. Вопрос поставлен Комиссией подробно. Просят указать даже обстановку, в какой происходило свидание. Не удовлетворены объяснениями, уже данными. И в пунктах 12 и 21 Протопопов вынужден опять остановиться на этом вопросе, но так «слегка».

Между тем то, что сообщает он в п. 12, чрезвычайно интересно. Оказывается, что «нейтральная» всегда Швейцария имела во время войны несколько зон влияния. В том числе — немецкую — в Немецкой Швейцарии.

«Зоны» влияния «строились», видимо, в удобном аппарате банков. Протопопов рассказывает о парижском отделении Международного банка, директор которого жил в Швейцарии, «во Францию не возвращался и находится в числе лиц на замечании у французского военно-охранного отделения». На замечании и управляющий отделением, проживающий в Париже, — Александр Рафалович. Последний ездит в Швейцарию к директору с отчетами. «В банке много служащих из Немецкой Швейцарии» — «Об отделении Международного банка идет нехорошая молва», — сообщил Протопопову член государственной думы Озобишин. «В последнюю свою заграничную поездку в июне прошлого года,— говорит Протопопов,— в Париже я был встречен и имел свидания с управляющим отделениями Международного банка Рафаловичем. У меня был открыт кредит в этом банке».

Протопопов старается сгладить некоторые неприятные подробности, которые вытекают из факта возможности ему сноситься с Швейцарией, а может быть, и местами более отдаленными и более интересными для него. Он говорит: «Приехав в Петроград, я это дело передал Вышнеградскому и Шайкевичу. Управляющий отделением был сменен»...

Непонятно только, зачем товарища председателя государственной думы встречает управляющий Международным банком. И зачем имел свидания Протопопов с Рафаловичем?

Для получения денег из банка Протопопов в этом не нуждался.

А вот дословно пункт 21: «После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, дня через два-три, ко мне приехал Л. М. Полляк и привез мне для исправления наш разговор с Вартбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык, и прочесть его не мог. Полляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратив его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Вартбургом не годится, что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легко-

мысленный поступок его, тем более опасный для него, что он еврей, — и считая его хорошим человеком. — Теперь рассказываю это, ибо, может быть, это надо знать Следственной Комиссии».

Опять не договаривает Протопопов. Не говорит самого главного. Прежде всего, что значит: «я категорически отказываюсь от э т о г о». От чего? Перед этим речь идет о с н о ш е н и я х с Вартбургом. Если категорически отказываются, значит, с д е л а н о п р е д л о ж е н и е. Кем? Через кого? Какое же предложение с д е л а л Полляк Протопопову, через два-три дня после его возвращения из-за границы, в то время, когда Протопопов еще не делал докладов царю, не видал царицы и т д...

Мы этого не знаем.

Он еврей, — говорит про Полляк Протопопов. И для него «легкомысленный поступок» особенно опасен. Какой поступок? Полляк, по словам Протопопова, делает ему любезность: привозит для исправления разговор с Вартбургом, делает перевод с немецкого на русский... Где же тут «легкомысленный поступок»? — Если бы Протопопов свое умолчание по этому эпизоду объяснил тем, что он не придавал ему значения, что это — мелочь и т. д., тогда иное дело. Но он, оказывается, не говорил до сих пор, не желая «кидать тень»... «считая его хорошим человеком». — Тут что-то не так.

Интересны несколько новых штрихов о подготовке царской России к подавлению восстания.

На этом чрезвычайной важности вопросе, конечно, не остановилась Чрезвычайная Следственная Комиссия. С этой точки зрения она не была и «чрезвычайной». Все рассматривалось здесь с точки зрения юридических норм. Раз существовал царский режим, значит, все меры, которые принимались агентами — большей или меньшей марки — этого самодержавия для укрепления режима, законны и, конечно, не подлежат обследованию. Тем более, что вопрос идет о восстании. Восстание — неприятная вещь, а члены Чрезвычайной Следственной Комиссии вовсе не принадлежали к тем, кто штурмовал самодержавие и его сбросил с трона.

Известно, что царская Россия готовилась к восстанию. Разрабатывались планы подавления его на местах и в столице. 17 февраля 1916 г. была разослан телеграмма следующего содержания: «Москва, Владимир, Воронеж, Нижний-Новгорода, Рязань, Тула, Ярославль, Кострома. Нач. жанд. глок [1]) указал разработать соображения распределения отрядов войск и стражников в наиболее важных пунктах губерний в том предположении, дабы целесообразное размещение войск способствовало наискорейшему решительному подавлению крупных беспорядков при возникновении их. Дислокация таких отрядов должна зависеть, главным образом, от сосредоточения рабочих масс, построения их фабричных центров, опасности захвата жизненных центров. Необходимо указать приблизительно численность отрядов, отметив, имеются ли в губернии какие войска. Эти сведения необходимы для общей сводки, доклада глок жанд., они являются безусловно секретными; при их сборе, разработке должна соблюдаться полная конспирация за самой серьезной Вашей личной ответственностью и верно отражать современное политическое настроение губернии. Степень осведомления Гру [2]) представлен-

---

[1]) Главнокомандующий отдел. корп. жандар.

[2]) Вероятно, губернатор.

ных Вами сведений зависит от Вашего собственного усмотрения. Требуемые сведения представьте срочным порядком. Ком. корп. жанд. ген.-лейт. граф Татищев»[1])

О плане подавления его в столице известно уже. Об этом говорили уже и в Следственной Комиссии в своих показаниях: команд. войсками петроградского воен. округа Хабалов, градоначальник Балк, Протопопов в своих первых показаниях.

Но тут новое. Царское правительство учитывало опыт революции 1905 года. «В основу плана, — говорит Протопопов, — принято распределение охраны, бывшее в 1905 году»... «По поводу охраны я также говорил с генералом Вендоржем, переживавшим движение 1905 г.».

Была выработана дислокация: «От Балка я получил дислокацию полиции и войск на случай беспорядков»... Она «составлена была на 4 дня (кажется)»... «Эту дислокацию я представил царю, который ее у себя оставил».

Правительство готовилось к восстанию, стягивало в столицу наиболее надежные части, подтягивало артиллерию. Оно надеялось в 4 дня разбить революцию. Сам Николай II принимал участие в выполнении дислокации: «Он приказал генералу Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков»...

В этих показаниях Протопопов ни слова не говорит о подготовке полиции к подавлению восстания при помощи пулеметов. В связи с этим интересно то, что рассказывает Протопопов в п. 18 публикуемых показаний о союзе русского народа, Маркове 2, субсидиях ему и о своих с ним разговорах о том, как... «народ будет защищать царя дубьем». Здесь самое интересное следующее: «Марков говорил об охране, бывшей в Костроме и Киеве, и об оружии, которое было у охраны от союза, полученное им я не знаю от какого ведомства»... «О необходимости иметь и теперь оружие упомянул вскользь». Далее Протопопов, конечно, опять говорит о своем незнании — получил ли союз оружие, или нет.

Колоритен рассказ его об аресте Д. Л. Рубинштейна. Царица и Вырубова принимали в нем участие. «Я советовал им через Воскобойникову в дело не вмешиваться, но все же генералу Батюшину сказал, что «это дело беспокоит дамскую половину дворца».

Царица, видимо, имела свои собственные источники осведомления. Так, обыск у Марии Дерфельден был произведен по приказанию царицы. «Основанием к обыску было заявление о том, что на ее, Дерфельден, квартире происходили совещания по поводу убийства Распутина и также замышлялось подобное против б. царя». В этом деле, не давшем никаких результатов, Протопопов с его департаментом полиции был только исполнителем. Сведения даны были самой царицей. По ее почину предпринято было расследование и об офицерском политическом кружке в Луцке.

«Показания» печатаются дословно с копии, имеющейся в Историко-Революционном Архиве в деле Ч.С.К. — № 25, т. II, стр. 92. Копия, засвидетельствованная делопроизводителем Ч.С.К., напечатана на пишущей машинке (92—107), имеет на первой странице надпись: «В следственную часть № 7, 18/VII» (чернилами) и на последней: «27 июля 1917 г. № 378».

Ив. Тоболин.

---

[1]) Д.Ч.С.К., т. 8, стр. 63.

Г. председателю Чрезвычайной Следственной Комиссии.

1. В октябре прошлого года Сухомлинов был переведен по распоряжению судебных властей из крепости под домашний арест. Кто его перевозил — не знаю. Министр юстиции Макаров сказал мне по телефону о переводе Сухомлинова и что под домашним арестом караулить арестованного лежит на обязанности м-ва внутренних дел. Жена Сухомлинова жаловалась мне по телефону, что караул, поставленный у них на квартире и состоящий из 9 человек солдат, причиняет им большое стеснение. Я сказал полицеймейстеру (кажется, Григорьеву) поехать на квартиру Сухомлинова и, сняв излишних караульных, оставить необходимое число таковых, сказав ему, что Сухомлинов все равно не убежит. Кто меня направил к полицеймейстеру Григорьеву—не помню. На следующий день я сам поехал на Сухомлиновскую квартиру. Хотел его видеть и узнать, как поставлен караул. Я пробыл у Сухомлинова ½ ч. Говорил с ним наедине. Офицер жандармский, его охранявший, на мой вопрос: разрешает ли мне это закон?— ответил утвердительно и вышел в другую комнату. Сухомлинов признался мне, что за него, по просьбе его жены, хлопочет Распутин, просил передать царю благодарность за участие, которое он принимает в его судьбе, показал дневник свой — тетрадку, в которой был план его камеры, отрицал свою виновность в измене и высказывал свою надежду на то, что сумеет в ней оправдаться перед судом. Я сказал Сухомлинову, что царь не верит в его измену, но огорчен его денежными делами; я не сказал прямо — нечистыми, не желая его обижать, но он понял значение моих слов. Охранялись в квартире все выходы агентами полиции, в комнатах был офицер, и я счел охрану достаточной. Под конец моего разговора в комнату вошла жена Сухомлинова, поблагодарившая меня за исполнение их просьбы относительно караула. О своем посещении Сухомлинова я сказал Курлову, обратившему мое внимание на неосторожность этого поступка. Более я к Сухомлинову не ездил. О своем посещении я сказал царю, которому передал благодарность Сухомлинова за милость, ему оказанную; точно разговора с царем не помню. Царь говорил, что получил письмо от Сухомлинова, но его мне не показывал. Распутин, в моем присутствии, у Бадмаева, при Курлове, говорил, что его удерживает в Петрограде дело Сухомли-

нова, о котором просит его жена Сухомлинова, которую он очень любит, иначе он уехал бы уже в Тобольск.

Когда Сухомлинов был еще министром, он мне говорил, что, когда наша мобилизация была в ходу, царь ему сказал по телефону о предложении Вильгельма таковую приостановить и что тогда войны не будет. Сухомлинов говорил, что он предупредил царя, что Вильгельм его обманет, и на свой страх работ по мобилизации не прекратил.

Наши военные грузы задерживались в Швеции. Несмычка железнодорожной линии русской и шведской тоже мешала их транспорту. Я рекомендовал Сухомлинову Литвинова-Фалинского, как человека, которого можно послать в Швецию для переговоров. Он туда и был командирован. Позже я от него слышал, что некоторые задержанные грузы шведы согласились пропустить; также он вел переговоры о о смычке железнодорожной линии. Смычка не прошла, но шведское правительство согласилось сблизить конечный пункт дороги до Хапаранды и Торнео,—раньше расстояние между станциями было 28 верст (кажется); больше об его командировке от Литвинова не слышал и не знаю.

2. Курлова переводить на место командира отд. корп. жандармов Распутин помогал неохотно; он говорил: «Там наверху его не очень любят, надо подождать». Судя по моим разговорам с царем по поводу Курлова — он говорил правду, хотя царь мне определенно сказал, что он более на Курлова не сердится и, по словам последнего, был очень ласков к нему при его представлении в ставке. Назначению Курлова мешало и то, что место командира корпуса занимал Татищев, которого я хотел просить назначить в государственный совет и что сделать не удалось, как о том показывал.

3. Я слышал от Васильева, что мотор, в котором ездил Распутин, нанимался для этой цели департаментом, который оплачивал поездки Распутина в моторе в Царское Село. Об охране Распутина я особо не заботился, зная от Васильева, что она имеется; кому она поручена, не спрашивал; не сомневался, что его охраняют агенты департамента. Об охране Распутина агентами дворцового ведомства узнал впервые уже здесь. В дополнение своих показаний о поездке Трепова в ставку и моем предполагавшемся уходе 8 ноября 1916 г. я должен добавить, что Распутин, вызванный по телефону к Бадмаеву, сказал: «Хорошо, что это узнал сегодня, а то завтра было бы уже поздно». Я предполагаю, что он знал о намерениях Трепова от других заинтересованных лиц: Бобринского, Раева, Шаховского, но наверно сказать этого не могу. Позже я слышал, что отставка моя была подписана, но по настоянию царицы хода не получила. Сам же я не уговорил царя меня отпустить, не смог или не сумел — сам не разберусь. Просился уйти, как показывал Комиссии, но без упорства: ж а л е л у х о д и т ь. В разговоре с царем я указывал на Н. Н. Покровского, как на человека, годного на пост министра иностранных дел. Позже царь, повидя-

мому, вспомнил наш разговор — Покровский был назначен. От Бадмаева, 8 ноября, Распутин послал депешу царю, резко составленную против Трепова и его предположений переменить состав совета министров. Эту депешу я отправил на главный телеграф так же, как и три телеграммы, раньше посланные Распутиным царю и царице и, кажется, Вырубовой,—в ставку, и которые касались меня в связи с поручением мне продовольственного дела, за что был и Распутин. Эти депеши я отсылал либо Похвисневу, либо старшему дежурному чиновнику; возили эти депеши полковник Пиринг, мой служащий Павел Савельев или служащий Бадмаева или мой шофер.

В ночь убийства Распутина, часов около 12, я отвез сестру Воскобойникову на вокзал и после заехал к Распутину. Жених его дочери — кавказец — офицер Симоник (фамилии его не знаю и лично не видел) пытался застрелиться. По этому случаю я и заехал к Распутину, жалея его и думая, что он горюет о случившемся. Пробыл у него минут 10. Видел только его одного: он сам отворил мне дверь. О намерении своем куда-либо ехать в эту ночь он не говорил.

4. Еще до назначения своего я высказал Бадмаеву и Курлову свою догадку — не возит ли Распутин б. царице деньги, которые он берет за свои хлопоты о делах и наградах с разных людей (Например, я слышал от Н. А. Гордана, что он заплатил Распутину 15 тысяч за звание коммерции-советника.). С Горданом я был на обеде у Книрши вместе с Распутиным; там была и С. Г. Лунц. Теперь, уже в крепости, узнав о существовавшей измене сверху и об обращении фальшивых денег, мне думается: не возил ли Распутин б. царице фальшивые деньги, получая их через Мануйлова или кого другого. Не замешан ли тут гр. Татищев, А. Н. Хвостов или Симанович, заменивший, как я слышал от кн. Тархановой, при Распутине Добровольского, и нет ли связи между Переном, о котором меня допрашивали, и привозом в Россию этих денег. На мысль о связи Мануйлова и Перена наводит общность названий «доктор» Перен и съезд «докторов» в Копенгагене, на который должен был будто бы ехать Мануйлов по письму, которое прочел мне Степанов А. В., сказав после, что оно Мануйлова не касается, почему в то время это сопоставление в голову мою не приходило. Из сумм деп. полиции я давал Распутину по 1.000 р. в месяц. Выданные ему деньги я вернул из своих средств, истратив их вместо казенных на пособия. Давал Распутину 1.000 рублей в месяц, узнав от Белецкого, что такая сумма платилась Распутину в то время, когда Белецкий был товарищем министра. Деньги я отдавал Распутину иногда сам, иногда посылал с Павлом Савельевым (своим служащим). За несколько дней до приказа о моем назначении, которое было уже решено, как г о в о р и л Р а с п у т и н, я сказал ему у Бадмаева, что буду давать ему эту сумму. Он ответил: «Ну, это все равно».

Я видел запись в книге расходов департамента полиции, сделанную в то время, когда А. Н. Хвостов был министр: «поездка в ставку 18.000»

(или 130.000, не помню). Боясь, что пропустил это в своем прежнем показании, решаюсь записать в настоящее.

5. При показаниях своих по делу А. Н. Хвостова я забыл сказать, что Д. П. Носович получил место в Соединенном банке через Татищева на 8 тысяч рублей в год. Я был рад, что он устроился (он брат моей жены). Узнал об этом, насколько помню, после отъезда Татищева в Москву.

6. По делу ареста Д. Л. Рубинштейна его жена обращалась ко мне за помощью. Я ответил ей, что ничего сделать не могу. Сестра Воскобойникова от имени царицы и Вырубовой тоже просила меня помочь освободить Рубинштейна. Я советовал им через Воскобойникову в это дело не вмешиваться, все же генералу Батюшину сказал, что «это дело беспокоит дамскую половину дворца». Распутин хлопотал за Рубинштейна. Я слышал, что дело это касалось продажи русских процентных бумаг, находящихся в Германии, через нейтральные страны во Францию и возникло по сообщению французского правительства ставке. Рубинштейна я знал до своего назначения. Познакомился на собрании банкиров, собранном мною для проведения при их посредстве русского займа в Америке для оплаты там пошлин заказов на военные надобности. В Америку по этому делу ездил шведский банкир Ашберг; он был указан Барком. Подробности об этом займе, в случае желания Комиссии, могу доложить устно. Я председательствовал на этом собрании, получив поручение от совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии. Предполагалась возможность произвести заем в сумме 60 миллионов долларов. Позже я слышал от Путилова, что для начала заем может быть сделан лишь в сумме 10 мил. долларов. Был ли он сделан и использован ли правительством — не знаю. Личных дел с Рубинштейном не имел и от участия в совете Французского и Юнкер банков — отказался. Я изредка заезжал к нему на дом или в банк и бывал на его торжественных обедах. Он тоже приезжал ко мне, сообщал новости о предполагаемых переменах в правительстве и городские слухи. Он много узнавал от Горемыкина, куда, по его словам, часто ездил и пожертвовал на благотворительность 300 тысяч рублей через жену Горемыкина. Он бывал у Барка и других министров, чем любил хвалиться. От него я слышал, что Барк думал о проведении меня на пост своего товарища. Будучи раз у него во Французском банке я случайно присутствовал при неудовольствии, которое он высказывал своей жене по поводу отсылки ею какого-то мехового подарка ее родным в Румынию. Шла речь о каком-то письме. Значение этого разговора не знаю. При аресте Рубинштейна присутствовал Мануйлов, что, по моему мнению, устанавливает связь сего с контр-разведкою (как я показывал).

В день ареста Рубинштейна я был у него на даче, где находился директор Comptoire d'Escompte Шарль Нодо, которого встречал в Париже на экономической конференции. По его просьбе я и был приглашен и поехал к Рубинштейну, пробыл часа $1^1/_2$ — 2. При мне

между ними шел разговор об увеличении оборотов Персидского банка при помощи французского капитала. Позже я слышал, что Нодо допрашивали наши военные власти по поводу дела Рубинштейна. Был ли он арестован, не знаю. Один из домов Рубинштейна был нанят под клуб Крупенским, получившим от Трепова на это дело до 75 тысяч рублей. Во время своего ареста в Псковской тюрьме, Рубинштейн продал Второву свои акции Юнкер банка в количестве 48.000 акций по дешевой цене с убытком для себя до 2 миллионов рублей. Слышал я это в Международном банке, кажется, от Шайкевича или от М. М. Горелова.

Настоящий п. 6 своих показаний я излагаю так, как он остался у меня в памяти. Некоторые ошибки в нем мне указаны следователем при допросе моем как свидетеля по делу Штюрмера; так — я называю — Шарля Нодо — директором Comptoire d'Escompte — оказывается, что Нодо—газетный корреспондент; говорю об 2 миллионах убытка, которые Рубинштейн понес при продаже своих акций Второву — убыток, оказывается, 4 милл.

При допросе тот же следователь, говоря о письме, которое прочел мне Степанов по поводу предполагаемой будто бы поездки Мануйлова в Копенгаген на съезд «докторов», называет это письмо «письмом Каро». Имя это является для меня неизвестным, автора письма, о котором идет речь, либо Степанов мне не говорил, либо я его совершенно забыл.

7. Когда происходила эвакуация Риги Курлов был против нее. Я вполне разделял его мнение. Эвакуация требовала 80.000 вагонов, такое количество невозможно было рассчитывать получить в короткий срок. Все же заводы, работавшие на оборону, при эвакуации прекращали производство предметов, нужных нашим войскам. Несогласие Курлова обусловило его отставку. Вел. кн. Ник. Николаевич, по просьбе кн. Щербатова, согласился на нее. Над Курловым было назначено следствие генерала Баранова, во всеподданнейшем отчете которого имеются подробности этого дела (телеграмма депутата Маклакова Щербатову: «В Риге измена, Курлов противится эвакуации, и другие данные). Дело об эвакуации Риги имеется и в делах эвакуационной комиссии (совещание по обороне) под председательством Родзянко.

Эвакуирован был и Балтийский завод (аэропланы, вагоны, моторы). Директора завода хлопотали о покупке мест для новой постройки завода, о ссуде, субсидии и авансе под заказ. Директором правления был мой школьный товарищ В. Ф. Давыдов; благодаря его любезности я нанимал от завода мотор по цене, исчисленной для членов правления. Давыдов обратился ко мне с просьбою содействовать ускорению и разрешению их дела в министерствах торговли и военном, дабы дать заводу возможность скорее возобновить свою работу по казенным заказам. Помочь я им не мог и дал лишь письмо к В. И. Гурко, к которому Давыдов и должен был обратиться и объяснить нужды и ходатайства завода. Сколько всего дано было заводу авансом, субсидией и ссу-

дой — не знаю,— слышал разные суммы — от 3 до 8 милл.; точную цифру я не спрашивал ни у кого.

8. Ко мне летом 1916 года обратился Лука Лукич Зотов, из Нижнего-Новгорода, собственник Смеловского цепного завода, вместе с инженером г-ом Бурда. Они желали построить оружейный завод, обусловив эту постройку определенным заказом от казны. Во главе дела стоял Л. Нобель. Условия, по их словам, были выгодны для казны. Я посоветовал им сходить к г-же Лунц, которая через Распутина доведет их план до сведения царя. По словам Зотова, хлопотал за это дело и вел. кн. Михаил Александрович. О Зотове я слышал раньше от англичанина Дальтон Парсов, бывшего у меня по делу акционизации моей фабрики в Англии. Он купил у Зотова Смеловский завод, владел им некоторое время и снова продал завод старому владельцу, потеряв при этом некоторую сумму.

9. От княгини Тархановой я слышал, что Симанович, имевший магазин золотых вещей, ведет дела Распутина, имеет на него влияние, что он умный и часто у него бывает. Я его видел 2 раза после убийства Распутина (раньше его не видел). В день убийства Симанович приехал ко мне вместе с монахом, имени которого не помню, рассказать об исчезновении Распутина и просил разыскивать его живого или мертвого (он предполагал, что Распутин убит) и второй раз просить себе право жительства; он был тогда вместе с своими двумя сыновьями-гимназистами. Я заказал ему два жетона, которые подарил Ознобишину и Радкевичу. Тарханова знала Шифлера. Была должна ему по закладной на ее имении 60 тыс. рублей. Я обещал ей, если буду участвовать в каменноугольном деле, уплатить ее долг по закладной Шифлеру акциями, которые причтутся на мою долю. До войны Шифлер, как я слышал от него, был представителем завода Круппа, это и служило поводом производившихся о нем дознаний и его ареста. Я ему говорил, что ввиду этого опасаюсь с ним иметь дело и общение. Он отрицал свою виновность в чем-либо незаконном, и я ему верил, так как он после ареста и дознания был освобожден и оставался во главе крупных дел; вследствие этого я и не возражал, когда он выступал комиссионером по продаже копей кн. Мыщецкого и Комп. Лианозову С. Г. После своего назначения министром я из дела вышел. За себя я предоставил сделать все расчеты Кадзаеву А. Н. Не имея никаких договорных прав на участие в этом деле вновь, в случае оставления мною службы, я все же свое возвращение в это дело мысленно допускал. Ни формы своего участия в нем в будущем, ни суммы, в какой буду участвовать— я не предполагал. Очень может быть, мне оказалось бы невозможным вновь в него вступить, так как в работах по делу, его проведению и устройству во время службы своей я участия не принимал. Тарханова о моем выходе из дела знала; она хлопотала о пенсии своей дочери, вдове кн. Геловани, и я, насколько мог, помогал ей.

10. При назначении министром юстиции Н. А. Добровольского я слышал, что он затруднен в деньгах. Я предлагал ему кредит у себя,

чтобы дать ему возможность не должать по векселям и уплатить им. Денег он у меня не брал. Я слышал позже от Тархановой, что у Симановича имелись векселя Добровольского, кажется, на 30 тысяч руб. Добровольский хлопотал о упорядочении дела ликвидации менонитского землевладения. Присылал менонитов и ко мне. Он считал их голландскими выходцами. Я не сочувствовал вообще политике, принятой по поводу землевладения немецких колонистов, считая ее вредной для России, опрометчиво уменьшающей общую площадь посева в трудное время. В вопросе о менонитах был особенно с ним согласен; к их устройству при ликвидации их земель надо было отнестись бережно, проводить ликвидацию осторожно, индивидуализируя каждый случай.

11. От Похвиснева, в январе, я узнал, что военная цензура интересуется депешами, подаваемыми через императорский стол. Главн. управл. почт был составлен ответ о том, что корреспонденция этого стола изъята от цензуры. Об этом случае я говорил царю. Этот случай и заставил меня изъять депеши Распутина (из хранилища почтамта),— царю, царице, а с ними и другие, как я показывал в Комиссии. Я боялся распространения этих депеш, как это случалось. Должен прибавить, что в 3-х или 4-х депешах к царю и к царице упоминалось обо мне; хотя я в них и назван Калининым, все же это упоминание обо мне в депешах Распутина мне было неприятно.

12. В последнюю свою заграничную поездку в июне прошлого года в Париже я был встречен и имел свидание с управляющим отделениями Международного банка Александром Рафаловичем. У меня был открыт кредит в этом банке. Во время нашей поездки в Реймс на фронт полковник Ознобишин мне сказал, что об отделении Международного банка идет нехорошая молва; что директор этого отделения живет в Швейцарии, во Францию не возвращается и находится в числе лиц на замечании у французского военно-охранного отделения (точно названия не помню). Что об А. Рафаловиче, который его заменяет в отделении банка и к нему ездит в Швейцарию, тоже есть нехорошие разговоры, как о лице, находящемся в некотором подозрении; что в банке много служащих из немецкой Швейцарии. То же сказал мне и Николай Рафалович, директор Азиатского банка в Париже. Об этих отзывах я имел разговор с А. Рафаловичем; он сказал, что ездит к директору с отчетами банка; последний раз был подвергнут строгому досмотру на границе, чего раньше не было; находил, что дело банка за время войны действительно осталось без перемены персонала, набранного в значительной части из немецкой Швейцарии, и возбуждает толки в обществе и печати. Приехав в Петроград, я это дело передал Вышнеградскому и Шайкевичу. Управляющий отделением был сменен, и банк, как я слышал, переменил контингент своих служащих в Париже. Это дело на память записано мною в путевую записную книжку, которую я дал А. С. Ключареву.

13. Член государств. совета Озеров был представителем русского кинематографического общества в Москве. На представлениях кине-

матографа в его квартире я познакомился с г-жей Софией Григорьевною Лунц. После моего назначения Лунц была у меня раза 4—5. Я познакомил ее с Курловым; вначале у меня была мысль поручить ей общественную разведку, существовавшую при Столыпине, о чем я узнал от Курлова. Ей было назначено вознаграждение, которое и платилось некоторое время, рублей по 250 в месяц. Мысль о разведке осуществления не получила. Деньги, ей данные, возмещены мною из своих средств и ушли на дела благотворения вместо казенных.

Лунц ходатайствовала об отсрочке ее мужу (ввиду назначения его на должность, дающую ему это право. Он служил в транспортной конторе «Кавказ и Меркурий», кажется). Директор этой конторы тоже был у меня по этому делу. Оно было передано в управление воинскою повинностью, где и получило законное направление. Результата я не знаю. Вначале я охотно исполнял просьбы Лунц о разрешении прав евреям на жительство. Позже у меня явилась мысль, не берет ли она за эти хлопоты деньги? Я стал осторожнее, направляя прошения в деп. полиции с подписями: «Разрешить, если нет особых препятствий» или «разрешить», когда дело казалось мне бесспорно справедливым. Я всегда надеялся, что в случае ошибки с моей стороны я получу соответствующий доклад. Формальная сторона дела была мне мало известна. В последний раз она обратилась ко мне с несколькими прошениями, в числе коих, помнится, было одно—разрешить въезд из Копенгагена в Россию кому-то из конторы, находящейся там и где ее муж служил раньше. Все ее ходатайства были направлены мною в деп. полиции для поверки и доклада мне, потому что, прося меня, она сказала, что разрешение может принести ей деньги. Это подтвердило мои подозрения, и я решил, что дело надо проверить. Ей я сказал, что более просьб от нее принимать не могу, и предложил ей впредь подавать их обычным путем. При разговоре присутствовал мой служащий Павел Савельев. Более я ее не видел. Обдумывая здесь все это дело, у меня явилось подозрение: уже не принадлежит ли она к какой-нибудь шпионской компании? Она мне говорила, что ей помогает деньгами ее друг, как она называла; его фамилия, помнится, Битер. Я также здесь думал, в Петрограде ли она, или уехала. Думал также, не она ли лектрисса при царе, о которой здесь слышал. Не поднял об всем этом вопрос, так как все изложенное по поводу шпионажа были лишь мои предположения и догадки. Иной раз мне казалось, что она уже в крепости, и я ожидал об этом допроса. Сам же иной раз забывал, иной раз опасался поднять этот вопрос, щадя себя.

14. Вспоминаю случай, когда мною было предложено деп. полиции сделать обыск и домашний арест г-жи Марии Дерфельден. Приказ об этом я получил от бывшей царицы; передала мне об этом по телефону Вырубова, основанием к обыску было заявление о том, что на ее, Дерфельден, квартире происходили совещания по поводу убийства Распутина и также замышлялось подобное против б. царя. Обыск результатов не дал, арест был снят в течение суток; перед г-жею Дерфельден

я извинился, и она была у меня для личных объяснений. По этому случаю я познакомился с ее братом.

15. Б. царица мне прислала письмо полк. Бильдерлинга с надписью разобрать дело, не вмешивая ни ее, ни Вырубову. Во исполнение надписи я видел полк. Бильдерлинга, объяснившего мне, что в Луцке, по его мнению, есть кружок офицеров, поставивших себе политическую цель,—какую—он не знает. Он получил приглашение, печатное, за номером, прибыть, если желает, в Луцк, при чем было сказано: «номер ваш известен». Был ли это действительно заговор, он объяснить не мог. Передавал лишь факт и свое о нем мнение. Дело мною было передано в деп. полиции А. Т. Васильеву, который, наведя справки и послав расследовать это дело, довел до моего сведения, что никакой организации среди офицеров в Луцке не найдено. Об этом письме и разговоре моем с полковником Бильдерлингом я докладывал б. царю. Он сказал, что там находится в. кн. Павел Александрович и что он вполне верит его надзору. Письмо Бильдерлинга с надписью б. царицы находится в папке, которую в числе других бумаг я отдал Павлу Савельеву, уходя из дома и надеясь вернуться и разобрать их.

17.[1]) Вспоминаю, что в декабре (конце) Замысловскому было дано из сумм деп. полиции на поддержку монархических в Ростове-на-Дону газет и тамошнего отдела монархистов. Точно расхода этих денег не знаю. Дал их ему Курлов с моего ведома и согласия.

18. В дополнение показаний своих о наших разговорах с Марковым вспоминаю, что он говорил, что народ будет защищать царя дубьем. Это он говорил и в думе. Жаловался, что субсидия мала. «Скажите царю, чтобы он взял ½ миллиарда из военного фонда, и тогда можно будет что-нибудь сделать». Я ему отвечал, что денег более дать не могу, что это дается на поддержание кадров (бюро) союза. «Позже поговорим»; докладывать б. царю о его предложениях я отказался. Субсидии, которые получал Марков, шли через него на поддержку всего союза; он же давать должен был деньги Дубровину и другим. Их я не видел. Отчета в деньгах не получал,— не спрашивал, и только в феврале намеревался спросить, но не успел. Марков говорил об охране, бывшей в Костроме и Киеве, и об оружии, которое было у охраны от союза, полученное им я не знаю от какого ведомства. О необходимости иметь и теперь оружие упомянул вскользь; но от кого союз мог получить оружие, получил ли, я не знаю. Ни средств союза, ни их сношений с другими членами бывшего правительства я не знаю.

19. На новогоднем приеме в Царском Селе у меня произошел инцидент с председ. государственной думы М. В. Родзянко. На мой поклон ему при встрече, когда б. царь шел уже в комнату, он, повернувшись ко мне, сказал: «нигде и никогда». Я ответил ему, что принужден буду прислать к нему своих друзей. Он ответил: «хорошо, как

[1]) Пункта 16 в нашей копии не имеется. *Прим. Ред.*

хотите». Зная, что вызова без разрешения царя я послать не могу, я составил письмо, в котором довожу до сведения Родзянко, что принужден отложить дуэль до времени, когда оставлю свое место. Настоящее же письмо прошу считать за вызов. Это письмо я показал б. царю; он против него не возражал, но в тот же день Голицын воспротивился и пожелал вновь доложить царю. Я согласился. Дубликат письма был засвидетельствован Куколем и еще не помню кем, с обозначением, что подлинное находится у председателя совета министров. Через дня два Голицын мне сказал, что б. царь, по его докладу, против отсылки письма, которое осталось непосланным; по утверждению моих секундантов причина была уважительная, и я сохранил право послать это письмо после выхода в отставку. (Говорил я по этому поводу с Радкевичем, Ознобишиным и Куколем.)

20. Кн. Андроникова, за несколько дней до моего назначения, послал ко мне Белецкий. При моем назначении Андроников поднес (прислал) мне икону. Желая его лично видеть и иметь об нем понятие, я просил свою двоюродную сестру кн. Мышецкую его позвать к себе для свидания со мною. Этих свиданий он всячески добивался. Впечатление он производил благоприятное. Деятельность его была мне известна по наслышке (шантажист). Разговоры касались его отношений к другим министрам и двору. Я советовался с ним о редакции депеши поздравительной б. царю, — так как он был хорошим составителем таковых (он издавал также свою газету). Редакция его депеши, однако, меня не удовлетворила; я ее переделал по своему. Видел я его раза 3—4. В его квартире случилось воровство, сделанное какими-то людьми, коим он позволил у себя, кажется, без прописки переночевать. Подробностей не знаю. Слышал предположения, что Андроников был причастен к убийству Распутина; кто это говорил, не помню. Царь, царицы и Вырубова его не любили, что мне и говорили. В связи со всеми слухами об Андроникове я спросил царя, как с ним поступить и не следует ли его выслать. Царь согласился, и Андроников был сослан в Рязань, по ордеру военных властей, коим я передал приказ царя. На вопрос Андроникова по телефону о причине его высылки я ответил, что «не знаю, — это приказ сверху, не желаю сообщать ему подробности, сопровождавшие это распоряжение». Андроников имел людей ему преданных в ведомстве и в доме министра (Драгомирецкий — коего после его удаления мною я постарался устроить, и Балашов, который все время оставался при мне и помогал, не обижая Андроникова, не допускать его к посещению ни ведомства, ни меня. Однажды Андроников все же был в деп. общих дел, где, как мне говорил Волконский, позволил себе неосторожные речи про б. царицу. Я просил кн. Волконского составить показание, но показания этого, хотя я его спрашивал, я не получил, и дело заглохло).

В Рязань я послал Андроникову 1.000 со своим служащим Павлом Савельевым — вручить без расписки из моих денег, боясь Андроникова и одновременно жалея его. Макаров обращал мое внимание на

необходимость его не раздражать. Курлов Андроникова считал человеком вредным.

21. После моего возвращения из путешествия за границу в Петроград, дня через два-три, ко мне приехал Л. М. Полляк и привез мне для исправления наш разговор с Вартбургом (по-немецки). Я плохо знаю этот язык, и прочесть его не мог. Полляк предложил мне сделать перевод и принес его на следующий день. Я отказался его исправлять, обратив его внимание, что ему иметь какие-либо сношения с Вартбургом не годится, что я категорически отказываюсь от этого; перевод остался у него. Про этот случай не говорил до сих пор, не желая кидать тень на него за легкомысленный поступок его, тем более опасный для него, что он еврей, и считая его хорошим человеком. Теперь рассказываю это, ибо, может быть, это надо знать следственной комиссии.

22. В то время, когда я был членом совещания по обороне, я много знал и слышал о недочетах разного снабжения наших войск. В частности вспоминаю, что пушки, заказанные на заводе Крезо во Франции, опоздали и наши корпуса пошли в бой с неполным количеством орудий. Слышал также, что часть патронов, доставленных из-за границы (до войны) была плохого качества. Русские заказы за границею и во время войны очень опаздывали, и совещание принимало все меры исправить это зло и увеличить русское производство. Слышал также, что русские не употребляют разрывных пуль. Набор же немецких пуль видел — не помню где, кажется, у военного министра Сухомлинова или Поливанова. Разрывные пули на гильзе имели черный ободок.

23. Член государственной думыОзнобишин написал описание нашего путешествия за границей (делегации законод. учреждений). Я ему дал письмо в главное управление по делам печати для того, чтобы помочь ему издать эту книгу. Издана ли эта книга — мне неизвестно. Помнится, на издание была определена сумма (не более 3.000 руб.—а может быть, и гораздо меньше).

24. Митрополита Питирима я видел впервые при его назначении, когда я был тов. предс. госуд. думы. При его приезде я сделал ему визит. Он отдал его Родзянке, так как я был у него официально. Я слышал потом от Родзянки, что он говорил митрополиту о невозможности его знакомства с Распутиным — о коем идет слух, на что митрополит отвечал уклончиво. После своего назначения я видел его довольно часто, любил бывать у него. Он также ко мне приезжал и относился очень ласково. Раньше он пользовался влиянием при дворе, и я слышал, что Хвостов А. Н. и Штюрмер часто бывали у него вместе с Распутиным. В мое время на царя имел влияние Шавельский (протопресвитер). Влияние митрополита, по неизвестным мне причинам, упало. Митрополит был защитником выборного духовенства от прихода и обеспечения такового от казны. Эта реформа казалась и мне полезной. Она разрабатывалась в особой комиссии при синоде. Б. царь был согласен на обеспечение духовенства, но выборного духовенства находил несвоевременным вводить. (Это было влияние Распутина.) Пред-

положения синодской комиссии в жизнь не прошли и в совете министров не разбирались. Способ их проведения в жизнь по 87 ст. или 86 ст. также решен не был. В государственной думе я слышал, что митрополит был хорош с Распутиным и что это обусловило его выбор в петроградские митрополиты. До этого он был экзархом Грузии, свою епархию очень любил и там его любили.

Вызов его секретаря (Осипенко, кажется) свидетелем по делу Мануйлова беспокоил митрополита. Он советовался со мною по этому делу. Я дать ему решительного совета не мог; ссылался на статьи закона, напечатанные на повестке. Был ли его секретарь на суде — не знаю, но более разговоров у меня с митрополитом по этому поводу не было. Причину своих опасений по случаю вызова его секретаря в суд митрополит объяснял нежелательностью для него разговоров о немсна суде. «Будут лишние разговоры»,—как он говорил. Я слышал, что О ипенко был дружен с Мануйловым, когда он был при Распутине и они вместе кутили. О секретаре митрополита я слышал, что он берет взятки. Я ему подарил 100 руб. Митрополита беспокоили газетные против него статьи. По его просьбе я говорил об этом с Плеве. Подобные статьи оказались запрещенными перечнем, которым руководствовалась цензура. Я также находил, что бранных статей против старшего члена синода помещать нельзя (без цензуры). Незадолго до процесса Мануйлова я был у митрополита вместе с Добровольским Н. А. Митрополит высказывал и ему свое беспокойство, что присутствие на суде его секретаря поведет за собою разговоры в обществе и печати. Добровольский успокоил его, говоря, что неприятных последствий из-за явки свидетелем его секретаря митрополиту не будет. Видел у митрополита и Раева. Разговор тогда шел о реформе прихода, которой Раев был сторонником.

25. По делу ареста рабочих секций военно-промышл. комитета я забыл показать, что не все депутаты были сразу арестованы (Гвоздев по болезни, других не нашли). После мне говорил Васильев, что Онисимов [1]) (кажется) выразил желание отсидеть положенный срок и что надо принять будет меры, как это обыкновенно делается, для облегчения его участи (допустив побег или просьбу о помиловании). Сведения о движении будут доставляться департаменту, как прежде.

В связи с показаниями моими по делу Хвостова и моими предположениями, что он находится в связи с распространением фальшивых денег в России, вспоминая отчет в расходовании 325 тыс. (кажется), который я видел при допросе своем, у меня является мысль, что на расходы по рабочему движению тратились фальшивые деньги в его время (там, помнится, показана цифра 130 тыс. р.).

26. В папке бумаг, переданных мною своему служителю Павлу Савельеву, о которой показываю в п. 16, находятся мои доклады царю, черновики моих ему писем, также писем царицы, письма Выру-

[1]) Не Онисимов, а Абросимов, — провокатор, что установлено. *Прим. ред.*

бовой и другие бумаги. Также несколько фотографий, снятых с Распутина после его убийства. Между ними есть мое письмо царю, ответ, или, вернее, разбор письма Г. Клопова, данного мне царем для прочтения и отзыва. Главные положения письма составлены при помощи Гурлянда и пополнены мною; письмо касается своевременности экономических, а не политических реформ, отношений к государственной думе, оценка политического настроения в государстве, несвоевременности собрания совещания под председательством царя; также говорится об аресте рабочих депутатов в. пр. комитета и суда над ними,— что жизнь укажет правильность этого шага; также о тогдашнем правительстве.

27. Список вновь назначенных членов г. совета я раз видел у Вырубовой; этот список, предполагаю, был прислан царем царице для ее отзыва; я его не рассматривал и кандидатов царя, там поименованных, не знаю. Б. царь иногда советовался со мною относительно замещения вакантных министерских мест; так я по его спросу и совету со Щегловитовым назвал Кульчинского, знал о назначении — предполагаемом—Беляева и Щегловитова.

28. В Петрограде товарищем городского головы был избран Демкин. Его долго не утверждали, так как он был в подозрении по какому-то делу, кажется, Французского банка; по предложению Анциферова, находившего его утверждение нужным для ведения городского дела, я на него согласился; последовало ли утверждение — не помню.

29. При замещении вакантной должности крымского кадия эскера было два кандидата — хан Карачайский и К. [1]) (фамилии не помню). За первого ходатайствовал губернатор Княжевич, и по справке деп. духовных дел он имел больше прав. За второго просили б. императрица, Вырубова и Муфти-Заде. После справок, кадием был назначен государем Карачайский, по моему представлению.

30. С Мануйловым я познакомился либо у Бецецкого, к которому ездил после его отставки, жалея его и предполагая, в случае его бедственного положения, устроить его в один из банков, — либо у Штюрмера, когда он при нем состоял. Предполагая издавать газету, по совету М. М. Горелова, Мануйлову, как будущему сотруднику газеты, послал 3.000 р. авансом, о чем с ним лично условился. При его посредстве, М. М. Горелов предполагал купить машину, печатавшую казенную газету «Россия», но машина эта почему-то куплена не была. На его кварире был раз с визитом. Зная его близость к Штюрмеру, думал через него узнать о предстоящих переменах в правительстве, в частности в министерстве торговли, которым особо интересовался.

Возвращаясь из-за границы, я был в Торнео встречен А. Л. Стембо, одним из деятельных тогда работников по подготовке дела издания

[1]) [Помощник симферопольского предводителя дворянства Селямед мурза Кипчакский, которого поддерживал Княжевич. Он же был и кандидатом деп. дух. дел. Он же, Кипчакский, а не «Корожанский», кандидат Муфти-Заде, был утвержден по представлению самого Протопопова. Арх. д. Ч.С.К. № 25, стр. 18

новой газеты. Он меня поставил в курс дела, как оно складывалось в мое отсутствие. Вскоре после ареста Рубинштейна арестован был и Стембо в псковской тюрьме, выпущен через 6 недель; причину ареста не знаю, после его ареста он более участия в подготовительных к изданию газеты работах не участвовал, и я его видел, кажется, только раз.

31. а) Жандармский офицер севастопольского управления сообщил депешами министру вн. дел и департаменту происходящие в этом городе события. Получив депешу об аварии с броненосцем «Императрица Мария», я эту депешу передал Григорьеву. Позже я узнал, что адмирал Колчак сместил нашего офицера за сообщение этого сведения, считавшегося секретным. Офицера мы перевели в другое место: в Севастополь же был назначен другой, по соглашению с адмиралом Колчаком. После этого случая получение сообщений из Севастополя стало затруднительным, хотя они и поступали, но с опозданием, напр., сведения о несчастии с броненосцем «Екатерина II».

б) Телеграфная линия, соединяющая нас с Англией, и станция (не в Архангельске, а в другом месте — названия не помню) находилась в заведывании военных властей. На станции случился пожар, и линия оказалась поврежденною. Чинами ведомства, вызванными для исправления, оно было произведено быстро, и через три дня телеграф мог передавать 25 тысяч слов в день (раньше передавал 50 тыс., и после полного исправления это было достигнуто). Я узнал об этом деле от Похвиснева, просившего разрешения наградить работавших там чинов ведомства. Причину несчастия не знаю; было предположено и злоумышление. Расследование вело военное ведомство и считало его секретным.

в) Государь передал мне для разбора прошение, переданное ему его матерью (императрицей Марией Федоровной) и полученное ею от датских подданных, служивших в России на телефонной сети, датского офицера, кажется, в Петрограде. Они были удалены вследствие предупреждения, полученного от английского правительства. Они просили о возвращении своем на службу или возмещения убытков. Прошения я передал Похвисневу. По разборе их дела доложил царю. В просьбе датчанам было отказано, исполнить ее оказалось нельзя.

г) Городской голова Москвы, Челноков, входил в совет министров и имел со мною разговор о передаче городу освещения и энергии, (общества 1886 г.) в Москве. В совете министров явилась мысль сделать казну участницею в предприятии, а не один город. Мысль эту поддерживали кн. Шаховской и я. Дело все же решения не получило.

д) Из Архангельска департамент полиции и министр получали сведения, но с опозданием, и были не в курсе дел, а только происходящих событий; я получал депеши оттуда изредка; так причина пожара, возникшего в Архангельске на пристани, где было много припасов военных и всякого рода товаров, была мне сообщена депешею, в которой говорилось, что предполагается, что причина пожара заключалась в особом составе, коим были натерты разгружаемые бочки, воспламеняющемся при разгрузке. Так ли это—не знаю. Сведения эти

военное ведомство и морское считало секретными и вело расследование само. В совете министров о нем доклада не было.

Показания мои, изложенные в настоящем под № 31 пункте и литерами а, б, в, г и д, — мне помнится, я представлял уже в письменном показании комиссии. Опасаясь все же допустить пропуск, я решаюсь их, может быть, повторить, насколько сохранились они у меня в памяти.

32. Неправильное распределение пленных в губерниях для сельских работ случалось, и м. вн. д. старалось, насколько возможно, приводить ему известные случаи и порядок. Вспоминаю, что Н. Н. Анциферов мне сказал, что председатель управы, кажется, харьковской губернии — удерживает пленных на работах земства, не отпуская их на сельские работы, и возводит постройки, которые дорого стоют. Я послал туда на ревизию кн. Андрея Ширинского-Шихматова, который, вернувшись, доложил мне, что там действительно происходит задержка пленных на строительных работах вместо сельских. Он указал эти неправильности председателю управы, обещавшему ему изменить распределение. Отчет о ревизии Ширинского был направлен в главное управление по местному хозяйству за краткое время до моего ухода. Пленные отпускались и в крестьянские хозяйства; при снятии их по постановлению совета министров для надобностей м-ва торговли, путей сообщения или военного—брали пленных не от помещиков и крестьян пропорционально поровну, а раньше от крестьянских хозяйств — несмотря на протест со стороны представителей министерства внутренних дел и не различая мест, где снят урожай и где еще не убран.

33. Незадолго до революции государь, по представлению, кажется, Голицына, согласился назначить особо полномочного ревизора для проверки правильности даваемых отсрочек лицам, подлежащим призыву (ибо почти все учреждения, частные и общественные дела (?) и организации и союзы допускали незаконные отсрочки). В разговорах с государем я высказывал, что подобная поверка полезна. Ревизором был назначен Алексей Ширинский-Шихматов, не успевший начать свое дело, как наступил переворот.

34. По делу снабжения Петрограда продовольствием и фуражем ко мне обратился г-н Виткун; его направил ко мне Распутин. Виткун заявил, что у него закуплено много провианта и фуража, но что отправка его затрудняет — нет вагонов. Я предложил ему составить список станций, с коих он желает отправить товар, наименование такового и количество вагонов, говоря, что все, что нужно, будет у него куплено уполномоченным по продовольствию, если качество товара удовлетворительно. Я передал дело Виткуна Ковалевскому (заведующему продовольственной частью м-ва вн. д.), который вел с ним переговоры; позже мы направили его в м-во земледелия. Виткун говорил, что при приходе и разгрузке в городе происходят злоупотребления — берут взятки, — в подтверждение своих слов передал мне несколько ярлычков, выдаваемых, кажется, при назначении разгрузочных оче-

редей. Дело это я передал Курлову, прося назначить дознание по нему. Таковое было поручено Гагарину — из деп. полиции, который и вел его, обнаружив виновность одного из членов комиссии по продовольствию, кажется, при градоначальстве; дело при мне закончено не было и продолжалось расследованием. К Виткуну я посылал за списком его товаров и их количества по станциям своего служащего Павла Савельева; от него я слышал, что Распутин бывает у Виткуна, обедает иногда у него и что Виткун человек богатый. Посылал, желая ускорить дело закупки нужных городу товаров. Теперь у меня является мысль, не причастен ли Виткун к шпионажу? Прежде всего, конечно, не думал и оснований утверждать что-либо подобное — не имел; мысли эти явились у меня под влиянием узнанного уже в крепости.

Мне также приходит в голову — не изменник ли Симанович и не был ли таковым Распутин. Подозреваю А. Н. Хвостова (п. 9 настоящего показания), Татищева, кн. Тарханову, Мануйлова, Мануса, Штюрмера; прежде этого не подозревал, а теперь невольно думается,— подозреваю (п. 20 настоящего показания) фрейлину Никитину, кн. Андроникова, полковника Резанова, — хотя положительно к тому оснований не имею, — также думается, не (п. 11 настоящего показания) знала ли София Лунц Мануйлова и не видалась ли в Копенгагене с Переном или кем другим, причастным к шпионажу, — хотя и это есть лишь предположения, здесь пришедшие мне на мысль.

35. А. И. Гучков считался человеком и влиятельным в военной среде и сторонником перемены бывшего государственного строя. Царь особенно его не любил и общение с ним считал предосудительным. За Гучковым деп. полиции следил, и о посещавших его лицах велся список. Донесение о посещении его генералом Гурко, полученное через агентуру департамента, было мною представлено царю; с царем же я имел разговор по поводу писем Алексеева к Гучкову и его ответах. Эти факты, письма Алексеева, были известны царю из другого, неизвестного мне, источника... Знал ли он и о посещениях Гурко — не знаю; но царь, помимо департаментских сведений, имел сообщения, что я ранее замечал. А. И. Гучков, по сведениям департамента полиции, ранее делал собрания военных (на Сергиевской — дом не знаю) и членов думы; это было до меня, и докладов царю по этому поводу не делал, — но он был в курсе дела, как предполагаю из его разговоров о Гучкове.

36. От жандармского генерала Попова, временно командированного мною в распоряжение дворцовой охраны, лежавшей на генерале Гретене (в отсутствие Воейкова — помнится), я слышал, что среди офицеров и солдат стрелков императорской фамилии и, помнится, сводного баталиона, стоявших в Царском Селе, имеется возбуждение против б. царицы. Это я говорил генералу Воейкову и б. царице; не помню, говорил ли я это царю, но, кажется, говорил.

37. Когда стала предвидеться возможность революционного движения в Петрограде, согласно сведениям деп. полиции, я спросил градоначальника Балка, выработаны ли меры, которые надо принять для

сохранения порядка. Это было в декабре прошлого года или в январе. Эти меры были двух родов: доставка продовольствия (шло через министерство земледелия), мера предупредительная и мера остановки движения, если оно возникнет, полицейской военной охраной. Балк мне сказал, чтобы я не беспокоился по этому поводу, что происходили и происходят совещания у него на дому под председательством Хабалова, где вырабатывается план распределения полиции и войск по полицеймейстерствам; в каждом будет особый начальник военных частей. В основу плана принято распределение охраны, бывшее в 1905 году, но, конечно, тогда войск было больше, теперь же приходится полагаться более на полицию, конную стражу, жандармов и учебные команды запасных батальонов. Всего около 12 тыс. человек; в 1905 году было более 60 тыс., как я слышал. По поводу охраны я также говорил с генералом Вендоржом, переживавшим движение 1905 г., и, помнится, просил Курлова быть на совещании у Балка. Курлов, кажется, там был раз и более не ездил, сказав мне, что он там лишний и дело обойдется без его участия. От Балка я получил дислокацию полиции и войск на случай беспорядков; она предполагала меры сначала полицейские, затем войсковые. Составлена была на 4 дня (кажется). Эту дислокацию я представил царю, который ее у себя оставил. Позже я слышал от царя, что он приказал генералу Гурко прислать в Петроград части гвардейской кавалерии (помнится, улан) и казаков, но что Гурко выслал не указанные части, а другие, в том числе моряков (кажется, 2 гв. экипажа), считавшиеся менее надежными (пополнялись из фабричного и мастерового контингента). Царь был этим недоволен; я выразил удивление, как Гурко осмелился не исполнить его приказа. Настаивал ли далее государь на исполнении приказа, не знаю. Знаю, что по приказу Хабалова в Петроград прибыли казаки и какие-то военные части из окрестностей; кажется, была вызвана артиллерия, в последний, или предпоследний день революции, т.-е. 26 и 27 числа февраля. Каким образом была исполнена дислокация и меры, предпринимавшиеся для прекращения беспорядков, я знал только по телефонным сообщениям градоначальника или по своим справкам у генерала Хабалова. На прибывших моряков не надеялись; запасный батальон Литовского полка самовольно оставил казарму, отказываясь от стрельбы, и вернулся в казарму, уговоренный священником, вышедшим с крестом в руках к солдатам этого батальона, стоявшим на Марсовом поле. После 26 февраля военный министр Беляев тоже принимал участие вместе с Хабаловым в распоряжении действиями войск. О возникновении революционного движения и введении в действие войск я послал, через генерала Воейкова, телеграмму царю в ставку. Я указал на позднюю выпечку хлеба и ложные слухи об отсутствии муки в Петрограде, как на повод к возникновению движения; сообщил, что полицейские и войска верно исполняют свой долг и что есть надежда, что движение прекратится. Царь ответил депешею ген. Хабалову (тоже известившему царя о революционном движении в городе), приказывая

всеми мерами прекратить беспорядки, недопустимые во время войны. Депешу царя ген. Хабалов мне показал.

Думая о предстоящей после войны демобилизации, я предполагал, что ее надо проводить постепенно, чтобы в деревнях не скопился сразу недовольный элемент. По сообщению деп. полиции в Австрии и Германии наших пленных нарочито революционизировали в особых школах. О возвращении их думал тоже с опасением, предвидя неизбежность беспорядков после войны. Думал о необходимости принятия мер — одних, направленных к облегчению крестьянских хозяйств, волостное хозяйство, мелкий кредит, раздача земельного банковского фонда и фонда земель бывших у немецких подданных и колонистов, пенсии раненым и увечным; других, направленных к прекращению беспорядков. В случае возникновения таковых так думал о необходимости иметь в уездах, кроме стражников, еще особые команды из бывших на войне солдат под начальством таких же офицеров; производить обучение новобранцев, если таковые будут призваны, в местных уездных городах. Разработанного плана по этому вопросу не имел, о нем особо не задумывался. Разработку его никому не поручал, царю о необходимости осторожной и постепенной демобилизации — говорил.

Штюрмер испросил в свое распоряжение у царя особый фонд в 5 милл. рублей. В них он должен был отсчитаться перед контролером. Слышал об этом от бывшего м-ра земледелия А. Н. Наумова. На какую цель предназначался этой фонд — не знаю: знаю только, что он был в распоряжении председателя совета министров.

Я слышал от В. В. Граве, что Штюрмер, когда был министром внутренних дел, временно затерял военный шифр; потом он нашел его; все же военному министерству пришлось изменить шифр. Рубинштейн говорил мне, что Штюрмер проводит члена государственного совета Охотникова в министры финансов или земледелия и что Охотников будто бы готов заплатить за это Штюрмеру 1 милл. рублей. Последнее я считал сплетнею, о кандидатуре же Охотникова на его место я говорил Барку. От Рубинштейна или Гурлянда я слышал, что фрейлина Никитина роется в столе Штюрмера и читает находящиеся там бумаги. Гурлянд находит, что Штюрмер напрасно приближает к себе Никитину. Никитина приезжала ко мне один раз-знал я ее только, видя у Штюрмера. Самойлова, чиновника особых поручений при нем, после ухода Штюрмера я поместил вице-директором департамента общих дел. Я и Куколь знали Самойлова по службе в управлении по воинской повинности, я же оценил его, как большого работника и дельного человека, за время, когда он вел производство по совещанию о дороговизне.

Елисавета Влад. Штюрмер предупреждала меня, что среди лакеев в доме министра внутренних дел есть сыщики деп. полиции. Советовала их удалить. Я никого из прислуги не переменил. Я слышал, будто бы чиновник особых поручений Андро ежедневно ездил к Штюрмеру

передавать, кто у меня бывает, и дела, кои он мог узнать. Я не придал этому веры и значения и считал его полезным; оставил его на занимаемом им месте.

В связи с новым пониманием мною значения дела о растрате А. Н. Хвостовым 1.300.000 р., а следовательно, и значения документов по этому делу, надпись Штюрмера на одном из отчетов по этим суммам заставляет меня думать, что он, в равной с Хвостовым мере причастен к этому делу. Отчеты, которые были мне предъявлены следователем, мне кажутся теперь отчетами в расхождении фальшивых денег (об обращении таковых в стране я узнал, уже будучи в крепости, как говорил в своих показаниях, ранее же я этого не подозревал). Отношения Штюрмера и Хвостова мне неизвестны, но я знаю, что Гурлянд был близок к обоим и, может быть, знает это. У меня является также подозрение, что занятые мною у гр. Татищева под векселя 50.000 р. могут оказаться фальшивыми. Пачку денег, завернутую в бумагу и им же переданную, я не развертывал.

После ухода Сухомлинова из министерства, я несколько раз был у него. Он жил на Торговой ул., 12, потом на Офицерской, № 53; я хотел оказать ему внимание, не веря в его виновность и памятуя его доброе отношение ко мне, когда он был министром. Я знал его и его брата еще во время моего пребывания в кавалерийском училище. Я всегда считал его человеком бедным и что деньги, которые широко тратила его жена, даны ей Манташевым. После своей отставки он жил скромно, но обстановка его квартиры была очень хорошая. Он сказал мне, что за долгую службу успел скопить 50.000 р., которые были им даны Утину, игравшему для него удачно на бирже, и что теперь у него есть обеспечение на старость. Позже от С. Т. Варун-Секрета я узнал, что у Сухомлинова всего денег оказалось 600 тыс. рублей.

Я слышал от своего брата С. Д. Протопопова, что член продовольственной комиссии при градоначальнике Фомин принимает муку от г. Черняка (фамилию точно не помню) затхлую, дает ему преимущественно перед другими вагоны под грузы и другие льготы. Действия комиссии вообще вызывали нарекания. Я говорил кн. Оболенскому по поводу подозрений на Фомина. Он за него заступился; я ему поверил, но не вполне; все же в то время я не распорядился расследовать это дело. Действия комиссии подверглись расследованию только по делу Виткуна (случившемуся вскоре после сообщения моего брата о действиях Фомина) уже после ухода Оболенского. Расследование велось Гагариным и обнаружило виновность одного из членов комиссии, дело которого передано было следователю.

А. Протопопов.

Октябрьский переворот и ставка.

(Окончание [1]).

V.

Около самой ставки начали сгущаться тучи недовольства. Солдаты видели контрреволюционные намерения сидевших там генералов. Ненависть солдат направлялась и на сидевшего в Быхове генерала Корнилова. Все чаще и чаще раздавались по адресу Корнилова и его друзей угрозы солдат. Ставка решила оградить Корнилова сначала путем перевода в Могилев, но затем, испугавшись солдатского возмущения, решила направить его в захолустный городок Чериков. 29 октября генерал Духонин вел по этому вопросу следующий разговор по прямому проводу.

— У аппарата генерал Духонин, здравствуйте!

— У аппарата генерал Барановский. Здравствуйте, Николай Николаевич [2])! Сейчас меня вызывал Данилевич по приказанию Ал. Ф. [3]); последний просит Вас немедленно ему сообщить мотивы вызова чрезвычайной следственной комиссии. Эта комиссия находится в Петрограде, и связи с ней нет. А. Ф. по получении от Вас ответа даст надлежащие указания. Кроме того, я имею в руках телеграмму, которую должен зашифровать. Телеграмма адресована Вам и также требует скорого ответа. Не откажите передать сейчас по первому вопросу.

Здравствуйте, Владимир Львович [4])! Первый вопрос касается генерала Корнилова и арестованных с ним лиц. В последнее время масса толков вызывает их пребывание в Быхове. Армейский комитет настойчиво предлагает перевод Корнилова в Чериков. Сегодня было совещание в составе начальника гарнизона, комиссара казачьих войск, пришедшее к заключению о желательности перевода в Чериков. Мотивы — опасность самосуда со стороны проходящих через Быхов эшелонов. Ввиду того, что вопросом охраны ведает председатель чрезвычайной следственной комиссии Шабловский и определенных письменных правил содержания и охраны арестованных он не дал, мне было бы желательно совместно с ним пересмотреть весь вопрос и изложить его ввиду общего интереса, который в настоящее время сосредоточивается вокруг арестованных, так равно и ввиду точного установления круга ответственности разного рода лиц, причастных в той или иной степени к охране. До сих пор на практике недоразумений не встречалось, и считалось, что арестованные находятся в ведении Шабловского и охраняются особым нарядом войск, с его согласия подчиненным коменданту; с согласия же Шабловского и был установлен режим арестованных, порядок допуска корре-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. VIII, стр. 153—175

[2]) Духонина звали Николаем Николаевичем.

[3]) Александр Федорович Керенский.

[4]) Владимир Львович Барановский.

спонденции и тому подобное. Частые приезды Шабловского или членов комиссии давали уверенность в правильном положении этого вопроса; ныне же, кажется, около трех недель он отсутствует, и комиссия не проявляет видимого руководства надзором, что тревожит организации, служит источником разных слухов. Новый комендант ставки признает необходимым ввести некоторые изменения; вот все эти обстоятельства и заставляют желать прибытия Шабловского в Быхов. Его также ждут с нетерпением все арестованные. Вот что я мог сказать по первому вопросу. Не имеется ли каких-либо сведений о положении дел у А. Ф.?

Новости есть, но я их буду Вам докладывать, если разрешите, после 11-ти вечера, так как сейчас не имею времени абсолютно. Особенного ничего нет. *Барановский.*

— Тогда до свидания, всего лучшего.

В ночь на 30 октября между ставкой и штабом северного фронта происходили переговоры о политическом положении. Ген. Барановский сообщал ген. Духонину о состоянии и настроении армий северного фронта.

— У аппарата ген. Барановский.

— У аппарата ген. Духонин, добрый вечер, Владимир Львович!

Здравия желаю Николай Николаевич! Попросил Вас, чтоб ориентировать об обстановке у нас: XII армия, — настроение попрежнему пестрое. Латыши попрежнему ведут себя по-большевистски; Венден, Юрьев в руках большевиков. Повидимому, что-то неладное случилось и в Валке, так как прибывший туда броневой дивизион и ударный батальон из Пернова получили приказание штаба погрузки не начинать. Узнав об этом в 10 часов вечера случайно, мы могли только добиться подтверждения, что такое распоряжение действительно отдано, но причин его до сих пор не знаем, так как нам говорят, что командарм сейчас занят и не может дать ответа. На армейском съезде армий большинство не за большевиками, председатель искосола [1]) поручик Кучин имел успех своей речью,—это для сведения,—так как создает надежду,что комитет XII армии будет благоразумный. I армия сегодня выразила готовность помочь комитету спасения революции войсками. Мы приказали немедленно отправить 23 Донской полк, также, кажется,—я не уверен, так как начальник штаба говорил по аппарату, после чего ушел, и я ленты не читал, — и ударные батальоны, об этом доложу точнее завтра. V армия — положение скверное, армиском [2]) собирается посылать войска на помощь большевистскому петроградскому гарнизону, только что говорил по аппарату с наштармом V, который мне это и сообщил. Армиском сейчас заседает и,— как говорит наштарм V,— в случае подобной резолюции командарм решил действовать решительным образом. Мы привлекаем в Псков для обеспечения тыла войск Краснова, а также для охраны узла 3 Уральский полк. Положение в Пскове тревожное: сегодня два эскадрона стрелкового полка 16 кав. дивизии освободили из тюрьмы до 200 арестованных. Начальник гарнизона подал в отставку, ибо окончательно растерялся; все надежные части гарнизона подчинены командиру Нерчинского полка, в распоряжении которого находятся три сотни, три эскадрона, 4 орудия, 8 пулеметов; по приходе Уральского полка освободим часть Уссурийской дивизии и направим их Краснову. В Ревеле юзисты, не желая подчиняться большевистскому контролю, ушли из аппаратной. Главкосев сегодня подробно говорил с генералом Генриксоном; выяснилось, что там царствует революционный комитет. Эксцессов нет, спокойствие полное, но никаких войск ни откуда посылать не хотят и не позволяют. 13, 15 Донские полки уйти не могут, но главкосев вновь подтвердил приказание главковерха, и Генриксон будет пытаться. 44 дивизия занимает выжидательное положение, объявив нейтралитет. О Финляндии знаем, что командир 428 полка с пятьюстами человек, 16 пулеметами проследовал в Петроград, куда должен был прибыть на поддержку большевикам. 128 дивизия, готовая к посадке, задержана областным комитетом. Два полка 29 пе-

---

[1]) Искосол — исполнительный комит. солд. депутатов.

[2]) Армиском — комитет армии.

ревезены морем в Гельсингфорс, другие два остались в окрестностях Ревеля. Говорил по аппарату с Данилевичем, который сообщает, что прибыли два офицера перебежчика, сообщившие подробное расположение повстанческих войск, о царящем разложении, отсутствии командования, связи в этих войсках. Старший их начальник ушел, а начальник штаба перебежал на нашу сторону. Сегодня очищали станцию Александровскую. Других действий не было, ночью думаем произвести операцию, дабы использовать царящую в Петрограде растерянность. С нетерпением ждут подхода пехоты, которая двигается очень медленно, только завтра к вечеру можно ожидать подхода головы пехоты 17 корпуса; о Петрограде сведения очень противоречивы, одни говорят об успешных действиях юнкеров, другие, наоборот, об успешных действиях повстанческих войск. Как нам известно, Павловское, Владимирское училища якобы заняты большевиками, телефонная станция точно так же, Вердеревский, а равно министры-социалисты выпущены из Петропавловской, на Неве стоят крейсера «Аврора» и «Олег» и 6 миноносцев. Центрофлот разогнан, вместо него образован морской революционный комитет из состава представителей всех морей, приехавших на Съезд Советов; платформа большевистская; разогнанные члены центрофлота вошли в комитет спасения. Вердеревский фактически исполняет обязанности и занимается делами лишь оперативно технически и не именуется министром и совершенно ушел от политики; на улицах города изредка была стрельба, погромного движения не наблюдается. За истекшие сутки прошло в Гатчину две сотни 9 Донского полка, в Пскове задержано две сотни и штаб Нерчинского полка, одна сотня Уссурийского полка, 4 орудия. Ночью прибудут со стороны Дна две сотни Амурского полка и утром из Осташкова 2 сотни Уссурийского полка, направляясь в Гатчино; около 23 часов со станции Бычиха должен был выйти первый эшелон 12 Великолуцкого полка, за ним другой и так далее, бригада и мортирный дивизион со станции Невель. Что Вы можете сказать по поводу телеграммы главковерха НР 163? Является ли проектируемая мера своевременной по обстановке и возможно ее несколько отложить?

Должен сказать не свое мнение, а мнение комиссара Савицкого и председателя комитета спасения, которые находят эту меру необходимой, усматривая в деятельности желание тормозить и во всяком случае не содействовать, занимая нейтральную позицию, что по современному положению, конечно, говорят они, невозможно. Мое мнение, что действительно занятая нейтральная позиция упорно удерживается, что создает трудные условия для совместной работы; отсутствие взаимного доверия порождает недоверие, осторожность в действиях и действия несогласованные. Свыше говорят одно, снизу действуют и говорят другое. При таких условиях работа не идет полным ходом, как было бы нужно. Юридически как будто все лойяльно, но чувствуется что-то странное. Я боюсь сказать окончательное заключение, поговорю с наштасевом и завтра Вам доложу наше общее мнение. Сейчас получена телеграмма от генерала Юзефовича, вот ее содержание: «Тревожное положение в армии поддерживается усердно распространяемыми слухами о снятии войск с фронта для отправки в Петроград и по поводу отправления 5 броневого дивизиона; уже были волнения в некоторых частях. Считаю чрезвычайно опасным по общему состоянию армии отправлением этого дивизиона дать основание для дальнейшего муссирования вопроса в настоящую минуту, когда самочинное выступление латышских полков начинает принимать угрожающий характер. Доношу, что во избежание дальнейших осложнений в армии я лишен пока возможности исполнить распоряжение об отправлении броневого дивизиона. Дивизион, который еще не прибыл в Валк, будет оставлен мной в этом городе в составе войск, назначенных для поддержания порядка. Для усиления валкского гарнизона мною вызван и ударный батальон западного фронта, относительно этого батальона не было распоряжений об отправлении из армии. Кроме 1 и 3 латышских стрелковых полков, самовольно перешедших вчера с фронта в Венден, сегодня самочинные действия распространились и на вторую бригаду; сегодня 6 и 7 латышские полки самовольно ушли со своих мест, арестовали штаб бригады с начальником бригады и передали управление бригадой выборному офицеру. Дальнейшее движение этих полков еще не выяснено. Имеются сведения, что эти полки имеют целью захват Вольмара

и Валка. Поступили сведения, еще не проверенные, что станция Юрьев захвачена латышами запасного полка. Валк, 30/10 НР. 06055 Юзефович». Считаете ли Вы возможным применить меры в том виде, как указано. Мне думается, должно быть предложение уйти с обязательством уехать во внутреннюю Россию или Кавказ.

Да, я думаю, что Ваше мнение правильно. Я только теперь не уверен, что это пройдет гладко, но мы переживаем такие перипетии и затруднения и осложнения, что это, я думаю, немного осложнит положение, а быть может, все пройдет гладко. Лучше было бы, если бы явилось новое лицо и предложило бы сдать,— заблаговременное извещение и выжидание заместителя создаст тяжелые дни.

А вы имеете в виду такое лицо?

Нет, но только не командарм V; этот вопрос при настоящей обстановке сложный, и выбранное лицо должно совмещать много качеств и скоро прибыть. Может быть, у Вас есть кандидат, может, Вы назовете несколько кандидатов?

У нас на фронте, кроме командарм XII, нет других; признаюсь, над этим вопросом не задумывался и сейчас ответить затрудняюсь, решать с плеча трудно; опять-таки, если подумать, то завтра могу сообщить свое мнение.

Я думаю, что можно дать заключение, так как главковерх сообщал Вам, что он считает необходимым, то еще не значит «приказываю»; лучше семь раз отмерить, один раз отрезать. Если Вас не затруднит, передайте мне содержание Вашего ответа сейчас: можно было бы обсудить до завтрашнего дня.

«Военная главковерх НР 163. Оценивая обстановку, ныне слагающуюся на фронтах, считаю себя обязанным доложить, что наступивший момент признаю слишком критическим по настроению масс для приведения в исполнение указанной меры. Положение в армейских тылах на фронте за сегодняшний день осложнилось. Большевистская пропаганда имеет успех и охватывает темные массы; самочинные организации побуждают войска к пассивному отношению к большевистскому движению и влияют на правильность работы железных дорог по подвозке войск. При наличии создавшейся обстановки полагаю как самый арест, так и перевозка и содержание в ставке могут вызвать тяжелые эксцессы. Полагал бы ограничиться предложением оставить должность ввиду принципиального разногласия принятого плана с обязательством немедленно отбыть во внутреннюю Россию за пределы действующей армии. До назначения и прибытия полагал бы должность передать согласно положению о полевом управлении войск наштасеву» [1]). Вот что я хотел ответить.

Я думаю, что указания на округа излишни, полагая, что достаточно указать во внутреннюю Россию вне предела действующей армии, остальное, мне кажется, хорошо.

Конечно, я с Вами согласен и написал это на-спех; пожалуйста, это зачеркните и вставьте Вашу фразу. Сегодня, действительно, был день много сложнее вчерашнего, я знаю, до какой степени необходимо в настоящее время подать быстро Александру Федоровичу пехоту. Между тем сегодня по постановлению комитета спасения революции в Минске задержаны эшелоны 3 Финляндской дивизии на начальника станции западного фронта в Жлобине, Лунинце. С большим трудом путем долгих переговоров, приказаний и ругни удалось двинуть их дальше; под вечер в Орше самочинно вылезли из эшелонов украинцы сто пятьдесят шестой дивизии и снюхались с большевиками, закупорив движение в Жлобине; не пропустили в Москву кавалерийскую бригаду и только после долгих усилий удалось продвинуть. В Гомеле, Вязьме, Ржеве везде большевики получают перевес. Но больше всего мешает Всероссийский союз желдорог, в котором преобладание получили большевики; угрожают полной забастовкой, чинят саботаж всем перевозкам в связи с событиями, в союзах несомненно [2]) большевистской, ибо приноси пользу, тормозя подвоз. Министерство продовольствия. как назло, ничего не дает, и чувствуется острый недостаток в продовольствии. Посылаю телеграммы в Петроград с настойчивым требованием хлеба. В Москве большевикам пришло подкре-

[1]) Речь шла о генерале Черемисове, главнокомандующем северным фронтом, которого ставка хотела арестовать.

[2]) В оригинале, вероятно, опущено «дух».

пление, нашим приходится туго, чувствуется усталость. Бой продолжается на улицах с участием тяжелой артиллерии со стороны большевиков; доблестно дерутся юнкера. На южных двух фронтах перемен нет. Я не считаю вспышек тыловых гарнизонов. На Кавказе отлично. Не дал ли каких-либо указаний главковерх по поводу Быхова? [1]).

Нет, никаких не дал, а Вашу телеграмму главковерху передать, или лучше Вы передайте сами, вновь изменив редакцию, или дайте мне Вашу фамилию; я думаю, что можно оставить до завтра. Оставив до завтра, я хочу выслушать Ваше мнение и Лукирского.

В телеграмме я назвал не Вас, а Лукирского только потому, конечно, чтобы не обидеть его; кажется он непричастен [2]).

Я бы на себя не взял это все. Войтинский смутьянил, но я протестовал и протестую сегодня; меня они [3]) поставили в неловкое положение в связи с событиями в Пскове; решили всех игнорировать и лезут ко мне, но я их направил к Лукирскому,— он прекрасно знает фронт, Псков и отлично распоряжается. Я полагаю, что Александр Федорович если не завтра, то послезавтра войдет в Петроград, это необходимо и в смысле настроения на фронтах, на которых слишком напряженно; во всяком случае первое ноября крайний срок, иначе будет много эксцессов, к этому времени подойдет пехота. Если нельзя послать весь броневой дивизион, то нельзя ли послать половину его, хотя бы несколько броневиков по шоссе, они могут скоро и вернуться; а ушел ли броневой поезд?

Поезд ушел и сегодня работал уже на станции Александровской. Дай бог, чтобы А. Ф. удалось 31 или 1 войти в Петроград. В связи с отсутствием пехоты как у них, так и у казаков, повидимому, упадок духа, — так чувствовалось по разговору с Данилевичем: все задержки движения прямо ужасны, какое-то безумное помешательство, затмение рассудка. *Барановский.*

— Да, я думаю, что первого ноября можно будет войти, если не произойдет железнодорожных задержек, подойдут части семнадцатого корпуса, 3 Финляндская уже вступила на западный фронт, но, конечно, возможно, что только ко второму соберется, ибо много застав на пути, разного рода комитетов и спасителей революции. Очень я Вас прошу дать непременно броневиков, хотя бы немного, мы дать не можем, так как западный фронт не дает, а с остальных уже взято,— и подвезти далеко; может быть, из первой армии дать, если трудно — из XII, во всяком случае напишите Юзефовичу о крайней необходимости выделить несколько машин, это не ослабит его особенно, а Александру Федоровичу поможет. До свидания, всего хорошего; сделаем все, что возможно. Всего лучшего.

Разговор о высылке из пределов «действующей армии» и аресте относился к главнокомандующему северным фронтом генералу Черемисову, который не выражал готовности бороться с большевиками так, как того хотела ставка.

30 октября утром между ставкой и штабом северного фронта происходили переговоры по прямому проводу, в которых уже намечался уход Керенского, передача им власти особому комитету.

— У аппарата ген. Барановский.

— У аппарата ген. Духонин.

Здравствуйте, Николай Николаевич, извиняюсь, что не мог подойти раньше, все время бесконечные переговоры и разговоры, прямо разрываюсь. Сейчас здесь были

---

[1]) Дело касалось освобождения Корнилова.

[2]) Барановский интриговал вместе со ставкой против главнокомандующего ген. Черемисова и нач. штаба северного фронта Лукомского, расходившихся во взглядах на положение дела со ставкой.

[3]) По сообщению Лукирского, «они» были: Чернов, Сперанский и Фейт, требовавшие ареста Черемисова.

члены Всероссийского комитета спасения революции. Они требуют точно так же скорейшего экстрактирования лица, Вам известного. Я говорил с Лукирским; он находит, что это можно сделать немедленно на основании телеграммы Керенского и что это и нужно сделать. Выслушав заявление членов комитета спасения, я думаю колебаться не следует; путь такой: вызов в ставку и затем отправление на все четыре стороны внутрь России вне района армии. Вы меня спрашивали об именах; мы остановились на двух— Драгомиров и Юзефович. Должен Вам выяснить настроение комитетов со всей определенностью: ясно, что комитеты за прежнее правительство не идут и войск Керенскому, как главе его; посылать не хотят; идут за комитетами спасения, и так как эти последние молчат и не говорят, что Керенский с ними, то войска никуда и не двигаются. Вам, наверно, уже известно, что бригада 3 дивизии не пошла, так будет и дальше, если не будет объявлено во всеуслышание, что такое комитет спасения и какова в нем роль Керенского; лучше распоряжаться именем комитета, чем последнего, иначе ничего не выйдет, а между тем дом горит, и его надо спасать. Говорил с Войтинским, который при Керенском; вот что он мне передал на мое заявление, сделанное ему в том же духе, что я сказал Вам: между Керенским и комитетом спасения полный контакт, по крайней мере; полное желание контакта, при чем А. Ф. без колебания сделает все, что от него требуется. Настроение комитета спасения вполне определенное, все их надежды связаны с действиями отряда Краснова. Совершенно несомненно, что победа достанется либо нам, либо Каледину. Возможность третьего выхода уже исключена. Это понимают и большевики, лидеры которых не покидают «Авроры» и, повидимому, согласны уже на социалистическое министерство со своим меньшинством и притом без тех имен, которые фигурировали в их списке народных комиссаров. Вчера у них, у Керенского были Станкевич и Гоц, которые обсуждали вопрос о железнодорожниках и решили действовать с полным напряжением сил без всяких колебаний. Члены комитета спасения уехали в Лугу, откуда будет выпущен, повидимому, манифест о роли этого комитета с призывом к войскам бороться против захватчиков, большевиков; кроме того, они обещают посылку своих агитаторов к войскам; последнее совершенно необходимо, и мы на этом настаивали, так как до сих пор работают только большевистские агитаторы, которые и останавливают все эшелоны. Я думаю, нам нет основания спорить о том, будет ли победа за ними или Калединым; нам важно,чтобы ее не было за большевиками; нужно так или иначе спасать прежде всего Россию. Главковерх как министр-председатель должен был бы передать или, как выражаются нынче, делегировать свою власть этому комитету и работать вместе с ним, — это мое глубокое убеждение, иначе несомненный конец всему, вот все. Так как же насчет решительной телеграммы, здесь ждут ее с нетерпением, будет ли она?

(Духонин.) Здравствуйте, Владимир Львович, скажите пожалуйста, есть ли у Вас прямая связь с главковерхом?

(Барановский.) Иногда, когда он в Гатчине, по аппарату Морзе; обычно, когда они сами меня вызывают.

(Духонин.) Дело в том, что выполнение в точности телеграммы, составленной не в виде приказа с арестом и доставкой с конвоирами в ставку, пребывание здесь, ибо по смыслу телеграммы на все четыре стороны внутри России вне района армии, я не уполномочен этой отправить, а как лицо арестованное [1]) должен содержать под охраной все это — как я вам уже и говорил и как изложил в телеграмме, чрезвычайно трудно, и я не могу принять на себя ответственности взять его в ставку, не осведомившись определенно о настроении здешних комиссариата и комитета в отношении этого вопроса. Поэтому, если не появилось со времени нашего разговора новых данных, препятствовавших продлению оставления на занимаемой должности еще на несколько часов, то я предпочитал бы послать вчерашнюю телеграмму главковерху. Насколько я знаю, настроение складывается так, что его надо арестовать и не выпускать, ибо это дело судебное. Вот что я и хотел сказать; в исполнение должности считаю в данной обстановке необходимо по получении телеграммы вступить наштасеву, а командарма XII —

[1]) Так в оригинале.

снять с своей должности, ввиду создавшейся обстановки с латышами, нельзя и думать. Сейчас получены сведения из штаба юго-западного фронта, что в Киеве большевикам удалось захватить крепость, комендант и офицеры расстреляны. В Виннице продолжается упорный бой с большими потерями, в бою участвуют даже аэропланы большевиков. На румынском фронте пока спокойно и даже, пожалуй, настолько пассивно, что формирование отряда для Москвы до сих пор не окончилось. В Жлобине и Орше вопрос до сих пор не ликвидирован, и является опасение, что положение вещей в этих пунктах отразится на перевозке войск, направляемых Керенскому и в Москву. В Смоленск сегодня прорвался из Москвы помощник командующего войсками, который доложил об очень тяжелой обстановке в Москве.

(Барановский.) Я сейчас буду говорить с Данилевичем и выясню все сомнения, а потом вам передам.

(Духонин.) Хорошо.

(Барановский.) Сейчас говорил с Данилевичем; этот последний—с главковерхом. Главковерх согласен отозвать с должности без ареста, без вызова в ставку, а с предложением выехать внутрь России вне пределов армии; заместитель по положению временно. Будет ли такая телеграмма? Должна ли телеграмма о приведении в исполнение быть от наштаверха, от имени главковерха, или главковерх сам пришлет Вам телеграмму для исполнения?

(Духонин.) Нет от Вас, от имени главковерха, но если Вам удобнее прямо от главковерха, то я передам в Гатчину.

(Барановский.) Желательно, чтобы телеграмма исходила непосредственно от главковерха из Гатчины. Слушаюсь, я передам. Будут ли еще какие-нибудь вопросы или приказания?

(Духонин.) Сейчас я говорил с донским войском, мне передано, что Харьков и Воронеж, по сведениям казаков, заняты большевиками; при таких условиях Дон, располагая всего двумя дивизиями, необходимыми для него самого, не считает возможным рисковать посылкой.

Керенский потерял всякий вес даже у людей ставки. Они вступали в соглашение и с Калединым, образовавшим в Новочеркасске «войсковое правительство».

VI.

Ожидания побед не сбывались. Каждый день ставка убеждалась в своем бессилии, но борьбы не прекращала. Известия о положении в различных районах, полученные 30 октября, говорили о безнадежном положении сил Временного Правительства. 30 октября ставка имела переговоры по прямому проводу со штабом юго-западного фронта, в районе которого развертывалась борьба.

(Духонин.) У аппарата генерал Стогов?

(Стогов.) Здравствуйте, Николай Николаевич.

(Духонин.) Прошу не отказать ориентировать меня в обстановке, слагающейся в настоящее время в Киеве, и какое отношение центральной Украинской Рады к большевистскому движению, насколько лойяльно в настоящий момент отношение Рады к нашему правительству?

(Стогов.) Обстановка в Киеве складывается весьма неблагоприятно; только что получил сведения от генерала Дзевановского, что стрельба около штаба округа усиливается и возможно, что штаб округа будет взят большевиками. Чешские войска почему-то до сих пор участия не приняли, будто бы ожидая кубанских казаков, которые, по невыясненным пока причинам, начали выгружаться лишь в 17 часов. По последнему сведению, переданному по аппарату, дело обстоит не так плохо; будто бы полк Меженцева начал выполнение своей задачи, ликвидацию горной батареи, и постепенно ее окружает, а для обстрела там понтонных казарм, имеющих

будто бы очень толстые стены, подтягивается тяжелая артиллерия. Сейчас буду передавать только что полученное донесение генерала Квецинского: «Киев, 30 октября, 10 часов 15 минут. Ночь прошла очень тревожно, общая усталость и нервность являются источником провокационных слухов, сеющих тревогу. При вывозе оружия из дворца, а также во время перевозки его для выдачи войскам, прикрывающие перевозку части подверглись обстрелу. У здания первого Киевского военного училища, где размещены части первого Славянского ударного полка, была перестрелка, во время которой убит один офицер этого полка; ударники ручными гранатами рассеяли толпу; есть убитые и раненые. Профессиональные союзы в виде протеста за задержание большевиков хотят провести забастовку. Об освобождении большевиков не хотят и слышать части, несшие охрану в городе и принимавшие участие в занятии дворца, заявляя резкий протест; принимаются меры примирения этих течений. Начали прибывать эшелоны первой Кубанской казачьей дивизии. Только что поступило донесение, что проходившие мимо моего дома две роты юнкеров первого Киевского училища были обстреляны с трех сторон с домов и крыш, есть убитые и раненые, из вышедших на разведку двух офицеров один ранен, другой пропал без вести. По имеющимся сведениям, в обстреле юнкеров принимали участие солдаты запасного понтонного батальона. Принимаю решительные меры с целью окружить и заставить положить оружие. 19807 Квецинский». Продолжаю: недавно, часа полтора тому назад говорил с хорунжим Волгского полка, назначенным к нам комиссаром, выехавшим из Киева вчера в 23 часа, принимавшим участие во взятии дворца; его мнение, что украинцы не совсем лойяльны; полагаю, что они пока в нерешительности; с одной стороны, боятся порвать окончательно связь с Правительством, с другой—не желают очень сердить и большевиков.

(Духонин.) Было бы желательно получить более определенный ответ об украинцах; дело в том, что в 156 дивизию, находящуюся в районе Жлобина, прибыли депутаты якобы от Рады и передали о необходимости притти к ней на помощь. Представители дивизионной Рады обратились с ходатайством разрешить им вернуться в Киев на защиту Рады против большевиков.

(Стогов.) У нас еще утром была депеша начдив 156 о том же, кроме просьбы его собственной Рады и без упоминания о большевиках; ему отвечено, чтобы ехал, куда указано ставкой; почему хотят вернуться в Киев, они в Киеве не были. В Киев, кроме Кубанской дивизии, направлено три батальона из Черкасс; думаю, даже уверен, что все эти силы и без 156 дивизии справятся с большевиками, раз будут против большевиков бесповоротно и активно.

(Духонин.) Представители желали бы побеседовать с кем-либо из членов Рады, возможно ли предоставить им это?

(Стогов.) Полагал бы полезным спросить Квецинского лично; думаю, что это крайность.

(Духонин.) Дело в том, что необходимо для скорейшего успокоения дивизии дать ей знать, что Раде не угрожает никакой опасности от большевиков и они хотят это услышать от представителя Рады; если это возможно сделать, то было бы желательно знать, что будет говорить этот представитель.

(Стогов.) Рада помещается в Педагогическом музее, с которым телеграфной связи нет, но при генерале Квецинском находится комиссия, в которую входят представители Рады. Повторяю, полагал бы полезным просить Квецинского.

(Духонин.) У нас нет желания посылать 156 дивизию в Киев, а надо знать, какое положение относительно большевиков занимает Рада?

(Стогов.) Повторяю, что сказал все, что знаю, могу еще спросить Квецинского.

(Духонин.) Пожалуйста, и немедленно сообщите, так как положение 156 дивизии обостряется. Окончательно ли ликвидировано дело в Виннице?

(Стогов.) Пока таких определенных донесений нет, но уже передано, что бой кончился, мятежники бегут, но верные войска столь утомлены, что преследовать не могут. Требуете первый революционный полк, имейте в виду, что в нем всего 900 штыков. Посылать ли?

(Духонин.) Этого довольно.

(Стогов.) Что слышно про Петроград?

(Духонин.) Жду Вашего скорейшего ответа относительно Рады. В Петрограде без перемен и для того, чтобы вывести положение из равновесия, необходим подход к Керенскому пехоты.

(Стогов). Ответа от Квецинского скоро ждать нельзя, приму все меры; до свидания.

(Духонин.) Еще минуту: по имеющимся пока непроверенным сведениям, несколько эшелонов 156 дивизии самовольно пошли со Жлобина на Киев, — сообщаю для сведения.

(Духонин.) Благоволите ориентировать об обстановке в Москве.

(Стогов.) В Москве положение напряженное, большевики усилились, но правительственные войска ведут ожесточенную борьбу; к сожалению, пока не получили предназначенного для них подкрепления с фронта ввиду того, что железные дороги не вполне безостановочно везут; Кремль в наших руках, а окраины в руках большевиков.

(Духонин.) Покорно благодарю.

(Стогов.) Ожидаем войска (?) в Москву. Всего хорошего.

(Духонин.)Чрезвычайно интересуется положением войск главковерха у Петрограда.

(Барановский.) [1]) Говорил сегодня по аппарату с помощником командующего войсками московского округа полковником Кравчуком; он определенно указывает, что Москва продержится своими силами еще дня два. Считаю необходимым отметить, что сегодня на телеграфных линиях замечается довольно частое повреждение, как бы стремление парализовать деятельность ставки, во всяком случае своевременность ликвидации дел в Петрограде и Москве. Не найдете ли возможным довести сказанное до сведения главковерха, для его ориентировки. Я еще раз высказываю предположение, что 1 ноября, вероятно, предельный срок выжидания, ибо каждый последующий день вносит новые осложнения в нашу деятельность и, в конце концов, может затруднить ее до последней степени. Я считаю, что вопрос с Петроградом должен быть решен с подходом пехоты, хотя бы и не всей, и части, хотя нескольких, броневиков. Последнее необходимо послать от Вас, ибо мы этого сделать не можем.

(Духонин.) Шесть броневиков поедут из Режицы, сейчас дал наряд на состав. Послали туда, согласно просьбе, аэропланы, пехоту продвигайте сами; надо послать каких-нибудь комиссаров, агитаторов, у нас их нет — все в разгоне; не знаю, как с ударным батальоном первой армии, до сих пор не удается выяснить, посылают их или нет.

(Барановский.) Финляндцы сегодня двигаются беспрепятственно; как бы хоетлось, чтобы их нигде не задержали; в пути 24 эшелона, часть из них будет двигаться мимо Вас; их настроение до сих пор отличное, и никакая агитация большевиков не влияет, к вечеру часть эшелонов достигнет Могилева, по крайней мере рассчитываю так. Сюда по этому же пути направляется 18 Донской, так как через Курск провезти не удалось. Задержка возможна только в Орше, но придется пробиваться. Вот все, что я хотел сказать. Когда получите телеграмму главковерха, то не откажите передать ее в копии мне, а также сообщить, как она воспринята и благополучно ли все обошлось. Сейчас получена телеграмма, что в Виннице большевистское движение ликвидировано силою, с большими потерями. Работали и финляндцы. Как Вы передали разговор мой — в виде продиктованной вчера телеграммы?

(Барановский.) Нет, очень кратко сообщу, что говорил с Вами, и лучше было бы всего решить вопрос так: сейчас получил телеграмму из первой армии о недопуске отправки войск впредь до разрешения этого вопроса армейским съездом, созванным сегодня в Альтшваненбурге.

(Духонин.) Не может ли комитет спасения действительно обратиться с воззванием ко всем местным комитетам спасения, дабы они отнюдь не входили в рассмотрение вопросов об отправке и движениях войск, предоставив это исключительно на усмотре-

---

[1]) Барановский вступил в разговор с Духониным непосредственно после Стогова.

ние верховного главнокомандующего, приказание которого должно исполняться беспрекословно. При этих только условиях они могут осуществить свое назначение без ущерба делу. Пока все.

(Барановский.) Всего лучшего! Попытаюсь передать Ваше пожелание в Лугу.

(Духонин.) Да, обязательно скажите и еще добавьте, что особенно мешает нам комитет спасения в Минске. Всего лучшего!

О происходивших конфликтах с украинской Радой, их характере и значении, мы находим некоторые сведения в переговорах начальника связи Сергиевского со штабом киевского военного округа.

— Там ли полковник Сергиевский?

Штабс-капитан Поплавский: член комитета по охране революции, командирован сюда к аппарату начальником округа и военным комиссаром Керенским. Чем могу служить?

Удостоверяю это, дежурный офицер и уполномоченный комиссар.

Говорит полковник Сергиевский. К наштаверху прибыла депутация украинизированной 156 дивизии, которая остановилась во время перевозки на севфронт и требует своего возвращения в Киев ввиду того, что Рада будто бы в опасности. Депутация желала говорить с Радой, но дежурный офицер мне ответил, что главкоокр запретил пускать представителей Рады на аппарат. Наштаверх просит подробно его ориентировать об отношении к Раде и о занятом ею положении.

Отвечаю на вопрос: несмотря на все старания команд. округом, военного комиссара и комиссара города и комитета по охране революции и прокурора, достигнуть до сих пор полного соглашения с Радой не удалось, так как Рада в лице генерального секретариата требовала создания комиссариата при командующем округа для контроля его деятельности в деле подавления беспорядков в Киеве, на что никто из указанных не согласился; однако представители Рады генерального секретариата и генерального войскового комитета непрерывно посещают штаб для информации и участвуют в заседаниях комитета по охране революции. Позиция Рады и генерального секретариата до сих пор окончательно не выяснилась, хотя они категорически утверждают, что примут самые энергичные меры и будут решительным образом бороться с большевистским восстанием и анархией. Рада и генеральный секретариат, между прочим, настаивают на освобождении арестованных большевиков, мотивируя это тем, что фактически большевики, по их мнению, активно не выступали, и восстание фактически не началось, с чем не мог согласиться командвойск, комиссары и комитет в своем большинстве. Имеется масса телеграмм перехваченных, которые рисуют довольно шаткую позицию Рады и генерального секретариата, вызывая целый ряд недоразумений, сомнений; что касается допуска к аппаратам, то это общее распоряжение — никого к аппаратам не допускать, принимая во внимание особенно нынешнее положение. Штабс-капитан *Поплавский*.

В армиях румынского фронта, судя по переговорам ставки с генерал-квартирмейстером штаба румынского фронта от 30 октября, положение было более благоприятное для Временного Правительства, чем на других фронтах.

(Полковник Кусонский.) Я — полковник Кусонский; будьте добры, Ваше превосходительство, наштаверх приказал мне выяснить следующие вопросы: 1) почему до сих пор Вы не ответили на нашу телеграмму от 27 октября за номером 7955 о сформировании для отправки в Москву отряда из шести батальонов, шести сотен и восемнадцати орудий; что сделано Вами в этом направлении, когда и какой именно отряд может быть отправлен; 2) какая политическая обстановка на Вашем фронте, а в частности в штабе фронта и в Одессе; 3) какое, вкратце, настроение войск; все.

(Штаб румын. фронта.) Здравия желаю! Недавно, именно в 23 часа 35 минут, НР 01275 наштарум просит сообщить, чьим распоряжением в Москву должен быть отпра-

влен отряд, так как завтра 31 в Романе эти вопросы рассматривает фронтовой съезд, подготовительные сношения, планы; с минуты на минуту ожидаем ответа командарм IV—IX, какие именно части могли бы быть взяты для этой цели. Революционным комитетом постановлено, что всякие отправления и перевозки войск не оперативного характера в пределах фронта могут быть производимы лишь с его согласия. Выяснение же в числе прочих вопросов и этого он вносит на съезд, который в Романе уже начался,— общая политическая обстановка определенно выяснится также на этом съезде, вероятно, завтра. В частности сам революционный комитет и фронтовой отдел румчерода к выступлению большевиков относятся отрицательно; также нужно предполагать отнесутся и представители армии. Пока же наверное можно сказать про IV—IX армию: настроение войск, по мнению находящегося здесь же члена революционного комитета, можно считать, в большинстве совпадает с мнением комитетов, то-есть — к большевикам отрицательное, хотя выступления отдельных частей в виде митинговых резолюций наблюдалось и сочувственно. Если я дал Вам неполный ответ, будьте добры спросить снова.

Какие условия работы в настоящее время в штабе фронта? Не усложнилась ли в этом смысле обстановка в последние дни? Как обстоят дела?

(Штаб рум. фронта.) Работа идет нормально, повторяю: работа в штабе идет нормально; все сведения, получаемые комиссаром, революционным комитетом и румчеродом из разговоров с организациями, они сообщают нам; мы, со своей стороны, получаемое нами, сообщаем им. На телеграфе есть представитель революционного комитета и комиссара; в революционном комитете полномочным членом состоит от штаба генштаба подполковник Дубяго. Категорически сказать, каково положение в Одессе, пока трудно, наружно спокойно; какая именно организация сейчас является выразительницею настроения, ответить пока невозможно; там все делается, чтобы сохранить полный порядок. Телеграммы комиссаров и штаба округа, как я уже сказал, несколько противоречивы и пока не позволяют сделать окончательного вывода, кроме того, что порядок поддерживается, управление снаборум и штаб округа работают нормально, железные дороги также.

Штаб ставки работал, распределял районы, посылал войска на подавление восстаний, но значительная доля его распоряжений оставалась невыполненной. В одних случаях отказывались солдаты, в других — мешали рабочие железнодорожники, не подававшие состав или отказывавшиеся перевозить войска. Но и те войска, которые соглашались ехать в тыл, в пути меняли свои настроения и сражаться с большевиками не желали. Состояние войск и их движение на Питер дано ген. Лукирским во время его переговоров со ставкой в 23 часа 30 октября.

(Лукирский.) Здесь. Наштасев Лукирский.

(Духонин.) У аппарата генерал Духонин. Здравствуйте, Сергей Георгиевич!

(Лукирский). Честь имею кланяться, Николай Николаевич.

(Духонин.) Я получил от главковерха телеграмму с приказанием двинуть немедленно на Петроград семнадцатую кавалерийскую дивизию, а потому прошу Вас сделать распоряжение; телеграмму официальную пришлю сейчас, возьму только номер. Сообщите, пожалуйста, какое у Вас положение в отношении отправки частей на помощь главковерху и вообще получили ли Вы телеграмму от главковерха?

(Лукирский.) Докладываю справку о движении эшелонов за 30 октября: 1) из Острова отправлен штаб 3 конного корпуса, оперативное радио, телеграфное и мотоциклетное отделения, вслед за ними будет отправлена команда связи, кабельное отделение и отряд красного креста; 2) из Старой Руссы отправлены 3 сотни Нерчинского полка, одну сотню вынужден временно задержать на станции ввиду того, что бывший там эскадрон 16 кавалерийской дивизии, повидимому, совершенно ненадежен; 3) из района Невеля погрузка 137 пехотного полка начнется на станции Бычиха завтра утром. 47-й мортирный дивизион, погруженный в Невеле, отправлен через Идрицу на Псков,

не дожидаясь прохода пехоты; 4) авиационный истребительный отряд из Пскова засел и не отправлен, так как все еще обсуждают вопрос, ехать или нет; 5) 6 броневиков из состава 1 брондивизиона, находящегося в V армии, по уведомлению штарм V, отправились походом в 4 часа дня из Двинска — Режица, где назначена им посадка, так как в Двинске это могло бы осложниться; 6) в Пскове в настоящую минуту находятся 5 сотен из состава 3 конного корпуса, 2 пулемета и 2 орудия. Вопрос о немедленном продвижении и присоединении к корпусу несколько раз обсуждался здесь главнокомандующим, комиссаром, председателем комитета спасения псковского и петроградского, приезжавшего сегодня ко мне вместе с Черновым, и каждый раз приходили к заключению, что таковое направление ввиду угрожающей обстановки в самом Пскове чрезвычайно опасно в интересах войск, собираемых под Петроградом. Во Псков экстренно перевозят 3 Уральский казачий полк, который сосредоточится здесь в течение 31 октября. Во Пскове имели уже место такие эксцессы: выпуск из тюрьмы арестантов солдат, грабеж, нападение на одиночных казаков и тому подобное. Комитет спасения в данную минуту в остром конфликте с революционным комитетом, который послал ему ультиматум, дав на ответ 2 часа, несомненно, имея в виду приступить вслед за сим к насилию. Армком V армии постановил послать в Петроград 12 батальон с артиллерией, пулеметами, саперами, якобы с целью нейтральной для избежания, вернее, предотвращения кровопролития и междоусобиц. Командарм V решительно воспротивился такой посылке и заявил, что никаких войск на поддержку большевикам из Двинска отправить не позволит, хотя бы пришлось для того действовать оружием. Недвусмысленно председатель аркома дал понять, что командарму V, штабу и комиссару грозит арест в случае сопротивления. Тем не менее, командармом приняты все меры, и позиции своей он изменить не желает ни за что. В Ревеле происходит армейский съезд войск, подчиненных насухвойск [1]), настроение съезда благоприятное, в городе порядок, спокойно. В Гельсингфорсе также эксцессов не было. С 42 корпусом связи нет. Из XII армии ничего не было. Вчера вечером я передал через наштарма генерала Пневского приказание направить через Псков 5 ударных частей, которые были названы наштаром, как вполне надежные. Обещано было немедленно приступить к их отправке так же, как и 23 Донского казачьего полка. Сегодня имею сведения, что ни одна из этих частей не отправлена до решения вопроса об отправке армейским съездом, который назначен на 30 октября. Сейчас получены сведения из Гельсингфорса: наружно спокойно, эксцессов не было, в некоторых частях отношение безразличное, связи нет ни с кем; местные летучие листки, заменяющие газеты, освещают события явно тенденциозно, с местным населением обострение; за городом были случаи столкновений с партиями красной гвардии, неорганизованные части полков 509 и 511 самовольно, в ночь на 29, сели в порожний состав с целью переезда в Петроград. Было столкновение ударного батальона с какой-то из этих частей, после чего последняя рассеялась—сведение еще не проверено,—части 29 дивизии, перевезенные в Свеаборг, благоразумны все. Приказание о немедленной отправке к Петрограду 17 кавалерийской дивизии будет передано, однако я очень сомневаюсь, что оно будет исполнено. Командарм XII, во избежание острого возбуждения в частях армии и в частности в Валке, отказался от отправки по указанному назначению 5 брондива, оставив его в Валке, для использования по водворению порядка, коему угрожают действия самочинные латышских полков. Командарм XII получил разрешение главкосева 17 кавалерийскую дивизию пододвинуть к Валку с тою же целью.

(Духонин.) Может быть, в первую голову, — если отправить всю дивизию будет нельзя по причине волнения латышей,— можно будет отправить бригаду с батареей, а другую бригаду и батарею дослать по выяснении обстоятельств. Было бы желательно послать дивизию целиком, и указанное мною, как крайность. Если прибудет в Псков 3 Уральский казачий полк, то Вы отправите уссурийцев; правильно ли я Вас понял?

---

[1]) Насухвойск — начальник сухопутных войск.

(Лукирский.) Совершенно верно, и это будет исполнено завтра, т.-е. 31. Казаки, задержанные здесь, этим недовольны и рвутся на присоединение к своему корпусу; все.

(Духонин.) Очень приятно это слышать, а когда пошлете 23 Донской?

(Лукирский.) Совершенно не могу об этом доложить, так как не знаю, как вырешит этот вопрос армейский съезд I армии.

(Духонин.) Очень Вам признателен, до свидания! Не знаете ли Вы, сообщал ли Владимир Львович Керенскому ежедневную мою ориентировку по фронтам для передачи ему, так как из полученной телеграммы усматривается, что он недостаточно ориентирован?

(Лукирский.) Барановский все не передавал, а передавал наиболее существенное.

(Духонин.) Всего хорошего!

(Лукирский.) Всего лучшего.

Контр-революционная деятельность ставки закончилась для некоторых лиц весьма трагически. Глава ее, начальник штаба генерал Духонин, как ответственный за работу ставки, был убит солдатами могилевского гарнизона.

VII.

Наши партийные организации, а также созданные для борьбы со Временным Правительством военно-революционные комитеты вели широкую агитационную кампанию, используя все технические средства, попадавшие в наши руки, типографии, в которых печатались миллионы воззваний и газет, телеграф, по которому передавалась наша информация, радио, служившие средством связи с армиями всех фронтов, передавая наши воззвания. Некоторая доля этих агитационных призывов, перехваченная ставкой, сохранилась в ее материалах.

«Всем из Москвы. В четыре часа дня получено известие, что генеральный штаб сдался и вся власть принадлежит Совету Рабочих и Солдатских Депутатов».

«Всем. В Петрограде распространены приказы бывшего министра Керенского о его победах над гатчинским гарнизоном; известия эти распространяются, чтобы специально произвести панику. По достоверным сведениям, у Керенского только 5 тысяч обманутых им казаков. Среди казаков начался раскол, половина их отказывается итти на Петроград. Небольшая часть войска, верных Керенскому, берет[ся] под обстрел линейными кораблями. Рабочая гвардия мобилизована. Все население призывается к абсолютному спокойствию».

«Военно-революционный комитет. Всем. Ко всему населению. Бывший министр Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского Съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским Съездом, — Совету Народных Комиссаров».

«Фронт отказал Керенскому в поддержке против правительства и присоединился к военно-революционному комитету, власть перешла к Советам. Ни одна пехотная часть не идет против рабочего и крестьянского правительства, которое в согласии с твердой волей армии и народа, приступило к мирным переговорам и передало землю крестьянам. Подобно генералу Корнилову, только несколько эшелонов сбитых с толку казаков мог набрать преступный враг народа, пытающийся обмануть население Петрограда ложными манифестами. Мы заявляем во всеобщее сведение: если казаки не арестуют обманувшего их Керенского и будут двигаться в Петрограду, войска революционные со всей силой своего оружия выступят на защиту драгоценных завоеваний революции». (Дальше прервали ст. «Дно».)

«Крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины. Многомиллионное крестьянство, многомилионная армия с нами. Победа

народной революции незыблема. Военно-революционный комитет петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

30 октября ночью было передано радио «всем» о победе Советов над контрреволюцией, об образовании Советского Правительства и о принятых Вторым Съездом Советов решениях, подписанное В. Ульяновым-Лениным.

Радиостанция при штабе верховного главнокомандующего. Перехвачено в 23 часа 20 минут 30 октября 1917 года.

«Всем. Всероссийский Съезд Советов выделил новое Советское Правительство. Правительство Керенского низвергнуто и арестовано. Керенский сбежал, а все учреждения в руках Советского Правительства. 29 октября началось восстание юнкеров, освобожденных на честное слово 25 числа. Восстание в тот же день подавлено. Керенский и Савинков с юнкерами и частью казаков пробрались обманным путем до Царского Села. Советское Правительство мобилизовало силы для подавления нового корниловского похода на Петроград. Балтийский флот, верный делу революции, пришел на поддержку восставшего народа; юнкера, казаки Керенского колеблются. К нам прибывают пленные из лагеря Керенского с заверением в том, что казаки обмануты и если поймут в чем дело, не будут стрелять. Советское Правительство принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие. Если избегнуть кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское Правительство не остановится перед самыми беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода. Сообщаем для сведения, что Съездом Советов, который разъехался, уже приняты два важных декрета: 1) о немедленном переходе всех помещичьих земель в руки крестьянских комитетов, 2) о предложении демократического мира. Председатель Советского Правительства *Владимир Ульянов-Ленин.*

Да здравствует социальная революция!»

Давало Царское Село.

Матросы «Олега» по своей инициативе через радио посылали электрические волны, информируя суда и сухопутные команды.

Радиостанция при штабе верховного главнокомандующего. Перехвачено в 23 часа 35 минут 30 октября 1917 года.

«Всем. Петроградская жизнь идет нормально, заводы и трамваи работают, эксцессов за сутки никаких не было. Сведения от вышедшего петроградского гарнизона навстречу Керенского пока не получено. Все социалистические партии стараются войти между собою в блок. Настроение у всех бодрое. № 2250 «ОЛЕГ» Комитет».

Какое огромное значение для успеха Октября имела наша агитация, видно из телеграммы комиссара X армии Пасечного.

«Молодечно, 30 октября 1917 года. По мере поступления сведений о восстании армия ознакомилась с положением дел. Мною при первых же известиях определенно заявлено всем частям, что я считаю восстание авантюрой и власть большевиков не признаю, как самочинную и гибельную для родины. Известия взволновали армию и конкретно вылились в требование социалистического министерства и скорейшего мира у одних и власти советов — у других. Началась усиленная агитация большевиков, главным образом минского совета, с требованием активной поддержки их, переизбрания комитетов и организации военно-революционных комитетов для захвата власти. Боролся правильным освещением и разъяснением происходящего совместно с комитетами. 27—29 происходил съезд представителей комитетов армии. В резолюции выдвинуты следующие основные положения: осуждение восстания как гибельной для родины и революции преступной авантюры, социалистическое министерство, активная внешняя политика за скорейший мир и безотлагательный созыв Учредительного

Собрания. В связи с агитацией большевиков в армии сильное волнение; были эксцессы, выражавшиеся в аресте офицеров, возможны эксцессы, и очень сильные, в будущем. Через царско-сельский радио направлялись в армию телеграммы — сплошная ложь и провокация, будирующая массу. На телеграфах и радио армии и корпусов установлен контроль членов комитетов. Лично с помощником просматриваю все поступления в армию. НР 1080 Комиссарм X, *Пасечный*».

Несмотря на проклятия и осуждения, сыпавшиеся на наши головы за октябрьское восстание, не взирая на десятки резолюций различных армейских, корпусных и дивизионных совещаний и съездов, все эти верхушечные организации оказались бессильны победить нас, нашу партию и поддержанную ею Советскую власть. Массы солдат и рабочих, которые подняли меньшевиков и эсеров до власти, отшатнулись от них за их политику сделок с буржуазией и невыполнение чаяний и надежд этих трудовых элементов. Верхушки были против нас, низы, толща солдатская, крестьянская и организованный пролетариат был с нами, с нашей партией и дали ей победу.

А. Шляпников.

ВОКРУГ „ГАТЧИНЫ".

В 1917 году, после корниловских дней, финансовый капитал вполне сознательно готовился к схватке с пролетариатом. В экономической области проводился в жизнь план московского буржуа Рябушинского — задушить рабочих «костлявой рукой голода». Локауты все учащались, безработица росла. Временное правительство, во главе с «демократом» Керенским, с величайшим усердием проводило в жизнь «разгрузку» Петербурга, обостряя безработицу и превращая организованный пролетариат в хронических люмпенов, неспособных ни к какому отпору. Политика дополняла экономику. Буржуазные патриоты не прочь были заключить какой-угодно мир в обмен на усмирение рабочих и крестьян. Подготовка сдачи Петербурга немцам была затаенной мыслью этих патриотов. Вооруженные удары готовились и извнутри. Во многих местах возродились разбитые в корниловские дни контр-революционные организации, особенно на Дону, откуда корниловское казачество должно было устроить крестовый поход против рабочих и крестьян. Рабочие, в свою очередь, напряженно готовились перейти от обороны к наступлению для завоевания власти. Крестьянство повышало свою активность и переходило к прямому восстанию против помещиков.

«Законосовещательный совет республики», или «предпарламент» («предбанник», по остроумному выражению тов. Бухарина), служивший оплотом одновременно против Учредительного Собрания и против Рабочих, Солдатских и Крестьянских Советов, после ухода из него большевиков потерял значение центра, в котором отражалась напряженность классовой борьбы.

Меньшевики и правые эсеры в ЦИК, предпарламенте и вне его вели политику соглашательства и закулисных сделок с буржуазией и ожесточенную кампанию за срыв уже назначенного на 20 октября (2 ноября) Всероссийского Съезда Советов.

Кризис назревал. Партия большевиков понимала всю серьезность положения, обсуждала вопрос о восстании и готовилась к нему.

Кризис назрел. 16 (29) октября петербургск. Совет Раб. и Солд. Депутатов постановил организовать военно-революционный комитет; 22 октября (4 ноября) было «днем петербургского Совета», превратившимся в генеральный смотр революционных сил, а в ночь на 25 октября (7 ноября) революционные войска заняли почту, телеграф, государственный банк, петербургское телеграфное агентство и вокзалы. 25 октября (7 ноября) в петербургском совете Р. и С. Д. было объявлено от имени военно-революционного комитета, что «Временное Правительство больше не существует», и на трибуне Совета появился тов. Ленин, освобожденный из подполья начавшейся пролетарской революцией.

Керенский, спасшийся от ареста, бежал на фронт для собирания контрреволюционных сил против столицы революции. На помощь Керенскому из Петербурга вскоре выехали члены ЦК партии эсеров, Гоц и Фейт, которые пытались собрать силы для движения на столицу, но повсюду терпели неудачу. На призыв Керенского отозвался только генерал Краснов с казаками. Из печатаемого ниже материала видно, что силы отряда Краснова состояли из 10 сотен казаков, 700 юнкеров, 12 орудий, 1 бронированного поезда и 1 бронированного автомобиля [1]). Решающее столкновение революционных войск с отрядом Краснова произошло 30 октября (12 ноября) между Красным и Царским Селами. После жестокого артиллерийского боя казаки отступили на Гатчину. Керенский в своих воспоминаниях («Гатчина») утверждает, что бой под Пулковым закончился для казаков успешно, но «этот успех нельзя было ни использовать (преследованием), ни закрепить благодаря ничтожности наших (казацких) сил» [2]). Как бы ни утешал себя Керенский «успехом», но ясно, что этот «успех» ликвидировал его попытку двинуть контрреволюционные войска на столицу революции. Решительный отпор Керенскому был отпором помещикам, буржуазии, корниловцам, и пулковский отряд своим доблестным ударом закрепил дело пролетарской революции.

Среди казаков Краснова началось брожение. Они начали посылать своих лазутчиков в Петербург и даже своих официальных делегатов в Смольный, которые убеждались, что в столице порядок поддерживается гарнизоном, ставшим на сторону Советской власти. Казакам стала ясна вся нелепость затеи взять Петербург при помощи небольшого отряда, при отсутствии подкреплений с фронта.

Офицерство отряда Краснова и гатчинского гарнизона было настроено контрреволюционно и готово было сражаться против Советской власти, но только под руководством Краснова, при условии ареста Керенского, который после своих неудачных мытарств по фронту появился в Гатчине.

В Гатчине генералом Красновым было введено осадное положение, а Керенским отдано приказание арестовать большевиков, членов гатчинского Совета Раб. и Солдатских Депутатов. Это приказание, однако, не было приведено в исполнение из боязни вызвать в Гатчине волнение.

30 октября (12 ноября) [3]) вечером к Керенскому из Петербурга явилась делегация от так называемого «викжеля» (всероссийского исполкома союза железнодорожных служащих) с ультимативным требованием: вступить с большевиками в мирные переговоры под угрозой железнодорожной забастовки. Утром 31 октября (13 ноября) Керенский созвал военный совет для решения вопроса о перемирии с большевиками. Присутствовали: ген. Краснов, начальник его штаба — полковник Попов; помощник командующего войсками петербургского военного округа — капитан Кузьмин, начальник обороны Гатчины — Савинков, комиссар северного фронта — Станкевич, член совета союза казачьих войск — Ананьев и подъесаул Ажогин.

---

[1]) Ср. воспоминания Краснова, I т. «Архива русской революции», издаваемого под ред. Гессена.

[2]) См. стр. 30 «Гатчина», изд. 1922.

[3]) Тов. Лелевич относит приезд делегации к 29 окт. (11 ноября). См. № 9 (21) «Пролетарской Революции», статью «Октябрь в белогвардейском описании». См. также брошюру П. Вомпе «Дни Октябрьской революции и железнодорожники». изд. 1924, стр. 41.

«Только два мнения, — пишет Керенский в своих воспоминаниях [1]), — Савинкова и мое — были поданы за безусловный отказ от переговоров. Все военные без исключения были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчас же начать переговоры; иначе нельзя ручаться за спокойствие казаков. Итак, мнение большинства ясно и очевидно. Как ни было мне это отвратительно и трудно, другого выхода не было — нужно было выиграть время переговорами. Кроме того, невозможно было допустить, чтобы Краснов и его штаб могли сказать казакам: мы были за мир, но Керенский приказал драться. Я утвердил мнение большинства, и военный совет приступил к обсуждению самой техники переговоров. Было решено, что Станкевич объездом поедет в СПБ, чтобы там передать «Комитету Спасения Родины и Революции» мои условия перемирия». Керенский помнит из этих условий только два: «во-первых, большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному Временному Правительству; во-вторых, состав и программа этого правительства должны были быть установлены по соглашению существующего Временного Правительства с представителями всех политических партий и комитетом спасения родины и революции. Ген. Краснов сорганизовал делегацию в Красное Село с целью заключения немедленного перемирия на фронте, впредь до выяснения результатов поручения Станкевичу. В состав этой делегации вошли исключительно казаки, которые вечером уехали в Красное Село. Эти делегаты возвратились в Гатчину утром 1 (14) ноября вместе с матросской делегацией, во главе с Дыбенко. Основным требованием матросов было — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки согласились на это требование, так как еще до возвращения своих парламентеров, в ночь с 31 окт. на 1 ноября (с 13 на 14 ноября), они постановили арестовать Керенского и установили за ним негласный надзор. Участвовали ли в решении вопроса об аресте Керенского офицеры? Прапорщик Брезе показал на допросе, что постановление об аресте Керенского вынесли казачьи комитеты, а прапорщик Миллер показал, что постановление об аресте вынесли офицеры и солдаты отряда Краснова.

Керенскому удалось бежать из Гатчинского дворца переодетым в матросскую форму. В печатаемом материале мы находим лишь краткое сообщение о том, что Керенский бежал из Гатчинского дворца около 3 ч. дня 1 (14) ноября, но каким образом — неизвестно. Об обстоятельствах побега Керенского дал интересное письменное показание 1 (14) ноября арестованный генерал Краснов. Так как этого показания нет в печатаемом ниже материале, то мы приведем его содержание здесь в буквальных выражениях.

«Около 15 часов сегодня меня потребовал к себе верховный главнокомандующий (Керенский). Он был очень взволнован и нервен.

— Генерал, — сказал он, — Вы меня предали... Тут Ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...

— Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к Вам нигде нет.

— Но и офицеры говорят то же!

— Да, офицеры особенно недовольны Вами.

— Что же мне делать? Приходится покончить с собой.

---

[1]) См. «Гатчину», стр. 34.

— Если Вы честный человек, Вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в революционный комитет, где переговорите, как глава правительства.

— Да, я это сделаю, генерал.

— Я дам Вам охрану и попрошу, чтобы с Вами поехал матрос.

— Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это мой враг.

— Ну, что же делать. Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.

— Да, только я уеду ночью.

— Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что Вы не бежите.

— Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошел, вызвал казака 10 Донского казачьего полка Русскова и приказал назначить 8 казаков для окарауливания верховного главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать; полагаю, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же» [1]). Из показаний Краснова видно, что в побеге Керенского он не принимал никакого участия.

Если же мы обратимся к воспоминаниям того же Краснова, напечатанным в заграничном контр-революционном «Архиве русской революции», издаваемом Гессеном, то убедимся как раз в обратном. «В три часа дня (1 ноября), — рассказывает Краснов, — ко мне ворвался комитет 9 Донского полка с войсковым старшиною Лаврухиным. Казаки истерично требовали немедленной выдачи Керенского, которого они сами под своей охраной отведут в Смольный.

— Ничего ему не будет. Мы волоса на его голове не позволим тронуть.

Очевидно, это было требование большевиков.

— Как вам не стыдно, станичники! — сказал я.—Много преступлений вы уже взяли на свою совесть, но предателями казаки никогда не были. Вспомните, как наши деды отвечали царям московским: с Дона выдачи нет!.. Кто бы ни был он — судить его будет русский суд, а не большевики...

— Он сам большевик.

— Это его дело. Но предавать человека, доверившегося нам, неблагородно, и вы этого не сделаете.

— Мы поставим свой караул к нему, чтобы он не убежал. Мы выберем верных людей, которым мы доверяем! — кричали казаки.

— Хорошо, ставьте, — сказал я.

Когда они вышли, я прошел к Керенскому. Я застал его смертельно бледным, в дальней комнате его квартиры. Я рассказал ему, что настало время, когда ему надо уйти. Двор был полон матросами и казаками, но дворец имел и другие выходы. Я указал на то, что часовые стоят только у парадного входа.

— Как ни велика вина Ваша перед Россией, — сказал я, — я не считаю себя в праве судить Вас. За полчаса времени я Вам ручаюсь.

---

[1]) Цитирую по книге т. Троцкого «Октябрьская Революция», изд. 1918 г., стр 90—91.

Выйдя от Керенского, я через надежных казаков устроил так, что караул долго не могли собрать. Когда он явился и пошел осматривать помещение, Керенского не было. Он бежал. Казаки кинулись ко мне. Они были страшно возбуждены против меня. Раздавались голоса о моем аресте, о том, что я предал их, давши возможность бежать Керенскому» [1]).

Керенский знаком с воспоминаниями Краснова и даже приводит в своей книжке («Гатчина») часть той выдержки, которая приведена у нас (о посещении его Красновым), но он считает «все это сплошным вздором и вымыслом». Сославшись на телеграмму Краснова от 1 (14) ноября ген. Духонину («Приказал арестовать главковерха; он успел скрыться»), Керенский говорит: «Не говоря уже о телеграмме в ставку, автора этой легенды головой выдают «другие выходы», которых в действительности не было, за исключением тайника, о котором никто не знал и которым днем воспользоваться было невозможно» [2]). Является ли телеграмма, на которую ссылается Керенский, мифической, или нет, нам неизвестно. Если даже такая телеграмма и была послана Духонину, то вполне допустима мысль, что такая телеграмма могла быть послана «для отвода глаз», для оправдания Краснова в глазах казаков. Что касается «других выходов», то этот вопрос является спорным. Краснов, конечно, не ценил Керенского как государственного деятеля, но он действовал в данном случае, без сомнения, в согласии с корниловским советом союза казачьих войск и хотел до поры до времени сохранить Керенского, «как наживу на удочку для известного сорта рыбы».

Слова в кавычках станут ясны, если мы обратимся к печатаемому ниже документу — разговору по прямому проводу между товарищем председателя фронтового казачьего съезда и представителем (вероятно, членом) совета союза казачьих войск. Этот разговор знакомит нас с ближайшими политическими планами корниловского казачества и с его отношением к Керенскому, как главе Временного Правительства. Товарищ председателя фронтового съезда, подъесаул Иванов, говорит по проводу, что фронтовой казачий съезд ждет от совета союза казачьих войск, который находится в Петербурге, самых решительных мер к подавлению большевистского восстания и что войсковое правительство на Дону требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону.

Представитель совета союза казачьих войск (фамилия его неизвестна) дал подъесаулу Иванову очень любопытный ответ: «Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом. Съезду необходимо потребовать от своих фронтовых частей абсолютного подчинения, если такое еще не состоялось. При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось, он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим «проходимцем». В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, *как наживу на удочку для известного сорта рыбы*. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в *контакте с москов-*

[1]) См. 1 т. «Архива русской революции», изд. 3, 1922 г., статью Краснова «На внутреннем фронте», стр. 173—174.

[2]) См. «Гатчина», стр. 38—39.

скими общественными деятелями. Это объективная логика событий и обстановки».

Если подъесаул Иванов видит еще в Керенском представителя Временного Правительства, пригодного для организации государственной власти, то представитель совета союза казачьих войск величает Керенского уже «проходимцем», с которым казачеству не следует связывать свою судьбу, так как Керенский потерял в тылу всякое влияние и потому не пригоден для организации государственной власти «в контакте с московскими общественными деятелями» (читай: с московской финансовой буржуазией). Однако Керенского надо сохранить («взять его к себе»), как «наживу на удочку для известного сорта рыбы», как приманку, — скажем мы, — для мелкой буржуазии, которую корниловцы, несомненно, думали использовать в своих контр-революционных целях, и в то же время — как ширму, которой они хотели прикрыть желаемую и ожидаемую ими реакцию.

Генерал Краснов был определенным корниловцем и, конечно, был против того, чтобы связывать судьбу казачества и контр-революции с «проходимцем». Но критическое положение в настоящем заставляло его быть «предусмотрительным» относительно ближайшего будущего. Керенский казался ему нужным для корниловцев в качестве «наживы на удочку», в качестве приманки и политической ширмы. Поэтому весьма понятно, что Краснов не только сочувствовал побегу Керенского, но и оказал ему некоторое содействие. Главными организаторами этого побега были другие лица: эсеры Семенов (тот самый, который принимал участие в эсеровском процессе) и Вейгер Редемейстер [1]). Из воспоминаний видно, что они действовали независимо от Краснова. Керенский спасся, но его попытка вернуть себе власть, при помощи Гоцов, Фейтов, Войтинских и Красновых, потерпела жалкое крушение. Краснов ошибся в своих надеждах на то, что Керенский в ближайшие дни послужит приманкой для мелкой буржуазии: масса крестьян и городской бедноты присоединилась к пролетариату и приняла активное участие в борьбе за власть. Крупная буржуазия потерпела поражение, и Керенский, таким образом, оказался «проходимцем» как для мелкой, так и для крупной буржуазии. Подтверждение этого факта мы находим, между прочим, и в печатаемом ниже материале, почерпнутом нами из дела № 10 следственной комиссии Верховн. Революцион. Трибунала при ВЦИК за 1917 г., хранящемся в Архиве Октябрьской Революции.

Публикуемые материалы представляют собой допросы ряда лиц, причастных к гатчинской авантюре: а) прапорщика Брезе (№ 1); б) прапорщика Миллера (№ 2); в) поручика Данилевича (№ 3); г) прап. Книрши (№ № 4 и 5); д) комиссара северного фронта В. С. Войтинского (№ № 6 и 7). Кроме того, мы считали нелишним напечатать имеющееся в упомянутом деле письмо инж. Кроника о роли В. С. Войтинского в деле «Гатчины» (№ 8) и переговоры по прямому проводу тов. председателя фронтового казачьего съезда и члена совета союза казачьих войск (№ 9).

Н. Авдеев.

---

[1]) См. их интересные воспоминания: 1) в «Прожекторе» № 6 Семенова и 2) в № 9 (21) «Пролет. Рев.» Вейгера Редемейстера. См. также в том же № «Прол. Револ.» упомянутую раньше статью т. Лелевича.

№ 1.

Показания И. В. Брезе.

25 октября 1917 года около 11 ч. 30 минут дня я получил приказание от кап. Козьмина сопровождать его в поездке. Так как я его неоднократно сопровождал в его поездке по городу, то тут же оделся и вышел на улицу. Нас ждал автомобиль, в который сели А. Ф. Керенский и два его личных адъютанта поручик Випер [1]) и флаг-капитан Кованько, кап. Козьмин, я и шофер. Шоферу был дан приказ ехать к Варшавскому вокзалу. Не доезжая до вокзала было отдано Керенским приказание ехать за Московскую заставу и когда выехали за заставу, то дали шоферу маршрут на Гатчино. По приезде туда, Керенский с его адъютантами вошел во дворец и минут пять спустя вышел и сказал, что поедем в ставку. Поехали дальше через Лугу на Псков. После краткой остановки, во время которой Керенский беседовал с главнокомандующим северного фронта [2]), мы поехали в Остров. В Острове мы встретили отряд ген. Краснова, который стоял там в казармах. С этим отрядом уже поездом двинулись обратно и остановились в Гатчине. На другой день отряд, состоящий приблизительно из десяти сотен и восьми или десяти орудий, двинулся на Царское Село. Керенский остался в Гатчине и уже к вечеру поехал в Царское Село. В это время части царскосельского гарнизона сдавали оружие. После этого он уехал обратно в Гатчину, где пробыл до момента своего побега. В ночь с 31 октября на 1 ноября казачьи комитеты постановили арестовать Керенского и к нему был приставлен негласный надзор, из-под которого скрылся он около 3 часов дня 1 ноября, переодевшись в матросскую форму. Узнав об этом, я совместно с прапорщиком Миллером и пор. Данилевичем явились к комиссару Дыбенко для информации, который направил нас в военно-революционный комитет для подачи показаний.

Прапорщик *И. Брезе.*

Кирочная, 37, гв. Литовский полк, нестроевая рота.

№ 2.

Показания прап. Миллера.

Адъютант отряда увечных воинов прапорщик Миллер прибыл в штаб отряда Краснова 28 октября.

Силы отряда были: 10 сотен казаков, 12 орудий, 1 бронированный поезд, 2 вагона, 1 бронированный автомобиль и 700 юнкеров, не принимавших активного участия в действиях. Вчера вечером казаки на совещании решили арестовать Керенского и прекратить братоубийство.

[1]) Не Випер, а Виннер. *Прим. Ред.*

[2]) Генералом Черемисовым. *Прим. Ред.*

но наблюдение за ним было слабое, и сегодня, когда пришли его арестовывать, то нашли только его пальто, а он успел скрыться. Вступив в переговоры с военно-революционным комитетом, офицеры и солдаты отряда постановили выдать Керенского и немедленно ликвидировать кровопролитие, что и было исполнено, когда мы пригласили товарища Дыбенко и впустили Финляндский полк во дворец. В настоящее время выбываю в свой отряд.

Прапорщик *Миллер*.

1/XI—17 года.

№ 3.

Показания пор. Данилевича.

И. д. штаб-офицера для поручений при начальнике кабинета министра председателя и верховного главнокомандующего поручик Данилевич, 30 лет, православный, под судом не был, жительство имею по Захарьевской, 19, кв. 11, по делу о побеге А. Ф. Керенского показываю:

После заарестования Временного Правительства и отъезда Керенского, я, в целях выяснения положения военного кабинета, в котором служу, отправился в Псков в расчете встретить там Керенского и доложить ему о создавшемся положении. В Пскове последнего я не застал; мне было сообщено, что он с 3 конным корпусом уехал в Гатчину, почему я отправился в последнюю, куда и прибыл вечером 27 октября. Здесь мне было сообщено комендантом города, что Керенский уехал в Царское Село. Я направился туда. По дороге встретил Керенского и пересел к нему в автомобиль. Так как сообщение с Петроградом было прервано, я остался в Гатчине, где и был до сегодняшнего (1 ноября) дня. Нес обычную канцелярскую работу и ни в каких операциях, а также и в оперативной работе участия не принимал.

Керенский во время этой операции располагал очень незначительным отрядом (10 сотен и $1^1/_2$ дивизии легкой артиллерии при двух мортирах, броневой поезд и броневой автомобиль). Юнкера местной школы в боевых действиях не участвовали, а несли лишь караульную службу в г. Гатчине. Во время боя под Пулковым 30 октября находился в Гатчине и сведений о ходе его за отсутствием связи не имел. Отряд Краснова понес небольшие потери и вечером, ввиду отсутствия патронов и снарядов, отошел в Гатчину. Никаких насилий отрядом Краснова по отношению к захваченным не применялось. 31 октября послан был Керенским Станкевич (комиссарверх) в Петроград для заключения перемирия, а 1 ноября с утра из Красного Села прибыли делегаты для переговоров. Когда стало известным, что переговоры завязались, я был в нижнем коридоре Гатчинского дворца и прислушивался к разговорам в офицерской среде и среди казаков. Около 3 часов дня я поднялся на 3 этаж дворца, где жил Керенский,

и узнал, что его нет. Каким образом он совершил побег—не знаю и во время побега я в этаже, где он жил, не был.

Поручик *Данилевич.*

1917 года 1 ноября, г. Петроград.

№ 4.

Показания прап. Книрши.

Адъютанта управления заведывающего автомобильной частью петроградского военного округа, прапорщика Бориса Ипполитовича Книрши, прож. в г. Петрограде, по Бассейной ул., д. 56, кв. 15, тел. 430—66.

25 октября 1917 года, я был вызван в штаб петроградского военного округа около пяти часов утра, в управление заведывающего авточастью, находящееся в здании штаба. В десять часов утра, когда заведывающий авточастью лег спать и я остался один в канцелярии управления, я был вызван к генералу Багратуни (б. начальник штаба) и в его присутствии полковник Полковников приказал мне достать два автомобиля для Керенского, который будто бы должен ехать встречать подходящие в Тосно войска. При штабе не было ни одной машины. Одни уехали, другие были испорчены. Я вернулся к б. главнокомандующему и доложил ему, что машины нет. Тогда он в категорической форме, а вместе с ним и начальник штаба потребовали исполнения приказания во что бы то ни стало, при чем, кажется, генерал-квартирмейстер подполковник Параделов сказал: «где Подгурский (б. заведывающий авточастью округа)? я его не узнаю: до того он бездеятелен». Тут же Полковников сказал, что, может быть, удастся достать машину в английском посольстве или в каком-нибудь другом. Этим заняться было приказано адъютанту генерал-квартирмейстера прапорщику Соболеву и мне. Мы вышли на улицу и решили, что проще, вместо того, чтобы ехать на Французскую набережную, где находится английское посольство, проще всего пойти по Морской в итальянское посольство. Посол сказал, что машины у него нет. Тогда я позвонил из посольства присяжному поверенному Эристову и просил разрешения к нему заехать. Я знал, что у него есть автомобиль и что он живет тут же рядом на Морской. По дороге к Сидамону-Эристову (Морская, 61), у американской миссии, мы увидели машину. Соболев остался около нее и стал расспрашивать шофера, а я пошел к Эристову, который сказал, что машину даст, если таковая имеется у него в управлении, на Сергиевской. Та же, на которой он ездит, слишком слаба. С этим решением мы с Сидамоном-Эристовым выехали из его дома. У подъезда американской миссии я просил разрешения остановиться, вошел в подъезд и спросил, здесь ли прапорщик Соболев. Получив от прислуги утвердительный ответ, я зашел в квартиру и, пройдя в гостиную, увидел Соболева, разговаривающего с поручиком в русской форме, который оказался бароном Рамзай, состоящим при посольстве, и атташе американского посольства — американца, фами-

лии его не помню. Я услышал только конец разговора, из которого понял, что американец соглашается дать автомобиль, но просит свезти его к главнокомандующему. Мы вышли все вместе; Соболева я познакомил с ожидавшим нас Сидамоном-Эристовым, и он поехал с Соболевым доставать вторую машину, а я с бароном Рамзай и с американцем, на его автомобиле «Рено», поехал в штаб округа. По приезде в штаб я доложил полковнику Полковникову о прибывших, и он, переговорив с Рамзай и американцем, спросил их — не желают ли они что-нибудь сказать Керенскому лично. Американец изъявил свое желание и вместе с Полковниковым они пошли вниз. Что и с кем они говорили, я не знаю. На машине «Рено» был американский флаг, который посредине пути отвязался, и я его спрятал. Шофер был финляндец. Где была получена вторая машина, та именно, на которой уехал Керенский — я не знаю. Прапорщика Соболева я больше в штабе до своего отъезда не видал. Автомобиль «Рено» остался на виду у всех у главного подъезда штаба. Я ожидал с шофером у машины. Через полчаса ко мне подошел какой-то офицер в морской форме, как потом оказалось, один из адъютантов Керенского, и сказал: поезжайте вслед за той машиной, которая сейчас выедет из ворот. Ко мне в карету сел другой офицер, позже я узнал, что это прапорщик Брезе — адъютант Козьмина. Я увидел, как морской офицер побежал к воротам штаба, находящимся за углом, и вскоре оттуда выехал открытый автомобиль фирмы Пирс-Арроу. Я велел шоферу ехать вслед за ним, но ввиду того, что ни я, ни шофер не знали, куда именно ехать, мы стали крутиться по площади на виду у всей толпы, и только через минуту я понял, что, очевидно, от меня требуют, чтобы я ехал вперед. Сделать я этого не мог, не зная направления и, видимо, на первом автомобиле это поняли и двинулись к арке. Миновав арку, нам знаками приказали ехать вперед, указав «прямо». Мы исполнили приказание. Миновав Мариинский дворец, я спросил Брезе — куда же ехать, он ответил — к Царскому, по Царскосельскому шоссе. Я ответил, что не знаю, как туда выехать. На Вознесенском, у какого-то магазина я приказал остановить машину и пропустить вперед первую машину. Остановилась и она, оттуда прапорщику Брезе сказали ехать по Забалканскому. Они хотели, видимо, чтобы я ехал первым, но я упорно не хотел этого, не зная маршрута. На Вознесенском, по переезде через Екатерининский канал, передний автомобиль круто завернул в какой-то переулок, видимо не желая сталкиваться с толпой, шедшей ему навстречу. Первый автомобиль шел страшно быстро, и бывали даже в городе моменты, когда моя машина отставала от первой на четверть версты. Я видел, что в первом автомобиле сидели Керенский и Козьмин, а с ними еще два офицера — один моряк, подходивший ко мне, другой какой-то поручик. После я узнал, что первого звать Кованько, а второго — Виннер, и что они оба адъютанты Керенского. Мы миновали Забалканский и выехали на шоссе, ведущее через Пулково в Гатчину. Я не задумывался над целью поездки Керенского прежде всего потому, что получил катего-

рическое приказание от главнокомандующего с соответствующим объяснением цели поездки. Правдивость этой цели для меня имела основания в том обстоятельстве, что еще часа за два до этого генерал-квартирмейстер Параделов говорил об автомобилях на Тосно для встречи войск, при чем на них должны были ехать комиссар Малевский и представители крестьянских депутатов. Достать этих автомобилей мне не удалось, пока я не получил приказания искать их на стороне. Если мне и приходило в голову, что Керенский хочет бежать, то я не допускал серьезности этой мысли, не зная трудности положения штаба и слыша, что будто бы громадные массы войск, верные правительству, движутся к Петрограду и эшелоны находятся уже в часе езды от столицы. Вместе с тем для меня, как офицера, ни штаб, ни верховный не сложили своей власти и никем не были еще в то время низложены. Около 12 с половиной дня мы приехали в Гатчину и, следуя за автомобилем Керенского, поехали прямо во дворец. В воротах дворца я впервые познакомился с Керенским, как с представителем Временного Правительства. Раньше, принадлежа к сословию присяжных поверенных, я его знал, конечно, однако за все время его пребывания в правительстве ни разу не видел его и с ним не разговаривал. Во время пребывания моего в сословии у меня с Керенским были скорее холодные отношения; они были вызваны одним принципиальным дисциплинарным делом, разбиравшимся под его председательством в комиссии помощников присяжных поверенных. Керенский держал себя во время разбора дела исключительно неприступно и не по-товарищески, все время показывая, насколько он стоит выше окружающих. Приехав во дворец, Керенский с сопровождавшими его прошел к коменданту города, я же поднялся в третий этаж к своим хорошим знакомым. Приблизительно через минут 15—20 я спустился вниз и встретил Керенского выходящим. Он подошел ко мне и сказал: «Вы останетесь здесь. Нагрузитесь бензином, шинами и всем, чем нужно, а потом приезжайте в Лугу к коменданту. В Гатчине не задерживайтесь. Через час, самое позднее, выезжайте». Я спросил — а где же войска, которые мы должны встречать? Он ответил — они не успели, мы едем им навстречу. Я остался в Гатчине и хотя знал, что у меня нет освещения, но особенно не беспокоился, думая, что ночь не такая уже темная. Я пытался достать бензин и шины, но этого не удалось, и в поисках я потерял целый день. Насколько я был мало осведомлен, куда еду, видно из того, что при выезде моем из Петрограда в баке моего автомобиля было не более пуда бензина. Запасных покрышек и камер не было вовсе. Часов около семи только я выехал из Гатчины, взяв два пуда бензина только для своей машины у коменданта. Около станции Сиверской мы из-за отсутствия фонарей налетели на камень, и я, видя, что ехать так дальше — значит только погубить бесцельно машину, оставил ее на постоялом дворе с шофером, который на следующий же день возвратился в Петроград (по крайней мере, так было ему приказано). Сам же взял извозчика и поехал на станцию, откуда поездом доехал до Луги. В Луге, как мне

было приказано, я явился к коменданту города, и он сказал мне ехать в Псков. 26 утром я приехал в Псков и отправился в штаб северного фронта, где был принят генералом Барановским. Генерал сказал мне, что Керенский уехал в Остров и что туда сейчас посылается офицер с телеграммами на имя главковерха и я могу ехать с ними. По приезде в Остров, мне сказали, что Керенский поехал в Псков и что с ним туда выступил 3 конный корпус с генералом Красновым во главе. Мы вернулись в Псков, и здесь начальник военных сообщений генерал Кондратьев сказал, что и Керенский и Краснов миновали Псков и едут в Лугу. Опять был наряжен автомобиль, и я вновь с офицером, везшим депеши, отправился в путь. Находясь в штабе, я ни на одну минуту не мог задуматься над легальностью положения Керенского. Конверт был ему адресован как главковерху от штаба. Генерал Черемисов, который видел меня и знал, почему я очутился в штабе, отдавал распоряжения об отправке эшелонов на Петроград. Так же уверенно держали себя все другие чины штаба, с которыми мне приходилось встречаться. Ни о каком правительстве в Петрограде, вновь образовавшемся, не было и речи. В Луге я, наконец, в вагоне увидел Керенского. Он приказал мне ехать с ним в Гатчину и временно исполнять обязанности и. д. начальника канцелярии главковерха по гражданской части и управляющего делами Временного Правительства. За все время моего будто бы исполнения этих обязанностей мною были подписаны первым званием — одна записка об офицере, арестованном по приказанию главковерха, вторым — одно или два удостоверения для свободного прохода по Гатчине и одно требование на бензин из авиационной Гатчинской школы. Никаких «дел» Временного Правительства или канцелярии главковерха я не знаю и не вел. 27 числа я узнал о событиях в Петрограде, о взятии Зимнего дворца и об аресте чинов штаба округа. Об образовании правительства я не знал до 31 числа, так как, несмотря на все вопросы Керенскому, я на это от него ответа не получал. Больше того — 27 числа в вагоне Керенского находился какой-то казачий офицер, будто бы только что приехавший из Петрограда. Он сообщал, что войска в Петрограде отказываются итти за большевиками, что в полках раскол и товарищи Ленин и Троцкий бежали. В штабе фронта в Пскове комиссар Войтинский [1]) сказал, что мартовцы и камковцы откололись и среди большевиков идет страшная рознь. 27 к утру мы приехали в Гатчину. Казаки начали выгрузку артиллерии и войска. Когда все было кончено, было приказано выходить из вагона. Я поехал в одном автомобиле, а на другом Керенский и его адъютант. Приехали во дворец и разместились в комнатах третьего этажа. Керенский с своими адъютантами, я же на противоположной стороне корпуса. Шли какие-то боевые распоряжения, которых я не касался. Слышал, что подходят эшелоны различных ча-

[1]) Комиссар северного фронта Войтинский — меньшевик; раньше был большевиком. *Прим. Ред.*

стей, а Керенский говорил, что в Петрограде бунт, правительства нет, идут уличные бои и позже, что Полковников овладел телефонной станцией и Инженерным замком. 28 числа я целиком провел день во дворце, при чем мои обязанности заключались в том, что я передавал снизу от коменданта наверх к Керенскому приносимые телеграммы. В Гатчине было введено генер. Красновым осадное положение. Было предположено арестовать большевиков, состоящих в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Гатчине; это приказание Керенского не было выполнено ни мною, ни комендантом города. Обсудив этот вопрос, мы решили не приводить в исполнение этой меры, как могущей вызвать волнение в городе. 28 числа Керенский ездил под Царское, куда началось движение его отряда. Там он пробыл целый день со своим штабом. Я же только под вечер, без всякого поручения, скорее из любопытства, поехал в деревню, где он должен был находиться, проведя целый день у знакомых. Я встретил Керенского на дороге — он ехал в Гатчину. Ехавшие со мною (кажется, комиссар Семенов и еще кто-то) вышли из автомобиля и разговаривали с ним. Я из автомобиля не выходил. Приехав в штаб корпуса, я не нашел никого и заснул на стуле. Проснувшись часа через полтора, прошел в комнату, где уже находился командир корпуса, и там же впервые я увидел Савинкова. Мне его показали. Раньше я с ним знаком не был. Просидев пять минут в штабе, я поехал в Гатчину и прямо направился к моим знакомым, живущим во дворце. До утра я Керенского не видел. 29 числа он с утра уехал в Царское Село, но я не поехал, хотя он мне и приказал ехать на бронированном поезде. Дело в том, что 29 утром ко мне в комнату вошел приехавший накануне в Гатчину поручик Данилевич из политического управления военного министра и сказал мне: «Верховный главнокомандующий приказал Вам передать мне все имеющиеся у Вас телеграммы и бумаги; он благодарит Вас за работу и ничего не имеет против того, что Вы вернетесь к месту своего служения». Я на это ответил, что несколько телеграмм у меня имеется, бумаг никаких нет, а заодно спросил: куда же мне ехать? Данилевич сказал: «Ведь Вы здесь служите в батальоне». Когда я ответил, что ничего подобного, он был страшно удивлен и вполне согласился, что смешно со стороны Керенского предлагать мне ехать в Петроград, когда я туда не могу проехать. В этот же день к вечеру я поехал в Царское Село и нашел штаб корпуса во дворце Марии Павловны. Тут-то я получил от генерал-майора Краснова предписание совместно с комендантом организовать охрану жителей Гатчины. На утро 30 я занялся проверкой караулов и просил товарища председателя С. Р. и С. Д. Кауфмана содействовать возобновлению деятельности совета. Я считал, что вообще вся цель охраны должна покоиться на общественных основах, а вооруженная сила лишь обеспечивает осадное положение на случай открытого нападения. Того же 30 числа полученное мною предписание от Краснова было послано мною на утверждение Керенского. Он утвердил, а через $^1/_4$ часа (о чем я совершенно случайно узнал

только вечером, найдя брошенную на комендантском столе бумажку), видимо, желая парализовать мое назначение, назначил особоуполномоченного по охране общественной безопасности и спокойствия некоего Вейгер фон Редемейстера [1]). Часов около десяти вечера того же числа, опять-таки без моего ведома, сместил меня и назначил начальником охраны кого-то другого — кого не знаю. В этот же вечер был организован штаб охраны. На предварительном заседании я присутствовал только первые десять минут, когда речь шла о назначении начальником штаба какого-то штабс-капитана, который должен был исполнять эти обязанности до прихода генерала Краснова. Ушел я с заседания по следующим причинам: первая — этот штабс-капитан сказал мне, когда я его назвал «товарищем» — «я не товарищ, а штабс-капитан», вторая—потому, что то же лицо (фамилии его не знаю), будучи поставлено в необходимость изложить передо мною свои политические взгляды, сказало мне: «мне на партии наплевать и ничего партийного в штабе я знать не хочу». После этих слов я вышел и больше в комнату не возвращался. 30 числа, собственно говоря, кончились хотя и незначительные, но все же некоторые мои отношения к Керенскому. Я считал его образ действия по отношению ко мне неприличным и недостойным, а потому решительно уклонился даже от каких-либо с ним сношений. Не помню, кажется в этот же день, происходило совещание Керенского с командиром корпуса и с комиссарами — я не присутствовал на нем, так же, как и ни на одном из других бывших у него совещаний. О результате этого совещания я услышал в комендантском от офицеров — было решено установить перемирие и будто бы в Петрограде согласны на министерство, в коем не будут принимать участие ни Керенский, ни Ленин. 31 числа я абсолютно ничего не делал и сидел целый день в комнате у моих знакомых. Вечером ко мне пришел прапорщик Миллер, состоявший при штабе Керенского, в оперативном отделении, и предложил мне немедленно одеваться, взять револьвер и ехать за ним. Я спросил его, зачем это нужно. Он сказал, что ответить мне не может, что он действует по приказанию верховного главнокомандующего. Я сказал, что не поеду, пока мне не будет сказано зачем и куда. Тогда он ответил мне: «Мы едем на Балтийский вокзал давать телеграммы о перемирии». Я поехал. В моем присутствии им была передана комитету спасения родины и революции телеграмма, сообщенная также Викжелю, о перемирии, об установлении линии нейтральной зоны — Лигово, Тосно, Пулково — и о выезде Козьмина и еще кого-то делегатами в Петроград. 1 числа я встал в 12 часов дня и прямо прошел к моим знакомым завтракать. Туда же пришел есаул Енисейской сотни Коршунов. Он рассказал, что делегаты V армии и казаки хотят арестовать Керенского. Я пошел проверить этот слух. Зашел в помещение, занимаемое Керенским. Не входя в его комнату я в пер-

---

[1]) Вейгер-Редемейстер — эсер. См. его воспоминания в № 9 (21) «Пролет. Революции». *Прим. Ред.*

вой комнате от входа встретил его адъютанта поручика Виннера и спросил его — каково положение. Он ответил: «Ничего особенного не происходит и идет перемирие». Я вернулся завтракать и вдруг приходит поручик Лившановский, авиационной школы, и говорит, что Керенскому конец. Тогда я снова пошел к нему и тут увидел его — он стоял между дверьми. Я спросил: «Что случилось, Александр Федорович?». Он ответил: «Скверно». Видя, что от него ничего не узнаешь, я пошел к коменданту. Там шли споры, крики. Возвращаясь обратно, чтобы продолжать завтракать, я на втором этаже вижу бегущего прапорщика Миллера — на руке у него пальто Керенского и он кричит мне: «Керенский бежал». С этим известием я побежал к есаулу Коршунову и поручику Лившановскому. Через час я был задержан казаками, а потом передан под стражу правительственных войск. Вчера же вечером я был освобожден товарищем Троцким и полковником Муравьевым на честное слово с обязательством явиться для допроса сегодня в Петроград в Смольный, что я и исполнил.

№ 5.

Дополнительное показание прап. Книрши.

Прапорщик Книрша, дополнительно показываю:

1) Когда я не мог за отсутствием автомобилей у штаба округа достать таковой для выезда комиссаров навстречу войскам в Тосно, одним из комиссаров была принята следующая мера: он позвонил по телефону в политический кабинет военного министра и просил оттуда выслать автомобиль. Ему ответили, что автомобиль есть, но нет бензина. Тогда я пошел на двор штаба, собственноручно налил бидон бензина и на извозчике с писарем авточасти отправил бензин в политический кабинет. До моего отъезда автомобиль подан не был — по крайней мере мне это неизвестно.

2) Керенский все время получал телеграммы из разных армий и из ставки от комитетов и командного состава о полном их подчинении верховному главнокомандующему. Это меня еще больше убеждало, неосведомленного о том, что происходит в Петрограде, — в отсутствии какого-либо нового правительства, заменившего Керенского.

3) Накануне бегства Керенского вечером к нему приезжала французская миссия из ставки. Говорили, что во главе их стоял французский генерал. Я его не видел и знал о прибытии миссии только потому, что для нее искали помещение во дворце. Оно оказалось ненужным, так как в ночь миссия уехала из Гатчины. Для чего она приезжала к Керенскому, я не знаю.

4) 31 октября начальник артиллерии генерала Краснова полковник (фамилию забыл) приказал мне поехать на Варшавский вокзал и узнать, имеются ли там 8-*мм* снаряды и патроны для пулемета Шварц-

лова для бронепоезда. Я поехал и узнал, что они в Луге. Полковник предложил мне съездить в Лугу, но я, не желая принимать никакого участия в боевых действиях, от этого поручения отказался, и поехал в Лугу другой офицер.

5) Морской офицер, личный адъютант Керенского, Кованько, уехал из Гатчины накануне побега Керенского вместе с французской миссией. Узнал я об этом после побега Керенского, когда я спросил поручика Данилевича или прапорщика Миллера — точно не помню кого — где адъютант Керенского.

6) Из телеграмм, полученных Керенским и лично мною ему переданных, помню содержание следующее: а) Духонина — о подчинении; б) кавказской армии — тоже; в) о положении следственной комиссии Грузенберга в Одессе; г) о делах в Туркестане; д) о задержании трех эшелонов с броневыми машинами на ст. Режица большевиками.

№ 6.

Протокол допроса В. С. Войтинского.

Протокол допроса Войтинского Владимира Савельича, комиссара северного фронта 2 ноября 1917 г. Смольный Институт.

В начавшейся 25 октября и закончившейся, по моему убеждению, 1 ноября гражданской войне, я стоял на стороне Центрального Комитета Сов. Р. и С. Депутатов 1-го созыва, представителем которого я являлся в качестве комиссара северного фронта. Позицией ЦИК Совета Раб. и Солд. Депутатов целиком определялась моя деятельность в эти дни. 27 октября, когда выяснилось, что сосредоточиваемый Керенским под Петроградом отряд состоит преимущественно из частей северного фронта, я выехал в этот отряд и в дальнейшем почти безотлучно находился при нем, о чем официально уведомил управление комиссариата в Пскове. При отряде я исполнял свои обязанности комиссара, как я их понимаю. Главной своей задачей я считал предотвращение каких бы то ни было эксцессов и использование движения отряда контр-революционерами. Считаю, что в этом направлении мне удалось достигнуть весьма многого. Я не допустил образования военно-революционных судов, массовых арестов и других насилий, добился установления гатчинского Совета Раб. и Солдатских Депутатов, о чем могут показать члены этого Совета Горшков и Кауфман, добился принятия отрядом определенной платформы примиренческого и ярко демократического характера. На-ряду с этим, состоя в отряде, я вел сношения с Центральным Комитетом Совета Раб. и Солд. Депутатов 1-го созыва и комитетом спасения родины и революции, так что через меня шли многочисленные обращения этих комитетов к армейским организациям и комиссарам, касавшиеся опе-

рации отряда. Эти обращения я передавал и успеху их старался содействовать нетолько в силу формальной обязательности для меня платформы Центрального Комитета, но и потому, что сосредоточение отряда я считал единственным возможным средством погасить гражданскую войну путем уравновешения силы силой. 1 ноября состоялось известное соглашение между представителями отряда и представителями петроградского гарнизона и Дыбенко, представителя Совета Народных Комиссаров. Это соглашение, названное официально соглашением о перемирии по существу, бесспорно явилось соглашением о прекращении гражданской войны и именно так это соглашение понималось сбеими сторонами. Считая гибельным каждый лишний час гражданской войны, я немедленно после подписания соглашения сторонами дал телеграмму в штаб северного фронта, псковским общественным организациям, в ставку, общеармейскую фронтовую организацию, комиссарам и всем, всем, всем с извещением о том, что гражданская война закончилась примирением сторон и что немедленно должны быть прекращены всякие враждебные действия, а также приготовления к таковым и передвижение идущих на Петроград эшелонов. Последнее я считал особенно важным, так как в момент подписания соглашения отряд был еще далеко не весь в сборе и в многочисленных пунктах на пути следования эшелонов можно было ожидать вооруженных столкновений. Этими моими телеграммами закончилась, по моему убеждению, полоса гражданской войны в районе северного фронта. Так как ликвидировавшее эту войну соглашение заключало в себе признание власти нового правительства, против которого я в течение семи дней вел борьбу, то одновременно с отправкой названных телеграмм я сложил свои полномочия комиссара северного фронта и вернулся к положению частного лица. В соглашении 1 ноября предусмотрена полная амнистия участников гражданской войны, этим соглашением ликвидированной. В частности, это соглашение по смыслу своему исключает всякую возможность последующего привлечения к судебной ответственности кого бы то ни было из состава отряда. А доказательством того, что я был именно членом отряда, является моя подпись, скрепляющая упомянутую мною выше платформу отряда, опубликованную радиограммой всем, всем... Поэтому полагаю, что на мне лежит полная политическая ответственность за мою деятельность при отряде и объяснение этой деятельности самое обстоятельное и подробное я готов дать своим политическим единомышленникам и противникам когда угодно. Но была бы вопиющим нарушением заключенного соглашения и данного слова всякая попытка привлечения меня к суду и тем более лишения меня свободы. Этим пониманием соглашения 1 ноября я и руководствовался, испросив прилагаемый при сем пропуск от гатчинского коменданта Новикова и народного комиссара Дыбенко за № 2995.

Владимир Войтинский.

№ 7.

Допрос В. С. Войтинского.

Гр. В. С. Войтинскому *вопросы:*

1. Известно ли Вам, что 25 октября с. г. в Петрограде по поручению ЦИК тов. Даном был открыт второй Всероссийский Съезд Советов Р. и Солд. Депутатов, как законно созванный?

2. Не послали ли Вы телеграмму в Петроград и когда — о том, что Вы слагаете свои полномочия комиссара северного фронта, как утратившие силу, вследствие созыва II Съезда?

3. Считали ли Вы закономерным выступить в качестве представителя ЦИК I Съезда, после того, как собрался в установленном порядке II Съезд?

4. Известно ли Вам, что во II Съезде участвовали делегаты северного фронта?

5. По собственной ли Вы инициативе явились в отряд Керенского против Петрограда, или по чьему-либо приглашению (письменному или словесному) и какого числа?

6. Кто и когда вызвал отряды с северного фронта против Петрограда, какие части, с каких мест?

7. Каким эшелонам и куда Вы послали телеграммы об их направлении

Показание.

1. Это мне известно. Но я получил вслед за тем сообщение, что Съезд покинут всеми фракциями, кроме большевистской, и что ЦИК первого созыва объявил Съезд несостоявшимся, а новый ЦИК — незаконным. Не имея возможности выяснить подробности дела, я вынужден был принять постановления ЦИК первого созыва к сведению и руководству без всякой критики.

2. Такую телеграмму (точнее, юзограмму по прямому проводу) я послал, не зная о том, что ЦИК первого созыва дезавиуировал Съезд и избираемый им второй ЦИК. Получив более точную информацию, я поспешил взять свое заявление об отставке назад, так как считал для себя недопустимым уклониться от участия в борьбе, начатой ЦИК первого состава.

3. Ответ на этот вопрос ясен из ответа на предыдущие два вопроса.

4. Известно. Но я получил сведения что фронтовая делегация покинула Съезд и объявила его незаконным, подтвердив вместе с тем продление полномочий и прав ЦИК первого созыва.

5. В отряд я явился по собственной инициативе, как явился бы в любой участок своего фронта, где сложилось бы опасное и ответственное положение. В частности, для Керенского мое появление в отряде явилось совершенной неожиданностью.

6. Части вызывались от имени ЦИК первого созыва. Надлежащим образом санкционированное требование вооруженной поддержки было передано мне по проводу ночью с 24 на 25 октября. При этом названия частей не были мне указаны; по этому вопросу, повидимому, велись особые переговоры в порядке командования.

7. По условиям перевозки войск по жел. дор. телеграмм эшелонам я не

на Петроград или об остановке их движения?

давал и давать не мог. Я сносился лишь с комиссарами и армейскими комитетами, и в отдельных случаях с комитетами вызванных и проходящих через Псков частей. Телеграмму об остановке эшелонов я дал с расчетом автоматического задержания всех эшелонов там, где застанет их моя телеграмма.

8. Признали ли Вы допустимым в качестве комиссара ослабление фронта против внешнего врага, отправляя эшелоны на Петроград?

8. Ослабление фронта при отправке эшелонов я признавал недопустимым и потому дал распоряжение не брать ни одной роты с позиций и действовать лишь свободными резервами (в первую очередь резервом главкосева). Так как вся операция должна была задолжить лишь по 1—2 полка с армии, то-есть не больше 2—3% сил фронта, но никакого ущерба для устойчивости фронта от этой меры произойти не могло, фронт ослаблялся самым фактом гражданской войны в тылу, а не уходом десятка эшелонов.

9. Каким наказом вы руководствовались, участвуя в наступлении отрядов Керенского против Петрограда и подписывая воззвание Керенского вместе с комиссарами других армий?

9. Вопрос мне неясен. Никакого наказа я не получал. Но ко мне поступали резолюции ЦИК (первого созыва), армейских комитетов и общеармейского комитета при ставке. Эти резолюции требовали вооруженного давления на Петроград, т.-е. именно той меры, которая осуществлялась отрядом.

10. От кого и через кого Вы получили распространенные Вами воззвания членов б. ЦИК и комитета спасения и не можете ли Вы перечислить, какие воззвания Вы распространили?

10. Ответить на этот вопрос затрудняюсь. Заняв в происходившей борьбе вполне определенную позицию, я распространял все доходившие до меня воззвания той стороны, к которой я принадлежал, независимо от того, через кого эти воззвания ко мне поступали. Решительно не помню, сколько было таких воззваний и в каких выражениях они были составлены.

11. Состояли ли Вы 1 ноября с. г. на действительной военной службе в гатчинском отряде?

11. Да, состоял. Несение должности комиссара, несомненно, является действительной военной службой. 27 октября я телеграфно известил свое управление, что на время тревожных событий буду находиться безотлучно в сводном отряде, куда и прошу обращаться ко мне по делам службы. С этого момента я формально вступил в состав отряда, в каковом положении оставался вплоть до вечера 1 ноября, когда отряд, как таковой, перестал существовать.

12. Известны ли Вам обстоятельства, при каких А. Ф. Керенскому удалось скрыться, и что Вы сделали, чтобы это предупредить?

12. А. Ф. Керенский скрылся во время моего отсутствия из Гатчины. Обстоятельства его бегства известны мне со слов ген. Краснова. Сообщение об этом бегстве явилось для меня совершенной неожиданностью. Если бы накануне кто-нибудь мне сказал о возможности подобного бегства, я, по всей вероятности, отнесся бы к подобному предположению, как к пустой фантазии. Никаких мер к предупреждению со стороны А. Ф. Керенского шага, в возможность которого я не верил, я не предпринимал и предпринимать не мог.

Вл. Войтинский

№ 8.

Письмо инженера Кроника.

В следственную комиссию в.-р. комитета.

25 октября я присутствовал, как член искоборсева, на собрании, состоявшемся в Пскове в помещении комиссариата северного фронта. На это собрание были приглашены следующие организации: коморсев, искоборсев, псковский искомсовдеп. Войтинский здесь выступил с речью, примерно, такого содержания: в Петрограде, благодаря большевистской авантюре, создалось крайне тревожное положение. Продовольствия там всего на 2 дня и не иначе, как послезавтра утром (т.-е. 27), в Петрограде начнутся грабежи и погромы на почве голода и черносотенной агитации. Ввиду этого в Петроград необходимо послать надежные дисциплинированные революционные войска. Эгих войск требует Временное Правительство и ЦИК. Он, Войтинский, обратился к армиям с запросом, но сам считает посылку войск в Петроград необходимой.

(Начала его речи я не слышал, так как пришел только к концу ее.)

Представители искоборсева высказывались против посылки войск, и даже выразили Войтинскому недоверие. Вечером того же дня, в отсутствии Войтинского, на том же собрании помощник Войтинского Савицкий заявил, что так как из Петрограда получены странные сведения о назначении Кишкина, Пальчинского и Рутенберга на ответственные посты, то комиссариат северного фронта решил пока воздержаться от посылки войск.

Все организации, присутствовавшие на собрании, присоединились к мнению, что войск в Петроград не следует приглашать, и тогда же был составлен для этой цели северо-западный военно-революционный комитет, в который был приглашен и Войтинский.

Явившись на заседание в.-р. комитета, Войтинский заявил, что из армий получены уже ответы, а именно: I армия против посылки войск, V армия согласна послать войска, но не против петроградского военно-революционного комитета, а скорее ему в помощь, и только XII за посылку войск в помощь Временному Правительству. Ввиду этого, он, Войтинский, считаясь с тем, что из трех армий две против посылки войск, сам тоже подчинится решению армий, и так как он, очевидно, не соответствует нынешнему настроению армии, то он слагает свои полномочия комиссарства. Тут же он передал, что говорил с графом Толстым, по прямому проводу, сообщил ему, какие части было предположено выслать в Петроград, но это дело прошлое. Теперь им, в согласии с Черемисовым, сделано распоряжение о приостановке движения всех эшелонов.

Однако на следующий же день, т.-е. 26 утром, Войтинский снова явился на заседание в.-революционного комитета, но уже в совершенно ином настроении. Он описал петроградский переворот, как чисто бутафорский, произведенный кучкой большевиков при добродушно-пассивном отношении остального гарнизона и резком протесте всей демократии, начиная от левых эсеров и кончая им самим. Затем сообщил, что от верховного главнокомандующего получено распоряжение продолжать двигать войска к Петрограду, что он, Войтинский, находит, что из трех армий две высказались за посылку, и только одна против, и поэтому он будет продолжать посылку войск. На прямо поставленный ему вопрос, признает ли он власть сев.-зап. военно-революционного комитета, он ответил, что подчиняется только ЦИК, который требует войск.

На вопрос, где Керенский, он ответил, что накануне Керенский был в Пскове, а сейчас находится в ставке. После этого Войтинский с заседания в.-революционного комитета ушел.

В то же время в военно-революционный комитет стали поступать сведения, что на Петроград один за другим идут эшелоны, главным образом казацкие, и что Керенский был утром в Острове и выступал там перед казаками, а потом с отрядом казаков поехал к Петрограду.

26 вечером снова было собрание в помещении комиссариата, где опять выступал Войтинский, сказав, примерно, то же, что утром в заседании военно-революционного комитета. На вопрос мой, почему он посылает казаков, он ответил, что казаки такая же часть демократии, как и другие ее части.

26 ночью я был на собрании псковского совдепа. Здесь опять выступал Войтинский, и доказывал, что на преступное насильственное ниспровержение Временного Правительства надо отвечать силой, что войск от него требует президиум Ц. И. Комитета, что ему сообщил и подтвердил Гоц, что эти войска к Петрограду уже подвозятся и через день-два под Петроградом уже будет скоплена достаточная физическая сила, чтобы ликвидировать авантюру большевиков.

Уже на этом собрании Войтинский встретил резко враждебное отношение. Из среды присутствующих солдат раздавались требования его арестовать.

На этом же собрании был избран псковский военно-революционный комитет. Я был избран его членом. Считая деятельность Войтинского крайне опасной, псковский военно-революционный комитет поручил одному товарищу отправиться к Войтинскому, оцепить его дом караулом и предъявить Войтинскому требование, чтобы все сношения и распоряжения проходили через контроль военно-революционного комитета.

Рано утром товарищ исполнил данное ему поручение, но Войтинского уже в комиссариате не было, а его заменял Савицкий.

Член искоборсева инженер *Кроник*.

Петроград 6/II—17 г.

№ 9.

Переговоры между председ. фронтового съезда и членом союза казачьих войск.

У аппарата подъесаул Иванов — товарищ председателя фронтового съезда. Ваш пароль, который Вы вчера передавали? Я верю, что Вы. Можете говорить. Деятельно ли работает совет союза казачьих войск — запрашивает съезд. Съезд ждет от Вас самых решительных мер к подавлению большевистского восстания в Петрограде. Отвечайте. Буду краток — ввиду того, что съезд ждет меня. Прежде всего поздравляю с началом победы. Сейчас вел переговоры с помощником атамана войска Донского Богаевским. Вот что он мне передал: войсковое правительство всю власть взяло в свои руки. Атаман Каледин орудует вс-всю для подавления большевистского восстания. Тихий Дон таковым и остался. На Дону все благополучно. Порядок полный. Власть Каледина распространяется включительно до Царицынского округа. Ростов, откуда со мною говорил Богаевский, подчиняется воле Дона, и я с ним в полном контакте. Передайте сию же минуту, как только отойдете. Хорошо. Войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону. Дон предлагает все услуги для сконструирования этой власти. Этот Керенский в данное время находится на северном фронте и ведет войска на Петроград. Как только Вам понадобится установить связь с войсковым правительством Дона, то сообщайте по прямому проводу Петроград— Ростов и просите прибытия к аппарату градоначальника, которому правительство войска Донского поручило держать связь съезда со ставкой и с Доном. Если хотите переговорить с Богаевским, сегодня вызовите к аппарату часам к 5 вечера через градоначальника. Эту связь Вам необходимо под-

держивать. Я об этом сейчас доложу Богаевскому. Ответьте, будет ли это исполнено Вами. Хорошо, передам, имейте ввиду, в шестом часу я буду у аппарата. Безусловно прошу быть у аппарата, ибо должен передать Вам все, что происходит в Киеве. Поняли? Но в Киеве пока все тихо. Хорошо. Сотник Герасимов уже все знает, ибо мною связь установлена со всеми городами. Съезд казачий выделил из себя исполнительный комитет, которому поручено в корне пресекать всякие большевистские выступления в Киеве и по соседству, не останавливаясь ни перед какими суровыми мерами. 27 казачий полк вошел в Киев. Войска в количестве 5 тысяч, почти все юнкера, повинуются только воле съезда. Порядок будет. Украина, насколько нам известно, желает воспользоваться горем родины и хочет объявить себя вполне самостоятельной. Если это случится, то пути казака и украинца разойдутся. Это единогласно всеми нами принято. Телеграфируйте уже от имени военного министра Петлюры. Чуть-чуть не был захвачен. Была угроза комиссару Кириенко из штаба округа, но последний будет под защитой нашего исполнительного комитета, и мы не допустим самочинных действий со стороны рады, — хозяева положения пока мы. Я слушаю. Передайте генералу Каледину: необходимо захватить всю волжскую флотилию сверху и снизу. Требуйте от Каледина, чтобы он подчинил себе войска на Кубани и Тереке с туземным корпусом. Съезду необходимо потребовать от своих фронтовых частей абсолютного подчинения, если такое еще не состоялось. При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось, он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходимцем. В тылу он потерял всякое влияние. Взять его к себе, конечно, надо, как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организвано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями. Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте. Пока верный Временному Правительству гарнизон, состоявший из юнкеров, ударников, женского батальона и казаков 14 полка в 2 часа ночи, после жестокой схватки и артиллерийской бомбардировки с крейсера «Авроры» капитулировал. Революционный штаб заметно развязывает руки с момента капитуляции. В городе спокойно. Казачьи полки пока не играли. В час ночи в совете были делегаты передовых эшелонов 1 Донской дивизии из Гатчины. Ожидается делегация Уссурийской и 5 Кубанской дивизии. Сюда направлена XV армия. Центральный комитет [1]) центральный исполнительный комитет и крестьянский разошлись с военным революционным большевистским комитетом. Кабинет почти сформирован по вчерашней схеме. Предстоят в ближайшем будущем аресты петроградских военных училищ, все время ищущих контактов с нами. Совет

[1]) Слова: «Центральный комитет» — являются здесь излишними, будучи по ошибке повторены в оригинале дважды. *Прим. Ред.*

пока в безопасности. Дальнейшее зависит... Почему Вы начали официальный разговор? Как вас понимать? Ага! Чему верить — первому или второму? Будет ли дежурство? Найдется на нашу работу. Успокойте Временное Правительство от имени съезда. Не забудьте вырвать из ленты Вашей фамилии. Понимаете ли? Когда Вы будете у аппарата? Назначьте час. Три раза. Да. Я полагаю, воля съезда для совета есть закон в данное тяжелое время. Все-таки президиум съезда настаивает, чтобы у аппарата Вы остались дежурить; сделайте так, чтобы большевикам, занявшим телеграф, о Вашем присутствии на телеграфе не было известно никоим образом; я от имени съезда настаиваю на этом самым категорическим образом. Передайте еще, какие новости есть. Что можете сообщить о сотне юнкеров?

ЗАПИСКА А. К. БОШНЯКА.

Во второй половине 1825 года правительство, как известно, получило один за другим три доноса о тайном обществе: 17 июля в Каменноостровском дворце Шервуд докладывал Александру о своих «открытиях»; в середине августа в Петербурге было получено донесение начальника южных поселенных войск гр. Витта, который позднее, 18 октября, в Таганроге лично сообщил Александру результаты своих «розысканий» на юге; наконец, 1 декабря, уже после смерти Александра, начальник его штаба бар. И. И. Дибич получил в Таганроге донос Майбороды на Пестеля. Если этот последний донос был простым изветом предателя, в значительной мере устраивавшего таким способом свои личные дела, то в действиях Шервуда уже налицо совершенно определенные элементы «агентурной работы» не без некоторой при том доли провокации; что же касается «операций» гр. Витта, то в них провокация занимает центральное место и является конечною целью всего плана: здесь дело шло уже не о простом лишь собирании сведений о заговорщиках, их связях и планах, но прямо об организации конспиративного съезда руководителей Южного общества, на котором они должны были быть захвачены «с бумагами и архивами»; местом и временем для этой «операции» намечался Киев во время ближайшей контрактовой ярмарки в январе—феврале 1826 года. План Витта получил высочайшее одобрение *), и только смерть Александра и последовавшие за нею события сорвали, к великому огорчению его авторов, его выполнение.

Печатаемая ниже записка помощника Витта в его разведках о тайном обществе коллежского советника А. К. Бошняка дает обстоятельный и интересный рассказ о всех перипетиях «изысканий» Витта и Бошняка, которые до сих пор обычно излагались с меньшими подробностями по источникам, дававшим менее полную и менее точную картину. И надо сказать, как замысел, так и выполнение всего плана обличают и в авторе его и в выполнителе несомненное призвание к своему делу и большое мастерство. Для Бошняка это была первая проба сил на поприще тайного сыска, дебют, не оставшийся впрочем без продолжения; но руководитель всего дела, гр. Витт был уже испытанный специалист в данной области.

Граф Иван Осипович Витт родился в 1781 году. Его отец — поляк был комендантом польской крепости Каменца Подольского; впоследствии он перешел на рус-

*) В донесении от 4 декабря 1825 г. (Шильдер, «Александр I», т. 4, стр. 411) бар. Дибич говорит, что Витт докладывал Александру лишь о надежде своей получить на контрактах «вернейшие известия» о заговоре, но Бошняк в своей записке досказывает до конца, в чем именно состояли и как далеко шли планы его руководителя в данном случае.

скую службу. За матерью Витта, гречанкою по происхождению, держалась двусмысленная слава красавицы и авантюристки.

И. О. Витт с 11 лет был записан в Конную Гвардию. При Павле он уже служил в Кавалергардском полку и в 1801 году получил чин полковника и Мальтийский крест. В 1802 году он перешел в Кирасирский полк; принимал участие в походах, в 1805 году был контужен под Аустерлицем и в 1807 году, по служебным недоразумениям, вынужден был выйти в отставку.

В 1809 году он поступает волонтером в армию Наполеона, участвует в ряде сражений и в 1811 году состоит тайным агентом Наполеона в герцогстве Варшавском. В июне 1812 года он возвращается в русскую службу. Ему поручается формирование в киевской и подольской губерниях четырех украинских казачьих регулярных полков, во главе которых он затем и участвует в Отечественной войне. Как видно из слов В. Л. Давыдова, передаваемых в записке Бошняка, в военных кругах держалось убеждение, что Витт и здесь, в армии Барклая-де-Толли, выполнял какие-то секретные поручения агентурного характера.

Отличившийся в ряде сражений, награжденный орденом св. Георгия 3 степени, Витт 19 августа 1814 г. получает назначение начальником Украинской казачьей дивизии, переименованной 26 октября 1816 года в уланскую. Через год, в октябре 1817 г. украинские полки развертываются в две дивизии: Украинскую и Бугскую, и Витту поручается формирование последней и устройство ее в поселениях на юге. Таким образом Витт стал начальником южных военных поселений, за деятельность по которым получал неоднократные выражения удовольствия и награды со стороны Александра I.

Одновременно, однако, на него были возложены и иного рода обязанности. В записке своей, представленной в 1826 году «О поручениях, в которых был употреблен императором Александром», Витт пишет:

«Того же 1819 года, по дошедшим до покойного блаженные памяти государя императора известиям, повелено мне было иметь наблюдение за губерниями: киевскою, волынскою, подольскою, херсонскою, екатеринославскою и таврическою, и в особенности за городами Киевом и Одессою, при чем его величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня; обо всем же, относящемся до сей части, никому, как самому императорскому величеству, доносить было не позволено, и все на необходимые случаи разрешения обязан я был принимать от самого в бозе почивающего государя императора» *).

Собирая через своих агентов сведения о настроениях и толках во вверенных его надзору губерниях, сам к ним прислушиваясь и присматриваясь к «злонамеренным людям», Витт пришел к заключению, что семейство Давыдовых и имение их Каменка в Киевской губернии являются центром какого-то «тайного общества». Он пытается проникнуть через своих агентов в круг знакомства Давыдовых, но попытки эти не увенчиваются успехом. Перебирая лиц, которые могли бы более удачно разрешить эту задачу, Витт останавливается на отставном коллежском советнике Бошняке, проживавшем в своем имении неподалеку от Елизаветграда, где находилась корпусная квартира гр. Витта.

---

*) Н. К. Шильдер «Николай I», т. I, стр. 526. Оригинал донесения — в «Военно-Ученом архиве» в Москве, отд. III, № 1169 (17305).

Александр Карлович Бошняк, сын костромского помещика, родился в 1787 году; еще в колыбели был он записан в Семеновский полк и трех лет от роду был уже гвардии сержантом. При Павле он был, однако, исключен из службы, как неявившийся по вызову в полк. 14 марта 1799 г. он был зачислен «юнкером без жалования» в государственную коллегию иностранных дел, а в августе того же года «помещен был к делам» в московский ее архив, поступив одновременно для обучения в московский университетский пансион, по которому был товарищем В. А. Жуковского. В 1804 г. выполнял уже действительные работы по службе, «с похвальной тщательностью» занимаясь «под надзиранием» управляющего архивом А. Ф. Малиновского. В 1807 г. Бошняк, как и многие другие молодые дворяне, служившие в архиве, поступил в земское ополчение. В 1808 году он перешел на службу в департамент внутренних дел и через год перевелся в главное правление мануфактур. 20 марта 1810 г. он вовсе уволился со службы и поселился в Нерехтском уезде костромской губернии, в родовом имении своем при селе Савикове, в котором считалось у него 197 душ. В 1812 году он опять служил в ополчении, по выходе из которого до осени 1820 года проживал в Савикове, занимаясь сельским хозяйством и ботаникой, в которой был небезызвестным специалистом, состоя деятельным членом московского общества испытателей природы. Два трехлетия под ряд был он избираем губернским дворянским предводителем. В конце 1820 года он переехал на юг, в херсонскую губернию, где ему незадолго до того досталось по наследству от дальних родственников имение Катериновка, близ Елисаветграда, недалеко от границы киевской губернии. По соседству, в пределах уже киевской губернии, проживал в своем имении Златополе, прилегавшем вплотную к городу Ново-Миргороду, генерал Николай Петрович Высоцкий, брат вотчима Бошняка.

Бошняк часто бывал у него и здесь, в Златополе, был представлен Витту. У того же Н. П. Высоцкого познакомился Бошняк и с Вл. Ник. Лихаревым, свойственником Высоцкого, доверчивость и слабохарактерность которого Бошняк использовал позднее для своих агентурных целей *).

За Бошняком были все данные для выполнения поручения, которое предполагал возложить на него Витт. Умный, образованный, наблюдательный он имел некоторые знакомства как раз в кругу тех самых либеральных офицеров и помещиков, которые так интересовали Витта. В их обществе он умел показать себя сочувствующим вольнолюбивым мнениям и оценкам, но в то же время держался осторожно и замкнуто **). Между тем в доверительных беседах с Виттом с глазу на глаз Бошняк высказывал совсем иные взгляды и проявлял большой — пока что теоретический — интерес «к изысканию причин» и корней враждебного правительству и порядку ропота. Словом, граф Витт не мог не заметить в Бошняке не только

*) Между прочим у того же Н. П. Высоцкого в Златополе на большом званном обеде в конце 1823 года (не в день ли именин хозяина 6 декабря?) и Шервуд делает свои наблюдения над декабристом Барятинским, положившие начало его шпионским похождениям (см. Исповедь Шервуда. «Историч. Вестн.», 1896 г., № 1, стр. 69). Декабрист Волконский в своих «Записках» (Птб., 1901, стр. 426) высказывается уверенно, что Шервуд так же, как и Бошняк, был агентом Витта.

[2]) «Человек умный и ловкий и принявший вид передового лица по политическим мнениям», говорит о Бошняке декабрист Волконский в своих записках (ПТБ, 1901 г., стр. 423); «человек суровой наружности и в речах весьма осторожный» — характеризует его В. Н. Лихарев в своем показании (см. ниже в примечаниях после текста).

той «природной твердости» и «тонкости в уме», в которых не отказывает себе и сам Бошняк в своей самооценке (см. его «Записку»), но и того «навыка в лицемерии, хитростях и пронырствах», которые склонен он был за собой не признавать и которые так роднили его по характеру с новым его патроном *).

В своей записке Бошняк рассказывает, как произошел окончательный сговор его с Виттом. Сначала шли предварительные ощупывания и пробы, в ответ на которые Витт получал от Бошняка самые недвусмысленные изъявления полной готовности на делаемые ему авансы. Тогда Витт не без торжественности сделал уже совершенно откровенное предложение. Польщенный и смущенный Бошняк, быть может, в самом деле пережил некоторое замешательство: слишком решителен был шаг, который предстояло ему сделать; но вся игра, затеянная между ним и Виттом, вела к одному концу, и он ответил согласием **).

«К делу приступлено было» в апреле 1825 г. Бошняк обратил внимание Витта на Лихарева, которому граф должен был оказать особенное внимание. После этой предварительной подготовки, Бошняк перешел к прямой атаке и объявил о желании Витта вступить в сношения с обществом. С первых же шагов успех едва ли не превзошел ожидания Витта и его помощника; вслед за Лихаревым в их сети оказался Давыдов, и они убедились, что общество заговорщиков, и при том нешуточное по размерам, действительно существует; узнали в общих чертах его цели, весьма определенные; получили представление о его организационной структуре; имели в своих руках несколько имен. Пред ними открывались перспективы крупного первоклассного «открытия», которое должно было принести награды, славу и головокружительные успехи в служебной карьере. Дело это приходилось тем более кстати, что у руководителя его, гр. Витта, как раз в то время были серьезные неблагополучия по службе. Только что были обнаружены крупные денежные злоупотребления в южных поселениях; Александр был недоволен Виттом, а всесильный Аракчеев, всегда ревниво ненавидевший в Витте соперника своего в делах поселений, спешил использовать момент и окончательно подорвать доверие к нему Александра. Открытие заговора должно было вновь показать Витта незаменимым и верным слугой и вернуть ему милости его повелителя. К тому же можно было попробовать запутать в дело и кое-кого из неприятных и мешавших людей и свести с ними старые счеты. В этих последних видах Бошняк и получает

---

*) «Лжец» и «двуличка» характеризовал гр. Витта кн. П. И. Багратион; «всякого рода интриги были стихией этого человека»— говорит о нем Вигель (ср. в примечаниях после текста отзывы о Витте в. кн. Константина Павловича).

**) В семейном архиве Якушкиных хранится рукопись, озаглавленная: «Биографические сведения об Александре Карловиче Бошняке»; она составлена в 1901 году племянником А. К. Бошняка Александром Константиновичем Бошняком, земским деятелем костромской губ., для Евг. Ив. Якушкина. Автор, воссоздавая по семейным воспоминаниям биографию Бошняка, изображает его бесхарактерной жертвой хитрого Витта; вся роль его в раскрытии тайного общества сводилась якобы к тому, что он разбалтывал у гр. Собаньской то, что слышал от сочленов своих по обществу, в которое поступил из моды; Собаньская передавала его рассказы Витту, а тот писал доносы в Петербург. «Записка» Бошняка опровергает все построение его племянника, а представление последнего о характере его дяди не подтверждается другими свидетельствами. Ознакомлением с названной рукописью составитель настоящей заметки обязан любезности Е. Е. Якушкина.

«задание» всячески разведывать, нет ли каких отношений у заговорщиков с Киселевым, Ермоловым, Трощинским, Раевским, М. Орловым [1].

«Розыскания» продолжались успешно, и в мае или июне Витт уже считает возможным намекнуть на их результаты в письме начальнику штаба е. и. к. бар. Дибичу в Варшаву, где тот был тогда вместе с Александром I *). 13 августа 1825 г. он уже с большею определенностью писал о своих «открытиях» самому Александру **) и просил аудиенции для личного доклада во время предполагавшегося пребывания Александра в Таганроге [2]. Доклад этот состоялся 18 октября. О содержании его мы знаем из донесения бар. Дибича от 4 декабря, который, быть может, присутствовал при нем и во всяком случае имел тогда же беседу с Виттом на темы его «открытий» [3].

При докладе Витт представил анонимное письмо на его имя, помеченное 3 августа, в котором его предупреждали о заговоре, грозившем жизни государя и всей его семьи, и о покушении, подготовляемом против самого Витта. О письме этом упоминает и Бошняк в своей записке. Оно напечатано по-французски в первом томе сочинений Н. К. Шильдера — «Николай I» (стр. 605); мы приводим его ниже в примечаниях после текста в русском переводе [4]. В книге Шильдера письму дано заглавие: «Донос А. К. Бошняка 3 августа 1825 года», при чем не указано, какими данными располагал Н. К. Шильдер или редактор его посмертного труда, чтобы приписывать это письмо Бошняку. В своей «Записке» Бошняк говорит об этом письме так, как если бы ни ему, ни Витту неизвестен был его автор. И все же не исключена возможность, что письмо составлено если не Бошняком (возможно и это), то каким-нибудь другим агентом Витта, или даже сфабриковано самим графом, так кстати шло оно к его докладу, так выразительно подчеркивало все те личные опасности, каким подвергал себя якобы Витт, как верный слуга на страже жизни и интересов своего владыки.

По возвращении Витта из Таганрога он и его помощник намерены были энергично повести дело к развязке, всеми мерами вовлекая руководителей общества к участию на съезде во время «контрактов». Но болезнь сначала Витта, а потом и Бошняка помешала им развернуть в должной мере свою деятельность, а последовавшая смерть Александра I и начавшиеся аресты участников заговора заставили и вовсе приостановить ее.

Между тем Следственный Комитет, производивший изыскание о тайных обществах из показаний В. Н. Лихарева, сделанных в дворце 6 или 7 января 1826 года, узнал о сношениях Витта через Бошняка с заговорщиками. Нач. штаба е. и. в. Дибич разъяснил Комитету, какого рода были эти сношения, и тогда в заседании своем 16 января 1826 г. Комитет постановил:

«Для объяснения при допросах нужно иметь здесь помещика Бошняка, члена Союза Благоденствия, который приезжал к отставному полковнику Давыдову с предложением графа Витта вступить в общество, сделанным, как объявил начальник главного штаба е. и. в., вследствие мер, принятых покойным

*) См. печатаемую в примечаниях после текста выдержку из письма Витта к Александру I от 13 августа.

**) Характерно для Витта и для его тогдашнего положения его стремление в этом письме предупредить то невыгодное истолкование, какое — он предвидел — будет дано его действиям.

императором. — Положили: о высылке Бошняка в С.-Петербург без арестования написать к губернатору, предупредив о том и гр. Витта» *).

20 февраля соответствующие отношения направлены были херсонскому гражданскому губернатору и графу Витту. В середине марта Бошняк был доставлен с фельдъегерем в Петербург к Дибичу. Последний направил его к ген.-ад. А. И. Чернышеву при следующем письме, которое и приводим в переводе с французского **).

Дорогой Чернышев.

Направляю к Вам колл. советника Бошняка. Это он доставил гр. Витту все те сведения, которые были одним из первых оснований для наших мероприятий в Таганроге. Конечно он может нам дать и еще много чрезвычайно полезных указаний как относительно лиц, уже раскрытых, так и о тех, которых еще надо открыть. У меня лично нет времени, чтобы войти во все подробности, и к кому же мне лучше всего обратиться, как не к Вам, дорогой товарищ по сердцу и по оружию.

Весь Ваш *Дибич.*

23 марта 1826 года.

Результатом бесед Чернышева с Бошняком была составленная последним и печатаемая здесь «Записка о сношениях его с некоторыми из заговорщиков», помеченная 25 марта 1826 г. 26 марта Чернышев представил ее Дибичу при следующем рапорте, в котором дает оценку «открытий» Бошняка и его «подвига».

«Имею честь представить при сем Вашему превосходительству объяснение отставного коллежского советника Бошняка, взятое вследствие сделанного мне поручения.

Открытия г. Бошняка могли принести существенную и важную пользу тогда, когда правительство не имело еще сведений о тайном обществе, но при обнаруженных уже Комитетом намерениях и действиях оного открытия сии не служат нитью для нового розыска.

Некоторые однако же обстоятельства в представляемом извлечении обращают на себя внимание, потому что комитет не имел еще ясного об них сведения; впрочем, и сии обстоятельства со стороны Бошняка указываются как слышанные и незаключающие достоверности. Они могут быть средством к дальнейшему пояснению сих предметов.

Справедливость требует заметить, что подвиг г. Бошняка в раскрытии неизвестного еще тогда тайного общества, совершенный с благоразумной ревностью к пользе государя и отечества, и теперь достоин всемилостивейшего благоволения его величества; но если бы стекшиеся происшествия не остановили действия г. Бошняка, то, при руководстве графа Витта, он, без сомнения, достигнул бы предположенной цели, и тогда услуга, им оказанная, имела бы важнейшие последствия».

Генерал-адъютант *Чернышев.*

26 марта 1826 года.

Его превосходительству бар. И. И. Дибичу.

---

*) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд.» — фонд XXI, «Госархив I. В», № 26, л. 77 об.

**) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд.» — фонд XXI, «Госархив I. В», № 508, л. 2.

К рапорту Чернышева приложено было «Извлечение» из объяснений Бошняка, в котором изложены пункты его «Записки», казавшиеся небезынтересными для Следственного Комитета *).

29 марта Дибич, возвращая Чернышеву его рапорт и «Записку» Бошняка, писал: «При сем имею честь обратить Вашему превосходительству бумаги о коллежском советнике Бошняке. Полагаю, что оные нужно внести для рассмотрения в Комитет о злоумышленном обществе. При первом же свидании прошу покорнейше объясниться со мною насчет сего Бошняка».

Его превосходительству А. И. Чернышеву.

29 марта 1826 года **).

Того же 29 марта, Комитет, собиравшийся, как известно, на свои заседания по вечерам, заслушал рапорт Чернышева от 26 марта и «Записку» Бошняка, свое заключение о которой формулировал в следующих выражениях:

«...По сообщенным от него (Бошняка) открытиям гр. Витт донес покойному государю о тех подробностях, кои вместе с открытиями Шервуда и Майбороды дали первое положительное известие о тайном обществе. Все, что Бошняк раскрыл и в сем показании описывает, совершенно согласно с имеющимися в Комитете сведениями и доказывает благоразумие и осторожность его действий. Положили: взять в соображение». Этот отзыв был включен в очередную докладную записку председателя Комитета гр. Татищева императору Николаю ***).

Между тем еще до привоза Бошняка в Петербург Комитет требовал уже показаний о сношениях с ним и от В. Н. Лихарева (18 января, 1 февраля и 5 марта) и от В. Л. Давыдова (1 и 16 февраля). Теперь, имея в руках «Записку» Бошняка, Комитет, применительно к ее тексту, поставил каждому из них уже целый ряд вопросов (Давыдову 10 апреля и Лихареву 13 апреля), на которые они дали обстоятельные ответы. Реплики Лихарева и Давыдова, которыми обменивались они с Бошняком при посредстве Комитета, очень интересно дополняют его «Записку», рисуя те же самые отношения, встречи и разговоры, которые в ней изложены, с точки зрения другой стороны. Ниже, в примечаниях после текста «Записки», приведены соответствующие показания декабристов.

В Комитете мелькала, повидимому, мысль и об очной ставке Бошняка с Лихаревым, но на этот шаг не решились в виду очевидной его рискованности. Об этом Комитет в следующих выражениях говорит в «Записке», резюмирующей дело В. Н. Лихарева ****).

«Против сих показаний (Бошняка) Лихарев ответствовал отрицательно; но для улики его Бошняк не был призываем потому, что в разведании о злоумышленном обществе он действовал вследствие высочайшего соизволения покойного государя императора».

---

*) Арх. Окт. Рев., «Ос. отд. — фонд XXI, «Госархив I. B», № 4, л. л. 27—35.

**) Там же, л. 26.

***) Архив Окт. Рев. — «Госархив I. B», № 26. «Журналы Следственной Комиссии», л. 315, там же, № 25. «Докладные Записки», л. 254.

****) Дело В. Н. Лихарева. Архив Окт. Револ. — «Госархив I. B», № 412. «Записка», л. 5 об.

После апрельских вопросов Лихареву и Давыдову Бошняк был уже не нужен более Комитету; однако, его еще задерживали в Петербурге, и он проводил время, посещая музеи и кабинеты Академии Наук, приятно взволнованный тем обстоятельством, что незадолго до того какое-то открытое им растение окрещено было в ботанике его именем. Впрочем, в конце его пребывания в столице, Бошняку было суждено выполнить еще одно незаурядное и очень деликатное поручение правительства. Через несколько дней после казни декабристов он, согласно словесного поручения гр. Витта, выехал в псковскую губернию «для исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян». Бошняку было предоставлено право, если в том выяснится надобность, арестовать Пушкина, для чего с ним вместе отправлен был фельдъегерь. Поручение это Бошняк выполнил с большою ловкостью, выдавая себя при объезде соседей Пушкина за ботаника, путешествующего с научными целями. Никаких признаков возбуждающего воздействия Пушкина на местных крестьян им обнаружено не было, о чем он и рапортовал по начальству [5].

Поездка в псковскую губернию заняла у Бошняка время с 19 по 25 июля; еще до того, 15 июля он, по высочайшему повелению, был вновь принят на службу по госуд. коллегии иностр. дел с прикомандированием для особых поручений к гр. Витту. 22 августа он был, по представлению Витта, высочайше удостоен ордена св. Анны 2 степени с алмазами; вскоре после того он был отпущен из Петербурга. Заехав на некоторое время к брату в костромскую губернию, А. К. Бошняк вернулся в конце 1826 года в Елисаветградский уезд, где и продолжал службу свою при гр. Витте; высочайшим повелением от 31 декабря 1826 года ему было назначено жалование по 5.000 руб. ежегодно.

В 1829 г. во время войны с Турцией гр. Витт со своими войсками занимал дунайские княжества; при штабе его находился и Бошняк. В оккупированных княжествах Молдавии и Валахии было устроено временное управление, во главе которого были поставлены «диваны». Полномочным председателем их был назначен сначала гр. Фр. Петр. Пален, а после него киевский военный губернатор ген.-лейтенант П. Ф. Желтухин; вице-председателем при Желтухине 19 марта 1829 г. назначен был Бошняк. Желтухин задержался с приездом, и на некоторое время Бошняк оказался фактическим руководителем всего управления обоих княжеств. Это был очень крупный успех в его карьере, которая, однако, оборвалась катастрофически. В числе других мероприятий в оккупированных княжествах проведена была денежная реформа; она оказалась чрезвычайно неудачной и навлекла на Бошняка нарекания в корыстных злоупотреблениях. Когда Желтухин приехал и вступил в управление, у него произошло крупное объяснение с Бошняком, которому хотя и удалось оправдаться в обвинениях относительно злоупотреблений, но пришлось оставить свой пост и немедленно выехать из Бухареста. 12 апреля 1830 года он вновь зачислен состоящим для особых поручений при гр. Витте с прежним своим окладом в 5.000 руб. *).

*) Сведения о службе А. К. Бошняка заимствованы из дел «моск. архива колл. ин. дел» и «министерства ин. дел», хранящихся в «Московском Историческом Архиве» (Древлехранилище).

Когда в 1830 году вспыхнуло польское восстание, Витт со своим корпусом принимал участие в действиях против революционных войск. Бошняк был при нем. В 1831 г., когда после неудачного сражения при Баре русские войска поспешно отступили, Бошняк, больной горячкой, был забыт в этом городке, где вскоре и умер и похоронен был на местном кладбище. Так рассказывает о конце Бошняка его племянник. По другим рассказам *) он был убит в Баре в отместку за свое вероломство.

Гр. Витт пережил своего агента и продолжал преуспевать на службе Николая I. 29 августа 1831 г. он был назначен варшавским военным губернатором и в 1832 г. председательствовал в уголовном суде над польскими мятежниками. 10 апреля 1832 г. он был назначен инспектором всей поселенной кавалерии и в следующие годы неоднократно заслуживал крупные награды и милости за блестящие смотры и за всю постановку южных поселений. Умер он 1 августа 1840 г. По всей видимости он продолжал и в эти годы свою деятельность на поприще секретного сыска, но она еще мало обследована и требует особого изучения.

Печатаемая здесь «Записка» А. К. Бошняка входит в состав «дел о декабристах», составлявшего «Разряд I. В» в быв. «Государственном Архиве» и хранящихся ныне в Архиве Октябрьской Революции в Москве (фонд XXI). В этом фонде она входит в состав № 4, носящего заглавие «Показание коллежского советника Бошняка о средствах и успехе открытий его существования Южного Общества», и занимает в этом деле листы 3—25.

Она представляет собственноручно каллиграфически выполненную рукопись Бошняка на листах большого формата с полями в половину ширины листа. Здесь текст ее воспроизводится по современной (новой) орфографии с некоторыми исправлениями в пунктуации.

Б. Сыроечковский.

---

*) См. статью А. А. Шилова «К биографии Пушкина». «Былое», 1918 г., № 2, стр. 67.

Показание кол. сов. Бошняка.

Записка о сношениях моих с некоторыми из заговорщиков, в исполнение настоятельных требований генерал-лейтенанта графа Витта, об открытии посредством оных обширного заговора, как в полуденном, так и в некоторых других краях России ветви свои простиравшего, и, наконец, об удостоении меня чрез графа Витта словесного повеления блаженныя памяти императора Александра I Павловича о продолжении и усилении сношений моих с заговорщиками.

С того самого времени, как оставил я службу, занимаясь в деревенском уединении некоторыми науками, а именно ботаникою и зоологиею, я мечтал уже, что нахожусь вне политического круга человеческих деяний и что должен навсегда ограничиться надеждою на известность единственно по ученым трудам моим.

Но судьба увлекла меня невидимо, и я с удивлением очутился на обширнейшем поприще!

Расстроенные дела и, наконец, доставшееся малое наследство в херсонской губернии побудили меня в конце 1820 года оставить костромские мои деревни и переселиться в полуденный край России.

Здесь имел я счастие приобресть знакомство, потом благосклонность и наконец, осмелюсь сказать, самую приязнь и доверенность генерал-лейтенанта графа Витта. Одинакие чувства, одинакие мнения час от часу нас сближали. Нередко разговоры наши клонились к изысканию причин глухого ропота и неудовольствия, которых отголосок гремел как в малых, так и в больших обществах.

Постепенно соглашались мы, что сей ропот, сии неудовольствия должны быть возбуждаемы, усиливаемы, и не без цели, какими-нибудь злонамеренными людьми. Наконец, граф Витт открыл мне, что ему высочайше препоручен надзор за полуденным краем России; что ему известно семейство Давыдовых, как скопище врагов правительства; что он давно старается проникнуть в тайны его, но что поныне он успеха не имел; наконец, что одного меня находит он способным рассеять мрак,

которым окружают себя злодеи, и что именем правительства требует от меня безусловного повиновения.

Пораженный сим препоручением, которого важности не мог я не постигнуть с самой первой минуты, я должен был необходимо обратить внимание на способности мои и рассмотреть беспристрастно, соответствуют ли оные столь затруднительному предприятию. В кругу родных, друзей и соседей я не мог приобресть навыка в лицемерии, хитростях и пронырствах; однако, при природной твердости, воображая, что я не лишен и тонкости в уме, я польстился успехом. Но другая мысль убивала меня!

Я страшился, чтоб общество не прично поступка моего к другим каким-либо видам, кроме истинной любви к государю и отечеству, чтоб не смешали меня с теми низкими душами, которые из мелкой корысти предают и друзей и клевретов своих, наконец, чтоб самая память моя не была очернена столь презираемым именем шпиона! Страшился, но судил, что есть случаи, в которых истинно любящий государя и отечество подданный обязан жертвовать для защиты их и самою доброю славою, — решился — и пожертвовал ею!

Итак, в апреле прошедшего 1825 года приступлено было к самому делу. Сопровождая графа Витта в Новс-Миргород и пробыв там вместе с ним дня два, я просил его облегчить мне ход мой чрез обольщение особыми ласками известного, служащего в свите, офицера Лихарева, с которым я хотя и познакомился еще года за два, встречаясь с ним у генерала Высоцкого, но от которого всегда удалялся по природному ли отвращению, или по несообразности мыслей, которых, впрочем, я и не позволял ему никогда достаточно мне объяснить. Графу Витту нетрудно было пленить Лихарева, и я, воспользовавшись расположением духа сего последнего, начал с ним сближаться и показывать особую откровенность. Вскоре оставил я Новс-Миргород и поехал к Высоцкому, где надеялся найти Лихарева и свободно с ним объясниться. Я не ошибся в своем расчете и застал его за ужином у живущего в Златополе купца Гека; лишняя бутылка вина разгорячила Лихарева; не упуская столь счастливого случая, я последовал за ним в комнату его и старался разведать все нужное [6].

Здесь я должен объяснить, хотя и не предвижу настоящей в том необходимости, как понимал я ход предлежащего мне действия. Я чувствовал, что, не оправдывая совершенно мнений и поступков входящих в состязание со мною людей, не приняв на себя личины гнуснейшего якобинства, одним словом, не пренебрегая притворно всеми правилами благомыслия, верноподданства и чести, я не мог приобрести столь нужной доверенности заговорщиков. Итак, хотя и оскорбительно было для меня слушать и произносить речи, исполнявшие душу мою горести и даже бешенства, но я должен был на все итти; таким образом принял я на себя личину отчаянного и зверского бунтовщика.

Усладя слух Лихарева некоторыми двусмысленными словами насчет верности графа Витта к престолу, я начал проповедывать ему о мнимой ненависти моей к правительству; возбудя его доверенность, я узнал следующее:

1. Действительно существует общество заговорщиков, которого члены рассеяны почти по всему лицу империи. Сие общество управляется пятью главными скопищами начальников, названными вентами (Ventes); оные суть: 1-я вента северная (Vente du Nord) в С.-Петербурге; 2-я вента средняя (Vente du Centre), вероятно, в Москве; 3-я вента полуденная (Vente du Midi); 4-я вента западная (Vente de l'Ouest) и 5-я вента кавказская (Vente du Caucase) [7].

2. Распростирая свои действия, венты пекутся о том, чтоб принимаемые в сообщники никого не знали, кроме того лица, которое их приняло, и чрез него доставляли все требуемые сведения.

3. Вента не знает в подробности действий прочих вент. Та, от которой зависит Лихарев, считает уже значительные силы во власти своей, а именно во 2 армии: тринадцать полков пехоты, пять рот артиллерии и Харьковский драгунский полк, которого полковник Кончиалов, по словам Лихарева, был недавно принят в сообщники. Из артиллеристов в особенности именовал он мне Янтальцева, как усердно сберегающего на случай порох, ядра и картечь [8].

4. Выхвалял полковника Пестеля, как душу их скопища, человека весьма образованного и занимающегося сочинением конституции.

5. Сказывал, что Василий Львович Давыдов однажды возил бумаги, скрытые на груди, для сообщения петербургскому скопищу, а дивизионный генерал князь Волконский служил для сообщения с вентою кавказскою.

6. Говорил, что в первой армии действуют неусыпно, и называл полковника Циммермана (может быть, Ширмана), если я не ослышался; упоминал также с восхищением о Муравьеве, не называя, однако, поименно. Наконец, прибавил, что и генерал-интендант (но которой армии — не знаю) принадлежит тоже к числу деятельнейших заговорщиков.

7. Когда речь зашла о генерале Ермолове, то сказал, что весьма было бы хорошо употребить его, но что он столь опасен, что по одержании успеха должно б было его погубить [9].

8. Говорил о дивизионном 3 уланской дивизии генерале Трощинском, что он сказывал Давыдову, находящемуся с ним в теснейшей дружбе, что к заговору он не приступит, но буде все подымется, то и он не отстанет [10].

Сделав все сии признания, он ужаснулся своей опрометчивости:

— Боже мой! — воскликнул он. — Кому я открылся! Приверженцу графа Витта!

Я старался успокоить его.

— Послушайте, — сказал он [11], — при малейшей измене, даже при малейшей нескромности будьте уверены, что вы погибнете от яда или кинжала *).

Убедя его, наконец, в моей искренности, я успел уговорить его познакомить меня с Васильем Львовичем Давыдовым, которого я однажды или много два раза встретил случайно пред тем в обществе.

Чрез несколько дней, по условию с Лихаревым, отправился я к Давыдову; чтоб более убедить его в моей искренности, я старался показывать знаки величайшего опасения и страха по случаю вступления моего с ним в связь. На это он мне сказал со смехом:

— Поелику вы здесь, то уже запутаны **).

Я застал у него какого-то помещика, как кажется, по делам приехавшего, и Поджио, женатого на Бороздиной. По отъезде вышеупомянутого помещика Давыдов говорил мне, что я могу объясняться с ним при Поджио, которому тоже все известно. Я на сие не решился, находя затруднительным вовлекать в заблуждение двух заговорщиков разом и полагая, что более успею, когда приучу их сознаваться мне по разнице; однако после сего с Поджием я не имел случая встречаться да и искать его никакой нужды не предвидел. По отъезде Поджио и по окончании прений и разговоров наших с Давыдовым, я был принят без всяких обрядов в сообщники и узнал следующее [12]:

1. Цель заговора есть по истреблении или заключении всей императорской фамилии установление в России представительного республиканского правления [13].

2. По окончании переворота установленное провизорное правление приступает к преобразованию государства. Несколько губерний соединяются под управлением одного генерал-комиссара, пользующегося и отличною властью, и огромнейшим содержанием. Мне представлено было на вид, что и я, может быть, удостоюсь получить генерал-комиссарство костромской и прилежащих к оной губерний [14].

3. Дворянство должно отказаться от своих преимуществ, или выехать, или погибнуть. От земель помещиков значительные участки должны быть отрезаны крестьянам. Права всех поданных одинаковы как пред законом, так и во влиянии на управление республикою. Ничем не ограничивается право избирать или быть избираемым. Каждая губерния делится на области, а области — на волости; в волости записываются равно как крестьяне, так купцы и помещики. Каждая волость избирает депутата, сии депутаты собираются в областном городе и избирают губернских депутатов, наконец, губернские депутаты избирают депутатов высшего правительства.

---

*) Ecoutez, rappelez-vous que si vous nous trahissez, que même àla moindre indiscrétion le poignard, l'aqua tophana ou la cantarella ne vous manqueront pas.

**) Puisque vous êtes ici, vous voilà compromis.

4. Устанавливается сенат из членов, заслуживших сие отличие чрез особые подвиги; сии сенаторы должны быть пожизненные, получают огромное жалование, но не передают прав своих потомству.

5. Что еще в 1823 или в 1824 году от верховной венты, вероятно, Петербургской, на предназначенном смотре предписано было сообщникам схватить блаженные памяти государя императора Александра Павловича, но что пред самым исполнением сие повеление было отменено, неизвестно по каким причинам.

6. Что время приведения в исполнение заговора никому неизвестно, кроме верховной венты, собирающей сведения от всех прочих мест и дающей свои окончательные повеления; что без сего присвоения исполнительной власти одному месту и не могло б быть нужного единства в действии. Наконец, что хотя и сам Давыдов в силах бы, может быть, возбудить к восстанию один или два полка, но что подобные безрассудные поступки могли бы уничтожить весь план заговора [15].

7. Что в случае, если бы верховные члены вент были схвачены, то подговоренные начальники в войсках должны немедленно возбудить полки и открыть с ними решительные действия, не ожидая уже никаких повелений [16].

8. На домогательства мои узнать, кто главные начальники заговора, Давыдов утверждал, что он сам их не знает.

9. Любопытствуя знать, действительно ли генерал, служащий под начальством графа Витта, знал о существовании заговора и не объявлял об оном, я расспрашивал Давыдова о генерале Трощинском, на что он отвечал мне, что вся связь его с ним основана на старинной дружбе и товариществе, что он, зная его совершенно, к заговору привлекать его не старался; что, впрочем, если б дело шло о Малороссии то — статочное дело, что и Трощинский согласился бы пристать [17].

10. Давыдов расспрашивал меня о костромской губернии, где я долго жил и невступно два трехлетия сряду был уездным предводителем; говорил мне, что я окажу важную услугу обществу, если доставлю полное статистическое описание костромской губернии, или, по крайней мере, уезда, в котором я имел пребывание, с приложением характеристики значительнейших лиц. Я обещал удовлетворить сему требованию, предоставляя себе право не выполнить обещания, ничтожного, когда оно дается врагам государя и отечества.

11. Давыдов уговаривал меня ехать в костромскую губернию для заведения там нового гнезда заговорщиков или венты, прибавляя к тому, что если я решусь на сие, то мне дано будет все нужное вспомоществование из кассы злоумышленников. Я отклонил сие предложение, говоря, что надеюсь быть более полезным в полуденном краю по связи моей с графом Виттом [18].

12. Давыдов настоятельно требовал от меня, чтоб я ни под каким видом не открывал графу Витту ничего из сказанного мне как им, Давыдовым, так и Лихаревым, прибавляя, что всякая с моей стороны нескромность будет нарушением законов общества и подвергнет меня

ответственности. Давши ему обещание свято исполнить его требование, я спросил его, могу ли хотя открыть графу Витту о существовании заговора, не входя ни в какие подробности, и то если увижу ясно волю его действовать решительно в пользу оного. Давыдов подтвердил свое запрещение, говоря, что допущение генералов ко вступлению в общество без разрешения венты не позволяется; что недавно еще принятие в сообщники одного генерала было отклонено вентою [19]). Потом Давыдов принялся описывать графа Витта самыми черными, по мнению заговорщиков, красками, называл его давно известным агентом правительства. На мои возражения он отвечал мне:

— Найдите случай спросить его от себя, чем он занимался в армии под начальством графа Барклая-де-Толли; есть некто, кто имел в руках своих подлинные документы, почему мы и знаем с достоверностью, что мы должны думать о графе Витте.

13. Наконец, поелику я сбирался ехать к Александру Львовичу Давыдову, которого почитал человеком неспособным искусно сохранить тайну, я спросил Василья Давыдова, могу ли быть откровенен с братом его.

— Сохрани Вас бог, — отвечал он мне; — мы таимся от него. Он — аристократ, которого разве только можно будет при новом правительстве назначить пожизненным сенатором *).

Встревоженный столь многочисленными и столь ужасными сведениями о преднамерениях заговорщиков, я спешил видеть графа Витта, но поелику он был тогда в отъезде я не прежде мог найти его в Елизаветграде как в первой половине мая. Я спешил открыть ему все мною изведанное, и поелику граф отправлялся немедленно в Одессу, то взял меня с собою для основательного рассмотрения всего того, что было уже известно, и соображения способов дальнейших действий в столь важных, сколь и необыкновенных, обстоятельствах.

Граф Витт по зрелом размышлении, предоставил мне действовать самым решительным образом, согласно с моими понятиями и рассудком, требуя его разрешения в самых только сомнительных случаях; приказал, во что бы то ни стало, хотя бы необходимо было самого его включить в список заговорщиков, решаться на все; иметь же особенно в виду открытие главных начальников заговора, ибо из всех показаний Лихарева и Давыдова явствовало, что хотя они и из числа сильнейших орудий злодейской шайки, но все только орудия; прибавил тоже, что я должен стараться узнать, велика ли сумма, хранящаяся в кассе бунтовщиков и в чьих руках она находится.

Снабженный всеми нужными наставлениями, в половине или после половины июня я отправился в Златополь для свидания с Лихаревым. По приезде моем я скоро получил от него записку о том, что он имеет нужду немедленно меня видеть и ожидает в вольной аптеке. Я побе-

*) C'est un aristocrate; il sera tout au plus bon à faire le senateur sous le nouveau régime.

жал к нему; на лице его изображалось какое-то дикое отчаяние. Мы вышли в сад, и здесь он начал говорить мне следующее:

— Вы погубили меня! мое излишнее доверие к Вам лишило меня доверия общества. Слушайте! вот определение венты.

В определении, писанном на французском языке и мне прочитанном, сказано было в сущности, что Лихареву за излишнюю опрометчивость при открытии тайны приверженцу графа Витта воспрещается всякое дальнейшее действие и повелевается оставаться вовсе безгласным, что по случаю допущения моего, как искреннейшего приятеля графа Витта, к тайнам общества, все венты должны остановить ход свой и обязаны разойтись; что если я буду продолжать изъявлять искреннее желание принадлежать к числу членов общества, то потребовать от меня следующие обязательства:

1. Хотя и не в обыкновении брать от членов общества подписок, но от меня, как сомнительного по тесной связи с графом Виттом, взять писанное и подписанное моею рукою клятвенное обещание в том, чтоб не изменять обществу; 2. Потребовать, чтоб я доставил статистическое описание Костромской губернии, обещанное мною Давыдову, тоже писанное моею рукою; 3. Наконец, взять с меня клятву, что я графу Витту не открою ни малейшего из известных мне обстоятельств [20]).

Признаюсь, что таковые требования поразили меня; я чувствовал, совершенно, что, поелику не было еще донесено блаженныя памяти императору Александру Павловичу об употреблении меня к открытию ужаснейшего и опаснейшего из заговоров, один граф Витт мог оправдать чистоту моих намерений; что какой-нибудь внезапный случай или даже и смерть графа Витта лишали меня всякой опоры, и по выданным мною подпискам я почтен был бы виновным и подвергнулся бы казни за службу государю и отечеству! Итак, находясь вынужденным прибегнуть к новым хитростям, дабы выйти из столь затруднительного положения, не образумя заговорщиков, я сказал Лихареву, что могу успокоить его и сообщить такие известия, которые вовсе удовлетворят общество. Лихарев начал убеждать меня скорее отправиться к Давыдову, и я в тот же день к нему поехал.

Прибыв в деревню к Давыдову, я был остановлен холодностью его приема; несмотря на то, я прямо приступил к делу. Я сказал ему, что удивляюсь странным заключениям общества, что оно легко могло бы расчесть, что если б я был агент правительства или просто шпион, то не усомнился бы ни на минуту дать им и двадцать подписок, что именно потому, что я не агент и не шпион, решительно отказываюсь оставить у них лоскуток бумаги, исписанной моею рукою, и беру даже назад обещание мое сочинить им статистическое описание Костромской губернии. Потом, приступя к якобинским беснованиям, успел я тронуть чувствительную струну Василья Давыдова; он смягчился, и я начал говорить ему о графе Витте и уверять его всеми возможными средствами в готовности его содействовать видам общества. Тогда Давыдов сказал мне, что он не может более сомневаться в моей искрен-

ности; что самое общество во мне сомневаться не будет; но что ж касается до графа Витта, то я должен взять все возможные противу него предосторожности; что часто бывали примеры, что завлекали благомыслящих людей притворным соучастием в мнениях их, что таковые moutons более всего становились опасными для возмутительных обществ.

Тут я принялся клясться в откровенности графа Витта, уверять, что малейшие тайны его мне известны и пр. и пр. Наконец, я просил Давыдова уведомить общество, что граф готов подвинуть весь свой корпус на помощь возмутителей. Давыдов отвечал мне, что слова не суть доказательства, что граф не иначе может приобресть доверие общества, как чрез открытие какой-нибудь важной государственной тайны и шпионов, назначенных к наблюдению за поступками заговорщиков.

Более ни в чем успеть я не мог и поехал для свидания с графом. Жестокая лихорадка воспрепятствовала мне отправиться в город; граф потрудился сам ко мне приехать; я объяснил ему все дело, и он отложил дальнейший ход оного до моего выздоровления.

Получа облегчение, я испрашивал дальнейших наставлений от графа Витта.

— Хорошо, — сказал он, — надобно и их потешить; им будут и государственные тайны и шпионы.

Итак, приказав все нужное, послал он меня к Давыдову.

Приняв на себя самый важный и таинственный вид, явился я перед хитрым заговорщиком. Я сказал ему, что теперь доставлю ясные доказательства в истинной готовности графа Витта действовать в пользу общества; что граф не требует даже никаких открытий, о которых по недоверчивости их к нему, он и слышать не хочет; что все его желание стремится к тому только, чтоб служить помощником и подпорою действиям их. Потом распространился я на счет выгод, какие может доставить граф Витт обществу чрез свое включение в оное, и наконец, приступил к открытию так названной государственной тайны.

Я сказал Давыдову, что в случае возмущения повелено отряду австрийской армии немедленно вступить в польские губернии, и спросил, знали ли они это и какие надеются принять противу австрийцев меры.

Давыдов отвечал на это довольно глухо, а именно, что это статья затруднительная, но которая, впрочем, не воспрепятствует возмущению, ибо оное произведется во внутренности государства, а не на границе; что к тому же при намереваемом в России перевороте война с австрийцами сама по себе неизбежна [21]).

Тогда наименовал я ему шпионами свитского офицера Корниловича и полковника Абрамова, и особенно сего последнего, как шпиона генерала Киселева. На это Давыдов отвечал, что генерал Киселев более приносил им пользы, нежели вреда *). Потом прибавил я еще,

*) Il nous a plutôt rendu service que causé du tort.

стараясь еще более устрашить Давыдова и самое общество и чрез то побудить прибегнуть с откровенностью к графу Витту, что общество окружено шпионами, что в самом полку Пестеля есть офицеры, имеющие за поведением его надзор, одним словом, что один граф Витт в силах еще защитить общество от погибели [22]).

Давыдов, наконец, казалось убедился в истине приступления графа Витта к заговору, клялся в вечной ему преданности и в употреблении всех возможных усилий, дабы переменить мнение общества и побудить оное войти с графом в теснейшую связь. Дабы не дать времени Давыдову одуматься и усилить доказательства в пользу обманчивой доверенности нашей, я предложил даже ему войти в прямое сношение с графом при наблюдении весьма забавных предосторожностей. Зная совершенно всю тонкость и проницательность ума графа Витта, всю убедительность исполненного огня красноречия его, я уверен был, что граф извлечет из Давыдова то, что оставалось для меня тайною. Я, однако, не знал, найдет ли граф полезным видеться с Давыдовым, но не беспокоился об этом, ибо мне известно было, что при многоразличных занятиях графа весьма легко было оттянуть такое свидание на неопределенное время.

Не помню точно, в этот ли приезд или в следующий делал я покушения открыть, не участники ли в заговоре генерал от кавалерии Раевский и генерал Михаил Федорович Орлов, которые могли быть сильно подозреваемы по близкому их родству и тесной связи с Давыдовыми. Итак, я сказал, что граф Витт никогда не согласится играть между заговорщиками ничтожного лица и что он желает знать, вверят ли ему командование кавалериею, если предназначено генералу Раевскому командовать армией и генералу Орлову быть начальником штаба, место, к которому он почитает его весьма способным. Кажется, что Давыдов почувствовал, к чему клонился сей вопрос, ибо отвечал весьма холодно, что в революциях места назначаются характером и достоинствами и что потому граф Витт не может сомневаться во власти, которая ему предоставится; что Раевский о замышляемых переменах и понятия не имеет и что никто не осмелится и говорить ему об оных; что ж касается до генерала Орлова, то хотя он и принадлежал к прежнему обществу, но что в нынешнее не вступал и ни во что не мешается.

Между тем, по дошедшим ли каким-либо слухам, или в силу сношений с вентами, не только Давыдов, но отчасти и Лихарев начал показывать совершенную и явную к графу Витту недоверчивость; на все мои запросы, убеждения, просьбы Давыдов отвечал мне, что я читал решение венты, что заговорщики разошлись и что всякое производство дел вовсе прекращено; что он сам готов служить графу Витту, но что общество уже более не существует. Лихарев же, казалось, сознавался, что он и мог бы говорить, да не смеет.

В одно случайное мое свидание с Давыдовым в местечке Златополе, Давыдов, расположенный, может быть, к большей откровенности,

говорил мне, что дела заговорщиков остановились потому, что они не согласны между собою в образе правления, к установлению предполагаемого, что одни хотят империи конституционной, другие — республики представительной, аристократической или демократической. Но справедливо ли было, или нет таковое показание Давыдова, или было пустым отводом, утвердительно сказать не могу.

Огорченный худым успехом моих происков у Давыдова, я донес обо всем графу. По зрелом размышлении положено было снова действовать на Лихарева и пугать как его, так и Давыдова мыслию, что граф, видя их недоверчивость, совершенно к ним охладел. С сих пор пристал я к Лихареву, говорил ему о графе, делал разные ложные и вздорные откровения и преклонил совершенно на свою сторону; наконец, посредством его успел я столько, что Давыдов назначил мне свидание в местечке Златополе, в доме, нанимаемом Лихаревым. Когда мы остались одни, Давыдов начал мне жестоко выговаривать за то, что я все открыл графу, что чрез сие самое не только себя, но и Лихарева и даже его, Давыдова, лишил доверия общества. Мне удалось снова его убедить в хорошем к оному расположении графа, но дал притом почувствовать, что графу наскучила недоверчивость заговорщиков, что он намерен предоставить их собственной судьбе и что мне даже приказал прекратить всякое сношение с ними. Тогда Давыдов показался встревоженным; сказал, что напрасно граф принимает сию недоверчивость к сердцу, что он, Давыдов, не может всех товарищей заставить думать по-своему, но что надеется переменить их мнение. Тогда я стал допытываться, когда и в какое время назначено заговорщикам начать открытые действия. Давыдов отвечал, что это знают высшие начальники, что если убедятся в верности графа Витта, то недели за две до начатия действий он будет предупрежден и получит надлежащие наставления.

Потом старался я опять изведать, точно ли известная нам в полуденной России шайка управляется каким-нибудь Пестелем или Давыдовым, или состоит в зависимости от значительнейших людей.

— Скажите откровенно, — говорил я Давыдову, — заговор не ограничивается ли одною Киевской губернией и несколькими малозначущими лицами из 2 армии, или состоит в связи с Петербургом и управляется знатнейшими людьми. В первом случае граф обещает не открывать вас, но оставить всякое сношение с вами; во втором же он готов подкрепить общество всеми от него зависящими силами.

Давыдов отвечал:

— Весьма низкое мнение имел бы граф Витт о заговоре, если б он полагал меня, деревенского помещика, начальником оного. Я весьма малозначущее лицо.

Сии самые слова я неоднократно слышал от Давыдова и при других случаях, а когда именно, не упомню.

При сем свидании видел я полковника Николая Раевского, с которым за несколько месяцев обедал я на именинах у Высоцкого в Златополе.

В первое наше свидание он обращал мало на меня внимания, а во второе вступил со мною в посторонний разговор. Это мне подало случай говорить Лихареву, что я удивляюсь, что приняты в сообщники столь ветренные молодые люди, каковым мне кажется Николай Раевский, но Лихарев божился мне, что он к числу заговорщиков не принадлежит.

Продолжая мои решительные приступы к Лихареву, то пугая, то одобряя, то намекая ему о каких-нибудь вздорных тайнах и требуя в награду искренности, я успел собрать от него следующие сведения:

1. Он, Лихарев, три года служил обществу, пишет многие для оного статьи и великими заслугами своими достиг до того, что допущен до величайшей доверенности и даже имеет некоторое влияние на полагаемые решения. С Пестелем состоит в связи и, как кажется, два раза был у него с тайными поручениями [23]).

2. Василий Давыдов хотя и выше его, но не есть первенствующее лицо. Неоднократно Лихарев мне повторял, когда я спрашивал его, участниками ли в заговоре какие значительные люди.

— Ах, если бы вы знали, кто между нами находится, вы не хотели бы мне поверить! *).

Потом, говоря о военных, продолжал:

— Есть между нами военные полковники, лет сорока, а горячатся, как молодые люди; просят работы; трудно удержать их [24]).

3. Изъявлял свое удивление, что Эртель **) упустил из вида и не донес о революционном сбеде на контрактах в Киеве, на котором присутствовало до тридцати полковников и от четырех до пяти генералов, но которого года и кто были сии заговорщики, не объявил [25]).

4. Называл пылкими и надежными сообщниками в С. Петербурге Рылеева, Бестужева и Муравьева. Говорил также, что Балтийский флот приступил к заговору [26]).

5. Когда я испытывал мнение Лихарева о известнейших лицах, он пребывал в молчании, но когда дело дошло до вице-адмирала Синявина, то Лихарев вздумал рассказать мне следующий вымышленный или невымышленный анекдот, не знаю. Что будто бы блаженной памяти государь Александр Павлович посылал покойного генерала Милорадовича обыскать и опечатать его бумаги и что г. вице-адмирал говорил ему:

— Ищите, ищите! я — не писака, а умею только действовать [27]).

6. Или испытывая меня, или в припадке недоверчивости, Лихарев упрекал меня, что граф Витт их обманывает, ибо еще в мае месяце предлагал генералу Киселеву захватить всю шайку заговорщиков. Я отделался смехом и шутками. Впрочем, мне неизвестно, были ли какие по сему предмету переговоры между генералом Виттом и генералом Киселевым [28]).

---

*) Ah, mon cher, si vous saviez quels hommes nous avons parmi nous, vous ne m'en croiriez pas!

**) Полицеймейстер в Киеве. *Прим. Ред.*

7. Я убедил Лихарева уговорить Давыдова видеться с графом на контрактах в Киеве для определения последним нужных мер в сообществе с главными начальниками заговора, на что Давыдов и согласился.

Между тем граф Витт получил безымянное письмо, в котором остерегали его, что императорской фамилии, государству и самому ему предстоит скорая гибель. Уведомя меня об оном при первом свидании, он сделал мне честь советоваться со мною по сему случаю. Я изложил следующее мнение: или что письмо действительно писано от какщегося злодея, или что оно трудов известного нам скопища и присланное нарочно для испытания истинных намерений графа; что и в том и в другом случаях мы можем, не показывая письма, объявить о содержании оного. Что, не видя почерка, заговорщики не узнают, кто писал оное; если же сочиняли сие письмо они сами, то тогда уже убедятся совершенно в откровенном соучастии графа.

С сим поехал я к Василью Давыдову, и когда я объявил ему вкратце о содержании безымянного письма, он смутился; требовал оного для показания сообщникам и узнания, чьей оно руки; когда ж я ему сказал, что это невозможно, что граф подобного письма никому не вверит, он обратил оное в шутку, говоря, что эта выдумка. При всем том, он казался очень тронутым и как будто бы из благодарности объявил, что убитый в Грузии генерал Лисаневич принадлежал к числу его сообщников. Генерала же Ермолова бранил и говорил, что он совершенно изменился [29]).

Дабы оказать заговорщикам еще большую доверенность, узнать притом, нет ли у них каких-либо связей в военном поселении, и, наконец, умножить число агентов, которым можно б было вверить надзор за ними, по приказанию графа я жаловался им, что в корпусе его никаких еще не предпринято мер для приготовления умов; что, впрочем, ни граф, ни я не можем сами действовать среди поселенного войска, и потому граф предлагает Давыдову и Лихареву заняться испытанием людей, которых он им назначит; им назначены были три полковника: Маркле, Станкович и Шварц, на которых граф полагал совершенную надежду; но Лихарев и Давыдов, неизвестно почему, решительно отказались [30]).

Вскоре потом граф Витт отправился в Таганрог, по возвращении отколе я удостоился получить словесно чрез него от блаженныя памяти государя императора Александра Павловича, при обнадеживании в государевой милости, повеление продолжать мои сношения с заговорщиками и, если возможно, усиливать оные. Излишние было бы сказать, сколько мысль, что осчастливлен вниманием великого государя, поселила во мне бодрости и готовности жертвовать трудами и самою жизнью на службу его.

Дня через два по приезде граф Витт слег горячкою; я оставался при нем до 7 или 9, дни, в которые он уже вышел вовсе из опасности, и отправился в Златополь к делу. Здесь я занемог, и меня навещали Лихарев и Давыдов; я воспользовался сим случаем, чтоб уверить их, что нарочно распущены слухи о хорошем будто бы приеме

графа в Таганроге; что граф в существе принят необыкновенно дурно; что положение его соделалось весьма сомнительным; что самая болезнь приключилась ему не от чего иного, как от горести и отчаяния; что, не упуская сего случая, должно спешить войти в откровеннейшую и теснейшую связь. Лихарев и сам Давыдов поверили мне совершенно и с восхищением и нетерпеливостью ожидали Киевских контрактов.

Но внезапно получил я известие о приближении графа к неизбежной смерти; я сам лежал почти недвижим. Оправясь немного, я поехал к нему; он не был еще в силах действовать, ниже распоряжать делами [31]). Вскоре пришло известие о кончине незабвенного блаженныя памяти государя императора Александра Павловича и о последовавших за оною случаях. Все сие побудило графа, в ожидании новых повелений, приказать мне остановиться в производстве препорученного мне дела.

Более сего я сказать ничего не могу; вот собранные и доставленные мною графу Витту сведения и самый ход моих действий, по наставлениям его расположенных. Легко усматривается из всего изложенного мною здесь обширность плана, графом Виттом изобретенного и мною в исполнение приведенного. Он внедрил искреннейшего к себе человека и истинно верного подданного в шайку злодеев, объясняющих ему без зазрения ужасные тайны свои; сих самых злодеев ослепил до того, что они понадеялись найти начальника в том, кто уже многие годы стремился открыть их, и, наконец, самый час, определенный ими для объяснения пагубных намерений, назначил часом обличения и суда.

Утвердительно могу сказать, что если б встретившиеся нечаянные, независящие от людей обстоятельства, не воспрепятствовали доведению до желательного конца столь благополучно начатого предприятия, то Киевские контракты положили бы меру преступлению; и не только известные заговорщики с бумагами и архивами были б захвачены, но скрывающиеся еще, может быть, и поныне во мраке начальники их преданы б уже были достойному по делам возмездию.

Если не много было нам известно имен второстепенных и особенно мелких заговорщиков, то, это, во-первых, потому, что, не возбудя подозрений, трудно было расспрашивать об них; во-вторых, потому, что, стремясь к великому, можно было пренебрегать малым и быть притом уверенну, что открытие главных злоумышленников влечет за собою открытие и прочих.

Почитаю нужным прибавить, что я сообщил здесь только те сведения, которые получил чрез Лихарева и Давыдова; что, вероятно, граф Витт имел и других, кроме меня, агентов и, может быть, снабжен по предмету открытого мною заговора и еще некоторыми добавочными сведениями.

Елизаветградский помещик, отставной коллежский советник

Александр Карлов сын Бошняк.

С Петербург, Марта 25 дня 1826 года.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Кн. С. Г. Волконский в своих «Записках» говорит, что Витт и раньше догадывался о существовании тайного общества, но в 1825 году вошел в сношения с ним, определенно имея необходимость выслужиться и восстановить доверие к себе, пошатнутое Аракчеевым, в связи с денежными злоупотреблениями в южных поселениях. Так же объяснял действия гр. Витта и вел. кн. Константин Павлович в письмах Дибичу от 14 и 15 декабря 1825 г. 14 декабря он писал:

«Генерал Витт такой негодяй, каких свет еще не производил: религия, закон, честность для него не существуют; словом, это человек, как выражаются французы, достойный виселицы» (Un gibier de potence). (Французский текст и перевод см. «Рус. Ст.». 1882 г. № 7, стр. 196).

На следующий день, возвращаясь к той же теме, он писал Дибичу:

«Мне кажется, что главная всему есть пружина — ген.-лейт. граф Витт, который, чтобы подслужиться покойному государю императору и сделаться нужным, нарочно наделал беспокойства и подвел свои хитрые пружины. Тут, может быть, явятся еще какие письма, которые будут перехватывать, но мне кажется, что это все плутни, и, по моему мнению, граф Витт есть такого рода человек, который не только чего другого, но недостоин даже, чтобы быть терпиму в службе, и мое мнение есть, что за ним надобно иметь весьма большое и крепкое наблюдение» (там же, стр. 198—199).

2. После сообщений о другом возложенном на него поручении (о наблюдении за высланными поляками) Витт продолжает:

«Стараясь открыть причину недовольства там, где оно могло скрываться, мои агенты, по счастливой случайности, напали на след гораздо более важного и серьезного дела, могущего иметь самые печальные последствия, так как тут дело идет, государь, о спокойствии Вашего императорского величества.

В письме, написанном мною генералу Дибичу в Варшаву *), я коснулся слегка одного дела, по поводу которого он желал иметь от меня некоторые сведения, но в то время я сам был еще на пути к открытию истины, теперь же я имею все сведения, знаю также цель, какую желают достигнуть, и поэтому осмеливаюсь просить В. в. о разрешении Вам представиться, так как дело касается вещей, которые не могут быть переданы письменно и которые возможно сообщить лишь В. и. в. Вы будете, государь, на пути к разъяснению многих событий.

Чтобы нельзя было заподозрить цель моей поездки в Петербург и чтобы она была известна лишь В. в., я думал отпроситься в отпуск на 28 дней, но так как здесь говорят, что В. и. в. намереваетесь отправиться на несколько дней в Таганрог, то, быть может, государь, вы соблаговолите разрешить мне представиться В. в. там, так как Вы будете в губернии, в которой расположены поселения.

Смею уверить В. в., что дело идет не о поселениях и того менее о какой-нибудь попытке с моей стороны воспользоваться этим случаем как средством оправдаться от клеветы и устранить зло, которое люди стараются причинить мне. Совесть моя слишком чиста, а моя честь и усердие к службе В. в. стоят вне всякого упрека; нет, государь, от меня далеки всякие мысли о личных интересах, и я думаю лишь об особе В. в. и о спокойствии Вашем. Теперь более, чем когда-либо, Вы увидите, государь, во мне и во всех действиях моих одно усердие, преданность и благоговение к В. и. в.» [Военно-уч. архив, отд. I, № 959а (804)].

3. Приводим из донесения бар. Дибича от 4 декабря 1825 г. часть, посвященную докладу Витта: «Между тем приехал, по высочайшему соизволению, в Таганрог 18 октября генерал-лейтенант Витт и объявил равномерно, что существует таковое общество, которое значительно увеличилось в обеих армиях и старалось, но тщетно, помощью генерал-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевского зара-

*) В Варшаве Александр I, а при нем и Дибич, были с апреля по июнь 1825 г.

зить и Черноморский флот, что бывают часто подобные собрания в фамилии Давыдовых, кои все заражены сим духом, и что из числа деятельнейших членов объявлены ему гвардейского генерального штаба капитан Муравьев, гвардейский офицер Бестужев, служивший прежде во флоте, некто Рылеев (вероятно, секундант покойного поручика Чернова на дуэли с флигель-адъютантом Новосильцовым), что 18 пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка полковник Пестель, что адъютант графа Витгенштейна Крюков и генерал-лейтенанта Рудзевича Шишков — также члены, и что, наконец, один из главных членов — подпоручик квартирмейстерской части Лихарев, который недавно женился на дочери сенатора Бороздина. Все сии известия даны графу Витту одним членом, и по недовольной еще основательности оных надеялся он получить вернейшие на Киевских контрактах, ибо давал им надежду склониться на их сторону по неприятностям, имевшимся между им, Виттом, и графом Аракчеевым. Граф Витт при сем прибавил, что он надеется, что можно получить также сведения от гвардейского генерального штаба штабс-капитана Корниловича, принадлежавшего сему обществу, но раскаявшегося, увидя бездну ужасную, в которую оно может ввести; равномерно доставил граф Витт письмо от неизвестного, который объявляет об обществе и огромности оного, остерегает его о личной его опасности тем, что заговорщики хотели его сделать одною из первейших жертв замыслов своих.

Его императорское величество приказал графу Витту продолжать открытия свои». — Следует отметить, что, судя по этой передаче Дибича, Витт в своем докладе сообщил не все те сведения, какими располагал через Бошняка, зато приводил некоторые другие данные и догадки, которые имел, очевидно, от других агентов (о Черноморском флоте, о Крюкове и Шишкове). — В том же донесении, несколько ниже, Дибич, по поводу доноса Майбороды, пишет: «Я при сем должен прибавить, что граф Витт м н е сказывал, что он имеет подозрение на генерал-адъютанта первой армии Пирогова. Шервуд же и Майборода говорят про генерала-интенданта второй армии Юшневского и не упоминают о Пирогове». (Шильдер — «Александр I», т. IV, стр. 411 и 415.)

4. Анонимное письмо, представленное гр. Виттом в Таганроге при докладе 18 октября 1825 г. (см. Шильдер—«Николай I», стр. 605). «Поставленный в необходимость принять усиленные предосторожности, чтобы предупредить Ваше превосходительство относительно важных известий, которые мне нужно Вам сообщить, я выбираю анонимный способ, чтобы Вам доставить кое-какие данные относительно сплетения ужасов, мысль о которых леденит мою кровь и последствия которых мне постоянно представляются в виде отвратительного преступления, несчастья и самой ужасной смуты.

Видя, как со всех сторон нашего горизонта собираются с некоторых пор мрачные тучи, окруженный сам недовольными, слыша неопределенные, но страшные угрозы, различая во мраке образование сложного плана, похожего на возмущение, которое, глухо распространяясь, должно разразиться с особенной силой, я решил, наконец, увериться, что́ тут есть на самом деле. Я сделал вид, что не противлюсь более всему тому, чем меня старались завлечь, я допускал, чтобы мне все говорили и все объясняли, и таким образом я ознакомился с одним из самых черных заговоров, проник во все недоступные его изгибы, задуманные с поразительной предусмотрительностью; с полной ясностью увидел я политические интриги, глухие и черные, которые, к несчастью, простерлись вплотную до особы императора.

В то время как европейские карбонарии занимали внимание государей, в глубине мирной и процветающей России с 1819 г. образовался узел якобинства, завязанный за границей; его целью было пустить глубокие корни в империи, которая одна была препятствием к переменам и всеобщему ниспровержению престолов. После стольких революций, вспыхивавших и не удававшихся, ясно было, что только влияние нашей страны и страх пред теми гигантскими силами, которые один император мог двинуть в защиту монархических принципов, остановили успехи, на которые надеялись. Опрокинуть этот колосс стало единственной надеждой и лозунгом всех

злоумышленников, и с того времени завязались потаенные связи между европейскими карбонариями и буйными умами России.

К несчастью, необъяснимый рок или, быть может, косвенное влияние, хитрые тонкости которого ускользали от наблюдения, привели правительство к ряду неверных шагов, которыми опять-таки воспользовались для того, чтобы новых и новых приверженцев откалывать от правительства и привлекать на сторону этой новой силы, которая хотела возвыситься и распространиться, чтобы раздавить врага, которого она страшилась. Отсюда исходил план, революционная сеть которого распространилась во всех классах; канцелярии министров и вообще правительственных учреждений наполнились людьми, которых было слишком легко завербовать, так как в перевороте усматривали они для себя возможности и карьеры и обогащения. Отсюда проистекает самая главная опасность: заполняя административный аппарат, эти люди получили возможность влиять на своих начальников, препятствовать от их имени правильному ходу управления, раздавать приказы и принимать меры, подсказанные враждою и клонившиеся к разрушению счастья и процветания империи.

Когда наметилась возможность революции в России, оставалось только решить, с кого начинать: с народа или с военной силы. К несчастью, зародыш недовольства, обнаружившийся в армии, решил выбор в пользу последнего пути, и с тех пор, не переставая, обрабатывали умы и офицера и солдата. Невозможно, чтобы Ваше превосходительство не замечали, что в армии есть недовольные, но Вы, наверное, не знаете, что бóльшая часть этой армии, еще недавно столь преданная государю, разделяет желания тех, которые над ней поработали, и ждет только первого приказания, чтобы начать сцены ужасов и резни, которые, конечно, превзойдут все те неистовства, какими окровавлены страницы истории. Я никого здесь не хочу называть; но между генералами и командирами полков много таких, которые замешаны в заговоре, а равно и таких, которые не внушают забот (заговорщикам), и очень мало таких, которых они боятся как опоры правительства. Эти последние должны трепетать. Дружба, которую я, Ваше превосходительство, к Вам питаю, и признательность, которою я Вам обязан, побуждают меня сказать Вам, что Вы намечены к погибели одним из первых. В Вас видят неколебимого монархиста, обязанного всем императору, от него все получающего и могущего во главе своего корпуса представить сильный оплот взрыву, который хотят произвести.

Испуганный всем, что я узнал, каждую минуту ожидая переворота, который угрожает существованию и благополучию каждого, я осмелился отправить анонимное письмо императору. Не знаю, дошло ли оно до него, так как установленный надзор, может быть, простирается и на почту. Вот почему я решаюсь направить Вам это письмо. Вы можете поступить с ним, как хотите, но мой долг и совесть обязывают меня умолять Вас не отнестись к нему безразлично; опасность близка и слишком действительна; предупреждая Вас о ней я теперь возлагаю ответственность за нее на Вас. Еще раз — будьте настороже и, если возможно, поговорите с императором; не только его жизнь, но и жизнь всех его близких в опасности. Может быть, обстоятельства мне позволят как-нибудь поговорить об этом лично и дать Вам более обстоятельные объяснения.

На этот раз кончаю, повторяя еще раз, что опасность близка, что она ужасающе хорошо обдумана и что нужно изыскать возможно скорее правильные и разумные меры. 3 августа 1825 г.».

5. «Исследование» Бошняка о «поведении» А. С Пушкина рассказано по архивным документам А. А. Шиловым в «Былом» за 1918 г., № 2(30), стр. 71 и сл. и Б. Л. Модзалевским в работе «Пушкин под тайным надзором». 3-е изд. 1925, стр. 20—31.

6. В ответах на пункт 18-й вопросов от 18 января 1826 Лихарев так рассказывает о знакомстве своем с Бошняком и последующих событиях:

«У родственника жены моей, генерала Высоцкого, в м. Златополе узнал я отставного чиновника коллегии иностранных дел Бошняка. Он — человек суровой наружности и в речах весьма осторожный. Около двух лет продолжалось мое с ним знакомство и, наконец, сделалось довольно тесно. Он знал, что я в дружбе с Давыдовым, и мнения мои, которые я нисколько не скрывал. В июне месяце протекшего года, в один вечер,

разговаривая со мною о различных предметах, он со слезами открыл мне, что желает быть участником людей, которые думают и желают свободы, что он в уединении поместья своего много занимается и пишет. Беседа наша сделалась откровеннее, и я тут же объяснил ему мою связь с Давыдовым и род моих занятий; тогда он объявил мне, что если в предприятиях наших нужны войска, он именем графа Витта предлагает содействие военных поселений, а уже гораздо после прибавил, что граф Витт второстепенным лицом быть не хочет и требует, чтобы все ему было открыто. В заключение просил, чтобы я его ввел к Давыдову в дом, и упредил меня, что если правительство что-нибудь откроет, то он отречется от всего, что мне ни сказал.

Все сие меня чрезвычайно смутило; увидев Давыдова, я передал слова Бошняка, на которые он отвечал мне, что знает его как agent provocateur *), однако позволил его к себе прислать и после первого свидания с Бошняком подтвердил, что он шпион, что ему ни в чем верить нельзя и что Давыдов с ним иначе ни видеться, ни говорить не хочет, как при мне. Таковое свидание было однажды в Златополе, и в продолжение оного я, кроме шуток от Давыдова, ничего не слыхал, чем г. Бошняк был недоволен и сказал мне, что графу Витту упорство начинает докучать. После сего я долго не видал Давыдова и, приехав в Каменку, нашел там кн. Барятинского; обоими был принят очень холодно, и, наконец, объявлено мне, что я ветренностью моею гублю Давыдова и всех, которые с ним связаны, на что я отвечал, что если я имел несчастие, неумышленно хотя, навлечь на них какую беду, то и разделять ее буду с ними». (Госархив. Разряд I. В. № 412, л. 15—15 об.)

7. «Не знаю, откуда г. Бошняк почерпнул об обществе подробности, кои мне решительно неизвестны; а еще менее понимаю, почему г. Бошняк избрал меня в жертвы оклеветаний своих. Никогда не слыхивал я о существовании средней, западной и кавказской вент, а говорил ему только о Южном обществе, коего начальником назвал полковника Пестеля. В С.-Петербурге я знал о бытии Н. Муравьева и не ведаю, была ли там какая устроена вента. Нелепость сего показания будет опровергнута всеми со мною знакомыми членами. Я уверен, что они против совести не скажут, чтобы я когда что-либо подобное сему об устройстве и разделении общества ведал». (Из ответов Лихарева на вопросы от 13 апреля 1826 г. п. 2а. Госархив. I. В. № 412, л. 33 об.)

8. «Как отвечать на обвинение, не имеющее никакого основания? Если окажется, что я знал о готовности хотя одного полка или одной роты, пускай на мне обрушится вся строгость законов. Неведение мое о подобных обстоятельствах столь далеко простиралось, что, зная, что полковник Швейковский принадлежит к обществу, я полагал его во 2 армии. Правда, что я назвал г. Бошняку подполковника Янтальцева как члена, но о роте его и не упоминал, ибо действительно не знаю, был ли хотя один из его офицеров принят в общество. Точно то же должен сказать о Харьковском драгунском полку». (Там же, пункт 2 б.)

9. «О генерале Ермолове я никогда ничего подобного не сообщал г-ну Бошняку и тщетно в памяти моей ищу отпечатков его обвинений». (Там же, пункт в.)

10. «Относительно генерала Трощинского я должен торжественно объявить, что другого отзыва о нем никогда не слыхал, как похвалы его благонамеренности, бескорыстия и преданности к престолу. В приведенных словах я вижу одно желание г-на Бошняка вредить генералу Трощинскому, который, мне известно, личный враг графа Витта. Я именно г-ну Бошняку говорил, что помянутый генерал Трощинский неприступен мнениям общества, хотя и имеет некоторое грубое **) просвещение». (Там же, пункт г.)

11. В пункте 3 вопросов 13 апреля 1826 г. Комитет спрашивал Лихарева: «Поясните, по общему ли правилу для членов, или по собственному соображению Вы произнесли свою угрозу». Лихарев отвечал: «Я не угрозу произнес коллежскому советнику Бошняку, а еще менее им приведенную; но правда, что, основываясь на отношении

*) Агента провокатора. *Прим. Ред.*

**) Так в оригинале. *Прим. Ред.*

о нем Давыдова, я сказал ему: «Говорят, что вы шпион; я сию должность почитаю наидостойнейшей презрения, и ежели Вы представляете таковое лицо, то гляжу на Вас как на последнего из людей». — Не смотря на все усилия г-на Бошняка сделать из меня заговорщика, вооружить меня ядом и кинжалами, одно справедливое негодование возмущает меня, но совесть моя покойна». (Там же, пункт 3.)

12. В ответах на вопросы Комитета от 1 февраля 1826 В. Л. Давыдов так рассказывает о первом своем свидании с Бошняком: «Единственное действие Лихарева было принятие помещика Бошняка, которого адресовал ко мне, не предваря о сем. Сей последний, приехав ко мне, объявил мне, что гр. Витту общество давно известно, что и поездку его ко мне он знает, предлагает войти в общество, обещает возмутить поселения и с 50 тысячами присоединиться к тем, кои поднимут оружие против правительства, что за сие требует только команду всей кавалерии. Несколько раз Бошняк приезжал, требовал объяснений, открытий и все, будто бы от гр. Витта, настаивал о начале действий, говорил, что нет другого спасения, как в возмущении, что все известно правительству и государь император получил донос на общество, что у Пестеля есть шпион в полку и тому подобное. Я не знал, что́ думать о сем; то полагал его чистосердечным, то агентом от гр. Витта или полиции; но держался более сего последнего мнения. В недоумении моем о сем-то единственно одном предмете писал я в целый год раз Пестелю через Фохта, коему содержание письма не было известно, и Пестель отвечал мне, чтобы я вел себя с Бошняком по собственному усмотрению. И я ограничился так, что старался избегать с ним свидания , не зная сам, что делать. О прочих подробностях, до Бошняка касающихся, Лихарев должен более меня знать». (Госархив. I. В. № 400, л. 25 об. Пункт 31 ответов на вопросы 1 февраля 1826.)

13. «Г-н Бошняк по принятии его Лихаревым приехал ко мне, извещенный, как я должен был полагать, обо всем, и я, устрашенный его принятием, как известно высочайше учрежденному Комитету, говорил ему то одно, то другое. Он же сам твердил беспрестанно о наискорейшем действии и говорил, что надобно истребить все, что́ может противиться введению республики, на что я раз отвечал ему, что я с ним согласен, но что мы одни с ним будем сего мнения, что другие не согласятся, готовы разойтись и тому подобное; я думал сим его провести. Мои разговоры с человеком, которого я почитал подосланным, были несвязны, наполнены противоречиями и доказывают, что я его боялся и не знал, что делать и говорить». (Ответы Давыдова на вопросы от 10 апреля, п. 3.)

14. «Я говорил ему, что по влиянию своему в сей губернии он может быть генеральным комиссаром во время революции. О сих комиссарах говаривал Пестель, как о нужных чиновниках в сие время для поддержания духа народного (pour soutenir l'esprit publique) в провинциях. А не слыхал я, чтобы в планах его было управление России сими комиссарами. У него были совсем другие предположения насчет внутреннего управления, которые я отчасти помню и о них скажу, а сие входило, по его словам, в число переводных мер». (Там же, пункт 10, 2.)

15. «Вот сие утвердительно могу сказать, что не говорил. Г. Бошняк знал не хуже меня, что я никаких полков возмутить не могу. Какие сии полки? где они были? и ездил ли я хоть в один из полков, кругом имения моего стоящих? Зачем вымышлять на несчастного и такие нелепости? не довольно г-ну Бошняку я кажусь виновным, чтобы пропасть, ежели не воззрит с милосердием государь император на раскаяние мое. Сколько я от него отмалчивался, он неумолимо возобновлял свои предложения, выведывания, и я не мог от него отвязаться». (Там же, пункт 8, 4.)

16. «Когда неоднократно твердя о начатии действий, г. Бошняк для побуждения будто меня дать знать управам о сем говорил, что все открыто и один способ к спасению есть поднятие оружия, я отвечал, что если начнут аресты начальников общества, то тогда решатся действовать, — о сем часто все мы говаривали, как об отчаянном средстве к спасению в упомянутом случае; но положено и соглашено сие не было, как и последствия оказывают. Когда Поджио меньшой сделал известное предложение кн. Волконскому о возмущении, не был ли я против сего и не имел ли я довольно рассудка, чтобы видеть, что в сем не спасение, а погибель и бо́льшему еще числу? Зачем

я все сие говорил Бошняку, я теперь понять не могу, почитая его подосланным нарочно для разведывания — смущение, в кое вводило меня всегда его присутствие, одно может истолковать сие». (Там же, пункт 10, 3.)

17. «Часто я видался с генералом Трощинским, но в прошлом году был только у него раз. Г. Бошняк весьма его не любил и старался выведать, принадлежит ли он обществу, как и о многих других особах чиновных; я сказал г-ну Бошняку, что генерал Трощинский и знать не знает — что́ совершенно и справедливо — об обществе и в таком деле никогда участия не примет; разве дело будет о Малороссии, прибавил я без всякого умысла, зная, однако, крайнюю привязанность его к своему краю. Но клянусь, что никогда не полагал, что он к чему-нибудь причастен был, и твердо в том уверен». (Ответы на вопросы от 10 апреля, пункт 7.)

18. «Господин Бошняк ошибается: я не предлагал ему никогда ехать в Кострому для сего предмета, а одобрял сие им самим сделанное предложение. Вот как он мне говорил: «Я здесь (в Херсонской губернии) ни влияния, ни знакомства не имею, но в Костроме, где я был предводителем дворянства и часто публично сопротивлялся мерам правительства, я имею вес и мог бы, ежели угодно обществу, туда ехать и учредить там управу» и проч. Я отвечал, что он очень хорошо сделает, но о деньгах ни слова не говорил, ибо, как должно быть высочайше учрежденному Комитету известно, денег и казны никакой в обществе не было». (Там же, пункт 10, 1.)

19. «Запрещения принимать генералов без разрешения управ никогда не бывало. Ежели я сие сказал Бошняку, то, верно, в ответ на беспрестанно возобновленное предложение его войти в личное сообщение с гр. Виттом и принять его. Года два тому я слышал от Бестужева, будто они приготовляют генерала Ридигера к принятию его в общество. Я о сем говорил кн. Волконскому и писал или говорил Пестелю, и сей последний остановил сие — вот все сие обстоятельство». (Там же, п. 10, 5.)

20. «Я в первых ответах имел честь донести, что действительно мне был сделан выговор за неосторожную доверенность к г. Бошняку, но совсем не от венты, а просто Давыдовым. Статистического описания Костромской губернии, чрез записку от полковника Давыдова, я вслед за первым свиданием требовал от г. Бошняка; но он от оного отказался.

Я бы мог привести в заключение некоторые обстоятельства, которые бы преданность г-на Бошняка могли сделать сумнительною, но не возвышу голоса против нечестия, которое обнаружится правосудием и упадет собственною тяжестью своею». (Ответы В. Н. Лихарева на вопросы от 13 апреля 1826 г., п. 4.)

21. «Очень может быть, что говорил сие (т.-е. о войне с Австрией) господину Бошняку. Всех разговоров с ним не упомню, ибо всякий раз, когда он ко мне адресовался, я видел себя на краю пропасти, почитая все его за подосланного агента. Он раз провел у меня слишком сутки и, как я ни старался переменить разговор, он все начинал то же да то же». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля 1826 г. п. 5. л. 61.)

22. «О генерале Киселеве, может быть, я и говорил сие г-ну Бошняку, но не помню хорошо. Он твердил всегда, что он предает общество, Волконского, Орлова, что имеет шпионов, которых наименовал мне. Я, может статься, и сказал сие, но без основания. Я никаких связей с генералом Киселевым не имею, но знаю, что он не только не причастен ни к чему, но не покровительствовал обществу и слышал, что он очень не любит Пестеля и подозревал его». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля 1826 г., п 7.)

7 марта Лихарев показал, что в 1825 г. в бытность его у генерала Раевского говорил С. Г. Волконскому, «что новые семейные обязанности запрещают ему участвовать в бреднях опасных». На что Волконский якобы отвечал: «Правда, любезный, и я также хочу совершенно изменить мое поведение. Киселев мне недавно сказал: — Напрасно ты впутался в худое дело; я советую тебе вынуть булавку из игры».— Спрошенный по поводу этого показания Лихарева, Волконский отвечал 9 марта: «Показания г-на Лихарева, навлекая ответственность не только на меня, но и на лицо

вовсе до тайного общества непричастного*), я взойду в подробное объяснение для означения того, чем мог дать повод Лихареву сделать заключение, хотя оное я признаю ложным и мною не сообщенным. Ген.-ад. Киселев не только в 1825 году, но с самого, могу сказать, начала служения моего во 2 армии, неоднократно отклонял меня входить в связи дружбы с Пестелем, как с человеком ненадежного *) в таковых сношениях, и в подтверждение удостоверял меня, что ему несомнительно известно, что по случившейся у меня личной ссоре с полк. Маиоровым он, Пестель, быв выбран мной в посредники, поджигал Маиорова. Он же, Киселев, во время моего посещения его в деревне советовал мне прекратить мои дружеские связи с Давыдовым, как с человеком, который, по неосторожности своих разговоров уже на замечании у правительства. Вот, что мне было сообщено г.-а. Киселевым, и, кажется, есть совет, единственно основанный на связи, 20 лет меж нами продолжающейся. Служба же и образ мнений г.-а. Киселева порукою, что, будь хоть малая была польза государственная, он бы пожертвовал дружбою для оной и что он не имел действии *) какого-либо понятия.

Что же касается до слов Лихарева показанным *), как будто бы мне Киселевым сказанным *), я об оных ему, Лихареву, никогда не сообщал, а им вымышлены, вероятно, с повода того, что я о смысле разговора Киселева о Давыдове сообщил Давыдову и Лихареву с тем, чтобы они воздержались от неосторожных разговоров, и объясняя им при сем случае, что, вероятно, сии слухи дошли чрез Витта до Киселева, который с Давыдовым не имел знакомства, и полагал *) удержать их тем от дальнейших сообщений с Бошняком.

В заключение еще объясню, что ежели Киселев бы знал, «что я запутался в худое дело», то советом отделиться от оного он бы не дал бы возможности оградить меня от ответственности.

Я уверен, что объяснил по точному чистосердечию». (Ср. «Записки» С. Г. Волконского. СПБ. 1901, стр. 425.)

23. «Теперь следует обвинение, заключающее в себе столько клевет, сколько слов. Я покорнейше прошу очной ставки с п. Пестелем, и если окажется, что исключая статьи, мною о военных поселениях написанной, и то не по личному требованию Пестеля, а по переданному мне Давыдовым и бытия у него однажды с Давыдовым же, проездом нашим в Киев, где ничего об обществе говорено не было, я с Пестелем хранил какие-либо связи или сношения, — я отвечаю моею жизнию.

Если принятие г-на Бошняка, которое сделано чрез мое посредство, может быть названо величайшею услугою обществу и поводом к величайшей доверенности, то я от оного не отрицаюсь; впрочем, я никакого участия в действиях общества не имел». (Ответы Лихарева на вопр. пункты от 13 апреля 1826, п. 2, д.)

...«Когда я объявил Пестелю, что Лихарев принят в общество, полковник Пестель поручил мне просить его написать что-нибудь о военных поселениях по сведениям, которые, служа в оных, он иметь должен. Лихарев сие исполнил, описал, что он знал, говоря против сего учреждения, о большом роптании и неудовольствии поселян. Я читал раз сию бумагу, которая состояла из нескольких маленьких листков. Дух сего малого общества (сочинения? *Ред.*) был в смысле общества, написано оно высоким слогом и, по-моему, сколько помню, ничего ни важного, ни обстоятельного не содержало. ...Полк. Пестель сию бумагу, кажется, давно уже сжег». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 16 февраля, п. 9, дело № 400, л. 35.)

24. «Я не припомню, точно ли приведенные г-ном Бошняком слова употребил я, говоря с ним; но весьма легко может быть, что я сказал ему, что общество между членами своими считает людей достойных и отличных, ибо действительно я большую часть мною названных почитал таковыми». (Ответы Лихарева на вопросы от 13 февраля, п. 2, е.) Пункт ж. тех же вопросов был формулирован так:—«Поясните, кто именно были сии 40-летние пламенные полковники, какой работы они требовали и от кого?»— Лихарев отвечал: «Г-н Бошняк нашел средство излить яд на самые невинные мои выра-

*) Так в оригинале. *Прим. Ред.*

жения. Я говорил ему, что общество не из одной молодежи составлено, но что в оном есть люди 40 лет. Но ни о какой работе, требуемой таковыми лицами, не упоминал и не ведаю, что г. Бошняк здесь подразумевает».

25. «Не знаю, как пришло в голову г. Бошняку вспомнить об обеде, о котором я говорил ему с удовольствием, не помышляя, чтобы сие когда-либо сделалось обвинительною против меня статьею; ибо ежели обед сей имел что преступное, то это была веселость гостей. Но из 5 генералов и 30 полковников составил его г. Бошняк. Я очень ясно помню, что на оном присутствовали полковники: Швейковский, Пестель, Тизенгаузен и Враницкий, братья Поджио, генерал Александр Давыдов, Василий Давыдов и я, который в теплых сапогах ходил по комнате, ибо был нездоров и за стол не садился. Я твердо уверен, что об обществе тут ни единого слова выговорено не было». (Там же, п. 2-й, з.) —«На контрактах обедали у меня, правда, несколько членов общества. Вот кто был на сем обеде и что на нем происходило. Обедали Пестель, Юшневский и еще три полковника: Враницкий, Швейковский, с коим я тут и познакомился, и Тизенгаузен, которого я тоже мало знаю, кн. Барятинский; и брат мой был почти все время тут, почему и легко можно поверить, что политического разговора никакого тут не было. (А. Л. Давыдов не был посвящен в дела общества. *Ред.*) После же обеда полковник Пестель взял в сторону Швейковского и рассуждал о возобновленном предложении Муравьева действовать. Я раза три подходил к ним и говорил против сего; мое мнение сие совершенно разделял Швейковский, и Пестель на оное соглашался. Сие мнение было также и Юшневского. После сего несколько дней все выше именованные лица были в Василькове у Муравьева; что там происходило, точно не знаю, но слышал от Пестеля, когда видел его в прошлом декабре у Волконского, что Муравьев крепко стоял в своем намерении и что уже Швейковский подавался на его сторону, но не Юшневский. Чем кончилось, не знаю». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля, п. 8.)

26. «По случаю последней поэмы Рылеева «Войнаровский» я говорил, что люблю стихи его и что в творце полагаю пламенное сердце; но не ведал даже, что он принадлежал к обществу; Бестужева знал как редактора «Полярной Звезды». Н. Муравьева называл как принадлежащего обществу, но не пылким заговорщиком, ибо я его совершенно не знаю. Также не ведаю, что хочет сказать г-н Бошняк о Балтийском флоте». (Ответы Лихарева на вопросы от 13 февраля, п. 2, и.)

27. «Происшествие об адмирале Синявине рассказываемо было во всех гостиных, и я не помню, где и когда оное слышал. Достоверно, что я не почитал оного за тайну и что г-н Бошняк оное знал, как я. К чему бы послужила мне утайка о сем обстоятельстве? Ответ адмирала был следующий: «Ищите, я не писатель, но воин!». Г-н Бошняк опять обезобразил приведенные мною слова». (Там же, п. 2, і.)

28. «О предложении графа Витта генералу Киселеву я ничего не знаю; но г-н Бошняк говорил мне, напротив, что генерал Витт имел поручение многих захватить, но оного не сделал, в чем я ему не поверил». (Там же, п. к.)

29. «О генерале Лисаневиче сказывал в Петербурге Матвей Муравьев, как о человеке приготовленном и почти принятом, кем— не знаю. Генерала Ермолова, который мне брат двоюродный, я не думал бранить и называть изменником. Сие было бы без всякого смысла; но когда старался выведать г-н Бошняк о нем, я сказал, что общество на него не надеется и называют его un homme asiatique». (Ответы В. Л. Давыдова на вопросы от 10 апреля, пункт 10, 8.)

22 декабря 1825 года бар. Дибич писал из Таганрога Николаю I по поводу подозрений на Ермолова: «Из словесного объяснения графа Витта знаю я, что зломыслящие, выхваляя прежде генерала Ермолова при всяком случае, весьма охладели насчет его в последние годы, что по некоторым вероятностям дает заключение, что они не нашли в нем желаемого»..(Шильдер. «Николай I», т. II, стр. 22.)

30. «Господин Бошняк, говоря о генерале Сиверсе и полковнике Шварце, хотя и весьма слегка, сказал, что они могут быть приняты в общество, по известным, вероятно, ему их мнениям, ибо я на сие пояснений от него не потребовал. Может быть,

сим предложением искушал он собственные мои мысли, но я уже имел честь донести, что об обоих сих господах совершенно ничего не ведаю». (Ответы Лихарева от 7 марта, дело № 412, л. 25.)

31. Об отношениях Бошняка к Витту и его настроении во время болезни гр. Витта Лихарев в показании от 7 марта 1826 г. говорит: «Помянутый же г. Бошняк, кажется, весьма близок к генералу Витту. Мне известно, что он часто по целому месяцу с графом не разлучается и живет в его доме. Когда г. Витт возвращается из какого путешествия, немедленно за Бошняком посылает курьеров; да во время последней болезни графа Витта Бошняк, быв в отчаянии, говорил мне, что судьба графа связана с его судьбою, и что связь их такого роду, что разорваться не может; что за погибелью одного последует погибель другого; что он правит всеми делами графа и знает все его тайные помышления. Бошняк говорил мне о намерениях его вступить в военную службу в военных поселениях, но исполнил ли он ее, не знаю.

Сии сношения давно мне казались таинственными, и если я умолчал об оных, то потому, что полагал оные к настоящему делу неприкосновенными, а только лично до г. Витта и Бошняка принадлежащими».

МАРКСИСТСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1896—1906 г.г.

Восстанавливать историю русской марксистской мысли, особенно на первых ее порах, крайне трудно. Зарождалась и развивалась она в нелегальных и полулегальных кружках, среди людей, гонимых и преследуемых самодержавием. По конспиративным условиям, из опасений ареста, многое не записывалось, многое уничтожалось, многое хранилось только в памяти отдельных лиц, а то, что осталось, или затеряно, или забыто.

Восстанавливать же эту историю необходимо, потому что она тесно, органически, связана с российским рабочим движением, с развитием РС-ДРП, в частности с большевизмом, совершившим величайший в мире переворот, создавший РКП (б.) и Коммунистический Интернационал.

Революционный пролетариат всего земного шара становится под знамя ленинизма, и мы должны исследовать все источники, большие и малые, которыми питалась гениальная мысль тов. Ленина. Необходимо ясно и отчетливо видеть пройденный путь и осознать, осмыслить трудности и препятствия на нем, которые были не только со стороны враждебной, народнической, либерально-демократической и реакционной, но которые таились и развивались внутри нас, внутри марксизма, которые одну и большую часть первых марксистов толкнули в лагерь буржуазии, в лагерь врагов революционного пролетариата.

Восстановить историю первых шагов русского марксизма—обязанность нашего поколения, последующие не разберутся в разрозненных и отрывочных документах и не расшифруют их.

Всякий материал, даже и тот, который вышел из-под пера врагов марксизма и людей, плохо разбирающихся в марксизме, имеет свою определенную цену и может пролить свет на отдельные стороны в истории русской марксистской мысли.

Предлагаемые «очерки» о марксистской периодической печати за 1896—1906 г.г. составлены по архивным материалам цензурного ведомства и представляют несомненный интерес, поскольку вскрывают, как правительство зорко следило за первой марксистской печатью, на что особенно оно обращало свое внимание и какие принимало меры, защищаясь от революционной мысли. Особенно интересны они будут историкам легального марксизма.

Документы показывают, что за легальным марксизмом довольно зорко следил и департамент полиции, и если удастся разыскать его документы, многое станет понятным и ясным. Конечно, все эти документы потребуют серьезной проверки и многих исправлений и тут должны помочь воспоминания тогдашних деятелей или лиц, близко соприкасавшихся с ними. К сожалению, эти воспоминания появляются редко. А они необходимы.

Больше всего привлек к себе внимания «Самарский Вестник». Относительно него писал П. Маслов [1]), Н. Самойлов [2]), А. Санин [3]), и другие [4]).

Интересующихся этим моментом в развитии русского марксизма мы отсылаем к указанным статьям. Здесь же напомним, что «Самарский Вестник» окончательно перешел в руки марксистов 12 октября 1896 года и просуществовал до 16 марта 1907 года. Редакция этой первой легальной марксистской газеты состояла из марксистов П. Маслова, А. Санина, Р. Циммермана, В. Португалова, за отъездом в Петербург Санина в редакцию вошел Т. Семенов. Немарксистскую часть составляли писатель Н. Гарин ((Михайловский), человек неустойчивый, временами сочувствовавший и помогавший марксизму, А. Клафтон, определенный либерал, Н. Реутов и Е. Валле-де-Бар, оба в сущности люди беспринципные, и, наконец, К. Разуваев. В составе сотрудников «Вестника» числились: П. Струве, М. Туган-Барановский, П. Скворцов, Н. Федосеев, В. Голубев, В. Ионов, И. Керчикер, А. Потресов, А. Скляренко, Н. Подбельский, А. Матов, М. Григорьев, Е. Чириков и другие. Участвовал в газете и Г. Плеханов. За подписью П. Бочарова он дал статью «Нечто об истории». Теперь она перепечатана в VIII томе его сочинений. В домарксистский период в «Вестнике» была, как утверждает А. Санин, помещена статья тов. Ленина по поводу просветительной утопии Южакова. Помещена она была фельетоном и подписана К. Т-ин, т.-е. К. Тулин. Эта статья не вошла в собрание сочинений тов. Ленина и даже не значится в списке неразысканных (см. том. I, 447 стр.). Относится она к 1895 году. Возможно, что были еще статьи. Упоминаемый в очерках Сашин — это Клафтон, язвивший своими фельетонами «Наши Нравы», А. С. — Алексей Санин, Н. П-ий — Н. Подбельский, псевдоним «Rigo» еще не раскрыт.

М. Елизаров предполагал в «Самарском Вестнике» напечатать работу тов. Ленина «Что такое друзья народа», распространяемую в гектографированном виде. Но это не удалось. Не нашлось экземпляра, с которого можно было бы перепечатать.

Душою «Самарского Вестника» был П. Маслов.

---

[1]) «Дело». Москва, № 1, 1917 г.

[2]) «Пролет. Революция». Москва, № 7 (30), 1924 г.

[3]) «Пролет. Революция». Москва, № 12 (35), 1924 г.

[4]) Вскоре должна появиться в «Красной Нови» статья Н. Ангарского.

Когда вышла 1-я книжка петербургского марксистского журнала «Новое Слово» (1897, IV) под редакцией П. Струве, М. Туган-Барановского, А. Калмыковой и В. Поссе, редакция «Вестника» восстала против программной статьи журнала, сводившей марксизм к либерализму. Статья эта не появилась и, кажется, не сохранилась. Газета была закрыта.

В то время, как самарская цензура относилась к «Вестнику» довольно милостиво, в главном управлении по делам печати за ним наблюдал член совета г. Донауров, который ясно сознавал, куда газета ведет линию. Он видел «мрачное воззрение на современный общественный строй в России и явное тяготение редакции к совсем иным социальным порядкам». Его беспокоили также и материалистические тенденции мировоззрения. Возможно, что газета просуществовала бы еще некоторое время, тем более, что самарская цензура, несмотря на указания главного управления, все же не была «на должной высоте». Когда же «Новое Слово» стало марксистским, главное управление уже не могло терпеть двух марксистских органов, и «Самарский Вестник» был закрыт.

В 1904 году, когда я был выслан под надзор полиции до суда в город Владимир, там я встретил В. В. Португалова, который рассказывал много интересного из этого самарского периода жизни. Жаль, что все это он хранит при себе и не передает истории. Одно хорошо помню. Это то, что отдельные марксисты из «Вестника» вели в Самаре какие-то марксистские кружки и, насколько припоминаю, сам В. Португалов имел кружок, в котором он читал и комментировал первый том «Капитала».

«Новое Слово» под марксистской редакцией выходило с апреля 1897 года по ноябрь 1898 года. В журнале сотрудничали: Н. Ленин (К. Тулин), В. Плеханов (Н. Каменский), Л. Мартов (А. Егоров), В. Засулич (В. Иванова), Череванин, В. Булгаков, А. Изгоев, П. Струве, М. Туган-Барановский, В. Вересаев, М. Горький, Е. Чириков и другие.

Тов. Ленин поместил свою работу «К характеристике экономического романтизма». Тов. Плеханов — «Судьбы русской критики», «Наумов Н. И.», «О материалистическом понимании истории» и другие.

На страницах этого журнала Ленин отмежевывался от легального марксизма и пользовался журналом вместе с Плехановым лишь как местом для открытой пропаганды марксизма и борьбы с народничеством и с ревизионизмом в марксизме.

Направление журнала главному управлению не вполне ясно было. Конечно, оно отдавало себе точный отчет, что журнал марксистский, но оно еще не отмечало в нем революционной струи от оппортунистической, хотя Струве уже подготовлял пути к отступлению на позиции либерализма. Управление и отдельные его чиновники сбращали большее внимание «на задорный тон, на резкость выражений»,

«на резкую оппозицию к администрации, переформированному земству, церковно-приходским школам», «на вопросы труда в различных его формах, борьбу парламентских партий, победы социалистов и пр.». Эти статьи, главным образом, сокращались и изымались. Впрочем, управление великолепно подметило, что беллетристика и другие части журнала были прекрасным иллюстрирующим материалом для теоретических положений Маркса. «Даже в статье «Юбилейная выставка Беклина (художника) в Берне» и то затронут вопрос о товарно-капиталистическом производстве и роли современной буржуазии», — писал цензор Елагин.

Курьезно указание М. Соловьева, начальника главного управления, министру Дурново, что «марксизм подает руку так называемому экономическому материализму, как основному якобы принципу при изучении истории, проповедниками которого являются у нас гр. Л. Толстой, пр. Милюков, Эрисман, Исаев и др.». Если писания последних давали кое-какой повод причислять их к марксистам, то уже зачисление по этому штату Л. Толстого говорит о полной безграмотности главного управления. Не говорим о более сложных вопросах: о марксизме и экономическом материализме.

Из упоминаемых в материалах лиц обращаем внимание на Владимира Сыцянко, Сергея Горюшина и Дмитрия Солодовникова. Они почти неизвестны. Сыцянко был талантливый химик, учился за границей и помогал русской социал-демократии, Горюшин работал в московской организации в 1894—95—96 г. г. Оба они умерли. Д. Солодовников помогал социал-демократии. В 1918 году он жил в Рязани.

«Общество свободных студентов» в Цюрихе было организовано с целью объединить передовое студенчество и все лучшее из него привлечь к социал-демократии.

Упоминаемая повесть «Инвалиды» принадлежит Е. Чирикову.

После закрытия «Нового Слова» с января 1899 года начал выходить журнал «Начало» под редакцией Струве и Туган-Барановского. В нем принимали участие: Ленин (В. Ильин), Плеханов (Андреевич, Н.) П. Маслов и другие. Считаем нужным исправить не совсем точную редакцию тов. В. Невского в его «Очерках по истории РКП (б.)», том I. На стр. 401 у него сказано, что журнал закрыт на пятой книжке, это не совсем так. На пятом номере и на четвертой книжке потому, что первая книжка вышла двойным номером январь — февраль. Апрельская книжка была арестована, так что вышло в свет всего только три книги. В № 4 была помещена статья Плеханова «Об искусстве». Так как книжка не увидела света, то Плеханов перепечатал свою статью в «Научном Обозрении» М. Филиппова.

Такая свирепость к «Началу» объясняется тем, что в журнале «вопросы экономического характера отступают на второй план, а на первый план выдвигаются вопросы политической борьбы», что «провоз-

глашаются начала социальной революции, проповедуется разложение современной семьи во имя ее грядущего обобществления, излагаются взгляды, не совместимые с христианским учением, дискредитируется современный административный и государственный строй управления». И как было не беспокоиться, когда «каждая новая книга этого журнала ярче и убедительнее открывает не только правительству, но и читателям, что участники журнала составляют кружок не литературный, а социально-политический и цели преследуют прямо революционные, ибо подрывают основы нашей государственной, религиозной, общественной жизни. Их сфера — смута, иносказание, намеки, недомолвки; их надежды — на стачки, организованные протесты; их сочувствие — на стороне народных бедствий, голода, неурожая, обезземеления и разорения масс; их вера — в царство пролетариата на развалинах веками труда и гения народного выработанного строя». Журнал был закрыт 22 июня 1899 г., при чем постановлено было «Начало», как орган «боевой группы марксистского направления», изъять из обращения в библиотеках и читальнях.

Боевой тон журнала совершенно заслонил перед главным управлением линию расхождения внутри марксизма. Ее никто не заметил из правительства.

Журнал «Жизнь» был менее ярким, чем его предшественник, пользовался он успехом, главным образом, из-за беллетристики. В области социально-политической журнал носил явно бернштейнианский характер, настолько явный, что цензор Елагин, характеризуя журнал, писал: «Жизнь»,—орган несомненно марксистский, но потерявший в настоящее время свою остроту не только в силу цензурных условий, а главным образом потому, что самое движение за границей значительно смягчилось, благодаря трудам Бернштейна и других «постепеновцев». Так или иначе, успех, достигнутый журналом «Жизнь», объясняется вовсе не вопросами теории, о которой громадное большинство русской публики имеет весьма смутное понятие, а отделом беллетристики, где самую видную роль играет Максим Горький с идеалами босячества. Свежий талант и реклама сделали свое дело».

Эта характеристика журнала глубоко правильна. В 1900—1901 годах нам приходилось в публичной библиотеке одного губернского города внимательно перечитывать книжки «Жизни». Почти все социологические статьи были не разрезаны, а беллетристика зачитана до грязи. Этот журнал широко ходил среди педагогов гимназий и даже духовных семинарий. Закрыт журнал благодаря вмешательству департамента полиции 8 июня 1901 г., начав существовать с конца 1896 г.

В материалах о «Научном Обозрении» М. Филиппова обращает внимание докладная записка редактора начальнику главного управления, в которой он подобострастно пишет, что марксизм, — «единственный источник моего разногласия с цензурным ведомством», — исчез и слезно просит защитить его имущественные интересы. Не ка-

саясь нравственной стороны, необходимо отметить следующее. Филиппов пишет, что уже с 1899 года он осознал, что марксизм идет к кризису, а между тем в № 6 своего журнала за 1900 г. он поместил статью Плеханова (Кирсанов) «Письма без адреса» («Еще об искусстве у первобытных народов»). Журнал умер естественной смертью вместе со смертью своего редактора.

«Мир Божий», возникший в 1891 году, как научно-популярный и литературный журнал для юношества, выходил сначала под редакцией педагога В. П. Острогорского. Постепенно расширяя программу, он стал печатать статьи Струве, польского марксиста Л. Крживицкого, М. Туган-Барановского, который дал на страницах журнала «Очерки по истории политической экономии», П. Милюкова с его «Очерками по истории русской культуры» и т. п. В 1902 году редактором становится известный знаток западной литературы Ф. Д. Батюшков. Во главе беллетристики и критики становится марксист, правда своеобразный, Богданович. Там же писал — М. Неведомский; Якубович и Тан помещают свои стихи. Пролетарский писатель А. Бибик, известный своим романом «К широкой дороге», прислал в журнал свой, кажется первый, рассказ «Приятели» (недавно вышел в «Библиотеке современной русской литературы» Госиздат). Совершенно правильно замечание цензуры, что «в «Мире Божьем» только изредка слышны слабые следы этой доктрины», т.-е. марксизма. «По направлению это журнал либеральный. Это, конечно, не «Русская Мысль» П. Струве, но цензура по существу была права. Журнал был закрыт в 1906 году. Вместо него стал выходить «Современный Мир».

Журнал «Правда» выходил в Москве с января 1904 года книжками необычайного, длинноватого формата. В нем, как и в «Жизни» хорошо был поставлен художественный отдел. М. Горький, Скиталец, А. Бунин, Н. Телешев, Е. Чириков, Л. Андреев, Елпатьевский, — все эти писатели, пользовавшиеся в то время большой любовью и популярностью, печатались в «Правде». Научная и философская сторона журнала была представлена А. Богдановым (А. Малиновским) и А. Луначарским. Сотрудничали в журнале историки-марксисты—М. Покровский и Н. Рожков. Политические устремления редакции сказывались главным образом в «Обозрениях», которые писали, по замечаниям цензуры, в социал-демократическом направлении. Вели этот отдел П. Румянцев и М. Лунц. Иначе цензура и не могла говорить, так как «Правда» настойчиво повторяла слова Плеханова, что в России «освободительное движение восторжествует как движение рабочих или совсем не восторжествует».

Официальным редактором-издателем числился В. Кожевников, сочувствовавший в то время, как и многие другие, марксизму. Он дал и деньги на журнал. Фактическая редакция состояла из А. Богданова, П. Румянцева, Н. Рожкова, М. Лунца, статьи которого поме-

щались также и в «Русских Ведомостях», И. Бунина, который самостоятельно вел художественный отдел, и В. Кожевникова. Журнал носил по преимуществу художественно-научно-философский характер. Непосредственно с партией не был связан. В этом журнале русский читатель впервые был ознакомлен с философией И. Дицгена. В конце 1904 года в редакции начались разногласия. Смущал марксистов И. Бунин, который придавал своему отделу пессимистически-скептический характер и тем самым шел вразрез с другими отделами журнала. Поддерживал его В. Кожевников. Затем, ввиду нападков цензуры на «Обозрения» и в целях сохранения журнала, В. Кожевников настаивал на замене П. Румянцева. Марксисты заявили, что они вошли в редакцию группой и группой уходят из нее. В. Кожевников обратился к меньшевикам, но, очевидно, с ними не ладилось дело, он снова завязал сношения с прежней редакцией, но она была уже занята другими делами и в журнал не вернулась. Впоследствии В. Кожевников за свой журнал довольно долго сидел в тюрьме.

Цензор, просматривавший журнал, не раз заявлял: «очень уж увлекательно пишет у вас Луначарский; зачитаешься, забудешь о цензуре и все пропустишь».

Из данного введения к «Очеркам» читатель видит, что марксистская мысль, начиная с «Самарского Вестника» и кончая «Началом», т.-е. с 1896 года по 1899 год, завоевывала общественное внимание все шире и шире, распространяя свое влияние особенно среди интеллигентной молодежи. После, когда легальный марксизм в лице Струве и Туган-Барановского встал на позицию Бернштейна, за границей создан был журнал «Заря», в котором Ленин, Плеханов, Засулич, Мартов и другие отстаивали позицию революционного марксизма. В нем Плеханов подверг широкой критике Струве, дав в № 1 статью «Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития». Ни «Научное Обозрение», ни «Жизнь», ни тем более «Мир Божий» ни в какой мере не могли удовлетворять революционное крыло марксистской мысли, да и выступать в них вместе с ревизионистами, да еще начинавшими склоняться к либерализму, было прямо-таки неприлично и вводило бы в заблуждение читателя.

Во времена «Самарского Вестника», когда между марксистской редакцией и сотрудниками Струве и Туган-Барановским возникли разногласия по поводу выступления последних в Вольно-Экономическом Обществе по вопросу о значении хлебных цен для народного хозяйства, как рассказывает Л. Мартов [1]), тов. Ленин принял все меры,

---

[1]) Ю. Мартов «Записки социал-демократа». Книга первая. 327—331 стр. Отрывок перепечатан в I томе сочинений В. И. Ленина (Ульянова), 453 стр. «Письма к П. Маслову и Л. Мартову о ценах на хлеб».

Мартов называет Португалова «В. О.». Эти инициалы перенесены и в сочинения тов. Ленина. Португалов из «Самарского Вестника» назывался «В. В.». Инициалы «В. О.» (Вениамин Осипович) принадлежат его отцу, который умер в

чтобы перед фронтом врага не показывать своих разногласий и выступать сплоченно. После же закрытия «Начала» было ясно всем, что марксистская мысль разбилась на ортодоксальную и ревизионистскую, выступать вместе было нельзя, так как это означало бы известную солидарность [1]).

Валерьян Полянский.

1896 году, на седьмом десятке лет своей жизни. Португалову же из «С. В.» тогда было всего 23 года, как пишет А. Санин. Ясно, что речь идет о сыне. Ошибку Мартова надо исправить. Вениамин Осипович марксистом не был.

Предлагаемые ниже «Очерки» составлены сотрудниками 1-го отд. историко-культурной секции единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) С. В. Любимовым («Самарский Вестник, «Новое Слово», «Жизнь», «Мир Божий» и «Правда») и Н. А. Меньшиковым («Начало» и «Научное Обозрение») под руководством управляющего Отделением А. С. Николаева).

[1]) Очерк о деятельности «Самарского Вестника» составлен по делам II отделения главного управления по делам печати, 1875 г., № 6 «по изданию в Самаре газеты «Самарский Вестник», части I и II, и 1896 г., № 139, «с заявлениями члена совета действительного статского советника Донаурова». Материалом для обзора «Нового Слова» служили — дело № I отделения главного управления 1893 г., № 36 «по изданию г. Баталиным в С.-Петербурге журнала под названием «Новое Слово» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1893 г., № 149, «по издаваемому Баталиным подцензурному журналу под названием «Новое Слово»; для журнала «Начало» — дело I отделения главного управления, № 86 «по ходатайству г-жи Воейковой о разрешении ей издавать в С.-Петербурге без предварительной цензуры журнал под названием «Начало» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1899 г., № 8 «по бесцензурному журналу под названием «Начало». Очерк журнала «Жизнь» составлен на основании дел — I отделения главного управления 1896 г., № 17 «по ходатайству г-на Воейкова о разрешении ему издавать в С.-Петербурге журнал «Жизнь» и СПБ-ского цензурного комитета 1896 г., № 120 «по подцензурному журналу под названием «Жизнь», издаваемому колл. сов. Воейковым под его же редакторством. Для «Научного Обозрения» служили дела — I отделения главного управления 1893 г., № 25 «по издаваемому г. Филипповым в С.-Петербурге журналу под названием «Научное Обозрение» и СПБ-ского цензурного комитета 1893 г., № 126 «по издаваемому М. М. Филипповым подцензурному журналу под названием «Научное Обозрение». Материалом для обзора журнала «Мир Божий»— являлось дело I отделения главного управления 1891 г., № 20 «по изданию г-жею Давыдовой в С.-Петербурге журнала под названием «Мир Божий» и дело СПБ-ского цензурного комитета 1891 г., № 84 «по изданию подцензурного журнала для юношества под названием «Мир Божий», научно-литературный и популярный журнал для юношества и самообразования». Обзор «Правды» составлен по делу I отделения главного управления 1903 г., № 14 — «об издании в г. Москве журнала «Правда». Все указанные материалы хранятся в Ленинградском отделении Центрархива.

I.

«Самарский Вестник».

Старейшим представителем марксистской периодической печати является газета «Самарский Вестник». Орган этот, возникший с конца 1892 г. в далеком от центров умственной жизни приволжском крае, первый (с 1896 г.) полностью предоставил свои страницы новому учению и служил первым проводником марксистских идей в то время, когда в столичных журналах («Русское Богатство», «Русская Мысль») они отражались лишь изредка, эпизодически. Подчиненный невежественной вице-губернаторской цензуре, ютясь в отдаленном углу России, искусно минуя в продолжение довольно значительного времени цензурные Сциллы и Харибды, «Самарский Вестник» сумел Объединить вокруг себя фалангу деятельных марксистских работников, вошедших впоследствии в ряды сотрудников «Нового Слова», «Начала» и других изданий, посвятивших себя изложению и развитию основных законов диалектического материализма.

История возникновения «Самарского Вестника» такова. Еще с 1875 г. в Самаре издавалась небольшая, выходившая 3 раза в неделю, газетка под названием «Самарский Вестник Объявлений». Газета эта обслуживала местные мелкие интересы губернского города и влачила незаметное существование.

В конце 1892 г. ее приобрел местный богатый землевладелец, Н. К. Реутовский [1]). Реутовский учился в СПБ-ском университете, но курса, «по независящим обстоятельствам», не кончил. С 1886 по 1890 г. он был выборным мировым судьей у себя на родине, а в 1891 г. был избран почетным мировым судьей и гласным самарской губернской земской управы. В 1889 г. Реутовский съездил за границу и там, вероятно, лично вошел в сношения с русской эмиграцией. Надо предположить, что среди самарского дворянства Реутовский пользовался весом и авторитетом, так как, будучи уже редактором «Самарского Вестника», он был избран в предводители дворянства Бузулукского уезда. Приобретя в собственность «Вестник Объявлений», Реутовский изменил его название на «Самарский Вестник», расширил его программу, увеличил размер и сделал его ежедневным изданием. Этими мерами он сразу поднял «Самарский Вестник», — в первый же год своего существования газета эта имела 600 подписчиков, что для провинциального органа печати того времени может считаться значительной цифрой. Излишне прибавлять, что, подобно всем провинциальным изданиям, «Самарский Вестник» являлся газетой подцензурной.

---

[1]) За ним в пределах самарской губ. числилось более 5.500 душ.

Местная самарская администрация сочувственно встретила появление «Самарского Вестника», думая почему-то найти себе союзника в лице его редактора. «Издаваемые здесь две газеты «Самарская Газета» и «Самарский Вестник», — писал главному управлению по делам печати самарский вице-губернатор Рогович в 1893 г., — представляют собой два отдельных направления. Первое и старейшее местное периодическое издание, «Самарская Газета», хотя и редактируется вполне прилично, но по своим традициям не может отрешиться от рутинно-либерального пошиба, свойственного многим органам нашей провинциальной печати и заключающегося в скорбном и беспредельном преклонении перед так называемыми «заветами 60-х годов». Такое отношение к жизни, исключительно с точки зрения идеалов прошлого, кладет на «Самарскую Газету» отпечаток тенденциозности и односторонности. Противодействие такому направлению лучше всего достигается посредством издания другой газеты, которая, веря в разумность хода общественной жизни, проводит в печати более светлые и практические взгляды. Такой газетой является издаваемый г. Реутовским «Самарский Вестник». Г. Реутовский, как бывший студент петербургского университета, местный дворянин и землевладелец, служивший в судебно-мировых и земских учреждениях, не заражен узостью взглядов, свойственных доктринерам 60-х годов: он не будет выискивать недостатки деятельности отдельных земских начальников и злорадствовать по поводу ошибок этих должностных лиц, которые, по мнению доктринеров, не хороши потому, что заменили собой прежних мировых судей и мировых посредников; он также не склонен сетовать о том, будто издание нового земского положения явилось отступлением от каких-то незыблемых основ земского самоуправления и т. п. Относясь к вопросам общегосударственной и местной жизни без предубеждений и предвзятых мыслей, г. Реутовский стремится придать своей газете не столько общественно-политический, сколько хозяйственный и земледельческий характер. При таком направлении газета г. Реутовского, издаваемая им если не очень талантливо, то во всяком случае очень добросовестно, по моему мнению, полезна и заслуживает поддержки...» [1]).

Из этого отзыва видно, куда было направлено внимание губернской цензуры и как плохо разбиралась она в «общественно-политических и хозяйственных» вопросах. Так или иначе, но «Самарский Вестник» не долго пользовался сочувствием администрации, и вице-губернатору скоро пришлось горько каяться в своем первоначальном отзыве. Невежественные и плохо осведомленные губернские чиновники, цензуровавшие «Вестник», неясно усваивали себе сущность помещавшихся в нем статей. Зато главное управление обратило особое внимание на издание Реутовского. В 1896 г. наблюдавший за провинциальной прессой член совета главного управления Донауров докладывал начальнику главного управления Соловьеву о «Самарском Вестнике»: — «почти в каждом отделе, будь то экономическая статья, фельетон, повесть или даже театральная рецензия, проглядывает крайне пессимистическое и мрачное воззрение на современный общественный строй в России и явное тяготение редакции к совсем иным социальным порядкам. Отмеченные мною статьи следующие:

В № 243 — «Новые слова» и театральная рецензия о пьесе «Madame Sans Gêne».

В № 245— «Скиталец земли русской» и фельетон «Наши нравы. Язва времени».

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1875, № 6, ч. 1.

В № 247 — «Журнальные отголоски» и специально переделанная для «Самарского Вестника» повесть «Перемена».

№ 248 — «Наши нравы. Фабрика ангелов» [1]).

Одновременно с этим чиновник особых поручений при главном управлении Уманец докладывал, что «Самарский Вестник» продолжает упорствовать в замеченном уже в этой газете вредном направлении, являясь рассадником социальных идей в Поволжьи. Так, в помещенном в № 53 означенной газеты фельетоне под общей рубрикой «Наше общественное настроение» и особым, очень невинным с первого взгляда, заголовком «Ученье—свет, а неученье—тьма», автор, скрывающийся под подписью «Rigo», старается доказать вред, происходящий от грамотности, распространение которой находится в руках земств, ограничивающих ее обучением грамоты и предупреждающих, что всякие попытки «к проведению каких бы то ни было идей должны быть неукоснительно неослабно искореняемы». Это вполне разумное положение вещей печально, по мнению фельетониста, и дело изменится де к лучшему только тогда, когда грамота «обратится против теперешнего своего ходатая и заступника»: тогда де ей можно будет дать «другую оценку». Между довольно ловко замаскированными намеками фельетона усматривается, при внимательном чтении, следующая основная мысль автора: как жаль, что народ обучается грамоте по благонамеренным книжкам, для него было бы несравненно полезнее иметь в руках иные книги... Нетрудно догадаться, к а к и е книги желал бы видеть в руках народа автор рассматриваемого фельетона. Попутно в статейке встречается выходка против чтения псалтири» [2]).

В следующем, 1897 г., Донауров вновь бьет тревогу относительно «Самарского Вестника». — «Я уже имел честь обратить внимание Вашего превосходительства,— пишет он начальнику главного управления,—на общее вредное направление, неоднократно проявляемое порученною моему наблюдению ежедневною газетою «Самарский Вестник». С тех пор, и несмотря на принятые по этому поводу меры, направление это не только не изменилось к лучшему, но с начала настоящего года названная газета еще более, чем прежде, отличается социалистическою окраскою, совершенно неуместною для провинциального подцензурного органа.

Возвращая просмотренные мною №№ 5, 6, 7, 8, 10 и 12 «Самарского Вестника» за текущий год, считаю долгом отметить в них следующие статьи, более других дающие представление о предосудительной тенденциозности этого издания.

В № 5 — фельетон Петра Струве: «Философия идеального добра или апология реального зла» (Вл. Соловьев, «Экономический вопрос с нравственной точки зрения»).

В № 6 — фельетон П. Маслова: «Критические наброски» (Южаков, «Дневник журналиста»).

В № 7 — фельетон за подписью Н. П-ий: «Новая книга по истории культуры» (Мензис).

В № 8 — 1) фельетон: «Нечто об истории» («Социологические основы истории» П. Лакомба. Пер. с франц. Р. Сементовского) и 2) фельетон за подписью А. С.: «Вульгарное народничество» (критикам Гурвича).

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1896 г., № 139.

[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1875, № 6, ч. 1.

В № 10 — фельетон Бочарова: «Нечто об истории» («Социологические основы истории» П. Лакомба. Пер. с франц. Р. Сементовского (окончание).

И в № 12—фельетон: «Историческая справка».

Во всех этих фельетонах и под предлогом критического разбора экономических вопросов сотрудники «Самарского Вестника», открыто причисляя себя к лагерю экономических материалистов, являются ярыми последователями писаревского учения и постоянно проводят его материалистические воззрения. Трактуя о капиталистическом строе России, все эти статьи имеют одну общую цель— доказать необходимость экономической реформы в пользу угнетенного капитализмом рабочего класса и особенно в ограждение безземельных крестьян и притом не иначе, как на предположенных социалистическим учением основаниях.

Подробные рассуждения о рабочих и сельских пролетариях и о борьбе как тех, так и других с капитализмом я нахожу крайне вредными и отнюдь не подходящими к программе подцензурного «Самарского Вестника» [1]).

В марте 1897 г. издававшийся в Петербурге журнал «Новое Слово» перешел в руки новой марксистской редакции в лице Семенова. Перед цензурой вырастал новый и более опасный противник, чем «Самарский Вестник». Этого было слишком много для цензурного ведомства. 7 марта 1897 г. главное управление по делам печати составило справку, в которой, между прочим, указывало, что «независимо «Нового Слова» партия «марксистов» располагает и другим печатным органом, а именно «Самарским Вестником», издаваемым под редакцией бывшего бузулукского уездного предводителя дворянства дворянина Николая Кронидовича Реутовского, находящегося, по сведениям департамента полиции, в сношениях с известным эмигрантом Егором Лазаревым. С переходом «Нового Слова» в собственность Семенова, в нем будут принимать ближайшее участие лица, группирующиеся ныне вокруг «Самарского Вестника», который, по предположениям марксистов, примет характер газеты, предназначенной для обсуждения «злобы дня» и будет служить дополнением к журналу. К сему нелишнее добавить, что в числе сотрудников «Самарского Вестника» состоит высланный в 1895 г. за государственное преступление безвозвратно за границу австрийский подданный Альфред Капелюш, который, проживая ныне в Вене, занимается водворением в Россию революционных изданий.

Ближайшие по сему поводу сведения собираются еще на месте» [2]).

Но собирать «ближайшие сведения» не потребовалось. Участь «Самарского Вестника» была решена. 15 марта 1897 г. последовал следующий доклад начальника главного управления по делам печати М. П. Соловьева министру внутренних дел И. Л. Горемыкину:

«Газета «Самарский Вестник» усвоила за последнее время крайне вредное направление, задавшись, очевидно, целью знакомить своих читателей с выводами экономического материализма, проповедуемого школою Маркса. С неуклонною последовательностью «Самарский Вестник» проводит учение этого экономиста во всех вопросах, обсуждаемых на страницах этой газеты. В статьях, касающихся религии, науки, искусства и даже в сообщениях о происшествиях из повседневной жизни— всюду видна одна и та же основная точка зрения, усвоенная от западных эволюцио-

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1896 г., № 139.

[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

нистов. В фельетоне № 7 «Самарского Вестника», под заглавием «Новая книга по истории культуры» читателю предлагается теория Мензиса о подчинении религиозных верований общим законам эволюции. «Религия есть нечто, с самого начала подверженное развитию, как право, как искусство». В порядке исторического развития основною религиозною формой является поклонение природе. Сначала религия была «племенной», затем «родовой», последняя перешла в национальную, которая в конечном своем развитии сменяется «универсальною, всемирною религиею». Религии европейских народов, по словам Мензиса, подчинились изложенному закону эволюции. Отсюда вытекает нетрудный для читателя вывод, что христианская религия есть также результат эволюции и не имеет божественного происхождения. Отрицательное отношение «Самарского Вестника» к православной религии и религиозно-нравственному воспитанию народа проводится в грубой и кощунственной форме в корреспонденции из г. Сызрани (№ 45). Корреспондент жалуется на то, что «на народных чтениях преобладают брошюры религиозного содержания: читают все о монастырях, жития святых, о церквах...» Корреспондент предлагает давать народу сведения из естественных наук, а «не заниматься чтением лишь сказок и житий святых» или о том, «как один глупый барин ушел в монастырь».

Существующий экономический строй и все находящиеся в связи с ним явления общественной жизни «Самарским Вестником» постоянно обсуждаются согласно учению Маркса. Под видом полемики с другими воззрениями газета рисует в самом мрачном свете положение русского крестьянина и вообще простого рабочего люда, пользуясь для этого сочинениями Глеба Успенского (№ 243, фельетон). При этом все мероприятия, направленные к поднятию материального благосостояния (поддержание общинного землевладения, переселения, земельные наделы и т. п.), представляются несоответствующими интересам обездоленных людей и могущими способствовать лишь дальнейшему развитию у нас буржуазного капиталистического строя, при котором труд эксплоатируется капиталом (№ 6 «Критические наброски», № 8 «Вульгарное народничество», № 45 «Милые субъективности»). Несоответствие упомянутых мероприятий истинным нуждам народа объясняется неправильным взглядом на экономические отношения и незнакомством с учениями Маркса и его последователей. Разбирая книгу Лакомба «Социальные основы истории» (№ 10, фельетон «Нечто об истории»), «Самарский Вестник» делает упрек автору за то, что «для него только и света в окне—что капиталистическое производство»... и называет экономический материализм Лакомба, выводимый им из «природы капиталистического порядка», «пасквилем на человеческий род». Отсюда ясно вытекает, что, по мнению «Самарского Вестника», современный капиталистический строй является прямым антагонистом прогресса. В № 8, утверждая, что марксисты «единственные прогрессисты в полном смысле этого слова», «Самарский Вестник» ставит в вину Лакомбу то, что для него «крушение капиталистического порядка равносильно крушению цивилизации». Из приведенных выписок следует, что крушение современного капиталистического строя является необходимым условием прогресса. Нисколько не стесняясь, «Самарский Вестник» в № 45 («Милые субъективности») прямо объявляет себя последователем экономического материализма. «Теория экономического материализма, — говорится в газете, — является единственной общественной теорией, где соединились и слились; воедино и самые строгие научные требования и самые идеалистические думы человечества». Чтобы осуществить такую теорию и устранить нынешний экономический

порядок, «Самарский Вестник» говорит туманными намеками о необходимости насильственного переворота. По мнению газеты, нет надобности пытаться «остановить или повернуть назад экономическое колесо», надо только, «воспользовавшись ходом экономической жизни, этой палкой о двух концах, стараться о том, чтобы эта палка одним концом била торжествующих, а другим защищала погибающих на алтаре современной экономической продукции». Таков девиз экономической политики, предлагаемый читателям в статье «Милые субъективности» (№ 45).

Попутно со статьями научного содержания в газете помещаются очерки провинциальной жизни, принадлежащие перу некоего Сашина и носящие общий заголовок «Наши нравы». Рисуя картины нищенства, разврата и невежества, Сашин проводит в доступной для понимания простого читателя форме теорию, отрицающую свободу воли. Автор дает понять читателям, что преступник, развратник делаются таковыми не по доброй воле, а вследствие ненормальных условий общественной жизни, а потому заслуживают лишь сострадания (№№ 245 и 248). Самоубийства среди учащейся молодежи объясняются недостатками нашей школьной системы (№ 45).

Ввиду столь вредного направления газеты «Самарский Вестник», главное управление по делам печати в декабре месяце минувшего года и в первых числах января сего года просило самарского губернатора обратить внимание лица, цензурующего названную газету, на непозволительность появляющихся в ней статей. Несмотря на это, в газете продолжают появляться статьи, подобные вышеупомянутым, как, напр., фельетон в № 53, в котором проводится мысль, что народу надо давать для чтения не благонамеренные книжки, как это делается ныне, а какие-то иные, «идейные». В фельетоне, между прочим, встречается выходка против чтения псалтири.

Принимая во внимание, что «Самарский Вестник» столь продолжительное время, даже после сделанных местной цензуре указаний, упорствует в пропагандировании самых крайних атеистических и материалистических учений, главное управление по делам печати полагало бы необходимым, применительно к ст. 154 уст. о ценз. и печ., приостановить издание этой газеты сроком на четыре месяца, о чем имею честь представить на благоусмотрение Вашего высокопревосходительства».

На докладе Горемыкин поставил резолюцию: «Согласен на приостановку издания газеты на четыре месяца».

Дальнейшая история «Самарского Вестника» не многосложна. В августе 1897 г. Реутовский обратился в главное управление с просьбой разрешить ему переименовать злополучный «Самарский Вестник» в «Заволжье» и увеличить вместе с тем подписную на него плату. Главное управление отклонило это ходатайство ввиду того, что «нет оснований ожидать изменения прежнего предосудительного направления этой газеты и облегчить ей под новым наименованием распространение среди лиц, могущих не знать, что «Заволжье» не что иное, как продолжение «Самарского Вестника». Что же касается увеличения подписной платы, то главное управление нашло его весьма нежелательным, так как «периодические издания, подписная цена на которые не менее 7 руб. в год, пользуются правом печатать сочинения и статьи о несовершенствах существующих у нас постановлений, а также и о недостатках и злоупотреблениях администрации и судебных мест». Предоставление подобного права, по мнению главного управления, было бы совершенно излишне «для такого

издания, как «Самарский Вестник», выход в свет которого был приостановлен на 4 месяца за пропаганду самых крайних атеистических и материалистических учений» [1]).

После этой неудачи Реутовский несколько раз пытался продать право на издание «Самарского Вестника». Покупатели находились, но главное управление систематически, под разными предлогами, отказывало утвердить за кем бы то ни было из них право на издание этой газеты. В сентябре 1898 г. оно отказало в этом частному поверенному А. М. Михайлову, в сентябре 1899 г.—издателю газеты «Самарская Газета» С. И. Костюрину, в октябре 1902 г.—купцу В. И. Александрову, в марте 1903 г.—самарскому нотариусу А. В. Колышкину. За все эти годы Реутовский выпускал по одному или по два номера своей газеты в год, чтобы издание это, по существовавшим тогда законам, не могло считаться прекращенным. После неутверждения Колышкина Реутовский, утомленный бесплодной борьбой с главным управлением, закончил выпуск в свет отдельных номеров «Самарского Вестника», и в апреле 1904 г. газета эта была официально признана «окончательно прекратившейся» [2]).

II.

«Новое Слово».

Ежемесячный бесцензурный журнал «Новое Слово» был основан в Петербурге И. А. Баталиным в конце 1893 г. Баталин, бывший редактор газеты «Минута» и журнала «Колосья», по своей близости к бывшему министру внутренних дел графу Д. А. Толстому, беспрепятственно получил от его преемника разрешение на издание без предварительной цензуры нового органа печати по общей программе «толстых» журналов. На издание свое Баталин смотрел, как на предприятие коммерческое, и хотя обещался в своих прошениях охранять «основы», но тем не менее вызывал со стороны цензуры различные замечания. В его руках «Новое Слово» не имело какой-либо определенной окраски. В середине 1895 г. Баталин был принужден, вследствие материальных затруднений, продать «Новое Слово». Приобрела его владелица популярного книжного магазина и издательства Ольга Александровна Попова.

После продолжительных поисков редактора,—сперва О. А. Попова пригласила Скабичевского, затем недолго был временным редактором Слепцов,— в этом звании в марте 1896 г. был утвержден муж издательницы, отставной штабс-капитан, А. Н. Попов. С этого времени «Новое Слово» приобретает резко выраженный народнический характер, служа интересам партии народников и группируя вокруг себя выдающихся писателей народнического толка (в нем принимали участие— Скабичевский, Станюкович, Николай О—н, Немирович-Данченко, Засодимский, Яроцкий и др.). В октябре 1896 г. цензор Елагин дает о «Новом Слове» следующий отзыв:

«В настоящее время, по прошествии года существования нового журнала, можно подвести некоторые определенные итоги. Полагая всю силу нашу в земле, в земстве.

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1875 г., № 6 ч. 1.
[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1875 г., № 6, ч. 11.

ставя во главу угла народные интересы, неразрывно связывая их с наукой, свободой совести и личности» (по поводу внутр. вопросов, ноябрь 95-го), журнал ведет постоянную борьбу с модной в настоящее время теорией экономического материализма, созданной Марксом и Энгельсом, представителями которой являются у нас — г. г. Бельтов, Струве, Скворцов и др. В противоположность этим марксистам, признающим всепоглощающую, доминирующую роль капитала и капитализма, г.г. народники видят все спасение в общине и артели.

Г. Рубакин отмежевал себе область народного образования. Он является искренним и убежденным защитником возможно широкого распространения образования в народе и удаления всех препятствий, мешающих его развитию. В среде наших рабочих развивается интеллигентность, рабочий стремится к книжке, учреждаются кассы, библистеки. Умственный подъем возрастает. В трудовой массе фабричных рабочих проявляется своего рода Weltschmerz, идейный подъем, выдвигающий идейных работников, носителей скорби своей среды («Лицом к лицу»). Из народа и выдвигаемой им интеллигенции идут бодрые силы, а отсюда, от нас — кающиеся грешники.

Вопросам о народном образовании посвящена, независимо от статей г. Рубакина, масса корреспонденций из провинции, трактующих о влиянии книги на деревню, о постановке земской школы в различных местностях России, о недостаточности числа этих школ, при чем неоднократно подчеркиваются факты борьбы школы земской с церковно-приходской. Симпатии журнала всецело стоят на стороне школы земской.

Г. Абрамов помещает почти в каждой книге журнала свои статьи под общим заглавием «Земство и города». В качестве убежденного сторонника самой широкой компетенции земств, г. Абрамов недоволен современным положением дел, при котором сознание бессилия и отсутствие уверенности, что голос земств будет иметь последствия, — вызывают апатию некоторых земских деятелей к обращенным к ним запросам. С другой стороны, автор констатирует факт, что в общем земства стараются остаться верными знамени прежнего 25-летия, хотя со времени преобразования земских учреждений и раздаются голоса, которых не было слышно, и замечаются попытки направить деятельность того или другого земства в интересах привилегированного класса (книга I).

Вообще журнал, в лице г. Абрамова, а также других многочисленных корреспондентов, стоит на стороне прежних земских порядков, существовавших до введения института земских начальников. Каковы взгляды журнала на этот институт — всего лучше можно судить по статье «Из юридической области» (IX книга). В статье этой анонимный автор, восхваляя деятельность мировых судей за истекший в мае 30-летний период их существования, с злою иронией обрушивается на институт земских начальников. «Из тех перегородок, которые были опрокинуты преобразовательным течением 60-х годов, некоторые удостоились реставрации. Между прочим, старый административно-полицейский суд воскрес на наших глазах для деревенской России в образе земского начальника, этого более или менее родового дворянина и претендента на родительское право «наказывать любя»... Только для простого, однообразного и устойчивого деревенского быта понадобилось почему-то более «крепкое» орудие власти, понадобилась сильная рука, не связанная никакими «формальными стеснениями» законности и правомерности в своих движениях»... Правда, в отдален-

ной перспективе рисуется «приспособление» этого нормально-исключительного и общесепаратного плана к тем местностям, которые облагодетельствованы учреждением земских начальников, но рисуется в виде проблематической возможности, которая вряд ли оправдается на деле, так как между принципами правильного суда и учреждения земских начальников никакой компромисс немыслим вследствие их взаимной противоположности и непримиримости»... Статья эта, впрочем, г. начальником главного упр. по дел. печати исключена из книги по соглашению с редактором. Одновременно с нею из той же книги исключена статья, в которой журнал позволил себе издеваться над циркуляром министра финансов фабричным инспекторам по поводу беспорядков на некоторых фабриках. «Прочитав этот интересный документ, мы вздохнули свободно. Разлетелись, как дым, все наши страхи о возможности появления у нас западного капитализма с его нездоровыми спутниками, в роде классовой борьбы, социализма и т. д. Мы верим авторитетному голосу, утверждающему, что в нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим, что «в основе этих отношений лежит закон нравственный и христианский» и т. д. Неприятно, конечно, что фабриканты и хозяева показывают иногда, «по добродушию», вредную уступчивость. но в этих случаях, судя по циркуляру, обеспечено энергичное вмешательство правительства». На основании этого краткого и беглого очерка можно признать, во-первых, что журнал «Новое Слово» тенденциозен и, во-вторых, что многие статьи его по содержанию и направлению далеко не соответствуют взглядам и целям правительства» [1]).

Журнал «Новое Слово» в распоряжении Поповой и народников оставался недолго. Те же материальные затруднения, которые испытал Баталин, заставили и О. А. Попову постараться передать это издание в другие руки. В феврале 1897 г. «Новое Слово» было приобретено дворянином и землевладельцем Рязанской губернии, Михаилом Николаевичем Семеновым, и в его лице перешло русским последователям марксизма, при чем номинальным редактором этого издания остался попрежнему А. Н. Попов.

М. Н. Семенов, по сообщению директора департамента полиции, «занимался литературным трудом, средства к жизни имел ограниченные, вращался в кружках учащейся молодежи и хотя к делам политического характера не привлекался, но находился в сношениях с проживающим ныне в Цюрихе дворянином Владимиром Бонч-Бруевичем, который стремился, при посредстве Семенова, обойти цензурные затруднения при издании некоторых сочинений» [2]). Переход «Нового Слова» к новой редакции вызвал, конечно, крутой поворот в его направлении. Еще до выхода в свет книжек журнала под редакторством Семенова, главное управление составило об этом издании и его руководителях следующую справку по секретным сведениям, полученным из департамента полиции.

«О. А. Попова, собственница «Нового Слова», ввиду неблагоприятных материальных обстоятельств, вынуждена была продать этот журнал Михаилу Николаеву Семенову. Журнал «Новое Слово» с 1895 г. служил органом так называемой партии «народников», к которой принадлежали как лица, входившие в состав редакции, так и большинство сотрудников. Между тем новый собственник журнала Михаил

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

[2]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

Семенов придерживается убеждений «марксистов» и намерен сделать «Новое Слово» органом последнего направления. «Народники» и «марксисты» относятся друг к другу с нескрываемою враждебностью, почему понятно, что старый состав редакции должен был выйти немедленно из журнала; будучи же озлоблен на О. Попову за то, что последняя вела переговоры с Семеновым тайно, постарался обставить свой уход возможно демонстративно. «Марксистская» редакция «Нового Слова», кроме самого Семенова, по некоторым предположениям будет состоять из известных доцентов СПБ-ского университета Петра Струве (в звании редактора) и Туган-Барановского [1]); по всей вероятности, к ней также примкнет ныне проживающий в Цюрихе землемерный помощник Владимир Дмитриев Бонч-Бруевич, возвращение коего в Россию ожидается его единомышленниками в скором времени.

Из числа упомянутых лиц дворянин Михаил Николаев Семенов, вольнослушатель С.-петербургского университета (родственник сенаторов Семеновых), с конца прошлого года стал обращать на себя внимание сношениями с Бонч-Бруевичем, которому обещал всевозможную поддержку в обход цензурных правил при рассмотрении цензурою предполагаемых к изданию сочинений и переводов тенденциозного содержания.

Что же касается Владимира Бонч-Бруевича, то последний известен своею тенденциозною деятельностью по изданию литературных и научно-популярных книг для народа. В 1894 году он поступил на службу в Москве в книжный магазин известного богача Прянишникова, собственника издательской фирмы «Народная Библиотека». Успев в скорости же овладеть доверием Прянишникова, Бруевич стал фактически во главе фирмы и направил деятельность последней на издание произведений печати исключительно тенденциозного характера. Так был издан составленный самим Бруевичем сборник «Родные песни, избранные произведения русской поэзии», в котором между стихотворениями известных писателей помещены излюбленные радикальной молодежью произведения, как, напр., «Утес» (Навроцкого) и т. п. Переводились и часто подготовлялись к изданию сочинения Маркса, Робертуса, Лафарга, «Революционный Париж» и другие. Независимо сего, Бруевич занимался торговлею народными книгами, преимущественно тенденциозного направления; с этою целью он снимал помещения во время вербных базаров, из которых упомянутые книги и продавались студентами, принадлежащими к земляческим организациям.

Через несколько времени Бруевич вынужден был, однако, разойтись с Прянишниковым, но, чтобы не покидать издательского дела, вступил в число членов издательской комиссии московского комитета грамотности; пользуясь своими связями, он намеревался склонить нескольких членов этого комитета, располагающих материальными средствами, на выдачу ему субсидии для издания народных книг и стремился организовать в Москве общественную народную библиотеку.

Проживая в Москве, Бонч-Бруевич находился в сношениях с многими политически-неблагонадежными лицами, в том числе семейством Величкиных, Владимиром Сыцянко, Сергеем Горюшиным, известною Цебриковою и другими. По показаниям лиц, привлеченных к дознанию о «Московском рабочем союзе», Бруевич [2]) прини-

---

[1]) Оба привлекались в конце 80-х годов к дознаниям.

[2]) При возвращении в Россию, Бруевич подлежит аресту и привлечению к ответственности по этому делу.

мал участие в преступной деятельности этого сообщества вместе с обвиняемыми по сему делу Дмитрием Солодовниковым и Павлом Колокольниковым, а также чрез его посредство Вера Величкина, по поручению последователя графа Толстого, Владимира Черткова, собирала сведения об отношении различных революционных групп к толстовскому лжеучению.

В апреле 1896 года Бонч-Бруевич отправился в Швейцарию, где поступил в Цюрихе в местный университет. За границей он тотчас же завязал сношения с представителями местных революционных течений и даже собирался осенью минувшего года на всемирный социалистический конгресс в Лондоне. За последнее время он явился в Цюрихе одним из организаторов «Общества свободных студентов», состоящего в большинстве из русской учащейся молодежи. Названное общество, преследующее, между прочим, абсолютное равенство мужчин и женщин, приступило ныне к учреждению «агитационного комитета» для проповеди своего учения. Бонч-Бруевич играет в новом обществе одну из выдающихся ролей и уже несколько раз выступал на собраниях в качестве оратора».

Предположения главного управления, что журнал «Новое Слово» представляет собой марксистский орган, с которым до сих пор цензуре не приходилось еще иметь дела, сразу оправдались. Первый же номер «Нового Слова» новой редакции (за март 1897 г.) вызвал переполох среди СПБ-ского цензурного комитета. Внимание комитета главным образом было привлечено произведением М. Горького «Коновалов», в котором комитет нашел ряд недопустимых мест. Немедленно на мартовской номер был наложен арест до выхода его из типографии; неудобные в цензурном отношении места на 18 страницах были вырезаны; страницы вновь перепечатаны, и лишь после этого номер был выпущен в свет. В то же время комитет представил в главное управление следующий рапорт:

«Новая мартовская книга журнала «Новое Слово» является весьма поучительною в смысле определения направления, которого журнал намерен держаться, вероятно, и в будущем. Можно указать на следующие статьи:

I. Очерк М. Горького «Коновалов» — знакомит нас с типом бродяги-босяка, пьяницы Коновалова, которого гонит с места на место по обширному отечеству жажда свободы и дух недовольства собою и существующими порядками... Таков тип, к которому автор относится так тепло и симпатично. Тип этот, повидимому, собирательный, выхваченный прямо из жизни, ясно определяет точку зрения автора. Кажется не нужно особых комментарий и подчеркиваний для признания рассказа крайне тенденциозным и вредным.

II. Статья г. Novus'a—«На разные темы. Наши утописты»—посвящена главным образом академическим спорам с присяжным экономистом «Вестника Европы» Слонимским, известным народником Николаем—оном и г. Южаковым из «Русского Богатства». Восторженно восхваляя Карла Маркса, в статье стремятся доказать полную основательность теорий великого экономиста. В известном письме своем, появившемся в конце 70-х годов, Маркс, между прочим, писал: «Если Россия будет продолжать итти путем, избранным ею после 1861 года, она потеряет один из самых удобных случаев, который когда-либо исторический ход давал народу для минования всех перипетий капиталистического развития». Эту знаменитую фразу г. Novus считает в устах Маркса злою иронией, отнимая таким образом последнее средство

защиты у народников, которое они противопоставляли до сих пор торжествующим доводам русского марксизма.

Мысль о неизбежности и даже наличности в России капиталистической фазы хозяйства высказывается весьма категорически и в другой статье журнала, подписанной М. Туган-Барановским.

III. Статья «Финляндский сейм» подробно трактует о задачах и работах заседающего в Гельсингфорсе сейма. По мнению автора, в Финляндии возникает множество серьезных вопросов, правильно разрешить которые немыслимо без представительства, хотя бы такого, которое теперь существует там и которому не вполне может быть дано название народного.

IV. Статья «Иван Франко» подробно рассказывает биографию этого известного галицкого писателя-социалиста. Автор передает содержание многих произведений Франко и заканчивает статью горячим панегириком этому деятелю. «Если из массы народа выделились,— говорит он,— тысячи людей, которые знают, где искать выхода, если они находят высокое нравственное облегчение в том, чтобы, собравшись на «вече», громко заявить перед целым светом о своих нуждах и желаниях и настойчиво требовать их удовлетворения; если эти тысячи не представляют уже разрозненного, беспомощного стада, которое под ударами бури готово броситься в море без сопротивления, а сознают уже значение солидарности в борьбе за свои интересы, то этот важный результат всегда будет связан с именем Франко»...

V. Статья профессора Макса Ферворна «Витализм» имеет чисто материалистический характер. Опровергая все положения старо- и неовиталистов, автор сводит все жизненные явления к физике и химии и заканчивает свой этюд словами: «Не витализм, а механизм — девиз современной физиологии».

VI. Что касается, наконец, писем из провинции, то во всех них, хотя и умеренно, но весьма ясно звучит нота о крайнем малоземелии русского крестьянства.

Таково содержание книжки, ярко обрисовывающее характер этого нового по составу сотрудников сборника».

Апрельская книжка «Нового Слова», в которой, между прочим, среди других статей внимание цензора привлекла и статья В. И. Ленина («К характеристике экономического романтизма» под псевдонимом К. Т-на), вызвала следующий доклад цензуровавшего этот журнал Елагина:

«В представленной в комитет апрельской книге журнала «Новое Слово» обновленная редакция остается, повидимому, верной принятому ею направлению модного в настоящее время экономического материализма. В редкой из статей журнала нет упоминания или цитирования знаменитого автора «Капитала» Маркса—основателя экономического понимания истории.

В настоящей книге из статей подобного характера обращают на себя внимание: 1) «К характеристике экономического романтизма.— Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» К. Т-на. 2) «Очерки из истории общественных идей и отношений в Германии в XIX веке» С. Т. Р. 3) «На родные темы» Novus'a и 4) «Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности» М. Туган-Барановского. Полемизируя с покойным экономистом Эфруси, К. Т-н старается доказать неправильность экономических выводов Сисмонди—этого старого швейцарского экономиста, горячего сторонника мелкого производства. Вторая статья, занимающаяся параллелью между Францией и Германией по социальным вопросам, пестрит вы-

писками из статей Маркса, относящимися к раннему периоду его деятельности, когда Маркс идеализировал и возвеличивал философию и далеко еще не выработал тех взглядов, которые впоследствии составили главное содержание его учения. Novus в полемике с проф. Чичериным, по поводу статьи этого последнего «Несколько слов о философско-исторических воззрениях Грановского», очень пространно (хотя довольно запутанно) приводит, ссылаясь на передовых русских мыслителей 40-х годов, мысль об исторической необходимости буржуазного строя и прогрессивной роли буржуазии. Все три статьи, оставаясь на почве теоретических рассуждений, не представляют ничего особо тенденциозного в цензурном отношении. Наконец г. Туган-Барановский переходит на более практическую почву и говорит уже о России непосредственно. По его мнению, в наше время кустарная промышленность не жизнеспособна и при современных условиях техники конкурировать с фабрикой, окончательная победа которой несомненна, не может. Победа крупного производства только вопрос времени. Зато, как думает автор, капитализм, сыгравший в Зап. Европе отрицательную роль, явился у нас фактором положительным, фактором промышленного прогресса. Капитализм не есть, однако, завершение экономической эволюции и фабрики, не представляет конечного пункта промышленного развития. Надо пройти через них к созданию иного высшего строя, более соответствующего интересам производителя. Статья написана очень сдержанно и, будучи переполнена цифрами и статистическими данными, не рекомендует никаких особых программ. В отделе «Текущие вопросы русской жизни» можно наметить, в цензурном отношении, только несколько штрихов. Pia desideria о расширении прав русской печати — тема, которой постоянно касаются, за последнее время, почти все наши бесцензурные издания, отрицательное отношение к политике министерства финансов, выражающееся в нападках на мнения, которые защищает в комиссии по пересмотру акционерного законодательства г. Гурьев; в вопросе о законности и ее отношении к содержанию закона—указание на недостаточную охрану нашими законами субъективных прав—обстоятельство, дающее на практике возможность произвола и усмотрения. Что касается, наконец, отдела беллетристики, то здесь можно указать только на небольшой очерк «Хлеб везут»—довольно мрачную картину из летописи голодного года, ничего, впрочем, нового не прибавляющую к тому, что множество раз было уже писано по этому поводу. В общем вся книга журнала, не выходя из пределов, предоставляемых бесцензурностью издания, не может, по мнению цензора, подать повод к принятию против нее каких-либо репрессивных мер» [1]).

Доклад был сравнительно мягкий, и комитет на этот раз постановил «принять доклад цензора к сведению, как материал для определения направления журнала».

Майский номер, сверх всякого ожидания, не вызвал никаких замеча со стороны цензуры. Так же невинен был с цензурной точки зрения и июньский номер «Нового Слова». О нем цензор Елагин представил доклад следующего содержания:

«В отделе беллетристики, в романе «В вратах Эдема» обращает на себя внимание одна сцена разговора героя—Михаила Степановича с отцом. Старик Ланской, представляющий какое-то подобие помеси толстовца с буддистом, говорит, между прочим, сыну: «Страна темная, мрака много; тяжко возвышаться над уровнем.

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

— Пропасть большая...

— Какая пропасть?

— Между образованием и тьмою. Тьму не поднять до света... значит, нужно понижать... Пост ведь нынче. Шел я по улице к тебе. Видел сцены. Они перенесли меня во времена Петра Амьенского. Мужики распростерлись на папертях церквей и бились головами о каменный пол. Средние века. Но тогда был XIII век, а теперь XIX... Петр-то Амьенский проповедывал крестовый поход. А нынче что! И сановники едут мимо церкви и вздымают очи горе, и крестятся... Каков мрак-то! Я понимаю еще перед прорубью перекреститься,—да бултых головою вниз. А!. А то вдруг на резиновых шинах, в собственной карете, грязью людей окатывает и тово... ни одного храма не пропустит... Мрак...

— Так надо осветить его... этот мрак.

— Осветить! Ага... Да и как его осветить-то. Да и свет-то какой нужен? А? Свет и во тьме светит, да не свечка же восковая во тьме кромешной... Не светлячку осветить глубину бездонной пропасти в глухую осеннюю ночь, а... Лучше понижать уровень».

Весь этот разговор, впрочем, слишком эпизодичен для того, чтобы иметь серьезное значение.

В том же отделе небольшой очерк Быстренина «Ищущий правды» рисует тип простого человека, водовоза, который в поисках высшего смысла и красоты жизни, в борьбе с вечными сомнениями мятущегося духа думает найти разрешение вопроса в расколе.

Статья «Генри Джордж и национализация земли», излагающая подробности учения автора знаменитой книги «Прогресс и бедность», доказывает устарелость и неприменимость идей американского экономиста к настоящей эпохе.

В статьях «Крепостная подкладка прогрессивных речей» (по поводу повести Слепцова «Трудное время» и разбора ее г. Протопоповым в «Сев. Вестнике») и «Простая речь о мудреных вещах» (о книге проф. Исаева «Настоящее и будущее русского общественного хозяйства») замечается тоже отрицательное и ироническое отношение к дворянству и его просветительной роли, которым журнал неизменно отличается. Здесь, как и в других многочисленных статьях (напр., в этой же книге: «Разложение общины под влиянием малоземелья», «Земледельческие артели Херсонской губернии» и «Текущие вопросы внутренней жизни»), проводится мысль о неизбежном разложении общинного землевладения, о грядущей экономической европеизации России и т. д.

«Письма из провинции. Из Новоторжского уезда (Странные экзамены)». Это письмо рисует грустную картину того, как, благодаря излишнему усердию официальных представителей власти, беззастенчиво подрываются земские школы. Земские школы Новоторжского уезда пользуются, по словам автора, незавидною репутациею в известных сферах. Ввиду этого комиссия, состоявшая из инспектора народных училищ, местного земского начальника, члена уездной управы, священника и, конечно, учителей, поставила на экзаменах ученикам ряд крайне бестактных вопросов, которые полностью и приводятся в корреспонденции.

Книга журнала заканчивается сочувственной заметкой, посвященной памяти Н. В. Водовозова, этого идейного представителя «проклятой» полосы 80-х годов.

В общем июньская книга «Нового Слова» не представляет собою ничего особо предосудительного в той степени, которая вызывала бы принятие по отношению к журналу каких-либо репрессивных мер».

По справке комитета «председательствующим в нем А. А. Катениным было своевременно доложено на словах об июньской книге начальнику главного управления по делам печати, который и признал возможным принять доклад к сведению».

Не заключал в себе ничего грозного отзыв Елагина и об июльской книжке журнала «Новое Слово».

«В отделе беллетристики если что и заслуживает внимания в цензурном отношении, то разве одна только фраза в романе «В вратах Эдема». «Мрак-то, мрак какой! — восклицал он (отец героя — старик Ланской). — Вот свети-ка в таком мраке... Средние века. Вишь ты, куда опять пошло. Вместо естественного храма природы — узкие кельи монастыря, вместо яркого солнца — тусклые лампадочки... вместо голосов природы — клир... Плохо, брат, дело... Нездоровое все это, нездоровое»...

В предыдущей июньской книге журнала в том же романе была отмечена своевременно не менее сильная сцена между теми же лицами.

В отделе «Новые книги» автор, разбирая ряд брошюр Пуцыковича «Из народоведения», упрекает составителя за то, что тот замалчивает вопрос о внутреннем устройстве государств — «некогда, нет места и, главное, невыгодно и не безвредно». Рецензия заканчивается следующей наивной, если не сказать более, фразой: «Современник—невооруженный натертыми очками—может лишь помечтать о той отрадной поре, когда народ «понесет с базара Белинского и Гоголя, Бокля и Дарвина».

Статья «Может ли земский начальник присутствовать на крестьянских сходах», написанная довольно сдержанно, доказывает необходимость устранения административным порядком той незаконной практики, благодаря которой ныне земские начальники зачастую оказывают давление на крестьянские сходы, упраздняя этим выраженную в действующем законодательстве самостоятельность крестьянского общественного управления.

В статье «Из жизни провинции» замечается то же отрицательное отношение к роли дворянства, коим «Новое Слово» всегда отличается. Группируя характерные пережитки доброго, старого времени, автор приводит ряд корреспонденций из провинциальных газет, рисующий степень культуры и гражданственности народных масс, проводником которых (и таким плохим) являлось дворянство. Переходя к вопросу о сектантстве и расколе, автор говорит, что в борьбе с ними мы только и применяли всевозможные меры строгости, но они дали противоположные плоды. «На тот же путь строгостей,— прибавляет автор,— но в форме еще более суровой, мы готовимся вступить и теперь», и приводит перечень репрессивных мер, которые предполагает принять св. синод. В статье приводится далее корреспонденция из «Самарской Газеты» о самоубийстве двух гимназисток и пространно трактуется о той роли, которую играют в жизни провинциальной печати «независящие обстоятельства».

В письме из Тамбова «Наши аграрии» весьма подробно и с полными фамилиями рассказан скандал, разыгравшийся в дворянском собрании по вопросу об отмене телесного наказания.

В письме из Сибири раздаются горькие жалобы на упадок извозного промысла вследствие проведения великой Сибирской дороги. «Эй, просыпайся! Шире дорогу!

Капитал идет». Статья о грозной роли капитала представляется в общем тоне журнала некоторым диссонансом.

Текущие вопросы внутренней жизни. «Закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени». Обсуждая довольно сдержанно статьи этого закона, указывая на неясность, пропуски и недостатки его, автор в конце говорит, достаточно глухо, впрочем, о самоохране рабочих, требующей для своего осуществления известных внешних форм. Одною из этих форм, зачаточною, правда, являются, напр., так называемые горнозаводские товарищества, о которых трактует «Особое приложение» к IX тому Св. Зак. Горнозаводские товарищества представляют собою единственный на русской почве образчик узаконенного представительства наемного труда.

В общем июльская книга не хуже и не лучше предыдущих».

Ознакомившись с отзывом Елагина, комитет определил,—«принять доклад цензора к сведению, как материал для характеристики издания».

Зато в августовском номере статья «Тенденциозное издательство» С. Г-на возбудила со стороны цензуры настоящее гонение.

«В XI книге бесцензурного журнала «Новое Слово»,—писал в своем докладе цензор Елагин,—обращают на себя преимущественное внимание две статьи—«Тенденциозное издательство» С. Г-на и «Иностранное обозрение» В. П. Первая статья касается деятельности постоянной комиссии народных чтений. Автор подробно разбирает ряд изданных ею народных книжек, проникнутых одним направлением—мужицко-церковно-патриотическим. По мнению автора, комиссия «упорно проводит свои воззрения на крестьянина, как на раба известных традиций и предрассудков, и притом не только никогда не указывает на ненормальность такого порядка вещей, но всячески пропагандирует его основы». Беллетристические произведения «заготовлены» в 2 направлениях: елейном и военном и притом выражены таким стилем, от которого «с души прет». В книжках исторического содержания, полных картин милитаризма и шовинистской морали, мало или почти что ничего не говорится о культурных успехах человечества, мирных усилиях его отдельных представителей или о попытках к общенародной солидарности. Наконец, что касается географии и этнографии, то здесь внимание комиссии привлекают главным образом окраины России, а из иноземных стран—внеевропейские, при чем, напр., в брошюре об Японии «предупредительно выпущено все, чему «мы» могли бы научиться у «единственного из самостоятельных азиатских государств, добровольно и сознательно принявших европейское образование и устройство». «Мы ознакомились,—заканчивает статью автор,—с тем, как иногда приспособляются к мыслям народа и как приспособляют их. Нельзя умолчать, что всякий, кто понимает «просвещение» в смысле «приноровления», стоит на ложной дороге. «Приноровиться» к воззрениям не значит еще развивать, обновлять и возвышать их. Приспособляться к понятиям «простолюдина» немыслимо иначе, как закрепляя в его голове старые понятия и предрассудки, против чего должен ратовать каждый просветитель, действующий вне каких-либо низменных, предвзятых тенденций. Постоянная комиссия возвела «приспособление» в целую систему,—и такого явления нельзя констатировать без неприятного чувства»...

В статье «Иностранное обозрение» довольно подробно говорится о смерти первого министра Испании Кановаса дель Кастильо, павшего от руки анархиста Анджио-

лилло. Автор рисует покойного премьер-министра жестоким, обвиняет его в предательском убийстве вождя кубанских инсургентов Мацео и в конце концов выражает сожаление, что Анджиолилло казнен гарротом, а не расстрелян, т.-е. «лишен благородной смерти под градом ружейных пуль, как погибли те, за которых он мстил».

В том же «Обозрении» очень бестактным является упоминание о рассказе французского депутата Базиля, недавно путешествовавшего по России. Базиль обратился как-то к денщику знакомого русского офицера с вопросом, кого тот больше любит, французов или немцев. «Нам все одно-с»,—гласил ответ.—Ну, а в случае войны, против кого стали бы вы охотнее сражаться.—«Нам все одно-с. Прикажут бить немца — будем бить немца, прикажут бить француза — станем бить француза».

В статьях М. Туган-Барановского «Народники крепостной эпохи» и Nemo «Манифест народной партии» (здесь очень хлестко только одно заглавие) проводятся излюбленные редакцией идеи экономического материализма (марксизма). Статьи эти не представляют собою чего-либо нового и особо выдающегося в принятом редакцией, как кажется раз навсегда, направлении.

Что касается, наконец, беллетристики, то и здесь каждый из рассказов, взятый в отдельности, не представляет собою ничего особо резкого, хотя взятые вместе они образуют некоторого рода букет определенного аромата.

Ввиду всего сказанного цензор признавал бы более осторожным приостановить книгу и представить о вышеизложенном на благоусмотрение начальника главного управления по делам печати».

Вследствие доклада цензора августовская книга была арестована в типографии, и смутившая цензора статья С. Г-на была вырезана. Комитет, сообщая главному управлению о «вредном содержании» этой статьи, прибавил, что «последствием сего было «предложение редакции об исключении статьи «Тенденциозное издательство», что редакцией и было исполнено, а остальные статьи признаны возможными к появлению в свет». При этом, конечно, были перепечатаны обложка, титульный лист и оглавление.

Суровые меры, принимаемые комитетом, не могли, очевидно, поколебать редакцию в принятом ею направлении, как не могли заставить ее переменить выбор печатаемых ею статей. «Новое Слово» крепко держалось поднятого им знамени, и борьба между им и цензурой продолжалась.

Новые цензурные громы и молнии посыпались на «Новое Слово» за XII (сентябрьскую) книжку.

«В ней обращают на себя преимущественное внимание,—докладывал цензор Елагин,—следующие статьи:

1) «Администрация и выборные люди—(Письмо из Зауралья)» А. С. Изгоева. В статье этой, посвященной вопросу о земских неурядицах в Пермской губернии, автор с злою иронией говорит о том, как принцип земского самоуправления попирается у нас административным произволом. Бывший пермский губернатор Погодин, уволенный в отставку «по болезни», не ознаменовал свое управление губернией ничем особо выдающимся, никого не усмирял, не побеждал, не гнул в бараний рог, не казнил и не миловал. Будучи человеком благодушным, он любил предпринимать поездки по «вверенному ему краю», при чем посягал, некоторым образом, на прерогативы архиерейской власти, ибо обыкновенно «благословлял» народ, гони-

мый как бы неведомой силой к месту прибытия губернатора. И все-таки правление этого благодушного администратора ознаменовалось для пермского края целой эпидемией «неутверждения» и «назначения» — бедствием, породившим панику и отчаяние в земских кругах. Автор приводит список 17 лиц, назначенных в 1894—95 г.г. на земские должности губернаторскою властью, тогда как за то же время около 30 лиц, обладающих крупным имущественным цензом, почтенных избранием в земские люди, не были удостоены доверия начальства. «Поистине, — говорит автор, — эта картина напоминает знаменитое «избиение младенцев», и пермяки с полным правом могли бы отслужить панихиду по «невинно-убиенным». Чем же объясняется такое массовое неутверждение? Неблагонадежностью кандидатов? Нет — напрасно искать здесь законных и разумных оснований. Дело в том, что земские должности оплачиваются недурно, а искушение воспользоваться земскими вакансиями для лиц, излюбленных по родству, дружбе или знакомству, очень велико: для этого стоит только не утвердить — раз, не утвердить — два, и на третий назначить кого надо. Слава богу циркуляров много и среди них нетрудно набрести на подходящий, в конце же концов, если закон тебе препятствует, положи его под себя. Уход г. Погодина в отставку свидетельствует, что система фактического упразднения земства, практиковавшаяся за последнее время в Пермской губернии, не признается законной и полезной в высших сферах, ибо в намерение законодателя земского положения 1890 года вовсе не входила мысль делать из земства лишь филиальное отделение местной полиции, ряд хорошо оплачиваемых должностей, которые губернатор мог бы замещать по своему произволу.

2) Статья «Текущие вопросы внутренней жизни» рисует крайне безотрадную картину хозяйственного положения России ввиду надвигающегося голода и ожидаемых чумы и холеры. Первая глава этой статьи старательно подчеркивает, что благодаря существованию земства в коренных губерниях принимаются хоть какие меры для борьбы с голодом, тогда как в тех губерниях, где земское хозяйство находится в руках администрации, население с его продовольственными нуждами бросается прямо на произвол судьбы. Вторая глава категорически заявляет, что голодовка настоящего года есть результат всего нашего народно-хозяйственного строя, что голодовки тогда перестанут посещать Россию, когда она станет страной настоящего развитого капитализма и утратит образ и подобие натурально-хозяйственной страны. Требуя серьезных и действительных мер для прокормления голодного населения и его скота, автор приходит к мысли, что в силу нашей общественной и политической отсталости и некультурности более рациональная, пожалуй, даже постоянная организация помощи голодающим является настоящей необходимостью. Эта организация могла бы быть осуществлена, конечно, не путем канцелярской переписки, а лишь путем широкого развития общественной самодеятельности. При иных условиях нашей общественной жизни даже стихийные бедствия переносились бы гораздо легче.

3) В «Иностранном обозрении» по поводу франко-русского союза слышится явная ирония. «Много интересных сопоставлений вызывает дружба России с Францией, и немудрено, что в них запутывается даже такая светлая голова, как князь Мещерский, который явно боится, как бы все эти сопоставления не произвели соблазна. Не бойтесь, добрый князь. Вы слышали, что в Казани, встречая членов ненавистного вам геологического конгресса, кричали: «Да здравствует французский

король». Сколько тут можно сделать отрадных сопоставлений. А главное, с чуточкой соблазна можно право примириться, если принять во внимание то блестящее международное положение, которое приобрела Россия. Успех же во внешней политике укрепляет, разумеется, внутренние устои гораздо сильнее, чем все статьи «Гражданина» и «Московских Ведомостей». Общественное внимание отвлекается от ненужного копания во внутренних делах, подымается национальная гордость, а вместе с тем уважение к истинно-русскому строю, поднявшему Россию на такую высоту: со всех сторон сыплются теперь на Россию комплименты, и русский человек, конечно, человек сытый, начинает ходить гоголем и только дивится, как это он до сих пор был так слеп и не видел всех преимуществ русской жизни сравнительно с западноевропейской.

4) Статья «О материалистическом понимании истории», посвященная разбору книги римского профессора Лабриола, и «Закон ценности и уровень прибыли», «Послесловие Ф. Энгельса к III тому «Капитала», комментирующая и дополняющая текст Маркса, писанный в 1865 году, — ввиду своей серьезности не могут вызвать особых упреков в цензурном отношении, тем более, что редакция журнала «Новое Слово» и не может отказаться от раз навсегда принятого ею лозунга «экономический материализм». Окончание повести «Инвалиды» также имеет целью выставить в смешном и жалком виде устаревшие принципы народничества в столкновении их с молодым и бодрым марксизмом.

В общем, как я полагаю, вся XII книга «Нового Слова» не прибавляет ничего особо нового к прежнему мартирологу журнала. Принимая, однако, во внимание, что с каждой новой книгой тон журнала подымается все больше и больше, что в погоне, во что бы то ни стало, за эффектными фразами редакция окончательно забывает, в ущерб делу, всякую серьезность, я полагал бы своевременно дать журналу первое предостережение».

Представляя доклад Елагина главному управлению, председатель комитета добавил с своей стороны, что «в XII книге «Нового Слова» замечается то самое тенденциозное направление, каким более или менее стала отличаться каждая книга этого периодического издания с переходом его в новые издательские руки.

Дабы дать понять новой редакции все неприличие усвоенного ею направления, граничащего в некоторых отдельных случаях с предсудительной дерзостью, комитет с разрешения главного управления по делам печати, вынужден был дважды прибегнуть к мерам экстраординарным: было предложено редакции, вследствие донесения в главное управление по дел. печати от 18 марта текущего года, перепечатать с значительными исключениями из № VI журнала страницы 13, 14, 19, 20—22, 24, 25, 26, 32, 37, 38, 39, 41, 47, 48 и 49 рассказа Горького «Коновалов». Также по приказанию начальника главного управления по делам печати исключена была в № XI журнала вся статья целиком под заглавием «Тенденциозное издательство».

Но все эти экстраординарные меры, оказывается, нимало не препятствуют редакции держаться усвоенного ею раз навсегда тенденциозного направления и проводить его с неуклонным упорством. И действительно, в последней XII книге журнала все попрежнему продолжается, осторожно и помаленьку, пропаганда марксистского учения, во многих статьях снова попадаются все те же попытки глумления над мероприятиями правительственными, прорываются по временам все те же трескучие, хлесткие фразы.

Ввиду изложенного комитет считает долгом представить об означенном на благоусмотрение Вашего превосходительства и не имеет права умолчать, что упорнсе преследование новою редакцией распространения вредных идей вполне заслуживает принятия против издания «Нового Слова» одной из предписываемых законом серьезных карательных мер» [1]).

Содержание октябрьской книжки «Нового Слова» опять подало цензуре повод усмотреть «потрясение основ». «Деятельность тверской администрации, — докладывал 18 октября цензор Елагин о статье под зглавием «Вредные собрания (корреспонденция из Новоторжского уезда)», — служит уже не в первый раз для редакционных нападок. В настоящей корреспонденции автор с иронией подчеркивает трогательную заботливость, которую проявляет начальство по отношению к обывателям. «Таким образом нам, обывателям этого райского уголка, остается лишь благодарить господа бога за то, что он послал нам такое заботливое начальство, да ждать того блаженного времени, когда нам и совсем нечего будет делать, а лежать на боку и жевать галушки, предупредительно просовываемые в рот начальством». «Но, — прибавляет автор, — одно лишь прискорбное обстоятельство нарушает наше спокойствие: это то, что слишком уже много развелось крамольников. Несомненно, что главным гнездом крамолы служит земство, о чем неоднократно заявляли почтенные органы: «Гражданин» и «Московские Ведомости», указательный перст которых всегда бывает направлен туда, где копошится измена основам». Дальнейшее изложение посвящено истории земских школьных учителей, подвергшихся преследованиям инспекторского надзора, который усматривал в их действиях нелегальность».

«Вторая корреспонденция, — продолжал далее цензор, — «Страничка из жизни сельского учителя», принадлежащая перу уволенного учителя Боброва, рисует подробкую картину экзамена, произведенного вновь назначенным инспектором г. Ф., желавшим «искоренить в школе вредный дух. Г. инспектор задает ученикам явно инквизиторские вопросы, отбирает некоторые книжки для чтения, признавая их недозволенными,— в результате отставка учителя, прослужившего в этой должности 19 лет» [2]).

20 октября эта книжка «Нового Слова» была задержана в типографии, и комитетом было предложено редакции исключить из нее поразившие цензуру корреспонденции (стр. 153—165), с перепечаткой обложки и оглавления, и только после «обезвреживающей» операции октябрьская книжка была выпущена в свет.

Одновременно с этим директор департамента полиции уведомил председателя цензурного комитета, что «при вчерашнем докладе г. министр поручил мне просить Ваше превосходительство доложить его высокопревосходительству в ближайший докладной день статью журнала «Новое Слово», задержанную цензурой и послужившую причиной приостановки выхода последней книжки означенного журнала». Вырезанные статьи 1 ноября были доложены министру, при чем запрещение их вызвало с его стороны полное одобрение.

Еще в конце сентября издатель «Нового Слова» М. Н. Семенов обратился в главное управление с просьбой «утвердить вторым ответственным редактором издаваемого им журнала магистра политической экономии и статистики, титулярного советника М. И. Туган-Барановского», в то время не успевшего еще проникнуться

---

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

[2]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

ревизионистскими убеждениями. Пока главное управление собирало о Туган-Барановском сведения в департаменте полиции и, по месту его службы, в департаменте торговли и мануфактур, над «Новым Словом» разразилась катастрофа, приведшая к закрытию этого журнала [1]).

Ноябрьский номер «Нового Слова» по своему содержанию представил богатый материал для цензурных замечаний и воздействий. Цензор Елагин, докладывая комитету об этом номере, прибавил при этом свои наблюдения, касающиеся вообще характера «Нового Слова».

«Поставленный Карлом Марксом вопрос об экономическом понимании истории,— писал цензор,— уже в течение полувека разрабатывается в заграничной литературе его учениками и последователями. Наши так называемые «ученики» этого мыслителя, выступавшие в русской печати сначала порознь, печатавшие книжки, а также и статьи в отдельных журналах, объединились за последнее время в редакции журнала «Новое Слово». Программа наших «неомарксистов» сводится вкратце к нижеследующему: эра капиталистического производства со всеми его ужасами для четвертого (рабочего) сословия и всеми неизбежными последствиями для господствующей буржуазии, в силу железного закона эволюции, надвинулась и на Россию. Бороться с исторической необходимостью бесплодно: остается так или иначе облегчать и улучшать положение пролетария, каковым становится, постепенно и неизбежно, и русский мужик. Его вековые устои — община и артель — не более как фикция. Все упования и начинания наших народников, видящих в земледельце и кустаре все спасение России от ужасов капиталистического производства, одна химера.

Не довольствуясь теоретической разработкой вопросов в многочисленных статьях а также постоянной и резкой полемикой с нашим «отживающим» народничеством, журнал «Новое Слово» обратил особое внимание на жизнь русской провинции, при чем сразу же и довольно резко стал в оппозицию к администрации, переформированному земству, церковно-приходским школам и пр. Что касается, наконец, жизни за границей, то и здесь внимание журнала в хрониках и письмах занимают исключительно вопросы труда в различных его формах, борьба парламентских партий, победы социалистов и пр.

Задорный тон, резкость выражений журнала постоянно обращали на себя внимание цензуры: о содержании многих книг комитет доносил главному управлению по делам печати и несколько раз из журнала вырезывались целые статьи. Эти меры имели, однако, мало влияния, доказательством чего служит представленная в комитет 20 ноября вторая книга журнала.

В отделе беллетристики очерк М. Горького «Бывшие люди» рисует сочувственными штрихами образы босяков, противопоставляя им сытого купца-негодяя и сына его, молодого интеллигента-кулака. В «эскизах и стихотворениях в прозе» — «Листопад» — опять образы голодных детей на улицах безумствующей в роскоши столицы, далее — смерть рабочих в шахте от недосмотра переутомившегося машиниста, еще далее — серая толпа народа, движущаяся к закрывающим весь мир стенам, из-за которых слышен адский шум машин. Очерк Вересаева «В одиночку», опять-таки рисует рабочего, который терпит фабричную муку лишь для того, чтобы сколотить несколько денег и сесть на землю. Автор не симпатизирует целям своего

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

героя, поющего какой-то любовный, восторженный гимн «крестьянству», ибо, говорит он, «в деревне, при малоземелии, поедание друг друга со страшною необходимостью вытекает из самой сути неудержимо распадающегося крестьянства, вытекает с такою же необходимостью, с какою братское единение вытекает из царства машины».

Статью «Два вопроса из области фабричной гигиены» небезызвестный профессор Эрисман начинает цитатой из сочинения одного английского исследователя, приглашающего богатую даму сообразить, сколько труда, страдания и смерти стоили шелк, обои и занавески ее гостиной.

В статье «Артельная эпопея» доказывается, что наши народолюбцы, выращивая великое «артельное начало» в русском народе, на деле оказались повивальными бабками для отечественных предпринимателей — мелких, средних и крупных капиталистов.

Обширное письмо из Франции посвящено вопросам труда в парижском муниципальном совете. Наконец даже в статье «Юбилейная выставка Беклина (художника) в Базеле» и то затронут вопрос о товарно-капиталистическом производстве и роли современной буржуазии.

На этом сплошном фоне присущих журналу тенденций резче выступают следующие статьи:

«Из жизни провинции». Автор осмеивает проект орловского помещика Стаховича, приглашающего дворянство к самодеятельности и объединению. Должен явиться таким образом новый синдикат русских аграриев в pendant к разным синдикатам крупных промышленников, тогда как для представителей труда не существует еще законных рамок хозяйственной и иной самодеятельности, если не считать единственного во всей России исключения, а именно «горнозаводских товариществ», действовавших на основании высочайше утвержденного 8 марта 1861 года положения о горнозаводском населении казенных горных заводов министерства государственных имуществ. В статье подробно рассказывается о всех перипетиях борьбы, происходившей на казенном Златоустовском заводе, где рабочие отстаивали попираемые начальством законные права. Далее, автор подбирает целый ряд корреспонденций из провинциальных газет, рисующих тяжкое положение трудящегося класса там, где коллективная самодеятельность этого класса сталкивается с непризнаванием ее законом.

В «Письме из Торжка» передовые начинания земства, к крайнему огорчению автора, уступают место влиянию нового элемента «чумазых», являющихся ставленниками администрации. Вторая половина письма посвящена описанию злоключений народных учителей, преследуемых инспекцией за неблагонадежность.

«Иностранное обозрение» начинается выражением симпатии немецким националистам в венском рейхсрате (по поводу последних драк депутатов), «ибо, — как говорит автор, — чем меньше выказывают граждане смиренной уступчивости, чем упорнее стоят они за свои права, тем плодотворнее их деятельность в смысле осуществления высших идеалов справедливости». Далее следует речь, произнесенная социалистом Девиллем во французской палате депутатов,—речь, подробно излагающая всю программу коллективистов.

Книга заканчивается статьею «Текущие вопросы внутренней жизни» (правила и инструкция 20 сентября о продолжительности и распределении рабочего времени), — автор которой, вопреки 97 ст. устава о цензуре и печати, в резкой форме осуждает

законоположение 2 июня 1897 года с дополнительными к нему правилами, имеющими вступить в силу только с января будущего года» [1]).

Разделяя мнение и взгляды цензора, комитет, отдав распоряжение об аресте ноябрьского номера, представил 22 ноября в главное управление доклад цензора, добавив при этом с своей стороны, что он также находит, «что журнал «Новое Слово» старается разрабатывать марксистское учение не только в абстрактной его форме, но зачастую и в чисто конкретной, на почве событий из русской жизни. Так, например, редакция: 1) не пропускает ни одного случая стремлений так называемых передовых земств России (в настоящем номере журнала — пресловутого тверского); 2) обращает исключительное внимание на все темные стороны рабочего вопроса и 3) в ноябрьской книжке доводит свою дерзость до решимости подвергать резкой критике закон, не вступивший еще в силу (статья «Текущие вопросы внутренней жизни»).

24 ноября начальник главного управления, оставивший по себе печальную память в истории русской печати, М. П. Соловьев пригласил к себе председателя цензурного комитета Коссовича, «для необходимых объяснений» по поводу тех мер воздействия, которые «должны были быть применены к непокорному «Новому Слову», участь которого при этих «объяснениях» и была решена. Соловьев и Коссович пришли к заключению, что существованию и дальнейшей деятельности «Нового Слова» должен быть положен предел. На основании примечания к ст. 148 уст. о ценз., вопрос о прекращении того или другого периодического издания подлежал рассмотрению особого совещания из министров внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурора синода, обычно называемого совещанием 4-х министров. 29 ноября Соловьев представил министру внутренних дел И. Н. Дурново о «необходимости прекратить издание «Нового Слова» в порядке, указанном примечанием к ст. 148», при чем писал так:

«Ежемесячный журнал «Новое Слово» издавался на средства г-жи Поповой под номинальной редакцией ее мужа группою писателей либерально-народнического направления и в феврале сего года был уступлен издательницею г-ну Семенову [2]), оставаясь попрежнему под редакцией г-на Попова, но на самом деле перейдя в руки последователей К. Маркса, во главе которых стали приватдоцент юридического факультета СПБ-ского университета и преподаватель в средних учебных заведениях тит. сов. Туган-Барановский и молодой экономист Струве.

Одностороннее направление «Нового Слова», выражавшееся в указаниях на исключительно темные стороны русской жизни, в обличениях правительственных лиц и особенно земских начальников и критике распоряжений правительства, при новой редакции получило более резкую обоснованную форму. В статьях научного содержания последовательно проводится учение К. Маркса и Энгельса; в беллетристическом отделе первое место дается таким произведениям, в которых раскрывается борьба классов и бедственное состояние рабочего люда. С особою яркостью эта тема разработана в талантливых повестях Горького (псевдоним Пешкова) «Коновалов» и «Бывшие люди».

---

[1]) Д. СПБ-ского цензур. ком. 1893 г., № 149.

[2]) Ранее сего Семенов, по указаниям известного социалиста Бонч-Бруевича, живущего в Женеве, занимался изданием сочинений социалистического направления. *Прим. подлинника.*

Резкость обличительных статей, помещавшихся во «Внутренней хронике» и в «Провинциальных корреспонденциях», неоднократно уже вызывала замечания цензурного комитета, который, по соглашению с главным управлением, неоднократно предлагал редактору «Нового Слова» исключать наиболее резкие статьи из представляемых в цензуру книг, и редакция всегда беспрекословно подчинялась указаниям комитета, оставаясь, впрочем, неуклонно верною своему социалистическому направлению.

Издаваемое в 4.500 экз. «Новое Слово» распространяется не только среди молодых читателей, податливых на всякую модную и новейшую теорию, но проникает и глубже, в такие слои общества, в которых смена модных теорий происходит не так быстро, как среди образованной молодежи, но может пустить более прочные корни, получить своеобразное развитие и затем действительно выразиться в общественной жизни. Из жалобы земского начальника 7 участка Чердынского уезда, Пермской губернии, на оскорбительные отзывы об его деятельности, допущенные в сентябрьской книжке «Нового Слова» 1897 г.. оказывается, что эту книжку доставил земскому начальнику волостной писарь: по этому можно судить, как глубоко распространяется журнал, задачу которого составляет пропаганда последней формации социализма.

Безличная роль несущего ответственность за издание редактора Попова и строгий надзор цензуры заставили редактора искать освобождения от такого положения, а издателя Семенова ходатайствовать о назначении редактором тит. сов. Туган-Барановского.

Явившись в главное управление 25 ноября, г. Туган-Барановский заявил, что он держится экономической теории К. Маркса, что в этой теории он не усматривает ничего предосудительного, так как она излагается в качестве научной теории в связи с другими политико-экономическими учениями в университете; что полным выражением этого учения с политической точки зрения может служить мнение Энгельса, напечатанное в ноябрьской книжке «Нового Слова»; свою же политическую благонадежность Туган-Барановский подтверждал тем обстоятельством, что он состоит на службе в министерстве народного просвещения и допущен к преподаванию в университете и средних учебных заведениях.

В октябрьской и ноябрьской книгах «Нового Слова» помещен не оконченный еще перевод публичных чтений проф. Вернера Зомбарта (социалиста) под названием «Социальное движение в XIX столетии» [1]). Автор вполне разделяет основные положения К. Маркса. По учению сего последнего все исторические события определяются состоянием экономического производства и являются в целом борьбою классов. Феодальное натуральное хозяйство было побеждено денежным буржуазным. Буржуазия, пользуясь плодами победы, развила капиталистическое производство, результатом которого было сосредоточение капиталов и появление пролетариата среди непосредственных производителей, которые под гнетом возрастающей нужды являются естественным врагом существующего общественного порядка, созданного капиталистами для своей охраны. В будущем победа должна остаться за рабочим пролетариатом и должна выразиться в передаче «орудий производства», т.-е. земли и фа-

[1]) Баденское правительство запретило Зомбарту публичные чтения. *Прим. подлинника.*

бричных механизмов, в собственность общества. Таким образом целью исторического процесса ставится упразднение частной собственности на землю и орудия производства в тесном смысле и установление коммунизма.

Неудача социалистических движений 1848 г. заставила Маркса и его последователей признать нецелесообразность революционных переворотов и рекомендовать вместо них эволюцию, которая приведет к коммунистическому строю общества посредством приобретения рабочими преобладающего политического значения в правительственных учреждениях и путем законодательным перестроит общественную организацию. Такой радикальный переворот Маркс считает мирным результатом естественной эволюции. Такую теорию проповедуют и наши марксисты в «Новом Слове» и некоторых других изданиях, в последних, впрочем, с меньшею откровенностью, налегая более на бедственное положение нашего рабочего класса, а с теориями знакомя по корреспонденциям из-за границы и по выдержкам из иностранных газет; к таким органам печати принадлежат московские журналы «Русские Ведомости» и «Русская Мысль», имеющие широкое распространение: первый — в среде учащейся молодежи и в «интеллигенции»; второй, кроме того, в провинции.

Мирный переворот, о коем мечтают марксисты, обусловлен исключительно представительно-народною формой правления западно-европейских государств, которая обусловливается борьбою политических партий и становится органом победившей партии. Победа одной партии дает победившей господство над побежденными, интересы которых приносятся в жертву победителям. Рабочий класс, по теории парламентаризма, обеспечив большинство своим представителям, сделается полновластным владыкою и на законном основании изменит экономический строй государства. На такую победу рассчитывают марксисты. Представление о верховной власти, пекущейся о совокупном благе государства, о защите слабых, о примирении классовых антагонизмов во имя общежития, затмевается под влиянием возрастающего народовластия в государственных учреждениях Западной Европы. Если ожидания марксистов не противоречат духу западно-европейских конституций, основанных на полновластии большинства политических представителей страны в законодательных собраниях, то проповедь коммунизма, осуществимого силою пролетариата в России, может содействовать только пробуждению разрушительных инстинктов, так как прямого закономерного участия в государственном управлении и законодательстве народ не имеет, а вследствие сего и самое учение К. Маркса, которому сторонники его стараются придать исключительно теоретическое академическое значение, на самом деле оказывается революционно-коммунистическим и с полной справедливостью вызывает применение 95 статьи устава о ценз. и печ. к сочинениям, сочувственно излагающим такое учение.

В заключение да позволено будет присовокупить, что указанная Марксом борьба классов, представляющих собою имущественные подразделения общества, сводит все историческое движение человечества на экономическую почву материализма и отвергает необходимость религиозных и нравственных элементов для исторической жизни человечества. Марксизм подает руку так называемому экономическому материализму, как основному якобы принципу при изучении истории, проповедниками которого являются у нас гр. Л. Толстой, проф. Милюков, Эрисман, Исаев и другие. Само собою разумеется, что воззрения Маркса, возлагающего все свои упования на конституционный строй Западной Европы, находят себе

поддержку в либеральном лагере, вожделеющем об «усвоении «правового порядка» Россией» [1]).

Дурново вполне одобрил предположение Соловьева о закрытии «Нового Слова» и приказал составить по этому делу соответствующее представление в совещание 4-х министров. Главное управление составило целый трактат, в котором коснулось и марксизма вообще и его последователей в России, и дало полную и подробную, с цензурной точки зрения, характеристику и историю «Нового Слова».

«Созданная на Западе Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом новая школа так называемых «экономических материалистов»,— писало главное управление,— приобрела за последнее десятилетие немалое число последователей и среди представителей нашей молодежи отечественной экономической науки, известных в литературе под именем «нео- или русских марксистов».

Исходя из того основного положения, что единственным всеобъемлющим фактором, определяющим собой все последовательно переживаемые человечеством фазисы его развития и исторические формы общественной организации, являются исключительно заложенные в природу человека материальные потребности, что законы экономического развития наций, благодаря указанному обстоятельству, представляются совершенно одинаковыми для всех государств, какими бы своеобразными условиями общественного быта они ни отличались, и что современный «капиталистический» способ производства ценностей, основанный на неправомерном присвоении капиталистом-предпринимателем известной части (прибавочной стоимости) продукта, выработанного рабочим, вносит полнейший хаос в организацию общественного труда и превращает непосредственных производителей в класс вырождающихся бесправных рабов-пролетариев, наши отечественные неомарксисты доказывают, что капитализм, успевший уже проникнуть в Россию с Запада и пустивший здесь глубокие и прочные корни, неминуемо приведет ее, равно как и все западно-европейские государства, к такой форме общественной организации труда, когда все орудия производства из рук капиталистов должны будут перейти в руки непосредственных производителей — «обобществиться». С наступлением указанной эры, по учению марксистов, должно водвориться, наконец, «царство истинной свободы», в дезорганизованное ныне производство внесется стройный порядок, и станет совершенно уже немыслимым повторение тех ужасных экономических бедствий, в роде периодических кризисов, забастовок и пр., которые так губительно действуют на массы рабочего сословия.

Не имея до последнего времени в своем распоряжении самостоятельного органа повременной печати, который мог бы служить проводником проповедываемых идей, названная группа отечественных экономистов, по необходимости, вынуждена была ограничивать свою деятельность лишь издательством в свет отдельных книг и сборников, посвященных всесторонней пропаганде доктрин К. Маркса и его последователей. Но подобного рода явно-социалистическая проповедь, сразу завоевавшая самые широкие симпатии и популярность в кругу учащейся молодежи, не могла, конечно, не обратить на себя должного внимания со стороны ведомства печати. Все наиболее вредные по своему направлению экономические труды отмеченной категории своевременно задерживались и вносились главным управлением по делам печати в комитет министров для запрещения. Полная бесплодность, а главное, край-

[1]) Д. гл. упр. по д. п. 1893 г., № 36.

няя убыточность пропаганды идей марксизма путем отдельного издательства побудили последователей названного учения приобрести в собственность один из существующих уже ежемесячных бесцензурных журналов. Таким изданием и оказался выходящий в свет в г. С.-Петербурге, принадлежавший жене отставного штабс-капитана О. А. Поповой, бесцензурный журнал «Новое Слово». В феврале текущего года главное управление по делам печати было поставлено в известность издательницей названного журнала о переуступке ею издательских прав на это издание в собственность дворянина Михаила Николаевича Семенова. По имеющимся в главном управлении и департаменте полиции сведениям, названный Семенов ранее сего занимался, в качестве подставного лица проживающего ныне в Цюрихе известного марксиста дворянина Бонч-Бруевича, издательством разного рода экономических сочинений социалистического оттенка, при чем неоднократно замечаем был в попытках обходить существующие цензурные затруднения.

Несмотря на то, что по программе, утвержденной министром внутр. дел при основании журнала, п. 2-м допускались лишь легкие научные статьи, преимущественно путешествия, исторические очерки и т. п., и что редактором издания по-прежнему оставался штабс-капитан Попов, вышедшая в марте текущего года книга «Нового Слова» (№ VI) вполне определила для цензурного ведомства новое направление журнала, до того строго-народнического, как специального органа группы русских марксистов.

В какой мере усвоенное новой редакцией, под эгидой г. Семенова, направление может быть признано соответствующим действующим цензурным постановлениям и вообще удоботерпимым, выясняется вполне даже при самом общем и поверхностном обозрении содержания вышедших до сего времени семи книг журнала.

Провозглашая, почти на каждой странице, Маркса «великим учителем и творцом истинной экономической науки», впервые принесшим человечеству «откровение» в виде железного закона заработной платы и борьбы общественных классов, как результата существующего непримиримого антагонизма между трудом и капиталом, г.г. сотрудники журнала в каждой из помещаемых ими экономических статей ставят себе задачей или популяризировать вредные идеи названного ученого социалиста, или убедить читателя в полной несостоятельности выводов и положений общепризнанной классической школы экономистов. При этом в состав каждого из выходящих в свет номеров журнала обязательно вводятся две или три статьи, специально посвященные доказательствам прогрессивного развития у нас, во всех областях нашей народной экономической жизни, капитализма и порождаемого им класса пролетариев. Признавая, далее, вслед за своим «великим учителем» все существующие правительства лишь за органы, служащие выразителями интересов господствующих в данный момент общественных классов и по природе своей призванные защищать лишь интересы сих последних, редакция систематически прилагает все старания, чтобы дать читателю в каждом из номеров самый тенденциозный подбор фактов из области нашей текущей внутренней жизни, уличающий русские государственные власти в полном игнорировании нужд и потребностей низших классов населения. «Полуграмотные» земские начальники, проявляющие по деревням самый необузданный произвол, «укороченное» системой широкого административного вмешательства земство, поставленное благодаря последнему обстоятельству в полнейшую невозможность правильно функционировать и сколько-нибудь удовлетворять насущным потреб-

ностям местного населения, вопиющее невежество, поголовное разорение, полное бесправие и беспомощность крестьянства — вот обычные темы, затрагиваемые в многочисленных корреспонденциях журнала из внутренних губерний России. Но особенной предосудительностью, с точки зрения действующих законов о печати, отличается весьма пространный отдел журнала, знакомящий читателя с ходом современной политической жизни иностранных государств. Доминирующим центром всех отмеченных корреспонденций служит созданное на Западе Марксом, Энгельсом и их последователями рабочее движение и борьба социал-демократической партии с реакционными стремлениями всех остальных парламентских партий всевозможных буржуазных оттенков. Безапелляционно решив, что будущее «принадлежит одному только народившемуся в текущем столетии» четвертому сословию рабочих-пролетариев, редакция дает подписчикам самую детальную организацию западно-европейских рабочих партий и подробно знакомит как с содержанием их политических и экономических программ, так равно и с деятельностью современных корифеев рабочего движения, при чем особенным культом пользуется личность известного социалиста Бебеля, каждое слово которого, сказанное в парламенте, воспроизводится редакцией с чувством особенно глубокого благоговения. Так, например, в майской книжке журнала почти полностью приводится совершенно неуместная и отличающаяся непозволительным гаерством по адресу императора Вильгельма речь Бебеля, произнесенная им в заседании парламента от 12 мая нового стиля по поводу внесенного им предположения об отмене закона «об оскорблении величества». Насколько редакция признает для себя вообще малообязательным считаться с требованиями действующих цензурных правил — доказывается вполне нижеследующей, беспримерной по своей откровенности в летописях легальной литературы, дословной цитатой из той же майской книжки. «Как конечную цель своих стремлений, рабочая партия выставляет обобществление производства, а путем для достижения этой цели— пробуждение народа от умственной спячки и сознание им своих действительных интересов, освобождение от уз политического бесправия, экономического рабства и предохранения от физического вырождения. Главными конкретными требованиями для практического осуществления намеченной цели партия выставляет всеобщее, прямое и равное избирательное право при выборах в парламент, сеймы и общины, уничтожение палаты господ. Полная свобода слова и печати, отмена всех ограничений права собраний и организаций союзов. Устранение всех исключительных законов, уничтожение закона о бродяжничестве, бесплатное обязательное и неконфессиональное обучение в народных школах, назначение жалованья народным учителям из общегосударственных средств, бесплатность образования в средних и высших школах, введение восьмичасового рабочего дня, уничтожение косвенных налогов и введение прогрессивного подоходного налога, введение милиции на место постоянного войска, а пока — сокращение срока службы и т. д.».

В одинаковой мере предосудительным и тенденциозным представляется и весь беллетристический отдел журнала. Все как оригинальные, так и переводные произведения по легко усматриваемому замыслу редакции имеют лишь в виду наглядно демонстрировать читателю правильность проводимых в серьезных отделах журнала теоретических положений экономического материализма. Экспроприация сельского населения от земли и орудий производства (распадение общины и дифференциация ее членов), невозможные экономические условия крестьянского быта, влекущие за

собой полное вырождение, возмутительная и широкая эксплоатация крестьянских масс классами экономически более сильными и, наконец, попрание в мужике представителями всех видов нашей администрации всякого человеческого достоинства—вот те сюжеты, которые дают содержание помещаемым в журнале повестям и рассказам из народного быта. При этом характерной особенностью упомянутых произведений является тот факт, что герои из крестьянской среды почти все обязательно подвергаются авторами процедуре телесного наказания, но не по приговору, как того требует наш закон, волостных судов, а по личному произволу или земских начальников, или же представителей еще более низко стоящей сельской администрации.

Таким образом даже круг читателей, недостаточно развитых для понимания абстрактных научных теорий, знакомясь с содержанием упомянутых беллетристических произведений, постепенно и незаметно подготовляется к восприятию «истин и откровений» экономического материализма.

В заключение характеристики направления, усвоенного редакцией «Нового Слова», представляется нелишним остановиться несколько на последней, октябрьской, книжке, являющейся по отзыву СПБ-ского цензурного комитета значительно более умеренной, чем многие из предшествовавших ей номеров.

Так, в статье «Социальное движение в XIX столетии» — публичная лекция профессора Зомбарта — высказываются такие, между прочим, положения, как бы целиком вырванные из катехизиса самых крайних последователей экономического материализма: «История человечества есть либо борьба за доли пищевых средств, либо борьба за места на земле, доставляющие эти средства... Существующий же строй вытекает из характера производства и распределения материальных благ, составляющих необходимую основу человеческого существования». Переходя далее к рассмотрению свойств новейшего социального движения, автор определяет его следующим образом: «Новейшее социальное движение является социалистическим, так как оно в конце концов последовательно стремится к социалистической форме собственности. Каждый социальный класс является результатом и выражением определенного способа производства, пролетариат же — выражением той формы, которую принято называть капиталистической. Эти аморфные массы собираются со всех концов страны в одно место и среди них раздается призыв «живите». Это скопление является полным разрывом с прошедшим, разрывом всех связей с родиной, с деревней, с семьей, с прежними нравами; оно означает вместе с тем разрушение всех прежних идеалов среди этих масс, не имеющих ни родины, ни собственности, ни связей... Первые движения пролетариата — проблески жизни несчастных глубоко погребенных масс... Первоначально такого рода движения в большинстве случаев принимают формы разбоя и грабежа. Пролетарии стремятся уничтожить врага, разрушая его собственность... Их боевой клич — слова Д. О'Конора: «Конец несчастным, которые пьют кровь ваших детей, удовлетворяют свои похоти, губя ваших жен, и насыщаются вашим собственным потом».

В качестве комментария к напечатанной части лекций проф. Зомбарта можно добавить разве то, что последний, по заявлению редакции «Нового Слова», сделанному в одном из предыдущих номеров, лишен был баденским правительством права выступать публично с столь назидательными чтениями.

В корреспонденции с Кавказа (III письмо из провинции), озаглавленной «По поводу убийства феодала», сообщенный читателям факт убийства временно-обязан-

ными крестьянами горийского уезда из-за аграрных недоразумений местного землевладельца села Брили, князя Диасамидзе, комментируется автором следующим образом: «Случай с князем Диасамидзе не есть единичный только случай, вызванный какими-либо экстраординарными обстоятельствами. Это один из тех «эффектов», которые должны будут выплывать наружу, порождаемые общими экономическими условиями текущей действительности. «Примерное» наказание, которому без сомнения будут подвергнуты виновники в убийстве брильского феодала, конечно, нисколько не поможет делу и уж во всяком случае не предохранит на будущее время от повторения аналогичных же происшествий. Подобно всякой репрессии, это послужит только уроком для крестьян лучше «изворачиваться» и удачнее хоронить концы в воду». Подобного рода своеобразных толкований фактов уголовной хроники, можно утверждать, в литературе нашей еще не встречалось.

Ввиду всего вышеизложенного и принимая во внимание, что неоднократное применение к журналу «Новое Слово» столь серьезной меры цензурной строгости, как исключение из него отдельных наиболее предосудительных мест и даже целых статей, совершенно не отражается, как показывает опыт, на дальнейшем направлении издания и является средством, лишь в весьма малой степени способным парализовать вредное влияние остающегося журнального материала, и что периодическое появление в свет статей, проникнутых самым грубым материализмом и социализмом, может оказать на умы зачитывающейся ими молодежи крайне неблагоприятное и тлетворное воздействие, главное управление по делам печати признавало бы своевременным и целесообразным принять относительно журнала «Новое Слово», как безусловно вредного, самые решительные мэры цензурной строгости».

Дело это было рассмотрено 10 декабря, и результатом его был последовавший 12 декабря всеподданнейший доклад министра внутренних дел о том, что совещание 4-х министров, «обсудив вопрос о вредной деятельности редакции журнала «Новое Слово», постановило прекратить вовсе издание этого органа печати».

17 декабря постановление совещания было опубликовано в «Правительственном Вестнике».

Между тем редакция «Нового Слова», как бы не предчувствуя той грозы, которая уже разразилась над нею, отпечатала в количестве 5.012 экземпляров и представила 16 декабря в цензурный комитет свою декабрьскую книжку. Комитет сообщил старшему инспектору типографии «о задержании всех экземпляров декабрьского номера «Нового Слова», ввиду того, что издание этого журнала совещанием г.г. министров и обер-прокурора воспрещено».

1 июля 1899 г. главное управление, по просьбе бывшего издателя «Нового Слова» М. Н. Семенова, разрешило продать на бумажную фабрику отпечатанные листы декабрьской книжки журнала «Новое Слово» за 1897 г., не выпущенные в свет вследствие прекращения издания сего журнала, «с тем, чтобы «старшим инспектором типографий были приняты необходимые меры к наблюдению за тем, чтобы означенные листы не попали в обращение в публике».

III.

«Начало».

«Начало» представляет собой ежемесячный бесцензурный журнал. Первый номер этого издания вышел в свет в январе месяце 1899 г. в Петербурге. Издателем и редактором его является Анна Александровна Всейкова, но фактически редакторами, повидимому, были П. Струве (вел внутреннее обозрение) и Туган-Барановский. Сотрудники журнала — лица, отчасти работавшие в «Самарском Вестнике» (П. Струве, Маслов) и «Новом Слове», отчасти лица новые. Среди сотрудников мы видим и Вл. Ильича Ленина (Вл. Ильин).

По словам цензурного комитета, «марксизм является здесь самоуверенным, торжествующим победу, требующим признания за своими последователями положения особого руководящего класса в русской жизни». Отделы и статьи журнала связаны между собой одной общей идеей. Система использования редакцией материала, помещаемого в журнале, такова: одна из статей выдвигает то или иное положение, является центральной, остальные же служат как бы комментарием и дополнением к ней. Это объясняется тем, что журнал «Начало», как было упомянуто, издавался без предварительной цензуры, и редакция это положение использовала.

Рассматривая материалы отдельных книг журнала «Начало», мы видим в первой книге, заключающей в себе первый и второй номер журнала (январский и февральский), что центральной является статья, которая говорит о преемственной связи русских марксистов от направления шестидесятников, возглавляемого социализмом Чернышевского и враждебного народничеству с самого начала [1]). Ряд статей рисует экономическое состояние России [2]) и законообразность исторических явлений [3]), массовое разрушение мелкого крестьянского хозяйства и, на основе этого, расслоение деревни [4]), высказывается уверенность, что «как бы мы ни были слабы, победа останется за нашими идеалами, — ибо таковы неизбежные законы «исторической эволюции» [5]); критикуется система народного образования и правовой порядок.

Ясно, что первый же номер журнала «Начало» заставляет цензурный комитет забить тревогу. Суммируя разбор отдельных статей и январского и февральского номеров, цензурный комитет в своем отношении в главное управление по делам печати дает такой отзыв о журнале [6]). «По мнению комитета, выпуск первой книжки журнала «Начало», хотя бы с исключением некоторых наиболее резких статей, принесет значительный вред. Учение в ней, проводимое с бесцеремонною последовательностью, «не есть научная теория, а социально-революционная доктрина, излагаемая притом догматически, как вероучение, с таким же не терпящим противоречий или компромиссов тоном. Откровенно высказанная в книге преемственная

---

[1]) «Начало» № I, стр. 140—167, отд. «Журнальных заметок», статья, озагл. «О наследстве и наследниках» — А. П.

[2]) «Заработная плата и земельная рента в русском земледельческом хозяйстве».

[3]) «Споры о фабрике и капитализме» — Туган-Барановский,

[4]) «Отголоски русской жизни» — Богучарский и «К характеристике влияния неурожая на жизнь деревни».

[5]) «Законы и справочные сведения по начальному народному образованию» — Пругавин.

[6]) Д. № 86 1-го отделения канц. гл. упр. по дел. печ., 26 и 27 стр.

связь марксизма с разрушительною деятельностью наших политических отщепенцев 70-х годов дает зажигательный характер новому журналу. Ввиду сего комитет признал, что означенная книга журнала «Начало» принадлежит к числу тех особенно вредных произведений, которые подлежат действию статьи 149 устава о цензуре и печати».

Цензурный комитет накладывает на первый номер журнала арест, но главное управление по дел. печати представило дело министру внутренних дел и тот разрешил выпуск журнала с изъятием центральной статьи А. П. из отдела «Журнальные заметки», под заглавием «О наследстве и наследниках».

Мартовский номер журнала излагает идеи марксизма также последовательно и настойчиво. Здесь проводится красною нитью мысль, что жизнь создает буржуазию, но в то же время увеличивается и класс пролетариата [1]). Констатируется факт увеличения промышленного пролетариата, критикуются идеи народничества с их идеалом общины и сохранением земельных наделов за промышленным пролетариатом. Высказывается мысль, что только пролетариат осуществит социальный переворот и положит конец всякой классовой эксплоатации; проводится идея международной солидарности рабочих, рисуется разложение семьи, а эмансипация женщин ставится в неразрывную связь с коммунистическими идеалами [2]). Рисуется положение рабочего в России [3]) и эксплоатация детского труда [4]). Уделяется внимание стачкам рабочих [5]).

Мартовский номер журнала получил такой отзыв цензора:

«Принимая во внимание, что мартовская книга бесцензурного журнала «Начало» почти сплошь проникнута вредными учениями социализма и коммунизма, клонящимися к потрясению существующего порядка»,—что статьи по местам написаны в слишком ликующем, воинственном и победоносном тоне, что может произвести вредное влияние на читателя, что разрушительные тенденции марксизма здесь изложены с полной откровенностью и с глубокою верою в конечное торжество и победу,—цензор применительно к 95 статье устава о цензуре и печати полагал бы представить означенную книгу журнала «Начало» в комитет министров на предмет ее окончательного задержания».

СПБ-ский цензурный комитет, по выслушании доклада цензора, с своей стороны нашел, что и в мартовской книге журнала «Начало» продолжается подкапывание под современный строй России во всех отношениях. Участники журнала являются злейшими врагами России, стремящимися во что бы то ни стало стереть все, что составляет ее особенности, ее самостоятельность сравнительно с началами западноевропейской жизни. Они стараются даже поэтизировать свою поистине проклятую задачу. «Мы строим,—говорят они,—великий народный дворец из камня разобранных стен».

Мы ласточки свежей, зеленой весны,
Идущей за нами во след...
Мы вестники новых времен.
Весна молодая идет нам во след
Под сенью несчетных знамен.

---

[1]) «Что такое земледельческие идеалы» — Богучарский.
[2]) «Эволюция семьи и семейного воспитания» — Устинов.
[3]) «Корреспонденция из Азова» (стр. 37—44).
[4]) «Эксплоатация детского труда при чистке паровых котлов».
[5]) Отдел «Обозрение».

В мартовской книге «Начало» так называемые марксисты уже смело и прямо (в статье «Эволюция семьи и семейного воспитания») говорят о коммунистическом обществе, представляя настоящее в состоянии полнейшего разложения. Примечательно то, что для пропаганды социально-революционных идей марксизма они стараются уловить русскую женщину. Ей льстят, пред ней открывают соблазнительные перспективы доступной и для нее общественной и политической деятельности, ее приглашают покончить с патриархальной семьей, задуть семейный очаг, и нести на трудовой рынок наравне с мужчиной свою рабочую силу, детей же отдать на воспитание «обществу».

Такая задача выставляется все равно неизбежною, роковою, обусловленною неумолимым законом развития промышленности и техники. Надо только женщине самой ускорить процесс образования нового общества, разбивая традиционные оковы семьи.

Таким образом, по мнению комитета, журнал «Начало» является не просто выразителем известного нового течения русской общественной мысли, он вступает уже на путь пропаганды, он уже приглашает приступить к разрушительным действиям, направленным против одной из главных основ существующего строя—против семьи. Следовательно, тенденцию журнала можно назвать революционной и в теоретическом и в практическом отношении. Эта революционная тенденция прикровенно проникает более или менее все статьи журнала, подобранные для произведения на читателя известного впечатления. Особенно же направлена она на вопрос о «раскрестьянивании» сельской массы, ибо в сельской общине и во власти земли над крестьянином видят марксисты своих главных врагов. Поэтому они рады голоду, неурожаю, развитию в деревне кулачества и всему, что только обездоливает мужика и обращает его в пролетария.

Такое разрушительное направление мартовской книги журнала «Начало» приводит цензурный комитет к убеждению в необходимости представить эту книгу (по силе 149 статьи устава о цензуре и печати) на заключение комитета министров о невыпуске ее в свет по значительности вреда, который она может принести».

Но гроза и на этот раз пронеслась сравнительно благополучно для журнала. Была лишь изъята статья «Эволюция семьи и семейного воспитания», да для объяснений была вызвана в гл. упр. по делам печати А. А. Воейкова, как редактор журнала «Начало».

В апрельской книге вопросы экономического характера отступают на второй план, а на первый выдвигаются вопросы политической борьбы [1]). Выдвигается положение, что без устойчивого правового порядка невозможна экономическая борьба, нужно признать законность стачек рабочих в классовой борьбе. В этом номере впервые затрагивается вопрос о земстве. Земство желательно как орган государственный, самоуправляющийся, но не хозяйственный, бюрократический, как это есть в силу стеснений государственной власти [2]). Опять ставится вопрос о распаде семьи [3]). Религиозные верования и искусство—ставятся в зависимость от экономики [4]). Опять

---

[1]) «Отголоски русской жизни» — В. Богучарский (Яковлев).

[2]) «Вопрос о земстве в современной его постановке». «Письма из провинции».

[3]) «Перед концом» — Вербицкая.

[4]) «Итальянский скептицизм в эпоху возрождения». «Об искусстве» — Андреев.

журнал пытается выяснить преемственность марксизма [1]). Критикуется система народного образования [2]). Говорится об обогащении кулаков и мироедов за счет обнищания деревни и об экономическом закабалении мужика при существовании общины [3]).

Апрельский номер «Начала» был арестован и в свет не вышел. Заключительный отзыв цензурного комитета об этом номере следующий:

«Принимая во внимание, что в апрельской книге вышеназванного журнала «Начало» провозглашаются начала социальной революции, проповедуется разрушение современной семьи во имя ее грядущего обобществления, излагаются взгляды, несовместимые с христианским учением, дискредитируется современный административный и государственный строй управления» — «что в апрельской книге «Начало» разрушительные тенденции русского марксизма сделали значительный шаг вперед. Каждая новая книга этого журнала ярче и убедительнее открывает не только правительству, но и читателям, что участники журнала составляют кружок не литературный, а социально-политический, и цели преследуют прямо революционные, ибо подрывают основы нашей государственной, религиозной, общественной и семейной жизни. Их сфера — смута, иносказания, намеки, недомолвки; их надежды — на стачки, организованные протесты; их сочувствие — на стороне народных бедствий, голода, неурожая, обезземеления и разорения масс; их вера — в царство пролетариата на развалинах веками труда и гения народного выработанного строя.

За что же на утеху этих господ отдавать русскую молодежь обоего пола, и без того смутно настроенную. Отпора в среде самого общества этому направлению ожидать трудно. Печать не может сорвать маску с марксистов «Начала» и назвать их дело настоящим именем: ибо ей помешает литературная этика. По мнению комитета, исключения из книг «Начала» отдельных, наиболее резко выражающих тенденцию журнала статей, отнимая, быть может, у направления его крайние направления, не делают его, однакоже, менее вредным. Между тем эти исключения, вследствие производимого ими перерыва в счете страниц, кидаются в глаза читателям, заинтриговывают их, заставляют тем с большим вниманием вчитываться и искать скрытного смысла в остальном тексте книги. Да и для цензурного наблюдения такой способ действия неудобен: исключения административным распоряжением (помимо комитета министров или судебного приговора) отдельных статей из бесцензурного издания придают выходящим после такой операции в свет книгам журнала характер как бы одобренных цензурою и отнимают у последней почву для дальнейших более строгих мероприятий против вредного направления журнала. Наконец, у цензоров, наблюдающих за другими подцензурными журналами марксистского направления, теряется верная перспектива и правильное разумение пределов дозволяемого. Все эти соображения приводят СПБ-ский цензурный комитет к убеждению в необходимости, ввиду не только крайне вредного, но и зажигательного направления журнала «Начало», возможно скорее совершенно прекратить издание, подведя его под действие примечания к статье 148 устава о цензуре и печати. Апрельскую же книгу надлежит представить по силе статьи 149 в комитет министров на предмет воспрещения выпуска ее в свет» [4]).

---

[1]) «Не в очередь» — А. И. К-р-ий.

[2]) «Битые читатели» — Рубакин.

[3]) Отдел новых книг. По поводу книги Каутского — Вл. Ильин, стр. 168 и 169.

[4]) Д. гл. упр. по д. п. № 86, стр. 40.

Майский и последний номер журнала ярко рисует русскую действительность: голод в Поволжье, отношение к голодающим правительства [1]). В связи с пушкинскими днями дается характеристика А. С. Пушкина, как «бунтаря и революционера», по выражению цензора, и призыв почтить Пушкина именно в этой плоскости [2]): раздается голос против частной собственности.

Этот номер журнала характеризуется цензурным комитетом так:

«По выслушании доклада цензора, СПБ-ский цензурный комитет не мог не признать, что майская книга журнала «Начало», хотя по силе проявления отрицательного отношения к русской действительности и обнаружения разрушительной тенденции умереннее предшествующих книг, но все же безвредною по содержанию названа быть не может. Та боевая группа марксистского направления, представителем коей является «Начало», не должна быть вообще терпима в печати. Коль скоро у направления есть предвзятая цель: дискредитируя во что бы то ни стало в глазах читателей существующие политические и социальные условия русской жизни, возбуждать недовольство и жажду перемены строя, и то более ярко или менее ярко эта цель проявляется в статьях журнала, она сама по себе от того не становится безвредною. Ввиду сего цензурный комитет признавал бы более желательным возможно скорее вовсе прекратить издание журнала «Начало», представив о сем на благоусмотрение совещания четырех министров».

Этот номер журнала вышел в свет, но статьи «Голод в поселке», «Памяти А. С. Пушкина» и стихотворение «Прилив» были изъяты. 11 мая министр внутренних дел представил записку в комитет министров, который 1 июня 1899 г. запретил выпуск апрельской книги, а на совещании 15 июня передал вопрос о прекращении издания на рассмотрение четырех министров. Издание было запрещено на заседании 22 июня 1899 г., на котором присутствовали министры: внутренних дел, народного просвещения, юстиции и обер-прокурор св. синода. Мотивы запрещения те же, что выставлял и цензурный комитет. О запрещении была помещена заметка в «Правительственном Вестнике», № 138 от 29 июня 1899 г., а 1 июля 1899 г. журнал «Начало» был изъят из обращения в публичных библиотеках и общественных читальнях.

(Окончание следует.)

---

[1]) Д. 1-го отд. канц. гл. упр. по д. п. № 86, листы 26 27

[2]) Дело № 86, л. 86.

Из записной книжки архивиста.

„План убийства" Вильгельма II.

17 июня 1917 года б. член совета министра внутренних дел С. Е. Виссарионов допрошен был в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. В числе других, ему задан был председателем Комиссии следующий вопрос:

«Вы не помните, не допрашивали ли Вы человека в крепости, который был уже приговорен. Он—еврей, не то анархист, не то максималист?» [1]).

Ответ:

«Да, допрашивал, но я его фамилию не помню. Существо допроса я вспоминаю, он предлагал произвести убийство Вильгельма, а также произвести взрыв какого-то завода».

Виссарионову указали дальше, что лицо, о котором идет речь, оказывало в прошлом услуги правительству, выдало несколько лиц, подало прошение на высочайшее имя. Фамилии этого лица Виссарионов «не помнил». При этом он однако заявил:

— На меня его слова произвели впечатление чего-то фантастического. Он просил его досрочно освободить и отпустить за границу; он там найдет сообщников, войдет к Вильгельму и лишит его жизни.

В письме от 29 февраля 1916 г. Виссарионов сообщает «милостивому государю» Евгению Константиновичу Климовичу [2]) и фамилию этого лица и еще кое-что такое, что несколько иначе освещает дело.

Из этого письма явствует:

1) что департамент очень интересовался этим «делом» (письмо послано было «в дополнение» к докладу Виссарионова на имя Белецкого);

2) что лицо, фамилию которого «забыл» Виссарионов, был содержащийся в московской пересыльной тюрьме ссыльно-каторжный Янкель Сосна («Яков Михайлов Сосна», как называет он себя сам);

3) что Сосна до этого был уже «опрошен»;

4) что при письме Виссарионова направлено было Климовичу «заявление» Сосны, написанное им в двух синих тетрадях, содержащих «заявление» Сосны. Сам автор называет это — «планом» убийства Вильгельма.

---

[1]) Из неопубликованной стенограммы допроса Виссарионова 17 июня 1917 г. в Петропавловской крепости.

[2]) Директор департамента полиции.

«Предприятию» придавали, видимо, крупное значение. Переговоры сторон были начаты давно. 27 октября 1915 года действительным статск. советн. Молловым составлен был «протокол», после «разговоров» с Сосной 26 и 27 октября 1915 г., содержащий условия Сосны. 15 января 1916 г. Виссарионов был у Сосны в пересыльной, после чего первый подал доклад об этом Белецкому.

И еще, видимо, было свидание Виссарионова с Сосной; на этот раз в Петербурге, в крепости, о переводе куда в одну из питерских тюрем настаивал Сосна. Если бы этого не было, Виссарионов, на вопрос председателя Чрезвычайной Следственной Комиссии, не допрашивал ли он человека в крепости, ответил бы или отрицательно, или внес бы поправку. Но Виссарионов ответил утвердительно: «да, допрашивал». Быть может, «план» этот департаментом был выполнен и в большей степени, чем мы это знаем. Об этом лучше всего сказали бы сведения о дальнейшей судьбе Сосны. Но их у нас нет.

Итак, «чему-то фантастическому» департамент полиции уделил очень большое внимание?

Часть правды есть в этом определении Виссарионова. Но только часть. Внимание, которое уделил департамент «делу», говорит за то, что здесь было кое-что и реальное.

Что же «реальное» было в плане Сосны?

«Вам уже известно, что двоюродный брат мой, — писал Сосна Виссарионову, — состоит на службе у Круппа в течение 18 лет».

Итак — главное, — связь с чрезвычайно важным пунктом боеспособности немцев была, несомненно, в руках департамента. Департамент, конечно, проверил указание Сосны. Известно [1]), что во время войны департамент имел в Германии свой шпионский аппарат как внутри страны, так и в войсках через военно-пленных.

Кроме прекрасных связей было у Сосны еще кое-что:

1) он знал в совершенстве немецкий язык;

2) бывал в Германии;

3) с гордостью называл себя «аферистом» и, вероятно, мог претендовать на это имя.

А в Чрезвычайной Следственной Комиссии назвали, быть может, самое реальное: он оказывал в прошлом услуги правительству, выдал нескольких лиц, подал прошение на высочайшее имя»...

16 января 1916 г. Сосна написал Виссарионову «нечто несуразное», «написал просто из злости те несообразности, которые вы получили от меня 16 января».

Прошения на высочайшее имя и этого заявления у нас нет. Но следы об этом есть в деле д-та полиции «о ссыльно-каторжном Янкеле Меерове Сосне» (1915 г. № 312). Здесь находится доклад Виссарионова на имя Белецкого от 28 января 1916 г. Направляя при этом докладе Белецкому всеподданнейшее прошение и «новое» заявление Сосны, а также свой протокол, Виссарионов пишет ...«что все планы Сосны мало осуществимы по техническим основаниям» и что он, кроме того, опасается «серьезных затруднений» для

[1]) Дело департамента полиции 1915 г., по 6 делопроизводству, № 3435, отношение департамента от 5 апреля 1916 г. за № 103714 и донесение чиновн., особ. поручений при М.В.Д. Красильникова от 12/25 октября 1915 г. за № 1216 — там же.

правительства «в случае неудачи». Виссарионов знал, что Сосна осужден петербургским окружным судом 26—27 января 1908 г., на основании 1629, 1632 и 1634 ст. улож. о нак., в каторжные работы на 10 лет, по шестой судимости [1]). Казалось бы, при таком положении вещей планы неосуществимы: Сосна — человек с «определенной» физиономией, — с делом этим надо было кончить. Виссарионов, однако, предлагает дальше в своем докладе испросить для Сосны высочайшее помилование («ввиду одобрительного отзыва тюремной администрации о поведении» (!)) «с восстановлением в правах», ...«предоставив ему осуществление задуманных им планов на его личное усмотрение без ассигнования тех крупных сумм, о коих он упоминает (минимум 50.000 руб.) и без всякого руководства со стороны правительства»...

Скептически относясь к планам Сосны, Виссарионов, однако, явился к нему в московскую пересыльную для ведения дальнейших переговоров и для получения писаного плана, который и направил Климовичу.

Ниже публикуем текст «синих» тетрадей; они имеют обложки из плотной синей бумаги с наклейкой посередине. На последней — текст: цифра «4», «№ 1», «Яков Сосна», «одиночка». Слово «одиночка» отбито штампом, остальной текст — чернилами.

Вторая тетрадь такая же, только «№ 2». В обеих тетрадях по 16 страниц хорошей плотной рижской бумаги (есть водяные знаки). На обороте 16 страницы надписи: «Итого в сей тетради пронумерованных, прошнурованных и казенной печатью пропечатанных шестнадцать (16) листов. Заведывающий мужским одиночным корпусом Мирославский». Внизу четко сохранившаяся сургучная печать московской центральной пересыльной тюрьмы (Архив Революции и Внешней политики. Фонд. «Чр. Сл. Комм.»).

Иван Тоболин.

Тетрадь № 1.

Его превосходительству

члену совета министра внутренних дел господину Виссарионову.

Содержащегося в московской центральной пересыльной тюрьме сс.-каторжного Якова Михайлова Сосны.

12 февраля 1916 года.

Предисловие.

Ваше превосходительство.

Во время Вашего приезда ко мне, т.-е. 15 января, Вы выразили желание иметь хотя бы краткие схемы моих планов, касающихся [2]) предприятий, предложенных мною правительству. Желая удовлетворить это Ваше требование, хотя и с большой неохотой, я все-таки принялся за эту неблагодарную работу, но за

[1]) Памятная записка московск. губернат. от 1 окт. 1915 г. № 35255. — Дело № 312.

[2]) Разрядка наша. *И. Т.*

краткостью срока и моего крайнего расстройства (т. к. думал, что Вы прибыли лишь затем, чтобы освободить меня из-под стражи, а оказалось, что мое дело не продвинулось ни на шаг вперед) мое изложение этих схем, почти на двух листах, от 16 января оказалось настолько неудовлетворительным, что побудило Вас отнестись к оному изложению хотя и со справедливой, но чересчур строгой критикой. Были ли Вы правы или нет, об этом я здесь говорить не буду, да и дело вовсе не в том, скажу лишь, что для меня было ясно до очевидности, что Вы меня совершенно не поняли, так как измеряли мои схемы обычным масштабом, упуская из виду, что дело заключается вовсе не в том, как изложены эти схемы и исполнимы ли они с Вашей точки зрения, а в том, кто является исполнителем начертанного. Но так как, очевидно, Вы этого не знаете, то я решил представить один более или менее цельный план предприятия, в котором хотя и встретятся некоторые опущения деталей и мелких штрихов, сделанные отчасти умышленно, но дающий достаточное понятие как обо мне, так и о плане, согласно с которым я в действительности намерен действовать. Понятно, некоторые детали могут быть изменяемы сообразно с изучением в отдельности каждого обстоятельства на месте действия. Итак, имею честь наипокорнейше просить Вас, Ваше превосходительство, быть столь любезным, во-первых, отнестись к нижеследующему моему изложению как можно внимательнее и серьезнее и, во-вторых, представить все мое суждение на рассмотрение его высокопревосходительства г. министра внутренних дел для совместного обсуждения с г. председателем совета министров и г. военного министра.

Предпосылаю своему плану следующее категорическое заявление: 1) дело должно вестись так, что при каком бы то ни было результате ни немцы, ни их союзники никогда и ни при каких результатах не должны узнать подданство лиц, убивших Вильгельма. 2) Вы, Ваше превосходительство, при личном со мной объяснении заметили, что если бы такое дело удалось, то оно вызвало бы естественно панику в Германии. На это я позволю себе заметить, что Ваше суждение не совсем верно. Я вижу, по совершении этого акта, не панику только, а полнейший крах всей авантюре. Дело в том, что все немцы, начиная от захудалого мужика до первейшего вельможи, от последнего солдата до фельдмаршала, одним словом все и вся — видят в своем кайзере как бы предзнаменование свыше, он в их глазах кумир, божество, которому предназначено зажать в свой железный кулак весь божий мир. Но как только это божество будет свержено с Олимпа, то картина совершенно изменится: и как народ немецкий, все войско их, так и все их союзники, будут рады-радешеньки, если авантюра эта закончится хоть сколько-нибудь сносно для них. Я уверен, что картина в общих своих чертах получится та же, какая получилась у французов после падения Наполеона, и 3) Слов нет, я не скажу, что план мой не является коварным и даже в некотором

смысле подлым, но как же иначе наказать врага, залившего мир кровью миллионов людей и сделавшего несчастным еще более миллиона людей, и который готовится благодаря своей ненасытной алчности еще пролить море человеческой крови и еще миллионы людей сделать несчастными. Кроме того, разве вся система, во всей своей совокупности, ведения современной войны при своей технике не превратилась в беспощадную бойню, разве она, эта война, не является вопиющей подлостью. Таким образом, если желательно в действительности и окончательно сломить врага, чтобы он больше не мог поднять своей головы, то не приходится считаться с средствами, а нужно срубить эту голову, ибо клин надо вышибать клином.

Проект плана.

Пункт 1. Прежде всего еще раз напомню, что никаких денег на мое предприятие от правительства не потребуется, так как необходимые средства будут доставлены лицом, согласно моему заявлению от 16 января и отмеченному Вами, с тем, однако, условием, чтобы за время моего отсутствия, жена моя получала ежемесячно пособие от правительства, согласно протоколу, составленному от 27 октября пр. года действительным статским советником г. Молловым, и, наконец, если задача моя будет выполнена в своей какой-либо части, то правительство обязуется вернуть деньги лицу, предоставившему их для моего предприятия.

Примечание. Самый точный отчет по расходованию денежных сумм будет представлен.

Пункт 2. После необходимого мне отдыха, как сказано на одной из страниц в 2 листах от 16 января текущего года, я явлюсь в Петроград или куда будет приказано, где, между прочим, мне необходимо точно узнать от высших властей, считается ли мое предложение настолько важным, как я выше об этом говорил, и если этот факт будет мною установлен в утвердительном смысле, тогда я отправлюсь в один из провинциальных городов Швеции, где завербую трех человек, приблизительно моего возраста, с техническим образованием, обязательно дворян, которых привезу в Петроград, где их должно определить на службу по их специальности, и при таких договорных условиях, чтобы они не пожелали и не могли вернуться на родину за все то время, которое мне понадобится для совершения начертанного задания. Им должно выдать копии с их документов, а последними я воспользуюсь для моих целей. После чего правительство должно мне дать двух человек в сотрудники и, если возможно будет, то офицеров генерального штаба, но если не найдется охотников, то нужных мне людей я найду сам. Требования, предъявляемые к двум моим сотрудникам, суть следующие: 1) оба должны быть интеллигентные люди,

физически здоровые, похожие на шведов или немцев, от 30- до 40-летнего возраста; 2) оба должны хорошо владеть шведским и немецким языками; 3) оба должны быть опытными авиаторами, более или менее знакомыми с техникой и механикой и 4) они должны быть преданы государю и родине настолько, чтобы в нужный момент не задумались пожертвовать собой.

Пункт 3. Когда лица, согласно вышесказанным требованиям, будут налицо, тогда я попрошу правительство снабдить меня письмом частного и секретного характера к представителю российской империи, аккредитованному при шведском короле; в оном письме должно быть лишь сказано, чтобы мне было оказано некоторое содействие в указании нескольких видных сановников, зарекомендовавших себя ярыми германофилами, и чтобы упомянутый представитель принял временно на хранение деньги, которые ему будут нами вручены. Вот и все, что мне потребуется от сказанного представителя. Что касается рекомендаций к этим шведским сановникам-германофилам, то их я добуду собственными средствами. После чего одного из моих сотрудников я направлю к одному из таких сановников, от которого им будет получена протекция к германским властям на предмет принятия нас на службу в качестве добровольцев-партизан. С документами привезенных мною в Россию трех лиц, согласно моей системе (о сущности таковой умолчу), будет устроено нечто, что мы окажемся ими, т.-е. фотографические карточки будут приложены к документам, с нахождением таковых при учреждении, выдавшем эти документы, везде, где это нужно, будет засвидетельствовано, что мы являемся теми самыми лицами прилагаемых карточек, самого благонадежного поведения, отправляющимися в Германию с целью ходатайствования лично о приеме на службу добровольцами и изготовления аппарата для надобностей этой службы на собственный счет; так как все трое хорошие летчики, то служить хотят (если германские власти разрешат) в отряде воздушного флота, действующего на русском фронте.

Примечание 1. Если в Швеции нам будет отказано почему-либо в разрешении отправиться в Германию, как подданным этого государства, с вышесказанною целью, то мы, узнав об этом заранее, не объявим своей цели, а лишь заявим, что едем для практики по авиационному делу и приобретения аппарата-самолета.

Примечание 2. Деньги будут взяты от нашего представителя в размере, сколько потребуется, и будут переданы шведскому консулу в Германии на хранение, а расходоваться будут по мере действительной надобности.

Пункт 4. Мы прибудем в Германию с документами, выданными соответствующим консульством, удовлетворяющими всем требованиям и условиям настоящего времени. Так как наличность рекомендации

из Швеции еще вовсе недостаточна, а требуется протекция влиятельных лиц в самой Германии, дабы можно было добиться приема нас на службу, в полном соответствии моего плана, то мною будет сделано следующее: 1) ввиду того, как Вам уже известно, что двоюродный брат мой состоит на службе у Круппа в течение более 18 лет, то у него имеются связи, главным образом через родных его жены, я буду иметь возможность получить рекомендации в том смысле, как мне будет желательно, к некоторым лицам, переходя от которых все далее я, таким образом, доберусь до семейства Круппа, от которого уже получу протекцию к тем властям, от которых будет зависеть прием нас на службу, согласно нашему желанию и условию. 2) Кроме того, как Вам, вероятно, тоже известно, в Германии существует Боннский университет, в котором Вильгельм в качестве студента проходил курс наук. Вблизи этого университета проживают и поныне два бывших профессора, к которым Вильгельм не только благоволит, но является их другом и с которыми переписывается и часто обращается к ним за советом, не взирая на то, что он — кайзер, а они, хотя и ученые, но очень скромные люди. Они, эти бывшие профессора, занимаются исключительно научными трудами в тиши своих кабинетов, почти вовсе не выходя из них, и почти совершенно не интересуются делами и переживаниями внешнего мира, кроме научных вопросов, живут по раз установленному порядку, с чисто немецкой аккуратностью крайне однообразно. Вместе с тем они очень доступны, и их посещает масса публики: их бывшие слушатели-студенты, профессора теперешние, нынешние студенты и частные люди, кому есть до них надобность. Ко всему сказанному нужно добавить, что эти люди весьма доверчивы и очень мало знакомы с практической стороной жизни.

Из вышесказанного ясно, что я хорошо осведомлен о жизни этих людей и вообще в курсе дела, а стало быть также ясно, что у меня есть место, откуда я могу получить рекомендацию к упомянутым ученым; я получу рекомендацию к нынешним профессорам, бывшим студентам — товарищам Вильгельма по университету, от всех же этих лиц я получу протекцию как к нужным властям, так и несколько писем непосредственно к Вильгельму. Тем временем, пока я буду занят вышеприведенными делами, мои товарищи-сотрудники войдут через посредство Иогансена (уже известного Вам близкого родственника моего брата) в корпорацию авиаторов, где будут заняты приобретением аппарата по последнему слову техники, равно отвечающему всем нашим требованиям. Кроме того, ими будет заказано несколько тысяч прокламаций, напечатанных на русском языке, согласно тому образцу, который они получат от меня, с целью бросания их в районы расположения русских войск (понятно, это не будет делаться в действительности). Понятно также, что эти прокламации будут напечатаны в духе весьма выгодном и лестном для немцев. Закончим эту операцию приобретением еще огнестрельного оружия, кинжалов с отравленными лезвиями и всего того, что найдено нужным будет.

Таким образом из сказанного можно будет усмотреть, что нами будут приняты все меры к тому, чтобы мы были приняты в отряд воздушной эскадры врага, действующего на русском фронте; даже в том случае, если немцы принимают только своих чистокровных же немцев, они сделают в данном случае исключение. Если же, не взирая на все рекомендации и протекции, нас все-таки не примут официально, то сделают это частным образом, т.-е. разрешат действовать отдельно в качестве партизан, что будет мною достигнуто наверняка средствами, о которых говорить здесь не хочу.

Примечание 1. Если нас примут официально, как сказано в 4 пункте, то только двоих, меня и одного моего сотрудника, ибо второго я оставлю в тени, в качестве нашего резерва и для другой надобности, которая будет видна из дальнейшего изложения.

Примечание 2. Кроме писем непосредственно к Вильгельму, я приобрету собственными средствами медальон, носимый на шее, с портретом одного из более уважаемых ученых кайзером, с соответствующей надписью, что будет служить показной рекомендацией в ставке вражеского кайзера, не требующей обычной справки, раз от этого ученого будет доставлено собственноручно им написанное письмо.

Пункт 5. В том или другом случае, как сказано в конце 4 пункта, после всей подготовительной работы, которая займет не более месяца времени, мы все трое отправимся на нашей машине через расположение фронтов врага к тому месту, где по данным, которые мы будем иметь, находится ставка Вильгельма, указанием чему послужат охраняющие его аэропланы. Перелетая же фронты противника, мы будем иметь возможность приобрести ценные данные о численности войск противника, его составе и местоположении, им занимаемом, так как враги в нас стрелять не будут и преследовать точно так же, узнав по типу машины своих.

Весьма возможно, что нам придется бросать бомбы в районы расположения наших войск, но понятно, что это будет делаться там, где эти бомбы не причинят никакого вреда. В приличном расстоянии от данного местопребывания Вильгельма мы выберем себе укромное место, где спустимся на землю и высадим того сотрудника, о котором я говорил в примечании первом 4 пункта, который отправится к одному из наших штабов, где представит кому следует все те данные, которые окажутся к тому времени в нашем распоряжении. Между прочим, мы так условимся, что будем знать как его местопребывание, так и он наше. Затем изготовившись, мы прилетим в ставку кайзера.

Примечание 1. В том месте, где мы спустимся на землю, кроме высадки товарища, мы повредим свою машину настолько, чтобы эта порча имела самый натуральный естественный вид,

в полной согласованности с теми объяснениями, которые нами будут даны немцам.

Примечание 2. В том положении, которое мы будем занимать, нам, быть может, встретится много таких возможностей, где мы сможем оказать существенную пользу нашим войскам, но делать это мы будем лишь в исключительных случаях и с чрезвычайной осторожностью, когда будем видеть, что такое действие имеет за собой ценность огромной важности, ибо все наше внимание должно быть сосредоточено на главной нашей задаче.

Пункт 6. Когда мы перелетим то пространство, которое мы сделаем с испорченной в некоторых частях машиной, мы спустимся вблизи ставки Вильгельма.

Конечно, прежде всего мы расскажем историю приблизительно следующего содержания: мы пролетали над фронтами расположения русских войск, где сбросили большое количество прокламаций и несколько бомб, но ввиду сильного обстрела и преследования таких-то воздушных аппаратов, в связи с порчею в некоторых местах нашего аппарата, мы вынуждены были поспешно уйти с места действия. Потом мы сдадим письма для передачи Вильгельму (копии с этих писем будет иметь товарищ, высаженный нами). Принимая во внимание: во-первых, самый аппарат наш, ясно свидетельствующий его германское происхождение, во-вторых, упомянутые письма, в которых, между прочим, окажется убедительное ходатайство об оставлении нас в ставке Вильгельма, как обожающих кайзера и весьма ревностных поклонников его гения людей; в-третьих, прокламации также послужат хорошей рекомендацией; в-четвертых, некоторые мелочи, имеющие показной частный характер, как письма некоторых видных людей в Германии, медальон-портрет с соответствующей надписью лица, уважаемого самим Вильгельмом; в-пятых, наконец, документ, который мы будем иметь от германских властей, разрешающий нам действовать в пользу немецких интересов, в качестве партизан, и наш прилет со стороны русского фронта и испорченная машина, — ясно будут свидетельствовать, что мы действительно и несомненно их друзья. Им никогда не придет в голову, при наличности всех перечисленных мною данных, о наших дерзких, нахальных и коварных замыслах. А с первой минуты нашего появления в ставке, мы наготове к исполнению нашей задачи. Кроме нашей готовности действовать, у меня есть основание полагать, что мы будем иметь достаточные шансы на успех, так как нас несомненно могут оставить в ставке Вильгельма на службе; но если это не удастся, то, во всяком случае, нас не выпроводят раньше, чем будет исправлена машина, а этим временем мы постараемся воспользоваться. Так или иначе произойдет дело — будем видеть на месте.

Некоторые привычки Вильгельма мне более или менее знакомы; например, его стремление в некоторых случаях остаться одному где-нибудь в стороне, далеко от окружающих его людей, и хотя его охра-

нители наблюдают за ним, но с более или менее почтительного расстояния. Словом, как бы то там ни было, но момента своего мы не пропустим. Для совершения этого акта, т.-е. убийства Вильгельма, мы выберем оружие, какое позволит положение вещей, включительно до моего снаряда, т.-е. того средства, как я уже заявлял, коим причиняется моментальная смерть. Как заранее будет между нами условлено, товарищ мой явится исполнителем этого акта, а я буду занимать такое положение с приготовленным аппаратом, чтобы ему после того, как дело будет сделано, можно было спасаться вместе со мной, но если он во-время не успеет добежать до меня, то ему останется только покончить с собой, чтобы не подвергнуться пытке и прочим прелестям; впрочем на этот счет мы оба приготовимся. Если же мне придется удирать, то я сделаю это только в том случае, во-первых, если увижу полнейшую невозможность спасти товарища и, во-вторых, увижу, что цель достигнута. В противном случае, если я завижу несостоятельность моего товарища, или вообще какую-нибудь заминку с его стороны, тогда я сам обращусь на врага. Сознаюсь, что мне совсем нежелательно самому убивать его, по причине лишь того, что за это могут сильно поплатиться мои соплеменники, проживающие в Германии и Австрии, а узнают о моей национальности по особому знаку на теле, свойственному семитам. Однако я знаю заранее, что в силу того неотвратимого закона, по которому летит ядро, выброшенное орудием, или камень, падающий с высоты, я буду вынужден при условиях, как выше сказано, сделать это. Ибо в такой момент не приходится думать только о спасении себя, так как дело это важнее не только каких-нибудь двух жизней, но если бы потребовалось отдать тысячу жизней, то и тогда за такое дело можно было бы ими пожертвовать, соображаясь с тем обстоятельством, что в нынешнее горячее военное время погибает ежедневно, а подчас и зря, много, много жизней. Прошу заметить, что из всего вышесказанного вовсе не следует, что мы бросимся убивать или что бы то ни было делать на авось. Нет, мы будем исполнять то или другое дело только в том случае, когда будем иметь полную уверенность, что рискуем своей жизнью ввиду несомненного успеха, и только тогда мы не задумаемся пожертвовать собою. Кроме того, прошу также заметить, что в каждом нашем действии будет обязательно оставляться место для отступления. В данном же случае, если мы увидим полнейшую невозможность выполнить этот план, то мы перейдем к другому, и так или иначе достигнем своей цели. Но, в крайнем, самом худшем, случае наша деятельность, помимо убийства Вильгельма, окажется настолько продуктивной и ценной, что вполне оправдает наш труд и те затраты, которые будут сделаны.

Что касается высаженного в известном месте нашего сотрудника, то, во-первых, через него, в случае нужды, мы будем делать сообщения в наш, тот или другой штаб, во-вторых, в случае неудачи изложенного плана, я, приступая к другому, выдвину этого сотрудника, и хотя

плана здесь приводить не буду, но замечу, что так или иначе, а дело будет приведено к желаемому результату, и никакое знание известных людей в лицо, никакая охрана кайзеру не поможет, ибо он б у д е т «с н я т».

Дело в том, что не только такое препятствие, а десятки подобных и худших, должно уметь устранять, иначе я был бы очень плохой аферист, и я не видел бы ни малейшего интереса в победе над врагом бессильным, к которому легко подступиться. Нет, вся заслуга, весь интерес в том и заключается, чтобы преодолеть все препятствия, и еще более разгорается желание победить, когда знаешь, что враг силен, умен, хитер и коварен; знаешь, что он окружил себя массою всевозможных заграждений, пройдя которые можно сорвать первый приз. Поэтому, я еще раз прошу Вас, не измерять меня общепринятым обычным масштабом, памятуя, что во все времена и у всех народов пользовались уважением люди энергичные, настойчивые, сильные, смелые, и только потому, что именно эти люди и могли успешнее других действовать в направлении общего блага.

Примечание. В Германии проживает знакомое мне большое семейство; адрес и фамилию даже, за давностью времени, я совершенно забыл, но, будучи на месте, не представляется трудным восстановить все это через брата, бывающего в этом семействе, о чем он мне писал в 1912 году. Нужно сказать, что семейство это имеет близкого родственника, состоящего на службе в качестве камердинера во дворце Вильгельма; дочери же этого родственника часто посещали это семейство, от которых мне часто приходилось слышать рассказы как относительно кайзера, так и о тех ученых, приведенных мною в 4 пункте, и о многом другом, так что в этом семействе знают решительно все, что делается во дворце Вильгельма, и вся частная его жизнь, и все то, к кому он благоволит, и с кем имеет переписку, одним словом, знают всю подноготную. К сожалению, я очень много перезабыл, так как с тех пор как я б ы л в Г е р м а н и и прошло много лет, да к тому же меня в то время мало интересовали все эти сообщения; я, например, совсем не помню фамилии ученых, о которых упоминал, и их местожительства, а равно и других видных и очень важных лиц. Но все это восстановлю.

Яков Сосна.

Продолжение следует в тетради № 2.

ТЕТРАДЬ № 2.

Ваше превосходительство.

Позвольте мне в этой тетради говорить с Вами с полной чистосердечной откровенностью, за которую, если найдете что-нибудь вольное или резкое, великодушно мне простите, памятуя, что я хлопочу

и защищаю дело не столько собственного благополучия, сколько на служение государю императору и родине.

Прежде всего я должен сказать несколько слов относительно завода Круппа, завода Цеппелина и германских поездов. Дело в том, что всякий здравомыслящий человек более или менее ясно поймет, что ни в каком случае нельзя сделать одновременно столько дел, что и Титану было бы не под силу. Самою успешною деятельностью будет, если правительству будет угодно, чтобы я обратился в эту сторону, — такое дело и лишь одно, на которое можно отдать себя всецело. Таким образом, если будет итти речь о разрушении всего или части Крупповских заводов, то я с моими сотрудниками можем посвятить себя только этому делу. Точно так же и завод Цеппелина может быть уничтожен, если мы им займемся исключительно; равно должно обстоять дело с производством систематических крушений известных германских поездов. Словом, каждое из этих дел может совершаться с успехом лишь тогда, когда все наше внимание и вся наша энергия будут направлены только на одно из них. Справившись с одной задачей мы будем видеть в дальнейшем, что́ можно еще предпринять в этом направлении и, если будет возможно, то с неослабной энергией примемся за дело, а если будет невозможно, то ретируемся. Если же я писал на страницах двух листов по этому поводу (16 января), н е ч т о н е с у р а з н о е, то это произошло вот по какой весьма уважительной причине: во-первых, как я уже заметил в предисловии 1-й тетради, я полагал, что Вы приехали меня освободить, так как на те вопросы, которые Вы сделали мне, т.-е. выражая желание знать хоть что-нибудь из моих планов, ввиду того, что правительство не может отпускать денежных сумм, не имея перед собой точной мотивировки, на какую надобность эти суммы должны пойти, что вполне верно и справедливо; однако еще задолго до Вашего приезда, угадав эту причину, я писал, что никаких воспомоществований от правительства для исполнения предложенных мною предприятий не потребуется ввиду придуманной мною комбинации достать эти средства частным путем; стало-быть, я имею в этом уверенность, если категорически об этом заявлял, хотя я имел в виду освободить правительство, и без того обремененное, ст излишних расходов, тем более, что это для меня легко достижимо. Во-вторых, Вы в ы р а з и л и ж е л а н и е у з н а т ь с е к р е т с о с т а в а предложенного мною средства, названного мною снарядом, и добавили, — что с моей стороны «было бы благоразумнее, если бы я сообщил немедленно правительству секрет оного состава, так как тем самым я показал бы свою искренность в служении России и тогда правительство, убедившись в действительной полезности сего средства, не забыло бы меня» и т. д. С этим Вашим взглядом я вполне и совершенно согласен, но позвольте заметить Вам, Ваше превосходительство, что это-то обстоятельство в связи с первым крайне меня и расстроило. Дело в том, что за м н о г о времени раньше Вашего прибытия ко мне, я писал, что «если правительству будет угодно приказать пере-

вести меня в какую-либо петроградскую тюрьму и меня поставят хоть сколько-нибудь в сносные условия, дабы я не чувствовал гнета тюремных стен в той степени, как я это чувствую почти 10 лет беспрерывно, и только тогда, видя хоть малейшее внимание ко мне, без этого леденящего душу казенного холода, как к человеку, безмерно любящему родину, готовому душу положить за ее благо, я, между прочим, писал, что если ко мне уже в Петрограде явится уполномоченное военное лицо, то я сообщу ему все, что относится к этому средству моего снаряда». Что же из всего мною написанного получилось? Когда уже столько времени переживал адские муки ожидания, когда я сделал наисерьезнейшее предложение правительству; не забудьте, в какое время я позволил себе отвлекать внимание правительства,— все это ясно свидетельствует, что я отдавал себе отчет в своих действиях, а стало быть, был уверен как в себе, так и в том, что предлагаемое предприятие я могу подъять на себя—и после всего этого, меня начали вновь зондировать... Вот поэтому-то я и написал просто из злости — те несообразности, которые Вы получили от меня 16 января, так как вся эта история меня сильно огорчила, оскорбила и возмутила. Но теперь, когда я успокоился и несколько подумал над этим, не прикрываясь ложным стыдом, я чистосердечно раскаиваюсь в этом и прошу Вашего великодушного прощения, прощения чистой славянской души.

Что касается моих планов относительно вышесказанных заводов, поездов и всего прочего, то разговаривая с его превосходительством, г. Моллловым (26 и 27 октября 1915 г.), я все объяснил, и с этим объяснением г. Моллов был вполне согласен. Дело в том, что Вы не найдете ни одного человека дела, ни одного полководца, который стал бы излагать свои планы, составленные вдали от места действия; ибо, прежде чем говорить о каких бы то ни было планах, такому человеку дела или полководцу нужно хоть сколько-нибудь познакомиться с местом, когда должна производиться та или другая операция, и, только сообразуясь с обстановкой и положением вещей, он может более или менее начертать правильный план действия; полководцу же, точно так же, прежде чем составить правильный план по которому должно действовать, нужно хорошо познакомиться с местностью в то время, когда она занята противником, с его составом и численностью, с его работами по охранению этой местности, с подступами к сей местности, способом борьбы противника, расчетом того положения, которое самому доступно занять по отношению к противнику, и, наконец, знакомство со всеми теми особенностями, изучение которых возможно лишь на месте действия. И только тогда, от умения вести дело и, так сказать, от продуктивности инициативы полководца зависит весь успех предприятия по плану. Переходя к суждению моих планов, которые для меня ясны до физической осязаемости, я должен сознаться, что излагать их теоретически совсем не умею. Ввиду всех вышеизложенных соображений и тех данных, которые

я еще приведу, я считаю вполне достаточным и того, что мною было заявлено, а именно: 1) я имею такие связи, которые очень и очень облегчают выполнение известных задач; 2) для выполнения этих задач, я не прошу никаких денежных воспомоществований от правительства; 3) я обладаю практическими способностями и большой опытностью; 4) знаю в совершенстве немецкий язык и 5) я обладаю: энергией, настойчивостью, смелостью и огромным желанием причинить как можно больше вреда немцам и, тем самым, во-первых, быть полезным в служении священной особе государя императора и дорогой матушке родине; во-вторых, тем самым искупить вину всей своей прошлой мерзостной жизни; в-третьих, наконец, заслужить славу и то положение, которое даст возможность не быть в зависимости от всяких случайностей, не вести цыганский образ жизни, а жить оседло, с определенным завтрашним днем. Вот мой катехизис, о котором я только и могу говорить с полной уверенностью.

Но я знаю, что правительство может относиться ко мне с понятным недоверием и даже с предубеждением; однако оснований для этого не имеется, ибо меня можно было бы подозревать лишь в корыстной цели, но такое подозрение отпадает само собой, так как я не прошу денег у правительства, а те деньги, которые будут доставлены миллиснером, согласно моему заявлению, то последний сам заявит, что он вполне мне доверяет и даже поручится за мое благонамерение.

Относительно же своей политической благонадежности, то я могу только сказать, что мне в этом смысле никогда и в голову не приходило быть недовольным существующим строем и чем бы то ни было, так как свой жизненный путь я избрал по собственной воле, стало-быть никто и не виноват в том, что мне пришлось много перестрадать на моей родине, а потому, как бы больно она меня ни колотила, но я не могу ее не любить, подобно тому, как не мог не любить свою мать при жизни, как не могу не любить ее дорогого образа в памяти; точно также и отца, не взирая на то, что не одну палку сломал о мою спину.

Теперь, Ваше превосходительство, дозвольте обратить Ваше внимание на один важный и весьма небезынтересный пункт. Когда 16 января вы читали мои писания и, дойдя до того места, где говорится об одном человеке, переодетом в форму германского офицера и являющемся в ставку Вильгельма с известною целью и после слов: — надеюсь, что Вы не скажете, что его должны знать в лицо?—Вы остановились и заметили: — Конечно, в ставке должны знать в лицо всех штабных офицеров, да еще ближайшего штаба главнокомандующего. Тогда я ответил Вам и очень резко: — «абсурд». Понятно, что это была грубость с моей стороны, за которую я усердно прошу Вас простить меня, тем более я заслуживаю Ваше снисхождение, за это досадно вырвавшееся слово, что оно скрывает за собой благородное негодование и не потому, что меня оскорбило Ваше замечание, ибо оно, может быть, и верное, а потому, что этим замечанием Вы задели мое самолюбие,

самолюбие человека, знающего в совершенстве свое дело.

Вот это-то важный, с психологической точки зрения, вопрос мне и хочется здесь разобрать.

Итак, представим себе, что офицеров ближайшего штаба непременно знают в лицо. Что же из этого следует? По Вашему выходит, что дело не стоющее, ибо раз знают в лицо, то... и т. д. А по-моему, вот как должно обстоять дело: если я знаю, что такой факт действительно имеет место, то я снаряжу не офицера, а унтер-офицера, и не с ближайшего фронта, а самого дальнего; этот унтер-офицер будет иметь на груди два-три военных знака отличия, а явившись в ставку Вильгельма, он будет хорошо знать, что́ и как ему следует говорить, а именно: прежде, однако, нужно сказать, что время для посылки мнимого унтера я выберу такое, когда в ставке будет оживление, вроде церемонии какой-нибудь, или какого другого торжественного момента, так как за ставкой я буду зорко наблюдать.

Теперь вернемся к моему унтеру. Торжественная обстановка, а потому все очень заняты. Вдруг на быстром коне приближается к границе ставки унтер-офицер, но не один, а с офицером штаба ближайшего фронта, которого знают в лицо, который и объявит, что с фронта, ну хоть болгарского, явился сей унтер, разыскивая ставку кайзера, так как имеет пакет для передачи Вильгельму с чрезвычайно важным сообщением, а в этих поисках ставки (что будет в действительности), попал к нам, а ввиду важности дела мне приказано доставить его сюда.

Видите, Ваше превосходительство, что в руках умелого человека, офицер, которого знают в лицо, обращается в недурного ментора и даже адвоката. Понятно, моего унтера окружат и забросают вопросами, как и что. Он скажет, что будет уже им известно от ментора офицера, т.-е., что (допустим) англичане и французы или итальянцы повели большими силами наступление и... у нас огромные потери, так что армия наша отступает, все почти офицера выбыли из строя, а враги ожесточенно преследуют наши войска и т. д. в этом духе.

Если Вы хоть сколько-нибудь знакомы с психикой человека, то Вы легко поймете то ошеломляющее впечатление, какое должно произвести на окружающих такое сообщение, которое, замечу в скобках, должно артистически передать. Это сообщение должно будет некоторым образом заставить забыть взволнованных людей о предосторожностях. Теперь — самый главный момент. Вильгельм читает письмо, в котором на первом плане значится: войска наши, состоящие из стольких-то полков или баталионов, отступают в полном порядке ввиду наступления превосходящих сил неприятеля (таких-то). Далее письмо написано шифром, а в конце говорится, что ключ к оному сообщит посланец — унтер-офицер такой-то.

Вы можете возразить, что для такого рода важных сообщений вовсе не требуется посылка письма с нарочным, ибо для этого существует радиотелеграф. На это только отвечу, что в письме этот пункт

будет обоснован и обусловлен. Зная горячность кайзера, я уверен, что он позовет моего унтера к себе для получения ключа к шифру, так как унтер-офицер, исполняя приказание своего начальства, не имеет права сообщить ключ никому, кроме кайзера.

Допускаю, впрочем, с некоторой натяжкой, что унтера подвергнут обыску прежде, чем допустят к Вильгельму, отберут от него оружие и т. п., но это нисколько не может ему помешать исполнить свое дело, так как крест шейный или брелок-карандаш, болтающийся у часовой цепочки, у него не отберут, а это будет вполне достаточно, чтобы одним из этих предметов причинить Вильгельму моментальную смерть.

Мне слышится Ваше восклицание:—«Как! Вы хотите послать на верную смерть человека! да еще, пожалуй, офицера генерального штаба?»

Да, Ваше превосходительство, на верную смерть, на благо государю и отечеству, но только в том случае, если акт убийства Вильгельма вполне удастся.

В своем месте (1 тетрадь, 6 пункт) я уже говорил, что каждое мое мероприятие, прошу это помнить, в случае неудачи будет иметь свободное место для отступления, это, во-первых, а, во-вторых, я изложил здесь не план, а лишь предположительную схему. Таким образом, если я остановлюсь на подобном плане, то мой унтер или офицер (смотря по обстоятельствам) будет снабжен всеми теми документами, какие тому или другому надлежит иметь при себе. Кроме того, письмо, которое тот или другой доставит, будет подделано в совершенстве под руку того командующего, который существует на известном фронте в действительности, и за точно подделанной подписью и печатью его штаба.

Словом, все дело будет обставлено со всеми мельчайшими подробностями, где не будет упущена ни одна деталь, ни один самомалейший штрих, а при таких условиях мой унтер или офицер в случае невозможности выполнить задачу вернется цел и невредим.

Он сам умрет, но после Вильгельма, для чего потребуется всего полсекунды.

Что же касается вообще такой смерти, то она явится славной, ибо занести свое имя на скрижали истории, тесно связав свою смерть со смертью Вильгельма, должно улыбаться даже офицеру генерального штаба. Я уже не говорю о том, что умереть за царя, родину и человечество найдется много охотников, показателем чему могут служить герои нынешней войны, мировой войны, где смерть никого не может устрашить. Ибо,

Из темной бездны горестей и бед
Все возвратится к богу.
Что мученья?
Что смерть сама?
Есть только всепрощенье,
Восторг молитв и тихий звездный свет.

За сию поэзию извиняюсь, ибо чувствую, что она здесь неуместна. Впрочем, Вы, может быть, и на все мое писание взглянете, как на плод досужей фантазии, но это будет огромной ошибкой, так как в современной мировой войне есть много таких вещей, которые могут на первый взгляд показаться фантастическими, тогда как при серьезном и вдумчивом рассмотрении оказываются самой реальной действительностью. Относительно же меня я убедительнейше и всепочтительнейше прошу Вас, Ваше превосходительство, не забывать лишь моих, искренно высказанных слов в всеподданнейшем моем прошении на высочайшее имя. «По мере моих сил и разумения я буду служить на благо его величества государя императора и родины», и «с богом вперед, и смерть врагам человечества».

Вместе с тем умоляю Ваше превосходительство не быть строгим критиком моих неумелых писаний, а милостивым защитником их перед лицом его высокопревосходительства г. министра внутренних дел и предстателем за мое ходатайство перед высшей властью об изъятии моего всеподданнейшего прошения на высочайшее имя от 16 января с. г. из этой ужасной инстанции, дабы его высокопревосходительство г. министр доложил его величеству государю императору мое всепреданнейшее прошение вне инстанционной очереди.

Яков Сосна.

Москва, 14 февраля 1916 г.

Означенные тетради были направлены Е. К. Климовичу при письме С. Е. Виссарионова следующего содержания:

Секретно.

Милостивый государь

Евгений Константинович!

В дополнение к докладу моему на имя бывшего товарища министра внутренних дел сенатора С. П. Белецкого имею честь представить Вашему превосходительству заявление содержащегося в московской пересыльной тюрьме ссыльно-каторжного Янкеля Сосны, написанное им в двух тетрадях и полученное мною сегодня с почты.

В этих заявлениях Сосна повторяет объяснения, данные им при личном опросе, но только с бóльшими подробностями.

Примите уверение в глубоком моем уважении и совершенной преданности.

Ваш покорный слуга *С. Виссарионов.*

29 февраля 1916 года.

Деление всякого угла на три части.

(Из застенка Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.)

В декабре 1906 г. в Петербурге был убит градоначальник генерал фон-дер-Лауниц.

Как участники этого убийства, были арестованы два лица; один назвался мещанином Теодором Гронским, второй — преподавателем древних языков, Владимиром Федоровичем Штифтаром, оказавшиеся впоследствии, по сведениям департамента полиции, Тобилевичем, Павлом Михайловичем и Лебединцевым, Всеволодом Леонидовичем [1]).

Оба обвиняемые доставлены были в с.-петербургскую (Петропавловскую) крепость и заключены в отдельные камеры Трубецкого бастиона. Дело о них было начато следователем по особо важным делам с.-петербургского окружного суда Тлустовским, а затем велось и уже закончено было следователем того же суда — Зайцевым. Для рассмотрения оно было направлено в с.-петербургский военно-окружный суд, а преступление Гронского (Тобилевича) и Штифтара (Лебединцева) было квалифицировано по 102 ст. Уголовного Уложения и 1454 ст. Уложения о Наказаниях.

Вот что сообщал по этому делу в департамент полиции начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в столице полковник Герасимов 3 апреля 1907 г. [2]): «21 декабря прошлого года во время освящения нового помещения отделения института экспериментальной медицины, неизвестным молодым человеком выстрелом из браунинга, был убит с.-петербургский градоначальник свиты его величества генерал-майор фон-дер-Лауниц. По поводу вышеупомянутого убийства ЦК партии с.-р. была издана прокламация, с извещением, что казнь генерал-майора фон-дер-Лауница была приведена в исполнение членом боевого отряда ЦК партии с.-р. по приговору последнего. Принятыми мерами расследование, с целью выяснения состава лиц, входящих в состав боевой организации и преступной ее деятельности, дало следующие результаты. В начале декабря месяца прошлого года в гостинице «Сирениуса», на Иматре, поселилось несколько лиц, входящих в состав боевой организации и проживающих нелегально, из них один под именем иоганишкельского мещанина Теодора Симеона Гронского, второй — преподавателя древних языков Владимира Федорова Штифтара, третья — неизвестная женщина, которую называли «товарищем Ирина», и четвертый — неизвестный, впоследствии ставший убийцей генерал-майора фон-дер-Лауница [3]).

21 января Гронский и 9 февраля Штифтар, по прибытии их в Петербург, были задержаны агентами вверенного мне отделения и при отношении от 28 февраля с. г. за № 4299 переданы в распоряжение судебных властей как соучастники убийства генерала Лауница и как входящие в состав боевой организации».

Дело Гронского-Тобилевича и Штифтара-Лебединцева заслушано было военно-окружным судом под председательством генерал-лейтенанта Мухина,

---

[1]) См. отношение прокурора СПБ-ской судебной палаты Камышанского в д-т полиции от 2 апреля 1907 г. № 5233. — Дело д-та пол. 1907 г., 7 делопр., № 1537, т. I.

[2]) Там же, «Доклад отделения по охранению общ. безопасности», 3 апреля 1907 г. № 8283.

[3]) Д-т полиции был осведомлен, что убийца Лауница — «Адмирал», но кто скрывался под этой кличкой не было известно. Было предположение, что «Адмирал» — тамбовский боевик, сын священника Лебединского уезда, Евгений Федоров Кудрявцев, но сам департамент относился к этому предположению скептически. (Дело д-та п. 1907 г. № 1537, т. 3. Отнош. суд. след. москов. окр. суда Вольтановского от 15 сент. 1909 г. № 1338.)

с принятием особых мер предосторожности, в арестантском отделении при Трубецком бастионе 12 июля 1907 г.

Мы не располагаем следственным производством по этому делу и поэтому не знаем деталей его, но установлено, что защитниками Штифтара допущены были присяжные поверенные Кальманович и Андроников, а свидетелями — надзиратель с.-петербургской сыскной полиции Иван Корга и финляндская уроженка Ида Георгиевна Ванханен, первый как переводчик с финского языка, а вторая как свидетельница.

Следует отметить, что местожительство Иды Ванханен известно было только охранному отделению, куда и была направлена повестка ей с вызовом на суд.

Приговором от 12 июля оба обвиняемые присуждены к смертной казни через повешение. 16 июля он приведен в исполнение.

Перед смертью, на второй день после вынесения приговора (13 июля), Штифтар-Лебединцев обратился к коменданту Петропавловки с прошением, которое мы помещаем ниже.

В прошении этом он пишет: «Прошу Вас передать после моей смерти нижеписанное петербургскому физико-математическому факультету».

В прошении — решение задачи: деление всякого угла на три части.

Это прошение-завещание, было «подшито» к делу департамента полиции за 1907 год и пролежало «под спудом» до настоящего времени.

Дело специалистов-математиков оценить завещание Лебединцева по существу. Нам кажется, однако, что «прошение» это представляет большой интерес для историка-психолога. Тут много черт, свойственных революционеру, как типу. Иной лик, тоже типичный, глядит на нас из строк отношения коменданта крепости генерала Элисс на имя Курлова от 14 июля 1907 г. за № 733, при котором он направил в департамент прошение Лебединцева. Читатель думает — для исполнения воли завещателя? Нет!

«На тот случай, если Вы признаете нужным и возможным воспользоваться прошением для установления личности осужденного», — писал комендант Курлову.

Этот документ мы помещаем тоже.

«Прошение» назвавшегося Штифтаром написано на листе плотной нелинованной бумаги, убористым, очень разборчивым, прямым почерком, черными, хорошо сохранившимися чернилами. Первая и вторая страницы заняты текстом.

На третьей помещен чертеж № 3, исполненный от руки, тщательно и искусно. Передаем «прошение» совершенно точно *).

Вот текст прошения:

«Его высоко-превосходительству г-ну коменданту с.-петербургской крепости.

Содержащегося под стражею, назвавшегося Штифтаром

ПРОШЕНИЕ.

Прошу Вас передать после моей смерти нижеписанное петербургскому физико-математическому факультету.

Я давно не занимался математикой. Поэтому, быть может, мои заметки не имеют никакого значения — тогда остается их бросить в корзину. Если же они дают что-либо новое в вопросе о делении всякого угла на три части, то прошу их сделать общим достоянием.

---

*) Чертежи выполнены тов. Ликум в масштабе чертежей Штифтара.

Для того, чтобы задача деления всякого угла на три части была разрешена в п о л н е [1]), нужно (как видно будет из дальнейшего) разрешить одну из следующих задач: 1) Через точку M, данную внутри прямого угла (см. чертеж 3) провести прямую так, чтобы ее отрезок KZ равнялся бы двойному расстоянию точки M от вершины O прямого угла; или 2) Через точку M провести линию (ч. 3), так, чтобы отрезок ее ZK между сторонами прямого угла был бы равен двойному расстоянию точки M от вершины O прямого угла и так, чтобы этот отрезок н е делился в точке M пополам (через точку M можно провести две линии одинаковой длины, из которых одна в этой точке делится пополам). Задачу 2-ю можно заменить такой: через данную на окружности точку M провести секущую так, чтобы ее отрезок SK (черт. 3) или ZS равнялся бы радиусу окружности.

Я не разрешил ни одной из этих задач (быть может, они причисляются к тем задачам, которые называются неразрешимыми), но то, что я сделал, мне кажется, дает возможность п р а к т и ч е с к о г о деления всякого угла на три части с полной точностью.

Предварительно докажем, что: геометрическое место средин отрезков постоянной длины, заключенных между сторонами прямого угла, есть окружность, центр которой находится в вершине прямого угла, а радиус равен половине длины данных отрезков.

Доказ:

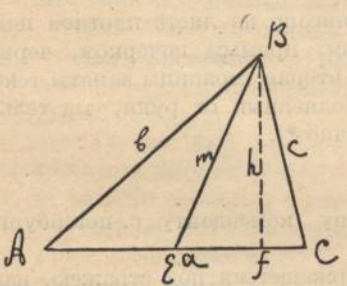
Известно, что во всяком треугольнике $b^2+c^2=2m^2+\frac{a^2}{2}$, где a, b и c суть стороны треугольника, а m_a — медиана стороны a. Действительно, пусть имеем треугольник ABC (черт. 1), тогда:

$$b^2=m^2+\frac{a^2}{4}+2EF \text{ (как квадрат стороны против тупого угла)}$$

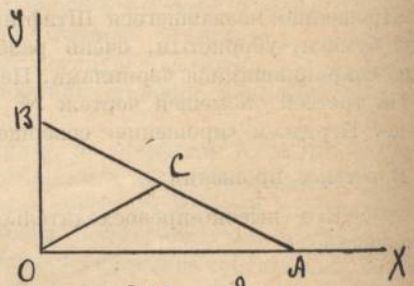
$$c^2=m^2+\frac{a^2}{4}\,2EF \text{ (как квадрат стороны против острого угла).}$$

Сложив почленно, получим:

$$b^2+c^2=2m^2+\frac{a^2}{2}. \quad \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots \quad (1)$$



черт. 1.



черт. 2.

Возьмем теперь прямой угол XOY (черт. 2) и между его сторонами отрезок AB. Соединим вершину угла O с серединой C линии AB.

На основании (1) имеем в треугольнике AOB:

$$OB^2+OA^2=2OC^2+\frac{AB^2}{2}.$$

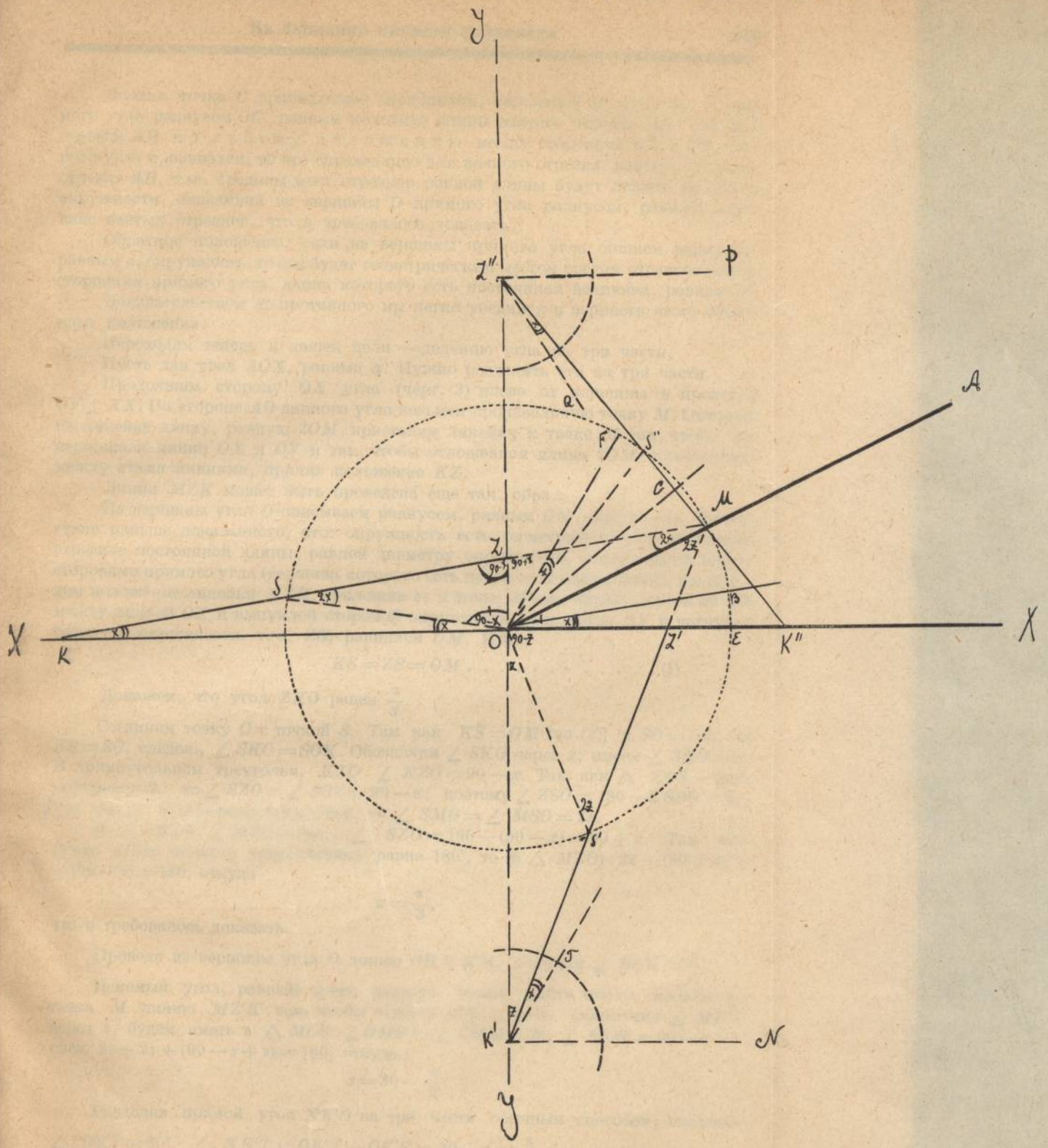
Но $OB^2+OA^2=AB^2$, следов.,

$$AB^2=2OC^2+\frac{AB^2}{2}, \text{ откуда}$$

$$OC=\frac{BA}{2}.$$

---

[1]) Разрядкой набраны выражения, подчеркнутые Штифтаром. *Прим. Ред.*



Черт. 3.

Значит, точка C принадлежит окружности, описанной из вершины O прямого угла радиусом OC, равным половине длины взятого отрезка AB. Так как отрезок AB по своему положению между сторонами OX и $OУ$ прямого угла произволен, то это справедливо для всякого отрезка, равного по длине отрезку AB, т.-е. средины всех отрезков равной длины будут лежать на одной окружности, описанной из вершины O прямого угла радиусом, равным половине взятых отрезков, что и требовалось доказать.

Обратное положение: если из вершины прямого угла опишем радиусом, равным a, окружность, то она будет геометрическим местом средин отрезков между сторонами прямого угла, длина которого есть постоянная величина, равная $2a$.

Доказательством от противного мы легко убедимся в верности этого обратного положения.

Переходим теперь к нашей цели — делению угла на три части.

Пусть дан угол AOX, равный α. Нужно разделить его на три части.

Продолжим сторону OX угла (черт. 3) влево от вершины и проведем $OУ \perp XX$. На стороне AO данного угла возьмем произвольную точку M. Отложив на линейке длину, равную $2OM$, приставим линейку к точке M так, чтобы она пересекала линии OX и $OУ$ и так, чтобы отложенная длина $2OM$, поместилась между этими линиями, приняв положение KZ.

Линия MZK может быть проведена еще так. обрз.:

Из вершины угла O описываем радиусом, равным OM, окружность. Вследствие раньше доказанного, что: окружность есть геометрическое место средин отрезков постоянной длины, равной диаметру окружности, заключенных между сторонами прямого угла (вершина которого есть центр этой окружности), мы находим положение линейки MZK, приложив ее к точке M так, чтобы отрезок ее KS между линией OX и выпуклой стороной окружности (или между $OУ$ и вогнутой стороной окружности, т.-е. ZS) равнялся OM. Итак,

$$KS = ZS = OM \ldots\ldots\ldots\ldots (1)$$

Докажем, что угол ZKO равен $\frac{\alpha}{3}$.

Соединим точку O с точкой S. Так как $KS = OM$ [по (1)] и $SO = OM$, то $KS = SO$, следов., $\angle SKO = SOK$. Обозначим $\angle SKO$ через x; имеем $\angle SKO = x$. В прямоугольном треугольн. KZO $\angle KZO = 90 - x$. Так как $\triangle ZOS$ — равнобедренный, то $\angle SZO = \angle SOZ = 90 - x$; поэтому $\angle ZSO = 180 - 2\,SZO = 2x$. Так как $\triangle SOM$—равнобедренный, то $\angle SMO = \angle MSO = 2x$.

В $\triangle MZO$: $\angle MZO = 180 - \angle SZO = 180 - (90 - x) = 90 + x$. Так как сумма углов всякого треугольника равна 180°, то ($b \triangle MZO$): $2x + (90 + x) + (90 - \alpha) = 180$, откуда

$$x = \frac{\alpha}{3},$$

что и требовалось доказать.

Проведя из вершины угла O линию $OB \parallel KM$, получим $\angle BOX = \frac{\alpha}{3}$.

Искомый угол, равный трети данного, можно найти также, проведя из точки M линию $MZ'K'$ так, чтобы отрезок $Z'K' = 2OM$. Обозначив $\angle MK'O$ через z, будем иметь в $\triangle MOS$: $\angle OMS' = \angle OS'M = 2z$; $\angle MOS' = 90 - z + \alpha$, след. $2z + 2z + (90 - z + \alpha) = 180$, откуда

$$z = 30 - \frac{\alpha}{3}.$$

Разделив прямой угол $NK'O$ на три части обычным способом, получим:

$\angle OKT = 30°$, $\angle S'K'T = OK'T - OK'S' = 30 - z = \frac{\alpha}{3}$.

Наконец, мы можем найти искомый угол, проведя через точку M линию $MK''Z''$ так, чтобы $K''Z'' = 2OM$. Обозначим $\angle Z''K''O$ через y. $S''K''O = S''OK'' = y$, что и требовалось доказать.

$S''OM = y - \alpha$; $OS''M = OMS'' = \frac{180 - S''OM}{2} = \frac{180 - y + \alpha}{2}$, но $OMS'' = 180 - OMK'' = \alpha + y$, следов.,

$$\frac{180 - y + \alpha}{2} = \alpha + y, \text{ откуда } y = MK''O = 60 - \frac{\alpha}{3}.$$

Отложив от точки E вверх $\angle FOE = 60°$, получим

$$\angle FOS'' = FOE - S''OK'' = 60 - y = \frac{\alpha}{3}$$

$\angle MZ''O = 90 - y = 30 + \frac{\alpha}{3}$. Значит, мы можем найти $\frac{\alpha}{3}$, проведя $Z''Q$ так, чтобы $\angle OZ''Q = 30°$, тогда $QZ''M = OZ''M - OZ''Q = 30 + \frac{\alpha}{3} - 30 = \frac{\alpha}{3}$.

Соединим точку O с серединой хорды $S''M$, т.-е с точкой C; тогда

$$\angle COX = \alpha + \frac{S''OM}{2} = \alpha + \frac{y - \alpha}{2} = \frac{y + \alpha}{2} = \frac{60 + \frac{2}{3}\alpha}{2} = 30 + \frac{\alpha}{3}.$$

Построив $\angle COB$, равный 30°, получим: $\angle BOX = \angle COX - \angle COB = 30 + \frac{\alpha}{3} - 30 = \frac{\alpha}{3}$.

13 июля 1907 г.

Комендант
С.-петербургской
крепости.
14 июля 1907 г.
№ 733.

Секретно.
В собственные руки.

Милостивый Государь
Павел Григорьевич.

Содержащийся в крепости, до приведения приговора суда в исполнение, под фамилией Штифтара представил мне через заведывающего арестованными прошение с просьбой представить решенную им математическую задачу в петербургский физико-математический факультет.

Препровождая подлинное прошение именующего себя Штифтаром, написанное им собственноручно, спешу представить Вашему превосходительству на тот случай, если Вы признаете нужным и возможным воспользоваться прошением для установления личности осужденного.

Прошу, Ваше превосходительство, принять уверение в глубоком уважении и совершенной преданности.

А. Эллис.

Его превосходительству
П. Г. Курлову.
И. д. директора
департамента полиции.

---

16 июля 1907 г. начальник с.-петербургского жандармского управления доносил по начальству: «Именовавшие себя Теодором Гронским и Владимиром Штифтар 16 июля, за усиленным конвоем унтер-офицеров вверенного мне управления и под наблюдением подполковника Собещанского, на пароходе речной полиции, были отправлены на «Лисий Нос», где в 5 час. 25 м. утра приговор над ними приведен в исполнение, при чем тела казненных там же преданы земле»...

Письмо Балашева к Столыпину.

Помещаемое ныне письмо к Столыпину давно уже утратило свой актуальный политический интерес, но оно весьма характерно во многих других отношениях. Чтобы понять его значение, нужно иметь в виду историческую обстановку, в которой оно вышло из-под пера Балашева. Это был момент крайне напряженного обострения между «народным представительством» и Столыпиным. Октябристская дума, а затем и совет отвергли закон о введении в шести западных губерниях — Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской — земского положения 12 июня 1890 г. Тогда Столыпин решился на отчаянный «конституционный» акт: 12 марта 1911 года он распустил думу на три дня, назначив сроком возобновления занятий 15 марта, и в созданный таким образом перерыв — междудумье — чрезвычайным указом царя от 14 марта провел отвергнутый законодательными учреждениями закон, воспользовавшись для этого 87 статьей основных законов. Как известно, 87 статья предоставляла право монарху на время прекращения занятий думы единоличной властью проводить законодательные меры, которые в установленном конституцией порядке (ст. 86 основ. зак.) должны были проходить через думу и совет. Чтобы создать хоть видимость юридического основания для применения 87 ст. осн. законов, изобретательный Столыпин просто взял и объявил перерыв в занятиях думы. Это вызвало взрыв негодования в «палатах» в думе и гос. совете, — и 15 марта в гос. думе был внесен ряд запросов премьер-министру Столыпину по поводу этих его действий, вместе с тем председатель думы Гучков сложил с себя председательские полномочия. Положение Столыпина политически осложнилось. Ни в думе, ни в совете на этот раз ему не на кого было опереться, так как только наиболее ретроградная часть «народных представителей» могла еще оказать ему кое-какую поддержку, — но для Столыпина такая «поддержка» граничила с политическим скандалом. С ответом на внесенный запрос в думе Столыпин выступил в заседании 27 апреля. Письмо Балашева, написанное через пять дней после возобновления занятий думы и внесения запросов, приподымает кусочек завесы, скрывающей закулисную сторону свойственных буржуазному парламентаризму политического интриганства, продажности и вероломства. Одновременно с этим балашевское письмо довольно красноречиво говорит о том, как политические руководители буржуазии относились к «представительству», которое создавалось только с целью одурачения демократических простаков. Оно нужно было постольку — поскольку...

В своей речи на запрос гос. думы Столыпин, если и не в полной мере, все же воспользовался советом ретивого Балашева, изложенным в письме. Он противопоставил думе царя и правительство, заявивши, что воля монарха не подлежит критике. «Правительство ясно отдавало себе отчет, — говорил Столыпин, — что оценка законодательными учреждениями акта верховной власти представляет из себя юридическую невозможность». Тем не менее, в переходе к очередным делам гос. дума постановила признать, «что председатель сов. министров, представляя на высочайшее одобрение журнал совета министров относительно принятия меры о применении положения о губ. и уездных земских учреждениях 12 июня 1890 г. в губерниях: Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской, Подольской, нарушил ст. 87 зак. основных и тем совершил акт незакономерный».

Многоуважаемый

Петр Аркадьевич! [1])

Quand le vin est tiré, il faut le boire... (ou bien le laisser boire á d'autres) [2]).

---

[1]) Подлинник хранится в Древлехранилище Московского Историч. Архива в отделении поместно-вотчинном, в частном архиве кн. Вяземского.

[2]) Перевод: Коль вино добыто — его нужно пить (или дать его выпить другим).

Не зная Ваших соображений, я не могу судить о том, насколько был верен или ошибочен тот шаг, на который Вы решились, повидимому, не сговорившись предварительно с «октябристами».

Но теперь поздно об этом рассуждать: надо исправить дело и воспользоваться создавшимся положением, чтобы из «худа извлечь и добро».

С госуд. советом особенно стесняться нечего, ввиду того, что половина его членов назначается короною; но с думою дело обстоит иначе.

Очевидно, что отныне она будет Вам враждебна — не только в нынешнем ее составе[1]). Поэтому, если распустить ее и назначить новые выборы, при существующем ныне избирательном законе, то следующий состав ее будет, конечно, еще хуже настоящего.

Для успеха же Вашей политики, Вам необходимо встретить в думе сочувствие преобладающих в ней партий, а еще лучше — если б создалась одна правительственная группа, от слияния «националистов» с «правыми октябристами», ибо вся соль Вашей политики — вся ее оригинальность и духовная мощь — заключается именно в здоровом национальном чувстве, т.-е. в единственном жизненном начале, способном вывести наше государство на указанный ему самой историей путь.

Это Вы, Петр Аркадьевич, быть может, первый у нас поняли, и поверьте, что именно этот характер Вашей деятельности и дал Вам обаяние и силу.

Только не надо сходить с этого верного пути и итти на компромиссы и полумеры, которые никого и никогда не удовлетворяют.

В настоящую минуту весь вопрос сводится к следующему: можете ли Вы способствовать образованию такой достаточно многочисленной партии, на которую Вы будете в состоянии опереться и которая, в свою очередь, будет опираться на сочувствие всей «русской» (патриотической) России. Если да, то и нечего колебаться: сделайте — в той или другой форме — необходимые уступки думскому самолюбию, принося в жертву «великому делу» Ваше собственное самолюбие, и пусть тогда обе стороны забудут прошлое. Если же — как мне сдается — достигнуть этого будет теперь уже трудно, то я вижу для Вас один только ясный и логический образ действия — это: роспуск Думы.

Но что значит в настоящий момент такой роспуск? Очевидно, при новых выборах — но по существующему ныне избирательному закону — состав следующей думы будет несомненно хуже настоящего, значит надо будет и ее распустить, и так далее.

А тем временем придется управлять Россией без участия народного представительства т.-е. на основании прежнего бюрократического режима, чуть было ее не погубившего. Избавь нас бог от такого несчастия.

В таком случае уж лучше уходите, но помните, что этим Вы фактически установите у нас «парламентаризм», ибо признаете, — не на словах, а на деле — что доверие царя к министру бессильно без доверия к нему думы. Не приведи господи и такой напасти.

Поэтому остается лишь один способ выйти из настоящего запутанного положения — это: явиться на думский запрос с роспуском в кармане и, по обнаружении ее несговорчивости, немедленно ее закрыть и приступить к пересмотру и тщательной переработке избирательного закона, т.-е. доделать то, что было начато Вами столь блестяще 3 июня 1906 г. [1]), как я писал Вам еще на этих днях.

Сознаю вполне, что Вы создадите себе этим заклятых врагов из всех наших «радикалов» (которые ведь и сейчас не особенно к Вам расположены), но взамен сего Вы приобретете себе горячих поклонников в среде

---

[1]) Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в подлиннике.

[1]) Здесь неточность в дате года: не 1906 г., а 1907 г. *Прим. Ред.*

истинных консерваторов и патриотов, да в придачу еще — и множество сторонников из числа нетвердых в своих убеждениях людей, идущих всегда за блеском и силою и составляющих везде большинство. А главное при этом то, что для всех станет ясно: чего Вы хотите, и — поверьте, Петр Аркадьевич, что для масс это служит всегда самым убедительным аргументом в пользу правоты того, кто сумеет внушить им такую уверенность.

Настоящий «запрос», я считаю вызовом, брошенным заблуждающимися подданными своему государю. Они, видимо, не сообразили, что Вы являетесь ставленником его, а не «парламента», и что Вы поступили согласно его воле, основанной на существующем ныне в России, фактически и юридически, «государственном праве», толкование коего никаким законом не присвоено нашему «народному представительству».

Роспуск думы напомнит всем эту истину; но этот шаг будет целесообразен и полезен лишь тогда, когда вслед за ним явится пересмотр и переделка «избирательного закона», а вместе с тем и некоторых самих «основных законов». Об этом я писал Вам уже не раз подробно.

Сделайте все это предстоящим летом, и в октябре соберите «обновленную», достойную России, думу, основанную преимущественно на земских силах — самых у нас устойчивых и надежных, и тем же временем введите на основании 87 статьи равноправие русских в Финляндии; возврат России Выборгской губернии и столь важных для безопасности столицы «шхер», выделите из состава «царства польского» многострадальную «Холмскую Русь»; установите окончательно принцип «черты оседлости» для евреев и полное устранение их от школы, суда и печати.

Пока Вы не исполните означенную «национальную» программу, Вы не имеете права уходить, ибо крушение этих наших надежд было бы неисправимым несчастием для России и для ее государя. Поэтому взываю в этом случае к Вашему, Петр Аркадьевич, патриотизму, к Вашей совести. Покинуть теперь дело, не доведя его до конца и рискуя его провалом — было бы, по крайнему моему разумению, прямо преступно, ибо способствовало бы анархии сверху до низу.

Главное же: дайте нам, наконец, честную, разумную, истинно патриотическую думу; тогда и все остальное «приложится».

На предстоящий шутовской «запрос»: «известно ли Вам» и т. д. и «что Вы намерены сделать» и пр. я бы отвечал, примерно, так:

«Я исполнял тогда — и впредь буду исполнять — волю моего и вашего самодержавного государя, — того самого, которому вся Россия (в том числе и мы с вами) обязана дарованными нам политическими правами, злоупотреблять коими было бы и преступно и безрассудно, ибо это доказало бы только то, что мы их еще не достойны. Раз вы обращаетесь ко мне, то я считаю своим долгом сказать вам, что не время теперь тормозить действия «правительства его величества» пустою «оппозицией для оппозиции», помимо соображений о предмете оной. А таковою именно является отклонение закона о земстве в Западном крае, которому, как всем известно, эта реформа необходима. А ведь этот многострадальный край составляет чуть ли не четвертую часть Европейской России. Много у нас на очереди жизненных вопросов, разрешение коих страна ждет уже годами от вас, как-то: вопрос о равноправии русских в Финляндии... (и какие там еще имеются в думе)... и пр. Но ими Дума не удосужилась еще заниматься, а предпочитает тратить массу своего драгоценного — и весьма дорого оплачиваемого народом — времени на препирательство по поводу предметов иногда ничтожных и не имеющих ничего общего с пользами и счастием страны, которая послала вас сюда, и судьбы которой вверены провидением заботам нашего монарха. Может ли он не принимать их к сердцу?

«Поэтому, говорю вам следующее: если вы желаете работать вместе с

правительством его величества, оно готово итти к вам навстречу по мере своих сил; если же нет, то вы этим принудите его работать без вас, ибо работать — т.-е. управлять Россией — все же надо. Выбирайте».

И тогда им останется одно из двух.

Думаю, что в настоящее время произойдет скорее последнее, и я убежден, что это будет великим счастием для России по той причине, что принудит государя взяться за коренные реформы в нашем законодательстве и прежде всего — построить народное представительство на более совершенном, т.-е. более свойственном нам «з е м с к о м» начале, и затем — согласовать 86 и 87 ст. «основных законов» и сообразовать некоторые другие с требованиями принципа «самодержавия», от которого нам рано еще отказаться.

Приложите же, Петр Аркадьевич, руку к этому благотворному делу; не отступайте перед противником, и Вы, по своему обычаю, победите его, несомненно, вновь на благо нашей родины.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

И. Балашев.

20 марта 1911 г.

Сообщил *М. Константинов.*

Письмо Гапона.

Настоящее письмо написано было Гапоном в половине января 1906 г. и адресовано министру внутренних дел П. Н. Дурново. Происхождение его таково.

После 9 января Гапон, как известно, скрылся за границу. Здесь он вошел в сношение с революционными партиями, в частности с партией с.-р., даже вступил в последнюю партию, но затем, порвав связь с с.-р., стал собираться в Россию для каких-то скрываемых им целей. В это время был за границей охранник — Е. Медников. Он виделся с Гапоном. Результатом свидания было — возобновление Гапоном прерванных событиями 9 января сношений с департаментом полиции. Действительно, по приезде в Россию Гапон стал хлопотать об открытии всех отделов общества рабочих, закрытых правительством после 9 января, и в то же время вошел в близкие и постоянные сношения с заведующим заграничной агентурой Рачковским. Однако для работы в контакте с полицией последней необходима была реабилитация Гапона ввиду его резко революционных выступлений после 9 января. Поэтому Рачковский в качестве такой реабилитации потребовал от Гапона письма к Дурново, в котором он засвидетельствовал бы свой разрыв с революцией и перемену в отношении своем к правительству. Гапон сначала отказывался исполнить это требование, но затем согласился. Надо заметить, что в это время Гапон уже был заподозрен партийными кругами в сношениях с полицией, и член партии с.-р. Рутенберг задался целью выследить его и, получив несомненные доказательства предательства Гапона, покончить с ним. В то же время Рачковский хотел через Гапона заполучить себе некоторых из более видных революционеров, в их числе Рутенберга. И Гапон склонял к этому Рутенберга и старался свести с этой целью Рачковского с Рутенбергом. Таким образом между Гапоном и Рачковским, с одной стороны, и Рутенбергом, с другой — установилась связь. И Рутенберг получил возможность стать в курсе деятельности Гапона и раскрыть настоящие мотивы ее. Между прочим, Гапон показывал Рутенбергу свое письмо к Дурново. А когда произошло первое свидание Рутенберга с Рачковским и Гапоном, то Рачковский рассказал своим собеседникам о том впечатлении, которое произвело это письмо на Дурново, а также и на Витте.

По словам Рачковского, в передаче Рутенберга, Витте сказал: «Гапон хочет меня вы...ть, но это ему не удастся».

Дурново же, дойдя до фразы, где Гапон, излагая события 9 января, говорит, «что особа государя для него священна,

но интересы народа также, рассвирепел и швырнул от себя бумагу» [1]). Таким образом письмо дошло по назначению, но оставило не то впечатление, на которое рассчитывал его автор, в то же время дало Рутенбергу лишнюю улику против Гапона. Вскоре после этого, т.-е. 28 марта, Гапон был убит в Финляндии на даче в Озерках.

Письмо извлечено из архива Витте (папка с письмами), № 1/5, д. 310, хранящегося во II отделении Госархива.

На оригинале, представляющем собой «копию с копии», подписи Гапона нет.

Копия с копии.

Письмо Гапона в январе или феврале 1906 г. [2]).

Ваше высокопревосходительство.

Вам должно хорошо быть известно, как я беззаветно отдавал себя на службу пролетариату до 9 января. И результат сказался скоро: не прошло года, как из небольшой кучки преданных мне рабочих, без всякой материальной поддержки со стороны правительства, несмотря на все нападки социал-демократов и социалистов-революционеров, несмотря на все недоверие со стороны интеллигенции, буквально на гроши рабочих, выросло, сравнительно, большое общество, так называемые 11 отделов «Собрания» рабочих. Ключом била в них жизнь, потому что в основе общества лежала правда и потому что в нем была «душа жива». Оно исключительно преследовало цели, намеченные в § 1 своего устава, и не помышляло итти вместе против существующей династии. Наоборот, как для меня, так и для членов рабочего общества личность его императорского величества всегда была священна и неприкосновенна во всех отношениях. Признаюсь, что в своих частных кружках мы допускали иногда критику бюрократического режима, постольку, поскольку это касалось рабочего дела и народного блага. Будь со стороны правительства вообще и в частности со стороны министерства финансов и высшей фабричной инспекции должное внимание к обществу, как к барометру настроения рабочих масс, «Собрание» русских фабрично-заводских рабочих явилось бы прочной базой для разумного профессионального и рабочего движения в России.

9 января — роковое недоразумение. В этом, во всяком случае, не общество виновато со мной во главе. Я за $1^1/_2$ месяца, различая знамение времени, указывал печатно («Русь») и словами (г. Фуллону) на сгущенную и наэлектризованную атмосферу настроения рабочих масс. Я говорил г. г. Фуллону и Муравьеву [3]) о необходимости мирно разрядить эту атмосферу, использовать во благо как государя, так и обездоленного русского народа. Я далее все делал, чтоб не совершилось пролития неповинной крови, чтобы не было кровавого воскресения.

Так, между прочим, за несколько дней до 9 января я вошел в сношение с крайними партиями и потребовал, чтоб не выкидывали красных флагов во время шествия и чтобы это мирное шествие народа к своему царю не превращалось в демонстрацию, в протест «красных»; я действительно с наивной верой шел к царю за правдой, и фраза: «ценой нашей собственной жизни гарантируем неприкосновенность личности государя» (смотри письмо к царю, написанное мной и товарищами) [4]) не

---

[1]) Дело Гапона. «Записки Рутенберга», «Былое», 1917 г., № 2, стр. 30—32.

[2]) Так в оригинале.

[3]) О переговорах Гапона с Фуллоном см. в кн. «Записки Георгия Гапона». М. 1918, стр. 59—61. О переговорах с Муравьевым, там же, стр. 64—65. Последний разговор закончился фразой Муравьева: «Я исполню свой долг».

[4]) Письмо к царю, настойчиво убеждающее его принять депутацию рабочих и гарантирующее его неприкосновенность, помещено в цит. книге, стр. 63.

была пустой фразой. Но если для меня и для моих верных товарищей особа государя была и есть священна, то благо всего русского народа для нас дороже всего. Вот почему я, уже зная накануне 9, что будут стрелять, пошел в передних рядах, во главе, под пули и штыки солдатские, чтобы своею кровью засвидетельствовать истину — именно неотложность обновления России на началах правды.

9 января совершилось, к сожалению, не для того, чтобы послужить исходным пунктом обновления России мирным путем, под руководством государя с возросшим сторицею его обаянием, а для того, чтобы послужить исходным пунктом — начала революции.

Естественно, я скорее под влиянием возмущенных чувств гнева и мести за неповинную кровь народных мучеников, нежели под влиянием истины и разума, впал в крайность (см. прокламации). Первым провозгласил лозунг— вооруженное восстание, временное революционное правительство (см. письмо в интернациональное Бюро), из всех сил старался привести к соглашению существующие в России социалистические и революционно-демократические партии (см. конференция) [1]) для планомерных боевых действий. Но мало-по-малу чад начинал проходить... Густой туман, окутавший было мой ум и мое сердце, начинал рассеиваться... Разум входил в свои права... К концу уже конференции меня взяло сомнение: да хорошо ли я поступаю? куда иду? Принесет ли все это пользу бедному нашему народу?.. И я, несмотря на просьбы участников конференции, не подписал ее декларации, ее постановления.

Познакомившись хорошенько с партиями, я не вошел ни в одну из них — разочаровался в них... [2]).

Повидавшись же со своими товарищами рабочими и прикоснувшись непосредственно с русской действительностью, я понял свою грубую ошибку и мужественно, открыто сознался в ней (см. «Наша Жизнь», интервью) и прежде чем вошел в какие-либо сношения с представителем г. Витте [3]), я мужественно и открыто пошел против вооруженного восстания (см. многие беседы за границей, интервью, а также и письмо в Организационный Центральный Комитет рабочих) и против стачки (см. телеграмма своим товарищам-рабочим) прежде чем началась последняя стачка или вооруженное восстание в Москве.

Все это я сделал по глубокому убеждению, что единственный исход, гарантирующий благо России и государя, есть закономерное устройство России

---

[1]) В начале апреля 1905 г. в Женеве состоялась при участии Гапона и по его предложению общепартийная конференция, на которой присутствовали представители партии с.-р., польской соц. партии, армянской революц. федерации, финляндской партии активного сопротивления, грузинской соц.-федералистов революционеров, латышского с.-д. союза, белорусской соц.-громады. В декларации, составленной конференцией, выдвигалась необходимость поднятия во всей стране вооруженного восстания. Первоначально приняли участие в конференции также РС-ДРП, в лице представителей от редакции «Вперед» и от Бюро Комитетов Большинства. Но после первых же заседаний ввиду принципиальных разногласий, представители РС-ДРП покинули конференцию. (См. подробности об этом: Собр. соч. В. И. Ленина, т. VI (изд. 1922 г.), стр. 187 — 190. Там же пригласительное письмо на конференцию Гапона, стр. 85—87, и декларации конференции, стр. 190—191.)

[2]) Гапон по приезде за границу в 1905 г. в марте был принят в партию с.-р., но впоследствии был исключен из партии.

[3]) Имеются в виду переговоры Гапона о возобновлении его рабочих организаций через Мануйлова-Манусевича, тогда прикомандированного к канцелярии мин. финансов, а потом известного аферист и дельца эпохи «распутинщины», — при поддержке кн. Мещерского. По свидетельству самого Витте (Восп., т. II, стр. 152) он не только не принял Гапона, но потребовал высылки его за границу См. также ст. Н. Петрова «Гапон и гр. Витте» («Былое» № 29, стр. 15 — 27.)

на началах, возвещенных с высоты престола манифеста 17 октября.

В этом убеждении я теперь остаюсь и останусь. И в духе такого своего убеждения я готов работать на пользу родины так же беззаветно, самоотверженно и бесстрашно, как работал на народной ниве и до 9 января. Зная себя, могу сказать, что, взявшись за плуг, не оборочусь назад. Я кончил, Ваше превосходительство.

Сообщил *В. Алексеев.*

Охранник об аресте участников 1 марта 1887 года.

В деле канцелярии с. е. и. в. по принятию прошений (3 отд., 2 стол № 1663, 1909 г.) под названием «О пенсии полицейского надзирателя Виктора Федоровича Борисова», в числе прошений Борисова на высочайшее имя об увеличении пенсии сохранился нижеприводимый документ. Из него выясняется роль и «служебные заслуги» просителя-охранника и раскрываются некоторые одробности ареста участников предполагавшегося террористического акта 1 марта 1887 года. Подробности события 1 марта излагаются автором по памяти, спустя двадцать слишком лет, и не совсем точно; поправки даны в примечаниях. Из слов просителя Борисова, что он в третий раз обращается с просьбой, следует, что не всех «охранников» жаловали щедро за царскую службу, — это-то и побудило автора взяться за перо и вычислить свои «заслуги перед царем» и вред, нанесенный им делу революционной партии тех дней. Как материал, как воспоминание очевидца, документ имеет значение, так как событие 1 марта 1887 г. до сих пор еще слабо освещено в литературе. Отметим своеобразный стиль этого малограмотного автора; обращают на себя внимание выражения «проходя службу за политическими преступниками» и др. Подлинник находится в Ист.-Революц. Архиве (III-е отделение Ленингр. Отделения Центрархива).

Ваше императорское величество государыня всемилостивейшая Мария Феодоровна

верноподданного Вашего императорского величества личного почетного гражданина Виктора Федорова Борисова, жительствующего в СПБурге, Петербургская сторона, Большая Зеленина ул., д. № 16, кв. 29,

Всеподданнейшее прошение.

Прослужа при СПБургском охранном отделении 20 лет, 4 года вольнонаемным агентом, а остальные 16 лет полицейским надзирателем, имею от роду 57 лет, принужден был по расстроенному здоровью подать в отставку с 1 марта 1906 года.

Все 20 лет, проходя службу за политическими преступниками, от чего и потерял здоровье.

28 февраля 1887 года я с полицейским надзирателем Тимофеевым, наблюдая за одним политическим преступником около дома, где он проживает, мы заметили, что к нему пришел его товарищ в 9 часов утра, за которым тоже было наблюдение, и следовали за ним полицейские надзиратели Свергунов и Сверздин [1]). Через несколько минут оба наблюдаемые вышли вместе, имея при себе по круглому свертку, завернутые в бумагу, и отправились на Невский проспект. Прийдя на проспект, стали тихо ходить взад и вперед, начиная от Полицейского моста до Аничковского дворца. Вскоре к ним присоединились еще три их товарища. у одного из них имелась при себе большого формата толстая книга, и начали

---

[1]) Андреюшкин вашел за Генераловым. *Прим. автора.*

ходить все вместе. Двое из них, строго следили за проезжающими, идя немного впереди [1]). Мы, наблюдая за ними, и как бы предчувствуя что-то неладное, переговорили между собою, пришли к заключению, что они ходят не без цели, и ноши их подозрительны, с которыми они ходят очень осторожно, и что в это время бывает по Невскому проспекту высочайший проезд [2]). Тогда мы решили, одному из нас сейчас же ехать в охранное отделение, и доложить начальству о нашем сомнении. Один из нас поехал с докладом, а мы остальные трое стали держаться к ним ближе, и в случае высочайшего проезда преградить им путь и обезоружить их от злого их умысла, если таковой у них есть. Около 5 часов пополудни мимо нас изволили проследовать в санях Ваше императорское величество из Аничковского дворца по направлению к Полицейскому мосту по Невскому проспекту. Наши наблюдаемые это видели и остановились и, что-то между собою поговорив ушли, с Невского проспекта и разошлись в разные стороны. Трое из них с ношами были доведены нами до их квартиры. Все проходит по Невскому проспекту с 10 часов утра до 5 часов пополудни.

Окончив наблюдение, мы доложили своему начальству о всем нами замеченном. Распоряжение начальства последовало так: если наши наблюдаемые будут продолжать ходить по улицам, где предполагается высочайший проезд и на следующее время, то их арестовать, а лучше бы, если можно, не трогать их впредь до распоряжения департамента полиции. На другой день, 1 марта, нам дали в помощь еще трех агентов: Шевелева, Шелонкова и Варламова, и все мы семь человек заняли наблюдение у тех же домов, как и накануне. В те же часы, утром, один к другому пришел наблюдаемый и через несколько минут вышли вдвоем с теми же свертками и отправились опять на Невский проспект. Тогда нам стало ясно, что тут неблагополучно и, не допустив их до Невского проспекта мы решили их арестовать с помощью стоявшего на посту городового, и отправили их в охранное отделение, где ноши их оказались метательными снарядами [3]). Тогда мы сейчас же были посланы на Невский проспект, в помощь дали нам еще двух агентов: Стаина и Новака, арестовать, если попадутся нам и следующие их сообщники, бывшие с ними накануне на том же проспекте. Выйдя на Невский проспект, мы встретили тихо прохаживавшихся по проспекту, поодиночке друг от друга, на порядочном расстоянии их сообщников, бывших с ними накануне, арестовали их с помощью городового и отправили в охранное отделение. Один из них был с книгой, как и накануне, впоследствии оказавшийся снаряд, вделанный в книгу [4]).

Все задержанные заявили, что они принадлежат к тайному преступному обществу, а отобранные при них ноши в числе трех, по осмотре их экспертами, оказались снарядами, заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином, большой разрушительной силы.

Арестованные оказались студентами С.-петербургского университета. Цель их была — караулить проезд государя императора и снаряды бросить под следовавший с ним экипаж.

В тот же день, после ареста преступников, состоялся проезд его и Вашего императорских величеств в Петропавловскую крепость.

После всего этого мы поблагодарили бога, что такая грозная туча миновала

---

[1]) С бомбой в виде книги—Осипанов. «Следили» — сигнальщики Волохов, Гаркун и Канчер. *Прим. Ред.*

[2]) Относительно подозрительности ноши и в частности толстой книги — это, повидимому, позднейшее впечатление Борисова и других охранников, не ожидавших встретить метательные снаряды и не обративших тогда, в частности, внимания на бомбу-книгу. *Прим. Ред.*

[3]) Речь идет об Андрюшкине и Генералове, арестованных у главного штаба. *Прим. Ред.*

[4]) 1 марта в разных частях Невского проспекта были арестованы сигнальщики Волохов, Гаркун, Канчер и с книгой-бомбой Осипанов. *Прим. Ред.*

Ваши императорские величества, августейшее семейство и всю Россию.

9 того же марта, согласно воле государя императора, все мы, участвовавшие в этом деле, в числе одиннадцати лиц: Тимофеев, Стаин, Свергунов, Шевелев, Сверздин, Новак, Борисов [1]) и два городовых, помогавших нам при арестах, были представлены нашим начальником полковником Секеринским в Гатчинском дворце его и Вашему императорскому величествам в присутствии всего августейшего семейства, где его величество изволил благодарить нас за нашу службу и, обходя каждого из нас отдельно, выдал нам по золотой шейной медали с подписью «за усердие» на александровской ленте и по 1.000 рублей денег [2]).

В скором времени после этого нам было объявлено через министра внутренних дел бумагою под расписку, что его императорскому величеству угодно, чтобы мы еще послужили на этой службе [3]). Выслушав прочитанную нам эту бумагу, мы с более усиленной энергией стали служить царю и отечеству, доколе у нас у каждого хватило сил и здоровья.

---

[1]) Здесь пропущены еще два охранника—Шелонков и Варламов. *Прим. Ред.*

[2]) В прошении Борисова царю от 26 мая 1906 г. эта сцена передается более подробно. «9 марта, согласно воле государя императора, все мы в числе 9 лиц и двух городовых, помогавших нам в аресте, были представлены в Гатчинском дворце их величествам в присутствии всего августейшего семейства, где его величество изволил благодарить нас за верную и преданную ему службу и сказал: «Поберегите меня и впредь». При этом из собственных рук его величество выдал нам, обходя каждого отдельно, по золотой шейной медали с надписью «за усердие» на александровской ленте и по 1.000 рублей денег в пакете». *Прим. Ред.*

[3]) В прошении от 26 мая 1906 г. добавлено: «Его величество еще раз благодарил нас и желает, чтобы мы еще послужили на этой службе». *Прим. Ред.*

За это дело из нас пять человек: Тимофеев, Свергунов, Шевелев, Стаин и Сверздин получили с того же времени пенсию из департамента полиции по 300 рублей в год, остальные же: Варламов, Шелонков, Новак и я, Борисов, не были представлены к пенсии и не получили [4]).

По выходе в отставку, мне положили пенсию за выслугу лет 250 рублей в год, что с женою очень трудно существовать на эту пенсию.

По выходе в отставку в том же 1906 году, я дерзнул подать всеподданнейшее прошение на имя его императорского величества государя императора через канцелярию его величества по принятию прошений, где всеподданнейше просил о великой монаршей милости об увеличении мне пенсии, на что получил ответ через ту же канцелярию от 2 декабря того же года за № 67526, что назначена мне пенсия по 250 рублей в год, дело же по всеподданнейшему прошению дальнейшим производством прекращено.

Сего 1908 года 21 апреля я дерзнул подать всеподданнейшее прошение на имя Вашего императорского величества через канцелярию Вашего величества и просил о таковой же высокой милости, на что получил ответ через департамент полиции от 8 июля за № 48725, что прошение мое оставлено без последствий.

Находясь в трудном положении и нигде не служа на службе, я в третий раз дерзаю повергнуть к стопам Вашего императорского величества о даровании мне высокой милости об увеличении пенсии или пособия, что усилит мои мольбы к господу богу за священную особу Вашего императорского величества и всего августейшего семейства.

Вашего императорского величества верноподданный почетный гражданин Виктор Федоров *Борисов*.

1909 года, января 9 дня.

Сообщила *В. Азлецкая*.

---

[4]) В прошении от 26 мая 1906 г. указывается, что первым пяти пенсия была назначена из кабинета е. и. в. *Прим. Ред.*

Похороны Гоголя.

1.

«21 февраля 1852 года в Москве умер Гоголь. Это не могло не стать заметным событием. Белокаменная приняла смерть великого писателя очень близко к сердцу, и даже генерал-губернатор гр. Закревский, этот почти сказочный изувер и — выражаясь языком современности — типичный черносотенец, не только присутствовал на похоронах, он облачился в андреевскую ленту, которой как бы подчеркивал торжественность и важность минуты», — так писал М. К. Лемке в 1906 г. [1]). — Лемке ошибся насчет «искренности» Закревского, явившегося в парадной форме на похороны: вовсе не «торжественности и важности минуты» ради был в университетской церкви Закревский. Приводимое ниже письмо Закревского шефу жандармов Орлову приоткрывает завесу над его действиями в те дни и обнажает «полицейские» цели его присутствия.

Закревский спустя неделю после похорон Гоголя писал (заметим, довольно безграмотно) своему другу шефу жандармов Орлову: «Любезный друг граф Алексей Федорович, письмо твое от 19 числа я получил, искренно сожалею о постигшем Вас горе [2]). Я воображаю, как тяжела была эта потеря для графини Ольги Ал. [3]). Нада [4]) переносить все с твердостью и возложить упование свое на волю всевышнего.

Благодарю тебя, что ты видел Лиденьку [5]). Шалости ее принесли мне много горя по милости корыстолюбивого и обжорливого ее мужа [6]).

Очень рад, что баронесса Зейбар уезжает за границу. Пускай отличается в Париже и приносит утешение своему отцу.

О совратителе рекрута, который не принял присяги, по окончании следствия будет представлен [доклад] в непродолжительном времени.

Нужным считаю сообщить тебе следующее: славянофилы с того времени, когда не велено было носить бород, упали духом, но в настоящее время, когда умер известный писатель Гоголь, живший у бывшего одесского градоначальника графа Толстого, славянофилы: Алексей Хомяков, Константин и Сергей Аксаковы, Александр Ефремов, Петр Киреевский, Александр Кошелев и магистр Попов, бывший в 1847 г. в Черногории, собравшись к графу Толстому и найдя у него некоторых лиц, начали рассуждать, где должно отпевать Гоголя. Когда на это бывший там профессор Грановский сказал, что всего приличнее отпевать его в университетской церкви, как человека, принадлежащего некоторым образом к университету, то все вышеписанные славянофилы стали на это возражать, говоря: «К университету он не принадлежит, а принадлежит народу, а потому как человек народный и должен быть отпеваем в церкви приходской, в которую для отдания последнего ему долга, может входить лакей, кучер и всякий, кто пожелает, а в университетскую церковь подобных людей не будут пускать».

Когда об этом объявил мне попечитель университета, то я в то же время для прекращения всех толков и споров славянофилов приказал Гоголя, как почетного члена сдешнего университета непременно отпевать в университетской церкви, согласно полученному прежде сего от митрополита согласию. Но когда пришло время выносить тело Гоголя из квартиры графа Толстого в университетскую церковь, митрополит прислал сказать попечителю, что хотя он прежде и дозволил отпевать тело Гоголя в университетской церкви, но теперь он не может на это согласиться потому, что по просьбе его родственников он раз-

---

[1]) См. его статью «Арест и ссылка И. С. Тургенева в 1852 г.» («Рус. Мысль», 1906 г., кн. II, стр. 16).

[2]) 18 февр. 1852 г. Орлов похоронил тещу — гр. Ржевусскую.

[3]) Жена Орлова.

[4]) Орфография подлинника.

[5]) Лиденька — Лидия Арсеньевна, дочь Закревского.

[6]) Мужем Лидии А. был в то время гр. Дм. Карлович Нессельроде (сын канцлера).

решил им отпевать его в церкви приходской. По получении такового извещения попечитель тотчас отправился к митрополиту и объяснив ему, что у Гоголя нет здесь родных и что я уже приказал по изъявленному митрополитом согласию непременно отпевать его в университетской церкви, получив от митрополита вторичное согласие и приехав ко мне, рассказал, что все это делалось, как он узнал, по проискам славянофилов. После сего приказано было от меня находится полиции и некоторым моим чиновникам, как при переносе тела Гоголя в церковь, так равно и до самого погребения.

А чтобы не было никакого ропота, то я велел пускать всех без исключения в университетскую церковь. В день погребения народу было всех сословий и обоего полу очень много, а чтобы в это время все было тихо, я приехал сам в церковь.

Упорные действия и сильные настояния славянофилов при похоронах Гоголя заставили меня усилить за ними строгий секретный надзор.

Будь здоров. Искренно тебя целую.

Верный твой друг
Граф А. Закревский.

29 февраля 1852.
Москва [1]).

О похоронах Гоголя сберег ценные подробности в воспоминаниях И. С. Тургенев, поплатившийся ссылкой в родную деревню за статью по поводу смерти Гоголя. Когда статья Тургенева не появилась в журнале, он, встретившись на улице с издателем, спросил, что бы это значило? «Видите, какая погода», отвечал он иносказательною речью: «и думать нечего». — «Да, ведь статья самая невинная», заметил я. — «Невинная ли, нет ли», возразил издатель: «дело не в том; вообще имя Гоголя не велено упоминать. Закревский на похоронах в андреевской ленте присутствовал: этого здесь переварить не могут» [2]). У Тургенева, повидимому, заимствовал конкретную подробность о Закревском (в ленте) М. К. Лемке. Сообщение И. С. Тургенева совпадает с показаниями самого Закревского, на которого, очевидно, косо посмотрели за появление в ленте на похоронах, и он, может быть, решил оправдываться в письме. Различно, однако, истолкование факта присутствия в ленте Закревского им самим и современниками, — для нас это и важно. Письмо Закревского обнажает закулисную сторону дела, называет прямую причину появления его на похоронах в андреевской ленте. Показания Закревского заподозрить в неточности освещения факта нет оснований: они всецело подтверждаются как его отношением к славянофилам, так и свидетельствами близких участников события А. С. Хомякова, Н. Ф. Павлова и др. Припомним подробности событий тех дней.

2.

Когда Гоголь не был еще похоронен, Хомяков, подавленный личным горем [3]), писал А. Н. Попову: «Только что удар упал на мою голову, — новый... последовал за ним: Николинкин крестный отец, Гоголь наш умер... После смерти его вышла распря. Друзья его хотели отпевать в приходе, в церкви, которую он очень любил и всегда посещал, Симеона-Столпника.

---

[1]) На отдельном листике мал. размера почтовой синей бумаги, приложенном к письму, на 1-й стр. рукой А. Закревского помечены имена славянофилов в таком порядке:

Хомяков, Алексей Степанович.

Аксаковы, Константин и Сергей Сергеевичи (д. читать не Сергей, а Иван Сергеевич).

Ефремов, Александр Павлович.

Киреевский, Петр Васильевич.

Свербеев, Дмитрий Николаевич.

Кошелев, Александр Иванович, на Поварской, соб. дом.

Попов. Магистр был в 1847 году в Черногории.

[2]) См. «Литературные воспоминания», полн. собр. соч., т. X, 5-е изд., Птр. 1911 г., 75—76.

[3]) 26 янв., в 11 час. 30 мин. веч. скончалась жена А. С. Хомякова, Екатерина Михайловна, урожденная Языкова, сестра поэта Н. М. Языкова.

Университет же спохватился, что когда-то дал ему диплом почетного члена, и потребовал к себе. Люди, которые во всю жизнь Гоголя знать не хотели, решили участь его тела, против воли его друзей и духовных братий, и приход, общее всех достояние, должен был уступить домовой церкви, почти салону, куда не входят ни нищий, ни простолюдин... Ляжет он все-таки рядом с Валуевым, Языковым и Катенькой и со временем со мной, в Даниловом монастыре, под Словенскою колоною Венелина. Так и надобно было» [1]).

Иначе освещает те же подробности события представитель другого направления, Н. Ф. Павлов.

В письме к А. В. Веневитинову 1 марта 1852 году он пишет: «Любезный друг Алексей Владимирович, я должен бы сам сейчас же ехать в Петербург, но занемог и сижу дома больной, простудился на похоронах Гоголя. О смерти его вы, вероятно, уже знаете. Страшная потеря. В последнее время никто почти из русских писателей не умирал естественной смертью. Гоголь истощил себя постом; лекарства никакого не хотел принимать, даже не позволил поставить клистира, кажется, оттого, что думал, что, прибегнув к человеческой помощи, оскорбит величие божие. Истинная это вера или физическое расстройство мозга, не берусь решить; только во всяком случае вера не христианская, а индейская. Дней за десять до смерти, ночью, часа в три, сжег все бумаги, так что Хомяков ни в одном ящике не нашел ничего, нет и готовых семи глав второй части Мертвых Душ, которые Гоголь читал Шевыреву [2]). Неизвестно, отыщется или нет. Говорят, что список есть у великой княгини Ольги Николаевны. Похоронили его с должным уважением и со всеми возможными почестями. Назимов принял сердечное участие в этой потере.

Тело покойника было перенесено в университетскую церковь. Студенты дежурили день и ночь. Закревский приехал на отпевание в ленте. При прощании лавровый венок был растерзан на кусочки, всякому хотелось иметь хоть листок на память. Хомяков и одномыслящие с ним недовольны и противились этому отпеванию в университетской церкви, утверждая, что она слишком похожа на салон, что в нее не придет тот класс людей, которым более дорожил Гоголь, что это отпевание — акт, а не молитва. Все другие и я, мы были совершенно противного мнения. Похороны Гоголя должны иметь общественный характер, какой и имели [3]). Нищие, лакеи и мещане, которых желали, не пришли бы и в приходскую церковь, ибо, чтоб ценить писателя, надо знать грамоте, притом же этот класс людей всегда предпочитает жеманную литературу литературе гениальной. Граф Закревский не читал Гоголя, но на похороны приехал, а московские купцы, которые также не читали и, следовательно, имели одинакие права, — не приехали. Ни один не был, кроме Зевакина, да и тот явился, как бриллиант, оттого только, что торгует бриллиантами. Всего любопытнее и поразительнее толки в народе во время похорон; анекдотов тьма; все добивались, какого чина. Жандармы предполагали, что какой-нибудь важ-

---

[1]) См. соч. А. С. Хомякова, т. VIII, письма, стр. 201, «Русский Архив», 1884 г., № 4, стр. 316.

[2]) Ср. письмо Ю. Шумахер 5 марта 1852 г. Н. М. Сатину в кн. «Новые Пропилеи», под ред. М. О. Гершензона, стр. 32, т. I, Госуд. Изд. 1923.

[3]) Через 30 лет после события славянофил И. С. Аксаков спокойно подходит к вопросу и соглашается с этим в письме к С. И. Пономареву: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его (Гоголя) ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому похороны получили общественный и торжественный характер, и все мы это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени». Письма к С. И. Пономареву, изд. Л. Э. Бухгейма, М. 1915, стр. 142).

ный граф или князь; никто не мог представить себе, что хоронят писателя; один только извозчик уверял, что это умер главный писарь при университете, т.-е. не тот, который переписывает, а который знал, к кому как писать, и к государю, и к генералу какому, ко всем» [1]).

Нам понятна вся эта взволнованная разноголосица, живая и нетерпеливая односторонность современников, которые понимали, что «эта страшная смерть — историческое событие», что в ней отразилась «трагическая судьба России» [2]). — Оказывается, что в этом споре немалую долю участия принял и глава московской власти, ген.-губ. Закревский. Его письмо — характерный документ, прекрасно раскрывающий взгляд Закревского на деяния и мотивы деяний всех активных участников события, а также не оставляет сомнения в том, что ген.-губернатор присутствует на похоронах не более как для того, чтобы «не было шума»...

Не парадокс, что правительство Николая I больше опасалось и преимущественно боролось с консервативной мыслью славянофилов, чем с свежей, волнующей теоретической мыслью западников. Назначенный особым рескриптом 1848 года [3]), Закревский создает особое дело о славянофилах [4]). Сам ведет проскрипционные списки славянофилам, снабжает их собственными характеристиками. Словом, все изобличает его как вдохновителя и инициатора преследований славянофилов в Москве. Пробегая описи дел архива, нетрудно убедиться, что имена славянофилов за первые годы правления Закревского в Москве пестрят часто страницы, тогда как о западниках вы почти не находите упоминаний. Записки и специальные доклады о славянофилах и их деятельности посылались в Петербург; делались срочные запросы полицеймейстерам, всячески искались следы преступных деяний славянофилов. Через год (в 1851 г.) эти поиски прекратились, они были бесплодны. Но вот новый повод, — спор из-за места отпевания Гоголя — и власть насторожилась и решительно стала на «ненародную» точку зрения. Приведенное письмо — прекрасный образчик заподозривающего и недоверчивого отношения власти к славянофилам.

Н. Бельчиков.

---

[1]) См. Барсуков, Н. П. — «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, стр. 537—538, СПБ. 1897 г.

[2]) Письмо И. С. Тургенева к И. С. Аксакову, «Р. Мысль», 1906. 2, стр. 19.

[3]) См. Дело секр. отд. № 230 за 1848 г.

[4]) См. № 307 1849 г. в 2-х томах.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. Вяч. Полонский.

Государственное Издательство РСФСР
ПЕРИОДСЕКТОР

МОСКВА, Воздвиженка, 10/2.

Адрес для телеграмм: Москва Периодсектор

ИСТПАРТ

Имеются в продаже:

Авдеев, Н. Революция 17 г. (Хроника событий.) Т. I. Январь—апрель. Ц. 1 р. 40 к.

Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области 1904—1910 г.г. Воспоминания и документы, собранные и обработанные Ц. Зеликсон-Бобровской. Ц. 50 к.

Бош, Евгения. Год борьбы. Борьба за власть на Украине с апреля 1917 г. до немецкой оккупации. Ц. 1 р. 80 к.

Владимирова, Вера. Революция 17 г. (Хроника событий.) Т. IV. Август—сентябрь. Ц. 3 р. 50 к.

Волков, Е. З. Среди моряков и речников торгового и военного флота. 1906—1914 г. г. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Христо Ботев. Ц. 1 р. 80 к.

Волковичер, И. Начало социалистического движения в бывшей русской Польше. Подготовительный период партии „Пролетариат". Опыт исторического исследования. Часть первая. Ц. 1 р. 50 к.

Из эпохи „Звезды" и „Правды". (1911—1914 г. г.) Вып. I. Ц. 30 к. Вып. III. Ц. 1 р. 35 к.

К годовщине смерти В. И. Ленина. 1924 г.—21 января—1925 г. Сборник статей, воспоминаний и документов. Под общей ред. А. Ф. Ильина-Женевского. Ц. 60 к.

Лежава, Л. и Русаков, Г. Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 г. г. Изд. 3-е, исправл. и дополн. В одном томе. Ц. 4 р. 50 к.

Лелевич, Г. Стрекопытовщина. Страничка из истории контр-революционных выступлений в годы гражданской войны. Ц. 60 к.

Максаков, В. и Нелидов, Н. Хроника революции. Вып. I. 1917 г. Ц. 50 к.

Медведева. Тер-Петросян, С. Ф. Герой революции („Товарищ Камо"). С предисл. П. Лепешинского и прим. А. Зонина. Стр. 64 Ц. 20 к.

Невский, В. Материал для биографического словаря социал-демократов, вступивших в российское рабочее движение за период от 1880 до 1905 г. г. Вып. I. А.—Д. Ц. 75 к.

Отчет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии к международному социалистическому конгрессу в Копенгагене (28 августа—3 сентября 1910 г.) Ц. 45 к.

Памятник агитационной литературы РСДРП. Т. I. (1914—1917 г. г.) Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Ц. 2 р.

Парфенов, П. С. (Петр Алтайский.) Гражданская война в Сибири 1918—1920 г.г. Ц. 1 р.

Петроградская общегородская и всероссийская конференция РСДРП (б) в апреле 1918 г. Ц. 85 к.

Протоколы II Съезда РСДРП. Точная перепечатка женевского издания 1903 г. Ц. 2 р. 50 к.

Революционное юношество. Из прошлого с.-д. учащейся и рабочей молодежи. Сб. I. Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга 1905—1917 г. г. Ц. 1 р. 25 к.

Революция и РКП (б) в материалах и документах. (Хрестоматия.) Т. III. 1905 г. Сост. Р. Хабас, под ред. В. Невского. Ц. 3 р. 75 к. Т. I. 1870—1900 г. г. Изд. 2-е.

Революция на Дальнем Востоке. Вып. I. Ц. 3 р.

Российская Коммунистическая партия (б) в резолюциях ее съездов и конференций. (1896—1924 г. г.) Ц. 2 р.

Раскольников, Ф. Кронштадт и Питер. Ц. 2 р.

Русская политическая литература за границей. Вып. I. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 г. г. Сост. под ред. Л. Б. Каменева. Ц. 30 к.

Самойлов, Ф. М. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении. 1903—1905 г. г. Пред. О. Варенцовой. Ч. 1-я. Ц. 60 к. Ч. 2-я. 1911 г. Ц. 1 р. Ч. 3 я. Ц. 85 к.

Свечников, С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 г. г. Воспоминания и материалы.) Ц. 1 р.

Техника большевистского подполья. Изд. 2-е, перераб. В одной книге. Ц. 2 р. 25 к.

Троцкий, Л. Д. Ленин и старая „Искра". Материал для биографа. Ц. 15 к.

Фурманов, Дм. Чапаев. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к.

Шаповалов, А. По дороге к марксизму. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 1 р. 25 к. Ч. 3-я. (Печ.)

Шляпников, А. Канун семнадцатого года. Ч. 1-я. 3-е исправл. изд. Ц. 1 р. 20 к.

Его же. Семнадцатый год. Книга вторая. Март. Ц. 2 р. 50 к.

Яковенко, В. Г. Записки партизана. Стр. 108 + 1 карта. Ц. 1 р.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ТОРГОВЫЙ СЕКТ

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. **Ленинград**, Моховая, 36.

Периодсектор, Воздвиженка, 10.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) высылает любые книги всех издательств наложенным платежом. При высылке денег вперед—**пересылка бесплатно. Требуйте каталоги и бюллетени Торгсектора Госиздата!**

ИЗДАНИЯ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ЦЕНТРАРХИВОМ ВЫПУЩЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

1. „Красный Архив", т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8. Под редакцией В.В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.
2. Русско-Германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Достоевский. „Исповедь Ставрогина" (неизданные главы из романа „Бесы") и „Житие великого грешника" (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакц. и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. Архивное дело. Вып. I и II.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х г.г. Вып. I. Под редакц. Б. П. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисл. М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин. (Материалы для биографии.) Под ред. В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-Русские Рабочие Союзы. Под ред. В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская дипломатия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.
26. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
27. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Ленские события. Под редакц. А. Лозовского.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ и ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ:

Материалы по истории восстания 14 декабря 1825 г.

Под редакцией М. Н. Покровского.

1. Следственное дело. Т. I (вышел в свет), т.т. II, III (печатаются). т. т. IV, V и VI (подготовляются к печ.).
2. „Русская Правда" П. И. Пестеля. Под редакц. С. С. Мильмана, С. Н. Чернова и П. Е. Щеголева.
3. Алфавит декабристов. Под редакц. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Печатается.)
4. Восстание Черниговского полка. Материалы под редакц. В. О. Волосевича и Ю. Г. Оксмана.
5. Дело Н. Ф. Раевского. Материалы под редакц. Ю. Г. Оксмана.
6. Покровский, М. Н. Декабристы. Общий очерк.
7. А. Е. Пресняков. „День 14 декабря".
8. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
9. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
10. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян.
11. Описи архивных дел по истории декабристов.
12. Литература о декабристах—составил Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов.
13. Хрестоматия—сост. Н. Ф. Лавров и Ю. Г. Оксман. (Печатается.)

1917 год в документах и материалах.

Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

1. Петроградский Совет Р. и С. Д. Протоколы ИК и Бюро ИК (вышло в свет).
2. Аграрное движение в 1917 г.
3. Рабочее движение в 1917 г.
4. Движение железнодорожников в 1917 г. (Печатается.)
5. Материалы II Съезда Советов.
6. Материалы по истории разложения старой армии во время войны и революции. (Печатается.)
7. Буржуазия перед революцией. (Печатается.)

3 руб.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1925 ГОД

НА

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

В. В. АДОРАТСКОГО, В. В. МАКСАКОВА,
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
В. М. ФРИЧЕ.

Подписная цена: год—15 р., 6 мес.—8 р.

Подписка принимается Периодсектором Госиздата (Москва, Воздвиженка, 10/2), провинциальными конторами и уполномоченными Периодсектора (имеются во всех губ. и уездных городах) и всеми почтово-телеграфными конторами.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

2827.

ТОМ ТРЕТИЙ (ДЕСЯТЫЙ)

1925

Библиотека
Курсов Марксизма
Коммунист. Академии
при ЦИК СССР.
ПОЛУЧЕНО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1925 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 45081.
Гиз № 14707. Тир. 4000.

ОПЛАЧЕНО

К ПЕРЕГОВОРАМ КОКОВЦОВА О ЗАЙМЕ В 1905—1906 Г.Г.

Публикуемые ниже документы относятся к тому критическому периоду в борьбе между царской властью и революционным движением 1905—6 г.г., когда на карту была поставлена судьба золотой валюты и вообще финансов бывш. Российской монархии. Вступив в войну с Японией с бюджетом, рассчитанным на мирное течение событий, и со свободной наличностью государственного казначейства в 381 миллион рублей, русское правительство выходило из войны, в августе 1905 г., без «свободной наличности», с двумя краткосрочными заграничными займами (французским 1904 г. и германским 1905 г.) на сумму около 500 миллионов рублей, с расстраивающимся поступлением налогов последнего квартала бюджетного 1905 года и с перспективою неизбежности, если не придет помощь со стороны, — превысить эмиссионное право Государственного банка и прекратить размен.

После Портсмутского договора можно было сколько угодно толковать о том, что к моменту выхода из войны Россия как раз-то и достигла на манчжурском театре необходимой мощи для продолжения войны и победного ее окончания. Для русского правительства беда была в том, что к этому у него не было финансовых средств и никакой возможности добыть их на заграничном рынке. В настроение этого последнего (тут приходится считаться лишь с французским) 1905 год внес заметную перемену. Если в апреле 1904 года с него можно было взять 282 миллиона рублей, из $6^1/_2{}^0/_0$ действительных, а в октябре-ноябре того же года можно было колебаться — брать или не брать заем, предложенный Лионским Кредитом [1]), то в феврале 1905 г., в самые дни мукденской катастрофы, французские банкиры в Петербурге, в нарушение всех заведенных правил, отобедав накануне у министра финансов, на другой день не явились к подписанию контракта [2]).

Как ни серьезно было чувство обиды, испытанное при этом русским министерством, события шли своим чередом, и к лету этого года вопрос о займе встал вновь, — на этот раз уже с русской стороны, — во время портсмутских перегово-

---

[1]) Переписка октября—ноября 1904 г., относящаяся к этому эпизоду, будет опубликована Центрархивом в особом сборнике документов о русских финансах в 1904—1906 г.г.

[2]) Оставление русскими Мукдена совершилось 25 февраля, условия контракта с банкирами были окончательно установлены 27-го, обед у Коковцова состоялся 28-го, и на 1 марта, в 11 час. утра, назначено было подписание контракта. В ночь с 28-го на 1-е банкиры получили приказ от своих учреждений не подписывать контракта и вернуться в Париж (письмо Коковцова к Нелидову от 10/23 мая 1905 г.).

ров. Едва успел Витте высадиться на берегу Америки, как ему уже напоминали (19 июля), чтобы он «на обратном пути в Париже настаивал на необходимости займа, как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства» [1]). Между тем «со всеми, с кем приходилось (Витте) говорить за границею, чувствовалось, что при настоящем настроении достать денег за границею более чем трудно». Дело усложнялось до чрезвычайности тем, что «это настроение основано не только на внешнем (нашем), но, пожалуй, еще более на внутреннем положении» [2]). Иными словами, летом 1905 г. вопрос ставился о том, кому в России больше всего поверит финансовая Европа, без которой обойтись было никак невозможно. Витте выглядел в этот момент единственно подходящей для этого политической фигурой. Еще до портсмутского успеха решен был вопрос о предоставлении ему, «с учреждением Думы», «общего руководства и объединения деятельности отдельных министерств», и Коковцов, министр финансов, обратился к Витте с просьбой «взять на себя труд подготовить почву для новых займов в Америке и Франции», сам отказываясь от непосредственного ведения этого тонкого дела и предоставляя себя заранее в полное распоряжение Витте [3]). Два дня спустя ту же просьбу к Витте Коковцов передавал от имени Николая II, который, де, «придает особое значение личному воздействию» Витте [4]).

Тем временем мирные переговоры подходили к благополучному концу, и 18 августа Витте сообщал, что к нему приезжал Вандерлиб «говорить о займе на случай мира» и спрашивал, не желает ли Коковцов, чтобы он, Витте, занялся выяснением главных оснований займа [5]). А 27 августа состоялся деловой разговор Витте и с самим Морганом. Морган предложил свое участие в международном займе для России, совместно с Англией, Германией и Францией, и выразил готовность лично приехать в Европу или прислать своего представителя для переговоров с банкирами и вступить в предварительные переговоры с Коковцовым [6]). Когда, таким образом, лед тронулся, Коковцов заговорил о желательности своей поездки в Париж для свидания с Моргановским представителем [7]). Эта поездка намечалась на 10-е числа октября, но октябрьские события исключили возможность поездки, а затем и Коковцов вынужден был уйти из министерства финансов после назначения Витте премьером. Проездом в Париже Витте выяснил (тел. 9/22 сентября) возможность, в виду окончания японской войны, двух кредитных комбинаций: 1) либо международного займа в 1.800 миллионов франков, 2) либо французского займа в 900 миллионов фр. Любопытно, что тогда, в начале сентября, Витте ни словом не упоминал о неизбежности отсрочки займа в виду франко-германского конфликта в Марокко и, наоборот, советовал «делать операцию скорее, особенно если ограничиться одною Францией» [8]). О дальнейшем знаем лишь, что

---

[1]) Телеграмма Коковцова Витте от 19 июля 1905 г.
[2]) Тел. Витте Ламздорфу от 1/14 августа из Портсмута.
[3]) Тел. Коковцова Витте от 3/16 августа.
[4]) Тел. Коковцова Витте от 5/18 августа.
[5]) Тел. Витте Коковцову от 18/31 августа.
[6]) Тел. Витте Коковцову от 27 августа/9 сентября.
[7]) Тел. Коковцова Витте от 29 августа/11 сентября.
[8]) Тел. Витте Коковцову от 9/22 сентября.

в начале октября в Петербурге состоялся съезд представителей банков у Коковцова, но ход и результаты этих октябрьских совещаний остаются пока нам неизвестными [1]).

Между тем «уже в ноябре месяце 1905 года положение денежного обращения стало весьма критическим», и Витте специально поручил двум членам комитета финансов (Коковцову и Шванебаху) следить за ходом операций с золотом и вообще операций Государственного банка. Так как «положение все ухудшалось», то Витте предложил Коковцову съездить в Париж попробовать сделать заем, хотя и знал, что до разрешения мароккского кризиса заем невозможен. Коковцов был в Париже в 20-х числах декабря, переговорил с Рувье (премьер-министром), но ему был дан известный Витте заранее отрицательный ответ. Коковцову удалось только получить 100 миллионов рублей авансом в счет будущего займа от банкиров, с которыми еще сам Витте проездом из Америки вел переговоры о том [2]).

Публикуемые документы, — переписка, связанная с поездкой, день за днем отражающая ход переговоров и рисующая действительно совсем нависшую над правительством Витте опасность государственного банкротства, а также подробный отчет, представленный Коковцовым по возвращении комитету финансов, — взяты целиком из особого дела «секретарской части» общей канцелярии министра финансов за 1905 г., № 4, «по поездке статс-секретаря Коковцова в Париж в декабре 1905 — январе 1906 г.г.» [3]). Как уже ранее опубликованная в Красном Архиве (т. IV) переписка между Коковцовым и Нецлином, относящаяся к ходу реализации известного «большого» займа 1906 г., так и эти документы представляют тот интерес, что рисуют во всех подробностях, и на этот раз, — поскольку переписка шла от русских к русским же, — с полною откровенностью, как связь судеб Российской монархии с настроениями французского денежного рынка, так и этот самый рынок в лице т. наз. haute finance. Haute finance состоял не более как из десятка банковых дельцов, на характеристику которых Коковцов не пожалел красок в своем отчете. Этими документами бесповоротно устанавливается тот факт, что судьба монархии в ее борьбе с революцией — непосредственно после московского восстания — висела на волоске и целиком была в руках этой haute finance. Только самые откровенные и ничем не прикрашенные объяснения Коковцова о положении дела с русской валютой побудили ее внять просьбам правительства Витте и выдать аванс, который дал Витте возможность дотянуть до конца мароккского кризиса и получить заем до созыва Думы.

100 миллионов, выговоренные Коковцовым в Париже, только-только поспели, чтобы покрыть быстро увеличивавшийся недостаток золота в Государственном банке: на 23 декабря нехватало золота 47 миллионов, а уже на 1 января ожидался недостаток в 80 миллионов. Что касается французского правительства, то оно, по свидетельству Коковцова, готово было оказать всякое содействие его миссии. Зато собственно финансовые круги держались «крайне неблагоприятно», в виду «отсутствия всяких шансов на то, что публика теперь пойдет на заем». Они не принимали на себя никакого «формального обязательства заключить долгосрочный

[1]) Имеются лишь телеграммы о приезде, напр., представителей Мендельсона и бр. Бэринг от 1/14 октября.

[2]) Витте, Воспоминания, II, стр. 180 и 181.

[3]) Хранится во 2 Отделении Экономической Секции Е. Г. А. Ф. в Ленинграде.

заем через короткий двухмесячный срок»; более того, Коковцов не был уверен, что «эти господа» не принесут к учету разом выпускаемых краткосрочных обязательств «при каком-либо политическом инциденте». Это уже деталь, что Коковцов объяснял такое отношение банкиров их... «крайней финансовой необразованностью». Когда угроза прекращением размена со всеми вытекающими отсюда «для интересов иностранных владельцев наших фондов» последствиями была передана Витте в Париж через Коковцова 25 декабря в категорической форме, — аванс был все-таки дан. На деле это предрешало вопрос и о займе.

Б. Романов.

Телеграмма Витте Мендельсону (в Берлин) и Нецлину (в Париж)

от 13 декабря 1905 г. [1]).

Срочно. Его пр-во статс-секретарь Коковцов, снабженный широкими полномочиями, едет в ближайшее время за границу по делу чрезвычайной важности. Прошу телеграфировать мне, где и когда может он с вами встретиться.

Витте.

Телеграмма Нецлина Витте

из Парижа, 13/26 декабря 1905 г., 12 ч. 25 м. дня [2]).

Телеграмму получил. Буду в распоряжении вашего пр-ва и статс-секретаря Коковцова, где и когда хотите. Телеграфируйте инструкции.

Нецлин.

Телеграмма Нецлина Витте

из Парижа, 14/27 декабря 1905 г., 7 ч. 55 м. веч. [3]).

Подтверждаю вчерашнюю телеграмму и позволяю себе прибавить, что, основываясь на некоторых указаниях, я думаю, было бы предпочтительнее иметь первый разговор не в Париже и не в Берлине.

Нецлин.

Из частного письма Бенкендорфа Ламздорфу

из Лондона от 2/15 декабря 1905 г. [4]).

Путешествие лорда Ревельстока в Петербург и причины этого путешествия поссорили дом Бэринга с Ротшильдами и всеми еврей-

---

[1]) Перевод с француз. — Отправлена в $12^1/_2$ ч. ночи. Текст писан рукой Коковцова.

[2]) Перевод с франц.

[3]) Перевод с французского.

[4]) В деле сохранился перевод этой «выписки» из письма Бенкендорфа.

скими банкирскими домами в Англии и Америке. Для дома, о котором идет речь, это дело весьма серьезное. Впрочем, в конце концов, они знали, что делали. Важнее для нас то обстоятельство, что Ротшильды твердят повсюду, что Ревельсток скомпрометировал Лондонский Сити, что русский кредит в настоящее время [illegible] очень низко, но будет восстановлен немедленно по разрешении еврейского вопроса, каковое неминуемо: тогда, по их словам, они, де, Ротшильды, будут заведывать русскими делами, и мы будем обращаться к ним, а не к Бэрингам. Хуже всего, на мой взгляд, то, что во всем этом есть некоторая правда. В решительную минуту мы примем во внимание наши собственные интересы и ничего более. Однако следует это сделать весьма ловко, иначе весь влиятельный Лондонский Сити, в настоящее время столь к нам благоприятно относящийся, от нас отвернется. Пожертвовать Ревельстоком было бы, на мой взгляд, большою политическою ошибкою, а может быть, и финансовою. Мне кажется поэтому, что было бы полезно, если бы министр финансов [1]) мог при случае обнадежить Ревельстока. Он держал себя в отношении банкиров с необычной энергией, и влияние его простирается высоко и далеко.

Письма Витте к Рувье, кн. Бюлову и парижскому и лондонскому Ротшильдам [2]).

1.

Рувье.

Дорогой коллега.

Близко следя за делами внутреннего положения (дружественной и союзной Франции) России, вы осведомлены, конечно, обо всех особенностях того брожения, которое нарушило покойное течение жизни моей родины. Не настало еще, конечно, время подводить итоги этого движения или предсказывать мельчайшие подробности грядущих событий. Но уже и теперь я твердо верую в то, что порядок будет восстановлен и что здоровый организм русского народа, глубоко преданного своему монарху, переживет тяжелый кризис современного брожения и что государственный строй России сохранится непоколебленным.

Но, чтобы обеспечить лучшее и, смею думать, близкое будущее, необходимо предупредить и устранить этот кризис, который, гибельно действуя на экономическое положение России, неизбежно распространится и за пределы ее. Я разумею — кризис финансовый. Этот вопрос глубоко интересует императорское правительство, и его величеству, моему августейшему повелителю, благоугодно было возло-

[1]) Коковцова после 17 октября сменил в «кабинете Витте» И. П. Шипов.

[2]) Собственноручные наброски писем, рукою Коковцова, от 15 декабря 1905 г. к 1) Рувье, 2) кн. Бюлову, 3) парижскому Ротшильду, 4) лондонскому Ротшильду.

жить на своего статс-секретаря, члена государственного совета, д. т. с. Коковцова, недавно занимавшего пост министра финансов, поручение отправиться за границу с целью принятия возможных мер к устранению неблагоприятных последствий современного финансового положения России. Статс-секретарь Коковцов снабжен его величеством всеми необходимыми полномочиями.

Я позволяю себе горячо рекомендовать его пр-во г. Коковцова вашему доброму вниманию и надеюсь, что непосредственные ваши с ним сношения помогут вам уяснить себе всесторонне современное положение России и дадут вам возможность оказать дружественной стране ту могущественную поддержку, которая столь же необходима для ее блага, как и для взаимной пользы обоих народов, соединенных в одно общее целое во имя мира и культуры.

Вспоминая с особенным удовольствием нашу последнюю встречу в Париже, я прошу вас, дорогой коллега, верить чувствам моих искреннего уважения и глубокой преданности.

2.

Кн. Бюлову.

Дорогой князь.

Близко следя за делами внутреннего положения России, вы осведомлены, конечно, обо всех особенностях того брожения, которое нарушило покойное течение жизни моей родины. Не настало еще, конечно, время подводить итоги этого движения или предсказывать мельчайшие подробности грядущих событий. Но уже и теперь я твердо верую в то, что порядок будет восстановлен и что здоровый организм русского народа, глубоко преданного своему монарху, переживет тяжелый кризис современного брожения и что государственный строй России сохранится непоколебленным.

В этом убеждают меня в особенности печальные события последних дней в Москве, непреложно доказывающие то, что революционное движение ограничено в своем напряжении и не может противостоять силе, направленной на его подавление.

Но, чтобы обеспечить лучшее и, смею думать, близкое будущее, необходимо предупредить и устранить этот кризис, который, гибельно действуя на экономическое положение России, неизбежно распространится и за пределы ее. Я разумею — кризис финансовый. Этот вопрос глубоко интересует императорское правительство, и его величеству, моему августейшему повелителю, благоугодно было возложить на своего статс-секретаря, члена государственного совета, д. т. с. Коковцова, недавно занимавшего пост министра финансов, поручение отправиться за границу с целью принятия возможных мер к устранению неблагоприятных последствий современного финансового поло-

жения России Статс-секретарь Коковцов снабжен его величеством всеми необходимыми полномочиями.

Я позволяю себе горячо рекомендовать его пр-во г. Коковцова вашему доброму вниманию и надеюсь, что непосредственные ваши с ним сношения помогут вам уяснить себе всесторонне современное положение России и дадут вам возможность оказать возложенной на статс-секретаря Коковцова миссии ту поддержку, которая одна бесспорно может только обеспечить ее полный успех.

Если бы, по объяснении с ст.-секр. Коковцовым, вы, мой дорогой князь, признали полезным для поддержания благоприятных результатов этой исключительной важности миссии испросить для него у его величества, вашего августейшего повелителя, честь личной аудиенции, то я мог бы только поздравить его с этой милостью.

Мне остается только возобновить в моей благодарной памяти мое недавнее с вами свидание и выразить уверенность в том, что издавна внушенные вами мне чувства неизменного уважения могут только возрасти и окрепнуть в будущем.

От всей души поздравляю вас с наступившим новым годом и желаю, чтобы он принес вам полное счастье.

3.

Парижскому Ротшильду
(спросите в кред. канцелярии, как его зовут).

Дорогой барон.

Чувство искренней дружбы, которое соединяло меня в течение многих лет с вашим покойным отцом, и глубокая симпатия, которую я питаю лично к вам и вашему дому, некогда стоявшему в столь близком соприкосновении с делами русского государственного кредита, побуждают меня обратить ваше внимание на то, что, по повелению его императорского величества государя императора, в настоящее время прибыл в Париж статс-секретарь его величества, член государственного совета, д. т. с. Коковцов, недавно занимавший пост министра финансов России. — Снабженный его величеством широкими полномочиями, ст.-секр. Коковцов имеет поручение уяснить политическим кругам современное внутреннее положение моей родины и принять, если это окажется возможным, необходимые меры к предупреждению и устранению тех финансовых затруднений, с которыми могла бы встретиться Россия, как с последствием недавно оконченной войны и переживаемых внутренних волнений.

Едва ли мне следует говорить вам, что мне было бы особенно отрадно узнать, что ваш дом, пользующийся столь заслуженной известностью, нашел возможным на этот раз выступить в активной роли содействием моей родине в устранении ее финансовых затруднений.

Я скажу вам только, что такое участие было бы столь же желательно как в интересах русского кредита вообще, так и в интересах самой Франции, так, наконец, и в тех особых интересах, которые всегда были столь справедливо ограждаемы вашею фирмою.

Выражая мою уверенность в том, что личное ваше знакомство с статс-секретарем Коковцовым, которого я вам рекомендую самым горячим и дружеским образом, оставит в вас самое лучшее воспоминание, — я прошу вас верить моему искреннему к вам уважению.

4.

Лондонскому Ротшильду.

Дорогой лорд.

Вы, без сомнения, близко следите за всем, что переживает в настоящее время Россия в ее внутреннем положении. Весьма серьезное само по себе народное брожение, охватившее некоторые местности обширной империи, представляется, вероятно, еще более грозным на большом расстоянии, которое отделяет вас от моего отечества. Далекий от мысли в чем-либо уменьшить силу и значение этого движения, я выражаю, однако, мою твердую уверенность в том, что Россия выйдет победительницей из переживаемой ею смуты и что недалеко тот день, когда здравый разум русского народа, глубоко преданного своему монарху, переработает и победит вместе с правительством то поверхностное брожение, которое, при всей его кажущейся силе, не успело пустить глубоких корней в многомиллионной массе русского народа.

Но одновременно с борьбой против внутренних смут императорское правительство озабочено в настоящее время принятием таких мер, которые могли бы предупредить гибельные последствия финансового кризиса, как последствия войны и переживаемых внутренних беспорядков. В этих видах его имп. велич., моему августейшему повелителю, благоугодно было командировать за границу с особыми полномочиями своего статс-секретаря, члена госуд. совета, д. т. с. Коковцова. Ст.-секр. Коковцов предполагает посетить Лондон, если вы, милорд, по получении этого письма сочтете удобным уведомить его о вашем желании и готовности войти в непосредственные с ним сношения, как с целью уяснить себе истинное положение вещей в России в финансовом и общественном положении, так и в выработке мер, которые могли бы обеспечить восстановление правильного финансового положения, нарушенного войной и внутренними беспорядками.

Позволю себе высказать личное мое мнение, что участие ваше в этом деле первейшей важности представляло бы значение далеко не для одной России. Его последствия могут быть оценены только позже, когда, прекратив беспорядки и вернув Россию на путь мирного

труда, имп. правит. предпримет те преобразования своего внутреннего строя, которые находятся в связи с новыми условиями ее жизни.

Прошу вас, мой лорд, верить чувствам неизменного моего уважения и глубокой преданности.

Телеграмма Шипова Рафаловичу

в Париж от 16 декабря ст. ст. 1905 г. [1]).

Его пр-во статс-секретарь Коковцов едет в Париж по делу чрезвычайной важности. Прибудет понедельник вечером норд-экспрессом. Прошу оказать ему всякое содействие.

Шипов.

Телеграмма Шипова Голубеву

в Берлин от 16 декабря ст. ст. 1905 г. [2]).

Статс-секретарь Коковцов едет по высочайшему повелению за границу. Прошу предупредить посла о предполагаемом посещении статс-секретарем Коковцовым Берлина и оказать последнему всякое содействие.

Шипов.

Телеграмма Шипова Голубеву

в Берлин от 18/31 декабря 1905 г.

Статс-секретарь Коковцов выехал в субботу, 17 декабря ст. ст., 6 вечера. В Берлине не остановится, встретьте его в поезде, передайте ему следующую депешу, шифрованную его шифром. Нецлин телеграфирует от 30 декабря следующее: Утин телеграфировал сегодня утром Петрококино, что понедельник статс-секретарь Коковцов будет здесь. Я боюсь нескромности. Позволяю себе настаивать, что его прибытие сюда преждевременно; напротив, я предлагаю встретить статс-секретаря Коковцова где угодно, кроме Берлина.

Шипов.

Телеграмма Вуича Коковцову

от 19 декабря 1905 года/1 января 1906 г., 6 час. 30 м. веч. [3]).

Москве беспорядки подавлены. На железных дорогах приняты самые решительные меры, и там, где движение прервано, будет восстановлено. Надеюсь, что строгие, решительные меры, по крайней мере временно, устранят волнения. Вообще проходит (sic) значительно лучше сравнительно с временем, когда вы уезжали.

Вуич.

---

[1]) Перевод с франц.

[2]) В. Я. Голубев — агент м-ва финансов в Берлине.

[3]) Н. И. Вуич, помощник управл. делами совета министров.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 19 декабря 1905 г. [1]).

Соллогуб [2]) из Риги сообщает успокоительные известия. Там движение на дорогах постепенно восстанавливается. Чухнин [3]), на основании сообщения транспорта «Днестр», от 17 октября доносит, что в Новороссийске анархия, пластуны отказались ехать. Вероятно, сведения преувеличены. Для успокоения Бахмутского района приняты самые энергичные меры. В Москве успокоение продолжается. На бирже успокоение. Спрос на валюту сократился. Иностранное отделение [4]) сегодня полтора миллиона.

Львов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 20 декабря 1905 г./2 января 1906 г.

Для сведения вашего и графа Витте сообщаю: Рувье еще не мог видеть, он на охоте. Виделся с некоторыми банкирами, настроение которых весьма пессимистическое, хотя биржа здесь очень крепнет. Без прямого поощрения правительства они не пойдут. Посол делает, что может, и даже отложил отъезд в Ниццу. Опасаюсь, что Рувье едва ли выступит решительно. Увидим. Инцидент с телеграммой Нецлина исчерпан.

Коковцов.

Письмо Шипова Сольскому

от 20 декабря 1905 г.

О т п у с к.

Милостивый государь, граф Дмитрий Мартынович [5]).

Имею честь покорнейше просить ваше сиятельство о назначении в возможно ближайший срок заседания комитета финансов для обсуждения современного положения денежного обращения, дабы подготовить заранее все меры на случай, если попытка лица, командированного за границу, не увенчается успехом [6]).

---

[1]) Е. Д. Львов — директор канцелярии министерства финансов; Дорлиак — чиновник особ. поручений, ездивший с Коковцовым за границу.

[2]) Соллогуб — генерал-губернатор Прибалтийского края.

[3]) Командующий Черноморским флотом.

[4]) Иностранное отделение особенной канцелярии по кредитной части.

[5]) Д. М. Сольский — председатель комитета финансов.

[6]) Документов по этому заседанию комитета финансов во 2 отд. Экономич. секции не имеется.

Дело это особенно срочно и потому, что оставление указа об эмиссионном праве Государственного банка нераспубликованным возможно лишь на самый короткий срок.

Примите уверение в глубоком почтении и искренней преданности покорного слуги.

(Подписал) *И. Шипов.*

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 20 декабря 1905 года.

Москве, Риге, Либаве, Одессе затруднительное положение торговли, промышленности. Придется оказать помощь. Беспорядки как будто слабее. Биржа крепка. Продажа валюты еще сократилась. Тон газет все более враждебен Витте. Уведомьте о получении телеграммы.

Львов.

Телеграмма Дорлиака Львову

из Парижа от 21 декабря 1905 г.

Две телеграммы получил. Первое свидание с Рувье состоится сегодня вечером.

Дорлиак.

Телеграмма Вуича Коковцову

в Париж от 20 декабря 1905 г./2 янв. 1906 г. 10 ч. 10 м. веч.

Здешний корреспондент Леру систематически неверно изображает положение России в газете «Матэн». Эфрон советует его выслать, полагая, что это не только не вызовет негодования, но будет одобрено во Франции. Прошу вашего мнения.

Вуич.

Телеграмма Коковцова Вуичу

из Парижа от 21 декабря 1905 г./3 января 1906 г. вечером.

Корреспонденции Леру не производят здесь впечатления на лиц серьезных. Высылка его, по мнению посла и моему, придаст лишь ему значение, которого он не имеет. Можно было бы вызвать его и пригрозить высылкой в случае непрекращения посылки неправильных сведений.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 21 декабря 1905 г./3 января 1906 г.

Только что имел беседу с Рувье. Думаю, успел уяснить всю необходимость операции и значение ее для нас, французских держателей русских бумаг и самой Франции. Рувье обещал немедленно же войти

в сношение с банкирами, сказавши, что сделает все, чтобы внушить им недостающую им энергию. Рувье нашел необходимым, чтобы я явился к президенту республики и выяснил ему весь вопрос. Дальнейшее свидание с Рувье назначено в пятницу, в конце дня. Остающееся время употреблю на объяснения с банкирами, весьма мало подготовленными вообще к быстрым действиям. Успеху моего трудного положения могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в Марокккском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию [1]). К этому вопросу Рувье возвращался дважды. Крайне обяжете, дав мне в этом немедленно ответ, дабы я мог его иметь в пятницу, днем.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 4 января 1906 г., 8 ч. 26 м. веч.

Вашу телеграмму доложил государю императору. Его величество находит желательным, чтобы вы представились президенту Лубэ. Что касается Марокккского вопроса, то с высочайшего соизволения можете передать Рувье, что императорское правительство окажет моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство. Вообще, его величество, в виду дружественных и союзнических отношений, готов всегда оказывать поддержку французскому правительству. Министр иностранных дел еще раньше получения вашей телеграммы дал инструкции, соответствующие интересам Франции, нашим уполномоченным, о чем известил французского посланника Камбона в Мадриде.

Граф Витте.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 22 декабря 1905 года.

Прошу доложить статс-секретарю Коковцову. Покотилов [2]) сообщает: с конца ноября по начало декабря в Манчжурии была забастовка железной дороги, произошло несколько пожаров, затем успокоилось, и ничего особенно тревожного не было. Сильный недостаток

---

[1]) Англо-французским соглашением 8 апреля 1904 г. Марокко было признано входящим в сферу влияния Франции, что вызвало протест со стороны Германии и демонстративное посещение Марокко Вильгельмом II в 1905 г. В сентябре 1905 г., когда Витте, возвращаясь из Портсмута, заговорил с Рувье о займе, нельзя было серьезно о нем говорить: «Марокккский кошмар» вызывал опасения войны, и французское правительство приступило уже к военным приготовлениям. См. Витте, том I, стр. 370 и сл.

[2]) Д. Д. Покотилов — агент м-ва финансов в Пекине, затем русский посол в Китае.

денег у всех, даже Харитоненко и Нечаев-Мальцев испытывают затруднения. Совокупность общих известий указывает на политическое успокоение. Продажи валюты хотя ослабли, но продолжаются.

Львов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 24 декабря 1905 г./6 января 1906 г.

Положение дела сейчас таково. Все банкиры единогласно и самым решительным образом заявляют о полной невозможности совершения немедленно настоящей кредитной операции, безразлично в форме ли долгосрочного консолидированного займа, или займа на срок от 6 до 10 лет. Причины две: первая — недоверие к нашему внутреннему положению, не взирая на начинающееся успокоение, и отсутствие всяких шансов на то, что публика теперь пойдет на заем; другая, не меньшая, — опасение столкновения с Германией из-за Марокко. В финансовых и административных кругах опасения гораздо большие, нежели можно судить по газетам. Уверяют, что Германия делает приготовления на границе, и Франция готовится на всякий случай. Серьезные люди, конечно, не верят в войну, но настроение публики беспокойное. Прибавлю от себя еще третью причину, едва ли не самую главную, — трусливость банкиров, отсутствие между ними единства и крайняя финансовая необразованность. Тем не менее правительство оказывает на них очень сильное давление. После моего приема у президента Лубэ, продолжавшегося целый час, было заседание совета министров, именем которого действует Рувье, только что меня принявший. Его мнение, что только после успокоения в России и разрешения Марокккского вопроса значительный заем окажется возможным, например, месяца через два. Но так как нам ждать нельзя, то намечается пока, хотя и смутно, возможность получения от банкиров аванса в счет займа, примерно в 100 миллионов рублей. Подробностей никаких сообщить еще не могу, но, конечно, не допущу условий, опасных в смысле возврата в неподходящую минуту. Прошу вас высказать принципиальный взгляд. Отношение Ротшильдов пока неясное. Главною же помехою является Лионский Кредит. Сегодня вечером снова увижусь с Рувье.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 24 декабря 1905 г./6 января 1906 г.

Прошу ознакомиться с подробною депешей, посланной сейчас графу Витте, и высказать ваше откровенное мнение.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

По Марокккскому вопросу — лично убежден—дело это уладится, и германский император никогда не решится на войну. Я еще переговорю с министром иностранных дел и государем, и если было бы возможно заключить заем при условии успокоительного заявления со стороны Германии, вероятно, мы могли бы достигнуть этого в той или иной форме. Относительно внутреннего положения я надеюсь на постепенное, по крайней мере в ближайшие месяцы, успокоение. По вопросу о займе нам мог бы помочь только немедленный заем или аванс не менее 100 милл. рублей под заем будущий и если будет какая-либо гарантия, что впоследствии от такого займа банкиры не откажутся при благоприятном решении Марокккского вопроса и неухудшения дел в России, и если, кроме того, краткосрочные обязательства Германии будут отсрочены хотя бы [на] полгода. В противном случае полученные сто миллионов Франции придется отдать Германии, и это нашего положения не улучшит. В таком случае, может быть, лучше прямо решить прекратить размен. Но предупредите французское правительство и банкиров, что при прекращении размена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов.

Витте.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

Телеграмма, подписанная Витте, составлена сообща. Угрозу в конце ее считаю, однако, аргументом весьма опасным. 100 милл. рублей даже при отсрочке немецких бонов мало на два месяца, как с казначейской, так и с золотой точек зрения. Но лучше их получить, ибо выигрыш даже короткого времени даст нам хотя слабые шансы. Важно настроение еврейских домов. Не пугают ли они Лионский Кредит, у которого, повидимому, недавно в провинции было в роде массового востребования на почве связанности средств в России.

Шипов.

Телеграмма Львова Дорлиаку

в Париж от 25 декабря 1905 года.

Успокоение как будто продолжается. С окраин вестей мало. Отлив сберегательных касс Петербурге, Москве, центре прекратился, окраинах продолжается. Доклад росписи 1906 год составлен кратко. В нем высказано: роспись 1905 года, несмотря на неблагоприятность последних месяцев, будет исполнена обыкновенному бюджету, ве-

Библиотека Коммунистической Академии при ЦИК СССР
ПОГАШЕНО

роятно, без дефицита. 250 миллионов чрезвычайных расходов будут отнесены на 400 миллионов разрешенных выпуску краткосрочных обязательств, остаток коих, 150 миллионов, на выкуп Мендельсоновских обязательств. Обыкновенные расходы 1906 года покрываются обыкновенными доходами. 481 милл. чрезвычайных предположено покрыть кредитными операциями. Оговорено, что доходы оправдаются, если смута прекратится. Продолжение беспорядков может потребовать дополнительных чрезвычайных ассигнований. Денежному обращению отмечена опасность сокращения золота, увеличения кредитных в обороте. В заключение надежда, что затруднения временны, пробудят энергию деятельных элементов, сменятся, как обыкновенно, периодом оживления, чему поспособствует уравнение перед законом всех подданных. Товарищем министра финансов назначен Чистяков.

Львов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г.

Обратите внимание на «Матэн». Опять эта пасквильная газета очень вредит вашей миссии, распуская крайне тревожные сведения.

Витте.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Статья «Матэн» мне известна; этой газете здесь не придают большого значения в виду явного пристрастия. Заметка ее едва ли принесет мне вред, так как на следующий день в «Тан» [1]) появилось официозное сообщение в смысле моей последней подробной телеграммы. Вопрос о французской печати обсужден с Рафаловичем, и по возвращении я изложу мой взгляд. Высказано, между прочим, мнение о желательности попытаться привлечь на нашу сторону корреспондента «Матэн» Леру деньгами. Лично я этого не разделяю. Разговор, появившийся в сегодняшнем «Тан», состоялся по настоятельной просьбе посольства.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Рувье имел дважды разговор с представителем дома Ротшильдов, в лице одного из молодых людей, а именно Джемса, пользующегося репутацией наиболее способного из всех; остальные двое больны и в отъезде. Рувье советовал настойчиво, в интересах Франции и ее

[1]) Temps.

политического положения, чтобы банкирский дом Ротшильдов принял участие в новой операции. Им обещана была первенствующая роль; несмотря на это, по сношении с остальными представителями дома, Джемс Ротшильд ответил решительным отказом, мотивировав его чисто еврейским вопросом. Рувье заявлял даже о готовности президента республики лично обратиться с тем же заявлением, но и это не помогло. Сегодня и завтра остальные банкирские дома должны собраться для обсуждения возможности упомянутой мною авансовой операции. — Общее настроение продолжает быть для нас крайне неблагоприятным. Тем не менее обожду завтрашнего собрания, которое должно решить, стоит ли мне оставаться долее, или предпочтительно в интересах достоинства России вернуться домой. Все указанные вами разъяснения мною сделаны в самой решительной форме и отлично поняты французским правительством. К сожалению, его влияние, особенно на Лионский Кредит, совершенно ничтожно, хотя этот банк сегодня настроен менее отрицательно, чем первые дни.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 26 декабря 1905 г./8 января 1906 г.

Для решения вашего и графа Витте сообщаю. Бесполезные переговоры последнего времени выясняют дело приблизительно так: предлагаются две комбинации — одна, заключающаяся в простом открытии государственному казначейству или Государственному банку металлического кредита в 100 миллионов рублей, с тем, чтобы под этот кредит мог быть совершен выпуск бумажек для расходования их в России, но без права фактического пользования этим кредитом для расходов за границею. За такой кредит банкиры или не получили бы никаких процентов, или воспользовались бы только небольшой комиссией за оказанную любезность. При заключении займа кредит фактически был бы закрыт, а выпущенные билеты оправданы суммою, поступившею от займа. — Вторая комбинация заключается в том, чтобы повторить буквально всю последнюю комбинацию с Мендельсоном, т.-е. получить фактически 100 миллионов рублей из $5^1/_2\%$ годовых и той же комиссии, при факультативном праве переучета краткосрочных обязательств в Государственном банке. Окончательный срок может быть продлен до 11 месяцев. Опасность этой комбинации ясна и заключается в возможности переучета в самом близком будущем, хотя предъявленные обязательства и будут уплачены полученным золотом. Формального обязательства заключить долгосрочный заем через короткий двухмесячный срок банкиры не принимают, но вместе с министерством уверены, что при разрешении вопроса о Марокко и отсутствии новых катастроф в России заем вполне возможен. Выгоды обеих комбинаций сводятся к тому, чтобы не прекращать размена сейчас, а попытаться отсрочить решение, в виду возможности

займа. Прошу немедленного ответа, так как пребывание мое становится тягостным и даже излишним. Рувье продолжает оказывать всякую поддержку, но банковые сферы настроены чрезвычайно неблагоприятно. Особенно настоятельно прошу указать, возможно ли итти на повторение последней Мендельсоновской комбинации, или лучше итти открыто на прекращение размена. От права переучета векселей в Государственном банке банкиры, вероятно, не откажутся, но с этими господами, менее, чем с Мендельсоном, нет уверенности в том, что они не принесут разом этих обязательств при каком-либо политическом инциденте. Ответ прошу дать категоричный и без промедления. Также мне необходимо знать точную цифру, на какую сумму истекли уже сроки Мендельсоновских векселей, сколько заменено новыми и сколько погашено наличным золотом. Сообщите точный текст соглашения с Мендельсоном относительно процентов и комиссии. Если получу отрицательный ответ от вас и графа Витте, хотел бы выехать не позже четверга. Поездка в Лондон до выяснения политической обстановки совершенно излишня. Нужно будет ехать и, конечно, другому лицу, если окажется возможным подготовить настоящий заем. Особенно тяжко мне, что пресловутые друзья и союзники, кичащиеся своим богатством, допускают даже в Мендельсоновской форме всего 100 миллионов рублей.

Коковцов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 27 декабря ст. ст. 1905 г.

Лучше согласиться на Мендельсоновскую комбинацию. Хорошо бы увеличить сумму. Одиннадцать месяцев, конечно, лучше краткого срока. Желательно кредитовать Государственному банку хотя часть суммы немедленно, так как эмиссионное право на исходе. Истекли сроки прежних Мендельсоновских векселей на 32 миллиона 400 тысяч марок. Учтены новые векселя на $33^1/_2$ миллиона марок. Точный текст соглашения с Мендельсоном относительно процентов и комиссии телеграфирую шифром Мендельсона.

Шипов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Париж от 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. [1]).

Условия Мендельсоновских векселей определены обменом писем между министром финансов и Мендельсоном и К-о в следующих пунктах: новые векселя будут на срок в 9 месяцев. Покупателям будет предоставлено $5^1/_2\%$ в год интереса и 1% комиссии. Банкирскому дому Мендельсона будет назначено комиссионных за поме-

[1]) Перевод с франц.

щенные им векселя $^1/_2{}^0/_0$, но в случае, если векселя будут учтены Государственным банком, то дом должен вернуть казначейству часть своей комиссии pro rata temporis [1]).

Шипов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Париж от 27 декабря 1905 г. [2]).

В дополнение телеграмме министра финансов. Французское правительство, пользуясь переговорами о займе, всячески старается понудить нас их поддержать не только на Марокккской конференции, но и непосредственно у германского императора. В этом отношении мы оказали ему большое содействие, и даже предполагается воздействовать на императора. Но я боюсь, что едва отношения Франции к Германии улучшатся, то тогда французы будут уклоняться от займа, ссылаясь на наше внутреннее положение. Не опасаетесь ли вы, что предложенная французскими банкирами операция на 100 миллионов рублей, по образцу Мендельсоновской, повредит операции Мендельсона. Не осторожнее ли ранее обменяться с последним взглядами. Впрочем, предоставляю это вашему усмотрению.

Витте.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 28 декабря 1905 г./10 января 1906 г.

Надеюсь кончить дело на Мендельсоновском основании. Часть суммы будет кредитована немедленно. Важный вопрос — о печати, которая развращена в конец, и если не будет оплачена, то начнет кампанию против нас, чего допускать нельзя в виду необходимости теперь же подготовлять почву для настоящего займа. Полагаю необходимым на этот месяц назначить, вместо обычных 100 тысяч франков, двойную сумму и обещать несколько повышенный кредит в течение следующих двух месяцев, пока не решится вопрос о займе. Ответ прошу телеграфировать прямо Рафаловичу. Надеюсь выехать в Берлин в пятницу. Буду еще телеграфировать. Немалые трудности представляет еще вопрос гербового сбора. Надеюсь, однако, его уладить, придавши обязательствам форму векселя со второй подписью Государственного банка. Для нас это безразлично, а здесь, кажется, на это пойдут.

Коковцов.

---

[1]) Т.-е. в зависимости от срока учета. Напр., если учет произведен через $4^1/_2$ месяца (срочность векселей—9 месяцев), то Мендельсон возвращает казначейству $^1/_4{}^0/_0$.

[2]) Собственноручный набросок рукою Витте.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г.

Сейчас подписываю контракт на 100 миллионов рублей по Мендельсоновскому образцу. Завтра утром выезжаю Берлин, остановлюсь Континенталь-отель. Копию контракта пришлю из Берлина. Если не случится чего-либо особенного у нас и во внешней политике, думаю, что совершение настоящего займа через $1^1/_2$—2 месяца можно считать обеспеченным. Большего, по совести, достигнуть было невозможно. Известите графа Витте.

Коковцов.

Телеграмма Нецлина Шипову

из Парижа от 29 декабря 1906 г. [1]).

Рад сообщить вашему превосходительству, что переговоры счастливо окончены, и принести вам мои поздравления. По поручению Коковцова, я посылаю вам все документы сегодня вечером.

Нецлин.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Парижа от 30 декабря 1905 г./12 января 1906 г.

Для сокращения времени просил Нецлина выслать вам немедленно почтою все документы. Среди них найдете образец краткосрочного обязательства, как он должен быть отпечатан. Цифры будут вписываться от руки по получении указаний банкиров через пять дней. Подпись Вебера, в виду могущей быть многочисленности обязательств можно сделать грифом, а бланковые надписи Государственного банка поручить от имени банка нескольким лицам. — Сейчас выезжаю Берлин.

Коковцов.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Берлин 31 декабря 1905 г.

Поздравляю вас новым годом и окончанием тяжелого дела, которое дает надежду пережить самое тяжелое время.

Шипов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина 1 января 1906 г.

Благодарю за память; буду очень рад, если мои усилия окажутся полезными вам и общему русскому делу. Поздравляю новым годом и вас, надеюсь выехать понедельник или вторник.

Коковцов.

[1]) Перевод с франц.

Телеграмма Шипова Коковцову

в Берлин от 1/14 января 1906 г.

Из ваших телеграмм я понял, что некоторая сумма выручки краткосрочных векселей кредитована немедленно. Могу ли я показать на баланс Государственного банка 50 миллионов рублей за границей? Это крайне необходимо.

Шипов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина от 1/14 января 1906 г.

Показать сейчас 50 миллионов рублей на баланс Государственного банка нельзя, так как после моего отъезда Парижа с французскими банкирами происходят по телеграфу сношения, заставляющие выждать показанием на баланс еще несколько дней.

Коковцов.

Телеграмма Коковцова Шипову

из Берлина от 2/15 января 1906 г.

Возникшие пустые недоразумения устранены. Счет казны будет кредитован в Париже с сего 15 числа нов. ст. по мере фактического размещения векселей, о чем Нецлин будет немедленно вас извещать Полагаю совершенно возможным теперь же показать по счетам, как поступившею, необходимую вам сумму в 50 миллионов рублей. Сейчас еду представляться императору. Надеюсь выехать домой вечером. Переговорами с Мендельсоном в общем доволен, но страшно устал. Передайте графу Витте.

Коковцов.

Телеграмма гр. Витте Коковцову

в Берлин от 2/15 января 1906 г.

По балансу на 23 декабря нехватает золота 47 миллионов, а на 1 января, по предположениям, — свыше 80 миллионов. Можно ли считать, что выручка по краткосрочным векселям получена? Если нет — придется выпустить указ о расширении эмиссионной операции Государственного банка. Завтра днем будет заседание финансового комитета. Мы ожидаем немедленного определенного ответа.

Витте.

Телеграмма Коковцова гр. Витте

из Берлина от 2/15 января 1906 г.

Ответ французов вполне удовлетворительный. Я телеграфировал министру финансов о том, что половину суммы можно показать поступившею, но полагаю, что показание всей суммы или 80 милл. было бы

не вполне осторожно, ибо реализация обязательств потребует известного времени. Расширение эмиссионной операции произведет неблагоприятное впечатление, которого следует избегать, особенно до размещения обязательств во Франции. Эта мера к тому же ослабит произведенное мною впечатление о необходимости совершения настоящего займа. Мои оппоненты постоянно указывали мне на строгость нашего эмиссионного закона и возможность его исправления. Я постоянно возражал, указывая на искусственность такой меры в настоящее время. Если усматриваете крайнюю настоятельность, лучше показать авансом значительную часть обязательств, чем расширить эмиссионное право. С Мендельсоном обо многом условился. Возвращаюсь домой.

Коковцов.

Телеграмма Нецлина Коковцову

из Парижа от 3/16 января 1906 года, 8 час. 50 м. вечера [1]).

Размещение проходит удовлетворительно. Почти половина обеспечена вчера и сегодня.

Нецлин.

Отчет Коковцова комитету финансов [2]).

Особые условия, среди которых мне пришлось исполнить возложенное на меня поручение, и самое свойство этого поручения побуждают меня изложить на письме достигнутые мною результаты и те соображения, которыми они оправдываются. Такое изложение представляется мне полезным и даже необходимым не только для того, чтобы министру финансов и комитету финансов были понятны причины, побудившие принять то или иное решение, но в особенности для того, чтобы на основании этих соображений ныне же был установлен порядок дальнейших действий, устраняющий в будущем ту неопределенность, среди которой мне пришлось действовать.

Комитет финансов припомнит, бесспорно, что с самого начала возникновения вопроса о необходимости командирования меня за границу с целью совершения новой кредитной операции я высказался совершенно отрицательно по поводу возникшего предположения и не видел никаких шансов на возможность успешного его выполне-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) *Пометка рукою Коковцова.* «Усердно прошу вас, многоуважаемый Лев Фабианович [Дорлиак.—*Ред.*], приказать переписать мой отчет и отстукать его в количестве экземпляров, равном числу членов финансового комитета. Мне прошу доставить 2 экземпляра. Чего не разберете — спросите меня. — Всегда ваш В. Коковцов.—11/I 1906 г.» Отчет сохранился в рукописи, частью писанной рукой Дорлиака, частью Коковцова.

ния. Я изложил мои соображения с полной откровенностью и определительностью, а также и перед его императорским величеством, так как почитал своей обязанностью устранить в будущем всякие нарекания, которые могли бы быть на меня возложены, если бы в результате моей неуспешности пришлось бы принять финансовые меры, гибельные для нашего денежного обращения и особенно тяжелые для нашего государственного кредита. Если тем не менее я счел для себя обязательным подчиниться желанию комитета финансов и воле государя императора, то только потому, что исполнением возложенного на меня поручения достигалась одна бесспорно существенная задача: политические и финансовые сферы, наиболее заинтересованные в устойчивости русского кредита, каковыми представляются сферы Парижа и Берлина, могли быть во всей подробности ознакомлены мною с истинными причинами, побуждающими русское правительство снова и притом спешно прибегать к внешнему кредиту, и, следовательно, сферы эти были бы во всяком случае предупреждены о результатах неуспешности поисков, если бы таковая окончательно последовала, и были бы поэтому лишены возможности упрекать нас впоследствии в том, что они не были во время предупреждены.

В пользу такой именно постановки дела меня убеждали главным образом те полномочия, которые были мне предоставлены г. председателем совета м-в и подтверждены затем с полной ясностью его императорским величеством и которые заключались в том, что мне разрешено было представить финансовое положение России в моих объяснениях как перед заинтересованными представителями финансовых сфер, так и перед главнейшими политическими деятелями в его неприкрашенной форме и не стесняться изложением неизбежных его последствий, как для самой России, так и для не менее того заинтересованных кругов за границею.

Мое отрицательное отношение к возложенному на меня поручению вытекало главным образом из соображений двоякого рода. С одной стороны, внутреннее положение России от октября месяца минувшего года оказалось глубоко потрясенным. Когда я выезжал из С.-Петербурга, на улицах Москвы шла в полном разгаре борьба между мятежными скопищами и верными своему долгу войсками. В значительной части России беспорядки продолжались в неослабевающих размерах, и падкая на всякие преувеличения враждебная нам иностранная пресса изображала Россию находящейся в состоянии полной анархии. Наш кредит, выдержавший с честью все невзгоды войны, был бесспорно поколеблен; на биржах в России и за границей царила паника, и количество проданных по низким ценам бумаг увеличивалось день ото дня. При такой обстановке всякая попытка к новому обращению к кредиту казалась мне совершенно бесполезной, если даже не вредною, для устойчивости нашего государственного кредита. С другой стороны, в положении денежных рынков на Западе заметны были явления крайне неблагоприятного свойства. Из Парижа

до меня доходили не вполне понятные сведения о заметном стеснении на денежном рынке. Размер переучетов во Французском банке возрастал с поразительной быстротой, в то время как частные банки уменьшали свои активные операции. В свою очередь, Берлин проявлял признаки, не внушавшие никакого доверия. Учетный процент в Имперском банке был поднят до небывалой высоты—6%, которая ясно указывала на то, что всякие кредитные операции при таком вздорожании денег представлялись делом почти невозможным.

Тем не менее, вынужденный предпринять поездку при столь неблагоприятных условиях, я должен был согласовать ее с той двойственной задачей, которая была на меня возложена. Как известно, м-во финансов озабочено было двумя предметами: во-первых, изысканием новых средств для поддержания нашего пошатнувшегося денежного обращения и для покрытия предстоящих государству чрезвычайных расходов, для которых в распоряжении казны никаких источников не имеется, и, во-вторых, отсрочкой заключенных в минувшем году в Берлине краткосрочных обязательств, по которым платеж в течение времени от января по конец марта с. г. 150 милл. рублей грозил бы полным расстройством нашего денежного обращения, покоящегося на строгом соответствии количества выпущенных кредитных билетов с запасами золота, принадлежащего Государственному банку. Так как первая задача бесспорно представлялась наиболее важной, ибо ею определялось дальнейшее эмиссионное право Гос. банка, исчерпавшего, как известно, во второй половине декабря все предоставленное ему законом право выпуска кредитных билетов, и к тому же особое условие пересрочки обязательств в Берлине давали право относиться с меньшей тревогой к этой задаче, то я и счел своей обязанностью сначала исчерпать все способы новых средств в Париже и уже затем обратиться к берлинскому рынку в отношении продления краткосрочных векселей.

Прибытие мое в Париж сразу же убедило меня в том, что все отрицательные мои предположения оказались значительно слабее действительного настроения парижского рынка и отношения его к русскому кредиту. Для того, чтобы понять это явление и все последующее изложение, необходимо дать себе ясный отчет в том, в каких руках находится парижский денежный рынок и как организовано посредничество между нами и держателями наших бумаг. Как известно, издавна во главе парижского рынка в отношении русских фондов стоял дом Ротшильдов, но уже много лет тому назад, под влиянием чисто еврейского вопроса, этот дом отошел от активного участия в русских делах, и еще задолго до войны с Японией, и то главным образом благодаря влиянию недавно умершего главы этого дома бар. Альфонса Ротшильда, участие его ограничилось в удержании за собой принадлежавшего этому дому и его клиентам количества русских бумаг, без всякого затем содействия по выпуску новых займов. Правда, и такое участие в русских делах приносило нам в свою пору немалую пользу,

так как, например, паника, охватившая парижскую биржу в момент неожиданного начатия военных действий, была удержана и смягчена исключительно посредничеством дома Ротшильдов. На место, покинутое домом Ротшильдов, встали новые учреждения, ранее не игравшие никакой роли в русских делах и присвоившие себе ныне как бы привилегию выпуска наших займов. Таковых учреждений шесть: Лионский Кредит, Парижско-Нидерландский банк, Генеральное общество для поощрения и развития промышленности и торговли во Франции, Национальная учетная контора, дом Готтингер и К° и Промышленный банк. Все эти учреждения, не взирая на огромную силу некоторых из них, например, Лионский Кредит, и на развитую клиентуру и предприимчивость, как, например, Парижско-Нидерландский банк и Генеральное общество, находятся в таких условиях управления, которые затрудняют до крайности деловые сношения с ними и ставят их в условия, совершенно обратные тем, которые должны быть на самом деле и должны заключаться в авторитетном финансовом руководительстве публикою. Достаточно указать, что во главе Лионского Кредита после смерти известного Жермена, пользовавшегося огромным влиянием во всех финансовых кругах Франции, стоит г. Мазера, 85-летний старец, по признанию всех, никогда не отличавшийся ни финансовым дарованием, ни даже практическим навыком. Его постоянными спутниками и советниками, без которых он не решится ступить ни одного шагу, с которыми заседает у себя в кабинете, совершает деловые визиты и участвует во всех коллегиальных заседаниях, являются два зятя покойного Жермена—г. Фабр Лоог, недавний дипломат, перенесший в банковую сферу поверхностное отношение, почерпнутое из службы при второстепенных дворах, и бар. Бренкар, совсем молодой человек, недавний кавалерийский офицер, вполне приличный господин, но отдаленный от истинного понимания финансов тем расстоянием, которое существует между большим банком и офицерским собранием. Этот почтенный триумвират в теоретическом отношении живет научными изысканиями покойного Жермена, в числе коих имеется, например, повторяемая с чрезвычайной авторитетностью теория о безвредности бумажного денежного обращения, если только количество неразменных бумажек соответствует потребностям денежного обращения страны. Чтобы не уходить далеко в характеристику этих людей, я позволю себе указать лишь на то, что мне пришлось потратить много времени и труда на разрушение их теории, и только тогда, когда я им поставил ребром вопрос о том, падет ли курс кредитного рубля, ныне равного 2,66 фр., при металлическом обеспечении, основанном на законе 1897 г., когда за прекращением размена и сокращением золотого запаса минимум до 650 милл. руб., кредитное обращение при невозможности совершения займа дойдет с 1.300 милл. до 2 миллиардов руб., — они должны были сознаться, что теории покойного Жермена не предусмотрели такого случая. Они не могли, впрочем, возразить мне на то, что те же теории, преданные уже гласности

в отношении финансов Испании, потерпели еще при жизни Жермена самое резкое крушение (и падкие на всякую шутку французы говорят даже , что самая смерть Жермена последовала оттого, что ему сообщили о предположении испанского короля во время визита своего в Париже заявить личную претензию ему от имени Испании, которая по его рецепту довела себя до банкротства) [1]).

В практическом отношении Лионский Кредит и его заправилы проявляют только одну величайшую трусость; их лозунг — «лишь бы обо мне не говорили», и за это они платят деньги печати. Понятно, поэтому, что в них моя попытка встретила самое недружелюбное отношение. Лионский Кредит только что выдержал ожесточенную кампанию в прессе, притом специально из-за наших фондов. Когда под влиянием нашего внутреннего расстройства наши бумаги резко понизились на парижской бирже, враждебная нам печать избрала Лионский Кредит своей мишенью; она стала доказывать, что в портфеле этого банка хранятся огромные суммы русских фондов и что банку грозит полное расстройство. На самом деле никаких фондов не было, ибо Лионский Кредит никогда их у себя не имеет и отличается чрезвычайной бесцеремонностью в организации своих операций по продаже им же выпускаемых займов. Тем не менее, впечатление было произведено, началось истребование вкладов, и этот ..... [2]) окончился едва за неделю до моего приезда. Другие учреждения страдают также немалыми недостатками в их организации. Представителем совета Пар.-Нид. банка состоит г. Гуэн, который, несмотря на свои 87 лет, держит, однако, все дело в своих руках, и более молодым директорам, каковы Нецлин и Торс, стоит немалого труда, чтобы побороть то предвзятое отношение к делу, для которого преклонный возраст и внутреннее положение России дают чрезвычайно благоприятную почву. Во главе третьего учреждения, дома Готтингер, стоит бар. Готтингер, также 86-летний старик, прекрасный по складу характера, честный и прямой, но лишенный всякой инициативы и могущий в лучшем случае только итти в составе своей группы, отойти от которой ему не позволяет чувство корректности, но которую он весьма охотно оставил бы во всех его новых операциях, — настолько этот богатый и солидный дом не чувствует ни малейшей потребности утруждать себя новыми заботами. Чтобы покончить с остальными учреждениями в смысле их характеристики, укажу только, что Генеральное общество, имеющее своим главой весьма бойкого и предприимчивого человека Дорпунга, не имеет теперь никакой самостоятельности и фактически подчинилось Пар.-Нид. банку, который оно поддержало своей обширной клиентурой в обмен за ту поддержку, которою этот банк еще недавно спас Генеральное общество от больших неприятностей, как последствий несостоятельности так называемого сахарного короля Кри-

---

[1]) Слова, заключенные в скобки, зачеркнуты в рукописи.

[2]) Одно слово неразобрано.

пие. Национальная Учетная контора управляется весьма способным человеком Ульманом, но не имеет такого авторитета, который бы дал ей возможность выйти из ее нынешнего второстепенного положения, хотя участие ее в делах ценится банками весьма высоко также в виду весьма развитой клиентуры, в особенности в провинции. Наконец, Промышленный банк совершенно ничтожен и отдельного упоминания не заслуживает. Ко всему приведенному следует еще прибавить, что 3 главные учреждения (Лионский Кредит, Пар.-Нид. банк и Готтингер), принадлежа к одной, повидимому, дружественной группе, на самом деле находятся в условиях такого личного соревнования, при которых каждый раз самым резким образом выступают вопросы первенства и самолюбия [1]).

Условия денежного рынка, среди которых действуют описанные мною финансовые учреждения, оказались в минуту прибытия моего в Париж значительно более неблагоприятными, нежели даже я ожидал, выезжая из Петербурга.

К упадку нашего кредита, к тому недоверию к нашему внутреннему положению, которым проникались финансовые сферы за границей гораздо глубже того, что нам представляется здесь, присоединилось еще совершенно исключительное по своей напряженности политическое настроение Франции. Я застал среди деловых людей Парижа настроение, близко похожее на то, которое обыкновенно предшествует войне. У всех на устах только одни слова: «Марокко, конференция в Алжезирасе, неизбежность войны с Германией», и притом такие слова отнюдь не выражают собой лишь внешнего и притом поверхностного настроения, выражают собой действительную тревогу, оправдываемую весьма серьезными соображениями. Близкие к правительству люди не скрыли от меня, что приготовления на границе ведутся уже более двух месяцев с большою напряженностью, и если такие приготовления и имеют на самом деле характер благоразумной предусмотрительности, то на денежные и деловые сферы они оказали самое тяжелое влияние. Все бумаги на парижском рынке подверглись за неделю до моего приезда резкому падению (напр., акции Парижско-Нидерландского банка с 1560 фр. упали до 1410), многие банки распорядились удалением своих архивов и ценностей из отделений и агентств, расположенных на границе с Германией, кредиты стали резко стесняться, и в низкие слои публики проникло самое тревожное настроение, выразившееся почти в тех же явлениях, как и у нас, — в истребовании вкладов и стремлении запастись золотом «на всякий случай».

К чести французского правительства следует сказать, что такое настроение, близкое к панике, нисколько не проникло в него, но даже вызвало в нем самое определенное осуждение, но оно не оказало никакого воздействия, потому что не проходило ни одного дня, чтобы с гра-

---

[1]) До сих пор рукопись писана почерком Дорлиака, далее до конца — рукою Коковцова.

ницы не доносились слухи о тех или иных приготовлениях, до вызова отпускных офицеров в их гарнизоны до окончания сроков разрешенных отпусков. При таких условиях становится совершенно понятным, что мое прибытие и выраженные мною желания встретили со стороны всех банков единодушный и самый решительный отпор, выраженный притом в самой определенной форме: если бы даже Россия была столь же сильна и спокойна, как была до войны, то и в таком случае до разрешения кризиса по вопросу о Марокко не может быть речи о каком-либо займе. Публика не отдаст своих сбережений, как бы ни были выгодны условия их помещения, и не допустит этого тем более потому, что она не оправилась еще от пережитой паники, вызванной нашими октябрьскими забастовками. И к тому же, в оправдание такого недружелюбного к нам отношения, необходимо помнить, что французские банки не только не руководят публикой, а слепо идут за ее настроением, опасаясь в каждом отдельном случае не только встретиться с неуспехом займа, но даже потерпеть ущерб в других своих предприятиях, если только действия их случайно встретятся в особенности с неблагоприятною тенденциею в печати.

Мне пришлось поэтому волею или неволею отказаться от возможности совершения столь необходимого для нас займа и попытаться найти хоть бы временный выход из переживаемых нами финансовых затруднений в форме такой п е р е х о д н о й о п е р а ц и и, которая в худшем случае не изменила бы нашего современного положения, а в лучшем — давала бы нам возможность выждать разъяснения политического горизонта. В этом направлении я встретил самую широкую деятельность и горячую поддержку в особенности со стороны г. Рувье, председателя совета министров, который вполне заслуживал бы того, чтобы наше правительство письменно уведомило его, как высоко ценит оно услугу, им оказанную, хотя бы размер этой услуги и не отвечал нашим желаниям. Без этой влиятельной поддержки, перешедшей даже в форму энергического побуждения кредитных учреждений к принятию участия во временной операции, мне пришлось бы уехать с пустыми руками, а это обстоятельство снова уронило бы наш кредит.

Впрочем, я должен удостоверить, что, в противоположность кредитным учреждениям, Рувье и даже президент республики Лубэ с первых же моих разъяснений усвоили себе всю неизбежность для Франции оказать нам финансовую поддержку и разделили правильность нашей точки зрения, заключавшейся в двух основных положениях:

1) крупный отлив золота, как последствие паники, вызванной недавними событиями нашей внутренней жизни, поставил на очередь вопрос о прекращении размена, если только не окажется возможным подкрепить наш золотой фонд и расширить наше эмиссионное право, дошедшее уже до своего предела, и

2) предстоящие нам чрезвычайные расходы, в случае невозможности подкрепить казну займом, должны неизбежно повести к финансовому расстройству и к выпуску кредитных билетов, не обеспеченных золотом и притом исключительно на потребности казначейства.

Почитая, что оба эти положения одинаково ведут нас к дальнейшему ослаблению, столь гибельному для самой Франции, означенные государственные люди, вместе с некоторыми другими политическими деятелями, во главе которых бесспорно находился президент палаты депутатов Думер, заявили мне вполне определительно, что, понимая недостаточность временной операции, они готовы оказать нам деятельную помощь в деле заключения более крупного займа, коль скоро вопрос о Марокко снимет с Франции настроение тревоги, ею теперь переживаемое.

Что касается до размера и характера временной операции, то в отношении первого пришлось ограничиться тем, на который пошли кредитные установления после моих продолжительных и усиленных настояний, подкрепленных мною главным образом тем доводом, что кредит в 100 милл. руб. даст нам возможность переждать приблизительно тот 2-месячный промежуток времени, который необходим для окончательного выяснения вопроса о возможности или невозможности совершения займа на французском рынке.

По отношению к характеру операции пришлось по необходимости прибегнуть к повторению операции с краткосрочными обязательствами, выпущенными через посредство банкирского дома Мендельсона в Берлине, и совершить операцию на условиях, тождественных с последнею, за исключением лишь одного пункта, более выгодного для нас, — а именно, выпуска векселей на 12-месячный срок, вместо 9—10-месячного.

На такую комбинацию пришлось согласиться не только по недостатку изобретательности со стороны французских банкиров, но главным образом потому, что в виду изложенных выше обстоятельств эта форма займа давала возможность реализации без непосредственного обращения к публике и, следовательно, вне столкновений с радикальной прессой, столь враждебно настроенной ко всякого рода операциям на французском рынке в настоящую пору.

Упомяну еще, что с внешней стороны допущена некоторая особенность по сравнению с германскими векселями, в виде бланковых подписей Государственного банка. Этой особенности одна из русских газет («Молва») придала в телеграфных корреспонденциях будто бы из Парижа, подписанных буквами Е. Ш., значение доказательства явного недоверия к имени одного министра финансов (в действительности подпись на векселях принадлежит директору департамента государственного казначейства). На самом же деле значение этой бланковой подписи гораздо более невинное и имеет исключительно характер новой любезности по отношению к нам со стороны фран-

цузского правительства, так как этот бланкнот нашим обязательствам придает характер торговых векселей и устраняет необходимость уплаты 1% гербового сбора в пользу французской казны, т.-е. предоставляет нам сбережение в 1 милл. руб.

Наконец, не лишне упомянуть, что невыгодная сторона новых обязательств, заключающаяся в предоставлении им, так же, как и германским векселям, права переучета в нашем Государственном банке, едва ли имеет особенно существенное значение. Это право сопровождается, как известно, возвратом за весь остающийся срок не только $5^1/_2\%$ роста, но и всей банкирской комиссии и, следовательно, будет осуществлено разве в период какого-либо особенно невыгодного для нас обострения, но в таком случае мы расплатимся по такому переучету только тем золотом, которое получено нами посредством этой кредитной операции.

Совершенная на объясненных основаниях краткосрочная операция имеет характер временный и переходный. Необходимо ныне же приступить к использованию той готовности, которая была проявлена французским правительством к совершению со временем более крупного займа, и, не теряя времени, приступить к подготовке этого займа, пользуясь тем, что среди финансовых сфер Парижа ясно сознание необходимости для нас этой операции.

Я считал бы своей обязанностью указать на следующие меры, имеющие своей общей целью подготовку нового займа:

1) Ссылаясь на мои объяснения и на принципиальную готовность французского правительства, надлежало бы, мне кажется, г. министру финансов ныне же обратиться с тождественным служебным письмом к Лионскому Кредиту, Парижско-Нидерландскому банку, Дому Готтингера, Генеральному обществу и Национальной Учетной конторе и, указав в нем на происходившие со мною объяснения и на желательность для русского правительства использовать французский рынок в целях заключения займа, как только политические обстоятельства устранят существующее в настоящее время напряженное состояние, предложить этим учреждениям, объединенным в одну группу, избрать из состава своего одно или несколько лиц, которые были бы уполномочены группою вести все подготовительные переговоры. Это последнее предложение было бы полезно именно для устранения взаимного недоверия и обостренных отношений отдельных учреждений между собой, и без такого шага с нашей стороны избрание нами кого-либо из состава группы, напр. представителя Парижско-Нидерландского банка, г. Нецлина, как более сильного из современных деятелей парижской haute finance, неизбежно будет сопровождаться самыми разнообразными проявлениями задетого самолюбия.

При этом полезно было бы иметь в виду, что окончательные переговоры о займе, вероятно, снова придется вести в Париже, так как едва ли удастся вновь обойтись без содействия правительства и непосредственных сношений с управлениями отдельных банков. Время

укажет, впрочем, в каких условиях заключение займа окажется наиболее желательным.

2) Французские банки весьма заинтересованы в том, чтобы предстоящий русский заем, — если только политические обстоятельства дозволят его совершение, — имел отчасти международный характер. Настраиваясь теперь совершенно отрицательно в отношении совместных действий с германским рынком, не придавая никакого значения американскому рынку, как совершенно неприспособленному к правильно организованным операциям прочного размещения ценностей,— означенные банки с особенным вниманием относятся к возможности привлечения к участию в русском займе а н г л и й с к о г о рынка. Ему придается значение не столько как финансовой силе, способствующей ш и р о к о м у помещению займа, сколько как силе политической, ослабляющей нападки радикальной прессы, враждебно настроенной к дальнейшему участию французского капитала в русских операциях.

К той же цели привлечения лондонского рынка к нашим займам направлены с прошлого года и усилия нашей дипломатии, усматривающей в финансовом сближении верный путь к сближению политическому.

Но, говоря о лондонском рынке, необходимо вовсе исключить фирму Ротшильда, на содействие которой мы вовсе не можем теперь рассчитывать. Необходимо стремиться к тому, чтобы заинтересовать в наших операциях нееврейские фирмы, и в этом отношении представляется немалая трудность в соединении этих фирм или, точнее, в избрании одной из них, способной сгруппировать около себя все прочие. Наибольшую склонность к сближению с нами, в форме совместного участия с французскими (и даже немецкими) банками, проявляет фирма бр. Бэринг, глава которой лорд Ревельсток заслуживает особого внимания с нашей стороны по его благородному характеру и тому уважению, которое внушается всюду его личностью. Но фирма эта вообще слаба, и поддержка ее одной далеко недостаточна. Казалось бы поэтому весьма желательным воспользоваться пребыванием в Петербурге нашего посла в Лондоне гр. Бенкендорфа, находящегося в самых дружеских отношениях с лордом Ревельстоком, и постараться при его содействии подготовить в Лондоне группировку нескольких банков, готовых вступить на путь совместных действий с французскими банками.

3) Существенную роль в подготовке нового займа на парижской бирже должна сыграть французская пресса. Крайне влиятельная, как орудие общественного мнения, французская пресса находится на самом низком уровне с точки зрения ее порядочности и достоинства. Она продажна от самых крупных органов до бульварных листков включительно. Все расценено на деньги, и притом и за деньги не всегда получаются те услуги, которые желательны. Трудно даже представить себе, до какой степени беззастенчивости доведено это дело в Париже и какая сложная организация взяточничества и посред-

ничества существует в этом отношении. На печать громко жалуются все, от президента республики до последнего банкира; от ее недобросовестности страдают все, и на вопрос: что же делать? — отвечают просто — «рауег», а на замечание, как же достигнуть по крайней мере того, чтобы плата шла за положительные услуги,— только беспомощно разводят руками. Во все время войны мы и поступали по рецепту «рауег», — платили, и платили много. Достигли ли мы многого, сказать трудно, но на мое замечание, что все огромные суммы истрачены непроизводительно, мне отвечали в один голос все, с кем только я ни совещался, что трудно и представить себе, что̀ было бы с нашими фондами, если бы печать не пользовалась нашими постоянными подачками.

Тем не менее, так как война кончилась и внутренние волнения вступили, повидимому, в фазис некоторого успокоения, то я высказался бы решительно в пользу немедленного прекращения расходов на эту злополучную «publicité», если бы нам не нужно было занимать деньги во Франции и притом занимать в ближайшем будущем, подготовив эту операцию немедленно.

При этой необходимости не остается ничего иного, как платить еще некоторое время и постараться лишь принять меры к тому, чтобы расходы были наименее непроизводительны.

В этом последнем отношении необходимо иметь в виду, что, с формальной стороны, расходы на печать производятся по соглашению нашего посла в Париже с агентом министерства финансов. На самом же деле, ни то, ни другое лицо в непосредственных сношениях с печатью не состоят, а действуют через посредство некоего Ленуара, которым и передаются деньги в установленных суммах отдельным органам прессы. Идут ли все эти суммы по их прямому назначению, или часть их остается в руках посредника, об этом судить весьма трудно, хотя и имеются отрицательные указания, но что несомненно, — так это то, что в целом ряде органов печати, получающих нашу субсидию, не только не появляется сочувственных нашему кредиту статей, но появляются даже весьма часто неблагоприятные суждения, отчего, однако, не прекращается и даже не уменьшается субсидия. На сделанное мною по этому предмету указание как г. Рафаловичу, так и Ленуару я получил ответ, что незначительное количество статей в пользу нашего кредита и наших фондов объясняется недостаточностью фактических сведений, собираемых в Париже из Петербурга. Мне не стоило большого труда устранить это совершенно несостоятельное объяснение, ибо сущность наших пожеланий заключается не в том, чтобы газеты помещали сочувственные нам ученые трактаты о финансах России, а только в том, чтобы широкие слои публики постоянно встречались с суждениями газет о твердости нашего кредита, о выгодности помещения сбережений в наши фонды, о чрезмерно низком их курсе, дающем все основания к выгоде, на их неизбежном повышении и т. д., для чего не требуется никаких документов и фактических данных. Я полагаю, что разъяснение мое не останется совершенно бесполез-

ным, тем не менее, ограничиваться этим не следует, а надлежало бы попытаться достигнуть большего. Для этого я мог бы указать двоякий путь. Синдик фондовых маклеров, г. Вернейль, человек огромного влияния на парижской бирже, советует попытаться заменить посредничество Ленуара непосредственною передачею расходуемых нами денег тем банкам, через которые мы предполагаем осуществить нашу кредитную операцию. По его мнению, банки уже теперь имеют свою «publicité», а с присоединением наших денег могут расширить ее и за ту же расходуемую нами сумму достигнуть более значительных результатов.

Воспользоваться этим советом можно, однако, не иначе, как получив согласие банков и заручившись во всяком случае тем, что они примут меры к тому, чтобы устранить невыгодные последствия отстранения агентства Ленуара, и в этом смысле надлежало бы войти в сношения с банками чрез посредство г. Нецлина.

Второй способ, применимый на случай весьма возможного отказа банков взять на себя эту крайне неблагодарную задачу, заключался бы, по моему мнению, в том, чтобы потребовать, чтобы газеты, получающие более или менее значительную субсидию, время от времени помещали сочувственные русскому кредиту статьи, в смысле указанной выше программы, и обусловить выдачу им субсидий исполнением этого обязательства. Но в этом последнем случае нельзя не предвидеть, что в течение 2—3 месяцев или впредь до того, как выяснится окончательно, возможен ли заем, или нет, нам неизбежно не только нести прежние расходы на печать, но даже настолько увеличить их, дабы не иметь в последнюю минуту эту продажную прессу против себя.

К изложенному считаю еще нелишним добавить, что было бы крайне полезно усилить осведомленность французской печати о благоприятных явлениях нашей внутренней жизни (о неблагоприятных явлениях заботиться нет надобности, — они слишком усердно распространяются иностранными корреспондентами). Для этого было бы желательно все телеграммы, передаваемые Петербургским Телеграфным Агентствам Агентству Гаваса, передавать в копии (расход был бы только на повторение адреса) агенту министерства финансов Рафаловичу, вменив ему в обязанность принять меры к тому, чтобы сведения эти были печатаемы в парижских газетах, чего часто вовсе не случается, так как многие газеты просто игнорируют благоприятные известия из России и не пользуются сообщениями Агентства Гаваса.

4) Несмотря на все своевременно принятые меры и даже на благоприятно сложившиеся условия как во внутренней нашей жизни, так и во внешней политике, нельзя не предвидеть, что парижские банки все-таки будут мало склонны к совершению займа и будут повторять их излюбленный мотив о недоверии публики и рискованности реализации займа. На этот случай было бы крайне важно заручиться содействием именно упомянутого выше Вернейля, который может в нужную минуту воздействовать на банки угрозою выпуска

займа без их содействия и реализациею его через посредство одних фондовых маклеров (agents de change), к каковой угрозе он уже однажды прибег, и притом с большим успехом. В этих видах письменное обращение к г. Вернейлю от имени председателя совета министров гр. Витте было бы весьма желательно.

В Берлине задача моя заключалась в принятии мер к обеспечению продления срока наших краткосрочных обязательств, выпущенных в апреле 1905 г., путем размещения новых векселей с повышенной (до $5^1/_2\%$) доходностью и обращения вырученной от них суммы на погашение выпущенных векселей. Я застал положение этой операции в день моего прибытия (31 декабря) в следующем виде: истекли сроки векселей на сумму 70 милл. марок, а новых векселей продано на 54 милл. марок. Разница в 16 милл. марок подлежала погашению из нашего золотого запаса, уменьшая автоматически наше эмиссионное право. Положение денежного рынка Германии внушало мало надежд на быстрое размещение новых векселей, так как, при учетном % Германского банка в 6 годовых, обязательства с доходностью в $5^1/_2\%$, даже увеличенною на часть банкирской комиссии, уступаемой покупателям, находят весьма малый спрос. Банкирский дом Мендельсон и К° предъявил мне целое делопроизводство, в котором отказы самых крупных капиталистов на запросы о приобретении векселей исчислялись целыми десятками и были мотивированы исключительно дороговизною денег. Ближайшее будущее обещало, однако, некоторое улучшение. В первые дни нашего января стеснение на денежном рынке стало несколько ослабевать, и появилась надежда на понижение учетной нормы, вскоре затем и оправдавшаяся. Под влиянием этого признака банкирский дом Мендельсон, известный своим прекрасным отношением к русскому кредиту, не только удвоил свою энергию по размещению векселей, несмотря на возникшую неожиданно для него конкуренцию на французском рынке, но принял за свой счет всю сумму обязательств, упадавших на 31 января н. ст., равную 34 милл. марок, оградив нас таким образом от возможности нового дренажа нашей золотой наличности. Законченная с ним переписка дает все основания надеяться, что такое же обязательство будет выполнено и по отношению к сроку 28 февраля, на сумму 25 милл. марок, и вообще можно с большой долей вероятия предположить, что операция обмена совершится в условиях для нас благоприятных. Что же касается до уступок с нашей стороны, то таковые представляются весьма умеренными.

Упомяну в заключение, что банкирский дом Мендельсон располагает всеми данными, характеризующими наше финансовое положение, и, имея безусловно здоровые взгляды на вопросы нашего денежного обращения, конечно, не упустит момента, в который германский рынок окажется в состоянии совершить новую русскую операцию как для погашения краткосрочных обязательств, так и для усиления средств нашего казначейства.

В. Коковцов.

С. Ю. ВИТТЕ, ФРАНЦУЗСКАЯ ПРЕССА И РУССКИЕ ЗАЙМЫ.

Печатаемый ниже любопытный документ типичен для той обстановки, в какой происходили крупные финансовые операции русского правительства на парижской бирже. Нужно сказать, что, время от времени, русское министерство финансов делало робкие и всегда тщетные усилия хоть немного сократить негласные расходы на прессу. Ничего из этих попыток не выходило: тон субсидируемой печати круто и внезапно менялся, начинались серии статей под тревожным общим заглавием: «Берегите ваши карманы» (gardez vos poches!), возбуждалась искусственная паника, русские бумаги падали, — и министерство финансов спешило капитулировать. На этот раз (в 1901 г.) Витте объясняет внезапную немилость французской прессы еще «борьбой политических партий» во Франции. Это выражено у него весьма туманно, да и совершенно не соответствует истине: и дрейфусары, и анти-дрейфусары, и Мелин, и Вальдек-Руссо, и Рувье, впоследствие Комб и другие представители враждовавших течений одинаково держались и за политический союз с Россией, и за финансовую сторону союза в частности, т.-е. за помещение французских капиталов в России. Более основательны указания на роль французской промышленности и ее заинтересованность в поднявшейся газетной буре: мы знаем, что и после 1901 года, и пред самой войной 1914 г. французские заводы требовали русских заказов, и пресса промышленников жаловалась, что Россия скупа на заказы, и что французское золото идет на пользу немцам и англичанам.

При таких общих причинах внезапных и по существу всегда кратковременных взрывов газетной бури, конечно, «россказни» каких-то «молодых педагогов», на которых жалуется Витте, могли иметь столь же мало решающего значения, как и коварные наветы генерала Богдановича. Но любопытен сам по себе факт парижской агитации этого подвижного ктитора Исаакиевского собора: генерал Богданович принадлежал к числу тех консерваторов из бюрократических и придворных кругов, которые именно в эти годы (до японской войны), понимая, что Россия является более мощным членом союза, чем Франция, позволяли себе очень часто и бесцеремонно вмешиваться во внутренние французские дела. «Дрейфусарское» министерство Вальдека-Руссо, тогда управлявшее Францией, было им ненавистно, и Богдановичу хотелось бы, чтобы Франция почувствовала, что русский царь недоволен ее внутренней политикою. К слову замечу, что генерал Андрэ (военный министр в кабинете Комба) был доведен назойливым вмешательством чинов русского посольства в дела военного министерства Франции до того, что принужден был заметить: «мы хотим остаться хозяевами в своем доме». Путешественники в духе генерала Богдановича не переводились в Париже в первое десятилетие царствования Николая II. После японской войны они стали значительно скромнее, — как и оседлые чины посольства.

Печатаемый документ очень живо воскрешает общую атмосферу франко-русских отношений в самые первые годы XX столетия. В нем все характерно, вплоть до обычной капитуляции Витте в вопросе о «субсидиях» французской прессе, вплоть до делающего свою собственную французскую политику генерала Богдановича, вплоть до покорности императора Николая II в виду неизбежной сдачи русского правительства пред требованиями и новыми вымогательствами прессы, на удовлетворение коих он «с сожалением согласен».

Евг. Тарле.

Записка С. Ю. Витте.

«По поводу появившихся в последнее время во французской прессе статей, направленных против России и ее финансов» [1]).

На подл. высоч. резолюция: «С сожалением согласен». Рукою гр. Витте помечено: «Спала. 16-го октября 1901 года».

В последнее время, после посещения вашим императорским величеством Франции, в некоторой известной части французской прессы появился ряд статей с весьма резкими нападками на Россию, на ее внутреннюю политику и в особенности на ее финансовое и экономическое положение. Нападки в этом последнем направлении наиболее сильны и резки, так как авторы враждебных России статей не без основания думают, что к положению русских финансов мелкие французские капиталисты, среди которых размещено значительное количество наших фондов, относятся с особым интересом и вниманием, и что, действуя на эту сторону, они легче всего могут посеять смятение среди легковерной и легко волнующейся французской публики, вызвать колебания курса русских бумаг на парижской бирже и, в конце концов, причинить беспокойство и своему, и русскому правительству.

Причины столь быстро и внезапно предпринятого газетного и журнального похода на Россию довольно сложны и разнообразны, и я позволю себе отметить лишь главнейшие.

В основе всей поднятой газетной бури, прежде всего, лежит постоянная борьба за власть различных партий французского парламента, бесконечные счеты французского правительства с своей оппозицией. Последняя прекрасно понимает, что посещение вашим императорским величеством Франции высоко подняло престиж нынешнего президента республики и сильно укрепило положение и влияние находящегося у власти министерства. Теряя надежду на быстрое свержение последнего и желая хотя сколько-нибудь сохранить под собой почву, враждебные министерству элементы стараются во что бы то ни стало умалить значение важного факта посещения русским императором дружественной республики, стремятся придать этому высокому знаку франко-русского союза совершенно иную окраску, обидную и для своего, и для русского правительства, способную на оба эти прави-

[1]) Дело канц. М. Ф. № 16. ч. I—1901 г., л. л. 92-97.

тельства бросить неблагоприятную тень. Отсюда искусно сочиненные и весьма усиленно распространяемые статьи о том, что положение русских финансов весьма плохо и что для спасения их русский министр финансов осмелился посоветовать своему государю ехать во Францию подготовлять почву для нового займа.

Вокруг указанной основной причины, — борьбы французских политических партий, — группируется ряд других второстепенных. Сводятся они главным образом к тому, что в среде французского общества имеются отдельные категории лиц, по разным побуждениям и разным причинам недовольных Россией и стремящихся всеми мерами распространить это недовольство возможно широкой волной по всей Франции. Прежде всего, русским правительством и в особенности русским министром финансов недовольны французские виноделы и виноторговцы, желавшие извлечь свои материальные выгоды из посещения вашим императорским величеством Франции, надеявшиеся исходатайствовать уничтожение или, по крайней мере, понижение наших пошлин на французское вино и обманувшиеся в этом ожидании.

Вторую, не менее многочисленную группу составляют мелкие французские капиталисты, которые в погоне за быстрой наживой скупили паи и акции сомнительных предприятий, основанных в России бельгийцами исключительно с целью спекуляции. Когда эти предприятия, не обеспеченные оборотными средствами, созданные без всякого коммерческого расчета, управлявшиеся нехозяйственным образом, стали клониться к упадку, ко мне начали поступать настойчивые ходатайства о выдаче из русского Государственного банка ссуд для их поддержания. В подобных ходатайствах пришлось систематически отказывать, и в результате создалось в среде пайщиков сильнейшее недовольство мероприятиями министра финансов, который в их глазах явился главным виновником убытков, понесенных ими от увлечения спекуляциями бельгийцев в России. Необходимо при этом заметить, что указанная группа мелких французских финансистов имеет влияние даже на самое французское правительство, — влияние настолько сильное, что, когда возник вопрос о поддержке одного из наиболее крупных финансированных ими в России предприятий, — Брянского завода, — то мне пришлось считаться с такими настойчивыми ходатайствами французского министра финансов, что для сохранения добрых отношений с французским правительством я признал за лучшее оказать в виде исключения поддержку названному заводу, о чем вместе с сим мною и представляется вашему императорскому величеству особый доклад.

Третью, наконец, группу составляют русские эмигранты и путешественники, по преимуществу педагоги, заканчивающие свое образование молодые люди и проч., недовольные существующим государственным строем России. Не имея возможности открыто выражать свои взгляды и убеждения в отечестве, лица эти, попадая во Францию, где теперь с таким интересом относятся к России и потому так

охотно их слушают, дают волю своему накипевшему неудовольствию и изливают его в созданных собственною фантазиею рассказах о произвольности и непорядочности действий русского правительства. В этом направлении действуют и финляндцы в иностранной прессе. Рассказами этими пользуются журналисты, враждебные не столько России, сколько существующему французскому правительству, и передают затем их в печати с еще большими искажениями истины, прекрасно понимая, что небылицы, возведенные на русское правительство, подрывают престиж и их собственного министерства, стоящего за самый тесный союз с Россией. Принявшая во Франции в последнее время значительные размеры агитация русских против России составляет весьма печальное явление, и тем более грустно, когда к ней, не отдавая, очевидно, себе надлежащего отчета, иногда примыкают лица, занимающие высокое положение в нашей служебной иерархии. Тогда агитация эта в глазах иностранцев получает особое значение, так как рассказы подобных лиц, в сущности лишь желающих блеснуть перед иностранцами своим оппозиционным образом мыслей, принимаются за сведения, сообщаемые из самого достоверного источника. Я не считаю себя в праве умолчать пред вашим императорским величеством, что и в той агитации, которая в настоящее время ведется во французской печати против России, повидимому, недобрую службу сослужил своему отечеству находившийся в отпуску в Париже член совета министра внутренних дел генерал Богданович, который, забыв и свое служебное положение, и суровый урок, данный ему по аналогичному случаю в бозе почивающим императором Александром III, распространял в Париже неточные о России слухи.

Как сообщил мне агент Русского Телеграфного Агентства, пользующийся доверием нашего посольства в Париже, Ефрон, генерал Богданович прибыл в Париж, как только появились первые известия о поездке во Францию вашего императорского величества, и, собрав здесь вокруг себя военных и журналистов враждебного нам лагеря, открыто заявлял им, что вы, государь, делаете крупную ошибку, позволяя мне советовать вам посетить Францию, и притом в корыстных целях (dans un but intéressé). По словам Ефрона, он лично видел у Богдановича единомышленников Дрюмона и его друзей, а два дня спустя появились резкие статьи этого автора против русского министра финансов, уговорившего будто бы ехать своего монарха во Францию исключительно с целью заключения займа.

Всей этой с таким ожесточением ведущейся против России газетной агитации я лично не придаю серьезного значения. Экономическое и финансовое положение империи вашего величества устойчиво и твердо, и не газетным статьям поколебать его основы. Я не считал бы даже нужным публиковать какие-либо официальные возражения против возводимых на русские финансы напраслин. Через два месяца появится мой официальный всеподданнейший доклад о росписи на 1902 год, и из него весь свет убедится, что, несмотря на напряжен-

ное мировое положение и на все невзгоды последних лет, пережитые Россией, и золота у нас не уменьшилось, и бюджет попрежнему уравновешивается с излишком.

Но, высказываясь в таком смысле, я не могу не стремиться к устранению всякого возможного ущерба для русских финансов. Между тем, банкир Hoskier, а затем и агент министерства финансов в Париже действительный статский советник Рафалович сообщили мне, что газетная агитация принимает весьма значительные размеры и может создать серьезные биржевые осложнения для русских ценностей на французском рынке. Оба названные лица, с своей стороны, советовали для устранения подобных нежелательных последствий немедленно же воздействовать на прессу, при чем Рафалович сумму необходимых для этого в течение года затрат определил в 150—160 тыс. франков.

Продажность французской прессы есть факт общеизвестный, и с тех пор, как доверием августейшего родителя вашего и вашего императорского величества я занимаю пост министра финансов, ко мне непрерывно под разными формами и предлогами поступают ходатайства о субсидиях со стороны французских журналистов самых разнообразных лагерей. До сих пор подобные ходатайства я старался отклонять, но мне небезызвестно, что в сущности ни один наш заем во Франции не обходился без воздействия на прессу, которое производилось банкирами, реализовавшими займы.

Получив приведенное извещение Hoskier'a и Рафаловича, я всеми мерами хотел избегнуть рекомендуемого им средства и поэтому прежде каких-либо решительных по этому поводу распоряжений предложил действительному статскому советнику Рафаловичу спросить мнения французского министра финансов, заместителя нашего посла в Париже и барона Ротшильда. Из полученного ныне ответа видно, что все названные лица прямо или косвенно рекомендуют воздействие на прессу, как единственное средство борьбы против той недостойной кампании, которая ведется теперь против России.

По получении такого ответа я предписал действительному статскому советнику Рафаловичу принять те меры, которые он по ходу дела признает необходимым, предполагая потребный расход (не более 160 тыс. франков) отнести на 12-миллионный фонд, назначенный на экстренные, не предусмотренные сметами, надобности.

На утверждение сего моего распоряжения приемлю долг всеподданнейше испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение.

Статс-Секретарь *Сергей Витте.*

ВОКРУГ АННЕКСИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ.

1908 год вполне законно назвать прологом к мировой войне. С осени этого года начался первый балканский кризис, за которым в 1912 году последовал второй, а в 1914 году и третий, послуживший внешним поводом к началу катастрофы европейского империализма.

Усиленными стараниями Франции в 1907 году было подписано англо-русское соглашение по азиатским делам. Молодой, только что назначенный, по обычаю того времени, с поста посла в Дании, министр иностранных дел Извольский очень хотел соглашения с Англией, рассчитывая этим обеспечить себя со стороны Японии и вообще Востока, чтобы развязать руки для активной политики в Европе; при этом документальными данными ясно определяется, что Извольский такую активность более всего понимал в смысле Балкан и в частности в смысле выгодности для России разрешения вопроса о проливах.

Извольский решил при переговорах с Англией итти на всевозможные уступки ей в Азии, рассчитывая получить от нее поддержку в Европе. Лондонский кабинет также решил пожертвовать многим, чтобы включить Россию в цикл держав, входящих в окружение Германии.

Редкий в анналах дипломатических сношений факт, когда обе договаривающиеся стороны хотят много друг другу уступить; на деле же оказалось, что по всем пунктам в Азии уступила только одна Россия взамен, может быть, тайных устных единоличных обещаний английского министра, которые, как уже показал опыт истории, не имели никакой практической цены.

Но, тем не менее, Извольский после заключения англо-русского соглашения горел жаждой активной политики в Европе или, вернее, на Балканах и в проливах. Он нашел в этом отношении себе подходящего партнера в лице австро-венгерского министра иностранных дел барона Эренталя, который также был подвержен желанию активной политики на Балканах, но, в отличие от Извольского, чувствовал за собой не только нравственную, но и реальную поддержку Вильгельма II.

Оба министра, русский и австрийский, при некоторой, впрочем, поддержке и своего итальянского коллеги Титтони согласились летом 1908 года на улучшение своего «стратегического и экономического» положения за счет Турции.

1 мая Эренталь пожелал обменяться с Извольским мнением по балканским делам. В ноте 19 июня этот последний в ответ на высказанные ему захватнические мысли Эренталя излагал свой вполне лояльный на этот раз в отношении

Турции взгляд, но в конце ноты он намекал, что не прочь дружественно обсудить в общей связи вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины и о проливах, в виду их чрезвычайной важности для Австрии и России.

Здесь появляется на сцену новое лицо, а именно посол венского двора в Петербурге граф Берхтольд, который пригласил Извольского, Эренталя и Титонни отдохнуть вдали от глаз столичных корреспондентов в свой живописный замок Бухлау.

Летнее отдохновение четырех государственных людей вылилось в следующее соглашение, которое мы здесь приводим в редакции Эренталя.

1) Россия и Италия займут благожелательное положение в отношении аннексии Боснии и Герцеговины.

2) Италия и Австрия благосклонно отнесутся к поползновениям России в отношении пересмотра постановлений о проливах в более выгодную для нас сторону.

3) Австрия откажется от некоторых прерогатив, которые ей предоставлены статьей 29 Берлинского трактата в отношении Черногории, и

4) Австрия и Италия согласятся с Черногорией в отношении разрешения вопроса об Албании.

Но, вернувшись в Петербург, Извольский решил застраховать себя и со стороны Эренталя, и 23 сентября (6 октября) Николай II утвердил проект соглашения с Турцией, направленный исключительно против Австрии, в пользу улучшения положения России в отношении проливов. Турхан-паша, посол в Петербурге, сообщил, что оттоманское правительство отнеслось в принципе сочувственно к предложенному Россией соглашению.

Но в то время как Извольский путешествовал по европейским столицам не без задней цели подготовить решение вопроса о проливах в виде компенсации за аннексию Боснии и Герцеговины, так как оба эти вопроса, по предположению Извольского, должны были пройти через конференцию европейских держав, Эренталь единолично объявил 7 октября (24 сентября) аннексию Боснии и Герцеговины, заявив при этом, что это делается с согласия России.

Карта Извольского не только была бита, но он оказался при этом в самом незавидном положении. Началась длинная дипломатическая дуэль между Извольским и Эренталем, перипетии которой приводить здесь не будем. В ней приняли участие Франц-Иосиф, Николай и Вильгельм.

29 сентября нового стиля, т.-е. за восемь дней до аннексии, Франц-Иосиф обратился к Николаю II со следующим письмом [1]):

«Мой дорогой друг!

Тебе небезызвестны те переговоры, которые с некоторых пор ведутся нашими правительствами в целях укрепления основ нашего соглашения по восточным делам и твердого установления на будущее время общих положений той политики, которой мы должны следовать в обоюдном согласии на Балканском полуострове.

Мне нет надобности указывать на то, какое значение я придаю успеху этих переговоров, будучи твердо уверен, что соглашение, подобное тому, которое имеют

---

[1]) Подлинники этого и следующих писем хранятся в Архиве Революции и внешней политики XIX—XX в.в. в Москве.

в виду наши правительства, лучше всего послужит на пользу монархизма и консерватизма [1]), принципов, столь близких нашему сердцу, в интересах будущности наших империй.

Работая над благоприятным разрешением этих вопросов столь высокого значения, мое правительство должно было также заняться другой проблемой исключительной важности, разрешение которой не может быть отложено без опасности для мирного развития событий в местностях, прилегающих к границам моих владений.

Дело идет о положении Боснии и Герцеговины.

Эти две провинции достигли в настоящее время, благодаря неослабным заботам моего правительства, высокой степени духовного и экономического развития, они законно стремятся к благам автономного и конституционного правления [2]), в котором мое правительство не считает возможным долее им отказывать, в виду тех непредвиденных событий, которые произошли в Турции [3]).

Однако не представляется возможным приступить к дарованию Боснии и Герцеговины конституции до окончательного урегулирования вопроса о политическом положении этих провинций в будущем.

Итак, кажется, настал тот момент, на который намекал Гирс [4]) в телеграмме князю Лобанову [5]) от 27 февраля 1884 г., говоря о непредвиденных обстоятельствах, которые могут заставить австрийское правительство изменить положение вещей, существующее в обоих оккупированных провинциях.

В самом деле, не соображения политической выгоды, но повелевающая необходимость общего положения заставляют меня приступить к аннексии Боснии и Герцеговины.

Уверенный в твоей испытанной дружбе и полагаясь на силу традиционных уз, связующих наши империи, я глубоко убежден, что ты благожелательно отнесешься к той мере, которая нам внушается необходимостью и которую предвидели и приняли без возражений твои покойные отец и дед.

В доказательство того, что это решение ни в какой мере не идет вразрез с консервативными началами австро-венгерской политики и что мое правительство остается верным принципу незаинтересованности, установленному в 1897 году, мне остается лишь сказать тебе, что я уполномочил мое правительство отказаться одновременно с аннексией Боснии и Герцеговины от военных и административных прав, предоставленных монархии Берлинским трактатом в Новобазарском санджаке. Немедленное отозвание моих войск, которые в настоящее время занимают там гарнизоны, послужит подтверждением этого отказа.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга,

Франца-Иосифа» [6]).

---

[1]) Если проследить всю шестидесятилетнюю переписку Франца-Иосифа с русскими царями, то этот лейт-мотив «монархизма и консерватизма» сопутствует каждое письмо Франца-Иосифа, когда ему нужно вырвать со стороны России какую-нибудь уступку. При Николае I эта мера без промаха действовала в пользу Австрии.

[2]) Курсивом подчеркнутое рукой Николая II.

[3]) Младотурецкий переворот.

[4]) Министр иностранных дел при Александре III.

[5]) Русский посол в Вене в то же время.

[6]) Перевод с французского.

По существовавшему обычаю, копия этого письма, предварительно официального его вручения через посла, была передана Извольскому, который при докладе представил ее государю. Николай II на докладе 21 сентября старого стиля, т.-е. за три дня до аннексии, о которой еще не было известно, написал:

«Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября» [1]).

Эта надпись дает полное основание считать в числе участников Бухлауского coup d'état также Николая II и Столыпина.

Николай II ответил Францу-Иосифу не сразу. События очень обострились на той почве, что Россия желала вместе с признанием аннексии Боснии и Герцеговины изменения и некоторых других статей Берлинского трактата конференцией из представителей всех держав, подписавших этот трактат, в надежде провести на этой конференции и вопрос о проливах. Австрия, соглашаясь на конференцию, требовала, чтобы вопрос о Боснии и Герцеговине на ней не ставить. Это разногласие увеличивалось еще нескромностью Эренталя в отношении Извольсвого и повело к тому, что непосредственные отношения между обоими правительствами почти прекратились. За Россией и Австрией сгруппировались их союзники, но в этом отношении положение первой было несравненно хуже, так как за ней стояла пассивная Англия и виляющая Франция, а за Австрией твердой рукой направлявшая весь инцидент с целью расколоть Тройственное Согласие — Германия.

Ответ Николая последовал только 22 октября (4 ноября) и был составлен Извольским. Он вылился в следующее письмо:

«Мой дорогой друг!

Глубокая и искренняя дружба, которую я к тебе питаю, не позволяет мне скрыть от тебя весьма тягостное впечатление, произведенное на меня присоединением к Австро-Венгерской империи, путем единоличного акта, — что крайне печально, — провинций Боснии и Герцеговины, вверенных Берлинским трактатом твоему управлению.

Я не хотел бы подвергать какому-либо сомнению значение обязательств, принятых по отношению к тебе моими дедом и отцом, а также останавливаться на вопросе о том, соответствует ли упомянутый тобой особый документ существующему поныне соглашению, — я ограничусь лишь утверждением, что положение Боснии и Герцеговины, вверенных Берлинским трактатом оккупации Австро-Венгрии, не может быть изменено иначе, нежели постановлением держав, подписавших этот трактат. Эта точка зрения вполне соответствует принципу, установленному Лондонской конференцией и торжественно принятому Австро-Венгрией, — что никакое государство не может отказываться от обязательств договора и изменять его положения иначе, как с полного согласия договаривающихся сторон.

Полагаясь на твою дружбу и на чувство присущей тебе высокой справедливости, пребываю в уверенности, что ты вполне согласишься с необходимостью применения этого принципа и в данном случае. Со своей стороны, я от всего

---

[1]) Под подписью Николая Извольским вставлена дата: «Яхта Штандарт. 23 сентября 1908 г.».

сердца готов служить укреплению монархических и консервативных начал, столь благодетельных для России и для Австро-Венгрии, и приложу все усилия для дружественного разрешения этих затруднений, чтобы тем сильнее укрепить традиционные узы, связующие обе наши империи.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга

Николая» [1]).

На этом переписка между обоими императорами опять прекращается на целый месяц; возобновилась она по случаю шестидесятилетнего юбилея царствования Франца-Иосифа.

Николай II послал в Вену приветствовать юбиляра вел. кн. Михаила Александровича с письмом, очевидно, не касавшимся политических дел, так как оно в архивах не сохранилось. Франц-Иосиф ответил на него следующим длинным посланием, которое посвятил исключительно инциденту, волновавшему в то время всю Европу:

Вена. 7 декабря (24 ноября) 1908 г.

«Мой дорогой друг!

Мне доставило особое удовольствие получить через великого князя Михаила письмо, которым ты отметил мой юбилей; горестные события, которые задержали твоего брата в кругу родных [2]), причинили мне искреннее огорчение. Что касается до твоего послания, к которому пожелала присоединиться и императрица, то оно затронуло самые чувствительные струны моего сердца. Дружба, которой ты меня даришь, дорога мне по многим причинам, и я особенно ценю проявление ее в момент, когда, окончив 60 лет царствования, полного забот и труда, я не без волнения хочу восстановить в памяти его этапы.

За это истекшее время сношения между нашими царствующими домами (trônes) заняли видное место. Я стремился их укреплять не только из чувства привязанности, но и по долгу в отношении моих народов.

Вскоре после моего вступления на престол я должен был признать, вопреки личным моим симпатиям, что вопросы, связанные с судьбой как России, так и моей монархии, не могли быть урегулированы при помощи политики открытого союза; национальные и географические условия обеих империй были слишком различны, чтобы позволить им постоянно итти рука об руку к достижению одной и той же конечной цели. Я и твои предки вместе со мною признали, что разница в стремлениях наших народов обязывала нас к неизменной бдительности и внушала мысль о том, что последствия этого различия надлежало исправлять при помощи крепких уз дружбы и доверия между нашими домами.

Этот принцип я сделал основой моей политики, которая состояла в использовании всех обстоятельств, способных сблизить интересы обоих государств, а с другой стороны, в доброжелательном и спокойном обсуждении тех несогласий, которые могли бы возникнуть при столкновении интересов.

Политика эта, разделяемая твоими предшественниками, не была безрезультатной для России; она оберегала ее от опасностей и доставила ей положительные

[1]) Перевод с французского.

[2]) Смерть вел. кн. Алексея Александровича.

выгоды. Она позволила Александру II начать войну с Турцией и пожать плоды победы не только на благо России, но и на благо народностей Балканского полуострова.

Мне нечего тебе напоминать опасные стороны, которые возникали иногда в балканском вопросе в царствование твоего покойного отца. Наша добрая воля одержала верх в эту пору раздраженного общественного мнения и его беспокойных притязаний (velleités).

Еще позднее твоя просвещенная (éclairée) дружба заставила нас сделать большой шаг вперед соглашением 1897 года, которое было призвано направлять политику Европы на Балканах. По виду соглашение это казалось как бы началом новой политики, противоречащей прежним традициям; в действительности же оно было лишь развитием тех отношений, которые уже выдержали двадцать лет испытаний.

Это сближение, к моему удовлетворению, дало мне возможность повести политику дружественного согласия с Россией. Я не только не воспользовался этим документом, который предоставлял Австро-Венгрии полную свободу развивать ее экономические интересы на Балканах, но в то время, когда ты вел на Дальнем Востоке трудную войну, и во время последовавших вслед за ней смут в России, я пренебрег этими материальными интересами, чтобы избавить тебя от тени какого-либо беспокойства со стороны Европы.

Наконец, совсем недавно, когда, стремясь избавить от опасности наиболее уязвимый пункт моих владений, я счел своим долгом принять решительные меры в отношении Боснии и Герцеговины, — меры, которые фигурируют и в наших прежних обязательствах, как противовес территориальному приращению и влиянию Российской империи, — я, храня верность традициям моей политики, присоединил твою империю к моему проекту, предоставив ей значительные выгоды.

В твоем письме от 22 октября (4 ноября) ты пишешь, что считаешь себя обязанным сделать предостережение в отношении текста, на который мое правительство могло бы сослаться в защиту моего последнего действия. Верь мне, мой дорогой друг, что мне не приходило в голову пользоваться этими документами, для оправдания моего поступка перед Европой и перед тобой. Точно так же, говоря с тобой таким образом, я не имею в виду воздействовать на твое суждение относительно моей дипломатии. Я только желаю, чтобы ты знал, что в данном случае я сохранил по отношению к тебе свою неизменную лояльность, что я ничего не предпринял, что не было бы ранее утверждено твоими предшественниками, а недавно также и твоим правительством, которое мне предлагало распространить мои владения за пределы намеченных мной границ. Должен тебе сказать, что меня огорчило то недоверие, с каким ты отнесся к моим намерениям, и то, что оно проявилось в напоминании тобой таких положений, от которых я и не думаю отступать; но мне казалось бы, что они скорее могли бы быть выдвинуты в отношении противника, нежели против искреннего друга, который позаботился о твоих интересах и твоих желаниях, прежде чем приступил к действиям, выгодная сторона которых должна отразиться как на престиже твоей империи, с одной стороны, так и, с другой, на безопасности моей.

Должен ли я тебе говорить, что я выбрал, как средство, fait accompli [1]) по серьезным причинам? Ясно, что Турция, а при современных обстоятельствах и не-

[1]) Свершившийся факт.

которые другие державы отказали бы мне или, по крайней мере, торговались бы из-за своего согласия, если бы я спросил их о нем предварительно. Средства воздействия, которые применяются к Австро-Венгрии в настоящее время, были бы тотчас же пущены в ход, и поднятие этого вопроса вызвало бы со стороны маленьких славянских государств более сильные протесты, нежели те, с которыми мне приходится иметь дело после свершившегося факта. Вероятно, пришлось бы даже прибегнуть к оружию в деле, конечная цель которого заключается в отсрочке кровавых столкновений на Балканах.

Твой новый братский поступок, дорогой друг, за который я еще раз выражаю тебе благодарность, дает мне случай высказать тебе свое понимание лежащего на мне священного долга и те убеждения, которые мной руководили в течение царствования, юбилей которого я только что отпраздновал, и в течение всего моего долгого существования, полного ниспосланных мне богом испытаний.

Я хотел тебя уверить в моей верности принципам, которые мною руководили до настоящего времени, и в моем твердом намерении честно придерживаться их до моего последнего часа на том пути, который я в свое время себе наметил. Да сохранит бог твое доверие ко мне и твою дружбу в интересах наших престолов и наших народов.

Я прошу тебя верить в чувства искренней привязанности твоего брата и друга

Франц-Иосифа» [1].

На этот раз ответ Николая II последовал очень быстро, а именно 17/30 декабря 1908 года.

Весь черновик его был написан нервной рукой Извольского, и этот министр не имел такта воздержаться от включения в кабинетное письмо мелких упреков совершенно личного характера по отношению к Эренталю [2].

«Царское Село 17 декабря 1908 г. [3].

Мой дорогой друг!

Я был глубоко тронут сердечными выражениями твоего письма и, с своей стороны, испытываю потребность откровенно поговорить с тобой об отношениях, существующих ныне между обеими империями; в этих отношениях, увы, за последнее время произошла перемена, которая причиняет мне самое живое огорчение. Ты знаешь, как я всегда был предан соглашению [4], которое было нашим общим и личным делом; именно оно обеспечивало в течение десяти лет мирный ход событий на Балканах.

И если в настоящее время такой порядок вещей уступил место чувству общей тревоги, то, конечно, не Россия была тому причиной.

Точно сообразуясь с моей волей, мое правительство оставалось щепетильно верным тем действиям, которые мы совместно предприняли в Македонии; это твой

---

[1]) Подлинник на французском языке.

[2]) На подлиннике рукою Николая написано: «Вполне одобряю. 17 декабря 1908 г.».

[3]) Рукою Николая: «Отправлено 17 декабря 1908 г.».

[4]) Соглашение 1908 г.

министр иностранных дел нанес первый удар нашему соглашению. Нужно ли напоминать тебе прискорбные события последней зимы?

В то время, когда я был твердо уверен, что вследствие дружеских переговоров между нашими министрами в Вене мы будем действовать в полном согласии, барон Эренталь внезапно отклонился от нашей линии, выдвинул, не предупредив о том нас, свой проект о Санджакской железной дороге и оставил план судебных реформ в Македонии, выработанный совместно нашими кабинетами.

Ты знаешь, как я старался избежать разрыва нашего согласия. Чтобы попытаться восстановить его, я приказал Извольскому войти в переговоры этой осенью с бароном Эренталем. Этот последний открыл ему во время переговоров новые планы, которые могли лишь нарушить нормальный ход вещей и доброе согласие между обеими империями. Тем не менее, мой министр иностранных дел, проникнутый самыми примирительными намерениями, постарался изыскать с ним средства, с помощью коих мог быть покончен вопрос об аннексии, который он предполагал поднять для дружелюбного его разрешения.

Г. Извольский, прежде всего, обратил его внимание на то возбуждение, которое он неминуемо должен был вызвать как в России, так и среди балканских народностей; затем он ему указал те условия, при которых мы могли бы, несмотря на все трудности, предстоящие в связи с этим вопросом, сохранить дружественную позицию в отношении Австро-Венгрии; он ему открыто заявил, что мы не можем отказаться от тезиса, который всегда поддерживали, а именно, что вопрос об аннексии Боснии и Герцеговины имеет общеевропейское значение и может быть разрешен лишь с согласия держав; даже был поднят вопрос о месте и времени такой конференции. Наконец, Извольский получил уверение со стороны барона Эренталя, что он заблаговременно предупредит о принятом твоим правительством решении. Я был вполне уверен, что обмен взглядов между обоими министрами предварительно должен был быть представлен на мое усмотрение [1]), а соглашение, вчерне ими набросанное, получить мое утверждение.

Однако, не дождавшись моего ответа, предупредив нас о том всего лишь за 24 часа и не посчитавшись ни в малейшей степени с возражениями, формулированными моим министром, барон Эренталь поставил нас перед свершившимся фактом, что, однако, не помешало ему объявить, что он действовал в полном согласии с нами. В то же время твои посланники за границей поддерживали мнение, что аннексия ни в чем не касается держав и что Австро-Венгрия не примет участия в конференции.

Ты знаешь, какое волнение произвел во всей Европе такой резкий образ действий. Барон Эренталь, который столько лет жил между нами [2]), должен был предвидеть то возбуждение общественного мнения, которое было вызвано этим в России, которое причинило и продолжает еще причинять столько затруднений моему правительству.

Ты поймешь также, мой дорогой друг, сколь я был лично задет (froissé) поступками твоего министра. Несмотря на все это, мой кабинет ни на минуту не переставал предпринимать все меры к умиротворению умов как в России, так и

[1]) Извольский после свидания с Эренталем поехал в объезд европейских столиц, а Австрия использовала это время для объявления аннексии.

[2]) Был послом в Петербурге.

среди балканских народностей. Среди всех этих затруднений мой кабинет ни на минуту не изменил своей в высшей степени примирительной и корректной линии поведения, и я с тягостным удивлением узнал о тех способах действия, которые барон Эренталь употребил в отношении нас. Он нашел возможным, вопреки всем дипломатическим обычаям, сообщить без нашего согласия другим кабинетам секретные документы, которыми недавно обменялись наши кабинеты. Некоторые из них относились к прежним переговорам, связанным с нашим секретным соглашением 1897 года, которое я рассматриваю, как личный акт, заключенный между тобою и мною, и в котором наши министры принимали участие только в качестве свидетелей. Впрочем, мне было уже известно, что барон Эренталь еще перед этим сообщил одному иностранному кабинету документ, относившийся к тому же соглашению.

Я не скрою от тебя, мой дорогой друг, что в этом поступке твоего министра я вижу недостаток уважения ко мне. При таких условиях невозможны никакие тайные сношения, и я принужден был приказать моему министру иностранных дел придать впредь сношениям между обоими кабинетами строго официальный характер.

Я могу уверить тебя, мой дорогой друг, что все эти тягостные события совершенно не нарушают чувств глубокого к тебе уважения и искреннего желания видеть вполне восстановленным доброе согласие между нашими монархиями. Я пишу тебе эти строки не только с чувством глубокой грусти, но также и с чувством большого опасения за будущее.

Конечно, не мне судить, принесла ли политика твоего министра иностранных дел такие выгоды для твоей империи, которые по своим размерам соответствовали бы вызванным ею волнениям. Но я должен спросить себя, ограничится ли эта политика той смутой, которую она уже причинила, или же мы находимся накануне осложнений, еще более опасных для общего мира. По сведениям, которые до меня доходят, твое правительство принимает военные меры в таком масштабе, из коего можно предположить, что оно готовится к возможному в ближайшее время конфликту с твоими южными балканскими соседями. Если подобное столкновение произойдет, то оно вызовет в ответ большое возмущение не только на Балканском полуострове, но также и в России, и ты поймешь то особо трудное положение, в котором я окажусь. Избави нас, боже, от подобной перспективы, которая положит конец всякой возможности сохранить хорошие отношения между Россией и Австро-Венгрией и может привести Европу к общей войне.

С своей стороны, я всегда останусь верным тем чувствам и принципам, которыми я всегда руководствовался в сношениях с тобой и которые мне кажутся столь необходимыми для поддержания мира и монархических установлений. Молю бога помочь мне в моих стараниях и сохранить мне все твое расположение, которое мне бесконечно дорого и в котором я не перестану видеть наиболее верное средство для поддержания хороших отношений между нашими империями.

Прошу тебя верить в чувства искренней привязанности твоего брата и друга

Николая» [1]).

[1]) Подлинник на французском языке.

Ответ Франца-Иосифа не заставил себя ждать и последовал из Вены 15/28 января 1909 года.

«Мой дорогой друг!

Труд, который ты принял на себя в письме от 17 (30) последнего месяца, лично изложив мне все те аргументы, которые твое правительство сочло нужным выставить против моего, показывает мне, сколь велик твой интерес к современной политике. Видя, какое сильное впечатление произвели на тебя разногласия, возникшие в связи с недавними переговорами между нашими министрами, я вспоминаю об аналогичных столкновениях, свидетелем которых мне приходилось бывать раньше. Я всегда находил, что подобные раздоры между государственными людьми более легко разрешаются без вмешательства монархов: опыт последовательно научил меня быть терпеливо сдержанным в отношении их.

Ты ничего не будешь иметь против, если вместо того, чтобы обсуждать изложенные мне тобою несогласия, я ограничусь тем, что остановлюсь на некоторых местах твоего письма, которые касаются персонально тебя и меня.

Прежде всего, я был поражен, узнав от тебя, что барон Эренталь «выдвинул» последней осенью перед твоим министром иностранных дел «новые планы, которые могли лишь нарушить нормальный ход вещей»... Эти новые планы (дело, без сомнения, касается аннексии Боснии и Герцеговины) были включены в общие предложения, которыми твой министр поразил барона Эренталя за два месяца до встречи в Бухлау. Мой министр, который не позволил бы себе обсуждать проекты Извольского без моего на то согласия, был твердо убежден, что и этот последний сообщал их, будучи на то тобой уполномочен.

Я не могу, мой дорогой друг, скрыть удивления, что предложения эти не были предварительно представлены на твое утверждение и стали тебе известны после свершившегося факта, в форме неожиданного и несвоевременно сделанного сообщения. Тебе следует узнать, что, по первоначальной мысли твоего же министра, та мера, которую я позднее принял в отношении Боснии и Герцеговины, — мера, необходимость которой была представлена на его рассмотрение, должна была распространяться и на Новобазарский санджак, тогда как я, с своей стороны, обязывался доброжелательно отнестись и оказать свою моральную поддержку тем действиям, которые ты должен был предпринять в целях открытия проливов для твоих военных судов.

Эта часть программы не была выполнена по мотивам, которых я не доискиваюсь; я тебя все-таки прошу, мой дорогой друг, верить, что мое правительство совершенно к ним непричастно и даже в настоящее время мы о них ничего не знаем. Барон Эренталь, таким образом, отнюдь не заслуживает твоего неудовольствия по этому пункту.

Я хотел бы также, чтобы ты изменил свое суждение о моем министре по вопросу о большой нескромности, которую он, якобы, допустил в отношении тебя предполагаемой огласки нашего соглашения 1897 года. Здесь также непосредственное ознакомление с документами, которые, очевидно, не были тебе доложены, убедит тебя, как я и сам убедился, что ничто тайное, касающееся нас с тобой, ни одна деталь нашего секретного разговора той поры не стали известны публике через сообщения барона Эренталя иностранным кабинетам. Напротив того, министр этот дал доказательства своей сдержанности и скромности в том освещении результатов наших переговоров, сделать которое он был вынужден силой обстоятельств.

Наконец, третье место твоего письма касается непосредственно меня и изумило меня в сильнейшей степени. Я с трудом понимаю, как могли от тебя скрыть положение вещей и настроение на Балканах до такой степени, чтобы заставить тебя рассматривать мое поведение в отношении Сербии и Черногории, как аггрессивное.

Возбуждение, которое царствует в этих местностях, порождает самые разнообразные и противоречивые слухи, которые надлежит немедленно и с большим вниманием проверять. Советчики, пренебрегающие черпать свои сведения из верных источников и тщательно их сортировать до представления тебе, не отдают себе, мне кажется, отчета в том, какую они берут на себя ответственность и какому риску подвергают политическое положение.

Мое поведение в отношении сербских стран продиктовано мне с осени моим долгом и предусмотрительностью, вызванными той страстной и полной ненависти враждебностью, которой проникнуты в этих странах все классы, включая и ответственных представителей власти. Я никогда и не думал посягать на их независимое существование и не питаю никаких завоевательных стремлений, могущих причинить им вред. Напротив, я твердо решил со всей энергией противиться возможности аггрессивных действий, на которые их может толкнуть все возрастающая дерзость в погоне за химерическими мечтами, которые, увы, были им внушаемы не одной лишь стороной.

Еще не было примера, чтобы какая-нибудь великая держава, заботящаяся о своем достоинстве и о своих интересах, проявила бы такое долготерпение, какое проявляем мы в отношении наглой провокации маленьких соседей.

Я продолжаю надеяться, что размышления и здравомыслие восторжествуют, в конце концов, над этими заблуждениями, которые иначе могут довести эти народы до худших случайностей.

Мой поверенный в делах в Петербурге сообщил мне о милостивых словах, которыми тебе было угодно почтить его по случаю нового года; я частью отнес их и на свою долю и душевно тебя благодарю. Чувства и пожелания, которые ты высказал в немногих словах, являются счастливым предзнаменованием.

Прошу тебя верить чувствам искренней дружбы твоего брата и друга

Франца-Иосифа».

Этим окончилась переписка между русским и австрийским императорами.

Приведенная переписка вскрывает лучше, чем ряд дипломатических переговоров, таинственную сторону тех событий, которые несколько месяцев держали под страхом войны всю Европу.

Не в том вопрос, кто здесь прав и кто виноват,—Извольский достоин Эренталя, а Эренталь достоин Извольского. Не может быть только сомнения, что австрийский министр очень ловко воспользовался жаждой Извольского к активной политике в Европе и желанием улучшения положения в проливах заставить русское общественное мнение спокойнее отнестись к заключенным им соглашениям с Японией и Англией. Русский дипломат был во всех отношениях побит своим австрийским коллегой.

Для полноты описанного эпизода необходимо осветить во всем этом деле и роль «рыцарски верного» Австрии Вильгельма II

Уже в октябре 1908 года германский посол ясно показал Извольскому, что в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины Германия пойдет во всем за Австрией. Мотивы такого решения не скрывались.

«Россия, — сказал граф Пурталес [1]), — несмотря на все заслуги Германии перед ней, все более и более сближается с враждебной немцам группой держав. Кульминационными пунктами такой политики были Алжезирасская конференция и ревельское свидание с королем Эдуардом. Подобная перегруппировка держав заставляет Германию более, чем когда-либо, тесно сблизиться с Австрией и принять за основание своей политики полнейшую солидарность во всех вопросах с Габсбургской монархией» [2]).

По мере развития событий и тон разговоров Пурталеса с Извольским принимал все более и более угрожающий характер [3]), и все дело окончилось, как известно, мартовским ультиматумом Германии.

В архиве сохранились за это время два интересных документа [4]), принадлежащие перу Вильгельма II, а именно, письмо от 9 января 1909 года и телеграмма от 14 (27) марта того же года, отправленная через четыре дня после предъявления ультиматума.

Николаем в ответ послано было письмо от 12 января. Текст письма с вариантом и материалом, составленным А. П. Извольским, напечатан в назв. книге: «Переписка Вильгельма II с Николаем II» (см. стр. 146—151).

На этом переписка между двумя императорами, по крайней мере, дипломатического характера, прекратилась на два месяца.

Настал март месяц. Балканский кризис был главными действующими лицами введен в тупик. Тогда Николай II обратился, по докладу Извольского, к Вильгельму с новой просьбой — воздействовать на Австрию [5]). Вильгельм, вместо ответа, предъявил России 10 (23) марта безотговорочный ультиматум с требованием немедленного признания аннексии Боснии и Герцеговины [6]) и только через четыре дня, когда ультиматум был нами принят, ответил Николаю II телеграммой от 14 (27) марта (текст ее опубликован в «Переписке Вильгельма II с Николаем II», см. стр. 151—152).

Вильгельм писал:

«...Благодарен за телеграмму, на которую я не мог раньше ответить в виду колебаний международной политики.

Я очень рад, что вы относитесь к предложению, сделанному моим посланником вашему правительству, как поддерживающему мое дружеское расположение. Рад услышать, что вы приказали вашему правительству его принять. Верю, что этим предложением мы сделали большой шаг к окончанию кризиса».

---

[1]) Германский посол в Петербурге.

[2]) Доклад Извольского Николаю II 19 октября 1908 года.

[3]) То же 29 ноября 1908 года.

[4]) Опубликованы в изд. Центрархива «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 142—145 и 151—152

[5]) Текст этой телеграммы см. в назв. изд. «Переписка Вильгельма», стр. 150—151.

[6]) Сэр Никольсон, великобританский посол в Петербурге, сообщает в своем отчете за 1909 год циркулировавший слух, что будто бы Извольский, не зная, как выпутаться из созданного им же тупика, сам воздействовал на берлинский кабинет в смысле предъявления России ультиматума. Лично Никольсон этому слуху не верил.

Что же можно прибавить к этим документам? Они ясно говорят сами за себя.

Здесь все имеется: и жонглирование тайными договорами с Австрией против Турции и с Турцией против Австрии, и захватническая политика, и настоящая цена франко-русского союза, и далеко нечистоплотная игра двух министров, и, наконец, действительная роль Вильгельма II.

Но ярче всего здесь выявляется жалкая роль русского министра, в руки которого слепой случай передал международную политику целой страны и который после только что законченной кровавой авантюры на Дальнем Востоке толкал ее на такую же авантюру на Ближнем Востоке.

Вильгельм также не достиг своим поведением желаемых результатов, так как после кризиса 1908—1909 г.г. русская дипломатия уже совсем покорно пошла на поводу англо-французского соглашения.

А. Зайончковский.

АНГЛО-РУССКАЯ КОНВЕНЦИЯ 1907 г. И РАЗДЕЛ АФГАНИСТАНА.

(По материалам секретного архива бывшего М. И. Д.)

1907 год явился крупнейшей вехой в истории международных отношений на Среднем Востоке. Во внешней политике русского империализма 1907 год отмечен двумя соглашениями: с Англией — по средне-азиатскому вопросу, с Японией — о взаимной поддержке территориальных домогательств друг друга в Китае. Оба эти акта связаны между собою глубоким внутренним единством. Они являются выражением поворота царской России на рельсы ближне-восточной политики, с центром тяготения в Константинополе,— уклоном, как известно, ставшим одним из решающих слагаемых в вопросе империалистической войны 1914 года.

По времени конвенция с Англией предшествует соглашению с Японией, но обоим предшествует русско-японская война и революция 1905 года. Соединенными усилиями подрастающего нового гегемона Дальнего Востока, опиравшегося на плечи английского капитала, русский империализм был навсегда отброшен от теплого Китайского моря. Английская помощь не ограничивалась тоннами снаряжения и миллионами фунтов стерлингов, переданных союзнику. Вся береговая полоса России была поставлена под Дамоклов меч английского флота, а в пункте ближайшего соприкосновения их азиатских колоний русское командование стояло перед угрозой враждебных выступлений Афганистана и общих осложнений по средне-азиатской границе. В разгар войны из Туркестана на японский фронт не было взято ни одного солдата, ни одной батареи, и в связи с мероприятиями лорда Китченера в Северной Индии самим русским пришлось подумать об увеличении числа войск оккупации. Портсмутский договор, как таковой, конечно, не устранял русско-японских противоречий. Русский империализм мог примириться с потерей южной Манчужрии, Ляодунского полуострова и уже облюбованной Кореи, только в случае общего поворота своей внешней политики. Константинополь должен был с лихвою оплатить все счета Порт-Артура. Это ставило ребром вопрос о соглашении с хозяйкой Суэца и Гибралтара. И подготовлявшееся соглашение с Японией, по части совместного дружеского свежевания остатков Китая, включалось одним из звеньев в программу, где решающее значение имело сближение с британским империализмом. На заседании особого совещания по выработке русского ответа на английское предложение по средне-азиатскому вопросу министр иностранных дел Извольский прямо указал, что «переговоры с Англией, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы

ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серии конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 года, частью же имеющих самостоятельное значение. Соглашение с Японией будет, однако, не полным, если на ряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом».

Соглашение с Англией устраняло англо-русское соперничество на Среднем Востоке. При ликвидации счетов англо-русской вражды приходилось трезво взвесить, какими реальными непосредственными интересами обладала царская Россия в Персии, Афганистане и Тибете, если отбросить стратегическое значение этих стран, как подступов к Индии. Персия и Тибет выходят из круга нашего очерка. Остается Афганистан. Предоставим слово русским авторам соглашения 1907 года.

В своей программной речи на том же совещании министр иностранных дел Извольский настойчиво указывал, что «общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за ней внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты».

Было бы наивно предполагать, что политика Извольского построена целиком на рецептах Гаагской мирной конференции. Она просто понимает «реальную политику» в смысле отказа от безнадежной погони за двумя зайцами сразу. Дело в том, — указывает в своей докладной записке быв. посол в Константинополе Зиновьев,—«что сейчас представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он обречен, и открыть ему доступ в Средиземное море. Поднять этот вопрос окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии». Само собой понятно, что под этим углом зрения «все планы вторжения в Индию не выдерживают критики и должны быть отнесены в область фантазии». Засим следуют и выводы. «В случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах могли бы быть с нашей стороны сделаны ей уступки в средне-азиатском вопросе» [1]).

Еще более откровенно высказался Коковцов:

«Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может, связаны с афганским вопросом» [2]).

---

[1]) Зиновьев. «Секретная записка о соглашении между Россией и Англией». (Ср.-аз. департамент, дело № 86, докум. 145.)

[2]) По протоколу «Журнала особого совещания по афганскому вопросу» 14 апреля 1907 г. Присутствовали: Извольский, министр финансов Коковцов, начальник генерального штаба генерал лейтенант Палицын, министры торговли и промышленности, штайлмейстер Философов и ряд других лиц.

Здесь ценно откровенное признание Извольского, что Россия никаких реальных «замыслов», т.-е. связанных с экономикой, в Индии не имеет. Если даже согласиться с Зиновьевым, что эти замыслы являются плодом чистой фантазии, то появление в головах петербургских сановников именно навязчивой идеи похода на Индию вряд ли имело бы место, если бы по ту сторону Гинду-Куша весь вице-королевский двор не страдал периодическими припадками мании преследования.

Царская Россия рассматривала Афганистан и Индию не со стороны их внутренней, самодовлеющей ценности, а исключительно под углом использования как пугала на англичан. Такой подход вплетал от времени до времени средне-азиатский вопрос в международные кризисы, но в общем и целом отводил ему скромное место оружия особого назначения, употребляемого только против определенного противника и при специфическом стечении обстоятельств. Пропадала нужда, и царская дипломатия охотно сдавала его до востребования в арсенал, благо Россия продолжала сохранять выигрышное географическое положение на границах Афганистана.

Иначе подходила к соглашению британская дипломатия. Для нее ценность Индии оставалась величиной, не зависящей ни от соглашения с Россией, ни от общего хода мировой политики. Индия была и остается осью английской политики на азиатском материке [1]). И автор другой докладной записки по средне-азиатскому вопросу. Сементовский-Курило, в праве ожидать, что опорной точкой соглашения явится обращенное к России «требование вполне надежных гарантий безопасности Индии, без чего самая конвенция окажется невозможной [2]). Лондону только оставалось продиктовать свои условия. И действительно, за исключением одного маловажного пункта, первоначальные английские предложения по афганскому вопросу целиком вошли в текст договора.

Если суммировать все предшествующие уступки, сделанные русским министерством иностранных дел на протяжении XIX века, то конвенция 1907 года ничего нового по существу не вносит. Она только придает прежним уступкам юридическую стройность и полноту. В уже цитированной докладной записке Зиновьев тщательно выискивает остатки былой свободы действия в Средней Азии, которые Россия могла бы принести на алтарь будущей Антанты. Оказывается, что действовавшая до 1907 года формула признания Афганистана «лежащим вне сферы русского влияния» обходила молчанием вопрос о формальном согласии на английское руководство внешними сношениями эмирства и оставляла, таким образом, узкую лазейку, куда от времени до времени проскальзывали русские агенты. Конвенция в первой же статье заменяет эту эластичную формулу положительным обязательством России «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства его британского величества, она обязуется также не посылать в Афганистан никаких агентов».

Если капитуляция России по вопросу о сношениях с Афганистаном была необходимой предпосылкой соглашения, то этот момент далеко не исчерпывает всех его возможностей. Само по себе запоздалое отречение России от всяких «замыслов»

---

[1]) В самом тексте конвенции ни полслова не упомянуто об Индии. Этот ее лицемерный характер был в свое время вскрыт Снесаревым. См. его «Англо-русское соглашение 1907 года», стр. 24—25.

[2]) «Записка по афганскому вопросу» д. с. с. Сементовского, № 965 вх. с. ж. I Отд. 27 апреля 1907 года.

в Афганистане и Индии не разрешало основных жизненных задач, стоящих в ту пору перед британской империей на Среднем Востоке.

В 1904 году лорд Эленбороу одной фразой сдал в архив традиционную Биконсфильдовскую политику поддержки Турции против России. Он сказал: «Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал на Персидском заливе». С каждой законченной верстой строившейся Багдадской дороги немецкий капитал железным клином внедряется в Месопотамию, подготовляя сферу влияния и в Персии, и в Афганистане. На смену русской опасности на рубежах Индии выростала новая, более страшная опасность.

Дорога трех Б (Берлин—Бизантиум—Багдад) била не только по английским интересам.

Она грозила заменить мечту о православном кресте на св. Софии дешевым полумесяцем немецкой фабричной работы. И, поскольку конвенция 1907 года была первым признаком будущего анти-немецкого фронта, она не только развязывала английскому и русскому империализму свободу действия на Западе, но закладывала одновременно первый камень политического и военного сотрудничества Англии и России на азиатской почве.

Объектом их общего действия становится и Афганистан.

Объем русского участия определялся двумя моментами: неудачей всей предшествовавшей английской политики, направленной к захвату Афганистана, общим международным положением и, в частности, ростом немецкого влияния на Среднем и Ближнем Востоке.

В Лондоне не делали тайны из истинного положения вещей. Сэр Эдуард Грей без обиняков заявил царскому послу Бенкендорфу: «Мы рассматриваем Афганистан, как угрозу для безопасности английских владений, и эта идея не была упущена во время недавних военных реформ в Индии». Бенкендорф вряд ли обманулся, кто для кого представлял военную угрозу,—британский ли империализм Афганистану, или наоборот. Но самый факт укрепления англо-афганской «дружбы» методами военной подготовки не говорил за ее прочность в данный момент. Дальше-больше, и Грей признается в бессилии английского влияния, когда советует Бенкендорфу «отказаться от предвзятой мысли, что Афганистан как в силу договора Дэна, так и вследствие поездок эмира в Индию уже вполне подчинился некоторого рода протекторату Англии, дающему ей возможность делать там, с точки зрения политической, административной и военной, почти все то, что она захочет». И поскольку задача закрепощения афганского народа оказывается еще неразрешенной, то «дальнейшее увеличение военного могущества Афганистана рассматривается, как опасность для Индии, и придается большое значение тому, чтобы эта страна осталась изолированной и замкнутой» [1]).

И действительно, британское правительство вполне отчетливо сознавало, что Афганистан отнюдь не представляет собой колонии в обычном смысле этого слова: оно решительно отвергло мысль об ограничении своей свободы действий в отношении Афганистана: «Какое-либо ограничение такой свободы со стороны Великобритании не преминуло бы подвергнуть серьезной опасности мир в Средней Азии, по-

[1]) Слова Грэя по донесению Бенкендорфа Извольскому 5 апреля 1907 года, № 742 вх. ср. д. II отд.

ощряя эмира и его подданных игнорировать трактаты, которыми регулируются отношения, существующие между Великобританией и Афганистаном. Такая возможность, как военные действия британских войск в Афганистане, должна всегда иметься в виду не только для защиты англо-афганского договора, но и для обеспечения исполнения настоящей конвенции», — писало британское министерство иностранных дел в мемонардуме от 12-го августа 1907 года [1]).

В немногих словах целая программа. Тезис первый (подразумевается): английский империализм за сто лет упорной работы не сумел превратить Афганистан в в свою колонию. Тезис второй: Афганистан представляет собой самостоятельную силу и притом враждебную Англо-Индии. Тезис третий: окончательная ликвидация Афганистана откладывается до поры до времени. На ближайшее время подготовка ограничивается паллиативными мерами — прекращением притока свежих сил извне и возможным ослаблением Афганистана, его изоляцией.

По последнему пункту Россия могла оказать ценные услуги. Самый факт англо-русского соглашения объективно ослаблял Афганистан.

После провокации миссии Столетова, стоившей Афганистану войны 1878 года и крупных территориальных потерь, никто не питал особых иллюзий на счет помощи с севера. К русской «дружбе» относились, может быть, с бóльшим недоверием, чем к английской. Но именно с тех пор лавирование между обоими соперниками и сознательная игра на их противоречиях была положена в основу афганской политики эмиром Абдуррахман-Ханом. Создание объединенного империалистского фронта в корне подрывает эту шаткую опору. При новых условиях малейшая потеря внутреннего равновесия грозила стать концом для афганского государства, всякий пограничный инцидент — предлогом для иностранного вмешательства. И, само собой, Афганистан, имея в тылу враждебную Россию, никогда не решится на разрыв или военные действия против англичан. В потенциальной возможности использовать русские штыки против Афганистана и лежал новый козырь в английских руках. Русская угроза была ценна постольку, поскольку она оставалась только угрозой. И британский империализм, пока еще не поступаясь своими историческими «правами» на Афганистан в целом, не отказываясь от роли единственного представителя афганских интересов перед внешним миром, мог в обстановке, успокоенной негласным присутствием русского жандарма, продолжить свои попытки «мирного внедрения» в Афганистан.

Приведенная часть программы сэра Эдуарда Грея отличается последовательностью, но она предусматривает только три слагаемых — Россию, Англию и Афганистан. Была еще одна новая сила — Германия, и она могла перепутать карты. Если Афганистан сам по себе рассматривался, как величина, которую нельзя игнорировать при военной подготовке на границе, то Афганистан плюс третья держава представлял уже более внушительную угрозу. Возможности практического сотрудничества между Афганистаном и Германией были ничтожны. Полосу немецкого влияния в районе Багдадской жел. дороги разделяла от Афганистана Персия, тогда всецело подчиненная англо-русскому капиталу. Однако, чем меньше корней имело английское влияние в самом Афганистане, а оно их имело очень мало, тем в большей

[1]) № 1697 ж. вх. с. о. п. с. II отд.

степени выполнение эмиром своих обязательств перед англичанами зависело от общего международного положения. В частности, дальнейший успех и Германии на мусульманском Востоке, рост обаяния ее военного могущества и, наконец, появление немецких агентов в Кабуле могли толкнуть Афганистан на выступление против чужеземной опеки. Это, конечно, был бы казус для новой англо-афганской войны. Правительство его британского величества охотно признает независимость и суверенность азиатских государств, как Персии, когда дело идет об удобной фикции, прикрывающей более интимный характер англо-персидских отношений. Но оно вынуждено цепляться за свои формальные права там, где, как в Афганистане, протекторат ограждал целую страну от посторонних влияний и оставался последним шансом ее будущего закабаления. И Эдуард Грей предвидит, что «в случае дальнейшего усиления Германии в районе Багдада и появления немецких агентов в Афганистане мы будем вынуждены пойти на крайние меры» [1]).

Статья вторая конвенции определяет самую сущность англо-афганских отношений. «Так как правительство его британского величества объявило в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, что оно признает соглашения и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом, и что оно не имеет никакого намерения вмешиваться во внутреннее управление афганской территорией, Великобритания обязуется не присоединять или занимать, в противность сказанному договору, какой-либо части Афганистана и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной, с оговоркой, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые им по отношению к правительству его британского величества в силу вышеупомянутого договора».

Добрые обещания лондонского кабинета пощадить чужую территорию и не вмешиваться в дела внутреннего управления соседней страны были бы сомнительной гарантией. Но в данном случае самоограничение английского империализма отнюдь не носило добровольного характера. Кабульский виноград был слишком зелен, и заставить итти за ним в третий раз в поход, после проигранных войн 1841 и 1880 годов, могла только угроза отказа эмира от «обязательств, уже принятых им на себя по отношению к правительству его британского величества». Как известно, единственным таким обязательством, с грехом пополам исполнявшимся афганцами, было допущение контроля над внешними сношениями страны.

Но к чему, спрашивается, было выносить сор из избы и суживать свою свободу действия по договору с Россией, включая туда, правда, в косвенной и недоговоренной форме, элементы признания эмирства, как самостоятельной силы? До этого времени все международные акты, касавшиеся Афганистана, стремились игнорировать самое его существование. Правда, и на этот раз традиционная внешность соблюдена: судьбы Афганистана опять решаются без его участия. Однако, постановления конвенции составлены в приближении к действительности и, скажем, забегая вперед, имели для Афганистана силу постольку, поскольку ни в чем не изменяли старого порядка вещей.

С отказом России от аггрессивных планов в Индии, естественно, падал интерес ее к Афганистану. Но обе стороны продолжали оставаться соседями, и события за Аму-Дарьей задевали и царскую Россию, поскольку дело шло о безопасности границ, торговли и ряде других неполитических моментов. В общем и целом фактиче-

[1]) См. уже цитированное донесение Бенкендорфа.

ская самостоятельность Афганистана русской Средней Азии не угрожала и могла быть терпима, поскольку империалистская держава может вообще спокойно отнестись к такому феномену XX века, как 7 милл. афганцев без колониального ярма. Вопрос же о выполнении конвенции был для России, в лучшем случае, вопросом дружеских отношений с Англией. Никаких территориальных приобретений в Афганистане этот путь как будто принести не мог.

Такое равнодушие не удовлетворяло англичан. Они, естественно, стремились к тому, чтобы русский жандарм был надежным жандармом и сторожил северо-афганскую границу не за страх, а за совесть. И хотя ему по существу была отведена пассивная роль, англичане пытаются вызвать у царской России интерес к своим новым служебным обязанностям. Приманкой мог бы служить сам Афганистан. Признания Грея должны были показать, что Афганистан является непочатым полем для колониального использования. И если Россия действительно отреклась от фантастического похода на Индию, отчего не признать ее вполне «реальные» интересы в Северном Афганистане? И конвенция 1907 года намечает этот путь, декларируя в статье 4-й «принцип торгового равноправия» России и Англии в Афганистане. Признание торговых интересов — лишь шаг к признанию политических.

И русская экспортная торговля начала подготовлять завоевание будущей зоны «исключительного русского влияния». Царская Россия не располагала в Афганистане такими удобными средствами мирного «экономического влияния», как консульская сеть и консульская юрисдикция. Все исполнительные листы или коммерческие иски к афганско-подданным падали у порога страны, изъятой из общего оборота законов капиталистического общества. И надо отдать афганским купцам справедливость, они пользовались этим правом убежища с возможной широтой. Ни один русский купец не мог въехать в пределы Афганистана, а самая торговля находилась вне защиты какого-либо международного соглашения. Правда, эти же трудности сужали размах и англо-афганской торговли, но все же, при наличии туземного агента в Кабуле, она значительно легче текла по каналу, обильно смазанному английской субсидией. Кроме того, русский капитал никогда не сумел развернуть такого гибкого, всепроникающего, посреднического аппарата, каким для английских интересов являлась индийская колония в Афганистане, занимавшаяся исключительно ростовщическими и торговыми операциями.

Русская торговая политика без труда вышла из всех затруднений, не разрешив ни одного организационного или технического вопроса. И к чему было их решать, когда русский потребитель мог с успехом уплатить все убытки по конкуренции с англо-индийскими товарами даже в такой архи-невыгодной обстановке, как афганская. Ряд «поощрительных мер» (премии при вывозе мануфактуры, возврат акциза для других товаров) обеспечивал такое понижение цен на русские экспортные товары, что по уплате бухарского зякета, 40% афганской пошлины и бесчисленных накладных расходов они оказывались дешевле англо-индийских и даже вытесняли их с афганских рынков. С 1901 по 1913 год ввоз русской мануфактуры вырос в 8 раз, а общий оборот торговли увеличился в 3 раза, при чем в русском экспорте первые места занимали мануфактура, сахар, металлические изделия, а в афганском вывозе каракуль, шерсть, хлопок. Такой «успех» носил довольно непрочный характер, поскольку русский сахар стоил в Кушке 20 коп., а в афганском Герате — 17—18 коп.,

несмотря на расходы по транспорту, а выдача премий часто превышала половину общего оборота русско-афганской торговли (1911 г. 4.760 тысяч рублей при общем торговом обороте в 8.885 тысяч рублей).

Погоня за афганским потребителем не прекращалась. Министерство иностранных дел, в чаянии будущего обращения торговых интересов в политические, настаивало на применении новых и новых льгот по русско-афганской границе. Нератов просто мотивировал свою точку зрения: чем больший район Афганистана хотим мы подчинить своему «влиянию», тем на большие жертвы придется итти [1]). А район, на который метил русский империализм, обнимал весь северный Афганистан до снеговых гор Гиндукуша. Здесь, на водоразделе Индии, Российская империя должна была, наконец, найти покой в своих естественных границах, а афганское население заплатило бы потом и кровью по счетам торговой благотворительности г. Нератова. Оплатить было из чего. Именно западная часть Чаар-вилайета и левое побережье Аму-Дарьи, включая области Ахчан, Маймене, Шибурхан, Андхой и Гератскую провинцию, по своим климатическим и почвенным условиям открывали великолепную возможность для развития хлопководства: «Афганский Чаар-вилайет представляет именно одну из тех областей, — писал туркестанский генерал-губернатор министру иностранных дел Сазонову,— которая как бы самой природой создана, чтобы снабжать Россию хлопком. Для этого нужно оказать поддержку местному населению, снабдить его соответствующими семенами и кредитом, распространить в его среде необходимые технические знания и усовершенствованные орудия обработки» [2]).

Для полноты идиллии мы добавим только русского пристава и русскую водку. Превосходство военной техники всегда прокладывало путь европейской торговле на Востоке. В Афганистане же она должна была сделать пролом там, где войска его британского величества два раза ходили на приступ и были разбиты. И московскому ситцу эта задача так же была не по плечу, как ланкаширским изделиям. Афганистан в 1913 году дал годовой оборот 31.000 рубл. для всей внешней торговли страны. Хива за тот же срок дала 30.000 рублей. Население Афганистана также относится к населению Хивы, как 3 к одному, и, принимая естественную среду и богатства на душу населения за величины приблизительно равные в этих двух странах Среднего Востока, одинаково бедных и слабо населенных, мы придем к выводу, что афганское народное хозяйство продолжало сохранять свой исключительно замкнутый, самодовлеющий характер.

Между тем Афганистан, последний нетронутый уголок Азии, в окружении империалистской России и Англии, представлял значительные политические неудобства для соседей, так же, как и они для него.

Для начала эмир Хабибулла отказался присоединить свою подпись к решениям конвенции 1907 года. Сам эмир отличался большим уважением к английской конституции и к английской субсидии. Но в афганской политике, кроме этой, были и другие пружины, которые при случае могли угрожать личной безопасности Хабибуллы и его положению на троне. И эмир выразил решительный протест, обратив

[1]) «Ради этой цели, полагаю, мы должны требовать от таможенного по афганской границе тарифа не столько фискальных выгод, сколько содействия для привлечения в торговые сношения с нами наибольшего района афганской территории». Письмо Нератова к военному министру 2 сентября 1910 г., № 2163.

[2]) Письмо от 22 ноября 1912 года, № 3583.

в ничто «торговое равноправие», «допуск торговых агентов» и «непосредственные сношения пограничных властей», выговоренные царской Россией.

Более того, Афганистан пытается восстановить свое пошатнувшееся международное положение путем установления более тесных связей с соседними мусульманскими странами. Сотрудничество Афганистана с Персией, Турцией и Индией периода острого подъема национально-освободительной войны 1907—1910 годов было, конечно, возможно в весьма ограниченном объеме. Персидская революция, младотурецкий переворот и движения свадеши в Бенгалии были каждое для своей страны смотром классовых сил, разбуженных долголетней колониальной работой европейского капитала в Азии. Расчищая путь к борьбе угнетенных масс против колониального режима, притаившегося за шахским и султанским самовластием или кастовой исключительностью, эти движения рушили одновременно старые формы общественной, политической и религиозной жизни Востока. Афганистан же стоял в стороне от широкой исторической дороги. Силы революции в колониях и полуколониях были также чужды этой стране, как и вызвавшие их причины. Староверческому, глубоко реакционному афганскому духовенству ломка традиционных предрассудков мира ислама в соседних странах казалось святотатством. Порча веры в Индии, Турции и Персии как бы подчеркивала, что единственно избранной страной, которой суждено занять первенствующее положение среди других мусульманских государств, является «богоданный» Афганистан. И Хабибулла последовательно проводит эту политику. Он отказывается признать права халифа за Магометом V. Во время своей поездки в Индию он уже пытается войти в роль верховного покровителя индийских мусульман, роль, так блестяще разыгранную впоследствии его преемником на троне. Общение Афганистана с его мусульманскими соседями имело двойную практическую подкладку. Оно должно было укрепить обаяние эмира в глазах собственных подданных, а с другой стороны, было надежным средством вымогательства от англичан тех или иных уступок под угрозой обращения Афганистана в орудие «турецких инструкторов» или «индийских агитаторов». Сам эмир, напуганный судьбой Абдул-Гамида, с большой долей осторожности относился к единоверческим иностранным друзьям, а англо-русское влияние в Персии и строгая слежка по туркестанской и индийским границам фактически сужали мост связей между Кабулом и другими центрами мусульманской жизни.

Все же в период 1908—1910 годов в Кабуле накапливается до 15—20 турок, занимающих более или менее видные должности в качестве врачей, учителей и офицеров. Эта группка турок, незначительная численно и по своему интеллектуальному уровню, создает панику в Лондоне и Петербурге. Царская Россия обращается с предостережением «о грозной опасности» к англичанам, а последние, бессильные сделать что-либо в Кабуле, добиваются в 1910 году у турецкого правительства официального отречения от всякой просветительной или инструкторской работы в Афганистане. Афганистан был неудобным соседом и в другом отношении. Он служил базой для контрабандной торговли оружием и для просачивания его в Индию и на территорию независимых племен северо-западной границы.

Первым звеном контрабандного ввоза был Маскат и ряд других портов Османского побережья и на Персидском заливе. Сюда оружие доставлялось на пароходах из Европы, большей частью под немецким флагом, перегружалось далее на парусники каботажного плаванья «dhoshi» и развозилось по побережью. Главными потребителями

являлись воинственные арабские и персидские племена, Афганистан и Индия. Для последних двух стран следующим этапом служили порты Белуджистана, в частности Гвадар, оттуда оружие караванным путем доставлялось в Афганистан и дальше в Индию. Перевозка контрабанды terra firma производилась исключительно афганскими средствами и при явном содействии пограничных властей. Для торговли оружием в Кабуле было образовано нечто в роде акционерного общества, председателем которого являлся брат эмира Насрулла-Хан. Понятно, что при этих условиях афганская территория служила надежным складочным местом для оружия и не менее надежной базой для всех операций, связанных с контрабандой. С известным ростом материального благосостояния пограничных племен после замирения их с англичанами (1907—1910 г.г.) и временным исчезновением таких факторов экономической жизни горцев, как голодная блокада со стороны англичан, сожжение посевов, увод скота и т. д., торговля оружием растет с головокружительной быстротой.

По исчислениям царского генерального консула в Бомбее, в 1909 году в Маскат было ввезено свыше 85 тысяч ружей, а в следующем году эта цифра возросла до 103 тысяч. Из общего количества на долю независимых племен и Северной Индии приходилось от 20—30 %. И англо-индийское правительство, как и в вопросе с турецкими инструкторами, в борьбе с контрабандным ввозом оружия пошло по линии наименьшего сопротивления. В Персидском заливе и северной части Арабского моря был усилен состав английского флота, началось беспощадное преследование контрабандистов. Одновременно была увеличена пограничная охрана в Белуджистане, и принят ряд других мер. В результате приток оружия значительно сократился, хотя в более скромных размерах он продолжался до начала мировой войны.

Русский империализм первый сделал вывод из конвенции 1907 года и намеченного ею союза английских и русских владельцев колоний против своих азиатских подданных.

В период, непосредственно примыкавший к 1907 году, русская дипломатия все еще находилась под впечатлением, что Афганистан все же является колонией обычного типа. И преобладание английского влияния в этой стране могло принести ценные преимущества в общей борьбе России и Англии против Германии и выдвигаемого ею Багдадского рельсового пути, как кратчайшей дороги между Индией и Европой.

Еще в 1902 году Витте предлагал противопоставить Багдадскому проекту соединение русской и английской жел.-дорожной сети в Азии. Транс-Афганская железная дорога должна была пойти по равнинной, плоской части Афганистана, через Герат — Фаррах — Кандагар и требовала перевальной разработки только двух участков пути между Кушкой и Гератом через Парапамизский хребет и Кандагаром и Кветтой через Ходжа-Амаранский. Несмотря на то, что проект с технической и финансовой стороны не представлял трудностей и сократил бы путь между Лондоном и Калькуттой до 10 дней, он повис в воздухе. Англо-русские отношения того периода, отнюдь не способствовали осуществлению проекта, упразднявшего Афганистан, как буфер Индии, и открывавшего русскому нашествию новые стратегические возможности.

На смену транс-афганскому пути русский инженер и царский посланник в Пекине Лессар выдвигает вариант дороги через Восточную Персию, от Теджента на Закаспийские жел. дороги к Пулихатуму на персидской границе, оттуда через Турбети-Шахи-

Джан, Бенден и Кух и Маликсіях к границам английского Белуджистана на смычку с жел. дорогой Кушка — Кветта. Сейстанское направление, предложенное Лессаром, пролегало по местностям, не уступавшим Западному Афганистану по безлюдности и мелкой емкости местного рынка. Но оно имело то неудобство, что было вдвое длиннее Афганского (1.300 миль против 530 миль); и самое появление этого во всех отношениях менее выгодного варианта говорит о скрытой работе политических сил. Проект Лессара также встретил сопротивление англо-индийского правительства и остался только проектом.

Наконец, в 1908 году, уже в новой политической обстановке, на свидании русского Николая с английским Эдуардом в Ревеле опять выплывает вопрос о Транс-Афганской жел. дороге. Подробностей в архиве царского министерства иностранных дел не сохранилось, если не считать стереотипной фразы в отчете Извольского, что «лондонский кабинет признает желательность объединения сети русских и английских дорог в Азии в будущем, но он считает, что сейчас еще не наступило время». Пятью годами позже (1913 г.) британский империализм согласился на проведение так называемого индо-кавказского рельсового пути от русской Джульфы к Персидскому заливу, — пути, представлявшего с военной точки зрения одинаковую, если не большую, опасность для Индии. И мы не склонны объяснить отказ, полученный Извольским, одним предрассудком англо-русской вражды. Необходимо учесть, что Афганистан добровольно не открыл бы своих границ иностранной жел.-дор. магистрали, а применение силы поставило бы вопрос о англо-русском «сотрудничестве» против Афганистана в плоскость раздела этой страны. А так далеко Лондон пока итти не хотел, даже в интересах противодействия Багдадской жел. дороге [1]).

В 1912 году Сазонов, во время своей поездки в Англию, передал сэру Эдуарду Грэю длинный жалобный меморандум по вопросу «о неудовлетворительном характере русско-афганских взаимоотношений». Там подробно перечислялись все неудобства пограничного соприкосновения России и замкнутого Афганистана. Основной грех заключался, конечно, в том, что Афганистан фактически находился вне сферы как английского, так и русского влияний. «Серьезность положения усугубляется еще тем, — говорится в меморандуме, — что Афганистан, при его настоящем положении, является сам по себе опасным очагом воинствующего пан-исламизма. Обособленность Афганистана, как было уже упомянуто выше, односторонняя, — т.-е. афганцы, не пуская русско-подданных к себе, сами в то же время свободно переходят в пределы России. Наконец, необходимо отметить продолжающееся усиленное вооружение Афганистана... Оружие из Афганистана уже начинает контрабандным путем проникать в значительном количестве в Средне-Азиатские владения и в Бухару». И, ссылаясь на свои окрепшие «торговые интересы», русский империализм напоминает английскому о его долге перед афганским народом, в виду «опасности осложнений с Афганистаном, особенно в случае какого-либо конфликта России с Турцией». Поэтому «ради обеспечения спокойствия в сфере мусульманского Среднего Востока, в чем, несомненно, не менее России заинтересована и Англия», афганский вопрос ставится в порядок дня (всеподданнейшая записка Сазонова).

В ответ сэр Эдуард Грей и статс-секретарь по делам Индии лорд Крью единодушно заявили Сазонову, «что, несмотря на выплачиваемую эмиру ежегодно английским

[1]) См. «Daily Thelegraph», 11 января 1908 г.

правительством субсидию, Хабибулла-хан плохо слушается голоса Англии, которой приходится мириться с этим, чтобы не обострять положения, в виду невозможности принятия против Афганистана понудительных мер». В памятной записке британского министерства иностранных дел от 4 октября 1912 года с еще большей определенностью указывается на призрачный характер прав, выговоренных себе царской Россией: «Приняв после зрелого размышления по отношению к Афганистану политику невмешательства, великобританское правительство очень затруднялось бы настаивать перед эмиром на предоставлении русско-подданным льгот, которых оно еще не может требовать для собственных подданных, и оно не думает, чтобы побуждение эмира осуществить ст. 3-ю англо-русского соглашения могло увенчаться успехом».

Фактически, считаясь с Афганистаном, как самостоятельной силой, английское правительство все же сделало Афганистан объектом новых переговоров с Россией, которые намечали пути дальнейшего вмешательства обеих держав в дела этой страны. В связи с предполагавшимся пересмотром конвенции 1907 года в части, касающейся Тибета, русское правительство возобновило торг о будущем разделе Афганистана, выставив следующие требования:

«1) В виду явной опасности, которая бы грозила русским владениям в Средней Азии в случае каких-либо ирригационных предприятий в Северном Афганистане с расширением там культурной площади, и так как подобные предприятия могли бы возникнуть только при участии иностранных капиталов и под руководством иностранных подданных, то великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких предприятий или концессий такого рода в сказанной части ханства, т.-е. приблизительно на север от линии, составляемой водоразделом к югу от реки Герируда и Гиндукушем.

2) Великобританекое правительство должно всячески содействовать осуществлению необходимых для нас ирригационных работ в ближайшем к границе нашей и Бухарской районе Афганистана.

3) В дополнение к статье четвертой соглашения 1907 года великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких монопольных прав торгово-промышленного свойства в пользу английских компаний или подданных в упомянутой в пункте 2-м зоне.

4) В виду важного значения, которое имело бы для наших экономических и стратегических интересов железно-дорожное строительство в Северном Афганистане, великобританское правительство обязуется не допускать такового без предварительного соглашения с нами» [1]).

Отбрасывая литературную оболочку, можно сказать, что дело сводилось к признанию монопольных прав России в Северном Афганистане. Правда, они носили бы условный и призрачный характер, покуда Афганистан оставался тем, чем он был. Но вексель на будущие колониальные барыши, заверенный в Лондоне, получал вполне реальное содержание с минуты, когда русские и английские штыки стерли бы в своем встречном движении афганскую границу.

И английский империализм готов был выдать такой вексель, пока в его руках оставалась инициатива, пока за ним оставалось право определить самый момент

[1]) Справка по Афганистану бывшего министерства иностранных дел 16 января 1917 г. Дело 1 б.

лизации Афганистана. В письме от 24 мая 1914 года великобританский посол в Петербурге сообщал:

«Что касается Северного Афганистана, то великобританское правительство готово совместно с императорским правительством издать нижеследующее сообщение, текст коего был бы опубликован одновременно с конвенцией и другими нотами Тибета:

Императорское российское правительство вновь подтверждает принцип, что Афганистан находится вне сферы влияния русской политики.

Со своей стороны, великобританское правительство обязуется не поддерживать ни домогательств великобританско-подданных касательно концессий на ирригационные и железнодорожные сооружения, ни их требований преимущественных прав (привилегий) в коммерческих или промышленных предприятиях в Северном Афганистане, при условии, однако, что путем обмена секретных нот будет установлено, что термин «Северный Афганистан», как его следует понимать по отношению к этой декларации, будет обнимать собой только ту часть Афганистана, которая простирается на север от следующей линии:

От Ишкашана (Ишкашима) на Аби-Пяндже на Зебак; оттуда на проход Минджан; далее на проходы Навак и Мург; оттуда на Доши; далее через проходы Синджитак и Бабкак на Доаби-Шах-Пасанд; оттуда на Таркух на Банди-Амире; оттуда на Доулет-Яр. От последнего пункта линия шла бы по хребтам следующих горных цепей: Банди-Баба, Сиях-Бубак до точки, где Гери-Руд вступает в русскую территорию у Зульфагара».

Особенно многозначительно звучит примечание, которым сэр Джордж Бьюкенен счел нужным снабдить пункт будущей декларации, подтверждающий, что Афганистан находится вне сферы русского влияния: «1-й пункт декларации по вопросу о Северном Афганистане, — писал он, — прибавлен лишь для того, чтобы сделать эту декларацию менее подозрительной в глазах эмира афганского».

Русское правительство отвергло английские предложения, исключавшие из будущей сферы русского влияния всю долину Гери-Руда с городом Гератом, этим важнейшим стратегическим центром Северного Афганистана. Вскоре весь вопрос был отложен, отчасти вследствие начавшейся войны, а главным образом потому, что китайское правительство отказалось ратифицировать тройственное англо-китайско-тибетское соглашение и что, таким образом, отпал предлог для царской России домогаться компенсации за уступки, сделанные Англией в Тибетском вопросе. Наконец, в 1915 году, во время переговоров по вопросу о Константинополе и проливах, царское правительство, соглашаясь на передачу Англии так называемой нейтральной зоны с Персией, выставило в числе других и следующее требование: «императорское правительство считает желательным одновременное разрешение вопроса о сопредельном с Россией Северном Афганистане в смысле высказанных на этот счет императорским министерством пожеланий на предшествующих переговорах [1]).

Насколько можно судить, эти русские пожелания были признаны Англией приемлемыми.

Победоносная Октябрьская революция не только отменила все захватнические договоры, но создала Афганистану благоприятный тыл для борьбы за свою полную независимость, которой он и добился в результате третьей англо-афганской войны 1919 года.

И. Рейснер.

[1]) Телеграмма Сазонова русскому послу в Париже 7 марта 1915 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ.

Печатаемые ниже две «Записки», первая из которых принадлежит «группе общественных деятелей» с М. В. Родзянкою во главе и была представлена Николаю в феврале 1917 г. почти накануне революции, вторая — временно управляющему министерством торговли и промышленности Степанову и была подана Керенскому в июне 1917 г., накануне июльских дней, представляют собою два замечательных памятника агонии русского империализма. Мы знаем, что экономическая разруха началась с войны и ею была обусловлена: но, говорят, война сама по себе еще не была бы столь гибельна, если бы не революция. И вот, как нарочно, до революции, за несколько дней до нее, люди, которых всего менее можно заподозреть в революционности, констатируют, что «положение России сейчас катастрофическое». Нет ни хлеба, ни топлива, ни железа, ни угля, ни вагонов, ни паровозов. Нет и не будет в ближайшее время: это еще цветочки, ягодки впереди, — так можно резюмировать попросту основную мысль первой «записки». Холод и голод стоят у дверей: темные, ледяные зимы гражданской войны уже отчетливо виднеются впереди в феврале 1917 г., со всей их свитой эпидемий. Еще ни один большевик не переехал границы и не вышел из стен царской тюрьмы, а уже в Москве «в квартирах обывателей температура редко поднимается выше 11—12°, а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлюэнцей и воспалением легких, а на почве недоедания — желудочные и кишечные расстройства».

И еще находятся «ученые» — из империалистских стран, — которые серьезно собирают данные о том, как страдал российский обыватель от революции. А до революции он не страдал, добрые ученые? Не революция погасила газовые фонари на улицах Москвы. Еще Николаю оставалось сидеть более месяца, а уже «городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на $^3/_4$, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось».

Хозяйство страны валилось в пропасть. Чтобы остановить падение, нужно было, прежде всего, заключить мир. Этого не понимали не только родзянковские октябристы в январе, но и кадеты Керенского в июне. Но что последние уже уразумели, — это, что нельзя дольше вести войну на началах частно-хозяйственного капитализма. Степанов проповедует, в сущности, государственный капитализм под властью империалистской буржуазии. «Основная задача последнего (правительственного воздействия), очевидно, заключается в наиболее экономном и соответствующем

общественным интересам использовании имеющегося у нас запаса капиталов и истощенного войной (!) запаса живой рабочей силы. Лишь по удовлетворении ими важнейших для обороны и жизни страны производств остатки могут направляться в другие отрасли». И постепенно Степанов договаривается до монополии внешторга. Если записка Родзянки снимает с революции ответственность за разруху, то записка Степанова заранее оправдывает всякие социализации, национализации и конфискации. Без них не обошлось бы и буржуазное правительство, если бы нашлось достаточно сильное и умное, чтобы усидеть. Тем менее без них могло обойтись правительство, п р о т и в которого была вся буржуазия. Ему пришлось действовать во сто раз более крутыми приемами, но оно шло к той же объективно неизбежной цели: избавить страну от хаоса частновладельческого хозяйства. Только идя под знаменем иного класса, оно попутно избавило страну и от самих частных владельцев. Вырвало зло с корнем, так сказать... Столь радикального решения истории ни Родзянко, ни Степанов не предвидели, но они оба собрали богатейший материал для доказательства его неизбежности.

М. Покровский.

1.

Записка М. В. Родзянки [1]).

Ваше императорское величество.

В минуту грозной опасности самая плохая политика — закрывать глаза на всю серьезность сложившейся обстановки. Надо смело глядеть в ее лицо, так как в этом случае не исключена возможность отыскать какой-либо счастливый выход. Положение России сейчас катастрофическое и вместе с тем глубоко трагическое. Ее армия не разбита; она снабжена предметами вооружения более, чем когда бы то ни было раньше, но позади армии, в тылу, идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь, весь беспримерный героизм и — даже более — решительно склонить чашу военных весов на сторону наших врагов. Со всех концов России приходят вести одна другой безотраднее, одна другой горше. Московский городской голова сообщает в записке, представленной председателю совета министров, что положение Москвы в продовольственном отношении критическое: вместо 65 вагонов муки, — а по нормам, установленным в продовольственном совещании при московском градоначальнике, даже 86 вагонов ежедневно плюс 7 вагонов для продовольствия подмосковных крестьян, — в декабре подвоз муки в Москву не превышал 50 вагонов в сутки, а в январе упал даже до 42 вагонов, т.-е. предложение покрывало немногим более половины потребности. Если подвоз муки не будет доведен до нормы, Москва скоро совсем не будет иметь никаких запасов муки. Не лучше положение Петрограда. Январский привоз продуктов первейшей необходимости равнялся 50% нормы, утвержденной особым совещанием, а скота, птиц и масла — 25%, при чем в первую половину января подвоз происходил лучше, чем во вторую. Так, ржи и ржаной муки надо было подвозить по 32 вагона в день, а подвозилось 2, 1, 21, 2; пшеничной муки 40 вагонов в день, а подвозилось 12, 10, 35, 8 и 2.

О провинции, на которую внимание власти обращено, конечно, в меньшей степени, и говорить нечего. Вот несколько характерных иллюстраций. По заявлению Уральского областного военно-про-

[1]) Записка воспроизводится с копии, хранящейся в АОР. Фонд III, опись 11, дело № 23, л. 132—157.

мышленного комитета, Пермская губ. обеспечена запасами зерна только до половины марта, после чего запасы будут все истощены, и Пермской губернии, работающей на оборону, в апреле грозит форменный голод, ибо на рынке в марте и апреле месяце хлеба не будет. Аналогичная картина наблюдается на противоположном конце России. В совет съездов горнопромышленников Юга России поступают сообщения, что многие рудники и заводы остались почти совсем без муки и находятся под угрозой настоящего голода, а уполномоченный по продовольствию Екатеринославской губ. оказывается не в состоянии обеспечить предприятия мукою. Вообще дело продовольствия страны находится в катастрофическом положении. Разверстка, предпринятая министерством земледелия, определенно не удалась. Вот цифры, характеризующие ход последней. Предполагалось разверстать 772 милл. пудов. Из них по 23 января было теоретически разверстано: 1) губернскими земствами 643 милл. пуд., т.-е. на 129 милл. пудов менее предположенного, 2) уездными земствами 228 милл. пуд. и, наконец, 3) волостями только 4 милл. пуд. Эти цифры свидетельствуют о полном крахе разверстки, и в виду этой неудачи есть опасение, что правительство обратится к военным реквизициям, о которых упоминалось в телеграмме симбирскому земству и которые несомненно поведут к полному разрушению народного хозяйства, в виду того, что при реквизициях нет возможности проводить принципы правильно построенного народно-хозяйственного плана, и к народным волнениям, чего, конечно, следует избегать всемерно.

Во всяком случае, судя по этим данным, весь февраль уйдет на разверстку хлеба на местах; в марте и апреле начинается распутица, и хлеба подвезти к станциям не удастся; только в конце апреля и в начале мая можно ожидать подвоза зерна к мельницам, которые, однако, стоят без топлива. Следовательно, в течение по крайней мере трех месяцев следует ожидать крайнего обострения на рынке продовольствия, граничащего со всероссийской голодовкой. Не лучше положение с топливом. Почти вся Россия испытывает острый недостаток в жидком и твердом минеральном топливе, в дровах, в торфе. В той же записке московского городского головы приведены факты, удручающие по своему значению. В зимний сезон Москве нужно ежедневно 475 тыс. пудов дров, 100 тыс. пуд. каменного угля, 100 тыс. пудов нефтяных остатков и 15 тыс. пуд. торфа. Между тем в январе до начала морозов привозилось в Москву ежедневно в среднем по 430 тыс. пуд. дров, 60 тыс. пуд. каменного угля и 75 тыс. пуд. нефти, так что недовоз, в переводе на дрова, составлял ежедневно 220 тыс. пуд.; с 17 января прибытие дров в Москву упало до 300—400 вагонов в день, т.-е. до половины нормы, установленной порайонным комитетом, а нефти и каменного угля почти совсем не поступало. Запасы топлива к зиме на фабриках и заводах в Москве были заготовлены примерно на 2-месячную потребность, но вследствие недовоза, начавшегося еще в ноябре, эти запасы свелись на-нет. Вследствие недо-

статка топлива многие предприятия, даже работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. Дома с центральным отоплением имеют топлива в размере всего 50%, а дровяные склады пусты. Городской газовый завод с 28 января сократил свою работу более чем на $^3/_4$, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось. Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, и не исключена возможность полного его прекращения. Городские лазареты закрываются один за другим. В квартирах обывателей температура редко подымается выше 11—12° Р, а в домах с центральным отоплением падает до 10—9°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, так как термометр держится в их помещениях на 6—8°. В городе развилась масса заболеваний инфлюэнцей и воспалением легких, а на почве недоедания — желудочные и кишечные расстройства. Благодаря недостатку топлива, — сообщает общество заводчиков и фабрикантов московского промышленного района, — стоят фабрики: Т-во Даниловской мануфактуры, Т-во А. Гюбнер, ткацкая фабр. Бебищева, завод сельскохозяйственных машин Головина, суконная фабрика Жучковой, Подольский снарядный завод Земгора, ряд мукомольных мельниц; остановлено производство аэропланов на заводе акц. о-ва Дукс, остановлено производство малых моторов на заводе Динамо, стоит Докторовский химический завод; с 26 января остановлена работа литейных мастерских на Коломенских заводах, грозит полная остановка фабрикам Симонова, т-ва Гурьев, Склянин и бр. Карповы, дрожжевому заводу Гивартовского, снаряжательному заводу Второва, заводам бр. Бромлей, формалиновому заводу, Московскому вагоностроительному заводу, электрической станции Рыбинской городской управы, т-ву Трехгорной Прохоровской м-ры. Грозит частичная остановка: Куваевской м-ре, механическим заводам т-ва Добровых и Набгольц, Люберецкому заводу сельско-хозяйственных машин, Московским обозным мастерским, юфтевому заводу Савина, т-ву Московского металлического завода, Ростовской льняной мануфактуре, Московскому электролитическому заводу, механическому заводу Пелевина, заводу Проводник, заводам Сормово, Тверскому вагоностроительному заводу, Тульскому меднопрокатному заводу, Тульскому оружейному заводу и целому ряду других.

В высшей степени неутешительная картина наблюдается и в Петрограде. Из 73 предприятий, стоявших в декабре 1916 года, 39 были вынуждены приостановить производство вследствие отсутствия топлива и 11—вследствие прекращения отпуска электрической энергии, вызванного недостатком топлива на электрических станциях. Железопрокатный завод Донецко-Юрьевского общества стоял 11 дней вследствие отсутствия угля, 8 дней стоял по той же причине завод Лангезиппен и К° и 16 дней завод Северо-Трубопрокатного о-ва. Сокращено производство или частично остановлены заводы: чугунолитейный и механический Сан-Галли, о-ва Франко-Русских заводов, т-ва

Тентелеевских химических заводов. Совершенно остановлен машиностроительный завод торгового дома А. Вельц и Петроградского т-ва для производства глубоерского портланд-цемента. Со дня на день грозит остановка работ Северному обществу трубопрокатных и механических заводов; Русскому обществу для изготовления снарядов и военных припасов; акц. обществу русских аккумуляторных заводов Тюдор; т-ву Чудовского цементного завода; Невскому судостроительному и механическому заводу; акц. обществу механических, трубочных и гильзовых заводов Барановского; обществу механических, литейных и трубочных заводов Атлас в Петрограде; Северному торгово-промышленному и строительному обществу А. Д. Благодарев. Городские предприятия испытывают весьма серьезные затруднения. Запасы нефти для трамвая на 31 января с. г. составляли 60 тыс. пуд., что равно однонедельной потребности топлива. Ежедневный подвоз нефти на 50—60% ниже ежедневного расхода. Запасы угля для газового завода и водопровода равны 250 тыс. пуд., что обеспечивает $2^1/_2$ недели работ. Положение электрической станции весьма неблагоприятно. Общество электрического освещения 1886 года было обеспечено антрацитом на 7 дней, а нефтью—всего лишь на 3 дня. У Гелиоса запаса антрацита и угля не имеется. Почти нет никаких запасов у Бельгийского общества электрического освещения. Угрожающим представляется положение даже казенных заводов. По данным петроградского районного уполномоченного особого совещания по топливу, на Обуховском сталелитейном заводе на 25 января запасы каменного угля составляли 248 тыс. пуд. при ежедневном расходе в 23.333 пуда; запасы кокса равнялись 18.300 пуд. при ежедневном расходе в 1.000 пуд.; запасов антрацита совершенно не было, между тем его требуется заводам ежедневно 1.800 пуд. Арсенал Петра I при ежедневном расходе каменного угля в 2.030 пуд. имел запас около 2.260 пуд. Запасы антрацита составляли 3.649 пуд. при ежедневном расходе в 600 пуд. Такие же неутешительные сведения приходят из других мест. Так, Нижнеднепровский завод, бывший Гантке, уведомил Центральный военно-промышленный комитет, что трубочный завод бездействует уже четвертую неделю; проволочно-болтовый завод и снарядная, работавшие с 14 января с постоянными перерывами, снова будут остановлены, ибо поступление топлива самое ничтожное и едва хватает на поддержание освещения заводов и снабжения водой. Завод этот готовит, между прочим, трехдюймовые снаряды, шестидюймовые бомбы, телеграфную, телефонную и колючую проволоку. В январе месяце приостановлены были работы по всем отделениям завода общества Русский Провиданс. В Екатеринославском районе из 130 предприятий, представленных в обществе заводчиков и фабрикантов, большинство работало в декабре и январе только в размере 50% своего производства, при чем некоторые заводы работали лишь по нескольку дней; крупнейшие заводы, как: Шодуар с 10.000 рабочих стоит долее двух недель, завод Гантке с 4.500 рабочих—18 дней, Остампаж с 3.500

рабоч.—10 дней, Рудзкий с 1.500 рабоч.—3 недели. В Орловской губ. остановлен на неопределенное время Бежецкий завод Брянского общества и т. д.

Стало резко ухудшаться и положение такого важного рынка, как металлический. Получение чугуна прогрессивно уменьшается: против 98,26 милл. пуд., добытых в первое полугодие 1914 г., в 1916 г. выплавлено чугуна на Юге России 80,09 милл. пуд. Уже в октябре 1916 года определился недостаток металла только для нужд обороны в 3 милл. пуд. С тех пор положение значительно ухудшилось. Выплавка в ноябре на Юге России сократилась с 16.313 тыс. пуд. до 14.090 тыс. пуд. Вследствие затруднений в перевозке сырья в ноябре пришлось остановить часть домен. В декабре крупные металлургические заводы значительно сократили свою работу и дали всего 14.002 тыс. пуд. В феврале наблюдается сильное сокращение в выработке стали, а именно всего 4 милл. пуд., т.-е. на 6 милл. пуд. менее, чем в январе. На Урале положение еще хуже. Производительность Уральских заводов, по данным комиссии генерала Дроздова, определена в 62 милл. пуд. чугуна и 61 милл. пуд. литого металла. На самом же деле в 1916 г. было получено около 46 милл. пуд. чугуна и 48 милл. пуд. литого металла.

Где причина всей этой разрухи? Есть ли это результат каких-либо непреодолимых сил, бороться с которыми невозможно, или мы имеем перед собою творение рук человеческих? К счастью, но вместе с тем и к несчастью России, налицо есть именно второе. Страна имеет все необходимое, но использовать в достаточной степени не может. Не подлежит ни малейшему сомнению, что сельско-хозяйственное производство в состоянии удовлетворить потребительные нужды населения России. Вот что мы читаем в официальном издании «Предварительные итоги всероссийской сельско-хозяйственной переписи»: «Сельско-хозяйственная перепись показала, что размер посевной площади 1916 года приблизительно на 20—25% превышает площадь, необходимую для удовлетворения потребностей населения России, при среднем урожае. Принимая во внимание, что урожай 1916 года был в общем не ниже среднего, можно сделать отсюда вывод о наличии в стране значительных хлебных запасов сверх количеств, необходимых для снабжения населения. А так как 1913, 1914 и 1915 г.г. по урожаю в общем также были благополучны, то запасы эти сложились из остатков от нескольких лет. Таким образом, Россия обладает достаточными хлебными рессурсами, чтобы спокойно и уверенно смотреть в будущее». О том же говорят и данные урожайной статистики. Урожай только четырех главнейших хлебов в 1916 г. исчисляется в 3.336 милл. пуд.; общее же потребление их равно 2.643 милл. пуд. Ничего угрожающего с точки зрения имеющихся возможностей нет и в вопросе обеспечения страны топливом: страна владеет неисчерпаемыми источниками топлива в его различных видах: лесом, залежами каменного угля, нефтью, торфом, горючими сланцами и т. п.

Добывная способность одного Донецкого бассейна на 1917 год определена в 2.082 милл. пуд. каменного угля и антрацита против 1.544 милл. пуд. в 1913 году, т.-е. один Донецкий бассейн в состоянии возместить всю потерю, обусловленную захватом Домбровского района неприятелем и прекращением подвоза заграничного угля. Металлический рынок также владеет богатейшими возможностями. Теоретическая производительная способность доменных печей определяется для всей империи в 357.083 тыс. пуд. ежегодно. Рекордная цифра производительности домен перед войною составляла 257.399 тыс. пуд. в год, что вполне покрывает нужды обороны и дает солидный остаток для свободного рынка. И если все эти богатейшие возможности не использованы, то только потому, что отсутствует надлежащая организация тыла.

В первую очередь, конечно, следует поставить плохую организацию транспорта, не позволяющую передвигать нужные продукты в необходимом количестве с одного места на другое и потому мешающую правильному темпу народного хозяйства. Так, кризис топлива вызван только тем обстоятельством, что железным дорогам не удается перевезти надлежащего количества топлива, хотя оно имеется в наличности. Например, в 1916 году из Донецкого бассейна было вывезено только 878 милл. пуд. каменного угля из 1.370 милл. добытого, при чем причина недовывоза заключается главным образом в недостаточной подаче вагонов железной дорогой, что признается и Особым совещанием по перевозкам, в отчете которого мы читаем, что «первой причиной недовывоза донецкого топлива за время войны несомненно является недостаток вагонов». По данным журнала «Горнозаводское Дело», причины недогруза донецкого топлива в октябре и ноябре 1916 года представляются в следующем виде: по причине отказа 53,8 милл. пуд., неподачей вагонов — 107,9 милл. пуд., т.-е. процент неподачи вагонов составил 59% для всего количества невывезенного угля.

В силу того же расстройства транспорта резко понижается производительность металлургических и металлообрабатывающих заводов. Заводы не получают в достаточном числе ни топлива, ни руды, ни флюсов, ни других необходимых материалов.

Кроме тех данных, которые приводились ранее, достаточно познакомиться с положением дела в Петроградском районе. Здесь большинство металлообрабатывающих заводов не имеет запасов металлического сырья в надлежащем количестве; при обилии одного сорта железа не имеют совершенно других сортов металла, необходимых для производства. Только немногие заводы обеспечены металлом в достаточной мере. Между тем металлургические заводы имеют большие запасы железа, которые не могут быть подвезены к рынкам потребления. Из 73 предприятий, состоящих в декабре 1916 г., 9 приостановили свое производство по недостатку материалов, главным образом чугуна и железа. В ответ на анкету, произведенную Центральным

военно-промышленным комитетом, Петроградский вагоностроительный завод сообщил, что запасов железа и стали у него на 31 января 1917 г. имеется около 11.000 пуд., но хотя запасы как будто и большие, фактически завод приостановится, если не будет подвоза металлов, ибо на заводе нет всех потребных ему металлов. Совершенно нет запасов мелкосортного железа на заводе военных и морских приборов «Сименс Шукерт»: «стали для взрывателей, — сообщают оттуда, — идет 8 сортов и расходуется в рабочий день в размере около 1.300 пуд. Всего на складе имеется около 21.000 пуд., при чем некоторых сортов хватает для работы только на несколько дней, и работы на заводе в самом непродолжительном времени должны остановиться, если не будет подвоза». На Балтийском судостроительном заводе снарядной заготовки имеется на 31 января: «круглой диаметр. 85 м.м.—8.500 пуд. при среднем ежедневном расходе — 2.000 пуд., 3 м.м. — 8 тыс. пуд. при расходе 400 пуд. в день, 75 м.м. заготовки имелось лишь всего 500 пуд. при среднем расходе 1.500 пуд.». Соединенные кабельные заводы совершенно не имеют чушковой меди при ежедневном расходе ее 300 пуд. меди, ... хватит только на 5 дней; 7.000 пуд. имеется в запасе на 31 января при расходе 1.350 пуд. в день. Общество медно-прокатного завода быв. Розенкранца, потребляющее главным образом медь, имело ее в запасе на 31 января всего 6.260 пуд. при ежедневном расходе в 4.400 пуд. На заводе И. М. Айваз чугуна имелось на 30 января около 200 пуд., а ежедневно расходуется 400—500 пудов.

И то же самое расстройство транспорта препятствует, само собою разумеется, использованию всех продовольственных возможностей империи, так как нельзя перевезти даже все заготовленные в станционных складах продовольственные запасы: напр., на Сибирских ж. д. гниют миллионы пудов мяса, масла, дичи, разных хлебов.

Чем же вызвано все это расстройство транспорта? Его нельзя отнести на полное отсутствие технических возможностей, так как пропускная способность наших жел. дорог значительно выше используемой и велики средства для водных и гужевых перевозок. По исчислению такого компетентного лица, как теперешний министр путей сообщения, для полного использования пропускной способности главнейших наших магистралей и поддержания движения на боковых линиях в том размере, какой был в 1913 году, на железнодорожной сети недостает по крайней мере двух тысяч товарных паровозов и 80 тыс. вагонов, при наличности которых можно было бы удовлетворить все главнейшие потребности страны. Мало этого, и то, что есть, используется нецелесообразно и неэкономно. Здесь на первую очередь нужно поставить то вредное влияние, какое оказывал и продолжает оказывать на дороги тыла фронт, распоряжающийся тыловым подвижным составом, не считаясь ни с какими заранее выработанными графиками и планами перевозок, что вносит неизбежную путаницу и затруднения в дело транспорта грузов по сети тыла. Опять-таки достаточно для характеристики сослаться на то неблагоприятное влияние, которое

сказывала на перевозки топлива из Донецкого района задолженность фронта вагонами. В периоды высоких вагонных долгов, доходивших иногда до 30 тыс. вагонов, неизбежно сокращалась разгрузка угля, что хорошо видно из следующей таблицы:

1915 год.	Погружено донецкого топлива милл. пуд.	Средний месячный долг за дорогами фронта шт. вагонов.
Январь	117 [1])	19.000
Февраль	94	32.400
Март	101	29.000
Апрель	120	13.650
Май	119	19.000
Июнь.	111	34.900

Во-вторых, не устранено до сих пор многовластье на местах в деле распоряжения подвижным составом и в самом тылу. Правда, с формальной стороны, дело обстоит как будто вполне благополучно: заранее составляются планы перевозок путем довольно сложным и как будто бы рациональным; даются всякие указания строго следовать плану и т. п. На самом же деле планы не осуществляются под разными предлогами, и поэтому железные дороги работают совершенно без системы, способствуя тому развалу тыла, о каком говорилось выше. Вот весьма обычные картины. В Пермской губ. с тех пор, как начала действовать система плановых перевозок, между управлением Омской жел. дороги, с одной стороны, и уральским порайонным комитетом, с другой, идет безрезультатный спор о том, нужны ли на плановые перевозки особые наряды порайонного комитета, или не нужны. При этом порайонный комитет полагает, что нарядов этих не требуется, тогда как железная дорога и администрация неукоснительно требуют выдачи нарядов порайонным комитетом на перевозку и отказывают в отправке грузов по плановым перевозкам, если нет нарядов. Ни телеграфные, ни письменные по этому поводу разъяснения председателя порайонного комитета не достигают цели, и грузы остаются без движения, ибо их отказываются перевозить как по старому порядку, так и по новой системе. Железнодорожные агенты, обезволенные множеством циркуляров, становятся в тупик при решении самых несложных по своему характеру вопросов и за всем решительно вынуждены обращаться в управление дорог. Циркуляры часто противоречивы, и выполнить их невозможно. Кроме того, развился крайний формализм, который препятствует рациональному использованию вагонов и нарядов.

Так, например, в той же Пермской губ. уполномоченный по мукомолью Е. Д. Калугин выдал однажды разрешение на перевозку 120 вагонов по литерным предложениям, но предложений этих у него в налич-

---

[1]) По данным отчета о деятельности Особого совещания по перевозкам.

ности в Перми не оказалось. Предложения эти, однако, нашлись у заместителя его А. М. Симонова в гор. Екатеринбурге. Для того, чтобы не задерживать перевозки, ибо до конца месяца оставалось всего несколько дней, предложения эти не были посланы в Пермь Калугину для подписки, а были подписаны одним из заместителей Калугина, П. В. Ивановым. На станциях Омской дор. отказались принять эти предложения, так как, по мнению железнодорожной администрации, предложения должны бы быть подписаны: «За уполномоченного Иванов», а не «Заместитель уполномоченного Иванов». В результате предложения остались неиспользованными, и груз не был доставлен на места, где в нем ощущалась острая потребность. В Богословском округе в ноябре—декабре ощущался остро недостаток в муке. Для того, чтобы хотя частью сгладить остроту кризиса, Богословская дорога по соглашению с управлением Омской дороги посылала свои вагоны в Косулино за тем, чтобы перевезти муку. Вагоны эти каждый раз простаивали в Косулине по нескольку дней, так как железнодорожная администрация без особого каждый раз распоряжения управления Омской дороги отказывалась их загружать. На телеграфные же сношения с управлением уходило времени от 3 до 5 дней. Наконец, много пропадает неиспользованных нарядов благодаря тому, что они с опозданием получаются на месте. Так, например, наряды на вторую половину декабря были получены на месте только 2 января.

В связи с этим развились крайние злоупотребления железнодорожных агентов, система сложного взяточничества, которая одна только действует сколько-нибудь удовлетворительно. В стране сложилась горькая поговорка, что лучше всего сейчас возить товары на литере Д (деньги).

Наконец, следует отметить крайнюю изношенность подвижного состава, обусловленную отчасти тою непосильною работою, какую сейчас выполняет уменьшенный подвижной состав, а отчасти, поскольку речь идет о паровозах, плохим качеством топлива. Последнее отнюдь не есть результат только каких-либо злоупотреблений, а той удивительной бесхозяйственности, того неумения использовать средства тыла, которые проявляются в настоящем деле агентами власти.

Вместо того, чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщений, начиная с 1915 года, предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбыть железным доро-

гам всякий хлам. Но и помимо этого существовали и существуют условия, оказывающие самое роковое влияние на получение железными дорогами угля подходящих сортов. Так, в 1915 и 1916 г.г. министерство торговли и промышленности не решилось осуществить полной реквизиции всего твердого топлива, и для министерства путей сообщения реквизировался уголь, только оставшийся от потребителей двух первых категорий. Весьма естественно, что реквизированный уголь был не первого качества и притом самых разнообразных сортов. Распределение реквизированного угля по отдельным дорогам и складам было совершенно случайно, так что каждый склад получал топливо от весьма многих поставщиков неизвестного ему типа, а потому и не мог расходовать его планомерно. Дошло до того, что, например, Екатерининская железная дорога имела одновременно 300—400 поставщиков вместо 35—39, как это было в нормальное время. Неразборчивость при реквизиции сортов угля имела весьма тяжелые последствия. Дело в том, что до войны дороги снабжались исключительно углями спекающимися, к которым приспособлены топки всех паровозов и паровозный персонал. Во время войны железные дороги стали брать тощий уголь и антрацит. Хорошие сами по себе, эти сорта топлива требуют специальных топок, в существующих же топках могут сжитаться только как примесь к углям спекающимся и при условии правильного производства смесей. Министерство путей сообщения не приспособило своих топок к антрациту и все время продолжало строить новые паровозы с топками для спекающегося угля. Правильных смесей сортов оно тоже не производило, да и не могло производить при описываемых условиях реквизиции и поставки. Отсюда произошел громадный расход топлива, которого паровозы не могли использовать, остановки в пути и т. д., словом, весь тот сумбур, который теперь царит в деле снабжения топливом паровозов.

Бесхозяйственность администрации железных дорог сказалась не в одном этом. Теперешнее положение паровозов таково, что они вынуждены расходовать большое количество топлива. Напряжение перевозок так велико, что общий расход горючего на железных дорогах возрос до чрезвычайности. Между тем министерство путей сообщения не озаботилось за все время войны заготовкой надлежащего количества дров и всей своей тяжестью навалилось на Донецкий бассейн, снабжая углем даже такие дороги, которые по самому их положению легче всего обеспечить дровяным горючим, как, напр., Либаво-Роменская и Полесские. Между тем повышенные требования на уголь со стороны железных дорог рикошетом весьма тяжело отзываются на всем тылу. Вот характерная цифра: расход железных дорог доходит теперь до 70 милл. пуд. в месяц, а всего вывозится из Донецкого бассейна угля до 110 милл. пуд.,— значит, на все потребности, кроме железных дорог, остается только 40 милл. пуд., между тем только для производства кокса необходимо 30 милл. пуд.

Ремонт больного состава ведется крайне бесхозяйственно: в погоне отчасти за внешним эффектом, отчасти по причине крайней нужды в подвижном составе вагоны выпускаются из ремонтных мастерских в мало удовлетворительном виде, и работа их поэтому очень плоха.

В виду расстройства транспорта, отсутствия топлива, металла, рабочих рук производительность отечественных вагоностроительных и паровозостроительных заводов падает в огромной прогрессии. Вот красноречивые цифры.

Заказы отечественных заводов на паровозы и вагоны в 1913— 1916 г.

Годы.	Выпущено.		Недопост. товари.	Паровозы.			
				Выпущено.		Недопоставлено.	
	Товарн.	Пасс.		Для дор.	Для пол. упр.	Тов.	Пас.
1913	18.613	1.435	3.196	535	—	—	—
1914	29.157	1.500	1.997	749	37	57	68
1915	28.458	1.273	10.946	910	65	301	46
1916	20.355	622	9.543	599	200	398	140

Вторая главная причина разрухи тыла — неустройство рабочего рынка. Огромные выемки населения мобилизациями, превысившие 50% всего трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет, создают в тылу чрезвычайно сложное и ответственное положение. Перед государством стояла задача наиболее рационального использования оставшихся рабочих рук, дабы смягчить тот кризис на рабочем рынке, который неизбежно был связан с уходом в армию самого работоспособного населения страны. Прежде всего, следовало бы позаботиться о том, чтобы остались в тылу квалифицированные рабочие, которыми Россия так бедна и которые являются для нас самым драгоценным сокровищем. Во-вторых, надлежало принять меры к тому, чтобы не было праздных, незанятых рук и чтобы не наблюдалось того крайне ненормального явления, когда в одном районе существует недостаток рабочих рук, в то время как в другом напрасно ищут занятий толпы безработных. Наконец, нужно было сделать так, чтоб работа шла планомерно и без всяких перерывов, так как только тогда национальный труд дал бы весь тот производительный эффект, на который он способен. Что же произошло на самом деле?

Квалифицированные рабочие были мобилизованы и отправлены на фронт, и все попытки возвратить их из армии до самого последнего времени оказывались почти бесплодными. При таких условиях предприятия должны были обратиться к труду малообученных или совсем необученных рабочих, что имело целый ряд вредных последствий. Во-первых, обнаружилась усиленная тяга населения в города и про-

мышленные центры в виду существующей здесь высокой оплаты труда, что лишило сельское хозяйство рабочих рук и тем самым обусловило острый кризис на рынке сельско-хозяйственных рабочих со всеми проистекающими отсюда вредными последствиями. Во-вторых, эта масса неподготовленного населения, как и следовало ожидать, оказалась мало продуктивной. Так, например, в каменноугольной промышленности Юга России средняя месячная производительность рабочего выражалась следующими цифрами:

1914 г.	I полугодие	— 753 п.
	II »	— 757 »
1915 г.	I »	— 779 »
	II »	— 733 »
1916 г.	I »	— 656 »
	Август	— 507 »

В виду этой малой продуктивности приходится значительно увеличивать количество рабочих. Так, в Донецком каменноугольном районе количество рабочих по месяцам и за 2 года — 1913 и 1916 — в тысячах было следующее:

	1913 г.	1916 г.		1913 г.	1916 г.
Январь	169.000	208.000	Июнь	156.000	222.000
Февраль. . . .	165.000	219.000	Июль	152.000	232.000
Март	168.000	220.000	Август	164.000	242.000
Апрель	145.000	217.000	Сентябрь . . .	158.000	247.000
Май	157.000	220.000			

В железорудной промышленности Юга России было занято (на ноябрь):

1914 г.	14.5	тыс. чел.
1915 »	18,6	» »
1916 »	24,969	» »

На Урале в ноябре 1916 г. числилось рабочих 178 тыс. ч. против 148 тыс. ч., бывших в 1915 г.

В Бакинской нефтяной промышленности в 1916 г. рабочих было 48.500 ч. против 45.015 ч. в 1913 г. и т. д.

Столь значительное увеличение количества рабочих в промышленных центрах обусловило увеличение продовольственных затруднений просто уже в силу того факта, что теперь требуется доставлять продукты питания в большем количестве, чем было в нормальное время.

Отсутствие планомерного посредничества по приисканию труда ведет к тому, что местами в империи имеются значительные количества безработных, которым при иных условиях не трудно было бы дать полезное назначение. Так, по данным петроградской биржи труда, за время с 19 января 1915 года по 21 января 1917 года предложение труда равнялось 236.579 чел., получили работу только 94.875 ч. По данным Всероссийского бюро труда, за ноябрь и декабрь 1915 года и январь 1916 года искало работы 99.155 чел., получило — 72.715 ч.

Наконец, как очень неблагоприятный момент, следует отметить здесь существование забастовок, мешающих правильному ходу занятий и способствующих понижению производительности национального труда. Вот цифры, не нуждающиеся в объяснениях:

ОТДЕЛ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Данные о числе забастовок, их участников и потерянных рабочих днях за 1915 — 1916 г.г. — по месяцам.

Месяцы.	Число забастовок.	Число бастовавших рабочих.	Число потерянных рабочих дней.
1915 год.			
Январь	20	8.853	16.733
Февраль	28	23.107	92.831
Март	26	15.368	31.136
Апрель	104	35.727	263.667
Май	162	59.055	212.294
Июнь	164	80.054	228.173
Июль	90	27.827	75.309
Август	76	54.625	102.456
Сентябрь	184	113.866	224.482
Октябрь	79	77.992	337.123
Ноябрь	54	39.543	249.400
Декабрь	47	17.077	51.820
1916 год.			
Январь	166	128.450	525.570
Февраль	108	91.978	886.396
Март	107	984.435	336.374

Третья главная причина разрухи тыла — неправильное использование существующих в стране хозяйственных возможностей, поскольку речь идет о накопленных специальных знаниях и специальных приспособлениях по различным отраслям хозяйственной жизни. Здоровая экономическая политика требовала и требует, чтобы к делу устроения тыла были привлечены лица со специальными навыками и с специальным опытом. Если нельзя поручать врачу строить мост, а инженеру лечить больных, то еще менее оснований предоставлять устраивать экономическую жизнь не тем, которые вполне осведомлены в том или другом деле, а людям случайным, в лучшем случае дилетантам в порученном им деле, в худшем — прямым невеждам. В западно-европейских государствах это отлично понимают, и вся система тыловой хозяйственной организации покоится там на доверии к общественным силам, на широком участии последних в учреждениях, призванных организовать национальное хозяйство в интересах обороны. К сожалению, в России отношение правительства к обществу построено на принципе прямо противоположном: общественной инициативе

не доверяют, в ней видят опасного врага; общественные организации, несмотря на все оказанные ими огромные услуги стране и армии, преследуются. И результаты этой системы ясны. Те отрасли народного хозяйства, где правительство менее всего связало себя с общественными силами, находятся в состоянии полного разгрома. Так, вместо того, чтобы целесообразно использовать живой, подвижной аппарат торговли, владеющий прекрасным знанием всех рынков страны, имеющий широко развитые деловые связи и соответствующее материальное оборудование, — разумеется, только общественно его организовавши, — правительство обратилось к услугам чиновников, в огромном большинстве случаев не знакомых с делом, внесших в него пустой и сухой формализм. Конечно, ничего другого, кроме полного расстройства торговли, получиться не могло, и переживаемая нами продовольственная разруха, и бешеная спекуляция, и всевозможные голоды — они созданы руками власти, невежественной и бездарной.

Четвертый фактор, не упомянуть который здесь нельзя, — безумная финансовая политика правительства. Во всех воюющих государствах принимаются усиленные меры к тому, чтобы не подвергать рынок всяким излишним потрясениям. На ряду с экономической организацией тыла идет и финансовая организация. Главная забота финансового ведомства западно-европейских держав сводится сейчас к созданию таких способов получения средств на ведение войны, которые были бы по возможности менее болезненными и менее разрушительными для тыла. Повсюду приведен в действие налоговый пресс, при чем настойчиво осуществляется идея равномерного участия населения в несении тяжести последнего. Но, конечно, налоговые рессурсы имеют предел, который далеко отстает от требований современной гигантской войны. Государство повсюду вынуждено обращаться к другим рессурсам, главным образом к займам и к выпускам бумажных денег. Оба эти средства, однако, весьма опасны, так как могут при известных условиях создать тяжелые потрясения на рынке. В особенности это приходится сказать о бумажных деньгах, которые не даром называются экономистами «сладким ядом». Велик соблазн обратиться к этому рессурсу, не требующему ничего другого, кроме соответствующих печатных станков, краски и бумаги, — но последствия необдуманных выпусков бумажных денег чрезвычайно опасны. Переполнение рынка излишними денежными знаками всегда и всюду, — так учит политическая экономия, — влечет за собою революцию цен, при чем последняя совершается с тем большею силою и быстротою, чем более значительны соответствующие выпуски бумажных денежных знаков. Если бы изменение цен совершалось на всем поле народного хозяйства совершенно равномерно и одновременно, тогда народное хозяйство не испытывало бы значительных потрясений, но так как на самом деле этого нет, — происходит нарушение правильного соотношения различных расценок. В то время как одни быстро учитывают падение ценности бумажных денег, — другие приспособляются к этому явле-

нию с большой медленностью. В особенно неблагоприятном положении оказываются лица, получающие твердые оклады, напр., чиновники и служащие различных ведомств, оплата труда которых не может следовать за лажем с той быстротою, с какой следовало бы для удержания их прежнего материального статуса. Государство и частные организации вынуждены изыскивать средства для улучшения быта своих служащих, что не всегда может быть осуществлено и во всяком случае вызывает излишние расходы. Промышленность и торговля, не имея никакой уверенности в будущем, мало по малу отвыкают от здоровых навыков и делаются спекулятивными. Создается почва для той вакханалии цен, которая окончательно запутывает и без того сложное и тяжелое положение. В будущем, с возобновлением международных сношений в широком масштабе, неупорядоченная валюта грозит нам огромными переплатами в пользу заграницы и искусственным направлением нашей интернациональной торговли. Учитывая все эти обстоятельства, правительства западно-европейских государств, где также наблюдается бумажно-денежная инфляция, принимают ряд мер, дабы предохранить рынок от переполнения его излишними денежными знаками. С этой целью государства развивают чековые операции, принимают меры для привлечения вкладов в кредитные учреждения и, наконец, широко используют систему внутренних займов, главным назначением которых становится снятие с открытого рынка значительного числа бумажных денег. Теория и практика давным давно выработали приемы наиболее рационального распределения займов. Они, конечно, должны быть привлекательны для владельцев свободных денежных капиталов. Это значит, что условия займа должны быть для них выгодны. Здоровая финансовая политика прежде всего, конечно, учитывает то обстоятельство, что существуют различные категории капиталистов, руководящихся различными мотивами при оценке предлагаемого им займа: в то время как одни готовы отдать свои средства на короткий срок, другие ищут для них твердого помещения. Отсюда следует, что государственные займы должны иметь различный характер и различный тип. На ряду с краткосрочными должны выпускаться займы долгосрочные. На ряду с займами рентными — займы лотерейные. Другая задача — создать благоприятную общую обстановку для займа. Прежде всего и больше всего надо пробудить в нации живое сознание своего долга перед родиной, всей важности ведущейся борьбы для страны, всей огромности потери, которая нас ожидает, если страна потерпит неудачу. Далее, необходимо сделать так, чтобы помещение своих сбережений в государственные займы оказывалось более выгодным, чем в какие бы то ни было другие предприятия, что опять-таки предполагает соответствующую организацию тыла, способствующую удержанию нормального порядка вещей. Что же мы видим у нас? Государственные займы до сих пор совершенно однотипны; хозяйство страны находится в полном развале; биржевой ажиотаж достиг небывалых размеров; живой дух нации

угашается; все попытки общественно организовать страну, воспитать ее в сознательном отношении к развертывающимся грандиозным событиям наталкиваются на непреодолимые административные препоны. Дело доходит до того, что запрещаются вполне благонамеренные лекции о государственных займах, предпринятые комитетом пропаганды последних.

В результате всего этого государственные займы почти ничего не снимают с рынка и размещаются среди публики все труднее и труднее. Последний заем определенно не удался, и если все останется по прежнему, в будущем улучшения, разумеется, не последует.

Не использованы и другие средства для извлечения бумажных денег из оборота. Слабо развита чековая операция, и совершенно нерациональна учетная политика Государственного банка, так как последний почти до самого последнего времени держал низкий учетный процент, — значительно ниже, чем в частных кредитных учреждениях, — и тем самым, конечно, препятствовал привлечению вкладов в кассы Государственного банка, которые, конечно, облегчили бы положение фиска в валютном вопросе.

Наконец, необходимо обратить внимание на отсутствие общего правильного народно-хозяйственного плана во время войны. До войны превалирующим принципом экономического оборота был частно-хозяйственный интерес, и вмешательство общественной и государственной власти рассматривалось, как некоторый корректив для устранения эксцессов капиталистического строя. Война потребовала напряжения всех сил страны; на сцену выдвинулась идея защиты интересов целого, и эта идея должна была поглотить все остальные. Вполне очевидно, что интересы частных лиц должны были отступить на второй план, и должны были быть приняты все меры к тому, чтобы народное хозяйство давало максимальный производительный эффект. Оставить рынок в том положении, в каком он находился до войны, было нельзя, потому что не могло быть никакой уверенности в том, что все частные лица добровольно откажутся от узких личных выгод и станут действовать только по соображениям патриотического и морального долга. Практика, бесспорно, подтвердила всю справедливость высказанных здесь опасений: там, где не было планомерной общественной организации, самые добрые побуждения отдельных лиц приносили только вред. Когда некоторые крупные фирмы стали продавать свои товары по нормальным ценам, далеко отстающим от спекулятивных, спекулянты скупили почти весь запас товаров, принадлежащих патриотично-настроенным фирмам, и сделали его предметом самой широкой спекуляции.

Но начало организации рынка только тогда может дать положительный эффект, когда оно осуществляется всесторонне и планомерно, а не частично в отношении отдельных рынков и товаров. В самом деле, какой смысл, например, нормировать цены на нефть или на уголь, если остается вне нормировки весь остальной рынок. Цена на нефть

или на уголь, вполне достаточная во всех отношениях для того момента, когда нормировка происходит, может очень скоро оказаться ниже нормальных просто в силу изменений расценки на те предметы и услуги, которые определяют издержки производства таксированного предмета. С другой стороны, открывается широкое поле для обогащения на чужой счет тех лиц, которые сами, пользуясь таксированными предметами, продают принадлежащий им товар по произвольным ценам, учитывая в свою пользу, конечно, весь тот плюс, который получается между ценою таксированной и ценою, свободно устанавливаемой на рынке. Между тем, у нас в России до сих пор такая система частичных организаций практикуется и притом в самой несовершенной форме — простой таксировке. История такс для всех времен и для всех народов была одна и та же: она снимала товары с открытого рынка, не улучшая, а резко ухудшая положение последнего. Таксы хороши только в том случае, если за ними стоит всесторонняя организация рынка, если есть возможность наблюдать и за производством, и за распределением продуктов. Без участия общественных сил такой контроль осуществлен быть не может. Только общество, кровно заинтересованное в том, чтобы рынок функционировал правильно, может осуществить все меры, тому способствующие. Тот учет продуктов, производительных возможностей страны, потребительных нужд населения и т. п., без которого никакой упорядоченный рынок не мыслим, требует таких средств и таких знаний, которыми чиновники, конечно, не располагают. В западно-европейских государствах, ведущих войну, это давным давно поняли, и привлечение к делу упорядочения рынка общественных организаций различного типа есть там явление общее. К сожалению, у нас отношение к общественным организациям совсем иное: их всячески преследуют, с ними ведут непрерывную войну, их заподозривают и оскорбляют. А результат такой политики на-лицо...

Когда причины, поставившие нас на краю гибели, ясны, не трудно указать средство для их устранения. Необходимо упорядочить транспорт, для чего нужно: а) усилить производительность национальных заводов, что возможно при условиях полного упорядочения тыла, и немедленно заказать недостающий подвижной состав из-за границы; б) приступить к немедленному увеличению пропускной способности железных дорог; в) усилить их погрузочные и разгрузочные средства; г) допустить общественный контроль за работой железнодорожной сети в ее целом; д) допустить образование профессиональных союзов служащих, как самого мощного средства в деле борьбы с железнодорожными злоупотреблениями; е) упорядочить снабжение дорог топливом всякого рода.

Для упорядочения рабочего рынка необходимо: а) допустить профессиональные союзы рабочих, как необходимую основу организации рынков; б) создать повсеместно биржи труда; в) осуществить принудительный арбитраж; г) выработать закон об обеспечении безработных.

Для улучшения финансов: а) выработать стройный финансовый план, ставящий себе задачи не высасывания всех соков страны, а, наоборот, содействующий развитию производительных сил последней; б) принять решительные меры против переполнения рынка бумажно-денежными знаками; в) коренным образом изменить систему внутренних государственных займов.

Наконец, как необходимая предпосылка осуществления всего вышеуказанного: привлечь к делу устроения народного хозяйства все живые силы страны, что необходимо предполагает установление не только полного доверия, но и полного контакта между властью и обществом. Только правительство, которому страна доверяет, в которое она верит, может заставить народ итти на дальнейшие жертвы; только тогда лозунг «война до победного конца» получит твердую основу.

Государь, ваш предок в тяжкую годину, когда стране грозила неминуемая гибель, не поколебался доверить власть лицу, облеченному общественным доверием, — и страна была спасена, а имя императора Александра I золотыми буквами записано на страницах не только русской, но и мировой истории. Со всею горячностью, на которую мы только способны, с сознанием того патриотического долга, который на нас всех лежит, мы молим вас, государь, — последуйте примеру вашего благородного предка. Бьет двенадцатый час, и слишком близко время, когда всякое обращение к разуму народа станет запоздалым и бесполезным.

2.

Записка В. А. Степанова [1]).

Временному Правительству.

Расстройство народного государственного хозяйства России достигло в настоящее время высшего напряжения. Страна стоит перед экономическим и финансовым крахом. Эти угрожающие симптомы особенно явственно проявляются в главнейших отраслях промышленности, окончательно потерявшей равновесие. Борьба труда против капитала, несмотря на героические усилия правительственной власти и общественных организаций влить ее в примирительное русло, принимает все более острые формы и грозит исключительными осложнениями не только для дела обороны в тесном смысле слова, но просто для существования страны. Ужасающее положение транспорта

---

[1]) На подлинном штамп:

«Министерство торговли и промышленности. Совещание по вопросу о развитии производительных сил России. 8 июня 1917 года. № 4950 (*Канц. м-ра*). По проекту декларации об экономической политике правительства».

общеизвестно; равно всем ведомы тревожные перспективы сельскохозяйственного производства. Объективной стороне, — экономической разрухе, — соответствует, если можно так выразиться, крайне неблагоприятная «психологическая конъюнктура» почти всех общественных элементов. В среде рабочего класса усиленно культивируется узко классовое настроение, при торжестве которого Россия не сможет благополучно пережить кризис. В то время, когда страна истощена до крайности затянувшейся войной и впереди нас ожидают колоссальные жертвы, производительность труда неуклонно падает, и столь же неуклонно растут требования повышения заработной платы. При крайнем сужении товарного рынка, при невероятно скудном снабжении его предметами жизненного обихода, единственным прочным результатом борьбы за увеличение заработков оказывается непрерывное падение внутренней стоимости бумажного рубля. Неверно понимаемые лозунги социализации производства нередко претворяются в чисто анархические захваты рабочими предприятий в свое управление или выливаются в требования передачи в казну тех фабрик и заводов, владельцы коих отказываются удовлетворять в полной мере претензии рабочих.

Что касается промышленников, то, с одной стороны, они переживают состояние большой растерянности. Утрачивая веру в устойчивость экономической конъюнктуры, они обнаруживают склонность приостановить производство.

С другой стороны, многие владельцы фабрик и заводов, легко соглашаясь на требования рабочих, надеются непомерно возрастающие расходы производства переложить на потребителей и прежде всего на казну, рессурсы которой напряжены до последней степени. Во всяком случае, необходимая для спасения страны энергия торгово-промышленного класса чрезвычайно ослаблена.

Правительство совершенно ясно и определенно должно установить принципы экономической политики, которых оно намерено придерживаться в настоящий и ближайший последующий моменты. Всякая недоговоренность в этом отношении, всякие колебания гибельны для страны. Программа должна быть начертана и проводима в жизнь со всей возможной энергией; осуществление ее, конечно, является вопросом факта и главнейшим образом зависит от деятельной поддержки со стороны населения. Прежде всего, правительству надо занять определенную позицию относительно предполагаемого и требуемого некоторыми группами перехода к социалистическому хозяйственному строю.

Невозможность для России усвоения в настоящее время социалистической организации народного хозяйства, повидимому, не вызывает сомнений ни среди членов Временного Правительства, ни в реалистически настроенных кругах революционной демократии. Соответствующее заявление и должно быть сделано правительством, во избежание каких бы то ни было недоразумений. Необходимость такого

заявления настоятельно вызывается также требованиями социально-педагогического характера. Мысли и воля русского общества должны быть выведены из русла рассуждений об идеальном хозяйственном порядке и направлены на разрешение вполне реальных задач: расширения, во что бы то ни стало, самого производства нужных стране продуктов и усиления до возможных пределов интенсивности и производительности труда. Материальная основа нашего существования гибнет; энергия должна быть затрачиваема на ее восстановление, а не на борьбу, имеющую более словесный, чем реальный характер. При нынешнем оскудении социализм сам по себе не спас бы Россию от нищеты. Чрезвычайно важно рассеять неосновательные надежды, связанные с предложением передачи фабрик и заводов в ведение казны, т.-е. совершить некоторое «огосударствление» промышленности. Помимо слабой подготовленности правительственного персонала к эластичной практической деятельности, казна в качестве работодателя не располагает какими-либо особенными источниками удовлетворения чрезмерных требований рабочих. Передав в их распоряжение всю прибыль, казна не увеличит все же реальной заработной платы, если само производство не будет расширяться и производительность труда не будет возрастать. Расчеты же на обильную раздачу бумажных денег неизбежно приведут к экономическому и финансовому банкротству страны. С особенной резкостью должна власть высказаться против разрозненных опытов «социализации» отдельных предприятий занятыми в них рабочими, ибо такой метод не только разрушает основы существующего хозяйства, но прямо противоречит социализму, резко нарушая интересы всего рабочего класса в угоду случайных групп текучей рабочей массы. Таковой метод действия формально и по существу является анархическим в наиболее отрицательном смысле слова.

Необходимость внесения спокойствия в промышленную жизнь властно диктуется, помимо общих мотивов, еще и следующими важными соображениями. Развитие производительных сил страны немыслимо без притока капиталов во все отрасли народного хозяйства. Бедная капиталами вообще, Россия совершенно оскудела ими за время войны, и без иностранной поддержки нам не разрешить великих заданий. Иначе наша хозяйственная культура будет отброшена на несколько десятков лет назад. Под этой угрозой мы должны приложить усилия к привлечению к нам заграничных капиталов и к оплодотворению важнейших отраслей нашего народного хозяйства. Такое привлечение, даже простое удержание затраченных в России иностранных капиталов, совершенно невозможно при неосторожном пользовании социалистическими лозунгами. Министерство торговли и промышленности вырабатывает план экономического строительства России на ближайшее время, определяющий размеры и порядок финансирования различных отраслей народного хозяйства. План этот невыполним без дружественной поддержки заграничных капиталистических сфер, и им должен быть дан определенный ответ относительно

характера дальнейшего развития русского народного хозяйства: сохраняет ли оно капиталистическую основу, или преобразуется в социалистическую.

Для настоящего времени правительство, отрицая возможность водворения социализма, не может, однако, рекомендовать стране возврата к свободной экономике, как этого настойчиво желали еще недавно представители главным образом торгового капитала. Как раз хозяйственная разруха исключает допустимость господства частных интересов. Отчаянное состояние транспорта, глубокое расстройство денежного аппарата, истощение России промышленным сырьем, напряжение продовольственного вопроса и, наконец, острые формы борьбы труда и капитала, — все это превратило бы допустимую при нормальных условиях «игру частных интересов» в экономический хаос. Остается один путь государственного регулирования важнейших отраслей народного хозяйства при помощи тех сил, которые им самим выдвигаются, без колебания принципа частной собственности и без отстранения личной инициативы, но с подчинением той и другой интересу общественному. При усвоении принципа регулирования главной опорой, двигательной силой экономики остается по-прежнему начало частнохозяйственное, подчиненное контролю и руководительству государственному, но требующее и весьма бережного к себе отношения. Опыт Западной Европы является в этом отношении достаточно поучительным: если Германии удается до сих пор выдерживать борьбу, то главным образом благодаря проникновению ее экономики общественно-государственным регулирующим началом; Англия с ее традиционным тяготением к экономическому либерализму должна была вступить на этот же путь. Россия также, хотя и неумело, при старом режиме двинулась по этой дороге.

Нельзя ограничиваться одним провозглашением принципа государственного регулирования хозяйственной жизни в нынешний и ближайший переходный период — от конца войны до восстановления экономического равновесия. Необходимо с возможной определенностью указать, во-первых, какие именно отрасли хозяйства подвергаются воздействию и контролю со стороны государственной власти, во-вторых, каковы методы правительственного воздействия. Основная задача последнего, очевидно, заключается в наиболее экономном и соответствующем общественным интересам использовании имеющегося у нас запаса капиталов и истощенного войной запаса живой рабочей силы. Лишь по удовлетворении ими важнейших для обороны и жизни страны производств остатки могут направляться в другие отрасли. Надо определить те производства, которые требуют правительственного содействия (конечно, список не может носить характера «исчерпывающего», ибо обстоятельства меняются). Собственно говоря, задача эта отчасти уже выполнена, ибо целый ряд продуктов ныне находится под «учетом» государственной или общественной власти: помимо предметов питания (хлеб, мясо, соль, сахар, жиры и т. п.), сюда входят

текстильные товары, кожа, бумага, металлы, топливо. Стремиться охватить регулированием все хозяйство целиком значит явно итти на утопическую авантюру. В одной области, повидимому, государственному регулированию суждено проявиться во всей полноте, независимо от характера объектов, это — в сфере внешних торговых сношений. Весь импорт и экспорт должен оставаться под бдительным контролем и воздействием правительства, как во имя валютных соображений, так и в интересах русской промышленности.

Определив круг вмешательства, правительство обязано выбрать наиболее удовлетворительные методы руководительства. Казалось бы, что самым действительным средством воздействия как на производство известных продуктов, так и на их распределение является установление соответствующих государственных монополий. Это тем более заманчиво, что монополия попутно может оказать и серьезную услугу казначейству. Технически, однако, монополизирование не всегда легко; но где имеется подготовленная в известной мере почва (напр., для сахара, угля, чая), там правительство может решиться на подсказываемый обстоятельствами шаг. Следует только помнить, что производственные монополии, связанные с затратами на оборудование предприятий или выкуп их у частных лиц, a priori, по финансовым условиям, исключены; речь может итти лишь о монополиях торговых. В силу той же стесненности фиска и малой технической подготовленности правительственного персонала совершенно недопустимо замечавшееся до недавнего прошлого увлечение казенным предпринимательством. Вследствие особенных условий железнодорожного строительства и вообще транспортного дела роль государства в этой области, конечно, должна оцениваться иначе; однако, и здесь чрезвычайно желательно возбуждение в известных пределах частной предприимчивости.

Большая энергия должна быть проявлена правительством в деле объединения слабо организованных отраслей промышленности: осуществить действенный контроль можно лишь при достаточной концентрированности предприятий. На очередь может и должен быть поставлен вопрос, по примеру Германии, о принудительном объединении отдельных ветвей индустрии; если по финансовым условиям для казны окажется возможным входить в такие объединения, то правительство получит могущественное оружие надзора и контроля. Что же касается установления особых органов финансового и административного контроля по отдельным предприятиям, то эта мысль должна быть откинута за явной ее утопичностью в условиях русской жизни. Отстаивать интересы труда призваны профессиональные рабочие союзы, интенсивно развивающиеся у нас в настоящее время. До полного их расцвета к услугам трудящихся фабрично-заводские комитеты, учреждение коих обеспечено недавно изданным законом. Рекомендуемые некоторыми «наблюдательные комитеты» от рабочих и правительственных чинов — верное средство затормозить жизнь

предприятий. В исключительных случаях, при острых столкновениях труда и капитала, допустима посылка особых правительственных комиссаров с определенным кругом полномочий. Становясь на путь принудительного регулирования промышленного производства, правительство, конечно, не может предоставить определения взаимоотношений труда и капитала борьбе заинтересованных сторон. Совершенно очевидно, что в отраслях и предприятиях, регулируемых государственной властью, приостановка производства на почве конфликтов недопустима; здесь пользование правом стачек и локаутов, во имя блага страны, приостанавливается в своем действии. Конфликты должны подлежать обстоятельному разбору и разрешению в организуемых нарочито для этой цели примирительных учреждениях (на паритетных основах). Если по вопросу о заработной плате не будет достигнуто соглашение указанным способом, то особые правительственные комиссии определят нормальное вознаграждение по профессиям и районам. Правительство должно при этом откровенно и решительно заявить, что повышение заработков имеет свой предел, который, в первую очередь, определяется состоянием производительности самого труда. С другой стороны, при нормировке вознаграждения промышленных рабочих надо учитывать интересы крестьянских кругов, повышению заработков которых поставлен предел твердыми ценами на хлеб. Нельзя одному классу оказывать преимущество перед другим.

Исключительной энергии требует от правительства разрешение вопроса о надлежащем учете и распределении живой рабочей силы. Необходимо изыскать и осуществить наилучшие формы организации рабочего рынка, тщательно взвешивая количественную и качественную сторону дела. Ни один атом народного труда, особенно квалифицированного, не должен остаться без использования или находить неподобающее применение. Развитие плана снабжения хозяйства рабочей силой должно быть поставлено во главу угла социально-экономической политики государства.

Ни примирительное разбирательство, ни надлежащее распределение рабочей силы не дадут благоприятных результатов, если не будет поставлено надлежащим образом дело снабжения трудящихся необходимыми для них предметами. Однако, самая совершенная техника окажется бессильной, если производство товаров будет пребывать в таком же печальном состоянии, как ныне. Неустанное расширение производства, интенсификация всех видов труда повелительно диктуются переживаемым моментом. Вполне законная тревога трудовой демократии, что ее интенсивная работа пойдет на пользу своекорыстным интересам «имущих классов», парализуется теми финансовыми мероприятиями в налоговой области, которые уже предрешены и разрабатываются Временным Правительством. Государство при помощи своего аппарата, опирающегося на органы местного самоуправления, должно поставить и разрешить трудную задачу снабжения производства нужными материалами, а население — необходимыми товарами.

К разрешению этой проблемы подходило правительство старого режима; нынешняя власть в значительной степени уже осуществляет задание; образован ряд комитетов по различным отраслям индустрии, учреждаются особые районные организации по снабжению металлом и топливом; работают продовольственные комитеты по учету и распределению живой рабочей силы. Все эти начинания должны быть в той или иной форме объединены, согласованны, дабы работа русской промышленности текла планомерно, потребности рынка удовлетворялись в должной последовательности и объеме, соответственно степени их важности. Такое объединение необходимо и для предупреждения разрозненных, мешающих общему делу, сепаратных попыток разрешений вопроса на местах. Во всяком случае, дабы постановка дела не страдала абстрактностью, оторванностью от жизни, необходимо запросить по этому поводу мнение особого совещания из представителей заинтересованных сторон, людей науки и нейтральных общественных организаций. Этой цели должно послужить образование при министерстве торговли и промышленности совещания по вопросу о развитии производительных сил России.

Провозглашая принцип регулирования народно-хозяйственной жизни государственной властью, необходимо подчеркнуть, что регулирование это будет совершаться не старым бюрократическим порядком, а при помощи и, по возможности, через посредство профессиональных и общественных организаций. Правительству будет принадлежать высшее руководительство ими и согласование отдельных мероприятий.

В согласии с высказанными в этой записке соображениями, правительству надлежало бы выступить с декларацией по вопросам экономической политики. Примерный текст означенной декларации к сему прилагается.

Об изложенном временно управляющий министерством торговли и промышленности имеет честь представить на благоусмотрение Временного Правительства.

Временно управляющий министерством торговли
и промышленности *В. Степанов*.

Проект правительственной декларации по вопросам экономической политики.

Народное хозяйство России во всех его главнейших отраслях переживает глубокий кризис. Производительные силы страны, истощенные долгою войной и пагубной политикой дореволюционного правительства, находятся в состоянии полного упадка. Революционная энергия народа не получила еще направления, благоприятного для хозяйственного возрождения родины. В особенно тяжелом состоянии находится промышленность; производство самых необходимых предметов сокращается, интенсивность и производительность труда

неуклонно падает, товарный рынок все более суживается; непрерывные столкновения труда и капитала принимают все более острые формы; неверно понятые лозунги социализации производства претворяются в чисто анархические захваты предприятий занятыми в них рабочими.

При таких условиях трудящиеся лишаются фактической возможности удовлетворения даже самых законных требований относительно повышения уровня жизни. Предприниматели, не чувствуя под собой устойчивой почвы и утеряв надлежащую энергию, обнаруживают желание приостановить производство или стремятся переложить на широкие потребительские круги и на казну непомерно возрастающие издержки производства путем крайнего увеличения товарных цен.

Перед лицом происходящего развала Временное Правительство считает своим долгом указать народу, каких основ социальной экономической политики оно намерено придерживаться.

Прежде всего, правительство призывает все классы общества к исключительному напряжению трудовой энергии и забвению на время личных, групповых и классовых интересов. Без чрезвычайного напряжения производства удовлетворить надлежащим образом материальной потребности страны невозможно, ибо рынок останется при крайне скудном запасе товаров. Действительная, а не бумажно-денежная высокая оплата труда будет прямым последствием усиления его производительности и расширения производства. Резкие проявления классовой борьбы в настоящее тревожное время мешают общенародному делу.

Вместе с тем Временное Правительство определенно заявляет о невозможности изменения существующего хозяйственного строя на социалистический ни сейчас, ни в ближайшее за войной время. Социализм должен покоиться на мощном фундаменте всеобщей организованности, чего в России нет; на полном развитии производительных сил, к надлежащему использованию которых Россия в сущности еще не приступала; наконец, переход к социалистическому строю в рамках одного государства даже и невозможен.

Но для настоящего момента и ближайшего будущего настойчиво требуется устранение всякой неопределенности по вопросу о хозяйственном строе России. Помимо других мотивов, этого требует еще и то обстоятельство, что мощное развитие наших производительных сил немыслимо без привлечения иностранных капиталов и создания выгодных условий для их приложения: под угрозой не только экономического застоя, но и падения хозяйственной культуры, Россия не может и не должна отказываться от услуг заграничного капитала, которые, естественно, отпадут при неудачных опытах социализации.

С другой стороны, как раз в виду происходящей разрухи правительство считает невозможным предоставление хозяйства на волю самоопределения частных интересов. Необходимо планомерное вмешательство государства в экономическую жизнь, регулирование

главнейших отраслей народного хозяйства. Личная инициатива и частная собственность остаются непоколебленными, но должны стать в подчиненное положение к общему интересу.

Далекое от мысли охватить регулированием все народное хозяйство целиком, правительство определит те главные отрасли производства, которые должны подчиниться его общему руководительству и надзору. Таковы, прежде всего, промышленное сырье, топливо, металлы и вообще главнейшие предметы первой необходимости и жизненного обихода. Где окажется возможным по условиям хозяйственной жизни, будут введены торговые правительственные монополии. В иных случаях будут приняты меры к разумному объединению отдельных частных предприятий, с возможным участием в этих объединениях казны. Ныне существующие комитеты по отдельным отраслям промышленности, получив дальнейшее усовершенствование своей организации, продолжат энергичную работу по упорядочению торгово-промышленной жизни страны. Таким путем правительство намеревается уравновесить производство и распределение наиболее важных для жизни страны изделий и материалов.

Необходимо помнить, что принцип регулирования, устанавливаемый правительством для предотвращения полной экономической разрухи, налагает неизбежное стеснение на свободу действий как промышленников, так и рабочих; с этими стеснениями необходимо примириться во имя блага страны. Так как в регулируемых отраслях промышленности недопустима остановка производства на почве конфликтов труда и капитала, то столкновения интересов будут подлежать обязательному примирительному разбирательству. Если по вопросу о заработной плате не будет достигнуто соглашение в примирительных учреждениях, то нормы оплаты по профессиям и местностям будут определяться особыми правительственными органами. Прибыль предпринимателей налоговыми мероприятиями будет сокращена до возможного минимума, с тем, однако, расчетом, чтобы не убить у промышленников интереса к делу. Будут приложены усилия к тому, чтобы рабочие получили фактическую возможность располагать необходимыми для жизни продуктами. Учет и распределение рабочей силы составят одну из главнейших забот государственной власти, дабы трудовая энергия всех элементов общества не оставалась без использования или находила неподобающее применение.

Удовлетворительное решение поставленных задач требует объединения, согласования и развития всех, уже ныне осуществляемых, мероприятий правительства по снабжению фабрик и заводов сырьем, топливом, орудиями производства и рабочей силой, а населения — предметами жизненной необходимости. Конечный успех дела будет целиком зависеть от энергии самого народа, от умения и готовности граждан подчинять свои личные интересы благу родины.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ ЦИК И БЮРО ЦИК С. Р. и С. Д. 1-ГО СОЗЫВА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Из деятельности учреждения, в действительности не существовавшего.

5 ноября, когда был бит уже Краснов и было подавлено юнкерское восстание, а Духонин в ставке пытался заверить советы в своем нейтралитете, собрался ЦИК 1-го созыва, упраздненный II Съездом Советов.

Тем самым меньшевики и с.-р. пытались противопоставить новому большевистскому ЦИК, якобы незаконному, якобы избранному незаконным съездом, старый, законно-избранный ЦИК июньского Съезда Советов (хотя на заседании 6 ноября с.-р. Кудрявцев, вспомнив, как Дан открывал II Съезд Советов от имени 1-го ЦИК, говорил: «Мы уже признали его полномочным, открыв его»).

На заседании 5 ноября члены 1-го ЦИК все свои надежды строят на том, что советы, не участвовавшие на II Съезде Советов, в большинстве своем находятся в руках меньшевиков и с.-р., что армию представляют тогдашние армейские комитеты, а большевистская партия расколется. Представление о советах, не присутствовавших на II Съезде, как о советах меньшевистско-эсеровских, отражало тактический план меньшевиков и с.-р., пытавшихся найти в провинции спасение от рабочих и солдат Петрограда. В основе этих планов, в конечном счете, лежало признание с.-р. Кудрявцева на заседании 6 ноября: «Дважды мы бросали силы на заводы, и нас там не слушали...»

Но условия октября 1917 г. оказались непохожими на условия 1905 г.,— тогда провинция и армия спасли господствующий строй, на этот раз не спасли ни провинция, ни армия. В расчетах меньшевиков и с.-р. были три ошибки:

1) армейские комитеты оказались представляющими только самих себя, а не солдатские массы;

2) провинциальные советы оказались в огромном большинстве или большевистскими, или же благоприятно-нейтральными к большевикам;

3) большевистская партия в своем подавляющем большинстве оказалась единой и сплоченной,—тем самым была бита надежда с.-р. Кудрявцева на том же заседании 6 ноября на то, что: «распад большевиков, возможно, приведет ЦИК к прежнему положению».

После некоторых колебаний по вопросу о том, сколько членов ЦИК оставить в Петрограде, 8 ноября избранное 1-м ЦИК Бюро так формулирует свою

задачу: «группировать вокруг себя советы, стоящие на точке зрения ЦИК 1-го созыва...».

Хотя на заседании 12 ноября Церетели признает, что «сила в руках большевиков, общественные силы тоже на их стороне...», знамя Комитета Спасения «не привлекало, а напротив...», хотя Зарецкая объясняет, что элементы, не признающие большевистской власти, не имеют никаких народных корней, а поэтому Учредительное Собрание меньшевикам придется защищать не только от захватчиков большевиков, «но и от массы, которая не понимает», — цеикисты принимают грозную резолюцию об отрицании власти захватчиков. В деятельности же своей они являются попросту подручными при Комитете Спасения.

5 ноября заседание ЦИК торжественно признает себя независимым от Комитета Спасения.

В следующие дни ЦИК занимается непрерывными прениями на тему об отношении к Комитету, а в протокол Бюро 11 ноября записывается заявление заведующего финансовым отделом Топера, что «по постановлению президиума он, как заведующий финансовым отделом, из сумм, находящихся в распоряжении ЦИК, выдает Комитету Спасения деньги заимообразно, и что общая сумма уже достигает значительных размеров».

13-го Бюро ЦИК постановляет отпускать деньги Комитету Спасения только с разрешения и за подписью трех членов президиума. 25 ноября выясняется, что члены Бюро, работающие в Комитете Спасения, получают жалование в ЦИК, а сотрудники Комитета Спасения получают половину жалования от Комитета Спасения, половину от ЦИК.

По мере того, как выясняется вся тщетность надежд правительства на армию, на раскол партии, на первое место в деятельности цекистовских обломков октябрьского крушения выдвигается вопрос об Учредительном Собрании. Они пытаются организовать специальные политические курсы, нечто в роде особого университета, где рабочие и крестьяне обрабатывались бы в меньшевистском духе. Зная отлично, что на курсы, организованные ЦИК 1-го созыва, ни одного рабочего и крестьянина не получишь, решают эти курсы организовать от имени какой-нибудь внепартийной организации, с надеждой, что эта непартийность поможет завлечь каких-либо несознательных рабочих или солдат на такие курсы.

Признают желательным создание Союза Защиты Учредительного Собрания и участвуют в его работе. 23 ноября признают желательным образование реальной силы для защиты Учредительного Собрания, предоставляя, конечно, самую организацию авантюры Союзу Защиты. На заседании 28 ноября, в день, когда меньшевистские и эсеровские вожди фактически пытались превратить борьбу за Учредительное Собрание в непосредственную вооруженную борьбу с Советской властью, Бюро ЦИК вступает в контакт со всеми организациями, устраивающими демонстрацию, ассигнуя на эту демонстрацию до 10.000 рублей, составляя соответствующие плакаты, пытаясь разложить латышский батальон, долженствующий охранять зал Таврического дворца от попыток нескольких приехавших членов Учредительного Собрания объявить себя законным центром контр-революционного движения против Советской власти.

30-го от планов 28-го уже остается только проект направить делегацию в Смольный, чтобы узнать, не истязают ли большевики арестованных членов Учредительного Собрания — кадетов.

В промежутке между первым заседанием и первой попыткой организации демонстрации за Учредительное Собрание, между первой попыткой и второй, между второй и концом первого ЦИК, ЦИК полностью оправдывает признание Розанова на заседании 3 декабря: «Этот месяц показал, что мы в действительности не существуем...». В действительности не существовавшее учреждение соответственно занималось в промежутке между грозными протестами против действий Советской власти такого рода предприятиями, которые полностью подтверждали Розановское определение.

Пытаются издавать газеты, которые систематически ликвидируются как властью, так и рабочими печатниками, отказывающимися печатать газету без разрешения Военно-Революционного Комитета, рабочими артелями, отказывающимися распространять газеты, армейскими организациями, отказывающимися принимать газеты, почтово-телеграфными учреждениями, отказывающимися пересылать газеты.

Пытаются среди прочих остатков прошлого ЦИК'овского величия спасти для себя старый ЦИК'овский гараж, рабочие которого, признавая за 1-м ЦИК права собственника, в то же время признают полномочным новый ЦИК, в особенности с момента присоединения крестьянских советов.

Из остатков же прошлого ЦИК'овского величия пытаются путем непосредственных переговоров с секретарем Зилотти добиться бесплатного посещения членами Бюро ЦИК Мариинского театра в особые ложи...

В промежутке между ноябрьской попыткой организации заговора, в связи с Учредительным Собранием и новой январской попыткой, Бюро ЦИК занимается преимущественно вопросами о том, кто является заведующим финансовым отделом, нужна ли, или не нужна ревизионная комиссия для его проверки, просить или не просить его брать назад официальное заявление о сложении с себя соответствующих обязанностей, растратил или не растратил он соответствующие деньги, сколько платить членам Бюро и членам ЦИК, когда платить, при чем растраты, как предмет работы ЦИК, занимают важнейшее место в ряде его заседаний.

3 декабря ЦИК, заслушав сообщение Розанова о том, что он в действительности не существовал, высказывается все же за более активную работу, за улучшение связи с провинцией, за установление связи с советами, которые стоят за защиту Учредительного Собрания, и даже решает созвать специальное совещание всех членов ЦИК, находящихся в Петрограде, а после совещания и самый пленум ЦИК.

25 декабря грозное воззвание об авантюристах, захвативших власть, разваливших армию, создавших голод, уничтоживших промышленность...

25 декабря — призыв ко всему живому в стране «стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного Собрания...». И организационный вывод из этого — призыв ко всем советам, армейским и флотским комитетам, отдельным советским и армейским фракциям, по всем организациям, стоящим за Учредительное Собрание — съехаться в Петроград 8 января на чрезвычайное собрание, где первым пунктом порядка дня будет вопрос о власти Учредительного Собрания.

Воззвание было датировано 25 декабря. А 10 января на заседании, где присутствовало 27 членов ЦИК, Дан начал свою речь признанием: «Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом,

чтобы сказать, что это скоро случится. ЦИК 1-го созыва не стал политическим центром и ничего не сделал за это время...».

На меньшевистский призыв 25 декабря откликнулись (по докладу Бронзова) 15 человек, зарегистрированных 10 января 1918 г., и еще несколько, задержанных на Галерной, — всего приблизительно 25 человек. 25 человек, представителей местных советов, откликнувшихся на призыв 1-го ЦИК в то время, как на экстренном III Съезде Советов, происходившем 10—18 января, было свыше 1000 делегатов (из них 900 большевиков и левых эсеров), — это недурная мера соотношения сил.

Остальные разговоры о том, правомочен или не правомочен состав из 25 человек для решения вопроса о существовании самого 1-го ЦИК, о том, не могла ли бы 2 месяца назад спасти положение провинция, подходящий или не подходящий момент для самоликвидации, уже не представляют никакого интереса и завершаются созданием ликвидационной комиссии, члены которой получают жалование в размере 500 рублей в месяц.

И меньшевикам, и эсерам единственным утешением могло быть то, что с ними вместе их судьбу разделяли всяческого рода либеральные и полулиберальные чиновники из Временного Правительства, также продолжавшие в послеоктябрьские дни еще продолжительное время разыгрывать пьесу под названием «Заседания Временного Правительства». На ряду с ними царские чиновники из правительствующего сената, 23 ноября обнародовавшего указ: «Не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного Собрания об образовании власти в стране возложенные на сенат законом обязанности, доколе этому представляется какая-либо возможность, о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам указами. Копию настоящего определения передать к делам обер-прокурора 1-го деп. правительствующего сената для напечатания в Собр. Узакон. и Распор. Правительства».

Я. Яковлев.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуемые протоколы ЦИК I созыва хранятся в Москве в Архиве Октябрьской Революции (фонд XXX). Протоколы начинаются с 6 ноября 1917 г. и заканчиваются 11 января 1918 г. Протоколы скреплены подписью секретаря Е. Суриц. Кроме этих подписанных протоколов, имеются отрывочные черновые записи прений. Эти прения существенно дополняют протоколы, в которых есть только постановления ЦИК. Поэтому мы их вставили в соответственные места в протоколах, или же, если эти вставки нарушали цельность протоколов, сносили под строку. Вставленное заключено в обыкновенные скобки. Так как в черновых записях имеется ряд не только очень сокращенных, но и пропущенных слов, мы сочли необходимым неполно написанные слова закончить, а пропущенные вставить, заключив последние в прямые скобки. Самые протоколы иногда озаглавлены протоколами ЦИК, иногда протоколами бюро ЦИК. В виду того, что фактически никакого разграничения в деятельности ЦИК и Бюро ЦИК не было, мы, оставив заголовки подлинника, расположили все протоколы в хронологическом порядке. Протоколы подготовил к печати и снабдил примечаниями В. Л. Меллер.

Ред.

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

6 ноября 1917 г.

Заседание открывается под председательством т. Гамбарова.

Идет вопрос о конструкции Бюро и о целях и задачах ЦИК 1-го созыва.

На прошлом заседании [1]) решено оставить здесь Бюро в составе, не превышающем 25 человек.

(Фракция с.-р. предлагает пересмотреть вчерашнее постановление.

Т. Сурц высказывается против этого в виду того, что вчерашнее заседание было гораздо многолюднее.

Т. Венгеров тоже против этого, так как ЦК *) должен остаться как политический центр.

Против этого и т. *Топер*. Наша сила и значение будут только, если мы будем на местах, тем более, если действительно [есть] раскол среди большевиков. Теперь не время говорить, а действовать.

Р е ш е н о большинством голосов пересмотреть этот вопрос.

Докладчик от фракции с.-р. указывает на то, что раскол среди большевиков вызывает потребность в политическом органе, каким может быть только ЦК; избранное же Бюро для этого недостаточно. Надо группироваться вокруг Комитета Спасения [2]). Если все разъедутся, самоубийство ЦК неминуемо; необходимо пополнить Бюро и указать нашим товарищам, входящим в Комитет Спасения, что линия ЦК должна оставаться прежней.

Безобразов, напротив, указывает, что необходимо уехать в провинцию и там осветить события, оставшиеся же сумеют занять соответствующее положение [в Петрограде].

Кудрявцев. Все наши силы надо распространить на заводы и фабрики. Начинающийся распад большевиков, возможно, приведет наш ЦК к прежнему положению. Предлагаю товарищам пока не разъезжаться, а предложить Бюро наметить план дальнейшей работы. Нам надо, чтобы с низов произошло требование нового съезда, мы же признали его полномочным, открыв его [3]). Дважды мы бросали силы на заводы, и нас там не слушали. На местах больше нуждаются в силах, чем здесь.

Красинский. Мы должны в своих решениях быть независимы от всех тех организаций, в которые мы входим или в контакте с которыми мы работаем.

---

*) В протоколах часто вместо Ц. И. К. пишется Ц. К.

Венгеров. Вчера было постановлено, что ЦК остается как самостоятельный политический орган, при чем нет необходимости немедленного разъезда.)

После недолгого обмена мнениями п о с т а н о в л е н о:

1. ЦИК 1-го созыва остается как самостоятельный политический орган.

2. Не считая необходимым немедленный отъезд членов ЦК, ЦИК постановил оставить в Петрограде Бюро в составе, не превышающем 25 человек.

3. Члены ЦК, не входящие в состав Бюро, пользуются правом совещательного голоса.

4. Из отделов ЦК сохранить секретариат и финансовый.

5. Считать необходимым издание газеты, выражающей точку зрения ЦИК 1-го созыва.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва

8 ноября 1917 г.

1. Заслушав заявление т. Топера и т. Бройдо о том, что т. Бройдо, как управляющий делами ЦИК, получил от Каменева письмо с просьбой в течение 2 дней сдать все дела ЦИК, Бюро постановило послать Каменеву следующий ответ: «Не считая правомочным II Съезд Советов Р. и С. Депутатов, не признавая избранный им 2-й ЦК, ЦИК может сдать дела только новому съезду и избранному им правомочному органу».

2. *Т. Каменский* поднимает вопрос о будущей деятельности ЦИК. Прежде всего, по его мнению, надо оповестить провинцию обо всем происшедшем, отметить, что ЦК не признал II Съезд съездом, а лишь совещанием. Здесь же ЦИК 1-го созыва должен начать работу, совершенно игнорируя законы и постановления Ленина, не считаясь ни с какими ограничениями. Прежде всего, для этого надо выпустить «Голос Солдата» и «Известия», и это уже будет началом борьбы. Надо также мобилизовать свои силы и вокруг Комитета Спасения. Необходимо выпускать литературу, созвать целый ряд собраний.

Т. Бредэ высказывается против того, чтобы группировать силы ЦК вокруг Комитета Спасения, так как главным центром тяжести должен быть ЦИК. Его задача, это — созыв III Всероссийского Съезда, а для этого, прежде всего, нужна тесная связь с провинцией.

На эту точку зрения становятся и некоторые другие члены ЦК. Возражает т. *Топер*, указывая на невозможность связи с провинцией при существующих технических условиях.

Бюро ЦИК после непродолжительных прений п о с т а н о в и л о:

1. Необходимо группировать вокруг себя советы, стоящие на точке зрения ЦИК 1-го созыва.

2. Войти в связь со всеми советами и армейскими комитетами.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

11 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

1. Бюро ЦИК избрало редакционную коллегию в составе т.т. Венгерова, Каменского и Гамбарова. Решено также пригласить т. Розанова.

2. Бюро ЦИК постановило завтра собрать весь архив ЦИК и сдать его т. Топеру *).

3. Заслушано заявление т. Топера о сложении им с себя звания заведующего финансовым отделом.

4. Бюро ЦИК постановило пригласить к следующему заседанию т. Маевского и предложить ему сдать т. Топеру литературу, принадлежащую литературно-агитационному отделу ЦИК.

5. Заслушано заявление т. Топера о том, что по постановлению президиума он, как заведующий финансовым отделом, из сумм, находящихся в распоряжении ЦИК, выдает Комитету Спасения деньги заимообразно, и что общая сумма уже достигает значительных размеров.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

12 ноября 1917 г.

Заседание открывается под председательством т. Розанова.

Слово берет т. Церетели о настоящем политическом моменте.

Сейчас, — говорит он, — главная задача демократии — объединение своих сил, но не для борьбы с большевизмом, что может оттолкнуть многие, весьма полезные элементы, а для ее собственного укрепления

---

*) В черновике к этому пункту имеется следующее добавление:

«2) Войти в сношения неофициальные (очевидно, с литературно-агит. отделом ЦИК) и предложить им сдать архив в безопасное место».

и для спасения революции. Такие вопросы, как вопросы о мире и о созыве Учредительного Собрания, лучше всего помогут соединить под одним знаменем всю демократию России. Ее стремление должно быть — создание новой власти, власти, организованной на общей твердой программе, власти однородной, демократической, со включением социалистических партий, признающих следующую программу:

1) Уничтожение террора.

2) Учредительное Собрание — единственный хозяин земли.

3) Передача земли Земельным Комитетам.

4) Немедленное признание мира, т.-е предложить союзникам выработать программу мира на демократических началах.

Вся организационная работа ЦИК 1-го созыва должна вестись в этом направлении, и эту линию поведения должен проводить орган его. В настоящее время думать об организации такой власти, конечно, невозможно, и остается только в обращениях, устных и письменных, указывать на гибельность [для] дела революции декретов большевиков и стремиться группировать вокруг себя здоровые элементы, не зараженные большевизмом, а главное — приложить все усилия к скорейшему созыву Учредительного Собрания *).

---

*) В черновике, называемом «стенограммой» заседания (черновик небрежно написан карандашом), речь Церетели приведена в иной редакции. Она настолько интересна, что мы ее приводим целиком.

Церетели. Сила в руках большевиков. Общественные силы тоже на их стороне, но эта попытка не удастся, и вопрос в том, сможет ли демократия удержать. Нет сил, нет организации. Комитет Спасения выработал платформу объединенной демократии. Сейчас нет другого исхода, как попытка мира.

Возможно соглашение с союзниками в вопросе о мире. Сошлось общественное мнение в вопросе об Учред. Собрании. Все сходятся также в отрицательном отношении к большевикам. Возможно ли сейчас соглашение с большевиками в образовании коалиционного министерства с ними? Со стороны большевиков соглашения не будет. Я не верю в реальность соглашения с большевиками на политической платформе, но когда ослабеет та сторона? Все, что происходит за последнее время, доказывает, что отказ от соглашения лишил бы демократию многих элементов, которые могут быть чрезвычайно полезны. Надо взять платформу исключения сомнения в демократии, что силы собираются не для расправы с большевиками, а для объединения и укрепления демократии.

Власть, организованная советами или большевиками, страной не признана. Декреты, изданные большевиками, должны быть отвергнуты потому, что по своему содержанию они губят дело революции, а не потому, что изданы большевиками. Власть должна быть коалиционная. Уничтожение террора. Учредительное Собрание должно быть признано хозяином земли. Немедленное признание мира, т.-е. предложить союзникам выработать программу мира на демократических началах. Передача земли Земельным Комитетам. На этой платформе и должна быть организована власть, власть однородная, демократическая, со включением социалистических партий, признающих эту платформу.

Не будем говорить, что большевики не войдут, если [не?] признают эту программу, но не будем и говорить — соглашение во что бы то ни стало. На этой платформе возможно действие Комитета Спасения.

(*Красинский*... Предположили, что настанет момент, когда такая власть *) сможет быть организована, но что же пока? Ведь фронт начнет расходиться. Надо к чему-нибудь призвать массу. Ведь все живое будет сметено до того момента, когда условия изменятся.

Церетели. Положение ужасное, но организовать сейчас власть нельзя, — это будет авантюра. Сделаем, что можем. Обратимся к армии с указанием, что призыв Крыленко [4]) — гибель. Во всех организациях надо указывать, что наши задачи — хозяйственно-организационные, и мы не можем итти вместе с большевиками к разрухе. Об организации же власти сейчас думать нельзя. Есть еще здоровые организации — Кавказ, Сибирь, и их надо познакомить с программой. Есть только один выход — наше вступление в большевистское правительство, но это еще ухудшит положение, так как тогда всей демократии придется разделить ответственность.

Шиф. Где может быть центр нашей работы — здесь, на местах, или в другом месте?

Церетели. Центр должен быть здесь, сюда будут стягиваться силы. До сих пор Комитетом Спасения было выдвинуто одно знамя — соединение всех социалистов против всяких соглашений. Оно не привлекало, а, напротив, стали выдвигать другое. В начале белой авантюры была сделана попытка создания социалистической власти без большевиков, но эта попытка была неудачной.

Вайнштейн. Я думаю, что разногласия не только в соглашении, а имеется в виду общая социальная сила, которая помешала бы увлечь пролетариат в катастрофу. Если бы состоялось соглашение, то для всей массы, которая скоро разочаруется, не останется ни одной светлой точки, так как для нее только те, которые были против соглашения, и останутся единственно правыми. Всякое ослабление приведет к переходу власти к большевикам. У нас нет моментов единения с большевиками. Только в такие моменты, как корниловщина, можно объединиться для борьбы с контр-революцией. Мы должны вести борьбу с социальными экспериментами.

Ермолаев. Вопрос о соглашении стоял реально десять [дней] тому назад, когда большевики стремились организовать власть и когда в противовес им организовывалась власть демократии. А сейчас это нереально, сейчас же у нас на очереди Учредительное Собрание. Можем ли до его открытия что-нибудь организовать?

Острым стоит вопрос об охране Учредительного Собрания, — всенародная власть или Советы? Мы уже идем на уступки, мы говорим о демократической власти, хотя не верим в нее, говорим об однородной социалистической власти, хотя многие [из нас] сторонники коалиции.

---

*) Власть «однородная, социалистическая, демократическая со включением социалистических партий», признающих основные положения Церетели.

Вайнштейн. Мы не говорим об организации власти, а [говорим] об организации общественного элемента, которым может быть создана власть.

Зарецкая. Большинство не признает большевистской власти, но это большинство не социалистическое, и потому объединение антибольшевистских социалистических масс не имеет народных корней. Для солдатской массы нет разницы между 27 февраля и 24 октября. Для них не ясно, как для нас, что тогда не было захвата власти, а было это 24 октября. Обстановка, в которой мы стоим, чрезвычайно опасна. Придется защищать суверенитет Учредительного Собрания не только от захватчиков, но и от массы, которая не понимает. Кого мы будем представлять в правительстве, — для меня совершенно неясно. Наша задача [с одной стороны] идейная борьба с большевиками, беспощадная, а с другой — стоять на страже против контр-революции...

Каменский. Успех большевистской авантюры объясняется тем, что коалиция недостаточно смело ставила вопросы и разрешила их, как, напр., о мире. Никто не берет на себя организации власти, но мы не хотим уйти с политической арены. До созыва Учредительного Собрания мы должны дать ответ о власти, тем более, что левые с.-р. с Крестьянского Съезда хотят объединиться с ЦИК и создать общую власть [5]). В настоящий момент из тактических соображений нельзя было говорить о коалиции. Наша задача — сплотить не только силы, которые были против большевиков, но расколоть и массу, за ними идущую. Мир может быть заключен только при помощи союзников. Если мы хотим сделаться центром, то мы должны объединить демократию вокруг этой программы.

Бюро ЦИК стоит за создание демократической власти, вокруг которой должны объединиться все силы, признающие [нашу] программу.

Булат. Мы не можем итти вместе с большевиками, но в настоящее время никакая власть не может быть популярна в массе. Единственная власть, которая сможет такой быть, это — власть, созданная Учредительным Собранием. Если и ей не удастся предотвратить.... разгрома, то придет к нам «белый генерал».

Гамбаров. В ближайшие дни все может измениться. На съезде крестьян остаются только левые с.-р. и большевики. Они пошлют своих представителей в тот ЦИК *), и они окажутся в большинстве.

В вопросе о коалиции с цензовыми элементами мы шли на уступки, считая это необходимым, теперь же мы выдвигаем программу, ничего общего с большевистской не имеющую.

Красинский. Все, что здесь говорится, звучит страшной безнадежностью. У нас нет ничего реального и в отношении Учредительного Собрания, так как мы постоянно говорим, что Учредительное Собрание не может быть авторитетом.

---

*) В ЦИК 2-го Съезда.

Церетели. С момента большевистского восстания произошло нечто такое, что исключает возможность коалиции. Вся буржуазия кадетской партии объединена лозунгом кровавой расправы с большевиками. Для меня несомненно, что ликвидация большевистского восстания, это — расстрел пролетариата, и, предвидя это, мы всегда боялись большевистского выступления. Вред, который они сейчас приносят, не так велик [сейчас], как в будущем, когда произойдет расправа с ними. Никакого соглашения не будет с буржуазией там, где будет ликвидация большевистской авантюры. Буржуазия теперь молчит, но это молчание опасно и затопит кровью всю революцию. И с этим надо считаться. В рядах демократии два лагеря — большевистский и антибольшевистский, — весь юг, например... Кавказ выдвинул соглашение с большевиками. Украина, возможно, будет [будущее?] ядро России. Она сумела создать власть. Мы должны иметь в виду, что когда большевики станут в положение падения (?), мы не сможем больше стоять на стороне непримиримости.

Соглашение невозможно с большевиками, пока они сильны, но надо подготовить им отступление, когда в их среде начнется разложение.)

После обмена мнениями принята резолюция, редактирование которой поручено комиссии в составе т.т. Каменского, Вайнштейна, Гамбарова, Венгерова, Басинова, Зарецкой.

В основу этой резолюции положены следующие тезисы:

1. Мы стоим на платформе отрицания власти захватчиков и признаем только власть всей демократии.
2. Вся власть Учредительному Собранию.
3. Переход земель в ведение Земельных Комитетов.

Секретарь *Е. Сурiц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

13 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

1. Заслушано заявление т. Венгерова, члена редакционной коллегии, о том, что для издания газеты требуется разрешение Военно-Революционного Комитета, без коего рабочие не соглашаются печатать.

Бюро ЦИК постановило: ни в коем случае не обращаться в Смольный за разрешением, а убедить рабочих печатать, несмотря ни на какие угрозы.

2. Бюро ЦИК поручило т. Булату позаботиться об автомобиле в распоряжение Бюро и предоставлении одного пуда бензина в распоряжение редакции «Голоса Солдата».

3. Бюро ЦИК постановило обратиться к т. Топеру с просьбой остаться заведующим финансовым отделом.

4. В виду окончательного отказа т. Топера Бюро предлагает т. Булату принять у т. Топера денежные дела ЦИК.

5. Бюро ЦИК постановило впредь ассигновки Комитету Спасения выдавать только с разрешения и за подписью 3 членов президиума, при чем до 16 ноября выдать сумму не свыше 3.000 рублей.

Секретарь *Е. Сурц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

16 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

1. Бюро ЦИК избрало ликвидационную комиссию в составе т.т. Колерова, Бронзова и Филипповой.

2. Бюро ЦИК постановило все суммы, расходуемые на общие дела, брать из пожертвованных сумм, находящихся в распоряжении ЦИК.

3. Постановлено посылать орган ЦИК «За Свободу» в армейские комитеты и вообще принять меры к наибольшему его распространению, и с этой целью, в виду тех препятствий, которые большевики ставят продающим ее, призвать для ее распространения добровольцев *).

4. Бюро ЦИК постановило передать все технические дела газеты специально избранной для этой цели коллегии, которая носила бы вместе с тем характер издательской коллегии. В коллегию избраны т.т. Бредэ и Фрейдин **).

Секретарь *Е. Сурц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

17 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

(Присутствуют: Каменский, Шиф, Венгеров, Бинасик, Бройдо, Богданов, Якубович, Топер, Сомов, Рабинович, Гамбаров, Дейс.)

---

*) В черновике по вопросу «О газете» имеются содержание речи Топера и замечание Бредэ.

«*Топер.* В «Голосе Солдата» очень скверно поставлено техническое обслуживание. Неправильно поставлена рассылка. Надо было бы послать на ближайшую станцию курьера, который оттуда бы ее отправлял, так как по почте это рискованно. Надо было бы также для экономии послать людей в полковые комитеты, которые столковались бы о форме рассылки.

Бредэ. Несомненно, мы несем убыток, тем более, что падает тираж газеты».

**) 4-й п. принят по предложению Каменского.

1. Доклад т. Евреинова о газете «За Свободу», бывший «Голос Солдата».

При настоящих тяжелых условиях распространения и дороговизне бумаги газета сама себя оплатить не может, и для ее существования после 1(2?) декабря необходимо 50 тысяч рублей в месяц, на ликвидацию же 20 тысяч руб. До настоящего времени газета печаталась в 12.000 экз., из которых 5.000 доставляется Комитету Спасения, остальные распространяются с трудом, так как некоторые артели отказываются ее брать. Не посылается газета и в провинцию: с одной стороны, встречаются затруднения при пересылке, а с другой — каждая перемена заглавия (которых за это время было 6) [6]) несет почтовый расход в 2.000 рублей.

Заслушав доклад тов. Евреинова, заявление т. Топера о том, что Комитет Спасения берет на себя часть расходов по изданию газеты при условии соответствующей ее постановки для успешного распространения в городе, и пожелание члена Бюро [Каменского] о посылке делегата в Ставку [7]) на общеармейский съезд для возбуждения вопроса о посылке газеты в армейские комитеты *), Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

1. Ассигновать 2.000 руб. на посылку газеты в провинцию.
2. Делегировать кого-нибудь в Ставку на съезд.
3. Послать газету на фронт по отдельным адресам.
4. Просить контору редакции выписать счет Комитету Спасения.
5. Разослать газету петроградским ротным комитетам.

2. Заслушивается доклад т.т. Бронзова и Топера, посетивших по поручению Бюро автомобильный гараж.

Команда, признавая ЦК 1-го созыва собственником гаража, вместе с тем признает полномочным новый ЦК (особенно с момента присоединения Крестьянских Советов).

---

*) Приводим некоторые дополнения по черновику протокола:

«Шиф. «Рабочая Газета» уже получила от одной армии известие, чтобы газеты не посылать. Пока можно послать только на Румынский и на Юго-Западный фронт.

Каменский. Надо наладить снабжение фронта. Надо отправить газету на армейский съезд в Бердичев и в Ставку. Без аппарата снабжения газета должна еще до 1-го прекратить существование.

Шиф. Надо несколько человек разослать по армиям, чтобы они там организовали это дело.

Каменский. ЦК может дать только средства.

Сомов. Комитет Спасения должен был послать в армию 6 человек. Должен был приезжать курьер из Ставки и забирать [газету], но до сих пор никто не приезжал. Можно отправлять только в штабном вагоне, который не подлежит осмотру.

Каменский. Вопрос в том, может ли Ставка дальше отправлять?

Шиф. Тогда армейские комитеты получат газету через 1½ недели. Единственный выход — посылка багажом и на частные адреса.

Сомов. Надо поднять этот вопрос в Ставке на съезде.

Рабинович. Надо послать кого-нибудь на общеармейский съезд.

Евреинов предлагает завтра послать газету по всем имеющимся в «Голосе Солдата» адресам».

В воскресенье там состоится собрание, на котором выступит Рязанов, и желательно присутствие членов Бюро. Для сохранения за собою гаража ЦК должен оставить всю команду и позаботиться о ее содержании и питании.

Приглашенный на настоящее заседание заведующий автомобильным отделом И. К. Совета Кр. Д. знакомит Бюро с постановкой дела у них.

Бюро ЦИК п о с т а н о в и л о:

1. Делегировать завтра для окончательного выяснения дела т.т. Бронзова и Топера *) в гараж.

2. Временное заведывание гаражем передать персонально заведующему автомобильным отделом И. К. Совета Кр. Д.

3. Выдать автомобильному отделу И. К. Совета Кр. Д. просимую им субсидию в размере 11.000 рублей.

Т. Топеру поручается оформить эту субсидию.

3. Заслушав заявление т. Топера, что существующий при ЦИК отдел по выборам в Учредительное Собрание хочет возобновить свое существование и желает с 25 ноября открыть политический университет, что будет стоить не больше 10.000 рублей, Бюро п о с т а н о в и л о пригласить представителей отдела т.т. Брамсона и Хазанова завтра на заседание Бюро, в 4 часа, для доклада по вопросу об университете.

4. П о с т а н о в л е н о пригласить представителей ЦК в Комитет Спасения завтра на заседание Бюро, в порядке дня которого — доклад о деятельности Комитета Спасения и задачи ЦК **).

Секретарь *Е. Сурiц.*

---

*) По черновику протокола, в гараж, кроме Бронзова и Топера, посылается заведующий автомобильным отделом Совета Крестьянских Депутатов.

**) По 4-му пункту в черновике приводятся следующие прения:

«Бройдо. Для связи ЦК с Комитетом Спасения, ЦК, очевидно, ничего не делает, тогда как Комитет Спасения нуждается в работе Бюро. [Необходимо] сделать строгий учет членам ЦК, и жалованье должны получать только те, которые работают. Никакой принципиальной разницы между этими двумя организациями [нет], и они должны слиться или [ЦИК должен] хотя бы послать туда работников.

Топер. У нас пока нет никаких условий для политической работы в Петрограде, а в провинции [они есть]; и ничто не изменится, если мы войдем в [петроградский] Комитет Спасения, который тоже должен был бы уменьшить свои силы здесь и послать их в провинцию.

Каменский. Никто не запрещает членам ЦК работать в ЦК. (?)

Бройдо. Именно в Петрограде есть работа в связи с созываемым Учредительным Собранием. Мы обменялись ролями с большевиками. Они, понятно, не могут итти в массы, и должны мы итти туда, тем более, что там совершается перелом.

Топер. Массы настроены против нас, и в настоящее время мы ничего... сделать не можем.

Каменский. Конкретно нам ничего не предложил Бройдо. Мы просили его представить краткий отчет о Комитете Спасения, и мы вынесем наше решение.

Якубович. Просить наших представителей в Комитете Спасения представить подробный отчет о деятельности Комитета Спасения и тоже вынести решение.

Бипасик. Прежде всего мы должны решить вопрос о наших [задачах] как ЦК».

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

19 ноября 1917 г.

Председательствует т. Каменский.

Доклад т. Брамсона о политическом университете.

В отделе по подготовке Учредительного Собрания, представителем коего является т. Брамсон, давно явилась мысль об открытии университета, имеющего целью познакомить наиболее широкие массы с вопросами, касающимися Учредительного Собрания. Сейчас предполагается открыть курсы с более широкими задачами, и обращено будет особое внимание на контингент слушателей — на привлечение главным образом солдат и рабочих. Приглашены лектора-специалисты *) как по вопросам, касающимся Учредительного Собрания и экономическим, так и по вопросам партийным, так как предполагается ознакомить слушателей со всеми течениями из истории большевизма. Программа курсов охватывает еще целый ряд других вопросов, как вопросы о земле, о войне и мире, о самоуправлении, политические и целый ряд других. Средства они предполагают получить из Комитета Спасения, но надеются получить субсидию и от ЦК Совета Р. и С. Д. 1-го созыва.

Вопрос об открытии таких курсов не вызывает никаких прений в Бюро ЦК, разногласие только по поводу названия курсов.

(*Розанов*. Не следует открывать курсы ни от имени ЦК 1-го созыва, ни от имени Комитета Спасения, а организовать только как курсы, тогда на них пойдет большее количество людей, что важно, особенно если туда пойдут и большевики.)

Т. Брамсон предлагает учредить Лигу Учредительного Собрания, внефракционную и совершенно самостоятельную, что привлекло бы большее количество слушателей, тогда как фирма ЦК 1-го созыва или Комитета Спасения придаст им боевой характер. [Эта Лига], (формально существующая самостоятельно с отдельными отделами, как Охрана Учредительного Собрания, пропагандистским, литературным, а мы ее будем субсидировать.

Бронзов. Мы должны субсидировать, если это продолжение работы нашего отдела Учредительного Собрания, но мы имеем ли право тратиться, если Лига будет существовать самостоятельно.

Брамсон. Я желаю, чтобы Лига существовала на средства Комитета Спасения, который потом вернет нам деньги.

Топер. Нам надо: первое — наметить, что университет должен быть внефракционным, а пока не надо смешивать его с боевым органом, впоследствии мы можем сделать [его] центром.

---

*) В черновике указаны следующие фамилии приглашенных лекторов: Дан, Церетели и Розанов. Последний должен был читать по вопросу о войне и мире.

Розанов. Надо изобрести название, что это просветительный орган.

Брамсон. Тогда просто можно устроить отделение при курсах Лутугина.

Бредэ. Ради чего создавать сейчас такие громоздкие учреждения? Надо концентрировать внимание вокруг Учредительного Собрания. Университет будет группировать около себя силы здесь, в Петрограде, и тратить средства только на петроградское население — ошибочно. Надо собрать лекторов, субсидировать их, чтобы они разъехались по всей России.

Брамсон. Этот проект можно передать на рассмотрение отдела Учредительного Собрания.

Розанов. Надо поставить в порядок дня.

Брамсон. Я предлагаю передать на рассмотрение отдела Учредительного Собрания вопрос о передвижных лекциях и представить доклад. Брамсон поддерживает свое предложение учредить Лигу.

Хазанов. Я стою за старую фирму, которая была популярна и существовала автономно от центра.

Брамсон. Можно сказать, что по инициативе ЦК возникла Лига.)

В результате прений Бюро ЦК п о с т а н о в и л о: отдел Учредительного Собрания ЦК 1-го созыва продолжает курсы по вопросам, касающимся Учредительного Собрания.

2. Т. Каменский возбуждает вопрос о том, как будет реагировать ЦИК 1-го созыва на декрет о роспуске городской думы [8]). Недостаточно, по его мнению, одного обращения, как решил Комитет Спасения, а ЦК должен действовать более активно. Он должен обратиться в провинцию, поднять там голос в борьбе за свободу и предложить устроить ряд демонстраций. Что же касается Петрограда, то на сегодняшнем заседании районных дум должны быть наши представители, которые должны поднять вопрос об отмене декрета и о возможности в крайнем случае забастовки продовольственной управы.

(*Топер.* Надо повести кампанию, но нельзя быть уверенным, что продовольственная управа пойдет за нами, и что эта угроза не пойдет против нас. Масса, если ее лишат хлеба, пойдет против нас. Надо предложить им: каждая районная дума должна два-три раза в неделю поднимать на своих собраниях вопрос о роспуске думы. Надо увеличить сочувствие масс к нам.)

После непродолжительных прений Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

Обратиться к рабочим и солдатам с воззванием бороться против роспуска думы. В случае вмешательства большевиков в работу выдвинуть вопрос о забастовке. На имеющееся сегодня состояться заседание районных дум делегируются т.т. Гамбаров и Каменский.

3. Бюро ЦИК постановило выпустить обращение к населению — не заполнять разосланные еще до октябрьского переворота подписные листы, на которых обозначен адрес Смольного.

4. Бюро ЦИК приняло предложение т. Топера, уже не состоящего заведующим финансовым отделом, продолжать подписываться тако-

вым на официальных документах, относящихся к финансовому отделу.

5. Постановлено уплатить за книги по счетам отдела по выборам в Учредительное Собрание.

6. Установлены следующие дни заседаний Бюро: по вторникам, четвергам и субботам.

7. Т.т. Гамбарову и Каменскому поручено обсудить вопрос о воззвании по поводу созыва Учредительного Собрания.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

21 ноября 1917 г.

Председательствует т. Филипповский.

(*Филипповский*. Розанов согласен войти в редакцию «За Свободу», но под известным условием. Комитет Спасения имеет возможность распространять ее всюду, как и большевистские органы. Он желает [занять] место шефа в газете.

Каменский предлагает отложить вопрос до прихода Гамбарова и Венгерова, а прежде надо выяснить, вышел ли номер «За Свободу».

...Орган Комитета Спасения выходить не может. Решено совместно с ЦК объединить все литературные силы и образовать общий орган. Орган остается ЦК, но в редакцию входит Розанов, который привлечет еще сотрудников. Розанов желает быть шеф-редактором.

Постановлено: предложить т. Розанову войти в редакционную коллегию, которая должна быть расширена в своем составе т.т. Каменским и Ивановским *).

Филипповский переходит к вопросу об уничтожении различия между членами Бюро и членами ЦК вообще. [Предлагает] уничтожить [существующие] организационные формы.

Каменский. Надо заместить уехавших членов Бюро, и надо их возместить и сделать это обычным порядком—через фракцию. Но нельзя согласиться на то, чтобы члены ЦК могли принимать участие в решениях президиума. Можно уничтожить президиум, но Бюро может собираться 3 раза в неделю.)

1. Бюро постановило отсутствующих членов Бюро заместить новыми обычным порядком — через фракции.

2. О ликвидационной комиссии.

Бюро ЦК, утвердив избранную уже им ликвидационную комиссию, в составе т.т. Колерова, Бронзова и Филипповой, поручило ей завести по новым счетам приходо-расходную книгу.

---

*) Оратор не указан. Последние 7 строк до выступления Филипповского взяты из конца черновика.

Т.т. Колерову, Бронзову, совместно с т. Филипповой, поручено разрешить вопрос о функциях ликвидационной комиссии.

3. На заседании присутствует член государственного комитета при министерстве народного просвещения.

На целый ряд предложенных им вопросов от имени нашей делегации в этом комитете Бюро ответило следующее:

1) ЦИК 1-го созыва просит наших делегатов остаться в совещании при министерстве народного просвещения [9]), при условии полной независимости и обязательности голосования.

2) Не получив права от ЦК на расширение совещания, они, конечно, не могут принять делегации от нового ЦК.

3) Наши делегаты в совещании входят в контакт с федеративными областными комитетами по вопросам народного образования.

4. О газете.

Утверждена редакционная комиссия в составе т.т. Гамбарова, Венгерова, Ивановского, и предложено войти в нее т. Розанову. Т.т. Филипповскому и Колерову поручено спросить у т. Розанова, считает ли он себя членом Бюро.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ *)

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

23 ноября 1917 г.

Председательствовали т.т. Филипповский и Бронзов.

1. Бюро ЦК признало желательным создание Союза Защиты Учредительного Собрания [10]), — объединенный Комитет социалистических партий и демократических организаций, — в состав которого войдут и члены ЦИК 1-го созыва.

2. Т.т. Колеров и Филипповский делегируются на объединенное заседание демократических организаций для разработки устава Союза и обсуждения связанных с ним организационных вопросов.

3. Бюро ЦК, признавая желательным образование реальной силы для защиты Учредительного Собрания, окончательное разрешение этого вопроса предоставляет самому Союзу.

4. Бюро постановило своей подписи под воззванием демократических организаций к армии не давать.

5. Заслушан доклад ликвидационной комиссии т. Колерова. Ликвидационная комиссия выработала следующие принципы нормы оплаты труда членов ЦК.:

Жалованье получают только члены Бюро (из числа 25), и только те из них, которые действительно несут какую-нибудь работу, кроме

---

*) На этом протоколе имеется надпись: «Утверждено Бюро Ц. К. 25 ноября».

присутствия на заседаниях Бюро, и не имеют доходов, помимо ЦК, в других общественных организациях.

Командировочные оплачиваются отдельно, в размере, устанавливаемом ликвидационной комиссией каждый раз отдельно.

Члены Бюро, отдающие работе больше времени, чем другие, получают оклад выше нормы, по заключению ликвидационной комиссии. Предполагается также повысить жалованье заведующему финансовым отделом.

Бюро ЦК, утвердив принципы, разработанные ликвидационной комиссией, предложило ей выяснить также вопрос о выдаче жалованья за ноябрь членам ЦК и сотрудникам ЦК, работающим в Комитете Спасения, и представить на утверждение Бюро.

6. Т. Бредэ просит внести в протокол протест против такого решения вопроса, — о выплате жалованья членам ЦК, работающим в Комитете Спасения, — и о том, что он настаивал, что было постановление ЦИК о выдаче жалованья только членам Бюро.

7. Т. Бредэ берет на себя временное заведывание доставкой литературы.

8. Т. Данилову поручена организация распределения литературы в Москве *).

9. Постановлено на следующем заседании Бюро выяснить вопрос о времени заседания Бюро.

Секретарь *Е. Сурц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Депутатов 1-го созыва.

25 ноября 1917 г.

Председательствует т. Бронзов.

На заседании присутствуют т.т. Бредэ, Бронзов, Колеров и Рабинович. Т. Данилов присутствует только в начале заседания. (Т. Каменский пришел, но не остался. Некоторые члены, находящиеся в здании, отказались [принимать участие]).

1. Заслушан доклад ликвидационной комиссии т. Колерова. Знакомясь с делами ЦИК, ликвидационная комиссия нашла некоторые вопросы финансового характера темными и недостаточно ясно освещенными. Прежде всего, вопрос о гараже и о выданных т. Быстрову деньгах для расплаты с командой. Всего было выдано т. Быстрову 13.000 рублей, имеется же расписка только на 12.000, а одна тысяча была ему передана. Второй вопрос, недостаточно ясный, — это о день-

*) В черновике, вместо слов: «в Москве», написано: «в провинции»; очевидно, снабжение провинции литературой предполагалось организовать через Москву (см. прот. от 28/XI).

гах, выдаваемых Комитету Спасения. Всего до настоящего момента уже выдана сумма в 94.000, и хотя якобы с санкции президиума, но в протоколах никаких указаний нет.

Ликвидационная комиссия выработала следующие нормы оплаты труда членов ЦК и сотрудников: члены Бюро, работающие в Комитете Спасения, но не получающие жалования там, получают в ЦИК. Сотрудники Комитета Спасения и отдела по Учредительному Собранию получают за ноябрь жалование: половина от Комитета Спасения, а половина от ЦИК, с 1-го же декабря никто из них жалования получать не должен *).

Т. *Топер* дает разъяснения по поводу денег, выданных т. Быстрову. Согласно постановления Бюро, ему, как заведующему, суммы выдавались под отчет, который он и сдаст по приезде. Что же касается переданных ему одной тысячи рублей, то, в случае непризнания их т. Быстровым, он покроет их из собственных средств, но не сомневается в том, что т. Быстров, который действовал по распоряжению ЦИК и отъезд которого состоялся внезапно, возможно, не успел раздать денег команде; во всякую минуту, когда потребует ЦК, сдаст полный отчет.

В настоящее время это было нежелательно и не безопасно для него.

В виду того, — продолжает т. Топер, — что в своем докладе т. Колеров старался набросить тень на его деятельность, как заведующего финансовым отделом, он требует образования ревизионной комиссии, которая должна в 2-недельный срок рассмотреть его действия, как заведующего финансовым отделом.

Т. *Колеров* просит занести в протокол, что в докладе им не было упомянуто о туманных действиях заведующего финансовым отделом, и отклоняет всякую мысль о каких-либо подозрениях по адресу т. Топера.

Бюро ЦИК постановило все вопросы, относящиеся к ликвидационной комиссии, перенести на следующее заседание.

Секретарь *Е. Сурiц.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Депутатов 1-го созыва.

28 ноября 1917 г.

Председательствует т. Бронзов.

На заседании присутствуют члены Бюро: т.т. Бобыль, Басинов, Бронзов, Гамбаров, Булат, Бредэ, Данилов, Ивановский, Каменский, Розанов и член ЦИК Игнатенко.

---

*) В черновике протокола имеется следующее постановление: «Постановлено выдать 200 руб. вспомоществования юнкеру на отъезд».

1. Заслушав заявление приехавшего из Стокгольма т. Геллера, являющегося там представителем Бунда, о желании его прочесть Бюро доклад о желательности связи ЦК 1-го созыва с Стокгольмом и о финансовом положении нашей делегации, Бюро постановило пригласить т. Геллера на заседание Бюро в четверг, 30 ноября, в 5 часов дня.

2. В виду сделанного в частном собеседовании с секретарем Зилотти заявления о желательности присутствия членов Бюро в Мариинском театре на спектаклях и о возможности предоставления им ложи, Бюро постановило послать дирекции Мариинского театра официальное письмо.

3. Бюро ЦК приняло к сведению заявление т. Басинова об его отъезде по вызову военного начальства.

4. Бюро ЦК, приняв к сведению заявление т. Филипповой в ликвидационную комиссию о сложении ею с себя обязанностей члена ликвидационной комиссии по причинам принципиального характера, постановило пригласить т. Филиппову в четверг на заседаниие Бюро.

5. Постановлено рассмотреть в следующем заседании Бюро заявление т. Топера об избрании ревизионной комиссии для обследования в 2-недельный срок его деятельности на посту заведующего финансовым отделом ЦИК.

6. Бюро ЦК решило снять пока с очереди, оставив его открытым, вопрос о поведении членов Бюро в случае ареста Бюро, как такового, в целом или части его.

7. Заслушан доклад т. Данилова о снабжении провинции через Москву литературой. В провинции, действительно, ощущается большая надобность в литературе. Благодаря удавшейся ему организовать в Москве ячейке, есть возможность распространять ее на фронте и в городах среди рабочих. Весь вопрос в средствах. Частью расход может быть возвращен продажей среди рабочих, но самая большая часть, идущая на фронт, раздается бесплатно.

Бюро ЦИК постановило отложить окончательное разрешение вопроса до организации правильной постановки типографского дела газеты «За Свободу».

8. В виду отказа т.т. Ярошевского и Евреинова признать редакционную коллегию, согласно постановления Бюро ЦИК, высшим органом по управлению типографией, Бюро ЦИК поручает т.т. Бобылю, Бронзову и Данилову переговорить с владельцем типографии, с т. Евреиновым и Ярошевским, подтвердить постановление Бюро и обязать т. Евреинова подчиниться директивам редакционной коллегии и т. Ярошевского устранить.

Предложение т. Евреинова о включении его в редакционную коллегию отклонить, оставив за ним заведывание хозяйственной частью.

9. По докладу ликвидационной комиссии принято:

1) Вызвать т. Быстрова для личных объяснений и отчета о суммах, находящихся в его распоряжении для расплаты с командой своего гаража.

2) Поручено ликвидационной комиссии выяснить вопрос о возврате Комитетом Спасения субсидии, как взятой заимообразно из специального фонда, находящегося в распоряжении ЦИК, и подлежащей возвращению.

3) Утвердить следующее заключение ликвидационной комиссии, что: а) члены ЦИК, равно как сотрудники, работающие в Комитете Спасения, жалования за декабрь из кассы не получают.

б) Утвердить выдачу жалованья т. Кону.

в) Всякого рода заявления о пособиях, жаловании и ссудах должны в письменном виде поступать на рассмотрение ликвидационной комиссии.

4) Жалованье за декабрь в виде аванса не выдавать раньше декабря.

5) Сметы отдела Учредительного Собрания должны быть представлены в Бюро через ликвидационную комиссию, а текущий счет упомянутого отдела должен быть под контролем ликвидационной комиссии.

6) Уплатить т. Когану содержание за ноябрь — 400 рублей.

10. Бюро ЦИК назначило т. Бронзова заведующим и управляющим делами ЦК, возложив на него обязанность подготовлять порядок дня заседаний Бюро и приведение в исполнение постановлений его.

11. Бюро признало принципиально желательным обработку материалов (протоколов), относящихся к деятельности ЦИК 1-го созыва.

12. Бюро ЦК поручает т. Булату войти в переговоры с с.-р. фракцией о предоставлении в распоряжение членов Бюро известного количества билетов на право посещения заседаний Учредительного Собрания.

13. По поводу открытия Учредительного Собрания Бюро ЦК постановило:

1) В случае повторения демонстрации принять в ней участие.

2) Послать на открытие Учредительного Собрания делегацию с приветствием от ЦИК.

3) Выработать содержание приветствия Учредительному Собранию на следующем заседании Бюро.

4) Войти в контакт со всеми организациями по устройству демонстрации, особенно с рабочими районами, что возлагается на обязанность т. Каменского.

5) Ассигновать на расходы по организации демонстрации сумму до 10.000 рублей.

6) Заведывание плакатами поручено т.т. Данилову и Бобылю.

14. Заслушав заявления т. Бредэ о результатах его переговоров с латышским батальоном, вызванным для разгона Учредительного Собрания, но стоящего в самом деле на точке зрения охраны его, Бюро ЦК п о с т а н о в и л о:

1) Завязать связь с этим батальоном.

2) Поручить т. Бредэ войти с ними в полный контакт.

3) Т. Розанову поручено составить листовку с обращением к латышам.

4) Послать телеграммы по всей России о первом дне Учредительного Собрания.

Секретарь *Е. Сурин.*

ПРОТОКОЛ

заседания Бюро ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

30 ноября 1917 г.

Председательствует т. Безобразов.

(Присутствовали: Каменский, Бредэ, Рабинович, Гамбаров, Безобразов, Бинасик, Филипповский, Данилов, Булат, Бобыль, Скалов, члены ЦК Брамсон, Соколов) *).

(1. О ликвидационной комиссии.

Бронзов. Т. Филиппова была приглашена сегодня на заседание Бюро для разрешения некоторых финансовых вопросов. Она была приглашена в члены ликвидационной комиссии, но прислала отказ; т. Колеров не приходит. Нужна ли ликвидационная комиссия или нет?

Филиппова. От моего имени, как члена ликвидационной комиссии, были оглашены некоторые постановления и заявления, о которых я ничего не знала. Не желая, чтобы от моего имени делались подобного рода заявления, я отказываюсь.

Бронзов. В деле с Быстровым и с Комитетом Спасения имя Топера было упомянуто лишь постольку, поскольку он имел к этому отношение, как бывший заведующий финансовым отделом. Я не могу работать в ликвидационной комиссии, так как [не могу] быть ответственным и не иметь возможности ничего сделать, наталкиваясь на всякого рода недоразумения.

Каменский. У меня есть более важные вопросы: об арестованных кадетах, о листовках и газете).

В виду выдвигаемого т. Каменским более важного вопроса об арестах, вопрос о ликвидационной комиссии откладывается до следующего заседания.

2. Об арестах к.-д. [11]).

(Каменский. Я предлагаю выбрать делегацию, отправить в Смольный и узнать, как их содержат, действительно ли их истязают. Предлагаю обратиться к партиям, входящим в состав ЦК, для выбора делегации в Смольный и завтра, в 5 часов дня, собраться здесь и пойти в Смольный и узнать, как содержатся [арестованные].

---

*) В конце черновика протокола от этого же числа перечислен несколько иной состав присутствовавших на заседании: Каменский, Гамбаров, Бинасик, Рабинович, Бронзов, Брамсон, Бредэ и Дейс.

Каменский предлагает еще выпустить листовку об аресте к.-д., не как таковых, а как членов Учредительного Собрания.)

Бюро ЦК постановило предложить ЦК партии к.-д. выбрать делегацию, которая должна явиться сюда завтра, в 5 час. дня, и пойти в Смольный узнать, как содержатся арестованные. Поручить т. Гольдману выпустить листовку об аресте к.-д., не как таковых, а как членов Учредительного Собрания.

(3. О газете.

Заслушаны сотрудники, которые указывают, что они создали газету. Органом всегда управлял ЦК, но техническое управление было в их руках. Когда была послана наша коллегия, они ее приняли, но поставили условия, т.-е. отстояли внешний вид газеты. Когда явился Ивановский, между ним и Ярошевским произошли недоразумения. Когда Ярошевский отказался изменить внешний вид, он сказал, что газета не выйдет. Вот условия сотрудников:

1) Бюро ЦК берет назад свой отказ Ярошевскому.

2) Евреинов остается полноправным членом редакционной коллегии.

3) Мы имеем право отвода членам ЦК, если они не знают газетного дела.

4) Техническая часть остается за ними, они не вмешиваются в содержание и направление газеты.

Каменский. Считаем невозможным и недопустимым подобное отношение к ЦК. Постановление о Ярошевском не будет применено, так как в лице Ивановского оскорблен ЦК. Если бы Ярошевский просто сказал, что он все это сделал, и сказал потом, что погорячился, вопрос мог быть ликвидирован. Членом редакционной коллегии может быть только член Бюро. Члены редакционной коллегии не будут в техническую сферу вмешиваться. Если хотите и находите возможным, можете бросить издание газеты, если находите возможным в такой момент оставить нас без газеты.

Сотрудник. Мы не изменили своих условий.

Постановлено:) По поводу инцидента Ивановский — Ярошевский избрать комиссию, в которую войдут и представители коллектива сотрудников и наборщиков, которые пересмотрят материалы и доложат Бюро. Ярошевский пока числится на службе, но не работает. В состав комиссии входят т.т. Бинасик и Рабинович.

4. Вопрос о т. Евреинове передать редакционной коллегии.

5. Поручить т. Розанову снестись с нашей заграничной делегацией по поводу информационных сведений.

6. Констатируя, что в прошлых заседаниях Бюро не было намека на недоверие к т. Топеру, просить его взять обратно официальное письмо о сложении с себя обязанностей и звания заведующего финансовым отделом и на следующем заседании Бюро, в присутствии т.т. Топера и Филипповой, рассмотреть окончательно этот вопрос.

7. ЦИК берет на себя половину расходов по распределению газеты.

8. Разрешить финансовому отделу уплатить счета по Учредительному Собранию.

9. Т. Каган уплатить жалованье за ноябрь.

Секретарь *Е. Сурин* *).

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва

3 декабря 1917 г.

Присутствуют: т.т. Розанов, Бредэ, Безобразов, Якубович, Скалов, Бронзов, Игнатенко и Басинов.

Председательствует т. Розанов.

Вопрос идет о дальнейшем существовании ЦИК 1-го созыва. Вопрос этот вызывает некоторые прения.

(*Безобразов*. Если нет у нас условий для продолжения правильной работы, ЦК должен прекратить свое существование.

Якубович. Не признавая нового ЦК, мы ответим—1-му [ЦИК] нельзя прекратить официально своего существования, пока не будет другого ЦК, другого полномочного съезда.

Бронзов. Речь идет не об официальном, а о фактическом существовании.

---

*) В черновике имеется следующий доклад Булата, сделанный им после предложения Каменского перейти к обсуждению вопроса об аресте кадетов.

«Доклад Булата. Вчера в Таврический явилось человек 30 [12]), пришедших справиться [избраны ли они в Учредительное Собрание]. Их проводили в 42-ю комнату, в которой их встретил Урицкий, который сказал, что он не знает, избраны они или нет, что сведения об этом дает комиссия. Не давали собираться [не?] членам Учредительного Собрания в кулуарах, а журналистам; тогда Булат узнал, что комиссия по Учредительному Собранию находится в соседней с Урицким комнате. Они решили устроить заседание; часть пропустили, а другую задержали. Они уговаривали часовых, указывая, что они — народные избранники. Покровский открыл заседание. Указывал, что их мало, [что] надо заседание отложить на завтра, в 1 ч. Сегодня с с.-р. заседание (20 чел.). Отправились туда. Пошли в библиотеку, позвали журналистов, стенограф[исток], открыли заседание.

Является Благонравов с вопросом, что за собрание. Его спросили, кто он. — Комиссар. — Его спросили: представитель ли он революционной силы? — Да. — Здесь могут быть те члены, которые получили пропуска из комнаты 48. Члены отказались брать там пропуска и разойтись и подчиняться вооруженной силе. Он привел 5 матросов и латышей, потребовали удостоверения, велели разойтись. Ответили, что уйдут по составлении протокола. Протоколы можно писать, где угодно. Велел солдатам взять и вывести. Велел привести еще 50 чел. Протокол составили, подписали. Благонравов отказался подписать.

Мокс (?). В такой важный политический момент, когда происходит дробление партий, значение ЦК может быть значительным.

Его задача — объединение всех партий, за исключением крайне левых и крайне правых. Конечно, работа сильно затруднена тем, что она может быть только нелегальной. Надо создать такие организационные комиссии, которые под видом просветительной цели объединились [бы]. В таком виде ЦК продолжать свое существование не может, но уйти он должен с честью, а не позорно.

Бредэ. Мы не признаем того ЦК; наша задача созвать новый съезд и создать новый ЦК. Я и раньше предуказывал, что мы в Петрограде ничего не сделаем. И так и оказалось. При условиях террора мы здесь работать не можем. Мы должны обосноваться в центре России, там, где советы стоят на нашей платформе. Можно, конечно, оставить здесь маленькое Бюро, но надо в таком случае устроить областные Бюро. Для этого надо призвать всех распущенных нами членов ЦК. Мы здесь ничего не сделаем. Мы выпустили листовку, но она разошлась в Петрограде, а в провинции ничего не знают.

Розанов. Мы решили тогда *) существовать в виде протеста против Съезда и против нового ЦК. Но этот месяц показал, что мы в действительности не существуем и не можем существовать. Еще до Съезда я думал, что советские организации разлагаются. Созвать второго съезда не удастся ни нам, ни большевикам. Пошла гражданская война. Там, где советы противятся большевикам, они или уничтожаются, или отрываются от массы.) Только, пожалуй, на Кавказе они стоят на прежней платформе, но они стали органами национального кавказского краевого управления, и на них мы опираться не можем. Сейчас, значит, перед нами неминуемо становится вопрос о ликвидации ЦИК, но трудно сказать, в какой форме ее произвести. (Советы больше не возродятся, исполнив всю ту работу, которую надо было сделать. Сейчас вопрос не в этом. Если будет Учредительное Собрание, то оно, может быть, отведет представительство Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вопрос в том только, как целесообразнее ликвидировать, в какой форме. Мы, конечно, не можем признать нового ЦК, помимо того, что он неправильно избран, а по своей линии. Возможно, что правильнее подождать Учредительного Собрания и тогда издать декларацию, [что мы] прекращаем свое существование и сдаем ему свои дела.

Басинов. Я думаю, что мы сейчас сыграли бы на руку большевикам, если бы мы сейчас прекратили свое существование. Мы, может, должны сократиться, оставить, напр., Бюро в 5—6 человек, но совершенно ликвидироваться тогда, когда ясно будет, что роль советов сыграна.

Ивановский. Уже давно ЦК не исполняет функций государственных, но, как политическая организация, он существует, как все комитеты партии. Наша задача — всеми силами содействовать открытию Учре-

*) После Октябрьского переворота.

дительного Собрания. В первые дни оно будет нуждаться в помощи всех организаций. Возможно, что нам придется иметь дело еще и с реакцией.

Каменский. Мы не можем ликвидироваться, как орган местный, как центральный, без решения районных, провинциальных советов. Я предложил бы созвать [на совещание] всех членов ЦК, находящихся на съездах меньшевиков и с.-ров. Мы узнаем, как умирают другие областные советы.

Бредэ. Я, конечно, не говорил о полной ликвидации, но подходил к этому вопросу с точки зрения будущего. Из совещания, которое предлагает Каменский, ничего не выйдет, хотя это и важно с информационной точки зрения. Предстоит конфликт между Учредительным Собранием и советами. Все нужно направить к тому, чтобы внутри советов была проведена наша точка зрения. Съезд должен быть созван. Мы существуем только во имя того, что не признаем того съезда, и должны ликвидироваться, если это невозможно. Я настаиваю, чтобы были созваны все члены ЦК. Целый ряд советов, — у меня есть сведения, — стоит на нашей точке зрения.

Бронзов: Мы должны, действительно, передать свои дела не Учредительному Собранию, а Советской власти, но для этого мы должны создать такую власть, не большевистскую, и это было бы возможно, если созвать Съезд Советов Рабочих и С. и Кр. Деп. Надо созвать пленум, чтобы раздобыть денег и требовать созыва съезда. Наша задача — борьба с большевиками, и если мы на это не способны, — прекратим свое существование.

Сомов. Главной целью было — довести страну до Учредительного Собрания. Это еще не достигнуто. Возможно, что на пленуме выдвинется вопрос [о пополнении] состава ЦК Кр. кооперативным и городским представительством.

..... ЦК не прекратил свою работу, а, напротив, теперь только начинается работа. Надо регистрировать советы, не стоящие на большевистской точке зрения, поддержать Учредительное Собрание, собрать с'езд, постараться получить большинство и свергнуть большевиков. Надо войти в контакт с Союзом Защиты.

Брамсон. Роль советов — защита революции, довести до Учредительного Собрания и превратиться потом в профессиональные союзы рабочих и солдат. Задачи не доведены до конца, не доведет до этого конца и ЦК в Смольном. Надо искать способа взорвать тот ЦК. Здесь это трудно. Здесь надо иметь маяк, но объединять надо советы на местах. Центр должен разослать эмиссаров, посылать их в провинцию.)

За совещание высказывается большинство членов. Большинство также против ликвидации ЦИК, но за более активную работу его: улучшение дела информации, более тесной связи с провинцией и с теми советами, которые стоят на точке зрения защиты Учредительного Собрания, и стремиться к созыву нового съезда.

По окончании прений Бюро ЦИК п о с т а н о в и л о:

1. Пригласить на совещание во вторник, в 4 ч., всех членов ЦИК, находящихся в Петрограде.

2. После совещания созвать пленум.

3. Обратить внимание на областные комитеты.

2. Бюро постановило послать приветствие Учредительному Собранию в день его открытия. Приветствие поручено составить комиссии в составе т.т. Розанова, Бронзова и Басинова.

3. Бюро постановило: ассигновать 15 тысяч рублей на бумагу для газеты ЦИК.

4. Выдать чл. Бюро содержание за декабрь *).

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

5 декабря 1917 г. **).

Присутствовали: 1) Бронзов, 2) Игнатенко, 3) Бобыль, 4) Рабинович, 5) Безобразов, 6) Гамбаров, 7) Басинов, 8) Данилов, 9) Розанов, 10) Якубович, 11) Скалов, 12) Бредэ, 13) Филипповский, 14) Булат, 15) Сомов.

П о р я д о к д н я.

1. Функции ликвидационной комиссии ***).
2. Финансовый вопрос.
3. Вопрос об информации и связи с провинцией.

Бредэ. Финансового отдела не существует. Функции должны оставаться прежние, как их понимают т.т. Бронзов и Колеров. Он должен рассмотреть все расходы и счета. Ревизионные функции [на него] не возлагаются...

Бронзов предлагает отложить этот вопрос.

Булат предлагает снять вопрос о финансовом отделе.

Филипповский предлагает снять вопрос.

Т. Бредэ просит занести в протокол, что он на заседании от 5-го настаивал, что финансового отдела нет, что есть кассир и бухгалтер...

Безобразов. Пусть раньше соберется ликвидационная комиссия и столкуется, а потом уже разберет Бюро.

---

*) В рукописном черновике этого же протокола есть еще одно постановление о личном составе ликвидационной комиссии. В эту комиссию вошли: 1) Безобразов, 2) Филиппова, 3) Игнатенко, 4) Безобразова.

**) Имеются только черновые записи заседания.

***) По вопросу о ликвидационной комиссии есть лишь отдельные отрывочные фразы...

Филипповский. [У] ликвидационной комиссии функции только ликвидационные, а ревизионные на ней не лежат, тем больше, что ревизия сейчас невозможна.

Розанов. Пригласили ли членов ЦК со съезда на заседание?

Басинов. Члены изъявили желание явиться, лишь только они будут свободны.

Розанов. Надо назначить другой день [и пригласить] членов ЦК, членов областных комитетов, членов местных комитетов.

Постановили: Жалованье [уплачивается] только членам Бюро; [оно уплачивается] по ½ месяцам: 14-го—15-го, а [2-ю часть] после 15-го.

Член ЦК, не являющийся членом Бюро, но привлеченный к работе, получает жалованье.

Вместо Безобразова [избирается] т. Басинов.

Бредэ. До сих пор связь с провинцией была весьма слабая по разным техническим и другим причинам. Надо выяснить наличность сил на местах, читать там доклады, разослать туда доклады...

Следующее заседание в 11 часов утра в среду.

Воззвание Ц. И. К.

Воззвание Центрального Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов ко всем советам рабочих и солдатских депутатов, армейским и флотским комитетам, ко всем организациям, группирующимся вокруг советов и комитетов, членам фракций с.-р. и с.-д. меньшевиков, покинувшим 2-й Съезд Советов, 25/XII 1917 года.

Товарищи рабочие и солдаты! К вам, кому дорого дело Советов, несется наш тревожный крик. Знайте: революционной стране, их Учредительному Собранию, делу самих Советов грозит предательский удар. Ваш долг повелевает вам встать на защиту их.

На 8 января Центральным Исполнительным Комитетом, избранным на октябрьском Съезде, назначен созыв Съезда Советов с целью сорвать Учредительное Собрание.

Товарищи! 2-й Съезд Советов, созванный в конце октября в исключительно неблагоприятных условиях (избирательная кампания в Учредительное Собрание), когда партия большевиков, увлеченная своей руководящей частью в сторону авантюризма, вступила на несвойственный классовой организации путь заговора, произвела в Петрограде переворот и захватила власть в условиях, когда некоторые группы, ставшие на эту точку зрения, внесли дезорганизацию в дело созыва второго Съезда, с явным намерением подтасовки его состава, когда на самом Съезде отсутствовало надлежащее представительство армии (лишь две армии), а советы страны были представлены в незначительном меньшинстве, — из девятисот лишь около ста двадцати,— естественно, что такой Съезд не мог быть признан ЦИК первого созыва правомочным разрешать вопросы советской политики.

Тем не менее, на этом Съезде, несмотря на последовавший протест и уход со Съезда значительного числа делегатов (фракций с.-р. и с.-д. меньшевиков, тр., н.-с.), был избран новый состав ЦИК Советов. Рассматривать этот последний за руководящий центр всех Советов страны ни в коем случае нельзя было. Оставшаяся на Съезде часть делегатов являла собой не более и не менее как совещание группы большевиков и примкнувшей к ней незначительной части левых эс.-еров.

Таким образом, и ЦИК, выделенный этим совещанием, мог быть признан лишь представителем этих групп.

Внося в дело советской организации неслыханный развал, устанавливая свое господство беззастенчивыми методами борьбы над частью застигнутыми врасплох, частью подтасованными и запугиваемыми Советами, вводя в обман рабочий класс и армию своей близорукой, отчаянной, авантюристской политикой, этот новый ЦИК пытался в течение двух истекших месяцев подчинить своему влиянию всю советскую Россию. Отчасти, поскольку еще не была изжита вера в политику представленных в нем групп, ему это удалось. Но значительная часть Советов страны, а равно и отдельные фракции Советов, состоящие из наиболее преданных и опытных работников, продолжали придерживаться единственно верного, революционного пути: классовая организация рабочих масс страны, руководство их идейно-политической жизнью, углубление политических и социальных завоеваний революции, непосредственное давление всей мощью рабочего класса, объединенного в Советы, во имя достижения поставленных перед ним задач. Как особо выделяемые, продолжают стоять вопросы войны и мира, организации производства и продовольствия и борьбы за Учредительное Собрание. Политика авантюристских групп, захвативших власть, как и можно было предвидеть, терпит полное поражение. Мир не мог быть достигнут путем разрыва с союзниками и сговора с империалистскими кругами центральных держав. Учитывая произведенный политикой Совета Народных Комиссаров развал русской армии, дезорганизацию производства (давшую к тому же сотни тысяч безработных), поднятую в стране гражданскую войну, отсутствие общепризнанной народной власти, центральные державы, естественно, стремятся к самому циничному захвату ряда западных областей (Польши, Литвы, Курляндии) и если не к политическому, то к полному экономическому порабощению всей страны.

Вопросы продовольствия приняли небывалую остроту. Грубое вмешательство в налаженный аппарат соответственных органов и разжигаемая в стране гражданская война расстроили в конец дело снабжения хлебом нуждающихся в нем районов. Север и армия накануне голода.

Промышленность умирает. Сотни заводов и фабрик прекращают производство. Благодаря близорукой политике Совета Народных Комиссаров, в качестве безработных выброшены на улицу сотни тысяч рабочих. Грозит насилие над волей всего народа. Захватчики власти, совершившие Октябрьский переворот под знаком скорейшего

созыва Учредительного Собрания, теперь, когда выборы произведены, пытаются удержать власть в своих руках путем ареста его членов и разгона самого Учредительного Собрания.

Все живое в стране и, прежде всего, весь рабочий класс и армия должны стать с оружием в руках на защиту власти народной в лице Учредительного Собрания, долженствующего дать народу мир и закрепить законодательным путем революционные завоевания рабочего класса.

Оповещая об этом, ЦИК 1-го созыва призывает вас, товарищи, войти немедленно в непосредственную связь с ним.

Считая октябрьский Съезд неправомочным, ЦИК 1-го созыва постановил начать предварительную работу по подготовке созыва нового Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

В ближайший период, период борьбы Совета Народных Комиссаров, в лице Ленина и Троцкого, с верховной властью Учредительного Собрания, перед нами стоит задача всемерно вмешаться в искусственно создаваемое авантюристами столкновение между Советами и Учредительным Собранием. Перед нами стоит задача — самоопределение Советов, выпрямление их политической линии и разграничение, таким образом, функций Учредительного Собрания и Советов.

Товарищи! Созыв предполагаемого на 8 января Съезда продиктован желанием столкнуть Советы с Учредительным Собранием и тем сорвать последнее. В тревоге за судьбы страны ЦИК 1-го созыва постановляет собрать в Петрограде 8 января Чрезвычайное Совещание всех советов, армейских и флотских комитетов, отдельных советских и армейских фракций всех организаций, группирующихся вокруг советов и комитетов, стоящих на почве защиты Учредительного Собрания. Подлежат обсуждению следующие вопросы:

1. Власть Учредительного Собрания.
2. Борьба за всеобщий демократический мир и восстановление Интернационала.
3. Ближайшие задачи советской политики.

Товарищи! Обеспечьте на предстоящем Чрезвычайном Совещании Советов возможно полное представительство всех рабочих и солдатских организаций. Создавайте опорные пункты на местах. Предстоит борьба.

Во имя революции весь разум и вся энергия должны быть брошены на чашу весов.

Центральный Исполнительный Комитет Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 1-го созыва.

25 декабря 1917 г.

ПРОТОКОЛ

заседания ЦИК С. Р и С. Д. 1-го созыва.

10 января 1918 г.

На заседании присутствует 27 членов ЦИК.

Председательствует т. Дан.

(*Дан.* Наши надежды на крушение большевистского режима не оправдались, и теперь трудно быть оптимистом, чтобы сказать, что это скоро случится. ЦК 1-го созыва не стал политическим центром и ничего не сделал за это время. Сегодня я предложил бы поставить вопрос о будущем ЦИК 1-го созыва, о его дальнейшей судьбе и функциях.)

Т. Бронзов предлагает внести в порядок дня вопрос о Совещании.

Т. Бройдо — вопрос о финансах.

(Время ораторов ограничено 5-ю минутами.)

Прежде всего возникает вопрос о правомочности настоящего заседания.

(*Бронзов.* Доклад о Совещании.

Несмотря на то, что нас было мало, мы приняли все меры к тому, чтобы оно состоялось. Послали представителей наших в различные города. Сегодня было зарегистрировано 15 человек, часть задержана на Галерной, часть приходила сюда. Всего приблизительно 25 чел. Явка была указана — Галерная, 27. Путем печати нельзя было оповестить о перемене явки. Нет, значит, возможности устроить Совещание. Надо частным путем собрать всех съехавшихся вместе с членами ЦК и тогда только решить вопрос о нашем дальнейшем существовании.

Кучин. Мне кажется, что более широкого Совещания нам не открыть, и [я] предлагаю сейчас же решить вопрос о нашем существовании.

Бредэ. Принимая во внимание пути сообщения, [что] многие делегаты и даже наши члены находятся в пути, и вопросы кардинальные мы должны решить сообща. Да и многие из тех членов, которые находятся в Петрограде, не были извещены [о Совещании]. Окраины были плохо осведомлены.

Сарычев. Надо принять все меры к созыву Совещания. По имеющимся у меня сведениям, делегатов собирается много. Если мы существуем до сих пор, то необходимо наше существование хотя бы до тех пор, пока будет Съезд Советов.

Дан. Прежде, чем говорить о порядке дня, надо выяснить, являемся ли мы правомочным ЦИК 1-го созыва.

Якубович. Больше мы не соберем, и потому можно считать правомочным этот состав.)

Все присутствующие члены высказались за его правомочность, т.-е. постановлено было считать это собрание правомочным заседанием ЦИК 1-го созыва.

Собрание постановило: вопрос о функциях и задачах ЦИК 1-го созыва поставить в первую очередь.

По мнению т. Дана, ЦИК 1-го созыва должен так или иначе ликвидировать свою деятельность. Боевым центром он уже не будет, так как наступило время партийной работы и ни с чем не сообразно существование организации на средства, предназначенные на совсем другие цели. Надо оставить небольшую коллегию для управления финансовыми делами ЦИК и для сдачи их потом кому следует.

Большинство членов присоединяется к мнению т. Дана.

(*Фрейдин*. Докладывает об аресте И.К. Кр. Сов. на Кирилловской. Они были окружены и [арестованы] красной гвардией.

Бронзов. В Бюро неоднократно поднимался вопрос о деятельности ЦК. Было предложено перенести работу в провинцию, здесь же оставить центр, носитель политического знамени. Мы должны или окончательно ликвидировать свою деятельность, [или] мы должны существовать параллельно Учредительному Собранию и параллельно И.К. Крестьянских Советов. Мы должны войти с ними в контакт.

Дан. Некоторые траты, как, например, на информацию заграницы, я считаю вообще важными. У нас большой литературно-агитационный фонд, из которого надо покрыть фонды, нами затронутые.

Кучин присоединяется к мнению Дана.

Сарычев тоже за ликвидацию, но находит, что для этого настоящий момент не подходящий. Сейчас надо собрать молекулы энергии.

Мартынов. За ликвидацию. Даже в случае большевистского краха, хотя это не предвидится так скоро, не советам играть роль спасителя революции.

Бредэ. Из моих наблюдений в тех городах, которые мне пришлось посетить, я вывел заключение, что власть там не в руках советов, а что терроризируют города банды, состоящие частью из солдат, матросов и красногвардейцев. Правильно, конечно, информировать заграницу, но надо позаботиться и о провинции. Надо оставить временно организационный центр.

Брамсон. Если мы хотим повести ту работу, о которой говорит т. Бредэ, то не через ЦИК. Советы будут ареной борьбы на местах, но не ЦИК 1-го созыва.

Что касается наших ценностей, денег, бумаг, надо избрать комиссию, которая в течение 2 недель или месяца все сдаст. Но ценности, находящиеся в нашем распоряжении, надо употребить на полезное дело.

Гамбаров. После крушения Учредительного Собрания необходима полная ликвидация ЦИК.

Эрлих. Мы не можем передавать своих функций тому Совещанию, которое состоит из 19 человек. Неправильно распределять средства между партийными организациями. Политическая часть работы должна прекратиться, но должна остаться материальная поддержка Учредительного Собрания, поддержка печати, стоящей на точке зрения Учредительного Собрания, информация заграницы.)

Собрание после недолгого обмена мнениями п о с т а н о в и л о: деятельность ЦИК 1-го созыва окончательно ликвидировать, оставив ликвидационную комиссию в составе 5 человек: т.т. Бронзова, Сарычева, Бройдо, Майзеля, Якубовича. Т.т. Фрейдин и Гамбаров назначены кандидатами. Функции этой комиссии узко-хозяйственные, и на обязанности ее в течение месячного срока ликвидировать все дела ЦИК.

Члены комиссии получают вознаграждение в размере 500 рублей в месяц.

Собрание постановило:

1) Служащим и членам Бюро выдать содержание до 1-го марта.

2) Служащим и членам Бюро, заключенным в тюрьму, выдать полное содержание за все время заключения, а по выходе — за месяц вперед.

3) По отношению к иногородним членам комиссия должна руководиться постановлениями Бюро.

4) Газету ликвидировать. Ликвидировать книжный склад ЦИК.

5) Фонд литературно-агитационного отдела присоединить к общим фондам, из них покрыть суммы, заимствованные из других фондов, оставшиеся же суммы употребить на поддержку печати, стоящей на точке зрения защиты Учредительного Собрания.

Книги рекомендуется ликвидационной комиссии ликвидировать общественным способом.

6) Ассигновать необходимую сумму для разборки и разработки архива.

7) Ассигновать 2 тысячи рублей в счет ликвидации газеты.

8) ЦИК 1-го созыва поручает ликвидационной комиссии составить акт по окончании ликвидации. Акт этот должен быть подписан представителями трех партий, входящих в состав ЦИК, который до надлежащего момента опубликования будет храниться в надежном месте.

9) Апелляционной инстанцией в случае каких-либо недоразумений будут служить пленарные собрания трех ЦК партий.

Секретарь *Е. Суриц.*

ПРОТОКОЛ

заседания членов ЦИК С. Р. и С. Д. 1-го созыва.

11 января 1918 г.

Председательствует т. Бронзов.

Доклад т. *Данилова* *).

---

*) В черновиках протокола имеется следующий вариант части доклада Данилова.

«26 декабря я уехал по поручению ЦИК Сов. Раб. и Солд. Деп. 1-го созыва в Москву для организации. 27-го я уже был в комитете партии с.-р. Все орга-

По поручению организационного бюро по Совещанию т. Бредэ был делегирован в Москву для организации Совещания. По приглашению т. Бредэ с ним уехал и т. Данилов. Там им удалось разослать телеграммы, но количество имевшихся у них воззваний недостаточно для распространения по всем фабрикам и заводам. Потребовалось еще огромное количество, которое было отпечатано при помощи и материальном содействии Союза Защиты. Но вся литература, к несчастью, попала в руки большевиков. Часть была уничтожена, часть арестована. Пришлось снова отпечатать 20.000 экземпляров, которые разосланные специально с этой целью люди и распределили по целому ряду губерний. Возвращающиеся докладывают, что всюду замечается перелом — выносятся резолюции о поддержке Учредительного Собрания. 4 января в Москве состоялось совещание с представителями районов, при чем представители 3 районов гарантировали посылку делегатов на Совещание в Петроград. Т. Данилов предлагает, чтобы ЦИК 1-го созыва взял на себя часть расходов. Вся подготовительная работа по Совещанию ими закончена, но, к сожалению, отсутствие сведений из Петрограда, праздничное время и безработица, наступившая повсеместно, сильно тормозят ее. Все было сделано для широкого оповещения губерний и надо принять меры к приему вы-

---

низации, находящиеся вблизи комитета, принадлежат к организации большевиков. После доклада, который он им сделал, обрисовав тяжелое положение, созданное здесь большевиками, они ответили, что живут дружно с большевиками. Комитет с.-р. оказал ему всевозможную поддержку для посылки в провинцию, но от материальной поддержки должны были отказать. Обещав полную поддержку, председатель Кабанов, однако, спросил, как относятся к этому ЦК партий. В Москве он и т. Бредэ убедились, что воззваний наших недостаточно и [надо их] отпечатать и распространить по всем городам, фабрикам и заводам... Там он встретил члена Союза Защиты Учредительного Собрания Абрамовича, который согласился отпечатать 30.000 экземпляров, и вечером они были приглашены на заседание, где было вынесено следующее постановление: Союз Защиты предоставляет все средства организации, созывающей это Совещание. Отпечатано было 50.000 экз. 3.000 экземпляров были готовы вечером, осталось 47.000. С ними вышло недоразумение,— они попали к большевикам, которые часть разорвали, остальные направили по назначению. Надо послать людей, а литература оказалась арестованной. Союз Защиты решил снова отпечатать 20.000 экземпляров, которые... и были разосланы. ЦК признал эти воззвания контр-революционными. Вышло контр-воззвание левых соц.-рев. Литература была распространена по следующим губерниям: Воронежской, Московской, Владимирской, Орловской, Рязанской, Курской. Возвратившиеся докладывают, что всюду замечается перелом,— была вынесена резолюция о поддержке Учредительного Собрания... 4 января было совещание с представителями районов; представители 3 районов гарантировали посылку делегатов. Т. Данилов предлагает, чтобы ЦИК взял на себя часть расходов. Работе по Совещанию мешали короткость срока, отсутствие сведений из Петрограда, праздничное время, когда фабрики и заводы приостановили свои работы, и безработица, которая наступила в Москве. Им было все сделано для широкого оповещения губерний. Надо принять меры к их приему. Сегодня он должен выехать, чтобы закончить начатое дело. Что касается газеты, взятой им с собой, то только часть удалось передать, а другую часть просил союз распространить.

званных делегатов, и с этою целью он должен сегодня же вернуться в Москву.

Доклад т. *Бредэ*.

По приезде в Москву он узнал, что на нашей стороне только один центральный почтовый телеграфный пункт — московский, остальные на стороне большевиков. Вследствие этого все посланные нами телеграммы дошли до назначения, но со многими пунктами порвана связь, как, например, с Сибирью и с Югом. (Связь — с Одессой и Румынским фронтом...) Устроив все связи в Москве, он уехал дальше в провинцию (в Тулу и Брянск). Устроил там ряд собраний. К сожалению, дело информации провинции поставлено очень скверно. Никакой связи с центром, полное отсутствие столичных газет, полная неосведомленность о всех происшествиях, всех крупных событиях. Настроение вследствие этого совершенно неопределенное. Публика состоит большей частью из рыхлой интеллигенции, и одной энергичной группе удалось бы взять власть в руки. (В Орле и Курске в его присутствии состоялись съезды крестьянских депутатов. Раньше они были нашими. На последних съездах состав уже изменился,— темный, левая. В С. Р. и С. Д. рабочая часть — более умеренная, солдатская — левая, но не опирается на местный гарнизон, который разошелся. Остались делегаты... и в Орле Сов. Раб. и Солд. Деп. отказался взять власть. То же самое было бы в Курске, если бы эсеровский комитет действовал более решительно. Там банды в 300 человек терроризируют население в 150.000 человек. Устраивают грабежи. Когда он указывал эсеровскому комитету на необходимость взять власть в свои руки, то они оказываются неспособными. Через органы самоуправления мы не можем действовать, так как на них нечего рассчитывать.) Брянский Совет Раб. и Солд. Депутатов, в котором была проявлена воля штыка, находится в наших руках. Сейчас несомненно, что целый ряд советов уже не пойдет за большевиками. (Как сейчас повести работу? Что касается средств, то намеченная норма недостаточна. Пока им произведен расход в размере 5.000 руб.)

Т. Сарычев предлагает обсудить меры ликвидации Совещания. Он просит т.т. Бредэ и Данилова представить в ближайшем будущем подробный отчет ликвидационной комиссии.

(*Т. Бредэ* возражает. Т. Данилов должен сегодня ехать и должен базироваться на чем-то новом. Кроме того, представляя отчет, он должен иметь уже готовые постановления, а не то, что он (?) постановит в будущем. Кроме того, он хочет отчет сдать организационному комитету по Совещанию.

Якубович. Вчера было постановлено, что политическая деятельность наша кончилась, а мы приступаем к делу. Если т.т. Данилову и Бредэ нужны какие-либо перемены в постановлении, то почему этого не сделать. Образованная вчера ликвидационная комиссия является единственным законным, юридическим органом, перед которым товарищи обязаны отчитываться.

Т. Бронзов предлагает финансовые вопросы, связанные с организационной работой по Совещанию, передать в ликвидационную комиссию.

Не голосуется.

Т. Бредэ предлагает, чтобы организационное бюро закончило свою деятельность, избрало из своей среды 2 человек, и им он предоставит отчет, который они уже представят ликвидационной комиссии.)

Заслушав доклады т.т. Бредэ и Данилова и пожелание т. Бредэ, чтобы организационное бюро по Совещанию закончило свою деятельность, собрание постановило:

1) Организационное бюро заканчивает свою деятельность, избирает из своей среды 3 членов, которым т. Бредэ и представляет свой отчет. Этот отчет затем передается в ликвидационную комиссию.

В эту комиссию избраны т.т. Сарычев, Бронзов и Фрейдин.

2) Вопрос о командировке в Москву т. Данилова передается на рассмотрение т. Бредэ.

О Совещании.

Собрание постановило опубликовать во всех газетах декларацию о том, что наше Совещание сорвано большевиками, что все ЦК партий разгромлены, все помещения захвачены. ЦИК 1-го созыва просит всех прибывших вернуться на места.

Т. Гамбарову поручено выработать текст декларации.

(Т. *Сарычев* предлагает, чтобы Данилов поместил нашу декларацию в местных газетах.)

Т. Фрейдин предлагает поручить т. Данилову послать во все советы крупных центров телеграммы о том, что наше Совещание отложено, и объяснить причины.

Постановлено: не посылать телеграмм, если это связано с расходом.

Секретарь *Е. Суриц.*

Примечания:

1) Протокол 1-го заседания ЦИК 1-го созыва от 5 ноября не сохранился Приводим содержание протокола этого заседания по газете ЦИК 1-го созыва — «Мира, хлеба, свободы»:

РЕШЕНИЕ ЦИК ПЕРВОГО СОЗЫВА.

«5 ноября состоялось заседание ЦИК С.Р. и С.Д. первого созыва. Центральным Комитетом [партий меньшевиков и с-р.] решено, что, в виду неправомочности II Съезда Советов *), ЦИК продолжает свое существование. Задачи его заклю-

*) II Всероссийский Съезд Советов был открыт в Ленинграде 25 октября 1917 г., в 10 ч. 40 м. вечера, в то время, когда еще вокруг Зимнего дворца кипела борьба. «Съезд проходил очень бурно. На Съезде присутствовало 670 делегатов, из них: большевиков—390, левых эс-эров—179, с.-д. интернационалистов—35, украинцев — 21, кроме того, мандаты имели правые эс-эры, бунд, поалейцион, анархисты, меньшевики, беспартийные. Президиум был составлен из большевиков

чаются в сплачивании и объединении всех советов и фронтовых организаций, не участвовавших во II Съезде. Таким образом, на комитете лежит объединение подавляющего большинства советов, так как из 900 советов в съезде участвовало не более 100, а армейские комитеты, за исключением отдельных единиц, совершенно не принимали в Съезде участия.

Большинство членов ЦИК решило разъехаться по своим советам, оставив в Петрограде особо избранное бюро из 25 членов. Бюро избрано пропорционально распределению комитета по фракциям, исключая большевиков.

В своей деятельности ЦИК объявил себя независимым от каких-либо других организаций, как, например, Комитет Спасения и т. д. Комитет будет проводить свою прежнюю линию поведения, применяясь к осложнившимся обстоятельствам, созданным благодаря происшедшему перевороту». («Мира, хлеба, свободы», № 2, от 7/XI.)

2) 24 октября было созвано экстренное собрание меньшевистско-эсэровской Петроградской городской думы, на котором было решено организовать «Комитет Общественной Безопасности», куда входили гласные центральной и районных дум и представители следующих организаций: Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, Всероссийского Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, армейских организаций, Центрофлота, Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, Совета Профессиональных Союзов и др.

Задачей этого Комитета была «охрана общественной безопасности». На следующий день сущность этой задачи была формулирована значительно откровеннее.

В 3 часа ночи с 25 на 26 октября гласные думы, члены различных фракций и члены Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов устроили в городской думе совместное заседание, в котором обсуждали создавшееся положение и те меры, которые могут быть приняты к спасению родины.

«После долгих прений по этому вопросу было решено образовать Комитет Спасения Родины и Революции, в состав которого вошли по 3 представителя от следующих групп: городской думы, Исполнительного Комитета Сов. Раб. и Солдатских Депутатов и Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов, от отколовшихся фракций с.-р. и с.-д. Съезда Советов, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, ЦК партий с.-д. и с.-р., Совета Российской Республики и от фронтовых организаций» («Рабочая Газета» № 197 от 27 октября 1917 года). Комитет Спасения формулировал свои задачи в выпущенном им «К Гражданам Российской Республики» воззвании следующими положениями:

«Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский Комитет Спасения Родины и Революции, учрежденный в ночь на 25 октября, возьмет на себя инициативу воссоздания Временного Правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного Собрания и спасет ее от контр-революции и анархии»... Дальше шел призыв не выполнять приказов и распоряжений Советского Правительства и т. д. 29 октября Комитетом Спасения было организовано юнкерское восстание. 4 ноября К. С. вынес постановление, опубликованное во всех меньшевистских и эсеровских газетах. Это постановление заканчивается обращением: «ко всем городам, земствам, крестьянским, рабочим, армейским революционным и демократическим организациям с призывом: 1) не признавать большевистского правительства и бороться с ним; 2) образовать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому Комитету

и левых эс-эров. Председательствовал т. Каменев. Меньшевики и правые эс-эры демонстративно покинули заседание. Число покинувших Съезд депутатов колеблется, по различным подсчетам, от 25 до 51». ЦИК 1-го созыва остался существовать, как протест против II С'езда, и продолжал свою деятельность до середины января 1918 г.

Спасения в его задачах и в этих целях войти в теснейшую связь друг с другом и с Всероссийским Комитетом Спасения».

По всей России К.С. за подписью Авксентьева, Гоца, Синани и Броун рассылались самые ложные сведения о своих победах над революционными полками, захвате орудий, аресте комиссаров, Военно-Революционного Комитета и т. д. 8 ноября приказом Военно-Революционного Комитета К.С. был распущен. Вместо него организовался «Союз Защиты Учредительного Собрания», потом «Союз Возрождения России», под руководством которого проходит вся контр-революционная деятельность 1917—1918 г.г.

3) II Съезд Советов был открыт Даном от имени старого ЦИК.

4) 9 ноября, после отказа генерала Духонина подчиниться предписанию правительства вступить в переговоры о перемирии, верховным главнокомандующим был назначен тов. Крыленко. От имени СНК было выпущено обращение, в котором говорилось: «Солдаты, дело мира в ваших руках... вы не дадите контр-революционным генералам сорвать дело мира. Вы окружите их стражей... Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем»...

5) II Съезд Советов Крестьянских Депутатов был назначен ВЦИК'ом, избранным II Съездом Раб. и Солдатских Депутатов на 5 ноября. Он созывался для того, чтобы подтвердить решения II Съезда Сов. Раб. и Солдатских Депутатов о мире, земле и прекратить существование старого право-эсеровского ЦИК Кр. Деп. Последний принял все меры, чтобы этот съезд не был созван, и выпустил воззвание, в котором говорилось: «Самочинная большевистская организация, называющая себя «Организационным Бюро по созыву Всероссийского Крестьянского Съезда», рассылает телеграммы всем крестьянским советам о прибытии на съезд в Петроград. Исполком Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов заявляет, что он попрежнему считает отвлечение местных сил в данный момент вредным и опасным, в связи с выборами в Учредительное Собрание, в котором теперь единственное спасение крестьянства и страны. Подтверждаем созыв съезда 30 ноября». Несмотря на сопротивление старого ЦИК Съезд Советов Крестьянских Депутатов открылся 10 ноября. По своему партийному составу он был преимущественно лево-эсеровским. Этот съезд присоединился ко всем постановлениям II Съезда Раб. и Солдатских Депутатов, устроил овации выступавшему на Съезде В. И. Ленину, одобрил декреты Советской власти и торжественно приветствовал СНК, придя в Смольный со знаменем и музыкой.

Правые с.-р. оставшиеся в меньшинстве, ушли со Съезда и, по сообщению «Дела Народа», организовали свой ИК в 110 человек.

6) До конца ноября газета ВЦИК изменила 11 раз свои названия: 1) «Голос Солдата» был закрыт 26/X; 2) 27-го вышел — «Солдатский Голос», который был тотчас закрыт; 3) 28/X — «Искра», 4) с 29/X по 4/XI — «Солдатский Крик»; 5) «Революционный Набат» — 5/XI; затем: 6) «Мира, хлеба, свободы», 7) «Набат революции», 8) «За свободу», 9) «За свободу Народа», 10) «За свободу и право», 11) «За право Народа».

7) Ставка была центром контр-революции. Общеармейский Комитет, состоявший из меньшевиков и с.-р., выдавал себя за представителя солдат. 8/XI на совещании при Ставке «о конструкции власти» была констатирована невозможность сговориться с Советским Правительством об организации правительства из всех «социалистических» партий до н.-с. включительно. Общеармейский Комитет взял на себя организацию власти с Черновым во главе. Выпущенное им воззвание заканчивалось следующим предложением: «Мы предлагаем действующей армии в лице ее фронтовых и армейских комитетов взять на себя инициативу создания власти. Действующей армии, спасающей родину от внешней опасности, подобает взять на себя и спасение ее от внутреннего разложения».

В связи с этими попытками Ставки образовать власть против Советов 10/XI СНК выпустил обращение к армии, в котором предлагалось распустить, а в случае сопротивления арестовать те армейские комитеты, которые будут поддерживать эту власть. Контр-революционная Ставка продолжала свою деятельность вплоть до ликвидации б. Ставки постановлением 19 ноября. Тотчас же тов. Крыленко отправился в Могилев в Ставку с 3 отрядами преданных моряков; повсюду его встречали с овациями. Центральный Армейский Комитет выпустил воззвание в защиту Духонина. В Могилев было двинуто 10.000 войск. Могилевский гарнизон восстал, захватил город, арестовал Армейский Комитет и с красными знаменами вышел навстречу т. Крыленко. 20 ноября Крыленко вступил в Могилев.

8) 16 ноября, по постановлению СНК, Петроградская центральная эсеро-кадетская дума была распущена. Контр-революционными организациями были выпущены демагогические воззвания с призывом бороться против этого роспуска. Одно из этих воззваний «Ко всем гражданам» от имени городской думы заканчивается следующими словами:

«Граждане, мы прибегаем к последнему страшному средству. Мы объявляем забастовку до Учредительного Собрания, ибо в нем лежит сейчас истинная защита наших интересов от насилия и произвола. Мы прибегаем к этому средству, потому что считаем спасение родины и революции, спасение чести и достоинства России, спасение миллионов жизней всех нас — в немедленном открытии Учредительного Собрания.

Кто не встает еще на борьбу за открытие Учредительного Собрания, тот не с народом, а кто не с народом, тот против него. Позор и проклятие ему!

Да здравствует Учредительное Собрание!»

9) Декретом 8 ноября была организована государственная комиссия по народному просвещению, которой было поручено впредь до Учредительного Собрания дело общего руководства народным просвещением. Председателем этой комиссии был народный комиссар. В состав комиссии входили:

«1) Председатель — нар. ком. по просвещению; 2) секретарь комиссии по народному просвещению; 3) лица делегированные:

1. 3 представителя от И.К.С.Р. и Солд. Деп.; 2. 3 представителя от И. К. Всер. С. Кр. Д. по производству выборов на съезде; по одному представителю: 3. От академического союза; 4. От Всероссийского Учительского Союза; 5. От центрального бюро Профсоюзов; 6. От Всероссийского центра фаб.-зав. комитетов» ...и др.

Кроме того, 15 лиц было назначено СНК заведующими отделами.

«Государственная комиссия по народному образованию отнюдь не является, — говорится в декрете, — центральной властью, управляющей учебными и образовательными учреждениями. Наоборот, все школьное дело должно быть передано органам местного самоуправления...» В эту же комиссию входили представители государственного комитета по народному образованию, в котором было много опытных специалистов.

10) Союз Учредительного Собрания явился преемником Комитета Спасения и продолжал контр-революционную деятельность последнего под фирмой защиты Учредительного Собрания. 28 ноября им была организована манифестация по случаю открытия Учредительного Собрания. Штаб Красной гвардии издал 27/XI в ответ на призывы Союза У. С. к манифестации следующий приказ всем районным штабам:

«Контр-революционная буржуазия устраивает завтра демонстрацию и под личиной приветствия Учредительного Собрания думает организовать попытки свержения народной революционной Советской власти.

Будучи твердо уверены, что демонстрация эта покажет все жалкое бессилие злобствующих захребетников народа, мы тем не менее должны быть на-страже завоеваний революции и, если понадобится, показать врагам Советской власти,

как разбиваются усилия контр-революционных заговорщиков о мощь и бдительность революционного пролетариата. В полном сознании, что Красная гвардия грудью отстоит завоевания рабочего класса, Главный Штаб Рабочей Красной гвардии предписывает всем районным штабам:

1. Усилить охрану города. Не мешая могущей быть мирной демонстрации, решительно и в корне пресекать всякие попытки захватить какие-либо общественные или правительственные учреждения демонстрантами.

2. Немедленно реквизировать все автомобили на 28 ноября.

3. Послать в Главный Штаб Красной гвардии по 2 человека для связи и по одному автомобилю.

4. За всеми указаниями обращаться в Главный Штаб Красной гвардии и в комиссию по охране города (Смольный, 3-й этаж, комната 84).

5. Все распоряжения проверять по телефону: 193—75, вызывать Штаб Красной гвардии, или по телефону: Смольный, Бюро Комиссаров.

6. Бдительно охранять все места и учреждения по указанию Главного Штаба.

7. Строжайше преследовать пьяных, как пособников контр-революции».

28 ноября эта демонстрация состоялась. На этой демонстрации было всего, по сообщению «Известий», около 1.000 человек, собравшихся у Таврического дворца.

16 декабря в помещении «Союза У. С.» были арестованы члены Союза: 20 дек. арестованные в «Деле Народа» опубликовали воззвание от имени арестованных, которое заканчивается следующим заявлением и призывом «ко всем гражданам»:

«Считая по принципиальным соображениям совершенно невозможным вступить в какие бы то ни было сношения с временщиками из Смольного, мы, члены трех социалистических партий (в числе арестованных—10 с.-д. меньшевиков, 3 члена народной трудовой социалистической партии, 2 социалиста-революционера), перед лицом всех граждан России протестуем против совершенного над нами насилия.

Мы призываем товарищей и всех граждан со всей энергией и настойчивостью продолжать борьбу за Учредительное Собрание, которое положит конец большевистскому самовластью.

Петропавловская крепость, Екатерининская куртина, 19 декабря 1917 г.

Г. Александров, Б. Богданов, Л. Брамсон, С. Вайнштейн (В. Звездин), К. Ермолаев, К. Магидович, Н. Полянский, Скалов, Н. Соловьев, К. Соколов, С. Топер, Д. Хазан, В. Цедербаум (В. Левицкий) и В. Штейн».

11) 1 декабря в «Правде» № 203 был опубликован «проект контр-революционного плана кадетских заговорщиков», по которому предполагалось установить в России республику с президентом во главе. Этот президент, по «проекту», должен был иметь следующие полномочия:

....«7. Временный президент наблюдает за исполнением законов и делает распоряжения для сего необходимые.

8. Временный президент издает указы об устройстве, составе и порядке действия правительственных учреждений, за исключением учреждений судебного ведомства, испрашивая в надлежащих случаях необходимые кредиты у Учредительного Собрания.

9. Временный президент разрешает все дела управления, кои, на основании действующих узаконений, должны разрешаться верховной исполнительной властью.

10. Временный президент руководит внешними сношениями Российской республики с иностранными державами. По делам об объявлении войны, заключения мира, перемирия, а равно иных договоров с иностранными державами временный президент входит с соответствующими представлениями в Учредительное Собрание.

11. Временному президенту принадлежит верховное начальствование над всеми вооруженными силами Российской республики.

12. Временный президент назначает и увольняет председателя совета министров и министров, а также тех должностных лиц гражданского и военного ведомства, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью.

13. Указы и распоряжения временного президента скрепляются председателем совета министров или одним из министров и без таковой скрепы не приводятся в исполнение».

28 ноября был издан следующий декрет:

«Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции.

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов в виду ее связи с корниловско-кадетской гражданской войной против революции.

Декрет вступает в силу с момента его подписания.

Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин).

Народные Комиссары: Л. Троцкий, Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин, Г. Петровский, А. Шлихтер, Дыбенко.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич. Секретарь Совета Г. Горбунов.

Петроград, 28 ноября 1917 г. 10½ час. вечера».

[«Правда», № 202, 30/XI (13/XII).]

12) В числе собравшихся, по сообщению «Новой Жизни» были: Петровский, В. Руднев, С. Попов, В. Колеров, А. Булат, А. Русланов, П. Кондратьев, М. Лихач, П. Павлов, Д. Розенблюм, П. Поско, Н. Козлов, А. Гизетти.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЦ, УЧАСТВОВАВШИХ В РАБОТЕ ВЦИК «1-го СОЗЫВА» ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

Абрамович-Рейн, Рафаил Абрамович, с.-д. меньшевик (Бунд), член ЦК, член Бюро, член Предпарламента. В настоящее время в Берлине; один из инициаторов издания и член редакционной коллегии меньшевистского журнала «Социалистический Вестник».

Басинов, Николай Николаевич, с.-р., заведующий агитационно-литературным отделом ЦИК, член Предпарламента.

Безобразов, Борис Владимирович, с.-р., тов. председателя военного отдела ЦИК, член фронтовой комиссии военного отдела, член Предпарламента.

Бинасик, Мечеслав Степанович, с.-д. меньшевик, председатель бюро военного отдела, заведующий военным отделом, член Предпарламента, б. лидер меньшевиков во Владивостоке.

Бобылев, Гавриил Евдокимович, лидер трудовиков.

Брамсон, Леонтий Моисеевич, лидер партии н.-с.

Бредэ-Лэль, Карл Августович, с.-р., член Киевского И. К. С. Р. и С. Д., член Отдела по подготовке к Учредительному Собранию, член Предпарламента.

Бройдо, Марк Исаевич, с.-д. меньшевик, член ЦК, управдел ЦИК, член Бюро ЦИК, член Предпарламента.

Бронзов, Порфирий Васильевич, труд. н. с., член законодательной комиссии при военном отделе, член финансовой комиссии, заведующий контрольной комиссией.

Булат, Андрей Андреевич, видный трудовик, член Бюро, заведующий юридическим отделом, член Предпарламента.

Вайнштейн (Звездин), Семен Лазаревич, с.-д. меньшевик, член президиума объединительного Съезда РСДРП 1917 г., член Бюро, член Предпарламента, умер в 1923 г. в Берлине.

Венгеров, Всеволод Семенович, с.-д. меньшевик, член военно-иногородней комиссии, комиссар X армии, член Предпарламента.

Гамбаров, Петр Юрьевич, с.-р., член Бюро, член Предпарламента.

Геллер, представитель Бунда в Стокгольмской конференции.

Гольдман, с.-д. меньшевик, член Предпарламента.

Дан-Гурвич, Федор Ильич, с.-д. меньшевик, лидер партии, член редакционной коллегии «Социалистического Вестника».

Данилов, Иван Иванович, с.-р., член бюро кавказского подотдела военного отдела.

Дейс, Иван Георгиевич, с.-р., тов. председателя Бюро и секретарь военного отдела.

Евреинов, член редакционной коллегии «Голоса Солдата».

Ермолаев, Константин Михайлович, с.-д. меньшевик, тов. председателя ЦК в 1917 г., умер в 1919 г.

Зарецкая, Софья Моисеевна, с.-д. меньшев., член ЦК в 1917 г.

Ивановский, Владимир Владимирович, член Бюро, член Предпарламента.

Игнатенко, Андрей Семенович, с.-р.

Каменский-Герман, Владислав Иванович, с.-д. меньшев., член Бюро, член иногороднего отдела, член Предпарламента.

Колеров, Вячеслав Аркадьевич, с.-р., член Бюро, член фронтовой комиссии, член Предпарламента.

Колесник, Яков Данилович, с.-д. меньшевик, заведующий хозяйственным отделом.

Кочергин, Илья Семенович, с.-р., член экономического отдела, член аграрного отдела.

Красинский, Самуил Давыдович, с.-д. меньшевик (Бунд).

Кудрявцев, Сергей Андреевич, с.-р., член Бюро, член Предпарламента; член Сибирского Временного Правительства.

Кучин, Георгий Дмитриевич, с.-д. меньшевик, председатель И. К. XII армии.

Майзель, Ной Саулович, с.-д. меньшевик, член иногороднего отдела.

Рабинович, Борис Николаевич, с.-р., член Бюро, заведующий медико-санитарным отделом, член Предпарламента.

Розанов-Энзис, Владимир Николаевич, с.-д. меньшев., член Бюро, член отдела международных сношений, член ред. «Известий», член Предпарламента, принимал участие в контр-революционных организациях (в делах «Национ. Центра»).

Сарычев, Никита Николаевич, с.-р., тов. председателя отдела по борьбе с контр-революцией.

Скалов, Георгий Борисович, с.-д. меньшев. председатель военно-иногородней комиссии.

Соколов, Николай Дмитриевич, с.-д. меньшев., член Предпарламента.

Сомов, Анатолий Владимирович, труд. н. с., член военного отдела.

Сурин, Евгения Захарьевна, секретарь «ЦИК'а, 1-го созыва».

Топер, Симон Моисеевич, с.-д. меньшевик.

Филиппповский, Василий Николаевич, с.-р., член президиума, член комитета по обороне, член Предпарламента.

Фрейдин, Михаил Семенович, с.-р., член отдела по Учредительному Собранию.

Церетели, Ираклий Георгиевич, лидер партии с.-д. меньшевиков, член II Государственной Думы от Кутаисской губ. После роспуска Думы 3/VI 1907 г. осужден на каторгу; в годы войны — умеренный интернационалист, министр почт и телеграфов 1-го коалиционного правительства, член ЦК в 1917 г., член ВЦИК; в настоящее время—в эмиграции ведет активную борьбу против Советской власти.

Шиф, Исай Моисеевич, с.-д. меньшевик, председатель фронтовой комиссии военного отдела, член Армейского Комитета I армии.

Эрлих, член ЦК Бунда, член делегации ЦИК в Стокгольм и др. для пропаганды.

Якубович, Михаил Петрович, с.-д. меньшев.

Из дневника ген. В. И. СЕЛИВАЧЕВА.

II *).

(1 июля—8 августа.)

1 июля. Сел. Тэляче.

Сегодня сообщил генералу Попову о необходимости ему уйти в строй в виду требования генерала Гутора [1]). Спросил его, не было ли у него чего-нибудь с комиссарами, на что он ответил, что один раз, при возвращении армейского комиссара с неудачного для него разговора с одной из частей, он спросил этого комиссара: «А не чешутся ли у вас при этом руки?» на что тот откровенно ответил: «Чешутся». Теперь этот комиссар стал фронтовым и, конечно, разговаривает по-своему через известного своей перекраской генерала Гутора... вообразившего, что все может быть исправлено только переменою начальства, которое почему-то он считает возможным выбирать лично.

Насколько нелепа деятельность комиссаров, видно из того, что они на веру принимают всякое постановление полкового комитета и делают все в ущерб командному составу и в угоду солдатам: писаря, оклеветавшего начальника хоз. части и делопроизводителя по хоз. части и попавшего за это под суд, постановляют освободить, т. к. это дело возбуждалось при старом режиме, а начальников предать суду за это же время.

Вчера вечером приезжал генерал Веретенников расследовать причины взрыва на ст. Козова. Пришел к заключению, что нельзя было делать склад так близко к позиции (10 верст). На это я указал, что нельзя прежде всего допускать в одном месте столько хозяев, т. к. здесь распоряжалась и армия, и фронт, и, наконец, завед. арт. частью тяжелой артиллерии особого назначения... а у семи нянек дитя всегда без головы. Последний заведующий уже в конце апреля заявил требование на 26.000 бревен для устройства погребов под

---

*) Продолжение, см. «Кр. Архив», № 9. Текст взят из тетради XXVIII, носящей название «Дневник ген.-лейт. В. И. Селивачева». «С 1 июля по 8 августа 1917 г.».

тяжелые снаряды; откуда их было взять, — до этого ему, конечно, не было никакого дела.

Генерал Веретенников говорил, что иностранцы возмущены нашим наступлением, называя его «комедией», а генерал Нокс поехал в Петроград к Церетели и т. п. «товарищам» предложить им либо ввести в армию дисциплину, либо принять к сведению, что Англия отказывается от всяких обязательств по отношению к России и считает возможным поступить так, как этого требуют ее интересы. Язык сильный. С утра опять доклады, и, наконец, прибыла депутация от дивиз. комитета 108 пех. дивизии опять с постановлением дать ей $1^1/_2$ месяца отдыха, дать пополнение, отвести в тыл и т. п. Как я ни убеждал, сделать ничего не мог, а посему предоставил разбираться комиссару. В то же время получил донесение, что ни 17, ни 19, ни 20 Ф. стр. полки не желают повиноваться, а т. к. комиссару некогда было доехать, то предоставил это ликвидировать распоряжением командира корпуса. К вечеру приехали комиссар Загорский и его новый товарищ, т. к. бывший товарищ доктор Григорьев, напутавший мне с вызовом конницы, получил за это выговор от Загорского [и] уехал на фронт. Комиссарам этим я указал на те недочеты, которые высказываются в разных случаях взаимоотношений, и поставил их в известность, что, требуя исполнения долга и принимая решительные меры, я убежден, что они явятся утвердителями моих распоряжений и необходимость применения силы подтвердят своим авторитетом. Загорский и его товарищ категорически заявили, что они посвидетельствуют необходимость принятия мер. Для последних разговоров с 108 пех. див. туда завтра едет помощник комиссара.

Во время беседы с комиссарами приехал офицер из штаба Оренбургской каз. дивизии, доложивший, что дивизия начинает волноваться, недоумевая, почему ее вызывают комиссары, которые даже не прибывают своевременно. Казаки говорят, что если бы их зря не вызывали первый раз для усмирения Польской дивизии (это было до меня недели за 2—3), то дивизия эта продолжала бы работать; им обидно, что их отдают в распоряжение комиссаров, которых они не видали и в глаза. Офицер этот рассказал, что и среди казаков идет пропаганда и натравливание казаков на офицеров, однако, они уверены, что казачество устоит; походным атаманом казаки хотят выбрать Гурко, в пику Керенскому, который хвалился членам правительства, что он не только не позволил Гурко выйти в отставку, но еще и наказал его, приказав назначить на пост не выше начальника дивизии...

Этот же казачий офицер, бывший при перевороте в академии, рассказывал, что в первый день переворота распространялись большевиками воззвания с призывом уничтожать офицеров; результатом этих воззваний была Варфоломеевская ночь, при чем многие офицеры были ослеплены, зарезаны, лишены ушей и т. п.; семьи офицеров из казенных квартир выбрасывались через окна на улицу, и только после того, как целая серия офицеров, прибыв к Церетели, категорически спросила

его, будет ли кончено подобное издевательство и нужны ли вообще правительству офицеры, всякие нападения на офицеров были прекращены. Генерала Каледина обвиняли в Петрограде за приверженность к царской фамилии и за то, что он представил царя к ордену св. Георгия; казаки в пику правительству избрали Каледина наказным атаманом войска Донского... В виду непрекращающихся волнений в частях отдал распоряжение о передаче в распоряжение к-ров корпусов по одному казачьему полку и предписал неповинующихся приводить к повиновению силою отряда из пехоты, казаков и бронированного автомобиля. Мера решительная, — бог знает, как к ней отнесутся, но без этого средства ничего нельзя сделать в этой армии...

Вечером говорил опять с генералом Обручевым, который, несмотря на полученное от меня приказание привести полки к повиновению, не решился выполнить, ссылаясь на то, что этого приказания якобы не получил к-р казачьей бригады генерал Бородин, что, однако, неправда, т. к. предписание Бородину было передано в той же телеграмме на имя Обручева. Поставил Обручеву ультиматум: если завтра смена произведена не будет, отрешаю его от командования корпусом. Генерал Лавдовский — к-р 7-го Сибирского корпуса—несмотря на данные уже мною указания, запрашивает, можно ли пускать в дело оружие, каким именно нач-кам и в каком случае, т. к. воен. министр и главкоюз предписывают в случае неповиновения принимать самые решительные меры... Боязнь ответственности!

2 июля. Сел. Тэляче. Гор. Бучач.

По полученным сведениям, при взятии гор. Калуша VIII армией $1^1/_2$ полка так перепились, что обратились в трупы; в городе наши войска стали насиловать женщин, грабить лавки, — словом, проклятая натура сказалась во-всю. Ну и как после всего этого можно говорить о работе каких-то комитетов! Наш армейский комитет дошел до того, что заявил протест против довольствия от штаба армии казачьего съезда, несмотря на то, что съезд этот разрешен и военным министром, и правительством. Протест, конечно, понятный, — в съезде они видят реакционеров... Приказал передать председателю комитета, что при таких отношениях комитет роняет свое достоинство, и я выражаю ему свое неудовольствие.

Вчера констатировали в 104 пех. дивизии один случай, подозрительный на холеру. Для своевременного выделения подобных заболеваний в Подгайцах приспособливаем 2 барака за местечком. Вообще же в санитарном отношении в армии благополучно, о чем вчера доложил мне доктор ст. советник Корицкий.

Сегодня генерал-квартирм. рассказывал, что Гутором якобы недовольны, доказательством чего служит то, что его ничем не наградили, тогда как два командующих армиями — Эрдели и Корнилов — произведены в полные генералы.

Пришлось принять двух членов армейского комитета, пришедших сказать, что они слышали о расформировании VII армии; на это я ответил, что мне это неизвестно и что мне интересно было бы знать, откуда идет этот слух. На это один из членов — чертежник-солдат управления нач-ка инженеров армии—ответил, что в управлении приказано изготовить планы войсковых и тыловых позиций, из чего он заключает, что предстоит сдача позиций, как это было тогда, когда таковые сдавались VIII армии. На это я ответил, что, значит, вопрос о расформировании армии идет от него, и он, так. обр., является источником сплетен, о чем я могу только сожалеть, и тут же нач-к штаба армии выяснил им, что это сделано по моему приказанию для создания карты общей, каковая должна быть выдана и в корпуса с целью, чтобы сами корпуса точно знали свой район в смысле обороны по всей его глубине и так обр. могли бы составить себе план действий. Тут же я добавил, что «если же главнокомандующий признает необходимым для пользы дела расформировать армию, — это его дело, и мы должны будем только подчиниться». Тогда этот нахал ответил: «Но ведь при таких условиях работа армейского комитета не может итти нормально, и без того уж выход корпусов из состава армии, лишая комитет кворума, крайне тормозит его работу». На это я иронически ответил: «Смею думать, что перед вопросом о боевой деятельности армии вопрос о деятельности комитета занимает подчиненное положение и сам комитет может существовать в армии постольку, поскольку существует сама армия, а не наоборот».

Затем поднялся вопрос об ушедших членах комитета с ушедшими из армии корпусами. Они стали просить, чтобы при временном выбытии из армии с корпусами из 4-х членов уходило лишь два. На это я ответил, что считаю их пожелания и правильными и вполне осуществимыми. После этого они представили мне постановление комитета по поводу применения силы, чтобы заставить неповинующихся выполнить свой долг, при этом добавили, что это сильно баллотировалось и вызывало массу возражений, так что они считают это победой большинства. На это я ответил, что своим распоряжением я уже предложил к-рам корпусов добиваться исполнения боевых задач, хотя бы и силою оружия, так как другого выхода не вижу; я очень рад, что комитет понял настроение минуты [2]) и пошел мне навстречу, но повторяю, что если бы он и не пошел мне навстречу, то, в силу возложенной на меня правительством в лице военного министра обязанности, — повторяю: обязанности, а не права, — я вынужден бы был силою привести части в повиновение и в порядок. На это другой член комитета ответил: «В таком случае, генерал, вы бы стали в противодействие комитету, и неизвестно еще, какие бы из этого могли быть последствия». Я ответил: «Я совершенно не заинтересован в могущих быть последствиях тогда, когда исполняю свой долг перед родиной и правительством, и повторяю, что считаюсь с постановлениями армейского комитета постольку, поскольку этот комитет охраняет своими постановлениями честь ро-

дины и той армии, служить которой он призван». Они сделали еще одну попытку к атаке, заявив, что хотят знать, как я смотрю на удаление от должностей офицеров по постановлениям комитетов, при чем добавили, что они разделились полюбовно с комиссаром: он будет удалять штаб-офицеров, а они обер-офицеров. На это я возразил, что никто из них удалять не имеет права, т. к., во 1-х, это предоставлено не им, а военному начальству, а, во 2-х, это противоречит основному принципу революции — равенству перед законом и свободе. «Да, но мы должны охранять революцию», на что я ответил: «Охрана революции не требует введения анархии и произвола, а чтобы успокоить вас по этому вопросу, я вам отвечу, что вы ломитесь в открытые двери, требуя увольнения лиц, вам неугодных: закон и без вас предусматривает обязанность нач-ка устранять от должности лиц, против коих представлены улики и доказательства, и я, как исполнитель закона, имею обязанность отстранять таких лиц впредь до производства следствия над ними. Тут же я указал на то, что комитет позволил себе не исполнить закон и не назначил членов в ускоренные корпусные суды. На это члены комитета стали доказывать, что для этого не было времени, что их нехватает для всех работ и что им предварительно нужно ознакомиться друг с другом. На это я им указал, что времени после боя было 10 дней, число их могло быть, по их же правилам, увеличено до того числа, которое им было бы необходимо, что же касается до личного взаимного ознакомления, то на это им было масса времени, если бы они действительно серьезно отнеслись к этому вопросу. Из всего этого ясно, что весь состав комитета прямо-таки анархичен и работать с ним едва ли будет возможно...

3 июля. Гор. Бучач.

С утра опять доклады, а в 12^{45} часов представлялись члены казачьего съезда, в числе коих был и подъесаул Шапкин, бывший нач-к конвоя при моей дивизии. Сегодня же ожидается манифестация партии народной свободы, и возможны отсюда осложнения с армейским комитетом, дошедшим до такой пошлости, что отказал казачьему съезду в устройстве довольствия. Писаря штаба начинают уже ругать комитет, указывая, что члены его принимают буржуйские наклонности.

Вообще доблесть войск ныне совершенно не та, и роль командующего армией сводится к роли какого-то политического деятеля-бюрократа... Целый день в докладах. Перед обедом приходил с докладом товарищ армейского комиссара г. Сургучев, и мы с ним установили порядок его объезда по частям для ликвидации вопросов неповиновения. Он очень разумный и решительный человек, дошедший до того, что вчера арестовал весь состав полкового комитета одного из полков 108 пех. дивизии.

Сегодня же Совет Крестьянских Депутатов вручил армейскому комитету от себя знамя для армии с надписью «За Землю и Волю». Послезавтра депутаты повезут это знамя по полкам.

С 5 июля приказал во что бы то ни стало начать работу ускоренных корпусных судов. Сегодня ген.-майор Шорин, вступивший в командование 113 пех. дивизией, прислал рапорт с просьбою отчислить его по прежнему месту служения к-ром бригады 5 Ф. стр. див. Успокаиваю, прося не малодушничать. Офицерам 108 п. див., просящим об уходе в другие части, написал утешительное письмо. До какой степени нервны современные революционные деятели и ревнивы, раз что-либо касается их персоны: сейчас звонил ко мне помощник комиссара доктор Григорьев и заявил, что он просит о немедленном арестовании военного следователя, позволившего себе выругать заочно неприличными словами комиссара Савинкова... Требование основывается на том, что комиссар — представитель военного министра. Я спокойно ответил, что на место поехал нач-к штаба, а спешности ареста я не вижу, т. к. пресекать преступления не приходится.

4 июля. Гор. Бучач.

Ночь прошла спокойно. Утро великолепное. Проснулся в 6 часов, а в 7^{30} часов выехал в д. Божникувку, в штаб 7 Сибирского корпуса. В виду плохой дороги прибыли лишь в 11 часов; собраны к-ры 41 и 7 Сибирского корпусов. Приехал и помощник комиссара Сургучев. Наметили порядок работы комиссара и решили немедля приступить к делу. По вопросу о применении силы для принуждения ослушников оба к-ра корпуса высказались с полным одобрением, при чем генерал Мельгунов (41 корпуса) заявил, что при усмирении достаточно было только показаться казакам, чтобы все смирились. Я упорно настаиваю на образовании как можно скорей корпусных судов и начале их работы не позднее 5 июля. С к-рами корпусов переговорил относительно обороны, при чем к-р 41 корп. почти ничего не мог мне доложить по поводу плана обороны, в то время как к-р 7 Сибирск. корпуса и его нач-к штаба генерал Лигнау ясно, точно и определенно сказали о своем плане. Вообще генерал Мельгунов мало, видимо, вникает в дела корпуса, настолько, что не знал сегодня, где стоит его же корпуса Свирский полк. Люди этого полка меня спрашивали: «Кто этот генерал (показывая на генерала Мельгунова)? Мы его еще не разу не видали».

5 июля. Гор. Бучач.

Вчера за обедом у к-ра 7 Сибирского армейского корпуса поднялись дебаты о современном положении, при чем, конечно, помощнику комиссара пришлось столкнуться со взглядами строевого начальства, доказавшего ему всю нелепость современного положения, когда комиссар получает право арестования и удаления каждого генерала и офицера и не имеет права, а вернее, боится проявить право на арест заведомо вредных в полках агитаторов. Удивленный такою отповедью, г. Сургучев сказал, что у него в кармане лежит приказ,

по коему он чуть было не арестовал заведомо провокационный комитет Березенского пех. полка. На это я ответил: «Сознавая даже всю провокационную деятельность комитета, вы все-таки не исполнили свой долг, вероятно, удерживаемые мыслью, что̀ скажут в Петрограде, а потребовать ареста военного следователя за его некорректные выражения по отношению к Савинкову (комиссар Ю.-З. фронта) вы не задумались ни на иоту. Разницы между прежними жандармами и вами, комиссарами, армия, а вернее, ее офицерский состав, не видит никакой».

Ген. Лавдовский доложил мне, что от офицеров поступают ходатайства о разжаловании их в солдаты, т. к. положение офицера становится все бесправнее и бесправнее. Сам Лавдовский до глубины души возмутился, узнав, что каждый комиссар получил право ареста любого генерала и офицера «для поддержания идей революции и закрепления ее основ»...

Ну, может ли при таких условиях итти нормально работа вновь назначаемых начальников, могут ли они честно исполнять свой долг, не заботясь об угождении комиссару, комитету и т. п.? Вчера вечером рассказывали, что 2-й гвард. корпус совершенно отказывается что-либо делать, а в 7 корпусе мне доложили, что когда этот корпус пришли сменять части 12 и 43 сибирских дивизий, то гвардейцы говорили им: «Чего вы идете на смену, — вот мы заявили нашим офицерам, что если нас не возьмут отсюда, то мы их прикончим, и нас отсюда взяли».

Вот ключ для раскрытия истинного понимания докладов к-ра 2 гвард. корпуса о необходимости убрать с позиции корпус, так как ему негде развернуть свою мощь и показать себя!! Вчера же говорили, что и в XI армии 1-й гвард. корпус выведен в резерв, так как категорически отказывается не только наступать, но и обороняться, — вот до чего мы дожили!! А на Западном фронте уже $1^1/_2$ года не двигаются ни с места; нашему наступлению они не поверили и для поверки прислали своих депутатов, которых и отправили в VIII армию. В этой последней что-то происходит также неладное: то самовольный уход с позиции целого полка, то пьянство до мертвецкого состояния целой бригады, то, наконец, отказ полков от наступления.

К обеду пришел товарищ комиссара д-р Григорьев, с которым после обеда разрешали ряд вопросов по поводу ликвидации «политических» дел в полках.

6 июля. Гор. Бучач.

Вчера 800 чел. 104 пех. дивизии, сидевшие на горе [3]), приводились к повиновению. Несмотря на уговоры, ничего не добились; даже высокие разрывы артиллерии ничего не сделали, и лишь после выпуска нормальных разрывов при 7 раненых и 1 убитом зачинщики были выданы, и остальные сдались. Это первая пролитая кровь.

Сегодня стало известно об уходе генерала Гутора, вместо которого назначен генер. Корнилов, а вместо него — генерал Черемисов (VIII).

Говорят, ушел за дурное управление. Говорят, что тут много помогли и корреспонденты.

Рассказывают, что, заняв Калуш, наши солдаты не только перепились, но и изнасиловали женщин и расстреливали беженцев—взрослых и детей...

Вечером приходит депутация из членов комитета 159 п. дивизии и ставит ультиматум отвести их в резерв, и если это не будет исполнено в течение 7 дней, то за последствия не отвечают...

В XI армии, севернее Езерны, — прорыв, но подробностей пока нет [4]).

7 июля. Гор. Бучач.

Утром стали поступать тревожные сведения о том, что в XI армии дела плохи и что немцы прорвали фронт. Вслед затем пришло приказание главкоюза немедля принять меры к обеспечению стыка моей армии с XI.

В 16 часов вызывал меня к «Юзу» Эрдели [5]). Обстановка у него тяжкая: 6 гренад. дивизия попросту бросила свои позиции, и немцы, заняв их, стали давить на соседей, которые (17 корп.) побежали; 49 корп., которому приказано было помочь, собрал митинги, «насколько необходима такая помощь», и когда некоторые полки решили, что помочь надо, была уже ночь, и помощь опоздала. Теперь все неудержимо отступает под Тарнополь, и у Эрдели, видимо, нет надежды.

Мне Гутор (который не сдал, видимо, еще командования) приказал собрать к правому флангу целый 3-х дивизион. корпус для наступления во фланг немцам.

К 18 часам получено было непроверенное еще сведение о том, что Езерна занята передовыми частями немцев.

Вызвал председателя армейского комитета, обращая его внимание на необходимость нравственно воздействовать на части 41 арм. корпуса, где сегодня проявились опять признаки неповиновения, а один батальон даже арестовал своих офицеров; послал сегодня туда комиссара. доктора Григорьева.

В разговоре с председателем армейского комитета выяснилось, что командный состав опускает руки; бывший нач-к 5 Заамурск. дивизии генерал Хануков (ныне эвакуированный), получив приказание о передвижении дивизии из одного леса в другой, передал это на обсуждение комитета полков, а комитеты заявили, что надо обсудить на митингах, которые, конечно, все провалили. Вот каковы наши начальники!!!

20^{45} часов из 7 корп. сообщают, что XI армия рассчитывает удержаться 5 и 6 корпусами, но что Езерна безусловно занята немцами.

Сейчас передали, что с одобрения Времен. Правит. Керенский объявил о том, что большевистские газеты надлежит не допускать

в войска, а большевиков арестовывать и предавать суду, как за измену государству...

В конверт прикладываю переписку по поводу вмешательства комиссаров в дела управления операциями. Можно думать, что это будет главная причина увольнения генерала Гутора.

8 июля. Гор. Бучач.

Вчера корреспондент газеты «Русское Слово» Лембич рассказывал, что после взятия гор. Калуша в нем творились такие безобразия, о каких трудно себе представить: полное изнасилование женщин, повешение мужчин, так что трупы висели в окнах, разгром домов,— словом, что-то настолько кошмарное, что он не в состоянии был дольше вынести всего, что видел. Занявшие Калуш немцы посмотрели на захваченных там русских солдат, как на мародеров, и перевешали их...

Вчерашним оперативным приказом ген. Корнилов предписывает всеми мерами строгости — до пулеметов и броневиков включительно— привести в порядок части и заставить их исполнять приказы; то и другое средство Корнилов берет на свою ответственность,— это вот разговор иного характера.

9 июля. Гор. Бучач.

Главкоюз приказал арестованных и нежелавших служить, находящихся ныне за следственной комиссией, отправить на работы. Но это хорошо говорить, а как нарушить закон судопроизводства,— это, конечно, на себя главкоюз не берет.

Больше записывать нет времени,— целый день сижу за картой, размечая передвижения. Обстановка с часу на час становится тяжелее; разрыв с 5 корпусом, на заполнение которого мною настаивает главкоюз. С 3 Кавказ. корпусом тоже разрыв, так как часть людей 159 п. див. самовольно оставила позицию, и в прорыв пошел противник. Весь день все новые и новые сюрпризы: штаб фронта настаивает на сохранении линии; лично убежден, что это вполне возможно, но что делать, когда солдаты при первом же выстреле бегут, бросая винтовки и патроны.

Как всегда, в тылу распространяется паника, а тут еще посещение комиссаров, с просьбою принять меры. Главнокомандующий требует расстрела виновных в бегстве и панике, от Керенского приходит приказ применять § 14 Декларации прав (употребление силы оружия), но разве этими приказами поможешь хоть на иоту?!

День ужасный. Как много надо иметь выдержки и такта, чтобы не показать окружающим, что чувствуешь и что переживаешь, — в душу закрадывается и страх за боевое дело, и ряд сомнений в принимаемых решениях, и презрение к трусу-солдату.

Солдаты толпами неслись по шоссе, кричали: «Немецкая кавалерия!», рубили постромки повозок, грабили наложенное в них добро,

разбивали бронированный автомобиль за то, что он заставляет их держаться на позиции, убивали офицеров, убеждавших их не пачкать себя и исполнять свой долг (нач-к штаба 162 п. див. полковник Хольм).

Словом, полнейший кошмар отступления!!!

Наконец, штаб фронта признал возможным остановиться на той линии, которую предлагал я, — на заранее приготовленной с проволокой позиции по р. Стрыпе с отсеком на Серет. В виду занятия этой линии решили штабом отойти в Гусятин. За постоянной отдачей приказаний и распоряжений опять не спали всю ночь. В ужас приводил меня к-р 45 корпуса (вр. командующий) генерал Ефтин, совершенно потерявший связь с своими дивизиями и допустивший их самовольный уход на восточный берег реки, донося, что «они идут на юго-восток от Трембовля, и остановить их невозможно».

Генерал Скоропадский, прежде чем начать выдвижение корпуса, «объехал все полки» и «убедился, что у всех настроение хорошее», что же касается самого выдвижения, то таковое вылилось в развертывание дивизий. Генерал Шишкин, нач-к Оренбургской казачьей дивизии, совершенно пропал в течение суток, не считая необходимым соединяться со штабом на попутных станциях телефона, или — что то же — телеграфа. А между тем именно его-то ориентировки и были для меня особенно важны. Штаб фронта вообще страшно нервничал, договорившись до того, что заявил, что «теперь смотреть на запад не важно, а следует «на север», — до такой степени они боялись отрыва моей армии от XI. На указания мои, что солдаты просто бегут, и притом панически, мне ответили, что главнокомандующий надеется, что я волью в них свою бодрость и энергию, на что я возразил: «За комплимент благодарю, но полагаю, что в тех мерзавцев, которые бросают оружие и убеждения, в те умы не вложишь ничего...

10 июля. Гор. Гусятин.

Нажим немцев старательно ведется сегодня на мой правый фланг, вдоль р. Серета, но чем же я могу парировать этот нажим, когда в дивизиях у меня на фронте..... [6]) человек.

11, 12, и 13 июля. Гор. Гусятин.

Все эти дни шел один сплошной кошмар отступления бессмысленного и беспрерывного. Солдаты не держатся на позициях, фронт же, как на зло, дает такие линии отхода, на которых совершенно нет никаких позиций, растягивая все время мой левый фланг, дабы не оторваться от соседа. Гвардейский корпус прибывает с страшным опозданием, так же, как и 2 конный корпус; к-р гвард. корпуса, получив донесение о появлении каких-то разъездов на левом фланге, самовольно задерживает шедший уже ко мне 2 конный корпус, и к-р этого корпуса, имея определенную задачу сосредоточиться к Черткову,

остается на месте; в виду перерыва связи все это узнается слишком поздно.

Поведение солдат ниже всякой критики: идет повальное бегство, поджоги и грабежи; был случай, что в селениях переодетый немецкий шпион, крикнув: «Немецкая конница!», произвел невероятную панику среди солдат; его расстреляли.

Сегодня, 13-го, вечером разнузданная толпа в дер. Пробужна стала грабить и поджигать дома; офицеры штаба 12 корпуса стали уговаривать. Тогда послышались крики: «Шпионы, провокаторы», и трое офицеров были ранены выстрелами из этой толпы. Я приказал немедля расстрелять подстрекателя. — Обручев настолько, видимо, слаб, что в Бучаче просил комиссара приказать смотрителю продов. магазина отпустить продовольствие, а его комендант дал письменную просьбу разрешить расстрелять солдата, производившего дебош. Вот до чего низвели даже высший командный состав!!! Вчера, 12-го, приезжали комиссар фронта Савинков и комиссар 8 армии Филоненко. Наглость, с которой они разговаривали со мной, была неописуема, — в каждом слове ясно сквозило желание унизить командный состав, и это желание было так сильно, что Савинков не удержался, чтобы не сказать мне: «Мы настаиваем на предании суду всех виновных нач-ков. Теперь, слава богу, введена смертная казнь, и не только для одних солдат». На это я ответил: «Человека, бывавшего в боях и знающего смерть во всех ее видах, угрозой смерти не запугаешь, но невредно вывести на чистую воду тех, которые извратили армию и доводят ее теперь до позора,— вот кто первый должен подлежать смертной казни». Сегодня комиссар моей армии Загорский определенно сказал мне, что комиссариат, а главное, армейский комитет требуют предания суду всего высшего командного состава армии. Вероятно, что в том числе и меня, хотя Загорский и говорит, что обо мне и речи нет, но думаю, что он лукавит.

Приезжал ген.-майор Иванов (бывший нач-к 2 Финл. стр. дивизии). Уволен, несмотря на успешный бой на прорыве, по несоответствию новым началам. Очень ругает генерала Нотбека за то, что тот лично доложил военному министру, что нач-к 2 Финл. стр. див. настроен «пессимистически», что и было причиною увольнения Иванова в резерв. А пессимизм состоял в том, что Иванов заявил военному министру об истинном настроении полков, отказывающихся от боевой работы и вечно ведущих митинги, что было совершенно правильно. На предложение Керенскому поговорить с 6 Финл. стр. полком, отказавшимся итти на помощь для атаки, Керенский ответил: «С такими мне нечего разговаривать». — Вот ответ, достойный министра-социалиста!

Слава богу, ежедневно приходят все новые распоряжения: по суду введена смертная казнь, но и без этого уж начали разделываться с мародерами и грабителями сами.

Приехал повидаться со мной капитан Леонтьев, и. д. нач-ка штаба ударного отряда смерти имени генерала Корнилова. Рассказывает, что в VIII армии новый командующий — ген. Черемисов—всецело под влиянием армейских комитетов, уступая им лучшие помещения, которые отнимает от офицеров штаба.

При взятии Калуша, по словам Леонтьева, было что-то ужасное: от криков и стонов насиловавшихся нашими мерзавцами женщин заглушалась стрельба. Это же подтверждает и князь Багратион, нач. конной туземной дивизии, которую, впрочем, обвиняют в этих бесчинствах особенно. Конечно, понятно после этого, что, когда мы оставляли Станиславов, жители с балконов бросали в наши войска ручными гранатами.

На этих днях окончательно прикрыли всякие митинги, которые приказано разгонять оружием, — слава тебе, господи!! Но что всего ужаснее, — это то, что теперь-то приходится применять это к лучшим людям, семь дней мученически работающим на своих позициях, а против настоящих-то подлецов это не применялось.

Всеми мерами ловим беглецов, вооружаем тем, что имеем под рукою, и направляем в корпуса, дивизии которых теперь доходят до 600—400 штыков. Вот что делают бессмысленные ни к чему ненужные задерживания армии на позициях — «отходы шаг за шагом».

Сводка показаний пленных и агентурная ясно дает нам картину занесенного на моем правом фланге удара, дабы разрезать меня от XI армии. Если бы одни сутки обождал я еще на позиции, армии грозило бы окружение или отход на юг и, опять-таки, тоже окружение.

Извне идут какие-то темные слухи: говорят, что Керенский, назначенный премьер-министром, арестован и что во главе этого дела стоят казаки, открыто заявляющие, что они не допустят безобразия в России.

Пора бы ввести настоящую крепкую власть: в ней одной у нас теперь спасение...

Но как ловко воспользовался Вильгельм: после нашего «наступления», или вида на наступление, наступила реакция, и какая ужасная. В это время заносится удар на нас; офицер, взятый в плен у Бжежаны при нашем наступлении, заявил определенно: «Теперь мы будем наступать, и ваши побегут, — весь урожай будет наш». А мы-то распинались засеивать поля, брали для этих работ своих солдат из строя, — ужас!

До ночи пробыли в Гусятине; выслав конницу и дав ей задачу прикрытия отхода пехоты, я приказал дивизиону английских броневиков присоединиться к 2 конному корпусу. Любоваться приходится на этих молодцов англичан, таких энергичных, решительных и смелых. Наши броневики значительно хуже.

Останавливаясь на работе некоторых частей, приходится поражаться их мужеству; утомление страшное..

14 июля. Мест. Ярмолинцы.

Утром представлялся мне ген.-майор Верцинский, получивший гв. стрелк. дивизию, — был отчислен от должности нач-ка штаба армии VIII благодаря тому, что Черемисов «в упоении властью» в один день отчислил всех наиболее видных деятелей штаба армии.

Интересная просьба Верцинского: если его будут опять отчислять в резерв, то чтобы в Петроградский округ и по болезни, для чего у него имеется уже свидетельство... Вот какие скромные желания проявляют теперь наши нач-ки, измученные и физически, а главное, морально... Офицерская убыль громадная, — есть полки, в которых она достигла до 50-ти человек.

Наконец-то, сегодня вышел приказ о том, что круг деятельности комитетов не смеет выходить из рамок. Приказ по воен. ведомству 16 апр. с. г. № 213.

До 20^{30} часов ждал приезда главнокомандующего, затем в поезде поехал с ним до Проскурова. В поезде разговор коснулся прежде всего последних дней. Генерал Корнилов заявил, что все его требования в Петрограде исполняются и что он готовит новое требование: уничтожить армейские и прочие комитеты с теми функциями, которые им даны, и строго регламентировать, что̀ обязаны делать комитеты.

Выслушав мой доклад о противнике и проследив шаг за шагом работу нашу при отступлении, Корнилов признал, что́ положение наше было крайне тяжкое и что мы вырвались из когтей, избегнув с божиею помощью фактического окружения. Тут же Корнилову стало ясно, что виною оставления тяжелой артиллерии и имущества была именно XI армия, откатившаяся назад левым флангом, что и ставило меня в ужасное положение.

Генерал Незнамов [7]) признается виноватым в том, что саркастически относился и относится к современному положению, подчеркивая каждый раз комиссарам, что причиною происшедшего в армии несчастия служит новый порядок с комитетами, комиссарами и т. п. Это же мне подтвердил и генерал Духонин [8]), который очень извинялся за разговор со мной по поводу связи, в которой он всецело винит генерала Незнамова. Нач-ком штаба армии, по моему ходатайству, назначают генерала графа Каменского, который, по словам Духонина, завтра должен быть у меня.

Отношение ко мне генерала Корнилова прекрасное, — видимо, доверяет мне. Вполне разделил мой взгляд на предстоящий нажим немцев на мой правый фланг в направлении на Проскуров. Генерал Духонин говорил мне, что комиссариат и армейский комитет очень недовольны были Гутором за то, что он удалил генерала Бельковича, считая, что он не виноват. Духонин же поведал мне, что уход Гутора произошел из-за его телеграммы, посланной генералу Брусилову по поводу вмешательства в оперативные дела комиссаров Савинкова и Фи-

лоненко. Для удаления Гутора Брусилов приехал лично, при чем Духонин сам стал проситься уйти, но Брусилов и Гутор лично уговаривали его остаться и при генерале Корнилове.

В Проскуров мы приехали в 5 часов 15 июля.

15 июля. Мест. Ярмолинцы.

После обеда отправился на обед в 5 самокатный баталион, блестяще работавший у Козова — в главном направлении нашего прорыва; много говорилось речей, из коих ясно было, что положение офицера тяжкое: оплеванный правительством, угрожаемый солдатами, офицер потерял чувство своего достоинства: констатирован целый ряд случаев бегства с поля сражения офицеров, при чем были случаи, что их расстреливали...

Сегодня же вместе с 23 запасным полком прибыл и 49 Сибирский, упорно отказывающийся итти на позицию; вчера назначил поездку в этот полк генерала для поручений при мне и помощника комиссара, но последний, как всегда, опоздал. Я, вообще говоря, вполне понимаю офицеров, которые страшно возмущаются тем, что штатские допущены управлять армией, наводить в ней порядок и т. п. Положение же комиссаров крайне странное. Сегодня комиссар армии Загорский написал мне бумагу, указывая на то, что его увольняют; в частном разговоре он высказал, что его упрекают, особенно комиссар Юго-Зап. фронта Савинков, в том, что он не арестовывает и не отстраняет генералов и нач-ков частей, не участвует в расстрелах и вообще «не поддерживает престиж комиссара». Я написал по сему случаю телеграмму Савинкову, а копию генералу Корнилову, прося уведомить, по каким причинам увольняется комиссар, являющийся ближайшим моим сотрудником в вопросах, так сказать, «внутренней политики».

Да, с армией сделали что-то невероятное. Однако, со введением строгостей, дисциплина начинает укрепляться: уже кое-кто начинает отдавать честь и слушать распоряжения; по докладу нач-ка инженеров армии, солдаты, назначенные на работы, производят их с полным старанием. — Раб, недоросший еще до свободы, останется рабом; но характерно одно: кадровые солдаты, воспитанные кадровыми офицерами, совсем иначе поняли свободу, нежели все укомплектования, воспитанные худшими и малоспособными офицерами запасных наших полков. Ясно, что на назначения этих кадров не обращалось должного внимания, и туда попадали люди всякого рода и сорта, не понимавшие ни значения воспитания, ни правильного обучения в этих частях, беспрерывно питающих армию. Отсутствие системы, полное непонимание применения теории на практике, отсутствие метода приводят к тому, что у нас нет порядка; даже организовать отход своего корпуса к-ры корпусов не умеют, какие бы средства ни давались им в руки.

16 июля. Мест. Ярмолинцы.

К вечеру пришли комиссар и председатель армейского комитета. Пришли предъявить мне в роде ультиматума исправить мой приказ по армии, запрещающий обращение к комиссарам в том случае, если законом прямо предусмотрена власть нач-ка; вызвано это было тем, что к-р 22 арм. корпуса для открытия в Бучаче продовольственного магазина не решился отдать приказ без комиссара. Теперь эти г. г. комиссары заявляют, что я подорвал их власть и теперь якобы к ним не будут обращаться уже за содействием. Я категорически заявил им, что если они настаивают на перемене приказа, то я даю телеграмму главнокомандующему фронтом, прося меня отчислить от командования армиею. Это, видимо, их не устраивает, так как комиссар Сургучев вторично пришел поздно вечером и стал убеждать меня только, чтобы я впредь, упоминая комиссара, предварительно переговаривал с ним.

Жизнь с этими переговорами становится все неприятнее и неприятнее. Председатель армейского комитета докладывал мне о деятельности членов комитета и о том, что́ было спасено из имущества благодаря распорядительности членов комитета. Так как идет сплошная похвальба членам комитета, то я приказал все это изложить письменно.

17 июля. Мест. Ярмолинцы.

Работы на тыловых позициях ведутся весьма интенсивно под руководством военных инженеров рабочими партиями. Да и сами части работают с гораздо большим рвением. Вообще после издания закона о смертной казни все как-то подтянулось; перемена настроений отмечается и на позиции: части выносят постановления — удерживаться на позиции во что бы то ни стало (159 п. див.); солдаты других частей стремятся переходить в контр-атаки (3-я Финл. стр. див. и гв. Волынский полк). Рядом замечается нежелание брать пленных, которые добиваются нашими, раз только становится известным, что пленные не австрийцы, а немцы (гв. Волынский полк).

В 23^{30} часов говорил по аппарату Юза с генералом Обручевым. Он доложил, что дерутся отлично и выбивают немцев уже и из 1-й линии окопов; из 2-й же уже выбили.

Польский 3-й полк отказался перейти на другое место,— завтра же его расформирую.

Странное дело, — как только Микула Селянинович прикоснулся к земле, у него появилась сила. Нет, наше военное искусство буквально таки держится на силе обороны, т. к. для наступления мы еще не доросли в смысле народного воспитания. Кавказская туземная дивизия, отведенная мною в сел. Кузьмин, куда-то самовольно ушла и не держит со мною связи; пришлось послать по этому вопросу наддрание. Удивительно характерный это народ: загоняя нагайками пехотинцев в окопы, они прибавляют: «Ва, тэбэ Керенский вэлэл сыдеть в акопе,

чего же ты бэгаешь!!» Когда Гучков отчислил их нач-ка дивизии ген.-лейт. князя Багратиона, они заявили: «Зачэм взяли наш князь, давай назад, а то пойдем все на Кавказ». Князя пришлось вернуть. Как рубаки, — это народ великолепный.

18 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера в газетах сообщалось, что в Ставке верховного собирается большое совещание, на которое приглашены все прежние: Гучков, Рузский и т. п.; определенно стали говорить, что вместо Керенского военным министром назначается ген. Корнилов, а морским — адмирал Колчак. Вызваны также в Ставку Алексеев и Гурко; первый, бедняга, настолько физически слаб, что без катетра не может пробыть 2-х часов. Приглашение этих лиц знаменует собою резкий поворот системы, — надо думать, что поняли, наконец, как нашей армии подходит название «самой свободной в мире армии» (Керенский).

По представленному мне рапорту инспектора артил. армии общая потеря орудий за время отхода армии дошла до 89, преимущественно тяжелых и позиционных.

Вчера генерал Дюгаев рассказывал мне, что паника в XI армии была так велика и обозы отскочили от своих частей так далеко, что штаб 49 корпуса до сих пор питается хлебом, выпекаемым бабами в деревнях. Корпусн. интендант 49 корпуса сразу бросился в Волочиск, при чем по дороге растерял все свои интендантские учреждения. Теперь он отчислен от должности, — давно пора!

Вчера моего адъютанта поруч. Геруцкого притянули в комиссариат по обвинению в том, что он якобы приказал дежурному при мне самокатчику взять винтовку, дабы гнать «всякую сволочь комиссаров, которые выгнали генерала Незнамова, а теперь желают арестовать или убить командующего». Все это возбуждается по доносам солдат — денщика, самокатчика и конного ординарца. Вот до какой гадости стал доходить комиссариат, про который комиссар Загорский определенно выразился, что это — сплошь нечестные, непорядочные, гадкие люди, стремящиеся, как освобожденные рабы, только к одной власти. Загорского увольняют и оставляют буквальных мерзавцев...

В 10^{30} часов поехал на молебен, передачу знамени и смотр 1-му ударному революционному полку. Полк из добровольцев, производит впечатление недурное. Но возмутительна сцена — передача нового знамени через комиссара... Вообще все это с военной точки зрения крайне уродливо и безобразно...

Вечером опять посещение делегатов из Совета Солдатских и Рабочих Депутатов с докт. Григорьевым, которого я теперь при депутатах просто-таки уличаю в незнании законов и в передергивании. Все это приезжают целители армии. Рядом с этим тот же Григорьев докладывает, что из гвард. Павловского полка прибыли к нему депутаты, дабы

выяснить, кто начал отступать первым, — VII или XI армия, и вот Григорьев пожаловал ко мне, обещав выяснить это у меня.

19 июля. Мест. Ярмолинцы.

Отсюда проехали в штабы 7 Сибирского и 22 корпусов; в последнем все неудача по части выбития противника. На фронте спокойно: подвоз артиллер. патронов идет успешно; начинают люди чувствовать себя бодрее и смелее.

Сегодня генерал Корнилов назначен верховным, а на его место главнокомандующим фронтом назначен генерал Балуев. Наконец-то, убрали этого двуликого Януса — генерала Брусилова!!!

Все к-ры корпусов в один голос признают, что введение смертной казни оздоровило атмосферу работы строевых начальников, которые «вздохнули свободно», и вот в это-то время из Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов приезжают командированные вновь «поднимать дух армии», «расследовать, чем и почему она заболела», а рядом из фронтового комитета председатель телеграфирует в комитеты, что они должны «поднять расшатавшуюся дисциплину», «поднять упавший дух» и «реорганизовать армию на новых началах, в духе демократизации». В начавшее уже успокаиваться состояние мятежно-распущенного духа солдата вновь бросается искра.

Что же будет мудреного, если от нее вновь откроется пожар, и я думаю, что немцы сильно рассчитывают именно на это, — недаром же Гинденбург обещал Вильгельму, что «через два месяца он выведет Россию из строя». А у нас эти реорганизаторы не понимают обстановки... Вступление в верховное командование генерала Корнилова, надо надеяться, сильно изменит направление курса; по крайней мере, все здравомыслящие элементы крайне довольны уходом Брусилова, вечно подделывавшегося под «товарищей». Если Корнилов выдержит свой курс, то оздоровление мощи армии и ее честь будут налицо.

Безусловное уничтожение всяких комитетов и комиссаров — первая задача для исправления армии.

На возвратном пути встретил части 2 конного корпуса, уходящего к м. Оринин в состав VIII армии, которая должна очищать на-днях и Черновицы под сильным натиском немцев. Все к-ры корпусов в один голос жалуются на комиссаров и комитеты; особенно ярко рассказывает ген. Обручев, говоря, что эти господа во время операции через каждые пять минут являлись «знакомиться с общей обстановкой», «требовать себе конвой — эскадрон или хотя взвод, но с к-ром полка», и т. п.

Д-р Григорьев потребовал вывоза из Бучача или Монастержиско (точно не помню) муки, в то время как к-р корпуса спешил вывозом новых орудий, могущих быть оставленными, т. к. незадолго до этого прибыли с тыла на замену пришедших в негодность...

К-р 7-го Сибирского корп. генерал Лавдовский рассказывает, что панику в тылах производили нередко шпионы, из коих один был расстрелян, отказавшись себя назвать, а один раз эту панику произвел офицер одного из Сибирских полков, который теперь предается суду. Все к-ры корпусов возмущены воззванием бывшего комиссара Загорского, который указывает в нем на якобы бежавших генералов. Я, конечно, не отдал это воззвание в приказе, как требовал комиссар, а послал при записках и теперь прошу всех к-ров корпусов опротестовать. Собираю матерьялы против деятельности комиссаров и комитетов, дабы изложить весь ее вред для армии.

Вечером — масса бумаг, от комиссариата, бумаги с ходатайствами за разного рода офицеров, якобы обойденных наградами, несправедливо отчисленных от разных команд и т. п. Возмутительно отношение и самих офицеров, забывающих, а нередко попирающих закон и обращающихся за содействием к комиссару, который все равно просьбы эти направляет ко мне, и я должен вести их вниз для справок и сверок... Комиссар всегда при всякой жалобе офицера видит несправедливость начальства и справедливость его, а при жалобах солдат обязательно становится на сторону последних.

20 июля Мест. Ярмолинцы.

В 8 час. поехал в штаб 2 гв. корпуса, где беседовал с командиром корпуса.

Как в остальных корпусах, так и здесь просят с беглецов, являющихся без оружия, удерживать за оружие деньги по стоимости его из получаемого жалованья.

Как и во всех корпусах, так и здесь говорят, что наступило было оздоровление частей, но вот присланная в комитеты телеграмма председателя комитета фронта Дашкевича *) опять начинает волновать части, т. к. комитеты становятся опять наглыми по отношению начальников.

Телеграмма эта следующая: «В момент тяжкой разрухи в армии, грозящей бедствиями родине и революции, Исполнительный Комитет Юго-Зап. фронта призывает войсковые комитеты к самой энергичной работе по организации армии на демократических началах, к самой энергичной борьбе с контр-революционными происками. Без энергичной деятельности комитетов восстановление боевой мощи революционной армии невозможно. О состоянии своих частей, о всех препятствиях, чинимых комитетам с чьей бы то ни было стороны, Искомитюз просит срочно сообщать для принятия надлежащих мер. № 807. За председателя Исполнительного Комитета Юго-Западного фронта Д а ш е в с к и й».

Несомненно, этот г. Дашевский — солдат.

---

*) Дашевского.

Так. обр., все обращение — сплошной призыв к самостоятельно произвольной работе комитетов с угрозой против чинящих препятствия. Насколько же стала велика наглость комитетов, видно из того, что в присланном мне протоколе (№ — неизвестен) говорится:

«п. 5) Для полной осведомленности и согласованности действий начальств армии установить фактический контроль над действиями всех лиц командного состава через особо уполномоченных армейского комитета. Одновременно с тем для правомерности и согласованности деятельности необходим контроль высших комитетов над низшими.

п. 6) Для поднятия авторитета лиц командного состава принять самые решительные меры к его обновлению, для чего необходимо производить в офицерское звание достойных солдат по представлению полковых и равных им комитетов. Необходимо выдвинуть наиболее энергичных, подготовленных и пользующихся доверием офицеров на ответственные должности, независимо от должности, времени службы и чинов».

К этому характерно прибавить и пункт 4-й гласящий: «Устранить лиц командного состава, действия коих окажут преступное отношение к исполнению возложенных на них обязанностей, и предавать их военному суду, организованному на демократических началах». Все это сплошное хамство зарвавшихся солдат, из коих $^3/_4$ не бывали даже в боях.

Вызванный мною по этому вопросу товарищ председателя — солдат Пучков — заговорил такую чушь, что граф Каменский [9]) вышел из себя и у них грозила быть невероятная схватка.

Общая идея всех этих комитетских дельцов, а равно и членов комиссариата: никаких законов старых нет, и все действия должны оцениваться по духу времени, с целью оберечь революцию от контрреволюционных поползновений начальников, которым в современном их составе доверия нет. Раз эта идея положена в основу работы наших комитетов, успокоение наступить не может. Для этих господ не убедительны даже страшные потери в офицерском составе, оставшемся на позициях тогда, когда солдаты бежали без оглядки.

Вернулся домой в 16^{45} часов. По дороге встретил «корниловский» ударный отряд, — молодцами выглядят, молодцами и идут.

21 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня пришло распоряжение о нерасформировании Польской дивизии, а по отобрании у них имущества при содействии польского комиссара передать на Западн. фронт, где формируется польский корпус, — опять начали возиться с разного рода инородцами!

Сегодня распространился слух о назначении главнокомандующим фронтом генерала Черемисова, — удивительная карьера! Для передачи знамени железнодорожников [10]) по их просьбе назначен 10 Финл. стр. полк, оказавший последнее время выдающиеся боевые подвиги...

Председатель корпусного комитета 12 арм. корпуса донес своему к-ру корпуса о бесчинствах, кои творились всадниками туземной дивизии в Тлумаче и Станиславове. Главнокомандующий положил резолюцию: «Если не будут приняты меры, то весь командный состав дивизии будет предан суду». Теперь дивизия, протестуя против обвинения, требует от этого председателя извинения, угрожая в противном случае уйти на Кавказ, т. к. они не обязаны службой.

Целыми днями у нас всякого сорта посетители. Вечером приезжал генерал Скоропадский [11]) по разным вопросам; вопрос украинизации усложняется тем, что, вопреки обещанию, центральная рада стала присылать туда целые полки. Я приказал генералу Скоропадскому лично ехать и наблюдать за укомплектованием. Все неукраинское передано из 153 пех. дивизии в 104-ую.

Тот же генерал Скоропадский жалуется, что приезжающие из Петрограда члены Совета Солдатских и Рабочих Депутатов проповедуют буквально таки вредные вещи: указывают, что газеты врут, говоря о бегстве солдат, — никакого бегства не было, и если бы не растерялись генералы, то не надо было и отступать; указывают на необходимость объединения комитетов, т. к. это единственное средство против контр-революции, во главе которой стоят генералы, и т. п. Скоропадский определенно говорит, что эти приезжие господа говорят солдатам, что смертная казнь вынуждена у Керенского, но что ее быть не должно и никакое уничтожение людей (расстрел) без суда недопустимо.

Сегодня вновь прибыл поручик Смольянинов с разрешением от генерал-квартирм. штаба фронта формировать батальон для борьбы с дезертирами... Каких только ловкачей теперь не появляется,— каждый хочет улизнуть из строя и устроиться или, как у нас говорят, «окопаться» поглубже в тылу, вывеся, однако, флаг с громкой надписью: «На пользу свободной демократической родины» в духе революции. И болтаются такие господа ни весть для чего, отнимая в штабах время своими прожектами. Такова уж наша бедная родина!!

Сегодня отдал благодарственный приказ генералу Незнамову и приказ с указанием на начавшуюся сознательную работу в частях, не только отбивающих атаки, но и наступающих с успехом.

Один из взятых в плен австрийцев показал, что дальше границы они наступать не будут, что и заявили своему правительству, — итак, довели, наконец, до осуществления принципа «без аннексий и контрибуций». Не подобным ли решением можно объяснить совершающуюся на фронте смену австрийских частей немецкими, которые далеко не склонны следовать тому же принципу.

22 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера вечером вновь был засыпан целой массой ходатайств комиссара Загорского по просьбам офицеров о переводах, командировках и т. п. Сами офицеры перестают, очевидно, понимать, насколько

они дискредитируют власть подлежащих начальников, а с другой стороны, сами же затрудняют себе эти переводы, командировки и т. п.

Всякое наступление до времени приказано приостановить. На мое представление об организации особого бат-на для розыска и приведения в порядок дезертиров я получил ответ, что, кроме отряда ген. шт. капитана Нежинцева и 1-го ударного полка подполковника Манакина, никаких отдельных отрядов больше не формировать, допуская лишь по одному ударному батальону при дивизии.

Вопрос о назначении главнокомандующего фронтом еще не закончен, т. к. Корнилов настаивает на назначении Балуева, военный же министр, по проискам комиссариата, назначил генерала Черемисова; у последнего с Корниловым была крупная неприятность: штаб фронта стал так же, как у меня, управлять армией, но я отвел их деликатно и мягко, Черемисов же написал крайне резкую телеграмму и выслал из армии ген. шт. подполковника Альтмана, прибывшего к нему «для связи», а вернее, для негласного наблюдения за ним из штаба фронта, при чем, высылая, добавил, что если ему не доверяют, то он просит его убрать, а если доверяют, то излишне присылать к нему неопытных, некомпетентных лиц, которые, кстати говоря, держат себя бестактно.

Сегодня обращаю внимание к-ров корпусов на необходимость обращения офицеров и солдат по своим личным и служебным делам по командному начальству, а не к комиссарам и к комитетам.

Сегодня армейский комитет опять стал добиваться издания газеты «Известия Армейского Комитета», что идет вопреки указаний приказа верховного главнокомандующего.

Вызвал председателя армейского комитета шт.-капит. Михайлова, который в конце разговора дошел до такой наглости, что позволил себе заявить, что во время операции чины штаба не делали ничего, а только переписывали бумаги, и их никто не слушался, а работали они — члены комитета; я, ничего не отвечая на это нахальство, сказал: «Я, г. шт.-капит., разговор с вами окончил, и вы можете итти». Михайлов остался с открытым ртом...

23 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 7 час. на автомобиле отправился в с. Ольховцы, к позиции 22 армейск. корпуса. Утро великолепное. По пути столкнулись с обозом одного из полков 153 пех. див. Соскочивший с походной кухни кашевар попал под автомобиль и был сбит; ближайший доктор подал помощь, и я захватил раненого в автомобиль для сдачи в госпиталь в м. Городок. Но характерно, что когда я вылез из автомобиля и подошел к упавшему, то из толпы стали раздаваться крики: «Арестовать их!», и только резкий мой окрик с звучной руганью прекратил эту наглость. В Ольховцах остановился у к-ра 9 Финл. стр. полка.

По рассказам к-ра 9 Ф. стр. полка, солдаты крайне враждебно встречают дезертиров и даже секут розгами унт.-офицеров.

По мнению этого к-ра полка, много скверного внесли с собой те кадровые унт.-офицеры запасных полков, которых потребовали в армию: придя в строй вопреки своего желания, они немедленно начали провоцировать и натравливать.

В 13^{20} вернулся домой, где меня ожидал нач-к 22 Сибирской дивизии, который был, очевидно, очень смущен тем, что его заявление комиссару о нуждах дивизии дошло до меня... Я принял его очень ласково, но дал понять, что у него был другой, более скорый способ получить удовлетворение его нужд...

24 июля. Мест. Ярмолинцы.

Вчера вечером беседовали с приезжавшими представителями от железнодорожных служащих киевских, передававших 10 Финл. стрелк. полку привезенное ими знамя. Они в восторге от духа и состояния полка; один из приезжих остается в полку еще два м-ца, чтобы участвовать в наступлении, когда таковое будет; все это люди идейные, но совершенно не понимающие нашей военно-боевой жизни.

За обедом пришел к-р 34 арм. корп. ген.-лейт. Скоропадский откланяться, т. к. он отправляется в Межибужский лагерь. Принес мне попутно рапорт с указанием того вреда, который приносят комитеты.

В 16 часов приехал в Каменец-Подольск, где не застал уже генерала Черемисова, уехавшего в штаб фронта. Ознакомившись с обстановкой, познакомился и с положением вопроса о назначении генерала Черемисова. Когда он был назначен правительством на должность главноком. фронтом, генерал Корнилов требовал генерала Балуева, настаивая на том, чтобы все высшие назначения шли через него; чтобы уладить создавшийся конфликт с Черемисовым, стал говорить по аппарату «Юза» комиссар при верховном Филоненко, убеждавший Черемисова не настаивать на своем назначении, т. к. это грозит уходом Корнилова, что в высокой степени в настоящий момент нежелательно.

Черемисов уперся, заявив, что считаться с личностями он не намерен и настаивает на принятии фронта. Тогда Филоненко стал говорить более резко, ясно указывая, что этого не допустит... и не допустили: к ночи пришла телеграмма, что Черемисов зачисляется в распоряжение правительства...

Ясно, что Корнилов, потребовавший несменяемости нач-ков без его ведома, победил. Можно надеяться, что Корнилов, с божиею помощью, наведет порядок вообще...

Вечером доклад нехо [12]): никакого подвоза с тыла, и живем лишь сбором и перемолом своими средствами...

Но положение затрудняется со стороны крестьян, которые не позволяют производить платные реквизиции у помещиков, заявляя, что $^1/_3$ часть имущества помещиков принадлежит им. Приказал про-

изводить реквизиции с помощью казаков, так как для работы мельниц крестьяне не позволяют рубить лес на дрова.

Сегодня говорили, что Керенский арестован; вообще в составе правительства творится нечто оригинальное, — очевидно, темные силы, руководимые Вильгельмом, ясно и определенно ведут дальнейшую разруху, так как таковая еще не закончена...

Виделся в штабе VIII армии с ген. шт. капитаном Шкеленко, который и рассказал мне о том поголовном разгоне офицеров генерального штаба, который произвел Черемисов; теперь из Ставки приезжает комиссия от союза офицеров, чтобы расследовать дело, — повидимому, союз офицеров возмущен поступком Черемисова.

В виду перехода Каменец-Подольска в район моей армии, я ознакомился с мерами по его внутренней жизни и по ее охранению. Еще до прихода штаба VIII армии там начался грабеж, поджоги и т. п., посему VIII армия установила там особый гарнизон из пехоты и казаков и порядок прохода через город войск, обозов и проч.

Взятый в VIII армии в плен летчик показал, то в Станиславов приезжал австрийский император, заявивший, что дальше границы войска не пойдут, и когда русские будут отброшены к границам, то будет предложен мир всем союзникам или сепаратный мир России. — Словом, дожили до величайшего позора России, которую теперь иностранцы не могут видеть и выражают явное презрение: стыдно теперь смотреть на иностранных военных агентов!

25 июля. Мест. Ярмолинцы.

Лег спать в 1^{20} часов; ночь прошла спокойно. Встал в 7 часов. Утро тихое, теплое, но серое и сырое...

Вчера из штаба VIII армии взяли все данные по расположению и работе тех корпусов, которые прибавляются нам (12-й, 3-й Кавказский), а также и схемы тыловых позиций этого района. Утром приехал ген.-м. Ахвердов, нач-к 5 Ф. стр. див. Утром доклады и рассказы Ахвердова о том, что делается в тылу.

После обеда доклад ген. шт. капитана Нежинцева об ударном отряде генерала Корнилова [13]), который будем переформировывать в полк.

Нежинцев жалуется на Революционный полк подполковника Манакина, говоря, что это — просто банда, без дисциплины. Это совершенно справедливо, тем более, что и сам Манакин, видимо, большой руки фокусник и притом не считающийся с военным начальством, а лишь с комиссарами и комитетами, заявляя им о всех своих нуждах. Занятия в этом полку не ведутся, и на все, что ведет к подготовке боевой, смотрится сквозь пальцы.

После обеда поехал в штаб 22 корпуса.

Жалуются на деятельность комитетов и членов нашего арм. комитета, — общая просьба скорее убрать их. Затем был в штабе 3-й и 2-й Финл. стр. див. В первой рассказывали, что 10 полк выпроводил

членов Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, начавших говорить, что вина отступления в начальниках; полк определенно заявил депутатам, что они не там ищут причин, так как последние в Совете Депутатов, в приказе № 1 и в комитетах, которые развращают армию.

26 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 8 часов поехал в Проскуров для осмотра ударного батальона имени генерала Корнилова. Обошел все роты и команды по помещениям, а затем сказал им приветствие. Отряд производит великолепное впечатление своим видом, выправкой и полнейшим внутренним порядком... Из-за личных ссор и взаимных недоразумений чины отряда остались ненагражденными за блестящую боевую работу в VIII армии, где Черемисов не сходился с Корниловым, имя которого носит отряд.

Приехал сегодня ген. штаба ген.-майор Острянский для расследования деятельности бывшего нач. шт. армии генерала Незнамова. Я дал показание, что его работы за период наступления не знаю, но полагаю, что если бы таковая шла неудачно, то едва ли бы ее потерпел и не исправил главнокомандующий фронтом генерал Гутор, доходивший до таких тонкостей, что лично выбирал места складов. Тут же я поведал Острянскому главную причину жалоб на Незнамова — его неуживчивость с комиссарами и армейск. комитетом.

Сегодня получил телеграмму от Исполнит. Комитета Совета Московских Рабочих и Солдатских Депутатов по поводу того, что он не потерпит чьих-либо посягательств на права комитетов. На это я послал телеграмму главковерху, а копию главкоюзу с просьбой указать мне, кто давал право Совету обращаться ко мне с подобными указаниями. Это совершенно ясная и определенная работа нашего комитета и комиссариата, которых я теперь не принимаю и которые из себя выходят моим молчанием и требованием обращаться ко мне только письменно.

Наглость комиссаров дошла до того, что о прикомандировании писарей и машинистов обращаются ко мне непосредственно. Это я им указал и поставил их на место. Сегодня получена телеграмма от генерала Корнилова, в которой он, подтверждая существование комитетов, сообщает, что вместе с сим разрабатывается строго определенное положение о их деятельности, — давно пора. Вечером приезжал корреспондент «Русского Слова» Лембич, рассказывавший, что происшедший на фронте скандал поставил Керенского в очень тяжелое положение, окончательно доказав всю проблематичность его ожиданий от армии.

Лембич рассказывает, что Корнилов теперь диктует правительству свои условия; положение правительства так непрочно, что поговаривают о возможности перехода к конституционной монархии; все это, конечно, слухи.

Вечером опять доклады; вызвал к-ра 1-го Революционного полка, подполковника Манакина, которому и поставил категорическое тре-

бование остановиться на каком-нибудь штате, а не писать совершенно никому ненужные телеграммы о каких-то чинимых ему препятствиях для сведения ударных батальонов в более крупные части. Идея же этого молодчика совершенно ясна: образованием таких ударных отрядов заменять части, ослабевшие после боев; материальная часть этих последних должна переходить к Революционным полкам. Откуда же, спрашивается, набираются эти части? — из совершенно необученных добровольцев. Дисциплина, по мнению подп. Манакина, должна быть «революционная»; на мою просьбу сказать мне, что же это за дисциплина, Манакин, воспитанник комитетов и комиссаров, ответил, что она основана на доверии к нач-ку...

На мой же вопрос, откуда же масса, не знающая офицеров, может иметь доверие к тому или другому нач-ку, Манакин ответил, что это уж дело этой массы.

Вообще Манакин производит впечатление офицера, ловящего рыбку в мутной воде, пользующегося «обстоятельствами настоящего времени» для своей карьеры.

27 июля. Мест. Ярмолицы.

Городской голова гор. Каменца просит разрешения купить пшеницы и проч. для населения, в виду того, что все продукты забирались войсками. Разрешение дал. Но, вообще говоря, положение относительно продовольствия становится очень тугим.

Сегодня, донося о состоянии в частях армии за истекшую неделю, приходится свидетельствовать, что настроение улучшается, но дезертирство все же продолжается, равно как и жалобы на бесчинство дезертиров в разных уездах; а между тем средств для поимки дезертиров не имеется, так как на всю армию имеем одну казачью дивизию, да и та в 2-х сотнях имеет лишь 55 человек (донесение генерала Попова из Каменец-Подольска).

Сегодня посылаю рапорт генералу Корнилову с приложением документов, характеризующих отношение и работу армейского комитета, при чем ходатайствую об установлении точных границ работы комитетов, их полномочий и прав, указывая, что в противном случае эти права обратятся в бесправие и произвол.

28 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня еду в Каменец и на позицию 162 п. див.

В Каменце повидался с генералом Поповым, который в качестве нач-ка гарнизона наводит теперь порядки. Ужасное зло — грабежи крестьян у помещиков, что сваливают на солдат; нередко же солдаты помогают в этом крестьянам.

Необходимо скорейшее введение революционных судов с точным указанием объема и порядка их деятельности; все это поручил своему заведыв. судной частью армии.

Из Каменца поехал в с. Рыхта в штаб 3 Кавказского корпуса. Отсюда верхом поехали в дивизионный резерв—646 пех. полк.

Вид солдат недурной, но настроение не из важных — слышны разного рода выкрики, замечания и т. п.

Верхом добрался до штаба 52 пех. див., где ознакомился с положением на позиции и нуждами полков, а затем поехал на автомобиле в штаб корпуса в с. Рыхта.

Здесь корпусный врач доложил мне, что коллегия врачей его изгоняет, предъявляя ему обвинение в том, что он не привлекал их к работе по устройству эвакуации, а лишь осведомлял их о принятых мерах... В другом случае его же обвиняют в том, что привлекал их к работе, тогда как они должны только руководить.

Так. обр., и здесь коллегиальное устройство, руководимое земскими врачами, во главе коих стоит доктор Цветаев, кроме тормаза и вреда, ничего не приносит.

29 июля. Мест. Ярмолинцы.

Утром опять доклады и масса посетителей. Прибыл полковн. Солодилов (294 п.) с жалобой на нач-ка 74 п. див., отчислившего его в резерв после того, как сам же особенно лестно отзывался о Солодилове и особенно хвалил его Березинский полк. Размолвка и недовольство произошли после того, как Солодилов высказался за необходимость уничтожить полковой комитет и арестовать зачинщиков и смутьянов... Очевидно, что нач-к 74 п. д. подделывается под комитеты, — вот почему и понятно, что его они хвалят и даже рекомендовали главнокомандующему для занятия должности командира корпуса.

Затем приезжал к-р 7 Сибирского корпуса ген. лейт. Лавдовский с ходатайством о разрешении по своему личному делу съездить в Ставку; далее жаловался на нач-ка 113 пех. дивизии ген.-майора Савельева за его постоянное противодействие распоряжениям начальника на почве подделывания под массу. Затем Лавдовский привез сегодня же следующую телеграмму, разосланную корпусным врачам:

«Настоящее время необходимо быть безусловно стойким в проведении установленных в медико-санитарной жизни начал, чтобы предупредить уклонение в дореформенную сторону. Считаю настоятельным среди командного санитарного состава иметь лишь лиц, действующих в принятом в делегатском собрании направлении. Прошу по сношению с местами дать мне список тех, коих надлежит отстранить по несоответствию, и одновременно список кандидатов на их место. 30 июля назначено при упсанюз заседание совета искомитетов, прошу члена и вручить ему материал по поставленному вопросу. 16.384. Председатель искосана Цветаев.

Передавая телеграмму искосанота для немедленного обсуждения и принятия решения по содержанию, искосанот семь просит выслать заключение корбюро нарочным Проскуров. Санот семь двадцать

девятого совещание, двадцать восьмого Яромирке корбюро 22 и 7 Сибирского и 2-го гвардейского также состоится и члены искосанот прибудут. 428.026. Кутоманов».

Так. обр., здесь захватным порядком осуществляется выборное начало тем более курьезное, что дивизионного, напр., врача аттестуют лишь двое младших его врачей.

Сегодня отправил генералу Корнилову рапорт о деятельности комитетов.

Ходатайства полков, заявленные мне вчера в 3-м Кавказск. корпусе, следующие:

1) Дать укомплектование, так как, напр., 52 п. д. имеет лишь 3500 шт.

2) Дать винтовки и большие лопаты; мерзавцы товарищи все это побросали.

3) Помочь в починке орудий и в замене расстрелянных, количество каковых дошло до 50%; дать минометы, сигнальные ракеты 3-х цветов.

4) Увеличить отпуск пакли, сала и протирок.

5) Наладить подвоз к Каменцу артиллерийских запасов, образовав там склад.

6) Помочь в получении лошадей взамен павших хотя бы путем реквизиции.

Сегодня товарищ комиссара Сургучев по телефону сообщил мне о мерах, принимаемых в 12 корпусе против бат-на, отказавшегося итти на смену: его расформировывают по всей дивизии, а одну роту, которая сопротивлялась, «награждают» черными нашивками на рукава.

Тот же Сургучев просит о наряде солдат для уборки хлеба; по этому вопросу собираю сегодня в Кутковцы всех к-ров корпусов.

Погоня теперь за урожаем есть следствие неорганизованности этого вопроса в тылу до нашего отступления, — все воображали, что пойдем дальше вперед, не думая о возможности итти назад. До сих пор не знали, что доставка продуктов с тыла не только не обеспечена, но просто-таки невозможна.

В виду целого ряда бестактностей в выражениях по поводу комиссаров и комитетов, поручика Геруцкого, состоящего при мне адъютантом, отчисляю от себя.

К 17 часам приехал полковник румынской службы с нашим полковником; завтра собираются ехать ко мне в армию; я предложил вместе со мной на левый фланг — в 11 пех. дивизию. Сопровождавший румына наш полковник поведал мне, что генерал Корнилов все больше и больше убеждается в необходимости уничтожения комитетов и во всяком случае в сокращении рамок их деятельности, и что, по всем вероятиям, на-днях выйдет это распоряжение. Во время поездки Корнилова в Киев на него было произведено покушение; его поезд обстреляли, но, к счастью, попортили только вагон II класса.

Этот же полковник рассказывает, что вообще начинает сильно сказываться стремление взять власть в крепкие руки, при чем влияние Керенского начинает падать.

30 июля. Мест. Ярмолинцы.

В 8 часов на автомобилях поехали на Жванец и далее на позицию 11 пех. дивизии.

Поехали в дер. Окопы, где был построен 42 пех. полк; к-р полка — очень молодой и энергичный, но с большой хитрецой полковник. Докладывал мне, что хотел бы отдохнуть, да боится, что без него полк «развалится», на что я ответил, что в таком случае он, очевидно, не воспитывает полк, а лишь гипнотизирует, — видимо, был смущен.

Но вообще вид людей отличный, а последние успехи дивизий подняли дух дивизий вообще.

Отсюда поехали на позицию 41 пех. полка, где также дух людей отличный, работы на позиции идут успешно.

На обратном пути принял 43 Охотский полк, особенно отличившийся в последнем бою; говорил им речь на тему о необходимости наступления... После обеда у нач-ка 11 пех. див., в 16^{30} часов поехали в Каменец, распростившись с нашим гостем — румынским полковником, ходившим вместе со мной по окопам с целью доложить своему королю о настроении армии и прочности остановки нашей на Збруче. На прощанье полковник сказал мне, что доложит своему королю о прочности моего левого крыла, так как видит здесь твердую и разумную руку. Конечно, все одни комплименты, но ужас в том, что несчастная страна-союзница принуждена посылать своих делегатов следить за своей соседкой...

При проезде через м. Жванец обратил особенное внимание на удивительно распущенный вид солдат 56 пех. дивизии, бродящих без поясов и без погон по улицам и площадям, — полная противоположность частям 11 пех. дивизии.

31 июля. Мест. Ярмолинцы.

Сегодня пришла телеграмма, указывающая на мою телеграмму в корпусах о запрещении без нужды обращаться к комиссарам. Разъяснительная по этой телеграмма не упоминается совершенно, и, так. обр., комиссариат заведомо передергивает вопрос, указывая, что между мною и комиссариатом установились неправильные отношения...

Вероятно, этим вопрос не кончится, и мне придется либо заговорить более крепким языком, либо бросить армию и поехать отдыхать в Киев, что будет несравненно приятнее, чем жить при таких невозможных условиях... Вмешательство комиссариата во все дела безо всяких знаний делает невозможным положение начальников, которые в один голос говорят, что если дальше пойдет такое же вмешательство, то начавшееся оздоровление армии погибнет навсегда:

сразу устрашенные введением строгих мер и властью, солдаты говорят теперь, что это их только так пугали, а что применить этих мер не посмеют, — так им теперь внушают приезжающие члены Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, допытывающиеся в частях, кто виноват в позорном бегстве и отступлении, старательно доказывающие, что вся вина в нач-ках, которые нарочно приказывали уходить, чтобы вернуться к старому режиму и старой власти...

Старшие нач-ки становятся игрушками в руках комиссаров. Вместо того, чтобы разобраться в моем распоряжении или хотя бы запросить меня, в чем дело, генерал Балуев телеграммою пишет, что не допускает таких распоряжений, что комиссары поставлены от правительства и т. п. От кого же, спрашивается, поставлен старший командный состав, и кто отнимал от него предоставленные ему положением о полевом управлении права? Это не жизнь и не работа, а вечные каторжные работы...

К обеду приехал нач-к казачьей туземной дивизии ген.-лейт. князь Багратион; приехал просить разрешения перейти с дивизией в район за Деражню, в виду крайних трудностей в пропитании и необходимости получить укомплектования.—Объяснил ему, что до окончания операции, если таковая состоится, дать такое разрешение не могу.

После обеда поехал с нач-ком штаба в Проскуров на заседание по поводу урегулирования вопроса продовольствия путем реквизиций.

Всесторонне осветили этот вопрос в Проскуровском и Летичевском уездах, и ни к чему нельзя было притти в Каменец-Подольском, где сбежала продовольственная управа. Посему пришли к такому заключению: от Проскуровской и Летичевской управ при корпусных интендантах будут представители-делегаты (что уже частью и осуществлено), а в Каменец-Подольском работа интендантов будет вестись с помощью только волостных комитетов, пока мы не вернем из Винницы уездный комитет. Что касается губернского комитета, то таковой совершенно не принимает никакого участия и не объединяет уезды, благодаря чему распределение реквизиций, естественно, неравномерно и не основано ни на каких статистических данных.

Забавная роль в этих вопросах товарища комиссара Сургучева: не зная ни законов, ни положений, стоя на одной только точке зрения, что крестьянин прав, а помещик — изверг, Сургучев предлагает меры к обузданию помещиков, ставя войска в роль посредников.

Я категорически отклонил этот способ, заявив, что мы должны получать, а не быть судьями и примирителями. Относительно расплаты с помещиками — установили ее путем квитанций, а не деньгами, т. к. хлеб объявлен государственною собственностью и расчет с владельцем, конечно, надо предоставить государственному учреждению — управам, которые, конечно, лучше знают отношения помещика к казне.

Заезжал в ударный Корниловский полк; там сестра милосердия рассказывала ужасы, бывшие на Западном фронте, где братание дошло

до проводки телефона к противнику, которому передавались от нас все сведения. 2-я Кавказская дивизия дошла до того, что бригада, бросив позиции и захватив свои пушки, стала обстреливать свои же тылы и штабы дивизии и корпуса. Это было буквально братоубийство... Сестра говорит, что во главе полка стал фельдшер...

Вечером были на спектакле, устроенном ударным Корниловским полком; прошло все отлично...

1 августа. Мест. Ярмолинцы.

9^{30} часов выехал на смотр туземной конной дивизии. Встреча мне устроена en grand. Смотр прошел великолепно, после чего прекрасный обед с песенниками и восточными танцами под зурну... Пережил прекрасные часы старого режима военного, видев прекрасную боевую часть с прекрасным духовным настроением.

В 16 часов поехал в Сатанув в штаб 41 арм. корпуса, т. к. решил побывать в окопах. В штабе корпуса ген.-лейт. Мельгунов доложил о состоянии частей, при чем указал, что состояние некоторых неважное; корпусный комитет раскалывается на 2 партии, из коих одна признает необходимость дать нач-кам дисциплинарную власть, другая же не признает. Поправка некоторая замечается лишь внешне: больше отдают честь, меньше рассуждают и т. п. Однако на ближайшие дни надеяться и рассчитывать на части корпуса Мельгунов не может.

2 августа. Мест. Ярмолинцы.

С утра сел за доклады и разбор представлений к наградам за бои; характерная особенность: прапорщиков за ничто представляют как к первой награде — к ордену св. Владимира 4 ст., минуя все остальные награды...

Затем пришел по ряду вопросов товарищ комиссара Сургучев. Разговорились по разным вопросам; между прочим, он заявил, что корпусный комитет 22 арм. корп. запрашивает его о причинах ухода генерала Обручева, т. к. считает, что он вполне удовлетворяет текущему моменту и вполне пригоден для дела, — вот как стали рассуждать комитеты! Далее он поднял вопрос о препятствиях, якобы чинимых штабом изданию газеты армейского комитета. На это я возразил, что штаб всецело шел навстречу, но что комитет проявляет бесконечную наглость, позволяя себе даже не отвечать на мои запросы о предоставлении списка членов, о предоставлении сметы на оборудование и содержание типографии, т. к. без этих данных я не в состоянии даже ходатайствовать об ассигновании им отпуска денег; пользуясь этим, комитет требует деньги из экстраординарных сумм и в то же время тормазит открытие «Армейской Газеты», которая должна издаваться штабом, а не комитетом. Наглость вообще комитета и комиссариата доходит до того, что, требуя от штаба армии авансы, они из них назначают себе суточные, пособия, жалованье писарям и т. п., и все

это безо всяких штатов, табелей и распоряжений. Попытка штаба протестовать приводит к скандалу: немедленно летят телеграммы военному министру, верховному главнокомандующему и главнокомандующему фронтом. И тогда начинается со всех сторон трезвон и вопль.

Далее Сургучев коснулся взаимоотношений нач-ков и комиссаров, высказывая мысль о необходимости работать в «контакте». На это я ответил, что подобная работа вполне возможна, если только со стороны комиссара не будет стремления стать выше существующих законов, во 1-х, а во 2-х, не будет ясно определенного намерения во всем и во вся обвинять начальство. Далее я указал ему на всю ненормальность создавшегося положения, когда, вопреки закона, офицер обращается к комиссару с рапортом по делам, комиссара не касающимся, а сам комиссар принимает сам на себя роль представителя военного министра во всех нужных и ненужных случаях.

Сегодня получена телеграмма к-ра 2 гв. корпуса о начавшемся волнении в 1 гв. стрелк. полку на почве производства реквизиций: солдаты отстаивают интересы крестьян и по наущению агитаторов доказывают, что реквизиции выдуманы офицерами, дабы поддержать помещиков и буржуев. Положение офицеров, по донесению Вирановского [17]), трагическое: к-р полка убит во время вмешательства; командирован на место комиссар Сургучев, т. к. воздействие словами делу не помогает. Нач-к дивизии генерал Верцинский к-ром корпуса отрешен по болезни, т. к. у него есть свидетельство, Вирановский же считает Верцинского вообще не подходящим к занимаемой должности, т. к. его приемы не отвечают текущему моменту.

Во всяком случае, Вирановский считает, что волнение вносится приезжающими во фронт лицами, намекая этим на приезжавших членов Совета Солдатских и Рабочих Депутатов.

В 16 часов поехал посмотреть 1 ударный революционный полк Манакина, два бат-на которого уходят сегодня ночью на Збруч.

Между прочим, мне было доложено, что пулеметная команда не желает итти с своим бат-ном, т. к., по мнению солдат, на ударные войска смотрят подозрительно. Я приказал отобрать от них матерьяльную часть, их переписать и безотлагательно арестовать.

Пока я вел беседы по обучению роты, в команде одумались и прислали просить извинения, выдав и 3-х зачинщиков.

Оказалось, что эта команда из 1-го Ораниенбаумского пулеметного полка, полного большевиками и отличавшегося своими художествами.

3 августа. Мест. Ярмолинцы.

Сейчас (12[40] час.) подали телеграмму об отмене приказа главковерха о конфирмации приговоров революционных судов комиссарами. Обязанность эта оставлена за строевым начальством. Так. обр., тяжелую обязанность конфирмации эти «друзья народа» отстранили от себя

и свалили на то же начальство, которое ими выставляется реакционерами и врагами армии и революции.

В виду обострившегося положения в 1-м гв. стр. полку, команд. корпуса просит подготовить 2 полка конницы, батарею и броневики. Собираю из 1 Оренб. каз. див., т. к. туземцы ни за что не пойдут на усмирение.

4 августа. Мест. Ярмолинцы.

Вернулся домой в 1 час и застал у себя ген.-майора Верцинского, представленного к отчислению от командования гв. стр. дивизиею в виду происшедших там в 1 полку беспорядков.

По его докладу, беспорядки подготовлялись путем агитации, при чем вылились в форму убийства полковника Быкова и капитана Колобова на почве строгости обоих, о чем солдаты заявили комиссару сегодня, не дав, впрочем, ни одного конкретного случая. Наглость солдат дошла до того, что они отказывались даже выдать тела покойных для вскрытия с целью надругаться над ними. После убеждений, тела были выданы, но с условием, что им выдадут их обратно, «дабы их не повезли в Петроград или Царское Село, как мучеников».

Генералу Верцинскому инкриминируется его приказ, где он дает указание о сборе урожая отдельно — на случай необходимости его сжечь при отступлении, как того требуют все предписания свыше.

Генерал Врановский, отдавший по вопросу о реквизиции неясный приказ, теперь обвиняет того же Верцинского. — До чего исподлились, до чего исхамились мы, старшие нач-ки, при новом революционном режиме!

Сегодня утром у меня был юнкер-еврей одесского училища, две недели тому назад пошедший в качестве добровольца в 49 Сибирский стр. полк, где вел пропаганду о необходимости дисциплины и порядка. Видно, страшно огорчен тем, что́ пришлось видеть и переживать, и категорически заявляет, что армия еще очень «больна» и едва ли может поправиться. По его мнению, можно ожидать насилий и убийств офицеров, положение которых двояко: старшие — мученики, а младшие — либо подделываются под массу, либо, наоборот, резким пренебрежительным обращением к солдатам разрушают дело и разжигают страсти. Вообще картинка грустная...

А рядом с этим товарищ комиссара Сургучев не решается конфирмовать приговора революционного суда 19 пех. див., по коему 5 челов. подлежат смертной казни, а 19 чел. — каторжным работам. Он просит о вызове товарища полевого прокурора, чтобы посоветоваться... Ну, как можно назначать на ответственнейшие места комиссаров людей безо всякого образования и лишь имеющих богатое революционное прошлое — 8 — 10 лет каторги и участие в разного рода политических убийствах. — Я думаю, что таких вещей не знает ни одна армия!

Далее была беседа председателя революционного суда, привезшего на конфирмацию комиссара постановление этого суда. Конечно, г. Сургучев выказал себя безусловной невеждой и старался доказать, что он должен конфирмировать постановление, а когда товарищ полевого прокурора доказал ему его ложный взгляд, то он начал придираться к формальной стороне вопроса, а т. к. суд состоял из совершенно неопытных людей, то таких придирок нашлось не мало, тем более, что в положении об этих судах ясно сказано, что они должны руководиться положениями о полковых судах, что далеко не имеет той же быстроты в решениях, как в полевом суде. Так. образ., данное право революционного суда обставлено такими формальностями, которые приводят его решения к решениям полковых судов, — это, конечно, вполне последовательно. Итак, революционный суд в данном случае потерпел фиаско. А вместе с тем и сами нач-ки во главе с нач-ком 19 пех. дивизии приложили свои ходатайства о смягчении участи подсудимым... страха ради перед угрозами солдат.

5 августа. Мест. Ярмолинцы.

Сейчас пришла телеграмма от главковерха с указанием, что в одной из армий армейский комитет постановил учредить контроль над действиями начальствующих лиц и штабом и, несмотря на неутверждение этого постановления командующим армиею, приступил к его проведению в жизнь. Главнокомандующий, признавая подобные действия неправильными, предлагает комитетам точно соблюдать статьи положения, по коим комитет в случае обнаружения каких-либо неправильностей только доводит о них до сведения командующего армиею.

Полагаю, что, получив мои рапорта, генерал Корнилов сразу увидит, куда клонит наш армейский комитет, и поймет ту роль, которую он желает принять на себя *).

Вчера генерал Врановский в телеграмме относительно вызова карательного отряда указывает, что, лишенный дисциплинарной власти, он не считает себя в праве пользоваться и карательным отрядом, который вызван по требованию комиссара.

Направляю этот рапорт со своим заключением главнокомандующему фронтом и высказываюсь за передачу права употреблять карательные отряды комиссарам в виду отнятия от нач-ков дисциплинарной власти, как предупреждающей крупные нарушения.

Позавчера пришло приказание о расформировании третьеочередных дивизий, при чем солдаты этих дивизий направляются из крепких полков в свои корпуса, а из слабых — в запасные полки для настойчивого и энергичного обучения.

У меня в армии подлежит, так. образ., расформированию 5 дивизий.

---

*) Телеграмму эту направляю в арм. комит. в дополнение к данным мною лично указаниям.

Некоторые к-ры корпусов (12-го) очень жалеют о расформировании этих дивизий, т. к. полки успели в боевом отношении показать себя превосходно...

Пришла новая телеграмма главковерха с указанием, что комитеты собираются собрать фронтовой съезд в Киеве, при чем объявляется и программа съезда, настолько расширяющая права и полномочия съезда, что касается, напр., пригодности командного состава, и т. п.

Указывая на самовольное расширение комитетами их прав, главковерх запрещает съезд...

Так. обр. нанесен второй удар по комитетам. Наглость этих последних, и особенно армейского, дошла до того, что в своем последнем постановлении он называет нач-ков контр-революционерами и постановляет впредь до смены этих нач-ков приверженцами революции упорно отстаивать права комитетов. Я предложил товарищу полевого прокурора высказаться, как понимает он это постановление, в смысле соответствия основному положению о комитетах по прик. по В. В. 1917 г. № 213.

Генерал Вирановский опять прислал телеграмму с указанием на ухудшающееся настроение войск и на необходимость ввести комиссаров в каждый полк, передав им управление полком вместо офицеров, которых оставить в качестве тактических и строевых работников...

6 августа. Мест. Ярмолинцы.

С утра опять бумаги, в числе коих характерный рапорт к-ра 34 арм. корп. о том, что корпусное бюро врачей признало непригодным к службе корп. врача доктора Бекаревича и выбрало доктора Войцеховского, который отказал к-ру корпуса в присылке протокола заседаний; т. к. подобный же случай был и в 3 Кавказ. корпусе, при чем совершенно определенно выясняется, как и у нас, тенденция убрать всех старших лиц командного состава, начавших службу при императоре Николае II (см. интервью Савинкова), а в то же время выборное начало еще не объявлено, то я представляю этот рапорт главнокомандующему фронтом и испрашиваю указаний...

Вопрос с 1 гв. стр. полком до сих пор не решен: и к-р корпуса, и комиссар медлят и заявляют, что для применения к полку силы необходимо вывести всю дивизию в резерв. Вместо решительных действий, шли только одни разговоры, при чем комиссар сваливает на к-ра корпуса, а последний на комиссара...

Требую к себе к-ра корпуса. С комиссаром сегодня поговорил очень крупно: этот господин стоит в явной оппозиции к командному составу, всюду отыскивая разные вины и придираясь буквально ко всему. И он же все время старается доказать мне, что нам с ним надо итти рука в руку.

Сегодня комиссар получил телеграмму о том, что постановления революционных судов подвергаются конфирмации командующего ар-

мией совместно с комиссаром, при чем в случае их несогласия дело представляется главнокомандующему.

Глубоко убежден, что соглашение будет очень редко, — настолько мы находимся на разных полюсах...

Новое положение о революционных судах сводит их фактически к обыкновенным судам, т. к. допускает заменять смертную казнь каторжными работами, — словом, все идет на попятный.

Что же происходит теперь в печати? Не только в газетах, но, главное, во всех постановлениях армейских комитетов идет травля командного состава, который обвиняют в отступлении армии, в нежелании укрепить революцию и т. п. И вот подобными газетами снабжаются наши части. Постановления арм. комитета особой армии дошли до того, что обвиняют даже Корнилова в желании узурпировать власть...

Хороши же и к-ры корпусов: если один просит для командования полком назначить комиссара (к-р 2 гв. корпуса), то другой (12 корпуса) на мой запрос, почему он не заставил председателя корпусн. комитета поехать в туземную дивизию и извиниться, как это приказано верховн. главнокомандующим, ответил мне, что не считает себя в праве приказывать председателю корпусного комитета. Я ответил ему, что даю срок до 12 час. 7-го авг., после чего доношу главковерху и главкоюзу о неисполнении их приказания...

Это господа, вышедшие из школы генерала Черемисова, окружавшего себя комитетами.

Сегодня капитан Нежинцев представил прокламацию, которая раздается в Проскурове из Совета Солдатск. и Рабочих Депутатов. Прокламация призывает к братанию с противником и к неповиновению нач-кам. Вообще развал армии продолжается усиленно. Приказал выбрать главнейшие постановления арм. комитета и их «Известия» и представлю главнокомандующему, как призыв, недопустимый со стороны комитетов как военно-общественных организаций.

7 августа. Мест. Ярмолинцы.

Поехал в Проскуров осмотреть аэрофотограметрический отдел штаба. Осмотрел в отделе «развертывание» аэрофотографических снимков, дал указания относительно фототипа, снялся в группе и поехал домой, благо, надо было еще беседовать с генералом Скоропадским, приехавшим по вопросам «украинизации» своего корпуса.

«Украинизация» эта идет довольно вяло, т. к. украинцев посылают не только в этот корпус, но и в другие дивизии (74, 56 и 113), чего я уже просил не делать. Заминка происходит и внутри корпуса, т. к. офицеры-украинцы недружелюбно относятся к офицерам не-украинцам, каковые временно оставлены еще в корпусе... Скоропадский кое-как улаживает недоразумения, но лично считает, что созданием

украинского корпуса Россия ставит себе в будущем очень большую политическую задачу. В частях корпуса работы очень много.

Кстати, сегодня прибыл генер. Левстрем, назначенный начальником гв. стрелк. дивизии. Трусость этих подлецов гвардейцев дошла до того, что не решаются присутствовать при назначенном на завтра приводе в порядок 1 Стр. полка. Особенно подлую роль сыграл Вирановский, вчера согласившийся назначить Левстрема для руководства карательными отрядами, а сегодня отказавшийся от своего решения.

Несомненно донесу главнокомандующему фронтом, дабы дать ему ясную характеристику.

Инцидент с туземной дивизией продолжает развиваться: дивизия требует извинения, а председатель корпусного комитета, не идя навстречу, ищет поддержки у армейского комиссара и затягивает время. А дивизия все волнуется. Подал новый рапорт-телеграмму главкоюзу, т. к. комиссар, приняв, конечно, сторону председателя, обвиняет дивизию.

Нач-к 2 Ф. стр. дивизии доносит, что он ничего не может сделать с 6 Финл. стр. полком, который отказывается выходить и на работы, и на занятия. Генерал Демидов [14]) доносит, что скоро едва ли удастся изменить настроение, т. к. полки дивизии пополнились реформированными бат-нами гв. Финляндского и 13 Финл. стрел. бат-нов.

8 августа. Мест. Ярмолинцы.

Ночь прошла спокойно. Встал в 7^{30} час. Утро идеальное.

Вчера из Каменец-Подольска приезжал ген.-майор Попов, который с каждым днем становится все невозможнее: будучи нач-ком гарнизона, Попов абсолютно ничего не берет на свою ответственность и за всяким пустяком телеграфирует в армию. Все обращения к нему жителей и комиссаров направляет опять-таки в армию, испрашивая разрешения, и дошел даже до того, что бумаги в соседнюю с ним армию направляет через наш штаб. К сожалению, до сих пор нет об нем никакого ответа из штаба Румынского фронта, — пора, давно пора убрать его. Вот такие господа подбирались у генерала Щербачева, как бывшие его знакомые и родственники... Говорят, что генерал Щербачев занимался главным образом своей семьей, очень мало или, вернее, вовсе не бывая в частях армии.

С Щербачевым жила его жена и замужняя дочка, и беда была штабным, которые рискнули бы не быть приятными этим дамам. Зато всяким комитетам давалась широкая свобода действий, полномочий.

Наглость комитетов доходит до того, что вчера от Савинкова (управл. воен. минист.) пришла телеграмма о том, что для издаваемой комитетом газеты должны быть возвращены шрифт, машина и отнятое помещение. Кем отнято помещение, какой шрифт надо вернуть, — это, конечно, неизвестно Савинкову, дающему телеграмму

со слов председателя комитета шт.-капит. Михайлова, уехавшего жаловаться на какие-то притеснения со стороны моей и штаба армии.

Решил написать особый доклад главнокомандующему фронтом, изложив весь вред деятельности армейского комитета.

После обеда еду смотреть части 56 пех. дивизии к сев.-зап. от Каменец-Подольска.

Сегодня же закончилось дело 1 гв. стр. полка, — арестовано 814 челов., при чем под угрозой действия артиллериею выдали и убийц полковника Быкова и капитана Колобова.

Примечания.

[1]) Новый главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

[2]) Очевидно, автор разумеет под этим выражением требования момента.

[3]) Речь идет, очевидно, о части 108 пех. дивизии, отказавшейся от повиновения с оружием в руках и удалившейся на какую-то гору.

[4]) Контр-атака германцев, как ответ на известное «июньское» наступление Керенского.

[5]) Командующий XI армией.

[6]) Пропуск в подлиннике.

[7]) Начальник штаба VII армии.

[8]) Начальник штаба Юго-Зап. фронта, впоследствии наштаверх и главковерх.

[9]) Вновь назначенный вместо генерала Незнамова начальник штаба VII армии.

[10]) Делегация железнодорожных рабочих, прибывшая из Киева.

[11]) Командир 34 арм. корпуса, впоследствии был гетманом Украины.

[12]) Начальник этапно-хозяйственной части армии, ведавший вопросами транспорта и снабжения армии в целом.

[13]) Этот отряд, впоследствии переформированный в полк под командованием того же Неженцева, играл крупную роль в судьбах Корниловщины и добровольческой армии.

[14]) Начальник 2-й финляндской стрелковой дивизии.

Из дневника А. Д. Протопопова [1]).

21 апреля 1917 г. командированный в Чрезвычайную Следственную Комиссию Временного Правительства для производства следственных действий А. А. Спичаков-Заболотный в присутствии понятых Александра Владимировича Приселкова и Бориса Львовича Степанова производил осмотр тетради, полученной им от председателя Комиссии Н. К. Муравьева, о чем и составил протокол.

Тетрадь в клеенчатой обложке. На заглавной странице ее имеется следующая надпись: «15 марта 1917 г. А. Д. Протопопов. Петропавловская крепость, Трубецкой павильон. Камера № 43. — Взошел в нее 27 февраля 1917 г. вечером; привезен вместе с ген. Беляевым. На полу сохранился узор ковра, которым был покрыт пол, и несколько отметин от других предметов; кто в ней жил?»

На оборотной стороне заглавной страницы имеется текст следующего содержания: «облатка [2]), чай 9—10 ч., 10 до прогулки — чтение и ходьба (около $1^1/_2$ ч.), чт., прогулка, писать до обеда 2 ч. — около $1^1/_2$ ч. (с 2-х до 3-х) обед и отдых, 3 ч., облатка — (до 4-х писать — 1 ч. ($1^1/_4$ ч. $^1/_2$ ч. ходьбы (с $4^1/_2$ до 6 писать — $1^1/_2$— (6 ч. бром или валериан (6—7 читать — 1 ч.—($^1/_4$ ч. ужин и ходьба) $7^1/_4$—9 ч. чтение и писание — 2. (Сделать постель, спать, если богу угодно).

Писания 4 ч.
Чтения $4^1/_2$
Прогул $^1/_2$
На обеды и пр. 2.
Ходьбы $^1/_2$

$11^1/_2$ ч.».

Протопопов начал дневник 15 марта. К этому времени у него, видимо, произошел некоторый психологический перелом. Он несколько успокоился. Этому спосо-

---

[1]) Протопопов, Александр Дмитриевич, из потомственных дворян Симбирской губ., действительный статский советник. Родился 18 декабря 1866 г. в с. Марысове, Нижегород. губ. Имел в Красунском уезде 4657 десятин земли, суконную фабрику и лесопильный завод.

Симбирским губернским избирательным собранием 14 октября 1907 г. избран членом Госуд. Думы; 20 октября 1912 г. там же избран членом Госуд. Думы (4 созыв) 17 января 1916 г. избран, а 2 февраля 1916 г. утвержден симбирским губернским предводителем дворянства.

16 апреля 1916 г. назначен управляющим МВД; 2 декабря 1916 г. утвержден министром внутр. дел. (Из формулярного списка—Дело ЧСК, № 25.)

[2]) Протопопов принимал лекарство в облатках.

ствовало и свидание с женою, передача ему вещей и еды, — словом, в заботе о нем он должен был почувствовать смягчение одиночества. У него появился сон. «Расположение духа покойнее»,— пишет он 16 марта. Он составляет расписание порядка дня, в котором «писанию» отведено 4 часа.

В дневнике — две части. Первая запись событий перед революцией и ее дней, с 23 по 26 февраля включительно. После перерыва дневник начинается записью 13 марта и кончается 20 числом этого месяца. Эта часть дневника — покаянная, обращение к богу, попытки оправдать себя, найти в своей деятельности положительное.

20 марта сделана была последняя запись, а 21-го Протопопов допрошен был в первый раз Комиссией.

Передача ли дневника в Комиссию, изменение ли порядка в жизни Протопопова после первого допроса приостановили «писание» дневника, — этого мы не знаем. Известно, что до составления протокола осмотра дневника Протопопов допрашивался четыре раза: 21 марта, 8, 14 и 21 апреля.

На допросе 14 апреля председатель Комиссии обратился к Протопопову:

— Александр Дмитриевич, нам в Комиссию передана господином комендантом крепости черновая тетрадь с вашей рукописью. Это ваши заметки о первых днях. Вы подтверждаете правильность того, что там написано?

Протопопов: «Безусловно. Я очень искренно писал все, что там было» [1]).

Дневник печатаем точно, без исправлений, по тексту, приведенному в протоколе Спичак-Заболотного.

(«Св. Александр».)

23 февраля с утра, во время молебна, мне сказали, что забастовали рабочие на многих заводах, большими толпами ходят по улицам, и что командующий войск по докладу градоначальника распорядился вызвать и казаков. На мой вопрос по телефону Балк мне сообщил, что все дело в том, что к газетным уткам, будто в городе нет муки, сегодня выпечка опоздала, не успели будто во время выдать муку пекарям; народ ринулся расхватывать хлеб на сухари и запас, и многим совсем хлеба нехватило. Это вызвало громадное волнение и забастовку, — spontée без сговора и подготовки. Пока заведывал градоначальник, опозданий в выдаче муки не было [2]). Вейс же, его заменивший, по отзыву К., — бестолков и путанник. Но сделать я ничего не мог: продовольствие было не в м-ве вн. дел, а Риттих искренно верил в таланты Вейса. Было собрано засед. сов. м-в у Голицына; я не ожидал забастовки и равно не был в курсе решений команд. окр. на счет прекращения таковой и уличных беспорядков. Я знал, что план предупреждения беспорядков существовал. Он был выработан

---

[1]) «Падение царского режима», т. II, стр. 153.

[2]) Помощн. Петроградского градоначальника. Уполномоченный по продовольствию в Петрограде.

заранее у градоначальника в заседании под председ. команд. окр. (пользуясь правами генерал-губерн., а на театре военн. действий и более того). Градоначальник и вся полиция посему подчинена ему, и я совершенно не касался утвержденных им предположений. В виду этого кн. Голицын просил приехать Хабалова, который и заявил, что все нужное будет им сделано. К вечеру движение стихло; мне даже сообщили из деп. пол., что есть надежда, что на завтра некоторые заводы встанут на работу. В общем день 23-го прошел не очень страшно: пострадали несколько полицейских чинов; стрельбы не было. На Литейной в жандармский разъезд кинута ручная граната; ранены 2 лошади и всадник. Казаки выехали с пиками и народ разгоняли вяло, — были случаи, когда толпа им кричала «ура» и дружелюбно подавали уроненную пику или подправляли свалившуюся узду. Солдатские пикеты и отряды тоже разговаривали мирно с толпами, б. ч. молодежи и хулиганья, проходившими мимо их. Вечером, часов около 9, я дал по телефону знать ген. Гретену [1]) в Царское о бывшем дне и послал Воейкову в Ставку депешу.

24-го [2]) стрельба — ран. — Пол. полка, полков. Шалфеев. Депеша Царск. 25 сильнее. Веч. Засед. Мар. Дв. Мой уход. Ночь в контроле. 26 И. Фед. [3]) Г. Дума. А. Ф. Керенский. — Павильон. Ночь. 27 веч. переезд в крепость.

24 февраля. С утра мне сказали, что в городе неблагополучно. Большие толпы, разбито несколько магазинов, что командующий войсками приказал стрелять. Вскоре я узнал, что многие городовые, пешие и конные, ранены и убиты; на Выборгской изувечен полк. Шалфеев. Была особо стрельба на Знаменской площади, но раненых и убитых, как мне сказали, немного. Днем было совещание у кн. Голицына, кажется; Покровский и Риттих д. б. совещаться с членами Думы. Поднимался вопрос о закрытии ее, но был, помнится, единогласно отвергнут; принят был перерыв. Вечером я был у генерала Хабалова, который показал мне депешу царя, в которой от него категорически приказывалось генералу прекратить беспорядки в столице. От него я узнал, что запасный батальон Волынского полка самовольно оставил казарму и встал на Царицыном лугу, откуда его увел, уговорив солдат, священник. Вечер и ночь были спокойны. Заезжал в градоначальство узнать подробности, но нашел там ген. Хабалова и целый совет, посему ушел в столо-

---

[1]) Начальник царскосельской дворцовой охраны, за отсутствием Воейкова.

[2]) Видимо, план записей дневника.

Это место следует читать: «24—стрельба. Ранен полковник Шалфеев. Депеша в Царское. 25—сильнее. Вечером заседание в Мариинском дворце. Мой уход. Ночь в контроле. 26 И. Фед. Государственная Дума А. Ф. Керенский.—Павильон. Ночь 27 веч. переезд в крепость».

[3]) И. Фед. — вероятно, то лицо, о котором Протопопов рассказывает в записи 26 февраля: «Я зашел к одному бедному мастеру».

вую, где и пробыл минут 20 с хозяйкой дома. Беспокойство у всех было большое, но никто, повидимому, не ожидал грядущих событий; в том числе был и я. По приезде домой, мне было подано донесение охранки, что завтра будет повторение беспорядков, с указанием на плохую надежду, которую можно возлагать на некоторые войсковые части. В этот же день Хабалов выпустил воззвание, что мука у города есть и что беспорядки будут подавлены всеми мерами.

25 февраля. С утра уже стало известно, что беспорядки принимают массовый характер; что части войск вместе с толпой производят сопротивление другим частям войск — жандармам и полиции. Разбита Выборгская тюрьма; разбит арсенал; вызвана артиллерия, пулеметы. По телефону говорить стало нельзя. Взят Финляндский вокзал, и разобраны рельсы. Громадная толпа народа на улицах, стрельба без порядка, пение революционных песен и разгромы лавок с вином и оружием. — Около 1 часу дня, в сюртуке, надев пальто не форменное, я пошел пешком к кн. Голицыну, на Моховую. Думал вскоре вернуться и ничего не захватил с собою. В правом ящике стола остались все документы, а в левом — ок. 5.000 казенных денег, ок. 3.500 руб. моих и, кроме того, мои чековые книжки (20% Юнкерс счета и простого, №, кажется, 6.615, и Международного банка пр. т. сч., — всего моих денег около 34.000 руб.). В несгораемом шкафу были 50.000 р., взятые мною у гр. Татищева под вексель, на выдачу лавкам общества «борьбы с дороговизной» (М.В.Д), для покупки муки и др. продуктов. Выдано мною было еще одно обязательство через Н. Ф. Бурдукова Манусу в 100.000 р.; деньги поступали чиновнику м-ва, заведующему этим делом (Кушнырь-Кушнарев — двойная фамилия — забыл) и пущены в оборот.

Когда я пошел к кн. Голицыну, было около часу дня. К нему мало-по-малу съехались все министры за исключением морского и Риттиха, который не мог выйти из своей квартиры, в виду толпы и стрельбы. Беляев (в. м-р.), говоря, что Хабалов растерялся, уже от себя давал распоряжения. Решено было ехать в Мариинский дворец, который лучше и сильнее охранен. Все постепенно переехали туда. Стрельба и смута на улицах была большая. На площади тоже были кучи народу. Переговорив между собою, г-да министры решили послать государю депешу о положении дел с просьбой назначить полномочного председателя совета министров и военного диктатора для приведения в порядок войск. Затем Голицын обратился ко мне с просьбой от лица совета «принести себя в жертву», как он выразился, и оставить свой пост, ибо мое имя «раздражает толпу», известие же о моем уходе внесет «успокоение». «Это — следствие травли газет и отношения к вам Государственной Думы». Я ответил, что охотно давно бы ушел и, как ему известно, о том неоднократно просил. Теперь же прошу считать меня ушедшим, в виду депеши, посланной царю, которая будет одобрена, и т. к. совет в экстренных случаях может принимать и экстренные меры,— мой уход правомерен.

Тут же м-ром вн. д. был назначен ген. Макаренко, и за ним послали, мне же выразили благодарность за мой поступок.

Так 25 марта вечером совершился мой уход.

Я вышел из зала и ушел в комнату к Крыжановскому, который тепло и мило со мною обошелся.

— Где вы будете ночевать, А. Д.?,— спросил он меня.

— Думал проехать на Фонтанку.

— Нельзя! Вам принесли записку, — весь дом разбит, разгромлены все ваши вещи. Ваша жена — у смотрителя на квартире. (Симановского.)

Он обещал затем устроить мне ночлег в кабинете пом. контролера Маликова. Дал мне адрес, — Офицерская 7, — и я оставил Мариинский дворец. Выйдя через черный ход, я попал на Вознесенский проспект. Толпы народа, выстрелы, угол Максимилиановского, громили лавку. Добрался до Офицерской, № 7. Звоню, — никого, дверь заперта; звоню, — высовывается швейцар:

— Маликов?

— Дома нет.

Бреду обратно через площадь на набережную, к Николаевскому мосту, — не пускают. Я думал пройти на Петербургскую сторону, Б. пр., д. № 74, к своей докторше Дембо. Перешел Неву по льду; на острове около университета тихо; через Биржевой не пускают, через Тучков тоже, а по Александровскому проспекту — стрельба ружей и пулеметов. Вернулся опять к Мариинскому дворцу. Опять пошел к Крыжановскому. Было заседание совета министров. Он не советовал мне входить туда, ибо м-ры опасаются, как бы мое присутствие не привлекло бы толпу на дворец. Я обещал уйти без задержки; он мне сказал, что вышла ошибка с адресом кабинета Маликова, где я могу переночевать; верный адрес — это Мойка, 72. Я вновь вышел на улицу; толпа была еще велика, и масса вооруженных, даже мальчиков, стреляли зря, направо и налево и вверх. Дальше от площади по Мойке было сравнительно тихо, и у входа в № 72 меня впустил ожидавший моего прихода швейцар, который и отвел меня в кабинет пом. гос. контр., где я провел ночь на диване.

26 февраля, утром, часов в 9, я встал, ибо не раздевался, попил чай с черным хлебом, и так как сторож очень беспокоился, не стали бы меня отыскивать, то я отправился к брату на Калашникову пристань. Однако, дойти туда было трудно: толпы запружали улицу, проезжали автомобили с солдатами и рабочими, шла канонада где-то; итти было очень опасно; могли узнать, и тогда — не знаю, остался ли бы я живым. (А теперь лучше ли? На все божья воля.) Я зашел к одному бедному мастеру, которого знал и которого любил. Он глазам не верил, глядя на меня; пригрел, угостил чем мог, утешал; и тени робости мое присутствие у него не вызвало. Великая душа в теле простолюдина. Насколько ближе к богу, к правде, чем наш брат. Он послал,

по моей просьбе, к Сергею узнать, могу ли я пристать у него. Ответ был — это неудобно, ибо и так хотели сделать у него обыск.

В листке я прочел, что Дума образовала Исполнительный Комитет и вызывает бывших членов правительства и что меня никак не найдут [1]). Подумав, я решил сам пойти в Думу. Неужели же я грешнее всех? Вся семья мастера меня провожала до Думы. Боже, что я чувствовал, проходя теперь, чужой, отверженный, к этому зданию, столь мне близкому в течение 9 почти лет. Господи, никто не знает путей, и не судьи мы сами жизни своей, грехов своих. У Думы — груда войск, пушек, народу. Все заполонено толпою. Я спросил какого-то студента провести меня в Исполнительный Комитет. Узнав, кто я, он вцепился в мою руку: «Этого не надо, я не убегу, раз сам сюда пришел»,—сказал я; он оставил меня. Стали звать А. Ф. Керенского. Он пришел—и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатские и офицеры, повел меня в павильон министров, где я оказался под арестом. Я был болен и измучен, и, надо сказать, я тронут за сердце и никогда не забуду его ласку при этой первой тяжелой нашей встрече. Сестра Турцевич ухаживала за мной. Ночь я провел на диване, укрывшись пальто. Ген. Комиссаров лег на три стула и храпел отчаянно. Что это за человек, — не понимаю его. В комнате было два часовых. Приходил фельдфебель проверять. Было запрещено разговаривать между собою. Ночью я не спал. Этот фельдфебель подошел ко мне и почти в упор приставил к моей голове маузер; я не шелохнулся, глядя на него, рукою же показал на образ в углу. Тогда он положил револьвер в кобуру, поднял ногу и похлопал рукой по подошве; не знаю, что это обозначало. Наступил рассвет, пришел другой день, и он тянулся долго-долго. Молчание, отсутствие еды, и горе на душе. В с п о м н и л я с о в е т б р а т а С е р г е я и подумал, прав ли он был, дав мне этот совет. Вечером, как мне показалось, вышло какое-то

---

[1]) Комитет Госуд. Думы организован 27 февраля ст. стиля. Повидимому, память изменила Протопопову. Старший курьер М.В.Д. Оноприенко, допрошенный в Комиссии, говорит:

«В последний раз я видел Протопопова 27 февраля, утром. В этот день он встал раньше обыкновенного, и, войдя утром к нему в кабинет, я застал его уже говорящим по телефону. Телефон был соединен с Царским Селом. Протопопов рукою указал мне, что я должен выйти, а потому я не слышал, с кем именно он разговаривал».

Павел Иванович Савельев, камердинер Протопопова, допрошенный в качестве свидетеля по делу Протопопова 4 апреля 1917 г. Спичаковым-Заболотным, между прочим, показал: «27 февраля, в первый день революции, Протопопов со мною ушел из Мариинского дворца из заседания совета министров, при чем сказал мне, что сложил с себя полномочия. С 27 на 28 февраля мы ночевали в «контрольном доме» на Екатерининском канале, № 76 или 72. На другой день мы вышли на улицу и не знали, куда нам деться. Не желая подвергать меня опасности, Протопопов отпустил меня. Он говорил мне, что его заботит, куда деть находившийся при нем ключ от письменного стола, в котором были ключи от несгораемого шкафа, где был военный шифр. Я предлагал передать этот ключ Родзянке, но он оставил его у себя. Больше я его не видел».

столкновение в комнате рядом и шум, будто солдатского кружка. Затем А. Ф. Керенский меня вызвал, и я был посажен в автомобиль вместе с ген. Беляевым и доставлен в крепость. Впереди нас сидел офицер и держал револьвер на готове, о чем нас предупредили: за каждое движение — пуля в лоб.

13 марта, понедельник,—разг. с м. юст.

14 марта, вторник,— письмо Наташе [1]).

15 марта, среда,— свидание—б ы л а О л я [2]), забыл спросить адрес Мити, стирку белья, Дуняшу, Ивана Федоровича.

16 марта, четверг. После 12 ч. просил отворить форточку; дух грустный, хотя спал часа 4—5. Вещи, привезенные Ольгою, мне не отдали еще. Просил зайти доктора. До сего времени, 4-й день, не получаю supposit. butyr. cacao. У меня сделался herpes. Лечу его чаем. Был доктор; обещал лекарство от herpes'a. Вечером принесли вещи, что Ольга принесла. Чай, сахар, булки суш., масло и сыр. Расположение духа покойнее. В чем мой грех: против закона не грешен, а против всей своей жизни грешен, ибо сам не понял и меня не поняли.—Я виноват, что у ш е л от Думы; а она виновата: без справедливости и жестко оттолкнула меня, когда я с открытой душою шел к ней; а в ней было мое спасение; был бы сохранен работник родине и счастливый человек.

17 марта, пятница. Спал в два приема — дов. хорошо. Ночью пришло мне в голову: «В е ч н о е з а т о ч е н и е». Господи, что сделалось в душе моей. Отчасти невольно, м. б., зародила эту мысль Оля, говоря: «Привыкнешь, будешь поправляться». Что это значит? Боже мой, помоги мне. Длинные, длинные дни. Сидя здесь, вспоминаю: в чем я провинился? Клянусь, преступного с точки зрения закона и того режима, которому служил, я не совершил ничего. Ошибка роковая моя была верить, что надо сохранить тот режим до конца войны, и нездоровые люди, кои меня окружали. Грех не малый М. В. Родзянко: почему, за что он оттолкнул меня, обидел, отогнал меня от фракции, от своих. Сегод. утро тяжелое по настроению. М. б., вследствие того, что я отдохнул ночью побольше, нервы отдохнули и заработали. Господи, как тяжело, куда я дошел, и того даже и не заметил. Меня спросил м-р юстиции: давал ли я деньги из секретного фонда Маркову и еще кому. Он предложил мне это записать, что я и сделал и очень нелепо написал: «из секретного фонда я давал деньги Маркову, Орлову. Подпись». В сущности же как дело было? Видя крушение монархической идеи и считая себя обязанным ее поддержать, я решил, по просьбе многих лиц, дать деньги на поддержание советов и бюро «патриотических организаций». Однако, сумма была, по словам самого Маркова, ничтожной, на которую только некоторые из них едва прозябали. Орлову же я дал раз деньги на печатание

---

[1]) Дочь Протопопова—Наталья Александровна Чельцова.

[2]) Жена—Ольга Павловна, бывшая Носович.

брошюры и еще на что-то, помнится, 2.000 р. Он, как мне говорили москвичи, хвастался этим, и, когда он вновь ко мне приехал, я ему напел неприятностей и денег более не дал. Плохо, что вообще дал деньги за дело бесполезное, но колорит не тот, что вышло вследствие моей нервности при А. Ф. Керенском. Сегодня очень тяжелый по состоянию духа день. Не знаю, чем это себе объяснить, разве que les jours se suivent, mais ne se ressemblent pas.

18 марта, суббота. Ночь провел довольно хорошо, но под утро опять пришло в голову, что по случаю этой слепой ненависти, которая ко мне родилась повсюду благодаря печати, сплетне и клевете, я обречен на заточение здесь. Боже мой, какой ужас я переношу в своей душе и какое раскаяние в своей самоуверенности, что я чистый человек и даже то, что неладно, сумею очистить и направить. Боже, прости меня, и, если есть на то воля твоя, выведи меня из темницы сей. Клянусь служить тебе без самомнения и быть опорою чужого горя.

Солдатик у двери, которого я спросил капли валерьяна, сказал мне несколько слов утешения: «Вовсе не так будет, как вы предполагаете; возьмите себя в руки: бог милостив, все объясните, все расскажете, и люди увидят, что злого в вас нет. Будьте покойнее, тверже». Спасибо ему, эти простые слова столь смягчили ужас моей мысли.

Не одними пособиями правым организациям исчерпаны мои начинания; я перевел Шептицкого [1]), дал ему его службу; мелкая земская единица. Земство в Сибири, земство в Прибалтийских губерниях, выкуп земель; часть земской реформы — в Думе; калмыцкий капитал, духовный д-т и его содержание; взял обратно закон о пораженчестве; закон о присутствовании чинов администрации в собраниях, циркуляры об евреях; предположение об ответственности м-ров перед сенатом и зависимости от голосования Думы. Меннониты — набор; из секретных сумм д-та я взял за все время т. 5 — по мелочам. 5 т. у меня было в столе — приготовлены к выдаче Шабельской, согласно приказу.

Весь день прошел в унынии, долгий день. Господи, подкрепи меня, грешного.

19 марта, суббота [2]). Ночь спал мало и плохо. Под утро помолился и опять заснул. Дерганье прекратилось в мускулах. День такой темный, что в камере нельзя читать. Услышал разговор об избиении корпуса жандармов и полиции во время беспорядков. Господи, — все это один ужас. Чем это все кончится? Что будет со мною? Будет ли суд? Какой? В чем меня будут винить? «Положение ваше тяжелое», — сказал мне Керенский, А. Ф., последний раз. Что он хотел этим ска-

[1]) Шептицкий Андрей, униатский митрополит, задержанный австрийский подданный, содержался в Суздальском монастыре. По распоряжению Протопопова переведен на жительство в Ярославль.

[2]) Воскресенье?

зать? Ненависть, которой я окружен, действительно тяжела; но я не могу признать ее справедливой и заслуженной; это газетная травля, и я раздавлен клеветою, устною, печатною, скопом и в одиночку. Одно зло, — будто я ничего, кроме зла, всю жизнь не делал. Боже всесильный, спаси меня.

20 воскресенье [1]). Спал сравнительно хорошо. Как ни чудно,— смена мысли тому причина. Я вообразил себе, как было бы ладно сделать до конца шаг, который начал, — и не следуй чужой указке. Утром все же голова и душа болят. Кроме того, мне свело как-то шею, и болит жила от хребта к затылку. Я не знаю, в чем меня винят. Думаю: 1) излишняя ревность полиции, поведшая за собою лишние жертвы (военная власть), 2) правые организации получали от меня субсидии (все давали, как мне отказать), 3) Распутин и мои, якобы, особо близкие отношения к нему (видел раз 15—16, ничего его не просил, дружен быть с ним не мог; моя цель совсем не совпадала с его желаниями), 4) провокации? Клянусь — никогда ни за что не допустил бы, если оные были, и я бы узнал. Это стоило бы немедленно места д-ру д-та. Но я верю Васильеву — он честный человек. Денежных шашней никаких. Боже, обели меня в глазах людей; ненависть их меня одолела. Влиятельная придворная челядь».

Сообщил *Ив. Тоболин.*

---

[1]) Понедельник?

М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.

Покойный В. И. Семевский достаточно подробно и с документальной обстоятельностью осветил жизнь М. В. Буташевича-Петрашевского. Последние главы его исследования, напечатанные в «Голосе Минувшего» за 1915 г. (январь, март и май) и относящиеся к сибирскому периоду, исчерпали весь известный до сего времени не только печатный, но и рукописный материал, хранившийся как в семейном архиве Петрашевских, так и в архивах Восточной Сибири. Вероятно, из цензурных соображений, В. И. Семевский не делал точных указаний и ссылок на дела сибирских архивов. Тем не менее, эти дела использованы им основательно, и вряд ли дальнейшие изыскания прибавят что-либо новое к материалам, изученным и опубликованным В. И. Семевским. Но один вопрос покойный историк оставил недостаточно освещенным. Речь идет об обвинении, брошенном Бакуниным по адресу Буташевича-Петрашевского. В своем «Ответе «Колоколу», защищая Муравьева-Амурского, Бакунин с решительностью заявил, будто Петрашевский сделался корреспондентом III отделения, «столы которого, говорят, завалены доносами Петрашевского и Завалишина».

В. И. Семевский, отвергая ряд других обвинений, несправедливо брошенных Бакуниным Петрашевскому, замечает мимоходом, что обвинение в «доносах» является повторением «таких же укоров относительно Петрашевского со стороны Муравьева», который слово «донос» отождествлял со всякой жалобой, направленной против безобразий администрации. «Притом же «доносы»,—замечает далее В. И. Семевский,—обыкновенно бывают безымянными; анонимность является одним из отличительных признаков доноса. Этот признак отсутствует в «доносах» Петрашевского: он не только подписывает их, но и сообщает их содержание своим знакомым, нисколько не скрывая своего авторства. Наконец, к «доносам» прибегают люди трусливого характера, боящиеся ответственности. Петрашевского никто не причислит к трусам, судя по тем сведениям, которые сохранились о нем в литературе» [1]).

Защита эта оказалась, однако, нисколько не убедительной для Б. Кубалова, автора небольшой работы о Бакунине, изданной в Сибири [2]).

Касаясь бакунинского обвинения, Б. Кубалов заявляет по этому поводу:

«Сообщая об этом Герцену, Бакунин говорил чистую правду. Неосновательные жалобы, дышащие не-

---

[1]) «Голос Минувшего», 1915 г., март, 48. «В. И. Буташевич-Петрашевский в Сибири».

[2]) Б. Кубалов. «Страницы из жизни М. А. Бакунина и его семьи в Сибири». Иркутск, 1923 г., 31 стр. Труды Государственного Иркутского университета. Вып. пятый.

годованием, полные злобы и желчи доносы, составленные в неприличных выражениях, доносы-прошения как Петрашевского, так и Завалишина в большом числе мы лично встречали в делах III отделения главного управления Восточной Сибири» [1]).

Для вящшей убедительности автор этого ответственного утверждения приводит список «дел», архивных дел, в которых он «лично» встречал и т. д. Нет, конечно, необходимости говорить о том, какое ошеломляющее впечатление производит утверждение Б. Кубалова. Несправедливость Бакунина мы склонны были объяснить его горячностью, неспособностью иногда взвешивать слова и т. п. В. И. Семевский, вскользь коснувшись этого обвинения, вряд ли придавал ему какое-нибудь серьезное значение. Но вот в 1923 г. автор, на основании архивных изысканий, в ученых трудах Государственного Иркутского университета, черным по белому заявляет, что защита Семевского — легкомысленная защита, что Буташевич-Петрашевский доносы в III отделение действительно писал.

Задавшись целью самым точным образом выяснить это обстоятельство, Центрархив выписал из Иркутска все те дела, на которые ссылается Б. Кубалов. Внимательное изучение их заставляет нас притти к заключению, что Б. Кубалов поставил себя в положение далеко не завидное.

Одно из двух: 1) либо он, доверившись Бакунину, попросту не заглянул в дела, на которые ссылался, ограничившись просмотром описи.

2) либо в дела заглянул и прошения Петрашевского читал, но обнаружил странное для взрослого человека непоминание предмета.

Мы не станем здесь спорить с Б. Кубаловым и опровергать его заявление. Мы попросту целиком опубликовываем те прошения и записки Буташевича-Петрашевского, которые он, вслед за Бакунинным, именует «доносами». Эти прошения и записки не требуют комментариев.

Необходимо лишь не забывать, в какой обстановке эти бумаги были писаны и против кого они были направлены. Автором их был «ссыльно-поселенец», лишенный всех прав состояния, сосланный в каторжную работу, жестоко гонимый сибирской администрацией, бесстрашно выступивший против всесильного «диктатора» Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского, за что снискал себе его бешеную ненависть. Надо вспомнить, что за непокорство Петрашевский был из Иркутска загнан в Минусинский уезд. Енисейской губ., и «сам» Муравьев следил за тем, чтобы никаких послаблений ему не делалось. Петрашевский своей непреклонностью наводил страх на администрацию. Муравьев сместил в Минусинске окружного начальника и назначил «такого, который бы не боялся Петрашевского», как сообщал он М. С. Карсакову. Борясь против местной администрации, Петрашевский добивался законности, здесь лежала его idée fixe, почти болезненное, маниакальное убеждение в том, что этим путем можно добиться каких-то положительных результатов. Сам он выразил эту свою идею весьма отчетливо в письме Д. Завалишину.

«Мои личные материальные и нравственные интересы требуют того же, чего требуют благо и общественные, разумно понимаемые интересы всей страны: полo-

[1]) Указанное сочин., стр. 14.

жить законом пределы для безумного самовластительства сибирских пашей и сатрапов».

Мы не будем здесь рисовать те необычайные условия, в которых вел свою борьбу Петрашевский. Читатель найдет их в указанном выше исследовании В. И. Семевского. Мы отметим лишь ту злобу, которою преследовал своего непокорного врага Н. Н. Муравьев-Амурский. Местная власть Енисейской губ. разрешила Петрашевскому отлучиться в Красноярск для свидания с родными и по другим делам. Проведав об этом, Н. Н. Муравьев-Амурский сообщает управляющему Енисейской губернией свою непреклонную волю:

«Так как Петрашевский должен находиться в Шушинской волости, Минусинского округа, куда переселен из Иркутстка по распоряжению главного начальника, то покорнейше прошу ваше превосходительство ныне же сделать распоряжение о высылке Петрашевского из Красноярска в место его поселения и на будущее время отнюдь не увольнять его из места его водворения без разрешения моего или заступающего в отсутствие мое помощника генерал-губернатора» (дело № 48, л. 39).

Сибирская администрация усиленно хотела сделать Петрашевского сумасшедшим. В его умственных способностях сомневались, так сказать, «официально». Его несколько раз подвергали медицинскому освидетельствованию. В страхе и повиновении выдрессированные чиновники просто не верили, чтобы нормальный человек, в положении Петрашевского, мог осмеливаться протестовать так, как это делал Петрашевский. Достаточно просмотреть вступительные строки его обращения к царю, в главное управление Восточной Сибири, его резкие определения действий той самой администрации, которой он открыто направлял свои прошения, чтобы понять бешенство и негодование, которое возбуждал в чиновниках неугомонный и бесстрашный ссыльнопоселенец. И нет ничего удивительного в том, что прошения его возвращались обратно, как «написанные в неприличных выражениях». Но если кто удивления заслуживает, то только Б. Кубалов, который в оценке прошения Петрашевского совершенно солидарен с чиновниками министерства внутренних дел. Жалобы Петрашевского, оказывается, были и «неосновательны», полны «желчи и злобы» и (какой ужас!) составлены в «неприличных выражениях».

При чтении прошений Буташевича-Петрашевского необходимо иметь в виду особенность его «идеи» борьбы. В его настойчивых домогательствах не было желания добиться частичных улучшений своей участи: в его юридическом крохоборстве, мелочной придирчивости, в его цеплянии за статьи и буквы закона проявлялась фанатическая вера в целесообразность такого пути борьбы. Нет нужды доказывать, что эта вера была своеобразной формой утопии, которая могла родиться только в сознании человека, начисто лишенного всяких человеческих прав, и только в такой бесправной стране, как царская Россия. Но эта гипертрофия идеи законности была все же своеобразным и уродливым проявлением того революционного протеста, той непреклонной решимости не сдаваться, какая до последних дней жизни осталась характерной для этого замечательного человека.

«Можно, руководствуясь чувством или соображениями мелочного благоразумия, винить меня за то,—писал Петрашевский родным,—что в сем случае я не высказал скромности только что вышедшей в свет институтки или savoir faire г. Молчалина, тогда бы, разумеется, я бы избежал многих неприятностей. Если бы я был сослан за воровство, мошенничество, измену отечеству, а не за то, что требования нравствен-

ные общества, требования общего блага понимал яснее других, говорил, когда все молчали, также отмалчивание и даже нахваливание явно бесчестных действий всякой власти... могло было быть мне по сердцу. Но если я смело однажды выступил на борьбу со всяким насилием, со всякой неправдой, то теперь уже мне не сходить с этой дороги ради приобретения мелочных выгод и удобств жизни. Мне теперь уже поздно обучать себя «выгодному подличанью» [1]).

Всеподданнейшие прошения Петрашевского написаны на гербовой бумаге с отпечатанным на ней бланком «Всепресветлейший, державнейший» и т. д. Он имел пристрастие к гербовой бумаге, учитывая, вероятно, особое чувство уважения, которое питали к ней чиновники. На той же бумаге, с тем же бланком «Всепресветлейший» и т. д. написаны прошения и губернатору Восточной Сибири.

Кроме прошений и записок Петрашевского, мы воспроизводим и несколько других документов. Все они были в свое время в руках В. И. Семевского; на них имеются указания в упомянутой выше его работе; из некоторых сделаны извлечения, чаще всего незначительные. Но говорить о значительной ценности публикуемых материалов для биографии Петрашевского, разумеется, не приходится. После их появления на свет окончательно и навсегда должно быть ликвидировано обвинение, брошенное Бакуниным и поддержанное Б. Кубаловым. Оценка борьбы, которую вел Петрашевский, уместная в устах генерал-губернатора Восточной Сибири и его чиновников, легкомысленно повторенная Бакуниным, должна быть раз и навсегда поставлена на свое место.

Все документы публикуем по новой орфографии.

Вяч. Полонский.

---

[1]) См. В. И. Семевский. «Голос Минувшего», 1915 г., май, 47.

№ 1.

Список с предписания г. военного министра генерал-губернатору Западной Сибири от 22 декабря 1849 г. за № 998.

Высочайшею его императорского величества конфирмациею, в 19 день сего декабря последовавшею на всеподданнейшем докладе генерал-аудиториата по военно-судному делу, произведенному по полевому уголовному уложению над злоумышленниками против правительства, между прочим, повелено поименованных в прилагаемом у сего списке подсудимых девять человек, за преступления, подробно в этом списке изъясненные, лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу: пятерых в рудниках, двоих в крепостях и двоих на заводах, на сроки, также в списке показанные.

По лишении означенных преступников, во исполнение высочайшей конфирмации, прав состояния Буташевич-Петрашевский отправлен ныне же закованным в сопровождении одного жандарма и одного фельдъегеря в тобольский приказ о ссыльных, а остальные восемь человек будут отосланы туда же, равномерно закованными, в сопровождении жандармов и фельдъегерей, вслед за сим, в двух партиях.

Уведомляя о сем ваше сиятельство, имею честь присовокупить, что государю императору благоугодно, дабы упоминаемые преступники, по распределении их распоряжением тобольского приказа о ссыльных по назначению, в полном смысле слова были арестантами, соответственно приговору. Облегчение их участи в будущем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от снисхождения к ним ближайшего начальства. Для неослабного и строгого за ними надзора должны быть назначены надежные чиновники, под личною ответственностью местных гражданских губернаторов. О поведении сих ссыльных гражданские губернаторы обязаны доносить каждогодно его императорскому величеству в собственные руки.

Список этим преступникам сообщен также и тобольскому приказу о ссыльных.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус.*

№ 2.

Статейный список

о злоумышленнике Буташевич-Петрашевском, который по высочайшей конфирмации лишен всех прав состояния и назначен в каторжную работу.

№	Какое имел звание, куда назначен и на какой срок.	В чем оказался по суду виновным.
1	Служивший в департаменте внутренних сношений министерства иностранных дел, титулярный советник Буташевич-Петрашевский. *(В каторжную работу в рудниках без срока.)*	В преступном замысле к ниспровержению существующего в России государственного устройства, в привлечении на бывшие у него сходбища разного звания большею частью молодых людей, в распространении между ними зловредных идей против религии, в возбуждении в них ненависти к правительству [и, наконец, в покушении составить для этой преступной цели тайное общество.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус*.

№ 3.

Письмо М. В. Буташевича-Петрашевского К. К. Венцелю.

Ваше превосходительство

милостивый государь

Карл Карлович.

Есть положения, в которых смелость есть благоразумие. В таком положении нахожусь и я ныне. Не утруждая вашего превосходительства его разъяснением, долгом считаю объяснить, что оно и заставляет меня обратиться ныне письмом к вашему превосходительству, как верховному блюстителю законов в Восточной Сибири в настоящее время.

19 декабря 1855 года подано было мною прошение в нерчинское горное правление на высочайшее имя, в коем просил я к нему приложенное прошение мое в V департамент Правительствующего Сената от 19 декабря 1855 года препроводить по принадлежности, горное

нерчинское правление оставляло его без всякого движения до марта месяца 1856 года, почему я сим обстоятельством, равно как и усмотренной мною неполнотою в оном моем прошении в Правительствующий Сенат и был побужден в добавление к оному прошению составить дополнительное прошение и приложить еще к оному для устранения могущих по предмету моего прошения возникнуть сомнений объяснительную юридическую выписку из законов отечественных, и к случаю сему относиться могущих. Таковое дополнительное мое прошение, вместе с вышеозначенным необходимым приложением, представил я при прошении на высочайшее имя в нерчинское горное правление, для присовокупления к прошению моему от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат, об отправлении сего всего по принадлежности. Нерчинское горное правление решило прошение мое от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат с мнением г. исправляющего должность начальника нерчинских заводов представить на благоусмотрение вашему превосходительству, и как мое дополнительное прошение в Правительствующий Сенат вместе с вышеозначенным приложением было мною в нерчинское горное правление подано до отправления им прошения моего в Сенат от 19 декабря 1855 года, то, по обыкновенному порядку деловодства, надлежало дополнительное прошение и приложение к оному вместе с прошением моим от 19 декабря 1855 года в Сенат отправить, но г. исправляющий должность начальника Нерчинских заводов, вопреки установленному порядку деловодства, решил, не основываясь ни на каком законе: дополнительное прошение мое и необходимое к ним приложение, мою юридическую выписку из законов, резолюциею своею — не отправлять к вашему превосходительству. Таковое распоряжение г. исправляющего должность начальника Нерчинских заводов есть явный отказ в справедливости, лишающий меня законных способов защиты, препятствие воспользоваться тем, чем пользоваться мне закон предоставляет, угнетение, ни законом, ни обязанностями службы, ни высшими политическими или государственными соображениями не оправдываемые.

Не находя никакого другого способа к устранению сего, как прибежище искать противу сего, в охранительной силе власти, вашему превосходительству законом предоставленной, я и нашелся вынужденным обратиться к вашему превосходительству с моею всепокорнейшей просьбой, дабы вашим превосходительством: во-первых, истребованы были от нерчинского горного правления сокрытые от вашего превосходительства вышеозначенные документы, по резолюции г. исправляющего должность горного начальника Нерчинских заводов, так и вся переписка, которая имеется или может иметься в делах нерчинского горного правления по предмету моего прошения. Во-2-х, дабы ваше превосходительство до получения сего всего вполне не чинили по сему предмету окончательного распоряжения.

Сию последнюю меру я считаю, как истец, лучшим способом для охранения моих интересов самою силою закона.

В полной уверенности, что вышеозначенная просьба покорнейшая моя, вполне законная и справедливая, не оставлена будет без внимания вашего превосходительства и чрез вас, как верховного блюстителя законов для здешнего края, и получит надлежащее и законное удовлетворение.

С чувством истинного уважения честь имею быть, ваше превосходительство, милостивый государь, покорнейший слуга

Михаил Васильевич сын Буташевич-Петрашевский,

сосланный в каторжные работы в Нерчинский завод.

1856 года, 20 марта, Большой Нерчинский завод.

№ 4.

Записка М. В. Буташевича-Петрашевского.

Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, сосланный в каторжную работу в Нерчинские заводы по приговору, объявленному ему в декабре месяце 1849 года в С.-Петербурге, желая воспользоваться неотрешимо принадлежащим каждому правом отыскивать справедливого и законного путями, непредосудительными для достоинства человеческого, — правом сим, положительно признаваемым отечественным положительным законодательством для лиц, лишенных прав состояния, по окончательном решении дела и по приведении по оному состоявшегося в исполнение, и на основании подтверждения сего права, особенно выраженного в манифесте от 27 марта 1855 г. в сих словах ст. XVIII: «Равным образом, кто за деяния, до обнародования сего манифеста учиненные, будет впоследствии подведен под силу оного и не пожелает тем воспользоваться, тот может в течение одного месяца со дня объявления ему состоявшегося о нем постановления просить о рассмотрении дела его на законном основании. Такие лица в случае их осуждения уже не могут подлежать прощению по силе сего манифеста» — в месячный срок со дня объявления ему о нем в силу сего манифеста состоявшегося постановления 27 сентября 1855 года помощнику управителя Константиновской дистанции коллежскому регистратору Рандину представил прошение, писанное на высочайшее имя, по существу и предмету его содержания к поданию надлежащее в V департамент Правительствующего Сената, в коем изложив: нарушения порядка, правил, обрядов и форм, для производства и следствия суда законами установленных, имевшие место при производстве дела, послужившего поводом к его ссылке, на основании XV т. св. гр. зак., изд. 1842 года, ст. 1221, гласящей: «Приговоры и мнения признаются недействительными, когда формы и обряды, для судопроизводства предписанные, были нарушены», и устава военно-уголов-

ного, изд. 1839 года К. II. Р. II. Гл. VII, ст. 362 и 373, выражающих то же самое, просил он, Буташевич-Петрашевский, Правительствующий Сенат объявить недействительным приговор, ему объявленный в декабре 1849 г. на основании сих законов, и в сем его удовлетворить по силе закона. — Прошение сие представлено было им управителю дистанции при прошении на высочайшее имя, в коем и просил он оное прошение в V департамент Правительствующего Сената отправить. Но г. управитель дистанции, вместо отправления его по принадлежности, представил в александровскую горную контору, которая также, вместо отправления его в Правительствующий Сенат, препроводила его в нерчинское горное правление, которым и получено оно было 12 октября 1855 г. Нерчинское горное правление, вместо отправления сего прошения по принадлежности, не основываясь ни на каком законе, к тому его уполномочивающем, самопроизвольно вошло в обсуживание прошения, ему неправильно представленного подчиненным ему местом, вошло в обсуживание прошения по существу его содержания, подлежащего собственно рассмотрению Правительствующего Сената. Вследствии такового законами недозволенного и ст. 895 XV т. Св. Гр. З., изд. 1842, X т. Св. Гр. З. Зак. Гражд. К. VI. Р. I Гл. IV, ст. 2225; II т. Св. Гр. З. Общего Губ. Учр., ст. 259, и Уст. Воен. Уголовного, изд. 1839 г. К. II. Р. I. Гл. I, ст. 2., и возбраненного под страхом ответственности ст. 317 и 370 Уголовного Уложения, изд. 1845 года, суждения о деле, суду его не подлежащем, нерчинское горное правление возвратило Буташевичу-Петрашевскому оное его прошение с следующею надписью: «Сообразив просьбу политического преступника Петрашевского с законами: т. I, Ком. Прошений, ст. 9, 13, 40 и V т. Уст. о пошлинах, ст. 88, т. X, ст. 2277 и 2278 и Св. В. Пост. т. XII К. II. Гл. VIII, ст. 421, 425, нашла, что таковая подана не по принадлежности, следовательно, не подлежит к принятию, а потому, сделав на оной надпись, 24 ноября того же года, за № 14.434, обратить ему через горную полицию.»—Таковая надпись сделана нерчинским горным правлением вопреки законов. — Вследствие сего постановления, вместо отправления оного прошения в Сенат по принадлежности, нерчинское горное правление явилось на основании I т. Св. Гр. Зак. Учреж. Правит. Сената, ст. 1, 3, 2, 223 и указа 1802 года от 8 сентября за № 20405, изъясняющего права и преимущества Правительствующего Сената, последней статьи оного, как исключившие предмет моего иска из круга подсудности Правительствующего Сената, положило пределы новые для власти его, каковые сам себе Сенат полагать может и единая власть его императорского величества, чрез что, по буквальному смыслу закона, оно оказалось виновным в присвоении себе прав и власти, исключительно принадлежащих Правительствующему Сенату и верховной власти его императорского величества, и поступившим прямо вопреки желаниям ныне царствующего императора, выраженным: в манифесте 27 марта 1855 г., «дабы совокупно действовало правосудие с милосердием» — для облегчения народа, ему подвластного, и в XVIII ст. то[го] же манифеста и

в манифесте 21 мая 1855 года, «дабы всеми отечественные законы были исполняемы». — Вместе с сим оно, лишая бывшего дворянина возможности воспользоваться охранительной силой того суда, которому он подлежал по праву и закону, совершило нарушение привилегий дворянства, невзирая на то, что соблюдение прав и преимуществ дворянства составляет одно из твердых и благих желаний ныне царствующего императора, в чем должны были удостоверить его следующие слова циркуляра министра внутренних дел от 28 августа к г.г. губернским предводителям дворянства: «всемилостивейший государь наш повелел мне ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству». Все сие было изъяснено им в докладной записке, поданной г. исправляющему должность горного начальника и г.г. советникам нерчинского правления. Вслед за сим, он, Буташевич-Петрашевский, подал новое прошение в нерчинское горное правление, в коем просил приложенное к оному прошению, списанное от слова до слова с прошения его от 27 сентября 1855 года в Правительствующий и туда же адресованное от 19 декабря 1855 года препроводить по назначению. В марте месяце 1856 года узнал он, что прошение его от 19 декабря 1855 года, в Правительствующий Сенат к поданию надлежащее, остается без движения,—желая побудить нерчинское горное правление дать движение прошению его от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат и вместе с тем доставить большую определительность и полноту прошению его в Сенат от 19 декабря 1855 г., подал 7 марта 1856 года дополнительное прошение в Правительствующий Сенат. И как уже из надписи, сделанной на прошении его от 27 сентября 1855 года в Сенат, имел достаточно оснований, чтобы предполагать, что причина того, что его прошение в нерчинском горном правлении остается без надлежащего движения, заключается в недоразумениях, которые имело оно относительно того: следует ли таковому прошению Буташевича-Петрашевского в Правительствующий Сенат дать движение и предмет оного подсуден ли Правительствующему Сенату. Для устранения сих недоразумений нерчинского горного правления, препятствовавших движению его прошения, которые также могли повториться и в тех местах, в которые эти прошения могли поступить, следуя порядку подчиненности горного нерчинского правления, проситель приложил к прошению его в Правительствующий Сенат от 7 марта 1856 года, в нерчинское горное правление в это же самое число представленное, приложил о б ъ я с н и т е л ь н у ю ю р и д и ч е с к у ю в ы п и с к у и з о т е ч е с т в е н н ы х з а к о н о в, разрешающую силою, буквою и духом самых русских законов оба вышеозначенные вопроса утвердительно. Нерчинское горное правление, невзирая на то, что оба сии прошения в Правительствующий Сенат и пояснительная выписка из законов в том положении, в котором дело сие находилось, составляли одно целое, а пояснительная юридическая выписка из законов была важнейшею частью оного, вместо приложения прошения от 7 марта 1856 года с пояснительною выпискою из законов к прошению Петра-

шевского в Правительствующий Сенат от 19 декабря 1855 года, находившегося из горного правления не отправленным и отправления сего всего по принадлежности, как просил о том истец, вопреки просьбы истца и порядка, для деловодства в присутственных местах установленного, чрез восемь дней по подаче Петрашевским дополнительного прошения вместе с выпискою из законов отправило одно его прошение в Правительствующий Сенат от 19 декабря 1855 года, а дополнительное прошение от 7 марта 1856 года вместе с выпискою оставило не отправленным и указом своим от 23 марта 1856 года ему объявило чрез нерчинскую горную полицию, «что нерчинское горное правление по последнему прошению Буташевича-Петрашевского до получения резолюции его превосходительства никакого заключения сделать не может». При объявлении сего постановления горного правления в полиции 27 марта 1856 года истец объявил, что он находит его неправильным и при подписке в слушании указа выразит свое неудовольствие и оного причины. К совершению сего, вопреки законов, проситель не был допущен г. полицмейстром Нерчинского Большого завода, почему для заявки прав своих Буташевич-Петрашевский при прошении на высочайшее имя в нерчинскую горную полицию, выписав в оном II т. Св. Гр. Учр. Губерн. общих, ст. 264, к. I, обязывающую нерчинское горное правление не приводить в действие своего постановления по прошению моему, но в силу закона имеющее предетавить оное незамедлительно по принадлежности, просил он приложенную к оному прошению подписку с выражением неудовольствия препроводить в нерчинское горное правление, дабы оно в сем случае удовлетворило его по закону. В подписке неудовольствие на постановление нерчинского горного правления состояло в следующем: «Сим постановлением нерчинского горного правления недоволен, ибо в силу сего постановления нерчинским горным правлением совершено сокрытие двух важных актов, к предмету дела его, Буташевича-Петрашевского, относящихся. Особенно важно сокрытие его пояснительной выписки из законов, разрешающей силою положительных законов и словами манифестов ныне царствующего императора утвердительно все сомнения в том, во 1-х, надлежит ли давать прошениям Петрашевского дальнейшее течение, во 2-х, подсуден ли предмет иска его в настоящее время Правительствующему Сенату. Чрез таковое непредставление по принадлежности вышеозначенной выписки и сокрытие оной от высших властей, до коих может дойти это прошение, таковые власти легко могут быть введены в заблуждение по предмету сего дела, судя по проекту, представленному об оном нерчинским горным правлением господину председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. В коем изложено о сем мнение г. исправляющего должность горного начальника, с приведением на оное случаю сему несоответственных законов. Таковое сокрытие сих актов при настоящем положении дела Буташевича-Петрашевского составляет прямой отказ ему в справедливости. О сем подробно и обстоятельно изъяснено будет им своевременно в над-

лежащем месте. «Но как фактически может быть лишен проситель возможности разъяснить несоответственность сего постановления с законами своевременно, в форме прошения в нерчинское горное правление или на основании ст. 1549 XIV т. Св. Гр. З., изд. 1842, Устава о ссыльных, гарантирующей право его на жалобу на таковую несправедливость, ибо для него непосредственное представление таковой жалобы фактически пресечено, хотя законом гарантировано, почему и находится вынужденным сим просить, дабы в совете главного управления Восточной Сибири или г. председательствующим в оном от нерчинского горного правления была истребована вполне переписка, имеющая[ся] по сему предмету в делах нерчинского горного правления, по поводу прошения Петрашевского от 19 декабря 1855 года возникнувшая, так и та, какая за оным о том же предмете имелась, и особенно не оставлены были без представления нерчинским горным правлением прошения его от 7 марта 1856 года в Правительствующий Сенат и пояснительная юридическая выписка из законов, к нему приложенная, как имеющие особую важность в его деле при настоящем положении оного.

1856 г. 3 апреля Б. Н. завод.

№ 5.

Заявление М. В. Буташевича-Петрашевского.

Выслушав указ нерчинского горного правления от 23 марта 1856 г. по делу моему чрез нерчинскую горную полицию, сим объявляю, что: постановлением нерчинского горного правления об оставлении без движения моего дополнительного прошения от 7 марта 1856 года и приложенной коному прошению пояснительной выписки из отечественных законов до получения нерчинским горным правлением резолюции на прошение мое от 19 декабря 1855 года в Правительствующий Сенат от г. председательствующего в совете главного управления Восточной Сибири я недоволен, ибо в силу сего постановления совершено сокрытие двух важных актов, к предмету дела моего относящихся, — особенно важно непредставление пояснительной выписки из законов, разрешающей силою положительных законов и словами манифестов ныне царствующего императора утвердительно сомнения в том: во 1-х, надлежит ли прошению моему дать течение и, 2-е, подсуден ли предмет моего иска Правительствующему Сенату. Чрез таковое непредставление по принадлежности вышеозначенных двух актов, власти и лица, до коих может дойти первое мое прошение, легко могут быть по сему предмету в заблуждение, судя по проекту о сем, представленному г. председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. Таковое сокрытие сих актов и

составляет для меня в настоящем положении дела прямой отказ мне в справедливости.

Изъявив кратко причины моего неудовольствия на вышеозначенное постановление нерчинского горного правления, считаю необходимым указать на ст. 264 II т. Св. Граж. З. Общего Губернского Учрежд. к. II, в коей сказано: «Никакой суд не может приводить в действие своего решения, переносу надлежащего, когда со стороны недовольной соблюден срок, для удержания исполнения в законах о судопроизводстве предписанный», в силу коей нерчинское горное правление обязано представить оные акты, о коих последовало оное постановление его от 23 марта 1856 года, туда же, куда и представлено им прошение мое от 19 декабря 1855 г., в Правительствующий Сенат к поданию надлежащее. О сем, если будет надобность, будет изъяснено мною своевременно в надлежащем месте. Дал сию подписку в слушании вышеозначенного указа нерчинского горного правления с выражением на оный неудовольствия в нерчинской горной полиции 28 марта 1856 года сосланный в каторжную работу Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский. К сей подписке с изъявлением неудовольствия сосланный в каторжную работу *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский* руку приложил.

№ 6.

Свидетельство.

Вследствие отношения александровской горной конторы от 9 августа 1856 года за № 8929 свидетельствовал я 23 сегож августа в присутствии конторы государственного преступника Михайлу Васильева Буташевича-Петрашевского в состоянии его умственных способностей, при чем оказалось, что Петрашевский, имеющий 35 лет отроду, телосложения здорового, не имеет никакого общего расстройства своих умственных способностей: в удостоверение чего подписом с приложением моей гербовой печати свидетельствую. Александровский Завод. Августа 23 дня 1856 года.

Бригадный лекарь 2-ой конной бригады *Здановичь*.

При свидетельстве присутствовал помощник управляющего коллежский регистратор *Машуков*.

№ 7.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит из г. Иркутска тайно вывезенный неизвестно за что и по чьему распоряжению в Минусинский округ Енисейской губернии поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты.

1-е.

По высочайшему именному повелению от августа м-ца 1856 г. освобожден я из каторжной работы на поселение. *К*

2-е.

Так как такое высочайшее повеление для меня в моем положении имеет не меньшую юридическую важность, как всякая высочайшая грамота на графское или другое высшее достоинство в империи, ибо составляет акт, определяющий и ограждающий известные права мои в обществе. *сему*

3-е.

Такой акт ни для кого, а тем более для меня, не может быть предметом канцелярской тайны, и так как мне его иметь в руках своих необходимо, то всеподданнейше прошу. *прошению*

Дабы повелено было главному управлению Восточной Сибири: 1-е. Выдать мне копию с вышеозначенного высочайшего повеления на законном основании; 2-е. Если же главное управление почему-либо нашло нужным мне в сей просьбе отказать, то выдать мне копию с такового его об отказе мне в сей просьбе моей постановления, надлежащим порядком засвидетельствованную. 1860 г., декабря 13 дня.

К поданию надлежит в главное управление Восточной Сибири. Прошение сие сочинял и писал сам проситель поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил. Что по чищеному написано 13 декабря тому верить.

К сему поселенец Михаил Буташевич-Петрашевский руку приложил.

Жительство имею в г. Минусинске Енисейской губернии.

Верно: Столоначальник *Пфаффиус*.

№ 8.

Письма М. В. Буташевича-Петрашевского М. С. Карсакову.

Ваше превосходительство,
милостивый государь,
Михаил Семенович.

Если год тому назад сила могущественных влияний могла вас заставить поступить со мною незаконно и несправедливо, то не могу

ныне не полагать, чтоб в настоящее время они относительно вас не потеряли совершенно их властительственное и обязательное значение. Перемена условий, через которую из безусловного исполнителя чужих велений, какие бы они ни были, вы стали сами самостоятельным, нравственно-полноправным действователем и решителем дел, возлагает на вас неотрицаемо нравственную обязанность исправить не только то худое, в котором вы, против воли, как исполнитель, были участником, но и то, в котором личного участия вашего не было. Ни смотреть на него снисходительно, ни подверживать *) его заведомо вашим бездействием ныне самые обязанности вашего официального положения уже безусловно не допускают.

Не могу думать, чтоб иными понятиями о долге могли вы руководствоваться, как и приписывать личным свойствам вашим того, что было только несчастием, грустным явлением или результатом особенностей вашего прежнего положения и непосредственных обязательных личных отношений; а потому считаю позволительным думать: что вам по природе несвойственно быть несправедливым по капризу или прихоти, или действовать под влиянием непохвальных страстей и по внушениям самолюбия, искусно разбереженного ловкими интригантами, и что не по желаниям вашим подвергаюсь тем странным преследованиям, которые меня тревожат и ныне.

Как прежде, так и теперь на моей стороне нравственность, право и закон. Права мои, явно нарушенные 27 февраля 1860 г., еще и ныне нарушаются. Образ моего действования для защиты их определяется фактом нарушения и законом, несомненность в его результате исключает всякий помысел об употреблении для сего тех средств, к которым, прикрываясь анонимом, любит прибегать коварная злоба и нравственное бессилие. Факты прошедшего, как и настоящего слишком явно свидетельствуют в мою пользу. Такими свидетельствами пренебрегать нельзя, почему значение до меня касающихся фактов и было мною заявлено прямо, как существо их требовало. Такие новые факты, действуя на меня столь же понудительно, естественно приведут меня к изъяснению как их взаимной связи, так и общности их значения без всякой о том недомолвки. К числу таких фактов относятся незаконные действия г. Романовича, так ими *) мотивированное предписание г. генерал-губернатора от 12 генваря 1861 г. за № 111 к г. исправляющему должность енисейского гражданского губернатора, которого содержание, мне объявленное, заставило меня г. енисейскому гражданскому губернатору представить прошение на высочайшее имя и в нем указать те обстоятельства и законы, которые имеют быть приняты в сем случае в соображение и руководство, но которые были упущены из виду пред отправлением меня из г. Иркутска. Таковые указания, делающие для местного начальства обязательным представление моего прошения вашему превосходительству, вместе с тем

*) Так в подлиннике.

образуют весьма удобный случай вам самим по отношению ко мне уничтожить то незаконное распоряжение, которого вы явились исполнителем.

Опасение, что в сем случае требования закона и справедливости местным начальством не будут как следует поняты, уважены и соблюдены, а потому ваше превосходительство может быть подвигнуто к неправильности решения, в сем случае представляющем наибольшие удобства к исправлению вами самими всего того, что по отношению ко мне с 27 февраля 1860 г. было сделано несправедливого и незаконного, желание, чтоб не миновал сей случай вам проявить себя справедливым, чуждый тех предубеждений, которые могут оправдывать обстоятельства и боязнь антипатий, я решился писать, чтоб о сем случае предварить ваше превосходительство и изъяснить вам прямо его безотносительное для вас значение.

Так как в означенном предписании г. генерал-губернатора от 12 января 1861 г. было сказано «не увольнять Петрашевского из места его водворения в города без разрешения г. генерал-губернатора или заступающего его г. помощника генерал-губернатора», то в прошении к енисейскому губернатору и было на основании сего написано: «Распоряжение г. помощника генерал-губернатора о непонуждении меня оставить г. Красноярск и о непрепятствовании проживать мне, где пожелаю, в Енисейской губернии сделает ненужными дальнейшие старания мои, так и моих поверенных к разъяснению объема прав, прав моих, установленным законами порядком», — в том предположении, что это прошение будет представлено вашему превосходительству, но как этого может легко и не случиться, через что и будет отнята у вас возможность сделать по отношению ко мне должное, то для устранения такой случайности посылается мною с сею же почтою вашему превосходительству прошение, которого содержание, обусловленное положением дел моих и законностью требований, из оного по отношению к вам проистекающих, представляет заново весьма достаточный повод и законное основание, дабы вами самими было совершено самостоятельно то же самое.

Доверенность моя к личным свойствам вашего превосходительства делает для меня обязательным вместе с сим изъяснить, что Ф. Н. Львов уполномочен мною надлежащим актом окончить п р и м и р и т е л ь н о то, что без этого не обойдется без неприятностей для иных. Он может удостоверить вас в том, что сей последний исход также поставлен мною в совершенную независимость от каких бы то ни было незаконных случайностей, от которых где-либо и как-либо могла пострадать моя личность.

Ваши решения покажут, справедливы ли мои ожидания, основывающиеся на представлении моем о свойствах вашей природы, или расчеты и надежды те, которым и ныне еще не чужды в Иркутске интриганты и враги правды и добра всех цветов и наименований.

Честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга

М. Буташевич-Петрашевский.

1861 года, 11 февраля
Красноярск.

№ 9.

Свидетельство.

Во исполнение предписания г. исправляющего должность енисейского гражданского губернатора от 11 февраля, полученного в управе 13 числа настоящего месяца, был свидетельствован сего числа членами врачебной управы поселенец Буташевич-Петрашевский в настоящем состоянии его здоровья, по коему оказалось, что он телосложения здорового, тучного, подверженного, впрочем, вообще более или менее геморроидальным приливам и климатическим влияниям; отроду ему около 38 лет. В настоящее время он всем здоров и не заметны никакие явления, могущие обнаруживать отступления от органического порядка. Но как он объявляет и подтверждается лекарскими свидетельствами 1) исправлявшего должность минусинского окружного врача доктора медицины Тимкина, произведенным над ним в Минусинске в сентябре, и 2) исправлявшего должность красноярского городового врача лекаря Павлова в Красноярске в декабре месяце прошлого 1860 года, что он одержим ревматическими лихорадочными припадками, зависящими от атмосферных влияний и не менее того иногда нервных потрясений, однакож в настоящем их виде, по мнению управы, легко и скоро удобоизлечимыми; то для ускорения возможности безопасного для его здоровья выезда его в Минусинский округ следует немедленно приступить к излечению их, которое потребует не более 2-х недельного срока, и вместе с этим поручено красноярскому городовому врачу Лессингу, с обязательством о выздоровлении Буташевич-Петрашевского, или по крайней мере о наступлении возможности ему отправиться в путь в Минусинский округ тотчас донести управе. В чем енисейская врачебная управа надлежащим подписом с приложением казенной печати сим свидетельствует. Февраля 14-го дня 1861 года.

№ 43.

Инспектор, коллежский советник *Е. Фроммер.*

За аудитора надворный советник *(подпись).*

№ 10.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Вследствие увоза меня из г. Иркутска в Минусинский округ, неизвестно за что и в силу какого закона совершенного, я потерпел значительные убытки, сумма которых еще увеличится, буде и в иркутском губернском суде последует не в мою пользу решение дела моего с г. Пермихиным. *К*

2.

Судя по сообщениям, которые сделаны были моими поверенными, я усмотрел, что от препятствий, законами не указанных, исполнение ими их обязанностей по отношению к моим делам невозможно; желание их не подвергать из-за себя неприятностям побудило меня уничтожить доверенность, данную мною г. Подлесному и о сем иркутский губернский суд поставить моим прошением в известность, как и о том, что все последующие вызовы он имеет обращать прямо ко мне. Иркутский губернский суд указом своим от 25 сентября дал мне знать, что просьбу мою будет иметь в виду. *сему*

3.

Имея в виду таковой указ иркутского губернского суда, я полагал, что, присутствуя при докладе этого дела, я буду иметь возможность исправить те упущения, которые в производстве его могли оказаться, но новый указ того же суда, состоявшийся по предложению г. иркутского гражданского губернатора от 8 ноября за № 2453, в котором однако не означено, на каком законе основан, признано удобным не чинить мне вывоза, а вместо сего предоставить мне прислать поверенного, что мне без указа сего хорошо известно. *про*

4.

Таковое устранение меня от присутствия при докладе с законами несовместно, ибо только я сам, как знающий вполне все обстоятель-

*) Вверху помета: «20 февраля 1861 г.».

ства дела, могу указать на то, что в докладе могло быть упущено или что противно существу оного в нем представлено. Почему в сем случае мое личное присутствие необходимо. Лишение же меня сего права в сем случае составляет прямой отказ в правосудии. *ше*

5.

Так как в предписании г. генерал-губернатора В. Сибири от 12 января 1861 года за № 111 к г. исправляющему должность енисейского гражданского губернатора сказано, что находиться в городах я могу с разрешения г. помощника генерал-губернатора, и прав на сие не лишен установленным законами порядком, почему всеподданнейше прошу. *нию*

Дабы повелено было: 1. Прошение сие по обстоятельствам и согласно закону надлежащим порядком рассмотреть и мне разрешить прибыть в г. Иркутск для присутствования при докладе дела моего в иркутском губернском суде и для объявления на решение оного суда удовольствия или неудовольствия, и какое на сие прошение решение последует мне объявить.

1861 года, 11 февраля. К поданию подлежит г. генерал-губернатору Восточной Сибири.

Сие прошение сочинял и писал сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в д. Пьяпикова, у острога.

№ 11.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит по законному месту причисления Оеккской волости, Иркутской губернии, а по незаконному Минусинского округа, Шушенской волости, Енисейской губернии, поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Судя по последовавшему ко мне уведомлению, жалоба моя к бывшему министру внутренних дел на произвольное удаление меня из г. Ир-

*) Вверху помечено: «18 мая».

кутска в Минусинский округ была сообщена бывшему генерал-губернатору В. Сибири графу Муравьеву-Амурскому при отношении от министра внутренних дел, о содержании коего, согласно установленному законами порядку, по самой сущности его, мотивировавшего дела, так и содержания самого отношения, мне надлежит быть поставленным о нем в полную известность, но вопреки сего означенная моя жалоба возвращена была через минусинский земский суд без вышеозначенного министерского отношения, подлежащего сообщению мне. *К*

2.

В 1860 году подано было мною прошение в главное управление о выдаче мне копии с высочайшего именного повеления от 26 августа 1856 года, по которому последовало освобождение меня из каторжной работы на поселение, но сие мое прошение оставлено было без надлежащего по закону удовлетворения по причине того, что оно «написано в неприличных выражениях», чего однако же кем следует вовсе не найдено. Хотя ныне у меня из другого официального хранилища и имеется копия с означенного выше именного высочайшего повеления, но так как необходимо с достоверностью знать, нет ли в сем списке (т.-е. в копии, у меня имеющейся и подлежащим порядком засвидетельствованной) разницы от того списка с высочайшего повеления, который в делах 1-го отделения главного управления Восточной Сибири имеется. *сему*

3.

К сему моему прошению прилагая один лист гербовой бумаги 70 к. достоинства на предмет копии с высочайшего именного повеления от 26 августа 1856 года об освобождении меня из каторжной работы на поселение и другой лист того же достоинства для копии с означенного выше министерского отношения к г. генерал-губернатору, при коем послана была ему моя на него же жалоба, всеподданнейше прошу. *прошению*

Дабы повелено было главному управлению Восточной Сибири копии с означенных актов, надлежащим порядком засвидетельствованные, выдать поверенному моему отставному канцелярскому служителю Федору Николаеву сыну Львову, живущему в г. Иркутске, в доме г-жи Сорочинской, у Владимирской церкви, и о сем, как о постановлении по предмету сего поставить в известность согласно ст. 193, т. II ч. 1 Губернских учреждений. Мая 6 дня 1862. К поданию надлежит г. исправляющему должность генерал-губернатора или председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. Прошение сие писал и сочинял сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в Красноярске, во II части, в доме Кузнецова.

№ 12.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит поселенец Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, а в чем мое прошение, тому следуют пункты:

1.

Имея надобность: 1) в копии с отношения г. министра внутренних дел, при котором сообщена была г. генерал-губернатору В. Сибири графу Муравьеву-Амурскому жалоба моя г. министру внутренних дел на увоз меня из г. Иркутска в Минусинский округ, 2) в копии с высочайшего именного повеления от 26 августа об освобождении меня из каторжной работы на поселение, 3) в копии с высочайшего именного повеления, последовавшего в 1861 году по жалобе, лично принесенной сестрой моей его императорскому величеству, на те стеснения, которым я подвергаюсь от администрации с 1860 года 27 февраля, сообщенного в списке или отношении г. шефа корпуса жандармов к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири, к сему прилагая три листа гербовой бумаги 40 к. достоинства на предмет означенных выше копий, всеподданнейше прошу. *К сему прошению*

Дабы повелено было: главному управлению В. Сибири копии с сих актов учинить и их выдать доверенному моему отставному канцелярскому служителю Федору Николаевичу Львову, жительство имеющему в г. Иркутске, у Владимирской церкви, в доме г-жи Сорочинской. 1862 года, 25 июля дня. К поданию подлежит г. генерал-губернатору В. Сибири. Прошение сие сочинял и писал сам проситель поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.* Прошение сие верю подать отставному канцелярскому служителю Федору Николаевичу Львову, поселенец *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в доме Теселева, на Острожной площади в II квартале.

---

*) Помета: «9 августа».

№ 13.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского *).

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, поселенец Енисейской губернии, Шушенской волости, и в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Высочайшим повелением, последовавшим в дополнение и разъяснение манифеста 26 августа 1856 года, объявленным чрез министра внутренних дел и сообщенным его отношением от 24 сентября за № 279 г. генерал-губернатору В. Сибири, для приведения им оного в исполнение, согласно ст. XV и XXXV манифеста 26 августа 1856 года, установленным законами порядком, всемилостивейше даровано мне право: свободно проживать в России везде, где жить пожелаю, с припиской к одному из свободных податных сословий на общем основании, а буде желаю, то и поступить и в военную службу солдатом на Кавказ, с правом на производство в чины за отличие. Так как сим высочайшим повелением разрешено мне возвратиться в Россию, то 7-й пункт и другие высочайшего указа 17 апреля 1857 года о «даровании некоторым политическим преступникам их прежних прав по происхождению» имеет быть и на меня распространен. Но сего по сие время, вопреки законам, по неизвестным причинам, не учинено. О сем обстоятельстве и его юридическом значении было заявлено мною в моих прошениях с 1862 года местной администрации; но сии мои о таковых моих правах предъявления, невзирая на представление самой копии с означенного выше высочайшего повеления, вопреки моим ожиданиям, на положительном смысле относящихся к сему делу законов основанные, имели последствием своим неприведение вышеизъясненных прав моих в надлежащую ясность и юридическую несомненность; но, вместо сего, предъявление местной администрацией требования: чтобы я в прошениях моих именовал себя поселенцем, сопровождаемым неправомерною угрозою, что по прошениям моим, в коих я себя не наименую поселенцем, никакого производства чинимо не будет, и что за неисполнение такого не юридического требования я буду подвергнут взысканиям по уставу о ссыльных. То, к чему сие обстоятельство меня обязывало, то мною в ограждение себя учинено. Так как материальный вред, причиненный и причиняемый мне через оставление дел моих без производства, немалозначителен и сие по действию своему на

меня равнозначительно действительному физическому принуждению квалифицировать мне себя поселенцем, тогда как мне, согласно воле его императорского величества, выраженной в актах, несомненно достоверных, по закону и по происхождению моему потомственным дворянином именоваться надлежит. По вышеизъясненным причинам и обстоятельствам я нахожусь вынужденным, для устранения сего не юридического предлога и оставлению изъясненного в сем моем прошении противузаконного противу меня поступка г. инспектора енисейской врачебной управы статского советника Фроммера безнаказанным, в сем моем прошении наименовать себя поселенцем, как сие и сделано мною, и по учинении сего в сем же моем прошении заявить, что сей факт значения добровольного отказа моего от прав, мне всемилостивейше дарованных, отнюдь не имеет, и что он нисколько действительности оных не умаляет, ибо сих прав я могу быть лишен не иначе, как за преступление и по приговору суда, а не каллиграфически через какие-либо административно-бюрократические манипуляции, подобные вышеизъясненным. О сем сим заявив, в предведении имеющих из сего возникнуть новых обстоятельств, я, по добродушию моему, признаю для себя обязательным предупредительно изъяснить, что все прочие, после сего поданные мною прошения, в которых, вследствие неустранения надлежащим актом власти, в сем деле компетентной, влияния на меня вышеизъясненных не юридических условий понудительных, буду еще вынужденным титуловать себя поселенцем, должны со временем получить характер документальных свидетельств и фактических доказательств оказанного к воле его императорского величества неуважения теми лицами и учреждениями, которым безусловно было обязательно принять все законом указанные меры к приведению высочайших повелений по отношению ко мне в надлежащее исполнение, о непринятии ими таковых мер и произвольности по сему предмету их действий, явно с законами несовместной и для меня утеснительной. *К*

2.

Г. инспектор енисейской врачебной управы в донесении своем г. начальнику губернии от 3 июня 1861 года за № 125 объявил меня вопреки истине одержимым мономанией и общим умопомешательством, — описал мое состояние в таких выражениях, каких обыкновенно в курсах патологии и судебной медицины описываются признаки сих болезней и какими они в них определяются. *сему*

3.

О сем обстоятельстве мною было с 7 августа 1861 года заявлено в разных прошениях, поданных мною г.г. начальникам Енисейской губернии, но ими не было обращено надлежащего внимания, а некоторые из них, в сем 1863 году поданные, были мне возвращены с надписью, без достаточных оснований к их возвращению. Отчего вред, причи-

няемый мне вышеизъясненным противным истине донесением, не умалился, а усилился, и так как это противозаконное действие г. Фроммера по отношению ко мне равнозначительно по своему действию действительному истреблению им производительных сил моего нравственного или умственного капитала, или похищению им оного у меня посредством учиненного им противного истине акта, то, дабы положить конец вреду, мне причиненному сим донесением, я 30 июля сего в енисейский губернский совет подал прошение, в котором просил о вышеизъясненном противозаконном поступке г. Фроммера определить произвести следствие и меня по предмету жалобы по закону удовлетворить. *прошению*

4.

Хотя сия моя просьба на основании ст. 33, т. II, ч. II Губ. Учр. и была по существу своему подсудна и губернскому совету, но г. начальник губернии по каким-то личным видам, присвоив себе права и власть совета, жалобу мою к рассмотрению в совете не допустил, а лично сам положил оставить оную без движения потому, «что им в делах енисейского общего губернского управления не усмотрено, чтобы г. Фроммер признавал меня находящимся в умопомешательстве». Сия резолюция, от 12 августа сего года за № 10053 последовавшая, одним начальником губернии подписанная и скрепы начальника отделения не имевшая, мне была объявлена через красноярскую общую городовую управу. *Михаил*

5.

Приведенное в сей резолюции основание к оставлению просьбы или жалобы моей без надлежащего движения заставляет невольно предполагать, что от г. начальника губернии донесение г. Фроммера от 3 июня 1861 года за № 125 г. начальнику губернии было скрыто; и что после выдачи мне с оного копии, последовавшей вследствие прошения моего от 7 августа 1861 года, из общего енисейского губернского управления оно было заменено другим. *Васильев*

6.

Находя вышеизъясненную резолюцию г. начальника губернии неправильной и в то же время указывающей на новое противузаконное действие, как возможное для избавления г. Фроммера от ответственности учиненное; имея в виду содержание ст. 294 и 295, 296, 315, 316, 317, 319, т. II, ч. II инструкции генерал-губернатором, всеподданнейше прошу. *сын*

Дабы повелено было: г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири сделать распоряжение о производстве следствия о вышеизъясненном противузаконном поступке г. Фроммера и о немедленном обязании его подпискою о невыезде из г. Красноярска

впредь до окончания сего дела; а о производстве следствия или удостоверения, есть ли в делах общего енисейского губернского управления донесение г. Фроммера начальнику губернии от 3 июня 1861 года за № 125, и не заменено ли оное в последнее время другим, и о том, какая на сие мое прошение резолюция состоится, и о том по месту жительства моего мне объявить. Сентября 9-го дня 1863 года. Прошение сие к поданию подлежит г. генерал-губернатору В. Сибири.

Прошение сие сочинял и писал сам проситель *Буташевич-Петрашевский руку приложил.* По болезни верю оное подать красноярскому мещанину Василию Афанасиевичу Петрову. К сему *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в Красноярске, в I части, в доме Минервина.

(Просьба сия вследствие непринятия просителей г. исправляющим должность генерал-губернатора в г. Красноярске 10 сентября посылается по почте. Сие считать неписанным. *М. Б. Петрашевский.*)

№ 14.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Всепресветлейший, державнейший, великий государь, император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший.

Просит Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский, поселенец Енисейской губернии, Шушенской волости, Минусинского округа, а в чем мое прошение состоит, тому следуют пункты:

1.

Хотя факт перемещения моего из г. Иркутска, совершившийся в феврале 1860 года, по существу своему таков, что им совершенно уничтожена юридическая действительность моего долга в благотворительный капитал главного управления В. Сибири, но, вопреки сему и в противность ст. 2231, т. X, ч. I Св. Гр. 3. губ. 1857 года, и по сие время производится для пополнения сего долга удержание трети из назначенного мне от казны пособия и уже удержано 95 руб. *К*

2.

3 июня 1861 года г. инспектором енисейской врачебной управы было представлено донесение г. начальнику губернии, вопреки истине, представляющее меня одержимым частным и общим умопомешатель-

ством. О таковом качестве сего донесения г. Фроммера, так и том, что оно лишило меня возможности иметь средства к существованию — от занятий, соответствующих моим познаниям и способностям, было мною в мае 1862 года заявлено прошением г. начальнику губернии, для принятия им сего моего предъявления в надлежащее соображение и для учинения им по оному надлежащих действий, но г. начальник губернии на сие обстоятельство не обратил никакого внимания, ибо после 5 мая 1862 года поданные мною ему прошения для побуждения его сделать распоряжение о производстве мне пособия из казны в увеличенном размере, т.-е. по 230 рубл. в год, на основании высочайшего повеления, до сего предмета относящегося, изъясненного в отношении г. шефа корпуса жандармов от 11 марта 1861 года за № 378 к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири, предписания г. исправляющего должность генерал-губернатора к управляющему Енисейской губернией от 4 мая 1861 года за № 4 и 2 пункта предписания г. генерал-губернатора В. Сибири к г. енисейскому гражданскому губернатору от 23 декабря 1860 года за № 3812, были г. начальником губернии не только что оставлены без удовлетворения, без всякого к тому достаточного основания, но вместо оного имели своим последствием невыдачу мне и тех денег, которые до сего мне были выдаваемы в замену пайка и одежды. *сему*

3.

Таким образом, его императорского величества всемилостивейшее соизволение на улучшение материального положения неимущих политических сосланных, находящихся в В. Сибири, чрез удвоение выдаваемого им из казны пособия, выраженное особым высочайшим повелением, чрез шефа корпуса жандармов объявленным и им его отношением, сообщенным здешней администрации для приведения оного его в надлежащее исполнение, увеличения средств моих к жизни не произвело, но было поводом к уменьшению их в весьма значительном размере. Сей факт свидетельствует столько же о неуважении к воле его императорского величества здешней администрации, как и о ее неблагорасположении ко мне. *прошению*

4.

Обстоятельства сего дела заставляют меня предполагать, что вышеозначенные просьбы мои имели для меня такие последствия потому, что приготовление по оным резолюций в общем енисейском губернском управлении зависело от г. Кандаурова, изобличенного мною вследствие подания мною оных прошений в сокрытии от г.г. начальников губернии вышеозначенного отношения шефа корпуса жандармов, которого я просил как за сие, так и вообще за неправильное производство моих дел подвергнуть определенной в законах ответственности. *Михаил*

5.

В силу означенного высочайшего повеления за 1861 и 1862 годы мне надлежало получить из казны в пособие 460 руб. серебр., но вместо сего в противность означенному высочайшему повелению мне было выдано 114 руб., т.-е. менее *) было выдано 346 рубл. с. менее, чем выдать мне надлежало. Неприведением сего высочайшего повеления, т.-е. невыдачею мне вдвое большего пособия из казны я поставлен в весьма затруднительное положение и понес от сего немалозначительные убытки. Сие поставляет меня в необходимость просить, что *) мне ныне же, кроме вышеозначенных денег, были выданы 230 руб., следующие мне в пособие на 1863 год, ибо значение вышеизъясненного донесения г. Фроммера по сие время остается по отношению ко мне в прежней его силе. *Васильев*

6.

По вышеизъясненным причинам и на основании содержания высочайшего повеления, изъясненного в отношении шефа корпуса жандармов от 11 марта за № 378 к г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири; 2 пункта предписания г. генерал-губернатора В. Сибири к г. енисейскому гражданскому губернатору от 23 декабря 1860 года за № 3812, ст. 2231, т. X, ч. I, ст. 294, 295, 296, 315, т. II, ч. I, инструкции генерал-губернаторам и других статей законов, сии статьи поясняющих и к сему делу относящихся, всеподданнейше прошу. *сын*

Дабы повелено было г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири все изъясненные в сем моем прошении обстоятельства принять в надлежащее уважение и сделать распоряжение: a) о возвращении мне неправильно удержанных из моего пособия 95 руб. с., b) о додаче мне неправильно недоданных мне из казны 346 руб. с., следующих в пособие за 1861 и 1862 годы, и чрез то вышеизъясненное высочайшее повеление по отношению ко мне привести в надлежащее исполнение, c) о выдаче мне за 1863 год ныне же 230 руб. с. из казны, и d) и том, какая на сие мое прошение резолюция состоится, мне на основании ст. 193, т. II, ч. I по месту жительства моего объявить. Сентября 23 дня 1863 года. К поданию надлежит г. исправляющему должность генерал-губернатора В. Сибири.

Прошение сие сочинял и писал сам проситель *Буташевич-Петрашевский руку приложил.*

Жительство имею в г. Красноярске, в доме г. Минервина, на Большой улице, в 1-й части, в 1-м квартале.

---

*) Так и в подлинном

№ 15.

Письмо Ф. Д. Петрашевской М. С. Карсакову.

Милостивый государь,
Михаил Семенович.

По распоряжению вашего превосходительства сын мой Михаил Буташевич-Петрашевский удален на жительство в Шушенскую волость, Минусинского округа, с самыми тяжелыми, как я слышала, ограничениями.

Не позволяя себе входить в рассуждения о причинах вашего на него неудовольствия, я обращаюсь прямо к вашему сердцу и убедительнейше прошу вас об одном: взяв во внимание несчастную жизнь моего сына и то естественное раздражение, в котором он находится, не только не препятствовать к перемещению его в Западную Сибирь, но даже не отказать в своем великодушном содействии.

Вы поймете ваше превосходительство, без сомнения, заботу престарелой матери об участи своего сына, каким бы он ни казался на ваши глаза, но для нее все-таки единственным и несчастным, и во всяком случае извините меня, что беспокою вас в первый раз своею покорнейшею просьбою.

С совершенным уважением имею честь быть вашего превосходительства покорнейшею слугою.

Федора Петрашевская.

6 декабря 1864 года.

Адрес мой: в С.-Петербурге, по Могилевской улице, в собственном доме. Вдове действительного статского советника Федоре Дмитриевне Петрашевской.

№ 16.

Письмо Ф. Д. Петрашевской М. С. Карсакову.

Милостивый государь,
Михаил Семенович.

Ваше превосходительство были так добры, повестив меня, что не будете препятствовать перемещению сына моего Михаила Петрашевского из Восточной Сибири в Западную. Но не зная, уважит ли князь Василий Андреевич мое о том ходатайство и когда состоится разрешение о просимом перемещении, я решаюсь снова утруждать вас своею убедительнейшею просьбою не заградить для сына моего царской милости, вероятно, имеющей излиться на несчастных по случаю предстоящего бракосочетания государя наследника цесаревича. В руках ваших

доставить радость и утешение престарелой матери, которая при физических страданиях своих не перестает скорбеть о тяжкой доле своего единственного сына.

По известной доброте и человеколюбию вашего превосходительства, позвольте мне надеяться, что вы сделаете это доброе дело. Не судите сына моего строго, вспомните сколько, может быть, незаслуженных несчастий обрушилось на его голову, которые при страшной натуре его могли довести его до ожесточения и крайнего раздражения; поверьте, что удаление его из той среды, в которой он теперь находится, подействует на него благодетельно и избавит ваше превосходительство от неприятной обязанности обуздывать строптивость моего несчастного сына.

Если невозможно будет оказать большой милости, то дозволение жить ему в Пермской губернии, где в настоящее время находится его сестра, могущая родственною заботливостью своею успокоить его страждующую душу, было, по мнению моему, самым действительным средством к облегчению его участи и моим успокоением.

Простите, милостивый государь, смелость, с которою я обратилась к вам, и примите уверение в отличном моем почтении, с которым имею честь быть вашего превосходительства покорнейшею слугою.

Федора Петрашевская.

20 марта 1865 г.

Адрес мой: в С.-Петербург, Федоре Дмитриевне Петрашевской, на углу Могилевской и Канонерской улицы, № 4/2, в собственном доме.

№ 17.

Прошение М. В. Буташевича-Петрашевского.

Его превосходительству господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

Михаила Васильева сына Буташевича-Петрашевского.

Прошение.

Чрезмерность неблагообразия поступков администрации Енисейской губернии со мною в течение последних полутора лет побудила меня желать воспользоваться всемилостивейше дарованным мне правом на поступление на военную службу, вследствие чего я прошением моим, посланным 24 июня с. г. из г. Минусинска по почте г. начальнику губернии, заявив о желании моем поступить на Кавказ в воен-

ную службу, просил его, согласно моему желанию в силу воли монаршей, сделать распоряжение о выдаче мне прогонных и подъемных денег для следования моего на Кавказ. В действительности сего моего права, так и в том, что на основании оного заявленное желание вышеизъясненное, согласно воле монаршей и закону, подлежит немедленному удовлетворению, ваше превосходительство сами убедиться можете, рассмотрев содержание исполнительного отношения министра внутренних дел к г. генерал-губернатору В. Сибири от 24 сентября 1856 г. за № 279 (в канцелярии вашей или главном управлении в подлиннике находящееся), в котором изъяснено высочайшее повеление или указ, последовавший от его величества в дополнение и изъяснение манифеста 1856 года 26 августа (в день коронования его величества), а именно XV пункта оного.

Так как, во-1-х, по обстоятельствам моих дел, вновь приведенных в расстройство заключением меня в тюрьму за заявление моего убеждения в действительность милости его императорского величества и столь же противузаконным удалением меня из г. Красноярска, мне необходимо, дабы умалить вред, от сего проистекший, и понесенные от сего убытки, пред отбытием моим на Кавказ быть в г. Красноярске для учинения по имуществу и делам моим разных распоряжений. Во-2-х, так как со времени отправления к г. начальнику губернии вышеозначенного прошения прошло слишком достаточно времени для учинения по оному согласно воле монаршей надлежащего исполнения, но оного, вопреки ожиданиям, по сие время не последовало, вследствие чего я и нахожусь вынужденным всепокорнейше просить ваше превосходительство соизволить приказать телеграммой кому следует, во-1-х, учинить мне выдачу подъемных и прогонных денег и казенной подорожной для следования моего на службу на Кавказ, во-2-х, о непрепятствовании моему прибытию в Красноярск и пребыванию там моему в течение двух недель пред отбытием на Кавказ по вышеизъясненной надобности и, в-3-х, сим же способом поставить м е н я в известность н е п о с р е д с т в е н н о о том, какие распоряжения по сему прошению от вашего превосходительства последуют.

1865 года, 21 июля дня. К сему прошению *Михаил Васильев сын Буташевич-Петрашевский руку приложил.* Сие прошение сочинял сам проситель и его набело переписывал *Михаил Буташевич-Петрашевский.*

Жительство имею в г. Минусинске, в доме мещанина Тропина, близ нового базара.

№ 18.

К о п и я с о т н о ш е н и я м и н и с т р у в н у т р е н н и х д е л с в и т ы е г о в е л и ч е с т в а г е н е р а л - м а й о р а М е з е н ц е в а о т 6 с е н т я б р я 1865 г. з а № 2097.

В начале июля сего года получена была государем императором всеподданнейшая просьба находящегося на поселении политического

преступника Буташевича-Петрашевского, которую статс-секретарь князь Долгорукий препроводил к г. главному начальнику III отделения собственной его императорского величества канцелярии.

В просьбе этой, изложение которой вообще крайне неприлично, он позволил себе весьма дерзко осуждать действия главного начальства Восточной Сибири и жаловался, что оно не распространяет на него всемилостивейшего повеления, состоявшегося в 1856 году о политических преступниках, которое, по его мнению, дает ему будто бы, согласно отношению предместника вашего превосходительства к генерал-губернатору Восточной Сибири от 24 сентября того года за № 279, право свободного жительства по его желанию и выезда из Сибири, и также высочайшего указа 17 апреля 1857 года, предоставляющего ему, как он полагает, прежние права потомственного дворянства, затем он жалуется на невыдачу ему пособия по усиленному окладу (на основании высочайшего повеления, известного вашему превосходительству из отношения от 22 августа 1864 г. за № 2284) 230 р. в год и на преследования его местным начальством.

По всеподданнейшему г. генерал-адъютанта князя Долгорукова докладу о содержании как означенной всеподданнейшей просьбы Петрашевского, так равно и прошения его на высочайшее имя, поступившего в министерство внутренних дел, имею честь по высочайшему повелению покорнейше просить ваше превосходительство предложить генерал-губернатору Восточной Сибири: 1) Объявить Петрашевскому, что ему на основании всемилостивейшего повеления 26 августа 1856 г. оказано помилование освобождением его от каторжной работы и обращением на поселение в Сибирь, и что затем он может пользоваться только теми правами, которые предоставлены ссыльно-поселенцам из политических преступников; указ же 17 апреля 1857 года, как к нему не относящийся, применен к нему быть не может, 2) обязать его подпискою, что он затем просьбами по сему предмету никого утруждать не будет, и предварить его притом, что за нарушение сей подписки он будет подвергнут строгому взысканию и что нового облегчения участи он может ожидать только в таком случае, если заслужит того скромным своим поведением и поступками, которые могут свидетельствовать о его раскаянии в прежнем преступлении и желании загладить настоящее его поведение, весьма неприличное, 3) сделать ему строгое замечание, что он после воспрещения ему называться дворянином, званием ему не принадлежащим, позволил себ на конверте, в коем прислано было его всеподданнейшее прошение, именоваться этим званием и сделал это, как он объяснил в своем всеподданнейшем прошении, с тою целью, дабы местные власти знали, что их насилия были не властны над его убеждением в том, что ему принадлежат права, дарованные указом 17 апреля 1857 г., 4) объявить ему, что пособие в размере 230 р. разрешено производить только тем из политических преступников, которые по старости или болезни не могут снискивать себе пропитание

трудами или обременены семейством, 5) так как получение здесь прошений его прямо от него, а не чрез посредство местного начальства, доказывает, что в отношении его не исполняются правила, установленные для переписки политических преступников, то сделать распоряжение о подчинении его сим правилам.

Вместе с тем считаю долгом сообщить вашему превосходительству, что непозволительное неприличие, с каким он изложил свою всеподданнейшую просьбу, писанную им государю императору, доказывающее совершенное непонимание условий отношения его к священной особе его императорского величества, вызывает необходимость внушить Петрашевскому его обязанности верноподданнического долга и того чувства благоговения, с каким верноподданный должен относиться к государю императору.

Возвращая при сем прошение Петрашевского, препровожденное ко мне при отношении вашего превосходительства за № 1813, я имею честь препроводить при сем три бумаги, о которых он упоминает в сем прошении.

Верно: за правителя канцелярии *(подпись)*.

Примечания.

1. № 6/3. «Главного управления Вост. Сибири. Отделение I, стола 3. Дело по отношению IV отделения главного управления по жалобе государственного преступника Буташевича-Петрашевского на неправильное будто бы осуждение его в каторжную работу», л. 38. Воспроизводится заверенная копия.

2. *Там же*, л. 40. Воспроизводится заверенная копия.

3. *Там же*, л. 5—6. Воспроизводится подлинник. Курсив Петрашевского.

4. *Там же*, л. 14—15. Воспроизводится подлинник, подписанный Петрашевским.

5. *Там же*, л. 27. Воспроизводится подлинник. Курсив, как и в предшествующей бумаге, Петрашевского.

6. *Там же*, л. 62. Воспроизводится подлинник.

7. Предмет 13. Главн. управл. Вост. Сибири. Отделение I, стол 2. «Дело о переселении политического преступника Буташевича-Петрашевского из Иркутска в Минусинский округ Енисейской губернии. Тут о дозволении ему переселиться в Западную Сибирь», л. 35—36. Воспроизводится заверенная копия.

8. *Там же*, л. 46. Воспроизводится подлинник. На письме резолюция Карсакова: «Письмо это приобщить к делу о Петрашевском. Действия начальника края должны быть основаны на пользе края, а не на личных отношениях с кем бы то ни было; это правило и заставляет требовать, чтоб Петрашевский был выслан в волость».

9. *Там же*, л. 50. Воспроизводится подлинник.

10. *Там же*, л. 51. Воспроизводится подлинник, написанный на гербовой бумаге с отпечатанным бланком: «всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Николаевич, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший». На прошении сверху в левом углу резолюция карандашом: «Петрашевский должен жить там, куда переведен из Иркутска, т.-е. в Минусинском округе».

11. *Там же*, л. 68. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком (см. пред. примеч.). На прошении две резолюции карандашом:

а) «доложить с законом о том, из каких мест и какие акты в копиях выдаются просителям»; б) «на основании статьи 267 пун. 3 оставить без рассмотрения».

12. *Там же*, л. 71. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком. Резолюции — против п. 1: «отказать»; против п. 2: «именное повеление находится у М. В. Д.», против п. 3: «не имеется».

13. *Там же*, л. 110. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком.

14. *Там же*, л. 112. Воспроизводится подлинник на гербовой бумаге с печатным бланком.

15. *Там же*, л. 136. Воспроизводится подлинник, на котором подпись Ф. Петрашевской. На письме резолюция Корсакова: «Если правительство найдет возможным его перевести в Западную Сибирь, то я препятствия не имею, но сам ходатайствовать об этом не нахожу возможным, так как поведением своим он не заслуживает этого».

16. *Там же*, л. 138. Воспроизводится подлинник, подписанный Ф. Петрашевской. Резолюция: «на благоусмотрение Князя Вас. Андр.» [Долгорукова].

17. № 108/120. Предмет 11. Главного управл. Вост. Сибири. Отд. I, стол 2. «Дело по представлению нач. Енис. губ. с препровождением прошения поселенца Буташевича-Петрашевского об определении его в военную службу на Кавказе», л. 5. Воспроизводится подлинник, написанный на гербовой бумаге. Резолюция: «к докладу генерал-губернатору».

18. № 6/3. «Дело по отношению IV отделения» и т. д. Воспроизводится заверенная копия, л. 79.

ИЗ ДНЕВНИКА В. К. КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.

Печатаемый ниже отрывок из дневника вел. кн. Константина Николаевича охватывает период его наместничества в б. Царстве Польском и прилегающие по времени моменты назначения его и отозвания с поста. Хронологически этот период укладывается между апрелем 1862 г. и сентябрем 1863 г. Тем самым отрывок этот примыкает к уже опубликованной переписке Константина Николаевича с братом — Александром II — за этот же период (см. журнал «Дела и Дни», №№ 1—3) и служит ей дополнением. Так, он бросает свет на историю назначения Константина Николаевича наместником в Польшу, колебания Александра II в этом вопросе и борьбу партий вокруг него. Он приоткрывает также закулисную сторону снятия Константина Николаевича с поста наместника, перенося читателя в царский кабинет в Зимнем.

Наконец, отрывок показывает нам во весь рост небезынтересную фигуру автора— этого царственного либерала — и тем самым позволяет нам измерить глубину (не слишком значительную) его либерализма. Симпатия к «добрым мужичкам» предстает перед нами в любопытном сочетании с материнскими заботами о тайной полиции; благочестивые вздохи сопутствуют подписанию смертных приговоров.

Либерализм К. Н. Романова, — это украшение, так мало подходящее к романовскому стилю, столь противоречащее всему, что самым своим положением был призван осуществлять его носитель, — до поры до времени мог оставаться невинной прихотью царственной особы или орудием дворцовой политики в ее руках, но в роковую минуту оно не замедлило обратиться против нее самое.

Читатель публикуемого отрывка будет свидетелем того, с каким рвением протискивался великий князь к посту польского наместника в напряженнейший момент революционного восстания в Польше. Наконец-то открывалось перед ним широкое поле для применения либеральных приемов управления. Притом на этот раз они должны были разрешить ответственнейшую задачу: погасить национальную революцию в растоптанной романовским сапогом стране. Перед великим князем открывались перспективы, далеко превосходившие все, что он делал до сих пор: ведь последнее сводилось главным образом к заигрыванию с русской общественностью для глухого фрондирования против крепостников, заседавших вместе с ним в государствен-

ном совете и многочисленных комитетах по проведению реформ. Но суждено было иное: вся затея оказалась покушением с негодными средствами.

В обстановке ожесточенной борьбы стихийного народного движения с реакцией, национальной польской революции — с романовским жандармским великодержавием царственный либерализм оказался не более уместным, чем всякий иной вид либерализма.

Три года, проведенные великим князем в фактическом изгнании, и полная потеря кредита у правящей клики, вот все, чем он был награжден за самонадеянность, с которою взялся распутывать там, где можно было только рубить.

Д. Горбов.

---

18 апреля. Все утро принимал разных личностей и почти не мог работать. Ездил к Laurent снимать фотографию с себя для жинки. В 1 ч. показывал Саше в Зимнем наши гидрографические работы. Он мне сказал, что желает, чтоб польское дело очиншевания [1]) было рассмотрено в нашем комитете [2]). Вечером у меня земский комитет [3]) до $^1/_2$12-го. Толковали про способы избрания и про ценз. Много спорили. Я хотел, чтоб про сословия не говорили, но это не прошло. Настоял по крайней мере, чтоб все землевладение было представлено. Это прошло.

19 апреля. Утром принимал Платонова [4]) и потом Виелопольского [5]). Говорил им, что дело очиншевания должно быть рассмотрено в главном комитете. Нашел маркиза ужасно de mauvaise humeur *); говорит, что холодно принят, что государь против него решил дело народного просвещения и что он хочет уходить. Я его уговаривал как мог, потом и жинка [6]) тоже, но это ни к чему не привело. Это на нас сделало очень глубокое впечатление. Вся будущность польского дела на волоске. Я тотчас отправился к Горчакову [7]) и пересказал ему все. Он также проникнулся важностью этой минуты и хотел со своей стороны приложить все старания. Он и маркиз—оба обедали у государя, и маркиз был очень не в духе и cassant **), но императрица была с ним очень любезна. Авось, это поможет. Вечером у меня в кабинете для жинки Шуберт [8]), Венявский [9]) и Кюндингер [10]) играли 2 трио Бетховена. Прелесть, и весь вечерок очень хорошо удался.

20 апреля. Утром принимал Эноха [11]) и имел с ним длинный разговор про польские дела и про очиншевание. Он мне очень понравился. В 1 ч. большой майский парад. Когда после проезда государя я скакал между линиями, чтобы у гвард[ейского] эк[ипажа] встретить императрицу, моя лошадь на скаку меня ударила задней ногой в мою ногу ниже икры. Было не очень больно, но я скоро почувство-

---

*) В дурном расположении духа.

**) Резкий.

вал, что у меня мокро в сапоге. Поехал шагом домой, чтоб посмотреть, не кровь ли. Едва доехал до дому, почти дурно сделалось. Едва добрался до залы детей. Как сняли сапог, увидели огромное кровотечение из ноги. Со мной сделался совершенный обморок. В это время мне обмывали ногу и старались остановить кровь. Когда я пришел в себя, Битих [13]) мне делал перевязку. Скоро мне стало лучше, и я поднялся к себе, но был очень слаб. После парада и вечером почти вся семья у меня перебывала. Мне недурно, ноге не очень больно, но я очень слаб от большой потери крови.

21 апреля. Ноге лучше, но я весь день должен был сидеть в кресле с вытянутой ногой, а мне переменяли примочки. Утром был у меня Горчаков и рассказывал, что pour le moment *) он остановил письмо и отставку Виелопольского, но что минута чрезвычайно важная. В ½ 2-го была у меня в биллиардной панихида по мама, а я слушал в кабинете в креслах. В 3 заходил ко мне Саша и был очень мил. Я ему говорил про неудобство рассматривать дело очиншевания в многочисленном комитете, но он без малейшего затруднения согласился, чтоб у меня был составлен уменьшенный домашний комитет. Я тотчас написал об этом Горчакову и позвал Эноха, чтоб ему это сказать. Он был очень доволен.

23 апреля. Лучше, и хожу с палкой только из предосторожности, но нога легко затекает. Был утром с обыкновенным докладом у Саши. За обедней была почти вся семья и потом у нас завтракала. Завтра будет у Саши маленький совет по польским делам ужасной важности, потому что от решения вопроса личностей будет зависеть вся будущность Польши. Поэтому имел длинные разговоры с Горчаковым и Виелопольским. Я с ним умею справляться, и он меня любит. Все будет зависеть от завтрашнего дня. Вечером у меня маленький финансовый комитет по вопросу о немедленном открытии промена [13]). Решили начать 1 мая по 360, или 5.70. Потом длинный разговор с Валуевым [14]) по Польше. Он смотрит на дело так же, как Горчаков и я.

24 апреля. Ничего не узнал про польский совет у Саши. Встретили во время прогулки с жинкой Горчакова с весьма длинным лицом, который объявил, что не имеет ничего сказать, но что ничего не решено, но que c'est très gris **). Ничего доброго от всего этого я не чую. Вечером были у Сумарокова [15]), где Henselt [16]) и какая-то довольно миленькая Bauer прелестно играли на фортепианах. Народу было очень мало, и оно было весьма мило и приятно.

25 апреля. Утром простился с Краббе [17]) и Гауровицем [18]), которые оба едут лечиться за границу. Принимал Зебаха [19]), который сюда приехал по наследству Нессельрода. В 12 ч. у меня финансовый комитет. Читали и подписали журнал об открытии промена с 1 мая.

---

*) В настоящее время.

**) Серо, неопределенно.

Тотчас после комитет земский. Подвинулись вперед, но долго спорили о председательстве в собраниях. Валуев хотел председателей, я сильно против этого протестовал, требуя, чтоб председатель назначался от правительства. Все решительно меня поддерживали. Валуев был очень упрям, но под конец начал колебаться. Отложили до следующего раза. Продолжалось до 4 ч. Перед обедом окончательно простились с княгиней Максутовой [20]). Были большие слезы.

28 апреля. Очень тяжелый день. Утром с 9 часов работал с Голицыным [21]). В 11 ч. по чугунке в город. От 12 до 2 работал с Грейгом [22]). От 2 до $^1/_2$ 5-го у меня соединенные комитеты по выкупному предложению Валуева [23]). Много спорили. Почти все — не финансовые головы—за его проект. Мы доказывали его невозможность, но это не брало. Тогда я сделал предложение о том, чтоб выкуп сделать в такой форме, которая бы представляла менее финансовой опасности. Поручили Рейтерну [24]) с Валуевым приготовить это предложение. Дай бог, чтоб на этом мы могли соединить мнения. Воротился в Павловск в 7 час. ужасно утомленный. Пообедал, а вечером опять работал. Потом у нас сидел Сумароков, и мы все толковали про Польшу.

29 апреля. День рождения Сергея [25]); ему 5 лет. Поэтому к обедне ездил в Царское, после чего там был первый в нынешнем году развод на открытом воздухе. Утром работал с Бутковым [26]) и Заблоцким [27]) по завтрашнему делу о сметах. После обедни был у нас Миша [28]) с женой. Обедали в Царском, а вечером дома.

30 апреля. Ужасно тяжелый день. Утром обыкновенный мой доклад у Саши. Потом без завтрака в городе по чугунке и прямо в Совет, который продолжался до $5^1/_4$. Сперва возобновленное суждение по делу майоратов [29]) по отдельному мнению Горчакова. Большинство осталось на нашей стороне. Потом все суждение и споры по местам. Раз прения начали делаться неприличными и обращаться в личности, и я должен был их остановить. Воротился в Павловск в 7 ч. ужасно утомленный.

1 мая. Хоть оставался в Павловске, но день был ужасно тяжелый. С 9 утра до 2 ч. у меня доклады не прекращались, так что я один работать не мог. Перед обедом немного катались с жинкой на гановерских лошадках. Вечером от 7 почти до 10 работал с Энохом, и он мне объяснял чиншевой проект.

2 мая. В 11 ч. в город. Там у меня с братьями инженерный комитет [30]). Решились теперь ничего капитального, окончательного не строить, а готовить необходимые заводы пушечные и железные. Воротился к обеду. Вечером опять до $^1/_2$ 10-го с Энохом, а потом у нас молодежь по домашнему плясала.

3 мая. В 11 ч. в город. Сперва у меня кавказский комитет [31]) по постепенному заселению предгорий казаками, а потом крестьянский комитет по текущим делам. Воротился в 7 ч. весьма усталый.

4 мая. Оставался весь день в Павловске и много работал один. Читал большей частью дела Государственного Совета и чиншевое дело.

5 мая. Тоже весь день дома и много читал и работал. За обедом были у нас Сумароков и Виелопольский. После обеда долго с ними говорил про польские дела.

7 мая. Ужасно тяжелый день. После утренней работы обыкновенный доклад у Саши. В 11 ч. по чугунке в город и прямо в Совет, который продолжался до ½ 4-го. По золотопромышленному процессу Зотова и Рыжкина [32]) разногласие, но большинство на моей стороне. Потом отправился с жинкой (она приехала в город по 2-часовой чугунке) с прощальным визитом к Елене Павловне [33]). Обедали в ½ 6-го. В 7 ч. видел отдельно Панина [34]) и Виелопольского, чтоб их помирить и чтоб они своей ссорой мне не мешали в комитете. От ½ 8-го до полуночи чиншевой комитет. Сперва я установил смысл, в котором мы должны были понять предстоящие рассуждения. Было предъявлено 9 вопросов, постановленных Платоновым. Из них он сам от одного отказался. Из остальных 8—5 решены единогласно в смысле Совета. Один решен единогласно против Виелопольского (распределение кланов земель). Он не настаивал на своем мнении, но остался при нем pour être conséquant *). В двух других вопросах разногласие, но большинство со мной. В вопросе об усадьбах со смешанной повинностью против Панин, Платонов и Чевкин [35]), а в вопросе о составе чиншевых комиссий [36]) только последние два. Оба раза я Тымовского [37]) добыл на мою сторону, а в самом важном вопросе и Панина. Я был ужасно счастлив и доволен этому результату, а лицо Виелопольского сияло, как я его никогда не видал. Ради этого я почти усталости не чувствовал. Ночевали в городе.

8 мая. Утром в городе много работал, между прочим, долго говорил с Энохом и Валуевым по вчерашнему комитету и по предстоящему завтра совету по польским делам. В 1 ч. по чугунке домой в Павловск. Утром, только что встал, сходил в баню. В 4 ч. ездил в Царское, чтобы рассказать Саше про вчерашний комитет, а он уж знал от Платонова. Он мне тут сказал, что назначает Мишу в Варшаву, который tout abassourdi **). Я тоже порядочно abassourdi, и весь остальной день мы только про это и толковали с жинкой. Господь бог все устроит к лучшему, а наше дело этому безропотно покоряться, как бы оно подчас ни было трудно.

9 мая. Отправился в Царское в комитет с биением сердца. В саду встретил Мишу. Успел перед заседанием с ним поговорить. Он мне рассказывал свое горе и борьбу его совести. Я подумал, что лучше всего быть с ним совершенно откровенным, и высказал ему все и как и почему я готов ехать в Варшаву. Мы друг друга совершенно поняли. В ½ 1-го

*) Чтобы быть последовательным.

**) Совершенно ошеломленный.

начался Совет: Платонов, Валуев с Мейендорфом [38]), Долгоруков [39]), Панин, Милютин [40]), Миша и я. Саша сперва прочел последнее письмо Лидерса [41]) о неприятной сцене с Фелинским [42]). Горчаков — последнее свое письмо Фелинскому и депешу в Рим. Потом перешли к тому, что́ теперь сделать в Польше, и вопрос сосредоточился на Виелопольском и на посылке великого князя. При этом Саша объявил, что он предназначает Мишу. Сперва шло хорошо, покуда стал говорить Платонов и повел старую песню о Виелопольском и о том, какое это будет иметь влияние на армию. Это явно поколебало Сашу. Милютин поддержал это, а Долгорукий еще испортил, требуя немедленной посылки великого князя. Таким образом спор продолжался и начал делаться неприятным, покуда Саша в 3 очень гневно прекратил заседание в отчаянии, что ни к какому заключению притти не могут. Воротился домой под весьма грустным впечатлением, которое меня не оставляло во весь день. Первый довольно приятный теплый вечер, и Штраус [43]) в первый раз играл на воздухе. Мы обедали у Николы [44]) на балконе.

10 мая. В 11 ч. по чугунке в город. Нашел у себя фл.-ад. Данаурова [45]) с приказанием Саши быть у него в ½ 1-го. У меня сердце тотчас почуяло, что что-нибудь да будет. Заехал сперва к Мише и высказался ему еще раз по-вчерашнему. Он мне сказал, что и Валуев, и Горчаков ему высказали, что желают меня. У Саши застали Долгорукова, который сказал, что вчера вечером высказал государю, что с Виелопольским возможен только я. В ½ 1-го опять Совет во вчерашнем составе. Саша был гораздо мягче и любезнее. Рекапитулировал три мнения, которые вчера высказались: 1) Долгорукий о немедленной посылке Виелоп[ольского] и вел. князя, 2) Платонова о невозможности Виелоп[ольского], 3) всех остальных о предназначении велик. князя теперь, с тем, чтоб его послать со снятием военного положения, и о немедленной посылке Виелоп[ольского], если можно уговорить Лидерса его принять. Саша объявил, что присоединяется к этому мнению. Тут Горчаков и Долгоруков начали довольно ясно указывать на меня. Я просил Сашу об этом говорить не здесь, а наедине. После этого Саша с Мишей и со мной пошел к себе в кабинет. Тут решилась моя участь. Саша сперва сказал, почему меня не может послать, что я ему здесь слишком нужен. Миша тогда начал отговариваться всеми своими, весьма ясными, резонами и указывал, почему нужен я, а не он. Наконец, собравшись силами, я сказал Саше, что я готов и желаю ехать; надеюсь, что я буду в состоянии иметь влияние на маркиза. Что предлагаю это как жертву, чтоб служить ему, потому что мое положение здесь таково, что лучшего желать не могу и не хочу, и что если готов ехать, то вовсе не для того, что там будет лучше или лестнее, а потому, что я надеюсь, что действительно могу быть там полезен в теперешнюю трудную минуту. Саша, кажется, нас настоящим образом понял и оценил, согласился и так мило обнял. Все мы были в слезах. Потом мы также нежно от души обнялись с Мишей.

Мы теперь на вечно должны быть с ним друзьями. Сказал тотчас об этом Горчакову и Долгорукову, и они оба ужасно обрадовались. После этого совет министров по временной инструкции цензорам [46]). До $^1/_2$ 4-го. Воротился с Сашей по экстре. Дома рассказал все это жинке. Вечером с детьми катались в новом шарабане Саши. Славный, теплый вечер.

11 м а я. Утро очень теплое, так что я работал с открытым окном, но с полудни пошел дождь, и стало холодно. В 1 ч. отправился в Царское, застал Сашу и Марию вместе и рассказал им в подробности причины моего поступка, и почему я вызвался на варшавское дело, и как я желаю, чтобы они смотрели на это, дабы мы друг друга вполне понимали, и чтобы между нами не было тени сомнения. В 2 ч. по чугунке в город. Ехал с Дм. Милютиным и Валуевым и все время толковал про Варшаву, особенно про жалкий личный состав. В $^1/_2$ 4-го у меня соединенное присутствие для выкупного дела. Был прочитан проект, составленный по моему предложению Валуевым и Рейтерном. Кажется, что не все с ним согласятся. Панин и Анненков [47]) желают принудительного перевода на оброк, а Бахтин [48]) первоначальный Валуевский проект. При этом Анненков читал скучнейшую и длиннейшую записку. В 6 по чугунке домой в Павловск. Весь вечер работал. Саша прислал письмо Лидерса, где говорит про предложение Фелинского смотреть самому, без полиции, за порядком в церквах и просит о позволении процессий. Лидерс на обе меры согласился. Дай бог, чтоб это было началом новой эры.

12 м а я. Все утро было очень рабочее. После полудни Головнин [49]); в отчаянии про Варшаву. Говорил, что государь удивляется. Это меня и жинку очень взбудоражило и вечером ездил объясняться с Сашей. Объяснение очень удовлетворительное. Он меня, кажется, вполне понял. Писал длинное письмо обо всем этом Оле [50]).

13 м а я. Ночью было 2° морозу, и весь день очень холодно. После нашей обедни ездил к гусарскому разводу в Царское, посмотреть, как Сашка [51]) вступал в караул. Он очень хорошо сделал всю проделку. Обедали тоже в Царском. Весь вечер дома читал и работал.

14 м а я. Утром после очередного доклада у Саши он со мною долго толковал про польские дела, главное, про разделение гражданских дел от военных. В 11 ч. по чугунке в город. Председательствовал в Совете. Ничего особенного не было. Воротился к обеду. Между тем жинка ездила с визитом в Михайловское [52]).

15 м а я. Утром в 10 ч. была у Саши конференция по Польше. Толковали про временное устройство впредь до моего приезда и как обстановить Виелопольского. Как ни вертись, это все будет un provisoire *) и потому опасно. Воротившись, принимал маркиза и Эноха. Оба очень довольны моим назначением, но тоже боятся provisoire.

---

*) Временный.

С Энохом читал журнал чиншевого заседания. Это продолжалось до 3 ч., и потому мы потом с ними обоими покатались по саду.

16 мая. Утром имел первый урок польского языка с Krziwickim [53]), которого маркиз прочит в директоры духовных дел. В 11 ч. в город. Работал с Платоновым. Он мне оставил массу бумаг для чтения, чтобы ознакомиться с делами. В 2 — председательствовал в совете кредитных учреждений [54]) с депутатами от дворянства и купечества. Читали второй отчет со времени учреждения банка [55]), весьма интересный и удовлетворительный. Заезжал к Горчакову толковать про Польшу. Обедал с Головниным. Вечером у меня комитет по земству. Сидели до ½ 11-го, много спорили, но порядочно двинулись вперед. Ужасно устал и потому немного походил по набережной. Чудная, светлая, тихая ночь.

17 мая. Утром читал бумаги Платонова и работал с Грейгом. В 10 ч. по чугунке в Павловск. В вагоне работал с Мансуровым [56]) по иерусалимским делам. С жинкой и дочерьми отправились в Федоровский посад [57]) к обедне, ради храмового праздника (вознесение). После завтрака — в Царское. Саша мне читал свое письмо к Лидерсу, и мы еще потолковали про Warszawu. Он мне дал всю свою переписку с наместниками, начиная с 1856 года [58]). Вечером ездили с детьми на сельский праздник в Федоровское. Было очень мило, и добрые мужички были вне себя от радости, отпрягли лошадей и на себе повезли. За чаем мы им бросали орехи и разные гостинцы, а потом жинка сиротам и бедным роздала мелкие подарки. Заходили в избу к старосте. Все это было очень мило.

18 мая. Встал утром в 6 ч. и весь день читал переписку Саши с наместниками. Таким образом работал до обеда 8 часов, а после еще 3 ч., зато кончил все. Это меня порядочно утомило. Один час имел польский урок. Не легко. Два раза катались с жинкой.

19 мая. Весь день читал опять польские бумаги, главное—телеграфную переписку Саши с наместниками [59]). В 1 ч. ездил к Саше и передал ему журнал нашего чиншевого совещания. Боюсь, чтобы он не был уже приготовлен Платоновым против него. Погода очень холодная. Узнал от Чичерина [60]) подозрения, которые падают на Полуэктова (моего библиотекаря), и послал его и Казнакова [61]) к Потапову [62]).

20 мая. Чичерин и Казнаков воротились с обыска Полуэктова, где ничего не нашли. Утром работал с Бутковым и толковал с Платоновым про мои отношения с статс-секретариатом [63]). Оттого опоздал в Царское к обедне, куда ездил ради имянин Алексея [64]).

20 мая. Воротившись, принимал Эноха. Он мне читал составленный им контрпроект инструкции для управляющего гражданской частью Царства Польского. Она вообще мне понравилась, и я в ней сделал небольшие изменения. Обедали у нас Саша со всей семьей. Тут он мне сказал, что записывает меня ради Варшавы в свой кирасирский полк. Вечером жинка дала портреты детей.

21 мая. С утра пошли поздравления, так что работать почти не мог, только успел потолковать с Милютиным и Долгоруковым. К обедне собралось очень много народу, и оно глядело весьма парадно. После большой завтрак и развод стрелков. Погода тепла и хороша, хотя ветрено. Несколько раз катались. Приехала у нас гостить Маруся [65]). Телеграф из Варшавы, что там мое назначение сделало хорошее впечатление.

22 мая. Ездили в город на похороны бедного Апраксина [66]). На дороге имел мой доклад Саше, а на возвратном пути — доклад Тымовского. В городе ужасный пожар в Ямской [67]). Мери [68]) к нам приезжала и оставалась до обеда. Остальной день много работал, а вечером катались, как всегда.

23 мая. Ужасно рабочий день. Встал в 6 ч. и не выходил из комнаты до 3-х. Энох показывал последнюю редакцию указа о моем назначении. С Кржевицким толковал про его будущее назначение и про отношение к католической церкви. Он мне очень понравился. Длинный разговор с Горчаковым. Немного катались, учась ездить four in hands *). В $^1/_2$ 5-го в город. Там три пожара за раз, и один огромный в Ямской. Обедал с Головниным и Н. Милютиным [69]). В $^1/_2$ 8-го у меня земский комитет, до 11 кончили. Передал Рейтерну разные польские финансовые записки. Немного ходил пешком по набережной.

24 мая. Утром работал с Грейгом и толковал с Арцимовичем (калужским) [70]) и Жуковским [71]), приглашая их в Варшаву. Оба сильно отказывались. В 10 назад в Павловск. В 1 ч. в Царском совет министров, неинтересный.

25 мая. Утром опять был Энох с русским проектом указа и с некоторыми бумагами от Виелопольского. Вчера поздно вечером воротился из Варшавы Саша Адлерберг [72]). Он был у меня утром. Говорит про хорошее впечатление, произведенное там, и про желание Лидерса, чтобы я скорее приехал. В 12 к Саше. Он мне читал письмо Лидерса, а потом толковали про время моего отъезда. Хочет указы подписать послезавтра, в троицу. Воротившись, застал Мейендорфа. Тоже толковали про Варшаву. Приехала Lischen Rothkirch [73]) с обоими детьми. Сегодня тепло. Много вечером катались и в первый раз могли сидеть на галлерее Гонзага до 11 часов ночи.

26 мая. По первой чугунке в $^1/_2$ 9-го в город. Там у меня совещание для последней редакции указа и для сравнения текстов русского и польского. Долго спорили и кончили только в $^1/_2$ 1, а в 1 час собрались у Саши. После небольшой дискуссии решили, что я поеду только в июле, после родов жинки. Потом решили назначение Келлера [74]) и Кржевицкого. Я должен был кончать бумаги с Виелопольским и Платоновым и оттого опоздал к машине в $^1/_2$ 4 и должен был оставаться в городе до 6. Работал, а потом немного спал, потому что ужасно уто-

*) Four in hands (четверка в руках), управление четверкой лошадей, запряженных в экипаж попарно.

мился. В 6 назад, в Павловск, обедал в 7 и весь вечер оставался дома и читал.

27 м а я. Святая троица. Обедня дома, а потом на экстре с Сашей в город на Измайловский праздник. На станции в городе Суворов [75]) рассказал Саше про измайловского прапорщика Григорьева [76]), который подговаривал солдат к измене, о чем унтер-офицер тотчас сказал полковому командиру. Ужасно это грустно, показывая, что за дух в молодежи. Парад очень хорош, только ужасно ветрено. После службы, обхода госпиталя и казармы Саша собрал офицеров в дежурной комнате и прекрасно им говорил об этой истории. Громкое ура ему отвечало, и офицеры бросились его целовать. Все были в слезах. После этого Саша на станции подписал все указы обо мне, Виелопольском и другие. И в приказах мое назначение тоже сегодня. Был семейный обед у Саши, вечером же катались, как всегда, и до 11 ч. оставались на галлерее. С сегодняшнего, стало быть, начинается мое новое существование. Будущность наша в воле божией.

28 м а я. Утром мой обыкновенный доклад у Саши. Много говорили про Польшу. Воротившись, застал Виелопольского, Эноха и Крживицкого, которые приезжали представиться в полной форме и прощаться, потому что после завтра они отправляются в Варшаву. Долго говорил с маркизом, прося его вести себя осторожно, чтоб не ухудшить своего положения к моему приезду, и поддерживать достоинство Лидерса. Тоже долго толковал с Крживицким про духовные дела. Это продожалось до $^1/_4$ 5-го, и я ужасно утомился. К нам приехала погостить на один день княгиня Черногорская [77]). Мы с ней обедали и вечером катались. Тут узнали про страшный пожар в городе, на рынках и дома министерства внутренних дел, которое все выгорело с бумагами и архивами [78]). Это ужасно, и последствия неисчислимы.

29 м а я. Тепло. Весь день до 3 ч. сидел на галлерее и много мог работать, но зато и крепко устал. К вечеру погода нахмурилась, и иногда накрапывал дождь, но очень тепло, приятно, и аромат в воздухе чудный.

30 м а я. Весь день чувствовал себя очень нездоровым, голова болела, лихорадочное чувство и слабость. Все время оставался дома, тем более, что страшный ветер и холодно. Разные слухи ходят про пожары и поджоги. Народ, говорят, в большом остервенении.

1 и ю н я. Нашему милейшему Дмитрию [79]) два года. Обедню слушали дома. После приезжала Мария поздравить и оставалась довольно долго. Я в 2 ч. в город. Там сперва работал с Грейгом. Потом у меня соединенное заседание для выкупного проекта Валуева, измененного по моей идее. После небольших торгов и объяснений он принят окончательно. Я очень рад, потому что, таким образом, и волки сыты, и овцы (финансы) целы. Воротился в Павловск в 7 ч., а вечер оставался дома. Мне лучше.

5 и ю н я. Утром предложил Комаровскому [80]) мое адъютантство для Варшавы, и он принял с большим удовольствием. Ездил

к Саше к польскому докладу Тымовского. Ездил немного верхом, а вечером катанье на музыке, как всегда.

6 и ю н я. Ездили с жинкой в Михайловское посетить Мишу, но и он, и Ольга были в городе. Позавтракали у Миши в кабинете, поехали в Знаменское. Низи [81]) тоже в городе. Застали только одну его жену и потолковали с ней. Воротившись в Михайловское, застали, наконец, там Мишу и Ольгу. Они нам показывали их прелестный новый дом. На возвратном пути у нас лошадь поломала себе ногу в бабке.

7 и ю н я. Совет министров у Саши в Царском от $^1/_2$ 1-го до $^1/_2$ 5-го, по разным делам Головнина. Решили запретить на 8 месяцев «Современник» и еще другой журнал [82]). Рассуждали об открытии университета [83]). После долгих споров решились только открыть физико-математический факультет. Решено закрыть воскресные школы [84]). Одним словом, впечатление Совета для меня прегрустное, явно под влиянием страха теперешней минуты, что недостойно правительства. Вернулся верхом.

8 и ю н я. Утро рабочее в Павловске. В 2 ч. по чугунке в город, и там у меня главный комитет по госуд. крестьянам [85]). Толковали о повинностях и очень спорили. Зеленый [86]) и Валуев отстаивают систему оценок, а Бахтин, Чевкин и я — против. Жестоко спорили и ничем не кончили. Будем продолжать в понедельник. Воротился в 7 ч. очень утомленный.

9 и ю н я. Утром был у меня Крыжановский [87]), который приехал из Варшавы для личных объяснений по уничтожению генерал-губернаторства. Очень долго с ним толковал про варшавские дела, потом ездил к Саше и толковал про то же. Самое трудное — это личности, а от них все зависит. Воротился верхом, а вечер дома.

10 и ю н я. Обедня дома. После толковал с Алешей Толстым [88]), который воротился из Парижа, про Киселева [89]) и польскую эмиграцию [90]). Потом призывали Адлерберга [91]) и толковали с ним про будущий варшавский двор. Обедали в Царском. Вечером катались на музыке, но сделалось холодно. Краббе воротился вчера из-за границы и сегодня был у меня. Комаровский являлся в адъютантском мундире.

11 и ю н я. Обыкновенный доклад у Саши. В 11 ч. по чугунке в город. Жинка тоже, чтобы осмотреть вещи и бумаги перед отъездом. Я же — прямо в Совет. Там ничего особенного. Потом решили окончательно выкупной журнал, потом до 5 ч. главный комитет по казенным крестьянам. Много спорили. Мне это дело не нравится.

12 и ю н я. Оставался весь день в Павловске и, кроме своей обыкновенной работы, толковал с Крыжановским про варшавские дела. Обедали в Царском у Саши с Мишей и его женой, которые приезжали прощаться, потому что они отправляются в четверг за границу на три месяца. Весь день почти шел дождь. Вечером слушали музыку в вокзале, в комнате, нарочно для нас приготовленной. Катались с Сабуровым-лондонским [92]), которого отыскали в вокзале.

13 июня. Утро, как всегда. В 2 ч. в город, где у меня последний комитет по земству. Кончили это дело, слава богу, единогласно. Вечером голова болела.

15 июня. Такая же ужасная погода и холод, как вчера, хоть барометр начал несколько подыматься. В 2 ч. по чугунке в город. Там у меня совещание с Милютиным, Валуевым, Крыжановским и Платоновым об упразднении варшавского генерал-губернаторства и о распределении его дел. К 7 ч. воротился домой, где мне сказали, что Саша меня требует в $^1/_2$ 8-го. Едва успел второпях пообедать и отправился. У Саши совершенно опрокинутая физиономия, и он мне объявил, что Лидерс ранен [93]), что он сдал команду армии Мерхилевичу [94]) и просит о присылке кого-нибудь. Саша ужасно огорчен и предвидит, что, вероятно, придется меня отправить. В $^1/_2$ 10-го я опять был в Царском, вместе с Милютиным, Крыжановским и Платоновым. Милютин имел депешу от Бебутова [95]) несколько подробнее, с описанием раны, и что это случилось в Саксонском саду, когда он пил воды. После недолгого разговора решили, что Крыжановский поедет в воскресенье, а я во вторник. Жинке хочется ехать со мной.

16 июня. Утром приводил в порядок бумаги. В 10 ч. ездил к Саше с последними бумагами по Совету. Гагарин назначается в Совет и в главный комитет [96]). В 11 ч. в город. Там с Крыжановским и Чевкиным решили подробности моего отправления, так, чтобы быть в Варшаве в среду вечером. С Платоновым написал об этом телеграф Виелопольскому. Потом приказал запечатать все мои столы и шкафы. Ездил в крепость, в Казанский и в Зимний, в комнаты папа. Воротился к обеду. Вечером Саша и Мария к нам приезжали и были очень милы. Узнал от Саши, что сегодня в Новогеоргиевске расстреляны оба стрелковые офицеры с одним унтер-офицером [97]). Саша и Мария разделяют желание Санни [98]) ехать со мной.

17 июня. Длинный разговор со Шмидтом [99]) о поездке жинки. Тяжелый день ради прощаний и последних распоряжений. В последний раз семейный обед в Царском. Грустно.

18 июня. Ездил к докладу к Саше в полной форме, чтобы официально проститься. После доклада он мне читал инструкцию [100]), которую он мне дает для Польши,—умная, откровенная и исполненная любви и доверенности ко мне. Тут мы оба расплакались и целовались. Дома все прощание и приготовление к дороге. Мария с детьми к нам приезжала до обеда и оставалась долго, потому что в это время была сильная гроза, а вечером приезжал и Саша.

19 июня. День отъезда. Милое, сердечное, но грустное прощание и проводы. Отправились в 10 ч. Весь день благополучный. Обедали в Острове, легли спать, пройдя Динабург.

20 июня. Первые встречи и «ура» в Гродне и Белостоке. На границе Царства встретили Энох, Кржвицкий и сын Виелопольского [101]). Длинные разговоры. В 5 ч. в Варшаве.

20 и ю н я. Встреча на станции. Огромное «ура» пражских жидов. В городе приветливая встреча и поляков. В Бельведер [102]). Потом я с Крыжановским к Лидерсу. Его состояние мне не нравится. Обедал с жинкой один. Вечером длинные разговоры с Виелопольским и Крыжановским. Все плачутся об отсутствии настоящей полиции. От этого мы ходим в потемках. В Бельведере тесно, трудно разместиться.

21 и ю н я. В 10 ч. в Лазенках [103]); прием сперва военных, потом духовных и гражданских властей. В 12 ч. в соборы. Сперва православный св. троицы, потом католический св. Яна. Прекрасная встреча, речи и l'attitude *) народа. Минутку к Лидерсу — и домой. С жинкой в замок. Осмотрели комнаты и залы. Требуют больших переделок. Перед обедом писал Саше. За обедом гости. Потом один в театр, Страделла [104]). Не слишком дурно. После второго акта хотел отправиться. Только сел в коляску, выходит из толпы человек, я думал, проситель, но он приложил мне ко груди в упор и выстрелил **). Его тотчас схватили. Я бросился назад в театр, не зная, что я—убит или ранен. Оказалось, что пуля пробила пальто, сюртук, галстук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала ее, а тут же остановилась, перепутавшись на снурке лорнетки с канителью от эполет. Один бог спас. Я тут же помолился. Какой-то доктор мне сделал первую перевязку. Телеграфировал Саше. Общее остервенение и ужас. Убийца Ярошинский [105]). Портной-подмастерье. В 11 ч. в карете с сильным эскортом воротился в Бельведер. Сказал жинке так, что не было испуга. Дома другая перевязка, и лег. Дрожь скоро прошла. Долго приходили разные донесения и ответный телеграф от Саши. Хорошо спал.

22 и ю н я. Весь день принимал поздравления с чудесным спасением. Были Кредитное общество [106]) с Замойским [107]). Очень сильно с ними говорил, требуя содействия и помощи правительству. Кажется, произвело впечатление хорошее, потому что Виелопольский и Замойский дали друг другу руки. Потом Государственный Совет, административный и городской [108]). С ними тоже говорил, и от души, и сердца. Оно не могло не сделать впечатления. Перед приемом имел премилый разговор с Фелинским, который мне весьма нравится. Потом начальство первой армии [109]). Все это меня очень утомило, и хоть рана хорошо идет, но я слаб, особенно под вечер. При всем этом беспрерывные отдельные разговоры, донесения полиции и чувство отсутствия единства и отсутствия власти. Не легко.

23 и ю н я. Вчера и сегодня телеграммы со всего света, даже от Наполеона [110]). Принимал горожан и депутацию от офицеров и солдат от всех здешних полков. Масса разговоров весь день, отымают все время. Убеждение в отсутствии власти, единства, такта и полиции. Просто ужасно. Рамзай [111]) вчера приехал, сегодня едет в Питер.

*) Внешний вид.

**) Так и в подлиннике.

Я с ним написал письмо Саше [112]). Фелинский сказал прекрасную проповедь в соборе, а Виелопольский в совете. Вечером приехал Гауровиц.

24 и ю н я. Жалобы на полицию за придирчивость увеличиваются. В лагере в Повонске история панихиды по расстрелянным [113]). Пришел священник Ладожского полка мне это сказать. Офицеры арестованы. Поручил следствие Гечевичу [114]). Вечером длинная военная конференция. Восстановили потерянную связь между полицией и военною властью. По повторяющимся отовсюду слухам об готовящемся движении и резне решили завтра усилить войска на площадке.

25 и ю н я. Утром конференция с маркизом об усилении войск на площадках. Он согласился, потому что сам получает тревожные вести. Жалобы на полицию. Пилсудский [115]) невозможен. Хотим назначить Муханова [116]). В 3 ч. панихида. В 6 ч. приехал Янковский [117]) с милыми письмами из дому. Долго писал ответ Саше [118]). Сегодня были первые регулярные доклады.

26 и ю н я. День рождения моей сладкой жинки. Ей 32 года. Да сохранит ее бог. Она ездила к обедне в Лазенки и имела там потом представление. Получил от Саши согласие на замену Пилсудского Мухановым. Вечером город был добровольно иллюминован. Дай бог, чтобы это был хороший знак.

27 и ю н я. Весь день сидел дома и работал. Рана идет хорошо, но одеться не могу. Призывали городскую депутацию благодарить ее за иллюминацию.

28 и ю н я. Все одеться не могу и должен сидеть дома. Приехал Раух [119]) с премилым письмом от короля прусского. Он с нами обедал. Вечером шифрованный телеграф от Саши; желает прислать сюда 3-ю гвард. пехотную дивизию. Я отвечал, что прошу подождать.

2 и ю л я. Ночью приехал Ухтомский [120]) с письмами и бумагами из дому. Весь день, после работы, писал длинное письмо Саше [121]) и давал Янковскому словесные поручения домой. Очень устал.

3 и ю л я. Ужасно рабочий день. Долгий доклад Виелопольского, сперва с Непокойчицким [122]), потом с Кретковским [123]). Ужасно утомляюсь. Рана моя тихо заживает, и не могу еще одеваться.

4 и ю л я. Был католический молебен по случаю рождения Вячеслава [124]), и потом весь люд явился ко мне с поздравлением. Я сказал несколько слов по-польски городскому совету. Потом с маркизом и Крыжановским толковали и решили, чтоб сделать суд над Ярошинским публичным, и телеграфировал о том Саше. К обеду приехал Притвиц [125]) с поздравительными письмами из Питера.

5 и ю л я. Получил курьера от Миши с объявлением об адской машине из Генуи [126]). В 12 ч. принимал маркиза с тремя новыми губернаторами: Островским, Дзевановским и Коветковским [127]) и долго с ними говорил. Надеюсь, что это будет иметь хорошие последствия. Получил от Саши разрешение на счет публичности суда. Весь день обыкновенный.

6 июля. Был ужасно занятой день. Долго толковали, как устроить публичный суд над Ярошинским, и выбирали для него помещение. Вечером от Ермолова [128]) узнал полное признание Ярошинского, которое носит совершенную печать вероятности. Через Вржеснёвского [129]) тотчас сообщил об этом маркизу. Стараемся отыскать Хмелинского [130]), но мало имею на это надежды.

12 июля. Весьма занятой день, но ничего особенного. Слух, будто видели Хмелинского на улице.

13 июля. В первый раз собирал у себя совет управления. Происходило хорошо, но женируются говорить. Это, надеюсь, не надолго.

14 июля. Тяжелый день. Утром обыкновенная работа. От 12 до $^1/_2$ 4-го Рамзай и Крыжановский. Это было прощанье с Крыжановским, и потому много толковали, и давал разные ему поручения для Саши. Потом принялся за письмо для Саши [131]). Вышло очень длинное. Писал о Сумарокове. Обедал у меня Крыжановский и в 8 отправился с письмами.

16 июля. Первый польский урок с Krziwickim. Потом первый выезд в город с эскортом. Делал визиты к маркизу, Рамзаю, нашему архиепископу [132]) и Фелинскому. С этим длинный весьма хороший разговор. Ужасно жарко. В тени 25°.

17 июля. Еще жарче, чем вчера. 28° в тени. Хрептович [133]) приехал. Ради жары весь день не выходил.

24 июля. Приехал из города Гауровиц и Рибопьер [134]) с церемониалом. Составили тотчас перевод по-польски с нужными изменениями. День обыкновенный. Длинная работа с маркизом, как всегда.

25 июля. Утром парад остальным частям гарнизона и Екатеринославским драгунам. Лучше всех саперы. Ходил в Лазенки, чтобы решить подробности выхода, а потом делал визит Хрептовичам. Вечером ездил встречать Сашку [135]) на чугунку на Прагу. Благополучно довез его домой. Признаюсь, что сердце у меня не было на месте. Он привез мне премилое письмо от Саши [136]) и другое от Крыжановского.

26 июля. Я много работал, а Саша делал визиты. В $^3/_4$ 3-го, когда маркиз шел в комиссию финансов, в него сделано два выстрела из револьвера. Славу богу, остался цел и не ранен. Убийцу схватили. Литограф Лудвиг Риль [137]). Подробности об этом с разных сторон. В 5 ч. с Сашкой к маркизу с поздравительным визитом. Подробности первого допроса. Вечером у Набокова [138]) конференция о подробностях суда над Ярошинским.

27 июля. Весь день слухи про убийства, которые еще будут предстоять.

28 июля. Ужасно занятой день. До $^1/_2$ 4-го не выходил из комнаты. Длинный разговор с Старжинским [139]). В Лазенках большой обед для Саши, а вечером опять театр в Померанчарне [140]) с миленьким балетом. Амнистия [141]) почти никакого влияния не произвела. Слухи про убийства продолжаются.

29 июля. Утром в 1/2 10-го слушали с Сашкой обедню в Лазенках, а потом после прощанья с жинкой отвез его в Прагу на чугунку. Ужасно за него боялся при проезде по улицам и стал спокоен только, когда поезд тронулся. Воротившись, имел длинный интересный разговор с Штиглицом и Кербедзом [142]) про проекты новых чугунок и вообще про финансовое дело. Остальной день писал длинное письмо Саше в три листа [143]) и очень устал.

30 июля. День обыкновенный. Длинное совещание с Рамзаем на завтрашний день, годовщины соединения с Литвою, в ожидании манифестации [144]).

31 июля. День прошел совершенно спокойно. Кроме снятия траура, никаких манифестаций не было [145]).

2 августа. Процесс Ярошинского от 9 утра до 1/2 9-го вечера. Приговорен к расстрелянию. Как первый опыт публичного процесса, весьма порядочный, хотя были некоторые прорухи.

3 августа. День обыкновенный до вечера. После обеда, когда я читал и курил, вбегает испуганный Тенгоборский [146]) сказать, что сейчас в Бельведерской аллее было новое покушение на маркиза. Тотчас разослал адъютантов. Оказалось, что Rzońca, товарищ Рылю по литографии, бросился на маркиза с отравленным кинжалом, но тут он был остановлен сыном и другими [147]). Ужасно.

4 августа. Весь день только и разговоры о вчерашнем и соображения о предстоящих мерах. Просил по телеграфу и получил от Саши разрешение конфирмовать дело Ярошинского самому, не посылая его в Питер, чтоб не терять время. Надо на красных навести страх. Дай бог, чтоб этим удалось их остановить. Вечером поздно у меня Тенгоборский с сведениями из Парижа. С жинкой в 3 ч. ездили с визитом к маркизу. Она принимала и его, и жену у себя в карете.

5 августа. За обедней с детьми в Лазенках. Остальной день дома. Ничего особенного. Приказал торопить дело Ржонцы. От Саши телеграф, чтоб их вешать, а не расстреливать.

7 августа. Утром подписал смертный приговор Ярошинского. Это ужасная вещь, и я никому не желаю перечувствовать то, что у меня в сердце происходило. Весь день я был ужасно расстроен. Получил с г[енералом] Соболевским письмо от Саши [148]). От 2 до 1/2 5-го у меня совет управления. Приезжал из Берлина доктор Либрейх [149]) свидетельствовать наши глаза.

8 августа. День обыкновенный, хоть очень занятой. Приехал из-за границы генерал Паулучи [150]), которого я выписал для тайной полиции. Долго с ним об этом толковал. Он просит несколько дней для размышления. Назначил процесс Ржонцы на субботу. Вечером просматривал проект прокламации, которую хочу издать после казней.

9 августа. В 9 ч. утра совершена казнь Ярошинского при большом стечении народа. Все обошлось тихо и спокойно. Мои чув-

ства в это время. Остальной день обыкновенный. Писал письмо Саше о казни [151]).

10 августа. Сегодня нашему милому Костюхе [152]) минуло 4 года. Обедню слушали в Лазенках. После дали Костюхе подарки. Принимал члена совета Венглинского [153]). Работал с маркизом и Кретковским. Рассказывал ему нашу систему выкупа. Вечером Муханов рассказывал про нового убийцу, приготовленного для маркиза, который про это объявил Развадовскому [154]). Дай бог, чтобы через это удалось найти и схватить зачинщиков. Читаю теперь Смита историю войны 1831 года [155]).

11 августа. В 11 часов переехали в Лазенки, начав с воцерковления [156]) жинки и Вячеслава. Прелесть как тут мило, хотя немного тесно. Имел длинный доклад военный, потом весь день писал длинное письмо Саше [157]). Сегодня два процесса,— публичный Ржонцы и домашний Рыля, ради его нездоровья. Оба кончились смертными приговорами, и все обошлось благополучно [158]).

12 августа. Обедня дома. День обыкновенный. Катались в первый раз со всеми детьми. Вечером Полтаранов [159]) приносил мне решенные полевым аудиториатом [160]) дела Рыля и Ржонцы, и я подписал обе конфирмации.

13 августа. После долгого времени мог снова заняться с Крживицким польским языком. Катался с жинкой, но неприятно — ветрено и пыльно. Был у нас первый порядочный обед с дамами. Маркиз рассказывал вчерашнюю свою историю с вероятно отравленным письмом, после которого вся семья почувствовала дурноту [161]).

14 августа. Утром совершена казнь Рыля и Ржонцы при огромном стечении народа. Все обошлось тихо и спокойно. Маркиз принес мне сделанный им перевод на польский язык моей прокламации, которую я подпишу после полуночи. Приехали Тотлебен и Корф, начальник 3-й гв. дивизии [162]). Они оба у нас обедали.

15 августа. Днем явилась моя прокламация и тотчас за ней маленький революционный плакат, приглашавший к żałobnie nabożeństwo za bohatyra i męzenika Ludwika Jaroszyńskiego*) с несколькими объяснительными строчками. Кажется, это произвело хорошее впечатление. Но долго ли оно продолжится с этим легкомысленным народом. Обедали с детьми на террасе. Вечером первая проба вечера. Дамы очень милы и приятны. Молодая графиня Виелопольская, Калерджи и Келлер [163]). Какая-то уродина Клейст играла преплохо на фортепьяно.

16 августа. Очень рабочий день. С Энохом и Минквицем [174]) толковали про ломки и постройки как для украшения города, так для войск. С жинкой ездили в замок. Очень вяло принимаются за работы. За обедом Массон [165]), Дембовский [166]) и Крживицкий. Очень шло хорошо.

*) Заупокойное богослужение по герое и мученике Людвиге Ярошинском.

19 августа. Обедня дома. Подписал судное дело по офицерской панихиде [167]). Длинное свидание с Кроненбергом [168]). Он, кажется, мною доволен. В 4 с жинкой и детьми в Прагу на чугунку. Не долго ждали. Радостное свидание с Николой, Катей и Жоржем [169]). Город имел очень хорошую физиономию, и кланялись. Вечером музыка на террасе, и я пустил народ. Это было очень мило и напоминало доброе старое время. Вечер провели очень приятно у Кати в белом доме.

20 августа. Рабочий день, как всегда. Разговор с Мирбахом [170]) о том, можно ли Николу оставить здесь на зиму, но ничего еще не решили. Гулял с детьми и рассказывал им подробности выстрела на меня... Вечером с Мухановым и Тенгоборским решились воспользоваться предложением Ришара достать бумаги Герцена и переписку о покушениях [171]).

21 августа. Утром работал, а потом писал письмо к Саше [172]). Таким образом мои занятия продолжались от 9 утра до $^1/_2$ 6-го беспрерывно. Это из рук вон тяжело. Вечером театр в Померанчарне. Очень мило. Никола, Оля и Вера [173]) были тоже там.

24 августа. Работал с Виелопольским. Хорошие известия об уездных советах в Радоме. Наш план—как снять там военное положение и собрать советы в губ. Люблинской и Августовской [174]). С жинкой и детьми ездили кататься в город и воротились внизу через Сольцы [175]). Очень жаркая погода. Вечером до двенадцатого часа оставались при полной луне на террасе.

25 августа. Очень жарко. За обедом Венглинский и длинный разговор с ним. Он человек толковый и умный, и с ним удовольствие говорить и спорить. В 8 ч. Андрей Замойский. Какая разница. Он сумасшедший, состоящий из злости и желчи. Не стоит с ним времени терять: только ругается про старину или бредит про Польшу по Днепр. Вечером собрание с музыкой и цветными фонарями на террасе, а потом m-me Калерджи немного играла на фортепьяно.

26 августа. День коронации, и у нас выход. За завтраком Виелопольский, Рамзай и Фелинский. Получил депешу, что Сержпутовский [176]) и сын Рамзая [177]) назначены ко мне адъютантами. День обыкновенный. Вечером театр в Померанчарне «Mlinarz i Kominarz» **) и балет.

27 августа. День обыкновенный. С маркизом и Рамзаем решили подробности о снятии военного положения в Радоме. Катались с жинкой и детьми по городу. Вечером много народу на террасе в Лазенках. Был в театре миленький балет «Парижский карнавал».

28 августа. День смерти Михаила Павловича [178]), имели панихиду в Бельведере. Потом у меня совет управления. Объявил о снятии военного положения. Вечером длинный разговор с Мирбахом об устройстве воспитания Николы здесь, в Варшаве.

**) Мельник и трубочист.

29 августа. День обыкновенный. Вечером с жинкой в первый раз в городском театре. «Orpheusz w piekle» *). Очень смешно, и большой entrain **). Сбор помещиков в Варшаве soit disant ***), чтоб подать адрес с требованием смены Виелопольского [179]).

30 августа. 14 лет нашей свадьбы. Большой выход. Прогулки. Обед домашний. Вечером театр в Померанчарне. Кажется, что съезд помещиков кончится ничем.

31 августа. Утром получил милое письмо от Саши [180]). Длинная работа с маркизом. Говорил ему про его тяжелый характер с подчиненными. Гулял с жинкой по внутренним улицам. Утром слух, что история адреса не состоялась, а вечером Муханов мне сказал, что он составлен, подписан двумя депутатами с каждого уезда и передан Замойскому, дабы он мне его вручил. Это выходит штука весьма серьезная, и мне ужасно хочется, в случае подачи, его арестовать и отправить в Петербург, дабы он там объяснил свой незаконный поступок.

1 сентября. Ужасный день. От 9 до $10^1/_2$ беспрерывные занятия, кроме обеда и послеобеденной сигарки. Утром маркиз ко мне приехал с копией адреса. Долго толковали, что делать. Он хочет немедленную арестацию и высылку за границу. Я хочу арестацию в случае подачи адреса и отправления в Петербург, дабы он отвечал в своем поступке перед своим законным государем. Телеграфировал об том и другом Саше, на его решение. Потом длинная работа с Рамзаем. Соображения о производстве набора [181]) и о квартировании в Варшаве. Потом писал письмо Саше [182]). В 5 ч. Сигизмунд Виелопольский [183]) у меня с экземпляром адреса, и разговор с ним. Он полагает, что Замойский его не подаст. После обеда продолжал писать. Вечером Муханов тоже говорит, что адрес не будет подан. Тогда надо придумать другое средство и арестовать Замойского за сбор помещиков и за принятие адреса и за поставление себя как бы представителем интересов Польши, к чему он вовсе не призван.

2 сентября. После обедни долгое рассуждение с маркизом, Рамзаем и Хрептовичем об Замойском. Ночью была депеша от Саши: адреса не принимать, а Замойского прислать немедленно арестованным в Петербург. Маркиз все настаивал на высылке за границу. Я на это не согласился. Рассуждения о том, как произвести арестацию, днем или ночью. К сожалению моему, решились на ночь. Вечером другая длинная конференция о способе исполнения, и решили завтра утром, в 9 ч. Видел всех нужных личностей и дал необходимые приказания. Страшно голова разболелась.

3 сентября. Вот день Замойского. Арестация должна была быть в 9 ч. Вдруг в $^1/_2$ 10 приезжает Муханов сказать, что она не состоялась, потому что его дома нет. Ужасное впечатление. Un coup manqué,

---

*) «Орфей в аду», оперетка Оффенбаха.

**) Живость, увлечение.

***) Будто бы.

fiasco complet *), стыд, срам, ужасно! Мысль, что он просто еще спал; послал Муханова звать его ко мне. Так и вышло. Это явно перст божий, который под видом затруднения заставил нас выбрать лучший путь. В двенадцатом часу он приехал. Я его принял при Хрептовиче. Весь наш разговор, начиная с пистолета Ярошинского, до приказания ехать в Петербург и до просьбы повести себя en gentilhomme, pour ne pas me forcer à avoir recours à des moyens que je serais le premier à regretter **).

Я был, слава богу, спокоен, не горячился, а говорил тихо и прилично. Затем все исполнение вышло очень хорошо и comme il faut ***). Он отправился в $^1/_2$ 4-го. В 2 ч. принимал Венглинского. Длинный с ним разговор. Сперва он очень raide ****), но я заставил его признать, что не мог иначе поступить, без непростительной слабости, и что de tous les moyens qui étaient à ma disposition j'ai choisi le plus doux *****). Слава богу, что все так обошлось, это явное благословение божье. Одно опасение о Петербурге. Потому, кроме письма Саше [184]), еще вечером телеграммы: Горчакову и Долгорукову. Вечером приехал Набоков.

4 сентября. Утро рабочее, как всегда. Говорил Хрептовичу и Тенгоборскому, как составить объяснительную записку всего этого дела и что делать с Замойским в Петербурге. В полдень вдруг у меня Фелинский. Испуг, что он приехал подать отставку. Ничуть не бывало. Просто разговор, где он выказал всю слабость своего характера, где я ему высказал все дело, как оно есть, и что меня заставило действовать так, а не иначе. После работы с маркизом у меня совет управления. Опять высказал всю историю с начала до конца, весь разговор с Замойским и все причины. Кажется, было ясно и понятно. Покуда в городе все спокойно. Ужасно устал. Это были тяжелые дни, один бог поддержал и благословил.

5 сентября. Утром Хрептович и Тенгоборский представили мне свою работу. Окончательно ее просмотрели и исправили, и только поздно вечером была она готова. Я тоже написал маленькое письмо Саше [185]), и все это отправилось завтра утром.

6 сентября. Ничего особенного. В городе все тихо. Кажется, что история Замойского порядочно напугала, показав, что правительство твердо, сильно и не шутит. С жинкой катались по внутренним улицам. Нам чрезвычайно учтиво кланяются, а жиды кричали ура.

7 сентября. Ничего особенного. Семья из Царского отправилась в Новгород [186]). Вечером у нас маленькое собрание, и г-жа Калерджи играла на фортепьяно.

---

*) Неудача, полное фиаско.

**) Как дворянин, чтобы не заставить меня прибегнуть к способам, о которых я первый буду жалеть.

***) Как следует, прилично.

****) Упрямый; непреклонный.

*****) Из всех способов, которые были в моем распоряжении, я избрал самый мягкий.

10 сентября. Холодно, вставили двойные рамы и начали топить. Принимал раввина Майсельса [187]). Кажется, что он тоже будет на нашей стороне. День обыкновенный.

13 сентября. Холодно. В Радомской губ. пошли опять духовные и политические манифестации. Очень досадно. Вечером в балете «Dwa złdzieja» *).

17 сентября. Вечером приехали Грейг [188]) и артиллерист Шварц [189]) с премилым письмом от Саши [190]). На счет Замойского он согласился на мой взгляд.

18 сентября. Очень тяжелый день. После обыкновенной утренней работы у меня совет управления. Тут ему объявлено о правилах на предстоящий рекрутский набор с исключением крестьян... С Виелопольским окончательно составил речь на завтра.

19 сентября. По новому стилю 1-е октября — важный день для Польши, ибо сегодня начало прихода гвардии, открытия учебных заведений и Государственного Совета [191]). В 11 ч. с жинкой на Прагу для приема стрелков. Чудная погода, бездна народа на улицах. Стрелки еще кончали одеваться. Я тут их посетил. Огромное ура. Выстроились развернутым фронтом для встречи. Потом знамя перед первый взвод и по отделениям направо с музыкой в город. Чудное зрелище. После работы с Энохом на открытие Совета. Прочел мою речь по-польски, и, кажется, недурно, впечатление хорошее. Потом три присяги: лютеранская, еврейская и католическая. Потом чтение указов и назначение дел на следующее заседание в понедельник. Потом с жинкой и детьми без эскорта на гановерских лошадках в экипаже Саши катались в городе и по аллеям. Это тоже сделало хорошее впечатление. Потом писал длинное письмо Саше [192]). Вечером собрание с семейством Голицыных [193]). Я ради письма пришел очень поздно. Очень смеялись.

20 сентября. Чудная теплая погода продолжается. День очень рабочий. Телеграф от Саши, что он вчера принял Замойского, который ему то же толковал, что мне, и приказал ему ехать на три года за границу. Он поедет по чугунке на Кенигсберг. У нас обедали стрелковые офицеры.

21 сентября. Работал с маркизом. Он мне рассказал про проделки уездного совета в Седльцах и про поведение Л. Гурского [194]). Решились совет этот кассировать. Катались с жинкой и детьми до Волынских казарм. Остальной день обыкновенный. Приехал Лидерс проездом в Одессу. Рана его еще не зажила.

24 сентября. Получил от Горчакова статью по истории Замойского, которую он хочет напечатать завтра в Journal de St. Pétersbourg [195]). Очень хороша. Энох заболел грудью и не мог у меня быть. От 2 ч. до 5 заседание Госуд. Сов. К моему большому удовольствию, я большую часть понимал. Шло очень прилично. Дело шло о кошер-

*) Два злодея.

ном и о водке [196]). Много спорили и не кончили. Большой обед для всех офицеров Волынских. Вечером фельдъегерь с премилым письмом от Саши [197]) и доклад о следственных комиссиях в Питере [198]). Очень интересно, но очень боюсь ретроградной реакции.

26 сентября. День обыкновенный, рабочий, как всегда. Потом писал длинное письмо Саше [199]) с характеристикой наших министров и с предложением о назначении Ленского [200]) на место Тымовского, а Багневского [201]) в финансы. Вечером у нас маленькое собрание. Пенхержевская [202]) пела, и я играл на органе, а m-me Калерджи на фортепьяно, и говорят, что эффект был очень хороший. Потом еще длинный разговор с Грейгом о том, как ему говорить в Питере. Он едет завтра.

27 сентября. Утро рабочее. В 12 на Прагу с жинкой встречать второй бат[альон]. Литовский. Потом собрание Государ. Совета. Сперва кончили дело о подати с водки, именно с которого числа, со дня ли публикации, или с 1 янв. 1863 г. Голоса поровну, именно по 16, и только мой дал перевес. Потом рассмотрение отчетов за прошлый год. Это, по настоящему, пустая формальность, потому что не было сообщено министрам. Продолжалось до $^1/_2$ 5-го.

28 сентября. Утром холодно, а днем погода чудная, теплая. Приехал Тишендорф с готовым изданием Синайской библии и с самой рукописью [203]). Все это было выставлено внизу в зале, и я пригласил бездну духовных и ученых, чтоб этим любоваться. Действительно, в высшей степени любопытно и интересно. От 2 до $^1/_2$ 5 у меня совет управления. Самое интересное история седлецкого совета с выходками Луи Гурского. Решились совет кассировать, уездного начальника уволить, но в то же время снять военное положение в губ. Люблинской и Августовской, за исключением городов: Люблина, Седлец и Сувалок, и созвать советы в губ. Плоцкой и Варшавской [204]). Немного ходил потом пешком. В первый раз у нас стоят в карауле волынцы, и я к ним заходил на гауптвахту. Обедали у нас литовские офицеры.

29 сентября. Сегодня встречали первый бат. Австрийского полка [205]). Очень хорош. Потом длинный доклад Рамзая. Погода чудная. Катались с жинкой и детьми на гановерских лошадках в городе и Лазенках. Вечером собрание, и Тишендорф объяснял Синайскую рукопись со всем ее значением. Простились с Распоповой [206]), которая нас оставляет.

9 октября. После долгого молчания вдруг явились опять революционные журналы «Рух» и «Стражница» [207]). Это очень досадно. Варшава, однако, совершенно спокойна, но говорят, что революционная пропаганда бросилась на провинцию, а там полиции почти что нет. День обыкновенный. Ходили пешком с жинкой и детьми. Энох выздоровел.

11 октября. Заседание Государственного Совета, в котором предъявили предложения Фелинского и Левинского [208]) с нашими

ответами. Этого никто вперед не ожидал, и потому прошло хорошо без большой оппозиции, а там, где шли на голоса, у нас было сильное большинство — 23 против 12.

13 октября. День рождения Миши. Ему 30 лет. День обыкновенный, рабочий. Снимали с меня фотографию в профиль для предполагаемого бюста. Князь Константин Любомирский [209]) приезжал ко мне сказать, что графиня Замойская [210]) при смерти больна. Кажется, желают, чтоб я воротил Андрея. Сердце мое мне то же говорит, но, кажется, маркиз сильно противится этому. Катались по городу с жинкой и детьми. У нас большой артиллерийский обед, и пили здоровье Миши. Вечером опять с Макушиной [211]) на фортепьяно и органе.

14 октября. Обедня дома. Детали от Вржесневского об Замойской. Все еще ничего положительного. Может прожить или 8 дней, или 5 месяцев. Поэтому длинный разговор с маркизом о временном возвращении Андрея. Он, кажется, готов на это согласиться. Катались с жинкой и детьми по городу. Воротившись нашли депешу о кончине тетушки Марии Альтенбургской [212]). Жинка в ужасном горе и много плакала.

15 октября. Утром от Вржесневского узнал, что Замойская внезапно умерла. Послал за маркизом. Толковали о похоронах. Настоящих похорон не будет, потому что со временем ее перенесут в их имение, а теперь оставят в подвальной церкви святого креста. Осматривал в подробностях Уяздовский военный госпиталь. Очень хорошо и в порядке. Ездил по городу, чтобы видеть его физиономию; совершенно тихо и спокойно. Вечером письмо от Саши.

16 октября. Был у меня совет управления. Толковали, между прочим, о замене выборных чиншевых делегаций [331]), в случае роспуска уездных советов, делегациями от правительства. Проездом за границу здесь Кушелева [214]). Она у нас провела вечер. Днем жинка была в городе, в госпитале св. духа.

17 октября. Утром были похороны, или, лучше, вынос графини Замойской из ее дома в церковь св. креста. Были приняты полицейские предосторожности, и все обошлось совершенно тихо и благополучно, несмотря на большое стечение народа. Поэтому, и ради траура жинки, я отложил смотр гвардии. Катались по городу. Физиономия его совершенно обыкновенная. В 4 ч. встречали Елену Пав[ловну] на станции чугунки, проводили ее до Бельведера и вечером у нее обедали. Много, разумеется, с ней болтали. Писал письмо Саше.

18 октября. Теперь все стоят чудные погоды. В 10 ч. ходил с Костюхой пешком в Бельведер с визитом к Елене Пав. и застал ее за панихидой. От 1 до $^1/_2$ 4-го Госуд. Сов. Продолжалось суждение по вниоскам Малаховского, Левинских и Розена [215]). Очень хорошо и прилично. При разногласиях у нас всегда сильное большинство. Обедали у Ел. Пав. с маркизом, Фелинским, Энохом, Крживицким и Хрептовичем. Было очень приятно, но вечером крепко устали.

19 октября. Утро обыкновенное. После работы заезжал в Бельведер к Елене Пав. Она принимала разные здешние личности. Потом отправился в Литовские казармы и осмотрел все, как Мокотовские, так и Иерусалимские. Довольно стары и несколько тесны, но сухи, и воздух хорош. Офицерам говорил про письмо русских офицеров ко мне, которое напечатал «Колокол» [216]), и обещался им прислать прочесть через Корфа. Это, кажется, сделало очень хорошее впечатление. Вечером обедали у Елены Пав. с некоторыми генералами.

23 октября. Очень холодно и ветрено. В ½ 10-го проводили Елену Пав. на чугунку. Потом обыкновенная работа. Телеграф из Парижа, что Буатель [217]) извещает, что отправился в Варшаву какой-то итальянец, кажется, чтоб меня убить.

24 октября. Рабочий день, как всегда. За работой Рамзая Корф рассказывал, как он читал офицерам «Колокол» и какое громкое ура ему на это было ответом. Давал сеанс скульптору Гечелю, который делает мой бюст. Недурно. Ездил потом в Волынские казармы. Несколько тесны, но недурны и со временем могут быть очень хороши. Обедали у нас Рамзай с братом, который в восхищении от джигитовки казаков. Вечером писал длинное письмо Саше и порядочно устал.

25 октября. Было очень интересное собрание Госуд. Сов., которое продолжалось до 5 часа. Толковали об экзекуциях и секвестрациях. Потом толковал с Островским об делах в Радоме [218]). Кажется, тоже улучшается. Вечером с жинкой много играл на органе и фортепьяно.

26 октября. Так был занят, что вовсе не выходил на воздух. После обыкновенной работы был у меня совет управления. Главное был проект закона о подсудности духовенства [219]). Было очень интересно, и надеюсь, что закон будет хорош. Мы его предварительно посылаем в Питер. Вечером с жинкой играл на органе и фортепьяно.

28 октября. После обедни у меня с Рамзаем, Корфом и Шварцем конференция, чтобы окончательно определить расписание по тревоге. С сегодняшнего дня сняты все мелкие экстренные караулы на площадях, в бараках и палатках и оставлены только в хороших бараках теплых на Саксонской и на Арсенальной площадях. Вчера вечером зарезан Фелькнер, начальник секретного отделения у Рожнова [220]). Сегодня вечером вдруг разнесся слух, что ночью непременно будет бунт. Я приказал, чтобы ночью ходили сильные патрули. У нас было маленькое собрание, и я с m-me Калерджи играл на органе и фортепьяно.

29 октября. Ночь прошла совершенно благополучно, и об бунте и помину не было. В 11 ч. показывал жинке джигитовку казаков. Молодцы. Было заседание Госуд. Сов. Очень интересное и спорное. Сперва кончили закон об экзекуции и секвестрации. Потом закон о чиншевых учреждениях от правительства в случае роспуска уездных советов. Тут большая оппозиция, и у нас только большинство

4 голосов, а по вопросу о составе учреждений большинство 5 голосов против нас [221]).

4 ноября. После обедни принимал офицеров армейских, которые пришли благодарить за прочтение «Колокола». Я с ними говорил, объяснив, что предпочел обратиться прямо к их чувству военной чести, убежденный, что в этом не ошибусь. Они отвечали громким ура. Вечером в театре Modniarki *). Потом у нас маленькое собрание.

9 ноября. У меня был административный совет. Главное — инструкция для гражданских властей, как поступать при политических демонстрациях, и дисциплинарный закон для студентов. Этот отдали назад Кржевицкому для переделки. Вечером у нас собрание, на котором французский консул и полковник Caulson [222]), по дороге из Питера в Париж.

17 ноября. Годовщина революции 1830 года, но весь день прошел совершенно спокойно. Утром был маленький шум в одной гимназии, но который прекратили без вмешательства полиции.

18 ноября. Вчера вечером приехал Орленок [223]) и утром был у меня. До обедни писал письмо Саше. После завтрака долго говорил с Кржевицким и принимал еврейского проповедника Ястрова [224]). Потом с Мишами [225]) сделали большую прогулку. Обедал у нас Орленок. Потом с ним долго болтали. Его идея — отказаться нам теперь вовсе от Польши, что я оспариваю всеми силами. Вечером у нас первый бал. Собрали до 150 человек. Несколько дам, весьма хорошеньких. Для первого раза очень хорошо удалось. Было очень оживленно, и молодежь весьма забавлялась. Даже молодые поляки плясали, несмотря на их пост. Я плясал только одну французскую, а остальное время все говорил и с нашими, и с поляками.

19 ноября. Утром длинная и интересная работа с Энохом. Подписал бумагу в Питер о гминных судах [226]). Мои идеи про устройство гмин и громад все более и более делают успехов. Сильно у меня голова болела, потому кататься не ездил, а ходил немного пешком с Олей. После завтрака был Попель [227]) и учил мазурке. Вечером в театре Modniarki.

25 ноября. После обедни объявил Литовским офицерам про новую прокламацию в «Колоколе» [228]). Погода ужасная. 9° с сильным ветром, гулять неприятно. Утром получил письмо от Киреева [229]) про дело в Хелме [230]), которое так удачно раскрыто, как еще ни одно. Главные мошенники в наших руках. Немировский, начальник Люблинской губернии, и священник Маркевич, который освятил убийство. Вечером длинный разговор об этом с маркизом. Я ему предложил назначить туда Венглинского. Вечером у нас большое собрание с деканами университета.

---

*) Модницы.

28 ноября. 18° морозу, без снега, но с ветром и пылью, просто ужас. Ездили в замок; работы подвигаются, обещают кончить к 15 декабря. Киреев приехал из Хелма и рассказывал подробности следствия и состояния края. Ce n'est pas couleur de rose *). Решили с ним дальнейший ход его, чтоб разделить дело убийства от революционной пропаганды. Вечером маленькое собрание и Контский [231]) играл на скрипке недурно. Но, по-моему, куда как Венявский лучше.

29 ноября. Наконец пошел снег, но погода ужасная, и мы совсем из дому не выходили. Сегодня начался публичный суд над 66 заговорщиками [232]).

30 ноября. В суде маленький скандал,—аплодировали адвокату. Сказано Корниловичу [233]), чтобы вперед не допускать. Катались на коньках и ходили пешком. Вечером у нас маленькое собрание с музыкой, фортепьяно, орган, скрипка и виолончель, — очень недурно.

3 декабря. Принимал епископов Маршевского и Юшинского [234]) и серьезно с ними говорил, потом грека Пициписс, который должен быть порядочная каналья, и Старжинского гродненского [235]). Катались на коньках.

4 декабря. В 11 ч. принимал Маерчака [236]), которого в воскресенье посвятили в епископы in partibus infidelium Иерихона, для управления Келецкою епархией. От 2 до $^1/_2$ 5-го у меня совет управления. Самое главное отчет про уездные советы в губерниях Варшавской и Плоцкой. Почти везде были вздоры, особенно в Праснеже **) и в Пиоткове. Поэтому мы праснежский совет кассировали и распустили, а снимая военное положение в губерниях, сохранили его в уездах Липновском и Пиотрковском и ради Хелмской истории возобновили его в Красноставском уезде. Остальной день обыкновенный.

5 декабря. День обыкновенный. Гулять не ездили, а катались на коньках. Особенного ничего. Вечером писал письмо Саше, от которого получил письмо вчера. С духовенством идет плохо, и у нас уже теперь 14 ксендзов арестованы [237]).

6 декабря. Получил от Саши телеграмму, что он назначил Мишу наместником на Кавказ [238]). Всем объявил, общая радость. Потом толковал с маркизом про предполагающийся обыск Бернардинского монастыря в Радоме.

8 декабря. Тает, и мокрый снег. Были с жинкой и детьми с визитом у Ржевуской [239]). Спор с жинкой о квартире Набокова в замке. Вчера ночью взяли Николая Эпштейн, который должен быть одним из главных членов Центрального Комитета [240]). Вечером письмо от Киреева. У них открытия хорошо идут.

---

*) Это не розового цвета.

**) Т.-е. Прасныш, уездный город Плоцкой губернии.

10 декабря. Имел длинный разговор с Фелинским при Крживицком о теперешнем состоянии духовенства и о средствах его исправить. Решились на общее пастырское письмо и на реформу монастырей. Потом разговор с Лубинским [241]). Очень умен. Остальной день обыкновенный. Катались в санях в башлыках, ради снега.

11 декабря. Ночью на улице Видок взяли всю типографию центрального народного комитета с массой его изданий, устроили там мышеловку и днем взяли эмиссара Шварца, который успел сделать один выстрел, и на нем револьвер, кинжал, где и квитанции комитета [242]). Дай бог, чтобы это привело к дальнейшим хорошим результатам. Имел днем опять скучный спор с Набоковым о квартире, он даже говорил про отставку. Длинный разговор с Виктором Старжинским про Литву и Польшу. Был очень откровенен, и мы остались очень довольны друг другом. На прогулке провозил жинку по улице Видок, мимо дома типографии. Назначил Сержпутовского к следствию.

12 декабря. Финляндский и Волынский праздник. Церковный парад Волынский был на плаце брони, а молебен в полковой церкви. Переоделся в замке и осматривал его. Идет к концу, и на будущей неделе можно будет переехать. Обед был у нас для Волынских офицеров. Весь день возились с горбатым типографщиком и Шварцом и не могли их довести до какого-либо сознания. Неприятные затруднения с Фелинским, чтобы освободить горбуна от революционной присяги (sic!).

13 декабря. Ночью в спальной и моем кабинете промокли потолки, и все время капало, так что в спальной было совершенное наводение. Продолжался допрос Шварца уже полковником Талаевским [243]), который, наконец, заставил его сознаться, что он действительно Шварц. Погода ужасная, оттепель и дождь, так что мы очень мало катались, а больше сидели дома.

14 декабря. Ужасная погода, оттепель и страшнейший ветер, особенно под вечер. Днем ничего особенного не было. Призывал Развадовского, чтобы немного пихнуть вперед его следствие. Работал с маркизом, который очень в духе. Вечером у нас маленькое собрание.

16 декабря. Утром Муханов рассказывал мне неприятную историю о полицианте, ударившем своего офицера саблею по голове [244]). Придется его расстрелять, и я его вечером же отдал под полевой военный суд. Обедня дома. Мало гуляли ради сильного снега. Вечером у нас собрание.

17 декабря. Утром приехала депутация от Финляндского полка, Ганецкий, Григорьев и Алхазов [245]), и поднесли мне образ в память об выстреле. Прелесть как мило. Они у нас обедали. На гулянии заезжали с визитом к Ржевуской. Вечером призывали пианиста Пешке [246]), и я с ним долго играл на фортепиано и органе,

сперва «Stabat mater» Pergolese *), а потом разные другие вещи. Это было невыразимое удовольствие.

18 декабря. Маркиз мне принес 11-й номер «Руха», который явился, несмотря на то, что мы главную типографию взяли. Это ужасно досадно. Опять придется охотиться.

20 декабря. За докладом Полторанова подписал смертный приговор полициата, ударившего своего офицера саблею. В 2 ч. ездил в замок принимать весь польский люд, по случаю здешнего нового года. Кажется, что оно все благополучно обошлось. Потом ездил с визитами поздравительными к Фелинскому (не застал дома), Рамзаю, маркизу и графине Ржевуской. Остальной день дома. Жинка весь день в постели. Лихорадка прошла, но осталась сильная боль в голове и горле и особенно в одном зубе, так что она вечером к десне приставляла пиявку, что ее немного облегчило. Киреев воротился из Замосце. Их дело очень распространяется, и он уверен, что такая же революционная организация существует по всему царству.

21 декабря. Продолжал толковать с Киреевым про дела, открытые в Люблинской губ., и про положение края, которое не больно красиво. Решали, как под ведением Витковского открыть следственные отделения по всей губернии. Рассказывал про это положение и маркизу, который попризадумался. Потом с Старжинским толковал про невкусное положение крестьянского дела в Гродненской губернии [247]). В 3 ч. катался в коляске с Олей. Чудная погода, 3° тепла. Жинка после полудни встала, но очень слаба, и горло болит. Однако вечером она сходила вниз. Я играл с Пешке сперва на органе с фортепьянами «Die Sieben Worte» von Haydn **), потом в 4 руки скрипичный концерт Мендельсона, который мы так любим, когда его играет Венявский.

22 декабря. Жинке лучше, но она не выезжала, несмотря на чудесную погоду. Я катался и ходил пешком с Олей. Во весь день ничего особенного не было. Вечером был Развадовский. Следствия в цитадели идут туго. Потом играл с Пешке на органе септуор Бетховена и в 4 руки октет Мендельсона. Прелесть.

23 декабря. Был у меня маркиз, и мы решились набор сделать в будущую среду, со 2-го на 3-е января [248]).

26 декабря. Были за обедней ради второго дня праздника. На гуляньи ходили пешком по Бельведерской аллее. Вечером играл с Пешке. Сегодня история кинжальной раны того жида, который раскрыл Гарволинскую историю [249]). Убийца схвачен, но еще не вполне уверены, действительно ли это он.

27 декабря. Был очень рабочий день. Полиция взяла предполагаемых убийц Фелькнера, но полагает, что это пуф. Ходил с жинкой

---

*) Произведение итальянского композитора Перголезе.

**) «Семь слов» Гайдна.

и детьми по аллеям, а потом с визитом у гр. Ржевуской. Вечером с жинкой играл на органе.

28 декабря. У меня была сегодня военная конференция на счет подробностей предстоящего набора в присутствии маркиза. Набор назначили в ночь с 2 на 3 января. Дай бог, чтобы благополучно обошлось и без крови. Днем ходили пешком по аллеям с жинкой и детьми. Вечером у нас большое собрание, чтоб обновить комнаты замка.

29 декабря. Получены бумаги из Парижа, взятые там на трех схваченных поляках [250]). Революционная организация выходит еще гораздо серьезнее, чем мы полагали. Все готовится, чтоб во время набора произвести общее восстание. Вечером играл с Пешке.

30 декабря. Писал письмо Саше к новому году. День обыкновенный, обедня и прогулка как всегда. Вечером в театре новая опера «Флибустьеры». Ничего особенного. Возили туда Николу и Олю.

31 декабря. На прощание с годом был очень рабочий день. С Корфом утвердил окончательное расписание войск для набора. Катались с жинкой и детьми как всегда. Вечером были на всенощной. Потом Тенгоборский читал интересные депеши к кн. Горчакову.

Примечания *).

[1]) Очиншевание—перевод крестьян тогдашнего Царства Польского с барщины на оброк (чинш), что означало их формальное раскрепощение. Указ 26 мая 1846 г. (статья 5-я), между прочим, обязывал административные власти оказывать помощь помещикам, желающим заключить с крестьянами сделки об очиншевании. Перевод на оброк распространялся и на казенные и другие, не принадлежавшие частным лицам имения. Однако через 10 лет было очиншовано менее трети помещичьих деревень. 16 декабря 1858 г. было высочайше утверждено постановление совета управления Царства Польского о добровольном очиншевании, несколько изменившее порядок заключения чиншевых сделок, но имевшее ничтожные практические результаты. Земледельческое общество, обсуждавшее крестьянскую реформу, пришло к убеждению, что нельзя ограничиться очиншеванием, а необходимо дать возможность крестьянам приобрести в собственность свои наделы посредством выкупной кредитной операции. В 1861 г. главный директор комиссии внутренних дел маркиз Велёпольский спешно принялся за выработку проекта крестьянской реформы. 9 мая 1861 г. был высочайше утвержден выработанный земледельческим отделом комиссии внутренних дел закон об окупе — определенном оброке взамен барщины, а затем комиссия юстиции выработала положение об обязательном очиншевании, которое было передано на рассмотрение в Петербург в особый комитет.

[2]) Говорится о главном комитете об устройстве сельского состояния, учрежденном 19 февраля 1861 г. «для приведения к одним общим началам устройства и управления всего сельского или крестьянского состояния в государстве». Константин Николаевич был председателем этого комитета.

[3]) Земский комитет — особое совещательное собрание совета министров под председательством Константина Николаевича для рассмотрения и исправления положения о земских учреждениях, закончившее свою деятельность в июне 1862 года.

[4]) Платонов, Валериан Платонович, 1809—1893, сенатор, товарищ министра-статс-секретаря Царства Польского.

*) Примечания составлены Н. П. Чулковым

[5]) Велёпольский, граф Александр Иосифович, маркиз Гонзаго-Мышковский, 1803 — 1877, член польского сейма, руководившего восстанием 1830 г., после его подавления эмигрировал за границу. В 1846 г. написал брошюру: «Lettre d'un gentilhomme polonais au prince M.» (Письмо польского дворянина князю М.), направленную против австрийского канцлера Меттерниха; в ней В. заявляет себя сторонником Николая I и России, противопоставляя австрийскому влиянию идею панславянского объединения. Составленный им проект реформ в Царстве Польском (крайне умеренный) получил одобрение Александра II (1861 г.). Поддерживаемый тогдашним наместником в Царстве Польском кн. Горчаковым, В. назначается членом совета управления Царства Польского и главным директором правительственной комиссии народного просвещения и вероисповеданий, а потом и комиссии юстиции. При преемниках кн. Горчакова его влияние ослабевает, в результате чего он подает в отставку. Однако, в октябре 1861 г. он вызван в Петербург, где входит в полное доверие к власти. По назначении Константина Николаевича наместником, В. получает назначение начальником гражданской части в Царстве Польском и вице-председателем Государственного Совета Царства Польского с правом замещать наместника в случае его отсутствия. За время наместничества Константина Николаевича В. был правой рукой великого князя. Однако политика, им проводимая, оказалась непригодным оружием в борьбе самодержавия с польской общественностью: не удовлетворяя ни «красных», ни даже умеренных, она лишь ускорила неизбежный революционный взрыв. В 1863 г., вслед за уходом Константина Николаевича, В. получил отставку и остальную часть жизни провел за границей, где и умер. В дневнике Константин Николаевич называет Велёпольского то по фамилии (при чем пишет ее согласно польскому правописанию, Виелопольский), то маркизом.

[6]) Великая княгиня Александра Иосифовна, 1830—1911, урожденная принцесса Саксен-Альтенбургская.

[7]) Горчаков, кн. Александр Михайлович, 1798—1883, министр иностранных дел.

[8]) Шуберт, Карл, 1811—1863, виолончелист и композитор. В 1836 г. приехал в Петербург, где был придворным солистом, директором Филармонического общества и инспектором музыки при императорских театрах. Играл партию виолончели в струнном квартете с Венявским, Пиккелем и Вейкманом.

[9]) Венявский, Генрих, 1835—1880, знаменитый польский скрипач и композитор. В 1860 г. поселился в Петербурге, где получил место солиста императорских двора и театров, с 1862 по 1865 г. профессор Петербургской консерватории.

[10]) Кюндигер, Рудольф, 1832—.., немецкий пианист и педагог, в 1856 г. переселился в Россию и с 1860 г. был преподавателем музыки в семье Константина Николаевича.

[11]) Энох, Юлий Яковлевич, 1822—1880, в период 1861—1863 г. статс-секретарь Государственного Совета Царства Польского и совета управления Царства Польского, уволен от этих должностей вместе с уходом Велёпольского.

[12]) Вероятно, Биттиг, Вильгельм Иванович, врач.

[13]) Финансовый комитет — высшее совещательное учреждение, образованное еще в 1806 г., но в качестве постоянного учреждения начавшее функционировать с 1822 г. В него поступали расходные сметы на предварительное рассмотрение прежде внесения их в Государственный Совет. С целью поднятия курса кредитного рубля была предпринята в 1862 г. операция размена кредитных билетов на звонкую монету. Вследствие недостаточности металлического фонда для подкрепления разменного фонда был заключен заграничный заем в 15 миллионов фунтов стерлингов. 25 апреля 1862 г. был издан указ о размене, основанном на составленных финансовым комитетом правилах. С 1 мая был открыт размен кредитных билетов по возрастающему постепенно курсу; для начала ценность полуимериала была определена в 5 р. 70 к., а рубля в 1 р. $10^1/_2$ коп. Операция не имела желаемого успеха, а развила лишь спекуляцию, так что размен пришлось вскоре прекратить.

[14]) Валуев, Петр Александрович, 1814—1890, министр внутренних дел.

[15]) Сумароков, граф Сергей Павлович, 1793—1875, член Государственного Совета, генерал-адъютант, участвовал в подавлении польского восстания 1831 г.

[16]) Гензельт, Адольф Яковлевич, 1814—1838, известный пианист, композитор и педагог, родом баварец, приехал в Россию в 1828 г., преподавал музыку в семье Николая I.

[17]) Краббе, Николай Карлович, 1814—1876, генерал-адъютант, адмирал, управляющий морским министерством.

[18]) Гауровиц, Иван Самойлович, 18..—1882, лейб-медик, главный инспектор медицинской части морского ведомства, был очень близок к Константину Николаевичу, при котором состоял с 1838 года.

[19]) Зеебах, барон, потом граф, Лео, саксонский дипломат, посол в Париже, муж дочери государственного канцлера, графа Карла Васильевича Нессельроде, умершего 11 марта 1862 г.

[20]) Максутова, кн. Розалия Ипполитовна, рожденная Ланг (во 2-м браке за министром путей сообщения адмиралом Посьетом), воспитательница детей Константина Николаевича.

[21]) Голицын, кн. Михаил Павлович, 1822 — 1868, свиты контр-адмирал, директор инспекторского департамента морского министерства.

[22]) Грейг, Самуил Алексеевич, 1827—1887, генерал-майор, директор канцелярии морского министерства, впоследствии министр финансов в 1878—1880 гг.

[23]) Предложение по выкупной операции, т. е. государственно-кредитной операции, в связи с уничтожением крепостного права, с целью перехода надельной земли в собственность крестьян.

[24]) Рейтерн, Михаил Христофорович, 1820—1890, министр финансов в 1862—1878 гг., впоследствии граф.

[25]) Сын Александра II, вел. кн. Сергей Александрович, 1857 — 1905, впоследствии московский генерал-губернатор.

[26]) Бутков, Владимир Петрович, 18..—1881, статс-секретарь, государственный секретарь в 1856—1865 гг., участник крестьянской и судебной реформ.

[27]) Заблоцкий-Десятовский, Андрей Парфенович, 1808—1881, статс-секретарь департамента экономии Государственного Совета, участник крестьянской и главный деятель акцизной реформ.

[28]) Младший брат Константина Николаевича, вел. кн. Михаил Николаевич, 1832—1909, его жена—вел. кн. Ольга Федоровна, 1838—1891, урожд. принцесса Баденская.

[29]) В Государственном Совете в это время рассматривался вопрос об освобождении владельцев заповедных имений (майоратов) от взноса в кредитные установления особой суммы при уступке ими временно-обязанным крестьянам безвозмездно четверти поземельного надела. Мнение Государственного Совета по этому вопросу было высочайше утверждено 28 мая.

[30]) Инженерный комитет — коллегиальное установление, входившее в состав главного инженерного управления (военного), но здесь идет речь не об этом постоянном учреждении, в которое великие князья не входили, а о каком-то другом, имевшем целью рассмотрение какого-либо частного вопроса.

[31]) Кавказский комитет, существовавший в 1840—1882 гг., рассматривал все дела по Закавказью и Кавказскому краю, разрешение которых превышало власть кавказского наместника и министров.

[32]) В Государственном Совете в январе—июне 1862 г. рассматривалось дело о правах коллежского ассесора Ивана Рышкина на участие в золотых приисках, открытых купцом Титом Зотовым в Восточной Сибири.

[33]) Елена Павловна, великая княгиня, урожд. принцесса Виртембергская, 1806—1873, вдова дяди Константина Николаевича, вел. кн. Михаила Павловича, играла видную роль во время подготовки крестьянский реформы и в деле насаждения музыкального образования в России.

[34]) Панин, граф Виктор Никитич, 1801—1874, министр юстиции в 1839—1862 гг., член Государственного Совета, бывший председатель редакционной комиссии при главном комитете по крестьянскому делу, затем член главного Комитета об устройстве сельского состояния и член чиншевого комитета.

[35]) Чевкин, Константин Владимирович, 1802—1875, генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения в 1855—1862 гг., член Государственного Совета и главного комитета об устройстве сельского состояния.

[36]) Чиншевые комиссии — комиссии на местах, на которые возлагалось очиншевание. Положение об обязательном очиншевании утверждено 24 мая 1862 года.

[37]) Тымовский, Иосиф Игнатьевич, 1791—1871, министр, статс-секретарь Царства Польского с 1856 г. до 16/28 ноября 1862 г.

[38]) Мейендорф, барон Петр Казимирович, 1796—1863, член Государственного Совета, президент кабинета, бывший посол в Берлине, был в дружественных отношениях с Константином Николаевичем.

[39]) Долгоруков, князь Василий Андреевич, 1804—1868, генерал-адъютант, член Государственного Совета, в 1856—1866 гг. шеф жандармов и главный начальник 3-го отделения собств. е. в. канцелярии.

[40]) Милютин, Дмитрий Алексеевич, 1816—1912, генерал-адъютант, военный министр, впоследствии граф и генерал-фельдмаршал.

[41]) Лидерс, граф Александр Николаевич, 1790—1874, генерал-адъютант, главнокомандующий Крымской армией в 1855—1856 гг., наместник в Царстве Польском в 1861—1862 гг.

[42]) Фелинский, Сигизмунд-Феликс, 1822—1895, бывший профессор римско-католической духовной академии в Петербурге, архиепископ варшавский с конца 1861 г., назначен в Варшаву по рекомендации Велёпольского, отозван в июне 1863 г. и сослан в Ярославль, где пробыл до 1883 г. Автор дневника пишет фамилию Фелинского то согласно польскому произношению с мягким знаком после н, то согласно русскому правописанию.

[43]) Штраус, Иоганн, 1825—1899 г., знаменитый композитор танцев и дирижер, прозванный «королем вальсов», с 1856 г. дирижировал в Павловском вокзале концертами, привлекавшими в Павловск, принадлежавший Константину Николаевичу, массу публики.

[44]) Старший сын Константина Николаевича — вел. кн. Николай Константинович, 1850—191.

[45]) Донауров, Алексей Петрович, 1830—1897, флигель-адъютант, капитан Измайловского полка, командир роты его величества, впоследствии генерал-лейтенант в отставке.

[46]) Говорится о временных правилах по цензуре, утвержденных 12 мая и обнародованных 14 июня 1862 г.

[47]) Анненков, Николай Николаевич, 1799—1865, генерал-адъютант, член Государственного Совета, с 1855 г. государственный контролер; с 1862 г. киевский генерал-губернатор.

[48]) Бахтин, Николай Иванович, 1796—1869, статс-секретарь, член Государственного Совета, член главного комитета об устройстве сельского состояния.

[49]) Головнин, Александр Васильевич, 1821—1886, член кружка, группировавшегося вокруг Константина Николаевича, и бывший его секретарь, с 1861 г. министр народного просвещения.

[50]) Сестра Константина Николаевича — вел. кн. Ольга Николаевна, 1822—1892, бывшая замужем за королем виртембергским Карлом.

[51]) Сашка—второй сын Александра II, будущий Александр III.

[52]) Михайловское — имение вел. кн. Михаила Николаевича близ Петергофа.

[53]) Крживицкий (или, согласно польскому произношению, Кшивицкий), Казимир Адамович, 1820—1882, старший чиновник 2-го отделения собств.

е. в. канцелярии, одновременно с назначением Константина Николаевича наместником 27 мая 1862 г. назначен членом совета управления Царства Польского и главным директором правительственной комиссии духовных дел и народного просвещения.

[54]) Совет кредитных учреждений — совет государственных кредитных установлений, учрежденный в 1817 г. для высшего наблюдения за комиссией погашения государственных долгов, в заведывание которой были переданы все обороты по государственным долгам. Упразднен в 1895 г.

[55]) Государственный банк, учрежденный в 1860 г.

[56]) Мансуров, Борис Павлович, 1826—1910, чиновник морского министерства, впоследствии сенатор и член Государственного Совета, исследователь палестинских древностей, был управляющим делами Палестинского комитета, состоявшего под председательством Константина Николаевича. Комитет имел своей главной задачей устройство помещений для паломников.

[57]) Федоровский посад — село в 5 верстах от Павловска, к которому было приписано; Федоровские крестьяне — бывшие крепостные Константина Николаевича.

[58]) С 1856 г., после смерти кн. Паскевича, наместниками в Царстве Польском были кн. М. Д. Горчаков, гр. К. К. Ламберт, гр. А. Н. Лидерс и временно исполнявший обязанности наместника военный министр Н. О. Сухозанет.

[59]) Телеграфная переписка Александра II с наместниками в Царстве Польском частично напечатана в «Русской Старине» 1882 г.

[60]) Чичерин, Константин Петрович, 1816—1867, в должности гофмейстера, управляющий гофмейстерской частью двора Константина Николаевича.

[61]) Казнаков, Николай Иванович, 1834—1906, капитан-лейтенант, адъютант Константина Николаевича, впоследствии адмирал, генерал-адъютант.

[62]) Потапов, Александр Львович, 1818—1886, генерал-майор, управляющий 3-м отделением собств. е. в. канцелярии и начальник штаба корпуса жандармов, впоследствии виленский генерал-губернатор, а затем шеф жандармов.

[63]) Статс-секретариат по делам Царства Польского. Министр-статс-секретарь являлся посредником между верховной властью и управлением Царства Польского.

[64]) Великий князь Алексей Александрович, 1850 — 1908, четвертый сын Александра II, впоследствии генерал-адмирал.

[65]) Маруся — Мария Максимилиановна, 1841 — 1914, герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, старшая дочь вел. кн. Марии Николаевны от первого ее брака с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, в замужестве за Вильгельмом, принцем Баденским.

[66]) Апраксин, граф Степан Федорович, генерал-адъютант, состоявший при императрице Марии Александровне, умер 17 мая 1862 г.

[67]) 16 мая начались в Петербурге сильные пожары и продолжались до конца месяца. В Ямской выгорело большое количество домов между Кобыльской улицей и Лиговкой.

[68]) Мери — сестра Константина Николаевича, великая княгиня Мария Николаевна, 1819—1876, в первом браке за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским и во втором за графом Григорием Александровичем Строгановым.

[69]) Милютин, Николай Алексеевич, 1818—1872, младший брат военного министра, бывший товарищ министра внутренних дел и руководитель работ по крестьянской реформе, в 1861 г. был уволен от должности с назначением сенатором и уехал за границу, откуда был вызван, будучи намечен кандидатом на пост заведующего гражданской частью в Царстве Польском; однако назначен был не он, а маркиз Велёпольский. Впоследствии руководил крестьянской реформой в Царстве Польском.

[70]) Арцимович, Виктор Антонович, 1820—1893, в 1858 — 1862 гг. калужский губернатор, подготовивший и осуществивший в Калужской губернии крестьян-

скую реформу, вызвал своими действиями неудовольствие местного дворянства. Впоследствии принимал участие в проведении крестьянской реформы в Царстве Польском.

[71]) Жуковский, Степан Михайлович, 1818—1877, деятель крестьянской реформы, с 1861 г. управляющий делами главного комитета об устройстве сельского состояния, впоследствии статс-секретарь и управляющий делами комитета по польским делам.

[72]) Саша Адлерберг — граф Александр Владимирович, 1818—1888, генерал-адъютант, командир императорской главной квартиры, впоследствии министр императорского двора, друг Александра II.

[73]) Lischen Rotkirch — лицо, близкое к великокняжеской семье, вероятно, родственница Василья Алексеевича Роткирха, в то время вице-директора особой канцелярии при наместнике Царства Польского по делам военного положения (впоследствии жандармский генерал, печатавший под псевдонимом Теобальд статьи мемуарного характера).

[74]) Келлер, граф Эдуард Федорович, 1819—1903, минский губернатор, одновременно с назначением Константина Николаевича в Варшаву был назначен 27 мая 1862 г. главным директором правительственной комиссии внутренних дел, занимал эту должность до 13 июня 1863 г., когда был назначен сенатором.

[75]) Суворов, князь Александр Аркадьевич, 1804—1882, петербургский генерал-губернатор.

[76]) Подпоручик л.-гв. Измайловского полка Николай Григорьев был обвинен в намерении «распространить между нижними чинами возмутительные идеи против правительства и верховной власти» и приказом по гвардейскому корпусу 22 июня предан военному суду с тем, чтобы быть судимым на основании полевых уголовных законов. Военный суд «за распространение между нижними чинами посредством разговоров и сообщения ложных слухов превратных понятий о их обязанностях относительно начальства и правительства и намерение поселить между ними чувство неудовольствия к существующему порядку» приговорил Григорьева к лишению чинов, дворянства и всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

[77]) Даринка, вдова первого черногорского князя Данила I Негоша, дяди короля Николая.

[78]) В этот день был самый большой пожар, когда выгорело большое пространство по обе стороны Фонтанки и сгорели рынки—Щукин и Апраксин дворы, вмещавшие до 2000 лавок и ларей, и здание министерства внутренних дел.

[79]) Третий сын Константина Николаевича — вел. кн. Дмитрий Константинович, 1860—1919.

[80]) Комаровский, граф Владимир Егорович, 1835—1886, штабс-капитан л.-гв. стрелкового баталиона.

[81]) Низи—вел. кн. Николай Николаевич, 1831—1891, третий сын Николая I. Знаменское — его имение близ Петергофа.

[82]) 19 июня объявлено о запрещении на 8 месяцев журналов «Современник» (основан А. С. Пушкиным и П. А. Плетневым, а в это время принадлежал Н. А. Некрасову) и «Русское Слово» (издавался гр. Г. А. Кушелевым-Безбородко под редакцией Г. Е. Благосветлова). В числе сотрудников «Современника» был Н. Г. Чернышевский, в это время арестованный и посаженный в Петропавловскую крепость, а в числе сотрудников «Русского Слова» — Д. И. Писарев, статья которого «Бедная русская мысль» и навлекла кару на журнал.

[83]) В связи со студенческими беспорядками Петербургский университет был закрыт по высочайшему повелению 20 декабря 1861 г. впредь до пересмотра общего университетского устава. Вновь возобновились занятия осенью 1862 г. на физико-математическом факультете, а осенью 1863 г. открылись все четыре факультета уже на основании нового университетского устава 1863 года.

[84]) Движение в пользу учреждения воскресных школ в России началось в конце 1850-х гг. Главное участие в этом движении приняли учащаяся молодежь и офицеры. Правительство первоначально относилось благосклонно к открытию таких школ, но уже в конце 1860 г. его отношение к ним стало изменяться. В начале 1861 г. было издано высочайшее повеление о надзоре за воскресными школами и о назначении в них священников, которым был поручен общий надзор за школами. В конце 1861 г. реакция против воскресных школ усилилась в связи с тревожным временем, переживавшимся тогда русским обществом. 7 июня 1862 г. вследствие обнаруженного в некоторых воскресных школах вредного направления приказом военного министра были закрыты все воскресные школы и другие училища, учрежденные при войсках для лиц, не принадлежащих к военному ведомству, а 13 июля высочайше повелено закрыть все существующие воскресные школы и читальни впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях.

[85]) 5 марта 1861 г. министру государственных имуществ было поручено составить предположения о применении главных начал Положений 19 февраля 1861 г. к государственным крестьянам. Вопрос этот рассматривался также в главном комитете об устройстве сельского состояния. Результатом было Положение 24 ноября 1866 г.

[86]) Зеленый, Александр Алексеевич, 1819—1890, министр государственных имуществ.

[87]) Крыжановский, Николай Андреевич, 1818—1888, генерал-лейтенант, начальник штаба 1-й армии и варшавский генерал-губернатор, впоследствии оренбургский генерал-губернатор. Должность варшавского генерал-губернатора с назначением Константина Николаевича в Варшаву была упразднена, и 28 мая Крыжановский был уволен от должности с пожалованием в генерал-адъютанты и оставлением в должности начальника штаба армии, затем он был зачислен 7 июля в генеральный штаб и назначен председателем комиссии для начертания общих оснований нового военного и морского судоустройства и членом комитета по обсуждению главных оснований в организации войск.

[88]) Алеша Толстой—известный поэт, граф Алексей Константинович, 1817—1875, друг Александра II, до 28 сентября 1861 г. флигель-адъютант и подполковник л.-гв. стрелкового императорской фамилии батальона.

[89]) Киселев, граф Павел Дмитриевич, 1788—1872, бывший министр государственных имуществ, посол в Париже, в 1862 г. оставил последний пост.

[90]) Париж являлся в то время центром польской эмиграции.

[91]) Адлерберг, граф Владимир Федорович, 1791—1884, министр императорского двора в 1852—1870 гг.

[92]) Сабуров-лондонский — Петр Александрович, 1835 — 1918, младший секретарь посольства в Лондоне, впоследствии посол в Берлине.

[93]) Бывший наместник в Варшаве А. Н. Лидерс 15 июня в $7^1/_2$ часов утра во время прогулки в Саксонском саду, где он пил минеральные воды, был ранен в шею неизвестным лицом, стрелявшим в него сзади.

[94]) Мерхилевич, Сигизмунд Венедиктович, 1800—1872, генерал-адъютант, начальник артиллерии 1-й армии, впоследствии член военного совета.

[95]) Бебутов, князь Давид Иосифович, 1793—1867, генерал-лейтенант, варшавский комендант с 1851 г.

[96]) Гагарин, князь Павел Павлович, 1789—1872, председатель департамента законов Государственного Совета, был назначен заместителем в случае болезни или отсутствия председателя Государственного Совета и главного комитета об устройстве сельского состояния графа Блудова, в свою очередь замещавшего Константина Николаевича.

[97]) 16/28 июня 1862 года были расстреляны в Новогеоргиевской крепости по приговору военно-полевого суда офицеры 4-го стрелкового батальона поручик Арнгольд и подпоручик Сливицкий 2-й и унтер-офицер Ростковский, обвиненные в подговоре солдат к заговору.

[98]) Санни—жена Константина Николаевича, вел. кн. Александра Иосифовна.

[99]) Шмидт, Яков Яковлевич, 1809—1891, лейб-акушер.

[100]) Инструкция Александра II, данная Константину Николаевичу при назначении его наместником в Варшаву, напечатана в журнале «Дела и Дни», кн. I, под № 1.

[101]) У маркиза Велёпольского было два сына: Сигизмунд, 1833 — 1902, бывший офицер л.-гв. кирасирского полка, назначенный 4/16 августа 1862 г. президентом г. Варшавы (впоследствии обер-егермейстер и управляющий княжеством Ловичским), и Иосиф, 1834—1901.

[102]) Бельведер—дворец в Варшаве в Бельведерском саду, построенный в 1822 г. при цесаревиче Константине Павловиче.

[103]) Лазенки — дворец в Варшаве в Лазенковском парке, построенный в 1784 г. королем Станиславом Понятовским.

[104]) «Александр Страделла», опера Флотова.

[105]) Ярошинский, Людвиг, сандомирский мещанин, по профессии портной, 19 лет, должен был произвести покушение еще накануне, в момент приезда наместника, но его остановило присутствие великой княгини. Покушение было организовано Игнатьем Хмелинским.

[106]) Кредитное земское общество Царства Польского, основанное в 1825 г., имело целью выдачу ссуд под ипотеку сельских недвижимых имений в пределах Царства Польского. Членами общества считались все владельцы заложенных в нем имений.

[107]) Замойский, граф Андрей, 1800—1874, участник восстания 1830 г., бывший председатель земледельческого общества, закрытого Велепольским в 1861 г., политический противник маркиза и глава умеренной партии (белых). Основанное в 1857 г., земледельческое общество в октябре 1859 г. получило от правительства поручение обсудить и разработать крестьянский вопрос, почему оно приобрело большое значение.

[108]) Государственный Совет Царства Польского был учрежден по проекту Велёпольского указом 14/26 марта 1861 г. и заменил собою общее собрание варшавских департаментов сената. Кроме дел, подлежавших ведению сената, в его компетенцию входило рассмотрение годовой сметы расходов и доходов, отчетов главноначальствующих всех частей управления, донесений генерал-контролера о ревизии денежных отчетов, представлений губернских советов и жалоб на злоупотребления должностных лиц. Он состоял из государственных советников, постоянных членов и временных членов по назначению правительства из именитых граждан и духовных сановников. Члены заседали в отделениях и в общем собрании, при чем временные члены участвовали только в общем собрании, которое ежегодно созывалось на 1 октября нов. ст. Административный совет или совет управления Царства Польского — высшее административное коллегиальное учреждение в Царстве Польском. Городские советы в Варшаве и других городах были учреждены по проекту Велёпольского и являлись собраниями выборных для местного самоуправления.

[109]) 1-ю армию составляли войска, расположенные в Царстве Польском и прилегающих к нему губерниях Виленского и Киевского генерал-губернаторств. Штаб армии находился в Варшаве. По упразднении армии эти войска составили Варшавский, Виленский и Киевский военные округа.

[110]) Наполеон III, император французов.

[111]) Рамзай, барон Эдуард Андреевич, 1799—1877, генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии, командир гренадерского корпуса, 6 июля 1862 г. назначен командующим войсками в Царстве Польском, впоследствии член Государственного Совета.

[112]) Письмо Константина Николаевича к Александру II — см. «Дела и Дни» кн. I, под № 4.

[113]) 24 июня (6 июля) была отслужена в походной церкви Ладожского пехотного полка в лагере в Повонзках близ Варшавы, по просьбе нескольких офицеров разных частей, панихида по расстрелянным в Новогеоргиевске 16/28 июня офицерам Арнгольде и Сливицком (см. выше), о чем донес священник Виноградов. В результате виновные в заказе панихиды были преданы военному суду.

[114]) Гечевич, Лев Викентьевич, 1805—1874, генерал-лейтенант, состоящий в распоряжении главнокомандующего 1-й армии, а затем с 6 июля 1862 г. для особых поручений при наместнике, впоследствии председатель главной дирекции Кредитного земского общества Царства Польского.

[115]) Пилсудский, Сигизмунд Иванович, генерал-майор, варшавский обер-полицмейстер, после покушения на Константина Николаевича уволенный 27 июня 1862 г. по прошению от должности.

[116]) Преемником Пилсудского на посту варшавского обер-полицмейстера был действительно с 27 июня бывший адъютант наместника Лидерса, штабс-ротмистр л.-гв. Уланского полка Сергей Сергеевич Муханов, 1834—1897, впоследствии заведующий дворцами в Варшаве и председатель дирекции варшавских театров.

[117]) Янковский, Людвиг Антонович, капитан л.-гв. стрелкового баталиона, флигель-адъютант, впоследствии генерал-лейтенант. Письмо Александра II, привезенное Янковским,—«Дела и Дни», кн. I, № 3.

[118]) Ответное письмо Константина Николаевича Александру II — «Дела и Дни», кн. I, № 5.

[119]) Майор Раух, адъютант прусского короля Вильгельма I.

[120]) Ухтомский, князь Эспер Алексеевич, 1834—1885, капитан-лейтенант, адъютант Константина Николаевича с 1856 года. Письмо Александра II, привезенное им, см. «Дела и Дни», кн. I, № 6.

[121]) Письмо к Александру II—«Дела и Дни», кн. I, № 8.

[122]) Непокойчицкий, Бенедикт Станиславович, тайный советник, член Государственного Совета Царства Польского, председатель Польского Банка до 4/16 декабря 1862 г., потом член Совета управления Царства Польского.

[123]) Кретковский—и. д. председателя главной дирекции Кредитного земского общества.

[124]) Младший сын Константина Николаевича, родившийся 1 июля в Варшаве и названный Вячеславом (по-польски Wacław) в намерении сделать приятное полякам. Он умер в 1879 г.

[125]) Притвиц, барон Карл Карлович, 1797—1881, генерал-адъютант. Письмо Александра II, им привезенное, см. «Дела и Дни», кн. I, № 7.

[126]) Адской машиной называется снаряд, назначение которого — уничтожить наверняка людей или причинить разрушения различного рода. Идея ее заимствована из минного дела. Название вошло в употребление со времени покушения в 1800 г. на жизнь Наполеона, бывшего в то время консулом. Машина могла быть прислана из Генуи потому, что там была открыта вождем польской революционной партии Мерославским школа для приготовления инструкторов для готовившегося восстания. Школа была закрыта в 1862 г. итальянским правительством по требованию русского правительства.

[127]) Новые губернаторы с 22 июня/4 июля: радомский — Александр Островский, постоянный член Государственного Совета Царства Польского, плоцкий — Доминик Дзевановский, временный член того же совета на 1862 г., и августовский — действительный статский советник Осип Корытковский.

[128]) Ермолов, Николай Семенович, 1800—1864, инженер-генерал-майор, комендант Варшавской Александровской цитадели.

[129]) Вржеснёвский, Альф, чиновник при наместнике.

[130]) Хмелинский, Игнатий, помещик, один из видных деятелей польского восстания, член революционного варшавского городского комитета первого со

става (1861—1862), организатор покушений на Лидерса и Константина Николаевича, после которых бежал во Францию.

[131]) Письмо Константина Николаевича к Александру II—«Дела и Дни», кн. I, № 12. Великий князь желал, чтобы С. П. Сумароков (о нем см. выше) был назначен его заместителем по званию наместника, и в этом письме дал объяснение своего желания.

[132]) Иоанникий Горский, 1810—1877, с 1860 г. по 1875 г. архиепископ варшавский, потом херсонский.

[133]) Хрептович, граф Михаил Иринеевич, 1809—1892, дипломат, с 7 июля 1862 г. управляющий двором Константина Николаевича, впоследствии обергофмейстер и член Государственного Совета.

[134]) Рибопьер, граф Иван Александрович, 18..—1871, церемониймейстер.

[135]) Вел. кн. Александр Александрович приезжал в Варшаву на крестины вел. кн. Вячеслава Константиновича в качестве заместителя Александра II.

[136]) Письмо Александра II—«Дела и Дни», кн. I, № 14.

[137]) Литограф Людвик Рыль, 19 лет, 26 июля /7 августа сделал два выстрела в Велёпольского при входе последнего в здание правительственной комиссии финансов, но пули пролетели над головой маркиза.

[138]) Набоков, Дмитрий Николаевич, 1826 — 1904, бывший вице-директор комиссариатского департамента морского министерства, с 4/16 июня состоял при Константине Николаевиче и заведывал его личной канцелярией; впоследствии министр юстиции.

[139]) Старжинский, граф Казимир Осипович, 1816—1899, постоянный член Государственного Совета Царства Польского.

[140]) Помаранчарня (оранжерея) — театр в Лазенковском парке в здании бывшей оранжереи, от которой и получил свое название.

[141]) В ознаменование дня крещения вел. кн. Вячеслава Константиновича была объявлена амнистия 114 политическим преступникам, сосланным в русские губернии.

[142]) Штиглиц, барон Александр Людвигович, 1814—1884, банкир, первый управляющий Государственным банком, железнодорожный строитель. — Кербедз, Станислав Валерианович, 1810—1893, строитель мостов Николаевского через Неву в Петербурге и Александровского через Вислу в Варшаве, железнодорожный строитель, начальник VII округа путей сообщения, член совета управления Царства Польского.

[143]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. II, № 16.

[144]) Годовщина соединения с Литвой—12 августа 1569 г. закончился Люблинский сейм, установивший соединение Литвы с Польшей в одно государство.

[145]) В этот день женщины сняли траур и оделись в цветные платья, костелы были переполнены, день был нерабочий. То же самое было и в других городах.

[146]) Тенгоборский, Юлий Людвигович, 1823—1877, чиновник особых поручений министерства иностранных дел, с 20 декабря 1862 г. управляющий дипломатической канцелярией наместника Царства Польского, впоследствии управляющий двором Константина Николаевича и сенатор.

[147]) 3/15 августа произведено было второе неудачное покушение на жизнь маркиза Велёпольского литографом Яном Ржонцой, бросившимся на него с отравленным стрихнином кинжалом, в то время как Велёпольский ехал с женой в открытом экипаже по Уяздовской аллее.

[148]) Письмо Александра II — «Дела и Дни», кн. II, № 17. Соболевский—генерал-майор, бывший помощник начальника 3-й гренадерской дивизии, вновь назначенный состоять для особых поручений при командующем войсками в Царстве Польском.

[149]) Доктор Либрейх, Рихард, 1830—..., известный немецкий окулист, практиковавший в Берлине, с 1862 г. в Париже и затем в Лондоне.

[150]) Паулуччи, маркиз Амилькар Карлович, родом итальянец, генерал-майор, состоявший в распоряжении командующего 1-й армией, при наместнике кн. М. Д. Горчакове начальник тайной полиции и председатель следственной комиссии.

[151]) Письмо Константина Николаевича к Александру II — «Дела и Дни», кн. II, № 18.

[152]) Костюха—второй сын Константина Николаевича, вел. кн. Константин Константинович, 1858—1915, впоследствии президент Академии Наук и поэт, подписывавший свои произведения инициалами К. Р.

[153]) Венглинский, Франц, деятель кредитного земского общества, член Грубешовского уездного совета, с 12/24 июля постоянный член Государственного Совета Царства Польского.

[154]) Развадовский, Константин Иванович, 1814—1885, генерал-майор, помощник начальника 4-й пехотной дивизии, председатель особой следственной комиссии по политическим делам в Царстве Польском, впоследствии варшавский комендант и граф.

[155]) Смит, Федор Иванович, 1787—1865, военный историк, в 1830—1831 гг. состоял при главной квартире действующей армии в Польше и исправлял должность редактора известий о действиях русских войск для заграничных газет. Составил историю польской войны на немецком языке: «Geschichte des Polnisches Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830—1831», T. I—III, Berlin 1839—1848.

[156]) Воцерковление — обряд православной церкви, совершаемый над младенцем и его матерью в сороковой день от рождения.

[157]) Константин Николаевич закончил письмо, начатое 9 августа (см. выше).

[158]) 11/23 августа происходил публичный суд над Ржонцей в здании губернского правления и закрытый (вследствие болезненного состояния подсудимого) над Рылем в комиссии военного суда в цитадели. Оба приговорены к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение 14/26 августа на гласисе Александровской цитадели.

[159]) Полторанов, Николай Иванович, действ. стат. советник, состоящий при аудиториатском департаменте.

[160]) Полевой аудиториат — военный суд при армии.

[161]) Подробности покушения на отравление Велёпольского посредством письма см. в «Воспоминаниях В. А. Докудовского», Труды Рязанской Архивной Комиссии, 1898 г., т. XIII, вып. 3, стр. 356.

[162]) Тотлебен, Эдуард Иванович, 1818—1884, знаменитый военный инженер, прославившийся организацией обороны Севастополя, генерал-адъютант, с 1859 г. директор инженерного департамента военного министерства, впоследствии главнокомандующий действующей армией в 1878 г., виленский генерал-губернатор и граф. — Корф, барон Павел Иванович, 1803—1867, генерал-адъютант, начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии и гвардейского отряда в Царстве Польском.

[163]) Молодая графиня Велёпольская — жена младшего сына маркиза Велёпольского — Иосифа Александровича, Мария, рожд. графиня Валевская, 1841—...., Калерджи, Мария Федоровна, 1822 — 1874, дочь жандармского генерала в Варшаве — графа Фридриха Нессельроде, по матери полька, родственница и воспитанница государственного канцлера графа К. В. Нессельроде, талантливая пианистка-дилетантка, игравшая видную роль в высшем обществе 1840 — 1860-х гг., воспетая Теофилом Готье и Генрихом Гейне, друг Альфреда де Мюссе, Листа, Вагнера и Таузига; в 1863 г. вторично вышла замуж за упомянутого выше варшавского обер-полицмейстера С. С. Муханова. Графиня Келлер, Мария Ивановна, рожд. Ризнич, 1827 — ..., жена директора правительственной комиссии внутренних дел гр. Э. Ф. Келлера, с которым впоследствии развелась.

[164]) Минквиц, барон Александр Федорович, 181.—1882, начальник штаба войск в Царстве Польском с 6 июля 1862 г.

[165]) Массон, Александр Петрович, 1799—18.., тайный советник, варшавский почт-директор, член совета управления Царства Польского.

[166]) Дембовский, Леон Осипович, 1789—18.., бывший сенатор-каштелян Царства Польского, член Государственного Совета Царства Польского и первоприсутствующий в финансово-административном отделении этого совета, главный директор правительственной комиссии юстиции с 22 октября/13 ноября 1861 г. до 4/16 декабря 1862 г., когда был уволен с оставлением постоянным членом Государственного Совета.

[167]) Военному суду за устройство панихиды по казненным в Новогеоргиевске офицерам были преданы поручики стрелкового баталиона Готский-Данилович, Огородников и Зейн и приговорены к отставлению от службы и заключению в крепость, — первые двое на год, а последний на 9 месяцев.

[168]) Кроненберг, Леопольд-Станислав Самуилович, 1812—1878, варшавский банкир, вице-председатель администрации Варшавско-Венской железной дороги, член партии «белых», один из виднейших польских промышленных и финансовых деятелей.

[169]) Никола — вел. кн. Николай Константинович, Катя — вел. кн. Екатерина Михайловна, 1827—1894, дочь вел. кн. Михаила Павловича, двоюродная сестра Константина Николаевича; Жорж — ее муж, Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий, 1824—1876, бывший на русской службе.

[170]) Мирбах, барон Роман (Рейнгольд) Андреевич, 1825—1902, капитан-лейтенант, состоял при вел. кн. Николае Константиновиче, впоследствии вице-адмирал.

[171]) Третье отделение принимало меры к тому, чтобы иметь в самом доме Герцена источник сведений обо всем, в нем происходящем; ему удалось ввести туда своего агента, имя которого осталось неизвестно редактору последнего издания сочинений Герцена М. К. Лемке (см. т. XV, стр. 180). Ришар, — вероятно, агент тайной полиции.

[172]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 20.

[173]) Никола, Оля и Вера — дети Константина Николаевича.

[174]) В Радомской губернии уездные советы были созваны к 13/25 августа, а в Люблинской и Августовской губерниях — к 10/22 октября 1862 г.

[175]) Сольцы — местность в Варшаве.

[176]) Сержпутовский, Иосиф Адамович, полковник лейб-гусарского Павлоградского полка, впоследствии генерал-от-кавалерии, ум. 1900 г.

[177]) Сын командующего войсками в Царстве Польском барона Э. А. Рамзая, Георгий Эдуардович, поручик л.-гв. Финского стрелкового баталиона.

[178]) Дядя Константина Николаевича, вел. кн. Михаил Павлович, 1798—1849.

[179]) По почину дирекции партии «белых» в Варшаве был организован съезд помещиков (около 300 человек) под предлогом составления ответа наместнику на его прокламацию к полякам от 15/27 августа. Первоначально предполагалось составление адреса непосредственно на имя великого князя, но когда это оказалось невозможным выполнить, члены съезда выразили свои чувства и пожелания в заявлении на имя своего лидера графа Андрея Замойского, которое он должен был передать наместнику. В заявлении выражались пожелания, чтобы правительство было польским и чтобы были соединены воедино «все области, составляющие наше отечество», т.-е. чтобы Литва и Русь (т.-е. юго-западные губернии) были присоединены к Польше. Правительство заявило, что оно не допустит, чтобы частные лица присвоивали себе право говорить от общего имени, а Замойский, принявший заявление, был отправлен в Петербург, а оттуда выслан за границу.

[180]) Письмо Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 22.

[181]) Указом 20 августа 1856 г. Царство Польское, как и вся Россия, было освобождено от рекрутского набора на 3 года, после чего этот срок был еще продолжен. Указом от 1 сентября 1862 г. был объявлен набор рекрутов на 1863 г. в Европейской России, включая и Царство Польское, при чем для Польши срок набора дол-

жен был быть объявлен впоследствии. В Царстве Польском жеребьевка, установленная законом, заменялась поименным призывом, с целью избавления от опасного элемента. Совершенно освобождались от призыва землевладельцы, крестьяне и сельско-хозяйственные рабочие. Городские и уездные советы должны были избрать своих представителей в конскрипционные комиссии, на обязанности которых лежало переосвидетельствование призываемых, но многие из советов в знак протеста отказались избрать своих делегатов.

[182]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 23.

[183]) Старший сын маркиза (см. о нем выше).

[184]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 25.

[185]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 26.

[186]) На открытие памятника в память тысячелетия России.

[187]) Майсельс, Бер, раввин главной синагоги в Варшаве, австрийский подданный, примыкал к партии «белых», 28 октября 1861 г. был арестован и выслан за границу за то, что по примеру католического духовенства закрыл синагоги в знак протеста за осквернение костелов, выразившееся в том, что туда были введены войска для ареста демонстрантов. 15/27 августа 1862 г. Майсельсу разрешено было наместником вернуться в Варшаву.

[188]) Начальник канцелярии морского министерства (см. о нем выше).

[189]) Шварц, Владимир Максимович, 1807—1872, генерал-адъютант, с 6 июля 1862 г. начальник артиллерии в Царстве Польском.

[190]) Письмо от Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 29.

[191]) В Варшаву была переведена 3-я гвардейская пехотная дивизия, состоявшая из Волынского и Литовского полков и Царскосельского и Финского стрелковых батальонов, а также гренадерские, впоследствии гвардейские, полки: Кексгольмский императора австрийского Франца и С.-Петербургский короля прусского Фридриха-Вильгельма III; эти полки раньше имели стоянку в Царстве Польском. По плану, выработанному Велёпольским, в Царстве Польском намечен был к открытию ряд высших и средних учебных заведений, в том числе Главная школа в Варшаве (впоследствии университет), Политехнический и Сельско-хозяйственный институт в Новой Александрии (Пулавах), Александро-Мариинский женский институт в Варшаве и др.

[192]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 30.

[193]) Может быть, с семейством вышеупомянутого Михаила Павловича Голицына.

[194]) Седлецкий уездный совет отказался избрать членов в конскрипционную (рекрутскую) комиссию, почему и был распущен. Людвик Гурский, сторонник Замойского, был президентом этого совета.

[195]) Статья о Замойском, действительно, появилась в «Journal de St.-Pétersbourg» от 24—25 сентября/6—7 октября 1862 г.

[196]) Законопроекты об уничтожении налога с кошерного, т.-е. употребляемого евреями в пищу мяса, и возвышении налога на водку, выкуриваемую на заводах Царства Польского; результатом их обсуждения были указы от 16/28 октября 1862 г.

[197]) Письмо от Александра II — «Дела и Дни», кн. III, № 31.

[198]) Доклад следственной комиссии, учрежденной по поводу распространения в Петербурге преступных печатных воззваний и случаев возбуждения воинских чинов против правительства.

[199]) Письмо к Александру II — «Дела и Дни», кн. III, № 32.

[200]) Ленский, или, вернее, Лэнский, Адам Осипович, 18..—1883, бывший главный директор правительственной комиссии финансов и казначейства, член Государственного Совета, с 16/28 ноября 1861 г. министр-статс-секретарь Царства Польского.

[201]) Багневский, Адам Францович, 1803—1875, государственный советник и председатель финансово-административного отделения Государственного Совета

Царства Польского, с 16/28 ноября 1862 г. главный директор правительственной комиссии финансов и казначейства.

[202]) Пенхержевская, вероятно, жена или сестра Ивана Александровича Пенхержевского, чиновника особых поручений при наместнике.

[203]) Тишендорф, Константин, 1815—1874, протестантский богослов, совершил несколько путешествий на Восток, откуда вывез много ценных древних рукописей. Из своего третьего путешествия, предпринятого на счет русского правительства, он привез в 1859 г. в Петербург древнейшую (IV века) греческую рукопись библии, сделавшуюся известной под именем Codex Sinaiticus. Она была издана осенью 1862 г. к юбилею тысячелетия русского государства.

[204]) 28 сентября/10 октября военное положение было снято в Люблинской и Августовской губерниях, за исключением Люблина, Седлеца и Сувалок.

[205]) Кекстольмский гренадерский императора австрийского Франца полк.

[206]) Распопова — гувернантка детей Константина Николаевича.

[207]) «Стражница» (Маяк) — первая тайная газета в Варшаве, выходившая с 1 августа 1861 г. и издававшаяся кружком сибиряков (т.-е. бывших ссыльных в Сибири) под редакцией Болеслава Денеля и Агатона Гиллера; «Рух» (Движение) — тайная газета, орган Центрального Народного Комитета, выходившая с 5 июля н. с. 1862 года.

[208]) Левинский, Михаил Иванович, 1797—18.., член Государственного Совета Царства Польского. Фелинский — архиепископ варшавский.

[209]) Любомирский, князь Константин Ксаверьевич, 1786—1870, генерал-лейтенант, бывший волынский губернский предводитель дворянства.

[210]) Замойская, графиня Роза, рожд. гр. Потоцкая, жена гр. Андрея, высланного за границу, 1802—15/27 октября 1862 г.

[211]) Макушина, Анна Петровна, 18..—1887, камер-фрау вел. кн. Александры Иосифовны.

[212]) Жена дяди вел. кн. Александры Иосифовны по отцу, Георга, герцога Саксен-Альтенбургского, Мария, 1803—14/26 октября 1862, рожд. принцесса Мекленбург-Шверинская.

[213]) Чиншевые делегации — выборные делегации для очиншевания крестьянских земель, для перевода их с барщины на оброк и определения размера последнего. В виду того, что многие уездные советы, в обязанность которых входило избрание чиншевых делегаций, по политическим причинам были распущены, в конце октября старого стиля в Государственный Совет Царства Польского был внесен на рассмотрение проект постановления об учреждении временных чиншевых делегаций в уездах, где не соберутся уездные советы. 11/23 ноября состоялось постановление совета управления Царства Польского о порядке образования чиншевых делегаций.

[214]) Кушелева, графиня Екатерина Дмитриевна, 1811—1874, рожд. Васильчикова, гофмейстерина вел. кн. Александры Петровны, вдова гр. Григория Григорьевича Кушелева, управлявшего двором Константина Николаевича.

[215]) «Виноски Малаховского, Левинских и Розена», т.-е. предложения, законопроекты перечисленных членов Государственного Совета Царства Польского. Левинские — Михаил Иванович (см. выше) и отставной полковник польских войск Яков Иванович, постоянный член Гос. Совета. Розен, Матиаш, 1804—1865, еврей, глава банкирского дома, основатель многих благотворительных заведений в Варшаве, в 1862 г. первый из евреев избран в члены Варшавского городского совета, 12/24 июля 1862 г. назначен временным членом Государственного Совета на 1862 г.

[216]) В «Колоколе», № 148, от 22 октября 1862 г., напечатано письмо «е. и. в. вел. кн. Конс.антину Николаевичу от русских офицеров, стоящих в Польше».

[217]) Вероятно, лицо, имеющее отношение к тайной полиции.

[218]) 29 августа/10 сентября снято было военное положение в Радомской губернии (кроме гг. Радома и Келец), после чего там начались религиозные демонстрации.

[219]) Законопроект о подсудности духовенства всех исповеданий за совершенные им преступные дела; результатом его обсуждения явился именной указ от 26 декабря 1862 г./7 января 1863 г.

[220]) Фелькнер, Павел Иванович, бывший офицер генерального штаба, потом штатный смотритель уездного училища в Варшаве и, наконец, начальник тайной полиции; он был найден в воротах дома, где была его квартира, заколотым кинжалом и с отрезанным ухом. Рожнов, Евгений Петрович, 1807—1875, генерал-майор, директор особой канцелярии при наместнике по делам военного положения, впоследствии варшавский губернатор и сенатор.

[221]) Постановление об экзекуциях и секвестрации утверждено 28 декабря 1862 г. (9 января 1863 г.). О чиншевых учреждениях см. прим. 213.

[222]) Французский генеральный консул в Варшаве де-Вальбезан, недавно назначенный вместо де Сегюр-Дюпейрона, который был отозван по требованию русского правительства за связи с польскими революционерами. Кольсон (Colson, а не Caulson, как пишет автор дневника) — французский военный атташе в Петербурге.

[223]) Орленок, — по всей вероятности, князь Николай Алексеевич Орлов, 1827—1885, генерал-адъютант, слушал вместе с Константином Николаевичем курс законоведения, в 1846—1848 гг. состоял при нем, с 1859 г. посланник в Брюсселе, впоследствии посланник в Вене, Лондоне и Париже и посол в Берлине.

[224]) Ястров, Маркус, 1829— , доктор философии Галльского университета, прусский подданный, в 1858—1862 гг. проповедник варшавской синагоги; одновременно с Майзельсом (см. выше) был выслан из Варшавы и затем возвращен; впоследствии проповедник в Филадельфии.

[225]) Вел. кн. Михаил Николаевич и его жена, бывшие в Варшаве проездом из-за границы.

[226]) Гминные суды — сельские суды в Царстве Польском. Устав о сельских судах был высочайше утвержден в 1860 г. и обнародован 1 марта 1861 г. Гминными судьями были местные помещики или их заместители. Только Положением о сельской гмине 19 февраля 1864 г. патримониальная юрисдикция и власть помещиков уничтожены.

[227]) Попель (ум. 1878 г.) — известный варшавский танцовщик.

[228]) В «Колоколе» № 151 от 1 декабря 1862 г. напечатано «Офицерам русских войск от Комитета русских офицеров в Польше».

[229]) Киреев, Александр Алексеевич, 1833—1910, адъютант Константина Николаевича, впоследствии состоявший при нем, а после его смерти при его вдове, генерал-от-кавалерии, писатель-славянофил и богослов.

[230]) Дело в Хелме, т.-е. Холме. Местный обыватель Александр-Андрей Смарчевский донес о том, как его приняли в революционное общество, и после доноса исчез. Оказалось, что 21 ноября/2 декабря Смарчевский и его домоправительница Констанция Черняк были убиты по поручению Центрального Народного Комитета. Исполнителем приговора был помещик Леон Немировский, бывший революционным окружным начальником. В деле были замешаны ксендз Маркевич и ряд других духовных лиц, принимавших присягу от вступающих в революционное общество лиц.

[231]) Контский, Аполлинарий, 1824—1879, скрипач, директор Варшавского музыкального института.

[232]) Военному полевому суду были преданы 66 человек дворян, мещан и крестьян по обвинению к принадлежности к тайному обществу, имевшему целью произвести всеобщее восстание в Царстве Польском. Суд происходил при открытых дверях и с защитниками.

[233]) Корнилович, генерал-майор, член полевого аудиториата войск Царства Польского и председатель суда над 66 революционерами.

[234]) Михаил Маршевский, епископ калишский с 1856 г. Иосиф Юшинский (а не Юхшинский), епископ сандомирский с 1859 г.

[235]) Скаржинский, граф Виктор Александрович, белостокский уездный предводитель дворянства, и. д. гродненского губернского предводителя дворянства, умер в 1882 г.

[236]) Матвей Маерчак, апостольский викарий, управляющий Келецкой епархией, был возведен в сан епископа иерихонского, при чем ему было разрешено правительством продолжать управлять епархией. In partibus infidelium — в стране неверных. Обычай назначать епископов на несуществующие кафедры основан на том, что раз возникшая кафедра юридически не считается прекратившей свое существование, хотя бы для епископа и было фактически невозможно занять ее. Иерихон — город в Палестине.

[237]) Следственные комиссии в Холме и Радоме раскрыли деятельное участие католического духовенства в революционном движении, то же обнаружилось и в других местах.

[238]) Вел. кн. Михаил Николаевич был назначен наместником на Кавказ 6 декабря 1862 г.

[239]) Ржевусская, графиня, Розалия Александровна, 1791—1865, рожд. княжна Любомирская, статс-дама русского двора, филантропка, известна была как сторонница России.

[240]) Николай Эпштейн не был членом Центрального Комитета.

[241]) Лубенский, граф Константин, настоятель католической церкви Пажеского корпуса в Петербурге, впоследствии с 1863 г. епископ августовский, по отзыву Н. В. Берга «человек замечательного ума, но вместе с тем чрезвычайно хитрый»; его влиянию приписывался выбор Фелинского в варшавские архиепископы. За участие в восстании был сослан в Н-Новгород, где и умер в 1869 г.

[242]) В ночь на 11/23 декабря была захвачена тайная типография, где печаталась газета «Рух» № 10, и арестован в ней типографщик Ромуальд Клосович. В тот же день был арестован Бронислав Шварц, один из видных деятелей партии «красных», член Центрального Народного Комитета, заведывавший районом за Вислой.

[243]) Для расследования по делу о захваченной тайной типографии на улице Видок была назначена комиссия под председательством жандармского полковника Талаевского.

[244]) Городовой, унтер-офицер Злобицкий, 15/27 декабря обнаженной саблей ранил в голову пристава штабс-капитана Бродовского из мести за служебное взыскание и «позволил себе дерзкий поступок» против полицмейстера полковника Зенгбуша. Он был расстрелян.

[245]) Депутация от л.-гв. Финляндского полка: командир полка генерал-майор Иван Степанович Ганецкий (1810—1887), впоследствии комендант Петербургской крепости, баталионный командир полковник Михаил Яковлевич Григорьев и полковник Яков Кайхозрович Алхазов (1826 — 189.), впоследствии генерал-от-инфантерии.

[246]) Юлий Пешке — преподаватель Варшавского музыкального института.

[247]) 10 сентября 1862 г. было высочайше утверждено мнение Государственного Совета об устройстве крестьян, поселенных в односельях губерний: Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и части Витебской.

[248]) Рекрутский набор был объявлен на 3/15 января 1863 г., что и послужило сигналом к открытому восстанию.

[249]) Гарволинская история состояла в том, что еврей, хозяин корчмы в Гарволине (Седлецкой губ.), заметив оружие у трех молодых людей, остановившихся в его корчме, дал знать об этом бурмистру; обыск обнаружил большой запас оружия в их бричке.

[250]) В ночь с 8 на 9 января нов. ст. 1863 г. были арестованы в Париже по требованию русского правительства польские революционеры Влад. Милович, Цверцякевич и Годлевский (по другим сведениям Подлевский или Игнатий Хмелинский, организатор покушения на Константина Николаевича). Один из арестованных был сейчас же освобожден, а двое других высланы из Парижа.

14 ДЕКАБРЯ 1825 Г. В ПИСЬМАХ ГР. М. Д. НЕССЕЛЬРОДЕ.

Письма гр. Марии Дмитриевны Нессельроде, жены министра иностранных дел К. В. Нессельроде (1780—1862), к ее брату Николаю Гурьеву, русскому послу в Гааге († 1849 г.), к его жене и к матери, вдове министра финансов Д. А. Гурьева (1751—1825), охватывающие время 1820—1849 годов, давно были оценены по достоинству, и не только историками: ими интересовались и в той придворной среде, к которой принадлежал их автор. Об этом свидетельствуют две каллиграфические копии, сделанные для членов царской семьи; одна, изготовленная в 1874 г. для Александра II, представляет обширное извлечение, охватывающее переписку на всем ее протяжении; другая, хранившаяся в библиотеке б. Зимнего дворца, содержит письма от декабря 1825 года.

Интерес к письмам Нессельроде-Гурьевой вполне понятен. Наблюдательная и умная женщина, она, по своему положению при дворе и в кругах бюрократической знати, была очень хорошо осведомлена об интимной, закулисной стороне крупнейших политических и дворцовых событий; склонная к резким и определенным суждениям, она умела к тому же передать их живо и ярко.

Наибольший интерес в переписке Нессельроде представляют, несомненно, печатаемые здесь письма времени междуцарствия 1825 года и восстания 14 декабря — недаром они были дважды скопированы при дворе. Письма эти очень обстоятельны. Некоторые из них написаны в виде поденной записи событий между двумя очередными почтами; записи делались, так сказать, по горячим следам событий и шаг за шагом отмечают и смену отдельных эпизодов, и изменения общей придворной ситуации.

Корреспондентов Нессельроде в ее письмах, конечно, больше всего интересовал этот именно рассказ о событиях, о поведении отдельных лиц, их характеристики, оценки общего положения дел во дворце. Рассказ этот сохраняет большой интерес и для современного читателя, дает подчас очень ценные детали. Однако, для нас теперь письма Нессельроде интересны прежде всего как отражение мыслей, толков и настроений той среды, к которой она принадлежала и против которой в первую очередь и было поднято знамя восстания 14 декабря.

В дни междуцарствия в этой среде толковали прежде всего, конечно, о личных качествах обоих кандидатов на престол; но, как это всегда бывает при сменах царствований, разумеется, много говорили и об общем положении дел и о желательном направлении политики предстоящего царствования. Письма Нессельроде, писанные до 14 декабря, дают несколько интересных замечаний на эти темы, чрезвычайно

характерных по определенности и яркости их дворянской, помещичьей окраски. Хозяйственные затруднения дворянства, падение цен на продовольственные продукты, стеснения крестьянской базарной торговли, казенные повинности, крестьянские неплатежи и бунты против господ, — вот, что прежде всего приходит Нессельроде на ум при характеристике «печального состояния внутренних дел». Внимание к интересам дворянства, твердый полицейский порядок на местах и наверху, на престоле носитель власти, при котором «не было бы утрачено очарование службы», — вот ее желания от предстоящего царствования.

Когда разразилось 14-е декабря, подлинный смысл событий для Нессельроде, как и для многих других людей ее круга, еще не знавших подробностей о заговоре, сначала был не вполне ясен. Среди мятежников было так много хорошо знакомых людей, близких по светским и семейным связям, по службе, по имущественному положению; казалось, что все происшедшее — не больше, как очень крупное и неприятное, но все же лишь недоразумение в своей среде, в роде тех, какие бывали и при прежних сменах на престоле. Но как скоро стало ясно, что дело идет не о лице, а о порядке, о всем самодержавно-крепостном укладе и что в лице мятежного каре в русскую жизнь вступает впервые та самая революция, которую уже знали во Франции, Испании и Италии, сторона Зимнего дворца не знает колебаний и свою позицию в развернувшейся борьбе занимает с гораздо большей решимостью и твердостью, чем сторона противоположная. На ружейные выстрелы она отвечает картечью, на планы цареубийства — действительными виселицами на кронверке Петропавловской крепости, на призывы к «вольности» и увещания из тюрьмы — ссылкой в Сибирь, учреждением третьего отделения и двойной-тройной цензурой; она запечатывает в тайниках архивов «Русскую Правду» и конституционные проекты декабристов и в глухой тишине всеобщего молчания открывает простор клевете и шулерству казенного «Донесения» и «исторического труда» статс-секретаря Корфа.

В семейной переписке Нессельроде та же смена настроений придворной среды проходит перед нами, так сказать, в бытовом преломлении. Первоначальные сравнительно сдержанные суждения ее о происшествии и об отдельных лицах сменяются безудержной злобой и ненавистью, когда она узнает о настоящих целях тайного общества. Забываются все личные связи; заговорщики — изверги, смерть — заслуженная кара для всех них; Николай — герой и спаситель России, после 14-го исчезают последние колебания в оценке его личности. С злорадным торжеством Нессельроде отмечает растерянность и малодушие в рядах декабристов; но настороженным чутьем врага она угадывает среди них и отдельных крупных противников. То же чутье подсказывает ей и общую оценку движения: это — не преходящее недоразумение, а большая опасность и на долгое время; у заговора глубокие корни, широкие разветвления, и вслед за разгромом тайного общества пред новым царствованием станет значительно более трудная задача — дать иное направление общему настроению умов молодежи.

Таково содержание печатаемых ниже писем Нессельроде-Гурьевой.

Письма М. Д. Нессельроде хранятся в настоящее время в «Древлехранилище» («Московском Историческом Архиве»), в составе 3 разряда Государственного Архива под № 43; там же хранится и выборка, сделанная для Александра II. Другая копия находится в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве в составе бумаг «Библиотеки Зимнего дворца», под № 1414. Письма печатаются здесь с небольшими

купюрами: выпущены места, касающиеся чисто семейных обстоятельств. К декабрьским письмам 1825 года присоединены отрывки и из трех писем 1826 г., примыкающие к ним по содержанию. В оригинале письма написаны по-французски; здесь они даются в переводе, выполненном научной сотрудницей Центрархива Е. А. Васильевой.

В письмах к брату, сообразно их тону, обращение «Vous» передано по-русски через «ты», в остальных—через «вы». Допущены некоторые отступления от пунктуации подлинника. Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в оригинале.

Б. Сыроечковский.

1.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 2 (14) декабря 1825 г.

Год тому назад в этот день я была в Риме [1]); несмотря на мое восхищение перед этим городом, первым в анналах истории, первым в мире, я в нем не чувствовала себя счастливой. Сколько бедствий за это время, и насколько постигшее нас только что несчастье еще сильнее омрачает наши дни! Мы должны будем вечно оплакивать нашего государя и все то, что он для нас сделал! Чем только мы ему ни обязаны! Какой внезапный удар! Кто бы мог думать, что переживет его! Никто! Вспоминая с восхищением его фигуру, его мощь, невозможно поверить, что он умер.

Ты можешь себе представить состояние августейшей семьи; бедная императрица - мать! Вся ее жизнь пройдет теперь в оплакивании этой, столь чувствительной для нее потери. Представь себе, какое горе, какие чувства должна испытывать императрица Елизавета,— и в какой момент? В то именно время, когда она была так счастлива доказательством привязанности государя, который за ней последовал. Она уехала умирающей, и ей же пришлось закрыть ему глаза. Имели сведения о ней от двадцать первого; здоровье ее было хорошо, поскольку это возможно при столь печальных событиях. В виду скорбных приготовлений, ей предложили покинуть занимаемое ею помещение, — ей было отведено помещение за городом; она нашла в себе достаточно силы, чтобы два раза в день приезжать в это скорбное место на богослужения. Князь Петр [2]) пишет, что он был поражен силой ее духа. Она выразила желание сопровождать тело; вопрос лишь в том, хватит ли у нее для этого сил,—ведь каждую минуту будут происходить все новые и новые душу раздирающие сцены. Как тяжело делается при мысли о том, что останки государя проследуют через его страну, как тяжело,

---

[1]) Конец 1824 года и часть 1825 г. графиня Нессельроде провела в путешествии по Италии.

[2]) П. М. Волконский, сопровождавший Елизавету Алексеевну на юг.

когда думаешь обо всем этом шествии, о том, что́ все будут испытывать, когда узнают, что тело его приближается к столице, и о том, в каком возрасте мы его теряем. Все способствует тому, чтобы горе это было еще более удручающим.

Князь Волконский предполагал, что наследник,— у меня нехватает мужества сказать: государь,— приедет в Таганрог в конце этого месяца; но еще неизвестно, не прервет ли он своего пути, когда узнает об этом несчастьи, которое его несомненно очень поразит. До настоящего времени здесь ничего неизвестно относительно его приезда; если я что-либо узнаю по этому поводу, я тебе сообщу, так как в течение еще нескольких часов не буду запечатывать письма. Из письма, посланного тебе Александром [1]) через курьера, ты можешь составить себе представление о том, что́ мы здесь переживаем; растерянность крайне велика, и любопытно, что большинство отдает предпочтение отсутствующему. В один из ближайших дней, по прибытии государя, к тебе будет отправлен курьер...

Государь простудился при посещении монастыря св. Георгия, расположенного невдалеке от Бахчисарая. Дорога туда идет через большую равнину; он был верхом, в одном лишь мундире. В это время дул очень холодный ветер. Сопровождавший его фельдъегерь Годефруа все время предлагал ему надеть бурку; он отказывался и вышучивал его, что тот жаловался на температуру; с этого именно дня он и почувствовал недомогание. Еще не доезжая до этого города, сделавшегося столь памятным, один из фельдъегерей, по фамилии Масков, был выброшен из телеги и умер на месте. Государь увидел скопление народа; он остановился, сошел с лошади и был поражен при виде этого человека; он сказал сопровождавшему его доктору: «Это причиняет мне больше страданий, нежели моя лихорадка»; он говорил и часто затем повторял, что с ним никогда не случалось ничего подобного. Со свойственной ему сердечностью, которую мы так в нем ценили, он тотчас же подумал о вдове, о детях.

Я прилагаю несколько краткий, но точный рассказ о болезни государя; я извлекла его из письма князя Петра к моему мужу; он в отчаянии, но ему все же можно позавидовать; он имел возможность доказать его величеству до последней его минуты свое усердие, свою преданность.

На Голицына [2]) положительно тяжело смотреть. Теперь передают его размышления по поводу отъезда государя. Были странные вещи; самое примечательное то, что обыкновенно перед отъездом государя богослужение совершалось в Казанском соборе, на этот же раз оно происходило в Невской Лавре между четырьмя и пятью часами утра; там он молился с жаром и со слезами; ко дню св. Александра он всегда делал какой-либо дар монастырю; в этот раз он пожертвовал туда

---

[1]) Брат М. Д. Нессельроде, член Государственного Совета.

[2]) Кн. А. Н. Голицын.

свечей, ладана и масла на целый год. Можно было бы рассказать и еще много такого, что теперь кажется примечательным.

Мой муж, как ты можешь себе представить, совершенно разбит, душевные страдания отражаются и на его здоровьи. Я радуюсь тому, что ему приходится быть все время в действии: это хотя несколько его поддерживает.

Из Варшавы нет никаких известий; неизвестно, покинул ли ее государь и когда именно; все неясно, все лишь предположения. С каждой почтой ты будешь получать от меня хотя бы несколько слов...

2.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 6/18 декабря 1825 г.

Постараюсь мало-по-малу, худо ли, хорошо ли, описать тебе, что происходило здесь в эти дни междуцарствия; хочу приступить к этому за несколько дней ранее, чтобы не быть застигнутой врасплох отправкой фельдъегеря; он повезет окончательное известие о провозглашении государя, которого, я надеюсь, господь по милосердию своему, изберет для нас.

Брат мой описал уже тебе заседание Совета [1]). Со дня этого рокового события великий князь Николай не мог поступать иначе, нежели как он поступал, но он внес в свои прекрасные действия слишком большую поспешность: он всех и без всякого порядка заставил принести присягу, что и повело к тому, что войска присягнули ранее, нежели представители власти. Решение его передать престол брату могло бы быть лучше осуществлено, если бы он тотчас же созвал Совет и обсудил эту мысль с членами Совета; он же в этом деле руководился одним лишь собственным побуждением. Конечно, нельзя не восхищаться этим его непосредственным решением, этим его добровольным отречением; но мысль эта не лишена и глубокого расчета. Если брат будет настаивать на содержании акта, прочтенного в заседании Совета, где он заявляет, что отрекается от царствования, чувствуя свою неспособность, поведение великого князя Николая обяжет его; оно исключит возможность всех тех претензий, тех упреков, которые брат мог бы ему сделать, если бы он объявил себя императором, как он и имел на то право, в виду того, что документ совершенно законен. Но надо было, чтобы великий князь Николай и императрица Мария сохраняли спокойствие и терпеливо выжидали ответа Константина. Между тем можно ли было сделать больше того, что было сделано, поскольку по всей империи была принесена присяга?

---

[1]) Заседание Государственного Совета 27 ноября, в коем был оглашен манифест Александра I об отречении Константина.

Как только сделалась известна эта альтернатива и пререкания по этому поводу между двумя князьями, общественное мнение всех классов высказалось за отсутствующего; особенно не скрывали своего предпочтения военные, которые боялись Николая. Мне думается, что императрица и Николай, воспринимавшие, может быть, даже с некоторым преувеличением это единодушное желание, были им напуганы и хотели удержать Константина; к нему посылали курьера за курьером; на этих днях отправили Опочинина, который является доверенным лицом отсутствующего; уверяют, что императрица-мать, отпуская его, сказала: «Привезите мне Константина».

Прибывший сюда великий князь Михаил, после того как он узнал эту ужасную для его брата весть, вплоть до самой Риги делал остановки для ночлега; но когда он узнал о поведении своего брата Николая, его радость видеть провозглашенным своего любимца [1]) была столь велика, что он помчался со всей поспешностью и приехал сюда в шесть часов утра. Он бросился Николаю на шею, говоря, что он гордится тем, что он русский и что он так с ним близок, вообще все то, что в подобных случаях может подсказать энтузиазм. Он пробыл здесь два дня и был отправлен назад в Варшаву, чтобы, как говорят, склонить своего брата к восшествию на престол. Предполагают, что он привозил акт своего любимца с изъявлением его покорности Николаю в качестве подданного,—что эта бумага была прислана с ним.

Во всем этом непостижимым является то, что дело такого огромного значения решалось исключительно в пределах самой высочайшей семьи, что его ни с кем не обсуждали, несмотря на то, что это надлежало бы сделать. Мне стыдно сказать, что единственным лицом, которое, кажется, до некоторой степени посвящено в события, является Милорадович; может быть, это доверие к нему вызвано мыслью, что именно ему обязаны сохранением полного спокойствия, но спокойствие это поддерживается каждым в отдельности, а отнюдь не этим бессердечным полишинелем. Можно также предположить, что этот-то господин постоянно твердит им, что все хотят Константина, и, может быть, запугивает их возможными последствиями второй присяги, в случае, если Константин будет настаивать на своем нежелании царствовать. Высказываемые мною здесь предположения можно вывести из слов самого великого князя Николая, переданных из достоверных источников из дворца.

Итак, этот великий князь, относительно которого император Александр в мудрости своей решил, что ему не следует царствовать, призывается на трон своей семьей и общественным мнением! На чем оно основывается? Я утверждаю, что ни на чем серьезном. Он удалился двенадцать лет тому назад, и не потому ли его теперь хотят, что, по слухам, он переменился? Но так как я глубоко убеждена, что он все тот же, я дрожу при мысли, как бы

[1]) Известна дружба Михаила Павловича с Константином.

он не поддался соблазну быть возведенным на престол. Помимо того, что он сам совершенно не соответствует этому положению, приходится также подумать и о княгине Лович и обо всем ее антураже, который будет ужасен. Те самые люди, которые сейчас хотят его, будут позднее плакать кровавыми слезами; он не проявит себя в первые же месяцы, но я ручаюсь, что не пройдет и года, как все горько раскаются в своей оценке и будут вдвойне оплакивать почившего государя. Это будет царствование недоверия, шпионства, с тысячью мелочных и ужасных придирок.

Очень печально для великого князя Николая, что поведение его было столь неразумно; он вызвал ненависть и проклятия со стороны войск; его считают вспыльчивым, суровым, мстительным, скупым. Опасаются, как бы он, если будет царствовать, не оказался недостаточно опытным и не проявил слишком большой охоты воевать и создать себе этим имя, к чему он и в самом деле стремится. Он постоянно говорит, что стыдно командовать войском, которое покрыло себя славой, и в то же время самому даже не понюхать пороха. Но ведь ему всего двадцать девять лет; может быть, сделавшись государем, он отбросил бы пристрастие к военным мелочам, проявил бы себя хорошим администратором и прислушивался бы к советам опытных людей. Я утверждаю, что в его царствование дышалось бы легче, и каждый имел бы больше личной свободы, чем это было бы под властью того князя, восшествие которого на престол ожидается в ближайшие дни и которое можно было бы сравнить с деспотическим ураганом (un ouragan despote). Он не любит великого князя Николая, и я сомневаюсь, чтобы то обстоятельство, что он обязан ему престолом, восстановило между ними добрые отношения; он бы сумел дать дурное истолкование самоотвержению брата.

Акт, устраняющий Константина от престола, составлен Голицыным; с ним он тогда и беседовал по этому поводу; он говорил, что мысль эта не была ему никем внушена, что он возымел ее сам и сам приехал сообщить ее императору Александру, который согласился выполнить его желание, тогда же об этом и был составлен акт. Жаль только, что акт этот не предали гласности: этим было бы устранено столько столкновений, да и вообще все то, что происходит теперь. С этой мыслью свыклись бы; на это смотрели бы, как на нечто вполне естественное; тогда не пришлось бы, как теперь, с огорчением видеть, что как только император Александр закрыл глаза, первое, что сделали, — это нарушили его волю. На конверте, в котором находился акт, было написано, что содержание подлежало прочтению прежде всего прочего. Великий князь Николай, говоривший об отступлении Константина от закона об императорской фамилии, изданного его отцом, узнал также, что, поступая иначе, Константин прегрешил бы против его (Александра) памяти.

Только бы он царствовал! Все мои желания направлены к этому. Не то, чтобы я строила на этом личные свои расчеты, но я уверена,

что это царствование не было бы так произвольно, так мучительно, как царствование Константина. Все очарование службы утрачено ныне, особенно для тех, кто имел счастье быть приближенным к государю. Может быть царствование более удовлетворительное в отношении внутреннего управления, но никогда не будет столь отеческого, столь кроткого! Неслыханное множество лиц оплакивает в нем своего благодетеля. Теперь получено описание его болезни и лечения в начале ее. Все специалисты сходятся в том, что Виллие [1]) не распознал его болезни, которая была не что иное, как лихорадка,—болезнь, распространенная в Крыму, лечить которую надо хиной для предупреждения повторных приступов и слабости. Вместо этого, начали с того, что стали изнурять его слабительными, как ты можешь это видеть по выдержке из письма Волконского, которую я тебе послала. Что еще спасает этого человека, так это то, что в течение нескольких дней государь отказывался от лечения. Говорят, что лекарства были как раз противоположные тому, чего требовала болезнь.

Во многом из того, что говорил государь и что теперь становится известным, видно, что он как бы предчувствовал, что долго не проживет; он говорил Странгфорду [2]) в Вероне и Ла-Ферронэ [3]), когда видел его в последний раз, что надо как можно скорее притти к соглашению в восточных делах, что он простой смертный, дни которого сочтены, что если вопросы эти не будут разрешены при его жизни, то он отнюдь не может поручиться, что наследник его будет действовать с той же умеренностью, как действовал он, говорил, что затруднения могут еще усилиться. Он сказал Ла-Ферронэ:

— Я знаю, какое истолкование дают моей умеренности; это меня нисколько не затрагивает; я буду попрежнему придерживаться своих принципов.

Еще надо тебе вкратце сообщить недавнюю историю с Аракчеевым; ты увидишь, что́ это за человек. Знаешь ли ты, или нет, что десятого сентября люди Аракчеева расправились с его любовницей? Над его людьми производились всякого рода ужасы: их били по сто, по двести ударов кряду, подвергали истязаниям, от которых волосы встают дыбом; и душою всего этого была эта госпожа. Наконец, потеряв терпение, одна девушка лет пятнадцати подговорила своих товарищей, словом, всю челядь, и убедила своего брата принять на себя роль мстителя. Десятого, рано утром, этот молодой человек входит с кухонным ножом, опрокидывает эту даму, вонзает нож ей и скрывается, лишь удостоверившись в том, что она более не дышит. Письмо, подготовляющее графа к этому происшествию, было ему передано во время его остановки на пути в Грузино; по дороге ко дворцу ему несколько раз делалось дурно. Он выходит из экипажа, ему сообщают

---

[1]) Лейб-медик.
[2]) Английский посол.
[3]) Французский посол.

о событии; он, как сумасшедший, вбегает в комнату жертвы, бросается на ее тело, хватает ее окровавленный платок, надевает его на себя; он велит собрать всех своих людей, появляется перед ними с обнаженной грудью, приказывает им пронзить его. Нет вообще такого безумия, которого бы он не совершил, вплоть до того, что он пишет государю письмо, сообщая ему о своем несчастьи и заявляя, что он совершенно не в состоянии заниматься делами; он отстраняется от всех дел, включая и поселения. Монах Фотий [1]), который объединился с этим влиятельным человеком, чтобы низвергнуть Голицына, приехал из Новгорода, совершил обряд погребения и произнес надгробное слово, в котором восхвалял умершую, почти как святую! Нет такого проявления скорби, которому не предавался бы граф при погребении, вплоть до того, что он даже бросался в могилу, вырытую для покойной. Он похоронил ее у подножья памятника Павлу первому, на том месте, которое он приготовил для себя. Смерть этой любовницы показала, что она была для него всем; именно она посредством своей жестокости поддерживала весь этот порядок, эту исключительную чистоту в доме; она имела надо всем строгое наблюдение, успокаивавшее недоверчивость графа; она пробовала каждое кушанье прежде, нежели оно бывало ему подано; он, в конце концов, не делал ни одного шага, не посоветовавшись с нею. Она была уже пожилой женщиной.

Следствие над его людьми производилось в Новгороде. Оказалось, что весь дом был в заговоре,— никого не оставалось для услужения. Очутившись в столь бедственном положении, он возымел странную мысль выписать слуг из Риги. Он обратился к Паулуччи [2]), который, как говорят, прислал ему людей. С этого времени он совсем отстранился от дел, проводил все свое время то в Новгородском монастыре у Фотия, то в самом городе. Государь написал ему, высказал сочувствие его горю, убеждал вновь приняться за дела и прибыть к нему, но он остался при своем решении. Говорят, что, узнав о болезни государя, он намеревался отправиться в дорогу, но тут до него дошла фатальная весть. Посуди, как все мы были удивлены: вместо того, чтобы теперь продолжать упорствовать в своем решении отстраниться от дел, он издает приказ, в котором объявляет о своем полном выздоровлении и о том, что с этого дня он возобновляет все свои занятия! С этой ночи он находится здесь, но он положительно забаррикадировался и, говорят, ни с кем не видится. При жизни государя он причинил ему огорчение тем, что бросил дела, наиболее его интересовавшие, как, например, дела поселений; он упорствовал вопреки всем его письмам, в которых тот убеждал его вновь приняться за них; известие же о его кончине, которым *все мы были морально убиты*, *вернуло его к жизни*! Все убеждены, что вся эта история

---

[1]) Известный архимандрит Новгородского Юрьевского монастыря.

[2]) Маркиз Фил. Осип. Паулуччи, лифляндский и курляндский генерал-губернатор.

причинила бы большое горе государю, так как она показала эту личность в таком отвратительном свете! В то время рассказывали столько анекдотов, один ужаснее другого.

7 [19] декабря. Мой муж был у великого князя; он его, однако, не застал. Он говорил с его матерью; когда он выходил от нее, одно из доверенных ему лиц сообщило ему, что курьер от императора Константина прибыл; известно, что он был послан в ответ на отправленное военным министром с курьером же сообщение о принесенной войсками присяге. Очень интересно узнать, что-то он привез; у меня сердце замирает от страха. Боюсь, как бы уговоры Опочинина и великого князя Михаила не испортили всего дела. Еще никогда Россия так не нуждалась в помощи провидения...

Еще никогда ни одна нация не ожидала решения своей судьбы столь спокойно, с такой покорностью. История не знает другого такого примера,— двух братьев, столь великодушно перебрасывающихся короной, словно мячом. Александр Бенкендорф пользуется полным доверием у великого князя Николая, и бедная голова его не в состоянии выдержать всей значительности момента: он почти совершенно открыто несет сплошной вздор. Жаль, что монархи большей частью заблуждаются в избираемых ими лицах; позднее же, когда они замечают это, они в оправдание ссылаются на отсутствие достойных людей, тогда как если бы они только захотели иметь лучших советников, таковые нашлись бы!

8 [20] декабря. Прибыл курьер из Варшавы, но ничто не выяснилось; он, должно быть, прислан в ответ на бумаги, отправленные с курьером же к Константину. По некоторым фразам Милорадовича можно предполагать, что Константин придерживается своего первоначального образа мыслей, однако, когда к стопам его будут повергнуты просьбы его семьи, а также желание народа, он может переменить решение; я этого очень боюсь. Впрочем, все эти соображения бесполезны, так как ко времени отправки этого письма этот важный вопрос будет уже разрешен.

10 [22] декабря. Ничего интересного; впрочем, шансы попрежнему на стороне того, кого желает мое сердце. Говорят даже, будто бы великий князь Константин присягнул своему брату. Пора бы уже кончить эти церемонии. Командующему отдан приказ приготовить войска к принесению новой присяги; посмотрим,— если за это дело возьмутся умело, все сойдет хорошо; больше всего опасаются за пехоту и особенно за дивизию, которой командовал его высочество. Вопреки всему, что ставится ему в упрек, он все же имеет все данные, чтобы выдвинуться,— только бы он не проявил слишком большой поспешности. На-днях он высказал одну мысль, которая меня тронула; говоря о возможности своего воцарения, о трудности найти подходящих людей, он горячо пожалел о нашем отце. Когда же ему указали на то, что он последнее время был очень слаб, он ответил: «Я прекрасно понимаю, что он бы не мог более быть администратором, но он был бы хорошим советником,— он был другом нашей семьи».

Аракчеев имел дерзость просить у императрицы аудиенцию; она имела слабость разрешить ему ее в тот же день. Это достойная государыня, но у нее нет такта, она доказала это неоднократно, также и в данном случае! Ее роль могла бы быть превосходной, но она не сумела использовать положения. Говорят, будто она заставила прождать эту важную персону минут двадцать, и что он пробыл в ее кабинете лишь несколько минут; о чем они говорили,— я не знаю.

Никаких новостей; за это время я несколько успокоилась, теперь же я боюсь, как бы Опочинин не увлек провозглашенного государя, расписывая ему любовь его подданных относительно последних я думаю, что им достаточно будет нескольких месяцев, чтобы жестоко разочароваться. Запечатываю письмо, так как больше мне нечего тебе сказать; курьер сообщит тебе, что́ ниспошлет нам господь по милосердию своему или во гневе своем.

Впрочем, если бы Константин отказался от престола, он выявил бы этим прекрасные черты своей личности; он невольно вызвал бы этим к себе интерес; ведь, действительно, он мог бы заявить, что он провозглашен народом и гвардией. Здесь озабочены вопросом, каким образом удастся убедить войско, когда дело дойдет до принесения присяги великому князю Николаю. Все будет закончено через неделю. Впоследствии мы узнаем многое о том, как происходили все эти переговоры между обоими братьями. Говорят, будто Константин написал своей матери, что он остается при своем решении ни в коем случае не царствовать, и что как только его брата признают императором, он приедет к ней оплакивать понесенную ими только что утрату. Говорят, он неистовствовал по поводу того, что воля его брата не была соблюдена; он сказал, что отрекся по собственному желанию и что не изменил своего решения. Есть основания полагать, что он и не догадывается, какую прекрасную роль дают ему сыграть. Манифесты готовы, ждут лишь подписанного Константином; ему, как говорят, будет присвоен прежний его титул; каково вообще будет его положение,— я не знаю. Иностранцы воздают должное поведению обоих братьев, поведению народа.

Великий князь Николай легко может завоевать симпатии, упразднив некоторые стеснительные мероприятия, восстановив порядок; его роль может быть превосходной. Великий князь Николай сказал: «Я знаю, что я был неприятным командиром бригады, невозможным командиром дивизии,— тогда я должен был быть таким; но теперь, с изменением моего положения, я изменюсь». Тут есть преувеличение; никто не предписывал ему быть вспыльчивым, мелочным; но от него, действительно, требовали поддержания очень суровой дисциплины в войске, ему доставалось за малейшее упущение, и ему публично делались выговоры. Но, когда он станет императором, характер его может значительно измениться...

Нельзя скрыть того, что внутренние дела в печальном состоянии. Дорожная повинность, история с этими гильдиями, лишающими кре-

стьянина возможности заниматься мелкой торговлей, существовавшей с тех пор, как существует Россия; к тому же падение цен на предметы продовольствия—все это приводит к тому, что дворянство находится в трудном положении и что его доходы в общем сократились более чем на половину. Прибавь к этому, что зажиточные крестьяне, находясь в соседстве с крестьянами, которые не платят, следуют их примеру. Власти слабы и не имеют мужества предавать суду тех, кто злоупотребляет общей неурядицей. В связи с этими серьезными недочетами очень часто происходят в разных местах бунты против помещиков. Один такой был и у вас; к счастью, за ним не последовало других. Конечно, твои крестьяне отнюдь не угнетены, но, зная, что многие не платят, они хотят поступать таким же образом; это-то и является в большинстве случаев истинною причиной их бунтов. Дорожная повинность разоряет крестьянина, не улучшая дорог; еще никогда они не были в столь невозможном состоянии, в каком находятся с тех пор, как начали их приводить в порядок, — работа, возобновляющаяся каждую осень. Сколько несчастных, которые не возвращаются оттуда, сколько таких, которые теряют своих лошадей, свое имущество. Воровство стало обычным явлением.

Предстоит произвести множество изменений, но отнюдь не следует торопиться с ними, — они должны вызреть, прежде нежели приступят к их осуществлению. Мне известно, что великий князь Николай сознает необходимость заняться внутренними делами; он об этом говорил, и понимает всю трудность этого. Что касается политики, то он сказал моему мужу, что его линия намечена, что он совершенно не будет вмешиваться во внутренние дела соседних стран, постарается давать меньше советов и, насколько возможно, будет стремиться к сохранению мира.

13 [25] декабря. Мой муж вернулся от великого князя, к которому он был вызван в девять часов утра. Он сообщил мне, что завтра Николай будет провозглашен императором, что все нужное прибыло из Варшавы. Несмотря на то, что это провозглашение того, кого я хотела, я сильно плакала, вспоминая императора Александра. Константин вел себя восхитительно; он был огорчен, что воля его брата не была тотчас же выполнена; теперь же он написал брату письмо, которое муж мой находит прекрасным по тем советам, которые в нем даются. Он советует серьезно подумать, прежде чем предпринимать какие-либо изменения, советует отнестись с доверием к тем, кто пользовался доверием его августейшего брата; он просит Николая итти по его стопам в деле сохранения мира, что является единственной гарантией для Европы, — говорит, что в этом вопросе никто не может его наставить лучше, чем граф Нессельроде, который пользовался доверием его величества; заканчивает письмо уверением в том, что в нем он всегда найдет нежного брата, друга и верного подданного.

Государственный Совет собрался в три часа дня; сейчас уже за полночь; заседание еще продолжается, обсуждают манифест. Завтра

в семь часов генералы соберутся у великого князя Николая, провозгласят его императором и отправятся приводить к присяге полки. Если все это пройдет в порядке, это будет единственным в истории примером. Великодушное поведение этих двух великих князей, спокойствие всей нации — прекрасное зрелище для Европы, которая сумеет его оценить. Только бы удалось хорошо привести войска к присяге! Да поможет господь завершить это дело!

Манифест будет тебе послан. Я думаю, что Константин снова примет свой прежний титул и останется в Польше; в настоящее время — это хорошо; неизвестно, как он поведет себя в дальнейшем, — будет ли достигнуто согласие в вопросах управления. Но не будем предугадывать, — преклонимся перед его поведением в эти дни. Ларивон Васильчиков [1]) везет указ императора в Москву; он уезжает завтра.

Среди всех этих волнений я не могу не думать об императрице Елизавете, которой, вследствие этого междуцарствия, пришлось так долго находиться при смертных останках покойного государя; ей пришлось видеть начавшееся разложение: 3-го в последний раз она поцеловала ему руку; затем пришлось накрыть ему лицо, а теперь уже закрыли крышку; более не представляется возможным его показывать. По прибытии тело останется еще три дня в Царском Селе и пробудет десять дней в крепости; во дворец же его не перенесут. Может быть, теперь оно уже отбыло. Императрица очень слаба; опасаются той минуты, когда ей придется расстаться с телом, а также боятся, как бы она не пожелала сопровождать его. Каждый лишний день жизни — для нее лишний день горя.

15 [27]. Увы, дорогой друг, вчера в 12 часов дня, когда я была совершенно спокойна, мой муж пришел мне сообщить, что в городе произошли беспорядки. Московский полк не стал присягать; два батальона отправились на Сенатскую площадь; они останавливали всех проходящих, заставляя их кричать: «Да здравствует Константин». Правительственное сообщение, в котором с величайшей точностью излагается это событие, будет тебе послано из канцелярии; я же ограничусь лишь сообщением тебе того, что в него не могло быть включено. Несомненно, что здесь должен был быть заговор, руководимый офицерами разных полков; к счастью, он не принял тех размеров, какие предполагались; кроме того, твердое и мужественное поведение императора произвело должное воздействие.

В тот самый момент, когда Фредерикс [2]) выстроил полк и собирался приводить его к присяге, некто по фамилии Бестужев бросается на него с занесенной саблей и говорит солдатам: «Вас обманывают! Следуйте за мной! Кричите: «Да здравствует император Константин!» Ему удалось возмутить только два батальона; они последовали за ним, выстроились в карре вокруг памятника Петра I, спиной

[1]) Иллар. Васильевич Васильчиков, генерал-адъютант.

[2]) Командир Московского полка.

к Сенату. Император, выйдя из своего дворца, отдавал распоряжения с невозмутимым хладнокровием. По мере приближения полков он спокойно приветствовал их, разъясняя им, по какому праву он взошел на престол, говоря, что их товарищей ввели в заблуждение.

Все полки проявили большую твердость; они встретили монарха продолжительным ура, и по мере того, как он выявлял перед ними свой прекрасный характер, все больше им восхищались. Сначала он пообещал амнистию, но не главарям. Все, что он говорил, было продумано, полно энергии. Бедного Милорадовича ранили в печень, он не выживет. В лейб-гренадерском князь Оболенский поднял на восстание батальон, но не весь; прочие остались непоколебимы. По эскадрону конной гвардии, намеревшемуся окружить их, был дан залп; были ранены один офицер и шестеро солдат.

Прибыла артиллерия. Государю, однако, крайне не хотелось разрешить ей стрелять; только с наступлением сумерок, в виду того, что темнота ночи могла скрыть виновных, пушки были пущены в ход, но все же с большой осторожностью: было убито всего лишь двадцать пять человек. Мятежники побросали оружие, принялись прыгать через парапет; многие разбежались в стороны и по льду Невы, но многие были задержаны, так что вчера к вечеру насчитывали до пятисот человек, заключенных в крепость. Стюрлер, полковник лейб-гренадерского полка, был убит. Шеншин, бригадный командир Московского полка, при своем приближении к мятежникам был сбит с ног и один штабс-капитан нанес ему два сабельных удара в голову.

Бестужев и князь Оболенский еще не арестованы; остальных по очереди приводили во дворец; их опрашивала следственная комиссия, составленная из нескольких генерал-адъютантов, в числе которых и Левашов. В результате этого расследования подозрение пало на зятя Лаваля, князя Трубецкого, который служит при главном штабе армии, расквартированной в Киеве; он находился здесь в отпуску и ночевал у Лебцельтерна [1]), может быть, потому, что, квартируя на Английской набережной, он не мог вернуться к себе. В пять часов утра государь прислал к моему мужу адъютанта с тем, чтобы он отправился его арестовать, что́ он и исполнил. Трубецкого разбудили; он поехал с Голицыным. Я, однако, сомневаюсь, чтобы этот человек был виновен.

Александр, находившийся при государе, был восхищен им; он передавал много его удачных фраз; он находит, что государь умеет разговаривать с солдатами и достаточно краток. Михаил отличился: едва только он прибыл из своего путешествия, как узнал, что полк, которым он командовал, намерен примкнуть к мятежу; он отправляется туда один, входит в казарму, разъясняет им, что их обманули, убеждает их в том, что его брат Константин отрекся по своей воле, призывает их выступить против их восставших товарищей и говорит им, что так как он сам еще не присягал своему брату, то он предлагает им сделать

---

[1]) Австрийский посол, женатый на другой дочери И. С. Лаваля.

это заодно с ним, что они и выполнили. Таким образом он имел счастье стать во главе шести остававшихся батальонов и готовыми к повиновению привел их к брату, который его обнял.

Я уверена, что впоследствии откроется, что этот отвратительный заговор имеет много разветвлений; в него были вовлечены несколько офицеров различных полков, покинувших своих товарищей, чтобы присоединиться к мятежникам. Я также убеждена, что при этом не рассчитывали на мужество наших князей, — еще не была забыта история Семеновского полка, когда они по молодости и в отсутствие государя не слишком-то отличились. Теперь, напротив, они держали себя восхитительно, и, может быть, это поднимет их в глазах войска.

Князь Евгений Вюртембергский назначен комендантом дворца, Воинов — Дворцовой площади, Ларивон Васильчиков — места расположения войск, где произошел мятеж. Приводимые солдаты плачут, говоря, что их обманули. Тем, что государь держал себя столь мужественно, всюду показываясь войскам и находясь вблизи них, он многих удержал от выступления. Если бы Людовик XVI также сел на коня, французская революция была бы приостановлена.

Государь озабочен, как и все мы, военными поселениями, которые еще не приносили присяги; по крайней мере, об этом нет еще сведений. Мой муж отправился к нему; государь, кажется, намерен поручить ему объявить в поселениях, что Аракчеев отстранен от своего поста и что он назначает Кутузова, генерал-адъютанта. Это могло бы приостановить возмущение, если бы таковое началось; здесь необходимы уступки, и лучше сделать их заблаговременно. Говорят, что Милорадович скончался от раны.

Дай бог, чтобы в следующий раз мне не пришлось браться за перо лишь для того, чтобы описывать тебе несчастье за несчастьем.

3.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 18 (30) декабря 1825 года.

Запечатывая свое письмо к тебе, мой дорогой друг, я думала, что бурный день 14-го был вызван вопросом о Константине; только ночью я узнала, что это послужило лишь предлогом, что восстание было произведено просто-напросто из любви к беспорядкам и что в основе его лежали демагогические идеи. Дело это подготовлялось уже в течение нескольких лет, и о нем все более или менее догадывались; оно — результат многих обстоятельств, и нужно было бы много времени, чтобы подробно рассказать о них; одним словом, когда мне сообщили цель мятежа, она меня не слишком удивила. Я припомнила тысячу всевозможных слухов и толков относительно некоторых сумасбродных голов, которые, чтобы осуществить свои либеральные принципы, искали случая вызвать потрясение, как то было и в остальной Европе.

Пример их собратьев в Неаполе и Пьемонте отнюдь не послужил им уроком; они так же потерпели неудачу, несмотря на размеры своего заговора.

От всего того, что раскрывается в связи с мрачной славой этого 14-го, волосы встают дыбом; мы все были на краю огромного бедствия. План их был таков: два батальона выстроились в карре около памятника Петра I, против Сената, предполагая, что именно в это время там должны были собраться представители власти и сенаторы для принесения присяги; затем они надеялись увлечь конногвардейцев, казармы которых находились тут же поблизости; лейб-гренадеры должны были взять крепость и захватить дворец. Если бы это им удалось, они бы представили властям конституцию, столь же бессмысленную, как и все подобные конституции, предлагаемые этими сумасшедшими.

Но надо тебе сказать, что собравшийся накануне Совет разошелся только к часу; при этом, к счастью, государь настоял на том, чтобы для принесения присяги сенаторы явились в Сенат к семи часам утра; тогда же вечером ему указывали на то, что это слишком рано, но он сказал, что это время удобно по другим соображениям. Итак, благодаря этому-то решению план их провалился, и им не удалось захватить всех этих сановников. Узнав о начавшихся беспорядках и о приближении мятежников к Сенату, государь спустился во дворцовый двор, где находился саперный батальон. Он велел им зарядить ружья и поставил их у ворот, — второе обстоятельство, расстроившее планы батальона лейб-гренадер: прибыв ко дворцу, мятежники были поражены поведением войск. Любопытно, что войска думали, будто эти молодцы шли к ним на помощь; командир предложил им войти, чтобы выстроиться; они взошли, но как только увидели, что приняты меры для охраны дворца, тотчас же покинули дворец, двинулись по направлении к Сенатской площади, оттеснили окружавших государя преображенцев, прошли сквозь их ряды и на Сенатской площади присоединились к восставшим. Этим отрядом руководил офицер по фамилии Панов; ему лет восемнадцать. Ты можешь сам судить, насколько все это было рисковано; все это могло бы закончиться резней! Один отряд этих самых гренадер прибыл к крепости; оказывается, их же товарищи несли охрану ее; они, однако, предвидели это обстоятельство и закрыли вход в крепость; таким образом, господь сделал так, что они нигде не поспели во-время.

Многие из этих господ в каре восставших были во фраках; они подбодряли остальных, стреляли, когда замечали, что те слабеют. Князь Оболенский, адъютант Бистрома [1]), проявил себя одним из наиболее решительных: это он убил Милорадовича; не ограничившись ружейным выстрелом, он, кроме того, нанес удар штыком. Он—в крепости, так же, как и Бестужевы, и Рылеев; их там человек пятьдесят и даже больше. Трубецкой вел себя малодушно; это отвратительно. Ему надлежало бы

[1]) К. И. Бистром, начальник гвардейской пехоты.

желать для себя самого полного осуждения; вместо того, он просил даровать ему жизнь; противно даже вспомнить!

Общество имеет много разветвлений, но так как и бумаги их и сами они себя выдают, есть надежда, что удастся дойти до корня зла. Узнав о причинах этого восстания, я ни мало не удивилась; мне вспомнилось, что в течение нескольких лет уже делались мрачные предостережния по поводу того, что что-то замышляется; это меня заставило также вспомнить всевозможные толки и замечания по поводу молодежи, по поводу настроения офицеров второй армии в пору, когда Раевский командовал одним из ее корпусов. Армия эта сильно скомпрометирована. Дибич, в виду полученных им сообщений, направил по смерти государя Чернышева для производства арестов во второй армии, но пока еще у нас нет оттуда никаких сведений. Послано предупреждение в Москву; арестован некий Пущин из канцелярии военного губернатора. В ближайшее время нам, может быть, представится оказия; тогда ты получишь все возможные подробности.

Кончая письмо еще раз хочу сказать тебе, что государь попрежнему продолжает всех поражать своим неизменным присутствием духа, гуманностью, твердостью, активностью. Завтра он будет принимать дипломатический корпус. В войсках о нем говорят с уважением. Посылаю тебе план сражения. Когда я думаю о том, что все это произошло в нашей стране, на моих глазах, мне кажется, что все это — сон.

Забыла тебе сказать, что эта следственная комиссия состоит из нашего Голицына, Левашова, военного министра, который председательствует, и великого князя Михаила. Императрице Елизавете лучше; тело его величества должно отбыть на-днях. Говорят, следование его будет медленным. Во всех губерниях идут приготовления к воздванию почестей в дни прибытия кортежа. Дибич должен приехать...

Забыла еще сказать, что четырнадцатого император был окружен изменниками всех родов оружия; некоторые были вооружены пистолетами, иные саблями, кинжалами. Часть их арестована. Говорят, что они находились в нескольких шагах от монарха. Во всем виден перст божий!

4.

М. Д. Нессельроде П. Н. Гурьевой [2]) 19 (31) декабря 1825 г.

Слава богу, все спокойно. В день своего восшествия на престол император Николай спас Россию. Эти слова включают в себе также ту любовь и преклонение перед ним, которые испытывают к нему его подданные. Он был восхитителен. Из всего, что ныне открывается,

[2]) Вдова покойного министра финансов Д. А. Гурьева, жившая в Москве.

видно, что, если бы он не проявил такого присутствия духа и не стал во главе войск, камня на камне не осталось бы. Мятежники намеревались арестовать в Сенате сенаторов, так как они рассчитывали прибыть как раз к моменту принесения присяги. Они хотели захватить дворец, крепость. С божьей помощью все их планы рухнули, и мы обязаны этим нашему юному государю, провозглашенному всего лишь за несколько часов до того.

К концу вторых суток все мятежники были арестованы; их больше пятидесяти, не считая того, что сам государь милостиво отпустил тех, которых он счел просто введенными в заблуждение,—совсем еще молодых людей, как, например, младший Коновницын; старший, однако, в тюрьме. Княгиня Туркестанова будет поражена, как и все мы, тем, что князь Трубецкой, зять Лаваля, замешан не только в качестве вожака, но и был главным их руководителем. Против него имеются самые неопровержимые доказательства; кроме того, он проявил малодушие в том, что в самый день выступления он не был с мятежниками, которые его ожидали; он, кажется, укрылся у своей сестры Потемкиной,—у m-me Потемкиной; ему несколько раз делалось дурно. Когда он предстал перед государем, он сначала хотел отрицать свое участие, но когда ему предъявили доказательства, он бросился перед ним на колени и трусливо молил о даровании ему жизни. Он — в крепости. Его жена, его семья достойны сожаления; государь простер свою доброту до того, что утешал их и разрешил им переписываться, но, конечно, посредством открытых писем. Со следующей почтой вы получите, дорогая мама, имена всех виновных, они будут напечатаны.

Говорят, что содержащиеся в тюрьмах старые солдаты плачут, они в отчаянии. Они были введены в заблуждение офицерами, которые уверили их в том, будто бы великий князь Константин содержится под арестом в Царском Селе, а великий князь Михаил — в 24 верстах от Петербурга, что государь силой завладел престолом. Утешением для княгини Туркестановой может служить то обстоятельство, что князь Мещерский [1]) удержал свою роту, между тем как весь полк взбунтовался. Он произведен в адъютанты, и о нем говорят с энтузиазмом.

Нити заговора — в руках, они простираются очень далеко и, может быть, даже очень высоко. Со временем многое раскроется. Вы припомните теперь массу обстоятельств, стоящих в связи с этим событием и доказывающих, что оно подготовлялось годами. Следственная комиссия состоит из нашего Голицына, Левашова, военного губернатора Кутузова, генерал-адъютанта, военного министра, — он председатель,—и великого князя Михаила. Мне все еще кажется, что, сообщая вам обо всех этих удивительных вещах, я просто грежу; каким образом у нас может повторяться нечто подобное тому, что происходило в Турине и пр.?

---

[1]) Капитан лейб-гвардии Гренадерского полка.

Сухозанет [1]) вел себя восхитительно, также Орлов [2]) и многие другие. Не верьте всему тому, что вам будут говорить об этом дерзком выступлении; скажите, что еще очень хорошо, что оно произошло: благодаря ему удастся избежать огромных бедствий, угрожавших России, — надо надеяться, что теперь все раскроется. Конечно, сердце разрывается на части, когда думаешь об отчаянии матерей и жен, мужья и дети которых были причастны к этому гнусному заговору, который рано или поздно все равно разразился бы с еще большей силой. Но, в конце концов, благодарение богу и нашему государю, нам удалось избегнуть самого ужасного. Да простит милосердный господь Милорадовича, но из всего этого видно, какова была его полиция. Он будет погребен с большой торжественностью...

...Об императрице получены более утешительные сведения. Я думаю, что она останется в Таганроге; тело его величества, вероятно, уже отбыло на-днях. Мы все еще не можем притти в себя.

5.

М. Д. Нессельроде П. Н. Гурьевой 26 декабря 1825 г. (7 января 1826 г.).

... Аресты виновных все еще продолжаются; почти все они военные. Здесь с нетерпением ожидают новостей от Чернышева, который был отправлен во вторую армию также для производства арестов. Понадобится много времени на очные ставки, чтобы открыть руководителей этого общества. Трудно поверить, чтобы в это дело не было замешано более видных лиц, нежели те, которые уже арестованы.

Вчера, в первый день рождества, московскому губернатору князю Голицыну и графу Петру Толстому [3]) посланы ордена св. Андрея Первозванного, Бенкендорфу и Комаровскому, отправленному в Москву с сообщением о восшествии на престол, — ордена св. Александра, Алексею Орлову пожаловано графское достоинство, что меня очень радует. Все очарованы государем; он продолжает восхитительно держать себя; роль же его, конечно, очень трудна... Сожаление, высказываемое Европой по случаю кончины покойного государя, является некоторым утешением для нашего народа. Смертные останки государя должны отбыть сегодня; решено, что тело пробудет в Москве в течение трех дней и будет выставлено в соборе; затем оно будет находиться в Царском Селе, сюда же прибудет к концу февраля. Ларивон Васильчиков уехал сегодня ночью, чтобы руководить кортежем и командовать войском. Императрице Елизавете лучше; где она поселится,

---

[1]) И. О. Сухозанет командовал гвардейской артиллерией.

[2]) А. Ф. Орлов командовал конной гвардией.

[3]) Командир пятого корпуса, стоявшего в Москве.

еще неизвестно. Она пишет, что не в состоянии еще собраться с мыслями и что-либо решить...

... По утрам я посещаю некоторых удрученных горем дам, имеющих несчастье видеть своих братьев и родственников участниками заговора. Я до такой степени возмущена этими преступниками, что мне часто хочется высказать все прямо этим дамам. Передайте, пожалуйста, княгине Туркестановой, что m-me Потемкина горько раскаивается в том, что устроила брак Катоши с Трубецким; по-моему, утешением для нее может служить то, что ведь все общество заблуждалось на его счет...

6.

М. Д. Нессельроде М. Д. Гурьевой [1]) 30 декабря 1825 г. (11 января 1826 г.).

Я слишком нежно привязана к вам, дорогой мой друг, чтобы не упрекать себя за то, что я так долго не писала вам в дни, когда наше отечество было охвачено скорбью и когда оно сделалось жертвой самых демагогических принципов. Я представляю себе, как сильно вы были поражены, узнав о событиях 14-го числа, за которым тянется еще хвост, длинный, как хвост кометы. Я часто спрашиваю себя, не сплю ли я и неужели же у нас, в России, могли быть задуманы все эти ужасы, которые с минуты на минуту могли произойти! Перо мое не в состоянии описать вам все то, что эти чудовища замышляли в адских своих планах. Они настолько ожесточены, что многие из них совсем не испытывают раскаяния; возбуждение же против них так велико, что никто не пожалел бы их, если бы они были приговорены к смерти. К несчастью, много молодых людей из лучших семейств было замешано в эту организацию, разделявшуюся на отдельные общества. Говорят, что все будет опубликовано: и их планы государственного правления, и самый их заговор. Это необходимо сделать, чтобы показать обществу, до чего доходила их чудовищность и глупость. Вам уже известно, что император Николай, провозглашенный монархом всего лишь за несколько часов до того, доказал того же четырнадцатого числа, что он способен к управлению пятнадцатью миллионами вверенных ему судьбою душ. Утром того дня в нем еще не подозревали тех великих качеств, которые внезапно были им обнаружены перед лицом этих печальных событий. В течение нескольких часов своим мужеством, присутствием духа, твердостью и гуманностью он сумел завоевать все сердца и доверие как войска, так и всех жителей столицы; они с восторгом уверовали в ту добрую славу, которая укрепилась за ним в этот день и сохраняется поныне...

... Вы можете себе представить, какая скорбь, какой траур царит повсюду; только и разговору, что об арестах. Несмотря на мое негодо-

[1]) Жена Н. Д. Гурьева, Марина Дмитриевна Гурьева.

вание против виновников, дни мои проходят сейчас в утешении их жен, матерей и сестер. Какое это должно быть ужасное чувство — иметь в своей семье преступника! По сравнению с этими извергами приходится и смерть находить чем-то очень мягким.

Царствующая императрица очень интересна. День восшествия на престол наложил на нее печать какой-то скорби; она худа, бледна и полна доброты по отношению к родственникам виновных. Одним из них она написала, другим послала денег. Да, скверное время, мой дорогой друг; не представляю себе, когда, наконец, прояснится горизонт. Общество это имеет слишком много разветвлений, чтобы можно было надеяться разрушить все их махинации через посредство захваченных уже преступников. Еще более сложная работа — направить в иную сторону стремления этих молодых, до крайности развращенных умов. Сколь счастлив тот, кто имеет сейчас лишь малолетних детей! В движение вовлечено столько молодежи, что, право, ни за кого нельзя поручиться. Прошедший год казался нам трудным; что́ он по сравнению с этим! и каким-то будет следующий? что то нас ожидает? Лично для меня этот минувший год был ужасен. К тягостной утрате отца и моего благодетеля-государя присоединилось еще недоброжелательное отношение ко мне семьи...

7.

М. Д. Нессельроде Н. Д. Гурьеву 30 декабря 1825 г. (11 января 1826 г.).

Хотя и не имею сообщить тебе ничего особенно интересного, я все же хочу написать тебе несколько строк. Не приходится скрывать того, что в эти тягостные дни более, чем когда-либо, хочется иметь известия о своих близких и о своем отечестве, только что подвергшемся такой большой опасности.

Каждый день открываются ужасные вещи и все новые и новые р а з в е т в л е н и я. Между тем эти негодяи, при составлении заговора считавшие себя римлянами, оказались ничтожествами: будучи схвачены, они без конца говорят и пишут; есть надежды, что все удастся раскрыть. Арестован и брат г-жи Жеребцовой [1]), которого привезли третьего дня; полагают, однако, что его вина не столь значительна и что он вышел из этого общества два-три года тому назад. Привезли также брата Алексея Орлова — Михаила; он не сумел воспользоваться милостью, которую хотели проявить по отношению его; на допросе, учиненном ему с а м и м г о с у д а р е м, он заартачился, так как увидел третье лицо, пришедшее записать его показания. Это заставило его переменить свое намерение,—он отказался отвечать. Его поместили

[1]) Лопухин, кн. Павел Петрович; сестра его, Александра Петровна, была замужем за камергером А. А. Жеребцовым.

в крепость, в секретное отделение [1]). Теперь он пишет, но он упустил благоприятную для его будущего минуту, тем более, что хотя уже три года как он вышел из общества, но вина его в том, что он был одним из первых распространителей его идей и что еще недавно ему были сделаны конфиденциальные сообщения, о которых он не донес. Вчера мне передали, что доставлен также младший брат Сони, матери Алины [2]). Ну, этот-то относится к огромному числу лиц, не заслуживающих никакого интереса. Ты ведь помнишь все, что бродило в его безмозглой голове? Доставлен также один из твоих старых товарищей, Пестель; это — один из главных организаторов; думаю, что он доставит не мало хлопот членам следственной комиссии, — ты ведь знаешь его характер! В их обществе, однако, его не любили: находили, что он слишком стремится быть Наполеоном и недостаточно Вашингтоном. Вообще в их головах немало всяческого бреда, но многие из них просто изверги. Положительно противно подробно описывать их планы!

Мой муж получил твои телеграммы и письма; я заранее знала, какое впечатление произведет на тебя кончина нашего государя, нашего благодетеля. Да, не скоро изживется эта скорбь. Она с каждым днем все сильнее. В Таганроге стоят такие морозы, что предполагают, что кортеж не мог еще двинуться. Сообщения об императрице более или менее удовлетворительны; она избавилась от бессонницы и ночью отдыхает в течение некоторого времени. Твоя жена прислала мне несколько очень грустных строк; я упрекаю себя за то, что не подала ей и признака жизни со времени этих тягостных событий; но я так много писала тебе, прибавь к этому еще остальную мою корреспонденцию,— в общем у меня не оставалось ни минуты. Я нахожу, что скорбь, которую испытывает вся Европа по поводу кончины нашего дорогого покойного государя, может служить для нас большим утешением; она нашла горячий отклик везде, во всех классах...

8.

Из письма к Н. Д. Гурьеву от 27 февраля (11 марта) 1826 г.

... Следственная комиссия занята теперь лишь составлением протоколов. Суд начнется после погребения. Он будет закончен до отъезда в Москву, назначенного приблизительно на половину мая. Как хорошо будет, когда все это уже останется позади. Сколько слез, сколько отчаяния! Какой год! Он подрывает последние силы, — положительно никто не блещет сейчас здоровьем.

---

[1]) См. рассказ о допросе М. Орлова в записках Николая I. «Красн. Архив», № 6, стр. 231.

[2]) С. Г. Волконский, брат Софьи Григорьевны Волконской, супруги П. М. Волконского.

9.

Из письма к Н. Д. Гурьеву от 19 (31) марта 1826 г.

... Чтобы доставить тебе удовольствие, поддаюсь искушению сообщить тебе о бесчисленных предположениях, касающихся нашей обширной империи. Твое внимание занято новым царствованием; ты, как, впрочем, и все мы, хотел бы видеть многие изменения в различных отраслях административной деятельности, — видеть, что к этим столь нужным изменениям уже приступлено. На этот счет ничем не могу тебя порадовать, так как все обстоит приблизительно так же, как обстояло шесть месяцев тому назад. Мы в своем нетерпении опережаем правительство, правительство же как будто не склонно слишком торопиться; оно хочет все продумать прежде, нежели что-либо предпринять; вопрос в том, сумеют ли все хорошо выполнить, когда приступят к действиям. В средствах, в добрых намерениях недостатка нет, но нужно еще содействие со стороны многих лиц, нужно также прислушиваться к советам и не принимать слишком быстрых решений, этому недостатку у нас подвержены.

Полагают, что к пасхе или ко времени коронации произойдут различные перемещения в министерстве; это более чем необходимо. Думают произвести значительное сокращение расходов по армии, что тоже было бы хорошо. О чем я не могу ничего определенного тебе сообщить и что я не одобряю, так это то, будто предполагают аннулировать некоторые пенсии; это досадная экономия, недостойная нашей монархии, но о ней все говорят. Сенат получил несколько головомоек; одни их одобряют, другие относятся к ним отрицательно. Так как я не знаю точно, чем они были вызваны, и, кроме того, писать, об этом было бы очень долго, я умолчу о мотивах, но ты ведь получаешь «Сенатские Ведомости»?

Государь до сих пор еще вершит государственные дела с помощью лиц, одаренных лишь второстепенными качествами и свойствами; начальник же его личной канцелярии Муравьев [1]) отнюдь не представляет собой хорошей гарантии для блага государства. Это бывший фаворит Аракчеева; решения же комитета и Совета ему докладывает некий Гежелинский [2]); не знаю, каким образом этот писаришка удостоился такой милости. Конечно, он смотрит на государя, как на какого-то полубога. Во многих распоряжениях его величества сказывается его желание поступать справедливо, его добрые намерения, но все это еще не то, что хотелось бы видеть; в каждой строчке проглядывает отсутствие опыта, которое этот господин не умеет сгла-

---

[1]) Муравьев, Николай Назарович (1775—1845), тайный советник, статс-секретарь; управлял I отделением собственной е. в. канцелярии.

[2]) Гежелинский, Федор Федорович, действ. ст. сов., управляющий делами комитета министров.

дить. Таково наше внутреннее положение в данный момент. Он регулярно работает с Канкриным; что из этого выйдет, еще не знаю; этот человек совершенно не годится для такого поста.

Военным, кажется, теперь не так тяжело; им изготовляют новую форму — с широкими штанами; они этим довольны, так как выгадывают несколько утренних часов, в которые им приходилось подновлять и белить их одежду. Для высшего состава, по-моему, штаны эти отвратительны; я от всей души жалею о сапогах.

Дружеского согласия между императрицей-матерью и ее августейшим сыном все еще нет; полагаю, что ей бы хотелось, чтобы с ней больше советовались, чтобы она была более влиятельной; то, с чем она мирилась при жизни покойного государя, она не прощает теперешнему и недовольна им. По всякому поводу у них возникают пререкания; это раздражает государя, постоянно занятого серьезными делами. Эти пререкания, эти несогласия можно было предвидеть заранее, зная бестактность матери. При всех ее ангельских качествах, она совершенно не умеет себя поставить; вот уже четвертое царствование сказывается этот недостаток. Имей она немного больше характера, ей легко было бы пользоваться всем весом и достоинством жены государя и матери двух государей; она могла бы импонировать своим коронованным детям, неизменно сохраняя нежные с ними отношения. Но это—качество, которого приобрести нельзя, которого не может дать никакой опыт. Несчастье преследует эту бедную императрицу; она потеряла своего друга, с которым прожила сорок лет, — эту добрую и почтенную графиню Ливен. Сейчас ей лучше; но можно ли рассчитывать на долгую жизнь в восемьдесят три года? Да и вообще в каком возрасте и при каком состоянии здоровья можно строить подобные расчеты? Наш дорогой государь — печальный пример того. Я беспрестанно скорблю о нем, это чувство глубоко вкоренилось в меня; скорбь моя основана на моей благодарности к нему. Ведь он был всем для нашей семьи; когда я вспоминаю все, что он сделал как для нас, так и для моего мужа, я думаю, что никто не обязан ему столь многим, как я.

Сегодня была в крепости; несмотря на то, что я немного запоздала, я все же присутствовала на панихиде об усопшем, отслуженной по заказу какой-то неизвестной женщины, заплатившей священнослужителям. Сколько панихид служатся таким образом каждый день! С каким рвением люди всех классов приходят молиться, приложиться ко гробу, где покоится этот благодетель всех и наш в частности! Кучер Илья, известный своей привязанностью к своему господину, своему благодетелю, тоже был там. Я, кажется, не писала тебе об одном случае, где он доказал свою преданность. При вступлении кортежа в Москву, сначала думали, что понадобится парадный кучер. Чтобы не лишиться утешения сопровождать траурную колесницу и править ею, Илья готов был пожертвовать своей бородой. Однако его желанию уступили и без этого и больше к этой мысли не возвращались. В народе, который долгое время сомневался в смерти государя, говорили, что смерти его

не поверят, пока не повидают Илью и пока он сам не подтвердит истинность этого сообщения; видя его на козлах траурной колесницы, все убедились в том, в чем до тех пор сомневались.

С кем государь видится ежедневно, с кем он совершенно откровенно беседует, так это с Александром Бенкендорфом, на обязанности которого лежит сообщать ему все, что говорится в обществе такого, что может повредить его репутации. Это очень порядочный человек, полный добрых намерений, но он бесхарактерен и поразительно легкомыслен; но все же он полон рвения к добру, поэтому я предпочитаю, чтобы столь приближенным к государю лицом был он, а не кто-либо иной, кто мог бы тысячу раз повредить делу...

10.

Из письма к М. Д. Гурьевой от 2 (14) декабря 1826 г.

... Развлечения у нас еще не возобновлены, за исключением театров, которые открылись и очень плохи. Черное уже снято, однако заметно стремление продлить срок траура, — это вполне естественное чувство, когда подумаешь о том, кого мы оплакиваем. Какая скорбь! Как часто за этот год у меня сердце разрывалось на части при мысли о том, что его больше нет! Но господь, поразив нас этим горем, ниспослал нам также огромное утешение в лице его наследника; трудно было бы поступать лучше, нежели он поступает, и вести себя с большей умеренностью. Помимо высоких своих качеств, он еще является образцовым мужем и отцом. Ничто не может столь содействовать поддержанию нравственности, как этот пример, преподаваемый нам с высоты престола...

Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.

Революционная волна, спавшая после поражения московского декабрьского восстания 1905 года и роспуска 1-ой Государственной Думы, снова начинает подниматься к 1911 году, когда Ц. К. большевиков решил созвать общерусскую конференцию.

Легальные организации и профессиональные органы, задушенные полицейским вмешательством, уже не удовлетворяли передовые слои рабочих. Им хотелось иметь орган, в котором можно было бы хотя и неполным голосом обсуждать все вопросы рабочей жизни, все политические задачи,—от задач текущего дня, от частного случая на заводе до конечных целей рабочего движения.

Вопрос о газете не раз поднимался в думской социал-демократической фракции, но внутренние разногласия мешали осуществлению задачи, и только в 1910 году удалось создать газету «Звезда», первый номер которой вышел 16 декабря. Официальным издателем был тов. В. А. Шелгунов, старейший член РКП (б), рабочий, вступивший в движение еще в 80-х годах. Он был уже тогда слепым. Ответственным редактором числился рабочий тов. П. Г. Гриталев. Этот был и первым редактором, сидевшим за рабочую газету.

Редакция прекрасно понимала, что издавать спокойно, без помех, рабочую газету в царской России, конечно, нельзя. Она предвидела неминуемые репрессии и сознательно шла на них, лишь бы свободное и ярче высказать свою мысль. Она так хорошо ориентировалась в обстоятельствах, что точно знала, когда будет штраф, конфискация и т. п. Так как касса, естественно, была небогата, то редакторы понимали, что им придется отсиживать, и на это они шли.

В июне были кончены работы Государственной Думы, депутаты разъехались по местам. В. Д. Бонч-Бруевич, один из руководителей газеты, был арестован. Газета перестала выходить. Возобновилась она осенью, как определенно большевистская газета. Из «Звезды» родилась «Правда», — та «Правда», которую мы читаем сейчас, которая не раз вынуждена была менять свое название, которая была разгромлена в июльские дни 17 года и воскресла с октябрьским переворотом.

Естественно, что царская цензура внимательно следила за рабочей прессой, но она разбиралась только в общих вопросах, — призыв к ниспровержению существующего строя, разжигание классовой борьбы и т. п. В вопросах внутрипартийной жизни и борьбы, политической и организационной тактики она совсем не разбиралась. В печатаемом ниже документе решительно нет никаких следов хотя бы минимального понимания этих вопросов.

Из прилагаемой таблицы об уголовных преследованиях революционной прессы видно, что, главным образом преследованию подвергались меньшевики. Конечно, это не потому, что они были революционнее. На 416 номеров большевистской

печати, «Правды» под разными названиями, возбуждено 126 преследований, а на 294 номера меньшевистских газет — 130 преследований. Особенно почему-то преследовался «Луч».

Как вообще была тяжела жизнь рабочей прессы, можно судить потому, что 36% всех вышедших номеров повлекли уголовное преследование.

Недогадлива была царская цензура и относительно сотрудников. «По имеющимся у нее сведениям», в большевистских газетах принимали участие тов. Каменев и т. Зиновьев. Но цензура совершенно не доглядела, что деятельное участие принимал в «Правде» тов. Ленин и немного тов. Плеханов. Чтобы руководить делом, тов. Ленин из Парижа переехал в Галицию. Как всем хорошо известно, он всегда придавал газете большое политическое и организационное значение.

Трудно было под псевдонимами Градова или О—ли—чана узнать тов. Каменева, под псевдонимом Зарина, Зуева, Скопина — тов. Зиновьева. Но ведь псевдоним — В. Ильин, К. Тулин и даже Фрей были уже широко известны, особенно первый.

В конце «памятной записки» указывается, что редакторы, подвергнутые в административном порядке денежному взысканию, часто уклонялись от уплаты и отбывали штраф. К сожалению, в документе по этому вопросу нет никаких данных, а они интересны и необходимы, тем более, что эта сторона дела, насколько мы помним, нигде не подкреплена и не освещена фактическими данными.

Надо отметить, что появившиеся три интересных сборника «Из эпохи «Звезды» и «Правды», давая характеристику партийной работы и обстановки, не дали еще достаточного фактического материала о нашей прессе. А это имеет большое значение при изучении истории РКП (б).

Валерьян Полянский.

«Записка» была составлена в сентябре 1913 г. в петербургском комитете по делам печати, по указанию тогдашнего председателя комитета С. Е. Виссарионова (бывшего перед тем вице-директором департамента полиции), с его собственноручными поправками и дополнениями. Вероятнее всего, «Записка» должна была служить источником ответов и разъяснений, которых ждали от министра внутренних дел по многочисленным запросам в Государственной Думе о притеснениях, испытываемых периодической печатью вообще, а рабочей — в частности, и о нарушениях «свободы слова», возвещенной 17 октября. Практического применения «записка» эта, повидимому, не получила, да его и не потребовалось, так как вскоре по ее составлении началась война, в Думе интересы внутренней политики заслонились вопросами военного времени, и вся не только рабочая, но просто мало-мальски оппозиционная периодическая печать подверглась запрещению, а уцелевшие издания были подчинены строжайшей военной цензуре, охватившей собой все стороны общественной жизни. Текст «Записки» подготовил к печати С. В. Любимов.

Ред.

Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге *).

Революционное движение 1905—1907 г.г. в области периодической прессы отразилось появлением значительного количества изданий различных оттенков, но с общим ярко выраженным революцион-

*) Дело с.-петербургского комитета по делам печати, 1910 г., № 26.

ным направлением, при чем многие из этих органов ближайшей своей целью ставили пропаганду противогосударственных начал среди рабочих и крестьянских масс; таковы были, между прочим, газеты: «Вперед», «Голос Труда», «Товарищ», «Невская Газета», «Известия Совета крестьянских депутатов» и мн. др.

После роспуска I и II Государственной Думы, вследствие наступившего в стране затишья, издания эти исчезли и вновь начали появляться в 1910 г. с возобновлением рабочего движения. Издававшиеся в 1910 и 1911 гг. рабочие газеты «Звезда», «Живое Дело», «Невская Звезда» и некоторые другие, однако,не имели еще за собой достаточной поддержки и потому, появившись в небольшом количестве номеров, прекращались. Лишь с выхода в свет социал-демократических органов: большевистской «Правды» (22 апреля 1912 г.) и меньшевистского «Луча» (16 октября 1912 г.) и органа партии социалистов-революционеров «рабочей и крестьянской» газеты «Трудовой Голос» (17 февраля 1913 г.) дело революционного рабочего издательства стало на твердую почву. Обладая, очевидно, достаточными материальными средствами, издания эти, — под измененными, правда, именами, — продолжают выходить, несмотря на неоднократную остановку их судом, штрафы, конфискации и, наконец, очевидную бездоходность их, как коммерческих предприятий. Эти издания находятся в связи с центральными комитетами названных партий, которые снабжают русские издания денежными средствами и статьями своих постоянных сотрудников — политических преступников.

Необходимо заметить, что постановления закона о печатании периодических изданий чрезвычайно затрудняют достижение удовлетворительных результатов при конфискации признанных преступными номеров газет. Согласно ст. 8 прилож. к ст. 114 уст. о ценз. и печ., контрольные экземпляры газет доставляются в комитет по делам печати одновременно с выпуском издания из типографии, а так как на доставление экземпляров этих из типографии в комитет, прочтение газеты и телефонные распоряжения об аресте требуется не менее $1 — 1^1/_2$ часа, то типографии имеют полную возможность выпустить в обращение все отпечатанные номера газеты. Благодаря этому конфискации подвергаются в редких случаях больше $10—20^0/_0$ общего тиража газеты, а обычно и меньше.

Судя по направлению рабочих газет, последовательная смена их может быть установлена в следующем порядке:

I. Органы большевиков Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Правда» — с 22 апреля 1912 г. по 5 июня 1913 г.
Приостановлена с.-петербургской судебной палатой 3 июня 1913 г.
«Рабочая Правда» — с 13 июня 1913 г. по 1 августа 1913 г.
Приостановлена 31 июля 1913 г.

«Северная Правда» — с 1 августа по 7 сентября 1913 г.
Приостановлена 6 сентября 1913 г.
«Правда Труда» — с 11 сентября по 1 октября 1913 г.
«За Правду» — с 30 сентября 1913 г.

II. Органы меньшевиков Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Луч» — с 16 октября 1912 г. по 5 июля 1913 г.
Приостановлен 3 июля 1913 г.
«Живая Жизнь» — с 11 июля по 1 августа 1913 г.
Приостановлена 31 июля 1913 г.
«Новая Рабочая Газета» — с 8 августа 1913 г.

III. Органы Партии Социалистов-Революционеров.

«Трудовой Голос» — с 17 февраля по 23 июля 1913 г.
Приостановлен 17 июля 1913 г.
«Живая Мысль» — с 17 августа по 6 сентября 1913 г.
Приостановлена 6 сентября 1913 г.
«Заветная Мысль» — с 28 сентября 1913 г.

Прежде чем перейти к подробной характеристике направления рабочих газет, необходимо остановиться на двух существенно важных обстоятельствах, предварительное объяснение которых помогает определить правильную точку зрения, с которой издания эти должны быть рассматриваемы.

I. Выразителями каких мнений являются рабочие газеты, кто руководит ими, каковы политические взгляды руководителей и какова конечная цель их стремлений?

Судя по данным, сообщаемым самими рабочими газетами, непосредственное и постоянное участие в них принимают депутаты Государственной Думы: в большевистских органах социал-демократы большевики Бадаев, Петровский, Малиновский и Муранов, а в меньшевистских органах — Чхенкели, Чхеидзе, Туляков и др. Сверх того, по имеющимся сведениям, в «Правде», «Северной Правде» и «Правде Труда» принимают постоянное участие Юрий Каменев (Розенфельд) и Зиновьев (член заграничного Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии Григорий Радомысльский), а в органах социалистов-революционеров — «Живой Мысли» и «Заветной Мысли» — помещали свои статьи, между прочим, известные революционеры: Ракитников, Инна Ритина (она же Ракитникова), Евгений Колосов, Степан Нечетный (Слетов) и Борис Воронов (Лебедев), сотрудники издающегося в Париже центрального органа партии социалистов-революционеров «Знамя Труда».

Таким образом, принадлежность руководителей рабочих газет к ярко революционным кругам несомненна. Обращаясь засим к тому

источнику, на котором зиждется все политическое мировоззрение этих лиц, а именно, к основным программам наших революционных партий, между прочим, читаем: «самым могучим оплотом... (русского) варварства является царское самодержавие. По самой природе своей оно враждебно всякому общественному движению и не может не быть злейшим противником всех освободительных стремлений пролетариата. Поэтому Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой» (Программа и устав Р.С.Д-Р.П. Париж. 1909. Издание газ. «Социал-Демократ», стр. 6). Что же касается партии социалистов-революционеров, то она, проповедуя террор и всякие насильственные средства, прибегает для политического развращения крестьян и рабочих и к более мирным средствам в виде прессы. Весьма оригинальным является то обстоятельство, что социал-демократы Государственной Думы, предъявляя в Думе запросы о притеснениях рабочей печати, требуют от правительства объяснений и негодуют на то, что оно своими репрессиями мешает революционным органам печати подрывать тот самодержавный государственный строй, который правительство призвано охранять.

II. Для правильного суждения о рабочих изданиях нужно иметь в виду еще следующие особенности, резко отличающие их от других, даже наиболее оппозиционно настроенных периодических изданий. Рабочие газеты имеют узко классовый и строго партийный характер; они не допускают на свои страницы ничего такого, что бы нарушало цельность и стройность основного социал-демократического или социал-революционного мировоззрения их руководителей. Все события текущей жизни рассматриваются с одной строго определенной точки зрения, обусловленной партийной программой; те события, которые не дают возможности приложить это общее мерило, отбрасываются или о них сообщается мимоходом, в нескольких словах и притом с тенденцией. Самые статьи и сообщения лишь в редких случаях имеют характер осведомительный, обычно же они заключают в себе весьма ясные для читателя указания, как рабочие должны смотреть на эти события и что им надо предпринимать в этих и подобных случаях.

Рабочие газеты издаются в расчете исключительно на полуобразованных читателей из рабочего пролетариата и являются для них не интересным чтением только, как все остальные газеты, но и поучением. Благодаря этому они не имеют скоропреходящего, злободневного лишь интереса: те заметки и агитационные статьи, которые помещаются на страницах рабочей прессы, воспринимаются рабочими как указание их поведения в отношении и к государственному строю, и к правительству, и к другим классам населения; в этом отношении и при общем революционном настроении своем газеты эти с успехом заменяют те подпольные прокламации, которые распространялись революционными партиями в предшествующее десятилетие. Необходимо отметить, что каждая из рабочих газет рассчитана на читателей своего,

так сказать, лагеря, и притом на читателей постоянных, вполне свыкшихся с фразеологией своей газеты. Таким образом, несмотря на то, что все номера этих газет в равной мере проникнуты одним и тем же революционным настроением, число признанных преступными номеров сравнительно невелико. Это объясняется тем, что уголовные преследования оказывалось возможным возбуждать только в тех случаях, когда авторы статей допускали в них объективные признаки преступных деяний; в большинстве же случаев статьи выливались в таких формах выражения, которые, имея скрытый преступный смысл, исключали возможность применения к ним уголовной репрессии.

I.

Преступный материал рабочих газет громаден и затрагивает почти все статьи уголовного закона, применимые к делам о печати. Охватить его, не впадая в повторения и не смешивая существенного со случайным, было бы затруднительно, в виду чего ниже приводится таблица, заключающая в себе сведения по 25 сентября сего года включительно и имеющая целью указать, с одной стороны, те явления государственного и общественного строя, на которые особенно настойчиво и резко нападают рабочие газеты, с другой — те уголовные репрессии, которые вызывались этими нападками со стороны учреждений, наблюдающих за печатью, и судебных установлений. (См. табл. на след. стр.)

Из этой таблицы усматривается, что около 30% (точнее 28%) всех номеров рабочих газет были признаны преступными, и что 85% возбужденных комитетом по делам печати уголовных преследований были утверждены судом. Таким образом, едва ли можно считать имеющими под собою твердую почву те нарекания на неосновательные и жестокие притеснения рабочей печати, которые неоднократно появлялись и в печати, и в думских запросах. С другой стороны, эта таблица показывает, что наиболее типичными для рабочих газет являются: 1) статьи, возбуждающие к ниспровержению государственного и общественного строя (1 и 2 п.п. 129 ст. Угол. Улож.), 2) статьи, подрывающие уважение к установленному основными законами образу правления и доверие к правительству посредством дерзостных отзывов о первом и распространения заведомо ложных сведений о втором (128 ст. Угол. Улож. и 3 п. 1034 ст. 4 Улож. о наказ.), и, наконец, 3) статьи, возбуждающие вражду между отдельными классами населения, в особенности между рабочими и хозяевами, и статьи, призывающие к устройству стачек и забастовок (6 п. 129 ст. Угол. Улож. и 1 п. 1034—3 ст. Улож. о наказ.).

I. К нашему государственному и общественному строю рабочие газеты относятся отрицательно, при чем отрицание это имеет характер не спокойного обсуждения тех или иных с их точки зрения недостатков, а возбуждающего читателей указания на необходимость полного уничтожения этого строя и замены его демократическим и социалистическим.

		Число №№.	Возбуждено судеб. преследов.	Рассмотрено судом.	Утверждено арестов.	Уголовные преследов. возбуждены по статьям: 103 Уг. Ул.	128 Уг. Ул.	120/1 Уг. Ул.	129/2 Уг. Ул.	129/3 Уг. Ул.	129/5 Уг. Ул.	129/6 Уг. Ул.	1034—2 Ул. Нак.	1034—3 п. 1 Ул. Нак.	1034—4 п. 1 Ул. Нак.	1034—4 п. 2 Ул. Нак.	1034—4 п. 3 Ул. Нак.	1034—5 Ул. Нак.	1038—1 Ул. Нак.
I.	1) «Правда	355	52	46	33	—	2	20	10	2	1	9	—	10	—	5	12	1	—
	2) «Рабочая Правда».	17	12	2	2	—	—	2	—	—	—	1	—	10	—	—	—	—	—
	3) «Северная Правда» . . .	31	20	12	10	—	—	2	2	—	—	10	—	10	—	—	—	—	—
	4) «Правда Труда» .	13	8	—	—	—	—	2	—	—	—	5	1	6	—	—	3	—	—
II.	1) «Луч» .	237	68	60	53	—	8	27	12	4	1	12	—	12	1	7	15	—	—
	2) «Живая Жизнь» .	19	10	5	5	—	1	3	1	—	—	—	—	9	—	—	—	—	1
	3) «Новая Рабочая Газета» .	41	12	3	2	—	2	1	—	—	—	7	—	3	—	—	3	—	—
III	1) «Трудовой Голос». . .	23	17	15	15	—	3	9	9	—	3	4	—	4	—	—	2	—	—
	2) «Живая Мысль» .	7	7	6	6	1	—	3	2	—	—	4	—	2	—	—	—	—	—
	Итого . .	743	206	149	126	1	16	69	36	6	5	52	1	66	1	12	35	1	1

Одной из наиболее важных для правильного понимания роли рабочих газет в развитии революционного настроения среди рабочих является помещенная в № 15—209 газеты «Правда» статья «Жизнь учит». Статья эта посвящена доказательству того, что «между освободительным движением в целом, с одной стороны, и рабочими движением, с другой, существует самая тесная и неразрывная связь», и что «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России служит стачечное движение русских рабочих». Обосновав это положение рядом цифровых выкладок, автор говорит, что в настоящее время «от отдельных, частных вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса», и что «речь идет теперь не о реформах, а о реформе». «Живая борьба» отбрасывает, как ненужное, требования частичных прав, и «живые, реальные миллионы (рабочих, участников политических забастовок 1912 г.) мобилизовались... под самыми широкими, старыми, неурезанными формулами».

«Только эти формулы (очевидно, революционные требования 1905—1906 г.г.) зажигали энтузиазм масс», и «бодрое, свежее, могучее движение самих масс отметает, как негодную ветошь, искусственные, высиженные в кабинетах рецепты и идет все вперед, все вперед».

Таким образом, по точному смыслу этой программной статьи, сами же рабочие газеты отождествляют рабочее движение (выдаваемое обычно за экономическое) с движением «освободительным», иначе, чисто революционным, «за старые неурезанные формулы».

Что нужно понимать под этими неурезанными формулами, вполне точно выясняется из другой статьи той же газеты «Правда», помещенной в № 126 под заглавием «Спорные вопросы». В числе их на первом месте стоит требование полной демократизации государственного строя, а затем передачи земли крестьянам и 8-часового рабочего дня. Эти требования, по мнению автора статьи, являются в настоящее время самыми насущными в России, и те, кто заменяет их иными, так называемыми «частичными требованиями», те лишь «обманывают» народ. Те же ярко-революционные требования служат темой для множества других статей. Вот что говорит, например, «Трудовой Голос» в статье «Урезанные лозунги и общая программа» (№ 17): «Общая программа, выраженная с.-р-овской фракцией второй Думы, осталась неизменной и является единственно возможным решением в России аграрного вопроса. Попрежнему борьба за землю есть основная задача крестьянства. Но теперь еще яснее и отчетливее понимают крестьяне, что земля тесно связана с волей, что земли нельзя добиться без классовой организации трудового крестьянства, без завоевания ими политической свободы»... «Участвуя в земстве или действуя на него в деревне, трудовое крестьянство неминуемо будет организовываться для борьбы с поместным дворянством и с тем строем, который отдал земское дело в руки дворян. Идя в кооперацию и придавая ей трудовой характер, крестьяне опять-таки вступают в организованную борьбу с капиталистами, дворянами и тем режимом, который служит интересам этих классов»... Организовавшись, оно станет «бродилом массового движения», «истинным выразителем классовой воли организующегося в борьбе и для борьбы пролетариата».

Во многих случаях такие статьи и по содержанию, и по форме подходят к типу подпольных прокламаций и заключают в себе не только возбуждение к насильственному ниспровержению государственного и общественного строя, но и прямые призывы к учинению бунтовщических деяний. Так, автор статьи «Недостатки русского кооперативного движения» («Трудовой Голос», № 21), указав, что обещания манифеста 17 октября остались и останутся неиспользованными, и что на Думу, при нынешнем избирательном законе, нельзя полагать никаких надежд, приходит к выводу, что «политическую свободу народ может получить только своими силами». «Итак, — восклицает он, — долой административный произвол. Да здравствует политическая свобода».

Наконец, к этой категории преступного содержания статей должны быть отнесены статьи, написанные не по каким-либо вопросам текущей русской жизни, а имеющие общее революционное значение. Такова, например, статья, посвященная восхвалению известного пролетарского поэта Эмиля Верхарна («Луч», № 87—179). «Шире дорогу, — говорится в этой статье, — пришло новое человечество. Пролетариат идет завоевывать мир... Труден и тернист путь к победе, и кровью приходится обагрять холодные стены препятствий. Но так ткется пряжа жизни ликующей: «убивая, творить, обновлять»... Верхарн — певец пролетарской борьбы, восстание — его стихия. В медном ритме его чеканных стихов слышится грозный топот мятежной толпы, в гневном пафосе его восклицаний звучит набат революции, и вся поэзия Верхарна — в дыму и огне последнего боя, победной борьбы. Он знает, что лучшим и вернейшим залогом победы является «единение»... «И когда читаем, — прибавляет автор статьи, — его стихи — молодеет душа, воскресают весенние надежды, и бурная, горячая, мятежная кровь приливает к расцветающему сердцу».

II. Статьи второй группы в общей программе рабочих газет не имеют самостоятельного значения. И дерзкие выходки против верховной власти, и распространяемые заведомо ложные обвинения правительства важны газетам лишь потому, что они подрывают в народе доверие к существующему государственному порядку и дают возможность строить и обосновывать свои выводы о негодности этого строя и необходимости замены его новым — демократическим.

Одной из наиболее характерных таких статей является напечатанная в «Трудовом Голосе» (№ 21) статья «Очередная ласка». «В старой самодержавной России издавна велась своя особая «политика» по рабочему вопросу, которая заключалась в применении «репрессий» к рабочим»... Но патриархальное самодержавие не все карало, оно и «ласкало»... «Почему же не поласкать рабочих и одетому в европейский мундир самодержавию», и далее, как пример такой «ласки», приводится и резко критикуется распоряжение правительства о санитарном надзоре на фабриках (см. также статью «Триста лет» («Луч», № 42), в которой период «самодержавия» в русской истории характеризуется, как «темное царство»).

Что касается статей, заключающих в себе заведомо ложные сведения о деятельности правительства, то статьи эти чрезвычайно разнообразны: то измышляются никогда не существовавшие — факты, например, сообщается, будто бы освобожденные из тюрьмы по манифесту 21 февраля были немедленно вновь арестованы по распоряжению администрации («Правда», № 50—254), чего в действительности не было; то деятельность правительства получает настолько искаженное тенденциозное и ложное освещение, что цель возбудить таким сообщением вражду к правительству становится несомненной, — так, например, говоря о деле Бейлиса, «Луч» (№ 140) выражается так: «Русские власти вместе с русскими черносотенцами стряпают нечистыми руками дело

Бейлиса», и в другой статье («Луч», № 5) по тому же делу газета утверждает, что «стоящему во главе кампании (против евреев) г. Щегловитову и его подчиненным необходимо питать средневековый фанатизм, так как здесь, в этом фанатизме, они видят лучшее средство спасения шатающихся основ».

III. Статьи третьей группы, — возбуждение классовой борьбы и подстрекательство к стачкам и забастовкам, — занимают центральное место в программах всех рабочих газет. И это вполне понятно. Газеты эти издаются исключительно для рабочих. Конечные цели революционной пропаганды, — ниспровержение государственного и общественного строя России, — не могут быть им так близки, как насущные вопросы текущего дня, вопросы, касающиеся лично их, их отношения к предпринимателям, их экономического положения. Вопросы обще-революционной тактики для них менее понятны и ясны, чем вопросы, касающиеся возникновения забастовок на заводе. Между тем, как уже было сказано выше, экономические движения рабочих благодаря искусной тактике вожаков почти всегда имеют большую или меньшую примесь элемента политического, и, таким образом, переход их в чисто политические весьма облегчается и часто делается совершенно незаметно. В этом отношении деятельность рабочих газет представляется особенно вредной: раздувая ничтожные случаи заводской и фабричной жизни до степени серьезных нарушений права и справедливости, ежедневно натравливая рабочих и на ближайшее их заводское начальство, и на владельцев, и на весь класс предпринимателей, наконец, рисуя заманчивые картины борьбы и успехов рабочих Западной Европы, — газеты эти поддерживают фабричных и заводских рабочих в состоянии хронического недовольства своим положением и раздражения против всех «эксплоататоров» и создают удобную для себя почву, на которой с особым успехом прививаются революционные идеи о полном переустройстве существующего и государственного, и общественного строя России. Вполне сознавая громадную важность такого способа революционизировать рабочие массы, газеты значительную часть своего содержания отводят именно статьям и заметкам этого рода. По числу инкриминирований эта группа занимает первое место; следует отметить, что число их было бы несравненно больше, если бы закон карал за возбуждение к забастовкам на всех фабриках и заводах, а не в одних только предприятиях государственного и общественного значения. Сказанное выше в общем относится и к статьям об отношениях крестьян к помещикам, которые печатались в органах партии социалистов-революционеров.

Очень характерна статья «Из словаря иностранных слов», напечатанная в газете «Правда» (№ 102), — «общество состоит из классов и групп, которые различаются по своему экономическому положению, а вследствие того и по своим интересам и стремлениям... Одни классы эксплоатируют другие: напр., капиталисты-кулаки эксплоатируют крестьян и кустарей, капиталисты-фабриканты — рабочих. Одни

классы эксплоатируют, т.-е. лишают собственности, разоряют, другие, — так, капиталисты-промышленники... разоряют ремесленников и кустарей, крупные помещики... крестьян...». Своих эксплоататорских целей классы достигают при помощи нынешнего капиталистического государства, которое ограждает интересы и собственность только эксплоатирующих классов в ущерб эксплоатируемым рабочим и крестьянам.

В других статьях то же стремление возбудить классовую вражду проявляется в несравненно более резкой форме: «Товарищи! Бросьте спячку и интересы к балканской «бойне». Наши эксплоататоры-фабриканты тоже немало высасывают нашей крови и попирают наши человеческие права» («Луч», № 57). «Товарищи, время постоять друг за друга. Все за одного, и один за всех. Нужно отбросить все личные счеты и объединиться против общего врага. Дело освобождения — дело самих рабочих. Не забудьте, товарищи, что... все рабочие России поддерживают нас в общем деле освобождения от капитала» («Правда», № 141). «Стыдно вам, крестьяне, поддаваться тем, кто старается заковать вас в железные цепи. Ведь вы — хозяева на своей земле, она залита вашей кровью и потом. Вы должны объединиться, гнать этих господ из пределов, принадлежащих вам» («Трудовой Голос», № 21). Последние три призыва непосредственно примыкают к той прокламационной литературе, которой наводнена была вся Россия в революционные 1905—1906 годы.

Что касается статей и заметок, в которых рабочие возбуждаются к приостановке работ на фабриках и заводах и к невозобновлению их, пока все требования рабочих не будут удовлетворены, то здесь имеются в виду только те из них, которые касаются таких предприятий, «прекращение или приостановление которых угрожает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия» (1 п. 1034—3 ст. Улож. о наказ.); сюда включаются казенные заводы военного и морского ведомств, заводы, на которых исполняются заказы этих ведомств, железные дороги, телеграф и телефон общественного пользования и, наконец, трамваи в больших городах.

В этих статьях газеты обращаются к рабочим с такими призывами: «стыдно, товарищи, работать вечера, когда другие товарищи борются с этим злом. Этим вы не улучшите свое состояние, а хуже становится от этого всем...» («Луч», № 116). «Настроение (бастующих) бодрое; уверены в скорой победе. Еще раз напоминаем, что места под бойкотом... товарищи... будьте солидарны с нами. Мы будем стойки и не пойдем ни на какие уступки» («Луч», № 121). «Мы уверены, что рабочая солидарность у нас не погасла и что на наши места не пойдут работать другие рабочие. А без рабочих рук они (хозяева) обойтись не могут, как не могут закрыть заводы во избежание огромного убытка. Просим товарищей наши места не занимать, на места наложен бойкот» («Правда», № 117). Впоследствии, под давлением уголовных репрессий, эти прямые призывы сменились краткими директивами («места бастующих под бойкотом») или даже косвенными, но, конечно, вполне понятными для

читателей указаниями: напр., «*выяснилось*, что забастовка *будет* продолжаться»... и т. п. (курсив автора).

В заключение всех этих выписок необходимо остановиться на немногих, правда, статьях, обрисовывающих отношение рабочих газет к милитаризму вообще и к нашему войску и воинской повинности в частности. В статье «Вооруженный милитаризм» («Трудовой Голос», № 3) автор говорит: «Воинская повинность и так ежегодно выбирает из среды населения самых молодых и здоровых работников. Следовательно, все растущее усиление военной силы отзывается на трудовом народе только тяготами. И если эти тяготы в мирное время можно перевести на рубли, то как оценить потери трудового народа во время войны. Погибших отцов и мужей, братьев и сыновей, поильцев и кормильцев не воскресить... Между тем трудовому народу вовсе и не нужно войско, не нужна и война... Трудовому народу нужна земля и воля. Но не международным кровопролитием можно достигнуть этого. Война нужна и выгодна не работникам, а командующим классам, эксплоататорам трудового народа... Поэтому в интересах трудового народа бороться против войн»... Не менее резка и другая статья, напечатанная в том же «Трудовом Голосе» (№ 10, статья «Изнанка милитаризма»): «Все больше и больше растет «налог крови», все больше и больше отнимается от населения наиболее крепких и здоровых сил, обреченных на то, чтобы убивать лучшие годы в бессмысленной муштре, а в случае войны быть пушечным мясом... Весь гнет вооруженного мира... всей своей огромной тяжестью лежит на плечах трудового народа... Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат, — говорит народная пословица... Нет, в том-то и беда, что «паны» сами не дерутся, а искусно заставляют «хлопцев» своей страны драться с «хлопцами» чужой и наживаются на кровопролитии». Статья заканчивается указанием, что в настоящее время возникновение войн между европейскими государствами затруднено тем, что «европейский пролетариат уже вышел из того состояния, когда его безнаказанно можно было гнать, как стадо баранов, и он сумеет привлечь к ответу тех, кто виновен в его страданиях».

Приведенные выписки далеко не исчерпывают того преступного материала, который предлагают рабочие газеты своим читателям; число их без труда могло бы быть увеличено во много раз. Самые выписки в достаточной мере характеризуют направление и тон этих газет и полное соответствие их с программами наших революционных партий, в виду чего те жалобы на несправедливые и неосновательные притеснения правительством рабочей печати ни в какой мере не могут считаться основательными.

II.

Кроме уголовных репрессий, рабочие газеты неоднократно подвергались также административным взысканиям, налагаемым с.-петербургским градоначальником за нарушение обязательного постановления от 4 сентября 1911/1913 г. г.

Раздел XI обязательного постановления с.-петербургского градоначальника от 4 сентября 1911/1913 г.г. воспрещает опубликование статей, возбуждающих вражду к правительству (1 п. об. пост.), заключающих в себе ложные сведения о деятельности должностных лиц (4 ст.) или войсковых частей, вызывающих в населении враждебное к ним отношение, а также ложных, возбуждающих общественную тревогу слухов и, наконец, статей, посвященных восхвалению преступных деяний (3 п.). Напечатание таких статей карается штрафом до 500 руб. или арестом до 3 месяцев.

Относясь отрицательно ко всему государственному строю России и к его органам, эти газеты, в целях дискредитировать в глазах общества представителей власти, часто помещают статьи, которые направлены к тому, чтобы посредством резкого осуждения действий правительственных агентов, подтасовки и одностороннего освещения фактов возбудить у читателей вражду к правительству и его органам. Характерным образцом такой статьи может служить напечатанная, наприм., в «Северной Правде» (№ 20) заметка о несостоявшейся лекции по вопросу о страховании рабочих. Представив в тенденциозном освещении действия администрации, не допустившей чтение лекции, автор заканчивает заметку таким общим выпадом: «но у нас ведь власть для того и существует, чтобы воспитывать в гражданах полное неуважение к законам».

Данные об административных взысканиях, наложенных на рабочие газеты за время по 25 сентября текущего года, сведены в нижеследующей таблице:

		Число вышедших в свет №№.	Число взысканий	Сумма штрафа.	Арест без замены штрафа.
I.	**Органы большевиков Р.С.-Д.Р.П.**				
	«Правда».	355	19	8.000	3 м.
	«Северная Правда».	17	3	1.250	—
	«Рабочая Правда»	31	2	1.000	—
	«Правда Труда»	13	1	250	—
II.	**Органы меньшевиков Р.С.-Д.Р.П.**				
	«Луч».	237	19	8.100	6 м.
	«Живая Жизнь»	19	4	2.000	—
	«Новая Рабочая Газета»	41	9	4.300	—
III.	**Органы социалистов-революционеров.**				
	«Трудовой Голос»	23	3	750	—
	«Живая Мысль»	7	—	—	—
	Всего	743	60	25.650	9 м. ар.

Необходимо заметить, что редакторы, подвергнутые в административном порядке денежному взысканию, часто отказывались от уплаты пени и в таких случаях в течение известного срока отбывали арест взамен денежного штрафа.

Для того, чтобы устранить неизбежные при этом перерывы в издании газет, было принято представлять на утверждение с.-петербургского градоначальника, в качестве ответственных редакторов, сразу по нескольку человек: например, в газете «Правда», как видно из свидетельства с.-петербургского градоначальника от 11 сентября 1912 г., состояли одновременно девять редакторов. Последние судебные процессы показали, что эти редакторы набирались обычно из среды полуграмотных рабочих и, конечно, никакого отношения к действительному редактированию газет не имели.

Кроме того, на случай неожиданной приостановки газет судом практикуется заблаговременное получение разрешений сразу на несколько изданий.

Наконец, последние дни замечается одновременный выход одной и той же газеты под двумя заглавиями: «Правда Труда» и «За Правду», при чем газеты эти выпускаются, чередуясь друг с другом».

Из записной книжки архивиста.

Письмо кн. Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Государственной Думы.

Печатаемое ниже письмо принадлежит перу покойного проф. Московского университета кн. Евгения Трубецкого, кандидата от конст.-демокр. партии в Виттевский «кабинет общественных деятелей» в октябре 1905 г., вышедшего, однако, вскоре из этой партии и затем игравшего влиятельную роль в бесцветной партии «мирного обновления», никогда не имевшей, как известно, серьезного политического значения.

Письмо Николаю Романову написано Трубецким 24 июля 1906 г., т.-е. через две недели после разгона I Госуд. Думы, всерьез именовавшейся некоторыми кругами «Думой народного гнева». Как отнесся к этому письму самодержавный адресат, — неизвестно (на оригинале письма никаких помет нет), но документ этот сам по себе, во всяком случае, примечателен и по содержанию и по тону. Автор письма сумел уловить «переворот в воззрениях и чувствах народных», ускоренный политикой правительства Горемыкина, и верно угадывал близость гражданской войны, которая, будучи лишь вопросом времени, должна была «революционизировать всех». Ужасом перед гибелью монархии, под которой уже «разверзлась бездна», и перед конфискацией помещичьих земель, которую несла с собой революция, продиктовано патетическое письмо Трубецкого. В чем же он видел спасение? Прежде всего, в самом факте существования Госуд. Думы, ибо, «пока в Петербурге заседала Дума», помещики «могли надеяться сохранить часть своих земель и получить справедливое вознаграждение за остальные». Вследствие этого необходим был, по его мнению, скорейший созыв, вместо разогнанной, новой Думы. Но, поскольку Дума не смогла работать с министрами, обнаружившими «непонимание, бездарность, отсутствие непосредственной близости с деревней и полное незнакомство с общественной жизнью» и поскольку министры-советчики царя вели страну к республике, необходимо было создать кабинет из одних «общественных деятелей, искренность конституционных убеждений коих не внушает сомнений». Такой кабинет совместно с Госуд. Думой должен был спасти царю трон, а автору письма — его поместья.

Письмо Трубецкого воспроизводится здесь по подлиннику, хранящемуся в Особом Отд. Архива Октябрьской Революции. Оно написано на 7 стр. бумаги академического формата и печатается здесь полностью, без купюр; изменена только орфография.

А. С.

Ваше императорское величество.

Не сочтите дерзостью мое непосредственное обращение к вам. Решаясь на столь необычный шаг, я льщу себя надеждою, что он оправдывается тем долгом верноподданного, о котором говорится в изданном вами 8 июля манифесте [1]).

---

[1]) 8 июля 1906 г. была распущена Государственная Дума манифестом, в котором указывалось, что Дума уклонилась «в непринадлежащую ей область» и обратилась к «действиям явно незаконным». Манифест заканчивался словами: «верные сыны России, царь ваш призывает вас, как отец своих детей, сплотиться с ним в деле обновления и возрождения нашей святой родины».

Вы призываете ваших подданных сплотиться вокруг престола, участвовать вместе с вами в святом и великом деле обновления родины. Теперь, когда в России не слышен более голос народных представителей, я не вижу иного способа последовать вашему призыву. И пример моего почившего брата князя С. Н. Трубецкого [1]) убеждает меня в правильности избранного мною пути.

Год тому назад он увидел престол в опасности и, горя любовью к родине, бесстрашно предстал перед вами. Вы вняли его смелой речи: ваши ответные слова никогда не изгладятся из памяти народной. Они укрепили ту нравственную связь между царем и народом, которая составляет залог величия и крепости русского государства.

Теперь я, — единомышленник моего брата и продолжатель его дела, — испытываю такую же, как и он, тревогу. Я также вижу престол в опасности и решаюсь следовать примеру того, кого вы почтили вашим вниманием.

Теперь, как и тогда, опасность заключается не в отдельных проявлениях смуты, не в периодически возникающих беспорядках, а в том приказном строе, благодаря которому предначертания ваши или вовсе не исполняются, или искажаются в исполнении.

Я с невыразимой тревогой слежу за тем глубоким переворотом, который изо дня в день, из часа в час совершается в воззрениях и чувствах народных.

Прислушайтесь, государь, к тому, что в различных местностях поют крестьяне на полевых работах! То самое, за что два-три месяца тому назад они растерзали бы. Социалистическая марьсельеза начинает вытеснять народную традиционную песнь! Ее поют даже в тех еще пока мирных уголках, которых не коснулись ни погромы, ни волнения; поют иногда даже без особого возбуждения, поют машинально, как что-то привычное. Меня приводит в ужас то, что говорится в этой песне про «царский чертог»! Ведь эти понятия только что вошли в обиход! Привычка вырабатывалась за последние два-три месяца управления министерства Горемыкина [1])!

Еще во время выборов господствовало совершенно другое настроение: народ посылал выборных поведать царю свои нужды, — тогда лозунгом служило единение царя с народом. И это — вопреки пропаганде, направленной всецело к бойкоту Думы, вопреки революционерам, которые стремились во что бы то ни стало воспрепятствовать укреплению связи между престолом и подданными. Но то, что было не под силу пропаганде, теперь сделано злейшими врагами вашего величества — вашими советниками.

Когда по повелению вашему министерство Горемыкина предстало перед Думою, у него был случай укрепить нравственную связь между вами и народными избранниками, — теми, кого вы признали лучшими людьми. Оно могло возвысить престиж безответственного монарха, прикрыв его ответственностью министров. Вместо того оно малодушно прикрывалось вашею ответственностью. Когда думская депутация не была принята вами, министры своим образом действий внушили народным массам несоответствующую действительности мысль, что государь не желает выслушивать их выборных. Министры вместо вас выступили с ответом на всеподданнейший адрес Думы и заговорили при этом тем языком, которым в праве выра-

[1]) Кн. Сергей Ник. Трубецкой, доктор философии, ректор Моск. унив., был участником принятой Николаем Романовым 6 июня 1905 г. депутации уполномоченных Моск. объедин. съезда зем., городских деятелей и дворян вместе с представителями Петербурга. Он произнес речь, в которой указал, что выходом в переживаемой смуте может быть лишь «созыв избранников народа», но народное представительство не должно быть сословным, указывал на узурпацию верховной власти безответственной бюрократией и на необходимость свободы печати и собраний. В ответной речи Николай Романов просил «отбросить сомнения» и выразил пожелание о восстановлении «единения между царем и всею Русью, общения между царем и земскими людьми».

[1]) Ив. Логг., премьер-министр в эпоху I Госуд. Думы.

жаться только верховная власть [1]). Узурпируя ваши полномочия, они отказали в амнистии и заранее наложили veto на аграрные проекты Думы. Тем самым они внушили населению мысль, что их ответ — ответ самого царя, и взволновали крестьянство повсеместно расклеенными правительственными сообщениями.

Они обнажили корону. Они обнажали ее всякий раз, когда они выступали с тем или другим правительственным сообщением. Они постарались связать с именем монарха все ненавистное народу — отказ в дополнительном наделении землею путем принудительного отчуждения, господство исключительных законов, белый террор, полный отказ в милости политическим преступникам. Стерев всякую грань между монархом и его слугами, они дали пищу нелепым, клеветническим толкам. И, наконец, воздвигнув между вами и народными представителями новое средостение, они создали то невозможное положение вещей, которое привело к роспуску Думы.

Верьте, государь, что в суждении об этом событии мною не может руководить какое-либо пристрастие. Я не принадлежу ни к какой из существующих партий. К деятельности крайних я отношусь с глубокой антипатией; по моим убеждениям я стою правее партии народной свободы и прошлою зимою вышел из ее состава. Тем не менее, узнав о роспуске Думы, я был близок к отчаянию. Ибо как посторонний наблюдатель я не могу не видеть, что этим нанесен страшный удар монархической идее.

Трудно себе представить ту степень сочувствия, каким пользовалась Дума среди народных масс: вокруг нее сосредоточивались народные надежды, в особенности в тех местностях, коих не коснулись аграрные волнения. В этих местностях только надежда на Думу удерживала крестьян от насильственного захвата чужой собственности.

Государь, это не преувеличение! Стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу: одними добровольными продажами земли они не удовлетворятся; и всякий, кто будет противиться принудительному отчуждению, будет сметен с лица земли. Крестьяне с напряженным вниманием следили за конфликтом между Думою и министерством. Из правительственных сообщений они узнали, что конфликт возник на почве земельного вопроса [2]). Теперь, когда Дума распущена, они убеждены, что причиной роспуска послужил отказ в наделении землей. И ваши советники переложили ответственность за этот отказ на монарха. Они сумели превратить вопрос земельный в вопрос династический, в вопрос об образе правления. Они отдали в жертву крестьянство той самой республиканской пропаганде, за которую еще так недавно бросали в огонь агитаторов.

Государь, ваши министры рассчитывают на преданность и верность войска. Но прислушайтесь к тому, что говорят солдаты! Где двое или трое сойдутся на разговор, там можно услышать отрывочные фразы: «за правду разогнали Думу», или: «сегодня я солдат, а завтра — пахарь; я это помню!» И с этими солдатами-крестьянами советники ваши собираются воевать против крестьян, бороться против заветной мечты о дополнительном наделении! События в Свеаборге, Кронштадте, Брест-Литов-

---

[1]) Автор, повидимому, имеет в виду декларацию Горемыкина от имени правительства в Госуд. Думе 13 мая 1906 г., явившуюся ответом на адрес депутации Гос. Думы по поводу тронной речи (как известно, Николай Романов не захотел принять эту депутацию). Правительство ответило категорическим отказом на требования Думы о принудительном отчуждении частновладельческих земель, ответственности министров перед Думой, упразднении Гос. Совета, находя, что эти требования противоречат «основным законам» страны. В. И. Ленин напечатал тогда по поводу этой декларации статью в «Волне» под заглавием: «Ни земли, ни воли» (14/V. — 1906 г.).

[2]) 20 июня 1906 г. было опубликовано правительственное сообщение по аграрному вопросу, полемизировавшее с крамольной Госуд. Думой, посягающей на священные устои земельной собственности, и обещавшее утолить земельный голод крестьянства при помощи Крестьянского банка.

ске и на Кавказе [1]) наглядно доказывают, что́ такое в настоящее время преданность войска. И если теперь революционное брожение охватило еще не все части и правительство п о к а может подавлять военные бунты, то в ближайшем будущем положение должно резко измениться: гражданская война вскоре революционизирует всех. Это — не более как вопрос времени.

Повторяю, государь, я из тех, кто желал бы последовать вашему призыву — сплотиться вокруг престола! Но как это сделать, когда вокруг престола плотною стеною стали злейшие враги монархии,— те, кто под предлогом защиты вашей прерогативы защищают собственную свою прерогативу. Как и чем защитить престол против т а к и х защитников! А потому я обращаюсь к в а м как м о н а р х и с т. Государь, удалите ваших советников! Устраните от защиты престола их, ведущих Россию к республике: ведь они губят то самое, что защищают!

Ваше императорское величество! Я знаю, что вы воодушевлены благим намерением защищать частное землевладение. А потому я обращаюсь к вам как землевладелец. Нет большей опасности для землевладения, чем пребывание у власти нынешних министров! И х з а щ и т а сулит землевладельцам нищету и гибель. Пока в Петербурге заседала Дума, мы могли надеяться сохранить часть наших земель и получить справедливое вознаграждение за остальные. Теперь надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, более того, — подвергает опасности самую нашу жизнь. Министры ваши вселили в крестьянство убеждение, что Дума распущена во имя интересов частного землевладения, что роспуск вызван происками помещиков. Тем самым помещики отданы на растерзание; в деревне уничтожен самый призрак безопасности. И если раньше, нападая на нашу собственность, крестьяне щадили личность, то теперь нельзя ручаться ни за что.

Я всегда испытывал и неоднократно высказывал в печати глубокое отвращение к аграрным погромам. Я не из тех, кто думает, что можно смотреть на них, сложа руки. Необходимо защищать мирное население против разбойничьих нападений и отражать силу силою. Но при нынешнем настроении крестьянства отказ в коренной земельной реформе делает силу никуда негодным орудием. Силой можно покарать мятежников, но невозможно предупредить волнений. Наконец, при нынешнем настроении войска нельзя предугадать, куда в решительную минуту повернутся штыки: против крестьян или против помещиков.

Но допустим, что среди пылающих усадеб владельцев можно восстановить мир и порядок! Что толку помещикам в кровавом порядке на развалинах! И если у них останется что-нибудь, кроме развалин, что́ станется с ними, когда, после удаления военной силы, они снова очутятся лицом к лицу с озлобленным и доведенным до отчаяния населением? Чем т о г д а может быть обеспечена их безопасность? Есть только одно средство умиротворить деревню: включить в правительственную программу широкую земельную реформу на основе принудительного отчуждения, ускорить созыв Думы и образовать новое общественное министерство. Тогда и применение военной силы будет достигать цели. А главное, оно будет вполне справедливым: ибо тогда придется бороться против отдельных бунтарей и громил, а не против всей крестьянской массы!

Вот те причины, государь, которые побуждают меня обратиться к вам. Я вижу, как стараниями ваших министров прогрессивно ухудшается положение. Они всеми силами стараются изолировать ваш престол, лишить вас всякой поддержки и опоры. Я с ужасом вижу, что вокруг вас постепенно образуется пустота, и под вами разверзается бездна. И в довершение всего русское общество взволновано тревожными слухами о нависшей над Россией грозной опасности диктатуры.

---

[1]) Восстание в Свеаборге происходило 17—20 июля 1906 г. под руководством офицеров с.-д. Емельянова и Коханского; 20 июля вспыхнуло восстание в Кронштадте среди 4 и 5 мор. экипажа и части сапер.

Да отвратит господь от вас и от России эту новую беду! Те, кто советует вам учредить диктатуру, не отдают себе отчета в значении этого ужасного совета! Ведь это значит поставить престол против подданных и подданных — против престола. Это значит бросить в революцию или обречь на полное бессилие все те мирные слои русского населения, которые доселе ей не сочувствовали или прямо ей противодействовали. Опасность — не в революционерах и не в революционной пропаганде, а в том широком общественном сочувствии ей, которое растет с ужасающей быстротой благодаря правительственной политике последнего времени. Быть может, правительству удастся теперь репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье! Но да не вводят вас в заблуждение эти временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и последний взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сравняет с землею русскую культуру!

Теперь грозный признак заключается в ужасающем бессилии умеренных партий. Защитники престола умолкают, ибо их не слушают: у них вырвана почва из-под ног, и отняты все доводы. Они не могут уверить население, что правительство когда-либо согласится на коренную земельную реформу, что оно когда-либо послушает голоса народных представителей и вернет земле тот мир, в котором она нуждается.

Но как ни грозно положение, оно еще не безнадежно. Ибо пока, к счастью, государь, в ваших руках ваш престол и судьба родины. И есть исход для мирного разрешения тяжелого кризиса.

Я знаю, что невозможно сделать бывшее небывшим; я прекрасно понимаю, что невозможно свести на-нет совершившегося факта роспуска Думы. Но образование нового министерства из людей, не связавших свои имена с роспуском, министерства из одних общественных деятелей не выходит из пределов возможного. И в этом, я в том уверен, заключается единственный способ спасения. Если, в связи с ускорением срока созыва Думы, вы составите кабинет из людей, коим верит страна, искренность конституционных убеждений коих не внушает сомнений, вы успокоите общественное мнение, которое теперь взволновано опасением государственного переворота. Не скрою, государь, что это опасение в настоящее время находит себе почву в обстоятельствах, сопровождавших роспуск Думы. Ибо, вследствие назначения срока созыва новой Думы на февраль следующего года, государственный бюджет будет, вопреки основным законам, рассмотрен без участия Думы. Этим подрывается в населении вера в искренность желания министров исполнить вашу волю — сохранить незыблемыми основные законы вообще и представительные учреждения в особенности.

Но дело не в одном успокоении общественного мнения. Вам нужны слуги, искренне вам преданные, люди с общественным чутьем, понимающие значение переживаемого нами кризиса. Ибо нынешних ваших советников губит непонимание, бездарность, отсутствие непосредственной близости с деревней и полное незнакомство с общественной жизнью.

Государь, тот приказный строй, который вы осудили, во всяком случае обречен на гибель. Но если вы будете медлить его упразднением, если вы не поспешите удалить советников, воспитанных в его преданиях, вы сами будете погребены под его развалинами. А вместе с вами погибнет и наше лучшее будущее, наша надежда на мирное обновление родины.

Как монархист, я говорю от всей души: да сохранит всевышний ваши дни, да минует нас чаша сия.

Вашего императорского величества верноподданный профессор московского университета

Князь *Евгений Трубецкой*.

Москва. 24 июля 1906 года.

К. П. Романов в характеристике княгини Д. Х. Ливен.

Печатаемая ниже характеристика великого князя Константина Павловича и рассказ об отречении его от престола принадлежат княгине Д. Х. Ливен (1784—1857). И по положению своему при дворе, и по редкой наблюдательности княгиня Ливен представляется чрезвычайно ценной свидетельницей в вопросах интимной истории русского двора.

Она была дочерью баронессы Бенкендорф (урожденной Шиллинг-фон-Канштадт), которая связана была тесною дружбою с женою импер. Павла, Марией Федоровной. Ее брат, Александр Христофорович Бенкендорф, играл видную роль в царствование Александра I, а при Николае I был одним из самых близких к нему лиц и по личной дружбе, и по должности шефа жандармов. По окончании Смольного института Дарья Бенкендорф была назначена фрейлиной к императрице Марии Федоровне. В 1801 г. она вышла замуж за графа (позднее князя) Христофора Андреевича Ливен, сына известной Шарлотты-Екатерины Карловны Ливен, которой, по выбору Екатерины II, поручено было воспитание детей Павла Петровича и которая занимала совершенно исключительное положение при дворе в царствования Екатерины, Павла, Александра и Николая. Жених Д. Х. пользовался расположением императора и, несмотря на свою молодость, — ему было тогда 25 лет, — уже третий год занимал пост военного министра. Он был близок и к Александру I в течение всего его царствования: состоял при нем во время Аустерлицкого сражения, сопровождал его в Тильзит. В 1809 году Х. А. Ливен был назначен посланником в Берлин, а в 1812 году, по восстановлении дружественных отношений с Англией, был аккредитован при Сент-Джемском дворе, при котором и оставался до 1834 года, когда ему было поручено воспитание наследника престола—Александра Николаевича.

Графиня Ливен сумела у себя в Лондоне создать блестящий салон, где собирались все дипломатические знаменитости и выдающиеся политические деятели без различия партий. Чрезвычайно наблюдательная и с детских лет знакомая с интимными отношениями русского и других дворов, графиня играла крупную роль в дипломатическом мире и оказывала известное влияние на политику английского правительства в интересах России. Муж постоянно советовался с нею по всем вопросам своей деятельности. Однажды он предложил ей составить очередную депешу к гр. Нессельроде, и затем графиня не раз писала для мужа донесения в Петербург. Это не осталось тайной для русского двора и встречено было сочувствием, так как графиня, несомненно, превосходила дарованиями своего мужа. Нессельроде, минуя последнего, завел с нею непосредственную переписку. Сам Александр беседовал с нею об европейской политике, а в 1818 и 1822 годах графиня, по его приглашению, приезжала на конгрессы в Ахен и в Верону и играла немалую роль в их закулисной истории.

Возвратившись в 1834 году в Россию, графиня Ливен не могла сжиться с атмосферой николаевского двора. Николай оказывал ей особенное внимание и всячески старался снискать ее расположение, но не имел в этом успеха: Ливен плохо скрывала свою антипатию к нему, и Николай, в свою очередь, ее не взлюбил. В 1839 году, после смерти мужа, она окончательно поселилась в Париже, в старинном отеле Талейрана, который она приобрела. Только два раза покидала она Францию — в 1848 году и во время восточной войны. В ее салоне опять собирались дипломатические и политические знаменитости всех стран, и он приобрел широкую известность.

После Д. Х. Ливен осталась обширная переписка и воспоминания, небольшая часть которых опубликована в разных изданиях. В «Государственном Архиве» в Москве, в фонде I (бывший «Библиотеки Зимнего дворца»), под № 1427, хранятся четыре тетради ее записок. Из них печатается здесь отры-

вок, в оригинале озаглавленный — «Le grand duc Constantin».

Представляет несомненный интерес характеристика Константина Павловича, даваемая столь осведомленным и умным наблюдателем, каким была Ливен. Она весьма недвусмысленна, как ни смягчает ее благодушный юмор княгини, несмотря на все недостатки Константина, к нему расположенной. Но наибольший интерес в печатаемом отрывке представляет рассказ самого Константина об его отречении от престола, который Ливен слышала от него лично в Варшаве в 1830 году и тогда же записала. Правда, в рассказе этом есть очевидные и очень крупные неточности: помолвка, брак Константина с кн. Лович, манифест Александра о детях некоронованных супругов членов царской фамилии и отречение Константина — все отнесено к одному времени, между тем как на самом деле события эти шли в определенной последовательности. 20 марта 1820 года последовал манифест о разводе Константина Павловича с в. кн. Анною Федоровной, содержавший постановление о том, что дети от брака членов императорской фамилии с некоронованными особами не имеют права на престол. 12 мая того же года состоялось бракосочетание великого князя с Иоанной Грудзинской. Письмо Константина Павловича об отречении было составлено во время пребывания его в Петербурге в январе 1822 года и помечено 14 января. 2 февраля того же года последовало ответное письмо Александра I, а неопубликованный манифест о назначении наследником Николая Павловича был подписан 16 августа 1823 года.

Таким образом, в рассказе Ливен совершенно очевидна известная путаница, кто бы ни был в ней повинен— Константин ли, от которого исходит рассказ, или Ливен, его записавшая; можно, пожалуй, даже сомневаться, имела ли вообще когда-либо место в действительности сцена между двумя братьями, так ярко передаваемая в рассказе. И тем не менее рассказ этот имеет определенное психологическое значение, ибо очень характерно, что в 1830 году Константин (или хотя бы Ливен) могли т а к именно представлять себе отношения между братьями и тон их разговоров, как это изображено в рассказе. Рассказ интересен так же, и как восходящее к самому Константину свидетельство о том неотступном давлении, которым старший брат и мать старались привести его к окончательной решимости осуществить на деле давнишние свои планы об отречении от престола. Очень интересен и отзыв Константина о Николае I и о взаимных их отношениях в 1829 году.

Рассказ Ливен, написанный по-французски, печатается здесь в переводе. Французское «Vous» в разговоре Константина и Александра передано русским «ты».

Б. Сыроечковский.

Великий князь Константин.

Великий князь Константин, сын императора Павла, родился в 1779 г. в царствование своей бабушки, императрицы Екатерины. Екатерина дала ему историческое имя в тайной надежде на великое будущее; его окружили молодыми греками, обучили ново-греческому языку; несомненно, он был воспитан в предположении, что займет когда - нибудь константинопольский престол. В 1796 г. он женился на принцессе Саксен-Кобургской; в том же году умерла императрица Екатерина. Великая княгиня была прелестна. Муж ее оставил; она утешилась, и последствия этих утешений заставили ее в 1801 г. покинуть Россию, с тем, чтобы больше туда не вернуться.

Великий князь отличался большим умом; у него было доброе сердце, он был великодушен, симпатичен, но эти хорошие склонности его натуры заслонялись недостатками его характера: он был вспыльчив, своенравен, даже жесток и очень распутного нрава. До бессмыслия увлеченный военщиной, он любил парады, но недолюбливал войны; он говорил, что она портит сол-

дата. С солдатами он обращался безжалостно, офицеров отправлял под арест за какую-нибудь слишком высоко или низко пришитую пуговицу, но и для тех и для других он широко открывал свой кошелек. Немного сумасбродный, а в сущности добрый человек, он возбуждал к себе в России всеобщую ненависть и страх, и он прекрасно это знал. Одно качество приписывали ему все единодушно — трусость, и были правы; и этому его свойству мы обязаны тем, что не имели его своим повелителем.

Он долго добивался развода, но императрица-мать, опасаясь вторичного брака, постоянно противилась этому. Она слишком хорошо знала своего сына, чтобы не опасаться на этот счет, да и сама по себе мысль о возможном потомстве у Константина была ей неприятна: она любила великого князя Николая и мечтала о престоле для него. Однако, после 18 лет стараний и просьб, уверенная, что великий князь заключит брак неравный, несоответствующий его званию, она согласилась на развод, а великий князь действительно женился на молодой польке, избранной им из среды мелкого дворянства Варшавы. Одновременно появился указ императора Александра, который объявлял лишенными прав на корону всех детей, происходящих от союза, в котором стороны будут неодинакового ранга. Статья эта была дополнительно внесена в законы империи, регулирующие порядок престолонаследия, которые обнародованы были императором Павлом при его короновании, в апреле 1797 г.

Великий князь Константин получил этот указ в Варшаве, две недели спустя после свадьбы; часом позже он садился уже в экипаж, чтобы ехать в Петербург. Он мчался день и ночь и явился неожиданно перед императором Александром в кабинете последнего.

Вот дословный рассказ об этом свидании самого великого князя; он рассказал мне это в Варшаве 27 июня 1830 г., и я тогда же все записала.

— Зачем ты приехал и притом без моего разрешения?

— Мне не нужно разрешения, чтоб явиться требовать отчета в оскорблении!

— Каком?

— Твой указ!

— В том, что делаю, я не обязан отчетом никому.

— Ты обязан дать отчет мне. Ты сделал меня мишенью своего издевательства, и я явился сюда именно затем, чтобы объявить тебе и доказать, что твои стрелы меня не задевают. Ты могуществен, ты всесилен, но ведь будет день, когда и я буду таким, и я сумею переделать тогда все, что ты сделал. Что останется от твоего указа, когда я издам указ противоположный? Все будет в моей воле. Но я хочу тебе доказать, что уже и теперь моя воля, и только моя воля, решает все дело. Престол? кто тебе сказал, что я его хочу? Мой отец, мой дед были убиты,— я хочу спокойно жить и спокойно умереть. Я люблю служить и не люблю управлять. Чтобы сказать тебе это, я и приехал сюда, и вот—акт, которым я отказываюсь от своих прав на империю.

Брат был поражен, он отшатнулся и не хотел брать бумагу, которую я ему протягивал. Но я настаивал и не брал ее обратно. Тогда император сказал мне, что мы прежде всего обязаны послушанием нашей матери и что только она может решить вопрос. Я понял, что́ он хотел сказать этим. Мы сейчас же отправились к матушке. Она не была непреклонна,—у нее были на то свои причины,—и тут же в присутствии только двух свидетелей, князя Александра Голицына и князя Петра Волконского, она и брат скрепили подписями привезенный мною акт, который был положен в двух экземплярах—в архиве Государственного Совета, в Петербурге, и в Кафедральном соборе, в Москве.

Так вот с тех пор я—свободный человек, и завтра, 28 июня, вы меня увидите на заседании польского сейма, бок-о-бок с добрым обывателем Праги [1], благоговейно слушающим речь, которую мой младший брат будет произносить с высоты трона. Я думаю, что я поумнее его, и уж, конечно, я счастливее.

[1]) Константин Павлович, как известно, заседал в сейме в камере нунциев в качестве депутата от Пражского предместья.

И он заскрежетал зубами, говоря мне это.

Это был большой чудак, но я его знала только с хорошей стороны.

Любезный, остроумный, галантный— со мною он был всегда таким, и притом всегда оказывал мне полное доверие.

Его дурачества были подчас грубы, и проделывал он их одно за другим на тысячу ладов, притом самых нелепых.

Одно время была полоса мистификаций. В 1804 г. в Петербурге, во французском придворном театре, был актер-комик Фроже; человек умный, довольно хорошего тона, принятый в некоторых немного эксцентричных домах. Он скоро стал предметом забав великого князя, который часто приглашал его к себе обедать. Однажды великий князь подговорил двух своих адъютантов затеять ссору с Фроже; тот защищался остроумно и немного задорно. Вскоре и великий князь вмешался в спор и сказал несколько резких слов Фроже. Привыкший к шуткам великого князя, который обыкновенно допускал возражения, Фроже решил что может воспользоваться этим обычным своим правом; тогда великий князь вдруг гневно вскочил из-за стола и сказал Фроже:

— Сударь, вам не пройдет безнаказанно оскорблять великого князя!— и, обращаясь к одному из адъютантов

— Сударь, возьмите этого нахала и выбросьте его за окно!

Великий князь занимал первый этаж в Мраморном дворце, здании очень высоком; окно открыли, и офицеры схватили несчастного, дрожавшего всем телом Фроже и выбросили его на дворцовый двор. Там Фроже мягко погрузился в кучу пуха, нарочно приготовленную для этой сцены. Великий князь смеялся, как безумный, глядя на него сверху, и Фроже смеялся внизу, растянувшись на пуховике. В тот же вечер великий князь послал Фроже кошелек с 10.000 р. Своеобразное и немного дорогое высочайшее времяпрепровождение!

Корф в полемике с Герценом.

В августе месяце 1857 года выпущено было в свет первое «для публики» издание книги статс-секретаря барона Модеста Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Два предшествующих издания этой книги— в 1848 г. и в 1854 г. — были выпускаемы всего лишь в 25 экземплярах, предназначавшихся только для членов царской семьи и лиц высокопоставленных. Известен характер этого сочинения, составленного по высочайшему повелению, на основании записок «высоких персон» и под редакцией самого Николая: написанное витиеватым и напыщенным «придворным» слогом, полное лести, оно имело задачей прославить великодушие, благородство и храбрость Николая и выставить заговорщиков легкомысленными и гнусными трусами. При этом работе своей автор стремился придать видимость полной объективности, постоянно указывая свои источники и обильно цитируя документы. Тем не менее в его искусном построении легко вскрывается и подтасовка фактов, и фальсификация документов, и весьма вольная композиция отдельных подробностей.

В подцензурной русской печати не могло, разумеется, появиться никакой критики книги, выпущенной «по высочайшему повелению», но «вольный русский станок» за границей дал ей должную оценку.

В четвертом № «Колокола» от 1 октября 1857 года напечатано было, помеченное 20 сентября, письмо Герцена к императору Александру II. Минуя Корфа, которому уделено лишь несколько презрительных замечаний, Герцен обращается прямо к Александру с вопросом, зачем понадобилось ему выпускать в свет это полное лжи и клеветы, бестактное и неприличное восхваление предшествующего царствования, которого он, Александр, не является, как хочет верить Герцен, продолжателем.

Александр II читал «Колокол». Октябрьский номер 1857 г. был в его руках в начале ноября; через шефа жандармов, кн. В. А. Долгорукова, он переслал его Корфу.

Корф был очень задет и встревожен статьею Герцена; первою его мыслью было, что инцидент может отразиться на служебной и придворной его карьере, вызвать немилость Александра, которого подвел он под бичующие удары беспокойного эмигранта.

Корф берется за перо и составляет предназначаемое только для царя возражение Герцену. Через В. А. Долгорукова 12 ноября 1857 г. он представляет его Александру; через два дня он получает свою записку обратно с собственноручною резолюциею царя, в которой тот вновь выражает ему благодарность за его труд, а «на бранные слова Герцена» весьма решительно советует «плевать».

Таким образом, при дворе инцидент был улажен. Теперь Корфу хотелось ответить Герцену. В начале 1858 г. редакция «Полярной Звезды» выпустила книгу «14 декабря 1825 г. и император Николай», с предисловием Герцена, в которой вновь, и не менее беспощадно, доставалось Корфу. Вскоре появилась на французском, а затем на немецком и итальянском языках брошюра Герцена «Русский заговор 1825 года», в которой опять затронут был мимоходом и Корф. Корфа считали в публике, а главное — он сам себя считал, просвещенным и либеральным сановником, и он очень дорожил этой репутацией Между тем обличения Герцена отбрасывали его в одну кучу с Бенкендорфами, Левашовыми, Орловыми и другими «стариками, пустыми и легкомысленными, баснословного невежества, без малейшего понятия о государственном деле», которые десятилетиями сидели в канцеляриях и достались Александру по наследству от Николая; Корф для Герцена лишь «юнейший» из этих «старцев».

Как видно из позднейших пометок Корфа на его записке, представленной Александру, у него мелькала мысль огласить ее в печати. Но после энергичного совета «плевать» на Герцена Корфу вообще нельзя было вступать от своего имени в полемику со своим обличителем, а, кроме того, записка, изготовленная для царя, и по содержанию своему не годилась для восстановления либеральной славы честолюбивого статс-секретаря; наоборот, она дала бы Герцену лишь новый повод к еще более язвительным и убийственным нападкам. Между тем о своих сборах отвечать Герцену Корф, повидимому, говорил кому-нибудь из «друзей»; во всяком случае, слухи об этих его планах дошли и до Герцена, и в 14 № «Колокола» — от 1 мая 1858 г. — появилась задорная заметка:

«Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу о «14 декабря 1825 г.»? Просим и желаем».

И вот, под впечатлением этого прямого вызова, Корф в летние месяцы 1858 г. делает набросок письма к Герцену. Оно составлено было от имени неизвестного автора и о Корфе говорило в третьем лице. Содержание его явствует из того несколько иронического заглавия, которое сам Корф дал позднее своему писанию — на обертке, в которую вложены листы его манускрипта: «Самовосхваление против Герцена». «Самовосхваление» осталось незаконченным, и мысль послать его Герцену, очевидно, мелькавшая первоначально у Корфа, была им скоро оставлена. Записку эту при жизни автора никто не видал и не читал, однако, он ее и не уничтожил, и она сохранилась среди бумаг, переданных сыном его в «Библиотеку Зимнего дворца»; теперь она находится в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве.

Соединенные в одном и том же архивном фонде [1]), обе записки — и представленная Александру, и предназначавшаяся для Герцена — остаются выразительным памятником борения двух душ, происходившего в груди николаевского сановника, раболепно служившего самодержавию и в то же время стремившегося уверить если

[1]) Арх. Окт. Рев. Отдел IIа, бумаги «Библиотеки Зимнего дворца», №№ 2073 и 2566.

не других, то хотя бы самого себя в том, что он не чужой и для либерального движения русской общественности, — двойственность, имевшая место в психологии русских бюрократов крупных и мелких, и до и после Корфа.

Ниже печатаются обе записки Корфа и сопровождающие первую из них документы. Из этих документов — письмо Корфа В. А. Долгорукову и резолюция Александра II были уже напечатаны по копиям Шильдера М. К. Лемке в дополнениях к 9 тому выполненного под его редакцией «Полного собрания сочинений и писем А. И. Герцена» — ПТБ. 1919 г. Стр. 605.

Б. Сыроечковский.

I.

М. А. Корф В. А. Долгорукову.

«Колокол» в руках у государя, и д р у з ь я мои, конечно, не упустят этого доброго случая мне услужить. Надо же чем-нибудь им противодействовать, и вот я написал мой plaidoyer [1]), который предаю на ваш суд, любезный князь. Помогите мне здесь, как всегда. Очень чувствую, что бумага моя никуда не годится, потому что я никогда не упражнялся в литературной полемике и у меня недостает на такие отпоры ни остроты, ни нужной дозы насмешливости. Очень чувствую далее, что здесь нужны три условия: 1) conserver ma dignité vis-à-vis d'un pareil être, 2) le couvrir de ridicule и 3) tout en le faisant au moyen de quelques traits incisits, ne pas montrer de rancune personnelle [2]); но как соединить эти условия—that's the question [3]). Ваше перо и ваша дружба мне помогут. Вы, вероятно, бросите мою бумагу под стол и напишете совсем новую.

Одно, чего не надо упускать из виду: эта бумага собственно для государя, а отнюдь не для публики.

Вслед за моей бумагой вы найдете выписку из самой статьи Герцена; но дай бог вам ее прочесть: для выигрыша времени я написал ее с большими сокращениями.

8 ноября (1857 г.).

2.

Докладная записка М. А. Корфа Александру II.

Генерал-адъютант князь Долгоруков сообщил мне с высочайшего соизволения нумер «Колокола», в котором помещен пасквиль на книгу: «Восшествие на престол императора Николая I».

Ваше императорское величество, всемилостивейше простите мне, если, изложив некоторые мысли по поводу этой статьи, я осмелюсь отнять ими несколько минут драгоценного вашего времени, не из авторского тщеславия, здесь неуместного, но из священного для каждого русского желания охранять свою честь перед лицом монарха, даже если бы грязь была брошена в нее рукою Герцена.

Мне нельзя было не предвидеть, что мое имя, выставленное на книге, будет мишенью для подобных выстрелов; но я с первой минуты готов был их перенести: я дорожу в этой жизни лишь вашею, всемилостивейший государь, милостию, благодарною памятью о царственном моем благодетеле и спокойствием моей совести.

Статс-секретарь барон *Модест Корф*.

12 ноября 1857 г.

[1]) Защитительное слово.

[2]) 1) Сохранить достоинство пред лицом подобного субъекта, 2) выставить его смешным и 3), делая это посредством нескольких резких штрихов, не показать личного раздражения.

[3]) Вот вопрос.

На этой записке карандашом, рукою Александра II, написана следующая резолюция, относящаяся, как видно из пометки Корфа, к 14 ноября:

«На бранные слова Герцена советую вам п л е в а т ь, они большего не заслуживают. Вам же все благородные люди останутся вечно благодарны за сохранение для потомства одной из самых примечательных страниц нашей истории. О личной моей благодарности я не говорю, — она вам давно известна».

Под текстом записки рукою Корфа сделаны следующие две карандашные заметки:

«После моей смерти, и когда обстоятельства позволят, прошу моего сына напечатать это оправдание его отца против человека, которому сам он, с своей стороны, давно в сердце простил, но которого нарекания должны быть опровергнуты во имя исторической истины.

9 июня 1867 г., в день пятидесятилетия моей службы».

«Нет: смерть Герцена п р е ж д е меня слагает с моего сына исполнение этого завета. Теперь мой несчастный противник предстоит другому суду, нежели человеческий, и т а м определится, на чьей стороне была истина.

22 февраля 1870 года».

3.

В о з р а ж е н и я К о р ф а на с т а т ь ю Г е р ц е н а.

«В о л ь н ы й русский писатель» г. Герцен-Искандер уже несколько лет тому назад с восхищением передавал русским, что народ польский, в то время как сейм произносил низвержение дома Романовых, служил торжественную панихиду по Муравьеве, Пестеле и их друзьях.

Тот же «вольный русский писатель» постоянно украшает заглавный лист своей «Полярной Звезды» портретами пяти государственных преступников, казненных в Петербурге в 1826 году, а по его словам «беспощадно побитых грозою за то, что они слишком верили в Россию и слишком рано вышли на поле, запечатлев мученичеством свой подвиг».

Посему легко было заранее предвидеть, с каким чувством встретит этот писатель книгу «Восшествие на престол императора Николая I», где мятежники названы «мятежниками», какими они были в самом деле, а не «спасителями отечества, замученными тираном», какими изображает их революционная его кисть. Заранее также можно было предвидеть, какою ядовитою желчью обольет г. Герцен и составителя книги, будь он даже не «к а к о й - н и б у д ь Корф», а первый историк и первый публицист в мире, и содержание книги, которое само собою рисует величественный, рыцарский образ монарха, бывшего всегда метою злобных, площадных его клевет и ругательств.

Предвидения эти исполнились. Щедрая брань Герцена не могла, однако же, ни оскорбить, ни даже огорчить меня: голословность ее служит, напротив, лучшим доказательством, что события в книге изложены верно и с истинной точки зрения, ибо критик, чувствуя невозможность опровергнуть самые факты, должен был истощить свою изобретательность на фразы, — фразы à l'effet обыкновенное оружие памфлетистов, — и эти стрелы свои направить против личности и нравственных свойств редактора, не имеющего чести быть ему известным.

Но, являясь в настоящем деле не столько частным лицом, сколько исполнителем воли правительства и даже его органом, я считаю долгом оговориться от тех нареканий, которые во всяком другом случае забыл бы тотчас по их прочтении.

Г. Герцен называет текст книги «отталкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепству, по своему

канцелярскому подобострастию, по своей уничиженной лести». Где мой критик нашел следы всего этого в книге, излагающей одни голые факты, без всяких личных рассуждений ее редактора? На чем, при изложении событий или изображении характеров, отразились эти качества? Сам император Николай не дозволил бы, в описании событий 14 декабря, как и во всем другом, не только слова, даже и тени лести. Так, в первой редакции он собственноручно вычеркнул одно место, где рассказывалось, как Сперанский, при разговоре о дне 14 декабря, назвал его «героем». Вина моя перед г. Герценом и ему подобными — в том, что я, говоря об императоре Николае, выражался почтительно, как свойственно всякому русскому, если бы даже не по сердцу, то по долгу приличия, когда он пишет о монархе России. Эту вину я не только с радостию принимаю на себя, но, по христианскому чувству, сердечно желал бы, чтоб и г. Герцен был в ней соучастником. Почтительность выражений о почившем в бозе государе я соблюл бы, несмотря на всех Герценов в мире, и тогда, когда писал бы что-либо собственно от своего имени; тем еще более лежал на мне этот долг в книге, изданной в свет от имени русского императора, от имени сына, передающего современникам и потомству страницу из исторической жизни своего отца. Конечно, г. Герцену, по свойствам его, трудно понять различие между раболепством и почтительностию и еще труднее ему оценить, как следует, все то, что не носит на себе следа злобы и клеветы против монарха, которого он низко обманул при его жизни и которому за свой собственный обман порывается в бессильном ожесточении мстить еще и после его смерти.

Продолжая разражаться своими эффектными фразами, мой критик рисует отвратительную картину, где представляет меня «идущим за тогдашними палачами для того, чтобы осквернить гробы людей если и заблуждавшихся, то чистых и пламенно любивших Россию».

К счастию, не таково чувство, возбужденное моею книгою во всех людях благомыслящих, во всем огромном большинстве. За изъятием немногих отдельных лиц или кружков, привыкших все порицать или всего бояться, все с признательностью приняли благородную мысль монарха обнародовать ныне же, пока еще живы многие из современников, истинный очерк событий, уже принадлежащих истории; все оценили и ту бережливую снисходительность, с которою говорится в книге о преступниках, — снисходительность, простертую до того, что имена переживших заговорщиков в ней совсем умолчаны; не осталось незамеченным публикою и то, что вся книга проникнута состраданием к несчастным, а не упреками виновным. Но людей, замышлявших цареубийство и готовившихся привести его в исполнение или действительных убийц Милорадовича и Стюрлера, или изрубивших Шеншина, Фредерикса и Хвощинского, или посягавших на митрополита, шедшего в волнующуюся толпу с крестом и словом примирения,— таких людей называть «чистыми» может лишь г. Герцен. Этого утешения он никогда не дождется от истории. Милосердие Александра II все простило и забыло; соответственно сему чувству милосердия эпилог книги всех, принимавших участие в 14 декабря, покрыл белым знаменем, назвав одних: «обольщенными самонадеянностию», других — «увлеченными неопытностию молодости». Но событие все-таки остается событием; убийства уже ничто не смоет со страниц летописи; скрыть его или умалить значило бы действительно исказить истину, известную всякому в России, заподозреть верховный уголовный суд в бесчеловечной несправедливости, а членов сего суда и самого даже монарха признать преступниками против закона и совести. Да не будет так! История всегда с праведным отвращением назовет имена Равальяков, Анкерштремов [1]), Каховских, какими бы лаврами

[1]) Равальяк — убийца Генриха IV, Анкерштрём в 1792 г. покушался на убийство короля шведского Густава III.

единомышленники ни старались их увенчивать; с таким же омерзением станет говорить о Мацциниях, Кошутах, Герценах, потому что защищать преступление и возбуждать к нему есть иногда вина тягчайшая самого преступления; наконец, не забудет и того, что̀ ожидало бы Россию 14 декабря, еслиб предприятие этих «чистых, столь пламенно любивших ее людей» имело успех хоть на несколько часов!

Замечательно, что в том же номере «Колокола» г. Герцен объявляет о своем намерении перепечатать вполне «Донесение следственной комиссии и приговор верховного уголовного суда 1826 года». Нельзя, конечно, ни минуты сомневаться в том, что он выдаст эти исторические акты, как и мою книгу, за ложь, раболепство и подобострастие, а свой пасквиль возведет на степень неумытной правды. Но все ли ему поверят? А между тем этою перепечаткою давно забытых и исчезнувших актов не осквернит ли он, гораздо более нашего, любезные ему могилы, возобновив в памяти людской ковы, умыслы и трусость участников 14 декабря, о которых у нас упомянуто только вскользь; огласив снова имена переживших, которые у нас сокрыты; наконец, еще положительнее обнаружив безрассудство и ничтожность тех, которых он силится изобразить невинными мучениками святого дела? Где же будет тут то «примирение и понимание, то почтительное благоговение перед былым», которых он требует от других, и не сам ли он первый дерзко разроет могильные холмы своих друзей, мимо которых мы прошли с спокойным молчанием?

Далее г. Герцен винит «статс-секретаря и кавалера» в «жалком, ложном и рабском воззрении на события, которых смысл и сам Николай лучше его (т.-е. лучше Корфа) понимал, потому что вспомнил о них еще на смертном одре, и в бросании оскорбления людям, так беспощадно побитым грозой за то, что слишком верили в Россию».

Вопреки диктаторскому тону г. Герцена, напоминающего собою другого печальной памяти диктатора за кулисами, никто, считающий несчастием безначалие, кровопролитие и междоусобие, не может иметь другого «воззрения» на события 14 декабря, как выраженного в моей книге. Точно так же, а не иначе, понимал смысл их и император Николай, которого собственоручная записка послужила главным материалом всей книге, но который на смертном одре, вопреки клевете г. Герцена, только всех и всех простил, не упомянув ни одним словом о сих событиях. Если наименование революции «революциею» и сознательно принимавших в ней участие «заговорщиками и мятежниками» составляет «жалкое, ложное и рабское воззрение», то я и здесь опять охотно беру на себя упрек г. Герцена. Пусть он изобретает для этих действий новые выражения, а я «в рабском моем воззрении» не могу назвать бунта благом, ни возбудителей его—благодетелями человечества. Но и из числа этих его героев никто не был «беспощадно побит грозой», потому что император Николай для всех смягчил приговор, основанный на точной силе законов, не вновь сочиненных именно на этот случай, а давно существовавших; не многие и погибли за то, что «слишком верили в Россию», потому что большая часть настоящих заговорщиков думала совсем не о России, а только о самих себе, точно так же, как г. Герцен, все обливая своею желчью и всем подавая свои советы, думает, конечно, совсем не о пользе покинутого им отечества. В противоположность тому, что совершается теперь в наших глазах, деспот Николай великодушно призрел семейства осужденных, а свободная Англия, дающая притон русскому изменнику, расстреливает у пушечного дула своих непокорных подданных, хотя и они, может быть, только «слишком верили в Индию», и растерзывает их невинных жен и детей, при рукоплесканиях своего вольного книгопечатания, столь взыскательного к другим. Отчего г. Герцен, отъявленный враг «рабских воззрений» и «татарского раболепства», не почтил своим вниманием этого контраста?

Чтобы нанести редактору окончательный, решительный удар, г. Герцен

воспользовался весьма известною в журнальной полемике уловкою. Желая убедить своих читателей, что книга достигла чего-то совершенно противоположного той цели, для которой ее издали, он говорит, что я «выдал императора Николая и всех присных его на всеобщее посмешище, не щадя ни пола, ни возраста». Ясно, что в этом замечании должно крыться что-то очень остроумное, но истинный смысл его не легко понять, потому что никому из нас не легко вознестись на высоту воззрения г. Герцена. Разве, может быть, показались ему смешными не изменявшее императору Николаю в этот день ни на минуту мужество и присутствие духа; или волнение и слезы его родительницы и супруги; или решимость царского брата с опасностию жизни войти в толпу увлеченных к бунту солдат, чтобы вывести их на прямой путь; или подвиги геройского самоотверженья, явленные митрополитом Серафимом, Милорадовичем, Стюрлером, Орловым и другими верными сынами России; или общая преданность к царю и престолу огромного большинства войск и народа; или восторг, с которым саперы приветствовали вынесенного к ним царственного отрока? Позволено думать, что если бы во всем этом проявлялась хотя одна сторона, одна точка, доступная насмешке или осуждению, то г. Герцен превознес бы мою книгу до небес; но именно в неистовых его ругательствах я и нахожу высшую ей похвалу. Смешны тут,—и если бы г. Герцен мог писать иначе, то, верно, он сам бы в том сознался, — смешны тут, говорю, но печально-смешны, одни собственные его герои, с их безрассудною попыткою, не имевшею ни цели, ни возможной, не только вероятной, надежды иного успеха, кроме анархии и кровопролития.

Что же касается способа, употребленного г. Герценом, излагать события для потехи своих читателей в смешном виде, то это — дело весьма легкое. Ход всей всемирной истории мог бы быть изложен в той же самой форме, в какой критик передал факты благородной, беспримерной в народных летописях борьбы между братьями, отрекавшимися от верховной власти. К счастию, наука и ее жрецы только с улыбкою презрения смотрят на клоунов, вторгающихся иногда в ее священную область с своими фарсами.

Наконец, еще несколько последних слов о смешном упреке, делаемом мне г. Герценом, «в безграмотности» книги, которой составление, однако, как сам он далее говорит, поручили мне будто бы потому, что знали мое «бойкое, хотя и несколько горячее» перо. Уверенность в блестящее и непогрешимое знание русского языка есть вообще слабая струна моего критика. Точно такие же упреки делал он не понравившимся ему манифесту о мире и всемилостивейшему манифесту 26 августа 1856 года, писанным не мною. Если бы я мог снизойти до печатной полемики с г. Герценом, то нашел бы, в моей безграмотности, достаточные средства доказать, если и не «горячо», то, может быть, довольно «бойко», что г. Герцен, впадающий на каждом шагу в ошибки против первых правил нашего языка, не есть судья в этом предмете.

В статье г. Герцена встречается однако же одна очень справедливая мысль: «Вместо брани,— пишет он,— не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной (т.-е., должно быть, «спокойной») мыслию и постараться понять их смысл».

Жаль, что г. Герцен сам не пользуется теми советами, которыми он так щедро наделяет других!

4.

Самовосхваление против Герцена.

(Оставшееся, разумеется, только в рукописи и еще никому мною не показанное.)

Барона Корфа невозможно подводить под один уровень с теми из числа сановников наших, которых вы избираете метою ваших, к сожалению часто справедливых порицаний. Государственная деятельность его всегда

стояла на первом плане, и Россия помянет его не одним благим делом. В свое время правая рука Сперанского, Корф один создал 5 томов из числа 15-ти, составлявших первое издание Свода законов. Он же извлек потом канцелярии комитета министров и государственного совета из той моральной грязи, в которой обе валялись при прежних начальниках, и возвел ту и другую на невиданную у нас степень честности, правдивости и порядка. С изумительною деятельностию и быстротою в работе, с неприкосновенною чистотою правил, с светлым практическим умом, с высшим образованием [1]), он везде и во всем служил сам примером и руководителем для своих подчиненных.

Ему же было поручено впоследствии довершение воспитания в науке законодательства и управления в. к. Константина Николаевича и, позже, обоих младших его братьев. В государственном совете, в главном правлении училищ, в опекунском совете — он теперь член всех этих установлений,— как и в разных высших комитетах, часто раздавалась увлекательная и энергическая его речь за правду, за все доброе и полезное, и часто предупреждала она много дурного и нелепого.

Из хаоса библиотеки, называвшейся Публичною, но в существе представлявшей только огромную кладовую без света и без жизни, Корф успел создать такой дом науки, который если еще не первый в мире по своему богатству, то, конечно, первый по своему устройству и особенно по той либеральности и приветливости, с которой принимаются и удовлетворяются многочисленные его посетители от первого вельможи до крепостного человека, от знатнейшей дамы до повивальной бабки. Самое издание книги, возбудившей в вас столько негодования [1]), Корф, не только не богатый, но не имеющий ничего, кроме служебных окладов, с самоотвержением обратил на пользу действительнейшего теперь у нас рассадника просвещения: тотчас при выходе в свет «Восшествия на престол Николая I» объявлено было, что государь, по просьбе редактора, предоставил всю выручку в пользу Публичной библиотеки, а из напечатанного отчета за 1857 год видно, что до 1858 г. этот источник принес свыше 24-х т. р.

Наконец, тому же лицу наша литература и наша наука обязаны чрезвычайно верным шагом — уничтожением по его докладу в самые первые месяцы нынешнего царствования тайного, порожденного политическим страхом 1848 года цензурного комитета, который представлял настоящую литературную инквизицию, тем более страшную, что она карала писателей и цензоров, ни у кого не спрашивая ответа и сама ни перед кем ни за что не отвечая [2]).

И одних исчисленных мною действий — многое, быть может, осталось мне еще неизвестным — достаточно, чтобы привязать имя этого благородного человека и истинного патриота к нашей административной истории. Свет и движение вперед во всем полезном для отечества были всегдашним его девизом, и, товарищ по школе Пущина и Кюхельбекера, он, хотя и другими путями, стремился к одинаковой с ними цели. Напрасно же вы его называете «каким-нибудь» и осыпаете насмешками или, прямее сказать, ругательствами. В России они не найдут ни веры, ни отголоска и только разве заподозрят правдивость

---

[1]) Вы ошибаетесь, относя окончание воспитания Корфа к царствованию Николая. Он был воспитан в Царскосельском лицее в самую светлую его эпоху (1811 — 1817) и принадлежал к одному выпуску с Пушкиным. (Примечание Корфа.)

[1]) Вычеркнуто: «сколько ни естественно всякому пользоваться для самого себя плодами своего труда».

[2]) К сожалению, Корф не упоминает, что комитет этот и учрежден был в 1848 г. в результате представленной им тогда докладной записки о вредном влиянии «Отечественных Записок» и «Современника» и что он состоял членом, а позднее председателем, этого комитета.

многих из числа ваших замечаний насчет других лиц [1]). Скажу более, вы сами не верите ничему тому, что говорите о Корфе, потому что, верно, слыхали о нем совсем другое в бытность вашу и в Москве, и в Перми, и в Новгороде, как, может быть, продолжаете слышать теперь в Лондоне.

Имя его начало выдвигаться вперед — извините, вы ведь не любите старости — еще с тридцатых годов, и общий голос уже десятки лет призывает его на министерские посты, преимущественно юстиции и народного просвещения. От этого самого, вероятно, и не был он министром при Николае, не любившем слушаться общественного мнения. Теперь же обойдение Корфа при увольнении Норова [2]) приписывается в публике совсем другой причине, истекшей, впрочем, также лишь от благородства его характера и, так сказать, государственной его честности. Быв назначен государем в число членов высшего комитета по крестьянскому вопросу, он прямо и смело просил уволить его от этого звания, не по недостатку сочувствия к великой мысли,— Корф всею душою издавна ей предан,— а потому, как гласно высказал, что не имел сам крестьян, никогда не жил в деревне и не находит в себе нужной опытности для помощи святому начинанию, а главное — боится, чтобы его имя, как человека беспоместного, не заподозрило дела в глазах помещиков и тем не повредило успеху. Это известно целому Петербургу, а из Петербурга разнеслось и по всей России; и такая черта самоотвержения стяжала Корфу еще бо́льшую популярность, хотя, разумеется, не понравилась многим из его товарищей, которые внутренно чувствовали, что для блага России и им надлежало бы по его примеру уступить место людям более сведущим. Со всем тем, они не нашли в себе довольно духа, чтобы отказаться подобно Корфу, которого вы выставляете искателем почестей, от наград и отличий, ожидающих их при конце этого дела. От этого самого многие из них, натурально, старались представить государю подвиг Корфа [1]) в превратном виде; но если и успели через то охладить прежнее расположение к нему Александра, то не могли, однако, подорвать доверия к государственным его достоинствам; доказательством этому то, что при увольнении весною 1858 г. больного графа Блудова за границу должность его, т.-е. управление важнейшею — законодательною — частию государевой канцелярии [2]), та самая должность, которую занимали некогда Сперанский и Дашков, вверена была не другому кому, как именно Корфу, и ему же, перед совершеннолетием наследника, велено было ознакомить его для подготовления к присяге с основными началами законоведения, что тоже так вам не полюбилось.

[1]) Вычеркнуто: «занимающих у нас высшие посты».

[2]) Норов оставил пост министра народного просвещения в 1858 году.

ПРИМЕЧАНИЕ.

К о р ф, Модест Андреевич, граф, статс-секретарь, член государственного совета (11 сент. 1800—2 янв. 1876). По окончании в 1817 г. Царскосельского лицея поступил на службу в департамент юстиции. С 1818 г. по апрель 1826 г. состоял редактором в комиссии составления законов, выполнял и другие служебные поручения. Одновременно с 1823 по 1826 г. служил в департаменте разных податей и сборов министерства финансов. В 1826 г. Сперанский привлек его во II отделение собственной е. и. в. канцелярии, где он принимал участие в работе по составлению Свода законов. С 6 мая 1831 г. он назначен был управляющим делами комитета министров

[1]) Вычеркнуто: «в превратном виде, как бы вроде оппозиции или трусости, и таким образом человека, еще от времен первой молодости горячо призывавшего освобождение у нас крепостных людей, человека, уничтожившего у нас тайную цензуру и открывшего в библиотеке широкие двери просвещению»... «этот подвиг истинной государственной честности».

[2]) Д. Н. Блудов с 1839 г. состоял главноуправляющим II отделения с. е. и. в. канцелярии.

и по этой должности стал ближе известен Николаю I. В 1834 г. он назначен был исправляющим должность государственного секретаря. С 1 января 1839 г. — утвержден был государственным секретарем. 11 апреля 1843 г. был назначен членом государственного совета. В 1848 г. Корф представил докладную записку о вредном влиянии «Отечественных Записок» и «Современника», в результате которой учрежден был особый комитет о цензуре под председательством Бутурлина, членом, а позднее и председателем которого Корф состоял до его упразднения при Александре II. В сороковых годах Корф преподавал юридические науки в. кн. Константину Николаевичу и другим великим князьям. 8 октября 1849 г. на него было возложено управление Публичной библиотекой». 6 декабря 1861 г. Корф был назначен главноуправляющим II отделения собственной е. и. в. канцелярии. 27 октября 1864 г. был назначен президентом департамента законов государственного совета. 1 января 1872 г. был уволен по прошению в отставку, при чем Корфу, имевшему уже все русские ордена, было пожаловано графское достоинство. В оба царствования Корф принимал участие в работах различных правительственных комитетов и комиссий.

Корфу принадлежит несколько исторических работ, среди которых, кроме книги о восшествии на престол Николая I, крупнейшей является двухтомная биография Сперанского, вышедшая в 1861 г.

Стихотворение декабриста.

Стихотворение это печатается по копии, находящейся в «Архиве Октябрьской Революции» в Москве в бумагах быв. «Библиотеки Зимнего дворца». Под № 2284 в составе этого фонда имеется тетрадь с пометкой: «Из бумаг кн. А. Б. Лобанова-Ростовского» и озаглавленная: «Из записок Александра Михайловича Муравьева». Первые 20 страниц этой тетради заняты выдержками из записок А. М. Муравьева на французском языке; затем на стр. 21 написаны «Требования Общества» (о которых см. ниже), и далее идет печатаемое здесь стихотворение «Желания».

Несколько лет тому назад стихотворение это, написанное рукою Ф. Ф. Вадковского, находилось и в нашем семейном архиве. Теперь утрачено. Стихотворение было написано на 4-й странице писчего листа грубой желтоватой бумаги. На первом листе была пометка рукою моего отца, Е. И. Якушкина: «Из бумаг Пущина». Весь лист был исписан мелким, узорным почерком Вадковского. $2^1/_2$ страницы были заняты известным рассказом о восстании Черниговского полка. Текст не отличался от печатного. Внизу третьей страницы находилось два стихотворения: известное стихотворение С. И. Муравьева-Апостола и сочиненная М. А. Бестужевым «Песня» — «Что не ветр шумит во сыром бору»... На 4-й странице находились два стихотворения: печатаемое здесь с нумерованными пояснениями «Требования Общества» (как и у Лобанова-Ростовского) и другое стихотворение, озаглавленное «Странная история». В последнем стихотворении в юмористической форме рассказывалось о свержении самодержавия.

Я указал выше, что этот документ утрачен; а так как утрата из архива такого документа составляет тяжкий проступок и ложится пятном на хранителя, в данном случае на меня, то я считаю необходимым объяснить, как это произошло.

Лет пять тому назад копии этих двух стихотворений я передал П. Е. Щеголеву, с тем, чтобы он напечатал их в «Былом». Приблизительно через год П. Е. Щеголев, будучи в Москве, зашел к нам и попросил познакомиться с подлинником этих стихотворений, говоря, что в моих копиях он не все разбирает. Я передал П. Е. Щеголеву до следующего дня три документа: кроме

листа, писанного Вадковским, еще письмо М. А. Бакунина к моему отцу и копию письма Бакунина к Гастфорду. Все эти документы он обещал вернуть на другой день. Но на другой день утром П. Е. Щеголев сообщил мне по телефону, что он вчера вечером все эти документы потерял.

Несколько раз потом я просил П. Е. Щеголева прислать мне копии этих стихотворений; он обещал и не прислал.

Печатаемое стихотворение с художественной стороны очень слабо, но содержание его надо признать очень значительным. В нем содержится программа, которую ставили себе декабристы. В общем программа эта совпадает с той, которую приводит в своих «Записках» А. М. Муравьев, как программу «Союза Благоденствия» [1]). Но в этом стихотворении программа выражена гораздо подробнее, определеннее и резче. Она близка и к тем «Требованиям», которые изложены в писанных рукою Ф. Ф. Вадковского пунктах, печатаемых ниже.

В тексте, находящемся в бумагах Лобанова-Ростовского, пропущен 5-й стих. Насколько я могу припомнить, в нашем списке стих этот читался так: «Вот, за что хотели мы нашу кровь пролить»... Стих этот внесен в печатаемый ниже текст в квадратных скобках—[ ]. 4-й стих читался: «А твой Белый царь»...

Копия кн. Лобанова-Ростовского называет автором Вадковского. Наш список не давал для этого указаний, так как из 4-х стихотворений, которые там были помещены, два не принадлежат Вадковскому. Написано стихотворение в Сибири, не позднее 1843 г.

Стихи Ф. Ф. Вадковского.

ЖЕЛАНИЯ.

1. Помнишь ли ты нас, Русь святая, наша мать,
Иль тебе, родимая, не велят и вспоминать?
Русский бог тебе добрых деток было дал,
А твой бестия [2]) царь их в Сибирь всех разослал!
5. [Вот, за что хотели мы нашу кровь пролить:]
Чтобы кровию той волюшку тебе купить,
Чтобы на Руси цепь народа разорвать,
Чтоб солдатушкам в службе век не вековать;
Чтоб везде и всем одинаковый был суд,
10. И чтобы никто больше не слыхал про кнут,
Чтоб судили вслух, а не тайно, не тишком,
И чтоб каждому воздавалось поделом;
Чтобы всякий мог смело мыслить и писать,
Правду-матушку на весь мир провозглашать;
15. Чтобы твой народ сам собою управлял,
Чтобы чрез избранных он законы поставлял,
Чтобы всяк берег те законы пуще глаз
Помня про себя: глас народа — божий глас!
Чтобы на Руси всюду школы основать,
20. С тем, чтобы мужичков не могли бы надувать;
Чтобы не было ни вельможей, ни дворян,
Дармоедов тех, что живут на счет крестьян.

---

[1]) См. эти «Записки» в книге Ф. Шимана: «Убиение Павла I и восшествие на престол Николая I». Берлин. 1902, стр. 165; по-русски «Записки» изданы под ред. С. Я. Штрайха — СПБ., 1922.— Напомним здесь эту программу: «Уничтожение рабства. — Равенство граждан перед законом. — Гласность в государственных делах. — Гласность судопроизводства. — Отмена винной монополии. — Упразднение военных поселений. — Улучшение участи защитников отечества. — Уменьшение двадцатипятилетнего срока военной службы. — Улучшение участи нашего духовенства. — Сокращение состава армии для мирного времени.»

[2]) Зачеркнуто: «блудный».

Вот чего тебе мы хотели добывать;
Вот за что твой царь нас велел заковать!
25. Вспомни же ты нас: деток ты не забывай...
Хоть за их любовь иногда их вспоминай!

Требования общества.

Писаны рукой Ф. Ф. Вадковского.

1. Уничтожение самовластия.
2. Освобождение крестьян [1]).
3. Преобразования в войске.
4. Равенство перед законом.
5. Уничтожение телесных наказаний.
6. Гласность судопроизводства.
7. Свобода книгопечатания.
8. Признание народной власти.
9. Палата представителей.
10. Общественная рать или стража.
11. Первоначальное обучение.
12. Уничтожение сословий.

Сообщил *Е. Е. Якушкин.*

Песня декабристов.

Печатаемое ниже стихотворение хранится в семейном архиве Якушкиных в Москве. Оно написано на полулисте белой шероховатой бумаги с водяным знаком 1831 года. Почерк мелкий, красивый; в некоторых местах находятся поправки той же рукой и подчистки. В нашем семейном архиве нет образчиков этого почерка. Автора песни установить мы не могли, так как не имеем для этого данных.

С художественной стороны стихотворение это очень слабо. По содержанию оно интересно: оно показывает, что за десять лет убеждения декабристов не изменились. Все стихотворение проникнуто глубокой любовью к родине и свободе.

Стихотворение печатается по новой орфографии. Разрядкой набраны слова, подчеркнутые в оригинале.

Песня.

(На голос: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».)

Мать ты наша, матушка, православная!
Мать наша родимая, ты святая Русь!
За что, наша матушка, ты прогневалась?
Али мы не кровные все дети твои?
5. Али в ретивом у нас не любовь к тебе?
Али мы неправдою служили тебе?
Как была невзгодушка, помнишь, страшная!
Когда чудь немецкая хлынула на Кремль,
И златые маковки пылали в огне,
10. И тебе осталася одна грудь сынов!
Кого ты вскормила уж из нас деточек,
Те, ведь, не задумались — з а т е б я г о р о й...
Посмотри-ка на поле Бородинское:
Нашей крови капельки, верно, там найдешь!
Были и под Полоцком, под Тарутиным,
Гнали злого ворона за Березину.
15. Отстояли матушку — ну! других спасать!
И славу родимыя пронесли за Рейн;
Протрубили громкую с Бель-виля в Париж,
Оглушили на веки всех врагов твоих!
Домой воротилися, думали найти

[1]) Крестом отмечено в оригинале, как и в следующих строках.

Тебя, нашу родную, в славе и чести,
Свободну и счастливу, как быть надлежит.
Что же очутилося? — тебе ж хуже всех!..
Чужого-то выжили, — свой ворог насел!
Вздумал тебя, милую, запросто душить.
Закипело в детушках молодецкое,
Загадали роднушку еще раз спасти!
Смигнулись, стакнулися и стали за одно:
Одно было в помысле, в чувствах и делах.
Не было в дому твоем правды ни на грош;
Одни из нас, оставя меч, засели в приказ.
Что могли, то делали, чтобы злу помочь,
Разбудить других сынов от рабского сна.
Не стало вдруг барина, барчук наступил;
Вышли мы «впервые» с самим говорить.
Мы ли виноваты в том, что выдали нас? —
Одни нас не поняли, — другие молчок!
С барскими картечами не смогли, как быть!
Первую-то песенку, ведь, зардевшись, спеть.
На площадь Петровскую, на сенат взгляни:
Ужли не дымятся там наших кровь-мозги? —
Стены затирали хоть чистой известью;
С площади смывали кровь в ночь из поливней;
Но она не смоется с твоей памяти;
Топором не вырубишь с скрижалей долой.
Взгляни-ка: на крепости виселицы нет;
Но пять теней грозных носятся над ней!
А там что, за Киевом? — кровь Черниговцев,
Ипполита юного — не греческого:
Любил тебя, матушка, не как пасынок;
Не морское чудище сразило его,
Погубила юношу дума светлая:
«Крепостною мать мою видеть не могу!»
Осмотри-ка «Домик» свой на всем Севере:
Куда наших косточек не закинули? —
Томились в железах мы, страдали в тюрьмах,
Гибли в Грузии, в Суздале, на Ленских брегах;
Мели в Чите улицы, засыпали рвы; —
Рвались бы служить тебе, а мелем муку
Жерновами тяжкими вот уж десять лет!
На то наши головы обрекла судьба!..
Но чем твои доченьки провинилися,
Что ты позабыла их и не видишь слез?
Посмотри-ка, родная, одной уже нет:
Схоронили милую в дальней стороне!..
Нет, нет, наша матушка, не забыла ты;
Только делать нечего тебе, вишь, самой.
Ждешь, наша родимая, поры да чреды,
Кормишь себе деточек новых побойчей.
Есть уж чем утешиться, не долго терпеть,
Подрастают молодцы, уж не нам чета!
Пусть их будто учатся — равно трех любить:
Двух старушек хромушек, да девукрасу,
Красавицу девицу — что кровь с молоком!
Какая в Новгороде коли-то была.
Не то совсем смекают деточки твои;
Любовь у них тлеется к девице одной.
Дай-ка разгореться ей — старухам не смочь.
Тогда будет жутко ворогам твоим;
Воспокаются, да поздно, во грехах своих! —
Заживешь ты, матушка, тогда барыней.
Тогда-то, родимая, вспомни о нас,
Сгреби наши косточки и поплачь на них!

1 января 1836 г.

Ивану Ивановичу Пущину на память.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Ст. 30—Пущин и Рылеев.

Ст. 48. Ипполит Муравьев-Апостол, младший брат Матвея и Сергея. Ипполит застрелился 3 января 1826 г. во время неудачной битвы под Белой Церковью, когда увидал, что брат его Сергей упал раненым.

Ст. 63—64. Александра Григорьевна Муравьева, жена Никиты Михайловича. Умерла в Петровском Заводе в 1832 году.

Стих. 71 и след. Это место надо, может быть, понимать в связи с лозунгом: православие, самодержавие и народность.

Сообщил *Е. Е. Якушкин*.

Инструкции по Алексеевскому равелину С.-Петербургской (Петропавловской) крепости.

История С.-Петербургской (Петропавловской) крепости, как места заключения государственных преступников, начинается с XVIII века, и с Алексеевским равелином связаны самые интересные ее страницы. Входящий в систему крепостных сооружений и в то же время расположенный вне основных стен, равелин явился чрезвычайно удобным и как будто специально приспособленным местом для заключения особо секретных узников. Алексевский равелин был ближе и поместительнее, тогда как Шлиссельбург в это время требовал серьезного ремонта.

В 1802 году равелин, который до сих пор был, вероятно, в распоряжении уничтоженной тайной экспедиции, вернулся под начало коменданта Петропавловской крепости. Оставить его на одинаковом положении с прочими частями крепости было невозможно по тем функциям, какие равелин должен был выполнять. Необходимо было создать стройную и последовательную организацию надзора за арестантами и строгой дисциплиной обеспечить не только невозможность побега, но и секретность самого заключения. 1 декабря 1808 года, по всеподданнейшему докладу, были «поставлены правила для сохранения внутреннего благоустройства в Алексеевском равелине и в рассуждении содержания заключаемых в оный арестантов».

Но и это положение оказалось неудовлетворительным. В 1812 году последовал новый всеподданнейший доклад, в котором министр полиции и с.-петербургский военный губернатор Балашов объяснял, что «ныне по разным встретившимся, вашему императорскому величеству известным уже, обстоятельствам оказываются необходимы некоторые перемены в сем учреждении, равно как и определение особенного смотрителя, коего доселе не было положено, должность же сия присоединялась мало-по-малу к обязанностям плац-майора». Получив высочайшее утверждение, Балашов назначил смотрителем Лилиенанкера, занимавшего эту должность до 1827 года, — года его смерти, — и при особом отношении дал ему две первых из ниже напечатанных инструкций.

По положению 1812 года, власть коменданта крепости оканчивалась наружным караулом у стен равелина. Порядок этот имел существенные неудобства, поскольку равелин был все же частью Петропавловской крепости, и по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел графа Кочубея в 1820 году было решено «для лучшего удобства в устройстве Алексеевского равелина обратить оный в ведомство» коменданта; последнему предписывалось «относиться к управляющему министерством внутренних дел о всем том, что до арестантов, содержания их и прочего касаться может». Немалое значение в этой перемене, вероятно, имела личность тогдашнего коменданта Петропавловской крепости, Александра Яковлевича Сукина, пользовавшегося большим доверием и оставившего немалый след в истории крепости. С его именем связана эпоха пребывания декабристов в Петропавловской

крепости, и его-то перу принадлежит третий из печатаемых документов.

Положение коменданта в декабре 1825 года было, действительно, трудное. Масса арестантов из рядов гвардейских офицеров, часто влиятельных и чиновных, вызовы на допрос во дворец к самому Николаю I, личные распоряжения его то о заковании в кандалы, то о снятии их, то о каких-нибудь льготах тому или иному арестанту, то, наоборот, об усилении строгости, заседания суда, происходившие в самой крепости, передача писем, одежды, табаку, наконец, свидания,—все это требовало напряженного внимания и осторожности. Озабоченный серьезностью положения, А. Я. Сукин в препроводительной бумаге писал смотрителю равелина Лилиенанкеру: «хотя вашему высокоблагородию известны данные от меня приказания и правила по содержанию арестантов и по всем прочим частям..., но, как важность преступления и число присылаемых ныне по высочайшему повелению в равелин арестантов требуют от каждого чина, в равелине служащего, точнейшего исполнения обязанности, на него возложенной, для того и препровождаю при сем наставление состоящему под начальством вашим обер-офицеру, прикомандированному... с 2-мя унтер-офицерами и 50 рядовыми для караула и надзора за содержащимися в сем равелине арестантами». В этой инструкции особенно интересны меры предосторожности против самоубийства арестантов.

Что они достигали цели,—об этом говорят подробности самоубийства Булатова и неудачных покушений (позднее) Свистунова.

Все три печатаемые инструкции сохранили свою силу до самого конца этой секретнейшей политической тюрьмы в 1884 году.

Два первых документа печатаем по копии 1820 года, присланной коменданту по случаю передачи ему начальства над равелином и находящейся в книге входящих бумаг управления коменданта по Алексеевскому равелину за 1820 г., л. л. 5—10; третий—по копии середины XIX века, так как подлинник не сохранился.

1.

Инструкция смотрителю над Алексеевским равелином.

1812 г., марта.

Вследствие высочайше его императорским величеством конфирмованного доклада назначаетесь вы смотрителем находящегося в Санкт-Петербургской крепости Алексеевского равелина; а дабы вас поставить в полное разумение всей важности возлагаемой на вас обязанности, к непременному исполнению предписывается вам следующее:

1. Вы состоять будете под непосредственным начальством военного губернатора. Вся внутренняя стража Алексеевского равелина, все арестанты и все хозяйственное распоряжение сего равелина поручаются без изъятия в совершенное ведение ваше.

2. Внутренняя стража, имеющая состоять под начальством вашим, заключается из одного обер-офицера, двух унтер-офицеров и пятидесяти рядовых. Обер-офицеру сему, который вам подчиняется для облегчения и точнейшего выполнения налагаемой на вас обязанности, прилагается особенная инструкция. Из положенного же числа рядовых 50 человек назначаются некоторые караульными внутри комнат и у ворот дома, другие для хождения по коридору и исправления тех потребностей, о коих внутренний караульный им объявлять станет, а один для варенья кушанья: все сие по усмотрению вашему с доклада военному губернатору.

3. Сумму на содержание сей команды, на поправку и починку дома, на дрова и свечи, на продовольствие арестантов и на прочие хозяйственные издержки по-

лучать вам от военного губернатора. На записку прихода и расхода сих денег иметь вам особенную книгу и отдавать в них отчет военному губернатору.

4. Строение, в котором содержатся арестанты, во всех его частях, мебели, столовые и кухонные вещи и посуда, а также белье столовое и постельное, вверяясь в особенное попечение ваше, принять и содержать по описи в надлежащем порядке, чистоте и бережливости и смотреть наиприлежнейше, дабы никто из нижних чиновников Алексеевского равелина для себя ничего не употреблял.

5. На ответственности вашей лежит, чтобы отпускаемые деньги по установлению доходили до каждого сполна и покупаемые на продовольствие припасы и питья были свежие и добрые, дабы изготовленная пища была с нужным опрятством и вкусом, кухонная посуда была всегда хорошо вылуженная и посуда с бельем чисто вымытые, а соответственно тому и белье постельное и носильное.

6. Строго наблюдать, чтобы в комнатах, в коридоре и кухне полы мели ежедневно по утру, обметали пыль со стен и мебелей и мели также и в саду дорожки теми солдатами, которые не стоят на часах. Сор в углах не накоплять, а выносить вон ежедневно. Комнаты и коридоры курить можевельником, в хорошую погоду или другое время, когда нужно и удобно будет, отворять для перемены воздуха форточки.

7. Покупку припасов делать всегда повару с унтер-офицером и тут иметь бдительнейший надзор, дабы при выходах из равелина не дать поводу к каким-либо сношениям с арестантами.

8. Вообще иметь строгое бдение за содержащимися, дабы они не могли иметь никакого ни друг с другом, ни с кем посторонним ни словесного, ни письменного сношения; о каждом же вновь заключенном арестанте получить всякий раз от с.-петербургского военного губернатора особенное словесное приказание, как с ним поступать.

9. Иметь крайнюю осторожность и бдение за содержащимися к упреждению и самому недопущению покушения на побег или собственное повреждение, или погубление жизни и для того, при введении арестанта в равелинский дом, чинить ему обыск и отбирать у него все смертоносные вещи и деньги; делать оным записки и докладывать военному губернатору для отдачи к сбережению, куда приказано будет. В сем случае никакое к арестанту снисхождение места иметь не должно, разве будет какое-либо особое по сему обстоятельству приказание от военного губернатора.

10. Арестантов выпускать с караульными по одиночке пройтиться по коридору и в находящийся внутри стен садик, который для этого и в зимнее время от снега очищать. В сие время надлежит иметь ту предосторожность, чтобы прогуливающегося никто из прочих арестантов не видал и караульный о нем никого не извещал, для чего время прогулки назначать вам по усмотрению вашему.

11. Для умаления у содержащихся неразлучной с их положением скуки давать им по их избранию читать книги русские, французские и немецкие, для чего и, приняв в ведение ваше заведенную при доме Алексеевского равелина библиотеку, умножать оную покупкою новых книг.

12. Если приключится кому из содержащихся болезнь, то, осмотрев оного, немедленно донесть имеете военному губернатору и ожидать дальнейшего его приказания.

13. Наконец, иметь вам неослабное наблюдение, дабы находящийся под начальством вашим офицер, по данной ему инструкции, с которой вам прилагается список, выполнял все наложенные на него поручения с точностью и исправностью.

Верно: директор *Фон-Фок*.

2.

Инструкция офицеру при команде Алексеевского равелина.

1812 г., марта.

Поручив по высочайшему повелению Алексеевский С.-Петербургской крепости равелин со всеми содержащимися в нем арестантами в особое ведение смотрителя и подчинив вас со всею вверенною вам командою непосредственному начальству оного, для вящшего руководства вашего поставляю в непременную вам обязанность:

1. Выполнять все, что вам от господина смотрителя приказано будет, с неослабною точностию и исправностию.

2. В воротах дома Алексеевского равелина иметь один пост, на коем часовым денно и ночно иметь смотрение, дабы в оный никто притти не смел и из него не вышел без ведома вашего и смотрителя, что также прикажите унтер-офицерам наблюдать и в самом равелине. Ежели бы кто-либо посторонний пожелал туда войти или каким-либо образом и вошел, то, несмотря ни на какое лицо, часовой должен такового задержать и чрез унтер-офицера уведомить вас, а вы доносите смотрителю.

3. В каждую комнату, где к содержанию помещен будет арестант, поставлять следует караульного солдата без оружия, которого обязанность будет смотреть бдительно, чтобы содержащийся никуда не выходил и не сделал себе вреда, и быть тут со сменою неотлучно день и ночь, наблюдая все его поступки.

Долг его по сему случаю будет доносить о поведении арестанта вам, а вы рапортуете об оном смотрителю каждое утро и вечер.

Сим караульным, между прочим, особенно внушать должно, чтобы они не пересказывали содержащимся никаких вестей и вообще не разговаривали с ними ни об чем, кроме касающегося до их потребности, и никаких записок, ни просьб от них не принимали. А дабы не могло вкрасться и тут злоупотребление, то в случае дозволения отлучиться солдату за надобностью из равелина, о чем, однако же, каждый раз докладывать смотрителю, должно вам его осмотреть, не имеет ли чего от арестанта, и строжайше подтверждать, чтоб по словесным иногда просьбам содержащихся не исполнял ничего, а для лучшей тут осторожности при возвращении к тому уже арестанту не допускать, а наряжать к другому.

4. Все сии посты приказать унтер-офицерам осматривать почасту, особливо же в ночное время, и за малейшее упущение взыскивать. Вам же самим посещать арестантов по несколько раз в сутки, остерегаясь, однако, беспокоить их во время сна, а для того в комнатах и коридорах огонь во всю ночь не погашать.

5. В сих помещениях обязаны вы осведомляться от самих арестантов, не грубил ли им караульный, и нет ли кому в чем надобности, — в зависящем от вас удовлетворить тот час, а о прочих надобностях докладывать смотрителю.

6. Вам, равно и подкомандующим вашим обходиться с содержащимися снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств, под опасением строжайшего за то наказания. Естьли же бы стали являться у них какие желания, несогласные с их положением, то осведомлять о сем смотрителя и отказывать с пристойностью и скромностью.

Верно: директор *Ф.-Фок.*

3.

Наставление обер-офицеру, командированному от подвижной инвалидной № 4 роты с 2-мя унтер-офицерами и 50-ю рядовыми в Алексеевский равелин, для караула и надзора за содержащимися в оном арестантами.

1825 г., декабря 31.

О заведывании арестантов. Все арестанты, присылаемые для содержания в Алексеевский равелин, долженствующие быть под надзором сего офицера и вверенной ему команды, состоят в ведении смотрителя того равелина под начальством коменданта С.-Петербургской крепости или того лица, кому они по высочайшему повелению поручены будут; для того и поставляется в непременную обязанность того обер-офицера:

1.

Обязанность офицера по наблюдению за вверенною ему командою. Командированному обер-офицеру, состоя под начальством смотрителя, иметь неослабное наблюдение за порученною ему командою, как за поведением нижних чинов, равномерно и за исполнением в точности возложенного на них присмотра за арестантами, и хотя избираются в оную начальством люди к службе усердные и поведения лучшего, но если бы при исполнении их должностей заметил тот офицер кого-либо из них ненадежным к исправлению оных, о таковых имеет он представлять немедленно смотрителю равелина и доносить в то же время коменданту С.-Петербургской крепости.

2.

О принятии арестанта смотрителем равелина под наблюдение свое и надзор обер-офицера с вверенною ему командою. При предписаниях коменданта к смотрителю Алексеевского равелина присылаемых в оный арестантов офицер по приказанию смотрителя должен принимать под надзор свой и вверенной ему команды и наблюдать неослабно, чтобы оная имела тех арестантов в надлежащем присмотре по нижеследующим правилам:

А. О посажении арестанта в назначенный покой и о осмотре платья его, вещей и бумаг, с ним привезенных. Каждого присланного для содержания в Алексеевском равелине, при посажении его в арестантский покой, смотритель равелина, которому о арестанте от коменданта или от высшего начальства писано будет, приказывает раздеть и надеть на него белье, обувь и всю одежду, для арестантов в равелине имеющуюся, а бывшее на нем платье, белье, парики или накладные волосы и все привезенные с ним вещи отбирает и осматривает или приказывает офицеру осмотреть по надлежащему и все оные, равно деньги, металлические, стеклянные и хрустальные вещи, даже часы, перстни, в особенности же привезенные с ним лекарственные вещества, капли, пилюли, порошки, пластыря, бандажи и бинты, табак курительный и нюхальный, также все смертоносные орудии и шнурки, коими можно себя умертвить, приказывает отобрать и хранить в кладовой при сделанной всему описи [1]), о бумагах же, какие у арестанта найдены

[1]) Таковая опись вещам, арестанту принадлежащим, должна быть подписана самим арестантом тем именем, как ему от смотрителя приказано будет, равномерно и при освобождении его он подписывает получение денег и вещей своих. Впрочем, во все время содержания его без особого повеления арестанту писать

будут, представлять немедленно коменданту реестр и ожидать повеления, куда оные отослать приказано будет. Таким образом, смотритель, отобрав у него все вещи, объявя ему о содержании, какое на него производить велено, и запретя арестанту, чтобы он о себе, кто он таков, и о деле своем никому ничего не объявлял, а говорил только о том, что к содержанию его нужно будет, с чем его и ключ от того покоя, буде по важности арестанта не сочтет за нужное оставить у себя, то и оный до вечерней зари отдает под надзор обер-офицера, который неупустительно наблюдать обязан, чтобы на арестанте и в покое, где он содержится, ничего не было принадлежащего арестанту; если же усмотрит что-либо из вышеупомянутых запрещенных вещей, то оные отбирает и в то же время доводит до сведения смотрителя, и без письменного повеления его ничего подобного у арестанта не оставляет, и если позволено будет иметь табак арестанту, то не иначе, как по осмотре врача и по заверению его о безвредности оного или покупаемой из лавок от купцов по приказанию смотрителя равелина. Наблюдать, чтобы и во время обеда ножей и вилок арестанту не давали, а приносили к нему всегда кушанье разрезанное.

Б. О наблюдении и присмотре за арестантом. Арестанта, содержащегося в доме, состоящем в Алексеевском равелине, сторожа, часовые и унтер-офицеры днем и ночью должны иметь в беспрерывном наблюдении, замечать сквозь небольшое стекло, в двери арестантского покоя имеющееся, все его действия и поступки и доносить об оном чрез своего офицера смотрителю равелина. Арестанта сего никто из посторонних лиц не должен видеть; для того в окнах его покоя нижние стекла должны быть закрашены выше человеческого росту, и арестанта ни за какими естественными надобностями из назначенного ему покоя не выпускать. Сторожу или рядовому, к прислуге в сей покой назначенному, не входить никогда одному к арестанту, как для подавания кушанья или питья, равномерно и для чищения, уборки, топления того покоя, подавания огня и прочих надобностей, но всегда должен входить с ним вместе унтер-офицер или вице-унтер-офицер, равномерно смотритель равелина без офицера или без унтер-офицера, или вице-унтер-офицера, так же, как и офицер, а во время болезни арестанта врач и никто из назначенных в прислугу к арестенту один к нему входить не должен, и только комендант имеет право быть один у арестанта без свидетелей или тот, кому имянно от коменданта позволено будет для отобрания иногда требующихся от арестанта нужных сведений.

В. О обращении офицера и нижних чинов с арестантами. В сих помещениях должно остерегаться, чтобы арестантов во время их сна без нужды не беспокоить; офицер обязан осведомляться от самих арестантов, не грубили ли им сторожа или унтер-офицеры и нет ли кому в чем надобности? В зависящем от офицера удовлетворять тотчас, а о прочих надобностях докладывает смотрителю. Офицер и все нижние чины из команды должны обходиться с содержащимися под их надзором снисходительно, не причиняя им никаких огорчений или каковых-либо насильств, под опасением строжайшего за то взыскания. Если же бы стало у арестантов являться какое-либо желание, не согласное с их положением, то доносить о сем смотрителю и отказывать с пристойностию и скромностию.

Г. О дозволении водить на прогулку и в баню арестантов. С дозволения коменданта можно арестантов водить в баню или в приготовленную для них ванну поодиночке, в каждую неделю по одному разу, а для прогулки в сад выпускать их также поодиночке, сколько раз в неделю погода и число арестантов то позволять будет. В бане при арестанте должны оставаться унтер-офицер или вице-унтер-офицер с рядовыми, а в саду иметь арестанта в наблюдении из окон коридора и сквозь стекло, в воротах вставленное.

запрещается. И книги для чтения ему давать по надлежащем осмотре из имеющихся в равелине с дозволения коменданта, наблюдая, чтобы книги не оставались у него в покое во все время его содержания в равелине.

Д. О карауле, обязанностях часовых, сторожей и рядовых, для прислуги арестантам назначенных, и о наблюдении за ними. Из состоящей при Алексеевском равелине команды от подвижной инвалидной № 4-й роты ежедневно наряжаются в караул при унтер-офицере или при вице-унтер-офицере 1 ефрейтор и 9 рядовых на 3 поста, из числа коих 1-й у ворот дома, в равелине состоящего, с приказанием в оные, кроме коменданта, смотрителя равелина и офицера той команды, никого без особого их приказания не впускать и для того, как только часовой увидит кого-либо, не принадлежащего к равелинной команде, идущего из Васильевских ворот в равелин, останавливает его на мосту и кричит унтер-офицера вон, который докладывает о нем смотрителю и, по приказанию его или офицера той команды, пришедшего пропускает в дом или, в случае сомнения, препровождают его за присмотром к коменданту. 2-й пост на углу дома с приказанием наблюдать тоже, что двум часовым от караула Васильевских ворот поставленным велено: чтобы из окон дома в форточки или в вентиляторы [1]) ничего не было выброшено и чтобы к окнам дома никто близко не подходил. Если же кто часовых в том ослушаться будет, таковых брать под караул и доносить о том коменданту чрез караульного унтер-офицера по команде. 3-й пост внутри коридора у кладовой с приказанием никого не впускать в оную без караульного унтер-офицера, а сей без офицера той команды, у коего хранится ключ от кладовой, и без смотрителя, который имеет за своею печатью кладовую, не впускает никого в оную без его приказания, кроме коменданта. Сверх того, сей часовой имеет приказание наблюдать притом за находящимися близ кладовой арестантскими покоями и содержащимися в оных арестантами со всею точностью, как о сем предписано выше сего, а за точным исполнением нижних чинов всего предписанного обязаны наблюдать неупустительно офицер той команды и смотритель равелина. Сверх вышеозначенных 3 постов, прибавляться могут по назначению коменданта посты в коридоре, по мере надобности, к покоям арестантским с приказанием наблюдать все вышепредписанное часовым, стоящим при арестантских покоях, а чтобы часовые и сторожа днем и ночью могли беспрерывно исполнять их обязанность, для того в покоях у арестантов и в коридоре у часовых во всю ночь должен гореть огонь в ночниках и фонарях и коль скоро погаснет, то по уведомлению часовых немедленно оные зажигают, чтобы во всякое время по обязанности своей смотритель, офицер и унтер-офицеры могли поверять часовых и видеть арестантов.

3.

О рапортах. О благосостоянии находящейся в равелине команды и о содержащихся в оном арестантах обер-офицер доносит ежедневно смотрителю равелина в каждое утро и вечер, о чрезвычайных же происшествиях в то самое время без малейшего промедления; а от смотрителя дневные рапорты о благосостоянии в равелине и прочие рапорты, списки о арестантах и ведомости о денежных суммах, равномерно и о случающихся происшествиях, подаются коменданту по установленному ныне порядку или как о том от коменданта приказано будет. Подлинное подписал комендант генерал-адъютант *Сукин*.

№ 281. В С.-Петербургской крепости. 31 декабря 1825 г.

Сообщил *Н. И. Сидоров*.

---

[1]) В подлинном: «винтерлаторы».

Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.

Роль Григория Гольденберга в разгроме народовольческих организаций если и была уже не один раз отмечена в историко-революционной литературе, то все же известна лишь по ссылкам на него в опубликованных материалах да по воспоминаниям деятелей этой эпохи. Самые показания печального героя народовольчества ждут до сего времени своей публикации, как и документы, относящиеся к истории самого предательства. А между тем только они одни в полной мере могли бы и вскрыть значение «откровенности» Гольденберга и позволить с точностью уяснить все ужасающие ее последствия.

Но есть и другая сторона в деле Гольденберга, — именно, вопрос, чем вызвана была его «откровенность» и почему крупный партийный работник стал предателем. В лице Гольденберга мы имеем дело не с провокатором: он именно предатель, но и предатель не обычного типа. Это не Окладский, сначала из страха смерти и наказания выдававший своих товарищей, а потом вошедший во вкус «легких хлебов» провокатора; это был человек, поверивший следовательским обольщениям жандарма и поверивший настолько, что когда почувствовал и понял действительность, он покончил жизнь самоубийством. Недаром в одном из писем своих к родным, опубликованным недавно Р. М. Кантором в № 6 (13) журнала «Каторга и ссылка», Гольденберг пишет: «...лечите Ильюшку, дабы фантазия не разыгралась у него, а то беда будет и ему, и другим. О, мамаша, если бы вы знали, сколько вреда приносит фантазия; прежде я чтил людей с богатым воображением, а теперь презираю, также и себя...» [1]).

Эти письма вообще интересны: в них выступает наружу и вся искренность убеждения Гольденберга в исключительном значении его роли, и все тягостные сомнения, которые не могли не зародиться в нем, особенно после того, как завязались сношения с другими народовольцами, сидевшими в крепости [1]).

Правдоподобность созданных фантазий и «надежд на отрадное будущее» поддерживались в Гольденберге и обстановкой его арестантской жизни. Любопытный в этом отношении материал дает сохранившееся в архиве С.-Петербургской (Петропавловской) крепости дело управления коменданта, № 62, «о заключении в крепость государственного преступника купеческого сына Григория Гольденберга», из которого и заимствованы оба напечатанных ниже документа. Дело хранится в 1-м Отделении Политической Секции Ленинградского Отделения Центрархива.

Правительство, действительно, дорожило своим «особо-важным» узником. Уже 10 апреля, за три дня до появления Гольденберга в Петербурге, III отделение извещает коменданта, что прибудет из Одессы «весьма важный» политический преступник Григорий Гольденберг и что главный начальник верховной распорядительной комиссии гр. Лорис-Меликов выразил желание, «чтобы Гольденберг был помещен в С.-Петербургской крепости при условии совершенного отделения его от камер прочих политических арестантов, дабы предупредить этим возможность сообщения его с последними даже посредством постукивания» [2]). В тот же день комендант уведомил о своем предположении поместить Гольденберга в Трубецкой бастион, «в оконечный фас этого здания из 8 нумеров, где он, будучи помещен в нижнем этаже под незанятыми нумерами в последней келии к глухой стене, расстояние от других арестантов на *восемь* пустых нумеров и лестницы» [3]). Едва успели

---

[1]) «Каторга и ссылка», № 6(13), стр. 147.

[1]) Любопытно отметить, что через коменданта крепости прошли 3 письма, адресованные Д. М. Гольденбергу (от 18 апреля, 4 мая и 1 июля), и два письма... начальнику киевского губернского жандармского управления (от 18 мая и 12 июня). — См. дело управления коменданта крепости, № 62, л.л. 12, 16, 26, 31 и 35.

[2]) Л. д. 1.

[3]) Л. д. 2.

привезти Гольденберга в крепость, как товарищ шефа жандармов, не ожидая распоряжения III отделения, собственноручным письмом в тот же день предлагает коменданту снять с арестанта кандалы. «Долгом считаю сообщить вам, милостивый государь, — пишет он, — что Гольденберг — особо-важный преступник, которого раздражать нежелательно, но хранить исключительно зорко необходимо» [1]). Не прошло и нескольких дней, как Гольденбергу были доставлены его собственные вещи, арестантский халат заменился штатским платьем, а на столе в камере появились письменные принадлежности.

Но подошел и час расплаты. В камере Гольденберга появились Плеве, наблюдавший за дознанием, тогда прокурор петербургской судебной палаты, известный полковник Оноприенко, следователь по народовольческим делам, товарищ прокурора одесского окружного суда Добржинский. Начались допросы, и с первых же «бесед» Гольденберг почувствовал беспокойство и всю сомнительность своего положения. Родилась тревога, и с нею вместе закралась мысль об ужасных последствиях, если все радужные перспективы будущего действительно окажутся нелепыми сказками. 5 июня Гольденберг пишет на имя гр. Лорис-Меликова первое прошение о разрешении ему содержаться в одной камере с Зунделевичем, и к этому времени он, вероятно, успел войти в сношения со своими товарищами. Каким способом? Вероятно, тем самым, о котором говорит комендант в своем донесении III отделению от 8 июня: «заведующий арестантскими помещениями крепости полковник Богородский сего числа представил мне шесть записок, написанных на кусочках бумаги из мундштуков папирос, которые вчера были подняты присяжным унтер-офицером Козаковым при жандармском унтер-офицере Тихонове в арестантском саду, непосредственно после прогулки особо-важного политического арестанта Григория Гольденберга... Записки, сколько можно судить по их содержанию, имеют характер преступного сношения со стороны Гольденберга с содержащимися в Трубецком бастионе политическими арестантами, которых он желает успокоить относительно своего поведения на следственном производстве и уверить их в той же преданности, что и прежде... Долгом считая препроводить означенные записки к вашему превосходительству, имею честь присовокупить, что Гольденберг, по распоряжению производящего дознание полковника корпуса жандармов Оноприенко и товарища прокурора Добржинского, пользуется некоторыми отступлениями от принятого в крепости правила строгого заключения: так, у него постоянно находятся в келии письменные принадлежности, и во время вызова в помещение комиссии предоставляется возможность разговаривать наедине с Зунделевичем, на скромность которого, в виду замеченного за ним желания входить в переговоры с товарищами по заключению посредством стука, трудно положиться» [1]).

Пересылая прошение Гольденберга от 5 июня, комендант указывал, что «камеры в здании Трубецкого бастиона приспособлены для одиночного заключения с прикрепленными к полу железною кроватью и другими принадлежностями на одного человека и что не было примера, чтобы когда-либо арестованные в крепости помещались вдвоем» [2]). Сыграли ли роль доводы коменданта, или для следственной власти все еще было важно не допускать возможности общения Гольденберга с выданными им народовольцами, — остается неизвестным, но Гольденбергу было отказано, и отказано наотрез, как это отмечено и в резолюции коменданта на нижеприведенном прошении от 16 июня.

Сношения Гольденберга со своими товарищами, однако, продолжались: он узнал о последствиях своего предательства, услышал слова осуждения и всеми мерами старался оправдаться. 17 июня комендант письмом на имя

[1]) Л. д. 8.

[1]) Л.л. д. 33—34.

[2]) Л. д. 32. Комендант забыл о декабристах.

управляющего III отделением сообщает: «При пересмотре вчера читанной политическим арестантом Гольденбергом книги из арестантской библиотеки на некоторых буквах оказались знаки, нанесенные чернильными точками. По сгруппировании оказалось следующее: «Друзья, не клеймите меня, поверьте, что я три раза отдавал вам и делу жизнь, верьте, что я тот же честный и искренний Гришка». О чем, в дополнение к заявлениям моим об ухищрениях Гольденберга добиться каким бы то ни было путем сношений с содержащимися в Трубецком бастионе политическими арестантами, имею честь уведомить»... [1]).

Путем такой переписки многого не скажешь, она случайна и заставляет ждать ответа, когда заданный вопрос не допускает промедления. Одиночество становилось невмоготу, и в этом тяжком положении на помощь Гольденбергу пришел прокурор палаты В. К. Плеве, в сочувствие которого Гольденберг, судя по его прошениям, поверил и который, «в виду особых соображений», обещал свою поддержку. Так появились оба печатаемых прошения.

Пересылая прошение на имя прокурора Лорис-Меликову, комендант крепости счел долгом добавить, «что, если, действительно, по каким-либо особым видам просьба названного арестанта может быть уважена, то в крепости не представляется возможности содержать его вдвоем, тем более, что он и Зунделевич ведут себя сомнительно»... [2]) Предстательство Плеве оказалось действительным, и хотя Лорис-Меликов снова отказал в совместном содержании в одной камере, однако, была сделана и уступка в виде допущения свиданий Гольденберга с Зунделевичем «под тем условием, чтобы свидания эти происходили в присутствии или самого прокурора с.-петербургской судебной палаты, или лица, уполномоченного на это последним»... [3]) Свидания окончательно отрезвили Гольденберга и указали ему единственный исход — самоубийство.

[1]) Л. д. 40.
[2]) Л. л. д. 41—42.
[3]) Л. д. 43.

1.

Прошение Г. Д. Гольденберга на имя прокурора с.-п.б. судебной палаты В. К. Плеве об оказании содействия к помещению в одной камере с Зунделевичем [1]).

Его превосходительству господину прокурору санкт-петербургской судебной палаты содержащегося под стражей Григория Гольденберга

Прошение.

С прискорбием прочел я отказ его сиятельства графа Лорис-Меликова на мою известную вашему превосходительству просьбу. Я бы примирился с этой мыслью и не позволил бы себе хлопотать о предоставлении мне каких-либо исключительных льгот, если бы я видел хоть малейшую возможность заменить чем-либо иным это тяжкое и мучительное для меня одиночное заключение, которое подчас и невмоготу становится, но, к сожалению, я этого не вижу. Совместное же пребывание в одной камере с Зунделевичем значительно облегчит одиночное заключение уж по тому одному, что он, как мне известно, более других сочувственно относится ко всему, совершенному мною, — следовательно, не так страшно будет для меня настоящее и не так грозно будущее. Я не позволю себе входить в соображения о том, почему его сиятельству угодно было отказать в моей просьбе, но каковы бы ни были причины отказа, в результате получится только одно: крайне тяжкое и мучительное одиночное заключение со всеми его последствиями, которые для меня в силу известных вам обстоятельств еще более чувствительны. Но, не будучи в состоянии все время находиться под гнетом всевозможных дум и чувств и не желая подвергнуться всем последствиям одиночного заключения, я позволяю себе обратиться к вашему

[1]) Дело, л. 38.

превосходительству с покорнейшей просьбой помочь мне в этом деле и сделать все, от вас зависящее, чтобы моя просьба была удовлетворена. Я позволяю себе беспокоить вас вторично в виду заявления, сделанного мне тов. пр. А. Ф. Добржинским, что как его сиятельство, так и вы лично ничего не имеете против вышеупомянутой моей просьбы и что вообще к вашему превосходительству я могу обращаться в случае надобности и могу вполне надеяться на ваше содействие, если это, конечно, не будет выходить [1]) из пределов возможности. Принимая это во внимание и то еще, что вопрос об одиночном заключении для меня первостепенной важности и что от того или иного решения этого вопроса зависит для меня многое и в будущем, я повторяю свою просьбу, при чем прошу у вашего превосходительства извинения за то, что так часто беспокою вас своими прошениями; повторяю, что одна только крайность вынуждает меня к этому. Льщу себя надеждой, что вы сделаете все, чтобы моя просьба была удовлетворена.

Григорий Гольденберг.

16 июня 1880 года.

Предписываю заведующему арестантскими помещениями объявить политическому арестанту Гольденбергу, что в виду последовавшего со стороны г. главного начальника верховной распорядительной комиссии отказа настоящее прошение, так и следующие о том же просьбы будут оставляемы без внимания. 17 июня 1880 г. Комендант, генерал-адъютант барон *Майдель*.

Согласно надписи на сем прошении арестанту Гольденбергу объявлено сего 17 июня 1880 года. Полковник *Богоровский*.

[1]) «Выходить» написано дважды.

2.

Прошение Г. Д. Гольденберга [1]) на имя коменданта с.-пб. (Петропавловской) крепости о передаче по назначению прошения Гольденберга на имя прокурора с.-п.б. судебной палаты.

Его высокопревосходительству господину коменданту Петропавловской крепости содержащегося под стражей Григория Гольденберга

Прошение.

Честь имею просить ваше высокопревосходительство дать надлежащий ход прошению, посланному мною вчера его превосходительству господину прокурору с.-петербургской судебной палаты, так как вчера я был вызван г. прокурором, который выразил полное согласие свое принять мое прошение, а также ходатайствовать о том, чтобы моя просьба была удовлетворена. Я бы не настаивал на этом и не подал бы вторичного прошения, если бы г. прокурором было заявлено мне, что вопрос об одиночном заключении окончательно решен в том смысле, в каком он решен был на прошлой неделе его сиятельством графом Лорис-Меликовым, но так как решение этого вопроса зависело совершенно от чисто случайных обстоятельств, то посему я могу надеяться, что по устранении этих обстоятельств не представляется никаких причин, чтобы мне отказано было в моей просьбе. Я позволяю себе повторить вашему высокопревосходительству, что г. прокурором было выражено полнейшее согласие принять мое прошение, что, несомнено, уж само собой говорит в пользу того, что вопрос об одиночном заключении решен окончательно не был.

Григорий Гольденберг.

17 июня 1880 года.

Сообщил *Н. И. Сидоров*.

[2]) Дело, л. 39.

Рептильный фонд 1914—1916 г.г.

Записка члена совета главного управления по делам печати Д. М. Потемкина о расходовании в 1914—1916 г.г. секретного (рептильного) фонда, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел, по главному управлению по делам печати [1]).

Первоначально, с 1906 года, денежная помощь отвечающим видам правительства повременным и неповременным изданиям оказывалась из сметных кредитов министерства внутренних дел.

Затем, по недостаточности этих ресурсов, на расходы по субсидированию органов печати испрашивались особые ассигнования из 10 миллионного фонда и других источников.

На эти средства содержались и некоторые должностные лица и учреждения, состоящие в ведомстве главного управления по делам печати, штатными кредитами которого нельзя было покрыть издержки по содержанию таких лиц и учреждений.

Выдача субсидий и расходы по содержанию учреждений и лиц производились из кассы главного управления, при чем представителям рептилий деньги высылались и выдавались через посредство бывшего курьера министерства внутренних дел Меньшагина, а в отдельных случаях, по особым указаниям начальника главного управления, заведующим финансовым отделом управления и некоторыми чинами этого отдела непосредственно.

Годовые отчеты о расходовании рептильного фонда, вместе с оправдательными документами, представлялись министру внутренних дел.

Такие документы за 1913, 1914 и 1916 г. г. возвращены министрами для хранения в кладовой кассы главного управления, а документы к отчету за 1915 год остались у министра.

Расходовался в 1914 — 1916 г.г. рептильный фонд по основному плану, составленному начальником главного управления по делам печати по указанию министра внутренних дел еще в 1912 году.

Как довелось составителю настоящей записки слышать от бывшего начальника, ныне покойного, графа Татищева, этот план, сокративший прежнее ассигнование на 83.700 руб., по распоряжению министра внутренних дел был им, графом Татищевым, доложен министру финансов, после чего на 1913—14 г.г. на выдачу субсидий была отпущена испрашивавшаяся уменьшенная сумма—826.300 руб.

Уже в 1914 г., в виду некоторого отклонения от исполнения плана расходов, сказалась недостаточность рептильного кредита, и в распоряжение министра внутренних дел дополнительно переведено было 192.000 руб.

На 1915 год назначена была та же сумма—1.018.300 рублей (826.300 р.+ 192.000 р.).

В потребность же 1916 г. сначала министерством финансов было ассигновано 1.100.000 руб., а затем, по особым ходатайствам министров внутренних дел, дважды отпущено по 300.000 рублей; все ассигнование 1916 г. выразилось в сумме 1.700.000 рублей.

Такой же кредит в 1.700.000 руб. испрашивался министром и на 1917 г., но министр финансов, соглашаясь на отпуск только 1.100.000 руб., фактически выдал в текущем году лишь 300.000 рублей.

Таким образом, в период охваченного настоящею запискою времени министерством финансов всего было отпущено 3.736.600 руб.

Исполнение плана расходов рептильного фонда за трехлетие 1914—1916 г.г. усматривается из нижепомещенных сведений, заимствованных из годовых отчетов и распределенных следующим образом.

---

[1]) Записка составлена членом совета главного управления по делам печати Дмитрием Михайловичем Потемкиным, допрошенным в ЧСК 7 апреля 1917 следов. Спичаковым-Заболотным в качестве свидетеля. — Записку печатаем с копии ее, находящейся в деле ЧСК, — т. 9. стр. 55—65. («Дело о злоупотреблениях А. Д. Протопопова по должности министра внутренних дел»). Копия засвидетельствована следователем Спичаковым-Заболотным.

1914 г.

№№ по порядку [1].	Названия субсидируемых учреждений, лиц и органов печати,	Выдано Руб.	К.
1/5	Иностранный отдел. .	48.263	83
2/3	«Бюро Русских Журналистов»	52.136	27
3/17	Отпечатание и расклейка по Петрограду военных бюллетеней. . .	12.000	—
4/24	Рассылка телеграмм о военных событиях земским учреждениям и некоторым должностным лицам в губерниях. .	10.188	69

[1]) Нижний № в первой графе отвечает № отчета, представленного министру.

Объяснение

Состоящий при главном управлении по делам печати иностранный отдел обследует иностранную и инородческую прессу и составляет по этим обследованиям особые обзоры, представляемые всем министрам и товарищам министров. Отдел существует с 1906 года.

Информационный орган функционировал с 1912 г. Обслуживал провинциальные органы умеренной и правой печати публицистическими статьями, помещавшимися в особых ежедневных (кроме праздников) бюллетенях, содержавших в себе: передовые и редакционные статьи по вопросам экономической жизни и по внутренней и внешней политике; обзоры военных действий и деятельности законодательных учреждений; обзоры русской и иностранной печати; хронику и фельетон.

Подписная плата:

1) при пользовании всем материалом 30 руб. в месяц;

2) при пользовании построчном — от 1 до 3 коп. за строку, и

3) за исключительное право пользования материалом бюллетеней в пределах данного города—по 50 руб. в месяц.

В 1916 г. подписчиками состояли 32 редакции провинциальных газет Европейской России, Кавказа, Сибири и Средней Азии.

«Бюро» закрыто в марте 1917 года.

С ноября 1914 г. по распоряжению министра внутренних дел на редакцию «Правительственного Вестника» возложена обязанность осведомления петроградского столичного населения о военных событиях.

По распоряжению того же министра с августа 1914 г. бесплатно рассылались военные телеграммы для распространения среди населения губерний. Показанная сумма уплачена П. Т. Агентству.

5/37	На расходы по отпечатанию военных телеграмм в провинции	5.835 —	По такому же распоряжению, губернаторам Воронежской, Екатеринославской, Могилевской, Пермской, Саратовской, Смоленской, Тамбовской, Тобольской, Тульской и Харьковской губерний и по московскому градоначальству эта сумма высылалась в виде пособия на уплату за бумагу, на которой печатались военные известия, распространяемые среди населения.
6/69	Расходы по военной цензуре	850 89	Эта сумма была отпущена петроградскому комитету по делам печати на усиление средств на канцелярские и хозяйственные расходы, вызванные делопроизводством военной цензуры.
7/68	Составление списков раненых и больных воинов	1.706 80	С ноября 1914 г. эти списки составляются по материалам общества Красного Креста и бесплатно рассылаются волостным правлениям при газете «Сельский Вестник». Указанною суммою оплачен труд канцелярии, приготовившей материал для печатания списков.
8/38	С. Ф. Бельский . . .	5.400 —	Публицистические статьи этого литератора печатались в «Московских Ведомостях» и «Виленском Вестнике» по распоряжению начальника главного управления по делам печати. Труд автора оплачивался помесячно, по 600 руб., по приблизительному расчету из 20 копеек построчного гонорара. С 1916 г. главное управление отказалось от пользования статьями Бельского.
9/21	Бюро Бем	11.400 —	Телеграфная информация умеренных и правых органов печати. Организовано прис. пов. И. И. Бемом, при поддержке националистов.
10/71-и 72	Бюро Петцгольд.	350 —	Ликвидационный расход с этим информационным органом, от услуг которого главное управление отказалось в 1913 году.
11/40	Московская монархическая организация. . .	500 —	Руководимая ранее протоиереем Восторговым, отставным полковником Томилиным и затем статским советником Кельцевым.
12/6	Член Государственной Думы гр. В. А. Бобринский	40.000 —	На пропаганду идеи объединяющей русской государственности среди зарубежных подъяремных славян.
13/47	Волынский архиепископ Антоний	3.000 —	Назначение выданной суммы составителю настоящей записки неизвестно.
14/54	Саратовский епископ Алексей	2.000 —	На покупку книг для местных учреждений попечительства о народной трезвости.

15/51	А. Д. Самарин . . .	3.000	—	Назначение этого расхода неизвестно.
16/70	Старший инспектор типографии и т. п. заведений в Петрограде Бутовский	285	30	Выдан аванс на усиление канцелярских и других расходов.
17/67	Председательствующий в петроградском комитете по делам печати Виссарионов . .	1.500	—	Дополнительное содержание.
18/66	Товарищ председателя комитета народных изданий Тхоржевский . .	3.000	—	Содержание по названной должности, по 500 руб., с июля 1914 года.
19/73	Почтовые и другие расходы	413	56	Вознаграждение бывш. курьера Меньшагина за доставку денег представителям рептильных изданий и почтовые издержки по пересылке субсидий в провинцию.
20/56	«Вешние Воды» . . .	1.500	—	Студенческий журнал, ежемесячник; издатель-редактор Спасовский. Претежирует солист и основатель великорусского оркестра Андреев. Сотрудники — молодежь; из старых литераторов—Бурнакин, Ковалевский, Меньшиков, Розанов и др. При редакции журнала с 1916 года устраиваются музыкально-литературные заседения; редакцией организовываются для учащейся молодежи экскурсии в местности с историческими памятниками.
21/30	«Виленский Вестник».	7.902	—	Официальный орган печати Северо-Западного края, называвшийся ранее «Литовским Курьером». Газета основана в 1760 году под названием «Litowski Kurier». Пользуется сметною субсидиею по 6.000 руб. в год. Израсходованная в 1914 г. сумма пошла на покрытие долгов по изданию. В августе 1915 г., по случаю эвакуации г. Вильны, издание приостановлено. С 15 октября того же года «Виленский Вестник» вновь стал выходить в гор. Гомеле, а затем издание прекратилось 18 февраля 1916 г. за отсутствием денежных средств.
22/39	«Воин и Пахарь» . .	5.000	—	Иллюстрированный еженедельник, издаваемый в Москве отставными генерал-майором Савостиным.
23/22	«Волга»	10.700	—	Деньги посылались ходатайствовавшему о выдаче субсидии саратовскому губернскому предводителю дворянства Ознобишину.

24/26	«Верность».	9.270	—	Субсидию получал редактор-издатель Плетнев, издававший названный журнал и народные листки.
25/58	«Вестник Студенческой Жизни».	1.000	—	Выдано студенту А. П. Колмакову.
26/32	«Голос Кавказа» . .	6.000	—	Субсидировался по ходатайству наместничества, куда и посылались деньги.
27/7	«Голос Руси»	38.800	—	Основан националистами—членами Государственной Думы Алексеевым, Ветчининым, Дерюгиным.
28/10	«Голос Самары» . . .	16.800	—	Субсидия высылалась руководителю издания Постникову, бывш. земскому начальнику.
29/64	«Gaulois»	303	85	За прекращением издания в Париже журнала «La Revue Russe», получавшего от русского правительства субсидию, по высочайшему повелению главным управлением по делам печати выписывались газеты «Gaulois», «Figaro», сначала по 100 экземпляров каждая, а затем — по 10. С 1916 г. главное управление вовсе прекратило выписку этих изданий.
30/41	«Жизнь Волыни» . .	40.00	—	Субсидия выдавалась отставному генерал-майору Красильникову.
31/2	«Земщина»	144.000	—	Выданы члену Государственной Думы Маркову.
32/59	«Инородческое Обозрение.	1.000	—	Деньги выданы (?) по ходатайству департамента духовных дел.
33/31	«Казанский Телеграф»	6.996	—	Высланы издателю Ильяшенко.
34/4	«Киев»	50.000	—	Деньги высылались члену государственного совета Безаку, одному из основателей этого органа. Позднее субсидия посылалась Стельмашенко.
35/15	«Колокол»	13.000	—	Субсидию получал бывш. чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. синода издатель Скворцов.
36/48	«Литовская Русь» . .	3.000	—	Деньги посылались ковенскому губернатору.
37/49	«Могилевский Вестник»	3.000	—	Тоже в Могилев.
38/11	«Московские Ведомости»	16.694	19	Издаются с 1756 г. До 1862 г. газета была в распоряжении университета. С 1862 г. «Московские Ведомости» сдавались в аренду. Арендаторами были: Катков и Леонтьев — с 1862 г. до 1887 г.; Петровский — с 1887 г.; Грингмут с 1896 г. до 1908 г.; Будилович в 1908 г ; Тихомиров — с 1909 г. до 1914 г.; Назаревский с 1914 г. по настоящее время. Кандидатура последнего арендатора выдвинута протоиереем Восторговым и его единомышленниками. Задолженность газеты казне (по главному упра-

				влению по делам печати) выражается в сумме 40.993 р. 56 коп. Тираж издания — 4.000 экземпляров.
39/52	«Нур»	2.000	—	Получил ахун (а ныне оренбургский муфтий) Баязитов. Издание на татарском языке.
40/60	«Олонецкая Неделя»	1.000	—	Деньги высылались местному губернатору.
41/25	«Орловская Жизнь»	9.600	—	Тоже.
42/46	«Отрезвление»	3.500	—	Выданы Плетневу, издателю журнала «Верность». (См. № 24 настоящей записки.)
3/50	«Пензенские Ведомости»	3.000	—	Субсидия выдавалась через местного губернатора, а затем с 1916 г. непосредственно редактору Дормидонову.
44/16	«Подолянин»	12.000	—	Деньги посылались местному губернскому предводителю дворянства Раковичу.
45/61	«Полдень»	1.000	—	Единовременная выдача издателю народной газеты Бурнакину, сотруднику «Нового Времени».
46/9	«Прямой Путь»	29.500	—	Субсидия назначена по ходатайству члена Государственной Думы Пуришкевича. Деньги получал член союза Михаила-архангела Облеухов.
47/33	«Ревельский Вестник»	6.000	—	Субсидия передавалась через местного губернатора.
48/29	«Рижский Вестник»	8.000	—	Деньги вручались инженеру Пиранг и его брату, состоящему при министре внутренних дел, полковнику Пиранг.
49/34	«Родной Край»	6.000	—	Субсидия получалась местным губернатором.
50/1	«Россия»	144.850	24	Официоз. Закрыт с мая 1914 г.
51/42	«Русская Правда»	4.000	—	Деньги получались екатеринославским губернатором.
52/18	«Русская Речь»	12.000	—	Субсидия посылалась одесскому градоначальнику.
53/55	«Русская Старина»	1.800	—	Деньги получал редактор-издатель генерал-лейтенант Воронов.
54/53	«Русский Архив»	2.000	—	Субсидия выдавалась редактору-издателю Бартеневу.
55/27	«Русское Чтение»	9.000	—	Тоже—редактору-издателю генерал-майору Лубенскому.
56/23	«Revue Contemporaine»	10.200	—	Субсидия выдавалась редактору-издателю прис. пов. Башмакову, бывш. главному редактору газеты «Правительственный Вестник».
57/14	«Свобода и Порядок»	14.200	—	Газета для рабочих. Субсидию получала издательница Шабельская.
58/19	«Симбирянин»	12.000	—	Субсидию получал симбирский губернский предводитель дворянства Поливанов, а после его смерти — местный губернатор.

59/65	«Странник».	500 —	Духовно-нравственный журнал для народа. Субсидию получала издательница Артемьева.
60/28	«Северное Слово» . . .	8.400 —	Деньги посылались вятскому губернатору.
61/13	«Сев.-Западная Жизнь»	15.600 —	Тоже—минскому губернатору.
62/62	«СПБ Альманах» . . .	1.000 —	Получивший субсидию Вандерховен так и не издал обещанного «Альманаха».
63/12	«Тамбовский Край» .	15.996 —	Деньги передавались Воейкову, чиновнику особых поручений при министре земледелия.
64/57	«Тверская Газета» .	1.100 —	Субсидию получал редактор-издатель тверского губернского правления, отставной советник Озеров.
65/43	«Томский Вестник» .	4.000 —	Деньги посылались местному губернатору.
66/44	«Уфимский Край» . .	4.000 —	Тоже.
67/63	«Ученик»	1.000 —	Субсидия выдавалась издателю В. Г. Янчевецкому.
68/64	«Figaro».	303 85	За 10 экземпляров газеты. (См. № 29 1914 г. настоящей записки.)
69/20	«Харьковские Ведомости»	12.000 —	Субсидия получена женою профессора Вязигина, состоящего арендатором названной газеты.
70/36	«Холмская Русь» . .	6.000 —	Деньги посылались архиепископу Евлогию.
71/45	«Церковность» . . .	4.000 —	Субсидия получена протоиереем Восторговым.
72/35	«Черниговское Слово»	6.000 —	Деньги высылались местному губернатору.
73/8	«Южное Слово» . . .	31.600 —	Тоже—таврическому губернатору.
	Итого.	.948.376 47	

1905 г. [1]).

10/11	Съезд редакторов «Губернских Ведомостей»	5.000 —	По распоряжению министра внутренних дел, в целях выработки программы, объединяющей местные органы правительственной печати, был созван съезд редакторов «Губернских Ведомостей» под председательством главного редактора «Правительственного Вестника» князя Урусова. Последним был приглашен на этот съезд редактор-издатель «Бюро русских журналистов» Поздеев.

[1]) В 1915 году получали из репптивного фонда, по примеру 1914 г., след. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 65, 66, 68, 70, 71, 72 и 73; поэтому здесь они вычеркнуты.

Прим. ред.

12/13	Гр. А. В. Татищева .	3.000	—	Пособие на погребение мужа, бывшего начальника главного управления по делам печати.
15/17	В. П. Кисловский, член совета главного управления по делам печати.	250	—	Дополнительное содержание за один месяц.
16/18	К. Р. Бойль, цензор центрального комитета цензуры иностранной.	756	93	Содержание по вольному найму.
17/56	Член совета министра внутренних дел Гурлянд	6.750	—	За 9 месяцев по 750 р., за труды по комитету народных изданий в качестве члена этого комитета.
18/19	Член Государственной Думы Замысловский .	5.000	—	Назначение этой суммы составителю записки неизвестно.
19/20	Литератор Плетнев .	1.000	—	Единовременное пособие издателю «Верности». (См. № 24/1914 г.)
20/22	Член Государственной Думы Пуришкевич . .	31.000	—	На организацию и поддержание потребительской лавки, открытой при союзе Михаила-архангела. Деньги получал член союза Облеухов.
21/23	Член Государственной Думы граф Бобринский	2.000	—	Назначение этих денег неизвестно.
22/24	Литератор Сыромятников	8.500	—	По распоряжению министра внутренних дел, согласованному с министром иностранных дел, на путевые издержки по заграничной командировке в Великобританию и Северо-Американские Штаты. Цели этой командировки главному управлению по делам печати неизвестны.
23/81	Осведомительное Бюро.	690	20	Суточные деньги служащих этого бюро.
24/82	На закупку продовольственных продуктов для чинов главного управления по делам печати	3.000	—	Министром внутренних дел назначено 7.000 рублей для взаимообразных операций по продовольственной организации управления и некоторых подведомственных ему учреждений.
34/34	«Дружеские Речи» .	3.000		Еженедельный журнал для народа, издается членом совета министра Бафталовским, которому и выдается субсидия.
39/6	«Книжная Летопись» .	25.384	46	Библиографический орган главного управления по делам печати. Выходит с 1907 г.; до 1914 г. издавался под редакцией газеты «Правительственный Вестник».
41/40	«Кубанский Казачий Вестник»	2.000	—	Выдано издателю Борцу, о котором дан лестный отзыв наказным атаманом Кубанского казачьего войска.
43/42	«Луганский Листок» .	6.000		Субсидия выслана председателю славяносербской земской управы, которым возбуждено ходатайство, поддержанное сенатором Вуичем.
51/50	«Полночь»	1.000	—	Единовременная выдача издательнице журнала Козловской.

52/51	«Эхо Почтово-Телеграфное»	1.000 —	Единовременно, по ходатайству начальника главного управления почт и телеграфов.
56/55	«Россия».	862 10	Ликвидационные расходы. См. № 50 1914 г.
57/57	«Ростовский Листок»	4.800 —	Деньги высланы председателю местного отдела всероссийского национального союза.
65/65	«Сельский Вестник» .	32.000 —	На книгоиздательство и приложение к газете.
68/67	«Студенческий Вестник».	500 —	Деньги выданы чиновнику департамента полиции Кушнырь-Кушнареву.
69/68	«Студенческий Сборник».	900 —	Деньги получены издателем «Вешних Вод», редакцией которого издан этот сборник (№ 26 настоящей записки).
81/16	«Подготовительные расходы по изданию книги» [1]) в русском переводе: «Обвиняю» . . .	5.155 —	Уплачено за перевод иностранному отделу 1.155 р., а 4.000 р. — автору французского издания.
	Итого.	1.068.724 75	

1916 г. [2]).

3/4	«Бюро печати». . . .	27.165 65	С ноября 1915 г. преобразовано из Осведомительного Бюро, с непосредственным подчинением нового бюро министру внутренних дел. В показанную сумму включены расходы по содержанию и суточное довольствие служащих бюро, а также и 20.000 руб., выданные директору-распорядителю этого учреждения.
9/12	«Съезд Редакторов Губернских Ведомостей».	238 —	Дополнительно к 5.000 р., отпущенных в 1915 г. (См. № 10, 1915 г.)
11/14	Ново-Николаевский союз русского народа	8.750 —	Деньги высланы председателю союза (Томской губ.). Ходатайство об ассигновании поддерживалось членом государственного совета Римским-Корсаковым.

[1]) В подлиннике нет названия книги. *Прим. ред.*

[2]) В 1916 г. получали, по примеру 1914 г., след. №№ того года: №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 44, 48, 49, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 63, 64, 65, 66, 70, 71, 72, 73. — По примеру 1915 г. след. №№ того же года; №№ 16, 20, 24, 34, 39, 41, 43, 57, 65, 69. Суммы, как и в 1915 г., так и в 1916 г., были соответственно повышены по сравнению с 1914 г., — все означенные №№ в списке 1916 в. вычеркнуты. *Прим. ред.*

12/21	Гр. А. В. Татищева	1.500	—	Единовременное пособие вдове бывшего начальника главного управления по делам печати.
14/16	Н. И. Левитовский (вместо Виссарионова)	3.000	—	Дополнительное содержание председателя петроградского комитета по делам печати. (См. № 17, 1914 г.)
15/17	В. П. Кисловской .	3 000	—	Дополнительное содержание за весь год. (См. № 15, 1915 г.)
17/19	А. А. Сидоров . . .	952	50	Из этой суммы 900 руб. дополнительного содержания по должности председателя московского комитета по делам печати с июля, по 150 р. в месяц, и 52 р. 50 коп. в возмещение расходов на телефонные переговоры с Петроградом.
18/20	Н. В. Лебедев . . .	130	—	Дополнительное содержание по должности правителя дел за декабрь и нескольких дней ноября 1916 года.
20/23	С. С. Окрейц . . .	500	—	Единовременное пособие бывшему сотруднику субсидировавшейся газеты «Орловская Жизнь».
21/24	Благочинный гарнизона гор. Москвы архимандрит Григорий .	3.000	—	На покрытие некоторых расходов по изданию бесплатных брошюр и листков.
23/26	Член Государственной Думы Ознобишин .	5.000	—	Пособие на издание очерков заграничной поездки парламентской делегации в Англию, Францию и Италию. Деньги Ознобишиным возвращены в казну.
24/27	Профессор Цытович .	300	—	Пособие на служебную поездку из Киева в Петроград.
25/28	Черноморский губернатор	1.000	—	На проектируемое губернатором издание газеты в Новороссийске.
28/30	«Бессарабия» . . .	12.500	—	Деньги высылались руководителю газеты священнику Чекану.
31/33	«Витебский Вестник»	2.400	—	С июля субсидия переводилась местному губернатору, по 400 р. в месяц.
34/36	«Вера и Жизнь» . .	3.000	—	Субсидию получил протоиерей Вярат, издающий эту газету для православных эстов на эстонском языке.
37/39	«Голос России» . .	15.000	—	Субсидию получил князь Андроников.
40/42	«Двуглавый Орел» и «Копейка»	12.000	—	Деньги высылались начальнику киевского губернского жандармского управления.
41/43	«Домовладелец» . .	30.000	—	Субсидия выдана домовладельцу г. Москвы Котлецову.
49/50	«Козьма Минин» . .	1.500	—	Деньги высылались нижегородскому губернатору.
51/52	«Коренник»	1.000	—	Журнал московских монархистов, издаваемый Кельцевым, который получил эту субсидию. (См. № 11, 1914 г.)
54/55	«Минская Мысль» . .	8.000	—	Субсидия получена членом Государственной Думы протоиереем Околовичем.

57/58	«Наш Вестник» . . .	10.500 —	Перепечатка издаваемой штабом фронта газеты, для бесплатной рассылки по всем селениям Минской губ. Субсидия выдана местному губернатору.
58/59	«Невельский Листок»	1.000 —	Субсидия выдана невельскому, Витебской губ., уездному предводителю дворянства Сорокину.
60/61	«Орел»	4.664 —	Деньги переведены местному губернатору.
62/63	«Пастырский Собеседник»	7.500 —	Субсидию получил протоиерей Восторгов.
64/65	«Петроград»	3.000 —	Орган печати для рабочих, издаваемой Степановой (Дезорби), которая получила субсидию.
66/67	«Ревельские Известия»	3.000 —	Субсидия выдана по ходатайству морского министра.
70/71	«Русская Жизнь» . .	60.000 —	Субсидия выдана по ходатайству харьковского архиепископа Антония.
74/75	«Русский Рабочий» .	2.000 —	Субсидия назначена по ходатайству Шабельской (см. 57, 1914 г.) и членов Государственной Думы от крестьян Самчука, Москалюка и др. Выдавались деньги Заборовскому, служащему у той же Шабельской по газете «Свобода и Порядок».
75/76	«Русское Дело» . .	26.250 —	Субсидия назначена по ходатайству члена Государственной Думы Замысловского.
76/77	«Русское Знамя» . .	25.000 —	Деньги выданы д-ру Дубровину.
79/80	«Саратовский Голос» .	2.000 —	Эта газета заменила прекратившуюся «Волгу». Одним из инициаторов ее возникновения является губернский предводитель дворянства Ознобишин, получивший субсидию на «Волгу». (См. № 23, 1914 г.).
	Итого.	1.620.286 70	

Член совета главного управления по делам печати

Потемкин.

1914 г.

Сообщил *Ив. Тоболин.*

Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

В статье, напечатанной в т. V «Красного Архива» под заглавием «Верховное командование в первые дни революции», оставлен без освещения вопрос об увольнении Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

Пользуемся случаем восполнить этот пробел и приводим телеграммы, покончившие совершенно нелепое положение, созданное в переходные последние часы прежнего режима, когда во главе армии новой России оказался кандидат в диктаторы реакции 1905-6 г.г.

6 марта 1917 г. Н. Н. Романов выехал из Тифлиса в Ставку для фактического принятия верховного командования. Прибытие к активному посту главнокомандующего человека весьма определенной репутации несколько приподняло подавленное и растерянное настроение Ставки. Вновь на стенах появились портреты «любимого и обожаемого вождя», стали припоминать,

кто из старожилов Ставки служил под командой б. великого князя, загорелись надежды, и... заволновались низы: писаря, обслуживающие команды и пр. «низший» состав, чутко улавливавший перемену настроения высших чинов. Весть о скором приезде докатилась до Временного Правительства (телеграмма Алексеева от 6/III), и министры, видимо, крепко задумались над создавшимся положением. Лишь только 9 марта от Временного Правительства на имя Николая Николаевича было послано письмо следующего содержания:

«Ваше императорское высочество. Временное Правительство, обсудив вопрос о состоявшемся незадолго до отречения бывш. императора назначении вашем на пост верховного главнокомандующего, пришло к заключению, что создавшееся в настоящее время положение делает неизбежным оставление вами этого поста. Народное мнение резко и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых какой-либо государственной должности.

Временное Правительство не считает себя в праве оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым может привести к самым серьезным осложнениям.

Временное Правительство убеждено, что вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованию положения и сложите с себя еще до приезда вашего в Ставку звание верховного главнокомандующего. *Кн. Львов*».

Это письмо несколько запоздало в пути и попало в руки адресата, когда он уже прибыл в Могилев. Сложившаяся обстановка в целом была настолько неблагоприятна для нового главковерха, что он с большой поспешностью ответил Временному Правительству следующим письмом 11 марта за № 3180:

«Министру-председателю. В письме вашем от 9 марта от имени Временного Правительства, назначенного Государственной Думой, высказывается мысль о недопустимости занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Правительство выражает уверенность, что во имя блага родины я пойду навстречу требованию положения и сложу с себя до приезда на Ставку звание верховного главнокомандующего.

Рад вновь доказать мою любовь к родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась.

Согласно ст. 37 положения о полевом управлении войск, гласящей, что в случае выбытия верх. главнокомандующего во временное исполнение его обязанностей вступает начальник штаба, я сдал сего числа должность генералу Алексееву, впредь до назначения властью Временного Правительства нового верховного главнокомандующего.

Одновременно с сим прошу военного министра об увольнении меня в отставку.

Что касается до пожелания, выраженного правительством, чтобы я сдал верховное командование до приезда на Ставку, то исполнить это не мог, так как прибыл 10 марта, в 16 час., письмо же мною получено 11 марта.

Находясь на территории действующей армии, согласно положению о полевом управлении, буду исполнять распоряжения, переданные мне через вр. исп. обязан. верховного главнокомандующего ген. Алексеева. Сегодня присягу принял. *Николай*».

Никаких распоряжений отставленному главковерху исполнить не пришлось, так как через 3—4 дня он вынужден был покинуть Ставку.

Сообщил *С. Иванов.*

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: **Вл. Максаков.** **Вяч. Полонский.**

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив», т.т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10. Под редакцией В. В. Адоратского, В.В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского и В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский. Исповедь Ставрогина (неизданные главы из громана «Бесы») и житие великого решника. (План романа.) Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. «Архивное дело». Выпуски I, II, III—IV и V.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х годов: вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. вып. IV. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III, т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы, т. I. Под редакцией А. А. Покровского, с предисловием М. Н. Покровского.
26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.
27. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.
28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.

30. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского.
31. Восстание декабристов. Т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.
32. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
33. Правила постановки архивной части делопроизводства в государ., профессион. и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР.

Материалы по истории восстания декабря 1825 года.

Под общей редакцией *М. Н. Покровского.*

1. «Восстание декабристов» (Следственное дело), Т. т. I (вышел в свет), II, III, IV, V и VI печатаются.
2. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печатается.)
3. Восстание декабристов, т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (вышел в свет).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией Ю. Г. Оксмана. (печатается).
5. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
6. А. Е. Пресняков. «День 14 декабря» (печатается).
7. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
8. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных славян.
10. Описи архивных дел по истории декабристов.
11. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов.
12. Хрестоматия. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Лаврова и Б. Модзалевского (печатается).

1917 г. в документах и материалах.

Под редакцией *М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.*

1. 1-й Съезд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. 1917 г. (вышла в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г. (печатается).
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Разложение армии в 1917 г. (вышла в свет).
7. Материалы II Съезда Советов.
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией *А. Лозовского.*

1. Морозовская стачка. С предисловием В. Н. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов (печатается).
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 года.
5. Рабочее движение в годы революции.
6. Ленские события (вышла в свет).
7. Рабочее движение в годы войны (печатается).
8. Материалы по истории рабочего законодательства (печатается).

---

1. Пугачевщина, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х годов. в. II.
3. Политические процессы 70 и 80 г. г. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60 г. г. XIX стол. (печатаются).
5. Пугачевщина, т. II и III.
6. 1 марта 1887 г. (Дело Александра Ульянова, П. Шевырева и др.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 г.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины. (печатается).
12. Переписка Николая и Александры Романовых. т. т. IV и V (печатается).
13. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II (печатается).
14. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна (печатается).
15. Дневник Е. А. Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальн. Востоке.
18. Наказы депутатам в I Гос. Думу.
19. Письма Ф. М. Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева (печатается).
20. Из архива Ф. М. Достоевского. Материал к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.
21. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.
22. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.
23. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.
24. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.
25. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под ред. Е. А. Преображенского (печатается).
26. 14 декабря 1825 г. в письмах и воспоминаниях царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского (печатается).
27. Стенографический отчет о работах первого съезда архивных деятелей (печатается).

Библиотека Курсов Марксизма Коммунист. Академии при ЦИК'е СССР

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Авдеев, Н. Н.; Адоратский, В. В.; Алексеев, В. П.; Алексеев, Мих. П.; Аннинский, С. А.; Бельчиков, Н. Ф.; Богоявленский, С. К.; Бродский, Н. Л.; Валк, С. Н.; Васильева, Е. А.; Вегман, В. Д.; Воинова, К. И.; Гиваргизова, А. П.; Гливенко, И. И.; Голубцов, С. А.; Горбов, Дм. А.; Гордон, Г. О.; Граве, С.; Грузинский, А. Е.; Дубровский, С. М.; Егоров, Д. Н.; Зайончковский, А. М.; Залкинд, С. И.; Захер, Я. М.; Какурин, Н. Е.; Кантор, Р. М.; Клевенский, М. М.; Козьмин, Б. П.; Константинов, М. М.; Котельников, К. Г.; Лавров, Н. Ф.; Левин, Ш. М.; Лелевич, Г.; Любимов, С. В.; Максаков, В. В.; Меллер, В. Л.; Невский, Вл. И.; Нечаева, В. Н.; Николаев, А. С.; Оксман, Ю. Г.; Переверзев, В. Ф.; Переселенков, С. А.; Пионтковский, С. А.; Покровский, А. А.; Покровский, М. Н.; Полонский, В. П.; Полянский, Вал.; Попов, А. Л.; Пушкин, Б. С.; Раскольников, Ф. А.; Рафес, М. Г.; Рейснер, М.; Романов, Б. А.; Ротштейн, Ф. А.; Сергеев, А. А.; Сергиевский, Н. Л.; Сидоров, Н. И.; Сыроечковский, Б. К.; Сыроечковский, В. Е.; Тарле, Е. В.; Татаров, И. Л.; Тоболин, И. И.; Турунов, А. Н.; Флеер, М. Г.; Фриче, В. М.; Фрумкина, М. (Эстер); Цвибак, М.; Чулков, Н. П.; Шилов, А. А.; Шляпников, А. Г.; Щеголев, П. Е.; Яковлев, Я. А.; Якушкин, В. Е.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.— **Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.—Русско-германский договор 1905 г.—Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)—Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.)—Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.—Письма участников процесса 193-х.—Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.—С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.—Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.—Письма Д. И. Писарева из крепости.—Два письма П. Ф. Якубовича.—**Из записной книжки архивиста:** Г. В. Плеханов и „шпионские забавы".—Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльские дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.—Константинополь и проливы.—Нечаев в Алексеевском равелине.—Из архива Л. Тихомирова.—Временное правительство после Октября.—Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.—Л. Толстой и помощь голодающим.—**Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.—Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.—К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).—Константинополь и проливы (окончание).—Из дневника А. Н. Куропаткина.—Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.—М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".—Достоевский „Преступление и Наказание".—Омские события при Колчаке.—**Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной воли".—Неизданные письма Л. Толстого Исламиным.—Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.—Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.—Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.—март 1906 г.).—Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.).—Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).—Октябрьский переворот и ставка.—Омские события при Колчаке (окончание).—Указы Пугачева и его коллегии.—Литература 60-х годов по отчетам III отделения.—Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.—**Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.—В годы реакции.—Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.—Николай Романов 28 февраля—4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.—Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).—Ограждение событий 1905 г. за границей.—Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.—Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.—Из дневника ген. В. И. Селивачева.—Показание А. Д. Протопопова.—Октябрьский переворот и ставка (окончание).—Вокруг Гатчины.—Записка А. К. Бошняка.—Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.—**Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.—Письмо Балашова к Столыпину.—Письмо Гапона.—Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.—Похороны Н. В. Гоголя.

СПИСОК

ЛИЦ, ПОМЕСТИВШИХ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ В 1—10 ТОМАХ ЖУРНАЛА „КРАСНЫЙ АРХИВ".

Н. Н. Авдеев.
Вл. В. Адоратский.
В. Азлецкая.
А. А. Александров.
В. П. Алексеев.
Мих. П. Алексеев.
С. А. Аннинский.
Н. Ф. Бельчиков.
Д. Д. Благой.
С. К. Богоявленский.
Н. Л. Бродский.
С. Н. Валк.
К. И. Виноградов.
К. И. Воинова.
И. И. Гливенко.
С. А. Голубцов.
Д. А. Горбов.
Г. О. Гордон.
А. Е. Грузинский.
В. И. Дзюбинский.
В. И. Дмитриев.
С. М. Дубровский.
Д. Н. Егоров.
А. М. Заничковский.
С. И. Залкинд.
Я. М. Захер.
Н. Е. Кокурин.
Р. М. Кантор.
Б. П. Козьмин.
М. М. Константинов.
А. С. Кутузов.
Н. Ф. Лавров.
Ш. М. Левин.
Г. Лелевич.
С. В. Любимов.
В. В. Максаков.
В. Л. Меллер.
Вл. И. Невский.
В. С. Нечаева.
А. С. Николаев.
Ю. Г. Оксман.
В. П. Олисов.
В. Ф. Переверзев.
С. А. Переселенков.
С. А. Пионтковский.
В. И. Пичета.
М. Н. Покровский.
В. П. Полонский.
Вал. Полянский.
А. И. Попов.
А. Л. Попов.
Б. С. Пушкин.
Ф. А. Раскольников.
М. Г. Рафес.
М. И. Рейснер.
Б. А. Романов.
Ф. А. Ротштейн.
А. А. Сергеев.
А. Н. Савин.
А. А. Сидоров.
Н. Н. Столов.
Б. Е. Сыроечковский.
Е. В. Тарле.
И. И. Тоболин.
М. Г. Флеер.
В. М. Фриче.
М. Фрумкина (Эстер.)
Н. П. Чулков.
А. Г. Шляпников.
П. Е. Щеголев.
Я. А. Яковлев.
Б. Е. Якушкин.

ПЕЧАТАЕТСЯ

11-12-й ТОМ ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

Под ред. В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского В. П. Полонского и В. М. Фриче.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Снимок с автографа В. И. Ленина.
2. *М. Н. Покровский.* „1905 г.“
3. 9 января 1905 г. Предисловие и сообщение *Б. А. Романова.*
4. Проект манифеста о событиях 9 января 1905 г. Предисл. *Ванага,* сообщение *А. С. Николаева.*
5. Манифест 17 октября 1905 г. Предисл. и сообщение *И. Л. Татарова.*
6. Из архива С. Ю. Витте.
7. Доклады С. Ю. Витте.
8. Хроника вооруженной борьбы (дек. 1905 г.). Предисл. *В. И. Невского.*
9. Аграрные волнения. Предисловие *С. М. Дубровского.*
10. Флот в 1905 г.:
    а) Восстание на Пруте.
    б) „Георгий Победоносец“.
    в) „Потемкин“ в Румынии.
    г) Волнения в Кронштадте.

    } Предисловия и сообщения *К. И. Воиновой.*
11. Прибалтийский край в 1905 г. Предисл. *т. Стучка.*
12. Движение в войсках на Д. Востоке. Предисл. *Лебергской.*
13. Штурм Пресни.
14. Заем 1906 г. в донесениях русского посла. Статья *А. Л. Попова.*

Из записной книжки архивиста:

1. Николай II в 1905 г. Сообщил *М. Константинов.*
2. Письма Николая II Дубасову. Сообщил *Н. Л. Татаров.*
3. К убийству Н. Баумана. Сообщила *К. И. Воинова.*
4. Подвиги Меллер-Закомельского. Сообщила *К. И. Воинова.*
5. К истории 9 января 1905 г. Сообщил *Н. Ф. Лавров.*
6. Из бумаг ген. Трепова. Сообщил *Ю. Г. Оксман.*

НАХОДИТСЯ В ПЕЧАТИ 13-й ТОМ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ЮБИЛЕЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ 14 дек. 1825 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. П. И. Пестель. Практические принципы политической экономии. Сообщение с пред. *С. С. Мильмана.*
2. Переписка Якушкина и Кочубея об освобождении крестьян. Сообщение с предисл. *Н. Ф. Лаврова.*
3. Записка Н. И. Тургенева. Сообщение с предисл. *Н. Ф. Бельчикова.*
4. М. Ф. Орлов и 14 декабря. Сообщение с предисл. *П. С. Попова.*
5. П. И. Пестель в письмах ко отцу. Сообщение *А. О. Круглого.*
6. Имущественное положение декабристов. Сообщение с предисловием *С. Н. Чернова.*
7. Восстание Черниговского полка в показаниях участников. Сообщение с предисл. *Вл. С. Сыровечковского.*
8. Аресты декабристов. (Таблица и комментарий). Сообщение *Б. С. Пушкина.*
9. Отголоски декабрьского восстания. Статья *В. А. Гонцовой.*
10. Зерентуйское восстание. Статья *М. В. Нечкиной.*

Из записной книжки архивиста:

1. Из писем и записок декабр. В. Ф. Раевского. Сообщение *Ю. Г. Оксмана.*
2. Исаакиевские рабочие о 14 декабря 1825 г. Сообщение *Н. Ф. Лаврова.*
3. Никие чины Моск. полка о 14 декабря 1825 г. Сообщение *А. В. Шебалова.*
4. Рассказ Телешова о 14 декабря. Сообщение *Б. Е. Сыровечковского.*
5. К истории казни над декабристами:
    а) Два прошения Е. И. Бибиковой о свидании с братьями. Сообщение *Б. Е. Сыровечковского.*
    б) Казнь моряков-декабристов. Сообщение *А. К. Дрезена.*
6. Замегки Николая в месяцеслове. Сообщение *А. С. Николаева.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

о о о МОСКВА о о о

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ

„РЕВОЛЮЦИЯ и ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ОПИСАНИИ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ"

В 5-ти томах, размером около 30 п. л. (480 стр.) каждый.

Составил С. А. Алексеев.

СОДЕРЖАНИЕ:

Том I. Февральская революция. Печатается 2-м изданием. Предисловие А. И. Усагина. **Родзянко.** Государственная Дума и Февральская революция. **Шульгин.** Дни. **Милюков.** Из „Истории второй русской революции". **Лукомский.** Из воспоминаний. **Деникин.** Очерки русской смуты. **Смирнов.** Колчак во время революции в Черноморском флоте. **Мансырев.** Мои воспоминания. **Шиловский.** Воспоминания. **Карабчевский.** Что глаза мои видели. **Керенский.** Временное правительство и царская семья. **Кн-ня Палей.** Воспоминания. **Милюков.** Вопрос об отправке царской семьи за границу. **Вырубова.** Страницы из моей жизни. **Станкевич.** Воспоминания. **Пешехонов.** Первые недели. **Вороновичъ.** Записки председателя Сов. Раб. Деп.

Том II. Октябрьская революция. Печ. Предисловие А. И. Усагина. **П. Краснов.** На внутреннем фронте. **П. П. Милюков.** Ликвидация выступления Корнилова. **Дан.** Последние дни временного правительства. **По Синогубу.** Защита Зимнего Дворца в день 25 октября 1917 г. **С. А. Кореневъ.** День 25 октября. **А. Ф. Керенский.** Гатчина. **В. Б. Станкевич.** Октябрьское восстание. Ставка 25—26 октября 1917 г. **А. И. Деникин.** Большевистский переворот и наш уход на Дон. **С. Ан-ский.** После переворота 25 октября 1917 г. **А. Демьянов.** Записки о подпольном временном правительстве. **Соколов.** Защита Учредительного Собрания.

Том III. Начало гражданской войны. Гот. к печ. Мемуары Деникина, Краснова, Лукомского, Мякотина, Гинса, Авксентьева, бар. Будберга и др.

Том IV. Гражданская война на юге и западе. Гот. к печ. Мемуары: Шульгина, Покровского, Раковского, Деникина, Филимонова, Вороновича, Маргулиса, Каховской и др.

Том V. Гражданская война в Сибири и на севере. Гот. к печ. Колчак. Следственное дело. Мемуары. Зензинова, Соколова, Булмита, Болдырева, Гинса, Добровольского и др.

Рассылка книг подписчикам (отдельными томами по мере выхода их из печати) будет начата в октябре и закончена к марту 1926 года.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА 12 р. 50 к. без пересылки

При подписке взимается задаток в размере 2 рублей

Иногородним подписчикам книги будут высылаться почтой с наложенным платежом на среднюю подписную цену тома.

Подписка принимается главной конторой Периодсектора Москва, Воздвиженка, 10/2, всеми районными конторами Периодсектора и агентами, снабженными соответствующими удостоверениями.

Периодсектор

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под ред. **Д. Рязанова.**

КНИГА ВТОРАЯ:

Содержание: **Д. Рязанов.** Вступительная статья **Фридрих Энгельс. Диалектика природы.** (На русском и немецком языках параллельно). I. Диалектика и естествознание. II. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. III. Естествознание в мире духов. IV. Старое предисловие к „Анти-Дюрингу". О диалектике. V. Примечания к „Анти-Дюрингу". VI. Старое введение к „Диалектике Природы". VII. Заметки. VIII. Общий характер диалектики, как науки. IX. Основные формы движения. X. Две меры движения. XI. Приливное трение. XII. Теплота. XIII. Электричество. XIV. Диалектика в современном естествознании. XV. Из „Людвига Фейербаха". XVI. Карл Шорлеммер. Примечания. **Библиография.** I. Литература о К. Марксе и Ф. Энгельсе и марксизме, вышедшая с начала войны 1914 года. II. Литература о Ф. Лассале (к 100-летию со дня рождения 1825—1925 г.). Стр. 504. Ц. 6. р.

Готовится к печати

КНИГА ТРЕТЬЯ:

Содержание: **Д. Рязанов.** Ленин и государство. **А. Деборин.** Очерки по истории диалетики. Диалетика у Фихте. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса. **К. Маркс.** Критика гегелевской философии права. **Ф. Энгельс.** Конспект первого тома „Капитала". Пять рецензий на первый том „Капитала". Из переписки Маркса и Энгельса. Письма Николая—она к К. Марксу (со вступительной статьей А. Потресова). Критика и рецензии.

Выходит из печати:

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС в 1848—1850 г.г.

Очерки и статьи, собранные **Ф. Мерингом.** Под редакц., с предисловием и примечаниями Д. Рязанова. (В книге даны статьи из „Новой Рейнской Газеты" и „Нового Рейнского Обозрения", касающиеся революции 1848—49 г.г. и др.).

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА

Под ред. **Д. Рязанова**

Г. В. Плеханов. Сочинения. Том XXIII. (Статьи поистории русской общественной мысли в XIX веке о Чаадаеве, Белинском, Горцене и др.). С предисловием Д. Рязанова. (Печатается.)

Сдаются в печать:

К. Маркс и Ф. Энгельс.— Сочинения. Т.т IV—V. Немецкая идеология (первое полное издание). С предисловием и примечаниями Д. Рязанова. **Плеханов, Г. В.**— Сочинения. Т. XXIV. (Статьи по истории русской общественной мысли в XIX в.). **Энгельс, Ф.**— Людвиг Фейербах. (Дополнено всеми, частью неизвестными до сих пор отзывами Маркса и Энгельса о Фейербахе). **Поль Лафарг.**— Сочинения Т. II. (Экономические работы.— Из истории социализма.)

(См. сл. страницу.)

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА

Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАТЕРИАЛИЗМА

Под редакцией **А. Деборина и Д. Рязанова.**

Печатаются:

Фейербах, Л. — Сочинения. Том второй. С предисловием А. Деборина. Сущность христианства — Сущность религии.— Ответ Штирнеру. **Дени Дидро.**— Избранные сочинения. С предисловием А. Деборина. **Гегель.**— Избранные сочинения. Под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова. Философия права. С предисловием А. Деборина.

Сдаются в печать:

Гоббс, Т.— Избранные сочинения. (О теле. О человеческой природе.) **Таланд, Т.**— Избранные сочинения. (Письма к Серене. Пантеистикон.) **Гегель.**— Избранные сочинения. Под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова. Энциклопедия философских наук. Ч. I. Логика.

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА.

(Под редакцией **Д. Рязанова.**)

На днях выходят из печати:

Маркс, К. и Энгельс, Ф.— Коммунистический манифест. С предисловием и примечаниями Д. Рязанова. С 21 иллюстрациями. Стр. 144. Ц. 50 к. **Маркс, К.** — Мыслитель, человек, революционер. С предисловием Д. Рязанова. **Энгельс, Ф.** Развитие социализма от утопии к науке. С предисловием Д. Рязанова. С примечаниями Г. Зайделя и И. Луппола. **Энгельс, Ф.**— Крестьянская война в Германии. С предисловием Д. Рязанова и примечаниями, составленными Ц. Фридляндом.

Печатаются:

Маркс, К. 18-е брюмера Луи Бонапарта. С предисловием Д. Рязанова. **Маркс, К.** Заработная плата, цена и прибыль. С предисловием Д. Рязанова. **Маркс, К.** О свободе торговли. С предисловием Д. Рязанова. **Плеханов, Г.** Русский рабочий в революционном движении. С предисловием Д. Рязанова. **Лафарг, П.** Томас Кампанелла. С предисловием Д. Рязанова и примечаниями Г. Зайделя и И. Луппола.

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Подготовлены и сдаются в печать:

Петрушевский, Д.— Восстание Уотта Тэйлора. **Маркс, К.**—Июньские дни 1848 г. **Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну.** С предисловием и примечаниями Д. Рязанова. **Коол, Д.**— Роберт Оуэн. **Коол, Д.**—Вильям Коббет. **Сансье.**—Бабувизм после Бабефа. **Яффэ.**—Рабочее движение во время французской революции. **Поль Луи.**— Социализм во Франции.

С заказами обращаться в Торговый Сектор Государственного Издательства— **МОСКВА,** Ильинка, Богоявленский пер., Тел. 3-71-37 и 2-22-24.

ЛЕНИНГРАД, Моховая, 36 и во все отделения, магазины и киоски Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) **ВЫСЫЛАЕТ ЛЮБУЮ КНИГУ** немедленно почтовыми посылками или бандерелью наложенным платежом.

При высылке денег вперед (до 1 руб. можно почтовыми марками), пересылка бесплатно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ и ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ И РКП (б)

В МАТЕРИАЛАХ и ДОКУМЕНТАХ

ИСТПАРТ

Отдел ЦК РКП (б) по изучению истории Октябрьской революции и РКП (б)

Изд. 2-е дополненное

СОДЕРЖАНИЕ:

Том I. 1870—1900 г.г. Стр. 336.

I. Экономическое и политическое положение России во 2-й половине XIX века.
II. Народничество и критика его в марксистской литературе.
III. Рабочее движение 70-х и 80-х годов.
IV. Первые социал-демократические организации. Подпольная кружковая пропаганда 80-х и начала 90-х годов.
V. От „кружковщины" к массовой агитации.
VI. I Съезд РС-ДРП (1889 г.)
VII. Легальный марксизм и экономизм.

Том II. 1901—1904 г.г. Стр. 548.

I. Введение. Экономический кризис последних лет XIX столетия и перелом в рабочем движении. Положение рабочего класса. Экономическое положение крестьянства и крестьянское движение.
II. Рабочая и партийная жизнь. Рабочий быт. Рост классового самосознания. Строительство партии.
III. Против абсолютизма. Природа самодержавия. Методы революционной борьбы.
IV. Отношение к либералам. Поддержка либералов. Разоблачение либералов.
V. Крестьянский вопрос.
VI. Отношение к народничеству.
VII. Оппортунизм и его разновидности. Оппортунизм как общая болезнь социалистических партий. Ревизионизм как разновидность оппортунизма. Экономизм как разновидность оппортунизма.
VIII. Второй съезд партии. Раскол.
IX. После 2-го съезда. Внутрипартийная борьба. Календарь важнейших событий за 1901—1904 г.г.

Том III. 1905 год. Стр. 577.

I. 9-е января 1905 года в Петербурге.
II. Отражение январских событий в провинции.
III. Оценка январских событий западно-европейской социал-демократией.
IV. Попытки правительства захватить движение в свои руки.
V. Влияние январских событий на отсталые слои пролетариата и крестьянства.
VI. Либерально-демократическая буржуазия после 9-го января 1905 года.
VII. Развитие забастовочного движения весной 1905 года.
VIII. Профессиональные союзы в 1905 г.
IX. Булыгинская дума и социал-демократия.
X. Дальнейшее развитие революции летом.
XI. Подготовка октябрьских дней.
XII. Октябрьская политическая стачка и манифест 17 октября.
XIII. Советы рабочих депутатов.
XIV. Предвестники вооруженного восстания.
XV. Декабрьское восстание.
XVI. Контр-революция.
XVII. Социал-демократия в первой русской революции.
XVIII. Две тактики социал-демократии в первой русской революции.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

СЕКТОР ПЕРИОДИЧЕСКИХ и ПОДПИСНЫХ ИЗДАНИЙ

Том IV. Стр. 524.

Предисловие Васильева-Южина, М.

I. Итоги 1905 года.
II. Классы и партии. В 1906—1907 г.г.
III. РС-ДРП в 1906—1907 г.г.
IV. Рабочее движение.
V. Земельные отношения и аграрное движение после 1905 года.
VI. Военные восстания 1906—1907 г.г.
VII. Государственная Дума и рабочий класс.
VIII. Правительственный террор.

Том V. Эпоха реакции (1907—1911 г.г.). Стр. 512.

I. Обзор эпохи.
II. 3-я Государственная Дума.
III. „Общественная" реакция.
IV. Рабочее движение. Правительственные репрессии и задачи партии. Стачечное движение и начало подъема.
V. Партийные группировки.
VI. Партийное строительство.
VII. Партийная жизнь. Работа на местах по корреспонденциям.

Том VI. 1912—1914 г.г. (до империалистической войны). Стр. 490.

I. Массовое движение за 1912—1914 г.г. Введение Варенцова.
II. Партийная жизнь. Очерк внутрипартийной борьбы в 1911—1912 г.г. Партийный кризис и его разрешение. Всероссийская конференция (январь 1912 г.) Избирательная кампания в 4-ую Государственную Думу. Национальные социал-демократические организации.
III. Борьба с ликвидаторством.
IV. Борьба с народничеством.
V. Государственная Дума. Политические партии за 5 лет 3-ей Думы. Конфликт в думской социал-демократической фракции.
VI. Легальная рабочая печать.
VII. Страхование.

Том VII. Эпоха империалистической войны (июль 1914 февраль 1917 г.г.) Стр. 350.

Введение.
I. Народное хозяйство и война.
II. Революционная социал-демократия и война. Отношение к войне. Зарождение III Интернационала.
III. Революционное движение рабочих и руководство им партии. Партия и рабочий класс. Революционное движение. Легальные формы движения и работа партии. Думская фракция большевиков. Военно-промышленные комитеты. Организация партии. Военная работа. Женское рабочее движение. Рабочая печать. Партийная работа на местах.
IV. Царизм. Разложение царизма.
V. Буржуазия и мелко-буржуазные партии. Буржуазия. Мелко-буржуазные партии. Государственная Дума.
VI. Армия. Статьи.
Заключение. Перед революцией.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА (без пересылки) **16 рублей.**

При подписке взимается задаток в размере 3-х р. Книги высылаются подписчикам по мере выхода из печати, почтой с наложенным платежом.

I и IV т.т. будут разосланы в ближайшее время. Последний том выйдет из печати в апреле 1926 года.

Подписка принимается Периодсектором: Москва, Воздвиженка, 10/2, тел. 4-82-52. Конторами Периодсектора и агентами, снабженными соответствующими удостоверениями.

Периодсектор.

Государственное Издательство РСФСР Москва

К ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1905—1925

ИЗДАНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ПЕЧАТИ

ВСЕСОЮЗНОЙ КОМИССИЕЙ при ЦИК СССР

по празднованию 20-летнего юбилея революции 1905 г.

И ИСТПАРТОМ

под общей редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО

СЕРИЯ I

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1905 Г.

В ОТДЕЛЬНЫХ ОЧЕРКАХ

ТОМ I.

ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

Содержание: М. Н. Покровский. Предисловие. Ленин, Н.—О революции 1905 г. **Экономическое положение России накануне революции 1905 г.** а) А. Гайстер.—Сельское хозяйство б) А. Ванаг.—Промышленность. **Массовое движение накануне революции 1905 г.** в) С. Дубровский.—Крестьянское движение. А. Панкратова.—Рабочее движение. М. Н. Покровский.—Русско-японская война.

(Вышел из печати)

ТОМ II.

ОТ ЯНВАРЯ К ОКТЯБРЮ

Содержание. А. Гусев.—Промышленность и война. В. Астров.—Социал-демократия перед революцией 1905 г. Н. Ванаг.—9-е января. Г. Крамольников.—III съезд партии. И. Волковичер.—Июньские дни в Лодзи. Н. Авдеев.—Потемкинское восстание. М. Покровский.—Мир и реакция. А. Шестаков.—Всеобщая октябрьская забастовка.

(30 л. Печатается)

ТОМ III.

ВОРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Содержание: В. И. Невский.—Советы в 1905 г. **Вооруженное восстание:** И. Волковичер.—Восстание в Кронштадте. И. Волковичер.—Севастопольское восстание. Е. Ярославский.—Вооруженное восстание в 1905 г. С. Дубровский.—Крестьянское движение в 1905—1907 г.г. **Революционное движение на окраинах России:** Сирола.—Революционное движение в 1905 г. в Финляндии. Ю. Красный и Пестковский.—Революционное движение 1905 г. в Польше. А. С.—1905 г. в Закавказье. С. Диманштейн.—Еврейское революционное движение. П. Стучка.—Революционное движение в Латвии. Г. Лелевич.—Отражение 1905 г. в литературе.

(Готовится к печати)

ТОМ IV.

КЛАССЫ И ПАРТИИ В 1905 — 1907 г.г.

(Готовится к печати)

(См. сл. страницу)

Государственное Издательство РСФСР Москва

К ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1905—1925

СЕРИЯ II

МОНОГРАФИИ и СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ

СБОРНИК БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРОКЛАМАЦИЙ и ЛИСТОВОК
В МОСКВЕ и МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исключительно интересный сборник — большой исторической ценности: в нем собраны все до сих пор найденные прокламации московских большевистских организаций за 1905 год. События великого года, начавшиеся 9-м января и окончившиеся декабрьским восстанием, были наковальней, на которой большевистская партия выковала свою тактику и лозунги, ведя в бой против царизма пролетариат и его союзников. Сборник как в зеркале отразил эти события и эти лозунги.

(Печатается).

ВОЛКОВИЧЕР, И.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА ПАРТИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Содержание: I. Эволюция взглядов русской соц.-демократии по вопросу о терроре, вооруженном восстании и захвате власти. II. Вооруженное восстание, как реальная задача партии. III. Вооруженное восстание в Москве и по России. IV. Изучение опыта декабрьского восстания. V. Подготовка к новому подъему и правительственный террор. VI. Боевые организации и военная работа партии в 1907 г.

(Готов. к печати).

ВОЛНЕНИЯ В ВОЙСКАХ в 1905 году

Очерки составлены сотрудниками Военно-Исторического Отдела Управления по исследованию и использованию опыта войны.

Содержание: I. Причины возникновения волнений в войсках, роль войск при усмирении восстаний. 2. Подробное описание волнений по всем военным округам. 3. Приложение. Требования солдат, прокламации парт. организаций, донесения и распоряжения военных властей в центре и на местах и т. п. 4. Карта восстаний. 5. Календарь событий.

(Готов. к печати).

ДУБРОВСКИЙ, С. и ГРАВЕ, Б.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1905—1907 г.г.

Сборник заключает в себе донесения местных властей в департамент полиции и центральным властям о происходящих аграрных волнениях, постановления и наказы сельских обществ, связанные с текущими событиями 1905—1907 г.г. Несмотря на официальный характер материалов, при чтении их получается яркая, красочная картина постепенного нарастания и упадка аграрного движения. Особенно теперь, при том внимании, какое партия уделяет крестьянству, сборник этот явится ценнейшим пособием как для научной работы, так и для пропагандиста, заменяя ему хрестоматию по аграрному движению в России в эпоху первой революции.

(Готов. к печати).

КАЦ, А. и МИЛОНОВ, Ю.

1905 год В ПРОФДВИЖЕНИИ

В книге собраны документы, которые характеризуют достаточно ярко различные стадии профессионального движения в 1905 году. „Введение" служит хорошим комментарием к публикуемым документам. Каждая рабочая библиотека охотно включит этот сборник в свой идейный инвентарь.

(Печатается).

(См. сл. страницу!)

Государственное Издательство РСФСР Москва

К ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1905—1925

КИРЖНИЦ, А.

ЕВРЕЙСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Содержание: I. Экономическое и политическое положение в С.-Западном крае накануне 1905 г. II. Ответ еврейских рабочих на 9-е января. III. Партии в еврейском пролетариате в 1905 году (РС-ДРП, ППС, Сионисты-социалисты, Поалей-Цион, Серп, „Бунд"). IV. Всеобщая забастовка в С.-Западном и Ю.-Западном крае (всеобщая забастовка, митинги, демонстрации, баррикадные бои, погромы). V. Формы еврейского рабочего движения. Социалистическая пресса. VII. Приложения: воззвания, резолюции, политические платформы и т. п.

(Готов. к печати).

КРАСНЫЙ, Ю.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ в 1905—1907 г.г.

(В 3-х частях.)

Содержание: I. Забастовочное движение в 1905 г. в Польше. II. Июньские дни. III. Движение с.-хоз. рабочих. IV. Погромы. V. Школьная забастовка. VI. Лодзинский локаут 1906—1907 г. г. VII Партийные съезды и конференции. VIII. С.-Д.П. и Л. IX. Вопросы профдвижения. X. Материалы по аграрному вопросу. XI. Польские националисты и революция 1905 года. Материалы и документы: прокламации, царские указы и распоряжения, переписка царских сановников и др.

(Готов. к печати)

КРАСТЫНЬ.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ в 1905 г.

(Готовится к печати)

МАКСАКОВ, В.

Карательные экспедиции в Сибири и Прибалтике в 1905—1906 г.г.

В двух выпусках.

Содержание обоих выпусков: I. Общий очерк революционного движения в Сибири и Прибалтике. II. Организация карательных экспедиций. III. Военные суды. IV. Хроника событий 1905—1906 г.г. V. Приложения: прокламация с.-д. организаций, доклады и донесения об экспедициях и т. п.

(Готов. к печати)

ПАНКРАТОВА, А.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1905 г.

Сборник представляет интерес не только как источник впервые публикуемых материалов для будущих историков пятого года: он составлен с таким расчетом, чтобы служить и хрестоматией „сравнительно небольшой по объему", при изучении первой русской революции.

(Выходит из печати.)

ПОЗНЕР, С. М.

БОЕВАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ГРУППА при ЦК РС-ДРП (б) 1905—1907 г.г.

Содержание: I. Обзор подготовки к вооруженной борьбе Петербургской организации РС-ДРП (б). II. Воспоминания об организации и работе Б. О. т. т. С. И. Гусева, М. М. Литвинова, Шаповалова, Стомонякова, Сулимова, Буренина, Булле и др. III. Материалы и документы. О „Джоне Графтоне". (Программа занятий в школе-лаборатории в Куоккала, Финляндия) и обвинительный акт по делу о лаборатории в Куоккала и др.

(Готов. к печати)

(См. сл. страницу!)

Государственное Издательство РСФСР Москва

К ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1905 — 1925

НЕВСКИЙ, В.

ЛИТЕРАТУРА СОВЕТОВ

Сборник разбит на 3 части: 1) Собственно советская печать. 1905 г. „(Известия", „Бюллетени", и т. п.). 2) Печатный материал Советов (воззвания листки и т. п.), печатавшийся в буржуазной прессе (там, где не было „Известий"). 3) Библиографическое описание буржуазной прессы, в которой помещались заметки о Советах.
В первой части собраны все печатные издания Советов, какие сохранились до сих пор в центральных и местных книгохранилищах и архивах, с фотографическими снимками первой страницы подлинника. К сожалению далеко не всегда удалось достать полные комплекты всех названий, настоящее издание является первой попыткой собрать воедино разбросанный в разных местах печатный материал о Советах и тем облегчить изучение возникновения развития Советов 1905 г.

(Выходит из печати).

СЕРИЯ III

ПОПУЛЯРНЫЕ РАБОТЫ

ДИМАНШТЕЙН, С.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ в 1905 г.

(Готов. к печати).

ШЕСТАКОВ, А.

О крестьянском движении 1905 г.

(Печатается).

ЯРОСЛАВСКИЙ, ЕМ.

О декабрьском восстании

(Готов. к печати)

КАНАТЧИКОВ, С.

УРОКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ в 1905 г.

Обзор событий 1905 года с двух точек зрения: 1. Политуроки основных фактов революции. 2. Критическая оценка позиции отдельных партий и течений, участвовавших в революции.

Стр. 56 Ц. 20 к.

ШЕСТАКОВ, А.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ОКТЯБРЕ 1905 г.

Работа состоит из 3-х частей: 1) причина, подготовка и общий ход событий революции 1905 г., 2) исследование хода октябрьской стачки и ее ближайших политических следствий, 3) анализ партийных точек зрения, их критика и тактические выводы. Работа изобилует фактическим материалом.

Стр. 59. Ц. 35 к.

ЗОРИН, С.

1905 г.

Стр. 69. Ц. 45 к.

СЛЕПКОВ, А.

1905 г.

(Готов. к печати).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Сектор Госиздата:
Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4.
Ленинград: Моховая, 36 и во все магазины, киоски и отделения Госиздата.

Отдел Почтовых Отправлений Госиздата (Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4) высылает немедленно по получении заказа любую книгу наложенным платежом, почтовыми посылками или бандеролью.

Государственное Издательство РСФСР Москва

К ДВАДЦАТИЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

1905—1925

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

НА ШЕСТЬ ТОМОВ

ИЗДАНИЯ, ПОДГОТОВЛЕННОГО К ПЕЧАТИ ВСЕСОЮЗНОЙ КОМИССИЕЙ ПРИ ЦИК СССР и ИСПАРТОМ

3 ТОМА I-й СЕРИИ — История революции

Том I. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ
Том II. ОТ ЯНВАРЯ К ОКТЯБРЮ
Том III. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

3 ТОМА II-й СЕРИИ — Монографии

Том I. 1905 год В ПРОФДВИЖЕНИИ
Том II. СБОРНИК БОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРОКЛАМАЦИЙ и ЛИСТОВОК
Том III. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ в 1905 г.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

ВСЕГО ИЗДАНИЯ без пересылки **20** руб.

При подписке взимается задаток в размере 3 р. 20 к.
Остальная сумма вносится по получении книг по 2 р. 80 к.

Цена 3-х томов 1-й серии без пересылки **12** руб.

При подписке взимается задаток в размере 2 р. 70 к.
Остальная сумма вносится по получении книг по 3 р. 10 к.

Подписка на остальные книги будет объявлена дополнительно. Лицам, подписавшимся на первые 6 томов, будут предоставлены льготные условия при подписке на остальные тома.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Секторе периодических и подписных изданий Госиздата (Периодсекторе), **Москва**, Воздвиженка, 10/2. **Ленинград**, Моховая, 36, а также во всех провинциальных отделениях Госиздата и у уполномоченных Периодсектора.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

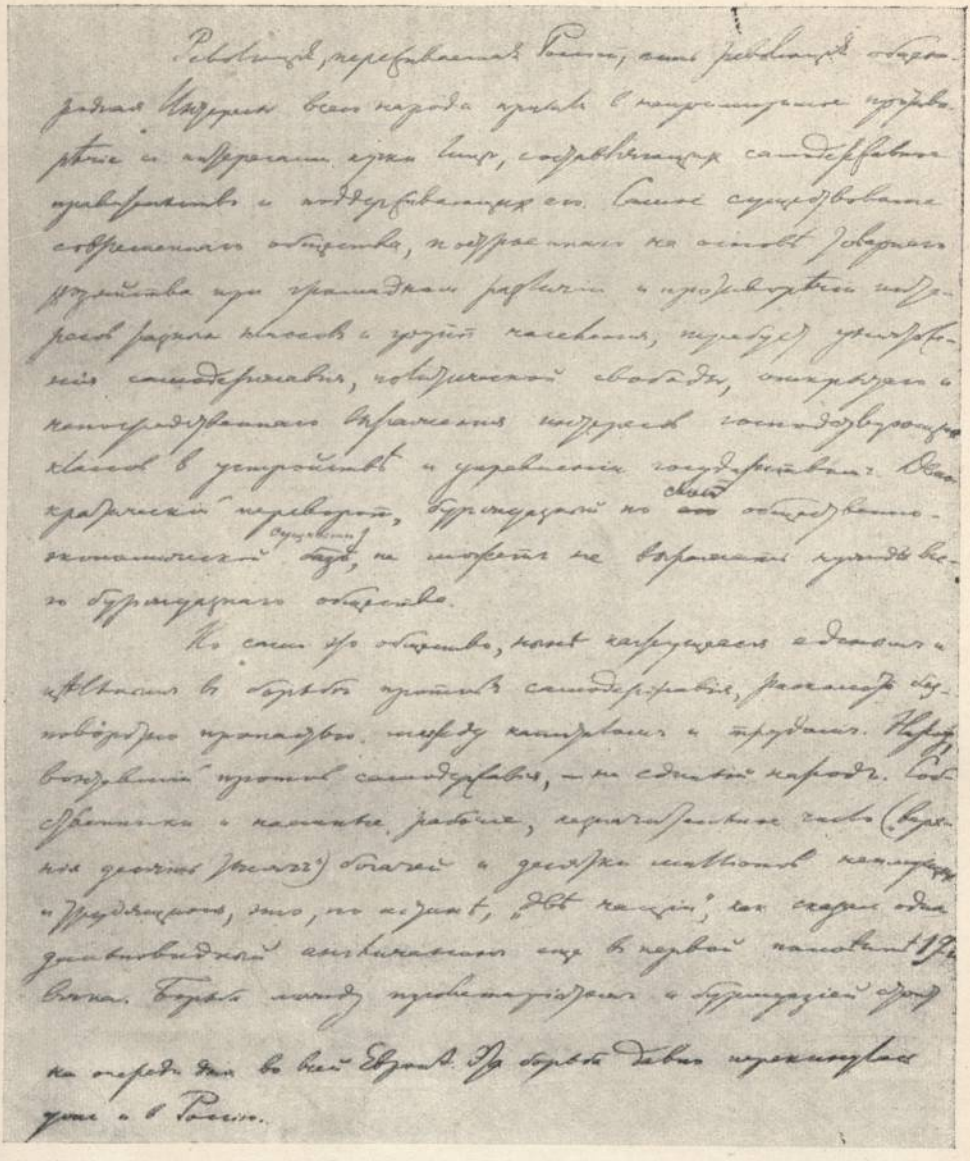
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ — ПЯТЫЙ
(ОДИННАДЦАТЫЙ—ДВЕНАДЦАТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит № 46789
Гиз № 14928 Тир. 2000



Автограф В. И. Ленина

(„Социализм и крестьянство". 27/IX 1905 г. Соч., т. VI, стр. 486)

Начало пролетарской революции в России. *)

Я буду подходить к революции 1905 года, о которой мы вспоминаем, приблизительно от тех позиций, на которых стояли мы, русские, когда эта революция приближалась. Вы знаете все, товарищи, конечно, что я бы не сказал «мы русские», но российская интеллигенция всегда отличалась нарочитой скромностью по отношению к Западной Европе. До некоторой степени эту скромность можно сравнить с тем трепетом благоговения, с каким сами западные европейцы относились к древнему миру. Громадные монументальные памятники старой культуры производили на людей, неспособных создать такие же памятники в настоящее время, подавляющее впечатление и заставляли их тянуться, что называется, за древними, тянуться для того, чтобы, по крайней мере, достичь уровня этих древних, если не обогнать их. Вы сами знаете это, конечно, потому что многие из вас кончили классическую гимназию, где это благоговение перед древностью внедрялось в молодые мозги. Так и русские интеллигенты, попав за границу и видя не в развалинах, а живыми, такие монументы западно-европейской культуры, как Париж или Лондон, приходили в некоторый благоговейный трепет и думали: куда уж нам, где уж нам, куда же нам с суконным рылом в калашный ряд. И вот, когда, приблизительно с 1901 г., определилось со всей ясностью, что у нас будут говорить по-французски, а не по-немецки, т.-е. будет настоящая революция, с уличными боями, вооруженными восстаниями и т. д., распланировывая эту будущую революцию, у нас брали самый скромнейший из всех примеров, какие можно было собрать в Западной Европе. Об английской революции XVII века и о французской великой революции не вспоминали даже некоторые наши тогдашние вожди. Например, Плеханов: для него образчиком, по которому он готов был рисовать русскую революцию, была среднеевропейская революция 1848 года. Странным образом, с противоположной стороны баррикады, с ним сходился и покойный историк П. Г. Виноградов, который стал известен широким кругам, главным образом, теми двумя цифрами, которые он выдвигал с чрезвычайной

*) Доклад на общем собрании Ассоциации Научно-исследовательских Институтов обществоведения 16 января 1926 года.

выпуклостью. Надо, — говорил он, — чтобы наша русская революция не пошла дальше 48 года и ни в коем случае не дошла до 89 года. Надо, чтобы это была скромная, средне-европейская, немецкая, аккуратная, небольшая революция, чтобы она никоим образом не была великой революцией, вроде французской. Так рассуждали, повторяю, русские интеллигенты. Что касается русских рабочих и крестьян, то они этими интеллигентскими скромностями заражены вовсе не были и никаких параллелей не проводили. Они тогда, как и теперь, никакими параллелями не интересовались, а интересовались и интересуются сутью дела, и закатили такие три революции, которые пошли дальше не только 89 года, как опасался покойный П. Г. Виноградов, но даже дальше 1793—1794 года. Робеспьер в роковую минуту не решился, как вы знаете, разогнать Конвент, хотя из новейших исследований Матье видно, что он имел к этому полную объективную возможность, ибо Конвент уже разбежался и нужно было только помешать ему опять собраться; а Ленин разогнал Учредительное Собрание чрезвычайно просто, выполнив это, как дело само собой разумеющееся, не встретив почти никакого сопротивления. Тот величайший фетиш Учредительного Собрания, который выдвинула Западная Европа, оказался преодоленным нашей революцией чрезвычайно легко и скоро, без всяких сопротивлений и боев, потому что за Учредительное Собрание никаких боев не было. Нельзя же считать боем стрельбу на петербургских улицах, которая была чрезвычайно невелика и боем, собственно говоря, не являлась.

Таким образом, уже в этом своем достижении русская революция перешла известный рубеж, и как бы мы ни спорили, что у нас — социализм или госкапитализм,— как угодно определяйте этот вопрос, — мы во всяком случае по ту сторону буржуазной демократии, как она существует в Западной Европе. Поскольку у нас национализирована крупная промышленность, национализирован транспорт и почти национализирована крупная торговля и т. д., и т. д., постольку нашему Советскому правительству никогда не придется стоять перед вопросом, перед которым стоит французское или английское правительство: а как, мол, та или иная железнодорожная кампания отнесется к изменению железнодорожного тарифа? Мы этого не имеем, и, как все, так и тариф изменяется, как это нужно государству, целому, и всем трудящимся. Таким образом, мы уже перевалили через известный рубеж, повторяю, оправдав и надежды и опасения другой стороны в самых больших размерах.

Вы видите, что я рассматриваю нашу революцию как одно целое, как три больших эпизода, называя по месяцам: декабрь 1905 г., февраль 1917 г. и октябрь 1917 года, и это как будто противоречит тому, о чем я уже говорил, о чем я писал сравнительно недавно и что мы вообще знаем, именно, что революция 1905 года была чисто-буржуазной революцией, между тем как Октябрьская революция была безусловно, бесспорно, социалистической революцией. Но тут при-

революции, потому что она охватила всю страну, потому что эту страну связал железным кольцом капитализм, и это железное кольцо капитализма стояло во время революции перед царской властью, облеченное в не менее железное кольцо пролетариата. Позвольте иллюстрировать это маленьким, но характерным примером: очагом движения металлистов у нас стали железнодорожные мастерские, т.-е. как раз та часть металлургии, которая приставлена была к железнодорожной сети и персонал которой движется по этой сети. Нет более подвижного, текучего элемента, нежели рабочие железно-дорожных мастерских: сегодня он работает в Петербурге, завтра в Москве, послезавтра в Ростове-на-Дону, а после послезавтра еще где-нибудь дальше — в Киеве или Одессе и т. д., и т. д. Вот как раз там, среди этих живо и наглядно воплощающих связь всего пролетариата по всей стране, масс железнодорожных металлистов впервые появляются лозунги 8-часового рабочего дня, идея всеобщей политической забастовки и т. д.

Это основная черта нашей первой революции 1905 года, черта, которая потом проходит и через две следующие революции. Революция 1917 года точно так же не создала сначала никакого местного движения, была «национальной» революцией, охватившей всю страну. Национальные движения явились лишь потом. А еще позже, по мере восстановления промышленности, распавшиеся в первую минуту отдельные части снова слились в единый Советский Союз. Но этим, конечно, оригинальность революции 1905 года не исчерпывается, у нее были и другие оригинальные черты, более глубокие и более интересные: прежде всего то, что поражало, вероятно, наблюдателей,— поражало, действительно, французских наблюдателей,— это отсутствие у нашей революционной массы, у рабочих и крестьян, следующих за ними, отсутствие того формального подхода к революции, который так характерен для революций Запада, особенно для французской революции. Французская буржуазная газета «Тан» выразила это таким образом: у русского народа в настоящем смысле этого слова нет политических понятий. В этом «Тан», получавшая хорошие субсидии из русского посольства, видела основную гарантию прочности самодержавия и, значит, прочности тех русских бумаг, которые, по рекомендации «Тан», покупала парижская мелкая буржуазия. И, действительно, если подходить с точки зрения чисто формальной, то слабо у нас было по части этих политических понятий. Я для ясности опять иллюстрирую это парой анекдотов.

Когда мне весной 1917 года пришлось проводить избирательную кампанию на лондонский съезд в Москве, передо мной прошел целый ряд рабочих собраний. Это были собрания рабочих очень квалифицированных в политическом отношении, это были партийные товарищи, старые революционные бойцы. Рассуждали они чрезвычайно хорошо о революции, о классовом ее значении и т. д., но когда нам приходилось с ними выяснять значение лозунга Учредительного Собрания, я натыкался на какую-то стену, ибо тот формальный момент, из которого

исходит вся буржуазная наука, что это есть воплощение высшей народной воли, он не был ясен для рабочих. Для них это были слова, а так как лозунг Учредительного Собрания стоял в нашей партийной платформе, то они старались истолковать эти слова по-своему. Учредительное Собрание,— говорил один из них,— это — всеобщее вооружение народа, Учредительное Собрание вооружит весь народ и тем закрепит революцию. Он не подозревал, что повторяет в несколько иной форме известные слова Энгельса. По существу рабочий был совершенно прав, но я боюсь, что на экзамене по государственному праву он получил бы единицу за ответ, что Учредительное Собрание есть всеобщее народное вооружение. Другой рабочий говорил: Учредительное Собрание, это значит восьми-часовой рабочий день. Учредительное Собрание должно провозгласить 8-часовой рабочий день. Тут уже приходилось с товарищем рабочим спорить, указывать ему, что в Учредительном Собрании будут не только одни рабочие, но и крестьяне, которые уже и тогда относились к 8-часовому рабочему дню довольно прохладно, и мы имели опасения, что 8-часовой рабочий день не пройдет. Это отразилось в некоторых крестьянских наказах. Все это страшно дискредитировало в глазах наших слушателей Учредительное Собрание, и только партийная дисциплина мешала им выражать свой протест. Кому нужно Учредительное Собрание, если даже 8-часового рабочего дня оно не даст? На первый взгляд это кажется смешным, но на самом деле тут есть глубокая и серьезная вещь, которая заключалась в том, что формальная точка зрения — стремление к созданию такого рода Учредительного Собрания, которое бы выражало народную волю и т. д. — так сильна была в старых революциях потому, что они все, исключая до некоторой степени Парижскую Коммуну, но лишь до некоторой степени, были революциями мелкобуржуазными. Мелкий самостоятельный производитель, в силу объективных экономических условий, не связан с другими мелкими самостоятельными производителями и ему чрезвычайно трудно политически с ними объединиться. На крестьянском движении 1905 года это сказалось очень рельефно: ни разу не было случая, чтобы крестьяне объединились в пределах больше одного уезда, да и то с уездом был только один случай — с Балашевским уездом, Саратовской губернии; что касается других мест, то объединялись волости, а по большей части и не волости, а соседние деревни дрались между собой из-за доставшегося им в наследство помещичьего имущества. В старое время, когда мелкий производитель не представлял собой отряда, идущего за пролетариатом, а представлял собой единственную революционную силу, — необходима была какая-то формальная связь для того, чтобы всю эту массу мелких производителей обратить в одно целое: вот откуда это стремление мелких буржуа во что бы то ни стало создать искусственную форму, такую связь, которая естественным путем, условиями его хозяйства не дается. Вот отчего они обязательно должны себе фетишизировать или Конвент, или императора, или королевскую

власть, или что угодно, на этом играли в течение всего XVII и XVIII в., и это отразилось в наших крестьянских разговорах о добром царе. Какая-то форма была им совершенно необходима, потому что иначе они развалились бы, распылялись бы. Я говорил в другом месте и не буду повторять, что самодержавие очень играло на этом распылении мелкой буржуазии. Вот почему его архи-врагом явился пролетариат, связанный с производством. Пролетариату нечего было искать искусственного выражения народной воли в той или другой более или менее искусственной форме, потому что для него это — воля данной производственной ячейки, это цех, все цехи данного завода, затем все заводы данного города, совет депутатов рабочих данного города и наконец Совет Депутатов всей России. Вот что воплощает для него народную волю. Рабочий в своем производстве ощущает эту связь с другими рабочими, и не только с рабочими своего производства, но и с рабочими других производств, — поскольку рабочий строит для транспорта, для железной дороги, постольку пролетариат ясно видит и сознает эту связь. Для него формальный момент, несомненно, должно был отступить на второй план и, действительно, отступил на второй план.

Формальная сторона в нашей революции играет чрезвычайно слабую роль, и это выразилось в одной черте, на которую мало обращают внимания. Решительно все старые буржуазные и мелкобуржуазные революционеры усиленно предавались сочинениям конституции. Что касается декабристов, как вы знаете, после них почти ничего и не осталось, кроме проектов конституции. Но у нас, по необходимости, такую конституцию сочинили только одну, и то когда необходимо было оформить власть. Когда нужно было эту конституцию написать, создали деловую комиссию и при помощи ее составили конституцию. Это была чисто деловая операция: когда совершается революция, нужно же какой-то распорядок ввести внутри. Но сочинением конституции «впрок» никто у нас не занимался. В своей программе-минимум мы перечисляли требования, которые предъявлял рабочий класс, но как будут осуществляться эти требования, в какие формы они выльются, — мы этими вопросами интересовались и занимались чрезвычайно мало. Это отражает тот класс, который мы представляем, дух этого класса, потому что этот класс спаяло само производство, он не имеет никакой нужды в том, чтобы создавать какую бы то ни было искусственную спайку, какое бы то ни было искусственное формальное объединение для того, чтобы выразить свою волю, и в этом трагедия нашего Учредительного Собрания 1917—1918 года. Все это казалось рабочей массе просто ненужным. Я хорошо помню выборы в Учредительное Собрание в рабочем районе. Я жил тогда в Замоскворечьи. Просто стыдно было итти и подавать голос, все равно как в церковь было стыдно ходить по царским дням, когда я учился: зачем, почему, для чего это нужно? Ясно было, что та рабочая масса, которая окружала меня в Замоскворечье, совершенно этим не интересовалась,

и в то время, как в Западной Европе даже такие, как б. депутат государственной думы Алексинский, производили впечатление, решительно никому из нас не приходило в голову гордиться, что мы члены Учредительного Собрания. Некоторые прошли по целому ряду губерний и просто стыдно было подчеркнуть это, стыдно было выдвигаться, в особенности это стыдно было делать перед рабочими. Сами эсеры, которые играли на Учредительном Собрании, признали, что этот лозунг никого не брал, ни одного солдата нельзя было вытащить на улицу и, благодаря этому, сорвалась их манифестация, которая имела цели сначала оборонительные (защитить от разгона Учредительное Собрание), а потом, в случае большого успеха, и наступательные, в смысле разгона нашего совета. Этого не вышло, потому что ни одного солдата из казармы вытащить на улицу этим лозунгом нельзя было, и ни одного рабочего, ни одного петербургского рабочего нельзя было вытащить. А когда нужно было защищать советы от тех же самых восставших эсеров, так весь петербургский пролетариат вышел на улицу, включая сюда и рабочих эсеров, которые заявили: как же, мы за советы деремся, — и поэтому они шли в рядах Красной гвардии.

Вот этот реализм рабочего класса, который составляет чрезвычайно характерную черту нашей революции 1905 г. и объясняет то своеобразие политической формы, которую эта революция создала, формы совета рабочих депутатов, т.-е. собрания представителей от производственных ячеек. Это чрезвычайно характерная форма, которая не осталась свойственной только одному пролетариату. Она передалась сейчас же и солдатам, которые создали такие советы по своей профессии, и она передалась и крестьянам, которые создали крестьянские советы. Между прочим, крестьянские советы возникали и в 1905 году. В Тверской губернии было несколько таких крестьянских советов. Характерной особенностью этих советов было то, что они были созданы при непосредственном участии рабочих, т.-е. тех же тверских крестьян, но работавших на тверских фабриках. Эти рабочие, отправившись к себе в деревню и разагитировав там крестьян, окружили Тверь целым кольцом советов крестьянских депутатов, которые, в сущности, были рабоче-крестьянскими, поскольку в каждом таком совете было обязательно несколько рабочих, в качестве руководителей.

Эта черта организации по производству, которая лежит в основе нашей советской системы, представляет собой мировое достижение. И недаром, когда началась германская революция, то она выразилась в образовании советов рабочих и солдатских депутатов, и провал этих советов был одновременно провалом германской революции. Несомненно, если бы революция в Германии победила в 1919 году, а не была побеждена, то, по всей вероятности, в Германии были бы советы, с теми же названиями или нет, я не знаю, но во всяком случае, это были бы организации представительства по производствам. Из этих организаций представительства по производствам вытекал один вывод, который в 1905 году не был сделан, но который в 1917 году сделали,

и вывод был логический: а кто ни к какому производству не принадлежит и вообще ничего не производит, не является членом никакой производственной ячейки, — он имеет право голоса? Очевидно, нет. Где же он будет голосовать? Тосканские дворяне, которые после революции горожан в XIII в. были лишены права голоса, прибегли к маскараду. Они записывались в цехи, вывешивали на дверях своих домов кто клубок шерсти, кто моток шелка и заявляли: я — ткач, шелкопряд, я — шерстопряд и т. д. Но такая комедия была возможна в XIII веке, а в XX веке ее осуществить очень трудно. Представительство по производству, выражая объективную спайку рабочего класса, спайку хозяйственную, которую не нужно создавать искусственно, само собой выпирало буржуазию, выпирало класс, присваивающий, но не производящий, из политической системы. 65-я статья Конституции появилась только в 1918 г., но она носилась в воздухе уже в 1905 г.

Вот, товарищи, в чем, по-моему, заключаются оригинальные черты революции 1905 года, и вот почему, мне кажется, мы имеем полное право назвать ее *народной*, как назвал ее Ленин вслед за Марксом. И он и Маркс искали, чем бы отделить революции этого рода от революций другого типа, от прежних буржуазных революций, ибо ясно было, что тут есть что-то на прежние революции непохожее и новое. И эта наша народная революция заслуживает названия Великой, потому что она начинает собою новый период истории. До сих пор мы знали два таких великих барьера: английскую революцию, которая покончила с феодализмом в Англии, но в мировой плоскости внесла лишь то, что в XVII веке уже начинало терять практическое значение, — свободу совести. Французская революция конца XVIII века пошла гораздо дальше: она выдвинула идею народного суверенитета, в Англии представленную лишь крайним левым крылом движения, она выдвинула идею равенства, не социалистического равенства пока, но равенства, которое до известной степени подготовляет социалистическое равенство, равенства гражданского. И теперь мы имеем третий великий исторический рубеж, нашу революцию 1905—1917 гг., которая внесла совершенно новую идею организации народных масс, идею, настолько же опередившую формальную демократию французской революции, насколько крупное промышленное производство идет впереди мелкого ремесла. Наша революция впервые увязала современное хозяйство и политику, сокрушив беспощадно все те фетиши, которые остались современному миру в наследство от старой мелкобуржуазной демократии. Эти фетиши совершенно не нужны нашей новой советской демократии в России, и они окажутся ненужны в других странах, по мере того, как туда будет продвигаться социалистическая революция. В 1905 году у нас только началось это великое движение, но с тех пор никаких китайских стен на этом пути мы не найдем. Наши требования 1905 года под скромным, легализированным названием «неурезанных лозунгов» прошли через весь междуреволюционный период, и в 1917 году их дальнейшее развитие про-

должалось как будто с того места, на котором оно остановилось в декабре 1905 года.

И теперь это развитие захватило ряд стран. Наименее интересующемуся историей человеку то, что теперь происходит в Индии, то, что теперь происходит в Китае, не может не напомнить наш 1905 год. И там во главе идет, первые удары наносит и первые удары на себя принимает рабочий класс, а за ним идут в бой многомиллионные, там еще более многомиллионные, чем у нас, массы крестьян. И немудрено, что буржуазия Западной Европы, ссудившая деньгами Николая II на подавление русской революции, оказывает всевозможные услуги тем, кто стремится подавить революцию в Китае. Но все труднее и труднее становится эта операция, по мере того как революция приобретает все новые и новые очаги, после того как революция прочно обосновалась в одной из величайших стран мира, разлившись на некоторых новейших американских картах огромным красным пятном, втрое превышающим территорию Соединенных Штатов. Стереть это пятно уже не удастся ни западно-европейской, ни даже всемирной буржуазии ни двумя, ни двадцатью миллиардами не только золотых франков, но и золотых долларов. Революция, начавшаяся на улицах Петербурга в январе 1905 года, занимает теперь в мировой проекции приблизительно то положение, какое заняла французская революция в первые годы XIX века в проекции одной Европы. Это тогда считалось мировым событием, и все, что было в Европе передового, спешило на поклон в Париж. Теперь такой Меккой народов становится Москва. Этого никто не представлял себе, когда, после разгрома московских баррикад, мы считали те несчастные браунинги и маузеры, которые остались у нас в руках. А теперь мы считаем, сколько у нас аэропланов и броненосцев. Думали ли мы тогда, в маленьких комнатах, где мы подводили печальные итоги нашему первому выступлению, что через 20 лет революция полетит на аэроплане?

М. Покровский.

9-е января 1905 г.

Публикуемые документы извлечены из собрания всеподданнейших докладов министра финансов по отделу торговли и промышленности за 1905 год и из дела «О рабочем движении в С.-Петербурге в 1904—1905 г.г.» [1]). Это доклады министра финансов В. Н. Коковцова от 5, 11, 16 и 19 января и два отчета старшего фабричного инспектора Петербургской губ. С. Чижова от 14 и 15 января 1905 г.

Январские дни для министерства финансов явились, в своем роде, днями его ведомственного торжества. Доклад Коковцова от 19 января в значительной своей части посвящен описанию того подчиненного и бессильного положения главы фабричной инспекции и руководителя торгово-промышленной жизни страны, в каком предшествующие 6 лет (по минимальному счету) пребывал министр финансов. Январская всеобщая забастовка блестяще доказывала всю опасность продолжения игры министерства внутренних дел в покровительствуемые им «рабочие» организации и расчищала место для выступления в защиту долго попиравшихся прав — на «урегулирование рабочего вопроса» министерством финансов при посредстве ему лишь подчиненных органов фабричной инспекции. Красной нитью через все четыре доклада Коковцова проходит эта самодовольная мысль: министерство внутренних дел, взявшись за рабочие организации, само открывало доступ и даже способствовало доступу в среду рабочего класса «чуждым» этому последнему идеям революционной пропаганды и «посторонним» ему элементам; освобожденное от вмешательства полиции, рабочее движение примет характер чисто экономический, и не со стороны теперь «обманутых», по существу же «верноподданных» и готовых «раскаяться», рабочих грозит что-либо существующему политическому строю, а со стороны «других явлений внутренней жизни нашей, о которых должен докладывать... конечно, не министр финансов» (докл. 16 января); поэтому для успокоения рабочих на первых порах достаточно было бы «державного слова вразумления», перед которым «не могут не склониться непокорные головы» (докл. 11 января).

Однако нельзя было закрывать глаза на размеры движения и интенсивность сотрясения, произведенного им во всем организме империи. И Коковцову приходилось посчитаться с ответственностью и своего ведомства в следующих скользящих выражениях: «сознавая те пагубные последствия, к которым приведут незаконные организации рабочих, финансовое ведомство могло не останавливаться перед различием точек зрения — своих и министерства внутренних дел — и внести свои пред-

---

[1]) «М-ва финансов, отдела промышленности, делопроизводства главного по фабричным и горнозаводским делам присутствия, № 35, 1904 г.» — Всеподданнейшие доклады и дело хранятся во 2 отделении Экономической Секции в Ленинграде.

положения на рассмотрение высших государственных установлений... Справедливость побуждает меня, однако, высказать, что такое направление дела едва ли имело бы существенное влияние на разрешение вопроса и что точка зрения финансового ведомства, вероятно, не встретила бы в то время поддержки в высших государственных установлениях» (докл. 19 января).

Что касается самых «предположений» министерства, то Коковцов намечал их четыре: 1) учреждение больничных касс, 2) учреждение примирительных камер, 3) пересмотр закона о нормировке рабочего дня и 4) пересмотр закона о стачках. Но уже в совещании петербургских фабрикантов и заводчиков, созванном Коковцовым 24 января, ему пришлось говорить о желательности лишь «сделать первые шаги для соответствующих изменений в рабочем законодательстве» и о том, что «подобные работы требуют много времени». Не дойдя еще до «высших государственных установлений», Коковцов натолкнулся уже в этом собравшемся под свежим впечатлением событий кругу лиц на «равнодушно спокойное отношение» к «рабочему вопросу»: фабриканты решительно предпочитали «ждать обнародования новых законов». Кн. Голицын (директор экспедиции заготовления государственных бумаг), присутствовавший 24-го числа на собрании, «был крайне возмущен тем, что некоторыми высказывалось», и удивлялся «косности и непониманию ими собственных интересов», сказавшихся в нежелании пойти на немедленное «улучшение быта рабочих» [1]). Ждать пришлось, действительно, достаточно долго, и Витте, например, еще в 1911 г. мог саркастически констатировать в своих «Воспоминаниях», что никаких последствий 9-е января в законодательстве еще не возымело (т. I, стр. 302).

Памятником действительно чрезвычайной отдаленности министерства финансов от руководства деятельностью фабричной инспекции в это время является то обстоятельство, что в специальном деле, посвященном рабочему движению в 1904—1905 г.г., имеются довольно слабые следы связей старшего фабричного инспектора Петербургской губ. с министерством. Кроме публикуемого здесь, на ряду с докладами министра финансов, ценного своею подробностью отчета календаря о ходе всей январской стачечной волны с 3 по 23 января, мы не нашли сколько-нибудь значительных донесений инспектора. Между тем о переговорах его с путиловцами 28—30 декабря он подробно доносил... только СПБ градоначальнику, и донесение это лишь в копии попало на стол Коковцова не тотчас же, а через 4 дня — 3 января. Сохранилась здесь и копия его же записки общего содержания на имя СПБ генерал-губернатора от 28 января. Мы не можем при таких условиях думать об исчезновении каких-либо документов: надо говорить о прямом их небытии в обороте министерства вообще. Нечего и говорить, что события 9 января никак не отразились в делопроизводстве министерства финансов.

Б. Романов.

---

[1]) Письмо Голицына Коковцову от 24/I и записка СПБ фабрикантов и заводчиков от 31/I в том же деле № 35.

Доклады В. Н. Коковцова Николаю II.

1 *).

С понедельника 3 сего января начались забастовки на с.-петербургских заводах и фабриках, а именно: 3 января самовольно прекратили работу рабочие Путиловского механического завода, с 12.500 рабочих, 4-го — Франко-русский механический завод, с 2.000 рабочих [1]), 5-го — Невский механический и судостроительный завод, с 6.000 рабочих, Невская бумагопрядильня, с 2.000 рабочих, и Екатерингофская бумагопрядильня, с 700 рабочих. Как выяснилось уже из требований, предъявленных рабочими первых двух заводов, главнейшие домогательства забастовщиков заключаются в следующем: 1) установление 8-часового рабочего дня; 2) предоставление рабочим права участия, наравне с администрацией завода, в разрешении вопросов о размере заработной платы, об увольнении рабочих от службы и вообще в рассмотрении всяких претензий отдельных рабочих; 3) увеличение заработной платы для несдельно работающих мужчин и женщин; 4) устранение от должностей некоторых мастеров, и 5) выдача заработной платы за все прогульное время забастовки. Помимо сего, предъявлен ряд пожеланий второстепенного значения. Вышеизложенные требования представляются незаконными, а отчасти и невыполнимыми для заводчиков. Рабочие не могут требовать сокращения рабочего времени до 8 часов, так как закон предоставляет заводчику право занимать рабочих занятиями до $11^1/_2$ часов днем и до 10 часов ночью, каковые нормы установлены по весьма серьезным экономическим соображениям высочайше утвержденным 2 июня 1897 г. мнением государственного совета; в частности для Путиловского завода, выполняющего экстренные и ответственные заказы для надобностей Манчжурской армии, установление 8-часового рабочего дня и по техническим условиям едва ли допустимо. Несомненно также, что рабочим никаким образом не может быть предоставлено право устанавливать для самих себя размер заработной платы и решать вопросы о правильности увольнения от службы тех или иных рабочих, ибо в таком случае рабочие сделаются хозяевами предприятия, а владельцы заводов, несущие на себе весь риск производства, лишились бы законного права распоряжаться своим собственным делом. Наконец, не может быть признано за рабочими и право требовать вознаграждения за время забастовки, уже по одному тому, что при забастовке рабочих промышленник, вследствие самовольного прекращения рабочими действия завода, несет большие убытки, притом же выплата заработка за прогульное время послужила бы для рабочих только поощрением к устройству стачек в будущем.

*) На поле знак прочтения, поставленный Николаем II. *Прим. ред.*

В виду того, что требования предъявлены рабочими в воспрещенной нашим законом форме, что они представляются невыполнимыми для промышленников и что на некоторых заводах прекращение работ производилось насильственно, происходящая на с.-петербургских фабриках и заводах забастовка обращает на себя самое серьезное внимание, тем более, что, насколько выяснили обстоятельства дела, она находится в непосредственной связи с действиями общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга», руководимого священником Гапоном, состоящим при церкви с.-петербургской пересыльной тюрьмы. Так, на первом из забастовавших заводов — Путиловском — требования были предъявлены самим священником Гапоном, совместно с членами помянутого общества, а засим однородные требования стали предъявляться и на других заводах [2]). Из этого усматривается, что рабочие в достаточной мере объединены обществом отца Гапона и действуют поэтому настойчиво.

Высказывая серьезные опасения за исход забастовки, в особенности в виду тех результатов, которых достигли рабочие в Баку, я признавал бы настоятельно необходимым, чтобы были приняты действительные меры как для обеспечения безопасности тех рабочих, которые пожелают приступить к обычным своим фабрично-заводским занятиям, так и для ограждения имущества промышленников от разграбления и истребления пожаром; в противном случае те и другие будут находиться в том тягостном положении, в какое были поставлены недавно промышленники и благоразумные рабочие во время забастовки в Баку.

С своей стороны, я почел бы долгом собрать на завтра, 6 января, промышленников, дабы, обсудив с ними обстоятельства дела, дать им соответствующие указания благоразумного, спокойного и беспристрастного рассмотрения всех предъявляемых рабочими требований.

Что касается действий общества «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», то о возникших у меня весьма больших опасениях относительно характера и результатов его деятельности я счел долгом обратиться к министру внутренних дел, так как устав этого общества был утвержден по министерству внутренних дел, без сношения с финансовым ведомством [3]).

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше довести до сведения вашего императорского величества.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

5 января 1905 г.

2 *).

Ваше императорское величество. Не поставьте мне в вину, что в скорбную минуту, переживаемую вами, среди тяжких волнений, охвативших вашу столицу, я решаюсь отнять несколько минут вашего

*) На подлинном рукою Николая II: «Разделяю ваши мысли».

времени моим настоящим к вам письменным обращением. Я позволю себе этот смелый шаг после тягостного и упорного раздумья, проверив мою решимость велением моей совести. Я не считаю себя в праве ждать наступления моего докладного дня, так как волнения столицы носят самый острый характер, и каждый потерянный день не только может повлечь за собой новые жертвы, но все более и более затрудняет задачи правительства по восстановлению нарушенного порядка.

Вашему императорскому величеству известно, что событиям последних двух дней предшествовало прекращение работ на всех петербургских заводах. Более 100 тысяч людей, находивших себе пропитание в фабричном производстве, бездействуют. Они и их семейства неизбежно идут по пути к нищете, которая неминуемо влечет к преступлению. Пользуясь стачкою и волнением в городе, из чердаков и подвалов вышли на улицу отбросы столичного населения, и покушение на чужую собственность составляет уже не единичное явление. Все население столицы объято тревогою; за пределами нашего отечества начинает господствовать полное недоверие к нам, и русский кредит, столь высоко стоявший недавно, даже в минуты военных неудач, разом поколеблен [4]).

Не стану тревожить ваше императорское величество изложением тех последствий, которые могут проистечь из такого положения дел, и позволю себе лишь повергнуть на благовоззрение ваше, что возникшим волнениям и беспорядкам следует стремиться положить немедленный конец.

Я не вижу этого конца в мерах одного полицейского воздействия. Не жду его и от подавления волнений вооруженною силою. Полиция не сумела предупредить разгоревшихся событий; она оставалась долгие месяцы безучастным свидетелем того, как развивалась и крепла преступная организация, дозволенная вначале самим министром внутренних дел. Военная сила, неизбежная, конечно, в пору смуты и обязанная восстановлять порядок, оставляет в обществе новое неудовольствие, а в низших слоях населения и в тех, кто падает случайною жертвою военных действий, создается только новое раздражение, не приближающее минуты успокоения.

Моя совесть и правдивая оценка переживаемых нами событий приводят меня к единственному выводу, что внести успокоение в столице и предупредить неизбежное распространение волнений и на другие местности вашей империи, — на что указывает уже начало стачки в Москве, — может только державное слово вашего императорского величества.

Сколь ни велика вина подданных ваших, — столичных рабочих на фабриках и заводах, — поднявших смуту в тяжкую годину военных испытаний, я осмеливаюсь доложить вашему императорскому величеству, что, по глубокому моему убеждению, далеко не все и даже не большинство подняли свою руку на спокойствие столицы. Их невежеством и слабостью воспользовались другие, натолкнувшие на преступление рабочую массу из своекорыстных видов.

Заманчивыми обещаниями быстрого улучшения их быта и обманными заверениями, что само правительство стоит на стороне рабочего движения, организуя его для борьбы с капиталистами, вожаки разыгравшегося теперь движения подняли огромную массу рабочих, не сознававшую, куда она идет, а тем более не дававшую себе отчета в тех бессмысленных притязаниях, которыми она мнила себя в праве утруждать ваше императорское величество.

Не хочу я, ваше величество, верить тому, что русский человек не способен раскаяться в заблуждении. Ему нужно только разъяснить это заблуждение, сказать, что его руку ведет чужая злая воля; что эта воля избрала его в качестве слепого орудия для исполнения замыслов, ничего общего с улучшением быта рабочих не имеющих.

Но это слово должно быть слово властное. В такую минуту, когда улицы столицы обагрились кровью, голос министра или даже всех министров вместе не будет услышан народом. Это слово должно принадлежать только вашему императорскому величеству, и перед вашим голосом не могут не склониться поднявшиеся непокорные головы. Именем или хотя бы повелением вашего величества должно раздаться слово вразумления. Вашему слову поверят рабочие, что не в заманчивых обещаниях их вожаков, а только в милости вашей найдет рабочий люд источник всякого добра и попечений.

И если ваше императорское величество соизволите указать в форме, подобающей обращению к народу, по повелению или, даже еще лучше, именем вашим, что нужды рабочего класса близки вашему сердцу, что вы не оставите их без вашего внимания во всем том, в чем они справедливы, то можно надеяться, что рабочие быстро вернутся к обычным занятиям, что беспорядки, даже перешедшие из столицы в другие города и местности, уступят место нормальному порядку вещей, и уляжется та тревога, которая столь гибельно действует на всю нашу внутреннюю жизнь.

Обязываюсь к изложенному повергнуть на благовоззрение вашего императорского величества, что я имел возможность объясниться по настоящему предмету с министром внутренних дел и с вновь назначенным генерал-губернатором, и как генерал-адъютант кн. Святополк-Мирский, так и свиты вашего величества генерал-майор Трепов уполномочили меня довести до сведения вашего, что они всецело разделяют мой взгляд.

Прошу усердно ваше императорское величество простить мне мое искреннее изложение. Примите его с обычной вам ко мне снисходительностью, а если мысли эти удостоятся вашего одобрения, то дозвольте мне составить проект обращения, по повелению вашему, к рабочим фабрик и заводов столицы, по соглашению с генерал-губернатором, и сообщить его для сведения и в другие местности империи, где сосредоточено значительное количество фабрик и заводов [5]).

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

11 января 1905 г.

3 *).

Серьезность положения, которое создалось последними забастовками рабочих, охватившими почти все фабрики и заводы Петербурга и распространившимися на другие местности империи, побуждает меня довести до высочайшего вашего императорского величества сведения, данные по этому предмету, могущие заслуживать вашего внимания.

Как известно вашему величеству, стачка рабочих в Петербурге началась с 3 сего января и, усиливаясь постепенно, распространяясь все на большее и большее количество фабрик, достигла своих высших размеров 8 января и привела 9 января к известным вашему величеству уличным беспорядкам в столице, потребовавшим вмешательства вооруженной силы. Затем в течение трех дней, 10, 11 и 12 января, стачка держалась на одном уровне; часть рабочих отказывалась становиться на работу, заявляя свои требования, другая же часть уклонялась от работ без всякого заявления своих желаний. С вечера 13 января в рабочей среде начало проявляться некоторое успокоение, которое еще яснее выразилось 14 и 15 января. Именно: 14 числа с утра постепенно стали на работы рабочие таких крупных мануфактур, как Резиновая, (6.500 рабочих), Франко-русский завод (2.000), суконная мануфактура Торнтона (1.150), мануфактуры: Петровская (1.400), Спасская (1.300), Паля (1.600), Стеариновый завод (500); приступили также к работам во многих районах почти все средние и мелкие промышленные заведения, хотя и не в полном составе рабочих, и затем в течение дня возобновили работы все типографии, пивоваренные заводы, табачные и конфектные фабрики. Начиная с утра 15 января, к работам приступил ряд других значительных заводов и фабрик: Вагоностроительный завод (2.240 чел. рабочих), Новая Бумагопрядильня (1.775), писчебумажная фабрика Варгунина (700), Российская мануфактура (690), Тентелевский химический завод (500). К понедельнику 17 января из общего числа рабочих промышленных заведений, состоящих под надзором фабричной инспекции, остается незанятых работою около 43.000 человек, в том числе Путиловского завода 12.600 и Невского судостроительного 6.000; необходимо, однако, заметить, что на Путиловском заводе начался уже наем уволенных после забастовки рабочих, при чем настроение нанимающихся очень мирное, и между ними слышатся разговоры, выражающие удовольствие по поводу прекращения только что пережитого тревожного времени. Путиловский завод, закончив наем, приступит с понедельника к работам и, постепенно открывая свои мастерские и ставя на работы ежедневно около 1.000 чел., через девять дней пойдет полным ходом. Наиболее упорными оказались рабочие фабрик и заводов Выборгской стороны, где еще не при-

*) На подлинном: «О забастовке рабочих на фабриках и заводах Петербурга и других местностях империи». На поле сохранилась помета рукой Николая II.

ступило к работам ни одно крупное промышленное заведение. Упорство этого района объясняется тем, что «Собрание русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге» получило свое основание и дальнейшее развитие именно здесь. Можно, однако, надеяться, что в районе Выборгской стороны рабочие вскоре станут на работу, так как Петербургский металлический завод (2.000 человек), рабочие которого играют здесь руководящую роль, ожидает только начала работ на Путиловском и Невском заводах.

Приведенные сведения дают основание полагать, что на фабриках и заводах Петербурга постепенно наступает успокоение и что если не произойдет каких-либо особых событий, то к концу недели работы на них восстановятся в полном объеме.

В прочих местностях империи дело представляется в следующем виде. Стачка в Москве не достигла особенно больших размеров: число забастовавших, правда, превышало 20.000 человек, но забастовка не носила того упорного характера, как в Петербурге,— отдельные фабрики и заводы то прекращали, то снова возобновляли работы, и вообще стачка не имела прочной организации, а являлась скорее откликом тех рабочих беспорядков, которые происходили в Петербурге. Во всех прочих центральных губерниях империи крупных забастовок не произошло, за исключением только г. Саратова и его района, где забастовка распространилась даже на низших служащих двух управлений ж. д., прекративших вследствие этого товарное движение. Впрочем, в самом Саратове в настоящее время замечаются уже признаки успокоения; по крайней мере, по данным фабричной инспекции, некоторые лесопильные заводы и мукомольные мельницы возобновили уже работу.

Более серьезным представляется положение дела на западных окраинах империи, особенно в Прибалтийском крае и в западной части края Привислинского. В Ревеле, Риге, Либаве и Митаве произошли забастовки, отличавшиеся упорным характером, при чем в первых двух городах дело дошло даже до вооруженного столкновения рабочих с войсками. Но особо важное значение, по моему мнению, имеют забастовки, происшедшие в Лодзи и Варшаве. Возникнув на почве весьма развитой здесь социально-революционной пропаганды, стачка охватила все фабрики и заводы Лодзинского и Варшавского районов, и число забастовавших превышает 100.000 чел. При этом никаких признаков ослабления стачки и успокоения рабочего населения в этих районах пока не замечается.

Повергаемые на благовоззрение вашего императорского величества в настоящем докладе сведения побуждают меня еще раз высказать то мнение, которое уже было доложено мною вашему величеству лично, именно, что рабочий вопрос и возникшее на его почве движение, при всей их серьезности, представляются, по моему глубокому убеждению, значительно менее грозными, нежели другие явления

внутренней жизни нашей, о которых должен докладывать вашему императорскому величеству, конечно, не министр финансов.

Позволяю себе думать, что по отношению к рабочему вопросу имеется довольно ясный и определенный путь к удовлетворительному его разрешению. Такой путь, по моему глубокому убеждению, только один: благожелательное к рабочим и вместе с тем твердое и последовательное развитие мероприятий предоставлением в этом деле достаточной свободы действий тому ведомству, которому вверено попечение о нуждах нашей промышленности. В настоящее время особенно нежелательны всякие колебания, а тем более изъятие этого вопроса из компетенции тех учреждений, кои ведают его в силу закона, и особенно недопустимо образование каких-либо исключительных и специальных установлений для его разрешения. Исходя из этого, по моему мнению, было бы наиболее целесообразным избрать тот путь, о котором я позволил себе докладывать вашему императорскому величеству 14 сего января, в присутствии председателя комитета министров, и за который я почитаю своею обязанностью высказаться и в настоящем своем докладе [6]).

По моему убеждению, вслед за восстановлением работ на петербургских фабриках и заводах, необходимо войти в обсуждение с фабрикантами и заводчиками столицы тех заявлений, которые частью уже сделаны рабочими, а частью, несомненно, будут ими сделаны [7]). Вслед за этим надо попытаться удовлетворить без всякой задержки те из выясненных нужд, которые окажутся справедливыми и могут найти себе удовлетворение на почве действующего закона, без внесения в положение нашей фабрично-заводской промышленности каких-либо потрясений. Такое направление дела имеет, в моих глазах, весьма существенное значение, подтверждая высочайшие указания рабочим, которые объявлены, с соизволения вашего величества, с.-петербургским генерал-губернатором и мною; оно убедило бы рабочий люд в попечительном отношении к нему правительства и содействовало бы постепенному отдалению рабочих от революционных элементов, внушающих им, что улучшение быта рабочего может быть достигнуто только с помощью насильственных действий. Благоприятное влияние такого направления дела не ограничивалось бы пределами столицы; оно неизбежно послужило бы основанием для правительства настаивать на проведении тех же мер и в других фабрично-заводских местностях, где отношение фабрикантов к рабочим менее благожелательно, чем в Петербурге.

Но, независимо от нужд, которые могут и должны быть удовлетворены на почве действующего закона, несомненно, имеются и другие нужды рабочих, удовлетворение которых предполагает издание закона нового. В этом последнем отношении министерством финансов был предпринят уже ранее ряд работ, завершение коих ныне представляется возможным и настоятельно необходимым. Не утруждая в настоящее время ваше императорское величество подробным изложением моих предположений по этому предмету, я сочту себя обязан-

ным вслед за сим представить особый доклад по данному вопросу и буду ходатайствовать пред вами, государь, о внесении его на рассмотрение комитета министров с исключительною целью подвергнуть предварительному обсуждению главных начальников всех ведомств взгляды министерства финансов по этому важному в порядке государственного управления делу.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

16 января 1905 г.

4 *).

Ваше императорское величество, отнесясь с великодушною монаршею снисходительностью к рабочим с.-петербургских фабрик и заводов, поддавшимся влиянию злонамеренных людей и по их наущению устроивших общую забастовку, высочайше соизволили разрешить мне объявить от вашего имени, в успокоение рабочих, что нужды трудящегося люда близки вашему сердцу так же, как и нужды всех ваших верных подданных, и что с вашего соизволения на министерство финансов возложено составление ряда законопроектов по улучшению быта рабочих.

В виду сего я приемлю долг повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение соображения мои как о причинах, вызвавших прискорбное явление, так и предположения об осуществлении объявленных рабочим мер.

Правительство наше вступило на путь урегулирования взаимных отношений фабрикантов и рабочих в 80-х годах минувшего столетия. Первым в этом направлении актом был закон 1882 года о работе и обучении малолетних. Засим последовало издание законов о работе подростков и женщин, правил о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры, особенных постановлений о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности (в лице чинов инспекции и присутствий по фабричным делам). В общем законы эти стремятся обеспечить правильность отношений договаривающихся сторон, определяя условия заключения, исполнения и расторжения договора найма и ограждая обоюдные интересы сторон на почве договора. Введением этих постановлений устранился произвол, который господствовал в отношениях фабрикантов к их рабочим и вызывал беспорядки, сопровождавшиеся погромами фабрик и заводов.

Последующая деятельность министерства финансов была направлена на постепенное расширение сферы применения помянутых законов, при чем особые постановления о взаимных отношениях фабри-

*) На подлиннике рукою Николая II: «Согласен», ниже рукою Коковцова: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Согласен», в Царском Селе, 21 января 1905 г.».

кантов и рабочих и о надзоре фабричной инспекции были постепенно распространены на 64 губернии империи.

Одновременно с сим надлежало, конечно, вырабатывать дальнейшие законы по обеспечению быта рабочих. Одним из таких законопроектов был представлен на усмотрение и утверждение государственного совета в 1893 г. вопрос о вознаграждении увечных рабочих, потерпевших несчастие. Законопроект этот, однако, встретивший в то время возражение, в смысле несоответствия его потребностям времени, был возвращен министерству финансов государственным советом, и только 10 лет спустя, а именно 2 июня 1903 г., ему суждено было удостоиться высочайшего вашего императорского величества утверждения. За последние годы финансовому ведомству удалось провести, в установленном законодательном порядке, правила о продолжительности рабочего дня (1897) и, как уже сказано, закон о вознаграждении рабочих, потерпевших увечье вследствие несчастных случаев (1903).

Этими последними законами далеко не исчерпываются те меры, которые в интересах спокойного хода промышленной жизни давно уже надлежало бы принять. Но законодательная деятельность министерства финансов за последние шесть лет была затруднена теми условиями, при которых ему приходилось работать и которые заключались в резком несогласии во взглядах на отношения правительства к рабочему вопросу, проявившемся в двух тесно соприкасающихся между собою ведомствах — внутренних дел и финансов.

В 1898 г. в Москве обнаружилось постепенное стремление административной власти усилить воздействие полиции в сфере разрешения вопросов, возникающих из взаимных отношений фабрикантов и рабочих. Исходя из того соображения, что революционные деятели за последнее время сосредоточили свое внимание на фабрично-заводской среде и что раз агитатор ведет свои происки, эксплоатируя недочеты деятельности фабричной администрации, то в интересах неотступного и безустанного создания преград его происках необходимо устранять поводы к неудовольствиям рабочих, — московская полиция, вопреки точного смысла закона, по которому посредником между фабрикантом и рабочим является фабричный инспектор, приняла на себя обязанность исследования всех недоразумений, естественно возникающих между нанимателем и нанимаемым, и изыскание мер к удовлетворению требований рабочих, не всегда в должном соответствии со степенью их законности.

Несмотря на сделанное министерством финансов возражение против такого порядка вещей, отразившегося усилением притязательности у рабочего люда и домогательством с его стороны получать от предпринимателей такого рода уступки в своих требованиях, на выполнении которых закон вовсе не обязывает фабрикантов, местная административная власть приняла на себя руководящее участие в деле посредничества между промышленниками и их рабочими, отдавая в большинстве случаев предпочтение вторым, как более слабым, и

настаивая перед промышленниками в смысле обязательного удовлетворения пожеланий рабочих.

Независимо от сего, по инициативе местной полицейской власти, стали учреждаться особые организации рабочих с целью улучшения их быта и отвлечения рабочей массы от влияния на нее революционных учений. Первые такие организации были учреждены в Москве в 1901 г. Назначение этих организаций мотивировалось начальником московского охранного отделения, на образованном им совещании фабрикантов 26 июля 1902 г., следующими доводами.

Деятельность революционной пропаганды, охватившей всю Россию, обратила внимание московского охранного отделения на необходимость отвратить влияние пропаганды от фабричного рабочего класса путем принятия мер к улучшению его быта, при чем первая отрасль промышленности, на которую была направлена деятельность отделения, было механическое производство, оказавшееся по составу входящих в него рабочих уже достаточно подготовленным к корпоративным действиям. Для предохранения рабочих от влияния на них революционеров необходимо расширение прав рабочих, но отнюдь не в законодательном порядке, как на том настаивает министерство финансов, а в административном. Расширение прав фабрично-заводских рабочих должно состоять в объединении рабочих каждой фабрики в отдельное целое, имеющее свой комитет, состоящий из членов, выбираемых рабочими добровольно из своей среды. Эти комитеты имеют намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще правилах внутреннего распорядка. Хозяин имеет ведаться впредь со своими рабочими не непосредственно, как теперь, а через комитет. Комитеты отдельных фабрик данного округа должны состоять во взаимном общении, в видах достижения однообразности действий. Общий надзор за комитетами сосредоточивается в охранном отделении, которое в сих целях назначает особых агентов из среды благонадежных рабочих, умудренных долгим опытом в искусстве управления толпою. Указанными мероприятиями охранное отделение надеется снискать себе доверие рабочих, которые убедятся в том, что каждый униженный и оскорбленный найдет в нем отеческое внимание, совет и поддержку.

Руководствуясь изложенными соображениями, московское охранное отделение учредило два «совета» — рабочих механического производства и ткачей. Из утвержденной местной властью инструкции для «советов» усматривается, что целью их, между прочим, служит «обсуждение материальных нужд рабочих и мер, направленных к улучшению их экономического положения».

Тотчас по своем возникновении советы стали вмешиваться во все вопросы фабрично-заводской жизни. Они занялись не только обсуждением нужд и интересов рабочих, но также приемом жалоб и разбирательством недоразумений между фабрикантами и рабочими, а засим приняли деятельное участие и в организации стачек, имевших место

в 1902 г. на московских фабриках, при чем члены «советов» тем успешнее парализовали принимаемые фабричною инспекцией меры к успокоению волнений рабочих, что обыкновенно не только были снабжаемы письменными удостоверениями, с приложением казенной печати от охранного отделения, но и являлись для разбора дел на фабрики в сопровождении полицейских чинов.

При очерченных условиях организация стала постепенно разветвляться и за пределами Москвы. Вскоре в Минской губернии, при деятельном участии некоей Мани Вильбушевич, был учрежден союз рабочих ремесленных заведений, который действовал подобно московским советам и организовал бойкотирование тех владельцев заведений, которые не подчинялись его решениям, с устройством целого ряда стачек и забастовок.

Затем в апреле 1903 г. в г. Одессе были учреждены начальником розыскного отделения «независимые» союзы рабочих, ближайшими организаторами и руководителями коих явились мещанин еврей Хуна Шаев Шаевич, именовавший себя доктором философии, и помощник его «Сашка» Черновецкий.

Как усматривается из устава союзов, его материальная часть определяется следующими положениями.

Союз рабочих основан для улучшения условий жизни и труда рабочих и для поднятия умственного и духовного уровня своих членов путем сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, взаимопомощи в случае болезни и нужды, устройства лекций по общим предметам и по рабочему вопросу, библиотеки и пр.

Каждый член союза при вступлении вносит в кассу союза 50 коп. и затем еженедельно по 10 коп.

В случае экстренной необходимости, например, стачки, союз обращается за денежною помощью к другим союзам, через Одесский независимый рабочий комитет.

Касса расходуется: 1) на стачки, 2) на издание воззваний и отчетов, 3) на уплату процентов, установленных Одесским рабочим комитетом на расходы последнего.

Как показывают эти извлечения, цель союзов исключительно боевая, и деятельность союзов в Одессе вполне соответствовала этой цели. Союз приучал своих членов обходиться без правительственной власти и игнорировать закон, приучал их к незаконным и насильственным действиям, к неуважению собственности хозяина и прав сотоварища. В союзе рабочим внушали, что они должны быть первенствующим классом в государстве, что для них не нужны ни суд, ни инспекция, ни полиция. Союз приучал рабочего смотреть на своего хозяина-работодателя, платящего ему жалованье, как на противника, интересы которого противоположны интересам рабочего, и восстановлял его против фабричной инспекции. Несогласные с союзом рабочие подвергались насилиям, на них нападали целыми толпами, избивали их на улицах и на квартирах и затрудняли им поступление

на работу в заводы. Все это происходило в Одессе на глазах у всех.

Деятельность организации привела, в конце концов, к общей забастовке фабрично-заводских и портовых рабочих, последовавшей в июле того же года и охватившей общей паникой весь город.

К сожалению, изложенные отрицательные результаты опытов создания организаций рабочих не прекратили попыток к дальнейшему применению их на практике.

В феврале минувшего года по министерству внутренних дел, без сношения с министерством финансов, был утвержден устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга». В программу «Собрания», как усматривается из его устава, поставлено, между прочим, «возбуждение и укрепление в среде рабочих русского национального самосознания», «развитие в рабочих разумных взглядов на их права» и «проявление членами «Собрания» самодеятельности, способствующей законному улучшению условий труда и жизни рабочих».

Руководителем «Собраний» был определен священник Гапон.

Я не осмеливаюсь утруждать высочайшее вашего императорского величества внимание указанием тех пагубных последствий, к которым привела, в конце концов, учрежденная организация в столице: прискорбное явление, которого все были свидетелями последние две недели, говорит само за себя. Но с тем вместе я дерзаю обратить всемилостивейшее ваше внимание на полное тождество причин и состава с.-петербургской забастовки с забастовкой, имевшей место в г. Одессе в 1903 г., с тем лишь различием, что в одном случае организатором дела являлся еврей Шаевич, а в другом священник Гапон.

О пагубной деятельности помянутых организаций министерство финансов неустанно ставило в известность министерство внутренних дел, но на все свои обращения оно не получало никакого ответа. Вместе с тем, задавшись целью создать особые организации рабочих, министерство внутренних дел, одновременно с учреждением союзов рабочих, стало настойчиво домогаться передачи фабричной инспекции в это ведомство.

В 1898 г. бывший помощник шефа жандармов ген.-лейт. Пантелеев повергал на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение записку, в коей, доказывая необходимость создания института особых «сведущих лиц», по указанию коих фабриканты обязывались бы улучшать быт своих рабочих, высказывал, что «изъятие фабричной инспекции из министерства финансов и подчинение ее министерству внутренних дел дало бы фабричному делу более целесообразный и успешный характер».

Ваше императорское величество 24 апреля 1898 г. высочайше повелеть соизволили внести упомянутую записку ген.-лейт. Пантелеева на рассмотрение особого совещания, под председательством обер-прокурора святейшего правительствующего синода статс-секре-

таря Победоносцева, в составе министров: внутренних дел, земледелия и государственных имуществ, юстиции и финансов.

Названное совещание в заседании 15 июля 1899 г. пришло к следующим, удостоившимся 30 июля того же года одобрения вашего императорского величества, заключениям:

«Действующий закон в своих главных основаниях единогласно признается совещанием вполне ясным, достаточным и не требующим ни дополнений, ни изменений»...

«Что касается второй части (записки ген.-лейт. Пантелеева), содержащей проект изменения порядка надзора, то совещание не могло войти в обсуждение ее в виду того, что действующий закон им единогласно признается достаточным и не требующим дополнения или изменения»...

В 1901 году покойным министром внутренних дел егермейстером Сипягиным произведено было обозрение Ярославской, Костромской, Нижегородской и Владимирской губерний. В своем всеподданнейшем вашему императорскому величеству отчете по сему обозрению егермейстер Сипягин вновь затронул вопрос об организации надзора за фабриками и заводами. Останавливая свое особое внимание на этом вопросе и рассмотрев постановку его по действующему закону, егермейстер Сипягин пришел к выводу, что действующими постановлениями «каждой из надзирающих властей отмежеван совершенно определенный круг ведения, исключающий, при правильном отношении их к своему делу, возможность каких-либо между властями на этой почве столкновений и обеспечивающий, при твердом руководстве со стороны губернаторов, согласную их деятельность и неуклонное преследование, каждою на своем пути, общей конечной цели, которою является обеспечение спокойного и мирного развития промышленной жизни в строгом согласовании ее бытовой стороны с общим укладом государственного строя».

С фактической стороны, результаты наблюдений в четырех обревизованных губерниях, по словам всеподданнейшего отчета, «не оставляют сомнения, что, за некоторыми лишь исключениями, обязанности, возложенные в этом отношении законом на разные ведомства, понимаются ими в общем правильно и отправляются с знанием дела и достодолжною энергией. Начальники губерний повсюду внимательно следят за течением фабричной жизни, объединяя и руководя действиями всех органов надзора с тактом и последовательностью, столь необходимыми в этом сложном и ответственном деле. Такое же внимательное отношение к делу проявляют и подведомственные им должностные лица, между которыми распределяются обязанности по этому надзору. В частности, покойный министр внутренних дел засвидетельствовал перед вашим императорским величеством о том хорошем впечатлении, которое как по подбору личного состава, так равно и по отношению к делу произвели на него чины фабричной инспекции сказанных четырех губерний. Все они, как окружные, так равно ста -

шие по каждой губернии и участковые инспекторы, по свидетельству егермейстера Сипягина, стоят на высоте тех трудных задач опеки над взаимными отношениями хозяев и рабочих и предупреждения несогласия и столкновений последних между собою, которые возложены на них законом. Нельзя не отметить повсюду останавливающего на себе внимание спокойного и ровного отношения чинов фабричной инспекции к обеим сторонам — нанимателям и рабочим, интересы которых, нередко весьма противоположные, они призваны примирять в повседневном их столкновении»...

Охарактеризовав таким образом в весьма благоприятном смысле постановку дела фабричной инспекции как с теоретической точки зрения, так и, в обревизованных им губерниях, на практике, покойный егермейстер Сипягин высказывал, однако, что хотя общие положения закона о соотношении губернского начальства и фабричной инспекции вообще ясны и при правильном отношении к делу обеспечивают согласную с указаниями губернатора деятельность последней, но обозначенные в законе внешние признаки взаимных отношений губернского начальства и инспекции ставят последнюю как бы в обособленное положение среди прочих губернских учреждений и, в случае неудачного подбора личного состава, открывают возможность попыток к самостоятельным и несогласным с указаниями губернского начальства действиям чинов инспекции, а равно разного рода препирательств и недоразумений. Такие недоразумения в действительности и имели место в некоторых губерниях.

Отвергая полезность передачи фабричной инспекции в ведение министерства внутренних дел, как меры к устранению вышеупомянутых явлений в области фабричного надзора, егермейстер Сипягин находил для последней цели необходимым более наглядно подчинить фабричную инспекцию руководству губернаторов, как высших в губерниях представителей правительственной власти.

По настоянию покойного статс-секретаря Плеве [8]), указанное подчинение и состоялось по всеподданнейшему докладу бывших министров внутренних дел и финансов 30 мая 1903 г.

Независимо от этой меры и только год спустя по приведении ее в исполнение, статс-секретарь Плеве возбудил (в апреле месяце минувшего года) снова вопрос о передаче фабричной инспекции в министерство внутренних дел. Почитая предположение это несогласным с интересами правильного развития у нас фабрично-заводского дела, я неоднократно пояснял покойному министру внутренних дел все нежелательные стороны этого предложения, но получил в ответ категорическое заявление о том, что предложение это вытекает из необходимости сосредоточить в министерстве внутренних дел все способы охранения государственного порядка и общественной безопасности и что без осуществления его среда фабрично-заводских рабочих ускользает из наблюдения администрации.

В виду сих соображений статс-секретарь Плеве испросил высочайшее вашего императорского величества соизволение на обсуждение вопроса о передаче фабричной инспекции в ведомство министерства внутренних дел в особой, под председательством т. с. сенатора Дурново, комиссии. В означенной комиссии представителями вверенного мне ведомства были, по моему указанию, представлены по существу дела доводы, в силу коих инспекция должна бы оставаться в министерстве финансов, но так как вопрос о передаче фабричной инспекции почитался предрешенным, то комиссия занялась составлением тех предположений, которые имели целью сохранение за министерством финансов некоторой доли участия в заведывании фабриками и заводами. По назначении министром внутренних дел кн. Святополк-Мирского, я обратился к нему с заявлением о нежелательности изъятия инспекции из министерства финансов, доколе на нем по закону лежит обязанность насаждения промышленности и забота об ее преуспеянии. Кн. Святополк-Мирский вполне согласился с моими доводами и отказался от настояний своего предшественника.

Я позволяю себе утруждать высочайшее вашего императорского величества внимание указанным изложением дела, чтобы засвидетельствовать о той затруднительности, с какою приходилось в последние годы и приходится ныне министерству финансов работать по урегулированию у нас рабочего вопроса. Постоянные предположения сосредоточить ведение внутреннею жизнью промышленных предприятий в министерстве внутренних дел, учреждение им особых организаций рабочих,— все это не могло и не может не парализовать деятельность министерства финансов как в деле дальнейшего развития фабрично-заводского законодательства, так и в проведении закона и ограждении его от нарушения на местах. Неустойчивость положения задержала проведение в жизнь уже более или менее разработанных министерством финансов вопросов о дальнейшем сокращении рабочего времени, об оказании врачебной помощи рабочим, об организациях рабочих, изменении постановлений о стачках и других вопросов. Засим я не могу не засвидетельствовать перед вашим императорским величеством о том чрезвычайно неблагоприятном влиянии, какое оказала та же неустойчивость положения дела на деятельность фабричной инспекции, на которую закон возлагает посредничество между предпринимателем и рабочим и которая отстраняется от этого посредничества руководителями союзов рабочих. Незнание, где завтра будет находиться инспекция, какие начала должны руководить ее деятельностью и нескрываемое осуждение последней то в смысле чрезмерного пристрастия в пользу рабочих, то, наоборот, в смысле пренебрежения их интересами в угоду фабрикантов, — все это не могло не колебать всего строя этого института.

Такое ненормальное положение дела отзывается пагубно на интересах промышленности и самих рабочих, которых вводят в заблуждение руководители незаконных организаций, действующие, в глазах

рабочих, от имени и даже, до известной степени, с прямого одобрения правительства.

Таков был в общих чертах ход дела по отношению правительства и законодательства к рабочему вопросу. Быть может, в этом ходе дела и министерство финансов не довело своей задачи до конца. Сознавая те пагубные последствия, к которым приведут незаконные организации рабочих, финансовое ведомство могло не останавливаться перед различием точек зрения — своих и министерства внутренних дел — и внести свои предположения на рассмотрение высших государственных установлений, от которых и зависело бы устранить это различие во взглядах и отдать предпочтение одному из них. Справедливость побуждает меня, однако, высказать, что такое направление дела едва ли имело бы существенное влияние на разрешение вопроса, и что точка зрения финансового ведомства, вероятно, не встретила бы в то время поддержки в высших государственных установлениях.

Переходя от изложения прошлого к соображениям о будущем, я считаю своим верноподданническим долгом представить вниманию вашего императорского величества, что во главе всякого рода предположений следует, по моему глубокому убеждению, поставить одно условие: устранить всякие колебания в деле подведомственности рабочего вопроса на фабриках и заводах и возложить урегулирование его всецело на финансовое ведомство, сохранив в его составе фабричную инспекцию, с постановкою ее в такие условия, при которых она действительно могла бы выполнять лежащие на ней по закону обязанности.

Только это условие в состоянии обеспечить беззамедлительное и правильное разрешение столь сложного вопроса, не раз уже вносившего существенное расстройство в общественное спокойствие некоторых местностей империи.

Затем необходимо, не теряя времени, разрешить в законодательном порядке те вопросы, которые издавна намечены и частью разработаны министерством финансов, но, к сожалению, не могли до настоящего времени получить дальнейшего движения. В этом отношении обязываюсь всеподданнейше повергнуть на высочайшее императорского величества благовоззрение нижеследующие мои первоначальные предположения, которые должны затем подлежать всестороннему обсуждению соответствующих ведомств и заинтересованных лиц.

1. Возникшие за последние годы рабочие организации, естественно, должны были вступить на ложный и опасный путь. Это обусловливалось прежде всего тем печальным обстоятельством, что при создании их имелись в виду вовсе не те цели, которые формально были обозначены в их уставах, а исключительно цель ослабления политической пропаганды. Созданные при таких условиях общества рабочих с весьма разнородным составом, при практической невозможности в действительности проявить свою деятельность в сторону улучшения быта рабочих, естественно, должны были обратиться к обсуждению общих

политико-экономических и политических вопросов, и на самом деле оказалось, что общества эти, вместо ослабления политической пропаганды, дали совершенно противоположный результат.

Избежать подобных нежелательных явлений возможно только при условии вполне искреннего отношения к интересам рабочего класса. Необходимо выяснить назревшие особые потребности этого класса и, в деле удовлетворения их законодательным, а не административным путем, предоставить самим рабочим надлежащую долю участия в деле улучшения их положения при посредстве строго очерченных организаций. Уже в настоящий момент можно указать на следующие два их вида:

А) Обязательные организации больничных касс, образуемых из взносов частью фабрикантов и частью самих рабочих, под смешанным управлением из представителей фабрикантов и выборных от рабочих, и

Б) Организации учреждений в составе представителей от фабричных управлений, с одной стороны, и лиц, выбранных от рабочих, с другой, для обсуждения и разрешения возникающих на почве договора найма вопросов, а также для улучшения быта рабочих.

2. Засим я признавал бы возможным дальнейшее, сравнительно с законом 2 июня 1897 г., сокращение рабочего времени. Как показало предварительное исследование вопроса, рабочее время, определяющееся ныне действующим законом для дневной работы высшею нормою в $11^1/_2$ часов, могло бы быть без значительного уменьшения производства сокращено до нормы 10 часов; для двухсменной работы вместо $21^1/_2$ часа ($11^1/_2$ и 10 ночью) возможно было бы установить норму 18-часовой работы, по 9 часов для каждой смены рабочих. Засим можно бы было допустить установление и 8-часовой работы в три смены разрешением предпринимателю производить работы и в праздничные дни, но с обязательством предоставлять рабочим четыре свободных дня в месяц. Наконец, должны бы быть приняты в законе действительные меры к ограничению пользования сверхурочными работами и такой постановки их, которая устранила бы возможность обхода закона о нормировке рабочего дня помощью обращения сверхурочных работ из необязательных в обязательные.

3. Кроме того, надлежало бы, по моему мнению, подвергнуть пересмотру статьи закона, карающие забастовки и досрочное расторжение договора о найме.

Неопределенность, несогласованность и неправильность тех оснований, на которых построены ныне действующие карательные постановления о стачках и досрочных расторжениях договора личного найма, обусловливают неодинаковость взглядов у подлежащих правительственных органов — чинов фабричной инспекции, полиции и судебной власти, что, конечно, отзывается весьма вредно на деле. Особенного внимания заслуживает в этом отношении практическая

деятельность полиции, ибо, по действующему закону, на ней именно лежит обязанность водворения нарушенного порядка.

По взглядам полицейских органов, находящим себе поддержку в неопределенности и сбивчивости действующего закона, всякая забастовка рассматривается не как экономическое явление, но непременно как нарушение общественного порядка и спокойствия. Между тем, если бы существовало более спокойное отношение к фактам прекращения работ на фабриках и заводах и забастовки не отождествлялись с нарушениями общественного порядка, то было бы гораздо легче выяснить истинные причины таковых, отделять законные и справедливые поводы от беззаконных и неосновательных и принимать соответственные меры к миролюбивому соглашению сторон; при подобном более нормальном положении меры пресечения и подавления принимались бы лишь тогда, когда были бы налицо факты, удостоверяющие действительность беспорядка. В настоящее же время, когда всякая забастовка трактуется как нарушение общественного порядка, совершенно естественно, что она должна быть немедленно прекращена, порядок восстановлен, независимо от того, достаточно ли выяснились причины и обстоятельства, вызвавшие забастовку (для чего требуется иногда, смотря по сложности местных условий, весьма продолжительное время), и были ли действительно нарушения общественного порядка, в общепринятом значении этого понятия. На эту сторону дела полиция не всегда обращает внимание, будучи, естественно, всецело поглощена своей специальной задачей. Для достижения последней полицейские органы действуют обыкновенно двояко: 1) немедленно же принимают возможные меры к тому, чтобы заставить прекративших работы рабочих приняться за таковые, или же 2) когда есть к тому возможность, воздействуют на владельцев промышленных заведений, дабы принудить их сделать уступки заявленным во время забастовки требованиям рабочих, добиться скорейшего возобновления работ и таким образом восстановить нарушенный порядок.

Нельзя сказать, чтобы тот или другой из этих двух приемов был удобен. Первый нежелателен, как всякая репрессия вообще и в особенности потому, что меры пресечения, не соответствующие экономическому характеру возникшего осложнения, не дают возможности разобраться в предъявляемых рабочими требованиях, препятствуют удовлетворению тех из них, которые законны или справедливы, и поселяют в среде рабочих озлобление. Второй же прием укрепляет в рабочих крайне вредное убеждение в том, что забастовка есть вернейшее средство добиться исполнения своих пожеланий, во всяком случае независимо от того, законны ли они и справедливы, или же совершенно беззаконны и навеяны извне. История забастовок, происходивших в течение последнего десятилетия, дает много примеров того вреда, который являлся результатом стремления быстрого подавления возникших осложнений какою бы то ни было ценою. Поспешно произведенные аресты вызывали иногда такое озлобление среди совер-

шенно спокойных до сего рабочих, что приходилось прибегать к вооруженной силе, после чего, конечно, не могло быть и речи об удовлетворении даже законных пожеланий забастовавших. С другой стороны, случаи быстрого удовлетворения незаконных требований рабочих посредством воздействия на фабрикантов вызывали немедленно же аналогичные стачки в других промышленных заведениях, в которых приходилось применять уже не систему уступок, а вооруженную силу, что бывало для рабочих совершенно непонятным и поселяло уверенность в несправедливом к ним отношении и произволе властей.

Ставить подобное отношение исключительно в упрек местным полицейским чинам, конечно, нельзя, ибо в самом законе, как было выше указано, существуют неопределенность и смешение понятий, которые проводятся и в распоряжениях высшей административной власти. Так, например, в циркуляре министра внутренних дел от 12 августа 1897 г. за № 7587, сохраняющем, к сожалению, силу до настоящего времени, вопреки высочайше утвержденному мнению совещания 1898 г. под председательством статс-секретаря Победоносцева, и изданном притом без соглашения с министерством финансов, между прочим, предлагается местным властям нижеследующее: «безусловно воспрещать всякие сходки рабочих и выяснять зачинщиков этих сборищ, подвергая последних аресту, если сходки собирались с целью уговора к стачке или забастовке (п. 4)»; «в случае возникновения стачки или забастовки... назначить забастовщикам кратчайший срок стать вновь на работу или получить расчет и по истечении этого срока всех не ставших на работу иногородних рабочих, прекративших работу с соблюдением законных сроков, удалять безотлагательно в места родины или приписки (из п. 5)».

«Во всех случаях стачек и забастовок» означенный циркуляр министерства внутренних дел рекомендует «преимущественное направление дел в порядке положения об охране...» и т. д.

Из этих кратких выдержек видно, что если закон признает за всякой забастовкой и за всяким досрочным отказом от работ нечто, выходящее из пределов гражданских отношений и наказуемое уголовно, как нарушение общественного порядка, то высшие административные власти идут еще дальше и придают всем случаям стачек и забастовок значение прямо государственное, достойное того, чтобы возникающие по ним дела направлять в порядке положения об охране.

Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилием над имуществом или личностью) есть явление чисто экономическое и при известных условиях отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию.

Что касается до того обстоятельства, что деятели противоправительственной пропаганды в последнее время сосредоточивают внимание свое на фабричном населении и нередко там скрываются и что накопляющееся постепенно недовольство в среде фабричных рабочих делает эту среду доступною восприятию преступных учений, направлен-

ных к ниспровержению государственного и общественного строя, то все это совершенно верно. Но вместе с тем также верно и то обстоятельство, что подавляющее большинство забастовок проистекает из-за чисто экономических местных, своих собственных и, если можно так выразиться, кровных причин, ничего общего с преступной пропагандой не имеющих; случаев, являющихся непосредственным результатом последней, — до учреждения «организаций», — вообще было весьма мало. Рабочие, во всей своей массе, совершенно не виноваты в том, что среди них скрываются деятели преступной пропаганды. Необходимость преследования последней и применения к виновным кар по всей строгости закона не дает никаких оснований устанавливать такой же порядок для всех остальных рабочих, которые озабочены прежде всего тем, чтобы обеспечить себе возможность работать без помех и перерывов и получать заработок, достаточный для прокормления себя и своих семей.

Иностранные законодательства о стачках показывают, что повсеместно, без исключений, карается лишь проявление насилия над свободой действия другого лица, в каких бы формах таковое ни проявлялось. Забастовки не почитаются нарушением общественного порядка и, если не сопровождаются насилиями, не караются. Наличность принуждения обусловливает собою наказуемость не только прекращений, но, в равной мере, и возобновлений работ. Ответственность сторон совершенно одинаковая, и о нарушениях гражданского договора, караемых уголовно, решительно нигде не упоминается.

В виду всего вышеизложенного, казалось бы, нет никаких оснований не последовать примеру западно-европейских государств и не постараться привести относящиеся статьи нашего закона в надлежащее соответствие с условиями и требованиями нашей промышленной жизни и общими началами права гражданского и уголовного.

4. По отношению больничной помощи рабочим, поставленной весьма неудовлетворительно в настоящее время, я полагал бы необходимым, в изменение закона 1866 г., обязывающего каждого фабриканта, независимо от размеров промышленного заведения, устраивать свою собственную больницу для лечения своих рабочих, предоставить промышленникам свободу выбора: или устраивать за свой счет больницы, или, взамен того, нести денежную повинность, передавая обязанность по лечению рабочих городским и земским больницам, а также общественным лечебным заведениям других наименований. Впрочем, окончательное выяснение этого вопроса может последовать лишь при обсуждении намеченного страхования рабочих от болезни.

Что касается до возложенной именным высочайшим указом 12 декабря минувшего года на министерство финансов обязанности по разработке закона о государственном страховании рабочих на фабриках, заводах и промыслах, то о порядке направления сего дела я входил в комитет министров, при чем комитет одобрил мои предположения. В настоящее время во вверенном мне ведомстве уже приступлено к экстрен-

ному переводу иностранных законодательств и к составлению первоначальных предположений об организации у нас страхования рабочих. О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше повергнуть на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение, испрашивая, не благоугодно ли будет вашему величеству повелеть мне внести сущность намеченных мною предположений на рассмотрение комитета министров, с целью выяснения принципиального взгляда всех ведомств на возбужденные мною предположения и облегчения труда финансового ведомства по разработке намеченных вопросов, для внесения их затем на разрешение в законодательном порядке.

Министр финансов, статс-секретарь *В. Коковцов.*

19 января 1905 г.

Отчеты старшего фабричного инспектора Чижова [9]).

1.

1905 г. января 14-го дня.

С утра постепенно стали на работы Резиновая мануфактура с 6.500 рабочих, Франко-русский завод—2.000 рабочих и почти все средние и мелкие заведения по Обводному каналу, за исключением Новой Бумагопрядильни (1.775 чел.) и Российской Бумагопрядильни (690 чел.).

Промышленные заведения Васильевского Острова приступили к работам все, за исключением завода Сименс и Гальске (650 ч.), Северной Ткацкой мануфактуры (721 ч.) и переплетной Гаевского (250 ч.).

На Петербургской стороне работы начали все заведения, хотя и не при полном составе рабочих.

На Выборгской стороне не работало ни одно сколько-нибудь значительное промышленное заведение.

На Охте не работали: Охтенская мануфактура (350 ч.) и Мало-Охтенская м-ра (250 ч.), а также судостроительный завод Крейтон и К° (590 ч.).

По Шлиссельбургскому тракту начали работы: мануфактуры: Суконная т-ва Торнтон (1.150 ч.), Петровская (1.400 ч.), Спасская (1.300 ч.), Паля (1.600 ч.), заводы: Стеариновый (500 ч.) и почти все средние и мелкие промышленные заведения, но не в полном составе рабочих (приблизительно в половинном), повидимому, присматриваясь к настроению рабочих на Невском судостроительном заводе (6.000 ч.). На последнем в этот день было приступлено к подготовлению завода к пуску в действие.

На Песках и в прилегающей местности (Александро-Невская часть) начали работы мелкие и средние заведения. Не начинали работ Невская Ниточная (1.650 ч.) и Бумагопрядильная (1.900 ч.) мануфактуры.

В течение дня приступили к работам все типографии, пивоваренные заводы, табачные и конфектные фабрики.

За Московской заставой не работали: Вагоностроительный завод (2.240 ч.) и фабрика Механического производства обуви (2.200 ч.).

В гор. Шлиссельбурге вчера забастовала Шлиссельбургская Ситценабивная мануфактура (1.000 ч.), под влиянием двух приехавших из гор. С.-Петербурга рабочих, которые подговорили к прекращению работ ремонтную мастерскую с 30 слесарями и предъявили те же основные требования, что и петербургские рабочие. Приехавший фабричный инспектор Соколов роздал им объявление г. г. министра финансов и с.-петербургского генерал-губернатора, разобрал их мелкие жалобы, и рабочие после обеда приступили к работам.

2.

15 января [1905 г.].

С утра приступили к работам: Новая Бумагопрядильня (1.775 ч.), Российская м-ра (690 ч.), Тентелевский химический завод (500 ч.), Писчебумажная фабрика Варгуниных (700 ч.) и Вагоностроительный завод (2.240 ч.).

На Путиловском заводе (12.600 ч.) начался наем уволенных после забастовки рабочих. Настроение нанимающихся очень мирное. Слышны разговоры, выражающие удовольствие по поводу прекращения тревожного времени.

К понедельнику 17-го из общего числа рабочих заведений, состоящих под надзором фабричной инспекции, остается незанятыми работой около 43.000: Путиловский—12.600, Невский судостроительный—6.000, Выборгская сторона—13.500, две Невских мануфактуры—3.550, Северная Ткацкая м-ра—721, Екатерингофская м-ра—750, зав. Сименс и Гальске—650, фабрика Механического производства обуви—220 и около 3.000 на разных мелких заведениях, сосредоточенных около Путиловского завода и на Выборгской стороне.

Путиловский завод, закончив наем, приступит с понедельника постепенно к работам, вследствие свойств производства, по мастерским: сталелитейная, тигельная, медная, чугунно-литейная и т. д., с числом рабочих 3.500 ч., и, ставя на работы ежедневно около 1.000 ч., пойдет полным ходом через 9 дней.

Есть все основания ожидать, что с понедельника вся эта сторона приступит к работам.

То же предположение с достаточной вероятностью можно высказать и относительно Выборгской стороны, на которой тон задается С.-Петербургским металлическим заводом (2.000 ч.), который, как слышно, ожидает начала работ на Путиловском и Невском судостроительном заводах.

Особое упорство Выборгской стороны объясняется тем, что «собрание русских фабрично-заводских рабочих в С.-Петербурге» получило свое основание и дальнейшее развитие именно там.

Старший фабричный инспектор *С. Чижов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) В. И. Невский (Красная Летопись, I, 1922 г., стр. 22) принимает эту же цифру. В справке старшего фабричного инспектора С. Чижова для Франко-русского завода указана цифра рабочих—2.500

[2]) О предшествовавших забастовке на Путиловском заводе обстоятельствах было доложено Коковцову тов. министра В. Тимирязевым лишь 3 января, при сообщении о начале забастовки. Из этого доклада Тимирязева, при котором он представил Коковцову и копию донесения ст. фабр. инсп. Чижова с.-петербургскому градоначальнику от 30 декабря, видно, что экстренное собрание для разбора жалоб 4 увольняемых рабочих на Путиловском заводе состоялось 27 декабря а не 28 (как считает В. И. Невский, там же, стр. 15). — Характерно, что старший фабричный инспектор обратился с донесением об этом собрании и последовавших своих переговорах с Гапоном, сотрудником «СПБ Ведомостей» Архангельским и 4 жалобщиками к градоначальнику, а не в министерство финансов.

[3]) В деле № 35 главного по фабр. и горнозавод. делам присутствия сохранились 2 редакции письма Коковцова к Святополк-Мирскому: одна от 5 января, другая — от 7-го. На них пометы: «не пошло» и «не состоялось».— Вторая редакция составлялась уже после совещания Коковцова с «промышленниками», собранного на 6-е число. Протокола совещания 6 января в деле не имеется.

Относительно требований рабочих, тех же, что перечислены во всеп. докладе от 5 января, «промышленники» дали «показание», что существо их уже задолго до открытия забастовки ставилось свящ. Гапоном в программу «собрания русских фабр.-зав. рабочих г. С.-Петербурга»; «требования эти признаны промышленниками на собранном мною совещании совершенно неприемлемыми, к чему и я всецело присоединяюсь»,—писал Коковцов. Относительно «ряда пожеланий более или менее второстепенного характера» Коковцов «предложил фабрикантам обсудить в своей среде вопрос о возможном их выполнении, став на почву благоразумного, спокойного и беспристрастного отношения к делу». На этом же совещании фабрикантами «было возбуждено ходатайство о том, чтобы фабрично-заводское имущество было надлежащим образом ограждено от могущего произойти уничтожения его со стороны забастовщиков» (проект письма 7/I, л. л. 39—41).

[4]) В происходивших в 1905 году переговорах между представителями русского правительства в Париже и французскими финансовыми кругами отмечалось, что недоверие и тревога массового французского держателя русских %-ных бумаг обусловливаются не неудачами на войне, а внутренними событиями.

[5]) Объявление состоялось за подписями Трепова и Коковцова. Оно, как видно, теснейшим образом связано с «идеей» покаянной депутации рабочих к Николаю II, состоявшейся 19 января. Застрельщиком в такой постановке вопроса об январском движении взялся быть именно Коковцов.

[6]) Письменного доклада от 14 января во всеп. докладах министра финансов, как и в делах м-ва, не имеется.

[7]) Такое совещание с фабрикантами и заводчиками было созвано Коковцовым на 24 января. Протокола его не имеется.

[8]) Сипягин убит 2 апреля 1902 г.—Плеве был мин. внутр. дел с 5 апреля по 15 июля 1904 г.

[9]) Как этот, так и следующий документ от 15 января писаны от руки одною рукою и подписаны старшим фабричным инспектором Чижовым.

Проект манифеста о событиях 9 января.

Метавшееся в социальных противоречиях самодержавие полагало, что расстрел мирно демонстрировавших 9 января 1905 г. петербургских рабочих есть выход из того клубка противоречий, который становился поперек всей его политики в области рабочего вопроса.

Разочаровавшись после опыта зубатовщины и гапоновщины в успехе политики полицейского социализма, как метода правительственного регулирования рабочего движения, самодержавие попыталось приостановить рост революционного сознания пролетариата массовым расстрелом рабочих 9 января, не подозревая, что первыми же выстрелами оно само провозгласит начало революции 1905 г.

До кровавого воскресения остатки наивной веры в «царя-батюшку» еще тяжелыми путами ложились на сознание массы рабочих. Революционизируемые капиталистической эксплоатацией и полицейским гнетом, широкие массы пролетариата выступили на арену экономической и политической борьбы. Но методы борьбы всей массы пролетариев и полупролетариев оказались еще накануне революции 1905 года не вполне революционными, — петербургский пролетариат пытался добиться удовлетворения своих требований просьбами и мольбами у «царя-батюшки», наивно веря, что царь смягчит его участь.

Расстрел 9 января отнял у всей массы пролетариев эту веру в царя, отнял то, что задерживало ее революционное воспитание. В день 9 января это воспитание шагнуло вперед так, «как оно бы не шагнуло в годы будничной жизни». Еще утром 9 января, полные веры в царя, эти массы не были готовы к восстанию, а вечером, с криком: «у нас нет больше царя», они оказались готовы на восстание. Они восстали против самодержавия. Они начали революцию.

Можно представить себе ту растерянность и ту панику, которые воцарились в кабинетах высших сановников власти после кровавого воскресенья, когда единственный оставшийся в распоряжении власти метод подавления революционного рабочего движения — расстрел — положил начало революции. До сих пор ни один из опубликованных документов о 9 января не передавал нам этой странички из жизни самодержавия в эпоху первой революции. Только опубликованные в IX томе «Красного Архива» записки А. С. Ермолова до некоторой степени восполнили этот пробел, но и они оставляют многое недоговоренным.

Записки, например, содержат указание на манифест, который должен был быть опубликован в связи с расстрелами 9 января, однако содержание этого интересного манифеста остается не установленным.

Записки содержат также указание на создание совещания из всех министров и председателей департаментов государственного совета для выработки «мер госу-

дарственной важности, последними событиями вызываемых», оставляя все еще невыясненным содержание этого совещания и выработанных им «мер государственной важности».

Публикуемые ниже документы существенно дополняют записки А. С. Ермолова: они содержат исчерпывающий материал о характере и предмете совещания, созванного 18 января 1905 г., и дают текст того манифеста, с которым «царь-батюшка» предполагал обратиться к народу.

Ценность публикуемых документов в том, что они полно воспроизводят царившую после кровавого воскресенья в правительственной среде панику и растерянность.

Став лицом перед революцией, правительство убедилось, что оно 9 января в сущности расстреляло последние остатки того, на чем еще опиралось самодержавие в широких массах рабочих. Вот почему предметом заседания 18 января явились заботы хотя бы о частичном восстановлении этой потерянной опоры. Совещание было занято подысканием способов убедить массы, что государь «скорбит» по поводу событий 9 января, что «это произошло не по его вине». Мысль, что «государь должен быть отделен от этих событий» являлась руководящей нитью всех выступлений. Характерна разноголосица по вопросу о способах убедить в этом массу. Большинством 14 голосов против 9 совещание остановилось на царском манифесте, который «должен быть обязательно прочитан в церквах».

Проект этого манифеста представляет исключительную историческую ценность, вот почему, на ряду с прочим материалом, он приводится ниже в двух вариантах: 1) проект, поступивший на обсуждение совещания, и 2) исправления и дополнения к нему, принятые на совещании 18 января 1905 года.

А. Ванаг.

Весь публикуемый ниже материал представляет черновую запись одного из членов совещания 18 января, В. Г. Глазова (министра народного просвещения), сделанную им карандашом на обороте пригласительного билета. В. Г. Глазов записывал все, что говорилось присутствовавшими на заседании. Не всегда, видимо, поспевая за говорившими, он старался уловить их главную мысль, суть вносимого предложения, суть возражения на него и т. п. и, сохраняя по возможности тон и стиль речи высказывавшегося, заносил все это на лежавший перед ним лист бумаги. Быстротой письма можно объяснить то обстоятельство, что некоторые слова остались им недописанными (в запись введены обычные для Глазова сокращения слов, напр., б.—более, м.—министр, и т. п.); вся запись сделана очень неразборчивым почерком и носит явные следы поспешности. Вследствие той же поспешности и желания уловить прежде всего главную мысль говорившего Глазов в записи допустил целый ряд синтаксических неправильных построений фраз, неправильных согласований слов, а в некоторых случаях нарушил и логическую связность речи. К этому надо прибавить вполне понятные при такой записи пропуски отдельных слов, явные описки и пропуски знаков препинания, что, все вместе взятое, очень затрудняет чтение и понимание текста и вызывает необходимость комментирования его. Но и в таком виде протокол представляет собой документ исключительной ценности, т. к. официального протокола совещания не сохранилось. Даже если бы и сохранился такой протокол, то, конечно, мы не нашли бы в нем многого из слов и речей сановников, которые нам передает «протокол» Глазова: в нем было бы все сглажено, смягчено, многое выпущено, и всему была бы придана литературная форма. В документе же Глазова мы имеем подлинный протокол совещания.

Чтение подлинного текста вследствие указанных выше его особенностей вызывает большие затруднения, и, несмотря на все стремление лиц, подготовивших его к пе-

чати, разобрать его весь целиком не удалось, и несколько слов остались непрочтенными. Во всех случаях, когда не было полной уверенности в правильном прочтении слов, такие слова печатаются курсивом. Все недописанные Глазовым слова восстановлены, и в невызывающих сомнения случаях восстановленная часть слова в скобки не заключается. Явно пропущенные слова для восстановления логической связи заключены в прямые скобки. Пунктуация подлинника по возможности сохранена. Слова, напечатанные разрядкой, в подлинном тексте подчеркнуты; также подчеркнуты в подлиннике все фамилии говоривших.

Материалы подготовлены к печати под руководством А. С. Николаева.

Ред.

Письмо С. Ю. Витте к В. Г. Глазову. [1])

17 января 1905 года.

Милостивый государь,

Владимир Гаврилович.

Государю императору благоугодно было повелеть мне немедленно собрать под моим председательством совещание из всех г.г. министров и председателей департаментов государственного совета для обсуждения настоящего положения и представления на благовоззрение его величества предположений совещания о мерах государственной важности, последними событиями вызываемых, в связи с дальнейшими мероприятиями по успокоению страны и необходимыми, по мнению совещания, реформами, сверх возвещенных в высочайшем указе 12 декабря 1904 года. Вместе с тем государю императору благоугодно было повелеть мне собирать такие же совещания и впредь, когда это окажется необходимым по ходу дел высшего управления, как по моей инициативе, так и по вопросам, которые отдельные г.г. министры признают нужным в это совещание вносить.

Сообщая о таковой высочайшей воле, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство пожаловать в заседание совещания завтра, вторник, 18 сего января, в 1 час пополудни, в помещение комитета министров.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем к вам уважении и истинной преданности.

С. *Витте.*

Записи В. Г. Глазова.

Обращение к старейшим членам совещания за подписью.—Письмо через министра земледелия Ермолова. 1) Обращение к народу. Обеспечение невинно пострадавших и семей. Образование верховной комиссии

[1]) Письмо, написанное на пишущей машине и подписанное Витте, имеет формат листа, при чем вверху, с правой стороны, рукой С. Ю. Витте надписано: «экстренное секретное».

для расследования относительно виновных, обсудить рабочий вопрос. Обратить внимание на адресы дворянства и земства, чтобы могли сплотить[ся] у престола все сотрудники (sic) в виде представителей от населения...

Вопрос о государственном управлении — имеет существенное неудобство: разрозненность министров, отсутствие возможности министрам обмениваться мыслями, отсутствие солидарности. При подготовлении беспорядки 9 января, кроме 2—3 министров, никому не были известны. Необходимо, чтобы отдельные министры, совещающиеся только частным образом, были бы призываемы к вопросам государственного управления.

Витте. Получил указание от государя вчера, в $11^1/_2$ часов вечера.

Прочитали проектированный манифест и указ правительствующему сенату.

Сольский. Передал, что подобный [с]ему манифест составлен. То же ему подтвердил министр финансов. В манифесте не следует повторять, что уже было. В прочитанном манифесте это, повидимому, устранено.

Витте. Говорит о необходимости манифеста, в коем должен быть царь удален от правительства. Все меры должны разубедить (sic) народ, что ему надо опереться на народ, ибо другие сословия ему не помогут.

Ермолов. Обращение Коковцова принесло пользу, но все-таки надо, чтобы их принял государь.

Сольский. Подтвердил это желание, высказанное в частном совещании.

Ермолов. Настаивает на необходимости манифеста.

В. кн. Александр Михайлович. Желает, чтобы м[инистр] внутренних дел и м[инистр] юстиции ознакомили с бывшими событиями, так как о сущности движения никто не знает.

Муравьев. Еще мало времени. Дознания начались поздно. Теперь дознания производятся жандармским ведомством с прокурором. Были кое-какие аресты. Движение рабочих обострено политическими подстрекателями, кои долгое время раздували пламя недовольства. В Петербурге действовал союз рабочих по утвержденному м[инистром] внутренних дел уставу. Во главе священник Гапон и другие лица; подстрекатели заключены под стражу. Повторилась одесская история; там доктор Шаевич равен Гапону. Действовавшие другие политические агитаторы действовали в связи с союзами. Они...[1]) заблуждали (?) рабочих, при чем масса рабочих не знала действительности. Сюда примыкают все политические агитататоры. Все произведено политической агитацией; жертвой — рабочие. Учащиеся сыграли агитаторскую роль, но число их менее того, которое

[1]) Одно слово не разобрано.

можно было ожидать. У рабочих теперь начинается разоблачение: манифест необходим. Высший, но не верховный [суд] (это слово исторически израсходовано), необходимо расследование, его назначить необходимо.

В. кн. Александр Михайлович. Надо подчеркнуть большую несолидарность массы рабочих. Все выяснившееся необходимо отпечатать, ибо в обществе много сомнений.

Коковцов. О необходимости отделить царя милующего от правительства, министра карающего. Что обращение министра финансов привело к нежелательным результатам — возражает. Новая точка зрения. Фабриканты обвиняют финансовое ведомство,— оно просмотрело это движение, не стояло близко к рабочим, деятели его сухие, несочувствующие рабочей среде. Это несправедливо: 6 января, до беспорядков, до известного адреса, ставшего известным 8 января, все фабриканты, 118 человек, заявили успокоительные известия или указывали на неприятное (sic) значение Гапона, где только 6 тысяч из 148 тысяч; м[инистерство] финансов предлагало м[инистерству] внутренних дел заранее принять меры, арестовать комитет, но ему было отказано. Поэтому независимое объявление м[инистра] ф[инансов] и более торжественный акт, объявление м[инистра] ф[инансов] проникло в заграничную печать («Temps»), объявление вне Петербурга имело воздействие и произвело хорошее впечатление.

Сольский. Объявление касается только Петербурга, а теперь уже надо дать общее.

Коковцов. Удобно ли говорить только про Петербург, надо сделать обращение более широкое. Мы живем среди трояко-разных течений: революционные погромы, рабочий вопрос, экономический и 3-е — течение мысли в органах печати и кружках дворянских. Против террористического движения, как везде, полиция. Рабочий вопрос ясен, — при искреннем расположении правительства можно разрешить, путь ясен: меры, указанные в прошлый вторник. Но возможно ли при манифесте, кроме рабочего вопроса, надо высказаться о возбуждаемых ходатайствах, о коренной ломке при нынешней войне.

Витте. Общий вопрос огромной важности. Будем судить, что можно сделать. После 9 января, 10 января государь император должен был сказать свое слово. Но государь советовался с разными министрами, давал советы... [1]) полуофициозные и частное совещание у Сольского, но ни совет, ни комитет министров не были собраны. Поэтому необходимо манифест представить сегодня же.

Бар. Будберг. Вместо манифеста — рескрипт на имя будущего председателя суда, оставив в стороне вопрос следственный.

---

[1]) Одно слово не разобрано.

Витте. Мысль манифеста не об расследовании м[инистром] юстиции, а если случилось событие крупное, то государь желает слышать от незаинтересованного лица — правду.

Сольский. Надо разобрать. Движение началось осенью, после убийства Плеве, при Мирском. К этому присоединилось рабочее движение. Об этом ли мы говорим? Нет, мы говорим о событии 9 января.

Витте. Варшава и Ревель — отголоски Петербурга. Здесь столица, размер возмущения более крупный. В манифесте и говорится о других городах, но приурочено к 9 января.

Сольский. Надо ли только о 9 января, независимо [от] других событий.

Хилков. Обращение государя необходимо. Нужен манифест и устное обращение государя к рабочим. Вид государя более действует на толпу. Надо в манифесте отделить виновных и их покарать.

Витте. Факты. Родилась мысль в форме обращения к рабочим, что государь пошлет своих флигель-адъютантов по фабрикам. Последние выберут депутатов, и государь обратится к ним. Министр финансов тогда возражал. Предпочтительна форма рескрипта на имя одного лица, но разбор будет производиться коллегией. Генерал-губернатор не ручается, что флигель-адъютантов не убьют. Депутации вызовут беспорядки (Коковцов. Депутация завтра), но он может взять лишь нахрапом депутатов.

Дурново. За смерть Плеве правительство ответило указом 12 декабря. В манифесте теперь все использовано властью. Смуту, как революцию, не делает толпа, а лишь образованный класс. Рабочее движение. 125 человек русскими людьми убиты. (В Петербурге и других городах.) Это такое событие, при коем власти должны быть отделены от монарха. Надо выяснить участие властей. Манифест необходим. Вопрос о назначении лиц для доклада государю. Исследовать надо, какие ведомства виноваты, решить трудно, возражать нельзя. В общем возражение лишь против редакции манифеста. Послед[ним] д[олжно] кончиться исследован[ие], а указ — технически деловой, об образовании комиссии. Оба документа должны подлежать сокращению.

Лобко. Положение серьезное. Надо отнестись с уважением к мысли говорить государю с народом? [1]). Но говорить лишь о происшествии 9 января нельзя, государь должен быть отделен от этого события и потому должен говорить о трудности положения России. Тут, кроме рабочего движения, надо обратить [внимание] на тяжелое военное положение; стремление общества к призыву какой-то другой власти — земских собраний и т. п. — Это даже, пожалуй, первоначальная причина, и 3-е — движение рабочих. Нельзя говорить только о 2 миллионах

---

[1]) Вопросительный знак стоит в подлиннике.

рабочих, а с 138-миллионным народом. Надо успокоить, призвать население к жертвам и энтузиазму.

Чихачев. Значит, государь опросит народ о желаниях, а затем появится манифест; надо что-нибудь одно — или обращение, или манифест. Последнее надо приберечь к более крупному событию. Следствие о деле 9 января затянется, а истинную правду никто не знает. Первое дело — водворить в Петербурге порядок. Министра внутренних дел нет, его не видим, а только представители.

Витте. Но ведь мы не знаем, что государь скажет? Генерал-губернатор не знает, каких рабочих он еще представит.

Фриш. Прием рабочих — обстоятельство весьма важное. Если государь скажет слово рабочим, то, может быть, не понадобится манифест. Теперь манифест должен касаться рабочего движения не только в Петербурге, но и вне. Относительно исследования в манифесте не говорить.

Витте. Речь о разных предметах. Публика не знает о деле; возражает, что идет следствие, [а] результаты через год. Но это следствие не ответит на вопрос о возникновении союза рабочих при согласии министров. Как судебное следствие даст ответ на вопрос, почему подготовлявшиеся сведения не обсуждались на совете министров и многие министры не знали. В публике убеждение, что войска действовали по приказу в. кн. Владимира Александровича. Я говорю о другой области. Публика убеждена, что государь ничего не знает. Поэтому особая следственная комиссия из 2—3 человек внесет полное успокоение. Ведь были же назначения гр. Палена для Ходынки, Ванновского для беспорядков в университетах.

Будберг. Но тогда не было манифеста.

Витте. Я не стою за манифест.

В. кн. Александр Михайлович. Надо, чтобы публика все знала. Мне известно из анонимных писем, что беспорядки 9 января здесь, а 12 в Москве. Это в декабре. За 2 дня до беспорядков стало известно, что они будут. Надо расследовать, быть может, то же самое через 2 недели.

Витте. Пролитая кровь будет эксплоатиров[аться] революционерами. Будут говорить, что царь не шевельнулся, а дело министров. Надо, чтобы государь сказал свое слово.

Дурново. Мысль великого князя *напрашивается*. Несомненно, явление 9 января доказывает, что в органах наблюдения было недостаточно внимания. Против этого нельзя возражать. Если манифест не принимается, то можно рескрипт.

В. кн. Александр Михайлович. Стоит-за манифест, но чем кончится завтра прием рабочих?

Витте. Если я сегодня доложу государю, то он и скажет мне свою волю.

Коковцов. Сегодня утром Трепов сказал, что завтра у государя в 3 часа рабочие. По приказанию государя с каждой фабрики

в 1 тысячу человек было выбрано по 1 рабочему, интеллигентному, старослужащему.

Витте. Этот факт указывает на нашу дезорганизацию; генерал-губернатор, не извещая ми[нистра] финансов и м[инистра] внутренних дел, по своей инициативе представляет рабочих. Ведь слова государя отзовутся везде.

В. кн. Александр Михайлович. А разве министр внутренних дел не знает?

Дурново и Коковцов. Нет.

Дурново. Государь может принять по собственному влечению.

В. кн. Александр Михайлович и Сольский. Что государь скажет?

Перерыв до $3^3/_4$.

Витте. Государь высказывался в высочайшем повелении о *войне* и что надо единство правительства. Это приводит к мысли, что единство правительства заключается в единении, общности взглядов. Поэтому нам надо уступить друг другу в деталях, иначе единства не будет. Будем этим руководствоваться. Главная мысль: надо, чтобы государь обратился к народу в форме манифеста. Если на этом согласимся, то относительно дальнейшего суждения, о деталях — я соглашусь.

Сольский. Вы правы безусловно. Разногласие возможно только в принципиальных условиях.

Витте. В публике есть мнение, что правительство неспособно ничего сделать. Надо взаимную поддержку, особенно в смутное время.

Герард. Надо исполнить высочайшее повеление. Нельзя также, чтобы предлагаемые меры не достигли цели. С этой стороны, идея о манифесте сомнительна. 9 января—усмирение войсками, 11—успокоение, назначение генерал-губернатора, объявление м[инистра] финансов и генерал-губернатора, обращение синода. Нужен ли манифест? — Это самая торжественная форма для торжественных обстоятельств: войны, мира, освобождения крестьян, воинской повинности. Теперь и время пропущено, и факты ничтожны. Пусть государь обратится к народу и т. д., но манифест слишком велик; боюсь, что слово государя будет неубедительно. Из манифеста видно, что государь обещает улучшение рабочих; это должно вести к существенным результатам, но созрела ли эта мысль окончательно? Может ли правительство их удовлетворить? Но я пойду за большинством комитета.

Сольский. Манифест читается во всех церквах и поселениях; быть может, не будет понятно такое объявление.

Ермолов. Обращение государя к народу теперь безусловно необходимо. Все обращения, б[ывшие] доселе, не заменят царских слов. Масса рабочих шла за царским словом. Никакая другая форма непригодна. Что манифест будут читать в церквах — это не существенно.

События дошли до всех углов, и там необходимо знать. В манифесте, может быть, не надо говорить о рабочих, а не о других сословиях [1]) но он нужен. Прием рабочих существенного значения не имеет.

Витте. Манифест должен обязательно читаться в церквах.

Муравьев. Закон не обязывает.

Герард. Нельзя допустить, чтобы манифест не читался.

Фриш. Что будет сказано в манифесте, если только о беспорядках, то об этом можно упомянуть, но это не повод. Решительно против комиссии о причинах бывших беспорядков. Комиссия должна коснуться неправильных действий высших органов управления и разоблачить неприятные стороны. Пожелает ли государь огласить эти результаты? Вероятно, они обнародованы не будут и то же результаты? Публика ничего [не] будет знать, а вызовет смуту. Остается рабочий вопрос. Но государь желает преобразований, которые шли бы далее указа 12 декабря. Это должно успокоить публику. Если совещание созвано для этого и если будет скоро, то государь пойдет далее. Это произведет хорошее впечатление...

Витте. Да, на интеллигенцию.

Сольский. Тоже.

Витте. Государь может образоваться (sic) только на простом народе, коего 80% еще не тронуто; если государь утратит эту опору, останутся штыки, но они из народа. По поводу конституции *мнения* вожаков: если бы завтра государь дал конституцию, явится белый террор, со стороны рабочих [2]) появится грабеж, разбой и прочий красный террор. Надо, чтобы народ думал, что государь не есть враг народа, а пусть он обратится к народу. Что государю будут представлены рабочие — это ничего не значит. Если бы комитет министров дал текст речи, не чтобы его учить, а чтобы его слова были известны всему миру. Надо, чтобы государь сказал свое слово народу, ибо революционеры нарочно повели народ, чтобы ореол государя был нарушен.

Дурново. Чтобы сведения комиссии были опубликованы. Манифест нужно.

Витте. Манифест — рескрипт не на имя [вообще] министра, а только министра двора. Но должна быть идея, например, чтобы министр двора озаботился нуждами народа. Но надо.

Чихачев. Против манифеста возражает.

Дурново. Надо, чтобы было сказано о комиссии.

Чихачев. Это возбудит народ против войск.

Дурново. Не надо благодарить войска.

Витте. Читает манифест, что благодарности войскам нет, а говорится о грехе.

Сольский. Против редакции, и она не вполне хороша, тут пышны фразы и мало дела.

---

[1]) Смысл не ясен: одно «не» лишнее.

[2]) В тексте после слова рабочих стоит запятая.

Витте. Важно, чтобы в редакции было высказано 2 вещи: что государь существует и 2) скорбит; что это произошло не по его велению.

Сольский. Да.

Витте. Надо царское слово, чтобы из него было видно, что он существует, а народ говорит, что только министры.

Сольский. Надо сказать: государь озабочен тем, что было.

Витте. Пусть народ знает, что совершившееся не по его велению.

Сольский. Нельзя допустить, что его в[ойска] действуют не по его велению.

Витте. Вчера Гриппенберг потерял 10.580 человек, ведь он действовал не по его велению. Надо знать, нужен ли манифест?

Сольский. Повидимому, манифест не надо.

Лобко. Манифест необходим по поводу тяжелого положения в России, а не по поводу совершившихся событий.

Витте. Государь не находит нужным по поводу меры (sic) не издавать манифест.

Ермолов. Отголоски события 9 января, события величайшей важности, по поводу коего должен быть непременно манифест.

Бар. Будберг. События 9 января здесь, но были и в других местах. Лучше не манифест, а рескрипт.

Коковцов. Надо единение. Эдуард Владимирович [1]) говорит против высшей комиссии, а барон Будберг желает комиссию об исследовании жалоб рабочих. Это новое. Надо вернуться к первому вопросу.

Витте. Не надо ли указ?

Коковцов. Все равно, если высочайшей воли изъяснение, то надо манифест, а в другом случае мы сходим с пути.

Витте. [Если] манифест будет читаться во всей России, то не надо.

Коковцов. Все зависит, как говорить и что. Можно высказать и в манифесте многое. Я согласен с Лобко, что надо взять всю атмосферу, в коей мы живем. Ведь при обсуждении указа 12 декабря говорили об устроении, а теперь идет речь об атмосфере; можно найти подходящую форму. Манифест более уместен.

Ермолов. Вопрос сводится к редакции.

Хилков. Нельзя говорить о редакции в виду завтрашнего приема государем.

Бар. Фредерикс. У государя есть текст речи, ему неизвестный, поэтому трудно решить о манифесте.

Фриш. Ведь государь часто говорит без программ, по поводу объявления войны.

Витте. В виду заявления бар. Фредерикса я прошу уполномочить меня говорить с государем. Мы рассуждаем о форме, но министр

[1]) Фриш.

двора сообщил о приеме государем и его речи, поэтому суждение наше будет преждевременно.

Коковцов. При докладе Витте, может быть, государю будут известны наши суждения и что предложенный манифест может быть расширен. Вы сказали, что обращение синода неудачно, я согласен, но там есть и хорошие мысли, например, что смута у нас во время войны.

Витте. Если этот манифест не утвердим, то никогда не составим. Напр[отив], смута не есть последствие, а причина войны. Теперь правительства никто не боится.

Муравьев. Прием рабочих не может помешать манифесту. Ведь узнали случайно о приеме, речь государя будет известна рабочим, но нам необходимо составить манифест. Одно другому не мешает. Я говорю: обращение царя к народу нужно, ибо пролилась кровь; нужно, чтобы народ знал. Надо указ [или] рескрипт об царской милости к семьям. Эта форма достигает вполне. Народу будет ясно, что государь, уделяя часть своих средств, не связывает себя с пролитием крови.

Дурново. Комиссию надо ли?

Сольский. Комиссию для разработки милостей.

Чихачев. Разве виновным надо милость?

Муравьев и Сольский. Семьям.

Муравьев. Теперь ходят собирать деньги по домам, и мы даем? [1]). Надо рескрипт.

Витте. Угодно: рескрипт на имя того лица, коему государь поручит дать помощь. На имя известного лица.

Коковцов. Эта мысль не достигнет цели, данной в начале. Надо такое обращение, которое отделило бы государя от правительства. Ведь народ не будет знать.

Голосование — 14 за манифест, 9 *против*.

Ермолов. Может быть, об учреждении комиссии не говорить.

Витте. Читает манифест — делаются поправки.

Коковцов. Против указа. Расследование не нужно, особенно вневедомственное, а должно дать разъяснение от всех ведомств, но работать в ведомствах: нужды рабочих 1) удовлетворить сейчас ведомств[ом] м[инистерства] финансов, меры приняты; другая часть 2) в разработке законодательства, работа в м[инистерстве] финансов ведется. Государю послан доклад с обзором прошлого и о будущем. Испрошено высочайшее разрешение о внесении докладов в комитет министров, в целях объединения. Если все согласны, то не надо особого совещания. Из числа 18 заявленных рабочими пунктов 13 могут быть удовлетворены теперь. Поэтому указ сенату не нужен, а сказать в манифесте, что повелено об исследовании нужд...

Витте. С заключением согласен. Доканчивает чтение манифеста.

---

[1]) Вопросительный знак в тексте.

Л о б к о. Согласен на манифест, но более широкий.
Г е р а р д. Если есть *разногласие*, то надо рескрипт.
Собраться в четверг в 1 час дня для чтения манифеста.

Проект манифеста, обсуждавшийся на заседании 18 января, был внесен в совещание в нижеследующей редакции [1]).

Божиею милостию,
мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Земля русская, под сенью царской власти и в неразрывном с нею единении, переживала не раз тяжелые годины, но всегда несокрушимою доблестью народа и его преданностью престолу и отечеству приводима была снова к мощи и славе. В ниспосланном нам волею провидения испытании трудной войны на далекой окраине, нас утешали проявления горячей любви к родине и единодушное стремление всех жертвовать жизнью и достатком на защиту чести и достоинства России.

Нашлись однако люди, решившиеся, не боясь тяжкого греха перед отечеством и не гнушаясь обманом, возжечь смуту в среде искони верного нам рабочего населения в эти дни великого напряжения сил для борьбы против опасного внешнего врага.

С душевной болью узнали мы о подробностях, вызванных этой смутой недавних событий в Петербурге, по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными.

Скорбию и ужасом отозвалась в нас весть о бывшем на улицах столицы пролитии драгоценной русской крови, повторявшемся затем по силе роковых обстоятельств и в некоторых других городах империи.

Сокрушаясь о происшедшем, почитаем мы священною нашею обязанностью всемерно озаботиться об отвращении впредь повторения подобного несчастия.

Поручив, посему, представить нам точный доклад о причинах, вызвавших печальные события, омрачившие жизнь столицы, мы с тем вместе, в душевном и непрестанном желании облегчить истинные нужды рабочих, повелели обсудить меры к неотложному, в чем возможно, улучшению их быта.

В сердечном же соболезновании о судьбе пострадавших при беспорядках, их жен и детей, нами повелено оказать им соответственное вспомоществование.

Верим, что рабочие и другие люди, допустившие смущению овладеть сердцами их, помыслив о братиях своих, отдавших на Дальнем

[1]) Документ, написанный на машине, имеет формат листа; в верхней части имеется надпись: проект.

Востоке жизнь за веру, царя и отечество, познают долг свой и спокойным обычным трудом помогут поддержанию столь нужного теперь стране нашей общего порядка.

Молим всевышнего даровать благоденствие державе нашей и подать нам силы неуклонно продолжать царственные начинания наши, направленные к укреплению в России истинных начал справедливости и добра.

Дан в Царском Селе, в день... января, в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

В заседании в тексте манифеста были введены следующие изменения:

1. Из фразы «с душевною болью узнали мы о подробностях, вызванных этой смутой недавних событий в Петербурге, по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными» выброшены слова «по быстроте и неожиданности своего развития не сделавшихся нам своевременно известными»;

2. Фраза «скорбию и ужасом отозвалась в нас весть о бывшем на улицах столицы пролитии драгоценной русской крови, повторявшемся затем по силе роковых обстоятельств и в некоторых других городах империи» резко изменена в своем смысле — выражение «по силе роковых обстоятельств» заменено словами «злым умыслом»;

3. Фраза «поручив, посему, представить нам точный доклад о причинах, вызвавших печальные события, омрачившие жизнь столицы, мы с тем вместе, в душевном и непрестанном желании облегчить истинные нужды рабочих, повелели обсудить меры к неотложному, в чем возможно, улучшению их быта» подверглась дополнению: после слов «омрачившие жизнь столицы» прибавлено «и других городов» и после слова «повелели» вставлено «уже именным указом правительствующему сенату, в 12 день декабря минувшего года данным»;

4. Значительное редакционное разногласие вызвало начало периода «верим, что рабочие и другие люди, допустившие смущению овладеть сердцами их» — одни предлагали вместо слов «допустившие смущению овладеть сердцами их» внести в текст «допустившие смуте овладеть сердцами их», другие — «смутившиеся в сердце своем» (последняя редакция была принята); наконец, в том же периоде «верим, что рабочие и другие люди... познают долг свой» введено изменение — слова «познают долг свой» заменены «обратятся к долгу своему».

Манифест 17 октября.

Вильгельм II в письме к Марии Федоровне дает совет Николаю, как сломить революцию. Он пишет: «его (Николая. *И. Т.*) страна, весь мир видели бы спасение в том, чтобы его величество выявил свою личную волю ко всеобщему сведению каким-нибудь решительным, энергичным актом. Если бы, кроме того, представилось возможным пообещать народу проведение каких-либо надлежащих реформ, — в том именно духе, в каком они предполагались самим государем, чему, к несчастью, воспротивился Витте, — это произвело бы решительное и умиротворяющее действие» [1]).

Трудно сказать, насколько повлиял этот совет на решение Николая подписать манифест 17 октября. Во всяком случае, такая мысль не нова для практики самодержавия и особенно для событий 1903—1905 г.г. А. С. Ермолов в своей записке от 31 января 1905 г. предлагает царю обратиться с манифестом к населению о своем «непреложном решении выслушать голос русского народа и... созвать... свободно избранных представителей от всех сословий русской земли, в виде всенародной земской думы» [2]).

Манифест должен исходить от государя,— эту мысль твердят все его окружающие. Об этом пишет Орлов в письме к Трепову 15-го числа, это подтверждает неоднократно и Витте, противившийся изданию манифеста от имени царя и настаивавший на утверждении его доклада.

Сам Витте был очень обеспокоен после своей отставки слухами о том, что он «вырвал» манифест 17 октября. Желая реабилитироваться, он прибегает ко всякого рода документам, справкам, доказывающим его нежелание опубликовывать манифест, назревшую необходимость в даровании конституции, свободный выбор царя в дилемме: конституция или диктатура, ссылается, наконец, на роль Николая Николаевича в подготовке манифеста 17 октября. Все эти документы мы имеем теперь перед собой, и по ним можно судить, кто «вырвал» манифест у Николая.

Вечером того дня, когда началась всеобщая железнодорожная стачка (8 октября), Витте передает Вуичу свою записку для переписки. Записка эта по существу — либеральнейший трактат о свободе и правопорядке вообще и об отсутствии того и другого в России в частности. В своих предложениях Витте заходит для царского министра чрезвычайно далеко: гражданские свободы, народное представительство со всеобщим избирательным правом, разрешение рабочего вопроса («мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом»), кадетское решение аграрного вопроса.

---

[1]) См. «Красный Архив», т. 9-й, стр. 65.

[2]) См. «Красный Архив», т. 8-й, стр. 66.

Даже окраинный вопрос Витте предлагает решить почти «революционно»: автономия Польши, Грузии, с единством «в области внешних сношений, военной организации, денежной системы, таможен, налогов и сборов на общие потребности, уголовного законодательства, единого народного представительства».

В эти дни революция вступает в новую, невиданную еще фазу. Не что иное, как широчайшая забастовка пролетариата, достигающая таких размеров, когда ее последующим этапом должно стать вооруженное восстание, заставляет Витте бить в набат и обратиться к Николаю со «своим» рецептом спасения от революции.

Того же 8-го числа Витте, вызванный к царю, излагает ему свою точку зрения и ставит перед ним на выбор: или диктатура, или принятие положений, указанных в его записке. Нам придется еще к вопросу о диктатуре вернуться, но совершенно ясно, что Витте под диктатурой понимал современное положение вещей. 12-го числа Николай подчиняет Трепову все войска, находящиеся в Петербурге, и приказывает восстановить порядок и не допускать незаконных сборищ. Это — фактическое объявление Трепова диктатором. В тот же день Витте посылает царю доклад о железнодорожных стачках, где прямо заявляет, что стачка железных дорог есть часть революционного движения, а поэтому для ликвидации ее необходимы мероприятия, устраняющие «общее революционное движение». Аргументы о «грозной части революционного движения» возымели свое, пока еще слабое, действие. 13-го Витте получает предложение объединить действия министров для подавления беспорядков, и в этот же день Витте окончательно составляет свой знаменитый «всеподданнейший доклад». Записка его, составленная по его личной инициативе, оставляется, и на сцену выступает доклад, составленный по предложению царя [1]). Доклад гораздо сдержаннее записки и по форме и по существу, и, вообще, чем ближе Витте к власти, тем он все больше и больше отступает. Наоборот, кривая политических уступок Николая и его приближенных идет вверх.

Записка от 9 октября ставит вопрос прямо о том, что освободительное движение есть явление закономерное, стремление к свободе присуще всякому человеку и общественному организму; стремление к свободе имеет свои корни и «в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 г...». Чтобы «освободительное движение» не привело к «анархии», к «бездне», государство должно «смело и открыто стать во главе» того движения.

Но Витте тотчас же испугался собственных мыслей и представил царю «доклад», где диапазон вольномыслия суживается до пределов «гражданских свобод» и «начал народного представительства».

В своем отступлении он не останавливается и не без борьбы принимает манифест 17 октября. Вообще говоря, отношение его к этому манифесту двойственное. Он называет его «самым умеренным, самым консервативным» актом (в возражениях А. И. Гучкову), сам указывает на разноголосицу между «докладом» и манифестом, а с другой стороны, «новую эру» в России начинает с манифеста. Такие колебания и

---

[1]) Вуич ошибается, когда говорит, что во вступительной части записки Витте вставил, что она составлена «по приказанию и указаниям его величества», — это относится к докладу.

балансирование для него, вообще говоря, типичны: мог же он критиковать Столыпина справа и в то же время обвинять его в полнейшем игнорировании манифеста 17 октября.

Если «записка» была для Николая совершенно неприемлема, — это сознавал, вероятно, и сам Витте, — то доклад заставил царя призадуматься. Он поручает Витте объединение деятельности министров. Это — первая уступка Николая.

14-го Витте вызывают на совещание к Николаю, при чем Орлов, передававший это приглашение, «по шпаргалке», предложил привезти манифест, так как все меры, намеченные в докладе Витте, должны исходить непосредственно от государя. Витте поручил составление манифеста А. Д. Оболенскому; поручение это правильно оценено А. В. Румановым («Русское Слово» от 17 октября 1915 г., № 238), как прикрытие для Витте на случай отступления.

15-го на пароходе идет разработка манифеста. Этот момент довольно подробно изложен в печатаемых ниже документах, №№ 5, 6, 7, и поэтому останавливаться на описании его не приходится. Следует, однако, отметить, во-первых, предложение Витте снять пункт о рабочих в первоначальном проекте А. Д. Оболенского. Последний выболтал то, что было неудобно сказать в таком акте, как манифест. Именно этот вопрос и следовало бы обойти молчанием в манифесте. Витте эту «неловкость» Оболенского исправляет. Во-вторых, очень характерной является попытка, зафиксированная в набросках, напечатанных под № 10, связать манифест с актом 12 декабря 1904 г. («О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»). Это предложение имело целью доказать внутреннюю связь мероприятий царского правительства, совершенно игнорируя революцию и необходимость для самодержавия посягнуть, хотя бы в письменной форме, на самого себя. Но оговорки уже не могли ни к чему привести: им бы никто не поверил; прав был Орлов, написавший, что «всякие оговорки — злят». Уже закон 6 августа о Булыгинской Думе был приведен с оговоркой: «Сохраняя неприкосновенным основной закон российской империи о существе самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положение о выборах в Думу». До сих пор самодержавие было ограничено, как выражался М. М. Сперанский, «правдой». Теперь необходимо было найти форму, в которой можно было бы сочетать самодержавие и «начала народного представительства» [1]). Обещаниям не верили и сами министры. А. С. Ермолов в упомянутой выше записке указывает на полную неподвижность мероприятий, связанных с актом 12 декабря. В изданном канцелярией комитета министров томе «Журналов комитета м-ров по исполнению указа 12 декабря 1904 г.» мы находим протоколы 16 заседаний, из которых совершенно ясно, что Ермолов имел основание через $1^1/_2$ месяца констатировать полную безнадежность этого предприятия.

Наконец, третий момент бросается в глаза, когда мы сравним все проекты манифеста, составлявшиеся на пароходе и потом в запасной половине Петергофского дворца. Авторы их никак не могли найти логического перехода от вводной части к «дарственной». Если мы обратим внимание на архитектонику хотя бы окончательного текста, то увидим, что предложение государя правительству «выполнить

---

[1]) Это сочетание одинаково воспринималось как Милюковым («Госуд. акт 6 августа 1905 г. «Право», № 31), так и Готским альманахом (ср. любопытное замечание у Шульгина в «Днях»).

его волю» — даровать населению права и т. д. стирает внешнее впечатление того, кто же должен «дать свободы» — правительство или царь. Внешне акт не похож на законодательный материал второй половины XIX века: упоминание о том, что правительство должно выполнить его, государя, волю, поставлено на первое место.

На совещании у Николая Витте снова ставит дилемму: или «диктатура», или «конституция». Кандидат в диктаторы — Николай Николаевич — особенно волнуется, задает вопросы Витте и т. п. Совещание останавливается пока только на одном: необходимости издания манифеста от имени царя. Витте уезжает и узнает, что вслед за ним выехали в Петергоф Горемыкин и Будберг. О чем совещались последние с Николаем, — трудно сказать, но документы вскрывают следующую картину. Перед Николаем вовсе не стоял вопрос о выборе между диктатурой и конституцией. Диктатура должна была быть, и она должна была раздавить революцию, но при данных условиях возможности этой диктатуры были мизерны, революция зашла так далеко, что надо было отыграться на конституции и ею воспользоваться для упрочения «диктатуры», для умножения ее сил. Николаю надо было решить только одно: какую конституцию выбрать — Виттевскую или Горемыкинскую.

Ход событий целиком подтверждает эту мысль. Вечером 15-го посылается текст Виттевских доклада и манифеста к Трепову (№ 13). В письме Фредерикса мы находим фразу о том, сколько времени он, Трепов, может удержаться в Петербурге, и вопрос: «считаете ли вы возможным достичь водворения порядка без больших жертв». Посылая Виттевский манифест, Николай вовсе не ожидал получить ответ от Трепова, считает ли он возможным ввести представительный образ правления, или нет. Точка зрения Трепова была ему хорошо известна: дальше реформы государственного совета он не шел [1]). Орлов вряд ли мог написать, «что реформы дать надо», не зная настроения Николая. Стало быть, вопрос стоял так: насколько реальна возможность диктатуры в ближайшем будущем. Надо было прощупать обстановку, чтобы рассчитать меру и объем уступок. И Трепов, не боящийся ныне слова «конституция», совершенно прямо отвечает на вопрос: кровопролитие неизбежно, «крамола разрослась» [2]).

Предстояло теперь только сделать выбор между Витте и Горемыкиным. Когда 15-го вечером Горемыкин и Будберг были у Николая, им был предъявлен проект манифеста Витте. (В том пакете, в котором содержатся проекты Горемыкина — Будберга, хранится переписанная от руки карандашом копия Виттевского манифеста. Этим же почерком сделаны вставки в проект Витте (№ 12, прим. 8 (стр. 90) и 1 (стр. 91), составленный 15-го в запасной половине дворца). Ознакомившись с проектом Витте, Горемыкин и Будберг, а также Орлов пытались составить свой проект (см. № 15). В письмах Мосолова №) 14) упоминаются два проекта Горемыкина — Будберга. Из сличения четырех текстов явствует следующее: первоначальный вариант был построен на игнорирован и основных Виттевских мыслей. Второй же и третий варианты носят характер компромисса. Возможно, что Витте были показаны первый и, скажем, третий вариант, но скорее всего, что первоначально была сделана попытка

---

[1]) См. по этому поводу статью А. Хохлова «Д. Ф. Трепов в борьбе с общественностью», № 4 «Русского Прошлого».

[2]) См. «Былое», 1919 г., № 14, стр. 109—111.

редакционно изменить текст, предложенный Витте, а затем, отказавшись от этой мысли, попытались составить другой, отличный и по форме и по содержанию, манифест. Поправки на Виттевском тексте и один из Горемыкинских вариантов и были привезены Витте Фредериксом ночью 16 октября.

Отрицая, что тексты противной Витте партии являются только редакционными изменениями его проектов, мы можем указать на характер изменений и поправок в вариантах Витте. Что касается Горемыкинского текста, то наилучшую оценку его дал сам Витте:

«1) В проекте у гр. Витте определенно говорилось, что его величеству благоугодно повелеть своему правительству озаботиться проведением в жизнь его неуклонною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бароном Фредериксом, те же пункты определены как даруемые.

2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной Думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе».

Текст Горемыкина — Будберга, формально заимствованный из акта 19 февраля, характерный для Горемыкина своей религиозно-туманной фразеологией и Будберговским канцелярским оборотом речи и складом мышления, несомненно, производит впечатление полнейшей растерянности.

Думая не дать ничего, дали больше Витте, ограничивавшегося обещаниями; желая спихнуть Витте, связали Николая актом, облекающим в форме, наиболее любезной самодержавию, самоограничение в самых широких пределах.

Полагая, что старая формула «сперва кровопролитие, затем конституция» должна быть переставлена как раз наоборот, Николай все же пытался пойти по линии наименьшего сопротивления. Предложить конституцию, написанную и проводимую Горемыкиным (писал-то наверно Будберг, Горемыкин лишь «консультировал»), — это было явной нелепостью и в глазах лиц, окружавших Николая. Вот, что пишет А. Д. Оболенский:

«В воскресенье, 16 октября, по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кругах, что проект государственных преобразований графа Витте не одобрен, а утвержден и принят другой проект члена государственного совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление».

Естественно возникает вопрос: почему «угнетающее впечатление»? Манифесту, к которому приложил руку Горемыкин, вряд ли поверил даже самый правый либерал или земец. Именно потому, что конституцией нужно было отрезать путь к общему революционному потоку тех, с кем можно было на почве манифеста 17 октября сговориться, следовало решиться на подписание Виттевского проекта.

В последнюю минуту шел спор уже из-за текста. Назначение Витте было необходимым для придания веры манифесту, написанному Горемыкиным. Когда Фредерикс с Мосоловым приехал 16-го ночью к Витте *после* Трепова (а Трепов был решающей инстанцией), то в его задачу входило склонить Витте подписаться под Горемыкинским манифестом. Горемыкинский манифест, Трепов в роли диктатора (в той же записке от 31 января Ермолов недвусмысленно намекает на эту роль Трепова, при его назначении петербургским генерал-губернатором) и Витте в качестве премьера — на такую комбинацию шел Николай. Когда же Витте наотрез отказался, то оставался выбор: или Горемыкинский манифест без Витте, или Витте

с его манифестом, более дипломатичным, чем противный, более спрятанным, обещающим, но не дающим, выдвигающим двух юридических лиц: государя и правительство. Последнее было самым неприемлемым для Николая, ибо это могло привести к сдаче фактической власти Витте.

— Единственным выходом для самодержавия в данном соотношении сил было пойти на компромисс с буржуазией, или хотя бы с частью ее, как замечает Ленин. Компромисс этот означал бы расширение базы диктатуры на почве уступок: Государственная Дума, обещание свобод и совместная борьба с «анархией». Государственная Дума должна была стать якорем спасения самодержавия, ибо только на основе народного представительства возможно было колебание мелкой буржуазии использовать в свою сторону. (Оба манифеста определенно говорят о расширении избирательных прав для крестьян). «Самодержавию необходимо помириться с буржуазией, и оно вынуждено стремиться к этому, при чем, разумеется, оно хочет надуть общественное мнение Европы и России. А Государственная Дума есть великолепное средство для этой цели» [1]).

Трепов правильно намечал необходимость «прусской» конституции. Бессознательно, но верно он учитывал опыт революций XIX века. «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян, без которых она бессильна против дворянства» [2]). Создать русский Франкфуртский парламент, расколоть демократический блок русской революции — таков стратегический план (может, и бессознательный) самодержавия. Сделав крупную уступку либеральной буржуазии, самодержавие готовило вооруженный кулак, создавало материальные и моральные условия для диктатуры, чтобы пустить в ход Семеновский полк, экспедиции Мина, Римана, Меллер-Закомельского и столыпинский галстук. Ближайшие события подтвердили, что буржуазия в обстановке русской революции XX века и не могла быть революционной, «русская либеральная буржуазия в 1905—1907 г.г. систематически и неуклонно предавала крестьян, перекидывалась по сути дела на сторону помещиков и царизма, против борющихся крестьян »[3])...

Возможно, что чашку весов в пользу Витте окончательно склонил Николай Николаевич, а на последнего повлиял Ушаков. По этому поводу Витте пишет: «Дней 10 тому назад (писано 13 апреля 1907 г. — *И. Т.*) у меня был П. Н. Дурново, бывший министр внутренних дел, и, заговоривши о 17 октября, сказал, что ему тогда же было известно, что манифест в сущности сорвал рабочий Ушаков через великого князя Николая Николаевича; так как мне никогда Ушаков об этом не говорил, и вообще я с ним не вел никогда разговора о 17 октября — ограничивавшись [4]) всегда разговором, до рабочих его партии относящихся, то я его вызвал и просил его объяснить, в чем дело.

В результате он изложил обстоятельства дела в прилагаемой записке» [5]).

---

[1]) Ленин, «Первые итоги политической группировки», Собр. соч., т.

[2]) К. Маркс в «Новой Рейнской Газете» от 29 июля 1848 г.

[3]) Ленин. «Исторический смысл внутренней борьбы».

[4]) Так в оригинале.

[5]) Записка напечатана в «Кр. Архиве», т. IV, стр. 411—417. Тов. Невский, опубликовавший эту записку, не приводит напечатанной нами заметки Витте, сделанной на обороте последней страницы записки Ушакова. Хранится она в арх. Витте. Папка № 14, арх. № 93.

Во всяком случае, это обстоятельство существенной роли не играет, ибо был «дан Витте, но оставлен Трепов». А эта комбинация застраховывала Николая от каких бы то ни было стремлений «графа Портсмутского». Сам Витте в «Воспоминаниях» сплошь и рядом жалуется, что фактическим правителем был не он, а Трепов.

Материалы, связанные с опубликованием манифеста 17 октября, представляют большой интерес, и каждая подробность, помарка, исправление представляют большую ценность, освещая этот важный в революции 1905 года момент.

Печатаемые ниже документы можно разделить на 5 групп, объединенных внутренним единством формы и содержания.

В первой группе мы имеем материалы, составленные Витте в подготовке к 17 октября, при чем № 1 — представляет собою, повидимому, первую главу отчета о его пребывании на посту премьера и составлен, вероятно, в конце 1906 или в начале 1907 года.

Во вторую группу (№№ 5, 6, 7, 8, а, б, в, г, д,) входят материалы, собранные Витте и рисующие обстановку и обстоятельства, при которых принимался манифест 17 октября. Записка Витте, дневник Оболенского и справка о манифесте 17 октября были напечатаны в «Воспоминаниях» Витте. Мы их печатаем потому, что они воспроизведены неточно, особенно дневник А. Д. Оболенского. Так, напр., в записке Витте в «Воспоминаниях» напечатано, что Витте не желал «вырвать согласия», в подлиннике «вырывать согласия», в «Воспоминаниях» напечатано, что «ему предложили еще раз вернуться во дворец». В подлиннике: «потому предложил еще раз вернуться во дворец». В «Дневнике» Оболенского мы находим, что вторым пунктом его требований была выставлена свобода евреев. Витте исправил на неприкосновенность личности, свобода совести, союзов, собраний.

Третья группа материалов — №№ 9, 10, 11, 12, 13, тексты проекта А. Д. Оболенского, составленного им вечером 14-го по просьбе Витте (сам он отговаривался своей «болезнью»), замечания Вуича и пункты, писанные им под диктовку Витте, — этот материал и лег в основу окончательного текста при составлении нового проекта (Витте, «Воспоминания», стр. 15—16).

В четвертую группу входят, во-первых, письма Мосолова к Витте о том, что ему якобы неизвестна судьба проектов (видимо, ему этих проектов не желали отдавать), и, во-вторых, варианты Горемыкинского—Будберговского проекта (№ 14). Составители были настолько уверены в успехе своего дела, что заготовили текст для окончательной подписи на напечатанном литографическим способом бланке.

В пятую группу входят документы, относящиеся к деятельности Витте сейчас же после подписания манифеста. Сообщения его министрам и интервью чрезвычайно показательны для всей его фигуры и характера задач, поставленных им перед собой.

И. Татаров.

I

Манифест 17 октября 1905 г. [1]).

В том положении, в каком в октябре месяце 1905 года очутилась Россия, из него представлялось два выхода. Первый выход заключался в том, чтобы правительство приостановило [2]) приведение в действие проекта о Государственной Думе [3]), подавило беспорядки и проявления смуты репрессивными мерами и таким способом попыталось восстановить порядок в стране. Другой путь заключался в том, чтобы разобраться в заявляемых противоречивых требованиях и отнестись с должным вниманием к мнению умеренных общественных элементов, выполнить их пожелания, исходя из той мысли, что в этих пожеланиях действительно [4]) заключается нечто, заслуживающее проведения в жизнь и способное направить к умиротворению государства. Водворение [5]) новых начал в государственную жизнь могло быть осуществлено только решительным шагом со стороны государя императора, и он без колебаний, по собственному милостивому почину, сделал этот шаг [6]).

17 октября воспоследовал высочайший манифест «об усовершенствовании государственного порядка».

В этом манифесте, составляющем эру в будущей истории нашего отечества [7]), говорилось:

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы всероссийской.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего выполнения общих

---

[1]) Заголовок написан чернилами рукою секретаря Витте.

[2]) Слово: «приостановило» вписано рукою Витте взамен неразборчиво написанного слова.

[3]) Слова: «проекта о» зачеркнуты и рукой Витте вставлено: «закона 6 августа о созыве» и соответственно этому «Думе» исправлено на «Думы».

[4]) Слово: «действительно» в тексте зачеркнуто.

[5]) Далее чернилами рукою секретаря вписано: «таких».

[6]) Фраза: «и он без колебаний» и т. д. вычеркнута Витте и на полях им приписано: «он выбрал по собственному почину второй путь».

[7]) Слова: «составляющем эру в будущей истории нашего отечества» в подлинном зачеркнуты.

преднамеченных нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы [1]) на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив, засим, дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за законом ностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Существенным дополнением и разъяснением к манифесту 17 октября является составленный по высочайшему повелению председателем комитета министров [2]) статс-секретарем графом Витте доклад «по вопросу об объединении деятельности министров впредь до утверждения законопроекта о совете министров».

Доклад этот его императорскому величеству в 17 день октября 1905 года благоугодно было повелеть принять к руководству [3]).

В докладе этом было сказано:

«Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных действий крайних партий.

Корни этого волнения залегают глубже в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы.

---

[1]) Подчеркнуто в оригинале.

[2]) Вся фраза зачеркнута Витте и вписана на полях следующая ее редакция: «Ранее составления сего манифеста по высочайшему повелению был представлен его величеству председателем комитета министров».

[3]) Доклад этот с резолюцией синим карандашом Николая: «Принять к руководству» с припиской Витте: «Петергоф, 17 октября 1915 г. Витте» находится в деле № 22 канц. совета министров по экспедиции.

В уровень с одушевляющею благоразумное большинство общества идеею и следует поставить внешние формы русской жизни.

Первою задачею для правительства должно составлять стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную Думу, основных элементов правового строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности.

Укрепление этих важнейших основ политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки [1]), наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех русских подданных, независимо от вероисповедания и национальности.

Само собою разумеется, предоставление населению прав гражданской свободы должно сопровождаться законным ее ограничением для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства.

Следующею задачею для правительства является установление таких учреждений и законодательных норм, которые соответствовали бы выяснившейся политической идее большинства русского общества и давали бы положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы.

Задача эта сводится к устроению правового порядка.

Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности, экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широких народных масс, разумеется, с ограждением имущественных и гражданских прав, признаваемых во всех культурных странах.

Намечаемые здесь основания правительственной деятельности для полного осуществления своего потребуют значительной законодательной работы и последовательного административного устроительства [2]).

Между постановкою принципа и претворением его в законодательные нормы, а в особенности проведением этих норм в нравы общества и приемы правительственных агентов, не может не пройти некоторое время.

Начала правового порядка воплощаются, лишь поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу приготовить страну со 135-миллионным разнородным населением и обширнейшею администрациею, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не под силу никакому правительству.

Вот почему правительству далеко недостаточно выступить с одним только лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране

---

[1]) Слова: «последовать путем нормальной законодательной разработки» подчеркнуты карандашом.

[2]) Вся эта фраза подчеркнута карандашом.

порядок, нужны труд, неослабевающая твердость и последовательность.

Для осуществления этого необходимыми условиями являются однородность состава правительства и единство преследуемых им целей. Но и министерство, составленное, по возможности, из лиц одинаковых политических убеждений, должно будет приложить неимоверные старания, дабы одушевляющая его работу идея сделалась идеею всех агентов власти, от высших до низших.

Заботою правительства должно явиться практическое водворение в жизнь главных стимулов гражданской свободы. Положение дела требует от власти приемов, свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерения. С этою целью правительство должно поставить себе непоколебимым принципом полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и искреннее стремление к осуществлению мер, предрешенных указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботою правительства должно быть поддержание ее престижа, доверия к ее работам и обеспечение подобающего сему учреждению значения.

Правительство не должно являться элементом противодействия решениям Думы, поскольку решения эти не будут коренным образом расходиться с величием России, достигнутым тысячелетнею ее историею. Правительство должно следовать мысли, высказанной в высочайшем манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени.

Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, формулировать гарантии гражданского правопорядка, руководствуясь, конечно, господствующею в большинстве общества идеею, а не отголосками хотя бы и резко выраженных требований отдельных кружков, удовлетворение коих невозможно потому уже, что они постоянно меняются.

Равным образом весьма важно преобразовать государственный совет на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии возможно установить нормальные отношения между этим учреждением и Государственной Думой.

Оставляя в стороне дальнейшие мероприятия, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1) Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах благ гражданской свободы, даруемых населению, и установлении гарантий свободы.

2) Стремление к устранению исключительных законоположений.

3) Согласование действий всех органов правительства.

4) Устранение репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5) Противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Само собою разумеется, осуществление поставленных выше задач возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которое позволило бы направить силы к плодотворной работе.

Следует верить в политический такт русского общества, так как немыслимо, чтобы русское общество желало анархии, угрожающей, помимо всех ужасов борьбы, расчленением государства».

Вслед затем, в дополнение приведенных актов, в правительственном сообщении от 20 октября объявлялось, между прочим:

Его императорское величество манифестом 17 октября предрешил те меры, осуществление коих по непреклонной воле государя императора должно предоставить подданным его средства к живой и свободной деятельности на пользу государственную и общественную. Для водворения в стране нового порядка должны [1]) труд, неослабевающая твердость и последовательность. Общество должно проникнуться сознанием, что сразу изменить все порядки государственной жизни России немыслимо ни для кого, замена существующего строя новым требует законодательных определений и ряда административных мер. До того прежние законы должны действовать [2]), со стороны же правительства приняты будут все возможные меры к применению их властями в духе манифеста 17 октября. Правительству должно быть дано время проявить свою деятельность, при чем необходимым условием успешности ее является прежде всего восстановление порядка [3]). Между тем некоторые элементы общества стараются поколебать доверие к правительству со стороны населения и усилить в нем волнение. Если большинство общества сочтет своею обязанностью притти на помощь правительству, то в положении вещей немедленно произойдет улучшение, в противном случае на правительство не должна упадать ответственность за могущие произойти тягостные последствия и за выполнение предстоящих ему трудов не столь скоро, как требуют обстоятельства и как оно того искренно желает.

По вопросу же собственно [4]) *о свободе* слова 19 октября последовало циркулярное распоряжение главного управления по делам печати, сообщенное губернаторам, цензурным комитетам и отдельным цензорам нижеследующего содержания [5]):

---

[1]) Слово: «должны» зачеркнуто и рукою секретаря написано: «необходимы».

[2]) Подчеркнуто в оригинале.

[3]) Слова: «прежде всего... восстановления порядка» подчеркнуты карандашом.

[4]) Слова: «же собственно» вставлено чернилами рукою секретаря.

[5]) Слова: «нижеследующего содержания» зачеркнуты и рукой секретаря вставлено: «в котором, между прочим, объяснялось».

Высочайшим манифестом 17 октября на обязанность правительства возложено выполнение непреклонной воли государя даровать населению незыблемые основы гражданской свободы.

В виду обращенных в главное управление по делам печати запросов о том, *в каких пределах может быть ныне же осуществляема свобода печатного слова* [1]), главное управление по делам печати считает необходимым преподать нижеследующие указания:

Высочайший манифест вызовет в ближайшем будущем издание нового закона в изменение действующего цензурного устава. Впредь до издания этого закона все законоположения, определяющие деятельность учреждений и лиц цензурного ведомства, оставляются в полной силе; самое же отношение цензуры к произведениям печати должно коренным образом измениться в соображении с волею государя, ясно и определенно выраженною в манифесте.

Так как ни в одном государстве не существует свободы печатного слова, которая бы не ограничивалась определенными карательными законами, то и у нас законы будут всегда ограничивать свободу печати, а следовательно, цензурному ведомству надлежит принять к руководству уголовное законодательство, предусматривающее ряд преступлений, совершаемых посредством печати, а вместе с тем и согласованные с уголовными законами статьи цензурного устава [2]).

2.

Записка Витте от 9 октября.

Основной лозунг современного общественного движения в России — свобода.

Государственная организация имеет не одно только внешнее или историческое оправдание, т.-е. государство не может жить и развиваться только потому, что оно существует. Оно оправдывается и внутренне заложенной в его существо идеей, т.-е. для жизни государства должна быть цель, государство живет во имя чего-нибудь.

Эта идея или цель государства коренится в обеспечении благ жизни, моральных и реальных. Благо моральное состоит в поступательном развитии свободного по природе человеческого духа. Блага реальные слагаются из совокупности экономических условий существования.

И те, и другие требуют установления так называемой свободы гражданской, т.-е. обращения естественной свободы лица в свободу, регулируемую и ограничиваемую объективными нормами права. Ибо раз за каждым человеком признается свобода, а она не может не

---

[1]) Курсив печатного оригинала, как и выше.

[2]) Начиная со слов: «По вопросу о свободе слова» и до конца текст представляет собою вырезку из печатного издания. Дальше идет зачеркнутый чернилами текст вставки, и следует II глава данной записки.

быть признанною в области духовной и материальной, то свобода эта в безграничном объеме не может принадлежат никому. Фактически ограничит свободу сила — или физическая, или экономическая. Сильный неизбежно подавить слабого.

Сила, как фактор человеческих отношений, должна быть отнята от отдельных людей и должна быть поставлена вне их. Она должна быть сосредоточена в руках власти, достаточно удаленной от личных, индивидуальных интересов, дабы тем вернее обеспечивать интерес общий, но в то же время сохраняющей неразрывную постоянную связь с гражданами, дабы ее действия не оказались в противоречии с начальным общим интересом всякого государства: гражданской свободой.

Так, во имя свободы создается право, определяющее пределы этой свободы. Во имя права — государство с его основными элементами: властью, населением и территорией.

Вместе с тем исторически вырабатываются формы правления и общественного строя, каковы: монархии неограниченные и ограниченные, республики и демократии, строй капиталистический, натурального хозяйства и пр.

Но такова уже судьба всех учреждений человеческих: форма отрывается от содержания, и, по мере того как формы отливаются и крепнут, они обращаются в самостоятельное и самодовлеющее явление жизни. Получается требование прямого служения: самодержавию, конституции, республике и пр.; содержание, обусловившее образование форм, уходит куда-то назад. Во всей мощи выступают одни формы, и содержание, т.-е. цель гражданской свободы, начинает оцениваться, как явление служебное, как их результат.

В государстве исключительно быстро наступает торжество формы над идеей. Право, действующее в стране, получает оценку постольку, поскольку оно охраняет данный строй и данный способ управления. Свобода — поскольку она совместима с таким искусственно построенным правом.

Идея, однако, никогда не умирает. Если форма, ставшая внешним фактом, своей реальной силой не дает ей гореть во всем блеске, она теплится, как раскаленный уголь в груде золы. Повеет ветром, — уголь вспыхнет ярким пламенем. Пойдет дождь, — он снова будет мерцать едва заметно до новой вспышки.

Не год назад, конечно, зародилось нынешнее освободительное движение. Его корни в глубине веков — в Новгороде и Пскове, в Запорожском казачестве, в низовой вольнице Поволжья, церковном расколе, в протесте против реформ Петра с призывом к идеализированной самобытной старине, в бунте декабристов, в деле Петрашевского, в великом акте 19 февраля 1861 года и, говоря вообще, в природе всякого человека.

Человек всегда стремится к свободе. Человек культурный — к свободе и праву: к свободе, регулируемой правом и правом обеспечиваемой.

До настоящего момента движение, охватившее общество, еще течет в русле осуществимых и разумных требований. Но зловещие признаки ужасного бурного взрыва с каждым днем все сильнее дают себя чувствовать. Положение государства критическое.

Столкновения с полицией и войсками, бомбы, стачки, события на Кавказе, волнения в учебных заведениях, аграрные вспышки и т. п. не столько важны сами по себе, сколько по их отражению на зрелых и уравновешенных слоях общества, в которых нет против них серьезного противодействия; крайние политические воззрения существуют всегда и везде. Резкие эксцессы могут причинять государству огромный вред. Но не от них зависит бытие и целость государства. Пока власть имеет опору в широких общественных слоях, мирное разрешение кризиса еще возможно.

Эта необходимая опора из-под ног правительства уходит. Законодательные акты 6 августа изменили общественное настроение весьма слабо. Они запоздали, и они не сопровождаются таким изменением в управлении, которое прямо вытекает из возвещенного преобразования. За время с 18 февраля события, с одной стороны, и вихрь революционной мысли, с другой, унесли общественные идеалы гораздо дальше. Закрывать глаза на это нельзя.

Вместо чувства удовлетворения учреждение Государственной Думы и положение о выборах выдвинули нелепую мысль о бойкоте. Она отвергнута единодушно большей частью печати и общественных собраний, в частности сентябрьским совещанием земских и городских деятелей. Но самый факт постановки и серьезного обсуждения вопроса: итти в Думу или нет — чрезвычайно знаменателен. Знаменателен и тот факт, что, отказавшись от нелепости бойкота, упомянутые деятели хотят итти в Думу прежде всего для коренного ее изменения.

Если революция реальная еще рисуется у нас, как нечто возможное в будущем, то идейная революция, несомненно, существует в настоящем. Общественная мысль поднялась над землей и безудержно рвется в облака. Еще и года не прошло, когда требование всеобщего избирательного права принадлежало одним наиболее крайним элементам общества. Теперь нет союза или газеты, которые бы его не выставляли; с противниками системы, покоющейся на чисто абстрактной логической конструкции, уже не спорят даже. То же готово повториться в отношении вопросов, которые выдвинулись попутно, хотя сами по себе неизмеримо более сложны, нежели способ, формы и условия образования, представительства — о политической равноправности женщин, о национализации земли, социалистическом переустройстве государства и т. д. Самостоятельность Финляндии и автономия Польши, даже Армении и Грузии, уже не составляют конечного идеала федералистов. Поднялись голоса в пользу провинциальной автономии вообще, т.-е. преобразования России в союз свободных самоопределяющихся федераций.

Мы переживаем время господства одних крайних идей. Осуществима ли данная идея, — на этом не останавливаются. Безудержной мысли кажется все достижимым и осуществимым легко и просто.

Такое настроение общества составляет самый опасный признак готовящегося взрыва. Ряды горячих сторонников обновления всей русской жизни, но не иначе, как путем мирной эволюции, с каждым днем редеют. Им с каждым днем становится труднее сдерживать движение.

Их положение особенно трудно потому, что им приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов и одинаково преследует, с правительством, которое в своих приемах и способах действия осталось, как было, как будто закон 6 августа не обусловливает самой коренной и радикальной перемены в способах правительственного воздействия.

Глубоко ошибочно думать, что в восьмидесятых годах движение было остановлено полицейскими мерами, применяя которые правительство нашло опору в крестьянских массах.

Пассивные крестьянские массы всегда инертны и потому надежной опорою активных мероприятий не служат и служить не могут. Полицейская же репрессия остановить идейное движение бессильна. Большее, что она может сделать, — это придавить и заглушить проявления движения во-вне, то-есть загнать болезнь во-внутрь. Преданность идее царя в народных массах, несомненно, существует. Но в народе уже произнесено слово «измена». Не зная и не понимая, где и в чем измена, народ может неудержимым потоком и во имя царя снести все, чем держится не только монархия, но и самое государство.

В 1881 и 1882 г.г. произошел поворот в самом мыслящем обществе, и правительственная реакция имела успех только потому, что ответила запросу общественного настроения.

Почему произошел поворот, — останавливаться на этом теперь не место. Нельзя лишь забывать, что в тот момент научная мысль всего мира была на нисходящей половине волны. Конституционализм подвергался суровой критике. Социалистические тенденции громко протестовали против индивидуальной свободы. Экономические проблемы заглушали правовые. Абсолютизм не встречал теоретического отрицания. Ныне, спустя двадцать лет, условия совершенно иные. Ожидать поворота в общественном сознании нельзя. Напротив, все говорит за то, что такой поворот наступить не может.

Непоследовательные и неумелые действия и неразборчивые средства, к которым прибегала администрация и которые продолжаются доныне, дали роковой результат. В обществе не недовольство только. В обществе воспиталась и растет с каждым днем злоба против правительства. Его не уважают, ему не верят. Самые благие начинания вызывают протест. Вместе с тем в обществе выросла уверенность в свое значение и в свои силы — в свою способность лишить прави-

тельство опоры и заставить капитулировать. Факты действительности ежедневно подтверждают в глазах общества бессилие, неосведомленность и растерянность власти. Запрещавшееся, без всякого очевидного основания, вчера — сегодня, также без понятного основания, разрешается. Меры суровости перемешиваются на каждом шагу с отсутствием воздействия. А на Кавказе армяне с татарами заключают мирный договор, как будто вовсе не существует общей для обеих народностей власти.

Несчастная война кончена. Но в общественном настроении ее следы неизгладимы [1]). Война для всего государственного строя — экзамен. Экзамен суровый и беспощадный. С неумолимой жестокостью она вскрыла всю ненормальность условий, при которых самодовлеющим явлением жизни является не форма правления даже, а полновластие органов подчиненного управления.

В очерченный исторический момент перед правительством лежит неимоверно трудная задача. Конкретно наметить в деталях ее разрешение невозможно. Возможно лишь установить принципы предстоящей деятельности. Важность момента обязывает установить эти принципы точно, искренне и определенно.

Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели. Также не стоит на высоте положения то правительство, которое, не имея широко поставленной цели, пассивно идет за господствующим общественным течением, ему подчиняясь и делая одну уступку за другой.

Правительство должно не фиктивно, а реально руководить страной. Только такая политика способна сделать власть твердой, и только при такой политике устанавливается нормальное взаимодействие между правительством и обществом. Общественное самосознание всегда ищет авторитета и руководительства. Анархия, как форма общественного строя, есть понятие, само себя отрицающее. Гражданская свобода необходимо предполагает правовую охрану. Правовая охрана столь же необходимо предполагает существование власти.

Руководительство требует прежде всего ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой.

Такая цель поставлена обществом, значение ее велико и совершенно несокрушимо, ибо в цели этой есть правда. Правительство поэтому должно ее принять. Лозунг «свобода» должен стать лозунгом правительственной деятельности. Другого исхода для спасения государства нет.

Ход исторического прогресса неудержим. Идея гражданской свободы восторжествует если не путем реформы, то путем революции. Но в последнем случае она возродится из пепла ниспровергнутого тысячелетнего прошлого. Русский бунт, бессмысленный и беспощадный, все сметет, все повергнет в прах. Какою выйдет Россия из бес-

---

[1]) Рукою Витте исправлено на: «не изгладились».

примерного испытания, — ум отказывается себе представить; ужасы русского бунта могут превзойти все то, что было в истории. Возможное чужестранное вмешательство разорвет страну на части. Попытки осуществить идеалы теоретического социализма, — они будут неудачны, но они будут несомненно, — разрушат семью, выражение религиозного культа, собственность, все основы права.

Как в пятидесятых годах правительство объявило освобождение крестьян своим лозунгом, так в настоящий неизмеримо более опасный момент государственная власть не имеет выбора: ей надлежит смело и открыто стать во главе освободительного движения.

Идея гражданской свободы ничего угрожающего бытию государства в себе не заключает. Напротив, последовательно проведенная в законодательство и в жизнь, она вернейшим образом обеспечивает государственное бытие, связуя граждан сознательно—реальной связью.

Освободительное движение порывает, правда, с формальным прошлым, но разве освобождение крестьян не было также отказом от векового прошлого?

Жизнь не знает непоколебимых, вечных, неизменяющихся форм. Вечно одно духовное содержание жизни. С течением времени формы становятся историческим фактом. Когда они стали только историческим фактом в общественном сознании и действительной любви и преданности к ним нет, никакие силы не удержат их видоизменения.

В 1861 г. Россия вступила на путь обновления государственных форм на началах обеспеченной гражданской свободы. Сорокалетняя затем реакция — сначала эпизодическая, потом сплошная,—несмотря на неимоверные усилия, идейного прогресса не остановила. Она лишь свернула его с прямой дороги, расколола правительство и идейно сильную часть общества на два враждебных стана и привела в тупик. В одном стане раздалось: так дальше жить нельзя. В другом — почувствовалась необходимость уступок.

Раз правительство станет во главе движения, оно сразу приобретет опору и получит возможность ввести движение в границы и в них удержать. Этого болезненно желало и ждало общество год назад. И если бы тогда желания общества были приняты, кризис, пожалуй, уже был бы разрешен.

Год идейной революции сделал свое дело. Теперь положение вещей бесконечно более тяжелое. В сознании общества границы необходимого и осуществимого расширились. Руководительство движением требует признания уже гораздо большего. Но признать и принять это большее необходимо. Каждый лишний день уносит общественную мысль все дальше и дальше. Еще немного, и она окажется унесенною в пространство безграничное, в хаос идей. Страна сама не заметит, как окажется в хаосе действий. Тогда ничто не поможет. Тогда будет поздно.

Идеалы освободительного движения суть трех родов. Во-первых, отрицательные: устранение произвола и самовластия подчиненных

властей вообще; самовластия фактического и основанного на разнообразных временных и исключительных законоположениях. Во-вторых, положительные: определенная законом и обеспеченная от произвольного нарушения свобода вероисповедания, слова, собраний и союзов и личности; равенство в правах всех подданных, независимо от национальности и происхождения. В-третьих, формальные, касающиеся государственного устройства, как гарантии достижения положительных и отрицательных идеалов.

Написать на своем знамени первые и вторые правительству тем легче, что они в сущности уже получили признание с высоты престола в указе 12 декабря 1904 года. Но написать их нужно искренне, не как вынужденные уступки, а как цель, к которой правительство поставило своей задачей стремиться само. И такое к ним отношение должно иметь явное и яркое выражение.

Идеалы третьего рода получили в господствующем общественном сознании законченную формулировку в слове «конституция» — в смысле общения царя с народом на почве разделения законодательной власти, бюджетного права и контроля за действиями администрации.

Но слово это, хотя и не признано с высоты престола, никакой [опасности] в действительности не представляет. И при представительстве с так называемым решающим голосом принцип полноты власти царя сохраняется: ни одно решение представителей не получает силы без санкции монарха. С другой стороны, закон о Государственной Думе вовсе не имеет в виду призвать к жизни учреждение, лишенное всяких прав; фактически решения Думы, например, по рассмотрению бюджета, могут стать прямо решающими. Быть может, конечно, творческая мысль создаст еще неиспытанную в истории политическую комбинацию, и русское народное представительство выльется в своеобразные формы, непохожие на существующие в других странах конституции. Это составляло всегда предмет чаяния людей, преданных русским народным идеалам, но именно для того, чтобы такой идеал мог осуществиться, его невозможно насильственно навязывать. Государственная власть должна быть готова вступить и на путь конституционный. Это слово не должно пугать и быть под запретом. Государственная власть должна искренно и явно стремиться к благу государства, а не к сохранению той или другой формы. Пусть докажут, что благо государства в конституции, — самодержавный монарх, интересы коего не могут быть отделены от блага народного, первый, без сомнения, станет на этот путь. Опасению здесь не может быть места, и надо иметь в виду и готовиться и к этому исходу.

Далее, нельзя отвергать, что положение о выборах в Государственную Думу создало искусственную систему представительства. Не подданство определяет право на участие в законодательной деятельности, а случайный факт обладания известным имущественным цензом. Целые категории граждан от выборов устранены. Крестьяне обособлены от других состояний. Для представительства рабочих

места не отведено. Реорганизация выборов также должна быть включена правительством в свою программу.

Логическая неуязвимость системы всеобщего голосования обязывает принять, как идеал будущего, именно ее, какое бы политическое значение ни получило представительство в России. Практической задачей должно быть создание условий осуществления всеобщего избирательного права.

Гораздо труднее установить отношение правительства к дальнейшим требованиям, которыми за год обросли идеалы освободительного движения Эти требования не определились окончательно и в общественном сознании. Мысль еще бродит вокруг них, пытаясь найти приемлемую формулу.

Главнейшие из таких требований суть: решение рабочего вопроса, аграрного и окраинного.

Первый не решен еще и наукой. Следовательно, в задачу правительственной деятельности могут быть включены лишь отдельные паллиативные мероприятия, сглаживающие подавление труда капиталом: нормировка рабочего дня, государственное страхование рабочих, образование примирительных камер и т. п.

Второй тоже еще далек от теоретического разрешения в полном объеме. Но, в виду исключительной важности устранения земельного голода крестьян в некоторых губерниях, наметить хотя бы в этой части средства его разрешения представляется безотлагательно необходимым. В распоряжении правительства имеются такие неиспользованные средства, как казенные земли разных наименований и Крестьянский банк. Затем, выкуп ренты, получаемой частными собственниками в виде арендной платы за землю, не может почитаться мерой совершенно недопустимою. Такая форма экспроприации частной земельной собственности находит некоторое оправдание в признании увеличения площади землевладения на началах личного земледельческого труда потребностью государственною и не многим отличается от выкупа земли, например, для проведения железной дороги.

Мысль о расчленении всей России на автономные провинции, по счастью, еще не приобрела популярности, а потому идея государственного единства в области внешних сношений, военной организации, денежной системы, таможен, налогов и сборов на общие потребности, уголовного законодательства, единого народного представительства и тому подобного может и должна быть громко провозглашена правительством.

Идее государственного единства, однако, ничуть не противоречит ни автономия десяти польских губерний, ни, быть может, Грузии и других частей Кавказа в расширенных пределах местного самоуправления. А именно, в области удовлетворения исключительно местных польз и нужд — начального и среднего образования, гражданского законодательства, низшего суда, обложения на местные потребности, содержания полицейской охраны и т. п.

Такова в главных чертах программа деятельности правительства, дабы оно с расчетом на успех могло стать во главе освободительного движения, взять его в руки и тем спасти отечество.

Возлагать чрезмерные надежды на Государственную Думу в высшей степени рискованно уже потому, что остается совершенно неизвестным, в состоянии ли будет избранная Дума удержать от насильственных действий те слои населения, которые не получили участия в выборах по закону 6 августа. Так же точно было бы рискованно предоставить Думу самой себе, особенно на первых порах.

Какой состав по политическим убеждениям и по настроению дадут предстоящие выборы, отгадать нельзя. Не только не может знать этого правительство, лишенное непосредственных впечатлений и воспринимающее сведения, преломленные чрез бумажную канцелярскую призму, но для самого живого и проницательного общественного деятеля — это загадка. Легко может случиться, что меры, коими при начертании положения о выборах имелось в виду предопределить настроение членов Думы первого призыва, — именно они дадут прямо обратный результат. Тенденциозное же вмешательство в производство выборов даст такой результат почти наверное. Нервное возбуждение и раздражение всего населения, не исключая консервативных слоев, настолько велико, что гораздо вероятнее обратное реагирование, нежели прямое [1]).

Отсюда вытекает первая ближайшая задача правительства: обставить дело так, чтобы выборы действительно производились свободно и чтобы свободное их производство было для всех ясно. Для этого необходимо, кроме категоричных указаний местным агентам власти, широкое разрешение собраний и снятие стеснений с печати во всем, что касается предвыборной агитации и борьбы.

Такое отношение к выборам особенно необходимо в тех видах, дабы поднять престиж Думы в глазах общества. И этим правительство поддержит те элементы, которые, отвергая принцип совещательного представительства, все-таки решили в Думу итти.

Из мер положительного характера, подлежащих принятию в недолгий период до созыва Думы, первое место занимают: образование министерства из лиц, пользующихся общественным уважением и, во всяком случае, искренно преданных предстоящим преобразованиям, а также преобразование государственного совета.

Совет, ныне состоящий из заслуженных сановников в значительной степени весьма преклонного возраста, необходимо поставить на высоту, по авторитету равную Думе. Искусственное сочетание выборной Думы и чисто бюрократического совета составляет несомненный недостаток реформы. Все прошлое совета, независимо от его наличного состава, исключает возможность ожидать, чтобы он проявил ту же степень самостоятельности, к которой будет естественно стре-

[1]) На полях этого абзаца поставлен карандашом знак вопроса.

миться Дума. Совет или явится послушным слугою правительства, или подчинится Думе и все ее постановления станет принимать безоговорочно. В обоих случаях он не удовлетворит своему новому назначению.

Для полного преобразования совета в верхнюю палату нет времени. Но частичная реорганизация возможна путем включения в число его членов выборных представителей от дворянства, земства, университетов и, быть может, также от духовенства. Указанную реорганизацию надлежит осуществить тем порядком, которым выработано учреждение Государственной Думы.

Предлагаемую меру подсказывает разумная и необходимая осторожность. Она хотя до некоторой степени урегулирует первые шаги совещательной и потому склонной к самым крайним неожиданностям Думы. Резко разорвать с таким советом Думе будет труднее, чем с нынешним.

Затем представляется чрезвычайно желательным органически связать Думу с правительством. Везде, где такая связь существует, она служит вернейшим залогом дружной совместной работы.

По закону же 6 августа, правительство и выборные от населения поставлены в условия, при которых между ними всегда могут возникать взаимные недоверие и конфликты. Закон не только не обязывает, чтобы министры избирались из членов Думы, но, напротив, не допускает даже подобного совмещения.

Связь в указанной форме может установиться, конечно, лишь после образования Думы. Задача же минуты — дополнить закон возможностью ее установления.

При отсутствии условий прямого руководительства, со стороны правительства на первых порах может быть применено в отношении Думы лишь руководство косвенное, известной комбинацией вносимых законопроектов. При этом, однако, должна быть соблюдаема крайняя чуткость к настроению большинства и еще бóльшая умеренность. Руководительство должно быть незаметное, основанное отнюдь не на власти, а на силе знаний, навыка и убеждения.

Делового характера работа в Думе сразу не получит, и с этим надо считаться, как с непреложным фактом. Чем более энергичны будут попытки отвлечь внимание от общих вопросов, тем вернее их постигнет неудача. В стране слишком наболели общие вопросы. Выборные придут в Думу именно для суждения о них.

Изложенная схема программы правительственной деятельности, нельзя скрывать, составляет резкий поворот в политике, которой держалось правительство в течение веков.

Ее исходные положения: исключительная опасность минуты, невозможность сохранения переживших себя традиций и отсутствие иного способа спасти бытие государства.

Наступил момент кризиса. Долг верноподданного обязывает сказать это честно и открыто. Выбора нет: или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил. Казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ними наступит дикий разгул низменных человеческих страстей.

9 октября 1905 г. Граф *Витте*.

3.

Всеподданнейший доклад [1]).

Согласно повеления вашего императорского величества сегодня состоялось под моим председательством совещание по вопросу о железнодорожных стачках, в коем присутствовали: министры — военный, путей сообщения, финансов, внутренних дел, юстиции, генерал Лобко и генерал-губернатор. Совещание пришло к следующим заключениям, которые оно письменно формулировало и уполномочило меня всеподданнейше доложить:

1) Громадная стачка железных дорог составляет грозную часть общего революционного движения в России. Следовательно, те общие меры, которые могут служить для устранения общего революционного движения, будут наиболее действительны для устранения стачки на ж. дорогах.

2) Первою мерою для борьбы со смутою есть образование однородного правительства с определенной программой, при чем правительству надлежит твердо решить, по какому неуклонному пути следует итти.

3) Вследствие недостатка войск оказывается невозможным привести забастовавшие железные дороги на военное положение (охранить войсками). Поэтому приходится ограничиться мерами частичными. Меры эти покуда должны быть нижеследующие.

4) Необходимо в столицах и по возможности в других важных пунктах обеспечить железнодорожные сооружения и служащих, исполняющих свои обязанности в пределах сих сооружений, от насильственных действий стачечников.

5) Предоставить министру путей сообщения объявить всем железнодорожным служащим, что правительством будут приняты решительные и безотлагательные меры к улучшению быта низших служащих.

6) Предоставить министру путей сообщения, по соглашению с военным министром, воспользоваться железнодорожными баталионами, находящимися в Барановичах, для восстановления движения по направлению к западной границе, и если окажется возможным, то и до одного из незамерзающих портов.

12 октября 1905 г. Статс-секретарь граф *Витте*.

---

[1]) На подлинном резолюция Николая II: «согласен».

4.

Черновик всеподданнейшего доклада Витте.

Краткий первый [1]).

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне представить на всемилостивейшее воззрение ваше мнение мое о современном положении вещей в государстве и о тех мерах, которые могут способствовать восстановлению в нем нарушенного спокойствия. Вследствие сего позволяю себе всеподданнейше представить нижеследующее:

Волнение, охватившее все [2]) слои русского общества, не может быть рассматриваемо, как следствие частичных несовершенств государственного и социального устроения или только как результат организованных действий крайних разрушительных [3]) партий. Корни этого волнения, несомненно, лежат гораздо [4]) глубже. Они в нарушенном равновесии между идейной сутью жизни [5]) русского мыслящего общества и внешними формами этой [6]) жизни. Мыслящая [7]) Россия переросла форму существующего строя. Политически достаточно воспитанная [8]), она тянется [9]) к строю прав[ов]ому на основе широкой [7]) гражданской свободы. Во всяком случае [8]) внешние формы русской жизни должны быть поставлены в уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей [10]). Но самое выяснение этой идеи, составляя первую задачу правительства, не может быть достигнуто без [11]) осуществления теперь же, впредь до законодательной санкции [12]) Государственной Думы, основных элементов прав[ов]ого строя: свободы печати, совести, собраний, союзов и личной неприкосновенности при равенстве без различия веры и национальности перед законом [13]).

---

[1]) Помета Вуича карандашом.

[2]) Рукою Вуича зачеркнуто: «все» и написано: «разнообразные».

[3]) Слово: «разрушительных» зачеркнуто.

[4]) Слово: «гораздо» зачеркнуто.

[5]) Слова: «сутью жизни» зачеркнуты рукою Витте и переправлены на: «идейными стремлениями».

[6]) Исправлено на: «его».

[7]) Зачеркнуто.

[8]) Зачеркнуто с начала фразы.

[9]) Исправлено на «стремится».

[10]) Вся фраза переставлена рукою Вуича следующим образом: «В уровень с одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внешние формы русской жизни».

[11]) Зачеркнуто с начала фразы и переделано следующим образом: «Первую задачу правительства составляет стремление к осуществлению».

[12]) Вставлено: «через» и испр.: «Государственную Думу». На полях зачеркнута пометка Вуича: «Вы изволили ранее предполагать сказать здесь лишь о предвыборном времени».

[13]) Со слов «при равенстве» зачеркнуто и на полях зачеркнута помета Вуича: «еврейский вопрос» и вставка Витте: «Укрепление этих важнейших сторон политической жизни общества должно последовать путем нормальной законодательной разработки, наравне с вопросами, касающимися уравнения перед законом всех подданных в. и. в., независимо от вероисповедания и национальности».

Я разумею [1]), что предоставление населению таких [2]) прав гражданской свободы должно сопутствоваться законным ограничением ее для твердого ограждения прав третьих лиц, спокойствия и безопасности государства. Следующей задачей правительства является установление таких учреждений и таких законодательных норм, которые бы [3]) соответствовали бы выяснившейся политической идее благоразумного [4]) большинства русского общества и давали положительную гарантию в неотъемлемости дарованных благ гражданской свободы. Задача эта сводится к устроению правового порядка. Соответственно такому порядку [5]), экономическая политика правительства должна быть всецело [6]) направлена ко благу широких народных масс. Интересы меньшинства должны склоняться перед интересами большинства [7]). Но, само собою разумеется, служение этой цели должно быть обусловлено [8]) ограждением имущественных и гражданских прав, признанных во всех культурных странах.

Намеченная здесь в самых общих чертах программа для успешного осуществления своего требует огромной [9]) законодательной работы и длительного административного устроительства. Надлежит помнить, что [10]) между выраженным с наибольшей искренностью принципом и осуществлением его в законодательных нормах, а в особенности привитием [11]) сих норм к нравам [12]) общества и приемам [13]) правительственных агентов, лежит время, в лучшем случае измеряемое годами [14]). Принципы правового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Со дня на день приуготовить страну со 135-миллионным [15]) населением, воспитанным на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не по силам никакому правительству, даже поддержан-

---

[1]) Исправлено на: «Само собой разумеется».

[2]) Зачеркнуто.

[3]) Зачеркнуто «бы».

[4]) Зачеркнуто.

[5]) Зачеркнуто и исправлено на: «Соответственно целям водворения в государстве спокойствия и безопасности».

[6]) Зачеркнуто.

[7]) Со слов «Интересы меньшинства» зачеркнуто и восстановлено. На полях полустертая пометка Вуича: «В столь краткой форме мысль эта едва ли вполне ясно выражается».

[8]) Фраза зачеркнута и связана с предыдущей поправкой: «разумеется с».

[9]) Фраза зачеркнута и исправлена так: «Намеченные здесь в нескольких словах основания правительственной деятельности для полного осуществления своего требуют значительной».

[10]) Начало фразы зачеркнуто.

[11]) Исправлено на: «проведением сих».

[12]) Исправлено на: «в нравы».

[13]) Исправлено на: «приемы».

[14]) Зачеркнуто со слова: «лежит» и исправлено так: «должно пройти надлежащее время».

[15]) Вставлено: «разнородным», и на полях вставка Вуича: «и об обширнейшей администрации».

ному общественным мнением [1]). Вот почему я убежден [2]), что далеко недостаточно еще [3]) власти выступить с лозунгом гражданской свободы. Чтобы водворить в стране порядок, нужны труд, твердость и осмотрительность. Нужно главное — время [4]).

В ряду ближайших мероприятий правительства являются такие действия, которые наиболее соответствуют потребностям переживаемого смутного времени, — действия, свидетельствующие о твердости, последовательности и быстроте принимаемых решений [5]). На практике это осуществимо лишь при однородности [6]) состава правительства и однородности [7]) преследуемой им цели. Но [8]) министерство, составленное [9]) из лиц одинаковых политических убеждений, должно еще приложить все старания, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всех агентов власти от высших до низших. Заботой такого кабинета впредь до открытия законодательной сессии Государственной Думы [10]) должно быть практическое водворение в жизнь вышенамеченных [11]) стимулов гражданской свободы. Работа эта не должна быть формальной. Особые свойства времени и приподнятое настроение умов [12]) требуют от власти приемов, быть может, еще не практиковавшихся в России, но во всяком случае [13]) свидетельствующих об искренности и прямоте ее намерений. С этой целью правительство должно выставить [14]) себе лозунгом [15]) полное невмешательство в выборы в Государственную Думу и [16]) искренное стремление к осуществлению мер, указанных указом 12 декабря.

В отношении к будущей Государственной Думе заботой правительства должно быть поддержание ее престижа, доверия к ее работам и [17]) подобающего сему учреждению значения в глазах высшей госу-

---

[1]) Со слова «даже» зачеркнуто.

[2]) Зачеркнуто: «я убежден».

[3]) Зачеркнуто: «еще».

[4]) Со слова «и осмотрительность» зачеркнуто и исправлено так: «неослабевающая твердость и последовательность».

[5]) Зачеркнуто с начала фразы и исправлено на: «Переживаемое смутное, трудное время требует действий правительства», затем поправка и вся фраза вычеркнуты.

[6]) Зачеркнуто с начала фразы и исправлено: «Для осуществления сего необходимым условием является однородность».

[7]) Зачеркнуто и исправлено на: «единство».

[8]) Вставлено рукою Вуича: «и».

[9]) Вставлено рукою Вуича: «по возможности».

[10]) Со слов «такого кабинета» зачеркнуто и вставлено: «правительства».

[11]) Слова: «выше намеченных» зачеркнуто и исправлено «на главных».

[12]) Со слов «Работа эта» зачеркнуто и вставлено: «Положение дела».

[13]) Со слов «быть может» зачеркнуто.

[14]) Исправлено на: «поставить».

[15]) Слова: «себе лозунгом» зачеркнуты и исправлено: «себе непоколебимым принципом».

[16]) Вставлено «между прочим».

[17]) Вставлено «обеспечение».

дарственной власти. Никаким образом [1]) правительство не должно явиться элементом противодействия решениям Думы, поскольку эти решения не будут [2]) коренным образом расходиться с задачами и обязанностями власти [3]). Правительство должно руководиться мыслью [4]), высказанной вашим императорским величеством в манифесте об образовании Государственной Думы, что положение о Думе подлежит дальнейшему спокойному [5]) развитию в зависимости от выяснившихся несовершенств и запросов времени. Правительству надлежит выяснить и установить эти запросы, поскольку они соответствуют [6]) господствующей в большинстве общества идее, или являются отголоском крикливых [7]) требований отдельных кружков. Удовлетворение последних требований немыслимо главным образом потому [8]), что они ежедневно растут и [9]) меняются. Но удовлетворение желаний покойных и [10]) широких слоев общества путем той или иной формулировки гарантий гражданского правопорядка необходимо.

Весьма важно сделать реформу государственного совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этом условии можно ожидать нормальных отношений между этим учреждением и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнейших мероприятий, которые должны находиться в зависимости от обстоятельств, я полагаю, что деятельность власти на всех ступенях должна быть охвачена следующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность в утверждении на всех поприщах и при всех обстоятельствах [11]) даруемых населению благ гражданской свободы [12]).

2. Уничтожение [13]) исключительных законоположений.

3. Согласование действий всех органов правительства.

---

[1]) Зачеркнуто со слов: «в глазах».

[2]) Вставлено рукою Вуича: «что невероятно».

[3]) Слова: «с задачами и обязанностями власти» зачеркнуты и вставлено «величием России, достигнутым тысячелетней ее историей».

[4]) Слова: «руководиться мыслью» зачеркнуты рукою Вуича, и исправлено: «следовать мысли».

[5]) Зачеркнуто.

[6]) Слова: «поскольку они соответствуют» зачеркнуты, и исправлено: «руководствуясь, конечно».

[7]) Со слов «или являются отголоском крикливых» исправлено на «а не отголосками, хотя бы и резко выраженных».

[8]) Слова: «последних требований немыслимо главным образом» зачеркнуты и исправлено: «которых невозможно уже потому».

[9]) Зачеркнуто: «ежедневно растут и», исправлено: «постоянно».

[10]) Зачеркнуто: «покойных и».

[11]) Зачеркнуто: «и при всех обстоятельствах».

[12]) Вставлено: «и установление гарантий сей свободы».

[13]) Зачеркнуто: «Уничтожение», исправлено: «Стремление к устранению».

4. Уничтожение [1]) репрессивных мер против действий, явно не угрожающих обществу и государству, и

5. Стремление бороться с действиями [2]), явно угрожающими обществу и государству, опираясь на закон и в духовном единении с благоразумным большинством общества.

Я верю [3]) в политический такт русского общества. И я убежден, что оно не [4]) может стать на сторону [5]) анархии, угрожающей, помимо всех ужасов дикого разгрома, государственным [6]) расчленением и подчинением России иноземцам [7]).

5.

Записка Вуича [8]).

21 сентября уехал на Кавказ управляющий делами комитета министров бар. Нольде, вследствие чего во временное исправление должности его вступил помощник управляющего Вуич, на обязанность которого упадал поэтому и доклад всех комитетских дел председателю комитета, графу С. Ю. Витте. Граф был все время чрезвычайно озабочен и несколько раз в разговоре возвращался к тому, насколько плохо внутреннее наше положение и что представляется неизбежным или ввести повсюду военное положение, или даровать настоящую конституцию. При этом С. Ю. высказывал, что принятие каких-нибудь разрозненных мер не даст благоприятных результатов, в частности же репрессии против печати бесполезны, так как немедленно усилится подпольная пресса. 6 октября председатель поручил составить всеподданнейший доклад в том смысле, чтобы впредь до рассмотрения совещанием графа Сольского проекта о преобразовании комитета министров установлены были временные полномочия председателя комитета по объединению деятельности министров, при чем С. Ю. просил с составлением этого доклада торопиться.

На другой день председатель занимался подробным рассмотрением представленного ему проекта, 8-го же октября вечером передал

---

[1]) Зачеркнуто: «Уничтожение», и исправлено: «Устранение».

[2]) Зачеркнуто: «Стремление бороться с действиями», и исправлено рукою Витте: «Противодействие», рукою Вуича: «действиям».

[3]) Зачеркнуто: «Я верю», и вставлено: «Само собой разумеется, что осуществление поставленных выше задач (другой зачеркнутый вариант: «осуществление вышеизложенных моих убеждений возможно лишь в том случае, если») возможно лишь при широком и деятельном содействии общества и при соответствующем спокойствии, которые позволят направить силы (другой, зачеркнутый вариант: «дает возможность правительству») к плодотворной работе. Я хочу верить».

[4]) Зачеркнуто: «И я убежден, что оно не», исправлено: «Не может быть, чтобы русское общество желало».

[5]) Зачеркнуто: «стать на сторону».

[6]) Зачеркнуто: «дикого разгрома государственным», исправлено: «борьбы».

[7]) Зачеркнуто: «и подчинением России иноземцам», и вставлено рукою Вуича: «государства».

[8]) Заголовка в подлиннике нет.

для прочтения и для распоряжений о переписке к следующему утру обширную записку, заключавшую в себе разъяснение его взгляда на способы успокоения страны с выводом о необходимости перехода к конституционному образу правления. На следующий день утром записка, переписанная, была представлена председателю. В происшедшем при этом разговоре, на замечание помощника управляющего, с какой быстротой события привели к предположению о введении конституции, С. Ю. с горячностью заметил, что за последнее время последовали Мукден, Цусима; что закрыто было сельско-хозяйственное совещание, к которому имели отношение либеральные элементы, теперь ищущие иного выхода; что он пришел к убеждению о совершенной неотвратимости предлагаемого им средства. Затем председателем дано было поручение составить краткий по этой записке всеподданнейший доклад, который мог бы быть в случае надобности напечатан. В течение 9 октября записка была председателем несколько изменена [1]) во вступительной части включением указания, что доклад составлен по приказанию и указаниям его величества. Вместе с тем в конце записки было добавлено, что, может быть, есть и другой исход — итти против течения, но это надо сделать решительно и систематически; С. Ю. сомневается в успехе этого, но он может и ошибаться; во всяком случае, за выполнение всякого плана может взяться только человек, который в него верит. 10 октября председатель ездил к государю и, вероятно, тогда же оставил его величеству свою записку. После того занимались уже только кратким всеподданнейшим докладом; он еще переделывался и 13 октября вечером окончательно был прочитан председателем. С. Ю. сказал, что едет на другой день к государю, и пригласил Вуича его сопровождать на пароходе. 14 октября погода была неимоверно скверная, — снег с дождем, и пароход изрядно качало. Дорогою перечитывали еще раз доклад, и С. Ю. говорил, что он не может принять должность председателя совета, если доклад этот не будет утвержден. Говорили также о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть не вплавь. С. Ю. поехал с пристани прямо во дворец, где оставался до часу, затем приехал завтракать в приготовленное помещение и говорил, что мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырывать согласие и потому предложил вернуться еще раз во дворец. Со второй аудиенции С. Ю. возвратился на пароход после 5-ти часов, так что назад ехали в темноте. Положение оставалось то же самое, и решение отложено до завтра. 15 октября опять поехали около 9-ти час. утра. На пароходе был бар. Фредерикс и князь Алексей Оболенский; оказалось, что князь привез с собой проект манифеста, о котором до того от председателя ничего слышать не приходилось. Стали читать проект. Вступление весьма красноречивое, но предсе-

[1]) В тот же день она была вновь переписана и в 2-х экземплярах представлена председателю. (Прим. подлин.).

датель говорит: да это несущественно, а вот что у вас вышло в пунктах. Первый пункт оказался о свободах; предполагалось сказать в роде того, что на правительство возлагается обязанность немедленно выработать и в определенный срок представить государю проект законов о свободе собраний и проч. Далее следовал пункт о расширении выборных прав, а затем говорилось о рабочих. От последнего пункта князь тут же немедленно, в виду замечания председателя, отказался. Стали затем пробовать сгладить редакцию первых пунктов, и в то же время у одного из присутствующих явилась мысль, нельзя ли связать эти меры с указом 12 декабря 1904 г., как продолжение этого указа. Из попытки этой ничего в ту минуту не вышло, а так как в эту минуту подходили уже к пристани, то решили пока только установить в общих чертах содержание пунктов манифеста; наметили три таких пункта (два предложенных князем А. Д. и третий — о полномочиях Государственной Думы), и все это вкратце было отмечено на особом листке.

При этом С. Ю. сказал, что можно писать и коротко, так как все это разъяснено во всеподданнейшем докладе. Все разговоры и предложения никаких особых возражений со стороны присутствовавших не вызывали. Затем было решено, что, пока С. Ю. будет во дворце, бывшие с ним лица попробуют составить окончательный проект манифеста.

К возвращению С. Ю. из дворца в приготовленное для него помещение проект был уже составлен. При этом первоначальный черновой проект князя А. Д. остался как-то в стороне, а руководились при составлении нового проекта заметками, сделанными на пароходе.

С. Ю. приехал из дворца около часу, говоря, что дело еще окончательно не решено, но что можно и подождать день или два. Князь А. Д. взволнованно доказывал нежелательность этого, в чем был поддержан и другим слушателем. Затем проект был прочитан Сергею Юльевичу.

Первый пункт о свободах казался составленным ясно в том смысле, что государь решил даровать свободы, а введение их составит ближайшую задачу правительства. Эта часть проекта при чтении ни с чьей стороны никаких замечаний не вызвала, а затем подробно говорили о двух последующих пунктах, при чем кн. Оболенский высказывался против дальнейших изменений приготовленного проекта, так как это вызывало бы только излишнее промедление. Тем не менее долго говорили об этих пунктах. Обсуждалось, расширить ли выборы только по отношению рабочих, или также и других частей населения, не получивших избирательных прав. С. Ю. решил, соглашаясь с кн. Оболенским, поставить вопрос шире; при этом слова о неприостановлении выборов вызывали у него сомнение, так как, может быть, нельзя будет обойтись без приостановки при переделке закона, но окончательно согласился их поставить, так как по существу дела откладывать выборы не представлялось желательным. По пункту о законодательной власти Думы останавливались на том, не слишком ли решительны

выражения этого пункта, но затем признали, что они соответствуют смыслу всеподданнейшего доклада. Поехал С. Ю. вторично во дворец к 3 часам и, возвратившись затем на пароходе после 5 час., говорил, что во дворце происходило совещание с участием вел. кн. Николая Николаевича, бар. Фредерикса и ген. Рихтера. Вел. князь сначала говорил за строгие меры, но потом присоединился решительно к мыслям С. Ю., так же, как и Рихтер. Его величество окончательно сказал: «если я соглашусь, то дам вам знать вечером». В тот же день председатель никакого уведомления более не получал и в 10 час. вечера говорил, крестясь, что, очевидно, бумаг ждать нечего и он освободится от всего этого дела, так как оказалось, что в 6 час. к государю были вызваны Горемыкин и Будберг и оттого, вероятно, и днем не был дан решительный ответ. 16 октября никаких новых сведений не было. 17-го утром выяснилось, что накануне и в течение ночи шли переговоры о том, чтобы всеподданнейшего доклада С. Ю. вовсе не распубликовывать, а редакцию манифеста изменить в том смысле, чтобы не упоминать о предстоящей деятельности «правительства» по осуществлению намерений государя, а прямо объявить о даровании реформ от имени его величества. С. Ю. не счел возможным на это согласиться. Днем на пароходе «Нева» С. Ю. отправился в Петергоф, поехал прямо к его величеству и привез из дворца подписанный манифест и утвержденный всеподданнейший доклад. На обратном пути С. Ю. высказывал мнение, что если удастся дотянуть до собрания Думы, тогда все спасено, а если невозможны будут выборы, то ручаться ни за что нельзя.

20 октября по распоряжению председателя было составлено и опубликовано в «Правительственном Вестнике» правительственное сообщение, в котором объяснялось, что осуществление указанных в манифесте 17 октября реформ требует законодательных определений и ряда административных мер; до того прежние законы должны действовать.

Николай Вуич.

31 декабря 1906 г.

6.

Дневник князя А. Д. Оболенского [1])

Октябрь 1905 года будет отмечен будущим русским летописцем, как исторический месяц, в течение которого произведена была первая реальная попытка пойти навстречу необходимости (в высших сферах еще в то время не вполне сознанной) совершить последний шаг по пути реформ и обновления русской жизни, начатых еще в царствование импер. Александра II.

---

[1]) Заголовок сделан рукою Витте, при чем сперва им было написано «Записка» вместо слова «Дневник».

Обстановка, среди которой в эти исторические дни чувствовало себя русское общество, была скорбная, тяжелая, угнетающая. Неудачно веденная война обнаружила несовершенства государственного механизма во всей их болезненной правде. Зароненное в среду неудовлетворенного, разочарованного, оскорбленного в самом скромном честолюбии общества, неудовольствие это стало концентрически расти и захватывать все классы населения, каждый разно и по-своему толковавшие о причинах наших внешних и внутренних неудач.

Почва эта являлась благоприятным рассадником для тех лиц, которые, с интернациональными идеями разнообразных оттенков, ставили целью своих мыслей и действий вызвать, в какой удастся форме, смуту в России, пользуясь которой, ниспровергнуть существующий, мало кого удовлетворяющий государственный порядок. Вся эта сложная, многопричинная и многообразная эволюция общественной мысли выразилась в забастовках, открытых смутах, грабежах, политических убийствах и насилиях, на глазах безучастного и скорее враждебно к правительству настроенного русского общества.

Сознание ненужности безотрадно веденной, жестокой и неудачной войны с Японией находило некоторое успокоение в той мирной победе, которая была одержана в Портсмуте, когда, так или иначе, с относительно ничтожными жертвами, прекратилось безрезультатное кровопролитие, грозившее нам, к довершению бед, потерею Владивостока, Камчатки и прилегающих к Сибири островов на море, господство на котором всецело перешло в руки японцев.

Общество под впечатлением этого акта запоздавшей государственной мудрости облегченно вздохнуло, и имя человека, приобревшего для своего отечества мир внешний, естественно, приходило на мысль перед задачею внутреннего успокоения и наделения государства прочным внутренним миром.

Председатель комитета министров ст.-секр. гр. Витте, утомленный нравственно испытанными напряжениями, вернулся в Россию и, принявшись за повседневную работу, с первых шагов столкнулся с отголосками внутреннего хаоса и того настроения, которые настоятельно требовали энергичного и неотложного разрешения. В первых же заседаниях комитета министров и в отдельных совещаниях у гр. Сольского резко определилась необходимость внести в государственную работу свежую струю, приступив к основным преобразованиям всего правительственного механизма.

6 октября С. Ю. Витте пишет государю императору письмо, в котором всеподданнейше испрашивает разрешение прибыть в Новый Петергоф для доклада некоторых своих соображений в связи с происходившими уже в то время открытыми политическими демонстрациями, многочисленными митингами и собраниями общественных деятелей и общим неустройством, принявшим острый характер явно враждебных правительству манифестаций и политической забастовки. Желез-

ные дороги бездействовали, сообщение с Новым Петергофом поддерживалось лишь пароходами по Неве.

8 октября был получен высочайший ответ: государь имп[ератор] писал гр. Витте, что и сам он думал вызвать его к себе для обмена мыслей по вышеупомянутым вопросам, и просил гр. Витте прибыть в Петергоф на другой день, к 6-ти часам вечера.

В пятницу, 8 октября, вечером гр. С. Ю. Витте, при участии помощн. упр. ком. мин. д. с. с. Вуича, составил программу намеченных реформ, с изложением в общих чертах, по пунктам, тех давно назревших у него данных, которые должны были в известной постепенности лечь в основу работы и политики будущего совета министров.

Казалось, что, выступая с такой программой, гр. Витте, стоя во главе министерств, мог рассчитывать удовлетворить и успокоить благомыслящую часть русского общества.

9 октября к 6-ти часам вечера гр. Витте отправился в Петергоф на пароходе и, будучи принят его величеством, доложил государю императору, что из настоящего тяжелого внутреннего положения правительству, по его мнению, представляются два выхода:

1) Облечь неограниченною диктаторскою властью доверенное лицо, дабы энергично и бесповоротно в самом корне подавить всякий признак проявления какого-либо противодействия правительству, хотя бы ценою массового пролития крови.

Для такой деятельности гр. Витте не считал себя подготовленным.

2) Перейти на почву уступок общественному мнению и предначертать будущему кабинету указания вступить на путь конституционный; иначе говоря, его вел[ичество] предрешает дарование конституции и утверждает программу, разработанную гр. Витте.

Последний счел своим нравственным долгом обратить особое внимание госуд[аря] имп[ератора] на всю важность принимаемого решения, сопряженного с некоторым самоограничением, при чем возврат к прежнему порядку оказался бы немыслимым.

Вследствие этого гр. Витте просил государя до принятия окончательного решения обсудить в особом совещании этот вопрос, привлекши к совещанию этому противников предлагаемого направления, мнения которых с достаточною ясностью определились в бывших за последнее время заседаниях и совещаниях.

Если же государю угодно было все-таки согласиться на предлагаемую программу, то не стеснять гр. Витте в выборе сотрудников, предоставив ему право распределения портфелей даже среди общественных деятелей. Далее гр. Витте, указывая на важность принимаемого решения, когда одним почерком пера изменялся весь государственный строй, и на серьезность намечаемого добровольного самоограничения прав, испрашивал пригласить на совещание ее величество государыню импер[атрицу] и великих князей.

На другой день, 10 октября, гр. Витте был вновь приглашен в Петергоф, где повторил все сказанное накануне в присутствии только ее величества и оставил свою программу.

Прошли 11 и 12 октября, и наступила среда, 13 октября. За это время составленная гр. Витте программа подвергалась деятельному и влиятельному обсуждению лиц приближенных, а также имевших доклад у государя. В результате в среду, 13 октября, гр. Витте получил депешу от госуд[аря] приблизительно следующего содержания: «Назначаю вас председателем совета министров для объединения деятельности всех министров». О программе не упоминалось вовсе.

Получив такого рода депешу, гр. Витте справедливо заключил, что программа, им представленная, не принята и не утверждена, после чего в этот же день им написано было письмо государю, в котором он изложил [1]), что нравственно не считает для себя возможным исполнить высочайшее повеление сделаться первым министром до утверждения его программы, но вместе с тем подтверждал еще раз необходимость программу эту всесторонне обсудить в совещании лиц, которых госуд[арю] угодно было бы привлечь для этой цели, и что с каждым днем внутреннее положение ухудшается, вызывая неотложную необходимость притти к тому или иному решению.

Его величество по получении означенного письма [2]) призвал кн. Орлова (гр. Гейден находился в отпуску) для отдачи ему приказаний относительно приглашений на совещание для обсуждения программы гр. Витте.

По указанию его величества был составлен список лиц, имеющих быть приглашенными, и предрешено было, что одну только программу гр. Витте утверждать нельзя, но что для надлежащего уяснения, что все в ней изложенное исходит лично от государя, содержание ее необходимо облечь в форму манифеста.

На обсуждение программы приглашены были: вел. кн. Николай Николаевич, ген.-ад. барон Фредерикс, ген.-ад. Рихтер, гр. Витте, ст.-секр. Горемыкин и бар. Будберг. После этого кн. Орлову передано было через камердинера приказание его величества, дабы гг. Горемыкин и Будберг были бы доставлены в Петергоф на отдельном пароходе, в самом заседании не участвовали бы и ожидали бы дальнейших приказаний во дворце.

В ответ на свое письмо от вечера 12 октября о невозможности без рассмотрения и утверждения его программы исполнить высочайшее повеление [3]) гр. Витте получил из Петергофа уведомление, что 15 октября в 11 час. утра назначено у его вел[ичества] особое совещание, на которое приглашается и он. Ему предложено также привести с собою проект

---

[1]) Со слов «не утверждена» зачеркнуто Витте и им же написано: «и 14-го ездил в Петергоф и доложил его величеству».

[2]) Исправлено Витте: «после доклада графа Витте».

[3]) Эта фраза зачеркнута Витте и им написано: «затем».

манифеста, дабы все намеченное им вывести из области одних обещаний в область государем утвержденных фактов.

Гр. Витте первоначально решил в своей программе изменить редакцию вступления, в смысле более ясного подтверждения, что программа эта выработана по повелению и личному указанию его величества. Полагал, однако, что облечь программу в эту форму манифеста и трудно и, может быть, преждевременно.

Однако случайно здесь находившемуся кн. А. Д. Оболенскому гр. Витте предложил попытаться за ночь составить проект манифеста и на другой день, 15 октября, сопровождать его в Петергоф вместе с д. с. с. Буичем.

В субботу, 15 октября, в 11 час. утра, в Петергофе под председательством государя началось совещание, на котором присутствовали: вел. кн. Николай Николаевич, ген.-ад. барон Фредерикс, ген.-ад. Рихтер и гр. Витте.

Вел. кн. Николай Николаевич испросил разрешение задавать вопросы гр. Витте в виду своего незнакомства с предметом и спрашивать объяснение того, что ему покажется неясным.

В заседании этом гр. Витте, обрисовав в общих чертах общее положение России, как оно ему представлялось в эти дни, останавливаясь с особенным вниманием на том факте, что даже умеренные элементы русского общества заявляют себя, — если не активно, то пассивно, — против правительства и что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: 1) диктатура или 2) вступление на путь конституции, при чем доложил, с нужными пояснениями, все пункты своей программы.

В основу программы этой, как окончательная цель, легли: а) законодательные права для Госуд[арственной] Думы и б) свобода евреев [1]).

Вел. кн. Николай Николаевич неоднократно прерывал докладчика, дабы яснее усвоить себе отдельные подробности доложенного. Заседание затянулось до часа дня, и государь приказал сделать перерыв до $2^1/_2$, предложив к этому часу представить и проект манифеста, несмотря на то, что гр. Витте еще раз доложил, что программа менее свяжет государя и что лучше было бы манифеста не составлять, так как в нем изложить всю сущность программы было бы затруднительно.

В 3 часа дня заседание возобновилось. Гр. Витте несколько запоздал, корректируя проект манифеста, который и подвергся обсуждению. Присутствующие не возражали, но гр. Витте просил еще раз государя не решаться на подписание столь серьезного государственного акта, не уяснив всестороннего его значения, в виду чрезвычайной государственной важности делаемого шага и вероятности, что даже после этого успокоение может наступить не сразу.

---

[1]) Витте оба пункта изменяет так: а) дарование избирательных прав для Гос. Думы и б) дарование свободы слова, совести и неприкосновенности личности.

Его вел[ичество] отпустил всех, положил проект манифеста в стол и поблагодарил гр. Витте, сказав, что помолится богу, еще подумает и скажет ему, решится ли он на этот акт, или нет. По отъезде гр. Витте, государь приказал ген.-ад. бар. Фредериксу призвать ст.-с. Горемыкина и Будберга, ожидавших в Петергофе, и передать им на рассмотрение этот манифест. Оба тотчас приступили к его обсуждению и нашли его не соответствующим. Горемыкин [1]) принципиально не соглашался с необходимостью такого акта, а бар. Будберг главным образом критически отнесся к формальной стороне самого изложения манифеста, находя таковое недостаточно хорошо редактированным. Ст.-секр. Горемыкин согласился помочь в редактировании нового проекта.

В это время гр. Витте случайно осведомлен был, что проект его манифеста обсуждается без него, и, опасаясь, что такой манифест мог бы быть подписан государем и что он, гр. Витте, принужден будет в силу обстоятельств принять его к исполнению и руководствоваться изложенными в нем видоизменениями ст.-секр. Горемыкина и бар. Будберга, телефонировал бар. Фредериксу и дворц. ком. кн. Енгалычеву, прося их доложить его величеству о том, что он ходатайствует об изменениях, сделанных в его редакции, поставить его в известность или же предложить авторам изменений стать во главе дела.

Из Петергофа было отвечено, что сделанное в манифесте изменение незначительно и лишь редакционное.

Гр. Витте просил все-таки изменения эти, предварительно подписания, передать ему на прочтение.

В воскресенье, 16 октября, по Петербургу распространился слух, обсуждавшийся в различных кружках, что проект государственных преобразований, представленный гр. Витте, не одобрен, а утвержден и принят другой проект члена госуд. совета Горемыкина; слухи эти в общей их сложности произвели угнетающее впечатление.

16 октября, вечером (после предварительного предупреждения по телефону), около полуночи, к гр. Витте приехали ген.-ад. бар. Фредерикс со своим начальником канцелярии ген.-майор. А. А. Мосоловым.

Бар. Фредерикс извинился перед гр. Витте, сообщив, что манифест изменен не в редакционном только отношении, как он это сообщил, но и по существу, и просил гр. Витте согласиться принять манифест в этом измененном виде к исполнению, так как измененный манифест заключал в себе, по его мнению, больше уступок, чем проектированный гр. Витте.

Ознакомившись с новой редакцией манифеста, гр. Витте усмотрел, что между проектом, представленным им, и проектом, ему привезенным, различие по существу сводилось к следующему: 1) В проекте гр. Витте определенно говорилось, что его величеству благоугодно повелет своему правительству озаботиться проведением в жизнь его неуклон-

---

[1]) Вставлено рукою Витте: «чл ен гос. совета».

ною волею предначертанных реформ; в проекте, привезенном бар. Фредериксом, те же пункты уже определены как даруемые. 2) О праве на законодательный почин со стороны Государственной Думы в этом последнем проекте не упоминалось вовсе.

При этом гр. Витте еще раз просил бар. Фредерикса испросить у государя императора не печатать пока манифеста, а лишь утвердить и обнародовать одну программу с теми изменениями, которые в ее вступлении уже сделал сам гр. Витте, относя все в ней изложенное к инициативе, указаниям и воле его величества.

Бар. Фредерикс ответил, что вопрос о том, что настоящая реформа должна быть возвещена населению манифестом, решен бесповоротно.

В заключение гр. Витте заявил бар. Фредериксу, что он ясно сознает, что со стороны его величества в основу отношения к нему, несмотря на все внимание государя императора, несомненно легло чувство некоторого недоверия, что при наличии такого серьезного фактора совместная государственная работа крайне затруднится и что, быть может, было бы целесообразнее оставить самую цель о назначении его первым министром, а для объединения министров избрать одного из авторов измененного манифеста, при чем просил довести до сведения его величества о своей готовности и в этом случае — на второстепенном посту — послужить общему делу.

Высказанное гр. Витте предположение имело за собою несомненное основание, так как ближайшие к государю лица не верили в искренность гр. Витте и были убеждены, что он в своих честолюбивых намерениях стремится быть президентом Российской республики и что в предвидении возможности такого факта находит себе объяснение та выдающаяся ласка и любезность, предметом которой сделался граф Витте при возвращении из Портсмута со стороны германского императора Вильгельма II, прозревшего в нем будущего русского республиканского президента.

На другой день, 17 октября, в 9 ч. утра, бар. Фредерикс отправился с докладом к государю императору.

Результатом этого доклада было немедленное приглашение туда же вел. кн. Николая Николаевича и гр. Витте; последний мог прибыть лишь к $4^1/_2$ часам дня.

Вел. кн. Николай Николаевич, проникшись основательностью данных гр. Витте объяснений, выразил свое полное сочувствие проекту гр. Витте и доложил о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

Вел. кн. и бар. Фредерикс были приняты государем раньше приезда гр. Витте, при чем тут же решено было, что его величество подпишет манифест, составленный гр. Витте, и утвердит программу, представленную им. В канцелярии мин. имп. двора, временно переведенной в Петергоф, приказано было приступить к переписке манифеста.

В 6 часу вечера работа эта была закончена. Гр. Витте, уже прибывший из Петербурга, поехал в Александрию, и в его присутствии государь имп[ератор] подписал манифест и утвердил программу.

Таким образом, не без некоторой борьбы, колебаний и сомнений государю угодно было вернуть Россию на покинутый ею в силу разнообразных внутренних и внешних обстоятельств путь реформ и завершить великое дело своего августейшего деда.

При обратном возвращении в Петербург на палубе парохода находился вел. кн. Никол. Никол. Он казался веселым и довольным.

Обратившись к гр. Витте, его высочество заметил: «Сегодня 17 октября и 17 годовщина того дня, когда в Борках была спасена династия. Думается мне, что и теперь династия спасается от неменьшей опасности сегодня происшедшим историческим актом».

7.

Справка об манифесте 17 октября 1905 г.

В виду вспыхнувшей в сентябре и начале октября 1905 года, после продолжавшегося уже несколько лет сильного брожения и политических убийств, резкой смуты во всех частях России, в особенности в Петербурге и некоторых больших городах, 6 октября 1905 года председатель комитета министров граф Витте всеподданнейше испрашивал, не угодно ли будет его величеству принять его и выслушать соображения о современном крайне тревожном положении. Это он сделал по настоятельнейшей просьбе председателя государственного совета графа Сольского. 8 октября его величество соизволил написать графу Витте, что он сам имел в виду его вызвать, чтобы переговорить о настоящем положении вещей, и повелел прибыть на другой день, 9 октября, к 6-ти часам вечера.

9 октября председатель комитета имел счастье явиться к его величеству и представить наскоро составленную всеподданнейшую записку, в которой он излагал, как он смотрит [1]) на положение дела. Вместе с тем он всеподданнейше доложил его величеству, что, по его мнению, может быть два выхода: или стать на путь, изложенный в словесно им доложенной [2]) записке, или облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях. Для такой задачи нужно выбрать человека решительного и военного, и он думает, что первый путь более дело [у?] [3]) соответственный [4]), но очень может быть,

---

[1]) Рукою Витте карандашом исправлено: «свой взгляд».

[2]) Исправлено: «указываемый в записке, в то же время словесно им доложенной».

[3]) В подлинном ошибочно стоит: «дело».

[4]) Исправлено: «Первый путь представлялся бы более соответственным».

что он ошибается [1]), а потому было бы желательно обсудить этот вопрос в совещании с другими государственными деятелями и с лицами царской семьи, коих дело это существенно может коснуться. Его величество, милостиво выслушав графа Витте, не соизволил высказать своего высочайшего мнения.

По возвращении из Петергофа граф Витте пересмотрел, совместно с временно управлявшим в то время делами комитета министров Н. И. Вуичем, переданную им его величеству наскоро составленную записку и [2]) сделал в ней некоторые исправления. Во вступительной части было включено указание, чтопредставляемая им записка составлена по приказаниям и указаниям его величества, в конце ее было добавлено [3]), что, может быть, есть другой исход, — итти против течения, но в таком случае это надо сделать решительно и систематически, что он сомневается в успехе такого исхода, но, может быть, он ошибается; во всяком случае, за выполнение того или другого плана может взяться только человек, который в него верит.

На другой день, 10 октября, в 3 часа дня, граф Витте вновь имел счастье явиться к его величеству и в присутствии государыни императрицы Александры Федоровны подробно изложил все свои соображения, объясняющие записку в новой ее редакции, при чем не преминул доложить также словесно и [4]) о другом возможном выходе, о котором докладывал государю 9 октября. Их величества не изволили высказать своего мнения, но его императорское величество соизволил заметить, что, может быть, было бы лучше основания записки опубликовать манифестом.

В течение 12-го и 13-го октября граф Витте не имел никаких сведений из Петергофа. Приблизительно в это время в одном из заседаний у графа Сольского, между прочим, шла речь о крайне опасном положении дела вследствие брожения, переходящего в восстание, при чем генерал-адъютант Чихачев и граф Пален высказали решительное мнение, что нужно прежде всего подавить всякое проявление смуты силою оружия. Граф Витте не преминул сообщить об этом всеподданнейшей запиской его величеству, при чем ходатайствовал выслушать сановников, высказывающих подобные убеждения [5]). Графа Витте затем генерал-адъютант Чихачев спрашивал, не по его ли инициативе государю императору благоугодно было его вызывать, на что он ответил, что этого не знает, но что, действительно, он [6]) счел своим долгом доложить государю, что некоторые сановники имеют опреде-

---

[1]) Исправлено: «такое мнение ошибочно».

[2]) Зачеркнуто: «и».

[3]) Вся фраза зачеркнута и изменена так: «и в конце ее добавил», предварительно приписав и зачеркнув после слова «в конце»—«же ее граф Витте счел необходимым соответственно словесному всеподданнейшему докладу добавить».

[4]) Фраза изменена так: «при чем словесно доложил еще раз».

[5]) Исправлено: «таковое убеждение».

[6]) Зачеркнуто.

ленные взгляды [1]), как нужно при данных обстоятельствах поступить, и что, по его мнению, было бы весьма полезно, если бы его величеству благоугодно было их выслушать. Графу Витте говорили, что 11-го и 12-го октября его программа подвергалась обсуждению. 13-го граф Витте получил от его величества следующую телеграмму: «Впредь до утверждения закона о кабинете поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно. Только при спокойном течении государственной жизни возможна совместная созидательная работа правительства с имеющими быть свободно выбранными представителями народа моего».

Вследствие этой телеграммы граф Витте 14-го числа, утром, снова ездил в Петергоф и всеподданнейше доложил, что одним объединением министров, смотрящих в разные стороны, смуту успокоить нельзя и что, по его убеждению, нужно принять решительные меры [2]) в том или другом направлении. При этом, вследствие сделанного его величеством 10 октября замечания, что было бы целесообразнее изложить основания записки в манифесте, граф Витте представил его величеству его [3]) всеподданнейший доклад, резюмирующий записку [4]), который, по его мнению [5]), в случае если его величество соизволит его разделить [6]), подлежал бы высочайшему утверждению; что же касается манифеста, то граф Витте докладывал, что манифест, который оглашается во всех церквах, есть такой акт, в котором неудобно входить в надлежащие подробности; с другой же стороны, опубликование высочайше утвержденного всеподданнейшего доклада будет только выражать, что государем принята его программа, что будет гораздо осторожнее, так как мера эта слагает всю ответственность на него, графа Витте, и не свяжет его величество [7]).

В это время фабричные рабочие [8]) в Петербурге и во многих городах, а равно служащие значительной части железных дорог забастовали [9]), так что Петербург оставался без освещения [10]), движения

---

[1]) Фраза исправлена так: «о сложившемся у некоторых сановников определенном взгляде».

[2]) После слов: «по его убеждению» исправлено: «обстоятельство требует принятия решительных мер».

[3]) Исправлено: «краткий».

[4]) Сделана вставка: «в начале коего указано, что доклад этот составлен по приказанию и указаниям его величества и».

[5]) Зачеркнуто: «по его мнению».

[6]) Зачеркнуто: «его разделить», затем написано и зачеркнуто: «положения записки», и исправлено: «его одобрить».

[7]) Фраза эта со слов «только выражает» исправлена так: «принятие государем изложенной в докладе программы, что будет гораздо осторожнее, ибо в таком случае предложенные меры лягут на его, графа Витте, ответственность и не свяжут его величество».

[8]) Исправлено: «забастовка фабричных рабочих».

[9]) Это слово зачеркнуто и приписано: «и других учреждений была уже в полной силе».

[10]) Вставлено: «многих торговых заведений».

конок, телефонов и железнодорожного сообщения. Такое положение дела, в виду вышеприведенной телеграммы государя императора, понудило графа Витте собрать у себя совещание некоторых министров, в том числе военного генерала Редигера, товарища министра внутренних дел и петербургского генерал-губернатора Трепова, министра путей сообщения князя Хилкова, чтобы обсудить, какие меры можно принять для восстановления железнодорожного сообщения Петербурга хотя с ближайшими окружными пунктами. На этом совещании военный министр и генерал Трепов, которому был подчинен петербургский гарнизон, заявили, что в Петербурге достаточно войск для того, чтобы подавить вооруженное восстание, если таковое проявится в Петербурге и в ближайших резиденциях государя, но нет нужного количества войск, чтобы восстановить движение силою, хотя бы между Петербургом и Петергофом. Вообще военный министр заявил, что вследствие того, что армия находится за Байкалом, военные силы в России крайне ограничены и слабы, они находятся в расстроенном состоянии вследствие продолжительного несения ими полицейской службы и недовольства солдат, подлежащих, за окончанием войны, отпуску [1]).

14-го, к вечеру, графу Витте было дано знать по телефону из Петергофа князем Орловым, чтобы он явился на совещание [2]) 15 октября, к 11-ти часам утра, при чем ему было предложено привезти с собою проект манифеста, так как необходимо, «чтобы все исходило лично от государя, и нужно вывести намеченные в его докладе меры из области обещаний в область государем даруемых фактов». Так как [3]) граф Витте считал более осторожным ограничиться высочайшим утверждением его всеподданнейшего доклада и надеялся, что, может быть, манифеста и не потребуется, а с другой стороны, чувствал себя [4]) нездоровым, просил находившегося у него в это время члена государственного совета князя А. Д. Оболенского к утру набросать проект манифеста.

15 октября, утром, граф Витте снова отправился в Петергоф, при чем просил князя Оболенского и управляющего делами комитета министров поехать с ним. На том же пароходе ехал и министр двора

---

[1]) Начиная со слов: «но нет нужного количества войск» зачеркнуто, и приписано следующее: «но что в Петербурге нет соответствующих частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа. Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но много офицеров и нижных чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части в свое время были пополнены чинами запаса, но среди последних началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Это обстоятельство, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроило войска, оставшиеся внутри империи.

[2]) Вставлено: «к его величеству».

[3]) Исправлено рукою Витте: «хотя».

[4]) Исправлено рукою Витте: «но все же, чувствуя себя в тот вечер».

барон Фредерикс. Князь Оболенский прочел в присутствии всех этих лиц набросок им составленного проекта манифеста; граф Витте сделал некоторые замечания, и так как в это время подошли к Петергофу, то он просил князя Оболенского и Вуича попытаться, на основании бывших на пароходе разговоров по поводу наброска князя Оболенского, составить более или менее окончательную редакцию манифеста, а сам вместе с бароном Фредериксом отправился во дворец. Там он застал великого князя Николая Николаевича и генерал-адъютанта Рихтера. В 11 часов его величество принял этих четырех лиц. Его величество повелел графу Витте прочесть ранее упомянутый его всеподданнейший доклад. Затем граф Витте доложил, что, по его крайнему разумению, при настоящих обстоятельствах могут быть два исхода: или диктатура, или конституция, на путь которой его величество в сущности уже вступил манифестом 6 августа и сопровождающими его законами. Его доклад, или программа, высказывается за второй путь, который в случае его утверждения должен повести к мероприятиям, которые должны быть проведены [1]) в законодательном порядке и расширяющим закон 6 августа, приводя Россию к конституционному устройству. Во время чтения доклада, с разрешения государя императора, великий князь Николай Николаевич задавал графу Витте целый ряд вопросов, на которые граф Витте давал подробные разъяснения, при чем доложил, что он не рассчитывает, чтобы после жесточайшей войны и столь сильной смуты могло бы быстро наступить успокоение, но что второй путь, казалось бы, приведет скорее к такому результату.

По окончании доклада его величеству угодно было спросить графа Витте, изготовил ли он манифест. Граф Витте доложил, что предварительный проект манифеста был изготовлен, что он с ним ознакомился во время переезда в Петергоф, ныне же исправляется, но что, по его мнению, было бы удобнее ограничиться утверждением прочитанного им всеподданнейшего доклада. Его величество соизволил в 1 час дня отпустить присутствующих и повелел собраться к 3-м часам, а графу Витте привезти проект манифеста.

В 3 часа заседание возобновилось. Продолжался обмен мыслей по поводу доклада, затем граф Витте прочел проект манифеста. Присутствовавшие не сделали никаких возражений. Затем государю императору благоугодно было отпустить присутствовавших.

16 октября к вечеру барон Фредерикс дал знать графу Витте, что он к нему приедет переговорить по поводу манифеста. После полуночи барон Фредерикс приехал вместе с директором канцелярии генералом Мосоловым и передал графу Витте, что его величество, независимо от тех лиц, которые присутствовали вчера в совещании, советовался также с другими лицами, и что члены государственного совета Горемыкин и Будберг составили два проекта манифеста, с которыми

---

[1]) Исправлено: «подлежащим проведению».

его величество поручил его ознакомить. Граф Витте прежде всего спросил, известно ли обо всем происходящем генералу Трепову, который ныне держит в своих руках всю полицию империи, на котором лежит ответственность за внешний порядок в стране; всякая крупная мера, если он, генерал Трепов, заранее в нее не будет посвящен, может иметь последствием неблагоприятные явления. Барон Фредерикс ответил, что он потому и опоздал, что был у генерала Трепова, который во все это дело посвящен. Затем барон Фредерикс дал графу Витте прочесть новые проекты. Граф Витте заметил, что проект, на который было обращено его внимание, как наиболее заслуживающий внимания [1]) и наиболее подходящий, не может быть им принят по двум причинам: во 1-х, потому, что он, в отличие от проекта, им переданного, прямо провозглашает, что его величество со дня опубликования манифеста дарует все свободы, тогда как в его проекте его величество лишь повелевает правительству выполнить непременную его волю даровать эти свободы. Даровать экспромтом все свободы, не выработавши предварительно подлежащие законоположения и не проведя их в законодательном порядке, значит создать смуту, если бы даже таковой не было [2]); во 2-х, что в манифесте [3]) пропущены другие [4]) меры, которые значатся в его проекте всеподданнейшего доклада, и что объявление манифеста, не согласного с одновременно опубликованным докладом, породит сразу сомнения о силе и крепости тех начал, которые в этом докладе изложены. По этим причинам он просил барона Фредерикса доложить его величеству, что, по его мнению, издавать манифест, как он это уже несколько раз имел честь докладывать его величеству, не нужно, что достаточно и более осторожно обнародовать лишь его высочайше утвержденный верноподданнейший доклад. На это барон Фредерикс ответил, что вопрос о том, что реформа, предположенная всеподданнейшим докладом, должна быть возвещена народу манифестом, решен бесповоротно. В таком случае [5]), граф Витте просил доложить его величеству, что нужно поручить место председателя совета тому лицу, которого программа будет принята, что он чувствует, что в этом деле у его величества существует некоторое сомнение в правильности его взглядов, что при таком положении вещей было бы целесообразнее оставить самую мысль о назначении его первым министром, а для объединения действий министров, в случае окончательного отклонения предположения о назначении диктатора для успокоения смуты силою, избрать другое лицо, программа коего была бы признана более целесоответственною. Если прочитанные им проекты манифестов признаются

---

[1]) Эти слова зачеркнуты.

[2]) Вся фраза вычеркнута и приписано: «что предполагает еще последующую работу правительства».

[3]) Вписано и зачеркнуто: «нет указания на образование объединенного министерства и еще».

[4]) Вставлено: «существенные».

[5]) Изменено: «выслушав это сообщение».

целесоответственными, то, по его мнению, одного из авторов их и следовало бы назначить [1]) председателем совета. В заключение граф Витте также просил доложить его величеству, о чем он имел счастье и ранее докладывать государю, что если его деятельность нужна, то он готов послужить общему делу на второстепенном посту, хотя бы губернатора какой бы то ни было губернии.

На другой день, 17 октября, граф Витте снова был вызван в Петергоф, и, приехав туда, он отправился прямо к барону Фредериксу. Барон передал графу Витте, что решено принять его проект манифеста и утвердить всеподданнейший доклад, им представленный, что великий князь Николай Николаевич категорически поддерживает такое решение и докладывал о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре.

В 6-м часу граф Витте и барон Фредерикс приехали во дворец, при чем барон Фредерикс привез с собою переписанный в его канцелярии манифест. Во дворце был великий князь Николай Николаевич. Его величеству благоугодно было в их присутствии подписать манифест и утвердить всеподданнейший доклад графа Витте. Оба эти документа в тот же день были обнародованы с ведома генерала Трепова[2]).

8.

Переписка по поводу справки о манифесте 17 октября.

а) Письмо А. Редигера к С. Ю. Витте.

Глубокоуважаемый
граф Сергей Юльевич.

Теперь, через 15 месяцев после событий, описываемых в вашей записке, конечно, очень трудно восстановить в своей памяти то, что в то время говорилось. Тем не менее я полагал бы, что изложение записки будет более близким к истине, если последние строки отчеркнутого вами текста изложить в следующей радакции:

«но что в Петербурге нет железнодорожных частей, которые могли бы восстановить движение хотя бы от Петербурга до Петергофа.

Вообще военный министр заявил, что в действующую армию командировано не только значительное число войсковых единиц, но и много офицеров и нижних чинов из состава частей, оставшихся в Европейской России; эти части были в свое время попол-

[1]) Изменено: «избрать».

[2]) Далее приписано: «Министр двора мне словесно передал, что эту справку находят составленною совершенно правильно. Мне известно (не разобрано одно слово) справка эта находилась у его величества в течении двух недель. Подлинник (первый экземпляр) остался у министра двора»,

нены чинами запаса, но среди последних ныне началось всеобщее брожение вследствие задержания их на службе после заключения мира. Эти обстоятельства, в связи с продолжительным привлечением войск к несению полицейской службы, в значительной степени расстроили войска, оставшиеся внутри империи».

Представляя вышеизложенное на ваше усмотрение, я с совершенным почтением остаюсь вам преданный

А. Редигер.

28 января 1907 года.

б) Письмо Витте к бар. Фредериксу.

Многоуважаемый
барон Владимир Борисович.

Я составил прилагаемую справку, исключительно для хранения в моих бумагах, о днях, ближайших к 17 октября 1905 года, устанавливающую факты, при которых появился манифест, помеченный этим днем. Считаю долгом своим препроводить ее вам, как лицу посвященному во многие перипетии того времени, на случай если вам будет угодно указать мне какие-либо неточности, которые невольно могли в нее вкрасться. За все указания буду весьма благодарен.

Обязуюсь объяснить, что я не счел, с своей стороны, уместным представить эту справку государю императору только потому, что не находил возможным беспокоить его величество.

Не откажите вернуть мне прилагаемую справку с вашими замечаниями.

Сердечно и искренно вам преданный граф *Витте.*

Петербург. 30 января 1907 г.

Замечания Витте, сделанные на данном письме.

Через неделю после отсылки сего письма был у нас начальник канцелярии министра двора свиты его величества генерал Мосолов. Он передал мне, что присланная мною справка найдена совершенно правильною и так решено ответить, о чем он заготовит письмо. При вторичном свидании с Мосоловым он мне передал, что он вручил письмо министру двора, но посоветовал раньше показать справку его величеству, и что министр так и поступил. Государь император держал у себя справку две недели. Через две недели ее вернул, сказавши, что справка составлена верно. Князь Оболенский [1]), начальник кабинета его

[1]) Оболенский — Н. Д.

величества, передал мне об этом. Тем не менее ответа я не получил. Князь Оболенский затем мне передал, что министр решил не отвечать, а при свидании передать мне об этом словесно. Тем не менее он не передавал ничего по этому предмету довольно долго, а только передал об этом словесно 25 марта, т.-е. через два месяца со дня отправления письма, и то вследствие моего словесного вопроса.

Почему решили не удостов[ер]ить письменно факт, который признали правильным?!

25 марта 1907 г.

в) Письмо Рихтера к Витте.

Милостивый государь,

Сергей Юльевич.

Прилагаемая у сего записка была мне передана графом К. П. Пален[ом], с тем, чтобы по прочтении я представил ее вам.

Исполняя указание Палена, пользуюсь случаем, чтоб просить ваше сиятельство принять уверение в отличном моем почтении и преданности.

О. Рихтер.

17 марта 1907 г.

Замечания Витте, сделанные на данном письме.

Сегодня, 21 марта, в государственном совете я виделся с генерал-адъютантом О. Б. Рихтером, который передал мне, что, возвращая записку, он не счел себя в праве сделать на нее замечание. Замечание же его состоит в том, что 15 октября в заседании в Петергофе граф Витте несколько раз повторял, что к настоящему делу нужно отнестись с особой осторожностью, т. к. если государю угодно будет стать на путь представленной им программы, то это поведет к ограничению его царской власти и что осторожнее не издавать манифеста, а ограничиться утверждением его, графа Витте, программы. Но другие члены, и в том числе он, генерал-адъютант Рихтер, высказался за манифест, — дабы предположенные меры исходили непосредственно от его величества. Затем после перерыва был прочитан проект манифеста, на который не последовало возражений.

21 марта 1907 г.

г) Письмо гр. И. И. Толстого к С. Ю. Витте.

Глубокоуважаемый

граф Сергей Юльевич.

Исполняя ваше поручение, отправился сегодня утром к в. кн. Вл[адимиру] Ал[ександровичу], завтракал у него и говорил о вашей записке, конечно, до получения известия от вас. Так как он мне сказал, как только я произнес ваше имя, что он отослал вам записку обратно, то не пришлось особенно много говорить, но, раз упомянувши об этом, оказалось необходимым сказать два слова. Во избежание недоразумений, считаю долгом предупредить вас о след[ующем]:

1) Я сказал, что вы передали ему свою записку, предназначенную исключительно для государя, только потому, что вы его особенно уважаете и цените его мнение, а потому желали, чтобы он был осведомлен о действительном ходе истории с манифестом и что никакой другой цели у вас не было, о чем вы уполномочили меня заявить ему.

2) Вел. кн. сказал, что он никак не мог понять цели присылки вами записки, что прочел ее дважды и что то, что он в ней нашел, соответствует тому, что он знает, напирая на то, что Ник. Ник. иначе говорить и действовать, как он это делал тогда, не мог. Что для [него] в записке вашей не было ничего особенно нового, а потому он ломал себе голову, для чего вы ему ее прислали. При этом он прочел мне ваше препроводительное письмо, которое, на мой взгляд, ясно, а ему показалось непонятным, так как не объясняло достаточно подробно, на его взгляд, что́ именно побудило вас прислать ему записку именно теперь.

3) Он мне сообщил, что на следующий, кажется, день по получении вашей записки обедал в клубе, где были Фредерикс и Мосолов. Так как о них упоминалось в ваших заметках, то он позвал Мосолова в отдельную комнату, объяснил ему, что получил от вас записку, и спросил у него, что́ он знает о ней. На это Мос[олов] ему ответил, что записку вы через Фредерикса послали государю, от которого желали получить подтверждение изложенного, если не собственноручно от г[осуда]ря, то письменно, по поруч[ению] его вел[иче]ства, от Фредерикса, но что г[осуда]рь не соизволил на сие и что Фр[едерикс] передал вам записку, только словесно подтвердивши ее правильность в общем.

Вот все, что я узнал и что, может быть, вам понадобится знать при личном свидании с вел. князем.

Искренно преданный вам *Ив. Толстой*.

4 мая 1907 г.

д) Письмо вел. кн. Владимира Александровича С. Ю. Витте.

Любезный Сергей Юльевич.

Объяснительную записку вашу я прочел и принял к сведению как ее, так и приложения к ней.

Графиня и вы доставили бы мне великое удовольствие, приняв милостиво от меня приглашение к завтраку ½ 1-го ч. на будущей неделе. Выбор дня предоставляю вашему благоусмотрению.

Искренно вам преданный *Владимир*.

4 мая 1907 г.

9.

Проект манифеста, составленный князем [А. Д. Оболенским и привезенный им с собою на пароход [1]).

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью переполняют сердце наше [2]). Благо российского государя неразрывно с благом народным, и [3]) печаль народная — его печаль [4]). От волнений, ныне возникших, может явиться [5]) угроза целости и единству державы нашей и глубокое [6]) нестроение народное [7]). Великий [8]) обет царского служения повелевает нам напрячь [9]) силы разума и власти нашей [10]) к скорейшему предупреждению столь опасной для г[осудар]я [11]) смуты. Повелев пресекать внешние проявления беспорядка [12]) прямою силою, дабы защищать людей мирных, в незаконном движении не участвующих,

[1]) Надпись сделана на переписанном экземпляре рукою перебелявшего для Витте данный документ. Рукою Витте на последней странице помечено: «Набросок кн. А. Д. Оболенского, прочитанный на пароходе 16 октября, когда ехали в Петергоф». Дата указана неверно: не 16-го, а 15-го.

[2]) Далее идет зачеркнутая Оболенским фраза: «Ко всем верным сынам России обращаю голос мой».

[3]) Зачеркнуто: «потому».

[4]) Далее зачеркнуто начало фразы: «Вожаки движения».

[5]) Первоначально было: «предстоять».

[6]) Первоначально было: «великое».

[7]) Зачеркнуто: «А посему».

[8]) Зачеркнуто: «наш».

[9]) Рукою Витте зачеркнуто: «все».

[10]) Далее зачеркнуто: «к скорейшему прекращению движения, к отысканию мер и способов и».

[11]) Рукою Витте исправлено: «г[осудар]ства».

[12]) Рукою Витте зачеркнуто: «беспорядка, массового нарушения закона», и вставлено: «беспорядка, бесчинства и насилия».

я вместе с сим повелеваю подлежащим м[инистр]ам, под руководством [1]) назначенного пр[едседате]ля совета министров [2]):

1-ое) Незамедлительно и не позже [3]) как в месячный срок [4]) разработать и представить к моему подписанию [5]) правила о предоставлении [6]) русским гражданам свободы слова и печати, об установлении порядка и условий личной неприкосновенности российских граждан и о свободе союзов.

2-ое) Составить предположения о таких изменениях в положении о выборах в Гос. Думу, по которым не могло бы найтись в отечестве нашем [7]) таких разрядов лиц, кои вовсе устранены бы были от выборов. Предположения эти д[олжны] быть внесены на рассмотрение Думы и гос[ударственного] совета.

3-е) Не касаясь общего вопроса о рабочем законодательстве, имеющем быть предметом особого [8]) выработанного уже представления, войти немедленно в ближайшее рассмотрение тех заявленных рабочими [9]) ж. дорог нужд, кои могут ныне же быть удовлетворены, и представить к моему утверждению о порядке сего удовлетворения [10]).

Ко всем верным сынам России обращаю голос мой, да прекратится сия неслыханная смута, да примутся рабочие люди за труд свой, и пусть не доводят [11]) вожаки их властей...[12])

10.

Замечания, сделанные рукою Н. И. Вуича, когда на пароходе 10 (час.) 16 октября был прочтен проект А. Д. Оболенского.

На пароходе ехал я (гр. Витте), кн. Оболенский, Вуич, м-р двора Фредерикс [13]).

Призываю всех верных сынов России выполнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины на родной земле.

---

[1]) Зачеркнуто: «вновь».

[2]) Со слова «повелеваю» исправлено рукою Витте: «министрам под руководством председателя к[омите]та м[инист[ров».

[3]) Зачеркнуто: «15-го».

[4]) Зачеркнуто: «в составе м[инистерств]а».

[5]) Зачеркнуто: «временные до созыва Г[осударственн]ой Думы».

[6]) Первоначально было: «действительно».

[7]) Зачеркнуто: «сколько-нибудь».

[8]) Первоначально: «особых суждений».

[9]) Зачеркнуто: «казенных».

[10]) Первоначально: «исполнения».

[11]) Зачеркнуто: «они».

[12]) Окончания документа нет.

[13]) Заголовок и помета сверху сделаны рукою Витте.

Устранить всеми средствами опасность пролития драгоценной русской крови [1]).

При выполнении сего признаю необход[имым].

Приняв ныне меры к объединению высшего правительства, поручаем мы объединенному министерству [2]).

1) [3]) В дальнейшее [4]) осуществление выраженной в указе 12 декабря 1904 г. воли нашей [5]), направленной к укреплению законности и утверждению гражданственности в государстве нашем [6]) поручаем правительству исполнить непременную нашу волю водворить в России [7]) истинные начала гражданской жизни [8]) установлением неприкосновенности личности, дарованием всем подданным [9]) свободы слова, собраний и союзов, единственно способных обеспечить развитие [10]) на пользу дорогого отечества нашего всех обширных заключающихся в населении его творческих сил.

2) выработать и незамедлительно представить на утверждение наше дополнительные о правах Госуд. Думы и преобразуемого госуд. сов. правила, кои, [11]) обеспечивали бы непременное их участие в рассмотрении всех дел законодательных [12]).

и 3) Не останавливая происходящих ныне в Госуд. Думу выборов [13]), составить предположения и [14]) представить их нам на утверждение о предоставлении [15]) участия в Думе таким разрядам населения [16]), которые ныне вовсе лишены избирательных прав.

---

[1]) Написано на одном и том же листе, что и последующие строки, но в фотографическом альбоме эти строки помещены последними.

[2]) Зачеркнуто: «исполнить непременную нашу волю».

[3]) Зачеркнуто: «Приложить всемерное попечение к».

[4]) Первоначально: «дальнейшему».

[5]) Зачеркнуто три варианта фразы: «даровать всем нашим подданным возможность», далее зачеркнуто слово «возможность», и написано: «возможные способы к свободному развитию на различных поприщах, путем свободного выражения мыслей, объединения в союзы государстве»; и третий зачеркнутый вариант после слова «возможные способы»—«к участию в свободной гражданской жизни».

[6]) После слова: «нашем» зачеркнута фраза: «и утвердить в нем начала гражданской жизни».

[7]) Вместо: «утвердить в нем».

[8]) Зачеркнуто: «и обеспечить развитие общественных сил России».

[9]) Зачеркнуто: «нашим», и далее зачеркнута фраза: «права свободно выражать свои мысли, объединяться в союзы».

[10]) Зачеркнуто: «творческих сил отдельных лиц».

[11]) Зачеркнуто: «обеспечивали», зачеркнуто и это слово, далее зачеркнута вся фраза: «обеспечивали бы за ними действительное в общем ходе дел госуд[арства] значение, устанавливая».

[12]) Зачеркнуто: «лишь только после такого обсуждения могущих получить утверждение».

[13]) Зачеркнуто: «незамедлительно».

[14]) Зачеркнуто: «теперь».

[15]) Зачеркнуто: «широкого».

[16]) Первоначально: «лиц».

11.

Заметки Вуича[1]).

1. Не останавливая выборов в Думу, составить предположения и представить незамед[лительно] [2]).

Назначая вас предс[едателем] сов[ета] м[инист]ров [3]) Утвердив ее [3]). Приняв ныне меры к объединению д[ействий?] м-в, я вместе с безусловно желаю и требу [3]) считаю необходимым и обещаю привести в исполнение:

1) установление гражданской свободы (свободы печ[ати], союзов, совести, неприкосн[овенности] лич[ности]).

2) расширение права выборов в Госуд. Думу [4]) широким участ[ием] тех раз[рядов] лиц, кои ныне лишены избир[ательных] прав.

3) Предоставление Госуд. Думе и преобразованному госуд. совету прав, предоставленных в друг. учрежд., так, чтобы никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Гос. Думы.

12.

Окончат[ельный текст?] [5])

Проект, составленный 10 [час?] 16 октября Н. И. Вуичем и кн. Оболенским, в тот же день, когда приехали на пароходе, и после того, как государь император непременно пожелал не ограничиться утверждением моей программы (о чем я только и ходатайствовал), а издать манифест. Проект этот в тот же день при втором докладе (после завтрака) был мною передан его величеству.

Граф *Витте* [6]).

Божиею милостью,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр. пр. пр. [7]).

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным, и печаль народ-

---

[1]) Сбоку рукою Вуича сделана надпись карандашом: «Редакция, установленная на пароходе».

[2]) Писано чернилами и зачеркнуто карандашом.

[3]) Зачеркнуто карандашом.

[4]) Зачеркнуто: «так[им?] поряд[ком?].

[5]) Сверху, в левом верхнем углу, красным карандашом помечено: «Манифест 17 октября 1905 г. составлялся в Петергофе в Запасном дворце».

[6]) Заметка сделана чернилами рукою Витте.

[7]) Далее вписано карандашом: «Объявляем всем нашим верноподданным».

ная — его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы нашей.

Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев [1]) принять властные [2]) меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, мы, для успешнейшего [3]) выполнения [4]) преднамечаемых нами общих [5]) к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность министерства, объединенного под руководством председателя комитета министров [6]), возлагаем мы выполнение непременной [7]) нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных ныне выборов в Государственную Думу, привлечь [8]) к участию в Думе [9]) такие слои [10]) населения, которые ныне [11]) лишены избирательных прав [12]).

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты, дабы устранить тяжкое горе пролития драгоценной русской крови [13]),

---

[1]) Далее вставлено карандашом, но другим почерком: «подлежащим властям».

[2]) Зачеркнуто.

[3]) Зачеркнуто и восстановлено.

[4]) Вставлено карандашом «общих».

[5]) Зачеркнуто «общих».

[6]) Фраза: «министерства, объединенного под руководством председателя комитета министров» зачеркнута, и карандашом вставлено: «правительства».

[7]) Карандашом исправлено «непреклонной».

[8]) Вставлено: «теперь же».

[9]) Карандашом рукой Вуича на последней странице приписано: «в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока».

[10]) Слова: «такие слои» зачеркнуты и исправлено: «те классы».

[11]) Вставлено: «совсем».

[12]) Карандашом на посл. стр. рукой Вуича приписано: «Предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку».

[13]) Фраза: «дабы устранить тяжкое горе пролития драгоценной русской, крови» зачеркнута.

и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в «...» день октября 1905 г. [1])

На подлинном собственною его имп. в-ва рукою подписано:

«Николай».

13.

Письма А. А. Мосолова к С. Ю. Витте.

1.

Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич.

Одновременно с вашим проектом впоследствии обнародованного манифеста барон Владимир Борисович привез к вам проект манифеста т. с. Горемыкина, третий же проект был составлен не бароном Будбергом, как вы изволили упомянуть в вашем письме, а этот проект представлял из себя компиляцию содержания двух проектов, а именно вашего и Горемыкинского, и был составлен в главной квартире по приказанию барона Фредерикса. Барон Будберг отдельного проекта не составлял, а лишь сотрудничал Горемыкину при составлении его проекта.

По возвращении в Петергоф 17 окт. барон Фредерикс взял все три проекта к государю императору, но, возвратившись домой, передал мне лишь ваш проект, который и переписывался у меня в канцелярии. Прочие два проекта я более не видал.

Я только что справлялся у князя Орлова, что и задержало мой ответ, но князь положительно утверждает, что проектов этих нет в главной квартире, и высказал предположение, что они находятся у барона Фредерикса.

Завтра же я не премину спросить барона, у него ли эти проекты, и тотчас же вам доложу.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить вашему сиятельству мое искреннее уважение.

Сердечно преданный вам *А. Мосолов.*

23 декабря 1905 г.

2.

Глубокоуважаемый граф Сергей Юльевич.

Барон Фредерикс поручил мне передать вашему сиятельству, что, насколько он помнит, два проекта манифеста, которые не были удостоены появлением в свет, им еще 17 октября были оставлены

---

[1]) Зачеркнуто 1905 г. и карандашом, почерком, писавшим вставку 8-го прим., приписано: «в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое».

у его величества, при чем его в. пр-во объяснил, что, во всяком случае, у него они не остались.

Полагаю, что вероятнее всего, что проекты эти действительно остались у государя императора, так как иначе они не миновали бы моих рук.

Очень сожалею, что мне не удалось исполнить вашего желания, и пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить уверения моего отменного почтения и преданности.

Ваш покорный слуга *А. Мосолов.*

24-XII 1913 г.

14.

Проекты манифеста Горемыкина—Будберга.

I.

Божиею милостию,

мы, Николай второй император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., пр., пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою заботу [1]) о дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России обсудить без стеснений силу и значение этого закона, открыла пред нами многостороннее пожелание [2]) наших подданных, и если многие из таковых навеяны враждебностью ко всякому порядку, а потому нами должны быть отвергнуты, другие, несомненно, проникнуты стремлением к благу родины.

В твердом решении исполнить и впредь царственный долг свой [3]) подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в разумное и благомыслящее народное настроение и усматривая в нем указания нам промыслом [4]) на истинные нужды России, повелеваем в незыблемое основание [5]) подлежащих внесению в Государственную

[1]) Зачеркнуто: «заботу», исправлено: «почин».
[2]) Исправлено: «многосторонние пожелания».
[3]) Зачеркнуто: «свой», исправлено: «наш».
[4]) Зачеркнуто: «нам промыслом», исправлено: «указание».
[5]) Исправлено: «в незыблемую основу».

Думу законодательных предположений принять [1]) провозглашаемое [2]) нами ныне начало [3]) неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

Никакой закон да не будет представлен на утверждение наше без одобрения Государственной Думы.

Надзор Государственной Думы за закономерностью действий поставленных от нас властей да будет действителен.

Подвергнуть обсуждению Государственной Думы вопрос о дальнейшем развитии начала общего избирательного права, приняв меры к привлечению ныне же к предстоящим выборам тех классов населения, которые, по изданному положению о выборах, вовсе лишены избирательных прав [4]).

II.

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., пр., пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыло [5]) перед нами многостороннее пожелание наших подданных [6]), и если многие из таковых [7]) навеяны враждебностью [8])

---

[1]) Вставка: «даруемые наши ныне населению государства нашего права народного представительства»; далее связка со вставкой, писанной рукой Горемыкина: «на твердом основании законов, имеющих быть выработанными порядком, учреждением Государственной Думы установленным». Слова «учреждением Госуд. Думы установленным», как и все остальные поправки, принадлежат, повидимому, Будбергу.

[2]) Исправлено: «провозглашенные».

[3]) Исправлено: «начала».

[4]) Два последних абзаца и конец фразы, после слова «принять»—«провозглашенное нами начало» и т. д., зачеркнуты. В перебеленном экземпляре этого варианта сделаны все поправки, указанные в примечаниях 1, 2, 3, 4, 5, (стр. 92), но оставлен весь вычеркнутый текст последних абзацов с поправками, указанными в примечаниях 2 и 3 (стр. 93).

[5]) Исправлено: «открыла».

[6]) После: «подданных» поставлена точка, и зачеркнуто: «и если».

[7]) Зачеркнуто: «таковых», вставлено: «этих пожеланий».

[8]) Исправлено: «врагами».

ко всякому порядку [1]), а потому нами должны быть отвергнуты [2]), другие несомненно проникнуты стремлением к благу родины [3]).

В твердом решении исполнить и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в разумное [4]) и благомыслящее народное настроение [5]) и усматривая в нем указание на истинные нужды России [6]), повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющих быть на твердом основании законов выработанными, порядком учреждением Государственной Думы установленным [7]). Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности и свободы совести, слова, собраний и союзов, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы классы населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, получили представителей по Госуд. Думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные им положением о выборах примущества [8]).

III.

Божиею милостью,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевре-

---

[1]) Зачеркнуто: «ко», исправлено: «всякого порядка».

[2]) Вся фраза зачеркнута.

[3]) Вставлено: «и заслуживают особого нашего внимания».

[4]) Зачеркнуто: «разумное», и вставлено: «современное положение России и в».

[5]) Зачеркнуто: «настроение», и фраза исправлена так: «в благомыслие народа нашего».

[6]) Вся фраза зачеркнута.

[7]) Приписано: «Да примет Россия, осенясь крестным знаменьем, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

[8]) Рукою Орлова на отдельном листке написано: «свобода совести и слова, а и права собраний на основании законов» «октября сего года». Несколько ниже отдельное замечание: «всякие оговорки — злят».

На перебеленном экземпляре есть только перестановка этой фразы, читаемой вследствие этого так: «права народного представительства, имеющие быть выработанными на твердом основании закона».

Далее следует указание на вставку, под которую подходит содержание отдельного листка.

менным установить [1]) порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыла перед нами многосторонние пожелания наших подданных. Многие из этих пожеланий навеяны врагами всякого порядка; другие несомненно проникнуты стремлением ко благу родины и заслуживают особого нашего внимания.

В твердом решении исполнять и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в современное положение России и веря в благомыслие народа нашего [2]), повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на основании закона, порядком [3]) учреждением Государственной Думы установленным [4]).

Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности и [5]) свободе совести и слова, а также права собраний и союзов по определению закона, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы части населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, получили [6]) представителей Государственной Думы [7]), сохранив за крестьянским сословием предоставленные им [8]) положением о выборах преимущества.

Да примет Россия, осенясь крестным знаменьем, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

Дан в Петергофе октября «...» дня от рождества христова в год тысяча девятьсот пятый, царствования же нашего одиннадцатый.

---

[1]) Вставлено: «в законе».
[2]) Исправлено: «верных наших подданных».
[3]) Исправлено: «в порядке».
[4]) Исправлено: «установленном».
[5]) «И» зачеркнуто.
[6]) Над словом «получили» вписано: «имели своих».
[7]) Исправлено: «в Государственной Думе».
[8]) В перебеленном экземпляре зачеркнуто: «им», исправлено: «ему».

IV.

Окончательный текст проекта манифеста Горемыкина—Будберга.

Божиею милостию,

мы, Николай второй, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и пр., и пр. ,и пр.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Благо России и избрание правильных путей к достижению и обеспечению устройства государства и счастия подданных всегда составляли первейшую заботу царственных помыслов наших. Признав своевременным установить в законе порядок участия выборных от населения в законодательных трудах, мы утвердили учреждение Государственной Думы, сохранив за собою почин в дальнейшем усовершенствовании этого закона сообразно потребностям времени и благу государства.

Широкая возможность, предоставленная нами всей мыслящей России, обсудить без стеснений силу и значение этого закона открыла перед нами многосторонние пожелания наших подданных. Многие из этих пожеланий навеяны врагами всякого порядка; другие несомненно проникнуты стремлением ко благу родины и заслуживают особого нашего внимания.

твердом решении исполнять и впредь царственный долг наш подавлением смуты, препятствующей нам в трудах, направленных к благоденствию народа, мы вместе с тем, глубоко и молитвенно вникнув в современное положение России и веря в благомыслие верных наших подданных, повелеваем в незыблемую основу подлежащих внесению в Государственную Думу законодательных предположений принять даруемые нами ныне населению государства нашего права народного представительства, имеющие быть выработанными на основании закона, в порядке, учреждением Государственной Думы установленном.

Даруя ныне же всему населению державы нашей гражданские права, основанные на неприкосновенности личности, свободе совести и слова, а также право собраний и союзов по определению закона, мы вместе с тем повелеваем принять меры к тому, чтобы части населения, по положению о выборах вовсе устраненные от участия в оных, имели своих представителей в Государственной Думе, сохранив за крестьянским сословием предоставленные ему положением о выборах преимущества.

Да примет Россия, осенясь крестным знамением, сей дар в залог беспредельной любви нашей, и да укрепится им исконная и неразрывная связь русского царя с богом вверенным ему народом.

Дан в Петергофе, в... день октября, в лето от рождества христова тысяча девятьсот пятое, царствования же нашего в одиннадцатое.

15.

Обращение С. Ю. Витте в «Правительственный Вестник».

Господину главному редактору «Правительственного Вестника» [1]).

По поручению г. председателя комитета министров статс-секретаря графа Витте, имею честь препроводить при сем вашему превосходительству для экстренного отпечатания и рассылки по возможности сегодня же, 17 сего октября, списки: 1) со всемилостивейшего манифеста, 2) с высочайшего повеления и 3) со всеподданнейшего доклада статс-секретаря графа Витте.

К сему долгом считаю присовокупить, что со стороны г. министра юстиции на распубликование манифеста препятствий не встречается.

Временно управляющий делами комитета, гофмейстер *Н. Вуич.*

Верно: Экспедитор канцелярии комитета министров *(подпись).*

17 октября 1905 г. № 4041.

16.

Обращения С. Ю. Витте ко всем министрам в день 17 октября.

I.

Обер-прокурору святейшего синода.

Государь император высочайше соизволил повелеть мне принять меры к объединению деятельности министров, впредь до утверждения законопроекта о совете министров.

О таковой высочайшей воле имею честь уведомить ваше высокопревосходительство. Статс-секретарь граф *Витте.*

Верно: Экспедитор канцелярии *(подпись).*

17 октября 1905 г. № 4043

Такого же содержания посланы:

Г. наместнику кавказскому № 4044. Г. министру путей сообщения № 4045. Г. госуд. контролеру № 4046. Г. министру имп. двора № 4047. Г. министру иностр. дел № 4048. Г. министру нар. просв, № 4049. Г. военному министру № 4050. Г. морскому министру № 4051. Г. мин. фин. № 4052. Г. мин. внутренних дел. № 4053. Г. СПБ ген.-губернатору № 4054. Г. главноупр. зем. и землеустр. № 4055. Г. мин. юстиции № 4056. Г. главноупр. с[обственной] е[го] и[мперат]. в[елич] канцелярии № 4057. Г. главноупр. канцелярией е. и. в. по принятию прошений № 4058 [2]).

---

[1]) Все 3 документа были посланы для напечатания во все петербургские газеты (см. далее № 19).

[2]) Так же бумаги отдельно посланы в. кн. Александру Михайловичу, председателю госуд. совета, председателям департаментов гос. сов.: законов, промышленности и торговли, духовных и гражданских дел и государственному секретарю.

II.

Милостивый государь.

Всем, в том числе: об. прок. св. син., гос. контролеру, ведом. учрежден. импер. Марии [1]).

Имею честь просить вас не отказать в представлении мне сведений о всех происходящих и имеющих отношение к вверенной вам части управления крупных событиях политического характера.

Булыгину [2]) с добавкой.

...Независимо от сего покорнейше прошу вас не отказать сделать распоряжение по ведомству телеграфному, дабы все проходящие через телеграф в Петербурге депеши, не написанные шифром, имеющие важное политическое значение, также немедленно мне доставлялись.

Графу Ламздорфу [3]).

Имею честь покорнейше просить не отказать в доставлении мне сведений о всех крупных внешних событиях, имеющих отношение до внутреннего положения России [4]).

17.

Письмо Д. Ф. Трепову.

М. Г.

Дмитрий Федорович.

Имею честь покорнейше просить вас не отказать сделать распоряжение, дабы департамент полиции или другое какое-либо учреждение по вашему усмотрению доставляли мне ежедневно сведения о всех выдающихся происшествиях и о всех производимых арестах по политическим преступлениям с поименованием арестованных лиц, а также, насколько сие возможно, и о причинах ареста. Независимо сего, благоволите приказать доставить мне общий список всех лиц, находящихся под арестом по политическим причинам, с объяснением оснований ареста. Буду вам также очень благодарен, если вам будет угодно сообщать мне о различных ожидаемых событиях, о которых вы имеете надлежащие сведения.

Примите, м. г., уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Подписал: Граф *Витте*.

17 октября 1905 г. № 4078.

Верно: Делопроизводитель (*подпись*).

---

[1]) Рукой Витте приписано: «в[оенному] м[инист]ру и м[орско]му м[инист]ру».

[2]) Булыгин — мин. вн. дел.

[3]) Ламздорф — мин. иностранных дел.

[4]) Со слов: «о всех крупных» зачеркнут трафаретный текст и чернилами рукой Витте написан здесь приведенный.

18.

Сообщение ПТА.

«С.-Петербургским телеграфным агентством» разосланы следующие сообщения:

1) «Во многих газетах появились сообщения, приписывающие председателю совета министров заявления о том, что манифест 17 октября не внес существенных изменений в условия государственной жизни России, что возвещенные сим манифестом свободы и обеспеченные за Думою права могут и не быть полностью осуществлены, и что самодержавная власть в том виде, как осуществлялась до манифеста, также будет продолжать действовать и впредь, после созыва Государственной Думы, без всякой перемены. Такие сообщения столь очевидно ложны, что не требовали бы и опровержений, если бы они, к сожалению, не получили широкого распространения и не были приняты многими с доверием. Невозможность для графа Витте высказывать подобные суждения явствует из того, что в них выражалось бы сомнение в объявленной непреклонной воле государя императора. Такое сомнение, вообще недопустимое со стороны всякого верноподданного, очевидно, ни при каких условиях не могло быть высказано председателем совета министров».

19.

Интервью С. Ю. Витте с представителями печати.

I.

Господину редактору.

Граф С. Ю. Витте, свидетельствуя совершенное свое почтение, имеет честь покорнейше просить вас не отказать пожаловать к нему завтра, во вторник, 18 октября, в 11 час. утра (Каменноостровский пр., д. 5), для беседы.

17 октября 1905 г. разосланы повестки нижеследующим редакторам:

«Биржевых Ведомостей».
«Ведомости Спбург. Градоначальства».
«Вестник Европы».
«Гражданин».
«Журнал М-ва Юстиции».
«Исторического Вестника».
«Мир Божий».
«Новое Время».
«Новости» и «Биржевой Газеты».
«Образование».
«Петербургской Газеты».
«Петербургского Листка».
«Правительств. Вестника».
«Право».
«Русская Газета».
«Русский Вестник».
«Русское Богатство».
«Русь».
«Спбург. Ведомостей».
«Свет».
«Слово».
«Судебной Газеты».

«Судебного Обозрения».
«Торгово-Промышленной Газеты».
«Хозяин».
«Юридической Газеты».
«Юрист».
«Journal de St.-Petersbourg».
«St. Petersbourger Herold».
«St. Petersbourger Zeitung».
«Kraj».
«Дер Фрайнд».
«Рассвет».

II.

Редакторы петербургских газет и журналов у С. Ю. Витте [1]).

Считаем необходимым заметить для освещения нижеприведенной беседы, что пожелания всех представителей прессы сходились только на необходимости свободы печати и объявления политической амнистии. Остальные заявления исходили от отдельных лиц и групп, а не от имени всей печати.

18 октября редакторы, издатели и некоторые из сотрудников петербургских периодических изданий явились к графу С. Ю. Витте по его приглашению для беседы о современных событиях и о свободе печати.

С. Ю. Витте вышел к журналистам в 11 часов. Сославшись на недостаток помещения, гр. Витте, после обмена рукопожатий, заявил, что он не приглашает никого садиться и будет вести разговор стоя.

Все столпились поближе к гр. Витте. Он был почти в центре группы.

Граф Витте обратился к журналистам с такой речью:

— Охрана безопасности в государстве должна иметь опору на общественном мнении. Вы знаете, что в России, благодаря особым условиям, общественное мнение выражалось лишь печатью, так как других органов для выяснений мнений большинства, меньшинства и крайних элементов не было. В виду этого русская печать всегда имела исключительное значение. Невзирая на свое полное бесправие и беззащитность, наша печать всегда имела громадное влияние на умы. Я обращаюсь к вам, как русский человек, как гражданин, а не как царедворец или министр. Помогите мне успокоить умы. От вас, главное от вас это успокоение зависит. Пока не водворится порядок, никто не в состоянии ничего сделать. Теперь все дезорганизовано. Все чувства людей дезорганизованы. Я тоже человек: и у меня теперь нет нормального равновесия между чувством и умом. Как сановник, я встречаю людей, известных всей России и всему миру. Эти люди всегда жили только умственной жизнью. У них волевая жизнь не развита. Они еще могут судить о положении дел в отношении того, что следует делать (ум), но не о том, как можно делать (воля) при современных обстоятельствах. Что же я теперь буду делать? Ведь дело, которое

[1]) Рукою Витте помечено: «Слово», далее неразборчиво.

я буду вести, — не мое. Мне не сладка его тяжесть. Я нуждаюсь в поддержке. Обращаюсь к вам. Помогите мне. Если вы успокоите общественное мнение, если явится истинное народное представительство, все облегчится. Тяжкая обуза падет. Тогда правительство будет играть роль такую, как в культурных странах. Если вы хотите, господа, вы можете принести громадную пользу всем. Не мне, не правительству, а всей России. В таком же разброде чувств и мыслей дольше жить нельзя.

Редактор «Нового Времени» М. А. Суворин выступает немного вперед и говорит: Для полного успокоения страны теперь необходима прежде всего политическая амнистия.

С. Ю. Витте. Да. Одновременно с обнародованием манифеста произошли несчастные события у Технологического института. У меня был видный земский деятель. Имени его не буду называть. Он уже обратил мое внимание на необходимость политической амнистии. Сегодня я говорил с министром юстиции и поручил созвать сведующих лиц, дабы обсудить, в каких размерах возможна амнистия.

Издатель-редактор «Биржевых Ведомостей» С. М. Проппер. До объявления амнистии успокоения не будет. Теперь столичная печать объединилась в политический союз на условии амнистии. Преступно было бы, чтобы в обновленной России остались без амнистии, кто работал в пользу обновления страны. Требование амнистии категорическое.

С. Ю. Витте. Обращаюсь, господа, к вашему благоразумию и чувству. Этот вопрос не забыт. Я сделаю все, что могу. Вы можете говорить об этом в газетах. Если же вы дело поставите так: правительство еще не устроено, а вы будете писать, что успокоение невозможно, пока не будут удовлетворены и те требования, и другие. Если каждая группа будет требовать: сделайте это, иначе мы не сделаем того-то, — что же в результате получится? Кого мне сперва слушать? Я прошу прежде всего доверия.

Редактор «Новостей» О. К. Нотович. Мы верим, но народ не верит.

С. Ю. Витте. Я рад, что вы доверяете мне. У государя нет других забот, кроме забот о благе народа. Но в чем благо народа,— на этот счет возможны сомнения, особенно когда одни советники твердят: «Вот это полезно народу», а другие говорят: «Нет, это вредно». Вне соображений о благе народа у государя нет сомнений. Благо — единственная точка отправления у государя. Амнистия политическая — вопрос очень сложный. Даже тот земский деятель,— а он доктор прав, — вчера говорил мне: «Это вот можно, а то вот — нет». Я употреблю все силы. Его величество предоставил мне достаточные полномочия, чтобы я мог сказать это так положительно. Мы теперь в водовороте смуты. Всегда возможны кровавые столкновения. Если и теперь каждая группа будет являться со своими требованиями...

С. М. Проппер. Это не группа, а все, вся Россия...

С. Ю. Витте. Нет, не вся, не вся Россия...

Общие голоса. Нет, разногласий нет у нас в России.

О. К. Нотович. Даже «Гражданин» за амнистию.

С. М. Проппер. Амнистия должна явиться поскорей...

С. Ю. Витте. Господа, вы требуете...

Издатель «Нашей Жизни» проф. Ходский. Граф, вы заблуждаетесь. Мы не требуем, и мы не просим. Мы говорим, что́ необходимо. Амнистия прежде всего. Кроме того, генерал Трепов должен быть удален с должности генерал-губернатора С.-Петербурга. Таково постановление союза газет.

Представители «Нового Времени» и «Слова» возражают, говоря, что такого постановления не было.

С. Ю. Витте. Генерал Трепов сам охотно ушел бы, но теперь не такое положение, чтобы об этом можно было говорить... Вы говорите, что наступит успокоение, когда ген. Трепов удалится. А что скажут сотни тысяч обывателей, непричастных к политическому движению?

Делегат «Новостей» г. Арабажин. Успокоение нужно начать с уничтожения военного положения и усиленной охраны, а также с устранения опасности применения смертной казни.

Делегат «Русского Богатства» Анненский. Положение очень серьезно. Мы обязаны, зная психику страны, сказать, что́ нужно. Страна не верит обещаниям правительства. До успокоения страны еще далеко. Мы совершим преступление, погубим значение печати, если согласимся с вами. Все наши требования должны быть выполнены. В первую голову должно быть реальное осуществление всех свобод, объявленных в первой половине манифеста.

С. Ю. Витте. В этом вы можете быть уверены.

С. М. Проппер. Мы готовы вас поддерживать.

С. Ю. Витте. Перед кем? Если перед монархом, то напрасно. У него мне вашей поддержки не нужно. Монарх, кроме блага и добра, ничего не желает. Ему только нужно дать ясную картину дел. Необходимо только, чтобы он видел, где лежит истина и спасение. Ведь он человек. А ему говорят одни: «Нужны сила и репрессия». Другие возражают: «Нет, не сила. Нужно воздействовать на психологию общества. Необходимо удовлетворить желания большинства». Так вот вы, господа, постарайтесь, чтобы государь увидел, что от добрых мер есть результаты. Вот лучший путь. На нем вы меня и поддержите. Я с вами согласен, что нужно провести принципы реформы в жизнь, но для этого прежде всего нужно сделать все, чтобы на улицах не стреляли. Вы требуете, чтобы все было сделано немедленно. Но вы забываете, в каком мы положении. Правительству надо прежде всего самому организоваться. Между тем я еще не видался ни с кем из министров. Мне необходимо говорить с разными лицами, между прочим, из Москвы и Киева, куда я разослал телеграммы еще четыре дня назад. И никто не может приехать. Правительство хочет быть искренним. Оно не же-

лает быть в роли китайского пугала с несуществующей сущностью... А теперь даже печати периодической нет. Я не могу ориентироваться во мнениях печати. Ведь и между вами люди разных направлений и взглядов... Нужен порядок. А ныне я не могу поручиться, что не будет выстрелов на улицах.

Анненский. Необходимо организовать народную милицию. Нужно увести из столицы казаков и войска.

С. Ю. Витте. Теперь нельзя.

Анненский. Теперь революция. Нужны не обещания, не векселя, а нужна валюта.

С. М. Проппер. Назначьте срок для вывода войск.

Голоса. Нельзя отсрочить... Нужна народная милиция.

С. Ю. Витте. Неисполнимо, нет, нет.

Арабажин. В настоящее исключительное время печать может оказать С. Ю. Витте содействие в его добрых намерениях одним способом: фактическим осуществлением свободы печатного слова, которая возвещена манифестом. Таково решение союза газет.

С. Ю. Витте. Дело ваше. Я полагаю, что это решение не полезно при теперешних обстоятельствах. Ведь уже объявлена свобода печати. Но пока не изданы новые законы о печати, необходимо соблюдать существующие еще, не отмененные законы. Нарушение их будет уже дезорганизацией. Вы твердите: то снять, то свергнуть. Дайте время; пока в случае нужды черкните мне два слова, и всегда вы найдете у меня поддержку.

Анненский. Мы готовы дать время, но ведь жизнь не ждет.

Ходский. В манифесте нет даже упоминания о свободе печати.

С. Ю. Витте. Я отвечаю честным словом, что свобода печати существует, но, судите сами, нельзя же объявить в манифесте, что все законы о печати уничтожены.

Анненский. Но судебная ответственность?

С. Ю. Витте. Суд? Но ведь такой свободы печати нигде на свете нет, чтобы могли все печатать; за нарушение закона карает суд.

Анненский. При нынешней «свободе» мы без разрешения цензуры не можем выпустить нумеров из типографии.

Ходский. Мы не будем выпускать газет, пока войска не удалятся.

С. Ю. Витте. Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества. Если войска уйдут, другие жители будут в праве за эту меру винить правительство.

Редактор «Руси» А. А. Суворин. Вы не доверяете обществу.

Острогорский. Стачечный комитет ручается, что без войск будет порядок.

С. Ю. Витте. Не могу стать на вашу точку зрения. Вы упраздняете правительство. А на правительстве в Петербурге лежит ответ-

ственность за 700 тысяч обывателей. Что другие жители скажут, если мы поверим, отпустим войска, а всюду начнутся грабежи, разбои, убийства?

Нотович. В Москве войска удалили, и водопровод начал действовать.

С. Ю. Витте. Снабжение жителей города водой — обязанность городской думы. Если она заявит, что снабжение столицы не нуждается в военной охране, то охрана, конечно, может быть снята.

Некоторые присутствующие заявляют, что именно дума и просила об охране водопровода, так как имела сведения о возможности его забастовки.

Представители радикальных газет. Удалите войска.

С. Ю. Витте. А вы слагаете с правительства ответственность? Если я удалю войска, то сотни тысяч, жены, дети скажут: «Витте сумасшедший».

Анненский. Но нас бьют казаки, удалите эту дикую орду.

С. Ю. Витте. Я сам возмущаюсь насилиями... Помогите мне, дайте несколько недель. Все неудобства, все беспорядки в мире и революции всегда происходили от недоразумений. Теперь дано почти всеобщее избирательное право. Является бесконечная масса вопросов. Населению трудно осуществить всеобщее право выбора без путей сообщения и без общественной организации. Лишь постепенно придем к этому...

Голоса. Уничтожить смертную казнь... Немедленно объявить политическую амнистию.

С. М. Проппер. Для гарантии личности нужно удаление войск.

С. Ю. Витте. Когда все успокоится, войска удалятся.

О. К. Нотович. Войска — причина беспорядков.

С. Ю. Витте. Столько задач. Множество вопросов для решения. Но у меня ведь не 48 часов в сутках.

О. К. Нотович. Мы указываем, как установить спокойствие, мы говорим против расстрелов, против военного положения, против усиленной охраны.

С. Ю. Витте. При мне усиленная охрана не будет обращаться в произвол... Но ныне мне еще нужен аппарат. Я только еще организую правительство. Дайте мне передышку.

Арабажин. Но если правительство еще не организовалось, то не отложить ли беседу до тех пор, пока С. Ю. Витте в силах будет исполнить свои обещания.

Издатель «Петербургской Газеты» С. Н. Худеков. Пусть все свободы, особенно свобода печати, сразу получат осуществление.

С. Ю. Витте. Завтра мы практически будем это обсуждать... Пока я скажу: не нарушайте законов о цензуре. Я сегодня поговорю с начальником главного управления по делам печати об устранении

недоразумений... Опять прошу вас, господа, приходите ко мне, когда хотите... Все, что я сказал вам, я могу сказать всем, придут ли ко мне революционеры или анархисты... До свидания.

Граф С. Ю. Витте обошел всех с рукопожатиями и удалился. Журналисты начали разъезжаться.

ПРИМЕЧАНИЯ.

К № 1. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 87, без названия. Повидимому, это отчет, сост. Витте о своем премьерстве. Печатаем лишь первую главу; всех глав одиннадцать, начало записки совпадает с началом II тома «Воспоминаний», такие же приблизительно совпадения имеются и в других главах.

К № 2. I Отд. Юрид. Секц. Ленинградского Центрального Исторического Архива (Л. Ц. И. А.). Дело № 22 Канц. Совета Мин. По Экспедиции л. л. 25—33. Записка напечатана на машинке, в отдельных местах па полях сделаны карандашные подчеркивания, подпись и дата собственноручные.

К № 3. Дело Канцелярии Совета Министров 1905 г. № 30, л. л. 2—3.

К № 6. АОР, Архив Витте, арх. № 708, альбом с фотографиями документов. Под № 88 в папке № 14 имеется переписанный на машинке (исправленный текст) экземпляр с надписью Витте, приведенной нами в заголовке.

К № 7. Составлена по словам самого Витте (см. «Воспоминания», т. II, стр. 5) в начале января 1907 г. АОР, архив Витте, папка № 14, архивный № 91, написано на машинке с карандашными пометками и поправками одного Витте, поэтому в примечаниях не оговорено, что поправки сделаны им. На перебеленном экземпляре есть следующая приписка Витте: «Сегодня 25 марта».

К № 8-а. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 90. Писано чернилами на четырех страницах восьмушки с карандашной пометкой Витте: «Прошу также снять копию».

К № 8-б. АОР, архив Витте, арх. № 91. Перепечатываем с перебеленной на машинке копии, так как в черновике, писанном рукою Витте, помарки и поправки очень незначительны, чтобы их воспроизводить.

К № 8-в. АОР, архив Витте, папка № 14, архивный № 92. Писано чернилами на четырех страницах восьмушки с замечаниями Витте.

К № 8-г. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 97. Писано чернилами на четырех листах восьмушки. Никаких пометок нет.

К № 8-д. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 98. Письмо писано чернилами на четырех страницах восьмушки с фамильным гербом Вл. Ал. Пометок нет.

К № 9. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 79. На четырех четвертушках, писанных рукою Оболенского с карандашными поправками Витте. Так как все остальные поправки сделаны только Оболенским, то об этом в примечаниях специально не оговорено. Под № 78 той же папки имеется перебеленный текст, составленный для Витте, с надписью, приведенной в заголовке настоящего документа. Кроме того, этот документ сфотографирован первым в его альбоме.

К № 10. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 80. На 4 страницах полул. Писано карандашом, все исправления сделаны самим же Вуичем. Под тем же арх. № имеется перебеленный для Витте экземпляр с надписью перебелявшего: «Незаконченный проект [зачеркнуто: «набросок»], составленный Н. И. Вуичем на пароходе после прочтения проекта кн. Оболенским». С оригинала снята фотография, имеющаяся в альбоме.

К № 11. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 81, на одной стр. полул., кроме первой записи, все остальное писано карандашом. На перебеленном экзем-

пляре надпись: «Записанное Н. И. Вуичем под диктовку графа Витте (во время остановки уже парохода у Петергофской пристани) окончательно установленное содержание пунктов предполагавшегося манифеста».

К № 12. АОР, Архив Витте, папка № 14, арх. № 82, на четырех листах плотной бумаги, писанной на машинке; все исправления сделаны карандашом Оболенским и Вуичем, кроме поправок, оговоренных в примечании 8-м (стр. 90) и 1-м (стр. 91).

К № 13. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. №№ 85 и 86, писано каждое письмо чернилами на четырех страницах восьмушки. Пометок нет.

К № 14 I—III. Политсекция Л. Ц. И. А. Фонд В. Ф. Орлова, пакет с надписью Орлова «Манифест 1905 года 16 октября. Проекты и исправления». Как черновик, так и беловик первого варианта писаны на машинке. На черновике все поправки сделаны карандашом двумя почерками.

К № 14, IV. Политсекция Л. Ц. И. А. Фонд В. Ф. Орлова. Пакет с надписью Орлова «Манифест 1905 года 16 октября. Проекты и исправления». В пакете хранятся три варианта с черновиками и беловиками и литографированный экземпляр окончательного текста и отдельный листок. Все бумаги писаны на машинке, исправления сделаны карандашом преимущественно Будбергом, отчасти Горемыкиным и один раз Орловым (на отдельном листочке им начата фраза «Повелев надлежащим властям», повидимому, относящаяся к первому варианту). Кроме того, в пакете хранится переписанный карандашом экземпляр Виттевского проекта рукою писавшего вставки, оговоренные нами в примеч. 8 (стр. 90) и 1 (стр. 91) «окончательного текста» Виттевского манифеста.

К № 15. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции. л. 6.

К № 16—I. 1 отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. По экспедиции л. 8-й.

К № 16—II. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 11-й. Л. 15 того же дела содержит обращение Витте к князю М. И. Хилкову, министру путей сообщения, где еще есть просьба «приказать доставлять мне ежедневно сведения о положении забастовок на железных дорогах и принимаемых мерах и о предположениях по этому поводу министерства».

К № 17. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 18-й.

К № 18. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 22-й.

К № 19—I. I отд. Юрид. Секции Л. Ц. И. А. Дело № 22. Канц. сов. мин. по экспедиции л. 20-й.

К № 19—II. АОР, архив Витте, папка № 14, арх. № 84, вырезка из газеты «Слово».

Из архива С. Ю. Витте.

В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте дважды упоминает об участии «столпов партии народной свободы» в составлении ряда проектов официальных актов, представлявшихся царю в 1905 г. В роли посредника в этих случаях выступал ген. Трепов, имевший сношения с В. И. Ковалевским, который и устраивал необходимые совещания с лидерами кадетов. Таким путем была направлена царю большая записка о проекте основных законов, выработанном советом министров. К составлению записки В. И. Ковалевским были привлечены С. А. Муромцев, П. Н. Милюков, И. В. Гессен, М. М. Ковалевский, Ф. А. Головин, Н. И. Лазаревский, т.-е. виднейшие деятели и юристы кадетской партии. Ими же, по словам Витте, был составлен также проект приветственной речи членам Государственной Думы и совета, которую Николай Романов должен был произнести при приеме депутатов в Зимнем дворце. В измененном виде этот проект был использован царем. Копия докладной записки об основных законах, представленной Треповым царю, как и копия проекта тронной речи были переданы в 1907 г. В. И. Ковалевским в архив С. Ю. Витте, где и сохранились до настоящего времени. Для освещения роли «партии народной свободы» в 1905 г. и характеристики зигзагов политического курса камарильи, возглавлявшейся в то время Треповым, эти документы представляют исключительную ценность.

Среди других документов, переданных В. И. Ковалевским в архив Витте, имеется еще объяснительная записка о положении страны, представленная также через Трепова царю в апреле 1905 г., с приложением проекта манифеста, в известной мере предвосхищающего основы манифеста 17 октября.

С. Ю. Витте об этих документах в «Воспоминаниях» почему-то совершенно умалчивает. Между тем, на самих документах его же рукой сделаны пометки, подтверждающие получение их от В. И. Ковалевского, и на обложке имеется перечеркнутая надпись: «участники: Милюков, И. В. Гессен, Головин, Лазаревский, Муромцев». После Муромцева в скобках: «мало». Сбоку приписка — «Оба Кова[левские]».

Письма бар. Будберга, приложенные к этим документам, не оставляют никаких сомнений в том, что они действительно были переданы Николаю Романову. Участие в этом ген. Трепова не оставляет сомнения в том, что автором и этой записки и проекта манифеста В. И. Ковалевский является только номинально, фактически же эти документы идут из тех же кругов кадетской партии, с которыми был так тесно связан В. И. Ковалевский. Мы сочли необходимым дать полную коллекцию этих документов, могущих служить иллюстрацией взаимоотношений кадетов, Трепова и Николая Романова в 1905 г. Все эти документы хранятся в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции, фонд X (архив С. Ю. Витте), папка № 38.

Письма Будберга В. И. Ковалевскому [1]).

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Завтра, в четверг, будет поздно, так как я утром еду с докладом, в конце которого буду просить разрешения уехать за границу до 30 апреля, и, следовательно, государя увижу не ранее 5 мая.

Подпишите присланное, дабы я мог завтра же подать; если записку не успеете напечатать вновь, — это не беда.

Где-нибудь поставьте свой адрес на случай, что государь пожелает вас вызвать.

К сожалению, надо полагать, что ваша программа покажется чрезмерной и в особенности найдется огромное количество возражений по вопросу об усиленной охране.

Фактически теперь газету мало стесняют, и все печатают что хотят, а собираются в собрания просто без разрешения, и это сходит с рук.

Помилование в с е х политических нарушителей также никогда не будет признано возможным.

Тем не менее, я считаю полезным, чтобы ваше откровенное слово дошло до государя. Сегодня вечером крайний срок.

Искренно преданный вам *Будберг*.

Многоуважаемый

Владимир Иванович.

Письмо ваше с приложениями сегодня представлено. Думаю, что ваше откровенное слово должно в о в с я к о м с л у ч а е принести ту пользу, что даст ясное представление о положении вещей, при чем картина ценна, как написанная человеком, близко знакомым с настроением.

Искренно преданный вам *Будберг*.

---

[1]) В конце письма рукою Витте сделана пометка: «Письмо это, равно следующее под № 2, передано мне Ковалевским в 1907 году (в начале), как доказательство тому, что им была представлена государю прилагаемая записка с двумя приложениями». Кроме того, имеется перечеркнутая надпись: «1906 год (около марта месяца)».

Объяснительная записка В. И. Ковалевского от 7 апреля 1905 г., представленная Н. Романову [1]).

Объяснительная записка.

Россия переживает тяжелый кризис и находится в таком опасном состоянии, которое является беспримерным в истории других народов. На несчастную родину нашу свалились все беды внутренние и внешние.

Неудачная война, всеобщее недовольство теперешним строем государственного управления, настоятельные требования более разумных и более справедливых условий жизни, беспорядки в сельской и фабрично-заводской России, утрата населением доверия и уважения к власти, упадок материального и нравственного кредита к силам России за границею, — таковы главнейшие черты современного состояния империи, богато одаренной природой, с населением даровитым и мужественным, способным при других условиях явить миру не слабость, нищету, невежество, смуту, а действительное могущество — политическое, духовное и материальное.

Повсеместное прекращение занятий в высших учебных заведениях и волнения на окраинах являются, рядом с прочими актами насильственного характера, очень серьезными и опасными симптомами разложения и распадения государства.

Напрасно более вдумчивые и прозорливые люди еще задолго предуказывали необходимость перехода от расслабившего Россию управления чиновниками-расхитителями народного блага к совершенно иному порядку, при котором царь ведал бы всю правду и нужды страны непосредственно от облеченных доверием народа его представителей. Тщетно доказывали эти лица, рискуя всем для себя дорогим, что без свободы слова, вероисповедания и публичного обсуждения, без личной неприкосновенности, без самодеятельности народа невозможно ни духовное движение вперед, ни материальное благосостояние государства. Люди, глубоко преданные своему государю, искренно убежденные и проникнутые патриотизмом, признавались за свой либеральный образ мыслей неблагонадежными и «красными», а деятельность их получила название «крамолы», на бесплодную борьбу с которой уходила большая часть усилий администрации.

От государя систематически скрывали, насколько бедствует народ от бесправия, бедности и невежества, что Россия задыхается в тисках административного произвола и что меры против крамолы, в виде

---

[1]) На обложке документа рукою Витте сделана пометка: «Эту записку мне передал В. И. Ковалевский в 1907 году,—по его словам, он представлял ее его величеству через генерала Трепова в 1905 году. *Граф Витте*».

Записка написана на машинке. Подпись и дата сделаны рукой Ковалевского.

закона об усиленной охране, преследований печати и общественной жизни, только умножают политические преступления и обращают доведенных до отчаяния людей во врагов правительства.

Так называемая «сильная власть» привела Россию к слабости во всех отношениях и на всех поприщах. Сама власть утратила всякое уважение и доверие со стороны населения. И это потому, что источник силы власти не в физическом авторитете, опирающемся на войско и преследования, а в разумной, открытой и честной деятельности на благо страны. От нашей сильной власти получились самые ужасные результаты: Россия на краю гибели.

Было бы пагубною ошибкою думать, что небольшая группа «крамольников» создали всю теперешнюю смуту и повсеместное брожение в умах и на улицах. Нет, — они родились от всеобщего недовольства гнетом и бесправием.

Стоя близко к жизни, сталкиваясь с разнообразными общественными кругами людей благонамеренных в лучшем значении слова, я не смею скрывать от своего государя, что Россия находится накануне жесточайшей из революций, последствия которой, как и всякой стихийной силы, не дано предвидеть человеческому разуму. Если легко справиться с местными бунтами, то нет возможности подавить общенародное революционное движение. Его можно только своевременно предупредить.

К глубокому несчастью, стоящие у власти лица большею частью не сознают степени опасности, а сознающие не имеют смелости сказать о том своему монарху и тем предотвратить будущее, полное крови, мрака и страдания.

Предумышленное сокрытие правды пред государем и привело Россию в состояние смуты и брожения. Ошибки и злоупотребления министров приписываются не им, а источнику их полномочия — самой верховной власти. Желая снять с себя ответственность, высшая администрация прикрывает свой произвол, ошибки или зло высочайшими повелениями и тем еще более подрывает веру в существующий государственный порядок. Оторванная от жизни, чуждая понимания того роста правосознания, который постепенно совершался в душе народа под влиянием просвещения и переживаемых бедствий, бюрократия оказалась совершенно бессильною совладать со справедливыми стремлениями страны к мирному движению вперед и к коренному улучшению своей жизни в рамках существующего режима.

Представители земской России на собрании, не только не запрещенном правительством, но даже состоявшемся с его поощрения, высказали в своем заявлении 8 ноября те условия, которые они считали необходимыми для того, чтобы сохранить течение общественной жизни в русле мирного, законного развития. Это был момент, когда власть могла подать руку общественному мнению России и на почве умеренных, справедливых земских желаний создать широкую общественную реформу. Но этот момент прошел неиспользованным, что

нельзя не признать огромной политической ошибкой. Вместо успокоения, которого так легко [было] достигнуть в ту минуту, меры, придуманные нашими канцеляриями за последнее полугодие, привели к еще большему раздражению; общественный конфликт принял характер насильственный, и надежды на мирное разрешение кризиса слабеют с каждым днем.

Основная причина такой неудачи правительственных мероприятий кроется в недостаточном доверии их к общественным силам.

Благой по мысли высочайший указ 12 декабря признал необходимым удовлетворить в большей или меньшей мере пожеланиям земской России, но после некоторого колебания законодатель обошел молчанием главное из этих пожеланий об участии земских сил в государственном строительстве. Затем указ этот возложил на комитет министров изыскание наилучших путей к осуществлению. Возложение этой исторически важной обязанности на учреждение, состоящее исключительно из высших сановников, с деятельностью которых тесно связано нынешнее настроение государства, не могло, конечно, поднять надежд на лучшее будущее. Призыв к участию в этой работе представителей общественных учреждений дал бы эти надежды и действительно способствовал бы успокоению.

Многочисленные комиссии, образованные по положениям комитета министров, работают также без участия общественных представителей, несомненно, к большому ущербу для самого дела.

Подобное же противоречие между благими намерениями декабрьского указа и их осуществлением на деле замечается и в других областях общественной жизни.

Одновременно с обещанными облегчениями для печати ей попрежнему приходится выносить тяжесть существующих цензурных условий. Одновременно с пересмотром положения об усиленной охране оно получает все большее и большее распространение. Одновременно с разработкою мер о внесении в нашу жизнь законности попрежнему применяются произвол и насилие над личностью и общественными собраниями.

Такое явное противоречие между словом и делом порождает горечь и обиду в душе искренно любящих государя и родину. У спокойных и мирно настроенных элементов общества оно подорвало веру в искренность намерений власти, а элементам боевым оно дало новое оружие для противогосударственных замыслов.

Впечатление это еще усилено последующей правительственной мерой.

Высочайший манифест 18 февраля произвел самое удручающее впечатление и, казалось, отнимал последнюю надежду на просветление омраченной русской жизни. Появившийся в тот же день высочайший рескрипт прорезал эту тьму обещанием нетерпеливо ожидаемого всеми высшего блага для России,— призыва к участию в законодательной работе избранников народа, облеченных его доверием. Эта царская

воля возвещена не манифестом, который, как в былые времена, словно колокольный благовест с Ивана Великого, поведал бы всей Руси о величайшем благодеянии царя своему народу.

В самом рескрипте царская воля выражена настолько туманно, нетвердо, что допускает толкования, идущие вразрез со всем, чего общество ожидало от этого великого акта верховной воли. Таким образом, и рескрипт не достиг своей цели, не принес желанного успокоения. Администрация медлит, не решается созвать совещания для составления проекта избирательного закона, а народ, не доверяя исполнительной власти, боится обращения мудрого царского слова в мертвую букву.

Обещание собрать совещание через три месяца, данное в недавнем правительственном сообщении, не только не помогло, но внесло еще бóльшую тревогу. Ссылка на высочайшее одобрение было большою ошибкою при теперешнем настроении умов. Самодержавная и безответственная администрация делает все, чтобы пошатнуть культ самодержавия, забывая, что история не дает примеров прочного восстановления расшатанных культов.

Итак, все правительственные меры, принятые для удовлетворения желаний общества, не достигли своей цели. Меры эти всегда приходили слишком поздно и потому встречались обществом, как вынужденные и неискренние уступки. Отсутствие всякой последовательности, всякой внутренней связи между этими мерами только увеличивало общее недоверие к ним.

Положение в настоящее время настолько опасно, виды на ближайшее будущее настолько мрачны, что необходимо безотлагательно наметить правильный путь к мудрому разрешению задачи, поставленной логикой жизни и ходом истории, а затем следовать этому пути с твердостью и неуклонностью.

Прежде всего, нужно поднять доверие и уважение к власти. В действительности, теперь нет никакой власти. Не она идет вперед навстречу назревшим и вполне определившимся потребностям народа, — нет, власть перебрасывается с волны на волну напорами случайностей дня. Она то уступает, то отступает, то умышленно закрывает глаза на осуждаемые ею же явления общественной жизни, ибо теперь уже бессильна подавить их. У власти нет ни определенной программы, ни твердо намеченного плана. Поэтому она всегда запаздывает и не последовательна в своих действиях. Такой недостаток власти на-руку крайней партии революционеров и социал-демократов, но в глазах лиц, желающих мирного развития своей родины, он является явным свидетельством разложения и предтечею грозных событий.

Теперь уже медлить нельзя. Каждый потерянный день ухудшает положение и уменьшает возможность бескровного выхода из него. Этих дней потеряно так много... В этом весь трагизм переживаемого нами времени. Только слепые могут не видеть, только оторванные от жизни могут не сознавать этого. И будущий историк патриот, ко-

торому придется сопоставлять причины и следствия, с глубокой скорбью занесет на свои страницы такую непрозорливость современных властителей.

Что же можно еще и что же нужно сделать?

Любящий свою родину любовью благодарного сына к страждущей матери, я решаюсь представить ответ самой жизни на этот вопрос, ибо только в этом ответе совмещается бессмертная слава теперешнего царствования, спокойствие и блага народа, залог порядка и мощи государства.

Необходимо немедленно снять оковы с русской мысли и русского духа и дать здоровый исход сжатым общественным силам. Вне этого нет спасения. Опасаться того, что это откроет внутренним врагам государства простор, нет основания. Всюду есть крайние партии, но они не опасны, ибо подавляются мощным голосом и силами самого общества, раз оно не враждебно настроено против правительства, а составляет с ним согласное и совместно работающее целое. Теперь кличкою «крайних» пользуются все те, кто открыто восстает против зла и неправды современного строя управления и желает мирной реформы. К этим крайним принадлежит в настоящее время весь русский народ. При ином складе жизни эти «крайние» перейдут в ряды защитников общественного порядка.

Горький опыт более чем двадцатилетнего применения закона об усиленной охране доказывает с несомненностью, что этот закон ничего и никого не охранил. Поэтому безотлагательная отмена некоторых статей его, т.-е. статей, относящихся до административных обысков, высылок и арестов, сняла бы тяжелые оковы с русской жизни, водворила бы спокойствие и укрепила бы власть.

Немедленная отмена ст. 140 и 144 и примечания к ней, т.-е. отмена права министра воспрещать обсуждения в печати любого вопроса по распоряжению административной власти, с предоставлением министру внутренних дел задержать выпуск в свет нумера повременного издания с возбуждением уголовного преследования против редактора, привела бы к тем же последствиям, что и отмена закона об усиленной охране.

Предоставление населению права собраний, не имеющих преступной цели, с обязательством предварительного за сутки заявления местной полиции программы этого собрания, с предоставлением ей присутствовать на собрании и закрывать его в случае возникновения беспорядков или уклонения от программы, дало бы естественный выход естественному стремлению общества обсуждать свои нужды и дало бы в его руки сильное оружие для борьбы с врагами порядка и мирного развития жизни. Власть нашла бы сильную поддержку в тех, с кем ей приходится в настоящее время вести постоянную и непосильную борьбу.

Наконец, милосердное прощение всех потерпевших за политические преступления было бы не только великодушным и благородным

движением царского сердца, но и актом высокой политической мудрости.

В тот день, когда русский народ удостоился бы этих милостей и облегчений великодушного монарха, был бы действительно светлым для него праздником. Благодарность и радость его были бы безмерны, и слава такого монарха не померкнет во-веки.

Существенно необходимо только этому будущему придать большую определенность, указав, что в состав народного представительства, возвещенного рескриптом 18 февраля, войдут избранники от всего населения без различия национальностей, и что законопроекты и государственная роспись, начиная уже с предстоящего 1906 года, будут представляемы на утверждение государя лишь по одобрении их законодательным собранием народных представителей. Таким образом было бы осуществлено «правильное участие народного представительства, как особого выборного учреждения, в осуществлении законодательной власти», которое представители земской России считали «безусловно необходимым для обеспечения правильного развития государственной и общественной жизни».

Для успокоения сельского населения было бы важно предуказать, что в первое же собрание таких представителей будут внесены предположения правительства о расширении крестьянского землевладения.

Возвещение всего этого в манифесте подняло бы власть монарха на недосягаемую высоту. Народ воспрянул бы духом, спокойно и уверенно относился бы к предстоящему благоустройству его жизни и развернул бы свои богатырские силы на одоление внешнего врага, ибо все великое и благородное исходит от духа. Да воспрянет же по царскому слову в манифесте к светлому дню воскресения христова этот великий дух великого народа.

В. Ковалевский.

7 апреля 1905 г.

Проект высочайшего манифеста, составленный В. И. Ковалевским [1]).

Высочайший манифест.

Божиею милостию,

мы, Николай вторый, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем верным нашим подданным:

Печальные события последнего времени, вызывающие чувства глубокой скорби в душе моей, все явственнее обнаруживают недо-

[1]) На документе написано рукой В. И. Ковалевского: «Представлено государю императору 7 апреля 1905 г. *В. И. Ковалевский*»

статки современного законодательства и управления, не соответствующих изменившимся условиям жизни России.

Обостренное внутреннее состояние России приводит меня к убеждению, что отдельные реформы не могут удовлетворить назревшим нуждам государства и успокоить страну. В виду этого я признал за благо ускорить предуказанный мною созыв народных представителей, избранных всем населением без различия национальностей, с тем, чтобы, начиная с осени 1905 года, проекты законов и государственных росписей, ими не одобренные, не были подносимы на мое утверждение.

Независимо от всех разрабатываемых законодательных предположений, я в заботах своих о благосостоянии крестьянского населения, поставленного ныне в тяжелые условия, придаю особенную важность разработке вопросов о коренном улучшении быта сельского населения, главнейше — о расширении его землевладения. Проекты по этим вопросам подлежат внесению на рассмотрение народных представителей в первую очередь же.

Привлекая население к участию в управлении страной и желая всячески облегчить доступ ко мне голоса народа, я признаю за благо ныне же расширить установленные действующим законом пределы свободы печати и собраний и твердо верую в то, что отныне все население объединится вокруг престола в общих стремлениях к мирному развитию родины, отменяю некоторые исключительные полномочия администрации по охранению государственного порядка и общественной безопасности. Вместе с тем, движимый чувством человеколюбия, изъявляю прощение по политическим преступлениям, для осуществления чего мною даны соответственные указания министру внутренних дел.

Я твердо убежден, что с отменою стеснительных законов порядок и спокойствие в государстве не будут нарушаемы населением и что оно вполне оправдает мое к нему доверие.

Призываю, с божьей помощью, возлюбленный народ мой к широкой, плодотворной и мирной деятельности, во имя счастья и блага нашего дорогого отечества, на основе свободного развития его духовных и материальных сил.

Доклад С. Ю. Витте об основных законах [1]).

Месяца два тому назад граф Сольский передал мне, что вашему императорскому величеству благоугодно было передать ему на заключение проект основных законов империи и что за сим проект этот в более обработанной редакции будет передан на рассмотрение совета министров, а затем в государственный совет. После граф Сольский переслал мне экземпляр проекта в том виде, в каком он представил

[1]) На документе имеется пометка Витте: «По вопросу об основных законах. Начало марта или конец февраля. Всеподд. доклад». В деле имеется черновик доклада, написанный карандашом рукой Витте, и 1 экземпляр, написанный на машинке, подписанный собственноручно С. Ю. Витте.

вашему величеству. Проект этот, по моему мнению, с одной стороны, содержит несколько статей таких, которые допустить опасно, а с другой— не содержит таких положений, которые при новом порядке вещей являются безусловно необходимыми. Я говорю об определении, что́ такое закон и что́ такое постановление (декрет), издаваемый в порядке верховного управления. В настоящее время почти все представляется законом, ибо при точном соблюдении положения о государственном совете почти все должно было проходить через государственный совет. Если такой порядок вещей представлял известное удобство для монарха, когда государственный совет являлся совещательным учреждением, то он может представить самые большие затруднения при новом положении вещей [1]). Об этом я неоднократно заявлял в заседаниях, рассматривавших новые положения о государственном совете и Государственной Думе; все со мною соглашались, — говорили, что это нужно будет внести в основные законы. Но в экземпляре, мне переданном графом Сольским, статей, касающихся этого предмета, не имеется. Затем у меня есть сомнения относительно основных законов, касающихся опеки. В свое время К. П. Победоносцев и Н. В. Муравьев мне говорили, что ваше императорское величество полагаете в них внести изменения.

Но, во всяком случае, если даже оставить все основные законы без изменения, то, по моему убеждению, необходимо внести в основные законы положения, определяющие права монарха издавать декреты, иначе явится масса затруднений.

Наконец, если издавать основные законы в новой редакции или если только внести дополнительные постановления в основные законы, то, мне кажется, это необходимо сделать до выборов членов Государственной Думы и государственного совета, между тем, времени остается очень мало, так как рассмотрение столь важного предмета в совете министров и затем в государственном совете не может не потребовать довольно большого числа заседаний.

О всем вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Председатель совета министров статс-секретарь граф *Витте*.

Записка, составленная Ковалевским при участии кадетов [2]).

Выработанный советом министров проект основных государственных законов производит самое грустное впечатление. Под видом сохранения прерогатив верховной власти, составители проекта стре-

[1]) В черновике зачеркнуто: «Это новое ограничение монаршей власти».

[2]) На документе имеется пометка рукой В. И. Ковалевского: «Подана 18 апреля 1906 г.», и надпись С. Ю. Витте: «В. И. Ковалевский передал мне сей экземпляр в 1906 году; по его словам, записка эта была составлена по желанию генерала Трепова в совещании, на котором участвовали, кроме него, следующие гос-да: М.М. Ковалевский, Милюков, И. В. Гессен, Головин, Лазаревский и Муромцев, и представлена государю Треповым».

Записка без подписи, напечатана на машинке.

мились оградить существующие безответственность и произвол министров. Защита собственных интересов и нежелание расстаться с безответственным положением, которым так долго пользовалось наше высшее чиновничество и которое довело Россию до теперешнего ужасного состояния, — таков был руководящий двигатель при составлении проекта. Попрежнему вся ответственность пред богом, историею и народом остается на государе императоре, министры же не отвечают ни за ход политики, ни за общее направление своей деятельности, ни за незакономерность действий своих ведомств. Силою основных государственных законов государь призывается к охране привилегий высшего чиновничества. Попрежнему его величеству подносятся на разрешение исключительные пенсии, усиленные оклады, увольнение чиновников, даже самых мелких, назначение которых исходило не от него. Дальше этого итти нельзя. (Статья 15-я проекта совета министров может служить подтверждением сказанного.)

Этого рода побуждения вызвали и другой коренной недостаток проекта — извращение великих начал манифеста 17 октября. Почти всюду оставлены выходы для администрации на всякий случай, и это где же?—в основных государственных законах. Во всех других государствах основные законы о личных и общественных правах составляются в смысле принципиальных руководящих начал законодательства. В проекте же совета министров основные государственные законы удерживают все исключительные отступления [1]) от основных начал впредь до отмены этих отступлений в установленном порядке. Казалось бы достаточным сказать, что те или другие права населения определяются законом, что и относилось бы безразлично к закону настоящему или будущему.

Манифест 17 октября задался высокою целью: удовлетворив насущным нуждам народа, привести его к успокоению и дать ему свободу и порядок для широкого духовного и материального развития в будущем. Население нетерпеливо ждет воплощения этих начал в основном государственном законе. Опубликование проекта совета министров произвело удручающее впечатление. Если бы этот проект обратился в закон, то недоверие к власти и подозрительное отношение к ее обещаниям еще более бы возросли. Всего печальнее, если бы такое недоверие распространилось и на верховную власть, милости которой народ и обязан провозглашением великих начал своего будущего благоустройства.

Во избежание коренной переработки проекта совета министров, он принят за основание, и затем в него введены частью более или менее существенные, частью лишь редакционные изменения.

При проектировании главнейших изменений руководствовались следующими соображениями:

---

[1]) Примером могут служить статьи 29 и 30. *Прим. подлин.*

Усиление министерской ответственности как за незаконные, так и за незакономерные деяния может иметь своим последствием не умаление, а возвеличение того обаяния, какое власть монарха должна иметь среди подданных. Стоящий превыше изменчивых настроений и партий и вне преследуемой ими политики, государь должен быть воплощением идеи единства и величия империи, правды и блага на своей земле. Ошибка временных правителей не должна служить источником недоверия или нерасположения к верховной власти. «Король, — гласит английский закон, — не может делать зла». Этими словами англичане выражают ту мысль, что за всякую неправду или ошибку ответствуют члены правительства, а не король. Такую ответственность министры с председателем совета принимают на себя, скрепляя своими подписями приказы, отдаваемые ими от имени государя.

Этими соображениями составители нового проекта руководствовались, выразив в статье 8-й, что особа государя императора священна, неприкосновенна и неответственна. Но необходимо было бы в особой статье категорично указать на ответственность министров, а также на то, что все правительственные акты для их законности нуждаются в скрепе подлежащего министра, этим самым принимающего на себя ответственность.

Чтобы предупредить возможность опасного разрыва между политикой, преследуемой правительством, и нуждами народа, выражаемыми большинством его избранников, необходимо предоставить государственному совету и Государственной Думе право представлять на высочайшее благоусмотрение не только о действиях министров, заключающих в себе нарушения законов, но и о таких, которые признаются вредными для государства и опасными для его будущего. Это даст возможность государю императору, взвесив представленные доводы и факты, в полной свободе принять меры к своевременному отклонению опасности. (Ст. ст. 65 и 65-а отвечают этому предположению.)

Личные права граждан находят себе охрану не столько в перечне этих прав в тексте основных законов, сколько в строгом соблюдении того правила, что всякое нарушение закона, кем бы оно ни было сделано, ведет необходимо к судебной ответственности виновного. Такой судебной ответственности не последовало бы в том случае, если бы государь пожелал освободить от преследования председателя совета или одного из министров. В виду этого статье 20-й нового проекта и придана соответственная редакция.

Государственной Думе и государственному совету предоставлено право делать запросы министрам. Цель таких запросов, в случае совершения министрами действий, несогласных с законами, заключается в скорейшем устранении беззакония. В проекте совета министров не указывается, в какой срок министр обязан дать разъяснение по запросу и какие средства находятся в распоряжении Думы и совета для

того, чтобы побудить председателя совета министров или министра отменить незаконные действия. Поэтому в новом проекте предположено установить недельный срок для представления министрами объяснений, в случае же отрицательного ответа — дать этим учреждениям право представлять на благовоззрение государя о всех тех случаях, когда по прошествии недельного срока или вовсе не последует ответа на запрос, или дан будет отрицательный ответ. (Ст. 60 в новой редакции.)

Обещание манифеста 17 октября, что впредь не будут издаваемы законы без предварительного одобрения их Думою, может быть осуществлено лишь при условии, что указы и повеления не будут противоречить законам. Судьею в этом деле должен быть правительствующий сенат; но уже самое изготовление указов, как тех, которые издаются в промежуток между сессиями Думы и совета, так и тех, которые имеют целью устройство и приведение в действие государственного управления, требует предварительного соображения с законами. Поэтому было бы не только желательно, но и необходимо поручить составление их особому департаменту государственного совета. (Эта мысль и нашла себе выражение в ст. ст. 11 и 52.)

Для укрепления доверия к тому, что впредь законы не будут издаваемы иначе, как при участии Государственной Думы и государственного совета, необходимо, чтобы при распущении Думы был определен срок для производства новых выборов. Такой срок предположен не долее 4-х месяцев после распущения, что и даст возможность этому учреждению заниматься делами государства не менее 8-ми месяцев в году.

Для той же цели упрочения доверия к обещаниям, данным манифестом 17 октября, весьма важно указать в законе, что налоги, пошлины и повинности подлежат рассмотрению Государственной Думой, государственным же советом они могут быть приняты или отвергнуты лишь целиком. Такой порядок существует во всех государствах, и в основе его лежит та мысль, что масса налоговых плательщиков представлена не членами государственного совета, а членами Думы, т.-е. нижней палаты. Тем же соображением об упрочении доверия вызывается и необходимость определения в законе, что государственный бюджет подлежит рассмотрению ежегодно в Думе и государственном совете во всех своих частях и что налоги, пошлины и повинности, не внесенные в государственную роспись, не могут быть взимаемы. Потребность в займе и условия его заключения должны быть разрешаемы чрез посредство Государственной Думы и государственного совета. Такой порядок существует во всех государствах, не исключая Австрии и Пруссии.

Торговые трактаты и конвенции, часто налагающие материальные тяготы на население, следовало бы подчинить тому же порядку рассмотрения. (Сответственно этому и составлены статьи 51-а, 52-а, 57-а, 60-а.)

Пересмотр основных государственных законов составляет исключительную прерогативу государя императора. В числе их есть и законы сравнительно второстепенного значения, что следует приписать предусмотрительной заботе министров о том, чтобы сохранить их в неприкосновенности от покушений государственного совета и Государственной Думы. К таким законам относятся порядок рассмотрения бюджета и порядок заключения займов. Даже такой маловажный предмет, как сохранение комитета финансов, и тот сделан неприкосновенным посредством включения в основные государственные законы. Между тем, надобность в этом учреждении очень спорная и условная. По этим соображениям, быть может, следовало бы дать Государственной Думе и государственному совету право представлять на благоусмотрение его императорского величества предположения о пересмотре основных государственных законов, обставив этот пересмотр исключительными требованиями. Такими требованиями могли бы быть согласие двух третей членов соединенного заседания Думы и совета на представление ходатайства о пересмотре, а затем, в случае удовлетворения этого ходатайства государем императором, согласие двух третей членов соединенного собрания Думы и совета на самое изменение. От воли государя императора зависело бы утвердить или не утвердить предположения об изменении основного закона. Все законодательства определяют условия и порядок такого пересмотра при участии народных представителей.

Единство политики и согласование деятельности отдельных ведомств может быть достигнуто и достигается на Западе Европы только при условии предоставления избранному монархом председателю совета права указывать государю на лиц, которых он желал бы иметь своими ближайшими товарищами по работе в качестве министров и главноуправляющих отдельными частями. У государя всегда имеется возможность отклонить ту или другую кандидатуру, если бы монархом она была признана несоответственной.

Еще в древней Руси население имело право обращения с челобитными не только к монарху, но и к земским соборам. Манифестом 17 октября это право не даровано. Между тем, оно является необходимым последствием уже признанного права собраний. Самые собрания нередко имеют целью изложить те или другие нужды в форме письменных прошений на имя государя императора или законодательного учреждения. Подача челобитных шумною толпою может повести к нарушению мира, представления же письменных ходатайств не заключают в себе ничего опасного. Поэтому перечень прав русского населения предположено пополнить также и правом представления челобитных на имя государя императора или в законодательное собрание.

Основные государственные законы.	Сравнение с проектом совета министров.
Статья 1-я.	
Государство Российское едино и нераздельно.	Статья 1-ая вошла без изменений.
Статья 2-я.	
Великое княжество Финляндское, составляя нераздельную часть государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями, на основании особого законодательства.	Статья 2-ая вошла без изменений.
Ст. 3-я.	
Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных установлениях, а также в армии и флоте.	Статья 3-я. Русский язык есть язык общегосударственный и обязателен в государственных и общественных установлениях, а также в армии и флоте. Употребление местных языков и наречий определяется особыми законами.
ГЛАВА I	ГЛАВА I
О существе верховной самодержавной власти.	
Ст. 4-я.	
Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает.	Статья 4-я вошла без изменений.
Ст. 5-я.	
Особа государя императора священна, неприкосновенна и неответственна.	То же, с прибавлением слова «и неответственна».

Ст. 6-я.

Та же верховная самодержавная власть принадлежит государыне императрице, когда наследство престола, в порядке, для сего установленном, дойдет до лица женского. Но супруг ее не почитается государем, он пользуется почестями и преимуществами наравне с супругами государей, кроме титула.

Т о ж е.

Ст. 7-я.

Государь император осуществляет законодательную в Российской империи власть в единении с государственным советом и Государственной Думою.

Т о ж е.

Ст. 8-я.

Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Правом законодательного почина пользуются также государственный совет и Государственная Дума, за исключением основных законов, пересмотр которых принадлежит нераздельно императорскому величеству.

Статья 8-я. Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства.

Ст. 9-я.

Государю императору принадлежат утверждение и обнародование законов. Без его согласия никакой закон не может воспринять силы.

Государю императору принадлежит утверждение законов, и без его утверждения никакой закон не может иметь своего совершения.

Ст. 10-я.

Власть во всем ее объеме принадлежит государю императору в пределах всего государства Российского. В управлении верховном

Т о ж е, но слово «пространстве» заменено словом «объеме».

(Это замечание, очевидно, было принято государем при оконча-

власть его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим его именем и по его повелениям.

Ст. 11-я.

Государь император в порядке верховного управления издает, в согласии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления. Проекты этих указов вносятся на предварительное рассмотрение в особый департамент государственного совета и затем представляются государю императору на утверждение. Указы обнародываются правительствующим сенатом.

Ст. 11-я а.

Государь император в порядке верховного управления издает повеления для приведения законов в действие.

Ст. 12-я.

Государь император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства. Ему принадлежит высшее направление международной политики России. Он объявляет войну, заключает договоры и миры и политические союзы с иностранными государствами.

тельном обнародовании основных законов после ухода графа Витте 20 апреля 1906 г. [1]).

Ст. 11-я. Государь император в порядке верховного управления издает, в соответствии с законами, указы и повеления, необходимые для исполнения законов, для устройства частей государственного управления, для ограждения государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обеспечения народного благосостояния. Указы, в порядке верховного управления изданные, обнародываются правительствующим сенатом.

Этой статьи не было в проекте совета министров.

(То же относительно статей 10 и 11 [1]).

В проекте совета министров конец этой статьи изложен так: «Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами».

---

[1]) Заключенное в скобках написано рукою С. Ю. Витте.

Ст. 13-я.

Государь император есть державный вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами. Он определяет устройство армии и флота, издает повеления относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, строевого их обучения и прохождения службы чинами армии и флота. Им же устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

Статья 13-я вошла без изменений.

Ст. 14-я.

Государю императору принадлежит право чеканки монеты и определение внешнего ее вида.

Статья 14-я вошла без изменений.

Ст. 15-я.

Государь император назначает и увольняет председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения. Судьи пользуются несменяемостью и могут быть отставлены от должности только после постановки над ними обвинительного приговора.

Статья 15-я (по мнению большинства): государь император назначает председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом особого порядка назначения. Власти его предоставляется увольнение от государственной службы всех без изъятия должностных лиц.

(Редакция ст. 15 имела влияние на окончательную редакцию объявленных законов [1]).

Равным образом власти его императорского величества принадлежит определение окладов содержания и назначение размеров пенсий тем должностным лицам, коим таковые не установлены законом, а также пожалование служащим усиленных окладов и назначение усиленных пенсий и пособий служащим и их семействам.

Ст. 16-я.

Государь император жалует титулы, ордена и другие отличия.

В статье 16-й проекта совета министров после слов «и другие» стоит «государственные и сословные».

Ст. 17-я.

Государь император определяет пространство и свойство прав своих в отношении имуществ, ему принадлежащих, равно как удельных и состоящих в ведении кабинета его императорского величества. Им же определяется устройство и порядок управления императорским двором, состоящими при нем учреждениями и удельным ведомством.

Ст. 17 вошла без изменений.

Ст. 18-я.

Государю императору принадлежит объявление местностей Российской империи на военном положении.

В проекте совета министров стоит: «на военном или исключительном».

Ст. 19-я.

Судебная власть осуществляется от имени государя императора установленными законом судами. Ему, в указанных законом случаях, принадлежит утверждение судебных приговоров.

В проекте совета министров статья заканчивается так: «...судебных приговоров, а также возбуждение и прекращение судебного преследования».

---

[1]) Заключенно в скобках написано рукою С. Ю. Витте.

Ст. 20-я.

Государю императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния, с освобождением их от суда и наказания, а также сложения, в путях монаршего милосердия, казенных взысканий. Освобождение от судебного преследования не распространяется на председателя совета министров, министров и главноуправляющих отдельными частями, если такое преследование вчинено государственным советом или Государственной Думою.

Против проекта совета министров, конец—от слова «освобождение»—составляет нововведение.

Ст. 21-я.

Постановление свода законов (том I, ч. 1-я изд. 1892 г.) о порядке наследия престола (ст. 3—17), о совершеннолетии государя императора, о правительстве и опеке (ст. 18—30), о вступлении на престол и о присяге подданства (ст. 31—34), о священном короновании, миропомазании (ст. 35—36), о титуле его императорского величества и о государственном гербе (ст. 37—39), о вере (ст. 40—46) и об императорской фамилии (ст. 82—179), а также приложения к сим статьям сохраняют силу основных законов.

Статья 21-я вошла без изменений.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Об основных правах и обязанностях российских граждан.

Ст. 22-я.

Условия приобретения прав российских граждан, равно как и их утрата, определяются законом.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Об основных правах и обязанностях российских подданных.

Без изменения, только слово «подданных» заменено словом «граждан».

Ст. 23-я.

Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского гражданина. Мужское население империи подлежит воинской повинности.

В статье 23, кроме замены слова «подданного» словом «гражданина», введено еще и следующее изменение; вместо: «мужское население без различия состояний» в новом проекте сказано: «мужское население империи».

Ст. 24-я.

Российские граждане обязаны платить налоги и пошлины и отбывать повинности, установленные законом.

Статья 24-я. Российские подданные обязаны платить установленные налоги и пошлины, а равно отбывать повинности, согласно постановлениям закона.

Ст. 25-я.

Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом установленном, и в силу постановления суда.

В проекте совета министров конец изложен так: «...в порядке, законом определенном».

Ст. 26-я.

Никто не может подлежать задержанию под стражею иначе, как в случаях, предусмотренных законом, и лишь по постановлению судебной власти, лично к нему относящемуся.

Ст. 26-я. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях, законом определенных.

Ст. 27-я.

Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действовавшими во время совершения сих деяний уголовными законами, если притом вновь изданные законы не исключают совершенных виновником деяний из числа преступных.

Ст. 27-я вошла без изменений.

Ст. 28-я.

Жилище каждого неприкосновенно. Вход должностных лиц в жилище без согласия на то хозяина или заступающего его место, а равно производство в жилище, без такового же согласия, обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

Ст. 28-я вошла без изменений.

Ст. 29-я.

Каждый российский гражданин имеет право свободно избирать и изменять место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства, на основаниях, установленных законом.

Ст. 29-я. Каждый российский подданный имеет право свободно избирать и изменять место жительства и занятие, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы государства. Изъятие в этом устанавливается особыми законами. Существующие законодательные постановления по отношению к свободе передвижения, равно как приобретение и отчуждение имуществ, сохраняют силу впредь до изменения таковых постановлений в установленном порядке.

Ст. 30-я.

Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение имущества допускается только в случае и порядке, законом определенных, для государственной или общественной надобности и притом не иначе, как за справедливое вознаграждение.

Статья 30-я вошла без изменений.

Ст. 31-я.

Российские граждане имеют право собираться мирно и без оружия в целях, не противных

Статья 31-я. Российские подданные имеют право устраивать собрания в целях, не противных

законам, и принимать на собраниях постановления. Оповещение о времени, месте и цели собраний делаются в сроки и порядком, кои указаны в законе.

законам, мирно и без оружия. Законом определяются условия, при которых могут происходить собрания, порядок обязательного их закрытия, а равно ограничения мест для собрания.

Ст. 32-я.

Каждый может, не нарушая законов, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

В проекте совета министров, вместо слов: «не нарушая законов», стоит: «в пределах, установленных законом».

Ст. 33-я.

Российские граждане имеют право образовывать общества и союзы, в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок обязательного закрытия обществ и союзов определяется законом.

Ст. 33-я. «Российские подданные...»

Ст. 34-я.

Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести и свободой публичного отправления своих религиозных обрядов. Принадлежность к тому или другому вероисповеданию не ограничивает прав гражданства. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом.

Ст. 34-я. Российские подданные пользуются свободой вероисповедания по велениям своей совести. Условия перехода из одного вероисповедания или вероучения в другое определяются законом.

Ст. 35-я.

Иностранцы, в России проживающие, пользуются правами российских граждан, с соблюдением ограничений, установленных законом.

Ст. 35-я включена без изменений.

Ст. 35-я а.

Российские граждане имеют право обращаться с своими ходатайствами к государю императору, в Государственную Думу и в государственный совет.

Этой статьи не было в проекте совета министров.

Ст. 36-я.

Лица, состоящие на военной или гражданской службе, и местности, объявленные на военном положении, подлежат только тем ограничениям в пользовании изложенными в этой главе правами, которые установлены законом.

Ст. 36-я. Законом могут быть установлены изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении лиц, состоящих на действительной военной и гражданской службе, а также местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном. Ограничения в применении указанных постановлений определяются законом. Существующие в сем отношении особые постановления сохраняют свою силу впредь до изменения их в установленном порядке.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О законах.

Ст. 37-я.

Империя Российская управляется на основании законов, изданных согласно вышеизложенным статьям — 7-й, 8-й и 9-й.

Ст. 37-я. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке.

Ст. 38-я.

Законы обязательны для всех российских граждан и для иностранцев, пребывающих в Российской империи.

Ст. 38-я. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и иностранцев, в Российском государстве пребывающих, в установленном порядке.

Ст. 39-я.

Никакой закон не может состояться без предварительного рассмотрения в Государственной Думе и в государственном совете и без принятия его этими учреждениями. Закон приемлет силу по утверждении императорским величеством.

Ст. 39-я. Никакой закон не может последовать без одобрения государственного совета и Государственной Думы и восприять силу без утверждения императорского величества.

Ст. 40-я.

Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, совет министров представляет о ней императорскому величеству непосредственно. Мера эта, осуществляемая в форме указа и порядком, для издания указов установленным, не должна противоречить законам или вносить изменения в учреждения государственного совета или Государственной Думы, а также в постановления о выборе в совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект, или его не примет Государственная Дума или государственный совет.

В статье 40-й проекта совета министров изменено лишь следующее место:

«...мера эта не может, однако, вносить изменения ни в основные государственные законы, ни в учреждения государственного совета и Государственной Думы, ни в постановления о выборах в совет или Думу».

Ст. 41-я.

Законы, особенно изданные для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены не постановлено.

Ст. 41 вошла без изменений.

Ст. 42-я.

Каждый закон имеет силу только на будущее время, кроме тех случаев, когда в самом законе постановлено, что сила его распространяется и на время предшествующее или что он есть только подтверждение и изъяснение смысла закона прежнего.

Т о ж е.

Ст. 43-я.

Общее хранение законов полагается в правительствующем сенате. Посему все законы должны быть вносимы в подлиннике или в заверенных списках в правительствующий сенат.

Т о ж е.

Ст. 44-я.

Законы обнародываются во всеобщее сведение правительствующим сенатом в установленном порядке и прежде обнародования в действие не приводятся.

Т о ж е.

Ст. 45-я.

Законодательные постановления не подлежат обнародованию, если порядок их издания не соответствует положениям сих основных законов.

Т о ж е.

Ст. 46-я.

По обнародовании закон получает обязательную силу со времени назначенного для того в самом законе срока, при неустановлении же такого срока — со дня получения на месте номера «Собрания узаконений и распоряжений правительства», в коем закон напечатан. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его, до обнародования, к исполнению по телеграфу или посредством курьеров, либо эстафет.

Т о ж е.

Ст. 47-я.

Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.

Т о ж е.

Ст. 48-я исключена.

Статья 48-я. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародаван установленным порядком.

Ст. 49-я.

Постановления по военному и морскому ведомствам, касающиеся строевой, технической, хозяйственной и судебной частей, а равно положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и морского ведомств издаются в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений, если только сии постановления, положения и наказы не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны, или же вызываемый ими новый расход покрывается ожидаемыми сбережениями по финансовой смете военного или морского министерства по принадлежности. В противном случае представление означенных постановлений, пожеланий и наказов на высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита.

Статья 49-я. Постановления по строевой, технической, хозяйственнной военно-судебной и военно-морской судебной частям, а равно... и т. д. до конца без изменений.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О государственном совете и Государственной Думе и образе их действий.

Ст. 50-я.

Государственный совет и Государственная Дума ежегодно созываются и распускаются указами императорского величества.

Ст. 50-я вошла без изменений.

Ст. 51-я.

Государственный совет образуется из членов по высочайшему назначению и членов по выборам. Государственный совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами.

Т о ж е.

Ст. 51-я а.

Проекты введения, изменения или отмены пошлин и повинностей вносятся сначала в Государственную Думу, а затем в государственный совет, которым принимаются или отвергаются в целом.

Статьи этой не содержится в проекте совета министров.

Ст. 52-я.

Для дел, особо в законе указанных, в составе государственного совета образуются департаменты, состоящие из членов, избираемых ежегодно высочайшею властью из числа членов государственного совета по назначению. На особый департамент возлагается предварительное рассмотрение указов, издаваемых высочайшею властью. Положения департаментов представляются непосредственно на монаршее благоусмотрение.

Против проекта совета министров в эту статью включено: «на особые департаменты возлагается предварительно рассмотрение указов, издаваемых высочайшею властью».

Ст. 52-я а.

Торговые трактаты, железнодорожные, почтовые и телеграфные конвенции и другие подобного рода международные соглашения подлежат рассмотрению Государственной Думы и государственного совета в порядке, установленном для прохождения законов.

Этой статьи не содержится в проекте совета министров.

Ст. 53-я.

Общее число членов государственного совета, призываемых высочайшею властью к присутствованию в совете из среды его членов по высочайшему назначению, не должно превышать общего числа членов по выборам. Состав членов совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих членов по указу императорского величества, коим назначаются и новые выборы членов совета, но не позже четырех месяцев после издания такового указа.

В статье 53-й нового проекта прибавлено: «но не позже 4 месяцев после издания такового указа».

Ст. 54-я.

Государственная Дума может быть до истечения срока полномочия ее членов распущена указом императорского величества. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва, но не позже 4 месяцев после распущения.

В статью 54-ю нового проекта в конце добавлено: «но не позже 4 месяцев после распущения».

Ст. 55-я.

Предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов исходят как от министров и главноуправляющих отдельными частями, с высочайшего соизволения, так и от комиссий, избранных Государственною Думою и государственным советом из своей среды.

Ст. 55-я. Государственному совету и Гос. Думе, в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать представления об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением основных государственных законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно императорскому величеству.

Ст. 56-я.

Ведению государственного совета и Государственной Думы и обсуждению их, в порядке, учреждениями их определенном, подлежат указанные в сих учреждениях дела.

Ст. 56-я включена без изменений.

Ст. 57-я.

Все доходы и расходы государства должны быть вносимы ежегодно в государственную роспись, которая составляется министерством финансов заблаговременно и представляется на рассмотрение и утверждение Государственной Думы и государственного совета. Без такого утверждения никакие доходы не могут быть взимаемы, а расходы не могут быть производимы.

Ст. 57-я. При обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или изменяемы такие доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, в порядке верховного управления последовавших. Возникающие при этом в государственном совете или в Государственной Думе предположения об изменении действующих законов, положений, штатов, расписаний, а также высочайших повелений, на основании коих внесены в роспись доходы и расходы об ассигновании средств на новые, не относившиеся ранее на средства казны, потребности, — получают дальнейшее движение в порядке, для рассмотрения законодательных дел установленном.

Ст. 58-я.

Кредиты на расходы императорского двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнования по государственной росписи на 1906 год, обсуждению не подлежат. Равным образом не подлежат обсуждению такие изменения означенных кредитов, которые обусловливаются постановлениями учреждения об императорской фамилии и соответственно происшедших в ней перемен.

Ст. 58-я включена без изменения, несмотря на полную непригодность редакции и на то, что статьею охвачены решительно все учреждения.

Ст. 59-я.

Назначения и платежи по государственным долгам и по другим

Статья эта включена без изменений, несмотря на все не-

принятым на себя государством обязательствам не подлежат сокращению.

удобства помещения ее в основных законах.

Ст. 60-я.

Если государственная роспись не будет утверждена с началом сметного периода, то остается в силе последняя, установленным порядком утвержденная, роспись, на срок не свыше одного года, с теми лишь изменениями, какие обусловливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. Впредь до обнародования новой росписи, по постановлениям совета министров в распоряжение министров и главных управлений открываются постепенно кредиты, в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего итога расходов.

Статья 60-я включена без изменений, с указанием лишь «на срок не свыше одного года».

Ст. 60-я а.

Совершение государственных займов происходит по испрошении на то разрешения в порядке, установленном для утверждения государственной росписи.

60-я а. Совершение государственных займов для покрытия как сметных расходов, так и всех сверхсметных кредитов, кроме случаев, ниже в сей статье указанных, происходит по испрошении на то разрешения в порядке, установленном для утверждения государственной росписи. В том случае, если заем требуется для покрытия расходов в пределах росписи, получившей силу на основании ст. 60-й настоящих законов, то осуществление такого займа может последовать без испрошения разрешения в указанном выше порядке. Государственные займы, потребные для покры-

тия чрезвычайных сверхсметных кредитов, упомянутых в ст. 62-й настоящих законов, разрешаются порядком, установленным для открытия сих кредитов в высочайше утвержденных 26 февраля 1890 года правилах (третье полное собрание законов. Т. X, № 6609). Определение способов и условий заключения займов возлагается на комитет финансов.

Ст. 61-я.

Если по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположении о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1-му мая каждого года, то высочайшим указом призывается на военную службу количество людей не свыше назначенного в предшествующем году.

Ст. 61-я включена без изменения, хотя помещена она не на месте.

Ст. 62-я.

Чрезвычайные и сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне, открываются по всем ведомствам порядком, установленным высочайше утвержденными 26 февраля 1890 года правилами (3-е полное собрание законов. Т. X, № 6609) и затем поступают на общем основании на разрешение Государственной Думы и государственного совета.

Ст. 62-я включена с прибавкою в новом проекте: «и поступают, на общем основании, на разрешение Гос. Думы и госуд. совета».

Ст. 63-я.

Законодательные предположения рассматриваются Государственной Думой и по одобрении

Включена без всяких изменений.

ею поступают в государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину государственного совета, рассматриваются в совете и по одобрении их поступают в Думу.

Ст. 64-я.

Законопроекты, не принятые государственным советом или Государственною Думою, признаются отклоненными.

Статья включена без изменений.

Ст. 65-я.

Государственному совету и Государственной Думе, в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону правительствующему сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений действий, кои представляются незакономерными. Министры и главноуправляющие обязаны в недельный срок после запроса или устранить незакономерность соответственными распоряжениями, или лично дать объяснения о причинах, по которым они не признают возможным сделать такие распоряжения. Если Дума или совет не признают объяснения правильными, а также при уклонении названных должностных лиц от разъяснений по запросам, Государственная Дума и государственный совет представляют о том на высочайшее благоусмотрение.

В этой статье, против проекта совета министров, прибавлено от слова «министры и т. д.».

Ст. 65-я а.

Государственной Думе и государственному совету предоставляется доводить до высочайшего благоусмотрения ходатайства об изменении в основных законах, если они были поддержаны большинством двух третей голосов в обоих этих учреждениях. По воспоследовании высочайшего соизволения на ходатайство проекты изменений рассматриваются в соединенных заседаниях Думы и совета, и если были приняты двумя третями всех членов названных учреждений, то представляются на высочайшее утверждение. Если проект удостоится такого утверждения, то соответственное изменение вводится в текст основных законов.

Этой статьи не содержалось в проекте совета министров.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О совете министров.

Ст. 66-я.

Направление и объединение действий министров и главноуправляющих отдельными частями по предметам как законодательства, так и высшего государственного управления возлагается на совет министров, на основаниях, в законе определенных.

Статья включена без изменений.

Ст. 66-я а.

Председатель совета министров представляет на высочайшее благоволение о назначении в его состав тех лиц, участие коих в совете он признает полезным.

Статья эта представляет нововведение против проекта совета министров.

Ст. 67-я.

Министры и главноуправляющие отдельными частями имеют право участия в голосовании в государственном совете и в Государственной Думе только в том случае, если они состоят членами сих установлений.

Статья эта включена без изменений.

Ст. 68-я.

Обязательные постановления, инструкции и распоряжения, издаваемые советом министров, министрами и главноуправляющими отдельными частями, а также другими на то законом уполномоченными установлениями, не должны противоречить законам.

Включена без изменений.

Ст. 69-я.

Председатель совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями ответствуют, за их совокупностью, пред его императорским величеством за общий ход государственного управления в пределах данных им полномочий. Каждый из них в отдельности ответствует за свои личные действия и распоряжения.

Включена без изменений.

Ст. 69-я а.

Государственной Думе и государственному совету предоставляется доводить до высочайшего благоусмотрения о вреде и опасности, какие угрожают государству от дальнейшего продолжения политики, преследуемой советом министров или отдельными министерствами и главными управлениями.

Статья эта не содержится в проекте совета министров.

Ст. 70-я.

За нарушение долга службы председатель совета министров, министры и главноуправляющие отдельными частями подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законе определенных. Право обвинения этих должностных лиц принадлежит также Государственной Думе и государственному совету, самый же суд возлагается на правительствующий сенат.

В статье 70-й проекта совета министров добавлено в конце: «право обвинения и проч.».

Проект тронной речи [1]).

Господа представители народа.

Привет вам от всего моего сердца на заре новой жизни нашей дорогой родины, на повороте ее истории. Исполнилось мое заветное и горячее желание работать в согласии и единении с представителями моего народа.

В твердом уповании на светлое будущее, да будут преданы забвению тяжелые события последних лет. Благословляемый господом богом на этот путь, дарую прощение всем подвергшимся административным взысканиям за политические проступки [2]).

Из предаваемого забвению прошлого я не могу не вспомнить, с чувством глубокой скорби о страданиях и жертвах русского народа в тяжкие годы войны. Вас, его избранников, я прошу передать населению сердечную благодарность императриц и мою за все подвиги, труды и пожертвования во имя высокой и бескорыстной любви к родине.

Для духовного и материального величия государства, для мирного развития его во всех областях творчества и труда необходима не одна свобода — необходим порядок на основе права.

В утвержденных мною основных государственных законах провозглашены незыблемые начала неприкосновенности личности и жилища, свобода совести, устного и печатного слова, собраний и союзов. Задачу осуществления этих основных начал в твердом положительном законе,

---

[1]) На документе имеется пометка В. И. Ковалевского: «Проект тронной речи, представленный 25 апреля 1906 г. Первоначальный проект был смягчен. См. отметки на полях. *В. Ковалевский*». Далее рукою С. Ю. Витте написано: «Проект был передан через Трепова».

[2]) На поле против этого абзаца пометка: «У меня была предположена полная амнистия».

взамен временных узаконений, я возлагаю на вас, г.г. представители народа [1]).

Вам же вверяю и пересмотр избирательного закона на основе всеобщего избирательного права.

Обеспечение дарованных населению прав и исполнение законов достижимы лишь при действительной, а не мнимой ответственности исполнительной власти. Поэтому я признаю необходимым твердо установить такую ответственность.

Рассмотрение государственной росписи, как предмета особой важности, я подчинил общим началам законодательного обсуждения и утверждения, за исключением чрезвычайных сверхсметных кредитов на потребности военного времени.

При всей необходимости скорейшего проведения постоянных законов вы не должны, однако, забывать главнейшей вашей задачи, — это забота ваша о коренных улучшениях в положении и быте крестьян и рабочих, ибо прежде всего — труждающиеся и обремененные. Этого требует как нравственный долг, так и сознание, что благосостояние трудящихся масс служит основным источником благосостояния государства.

Но одна моя власть, как бы ни была она одухотворена моею любовью к народу, бессильна водворить мирным путем тот порядок, без которого достижение желательного благосостояния невозможно. На вас, г.г. представители народа, возлагаю прежде всего озаботиться охранением этого порядка. Дайте мне возможность скорее и навсегда отменить положение об усиленной и чрезвычайной охране и выработать при вашем участии закон о способах восстановления порядка. От вас зависит дать народу спокойствие, а мне возможность помиловать, по водворении в стране порядка, всех преступников, осужденных за политические преступления [2]).

Сорок пять лет тому назад незабвенный дед мой, император Александр II освободитель, в этой самой зале провозгласил в высокопамятный день 19 февраля свободу десяткам миллионов крепостного населения. Заботы о лучшей будущности русского народа возлагают на меня еще бóльшую нравственную обязанность — призвать население империи к широкой политической, духовной и хозяйственной самодеятельности на основе свободы, порядка и права.

Да исполнятся, с помощью божиею, горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследие государство крепкое, просвещенное и благоустроенное.

Призываю вас и весь русский народ к испрошению вместе со мною благословения бога на предстоящий нам совместный труд на благо родной земли.

---

[1]) На поле против этого абзаца пометка: «У меня было: предоставление права петиций».

[2]) На поле против этого абзаца пометка: «Первоначально была предположена полная и немедленная отмена исключительных положений».

Доклады С. Ю. Витте Николаю II.

Доклады С. Ю. Витте Николаю II в разгар революционного движения в России представляют несомненный интерес. К сожалению, в нашем распоряжении имеется лишь часть этих докладов, сохранившихся в архиве Царскосельского дворца. В настоящее время эти фонды хранятся в Особом Отделе Архива Октябрьской Революции (II ф., карт. 22). Некоторые доклады были уже опубликованы [1]). Мы ограничиваемся воспроизведением неопубликованных докладов с имеющимися при них документами.

Первый доклад о революционном движении в Финляндии—без даты. Повидимому, он относится к октябрю—ноябрю 1905 г., так как в нем идет речь о ген.-губ. кн. Оболенском, который был отозван с этого поста в середине ноября.

Кн. Оболенский, прославившийся незадолго перед тем во время аграрных беспорядков в Харьковской губ. сплошными порками крестьян, при своем назначении финляндским генерал-губернатором, естественно, был встречен крайне настороженно населением Финляндии. По словам Витте, это был «неглупый и хороший человек, но не особенно серьезный и страшный балагур, при чем для балагурства готов был часто фантазию смешивать с истиной. Его даже в семействе Оболенских иначе не звали, как Ваня Хлестаков»... Неудивительно, что такой администратор «не пользовался в Финляндии ни доверием, ни уважением». Вскоре он был заменен по предложению С. Ю. Витте Н. Н. Герардом. Любопытна роль «националиста» Михелина, выступающего в качестве ближайшего советника и инспиратора агентов царского правительства [2]).

Публикуемое письмо Дубасова Витте и доклад последнего царю настолько красноречивы, что в особых комментариях вряд ли нуждаются. Цинизм, с которым диктатор Москвы, положивший «весь свой разум, все уменье и всю свою волю» на дело «подавления московского мятежа», требует себе «поощрения», повидимому, поразил даже Николая Романова. Казалось бы, действительно, адмирала надо было «поощрить» после блестящих «успехов», которыми «увенчались усилия» его в Москве. Тем более, что «сам» С. Ю. Витте обещал Дубасову содействие в его ходатайстве. Между тем Николай остался глух к просьбе Дубасова. В своих «Воспоминаниях» С. Ю. Витте говорит, что царь изъявил согласие на составление соответствующего рескрипта о назначении Дубасова членом государственного совета; проект рескрипта был составлен, но опубликован не был. Обиженный Дубасов, по словам Витте,

---

[1]) См. «Былое» 1918 г., кн. 3, март, стр. 3—10.

[2]) См. С. Ю. Витте, «Воспоминания», т. II, стр. 217—218.

вышел в отставку вскоре после ухода с своего поста самого Витте. «Вероятно, он (Дубасов) остался бы,—пишет Витте,—если бы к нему отнеслись особо милостиво». Впрочем, Витте объясняет причину нерасположения царя к Дубасову тем, что недавний усмиритель Москвы в докладе царю, о чем упоминается в публикуемых нами документах, высказался против предания военному суду участников московского восстания. В этом, по словам Витте, увидели «слабость» [1]).

О петиции землевладельцев С. Ю. Витте говорит довольно подробно в своих «Воспоминаниях». Там он приводит целиком свой доклад царю и несколько строк самой петиции. О резолюции Николая: «Осерчал граф», ему, конечно, вряд ли было известно, хотя он и говорит, что в этот момент его отношения с царем «были натянуты до крайности» и что он оставался на своем посту «только из-за преданности к монархическому принципу».

Доклад о Шмидте чрезвычайно характерен для Витте: «Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как это дело мне совершенно неизвестно». Эти слова по своей лживости и неискренности стóят цинизма резолюции Николая.

Все доклады С. Ю. Витте, за исключением доклада о лейтенанте Шмидте, написаны Витте собственноручно. Письма Герарда и телеграмма Соллогуба напечатаны на пишущей машинке.

I. О революционном движении в Финляндии.

Доклад С. Ю. Витте [2]).

Имею честь всеподданнейше донести, что я сегодня видел и беседовал с Михелином, который сегодня же уезжает обратно в Гельсингфорс.

Михелин объясняет происшедшее в Финляндии общим недовольством всех без исключения партий водворившимся в последние годы режимом, нарушившим прежний правовой быт Финляндии. Недовольство это выражалось во всем систематически, но не переходило в область революции потому, что, с одной стороны, имели основание ожидать от князя Оболенского возвращения к старому режиму, с другой стороны, потому, что вся партия конституционалистов (во главе ее находится Михелин) принципиально против всяких насилий, а потому они употребляли все усилия, чтобы сдерживать все увеличивающуюся партию социалистов и молодежь. Когда революционная волна из России хлынула посредством забастовок на Финляндию, то социалисты и молодежь взяли верх и, не находя активного отпора вообще в финляндских гражданах и в виду обнаружившейся полной свободы власти, в сущности временно завладели властью. После манифеста вашего императорского величества вся благоразумная часть Финлян-

[1]) См. Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, том II, стр. 142.

[2]) На подлиннике, повидимому, рукою Николая подчеркнуты слова: «Так, он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им, Михелиным, и его сотрудниками».

дии, составляющая громадное большинство, сразу встрепенулась и отозвалась верноподданнически на ваш царский призыв, а потому социалисты и молодежь сейчас же должны были устраниться, и восстановился порядок. В течение всего этого времени не было пролито ни капли крови.

Михелин, а значит, и вся его партия, относится симпатично к князю Оболенскому. Но из его рассказа видно, что князь Оболенский, как только произошел кризис, совершенно растерялся и сделался орудием в руках других, думаю, больше всего в руках Михелина. Так, он проговорился, что весь проект манифеста и другие представления написаны им, Михелином, и его сотрудниками. Вашему величеству известно, что я лично нахожу, что Михелин и финляндские конституционалисты люди совсем неопасные и наиболее умные и влиятельные, но если князь Оболенский их игнорировал до кризиса, то призвание их в качестве решительных советников, как только начался кризис, конечно, не могло усилить обаяния генерал-губернатора. Затем Михелин проговорился, что недостаток генерал-губернатора заключается в том, что он много говорит, а потому не имеет достаточного времени думать. Наконец, он заявил, что, собственно говоря, князь Оболенский ныне финляндцам даже люб, но что русские ему не простят, что он во время смуты покинул дворец, ночевал на судне и принимал днем, кажется, в крепости.

Что касается статс-секретаря по делам финляндским, то Михелин заявляет, что во время кризиса он сделал все, что хотели в Гельсингфорсе, но что он, правильно или неправильно, но не пользуется в Финляндии ни доверием, ни уважением.

Затем Михелин утверждает, что после манифеста вашего величества Финляндия, несомненно, придет в полное спокойствие и будет вполне верноподданна по отношению своего государя и лояльна относительно России, но нужно, чтобы манифест был искренно и твердо приведен в исполнение, а для сего, по его мнению, нужно назначить: 1) серьезного генерал-губернатора, 2) статс-секретаря финляндца, которому доверяют соотечественники (он указывает на графа Армфельда, бывшего при В. К. Плеве его помощником *), и 3) назначить сенат в том составе, который ныне представлен князем Оболенским, после обсуждения дела со всеми влиятельными финляндцами.

Статс-секретарь граф *Витте*.

[Без даты]

Доклад С. Ю. Витте.

Финляндия в последние годы служила убежищем петербургских революционеров. Там нашли притон еще убийцы Сипягина. Оттуда шло почти все оружие, которым вооружились революционеры. В Москве вооружение подготовлялось более года. Вследствие сего

*) Граф Армфельд двадцать лет служил в стаст-секретариате по делам Финляндии. (*Прим. подлин.*)

я обратился к финляндскому генерал-губернатору с особым письмом, настоятельно прося его содействия, дабы финляндская администрация приняла меры.

В этом письме я просил Н. Н. Герарда, если он признает нужным, обратиться от моего имени к Михелину. В ответ на это письмо я получил ответ, копию коего имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству.

Относительно усиления надзора со стороны жандармской полиции и пограничной стражи я обратился к подлежащим министрам.

Статс-секретарь граф *Витте*.

20 декабря 1905 г.

Письмо Н. Н. Герарда.

Я не сомневаюсь ни одной минуты, что русские революционеры совершенно свободно подготовляли свое дело здесь, в Финляндии, и находили в ней удобный путь, чтобы скрыть следы своих покушений в России; русские власти были бессильны в борьбе с ними, а финляндцы едва ли не пользовались ими для подготовления той революции, которая совершилась в октябре. Будет ли лучше, теперь сказать трудно: судя по печати, к нам продолжают относиться с большим недоверием, а против многих русских служащих существует положительное озлобление. Пока и Михелин, и его единомышленники преследуют главным образом свои национальные цели.

При знакомстве с новыми губернаторами я приглашаю их употреблять и свою власть, и свой авторитет для прекращения различных нелегальных действий со стороны местного населения, и они мне обещали. Досадно, что единственная губерния, где еще остался прежний губернатор, это Выборгская, так как барон Медем до сих пор не получил назначения в Россию.

Из вопросов, близко касающихся затронутого вами предмета, есть один, которым я занялся немедленно по вступлении моем в должность, — это незаконный ввоз оружия в Финляндию; я стал получать сведения о предстоящем ввозе одновременно из министерств иностранных дел, военного и внутренних дел, и замечательно, что все они поступали дней 5 или 6 после водворения в крае оружия; только вчера, наконец, установились между мною и Копенгагеном непосредственные сношения. Но для борьбы с этим злом необходимо содействие здешних властей. Я обратился с этим к новым губернаторам, сперва на словах, потом на письме, и они мне обещали свое содействие; кроме того, я написал в сенат, и там образована особая комиссия для установления совместных действий администрации с таможенным ведомством; но будет ли все это иметь практическое применение, сказать пока трудно. Одно только можно удостоверить, что прежние власти были совершенно бессильны в этой борьбе и в сознании этого бессилия сделались к ней безучастны.

Я думаю, что переговорить с Михелином по поводу указываемых вами случаев необходимо, и я не премину это сделать, но не сегодня, так как у финляндцев новый год; о последующем я вас немедленно уведомлю.

В конце концов, вот мой совет: не упускайте возможности наблюдать за финляндской границею; она очень удобна для наших революционеров; здесь много лиц, им сочувствующих, и теперь идет почти явно сбор денег в пользу русских забастовщиков. Хорошо покамест то, что здешние рабочие порвали солидарность свою с русскими революционерами и на здешнюю жизнь события в России прямо не отражаются; но полагаться здесь на кого бы ни было невозможно.

Н. Герард.

19 декабря 1905 г.

Доклад С. Ю. Витте.

Приемлю долг всеподданнейше представить вашему императорскому величеству второе письмо финляндского генерал-губернатора по вопросу об обезврежении в Финляндии преступных действий и замыслов петербургских революционеров.

Мою переписку по этому предмету с Н. Н. Герардом я передал министру внутренних дел, прося его войти в соглашение с представителем генерал-губернатора с целью выработать надлежащие меры и инструкции. Вместе с тем я высказал мнение, что дело это в Финляндии не следует поручать жандармерии (форменной), а нужно организовать секретную агентуру. Делу этому я придаю особое значение, так как в Финляндии находилось и, вероятно, ныне находится главное депо революционеров. Вместе с тем я просил министра финансов усилить на финляндской границе таможенный надзор и пограничную стражу. Но охранять границу этим путем весьма трудно.

Статс-секретарь граф *Витте.*

[Без даты]

Письмо Н. Н. Герарда.

Желая ускорить разрешение возбужденного вами вопроса, я поручил передать вам это письмо бывшему вазаскому губернатору Ф. М. Книповичу, которого я пригласил занять должность директора моей канцелярии.

Покуда я останавливаюсь на следующих соображениях: необходимо, чтобы имперская полиция могла следить за действиями русских революционеров в Финляндии; для этого, казалось бы, нужно выработать приемы и правила, соответствующие точно определенной цели. В основание этих правил следует положить следующие начала:

1) чтобы действия полиции в этом направлении касались исключительно русских революционеров, а не деятельности местных жите-

лей; всякое нарушение этого начала вызовет, без сомнения, противодействие и общества, и здешних властей;

2) чтобы такой надзор был поручен специальной имперской полицейской власти, а не общей администрации, так как ожидать от здешних властей энергии в борьбе с революционерами совершенно невозможно.

Быть может, было бы лучше всего поручить этот надзор жандармскому управлению, но при непременном условии преобразования его на тех основаниях, которые мною приведены в письме к министру внутренних дел по этому предмету. Нельзя сомневаться, что даже при этих условиях в некоторой части населения, в особенности между рабочими, вновь назначенные жандармы будут встречены далеко недружелюбно и что деятельность русских революционеров здесь возбуждает довольно большие симпатии. Поэтому желательна большая осторожность со стороны полиции; может быть, необходимо на первых порах, чтобы она ограничила свою деятельность наблюдением за пребывающими здесь лицами русского происхождения, но лишь в крайних случаях принимала меры дознания и следствия.

Я бы полагал, чтобы выработка подобных правил была сделана безусловно секретно. Коллежский советник Книпович, очень опытный служащий, знает край и местные законы и может дать все необходимые разъяснения. Если бы эта работа была возложена на него и на директора департамента полиции, то, надеюсь, вопрос подвинулся бы вперед.

С Михелином я пока об этом не говорил.

Н. Герард.

20 декабря 1900 г.

II. О формировании дружин и ополчения.

Доклад С. Ю. Витте.

При сем приемлю долг представить вашему императорскому величеству письма генерала Палицына по вопросу о формировании дружин и ополчения. Вчера вечером в совете министров предварительно обсуждался этот вопрос, при чем министры внутренних дел и юстиции отнеслись к этим предположениям отрицательно. По мнению этих лиц, поддержанному другими членами совета: 1) нельзя рассчитывать на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан, — это войско может даже явиться опасным; 2) если дружинникам и ополченцам платить более, нежели чинам армии, то это может возбудить армию. Министр внутренних дел возлагает некоторые надежды на вновь формируемую полицию. Я позволил себе заявить, что готов ходатайствовать, чтобы на этот предмет, сверх 19 миллионов, которые испрашивает министр внутренних дел, было ассигновано еще 5 миллионов, но я все-таки думаю, что при серьезных аграрных беспорядках полиция будет бессильна. Тем не менее записку об ополчении и письмо начальника гене-

рального штаба передали министру внутренних дел для письменного заключения. В результате совет единогласно высказался, что опорою против беспорядков может быть главным образом войско, что нужно употребить все усилия, чтобы хотя часть действовавшей армии вернулась к апрелю; затем необходимо дислокировать войска согласно внутренним потребностям страны и координировать действия военных и гражданских властей.

Во вчерашнем же заседании министр внутренних дел передал высочайшее ваше повеление, чтобы совет снова рассмотрел вопрос о передаче дел о покушении на жизнь служащих вашему императорскому величеству военным судам. Этот вопрос был возбужден некоторое время тому назад мною в общей форме о большей определительности законоположений, в каких случаях преступления должны рассматриваться в военных, а в каких случаях в гражданских судах. Ныне это зависит, с одной стороны, находится ли данная местность в положении чрезвычайном или военном, а с другой, от усмотрения министра внутренних дел и генерал-губернаторов. По сему вопросу были составлены предположения в военно-судном управлении, но по моей инициативе Совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, отнесся ко всем этим предположениям отрицательно. По вступлении в должность нового министра юстиции я снова внес эти вопросы на рассмотрение совета, при чем новый министр юстиции отнесся также отрицательно ко всем предположениям, за исключением обязательности военного суда в случае покушения на жизнь служащих. Но совет, в соответствии с мнением министра внутренних дел, снова отнесся отрицательно ко всем проектам. Согласно повелению вашего величества вчера был в третий раз рассмотрен проект об обязательности военного суда в случае покушения на жизнь служащих, как военных, так и гражданских, в редакции, предложенной сенатором Акимовым. Голоса разделились. Вашему императорскому величеству по этому делу будет на-днях представлена мемория с проектом при ходатайстве передать дела в общее собрание государственного совета для спешного рассмотрения.

Статс-секретарь граф *Витте*.

[Без даты]

III. О карательной экспедиции в Прибалтийском крае.

Доклад С. Ю. Витте.

Имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству телеграмму генерала Соллогуба в ответ на мою, в которой я указывал, что в виду малочисленности войск и слабости полиции, с одной стороны, а с другой, кровожадных действий тамошних революционеров не остается другого средства для подавления революции, как действовать беспощадным образом.

25 декабря 1905 г. Статс-секретарь граф *Витте*.

Телеграмма генерала-лейтенанта Соллогуба.

Существует крупное различие в оценке обстановки здесь и в Петербурге. В Риге днем на улицах полное спокойствие; заводы, фабрики, железные дороги работают; праздного и пьяного люда почти нет, даже в праздники; только с наступлением темноты происходят отдельные нападения на чинов полиции, иногда и войск, кончающиеся сравнительно часто убийством городовых; вчера убит жандарм, сегодня — городовой. Многочисленные дознания, производимые прокурором, убедили его, что шайка рижских злоумышленников немногочисленна— сто-двести человек, — но сильна своею неуловимостью. Почти ежедневно полицией совместно с войсками производятся в разных частях города обыски с целью поймать известных администрации главных агитаторов, но именно их до сих пор изловить не удалось, — арестовывались деятели второстепенные. По вечерам ежедневно целые роты обходят разные кварталы и у всех прохожих отбирают оружие; первые дни собиралось сорок-пятьдесят револьверов, теперь — единицы. Таким образом, собственно в городе Риге не представлялось пока случая проявить беспощадную воинскую репрессию. В деле «Проводника» прокурор отмечает отсутствие сколько-нибудь серьезных улик против задержанных рабочих и попрежнему не оправдывает стрельбы. Как в Риге, так и в уездах войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения. В Риге вчера патруль дал залп по хулиганам, при чем убито четыре и ранено несколько. В большинстве случаев требования начальников отрядов населением исполняются, зачинщики, выдающиеся им, арестовываются большею частью без всякого противодействия. Сегодня получил депешу генерала Орлова, что посланною в Эрценскую волость ротою агитатор расстрелян, дом другого сожжен. В одном лишь отряде генерала Орлова до ста арестованных, виновность коих в агитации определяется большею частью лишь показаниями чинов администрации. Расстреливать без суда, когда они уже арестованы, невозможно. Количество оружия, отбираемого отрядами у населения как добровольною сдачею, так и путем обысков, незначительно, и вообще прежние сведения о значительном вооружении населения не оправдываются, только в местечке Салисбург, на пути Мойзекюль — Пернов, населением сдано 350 ружей и 70 револьверов отряду Орлова. В некоторых случаях, в последние дни участившихся, одно лишь ожидание прихода экзекуционного отряда приводит к добровольному смещению населением властей, незаконно избранных, и восстановлению властей законных. Возможные для местных средств меры принимаю постепенно; администрация и полиция расстроены, отчасти и войска. Жандармский надзор осведомлен крайне слабо в главном вопросе местной революционной деятельности. Наиболее насущная потребность — восстановить и устроить полицию с временным воспособлением для этой цели городских средств от казны. *Соллогуб.*

IV. О награждении Дубасова.

Доклад С. Ю. Витте.

При сем имею честь всеподданнейше представить вашему императорскому величеству частное письмо на мое имя генерал-адъютанта Дубасова, при котором он мне препроводил копию своего всеподданнейшего доклада по вопросу о порядке суда московских мятежников. По сему вопросу я, с своей стороны, присоединяюсь к мнению генерал-губернатора главным образом по следующим соображениям: во-первых, потому, что военный суд имеет существенное значение в виду скорости репрессии, между тем уже достаточно времени упущено; во-вторых, потому, что судить военным судом много лиц вообще неудобно. Относительно же остального содержания письма генерал-адъютанта Дубасова осмеливаюсь всеподданнейше доложить нижеследующее. Вашему императорскому величеству известно, что со дня моего назначения председателем совета министров я докладывал о необходимости сменить бывшего московского генерал-губернатора и назначении лица более соответствующего. Когда положение дела дошло до крайности, уже мне сделалось ясным, что в Москве разразится буря, и ваше императорское величество соизволило решить назначить в Москву генерал-адъютанта Дубасова; по приезде в Москву он немедленно пришел ко мне и, по нашим близким отношениям, высказал мне, что он решился просить ваше величество не назначать его в Москву, так как по нынешним временам не считает возможным принять этот боевой пост. Опасаясь, что отказ его может нанести громадный ущерб родине, я всячески уговаривал его не делать подобного шага, взывая к его преданности престолу и родине. После долгой беседы он, наконец, согласился не представлять вашему величеству ходатайство его не назначать, но засим просил меня, в случае, если что-нибудь с ним случится, ходатайствовать перед вашим величеством об его семье, а если бог к нему будет милостив, то ходатайствовать о назначении его членом государственного совета, дабы его будущность, в виду предстоящего преобразования государственного совета, была обеспечена.

Статс-секретарь граф *Витте*.

8 января 1906 г.

Письмо Дубасова.

Глубокоуважаемый Сергей Юльевич!

К сему прилагаю в копии всеподданнейший доклад мой государю императору о суде над участниками московского мятежнического восстания. Не знаю, будет ли мой взгляд вами разделен и поддержан, но прошу вас не сомневаться, что этот взгляд есть выражение совершенно независимого и глубокого личного убеждения моего, уста-

новившегося после самой внимательной и всесторонней оценки вопроса, и что все побуждения мои в этом деле сводятся лишь к тому, чтобы всячески оградить и укрепить авторитет верховной власти.

Теперь позвольте мне сказать два слова по моему собственному делу: меня мучают такие сомнения, которые делают мне больно и которые я хотел бы рассеять при вашем добром участии.

В дело подавления московского мятежа я положил весь свой разум, все уменье и всю свою волю, при чем усилия мои увенчались успехом. Между тем, у меня есть основание думать, что действия мои не заслужили одобрения, так как они не вызвали желания поощрить меня хотя бы тем обыденным способом, которым принято поощрять заслуги очередного порядка, а именно — производством в следующий чин или награждением очередным орденом. Я состою в чине вице-адмирала семь лет и занимаю теперь должность, по классу уже соответствующую чину полного адмирала, следовательно, мое производство могло бы состояться даже не в наградном порядке. То же самое можно сказать и об очередном ордене. Может быть, все это никому не пришло в голову; но ведь нельзя не признать, что волнующий меня факт имеет общественное значение и что вся Россия, следившая с захватывающим интересом за перипетиями московского мятежа, теперь комментирует его развязку и из нее извлекает поучения.

Я нахожу поэтому, глубокоуважаемый Сергей Юльевич, что в переживаемую нами минуту награждение московского генерал-губернатора (а не меня, Дубасова) есть немаловажный факт внутренней политики и что награждение это должно быть необходимо сделано, — и сделано громко, т.-е. возвещено всемилостивейшим рескриптом. Если вы со мною согласны, то вам, конечно, не трудно все это устроить.

Еще одно слово: я просил вас о назначении меня членом государственного совета, и вы были добры взять это на свою заботу. Я напоминаю об этом не для того, чтобы торопить вас; но я хочу быть назначенным теперь же, на основании действующего порядка, так как по изменении его в близком будущем это сделается невозможным.

Простите меня, что я даю вам все эти заботы, когда у вас их и без того больше, чем полагается даже самому сильному человеку; но я верю в ваше дружеское расположение и держусь того нескромного, может быть, правила, что amitié oblige.

Крепко жму вашу руку и желаю вам всего лучшего.

Сердечно вам преданный *Дубасов*.

7 января 1906 г.
Москва.

V. О петиции землевладельцев.

Доклад С. Ю. Витте[1]).

При сем имею честь представить вашему императорскому величеству экземпляр петиции, которая ходит по рукам землевладельцев для собирания подписей. Она напечатана в Киеве, хотя инициатива ее появления, конечно, исходит из Петербурга. Об замыслах сей петиции мне передавали уже несколько недель тому назад, а теперь мне передал прилагаемый экземпляр приехавший с юга министр путей сообщения. Конечно, я мог бы узнать и ее авторов и ее инициаторов, но я считаю излишним тратить на это время, тем более, что мне, как и всем живущим общественною жизнью, известно, что инициатива этого дела исходит от так называемой у нас в государственном совете «черной сотни государственного совета». А затем благородная мысль такой петиции принадлежит ли графу А. П. Игнатьеву, или Стишинскому, или Штюрмеру, или Горемыкину, или адмиралу Абазе, или кому-либо другому члену сказанного сообщества, это довольно безразлично. Впрочем, я думаю, что эти почтенные деятели не особенно добиваются быть у власти, так как им нежелательно давать в игру свои особы, а потому они предпочитают действовать и распространять из-за кустов всякую ложь в петербургских гостиных и посредством некоторой части печати (Грингмут, Шарапов, Никольский (доцент) и проч.).

Статс-секретарь граф *Витте*.

2 февраля 1906 г.

Петиция землевладельцев[2]).

Ваше императорское величество!

Пережив продолжительный период революционной смуты и правительственного безвластия, постепенно возроставших, не взирая на великодушно дарованные подвластным скипетру вашему народам вольности, вся Россия с надеждою взирала на энергичные и разумные мероприятия, которые министр внутренних дел, совместно с министром юстиции и при самоотверженном содействии верных престолу и отечеству войск, предпринимал в целях восстановления законности и порядка в стране, столь долго потрясаемой всеми ужасами национальных и сословных междоусобий, разразившихся, в конце концов, пол-

---

[1]) На подлиннике имеется собственноручная резолюция Николая II: «*Осерчал граф*». Рукою Трепова написано: «Его величеством собственноручно начертано: «Осерчал граф» в г. Царском Селе 3—II 1906. Свиты его величества генерал-майор *Трепов*». Синим карандашом, которым написана и резолюция Николая, подчеркнута фраза. «Конечно, я мог бы узнать».

[2]) Текст петиции напечатан в типографии Яковлева, Золотоворотская, 11. Киев. Имеется надпись: «Дозволено цензурой 23 января 1906 г.

ным разгромом многих хозяйств и жилищ зажиточного и культурного класса землевладельцев. Но надеждам этим не суждено осуществиться, и после первых признаков успокоения на разгромленную и разоренную страну нашу надвигается новая опасность, не из недр революционных партий, с которыми энергичное правительство сумело бы справиться, а со стороны всесильных представителей правительственной власти, вырабатывающих законопроекты и издающих предписания и циркуляры, носящие в себе всю разрушительную силу социалистических лжеучений.

Государь! В высочайшем указе вашем, 10 апреля минувшего 1905 г. правительствующему сенату данном, вашему величеству угодно было ясно и определенно подтвердить монаршим словом вашим, что «всякая частная собственность неприкосновенна и охранение ее от незаконных посягательств, тем более от насилия, составляет первейшую «обязанность правительства».

Мы, ныне обращающиеся к вашему величеству, верноподданные дворяне и землевладельцы южных областей великой державы вашей, не можем скрыть удивления нашего, что знаменательные слова эти, повидимому, запамятованы радикальными членами кабинета графа Витте, которые опасными законопроектами и легкомысленными циркулярами грозят разрушить все благие результаты твердой и разумной правительственной политики последних дней.

Великую смуту как среди землевладельцев, так и среди крестьян внес опубликованный в печати слух о существовании законопроекта, выработанного одним из ближайших сотрудников графа Витте, действительным статским советником Кутлером, по которому предполагается установить максимальные нормы землевладения, с обязательным отчуждением в пользу крестьян всех частновладельческих земель, превышающих означенные нормы.

Ваше величество, осмеливаемся доложить вам, что проект этот, существование которого подтверждено было председателем совета министров на сделанный ему по сему поводу запрос со стороны московского съезда предводителей дворянства, в случае осуществления его явил бы собою не только акт беспримерного насилия над обширным и верным престолу вашему классом землевладельцев, но послужил бы к вящшему ущербу для крестьян и государственной казны. Мы дивимся тому, что в стране, наименее населенной из всех государств земного шара, мог возникнуть серьезный вопрос о крестьянском малоземелье; но, государь, помимо этого общего соображения, мы осмеливаемся обратить внимание вашего величества на то обстоятельство, что ограничение размеров крупного землевладения неминуемо нанесет смертельный удар всей русской культуре, ибо оно приведет к закрытию не только многочисленных, связанных с сельским хозяйством промышленных предприятий, дающих многомиллионный доход казне и питающих несколько миллионов рабочего крестьянского сословия, но также и большинство сельских просветительных и лечебных учре-

ждений, ныне материально и нравственно поддерживаемых состоятельным и культурным классом крупных землевладельцев.

Кроме того, мы осмеливаемся доложить вашему величеству, что в такой, по преимуществу земледельческой, стране, как Россия, аграрный вопрос является лишь измышлением революционеров и мечтателей-бюрократов, не знакомых с реальною жизнью страны: русский крестьянин если не юридически, то фактически и теперь пользуется всею обрабатываемою в России землею; у него на поприще этом нет конкурентов, и на всем пространстве империи нет ни единой десятины, на которой работали бы не крестьяне. Таким образом, значительный процент выручки со всего годового урожая страны попадает в карман крестьянина-работника, при чем малоземельные крестьяне, кроме участия в полевых работах, всегда могут найти себе сторонние заработки по скотоводству, постройкам, по службе при экономиях и по другим статьям помещичьего хозяйства.

Трудно допустить, чтобы лица, приявшие из рук вашего величества бразды правления, обладали недостаточными знаниями и житейскою опытностью, чтобы уразуметь эти неопровержимые практические истины; а потому немудрено, что в обществе раздаются голоса, утверждающие, будто бы утопические законопроекты кабинета графа Витте вырабатываются с затаенною целью неудавшуюся среди городских и рабочих классов революцию перенести в села и деревни, дабы всеобщим народным взрывом вызвать тот политический переворот, которого столь настойчиво добиваются крайние революционные партии.

Не меньшую смуту в сельскую жизнь внесет и циркуляр от 9 января сего года за № 244, изданный от имени министра финансов товарищем его, г. Путиловым, во исполнение, будто бы, манифеста вашего величества от 3 ноября 1905 года, приглашающий уездных предводителей дворянства собрать комиссии при участии крестьян для обсуждения вопроса о том, какие именно земли подлежали бы отчуждению в пользу малоземельных крестьян, и для увещания помещиков предоставить эти земли крестьянам «на возможно льготных для них условиях». Увещание это рекомендуется подкрепить грозным предостережением, «что только этим путем мыслимо мирное разрешение аграрного вопроса, грозящего культуре и государству».

Государь! Циркуляр этот составляет насилие, находящееся не в согласии, а, напротив, в прямом противоречии с принципами, выраженными в высочайшем манифесте 3 ноября, на который он опирается, ибо в манифесте этом вашему величеству угодно было объявить волю вашу, дабы «удовлетворение дальнейших нужд крестьянства» достигалось «без всякой обиды для прочих землевладельцев» и «без нарушения закона и прав других лиц». Подрываясь таким образом под вековые основы собственности, колебание которых угрожает величайшими опасностями всему государственному строю, циркуляр этот, по крайнему разумению нашему, подлежал бы отмене, а лица,

столь легкомысленно потрясающие эти основы, подлежали бы ответственности за самовластное обнародование распоряжений, угрожающих внутреннему миру и спокойствию государства.

Мы сомневаемся притом же, чтобы министр финансов, именем которого издан циркуляр г. Путилова, мог быть компетентен в оценке «способов мирного разрешения аграрного вопроса», и надеемся, что министр внутренних дел располагает для этого средствами, вполне обеспечивающими страну от грозных потрясений; но мы полагаем, что если циркуляр этот, ныне обнародованный печатью, будет прочитан за границею, то он может подорвать государственный кредит империи, ибо едва ли может сохранить доверие Европы такое правительство, которое открыто заявляет, что мирного разрешения аграрного вопроса оно может достигнуть единственно только посредством узаконенного грабежа имущих классов, в противность элементарным понятиям о праве собственности.

Тревога, внесенная в сельскую жизнь вышеупомянутыми правительственными актами, грозит стране еще и величайшим бедствием голода, так как теперь уже многие землевладельцы, в виду приближающейся поры посевов, колеблются приступать к ним, опасаясь безвозвратно утратить плоды своих трудов и издержек на землях, могущих отойти от них в пользу крестьян. С другой стороны, и сами крестьяне грозят отказаться от работ на помещичьей земле, которую, в силу упомянутых выше актов, они надеются приобрести за бесценок. В эпоху же смуты голод, сам по себе составляющий великое народное бедствие, может разразиться такими последствиями, о которых без ужаса невозможно и подумать.

В силу вышеизложенных посильных суждений наших мы считаем священным долгом верноподданных удостоверить перед вашим величеством, что нынешнее правительство, олицетворяемое главою его графом Витте, не пользуется доверием страны и что вся Россия ожидает от вашего величества замены этого всевластного сановника лицом более твердых государственных принципов и более опытным в выборе надежных и заслуживающих народного доверия сотрудников.

К сему приемлем смелость присовокупить всеподданнейшее ходатайство наше, великий государь, властным словом вашим, в установленном порядке обнародованным, подтвердить всем лицам, у кормила правления стоящим, что никакие мероприятия, клонящиеся к насильственному нарушению незыблемых прав собственности (за исключением случаев, предусмотренных 575—608 ст. Т. X, ч. I Свода законов), не могут быть принимаемы, а в случае самовластного принятия их отдельными ведомствами должны быть признаваемы незаконными и не подлежащими исполнению.

VI. О лейтенанте Шмидте.

Доклад С. Ю. Витте[1]).

Мне со всех сторон заявляют, что лейтенант Шмидт, приговоренный к смертной казни, психически больной человек и что его преступные действия объясняются только его болезнью.

Я не имею и не могу иметь по этому предмету никакого мнения, так как дело это мне совершенно неизвестно. Но все заявления мне делаются с просьбой доложить о сем вашему императорскому величеству, а потому, опасаясь, что я не исполню свой долг, умолчав о вышеизложенном, имею честь всеподданнейше довести о сем до сведения вашего императорского величества.

Статс-секретарь граф *Витте*.

21 февраля 1906 г.

---

[1]) На подлиннике имеется собственноручная резолюция Николая II: «У меня нет ни малейшего сомнения в том, что если бы Шмидт был душевнобольным, то это было бы установлено судебной экспертизой». Рукою С. Ю. Витте сделана пометка: «23 февраля 1906 г. Царское Село». Доклад напечатан на машинке и подписан С. Ю. Витте.

Хроника вооруженной борьбы.

Реляция генерального штаба самодержавия о боевых действиях в декабре 1905 года.

«Охранная ложь во спасение самодержавия», — вот, что прежде всего просится на язык, когда читаешь эти еженедельные сводки департамента полиции. Действительно, и непроверенных сведений, — что вполне понятно в виду того, что донесения составлялись, можно сказать, на поле сражения, — и панических слухов, и, в особенности, заведомой лжи в этих донесениях больше чем достаточно.

Возьмем несколько примеров. Вот сообщение о московском восстании, вот донесения об атаке на Миусской площади. «14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров, и, будучи встречены выстрелами, разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся».

Такого случая на Миусской площади не было. Дома, конечно, войска громили, но чтобы был такой случай, когда никто из революционеров не спасся в доме, подвергнутом обстрелу, такой, например, руководитель миусских дружин, как М. Виноградов, не помнит. Сообщая о начале ростовского восстания, именно о нападении войск на безоружный митинг в мастерских Владикавказской железной дороги, сводка говорит: «Большинство участников сходки успело разбежаться, но боевая дружина завязала открытую перестрелку с войсками, потеряв свыше 200 человек». Как известно и из тех же полицейских источников и по сообщениям революционеров, проверенным на суде, в этот день снарядом, попавшим в столовую, было убито и ранено несколько человек (число всех не превышало и десяти), и говорить о революционных потерях в 200 человек в этот день, когда и дружина-то не действовала как следует, более чем странно. Это тем более странно, что и всего-то в Ростове-на-Дону, как и в Москве, активно принимало участие в восстании несколько сот человек.

В городе Пинске, по словам охранной сводки, «рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской революционной партии, образовав в общей сложности кадр 10.000 человек вооруженных и угрожая восстанием». Десять тысяч человек вооруженных, это — четверть корпуса, и, обладай такой солидной боевой силой «еврейская революционная партия», — как знать, может быть, мы теперь не имели бы удовольствия даже читать охранной сводки.

Говоря о нападении войск на Пресню, охранная сводка так заканчивает рассказ о победе над прохоровцами: «На фабрике было найдено много трупов, принадлежащих,

повидимому, главным руководителям восстания, которых рабочие, по всей вероятности, расстреляли сами в отместку за вовлечение в мятеж».

Даже самый предубежденный против рабочих читатель едва ли поверит, чтобы московские пролетарии расстреливали революционеров.

Говоря о карательной экспедиции по Московско-Казанской жел. дор., сводка дает такие сведения: «Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны. Потери революционеров за время беспорядков определяются приблизительно в 10—12 тысяч человек». Что на пути следования отряда убито несколько сот человек,— это верно, но цифра убитых в Москве в 10—12 тысяч человек, конечно, баснословна. Если сводка говорит о всей России, то и тогда эта цифра преувеличена, а об одной Москве и говорить нечего: 12 тысяч убитых и раненых, — это потери хорошего боя в империалистической войне.

Этими словами мы совсем не хотим уменьшить геростратовских заслуг самодержавия и Дубасова перед революцией, но дело в том, что печатаемая сводка — документ и ею будут пользоваться как те, кто может проверить ее сведения, так и те, кто не искушен в этой проверке. Поэтому необходимо указать, какая осторожность нужна при пользовании этим документом.

Возьмем еще несколько примеров неточности и искажения фактов действительности. Сообщая о движении в Одессе, сводка департамента утверждает, что в ночь на 10 декабря жандармами арестован местный «Совет рабочих депутатов». Известно, что первые аресты, захватившие Совет, произошли 2 января 1906 года (арестован и председатель Совета Шавдия), а окончательно Совет был разрушен 4 января 1906 г. Точно также, говоря о подавлении восстания в Горловке, сводка называет цифру убитых «революционеров» в 300 человек, что весьма преувеличивает потери горловских рабочих.

Таких примеров возможно выбрать из сводки множество, и вообще, чтобы ею пользоваться, как сводкой действительно фактического материала, как сводкой действительно происходивших событий, — нужно внести множество поправок, и необходима крайняя осторожность.

И за всем тем сводка — драгоценный документ по истории декабрьского вооруженного восстания.

Прежде всего читатель поражен одним обстоятельством, создающим необыкновенно сильное впечатление, — это всеобщностью движения. Страна горит буквально вся, от края и до края; не только такие крупные центры революционного движения, искони игравшие роль, как Петербург, Москва, Польша, Ростов-на-Дону, Донецкий бассейн, Кавказ, но и самые захолустные медвежьи углы, как Полтава, Вятка, Пинск и тому подобные города, горят восстанием; массы пришли в движение, — не «революционеры», а массы, — рабочие, ремесленики, крестьяне, мелкая буржуазия берутся за оружие, пускай плохое, пускай неусовершенствованное, но за самое настоящее оружие, которое и колет, и режет, и рубит, и бьет, и пытаются бороться с войсками. Если на минуту забыть, что автор сводки имел какое-то предвзятое намерение сгустить краски, то получается положительно захватывающее своей силой впечатление. И это потому, что, действительно, в движение пришли массы, разрушились на время все перегородки, установленные веками, все начало двигаться, перемещаться, чтобы

занять новые положения, новые места. Массовый характер движения, его всеобщность бьет прямо в глаза. Мало того, стремление масс разрешить спор оружием придает ему тот драматический оттенок, который проглядывает даже сквозь полицейско-охранную сводку.

Сводка, конечно, не называет имен; имена героев массы скрыты в ней под общими терминами: революционеры, мятежники, бунтовщики, — и это обстоятельство только лучше оттеняет массовый характер того революционного народного творчества, какое охватило страну.

Сводка, представляет дело так, что сигнал дан из Петербурга и что как будто бы восстание происходило по какому-то плану. Но, несомненно, не лишено действительности заявление сводки, что «на призыв Петербурга поспешили откликнуться революционные организации и в других городах империи, предполагая, что наступил решительный, давно уже ожидаемый революционерами момент вооруженного восстания, что шансы борьбы тщательно взвешены и что победа, хотя бы и ценою крайних усилий, будет на их стороне».

Мы знаем, что такого плана восстания, когда по удару палочки в Петербурге произойдет восстание и в других местах, никто и не думал составлять, но мы знаем также, что живые массовые силы революции по какой-то внутренней логике событий, раз начавшись, моментально создавали центры движения, к которым тянулись менее значительные пункты движения. Так было в центральной России, где к Москве тянулась и Тверь, и Нижний, и Вятка, так было на юге России, где Екатеринослав являлся центром движения, с которым связывались и Горловка, и Авдеевка, и Юзово, так было и в Ростове-на-Дону, который стал центром движения для всего Северного Кавказа, так было и в Сибири, где Красноярск и Чита стали исходными точками вооруженного взрыва, так было и в других районах страны, где наиболее промышленные пункты и становились центрами движения.

План создавался и оформлялся в самом ходе движения, а что касается призыва из Петербурга, то это настолько верно, насколько верно, что Петербург со своим Советом до конца ноября был, действительно, высшим этапом движения.

Итак, всеобщий и массовый характер движения — эта черта хорошо отражена и в полицейской сводке.

Другая черта, хорошо отраженная в документе, — это постепенно крепнущее положение старой власти. В первой сводке, когда еще был гадателен исход восстания в Москве и в таких пунктах, как Ростов-на-Дону, мы не находим того уверенного тона, которым дышит в особенности последняя сводка.

Никакой попытки подвести итог борьбы еще нет: «об изложенном всеподданнейшим долгом поставляю себе представить вашему императорскому величеству», — и только. Во второй же сводке уже говорится о том, «что восстание в Москве надо считать законченным, так как благодаря прибывшим из Петербурга подкреплениям, в виде бригады пехоты, захвачено 19 декабря главное гнездо мятежников — фабрика Прохоровской мануфактуры»...

Чувству растерянности уже совсем нет места в третьей сводке. Наоборот, здесь звучат настоящие торжественные ноты фанфар победителя, чего еще не было, когда писалась вторая сводка (22 декабря).

«По сведениям, полученным за истекшую неделю от подлежащих властей, беспорядки, возникшие на почве «революционного комитета», 8 декабря можно почти по-

всеместно считать законченными. Последним оплотом мятежников являлся город Ростов-на-Дону, но и там 21 декабря были рассеяны все революционные «боевые дружины».

Итак, в конце декабря самодержавие покончило с одним революционным фронтом, рабочим, и могло теперь перебросить свои силы в деревню.

Бить по частям, сначала в городе, потом в деревне, — вот какова была стратегия самодержавия; бить жестоко, не считаясь ни с чем, — вот тактика старой власти.

И мы знаем, что Витте, обозревая результаты военных действий против народа, как раз примерно в то же время, как писались эти сводки, доносил царю, что рабочее движение подавлено и что теперь можно будет бросить все силы в деревню против бунтующих крестьян.

Что касается жестокости, то сводка и не пытается этого скрывать. В спешке и сумятохе военных действий генеральный штаб самодержавия, т.-е. департамент полиции, не особенно гнался даже за чинно-лицемерными терминами самодержавно-казенного языка, а употреблял в своих реляциях, каковыми, несомненно, являются печатаемые сводки, первые попавшиеся слова, какие были тогда на языке любого гражданина.

«Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек». Не расстрелял, как говорится строчкой ниже, не потерял убитыми и ранеными или причинив урон неприятелю в количестве стольких-то убитых и раненых, а просто, по-обывательски, «убив свыше 300 человек».

Гражданская война, — так и все по обычаям этой войны, где не несут потери, а «убивают» и расстреливают. Циничность сводки бьет прямо в глаза, стоит только прочесть, например, те места, где сводка спокойно говорит о том, как под развалинами горящего дома гибнут люди, как революционеры мешают тушить пожар и т. п.

Еще одна черта характерна для сводки: это особенное внимание к восстанию в войсках. Каждый такой случай отмечается особо, о нем сообщается отдельно, ему придается особое значение. Самодержавие прекрасно знало, что революции делаются не резолюциями, а восстания сильны тогда, когда в них участвует армия.

Спрашивается теперь, зачем же понадобился департаменту тот особый язык лжи (кроме обычного языка лжи при освещении событий), те преувеличения сил восставших (в Пинске чуть ли не 10 тысяч вооруженных и т. п.), то преувеличение потерь, захваченных в плен и уничтоженных, которыми щеголяет департамент?

Несомненно, для того, чтобы запугать и без того запуганных представителей высшей власти, растерявшихся и в октябре, и в ноябре, и в декабре.

Уступку самодержавия силам революции в октябре нужно было так или иначе если не аннулировать, то уменьшить, ослабить, обкарнать. А момент был самый подходящий: борьба с оружием в руках, это — не мирная забастовка, здесь можно пустить в ход и пулеметы, и артиллерию.

«И вот, смотрите вы, слабые духом, — как бы хочет сказать генеральный штаб самодержавия, — ваша слабость до чего довела! Отряды чуть ли не в десять тысяч человек, и революционеры, гибнущие в боях сотнями и тысячами!»

Ложь во спасение самодержавия, во имя собственного существования.

— Итак, если ложь, то зачем и печатать такие документы? — спросит иной читатель.

Да, ложь, да, сводка, полная искажений действительности, но за всем тем сводка — огромной ценности документ, колоритный, в общем прекрасно отражающий всеобщий и массовый характер движения и, однако, не забывающий даже мельчайших эпизодов в той буре борьбы, какая клокотала буквально по всей стране.

Из-за лицемерно-сухих и порой лживых фраз охранного творчества глядит самая неподдельная жизнь, с ее классовой борьбой, с ее кровью, стонами и слезами. Ведь не случайно же вы не встретите в сводке ни слов: «интеллигенция выступила на баррикадах», ни слова «студент», ни слова «обыватели», а повсюду находите: «рабочие», «рабочие», «рабочие»...

Сводка как нельзя лучше отражает тот факт, что в декабре 1905 года на улицу, на баррикаду против установленного порядка вещей выступил не буржуа, не третий элемент, не студент, не курсистка, а самый доподлинный народ в лице его передового класса — пролетариата. С этим народом, с русским рабочим классом и партиями, ведущими его в бой, и вело борьбу самодержавие. Это и подчеркивает особенно рельефно печатаемый документ. Революция 1905 г., стало быть, была буржуазная, но движущей силой этой революции была не буржуазия, а пролетариат. Это на деле прекрасно понимал даже департамент полиции и этого, к сожалению, не умеют или не хотят понять до настоящего времени многие, называющие себя даже историками и даже социалистами.

В. Невский.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период времени с 8 по 15 декабря [1]).

После ареста в С.-Петербурге «Совета рабочих депутатов» местные революционные группы решили устроить всеобщую политическую забастовку, в виде протеста против принятых по отношению к ним репрессивных мер. Сначала главари движения колебались, находя настоящий момент неудобным для забастовки, так как большинство рабочих было против нее, но затем они должны были уступить настояниям наиболее революционно настроенных членов партий, которые, в ответ на аресты их товарищей, хотели непременно поднять вооруженное восстание и распространить его на всю Россию. Начальным днем для забастовки было выбрано 8 декабря, о чем радикальные органы печати не замедлили оповестить во всеобщее сведение, отпечатав особое воззвание «Ко всему народу» от имени «Совета рабочих депутатов», российской социал-демократической рабочей партии, партии социалистов-революционеров и еврейского рабочего союза. В воззвании указано, что правительство обмануло, будто бы, народ и вступает на путь реакции с целью отменить все льготы, дарованные всемилостивейшим манифестом от 17 октября, и что, таким образом, остается одно средство покончить с «произволом правительства» — это вооруженная борьба за свободу, к которой представители партий и призывают все население, а также армию и флот. На призыв Петербурга поспешили откликнуться революционные организации и в других городах империи, предполагая, что наступил решительный, давно

[1]) Печатаемые нами документы извлечены из дела арх. деп. полиции, О. О., № 2540, т. II, лл. 105 и сл., лл. 149 и сл., лл. 179 и сл., хранящемся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве.

уже ожидаемый революционерами момент вооруженного восстания, что шансы борьбы тщательно взвешены и что победа, хотя бы и ценою крайних усилий, будет на их стороне. Действительность, однако, не оправдала подобных ожиданий.

Агитация, предпринятая революционерами в Петербурге, не увенчалась успехом. Возникшая было забастовка распространилась только на фабрики и заводы, но и то не на все. Железные дороги продолжали действовать, попытка прекращать насильственно торговлю в магазинах встретила дружный отпор со стороны чинов полиции и самих торговцев, и вообще, за исключением некоторых отдельных единичных нарушений порядка, нормальное течение жизни в столице не прерывалось. В настоящее время забастовка близится к концу, так как громадное большинство фабрик приступило к обычным работам. Столь благоприятному исходу забастовки в значительной степени способствовали многочисленные аресты главных руководителей движения и представителей боевых дружин, расстроившие планы революционеров, не давая им возможности сорганизоваться. Кроме того, по обыскам было отобрано у революционеров много оружия, и захвачены мастерские, в которых изготовлялись разрывные снаряды. Таких мастерских обнаружено за последние дни три: у студента Политехнического института Платонова, мещанина Шапочникова и неизвестного лица, проживавшего в Петербурге под именем секретаря забайкальской казенной палаты Смирнова. Все мастерские были прекрасно оборудованы и снабжены большими запасами взрывчатых веществ. Найдены в них также и готовые оболочки для бомб в числе 120 и три готовых разрывных снаряда.

Совершенно в иных условиях оказался город М о с к в а, где агитация, предпринятая революционерами, нашла широкую поддержку со стороны рабочих и вылилась в форме открытого восстания, продолжающегося, хотя и в меньшей степени, до сих пор. Боевые революционные дружины вступали в открытую перестрелку с войсками, бросали в них разрывные снаряды и устраивали баррикады. Они оцепили ими целые кварталы города в надежде, что таким путем удастся покрыть город сетью заграждений и, не допуская войска в захваченные местности, постепенно захватывать один район за другим. Для противодействия мятежникам были приняты самые энергичные меры. Баррикады обстреливались артиллерийским и ружейным огнем, а также дома, которыми пользовались революционеры для стрельбы по войскам из окон. Здания, где происходили сборища мятежников, оцеплялись войсками и, в случаях вооруженного сопротивления, тоже подвергались действию артиллерии. Так, был обстрелян орудийным огнем дом Фидлера, где 9 декабря революционные комитеты устроили соединенное заседание и на предложение сдаться ответили бомбой. Революционеры сдались, потеряв 3 человека убитыми и 15 ранеными, при чем в помещении, где происходила сходка, обнаружено 20 бомб и много оружия. 11 декабря в типографии Сытина собралось

для совещания около 70 революционных деятелей. На требование полиции разойтись они ответили отказом и, по прибытии воинского наряда, открыли по войскам стрельбу из револьверов. После этого была подвезена артиллерия, и по дому сделано несколько выстрелов картечью. В доме произошел пожар; прибыла городская пожарная команда, но революционеры выстрелами из револьверов не допускали ее тушить огонь, при чем принялись сами за тушение пожара имевшимися в типографии водопроводными приспособлениями. Озлобленные сопротивлением войска уничтожили доступ воды в горевшую типографию, и дом обрушился, задавив всех находившихся в нем людей. 13 декабря при помощи артиллерии были разрушены четыре дома на Кудринской-Садовой улице, откуда революционеры обстреливали войска, находившиеся на сборном пункте, во дворе здания, занимаемого штабом гренадерского корпуса. 14 декабря войска атаковали дом на Миусской площади, где засела боевая дружина революционеров, и, будучи встречены выстрелами, разрушили и сожгли дом артиллерийским огнем, так что никто из находившихся там революционеров не спасся. Видя невозможность бороться с войсками открытою силою, боевые дружины прибегли к партизанскому способу действий, устраивая нападения из засад на чинов полиции и воинские патрули, но благодаря молодецкому поведению войск терпят неудачу и на этом пути и несут жестокий урон. Потери их за дни восстания очень велики. Тяжело ранеными переполнены все больницы, но число жертв точному учету не поддается, так как своих убитых и раненых революционеры убирают при помощи особых санитарных отрядов. Особенное озлобление мятежников направлено на начальствующих лиц и полицию, которых они решили истреблять всеми способами. Несколько нападений было сделано, между прочим, и на дом градоначальника, но нападавшие вынуждены были отступить, потеряв много убитых и раненых. В ночь на 10 декабря неизвестным злоумышленником, проезжавшим на лихаче, было брошено две бомбы в помещение, занимаемое в доме градоначальника охранным отделением. Взрывом их попорчен весь лицевой фасад здания, убит дежурный полицейский надзиратель и двое служителей. Нападали революционеры и на отдельные управления полицейских участков, при чем в 1-м Пресненском участке им удалось даже арестовать пристава и, ворвавшись в помещение участковой канцелярии, уничтожить деловую корреспонденцию, в остальных же местах они были отбиты. Окончилась также неудачею попытка атаковать здание пересыльной тюрьмы с целью освобождения арестованных. Тюремная стража, в количестве 200 человек, действуя весьма решительно и с большим мужеством, рассеяла бунтовщиков и разрушила баррикады, под прикрытием которых производилось нападение. Настроение войск весьма бодрое. Потери их незначительны, исчерпываясь только единичными случаями. Последнее обстоятельство удручающим образом действует на революционеров, и главари движения считают свое дело безвозвратно проигран-

ным, но масса, в революционном ослеплении, продолжает свою разрушительную работу, и потому рассчитывать скоро на полное успокоение трудно. В связи с действиями вооруженною силою производятся многочисленные аресты главных руководителей восстания и охватившей город забастовки, в том числе железнодорожной. Из железных дорог Московского узла работает только Николаевская дорога, вокзал которой охраняется сильным отрядом войск. На Московско-Курской железной дороге забастовщики овладели, между прочим, товарною станциею, сформировали свое управление и самовольно распоряжаются поездами. Около станции Перово, Московско-Казанской линии, образовалась шайка грабителей, расхищающая товар из вагонов. 11 декабря члены ее напали на санитарный поезд и отобрали 47 ружей от чинов команды, сопровождавшей поезд, и ящик патронов.

На остальных городах империи московские события и призыв к революции из Петербурга отразились следующим образом:

В гор. Твери забастовали 12 декабря все местные фабрики, при чем забастовщики пытались устроить в городе демонстрацию, которая была предупреждена войсками.

В гор. Ярославле толпа забастовавших рабочих двинулась 10 декабря в город, насильственно прекращая занятия в местных правительственных учреждениях. На предложение разойтись выступившая впереди толпы боевая дружина открыла огонь по казакам, преградившим им путь. Казаки отвечали выстрелами, ранив и убив несколько человек демонстрантов.

В гор. Костроме забастовали все фабрики, при чем толпы забастовщиков насильственно прекращали работу в мелких мастерских, типографиях и магазинах. Положение города очень серьезное в виду почти полного отсутствия войск.

В гор. Владимире, в виду беспорядков, возникших на почве железнодорожной забастовки, вся полоса железнодорожного отчуждения в пределах губернии объявлена на военном положении. На станции Орехово-Зуево делегаты забастовочного бюро, прибывшие с специальным поездом из Москвы, оказали вооруженное сопротивление чинам полиции и казакам, убив помощника пристава и двух станционных рабочих. В гор. Александрове возникла забастовка на местных фабриках и заводах, при чем бунтовщиками были обезоружены чины полиции и арестован исправник. Население терроризовано забастовщиками, на помощь которым приехала еще боевая дружина из Москвы. Город объявлен на военном положении.

В гор. Нижнем-Новгороде рабочие Сормовского и других заводов в ночь на 9 декабря заготовили оружие, объявили на следующий день забастовку, а 11 декабря толпами, с пением революционных песен, направились в город, силою закрывая магазины и прекращая движение трамвая. При рассеивании толпы рабочие оказали вооруженное сопротивление, ранив трех городовых. Полицей-

ский наряд отвечал 4-мя залпами, убив и ранив нескольких рабочих. Вечером того же 11 декабря в казачий разъезд была брошена бомба, взрывом которой убит один казак и один полицейский стражник. 14 декабря в помещении канцелярии полицейского пристава на Сормовском заводе брошена бомба. Взрывом ее легко ранен полицейский надзиратель. На железной дороге забастовщики образовали стачечный комитет и захватили в свои руки станцию, фактически распоряжаясь движением поездов.

В гор. Уфе забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских устроили сходку и, потребовав к себе для объяснений помощника коменданта станции и жандармского вахмистра, арестовали их. Высланную для освобождения задержанных лиц воинскую команду рабочие встретили выстрелами из револьверов и разрывными снарядами, ранив 4 солдат. Команда, в свою очередь, открыла огонь, вынудивший участников сходки разбежаться, оставив в помещении мастерских арестованных ими лиц.

В гор. Саратове, под влиянием агитации приехавших из Москвы делегатов железнодорожного съезда, возникла железнодорожная забастовка, и для руководства ею образовался стачечный комитет. Местными властями произведены многочисленные аресты главарей забастовки, и 10 декабря арестовано 4 лица из состава боевой группы социалистов-революционеров, выслеживавших губернатора для покушения на его жизнь.

В гор. Тамбове 13 декабря возникла железнодорожная забастовка, распространившаяся на всю линию в пределах губернии. Станции Козлов, Грязи и Борисоглебск, где действуют стачечные комитеты, заняты войсками, при чем станция Грязи объявлена на военном положении. Среди главарей движения произведены многочисленные аресты. По обыску у них найдено много оружия и бомбы.

В гор. Харькове 12 декабря возникла общая забастовка, сопровождавшаяся попыткой вооруженного восстания. Революционные дружины вступали в перестрелку с войсками и особенно упорное сопротивление оказали у паровозного завода, где засела партия мятежников, отказавшаяся сдаться. Здание завода было обстреляно артиллерийским огнем, после чего собравшиеся сдались. Арестовано 136 человек. За последние дни была произведена ликвидация членов федеративного совета российской социал-демократической рабочей партии.

В гор. Полтаве 12 декабря на площади железнодорожными забастовщиками была устроена сходка, сопровождавшаяся призывом к мятежу. При рассеивании толпы из окон гостиницы «Марсель» и редакции газеты «Полтавщина» были произведены выстрелы в казаков, не причинившие никому вреда. Забастовщики насильственно закрывали магазины. В ночь на 13 декабря арестована типография партии социалистов-революционеров, выпускавшая прокламации с призывом к восстанию. С особенной силой проявились беспо-

рядки в гор. Кременчуге, который и объявлен на военном положении вместе с уездом. 13 декабря в квартиру, занимаемую кременчугским временным генерал-губернатором, была брошена бомба, к счастию, не разорвавшаяся.

В гор. Екатеринославе с 8 декабря возникла общая забастовка, прекратилось движение трамвая и железных дорог, и остановились все фабрики и заводы. В городе сформирован боевой стачечный комитет, в составе представителей от объединенных революционных организаций, который выпустил объявление, требуя от жителей города, чтобы они подчинялись его распоряжениям. Толпы забастовщиков врывались даже в правительственные учреждения, разгоняя служащих. В пределах губернии забастовка с особенною силою отразилась на Екатерининской железной дороге, где образовался особый стачечный комитет, объявивший себя временным правительством. Члены комитета самовольно распоряжаются движением поездов по линии и не допускают проезда пассажиров, им нежелательных.

В гор. Ростове-на-Дону 13 декабря собравшиеся на сходку в железнодорожных мастерских железнодорожные забастовщики оказали вооруженное сопротивление войскам, оцепившим сходку. Войска обстреливали помещение сходки артиллерийским огнем, разрушив здание. Большинство участников сходки успело разбежаться, но боевая дружина завязала открытую перестрелку с войсками, потеряв свыше 200 человек.

В гор. Одессе 8, 9 и 10 декабря представители местных революционных групп, захватив насильственно типографии, отпечатали и распространили массу воззваний с призывом к общей забастовке. 10 декабря возникла забастовка пекарен, и прекратились работы в железнодорожных мастерских. В ночь на 10 декабря арестован местный «Совет рабочих депутатов», в числе 9 человек железнодорожных служащих.

В Подольской губернии железнодорожная забастовка возникла на станциях Жмеринка, Бирзула и Мариуполь.

В гор. Киеве с утра 12 декабря возникла забастовка местных фабрик, заводов и железнодорожных мастерских, при чем забастовщики 12 декабря напали на поезд электрического трамвая и разбили два вагона, а за чертою города обстреливали поезда трамвая. В виду усиленной агитации, предпринятой революционерами, произведены многочисленные аресты их главных руководителей из партии социалистов-революционеров и анархистов. Обнаружено два склада нелегальной литературы и полная типография этих партий с 6 пудами типографского шрифта. Кроме того, в квартире анархистов Раковца и Пастушенко взято 15 бомб, из них 3 снаряженных. В пределах губернии крупные беспорядки произошли в городе Бердичеве, в виду чего город 12 декабря объявлен на положении усиленной охраны. На станции Казатин, Киевской губернии, толпа железнодорожных забастовщи-

ков пыталась силою прекратить движение поездов, но была разогнана войсками, которые вынуждены были стрелять.

В Черниговской губернии в очень тревожном положении благодаря беспорядкам, производимым железнодорожными забастовщиками, оказывается станция Конотоп, которая объявлена на военном положении.

В гор. Курске прекратилось движение поездов по Московско-Киево-Воронежской дороге.

В гор. Гомеле, Могилевской губернии, происходит усиленная агитация среди железнодорожных рабочих, которые забастовали и систематически устраивают сходки с призывом к вооруженному восстанию.

В гор. Пинске, Минской губернии, забастовавшие рабочие железнодорожных мастерских присоединились к еврейской революционной партии, образовав в общей сложности кадр 10.000 человек вооруженных и угрожая восстанием. Забастовщики насильственно прекратили торговлю в магазинах и экипажное движение. Снята ими также прислуга из частных домов. Улицы запружены бастующими. Восстановление порядка замедляется недостаточностью гарнизона, большая часть которого выделена для охраны оружейного склада и правительственных учреждений.

В гор. Ковне 12 декабря началась общая забастовка всех заводов и торгово-промышленных предприятий. Забастовщиками насильственно прекращены занятия в различных учреждениях. Вместе с тем революционные партии устроили многочисленную народную сходку на одной из улиц. Сходка была рассеяна при помощи войск, но без употребления оружия. 14 декабря забастовка стала затихать, несмотря на все усилия революционеров поддержать ее. Боевые дружины еврейского рабочего союза, пытаясь насильственно прекращать работы в городе, вступали даже в перестрелку с войсками.

В гор. Ревеле возникла большая забастовка местных фабрик, заводов и торгово-промышленных предприятий, а также железных дорог. Наглые домогательства забастовавших рабочих, в связи с имевшимися сведениями об изготовлении ими разрывных снарядов и недостаточностью гарнизона, вынудили губернатора объявить 10 декабря Ревель с уездом на военном положении.

В виду тех размеров, которые приняло движение, губернским властям предложено принимать самые решительные и энергичные меры для восстановления порядка и путем ареста руководителей изъять главные силы революционеров.

Восстание крестьян латышей, охватившее губернии Лифляндскую и Курляндскую, продолжается с прежнею силою. Вся Курляндская губерния, кроме городов Либавы, Митавы, Туккума, Газенпота и Гробина, находится, повидимому, в руках повстанцев. В самом городе Риге общая забастовка хотя и была объявлена, но не осуществилась. Тем не менее настроение в городе продолжает быть

тревожным, так как революционные дружины проявляют попрежнему усиленную деятельность. Они захватили даже в качестве заложников нескольких лиц из числа местных жителей, которых теперь удалось освободить. 11 декабря шайка революционеров ворвалась в квартиру командира таможенного крейсера капитана 2-го ранга Мильрат и завладела его оружием, прибывший же на выручку полицейский отряд обезоружила, убив помощника пристава, околоточного надзирателя и двух городовых и ранив одного городового. Латышское движение охватило и соседние с Курляндиею местности Витебской губернии, где действуют вооруженные дальнобойными винтовками многочисленные банды мятежников. Сельские власти смещены жителями, земские начальники и судебные следователи также не могут выехать в свои участки. 9 декабря мятежниками разгромлено удельное имение «Русколово».

Националистическое движение стало за последнее время замечаться и среди части литовского населения Ковенской губернии, которое демонстративно начинает бойкотировать все русское, а местами даже нападать на русских жителей, угрожая разгромом православных и старообрядческих храмов. Для подавления беспорядков в Ковенскую губернию посланы четыре отряда в составе всех трех родов оружия. Один из этих отрядов вынужден был в местечке Жагора, Шавельского уезда, употребить в действие артиллерию, разрушив орудийным огнем дом главного бунтаря.

В губерниях Привислинского края местный генерал-губернатор вынужден был объявить все 10 губерний на военном положении, в виду массовых случаев отказа сельского населения повиноваться законным властям и платить подати и вследствие охватившего весь край стремления вытеснить государственный язык из всех учебных заведений, из гминных управлений и судов и даже некоторых правительственных учреждений. В гор. Варшаве распоряжение это вызвало усиленную агитацию всех партий к вооруженному восстанию. Вследствие сего были произведены многочисленные аресты агитаторов, при чем обнаружен склад прокламаций и другой нелегальной литературы, в количестве около 10 пудов. В ночь на 12 декабря произошел сильный взрыв на чердаке одного из домов еврейской части города, не причинивший никому повреждений. Владелец квартиры, где произошел взрыв, скрылся.

Относительно аграрных беспорядков поступили за неделю сведения из губерний: Витебской, Вятской, Екатеринославской, Орловской, Пермской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Таврической, Тамбовской, Тульской и Херсонской. Из числа крупных экономий разграблены: в Орловской губернии имения графа Рибопьера, князя Куракина и графа Гейдена, а в Таврической губернии — Рогочинская экономия его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича. С особенною силою проявляется аграрное движение в губерниях: Полтавской, Екатеринославской и Херсонской. В послед-

ней губернии владельцы и администрация имения вынуждены бежать, бросая усадьбы на произвол судьбы, так как постоянные погромы, поджоги и полное разрушение частновладельческих экономий, главным образом в Херсонском и Одесском уездах, совершенно не дают возможности оставаться в имениях. Уезды эти объявлены на положении усиленной охраны. Командующему войсками сообщено о командировании в губернию еще одной войсковой части для усиления гарнизона.

По поводу брожения в войсках за истекшую неделю были получены сведения только из Екатеринослава, где на параде по случаю высокоторжественного дня тезоименитства вашего императорского величества предполагалась демонстрация нижних чинов, которая, однако, принятыми мерами была предупреждена.

Об изложенном всеподданнейшим долгом поставлю себе представить вашему императорскому величеству.

15 декабря 1905 г.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период времени с 15 по 22 декабря.

Беспорядки, возникшие на почве революционного «манифеста» от 8 сего декабря, продолжались и за истекшую неделю, но в П е т е р б у р г е общественное спокойствие, за исключением нескольких единичных случаев столкновений рабочих с воинскими патрулями и чинами полиции, попрежнему не нарушалось, и жизнь шла обычной колеей. Аресты местных революционных деятелей, главным образом из состава боевых дружин, значительно разредили силы организаций и вместе с тем привели за истекшую неделю к обнаружению двух тайных типографий с массой нелегальной литературы и значительного количества оружия, которым запаслись революционеры.

Восстание в М о с к в е надо считать законченным, так как благодаря прибывшим из Петербурга подкреплениям, в виде бригады пехоты, захвачено 19 декабря главное гнездо мятежников — фабрика Прохоровской мануфактуры, которою они пользовались в качестве склада оружия, а также для формирования своих кадров и изготовления разрывных снарядов. Осада фабрики началась 17 декабря с прибытием в Москву лейб-гвардии Семеновского полка. Последнему было поручено очистить от мятежников весь Пресненский район, где восстание проявилось с особенной силою. Во многих местах полк встретил со стороны революционеров упорное вооруженное сопротивление, и некоторые дома приходилось брать с боя. Таким образом была разгромлена войсками мебельная фабрика Шмидта, владелец которой, студент, сам принимал энергичное участие в революционной деятельности, сформировав боевую дружину из среды своих рабочих. Он был арестован в своей частной квартире и на предложение командира Семеновского полка разоружить дружину отвечал отказом. Тогда фабрика.

в виду нежелания дружинников сдаться, была взята штурмом и сожжена. Уцелевшие остатки дружины 19 декабря дважды пытались освободить Шмидта, нападая на помещение Пресненского полицейского дома, где он содержался под стражею, но оба раза были отбиты, понеся урон убитыми и ранеными. Подойдя к Прохоровской фабрике, войска встретили вооруженное сопротивление со стороны рабочих, казармы которых вследствие сего были обстреляны артиллерийским огнем и сожжены, а затем был оцеплен войсками и главный корпус фабрики. Утром 18 декабря осажденные выслали своих депутатов с белым флагом для переговоров о сдаче. Им было предложено сложить оружие и выдать зачинщиков. На эти условия рабочие не согласились и вернулись к своим товарищам, но утром 19 декабря, видя бесполезность сопротивления, они сдались безусловно. На фабрике было найдено много трупов, принадлежащих, повидимому, главным руководителям восстания, которых рабочие, по всей вероятности, расстреляли сами в отместку за вовлечение в мятеж. Кроме того, обнаружены 4 бомбы, 28 фунтов гремучего студня, другие материалы для изготовления взрывчатых веществ и громадное количество всякого оружия, в том числе 3 усовершенствованных ручных английских пулемета. Дальнейшие обыски, а равно допрос арестованных производятся военным начальством, при чем лица, оказавшиеся наиболее виновными, тут же предаются полевому суду. Так, 20 декабря расстреляны по приговору суда: техник, снаряжавший бомбы, лицо, заведывавшее складом оружия, и один рабочий, убивший во время восстания околоточного надзирателя Сахарова. В других районах города спокойствие также восстановлено при помощи войск. Железные дороги очищены от мятежников, при чем при захвате товарной станции Московско-Курской дороги, которая была во власти революционеров, у них отобрано около 100.000 патронов. Для восстановления движения по Московско-Казанской дороги пришлось прибегнуть к отдельной экспедиции. Направленный вдоль линии дороги казачий отряд имел несколько столкновений с мятежниками, убив свыше 300 человек. Кроме того, 63 главных руководителя движения были расстреляны. Потери революционеров за время беспорядков определяются приблизительно в 10—12 тысяч человек. Потери со стороны полиции и войск очень незначительны и не превышают 70 человек. Теперь жизнь в городе мало-по-малу начинает входить в обычные условия. Относительное спокойствие наступило уже 18 декабря, когда революционеры, сознавая бесполезность дальнейшей борьбы, отказались от насильственных действий и распорядились уничтожением баррикад. Настроение среди главарей партий угнетенное — под влиянием тяжелых потерь, явившихся для них результатом восстания, но революционный фанатизм не позволяет им в этом сознаться, а потому, прекращая борьбу, они заявили, что не считают дело проигранным и откладывают решительный бой до марта месяца. Жертвою мятежников пал, между прочим, в Москве начальник сыскной полиции Войлошников, проживавший на частной

квартире в районе Пресненской части. К нему ворвались несколько революционеров, прочитали ему смертный приговор от имени партии, предложили проститься с женой и детьми и, выведя на улицу, расстреляли его. Для характеристики приемов борьбы, к которым прибегали мятежники, может послужить также и тот факт, что многие из них для удобства нападения переодевались в женские платья.

Относительно беспорядков в других местностях империи получены за истекшую неделю нижеследующие сведения:

В гор. Нижнем-Новгороде волнения среди рабочих сопровождались вооруженным столкновением с войсками и устройством баррикад, которые разрушены артиллерийским огнем. Действию артиллерии был также подвергнут вокзал Московско-Нижегородской железной дороги, которым овладели мятежники, после чего они сдались. Предпринятыми арестами взят 15 декабря весь исполнительный комитет местной боевой группы, при чем обнаружены две лаборатории для изготовления бомб. Одна из таких лабораторий помещалась в народном доме, который и закрыт. 19 декабря было задержано на улице два лица с бомбами. При разряжении бомб взрывом убит судебный следователь. Спокойствие в городе восстанавливается.

В гор. Вятке 18 декабря вспыхнуло вооруженное восстание с целью овладеть городом и губернией путем избиения начальствующих лиц. Встретив отпор со стороны войск, революционеры заперлись на водопроводной станции. Одновременно с тем в здании фельдшерских курсов собрались участники крестьянского съезда, также в большинстве вооруженные. Последняя группа вскоре сдалась, но революционеры, находившиеся в здании водокачки, оказали упорное сопротивление. На помощь им подоспели их товарищи, но были атакованы воинскою командою, потеряв двух убитыми и несколько ранеными. Со стороны войск убито два и один ранен. 18 декабря вечером сдалась, наконец, и партия революционеров, занимавшая водопровод. Всего до 20 декабря арестовано 80 мятежников и захвачено у них 90 винтовок из числа похищенных ими 306 винтовок из склада слободского уездного воинского начальника. Положение города очень тревожное. Приняты меры к усилению местного гарнизона и к аресту главных руководителей движения. Губерния объявлена на положении усиленной охраны.

В гор. Екатеринославе революционеры почти неделю держали в страхе весь город. Они ходили по частным квартирам, вымогая деньги для своих преступных целей, и насильственно закрывали торгово-промышленные заведения. Центром их деятельности явился заводский район, совершенно подчинившийся влиянию боевого стачечного комитета. Туда переселились все крупные революционные силы, так как администрация, за отсутствием достаточного количества войск, не могла проникнуть в район для производства арестов. Все ближайшие к городу железнодорожные станции оказались забаррикадированными. 18 декабря в город прибыл Симферопольский пехотный полк, прорвавшийся из Севастополя, очищая по пути своего

следования станции железной дороги от мятежников. Около станции Нижнеднепровской полк подвергся обстрелу, но потерь не понес. С прибытием полка было приступлено к производству арестов. В пределах губернии особенно крупные беспорядки возникли в Бахмутском уезде, главным образом в местечке Горловке, где при подавлении мятежа военною силою убито свыше 300 революционеров. Со стороны войск потери выразились 3 убитыми и 12 ранеными нижними чинами. Захвачено было до 500 мятежников; по приведении к присяге они отпущены. У них отобрано до 7.000 патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, динамита и 2 бомбы.

В гор. Ростове-на-Дону беспорядки сопровождались устройством баррикад в Темерницкой части города и в окрестностях вокзала, взятие которых подготовляется артиллерийским огнем. 15-го и 16-го мятежники вступили в открытое столкновение с войсками, понеся значительный урон. У них было отобрано много оружия. Градоначальство объявлено на военном положении. Слабое место Ростова заключается в удобстве сообщения революционеров с поездами Владикавказской дороги, которая доставляет им боевые припасы и поддержку людьми. Местным властям предложены самые решительные меры к подавлению мятежа вооруженною силою.

Во время происходивших беспорядков главное внимание революционеров было обращено на перерыв железнодорожных сообщений. Везде, где возможно, они пытались захватить в свои руки железнодорожные станции и не останавливались даже перед порчей пути. Так, например, с целью прервать сообщение между Москвой и Петербургом и тем помешать подвозу войск для подавления восстания в Москве, они, при помощи рабочих Тверской Морозовской мануфактуры, устроили заграждение из телеграфных столбов и разрушили часть пути между станциями Брянцево и Кулицкой, Николаевской железной дороги. Рабочие были рассеяны отрядом войск, посланным из Твери. Затем во власти мятежников оказалось большинство станций Юго-Восточных железных дорог, а также и Екатерининской и Либаво-Роменской. Для очищения этих станций направлены войска, которые успешно выбивают мятежников и восстанавливают движение по мере возможности. Особенно в тяжелых условиях был город Гомель, но и там теперь движение восстановлено благодаря массовым арестам при помощи войск.

Из большинства местностей империи поступили за истекшую неделю сведения о произведенных арестах главарей революционного движения. Результаты, достигнутые следственными действиями, оказались вполне благоприятными. Обнаружено несколько тайных типографий, мастерских для изготовления разрывных снарядов, масса нелегальной литературы и оружия, в том числе бомбы. Между прочим, в гор. Одессе перехвачен транспорт оружия, в количестве 42.000 патронов, который местные революционные партии хотели обманным способом захватить в свои руки. Получатель груза успел скрыться.

Истекшая неделя ознаменовалась также рядом покушений на жизнь некоторых чинов администрации. 15 декабря в гор. Тамбове тяжело ранен вице-губернатор статский советник Богданович, ныне уже скончавшийся от раны. Того же 15 декабря смертельно ранен в гор. Минске помощник полицеймейстера Шкляревич. 18 декабря в гор. Царицыне совершено покушение на жизнь местного полицеймейстера. И, наконец, в ночь на 20 декабря тяжело ранен управляющий Уфимскою губерниею вице-губернатор камер-юнкер высочайшего двора надворный советник Келеповский. Преступники, посягавшие на жизнь этих лиц, задержаны и будут преданы военному суду. На этой же неделе в гор. Одессе имел место нижеследующий случай, носящий характер мести революционеров уже по отношению ко всему обществу. 17 декабря в кофейню Либмана, посещаемую интеллигентною публикою, неизвестными злоумышленниками было последовательно брошено четыре бомбы, из которых две попали в отдельный кабинет, занятый 4 лицами, причинив им поранения, третья, не разорвавшаяся, попала в никем незанятую комнату кондитерской, а четвертая пролетела мимо окна и, ударившись об стену, разорвалась на улице, легко ранив проходившую девочку. Пятая бомба оказалась лежащею на улице и была поднята прапорщиком Охримовичем, который отнес ее в участок. Там взрывом ее убито два околоточных надзирателя и тяжело ранено пять офицеров, доставивших вместе с Охримовичем эту бомбу в участок.

Восстание латышей в губерниях Лифляндской и Курляндской продолжается. Для водворения порядка посланы значительные войсковые подкрепления в составе всех трех родов оружия, действиями которых очищены от мятежников города Валк, Крейцбург, Якобштадт и местечко Штоксмансгоф. Вместе с тем предпринимаются экспедиции в окрестные волости, сопровождаясь арестом главных зачинщиков беспорядков. В самом городе Риге настроения рабочих, под влиянием непрекращающейся революционной агитации, продолжает быть тревожным, при чем одно время были даже попытки к устройству в городе баррикад. 20 декабря утром расположенный на фабрике «Проводник» взвод драгун подвергся внезапно нападению шайки злоумышленников, убившей 11 нижних чинов и ранившей 7. Здание фабрики было оцеплено войсками. На предложение сложить оружие и выдать зачинщиков рабочие ответили отказом, в виду чего по фабрике было сделано 6 орудийных выстрелов, обративших рабочих в бегство, которое было остановлено пулеметами. Тогда рабочие в числе 1.600 человек сдались и были обезоружены. Ими указано 22 зачинщика в нападении на драгун, из коих 18 уже арестованы, 4 скрывшихся приказано рабочим доставить, до исполнения же этого приказания задержано 37 делегатов рабочих. В районе Витебской губернии вооруженные шайки латышей стали появляться около города Режицы. Для истребления их и восстановления порядка выделен из состава войск вилен-

ского военного округа особый летучий отряд, который направляется в западные уезды губернии.

На ряду с движением латышским стало за последнее время обостряться брожение среди эстонцев. С особенною силою проявляется оно в Ревельском уезде, где появилось несколько вооруженных банд, состоящих преимущественно из рабочих ревельских фабрик и заводов. Мятежниками разграблено и сожжено за истекшую неделю около 40 помещичьих имений. Для водворения порядка из Ревеля направляются военные экспедиции в охваченные восстанием местности. Один из таких отрядов имел 15 декабря вооруженное столкновение с повстанцами около имения «Койль», заставив их выдать награбленное имущество. Шайка была рассеяна, потеряв 16 человек убитыми. Из Ревельского уезда движение распространяется на уезды Гапсальский и Вейссенштейнский, сопровождаясь и там разгромом имений. Во главе эстонского восстания стоит помощник присяжного поверенного Темант. Местным властям предложено принять самые энергичные меры к поимке и аресту Теманта, а также других зачинщиков беспорядков и подавлению мятежа силою оружия.

В губерниях Привислинского края также продолжается брожение. В Варшаве, например, 16 декабря в еврейских кварталах города была попытка устроить баррикады, не удавшаяся благодаря принятым мерам. Многочисленные аресты вырывают из революционной среды наиболее энергичных и предприимчивых представителей движения. Последние обыски привели еще к обнаружению заготовленных революционерами для активных действий против полиции и войск 20 снаряженных бомб, 37 фунтов динамита, значительного количества материала для изготовления взрывчатых веществ и оружия. Серьезные беспорядки происходят также и в Радомской губернии, выражаясь главным образом в стремлении не допускать приема новобранцев, самовольном смещении должностных лиц, разгроме гминных управлений и казенных винных лавок и т. п. Кроме того, 16 декабря была сделана попытка взорвать железнодорожный мост в 20 верстах от станции Скаржиско, Привислинской железной дороги. Из числа подложенных злоумышленниками 4 снарядов взорвался только один, причинив незначительное повреждение пути.

О положении дел в Кавказском наместничестве сведений не поступало уже около 2 недель. Вследствие сего на Кавказ командирован особый офицер корпуса жандармов, с поручением объехать все тамошние губернские города, ознакомиться через местных властей с обстоятельствами последнего времени и при первой же возможности телеграфировать о результатах своей поездки. Единственным пока источником для характеристики дел на северной окраине Кавказа может служить всеподданнейшая телеграмма вице-адмирала Чухнина, в которой он представлял вашему императорскому величеству отчет по командировке военного судна «Днестр» для перевозки пластунов из Ново-

россйиска в Батум. По словам командира судна, в Новороссийске царит полная анархия.

Относительно Сибири командующий войсками сибирского военного округа телеграммою от 17 декабря сообщает, что в гор. Красноярске также господствует анархия, при чем во главе бунтовщиков находится железнодорожный батальон. Верными долгу присяге остались приблизительно три сотни чинов запасного батальона и казаков. Действия мятежников выражаются, между прочим, в том, что они оказывают в желательном для них смысле давление на выборы думских гласных. От чинов прибывшего в город Омск Тобольского полка, а также от проезжающих с востока частных лиц командующим войсками получены сведения, что местности по линии Забайкальской и Манчжурской железных дорог тоже находятся в состоянии мятежа. К западу от Красноярска на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управления дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и, согласно этим постановлениям, не принимаются, например, шифрованные телеграммы, и исключаются из расписаний скорые, почтовые и пассажирские поезда. О подавлении мятежа в районе сибирского военного округа вооруженной силой, без всякой пощады и ослабления, я просил генерал-адъютанта Сухотина.

Относительно аграрных беспорядков, выражающихся главным образом в самовольном истреблении крестьянами леса в частновладельческих и казенных дачах, поступили за истекшую неделю сведения из губерний: Бессарабской, Екатеринославской, Минской, Могилевской, Полтавской, Пермской, Черниговской. В Черниговской губернии, в Стародубском уезде, и Верхнеднепровском, уезде Екатеринославской губернии, крестьянские волнения сопровождались также разгромом помещичьих усадеб. Относительно положения в Пермской губернии совет съезда горнопромышленников на Урале признает его крайне тяжелым и угрожающим разорением заводского дела в виду проявленного за последнее время со стороны революционных элементов и заводских поселян ряда насилий над служащими горных заводов и даже захвата революционерами заводского управления в свои руки, как, например, на Чермозском заводе князя Абамелек-Лазарева. О командировании для восстановления спокойствия в губернии еще одного казачьего полка сделано сношение с военным министерством.

По поводу революционного брожения в войсках за истекшую неделю, помимо случаев, указанных выше, получены сведения об усиленной пропаганде, которую ведут революционеры среди войсковых частей казанского гарнизона. 15 декабря, при аресте представителей местной революционной группы, на сходке было задержано 11 нижних чинов. Затем 18 декабря в Петербурге, в квартире дочери статского советника Кухаренко, задержано на революционной сходке 6 нижних чинов лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. И, наконец, того же 18 декабря, во время беспорядков, происходивших в гор. Вятке, один

из рядовых, поддерживавших сношения с революционерами, выстрелом из винтовки смертельно ранил своего батальонного командира. По обыскам, произведенным за последнее время, обнаружена масса нелегальной литературы, специально приспособленной для пропаганды в войсках.

« » декабря 1905 года.

Еженедельная записка по департаменту полиции за период с 21 по 29 декабря.

По сведениям, полученным за истекшую неделю от подлежащих властей, беспорядки, возникшие на почве «революционного комитета» [1]) 8 декабря, можно почти повсеместно считать законченными. Последним оплотом мятежников являлся город Ростов-на-Дону, но и там 21 декабря были рассеяны все революционные «боевые дружины», сосредоточивавшиеся в Затемерницкой части города и железнодорожных мастерских; устроенные же ими баррикады были разрушены. По обыскам у задержанных участников восстания отобрано 14 ящиков патронов, более 40 пудов пороха, оружие, динамит, материалы для изготовления разрывных снарядов, 2 ящика революционных воззваний, мимеограф, красное знамя и сигнальная пушка. Из Ростова мятежники перекинулись в Нахичевань и захватили там столовую завода «Аксай», куда перенесли разрывные снаряды и оружие. От нечаянного взрыва одной из бомб столовая загорелась. Пожаром оружие уничтожено. Кроме того, от огня и взрывов погибло 9 революционеров, и трое ранено. Остатки ростовских революционных «боевых дружин» сосредоточились за железнодорожным мостом, на полустанках Батайск и Заречная. Для ареста их были посланы войска, и 23 декабря движение поездов восстановилось. Захватываются также при помощи войск железнодорожные станции в других местностях империи, находившиеся во власти мятежников, благодаря чему железнодорожное сообщение почти повсеместно открыто, хотя и не везде производится по расписанию. В последние дни очищена, между прочим, от мятежников станция Рузаевка, где сосредоточился забастовочный комитет Московско-Казанской железной дороги, при чем арестовано 19 главарей забастовки, у которых отобрано много оружия и две бомбы.

Неудача, постигшая попытку устроить вооруженное восстание, безусловно признается теперь и самими революционерами. Так, «С.-Петербургский Совет Рабочих Депутатов», перенесший свои заседания на станцию Териоки, Финляндской железной дороги, в резолюции своей по поводу вооруженного восстания прямо указывает, что боевое выступление масс теперь осуществиться не может, и годовщину январских событий текущего года вторично пролетариат мог бы ознаменовать только нападениями своих «боевых дружин» на отдельные

[1]) Так в подлиннике.

правительственные учреждения и полицейские участки. Тем не менее в январе месяце возможно ожидать повторения беспорядков, хотя, конечно, и не в таких крупных размерах. Агитация, по крайней мере со стороны революционных партий в этом смысле ведется, и международное социалистическое бюро выпустило даже особое воззвание с призывом помочь русским товарищам в их борьбе за свободу путем повсеместного устройства митингов и сбора пожертвований на революционные цели в России, приурочив эти митинги ко дню 9 января. Для предупреждения беспорядков предложены местным властям самые энергичные меры. На ряду с тем продолжаются аресты главных руководителей революционного движения, дающие пока прекрасные результаты. В Петербурге, например, в ночь на 24 декабря арестованы 54 лица, входящие в состав боевых дружин партии социалистов-революционеров, по обыску у которых отобрано много оружия и 14 бомб.

Восстание эстов и латышей в губерниях Прибалтийского края также, повидимому, близится к концу благодаря энергичным действиям войск. В Эстляндской губернии восстание уже подавлено повсеместно, кроме уездов, пограничных с уездами Лифляндской губернии, куда для восстановления порядка посланы части войск. В Лифляндской губернии, в уездах Вольмарском и Венденском, беспорядки прекратились еще до прибытия войск в виду распространившихся только среди населения слухов о приближении отряда генерала Орлова.

В гор. Валке порядок восстановлен при помощи войск из состава того же отряда, благодаря чему почти повсеместно в Валкском уезде законные власти получили возможность вступить в исполнение своих обязанностей. Попутно производится арест главарей движения и обезоружение населения.

Из губерний Привислинского края особенно серьезным представляется положение Радомской губернии, где в самое последнее время усилились действия мятежнических шаек, руководимых помещиками и ксендзами. Деятельность этих шаек проявляется в разгромах правительственных учреждений и казенных винных лавок, смещении гминных властей и замене их своими ставленниками, в предъявлении к населению требований об отказе от взноса податей и доставки новобранцев и в нападениях на должностных лиц. 22 декабря в г. Радоме была брошена бомба в помощника уездного начальника Станкевича, и взрывом ее убит сам Станкевич, и ранены случайно проходившие женщина и один офицер. Затем 25 декабря в городе Островце убит один полицейский надзиратель, и ранен полицейский стражник, а 26 декабря были произведены из засады выстрелы в проходившего по улице офицера, при чем вызванный караул ответил на эти выстрелы огнем, убив и ранив несколько человек из числа нападавших. Проявляется также в Радомской губернии стремление и к массовым беспорядкам. Так, по секретным сведениям, в посаде в Вялобржеди революционными агитаторами была произведена пробная мобилизация

на случай восстания, при чем на местную мобилизацию явилась многочисленная толпа народу, вооруженная кто чем мог.

По сведениям из Кавказского наместничества, в Закавказье, под влиянием отрезанности от России благодаря почто-телеграфной забастовке и ложным слухам, распускаемым крайними партиями, революционное движение всюду обострилось. Железнодорожная забастовка окончательно отрезала Тифлис от всего края, так как революционеры, захватившие дорогу, пускали поезда только по своему выбору. В Тифлисе они объявили забастовку всей торговли и пытались даже прекратить занятия в правительственных учреждениях. Город был объявлен на военном положении, что вызвало объединение крайних партий, организовавших нападения с бомбами на отдельные части войск, офицеров и чинов полиции. Несколько складов бомб арестовано. На ряду с тем были произведены многочисленные аресты руководителей почтово-телеграфной и железнодорожной забастовки, и вся линия Закавказской дороги объявлена на военном положении. Движение поездов производится при помощи воинских команд. В уездах Горийском и Душетском под влиянием общего революционного настроения вновь вспыхнуло аграрное движение, в виду чего в уездах объявлено военное положение. В губернии Елисаветпольской продолжаются столкновения армян с татарами. В Кутаисской губернии положение очень тревожное, так как там революционеры захватили почти всю власть в свои руки, но точных сведений оттуда главное кавказское начальство еще не имеет. В районе Северного Кавказа железнодорожная забастовка благодаря принятым энергичным мерам также прекратилась, движение поездов восстановлено, и управление дорог вступило в исполнение своих обязанностей. Настроение забастовщиков было очень упорное, так что для водворения порядка пришлось занять войсками все станции от Ростова до Беслана, арестовав главных руководителей забастовки, а станцию Минеральные Воды пришлось брать с бою.

Сведения из Сибири продолжают указывать на крайне тревожное положение в гор. Красноярске, где железнодорожные рабочие, руководимые местным революционным элементом, при содействии взбунтовавшегося местного железнодорожного батальона и пользуясь отсутствием войск, захватили в городе власть. К водворению порядка удалось приступить только с прибытием в город эшелона одной из следовавших по Сибирской линии войсковых частей, при помощи которого занята почтово-телеграфная контора. 23 декабря ожидалось прибытие первого эшелона Красноярского пехотного полка, и при его посредстве будут приняты дальнейшие меры к подавлению мятежа. На необходимость самой суровой и быстрой расправы с красноярскими мятежниками указано командующему войсками сибирского военного округа.

Относительно аграрных беспорядков наиболее неблагоприятные сведения получены за истекшую неделю из Полтавской губернии.

В местечках Сорочинцы и Устивица, Миргородского уезда, население под влиянием революционной агитации заявило об отказе платить подати и ставить новобранцев, а в первом из них арестовало станового пристава и других полицейских чинов, вследствие чего для водворения порядка был командирован 19 декабря с воинским отрядом помощник исправника Барабаш. Отряд имел столкновение с мятежниками, причинив им значительный урон, но сам Барабаш во время столкновения был убит. Мятежники приведены к покорности, зачинщики и подстрекатели мятежа арестованы, и виновники убийства Барабаша будут преданы военному суду. Кроме того, об аграрных беспорядках, выражающихся в самовольном истреблении леса в частновладельческих и казенных дачах, получены указания из губерний: Витебской, Воронежской, Екатеринославской, Могилевской и Черниговской. В Воронежской губернии беспорядки сопровождались также разгромом трех помещичьих усадеб. Несмотря на строгие репрессивные меры, принимаемые против зачинщиков крестьянских беспорядков, для подавления которых местным властям предложено действовать самым решительным образом, агитация среди крестьян продолжается, и революционеры имеют даже в виду созвать вновь крестьянский съезд. Первоначально он предполагался в Москве, но теперь переносится в провинцию, где обстановка может быть более благоприятной его занятиям. О недопущении съезда и рассеянии его в случае сопротивления даны соответствующие инструкции местным властям.

Сообщила *Е. Михайлова.*

29 декабря 1905 года.

Аграрное движение в 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева.

Печатаемые конспекты Дубасова и Пантелеева относятся к их выездам в центральные губернии (Курскую и Черниговскую), первого — в конце 1905 года, второго — в начале 1906 г.

Оба генерал-адъютанта, один вслед за другим, явились в места движения, когда последнее здесь или стихало, или уже стихло — правда, временно. Здесь было два основных крупных революционных подъема в конце октября и в начале ноября, а затем в конце ноября и в начале декабря.

Поскольку центральный район являлся районом господства полукрепостного хозяйства, в нем главенствующую роль играло разгромное движение, которое, как это можно видеть из приводимых в докладах цифр, привело к довольно ощутительным результатам — к разгрому до двухсот слишком хозяйств на территории только четырех губерний. Временно прекратившееся движение после упадка в начале 1906 г. (оно усилилось лишь летом 1906 г.) дало правительству передышку, которая позволила ему оправиться — особенно после разгрома вооруженного декабрьского восстания — и перейти в наступление.

Быстро начала организовываться реакция. «Начали сплачиваться хорошие (!) элементы партии консервативного, монархического и правового порядка». В некоторых местах Черниговской губернии кулачество при содействии полиции устраивало жестокие самосуды над революционными крестьянами.

Как производилось подавление крестьянского восстания и какие меры принимались карательными экспедициями, — это и описывают в своих отчетах генерал-адъютанты.

Конечно, главные их усилия направлены в сторону военного подавления восстания «отрядами трех родов оружия». Против беззащитных крестьян, действовавших большей частью с вилами, топорами, косами и просто палками и редко с охотничьими ружьями и плохенькими револьверами, высылали артиллерию.

К военному подавлению прибавлялись меры по перетряхиванию местной администрации, удушению печати и проч., по части чего генерал-адъютанты предпринимают и намечают целый ряд мер.

В записке Пантелеева нашло себе отражение и общее помещичье мнение о необходимости «реформ» в деревне, именно уничтожение общины и утверждение крестьянской частной собственности, как оплота помещичьей собственности. Общине помещиками приписывалась и отсталость и разорение крестьянского хозяй-

ства, в действительности являвшееся результатом помещичьей эксплоатации. «Пока производительность их (крестьянских) земель падала, частные хозяйства быстро повышались», — правильно устанавливает факт, не понимая его смысла, Пантелеев.

В начале 1906 г. вполне оформились основы Столыпинской реформы, которая и являлась помещичьим-прусским — по определению Ленина — путем ликвидации «аграрного вопроса». Крестьяне же в 1917 г. ликвидировали этот вопрос «русским» путем.

С. Дубровский.

I.

Конспект к отчету генерал-адъютанта Дубасова.

Генерал-адъютант Дубасов прибыл в Черниговскую губернию, когда острый кризис революционного движения уже миновал. Крестьянские разгромы были результатом долго таившегося брожения и неудовольствия среди населения; толчком для сего послужил еврейский погром. Аграрное движение захватило собственно два района: Городнянский уезд (узкая вытянутая полоса, где стерты с лица земли чудные старинные барские усадьбы) и Суражский, с частью Черниговского уезда (громадный район, где разгромлено 25 хуторов); при чем в виду забастовок и плохого состояния путей сообщения власти не могли подать всюду помощь. Суражский уезд весьма беден, почва песчаная, мало производительная, население его темное и нуждающееся, и потому пропаганда в нем имела легкий доступ. Пояснение революционеров, что крестьяне могут, причиняя убытки помещикам, принудить последних продать свою землю за ничтожную цену, и еврейские погромы — побудили крестьян к крайним мерам. Антисемитское движение имеет в русском народе глубокие корни. В большинстве имений Суражского уезда находились евреи арендаторами, управляющими, приказчиками, мельниками и т. д., а отношение их к крестьянам было суровое. После манифеста 17 октября, косвенно признавшего равноправность евреев, последние держали себя вызывающим образом, оскорбляя патриотизм и верноподданнические чувства русских; ответом на это были еврейские погромы, первым же сигналом послужил погром в посаде Клинцах. Во главе шаек громил были главари, носившие у местных жителей имена «Куропаткиных» и «Линевичей»; успеху же агитации способствовало ложное толкование манифеста 17 октября о свободе и ходившие нелепые слухи: «царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов». Погромы производились в два приема: в 1-й — громили и буйствовали, во 2-й — грабили, увозили и жгли, что нельзя было увозить. Благодаря умелым действиям вице-губернатора Родионова в северных уездах при помощи войск были прекращены беспорядки, хотя настроение населения оставалось возбужденным. Наиболее сильные проявления были в Новозыбковском

уезде и то же в Городнянском и Черниговском уездах. В этом районе агитации много способствовали председатель земской управы А. А. Свечин и член управы Малявко; из среды учителей—некий Теремец. Кроме того, подозрительно поведение земского начальника А. М. Селецкого и некоторых священников, а также черниговского уездного предводителя Карвольского-Гриневского. (Приложены к отчету фотографии с некоторых разгромленных и уничтоженных пожаром усадеб). При вызванной реакции среди казаков и крестьян, самосудом убито до 50 человек громил из самых буйных.

В Нежинском и Козелецком уездах движение приняло полуаграрный полу-революционный характер. В селе Мринах сильно агитировал господин, особо одетый, называвший себя «главным контролером стачки (разгрома)». Непременный член Шрамченко с эскадроном драгун своей энергией восстановил порядок. В Нежине пришлось арестовать так называемых «демократов» (политических агитаторов), чтобы их спасти от толпы. В Конотопе движение было главным образом рабочее, а главный руководитель—агент московского стачечного союза Шор. В с. Гоголеве, Остерского уезда, порядок был восстановлен, когда непременный член Шрамченко арестовал 41 зачинщика.

Вообще ясно, что местное земство покровительствовало пропаганде; требование администрации в 1905 году об удалении вредных лиц не удовлетворялось. 9 сентября в Москве «Всероссийский союз учителей» свои решения разослал с делегатами по губерниям.

В отношении войск Черниговская губерния была поставлена довольно удовлетворительно, большого недостатка, благодаря добавочным командированиям частей, не ощущалось. Острогожский пехотный полк был в боевом составе, но власти опасались его посылать для прекращения разгромов, ибо он мобилизовался в момент разгара брожения умов. Тем не менее генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличном поведении этого полка, а особенно 9-й роты (капитан Август Табенецкий). Всего в губернии было 31 ½ рот, 7 эскадронов и 7 ½ сотен, не считая артиллерии и частей, специально назначенных для охраны железных дорог.

Генерал-адъютант Дубасов, убедившись, что безнаказанность крестьян мешала прекращению движения, просил министра юстиции усилить состав окружных судов, что и было частью исполнено. По совещании с местными властями генерал-адъютант Дубасов признал нужным воспользоваться законом, дающим крестьянским обществам право высылать в Сибирь вредных членов, но закон требует, чтобы это выселение делалось за счет самих обществ, что в некоторых случаях невозможно. Поэтому генерал-адъютант Дубасов просил министра внутренних дел разрешить этот расход произвести за счет казны; сенатор Дурново ответил, что полностью это ходатайство он не может удовлетворить, но что предоставляется обществам в каждом отдельном случае

при неимении средств, о сем возбуждать особое ходатайство. Генерал-адъютант Дубасов с таким решением не согласен, ибо он, как царский посланный, это обещал крестьянам и слову его должны верить. А посему он просит ваше величество, в виду важности вопроса, удовлетворить полностью его ходатайство (лист 7-й внизу и на обороте).

В посаде Клинцы генерал-адъютант Дубасов объяснял местному еврейскому обществу, что оно своим вызывающим поведением само вызвало против себя народ, что оно должно помогать администрации, а не спорить с ней, что убытки если и будут возвращены правительством, на что мало надежд, то во всяком случае не скоро. В Суражском уезде он говорил с населением на сходках, увещевал их и пригрозил, если беспорядки не прекратятся, вернуться с войсками и стереть с лица земли мятежные селения. Толпа везде выказала покорность, в 7 селениях выданы и постановлены приговоры о выселении 87 зачинщиков. Для прекращения порубок генерал-адъютант Дубасов приказал против непослушных войскам открывать сейчас же огонь. В Стародубе генерал-адъютант Дубасов словами успокоил царившую там панику. В Городнянском уезде он добился выселения крестьянскими обществами 94 зачинщиков и полного раскаяния обществ.

В Чернигове созванные уездные старшины указали на желательность скорейшего созыва Государственной Думы, понижения искусственно вздутых цен на землю, жаловались на то, что ссылаемые в Сибирь, с отпускными свидетельствами, возвращаются и держат в страхе население, и просили обратить внимание на бесчинства призванных на службу и временно уволенных по домам новобранцев. В Конотопе генерал-адъютант Дубасов имел случай убедиться, что толпа повинуется твердому и решительному обращению слова царского посланного. Благодаря назначению московским генерал-губернатором генерал-адъютант Дубасов не мог докончить свою командировку в Курской губернии, где пробыл всего 4 дня. В Курской губернии положение было серьезное, разгромлено было до 45 экономий, войск было мало. К прибытию генерал-адъютанта Дубасова движение охватило почти все уезды губернии. Вице-губернатор, оправдываясь болезнью, оставался дома и мало делал. Губернатор Гордеев принужден был дать самостоятельность исправникам и местной полиции и предоставил им даже передвижение войск. Всех разгромов было до 100, пропаганда шла страшно успешно на почве малоземелья, но главным образом революционная. Агитаторы всюду сеяли смуту, манифест 17 октября критиковался, ибо в нем не было упомянуто о главном вопросе для крестьян—о земле. Манифест 3 ноября тоже; говорили, что позволили покупать то, что уже взяли. К счастью, насилий над самими помещиками не было. Предотвратить беспорядки было очень трудно, ибо движение носило характер вспышек везде, а не в одной какой-либо полосе губернии. Требовались всюду войска, а их не было; было всего 1.350 человек пе-

хоты, 376 кавалерии и 474 казаков. Обоянский и Грайворонский пехотные полки, развернутые из резервных батальонов, стояли в Курске, но были ненадежны в виду массы запасных, которые и были удалены по ходатайству генерал-адъютанта Дубасова. Дабы произвести подавляющее впечатление на население, генерал-адъютант Дубасов разослал такое же воззвание, как и в Черниговской губернии, но прибавил, что если повторятся погромы, он уничтожит мятежные села, и приготовился итти исполнить это с отрядом 3-х родов оружия. Отозвание его в Москву помешало ему выполнить этот план; он не хотел связывать генерал-адъютанта Пантелеева, предоставив ему действовать по своему усмотрению, но все же генерал-адъютант Дубасов сожалел, что не довел начатое до конца, так как отозвание его могло быть истолковано с превратной стороны.

В Полтавской губернии генерал-адъютант Дубасов не успел побывать в виду железнодорожных забастовок и имел сведения лишь телеграфные. В Орловской губернии из личного доклада губернатора генерал-адъютант Дубасов усматривает, что движение было много слабее. Войск было 2 полка пехоты и 6 сотен казаков, кроме того, губернатор возлагал большие надежды на формируемую местную полицейскую стражу.

В заключение генерал-адъютант Дубасов говорит, что достигнутое успокоение есть только затишье. С наступлением весны беспорядки могут возобновиться. Необходимо, чтобы виновные крестьяне понесли кару, а невинно пострадавшим помочь восстановить свое хозяйство. Надо усилить воинские части и полицейские команды. Наблюдать за движением в глуши деревни. Разоренным помещикам надо по возможности вернуть убытки и хотя бы часть этого разложить на громивших крестьян. Крестьянский банк должен наблюдать за тем, что, покупая от разгромленного помещика землю, эта земля отнюдь бы не досталась громившим ее крестьянам, а такую землю надо продать другим крестьянам, не принимавшим участия в беспорядках, и для этого не останавливаться перед переселением. Это очень важно.

Чтобы пользоваться дарованными свободами, надо, чтобы крестьянство сперва поняло, что надо уважать чужую собственность наравне со своею.

Генерал-адъютант Дубасов свидетельствует об отличной деятельности при нем администрации Черниговской губернии и особенно губернатора Хвостова, вице-губернатора Родионова и непременных членов губернского по крестьянским делам присутствия Малахова и Шрамченко — оба бывшие военные, которые много личной деятельностью способствовали успокоению.

Кроме того, генерал-адъютант Дубасов свидетельствует о безукоризненном исполнении долга присяги и поведении войск, которые, несмотря на всю пропаганду, не дрогнули ни разу и остались верны престолу и отечеству.

II.

Конспект к отчету генерал-адъютанта Пантелеева.

1.

Аграрное движение вызвано пропагандой. Революция, переходя от глухой оппозиции к активным действиям, нашла после фабричных и заводских рабочих беспорядков благодарную почву в сельском населении (войска, несмотря на пропаганду, устояли). Крестьянин после 1861 года переменил лишь хозяина, став рабом своей общины; находясь в зависимости от мира, он бесправен даже в деле залога и продажи своего участка. Для него права собственности мертвая буква. «Земля ничья — она божья», — говорят крестьяне. Пока производительность их земель падала, частные хозяйства быстро повышались. Вследствие этого и появления сахарных и других заводов арендные цены стали повышаться (в данном районе доходя до 45 руб. за десятину); неприступность этих цен для крестьян заставила их довольствоваться своими душевыми наделами, которые продолжали дробиться (в данном районе колеблясь от 2 до $4^1/_2$ дес., в Полтавской же губернии он менее десятины), но поднять производительность земли при общинном владении и отсутствии правительственного кредита было невозможно. Малоземелье, делаясь все более чувствительным, породило у крестьян все возрастающую вражду к землевладельцам и крупным арендаторам. Недород в 1901 г. в Полтавском и Константиноградском уездах не обратил на себя в 1902 году должного внимания администрации. Первые проявления смуты были подавлены, но она не улеглась. Удачный опыт пропаганды в Константиноградском уезде 1902 г. способствовал всеобщему взрыву народного мятежа.

К сожалению, правительство бездействовало в вопросах сельскохозяйственного воспитания, кредита и переселения; помещики соблюдали свои выгоды, духовенство безлюбовно относилось к воспитанию своей паствы. Промышленный кризис наводнил деревню безработными. Кризис назревал. Революционные агитаторы, встретив неожиданный отпор в своем стремлении поколебать вековые народные верования в бога и своего самодержавного русского государя, обрушились всею силою на правительство; этому помогла война и бездействие власти. Революция обещала народу даровой надел,—этими посулами она завоевала симпатии крестьянина. Железнодорожная забастовка 9 октября, показав бессилие правительства, дала толчок мятежу. Евреи явились спайкой революционной организации, земство же сыграло роль организационной силы. Борьба администрации с последним была весьма трудная; напр.: 1) Курский губернатор Гордеев знал неблагонадежность только что избранного большинством одного шара председателя губернской земской управы Раевского и просил 18 февраля

1905 г. министра внутренних дел его не утверждать. К сожалению, он все же утвержден. 2) Генерал-адъютант Дубасов приказал городнянскому земству уволить несколько неблагонадежных учителей. Это исполнено номинально, в действительности же земство продолжало платить им жалованье и вместо казенной квартиры дало им квартирные деньги. Эти два случая показывают несолидарность действий правительства при борьбе с дружной сплоченностью революционеров. Из земских деятелей выделились приверженностью к Крестьянскому союзу председатели уездных земских управ: льговской — Широков и суджанской — князь Долгоруков. Революционные деяния председателей управ были искусно замаскированы; низшие служащие прямо способствовали пропаганде. С началом же железнодорожной забастовки силы революционеров усилились присоединением всякого недовольного элемента. Резолюция московского крестьянского съезда: «Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает», поднимала повсеместно народ, видевший безнаказанность забастовок. Нерешительность правительства и властей ставила губернаторов в тяжелое положение, запросы их в Петербурге оставались без ответа. Разнузданность прессы все разжигала. Революционные круги истолковали манифест 17 октября, как победу над правительством и доказательство его слабости. Это превратное толкование и дало повод всем бедствиям. Затем милости, дарованные манифестом 3 ноября, прошли незамеченными в пылу такого стихийного брожения. Губернаторы, не поддерживаемые правительством, растерялись; указание им действовать по существующим законам в духе манифеста их окончательно сбило с толку; земские начальники в большинстве бездействовали (в Черниговской губернии при разгроме имений Жемчужникова и Михневича они уклонились от своего долга), исправники тоже; полиция, вследствие отсутствия охранных отделений неосведомленная, действовала, не согласуясь с жандармскими управлениями и судебным ведомством. Часто судебным ведомством и жандармским управлением без ведома губернаторов освобождались задержанные по их приказанию, что еще больше подорвало престиж власти. Оставалась одна надежда на войска, а их было недостаточно. В Курской губернии — 9 сотен, 4 эскадрона, 5 рот; в Черниговской — 8 сотен, 8 эскадронов, 14 рот; в Полтавской — 9 сотен, 5 эскадронов, 8 рот. Средний состав эскадрона и сотни — 70 коней, роты — 35 нижних чинов. Кроме того, войска дробили на слишком мелкие части (курьез: гор. Щигры, Курской губернии, охранялся тремя пехотинцами), и обращались неумело с ними (пример: $^1/_2$ роты 166-го Ровенского полка передвинуто губернатором из Остры, Черниговской губернии, в распоряжение непременного члена по крестьянским делам Шрамченко; его налицо не оказалось, $^1/_2$ роты передано исправнику; скоро он уехал, $^1/_2$ роты передается приставу, уезжает и он, и $^1/_2$ роты передается уряднику).

2.

С 9 октября в Курской губернии начались революционные митинги и демонстрации по городам. Сначала случаи погромов были только единичные, направленные на евреев, и могли быть подавлены быстро силою. С 17 октября движение усилилось и затем в течение месяца все ухудшалось. Крестьяне озверели, даже под угрозами заставляли молчать священников, запрещая успокоительные проповеди. Войска утомились. Приказ увольнения в запас срока 1901 года в кавалерии вызвал глубокое брожение в пехоте. Генерал-адъютант Пантелеев по прибытии в Орел сейчас направился в Курск, так как эта губерния была более беспокойна. Вообще, и Курская, и Полтавская, и Черниговская губернии были в критическом положении. Главное внимание генерал-адъютант Пантелеев с места обратил на войска, запретив их дробление, просил военного министра об усилении и назначении в распоряжение губернаторов офицеров генерального штаба для руководства их распоряжений и, кроме сего, назначил районных начальников. Начавшееся в Белгороде брожение в 51-й артиллерийской бригаде, благодаря испрошенным от киевского командующего войсками подкреплениям и генерала для расследования, было тотчас прекращено. В городе Льгове при разговорах с толпой генерал-адъютант Пантелеев встретил явно враждебное отношение и арестовал говорившего с ним депутата, как оказалось, делегата московского съезда; генерал-адъют. Пантелеев делал смотры войскам и говорил с ними, везде стараясь поднять дух, что и удавалось. Огромное количество газет вредного направления очень вредили успокоению, несколько из них генерал-адъютант Пантелеев приостановил; кроме того, давал новые дислокации и инструкции войскам, назначал начальников летучих отрядов, содействовал губернаторам в образовании конной стражи, говорил с крестьянами и их уполномоченными, и все его слова были напечатаны в нескольких тысячах экземплярах и разосланы во все населенные места; на созванных им совещаниях выяснилось, что рассылаемые губернаторами объявления не допускались агитаторами и уничтожались. После покушения на черниговского губернатора Хвостова генерал-адъютант Пантелеев поехал в Черниговскую губернию, будучи уже назначен главноначальствующим. Успокоению много помогли энергичные действия генерал-майора Рудова [1]) с его отрядом и, наконец, полученные из Петербурга твердые указания местным властям, пробудившие их нерешительность. Высочайшие слова, сказанные депутации щигров-

---

[1]) Ген.-майор Рудов с карательным отрядом в начале 1906 г. прошел по Черниговской губ. и части Могилевской губ., учиняя бесчеловеческие порки и сжигая дома и хозяйственные постройки наиболее революционных крестьян.

Ред.

ских крестьян [1]), подействовали отрезвляюще. Губернское земское собрание, несмотря на серьезные опасения, прошло благополучно благодаря умелому председательству уездного предводителя дворянства графа Мусина-Пушкина (губернский, князь Голицын, заболел). К 9 февраля общее состояние всего района много улучшилось, Орловская же губерния уже была с конца декабря спокойная. Начали сплачиваться хорошие элементы,—партии консервативные, монархические и правового порядка. Крестьяне начали подавать всеподданнейшие адреса и выдавать подстрекателей. 10 февраля генерал-адъютант Пантелеев выбыл обратно в Петербург.

За все время произведено погромов и поджогов:

в Орловской	губернии	59	экономий	на	500 тыс. рублей.
» Курской	»	130	»	»	3 милл. рублей.
» Полтавской	»	22	»	»	650 тыс. рублей.
» Черниговской	»	35	»	»	3 милл. рублей.

3.

Заключение и выводы.

Причины, вызвавшие революцию, не устранены, и волнение лишь временно подавлено. Цель командировки была лишь использование и объединение местных средств и властей, что и сделано. Но, чтобы закрыть доступ революции в население, традиционно верное богу, царю и отечеству, надо ясную и неизменную правительственную программу и ряд соответственных законодательных актов. Отсутствие программы и быстрые перемены внутренней политики суть корень всего зла. Колебание власти в центральных правительственных учреждениях передается по всем иерархическим ступеням до низших, разрушаются основы и престиж власти в глазах народа, страдает планомерность правительственных мероприятий, а революция каждым неуверенным шагом правительства пользуется, чтобы взять свое.

К еще большему расстройству вели недоверие начальников к своим подчиненным и неудачные назначения начальствующих лиц, иногда не сочувствующих правительству. Зло это, конечно, гнездится в высших правительственных сферах.

На будущее время, казалось бы, правительству следовало бы:

1) Всемерно избегать неясности в актах первостепенной важности; такие акты должны быть понятны всем подданным и не допускать превратных толкований. (Как, напр., манифест 17 октября.)

---

[1]) Подставная депутация крестьян Щигровского у. Курской губ., принятая царем 18 января. Сказанная последним по шпаргалке речь сводилась к следующему: «Всякое право собственности неприкосновенно: то, что принадлежит помещику, принадлежит ему; то, что принадлежит крестьянину, принадлежит ему... Помните всегда, что право собственности свято и должно быть неприкосновенно». *Ред.*

2) Деятельно бороться с революционной прессой. По мнению губернаторов, издание одной или двух правительственных газет в каждой губернии принесло бы большую пользу, они бы разъяснили читающему люду несбыточность и лживость революционных прокламаций и распространяли бы твердые патриотические взгляды на преданность самодержавному царю и православной церкви, — два исторических устоя славы и могущества России.

3) Вполне реорганизовать губернскую администрацию, дав губернаторам более широкие полномочия и подчинив им местные полицейские и жандармские власти, а для сего установить новую должность помощника губернатора по полицейской части или второго вице-губернатора.

Равно надо улучшить положение полиции, от которой сейчас требуют всего, а для исполнения этих требований ничего ей не дают: а) чины полиции фактически подчинены посторонним учреждениям и лицам (судебному ведомству, казенным палатам, жандармским управлениям и проч.), которые обращаются к ней с самыми разнородными требованиями, отвлекая ее от прямых ее обязанностей и как бы забывая, что у нее есть свое прямое начальство; б) должности классных чинов полиции по служебному положению поставлены неудовлетворительно; напр., полное неразграничение административной власти земских начальников и исправников постоянно приводит к вредным для дела коллизиям; в) нищенский оклад высших и низших чинов полиции, на ряду с трудностью и риском службы, не дает возможности иметь удовлетворительный состав и искоренить в нем злоупотребления и взяточничество. Кроме того, служебные разъезды исправников и становых по закону производятся за счет уездного земства, и размер их устанавливается земскими собраниями, и исправники, и пристава находятся в зависимости от земств, что при оппозиционном направлении некоторых из них крайне нежелательно.

Все это следовало бы немедленно преобразовать. Уездных исправников преобразовать в начальников уездов, с присвоением этой должности 6 класса. Оклады полиции значительно увеличить. Полицию избавить от зависимости от земств.

4) По судебному ведомству надо ускорить производство дел и установить бóльшую солидарность в действиях судебной и административной власти. Отсутствие таковой мешает подавлению волнений.

5) Административная высылка желательна для главарей и подстрекателей революционного движения, но за пределы Европейской России и даже в отдаленнейшие места Сибири на продолжительные сроки. Применения к высланным амнистий по манифестам в будущем крайне нежелательны.

6) Земская статистика мало полезна; статистики во многих случаях агитаторы. Поэтому лучше бы прекратить правительственную субсидию земствам на статистику, и этот миллион ассигновать на по-

лицию или Крестьянскому банку на земельный фонд для малоземельных крестьян.

7) Необходима новая дислокация войск. В каждой беспокойной губернии надо расквартировать дивизию пехоты и бригаду кавалерии.

8) Циркуляр министерства финансов, увещевающий помещиков, произвел неблагоприятное впечатление на все местное население. Принудительное отчуждение частновладельческих земель крайне опасно и нежелательно. Нужда крестьянина в большинстве не в малоземелье, а в низкой его культурности. Надо безотлагательно устранить чересполосность земельных участков, уничтожить общину, открыть для крестьян государственный кредит, упорядочить действия Крестьянского банка и, наконец, поставить правильно переселенческое дело.

Аграрный вопрос есть вопрос благоденствия России.

В заключение генерал-адъютант Пантелеев свидетельствует перед вашим императорским величеством о беззаветной преданности и самоотверженной службе войск, находившихся в его распоряжении, а также чинов администрации и полиции.

Генерал-адъютант Пантелеев с высочайшего соизволения вошел с представлением к министрам военному и внутренних дел о награждении более достойных, по его мнению, лиц и в настоящем отчете повергает на всемилостивейшее вашего величества благовоззрение особо полезную деятельность полтавского губернатора, в должности шталмейстера, князя Урусова, временного кременчугского генерал-губернатора генерал-майора Штерича и начальника черниговского губернского жандармского управления генерал-майора Рудова.

Флот в 1905 г.

I.

Восстание броненосца «Потемкин-Таврический».

«Заграничная печать всех стран и всех партий, — писал В. И. Ленин 27 июня 1905 г. в газете «Пролетарий», — полна известиями, телеграммами, статьями по поводу перехода части судов Черноморского флота на сторону русской революции. Газеты не находят слов для выражения своего изумления, для достаточно сильной характеристики того позора, до которого довело себя самодержавное правительство. Верхом этого позора было обращение царского правительства к Румынии и Турции с просьбой о полицейской помощи против восставших матросов. Вот когда сказалось, что «турки внутренние» страшнее для русского народа, чем «всякие турки внешние».

Публикуемые ниже материалы, извлеченные из дипломатической переписки б. русского министерства иностранных дел с румынским правительством и с своими агентами в Турции и Болгарии, отражают именно тот момент, когда русское правительство искало помощи Румынии, Турции и Болгарии против восставших судов Черноморского флота — броненосца «Потемкин-Таврический» и миноносца «№ 267». Румынским портовым властям г. Констанцы, вынужденным оказать гостеприимство восставшим судам, пришлось лавировать между требованиями революционных матросов — отпустить им продовольствие и уголь — и угрозами русского правительства, квалифицировавшего восставших матросов, как «уголовных преступников». Однако румынское правительство, несмотря на угрозы могущественного соседа, отказалось удовлетворить его требования о выдаче ему восставших и предложило последним интернироваться в Румынии, гарантировав им полную безопасность на румынской территории. Не приняв предложенных условий, восставшие суда ушли обратно к крымским берегам, но после известных событий в Феодосии, под впечатлением своей изолированности, оставшись без угля и провианта, вновь пришли в Констанцу и сдались там на ранее предложенных им условиях, которые румынские власти не посмели изменить. Историю этих двух заходов восставших русских судов в Констанцу и сдачу их Румынии в качестве «военных дезертиров» и воспроизводят главным образом, печатаемые нами документы.

Русское правительство, не добившись выдачи революционных матросов, получило обратно броненосец и миноносец, но не оставило, однако, надежды заполучить матросов в свои руки и беспощадно расправиться с ними «за бунт против власти

и убийства своих офицеров». Румынское правительство предупредительно указало русскому правительству, что большинство сдавшихся русских матросов направлено им в провинции, граничащие с Россией, чтобы дать им возможность во всякое время перейти границу и вернуться на родину. Румынским властям не менее русского правительства желательно было поскорее ликвидировать на своей территории «революционную заразу», но они не решились на открытые действия против моряков. Болгарское же правительство прямо обещало нашему дипломатическому представителю в Софии всяческое содействие в поимке матросов «Потемкина» и выдаче их русскому правительству, если они окажутся на болгарской территории.

Для характеристики паники, произведенной на Черном море восстанием части русского флота, весьма любопытны также документы, сообщающие сведения о проекте посылки Англией двух судов в черноморские воды и о требованиях, предъявлявшихся русским правительством турецкому султану в связи с возможностью появления восставших судов у Босфора.

Все-таки «самое большее, чего царскому правительству удалось добиться, — писал Ленин тогда, — это — удержать флот от активного перехода на сторону революции. А броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции, и, какова бы ни была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательный факт: попытка образования *ядра революционной* армии». С другой стороны, — как это подчеркивал Ленин, — «переход «Потемкина» на сторону восстания сделал первый шаг к превращению русской революции в *международную силу*, в сопоставлении ее лицом к лицу с европейскими государствами». Признавая большую долю правды в замечании газеты «Le Matin», что «революция овладевает броненосцем,— событие невиданное в истории! — не зная в то же время, что с ним делать»,— Ленин писал: «Да, мы повинны, спора нет, в недостаточной организованности революции». Но заслуга «Потемкина» в том, что в лице его «русская революция объявила Европе об открытой войне русского народа с царизмом».

Печатаемые документы извлечены из дела б. министерства иностранных дел «О восстании броненосца «Потемкин-Таврический», хранящегося в Московском Архиве Революции и Внешней Политики.

1.

Товарищ министра внутренних дел министру иностранных дел.

20 июня 1905 г. № 7669.

В. нужное.
Совершенно доверительно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич.

На броненосце черноморской эскадры «Князь Потемкин-Таврический» произошло восстание нижних чинов, которые, умертвив часть офицеров, а других высадив на берег, завладели судном и с присоединившимися миноносцами взяли курс из Одессы в море, повидимому, направляясь к Константинополю.

Сообщая о сем, имею честь покорнейше просить ваше сиятельство не отказать немедленно войти с представлениями к правительствам Турции, Румынии и Болгарии о недопущении на берег кого-либо из лиц, находящихся на указанном броненосце и миноносцах.

О последующем покорнейше прошу почтить уведомлением.

Примите, ваше сиятельство, уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Д. Трепов.

2.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

Вчера, вечером, появились перед Констанцею броненосец «Князь Потемкин» и один миноносец. Команда судов, на коих офицеров нет, потребовала у румынских властей угля, воды и съестных припасов, в чем им по приказанию военного министра было отказано и предложено сдаться и сойти на берег без оружия. Ответа еще не получено. Командир нашего стационера, находящегося в Констанце, с которым говорил по телефону, сообщил, что он был на «Потемкине»; команда повторила ему свое требование. Генерал Лаговари сказал мне, что если команда сдастся, то суда будут заняты румынским экипажем и затем возвращены нам. Я командировал в Констанцу Вестмана для составления подробного донесения и ходатайствую о разрешении задержать его там до окончательного разрешения этого вопроса.

3.

Управляющий морским министерством министру иностранных дел.

20 июня 1905 г. № 2828.

Спешно. Секретно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич.

По полученному сего числа донесению по телеграфу командира нашего стационера на Дунае транспорта «Псезуапе», в Констанцу прибыли с мятежными командами броненосец «Князь Потемкин-Таврический» и миноносец № 267, при чем оба судна нуждаются в угле и провизии.

По всеподданнейшем докладе мною сего числа содержания этого донесения его императорскому величеству благоугодно было указать на необходимость снестись с болгарским и румынским правительствами с целью запрещения ими снабжения указанных судов как

углем, так и провизиею в портах обоих государств, а также недопущения съезда команды на берег.

О таковой высочайшей воле имею честь сообщить вашему сиятельству, прося о последующих распоряжениях не отказать мне уведомлением.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Ф. Авелан.

4.

Проект срочной секретной телеграммы российским представителям в Бухаресте и Софии.

20 июня 1905 г. №№ 277 и 278.

Броненосец «Князь Потемкин» и миноносец № 267, команды коих взбунтовались, пришли в Констанцу.

Сообщив об этом румынскому правительству, передайте ему нашу просьбу не выдавать этим судам ни провизии, ни угля.

При этом обратите главное внимание правительства, при коем вы аккредитованы, что командами совершено много важных уголовных преступлений — убийств, поджогов, грабежей.

Для Болгарии. Сообщив о сем болгарскому правительству, передайте ему нашу просьбу не выдавать ни провизии, ни угля этим судам, если они зайдут в болгарский порт. При этом и пр. (см. выше. *Ред.*).

5.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

Ген. Лаговари телеграфирует:

Русские моряки отказались сдать оружие и передать корабли властям, даже при условии, что с ними поступят, как с иностранными дезертирами. Сегодня утром русский миноносец пытался проникнуть в порт. Румынский крейсер помешал ему, сделав два пушечных выстрела в знак того, что вход в порт воспрещен. Миноносец удалился. Моряки, с которыми капитан порта вел переговоры, предлагая им удалиться, заявили, что они направляются к русским берегам.

6.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 20 июня/3 июля 1905 г.

«Потемкин» ушел, направляясь на юго-восток.

7.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьеву.

21 июня 1905 г. № 282.

В виду принятых румынским правительством в Констанце суровых мер по отношению к «Потемкину», едва ли последний решится зайти в Босфор. Если же, однако, это случится, то рассчитываем на соответственные энергичные мероприятия со стороны оттоманских властей.

Что же касается предполагаемого султаном прощения от имени государя императора взбунтовавшейся команде, то о таковой мере и речи быть не может.

8.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтову в Бухарест.

21 июня 1905 г. № 285.

Государю императору благоугодно было высочайше повелеть выразить румынскому правительству благодарность е. и. в. за энергические меры, принятые относительно броненосца «Кн. Потемкин».

9.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметьева.

София. 21 июня/4 июля 1905 г.

20 июня, до получения телеграммы вашего сиятельства, княжеское правительство, вследствие известий из Констанцы, приказало приморским властям в случае, если появятся наши мятежные суда, ни под каким предлогом не выдавать им ни провизии, ни угля, а ежели они пожелают сдаться, то задержать суда и впредь до дальнейшего распоряжения арестовать всю команду.

10.

Копия с донесения консула в Добрудже, ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте колл. сов. Сергею Лермонтову.

Констанца. 21 июня 1905 г. № 67.

Воскресенье, 19 июня, около пяти часов пополудни, прибыл из Одессы в Констанцу броненосец «Князь Потемкин-Таврический». Вслед за остановкою к нему подошли на шлюпках командир стацио-

нера нашего «Псезуапе», капитан над Констанцским портом и командир румынского крейсера «Елисавета». Офицеры эти на вопросы команды «Потемкина» ответили, что им ничего не было известно об ее возмущении или что хотя о том и ходил слух, но что они не могли придавать ему веры.

На запрос капитана над портом, с какою целью «Потемкин» прибыл в Констанцу, руководители возмутившейся команды заявили, что они рассчитывают запастись провиантом и другими необходимыми предметами. При этом был вручен длинный список этих предметов капитану Негрю, который, возразив, что он запросит инструкций, добавил, что лично он не полагает, чтобы желание команды могло быть удовлетворено. Вместе с тем капитан Негрю преподал команде совет оставить броненосец и сойти всем на берег, где свобода им была бы обеспечена.

Вожаки возмутившихся отвергли это предложение, прося и получив разрешение для некоторых из них сойти временно на берег. На берегу были приняты меры к тому, чтобы ничего не могло быть вывезено на броненосец.

Один из матросов «Потемкина», не пожелав возвратиться на броненосец, был задержан, а затем выпущен на свободу местными властями.

Впечатление капитана Негрю было, что лишь вожаки препятствуют большинству команды покориться; ему казалось также, что на броненосце было два или три офицера, хотя и без погон, но что они были подневольны.

Высадившиеся на берег из возмутившейся команды, встретив несколько матросов с нашего стационера, оповестили их, что если «Псезуапе» не примет сторону «Потемкина», то он будет утром пущен ко дну миноносцем, сопровождающим броненосец. Вследствие сего «Псезуапе» был отведен ближе к берегу и окружен понтонами.

Утром по направляющемуся в порт миноносцу было произведено румынским крейсером «Елисавета» два выстрела: первый холостой, а второй боевой, но поверх, что принудило миноносец возвратиться к броненосцу.

Тем временем была получена телеграмма королевского правительства, воспрещающая снабжать чем-либо «Потемкина», но обещающая команде полную свободу под непременным условием покинуть броненосец совершенно неповрежденным. Капитан над портом снова вступил по этому случаю в переговоры с возмутившейся командой, стараясь ее убедить. Телеграмма была переведена на русский язык, но затем команда потребовала и подлинный текст, который и был ей вручен. Часа через два командой было заявлено, что предлагаемые условия не принимаются, между прочим, по той причине, что Румыния слишком слаба, чтобы отказать в безотлагательном возвращении броненосца России.

На запрос капитана Негрю, что̀ намерен предпринять «Потемкин», ему было сообщено, что броненосец направится в какой-нибудь незна-

чительный пункт нашего побережья, где было бы возможно запастись необходимым.

Затем капитану над портом было доставлено пятнадцать пакетов с прокламациями, адресованными местным иностранным консулам, с просьбою вручить их по назначению, по крайней мере великобританскому консулу. Капитан Негрю, отказав в этом, препроводил прокламации к своему правительству. В прокламациях этих, носящих подпись: «экипаж броненосца «Князь Потемкин-Таврический», говорится, что «Потемкин» ведет войну против России, но не будет нападать на иностранные города или корабли. Возмущение команды броненосца носит чисто анархический характер.

В час пополудни 20 июня «Потемкин» отошел по направлению к югу. 21-го утром приходил в Констанцу на несколько часов один из наших контр-миноносцев, следящий за «Потемкиным».

Появление броненосца произвело в Констанце большое смятение и беспокойство.

По всем поступающим сведениям, румынские власти держали себя во время этого исключительного происшествия вполне корректно. Капитан же над Констанцским портом проявил, кроме того, много такта.

11.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 22 июня/5 июля 1905 г.

Получил вчерашнюю телеграмму № 287.

Министр внутренних дел сейчас подтвердил мне, что команды судов будут арестованы и задержаны как в случае добровольной сдачи, так и съезда на берег под каким бы то ни было предлогом.

12.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 22 июня/5 июля 1905 г.

Вчера пришел в Констанцу контр-миноносец «Стремительный», ища «Потемкина», и затем отбыл в Варну.

13.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 22 июня/5 июля 1905 г.

Миноносец «Стремительный» вчера пришел в Варну. Сначала местные власти приняли его за мятежное судно, но после объяснений выдали ему уголь и воду. По словам командира, он следует за «Князем Потемкиным» к азиатскому берегу и вышел за ним сегодня утром.

14.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьева.

Буюкдере. 22 июня/5 июля 1905 г.

Из чрезвычайно секретного источника узнал, что по приказанию своего правительства английский посланник сделал представление султану о получении согласия его на проход через проливы двух крейсеров, назначенных для охраны коммерческих и других интересов Англии, в Черное море. В настоящую минуту султан отклонил эту просьбу, но все-таки согласен рассмотреть этот вопрос в случае угрозы интересам Англии.

15.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьеву.

23 июня 1905 года. № 293.

Телеграмма 22 получена.

Пропуск английских крейсеров через проливы составил бы явно недружелюбное действие по отношению к России.

Императорское правительство сочло бы себя в таком случае совершенно свободным от всяких обязательств в вопросе о проливах.

Не допускаем мысли, чтобы султан мог согласиться на подобную меру. К тому же никому из иностранцев не грозит никакой опасности на русском побережье Черного моря, где сделаны уже все нужные распоряжения по охране спокойствия.

16.

Румынский посланник в Петербурге министру иностранных дел.

С.-Петербург. 23 июня 1905 г.

Граф. Миноносцы русской императорской эскадры проникли в порты Галац и Констанцу, не выполнив формальностей, требуемых в подобных случаях международным правом. По приказанию моего правительства, я имею честь довести эти факты до вашего сведения и просить ваше сиятельство указать на них императорскому морскому министру, обратив внимание русских морских властей на исключительное право полиции, принадлежащее прибрежным государствам в территориальных водах.

Пользуюсь этим случаем, чтобы возобновить вам, г. министр, уверения в совершенном моем почтении.

Г. Розетти-Солеско.

17.

Секретная телеграмма графу Бенкендорфу в Лондон.

24 июня 1905 г. № 297.

На основании сведений из весьма секретного источника, который не следует обнаруживать, Зиновьев сообщает, будто великобританский посол в Константинополе по поручению своего правительства обращался к султану с ходатайством о пропуске через проливы двух английских крейсеров, предназначенных для защиты коммерческих и иных интересов Англии в Черном море.

Отказываясь верить справедливости помянутого известия, находим, однако, необходимым привлечь на дело это самое серьезное внимание ваше. Если бы у великобританского правительства действительно существовало намерение прибегнуть к вышеуказанной, ничем не оправдываемой, мере, то мы не могли бы отнестись к этому иначе, как к явно враждебному в отношении России действию.

18.

Секретная телеграмма кол. сов. Лермонтова.

Синайя. 24 июня/7 июля 1905 г.

В Констанце остался матрос с «Князя Потемкина» Григорий Рахотин, Ставропольской губернии, села Воронцово-Александровского. Если императорскому правительству угодно требовать его выдачи, как совершившего уголовное преступление, ходатайствую о высылке всех потребных документов.

19.

Секретная телеграмма д. т. с. Зиновьева.

Буюкдере. 24 июня/7 июля 1905 г.

Сегодня я был принят султаном. Главным предметом разговора послужил бунт на броненосце «Князе Потемкине», слух о котором вызвал смятение в Ильдизе и крайнюю тревогу в городе. На мою просьбу об отказе взбунтовавшейся команде в угле и провианте султан ответил, что в Босфоре принимаются все необходимые меры, но что остальные турецкие порты совершенно беззащитны и не в состоянии оказать сопротивление бунтовщикам, если они решатся прибегнуть к насильственным мерам. В виду этого султан надеется, что со стороны нашего флота будут приняты возможные меры к предупреждению насилий.

Между прочим, я сказал, что у России есть внешние недоброжелатели, которые попытаются, может быть, воспользоваться настоящими обстоятельствами для осуществления каких-либо враждебных ей предположений, но что я надеюсь, что султан не изменит чувствам дружбы к России, в которых он постоянно меня уверяет. Султан ответил мне просьбою довести до сведения государя императора, что его величество может вполне положиться на его доброжелательное намерение и преданность.

20.

Военный агент в Румынии в главный штаб ген. А. А. Поливанову.

24 июня 1905 г. № 65. г. Бухарест.

Копия.
Секретно.

Милостивый государь,

Алексей Андреевич.

В дополнение к телеграммам, отправленным мною на имя вашего превосходительства, по поводу захода в порт Констанцы броненосца «Князь Потемкин-Таврический» считаю долгом сообщить следующее:

Рано утром 20 июня из газетных телеграмм я узнал о приходе в Констанцу взбунтовавшегося экипажа «Потемкина». Единственный представитель нашей миссии в Бухаресте, г. Лермонтов, находящийся в настоящее время в Синайе и управляющий делами за отсутствием посланника, был извещен о происшедшем в Констанце консульской телеграммой еще 19-го, вечером; однако он не счел, повидимому, нужным поставить меня об этом в известность.

Немедленно же я отправился к министру иностранных дел Лаговари. Сущность моего разговора с ним я сообщил вашему превосходительству телеграммой.

Между прочим, г. Лаговари сказал мне, что группа русских социалистов, проживающих в Бухаресте, обратилась к нему за разрешением отправиться в Констанцу, с тем, чтобы уговорить экипаж сдаться на условиях, предложенных румынским правительством. «Я разрешил им эту поездку, полагая, что это послужит к пользе дела», — добавил министр.

Когда г. Лаговари заявил мне, что в случае принятия условий команда будет считаться дезертирами, не подлежащими выдаче русскому правительству, я возразил, что, помимо нарушения воинской дисциплины, людьми этими совершен целый ряд убийств и насилий — тяжелое уголовное преступление, почему, по моему мнению, они являются не дезертирами, а уголовными преступниками, подлежащими выдаче стране, в которой ими совершено преступление. Г. Лаговари замялся

и ответил, что такое решение румынского правительства вызвало бы неисчислимые затруднения при применении его на практике. Я же оставил этот вопрос, в виду преждевременности возбуждения его, и с ближайшим поездом отправился в Констанцу. Предварительно я еще раз заехал к г. Лаговари и узнал от него о колебаниях, происходящих в экипаже по поводу принятия условий сдачи; тогда же министр обещал сообщить непосредственно мне в Констанцу о решениях, принимаемых румынским правительством.

Приехав около 10 час. вечера в Констанцу, я узнал, что «Потемкин» уже покинул рейд, взяв направление на восток. Из разговоров с командиром нашего стационера, канонерской лодки «Псезуапе», капитаном Бановым, командиром над портом и прочими лицами, приходившими в соприкосновение с мятежниками, я мог выяснить следующее.

Броненосец «Князь Потемкин-Таврический», в сопровождении миноносца 267 (а не 216, как я ошибочно телеграфировал со слов г. Лаговари), вошел на рейд под Андреевским флагом, отдавая установленный салют; в виду носившихся слухов о бунте на броненосце, появление его на рейде показалось румынским властям подозрительным, и румынские суда на салют не ответили; вместе с сим командир над портом капитан Негру [1]) отправился на борт броненосца, где он был встречен с подобающими воинскими почестями; вышедшие к нему матросы объявили, что командира и всех офицеров они убили или удалили с борта и управляются 20 выборными; целью своего поступка выставили желание пред лицом всей Европы выразить протест существующему в России порядку; вместе с тем матросы просили угля и провизии для продолжения пути. Капитан Негру ответил, что должен предварительно запросить у своего правительства.

Матросы пригласили его в каюту; разговор велся через переводчика; со стороны матросов почти исключительное участие принимал в нем кондуктор Мистученко [2]) (человек лет около 30, худощавый, с монгольским типом лица, небольшого роста); по словам всех лиц, с которыми мне пришлось говорить, этот Мистученко и является душою мятежа. На вопрос капитана Негру: «Как вы убили командира?» — Мистученко подошел к нему и со словами: «А вот как», — полушутя, полусерьезно прицелился в него; капитан Негру выхватил револьвер из рук Мистученки и увидел, что 4 патрона в барабане были уже выстрелены, повидимому, недавно. Затем командир над портом покинул судно.

Капитан Негру рассказывал мне, что 20 выборных вооружены револьверами; их охраняет человек 50 матросов, вооруженных ружьями; 70—80 человек и составляют, повидимому, группу главных зачинщиков, держащую все стадо в руках. Капитан Негру заметил даже двух офицеров; один, принимавший участие в переговорах, еще совсем моло-

---

[1]) В подлиннике ошибочно написано «Негру». *Прим. ред.*

[2]) Так в подлиннике. Надо—Матюшенко.

дой человек, производил впечатление нервно-больного, — он весь дрожал и был мертвенно бледен; другой же казался человеком психически расстроенным, — не принимая никакого участия в окружающем, он ходил взад и вперед по каюте, низко опустив голову. Порядок на броненосце, по словам Негру, был полный, даже часовые стояли на положенных по уставу местах.

Вскоре на борт броненосца явился капитан Банов; ему не успели еще сообщить о положении дел на судне, и он явился сделать положенный по уставу визит командиру. Встреченный бунтовщиками, он узнал от них о гибели командира и офицеров. Мятежники держали себя прилично, хотя чести и не отдавали, гарантировали его безопасность и дали паровой катер для отбуксировки его шлюпки.

По получении инструкций из Бухареста капитан Негру потребовал к себе представителей; их явилось трое, в том числе и Мистученко; получив ответ, они вернулись на судно для обсуждения с товарищами; вернувшись, они объявили, что не могут принять условий из опасения, что румынское правительство выдаст их России; тогда им дали подлинную телеграмму министра иностранных дел, где было сказано, что, в случае сдачи судов и оружия в полной неприкосновенности, экипаж рассматривается Румынией, как дезертиры, не подлежащие выдаче русским властям; выборные опять отправились с этой телеграммой на судно. Между тем в порту разнесся слух, пущенный, по всей вероятности, матросами, сходившими на берег с «Потемкина», что если канонерская лодка «Псезуапе» не присоединится к ним к 8 час. утра следующего дня, она будет взорвана миноносцем. В виду этих слухов и наступления ночи, капитан Банов, решившийся, было, покинуть порт, просил распоряжения румынских властей об отбуксировании канонерки во внутренний порт, в безопасное от покушений место, что и было немедленно исполнено румынским паровым катером; у входа в порт стал румынский крейсер «Елисавета» для охраны нашего стационера.

Должен заметить, что дух команды канонерки был прекрасен. Когда командир собрал матросов и в немногих словах разъяснил им всю позорность поведения экипажа «Потемкина», матросы единогласно заявили, что намерены продолжать службу так, как до сих пор служили.

В 5 час. утра 20 июня выборные явились с окончательным ответом, что принять условий не могут, почему и пойдут к русским берегам для захвата в одном из портов всего необходимого силой; на уговоры капитана Негру Мистученко отвечал упорным отказом; главное, что ему не нравилось, — это выдача судов и оружия в полной невредимости; другие же матросы явно колебались. В момент отплытия выборных один из них выпрыгнул из катера и бросился бегом к городу; как я потом узнал, матрос этот на следующий же день взят в услужение одним румынским офицером, женатым на русской.

Около 2 часов дня 21 июня «Потемкин», не получив в Констанце ни угля, ни провизии, снялся с якоря и скрылся в восточном направлении.

Инцидент с «Потемкиным» возбудил большую тревогу в здешних правящих сферах, где сильно опасались, что мятежники, получив отказ в своих требованиях, начнут бомбардировать город и порт. Такая тревога станет вполне понятной, если принять во внимание полную беззащитность Констанцы: порт лишен всякой защиты как с моря, так и суши; крейсер «Елисавета» и бриг «Мирча»,— единственные военные суда слабого румынского флота, находившиеся в порту, — могли оказать лишь слабое сопротивление «Потемкину».

Замечу также, что около 8 час. утра миноносец 267 пытался пройти в порт, вероятно, с целью подойти к «Псезуапе», но был остановлен двумя выстрелами с «Елисаветы», — одним холостым, другим боевым, поверх голов; каких-либо других столкновений у мятежников с румынами не было.

Нет никакого сомнения, что мятеж на «Потемкине» был исподволь подготовлен революционною партиею; убийство же офицером матроса, вызванное, вероятно, крайней дерзостью последнего, послужило лишь поводом. Связь главных, по крайней мере, зачинщиков с революционерами подтверждается и телеграммой из Вены, адресованной на броненосец и полученной во время его пребывания в Констанце; телеграммой этой, написанной по-русски, неизвестное лицо (подписи нет) спрашивает экипаж «Потемкина», когда кончится его плавание. Не могу обойти молчанием поведения врача стационера; при первом известии о том, что «Потемкин» находится во власти мятежников, врач этот поспешно покинул судно и, несмотря на уговоры консула и приказания своего начальника, не пожелал вернуться на стационер, пока тот не был введен в безопасное место. Свое позорное поведение, о котором много говорили в Констанце, врач объяснял нежеланием рисковать собой в виду возможного, по его мнению, бунта матросов или нападения мятежников с «Потемкина»; фамилия этого врача — единственного на стационере — мне неизвестна.

Около 12 часов дня 21 июня в порт Констанцу пришел миноносец «Стремительный» с приказанием разыскать «Потемкина» и в случае отказа сдаться потопить его.

Так как Андреевский флаг, благодаря пользованию им мятежниками, достаточно уже дискредитирован, — при приближении миноносца на крейсере «Елисавета» пробили боевую тревогу и направили на него орудия. Огонь не был открыт лишь благодаря тому, что командиру крейсера удалось рассмотреть на палубе миноносца офицеров. Из 40 человек команды — 22 были офицеры, переодетые матросами; такой состав команды, по единогласному заявлению командира и офицеров миноносца, объясняется не ненадежностью матросов для подобного предприятия, а желанием, выраженным многими офицерами, принять участие, хотя бы в качестве простых матросов, в наказании экипажа «Потемкина», покрывшего тяжелым позором наш флот.

Во избежание ошибочного открытия огня по миноносцу, командир его решил, в знак лойяльности, держать на задней мачте белый флаг

с красным крестом, о чем по просьбе командира, намеревавшегося итти в болгарские и турецкие порты, я и телеграфировал военным агентам в Софии и Константинополе, для доклада нашим дипломатическим представителям и соответствующих распоряжений.

В 2 ч. дня «Стремительный», взяв курс на Варну, вышел из порта Констанцы. К сожалению, командир миноносца рассказал командиру над портом о составе своего экипажа; я тогда же высказал командиру свое мнение, что лучше бы этого не говорить в виду вероятности превратного толкования; так и оказалось в действительности: в обществе и в прессе пошли слухи об общем бунте матросов в нашем флоте, вследствие чего задачу по преследованию бунтовщиков пришлось возложить исключительно на офицеров. Насколько мог, я исправил эту невольную и вполне понятную ошибку человека, незнакомого с настроением чуждой ему страны: в разговоре с корреспондентами по поводу всех этих столь взволновавших здешнее общественное мнение событий я придал упомянутому факту соответствующее освещение, благодаря чему в газетах и появилась при сем мною прилагаемая заметка.

В заключение считаю нобходимым сообщить вашему превосходительству, что все здешние газеты полны сообщениями о матросских бунтах в нашем флоте, — рисуется картина, что весь наш флот примкнул к революционному движению; такое поведение флота, сопоставленное с победами японцев, дает пищу для самых обидных, сильно нас дискредитирующих статей и карикатур.

В виду несомненной преувеличенности этих сообщений, быть может, ваше превосходительство найдете возможным напечатание обстоятельной статьи, и, с соответствующим изложением и освещением печальных для нас событий, такая статья могла бы быть переведена и помещена в здешних газетах.

Прошу ваше превосходительство принять уверение в совершенном почтении и преданности вашего покорного слуги *М. Занкевича.*

С подлинным верно:

Начальник отделения полковник *(подпись).*

Сверял и. д. столоначальника капитан *(подпись).*

21.

Нота гр. Ламздорфа румынскому посланнику Розетти-Солеско.

25 июня 1905 г.

Г. посланник.

Я не замедлил сообщить подлежащим властям содержание ноты от 23 июня ст. стиля, за № 360, в которой вы указали мне на то, что русские миноносцы проникли в порты Галаца и Констанцы, не выполнив принятых формальностей.

Морской министр только что известил министерство иностранных дел, что главному командиру Черноморского флота посланы инструкции для предупреждения возобновления подобных случаев и для следствия по поводу обстоятельств, при которых имели место эти нарушения установленных правил. Выражая свое сожаление по поводу фактов, указанных в предыдущей ноте, морской министр думает, что в настоящее время он может дать следующее объяснение: миноносцы были посланы спешно, не будучи снабжены соответствующими инструкциями.

22.

Секретная телеграмма графа Бенкендорфа.

Лондон. 25 июня/8 июля 1905 г.

Несколько дней тому назад английское правительство ответило в палате на запрос о безопасности интересов английских подданных в Черном море в уклончивом смысле. Я никоим образом не думаю, чтобы правительство могло серьезно думать о подобных мерах, за исключением наличия чрезвычайных местных осложнений, притом без согласования с нами и другими державами.

23.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

«Потемкин» с миноносцем вернулись в Констанцу.

24.

Телеграмма № 294 министру иностранных дел генералу Лаговари.

Бухарест. 25 июня/8 июля 1905 г.

Узнав о прибытии в Констанцу «Потемкина» и миноносца, по распоряжению моего правительства имею честь просить королевское правительство не разрешать экипажу обоих этих судов высадки на румынской территории, а также не снабжать их ни углем, ни провизией.

Одновременно имею честь также сообщить вам по распоряжению моего правительства, что экипаж обоих этих судов запятнал себя совершением убийств и грабежей.

Лермонтов.

25.

Телеграмма Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

Ваша телеграмма получена мною после сдачи «Потемкина» и миноносца, совершившейся в условиях, указанных в наших инструкциях еще при его первом прибытии; предпринимаемые нами меры тогда же были сообщены в Петербург, где, казалось, они были встречены одобрительно в виду невозможности для нас разоружить крейсер силой. В этом смысле телеграфирую нашему посланнику в Петербурге.

Генерал *Лаговари.*

26.

Телеграмма румынского министра иностранных дел румынскому посланнику в Петербурге Розетти-Солеско.

25 июня 1905 г. № 148.

Прошу вас довести до сведения императорского правительства, что сегодня, в полночь, крейсер «Князь Потемкин» и миноносец 267 прибыли на рейд в Констанцу. Будучи спрошены начальником порта о цели их прибытия, они ответили, что разыскивают «Синоп». Узнав, что судно это не появлялось в Констанце, они высказали желание разоружиться, сдаться нашим властям и передать суда в полном порядке на условиях, предложенных нашими властями еще в первый раз, которые были вам телеграфно сообщены, а именно, что отныне они будут рассматриваемы как дезертиры и им будет предоставлено право отправиться, куда они найдут для себя желательным.

Необходимость дать подобное заверение в целях разоружения и спасения русских судов вытекала для королевского правительства из невозможности применить силу, в виду того, что румынское морское ведомство не располагает военными судами достаточно сильными, чтобы быть в состоянии воздействовать принудительными мерами на столь мощный крейсер, как «Потемкин». Всякий же сухопутный отряд, в случае появления его на румынской территории, был бы разоружен силой.

Из сделанных вами мне сообщений явствовало, что соображения эти были учтены императорским правительством, так как вы были уполномочены передать мне благодарность его величества за проявленный нами в отношении мятежников превосходный и энергичный образ действий.

В виду того, что с возвращением «Потемкина» создалось то же положение, мы прибегли к тем же самым мерам, что и ранее, увенчавшимся на этот раз успехом, так как суда сдались.

Поэтому я был крайне удивлен, получив после сдачи «Потемкина» телеграмму русского поверенного в делах, сообщавшего мне, по распоряжению императорского правительства, что матросы «Потемкина» являются убийцами.

Я не могу изменить ныне условия, на которых была произведена сдача, последствием коей явилось спасение двух русских военных судов и избавление Черного моря от опасности морского разбойничества; румынский флот не имеет достаточно силы, чтобы оказать должное воздействие, которое также не было оказано и русским флотом в Севастополе.

По приказу его величества короля Румынии доведите до сведения русских властей, что королевское правительство готово передать им суда, столь неожиданно ею полученные и как бы чудом спасенные от почти неизбежного истребления.

Генерал *Лаговари.*

27.

Г. Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 г.

Разоруженные военные суда будут охраняться румынской морской стражей. Разоруженный экипаж этих судов будет отправлен в глубь страны в качестве свободных иностранных дезертиров. Я подробно телеграфировал в Петербург о мотивах такого образа действий, единственно благодаря коему нам удалось разоружить суда, представлявшие опасность для всего Черноморского побережья, так как Румыния не располагала военным флотом, достаточно мощным, чтобы овладеть ими силой.

Я возвращаюсь в Бюстени лишь в понедельник вечером, до тех пор остаюсь в Бухаресте.

Генерал *Лаговари.*

28.

Генералу Лаговари. Бухарест.

25 июня/8 июля 1905 г.

Можно опасаться, что поднятие румынского флага вызовет некоторые осложнения. Судно еще не принято. В момент сдачи его пришлось бы воздавать почести нашему флагу, что могло бы не быть выполнено в виду того, что крейсер является лишь временно задержанным.

Карл.

29.

Телеграмма № 151 с.

25 июня/8 июля 1905 г.

Приказания вашего величества будут исполнены. Экипаж «Потемкина» состоит приблизительно из 750 человек; мы оставили у себя на берегу около 100 человек, не военных; они приняты нами на службу для содержания в порядке судна и машин; я распорядился, чтоб им было назначено установленное в нашем флоте содержание.

Сдавшийся экипаж направляется нами небольшими партиями во все порта от Брокса до Burhes Leverin; там им легче будет устроиться, и, в особенности, оттуда им будет легче перебраться к нашим соседям. Почтительно приветствую ваше величество.

Генерал *Лаговари.*

30.

Копия шифрованной телеграммы из Castelus Peles генералу Лаговари. Бухарест.

25 июня/8 июля 1905 г.

Надо телеграфировать в С.-Петербург, что мы возвратим суда, и спросить, где может состояться их передача. Какова численность экипажа? Большая численность осложнила бы положение.

Карл.

31.

Телеграмма № 273 Розетти-Солеско, румынскому посланнику. С. Петербург.

25 июня 1905 г.

В дополнение к моей сегодняшней шифрованной телеграмме довожу до вашего сведения о происшедших изменениях. Миноносец № 267 объявил о своем желании возвратиться в Севастополь; наши власти согласились на это, не снабдив его, однако, ни в какой мере продовольствием. «Потемкин» — в нашем порту; он охраняется нашими моряками, которые передадут его морякам его величества, как только они прибудут за ним.

Министр иностранных дел генерал *Лаговари.*

32.

Его превосходительству генералу Лаговари.

Весьма срочно.

25 июня 1905 г. № 1198.

Господин министр.

В подтверждение моего телеграфного сообщения, сделанного вам сегодня утром, имею честь по распоряжению моего правительства передать вашему превосходительству, что императорское правительство просит королевское правительство не разрешать экипажу крейсера «Князь Потемкин» и миноносца № 267 высадки на румынской территории и не удовлетворять никаких просьб русских моряков о снабжении их как углем, так и продовольствием.

Сообщая вышеизложенное, имею честь особо обратить внимание королевского правительства на то обстоятельство, что экипаж обоих судов обвиняется в совершении убийств и грабежей.

Благоволите, господин министр, принять уверение в совершенном моем уважении.

Лермонтов.

33.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова[1]).

Синайя. 25 июня/8 июля 1905 года.

Министр иностранных дел уведомил меня, что суда сданы под охрану румынских моряков. Команда отправляется внутрь страны, но остается на свободе и признается иностранными дезертирами: по мнению Лаговари, румынское правительство, не располагая достаточными морскими силами, чтобы заставить бунтовщиков повиноваться его требованиям, не имело иного выхода.

34.

Телеграмма № 339.

Генералу Лаговари. Министру иностранных дел. Бухарест.

Срочно.

26 июня/9 июля 1905 г.

На крейсере императорского флота «Князе Потемкине» был поднят румынский флаг.

---

[1]) На подлинном резолюция Николая Романова: «Румыния должна выдать команду, как беглецов или перебежчиков через границу. Петергоф, 26 июня 1905 г.».

Решительно протестую против подобного акта со стороны королевского правительства и ожидаю вашего срочного ответа.

Лермонтов.

35.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 26 июня/9 июля 1905 г.

По сдаче «Потемкина» на нем поднят румынский флаг и вымпел. Лаговари мною отправлен энергичный протест.

36.

Телеграмма № 278.

Г. Лермонтову.

Синайя. 26 июня 1905 г.

Генерал Лаговари не ответит на вашу телеграмму, посланную вами в необычайной форме. Он примет г. Лермонтова завтра, в понедельник, между тремя и четырьмя дня, в министерстве.

Генерал *Лаговари.*

37.

Телеграмма.

Г. Лермонтову, русскому поверенному в делах.

Синайя. 26 июня 1905 г.

Только что приехал. «Потемкин» вчера сдался на условиях, указанных в предыдущем донесении; оккупирован военным образом; на нем поднят румынский флаг. Буду протестовать. Часть экипажа, снабженная пропуском, отправилась в Бухарест. Деньги поделены между экипажем; несколько офицеров, временно задержанных на берегу, освобождены. Сегодня утром на рейд в Констанцу прибыл адмирал Писаревский с двумя крейсерами и четырьмя миноносцами.

Вестман.

38.

Копия шифрованной телеграммы из Константинополя № 1124.

Генералу Лаговари. Бухарест.

26 июня/19 июля 1905 г.

В Ильдизе получено сегодня вечером извещение, что взбунтовавшееся военное судно снова находится в Константце. Султан выразил желание быть осведомленным о том, какое решение будет принято

королевским правительством относительно передвижений этого судна. Прошу ваше превосходительство держать меня в курсе всех предположений, чтобы иметь возможность сообщать о них великому визирю.

Ставриди.

39.

Телеграмма № 158 с.

Ставриди, румынскому поверенному в делах. Константинополь.

26 июня 1905 г.

Сообщите его светлости великому визирю, что русское военное судно «Князь Потемкин», вернувшись в Констанцу, сдалось в распоряжение наших властей на условиях, поставленных нами еще при первом его прибытии сюда. Судно было разоружено, а экипаж был оставлен на свободе на положении дезертиров. Сегодня по распоряжению его величества короля состоялась передача «Князя Потемкина» нашими морскими властями двум русским крейсерам и четырем миноносцам, прибывшим в Севастополь от имени императорского правительства для принятия его.

Дополнительно сообщают, что сопровождавший «Потемкина» миноносец не захотел сдаться и покинул Констанцу, заявив, что он намерен возвратиться в Севастополь. Инцидент исчерпан. Черное море освобождено от опасности.

Генерал *Лаговари.*

40.

Шифрованная телеграмма № 155. Розетти-Солеско, румынскому посланнику.

26 июня/9 июля 1905 г.

Сегодня утром в Констанцу прибыли два крейсера и четыре миноносца императорского флота. По приказу его величества короля командующий румынским флотом сообщил контр-адмиралу, что его величество король Румынии желает передать его величеству государю судно «Князь Потемкин», разоруженное в Констанце, куда оно прибыло без соблюдения установленных правил.

Г. Лермонтов, русский поверенный в делах, выступил с протестом, в котором он заявил, что после сдачи экипажа мы не имели права поднять на «Потемкине» румынский флаг.

Благоволите довести до сведения императорского правительства, что команда румынского флота не могла не поднять на крейсере своего флага, поскольку крейсер этот временно был ею занят и поскольку это

судно охранялось румынскими морскими силами, будучи задерживаемо нами до того момента, когда мы сможем вернуть его России. Поднятие румынского флага отнюдь не знаменовало собой захвата этого судна и фактического овладения им, но естественным образом вытекало из того обстоятельства, что судно находится под охраной румынских солдат. Осведомьте императорское правительство и о том, что русские военные суда прибыли в Констанцу без предварительного уведомления, что противоречит существующим правилам и вынуждает меня довести об этом до сведения императорского правительства.

41.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтову в Бухарест.

27 июня 1905 г.

Телеграмма 25 июня получена.

Управляющий морским министерством полагает крайне необходимым потребовать у румынского правительства выдачи и возвращения в Россию сдавшихся команд броненосца «Князь Потемкин» и сопровождавшего его миноносца, как виновных в уголовном преступлении, выразившемся прежде всего в убийстве командира и офицеров своего корабля.

Благоволите объясниться в этом смысле с ген. Лаговари, предъявив ему формальное требование о выдаче преступников.

Принимая во внимание, что румынскому правительству крайне обременительно присутствие столь вредных элементов, надо полагать, что оно, при известных условиях, охотно избавится от высадившейся команды. Необходимо лишь выяснить наилучший способ добиться постепенной выдачи названных преступников. Постарайтесь этим озаботиться.

42.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя, 27 июня/10 июля 1905 г.

Лаговари, которого я видел вчера в Бухаресте, ответил мне по поводу протеста моего на поднятие румынского флага на «Потемкине», что сделано это было без всякого желания оскорбить Россию. Заняв судно, на котором флага не было, румынский отряд поднял свой национальный флаг, так как по военному статуту никакой военный отряд без флага быть не может. Лаговари сказал мне, что объяснение передано уже вашему сиятельству через Розетти. В виду сего и не имея еще от вашего сиятельства уведомления, удовлетворилось ли импера-

торское правительство этим объяснением, я принял его лишь к сведению, сохраняя за собою право на дальнейшие настояния, если вашему сиятельству угодно будет мне дать на то предписания.

43.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя, 27 июня/10 июля 1905 г.

Получил телеграмму 27 июня.

Приложу все старания к исполнению приказания вашего сиятельства; пока же могу сообщить высказанный уже взгляд ген. Лаговари. Команда броненосца могла бы быть выдана нам лишь как совершившая уголовное преступление; для этого нужно, чтобы с нашей стороны были исполнены все формальности, требуемые в подобных случаях. Матюхин [1]), главный вожак, показал бухарестскому полицейскому префекту, что в убийстве командира и офицеров, исключая доктора, который застрелился, участвовало лишь 8 человек, из коих Петров был убит при попытке высадиться в Феодосии. Команда миноносца № 267, возвратившаяся в Россию, могла бы, быть может, назвать остальных. Постараюсь, с своей стороны, узнать эти имена. Дело это следует вести как можно быстрее, так как румынское правительство будет стараться избавиться от большой, по его мнению, опасности как можно скорее. Большинство сейчас находится в придунайских провинциях, остальные поступили на полевые работы к различным помещикам.

44.

Копия с донесения консула в Добрудже ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте кол. сов. С. Лермонтову.

Констанца. 27 июня 1905 г. № 71.

При приближении к Констанце отряда к.-адмирала Писаревского 26 июня на занятом румынами броненосце «Кн. Потемкин» был поднят сигнал: «не пробуйте входить в порт».

Оскорбленный таким сигналом, тем более данным с нашего броненосца, адмирал не принял офицера, высланного для его встречи. Прибывший засим сконфуженный начальник румынской флотилии извинился тем, что в виду неточных газетных известий он не знал, не возмутились ли также броненосцы, приближавшиеся к Констанце.

Адмирал и офицеры нашего отряда имеют некоторое основание предполагать, что краны, наполнившие водой «Кн. Потемкина», были

[1]) Не Матюхин, а Матюшенко.

открыты не нашей возмутившейся командой, а румынами, временно занимавшими броненосец, с целью скрыть исчезновение нескольких ценных морских технических предметов из подводной части. Некоторых новейших инструментов недосчитываются и в верхней части броненосца. Вследствие веса и громоздкости этих предметов трудно предположить, чтобы они были взяты на берег нашей командой.

Адмирал надеется, что будет возможно поднять «Кн. Потемкина» и сняться в Севастополь всему отряду завтра, 28 июня.

По спущении на берег возмутившейся команды 25 июня она собралась на одной из городских площадей, где глава восстания Матюшенко в присутствии румынских властей раздавал матросам деньги. Русские деньги из кассы броненосца были при содействии местных властей обменены предварительно на румынские. Каждый из свыше 600 матросов каманды получил около 70 франков. По слухам, Матюшенко, кроме того, продал, также с разрешения румынских властей, в одном из здешних банков несколько русских облигаций или акций. По некоторым сведениям, Матюшенко, офицер-механик Коваленко и один из находившихся на броненосце невоенных анархистов выехали вчера вечером в Швейцарию по румынским паспортам. В общем отдельные матросы возмутившейся команды встречают сочувствие и содействие как румынских властей, так и частных лиц. В этом отношении сдача в Румынии «Кн. Потемкина» могла бы иметь для нас в будущем нежелательные последствия.

45.

Министр иностранных дел товарищу министра внутренних дел ген. Д. Ф. Трепову.

Июня 28 дня 1905 г. № 1143.

Милостивый государь,

Дмитрий Федорович.

Ссылаясь на письмо от 26 июня за № 492, считаю долгом уведомить ваше превосходительство, что румынское правительство не располагало, к сожалению, достаточными силами, чтобы принудить команду «Князя Потемкина» к безусловной сдаче, и обещало сдавшимся рассматривать их, как военных дезертиров, не подлежащих выдаче в Россию.

При таком положении дела предъявлять к румынскому правительству требование о выдаче мятежников было бы в настоящее время бесполезно, но можно не сомневаться, что присутствие в стране столь опасных элементов, явится крайне обременительным для Румынии, и правительство оной впоследствии, при известных условиях, охотно постарается от них избавиться, сдав их постепенно нашим властям.

Означенные соображения были повергнуты мною на благовоззрение государя императора и удостоились высочайшего одобрения, в соответствии с чем поверенному в делах нашему в Бухаресте предписано действовать в означенном смысле.

Вместе с тем долгом считаю вас уведомить, что от румынских властей затребован список всех лиц, сдавшихся на броненосце «Князь Потемкин», для сообщения оного вашему превосходительству, а равно и управляющему морским министерством.

Примите и проч.

46.

Копия с донесения консула в Добрудже ст. сов. Сергея Вестмана поверенному в делах в Бухаресте кол. сов. С. Лермонтову.

Констанца. 28 июня 1905 г. № 73.

Отряд судов наших снялся в Севастополь сегодня, в 7 ч. вечера, при чем броненосец «Синоп» взял на буксир «Кн. Потемкина».

Контр-адмирал Писаревский, прибывший с отрядом 26 июня и крайне озабоченный состоянием «Кн. Потемкина», проводил на этом броненосце большую часть времени. Было опасение, чтобы не явилась необходимость для поднятия броненосца в разборке машин.

На берег адмирал не сходил совершенно за неимением времени и во избежание возможности быть оскорбленным командою «Кн. Потемкина», как это случилось с одним из офицеров.

Вследствие сего адмирал Писаревский лишь сегодня поручил военному агенту нашему, полковнику Занкевичу, отвезти его визитные карточки местному префекту и командиру II армейского корпуса, начальнику войск округа.

Префект Капша выразил полковнику Занкевичу свое удивление, что адмирал ранее не сделал положенных визитов, также и председателю совета министров Кантакузену, находившемуся в день прибытия нашего отряда в Констанце. Г. Капша заявил, что он уже донес об этом министру иностранных дел и предполагал, что адмирал был чем-нибудь недоволен, хотя он и не осведомлен о каком-либо инциденте. Полковник Занкевич, указав на вышеупомянутые обстоятельства, не позволившие адмиралу сойти на берег, намекнул вместе с тем на инцидент поднятия сигнала с занятого румынами «Кн. Потемкина» о запрещении нашему отряду входить в порт, о чем префекту совершенно не было известно.

Г. Капша сообщил, что он будет телеграфировать министру иностранных дел объяснение, данное полковником Занкевичем.

Командир II корпуса генерал Ангелеско обиженным тоном сетовал на неполучение визита от адмирала Писаревского.

На изъяснение военным агентом вероятных причин этого упущения генерал Ангелеско возразил, что королевское правительство сумело бы оградить адмирала от оскорблений находящейся в городе команды «Кн. Потемкина».

Указав на всю трудность предупредить подобные оскорбления, полковник Занкевич еще раз сослался на заботы адмирала и полный недостаток времени. При этом военный агент наш выставил, как наглядный пример, тот факт, что уже более недели тому назад он сделал визит генералу Ангелеско, но ответного его визита еще не получил. Упоминание об этом привело генерала в замешательство.

Поскольку официальные румынские лица требовательны в исполнении по отношению к себе принятых обычаев вежливости, постольку же они не стесняются не выполнять сами эти правила. При первом еще появлении «Кн. Потемкина» на здешнем рейде, прибыв в Констанцу, я счел своей обязанностью сделать визиты префекту, директору префектуры и генералу Ангелеско, но ответного визита ни от кого из них не получил.

47.

Проект в. секр. письма д. т. с. Зиновьеву в Константинополь от министра.

Отпр. 29 июня 1905 г. № 502.

М. г., Иван Алексеевич.

По получении телеграммы вашей от 22 июня относительно намерения Англии ходатайствовать о пропуске в Черное море через проливы двух крейсеров я не преминул поручить российскому послу в Лондоне проверить на месте основательность этого слуха.

Как вы изволите усмотреть из прилагаемой у сего в копии ответной его телеграммы, граф Бенкендорф положительно отрицает возможность подобного шага со стороны английского правительства и утверждает, что если бы оно и решилось принять приписываемую ему меру, то не иначе, как по соглашению с Россией и прочими великими державами.

С другой стороны, все имеющиеся в распоряжении министерства секретные данные не содержат ни малейшего указания на упомянутое намерение Англии.

Вследствие сего весьма естественно возникает сомнение не только в верности переданного вами сведения, но и в то, насколько заслуживает доверия источник, из коего вы оное получили.

Долгом считаю обратить на это обстоятельство особое ваше внимание. Пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам, м. г., уверение и пр.

48.

Копия шифрованной телеграммы из Петербурга № 381.

Генералу Лаговари. Бухарест.

29 июня/12 июля 1905 г.

Граф Ламздорф только что сообщил мне, что русскому поверенному в делах велено передать королевскому правительству живейшую благодарность императорского правительства. Его превосходительство добавил, что его величество император сказал ему вчера, что он крайне признателен его величеству королю и королевскому правительству. В официальных кругах отзываются самым лестным образом о дружественном содействии Румынии и о безупречном во всех отношениях способе передачи «Потемкина». Письмо следует.

Розетти.

49.

Письмо Розетти ген. Лаговари.

С. Петербург. Среда, 29 июня 1905 г.

Дорогой генерал.

Я счастлив, что имею, наконец, возможность спокойно писать вам, после того как в течение последних четырех дней я употреблял все силы, чтобы выяснить и особенно настроить надлежащим образом мнение руководящих кругов по поводу конечного исхода Потемкинской авантюры.

По прочтении вашей открытой телеграммы 273 и вашей шифрованной телеграммы 148, полученной одновременно в это воскресенье и в части дешифрованной еще Митилининым, я отправился к графу Ламздорфу; несмотря на перегруженность работой, он тотчас же меня принял.

Тем не менее я заметил, что его превосходительство, так восторженно передававший мне признательность вашему превосходительству императора после первого прибытия «Потемкина» и его ухода без малейшего снабжения с нашей стороны, на сей раз был более сдержан. В границах, допускаемых чувством такта, я с некоторой настойчивостью старался убедиться в том, что государь попрежнему доволен положением дела, и дать понять, насколько важно, чтобы отношение императора не изменялось; все, чего мне удалось добиться от графа Ламздорфа, было его обещание доложить обо всем во вторник его величеству императору. Я был поражен этой сдержанностью, как ни была она незначительна, и, разузнав в тот же вечер из отзывов надежных

друзей о вероятной причине таковой сдержанности, я в понедельник вечером, по получении вашей телеграммы № 155, имел длительную беседу с главными чиновниками императорского министерства иностранных дел; я им обстоятельно разъяснил все причины, в силу которых представляется необходимым не допускать и мысли о малейшем неудовольствии императорского правительства, и я просил их обратить на это внимание графа Ламздорфа перед его докладом или устным отчетом императору в понедельник; я дал понять, что вы, естественно, не могли не быть крайне удивлены телеграммой русского поверенного в делах; я доказал всю неосновательность его ребяческого требования относительно флага и имел счастье убедить всех, что королевское правительство, в виду особенных обстоятельств, создавшихся при втором появлении «Потемкина», не могло поступить лучше, нежели то было им сделано; конечно, не следует придавать большого значения излишней горячности со стороны молодого поверенного в делах, к тому же не вполне осведомленного.

Я также виделся с адмиралом Авеланом, который все еще состоит управляющим морским министерством; его я также убедил и достиг того, что его превосходительство высказал мне свое сожаление по поводу прибытия русских военных судов без предварительного уведомления; адмирал уверил меня, что одна лишь необходимость немедленного отбытия была причиной того, что правило это было упущено из виду черноморскими моряками. Так как еще недавно я переслал вам письменное выражение этих сожалений по поводу прибытия миноносцев без соблюдения установленных правил, то я полагаю, что нет необходимости обращаться к новому министру со вторичной нотой, которая, будучи послана через столь непродолжительное время, могла бы показаться излишней.

Необходимость вкратце сообщить об этих фактах, не касаясь ничего иного, в самой лаконичной по возможности телеграмме, дабы она могла быть зашифрована Яблонским, который и так употребил на это восемь часов, пока я собирал остальные сведения, — вынудила меня, может быть, слишком сжать телеграмму 377, но при составлении ее моей главной заботой было лишь фотографически точно воспроизвести картину положения; я не мог еще говорить о выражениях признательности, которой я еще не получил и получение коей я как раз старался себе обеспечить; я не считал нужным бесцельно докучать вам сообщением о чуть заметной сдержанности, не совсем понятной и не совсем уясненной самим министром. Поэтому я вам только сообщил о данном мне накануне графом обещании доложить обо всем государю, с тем, чтобы вы подождали дальнейшего сообщения о результатах этого доклада; я указал на то, что императорское министерство иностранных дел, то-есть главные чиновники департамента, признали, что, с их точки зрения, королевское правительство и не могло действовать лучше, нежели оно это сделало; в заключение я передал сожаления управляющего морским министерством о сообщенном вами

нарушении правил, — сожаления, которые сами уже свидетельствовали о полном признании совершенной корректности наших действий со всех точек зрения. Сегодня, в среду, по получении ваших телеграмм 160 и 274, я повторил вам мою телеграмму 377, вновь посланную вам за № 380 с добавлением: «вторая телеграмма и письмо следуют». Затем я отправился повидать графа Ламздорфа, чтобы узнать о результате его доклада государю, и имел удовольствие послать вам мою телеграмму 381 [1]).

Таким образом, телеграммой этой определенно выяснилось, что в отношении нас со стороны императорского правительства не имеется ни малейших признаков неудовольствия. Понимая необходимость официально это подтвердить, граф Ламздорф предписал г. Лермонтову передать вам вторично после сдачи «Потемкина» благодарность императорского правительства. Граф специально меня уполномочил передать вам выражение высочайшей признательности в отношении его величества короля и его правительства. Наконец, все официальные круги единодушно расточают похвалы рыцарству нашего августейшего монарха, каждый поступок коего отмечен благороднейшим джентльменством, а также и образцовой корректности его правительства. Что же, однако, было причиной этой минутной сухости, которую я заметил в графе после сдачи и которую я всеми силами старался тотчас же рассеять? Эта временная сдержанность, слава богу, уже исчезнувшая в отношении к нам, не имела ничего общего с совершенно безупречной линией поведения нашего правительства. Она просто в первую минуту была невольной реакцией сожаления императорского правительства, которое возникло и еще остается у него по поводу безнаказанности матросов — дезертиров и опасных анархистов. Император сначала считал неоспоримым, что за моряками не должно признаваться право дезертирства. Здесь уверяют, что будто бы все великие державы выдают матросов-дезертиров, даже если они не запятнаны совершением преступлений против обычного права, — иначе, якобы, не было бы возможно никакое мореплавание; безнаказанность же потемкинских беглецов могла бы послужить опасным примером для всего мира. «Но государь,—дословно сказал мне граф,—сам слишком хорошо знает цену данного слова, чтобы просить королевское правительство не сдержать свое». Одно это заявление графа пресекает в корне возможность какого-либо недоразумения. «Если же королевское правительство, — добавил министр, — увидело бы, что эти люди создают в стране очаг опасной агитации, королевское правительство само в первую же очередь было бы заинтересовано в том, чтобы отделаться от них тем способом, какой оно только найдет для себя возможным». Я указал на то, что я решительно ничего не могу сказать по этому поводу и не могу ни в какой мере предвосхитить какого-либо решения, ограничивающего в какой бы то ни было степени свободу действий королевского

[1]) См. выше текст телеграммы, здесь его опускаем. *Прим. Ред.*

правительства; я только напомнил, что Румыния всегда стремилась, как страна определенного порядка, не допускать на своей территории никакой агитации, и я позволил себе высказать убеждение, что если у нас все правительства работали в этом направлении, то тем более нынешнее правительство, более, чем какое-либо другое, стремится проводить эти принципы сохранения порядка самым энергичным образом в интересах общего спокойствия. Надеюсь, дорогой генерал, что вы будете вполне удовлетворены тем, как мне удалось уладить здесь дело с «Потемкиным» и достигнутыми в этом отношении результатами. Я думаю, что самой главной задачей было тотчас же дать русским определенно понять, как только выявилось их сожаление о безнаказанности мятежников, что они должны всячески стремиться к тому, чтобы сожаления эти, сами по себе вполне понятные, ни в какой степени не вылились бы в форму их недовольства в отношении нас и не повлекли бы за собой немедленных преувеличенных притязаний, которые могли бы быть нами дурно истолкованы, могли подорвать наш престиж и осложнить задачу правительства, и без того преисполненного самыми разумными принципами порядка. Надеюсь, что мне удалось предотвратить возможность какого-либо недоразумения настоятельным убеждением графа Ламздорфа в необходимости телеграфно предписать г. Лермонтову после сдачи вторично выразить вам благодарность от имени его величества и в настоящий момент не требовать ничего иного, кроме списка высадившихся и наблюдения за их действиями. Я полагаю, что императорское правительство заготовляет по этому поводу пространную ноту, которая последует позже, и спешу вас обо всем предуведомить; я убежден, что императорское правительство, будучи осведомлено о том, в какое ложное положение оно рисковало себя поставить благодаря интригам и своей досаде, отныне будет придерживаться такого образа действий, который действительно даст возможность достигнуть полного соглашения; я также уверен, что упомянутая мною нота, которая имеет быть вам позднее представлена, будет выдержана в духе самого дружеского согласия.

Прошу вас, дорогой генерал, принять уверение в моем совершенном почтении и самой сердечной преданности.

Всегда ваш *Розетти Солеско*.

Я спрашиваю себя, надлежит ли мне еще сделать по этому поводу официальное донесение? Мне кажется, что в моих телеграммах уже передано все самое существенное, за исключением некоторых оттенков, но я думаю, что я достаточно выявил их вам в этом личном письме. Что касается предполагаемого обращения к вам, о котором я упомянул, то я слышал о нем лишь совершенно частным образом и по этому поводу не мог бы ничего утверждать официально.

Я был бы очень счастлив, если бы вы изволили телеграфно одним словом поставить меня в известность о получении вами этого письма;

это дало бы мне понять, что я могу продолжать свою работу в прежнем направлении. У меня болят глаза; мне некому дать переписать официальное французское донесение, и я не могу все сделать сам; милый *Я.* не столько мне помогает, сколько все путает; он был бы хорошим канцеляристом-архивистом! *Р.*

Распространился слух, что в Америку для ведения мирных переговоров поедет уже не г. Витте, а г. Муравьев.

50.

Секретная телеграмма колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 30 июня/13 июля 1905 г.

Получил телеграмму от 27 июня.

Несмотря на сделанное мною ранее заявление о возможности выдачи нам команды, как уголовных преступников, Лаговари просит ныне не предъявлять румынскому правительству подобного требования. Просьба его основана на том, что королевское правительство связано в этом деле словом, неисполнение коего может повлиять на отношения королевства к другим европейским державам. Высказав это, Лаговари просил передать вашему сиятельству, что румынское правительство сделает иным путем все возможное для удовлетворения наших требований. Большинство команды, по его мнению, совершенно неповинно; направлены в провинции, граничащие с Россией, чтобы дать им возможность во всякое время перейти границу. Местным тамошним властям дано предписание способствовать этому всеми мерами. Матюшенко находится в Бухаресте под строжайшим негласным надзором и при малейшем с его стороны проступке будет выслан в Болгарию или даже прямо в Россию, о чем миссия будет немедленно извещена. Если же он захочет сам покинуть Румынию, то и в этом случае Лаговари обещает известить, куда он направится. Лаговари сказал мне, что если бы он был во-время предупрежден о столь быстром приходе отряда адмирала Писаревского, он затянул бы переговоры, и тогда, может быть, удалось бы принудить команду к сдаче на иных условиях, тем более, что последняя, сознав всю тяжесть преступления, относилась уже к вожакам враждебно, обвиняя их во всем происшедшем.

51.

Копия письма вице-адмирала Чухнина д. с. с. Щербачеву.

30 июня 1905 г. № 5998.

Мною получена от начальника главного морского штаба телеграмма с изложением просьбы вашего превосходительства по поводу преувеличенных сведений о бунте команд в Черном море, дошедших до Греции.

Спешу вас уведомить, что бунт принятыми мерами подавлен и в настоящее время нет надобности в каких-либо предосторожностях при смене лодок. Команда отправляемой в Пирей лодки «Кубанец» вполне благонадежна.

Прошу ваше превосходительство не беспокоиться о нравственном состоянии лодки «Кубанец» и прошу принять уверение и пр.

52.

Секретное донесение колл. сов. Лермонтова.

Синайя. 1 июля 1905 г. № 39.

Имею честь представить на благоусмотрение вашего сиятельства копии с донесений ст. сов. Вестмана о пребывании в Констанцском порту эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический» и миноносца № 267 и о сдаче команды броненосца румынским властям.

К сему считаю долгом приложить 15 экземпляров воззваний [1]), переданных командой броненосца капитану над Констанцским портом для вручения иностранным консулам, находящимся в Констанце, и список фамилий вожаков возмутившейся команды. Воззвания эти не были переданы по назначению, и королевский министр иностранных дел препроводил их в императорскую миссию.

Согласно телеграфным предписаниям вашего сиятельства от 22 и 29 июня, я имел честь передать министру иностранных дел всемилостивейшую его императорского величества государя императора благодарность королевскому правительству за энергичные меры, принятые относительно броненосца «Князь Потемкин» в первый его приход в Констанцу, и за любезное содействие по передаче броненосца прибывшему в Констанцу с отрядом судов контр-адмиралу Писаревскому.

В дополнение к ряду моих телеграмм и прилагаемым донесениям г. Вестмана считаю долгом высказать скромное мнение, что если бы не панический страх, обуявший румынских властей при одном приближении к Констанце нашего броненосца, и не поспешность, выказанная ими при переговорах с взбунтовавшейся командой, все это прискорбное событие могло окончиться иначе.

По получении телеграммы вашего сиятельства от 22 июня, в коей вам, милостивый государь, угодно было предписать мне настоять перед румынским правительством о недопущении съезда на берег команды взбунтовавшихся судов, я на другой же день на дипломатическом приеме передал генералу Лаговари содержание телеграммы вашего сиятельства.

Министр иностранных дел, весьма довольный тем, что в первый раз королевскому правительству удалось избавиться столь легко от

---

[1]) В деле воззваний не имеется; они были пересланы мин. ин. дел в департамент полиции.

непрошенного гостя, тут же заверил меня, что если бы броненосец еще раз появился у берегов Румынии, то его правительство поступило бы точно так же, как и в первый раз, заметив при этом, что едва ли это может случиться, так как на броненосце почти нет угля и пресной воды и что с 20 числа, — дня его ухода из Констанцы, — он должен был, вероятно, уже израсходовать все свои запасы.

Получив рано утром 25 числа телеграмму от нашего вице-консула в Констанце, уведомляющего меня о возвращении в этот порт броненосца, я немедленно телеграфировал генералу Лаговари, прося его не допускать съезда команды на берег, и затем тотчас же подтвердил еще эту телеграмму нотой.

Генерал Лаговари был в это время на даче в Буштенах, и хотя телеграмма моя дошла до него весьма быстро, но сдача броненосца румынским властям уже была совершена.

Генерал Лаговари, очевидно, уверенный в том, что броненосец не вернется, не принял надлежащих мер после разговора со мной, имевшего место 23 числа, а констанцские власти, в настоящем паническом страхе бомбардирования броненосцем порта, согласились на сдачу команды.

24 и 25 июня в Констанце находился г. Кантакузен, председатель совета министров, и в честь его в этот вечер давался банкет; тотчас же по сдаче команды г. Кантакузен отправился на броненосец со всеми присутствовавшими на банкете, между коими было много дам, а за этими лицами потянулись на броненосец все, кто только ни пожелал, и так продолжалось бы до утра, если бы кому-то не пришло на мысль, что на броненосце могут быть пороховые погреба; этого было достаточно, чтобы вся компания, во главе с г. Кантакузеном, покинула немедленно наше судно.

Первой заботой властей было поднять на «Потемкине» румынский флаг, но никто не подумал даже принять меры к охране самого судна.

Если на броненосце пропало много судового имущества, то, на основании имеющихся у меня сведений, я могу прямо сказать, что некоторая его часть разграблена румынами.

Секретный агент департамента полиции, проживающий в Румынии, донес мне, что множество предметов с судна продавалось в Констанце за бесценок, а когда он спросил у нескольких матросов, зачем они разграбили судно, они ответили ему: «Мы, ваше благородие, ничего не брали с собой, все оставили на броненосце».

Со слов очевидцев мне известно, что некоторые из матросов, покидая свой корабль, плакали.

Как я уже имел честь донести вашему сиятельству, всего сдалось 42 человека, но я убежден, что если бы румынское власти не поторопились эвакуировать из Констанцы наших моряков, то значительная часть их, за исключением, конечно, вожаков, явилась бы с повинной к адмиралу Писаревскому.

Все вышесказанное ясно свидетельствует о том, до какой степени во всем этом деле действия румынских властей оказались легкомысленными и до какой степени они все потеряли головы.

Не могу также обойти молчанием возмутительный факт пассивного присутствия румынских властей при разделе вожаками ограбленных сумм броненосца. Хотя генерал Лаговари это и отрицает, но нет никакого сомнения, что это произошло именно так, как об этом доносит ст. сов. Вестман.

К чести некоторых чинов команды могу сказать, что они отказались от этих денег.

Пребывающий здесь германский посланник сообщил мне, что его величество король Карл в разговоре с ним выразил сожаление о том, что без его ведома на броненосце был поднят румынский флаг.

Его величество узнал об этом, по словам г. Кидерлена-Вехтера, когда флаг уже развевался на нашем корабле.

53.

Секретная телеграмма д. с. с. Бахметева.

София. 2/15 июля 1905 г.

Получил телеграмму 28 июня.

Болгарское правительство охотно задержит и выдаст преступников с броненосца «Князь Потемкин», ежели они появятся на болгарской территории, но для этого необходимо знать их имена и приметы.

54.

Секретная телеграмма надв. сов. Лермонтова.

Синайя. 3/16 июля 1905 г.

Полицейский префект меня только что известил, что Матюшенко выехал в Швейцарию, при этом заявил, что в виду того, что последний во время пребывания своего в Румынии не совершил никакого проступка, выслать его не представилось возможности.

55.

Сообщение ген. Лаговари поверенному в делах Лермонтову.

Господин поверенный в делах.

Префектура Констанцы представила мне сумму в 2431 леи 80 бани, а также восемь листов русской четырехпроцентной ренты. Эта сумма и эти листы, по сообщению префектуры, поступили от руково-

дителя мятежников с «Князя Потемкина» Матюшенко, который при этом заявил, что после раздела денег между находившимися на берегу товарищами у него осталась указанная сумма денег и эти листы, которые он не имел возможности раздать морякам, не бывшим налицо при общем разделе.

Препровождая вам 2431 леи 80 бани и восемь листов русской четырехпроцентной ренты, прошу вас, господин поверенный в делах, принять и проч.

56.

Посланник в Софии Бахметев министру иностранных дел.

София. 30 июля 1905 г. № 32 [1]).

Весьма доверительно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич!

Я имел честь получить письмо вашего сиятельства от 13 июля, за № 535, с списком вожаков взбунтовавшейся команды броненосца «Князь Потемкин» и не преминул сообщить содержание его княжескому правительству.

Ныне Станчов передал мне от имени отсутствующего министра-председателя, что правительство примет все зависящие от него меры к разысканию и задержанию этих преступников, в случае, ежели они появятся в Болгарии.

Наши консулы будут немедленно оповещены местными властями, дабы притти к соглашению касательно способа выдачи их или отправления к порту или границе, где наша полиция, заранее уведомленная, будет иметь возможность их принять.

Я не сомневаюсь, что болгарское правительство, действительно, сделает все возможное, чтобы помочь нам наказать этих злодеев, но вместе с тем было бы, мне кажется, желательно, во избежание разных излишних толкований как в западной, так и в нашей и здешней печати, не давать огласки этому делу и устроить его домашним образом.

Я, с своей стороны, препроводил список всем подведомственным мне консулам, предписав им зорко следить за этими разбойниками и в случае появления одного из них немедленно известить меня и снестись с местными властями.

---

[1]) Ниже помета рукой Гартвига: «Морскому министру».

57.

Депеша гофмейстера Гирса.

Синайя. 30 июля 1905 г. № 45.

Румынский министр иностранных дел доставил во вверенную мне миссию представляемые мною в отдельном пакете 2431 франк. 80 сантимов деньгами и 800 рублей нашею 4% государственною рентою. В препроводительном письме генерал Лаговари сообщает, что эта сумма была, будто бы, передана констанцскому префекту матросом Матюшенко, заявившим, что она осталась у него по раздаче им своим товарищам денег, находившихся на броненосце «Князь Потемкин», так как не все матросы присутствовали при этой раздаче.

Полагаю, что государственная рента составляет собственность одного из офицеров, убитых на «Потемкине».

58.

Депеша поверенного в делах в Бухаресте М. Гирса[1]).

Синайя. 30 июля 1905 г.

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич.

Вследствие телеграфного предписания вашего сиятельства от 29 прошлого июня месяца, наш бывший поверенный в делах коллежский советник Лермонтов обратился к румынскому правительству с просьбою сообщить нам имена и фамилии команды и прочих лиц, находившихся на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и оставшихся в Румынии по сдаче его.

На сегодняшнем дипломатическом приеме министр иностранных дел вручил мне несколько листов бумаги, на коих наши матросы собственноручно, по уверениям министра, записывали свои фамилии.

Имею честь представить эти листы императорскому министерству.

Повидимому, генерал Лаговари был мало знаком с условиями составления переданного им мне документа.

По указанным на нем рядом с фамилиями некоторых матросов числам 80, 66, соответствующим сумме франков и сантимов, полученных каждым матросом при дележе ограбленных ими казенных денег на броненосце, можно предполагать, что список матросов составлен при дележе этих денег.

---

[1]) На подлинном рукою Николая Романова написано: «Списки имен могут быть полезны морскому министерству». Ниже рукою Ламздорфа: «Петергоф. 6 августа 1905 г.».

То же обстоятельство, что фамилии матросов написаны не только славянскими, но и латинскими буквами, подтверждает, по мнению моему, рассказы очевидцев, что представители румынских властей не оставались безучастными зрителями этого дележа.

Считаю долгом присовокупить, что помянутый в прилагаемом списке матрос Евдоким Григорьев Мищенко, Баталпашинского отдела, Кубанской области, явился на этих днях в наше вице-консульство в Сулине и просил о водворении его в Россию. Наш вице-консул снабдил его проходным свидетельством и препроводил в г. Измаил, в распоряжение помощника начальника жандармского управления.

59.

Заявление потемкинцев.

Нижеподписавшиеся матросы эскадренного броненосца «Князя Потемкина-Таврического», узнавши, что вам передана оставшаяся часть денег нашего экипажа, имеем честь просить вас возвратить этих денег нам или же сохранить их для надобностей матросов. Многие из нас должны в самом кратчайшем времени покинуть Румынию, и они желали бы, не имея других средств, получить помощь на дорогу из этих денег. С другой стороны, есть товарищи, которые по независящим от них причинам не успели получить те 80 фр., которые и заплатить им. Некоторые из них уже вернулись в Констанц.

Мы пользуемся этим случаем, чтобы выразить вам лично, господин префект, а также посредством вас румынскому правительству и румынскому обществу нашу глубокую благодарность за теплый и братский прием, который был сделан нам.

Илларион Шестидесятный. Борис Прохоров. Адольф Окрасинский. Константин Чернин. Николай Хохряков. Иван Шинкарев. Ефим Бредихин. Николай Рыжов. Иван Калашников. Константин Савотченко. Яков Овчаров. Тимофей Медведев. Федор Липатов. Александр Турабаев. Иван Цымбалюк. Григорий Куликов. Николай Погорелов. Алексей Кирилов. Алексей Родионов. Леонтий Касьянов. Петр Блохин. Петр Бессонов. Савва Щербан. Михаил Шенкаренко. Исидор Андронов. Александр Беликов. Иван Медников. Иван Шевцов. Захарий Цымбал. Иван Захарченко. Максим Лесовой. Евтихий Резников. Василий Золотарев. Михаил Романов. Арсентий Самойло. Федор Шевченко. Степан Денисов. Иван Репин. Михаил Ситников. Тихон Агеев. Михаил Мартыненко. Андрей Бойченко. Федор Антонов. Иван Чиханов. Павел Плотников. Василий Пугин. Стефан Зубков. Мечислав Бринк. Фома Алексеенко. Василий Биягин. Никита Силкин. Николай Соловьев. Иван Баланюк. Порфирий Глаголев. Афанасий Озеров.

60.

Прошение потемкинца Даниила Горелова. Его сиятельству г-ну министру экстерну.

Проживающего в городе Калараше Данило Горелов, матрос броненосца «Князя Потемкина».

Прошение.

Я обращаюсь к вашему сиятельству, как к источнику высшей правды.

Мы избежали смертной казни и нашли покровительство в королевстве Румынии и благодаря начальствующим лицам, как то полициям комиссарам, которые входят в наше тяжелое положение, но пособить не могут.

Мы оказались чужестранцы и порешили зарабатывать кусок хлеба честным трудом, но выходит наоборот. Помещики королевства Румынии поневоле почти заставляют сделаться ворами и убийцами, как это выходит со мной. Я, Горелов, прибыл в город Калараш в последних числах месяца июня 1905 г. и поступил на должность кузнеца до помещика г-на Дердицы Мигулеска, ценою в месяц по 50 франков, где пробыл 7 месяцев, за что доводилось 350 франков, и этого 1-го февраля я потребовал расчет, то получил отказ. Так «я тебе должным не состою» и отправлю в Россию. То я обратился в местную полицию г. Калараша, которая полиция приняла участие, но г. Мигулеско не уплатил, а указал: подавай в суд. И что мне остается делать, пуститься на отчаяние, так как я остался голый и босый среди зимы и вдобавок без куска хлеба? А потому покорнейше прошу ваше сиятельство: 1-е, по телефону сообщить полиции г. Калараша, чтобы без суда вытребовала от г-на Дердицы Мигулеска 350 фран. А 2-е, прошу издать указ, т.-е. орден в полицию, чтобы наложила амент, т. е. штраф на г-на Мигулеска, так как в его находится в работниках более 150-ти работников, а кондикуций не имеют, т.-е. г-н Дердица Мигулеско заключать совсем не хотит, и это ему на руку. *Даниил Горелов.*

1906 года, февраля 2-го дня.

61.

Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Бухарест. 4 мая 1907 г. № 32. *Доверительно.*

Хотя участие потемкинцев в последнем крестьянском восстании в Румынии далеко не доказано, тем не менее долгое пребывание в пределах королевства столь многочисленного и мало

верного элемента начинает тревожить нынешнее либеральное правительство.

Председатель совета в частной беседе сообщил мне, что он обратился с доверительным запросом к германскому правительству, не согласится ли оно указать один из германских портов, куда потемкинцы могли бы быть направлены для дальнейшего эмигрирования в Америку.

В случае получения от Германии благоприятного отзыва Стурдза обратится в Вену с ходатайством о пропуске наших матросов через Австро-Венгрию.

Если же придется отказаться от австро-германского пути, то правительство попробует выслать потемкинцев в Америку непосредственно из Констанцы, что, однако, довольно затруднительно за отсутствием прямых пароходных сообщений.

Донося о вышеизложенном, почитаю долгом присовокупить, что хотя румынское правительство и стремится ныне избавиться от потемкинцев, при всем том оно, по моему впечатлению, окончательного решения об их высылке еще не приняло.

II.

«Георгий Победоносец».

Тень броненосца «Князь Потемкин-Таврический» заслонила броненосец «Георгий Победоносец», а между тем на последнем 17 июня также произошло вооруженное восстание команды, финал которого последовал быстрее, чем на «Потемкине». 16—26 августа севастопольский военно-морской суд вынес свое постановление, по которому машинист Дорофей Кошуба, матрос Семен Дейнега и машинист Иван Степанюк были приговорены к смертной казни, а остальные обвиняемые осуждены были на каторжные работы и в арестантские отделения. Вице-адмирал Чухнин не дал хода кассационной жалобе и утвердил смертный приговор над Кошубой и Дейнегой, заменив Степанюку смертную казнь ссылкой в каторжные работы. 3 сентября приговор над присужденными к смерти героями черноморской драмы был приведен в исполнение.

Печатаемые нами документы — обвинительный акт и резолюция — сообщают подробности происшедшего, а донесения командира эскадрона броненосца «Георгий Победоносец» рисуют нам его гнусную роль по спровоцированию команды к выдаче товарищей—«зачинщиков бунта». Приводимое анонимное письмо является интересным в бытовом отношении. Автора его не удалось обнаружить, но матрос Гуляев, заподозренный в числе трех в авторстве, поплатился за него своей жизнью. Показание нижних чинов за подписью Концевича, Стефанова и других, конечно, не явилось плодом творчества подписавшихся малограмотных большей частью матросов, а доказывает только усердие начальства, так как это показание было подписано матросами после его фабрикации и переписки на машинке.

Документы извлечены из дела № 156 1905 г. т. I военноморского суда Севастопольского порта «75 челов. ниж. чинов 28 флот. экипажа команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец», обвин. по ст. 109 в. м. у. о нак. и 102 уг. уложения».

Сообщила *К. Воинова.*

1.

Копия.

Рапорт командира броненосца «Георгий Победоносец» от 21 июня 1905 г. № 892 [1]).

Главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря.

На основании предписания вашего превосходительства от 19 июня сего года за 271 я и офицеры броненосца «Георгий Победоносец», кроме титулярных советников Олейниченко и Васильева, последние, вероятно, не были разысканы, собрались на пароход «Эриклик» к 11 часам дня 19 июня, а в 12¼ час. дня пароход «Эриклик» снялся с якоря для следования в гор. Одессу. Не доходя 6—7 миль до Очакова, налетел шквал от NN 7—8 баллов с дождем и мглою. Командир парохода «Эриклик» принужден был стать на якорь, пока пройдет мгла, через полчаса снялся и последовал в Очаков, куда пришел в 5½ час. вечера. В виду наступления ночи командир «Эриклика» отложил съемку с якоря до рассвета; в 2½ ч. утра, чуть занялась заря, снялся с якоря и в 6½ ч. утра 20 июня прибыл в Одессу. С приходом в Одессу я немедленно отправился к командующему войсками, вручил ему лично от вас пакет, получил от него приказание обходиться с командою как можно мягче, с тою целью, чтобы она не раздумала в своем раскаянии, и по принятии броненосца прибыл к нему с докладом. В 8½ час. утра возвратился на «Эриклик» и с офицерами отправился на броненосец; команда встретила нас, стоя во фронте. Я с нею поздоровался и сейчас же объявил ей все пункты, поименованные в предписании вашем, после чего команда мне поклялась, что будет служить честно престолу и отечеству и будет повиноваться всяким распоряжениям своего начальства, до боя с мятежниками включительно. Я тогда потребовал немедленно баржу к борту с ротою пехоты, команду же не распускал, а выбрал из нее более надежных людей и расставил их с заряженными ружьями всюду по броненосцу. С приходом баржи, установив ее у левого борта и оставив роту пехоты на барже для приема бунтовщиков, предложил команде выдавать бунтовщиков; они все, от новобранца до квартирмейстера включительно, в присутствии моем и всех офицеров выдали немедленно без всяких замешательств 68 человек таких, которые были замечены двумя-тремя свидетелями и объясняли, что они делали во время бунта; я их по-одному под конвоем из своей команды передавал на баржу, людей же, указанных одним свидетелем, отдавал на суд всей команды, чтобы избежать наговоров. С окончанием выдачи преступников, передав их всех военному ведомству, предложил священнику

[1]) На подлинном резолюция главного командира: «Снять копию с этого рапорта и, когда начнется следствие, препроводить прокурору вместе с подлинным письмом, угрожавшим выдавшим зачинщиков. Подп. вице-адм. Чухнин. 25 июня 1905 г.».

привести команду к присяге; священник, раньше чем приводить команду к присяге, сказал ей прочувствованное слово. Тридцать три года прослужил я на службе, много раз присутствовал при приводе нижних чинов к присяге, никогда не видел такой сознательной присяги и такого чистосердечного раскаяния перед крестом и евангелием,— почти три четверти команды плакали.

На броненосце, кроме судовой команды, находился еще младший судовой врач Галенко с броненосца «Потемкин», — он много способствовал усмирению бунтующихся при входе броненосца в гавань; я его оставил до прибытия эскадры и еще трех нижних чинов, бежавших с «Потемкина»: телеграфист Семен Челягин и матросы Николай Костенко и Сергей Гусь; все трое просили меня принять их и дали клятвенное обещание служить верно царю и отечеству и просили привести их к присяге; просьбы их я исполнил и оставил их впредь до распоряжения.

После присяги проверил сигнальные и секретные книги и судовую кассу, — то и другое оказалось в целости.

Не расхищены деньги с броненосца и его имущество только благодаря команде, не принимавшей участия в бунте. Члены социал-демократического комитета несколько раз приезжали на броненосец за деньгами и офицерскими вещами, но команда их не выдавала.

Также и уход броненосца «Георгий Победоносец» от броненосца «Потемкин» произошел по инициативе команды, не принимавшей участия в бунте; она увидела, что к правому борту броненосца «Потемкин», стоявшего носом на SO, подошел пароход «Петр Регир» с углем и своим корпусом закрыл все орудия правого борта; команда приняла это во внимание, быстро подняла пары, подняла якорь и самым полным ходом, не убирая якоря, прошли вдоль правого борта «Потемкина» и пошли в Карантинную гавань Одессы. Управляли броненосцем машинные квартирмейстеры Тумаков и Задырко. По приходе в гавань старший боцман Кузьменко от лица всей команды, раскаявшейся в своем преступлении и давшей клятвенное обещание служить верно и правдиво, поехал к главнокомандующему войсками просить возвратить офицеров.

Сегодня ночью кто-то из команды подбросил анонимное письмо фельдшеру Стефанову, каковое прилагаю при сем же; это письмо заставило меня сегодня вторично собрать всю команду, прочесть ей это письмо и напомнить на счет принятой вчера присяги и выдачи всех участников в бунте. Многие из команды заподозрели виновниками письма троих: машинного квартирмейстера Гуляева и машинистов Шулевицкого и Ольшанченко, все трое ненадежные и состояли в числе сомнительных при выдаче виновных; кроме их, выдали еще пятерых соучастников в бунте.

При отправлении всех их восьми на берег в распоряжение военного ведомства, машинный квартирмейстер Гуляев бросился в воду и утонул; через $^1/_4$ часа был спущен водолаз, а через 35 минут с момента

падения Гуляева его вытащили из воды, но к жизни не могли возвратить; тело отправил через полицию для погребения.

Телеграммами донес в главный морской штаб и вашему превосходительству.

Четыре человека нижних чинов из бунтовщиков бежали до моего прибытия.

О всем вышеизложенном вашему превосходительству доношу.

Подписали:

Капитан I ранга *Гузевич* и и. д. ревизора мичман *Энгельман*.

Верно: Делопроизводитель *Иванов*.

Приложение.

Предатель, ты рад, что дал командиру список тех людей, которые стояли за правду. Ты хотел скрыто дать этот список, но не удалось скрыть; все равно узнали тебя, хотели убить, когда ты говорил, когда свезли офицеров, но помешали тогда убить. Ты засыпал моих друзей; они погибли из-за такой сволочи, как ты. Ворочай начальству, ну, ворочай, ворочай, и тебя поворотят; ты умрешь от рук, как собака. Берегись ты, мерзавец; описал, но не удалось засыпать,— я вам во всем отомщу, а тебя задушу, предателя; ты умный нашелся, подумаешь, речи говорит, умнее тебя есть другой фельдшер — ничего не говорил. Втерся у начальства, и доверили. Я видел, как ты сходил с доктором вниз и скоро вышел к командиру, указывал на списки, — это все видели. Я сегодня ночью хотел тебя убить, но поживи немного, берегись, сволочь. Я погибну, и ты помрешь; передай и остальным предателям, что, мол, мы им будем мстить.

Твой враг.

2.

Донесение командира броненосца «Георгий Победоносец» от 28 июня 1905 г. № 49.

Секретно.

Главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря.

Вследствие предписания вашего превосходительства от 26 июня с. г. за № 5805 доношу следующее:

15 июня с. г., в 2 ч. 20 мин. дня, сигналом начальника практической эскадры я был потребован экстренно к начальнику эскадры на брон. «Ростислав», а следующим сигналом в $2^1/_2$ час. дня было приказано брон. «Георгий Победоносец» разводить пары.

Прибыв немедленно на брон. «Ростислав», флаг-капитан начальника эскадры сообщил мне, что я с вверенным мне броненосцем поступаю в распоряжение младшего флагмана контр-адмирала

Вишневецкого, — к нему я и должен отправиться за получением инструкций.

Направляясь к младшему флагману на брон. «Три Святителя», стоявшего на бочке № 9, и проходя мимо брон. «Георгий Победоносец», стоявшего на бочке № 7, я крикнул старшему офицеру разводить пары в 12 котлах.

Младший флагман сообщил мне секретно, что на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» команда сбунтовалась, перерезала всех офицеров и с броненосцем перешла из Тендровского залива в Одессу, там спустила военный кормовой флаг, а вместо него подняла красный флаг; броненосцы «Три Святителя» и «Георгий Победоносец» посылаются экстренно усмирить команду, заставить ее поднять военный кормовой флаг и привести броненосец в Севастополь; посылаемые броненосцы должны немедленно и экстренно разводить пары во всех котлах, и, когда пары будут готовы, снимемся и пойдем полным ходом. Получив такое приказание, я немедленно возвратился на броненосец—было $3^1/_4$ ч. дня—и приказал разводить пары во всех 16 котлах; топки в котлах не были заряжены, потому пары и начали разводить только в $4^1/_2$ ч. дня; к 11 ч. ночи пары были готовы. Принимая во внимание, что команда брон. «Потемкин» добровольно, может быть, и не сдастся и, может быть, с броненосцем «Потемкин» придется вступить в бой, я с 8 вечера до $11^1/_2$ ночи подготовлял броненосец к бою, т.-е. убрал все гребные суда в ростры, завалил их шлюпбалки, убрал тентовые стойки и все на палубе, что мешает стрельбе из 12″ орудий. В час ночи 16 июня по сигналу начальника эскадры броненосцы: «Три Святителя», «Георгий Победоносец» и «XII Апостолов», минный крейсер «Казарский» и миноносцы за №№ 255, 258, 272 и 273 снялись с якоря для вышеуказанной цели. В 5 ч. 20 м. вечера того же дня вышепереименованный отряд судов подошел к Тендровскому маяку и стал на якорь.

В $5^1/_2$ ч. дня младший флагман потребовал к себе всех командиров отряда. На совещании командиров под председательством младшего флагмана младший флагман сообщил, что если команда брон. «Потемкин» миролюбиво не сдастся и не спустит красного флага, поднятого вместо военного, он с брон. «Потемкин» в бой вступать не будет, а будет морить команду измором, основываясь на том, что на броненосце провизии и угля мало, то и другое с берега доставлять не будут, и команда его поневоле должна будет сдаться; минами с миноносцев, если удастся взорвать его, взорвет, а с броненосцами он будет держаться около Одессы, чтобы не выпускать «Потемкина» оттуда, в крайнем только случае вступит в бой, если «Потемкин» первый откроет огонь. По поводу этого отдал даже и приказ, копии с него роздал командирам и приказал им по приезде на суда прочесть приказ офицерам и команде; подлинную копию старший офицер вверенного мне броненосца представил вашему превосходительству. В тот же вечер посланы были два миноносца за №№ 255 и 258 в Одессу для разведок на счет брон.

«Потемкин», остальные миноносцы и крейсер «Казарский» были поставлены на ночь вокруг броненосцев сторожевыми судами для предупреждения от нападения брон. «Потемкин».

17 июня, в 4 утра, брон. «Три Святителя», «Георгий Победоносец» и «XII Апостолов» по сигналу младшего флагмана снялись с якоря и легли на Одесский маяк.

В 7 утра открыли маяк, но-города Одессы и его рейда не было видно, были занесены мглою, поэтому повернули на Воронцовский маяк; в скорости открылся Воронцовский маяк, рейд и суда, стоящие на нем, и, как казалось издали, брон. «Потемкин» стоял на рейде между судами.

В $8^3/_4$ утра брон. «Потемкин» снялся с якоря и следовал навстречу нашему отряду судов полным ходом; наш отряд по сигналу младшего флагмана повернул на обратный румб и 12-узловым ходом стал уходить от него; суда нашего отряда не были подготовлены к бою, боевой тревоги не билось, и орудия не были заряжены; брон. «Потемкин» долго не гнался, приблизительно через $^1/_2$ часа повернул обратно на Одесский рейд. В $10^1/_4$ утра начальник эскадры, идя на броненосце «Ростислав», соединенно с броненосцем «Синоп» и эскадренными миноносцами «Строгий» и «Свирепый» и приближаясь к отряду младшего флагмана, сделал сигнал брон. «Три Святителя» в брон. «Потемкин» не стрелять, — это мое мнение, — чтобы не повредить города.

Затем присоединились к отряду на правый фланг, строем фронта, 10-узловым ходом; начальник эскадры лег прямо на Воронцовский маяк, вверенный мне броненосец шел третьим, «Синоп» четвертым и «XII Апостолов» пятым, оба адмирала шли на правом фланге [1]).

Около 12 час. дня брон. «Потемкин» снялся с якоря и следовал навстречу эскадре; приближаясь к эскадре, поднял сигнал: «команда «Потемкина» просит командующего флотом», на что начальник эскадры ответил «Потемкину» стать на якорь, но «Потемкин» на якорь не стал, продолжал итти малым ходом, в кабельтовых 3—4-х от эскадры сделал сигнал семафором: «Синопу», «XII Апостолов» и «Три Святителя» стать на якорь, затем поднял сигнал: «эскадре стать на якорь», но на его сигналы никто не обратил внимание: продолжали итти назначенным курсом NN 44°.

Брон. «Потемкин» вышел навстречу эскадре в полной боевой готовности к бою и все время направлял башни 12″ орудий: носовую на брон. «Три Святителя», кормовую на «XII Апостолов»; эскадра же, приблизившись к нему совершенно, не была подготовлена к бою, шла по якорному, и на некоторых судах не были убраны гребные суда и банки, боевой тревоги и сигнала приготовиться к бою не было, потому команды и торчали все на верху.

---

[1]) На поле пометка: «А как же есть донесение мл. флагмана, что он ездил на брон. к ст. флагману.».

Брон. «Потемкин» прорезал строй фронта между броненосцами «Синоп» и «Георгий Победоносец»; команды обоих, но за «Синоп» не утверждаю, а «Георгий Победоносец» в момент прохода брон. «Потемкина» кричал «ура» и махал фуражками [1]).

Команда брон. «Потемкина», стоя в башнях у орудий, отвечала ей; при повороте эскадры на обратный румб брон. «Потемкин» вторично прорезал строй фронта и прошел по правому борту брон. «Георгий Победоносец»; команда вторично кричала «ура». И с того момента команда начала бунтоваться, кочегары, в особенности ученики, побросали котлы, молодые ученики машинисты побросали машины, все повыскакивали наверх; вначале приказывали им, а затем уговаривали их итти по своим местам; не послушали; пришлось послать боевую вахту; не прошло и несколько минут, собравшаяся масса на баке с бака двинулась на площадку; на ней в тот момент были: я, старший офицер и вахтенный начальник, и в стороне стояли большая часть свободных офицеров, не занятых службою, и наблюдали за брон. «Потемкин»; вбежавшая масса начала требовать, чтобы я повернул обратно назад за брон. «Потемкин», с угрозою, если я не исполню, они выбросят всех офицеров за борт; в тот момент начальник эскадры запросил семафором, почему такая масса нижних чинов на площадке; я ответил также семафором, что команда бунтуется с угрозою выбросить всех офицеров за борт; получил ответ: итти в Севастополь. Команда, видя, что я их требование не исполняю, и приказание старшего флагмана итти в Севастополь, стала требовать шлюпку съездить на брон. «Потемкин» для каких-то переговоров; я вторично обратился семафором к старшему флагману за разрешением, предполагая часть самых ярых бунтовщиков сбыть, а с остальными уйти полным ходом в Севастополь; усмирить же всех силою не представлялось возможности, так как на стороне бунтующих был перевес и, мало того, часть бунтовщиков позахватывала ружья и никого вниз не пускали, но и на второй сигнал получил тот же ответ итти в Севастополь. С того момента эскадра быстро стала удаляться в море, бунтующая команда, надо полагать, заметила это, моментально окружили меня и старшего офицера, вырвали штурвал у рулевого, застопорили машины, совершенно вышли из повиновения и требовали, с угрозою выбросить офицеров всех за борт, поворачивать к брон. «Потемкин» для присоединения к команде брон. «Потемкин», который держался кабельтова три и около него миноносец; я все-таки не повернул. Не прошло и $^1/_4$ часа, к борту броненосца подошел миноносец № 268, на нем явились три агитатора; взобравшись на броненосец, стали говорить антиправительственные речи, после них почти вся команда примкнула к бунтующим и по распоряжению прибывших агитаторов свели нас всех силою с площадки с ружейным около каждого; мы же оказать сопротивления не могли, так как были все без оружия, кроме

---

[1]) На поле пометка: «Ст. флагман и мл. флагман говорят, что «Потемкин» прошел между другими судами.

лейтенанта Григоркова, бывшего на площадке с револьвером в кармане, и когда нас окончательно окружили, он застрелился и упал в воду; выстрел его произвел сильное влияние на бунтующих, и они бросились с ружьями, предполагая, что в них стреляют, но потом увидели упавшего офицера за борт, успокоились. Затем повели нас всех в кают-компанию, окружили часовыми, и главный агитатор обратился к каждому из нас с просьбою, не пожелает ли кто из нас перейти к ним на службу, но никто из офицеров даже и не слушал его, и наотрез все отказались; тогда агитатор приказал нас всех обыскать, нет ли в карманах у нас револьверов; мы ему ответили, что нет; он поверил на слово и приказал нас с ружейными отправить на берег. К этому времени пришел гребной катер с брон. «Потемкин», нас в него всех усадили; кроме гребцов, посадили 8 ружейных и одного главаря с револьвером посадили рядом с рулевыми. Этот главарь указывал каждому, где садиться, а меня посадил около себя и предупредил, что, если я окажу хоть малейшее сопротивление, он убьет меня, и на буксире миноносца отправили нас к Пересыпи, там и высадили всех на берег.

При высадке нас на берег из катера выскочил артиллерийский квартирмейстер Бардышев, не пожелавший оставаться на броненосце, и тайком спрятавшийся на катере; вначале его не отпускали, но потом по просьбе нашей разрешили. От Пересыпи мы отправились на почтовых в г. Николаев, куда прибыли, ехавши всю ночь, на другой день, в 11 ч. дня, и прямо с дороги явились вашему превосходительству.

Обстоятельство бывшего бунта команды на вверенном мне броненосце произошло, по моему мнению, от того, что за последнее время в команде развилась масса политических неблагонадежных нижних чинов. И если верить бывшему распорядителю при свозе нас с броненосца на берег, бывший минный машинист брон. «Потемкин» Матушенко, ныне ставший ярым революционером, он сообщил нам, что в настоящее время в каждом черноморском экипаже есть от 200 до 300 человек их членов, и эти люди стараются привлечь остальных, и что в скором времени все команды перейдут на их сторону. В дальнейшем разговоре он сообщил, что первым должен был присоединится к брон. «Потемкин» брон. «Екатерина II», вторым «Ростислав», третьим «Синоп», что же касается брон. «Георгий Победоносец», он у них стоял из последних, а почему он примкнул первым, они даже удивились, и поэтому у них сегодня праздник.

Вторая причина бунта — не приближайся начальник эскадры с эскадрою к брон. «Потемкин» настолько, что последний дважды прорезал строй фронта, и не будь команды наверху, очень может быть, в тот момент никакого бунта и не было бы.

Искоренить неблагонадежных людей из среды команды могут только лишь одни товарищи; ротные командиры и офицеры, по моему мнению, этого сделать не могут.

До бунта на броненосце не было никаких признаков в команде к тому, чтобы произвести бунт. По прочтении же приказа младшего

флагмана на счет того, что наш отряд судов с броненосцем «Потемкин» вступать в бой не будет, вступит только в крайнем случае для самозащиты, в ту же ночь на 17 июня машинный квартирмейстер Гуляев в разговоре в машине с старшим (?) механиком поручиком Скомороховым проговорился, что наша команда первая в «Потемкина» стрелять не будет, о чем поручик Скоморохов сообщил старшему офицеру; на другой день утром, т.-е. 17 июня, этот же Гуляев объявил лично старшему офицеру об этом, на что ему старший офицер ответил, что об этом и в приказе объявлено. После бунта, когда команда выдала уже преступников, выяснилось, что Гуляев, видимо, действовал на команду не стрелять в «Потемкина»; с таким вопросом он обращался к артиллерийскому квартирмейстеру Ваньбоинко, на что последний ответил ему: «а тебе какое дело».

На этого же Гуляева пало подозрение, что им было написано анонимное письмо фельдшеру, которое я представил вашему превосходительству; когда его арестовали, он с катера бросился в воду и утопился. Об обстоятельствах добровольного изъявления командой покорности команда просила старшего офицера представить их показание за подписью 37 человек, каковое и представляю.

При сем представляю список свидетелей.

Капитан I ранга *Гузевич.*

Представляю при сем донесения поручиков Скоморохова и Фармаковского, остальных офицеров представлю завтра.

Капитан I ранга *Гузевич.*

Р е з о л ю ц и я: Дело передать судебному следователю для производства следствия о бунте на брон. «Георгий Победоносец» (*подпись*).

28 июня 1905 года.

Р е з о л ю ц и я: Следствие производить на броненосце, где живется команда (*подпись*).

3.

С п и с о к с в и д е т е л е й, к о т о р ы м и б ы л и и з о б л и ч е н ы а р е с т о в а н н ы е:

Фельдф. В о р о н о в.
Строев. кварт. К о в т у н е н к о.
М а к а р о в.
К а р п е н к о.
13 п. Е р е м е н к о.
Р о ю з и н о в.
Г о р о д о в о й.

1 п.	
Арт. кварт.	Сергеев.
Старш. коменд.	Шевченко.
	Ефремов.
	Прокопчук
Стр. инструкторы:	Ялдыгин.
	Грузин.
	Стоноп.
Матросы:	Шупик.
	Максимов.
	Жеребкин.
	Кушнаренко.
	Миляев.
Марсовой	Яиквай.
Сигнальщик	Гниленко.
Рулевой кварт.	Величко.
Водолаз	Левченко.
Мин. арт. содерж.	Малеев.
Машин. кварт.	Задырко.
	Тумаков.
	Волобуев.
	Рассоха.
	Борисов.
	Цыбульский.
Машинист	Молодыко.
Старший фельд.	Стефанов.
Итого	32

Командир броненосца «Георгий Победоносец» капитан I ранга *Гузевич.*

4.

Показание нижних чинов команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» о бунте, бывшем, 17 и 18 июня 1905 года.

После своза г.г. офицеров с броненосца на нем остались три матроса команды «Потемкина», из коих, как удалось выяснить, два были студентами и один из них, повидимому, еврей.

Выбрав себе повыше место на баке, они по-очереди всеми силами старались убедить команду, якобы она со стороны своего начальства, а ее родители со стороны гражданского начальства переносят всевозможные лишения, притеснения и проч.; конечно, наша команда оказалась настолько глупой, что всем этим бредням, выходящим из уст людей, потерявших все, что могло быть для них дорогого, поверила

настолько, что в тот момент разуверить ее не было возможности. Социал-демократы, окончив речь, приступили к выбору комиссии, в состав коей вошло человек двадцать нижних чинов команды нашего броненосца; избирались большей частью такие лица, которые придерживались партии социал-демократов, как-то: Кошуба, Дейнега, Каюров, Бутрин, Горобец, Соседка, Шеповалов и много других, но всех трудно запомнить. Председатель комиссии почему-то избран не был, а потому его заменил один из евреев, прибывший с «Потемкина», который, воссев в кают-компании, проповедывал какую-то свободу, подправляя свою речь всевозможной ложью, ничем не стесняясь, и, в конце концов, так повлиял на глупые умы членов комиссии, что они, поверив словам негодяя, согласились управлять броненосцем самостоятельно и никому в руки не отдаваться. Все это невыносимо трудно было слушать, но, пока была сила на стороне социал-демократов, приходилось молчать. Старший фельдшер попробовал было опровергнуть слова председателя, но это ни к чему не привело, а потому пришлось замолчать. После всевозможного рода речей комиссия приступила, так сказать, к обсуждению некоторых вопросов, как-то: рассчитать и уволить ресторатора, свезти кондукторов на берег, так как они все об этом усиленно просили комиссию, и не желавших принимать участия в бунте нижних чинов списать на «Потемкин»; первый вопрос был решен не ранее, как через час, и после подсчетов и пересчетов о сумме, следуемой ресторатору, комиссия подвела итог, где получилось 120 рублей; конечно, этих денег он не получил, так как команда, не принимавшая участия в бунте, не разрешила взять деньги из сундука, других же источников не было. Второй вопрос также решили не очень скоро, но все-таки, в конце концов, пришли к заключению выдать каждому кондуктору по десяти рублей на дорогу и свезти их на берег, чему все кондукторы от души радовались; сбыться же этому не пришлось; почему и в виду каких обстоятельств,—объяснить не беремся. Третий же вопрос, кажется, остался не решенным, повидимому, разжигатели «Потемкина» боялись начать своз команды на «Потемкин», ибо прекрасно видели, что не принимающих участия в бунте гораздо больше. На этом закончилось заседание комиссии. В кают-компании дым стоял столбом; кто-то сидел у пианино и играл, а что, вероятно, и сам не знал, кто-то сидел или, правильнее сказать, полулежал на диване, кто-то сидел за столом и пил вино или что-то в этом роде, напротив же, у 6″ орудия, стоял старший боцман; к нему подошел один из матросов и предложил ему, как командиру броненосца, ночью отклепать якорь и полным ходом итти в Севастополь, что можно было легко исполнить, так как главные бунтари спали, других можно было заставить молчать, благо, нижние чины, не принимавшие участия в бунте, совершенно отказались от сна; но наш новый командир на это не согласился,—повидимому, своя рубашка ближе к телу, хотя этого на военной службе и не должно быть.

Около двух часов ночи подошла к броненосцу шлюпка, и выскочивший из нее матрос, обращаясь к командиру, потребовал боевую мину,

на что командир ответил, что мина может быть выдана лишь только завтра утром, выдать же ее ночью невозможно, так как для этой цели пришлось бы будить команду. Слышавший все это минно-машинный квартирмейстер Волошкин категорически заявил, что он ни одной мины с броненосца не даст. На следующий день утром, т.-е. 18 июня, прибыли с «Потемкина» социал-демократы; требовали ли они мину, или нет, — неизвестно, но зато хорошо знаем, что они требовали перевезти денежный сундук и все офицерские вещи на «Потемкин»; повидимому, это обстоятельство заставило немножко открыть глаза бунтарей, так как они поняли, что «Потемкин» их хочет только ограбить, а затем бросить на произвол судьбы; многие после этого ходили повесивши головы и говорили: мы попали в ловушку; но таким лицам приходилось говорить, что, снявши голову, по волосам не плачут; с мнением же, что мы попали в ловушку, не соглашались лишь только Кошуба, Дейнега и им подобные. Удивительно то, что в эту критическую минуту, когда команда колебалась и не знала, на что решиться, как быть, между нею не было ни одного более старшего по службе и опытного человека, каким мог бы быть один из кондукторов; где они были в то время, объяснить не можем. Когда же нижние чины, не принимавшие участия, взяли верх над бунтовщиками и когда уже было ясно, что бунтовщики потеряли свою силу, только тогда появился наш командир на мостике, но все распоряжения относительно съемки с якоря были отданы до его прихода. Не мешает прибавить, что наш командир в компании нескольких нижних чинов отправился на «Потемкин» для обсуждения каких-то вопросов; какие это были вопросы и как они обсуждались, не знаем, но можем сказать, что возвратившийся с «Потемкина» кочегар Бутрин, говорил, что там его угощали чаем, который они пили в кают-компании с каким-то, по его словам, вином.

В 4 часа дня 18 июня мы подняли сигнал «Потемкину»: «Снимаюсь в Севастополь». «Потемкин», принимавший в то время уголь с парохода «Петр Регир», семафором просил подождать 15 минут и затем сняться вместе для следования в Севастополь, после чего моментально прекратил приемку угля и, не подымая шлюпок, начал сниматься с якоря. Наша команда, заметив такое движение на «Потемкине», решила переменить курс и, взамен следования в Севастополь, направила броненосец в Одесскую гавань, куда мы и вошли полным ходом, не выбирая якоря. Трудно передать, что́ во время перехода творилось на броненосце, и если обошлось без человеческих жертв, то лишь только благодаря бывшему у нас лекарю Голенко, который, собрав на баке большую часть команды, объяснял ей, насколько глупо она поступила и как можно поправить свою ошибку; команда его послушалась и, не обращая внимания на то, что происходило кругом, та же команда, которая, так сказать, желала прекращения бунта, бросилась исполнять свои обязанности, как, например, машинные квартирмейстеры Задырко и Тумаков,—один в машине, а второй наверху,—заменяли все начальство; много помог также рулевой Уськов; он умелым управлением, без всяких лоцманов, ввел броненосец

в гавань, куда мы смело шли, положившись на штурмана Кушнаренко, знавшего глубину гавани. Бросили якорь, подошел портовый катер, тот же, который подвозил провизию «Потемкину», на этот катер сошел старший боцман, кондуктор Бевзенко и несколько нижних чинов, решившихся бросить броненосец и бежать; хотели ли бежать также и боцман с кондуктором Бевзенко, не знаем, но думаем, что да. После этого подошли к броненосцу простые рабочие шлюпки, и рыбаки старики со слезами на глазах просили пощадить и не стрелять в город; невозможно было смотреть на этих трясущихся стариков, которые, нажив трудом многих лет какую-нибудь лачужку, дрожат за нее, боясь своих же русских. Мы, насколько могли, успокоили стариков, говоря им, что стали сюда защищать Одессу от «Потемкина», но ни в каком случае разбивать ее; успокоенные старики отъехали. Вечером прибыл на броненосец начальник штаба командующего войсками Одесского военного округа с офицерами; мы, покаявшись в своем проступке, просили его дать телеграмму нашему начальству, дабы оно возвратилось обратно на броненосец. Генерал согласился исполнить нашу просьбу и, кроме того, прочел составленные им по нашей просьбе телеграммы государю императору и главному командиру.

Следующие дни прошли тихо, без всяких волнений; команда, сознав свою вину, ходила опустив головы, каждый о чем-то думал, и это длилось впредь до выдачи главарей бунта, после чего, вздохнув свободно, мы все решили снять с себя даже последнюю степень наказания и, если окажется нужным, с радостью умереть за царя и отечество.

Матрос Владислав Концевич. Старший фельдшер Иван Стефанов. Минный квартирмейстер Мартин Горбаченко. Матрос Илья Щербина. Водолаз Захарий Левченко. Боцман Михаил Ничипорук. Минно-артиллерийский содерж. Даниил Малеев. Рулевой Матвей Уськов. Рулевой квар. I ст. Нестор Величко. Матрос Владимир Горбунов. Хоз. оп. от. (?) Михаил Канаев. Стар. комендор Андрей Прокопчук. Младший ф. Федор Алексеев. Мин. маш. кв. Алексей Волошин. Маш. кв. Андрей Задырко. Минер Гавриил Васильев. Машин. квартирм. Александр Тумаков. Штурман Антон Кушнаренко. Артилл. квартир. Вельбоенко. Строев. квар. Василий Макаров. Арт. кварт. Алексей Скляров. Старший минер Харитон Мешков. Телеграфист Василий Овчаренко. Старший минер Антон Беседин. Арт. кварт. Стариков. Стар. инстр. Ялдыгин. Сигнальщик Тимофей Гниленко. Хоз. тр. отсеков Архип Асмолов. Меркурий Чернышев. Старший комендор Семен Шевченко. Хоз. трюмных отсеков Авраам Кива. Суд. маш. Павел Полевой. Сигнальный квартир. Александр Мойсеенко. Тохтуров. Сигнальщик Лукьян Бондаренко. Сигнальщик Василий Мартынов. Сигнальщик Михаил Деревин.

5.

Обвинительный акт,

коим предаются суду военно-морского суда Севастопольского порта для суждения по законам военного времени нижепоименованные нижние чины 28 флотского экипажа команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец», в числе 75 человек, обвиняемые по ст. 109 военно-морского устава о наказаниях и ст. 102 уголовного уложения.

17 июня 1905 года, около 12 часов дня, во время маневрирования практической эскадры Черноморского флота вблизи Одесского рейда, где в то время находился мятежный броненосец «Князь Потемкин-Таврический», судовая команда входившего в состав означенной эскадры броненосца «Георгий Победоносец» вышла из повиновения своему начальству, захватила броненосец в свою власть и, отделившись от эскадры, присоединилась к мятежной команде броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

На произведенном по этому поводу предварительном следствии выяснилось следующее.

Утром 17 июня 1905 года практическая эскадра Черноморского флота под начальством старшего флагмана вице-адмирала Кригера, в составе броненосцев «Ростислав», «Три Святителя», «Георгий Победоносец», «Синоп», «XII Апостолов», минного крейсера «Казарский» и миноносцев, приближалась к Одессе, имея назначением прекратить вспыхнувший за несколько дней перед тем бунт команды на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», находившемся в то время, вместе с бывшим при нем миноносцем № 267, на Одесском рейде. Около 12 часов дня, когда эскадра в строе фронта приблизилась к рейду, броненосец «Князь Потемкин-Таврический» двинулся навстречу эскадре и прорезал ее строй между броненосцами «Георгий Победоносец» и «Синоп». В это время часть находившейся на баке броненосца «Георгий Победоносец» команды начала кричать «ура» и махать фуражками по направлению к броненосцу «Князь Потемкин-Таврический», оттуда отвечали тем же. Сейчас же последовал приказ командующего эскадрой повернуть обратно, то же сделал и «Князь Потемкин-Таврический». Между тем толпа на баке броненосца «Георгий Победоносец» все увеличивалась. Некоторые нижние чины стали бегать по кубрикам, машинным и минным отделениям и выгонять оттуда людей, крича, чтобы все выходили наверх и шли на бак. При проходе мимо броненосца «Князь Потемкин-Таврический», вторично прорезавшем строй эскадры, команда «Георгия Победоносца» снова принялась кричать «ура», и из бывшей на палубе толпы нижних чинов стали раздаваться громкие возгласы: «Идем к «Потемкину»!», «Хотим к «Потемкину»!». Шум все более и более увеличивался, и, наконец, толпа человек в 40 с криками: «Идем на мостик, долой офицеров, не надо их!», бросилась на командный мостик

на котором в то время находились командир броненосца капитан 1 ранга Гузевич, старший офицер лейтенант Фролов и вахтенный начальник лейтенант Григорков, тщетно уговаривавшие команду успокоиться. Вбежав на мостик, толпа бунтовщиков овладела телеграфом и рулем; один из них передал по телеграфу приказание застопорить машину, и броненосец остановился, эскадра же, подняв дважды сигнал «итти в Севастополь», продолжала следовать в прежнем направлении и вскоре скрылась за горизонтом. Ободренные успехом, бунтовщики на броненосце «Георгий Победоносец» значительно увеличились в своем числе, так как к ним примкнули многие из оставшихся до того спокойными; некоторые из них, захватив из пирамиды винтовки, стали у всех трапов и люков, и с этого момента мятежники вполне овладели броненосцем. В то же время к «Георгию Победоносцу» подошел миноносец № 267, который до того вместе с броненосцем «Князь Потемкин-Таврический» держался в расстоянии нескольких кабельтовых и с которым бунтующие вступили перед тем в переговоры по семафору. С миноносца на броненосец «Георгий Победоносец» перешли несколько вооруженных нижних чинов потемкинской команды и с ними какой-то человек, по всем признакам вольный, одетый в матросское платье. Последний начал говорить сгруппировавшимся вокруг него бунтовщикам о том, что произошло на «Потемкине», объявил, что наступило время свободы, и закончил свою речь словами: «Надо арестовать всех офицеров». После этого все офицеры были окружены немедленно вооруженными нижними чинами и отведены в кают-компанию, за исключением лейтенанта Григоркова, который, не допустив арестовать себя, застрелился на мостике. К дверям кают-компании были приставлены ружейные часовые. Бунтовщики избрали из своей среди выборных, которые, составив комиссию, приступили к обсуждению дальнейшего образа действий. После совещания комиссия решила всех офицеров свезти на берег, самим же присоединиться к «Потемкину». Затем офицеры были бунтовщиками обысканы, посажены с вооруженными людьми на подошедший с «Потемкина» гребной катер и свезены на берег. После своза офицеров броненосец «Георгий Победоносец» прошел на Одесский рейд и стал на якоре вблизи броненосца «Князь Потемкин-Таврический».

На следующий день, 18 июня, настроение команды броненосца «Георгий Победоносец», однако, переменилось. Стали раздаваться голоса: «Идем в Севастополь, идем к начальству». Команда разделилась на две партии: одни хотели вернуться к порядку, другие настаивали, чтобы продолжать возмущение и оставаться с «Потемкиным». Бунтовщики проявляли усиленную деятельность, убеждениями и угрозами стараясь склонить команду к бунту, но число благоразумных все увеличивалось, и перевес оказался на стороне желающих отделиться от «Потемкина» и итти в Севастополь. Заметив, что бунтовщики оказались в меньшинстве, старший боцман Кузьменко, избранный комиссией командиром судна, решил немедленно сделать попытку уйти от «Потемкина», для чего, выйдя на мостик и распорядившись поднять якорь, приказал

в машину дать ход и направил броненосец в Севастополь. Как только это движение было усмотрено на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», грузившем в то время с частного парохода уголь, оттуда был поднят сигнал: «Вернуться и стать на место», и затем второй сигнал: «Буду стрелять». Тогда старший боцман Кузьменко повернул броненосец обратно и, несмотря на противодействие бунтовщиков, успел ввести его полным ходом в одесскую гавань, где и отдал якорь, сам же отправился к командующему войсками с докладом о случившемся, после чего броненосец поступил в ведение военных властей г. Одессы.

20 июня офицеры возвратились на броненосец, и команда по требованию командира капитана 1 ранга Гузевича назвала зачинщиков и главных участников бунта в числе 81 человек.

Из этих последних, по имеющимся в деле сведениям, машинный квартирмейстер Павел Гуляев при посадке, по арестовании, в шлюпку бросился в воду и утонул, а матрос Дружин, кочегар Силкин и машинист Кошуба скрылись во время стоянки броненосца в г. Одессе, при чем Кошуба был задержан в г. Феодосии вместе с несколькими нижними чинами команды броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Что же касается матросов Леонтия Дюмина, Фомы Опришко и Даниила Ровенко, то на предварительном следствии не удалось установить чем-либо их участие в бунте.

Показаниями допрошенных на предварительном следствии свидетелей нижепоименованные нижние чины, принимавшие особенно деятельное участие в возмущении на броненосце «Георгий Победоносец», изобличаются в следующем:

Матрос Назарий Безбах и строевой квартирмейстер Захарий Бородин — при первом же проходе броненосца «Князь Потемкин-Таврический» мимо броненосца «Георгий Победоносец» закричали «ура» и стали махать фуражками. Затем с криками: «Держать к Потемкину», они одни из первых бросились на мостик и кричали, что надо перебить офицеров или выбросить их за борт. После арестования офицеров Бородин, принявший начальствование над караулом, и Безбах обыскали в кают-компании офицеров, а по свозе последних на берег говорили команде речи о свободе и распространяли среди нижних чинов прокламации; кроме того, Бородин 18 июня, около 3 часов дня, явился, вооруженный ножом, вместе с матросами Гилем, Рябоконем и машинистом Кошубой в задний матросский кубрик и потребовал от маляра Чернышева данные ему ревизором на расходы деньги, при чем силою отнял у него 35 рублей собственных его денег; Безбах же при входе броненосца в одесскую гавань пытался бежать на шлюпке вместе с машинистом Кошубой и кочегаром Силкиным, но был задержан командой.

Машинист Дорофей Кошуба — при встрече с «Потемкиным» стал бегать среди команды, подстрекая всех к бунту, и затем, схватив лопату, начал гнать нижних чинов на мостик; подбежав к мостику, он требовал, обращаясь к командиру, повернуть к «Потемкину» и кричал при этом: «Не надо офицеров, за борт их, довольно дворянствовать!»;

бросившись впереди других на мостик, он оттолкнул командира от телеграфа и, завладев последним, отдал приказание застопорить машину; далее, он прогнал рулевого и поставил силой к рулю рулевого Щербину, приказывая держать к «Потемкину»; после речи прибывшего на миноносце № 267 агитатора закричал: «Пойдем, убьем старшего офицера и других!» и затем, взяв винтовку, распоряжался вооружением прочих бунтовщиков; по арестовании офицеров Кошуба настоял, чтобы они были обысканы, и первый стал обыскивать командира капитана 1 ранга Гузевича, на упрек же последнего ответил: «Я сам капитан»; между прочим, Кошуба был замечен с офицерским кортиком в руках советовавшимся с кочегаром Силкиным о том, чтобы подколоть командира; после своза офицеров на берег он вместе с матросом Дейнегой и Силкиным пытался открыть каюту ревизора, говоря, что там можно поживиться.

Матрос Семен Дейнега — один из первых закричал «ура» и потом гонялся с выжимкой, употребляемой при скачивании палубы, за неучаствующими в бунте, сгоняя всех на верхнюю палубу; подбежав к мостику, Дейнега стал кричать командиру, чтобы он повернул к «Потемкину», в ответ же на уговоры командира и старшего офицера успокоиться грозил им, что все офицеры будут перебиты и выброшены за борт, после чего обратился к команде с речью, в которой говорил о несправедливости офицеров и бранил последних; затем, вбежав с другими бунтовщиками на мостик, он совместно с Кошубой завладел рулем и заявил находившемуся тут же старшему офицеру лейтенанту Фролову, толкая его при этом в грудь: «Теперь я буду пить твою кровь, я буду старшим офицером»; впоследствии Дейнега стоял часовым у люка на юте и был избран в члены комиссии.

Кочегар Григорий Рябоконь — еще до встречи с «Потемкиным» подговаривал команду не стрелять, если прикажут; в начале же бунта с пипкой в руках стал сгонять людей на бак и преследовал непринимавшего участия в бунте квартирмейстера Рогозинова с намерением его ударить; затем он обращался к капитану 1 ранга Гузевичу с требованием повернуть к «Потемкину» и предлагал команде связать командира и расстрелять его или выбросить за борт; несколько раз Рябоконь собирал толпу, чтобы итти на мостик, крича «долой офицеров», и один из первых бросился туда; он же с винтовкой в руках распоряжался вооружением бунтовщиков и, взяв из рулевого помещения ящик с патронами, передал таковой Кошубе и кочегару Силкину; после своза офицеров Рябоконь осматривал все каюты и, усевшись в кают-компании за пианино, пробовал играть; на следующий день, 18 июня, вместе с Гилем, Кошубой и Бородиным он отнял у маляра Чернышева деньги и подговаривал новобранцев продолжать бунт; когда же матрос Краснощек стал его увещевать не волновать новобранцев, бросился на Краснощека с ножом, но квартирмейстер Задырка удержал его; тогда же, 18 июня, Рябоконь сговаривался с Гилем потопить или взорвать броненосец.

Кочегар Александр Бутрин — еще до встречи с броненосцем «Князь Потемкин-Таврический» подговаривал команду не стрелять в названный броненосец, если бы даже и было отдано такое приказание; он же, когда начался бунт, грозил выбросить за борт водолаза Левченко, уговаривавшего команду успокоиться, и по той же причине ударил кочегарного квартирмейстера Лекарева; стоя в кают-компании при арестованных офицерах часовым, Бутрин улыбался и затем, будучи избран членом комиссии, сопровождал, вооруженный винтовкой, офицеров при свозе их на берег; после своза офицеров ездил на «Потемкин» и по возвращении оттуда уговаривал команду присоединиться к «Потемкину»; когда же броненосец «Георгий Победоносец» отделился от последнего, кричал, что надо затопить судно.

Кочегар Матвей Волков — при проходе броненосца мимо «Потемкина», когда некоторые из команды бросились было с верхней палубы вниз, стоя у входного люка, скомандовал: «Стой все, не расходись!»; он же кричал, что всех офицеров и нижних чинов, не желавших присоединиться к «Потемкину», следует выбросить за борт; заметив, что машинный содержатель Лауцин не принимает никакого участия в бунте, Волков хотел выбросить его за борт, а затем вместе с одним из бунтовщиков схватил не желавшего итти на мостик телеграфиста Овчаренко и также намеревался бросить последнего в море, но Овчаренко успел вырваться и убежать; в начале бунта Волков вместе с Кошубой силой поставил к штурвалу матроса Щербину, когда же броненосец двинулся в одесскую гавань, пытался остановить машину, крича: «Бить изменников, затопить судно».

Кочегар Андронник Гиль — подстрекал команду к бунту и кричал, что надо связать командира и расстрелять его или же вместе с прочими офицерами выбросить за борт; когда к борту броненосца подошел миноносец № 267, Гиль стал звать с миноносца караул, чтобы подействовать на неучаствующих в бунте; когда же на следующий день, 18 июня, броненосец повернул в Севастополь, а затем в одесскую гавань, он сговорился с кочегаром Рябоконем потопить или же взорвать судно; он же вместе с Бородиным, Кошубой и Рябоконем 18 июня насильно отнял у маляра Чернышева деньги.

Кочегар Николай Гирчич — подстрекал команду к бунту, выгонял всех снизу на верхнюю палубу, при чем, встретив матроса Шубика, сказал последнему, что побьет его, если тот не выйдет наверх и не примет участия в бунте; в числе первых Гирчич бросился на мостик и затем с винтовкой в руках распоряжался вооружением других бунтовщиков; на следующий день, 18 июня, Гирчич уговаривал команду не итти в Севастополь, а оставаться с «Потемкиным».

Матрос Антон Горобец — подстрекал команду к бунту и вместе с другими бунтовщиками вбежал на командный мостик; семафорил на «Потемкин», прося о помощи бунтовщикам; кричал: «Дождались своего, довольно начальству пить нашу кровь!»; советовал связать командира и расстрелять его или выбросить за борт; распоряжался воору-

жением бунтовщиков и сам находился в числе караула, расставленного ими по судну; он же, Горобец, был выбран бунтовщиками в члены комиссии.

Комендор Лука Д е д — с выжимкой в руках гнал людей на мостик, когда же старший комендор Ефремов начал его уговаривать не делать этого, обругал Ефремова и сказал: «Раз начали дело, нужно кончать», затем он же вошел в состав караула для арестования офицеров.

Кочегар Иван И л ь ч е н к о — подстрекал других к бунту и, заявив строевому квартирмейстеру Рогозинову: «Теперь не ваша воля, а наша», сорвал с правого плеча названного квартирмейстера нашивки.

Машинист Александр К а ю р о в — в начале бунта держал речь команде о присоединении к «Потемкину», убеждая не слушать начальства, а потом, будучи избран членом комиссии, предлагал арестовать кондукторов и два раза ездил на «Потемкина»; при повороте броненосца в одесскую гавань требовал, чтобы дали задний ход; когда же броненосец бросил якорь в гавани, сказал: «Теперь мы пропали».

Машинист Иван М о т о р н ы й, — когда «Потемкин» шел навстречу броненосцу, сказал: «Вот кому честь и слава, он будет памятен в русской истории»; затем Моторный начал держать речь о присоединении к «Потемкину», предлагая выбросить офицеров за борт; будучи впоследствии выбран в члены комиссии, он неоднократно обращался к команде с противоправительственными речами.

Минный машинист Максим П а н ф и л о в — взял комендорский крюк и звал команду на мостик, грозя смертью всем не желавшим принять участие в бунте, при чем ударил кочегарного квартирмейстера Лекарева; далее, Панфилов советовал связать и расстрелять или выбросить за борт командира; он же говорил офицерам: «Теперь мы будем командовать» и, будучи затем выбран членом комиссии, разводил часовых, приказывая не пускать офицеров к денежному сундуку и в каюты.

Матрос Андрей Р ы б а л ь ч е н к о — гнал команду на мостик, и сам один из первых бросился туда.

Машинист Иван С т е п а н ю к — подстрекал других к бунту, крича, что всех офицеров надо выбросить за борт; затем, вбежав на мостик, хотел сбросить оттуда сигнальщика Мартыненко, требуя, чтобы тот не семафорил на адмиральский корабль о начавшемся возмущении; подойдя к командиру капитану 1 ранга Гузевичу, Степанюк взял его за грудь со словами: «Теперь вы нас послушайте»; будучи выбран членом комиссии, он говорил среди команды: «Давно пора так сделать, я жизни не пожалею для этого дела».

Марсовой Леонтий С т р е л ю к — подстрекал команду к бунту и, вооруженный винтовкой, угрожал непринимавшим участия в возмущении выбросить их за борт.

Минный машинист Антон С о с е д к а — подстрекал других к бунту, крича: «На что нам государь, нам нужна воля, долой офицеров!», и затем, будучи выбран членом комиссии, говорил команде: «Теперь нам все дадут».

Рулевой Михаил Хоха — выражал в начале бунта одобрение речам Дейнеги и впоследствии, когда сигнальщик Гниленко и другие хотели сесть на катер, чтобы спастись от бунтовщиков на берег, вывел их при содействии рулевого Белого из катера и доложил об этом квартирмейстеру Бородину, который объявил Гниленке, что при вторичной попытке к побегу в него будут стрелять.

Рулевой Константин Белый — настаивал на свозе офицеров с судна и был в числе караула, арестовавшего последних; вместе с Хохой воспрепятствовал Гниленке и другим съехать с броненосца.

Машинист Александр Шулевицкий — еще до бунта уговаривал команду при встрече с «Потемкиным» не стрелять в него; впоследствии же, будучи выбран членом комиссии, предлагал поделить между командой судовую кассу и уйти в Румынию, а броненосец взорвать.

Минный машинист Федор Яненский — подстрекал других к бунту; 18 июня убеждал команду не итти в Севастополь и, когда броненосец повернул туда, бросился к штурвалу, желая этому воспрепятствовать, крича при этом: «Оставайтесь с Потемкиным».

Минный машинист Николай Алексеев — гнал всех наверх из батарейной палубы, убеждая команду присоединиться к «Потемкину».

Матрос Михаил Бородатый (он же Бородач) — кричал, стоя на рострах: «Теперь наша свобода».

Матрос Иосиф Беклич и комендор Семен Кирпичев — кричали: «Наконец дождались своего».

Матрос Никифор Гонвич — предлагал команде связать командира.

Машинист Владимир Гутков — был в числе членов комиссии.

Стрелок-инструктор Михаил Каменев — подстрекал к бунту и руководил молодыми матросами, которые слушались его, как своего непосредственного начальника.

Кочегар Дмитрий Кочнев — грозил убить машинного квартирмейстера Борисова и выбросить в море матроса Шубика за то, что те не принимали участия в бунте.

Матрос Пимен Коваль — вместе с другими бунтовщиками вбегал на командный мостик.

Кочегар Логгин Кулешов, — когда было решено вернуться в Севастополь, кричал, что того, кто пойдет в кочегарку, он выбросит за борт.

Кочегар Архип Кологриваенко — кричал, чтобы всех, не принимавших участия в бунте, выбросить за борт, и настаивал на свозе офицеров с судна.

Матрос Дорофей Краснов — непосредственно перед свозом офицеров стоял часовым у ружейной пирамиды.

Машинист Никифор Кравцов — кричал, что офицеров надо выбросить за борт.

Матрос Семен Лазуренко — был с винтовкой в руках при свозе офицеров.

Кочегар Яков Лысенко — кричал: «Теперь наша воля».

Матрос Василий Лукаш — кричал командиру капитану 1 ранга Гузевичу, чтобы тот дал сигнал «Потемкину» подойти к броненосцу «Георгий Победоносец».

Машинист Николай Ольшаниченко — один из первых закричал «ура» при встрече с «Потемкиным».

Рулевой Василий Пискунов — подстрекал других к бунту и кричал: «Дождались своего».

Матрос Афанасий Падалка, — когда фельдшер Стефанов уговаривал команду успокоиться, сказал: «Надо застрелить его».

Матрос Павел Рудницкий — при свозе офицеров стоял с винтовкой у офицерского люка, а затем был на часах у денежного сундука.

Матрос Михаил Семыкин — в начале возмущения выгнал всех из батарейной палубы наверх, а впоследствии сказал горнисту Кушнареву, что выбросит его за борт, если Кушнарев присоединится к желающим возвратиться в Севастополь.

Кочегар Семен Савченко — особенно выделялся из толпы бунтовщиков своими криками; вбежав на мостик, он кричал сигнальщикам и рулевым, чтобы те слушались не начальства, а команду и держали к «Потемкину»; он же настаивал на том, чтобы офицеров свезти на берег или выбросить за борт.

Матрос Иван Ходоровский — в ответ на увещания старшего офицера лейтенанта Фролова сказал, обращаясь к этому офицеру: «Что вы на нас свистите, как на собак».

Матрос Павел Черненко — подстрекал к бунту новобранцев, уговаривая их итти на командный мостик.

Машинист Илья Шаповалов — кричал: «Ура, вали, ребята, на мостик», впоследствии он же был избран членом комиссии.

Кроме того, все вышеназванные нижние чины, а также матросы — Федор Антонов, Егор Берестнев, Сергей Бубликов, Семен Балашев, Иван Белов, Михаил Бут, Поликарп Герасименко, Кузьма Гусев, Василий Дьяков, Савелий Иванов, Андрей Карачевцев, Никита Конько, Петр Кожумяко, Дементий Мажарин, Степан Никитин, Леонтий Шишкин, Кузьма Шеремет, кочегары — Антип Гулидов, Алексей Дерябин, Александр Денисов, Трофим Дудник, Пимен Коваленко, Василий Камышан, Тимофей Кормильченко, Макарий Марченко Василий Петрина и комендор Павел Колесников были замечены в том, что в начале возмущения кричали: «Ура», «Держать к «Потемкину», «Не надо офицеров» и проч.

Привлеченные к ответственности и допрошенные в качестве обвиняемых, вышепоименованные 75 нижних чинов, за исключением минного машиниста Максима Панфилова, не признавая себя виновными, объяснили, что они никакого участия в возмущении не принимали, Панфилов же признал себя виновным и показал, что,

действительно, при приближении «Потемкина» он кричал «ура» и затем, будучи избран бунтовщиками членом организованной ими комиссии, произвел расчет с ресторатором.

По выпискам из алфавита и журналов взысканий видно:

1) Минный машинист 28 флотского экипажа Николай Кузьмин Алексеев (он же Оболенский) происходит из мещан г. Киева, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался два раза (л. л. д. 307 и 453).

2) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Федор Поликарпов Антонов происходит из мещан г. Зарайска Рязанской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 299 и 510).

3) Рулевой 28 флотского экипажа Константин Васильев Белый происходит из крестьян Херсонской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 285 и 441).

4) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Назарий Федоров Безбах происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 287 и 443).

5) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Семенов Бородатый (он же Бородач) происходит из крестьян Саратовской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1901 года, приговором экипажного суда от 29 марта 1902 года осужден за первый от службы побег и первое промотание вещей казенного обмундирования к заключению в плавучей тюрьме на 2 месяца; приговором военно-морского суда от 16 марта 1904 года осужден за второй от службы побег, второе промотание вещей казенного обмундирования и подлог к отдаче в дисциплинарные батальоны на один год; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 289 и 446).

6) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Егор Петров Берестнев происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1904 года, приговором военно-морского суда от 27 апреля 1904 года осужден к отдаче в дисциплинарные батальоны на один год и 6 месяцев за оскорбление на словах офицера; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 291 и 507).

7) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Сергей Иванов Бублик ов происходит из мещан г. Очакова Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 305 и 451).

8) Строевой квартирмейстер 28 флотского экипажа Захарий Григорьев Бородин происходит из крестьян Таврической губернии, 26 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 303 и 449).

9) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Семенов Бутрин происходит из крестьян Таврической губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, приговором мелитопольского уездного съезда от 12 марта 1904 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 3 месяца за кражу; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 433 и 549).

10) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Петров Балашев происходит из крестьян Рязанской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 357 и 467).

11) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Петров Белов происходит из крестьян Самарской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 355 и 441).

12) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Андреев Бут происходит из казаков Черниговской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 301 и 511).

13) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Матвей Иванов Волков происходит из крестьян Курской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 319 и 515).

14) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иосиф Гордеев Веклич происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 353 и 528).

15) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Антип Петров Гулидов происходит из крестьян Орловской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 321 и 516).

16) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Андроник Васильев Гиль происходит из казаков Полтавской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 275 и 435).

17) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Поликарп Семенов Герасименко происходит из крестьян Области Войска Донского, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 277 и 437).

18) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Антон Иванов Горобец происходит из крестьян Херсонской губернии, 29 лет, православный, на службе с 1898 года, приговором военно-морского суда от 5 июня 1901 года за нарушение правил караульной службы осужден к заключению в плавучей тюрьме на 5 месяцев; дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 279 и 439).

19) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Кузьма Андреев Гусев происходит из крестьян Рязанской губернии, 22 лет, православный,

на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 281 и 505).

20) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Владимир Филиппов Гутков происходит из мещан г. Харькова, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 283 и 506).

21) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Николай Кузьмин Гирчич (он же Гирич) происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 323 и 460).

22) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Никифор Васильев Гонвич происходит из крестьян Херсонской губернии, 29 лет, православный, на службе с 1898 года, приговором экипажного суда от 14 октября 1900 год был наказан за первый от службы побег; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 325 и 517).

23) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Алексей Петров Дерябин (он же Гуров) происходит из крестьян Тульской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 351 и 527).

24) Комендор 28 флотского экипажа Лука Федоров Дед происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 309 и 512).

25) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Пантелеев Дейнега происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, приговором экипажного суда от 1 февраля 1905 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 2 месяца за первый побег и первое промотание вещей казенного обмундирования; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 313 и 513).

26) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Иванов Дьяков происходит из крестьян Тульской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 349 и 526).

27) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Александр Антипов Денисов происходит из крестьян Орловской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 315 и 457).

28) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Трофим Архипов Дудник происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 317 и 514).

29) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Романов Ильченко происходит из крестьян Ставропольской губернии,

23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 347 и 465).

30) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Савелий Канаев И в а н о в происходит из крестьян Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 361 и 530).

31) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Пимен Иванов К о в а л е н к о (он же К о в а л ь) происходит из крестьян Киевской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 369 и 532).

32) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Пимен Моисеев К о в а л ь происходит из мещан г. Александровска-Грушевского Области Войска Донского, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 367 и 473).

33) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Логгин Федоров К у л е ш о в происходит из крестьян Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 365 и 471).

34) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Петров К а м ы ш а н происходит из крестьян Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 363 и 531).

35) Комендор 28 флотского экипажа Семен Максимов К и р п и ч е в происходит из крестьян Самарской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 377 и 479).

36) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Никифор Васильев К р а в ц о в происходит из мещан г. Луганска Екатеринославской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 375 и 477).

37) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Архип Сергеев К о л о г р и в е н к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 373 и 533).

38) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Дмитриев К а ю р о в происходит из мещан г. Симбирска, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 371 и 475).

39) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Андрей Матвеев К а р а ч е в ц е в происходит из крестьян Курской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, приговором корабельного суда от 14 августа 1904 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на $3^1/_2$ месяца за кражу; дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 345 и 525).

40) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Тимофей Миронов К о р м и л ь ч е н к о происходит из крестьян Области Войска Донского, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. 379 и 481).

41) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Дмитрий Егоров К о ч н е в происходит из крестьян Саратовской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 385 и 536).

42) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Дорофей Петров К о ш у б а происходит из крестьян Харьковской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался пять раз (л. л. д. 387 и 483).

43) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Никита Иванов К о н ь к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 343 и 524).

44) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Петр Миронов К о ж у м я к о происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 341 и 523).

45) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Дорофей Васильев К р а с н о в происходит из крестьян Херсонской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 383 и 535).

46) Комендор 28 флотского экипажа Павел Федоров К о л е с н и к о в происходит из крестьян Самарской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 381 и 534).

47) Стрелок-инструктор 28 флотского экипажа Михаил Захаров К а м е н е в происходит из крестьян Гродненской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 297 и 509).

48) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Яков Григорьев Л ы с е н к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 391 и 485).

49) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Иванов Л а з у р е н к о происходит из мещан г. Бахмута Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 389 и 537).

50) Матрос 1 ст. 28 флотского экипажа Василий Андреев Л у к а ш происходит из крестьян Полтавской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 337 и 521).

51) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Макарий Степанов М а р ч е н к о происходит из крестьян Полтавской губернии, 25 лет, право-

славный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 397 и 540).

52) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Дементий Петров Мажарин происходит из крестьян Тамбовской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 395 и 539).

53) Машинист 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Спиридонов Моторный происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 393 и 538).

54) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Степан Ильин Никитин происходит из крестьян Радомской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 413 и 495).

55) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Николай Алексеев Ольшаниченко происходит из крестьян Харьковской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 411 и 543).

56) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Василий Васильев Петрина происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 339 и 522).

57) Рулевой 28 флотского экипажа Василий Алексеев Пискунов происходит из крестьян Симбирской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 403 и 490).

58) Минный машинист 28 флотского экипажа Максим Петров Панфилов происходит из мещан г. Керчи Таврической губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 407 и 491).

59) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Афанасий Антонов Падалка происходит из мещан г. Таганрога Области Войска Донского, 23 лет, православный, на службе с 1904 года; приговором экипажного суда от 22 апреля 1905 года осужден к заключению в плавучей тюрьме на 3 месяца за первый от службы побег и первое промотание вещей казенного обмундирования; дисциплинарным взысканиям подвергался три раза (л. л. д. 405 и 542).

60) Кочегар 1 ст. 28 флотского экипажа Григорий Степанов Рябоконь происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 401 и 541).

61) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Павел Фомин Рудницкий происходит из мещан местечка Хорощи, 22 лет, римско-католического вероисповедания, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 419 и 545).

62) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Андрей Никитин Рыбальченко происходит из крестьян Курской губернии, 24 лет, православный, на службе с 1903 года, под судом не был, дицисплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 417 и 544).

63) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Иван Кондратов Степанюк происходит из крестьян Херсонской губернии, 26 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 335 и 520).

64) Марсовой 28 флотского экипажа Леонтий Васильев Стрелюк происходит из крестьян Волынской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 293 и 447).

65) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Михаил Николаев Семыкин происходит из крестьян Курской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 295 и 508).

66) Кочегар 2 ст. 28 флотского экипажа Семен Андреев Савченко происходит из казаков Полтавской губернии, 23 лет, православный, на службе с 1904 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался один раз (л. л. д. 333 и 519).

67) Минный машинист 28 флотского экипажа Антон Евсеев Соседка происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 28 лет, православный, на службе с 1899 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям подвергался три раза (л. л. д. 421 и 546).

68) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Павел Игнатьев Черненко происходит из крестьян Полтавской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 331 и 463).

69) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Леонтий Прокофьев Шишкин происходит из крестьян Саратовской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года; приговором экипажного суда от 26 мая 1904 года осужден к заключению в пловучей тюрьме на три месяца и 2 недели за кражу; дисциплинарным взысканиям подвергался два раза (л. л. д. 423 и 499).

70) Машинист 1 ст. 28 флотского экипажа Илья Иванов Шаповалов происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 27 лет, православный, на службе с 1900 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 329 и 461).

71) Машинный квартирмейстер 2 ст. 28 флотского экипажа Александр Игнатьев Шулевицкий происходит из мещан г. Самары, 28 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 425 и 501).

72) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Кузьма Васильев Шеремет происходит из крестьян Екатеринославской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 427 и 547).

73) Рулевой 28 флотского экипажа Михаил Михайлов Хоха происходит из крестьян Гродненской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1902 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 429 и 503).

74) Матрос 2 ст. 28 флотского экипажа Иван Викторов Ходоровский происходит из крестьян Гродненской губернии, 22 лет, православный, на службе с 1905 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 431 и 548).

75) Минный машинист 28 флотского экипажа Федор Иванов Яненский происходит из крестьян Херсонской губернии, 25 лет, православный, на службе с 1901 года, под судом не был, дисциплинарным взысканиям не подвергался (л. л. д. 327 и 518).

В виду изложенного нижние чины 28 флотского экипажа: Николай Алексеев, Федор Антонов, Константин Белый, Назарий Безбах, Михаил Бородатый, Егор Берестнев. Сергей Бубликов, Захарий Бородин, Александр Бутрин, Семен Балашов, Иван Белов, Михаил Бут, Матвей Волков, Иосиф Веклич, Антип Гулидов, Андроник Гиль, Поликарп Герасименко, Антон Горобец, Кузьма Гусев, Владимир Гутков, Николай Гирчич, Никифор Гонвич, Алексей Дерябин, Лука Дед, Семен Дейнега, Василий Дьяков, Александр Денисов, Трофим Дудник, Иван Ильиченко, Савелий Иванов, Пимен Коваленко, Пимен Коваль, Логгин Кулешов, Василий Камышан, Семен Кирпичев, Никифор Кравцов, Архип Кологривенко, Александр Каюров, Андрей Карачевцев, Тимофей Кормильченко, Дмитрий Кочнев, Дорофей Кошуба, Никита Конько, Петр Кожумяко, Дорофей Краснов, Павел Колесников, Михаил Каменев, Яков Лысенко, Семен Лазуренко, Василий Лукаш, Макарий Марченко, Дементий Мажарин, Иван Моторный, Степан Никитин, Николай Ольшаниченко, Василий Петрина, Василий Пискунов, Максим Панфилов, Афанасий Падалка, Григорий Рябоконь, Павел Рудницкий, Андрей Рыбальченко, Иван Степанюк, Леонтий Стрелюк, Михаил Семыкин, Семен Савченко, Антон Соседка, Павел Черненко, Леонтий Шишкин, Илья Шаповалов, Александр Шулевицкий, Кузьма Шеремет, Михаил Хоха, Иван Ходоровский и Федор Яненский обвиняются в том:

Что 17 июня 1905 года, находясь в числе судовой команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» в то время, когда названный броненосец маневрировал в составе практической эскадры Черноморского флота вблизи Одесского рейда, где находился броненосец «Князь Потемкин-Таврический», они, с целью присоединиться к мятежной команде последнего, подняли открытый бунт против своего

судового начальства, при чем, с криками «ура», «идем к «Потемкину»!», часть из них бросилась на командный мостик и самовольно застопорила машину, после чего все вышеназванные нижние чины, завладев броненосцем и вооружившись винтовками, насильственно совокупными силами арестовали командира и всех офицеров и свезли их на берег, сами же, под руководством тогда же прибывших к ним главарей бунтовщиков с «Потемкина», стали распоряжаться броненосцем и намеревались действовать в направлении революционных партий, стремящихся к ниспровержению существующего в России государственного строя, при чем лишь на следующий день, 18 июня, благоразумная часть команды, одержав верх над бунтовщиками, успела ввести броненосец в Одесскую гавань и передать его там в ведение военных властей.

Означенное преступное деяние предусмотрено 109 ст. военно-морского устава о наказаниях и 102 ст. уголовного уложения, а посему, согласно приказа морского министра, сообщенного главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря телеграммою главного военно-морского прокурора от 20 июля сего года за № 4104, и приказа главного командира от 8 августа сего года за № 923, все вышепоименованные нижние чины, на основании 90 ст. воен.-морск. Устава о наказ. (по продолжению 1898 года), предаются военно-морскому суду Севастопольского порта для суждения их порядком, определенным в статье 1255 того же устава и с применением к ним наказаний, установленных для военного времени.

Составлен обвинительный акт августа 9 дня 1905 года в г. Севастополе.

Военно-морской прокурор полковник *Александров.*

Помощник военно-морского прокурора *Плещеев.*

№ 1700.

6.

Резолюция.

1905 года 16—26 августа дня военно-морской суд Севастопольского порта в следующем составе: председатель генерал-лейтенант Андреев, воен.-мор. судья действительный статский советник Матвеев, временные члены: капитан 1 ранга барон Нолькен,
» » » Соловьев,
» » » Мязговский.
капитан 2 ранга Шарыгин,

выслушав дело о 75 нижних чинах 28 флотского экипажа, преданных суду по обвинению в том, что 17 июня 1905 года, находясь в числе судовой команды эскадренного броненосца «Георгий Победоносец» в то время, когда названный броненосец маневрировал в составе практической эскадры Черноморского флота вблизи одесского рейда, где

находился броненосец «Князь Потемкин-Таврический», они, с целью присоединиться к мятежной команде последнего, подняли открытый бунт против своего судового начальства, при чем, с криками: «ура», «идем к Потемкину!», часть из них бросилась на командный мостик и самовольно застопорила машину, после чего, завладев броненосцем и некоторые вооружившись винтовками, насильственно совокупными силами арестовали командира и всех офицеров и свезли их на берег, сами же, под руководством тогда же прибывших к ним главарей бунтовщиков с «Потемкина», стали распоряжаться броненосцем и намеревались действовать в направлении революционных партий, стремящихся к ниспровержению существующего в России государственного строя, при чем лишь на следующий день, 18 июня, благоразумная часть команды, одержав верх над бунтовщиками, успела ввести броненосец в одесскую гавань и передать его там в ведение военных властей,— признал из них виновными: минного машиниста Николая Алексеева, матроса Назария Безбаха, матроса Сергея Бубликова, строевого квартирмейстера Захария Бородина, кочегара Александра Бутрина, матроса Михаила Бута, кочегара Матвея Волкова, кочегара Антипа Гулидова, кочегара Андроника Гиль, матроса Антона Горобец, машиниста Владимира Гуткова, кочегара Николая Гирчича, матроса Никифора Гоневича, комендора Луку Деда, матроса Семена Дейнега, кочегара Александра Денисова, кочегара Трофима Дудника, кочегара Ивана Ильиченко, кочегара Пимена Коваленко, матроса Пимена Коваль, кочегара Логгина Кулишова, кочегара Василия Камышина, комендора Семена Кирпичева, машиниста Никифора Кравцева, кочегара Архипа Кологривенко, машиниста Александра Каюрова, кочегара Тимофея Кормильченко, кочегара Дмитрия Кочнева, машиниста Дорофея Кошуба, матроса Никиту Конько, матроса Петра Кожумяка, матроса Дорофея Краснова, комендора Павла Колесникова, стрелка инструктора Михаила Каменева, матроса Семена Лазуренко, матроса Василия Лукаш, кочегара Макария Марченко, машиниста Ивана Моторного, машиниста Николая Ольшаниченко, рулевого Василия Пискунова, минного машиниста Максима Панфилова, матроса Афанасия Падалка, кочегара Григория Рябоконь, матроса Павла Рудницкого, матроса Андрея Рыбальченко, машиниста Ивана Степанюка, марсового Леонтия Стрелюка, матроса Михаила Семыкина, кочегара Семена Савченко, минного машиниста Антона Соседка, матроса Павла Черненко, машиниста Илью Шаповалова, машиниста Александра Шулевицкого, матроса Ивана Ходоровского и минного машиниста Федора Яненского. При этом первыми приступили к совершению этого деяния и руководили другими: машинист Кошуба, матрос Дейнега и машинист Степанюк. Уменьшающими вину обстоятельствами по отношению Бородина, Горобца, Гирчича, Деда, Кирпичева, Стрелюка, Соседка, Шаповалова суд признал продолжительную, более пяти лет, службу их, ничем не опороченную, а по отношению к Антонову, Безбаху, Бут, Гуткову, Ковалю, Конько, Кожумяко, Краснова, Лазуренко, Моторного, Рудниц-

кого, Семыкина, Черненко и Ходоровского — кратковременную, менее года, службу их.

Посему и на основании 74, 78, 109 ст. кн. XVI св. мор. пост. 12, 153 ст. уложения о наказаниях приговорил: машиниста Дорофея Кошуба, матроса Семена Дейнега и машиниста Ивана Степанюка лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через расстреляние; нижеследующих нижних чинов лишить всех прав состояния, исключить из службы с лишением воинского звания и сослать в каторжные работы: Рябоконь — без срока, Бородина и Волкова — на двадцать лет каждого, Панфилова — на семнадцать лет, Безбаха — на пятнадцать лет, Каменева — на четырнадцать лет, Бутрина, Гиля и Горобец — на двенадцать лет каждого, Гирчича и Моторного — на десять лет каждого, Ильиченко, Казарова, Шулевицкого и Яненского — на восемь лет каждого, Гоневича на семь лет, Падалку — на шесть лет, Бута — на пять лет и Савченко — на четыре года; нижеследующих нижних чинов исключить из службы с лишением воинского звания, лишить всех особенных прав и преимуществ и отдать в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства: Стрелюка, Семыкина, Бубликова, Алексеева, Дудника, Коваленко, Кулишова, Камышана, Кочнева, Лукаша, Ольшаниченко и Рыбалченко — на пять лет каждого, Деда, Коваля, Лазуренко, Соседку, Гулидова, Кравцова, Кологривенко, Кормильченко, Колесникова, Марченко и Пискунова — на четыре года каждого, Гуткова, Денисова, Кирпичева, Конько, Кожумяка, Краснова, Рудницкого, Черненко, Шаповалова и Ходоровского на три года каждого. По отбытии наказания осужденными в арестантские отделения, отдать их под особый надзор полиции на четыре года каждого.

По недоказанности обвинения, Антонова, Белого, Бородатого, Берестнева, Балашева, Белова, Веклича, Герасименко, Гусева, Дерябина, Дьякова, Иванова, Карачевцева, Лысенко, Мажарина, Никитина, Петрина, Шишкина, Шеремета и Хоха виновными в предъявленном к ним обвинении не признал и, на основании 1 пункта 825 ст. кн. XVIII св. мор. пост., определил: считать их по суду оправданными.

По вступлении приговора в законную силу, прежде исполнения его представить, на основании 1012 ст. кн. XVIII св. мор. пост. (по прод. 1898 г.) и телеграммы морского министра от 9 августа за № 846, объявленной в приказе наз. командира Черн. флота и портов от 13 августа сего года за № 933, главному командиру черноморского флота и портов на усмотрение.

Об упущениях командира и офицеров во время бунта на корабле, усмотренных судом при производстве настоящего дела, на основании 834 ст. кн. XVIII св. морск. пост., составить особое постановление.

Генерал-лейтенант *Андреев*, действит. ст. сов. пол. *Матвеев*, капитан 1 ранга барон *Нолькен*, капитан 1 ранга *Соловьев*, капитан 1 ранга *Мязговский*, капитан 2 ранга *Шарыгын*.

Прибалтийский край в 1905 году.

Печатаемая ниже официальная записка обязана своим происхождением тому запросу в 3-й Государственной Думе, который, с заявлением о спешности, был внесен 2 мая 1908 года фракциями с.-д. и трудовиков на имя министров внутренних дел, военного, морского и юстиции—«по поводу незаконных действий военных и гражданских властей, чинимых над населением Прибалтийского края». Государственная Дума отклонила спешность этого запроса и передала его в «комиссию по запросам». Записка извлечена из дела департамента полиции, о. о., 1908 г., № 236, ч. II—«По запросам Государственной Думы. О действиях карательных отрядов в Прибалтийском крае». Материалом, который лег в основу этой записки, были документы как имевшиеся в самом департаменте полиции, так и полученные из военного ведомства.

Печатаемая часть записки охватывает преимущественно события 1905 года, когда революционное движение в Курляндской, Эстляндской и Лифляндской губерниях достигло своего апогея, обнаружив вместе с особенностями стихийного взрыва протеста прибалтийского пролетариата против самодержавия и капиталистической эксплуатации мало изученные до сих пор организационные формы революционной борьбы.

В 1905 году нигде в России, — говорит Витте в своих «Воспоминаниях» [1]), «иллюминация» помещичьей собственности не приняла таких размеров, как в Прибалтийском крае». По мнению Витте, было две главных причины особой силы аграрных волнений и революционного движения в Прибалтике: с одной стороны, «руссификирование латышей», имевшее своим следствием «натравливание их на немецкое дворянство», с другой,— распропагандированность латышского населения «в смысле социалистическом и анархическом». Печатаемая нами записка предпосылки революционного движения в Прибалтике определяет гораздо конкретнее. «Экономическое положение края, — говорит составитель записки, — представляет в высшей степени резкие контрасты; на одной стороне находятся крупные дворянские землевладения с богатыми землями и обширные промышленные предприятия, а на другой—малоземельные в большинстве участки латышей и эстов со множеством безземельных батраков и масса необеспеченного материально заводско-фабричного люда. Дворянам-землевладельцам принадлежат права по местному управлению, ведению земского дела, обложение населения сборами и повинностями, назначение пасторов, право охоты и проч. Крестьянам - землевладельцам остаются в удел зависимое положение и задолженность за купленную у помещиков землю, часто совершенно безнадежная, несмотря на самый упорный труд». Классовое расслоение в трех прибалтийских губерниях исторически сложилось необыкновенно четко, и, конечно,

[1]) Воспоминания, т. II, стр. 125.

составитель записки совершенно прав, говоря, что «революционным агитаторам не трудно было внушить народу, что ему следует рассчитывать лишь на себя и, когда представится момент, самому добиваться осуществления своих прав. Таким моментом и счел народ то время, когда после неудачной войны произошел взрыв недовольства правительством».

Но для «осуществления своих прав» трудящимся Прибалтийского края недостаточно было искусно выбрать подходящий момент: нужна была руководящая организация и план действий. Политическое воспитание фабричного пролетариата, а также закабаленных помещиками крестьян и батраков находилось в руках ряда социал-демократических организаций, которые сумели подготовить массы к вооруженной борьбе за свое освобождение. Записка довольно ярко описывает первые открытые «мятежные выступления» рабочих, «домогавшихся улучшения их быта», в 1903—1904 гг., происходившие в Риге, Либаве, Ревеле, Виндаве, Митаве и др., а также борьбу сельско-хозяйственного пролетариата в уездах, где происходили нападения на волостные правления, помещичьи усадьбы и т. д.

В 1905 году борьба приняла еще более планомерный и вместе с тем ожесточенный характер. Столкновения с войсками стали систематическими, участились террористические акты, безземельные батраки в Курляндии «с угрозами требовали раздела имений», постоянно вспыхивали забастовки на фабриках и заводах. Объявленное правительством военное положение, разумеется, не могло привести к умиротворению революционной стихии.

Не удовлетворил рабочие и крестьянские массы, конечно, и манифест 17 октября. Напротив, октябрь-декабрь 1905 г. явились кульминационным моментом революционного движения в прибалтийских губерниях, когда последнее приняло форму вооруженного массового восстания против существующей власти, гражданской войны в прямом смысле этого слова. Учитывая официальное происхождение записки, специфический стиль ее и оценку излагаемых событий, все же приходится признать, что этот момент она отражает довольно ярко. Перед нами налицо активнейший участок поля того сражения, которое давала первая революция романовскому самодержавию. Руководителями этого сражения были Рижский Федеративный Комитет, съезды, исполнительные комитеты, заменявшие прежние органы местной власти, отдельные партийные организации. Правительство должно было оборонять военными мерами или брать штурмом крупнейшие города края. Это была настоящая война за власть, при чем там, где побеждали восставшие, немедленно организовывался новый административный аппарат, взимавший налоги, закрывавший «казенки» и бравший на себя управление захваченными имениями. Каким ярким показателем энтузиазма восставших и веры их в невозможность реставрации свергнутого режима является такая деталь, как заказ шнуровых канцелярских книг на 10 лет вперед!

Мы видим, таким образом, в революционном движении Прибалтики не только стихийную «волю к победе», двигавшую массы, но и творческую волю, организовавшую эти массы и новый уклад их жизни. Характерно при этом, что в главнейшем центре восстания—Риге—организатором боровшихся масс был не Совет Рабочих Депутатов, как в других местах б. империи. «В Риге, — говорит т. Стучка, — не образовался Совет Рабочих Депутатов, ибо там был столь авторитетный орган власти, как Рижский Федеративный Комитет (лат., русские и евр. с.-д.), а в латвийских размерах ЦК латышской с.-д. рабочей партии, которые вполне заменили рабочее правительство и представляли собой действительно фактическую и притом вооруженную власть рабочих и крестьян (Стучка. Револ. роль права и государства, стр. 121).

Разгром 573 помещичьих имений, расстройство административного аппарата, остановка транспорта, заводов и фабрик и т. д. заставили правительство ввести в бой резервы. 29 ноября министерство внутренних дел потребовало «двинуть в Лифляндскую губернию все свободные в Петербургском военном округе военные части». 4 декабря в крае была введена военная диктатура в лице вновь назначенного генерал-губернатора г.-л. Соллогуба. Новым военным силам удалось сломить восставших, и торжествующая военщина, вместе с поднявшей голову буржуазией и феодальным дворянством, приступила к истреблению «мятежников». Военные экспедиции «мистериозного», по словам Витте, морфомана садиста Орлова и др. залили кровью революционную Прибалтику. Целый месяц шла вакханалия убийств без суда, и только к концу января, — говорит записка,— «расстреляние войсками захваченных бунтарей было прекращено». Только 23 января 1906 г. Витте счел своевременным доложить царю, что теперь уже возможно «не подвергшихся истреблению революционеров» судить «по закону».

А. С.

Начало смуты.

По суждениям знатоков местной жизни и печатным сообщениям, начатки прибалтийской смуты обнаружились еще с 80-х годов прошлого столетия. В то время уже происходили поджоги немецких дворянских имений в некоторых уездах (напр., в Венденском, Лифляндской губернии), и ходили в латышском населении толки об «изгнании из края немцев». С конца же 90-х годов очагами недовольства существующим положением стали размножившиеся тогда сельско-хозяйственные, профессиональные и разные другие общества.

Экономическое положение края представляет в высшей степени резкие контрасты: на одной стороне находятся крупные дворянские землевладения с богатыми замками и обширные промышленные предприятия, а на другой — малоземельные в большинстве участки латышей и эстов со множеством безземельных батраков и масса необеспеченного материально заводско-фабричного люда. Дворянам-землевладельцам принадлежат права по местному управлению, ведение земского дела, обложение населения сборами и повинностями, назначение пасторов, право охоты и пр. Крестьянам-землевладельцам остаются в удел зависимое положение и задолженность за купленную у помещиков землю, часто совершенно безнадежная, несмотря на самый упорный труд.

Ревизия сенатора Н. А. Манасеина в 80-х годах поселила в крестьянском населении преувеличенные надежды на коренное изменение неблагоприятных условий его быта, и когда в течение многих лет население не дождалось каких-либо результатов сенаторской ревизии по улучшению его положения, то перестало верить в попечительные заботы о нем высшего правительства. Отсюда революционным агитаторам нетрудно было внушить народу, что ему следует рассчитывать лишь на себя и, когда представится момент, самому добиваться осуществления своих прав. Таким моментом и счел народ то время, когда после неудачной войны произошел взрыв недовольства

правительством. Боясь упустить обстоятельства, латыши и эсты в громадном большинстве и примкнули к революционному движению.

Перечисленные причины усиливаются еще племенною рознью. По отношению к аборигенам края немцы всегда держались роли былых завоевателей. В прежнее время они могли бы легко ассимилировать с собою латышей и эстов, но не стремились к этому (о чем теперь сожалеют) и, за весьма редкими случайными исключениями, не допускали в свою среду кого-либо из этих племен. Помещики изучали наречия последних, чтобы не давать им права говорить на языке господ. Не без некоторых оснований считая себя несправедливо угнетенными, латыши и эсты, по характеру своему болезненно самолюбивые и тщеславные, таили чувства зависти и обиды за граничащую с презрением отчужденность от высшего немецкого общественного слоя. Впрочем, наружно они высказывали перед немцами раболепство, проявляющееся еще и теперь в обычае целования руки у помещиков. Подобные отношения повели к тому, что латыши и эсты дали как бы готовую почву для агитационного посева. Учащаяся молодежь их, крайне восприимчивая к усвоению социалистических учений, взялась ретиво как устно, так и в печати за пропаганду этих учений в среде фабрично-заводских рабочих и близко связанных с последними по условиям быта безземельных крестьян. В этом ею встречено содействие со стороны германских социал-демократов, приехавших в фабричные центры края для распространения своих идей. Путем издания переводимых с немецкого языка на местные наречия заграничных агитационных по рабочему вопросу брошюр, которые приноравливались к быту и пониманию латышей и эстов, пропаганда велась первоначально почти исключительно на экономической почве. В главнейших центрах промышленности края — Риге и Либаве — устраивались массовки, и проводилось празднование рабочими 1 мая. В дальнейшем пропаганда сосредоточилась в особых организациях. В 1901 году образована «Латышская социал-демократическая рабочая партия», которая поставила своей задачей «самоопределение» латышского племени, поднятие развития его, разрешение в интересах крестьян земельного вопроса, улучшение быта рабочих и т. п. Не сознавая за собой силы для политической борьбы, «Латышская социал-демократическая рабочая партия» стремилась подготовлять рабочих к единению, чтобы постепенно сплотить их в устойчивую массу. Для этого имелись в виду главным образом рабочие в Риге, где на заводах, фабриках и в порту скопляется их до 100 т. человек. Такая «постепенная» деятельность вызвала протест в среде меньшинства партии, требовавшего приступа к более быстрым и решительным мерам. От нее откололась особая группа, под названием «Uspeekschu», что значит — «Вперед», вскоре переименовавшаяся в «Латышский социал-демократический союз», отчасти приблизившийся по программе к партии социал-революционеров, выставив своею главною и ближайшею задачей борьбу с правительством для ниспровержения существующего

государственного и общественного строя. Комитет этого союза (Saaveniba) подготовлял так называемых «боевиков», которые совершали впоследствии убийства и другие преступления. На ряду с этими партиями действовали в Прибалтийском крае: еврейский «Бунд» и «Российская социал-демократическая рабочая партия». Вторая, вместе с одноименной эстонской, укрепилась преимущественно в Ревеле и Юрьеве и прилежащих местностях, населенных эстами. В то же время развивала свою деятельность «Курляндская социал-демократическая группа», основанная около 1902 года.

Перечисленными партиями, объединившимися потом в «Социал-демократию Прибалтийского края», образовывались кружки между рабочими и выпускались, начиная с апреля 1903 года, прокламации против самодержавия, с лубочными карикатурами, осмеивающими и его «приспешников» — помещиков и пасторов. Издавалась расходившаяся в большом количестве экземпляров революционная газета «Zihna» (Борьба), которая, как и прокламации, печаталась в хорошо оборудованных тайных типографиях. На местах вели пропаганду отдельные революционные комитеты: в Вольмаре и Вендене (Лифляндской губернии), в Либаве, Виндаве, Тальсене и Дондангене (Курляндской губернии). Вместе с тем в городские и сельские местности отправлялись агитаторы для устной пропаганды, устройства сходок, составления петиций с разными требованиями от правительства и для производства демонстраций.

В период времени 1905—1906 г.г. положено также начало рижской военной организации для поднятия посредством пропаганды бунта в войсках.

Первые мятежные выступления.

В результате действий Латышской социал-демократической и других партий явились открытые-домогательства рабочими улучшения их быта. Обострились отношения их с заводско-фабричными управлениями, и начались столкновения с последними и убийства мастеров.

В Риге устраивались в 1903 и 1904 г.г. сборища, с разбрасыванием прокламаций, с зажигательными речами и с красными флагами. Сходки с участием рабочих и учащейся молодежи, преимущественно еврейской, происходили в театрах, кирках, синагогах, на латышском и еврейском кладбищах, в садах и окрестных лесах.

Чтобы уследить за сборищами и разгонять их, рижской городской полиции приходилось держать постоянно большие наряды, и чины ее были вынуждены иногда к столкновениям и к употреблению силы против неповинующихся призыву к порядку.

В марте 1904 года произошло столкновение полиции с толпой, собравшеюся на еврейском кладбище при похоронах высланного раньше студента-еврея, «жертвы произвола», «борца за свободу», как называли таких лиц в то время. Разгонявший ту сходку помощник

пристава был ранен камнем, брошенным из толпы. Подобные случаи происходили не раз, и толпа, быстро воспитываясь в деле столкновения с властью, стала вооружаться уже не камнями, а револьверами. При попытке освобождения толпой демонстрантов из рижской губернской тюрьмы в августе 1904 года арестованных за распространение прокламаций лиц револьверными выстрелами был убит один полицейский городовой, и ранены помощник полицеймейстера и другой городовой.

Рядом с местными условиями на политическое положение Прибалтийского края оказывали сильное влияние события подобного же характера, происходившие внутри империи и особенно в столицах.

Известный «Гапоновский» инцидент в С.-Петербурге 9 января 1905 года отразился в Риге забастовками рабочих и требованием со стороны их закрыть торговлю в знак траура. В конце концов, волнения забастовщиков разразились 13 января демонстрацией на площади «картофельного рынка», близ рижского железнодорожного моста через реку Западную Двину. На этой площади вожаки рабочих организаций условились устроить «грандиозную» демонстрацию, в виде протеста за «избиение петербургских товарищей 9 января», и затем большими толпами итти в город разбивать магазины и лавки. Имелось в виду разгромить преимущественно оружейные магазины, чтобы запастись оружием для борьбы с полицией, и освободить из рижской губернской тюрьмы «политических заключенных». Для остановки шествия рабочих, в числе от 10 до 15 тысяч, полиция располагала вызванной наскоро полуротой учебного батальона, т.-е. 40 ружьями. Впрочем, и этого незначительного числа, вместе с несколькими полицейскими чинами, оказалось вполне достаточным, дабы сладить с 10—15 тысячами рабочего сброда. Увидев солдат, преграждавших проход из Фурштадтского предместья в город под железнодорожным полотном, рабочие со всех сторон окружили полуроту и полицейских. Когда они подошли и начали вырывать у солдат ружья, солдаты и полицейские чины, став в две шеренги на два фронта, открыли огонь пачками; со стороны полиции в этом столкновении был ранен помощник пристава, а из полуроты—8 солдат, в толпе же убито 70 человек, ранено до 200, и многочисленная толпа быстро рассеялась, обратившись в паническое бегство, так что масса попадала в реку, где значительное число утонуло.

Во втором после Риги по торгово-промышленному значению портовом городе края — Либаве (Курляндской губернии) — произошла 13 того же января общая забастовка рабочих на всех фабриках и заводах. Толпа забастовщиков с красными флагами выгнала с погрузки рабочих коммерческого порта. При этом убит револьверным выстрелом портовый жандармский унтер-офицер, бросившийся разгонять толпу. Никем не удерживаемая, толпа уничтожила городскую телефонную станцию, прервала телефонное сообщение Либавы с Гробиным, подожгла в ночь на 14 января публичные дома, разграбив имущество. Бесчинство толпы продолжалось до 25 января и прекра-

тилось лишь с началом работ на всех крупных фабриках. Начавшаяся 14 января на всех фабриках и заводах забастовка продолжалась до 28 числа. К демонстративным шествиям забастовщиков примыкали толпы праздничного народа и много воспитанников и воспитанниц учебных заведений города. Происходившие в обоих городах забастовки рабочих в Ревеле (4 забастовки и 3 сборища) прекратились вскоре, а в Виндаве продолжались с 17 до 26 января.

После поражения 13 января рабочие уже не пытались в Риге на массовые выступления. Однако забастовки время от времени продолжались, и происходили отдельные убийства и нападения на фабричное начальство и на должностных лиц полиции, т.-е. вообще такие преступления, которые принято называть «террористическими актами». Из заводско-фабричной администрации были убиты с февраля по октябрь 5 лиц, и ранены двое. За этот же период из чинов полиции убито 14 человек, и ранено 23.

В уездах террористическим действиям начались подвергаться, кроме полицейских и жандармских чинов, землевладельцы и управляющие имениями, затем православные священники и пасторы, волостные старшины, их помощники; волостные писаря и волостные учителя, не согласившиеся по требованию агитаторов оказывать содействие мятежу. Подобных лиц называли «шпионами», присуждали к смерти, и такие приговоры после предварительного извещения беспощадно приводились в исполнение. За указанное время убито таких лиц 7, и ранено 21. К террористическим актам присоединялись еще нападения для отбирания оружия с целью снабжения «боевых дружин». Вторжения в церкви в уездах с целью устройства в них митингов и для других революционных действий начались с 5 июня 1905 года, когда толпа напала на витаусскую кирку.

К тому же времени относятся разгромы и поджоги казенных винных лавок, сперва в видах нанесения «ущерба казне», а впоследствии — с простою целью ограбления, которая прикрывалась только политическими мотивами. В Рижском уезде таким образом разгромлены с 15 августа по 15 октября 6 винных лавок, из коих две сожжены.

В Курляндии происходили такие же проявления смут, как и в Лифляндии, но в более значительных размерах.

С апреля 1905 года Курляндской социл-демократической группой выпускались воззвания к сельско-хозяйственным рабочим с приказом готовиться к общей стачке и к вооруженному восстанию. Приказ этот был поддержан отправленными в селения шайками агитаторов со всяким сбродом. Шайки от 10 до 15 человек поднимали, где было можно, местный неблагонадежный люд. Благомыслящая же часть населения терроризировалась распространением в ее среде нелепых слухов и угрозами убийства и поджога усадеб в случае упорства усадьбовладельца и сельских батраков в сохранении старого порядка. Излюбленной темой слухов была «черная сотня», к которой принадле-

жали будто бы власти, помещики и пасторы, составившие заговор перебить всех латышей. Для защиты от черносотенных отрядов и нужно было будто бы отбирать оружие в замках, пасторатах, у полицейских и лесничих. Чтобы укрыться в своих разъездах от преследования полиции и не дать населению возможности проверить распространяемые слухи, агитаторы портили телеграфное и телефонное сообщения.

В период времени с 1 июня по 1 августа забастовка сельских рабочих достигнута агитацией только в 3 имениях. Столь ничтожное число сравнительно с 200-тысячной массой сельских батраков в Курляндии показывает, насколько консервативный вообще сельский житель трудно поддается внешнему влиянию, когда последнее направлено к изменению привычного существования его. Большею частью демонстрации, с красными флагами, революционными песнями и речами, устраивались сторонними людьми, которые пользовались обычными гуляньями «в зелень» и, являясь перед толпой латышей, произносили зажигательные речи и разбрасывали прокламации. 15 мая в имении Донданген, Виндавского уезда, разбрасывались красные флаги, с девизами на латышском языке: «Долой самодержавие!», «Долой дворян!», «Да здравствует свобода народа!». Почты подвергались ограблению, при разгроме винных лавок грабили деньги, посуду разбивали и здания поджигали. Нападали на имения и грабили, что было возможно, требуя прежде всего оружие. Нападая на волостные правления, толпы уничтожали царские портреты, архивы и дела, а одновременно шли террористические убийства и покушения на них. С 15 апреля по август 1905 года убито и ранено до 30 лиц. В парке имения Дондангена стреляли 24 июля в драгунского офицера, прострелили фуражку и контузили. Нарушено 5 июня богослужение в лютеранской кирке имения Грюнгоф, Добленского уезда; пастор Заземан прогнан, и взошедший вместо него на кафедру неизвестный произнес речь в оскорбительных для государя императора выражениях. В разных уездах поджигали принадлежащие частным имениям леса, барские дома и другие строения.

В городах Курляндии не отставали от уездов в производстве беспорядков. В Митаве еще 19 февраля 1905 года толпой демонстрантов требовалось прекращение занятий. После воззвания митавского революционного комитета 30 апреля бастовали все фабрики и заводы. В течение мая и июня было 5 террористических убийств. Также в Либаве происходили забастовки 5 и 7 февраля, 3-го же мая бастовали рабочие разных заводов и фабрик. С 6 февраля по 18 июня было до 20 террористических нападений, жертвами коих были жандармы, полицейские и другие лица. В казачий разъезд 12 июня брошена бомба, которая, однако, не взорвалась. В латышский молитвенный дом в Новой Либаве 1 июня ворвалась шайка разного сброда, при чем тяжело ранен пастор Гольдберг. В лесу около Виндавы с 19 мая производилось обучение революционеров стрельбе.

Происходившие в Курляндии беспорядки обратили на себя внимание центрального правительства, и 5 августа 1905 года объявлено военное положение в Курляндской губернии.

После объявления Курляндской губернии на военном положении продолжались нападения на волостные правления и училища, с уничтожением царских портретов и государственных гербов, а также не прекращались террористические акты. 14 августа в Фридрихштадтском уезде стреляли по полуэскадрону драгун из толпы, собравшейся на празднество «в зелени». 13 октября у Варденской корчмы, Гольдингенского уезда, произошло столкновение между толпой крестьян и разъездом драгун. Безземельные батраки с угрозами требовали раздела имений, и вообще военное положение не привело тогда Курляндию к тому умиротворению, которое имелось в виду этой экстренной мерой.

Положение Риги и Лифляндии после манифеста 17 октября 1905 года.

В Риге митинги в театрах, в общественных собраниях и на окраинах города достигали иногда,—как, например, происходивший почти без перерывов в Гризенбергском парке, на окраине Риги,—до 40 т. и даже до 50 т. человек. На митинги сгонялись снятые с работ городские и портовые рабочие, а также приказчики и прислуга; ходили на них чиновники и военные; образовывались группы, в которых на разных языках произносились противоправительственные речи отдельными лицами, большею частью евреями. Развевались красные и черные флаги, раздавались выстрелы и крики: «Долой царя!». Под сенью флагов формировали народные «боевые дружины», собирали деньги на вооружение и на содержание их, распределяли административные должности в крае и сговаривались, кого убить из представителей старого режима и «шпионов». При этом, конечно, сводились часто личные счеты.

Впрочем, как всюду и всегда, толпа, желавшая избавиться от одной старой власти, создала себе другую—новую—власть. Различие только в том, что последняя не признавала ни законов, ни общественных условий, ничьих прав, а лишь собственный произвол и насилие. Такая власть в Риге образовалась в виде «федеративного комитета» из делегатов местных революционных организаций, которые, в виду оказавшейся нежданно возможности открыто действовать против правительства, решили подчинить распоряжения своих партийных комитетов объединенному федеративному органу. «Рижский федеративный комитет», помещавшийся в доме латышского общественного собрания, а иногда в обществе «Ионафан» и других местах, не только руководил забастовками на фабриках и заводах, на почте, телеграфе и железных дорогах, но заправлял всею остановившеюся административною машиною. Он запрещал торговлю, езду на извозчиках, конфисковал деньги

и издавал обязательные постановления, манкировать которыми никто не смел, ибо это стоит слишком дорого, — каждый страшился за жизнь свою и близких и за безопасность имущества. У федеративного комитета были свои шпионы, следившие за исполнением его постановлений, а также за тем, не отзывается ли кто-либо оскорбительно об этом «новом правительстве» [1]). Из подонков общества и выпущенных на свободу арестантов появились темные личности, предлагавшие на улицах, не желает ли кто отделаться от своего врага; убийство оценивалось не больше 3 рублей, а иногда и дешевле. По окраинам города шла беспрестанная стрельба, так что шальная пуля, как и бывало, могла поразить каждого обывателя. Поэтому последний, выходя из дома, не знал, вернется ли он к своей семье, как равно не знал, застанет ли в живых и своих семейных, ибо агенты федеративного комитета врывались в квартиры, требуя контрибуции или отпуска прислуги на митинг, или просто для грабежа, под предлогом обыска и захвата «черносотенцев» и шпионов.

Ведая административною частью, например, окарауливанием улиц своими патрулями, и, между прочим, устанавливая для домовладельцев таксы на квартиры для рабочих и интеллигентов, «федеративный комитет» творил и суд, взамен закрытого по требованию малочисленной толпы коронного суда, при чем назначал даже защитников для своих подсудимых. Большею частью комитет постановлял смертный приговор, который безотлагательно в ту же ночь или на следующее утро приводился в исполнение на отдаленных улицах или за городом. Иногда же смерти подвергались даже без этого «суда». Например, назначенный начальником эшелона на Восток подполковник Левис-оф-Менар пристрелен только за то, что бросился защищать женщину, которую тащили с извозчика агенты «федеративного комитета» во исполнение обязательного постановления последнего об общей забастовке. Также застрелен корнет Холодовский известным разбойником Делинш, по кличке «Чем», который, будучи отличным стрелком, занимался стрельбой в людей в виде спорта.

Не только население, беспрекословно подчинявшееся «федеративному комитету», но даже агенты законного правительства находились как бы под гипнозом этого комитета. С ними осмеливались вступать в сношения коноводы бунта; например, известный глава железнодорожного забастовочного союза еврей «Максим» (Соколовский), который раньше был выслан в Архангельскую губернию, но возвращен после манифеста, нагло являлся к лифляндскому губернатору для «переговоров». Каждый день приходили к властям депутации от разных митингов и собраний, называвшие себя «представи-

---

[1]) За подобный отзыв в рижском ресторане «Tivioli» 3 лица (Мирам, Энгельгардт и Крегер) были арестованы, подвергнуты суду и расстреляны на «песках». Мирам не был убит, а только сильно ранен, подобран своими родными и впоследствии вылечился. *(Прим. подлин.).*

телями граждан», предъявляли требования или об отмене военных патрулей, или о снятии полицейских постов, или о повышении заработной платы и т. п. Большею частью заявления даже не относились к компетенции властей и представлялись непоследовательными со стороны тех самых, кто провозглашал низложение этих властей.

Между тем положение становилось довольно серьезным, когда военная организация проникла в Усть-Двинскую крепость, на которую революционеры обращали особенное внимание и где специальные роды оружия были сильно распропагандированы. В местечке Больдераа, рядом с крепостью, находился ответственный организатор-пропагандист, сын статского советника Атабеков. Там же устраивались митинги, на которые собирались крепостные нижние воинские чины. В конце концов, только расположение в Больдераа пехотного батальона и бдительный надзор за артиллеристами, минерами и саперами со стороны офицеров и крепостной жандармской команды, а также арест солдат-центровиков военной организации предупредили открытый бунт и взятие крепости в руки революционеров. После этого ареста Атабеков и более 20 нижних чинов, примкнувших к усть-двинской военной организации, бежали.

В Риге все ожидали разгромов, и некоторые жители скрывались по знакомству в квартирах иностранных консулов. В рижскую пристань был прислан шведским правительством минный крейсер, который увез из Риги своих подданных, опасавшихся остаться в этом городе, а бунтари, не ограничиваясь пристреливанием полицейских, стали стрелять по казачьим и драгунским разъездам [1]). Благоразумная часть населения Риги, однако, шла навстречу порядку и лишь на первое время поддалась террору. Вскоре же благомыслящею его частью организована самооборона (Selbstschütze) и основано «общество соседской помощи» (Nachbarhilfe). Эти общества, насчитывавшие не более 1.500 членов, внушили, однако, революционным организациям большую боязнь, так как они давали отпор последним.

В уездах Лифляндской губернии террор усиливался. С освобождением после манифеста из мест заключения арестованных с помощью войск в августе и сентябре 1905 года за противоправительственную агитацию, за участие в шествиях с красными флагами, снятие рабочих в экономиях и пр., на преданную порядку часть населения, из которой вызывались свидетели для уличения виновных, напал ужас; бывшим свидетелям посылались угрожающие письма и затем безжалостно убивали, оставляя записку: «Шпиону собачья смерть». Террористическим действиям вскоре после манифеста подверглось 12 лиц, из коих 4 помощника уездных начальников, 2 помощника

---

[1]) Например, в конце октября, днем, из Верманского парка, почти в центре Риги, обстреливали драгунский разъезд в 6 нижних чинов, из коих было ранено 2 и убито 2 лошади. *(Прим. подлин.).*

и 3 управляющих имениями, из остальных учитель и полицейские урядники.

Прибывшие летом 1905 года в Лифляндскую губернию для содействия гражданской власти воинские чины распределялись администрацией, согласно ходатайствам помещиков, в их имениях малочисленными командами, плохо снабженными патронами. Пользуясь этим, коноводы мятежа старались вызвать столкновения между военными отрядами и волнующимися сельскими обывателями. Так было, например, 5 ноября 1905 года в замке Ригмундсгоф, Рижского уезда, где находилась команда из 12 человек 9-го драгунского Елисаветградского полка, под начальством унтер-офицера. Собравшаяся у замка толпа требовала освобождения двух арестованных полицией подстрекателей, и после сделанных из толпы выстрелов, одним из коих был ранен драгун, полиция уступила домогательству толпы, освободив арестованных. При этом полиция настояла, чтобы военные команды не употребляли в дело оружия, на том основании, что вооруженная толпа в 200 человек могла перебить как драгун, так и обитателей замка и разгромить последний. Подобные уступки, поселяя в повстанцах уверенность, что в «народ» не смеют и не будут стрелять, побуждали их к более наглым посягательствам, производя вместе с тем удручающее впечатление на воинские части и распространяя террор в населении.

Большой вред раздробления воинских частей на малочисленные команды обнаружился вскоре при нападении вооруженных повстанцев на команду в 8 драгун, находившуюся в Кейпене, Рижского уезда. Из этой команды убит начальник ее корнет Козлянинов, один драгун, двое ранены, и остальные обезоружены.

С усилением мятежа стали при нападении повстанцев подвергаться урону и более крупные воинские части, как, например, было при следовании из Ремерсгофа в Ригу эскадрона 9-го драгунского Елисаветградского полка, под начальством ротмистра Штерна. В Ленневардене 27 октября повстанцами была устроена засада этому эскадрону при проходе его между р. Западной Двиной и железнодорожным полотном, где находился, под командой помощника начальника железнодорожной станции Пегаса, боевой поезд мятежников. При обстреле последними убито два драгуна и 38 ранено. Под ротмитстром Штерн убита лошадь, и он взят в плен. Хотя эскадрон прорвался и прибыл в Ригу, но бывшие под охраной эскадрона помещики, уездные полицейские должностные лица и обоз остались в руках повстанцев, которыми многие из пленников убиты и расстреляны.

С 14 ноября в Риге, в помещении частного училища Кельми, созывался из народных учителей, примкнувших к «освободительному движению», съезд, на который был послан член от петербургского учительского союза. Произнесенная этим эмиссаром речь характерно определяет распространенные тогда между сельскими педагогами взгляды на назначение народных учителей: «учителя должны участво-

вать во всеобщей революционной борьбе и принадлежать к социал-демократической рабочей партии, которая есть настоящая народная партия. Без опоры на последнюю не может быть и речи о реформе народных училищ» [1]). Делегат на том же съезде от Рижского федеративного комитета Дерман говорил: «Наука должна революционировать детей, чтобы они вступили в жизнь просвещенными». Одно из постановлений учительского съезда говорило об отправке в Москву 1.000 рублей «для поддержки боровшегося там пролетариата». Съездом выбран был исполнительный его орган — «центральное учительское бюро» из 15 лиц, между коими было 6 учителей и одна учительница рижских городских частных училищ, гимназий и торговой школы, прочие семь членов принадлежали к литераторам, и один (Розен) состоял пастором военного ведомства. «Центральное учительское бюро» превратилось в революционный орган, от имени и за печатью которого делались угрозы с вымогательством денег и совершались террористические убийства в течение всего 1906 года.

В первых числах того же ноября открыт был в Рижском замке, с разрешения губернатора, съезд волостных старшин и писарей Лифляндской губернии для изыскания мер к умиротворению населения. Этим воспользовались революционеры и 21 ноября открыли второй съезд под председательством кокенгузенского волостного писаря Кродера. В конце своих заседаний этот второй съезд обратился в незаконное сборище, на котором приняли участие и делегаты от Курляндской губернии. Съезд стал как бы временным правительством, решив прекратить какие бы то ни было сношения с законными властями и должностными лицами, и издал постановление о вооруженной защите населения.

После съездов пошел открытый мятеж в губернии. Почти всюду начались сборища, на которых заезжие агитаторы призывали крестьян к вооруженному восстанию, к изгнанию помещиков, образованию народного управления и пр. Тогда, несмотря на протесты стариков и усадьбовладельцев, стал хозяйничать в селениях крестьянский пролетариат, в одних волостях под главенством волостного учителя, в других — псаломщика, а в иных — волостного старшины или писаря. Тут сказались специальные свойства характера латышей: отсутствие религиозных чувств и уважения к старшим, даже к родителям. Все, начиная с бога, подвергалось отрицанию; всем, несогласным с общим течением, угрожалось, и, в случае упорства в протесте, на угрозах не останавливались, — жизнь человеческая ставилась ни во что.

На революционных митингах в волостях, собиравшихся в доме волостного правления или школы, смещались законные волостные правления и взамен их избирались самовольные «исполнительные»

---

[1]) Отчет о заседаниях в рижском революционном вестнике «Deenas Cap» за № 252. (*Прим. поблин.*).

или «распорядительные» комитеты — «Rihzibas Komiteja». Подобных комитетов, называющихся в некоторых волостях «республиками», было в латышских уездах Лифляндской губернии около 100. На обязанности их возлагалось принятие касс и книг от прежних волостных правлений, взимание волостных податей и сборов (в том числе на покупку оружия), отобрание оружия в имениях, у полицейских и лесных чинов, организация милиции, закрытие корчм и казенных винных лавок, управление имениями и лесами и пр. Насколько крепко было убеждение агитаторов в невозможности возврата к старому режиму, показывает то, что некоторые «Rihzibas Komiteja» заказали бланки талонных книг для взимания волостных сборов на целое десятилетие. Одни из волостных выбранных искренно верили в новую их миссию; например, в прекульнском волостном правлении, Венденского уезда, на сходке 22 ноября 1905 года состоялось постановление о приобретении за счет волостной кассы на 2.000 рублей огнестрельного оружия и патронов для защиты от нападения «черной сотни». Наоборот, другие воздержались от принятия на себя новых обязанностей и, только подчиняясь террору, не противились избранию.

Из решений незаконных народных митингов выдаются постановления:

Зегевольдского (Рижского уезда) 9 ноября 1905 года: «Не ходить в церковь и не платить податей в пользу пастора впредь до отмены патронатного права»... «предложить местному пастору оставить должность».

Ленневарденского (того же уезда): «Прекратить всякое сообщение с бюрократическими учреждениями, пока не будет объявлено созвание государственного Учредительного Собрания». «Всякий, кто не исполнит постановлений волостного народного собрания, будет признан изменником народным правам».

Такими изменниками «народные собрания» признавали прежде всего помещиков, и на их имения обратились мятежники, громя замки. Вечером 16 ноября толпа в несколько сот человек, собравшись в Сесвегене, Венденского уезда, бросилась на замок барона Вольфа, с требованием выдачи оружия. В замке находились тогда управляющий Адальберт Адеркас, его старший брат помощник начальника уезда Евгений Адеркас, затем — доктор, лесничий, бухгалтер имения и подпоручик с солдатами, охранявшими замок. Старший Адеркас, вступивший в переговоры с латышами, пообещал им 5 ружей. Шайка как будто удовлетворилась этим, но вскоре раздались возгласы недоверия, и толпа яростно потребовала выдачи «всего оружейного склада», ибо в то время распространялись вздорные слухи, что в каждом замке заготовлены склады оружия для избиения латышей. Не взирая на заверения, что никакого оружейного склада нет, толпа приступила к обыску. Братья Адеркас кинулись было в свои комнаты, но были настигнуты, сшиблены с ног и зверски убиты. Бунтовщики изломали всю мебель, уничтожили царские портреты и, забрав деньги

и оружие, скрылись. Нападение это имело значение как бы сигнала для других подобных разгромов, и, видя по участи Адеркасов явную и грозную опасность себе, многие помещики спешили оставить свои имения, уезжая в Ригу и за границу, и отправляли туда свои семьи, а затем стали покидать местопребывания и должностные лица уездной администрации и полиции, направляясь также в Ригу. Когда обо всем этом дошли сведения до высшего правительства, последовал высочайший указ 22 ноября 1905 года, объявивший Лифляндскую губернию на военном положении.

Смута в Эстляндии.

Охватившее почти всю Россию революционное возбуждение в Эстляндской губернии проявилось несколько позднее, нежели в остальных Прибалтийских губерниях, при чем в некоторых местностях противоправительственное направление укрепилось на довольно продолжительное время.

В ревельском городском общественном управлении, вследствие непредусмотрительности и попустительства губернской администрации, дано было в 1904 году преобладание группе из неблагонадежных в политическом отношении членов эстонской национальной партии. Главари последней вытеснили из городского общественного управления господствовавших ранее немцев, забрав все в свои руки. В действиях они руководились отнюдь не соображениями пользы населения города, а исключительно личными видами и революционными целями. Из таких деятелей выдавались особенно ревельский городской голова — русский, действительный статский советник Гиацинтов, Лендер, заступающий на место ревельского городского головы Пятс, секретарь городской управы Пунг (адвокат), гласные думы Темант, Штрандман и Поска. Из них Константин Пятс, бывший редактор революционной газеты «Theolaja», разработал программу эстонской конституционно-демократической партии в ревельской городской думе, при содействии старшего фабричного инспектора Эстляндской губернии Николая Шевелева, а также некоторых других лиц. Прикрываясь этой партией, а равно служебным положением, Пятс, вместе с Темант, Пунг и Штрандманом, проявили деятельность совершенно революционного характера, выражавшуюся в совместных действиях с членами ревельского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и в участии в тайном комитете, задавшемся целью путем восстания добиться автономных прав для Эстляндии, подобно Лифляндии.

Кроме Ревеля, из отдельных местностей обращали на себя внимание беспокойные местечки Леаль и Мерьяма, Гапсальского уезда, с Фикельской и Фелькской волостями; затем — местечки Ампель, Вейсенштейнского уезда, Иеве и Иоахимсталь, Везенбергского уезда. В Фикельской и Фелькской волостях летом 1905 года было совершено нападе-

ние на судебного пристава, которому поручалось произвести выселение из крестьянского участка арендатора Айцима. Беспорядки возобновились в сентябре того же года и вызвали отправку на место военной силы.

В Ревеле, где сверх 80.000 жителей находится до 15 т. фабрично-заводских рабочих, революционное настроение выражалось в требованиях освобождения арестованных. Допущенная в этом отношении губернатором поблажка имела своими последствиями постоянные забастовки и митинги. Первых было в феврале и марте 18, а вторых с марта по сентябрь — 62.

Накануне манифеста 17 октября 1905 года, в виду получения в Ревеле из С.-Петербурга известия о готовящемся издании важного акта со стороны высшего правительства, на ревельском городском рынке собрались толпы народа. Полиция была не в состоянии разогнать их, и вызванные к месту две роты местного гарнизона рассеяли волновавшихся оружием, при чем убито и ранено до 300 человек. Эта решительная мера имела большое значение для будущего, предотвратив дальнейшие массовые выступления в Ревеле.

Одновременно замечено брожение в полках 1-й бригады 23-й пехотной дивизии, где находилось много запасных нижних чинов из эстонцев Верроского уезда, Лифляндской губернии, и шло также движение среди морских команд. В прокламациях, издававшихся тогда в Ревеле, открыто призывали к восстанию матросов и солдат по примеру Севастополя. В виду сего и событий в Кронштадте и Севастополе последовали: приказ по с.-петербургскому военному округу об увольнении запасных и распоряжение морского министра о рассылке матросов из Ревеля в разные порты. Тогда настало успокоение в частях ревельского гарнизона.

К началу беспорядков в уездах наличный гарнизон Ревеля составляли части пехотных полков (около 600 штыков) и сотня казаков, выполнявшая охранную службу. Силами этими были охранены Ревель и Ревельский порт, овладение которым входило в планы революционеров.

В некоторых городах и уездах расположены были военные команды (всего 1 эскадрон). Кроме того, по ходатайству эстляндского губернского предводителя дворянства выставлены были небольшие пехотные заставы (в 15—20 человек) на путях, идущих из Ревеля в уезды, дабы заградить движение шаек из этого города, как очага эстонской революции, в уезды. Однако вскоре было получено приказание о сосредоточении войск в Ревеле, с отозванием пехотных застав из имений и драгун из уездных городов. Лишь только заставы были сняты, как из Ревеля хлынули зачинщики в уезды, сформировали там шайки и начали грабить и жечь усадьбы. В погоню за шайками было послано несколько отрядов из драгун и пехоты. Они действовали энергично, рассеивая шайки, но помешать разгрому имений не могли.

Когда некоторые имения были разгромлены и сожжены, получены были подкрепления в составе 2 морских батальонов, губерния была разбита на 8 участков, в каждый из них назначено около 100 матросов; во главе участка поставлен военный начальник, с подчинением ему гражданских властей.

В течение октября и ноября зарегистрировано забастовок—33, митингов—10, разгромов и поджогов имений и винных лавок—56.

Весьма серьезное значение в деле революционизирования крестьянского населения Эстляндии имел так называемый Юрьевский съезд, созванный 27—29 ноября 1905 года в Юрьеве. На съезде вместе с представителями от волостей участвовали и ревельские революционеры во главе с Темантом, предложившим программу действий в деревнях и городах для ниспровержения существующего государственного строя.

К концу ноября 1905 года количество революционных преступлений повысилось в Риге таким образом:

	В сентябре.	В октябре.	В ноябре.
Убийств и покушений на убийства . .	38	18	66
Вооруж. уличн. нападений	27	30	55
Ограбл. учрежд. и казенн. винн. лавок	4	10	8
Ограблений частных жилищ	—	6	14
Итого	69	64	143

Начавшиеся несколькими месяцами раньше и в незначительных размерах в Курляндии поджоги строений в помещичьих имениях достигли в ноябре 1905 года никогда небывалого явления во всех трех Прибалтийских губерниях. Это видно из следующих данных, при чем показаны по каждому уезду и суммы выданных в конце 1906 и начале 1907 г. г. ссуд из казны потерпевшим от беспорядков помещикам, на основании высочайшего повеления 15 марта 1906 года.

В Лифляндской губернии разгромлены и сожжены замки и имения:

В уездах.	Число имений.	Сумма убытков.	Количество выданных сумм.
Рижском [1]).	69	1.430.800 р.	238.000 р.
Вольмарском	20	188.100 »	36.290 »
Венденском	60	1.725.300 »	375.000 »
Валкском	34	487.200 »	73.500 »
Юрьевском	19	67.300 »	—
Верроском	10	32.400 »	—
Перновском	13	290.500 »	80.000 »
Феллинском	5	17.400 »	—
Итого 230 имений с убытком: на . .		4.239.000 р.	902.790 р.

[1]) Всего в этом уезде 130 имений, а потому подверглось разгрому и сожжению более половины. (*Прим. подлин.*).

Из этой таблицы видно, что в последних четырех уездах с эстонским населением число разгромов и сумма убытков много уступают первым 4-м уездам, в которых обитают латыши.

В Курляндской губернии частью разгромлено, частью сожжено больше всего замков и имений и на высшую сумму в Газенпотском уезде, где латышское население было настроено весьма мятежно; одинаково и в Туккумском уезде, населенном православными латышами и русскими старообрядцами.

Уезды:	Число имений.	Сумма убытков.	Выданная ссуда.
Газенпотский	51	2.239.061 р.	427.414 р.
Туккумский	24	1.359.185 »	93.132 »
Гробинский	22	389.070 »	103.039 »
Виндавский	5	323.852 »	57.249 »
Добленский	16	249.890 »	63.026 »
Тальсенский	42	181.570 »	28.756 »
Гольдингенский	46	177.771 »	58.084 »
Фридрихштадтский	12	75.146 »	4.300 »
Иллукстский	11	18.173 »	—
Всего по губернии	229	5.013.718 р.	833.000 р.

Таким образом, количество разгромленных и сожженных имений в Лифляндской и Курляндской губерниях почти тождественно: в первой 230, а во второй 229. Между тем сумма понесенных владельцами усадеб убытков в Курляндской губернии превышает такую же сумму в Лифляндской на 775 тысяч рублей. Это объясняется сильным ожесточением курляндских латышей против своих помещиков, достояние коих они стремились во что бы то ни стало уничтожить. Например, от прекрасного замка Кацданген, Газенпотского уезда, барона Мантейфель остались только руины, уничтожена ценная старинная мебель, оружие, библиотека, картины, дорогие коллекции и т. п.

В Эстляндской губернии разгрому и истреблению огнем подверглись:

Уезды.	Число имений.	Сумма убытков.	Выданная ссуда.
Ревельский	81	1.755.449 р.	256.795 р.
Гапсальский	23	913.783 »	151.300 »
Вейсенштейнский	8	135.092 »	36.010 »
Везенбергский	2	571 »	—
Итого	114	2.804.896 р.	444.105 р.

Впечатление от таких массовых разгромов и поджогов было ошеломляющее. Достояние многих дворянских поколений, накопленное веками, богатые древние здания замков, хозяйственные усовершенствования, дорогие библиотеки и картинные галлереи, всякие коллекции оружия и изящных искусств — все это грабилось и обращалось в дым. Утрат было много, не говоря о связанных с ценными коллекциями родовых традициях и семейных воспоминаниях.

Меры против мятежа.

В виду телеграммы лифляндского губернатора от 27 ноября 1905 года об опасном, при 60 тысячах восставших, положении Риги с малым ее гарнизоном, министерство внутренних дел 29 числа того же месяца вошло в сношение с военным министерством о том, «чтобы все свободные в петербургском округе воинские части были немедленно двинуты в Лифляндскую губернию, в распоряжение местного генерал-губернатора Бекмана, для подавления в этой губернии крестьянского бунта».

Вслед затем в телеграмме от 30 ноября тайный советник Звегинцев сообщил управляющему тогда министерством внутренних дел сенатору П. Н. Дурново, что «войска при столкновении с бунтовщиками несут потери среди офицеров и нижних чинов».

По докладе этой телеграммы государю императору, на ней была наложена его императорским величеством следующая высочайшая резолюция:

«Не следует дробить войска мелкими частями, а держать их вместе и действовать решительно».

В один день с лифляндским губернатором, 30 ноября, начальник рижского гарнизона генерал-лейтенант фон-Поппен доносил государю императору, что «Рига... совсем отрезана вследствие забастовки железных дорог, почты и телеграфа и восстания населения во всех прилегающих уездах... В самом центре города не прекращаются случаи единичных убийств и грабежей. Революционные элементы совсем терроризовали население, беспрекословно исполняющее все их требования... Наличность боевых сил, могущих быть применимыми в случае общего вооруженного восстания, — 1.700 штыков, 250 сабель и 12 орудий... Пулеметов нет... Войска изнуряются непосильными нарядами и постоянно тревожным состоянием... Бумажные деньги в обращение стали приниматься с трудом. Незначительные кавалерийские отряды, высланные в уезды для усмирения, понесли потери убитыми и ранеными офицерами и нижними чинами... Некоторые части уездов предоставлены на произвол судьбы. Почти все помещичьи усадьбы разгромлены; помещики с их семьями вынуждены частью спасаться бегством в города, частью же скрываются в лесах».

Для восстановления вновь правительственной власти и порядка в уездах генерал фон-Поппен признавал нужным «немедля прислать два полка пехоты, 8 эскадронов и 16 орудий»; иначе не считал возможным «предупредить дальнейшее восстание и предотвратить завладение Ригой со стороны мятежников».

Удостоив рапорт генерал фон-Поппена резолюцией: «Следует исполнить заключение рапорта», государь император соизволил повелеть немедленно обсудить вопрос о восстановлении порядка в Курляндской и Лифляндской губерниях в особом, под председательством великого князя Николая Николаевича, совещании с участием началь-

ника генерального штаба и назначенного высочайшим указом 4 декабря 1905 года на пост временного прибалтийского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Соллогуба.

Последствием такого обсуждения была отправка в Ригу поезда с войсками для усмирения беспорядков из Вильны, но мятежники устроили ему крушение близ Штоксмансгофа, и он вернулся обратно. По сему поводу губернатор лифляндский донес министру внутренних дел, что «поезд осажден огромною толпою бунтовщиков из Риги и выручить его нельзя. Восставшее население двинется на город; для спасения Риги требуются немедленно войска».

Витебский губернатор от 6 декабря сообщал министру внутренних дел:... «в прилегающих к Витебской губернии местностях Лифляндии и Курляндии полная анархия... полиция бессильна остановить отлично вооруженных дальнобойным оружием многочисленные банды мятежников, перед которыми отступают регулярные войска. Земские начальники Двинского уезда, следователи не могут выехать в участки, где их никто не признает» [1]).

Захватывая в плен коренных жителей, мятежники взяли в уездах некоторых иностранных подданных, о чем поступили заявления со стороны консулов с усиленными просьбами об оказании защиты.

Эзельский предводитель дворянства телеграфировал 13 декабря 1905 года управляющему министерством внутренних дел П. Н. Дурново об «ужасных» размерах смуты на острове Эзеле и о настоятельности принятия самых экстренных мер.

Штурм Митавы и Туккума.

Успеху действий генерал-лейтенанта Бекмана много препятствовали прерванье сношений с Петербургом и затруднительность передачи распоряжений в Курляндии вследствие забастовки с 15 ноября 1905 года почты и телеграфа, а также порчи телефонных сообщений и остановки 24 числа того же месяца движения по железным дорогам от Митавы.

Считая местную власть ослабевшею, вожаки мятежа издали прокламацию с приказом двигаться вооруженными отрядами милиционеров на «штурм» Митавы, как говорили тогда в народе. В предупрежденье наплыва мятежников в Митаву были расположены заставы на всех путях к городу; все власти сосредоточились в Герцогском замке, под охраной отряда из трех родов оружия.

Вновь прибывший курляндский губернатор тайный советник Князев решил отрезвить городскую уличную толпу, которая держала себя вызывающе, бросала камни и стреляла в войска. В этих видах 28 ноября казаки и рота 114 пехотного Новоторжского полка открыли

---

[1]) Письмо министру внутренних дел генералу Соллогубу от 8 декабря 1905 года за № 15655. (*Прим. подлин.*).

огонь по толпе, а казаки пошли в атаку. В толпе было убито от 10 до 15 человек и ранено около 30; войска же потери не понесли. На другой день мятежники произвели неудачное нападение в Гофцумбергском лесу на эскадрон 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка, потеряв убитыми, ранеными и пленными более 20 человек.

Убедившись, что власть в Митаве начала «действовать», мятежники оставили намерение занять этот город и бросились на Туккум. Оттуда 1 декабря получено было в Митаве донесение командира 15-й роты 180 пехотного Виндавского полка, доставленное приехавшим верхом переодетым солдатом, о том, что «Туккум в руках революционеров; драгуны [1]) окружены, рота не могла с ними соединиться, офицер и 6 нижних чинов ранены; рота отступила в замок Дурбен».

Немедленно отправлены в Туккум 3-й батальон 180 пехотного Виндавского полка, 2 орудия 76 артиллерийской бригады и один эскадрон Павлоградского полка, под начальством командира 2-й бригады 45 пехотной дивизии генерал-майора Хоруженкова.

В Туккуме оказалось, что районный начальник подполковник Миллер вошел в соглашение с городским головой о невысылке военных патрулей и о предоставлении охраны города обществу городской самозащиты. Воспользовавшись этим, мятежники окружили проволочными заграждениями казарму и конюшню полуэскадрона и подожгли их. Солдатам пришлось спасаться от огня, и тогда по ним был из всех домов открыт огонь. Несмотря на беззаветную храбрость солдат, которые, даже раненные, стреляли в мятежников, войска понесли потери; убиты подполковник Миллер, 6 драгун и 30 лошадей; ранены 3 офицера, 5 нижних чинов пехоты, 18 драгун и 6 лошадей. Раненных драгун революционеры прирезывали; все трупы были изуродованы; на них были сделаны ругательные надписи; у подполковника Миллера отрезан нос и выколоты глаза.

Отрядом генерал-майора Хоруженкова вечером 1 декабря дано было несколько залпов в окна зданий города, из коих стреляли по отряду, затем выпущены гранаты, и мятежники бежали. С рассветом 2 декабря генералом Хоруженковым был послан в город латыш, захваченный ранее с семьей в качестве заложника. Ему дано письменное требование жителям — выдать к 10 часам утра 2 декабря оружие и виновных в убийстве драгун, с предупреждением, что в противном случае город будет разгромлен артиллерией и сожжен. Вернувшийся латыш передал, что революционеры, прочитав записку генерала, расхохотались. Когда артиллерия выехала на позицию против латышского собрания и небольшой смешанный отряд пехоты и драгун повел наступление, то из города прибыл верхом на коне латыш с белым флагом и подал генералу записку об уводе войск, с обещанием полного порядка в городе, выдачи оружия и зачинщиков. Явив-

[1]) Кроме пехоты, в Туккуме стоял полуэскадрон 4 драгунского Псковского полка. (*Прим. подлин.*).

шиеся тут же делегаты просили не стрелять и не жечь города [1]), объяснив, что многие злоумышленники разбежались ночью, что в городе остались только мирные жители, которые просят пощады. В виду такого ходатайства и недостатка снарядов генерал Хоруженков, прекратив действия против города, вступил в него с отрядом. Жители, встретив отряд на коленях, с хлебом-солью, со священником и образами, клялись, что сдадут оружие как революционеров, так и отобранное от драгун. Генерал хлеба-соли не принял, а после молебствия на площади взял трупы убитых полковника Миллера и драгун и возвратился на станцию «Туккум 2-й». Через час было привезено и сдано незначительное количество оружия. В тот же день, вечером, под прикрытием роты 114 пехотного Новоторжского полка, был отправлен в Митаву санитарный с убитыми и ранеными поезд, который прошел 52 версты в 13 часов по причине злоумышленной порчи моста и в трех местах пути. Торжественные похороны воинских чинов состоялись в Митаве 4 декабря.

После того, предприняв карательныя действия против других местностей, генерал Хоруженков послал в Тальсен захваченного учителя с требованием к представителям этого города явиться к нему. Представители, прибыв 4 декабря, заявили, что жители изъявляют полную покорность и выдадут оружие и зачинщиков. Тем не менее при входе в Тальсен дозоров они встречены были выстрелами. Тогда корнет Луговой приказал поджечь дома, из которых открывали огонь.

В Виндаве ходили по улицам толпы с красными знаменами. В экстренном заседании Государственной Думы 28 ноября возбуждено домогательство о снятии военного положения и выводе из города войск. — Происходили постоянные митинги, на которые приглашались местные главари революционного движения. Виндавские революционеры [были] до того смелы, что потребовали от начальника района подполковника 114 пехотного Новоторжского полка Станкевича вывода войск, что и было исполнено.

В Гольдингене хозяйничали с декабря революционеры, был убит городской голова, и стреляли в полицейского пристава. Для вывоза денег и документов из гольдингенского казначейства был командирован из Газенпота отряд из двух эскадронов 50 драгунского Иркутского полка под начальством ротмистра Альбовского. Между тем, с целью овладеть казенными деньгами собралась и засела в лесу близ Газенпота шайка в 500 вооруженных батраков, которые разграбили станцию «Мариенгоф» и стали портить железнодорожный путь от Газенпота в Либаву. Ротмистр Альбовский, двинувшись с эскадроном и двумя ротами, выбил шайку из лесу и рассеял ее: латышей убито 40, в отряде же убит один драгун и 6 ранено дробью. В Гольдинген впоследствии был направлен отряд под начальством полковника, ныне

[1]) Некоторые здания были подожжены отрядом. (*Прим. подлин.*).

генерал-майора, Солонины, который, не получив никаких указаний для своих действий, принимал многое на свою ответственность, чем и достиг значительных результатов в деле водворения порядка. В числе других мер он сменил гольдингенского уездного начальника статского советника барона Ропп, обнаружившего полное бездействие и допустившего по своей трусости арест революционерами своего помощника Дятловского, расстрелянного злоумышленниками в Либаве за то, что последний энергично против них действовал и один лишь в уезде не поддался панике, обуявшей представителей власти в уездах.

Военные экспедиции.

Забастовка железных дорог прекратилась после 19 декабря 1905 года; затем начали действовать телеграф и почта. Все это дало возможность послать экспедиции в те уезды и волости губерний, где до тех пор главенствовали мятежники. Проходившие разными путями эскадроны производили аресты, убивая сопротивлявшихся и пытавшихся бежать, а равно тех, у коих по обыску оказывались прокламации, оружие и т. п. Вместе с тем делались облавы в лесах и обыски в усадьбах; некоторые из последних в случае указаний со стороны помещиков или управляющих имениями на подозрительное поведение крестьян сжигались войсками, а сами крестьяне расстреливались. Всюду отбиралось оружие и восстанавливались законные власти в волостях. С приходом войск появились полицейские и другие уездные власти, которые скрывались во время волнений. Тогда же оказалось много желающих из числа местных землевладельцев-немцев поступить на полицейскую службу в качестве почетного младшего помощника уездного начальника. Подобные добровольцы в числе других обязанностей находились при карательных отрядах для путеводительства последних, для переводов с латышского при допросах и для указаний виновных в погромах и других преступлениях. Стычек с шайками мятежников не происходило; объясняется это тем, что сведения, доставляемые полицией, не всегда были верны, а иногда прямо противоположны действительности; видимо, полиция наводилась на ложный след. Кроме того, всюду было много шпионов, а потому движения войск не могли быть скрытыми. Мятежники организовали сигнализацию фонарями. По временам появлялись в населении вооруженные злоумышленники, которые грозили убийством и поджогами. Предводители и главные агитаторы могли быть выданы, если бы жители, указавшие главарей, не рисковали быть убитыми из мести. Во всяком случае, поимка агитаторов вследствие разбросанности поселков — мыз — требовала продолжительного времени.

С началом забастовки Балтийской железной дороги эстляндским губернатором, на основании высочайшего указа 29 ноября 1905 года, объявлены на военном положении г. Ревель и его уезд, а 10 декабря и вся Эстляндская губерния.

Вступление в должность главного начальника края генерал-лейтенанта Соллогуба с полномочиями центрального правительства произвело ободряющее впечатление как на местные власти, так и на жителей. Преданная порядку часть населения, питая надежду, что он восстановит, наконец, желаемый порядок, сама начала стремиться к поддержанию последнего. Тем не менее террор не мог сразу прекратиться. В самой Риге 20 декабря, в 6 часов утра, подвергся неожиданному нападению расположенный на заводе «Проводник» взвод Елисаветградских драгун, из коих было убито 11 и 7 ранено. Завод был оцеплен войсками, и по истечении данного для выдачи зачинщиков срока открыт огонь артиллериею. Затем вторично предложено выдать зачинщиков; далее приказано выпустить женщин и детей, а 1.500 мужчин арестовать; многие из них оказались вооруженными. Рабочие назвали имена 20 виновников нападения, и тогда, после краткого опроса, они были освобождены, за исключением зачинщиков.

Нападения на солдат в Риге были заурядными, особенно на одиночных; на них набрасывалось несколько злоумышленников с целью убийства и ограбления казенного оружия, что почти всегда удавалось. С должностными лицами полиции революционеры поступали беспощадно. Так, в заречном участке Риги толпа в 50 человек напала неожиданно на проходивших помощника пристава Поржицкого, околоточного надзирателя Борисовича и 8 городовых. Последние были обезоружены и отведены к полотну железной дороги; Поржицкий, Борисович и городовой Бунше расстреляны, остальные городовые спаслись бегством.

Прекращение беспорядков.

Массовые беспорядки были подавлены; нападения на помещичьи имения, разгромы и поджоги, а также нападения на железнодорожные станции прекратились.

В районе к югу от железной дороги Рига — Псков совместными усилиями отрядов генералов Орлова и Майнарда порядок был восстановлен, и местное население стало вносить подати, от чего раньше отказывалось. То же достигнуто и в полосе, прилегающей к Риго-Орловской железной дороге, где действовал отряд генерала Вендт. Началась обычная жизнь населения, подвоз продуктов из селений на городские базы; к воинским начальникам стали являться добровольно новобранцы, до той поры не прибывшие. Отдельные волости присылали через уполномоченных и письменное заявление о своих заблуждениях, о восстановлении ими законных властей, о собственных мероприятиях для поддержания порядка, выражая благодарность войскам за освобождение их от гнета и насилия злоумышленников, явившихся извне и чуждых волостному населению. Делегаты многих волостей изъявили полную покорность, обязуясь исполнить тре-

бование, объявленное генерал-губернатором 12 декабря 1905 года, о выдаче оружия и об указании лиц, присвоивших себе обязанности по местному управлению. Нередко по требованиям отрядов население само выдавало зачинщиков и добровольно сдавало оружие и даже оказывало помощь войскам, устраивая облавы в лесах для поимки агитаторов. Последним дворохозяева отказывали иногда в приеме, не боясь угроз.

К концу января 1906 года расстреляние войсками захваченных бунтарей было прекращено. По этому поводу главный военный прокурор уведомил генерала Соллогуба, что, по «всеподданнейшему докладу статс-секретаря графа Витте, 23 января 1906 года высочайчайше повелено указать командующим войсками, что участники мятежа, не подвергшиеся истреблению со стороны войск на самом месте оказанного ими вооруженного сопротивления или совершенных ими злодейств, переданные войсками в распоряжение подлежащих властей, не могут быть изъяты из ведения последних и должны быть судимы по закону».

В дополнение к сему из главного военно-судного управления [поступила] копия всеподданнейшего доклада статс-секретаря графа Витте о том, что совет министров, обсуждая 20 января 1906 года условия, создаваемые объявлением исключительного положения, остановился, между прочим, на том, что «применение воинской силы во всех случаях встреченного сопротивления для прямого подавления мятежа должно быть проводимо без колебаний и теми же способами, как это совершается на войне... но военное начальство... должно поддерживать уверенность, что репрессии вызываются только прямыми соображениями необходимости и общими суровыми условиями всего положения в крае. Исходя из этого... совет высказался за неприменимость таких же мер по отношению к лицам, которые, будучи захвачены войсками, вследствие вооруженного сопротивления или совершения иных, в связи с мятежами, преступлений, переданы были в ведение подлежащих властей, и расстреливание приказанием военного начальства — явление, совершенно недопустимое, ...они должны быть судимы по закону».

Относительно этого последовала 23 января собственноручная его величества высочайшая отметка: «Конечно. Я не допускаю и мысли, чтобы могло быть иначе».

С течением времени деятельность отрядов начала терять военный характер, переходя на чисто экзекуционно-полицейские функции: войсками производились аресты и налагались на население штрафы, например, за порчу телефонных линий, за невыдачу убийц, совершивших преступления в данной местности, и т. п., а также сжигались усадьбы скрывшихся убийц и грабителей. Последняя мера, которою имелось в виду главным образом устрашить население, достигнута была в достаточной степени. Она имела весьма существенные недостатки, так как ею затрагивались интересы помещиков и кредитных учреждений, ибо в большинстве случае усадебные строения принадле-

жали помещикам если не полностью, то в размере неуплоченного еще из них выкупного за землю долга; под некоторые же были взяты ссуды в банках. По сим основаниям генералом Соллогубом было предложено начальникам войсковых отрядов заменять, кроме случаев крайней необходимости, сожжение усадеб секвестром недвижимости преследуемых лиц, согласно п. 18 ст. 19 военного положения.

Расстрелы войсками и употребление ими в некоторых случаях телесных наказаний сильно устрашили не только действительных преступников, но даже и таких лиц, вина которых состояла в участии на митингах и в согласии принять должности по самовольно образованным в волостях распорядительным комитетам. Все подобные лица спасались бегством; часть скрылась за границу, часть удалилась в леса, особенно в Фридрихштадтском и Иллукстском уездах, образовав шайки так называемых «лесных братьев». Последние стали грозой населения уездов и создали в течение 1906 года много в деле умиротворения края затруднений как для администрации, так и для военных отрядов. Засим, масса вожаков беспорядков укрылась в предместья Риги, где за ними нелегко было уследить местной полиции, которая в то время была малочисленна и терроризована. После Риги другим наиболее удобным убежищем революционеров являлся г. Юрьев, с его университетом, который все время был деятельным распространителем движения. В стенах университета происходили митинги, где вырабатывались противоправительственные резолюции. В университете же приютилось и отделение партии еврейского «Бунда».

Движение в войсках на Дальнем Востоке.

Вопрос о волнениях в армии в 1905 г. до сих пор чрезвычайно мало освещен и исследован в нашей исторической литературе. О событиях в Манчжурии и на Дальнем Востоке нам известно несравненно меньше, чем, например, о восстании «Потемкина» или в Севастопольском флоте. Это объясняется главным образом отдаленностью событий, разворачивавшихся вне поля зрения не только рядового обывателя, но также и руководителей тогдашней политической борьбы. Шесть-семь тысяч верст, отделявших русскую армию от основных центров страны, мешали правильной оценке событий на Дальнем Востоке. Между тем этот мало исследованный вопрос представляет большой интерес. Ведь в России военное движение являлось специфической формой движения крестьянства, которое составляло подавляющую часть армии. В вопрос об армии, о ее поведении упиралась в известной степени и вся революция в целом, от армии в значительной степени зависел ее исход. Движение в Манчжурии и на русском Дальнем Востоке приобретало очень важное значение, ибо именно в этих областях сосредоточивались главные массы армии, только что проделавшей японскую кампанию.

Материалы, которые мы ниже публикуем, взяты главным образом из архива генерала Куропаткина. Отсюда — их неполнота и недостаточность. Нужно помнить, что в тот период, к которому относятся печатаемые здесь документы, Куропаткин был уже не главнокомандующим, а лишь командующим I армией. Но в качестве любителя он собрал некоторые материалы, и не имеющие непосредственного отношения к I армии; мы отчасти помещаем их здесь, так как большинство из них никогда еще не было опубликовано; часть же печаталась в харбинских и читинских газетах, являющихся сейчас библиографической редкостью.

Целый ряд условий, имевших место в Манчжурской армии, сильно содействовал крупному размаху событий. Прежде всего это была армия, потерпевшая поражение в недавней войне. Как всегда в таких случаях, это приводило к недовольству командным составом армии, обвинявшимся солдатской массой во всех неудачах. Такое положение не могло не расшатывать воинской дисциплины. Скученность войск еще больше содействовала быстрому распространению разложения, охватывавшего части. Здесь следует принять во внимание и очень важный психоло-

гический момент: после заключения мира оставаться в далекой Манчжурии не имело смысла, и вся армия сразу была охвачена неудержимым порывом вернуться домой. Подобное настроение особенно резко выявлялось у запасных, число которых было сравнительно очень велико. Неспособность военных властей наладить планомерную реэвакуацию еще больше роняла их авторитет в глазах солдатской массы. Наконец, нельзя упускать из виду, что в дни свободы в городах Дальнего Востока и Восточной Сибири революционные организации, главным образом с.-д., играли весьма видную роль в деле политического оформления недовольства, имевшегося в рядах войск.

Нарастание массового движения в войсках замечается уже в конце 1905 г. Заключение мира, сделавшее столь острым сознание ненужности дальнейшего пребывания в постылой Манчжурии, особенно обострило положение. Командование пытается создать определенный план эвакуации, согласно которому эвакуировались целые части без деления их на запасных и действительных. Однако этот план потерпел неудачу: после владивостокского погрома пришлось изменить его таким образом, что в первую очередь подлежали отправке все запасные, а затем только начиналась эвакуация действительных. Развал, падение дисциплины и тяга домой так спутали все планы, что начальство часто шло по линии наименьшего сопротивления и отправляло в первую очередь наиболее буйные и настойчивые части.

Забитая и озлобленная солдатская масса, почувствовав ослабление наверху, проявила свое недовольство в ряде неорганизованных выступлений, часто принимавших форму погрома. Наиболее ярко это проявлялось во Владивостоке, где движение носило первоначально исключительно стихийный погромный характер.

«Дни свободы» с их митингами и более или менее свободной прессой сделали, однако, свое дело. Гарнизоны городов Сибири и Дальнего Востока вовлекаются в политическую жизнь, принимают участие в рабочих собраниях и митингах, а потом созывают и специально воинские митинги. 28 ноября состоялся митинг всех войск иркутского гарнизона. Присутствовало до трех тысяч солдат и казаков. Председательствовал унтер-офицер. В телеграмме об этом митинге, помещенной в «Бюллетене Стачечного Комитета» № 3, читаем: «Солдатами и офицерами было произнесено много великолепных речей. Решено предъявить требования об улучшении экономического положения солдат, — в противном случае устроить мирную забастовку. Весь гарнизон выразил желание присоединиться к требованиям всего русского народа об отмене смертной казни, военного положения, немедленном созыве Учредительного Собрания — путем четырехкратного (?) голосования».

Политическое оформление солдатского недовольства приходит в казарму извне, из рабочей социал-демократической среды. Очень интересными в этом отношении являются требования читинского гарнизона. В этих требованиях влияние соц.-демократической партии обнаруживается достаточно ярко. Так, на ряду с требованием увеличения

числа воинских поездов для отправки в Россию стоит требование восьмичасового рабочего дня — «ограничить время строевых и служебных занятий в войсках, учреждениях и заведениях 8 час. в сутки. В эти 8 часов должны входить все обязательные занятия солдат — «строевые и словесные занятия, разборка, сборка и чистка оружия, учебные прогулки, чистка аммуниции, уборка казарм, домашние и кухонные занятия, а в казачьих частях, кавалерийских, артиллерийских — чистка и уборка лошадей и конюшен» *). Там же находим и требование свободы и неприкосновенности личности, которое опять-таки понимается солдатской массой довольно своеобразно: под это требование подводится и необходимость обращения на «вы» и отмена вечерней переклички и право солдата самому получать присланные ему деньги. Наконец, в этой резолюции имеются требования свободы союзов и даже свободы стачек, «т.-е. право сговориться и сообща подать заявление какому угодно высшему начальству, минуя нежелательных». Условия походной и казарменной жизни неизбежно накладывали на солдатское сознание определенный отпечаток, делая его восприимчивым к усвоению требований, выдвинутых социал-демократией. Казарма преодолевает разобщенность крестьянства и облегчает для солдата возможность организации в союзы и общества. Тяга к организации на почве различных нужд и требований очень часто приводила к созданию солдатских объединений. Подобные организации были довольно многочисленными и включали в себя солдат различных частей и видов войск. В Чите в октябре создался «Союз солдат и казаков», сыгравший в дальнейших событиях довольно видную роль. В Харбине был образован солдатский комитет из 20 человек, выбранных харбинским гарнизоном **). Подобные организации возникли и в ряде других городов Дальнего Востока и Забайкалья. Так, напр., на ст. Яомынь создалась «Солдатская организация самозащиты», возникшая после зверской расправы капитана Позднякова, зарубившего шашкой в г. Шуанченпу рядового Дворняка за неотдачу чести. («Бюллетень Стачечн. Комитета», № 3.)

Организации эти быстро связывались с социал-демократическими комитетами, усиливая влияние последних на солдатскую массу. Воззвания и листовки в огромном количестве экземпляров начинают проникать в казармы, доставляя много беспокойства высшему начальству. В течение 2—3-х месяцев работы солдатских союзов под руководством социал-демократии стихийное движение начинает принимать более организованный характер, что особенно наглядно выявилось в январском движении 1906 г. во Владивостоке.

Влияние пролетарской борьбы сказывалось, конечно, не в одинаковой степени во всех частях армии и в войсках различного рода ору-

*) Заключение военного прокурора по делу о бывш. военном губернаторе Забайкальской области ген.-лейт. Холщевникова. См. стр. 16—17.

**) М а ш и н. В манчжурских армиях. ж. «Отклики Современности», 1906 г., № 3, стр. 48—61.

жия. Как и следовало ожидать, различные инженерные части, саперы, жел.-дорожные батальоны и т. п. наиболее быстро усваивали это влияние, но в своем недовольстве армия была единодушна, и было бы не совсем верно противопоставлять запасных действительным, как это обычно делалось в официальных сношениях и разъяснениях. Но если казарма и преодолевала обычную разобщенность крестьянства и облегчала руководство солдатской массой для социал-демократии, она все же не могла вытравить в солдате крестьянина, и это, конечно, не могло не проявиться в движении. Наиболее серьезные осложнения возникли в армии на почве всеобщего стремления солдат, особенно запасных, домой. Это стремление домой оттесняло на задний план все вопросы общеполитического характера, мешая солдату охватить положение во всей сложности и объеме. Совершенно понятно, что социал-демократии приходилось очень считаться с этими настроениями, тем более, что военное командование не прочь было свалить всю ответственность за недостаточно быструю эвакуацию на голову стачечных комитетов. Командир 8-й Вост. Сиб. стрелковой дивизии ген. Дашкевич в конце октября издал приказ, в котором железнодорожники обвинялись во всех беспорядках по эвакуации. Эта провокация встретила резкий отпор со стороны исполнительного комитета уссурийских железнодорожников.

Поэтому последним пришлось развернуть широкую агитационную кампанию по разъяснению солдатам создавшегося положения. Охватившая забастовка не должна была отразиться на эвакуации армии, и, несмотря на большие затруднения (недостаток теплушек, противодействие военных властей и т. п.), стачечному комитету удалось сделать максимально возможное в деле эвакуации. Вместо 4-х поездов, которые отправлялись ежедневно на запад до забастовки, стачечный комитет пропускал до 20 пар поездов. Это в очень большой степени содействовало сближению солдат со стачечниками и в корне подрывало погромную агитацию военного командования. Так, напр., в одной из телеграмм, посланной «товарищам сослуживцам и рабочим всех жел. дорог», бывшие порт-артурцы, возвращавшиеся домой, писали: «Мы... решили принести вам искреннюю благодарность за постановление безостановочно отправлять нас на родину. Мы с вами вполне солидарны. Да здравствует свобода! Долой произвол, долой смертную казнь, полевой суд и насилия личности!»

Только самоотверженной работой железнодорожников удалось парализовать погромную агитацию военного командования в солдатской среде. В этом отношении очень интересно отметить поведение рабочих Джолайнорских копей, снабжавших жел. дороги Забайкалья углем. Ужасное положение, в котором находились рабочие, вынудило их на экономическую забастовку. На их требования никто не обращал внимания, и рабочие в отчаянии решили затопить шахты. Такой шаг грозил самыми тяжелыми последствиями для жел. дорог Д. Востока, и только стачечному комитету удалось удержать рабочих от этого

поступка. В результате авторитет рабочих организаций еще более поднялся в глазах солдат.

Однако, 2—3-х месяцев агитационной и организационной работы в армии было слишком мало для достаточного политического роста солдатской массы. Сознание своей слабости не сдерживало даже наиболее поддавшиеся влиянию социал-демократии части. Отсюда — их нерешительность и неспособность перейти в наступление. Поэтому всюду: и в Харбине, и в Чите, и в ряде других менее важных центров движения, захваченные волнениями гарнизоны упускают момент, когда положение властно диктует необходимость перейти в наступление. Достигнув известных успехов, воинские части не закрепляли их дальнейшим наступлением и потому, в конце концов, терпели поражения.

Буржуазно-демократический характер революции 1905 г. был причиной того, что связи лопались по офицерской линии. Если во время пролетарской революции 1917 г. разрыв в армии произошел по линии между солдатами и офицерами, оттолкнув последних целиком в ряды контр-революции, то в 1905 году мы видим определенную часть офицеров на стороне революции. Эта часть усиливалась массой демократической интеллигенции (врачи, фельдшера, ветеринары, инженеры), находившейся в действующей армии, а также демократизацией самого офицерства, убыль которого пополнялась во время войны из числа унтер-офицеров и проч. В этом отношении особенно интересен митинг 2/XII в Харбине, созванный главным начальником тыла Надаровым с целью подогреть контр-революционные элементы офицерства и несколько подбодрить их. Этот митинг, однако, дал явно противоположные результаты. Даже тогдашний главнокомандующий Линевич вынужден был записать в своем дневнике следующие строки: «Надаров 2 декабря крайне неразумно вдруг собрал офицеров всего гарнизона и сказал им, что вследствие ропота нижних чинов запасных и невозможности их всех быстро отправить на родину (слышится ропот), при чем наших запасных подстрекают воззвания, прокламации, агитаторы и анархисты, нам необходимо быть особенно внимательным к нижним чинам и особенно к запасным. После сих слов вдруг Надаров перешел к тому, что все железнодорожники, забастовщики — наши враги, что их всех следовало бы перерезать, что он, Надаров, первый возьмет нож и начнет резать их всех, не выключая жен и детей. Сказавши это, Надаров сделал председателем безгласного и бездарного пьяницу Глинского, уехал с заседания, а офицеры в собрании, освободившись от авторитетного председателя Надарова, быстро заявили, что железнодорожники наши братья, что они волнуются и бастуют за правое всех русских дело, что их за это не резать следует, а поддерживать и благодарить. Таким образом вдруг скромное собрание офицеров в неумелых руках превратилось в политический митинг. Вслед засим начались прямо-таки политические речи, совершенно непри-

стойные в офицерском собрании» *). Эта нескладная запись дает более или менее правильное представление о происходившем на митинге 2 декабря. После возмутительной речи Надарова, которую газеты отказались излагать, на собрании начались выступления ряда офицеров, сочувствовавших революционной борьбе. Особенное впечатление произвело выступление полковника Бутузова, выступившего с защитой определенной политической платформы. Так как о предстоящем митинге было известно заранее, среди харбинского офицерства образовались различные политические группы, одна из которых даже выступила на страницах печати со своей программой. Последняя выглядела довольно жалко (первым пунктом стояло требование уравнения гвардии с армией), но все же в ней были требования совершенной отмены смертной казни, неупотребления армии для политических надобностей и т. п. **).

Другая часть офицеров устроила накануне митинга свое совещание, на котором была выработана программа более радикального характера.

Харбинское офицерство не было одиноким в своем оппозиционном настроении. В не менее резкой форме недовольство господствовавшим строем и сочувствие происходящей революции проявлялось и в других частях и гарнизонах. В частности следует упомянуть об офицерах 2-го Читинского полка под командой ген.-майора Румшевича, впоследствии отданного под суд.

25 и 27 ноября в Чите состоялись собрания офицеров и военно-служащих, на которых выявилось сочувствие подавляющей массы революционному движению. Выработанная на митинге 25/XI резолюция объявляет лишенным доверия страны «существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена на вред народа»; далее указывается на создание союза офицеров и военно-служащих, который «всеми силами будет помогать борцам за народную свободу и свое оружие будет употреблять только против врагов освободительного движения, деятельность же свою прекратит только после созыва Учредительного Собрания, созванного всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов». Под резолюцией этой подписались офицеров—28, военных врачей—31 и военных чиновников—6.

Но революционному движению помогало не столько явное сочувствие части офицерства, сколько испуг и растерянность, охватившие высшее начальство. Дело ген.-лейт. Холщевникова представляет с этой стороны большой интерес. Показания его, данные 14 марта 1906 г., не оставляют никакого сомнения в его преданности господствовавшему строю и верности своим обязанностям военного губернатора. Но напор рабочего движения был столь силен, связь с Петер-

*) «Русско-Японская война».—Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Изд. Центрархива. Стр. 120—121.

**) М а ш и н. В Манчжурских армиях. ж. «Отклики Современности» 1905 г., № 3.

бургом так затруднена, а отдельные предписания министерства так сбивчивы и противоречивы, что могли сбить с толку и более талантливых администраторов, чем Холщевников. События в Чите разворачивались с самого начала 1905 года. 28 января рабочие депо и мастерских прекратили работу, требуя выдачи жалованья. Железнодорожные власти удовлетворили требования, и с 31 января работы возобновились. В феврале брожение снова усилилось, что заставило ген.-лейт. Холщевникова обращаться к главному начальнику тыла (генералу Надарову) с просьбой усилить читинский гарнизон. Но оттуда, как и от начальника военных сообщений тыла полковника Захарова, пришли ответы, указывающие на невозможность усиления гарнизона. Подобные же ответы получались и на последующую просьбу военного губернатора, так что Холщевников вынужден был управляться собственными силами. Считая их численность совершенно недостаточной (что, по мнению более решительных офицеров, было неверно), генерал Холщевников пошел по линии наименьшего сопротивления и уступок. Наивысшего подъема движение достигло в октябре-декабре 1905 г. Соединение рабочих железнодорожников с запасными, недовольство которых по случаю задержек в Сибири было очень велико, помогло чрезвычайному усилению стачечного комитета, руководимого социал-демократией. Не считая возможным оказывать восставшим рабочим, овладевшим оружием, находившимся на жел. дороге, какого-либо серьезного сопротивления, Холщевников вынужден был терпеть митинги не только рабочих, но и солдат гарнизона. В ноябре по требованию рабочих генерал Холщевников приказал выпустить из тюрьмы политического заключенного Кривоносенка и с гауптвахты двух казаков, приговоренных к отдаче в дисциплинарный батальон. Тогда же он вынужден был под напором революционного народа отдать приказ начальнику Акатуевской тюрьмы выпустить содержавшихся там 15 матросов с транспорта «Прут». Наконец, Холщевников согласился на передачу читинской почтово-телеграфной конторы в распоряжение стачечного комитета, видя невозможность иным путем возобновить деятельность почты и телеграфа. Впоследствии вся эта деятельность Холщевникова стала рассматриваться, как проявление явного сочувствия революционной борьбе,— он был смещен с должности губернатора и предан суду.

Растерянность и бездействие властей помогали развитию революционного движения на Д. Востоке. Но исход этого движения зависел не только от поведения властей. Его поражение было неизбежно, независимо от временных успехов в Харбине или Иркутске. Оно лежало в самой логике создавшегося на Д. Востоке положения. Революционное движение в войсках питалось в значительной степени недовольством солдат, стремившихся на родину. Естественно, что возникшие стачечные комитеты приняли все меры для того, чтобы действительно облегчить трудную задачу эвакуации, пришедшуюся не по силам военному начальству. Но эвакуация войск неизбежно ослабляла рево-

люционные центры в Сибири, отдавая их в полное распоряжение Ренненкампфов и Меллер-Закомельских. Начать же широкую борьбу за захват власти по всей Сибири, не имея за собой крупных постоянных воинских частей, рабочие Забайкалья, конечно, не могли. Вопрос об окончательном исходе революции решался не здесь, не в Манчжурии, а в далеком Петербурге и в других крупных центрах Европейской России. Испуг начальства постепенно проходит по мере получения известий о спадении революционной волны в России. По всей области проходят карательные экспедиции, которые окончательно подавили движение.

Прилагаемые ниже документы разделены нами на следующие отделы: I — стачечный комитет служащих Китайско-Восточной ж. д. — в этом отделе помещены главным образом протоколы заседаний стачечного комитета; II — события в Харбине и мероприятия командного состава для подавления революции; III — события в Чите (этот отдел несколько велик по отношению к другим отделам, потому что прилагаемый документ оказался наиболее интересным среди документов, касающихся событий в Забайкалье, и IV — прокламации и воззвания к армии.

В. Лембергская.

I.

Стачечный комитет служащих Вост.-Китайской ж. д.

1. Протокол заседания стачечного комитета служащих Китайско-Восточной железной дороги 25 ноября 1905 года. *)

Председательствовал вначале А. П. Козловский, отказавшийся затем по болезни; избран председателем А. М. Оссендовский.

Заседание было посвящено обсуждению и разработке текста резолюций, намеченных на заседании 24 ноября. После детального обсуждения по пунктам резолюции вылились в следующую форму:

Избранный 24 ноября общим собранием служащих всех служб и отделов в Харбине стачечный комитет постановил:

1) Примкнуть к забастовке железнодорожных служащих и рабочих в России, при чем организовать ее так, чтобы не прекращались эвакуация войск и снабжение их продовольствием и топливом.

2) Для осуществления забастовки прекратить прием и выдачу частных грузов и багажа как на своих станциях, так и со станций Забайкальской и Уссурийской дорог, а равно отправление частных пассажиров и частных и шифрованных депеш, при чем частные пасса-

*) Напечатан в бюллетене № 1 стач. ком. служащих Восточно-Китайск. ж. д. от 29 ноября 1905 г.

жиры, застигнутые забастовкой в пути, доставляются до станции назначения.

3) Перевозка служебных грузов и проезд по служебным надобностям производится на общих основаниях.

4) Предоставить начальникам служб и отделов, под последующим контролем «стачечного комитета служащих», делать распоряжения, относящиеся к их компетенции, а равно распускать и призывать агентов для воинских, хозяйственных и заготовительных работ по перевозке.

5) Объявить по линии о начале действий «Стачечного комитета служащих» с указанием выборных от служб и отделов, каковые лица будут делать распоряжения по вопросу о стачке. Вменяется в обязанность линейным агентам не исполнять распоряжений начальников служб и отделов, нарушающих настоящие постановления; в случае недоразумений сноситься телеграфом; адрес: Центр. Харбин. «Стачечный комитет служащих».

6) Сообщить самарскому комитету [1]) и всем дорогам о принятом решении, прося, в случае несогласия с общим планом забастовки железных дорог, дать указания.

7) Настоящую телеграмму сообщить управляющему дорогой, главнокомандующему и главному нач. тыла.

8) Решено именоваться «Стачечным комитетом служащих Китайско-Восточной жел. дор.».

9) Забастовка вступит в силу с момента получения настоящей телеграммы.

10) Забастовкой рабочих в Харбине руководит особый стачечный комитет.

Затем было выслушано заявление делегатов от главных мастерских, сводившееся к следующему:

Рабочие расходятся со стачечным комитетом служащих в понимании целей и задач забастовки. Стачечный комитет служащих — буржуазен, желает превратить ее в орган, способствующий целям военного ведомства в отношении эвакуации войск, потому рабочие образовали свой «Рабочий стачечный комитет», не считая себя в праве присоединиться к комитету служащих. Тех из служащих, которые разделяют взгляды рабочих, рабочие просят присоединиться к ним. Оба комитета будут солидарны, но вполне автономны. Желательно, чтобы они сообщали друг другу свои постановления и на заседаниях одного комитета присутствовали делегаты от другого. К рабочему комитету примыкают горожане, через представителей от отдельных групп населения. Желательна забастовка всего города — настолько, насколько она не будет мешать эвакуации.

Частью уже забастовали, а кроме того, желательна забастовка: мельниц (для нужд армии должны работать), заводов, затона (уже забастовал), официантов (грузины уже бастуют), кондитерских (желательно), VIII участка (бастует), водочных заводов и винных лавок

(должны быть закрыты), парикмахеров и легковых извозчиков, публичных домов, цирка и театров (желательно).

Засим заслушано было переданное по телефону заявление г. управляющего дорогой о том, что интендантство жалуется на отказ в предоставлении вагонов под нагрузку интендантских грузов на ст. Харбин. Близко знающим это дело начальником Харбинского узла разъяснено, что подобные случаи происходят все время и никакого отношения к забастовке не имеют; объясняется тем, что 1) само интендантство не разгружает прибывших в его адрес и поданных ему под выгрузку вагонов, и 2) что требования, предъявляемые интендантством к станции в отношении отправки грузов, являются для нее невыполнимыми по техническим условиям. В этом смысле и дан ответ г. управляющему дорогой.

Прочтена депеша г. управляющего дорогой, предназначавшаяся к отправлению по линии, с призывом не бастовать. Постановлено: хода ей не давать (большинство 35 голосов из 48).

Заслушаны заявления представителей от депо ст. Имяньпо, кондукторских бригад в Харбине и паровозных бригад депо Харбин, с изложением насущных нужд, не удовлетворяемых управлением дороги, что и служит мотивом их забастовки.

Предложено: обратиться с этими заявлениями в подлежащие службы; комитет, со своей стороны, гарантирует их удовлетворение, поскольку они являются справедливыми.

2. Протокол заседания стачечного комитета служащих Китайско—Восточной железной дороги 26 ноября 1905 года *).

1) Бюро союза врачей запаса просит пропустить телеграмму главнокомандующего о том, что в начале декабря с. г. будут отпущены те из врачей запаса, которые были призваны на действительную службу до 1 сентября 1904 г. Постановлено — пропустить.

2) Представители комитета по организации самообороны, избранные на общем собрании служащих 25 ноября, ходатайствуют о получении полномочий также и от стачечного комитета для большей авторитетности своей деятельности. Они вошли в сношения с представителями по устройству самообороны от города, где сорганизовалось в этом отношении только еврейское общество: это последнее предполагало выписать оружие из Шанхая; в виду прекращения движения в настоящий момент, это невозможно, а потому представители обратились к главному начальнику тыла армий, который и обещал снабдить их оружием.

Постановлено: признать деятельность «комитета самообороны служащих» вполне отвечающей настоящему моменту, уполномочить

*) Напечатан в бюллетене № 1 стач. ком. служащих Восточно-Китайск. ж. д. от 29 ноября 1905 г.

их войти в сношения со всеми организациями самообороны (рабочей, в Старом Харбине и др.), выработать план и способы самозащиты, о чем и доложить комитету в возможно скором времени.

3) Заслушана телеграмма со ст. Яомынь [2]) о провокационной речи командующего 3-й армией генерала Батьянова [3]). На параде 26 ноября генерал Батьянов, обходя фронт георгиевских кавалеров, сказал: «Господа, выслушайте слово человека, который прослужил 50 лет и которому осталось мало жить. Я прослужил 4 царям и скажу вам, что Россия стала богата и могущественна только благодаря царям, а не народу. Ныне благополучно царствующий император, находя затруднительным управлять 150-миллионным населением, признал нужным призвать народных представителей к делу управления страной, чем воспользовались люди, привыкшие ловить рыбку в мутной воде, вызывая возмущение народа». Затем генерал Батьянов коснулся забастовок и сказал: «Мы здесь сидим и ожидаем отъезда в Россию, у меня у самого десять душ детей, мы все рвемся на родину, а здесь нас держат. Причина этого железнодорожные забастовки; служащие требуют прибавки жалованья: им мало. Что же получают крестьяне? Вот формируются железнодорожные батальоны, и когда мы займем дорогу, то выгоним служащих и их семьи с детьми на мороз; пусть тогда слезы женщин и детей заставят их работать за самую ничтожную плату и раскаяться в своих поступках».

Как на пример, как следует поступать с железнодорожными служащими, ген. Батьянов указал на события в Томске [4]). «Досадно и и обидно, что это делается; загнали служащих в здание и сожгли их, но это должно быть так. Погибло 600 человек; хотя между ними и были виновные, но главари скрылись. Затем, что нужно евреям? Это пришельцы в России, и их защищает правительство, а то бы не осталось камня на камне; они являются первыми зачинщиками и подстрекателями, преследуя свои интересы.

Когда вы вернетесь в деревню и кто-нибудь позволит себе что-либо говорить против правительства, ты ему скажи: вот если бы ты был под Мукденом, то у тебя бы язык ушел в горло. Когда мы ехали из России, нас везли на девяти поездах и более, а обратно, благодаря забастовкам железных дорог, только с трудом отправляются два поезда».

Постановлено послать следующую телеграмму:

«Лошагоу — главнокомандующему, Харбин» — главному начальнику тыла армий, управляющему Китайской дорогой, Петербург — графу Витте, военному министру, Самара — самарскому комитету, редакциям всех русских газет, копия по станциям и разъездам южного отделения.

Сознавая общую солидарность служащих и рабочих всех российских железных дорог, Китайская дорога примкнула к общей забастовке, при чем решила отнюдь не сокращать воинского движения, но даже по возможности усилить вывоз войск. Между тем комитету сообщено, что на ст. Яомынь командующий III армией генерал Бать-

янов сегодня, 26 ноября, на параде позволил себе обратиться с речью, в которой явно подстрекал войска к погрому железнодорожных служащих. Результатом этого подстрекательства немедленно явились вызывающие действия солдат по отношению к служащим. Повторяя, что забастовка не уменьшит вывозки войск на родину, стачечный комитет, возмущенный подобным натравливанием лица, поставленного во главе целой армии, требует [от] вас оградить служащих дороги и не ставить их в необходимость, спасая жизнь, вовсе покинуть станции».

4) По вопросу о создании из «Харб. Вестн.» органа стачечного комитета, с каковой целью необходимо взять его в свои руки, постановили: избрать из трех лиц редакционную комиссию и поручить ей использовать газету способом, каким она признает наилучшим. Комиссия избрана.

5) Одним из средств для распространения литературы, бюллетеней стачечного комитета и т. п. признали рассылку при помощи кондукторских и паровозных бригад.

6) Заслушана телеграмма со ст. Яомынь о противодействии стачке со стороны начальника южного отделения эксплоатации г. Максименко.

Постановлено: отстранить г. Максименко от должности, о чем и послана телеграмма.

Примечание: Утром 27 ноября получена депеша о том, что г. Максименко уволился и сдал должность своему помощнику.

7) Постановлено: жены и семьи офицеров и врачей, едущих в Россию, ехать с ними не могут. Предлагается офицерам и врачам, прибывшим на войну с женами и семьями, переждать забастовку; семьи нижних чинов пропускать обязательно.

8) Дана циркулярная телеграмма следующего содержания:

«В стачечный комитет поступают с линии жалобы на неприем телеграфистами телеграмм, касающихся движения материальных, дровяных поездов, равно и сведений о топливе, как ж. д., так и для военного ведомства, что не соответствует постановлению комитета. Предлагается отнюдь не препятствовать приему и передаче всех воинских и служебных телеграмм и распоряжений, касающихся вопросов правильного движения означенных поездов.

9) Один из членов «Русского Собрания» просил разрешить произвести ремонт дома, отведенного управлением дороги под ночлежный дом.

Постановили: произвести ремонт в первую очередь по окончании забастовки.

10) Делегатом от «Рабочего стачечного комитета» сообщены постановления их комитета от 26 ноября, при чем комитет служащих именуется «буржуазным».

Постановлено: благодарить за сообщение, принять таковое к сведению и сообщить рабочему комитету о том, что комитетом служащих

принято официальное наименование: «Стачечный комитет служащих К.-В. ж. д.».

11) Читается телеграмма со ст. Аньда о противодействии стачке со стороны 2 телеграфистов на станции Сяохаоцзы г. г. Коммисаренко и Гайсюка.

Постановлено: отстранить на время забастовки от должности.

12) Доложен вопрос о возможных недоразумениях при перевозке войск, если с Сибирской и Забайкальской дорог не будут поступать приспособленные теплушки, так как на Китайской дороге таковых мало, а оборудование затруднительно по техническим условиям.

Постановлено: послать телеграмму следующего содержания:

«Всем служащим по станциям до Самары. Самара — самарский комитет, Томск — союз служащих Сибирской дороги, Иркутск — иркутский комитет.

Получили сообщения самарского комитета и общего собрания служащих Забайкальской дороги, что при действии настоящей забастовки все средства будут направлены на перевозку армии с Дальнего Востока обратно в Россию. Все служащие Китайской дороги вполне разделяют это стремление, и положение забастовки выражено в циркулярной депеше стачечного комитета служащих Китайской дороги от 25 ноября за № 4178. Стройность этого дела должна быть согласована и обеспечена усилиями всех дорог до Самары включительно, как конечного пункта беспересадочного следования эшелонов, и главным средством в этом деле является регулярное и достаточное течение вагонов-теплушек с запада на восток. Китайская дорога, находясь у источника обратного течения армии, уже в скором времени исчерпает весь запас своих теплушек. В настоящее время Забайкальская дорога уже должна нам около полутора тысяч теплушек, а переход их на запад продолжается ежедневно. Первое время теплушки надо отправлять особенно усиленно и не менее 200 в день, по возможности ускоренными поездами. Кроме того, надо принять все меры к наилучшему сохранению целости внутреннего оборудования теплушек, так как, находясь на окраине и в стране с незначительной промышленностью, Китайская дорога не имеет тех средств, что имели дороги российской сети, находящиеся совершенно в других условиях и создавшие перевозку армии по частям.

Стачечный комитет Китайской дороги еще раз просит обратить на этот вопрос особенное внимание, иначе все воззвания к армии могут вызвать большие осложнения, так как армия, при остановке эвакуации, справедливо обратится к воззвавшим к ней».

13) По вопросу об увольнении главнокомандующим забастовавших чинов полевых почт и телеграфов постановлено: послать следующую телеграмму:

«Лошагоу — главнокомандующему, копия Харбин — главному начальнику почт и телеграфа тыла армий.

Стачечный комитет служащих Китайско-Восточн. жел. дор., узнав распоряжение об увольнении чинов почтово-телеграфного ведомства, постановил: вполне разделяя их образ действий и считая принятую по отношению их меру несправедливой, требует от вас отмены этого распоряжения».

14) В виду ограниченных запасов денег в кассе управления дороги и возможного получения кредита в Русско-Китайском банке постановлено: просить дороги следования пропустить телеграмму в Петербург и обратно по поводу этого вопроса.

15) По вопросу о цензуре телеграмм постановлено: телеграф сам производит таковую цензуру, направляя телеграммы по соответствующим службам; все недоразумения разрешает председатель со своими секретарями, к которому и поступают с телеграфа все телеграммы, возбуждающие сомнение.

16) По вопросу, как быть со служащими, увольняемыми по тем или иным соображениям, постановлено: до окончания забастовки никого не увольнять.

17) По вопросу о возвращении к местам первоначального служения агентов, командированных с других дорог, постановлено: производить расчет и разрешать выезд.

18) По вопросу, распространить ли забастовку на отделы, занятые рассмотрением дел об увечьях, полученных на дороге, постановлено: не распространять.

3. Протокол заседания стачечного комитета служащих и рабочих Китайско-Восточной железной дороги 27 ноября 1905 года *).

1. По вопросу о распространении забастовки на торговые заведения и прочие учреждения города постановили: стачечный комитет служащих исключительно занят железнодорожной забастовкой; все вопросы о городской забастовке должны войти в компетенцию постоянного комитета г. Харбина.

2. Багаж, идущий с пассажирами, принятыми к перевозке до стачки, постановлено выдавать; это постановление не относится к так называемому «нолевому багажу» или «товару-багажу».

3. Живой—хотя бы и частный—груз, как-то: лошади, скот крупный и мелкий, птицу и т. п., выдавать по прибытии его на ст. назначения.

4. Грузы, относящиеся по условиям места и времени к разряду скоропортящихся, как-то: вино, напитки, фрукты и т. п., не выдавать.

5. Собранию было доложено, что еще до забастовки рабочими Джалайнорских копей [5]) были предъявлены управлению дороги тре-

*) Напечатан в бюллетене № 3 от 2 декабря 1905 г.

бования чисто экономического характера, с тем, что если эти требования к 1 декабря не будут удовлетворены, то на копях прекратится выработка угля. Часть требований управляющим дорогою была признана подлежащей удовлетворению, об удовлетворении другой части управляющий вошел с ходатайством в правление общества, в третьей части рабочим было отказано. С таким ответом управляющего дороги в Джалайнор был командирован инженер Кокин, по заявлению которого, решение управляющего вряд ли удовлетворит рабочих, и на благополучное окончание инцидента он, Кокин, имеет мало надежды.

Постановлено: просить инженера Кокина уведомить комитет телеграммой об исходе его поездки, а между тем послать рабочим копей следующую телеграмму:

«Джалайнор. Мастеровым и рабочим, копия — Манчжурия, комитету служащих.

Завтра выезжает Кокин с резолюциями Хорвата [6]). Во всяком случае, последует или не последует между вами соглашение, в виду положения дел по вывозке войск и ее крайней необходимости для достижения наших общих политических целей, просим забастовку отсрочить. Стачечные комитеты служащих и рабочих своевременно поддержат ваши требования.

Председатель комитета служащих дор.»

Рабочие вняли призыву комитета и решили продолжать работу впредь до окончания забастовки (см. телегр. из Джалайнора в бюллетене № 2, за подписью инженера Меллера).

6. Делегатом от службы телеграфа было заявлено, что телеграфист Калачев, в явно ненормальном состоянии, перерезал телефонные провода и хотел уничтожить аппараты, но был удержан сослуживцами. Постановили: просить г. начальника службы телеграфа о временном устранении г. Калачева от должности и предании суду товарищей.

4. Протокол заседания стачечного комитета служащих и рабочих Китайско-Восточной железной дороги 29 ноября 1905 года *).

Заседание, назначенное на 28 ноября, не состоялось по случаю пожара здания управления К.-В. ж. д.

Утром 29 ноября собравшиеся члены стачечного комитета решили в видах большой успешности работы передать все текущие дела избранным 8 лицам, оставив за этой коллегией как название стачечного комитета, так и все его функции и полномочия.

---

*) Напечатан в бюллетене № 3 от 2 декабря 1905 г.

Вечернее заседание 29 ноября состоялось уже в составе 8 человек.

1. Председателем было доложено, что им 28 ноября, поздно вечером, была подана, в виду циркулирующих упорных слухов, телеграмма № 450:

«Лошагоу. Главнокомандующему всеми армиями.

Распространяется слух об избиении служащих на участке Таолайчжоу — Харбин [7]). Просим обратить внимание».

Здесь же была прочитана и ответная телеграмма за подписью полковника Эйлера [8]) (см. бюллетень № 2).

2. Была заслушана телеграмма центрального бюро жел.-дор. союза от 26 ноября за № 4788:

«Самара — Владивосток. Комитет Уссурийск.

Совет С.-Петербургского узла приглашает во имя единства действий не растрачивать боевые силы по частям и, заявив свою боевую готовность, примкнуть к общей забастовке, каковая признается неизбежной в виду реакции. Ждать общего решения жел. дор. Телеграммы следует адресовать только Москва, центральное бюро железнодорожного союза. Елизаров» [9]).

Одновременно с сим было доложено сообщение уполномоченного по сношениям с китайскими властями г. Диниеля о том, что китайские власти настаивают на прекращении забастовки, вредно отзывающейся на местной торговле, грозя, в случае ее продолжения, снять всех рабочих-китайцев с работ как на линии дороги, так и работающих непосредственно на армию.

После продолжительных прений и всестороннего рассмотрения всех условий переживаемого нами момента стачечный комитет единогласно пришел к заключению о необходимости восстановления всего местного движения, усматривая в этом средство к восстановлению вообще правильного движения по линии, так как объявление о полном прекращении забастовки в тот момент, по имеющимся в комитете данным, могло произвести взрыв негодования на линии, склонной к более боевому отношению, следствием чего могла быть полная приостановка всякого движения со всеми его последствиями. Результатом такого решения была циркулярная телеграмма по линии о восстановлении движения в местном сообщении (см. бюллетень № 2).

3. Стачечным комитетом рабочих постановлено выдать г. г. Оборину, Панасенко и Вятских удостоверения на право получения денег, жертвуемых на нужды стачечного комитета.

4. Стачечный комитет рабочих постановил вернуть всех рабочих, назначенных комитетом на разные работы, из Затона и иных мест на свои первоначальные места, о чем и было сообщено г. начальнику депо вместе с обращением к рабочим отнюдь не бросать работ сразу, чтобы не прерывать движения войск, а возвращаться к своим работам по указанию начальника депо.

5. Телеграммы, напечатанные в бюллетене № 3 стачечного комитета рабочих и служащих Китайско-Восточной жел. дороги от 2 декабря 1905 г.

1. По всем русским дорогам, всем стачечным комитетам, союзам, управляющим и начальникам дорог, редакциям всех газет, копии министрам путей сообщения и военному, управление железных дорог.

По уведомлению заведывающего передвижением войск Забайкальского района полковника Дзевановского, Сибирская дорога за неимением паровозов может принимать с востока только 4 воинских эшелона, так что все наши старания усилить эвакуацию запасных сведутся к нулю. Считая, что дело эвакуации истомленной армии является делом не только тех дорог, по которым идут войска, но и всей России, стачечный комитет взывает ко всем комитетам, союзам, советам и управлениям, умоляя принять все меры к немедленной командировке на Сибирскую дорогу такого количества паровозов, которое обеспечивало бы не менее 10 эшелонов в сутки. Армия настойчиво требует ответа на 2 вопроса: первый — откуда брали железные дороги паровозы, когда правительство гнало народ на никому ненужную, бессмысленную войну, второй—куда девались те же паровозы теперь, когда армия стремится на родину на защиту своих близких от произвола и насилия самодержавных слуг?

Харбинский Комитет.

2. Чжаланьтунь, 1 декабря. Харбин — стачечный комитет служащих и рабочих, копия по линии от Харбина до Манчжурии местным стачечным комитетам, Иркутск — комитет служащих и рабочих.

В виду возмутительной речи генерала Батьянова, натравливавшего войска на железнодорожных служащих, объявить ему бойкот; к посадке в поезд не допускать и всем служащим тяги, движения и телеграфа препятствовать следованию его в случае поездки.

Стачечный комитет Западной линии.

3. Харбин. По адресу № 24, копия всем русским дорогам, редакциям всех газет, Москва, центральное бюро железнодорожного союза.

Второго декабря состоялся митинг офицеров харбинского гарнизона, на котором главный начальник тыла армии генерал Надаров [10]) объявил железнодорожных стачечников врагами армии и рекомендовал собравшимся воздержаться от насильственных действий против железнодорожников до тех пор, пока он не исчерпает всех предоставленных его власти законных способов умиротворения. В случае же без-

успешности он, Надаров, станет во главе войск и сам с шашкой в руке поведет их против крамольных железнодорожников, а также их жен, детей и стариков. К счастью, собрание не вдохновилось речью ген. Надарова, но в лице последующих ораторов выразило сочувствие забастовщиками, усматривая в их требованиях волю всего народа, стремящегося к немедленному осуществлению прав человека и гражданина, объявленных манифестом 17 октября. О таком своем настроении собрание постановило поставить в известность ген. Надарова, а также просить его войти в сношения со всероссийским железнодорожным союзом, чтобы узнать непосредственно требования железнодорожников и, обсудив их, войти с союзом в соглашение.

Прибавляем от себя: каким образом железнодорожники, стремящиеся к усилению воинского движения, являются врагами армии, генерал Надаров объяснить не потрудился.

Стачечный комитет служащих и рабочих Китайско-Восточной ж. д.

4. Харбин. От Харбина до Самары всем стачечным комитетам.

По заявлению главного интенданта главнокомандующему, громадная партия полушубков, валенок, теплых одеял и других теплых предметов для армии отправлена из России и застряла на Сибирской и Забайкальской дорогах, главным образом в Мысовой [12]). В виду крайней нужды в этих предметах, особенно в настоящее время, когда в Манчжурии наступили сильные морозы, ускорьте неотлагательно розыск и доставку этих грузов. Вообще стачечный комитет служащих и рабочих Китайской дороги обращается ко всем товарищам Сибирской и Забайкальской дорог с просьбой принять всевозможные меры к тому, чтобы теплые вещи для армии доставлялись без всякой задержки, и если бы таковые были где-либо разгружены, то экстренно распорядиться о погрузке и доставке их на Китайскую. О больших партиях телеграфируйте, с указанием числа вагонов и времени отправления.

Приятным долгом считаем уведомить, что известия об усиленных трудах всех железнодорожных служащих и рабочих по п ревозке войск уже проникли в армию и приняты ею восторженно.

Стачечный комитет рабочих и служащих К.-В. ж. д.

В виду того, что на Уссурийской и Забайкальской дорогах движение восстановлено, что согласуется с телеграммой из Москвы за № 4788 от 26 ноября от центрального бюро союза железнодорожных служащих *), стачечный комитет служащих и рабочих Китайск. дор. постановил: с получением настоящей депеши забастовку, действующую в настоящее время, отменить [13]).

Стачечный комитет служащих и рабочих К.-В. ж. д.

*) См. выше протокол стач. ком. от 29 ноября.

II.

События в Харбине.

1.

Рапорт подполковника Левандовского [14]) 20 ноября 1905 г. № 60.

Генерал-квартирмейстеру при главнокомандующем.

События внутренней жизни нашей армии последнего времени и те, которые назревают в ближайшем будущем, настолько серьезны и так близко касаются всех нас, что я считаю себя обязанным доложить вашему превосходительству все то, что я знаю и предполагаю по этому поводу, тем более, что и то и другое имеет особую важность.

Случайно я был свидетелем владивостокских беспорядков [15]) и имел возможность узнать некоторые мнения и мысли как лиц посторонних, так и участников погрома, кое-что слышал от пленных; был в Харбине и проехал по железной дороге, видел и там и тут многое, чему нельзя дать иного названия, чем безобразие; наконец, из совершенно частных источников знаю многое о том, как думается и что делается в массе наших Манчжурских армий.

Совокупность всего этого привела меня к совершенно обоснованному заключению, что положение вообще становится настолько серьезным, что игнорировать дальше его уже нельзя.

Вспышка во Владивостоке вовсе не была случайностью; она имела под собой совершенно определенную почву: 1) общее недовольство против офицеров, основанное на издавна установившемся крайне нетактичном и несправедливом отношении их к нижним чинам; 2) возмущение нарушенными без серьезной надобности правами нижних чинов и непредоставлением им таких новых прав, которые, будучи для них существенно важными, не составляли нарушения логики службы; 3) протест против ненормальных экономических условий, особенно резко проявившихся во Владивостоке; действительно, дороговизна жизни там дошла до такой крайности, что фактически существование людей небогатых стало там невозможным, а на ряду с этим необычное обилие ресторанов, театры,— все это, всегда переполненное офицерством, не стеснявшимся предаваться кутежу, говорят, даже в дни Цусимского нашего несчастия.

Что протест против всего этого был законен и неизбежен, совершенно естественно, а что он вылился в такой жестокой и крайней форме, то виновны в этом не только участники его.

На железной дороге я не видал ни одной большой станции, не встречал ни одного поезда, на и в составе которых не было бы одного, нескольких и часто очень многих вагонов, занятых начальствующими лицами всех рангов и положений, начиная с контролеров низших сте-

пеней. Это общее явление, а что оно не вызывается необходимостью, это я знаю во многих случаях совершенно определенно.

И рядом с этим массы нижних чинов, простонародья и даже служащих помельче сотнями валяются на полах самых грязных помещений станций, иногда даже на платформах, не пускаются на поезда или едут по многу часов на открытых платформах, на ступеньках вагонов и на площадках между ними.

Нижние чины все это видят, видят и знают, что торговцы при помощи подкупа провозят свои товары, а рядом с этим им подносят в «Манжурском Вестнике» разъяснение причин небольшого количества поездов, назначенных для перевозки их домой, в такой форме, что иначе, как с сомнением к нему отнестись нельзя. Могут ли они верить таким объяснениям, когда, например, я, относящийся к этому вопросу, конечно, беспристрастнее, говорю откровенно, что не верю им совершенно убежденно.

А те безобразия, которые творятся при отправлении поездов в Харбине, Пограничной [16]), да и во многих еще местах,— понять их возмутительность может только тот, кто видел их близко. Испытав их на себе, доходишь до такого озлобления, что вполне понимаешь того штабофицера, который, говорят, разбил окно у вагона, влез в него и пригласил следовать своему примеру и нижних чинов.

Позволю себе указать, например, на поезд нашего управления генерал-квартирмейстерской части: он состоит из 6 классных вагонов и 10 приспособленных товарных; стоимость его содержания в месяц с рядом стоящим поездом санитарной части, говорят, достигает 600 рублей в сутки. Может быть, это неверно, но так говорят, и это важно, так как все знают, что одновременно для нас занято помещение в лучшем доме Харбина.

А бесконечное число поездов и вагонов на станции Харбин. Это ведь всем бросается в глаза, и надо удивляться, что до сих пор мы не были еще свидетелями самого крайнего протеста в виде битья окон камнями.

Я совершенно не преувеличиваю, ваше превосходительство, докладывая вам, что есть товарные вагоны, играющие роль конюшни для одной лошади, и т. п. Вот что делается на глазах у всех и чему противопоставляются заявление о невозможности отправлять достаточное количество поездов в Россию и перевозка нижних чинов, командируемых в Харбин, вероятно, в значительном числе по делам службы, в условиях худших, чем те, которые приняты для перевозок убойного скота.

Позволю себе теперь указать на то нравственное воздействие, которое оказывают г. г. офицеры на нижних чинов. В этом отношении много поучительного представляет собою Харбин. Он переполнен офицерами и нижними чинами, многие среди тех и других безобразно и беспробудно пьянствуют. Запретить пить вино нельзя, да и не надо, но карать офицеров самым жестоким образом за то, что они бывают безобразны в пьяном виде, необходимо. Град обвинений сыплется

на толпу пьяных солдат и матросов, бивших офицеров во Владивостоке; их находят достойными только пулемета, а на-днях был, например, случай, когда пьяный офицер в вагоне ругал самыми площадными словами штаб-офицера и генерала и призывал нижних чинов «не выдавать» его. На вокзал, рестораны и театры Харбина небезопасно входить, потому, что там всегда можно нарваться на крупную историю с нетрезвыми офицерами. Можно ли после этого винить нижних чинов?

Говорят, нижние чины не отдают чести. А я, ваше превосходительство, положительно утверждаю, что г. г. офицеры могли бы смело брать пример в этом отношении с нижних чинов, т. к. из личного опыта знаю, что из 10 офицеров, встреченных на улице, едва ли отдадут честь двое-трое, да и то преимущественно самым неприличным образом. Ходя по улицам Харбина, мы с подполковником Пневским решили сами отдавать честь обер-офицерам, и смею вас уверить, что значительная часть таких, которым мы ее отдали, смотрела на нас с удивлением. О принятии чести офицерами от нижних чинов и офицеров и говорить не стоит, — в массе это не принято. Что же после этого можно требовать от нижних чинов.

Затем, по поводу отношения к великому акту гражданской свободы, дарованному нам.

Нижние чины, принадлежащие в большинстве к массе населения, бесправной и угнетенной, систематически всегда удерживавшейся в полном невежестве и дикости, естественно, заподозрели в этом акте свободы больше, чем это необходимо человеку разумному; это — реакция, вполне понятная, и ее надо было предвидеть.

Логически необходимо было поэтому немедленно всеми способами постараться им выяснить истинный смысл манифеста 17 октября, и, конечно, объяснение это должно было исходить от офицеров. Судя, однако, по тому, что приходится слышать в массе, оно дано не было. А между тем частные люди, все еще опасающиеся реакции со стороны правительства и видящие в армии силу, которой эта реакция могла бы быть поддержана, понятно, поторопились притти со своими объяснениями, чтобы обезоружить эту предполагаемую реакцию.

Объяснения тех, которые даже не преследуют целей революционных, не могли быть поняты большинством нижних чинов и потому опять-таки толковались ими в выгодную для них сторону пересола, а объяснения революционеров, конечно, поддерживали их в этом заблуждении, т. к. этим последним прежде всего желательно добиться временного разложения армии.

Таким образом, у большинства нижних чинов представление о свободе должно было сложиться самое крайнее и преувеличенное.

Каково же было отношение к этому акту г. г. офицеров?

Небольшая часть их, совершенно способная к восприятию истины вообще, так раздроблена в силу обычного нам отсутствия духовного единения, что, повидимому, и по сию пору путается между стремле-

нием к этой истине и боязнью перешагнуть въевшиеся в кровь предрассудки традиций и уставов, поддерживаемые слепой узостью большинства.

Другая, также небольшая, часть в общем чрезвычайно искренняя, увлеклась новыми идеями до крайности, перестала считаться с жизнью и необходимостью для проведения коренных реформ известного времени и, таким образом, примкнула целиком к требованиям чисто революционного характера.

Наконец, третья, наиболее многочисленная, партия относится к самому слову «свобода» насмешливо; всех людей, проявляющих свою радость дарованию ее, быть может, в несколько наивных формах, окрестила именем «краснофлажников» и единственную меру к поддержанию порядка видит в пулеметах.

Есть мнения промежуточные, но говорить о них отдельно не стоит.

Если вторая из указанных групп г. г. офицеров вредна для армии, то третья положительно таки опасна, т. к. ее настроение и образ мысли расходятся диаметрально с таковыми же массы нижних чинов, а потому столкновение их неизбежно и должно повести к неисчислимым бедствиям.

И уж тут, в этом столкновении, вспомнятся все прежние причины розни, — и ненависть простолюдина к «барину», и все прегрешения офицера перед нижним чином, а выльется оно в такую страшную форму, что все, что происходило во всей России до сих пор, покажется сравнительно детскими шутками.

Когда это случится, сказать нельзя; что́ послужит поводом и толчком к такому столкновению, никто не может предвидеть, но несомненно, что столкновение будет и начнется, конечно, с какого-нибудь пустяка, как это было, например, во Владивостоке [17]).

Однако, пока этого еще нет, и, значит, возможна еще борьба с надвигающейся грозной неизбежностью. Если не принять всех возможных мер к этой борьбе сейчас же, немедленно, то вся тяжкая ответственность за это ляжет на весь корпус офицеров, а в особенности на главу его здесь — на главнокомандующего.

Наконец, допустим даже, что здесь эта гроза не успеет разразиться, не успеет окончательно назреть. Но ведь войска и запасные нижние чины идут не во враждебную нам страну, а в Россию, и там они, в зависимости от того настроения, которым их снабдят здесь, внесут или умиротворение, или все ужасы анархии, злобы, темноты и разнузданности. Наконец, в России, где верховный наш вождь все-таки отделен от войск и временем, и пространством, они не могут получить общего разъяснения, общих указаний, и все пойдет враздробь, в соответствии с отдельными мнениями отдельных начальников.

Поэтому, казалось бы, теперь на главнокомандующем лежит священнейший долг принять все меры к тому, чтобы воспользоваться тем единственным случаем, который для этого представляется, — овладеть умом и душой главной массы вооруженных сил России, дать

им внутреннее умиротворение, направить их понимание в одном общем направлении. Войска и запасные внесут их в страну целиком, и благодарность родины нашей главнокомандующему будет бесконечна. В противном случае отечество и история поставят ему тяжкое обвинение в бездействии власти.

Как это сделать? Думаю, что вопрос этот еще не разрешен, а потому, может быть, и мое частное мнение может принести пользу выработке общих мер.

Начну со стороны принципиальной:

1) Говорят, наша армия дезорганизована и дисциплины в ней нет, так что нельзя быть уверенным, что подчиненный не пойдет бить начальника. Да, это правда. Причин разбирать не стоит, но главные две несомненны: 1) та, что вообще дисциплина наша была построена на ложных основаниях, и 2) что основание дезорганизации армии лежит не в нижних чинах, а в офицерах.

До сих пор совершенно определенно проводился в жизни неписанный закон, что «подчиненный существует для начальника», а не обратно, что «главная обязанность начальника — предъявлять требования подчиненному, а затем уже только заботиться о нем».

До сих пор дисциплина, за редкими исключениями, поддерживалась исключительно системой наказаний, была до некоторой степени палочной; бывали невероятные случаи докладов высших начальников, что с отменой телесных наказаний дисциплина упала.

До сих пор начальник для подчиненного был (в переносном смысле) абсолютно неприкосновенен, и на этом только авторитет его в большинстве и держался. Право жалобы, — единственный естественный вид критики начальника, — был обставлен так, что фактически большинству был почти недоступен без самопожертвования.

Наконец, до сих пор коллективная через выборных жалоба на начальника признавалась преступлением, как бы справедлива она ни была и как бы легально ее ни обставляли, и запрещены были всевозможные собрания и союзы, для какой бы благой цели они ни предназначались.

В общем несомненно одно, что до сих пор дисциплина у нас была чисто внешняя, основанная только на привычке и страхе, а не на уважении к начальнику, как это должно было бы быть; армия давно ее переросла, и вот пришел толчок, и все здание, казавшееся таким прочным, разрушено до основания.

Что же касается того, что корень существующей дезорганизации лежит не в нижних чинах, а в офицерах, то едва ли это нужно доказывать.

Каждый, хотя немного прослуживший в строю и имевший дело с солдатом, знает, какой дивный материал в общем приходит в войска в лице молодых солдат и как быстро портится он после года принятого у нас обучения и воспитания.

Да иначе оно и быть не может, т. к. всякому известно, что в массе нижние чины в офицерах видят пример самый отрицательный; исполнение долга — пустой звук и отбывание номера, недобросовестность в денежных делах, крайняя грубость в обращении, безобразное пьянство, недисциплинированность, полное отсутствие заботливости о подчиненных и т. п., и т. п., — все эти недостатки слишком распространены в нашей армии.

В войсках существует суд общества офицеров и еще более сильное общественное мнение; но как же они выполняют свои функции?

Заведомо нечестные люди оставляются ими в среде офицеров, поступки самого возмутительного характера часто поощряются, но если, например, офицер женится на кухарке или, еще хуже, на женщине, которая перед тем жила с ним без брака, то такой офицер немедленно изгоняется. Установилось какое-то специальное понятие о «чести мундира», точно недостаточно «чести человеческой», и вследствие этого очень часто случается, что человек просто нечестный отлично остается на службе, прикрываясь этой мундирной честью. Всего не перечислишь, да и нужно ли мне напоминать обо всем этом?

А рознь между родами оружия, культивируемая исключительно г. г. офицерами?

Может ли существовать истинная дисциплина в войсках, где существует все это и где все, а в том числе и нижние чины, знают это?

Конечно же, нет.

Значит, не в агитации и не в дурных качествах нижних чинов кроется упадок дисциплины, а в ложных основаниях ее и в несоответствии корпуса офицеров (в значительной части) своему назначению.

Значит, с этими причинами и надо бороться.

Как это сделать, по моему мнению, практически, я доложу ниже.

Вторая несомненная причина современного натянутого положения, это — неправильное толкование или отсутствие толкования манифеста 17 октября.

То, что говорилось по этому поводу до сих пор, сводилось к одному: «свобода дана для всех, кроме армии, т. к. она должна стоять вне политики».

Да, армия должна стоять вне борьбы политических партий, должна стоять исключительно на-страже интересов родины и престола.

Но значит ли это, что в ее внутренней жизни она осталась в стороне от новой свободы вообще? Где это указано в высочайшем манифесте?

Нет, в манифесте про это не сказано, да и не могло быть сказано ни одного слова, т. к. это было бы непоследовательно и нелогично, т. к. нельзя лишать лучших людей страны (армия д о л ж н а состоять из таковых) хотя бы даже на один час неприкосновенности личности, разумной свободы слова, совести, собраний и союзов и т. д.

Да разве хоть одно из этих прав вредно для армии? Ведь многие из них в зачаточном состоянии существовали у нас в армии и до манифеста (например, неприкосновенность личности).

Разница только в том, что в армии для всего этого должны быть установлены некоторые нормы и обрядности (считаясь с наличной еще пока неразвитостью массы).

А мы замалчиваем манифест; говорим, что он нас не касается, и тем передаем имеющееся в наших руках сильное оружие тем, кому сейчас нужно восстановить солдата против офицера, предоставляем нижнему чину самому разбираться в его сомнениях. Отсюда понятное недоверие их к нам и естественная склонность верить самым крайним толкованиям других. Только поэтому, например, солдаты так охотно поверили тому, что они уже не должны отдавать честь офицерам. Это мелочь, но характерная.

И ведь, в конце концов, если не сами нижние чины, то свободное общественное мнение заставит нас провести в жизнь то, что мы отрицаем сейчас. Зачем же так себя дискредитировать?

Необходимо теперь же, не откладывая дела ни на минуту, выяснить нижним чинам, что манифест целиком относится и к ним, и выработать в соответствии с интересами службы и личного состава армии те формы, в которых он должен быть применен.

Каким же образом осуществить все это практически?

Прежде всего, необходимо узнать действительные нужды войск от них самих, узнать точно, какие толкования получил манифест в среде нижних чинов и офицеров, и затем выработать, при участии тех же войск, как можно удовлетворить их нужды и в какие наиболее удобопонятные формы следует облечь толкование их прав.

Наконец, офицерскому составу необходимо предъявить самые строгие требования, не стесняясь удалением со службы элементов негодных.

Необходимо при этом дело поставить так, чтобы все увидели сразу, что принимаются какие-то серьезные меры к улучшению настоящего положения, чтобы все поверили тому, что будет делаться, и, наконец, связать эти меры с манифестом 17 октября, чтобы все наглядно убедились, что он издан и для войск.

Единственным к этому средством, на мой взгляд, было бы издание повеления главнокомандующего о том, чтобы от каждой отдельной части (например, полка) офицерами ее были избраны, без участия давления начальства, по одному депутату-офицеру, пользующемуся полным доверием и любовью как офицеров, так и нижних чинов части; чтобы эти офицеры собрались в назначенном месте и образовали бы комиссию, которой главнокомандующий поручит «разобрать нужды офицеров и солдат, доложить их ему и представить проекты тех мер, которые нужно принять для удовлетворения этих нужд». Разумные и возможные из них главнокомандующий утвердит, противоположные отринет. Для того, чтобы комиссия могла доложить главнокомандую-

щему истинные нужды солдат, нужно приказать им (солдатам) заявлять их тому офицеру, который будет представителем полка в комиссии.

Только таким способом можно провести немедленно целый ряд реформ, крайне необходимых для удовлетворения самых существенных нужд и неудовольствий, и такой способ действий внушит столько доверия, что едва ли настоящее смутное положение продлится и далее. Председателем такой комиссии, конечно, необходимо назначить лицо с высоким положением и популярное в войсках, и я лично мог бы указать в этом случае, прежде всего, на генерал-адъютанта Куропаткина [18], пользующегося всеобщей громадной любовью.

Несомненно, что самый факт созыва такой выборной комиссии и многие из проектов, которые, может быть, главнокомандующий утвердит, будут противоречить существующим уставам и законоположениям, но считаться с этим, конечно, нельзя.

Главнокомандующий есть представитель верховной власти на театре войны, облеченный неограниченными полномочиями, а действия его в этом случае будут итти на пользу родине и в развитие воли верховного нашего вождя, бывшего до сих пор источником законодательства и последним своим актом лично осудившего прежний его строй.

В заключение докладываю, что писал я все это не в осуждение кого-либо, т. к. я сам принадлежу к той же офицерской и армейской среде; к тому же я решил уйти со службы, что исполню в недалеком будущем.

Рапорт же этот мой прошу, ваше превосходительство, принять, как жалобу мою на современный порядок, и дать ей законный ход, т.-е. довести ее до главнокомандующего, как непосредственного здесь начальника этого порядка.

Генерального штаба подполковник *Левандовский* *).

2.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу [19].

Секретно.

Милостивый государь,

Николай Петрович!

По сведениям, мною полученным, несомненно, что г. Харбин в настоящее время представляет очаг заразы, и очень опасной, которая, если не будут приняты меры, распространится и в армии.

По докладу мне лиц, в правдивости и компетентности которых нельзя сомневаться, офицерские и нижние чины ведут в этом пункте себя распущенно, а нижние чины и вызывающе.

*) На подлинном надпись: «Резолюция генерал-квартирмейстера: Возвратить подполковнику Левандовскому. Орановский».

Генерал Надаров справлялся с трудом и в последнее время успел значительно очистить Харбин от запасных, но ныне неожиданно из Приамурского округа прибыло свыше двадцати эшелонов распущенных, развращенных малодушием властей Владивостока нижних чинов, которые подготовлены ко всякому безобразию, всякому насилию.

Нижние чины всех армий, обязанные по делам службы быть в в Харбине, видя распущенность нижних чинов в этом пункте, заражаются и сами.

Уже на станциях в районе расположения армий нижние чины начинают вести себя недисциплинарно: курят в присутствии офицеров, не отдают чести.

Офицеры в Харбине пьянствуют, играют азартно в карты, и своим поведением многие из них вызывают в нижних чинах и в гражданском населении неуважение к офицерскому мундиру.

Гражданское население Харбина, неразборчивое в средствах наживы, ныне оказалось неразборчивым и в средствах возбуждения среди нижних чинов и офицеров самых крайних учений, ведущих к к анархии.

Выходящие в Харбине без должной цензуры газеты подливают масло в костер [20]).

А между тем Харбин составляет базу всех трех армий и такой важности железнодорожный узел, что беспорядки, там начатые, при сопровождении их грабежом, поджогами и разрушением, лишат армию жизненных средств, а железную дорогу средств продолжать надолго работу по перевозке войск.

Все вышеизложенное дает мне основание признать положение Харбина крайне тревожным, а принятие в нем исключительных мер делом необходимым и неотложным.

По моему мнению, меры эти должны заключаться в следующем:

1) К городу Харбину необходимо применить положение о крепости в военное время, а ген. Надарову предоставить по отношению к гражданскому населению права коменданта [21]).

2) Усилить в Харбине полицейский надзор, совершенно ныне недостаточный.

3) Ввести в Харбин еще два донских казачьих полка и казачью батарею.

4) Разделить Харбин на участки и в каждом назначить участкового коменданта, обязанного самым строгим образом следить за поведением нижних чинов и офицеров. Назначить им в помощь офицеров, а также пешие и конные части.

5) Очистить Харбин от непутно проживающих в нем офицеров и чиновников. Разрешить временное проживание в Харбине даже по служебным делам не более двух офицеров от полка одновременно.

6) Войска, расположенные в Харбине, охранить от заразы усиленно. Проверить соответствие командного состава с трудностью задачи.

7) Нижних чинов, проживающих в Харбине, рассортировать. Кого надлежит — возвратить в свои части. Уволенных в запас взять в твердые руки, не стесняясь применением силы. Повторяю о необходимости продвигать их хотя малыми партиями вдоль дороги; если надо, — под конвоем казаков. Мороз и движение действуют успокоительно. Надо попробовать в отдельных командах запасных образовать солдатский надзор в виде круговой поруки. Запасные должны быть разбиты на маршевые батальоны и им дана организация, введен учет нахождения на лицо в отведенных помещениях, введен внутренний порядок. Можно командировать для командования ротами наших зауряд-прапорщиков.

Вместе с карательными мерами должны быть принимаемы и меры вразумления, внушения правильных понятий о событиях, совершающихся в России. Рекомендую и написанное мною наставление для запасных I Манчжурской армии, при сем прилагаемое.

Запасные, командами, с музыкою и песнями, в ногу, должны ежедневно совершать военные прогулки.

Весьма важно найти для них заработок и отвлечь их силы и время на полезную работу.

Полагаю необходимым привлечь их: а) к постройке полуземлянок на бригаду или, лучше, дивизию пехоты, бригаду артиллерии, полк казаков. Эти постройки очень пригодятся в будущем году; б) к постройке дорог в Харбине и окрестностях, особенно к укреплениям, и дорог, связывающих укрепления между собою; в) к планировке самого города Харбина, работ по планировке участков для новых пристаней и проч.

За дневную работу надо выдавать 20 и 25 коп.

8) Надо безусловно прекратить пьянство, разгул офицеров и нижних чинов. Для этого надо принять следующие меры:

9) Прекратить временно продажу спиртных напитков (водки) во всем Харбине без всяких исключений. У нарушителей водку конфисковать и уничтожать.

10) Закрывать заведения, где офицеры и нижние чины особо предавались разгулу и карточной игре.

11) Сократить число увеселительных заведений и обязать, чтобы к 11 часам вечера все они были закрываемы.

12) Все заведения, где дают пищу, должны быть закрываемы к 12 часам ночи, когда торговля, все заведения — все должно быть прекращено.

13) По отношению к гражданскому населению и служащих невоенного ведомства (вернее, всех ведомств) должны быть приняты особые меры. Прежде всего, необходимо оградить мирное население от насилий всякого рода, чинимых в Харбине: от воровства, бесчинства и разбоев на улицах, до терроризования массы населения социал-демократическою партиею. Манчжурия не часть России, а военный лагерь, временно занятый нашими войсками, а Харбин есть главный магазин этого военного лагеря: железнодорожный, продовольствен-

ный, вещевой, артиллерийский и проч. Ни в одном военном лагере не могут и не должны допускаться явления, вернее, безобразия, ставшие обычными в Харбине. Основание существования каждого военного лагеря: строгая дисциплина, порядок, отсутствие политической борьбы, политических манифестаций, отсутствие, конечно, пропаганды к подрыву дисциплины и к вызову военного бунта. Не могут и не должны поэтому эти явления быть допускаемы во всей Манчжурии и в Харбине в частности.

При более твердом, чем наше, правительстве, до издания при содействии Государственной Думы новых законов, отменяющих старые, открытая деятельность крайних партий была бы невозможна, но это дело не наше; если таковая деятельность допущена во всей России, трудно запретить ее в Приамурском крае и Забайкалье, но в Манчжурии, в нашем военном лагере, таковая, очевидно, должна быть запрещена, пока не будут выведены войска. Поэтому ныне же должны быть приняты меры к прекращению деятельности социал-демократической партии в Манчжурии *). Вожаков надо удалить из Манчжурии осторожно, но без колебаний, иначе мы не успокоим Харбина.

В числе служащих на Восточно-Китайской дороге и в правительственных учреждениях на сколько-нибудь ответственных должностях социал-демократы не могут быть терпимы.

14) Для успокоения Харбина и обеспечения мирной работы и жизни ее обывателям необходимо образовать должность градоначальника с сильным штатом полиции. Для заведывания городскими делами — образовать городскую думу из выборных людей (без политики).

15) Каждое сопротивление власти, в законном порядке действующей, каждое насилие той или другой из крайних партий над мирными гражданами должно беспощадно прекращаться силою. В особенности такая сила должна быть проявлена с полною энергиею, если в беспорядке участвуют воинские чины.

16) Надо принять меры к рассосредоточению наших складов из Харбина.

Пишу настоящее письмо, руководствуясь манифестом 17 октября, которым все верные сыны России призываются помочь прекращению смуты и напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле. Такой мир немыслим, если миллионная армия в Манчжурии будет отрезана от России и явит пример не доблести, а упадка дисциплины и разложения.

Излагая свое мнение с полною откровенностью, долгом своим считаю довести до сведения вашего высокопревосходительства, что если Харбин не будет приведен в полный порядок, я не могу отвечать

---

*) Газеты социал-демократического направления не должны издаваться в военном лагере. *(Примеч. подлинника.)*

за поддержание порядка и среди запасных чинов вверенной моему командованию I Манчжурской армии.

Прошу принять уверение в совершенном моем к вам уважении и таковой же преданности.

А. Куропаткин.

21 ноября 1905 г. № 286. Шуанченпу.

3.

Письмо И. П. Надарова А. Н. Куропаткину *).

Милостивый государь,

Алексей Николаевич.

За последнюю неделю события в Харбине пошли с поразительной быстротой. Образовался стачечный комитет служащих Китайско-Восточной железной дороги, который объявил условную забастовку. Из него выделился стачечный комитет рабочих, который начал с обструкции: закрывает рестораны, лавки, заставляет с завтрашнего дня бастовать извозчиков. Первый стачечный комитет хотел возить войска, и даже как будто усиленно. Второй, повидимому, может прекратить перевозку войск. В противовес этому последнему, а отчасти и в противовес первому комитету начинает организовываться партия реакции, и ожидается ежечасно свалка и пожары с погромами.

Верхнеудинский казачий полк ушел уже, Сибирские полки уже в движении домой. Осталось у меня 4 сотни 1 Аргунского казачьего полка и бригада 17 пехотной дивизии.

Нам необходима теперь помощь, и очень скорая. Пехота от нарядов уже обессилела. Сегодня послал вам шифрованную телеграмму; прошу бригаду донских казаков ускоренным маршем и бригаду надежной пехоты. О том же телеграфировал главнокомандующему и говорил с ним по телефону. Он обещал прислать, но не знаю, будет ли что. Я две недели назад просил усиленно принять должные меры, теперь уже поздно. Стачечный комитет представляет мне свои требования, а я, разумеется, не могу признавать этого комитета. В Чите рабочие с казаками и солдатами гарнизона уже дважды собирались на митинги и предъявляли генералу Холщевникову ряд требований, в том числе освободить с гауптвахты двух казаков, осужденных военно-окружным судом в арестантские роты, и Холщевников освободил...

Вчера была сходка в мастерских Харбина, и были депутации от I, II и III армий. Революционеры внушили представителям от армий, что стачечники возят войска и даже будут возить бо́льшим числом

*) На письме две приписки: «Получено 28 ноября в 8½ ч. утра. *Куропаткин*». «Ответ на мое письмо к г. Линевичу от 21 ноября № 286, препровожденное к г. Надарову в копии. *Куропаткин.*»

поездов, но что начальство военное препятствует перевозкам и не пускает солдат к отправлению, а поэтому солдатам необходимо вырезать все свое начальство, начиная с главнокомандующего и командующих армиями и кончая последним офицером.

Когда представители армий ушли ехать *) по своим армиям, то те же агитаторы говорили, что вот, мол, начальство натравляет солдат на нас, а мы их натравим на начальство. Еще посмотрим, чья возьмет.

Положение очень скверное, и я все это передал по телефону главнокомандующему. Но ничего в ответ не получил.

Очень прошу прислать бригаду казаков и бригаду пехоты.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и уважении.

Покорный слуга *Ив. Надаров.*

27 ноября 1905 г. № 1501. Харбин.

4.

Письмо А. Н. Куропаткина И. П. Надарову.

Секретно.

Многоуважаемый Иван Павлович.

Письмо ваше от 27 ноября № 1501 получил, содержание его передал по телефону ген. Линевичу, в виду указания вашего в письм', что это сделано и вами.

Ген. Линевич, которому я еще раз указал на серьезность положения, повидимому, надеется на беспрепятственное движение войск, что он признает главным делом, допускающим закрыть глаза на то, что в сущности не он уже хозяин на жел. дороге.

На мое замечание, что стачечный комитет может прекратить перевозки по любому предлогу, ген. Линевич ответил мне, что тогда он будет пробиваться вперед, подобно тому, как то было исполнено с 13 арм. корпусом.

Бригаду казаков и бригаду пехоты вам посылаю. Вместо батареи ген. Лечицкий [22]) берет со стрелками пулеметную роту. Посылается два полка донских казаков с начальником дивизии г.-м. Стояновым во главе и бригада (6 б-в) 6-й В.-Сиб. стр. дивизии, 22 полк (Некрасов) и два б-на 24 полка (Суворов), пулеметная рота.

Части и командиры их отборные. Стрелки идут, оставив запасных. Состав их 100 штыков в роте. Смотрите на них, как на боевую силу, но не замотайте их нарядами. Караульную службу должны начать нести и вновь формируемые полки 4 В.-С. стр. дивизии (Фок).

Искренно готовый помогать вам *А. Куропаткин.*

28 ноября 1905 г. № 296. Шуанченпу.

*) Так в подлиннике.

5.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу.

Копия.

Весьма секретно.

Милостивый государь, Николай Петрович.

Положение становится все более серьезным. В настоящее время армия является отрезанной от империи. Хотя еще продолжают перевозить войска, но возможно, что и это будет прекращено.

Одновременно может быть прекращен подвоз всего продовольствия, а имеющийся кредит, за неполучением из России, иссякнет.

Уже и теперь идет пропаганда в армии, с указанием на то, что стачечники возят войска, но что начальство им препятствует.

С полным прекращением перевозок стачечники объяснят это незаконными действиями начальствующих лиц.

Генерал Надаров письмом сообщил мне, что на сходках стачечников присутствовали представители всех 3-х армий, которым и внушались означенные идеи, с предложением уничтожить начальство, после чего войска скоро и свободно перевезены будут в Россию.

Кроме этого, и в армию разосланы агитаторы. Сегодня получена телеграмма генерала Ренненкампфа [23]) об арестовании в Укашу двух лиц. Один из арестованных назвался штабс-капитаном конной батареи Шагиным, а другой — статский — его братом. Оба проживают в Харбине, оба не имеют никаких документов.

Находясь в местном ресторане в Укашу, оба проповедовали явно революционные идеи и были арестованы по приказанию генерала Ренненкампфа.

Все это указывает на серьезность положения и необходимость принятия энергичных мер.

1) Прежде всего, нужно озаботиться заготовлением продовольственных запасов, дабы предотвратить голодовку армии.

Поэтому полагал бы необходимым возможно ограничить расходование кредитов по всем нуждам, за исключением подготовки обеспечения довольствием.

2) Расформирование отделов управления интендантского, санитарного и сокращение штаба армии в то время, когда деятельность их особенно необходима, признаю несвоевременным, тем более, что при осмотре мною частей войск оказалось, что они не обеспечены теплой одеждой, а хлеб выпекается недостаточно хорошего качества.

3) Необходимо взять железную дорогу, до Иркутска по крайней мере, в свои руки, дабы забастовки служащих не оказывали на движение до этого пункта никакого влияния.

4) Обратить внимание на обеспечение складов в Харбине и рассосредоточить их.

5) Конных частей в I армии недостаточно. Забайкальская дивизия перегружена лошадьми, предназначенными для населения. Что касается Сибирской казачьей дивизии, то там, наоборот, более половины без лошадей, за их продажей.

Полагал бы часть лошадей, взятых для населения, передать в Сибирскую казачью дивизию, дабы посадить ее на коней. Испрашиваю разрешения на это.

6) Продажа водки с ханшинных заводов в районе армии, несмотря на принятые меры, все еще продолжается.

Прошу принятия экстренных мер к закрытию ханшинных заводов, с тем, что если продажа будет продолжаться, то все машины будут уничтожены, дабы прекратить выделку.

7) Сегодня выяснилось, что, несмотря на все принятые меры, до сих пор продолжается подвоз спирта из Харбина на лошадях. Необходимо принять самые энергичные меры к прекращению продажи водки и спирта в Харбине.

Примите уверения в совершенном почтении и таковой же преданности.

Подписано *А. Куропаткин.*

О последующем прошу не оставить меня предписанием. Важнее всего привести в порядок и водворить снова дисциплину среди офицеров и низших чинов, проживающих в Харбине.

Посылаемые сегодня в Харбин казачья и стрелковая бригады будут быстро развращены, если этих мер принято не будет.

Нижние чины массами толкаются на улице, продают свои казенные вещи, пьянствуют, бесчинствуют и имеют право думать, что харбинское начальство их боится.

Подписано *Куропаткин.*

28 ноября 1905 г. № 299. Ст. Шуанченпу.

6.

Письмо А. Н. Куропаткина Н. П. Линевичу.

Копия.

Дорогой Николай Петрович!

Насколько возможно, я успокоил ген. Надарова, дабы удержать его от принятия таких мер, которые послужат нам во вред, если явятся единичными и несвоевременными. Я обратил его внимание прежде всего на необходимость приведения в полный порядок воинских чинов и частей войск, которые находятся в Харбине. С переводом в Харбин бригады казаков и бригады стрелков, он может и должен, по моему мнению, положить предел тем безобразиям, кои чинят нижние чины в Харбине, а именно: беспорядочному толканию нижних чинов по улицам вместе с горожанами, продаже казенной одежды, пьянству,

неотданию чести, участию в разных митингах, в массовом заявлении разных претензий, сходкам чинов железнодорожных войск, воровству и грабежу, чинимых нижними чинами. Работа предстоит большая, но ее надо во что бы то ни стало выполнить. Только приведя военных чинов в порядок, можно будет приняться за упорядочение гражданского населения Харбина.

Очень важно следить, чтобы типографии в Харбине, даже казенные, не выпускали массу прокламаций. Мы не можем уберечь армию от распространения их, если не закроем источника происхождения — харбинские склады — этих прокламаций.

Повидимому, всеобщей забастовки железных дорог в России нет. Мы были обмануты. Если это так, то мы должны осторожно начать действовать, чтобы Китайская и Забайкальская дороги снова стали работать нормально. Надо скорее, хотя демонстративно, приступить к устройству этапных пунктов вдоль пути к Байкалу и Владивостоку, начать заготовлять лес, рыть землянки. Надо привлечь пограничную стражу к целям успокоения на дороге. Теперь Чичагов [24]) помощи нам не оказывает. Надо прочно захватить в наши руки главные пункты: станцию Манчжурия, Харбин, чтобы прервать сношения по железнодорожному телеграфу стачечников с Самарою и Москвою. Надо скорее особый провод с аппаратами Уитсона взять в свои руки, вызвав и поискав людей, которые на этих аппаратах умеют работать. Железнодорожные батальоны становятся ненадежными, особенно в Харбине. Надо эти батальоны вывести из Харбина (кого только можно), произвести им смотры, прибавить строевой выправки, напомнить нижним чинам, что они солдаты, крепко наказать, если они того стоят, но не давать разложению итти далее. Железнодорожные чины на линии распущены. В районе I армии я признаю, на основании закона, что в дисциплинарном отношении они подчинены мне, и уже приказал произвести им осмотр, опрос претензий, проверить знание ими основных правил строя и дисциплины, и все это сделать, не нарушая и не вмешиваясь в их специальную службу. Забайкалье меня очень тревожит. Надо там восстановить твердую власть. Если правда, что гарнизон Читы примкнул к стачечникам и составлял рассылаемое по войскам воззвание, то, очевидно, Холщевников [25]) оказался не на высоте занимаемого им поста. Надо принять меры, чтобы полки сибирской дивизии, приходящие малыми частями, не заражались мятежным духом.

Не следует ли сменить Холщевникова, если он оказался негодным? Но мы бедны людьми, и заменить его трудно. Я бы мог рекомендовать г.-м. Полковникова [26]): это умный и твердый человек. Вследствие формирования 4 и 7 В.-С. стрелковых дивизий, совершенно, по моему мнению, несвоевременного, и увеличения состава частей, остающихся на Дальнем Востоке, наши армии пришли в расстройство, которое не может не внушать опасений. Повторяю, что 1-й армейский корпус не может в Евр. России с успехом нести внутреннюю службу

без возвращения в его ряды нижних чинов сроков 903 и 904 г. г. Другие корпуса и дивизии I армии получали массу неизвестных им людей из других армий и тыловых учреждений. Есть роты по 260 чел. (с запасными). Размещены плохо, походных кухонь нехватает. Из других частей новые укомплектования прибывали почти раздетые и без предупреждения. Сбыли в сибирские стрелки массу евреев, поляков, слабосильных (из русских стрелковых и других частей), сбыли таких (1905 г.), которые строй знают очень плохо. Сегодня я был очень огорчен осмотром бригады 6-й дивизии, идущей в Харбин. Совсем не те полки (22 и 24), которые вы видели. Масса, почти половина *), нового народа, и притом мало выученного и невидного, слабого. Надеюсь, что молодцы-командиры скоро приведут их в порядок.

Слышал, что формирование 4 и 7 дивизий идет недостаточно успешно и что настроение Харбина отражается на вновь формируемых. Никогда я не посоветовал бы выбрать для формирования такую заразную яму, как Харбин. Вы увидите, что влияние Харбина в этих дивизиях останется надолго. Очень было бы полезно скорее вывести 4 и 7 дивизии из Харбина.

Водка все продолжает итти из Харбина волною. Ханшин [27]) пьют сильно. Помогите прекратить это. Но самое главное наше горе в настоящее время в армии — это все растущее среди запасных нижних чинов недоверие к справедливому увозу запасных и войск на родину. Приказу 10 ноября № 2485 [28]) перестают с основанием верить, а между тем в этой вере наша крепость. Рухнет вера, — начнутся беспорядки. В нарушении этого приказа крепко винят вас и Надарова. Создается убеждение, что стоит только зашуметь или лично попросить, и попадешь домой вне очереди. Указывают целые группы запасных, которые попали на поезда случайно, потому что выпросили себе это. Указывают отдельные кучки, которые, осаждая Надарова, добиваются будто бы того, что он приказывает перевезти их. Указывают на многие ваши приказания на движение вне вами же установленной очереди войсковых частей и запасных разных госпиталей и пр. Особенно тяжелое впечатление в армии произвела перевозка домой 6 и 9 Сибирских полков. По приказу № 2485 эти полки должны были итти после Забайкальских, а пошли ранее, не имея на то никакого права. Полки в боях не участвовали, а 6 полк даже второочередной. За что же обижены забайкальцы и потрудившиеся славно 4, 5, 7 и 8 Сибир. каз. полки? За что отнята у них вера в справедливость? **) Волнение еще более увеличилось, когда получилось известие, что вы хотите русские пулеметные отделения, приданные к Сибирским полкам, везти в Россию ранее сибирских казаков. Очень и очень прошу отменить это распоряжение. Очень прошу не давать отдельных разрешений на перевозку

*) В некоторых ротах более половины. (*Примеч. подлинника.*)

**) Лучше отказаться от моего предложения дать им лошадей, чтобы не увеличивать их сомнений. (*Примеч. подлинника.*)

командам госпиталей и другим частям, в противность приказа за № 2485. Это очень важно, иначе за спокойствие среди запасных армий я отвечать не могу.

Дайте нам твердую веру, что никто приказа за № 2485 не будет изменять, и тогда мы будем иметь в руках оружие порядка, иначе порядок будет нарушен.

Нахожу совершенно неправильным, что общий план перевозки войск составляется без участия командующих армиями и их начальников штабов. Отсюда и являются такие, например, неожиданности, что, по составленному плану перевозки 4 Сибирского корпуса, в голове всего корпуса уезжал со штабом командир корпуса. Мне представляется необходимым, чтобы план перевозки войск: запасных 1-й очереди, казаков и головных частей армии, ранее представления вам, был ныне же разработан в особом совещании, под председательством ген. Надарова, из ген. Шкинского [29]) и Орановского [30]) и начальников штабов армий. Составленный и утвержденный вами, этот план, объявленный в приказе, должен составить неизменяемую величину.

Объявление в «Манчжурском Вестнике» общей цифры увозимых запасных—недостаточно. Надо, чтобы армии знали, что увозят этих запасных справедливо: по плану, а не по отдельным разрешениям.

10.000 лошадей для Забайкалья крайне стесняют забайкальских казаков и могут замедлить их отъезд на родину [31]). Обращаю на это ваше внимание. Неудобно, чтобы этот дар стал источником смуты в Забайкальск. каз. дивизии, славно послужившей в Манчжурии. Равно совершенно нежелательно, чтобы перевозка этих лошадей по железной дороге замедлила движение по ней людей.

Прочтите, дорогой Николай Петрович, настоящее письмо без горечи. Надо, чтобы вы знали правду, как она ни была неприятна вам. Мне, бывшему вашему начальнику, всегда вас высоко почитавшему, а теперь вашему усердному и исполнительному, всем сердцем расположенному к вам подчиненному, скрывать от вас правду не приходится. В том, что мною написано, может и не все подтвердится, но все изложенное в этом письме серьезно и должно привлечь ваше внимание и заботу.

Всегда преданный вам *А. Куропаткин.*

29 ноября 1905 г. Шуанченпу.

Еще скажу вам одну неприятность: не давайте слишком щедро наград вне поступающих к вам представлений, так сказать, наград случайных. По этому поводу слишком много идет в армиях вредных разговоров и слишком много обиженных, а самые награды, как Владимир 4 ст. и золотое оружие, обесцениваются. Тоже и знаки военного ордена нижним чинам вызывают разговоры, что «получили напрасно».

7.

Речь ген.-лейт. Надарова на собрании офицеров 2 декабря 1905 г. *).

В виду того, что в печати и в обществе различно и не вполне верно воспроизводится слово, произнесенное главным начальником тыла Манчжурских армий тем г. г. офицерам харбинского гарнизона, кои посетили общее собрание 2 декабря, редакция имеет возможность привести и эту речь, дословно записанную за ген.-лейтенантом Надаровым.

«Я пригласил вас сегодня, чтобы вы могли обсудить то тяжелое положение, в котором находится ныне государь император и наша армия в Манчжурии благодаря стачкам, забастовкам и агитации революционной партии. После манифеста 17 октября наступила свобода союзов. Но военный союз всегда существовал со времени образования армий и будет существовать до скончания века, как союз братский, товарищеский.

Ни для кого из вас не секрет, что революционная партия распространяет свои агитации среди нижних чинов и даже подговаривает нижних чинов к избиению офицеров. Вот мы должны обсудить, какие меры следует принять к противодействию этой пропаганде. Я получил такого содержания телеграмму от главнокомандующего, которую объявлять не буду, но в вашей среде считаю себя обязанным сказать ее содержание. «Получил телеграмму от харбинского стачечного комитета, что служащие станции Таолайчжоу ожидают поголовной резни со стороны военно-служащих всех железнодорожно-служащих от Таолойчжоу до Харбина. Объявите, что мною приняты все меры к недопущению этого. Вместе с тем объявите, что уже два месяца прошло со времени заключения мира и можно было бы вывезти более 200 тысяч запасных, а их вывезено только 54 тысячи благодаря стачкам и забастовкам. Также в армии многие солдаты мерзнут без папах, полушубков и валенок. Главный полевой интендант доложил мне, что огромное количество вагонов с этими вещами задержаны на Мысовой, Адриановке [32]) и по другим станциям благодаря стачкам и забастовкам.

Это, конечно, вносит раздражение среди чинов армии. Прошу принять меры, чтобы вагоны с этими грузами срочно были доставлены в Харбин, а равно к срочной передаче теплушек с Сибирской и Забайкальской дорог на Китайскую для вывоза войск, и принять меры к увеличению числа поездов, как то было 26 ноября, когда из Харбина было отправлено восемь поездов».

Стачечники распространяют по телеграфу в газеты заведомо ложные сведения, что железные дороги могли бы давать восемь, шестнадцать и даже двадцать пар поездов в сутки для вывоза армии из Манчжурии, но что военное начальство этому препятствует и высшая желез-

*) Напечатано в газете «Военная Жизнь», № 4, от 6 декабря 1905 г. Статья „К собранию г. офицеров 2 декабря".

нодорожная администрация ничего сделать не может. Еще сегодня утром я получил такую записку по телеграфу от читинского стачечного и рабочего комитета и сегодня же утром получил телеграмму из Иркутска, что Сибирская дорога не принимает от Забайкальской более четырех воинских поездов и потому станция Иннокентиевская совершенно забита и просит высылать не больше четырех поездов в сутки на запад.

До сих пор нам удалось удержать порядок и избегать насилий. Надо принять меры к разъяснению нижним чинам всей неосновательности распространяемых среди них воззваний стачечных и революционных комитетов, что военное начальство тормозит перевозку войск и посылает мало поездов, что в действительности на Сибирскую железную дорогу с Забайкальской продолжают принимать только по четыре поезда. Надо нам сплотиться и принять меры, чтобы сдерживать и тех из своих товарищей, которые имеют слабости и случайно своим поведением могут вызвать взрыв.

Вновь повторяю, до сих пор удалось избегнуть кровопролития; прошу вас употребить все меры к недопущению кровопролития и на будущее время. Если же, паче чаяния, армия будет поставлена в такое положение, что со стороны стачечников-революционеров будет открыто против армии кровопролитие, то мы поневоле прибегнем к кровопролитию, и тогда уже с нами, как с озверелой толпой, нельзя будет разговаривать.

Я первый тогда пойду впереди всех с ножом и буду резать всех, кто попадется под руку: и стариков, и женщин, и детей. Но до тех пор, пока я не покажу такого примера, прошу вас употребить на нижних чинов все ваше влияние и внушить им, чтобы кровопролития и насилия не допускали.

А теперь, господа, я вас оставлю, ибо за последние три недели настолько истомился, что едва держусь на ногах».

8.

Письмо Н. П. Линевича А. Н. Куропаткину.

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Сегодня я получил от государя императора по датскому телеграфу телеграмму, в коей его величество гневно указывает, что самоуправство стачечных и других комитетов внесли смуту и своеволие по всей сибирской магистрали и в население местностей, прилегающих к железной дороге. Что не обузданное вначале закономерными действиями властей самоуправство это местами приняло характер мятежа и отрицания законных властей.

Что полученные его величеством сведения указывают, что мною не были приняты своевременно меры для удержания железных дорог, телеграфа и подчиненных мне областей от непрерывающихся и по на-

стоящее время самоуправства и своеволия стачечных комитетов железно-[дорожных?] и телеграфно-служащих.

Что посланное мне его величеством три недели тому назад повеление о посылке генерала Ренненкампфа[33]), насколько известно его величеству, еще и до сих пор не приведено в исполнение.

После сего государь повелевает немедленно последнее исполнить и в кратчайший срок примерно наказать виновных в самозванном присвоении себе власти по всей строгости законов по военному времени и установить по всей железнодорожной полосе и в прилегающих к ней городах беспрекословное исполнение требований законных властей.

Затем требуется доносить ежедневно о принятых мерах.

Само собою разумеется, что содержание этой телеграммы в значительной степени справедливое, но только при заключении из Петербурга, откуда не видны все полностью обстоятельства, сопровождающие данное положение.

По моему глубокому убеждению, мы на месте имели два течения, с которыми было необходимо одновременно и упорно бороться. Одно — стачечный комитет, забастовщики и разного рода союзы, созданные частью смутами, а частью всеобщим движением, чему содействовали имевшие в России колоссальный успех забастовки. Другое же течение, это — наши запасные, которые, будучи подстрекаемы агитаторами и революционерами, настойчиво требовали исполнения их справедливого и законного желания быть отправленными по окончании войны на родину. Это последнее было не только тревожно, но даже и опасно, — могло перейти даже в военный бунт.

Таким образом, из двух необходимо было избрать одно, и еще тем более что мы в то время имели все города: Никольск, Хабаровск, Харбин, Манчжурию, Читу, Нингуту, наполненные исключительно маршевыми и запасными батальонами, составленными из одних запасных. Это были не более как толпы и вооруженные банды, державшие перечисленные города, как и Владивосток, в осадном положении. Все города это отлично понимали, и все вопили скорее освободить их от этих войск, всегда способных по характеру на разгром, а таких войск было около 100 тыс. Пароходов же не давали.

Вот причины, почему я вынужден был оставить стачечников в покое временно и воспользоваться их спокойствием, чтобы вывезти запасных из тыла.

В наших армиях запасные, даже и из находившихся в строю, тоже сильно бродили и волновались; не много требовалось, чтобы и между ними вспыхнул мятеж.

Однако, благодарение богу, оставляя стачечников в покое на некоторое время, мы тем временем вывезли значительное число запасных, успокоили наши армии, и хотя еще не успели вывезти даже и 1-й очереди, тем не менее, мы ныне сделались очень сильны, даже настолько сильны, что мы уже и ныне, не обращая особенного внимания на запасных, можем спокойно разогнать всех стачечников.

Но и стачечники, и забастовщики ныне, по моему мнению, стали значительно слабее, и ныне с ними управиться стало легче. Вот только одна Чита еще крепка и даже, к огорчению, вооружилась; с нею покончить будет труднее [34]).

В общем я все же считаю лучшим, что мы вывозили запасных, и сожалею, что мы их еще и до сего времени не вывезли. Если бы мы к этому времени успели бы вывезти 1-ю очередь и начали вывозить вторую, то мы бы были настолько сильны, что и России могли бы облегчить их задачу.

Пароходов все еще нет из России и во Владивостоке не нанимаются. Вообще в России не желали, а может быть, и не умеют понять то тяжкое положение, в котором находились наши армии.

Но что делать,— чем, однако же, скорее меня уберут из существующего тяжелого положения, тем для меня будет только отраднее.

Не во-время случилось и настоящая задержка на Хингане [35]),— она многое у нас затормозила, но будет все спокойно.

В Хабаровске даже и ныне все еще волнуются: там осталось некоторое число запасных, и вот они все мутят, а пароходов нет вывезти.

Во Владивостоке из железнодорожного стачечного комитета одного члена, некто доктор Ланковский [36]), арестовали. Он врач Уссурийской железной дороги, вступил в стачечный комитет и ныне всю дорогу убеждает, что Креммер [37]) сумасшедший. Вот за это его привлекли к ответственности и избрали меру пресечения... арест на гауптвахте. Комитет волнуется, мне телеграммы пишет, но сегодняшняя телеграмма от государя, которую я отправил Хрещатицкому [38]) и Селиванову [39]) для руководства и исполнения, только лишь поддержит Селиванова, Креммера и Ельшина [40]), не отдающих Уссурийскую дорогу в руки стачечного комитета.

Примите уверение в совершенном уважении, жму вам руку.

Н. Линевич.

Также государь император требует, чтобы немедленно были бы отправлены без запасных 3-я и 37-я пехотные дивизии в Россию.

Как видите, просто рвут из Петербурга, и не знаю, что делать. Они еще добавляют, чтобы от названных дивизий запасных оставить в армии, образовать из них роты и уже по отправлении дивизий отправить запасных.

Прямо ведут дело к тому, чтобы у нас явился мятеж.

Также государь меня упрекает еще и в том, что я моим приказом от 10 ноября № 2485 коренным образом изменил существовавшее предположение мое отправлять корпусами.

Н. Линевич *).

6 января 1906 г. Лошагоу.

---

*) На подлинном надпись: «Получил 7 января. *Куропаткин*».

III.

События в Чите.

Заключение *) военного прокурора суда войск Дальнего Востока по делу о бывшем военном губернаторе Забайкальской области, командующем войсками в этой области и наказном атамане Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенанте Холщевникове, Иване Васильевиче, и бывшем командире 2-го пехотного Сибирского Читинского полка генерал-майоре Румшевиче, Иосифе Францевиче [41]).

Вслед за обнародованием высочайшего манифеста 17 октября 1905 г., вследствие неправильного понимания всемилостивейше дарованных сим манифестом свобод, во многих местах нашего отечества начались политические движения, принявшие весьма резкий характер.

В Забайкальской области это политическое движение зашло особенно далеко и приняло характер чисто революционный, мятежнический. Для подавления этого мятежа правительством были приняты чрезвычайные меры, и только благодаря этим мерам край был умиротворен.

По умиротворении края, для выяснения причин, давших возможность развиться этому революционному движению, был произведен ряд дознаний, одно из коих установило, что главной причиной развития революционного движения в Забайкальской области вообще и в г. Чите в частности была деятельность военного губернатора области, командующего в ней войсками и наказного атамана Забайкальского казачьего войска, генерал-лейтенанта Холщевникова, а впоследствии, с начала декабря 1905 г., и деятельность генерал-майора Румшевича, командующего 2-м пехотным Сибирским Читинским полком, прибывшим в Читу на усиление гарнизона.

Деятельность названных генералов по дознанию представляется в таком виде.

I. Деятельность генерал-лейтенанта Холщевникова.

Из показания, данного на дознании читинским уездным воинским начальником полковником Воложаниновым, видно, что в 1905 г. в г. Чите находились: 2-й читинский резервный батальон, 6-й восточно-сибирский запасный батальон, читинская местная команда, в составе 40 человек, читинская конвойная команда, в составе 19 человек, сбор-

*) Заключение было представлено министру внутренних дел воен. губернатором Забайкальской области ген.-м. Сычевским [42]) при отношении 23 апр. 1906 г. № 1286. (*Прим. ред.*)

ная конная сотня, в составе около 200 человек, запасный артиллерийский забайкальский казачий взвод, который, кроме двух орудий, мог дать до 100 шашек, и, наконец, 3-й резервный железнодорожный батальон (т. I, л. 140).

Из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного сибирского Читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437 видно, что 15 октбяря 1905 г. во 2-м читинском резервном батальоне состояло нижних чинов 912, а в 6-м восточно-сибирском запасном батальоне 304, а следовательно, в общей сложности, в обоих батальонах 1216 человек (т. I, л. 141).

Таким образом оказывается, что если даже считать 3-й резервный железнодорожный батальон, Читинскую местную команду и читинскую конвойную команду постоянно занятыми службой по своей специальности, к октябрю 1905 г. для поддержания в г. Чите государственного порядка в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова было 2 орудия, около 1200 человек пехоты и около 300 человек кавалерии.

В указанное время гарнизон г. Читы был вполне благонадежен. Доказывается это нижеследующим.

1) Нижние чины 3-го резервного железнодорожного батальона, впоследствии совершенно развратившиеся в дисциплинарном отношении и в январе 1906 г., в числе слишком сорока человек, учинившие тяжкие воинские преступления, по прибытии своем в г. Читу, на вопросы знакомых железнодорожных рабочих — будут ли они в случае возникновения беспорядков стрелять в них, отвечали обыкновенно: «а присяга на что? прикажут, так и будем». Это удостоверили на судебном заседании временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа по делу о беспорядках в названном батальоне, свидетели: штабс-капитаны Матвеев и Щукин, поручик Федотов, подпоручик Султанов и прапорщик Иванов (т. I, л. 136).

2) 14 октября 1905 г. в читинских железнодорожных мастерских произошла забастовка, сопровождавшаяся прекращением движения поездов, порчей телеграфа и двух запасных паровозов. Для охраны железнодорожных сооружений на ст. Чита были назначены 2 роты 3-го резервного железнодорожного батальона и одна рота 6-го сибирского запасного батальона. 15 октября утром толпа железнодорожных рабочих сделала попытку овладеть вагоном с винтовками, находившимся в материальном складе дороги; попытка эта окончилась неудачей, так как толпа была отбита охраной, при чем один рабочий был ранен. Затем толпа рабочих человек в 300, с красными флагами и пением, со станции Чита-вокзал отправилась на станцию Чита-город, но здесь у самой станции была остановлена войсками и после увещания, опустив флаги, вернулась обратно. Около часу дня те же люди пришли по-одиночке на базарную площадь и здесь соединились с несколькими стами городских рабочих. По прибытии войскового наряда

толпа эта разошлась, и к вечеру порядок был восстановлен; 16 и 17 октября никаких беспорядков не было, хотя забастовка и продолжалась (т. IV, л. 34, л. 36).

3) Утром 19 октября 1905 г. толпа учащихся и рабочих ворвалась в здание читинской мужской гимназии с целью устроить сходку без участия учебного персонала. По требованию полиции толпа оставила здание и направилась к зданию женской гимназии, но была рассеяна взводом казаков, при чем к принудительным мерам открытою силою казаки не прибегали. После полудня за речкой Читой толпа учащихся и рабочих снова собралась и двинулась в город. Навстречу ей была выслана сотня казаков, которой для рассеяния толпы пришлось прибегнуть к открытой силе в виде конной атаки. Во время этой атаки некоторые из толпы были помяты, получили удары нагайками и ушибы (т. IV, л. 44, 43).

Применение к рассеянию сборищ военной силой и беспрекословное исполнение военнослужащими приказаний по этому поводу начальства не остались без влияния на жителей города и рабочих, показав им, что объявление военного губернатора Забайкальской области от 17 октября 1905 г., запрещающее всякого рода уличные сборища, сходки и собрания, под угрозой прекращения оных всякими мерами, вплоть до употребления оружия включительно, есть вещь серьезная, с которой нужно считаться. Доказательства этого генерал-лейтенант Холщевников получил того же 19 октября: в этот день к нему явилась депутация от железнодорожных служащих и рабочих с просьбой разрешить похоронить на городском кладбище тело рабочего Кисельникова [43]), убитого 15 октября при нападении на вагон с винтовками; генерал-лейтенант Холщевников разрешение это дал, но под условием, чтобы в похоронной процессии не было красных флагов и чтобы по окончании похорон толпа разошлась с кладбища по-одиночке. Требование это железнодорожными служащими, рабочими и вообще всеми участвовавшими в похоронах Кисельникова было исполнено (т. IV, л. 38, 44 об.).

После 19 октября 1905 г. верный в то время долгу службы и присяге гарнизон города Читы, в смысле поддержания государственного строя, употреблялся только для караулов, число коих было увеличено, и для патрулирования. К открытой силе для поддержания порядка генерал-лейтенант Холщевников более не прибегал, сообщив 21 октября главнокомандующему, главному начальнику тыла и генерал-губернатору, что находящихся в городе войск для употребления против беспорядков силы далеко недостаточно, что употребление войск против уличного сборища 19 октября вызвало сильное возбуждение среди населения и служащих и что в целях успокоения населения и водворения нормальнаго течения жизни он приложил все меры к тому, чтобы обойтись без применения открытой силы (т. IV, л. 45).

В конце октября гарнизон города Читы был усилен 4-м Забайкальским пешим батальоном и задержанными на станции воинскими эшелонами № 501 и 502 (т. III, л. 10, т. IV, л. 30).

14 октября 1905 г. приамурский генерал-губернатор телеграммой за № 112 указал генерал-майору Холщевникову от имени товарища министра внутренних дел, что всякие сборища, сходки и собрания, на устройство коих не испрошено разрешения, должны быть прекращаемы всеми мерами, вплоть до применения открытой силы (т. I, л. 142).

Несмотря на это указание и усиление гарнизона, генерал-лейтенант Холщевников не прибег к помощи войск и в следующем имевшем весьма важные последствия случае.

По словам свидетелей читинского уездного воинского начальника полковника Воложанинова, начальника Забайкальской местной бригады генерал-майора Якубинского, адъютанта наказного атамана сотника Бабина, находившихся в карауле на гауптвахте рядовых расформированного ныне 2-го читинского резервного батальона Ивана Зайцева и Гикалова, бывших очевидцами всего происходившего, 24 ноября 1905 г., часов около пяти вечера, толпа народа человек в 400—500, пройдясь с красными флагами и пением несколько раз по Амурской улице, подошла к дому наказного атамана. Толпа осталась на улице, а в дом вошло несколько депутатов, которые, когда к ним вышел генерал-лейтенант Холщевников, потребовали от него освобождения содержащихся в Акатуевской тюрьме бывших матросов транспорта «Прут» [44]), арестованных на гауптвахте, в ожидании отправления в дисциплинарный батальон, казаков Полутова и Мисюркеева [45]) и содержавшегося в тюрьме, в предварительном заключении, некоего Кривоносенко [46]). Освободить из Акатуевской тюрьмы бывших матросов транспорта «Прут» генерал-лейтенант Холщевников отказался, а на освобождение Кривоносенко, Полутова и Мисюркеева согласился и тут же продиктовал сотнику Бабину [47]) и подписал две записки об освобождении: одну на имя начальника тюрьмы, а другую на имя караульного начальника. Затем записки эти были переданы депутатам, а сотнику Бабину было приказано съездить на гауптвахту и в тюрьму, чтобы предупредить там о состоявшемся распоряжении до прихода толпы; на гауптвахту до прихода толпы сотник Бабин попасть не успел, в тюрьме же возложенное на него поручение исполнил, предупредив начальника, что военным губернатором дана отцу Кривоносенко, бывшему в числе депутатов, записка об освобождении сына на его поруку (т. I, л. 17, л. 18, л. 18 об.).

Получив записки, депутаты вышли из дома; один из них стал на тумбу и сообщил толпе, что генерал-лейтенант Холщевников приказал освободить Кривоносенко и двух казаков; после этого толпа, с криками «ура» и пением, направилась на гауптвахту. При приближении к гауптвахте некоторые из толпы, в том числе и бывшие в толпе казаки, видимо, ожидая сопротивления со стороны караула, стали заряжать револь-

веры, но дело до стрельбы не дошло, так как караульный начальник, получив записку об освобождении Полутова и Мисюркеева, немедленно отпустил их с гауптвахты. Затем толпа отправилась в тюрьму и точно так же освободила Кривоносенко, при чем отец его на записке об освобождении собственноручно написал, что берет сына на поруки (т. I, л. 25 об., л. 24 об., л. 9).

Освобожденный из тюрьмы генерал-лейтенантом Холщевниковым арестант Дмитрий Кривоносенко числился за военным судом, по обвинению в деяниях, за которые ему грозили каторжные работы (т. I, л. 6).

Бывшие матросы транспорта «Прут», освобождения коих из Акатуевской тюрьмы требовали депутаты толпы от генерал-лейтенанта Холщевникова, были выпущены на свободу 20 декабря 1905 г., при чем по поводу их освобождения начальник названной тюрьмы статский советник Фищев [48]) показал на дознании следующее. Вследствие предписания генерал-лейтенанта Холщевникова от 26 ноября 1905 г. за № 8862 он, статский советник Фищев, 5 декабря 1905 г. прибыл в г. Читу и явился к военному губернатору; генерал-лейтенант Холщевников сообщил ему, что на него поступила жалоба от освобожденного государственного преступника Вайценфальда и что он опасается, как бы в Акатуевской тюрьме не вспыхнул бунт. Успокоив военного губернатора в отношении возможности бунта, он спросил, как ему поступить, если в тюрьму явятся делегаты от революционеров и потребуют освобождения заключенных. На это генерал-лейтенант Холщевников ответил, что в этом случае нужно тотчас же освободить заключенных, а отнюдь не оказывать вооруженного сопротивления. 20 декабря 1905 г. к нему в Акатуевскую тюрьму прибыло шесть делегатов от читинского гарнизона двое рабочих и четверо солдат, вооруженных шашками [49]); делегаты эти предъявили ему какую-то записку с требованием освободить 15 человек заключенных, бывших матросов с транспорта «Прут». Помня приказание своего начальника, генерал-лейтенанта Холщевникова, он это требование беспрекословно исполнил, хотя при тюрьме была конвойная команда численностью в 60 человек (т. I, л. 105, л. 106).

Помощник начальника Акатуевской тюрьмы губернский секретарь Островский удостоверяет, что по возвращении статского советника Фищева в декабре 1905 г. из г. Читы последний немедленно ему сообщил о распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова — освободить из тюрьмы заключенных, если того потребуют революционеры (т. I, л. 105 об.).

За освобождение из вверенной ему тюрьмы 15 человек сосланных в каторгу бывших матросов транспорта «Прут» статский советник Фищев был предан временному военному суду, учрежденному при отряде командированного в Забайкальскую область по высочайшему повелению генерал-лейтенанта Ренненкампфа. Дело это рассматривалось судом 10 марта 1906 г. и суд оправдал статского советника Фи-

щева, признав, что хотя он и выпустил в действительности из тюрьмы вышеуказанных бывших матросов, но сделал это вследствие полученного на то распоряжения высшего начальника края (т. I, л. 120, л. 121).

По поводу освобождения арестованных Кривоносенко и казаков Полутова и Мисюркеева генерал-лейтенант Холщевников объяснил, что, действительно, приказал их освободить, но сделал это под давлением толпы народа, состоящей из людей штатских, солдат и казаков, частью вооруженных. Толпа эта через депутатов потребовала освобождения вышепоименованных трех арестантов под угрозой в случае неисполнения этого требования разгрома гауптвахты и тюрьмы. Принимая во внимание, что караулы на гауптвахте и в тюрьме были по сравнению с толпой совершенно ничтожны и выставлены от частей гарнизона, на которые нельзя было безусловно рассчитывать, что разгром тюрьмы и гауптвахты будет сопровождаться освобождением всех содержавшихся там арестантов, он, генерал-лейтенант Холщевников, находясь в критическом положении, решился выпустить Кривоносенко, Полутова и Мисюркеева, первого на поруки отца, а остальных двух под надзор начальства. Депутаты толпы требовали от него также распоряжения о выпуске из Акатуевской тюрьмы бывших матросов транспорта «Прут» но в этом он им решительно отказал. Об освобождении арестованных он тотчас же телеграфировал главнокомандующему, главному начальнику тыла, приамурскому генерал-губернатору и министру внутренних дел, при чем в телеграммах этих просил указания, как поступить с требованием мятежников об освобождении арестантов из Акатуевской тюрьмы, намереваясь, в целях успокоения толпы, сообщить полученные указания мятежникам (т. I, л. 20, 19 об., л. 4).

Что касается до фактического освобождения из Акатуевской тюрьмы 15 бывших матросов транспорта «Прут», то генерал-лейтенант Холщевников категорически отвергает свое участие в этом деле. По его словам, 5 декабря 1905 г. у него со статским советником Фищевым, после беседы о положении дел в Акатуевской тюрьме, произошел такой разговор. Статский советник Фищев заявил: «Все ходят слухи об освобождении матросов; вы, ваше превосходительство, уж увольте меня от тюрьмы, а то придут освобождать матросов, что же я могу сделать». На что он, генерал-лейтенант Холщевников, возразил: «Я вас не уволю; каждый должен остаться на своем месте в такое тяжелое время; об освобождении матросов не может быть и речи, у вас не может быть случая, как был в Чите; ко мне пришла толпа в 5—6 тысяч человек с требованием освобождения Кривоносенко, 15 матросов из вашей тюрьмы и двух казаков и с угрозой разгрома гауптвахты и тюрьмы; я вынужден был освободить из тюрьмы Кривоносенко и двух казаков, а в освобождении матросов отказал, но только в целях успокоения толпы я об этом передал на благоусмотрение главнокомандующего, главного начальника тыла и генерал-губернатора; у вас такого случая — такой толпы в несколько тысяч человек и даже в несколько

сот — не может быть; нет, я вас не уволю». Этим разговор и кончился (т. I, л. 3 об.).

Из того же показания генерал-лейтенанта Холщевникова видно, что о готовящейся попытке освободить акатуевских арестантов ему было известно заблаговременно: исправляющий должность начальника штаба области войсковой старшина Головачевский докладывал ему, что один из писарей штаба намеревается ехать для этой цели в Акатуй. Генерал-лейтенант Холщевников приказал войсковому старшине Головаческому этой поездки отнюдь не допускать, но, занятый другими многочисленными делами, об этом забыл и за исполнением своего приказания не наблюл, так что писарь уехал. Около того же времени и с той же целью освободить матросов, заключенных в Акатуевской тюрьме, самовольно отлучился из Читы один из писарей управления читинского уездного воинского начальника. У генерал-лейтенанта Холщевникова явилась тогда мысль послать в Акатуй и в управление Нерчинской каторги телеграммы с приказанием арестовать этих писарей, и он эту мысль кому-то высказал, но ему заявили, что телеграф правительственный не действует, а по железнодорожному такие телеграммы не пройдут, «да и что могут сделать несколько нижних чинов, даже при содействии заключенных внетюремного разряда, когда там надлежащая конвойная команда». Генерал-лейтенант Холщевников с этим согласился, так как начальником акатуевской конвойной команды был офицер, отлично ему рекомендованный (т. I, л. 1, л. I об.).

Делегаты, ездившие в Акатуй освобождать бывших матросов транспорта «Прут», и нижние чины, выбравшие их, всего 27 человек, приговором временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, состоявшимся 10 марта 1906 г., были присуждены к смертной казни через расстреляние*) [50]) (т. I, л. 120 об., л. 121).

Находившийся в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова 2-й читинский резервный батальон и 6-й восточно-сибирский запасный батальон в конце ноября 1905 г. имели налицо нижних чинов: первый около 900 человек, а второй около 220 человек, что видно из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного сибирского читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437 (т. I, л. 141).

В конце ноября и в начале декабря 1905 г. в г. Читу прибыл 2-й пехотный сибирский читинский полк, в коем 1-го декабря состояло налицо 74 офицера и 4218 нижних чинов (т. IV, л. 80).

Того же 1 декабря 1905 г. во 2-м читинском резервном батальоне состояло налицо 442 человека, а в 6-м восточно-сибирском запасном батальоне 50 человек (т. I, л. 141).

*) Впоследствии, по высочайшему повелению, для всех 27 осужденных смертная казнь была заменена каторгой на сроки от четырех лет до бессрочной, с законными последствиями сего рода наказания. (*Прим. подлинн.*)

Если присоединить сюда воинские эшелоны № 501 и № 502, задержанные на станции, то окажется, что в начале декабря 1905 г. гарнизон г. Читы состоял не менее как из 5000 человек.

Из имеющегося в настоящем деле особого постановления временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, состоявшегося в судебном заседании по делу о беспорядках в 3-м резервном железнодорожном батальоне, видно, что свидетели по этому делу штабс-капитан Матвеев и Щукин, поручик Федотов, подпоручик Султанов и прапорщик Иванов на судебном заседании показали, между прочим, и следующее. Вечером 5 декабря 1905 г. в канцелярию 3-го резервного железнодорожного батальона ворвалась толпа железнодорожных рабочих, приведенная оружейным мастером батальона Грековым, ныне находящимся в бегах, и, с оружием в руках, похитила около 800 винтовок, хранившихся в канцелярии; совершив похищение винтовок, похитители удалились, оставив записку, в которой уведомляли, что захваченное оружие впоследствии будет возвращено. Командир батальона полковник Дориан [51]) о случившемся немедленно доложил генерал-лейтенанту Холщевникову, который посоветовал ему съездить в мастерские и спросить рабочих, возвратят ли они оружие. Исполняя это приказание, полковник Дориан поехал в мастерские, где ему сказали, что оружие будет возвращено по миновении в нем надобности, о чем он и доложил генерал-лейтенанту Холщевникову, который никаких мер для отобрания оружия от рабочих не принял, а приказал только о случившемся донести по начальству (т. I, л. 137).

Генерал-лейтенант Холщевников по по воду этого события на дознании объяснил следующее. 5 декабря 1905 г., часов в 11 вечера, к нему явился командир 3-го резервного железнодорожного батальона полковник Дориан и доложил, что часов в 9 вечера толпа железнодорожных рабочих, силою в 300—500 человек, частью вооруженных револьверами, ворвалась в канцелярию вверенного ему батальона и захватила хранившиеся в канцелярии винтовки, оставшиеся от уволенных в запас нижних чинов. На этот доклад он ответил: «Что же, итти с полком разыскивать оружие по мастерским и по всей рабочей слободке дальнего вокзала, — теперь ночь». Полковник Дориан после этого доложил, что рабочие оставили записку, в которой сообщают, что оружие они взяли на случай самообороны, в виду предполагаемого на следующий день погрома, и что они обещают завтра же или после завтра оружие это возвратить. К этому полковник Дориан присовокупил, что, по его мнению, с этим делом нужно обождать; он с этим согласился и приказал полковнику Дориану завтра же доложить ему о возвращении оружия, а кроме того, произвести по делу дознание. Однако полковник Дориан к нему с этим докладом не пришел, когда же он послал к нему узнать, возвращено ли оружие, то оказалось, что оружие рабочими не возвращено; затем рапортом от 16 декабря 1905 г. за № 45 полковник Дориан донес ему о захвате оружия, присо-

вокупив к этому, что о случае им сообщено по начальству и что по делу производится дознание. Оказать сопротивление революционерам при захвате оружия он не мог, так как узнал о нем после совершения захвата; батальон подчинялся ему только, как начальнику гарнизона, вследствие чего за внутренние беспорядки в батальоне и за порядок хранения оружия он отвечать не может. Что же касается до причин, почему он не сделал распоряжения об отобрании от рабочих захваченного ими оружия, то поступил он так в виду следующих соображений. Если бы у рабочих был какой-нибудь особый склад оружия, этот склад, конечно, можно было бы взять штурмом, но для оцепления железнодорожных мастерских, депо и слободки дальнего вокзала, где живет 10—12 тысяч человек, и для производства там обыска находившегося в его распоряжении одного полка слабого состава было далеко не достаточно, и полку грозили в этом случае верный неуспех и полная неудача. Рабочих можно было заставить выдать захваченное ими оружие лишь угрозою разнести их слободку, но для этого нужна была артиллерия, которой у него, генерал-лейтенанта Холщевникова, не было (т. III, л. 14 об.).

Из приведенной выше выдержки из показания читинского уездного воинского начальника полковника Воложанинова, между прочим, видно, что артиллерия в распоряжении генерал-лейтенанта Холщевникова была, а именно два орудия запасного забайкальского казачьего артиллерийского взвода (т. I, л. 140).

Только что описанный случай завладения революционерами казенным оружием оказался в г. Чите не единственным, а именно: рапортом от 12 января 1906 г. за № 115 начальник читинского артиллерийского склада донес генерал-лейтенанту Холщевникову, что 5 января, часов около 6 вечера, к нему явился канонир харбинского перволинейного артиллерийского склада Наумов и доложил, что только что прибыл в г. Читу с 13 вагонами винтовок, надлежащих сдаче в читинский артиллерийский склад. Так как товарная контора станции Чита-вокзал, куда прибыли вагоны с винтовками, в этот час была уже закрыта и выгрузить вагоны в этот день не представилось никакой возможности, приемщики за винтовками были отправлены на станцию на другой день утром. В товарной конторе станции приемщикам сказали, что ни вагоны с винтовками, ни документы на них на станцию еще не прибывали, и приемщики вернулись обратно, не получив груза. Затем транспортный начальник канонир Наумов, привезший винтовки, в период времени с 5 по 10 января 1905 г. неоднократно ходил на станцию разыскивать свои вагоны, но их не оказалось. Наконец, 11 января на станцию был послан заведывающий отделом оружия читинского артиллерийского склада поручик Михайловский, который от начальника станции и в товарной конторе узнал, что 13 вагонов с винтовками на станцию, действительно, прибыли, но были разгружены членами партии социал-демократов, которые завладели винтовками, в чем и выдали расписку смотрителю товарного двора (т. IV, л. 63).

В том же рапорте начальник читинского артиллерийского склада полковник Боярский просил генерал-лейтенанта Холщевникова оказать ему содействие в деле возвращения похищенных винтовок (т. IV, л. 64 об.).

Главный виновник этого захвата, а равно и захвата вагонов с боевыми припасами, помощник начальника станции Чита крестьянин Эрнест Цуксман, впоследствии был задержан, осужден временным военным судом, учрежденным при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа, и по приговору этого суда, конфирмованному генерал-лейтенантом Ренненкампфом, подвергнут смертной казни через расстреляние (т. I, л. 122).

Никакого содействия подполковнику Боярскому к возвращению расхищенных винтовок генерал-лейтенант Холщевников не оказал и на дознании по этому поводу объяснил следующее. Числа 8 или 9 января 1906 г. к нему явился начальник читинского артиллерийского склада подполковник Боярский и доложил, что в Читу прибыло из Харбина в склад 13 вагонов с оружием, что он за приемкой этого груза посылал на станцию приемщиков и рабочих, что вагонов на станции не оказывается и что он просит оказать содействие к отысканию их. В исполнение этой просьбы он, генерал-лейтенант Холщевников, потребовал к себе коменданта станции и начальника участка железной дороги и в присутствии подполковника Боярского поручил немедленно принять все меры к отысканию исчезнувших вагонов. Затем 12 января 1906 г. подполковник Боярский донес ему, что оружие захвачено рабочими. Из изложенного видно, что оказать сопротивление захвату вагонов с оружием он никаким образом не мог, так как о захвате узнал после его совершения. Мер к отобранию этого оружия от рабочих он не принял благодаря слабости читинского гарнизона и по причинам, указанным выше, в той части его показания, которая касается захвата оружия в 3-м резервном железнодорожном батальоне. В такой осторожности его убеждала и телеграмма министра внутренних дел, полученная им 13 января 1906 г., в которой, между прочим, было сказано, что разоружение должно быть производимо с большой осмотрительностью. В виду всего этого он и отложил разоружение рабочих до прибытия в г. Читу полков 5 Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, ожидаемого со дня на день (т. III, л. 15 и 16).

Телеграмма министра внутренних дел, на которую ссылается в своем показании генерал-лейтенант Холщевников, гласит дословно следующее: «Прошу вас безотлагательно приступить к отобранию оружия от всех рабочих; разоружение должно быть производимо с большой осмотрительностью по вашему усмотрению, но весьма решительно, по очереди, с таким расчетом, чтобы дело в каждом отдельном случае было сделано наверняка; об исполнении прошу телеграфировать. Управляющий министерством *Дурново*» (т. IV, л. 65).

Что касается вопроса о захвате революционерами боевых припасов, то по этому поводу генерал-лейтенант Холщевников на дознании

объяснил, что о таком захвате он ровно ничего не знает и никто ему об этом не докладывал. Что же касается Забайкальской железной дороги, где этот захват, повидимому, произошел, то дорога эта в его ведении ни в каком отношении не состояла, и поддержание государственного порядка на ней возложено было сначала на главного начальника тыла, а с конца октября 1905 г. на командира 13-го армейского корпуса (т. III, л. 16 об.).

Отобрание от железнодорожных рабочих захваченного ими оружия было произведено военным губернатором, сменившим генерал-лейтенанта Холщевникова, в 20-х числах января 1906 г., при чем не только артиллерии, но и вообще открытой силы против рабочих применять не пришлось, так как все дело обошлось мирно и рабочие сдали оружие добровольно [53]).

Высочайший манифест 17 октября 1905 г. стал известен в г. Чите с 21 октября, после его напечатания в «Забайкальских Областных Ведомостях», в № 221 (т. I, л. 143).

После сего в г. Чите начинает формироваться масса всевозможных кружков и союзов — по профессиям, по национальностям и т. п. Образовались союзы и в военном мире, а именно: «Союз военнослужащих», который впоследствии стал называться «Союзом офицеров и военных чиновников», и «Союз солдат и казаков». Деятельность этих союзов подробно рассмотрена в военно-судных делах, возникших по этому поводу, и подробно разбирать эту деятельность в настоящем деле не представляется никакой надобности. Достаточно указать лишь на общий характер этой деятельности и на отношение к союзам генерал-лейтенанта Холщевникова.

Деятельность этих союзов была безусловно мятежническая и революционная. Доказательства этому нижеследующие.

«Союз солдат и казаков» в конце ноября 1905 г. постановил нижеследующую резолюцию.

«Мы, солдаты и казаки всех частей читинского гарнизона и вновь прибывших частей, собравшись на второе солдатское собрание в здании железнодорожных мастерских, предоставленном нам рабочими социал-демократической рабочей партии, обсуждали свои нужды и пришли к следующим решениям: мы все единодушно, как действительные, так и запасные, требуем:

I. Увеличения числа воинских поездов для отправления в Россию до 16 поездов в сутки; отправка должна производиться целыми частями, не разбивая по годам и не задерживая окончивших службу в 1904 и 1905 г.г.; войска едут отсюда с оружием и сдают его при высадке начальникам эшелонов; в Самару должны прибыть не позднее 17 дней со дня отправления; весь гарнизон должен быть отправлен в течение двух дней, как можно скорее и не позднее 1 декабря.

II. Немедленно выдать командировочные деньги всем, кому полагается.

III. Выдать уезжающим кормовые деньги не менее 50 коп. в день до Иркутска и не менее 30 коп. далее; выдать уезжающим теплую одежду в полную собственность, выдать бесплатный проезд на родину семей запасных нижних чинов и прогоны на одну пару лошадей; всем, живущим в стороне от железной дороги, отправку произвести по прямым беспересадочным документам, без явки попутному начальству; по желанию нижних чинов на станциях заранее должна приготовляться горячая пища; состояние на действительной службе прекращается со дня отдачи в приказе по части об увольнении.

IV. Выдать запасным единовременно до приискания службы холостым по 15 рублей, а семейным по 35 рублей.

V. Уравнение казачьего сословия с остальными по отбыванию воинской повинности; казаки должны отбывать воинскую повинность так же, как и все, т.-е. получать лошадь, обмундировку, снаряжение и вооружение бесплатно от казны; все повторительные службы, излишние лагерные сборы и приготовительные разряды должны быть отменены, и казаки должны служить на общих основаниях с солдатами.

VI. Увеличение пищевого и денежного довольствия остающихся на службе солдат и казаков; в пище установить норму 1 фунт мяса, 1 фунт белого, 2 фунта черного хлеба и 20 коп. на приварок; хлеб должен быть хорошо выпечен, пища должна быть хорошо приготовлена и разнообразная; каптенармус и артельщик выбираются каждый на полгода всей ротой, свободно, без всякого давления со стороны начальства; из вещей ежегодно выдавать по 4 пары белья, две пары сапог в готовом виде или товаром, прибавляя деньги на шитье по современным ценам, выдавать деньги на ремонт сапог 2 рубля в год; выдавать по 2 пары шаровар, мундир, хорошую теплую одежду и катанки, а на лето четыре гимнастические рубахи и одну пару летних шаровар; вещи по истечении года переходят в собственность солдата; вещи должны шиться по меркам, годность вещей определяется выборными от солдат; увеличить жалованье до 5-ти рублей в месяц всем нижним чинам без различия и уменьшить содержание штаб-офицерам и генералам.

VII. Улучшить казарменное помещение и обстановку, помещать только в здоровых, сухих, чистых, теплых и светлых комнатах с хорошей вентиляцией; каждому солдату должна быть дана койка и столик со шкафом; выдать казенную столовую и чайную посуду; выдать каждому казенное одеяло, перовую подушку, две простыни и две наволочки.

VIII. Улучшить больничное дело; необходимы хорошие больничные палаты, хорошая пища, достаточное количество всех нужных лекарств, внимательный и вежливый уход за больными; заменить офицеров, заведывающих госпиталями и лазаретами, врачами.

IX. Улучшить караульные помещения; в карауле разрешить сменившимся с постов спать, читать и прочее, снимая караульную

амуницию; приносить хорошую и горячую пищу, отменить излишние караулы.

X. Восьми-часовой рабочий день; ограничить время строевых и служебных занятий в войсках, учреждениях и заведениях тремя часами в сутки; в эти три рабочих часа должны входить все обязательные занятия солдат: строевые и словесные занятия, разборка, сборка и чистка оружия, учебные прогулки, чистка амуниции, уборка казарм, домашние и кухонные занятия, а в казачьих частях, кавалерии и артиллерии — чистка лошадей и конюшен; черные хозяйственные работы, как-то: мойка полов, уборка отхожих мест и т. д., должны производиться не солдатами, а по вольному найму.

XI. Отмена казенной прислуги, отмена посылки солдат на посторонние им работы.

XII. Свобода и неприкосновенность личности; начальник должен не ругаться, не бить солдат; все должны обращаться с солдатом вежливо и говорить «вы»; называть офицера по чину с прибавлением слова «господин»; честь отдается лишь при исполнении служебных обязанностей приложением руки к фуражке и только при желании самих солдат; никто из начальников не должен рыться в сундуках, постелях солдат и т. п., письма должны приноситься с почты прямо в роту и отдаваться солдату нераспечатанными; по повестке на денежные письма солдат получает их сам и сам идет на почту за деньгами; солдат может читать и приносить в казарму какие угодно книги без разрешения и подписки командира; свободный выход из казармы во всякое неслужебное время с заявлением лишь дежурному по роте; беспрепятственный пропуск в казармы родных и знакомых солдата; отмена вечерней переклички; право вне службы надевать статское платье.

XIII. Снять военное положение, снять усиленную охрану, не употреблять солдат и казаков для полицейской службы и усмирения освободительных народных волнений.

XIV. Полное уничтожение дисциплинарных взысканий властью отдельных начальников; всякие служебные проступки наказываются судом, состоящим из начальников и выборных от солдат, в присутствии роты; преступления против общих гражданских законов и злоупотребления начальства должны быть подсудны гласному гражданскому суду, с участием присяжных заседателей; отменить следующие виды взысканий: темный карцер, сажание на хлеб и воду и поставку под ружье или под шашку и под ранец.

XV. Свободу собраний, т.-е. собираться для обсуждения своих нужд и дел и т. п. без всякого разрешения и без присутствия офицеров, если только они не приглашены самими солдатами; право присутствовать на собраниях и митингах, устраиваемых вольными людьми, например, рабочей партией; право посещать все общественные места без всяких ограничений.

XVI. Свобода союзов, т.-е. право устраивать солдатские общества, например, для устройства театров, библиотек, совместных чтений, выбора народных представителей и т. п.

XVII. Свобода стачек, т.-е. право сговариваться и сообща подавать заявления какому угодно высшему начальству, минуя нежелательных.

XVIII. Обязательное обучение неграмотных и устройство библиотек, с выпиской книг, газет и журналов без вмешательства начальства (т. I, л.л. 144—145 об.).

Мы знаем, что удовлетворение перечисленных требований по законам, установленным царским правительством, отчасти не во власти командующего войсками области, наказного атамана Забайкальского казачьего войска, но в настоящее время, когда правительство, подавляя народное волнение, не считается со своими собственными законами, мы решаем: если правительство нарушает свои законы во вред и на горе народа, то нельзя считаться со старыми, силой навязанными, не народом установленными, законами самодержавия, когда речь идет о благе народа, а потому в исполнении наших справедливых желаний и требований со стороны командующего войсками, наказного атамана Забайкальского казачьего войска, не видим никаких препятствий и решительно на них настаиваем. В случае неблагоприятного ответа за последствия не ручаемся; ответа будем ждать до 12 часов дня 26-го сего ноября в помещении цирка (т. I, л. 145 об.).

Для улучшения общего военного быта, в виде временной и переходной меры, замены постоянной армии всеобщим вооружением рабочего класса, мы, вместе с солдатами и казаками других городов, будем стремиться к следующему: 1) Сокращение действительной службы до 2 лет и запаса до 9 лет. 2) Новобранцы должны призываться и служить на своей родине или вблизи от нее. 3) Мы требуем, чтобы правительство назначило всем раненым и неизлечимо заболевшим в последнюю японскую войну и прежние войны пенсию: в Восточной Сибири для холостых не менее 20 рублей в месяц и для семейных не менее 30 рублей на мужа и жену, прибавляя по 5 рублей на каждого ребенка; семьям убитых выдавать пенсию — матерям, сестрам до замужества и бездетным вдовам по 15 руб. в месяц, а на каждого ребенка по 5 рублей. 4) Выдачу семьям запасных пособия на все время служения их кормильцев на действительной службе. 5) Батальонные, военно-окружные суды должны быть отменены, и дела, им подсудные, должны рассматриваться в общих гражданских судах с участием присяжных. 6) Принимая во внимание, что все пострадавшие за освободительное движение освобождены последним манифестом, и что, прежде всего, не освобождены военнослужащие и осужденные военными судами, — мы требуем освобождения всех борцов за народное дело; наконец, принимая во внимание, что теперь по всей России восстал рабочий класс под знаменем социал-демократической рабочей партии, а за ним поднимается и крестьянство, — мы заявляем, что мы сами,

крестьяне и рабочие, сочувствуем их борьбе, вместе с рабочей партией отвергаем Государственную Думу, где не будет наших истинных представителей, и будем добиваться Учредительного Собрания, избранного всем народом без различия сословия, нации и пола, с равной для всех, богатых и бедных, образованных и необразованных, подачей голосов выборных прямым и тайным голосованием.

Солдаты и казаки читинского гарнизона и вновь прибывших частей, организовавшись в совет солдатских и казачьих депутатов, объединивший весь гарнизон, давящий на верхи, революционным путем проводящий свою программу снизу» (т. I, л. 145 об., л. 146).

Эта антидисциплинарная и явно-мятежническая резолюция, помещенная в читинских газетах и переданная для напечатания в газетах по телеграфу в Иркутск и в Петербург, была представлена и генерал-лейтенанту Холщевникову (т. I, л. 144).

Какое впечатление произвело это постановление на генерал-лейтенанта Холщевникова, видно из следующей телеграммы: «Циркулярно по линии в обе стороны, непременно в Манчжурию, Лошагоу и Иркутск. На требование солдатских и казачьих депутатов читинского гарнизона губернатор высказал свое полное сочувствие всем пунктам, кроме отмены отдания чести и ношения неформенной одежды вне службы. Фактически удовлетворены, хотя и не полностью, 1-й, 2-й и 3-й пункты, кроме увеличения кормовых. Принял полностью 10-й пункт о восьмичасовом рабочем дне. Он обещал удовлетворить 7-й, 8-й и 9-й пункты. Об увеличении пищевого, вещевого и денежного довольствия обещал частью исполнить, если будут деньги, но до сих пор ничего не сделано. Пункты 11-й, 12-й и 13-й проводятся в жизнь самими солдатами при поддержке союза офицеров. Подробности после. Свободой собраний, союзов и коллективных общих заявлений фактически пользуемся. Пункт 18-й обещано удовлетворить, по пункту 5-му о казаках отказано, нужно усилить агитацию среди самих казаков. Настроение бодрое, укрепляем свою организацию, действуя отдельно от офицерского союза, вступая в соглашение по отдельным вопросам. Собрания солдат происходят попеременно в разных частях гарнизона. Прибывший Читинский пехотный полк пока не присоединился и занял угрожающую позицию. Присоединился весь нерчинский гарнизон и прислал сюда 14 депутатов. Не смешивайте солдатского союза с союзом военнослужащих. Союз солдатских и казачьих депутатов» (т. I, л. 147, л. 148).

Кроме этой телеграммы, согласие генерал-лейтенанта Холщевникова удовлетворить некоторые пункты солдатской резолюции и его обещание об удовлетворении других пунктов сделать соответственное представление высшему начальству удостоверяется еще и показанием свидетеля, поручика 2-го читинского резервного батальона Дмитриевского [54]), входившего в состав депутации, носившей эту резолюцию генерал-лейтенанту Холщевникову (т. I, л. 150 об.).

Происхождение «союза офицеров», по словам того же свидетеля, было таково. Он, поручик Дмитриевский, постоянно с конца октября посещая митинги солдат и рабочих, вскоре убедился, что солдаты находятся всецело в руках вожаков социал-демократической партии. Считая такое положение дела до крайности опасным, он решил, что нравственный долг офицеров в такую критическую минуту не оставлять солдат в чужих руках и вести их всегда за собою, дабы своим бездействием не допустить диктатуры социал-демократической рабочей партии. Этот свой взгляд он как-то высказал генерал-лейтенанту Холщевникову, который ему ничего не возразил и, видимо, с ним согласился, чем убедил его, что его оценка современного положения дела вполне правильна. Свои взгляды он, поручик Дмитриевский, высказал некоторым своим товарищам, интересовавшимся возникающими движениями, и было решено для выяснения дальнейшего собраться где-нибудь; и вот 25 ноября 1905 г. состоялось первое широкое собрание офицеров, врачей и чиновников, постановившее организоваться в «союз военно-служащих читинского гарнизона». Он, поручик Дмитриевский, был связующим звеном этого союза с солдатами, вследствие чего и участвовал в солдатских митингах. Впоследствии вследствие отсутствия общих интересов чиновники от союза отпали, и он обратился в чисто офицерский (т. I, л. 150, л. 155 об.).

Хотя, по показанию поручика Дмитриевского, и выходит, что «союз военно-служащих» имел своею целью оградить солдат от влияния социал-демократов, союз этот в первом же своем постановлении высказал свои революционные стремления. Постановление это было напечатано в № 246 газеты «Забайкалье», вышедшем 2 декабря 1905 г., подписано оно 29 офицерами, 31 врачом и 6 чиновниками и гласит дословно следующее: «Постановление собрания офицеров, военных врачей и военных чиновников читинского гарнизона 25 ноября. Приветствуя резолюцию солдат читинского гарнизона и вновь прибывших частей, выработанную на двух военных митингах, мы, военно-служащие читинского гарнизона, как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народу, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения — не подлежащими исполнению, если они идут во вред народу. Вместе с тем, выражая твердую уверенность, что установление правового порядка в стране и такой формы правления, которая соответствовала бы интересам всего народа, могут быть выработаны только самим народом, требуем немедленного созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. До созыва же Учредительного Собрания и установленного им законного правительства в стране мы объявляем, что всеми силами будем помогать борцам за народную свободу и наше оружие будем употреблять только против врагов освободительного движения. Требуем полной амнистии всем пострадавшим за политические убеждения.

Собрание постановило послать телеграмму со своими постановлениями всюду, куда примет железнодорожный телеграф. Собрание постановило образовать союз военнослужащих читинского гарнизона, объединившийся на вышеупомянутой программе. Союз должен принять все меры к самообразованию членов и взаимопомощи для поддержания товарищей, пострадавших за исполнение своих политических убеждений» (т. I, л. 157 об.).

Дальнейшая деятельность союза была не менее революционного характера, что можно видеть из следующих, приводимых на выдержку телеграмм, из числа разновременно отправленных союзом:

1. «Стачечные комитеты до Петербурга. Необходимо знать события последних дней, отношение гарнизонов освободительному движению. Мы начали борьбу, администрация подчиняется нашим требованиям. Случае стремления подавлять движение возьмемся за оружие. Требуем Учредительного Народного Собрания. Отвечайте. Союз офицеров читинского гарнизона» (т. I, л. 159).

2. «Севастополь. Стачечный комитет. Есть слух морском сражении, гибели броненосцев, одержании якобы победы войск самодержавия над народными. Ожидаем верных известий. Союз офицеров читинского гарнизона» (т. I, л. 160).

3. «Контрольные станции до Лошагоу. Есть слух, что железная бригада назначена подавлять восставшие против царского самодержавия войска. Просим сообщить основательности слухов, куда и когда бригада двинулась. Бюро читинского союза офицеров» (т. I, л. 161).

4. «По всей сети российских железных дорог, всем комитетам союзов и партий, редакциям всех газет для широкого оглашения. Выражая полное сочувствие и заявляя свою полную солидарность и готовность итти на помощь своему единомышленному гражданину лейтенанту Шмидту [55]), заключенному ныне в тюрьме, союз военно-служащих в городе Чите, возмущенный и негодующий, требует немедленного объяснения от правительства этого нового случая гнусного произвола, требует гласного и честного суда над ним; союз в лице своих членов готов вполне, как горячо солидарный единомышленник, выступить на этом суде, идя на борьбу за народ под девизом: «Армия — народ 14 декабря 1825 г.». Союз военно-служащих в городе Чите» (т. I, л. 162).

5. «Строго секретная, просим доставить только в руки адресата и ни под каким видом не показывать начальнику. Если нужны будут деньги на нарочного — расходуйте, будут заплачены. Станция Шитоучендза, 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, поручику Хартулари. Здесь образовался союз военно-служащих, поставив целью поддерживать силой оружия требование созыве Учредительного Собрания. Идет горячая работа на привлечение армий к освободительному движению. Вырабатываются новые формы военной службы, жизни. Девиз союза: «Армия — народ 14 декабря 1825 г.». Приезжайте, здесь нужны убежденные люди. Комитет союза. Пирогов» (т. I, л. 163).

6. «Оловянная, Верхнеудинск, Мысовая всем организациям. Если у вас в складе Красного Креста имеется оружие, то предлагаем забрать немедленно. Бюро военно-служащих читинского гарнизона» (т. I, л. 164).

Приказом войскам читинского гарнизона от 7 ноября 1905 г. за № 445 генерал-лейтенант Холщевников объявил к неуклонному исполнению нижеследующий приказ главного начальника тыла манчжурских армий, от 24 октября 1905 г. за № 786: «Замечено мною, что офицеры, врачи, классные чиновники и некоторые нижние чины вверенного мне района принимают участие в уличных сборищах, что предусмотрено ст. 39 устава внутренней службы. Кроме того, некоторые из господ офицеров, военных врачей и классных чиновников принимают участие в общественных собраниях и позволяют себе даже произнесение речей, на что по закону не имеют никакого права. Высочайший манифест о свободе слова и союзов нисколько не дает права военнослужащим нарушать обязанности их службы. Строжайше предписываю начальникам всех частей разъяснить их подчиненным, что по закону они не имеют никакого права произносить речи в общественных собраниях и участвовать в сборищах. В особенности разъяснить нижним чинам, чтобы они не присоединялись к уличным толпам. Предупреждаю, что на будущее время виновных я буду предавать военному суду и судить законом военного времени» (т. I, л. 116).

Несмотря на то, что этим приказом у военно-служащих раз навсегда категорически отнимается всякое право на участие в союзах и на митинги, генерал-лейтенант Холщевников сам собирал митинги военно-служащих, что доказывается его приказом войскам читинского гарнизона, от 29 ноября 1905 г. за № 475, такого содержания: «Принимая во внимание, что здание офицерского собрания занято лазаретом Красного Креста, а по закрытии такового пройдет время, необходимое для дезинфекции и ремонта собрания, разрешаю офицерам, классным чинам и военным врачам гарнизона собираться для обсуждения своих нужд в доме начальника штаба по четвергам и воскресеньям. Первое собрание назначается в четверг, 11 декабря, в 5 часов вечера. Желательно присутствие всех» (т. I, л. 117).

В виду этого приказа, на квартире начальника штаба состоялись митинги 1 и 4 декабря, так сказать, очередные, и 5 декабря — экстренный. На последнем митинге председательствовал сам генерал-лейтенант Холщевников, который, как это видно из сообщения, помещенного в №№ 253 и 254 газеты «Забайкалье», открыв собрание, сказал приблизительно следующее: «С появлением манифеста 17 октября в России введен конституционный порядок, и народ призван к законодательной власти. Возвещены права человека и гражданина, и манифест не делает никаких исключений в пользовании свободой ни для кого из граждан, а значит и для военных. Он дал им право жить тою жизнью, какой живет вся страна, и так как по всей стране идет освободительное движение, то и армия не может остаться в стороне от него, не имеет

права на это, так как она есть часть народа и должна итти не против него, а вместе с ним. Так как допущена свобода слова и собраний, то надо быть особенно терпимым к противоположным мнениям и не употреблять силы против убеждений. В Чите совершенно определенной силой является социал-демократическая партия, которая сильна своей организацией, действующая только убеждением, никогда не нарушавшая порядок, являющаяся партией порядка. Она не может произвести какого бы то ни было погрома и нигде не производила его. С другой стороны стоят люди более умеренные, но по причине неорганизованности их в Чите деятельности их не видно, и объединение их было бы весьма желательно. Во многих местах России группы лиц, принадлежащие, может быть, к этим умеренным, устраивали, подобно радикальным партиям, манифестации, кончавшиеся почти всегда печально. В виду того, что появились слухи о предполагающихся на завтра манифестациях, необходимо определить отношение к ним войск, чтобы не было того, что бывало в других местах» (т. IV, л. 72).

После вступительной речи генерал-лейтенанта Холщевникова, судя по тому же, напечатанному в №№ 253 и 254 газеты «Забайкалье», сообщению, присутствовавшие на митинге приступили к дебатам, целью коих было выяснить, как будет себя вести вновь прибывший в город 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, если на следующий день, т.-е. 6 декабря, произойдет в городе «патриотическая» манифестация, которая затем при помощи «черной сотни» и «хулиганов» перейдет в погром. Дебаты продолжались довольно долго, принимали иногда бурный характер, и, в конце концов, собрание постановило, что 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, как вызвавший недоверие граждан, 6 декабря целый день будет сидеть в казармах, а охрана города будет поручена рабочим, городской милиции, охранной роте от 2-го Читинского резервного батальона и казакам, при чем им в помощь должны быть готовы солдаты и других мелких частей (т. I, л. 73).

После закрытия этого заседания, на коем, по словам газетного репортера, впервые был совершенно оставлен старый бюрократический способ решения вопросов и высший представитель административной власти явился исполнителем воли собрания, генерал-лейтенанту Холщевникову был задан вопрос: оставляет ли он службу в Забайкалье навсегда, или только уезжает на время, на что он ответил, что ему хочется увидеть освободительное движение в России, ознакомиться с ним, окунувшись в него и набравшись в нем сил; если и приняться за работу, то не в Сибири, а в России (т. I, л. 73).

Кроме митинга 5 декабря 1905 г., генерал-лейтенант Холщевников присутствовал и говорил еще и на другом митинге, а именно на митинге, имевшем место в общественном собрании 27 ноября 1905 г. Об этом митинге будет сказано ниже.

По поводу митингов, союзов и т. п. генерал-лейтенант Холщевников на дознании объяснил следующее. В г. Чите, как и в других местах Российской империи, за время с октября 1905 г. по январь 1906 г.,

действительно, происходили разного рода собрания. Собрания эти устраивались главным образом на ст. Чита-вокзал, верстах в четырех от города; собрания происходили в мастерских и носили характер сходок рабочих и железнодорожных служащих. С конца октября дорога подчинялась во всех отношениях главному начальнику тыла манчжурских армий, охрана порядка на ней была возложена на командира 13-го армейского корпуса, на ст. Чита-вокзал были особый комендант и полицейский надзор. Ответственность за вышеуказанные собрания лежит поэтому не на нем, а на тех лицах, в ведении коих дорога состояла, тем более, что никто из них никогда ему о собраниях рабочих не сообщал (т. III, л. 17 об.).

24 или 25 октября он, генерал-лейтенант Холщевников, получил телеграфную депешу с циркуляром министерства внутренних дел от 14 октября 1905 г. за № 5155 о порядке применения закона о публичных собраниях, установленных высочайшим указом правительствующему сенату от 12 октября 1905 г. Затем на свой запрос, вызванный манифестом 17 октября 1905 г., 28 октября он получил разъяснение товарища министра внутренних дел генерала Трепова, коим указывалось, что указ 12 октября остается в силе и теперь, после манифеста, при чем при применении его надлежит действовать в духе начал, возвещенных манифестом, и руководствоваться циркуляром № 5155. Так он и поступил (т. III, л. 17).

С конца октября начались публичные собрания в самом городе — в цирке и в общественном собрании. Таких собраний было несколько: одни в виде популярных лекций на политической почве, другие профессионального характера, на почве экономической. Ни одного из этих собраний он не разрешал, да за разрешением их к нему никто и не обращался, так как в силу 1-го пункта указа 12 октября заявления о собраниях подаются начальнику местной полиции, а не губернатору. Запрещать этих собраний или прекращать их ему тоже не приходилось: согласно циркуляра министра за № 5155, собрание закрывается только тогда, когда уже действительно приняло характер мятежнического или шумного сборища, намеревающегося перейти от слов к каким-либо, в особенности насильственным, действиям, а таких публичных собраний в городе не происходило (т. I, л. 17 об., л. 18, л. 18 об.).

Что касается до митингов военно-служащих, то нижним чинам он никогда никаких митингов не разрешал, так как никто никогда у него таких разрешений не просил. Офицерам, приказом от 29 ноября 1905 г. за № 475, действительно, разрешил для обсуждения своих нужд собираться в квартире начальника штаба, но сделал это единственно по просьбе некоторых начальствующих лиц с целью отвлечь офицеров от посещения по вечерам гостиниц (т. I, л. 20).

Собрание 5 декабря им было созвано потому, что в городе стали ходить слухи о готовящемся на 6 декабря, под видом патриотической манифестации, еврейском погроме, при участии вновь прибывшего

в город 2-го пехотного Сибирского Читинского полка. Выяснить этот вопрос и тем внести успокоение в общество он считал своим долгом; избежать созыва собраний в виду чрезвычайных обстоятельств, бывших в то время, он не мог, как не мог избежать созыва подобного собрания и генерал-лейтенант Надаров в г. Харбине (т. III, л. 23).

На собрании этом он председательствовал сам лично, открыв оное несколькими словами, обращенными к присутствующим, коими хотел выразить мысль, проведенную в правительственном сообщении, помещенном в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 2 ноября 1905 г. В этом правительственном сообщении, между прочим, сказано: «Не подлежит сомнению, что войско не может остаться без влияния новых начал, внесенных в строй государственной жизни высочайшим манифестом 17 октября». В собрании он говорил, что «высочайшим манифестом 17 октября русский народ призван к участию в законодательной власти, и в жизнь его вносится новый государственный строй; начала, возвещенные манифестом, может быть, коснутся войск, войско есть часть народа, но нигде армии не принимали и не должны принимать участия в политическом движении, между тем у нас волнует всех так называемое освободительное движение, оно, видимо, захватило военнослужащих, они не остались в стороне от него; нужно офицерам ближе стать к нижним чинам, отвлечь их от рабочей партии; партия эта сильна своей организацией и сплоченностью, у нее свои убеждения; против одного убеждения силы не приложить, погромов рабочая партия не производила». Далее он говорил об умеренных партиях и о манифестациях, циркулирующих в городе слухах касательно предполагаемого погрома, затем предложил генерал-майору Румшевичу и другим присутствовавшим на собрании высказаться по поводу этих слухов (т. II, л. 20 об., л. 21).

В заметках газеты «Забайкалье», помещенных в №№ 253 и 254, его речь сильно искажена, а именно: слов «конституционный порядок» он не произносил, хотя с проведением в жизнь начал, дарованных манифестом 17 октября, порядок, по существу, и есть такой. Точно так же он не произносил слов «армия не может остаться в стороне от него (т.-е. от освободительного движения), не имеет права на это, так как она есть часть народа и должна итти не против него, а вместе с ним», и слов «социал-демократическая партия, действующая только убеждением, никогда не нарушавшая порядок, являющаяся партией порядка». Заявление репортера, что, в конце концов, было решено охрану города 6 декабря поручить «рабочим, городской милиции», есть чистое измышление. Читинский полк был оставлен 6 декабря в казармах не в силу недоверия к нему граждан, а потому, что он, генерал-лейтенант Холщевников, желал оставить, на случай нужды, этот полк в руках генерал-маиора Румшевича полностью. Слов «мне хочется увидеть освободительное движение в России, окунувшись в нем и набравшись в нем сил» он не говорил, а на предложенный ему кем-то из офицеров вопрос: правда ли, что он уезжает и больше не вернется в Забай-

кальскую область, ответил: «Я еще месяц тому назад просил отпуск, а на-днях послал прошение об отпуске; я совершенно переутомился, и нервы расшатались вследствие пережитых событий и неожиданной смерти жены; мне нужно серьезно лечиться, отдохнуть; если отдохну, то с новыми силами готов опять работать и при новом режиме, но только не здесь, а в Европейской России» (т. III, л. 21, л. 22).

«Освободительное движение» он, генерал-лейтенант Холщевников, понимал и понимает в смысле осуществления начал, возвещенных всемилостивейшим манифестом 17 октября 1904 г., созыва Государственной Думы, выборов в эту Думу и в Государственный Совет, чем интересуется и занята вся Россия. Эту мысль, между прочим, он хотел выразить и в своем объявлении от 29 октября 1905 г., в коем сказано: «В переживаемое нами время, когда по воле государя императора русский народ в лице своих представителей призван к управлению государством, долг каждого гражданина состоит в том, чтобы всеми зависящими от него мерами способствовать к мирному усовершенствованию». Что касается газет, то они печатали о нем много вымышленного, употребляя эти вымыслы с агитаторской целью, как провокаторский прием. Об этих статьях он узнавал всегда случайно, так как сам газет не читал, не имея на то времени. Опровержений на эти статьи он не печатал, так как не находил удобным вступить в газетную полемику, имея в виду напечатанное в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей» сообщение правительства от 27 октября 1905 г., в коем сказано: «Долг военной дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение» (т. III, л. 22 об., л. 23).

О «союзах» солдат и офицеров и о преступном направлении этих союзов он, генерал-лейтенант Холщевников, узнал из их «резолюции». Вскоре после этого ему пришлось слышать от нескольких офицеров, что «союз офицеров» распался и вместо него остался какой-то подпольный комитет; кто состоял членами этого комитета,— узнать не удалось, хотя приказом от 10 января 1906 г. за № 13 он и поручил начальствующим лицам выяснить этот вопрос. Приказ по военному ведомству от 19 декабря 1905 г. за № 804, воспрещающий военнослужащим входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, учреждаемых с политической целью, а равно и присутствовать на собраниях, обсуждающих политические вопросы, в виду почтовой забастовки был получен в Чите лишь в конце января 1906 г. (т. III, л. 23, л. 24).

Кружки и союзы гражданских лиц, образовавшиеся в рассматриваемое время в г. Чите, имели характер такой же революционный и мятежнический, как и военные. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить забастовки железнодорожных служащих, почтово-телеграфных чиновников, разграбление оружия членами социал-демократической рабочей партии. Ко всем этим кружкам и союзам генерал-лейтенант Холщевников относился как бы к учреждениям государственным,

и все их требования исполнял беспрекословно и с полною предупредительностью. Видеть это можно из нижеследующих примеров.

I. На ст. Борзя [56]), Забайкальской железной дороги, проживал некто Семенов, конторщик коммерческой службы, занимавший должность товарного билетного кассира станции. Товарищам его почему-то показалось, что Семенов «черносотенец» и готовит на 6 декабря 1905 г. «патриотический» погром мирных жителей. Результатом этого явилась посланная генерал-лейтенанту Холщевникову бумага, дословно такого содержания: «Учредительный съезд союза службы движения сего 5 декабря постановил: коммерческий конторщик ст. Борзя, исполняющий обязанность товарного и билетного кассира, г. Семенов общим товарищеским судом увольняется от службы на Забайкальской дороге. Вместе с тем учредительный съезд союза движения требует принятия с вашей стороны мер для ареста Семенова. Приняв во внимание, что вы, согласно вашим уверениям, не можете арестовать Семенова, пока он состоит на службе железной дороги, мы надеемся, что, получив нашу резолюцию об увольнении Семенова, вы не найдете возможным далее откладывать арест Семенова, тем более, что на 6 декабря, по заявлению депутатов ст. Борзя, состоится Семеновым организованный погром «патриотический» мирных жителей. Собрание учредительного союза служащих движения не разойдется, пока не известите вы[?] ваше превосходительство, на настоящую нашу резолюцию. Председатель учредительного съезда союза движения С и л а е в. Секретарь съезда Л а б у д и н - П а н и н. Присутствующие в числе четырех человек постановили изложенную резолюцию единогласно (подписи 31-го члена). Дальнейшая подпись закрыта, в виду недостатка времени. Д у б и л е в и ч. Председатель С и л а е в» (т. II, л. 29).

Эту резолюцию, или, вернее, это предписание, генерал-лейтенант Холщевников получил от депутатов железнодорожных служащих во время митинга 5 декабря 1905 г. и тут же сделал распоряжение послать телеграмму об арестовании Семенова. Телеграмма эта на имя пристава Савчука и станционного жандарма, подписанная генерал-лейтенантом Холщевниковым и помеченная его исходящим № 4251, на ст. Борзя почему-то была признана за подложную и повлекла за собой целую переписку, но, в конце концов, Семенов был арестован и доставлен в г. Читу (т. IV, л. 73 об.; т. I, л. 93—97; т. II, л.л. 30—55).

9 декабря 1905 г., как это видно из показания советника областного управления статского советника Семидалова, к генерал-лейтенанту Холщевникову со ст. Борзя явилась депутация, состоящая из одного кондуктора и двух рабочих, и представила постановление рабочих названной станции с ходатайством об освобождении из-под ареста Семенова, так как оказалось, что он вовсе не черносотенец и навлек на себя нападки только потому, что на одном из митингов остановил решение собрания учинить крушение воинского поезда, шедшего с востока. По поводу этого ходатайства генерал-лейтенант Холщевников сказал статскому советнику Семидалову: «Освободить Семенова я не

могу, потому что это освобождение сейчас же повлечет за собою волнение рабочих, которое может выразиться в форме остановки поездов, а вместе с тем остановки воинских эшелонов, возвращающихся с Востока». То же самое военный губернатор повторил и депутатам. На это депутаты ответили: «Если вы, выше превосходительство, не можете освободить, то письменно прикажите разобрать это дело в читинском комитете рабочих, который и освободит Семенова». — «Хорошо, — сказал генерал-лейтенант Холщевников, — но кому же написать?» Депутаты указали на учредительный съезд рабочих (т. I, л. 91).

Результатом всех этих разговоров явилась врученная депутатам революционного кружка, подписанная военным губернатором Забайкальской области, бумага дословно такого содержания: «В учредительный съезд союза служащих службы движения Забайкальской железной дороги. Распоряжение об аресте коммерческого агента-конторщика ст. Борзя Семенова мною было сделано на основании постановления учредительного съезда, при сем в копии прилагаемого. Сего числа делегаты служащих ст. Борзя обратились ко мне с ходатайством об освобождении Семенова из-под ареста на основании представленного ими в копии постановления служащих ст. Борзя. В виду того, что означенное ходатайство об освобождении Семенова из-под ареста должно подлежать совместному обсуждению делегатов ст. Борзя и членов учредительного съезда, я прошу учредительный съезд всесторонне разобрать настоящее дело и о результатах представить мне свое постановление. При этом прилагается копия постановления служащих ст. Борзя» (т. I, л. 92; т. II, л. 28).

Чем кончилось дело Семенова, из дознания не видно.

II. 27 ноября 1905 г. в общественном собрании г. Читы был митинг, на коем, по словам председательствующего на митинге поручика 6-го восточно-сибирского запасного батальона Чунихина, произошло следующее. Для выработки программы союза военнослужащих с целью проведения в жизнь положений, постановленных собранием 25 ноября, на митинге 27 ноября собрались офицеры, военные чиновники и нижние чины, но проникло на него также довольно много и гражданских лиц. Вдруг кто-то из публики заявил, что по деревням в сопровождении городового ездит какой-то чиновник, собирает народ и формирует черную сотню для избиения интеллигенции и евреев; это поездка была поставлена в связь с поездкой в деревни для закупки скота некоего капитана Самышкина, ранее того высказывавшего мысль о необходимости «бить жидов». Собрание тогда постановило: для дачи по сему поводу объяснений вытребовать на митинг военного губернатора. На это он, поручик Чунихин, заявил, что согласится на вызов генерал-лейтенанта Холщевникова только тогда, если собрание гарантирует последнему личную безопасность и обещает вести себя корректно, какие бы ответы он на предложенные ему вопросы ни дал. Собрание согласилось, и за военным губернатором была послана депутация, состоящая из г. поручика Дмитриевского, город-

ского головы, рабочих с вокзала и нескольких нижних чинов; депутаты объявили генерал-лейтенанту Холщевникову, зачем он вызывается в собрание, и то, что он может давать на предлагаемые ему вопросы какие угодно ответы, не опасаясь за свою безопасность, которая ему гарантируется. Он согласился отправиться в собрание и приехал туда. Когда генерал-лейтенант Холщевников входил в залу собрания, все присутствующие, в том числе и нижние чины, встретили его сидя, но когда он перед тем, как занять место у стола председателя, поклонился, все встали и поклон ему отдали. После этого он, поручик Чунихин, спросил военного губернатора, правда ли, что с его ведома для разгрома гор. Читы формируется черная сотня? Военный губернатор ответил: «Я никогда не потерплю появления черной сотни в Чите и буду против нее бороться; я всегда сочувствовал освободительному движению и никогда не был антисемитом». Заявление это было встречено рукоплесканиями. На вопрос о причинах командирования за покупкой скота капитана Самышкина, заслужившего недоверие жителей, генерал-лейтенант Холщевников ответил, что об этой командировке он ничего не знает, но обещает капитана Самышкина отозвать. Затем к нему обратились с просьбами: расследовать дело о черной сотне через комиссию с участием двух выборных от собрания и задержать увольнение в отпуск в г. Харбин капитана Трубникова, навлекшего на себя подозрение, что он едет в отпуск не лечиться, а противодействовать освободительному движению. Обе эти просьбы военный губернатор обещал исполнить и спросил собрание: «Нет ли еще каких вопросов?» На это один из бывших в собрании рабочих задал генерал-лейтенанту Холщевникову какой-то вопрос и получил на него ответ, вызвавший общие рукоплескания; ни вопроса рабочего, ни ответа военного губернатора он, поручик Чунихин, не слыхал. Засим генерал-лейтенант Холщевников встал и раскланялся; все сделали то же, и он уехал (т. I, л.л. 47—48 об.).

Присутствовавший на митинге 27 ноября поручик Дмитриевский *) о пребывании в собрании генерал-лейтенанта Холщевникова показал дословно следующее: «Генерал-лейтенант Холщевников на предложенные ему председателем вопросы ответил, что общество и граждане могут быть вполне спокойны, так как им приняты все меры для предотвращения погромов, что он против всякого грубого насилия, никогда не был антисемитом, что и сам он сочувствует освободительному движению и намерен принять в нем участие, в каком смысле, это он предоставляет судить себе, но что никогда не забудет края и все зависящее от него в будущем сделает для Забайкалья. Собрание так было заинтриговано краткой, произнесенной с каким-то неуловимым, но неотразимым тактом достоинства в каждом слове и во всей фигуре генерала

*) Этот поручик Дмитриевский, по словам его батальонного командира полковника Бодзенто-Беляцкого, пользовался особыми симпатиями генерал-лейтенанта Холщевникова и его покровительством, хотя никогда не скрывал своих революционных воззрений (т. I, л. 43). (*Прим. в подлинном*).

речью, что, несмотря на многие заготовленные для него вопросы, в почтительном молчании, широко расступилось, провожая его восторженными взглядами. С этого момента в Чите не существовало правящего в высотах Парнаса администратора, — был гуманный, всеми сердечно уважаемый начальник, хранитель края, под защитой которого не прольется ни одна капля крови, но самый маленький человек найдет в нем правду и защиту» (т. I, л. 151 об.).

Чем были вызваны общие рукоплескания, коими сопровождался выход генерал-лейтенанта Холщевникова из собрания 27 ноября 1905 г., дознанием в точности не установлено. Надо думать, что к этому эпизоду относится нижеследующее место отчета о митинге 27 ноября 1905 г., помещенного в № 248 газеты «Забайкалье», вышедшем 4 декабря 1905 г.: «На запрос одного из членов собрания, говорившего о Самышкине, что он из беседы с губернатором вынес убеждение о сочувствии губернатора Самышкину в желании спасти «царя-батюшку», генерал-губернатор Холщевников заявил, что если капитан Самышкин эту беседу передавал так, то он «лгал». После этого разговора он отставил Самышкина от командования местной командой» (т. IV, л. 77 об.).

По поводу своего присутствия на митинге 27 ноября 1905 г. генерал-лейтенант Холщевников показал следующее. На митинг он отправился единственно с целью успокоить общество, волнуемое слухами о «черной сотне» и готовящемся еврейском погроме. Откажись он притти на митинг и случись потом погром,— это было бы приписано администрации. Мало того, если бы погрома и не случилось, его отказ посетить собрание был бы истолкован агитаторами в том смысле, что администрация если сама погрома не устраивает, то, во всяком случае, противодействовать ему не собирается. Не вышел он из залы собрания немедленно после того, как присутствовавшие на митинге не почтили его вставанием при входе, из нежелания нарваться на еще большее оскорбление со стороны дерзких железнодорожных рабочих, в большом числе находившихся на митинге. О составе собравшихся на митинг он был введен в заблуждение депутацией и не знал, что это митинг военно-служащих (т. III, л. 24).

Председатель митинга представил ему составленную военнослужащими «резолюцию» и предложил подписать ее; возмущенный подобной дерзостью, он заявил: «Нет, я не разделяю ее, и долг службы и наш мундир не позволяет нам этого». Затем по поводу опасений еврейского погрома он на запрос ответил: «Я никогда не был антисемитом, принимал и приму все меры, возможные от меня, к тому, чтобы не повторилось здесь того, что было в других местах; евреи несут наравне с другими такие же налоги, несли ту же службу в бывшей войне; масса врачей евреев была в военных госпиталях и Красном Кресте, и, по моему мнению, они заслуживают уравнения с правами русского народа; если, как приходилось мне слышать, при такой свободе евреи возьмут верх, то русскому народу нужно бороться против евреев не насилием, не погромами, а нравственно,

и в этом отношении можно снять опеку и пеленки с русского народа, он сам за себя постоит». Все, сказанное в заметке, помещенной в № 248 газеты «Забайкалье», по поводу его ответа на запрос одного из присутствующих о капитане Самышкине, составляет измышление репортера (т. III, л. 24 об., 25).

III. 8 декабря 1905 г. в приказе военного губернатора Забайкальской области за № 9030 генерал-лейтенант Холщевников отдал нижеследующее: «Приказом моим от 28 марта сего года за № 2537 при областном правлении образована продовольственная комиссия, которая с сего числа закрывается и взамен ее, согласно постановлению особого совещания 22 ноября, образуется в г. Чите особый комитет. Председателем особого комитета назначаю непременного члена областного по крестьянским делам присутствия коллежского асессора Гриневицкого, а делопроизводителем — столоначальника областного правления титулярного советника Глазунова, с освобождением последнего от делопроизводства 1-го стола 1-го отделения областного правления. Членами особого комитета входят: представитель от читинской городской думы купец Николай Васильевич Костин; выборные от обществ: купеческого — купец Исай Моисеевич Клейман; мещанского — мещанский староста Иван Федорович Черкасов, мещане — Яков Евсеевич Гобчик и Самсон Лазаревич Маркин. Кроме того, представители: от войскового хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, потребительских обществ и всех организаций, находящихся в г. Чите. На комитет этот возлагаю: 1) ведение вообще всего дела продовольствия населения Восточного Забайкалья, не исключая г. Читы и Читинского уезда; 2) рассмотрение ходатайств от городов, крестьянского и казачьего населения означенной части области, относительно провоза в область продовольственных припасов и предметов первой необходимости, а также назначение нарядов требующегося для сего количества вагонов; 3) составление проектов обязательных цен на продовольственные припасы и предметы первой необходимости и 4) представление мне о замеченных комитетом злоупотреблениях разных лиц в отношении чрезмерного повышения цен на продовольственные припасы и предметы первой необходимости, утайки таковых, а также и прочих этого рода проступках частных лиц для привлечения их к законной ответственности» (т. II, л. 56).

Как видно из протокола особого совещания 22 ноября 1905 г., постановление этого совещания о необходимости учреждения особого комитета, сформированного приказом военного губернатора от 8 декабря 1905 г. за № 9030, состоялось по предложению генерал-лейтенанта Холщевникова (т. II, л. 59).

Что представляли из себя организации или союзы, находившиеся в г. Чите, было указано выше. Таким образом, оказывается, что, по желанию генерал-лейтенанта Холщевникова, в правительственное учреждение, обязанное заботиться о насущных нуждах целой области, вошел революционный элемент.

Особый комитет, образованный приказом № 9050, имел несколько заседаний, а именно: 8, 13 и 22 декабря 1905 г., 2 и 5 января 1906 г. Из имеющихся в деле протоколов этих заседаний видно, что на первых двух заседаниях, кроме официальных лиц, присутствовали «представители смешанного комитета служащих и рабочих железной дороги и многие посторонние граждане»; на двух следующих — «многие посторонние граждане» и, наконец, на последнем — «несколько посторонних граждан». Присутствие и участие этих лиц на заседаниях комитета, как это видно из тех же протоколов, не принесло для дела продовольствия области ни особого вреда, ни особой пользы (т. II, л.л. 60—78).

По поводу привлечения к делу снабжения области продовольствием и припасами первой необходимости посторонних элементов генерал-лейтенант Холщевников дал на дознании весьма подробное и обширное объяснение, сущность коего сводится к следующему. В пережитое тяжелое время русско-японской войны, когда железная дорога была занята исключительно перевозкой военных грузов, в области ощущался недостаток в хлебе и предметах первой необходимости; в 1905 г. был полный неурожай, и области стал грозить голод и сопряженные с ним бедствия. Чтобы добиться доставки с запада нужного количества хлеба и предметов первой необходимости, он предпринимал всевозможные меры и обращался за содействием повсюду, куда только мог. Все оказалось безуспешно, и хлеба не было. Тогда он решился на последнюю и крайнюю меру: своим приказом от 8 декабря 1905 г. за № 9030 учредил для забот о продовольствии области «особый комитет», к участию в коем привлек местные силы в лице представителей городской думы, купечества, мещанства и существующих в г. Чите организаций, при чем под словом «организации» подразумевал организации профессионального характера, как-то: железнодорожных рабочих, извозчиков, содержателей почтовой гоньбы и проч., а отнюдь не организации незаконные и тем более революционные. Об участии в заседаниях особого комитета представителей от смешанного комитета железнодорожных служащих и рабочих он узнал только впоследствии от председателя комитета коллежского асессора Гриневицкого (т. III, л.л. 35—40).

IV. 21 декабря 1905 г., около часу дня, в областное правление, где в то время находился генерал-лейтенант Холщевников, явилась депутация, состоящая из городского головы, фотографа Кузнецова и нескольких почтово-телеграфных чиновников, которая заявила, что в только что состоявшемся заседании городской думы, с участием народа и представителей партий и союзов, обсуждался вопрос о забастовке, при чем, приняв во внимание, что забастовка почты и телеграфа приносит неисчислимый вред обществу, что правительство и местные власти бессильны восстановить действие этих жизненных нервов общества и что это может быть сделано при помощи союза почтово-телеграфных чиновников, собрание единогласно постановило: 1) временно

изъять из рук правительства почтово-телеграфные учреждения и передать их при посредстве городского общества союзу почтово-телеграфных чиновников, с целью обслуживания интересов населения, не принимая и не отправляя правительственной корреспонденции; 2) просить распоряжения военного губернатора о немедленном снятии всех военных постов в почтово-телеграфной конторе и 3) для определения порядка дальнейшей передачи почтово-телеграфных дел во всем Забайкалье в руки общества и заведывания этим делом выбрать комитет из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья при участии делегатов от общества (т. II, л. 1 об.).

К сему заявлению депутаты присовокупили, что на случай неуважения этого ходатайства собрания, социал-демократическая партия, в числе 4.000 вооруженных винтовками, предложила свои услуги насильственно взять не только почтово-телеграфную контору, но и все правительственные учреждения (т. II, л. 2, л. 87).

Выслушав эти заявления, генерал-лейтенант Холщевников ответил депутатам, что немедленного ответа на их требование он дать не может, так как в почтово-телеграфном деле заинтересованы не одни только общественные элементы, но и правительственные учреждения, поэтому он сначала посоветуется с представителями этих учреждений, а потом уже даст ответ. Депутаты сначала настаивали на немедленном ответе, когда же генерал-лейтенант Холщевников на это не согласился, стали просить ускорить решение вопроса; генерал-лейтенант Холщевников обещал дать ответ в тот же день; после этого депутаты ушли, чтобы сообщить пославшему их собранию о результатах своей миссии (т. II, л. 2; т. I, л. 87).

Совещание для обсуждения вопроса о передаче читинской почтово-телеграфной конторы в руки союза почтово-телеграфных чиновников состоялось часа через два после ухода депутации. На совещание это, по приглашению генерал-лейтенанта Холщевникова, прибыли:

1) Командир 1-ой Сибирской пехотной дивизии генерал-майор Морозов.

2) Командующий 2-м пехотным Сибирским Читинским полком генерал-майор Румшевич.

3) Командир 2-го Читинского резервного батальона полковник Бодзенто-Белянкий.

4) Читинский уездный воинский начальник полковник Воложанинов.

5) И. д. начальника штаба войск Забайкальской области подполковник Главачевский.

6) И. д. начальника штаба Забайкальской дивизии подполковник Вицнуда.

7) Командир 6-го Восточно-Сибирского запасного батальона полковник Плысковский.

8) Помощник начальника иркутского губернского жандармского управления в Забайкальской области ротмистр Балабанов.

9) Вице-губернатор Забайкальской области действительный статский советник Беломестнов.

10) Товарищ председателя читинского окружного суда статский советник Гервагеи.

11) И. д. управляющего Забайкальской казенной палаты статский советник Тыжнов.

12) Председатель комиссии по размежеванию земель забайкальского казачьего войска действительный статский советник Морозов.

13) Начальник забайкальского почтово-телеграфного округа действительный статский советник Данилевич.

14) Управляющий акцизными сборами в Забайкальской области действительный статский советник Верхболович.

15) Председатель войскового хозяйственного правления полковник Головачев.

16) Забайкальский областной землемер коллежский советник Попов.

17) Непременный член областного по крестьянским делам присутствия коллежский асессор Гриневицкий.

18) Старший советник областного правления статский советник Семидалов.

19) Советник того же правления статский советник Бочаров.

20) Советник того же правления надворной советник Николаев.

21) И. д. читинского уездного начальника коллежский секретарь Глинка.

22) Читинский городской голова Шишминцев.

23) Помощник полицеймейстера титулярный советник Горпинченко.

24) Директор читинской мужской гимназии Еленев.

Приглашались на совещание, но на оное не прибыли прокурор читинского окружного суда и председатель от духовного ведомства (т. I, л. 87 об.; т. II, л. 1).

Совещание открылось речью генерал-лейтенанта Холщевникова, в коей он изложил сущность требований, предъявленных ему депутацией. Затем по его просьбе коллежский асессор Гриневицкий сообщил присутствующим, что вопрос о забастовке почтово-телеграфных чиновников подробно обсуждался на митинге 19 декабря; на митинге этом много говорилось о нежелании или бессилии правительства и местной власти восстановить деятельность почты и телеграфа, о том вреде, какой наносит забастовка обществу, и о мерах, какие необходимо принять к восстановлению сообщения; высказывалось, что при помощи местных союзов почтово-телеграфных чинов возможно установить сообщение по области и к востоку, до Великого океана, что почва для этого подготовлена и т. д.; затем в результате на митинге решено изъять почтово-телеграфное дело из рук правительства и передать обществу,

подробности же передачи и изъятия этого дела должны разработать союзы почтово-телеграфных делегатов Сибири (т. I, л. 88; т. II, л. 2).

В это время в совещание прибыл городской голова и представил писанную копию резолюции, принятой в этот день на экстренном собрании городской думы, при участии граждан и представителей от партий и союзов (т. I, л. 88 об.; т. II, л. 5).

Резолюция эта была такого содержания: «Гласные думы, собравшись 21 декабря 1905 г. в экстренном заседании вместе с представителями партий и союзов, выслушали доклад городского головы о почтово-телеграфной забастовке в г. Чите, резолюцию, принятую на митинге 19 декабря 1905 г., на котором подробно обсуждался вопрос о названной забастовке, а также доклад почтово-телеграфных чинов союза об организации почтово-телеграфного дела в г. Чите. Обсудив всесторонне все обстоятельства дела в присутствии представителей партий, союзов и громадной массы граждан, единогласно постановили: 1) господствующее правительство, а также и местная администрация бессильны восстановить почтово-телеграфное сообщение, а потому оно должно быть временно изъято из рук правительства и передано при посредстве городского общества в руки чинов почтово-телеграфного союза. 2) Городское общество из своей среды избрало комиссию для наблюдения за правильным ходом почтово-телеграфных дел и денежной отчетности в составе г.г. А. К. Кузнецова, Дмитриевского, И. П. Соболева и Волкова; сверх того, партиям и союзам предоставляется право избрать своих представителей, которые и входят в состав комиссии. 3) Временное управление почтово-телеграфным делом возложить на исполнительный комитет союза читинских почтово-телеграфных служащих, состоящий из следующих лиц: председатель Н. А. Хмелев, члены: Замошников, Костырев, Запольский, Андриевский и Красовский. 4) Просить г. губернатора через выборных депутатов немедленно снять все военные посты в почтово-телеграфной конторе. 5) По снятии печатей произвести описи всего наличного имущества при помощи почтово-телеграфных чинов и совместно с выборными от общества. 6) Для приведения дел в порядок чины почтово-телеграфной конторы должны избрать комиссию, которая обязана составить протокол и представить его обществу. 7) По окончании заседания съезда чинов почтово-телеграфных делегатов округа, созванных на 21 декабря сего года в г. Чите, должен быть выбран комитет из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья для совместного с делегатами от общества определения порядка дальнейшей передачи почтово-телеграфного дела во всем Забайкалье в руки общества и заведывания этим делом. 8) Содержание чиновников и служащих почтово-телеграфных контор и другие хозяйственные расходы будут выплачиваться из поступающих на приход сумм; остатки же сумм будут храниться по указанию комитета из служащих почтово-телеграфных контор Забайкалья, который должен быть организован на основании предыду-

щего пункта совместно с представителями городского общества» (т. I, л. 88 об.; т. II, л.л. 5—6).

После прочтения этой резолюции начались дебаты, а затем генерал-лейтенант Холщевников предложил на голосование вопрос, сущность коего сводилась к тому: передавать или не передавать почтово-телеграфную контору при посредстве городской думы в руки союза почтово-телеграфных чиновников (т. I, л. 88 об.).

Результат дебатов и голосования выразился в следующем постановлении: «Обсудив всесторонне обстоятельства настоящего дела и принимая во внимание: 1) что для местной администрации, как это установлено неоднократными совещаниями, является полная невозможность восстановления почтово-телеграфного движения; 2) что почтово-телеграфные чиновники, несмотря на все принятые меры увещания обратиться к занятиям, категорически заявили, что они служить правительству не желают до полного удовлетворения политических и экономических требований, предъявленных их союзом; 3) что освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военного; 4) что численность гарнизона совершенно недостаточна для ограждения почтово-телеграфной конторы в случае насильственного захвата ее; 5) что отрицательный ответ на требование думы мог бы послужить сигналом для начала кровавой анархии, так как по заявлению депутации и городского головы, бывшего на совещании, в случае неуважения сего ходатайства социал-демократическая партия, в числе 4.000 человек, вооруженных винтовками, предложила услуги насильственно взять не только контору, но и все правительственные учреждения, — совещание единогласно постановило: почтово-телеграфные учреждения области временно передать читинской городской думе, как постоянному учреждению, которая, как орган юридического лица, под контролем гласных думы может передать эти учреждения союзу почтово-телеграфных чиновников Забайкальского округа, но без всякой ответственности правительства и казны за могущий быть ущерб и вред. Сдача может быть произведена только утром 22 декабря (т. II, л. 6 об.).

Резолюция эта была собственноручно карандашом написана генерал-лейтенантом Холщевниковым и подписана им и гг. Гервагеном, Николаевым, Беломестновым, Еленевым, Тыжновым, Головачевым, Вержболовичем, Поповым, Вицнудой, Бочаровым, Беляцким, Плысковским, Гловачевским, Гриневицким, Глинкой, Семидаловым, генерал-майорами Румшевичем и Морозовым (т. II, л. 8; т. IV, л. 86).

Не подписана резолюция действительным статским советником Данилевичем и Морозовым, полковником Воложаниновым, ротмистром Балабановым, помощником полицеймейстера Горпинченко и городским головой Шишминцевым.

Почему не подписали резолюции действительные статские советники Данилевич и Морозов, городской голова Шишминцев, ротмистр Балабанов и титулярный советник Горпинченко, из дела не видно.

По словам полковника Воложанинова, он уклонился от голосования вопроса о передаче почты и не подписал резолюции потому, что считал не только самый вопрос о передаче почтово-телеграфной конторы в руки города или союза, но и самое совещание по этому предмету совершенно незаконными, хотя генерал-лейтенант Холщевников на совещании и доказывал, что в переживаемое тревожное время нельзя смотреть на все возникающие вопросы с точки зрения обычной мерки законности (т. I, л. 45, л. 44).

О всем происходившем на совещании был составлен особый документ, который был назван «протокол особого совещания начальников частей войск, представителей ведомств и учреждений г. Читы». Судя по тому, что в месте, предназначенном для подписей, генерал-майор Морозов, скончавшийся 12 января 1906 г., показан умершим, протокол этот был составлен значительно позже 21 декабря 1905 г. Из числа присутствовавших на совещании подписали протокол без всяких оговорок весьма немногие; многие не подписали его вовсе, другие подписали его с оговорками, третьи приложили к протоколу особые мнения, чем доказывается, что единодушие при постановке резолюции о передаче почтово-телеграфной конторы в руки союза почтово-телеграфных чиновников было не особенно велико (т. II, л. л. 7, 9—12, 13, 16, 17, 18, 19—20).

Как видно из показаний, данных на дознании генерал-майором Румшевичем, полковником Воложаниновым и действительным статским советником Беломестновым, перед открытием совещания 21 декабря 1905 г. генерал-лейтенант Холщевников просил всех военных не поднимать вопроса о количестве войск в гарнизоне (т. I, л. 28, л. 44, л. 46 об.).

Присутствовавшие на совещании статский советник Семидалов, действительный статский советник Вержболович, статский советник Герваген, действительный статский советник Морозов и коллежский советник Попов одну из главнейших причин составления резолюции о передаче почтово-телеграфного дела в руки союза почтово-телеграфных чиновников видят в молчании присутствовавших на совещании генерал-лейтенанта Холщевникова, генерал-майора Морозова и генерал-майора Румшевича о силах читинского гарнизона и о возможности оказать мятежникам сопротивление (т. I, л. 89 об., л. 109 об.; т. II, л. 11, л. 16, л. 17 об.).

По свидетельству статского советника Данилевича, резолюция совещания 21 декабря 1905 г. тотчас по постановке ее особым извещением военного губернатора, лично врученным им городскому голове, была объявлена городскому обществу и народу, ожидавшим ответа в общественном собрании (т. I, л. 67 об.).

По словам того же свидетеля, самая передача почтово-телеграфной конторы произошла таким образом: 22 декабря 1905 г., около 11 часов утра, к зданию конторы подошла толпа забастовавших служащих с красным флагом и пением революционных песен. Караул, охраняв-

ший контору, в здание их не пропустил, пока не приехал читинский уездный воинский начальник полковник Воложанинов и не снял посты. После этого забастовщики с криком «ура» бросились в контору и заняли ее (т. I, л. 68).

Прокурор читинского окружного суда статский советник Студзинский, который, получив 21 декабря 1905 г. приглашение на совещание по поводу передачи почтово-телеграфной конторы, на это совещание не поехал и никого из своих товарищей туда не пустил, так как считал это совещание совершенно незаконным, на дознании показал следующее. Узнав о состоявшейся резолюции передать почтово-телеграфную контору в руки союза почтово-телеграфных чиновников, он утром 22 декабря отправился к действительному статскому советнику Данилевичу, чтобы узнать подробности; почта в это время охранялась еще караулом, и довольно значительным; все входы охранялись часовыми с ружьями, а в самом помещении было не менее 30 человек нижних чинов. Когда он сидел у действительного статского советника Данилевича, к конторе подошла толпа почтово-телеграфных служащих и рабочих с красными флагами, шумом и пением. Толпа стала требовать, чтобы ее впустили в здание конторы, но часовые этого не исполнили. Тогда он, статский советник Студзинский, поспешил к генерал-лейтенанту Холщевникову в надежде уговорить его отменить явно незаконное решение. Во время их разговора пришел чиновник Бочаров и принес для подписи две бумаги — одну воинскому начальнику о снятии постов в почтово-телеграфной конторе, а другую в городскую управу о принятии в свое ведение этого учреждения. Он стал просить генерал-лейтенанта Холщевникова не подписывать этих бумаг, доказывая, что решение совещания не имеет никакого юридического значения и что оно явно преступно: генерал-лейтенант Холщевников сначала было поколебался, но потом, заявив, что изменить своего решения он не может, бумаги подписал, и они были отправлены по принадлежности (т. I, л. л. 100—111 об.).

Генерал-лейтенант Холщевников, показав на дознании об обстоятельствах передачи почтово-телеграфной конторы, согласно с изложенным выше, присовокупил:

а) Совещание, собранное им 21 декабря для обсуждения вопроса о передаче почтово-телеграфной конторы, противозаконным он не считал в виду 280 ст. свода губернских учреждений, разрешающей губернатору в особо важных и чрезвычайных случаях собирать общее присутствие губернских установлений. Этого мало: совещания, подобные совещанию 21 декабря, собирались им и раньше, и тогда на них присутствовали юристы — председатель и прокурор читинского окружного суда, чего, конечно, не было бы, если бы совещания были незаконными (т. III, л. 30).

б) На совещании для голосования им был поставлен вопрос: «передать ли городскому управлению почту и телеграф мирным путем, не призывая вооруженной силы, или отказать в требовании и довести

дело до кровопролития?» Громадное большинство присутствующих высказалось за мирную передачу; когда очередь подавать голос дошла до командира 2-го пехотного Сибирского Читинского полка генерал-майора Румшевича, он сказал: «передать почту мирным путем», и добавил: «мы должны быть благодарны думе, что она берет почту мирным путем». Генерал-майор Морозов вслед за сим заявил, что вполне присоединяется к мнению генерал-майора Румшевича. Такое заявление двух главных военных начальников показало ему, что они сами не надеются на успех вооруженного столкновения войск с революционерами, и укрепило в нем его постоянное убеждение, что с малочисленным читинским гарнизоном ничего сделать с революционерами нельзя. Это убеждение и мысль, что неуспех войск в борьбе с революционерами неминуемо повлечет за собой насильственный захват не только почтово-телеграфной конторы, но и других правительственных учреждений, заставили его решиться на передачу почты и телеграфа в руки думы без сопротивления (т. III, л. 30 об., л. 31).

в) Отказу союза почтово-телеграфных чиновников, принимавших почтово-телеграфную контору, иметь дело с правительственной корреспонденцией он никакого значения не придавал, так как для него было ясно, что ни одно правительственное учреждение поручать своей корреспонденции забастовщикам не станет (т. III, л. 34).

г) Вполне сознавая, что хотя бы и временное изъятие почтово-телеграфного дела из рук правительства дело незаконное, и согласившись на это изъятие лишь в виду безвыходности положения, он был глубоко убежден, что большого вреда от этого не произойдет, так как союз почтово-телеграфных чиновников самостоятельно работать будет в состоянии очень недолго, а разграбления почтовых ценностей не допустит из желания оправдать доверие города (т. III, л. 32).

В последних двух случаях генерал-лейтенант Холщевников не ошибся. Как видно из показания начальника Забайкальского почтово-телеграфного округа действительного статского советника Данилевича, многие учреждения отказались работать с читинской почтовой конторой после перехода ее в руки союза; забастовщики скоро сознали свое бессилие вести дело самостоятельно и в начале января стали на службу от правительства, при чем в конторе оказалось в целости все (т. I, л. 70 об., л.л. 72 и след.).

21 декабря 1905 г. во 2-м пехотном Сибирском Читинском полку состояло по спискам 93 офицера и 1.813 нижних чинов; во 2-м резервном Читинском батальоне состояло налицо около 100 человек, а в 6-м Восточно-Сибирском запасном батальоне — около 36 человек (т. I, л. 99, л. 141).

По свидетельству командира 2-го резервного Читинского батальона полковника Бодзенто-Беляцкого, рассеять и обезоружить толпу мятежников, требовавших передачи почты и телеграфа в руки союза почтово-телеграфных чиновников, мог бы и один его батальон (т. I, л. 42).

II. Деятельность генерал-майора Румшевича.

2-й пехотный Сибирский Читинский полк прибыл в г. Читу семью эшелонами в конце ноября и в первых числах декабря 1905 г. (т. I, л. 26).

Командующий полком генерал-майор Румшевич прибыл в город Читу с пятым эшелоном своего полка в ночь с 1 на 2 декабря 1905 г. (т. I, л. 26).

9 декабря 1905 г. генерал-майор Румшевич послал читинскому городскому голове письмо такого содержания:

«В читинскую городскую думу. Милостивый государь Сергей Кириллович. Прибыв в г. Читу, офицеры Читинского полка приветствуют читинских граждан и поздравляют с приобретением гражданской свободы. Помня сердечные отношения граждан к нам до войны и трогательные проводы в Манчжурию, мы сохранили самые лучшие воспоминания и прибыли в г. Читу с крепким желанием сохранить и впредь самые лучшие отношения.

Мы возмущены ходящими по городу нелепыми слухами, что мы будто бы присоединяемся к каким-то партиям, стремящимся даже путем насилия итти против освободительных идей, осуществления которых желают различные союзы и кружки гор. Читы; для устранения недоразумений прилагается при сем мнение общего собрания офицеров полка, с которым прошу ознакомить путем местной печати граждан города. Командующий полком генерал-майор Румшевич» (т. I, л. 133).

К этому письму генерал-майор Румшевич приложил копию следующего документа:

«Заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка. Прибыв в г. Читу, мы были возмущены крайне нелепыми слухами о принадлежности Читинского полка к какой-то партии, стремящейся причинять насилие гражданам г. Читы, а посему мы, офицеры Читинского полка, заявляем: 1) Мы вполне сочувствуем происходящему в настоящее время в России освободительному движению и передаче законодательной власти представителям народа. 2) Армия, по нашему мнению, есть достояние всего государства, а так как государство составляет весь народ, то она не должна принадлежать ни к одной из существующих политических партий или союзов. В противном случае одна из партий, к которой присоединилась бы армия, имела бы соблазн употребить силу армии на подавление других партий, что противно свободе, признанной в России. 3) Армия имеет своей задачей исключительно обеспечение родины от внешних врагов, нападающих на наше отечество открытою силою, и исполняет приказания того правительства, которое в каждый данный момент признается в России законным. 4) Армия или часть ее в виду объявленной в России неприкосновенности личности не может производить ни убийства, ни другого какого-либо насилия над мирными гражданами России, к какой бы

партии граждане ни принадлежали и кто бы к армии ни предъявил требования такие насилия совершить. 5) Мы считаем позором подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия и употребление последнего против манифестаций и демонстраций, протекающих мирным порядком. 6) В борьбе различных политических партий Читинский полк не принимает на себя полицейских обязанностей, но в случае возникновения беспорядков, угрожающих окончиться кровопролитием, мы, читинцы, впредь до сформирования милиции достаточной силы, будем считать долгом по требованию гражданских властей принимать участие в предупреждении и прекращении братоубийственной резни. 7) Мы давно сознаем необходимость самых коренных реформ в армии и будем приветствовать проведение их законодательным путем. Вместе с тем распространение среди нижних чинов идей, направленных к уничтожению в войсках дисциплины и возбуждению антагонизма между офицерами и солдатами, мы признаем вредным для армии и будем стараться воспитывать нижних чинов в духе честного исполнения долга перед родиной. 8 декабря 1905 г. Чита. Командующий полком генерал-майор Румшевич. Полковник Соловьев. Подполковник Степанов. Чанышев. Сапожников. Подпоручик Карелин. Капитан Костенко. Капитан Савицкий. Капитан Якубовский. Скороткевич. Подпоручик Голяшин. Колычев. Подполковник Астафьев. Капитан Бельский. Капитан Соломко. Поручик Алексеев. Поручик Каплинский. Подпоручик Кычиков. Прапорщик Граф. Подпоручик Вознесенский II. Прапорщик Размахнин. Прапорщик Рыцк. Лекарь Куриков. Врач Арестов. Штабс-капитан Цитович. Прапорщик Багаев. Штабс-капитан Гришнер. Прапорщик Пашихин. Капитан Еремеев. Штабс-капитан Баранов. Капитан Данилов. Штабс-капитан Соломов. Полковник Крыжановский. Капитан Лосев. Штабс-капитан князь Ухтомский. Капитан Шмелов. Штабс-капитан Андржиевский. Врач Медовой. Врач Гросман. Капитан Иващенко. Прапорщик Жеребятьев. Поручик Самарцев. Штабс-капитан Дробшевский. Коллежский регистратор Матов. И. д. начальника штаба 1-й Сибирской пехотной дивизии генерального штаба подполковник Вицнуда» (т. I, л. л. 134, 135).

Согласно желанию генерал-майора Румшевича, его письмо и приложенное к оному «заявление» офицеров Читинского полка были напечатаны в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 11 декабря 1905 г. (т. I, л. 129 об.).

Вышеприведенные письма и заявление, хотя и писанные в духе явно сочувственном мятежническому движению *), не удовлетворили, однако, партию крайних революционеров, существовавшую в г. Чите, и в № 13 газеты «Азиатская Русь», органе этой партии, вышедшем 12 де-

*) Впоследствии эти письмо и заявление были перепечатаны в некоторых других русских газетах и журналах, например журнале «Право» 1906 года, № 6. *(Примеч. в подлинном).*

кабря 1905 г., появилась статья некоего С. Цариева, в коей заявление офицеров Читинского полка было названо «туманным», «невыполненным фактически», «логически нелепым», «несообразным», «неясным», «неопределенным» и т. п. (т. I, л. 130 об.).

Генерал-майор Румшевич, вместо того, чтобы оставить эту статью без всякого внимания, вступил с С. Цариевым в газетную полемику *) и поместил в № 259 газеты «Забайкалье», вышедшем 20 декабря 1905 г., статью, в коей, поддерживая заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., употребил следующие, совершенно неудобные для офицера российской императорской армии выражения:

«1) Мы признаем государя императора Николая II, и все исходящие от него, как конституционного государя, повеления должны исполнять свято.

2) Мы не можем и не желаем допускать такой оскорбительной для государя мысли, чтобы он отказался от конституции в пользу явно невозможного самодержавия.

3) Скорее он откажется совершенно от престола, нежели изменит конституции.

4) Только при помощи армии возможно было бы восстановить самодержавие в настоящее время.

5) Чтобы не втягивать армию в борьбу с насильниками, народ не должен итти с оружием в руках свергать своих поработителей.

6) Если же волею судьбы или, вернее, волею народа мы доживем до демократической республики, то армия с той же верностью будет служить новому законному правительству» (т. I, л. 130 об.).

По поводу письма и заявления, напечатанных в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей», генерал-майор Румшевич объяснил следующее. Приказом по гарнизону г. Читы от 5 декабря 1905 г. всем офицерам, врачам и военным чиновникам гарнизона было предписано собраться того же 5-го числа, к 6 часам вечера, в помещение начальника штаба для обсуждения некоторых вопросов; он это распоряжение исполнил и к указанному часу явился на собрание. Собрание было весьма многолюдное; председательствовал в нем генерал-лейтенант Холщевников, который подозвал его к себе и спросил: правда ли, что он с своим полком собирается избить мирных граждан. Он ответил отрицательно. Тут из публики стали раздаваться голоса, обвинявшие его и вверенный ему полк в намерении на следующий день, т.-е. 6 декабря, произвести в городе избиение. В виду этих обвинений, 7 декабря он собрал в казармах офицеров своего полка и сообщил им, что Читинскому полку приписывается намерение истребить мирных граждан города. Собрание офицеров тут же решило составить заявле-

*) Входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительные обвинения, воинским чинам запрещено. Правительственное сообщение об этом было, между прочим, напечатано в № 228 «Забайкальских Областных Ведомостей», вышедшем 2 ноября 1905 г. (т. IV, л. 76). *(Примеч. в подлинном.)*

ние, опровергающее это обвинение, и напечатать его в газетах. Кто составлял это заявление, он, генерал-майор Румшевич, не помнит, но на другой день, то-есть 8 декабря, заявление было готово и подписано как им, так и всеми офицерами. Кто сочинил письмо, при котором это заявление было отправлено городскому голове, он точно также не помнит, но подписал это письмо действительно он. Что касается самого содержания заявления, то его следует понимать так: в пункте 1-м он желал заявить сочувствие манифесту 17 октября 1905 г., а не революции, происходившей в то время в империи; в пункте 4-м он вовсе не хотел сказать, что полк не будет противодействовать революционерам, а желал только заявить, что он не будет истреблять мирных жителей; в пункте 5-м он хотел выразить, что существовать могут какие угодно политические партии, но до тех пор, пока эти партии не действуют активно, их нельзя подавлять силою оружия (т. I, л. 139).

Относительно письма, напечатанного в № 259 газеты «Забайкалье», генерал-майор Румшевич объяснил, что письмо это, действительно, написано и отправлено в редакцию газеты им, при чем он признает, что письмо составлено неудачно: по письму как будто выходит, что он отвергает право его величества государя императора во всякое время отменить манифест 17 октября 1905 г., между тем он этого вовсе не думает (ст. I, л. 140).

Весьма своеобразное объяснение генерал-майора Румшевича того, как надо понимать заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., осталось для читавших это заявление в № 253 «Забайкальских Областных Ведомостей» совершенно неизвестным, и заявление было понято в прямом его смысле, т.-е. в том, что если 2-ой пехотный Сибирский Читинский полк не присоединится прямо к революционерам, то, во всяком случае, офицеры полка против революционеров солдат не поведут. Что это именно было так, видно из показания, данного на дознании известным в г. Чите революционером, подпоручиком 2-го Читинского резервного батальона Дмитриевским, по словам коего появившееся в печати заявление к гражданам г. Читы офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка «выяснило недоразумение». Недоразумение же это состояло в том, что прибытие в г. Читу названного полка привело в ужас все революционные кружки и союзы, так как полк считался «черносотенным», способным на разгром города, на непризнание власти генерал-лейтенанта Холщевникова, оказывающего «попустительство» забастовщикам и революционерам и т. п. (т. I, л. 155 об.; л. 152 об.).

В том же смысле, повидимому, понял заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка и генерал-лейтенант Холщевников, который в одном месте своего показания говорит, что слабость гарнизона, состоящего из одного Читинского полка, и пункт 5-й резолюции офицеров полка ставили его «в щекотливое положение» в отношении применения силы для прекращения революционных чтений на митингах (т. III, л. 19).

Хотя генерал-майор Румшевич в своем показании и утверждает, что ни заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г., ни его письмо, помещенное в газете «Забайкалье» 20 декабря, сочувствия революционерам не выражают, данными дознания с несомненностью устанавливается, что он революционному, называемому им освободительным, движению вполне сочувствовал. Данные эти следующие:

1) Как изложено выше, 5 декабря 1905 г. толпа революционеров разграбила оружие 3-го резервного железнодорожного батальона. Вверенный генерал-майору Румшевичу полк, по сведениям, доставленным им самим, в это время мог выставить по тревоге 20 офицеров и 1.420 нижних чинов. Несмотря на столь значительную силу, никаких мер к отобранию от революционеров награбленного оружия им принято не было (т. IV, л. 80).

Объясняет это генерал-майор Румшевич тем, что ни командующий войсками генерал-лейтенант Холщевников, ни начальник дивизии генерал-майор Морозов (ныне умерший) ему не только не приказывали, но даже не намекали на разоружение мятежников открытой силой, сам же он по собственной инициативе не счел удобным разоружить революционеров, дабы не нарушить программу командующего войсками — не прибегать к насильственным мерам (т. I, л. 26 об.).

2) В начале января 1906 г., когда ожидалось прибытие в г. Читу батальона 3-го пехотного Сибирского Нерчинского полка, генерал-лейтенант Холщевников спросил генерал-майора Румшевича: нельзя ли будет по прибытии этого батальона приступить к разоружению рабочих. На это генерал-майор Румшевич ответил, что вверенный ему полк носит имя г. Читы, с гражданами города полк жил всегда хорошо и теперь снова установил с ними добрые отношения, а потому он просит не назначать его полк для разоружения рабочих (показание генерал-лейтенанта Холщевникова, т. III, л. 16).

3) 2-й пехотный Сибирский Читинский полк прибыл из действующей армии проникнутым сознанием долга присяги и чувством дисциплины. Об этом, сам того не сознавая, свидетельствует известный революционер поручик Дмитриевский, постоянно вращавшийся в солдатских кружках старого гарнизона, противоправительственно и антидисциплинарно настроенных. По его словам, вновь прибывший полк вел себя как-то странно: ни офицеров, половина коих была связана с гражданами города чувствами родства и дружбы, ни тем более солдат нигде не было видно; солдаты, как начальствующие, так и рядовые, на солдат старого гарнизона смотрели зверями, не позволяли никому к себе подходить, из своих казарм, в которых постоянно сидели, пришедших к ним выгоняли, грозя избиением, и т. п. (т. I, л. 153).

Несмотря на такое столь желательное в смутное время направление нижних чинов 2-го пехотного Сибирского Читинского полка, генерал-майор Румшевич, по свидетельству того же поручика Дмитриевского, почему-то счел нужным устраивать в казармах полка собра-

ния солдат, советуя им приглашать на эти собрания солдат других частей для обмена взглядами (т. I, л. 155).

Генерал-майор Румшевич по поводу этих собеседований показал следующее. Когда вверенный ему полк прибыл в г. Читу, все части старого гарнизона были уже заражены противоправительственным движением. Нижние чины этих частей собирались на митинги и образовали союз, офицеры образовали тоже союз — оба совершенно революционного характера. В декабре к нему явилась депутация, состоящая из артиллериста, казака и рядового местной команды, которая попросила отпустить солдат Читинского полка на митинг, устраиваемый в цирке. Он депутатам в этом отказал; тогда они стали просить разрешения для себя и для других членов своего союза притти в казармы Читинского полка для собеседования с его солдатами. Он, генерал-майор Румшевич, находя, что для нижних чинов вверенного ему полка будет весьма полезно ознакомиться с полной несостоятельностью революционных учений, на это согласился, но поставил непременным условием, чтобы в беседе никто не смел касаться особы его величества государя императора. Беседа состоялась в четверг, на праздниках рождества Христова; на беседу прибыло человек 30 нижних чинов других частей, два офицера, военные чиновники и некто Григорович, про которого ему сказали, что это отставной офицер, но который впоследствии оказался социал-революционером [57]*). Нижних чинов Читинского полка присутствовало на беседе человек 200—300; присутствовал и он, генерал-майор Румшевич. Беседа началась в 3 часа дня и окончилась в 9; прибывшие на беседу офицеры говорили о нуждах солдата, об улучшении солдатского быта, о причинах неудачи прошедшей войны, а Григорович говорил о земельной собственности, проводя ту идею, что с дарованием свободы улучшатся условия жизни. Читинские солдаты возражали на эти речи и несколько раз порывались бить ораторов, но он этого не допустил. В следующий четверг, уже без его согласия и разрешения, революционеры снова хотели проникнуть в читинские казармы для устройства собеседования, но были прогнаны. Генерал-лейтенант Холщевников все его распоряжения по поводу описанной беседы вполне одобрил и его благодарил (т. I, л.л. 26 и 27).

Генерал-лейтенант Холщевников подтверждает, что, узнав о беседе в Читинском полку и о том, как она происходила, он, действительно, благодарил генерал-майора Румшевича за то, что тот во время беседы удержал полк в своих руках. Больше по поводу бесед он ничего ему не говорил, так как генерал-майор Румшевич, старый, опытный боевой офицер, знает солдата, ведет его воспитание и сам является за него ответчиком (т. III, л. 19 об.).

---

*) Этот Григорович в настоящее время казнен по приговору временного военного суда, учрежденного при отряде генерал-лейтенанта Ренненкампфа. (Примеч. в подлинном).

4) Выше было описано совещание, имевшее место 21 декабря 1905 г. по поводу передачи читинской почтово-телеграфной конторы, через городскую думу, в руки мятежнического союза почтово-телеграфных чиновников. Генерал-майор Румшевич на этом совещании был, голос за передачу подал, резолюцию и протокол заседания подписал, при чем ни словом не заикнулся о числе вооруженных сил, которые мог выставить вверенный ему полк против революционеров для защиты правительственных учреждений г. Читы (т. II, л. л. I и след.).

Присутствовавшие на этом же совещании статский советник Семидалов и Вержболович, товарищ председателя читинского окружного суда Герваген, действительный статский советник Морозов и коллежский советник Попов, как это изложено выше, одной из главных причин состоявшейся резолюции о передаче почтово-телеграфной конторы в руки мятежников считают молчание присутствовавших на совещании генералов (т.-е. генерал-лейтенанта Холщевникова, генерал-майора Румшевича и генерал-майора Морозова, ныне умершего) о силах читинского гарнизона и о возможности сопротивления (т. I, л. 39 об., л. 109 об.; т. II, л. 17 об.).

Промолчав о силах вверенного ему полка и оказав этим молчанием на только что перечисленных членов совещания 21 декабря 1905 г. нравственное влияние в сторону подачи ими голосов в пользу передачи почтово-телеграфной конторы в руки мятежников, генерал-майор Румшевич пошел еще далее: по свидетельству присутствовавших на совещании непременного члена забайкальского областного присутствия по крестьянским делам Гриневицкого, статского советника Семидалова и Вержболовича, он предложил выразить думе благодарность за то, что, соглашаясь принять почтово-телеграфную контору, она берет на себя организацию сложного дела, непосильного правительству, и дает возможность окончить возникший вопрос столь мирным путем (т. I, л. 50 об.; л. 89; л. 109 об.).

О своем участии в деле передачи почтово-телеграфной конторы через посредство городской думы в руки революционного «союза почтово-телеграфных чиновников» генерал-майор Румшевич показал, что на совещании 21 декабря он, действительно, ничего не говорил о силах своего полка, но сделал это потому, что перед началом заседания генерал-лейтенант Холщевников, отозвав в сторону его и начальника его дивизии, ныне покойного генерал-майора Морозова, просил этого вопроса не поднимать и не говорить, сколько нижних чинов состоит во вверенном ему полку. Резолюцию и журнал заседания 21 декабря 1905 г. он не писал, во-первых, потому, что не считал возможным возражать и входить в оценку деятельности командующего войсками, а во-вторых, потому, что считал их имеющими значение лишь для одного генерал-лейтенанта Холщевникова, по единоличному предписанию коего состоялась на другой день самая передача почтово-телеграфной конторы (т. I, л. л. 28 и 29).

Что касается до численного состава 2-го пехотного Сибирского Читинского полка 21 декабря, то из доставленного генерал-майором Румшевичем и приложенного к делу сведения о сем видно, что в полку по спискам числилось 93 офицера и 1.813 нижних чинов, в расходе показано 50 офицеров и 1.191 нижний чин, а налицо 33 офицера и 622 нижних чина. При этом оговорено, что во время развода караулов, т.-е. с 11 до 12 часов дня, в полку бывает налицо всего 439 человек нижних чинов (т. I, л. 99).

В этом сведении цифры наличного состава, несомненно, ошибочны: офицеров должно быть 43 человека, а нижних чинов безусловно больше 622 человек, так как дневальных по швальне не может быть 20 человек, а одного офицера и 96 нижних чинов учебной команды показывать в расходе не следует (т. I, л. 99).

По словам свидетеля, командира расформированного ныне 2-го Читинского резервного батальона полковника Бодзенто-Белицкого, по его глубокому убеждению, 21 декабря 1905 г. рассеять и обезоружить мятежников, требовавших передачи почтово-телеграфной конторы, мог не только 2-й пехотный Сибирский Читинский полк, но и вверенный ему батальон (т. I, л. 42).

Как видно из приложенного к делу рапорта командира 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 апреля 1906 г. за № 2437, во втором Читинском резервном батальоне к 15 декабря 1905 г. состояло налицо всего 100 нижних чинов (т. I, л. 141).

Приняв во внимание все изложенное выше, я нахожу:

1) Во второй половине октября 1905 г. в г. Чите войск было вполне достаточно для борьбы с начинающимся революционным движением, тем более, что революционеры еще не были достаточно вооружены. В нравственном отношении войска были вполне благонадежны, что доказали в своих столкновениях с народными сборищами 15 и 19 октября. По результату этих столкновений генерал-лейтенант Холщевников не мог не видеть той пользы, которую приносит даже простое появление войск пред толпою. Поэтому, если он после 19 октября обрек вверенные ему войска на роль чисто пассивную, то сделал это не вследствие ошибки или добросовестного заблуждения, а вполне сознательно.

2) 24 ноября 1905 г. к генерал-лейтенанту Холщевникову явилась толпа мятежников, потребовавшая от него через своих депутатов освобождения трех арестованных. В этот день войск для полного обуздания толпы у него было вполне достаточно; времени для вызова войск к себе на помощь у него тоже было вполне достаточно, так как толпа явилась к нему не сразу, а предварительно несколько раз прошлась с песнями по городу; бояться немедленного разгрома гауптвахты и тюрьмы толпою не было никаких оснований, так как учреждения эти охранялись караулами, которые толпу, вооруженную только отчасти и притом одними револьверами, могли задержать до прибытия к себе подкреплений. Поэтому освобождение арестантов Кривоно-

сенко, Полутова и Мисюркеева крайнею необходимостью не вызывалось, и раз генерал-лейтенант Холщевников приказал их выпустить, — это должно быть поставлено ему в вину.

3) В вопросе об освобождении из Акатуевской тюрьмы 15 человек сосланных на каторгу бывших матросов транспорта «Прут» показания генерал-лейтенанта Холщевникова и начальника тюрьмы статского советника Фищева совершенно расходятся: первый заявляет, что приказания об освобождении он не отдавал, второй же утверждает, что такое приказание получил. Так как возможность отдачи генерал-лейтенантом Холщевниковым приказания об освобождении акатуевских арестантов вполне согласуется с принятой им по отношению к революционерам политикой непротивления и беспрекословного исполнения всех их требований, — остается предполагать, что о приказании, отданном статскому советнику Фищеву генерал-лейтенант Холщевников забыл, что дает основание отнестись к показанию статского советника Фищева с полным доверием.

4) Узнав о захвате железнодорожными рабочими оружия в 3 резервном железнодорожном батальоне и в товарном складе станции Чита, имея в своем распоряжении достаточный и снабженный артиллерией гарнизон, по долгу службы и присяги генерал-лейтенант Холщевников обязан был немедленно принять самые энергичные меры к отобранию захваченного оружия. Не исполнив этого, он дал рабочим возможность вооружиться и изготовиться к открытому мятежу против правительства, что должно быть поставлено ему в вину.

5) Из делавшихся ему известными резолюций «союза солдат и казаков» и «союза военнослужащих» генерал-лейтенант Холщевников не мог не видеть, что под именем «освободительного движения» союзы эти подразумевают движение революционное, имеющее целью даже путем вооруженного восстания добиться созыва Учредительного Собрания в надежде, что последнее изменит весь государственный строй России. Поэтому если генерал-лейтенант Холщевников заявил на митинге о своем сочувствии освободительному движению, то одно уже это должно быть рассматриваемо, как сознательное заявление им сочувствия движению революционно-мятежническому.

6) Сочувствие генерал-лейтенанта Холщевникова этому революционно-мятежническому движению подтверждается, кроме того, его отношением к разным кружкам и партиям этого направления, с которыми он сносился, как равный с равными (дело конторщика Семенова), и все требования которых он беспрекословно, иногда с унижением своего достоинства, исполнял (прибытие на митинг 27 ноября).

7) 21 декабря 1905 г. у генерал-лейтенанта Холщевникова в распоряжении было количество войск, достаточное для обуздания толпы, и он имел полную возможность отказать революционерам в передаче читинских почты и телеграфа при посредстве городской думы в руки союза почтово-телеграфных чиновников. Потому сделанное им, вопреки долга службы и присяги, распоряжение об изъятии

почты и телеграфа из рук правительства и о передаче этих правительственных регалий через посредство городской думы в руки мятежников, как не вызванное крайней необходимостью, является совершенно незаконным и должно быть поставлено ему в вину.

8) Опубликованные в газетах написанное по инициативе генерал-майора Румшевича заявление офицеров 2-го пехотного Сибирского Читинского полка от 8 декабря 1905 г. и его письма от 9 и 20 декабря того же года не только своим общим тоном, но даже прямо своими выражениями с несомненностью устанавливают, что названный генерал-майор этим путем хотел выразить свое полное сочувствие существовавшему в г. Чите противоправительственному движению. Его отношение к вопросу о разоружении рабочих, устройство солдатского митинга, с приглашением на этот митинг заведомых для него самого революционеров, — это сочувствие только подтверждает.

9) Своим молчанием, вопреки долгу службы и присяги, о силах вверенного ему полка на совещании 21 декабря 1905 г., собравшемся по поводу передачи почты и телеграфа в руки мятежников, и своим заявлением о необходимости благодарить городскую думу за то, что она соглашается взять на себя организацию почтово-телеграфного дела, непосильного правительству, генерал-майор Румшевич без всякого сомнения сильно повлиял на результат совещания. Деяния эти, как вполне обдуманные и умышленные, конечно, должны быть поставлены ему в вину.

На основании всего вышеизложенного, по моему мнению, генерал-лейтенант Холщевников и генерал-майор Румшевич подлежат обвинению:

I. Генерал-лейтенант Холщевников.

1) В том, что, занимая должность военного губернатора Забайкальской области, командующего в оной войсками и наказного атамана забайкальского казачьего войска и обязанный поэтому охранять в области установленный законами порядок, он, генерал-лейтенант Холщевников, вопреки долгу, налагаемому присягой, сочувствуя возникшему в России вообще, а в Забайкальской области в частности революционному движению, целью коего было путем насилия и вооруженного мятежа изменить существующий в России образ правления, основными законами установленный: а) имея в своем распоряжении достаточное количество войск, верных присяге, допустил вышеназванных революционеров насильственно завладеть казенным оружием и боевыми припасами, находившимися в 3-м резервном железнодорожном батальоне и в одном из железнодорожных поездов, прибывших в г. Читу, и таким образом вооружиться для борьбы с правительством; б) отдав 7 ноября 1905 г. в приказе по гарнизону к неуклонному исполнению приказ главного начальника тыла маньчжурских армий от 24 октября 1905 г. за № 786, запрещающий военнослужащим принимать участие в общественных собраниях и произносить на них речи, впоследствии не только допускал митинги военнослужащих чисто революционного

характера, но на некоторых из этих митингов бывал сам и своими речами о сочувствии «освободительному движению» содействовал проникновению в среду чинов гарнизона революционных идей; в) 21 декабря 1905 г., имея в своем распоряжении около 2.000 человек гарнизона, а потому будучи в состоянии подавить войсками всякую попытку революционеров на насилие, сделал по требованию революционеров распоряжение о передаче читинских почты и телеграфа, т.-е. правительственной регалии, в руки мятежников, каковое распоряжение на следующий день, т.-е. 22 декабря 1905 г., и было исполнено, — что предусмотрено 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения.

2) В том, что 24 ноября 1905 г., имея в своем распоряжении войска в количестве свыше 1.000 человек, т.-е. вполне достаточном для подавления всякой попытки со стороны революционеров на насилие, в нарушение возложенных на него, как на военного губернатора, обязанностей, вопреки долгу, налагаемому присягой, по требованию революционеров, стремившихся путем открытого мятежа изменить существующий в России государственный строй, приказал выпустить из тюрьмы содержавшегося там подсудимого Кривоносенко, обвиняемого в убийстве и в государственном преступлении, и с гарнизонной гауптвахты — казаков Полутова и Мисюркеева, подлежавших отправке в дисциплинарный батальон, каковое приказание и было в тот же день исполнено, что предусмотрено 173 ст. уголовного уложения.

3) В том, что в начале декабря 1905 г., в нарушение возложенных на него, как на военного губернатора, обязанностей и вопреки долгу, налагаемому присягой, приказал своему подчиненному начальнику акатуевской тюрьмы статскому советнику Фищеву в случае требования со стороны революционеров, стремившихся путем открытого мятежа изменить существующий в России государственный строй, беспрекословно выпустить из тюрьмы содержавшихся там бывших матросов транспорта «Прут», осужденных на каторжные работы за бунт против верховной власти, каковое приказание 20 декабря 1905 г. статский советник Фищев исполнил и по требованию депутатов, присланных к нему революционерами, вышеназванных бывших матросов, в числе 15 человек, из тюрьмы выпустил, что предусмотрено 2-й половиной 173 ст. уголовного уложения.

II. Генерал-майор Румшевич.

В том, что, сочувствуя возникшему в России вообще и в г. Чите в частности революционному движению, имевшему целью путем насилия и вооруженного мятежа изменить существующий в России образ правления, основными законами установленный, он, генерал-майор Румшевич:

1) 7 декабря 1905 г. побудил офицеров командуемого им 2-го пехотного Сибирского Читинского полка составить заявление о том, что они сочувствуют «освободительному движению», что подавление какой бы то ни было политической партии силою оружия они считают позором и что в борьбе партий Читинский полк на себя полицейских

обязанностей не примет, совместно с офицерами подписал это заявление и, при собственном письме, в коем от имени полка снова выразил сочувствие революционному движению, отправил 9 декабря 1905 г. это заявление читинскому городскому голове с просьбой путем местной печати ознакомить с заявлением граждан города, а затем, когда его письмо и заявление офицеров были напечатаны в газете и вызвали некоторые возражения со стороны газеты «Азиатская Русь», орган крайних революционеров, поместил в номере газеты «Забайкалье» от 20 декабря 1905 г. письмо, в коем, поддерживая вышеприведенное заявление офицеров своего полка, называл государя императора конституционным монархом, а самодержавие явно невозможным и уже несуществующим и этими своими письмами и заявлением достиг того, что революционеры, получив сознание полной безнаказанности и уверенность, что со стороны 2-го пехотного Сибирского Читинского полка никакого противодействия не встретят, учинили ряд мятежнических действий, как, например, захват казенного оружия и патронов, вооружение для борьбы с правительством железнодорожных рабочих и т. п.

2) 21 декабря 1905 г., будучи призван генерал-лейтенантом Холщевниковым на совещание по поводу передачи в руки вышеуказанных революционеров читинской почтово-телеграфной конторы и получив от него приказание ничего не говорить на совещании о состоянии войск Читинского гарнизона, приказание это исполнил, никому не сказал, что в его распоряжении имеется около 1.800 штыков, а когда, смущенные его молчанием, присутствовавшие на совещании лица постановили передать почту и телеграф, т.-е. правительственную регалию, в руки мятежников, к этому постановлению не только присоединился и резолюцию совещания подписал, но даже позволил себе предложить собранию выразить городской думе, при посредстве коей почтово-телеграфная контора передавалась в руки мятежников, благодарность за то, что она берет на себя организацию дела, непосильного. по его словам, правительству.

Деяния эти в каждом случае предусмотрены 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения.

Совершенные генерал-лейтенантом Холщевниковым и генерал-майором Румшевичем преступные деяния подсудны военному суду.

17 апреля 1906 года, г. Чита.

С подлинным верно: Штабс-капитан *Креонов* *).

---

*) На 1 стран. сопроводительной бумаги пометка карандашом:
«Какое безобразное дело!»
Далее другая пометка карандашом:
«Вчера поступили сведения от генерала Ренненкампфа, что Холщевников действовал под влиянием другого лица, оставшегося безответственным. Что нами сделано по этой телеграмме».
Особый отдел. 12 мая 1906 г.

IV.

Прокламации и воззвания к армии.

1*).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

(Получено телеграммой 2-го декабря, в 9 часов вечера).

К гражданам от социал-демократического союза армии.

Дорогие сограждане, мы, организованные нижние чины запаса, считаем своим нравственным долгом предупредить вас и сообщить вам следующее: гнусное полицейское правительство оторвало нас от наших жизненных потребностей, обязанностей пред своими родными и согражданами и родиной, большая часть из нас оторвана от земли самых плодородных губерний. Если мы не будем к февралю месяцу дома, то мы, несколько сотен тысяч, обратимся в нищих, и миллионы женщин и детей умрут от голода. Наши семейства терпят нужду и оскорбления от негодяев — прислужников преступного старого правительства. Мы из-за позорной войны потеряли все наши земли и получили от японцев позорную, но справедливую кличку, «романовские босяки». Интенданты и генералы с разными командирами нас грабили, набивали свои карманы. Мы только здесь все узнали и все поняли. Мы своей кровью и народными деньгами защищали чужую собственность, не государственную и не народную, а дорогу и интересы нескольких негодяев-миллионеров аристократов, которые на народные деньги содержали разбойников воров Алексеевых[58]) и Стесселей[59]) с их прихлебателями. Генералы и командиры держат нас в холодных, сырых и темных собачьих конурах, которые они называют полуземлянками и шалашами, а сами живут в обстроенных на наш счет, выстланных досками фанзах[60]) и роскошных вагонах; кормят нас всякой дрянью, а себе доставляют вина и вкусные деликатесы. Мы страдали и голодали, а генералы с разными командирами бражничали в тылу и пьянствовали с проститутками. Наши честные товарищи, забастовщики железных дорог, обещают нам по 15 поездов в сутки для перевозки нас в Россию, а генералы с главнокомандующим задерживают нас, чтобы им можно было дольше получать большие деньги за счет наших животов и набивать себе карманы. Терпению нашему скоро приходит уж конец. В газете Манчжурских армий[61]) Линевич нас дурачит разными обещаниями да развлекает нас подложными солдатскими пись-

*) Воспроизводится по печатному экземпляру харбинской с.-д. группы, в конце следует приветствие армии от харбинского комитета с.-д., воспроизвести которое ввиду дефектности оригинала не представляется возможным.

мами; исполнений же всех его обещаний не видно. Доктора говорят, что к весне разовьются страшные эпидемии тифа, цынги и кровавого поноса и тысячи нас помрут здесь. Но довольно, пора положить всему произволу царскому конец, пора отомстить за невинно пролитую кровь наших товарищей, за слезы наших бедных жен и несчастных детей. Мы смерти не боимся, это знает вся Европа и Азия, это мы доказали под Мукденом и Ляояном. Мы надеемся, что нам помогут в великом деле освобождения нашей родины и все другие обиженные товарищи и честные офицеры. Если мы, запасные, не будем к февралю месяцу дома, то от дороги князей аристократов и других негодяев останется лишь пепел и кучи камней, просим дорогих товарищей переписывать и распространять между солдатами и согражданами; Линевича и Витте мы предупредили.

Союз социал-демократов армий.

Декабрь 1905 г. № 2.
Типография группы.

2.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Когда запасные уедут на родину?

Солдаты! Вы все спрашиваете, отчего вас не везут на родину? Ведь со дня «замирения» с японцами, с 23 августа, прошло уже 4 месяца, или 120 дней, и за все это время, если бы даже 6 поездов в день увозили домой, то, считая в каждом поезде по 30 вагонов, а в вагоне по 40 человек, можно бы было увезти в день 7.200, а в 120 дней — 864.000 челов. А это чуть ли не вся армия.

Да, братцы-солдаты, за 120 дней многих из вас можно было бы увезти домой. Кто же виноват в том, что на самом деле к новому году со всей Манчжурии и Уссурийского края, из Владивостока и японского плена уедет в Россию едва 250.000 человек, а останется томиться здесь, на Дальнем Востоке, выжидая очереди, не менее 750.000 людей?

Ваше начальство все твердит вам, что виной тому железнодорожные забастовщики, которые будто бы отказываются вас возить. Так ли это? Давайте, братцы, считать и вспоминать, что сделало ваше военное начальство за последние 4 месяца. Ведь оно, это самое ваше начальство, отпускает запасных, требует поезда, командует и приказывает, железная же дорога только выполняет то, что от нее требует военное ведомство. Ей говорят: «подавай вагоны», она подает, но что̀ поместят в эти вагоны: людей ли, лошадей или пушки, этого она не смеет касаться.

Итак, 23 августа заключили мир, и только в первых числах октября повезли первые эшелоны в Россию. Что же делали в эти сорок дней заправилы воинского движения—разные Линевичи, Надаровы, За-

харовы [62]), Шкинские и Левашевы. Что делали в эти 40 дней здесь и в Петербурге все главные и не главные штабы. Они исправно получали жалованье, но не только не думали отпускать на родину запасных, не только не изготовили плана вывозки войск, а всеми поездами продолжали гнать сюда солдат на «подкрепление Манчжурских армий». За эти дни могло быть отпущено и увезено на родину 300.000 чел., т.-е. половина запасных, на самом же деле не ушел домой ни один человек, а, наоборот, еще пришел весь 13-й корпус, пришли какие-то маршевые команды, пришли разные укомплектования, пришли миноноски, пушки, снаряды, генеральские экипажи, двуколки, вагонетки, целые поезда колючей проволоки и прочее, и прочее, и прочее. Все это ненужное шло 40 дней и 40 ночей, шло в то время, когда война уже кончилась, когда наступил мир, когда сотни тысяч измученных, исстрадавшихся оторванных от родины и семей людей два года томились и рвались домой к своим близким.

Но вот к началу октября военное начальство наконец-то решило вывозить войска. Как бы вы думали, братцы, кого оно решило вывозить в первую очередь? Запасных? Как бы не так! Первыми пошли только что привезенные войска 13-го корпуса, да еще пленные из Японии, которых эти ослиные головы не могли перевезти на пароходах морем, а решили гнать через всю Азию и Европу по железной дороге, и без того забитой перевозкой войск. И вот,—с 13-м корпусом опять потянулись двуколки, пушки, лошади, генеральские экипажи и разное добро, а запасные все сидели и сидели. Начальство и не думало о них. Зачем ему спешить. Ведь жалованье генералам платят большое, живут они здесь привольно, даже жен и мамзелей повыписывали.

Так велось дело до половины октября. В это время весь русский рабочий народ, крестьяне и фабричные, вступили в решительную битву с правительством и для того, чтобы сломить его, объявили всеобщую забастовку. К ним присоединились и все русские дороги, кроме Китайской, которая не бастовала, чтобы доставлять вам продовольствие и топливо [63]). Вся жизнь в России остановилась. Правительство струсило и 17 октября издало манифест о свободе. Забастовка прекратилась, и железные дороги после пятидневного перерыва снова покатили войска и воинские грузы.

К этому времени среди запасных началось волнение. Они увидели, что о их выезде на родину никто не помышляет. Они поняли, что их морочат, но кто виноват в этом, не все могли сообразить. Начался бунт запасных и пленных во Владивостоке, стали они бить кого попало, грабили ни в чем неповинных китайцев, жгли и разбивали магазины. Зачем это они делали, — сами не знали. Досталось, конечно, и начальству, но мало.

Тогда только начальство поняло, что дело плохо, что рано или поздно запасные узнают, кто истинный виновник их задержки. И вот в первый раз после заключенного мира оно подумало об отпуске за-

пасных. И вот пошли писать приказы разные ваши «папашки», «отцы родные» и «благодетели», пошли врать и изворачиваться. Весь ноябрь и декабрь в газетах, приказах и разных наставлениях Линевичи, Куропаткины, Надаровы, Батьяновы и прочие ироды всячески стараются свалить всю вину на железнодорожников, всячески стараются натравить вас не только на забастовщиков, но и на их детей. Им все мерещатся забастовки! Им все хочется доказать, что они давным-давно рады бы отпустить вас на родину, да железнодорожники мешают. Но доказать им этого никак не удастся: солдаты им уже не верят, а железнодорожники напрягают все силы, чтобы больше подавать поездов. В декабре месяце дорога, кроме 2-х пассажирских поездов, увозила из Харбина ежедневно до 8-ми эшелонов. Что же делало начальство? Чтобы меньше отпускать солдат, чтобы они верили, что их не везет дорога, военное начальство придумало новую хитрость: оно приказывает везти в Россию побольше ненужного груза, так что в 8 эшелонах вместо 9.600 человек помещается только 4 или 5 тысяч, а то и меньше.

Загляните в любой поезд, идущий в Россию, и вы увидите, что вагоны больше заняты лошадьми, повозками, пушками, зарядными ящиками, нежели людьми. Загляните в поезда, идущие из России, и вы увидите, что до сих пор прибывают в Манчжурию вагонетки, колючая проволока и разный ненужный груз.

Все свои такие проделки ваше начальство называет железнодорожной забастовкой. Да кто же на самом деле бастует? Те ли, которые из сил выбиваются, чтобы подавать больше для войск поездов, или ваше начальство, которое всячески старается заполнить эти поезда разным хламом, лишь бы только не ехали в них люди. Кто не желает вас возить: железнодорожники ли, которые за 4 месяца не работали только 5 дней, или ваши начальники, которые после мира с японцами до ноября месяца вовсе не отпускали вас, а в ноябре и декабре только и делали, что всячески мешали вашей отправке на родину?

Вы видите, солдаты, что забастовка тут не при чем. Пока ваше начальство будет заправлять перевозкой войск, до тех пор вы не увидите своей родины.

И совет вам, братцы, можно дать лишь один:

Собирайтесь по ротам, батальонам и полкам и выбирайте от себя комитеты по перевозке запасных. Отстраните от этого дела свое начальство и возьмите все в свои руки. Вместе с железнодорожными рабочими и служащими ваши комитеты установят очереди отправки запасных и не позволят отправлять на родину пушки, двуколки и генеральские экипажи. Тогда только в каждом эшелоне уедет домой не сотня, а 1.200 запасных. Тогда только к весне вы попадете домой.

Харбинский комитет Рос. С.-Д. Рабочей Партии.

Харбин, 15 декабря 1905 г.

3.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Опять обманули запасных.

Солдаты, 15 декабря в листке № 9, под заголовком «Когда уедут на родину запасные», мы писали вам, что до тех пор вы будете томиться здесь, в Манчжурии, пока не возьмете власть в свои руки, пока не выберете из себя комитеты по перевозке войск, так как ваше начальство не желает везти вас на родину и отправляет целыми поездами не запасных, а действительных, не людей, а пушки, пулеметы, повозки, зарядные ящики и все то, что нужно для убийства ваших братьев — крестьян и рабочих, борющихся за общие для всего народа права. С тех пор, как мы писали вам об этом, прошло только 2 недели. За это время ничего не изменилось; Линевич только новый приказ издал о том, что с 21 декабря он решил вывозить исключительно запасных 4 эшелонами в сутки по 1.200 человек в каждом и что больше нельзя вывозить потому, что будто бы у Сибирской дороги только на 4 поезда хватит паровозов, а у Китайской — мало теплушек.

Ну-ка, братцы, давайте учиним «папашке» допрос, верно ли он говорит. Спросим его, прежде всего, откуда Сибирская дорога брала паровозы, когда везла вас, солдаты, на войну, отчего тогда у нее хватало паровозов на 15 и даже 18 поездов в сутки? Куда девались эти паровозы теперь, когда вам нужно ехать домой, к своим полям, к своим близким, к своим братьям для защиты родины, для свержения царского правительства?

Слушайте, солдаты, когда вас гнали на эту бессмысленную войну, то на Сибирскую дорогу со всей России послали очень много паровозов. Тогда министры—военный и путей сообщения,—приказали каждой русской дороге подать паровозы на Сибирскую, и у последней скопилось их столько, что она могла возить 15 и 18 поездов в сутки. А теперь, когда вся Россия, рабочая и крестьянская, восстала, когда войска стали постепенно переходить на сторону народа, правительство боится сразу пустить вас много на родину, боится потому, что оно знает, что вы, вернувшись в Россию и увидя, как расправляется правительство с борцами за общее благо, присоединитесь к своим братьям-крестьянам и рабочим и увеличите их ряды. Вот почему сначала оно вовсе не отпускало вас, а когда вы стали требовать, решило увозить только четырьмя поездами, вот почему у Сибирской дороги нехватает паровозов. Дело очень просто: их угнали обратно в Россию и не приказывают давать.

Далее, Линевич уверяет вас, что у Китайской дороги мало теплушек, что их не возвращают обратно из России, так что Китайская до-

рога сдает их, примерно, 250 в сутки, а обратно получает от Забайкальской всего 50 или меньше.

Это тоже, братцы, чепуха и обман. Что такое «теплушка»? Не барский же это вагон 1 класса, для изготовления которого нужны сотни рабочих рук и много ценного материала. Теплушку вы хорошо знаете. Это простой деревянный вагон, которых тысячи есть на Китайской дороге, в нем только плохая печка стоит и стены его войлоком обиты. Если дороги не успевают возвращать из России теплушек, то они могут доставить войлок и печи, а вы сами из любого вагона наготовите себе теплушек. Надо только, чтобы ваше начальство зря не занимало вагонов под пушки и пулеметы, надо не позволять ему везти в теплушках действительных на избиение народа, тогда вы очень скоро уедете на родину. Ведь из Харбина ежедневно уходит на запад, кроме пассажирских, не менее 8 воинских поездов. Как же для них-то паровозы и теплушки находятся? Загляните в эти поезда, кто в них едет? В них везут во всеоружии войска с пушками и пулеметами. Зачем везут казаков Ренненкампфа? Разве они запасные? Нет, их гонят на избиение братьев ваших — крестьян и рабочих и железнодорожных служащих. Зачем везут 5-ю дивизию (17, 18, 19 и 20 полки)? Разве это запасные? Нет, это едут наши воины на убийство наших братьев.

Зачем везут эти проклятые пушки и пулеметы? Разве в Чите, Иркутске и Красноярске показались японцы? Разве по пушкам и пулеметам соскучились ваши жены и дети? Нет, это везут орудия смерти для честнейших граждан России, для борцов за счастье народа.

Запасные! Вы видите, что если ваши начальники будут возить казаков и действительных, то вам домой не уехать. «Папашка» все будет говорить вам, что у него нет паровозов и теплушек. Подумайте только, что́ если разные изверги Батьяновы и Ренненкампфы одурманят вином и натравят этих солдат на беззащитных борцов за лучшую долю для вас и всего русского народа, что́ если они озвереют, забудут совесть и на самом деле станут избивать по пути железнодорожных рабочих и служащих? Ведь тогда все разбегутся, и некому будет везти вас домой. Надо устроить так, чтобы начальство не смело посылать войска на избиение ваших друзей, рабочих и служащих железной дороги.

Как же это сделать? Мы уже писали вам, что другого выхода нет, как организовать на каждой станции, где идет посадка войск, комитеты из выборных от солдат. Эти комитеты должны заменить ваше начальство и вовсе отстранить его от дела перевозки войск. Они используют все вагоны и поезда на то, чтобы скорее увезти на родину всех запасных. Они не позволят отправлять войска на убийство народа. Для того, чтобы начальство не смело мешать этой работе, вы должны с оружием в руках защищать свои комитеты, а потому не сдавайте оружия, храните его у себя, припасайте его для защиты народа и для свержения царского ига.

За дело же, братцы, организуйтесь скорее, выбирайте скорей комитеты. Довольно обмана, довольно крови народной!

Смерть палачам и насильникам!

Да здравствует солдат—друг народа!

Да здравствуют солдатские комитеты!

Харбинский Комитет Рос. С.-Д. Рабочей Партии.

Харбин, 3 января 1905 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Ташкентская, Сибирская, Забайкальская, Уссурийская и Восточно-Китайская железные дороги получали информацию о событиях через Самарский Стачечный Комитет.

2. Станция Яомынь Южно-Китайской ж. д., где находился штаб III Манчжурской армии, отстоит от Харбина приблизительно в 160 верстах.

3. Батьянов, Михаил Иванович, генер.-от-инф., чл. Воен. Совета, воен. писатель, с 13 марта 1905 г. по 3 февраля 1906 г. командовал III Манчжурской армией, вел погромную агитацию против стач. комитетов; железнодорожники вынесли постановление не пропускать генерала в Европ. Россию.

4. В Томске 20 октября толпой черносотенцев, пополненной переодетой полицией, после «патриотической манифестации» было подожжено здание Управления Сиб. ж. д., в котором в это время находилось много ж.-д. служащих. Все выбегавшие из горящего дома и выбрасывавшиеся из окон добивались толпой. Так погибло несколько сот человек.

5. Джалайнорские копи питали своим углем всю Восточно-Китайскую железную дорогу; с их забастовкой неминуемо должно было бы остановиться все движение на дороге, а следовательно, приостановилась бы и эвакуация из Манчжурии армии.

6. Хорват, Дмитрий Леонтьевич, был помощн. начальн. Уссурийской ж. д., затем начальником Восточно-Китайской, оставался в этой должности целый ряд лет. Впоследствии во время гражданской войны сыграл видную роль в деле организации контр-революционных сил.

7. Таолайчжоу—Харбин — участок Южно-Китайской ж. д. протяжением в 120 верст.

8. Эйлер, Александр Николаевич, подполковник, был начальником радиотелеграфа на Д. Востоке.

9. Елизаров, Марк Тимофеевич, член Центральн. Бюро всерос. жел.-дорожного союза.

10. Надаров, Иван Павлович, генерал-лейтенант, главный начальник тыла Манчжурских армий.

11. Забастовка Восточно-Китайской ж. д., объявленная 24 ноября 1905 г., была прекращена Стачечным Комитетом через несколько же дней (2 декабря), в виду трудностей прекратить пассажирское и коммерческое движения, которые слишком тесно были связаны с жизнью армии.

12. Станция «Мысовая» Забайкальской ж. д. находится на побережьи Байкала, приблизительно в 140 верстах западнее г. Верхнеудинска.

13. Очевидно имеются в виду требования, вынесенные на митинге 24 ноября об освобождении политических заключенных. Толпа в несколько сот человек двинулась после митинга к дому губернатора и предъявила ему свои требования через особую делегацию. Последний был вынужден дать согласие на освобождение из тюрьмы на поруки отца содержавшегося там с весны 1905 г., в ожидании суда, Дм. Кривоносенко, ранившего выстрелом из револьвера, при

разбрасывании прокламаций, городового Пнева; а также на освобождение с гауптвахты двух казаков, отбывавших наказание по приговору военного суда.

14. Левандовский, подполковник Генерального Штаба, числился штаб-офицером для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при главнокомандующем.

15. 30 октября 1905 г. запасные и военнопленные, возвратившиеся из Японии, возбужденные задержкой их эвакуации на родину, устроили погром в городе.

16. Станция «Пограничная» находится на границе Манчжурии и Приморской области. От Пограничной на восток идет Уссурийская ж. д.

17. Владивостокское выступление запасных началось случайным столкновением в воскресный день на рынке («толчке») нескольких пьяных солдат и обывателей.

18. Куропаткин, Алексей Николаевич, генерал-адъютант, 1898—1904 г.г. был военным министром. С начала русско-яп. войны был назначен командующим Манчжурской армией, затем главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии; 3 марта 1905 г., после поражения под Мукденом, был смещен с должности главнокомандующего, после того командовал еще некоторое время I Манчжурской армией. Умер в начале 1925 г.

19. Линевич, Николай Петрович, генерал-адъютант, в 1904 г. был командующим войсками Приамурского военного округа, затем командовал I Манчжурской армией; после увольнения Куропаткина был назначен главнокомандующим, занимая эту должность до 3 февраля 1906 г., когда был смещен.

20. В Харбине помимо газет официального характера выходили «Харбинский Вестник», «Харбинский Листок», «Новый Край» и др.

21. Линевич, повидимому, не разделял этих взглядов и находил преждевременным введение осадного положения и объявление города крепостью. Некоторые подробности можно найти в его дневнике, в частности интересна в этом отношении запись от 28 ноября 1905 г. (см. «Русско-Японская война. Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича». Центрархив, 1925. Ленгиз) стр. 119.

22. Лечицкий, вероятно — Платон Алексеевич Л. — командовавший одно время 24 Вост.-Сибир. стрелковым полком шестой Сиб. стрелк. дивизии.

23. Фон-Ренненкампф, Павел Карлович, генерал-лейт., до назначения в карательную экспедицию на Восточно-Китайскую и Забайкальскую ж. дороги, командовал 7 Сибирским армейским корпусом.

24. Чичагов, Николай Михайлович, генерал-лейтенант, начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи.

25. Холщевников, Иван Васильевич, генерал-лейтенант, был военным губернатором и командующим войсками Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1905 г., когда Чита стала центром революционного восстания, Холщевников не принял достаточно энергичных мер для подавления его, за что после разгрома Читы был смещен с должности, отдан под суд, судим и приговорен к году и четырем месяцам крепости.

26. Полковников, вероятно — Петр Васильевич, ген.-майор, начальник 4 стрелк. бригады.

27. Ханшин — крепкий напиток, изготовляемый китайцами.

28. После владивостокских событий (30 октября 1905 г.) первоначальный план эвакуации армии был изменен, по второму плану в первую очередь должны двигаться сибирские полки и Владивосток постепенно должен освобождаться от запасных, скопившихся там в большом числе.

29. Шкинский, Яков Федорович, генерал-майор, нач. военных сообщений при главнокомандующем.

30. Орановский, Николай Алонзьевич, артил. полковник или Владимир Алонзьевич генерал-майор, ген.-квартирм. Манчжурской армии.

31. 22 тысячи лошадей, оставшихся по демобилизации армии за штатом, были пожертвованы населению Приморской, Амурской и Забайкальской областей. На долю Забайкалья приходилось около 10 тыс. лошадей. Забайкальские казачьи полки, возвращавшиеся на родину, вели с собой эти табуны.

32. Станция «Адриановка» Забайкальской ж. дороги находится к востоку от Читы приблизительно в 100 верстах.

33. Имеется в виду шифрованная телеграмма Николая II от 13 декабря 1905 г., посланная, в виду почтово-телеграфной забастовки, окружным путем через Нагасаки и Шанхай. В телеграмме этой предлагалось сформировать в Харбине карательный отряд во главе с ген. Ренненкампфом для посылки на Восточно-Китайскую и Забайкальскую ж. дороги, для борьбы со стачечными комитетами. (Полный текст этой телеграммы опубликован в ст. В. М. «К истории карательной экспедиции в Сибири» «Красный Архив», т. I. М. 1922).

34. Рабочими Читинских ж.-д. мастерских разновременно было захвачено много оружия и боевых припасов. Так в начале декабря 1905 г. группой вооруженных рабочих захвачено в помещении ж.-д. батальона до 800 винтовок, в 20-х числах того же месяца на станции захвачено несколько вагонов, груженных винтовками и снарядами. Оружие это было роздано не только рабочим читинских мастерских, которые спешно организовались в боевые дружины, но частью было послано по линии (на ст. Хилок, Петровский завод и др.).

35. Хинганский перевал отделяет Монголию от Манчжурии.

36. Ланковский, Вл., старший врач Уссурийской жел. дороги, первого Уссурийского ж.-д. батальона и Уссурийской ж.-д. бригады, один из членов «Союза служащих и мастеровых Уссурийской ж. дороги». Принимал участие в организации ж.-д. забастовки этой дороги в конце ноября 1905 г. По распоряжению командующего войсками округа Ланковский был арестован во Владивостоке 4-го января, но вскоре же во время январского восстания (11 января) был освобожден восставшими солдатами и матросами и скрылся. Был вторично арестован и судим в июле 1906 г. военно-окружным судом, в числе 17 челов., привлекавшихся по этому же делу.

37. Фон-Кремммер, Николай Иванович, инженер, полковник, начальник Уссурийской ж. д. и командир Уссурийского ж.-д. батальона.

38. Хрещатицкий, Ростислав Александрович, генерал-от-кавал., командующий войсками Приамурского военного округа, наказный атаман приамурского казачьего войска.

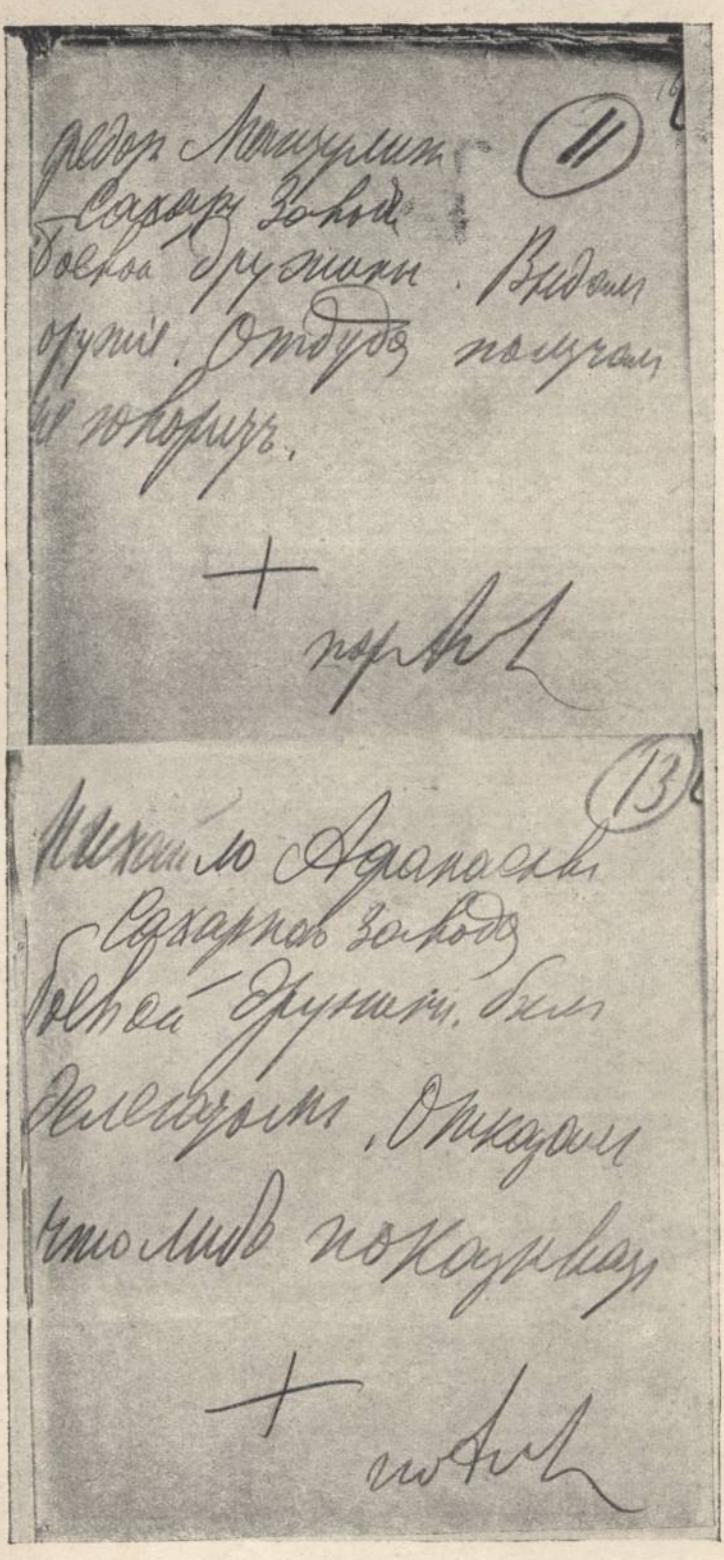
39. Селиванов, Андрей Николаевич, генерал-лейтенант, команд. II сводн. стрелк корпусом, во время январского восстания во Владивостоке был ранен. В 1906 г. был назначен генерал-губернатором Восточной Сибири и команд. войсками.

40. Ельшин, полковник, начальник военных сообщений Приамурского военного округа, в ведении которого находилась согласно приказа от 8 сентября 1904 г. (№ 573) Уссурийская ж. д., против чего протестовал стачечный комитет дороги.

41. Румшевич, Иосиф Францевич, ген.-майор, командир 2 пехотного Сибирского Читинского полка. Впоследствии вместе с Холщевниковым привлекался к ответственности.

42. Сычевский, Аркадий Валерианович, генерал-майор. Вскоре после смещения Холщевникова был назначен военным губернатором Забайкальск. области и вр. командующим войсками, принимал большое участие в деятельности Ренненкампфа по разгрому революционного движения в Забайкалье.

43. Рабочий читинских ж. д. мастерских Кисельников, был смертельно ранен офицером Шпилевским при попытке рабочих 15 октября овладеть вагонами с оружием. Похороны Кисельникова (19 октября) превратились в грандиозную манифестацию.



Смертные приговоры дружинникам Пресни

От Редакции. Эти образцы своеобразного предварительного дознания, судебного следствия и приговора, писанные карандашом на осьмушках писчей бумаги поручиком Аглаимовым, находятся в „Деле отд. по охр. общ. безоп. и порядка в Москве при упр. Моск. градонач.“, по описи № 865, 1905 г. (Архив Рев. и Внешней Политики)

44. Во время восстания на броненосце «Потемкине» летом 1905 г., к восставшим присоединилась команда транспорта «Прута». 15 матросов команды были осуждены на каторжные работы и отбывали их в Акатуевской тюрьме.

45. Военные писари, казаки, Полутов и Мисюркеев, были приговорены военным судом за оскорбление офицера к отдаче в дисциплинарный батальон.

46. Кривоносенко, Дмитрий Иванович, член Читинской организации РСДРП. 23 апреля 1905 г. при разбрасывании прокламаций на улицах города ранил выстрелом из револьвера городового. В описываемое время содержался в читинской тюрьме, симулируя психическую болезнь. Впоследствии Кр-ко много раз сидел в тюрьмах. С 1914—1917 г. отбывал ссылку в Томске, там и остался работать после Февральской революции. В мае 1918 г. Кр-ко был убит белогвардейцами при перестрелке в Томском женском монастыре.

47. Бабин, сотник, адъютант ген. Холщевникова.

48. Фищев, Павел Порфирович, статск. советник, начальник Акатуевской тюрьмы.

49. В делегацию, отправленную в Акатуй было выделено 4 представителя от союза солдат и казаков и два от местной с.-д. организации. Персонально входили: В. Курнатовский, В. Чистохин, А. Лопатин, Г. Белякин, Е. Полубояринов и еще один товарищ, фамилия которого не сохранилась. Дело об освобождении арестованных из Акатуевской тюрьмы слушалось в воен. суде при отряде Ренненкампфа в начале марта 1906 г. В качестве обвиняемых были привлечены 27 чел., в том числе нач. тюрьмы и его помощник. Суд оправдал последних, приговорив остальных 25 человек к расстрелу. По конфирмации приговора ген. Гродековым, смертная казнь всем осужденным была заменена каторжными работами на разные сроки.

50. Приговор по делу об освобождении заключенных из Акатуевской тюрьмы опубликован во втором сб. Дальистпарта (сб. материалов по истории революционного движения на Д. Востоке. Чита-Владивосток 1923 г. см. стр. 201—208).

51. Дориан, Георгий Карлович, полковник, командир 3-го резервного ж.-д. батальона.

52. Суд над Григоровичем (Костюшко), Цупсманом, Качаевым, Столяровым и др. происходил в Чите при отряде ген. Ренненкампфа 28 февраля. 3 марта 1906 г. над приговоренными к смерти была публично совершена казнь.

53. Еще не доезжая Читы, с разъезда № 59, 21 января ген. Ренненкампфом был отдан приказ о сдаче читинскими рабочими всего захваченного ими оружия к 12 часам следующего дня караулу у моста через реку Читинку.

54. Дмитриевский, подпоручик 2-го Читинского резервн. батальона, был одним из организаторов союза военнослужащих.

55. Шмидт, Петр Петрович, лейтенант, участник Севастопольского восстания в ноябре 1905 г. Расстрелян 6 марта 1906 г.

56. Станция «Борзя» Забайкальской ж. д. находится приблизительно в 260 верстах к востоку от Читы.

57. Григорович, Иосиф Николаевич (Костюшко-Валюшанич), член РСДРП, действительно до ссылки в Сибирь был артил. офицером. В Забайкалье жил под фамилией Григоровича, служил чертежником ж.-д. мастерских. При занятии Читы отрядом Ренненкампфа, был арестован, судим в числе др. видных участников движения и приговорен к смертной казни.

58. Алексеев, Евгений Иванович, генерал-адъютант, адмирал, был наместником на Д. Востоке, в начале Японской войны был назначен Главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, в конце 1904 г. был заменен ген. Куропаткиным.

59. Стессель, Анатолий Михайлович, генерал-лейтенант, командовал 3 Сиб. арм. корпусом, был и. д. коменданта крепости Порт-Артур, при нем произошла сдача крепости японцам.

60. Фанза — китайская хижина.

61. Очевидно имеется в виду офиц. орган, издаваемой штабом главнокомандующего «Вестник Манчжурских армий». Кроме этой газеты в Харбине, с разрешения главн. нач. тыла Манчжурских армий печаталась подобная же газета «Военная Жизнь», под ред. Н. Десино.

62. Захаров, Петр Матвеевич, полковник, начальник военных сообщений тыла Манчжурских армий.

63. В действительности Восточно-Китайская ж. д. заявляла о своем присоединении к ж.-д. стачке.

Штурм Пресни.

В архиве штаба московского военного округа имеется чрезвычайно интересный документ, рисующий самый драматический момент борьбы на Пресне в декабре 1905 г., когда Пресня, защищаемая горстью плохо вооруженных дружинников рабочих, подверглась жесточайшей бомбардировке из тяжелых орудий. Это было 17 декабря. Сами артиллеристы называют этот расстрел Пресни «штурмом», при чем утверждают, что штурм был вызван «бесплодной попыткой отряда полк. Мина в течение нескольких дней овладеть фабричным районом, занятым двумя мануфактурами: Прохорова и Мамонтова, служившими оплотом мятежникам». Из публикуемых документов видно, что сам Мин не считал свои попытки борьбы с дружинниками «бесплодными» и к содействию тяжелой артиллерии отнесся скорее отрицательно. Впрочем, здесь играла некоторую роль конкуренция, — Мин, повидимому, не хотел делить славы «победителя» с кем бы то ни было.

Публикуемый нами рапорт начальника артиллерии и выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады дают возможность восстановить картину как самого обстрела Пресни и мотивы, его вызвавшие, так и отношения военных властей, руководивших борьбой против революционной Пресни, к последствиям «штурма».

Ровно час продолжалась бомбардировка, и за это время было выпущено батареями 400 снарядов, из которых 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Вопреки ожиданиям отряда, обстреливавшего Пресню, его действия не были одобрены ни генерал-губернатором, ни штабом военного округа, «с большим удовольствием» принявшего предложение о штурме, ни Мином. Штаб округа считал напрасным сожжение зданий и ставил в вину начальнику артиллерии то обстоятельство, что бомбардировка угрожала опасностью отряду Мина, действовавшему на Пресне. Ко всему этому штаб округа заявил, что «действия отряда дружин не напугали». Все это вызвало, конечно, отпор со стороны начальника артиллерии. Последний совершенно недвусмысленно заявил своим обвинителям: «Раз признано было необходимым и разрешено действовать из орудий, огонь, само собой (разумеется), должен вестись энергично» — это первое, и второе: «если артиллерия призывается к действиям, она обязана вести их так, как этого от нее требует устав, а не по особому для каждого отдельного случая заказу». Автор документа не понимал, что в его лице Дубасов и К°-ищут «стрелочника», на которого можно было бы в случае необходимости свалить вину за совершенно бесполезный разгром Москвы.

Для характеристики эпохи и действующих лиц публикуемые документы несомненно представляют значительный интерес. В целях дать полную картину событий 17 декабря мы сочли нелишним напечатать также донесения с «поля битвы» полк. Мина и его офицеров ген. Дубасову за этот день, хотя эти документы и были опубликованы В. Н. Сторожевым в книге «Декабрьское восстание в Москве 1905 г.», Москва, 1920 г., стр. 140—145. Донесения Мина входят в состав фонда Архива Революции и Внешней Политики и в настоящее время Центрархивом переданы на выставку по 1905 г. в Музей Революции СССР. Рапорт начальника артиллерийского корпуса командиру гренадерского корпуса от 27 декабря 1905 г. за № 4028 и дополнение к рапорту за № 4049 от 28 декабря с приложениями: 1) приказа ген.-м. Шейдемана генерал-лейтенанту Гиппиус или начальнику отряда Николаевских казарм и 2) выписки из журнала военных действий 2-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады публикуются впервые. Находятся они в деле штаба московского военного округа № 5 за 1906 г. «Мятеж в гор. Москве», на л. л. 1467—1472.

I.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса.
27 декабря 1905 года.
№ 4028.

Командиру гренадерского корпуса.

Рапорт.

Доношу вашему превосходительству, что, узнав о бесплодной попытке отряда полковника Мина в течение нескольких дней овладеть фабричным районом, занятым двумя мануфактурами: Прохорова и Мамонтова, служившими оплотом мятежникам, я, 15 декабря, осмотрев местность в тылу этих фабрик, предложил в тот же день штабу московского округа использовать тяжелые орудия 2 батарейных батарей, изъятые уже из употребления и находящиеся в укупорке, неотосланными еще по назначению в склады вследствие забастовки железных дорог. Предложение это было принято окружным штабом с большим удовольствием, и, по заключенному между нами условию, сообщение о дне назначенного штурма, а также и подробную диспозицию для согласования действий артиллерии с наступающим отрядом полковника Мина решено было доставить мне из штаба в субботу, 17 декабря. В 12 часов того дня, который назначен будет для штурма, я должен был находиться в Николаевских казармах, где и получить соответственные приказания. Время штурма находилось в зависимости от прибытия Ладожского пехотного полка, который ожидался не ранее 17-го числа, почему штурм предполагался никак не ранее утра в воскресенье, т.-е. 18 декабря. На основании этих соображений я решил прибыть в казармы в 12 часов дня субботы, к каковому времени приказал бригаде, освободив из укупорки, в которой находились в ожидании отправки батарейные пушки, собрать их и приготовить для действия к указанному времени. Проникнув в казармы с большой опасностью, в виду того, что все улицы и переулки, ведущие туда (это как раз районы Пресни и Тверской-Ямской, т.-е. местности наиболее интенсивных действий мятежников), были забаррикадированы и наполнены «боевой дружиной» революционеров, я узнал, что предположенный штурм по распоряжению штаба округа состоялся уже рано утром при содействии только двух легких батарей,

так как батарейные пушки, вследствие перенесения штурма против назначенного времени на сутки ранее, не были еще собраны и готовы. Стрелявшие легкие батареи я застал вернувшимися в казармы, и, по указанию наблюдавших за падением снарядов казаков, результаты поражения были неудачны вследствие боязни дать перелеты и попасть в отряд полковника Мина. Перелетов хотя не делали, но за то, все снаряды легли в вал, окружающий фабрики, постройки же оказались не поврежденными. Полученное донесение гласило, что отряд полковника Мина находится у Пресненских прудов и после обеда намерен снова продолжать штурм фабрик. В это же самое время по телефону из штаба округа сделан был следующий запрос: «Признает ли артиллерия свою задачу выполненной? Чтобы она имела в виду, что колонна полковника Мина несет тяжкие потери, есть раненые штаб и обер-офицеры, что успех действия наступающего отряда зависит исключительно от артиллерии. Что штурмующая колонна не может продвинуться». Признав из доложенных мне наблюдений за результатами стрельбы, что никаким образом задачу артиллерии по утренним ее действиям нельзя признать выполненной, так как фабричные здания с прочно в них засевшими и стойко державшимися мятежниками остались целы, я отдал приказание приготовить немедленно одну батарейную батарею с комплектом снарядов, имевшимися для нее тут же в казармах, и по приведении в готовность, вместе с двумя легкими, выставить на боевую позицию. Воспользоваться второй батарейной батареей, тоже уже собранной из укупорки и приготовленной к действию, не удалось вследствие неимения для таковой снарядов. Приказание это было отдано в $12^1/_2$ часов дня, а в 1 час 30 минут все три батареи находились уже на месте, приблизительно в одной версте от казарм, пройдя это расстояние прямым путем, по глубокому снегу. Уведомления, что огонь батареями будет открыт вторично, начальнику наступающего отряда, полковнику Мину послано не было [1]) за отсутствием связи с ним, восстановление которой потребовало бы очень много времени, а следовательно, сильно задержало бы открытие огня и атаку, что, принимая во внимание раннее наступление в настоящий период года сумерок и необходимость кончить штурм засветло, имело неотложное значение. С прибытием батарей на позицию было приказано самым энергичным огнем поддержать колонну, облегчив ей штурм мятежных фабрик. Стрельба началась из всех батарей одновременно и продолжалась ровно час, при чем объектом действий были видимые с позиции крыши и стены фабрики зданий и промежутки между фабричными корпусами, где можно было предположить дружинников. В 2 часа 30 минут был произведен залп из всех орудий, и пущены 3 ракеты, что, согласно сделанного мною уговора со штабом 15-го числа, должно было означать конец всей стрельбы. Вслед за сим был выслан разъезд под командой хорунжего Лобачева в отряд полковника Мина пока лишь для доклада о результате действий артиллерии и восстановления с ним связи. Батареи оставлены были на позиции, и одна из них продолжала стрелять по людям, перебегавшим из одного здания в другое с какими-то ящиками, как оказалось потом, наполненными огнестрельными припасами, которые они спасали от начавшегося пожара. К сумеркам от Прохоровской мануфактуры, на позицию, к батареям, явилась с белым флагом депутация, заявившая, что в на-

[1]) Против этих слов на полях карандашом сделана приписка: «Однако подп. Михайлов нашел возможным сообщить полк. Мину о прекращении бомбардировки».

стоящее время боевые дружины покинули фабрику, вследствие чего они, депутаты, просят по ней более не стрелять; в удостоверение своего заявления об очистке фабричных зданий дружинниками они просили прислать казаков. На их заявление и просьбу дан был ответ, что все переговоры должны ими вестись с начальником штурмовой колонны полковником Мином, к которому они и были направлены. Всего тремя батареями за время их действия было выпущено 400 снарядов, из коих 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Результаты стрельбы были следующие: разрушена столовая, и совсем сожжена спальня рабочих, зажжен каменный флигель, который, как потом оказалось, служил складом материалов, произведен двукратный пожар в большом здании Прохоровской мануфактуры, потушенный затем своими фабричными средствами; это здание служило, как оказалось, местом заседания революционного комитета. Наконец, был зажжен и выгорел весь корпус фабрики Мамонтова. Действиями этого отряда артиллерии генерал-губернатор остался недоволен, так же, как, повидимому, и представители штаба округа, безмолствовавшие при сделанных адмиралом Дубасовым на бывшем у него затем собрании начальников замечаниях, хотя артиллерия выполнила только тот план, который был составлен именно штабом округа. Генералом штаба округа было высказано следующее: 1) Что действия артиллерии отрицательны, так как дружину они не напугали. 2) Что они помешали отряду полковника Мина атаковать фабрики, от которых он был уже недалеко. 3) Что здания сожжены напрасно, так как генерал-губернатор приказал их щадить. 4) Что вторичное открытие огня было неожиданностью для отряда полковника Мина, угрожало опасностью и не соответствовало плану окружного штаба. 5) Что не было надобности в проявлении столь энергичного огня. В виду того, что на все мои объяснения действий артиллерии, по пунктам учиненного мне адмиралом Дубасовым допроса, он, в присутствии всех остальных членов собрания и находившегося там же моего подчиненного командира стрелявшего дивизиона, повышенным тоном выкрикивал одну лишь фразу: «Не понимаю»,— я принужден был доложить, что иных объяснений я ему дать не в состоянии, решив представить таковые письменно по команде и в главное артиллерийское управление, что настоящим рапортом и делаю.

1) Что действия артиллерии не были отрицательны и произвели должное воздействие на мятежников, доказывается появлением упомянутой выше депутации с белым флагом, заявившей, что дружинники принуждены были покинуть фабричные здания, где они хорошо были укреплены, обладали сильнейшими средствами обороны, как это потом выяснилось, и могли причинить штурмующему отряду полковника Мина огромные сопротивления, а следовательно, и потери.

2) Артиллерийская стрельба помешать успеху штурмующего отряда никаким образом не могла, наоборот, способствовала в достижении цели, которую без нее пришлось бы, несомненно, получить весьма дорогой для войск ценой в виду отличного вооружения мятежников, засевших в громадном количестве на фабриках.

По указаниям местных жителей, подтвержденным производившимися затем обысками, на фабриках были большие склады разнородного оружия, лаборатории взрывчатых веществ и много бомб. Фабрики эти были главными пунктами бунтовщиков, отлично укреплены и забаррикадированы; взятие их, защищаемых массой самых упорных и стойких мятежников, было делом весьма трудным. Как бы неда-

леко штурмовавший отряд ни находился от этих фабрик, вряд ли бы он без предварительного разгрома артиллерией мог их занять.

3) Намерение генерал-губернатора щадить здания было совершенно неизвестно и, очевидно, шло в разрез с отданными штабом округа распоряжениями — действовать с тыла на фабрики целым отрядом артиллерии, с батарейными орудиями включительно. Отдача этого распоряжения, очевидно, известного и генерал-губернатору, само по себе, уничтожает предъявленное им обвинение в излишнем разрушении зданий артиллерией. Штабу округа должно было быть известно, что с занятой артиллерией позиции, при прицеле в 18—20 линий, одна только внутренность мануфактуры и находящиеся там люди для артиллерийского поражения недоступны: видны крыши и стены, по которым и будет наводка орудий и которые при действии батарейных орудий, что также должно было быть известно штабу, неминуемо подвергнутся частичному разрушению и легко возможному пожару.

4) Огонь батарей, действовавших на фабрики с тыла, опасностью наступающему отряду полковника Мина не угрожал: предохранением от него для войск были фабричные корпуса, занятые мятежниками, по которым и шла стрельба, а также запрещение батареям давать перелеты, что строго соблюдалось. Доказательством того, что безопасность была в действительности, служит отсутствие в отряде полковника Мина всяких несчастий от артиллерийского огня [1]). Весь успех предприятия, как то следует из приведенной мною выше телефонограммы окружного штаба, был рассчитан на том, насколько артиллерия выполнит удачно поставленную ей задачу. Раз таковая не была достигнута первой бомбардировкой, чему доказательством служили непострадавшие корпуса фабрик с упорно засевшими там мятежниками, само собой следует, что в план штаба должны были входить вторая и третья, если бы таковые потребовались, бомбардировки, вплоть до достижения результатов.

Отсюда указание на то, что вторичная бомбардировка не входила в предположение штаба, неосновательно; план был создан с расчетом на несомненный успех при первой же бомбардировке; расчет этот не оправдался,— первая бомбардировка не дала никаких результатов, отчасти, быть может, потому, что штаб поторопился началом стрельбы, заставив стрелять одни легкие орудия и не воспользовавшись наиболее действительными батарейными пушками, подождав их освобождения от укупорки; прямая обязанность старшего начальника, бывшего на позиции, воочию на месте наблюдавшего результат стрельбы и видевшего ход всего дела, была проявить необходимую в данном случае инициативу, что мною и исполнено [2]).

5) Раз признано было необходимым и разрешено действовать из орудий, огонь, само собой, должен вестись энергично, чтобы в наиболее короткий срок поставленная артиллерии задача была достигнута. Это — основа артиллерийского дела, и если артиллерия призывается к действиям, она обязана вести их так, как этого от нее требует устав, а не по особому для каждого отдельного случая заказу.

Необходимость энергичного действия подтвердилась в данном случае самим делом. Первая вялая, нерешительная бомбардировка при действии одних, слабых по своей поражаемости, легких орудий навела лишь уныние на нижних чинов

[1]) На полях сделана приписка: «У командира 16 п., Ладожского п., и л.-гв. Сем. п. имеются осколки гранат, долетавших в район расположения их полков».

[2]) На полях приписка: «Так как же,—инициатива или приказание штаба? Что-нибудь одно».

батареи, как это было замечено мною и всем офицерским составом, вторая же, энергично проведенная, с участием тяжелых батарейных пушек, в самое короткое время очистила фабрики от боевых дружин, уничтожив те корпуса, которые были гнездами мятежников. По поводу того, что условленная 15-го числа между мною и окружным штабом бомбардировка была перенесена им на сутки ранее, мне сделано заявление, что перемена эта была принята накануне, при чем для сообщения мне этого штаб разыскивал меня по всему городу, но не нашел. Мне приходится лишь выразить сожаление, что поиски не были начаты с моей квартиры или управления, где мое местопребывание, которое в дни мятежа заключалось лишь в последовательной смене трех пунктов: моей квартиры, штаба округа и казарм 1-й гренадерской артиллерийской бригады, было точно известно во всякую требуемую минуту.

Таким порядком, т.-е. обратившись прямо в управление, достиг до меня 16 декабря немедленно по прибытии командированный по поручению его императорского высочества генерал-инспектора артиллерии, офицер из главного артиллерийского управления.

Начальник артиллерии генерал-лейтенант (*подпись*).
И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

II.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса 28 декабря 1905 г. № 4049.

Спешно.

Командиру гренадерского корпуса.

Рапорт.

В дополнение вчерашнего рапорта моего за № 4028, представляю вашему превосходительству выписку из журнала военных действий 1-й гренадерской артиллерийской бригады за время минувшего мятежа, которая удостоверяет, что вторичная бомбардировка мятежных фабрик Пресненского района под моим руководством вполне согласовалась с распоряжением по этому предмету, переданным в бригаду из штаба округа генерал-квартирмейстером штаба генерал-майором Шейдеманом.

Приложение: Выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской артиллерийской бригады.

Начальник артиллерии генерал-лейтенант (*подпись*).
И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

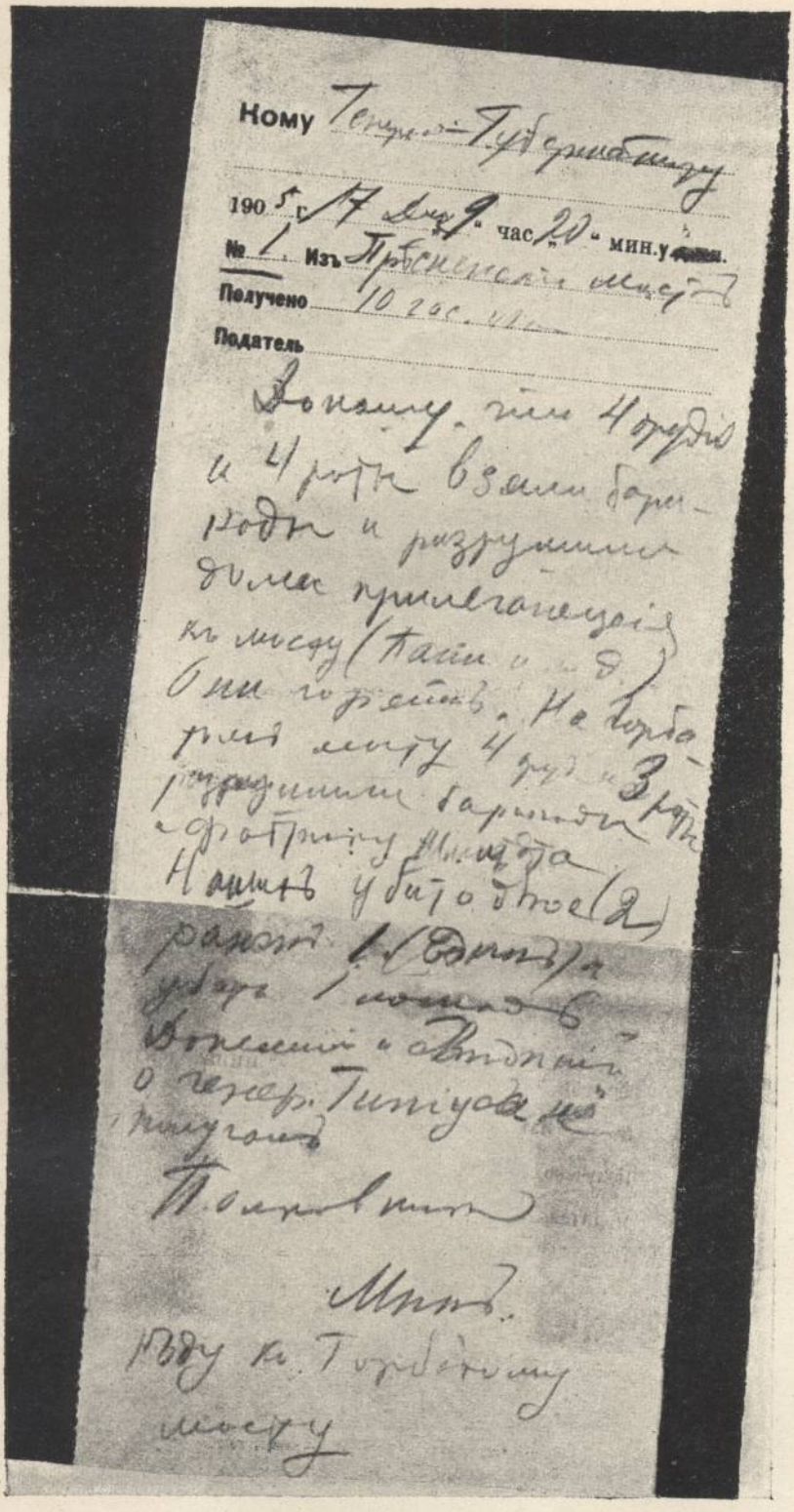
Приложения.

1.

Копия.

Генерал-лейтенанту Гиппиусу или, если его нет, начальнику отряда Николаевских казарм.

1) В 7 часов утра 17 декабря у Пресни отряд полковника Мина (8 рот лейб-гвардии Семеновского полка, 8 орудий, 4 пулемета, $^1/_2$ сотни казаков) откроет огонь орудиями.



Кому Генерал-Губернатору

1905 г. 17 Дек. 9 час. 20 мин. у.

№ 1. Изъ Пресненскаго моста

Получено 10 час. ночи

Податель

Доношу, что 4 орудія и 4 роты взяли бариноды и разрушили дома прилегающія къ мосту (Пани и т. д.) Они горятъ. На Горбатомъ мосту 4 орудія и 3 роты разрушили бариноды и фабрику Шмидта. Нашихъ убито двое (2) ранено 1 (одинъ) и убито 1 лошадь. Донесеніе о свѣдѣніи о генер. Гиніуса не получаю.

Полковникъ

Минъ.

Ѣду къ Горбатому мосту

Донесение полк. Мина о разгроме Пресни

(К стр. 393)

2) Открытие огня у Пресни должно служить сигналом для начала огня со стороны Николаевских казарм по Прохоровской мануфактуре (спальни).

3) Цель обстреливания со стороны казарм (Николаевских) — уничтожение мятежных скопищ, поэтому по зданиям без людей (если станет известным, что люди бежали) стрелять не следует.

4) Из сотен, находящихся в Николаевских казармах, выделить одну, на которую возложить наблюдение за выходами от Прохоровской мануфактуры к стороне дачи Студенец и к Ваганьковскому кладбищу.

5) После бомбардировки, продолжительность которой определится поведением мятежников (бегство их, белый флаг и т. п.), отряд полковника Мина должен будет пройти Пресню насквозь своими ротами; сообщается для сведения, во избежание пальбы по своим. О полном прекращении стрельбы надлежит сообщить полковнику Мину с конным офицерским разъездом к Пресненскому мосту. Без этого сообщения полковник Мин не будет считать себя в праве начать движение по Пресне. По получении этого приказания прошу немедленно телефонировать на квартиру начальника штаба (6/67) 16/XII 1905 года.

Подлинный подписал генерал-майор *Шейдеман*.

С подлинным верно: И. д. старшего адъютанта капитан *(подпись)*.

2.

Выписка из журнала военных действий 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады.

В 4 часа 5 минут ночи 17 декабря было получено приказание на имя генерал-лейтенанта Гиппиуса, копию которого при сем представляю, так как подлинник находится у генерал-губернатора, переданный подполковником Михайловым. Согласно этого приказания, были назначены: 1-я и 9-я батареи под начальством подполковника Михайлова, которому было вручено это приказание и схема расположения к утру отряда полковника Мина, а также 6-я сотня под командой есаула Краснушкина. Означенный отряд запоздал на позиции, и условный первый выстрел из отряда полковника Мина был дан, когда подполковник Михайлов находился еще в казармах, но через 15 минут после этого выстрела открыл огонь. Я же (бригадный адъютант штабс-капитан Неппестрем) остался в казармах и расставил охранение казарм от 8-й батареи и выставил 2 орудия около казарм в случае бегства (мятежников) через Ваганьковское кладбище или через беговые постройки; окончив это, я пошел на позицию и наблюдал уже конец стрельбы подполковника Михайлова. Наблюдатели от артиллерии не были выставлены; результат стрельбы был известен от есаула Краснушкина в конце стрельбы — что снаряды ложились в насыпь, что забастовщики (революционеры) стали за стенами. Сам же я бегства мятежников не видал. Подполковник Михайлов, считая свою задачу конченной, выслал офицерский казачий разъезд через Тверскую заставу к полковнику Мину, а сам с батареями вернулся домой, не уведомив есаула Краснушкина, который за артиллерией увел и свою сотню. Приехав в казармы, казак, бывший в полковой канцелярии, мне доложил, что генерал Шейдеман требует адъютанта; я подо-

шел к телефону. Генерал-квартирмейстер генерал-майор Шейдеман спросил меня: «Что, генерал Гиппиус в казармах или нет?», на что я ответил, что еще нет. Через некоторое время приехал генерал Гиппиус, и я подошел доложить по телефону, но был вызван вторично генералом Шейдеманом. Генерал Шейдеман спросил меня про действие нашего отряда, и я доложил следующее:

«Отряд из 2 батарей и 1-й сотни казаков стал правее Ваганьковского кладбища...»

«А как же он попал туда?»

«Есть переезд через Брестскую железную дорогу, кроме виадука».

«Хорошо, — продолжайте дальше».

«...открыл огонь по спальням фабрики Прохорова; бегства мятежников не было, но казаки, находящиеся правее нас, донесли, что снаряды ложились в насыпь и что мятежники стали за стенками».

«У вас наблюдатели были?»

«Не было».

«Почему же вы их (мятежников) не нагнали?»

«Снаряды, попавшие в каменные корпуса, поднимали большой столб кирпичной пыли, но достать их (мятежников) не могли».

«Тяжелые орудия были высланы?»

«Ночью мы готовили батарейную батарею, но в виду темноты ее не снарядили».

«А что же теперь можете выслать? Снаряды есть?»

«Теперь можем, все есть».

«По фабрике Мамонтова стреляли?»

«Нет, так как было приказание стрелять по спальням, и в случае бегства мятежников, то стрелять по ним».

«Что же теперь вы предпринимаете?»

«По ошибке отряд был убран с позиции, но сейчас же, теперь, высылаются казаки обратно и два орудия».

«Что же, с вашей, артиллерийской, точки (зрения) можно считать задачу выполненной?»

«Нет, цель не достигнута».

«Сейчас же высылайте отряд обратно, возьмите батарейную батарею, имейте в виду, что у полковника Мина ранен подполковник и убито 2 нижних чина и несколько ранено; успех отряда полковника Мина зависит от вашего отряда».

«Слушаю, отряд сейчас же будет выслан, ваше превосходительство; у нас есть урядник, который утверждает, и имеются сведения, что на Мамонтовской и Прохоровской фабриках находятся мятежники и склад бомб и оружия; можно ли стрелять по фабрике Мамонтова?»

На это был получен ответ от генерала Шейдемана: «Конечно, ведь успех полковника Мина зависит от этого!»

Я тут дал знать, что генерал Гиппиус прибыл в казармы, и кончил разговор с генералом Шейдеманом. Сейчас же я сообщил об этом капитану Кабалову (офицер генерального штаба, назначенный начальником штаба отряда, охраняющего Николаевские казармы), доложил полковнику Курючкину (назначенный начальником отряда, охраняющего Николаевские казармы) или войсковому старшине Дьякову,— генерала Гиппиус не было в канцелярии полка, — сообщил есаулу Краснушкину,

а сам побежал на артиллерийский двор снаряжать батареи и послал за подполковником Михайловым. Сообщив подполковнику Родионову, капитану Мартос, что ему следовать с батарейными орудиями, стал собирать и 8-ю батарею; когда вышли люди и повели лошадей, я пошел на казачий двор к орудиям, где встретил генерала Андреева (командира бригады), которому доложил, что приказано задачу повторить; потери есть у полковника Мина, и успех его зависит от действия нашего отряда, что надо взять батарейную батарею. Генерал Андреев мне сказал, что это все уже приказано генералом Гиппиусом и что он сейчас с генералом Гиппиусом съездит на позицию. Тут я увидел и генерала Гиппиуса, которому то же сказал. Получил приказание от генерала Гиппиуса приготовить 3 ракеты, поторопиться, все будет сделано. В это время легкие батареи поехали на позицию, а мне приказано генералом Гиппиусом, как будут батарейные орудия готовы, хотя по одному отправлять на позицию, что мной и было исполнено. Батареи, окончив стрельбу, остались на ночевку на позиции, а часов около 10 вечера я поехал опросить батареи: может, им что-нибудь нужно из батареи. Капитан Невский, стоявший с 4 орудиями в отделе и близко к Прохоровской и Мамонтовской фабрикам, мне сообщил, что от его снарядов загорелись здания и он видел, как с первым выстрелом начались перебежки мятежников и стали выбрасывать из окон вещи; между прочим, один сундук, красный, был выброшен, и к нему человек 15 подбежало, чтобы унести со двора, но удачная шрапнель заставила разбежаться; на фабриках Прохорова начинался в 3 местах пожар, но его потушили. К 7 часам вечера, после вторичной стрельбы по Пресне, на 3 корпусах Прохоровской фабрики были вывешены по два белых флага на каждом. Ночью к дежурному штаб-офицеру подполковнику Родионову являлась депутация мятежников с предложением сдаться, которая была направлена к полковнику Мину.

Подлинный подписал: бригадный адъютант 1-й гренадерской генерал-фельдмаршала графа Брюса артиллерийской бригады штабс-капитан *Неппестрем*.

С подлинным выписанное верно: и. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

Примечание: В скобках сделано определение некоторых неясных слов и выражений.

Начальник артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенант (*подпись*).

И. д. старшего адъютанта капитан (*подпись*).

III.

Приводим в полной неприкосновенности всю серию донесений Г. А. Мина, сохранившихся в особых конвертах среди бумаг секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора.

1. «Генерал-губернатору. — 1905 г., 17 дек., 9 час. 20 мин. утра. № 1. Пресненский мост.

Доношу, что 4 орудия и 4 роты взяли баррикады и разрушили дома, прилегающие к мосту (бани и т. д.). Они горят. На Горбатом мосту 4 орудия и 3 роты разрушили баррикады и фабрику Шмидта. Наших убито двое (2), ранен 1 (один), и убита 1 лошадь. Донесений и сведений от генер. Гиппиуса не получал. Полковник *Мин.* — Еду к Горбатому мосту».

2. «Генерал-губернатору. — В данный момент люди только что пообедали, и теперь принят следующий план: 4 роты и 2 орудия следуют через Горбатый мост налево и разрушают все баррикады по Нижней Пресненской ул., 2 орудия и 1 рота остаются на Горбатом мосту для прикрытия тыла. 2 пулемета отправлены к 4 орудиям и 2 ротам, находящимся около Пресненского моста и очищающим Большую Пресненскую улицу. Рота, которая находилась с 4 пулеметами около Москвы-реки, теперь поставлена к Нижней Предтеченской улице, где также разбирают баррикады.

Очищение производится весьма медленно. Начальник отряда решил ночь провести на позициях (помещения для отряда найдутся). Личное присутствие начальника отряда при разрушении баррикад лишило его возможности писать донесение. Фабрика Шмидта догорает, кроме того, горят еще 3 дома у Пресненского моста, из которых стреляли. Убитых — 1, раненых — 5 (1 тяжело). Полковой адъютант подп. *Брюм...* [1]). Началась бомбардировка Прохоровской мануфактуры, но, в виду еще не выяснившегося результата, первоначальный план пока выполнен быть не может. — Подп. *Брюм...*».

3. «Полковник Мин овладел [2]).—Отряд разделился на три колонны: 1-я колонна пошла по Б. Пресненской, 2-я — по Верхне-Предтеченской, 3-я — по Нижней Пресненской; разбирают баррикады и уничтожают дома, из которых продолжают стрелять. Сейчас бомбардируют фабрику Прохорова, в виду чего план не привели в исполнение. В настоящее время 2 роты и 4 орудия находятся у Зоологического сада, 5 рот и 4 ор. у Горбатого моста. Разрушено 10 баррикад. Сгорела фабрика Шмидта со складом огнестрельных припасов мятежников и 9 домов вокруг Пресненской части. Убитых Семеновского полка—1 и 5 раненых, из них 1 тяжело. — Поручик *Соколов*».

4. «Г. московскому генерал-губернатору. 1905 г., 4 час. 45 мин. дня, № 4. — Разъезды, высланные согласно моего донесения № 3 (т.-е. вышеприведенного за подписью поручика Соколова), вернулись, обследовав весь порученный им район и не найдя нигде баррикад. По разъездам никто не стрелял. Становлюсь на ночлег, оставаясь попрежнему у Горбатого и Пресненского мостов. — Флигель-адъютант полковник *Мин*.

(На обороте.) Сейчас были сделаны 2 орудийные выстрела с целью разрядить заряженные днем картечью орудия. — Ген. штаба капитан *Колосов*».

5. «Г. московскому генерал-губернатору.—1905 г., 17 дек., 5 час. 5 мин. дня. № 1. Из отряда полковника Мина.

Отряд полк. Мина прибыл к Пресненской части в 7 час. утра и был встречен 60 городовыми и приставами для указания путей следования. Распределив отряды и отправив правофланговые роты, которые должны были служить заслонами, полк. Мин направил к Пресненскому мосту отряд из двух рот и 4 орудий под командой полковника Эттер. В виду отказа фабриканта Шмидта, арестованного полицией, указать местопребывание его боевой дружины было приказано сжечь фабрику Шмидта.

При движении отряда полк. Эттера по нему был открыт огонь из домов. Тогда против баррикад на Большой Пресне была установлена артиллерия, и открыт огонь. Одновременно другой отряд расположился против Горбатого моста. С первым выстрелом артиллерии из отряда полк. Мина началась артиллерийская канонада со стороны Николаевских казарм.

---

[1]) Фамилия не разборчива.

[2]) Так в оригинале.

Все части отряда полк. Мина расположились по сю сторону Пресненских прудов, ожидали конца артиллерийской стрельбы. Лишь в 11 час. утра получено было известие из Николаевских казарм о том, что артиллерийская стрельба из Николаевских казарм прекращена. Тогда полк. Мин решил двинуться вперед и, пройдя Пресню, очистить ее от баррикад и прочно занять отдельными отрядами на ночь. Роты при своем движении вперед обстреливались из домов.

Части, двигавшиеся в районе влево от Б. Пресни до р. Москвы, вскоре попали под огонь артиллерии из Николаевских казарм, которая снова открыла стрельбу. Вследствие опасения иметь жертвы от собственной артиллерии части из указанного района были уведены, разрушив 9 баррикад. Полуроте, двигавшейся по Бол. Пресне, при помощи жителей, работавших под угрозой, удалось очистить от баррикад всю Большую Пресню и дойти до Пресненской заставы. Здесь стали падать шрапнели со стороны Николаевских казарм, и полурота была отведена также назад. Таким образом, весь отряд полк. Мина должен прекратить наступление и ждать конца канонады со стороны Николаевских казарм. Эта канонада прекратилась лишь в $3^1/_2$ ч. дня. За поздним временем пришлось дальнейшие действия отложить до утра.

Таким образом, полковником Мином вполне очищена от баррикад лишь Большая Пресня; район же влево от нее до Москвы-реки очищен от баррикад только на участках, ближайших к Пресненским прудам. По сведениям полиции и по показаниям войск, мятежники отдельными группами занимают дома во всем Пресненском районе. Полк. Мин предполагает со всем отрядом заночевать по сю сторону Пресненских прудов, выдвинув заставы по ту сторону прудов.

Убито и ранено: убито 2, ранено смертельно 1, легко 4, контужено 1. У конно-гренадер ранено 6 лошадей. 7 рот Ладожского полка прибыли к полк. Мину и ночуют вместе с ним. Несколько домов сожжено. — Генер. штаба капитан *Колосов*».

6. «Г. московскому генерал-губернатору.—1905 г., 18 дек., 4 час. 45 мин. № 5. Из отряда полковн. Мина. — Нет физической возможности доставлять ежечасные донесения при одном офицере генерального штаба, который слишком занят делами внутреннего распорядка и текущими распоряжениями. Если требование посылать периодические донесения остается в силе и на завтра, то весьма было бы желательно командировать в мое распоряжение еще одного офицера генерального штаба. Флигель-адъютант полковник *Мин*».

7. «Г. моск. ген.-губернатору. — 1905 г., 8 час. 20 мин. веч. № 6.—Сейчас был у меня помощник управляющего Прохоровской мануфактуры, который соберет завтра, к 10 час. утра, всех наличных рабочих. Я приду с отрядом, и при мне все рабочие будут проверены и опрошены по спискам. Помощник управляющего рассчитывает, что агитаторы будут выданы или указаны рабочими. Одновременно с этим другие отряды будут совместно с полицией обыскивать весь мятежный район.

Прошу распоряжения вашего превосходительства выслать завтра, к 8 час. утра, возможно большее количество полиции в мое распоряжение, так как не хотелось бы производить обыски исключительно войсками; эта операция деморализует войска (возможен грабеж). За сегодняшний день было задержано и арестовано до 10 лиц, стрелявших в войска. Все они опознаны полицией и указаны ей местными жителями как революционеры. При занятии студенческого общежития (близ Пресненского полицейского дома) были найдены 8 револьверов, патроны и кипа прокламаций. Фл.-адъютант полковник *Мин*».

Карательная экспедиция полк. Римана.

История подавления восстания на Московско-Казанской ж. д. в декабрьские дни 1905 г. почти не имеет своей литературы.

Единственным материалом, до сих пор не утратившим свежести и значения, является брошюра В. Владимирова, изданная в Москве в 1906 г. под названием: «Карательная экспедиция отряда л.-гв. Семеновского полка на Моск.-Казанской ж. д.», представляющая собой обработку статей, напечатанных в начале 1906 г. в газетах «Русь» и «Молва». Отрывочные сведения имеются еще в статье В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» («Голос Минувшего» 1918 г., № 4—6), в заметках известного нововременского корреспондента Н. Ежова, печатавшихся в «Историческом Вестнике», и затем в немногочисленных заметках и воспоминаниях, помещенных в советской периодической печати в юбилейные дни предшествующих лет.

Настоящая статья составлена по преимуществу на основании сохранившихся копий рапорта полк. Римана командиру Семеновского полка от 22 декабря 1905 г. № 1 и официального материала из «дела» главного военно-судного управления 1911 г. «по жалобе присяжного поверенного Лисицына на действия полковника Римана при подавлении восстания на Моск.-Казанской жел. дор.». Подлинное «дело», к сожалению, погибло в огне в числе прочих драгоценных для истории последних лет и дней павшего режима дел, уничтоженных при поджоге архива главн. воен. суди. управления революционной толпой в памятные дни февральского переворота в Ленинграде.

В начале декабря 1905 г. в Москве вспыхнуло вооруженное восстание, которое приняло устойчивую форму лишь 7 декабря, после того как была объявлена всеобщая политическая забастовка.

Железнодорожный союз, вступая в забастовку, постановил: прекратить всякое движение поездов по железным дорогам, за исключением санитарных поездов и поездов, следовавших с Дальнего Востока с демобилизованными солдатами.

Так как почти все эти поезда шли в Москву по Московско-Казанской жел. дор., то руководивший из Москвы забастовкой стачечный комитет вынужден был обратить именно на эту дорогу самое пристальное внимание в смысле регулирования движения воинских поездов и предупреждения недоразумений с солдатами, рвавшимися домой. Значительно осложняло дело то обстоятельство, что часть демобилизованных солдат, попадая в Москву, задерживалась начальством для пополнения московского гарнизона.

В целях устранения возможности такого усиления правительственных войск вооруженными солдатами, а равно и для того, чтобы пополнить свои запасы оружия,

восставшие организовали на ближайших к Москве станциях Моск.-Казанской ж. д. (Перово, Люберцы) пропускные пункты, на которых дружинники обходили воинские поезда и отбирали оружие.

Надо заметить, что расположенные по Московско-Казанской ж. д. Люберецкий тормазный и Коломенские заводы дали в декабрьские дни 1905 г. особенно надежный и численно большой кадр дружинников, принявших в московском восстании самое активное участие. Кроме того, дружинники организовывали пропускные пункты на станциях, а равно формировали небольшие отряды для охраны многочисленных поездов (свыше 1000 вагонов с разным грузом), застигнутых забастовкой на обширных разветвлениях Московско-Казанского железнодорожного узла.

Вся эта работа по руководству на месте отбором оружия, по созданию пропускных пунктов, организации и вооружению партий дружинников, по борьбе с хулиганством и службой движения обусловила необходимость напряженной деятельности отделений железнодорожного союза на ст. Перово и в особенности Люберцы.

Таким образом, к периоду разгара восстания (10—15 декабря) с полной очевидностью выяснилось, что Московско-Казанская ж. д. по своей организованности и по стратегическому значению является базой, питающей восстание оружием и людьми, и что успех или неуспех подавления всего московского восстания в целом в значительной степени обусловлен одновременностью борьбы с революционерами как в самой Москве, так и на путях Московско-Казанской жел. дор.

Так как к этому же времени с полной определенностью выяснилось, что войск московского гарнизона для борьбы с восстанием недостаточно и, кроме того, как показало выступление Ростовского полка, рассчитывать на их безотказную работу против восставших вряд ли возможно, то генерал-губернатор адмирал Дубасов 13 декабря обратился к царю с личной депешей о неотложной присылке в Москву военной помощи из Петербурга. Однако Петербург сам чувствовал себя близким к катастрофе в случае повторения октябрьской революционной вспышки, и только после значительных колебаний в Царском Селе было решено послать в Москву из Петербурга л.-гв. Семеновский полк, а из варшавского военного округа — 16 пех. Ладожский полк.

15 декабря 1905 г. в Москву для борьбы с разгоравшимся восстанием прибыл л.-гв. Семеновский полк под командой полковника Г. А. Мина.

Получив ориентировку и выяснив всю остроту положения на Московско-Казанской ж. д., Мин в тот же день организует особую экспедицию вдоль этой дороги и вменяет ей в основную обязанность восстановить движение и вырвать дорогу из рук восставших.

Дополнительным приказом по полку от 15 декабря за № 349 на 16 декабря назначалась экспедиция по Казанской жел. дор. в составе отряда из 6 рот семеновцев (9—15 роты), при 2-х орудиях 3-й батареи л. гв. 1 артиллерийской бригады и 2-х пулеметах 5-й Туркестанской пулеметной роты. Во главе отряда был поставлен полковник Риман I.

Отряду ставились следующие задачи: захватить станцию Перово, обыскать мастерские и строения по указанию местных станового пристава и жандармского офицера. Отыскать руководителей движения: Ухтомского, Котляренко, Татаринского и др. по указаниям, данным теми же приставом и жандармом, уничтожить боевую дружину, оказать содействие железнодорожным агентам для восстановления движе-

ния. Затем следовать на ст. Люберцы, занять ее, произвести обыски селения и завода, то же произвести на ст. Сортировочной и, наконец, занять г. Коломну, где остаться до особого распоряжения.

На каждой из этих станций при продвижении вперед отряд должен был оставлять по роте, которая обязывалась не допускать движения поездов в Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигнал «остановка» и, в случае неповиновения, открывая огонь.

В качестве общих указаний отряду предписывалось: иметь строгое наблюдение за телеграфными аппаратами, по возможности щадить и охранять всякие железнодорожные сооружения, необходимые и полезные для обслуживания железной дороги, арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллерией.

16 декабря, в 12 ч. 25 м. дня, отряд тронулся в путь в составе 2-х поездов. Первый, занятый железнодорожным батальоном, медленно пробирался вперед, восстанавливая путь, устанавливая сигнализацию и связь, а второй, шедший в расстоянии 15 мин. от первого, полностью вмещал всю экзекуционную часть отряда.

19 декабря задача, возложенная на отряд, была признана Риманом законченной, и он приказал отряду приготовиться к возвращению в Москву. Перед отъездом был отслужен благодарственный молебен по случаю успешного выполнения командировки, и Риман произнес речь, сказав, что достаточно пролито крови и больше никого он убивать не станет...

Подробности выполнения возложенной на Римана «задачи» читатель найдет — в ниже печатаемом рапорте его полк. Мину [1]).

Начальник отряда, командированного для восстановления движения на Моск.-Каз. ж. д. от станции Москва до станции Голутвин.
Декабря 22 дня 1905 года.
№ 1.
Гор. Москва.

Копия.

Командующему лейб-гвардии Семеновским полком.

Рапорт.

Вверенный мне отряд, в составе 3-го батальона, 14 и 15 рот лейб-гвардии Семеновского полка, полубатареи 3-й батареи лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригады и взвода пулеметной роты 5-й Туркестанской стрелковой бригады (всего 6 рот, 2 пеш. орудия и 2 пулемета), утром 16 декабря получил приказание выступить по железной дороге из гор. Москвы для захвата участка Московско-Казанской железной дороги от станции Москва до станции Коломна, находившегося в руках мятежников и вооруженных грабителей, для уничтожения боевых их дружин и для восстановления правильного движения по Московско-Казанской железной дороге и телеграфного и теле-

[1]) Рапорт полк. Римана печатается по копии, приложенной к рапорту полк. Мина на имя б. московкого генерал-губернатора адм. Ф. В. Дубасова (Ленингр. Центр. Ист. Архив, Военно-морская секция, дело № 109).

фонного сообщения вдоль ее. Для последних целей и для управления поездом в состав отряда был командирован 4-го резерв железнодорожного батальона поручик Костенко с 34 нижними чинами этого батальона, специалистами разных наименований.

Когда отряду был подан поезд, то пришлось приспособлять вагоны для погрузки лошадей, орудий с передками и кухонь, так как вагоны были поданы теплушечные, что очень задержало нагрузку и посадку людей, следствием чего отряд по изготовлении его двинулся не утром, а только в 12 час. 25 мин. дня 16 декабря, имея впереди поезда с двойной тягой еще отдельный паровоз с 2 вагонами для разведки пути.

Подходя к ст. Сортировочной в 12 ч. 40 мин. дня, отряд оказался среди многих поездов с разбитыми и пустыми вагонами, иногда совершенно разрушенными, и, следуя медленно далее, увидел многих грабителей, некоторых с санями, разбивавших вагоны и укупорку грузов для грабежа. Увидев останавливающийся поезд, грабители бросились б[illegible]ать, при чем ясно были видны у многих ружья, почему с площади [illegible] из окон вагонов других рот был открыт огонь еще до останов[illegible]езда, во время которой тут высадилась 11-я рота. Грабител[illegible]бежали, но многие были только ранены и затем поспешно уходи[illegible] по позднейшему донесению командира 11-й роты найдено было убитых 5 человек, неизвестных личностей, число же раненых неизвестно, так как они скрылись. В то же время поручик Костенко со своими нижними чинами переднего паровоза захватил телеграф и телефон станции, которая оказалась совершенно покинутой агентами дороги; захват этот имел целью помешать уведомлению впереди лежащих мятежных станций о движении воинского поезда, следовавшего под № санитарного поезда.

По высадке 11-й роты, поезд двинулся среди той же картины разрушения далее, но, не доезжая ст. Перово, с правой стороны пути была замечена на ходу поезда толпа вооруженных людей, уходившая с пути, почему она была обстреляна из окон вагонов еще на ходу поезда, который скоро был остановлен для высадки тут 15-ой роты, которой я поручил преследовать эту толпу огнем и рассеять ее. Скоро по открытии огня толпа бросилась бежать и рассеялась, но выкинула при этом красный флаг. Догнать ее было невозможно, почему, обстреляв ее, 15-ая рота присоединена была мною к отряду, прочие роты (sic), которые тем временем также высадились. 12-я рота мною была направлена вперед для захвата станции Перово с телеграфом и телефоном, а 9-я и 10-я роты получили приказание обыскать близ лежащие дома поселка с левой стороны дороги и уничтожать грабителей, особенно вооруженных. Дома оказались переполненными добром, но большинство мужского населения тут успело бежать и скрыться в большой лес, завидя приближение рот. Сама станция Перово была захвачена 12-й ротой и поручиком Костенко с его нижними чинами, при чем тут были убиты два помощника начальника этой станции — главари местного жел.-дор. комитета мятежников, которые с помощью

дружинников терроризировали население и прочих верных агентов дороги, при чем угрожали даже жандармским унтер-офицерам. По позднейшему донесению командира 12-ой роты на означенной станции и [в] окрестностях было подобрано, кроме этих двух лиц, еще 7 трупов, личности которых не все были выяснены, а 8 раненых обращалось за помощью в местный приемный покой и санитарный поезд.

Собрав и посадив отряд, оставив здесь 12-ю роту, я тронулся далее к станции Люберцы в 5 часов дня, но осторожное движение поезда замедлилось еще более наступившими сумерками, а когда поезд подошел в 5 час. 30 мин. дня, то было совсем темно. Охватив двумя ротами станцию и завладев в ней телеграфом и телефоном, я подвел поезд к станции вплотную, принял строгие меры охранения станции и поезда, поместив только дежурную часть в самой станции, не выгружая других частей и обоза, почему отряд остался без ужина и чая, взамен чего людям и офицерам были выданы консервы, которые были съедены холодными по неимению где-либо огня, не желая выдавать своего присутствия. Через некоторое время явился обезоруженный жандарм, доложил, что другой жандарм также обезоружен бунтовщиками и что они оба, а также начальник станции, его помощники и, между прочим, и также местный сельский староста за свою неготовность подчиниться требованиям бунтарей — приговорены ими к смерти и скрываются, особенно на ночь. По мере их разыскивания я наводил справки, из которых мне выяснился план действий на 17 декабря, так как темнота и незнакомство с местностью и обстановкой мешали отряду предпринять что-либо немедленно. Я поднял отряд 17 декабря в 6 час. утра, не выгружая орудий и пулеметов, кроме одной кухни, в которой тотчас же заварил обед, а в 7 часов утра отряды разной величины под командой офицеров выступили для производства обысков, обнаружения мятежников и главарей в разные концы одновременно. В то же время я продолжал наводить справки, кто именно и где мятежники и агитаторы, и, по полученным сведениям, я посылал вновь отряды, возвращавшиеся ко мне с отобранным и найденным оружием. По возвращении всех высланных частей отряда, оказалось, что при этом со стороны мятежников было убитых 13 человек и один был арестован. Было собрано некоторое количество ружей и револьверов, захвачено два красных флага с возмутительными надписями и несколько ножей или кинжалов. Из расспросов местных жителей я убедился, что из деятелей революционной пропаганды успели ускользнуть: учительница, заведующая школой в д. Люберцы, и студент Николай Иванович Донской или Козловский — видные агитаторы, Бобков, слесарь завода Пурдэ, председатель местного совета рабочих депутатов Мосеев, Николай Николаевич, Дьяков, Анохин, Царицын и Мандарев, также слесаря того же завода; все они составляли вместе с убитыми мятежниками боевую дружину станции Люберцы.

По возвращении всех партий отряда, высланных для уничтожения дружины, я беседовал с крестьянами деревни Люберцы и уговаривал их быть верноподданными, не волноваться, быть уверенными в силе царской власти и любви его к народу, не бояться мятежников, а, напротив, выдавать их властям или войскам, разъясняя все несчастье, охватившее родину. Крестьяне дер. Люберцы выражали верноподданнические чувства глубокой благодарности царю за присылку его гвардейского полка и всему отряду за защиту их от угроз и насилия, говоря, что теперь они могут жить и свободно дышать, и выражая полную готовность выдавать мятежников при их возвращении на место жительства.

Одновременно днем поручик Костенко заметил прерванное телеграфное сообщение со станцией Перово и далее, отправился по линии и починил это повреждение, при чем убедился, что оно было повреждено нарочно, так как был спилен телеграфный столб. Войдя таким образом в связь по телеграфу с Москвой, пригласив устраненных агентов железной дороги к исполнению их обязанностей, я сообщил депешей управляющему дорогою, что всех неприступающих к занятиям буду считать участниками мятежа, а станции Сортировочная, Перово и Люберцы, как очищенные от мятежников и могущие работать, просил объявить открытыми.

Восстановив таким образом вечером 17 декабря порядок и сообщение на участке Москва — Люберцы, я решил ехать 18 прямо на ст. Голутвин, не задерживаясь на промежуточных станциях, дабы захватить главарей мятежников, находившихся на ней и грабивших оружие у проходивших воинских и санитарных поездов, устранив совершенно власть правительства и, наверное, не ожидавших моего прибытия. Но ехать с отрядом ночью по участку дороги, находящемся в мятежных руках, было рискованно, и потому я остался ночевать на станции Люберцы, оставив на ней для охраны 15-ую роту. Ночью дежурным по отряду капитаном Швецовым были задержаны на самой станции два лица, назвавшихся Шаниным, а другой — Алексеем Камероком, как вызвавшие подозрение в разведке расположения, сил и мер охранения отряда, почему по моему распоряжению они были переданы в руки жандармской полиции и отправлены в Москву. Со станции Люберцы я обратился также в жандармское отделение дороги в Москве с просьбой о предании земле тел убитых при усмирении.

18 декабря, вследствие некоторых непредвиденных затруднений по маневрированию поезда, остальной эшелон, именно 9, 10 и 14-я роты, 2 орудия и 2 пулемета с одной кухней и 2-мя патронными двуколками, тронулся не в 7 час. утра по предположению, а в 8 час. утра, захватив с собой арестованного дружинника, слесаря завода Пурдэ, Алексея Фунтова. Движение поезда было с мерами охранения и предосторожности, т.-е. имея резервный паровоз на перегон впереди, и на паровозах для охраны машинистов были поставлены

часовые, равно как на тормазной площадке заднего вагона и близ орудий. Проезжая перегон между станциями Быково и Раменская, арестованный хотел бежать, но был настигнут двумя пулями из револьвера его конвоира-горниста. При остановке на станции Раменской для пополнения водой паровозов из окон вагонов были замечены два человека, прятавшие револьверы в карман, но погоня за ними и обыск 4-х дворов, где предполагалось, что они скрылись, были неудачны, — людей этих не нашли, но, не желая задерживаться здесь для своевременного захвата ст. Голутвин, поезд, набрав воды, пошел далее.

В 12 час. 20 мин. дня отряд прибыл на ст. Голутвин, немедленно захватил телеграф и телефон, оцепил вокзал и произвел полную высадку эшелона. На телеграфе была задержана пачка полученных депеш, из которых видно, что на всех почти станциях этой дороги находятся местные революционные жел.-дор. комитеты, сносящиеся между собой и фактически управляющие дорогой и станциями, терроризируя население и агентов, желающих служить правительству, и призывающих к вооруженному сопротивлению. Из депеш этих было видно, что центральный комитет жел. дорог бежал на ст. Рузаевка Московско-Казанской жел. дор. Тут же мне были переданы от местного коломенского исправника депеши начальника штаба округа с предоставлением отряду права по моему усмотрению ехать и далее ранее указанной мне Коломны, а именно до ст. Рязань. Коломенский исправник встретил меня на ст. Коломна. При обысках как на вокзале, так и в разных отдельных местах, по указаниям местных властей и некоторых жителей, было найдено некоторое количество револьверов, ружей, кастетов, патронов, кинжалов, ножей и пачка лигнита с повязкой Красного Креста революционеров для перевязочного пункта.

В виду встреченного при обыске сопротивления чинами отряда было убито 24 человека. Приняв необходимые меры для охранения вокзал и поезда, отряда пообедал и затем расположился на отдых, частью в здании станции, частью в поезде.

При содействии поручика Костенко мною были назначены временно исполняющие должности бывших агентов станции и всем агентам предложено приступить к исполнению обязанностей, а для облегчения к началу производства работы на местном машиностроительном заводе Струве было сделано распоряжение назначить два поезда в обе стороны для привоза на завод рабочих, желающих работать, из окрестных деревень.

Около 7 часов вечера 18 декабря мною были получены депеши от начальника станции Воскресенск Михайлова с просьбой выслать охрану ему для предотвращения грабежа из вагонов остановленных поездов, но сделать это я не мог.

Имея в виду осмотреть, согласно инструкции, Коломенский машиностроительный завод, а также желая скорее установить связь

со станцией Люберцы, т.-е. с Москвой, я 19 декабря разделил свой отряд, отправив в 8 часов утра 9-ю роту и поручика Костенко из Голутвина на поезде по направлению к Люберцам для уничтожения мятежников, обезоружения их и восстановления правительственных агентов на станциях между Голутвин и Люберцы, а с 10-ою и 14-ою ротами с орудиями и пулеметами также в 8 часов утра двинулся на завод, но по прибытии туда от директора его правления узнал, что завод начал работать, настроение рабочих спокойное, хорошее, почему решил не раздражать поголовным обыском и арестом некоторых служащих по указанию полиции и по непроверенным обвинениям и, собрав вновь отряд, вернулся с ним на станцию Голутвин в 11 часов утра; около 3-х часов дня вернулась также 9-ая рота, командир которой доложил, что согласно моему приказанию он узнал от начальника станции Воскресенск, что для охраны груженых вагонов от краж ночью ему нужна охрана или выдача ружей или револьверов для вооружения сторожей. На станции Ашитково были убиты ротой три человека, принадлежащие к дружине мятежников и бывшие членами местного жел.-дор. комитета и агитаторами. На станции Раменской 9-я рота произвела обыск домов напротив станции, по другой стороне пути, но оружия была найдена только одна офицерская шашка.

Одновременно с 9-й ротой выехавший на отдельном паровозе поручик Костенко проехал далее ст. Быково, проверил весь путь от Голутвина до ст. Люберцы, починил порванные места телеграфных проводов и, вернувшись, таким образом, восстановил телеграфное сообщение и проверил путь.

В 2 часа 8 мин. дня мною был получен запрос, сделанный по приказанию генерал-губернатора, что́ отряд сделал, где сейчас находится и как предполагается следовать, на что я ответил телеграммой: «отряд прошел до Голутвина, прекратил грабеж, насилие, восстанавливает прерванное движение, нахожусь Голутвине, дальнейшие действия по обстоятельствам, подробности по возвращении».

По получении донесения поручика Костенко о восстановлении телеграфа до станции Москва-Пассаж.,— мною было предложено командирам рот отряда в Сортировочной, Перово и Люберцы донести о состоянии рот и участков. На это все три роты донесли мне, что к работам в мастерских и на линии приступлено, на станциях спокойно, грабители отогнаны, возможно восстановление полного движения и сокращение, но не удаление охраны.

Получив от начальника ст. Воскресенск на мой запрос, нужна ли ночью охрана, ответ, что охрана нужна, я выслал на ночь туда один взвод из Голутвина с проходившим воинским поездом.

По получении таких ответов с участка я телеграфировал управляющему дорогой, что сообщение от Москвы до Голутвина восстановлено и что возможно введение полного графика движения.

От командующего 15-й ротой 19 декабря была получена телеграмма, что крестьяне села Люберцы служили молебствие по случаю

избавления от насилий, воспрянули духом и беспредельно благодарны полку.

20 декабря толпа человек в 600 собралась на ст. Голутвин; была депутация от г. Коломны, на станции, разукрашенной флагами, отслужен молебен, и вообще была произведена патриотическая манифестация, доказывающая полное несочувствие населения к бунтовщикам.

Считая цель, поставленную отряду, достигнутой, я решил выехать с излишними двумя ротами, 2 орудиями и 2 пулеметами обратно в Москву, оставив в Голутвине 14 роту, т.-е. всего на участке Сортировочная, Перово, Люберцы и Голутвино — четыре роты. Предупредив остающиеся роты о своем отправлении в Москву, я с остальной частью отряда выехал в 30 мин. ночи 20 декабря, по дороге принял рапорты командиров рот, из которых оказалось, что они все находят нужной охрану, но что ее можно сократить, особенно, если, поместив одну роту в Голутвине, другую поместить в вагонах поезда постоянно под парами на ст. Перово, что даст возможность этой роте прибыть в случае надобности во-время на Сортировочную или в Люберцы для охраны порядка. Двигаясь с мерами осторожности обратно, я с вышеуказанной частью отряда возвратился в Москву в 8 час. 30 мин. утра 20 декабря, но выгрузил отряд из поезда, только явившись вашему высокоблагородию, и, получив приказание расположиться в театре Омона на углу Садовой и Тверской ул., прибыл туда в 2 часа дня.

Таким образом, цели, поставленные отряду: захватить станции и участок дороги от Москвы до Голутвина включительно, уничтожить боевые шайки мятежников, восстановить и обеспечить телеграфное и железнодорожное сообщение по этой дороге — были достигнуты вверенным мне отрядом в течение пяти дней, с 16 по 20 декабря включительно, — потерь при этом в отряде не было, а заболело только два человека, при чем считаю своим долгом доложить, что выполнение возложенной задачи оказалось возможным в такой короткий срок благодаря чрезвычайно дружной, усердной, энергичной и напряженной работе, подчас без пищи и без сна, всех без исключения чинов отряда, как офицеров, так и нижних чинов, работавших выше всякой похвалы. Не могу не отметить особо полезную, неутомимую и в высшей степени спокойно обдуманную деятельность 4-го резервного железнодорожного батальона поручика Костенко, без которого все действия отряда были бы не так успешны, а некоторые и просто невозможны, почему ходатайствую означенного офицера поощрить представлением к награде.

Знание дела, людей и местности прикомандированного к отряду станового пристава князя Вадбольского также много помогло делу.

20 декабря вечером мною были получены еще две телеграммы от командующего 15-й ротой, что им при набеге на окрестные деревни произведены аресты 4 лиц, между прочим — главаря мятежников Петухова и дружинника Далматова, отправленных им в Москву

в тюрьму, и что жители двух деревень постановили на сходах выселять слесарей-мятежников.

21 декабря утром я получил донесение командира 14-й роты о порядке и тишине на участке и о беспрепятственном движении поездов, а затем нашел, что, находясь в Москве и неся другие поручения, мне неудобно оставаться начальником этого отряда, о чем и сообщил телеграммами всем ротным командирам, управляющему дорогой и начальнику охраны узла полковнику Голосову, что начальствование передаю старшему по мне капитану Тимрот.

Приложения:

1) Список убитых при усмирении и восстании.
2) Опись оружия, найденного и отобранного у мятежников.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Копия.

Приложение № 1.

Список убитых и раненых при усмирении восстания по линии Московско-Казанской жел. дороги.

16 декабря 1905 года.

Близ станции Сортировочная — 5 человек грабителей, личности коих не выяснены.

16 декабря.

На станции Перово и в окрестностях — убито 9 чел., и ранено 8 человек.

Убиты:

1) Сергей Орловский } помощники нач. ст. Перово.
2) Алексей Ларионов }
3) Иван Оводов } слесаря перовских мастерских.
4) Василий Молостов. }
5) Кузьма Молостов — слесарь Московск. мастерских.
6) Гаврила Дрожжин — сторож по охране грузов на ст. Перово.
7) Павел Шкарин — стрелочник ст. Кусково, Моск.-Нижегородской ж. д.
8) и 9) Два неизвестных.

Ранены:

1) Гаврил Меркачев — десятник дровяного склада Перовских мастерских.
2) Александр Алексеев — кузнец завода Перепут в г. Москве.

3) Василий Ват — рабочий Перовских мастерских.
4) Егор Щетинин — путевой сторож 8-й вер. моск.-каз. ж. д.
5) Ефим Ящуков — молотобоец Перовских мастерских.
6) Осип Роснашкин
7) Герасим Лобаданов } профессии их не установлены.
8) Иван Коринский

17 декабря.

На станции Люберцы и в окрестьяностях — убито 14 человек.

1) Михельсон — служ. конторщиком материальной службы.
2) Шустров
3) Фукалов
4) Волков } слесаря завода Пурдэ.
5) Чиколаев
6) Федор Дубинкин
7) Иван Лядин
8) Сергей Крылов } мастеровые завода Пурдэ.
9) Леонид Носков
10) Алексей Фунтов
11) Киселев — крестьянин дер. Люберцы.
12) Петр Смирнов — помощник нач. ст. Николаевка соединен. ветки.
13) Алексей Ухтомский — уволенный машинист Моск.-Каз. ж. д.
14) личность не установлена.

18 декабря.

Станция Голутвин — убито 24 человека.

1) Алексей Надежин — начальник станции.
2) Константин Шелухин — помощник начал. станции.
3) Петр Варламов — машинист железнодорожного депо.
4) Александр Якубовский } конторщики станционные.
5) Михаил Космагоров
6) Давид Зайцев — дружинник завода Струве.
7) Александр Сапожков — студент, сын почетного гражданина.
8) Тарарыкин — помощник присяжного поверенного.
9) Владимир Дорф — мещанин гор. Бронницы.
10) Иван Мельников — крестьянин.
11) Василий Старостин — крестьянин.
12) Александр Плотников — крестьянин.
13) Михаил Фокин — крестьянин.

14) Владимир Иванов — мещанин из гор. Коломны.
15) Соломатин — крестьянин.
16) Стопчик — мещанин гор. Коломны.
17) Пушков — крестьянин.
18) Абрамов — крестьянин Бронницкого уезда села Новлянского.
19) Михаил Ильичев — фельдфеб. 2-го зап. стр. батальона.
20) . . . . . } личности не установлены.
21) . . . . . }
22) . . . . . }
23) . . . . . }
24) . . . . . }

19 декабря.

Станция Ашитково — убито 3 человека.

1) Сергей Виноградов — начальник станции Ашитково.
2) Василий Бунин — помощник начальника станции.
3) Алексей Фаддеев — правительств. надсмотрщик поч.-тел. конторы.

Всего убитых 55 человек и раненых 8 человек.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Приложение № 2.

Опись оружия, найденного и отобранного у мятежников.

1) Ружей разных 6
2) Револьверов и пистолетов разн. систем. 29
3) Шашек разных 6
4) Штык от берданки 1
5) Кинжалов 4
6) Ножей разных 3
7) Кастетов, кистеней, топорик 6
8) Некоторое количество патронов разных систем и калибров.

Лейб-гвардии Семеновского полка полковник *Риман*.

Кровавая расправа семеновской экспедиции произвела глубокое впечатление как в России, так и за границей и стяжала именам Мина и Римана печальную известность.

Впервые читающая публика познакомилась с работой семеновцев по газетным статьям, печатавшимся в январе, феврале и марте 1906 г. в газетах «Русь» и «Молва». Эти статьи были основаны на материале, лично собранном на месте кор-

респондентом Владимировым, вместе с присяжным поверенным Лисицыным, который был командирован московским советом присяжных поверенных специально для обследования расправы семеновцев на месте и для последующего затем возбуждения ходатайства о привлечении к судебной ответственности лиц, виновных в убийствах ни в чем неповинных людей.

Спустя почти 5 лет, когда волна революционного движения спала и свидетели могли говорить почти без боязни за свою судьбу, присяжный поверенный Лисицын от имени своих доверителей: мещанки Оводовой, крестьянина Молостова и других, всего в числе 22-х лиц, обратился к военному министру с жалобой на незаконные действия полковника л. гв. Семеновского полка Римана, учиненные им в декабре 1905 г. при подавлении восстания на линии Московско-Казанской ж. д. и заключавшиеся в лишении жизни без всякой необходимости свыше 150 местных жителей. Ходатайствуя о производстве по этому делу предварительного следствия, прис. пов. Лисицын вместе с тем предъявил от имени семейств расстрелянных гражданский иск в сумме 60.000 руб.

Это прошение произвело на власти ошеломляющее впечатление. На требование Сухомлинова дать заключение о дальнейшем направлении дела начальник главного штаба, отмечая, что по закону решение настоящего вопроса о возбуждении уголовного преследования принадлежит командующему войсками московского военного округа, высказался за необходимость немедленно потушить дело в порядке испрошения на то особого высочайшего повеления.

Сухомлинов, чувствуя остроту вопроса, не удовлетворился таким заключением, подсказывавшим ему грубейшее нарушение закона без всякой затушевки и прикрас. Было совершенно очевидно, что дело получит огласку и действия военного министерства получат должную оценку со стороны части прессы и Государственной Думы. Надо было во что бы то ни стало соблюсти «законность» и в то же время не допустить до запросов в Думе.

В поисках этого выхода дело направляется к главному военному прокурору на заключение. Этот последний, особой запиской от 24 мая за № 4921, донес военному министру, что он вполне разделяет мнение главного штаба о том, что окончательное решение вопроса о возбуждении по жалобе прис. пов. Лисицына уголовного преследования против полк. Римана с назначением, если это признано будет необходимым, производства предварительного следствия принадлежит командующему войсками московского военного округа, в подчинении которого находился Риман во время совершения приписанных ему деяний.

Что же касается мнения главного штаба о том, что уголовного преследования против Римана вообще возбуждать не следует и настоящее дело подлежит во всяком случае прекращению, то в данном случае главный военный прокурор подыскивал законный предлог к тому, чтобы как-нибудь ликвидировать дело без шума и огласки, но с соблюдением всей чистоты судебных правил.

По существу главный военный прокурор, конечно, тоже признавал безусловно нежелательным возбуждать уголовное преследование против Римана, но, чтобы сохранить видимость соблюдения законности, он подсказывал военному министру выход, говоря, что по правилам военно-судебного устава прекращение дела может последовать лишь при наличии законных для того причин, т-е. в случае признания командующим войсками жалобы прис. пов. Лисицына неосновательной.

При неимении же законных причин к такому оставлению означенной жалобы без последствия от того же командующего войсками зависело возбудить ходатайство о полном прекращении дела в порядке испрошения особого на то высочайшего повеления.

Таким образом, центральная власть нашла как будто для себя выход из крайне трудного для нее положения, но полагала лишь более удобным переложить тяжесть принятия решения по данному вопросу на плечи военно-окружного командования.

Такое решение вопроса вполне удовлетворило Сухомлинова, и дело было переслано командующему войсками московского военного округа генералу Плеве на распоряжение.

Так как жалоба являлась по существу вполне основательной и никаких «законных» причин к оставлению ее без последствий не было, а дать дальнейший ход делу все же было нельзя, Плеве категорически высказался за необходимость прекращения дела в порядке высочайшего повеления.

Свое мнение о ненужности проведения дела судебным порядком Плеве мотивировал тем, что Риман действовал во время революционного движения и вел борьбу с вооруженной толпой в условиях военного времени, и впоследствии при совершенно иной обстановке и по прошествии $5^1/_2$ лет после совершившихся событий уже не может быть восстановлена та исключительная обстановка, в которой ему приходилось разбираться и действовать тогда, а потому и следствие, если бы таковое было назначено, не в состоянии было бы дать неоспоримых данных для верного суждения о правильности или незаконности действий полковника Римана.

Вместе с тем Плеве высказал мнение, что решительные меры, принятые Риманом для подавления революционного движения, никоим образом не должны подлежать уголовному преследованию, так как только эти меры привели весьма быстро к желанной цели, а именно, разгоревшееся до крайне угрожавших размеров революционное движение с захватом зачинщиков «мятежа» и с рассеянием вооруженной толпы тотчас угасло, что, по мнению Плеве, ясно указывало, насколько действия Римана были направлены именно против настоящих виновников беспорядков, а не против «неповинных обывателей», как говорилось в жалобе Лисицына, так как было вполне очевидно, что, если бы виновники не были захвачены, не было бы и столь быстрого прекращения беспорядков. Наконец, Плеве обращал внимание еще и на то обстоятельство, что жалобы на действия Римана были принесены потерпевшими не тотчас же после того, как совершились приписываемые Риману незаконные действия, а спустя сравнительно значительный промежуток времени, при чем, как по характеру изложения, так и по роду заявлений, эти жалобы дают, как отмечает Плеве, полное основание считать их внушенными жалобщикам кем-либо из лиц, заинтересованных в том, чтобы опорочить действия войск.

По всем этим основаниям не признавая эти жалобы заслуживающими уважения и не усматривая вследствие сего надобности в назначении по этому делу предварительного следствия, Плеве ходатайствовал перед военным министром в июле 1911 г. о прекращении этого дела по высочайшему повелению.

По поступлении всей переписки вновь к военному министру в этом именно смысле по главному военно-судному управлению и был представлен на подпись военному министру проект доклада на имя царя о полном прекращении дела.

Однако в последнюю минуту Сухомлинов сознал явную неполноту материала и недостаточность его освещения для испрошения прекращения дела высочайшим повелением, в виде изъятия и в нарушение всех правил, и приказал вернуть дело в Москву для доследования.

Поэтому все дело вновь было направлено в Москву при особом личном письме остававшегося в это время за военного министра ген. Поливанова на имя Плеве от 10 августа следующего содержания:

«Милостивый государь Павел Адамович. Вполне разделяя ваше мнение о бесцельности производства предварительного следствия по жалобе присяжного поверенного Лисицына на действия полковника Римана I в 1905 г. и признавая, с своей стороны, необходимым испросить высочайшее повеление на прекращение означенного дела, я вместе с тем нахожу, что при докладе этого дела на высочайшее усмотрение не представляется возможным ограничиться изложением одних только указаний, приводимых поверенным потерпевших, в виду полной односторонности их и явного стремления приписать деятельности полковника Римана и его отряда незакономерный характер.

Поэтому для правильного, хотя бы отчасти, освещения действия означенного отряда в 1905 г. является необходимым иметь объяснение по предмету жалобы от самого полковника Римана и офицеров его отряда об условиях той обстановки, при которой они считали себя вынужденными принять те исключительные меры к подавлению развивавшегося мятежа, которые указаны в жалобе.

В виду сего прошу ваше высокопр-ство потребовать таковые объяснения от полковника Римана I и хотя бы от некоторых офицеров его отряда» *(подпись)*.

При таком обороте дело, действительно, приобретало некоторую видимость законности, т. к. налицо имелось жалоба, были затребованы объяснения по ней и в результате можно было принять то или иное, в большей или меньшей мере обоснованное, решение.

Получив вновь все дело, Плеве затребовал необходимые объяснения лично от бывшего тогда командиром 91-го пех. Двинского полка (стоянка г. Ревель) полковника Римана и от бывшего семеновского офицера генерального штаба капитана Майера. Оба названных офицера представили объяснения, через штаб войск гвардии и петербургского военного округа (в порядке подчиненности — по своему округу), почти в один день, что дает основание полагать, что данные объяснения были согласованы авторами, которые специально с этой целью съехались в Петербурге.

Оба объяснения приводятся текстуально по сохранившимся копиям:

Командир
91 пех. Двинского полка
3 ноября 1911 г. № 88.
СПБ.

Начальнику штаба гвардии
и Петербургского военного округа.

Рапорт.

В виду затребованных от меня объяснений на жалобу прис. пов. Лисицына доношу нижеследующее:

О всех действиях моих и моего отряда при исполнении возложенной на него задачи: подавления вооруженного мятежа и восстановления движения на Московско-Казанской жел. дор. в декабре 1905 г. — мною

донесено своевременно рапортами как московскому генерал-губернатору генерал-адъютанту Дубасову [1]), так и бывшему тогда командиром л.-гв. Семеновского полка, ныне покойному, флигель-адъютанту полковнику Мину.

Многие подробности усмирения бунта исчезли уже из моей памяти, но я и теперь твердо помню, что ничего подобного изложенному в жалобе Лисицына не было.

Я ясно помню ту обстановку, в которой оказался л.-гв. Семеновский полк по прибытии в Москву 15 декабря 1905 года, а также мой отряд при исполнении поручения.

Город Москва имел вид крайне пустынный, зловещий. В вокзал Николаевской жел. дороги (единственный оставшийся в руках агентов, верных правительству) никого не пускали без обыска. С площади были видны пожары в разных местах города и на многих домах [следы] разрушения от гранат. Постоянно слышны были орудийные и оружейные выстрелы. Полиция была дополнена нижними чинами гарнизона с винтовками, и при нас один такой солдат, стоявший на посту на площади, был свален ударом ножа в бок подбежавшим к нему мальчиком, лет 14.

При встречах поэтому раздавались окрики: «Стой! Кто идет? Руки кверху!», и люди обыскивались. во избежание случаев, подобных указанному.

При переходе моего отряда на вокзал Московско-Казанской жел. дороги в него было произведено несколько выстрелов из-за угла, которые, а также свист пуль были слышны и при дальнейшем занятии вокзала.

Означенный вокзал был разграблен и опустошен, имея скорей вид сарая. Стекла были выбиты; здание не отоплено, служащие жел. дороги отсутствовали, даже жандармы, так как только перед тем из него удалились мятежники. На путях и в депо стояли локомотивы, в которых вода замерзала в котлах, почему они приходили в негодность.

По всем этим причинам и отряд мой отправился в экспедицию не утром 16 декабря, как предполагалось, а днем, значительно позже.

Получив категорическое предписание: привести указанную железную дорогу к повиновению правительству и восстановить по ней движение, я был уполномочен принять все те меры, которые продиктует мне обстановка и моя совесть, включая, конечно, и употребление оружия.

Наличность таких уполномочий делает невозможным предъявление мне обвинений в превышении власти.

---

[1]) В делах канцелярии моск. ген. губ. такого рапорта не имеется. — См. об этом «Голос Минувшего» 1918 г., апрель—июнь. № 4—6, статью В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне» (стр. 130).

Вся Московско-Казанская жел. дорога была в руках мятежников, которые по ней провозили свои боевые дружины, увозили награбленное добро, расхищали товары в остановленных поездах, обезоруживали пассажиров прибывавших из Сибири поездов и, терроризируя агентов дороги, оставшихся верными, а также начальствующих лиц и жандармские, полицейские и сельские власти, владели станциями и линией дороги, прекратив движение поездов, телеграфное и телефонное сообщение, пропуская по своему усмотрению только санитарные поезда и пользуясь дорогой только для целей мятежа.

Дорогой владели бунтари в лохматых папахах, вооруженные ружьями, револьверами, ножами и кастетами. Что ружья и револьверы были не поломанными, как уверяет Лисицын, в этом убеждали выстрелы и свист пуль, что хорошо и много раз слышали как я сам, так и прочие участники подавления мятежа.

На каждой станции мне приходилось смещать тех мятежников, которые насилием, незаконно и самовольно захватили власть над железной дорогой и ближайшими к ней поселениями, образуя особые «комитеты», опиравшиеся на «боевые дружины», и восстанавливать у страненных и устрашенных ими прежних агентов, оставшихся верны правительству, или назначать новых, готовых повиноваться законному правительству.

Мне пришлось восстанавливать в своих правах железнодорожных агентов всякого рода, жандармских и полицейских чинов и даже сельские власти, избавляя многих из них от смерти, которой им угрожали мятежники.

Поезд, везший отряд станции, где он или части его размещались, команды и даже отдельные чины этого отряда обстреливались мятежниками не только скрытно из-за угла и в темноте, но и днем и открыто, целыми шайками, толпами, состоявшими из бунтовщиков и грабителей.

Целые десятки верст путей были загромождены разграбленными и частью разбитыми вагонами, около которых в снегу и грязи валялись бочки и ящики с остатками спирта, сахара, ржи, колониальных и мануфактурных товаров, свидетельствовавших, что здесь было громадное количество ценных грузов.

Станции при подходе отряда были заставаемы украшенными красными флагами с возмутительными надписями против государя императора и правительства.

При таких условиях движения и жизни отряда всякое сопротивление открытой силой подавлялось силой же, а с оружием в руках — оружием же.

Такова была обстановка. Она мало похожа на ту, которую описывает Лисицын. Совершенно вздорны его указания на идиллистическое настроение гулявшей будто бы беспечной молодежи и о вооружении, исключительно только поломанном и встречавшемся только у некоторых, так же, как и на приписываемые им мне слова: «посторонись,

старуха» и прочее в этом роде [1]). Если не ошибаюсь, такие небылицы были пущены про меня какой-то революционной газетой, имевшей свои интересы рисовать всех революционеров невинными, а всех деятелей порядка — извергами.

Наконец, если бы, действительно, погибшие при подавлении восстания моим отрядом, как указывает Лисицын, более 150 человек, были совершенно невинными, то как объяснить, что восстание было подавлено, движение восстановлено в течение 4-х дней, с 16-го по 19-е (декабря) включительно, что уже бесспорный факт, хотя в действительности число погибших достигает всего, сколько помнится мне, 50—60 человек; а также, — как объяснить те молебствия на станциях и в селениях, как в Голутвине и Люберцах, после которых население выражало свою радость и благодарность за освобождение от беззаконий и насилий мятежников-революционеров, а в селении при ст. Люберцы сельское общество, кроме того, депешей просило повергнуть к стопам государя императора свою верноподданническую благодарность за присылку гвардейского полка, избавившего их от «мятежников». По возвращении моем в Москву ко мне являлось несколько неизвестных мне помещиков с благодарностью за действия моего отряда, при первых известиях о приближении и действиях которого стихло и не обнаруживалось более среди крестьян той местности уже поднявшееся движение против собственности помещиков, прекратились, как по мановению, начавшиеся порубки лесов и поджоги усадеб помещиков.

Если поверить Лисицыну, то в декабре 1905 г. в Москве и на Московско-Казанской жел. дор. мятежа не было, а только войска, посланные законным правительством, верно, на прогулку, производили неистовства и насилия над ни в чем неповинными мирными обывателями. Если же мятеж, и «вооруженный», там был, о чем свидетельствуют, помимо всего, что известно всему миру, те инструкции, которые были мне даны словесно, а по подавлении восстания и по возвращении в Москву подтверждены и письменно моим начальством, — «действовать беспощадно, дружины уничтожить, арестованных не иметь, сжигать строения, где оказывается сопротивление», — и включение в состав отряда двух орудий и двух пулеметов, то, конечно, без мер устрашения, и притом самых энергичных и быстрых, обойтись было невозможно. Они мной и моим отрядом были применены с соблюдением должной осторожности и умеренности, о чем и свидетельствует сравнительно ничтожная для успешного подавления вооруженного восстания цифра погибших при этом мятежников—50—60 человек, на участке

[1]) По сохранившимся рассказам, попавшим затем в печать, Риман лично участвовал в некоторых обысках, и когда при одном из обысков у семьи Оводовых был найден сломанный револьвер и на вопрос обыскивавших: кто собственник, отозвался старший сын хозяйки квартиры, Иван, то Риман крикнул матери: «посторонись старуха» и выстрелом из револьвера в лоб убил Ивана Оводова.

линии железной дороги протяжением около 100 или немного более верст между Москвой и Голутвиным.

Мной и всеми чинами вверенного мне отряда была только свято соблюдена принесенная всеми нами присяга — ставить выше всего интерес не свой и своих близких, а жизнь, пользу и славу нашего возлюбленного державного вождя с его августейшим семейством, его законного, повинующегося ему правительства и нашей родины — России.

Я и все чины вверенного мне доблестного отряда, от первого до последнего рядового, были воодушевлены именно чувством долга и, вернувшись, были счастливы сознанием, что послужили честно, почему я глубоко убежден, что никаких случаев присвоения чьего-либо имущества при этом чинами отряда не было.

За принятые меры я, конечно, несу морально ответственность, но совесть моя перед господом богом и великим государем чиста и спокойна.

Полковник *Риман.*

В своем рапорте Риман очень много говорит о преданности и верности долгу, но мало дает фактического материала. Несколько иначе излагает суть дела свидетель Римана капитан Майер, который в отношении фактов во многом сходится с данными, установленными прис. пов. Лисицыным, и лишь в оценке их идет за Риманом.

Рапорт Майера приводится ниже полностью.

Помощник ст. адъютанта
штаба войск гвардии
и
петербургского военного округа
ген. шт. капитан Майер.
4 ноября 1911 г. № 125.
СПБ.

начальнику штаба войск гвардии
и петербургского военного округа.

Рапорт.

15 декабря 1905 г. л.-гв. Семеновский полк, отправленный по высочайшему повелению для усмирения восстания, прибыл в Москву, и на следующее утро, 16 декабря, командующий полком флигель-адъютант полковник Мин, получив инструкции от московского генерал-губернатора, выделил шесть рот (9, 10, 11, 12, 14 и 15), под командою полковника Римана, для восстановления порядка и движения на Московско-Казанской жел. дор.

Ночь с 15 на 16 декабря весь полк ночевал на вокзале названной дороги, которая не функционировала, а вокзал был пуст и частью разграблен; на площади около вокзала горел киоск, и в разных местах города были видны с площади пожары.

Вверенная мне рота (15-я) должна была выставить в первую очередь охранение вокзала, и в то время, когда я его выставлял, на платформе, со стороны путей, в нас было произведено несколько ружейных безрезультатных выстрелов. Тем не менее ночь прошла спокойно,

а утром началась посадка отряда полковника Римана в поезд, погрузка артиллерии и пулеметов, но так как железная дорога представляла собой картину полного запустения (отсутствие персонала), то поезд тронулся лишь после 12 час. дня 16 декабря.

Полученные полк. Риманом инструкции от генерал-губернатора, через командующего полком, он нам сообщил. Они были очень кратки, и их можно назвать скорей директивой, так как была указана лишь цель (восстановить во что бы то ни стало движение и порядок на железной дороге до Рязани). Как достигнуть цели, и даже обстановка, — не было указано. Как средство для достижения цели разрешалось применение оружия.

Когда поезд тронулся, офицеры были со своими чинами в вагонах. Вверенная мне рота была в последнем вагоне поезда.

Около ст. Сортировочная произошла остановка с целью высадки здесь 11-й роты. Множество поездов, стоявших на этой станции, было разбито, видимо, грабителями. По сторонам полотна виднелись кучки вооруженных людей. Около последнего вагона просвистало несколько пуль. В то время, как 11-я рота высаживалась, я увидел людей, залегших в шагах 300—400 от полотна и стрелявших по поезду, что вынудило меня вывести роту из вагона. Одним из взводов было дано пять залпов, после чего было видно, как люди из залегшей группы начали согнувшись убегать и уползать.

Результат залпов мне неизвестен.

Скоро поезд двинулся дальше, но, подходя к следующей станции (Перово), вновь остановился, так как по сторонам полотна появились толпы вооруженных дружинников. По поезду изредка стреляли.

Получив приказание полк. Римана уничтожить толпу дружинников, прятавшихся недалеко от хвоста поезда за буграми и, видимо, желавших расположиться как бы цепью, я вывел 4-й взвод, который несколькими залпами рассеял толпу, среди коей, повидимому, оказались раненые и убитые.

После этого здесь была высажена 12-я рота, имевшая назначением восстановить полный порядок на станции и в деревне, которая была переполнена членами боевой дружины, терроризовавшей местное мирное население. Требовались по обстановке самые решительные меры, чтобы водворить порядок, почему все роты, кроме 15-й, оставленной для охраны поезда, были направлены в деревню. Часа через полтора они вернулись в поезд, при чем я узнал, что роты, обходя деревню, задержали главарей мятежа в Перове, и несколько человек из них были убиты.

В 5 час. дня было совершенно темно вследствие мятели. В это время (наш) поезд, шедший к ст. Люберцы, внезапно остановился. В голове поезда слышался голос полк. Римана, приказывавший всем выходить из поезда, так как навстречу надвигался тоже поезд по тому же пути. Когда нижние чины были выведены из поезда, то из примыкавших к железной дороге дач стали раздаваться выстрелы по нашему

поезду. Шедший нам навстречу поезд был остановлен. Оказалось, что это был наш разведочный паровоз с вагоном, шедший в пяти верстах впереди нас и наткнувшийся на испорченный мятежниками путь.

Вскоре поезд двинулся дальше и к 7 1/2 час. веч. подошел к безлюдной станции Люберцы. Находившийся тут начальник станции отказался оказать какое-либо содействие полковнику Риману, почему к нему было приставлено два нижних чина. После этого начальник станции уже исполнял все, что от него требовали.

Здесь в Люберцах была высажена вверенная мне 15-я рота. Во время высадки из-за кустов станционного сада в нас было произведено два безрезультатных выстрела, но темнота была такова, что предпринимать что-либо ночью, при совершенно неизвестной обстановке, было совсем немыслимо.

Весь отряд ночевал в поезде, который охраняла цепь постов; 15-я же рота ночевала в зале станции на соломе.

17 декабря, в 6 час. утра, полк. Риман приказал всем ротам обойти все районы деревни и Люберецкий тормазный завод, где числилось около 300—400 рабочих, преимущественно дружинников. Но завод был совершенно пуст. В деревне же было захвачено около 25 челов к с оружием.

Жители были столь терроризованы боевыми дружинами, что не осмеливались давать каких-либо показаний. Вся жизнь в деревне остановилась. Лишь несколько смельчаков из мирных крестьян решились в разговоре со мной сказать, что главари движения насильно заставляли крестьян брать оружие.

Обстоятельства не позволяли медлить. Единственным средством доказать населению и служащим на железной дороге, что власть мятежников кончилась, — были самые энергические действия тотчас же и примерное наказание виновных.

Для решения вопроса, кто из 25 захваченных с оружием в руках действительно виновен, являясь главарем или террористом населения, полк. Риман создал импровизованный суд из выборных крестьян и и сельских местных властей.

13 человек из приговоренных этим судом были тотчас же расстреляны полуротой, под моей командой.

Результат сказался сразу. К вечеру все служащие на железной дороге были уже на местах, и отряд полк. Римана, оставив вверенную мне роту в Люберцах для окончательного наведения порядка, на следующий день, 18 декабря, отправился далее к Голутвину.

Таким образом, с 18-го числа 15-й роте пришлось быть в деле до самого возвращения в Москву. В течение этих дней мною был задержан ряд главарей террора в Люберцах, а во время произведенного мною набега ночью на одну из окрестных деревень также поймано несколько дружинников. Все они были отправлены под охраной в Москву.

Уже 19 числа железная дорога и телеграф функционировали вполне исправно, и население, освободившись от террора, собралось на станции Люберцы и служило молебен за избавление от насильников, послав всеподданнейшую благодарственную телеграмму государю императору.

24 декабря все роты вернулись в Москву.

Капитан Майер.

Как только оба эти рапорта вместе со всей перепиской и повторным ходатайством Плеве о прекращении дела о привлечении Римана к судебной ответственности вновь поступили к военному министру, Сухомлинов, имея в руках как бы целое формальное производство, почувствовал известную свободу действия.

Немедленно по главному военно-судному управлению, по приказанию военного министра, был составлен доклад с кратким изложением обстоятельств дела и затем лично представлен Сухомлиновым царю на усмотрение.

В резолютивной части Сухомлинов докладывал свое мнение, что законность принятия военным начальством той или иной решительной меры в чрезвычайных обстоятельствах, подобных тем, в каких приходилось действовать полк. Риману с его отрядом, определяется не чем иным, как необходимостью этой меры, оцениваемой, конечно, не с точки зрения потерпевшего, а с точки зрения самого начальника, в зависимости от окружавшей его обстановки.

Кроме того, Сухомлинов, с своей стороны, находил, что объяснения полковника Римана и капитана Майера не оставляют никакого сомнения в том, что принятые полк. Риманом меры к подавлению мятежа действительно являлись необходимыми по особым условиям той обстановки, в которой находился весь его отряд при подавлении этого мятежа.

Поэтому Сухомлинов, признавая жалобу прис. пов. Лисицына неосновательной и, кроме того, имея в виду, что по закону смертоубийство и нанесение телесных повреждений не вменяется в вину, когда смертоубийство и нанесение таковых повреждений было последствием употребления оружия воинскими чинами, призванными для содействия гражданскому начальству при подавлении беспорядков, — испрашивал у царя соизволение на прекращение дела.

Царь довольно долго продержал у себя письменный доклад по этому вопросу со всей перепиской и 2 декабря 1911 г. вернул, положив следующую резолюцию: «Согласен. Если бы все военные начальники действовали по примеру полк. Римана I, то Россия не пережила бы тяжкой и постыдной годины 6 лет назад».

Испрошенное повеление царя на прекращение дела сразу лишило его остроты и важности для военного министерства. Подлинная жалоба прис. пов. Лисицына была немедленно возвращена командующему войсками московского военного округа с кратким сообщением сущности доклада военного министра царю и с добавлением, что царь приказал: дело о действиях лейб-гв. Семеновского полка полковника Римана I (в 1911 г. командир 91-го пех. Двинского полка) и его отряда при подавлении в 1905 г. беспорядков на линии Моск.-Казанской жел. дор.—дальнейшим производством прекратить.

Дружными усилиями верхов военного министерства судебное преследование полк. Римана было предотвращено. Однако, чтобы не создавать шумихи вокруг такого решения, текст приведенной резолюции царя не только не был оглашен в печати и не получил гласности, но даже не был сообщен командующему войсками московского военного округа и самому Риману, хотя, казалось бы, ему-то эта лестная для него оценка его действий и должна была послужить утешением за отрицательное отношение, резко проявленное к нему со стороны широких слоев населения.

Впрочем, тогда жизнь уже далеко ушла вперед от событий 1905 г., и острота переживаний этой бурной революционной эпохи значительно сгладилась. Кроме того, давно сошли со сцены и сами усмирители: командир л.-гв. Семеновского полка Г. А. Мин был убит на станции Петергоф в августе 1906 г. Зинаидой Конопляниковой (казнена по приговору петерб. воен. окр. суда), а полковник Риман, по особому высочайшему повелению, вынужден был выехать за границу в годичный отпуск и прожить на специально отпущенные из кабинета царя средства целый год в какой-то глухой деревушке в северной Испании, соблюдая строжайшее инкогнито.

К моменту окончания отпуска общее раздражение против Римана уже несколько улеглось, и он относительно спокойно устроился вне столицы, получив в командование стоявший в г. Ревеле 91 пехотный Двинский полк. Перед Февральской революцией Риман занимал тыловую должность на юго-западном фронте и при первых известиях о перевороте бесследно исчез из Киева.

С. Иванов.

Заем 1906 г. в донесениях русского посла в Париже.

Насчитывавший восемнадцатилетнюю давность [1]) финансово-политический конкубинат царского самодержавия с правительством французской республики переживал в 1905 году критический период.

Совпадающая во времени с англо-французским сближением, русско-японская война своими последствиями понижает в глазах буржуазной Франции удельный вес дружбы с полуфеодальной Россией и в ослабленном, но сохраняющем еще свою силу союзе ведет к своего рода перераспределению ролей, охлаждая былую горячую страстность Парижа и наделяя этими свойствами прежде холодный Петербург.

Здесь неуместно распространяться о том, какие трудности вырастали перед царским правительством, стоявшим перед задачею покрытия военных расходов, с одной стороны, и борьбы с подымавшей голову «смутой» — с другой.

Достаточно вспомнить, что в течение войны количество бумажных денег, находившихся в обращении, увеличилось вдвое (с 600 милл. руб. дойдя до 1.200 милл. руб.), и дальнейшее печатание их должно было повести к полному финансовому и затем экономическому краху [2]).

Достаточно вспомнить хотя бы о той финансовой панике, которая в известный момент охватила не только крупных держателей ценностей, но и мелких вкладчиков, бросившихся в государственное казначейство и заставивших Государственный банк пережить ряд неприятных моментов.

С начала войны было совершенно очевидно, что министерство финансов при скудости внутреннего денежного рынка без помощи извне обойтись не сможет ни в каком случае.

Между тем с начала войны министерство воздерживалось от крупного займа, полагая, что последний будет удобнее заключить после ее окончания или по крайней мере тогда, когда проявится сила русского оружия. Когда проявилась не сила русского оружия, а его слабость, и государственный кредит оказался подорванным в корне, правительство не имело иной более важной задачи, как задачи его восстановления, тем более важной и неотложной, что она означала вместе с тем и задачу подавления надвигающейся революции и спасения шатающегося трона. Известно, что под знаком осуществления этой задачи проходит вся деятельность привлекаемого в этот момент к кормилу власти С. Ю. Витте, с достаточной степенью полноты отражающаяся в ряде глав его трехтомных «Воспоминаний».

---

[1]) 18 лет — для финансового и 14 — для политического.

[2]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т I, стр 328

Дополнительное освещение тех объективных условий, в каких эта работа протекала, и вместе с тем того участия, какое приняла в этом деле русская дипломатия, мы можем найти в донесениях русских дипломатических представителей за границей и, прежде всего, русского посла, аккредитованного при правительстве союзной республики.

В предлагаемых ниже строках мы имеем в виду дать беглый обзор донесений последнего, хранящихся в архиве канцелярии б. м-ва ин. дел, относящихся к периоду 1905—1906 годов и посвященных затронутому выше вопросу.

Если вспомнить, что Франция являлась крупнейшим держателем русских ценных бумаг, размещенных здесь на сумму более, нежели 8 миллиардов рублей, то станет понятным, что при всей пониженности интереса к русским делам, какая характерна для Франции рассматриваемого периода, к двум основным вопросам русской жизни— заканчивающейся войне и начинающейся революции — французы, и прежде всего представители парижских финансовых кругов, не могли не проявлять значительной доли чувствительности. Проявляемая со стороны французских политических, правительственных, а главное, биржевых кругов реакция на эти события — естественно и понятно — является лейтмотивной темой всей эпистолярной литературы русского дипломатического представителя в Париже.

Знакомство с более ранними его донесениями дает основания заключить, что первоначально вопросы войны волновали французов не в такой мере, как вопросы, связанные с революционным движением. С мыслью о неудачном для России исходе войны французское общественное мнение к концу 1904 года уже примирилось; оно желает лишь одного — скорейшего ее прекращения. Правда, дни мукденских боев держат парижскую биржу в напряженном состоянии, но когда первоначально распространяется слух о победе ген. Куропаткина, происходит не повышение, а падение курсов,— тем самым нарушались расчеты французских рантье на скорый мир. «Вероятие близкого заключения мира,— замечал по этому поводу Нелидов [1]), — ставится в обратную зависимость от одержания нами победы над Японией».

Известия о размерах понесенного русскими войсками поражения, в свою очередь, вызывают на бирже временную депрессию. Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г. сообщает об отказе французских банкиров от немедленного выпуска нашего займа и о неблагоприятных для последнего настроениях парижской биржи.

«Насколько я мог выяснить истинные обстоятельства этого дела.— говорит Нелидов,—беспокойство, проявившееся во французской публике вследствие поражения нашего при Мукдене, побудило прежде всего Лионский Кредит, получивший отказы от многих из своих клиентов, заранее записавшихся было на заем, отозвать из С.-Петербурга своего представителя и тем побудило к такой же мере и других участников займа. Решение это испугало министра финансов, и он выразил мнение, что заключение займа следует отложить. Теперь же, когда все обстоятельства выяснились, известия с театра войны не представляют ничего угрожающего, а во внутренних делах наших последовало как будто некоторое успокоение,—биржа также стала тверже, и приближенные г. Рувье заявляют, что он не видит никакого препятствия к выпуску займа. Тем не менее, по мнению наиболее осведомленных в денежных делах лиц, для выгодного и успешного помещения займа необходимо было бы, чтобы отступление нашей армии прекратилось, чтобы она заняла твердые позиции, и ясно было, что»

[1]) Депеша Нелидова от 24/II 1905 г.

снова наступает передышка, которую можно будет использовать для заключения мира...». «По всеобщему убеждению,— заключал свое донесение посол,— только действительное прекращение войны может привести к прочному поднятию наших бумаг и обеспечить вполне возможность заключить заем в широком размере».

В мае того же года, когда можно было уже с несомненностью говорить о «неудачном течении войны», Нелидовым констатируется [1]) всего лишь некоторая «неуверенность» в отношениях биржевых кругов к русским бумагам, подвергающимся «весьма незначительным колебаниям». «Неуверенность» эта должна была, очевидно, исчезнуть при первом известии об открытии мирных переговоров. Действительно, приходящее в июле месяце из Петербурга сообщение об отъезде Витте в Портсмут возвращает французским банкирам бодрое настроение. «Предстоящее открытие мирных переговоров с Японией, — доносит по этому поводу Нелидов [2]),— представляет для общественного мнения Франции огромный интерес, который выразился, между прочим, в связи с проездом через Париж главного русского уполномоченного ст.-секр. Витте, в сильном подъеме на бирже цены русских бумаг. Французское правительство, горячо желающее прекращения войны и, как здесь выражаются, возвращения России в Европу, следило с напряженным вниманием за всем, что могло бы служить указанием насчет возможности мирного исхода переговоров».

Наконец, когда заключение мира становится совершившимся фактом, в одном из донесений [3]) Нелидова от конца августа мы читаем: «Известие о заключении мира встречено было во Франции с самым горячим сочувствием как правительством, так и населением... заключение мира имело ближайшим последствием значительный подъем биржевого курса русских бумаг»... Указывая на тот «тяжелый гнет», каким давила война «на все предприятия и обороты», посол дает простор своим оптимистическим настроениям и спешит наметить открывающиеся теперь для России перспективы использования парижской биржи: «огромное количество во Франции свободных капиталов, ищущих помещения, послужит теперь к оживлению всеобщего экономического движения, а равно и доставит русскому правительству возможность заключить необходимый для расчета за войну и для возобновления и улучшения военного и морского материала заем...» [4]).

«На возвратном пути из Америки,—доносил спустя некоторое время Нелидов [5]),— ст.-секр. Витте прибыл в Париж третьего дня утром 6/19/IX. Его с нетерпением ожидали главные деятели здешнего финансового мира, а равно и корреспонденты газет... Вернувшийся в тот же вечер из краткого отсутствия председатель министерского совета не замедлил известить о приезде Сергея Юльевича Витте президента Лубэ и внушить ему необходимость иметь с ним свидание... Витте выехал вчера вечером в имение Лубэ, в Бегюд...».

Теперь, при своем обратном проезде через Париж, Витте завязывает, как известно [6]), со своими многочисленными знакомыми из финансового мира более определенные разговоры о займе.

---

[1]) Донесение Нелидова от 5/V 1905 г.
[2]) Донесение его же от 14/27/VII 1905 г.
[3]) Донесение его же от 25/VIII—7/IX 1905 г.
[4]) Там же.
[5]) Донесение Нелидова от 8/21/IX 1905 г.
[6]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 174.

Встречающий столь радушный прием, принимаемый почти как триумфатор, Витте ограничивается, однако, лишь предварительными переговорами. Хотя эти переговоры он ведет, имея на руках текст мирного договора,—conditio, sine qua было невозможно заключение займа,—но это необходимое условие для парижской биржи не было еще условием достаточным. Ей нужна была еще твердая уверенность в солидности кредитующегося клиента. Здесь нам придется столкнуться с другим вопросом — вопросом о том, как реагировал тот же парижский денежный рынок на события русской внутренней жизни. Проследив этот вопрос по ряду донесений того же посла, мы убедимся в неосновательном оптимизме только что выслушанного нами от него прогноза открывающимся для России в связи с заключением мира близким финансовым возможностям. «Излишне повторять,— признавался Нелидов еще в одном из своих более ранних донесений [1]),— что главным предметом беспокойства финансового мира является положение дел внутри России».

Нам приходилось уже отмечать, что война не так волновала парижскую биржу, как революция. В первый же понедельник, непосредственно следовавший за «кровавым воскресеньем», в финансовых кругах Парижа наблюдалась сильнейшая тревога, и «хотя дело до паники не дошло», русские бумаги испытали «значительное понижение» [2]). Далее: «как только стало известно, что беспорядки в этот день не возобновились, цена наших фондов стала снова понемногу повышаться», но «некоторое беспокойство и удрученное состояние» из биржевых настроений не изгладилось в полной мере. Когда телеграф приносит известие об убийстве вел. кн. Сергея Александровича и о неудержимо растущем забастовочном движении, распространяющемся на железные дороги, русские бумаги начинают снова падать. Падение это останавливается лишь в середине февраля, после опубликования рескрипта 18/II о привлечении к законодательству выборных от населения [3]).

Нужно сказать, что не только представитель русской дипломатии волновался при виде колебаний биржевого курса русских ценностей, но и правительство, при коем он был аккредитован, не могло, несмотря на относительную эмансипированность свою от уз русской дружбы, оставаться равнодушным перед перспективой крушения русских финансов. В своем донесении, относящемся к середине февраля того же года [4]), Нелидов передает те мысли, какие развивал в беседе с ним один из авторитетных представителей парижской биржи — де-Вернейль, отражавший, по словам посла, точку зрения не столько биржевых, сколько высших правительственных кругов. «Факт тот,— резюмирует Нелидов рассуждения де-Вернейля,— что здесь больше 8 миллиардов русских бумаг. Обладатели всяких состояний, больших и малых, имеют их. Крушение наших ценностей поведет здесь к одному из самых опасных кризисов... В течение последних дней отмечается тенденция к их понижению, и доказательством существующей неуверенности в их прочности может служить то, что крупные банки, а равно и биржевые маклера — и г. Вернейль прежде всего — завалены запросами держателей наших бумаг о дальнейшей участи последних и о том, не лучше ли избавиться от них. Когда же это начнется,— это будет нечто, подобное лавине: бумаги полетят вниз с головокружительной быстротой, и ничто

[1]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.
[2]) Донесение его же от 13/26/I 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 24/II 1905 г.
[4]) Донесение Нелидова от 17/II 1905 г. Перев. с французск.

не сможет остановить их падения. Не приходится и говорить о том моральном впечатлении, какое это произведет во Франции... Для правительства это будет означать начало яростной атаки на министерство. Рувье и Делькассэ не смогут выдержать этого удара, и вместе с ними падет русско-французский союз. Самый страшный внутренний кризис может явиться следствием этого...».

Факты французской парламентской жизни укрепляли такие настроения. Еще в донесении от 30/I 1905 г. Нелидов сообщал о том враждебном отношении, какое встретила в палате со стороны крайней левой министерская декларация в части, касавшейся франко-русских отношений. Правительственному оратору Делькассэ с трудом удается преодолеть шум и довести до конца свою речь, посвященную доказательству необходимости сохранения союза. «Протест против русско-французского союза,— замечает посол,— стал... знаменным словом, объединяющим все оттенки социалистов и крайней левой...».

«Восстановление спокойствия и порядка в России» — в этом, по мнению Нелидова — де-Вернейля, единственный радикальный выход из положения. «Но это недостижимо в ближайшем будущем». Что же рекомендует наш корреспондент предпринять сейчас? Нельзя сказать, чтобы его предложение отличалось особой оригинальностью. «Как мероприятие же, проводимое немедленно, есть только одно—то, которое рекомендовано г. Вернейлем: воздействовать на прессу, сделать тон ее менее тревожным, заставить ее относиться с разбором к преувеличенным известиям, идущим из России, и поддерживать в интересах самих французов доверие к прочности русского кредита».

«Хорошо знакомый с г. Витте,— рассказывает далее Нелидов,— де-Вернейль написал ему подробное письмо и сообщил мне его содержание. Он полагает, что расходы должны выразиться в сумме от 2 до 3 миллионов франков в год. Это колоссально, но если это принесет плоды, то мы сбережем тем самым несколько десятков миллионов. Главное — это действовать быстро, вместе с тем здесь придется быть щедрым, ибо дело будет итти о том, чтобы овладеть самыми крупными изданиями, которые являются в то же время наиболее богатыми. Мне говорили, что Япония платит газете «Matin», наиболее нам враждебной, 20.000 фр. в месяц. Нам нужно предложить ей с своей стороны еще больше».

Необходимость организации французского общественного мнения становилась в глазах русского дипломата тем более настоятельной, что правительство к этому времени уже завязывало переговоры с парижскими банкирами, и последние собирались ехать в Петербург для заключения условия на месте.

Как известно, банки во главе с Лионским Кредитом отказались от немедленного выпуска русского займа и отсрочили его заключение «до более благоприятного времени»: мукденская неудача, как мы слышали уже от Нелидова, сыграла в этом деле существенную роль, побудив многих из подписавшихся уже на заем снять свои подписи и поселив тем самым неуверенность в настроении банковской администрации.

К середине марта финансовая конъюнктура существенно изменяется к лучшему, и русский посол начинает обсуждать в своих письмах вопрос о том, к какой из финансовых групп было бы предпочтительнее теперь обратиться. Высказываясь в пользу Ротшильдов, Нелидов приводит по этому поводу следующие соображения: «Мне с разных сторон внушали, что если мы хотим получить заем на выгодных основаниях, не обращаясь снова к поставившим нас в неприятное положение Лион

скому Кредиту, Парижскому банку и Учетной Конторе, то нам следует войти в соглашение с Ротшильдами, которые, вероятно, обусловят только свое участие предоставлением в России некоторых льгот евреям. Я знаю из совершенно достоверного источника, что несколько недель тому назад Ротшильд самым решительным образом опровергал приписываемое ему намерение вредить русским финансам, с тем, чтобы понудить императорское правительство дать более широкие права евреям... Он, по его словам, сказанным вполне верному лицу, рад был бы как французский гражданин оказать услугу России, но его удерживает возводимое на него в еврейских средах обвинение, будто он наживается на спине своих единоверцев. А потому, если бы в России, где теперь объявлена и приводится в исполнение целая программа освободительных требований, уничтожены были особые стеснительные ограничения, введенные по отношению к евреям, то руки у него были бы развязаны, и он мог бы снова заняться русскими финансовыми делами и займами».

Соображения о таких финансовых перспективах дают послу основания закончить свое донесение не лишенным оттенка своего рода либерализма заключением: «Если относительно евреев действительно предполагаются облегчения, то мы могли бы извлечь из них выгоду для наших финансов, заручившись таким способом содействием Ротшильда, за которым последует и весь международный финансовый мир».

В течение последующих месяцев французские банкиры проявляют колебательные отношения к вопросу о займе. В мае месяце Нелидов повествует [1]) о покаянных настроениях, охватывающих их в связи с создавшимся для них «невыгодным по отношению к нашему финансовому ведомству положением», последствием которого явилось обращение его для продажи новых обязательств казначейства к посредству берлинских банкиров.

Нелидова посещает в это время представитель Лионского Кредита Фабр Люс, дающий ему заверения в «преданности этого заведения нашим интересам». Заявления в этом же смысле делает ему и директор Французского банка Паллэн, высказывающий пожелания о возобновлении сношений с русским министерством финансов.

Несмотря на продолжающуюся неуверенность в русском внутреннем положении, несмотря на продолжающиеся колебания русских ценностей, Нелидов оптимистически смотрит на успех предстоящего нового обращения к парижской бирже: «По всем имеющимся данным, — говорит он [2]), — можно рассчитывать, что деньги найдутся. Напротив того, повторное обращение к немецкой бирже, которое уже произвело свое выгодное для нас воздействие, возбудив ревность французов, способно было бы в будущем только ослабить доверчивое к нам расположение французских денежных кругов».

В положительном смысле расценивается послом и факт опубликования в начале августа манифеста об образовании Думы (Булыгинской). Он констатирует благоприятное впечатление, произведенное на французов его появлением, но высказывает при этом определенные опасения: «Когда оное (открытие Думы) состоится и над изготовлением и исполнением финансовой сметы установится контроль народного представительства, тогда кредит России, несомненно, упрочится окончательно. Но тогда

[1]) Донесение Нелидова от 5/V 1905 г.

[2]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.

явится со стороны заимодателей и требование, чтобы заключаемые правительством обязательства утверждаемы и признаваемы были народным представительством». Отсюда посол делает вывод о необходимости спешить с займом, дабы его заключение состоялось до открытия Государственной Думы. Посол угадывал виды своего правительства,— вывод его находился в полном соответствии со стремлением возглавлявшегося Витте кабинета поставить себя в независимое от будущей Думы положение [1]). Тактический совет, даваемый при этом Нелидовым, заключался в указании на необходимость ограничиться одной большой операцией и не утомлять биржу предъявлением нескольких мелких требований [2]).

Оптимизм оторванного от русской действительности дипломата и на этот раз оказался преждевременным. Хотя назначение Витте премьером производит на французское общественное мнение «самое благоприятное впечатление» и такое же впечатление производит манифест 17 октября, но возникающие затем забастовки, военные волнения в Кронштадте, Владивостоке, аграрное движение, волнения в Польше, наконец, сосредоточение германских войск у границы,— все это повергает финансовые круги Парижа снова в «удрученное» состояние [3]). «Тревожные известия, продолжающие приходить из России, — доносил Нелидов 17/30 XI 1905 г., — производят здесь удручающее впечатление и тяжелым гнетом ложатся на настроение биржи... При настоящих обстоятельствах появляющиеся на бирже все в большем количестве наши ценности продаются их владельцами, постепенно теряющими доверие к прочности финансового положения России... А рядом с этим выезжающие за границу и проживающие вне отечества русские, не получая доходов со своих имений, обязаны продавать находящиеся в их владении ценные бумаги, что способствует уплыву золота из России и обесцениванию наших государственных фондов»... Особенно тревожным представляется послу состояние петербургской биржи [4]), где, как известно, к этому времени начинают господствовать почти панические настроения [5]).

Между тем положение российской казны становится в этот период настолько критическим, что русскому дворянскому правительству приходится, позабыв дворянскую гордость, не теряя времени, без твердой надежды на успех послать в Париж министра финансов Коковцова искать милости у расчетливых парижских банкиров. «Настроение общества неблагоприятно для крупного займа, — сообщает Нелидов [6]), участвующий в первой политической фазе переговоров Коковцова с банкирами, — но можно было бы рискнуть». «Начало переговоров, которые вел здесь статс-секретарь Коковцов, — читаем в донесении советника русского посольства в Париже [7]), — было крайне затруднительно и представляло весьма мало видов на какой бы то ни было успех»...

Французский финансовый мир продолжает проявлять «непонятливость» и «трусливость», даже «необразованность». Заключение займа откладывается на 2 месяца,

---

[1]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 178.
[2]) Донесение Нелидова от 25/VIII—7/IX 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 3/16/XI 1905 г.
[4]) Донесение его же от 24/XI—7/XII 1905 г.
[5]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 179.
[6]) Донесение Нелидова от 28/XII—10/I 1906 г.
[7]) Донесение Неклюдова от 29/XII 1905 г.—11/I 1906 г. (Неклюдов замещал Нелидова во время отпуска последнего).

и Коковцову удается получить лишь аванс в 100 милл. рубл., но и этой небольшой ссуды на мелкие расходы министру финансов удается добиться лишь при исключительно энергичной поддержке французского правительства. «Только деятельная поддержка, оказанная нам в этом деле правительством республики и в частности г. Рувье, — свидетельствует Неклюдов, — помогла г. Коковцову сломить крайне боязливое и недальновидное отношение банков к какой бы то ни было сделке с нами...».

В своей беседе с Неклюдовым Рувье дважды подтверждает, что русский заем он считает вполне возможным и что французское правительство осуществлению его окажет деятельную поддержку. «Нельзя не сознаться вместе с г. Рувье, — замечает Неклюдов, — что внутреннее положение России повлияет самым решительным образом на ее кредит в Париже. Разгром революционного движения в Москве и энергичные меры, принятые императорским правительством для подавления беспорядков в провинции и охранения полного спокойствия в столице, уже значительно повысили и обаяние наше и русские фонды. Еще два месяца относительного спокойствия и постепенного умиротворения, и кредит России, как политический, так и финансовый, восстановится...». Неклюдов уверен и уверяет своего министра, что правительство республики, несмотря на силу живущих в ней «предрассудков» в вопросах о значении принципов народоправства, поймет и оценит старания правительства дружественной державы, направленные к «умиротворению» своей страны. «Здесь отнюдь не забыли и любят вспоминать,— говорит он,—что в 1871 г., при подавлении кровавого восстания коммуны, было расстреляно в Париже до 40.000 негодяев и что благодаря этим крутым, но вполне целесообразным действиям республика стала с первых же пор на твердом основании власти и спокойствие Парижа было обеспечено на долгие годы».

Разумеется, одной симпатии правящей Франции к «крутым, но вполне целесообразным» действиям другого правительства было бы недостаточно, чтобы подвинуть ее на материальные жертвы в пользу последнего. Пример Германии, совершенно свободной от указанных «непреоборимых предрассудков», но не идущей навстречу занятому умиротворением страны петербургскому кабинету, являлся симптоматичной и выразительной иллюстрацией. В марте 1906 года через посла в Берлине Остен-Сакена министерство зондирует вопрос о том, какое отношение может встретить в германских правительственных кругах русское обращение к германской бирже. Остен-Сакен доносит [1]) об «абсолютно неблагоприятном» отношении Вильгельма к вопросу: только личное телеграфное обращение царя могло бы, по мнению посла, помочь делу. «Нужно серьезно подумать о посылке телеграммы от моего имени. В виду щекотливости предмета надо действовать осмотрительно», — гласила резолюция Николая на телеграмме Остен-Сакена. На поданном же в тот же день Ламсдорфом проекте телеграммы Вильгельму Николай сделал пометку: «Повторяю, вопрос о посылке телеграммы весьма щекотливый. Я могу получить отрицательный ответ, что, в свою очередь, может осложнить все дело. Проект пока останется у меня».

Правда, помимо учтенного царем психологического фактора, — уязвленности Вильгельма судьбой Бьёркского договора,—отношение Германии к вопросу о русском

---

[1]) Секретная телеграмма Остен-Сакена от 21/III—3/IV 1906 г.

займе определялось еще и заинтересованностью берлинской биржи в падении русских бумаг [1]). Но известно также и то, что парижская биржа в ту пору не сохраняла невинности перед соблазнами японских кредитных операций [2]). Какие же дополнительные факторы, кроме отмеченного выше в донесениях посла, побуждали правительство республики к оказанию «бескорыстной» поддержки своему старому, но сильно одряхлевшему и во многом потерявшему свою привлекательность самодержавному другу?

Когда-то столь поощрявшаяся Бисмарком французская колониальная политика находит, как известно теперь, в начале нового столетия в лице империализма Вильгельма II своего непримиримого систематического врага.

«Мирное проникновение» Франции в пределы Северной Африки, регулируемое соглашением с Англией о Марокко (апрель 1904 г.), наталкивается на упорное противодействие Германии, получающей вкус к марокканским делам и специализирующейся на вопросах охраны сюзеренитета марокканского султана. Появление Вильгельма в Танжере весною 1905 года вызывает у французов ощущения острого возбуждения. «Тревожное настроение, возбужденное во Франции натянутостью отношений с Германией, — доносил Нелидов в июне того же года [3]), — начинает постепенно успокаиваться. На бирже, где страх войны доходил до размеров паники и причинял банкротства и самоубийства, курсы начинают подыматься, и понемногу возвращается доверие...».

И тот же фактор, который первоначально, парализуя жизнерадостность парижской биржи, входил в ряд слагаемых, действовавших во вред интересам русского займа, с течением времени должен был приобрести значение прямо противоположное. Уже тогда, в июне 1905 г., у того же посла под впечатлением марокканских осложнений вырывается такое замечание: «В области внешней политики одно из самых замечательных явлений — это всеобщее признание немного забытого в последнее время важного значения, которое имеет для Франции союз с Россией, и горячее желание, чтобы наше отечество, освобожденное от дальневосточного испытания, как можно скорее снова заняло свое высокое положение в среде европейских держав».

Не будем останавливаться на обстоятельствах, предшествующих созыву Алжезирасской конференции,—обстоятельствах, не получивших еще достаточного документального освещения. Можно считать установленным, что Россия через посредство посещающего Париж и Берлин главноуполномоченного по заключению мира играла активную роль в деле склонения сторон к созыву конференции и к скорейшей подготовке ее. По поводу окончания прелиминарных переговоров, связанных с конференцией, Нелидов писал [4]): «Даже уступчивость, проявленную ею (Германией. *А. П.*) в последнюю минуту, здесь склонны приписать влиянию России, вес которой по освобождении ее Портсмутским миром от дальне-восточных забот стал с новою силой проявляться в европейских делах. Большое значение придают и посещению ст.-секретарем гр. Витте императора Вильгельма...».

---

[1]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. II, стр. 194.
[2]) Донесение Нелидова от 10/23/III 1905 г.
[3]) Донесение Нелидова от 16/29/VI 1905 г.
[4]) Донесение Нелидова от 25/IX—5/X 1905 г.

Широкому плану русского премьера о сближении континентальных держав суждено было, разумеется, остаться субъективным делом его автора. Сообщая об относительной уступчивости, проявленной германской дипломатией, Нелидов вместе с тем о настроениях, господствовавших во Франции, отзывался так: «Однако в здешнем обществе и населении, за весьма немногими исключениями, нет никакого стремления к более тесному сближению, а тем менее еще к союзу, в каком бы виде подобное сочетание ни представлялось. Поддержанию этого расположения в значительной мере способствуют, кроме глубоко вкоренившегося недоверия к германской политике, тесные сношения, установившиеся с Англией, развитие которых представляется несовместимым с германской дружбой».

Открывающаяся в ноябре 1905 г. Алжезирасская конференция затягивается на долгие месяцы. Германия весьма явственно ведет игру на срок, в расчете на то, что чем больше будет запрошено, тем больше удастся выторговать. Франция, видя большинство участников конференции, в том числе и представителя России, на своей стороне, в свою очередь проявляет упорство и несговорчивость. Несомненным во всяком случае представлялось одно то, что французы снова научились ценить русскую дружбу. «Факт тот, — писал Нелидов в конце декабря [1]), — что если нам необходима финансовая помощь Франции, то наша имеет для нее исключительно важное значение в области политической, особенно в деле марокккском. С этой точки зрения здесь всегда проявляют крайнее беспокойство всякий раз, когда замечают признаки укрепления интимной близости между нами и Германией, учреждение же должностей причисленных к свитам обоих монархов генералов вызвало у президента желание иметь возле императора человека, который сумел бы установить с ним бо́льшую близость, чем это обычно делают военные атташе или дипломаты». С своей стороны, Нелидов советует пойти в этом вопросе навстречу желанию президента, дабы укрепить существующие узы дружбы.

Хорошо зная заинтересованность России в скорейшем завершении конференции, французское правительство играет на этих струнах русской дипломатии и старается использовать ее интимную близость к Берлину. Когда, в конце января 1906 г., на конференции обсуждается один из самых жгучих в марокккском деле вопросов,— вопрос об учреждении полиции в портовых городах, которому парижский кабинет придавал особенно крупное значение, — Рувье просит Нелидова [2]) «употребить свое влияние в Берлине для воздействия на тамошний кабинет в смысле более сговорчивого отношения к притязаниям Франции». «Если,— по его словам,— она (Германия. *А. П.*) искренно желает соглашения и намерена сделать Франции обещанные при предварительных переговорах облегчения, то теперь к тому наступила крайняя минута. От решения, имеющего теперь быть принятым в Берлине по этому вопросу, будет зависеть судьба конференции, а с нею или всеобщее успокоение, или продолжение тревожного настроения».

Русская дипломатия не нуждалась в пространных увещаниях, ибо оценивала момент правильно и интересы свои понимала прекрасно. «Неизвестность по этому предмету (вопросу об учреждении полиции. *А. П.*), — читаем в том же донесении Нелидова, — продолжает удручать как общественное настроение, так и расположение

[1]) Частное письмо Нелидова из Ниццы от 28/XII 1905 г.—10/I 1906 г. (перев. с франц.).

[2]) Донесение Нелидова от 26/I—8/II 1906 г.

биржи, где все дела откладываются до окончания конференции. В этом последнем отношении в высокой степени заинтересована и Россия, до крайности нуждающаяся в большом займе, а таковой, по уверениям г. Рувье, подтвержденным мне банкирами, может состояться только в случае счастливого исхода конференции».

О том же собщает и Коковцов, информирующий [1]) Витте о своем пребывании в Париже и повествующий о причинах невозможности заключения займа в данный момент: «Другая (причина. *А. П.*) — не меньшая — опасение столкновения с Германией из-за Марокко. В финансовых и административных кругах опасения гораздо большие, нежели можно судить по газетам. Уверяют, что Германия делает приготовления на границе... Настроение публики беспокойное». «После моего приема у Лубэ, продолжавшегося целый час, — рассказывает дальше Коковцов, — было заседание совета министров, от имени которого Рувье, только что меня принявший, передавал мнение, что только после успокоения России и разрешения мароккского вопроса значительный заем окажется возможным, например, месяца через два».

Упорство германской делегации, не желавшей признать преимущественные права французов в Марокко и заключенные ранее ими с шерифом соглашения (в частности, соглашение с французскими банками о займе), держит парижскую биржу в неопределенности весь январь и половину февраля месяца. В своем донесении от 9/22/II 1906 г. Нелидов говорит о предпринимательском нетерпении французских правящих классов и о готовности кабинета удовлетвориться в самом остром вопросе о полиции какою-либо компромиссною формулой: «Г. Рувье полагает, что общественное мнение пока удовольствовалось бы подобным исходом и, хотя и не считало бы его вполне благоприятным, почерпнуло бы в нем достаточное доверие к прочности мира, чтобы приняться за финансовые предприятия и, таким образом, сделать возможным заключение нами на парижском рынке большого займа».

В предвкушении этих возможностей русская дипломатия старается быть на высоте отведенной ей на конференции роли. «Особенно благоприятное впечатление, — читаем в донесении Нелидова от 22/II—7/III 1906 г.,— произвело заявление Бахерахта, с замечательной ясностью, беспристрастием и знанием дела поставившего вопрос о полиции на надлежащую практическую почву». Не сомневающийся в благоприятном разрешении вопроса, уверенный, что это даст французскому правительству возможность «пуститься в большие предприятия и, между прочим, заняться нашим займом», посол говорит: «завтрашнее заседание должно принести некоторое выяснение настоящего положения вещей. Биржа ждет его с нетерпением, нравственно подготовленная к восприятию крупного русского займа».

В середине марта конференция получает свое благополучное завершение. За хорошее исполнение порученной ей роли царская Россия могла получить обещанное вознаграждение. 3 апреля приезжающим в Париж Коковцовым подписывается контракт на заем, крупнейший из всех внешних займов, какие только знала история.

Отказ берлинского кабинета принять какое бы то ни было участие в предпринятой французами финансовой операции, уклонение от участия в деле идущего за Берлином римского кабинета не могли помешать успеху начатого в Париже дела [2]), поддержанного к тому же Лондоном и Веной. «$2^1/_4$-миллиардный [3]) заем

[1]) Телеграмма Коковцова на имя Витте от 6/I 1906 г.

[2]) Донесение Нелидова от 6/19/IV 1906 г.

[3]) $2^1/_4$ миллиарда франков, что составляло 843.750.000 руб.

выпущен, — торжественно доносил теперь Нелидов [1]), — и многократно покрыт во всех местах подписки, в Париже же слишком 20 раз. Таким образом на предоставленные французскому рынку 1.200.000.000 подписано было 25.000.000.000, а так как краткосрочных обязательств казначейства 1904 г., по которым подписчики имеют право получать полностью подписную сумму, предъявлено было приблизительно на 700.000.000, то к разверстке остается всего 500.000.000, и подписчики получат едва по 0,02 потребованного ими количества новых долговых листов. Такого рода поражающего успеха трудно было ожидать».

Слабые попытки представителей русской либеральной буржуазии сорвать финансовые достижения самодержавия терпят фиаско. «Приезд членов к.-д. партии для воспрепятствования нашему займу,— сообщал Нелидов [2]),— не произвел здесь никакого впечатления. Ни печать, ни общество не обратили на них до сих пор никакого внимания. Они пробрались под видом журналистов к президенту республики, который, узнав, кто они, отправил их записку, врученную ими, к Клемансо, последний передал министру финансов, который оставил ее без последствий, объявив, что дело займа уже устроено и французское министерство имеет дело только с русским правительством». Вместе со своим правительством, чувствуя теперь твердую почву под ногами, посол презрительно третирует к.-д. делегатов, как «самозванных провокаторов», считает их «предприятие отнюдь не опасным» и даже «не заслуживающим с нашей стороны никаких особых мероприятий». «Полная неудача здешних русских выходцев, — возвращается Нелидов к той же теме в другом своем донесении [3]), — пытавшихся по указаниям их петербургских сообщников помешать займу, доказала истинное расположение к нам парижского населения и должна была разрушить надежды, возлагавшиеся в среде русских революционеров на поддержку республиканской Франции и ее правительства».

Заканчивая на этом наш беглый обзор посольской литературы, посвященный вопросу о займе, нельзя пройти мимо заключительных строк последнего, в одной своей части нами цитированного, донесения. Всесторонне выясняя значение совершенного займа, бывший апологет дома Ротшильдов, недавний сторонник «освободительных требований» и отмены «ограничений по отношению к евреям», Нелидов сопровождал свое заключение небольшим, но характерным замечанием: «Наконец... представляется весьма важным, что впервые денежная операция в столь широких размерах могла быть осуществлена без содействия и даже вне всякого участия Ротшильдов и других больших еврейских домов... Для нас подобное положение вещей, при затруднительности разрешения еврейского вопроса, представляется весьма выгодным как косвенное последствие только что состоявшегося займа».

Царский дипломат снова угадывал виды своего господина. Он верно попадал в тон своему правительству, которое, укрепив себя дружескими республиканскими миллионами, отбросило робкие признания весенней поры и заговорило со страной суровым языком карательных экспедиций и полевых судов.

А. Попов.

---

[1]) Депеша Нелидова от 16/29/IV 1906 г.

[2]) Донесение Нелидова от 7/20/IV 1906 г.

[3]) Донесение его же от 16/29/IV 1906 г.

ными арендными платежами. Представляется повидимому предпочтительнымъ для помѣщиковъ поступиться частью земель, какъ это было сдѣлано въ 1861 году и обезпечить за собою владѣніе остальною частью, нежели лишиться всего, можетъ быть на условіяхъ гораздо болѣе невыгодныхъ или испытать на себѣ тяжесть введенія прогрессивнаго подоходнаго налога, при которомъ существованіе крупной земельной собственности немыслимо.

Въ виду проявившагося такимъ образомъ въ Совѣтѣ разногласія признано было болѣе правильнымъ отложить окончательное обсужденіе этого дѣла, образовавъ теперь же Особое Совѣщаніе изъ представителей вѣдомствъ для разсмотрѣнія изготовленнаго проекта и представленія вѣдом-

Частная собственность должна оставаться неприкосновенной. 11 ноября 1906 г. Фрейсъ. 660.

Когда артиллерія стала на позиціи, изъ города прибылъ верхомъ на конѣ латышъ съ бѣлымъ флагомъ и подалъ генералу записку съ просьбою увести войска изъ города и обѣщаніемъ полнаго порядка въ городѣ, выдачи оружія и зачинщиковъ. Вслѣдъ затѣмъ явились делегаты съ просьбою не стрѣлять и не жечь города. Они заявили, что многіе злоумышленники разбѣжались ночью, что въ городѣ остались только мирные жители, которые просятъ о пощадѣ, и что все имѣющееся въ городѣ оружіе будетъ представлено. Въ виду этой просьбы и недостатка снарядовъ /гранатъ совсѣмъ не было/ генералъ Хорунженковъ прекратилъ дѣйствія противъ города и вступилъ съ отрядомъ въ Туккумъ.

Жители на колѣняхъ съ хлѣбомъ-солью и образами, священникъ съ крестомъ въ рукахъ-встрѣтили отрядъ и заявились, что сдадутъ все оружіе, какъ революціонеровъ, такъ и отобранное отъ драгунъ. Генералъ хлѣбъ-соли не принялъ, а послѣ молебствія на площади взялъ трупы убитыхъ подполковника Миллера и драгунъ и

Собственною Его Величества рукою написано: „Это не причина. Надо было разгромить городъ."

Это не причина. Надо было разгромить городъ

Генералъ-Лейтенантъ [illegible]

Резолюции Николая II

(К стр. 439 — 440)

Из записной книжки архивиста.

Николай II в 1905 году.

(По рескриптам, резолюциям и телеграммам).

Доступ к тайным документам эпохи романовского владычества дал нам полную возможность из первоисточников бросить луч света на личность последнего самодержца России. В опубликованных уже дневниках его и в переписке Николай II весь налицо, во всем его «величии» тупого, ограниченного и мелочного деспота. Таким же он глядит на нас из многочисленных, «собственной его величества рукой начертанных» рескриптов и резолюций, послуживших откликом царя на различные события революционного, 1905, года. Кое-что из этих резолюций и рескриптов мы и приводим здесь.

1905 год, как известно, начавшись «кровавым воскресеньем» (9 января), отличался высоким взлетом рабочего стачечного движения, переходившего в вооруженные восстания, и закончился кровавыми карательными экспедициями. События развертывались одно за другим, поражения на фронте сплетались с осложнениями внутри страны, — и «глава государства» вынужден был давать своим верным слугам ответственный совет и распоряжение. Как тяжело было этой, непривыкшей к работе над сложными политическими вопросами, голове понять, что творится вокруг! Посмотрите, сколько поистине прутковского глубокомыслия проявляла коронованная голова.

28 марта 1905 года царю была доложена телеграмма такого содержания: «Москва. Последнее заседание педагогического общества закончилось сбором денег из рук в руки, в публике передавались фуражки и ридикюли с надписями: «на пропаганду среди рабочих», «на вооружение», «в пользу комитета революционной партии». Комиссия педагогического общества, составляющая проект государственного учреждения, заявила на заседании, что проект будет в демократическом духе, о чем будут доклады и чтения... Заседания педагогического общества имеют ребяческий характер». Николай II подчеркнул синим карандашом последние три слова: «имеют ребяческий характер», поставил три вопросительных знака и положил свою резолюцию: «Очень пора прекратить подобные безобразия».

Но «безобразия», видимо, не подчинялись царским резолюциям, и 22 мая царю опять сообщают тревожные вести из Москвы. «160 гласных вносят 24 мая в думу заявление о ходатайстве перед правительством, чтобы до решения вопроса о продолжении войны, был выслушан голос народа Сегодня в частном заседании губернских и уездных земских гласных решено вследствие последних военных событий созвать на 24-е мая земских деятелей разных губерний, без различия партий, на совещание при участии съехавшихся по приглашению Шипова 150 земцев. Городской голова разослал по телеграфу приглашение всем городским головам съехаться в Москву 24 мая на совещание

совместно с земскими деятелями для определения положения, какое следует занять в виду военных событий». Царь с уверенностью начертал: «Надеюсь, что съезд не будет допущен. Теперь довольно наболтались они».

Нас не интересует здесь, оправдались ли надежды царя, — допущен или нет был этот съезд и без того, по мнению миропомазанника, наболтавшихся либералов. Но в самом начале июля либеральные земцы опять зашевелились, опять решили собраться и «поболтать». Московский генерал-губернатор Козлов прислал на имя министра внутренних дел письмо о желательности допущения в Москве съезда земских и городских деятелей. Но Трепов, докладывая об этом царю, изложил свое мнение в таком виде: «Казалось бы, что съезд, воспрещенный не только в Москве, но и во всей империи, разрешать не следует, а если соберется вопреки запрещению, то, не разгоняя оный силою, ограничиться перепиской участников, с предложением разойтись, а буде предложение не будет исполнено, привлечь виновных к судебной ответственности». «Совершенно согласен с вашим мнением», начертал на докладе Трепова Николай. Но тут случилось нечто неожиданное. О таком мнении царя «по Трепову» было немедленно телеграфом сообщено ген. Козлову, который просил оставить его ходатайство без рассмотрения, так как выяснилось, что собираться предполагали «неблагонадежные элементы».

Тем не менее, — докладывает Трепов царю 7 июля 1905 г., — 5 июля в Москве, в квартире председателя губ. зем. управы Головина состоялось собрание организационного земского бюро, а 6 июля, в квартире кн. Павла Долгорукова, открылся съезд земских и городских деятелей для рассмотрения вопросов о выработанном гофмейстером Булыгиным проекте о народном представительстве, об отношении общественных деятелей к ожидаемому закону о народном представительстве и о приобщении широких масс населения к работам по политическим вопросам, а равно для выслушания доклада организационного бюро о разработке избирательной системы на местах и заявления съезду земских деятелей от союза еврейской интеллигенции г. Москвы. На квартиру Долгорукова был командирован и. д. полицеймейстера I отд. гор. Москвы подполковник Носков, который объявил собрание, состоявшее из 224 человек закрытым, но кн. Долгоруков и граф Гейден заявили, что, не препятствуя подполковнику Носкову исполнить возложенное на него поручение, собрание все-таки не разойдется и будет продолжаться. Носков закончил составление протокола и списка участников к 6 ч. утра. К тому времени участники, закончив заседание, удалились. В 8½ ч. вечера собрание снова было открыто. Трепов по телефону дал распоряжение Козлову, чтобы тот послал в помещение съезда отряд, но Козлов находил это после составления протокола неудобным.

Прочитав этот доклад, Николай II с горечью начертал в высокой степени лирико-патетические слова: «Где мои верноподданные слуги?»

Да, верноподданные слуги колебались вместе с троном. Больше того, — лезли не в свои дела, нарушая верность присяге. Севастопольская городская дума отозвалась на происшедший в городе мятеж принятием от мятежников петиции. Получив об этом сообщение, Николай II собственноручно набросал карандашом следующую резолюцию: «Удивлен вмешательством севастопольской городской думы не в свое дело. Приведение восставших к покорности возложено на военную власть. О принятии каких-то требований, предъявляемых мятежниками, речи быть не может. Одно это уже возмущает душу не только военного, но и всякого русского человека. С ними будет поступлено, как с

клятвопреступниками и изменниками. *Н.*».

Еще в марте 1905 г. гофмейстер Булыгин сделал царю подробный доклад о событиях в Баку. Из доклада Булыгина было видно, что в Баку начались обычные в то время беспорядки, которые перешли в кровавые события, в резню на почве национальной распри. Туда был командирован помощник начальника штаба отдельного корпуса жандармов ген.-майор барон Медем. Тот в своем сообщении об этом нарисовал довольно яркую картину ожесточенной борьбы между мусульманами и армянами. При этом было указано, что «с возникновением беспорядка все низшие полицейские чины скрылись, войска отсутствовали и губернатору одному, верхом с несколькими конными стражниками, приходилось переезжать с одного места на другое». В заключение барон Медем констатировал, что обострению и разгару кровавых событий «много способствовала слабость наружного и внутреннего полицейско-административного надзора». Повидимому, сообщение это произвело на Николая удручающее впечатление, и он положил следующую резолюцию: «Весьма неприглядная картина беспомощности власти».

Трудно сказать, какое впечатление произвело на царя ниже приводимое сообщение о ввозе оружия в Финляндию, зато по резолюции, чрезвычайно краткой и выразительной, можно полагать, что в «мироцомазанной» голове некоторые факты преломлялись каким-то странным, неожиданным способом. 2 сентября 1905 г. Трепов доложил царю о наблюдающемся контрабандном ввозе оружия из-за границы в Финляндию. 25 августа водолаз Юнтунен обнаружил на отмели острова Лилла клад в 93 ящика, в которых оказалось 659 винтовок с подствольным магазином системы «Wetterlin», швейцарской выделки, калибр 10 м.м., 658 четырехгранных штыков и 120.000 боевых патронов. На другой день заметили шедший к Финляндии большой пароход, который в 22 километрах от Якобштадта сел на грунт. На пароходе оказалось 20 чел. вооруженных, говоривших по-английски. В 4 ч. произошло 3 взрыва, и крайние части парохода пошли ко дну. На уцелевшей части было найдено 36 винтовок, 3 ящика с шестизарядными револьверами. Кроме того еще нашли в воде 1300 винтовок. 28 августа было найдено на острове Кальтер в ельнике 700 винтовок, ящики с револьверами, патронами и взрывчатыми веществами, а также брошюра «Речь анархиста перед судом присяжных в Париже» и 68-й № «Рев. России». Николай II мог начертать на этом докладе только одно: «Поучительно».

В чем именно, — в нелегальных ли брошюрах, или в провозе оружия в Финляндию, — и что поучительного нашел для себя царь в этом сообщении, трудно заключить.

На сообщения и доклады о все разраставшемся революционном движении крестьян и рабочих царь реагировал все более и более определенно и решительно. 6 августа Трепов сделал царю обширный доклад о крестьянских волнениях в Саратовской губернии, выразившихся в самовольных покосах и потраве помещичьих лугов, в поджогах, нападениях на полицию, в захвате земель. Одновременно с этим происходили стачки сельскохозяйственных рабочих. Забастовали в Балашовском уезде врачи. Волнения были подавлены войсками. Излагая события, Трепов между прочим сообщил: «К утру 22 июля усилиями войск и полиции порядок в Балашове был водворен. К сожалению, несколько казаков, экспортировавших врачей на вокзал железной дороги, раздраженные беспорядками и угрожающим жестом одного из сопровождаемых ими, нанесли им несколько ударов нагайками».

Это, видимо, очень понравилось царю, — он резкой синей линией подчеркнул неосторожное треповское «к сожалению», поставив на полях саркастический знак вопроса и под ним написал: «Очень хорошо сделали». Частые сообщения о волнениях выводили царя из себя, и по только что изложенному докладу Трепова он написал: «Революцио-

ные проявления дольше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы».

После октябрьских уступок царь делается злее и мстительнее, по мере того как реакция собирается с силою и наносит революционному движению один удар за другим. 5 ноября 1905 года граф Витте доложил Николаю о том, что во Владивостоке казаками, стрелявшими по «бушевавшей толпе», было убито девять человек, что подстрекатели подожгли склады угля, разграбили несколько офицерских квартир. Выяснилось якобы, что подстрекателей 162 человека, что все они анархисты и перебрались для такой же агитации на восточно-китайскую железную дорогу. Царь не мог этого вынести: «Неужели, — пишет он на докладе, — этим 162 анархистам дадут возможность развращать армию? Их следовало бы всех повесить». Несколько более снисходительно он отнесся к «подстрекателям» на ст. Елец Ряз.-Урал. ж. д. Оттуда была прислана 15 ноября от имени мастеровых и служащих телеграмма с выражением верноподданнических чувств, при чем был, как водилось, сделан доносительский кивок в сторону инженеров, якобы подстрекавших авторов телеграммы, «рабочих и служащих», к забастовке и присоединению к социал-революционной партии. Николай подчеркнул эти слова и против них на полях написал: «Этих мерзавцев нужно уволить», — а составителей благодарил «за их стойкость и преданность».

К событиям конца 1905 года, развернувшимся в восстания на окраинах и в центре, Николай II относится весьма внимательно и личными распоряжениями вмешивается в ход карательных экспедиций. В ноябре Витте доложил царю о ходе забастовки почтово-телеграфных служащих в Москве: «Забастовка почт и телеграфов не успокаивается. Центр ее, как вообще центр революционного движения, находится в Москве. Сегодня утром на московскую телеграфную станцию явилась часть телеграфистов на работу; действие с Петербургом открылось по четырем проводам, а затем прекратилось. Оказывается, что на станцию явились забастовщики, опрокинули караул и выгнали работавших. Когда дали знать градоначальнику, он ответил: большой караул дать не могу, покуда не вернутся войска из Манчжурии.

В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора. Мне совершенно неизвестен тамошний командующий войсками — можно ли положиться на его энергию и предусмотрительность?»

«Меня удивляет, — пишет Николай — странный ответ градоначальника. Сегодня я назначил ген. Пантелеева генерал-адъютантом с поручением отправиться в командировку вместо Дубасова. Последнему следовало бы не медля приехать в Москву, где он встретится с Пантелеевым, которому и передаст нужные для того сведения.

Старик Малахов достойный и твердый генерал. *Н.*»

Во время восстания черноморского флота Николай II шлет командиру флота вице-адмиралу Чухнину 12 ноября в 12 ч. ночи такой вразумительный приказ: «Помощь будет прислана. Не теряйте бодрости духа. Употребите все меры, чтобы вразумить мятежников, напомнив им от моего имени, что, восставая против власти, они нарушают долг присяги и позорят честь России. Объявите им, что если они не образумятся немедленно, то я с ними поступлю, как с клятвопреступниками и изменниками. *Николай.*»

Вот еще две-три телеграммы — распоряжения самого царя о подавлении беспорядков:

I (без числа). «Генерал-губернатору. Рига. Гнусное нападение на драгун в Риге обязывало вас вместо переговоров с бунтовщиками проявить полную энергию в действиях с применением к мятежникам и их единомышленникам самой решительной репрессии на м е с т е [1]) совершения злодейского преступления. *Николай.*»

II. 19 декабря 1905 г. «Генерал-губернатору Соллогубу. Рига. Подавите беспорядки в Феллинском и Перновском уездах. Вообще желательно проявление отдельными отрядами большей инициативы, деятельности и самостоятельности. *Николай*».

А когда Витте 30 декабря 1905 г. доложил царю об успешных действиях Соллогуба и решительных выступлениях моряков при подавлении восстания, — Николаю особенно понравилось то, что «капитан Рихтер не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов». Против этого сообщения при докладе монаршая рука начертала: «М о л о д е ц!».

Подавление Московского восстания в конце 1905 г. и кровавую расправу с задержанными Николай санкционировал собственноручно: «Д е й с т в у й т е п о с о в е с т и н а о с н о в а н и и з а к о н а. *Николай.*» телеграфировал он московскому генерал-губернатору. Вместе с тем он торопился отозвать скорее в Петербург посланный в Москву на усмирение Семеновский полк, на верность которого царь имел еще основание рассчитывать. Он шлет запрос: «Москва. Генерал-губернатору: К о г д а в ы д у м а е т е о т п у с т и т ь С е м е н о в с к и й п о л к? П р о ш у е г о н е з а д е р ж и в а т ь в М о с к в е [2]). Сумма в сто тысяч рублей отпущена в ваше распоряжение для раздачи исключительно местному населению, пострадавшему при подавлении мятежа. Сообщите мне точные сведения о потерях в войсках и полиции. *Николай.*». Такое же активное вмешательство проявляет Николай II во время событий на Кавказе. Вот несколько характерных телеграмм.

I. «Елисаветполь. Наместнику его величества. Надеюсь, что сделанные вами распоряжения ускорят умиротворение враждующего между собою разноплеменного населения Баку. Необходимы самые решительные меры для предотвращения мятежного движения и беспорядков. Искренно благодарю войска за их усердную службу. *Николай.*»

II. «Наместнику. Тифлис (шифром). Министр юстиции доложил мне телеграмму из Тифлиса о том, что вами была разрешена выдача пятисот винтовок революционерам, занявшим вместо полиции охрану города, следствием чего была схватка между армянами и татарами. Отказываюсь верить этому невероятному известию. *Николай.*»

III. «28 декабря 1905 года, в 5 часов пополудни. Тифлис. Наместнику графу Воронцову-Дашкову. С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе. Знаю, как трудна ваша задача и как тяжело вам в ваши годы оружием расчищать путь к умиротворению враждующих народностей, к внутреннему устроению края и упрочению государственной связи его с империею. Но я верю вам и полагаюсь на вашу служебную опытность и личные качества и уверен, что господь благословит ваш труд и гражданский подвиг. Поэтому не могу согласиться на вашу просьбу, выраженную вами в письме, о замене вас другим лицом. Ради любви вашей к России и блага Кавказа и ради преданности вашей мне прошу вас, граф, остаться и продолжать работать на вашем ответственном боевом посту. Я помогу вам назначением вам более молодых, крепких и предприимчивых сотрудников по вашему выбору. Если состояние вашего здоровья требует в настоящее время лечения и отдыха для восстановления сил и бодрости духа, разрешаю вам воспользоваться отпуском, как только вы сочтете возможным возложить временное исполнение ваших обязанностей на

---

[1]) Подчеркнуто самим царем.
[2]) Подчеркнутое шифром.

вашего помощника по военной части. Желаю вам успеха и здоровья. *Николай.*»

Для характеристики взглядов Николая II на отдельные вопросы общественной жизни и государственного управления особенно показательны его замечания, сделанные на полях всеподданнейшего доклада гр. Витте от 11 января 1906 года о ходе занятий совета министров по выработке мер для прекращения аграрных беспорядков. В довольно пространном докладе гр. Витте сообщает об ослаблении революционного движения, о мерах, принимаемых властями для укрепления порядка, о дислокации войск для внутренней охраны, о предполагаемых правительственных мероприятиях по аграрному вопросу и т. п. И по каждому пункту, на который обращалось монаршее внимание, делались короткие и вразумительные замечания. Так, когда граф Витте сообщает: «Проявления революции в городах, точно так же, как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут», — царь с облегчением против этого на полях пишет: «Дай бог».

Далее Витте сообщает, что и «м. в. д. прилагает всемерные усилия к тому, чтобы сформирование полицейских команд производилось с полною успешностью». Николай предлагает: «Следует формировать конно-полицейские команды».

«Владельцам имений предоставлено, — говорится в докладе, — образовывать под наблюдением властей охрану имений. Дело это,—жалуется граф, — подвигается, к сожалению, довольно вяло, так-как частные лица не охотно жертвуют на это средства. Кроме того, значительные затруднения встречаются в снабжении полицейской стражи оружием. Вследствие этого я вошел в сношение с м. в. д. о том, чтобы захватываемое у революционеров оружие не было передаваемо военному ведомству, а поступало в распоряжение губернаторов для передачи такового, в случае надобности, лицам, учреждающим команды стражников». «Едва ли удобно, — замечает Николай второй, — военное ведомство этому делу должно помочь.»

По поводу сообщения о предполагаемой дислокации войск с целью усиления внутренней охраны Николай пишет: «Обеспечить войсками городские поселения и железнодорожные узлы.»

Особенно характерны замечания Николая по поводу проектов разрешения аграрного вопроса. Граф Витте сообщает о том, что Кутлером разрабатывается проект разрешения аграрного вопроса. Проект этот «основан на мысли об обязательном в известной мере, за вознаграждение, отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель, при чем земли, лежащие впусте, кроме лесов, а также земли, обычно сдаваемые владельцем в аренду, отчуждаются без всяких ограничений». «Не одобряю» — пишет Николай.

Излагая далее соображения по поводу новой аграрной программы правительства, Витте говорит: «Представляется, повидимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собою владение остальной частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных,—или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо.» На эти соображения о неизбежности распроститься «с частью земель» Николай мог возразить только одним, но весьма твердо высказанным пожеланием: «Частная собственность должна (подчеркнуто самим царем) остаться неприкосновенной.».

Не менее глубокомысленно и важно царь высказался еще по одному, для того времени крайне современному и важному, государственному вопросу — еврейскому. В Гомеле 13 и 14 января 1906 г. происходил еврейский погром. Для расследования об-

стоятельств этого погрома был командирован на место министром внутр. дел член совета министров Савич. 6 февраля последний представил отчет, из которого было видно, что «беспорядки» выразились: 1) в поджоге шайкой от 10 до 15 вооруженных людей 13 отдельных еврейских домов и нескольких лавок и магазинов, 2) в разграблении еврейского имущества, 3) в стрельбе и бросании взрывчатых снарядов по войскам, полиции, пожарной команде, 4) в убийстве евреев. По мнению Савича, виноваты во всем были, конечно, сами евреи, которые своей нетерпимостью вызвали появление «союза русских патриотов». Этот союз организовал погром, вооружал своих погромщиков, имел тайную типографию. Типографией и оружием союз был снабжен местным ротмистром графом Подгоричани, который состоял в этом союзе русских патриотов. Во время беспорядков Подгоричани «бездействовал». Совет министров признал необходимым произвести дознание о действиях в Гомеле графа Подгоричани, на что испрашивалось монаршее соизволение. Монарху же благоугодно было собственноручно начертать: «Какое мне до этого дело?».

В самом деле, — какое было дело царю до того, что творили его верные слуги и наймиты в каком-то там Гомеле? К чему было беспокоить его величество такими мелочами, как поджоги, ограбление и физическое уничтожение евреев? Тем более что, по мнению защитников порядка, сами евреи были виноваты в том, что их резали черносотенцы. После того, что было пережито в декабре — январе 1905—1906 г.г., Гомель с еврейским погромом в глазах кровавого царя — ничто. Если он не останавливался перед предложением своим генералам уничтожать население и города восставших мест и одобрял действия начальников карательных экспедиций, прибегавших для усмирения не только к поркам и расстрелам, но и к вырезыванию языков, ушей, носов, к выкалыванию глаз и пр., — что ему Гомель? Ведь он не находил возможным требовать от своих генералов, подавлявших восстания, громить города. Вот, для заключения настоящей заметки, один пример. В декабре 1905 года карательные экспедиции жесточайшими мерами подавляли восстание в Прибалтийском крае. 14 декабря временный курляндский генерал-губернатор ген.-лейт. Бекман в рапорте на имя царя за № 1488 излагает подробности действий своих войск и поведение восставших. Сообщая о восстании в Туккуме и упорстве восставших, Бекман замечает: «Когда артиллерия стала на позиции, из города прибыл верхом на коне латыш с белым флагом и подал генералу записку с просьбой увести войска из города и обещанием полного порядка в городе, выдачи оружия и зачинщиков. Вслед затем явились делегаты с просьбой не стрелять и не жечь города. Они заявили, что многие злоумышленники разбежались ночью, что в городе остались только мирные жители, которые просят о пощаде, и что все имеющееся в городе оружие будет представлено. В виду этой просьбы и недоставка снарядов (гранат совсем не было) генерал Хоруженков прекратил действия против города и вступил с отрядом в Туккум. (Подчеркнуто нами. М. К.).

Жители на коленях с хлебом-солью и образами, священник с крестом в руках — встретили отряд и клялись, что сдадут все оружие как революционеров, так и отобранное от драгун. Генерал хлеба-соли не принял, а после молебствия на площади взял трупы убитых подполковника Миллера и драгун и возвратился на станцию Туккум II. Через час была привезена часть оружия — ружья, револьверы и пушка, затем сданы еще 62 ружья и 45 револьверов. Общее количество выданного оружия еще не установлено».

Царь, видимо, так упивался «победой», что был расдосадован сговорчивостью ген. Хоруженкова, прекратившего действия против города, — и против сообщения об этом (подчеркнуто выше) написал: «Это не причина. Надо было разгромить город.».

М. Константинов.

Письма Николая II к Дубасову.

Публикуемые два письма Николая II к Дубасову относятся — одно к декабрьскому восстанию 1905 года, другое — к годовщине этого восстания, ко второму покушению на усмирителя московского восстания генерал-адъютанта Дубасова.

Письма Николая характерны как примитивно выраженное настроение правящих кругов, ставших решительно на путь подавления революции. Треповско-Столыпинская рука водила пером Николая, когда он писал эти два письма.

Выбор Николаем Семеновского полка и Дубасова в качестве усмирителя оказался «удачным». Дубасов уже показал себя в роли руководителя карательных экспедиций, а вся его прошлая деятельность говорила за него, как твердого и крутого военного служаку. [1])

Биография Дубасова такова. Он родился в 1845 году. Окончил морское училище, совершил кругосветное плавание, служил в гвардейском экипаже. Отличился в русско-турецкой войне. Был флаг-капитаном фрегата, на котором Николай совершил свое знаменитое путешествие по Дальнему Востоку. Был начальником дальневосточной эскадры. В 1898 году им было произведено занятие Квантунского полуострова, Порт-Артура и Дальнего. Лично был против занятия Порт-Артура, как невыгодного с его точки зрения стратегического пункта. Указывал все время на возможность войны с Японией и настойчиво советовал к ней готовиться. Не попав в тон петербургским сферам, ушел с Дальнего Востока. С 1901 года был председателем морского технического комитета.

В 1904 году был членом международной следственной комиссии по разбору гулльского инцидента.

В 1905 году в качестве генерал-адъютанта был командирован в Черниговскую, Курскую и Полтавскую губернии для подавления аграрных беспорядков. В ноябре 1905 года был назначен московским генерал-губернатором.

После подавления московского восстания был одним из наиболее ненавидимых столпов самодержавия. Покушение на него было решено центральным комитетом партии с.-р. и приурочивалось ко времени открытия 1-й государственной думы.

Первое покушение на Дубасова было совершено в апреле 1906 года. Покушение руководилось Савинковым, а в последнюю минуту приехал в Москву и Азеф. Дубасов по какой-то причине меняет маршрут своей поездки, и Борис Вноровский-Мищенко убивает бомбой адъютанта Дубасова и себя. Сам Дубасов был легко ранен.

После этого Дубасов уезжает за границу для лечения, назначается в государственный совет и производится в адмиралы [1]) (умер он в 1912 году) [2]).

Второе покушение производится в годовщину дек брьского восстания и в день казни известного максималиста М. Соколова («Медведя»). Произведено оно было в Таврическом саду двумя рабочими. членами, как они сами себя называли, «боевой летучей дружины партии с.-р. Северной области», но фамилий не назвали. Выпущено было три пули, но Дубасов был только легко ранен. Покушавшиеся — рабочие Петр Алексеевич Воробьев, мещанин посада Сергиево, Московской губернии, участвовавший в покушении в сентябре на ограбление казначея штаба отдельного корпуса жандармов, другой, упо-

[1]) Ср. оценку Витте. «Воспоминания» (изд. Госиздата), т. II, стр. 327—328.

[1]) В 1906 г. он намечался в морские министры, но отказался. В той же пачке, к которой принадлежат оба публикуемые письма, есть еще третье (и последнее), с просьбой Николая приехать к нему для переговоров о морском министерстве. По всей видимости, об этих переговорах и сообщает Витте в своих «Воспоминаниях» (т. II, стр. 325—327).

[2]) См. о нем некролог в «Новом Времени» за 1912 года, № 13.028 и в Военной энциклопедии, т. X.

минаемый как Вас. Вас. Березин. На деле вовсе это был не Березин (как о Березине пишут Савинков и Спиридович). В августе месяце на квартире Воробьева, действительно, вместе с ним проживал крестьянин Новгородской губернии и уезда Березин (Золин), уехавший в сентябре в Новгород. После покушения на Дубасова дворник дома ошибочно признал в соучастнике Воробьева Березина. После совершения казни над покушавшимися настоящий Березин (Золин) был арестован в Новгороде, но затем выпущен. Возможно, что неизвестный был приехавший вместе с Воробьевым из Москвы, прописавшийся (а может, это и была его настоящая фамилия) как Петр Трещепецкий.

Упоминаемый в письме Николая II Штакельберг — барон фон Штакельберг, Георгий Карлович, командир сибирского армейского корпуса, сперва 2-го, затем 1-го [1]).

---

[1]) Для характеристики настроения, создавшегося после этого покушения, приводим следующее письмо к Макарову. Был ли дан ход этому, письму, неизвестно. На письме есть только резолюция Макарова:

«Директору департамента полиции 30/XII—1906 г.» и департаментская пометка: «к д[елу] покушения на генерала Дубасова».

«Многоуважаемый Александр Александрович.

Ректор харьковского университета Багалей, б. член государственного совета (от кадет), ныне из партии вышел, ни в каких ее организациях, комитетах и собраниях не участвует. Между тем, по получении в Харькове известия о покушении на Дубасова, в местном органе союза русских людей, как достоверно передано Багалею, постановлено, в виде ответа на означенное покушение, совершить такое же покушение на Багалея.

Не признаете ли нужным сообщить об этом губернатору и предложить ему принять меры к ограждению Багалея от грозящих ему опасностей.

Искренно преданный» (подпись неразборчива).

30/XII.

Письмо 1-е [1]).

Посылаю в полное ваше распоряжение генерал-лейтенанта барона Штакельберга. Надеюсь, что Семеновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию вместе с славными гренадерскими полками.

Благодарю вас сердечно за все.

Бог вам в помощь.

Николай.

Письмо 2-е [2]).

Царское Село.
4 декабря 1906 г.

Федор Васильевич.

Примите мое горячее поздравление со счастливым избавлением вашим, во второй раз, от смертельной опасности.

Не могу выразить, насколько я был потрясен и возмущен, когда узнал о новом злодейском покушении на вас.

Вы обратились ко мне с просьбою о милости для покушавшихся на вашу жизнь. Мне понятно нравственное побуждение, руководившее вами, — это был порыв благородной души.

Но я не могу разделить вашей точки зрения по данному случаю.

Вы мой генерал-адъютант и бывший московский генерал-губернатор. Ваше имя давно известно во всей России; оно связано теперь с ореолом быстрого подавления мятежа в Москве. Именно

---

[1]) Написано на одной странице плотной бумаги, малого почтового формата, в верхнем левом углу круглая печать: «Архив мор. мин.». Конверт с личной печатью Николая. Письмо без даты. На конверте неизвестной рукой написан адрес: «Генерал-адъютанту Дубасову». Карандашом помечено: «получено 15 дек. 1905 г.

[2]) Написано на трех страницах плотной, малого почтового формата, бумаги, в левом верхнем углу первой страницы круглая печать: «Архив мор. мин.». Конверт с личной печатью Николая.

На конверте рукою Николая написано «Генерал-адъютанту Дубасову».

поэтому вы сделались жертвою и второго покушения.

Полевой суд действует помимо вас и помимо меня, пусть он действует по всей строгости закона.

С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может.

Вы меня знаете, я незлобив; пишу вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжко, но верно, что, к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови — и уже предотвратила!

Желаю вам здоровья и полного душевного спокойствия. Благодарю вас за все, вами для России и меня сделанное.

Николай.

Сообщил *И. Татаров.*

К убийству Н. Э. Баумана.

До сих пор оставалось неясным, что стало с Михалиным, убившим Н. Э. Баумана, освобожденного в октябрьские дни 1905 года революционными рабочими из Таганской тюрьмы. Теперь, просматривая дело бывшего царского министра юстиции Щегловитова, привлеченного к суду в 1917 году Временным Правительством, мы натолкнулись на протокол осмотра следователя А. А. Барцала книг всеподданнейших докладов. Книга, как значится в протоколе, в переплете зеленого цвета, большого формата, на корешке которой значится: «Всеподданнейшие доклады министра юстиции, 1907 г., т. III, сентябрь—декабрь. Дела уголовные». Книга содержит 166 докладов Щегловитова, из них 155 докладов повлекли за собою полное помилование. В число помилованных вошел Михалин, присужденный московским окружным судом к тюремному заключению только на один год и шесть месяцев.

Мы приводим полностью любопытный доклад Щегловитова, в котором он испрашивал помилование преступнику.

«По высочайшему вашего императорского величества повелению, главноуправляющий канцелярией по принятию прошений препроводил мне для доклада вашему величеству всеподданнейшую просьбу лишенного всех особенных прав и преимуществ Николая Михалина о помиловании, вместе с отзывом московского генерал-губернатора, в коем генерал лейтенант Гершельман, свидетельствуя о безупречном прошлом Михалина, просит об удовлетворении, в путях монаршего милосердия, приведенного выше его ходатайства.

Независимо от сего, о том же ходатайствует во всеподданнейшем прошении сожительница названного Михалина, мещанка г. Можайска, Елена Тихомирова.

Во исполнение такой монаршей воли, приемлю долг всеподданнейше доложить, что обстоятельства настоящего дела заключаются в нижеследующем:

18 октября 1905 года в г. Москве, во время происходивших в те дни противоправительственных демонстраций, на Немецкой улице во главе толпы, шедшей с красными флагами в руках, появился ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман. Выхватив из рук одного из участников шествия красный флаг, Бауман сел в извозчичью пролетку и, держа означенный флаг в руках, быстро поехал по направлению к Покровке. В это время стоявший на тротуаре, среди публики, Михалин подбежал к пролетке и замахнулся бывшей у него в руках железной палкой на Баумана, но последний успел соскочить с пролетки и бросился бежать. Тогда Михалин погнался за убегавшим и, настигнув его посреди улицы, нанес Бауману той же палкою удар по голове, а когда тот упал на мостовую, еще несколько раз ударил его палкою по голове, раздробив потерпевшему череп, от каковых повреждений Бауман в тот же день скончался.

Вслед за этим Михалин добровольно явился во второй полицейский участок Басманной части и чистосердечно сознался в учиненном им преступном деянии, объяснив, что, возмущенный

действиями революционных партий, он убил Баумана, видя в нем врага правительства.

Преданный суду московского окружного суда за убийство в состоянии раздражения, крестьянин Тамбовской губернии, Козловского уезда, Спасско-Ляпинской волости, села Троицко-Ивановского Николай Федотов Михалин, 29 лет, приговором названного окружного суда 13 марта 1907 года, постановленным по совокупности с приговором московского столичного съезда мировых судей от 28 июня 1906 года [1]), присужден был к лишению всех особенных прав и преимуществ и отдаче в исправительное арестантское отделение на один год и шесть месяцев, с последствиями по ст. 58[1] и 58[2] улож. о наказ.

Принесенная названным осужденным на означенный приговор кассационная жалоба определением правительствующего сената 5 мая сего года оставлена была без последствий.

Михалин содержится по настоящему делу под стражею с 23 марта 1907 года, а с 5 мая сего года отбывает определенное ему наказание.

По соображении изложенного я нахожу, что Михалин впал в описанное преступление в эпоху революционного движения, когда под влиянием массовых демонстративных действий противоправительственных партий, безмерно оскорблявших патриотические чувства верных сынов отечества, раздражение последних против виновников смуты достигло крайнего напряжения и выразилось, наконец, в актах насилия над крамольниками. Посему и во внимание к представительству за осужденного генерал-лейтенанта Гершельмана, а также в виду чистосердечного сознания осужденного, добровольно отдавшегося в руки правосудия, и понесенного уже им наказания содержанием в течение около 6 месяцев под стражею, которым он в достаточной мере искупил свою вину не только за убийство Баумана, но и за учиненную им после этого маловажную кражу, я, с своей стороны, полагал бы возможным даровать лишенному всех особенных прав и преимуществ Николаю Федотову Михалину помилование.

На приведение сего предположения в исполнение всеподданнейше испрашиваю всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения».

На первой странице доклада сверху, с левой стороны, почерком, тождественным с почерком Николая, сделана пометка синим карандашом: «С», правее же почерком И. Г. Щегловитова написано: «высочайшая резолюция «с» (согласен). 16 сентября 1907 года. Министр юстиции Щегловитов».

Сообщила *К. В.*

Подвиги барона Меллер-Закомельского.

«Энергичная деятельность» барона Меллера-Закомельского не ограничивалась только «искоренением смуты и беспорядков»,— он проявил себя также и на уголовном поприще.

Приводимый ниже документ, один из докладов на высочайшее имя министра юстиции Щегловитова о помиловании, хранится в деле «Муравьевской комиссии» о привлечении к суду Меллер-Закомельского. Краткое упоминание об «утаении» 100.000 р. Меллером-Закомельским имеется в допросе Чрезвыч. Комиссией И. Г. Щегловитова 26 апр. 1917 г. (см. «Падение царского режима», по материалам Чрезвычайной Комиссии Временного Правительства, под редакцией П. Щеголева, т. II, Ленинград, 1925, стр. 413).

«Главноуправляющий собственною вашего императорского величества канцеляриею по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, препроводил ко мне всеподданнейшее письмо члена государственного совета генерала-от-инфантерии барона Меллер-

[1]) Означенным приговором Михалин, признанный виновным в краже в мае 1906 года в г. Москве из сторожки дома Пасбург самовара, присужден был к заключению в тюрьме на четыре месяца.

Закомельского о прекращении возникшего о нем предварительного следствия. На означенном письме вашему величеству благоугодно было собственноручно начертать 29 декабря 1911 года: «желаю в виду его заслуг, чтобы дело о нём было прекращено».

Во исполнение высочайшей воли обязываюсь всеподданнейше доложить, что по данным возникшего в С.-Петербурге предварительного следствия, подробно изложенным в представляемой записке, генерал-от-инфантерии барон Меллер-Закомельский изобличается в присвоении 210 тысяч рублей, полученных им за продажу майората «Господарж» сверх продажной цены, показанной в купчей крепости, и подлежавших, согласно высочайше утвержденному 23 сентября 1909 года положению совета министров, внесению в неприкосновенный майоратный капитал.

Не сомневаясь в том, что судебное рассмотрение этого дела может вызвать крайне тенденциозные суждения в неблагонамеренных кругах общества в связи с энергичною деятельностью барона Меллер-Закомельского по искоренению смуты и беспорядков, я вместе с тем полагаю, что прекращение о нем уголовного дела без предварительного представления им присвоенной суммы, составляющей имущество, принадлежащее его роду, могло бы угрожать интересам последнего, возбудив нежелательные толки о даровании милости в нарушение законных интересов правопреемников барона Медлер-Закомельского (ст. 23 осн. зак.), злоупотребившего оказанною уже ему, не в пример прочим, высочайшею милостью в виде разрешения продать майоратное имение, не составлявшее его личной собственности. Кроме того, деяние, которое позволил себе барон Меллер-Закомельский, подлежит, казалось бы, обсуждению и с точки зрения соответствия такого поступка высокому служебному положению члена государственного совета, о чем, как мне передавал председатель государственного совета, статс-секретарь Акимов повергал на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение свои ближайшие по сему предмету соображения.

Всеподданнейше докладывая об изложенном, приемлю долг испрашивать, благоугодно ли вашему императорскому величеству ныне же высочайше повелеть прекратить предварительное следствие, возникшее по поводу присвоения бароном Меллер-Закомельским части денег, полученных им при продаже майоратного имения «Господарж», с освобождением его и от казенного взыскания за утайку крепостных пошлин, или же ваше императорское величество изволите признать более соответственным отложить разрешение этого вопроса до представления бароном Меллер-Закомельским в неприкосновенный майоратный капитал присвоенной им суммы и окончательного выяснения того, может ли он сохранить свое высокое служебное положение».

На первой странице доклада сверху почерком, тождественным с несомненным почерком И. Г. Щегловитова, сделана следующая надпись: «государю императору благоугодно было в виде особой монаршей милости всемилостивейше повелеть прекратить дальнейшим производством предварительное следствие о присвоении бароном Меллер-Закомельским части денег, полученных им при продаже майоратного имения «Господарж», с освобождением его и от казенного взыскания за утайку крепостных пошлин. В Царском Селе. 20 января 1912 года. Министр юстиции статс-секретарь Щегловитов».

Сообщила *К. Воинова*.

К истории 9 января 1905 года.

Васильевский Остров был местом, где события 9 января сложились наиболее бурно и трагически. С 4-ой линии, где помещался отдел «Собрания русских фабрично-заводских рабочих», толпа не была пропущена к Дворцовому мосту. Неподалеку от набережной ее встретили залпы пехоты. Настроение толпы быстро переменилось: стали строить баррикады.

Последовавшие события — разгром баррикад, расстрел безоружной толпы — освещаются приводимыми ниже свидетельствами самих расстреливавших. Это — «допросы воинских чинов прокурорским надзором и чинами жандармского корпуса», находящиеся в деле канцелярии спб. генерал-губернатора (4-е делопроизводство), 1905 г., № 33, л.л. 2, 3, 4, 5, ныне в 3-м отделении Юридической Секции Ленингр. Центрального Исторического Архива (архив б. мин. внутр. дел).

1.

Рапорт командира л.-г. Финляндского полка от 23 января 1905 г. № 9.

Секретно.

В штаб гвардейского корпуса.

Рапорт.

Из войск, состоявших под моей командой, вызванных для содействия гражданским властям 9 сего января, действовали оружием две роты: рота 89-го пехотного Беломорского полка под командою штабс-капитана Длужневского (одной полуротой) и 6-я сводная рота вверенного мне полка под командою капитана Ржевусского, при поручике Тихменеве и подпоручике Садовском 3, под общей командою вверенного мне полка полковника Скопинского. Полковник Скопинский и все г.г. офицеры названных рот были опрошены 13 сего января товарищем прокурора г. Миллером совместно с жандармским офицером ротмистром Мартыновым. Поручик Тихменев в настоящее время находится в отпуску. Копии с показаний, данных товарищу прокурора полковником Скопинским, капитаном Ржевусским и подпоручиком Садовским 3, при сем представляю.

Кроме того, 10 сего января были вызваны в Суворовский участок в охранное отделение полковник Тернавский, подпоручик Головкин и 6 нижних чинов и опрошены товарищем прокурора о причинах арестования студента Леонида Давыдова, о котором я доносил рапортом от 12 сего января за № 96.

Командир полка генерал-майор *Самгин.*

2.

Показание, данное полковником Скопинским товарищу прокурора г. Миллеру.

9 января 1905 года я был назначен начальником отряда из 3-х рот: 5-й и 6-й сводных рот л.-гв. Финляндского полка и одной роты 89 пех. Беломорского полка. Роты эти стояли с 9-ти часов утра около Румянцевского сквера, на набережной Васильевского Острова. Около 3-х часов дня я получил приказание от командира полка генерал-майора Самгина двинуться с двумя ротами по 4-й линии и поступить в распоряжение полицеймейстера подполковника Галле. Я назначил 6-ю сводную роту л.-гв. Финляндского полка и одну роту 89 пех. Беломорского полка и двинулся с этими ротами по 4-й линии. Полицеймейстер подполковник Галле шел рядом с ротой и, подойдя к Большому проспекту, отдал мне следующее приказание: «за Средним проспектом выстроена баррикада и занята толпой; примите самые энергичные меры, чтобы рассеять толпу и уничтожить баррикаду; дальше действуйте по вашему усмотрению». Пройдя Средний проспект, после того как стоявшая кавалерия очистила улицу, я увидал баррикаду, высотою около $1^1/_2$ саж., за которой шумела большая толпа народа, и посередине был поставлен на шесте красный флаг. До баррикад шагах в 150 шло несколько рядов проволочных заграждений. Разобрав несколько рядов и подойдя к баррикаде шагов на 75, я приказал остановить роты и громко многократно предупреждал, чтобы все уходили, иначе, подав сигнал, я прикажу стрелять. В ответ на это раздавались наглая ругань и разные увещания по адресу нижних чинов; тогда я приказал подать сигнал «все». После этого сигнала я опять

предупреждал, что если не разойдутся, то после 3-го сигнала будет дан залп; но опять раздались ругань и возмутительные речи. Я приказал подать 1-й сигнал «стрелять», затем 2-й сигнал «стрелять», после которого с баррикады бежало очень много народа; в это же время из дома № 35 и с балкона строющегося против него 5-этажного дома было произведено несколько выстрелов из револьверов. После 3-го сигнала «стрелять» я приказал дать залп. Перед залпом были слышны возмутительные речи из-за баррикады. После одного залпа за баррикадой было тихо, а потому я приказал поставить курок, двигаться к баррикаде и разбирать ее. За этой баррикадой я видел еще заграждения, а потому, разобрав, двинулся с ротами дальше. Так как из окон строющегося 5-этажного дома в нижних чинов бросали кирпичи, то я, оставив против этого дома полуроту 89 пех. Беломорского полка, с остальными двинулся к Малому проспекту. На Малом проспекте впереди шла полурота 89 пех. Беломорского полка, а за ней 6-я сводная рота. По Малому проспекту пришлось двигаться медленно вследствие полной темноты и часто встречаемых проволочных и других заграждений. На углу 13-й линии были слышны крики, ругань и возмутительные воззвания, и на мое предупреждение уходить всем прочь были произведены выстрелы. Подав 3 раза сигнал «стрелять», я приказал полуроте 89 пех. Беломорского полка дать залп, после которого с баррикады раздалось несколько выстрелов; тогда был дан 2-й залп. После 2-го залпа, приказав поставить курок, приказал двинуться вперед и, разобрав баррикаду, видел 2 трупа. После этого роты двигались вперед и, разбирая разные заграждения, достигли 17-й линии. Пройдя по 17-й линии до Смоленского кладбища, возвратились обратно, и на 4-й линии приказал присоединиться к своей роте оставшейся там для наблюдения за 5-этажным строющимся домом полуроте 89 пех. Беломорского полка. В ротах пострадавших нижних чинов не было. В 6-й сводной роте был ушиблен брошенным через забор поленом подпоручик Садовский 3.

Полковник л.-гв. Финляндского полка
Скопинский.

3.

Показание Садовского 3.

Находясь 13 января на кожевенной фабрике Брусницына с 6-й сводной ротой и будучи допрошен жандармским ротмистром совместно с товарищем прокурора, я дал нижеследующее показание:

9 января я находился младшим офицером в сводной роте л. гв. Финляндского полка, на которую была возложена задача снять баррикады и рассеять укрывающую[ся] за ним толпу. Баррикад было более десяти; первая вышиною до 2½ аршин; устроена она была из саней, сваленных столбов, лестниц, досок и елки, основательно переплетенных проволокою. По середине этой баррикады был водружен красный флаг, переданный потом полицеймейстеру; надписей на флаге не имелось. После долгих упрашиваний толпу разойтись полковник Скопинский приказал играть сигналы; толпа все же продолжала свистеть, кричать и громко бранить войска, и после последнего сигнала из толпы были брошены камни, и произведены выстрелы; когда последовал залп, толпа разбежалась, а на баррикаде рядом с красным флагом появился человек; когда люди направились, чтобы его взять, то из левого строющегося дома в них был пущен град камней и кирпичей. На одном из балконов этого дома находился красный флаг, а из отверстий для окон выглядывали люди, которые после настойчивых требований отошли, за исключением одного, который стоял рядом с красным флагом. На углу 12-й линии и Малого проспекта на людей, разбиравших баррикаду, была произведена попытка нападения со стороны толпы, при чем были слышны выстрелы, на которые после предупредительных сигналов последовали залпы роты 89 пех. Беломорского полка. Убитых было

двое. Отдельных личностей в толпе не заметил.

Подпоручик л.-гв. Финляндского полка *Садовский 3.*

4.

Показания Ржевусского.

13 января, находясь с ротой на заводе Брусницына в распоряжении флигель-адъютанта полковника Орлова, я был допрошен жандармским ротмистром в присутствии товарища прокурора, прибывшими с этой целью на завод. Допрос касался главным образом действий 6-й сводной (9-я и 16-я роты), которой я командовал 9 января, по уничтожению в этот день баррикад и рассеянию толпы на 4-й линии Васильевского Острова. Более подробным образом допрашивались мои личные впечатления при действии против первой баррикады, — вышина и устройство этой баррикады, сколько на ней было флагов красных, на каком расстоянии остановлена была рота для стрельбы, предупреждалась ли толпа об открытии огня и каким путем, какие камни были брошены в роту с левой стороны из строющегося дома, не заметил ли я кого-нибудь в толпе.

Описание действий дано было мною приблизительно следующее: 9 января я находился с ротой в резерве на набережной Васильевского Острова, против Румянцевского сада. Около 3-х часов дня получил приказание итти в 4-ю линию для уничтожения баррикад и рассеяния толпы; сзади шла рота Беломорского полка. Обе роты находились под начальством полковника Скопинского. Младшими офицерами в роте были поручик Тихменев и подпоручик Садовский 3. Пройдя по 4-й линии Средний проспект, я получил приказание остановить роту, что и исполнил. Шагах в 30—40 от роты оказалась баррикада вышиною в 2½—3 аршина, составленная из срубленных телеграфных и телефонных столбов, досок, лестниц, мебели; все это было связано проволокой. За баррикадой и на тротуарах стояла толпа, шумевшая и свистевшая, но ни одного лица в толпе я не заметил и ни одного отдельного восклицания из толпы не помню. Полковник Скопинский громким голосом приглашал толпу разойтись, предупреждая, что после трех сигналов будет дан залп. Это было неоднократно повторено им; после чего дан был горнистом троекратно сигнал с большими паузами, а затем я получил приказание дать залп, что и исполнил. В виду того, что рота по причине недостающей ширины улицы не могла быть развернута и стреляла в полуротной колонне, весь свой пуль прошел по средине улицы, толпа же отошла на тротуары, почему залпом убит был один человек только. Я его видел лежащим на мостовой с правой стороны улицы, шагах в 5-ти от тротуара; на шее у него подвязан был башлык. Затем я получил приказание подвести роту к баррикаде и разобрать последнюю. Оставив роту шагах в 3-х от баррикады, я увидел в центре ее какого-то человека, который, вылезши на баррикаду, стоял с красным флагом в руке и громко кричал,—что́ именно, я не разобрал. Я приказал ближайшим ко мне нижним чинам сбить его штыками с баррикады, при чем человек этот был заколот и упал, а флаг остался воткнутым в баррикаду. Флаг этот я приказал снять и передал полицеймейстеру подполковнику Галле. Затем приступлено было к разборке баррикады и разрыванию проволоки, которой связана была эта баррикада и затянуты были в виде путанной сети пространства между нею и всеми последующими баррикадами. Затрудняюсь восстановить в памяти момент, т.-е. после залпа или же после того, как подошли к баррикаде, когда в роту был брошен град камней с левой стороны из окон строющегося дома несколько впереди баррикады. Какие это были камни, я не видел. Выстрелов из этого дома мне не удалось услышать. Разобрав баррикаду, я повел роту к следующей, распутывая и разрывая по пути проволоку. Поровнявшись с строющимся домом, я заметил на одном из балконов человека с красным флагом. Еще далее, идя с ротой, я услышал долетевшее до меня замечание из толпы на тротуаре, что

в этом доме имеются бомбы. Опасаясь поэтому, чтобы появившийся на балконе человек с красным флагом не бросил в роту какого-нибудь метательного снаряда, я приказал одному из нижних чинов на левом фланге роты дать по нем одиночный выстрел, после чего человек исчез с балкона, а флаг остался висеть. Затем одна за другой были разобраны до 12-ти баррикад. Толпа отступала, кричала и свистела. Окриком мы требовали, чтобы в домах закрывались окна, форточки, двери и ворота. Когда завернули на Малый проспект, то совсем стемнело, фонари зажжены не были, и отдельные кучки стали смелее и наглее; приходилось упорных оттеснять прикладами. На углу Малого проспекта и 12-й линии из толпы в нас стали стрелять. Впереди моей роты в это время находилась рота 89-го пех. Беломорского полка, которой после таковых же предупреждений и сигналов со стороны полковника Скопинского, как и в предыдущем случае, приказано было дать два залпа, что и было исполнено. Как слышал, убито было при этом два человека. Двинувшись далее, мы завернули на Средний проспект, где было сделано нападение на следовавший в это время впереди эскадрон улан, в который был брошен большой кусок железа; виновные, кажется, были переловлены и задержаны. С Среднего проспекта свернули на 6-ю линию, где пришлось исследовать два двора, из которых бросали в кавалерию разные предметы. В одном дворе задержано было спрятавшихся под лестницу 2 или 3 человека, один из которых вооружен был большим напильником. Затем роты возвратились к 1-му кадетскому корпусу. При исследовании дворов на 6-й линии брошенным через забор поленом легко ушиблен был в руку подпоручик Садовский 3, нижних же чинов потерпевших не было.

Капитан гвардии *Ржевусский*.

Сообщил *Н. Лавров*.

Из бумаг Д. Ф. Трепова.

Ген.-м. Д. Ф. Трепов, поставленный с 11 января 1905 г. во главе вновь учрежденного с.-петербургского генерал-губернаторства, с первых же дней своего появления у власти становится не только диктатором столицы, но и общепризнанным вождем дворцовой камарильи, безответственным вдохновителем всех мероприятий центрального государственного аппарата по предотвращению надвигающейся революции. К своим исключительным полномочиям по должности генерал-губернатора он официально присоединяет 21 мая обязанности товарища министра внутренних дел, заведывающего полицейской частью в империи, и командира отдельного корпуса жандармов, а с 12 октября сосредоточивает в своих руках, по званию начальника гарнизона, распоряжение всеми войсками гвардии — последнего боевого резерва падающего самодержавия.

Блестящую характеристику как самого временщика, так и условий, выдвинувших его в первые ряды николаевской администрации, оставил в своих воспоминаниях гр. С. Ю. Витте, близко наблюдавший ген. Трепова именно в эту пору:

«Трепов был ставленник министра двора Фредерикса, который искренне верил, что только такой бравый конногвардеец, как Трепов, и представляет собой того человека, который может водворить дисциплину не только в действиях, но и помыслах всех русских обывателей. Сам Фредерикс по части понимания дел был совсем плох, ему трудно было усвоить не только рассуждения, но и самые простые факты. Его сотрудники его подучивали, как школьника, перед всяким всеподданнейшим докладом. Он, конечно, сам по себе не мог разобраться в том, правильны или неправильны те или другие действия и предположения Трепова, но у Фредерикса был директор канцелярии генерал свиты его величества конногвардеец Мосолов, женатый на

сестре Трепова; человек смышленный, он всегда мог убедить и внушить Фредериксу все, что Трепов желал. Помощник, ныне начальник походной канцелярии государя, князь Орлов, ближайший сотрудник императрицы, добровольный шофер автомобилей, возящих государя и государыню, милый человек, но вместе с тем ничтожный деятель во всяких делах и, несмотря на это, интимный советник или наушник в особых случаях — тоже конногвардеец. Все эти люди были на побегушках у Трепова в царских покоях. Трепов, в сущности, держал вполне государя, чуть ли не ежедневно писал ему доклады по всяким делам и давал советы как по внутренним, так и внешним событиям. Одним словом, будучи товарищем министра внутренних дел, он был в то же время диктатором; и при этом диктаторе, в сущности, и была подготовлена вся активная революция, вышедшая из берегов с сентября 1905 года» [1]).

Много раз возвращаясь на страницах своих мемуаров к вопросу о том, был ли генерал Трепов выразителем сколько-нибудь определенной политической программы, граф Витте свое хлесткое заключительное положение о совершенной «бесшабашности» диктатора в государственных делах документировал целым рядом примеров того, как в одно и то же время, по одним и тем же проблемам верховного управления (Булыгинское положение о государственной думе, автономия высшей школы, амнистия, принудительное отчуждение земельной собственности и т. д.) генерал Трепов «выражал самые противоположные воззрения и кидался в самые противоположные крайности».

Однако едва ли правильно эту разительную непоследовательность и резкие колебания в ответственнейших политических вопросах приписывать только «бесшабашности» невежественного временщика.

Появившись у «подножия трона» в один из самых критических для русского самодержавия дней, генерал Трепов определял тот или иной из своих контр-революционных маневров не в плане ясно осознанных заданий и интересов определенных социальных групп, а под давлением панических настроений деклассированной дворцовой камарильи, готовой в своей растерянности после военного разгрома в Манчжурии и определившейся угрозы гражданской войны в тылу на какие угодно политические авантюры и административные эксперименты.

Безуспешные мероприятия первых месяцев пребывания ген. Трепова у власти, направленные на ликвидацию обычными полицейскими средствами массового движения пролетариата и опасных для существующего строя уклонов радикальной общественности и печати, обнаружили очень скоро если и не полное банкротство, то необходимость, во всяком случае, коренной реорганизации всей старой охранительной системы. Интенсификация самых методов борьбы на развертывающихся внутренних фронтах требовала постепенной милитаризации всего имперского административного аппарата, усиления и перевооружения боевых кадров его на основании живого опыта и технических достижений дальневосточной кампании, наконец, закрепления стыка новых полицейских формирований с направляемыми на внутреннего врага регулярными войсковыми частями. Выигрыш времени, потребный для осуществления всех этих начинаний, приходилось обеспечивать ценою самых неожиданных компромиссов в сфере верховного управления, и в то время как за кулисами официальной политики совершалась тыловая работа организации контр-революционных сил, в ответственных выступлениях диктатора мало-по-малу отмирали идеологические предпосылки помещичье-дворянской реакции, и проявлялись с исключительной четкостью то тенденции к сближению с буржуазными группировками оппозиции, то столь же недвусмысленные попытки совершенно сломить и ее, противопоставив конституционные химеры крестьянской стихии.

[1]) Гр. С. Ю. Витте. «Воспоминания», т. I. 1923 г., стр. 286.

Ставка на крестьянство, определившаяся с особенной ясностью на известных Петергофских совещаниях 19—26 июля 1905 года [1]), была предрешена еще в первых числах мая, когда, как доказывает один из приводимых ниже документов, ген. Трепов выступил при дворе с программой некоего политического прожектера И. А. Гофштеттера, открывавшего в своих фантастических построениях как раз те перспективы закрепления «исторических корней» самодержавия на новом фундаменте, поиски которого обусловливали всю невыдержанность линии поведения дворцовой камарильи в годы первой революции.

Правда, требование «широкой земельной реформы», проведением которой гарантировалась бы поддержка царя «стомиллионным крестьянством», вносило серьезный диссонанс в Гофштеттеровскую идиллию, но грозное предостережение, что «русская монархия или будет глубоко и сознательно демократической, или же через каких-нибудь десять лет никакой монархии в России не будет», отнюдь не представлялось диктатору пустым звуком и, развертывая ряд дотоле ему совершенно чуждых проблем социально-экономического порядка, необычайно осложняло систему дальнейшего руководства им государственного корабля.

Перевод расшатанного самодержавия на новые рельсы оказывался несравненно более тяжелой задачей, чем боевая организация государственной охраны и когда революционный шквал октябрьских дней положил предел всем реформистским экспериментам ген. Трепова, лозунг одного из последних его приказов — «патронов не жалеть» — официально прокламировал возвращение временщика к исходным точкам его незавершенного политического развития.

Документальный материал, непосредственно отражающий исключительную роль ген. Трепова и в официальной системе управления, и в тайных комбинациях верховной власти, до сих пор не являлся еще объектом систематического обследования [1]), почти вовсе не представлен в печати [2]) и в основной своей части едва ли вообще дошел до нашего времени. Тем больший интерес и значение представляют фрагменты служебной и частной переписки диктатора, сохранившиеся в архиве с.-петербургского генерал-губернатор.

---

[1]) Секретные протоколы Петергофских совещаний опубликованы в «Голосе Минувшего», 1917 г., кн. 4. Наметившийся отрыв верховной власти, терроризированной призраком революции, от позиций «благородного российского дворянства» с большой тревогой фиксируется в речах гр. А. А. Голенищева-Кутузова, А. С. Стишинского, А. А. Нарышкина, гр. А. П. Игнатьева, В. Н. Коковцова и др. (См. стр. 142, 184—185, 196, 236—237). Чрезвычайно характерны желчные выпады здесь же вел. кн. Владимира Александровича по адресу первенствующего сословия и явное сочувствие этим выпадам Николая II.

[1]) Диктатуре ген. Трепова в 1905 г. посвящено несколько страниц в статье Ф. Дана, располагавшего, к сожалению, лишь скудным печатным материалом по интересующему нас вопросу («Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905—1907 г.г.» в издании «Общественные движения в России в начале XX-го века», т. IV, ч. 1-я. СПБ, 1911, стр. 285—286, 312—313; 337—338; 340—342; 347) и беглый обзор Д. Хохлова «Д. Трепов в борьбе с общественностью» («Русское Прошлое», 1923 г., кн. 4, 42—54).

[2]) Из бумаг ген. Трепова опубликована только переписка, относящаяся «к истории манифеста 17 окт. 1905 г.» («Былое», 1919 г., № 14, стр. 110—114), «отпуска» рапортов на высочайшее имя с 13 янв. по 15 февр. 1905 г. о положении на Петербургских фабриках и заводах («Труд в России», 1925 г., кн. I, стр. 180—190) и некоторые распоряжения «по вопросу о порядке печатания статей и известий о стачках и забастовках» (там же, стр. 190—191, и в «Каторге и ссылке», 1925 г., кн. 3 (16), стр. 238—239).

Ни ведомственные, ни территориальные рамки не являются, однако, определяющими для состава материала только что обозначенного нами фонда.

В конфеденциальных представлениях императору Николаю, в предписаниях А. Г. Булыгину, в обращениях к С. Ю. Витте и вел. кн. Владимиру Александровичу, в письмах и рапортах В. А. Дедюлина, И. А. Гофштеттера, полковника Г. Я. Мина, адмирала Бартащевича и др. — обнажается подоплека и важнейших государственных актов, и случайных административных мероприятий, осуществлявшихся временщиком в обстановке прогрессирующего развала старого аппарата власти.

Безапелляционное вмещательство ген. Трепова во все сферы управления—будь то обоснование тех или иных форм народного представительства, введение новых запретительных индексов в законодательство о печати или боевые действия войск на улицах столицы — резко выявляется едва ли не в каждой из вновь публикуемых его бумаг, вся серия которых охватывает памятный в летописях русской революции период с начала января по конец октября 1905 года.

Ю. Оксман,

1.

Письмо Трепова Булыгину от 28 января 1905 г. № 48.

Милостивый государь,

Александр Григорьевич.

Принимая во внимание, что в настоящее время на фабриках и заводах г. С.-Петербурга среди рабочих вновь началось движение в пользу стачек и забастовок, а в столичных газетах продолжают появляться статьи и заметки, имеющие характер зажигательный и полемический по рабочему вопросу, я вынужден обратиться к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой о немедленном издании циркуляра г.г. редакторам периодических изданий — не помещать впредь подобных статей и заметок, не допуская вместе с тем никаких суждений и перепечаток из газет провинциальных и заграничных по рабочему вопросу.

При настоящем письме имею честь приложить газеты от 28 янв. с. г. с отмеченными статьями: «Наша Жизнь» № 73, «Русь» № 21 и «Наши Дни» № 31.

Прошу принять, ваше высокопревосходительство, уверения в полном моем почтении и совершенной преданности.

(Подпись).

2.

Письмо Трепова Булыгину от 27 февраля 1905 г. № 278.

Милостивый государь,

Александр Григорьевич.

Ежедневно из периодической печати я усматриваю, что на страницах газет и журналов продолжают печататься крайне возбуждающие статьи и заметки о забастовках как рабочих на наших фабриках и заводах, так и вообще разных лиц труда (конторщиков, приказчиков, артельщиков, кондукторов, извозчиков и т. п.) и о прекращении занятий учащими и учащимися учебных заведений, а равно и о беспорядках среди крестьянского населения и об убийствах и покушениях на убийство чинов полиции.

Принимая во внимание тревожное и беспокойное состояние общества в настоящее время, я вынужден покорнейше просить ваше высокопревосходительство об издании нового циркуляра редакторам газет и журналов, безусловно запрещающего печатать сведения и рассуждения о всякого рода забастовках и петициях упомянутых выше лиц, а также о беспорядках среди крестьян и об убийствах и покушениях на убийство чинов полиции.

Прошу, ваше высокопревосходительство, принять уверение в полном моем почтении и совершенной преданности. Февраля 27 1905 г. № 278.

(Подпись).

3,

Приказ Трепова от 5 апреля 1905 г. № 903.

С.-петербургскому градоначальнику.

Препровождая при сем две вырезки из газеты «Сын Отечества» от 3-го сего апреля № 40, прошу ваше превосходительство принять надлежащие меры к недопущению постановки пьесы М. Горького «Дети солнца», предположенную к постановке в драматическом театре В. Ф. Комиссаржевской. Вместе с тем прошу вас поставить в известность В. Ф. Комиссаржевскую, что готовящееся подношение ей адреса от имени студенчества ни коим образом не должно быть публичным, так как в противном случае деятельность ее драматического театра будет прекращена.

Генерал-губернатор свиты его величества генерал-майор *Трепов*.

Директор канцелярии *Веймарн*.

4.

Записка И. Я. Гофштеттера, представленная Николаю II ген. Треповым 8 мая 1905 г.

Ваше императорское величество.

Горестные неудачи нашего оружия на Дальнем Востоке, бесславное поражение флота, сдача Порт-Артура, разгром армии под Мукденом — все это выяснило русским людям полную несостоятельность бюрократической системы правления [1]). Всесильное и бесконтрольное чиновничество оказалось неспособным ни предотвратить войну, ни повести ее победоносно. Народ увидел миллиарды, употребленные на военную оборону, растраченными и отчасти расхищенными, а свою страну беззащитной даже с Востока, не говоря уже о тех опасностях, которые угрожают ей с Запада. Естественным и неизбежным последствием всего этого явилось глубокое недовольство правительством. Мягкая и поощрительная политика кн. Святополк-Мирского дала полный простор для выражения оппозиционных течений, чрезвычайно усилившихся после целого ряда разрешенных банкетов, съездов, оглашенных во всеобщее сведение противоправительственных резолюций и т. п. С 9 января оппозиционное движение захватило, кроме интеллигентных кружков, несравненно более многочисленную среду фабричных рабочих, усилилось общей забастовкой всех высших и многих средних учебных заведений и широко распространилось в провинции. С другой стороны, либеральные антимонархические манифестации успели вызвать в низших слоях городского населения, особенно же среди крестьян, глухое брожение, постоянно угрожающее разразиться кровавыми избиениями интеллигенции [1]). Антагонизм общества с правительством осложнился инстинктивным недоверием монархически настроенного народа к обществу. Чем публичнее выражается борьба интеллигенции с властью, тем острее становится глухая ненависть к интеллигенции народа. По этому пути внутреннего хаоса Россия идет к кровавым революциям, к слепой пугачевщине, к уничтожению культурного класса, к жестоким экзекуциям над озверелой толпой,— словом, к неизбежной гибели и распадению. У нее не остается ничего, что необходимо для правильной и спокойной национально-государственной жизни: ни сильной [2]) власти, ни влиятельных общественных организаций, ни руководящей идеи, которая могла бы примирить всех. Правительство расша-

[1]) При представлении записки И. А. Гофштеттера Николаю ген. Треповым сделаны были в тексте ее характерные исправления. Так, в первой фразе слова «горестные», «бесславное», «полную» — устранены; вместо «разгром» поставлено «отступление».

[1]) Во фразе этой слово «либеральные» ген. Треповым устранено; вместо «успели вызвать» поставлено «вызвали».

[2]) Между «ни» и «сильной» вставлено «достаточно».

тано и безавторитетно [1]), общество подавлено и не имеет нравственной опоры в стране, народ темен и лишен руководительства. Мы приближаемся к высшей точке кризиса, за которою должно следовать или окончательное разрушение [2]), или возрождение России. Путь к возрождению — действительное восстановление русской государственности на ее исторических основах, предначертанное высочайшими актами 18 февраля. Он уже указан, но высокие замыслы правительства пока еще не выходят из области благих намерений, они все еще не успели воплотиться в великие исторические деяния. Для того, чтобы общество поверило власти, для того, чтобы власть окрепла в сознании сочувствия стомиллионного народа, для того, чтобы народ успокоился в твердой уверенности государственной охраны своих интересов, нужно, чтобы созидательная программа правительства была намечена более определенно и проведена более энергично. Поверьте, государь, что ваша опора только в народе. Один народ, руководствующийся в политической жизни мистически-религиозными началами, искренно всем сердцем признает святыню самодержавия, которую не признают ни высшие интеллигентные классы, ни сама служащая вам интеллигентная бюрократия, поскольку их политические идеалы слагаются под господствующим влиянием позитивных методов познания. Основная причина всей современной смуты и расслабленности власти — в глубоком, исторически сложившемся, разобщении самодержавия с его живыми основами, которыми остаются только любовь и вера народа. Но нельзя забывать, что народная любовь — это долгосрочный вексель, требующий, если не погашения, то по крайней мере периодической уплаты процентов. Неоправданная фактами, она охладевает. Без доказательств верховной заботы царя о благе крестьянства вера последнего начинает колебаться, как устаревший предрассудок, рассеиваемый опытом жизни.

В настоящее время русский народ в своей преданности монарху живет только воспоминаниями об освобождении крестьян. Необъятно велик капитал народной любви, завещанный преемникам вашим венценосным дедом, но все же это великое наследие следует не растрачивать до конца, а [1]) сохранять и приумножать. Между тем вся наша внутренняя и внешняя политика последних десятилетий, особенно в области финансов и промышленности, была направлена не в интересах народа, а против них. Высасывая из народа ежегодно по два миллиарда, государство ничего почти не делало для укрепления крестьянского хозяйства, для развития мелкой промышленности, для распространения знаний и просвещения в народе. В результате получилось чуть не поголовное разорение и обнищание деревенской России. Миллионы крестьян числятся в разрядах безлошадных, безземельных и бездомных. От бескормицы мужик вырождается и нравственно, и физически. Сила русская оскудевает в своих источниках. Самодержавие должно вспомнить о заветах служения народу и [2]) всецело опереться на народ. Нельзя царствовать над пустынями, не сладко управлять толпами темных и вырождающихся рабов [3]). Государь, скорее призовите своих подданных к сознательной, человеческой и гражданской жизни. Дайте верующим в вас говорить перед вами о своих нуждах, будьте истинным защитником и заступником народа. Спешите, государь, потому что только тогда, когда истинные представители многострадальной русской деревни получат доступ к трону, возникнет возможность вполне и до конца осуществить высокое призвание самодержца. Не дайте себя

---

[1]) Вместо «Правительство расшатано и безавторитетно» поставлено «Власть правительства поколеблена».

[2]) Вместо «разрушение» поставлено «падение».

[1]) Пять слов между «следует» и «сохранять» исключены.

[2]) Все слова между «должно» и «всецело» исключены.

[3]) Вся эта фраза исключена.

обмануть принципиальным врагам монархического государственного строя, высшим классам интеллигенции и бюрократии, желающей оттереть [1]) крестьян от участия в будущих выборах и под видом «народного» представительства захватить господство над страной. Ваши предки были возведены на престол доверием русского народа, и передача власти над ним высшим классам, способным преследовать свои собственные, а не государственные интересы, будет прямым нарушением доверия [2]). Власть, полученная от народа, если бремя ее тяготит вас, может быть возвращена обратно только самому народу, передача же ее в руки космополитической, антинациональной интеллигенции, в значительной степени ставшей слепым орудием политических домогательств организованной еврейской плутократии, будет актом беспримерного в истории предательства [3]). Если в земский собор представители крестьянства войдут в таком же подавляющем большинстве, какое оно занимает среди населения империи, всякое антимонархическое движение будет подавлено в самом зародыше. Непримиримая теперь, интеллигенция признает себя вынужденною покорно склониться перед ясно выраженною волею народа и направить свою энергию не на разрушительную борьбу, а на благо страны, и все бурные общественные силы вольются тогда в свое естественное историческое русло.

В единогласном признании своей власти свободно избранными представителями народа правительство почерпнет тот нравственный авторитет, которого ему так мучительно недостает в последнее время [4]). Всякие уступки оппозиционным требованиям интеллигентного класса при тайном [5]) сочувствии и содействии самой бюрократии не укрепят этого авторитета, но еще более [1]) расшатают его. Власть должна быть сильной, но не исключительно страхом физических репрессий, а вместе с тем и нравственным доверием населения. Сила монарха в правде его служения. Когда эта правда затмевается, теряется народная вера в нее, рушатся троны, гибнут династии [2]). Тайна жизненности правительств — в деятельной и плодотворной работе для народного благоустройства. Граждане поддерживают и защищают только тот государственный строй, в котором видят залог национального счастия. В любви народа и в любви к народу — самая основа бытия самодержавия. Не будучи пророком, можно смело с полной уверенностью предсказать, что русская монархия или будет глубоко и сознательно демократической, или же через каких-нибудь 10 лет никакой монархии в России не будет. Она или окончательно [3]) утратит свой исторический престиж в глазах стомиллионного крестьянства, слепою верою которого держится наперекор ожесточенному противодействию высших интеллигентных классов, или же обновит этот уже колеблющийся престиж новым крупным актом самоотверженного служения народу, достойным стать в народной памяти на один уровень с незабвенным днем 19 февраля 1861 года. Таким актом может быть только созыв истинных представителей народа в земский собор и проведение с их участием широкой земельной реформы в интересах не отдельных сословий и классов, а в интересах всей России, как целого. Только такими мерами можно в настоящее время спасти династию от гибели [4]), Россию — от кровавой смуты, интеллигенцию—от поголовного истребления, а русскую нацию — от окончательного политического разложения.

---

[1]) Вместо «оттереть» поставлено «отстранить».

[2]) Вся фраза исключена.

[3]) Вся фраза исключена.

[4]) Вместо «которого ему... время», поставлено «который ему необходим».

[5]) Слово «тайном» вычеркнуто.

---

[1]) Слова «еще более» вычеркнуты.

[2]) Вся эта фраза исключена.

[3]) Слово «окончательно» вычеркнуто.

[4]) Слова «династию от гибели» вычеркнуты.

5.

Доклад Трепова Булыгину от 13 мая 1905 г. № 1546.

Министру внутренних дел.

Циркуляром главного управления по делам печати от 15 апреля с. г. за № 4459 редакциям периодических изданий предложено доставлять в мою канцелярию на разрешение все статьи, заметки и известия, касающиеся стачек и беспорядков на наших фабриках и заводах, а равно о других нарушениях скопом общественного порядка и спокойствия, могущие, согласно циркуляра главного управления по делам печати от 12 января с. г. за № 400, быть помещенными в периодических изданиях не иначе как с разрешения высшей полицейской власти.

Между тем, как выяснилось в настоящее время, далеко не все газеты представляют на разрешение вышеуказанные статьи и заметки, в виду чего неоднократно имели место случаи, когда присланная какой-либо газетой и запрещенная мною к печатанию заметка тем не менее появлялась в других газетах, не присылавших этих заметок в мою канцелярию на разрешение. Так, например, препровождаемые при сем заметки из газет «Биржевые Ведомости», «Рассвет» и «Наша Жизнь», будучи присланы на разрешение лишь газетою «Русь», не были мною допущены к печатанию и хотя в названной газете не появились, но, как видно из прилагаемых вырезок, были помещены в газетах, поименованных выше.

Признавая, что циркулярные распоряжения главного управления по делам печати должны были бы быть в точности исполняемы органами печати, между тем указанное выше отношение редакций периодических изданий к издаваемым циркулярам совершенно уничтожает всякое значение последних, имею честь обратиться к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбою, не признаете ли вы возможным сделать зависящее распоряжение о том, чтобы редакциям периодических изданий было предложено с большею строгостью относиться к издаваемым главным управлением по делам печати циркулярным распоряжениям.

Генерал-губернатор
свиты его величества генерал-майор
Трепов.

Директор канцелярии *Веймарн.*

6.

Телеграмма Николая II на имя Трепова от 12 октября 1905 г.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Петербург из Петергофа Александрии. Высочайшая 12. 12.20 дня.

Подчиняю вам все войска, расположенные в Петербурге, и поручаю разделить город на участки, возложить на старших военных начальников ответственность за полное спокойствие и порядок в вверенных им участках столицы, не допуская никаких незаконных сборищ. Настоящее повеление мое сообщите начальнику штаба округа.

Николай.

7.

Всеподданнейший рапорт Трепова от 12 октября 1905 г.

Его императорскому величеству
с.-петербургского генерал-губернатора.

Рапорт.

Во исполнение высочайшего вашего императорского величества повеления от сего числа всеподданнейше доношу, что я вступил в начальствование войсками петербургского гарнизона и все распоряжения по разделению города на районы и охранению в них порядка мною сделаны.

(Подпись)

12 октября 1905 года.

8.

Диспозиция войсковых частей, занимавших улицы столицы.

17 октября 1905 г.

1-е отделение.

Св. его величества генерал-майор Озеров.

(Границы: р. Нева, Гороховая, р. Фонтанка, Забалканский, Обводн. кан., Лиговка, Потемкин.)

Л. гв. Преображ. полк . . .	1 бат.
» Семеновск. » . . .	4 »
» Павловск. » . . .	4 »
90 пех. Онежск. » . . .	1/2 »
93 » Иркутск. » . . .	1/2 »
Кавалерг. ее вел. » . . .	2 эск.
Л. гв. гусар. его вел. . . .	1 »
Л. гв. уральск. е. в. сотня	1 сот.
Пулеметной роты	2 пул.

всего: 10 бат., 3 эск., 1 сот. 2 пул.

Всего в наряде: 4 бат., 2 эск. 1 сот. 1 пул.

Остается (вместе с внутренним нарядом): 6 бат., 1 эск., 1 пулем., которые расположены:

в Преображ. полку . .	2 1/2 роты
» Семеновск. » . .	9 »
» Павловск »	12 1/2 р. и 1 пулемет
» Михайл. манеж . . .	1/2 роты
» манеж Мрам. двор . .	1 эск.

1-й район.

Дума	1/2 роты
Государств. банк . . .	1 1/2 »
Д. мин. внутр. дел . .	1/2 »
Сберегат. касса	1/2 »
Аничков дворец	1 »
Гостиный двор . .	1 и 1 сотня.
Сенная площадь	1 »
Электрич. станция . . .	1/2 »
Ямской рынок	1/2 »
Казанская ул. 3. . . .	1/2 эск.
Семеновский манеж . .	1/2 »

2-й район.

Д. мин. вн. дел и деп. пол.	1/2 р.
Главн. казначейство	1/2 »
Д. градоначальника	1/2 р.
Зимний дворец . . .	1 р. и 1 эск.
Дворцы вел. князей (Милл.)	1 »
Пантелеймон. рынок . . .	1/2 »
Круглый рынок	1/2 »
Д. предвар. заключения . .	1/2 »
Телеф. станция на Морской .	1/2 »
» » на Конюш.	1/2 »
Двор. в. к. Николая Никол.	1/4 »
Придворная аптека	1/4 »

Кроме того: на Царск. ж. д. 2 » в отряде, команд. в Лесной,—1 пул. и по особому наряду, от артиллерии, караул (1 взв.) в окружный суд.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, на готове в местах расквартирования.

2-е отделение.

Генерал-лейтенант Дубенский.
(Границы: р. Нева, Гороховая ул., р. Фонтанка, Забалканский пр.)

Л. гв. Измаловск. полка . .	4 бат.
» Егерского » . .	4 »
» Стрелкового » . .	1 »
Гвардейского экипажа . . .	1/4 »
90 пех. Онежского полка . .	1 1/2 »
93 » Иркутского » . . .	1 »
(Л. гв. Конного полка . . .	2 эск.)
» Кирас. его вел. полка .	2 »
» Гусарск. его вел. . .	1 »
Донского казачьего	4 сотни
Пулеметной роты	2 пулем.

Всего: 11 3/4 бат., 5 эск., 4 сот., 2п.

Всего в наряде: 5 1/4 бат., 1 1/4 эск., 4 сотни.

Остается (вместе с внутренним нарядом) 6 1/2 бат., 3 3/4 эск., 2 пулем. которые расположены:

в Измайл. полку . .	12 р. и 2 пулем.
» Егерском	12 р.
» Стрелк.	1/2 р.
» Гвард. экипаж .	1/2 р.
» Конном полку	3 1/4 эск.
» 1-й артилл. бригаде . . .	1/2 эск.

Из них: 2 эск. в Конном полку составляют общий резерв всех отделений.

1-й район.

Офицерская ул. 39 . . . . 1 рота
Почтамт . . . . . 1 »
4-й уч. Спасской части . . 1/2 »
Мин. путей сообщения . . 1/2 »
Губерн. казначейство . . . 1 »
Д. генер. губернатора . . . 1/2 »
Галерный Остров . . . . . 1/2 »
Дворцы вел. князей Ал.Ал. и Мих. Ал. . . . . 1/2 »
Дворец В. К. Петр. Ник. . 1/2 »
Казармы Стрелк. полка 2 р. и 1/2 эск.
Завод Бекмана . . . . . 1/4 »
Фабрика Ландрина . . . . 1/4 »
» Бормана . . . . . 1/2 »
Кавалерийск. училище . . . 1/4 »
2-й уч. Коломенск. части . . 1/4 »

2-й район.

Балтийский вокзал . . . . 3 роты
Варшавский вокзал . . . 3 »
Измайловский полк . . . 2 »
Завод механ. обуви . . . 1 1/4 эск.
3-й уч. Нарвской части . . 1/2 роты
Винный склад № 4 . . . . 1/2 »
Новый порт . . . . . 2 »
Путиловский завод . . . . 1 »
Завод Кенига . . . . . 1 сотня
Казармы 2-й артилл. бриг. 1 »
Кавалерийск. училище . . 1 »

Кроме того: по особому наряду, от артилерии, караулы (по 1 взводу) в губерн. правление и сенат.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

3-е отделение.

Генерал-майор Ширма.

(Границы: р. Нева, Потемкинская ул., Лиговка, Обводный кан., Забалк. пр. Кроме того: Охта и Полюстрово.)

Л. гв. Преображ полка . . . 3 бат.
Саперный батал. . . . . 1 »
18-й саперный батал. . . . . 1 »
198-й пех. Алекс. Невс. п. . 1 3/4 »
89 пех. Беломор. полка . . . 1 »
91 пех Двинскогополка . . . 1/2 »
93 пех. Иркутск. . . . . 1/2 »
96 пех. Омского . . . . . 2 »
Л. гв. Казачьего его вел. п. 4 сотн.
Л. гв. Атаман. е. в. г. н. ц. п. 4 сотн.
» Гусарского его вел. 2 эск.
Пулеметной роты . . . . . 2 пул.

всего: 10 3/4 бат., 2 эск., 8 сот., 2 пулем.

Всего в наряде: 5 3/4 бат., 2 3/4 сот.

Остается (вместе с внутренним нарядом) 5 бат., 2 эск., 5 1/4 сот. и 2 пулемета). которые расположены:

в Преображ. полку . . . . . 8 р.
» Гв. саперн. бат. . . . . 1 1/2 »
» 18 саперн. бат. . . . . 3 »
» 198 Ал. Невск. п. . . . . 3 1/2 »
» Стеклян. театр. . . . . 4 »
» Л. Казач. казармах . . . 2 1/4 с. и 2 пулемета.
в Атаман. полку . . . . . 2 3/4 с.
» Кавалерг. . . . . 2 эск.

1-й район.

Электр. ст. (Новг. 12) . . 1/2 роты
Электр. ст. (Обвод. 76) . . 1/2 »
Газовый зав. (Обвод. 74) . 1/2 »
Газовый зав. (Обвод. 94) . 1/2 »
Новокамен. мост . . . . 1 »
Водопровод (Шпалер.) . . 1 1/2 »
Таврический дворец . . . 1/2 »
Алекс. Невск. часть . 1 1/2 и 1/4 »
Арестн. дом (Каз. пл.) . . 1/2 »
3-й уч. Ал. Нев. и зав. Регулятор 1 с.
Николаевск. вокзал и ж. д. . . 6 »

2-й район.

Шлиссельб. пр. 99 . . . 1 р. и 1/2 с.
Фабрика Паля . . . . 1/2 »
Завод Наумана . . . . 1/2 »
Невск. стеар. завод . . » 1/2
Спасо-Петр. мануф. . . 1/2 »
Алекс. механ. завод . . 1 »
Фабрика Торнтона . . 1/2 »
Обуховский завод . . . 1 » и 1/2
Рожк. прод. маг. и карт. фабр. 1 р.

3-й район.

Упр. Охтенск. уч. . . . . 1 р.
Пороховые заводы . . . . . 2 »

Кроме того: по 1/2 р. от саперных батальонов на главном телеграфе.

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

4-е отделение.

Генерал-майор Троцкий.

Васильевская часть.

Л. гв. Финлянд. полка . . . . 4 бат.
91 пех Двинск . . . . . 1/4 »
94 пех. Енисейск. . . . . 1/4 »
Л. гв. Конного . . . . . 2 эск.
Л. гв. Кирас. его вел. . . . . 1 »
Донск. казачьего . . . . . 1 сот.
Пулеметной роты . . . . . 2 пул.

всего: 4 1/2 бат., 3 эск., 1 сот. 2 пул.

Всего в наряде: 1 3/4 бат., 2 эск., 1 сот.

Остается: 2 3/4 бат., 1 эск., 2 пулем.

Петербургская часть.

Л. гв. Гренад. полка . . . . 4 бат.
Л. гв. Стрелк. полка . . . . . 1 »
91 пех. Двинск. . . . . 1 »
94 пех. Енисейск. . . . . 1/2 »
Донск. казачьего . . . . . 2 сот.

всего: 6 1/2 бат., 2 сотни.

Всего в наряде: 3 бат., 1/2 сот.

Остается: 3 1/2 бат., 1/2 сот.

Выборгская часть и Лесной уч.

Л. гв. Московск. полка . . . 4 бат.
91 пех. Двинск полка . . . 1/4 »
94 пех. Енисейск. полка . . . 1/4 »
Кавалерг. ее вел. . . . . 2 эск.
Д. гв. гусар. его вел. . . . . 1 »
Лонск. казачьего . . . . . 1 сот.

всего: 4 1/2 бат., 3 эск., 1 сотня.

Всего в наряде: 1 3/4 бат., 3 эск., 1 сот.

Остается: 2 3/4 бат.

Во всем отделении:

В наряде: 6 1/2 бат., 5 эск., 2 1/2 сот.

Остается (вместе с внутренним нарядом): 9 бат., 1 эск. 1 1/2 сот. 2 пулем., которые расположены: в Финлянд. полку—2 3/4 бат., 2 пулем., в Гренадер—2 3/4 бат., в Стрелков. 3/4 бат., в Москов.—2 3/4 бат., в Конном 1 эск., на Петровск. острове—1 1/2 сотни.

1-й район.

Суворовский уч . . . 1 р. и 1 эск.
1-й уч. Васил. части
(Бол. пр.) . . . . . 1 » 1/4 »
2-й уч. Васил. части
(5 л. 67) . . . . . 2 р. 1/4 эск.
Манеж 1 кад. корпуса 1/2 »
Биржа (казначейство) . 1/2 »
Электр. ст. Смирнова. 1 »
Газовый завод . . . 1/2 »
Завод Брусницына . . 1 с.
Трубочный завод . . 1 »
Фабрика Шафа . . . 1/4 »

2-й район.

Павловск. училище 1 р. и 1/2 с.
Петербург. часть . . 1 »
Аквариум . . . . . 1 »
Народный Дом . . . 1 »
Ватный Остров . . . 1 »
Песочная ул., д. 26 1/2 »
Газовый завод . . . 1/2 »
Водокачка . . . . . 1/2 »
Лахтинская, ул. 7 . 1/2 »
Лангензип. Камен. 11 1 »

3-й район.

Фельдшерск. школа . . 2 »
Михайл. артилл. уч. . 1 » и 1 эск.
Арсенал и водокачка . 1 »
Арсенал (снаряж. отд.). 1 »
Тимоф. ул. д. Огородник 1 »
Финляндский вокзал . 1 »
Завод Кенига . . . . » 1 эск.

Кроме того: особый отряд в Лесном в составе 1 б. грен. п. 1 эск. гусар и 1 с. казаков (при 1 пулемете из войск 1-го отделения).

Остальные, за вычетом внутреннего наряда, наготове в местах расквартирования.

9,

Рапорт командира 1-й бр. 1-й гвард. пех. дивизии от 20 октября 1906 г. № 35.

Спешно.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Рапорт.

18-го сего октября, как следствие арестования накануне, в ночь, студентов Технологического института, полицией было заявлено предположение о том, что противники их арестованию

явятся на другой день перед институтом с целью демонстрации и даже выручки и освобождения арестованных. Это обстоятельство ставило необходимостью принять меры охранения, для чего мною были наряжены туда 3 роты лейб-гвардии Семеновского полка под командою капитана Левстрема. Во втором часу было получено донесение от капитана Левстрема, что положение становится более угрожающее, так как ораторы на площади объявляли толпе, что через два часа прибудут на площадь рабочие на митинг. По моему требованию был вызван из резерва эскадрон конной гвардии, который поступил в распоряжение капитана Левстрема. Эскадрон этот вначале не допускал скопления, высылая по приказанию капитана Левстрема незначительные, по 5 человек, разъезды, но когда это оказалось недействительной мерой и даже опасною в том отношении, что могли разъединить всадников и этим лишить силы сомкнутого строя, корнет Фролов, временно командовавший эскадроном, собрал разъезды и после предупреждения толпы словами и сигналами произвел атаку. Единственно, что может быть поставлено в упрек, — это заворот на Загородный с Забалканского, что совершенно не могло быть ожидаемо стоявшей там толпой. Последствием этого было временное очищение площади, но затем толпа опять собралась и принимала угрожающее положение. Что касается числа жертв, то полициею об этом мне не сообщено. В виду этого было мною приказано командующему лейб-гвардии Семеновским полком отправить к Технологическому институту несколько рот, чтобы не допустить насилий. Было отправлено 2½ роты под командою полковника фон-Эттера, которому было дано приказание заградить улицы: Забалканский со стороны Московской заставы и Обуховского моста, 1-й роты Измайловского полка и Загородного проспекта со стороны Введенского моста. Эта мера дала возможность разъединить толпу; тем не менее около 3-х часов дня я получил сведение от капитана Левстрема по телефону, что громадная толпа двигается от Невского проспекта к Технологическому институту с целью выручить студентов арестованных; и действительно, вскоре было сообщено приставом 3-го участка Московской части, что двигается от указанного выше пункта громадная толпа народа, несколько тысяч, с красными флагами, распевающая марсельезу. Считая необходимым не допустить эту толпу к соединению с толпой у Технологического и дать ей отрезать казармы от той полуроты, которая стояла на Загородном проспекте на высоте Броницкой улицы, я приказал запросить господина С.-петербургского градоначальника по телефону, на что получен ответ: соединению воспрепятствовать во что бы то ни стало, а потому приказано было роте заградить путь на высоте Егерского переулка, для охранения же казарм, которые оставались без охраны, была направлена через двор в Беговой переулок ½ рота 12 роты. Положение ее еще тем было выгодно, что выстрелы ее могли быть направлены только на передние ряды и пули затем задерживались уже стеной зданий Московской части и домов другого угла. Такое направление выстрела, производя моральное потрясение на толпу, вместе с тему уменьшило количество жертв. Кавалерии в распоряжении в этот момент не было, чинов полиции также. За 150 шагов был подан сигнал горнистом, затем еще два сигнала с редкими перерывами, и так как толпа не сворачивала на Гороховую улицу, а все подвигалась, то были произведены одиночные выстрелы из полуроты 12 роты, занимавшей Беговой переулок.

В одного агитатора, сидевшего на уличном фонаре с красным флагом и разбрасывавшего прокламации, был направлен выстрел, пуля, как оказалось впоследствии, попала этому мужчине в голову и убила его наповал. Из представленного протокола пристава 3-го участка Московской части видно, что убит один (агитатор) и пять человек ранено.

После этих выстрелов толпа повернула на Гороховую улицу, бежала бегом и повернула назад.

В то время, когда командующий полком распоряжался ротами на углу Егерского переулка, к нему подошел генерал-майор Шмаков сказать, что каждую минуту надо ждать прибытия на вокзал поезда с рабочими; затем он тут же подошел ко мне, и я ему сообщил, что я имею сведения, что в поезде находятся только депутаты от рабочих и что на всякий случай уже приняты меры. Когда генерал, уходя на Царскосельский вокзал, отошел от меня шагов 10, идущий по тротуару студент, оказавшийся Смирновым, нанес резаную рану в правую щеку близ глаза генералу, который был сейчас же отвезен в полковой лазарет, где был перевязан полковым врачом и где оставался до утра следующего дня. Фельдфебель 6-й роты л.-гв. Семеновского полка Захар Матвеенко, ударил студента шашкою с такой силой, что перерубил студенту Смирнову плечо, и жандармский унтер-офицер отрубил ему шашкою два пальца. Поранение настолько серьезно, что жизнь студента в опасности.

В это же время около решетки несколько впереди роты, заграждавшей улицу, был задержан студент Технологического института Никита Косабов (Косабианц), не подчинявшийся требованию остановиться; при обыске его был найден заряженный револьвер с тремя боевыми патронами, что дает основание думать, что они не особенно богаты патронами, два кошелька, в одном 1 руб. 40 коп., а в другом 5 рублей, золотые дамские часы и 4 ключа.

Генерал-майор *Лангоф*.

10.

Рапорт начальника СПБ гарнизона от 21 октября 1905 г. № 4002.

Его императорскому высочеству главнокомандующему войсками гвардии и петербургского военного округа.

Рапорт.

Доношу вашему императорскому высочеству, что 16 сего октября около 4½ часов пополудни во дворе Крюковских казарм был произведен беспорядок нижними чинами квартирующих в этих казармах 14 и 18 флотских экипажей.

Младший флагман командующий сводным отрядом флотских экипажей в С.-Петербурге контр-адмирал Барташевич донес мне об этом с представлением данных, добытых произведенным по его приказанию предварительным дознанием.

Из показаний принимавших участие в прекращении этих беспорядков командира 18 флотского экипажа флигель-адъютанта капитана I ранга Дабича, вр. и. д. флагъ-офицера по адмиралтейству полковника Самойлова и дежурного по Крюковским казармам офицера мичмана Зубова, а также и из показаний бывших в наряде должностных нижних чинов, фельдфебелей и свидетелей из нижних чинов выяснилось следующее:

Еще утром 16 октября, около 10 часов, младшему флагману командующему сводным отрядом было доложено полковником Самойловым, что до сведения его дошло о высказываемом нижними чинами недовольстве вследствие совершенного прекращения увольнения из казарм в течении 4-х дней, при чем они намерваются в случае неувольнения их и сегодня выйти из казарм без разрешения.

О случае этом было сообщено через посредство старшего адъютанта главного морского штаба капитана II ранга Зилоти, вр. и. д. начальника главного морского штаба. Не получая до 4 часов ответа, контр-адмирал Барташевич распорядился для развлечения нижних чинов вывести на двор казарм музыку.

Около 4 часов 15 минут пополудни капитаном II ранга Зилоти передано полковнику Самойлову по телефону, чтобы нижних чинов из казарм не выпускать, так как и в войсках военно-сухопутного ведомства нет на это разрешения, для успокоения же тревожного настроения нижних чинов разрешено по случаю праздничного дня выдать им улучшенный ужин, расходуя на это до 10 коп. на человека.

Полковник Самойлов доложил об этом командиру 14 флотского экипажа флигель-адъютанту капитану I ранга Рудневу и, получив от него указания объявить об этом нижним чинам, отправился совместно с дежурным офицером мичманом Зубовым в казармы, где, собрав вокруг себя нижних чинов, объяснил о невозможности увольнения их из казарм и о разрешении начальства выдать сегодня улучшенный ужин. Настроение нижних чинов при этом было самое хорошее; они с восторгом встретили заботы о них начальства в отношении улучшенного ужина.

В это же самое время было доложено командирам 14 и 18 флотских экипажей, что во дворе казарм нижние чины бьют стекла, бросая в них каменья, и намереваются разломать двери у входа 14 флотского экипажа на Морскую улицу.

Командир 18 флотского экипажа флигель-адъютант капитан I ранга Дабич, как старший, отправился во двор казарм, а флигель-адъютант капитан I ранга Руднев — к кухням своего экипажа. Флигель-адъютант Дабич подошел к толпе нижних чинов, собравшейся на дворе вокруг игравшего хора музыки, где застал крик и свист среди команды, при чем многие из них били стекла в окнах кухни 14 флотского экипажа. Приказав музыке замолчать, он поздоровался с командой, на что получил ответ, хотя не дружный. Команда стихла и начала слушать флигель-адъютанта Дабича, который стал объяснять безобразие и недисциплинарность ее поведения и ту серьезную ответственность, которой она подвергается. На вопрос его, чем команда недовольна, большинство молчало, но отдельные голоса выражали неудовольствие по поводу того, что их не пускают за ворота, а также и по поводу дурной пищи в 14 флотском экипаже, при чем были слышны также совсем отдельные возгласы, высказывающие неудовольствие на существующий в настоящее время порядок: «мы здесь служим 7 лет; в это время наши отцы, жены и дети голодают, а нас даже не пускают гулять, тогда как армейские гуляют; этот порядок следует изменить». Кто именно произносил эти фразы, выяснить не удалось. После увещаний флигель-адъютанта капитана I ранга Дабича команда утихла и стала расходиться по казармам, почему и он тоже ушел в казармы, направляясь через двор; в казармы отправились также и подошедший через ближайший выход в конце речи флигель-адъютант капитана I ранга Дабича полковник Самойлов и мичман Зубов. Когда же флигель-адъютант Дабич отошел шагов на 50, то в команде опять послышались крики, битье стекол, и полетели камни, которыми были ушиблены, не серьезно, фельдфебель 4 роты 18 флотского экипажа Сергей Кузьмин и ординарец флигель-адъютанта Дабича матрос I ст. Филимон Бабков. При обходе после этого флигель-адъютантами Дабичем и Рудневым своих экипажей они застали там полный порядок, все нижние чины, бывшие на дворе, возвратились в казармы; при произведенной поверке нетчиков не было. При осмотре казарм оказалось разбитых стекол 155 штук в окнах кухонь 14 флотского экипажа, штаба отряда, хлебопекарни и в квартире заведывающего хлебопекарнею; в дверях подъезда 14 флотского экипажа был выдернут пробой у висячего замка, но замок и дверь оказались целыми. По показанию бывших снаружи ворот трех дневальных, пробой из дверей был вырван неизвестными им нижними чинами, которых они за темнотой заметить не могли; никто из нижних чинов за ворота не выходил.

Произведенное по изложенному случаю дознание было направлено на заключение помощника прокурора кронштадтского военно-морского суда при с.-петербургском порте.

Свиты его велич. ген.-майор *Трепов*.

11.

Рапорт командующего сводным отрядом флот. экипажей от 21 октября 1905 г. № 16331.

Начальнику с.-петербургского гарнизона.

Рапорт.

Согласно словесного приказания вашего превосходительства, доношу, что для предупреждения на будущее время

повторения беспорядков среди нижних чинов экипажей отряда, подобных случаю, имевшему место 16-го сего октября в Крюковских казармах, приняты следующие меры:

1) Из числа нижних чинов, состоящих в отряде, 200 человек подозрительного поведения переведены в экипажи Кронштадтского порта.

2) 14 человек подследственных нижних чинов, содержавшихся довольно продолжительное время в общей камере для арестованных и заведомо вредно влиявших как на нижних чинов, арестованных в дисциплинарном порядке, так и на имевших постоянное с ними сношение чинов караула, тоже отправлены для заключения в Кронштадт.

3) В каждом экипаже назначаются, вместо одного, по два дежурных офицера, при чем старший из них должен быть непременно командир роты.

4) Кроме двух дежурных по экипажу офицеров, в каждом экипаже должен находиться безотлучно один ротный командир, на случай экстренного назначения его для посылки по делам службы.

5) Установлено обязательное присутствие ротных командиров на вечерних перекличках нижних чинов.

6) Установлена точная проверка по именным спискам, представляемым из рот дежурному офицеру, нижних чинов, увольняемых со двора.

Контр-адмирал *Барташевич*.

За старшего флаг-офицера
полковник *Самойлов*.

12.

Рапорт СПБ градоначальника от 24 октября 1905 г. № 98.

Секретно.

С.-петербургскому генерал-губернатору.

Возобновившаяся после забастовки столичная периодическая печать с первых же нумеров газет занялась критикою действий войск, призванных для охраны порядка в Петербурге.

Помимо неправильного и весьма часто умышленно искаженного описания этих действий и обстоятельств, их вызвавших, органы печати известного направления стремятся систематически к возбуждению общественного мнения против офицеров, командующих частями, стараясь дискредитировать их имена и приписывая им лично вину происшедших «насилий и пролития крови мирных жителей».

Представители петербургского гарнизона в лице начальников отделов и районов военной охраны столицы заявили мне коллективно в заседании 23-го сего октября, что, как ни возмущены они предпринятым печатью преследованием чести военного мундира, тем не менее, как они сами, так и вверенные им части остаются в непоколебимом сознании, что все действия войск были вполне закономерны, отвечали обстоятельствам случая и долгу присяги. Но, к сожалению, эта уверенность подрывается сообщаемыми в печати объяснениями и личными переговорами статс-секретаря графа С. Ю. Витте, которому приписывают выражения, как бы подтверждающие полную солидарность правительства и печати в обвинении войск в напрасных «насилиях» над мирными жителями. Так, в переданном газетами, неизвестно из какого источника, подлинном разговоре по телефону графа Витте с командующим Семеновским полком полковником Мином печать обращает внимание общества на слова графа: «прошу вас, щадите кровь русских людей», и на ответ полковника Мина, что он якобы не прекратит стрельбы, так как «это не русские люди, а бунтовщики».

В разговоре с представителями печати приводятся слова графа Витте, что удалить войска из Петербурга «сразу нельзя», в чем выразилось согласие его с заявлением представителей печати об опасности для общества от присутствия войск, и что граф Витте «сам возмущен насилиями» (ответ на заявление г. Анненского, что «нас бьют казаки»). В приводимых печатью словах председателя совета министров, доколе они не опровергнуты, представители войск усматривают для себя тяжелое обвинение в действиях, не

отвечающих целям и намерениям высшего правительства, т.-е. в измене принятому долгу военной присяги, и это обстоятельство производит тяжелое впечатление на войска петербургского гарнизона.

Придавая настроению в войсках значение первостепенной важности, считаем долгом об изложенном довести до сведения вашего высокопревосходительства, с приложением № 197 газеты «Рассвет», № 372 «Русской Газеты», № 313 «Нашей Жизни», № 206 «Новостей» и представленного мне полковником Мином текста разговора, который в действительности происходил по телефону между ним и графом Витте.

Генерал-майор *Дедюлин.*
Управляющ. канцелярией (*подпись*).

13.

Донесение командующего л.-гв. Семеновским полком от 24 октября 1905 г. № 24.

Милостивый государь,

Владимир Александрович.

18 октября, получив донесение от капитана Левстрема, находившегося с двумя ротами у Технологического института, что положение становится опасным и собравшаяся толпа действует угрожающе, я доложил генерал-майору Лангофу, как старшему начальнику, о необходимости послать подкрепление. Был послан полковник фон-Эттер с двумя с половиною ротами. Задача ему была дана поставить заставы на Загородном пр., на высоте Броницкой ул., на Забалканском пр. лицом к Московской заставе и другую лицом к Обуховскому мосту, а также на первой роте Измайловского полка и таким образом не допускать никого на площадь, а площадь очистить от народа. В это мое распоряжение почему-то вмешался директор института, указывая всю вредность его, и почему-то упрашивал полковника фон-Эттера не делать этого. Полковник фон-Эттер запросил меня по телефону, как он должен поступить в виду таких доводов. Я приказал без замедления исполнить мой приказ, выразив удивление, что он еще не исполнил, и как могли иметь место разговоры с директором, ничего не имеющего общего с тем, что делается войсками на улице. В это время пришел ко мне учитель из института, которого я знал в лицо, имея с ним дело накануне, и в присутствии генерала Лангофа, бледный, взволнованный, заявил нам, что студенты и начальство боятся, что если начнется столкновение войск с толпой, то войско, возбужденное против них, сделает насилие над охраняемыми студентами. Ему было дано слово, что ничего подобного быть не может. Когда он заявил нам, что им доподлинно известно, что в данный момент идет борьба за власть между графом Витте и генералом Треповым, что они умоляют нас остерегаться последней власти. Что план генерала Трепова такой: вызвать сильное столкновение между войсками и народом и после этого склонить государя к отмене манифеста. Мы успокаивали этого учителя и представляли ему всю вымышленность такого предположения. Вскоре как ушел учитель, мне доложили, что меня просит к телефону граф Витте. Я подошел к телефону и услышал голос, говорящий: «Сейчас с вами будет говорить граф», и действительно, другой голос мне сказал следующее: «С вами говорит граф Витте».—«У телефона полковник Мин, командир Семеновского полка».—Граф: «Я хотел убедить вас не заграждать улиц, что может возбудить толпу и иметь дурные последствия. Я не имею права вмешиваться в распоряжение вашего начальства и говорю вам не как первый министр, а как русский гражданин, любящий свое отечество». —«С вами говорит тоже русский гражданин, любящий свое отечество так же, как и вы, если не больше. Я не имею удовольствия вас знать, и кто мне поручится, что у телефона действительно граф Витте? Я нахожу невозможным, чтобы мои приказания отменялись по просьбе директора института. Заграждение улиц считаю необходимым именно во избежание столкновений. Возбуждение моих солдат дошло

до высшего предела, они оскорблены насилием над товарищем, раненным накануне, ничем неповинным; они утомлены безрезультатным стоянием несколько суток под дождем из-за одного упрямства студентов. Я не могу допустить, чтобы часть моего полка была окружена толпой и отрезана от казарм. Положение тогда будет еще ужаснее,—я за них не отвечаю. Берете ли на себя ответственность?

Самое лучшее, граф, если вы сами явились бы на площадь. Вы так умеете владеть толпою, говорить с ними; успокойте ее, убедите разойтись и тогда освободите всех арестованных студентов. Как будет это торжественно и полезно».

Граф: «К сожалению, я не могу исполнить вашего совета».

Мой ответ: «Очень жаль. Мы боремся со скрытым врагом,— это ужасно, это страшно тяжело, но мы не можем поступать иначе; нас обвиняют в том, чего нет, это раздражает нас; распускают ложные слухи, чтоб натравить друг на друга. Сейчас был учитель из института, который заявил мне, что идет борьба за власть между вами и генералом Треповым. Что генерал Трепов хочет захватить власть и отменить манифест государя императора,— вот какой абсурд! Как вы находите?»

Граф: «Да, это совершенный абсурд, так как я всегда был с генералом Треповым в отличных отношениях, и о борьбе за власть не может быть речи. Действуйте так, как найдете нужным».

Ответ: «Благодарю вас, что доверяете. Буду счастлив встретить вас, чтобы пожать вам руку».

Граф: «Так вы теперь верите, что с вами говорит граф Витте?».

Я ответил: «Право, не знаю».

Сообщаю вам этот мой разговор с графом Витте вследствие выраженного вами желания знать его и просьбы вашей, чтобы содержание его было изложено письменно. Считаю долгом сказать, что весь разговор происходил, конечно, в очень тревожное время и некоторые детали могли быть пропущены или изменены, но основание его я утверждаю и всю последовательность.

Прошу, милостивый государь, принять мои уверения в чувствах глубокого к вам уважения и искренней преданности. *Георгий Мин.*

14.

Письмо Трепова С. Ю. Витте от 25 октября 1905 г. № 4059.

Милостивый государь,
Сергей Юльевич.

Возобновившаяся после забастовки столичная периодическая печать с первых же номеров газет занялась критикою действий войск, призванных для охраны порядка С.-Петербурга.

Помимо неправильного и весьма умышленного искажения описания этих действий и обстоятельств, их вызвавших, органы печати известного направления стремятся систематически к возбуждению общественного мнения против офицеров, командующих частями, стараясь дискредитировать их имена и приписывая им лично вину происшедших якобы «насилий и пролития крови мирных жителей».

По дошедшим до меня сведениям, представители петербургского гарнизона, в лице начальников отделов и районов военной охраны столицы, заявляли с.-петербургскому градоначальнику, что, как ни возмущены они предпринятым печатью преследованием чести военного мундира, тем не менее, как они сами, так и вверенные им части остаются в непоколебимом сознании, что все действия войск, будучи вполне закономерны, отвечали обстоятельствам случая и долгу присяги.

Вместе с сим, названные лица указывали, что органы печати известного направления в своих выводах основываются главным образом на приводимых теми же органами, в тенденциозной редакции, словах и объяснениях вашего сиятельства, из коих, в освещении, придаваемом им печатью, как бы вытекает солидарность правительства и печати в обвинении войск в напрасных «насилиях» над мирными жителями.

В особенности внимание военных кругов останавливается на приписы-

ваемой вашему сиятельству редакции разговоров с представителями прессы и командиром лейб-гвардии Семеновского полка.

Общее настроение, вызванное сказанными обстоятельствами среди военных, с несомненностью сводится к сильному возбуждению против взводимого на них печатью тяжелого обвинения в действиях, не отвечающих целям и намерениям высшего правительства.

Для должной реабилитации чести военного мундира, казалось бы, является крайне желательным путем той же прессы, явно злоупотребляющей авторитетом вашего сиятельства, восстановить истинный смысл ваших слов и тем самым положить предел дальнейшим несправедливым нападкам на войска с.-петербургского гарнизона.

Примите, милостивый государь, уверение в глубоком моем к вам уважении и таковой же преданности.

Д. Трепов.

15.

Письмо Н. Н. Вуича Трепову от 25 октября 1905 г. № 4059.

Милостивый государь,

Дмитрий Федорович.

По поручению графа Сергея Юльевича имею честь уведомить ваше превосходительство, что составлено уже правительственное сообщение, касающееся действий войск по подавлению беспорядков. Вместе с тем в Петербургское телеграфное агентство передается извещение, для распространения его в газетах, опровергающее бывший будто бы между графом и полковником Мином разговор [1]).

Прошу вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности

Николай Вуич.

Копия с правительственного сообщения прилагается.

Правительственное сообщение.

По поводу происходивших в последнее время событий в газетах появились статьи, колеблющие авторитет военной власти и могущие внушить населению враждебное отношение к отдельным войсковым частям. Между тем долг военной дисциплины препятствует воинским чинам входить в газетную полемику, хотя бы в ответ на оскорбительное обвинение. В виду этого необходимо указать на односторонность появлявшихся до сего времени в газетах известий и отметить неправильность основной мысли некоторых газетных статей. Войско не может и не должно быть проникнуто духом той или иной партии. В поставленной ему трудной задаче поддержания общественного и государственного порядка оно руководствуется требованием воинской дисциплины, преданностью престолу и патриотическим долгом. Очевидно, насколько в этом случае тяжело положение воинских чинов, обязанных действовать с крайней сдержанностью и осмотрительностью, не поддаваясь весьма естественному и понятному чувству личного раздражения.

Возможны, конечно, отдельные случаи отступления от сего под влиянием вызывающего или прямо враждебного отношения окружающих лиц. Но исключительные обстоятельства, при которых такие случаи могут происходить, требуют особой сдержанности в произнесении суждений о них. Не подлежит сомнению, что войско не может остаться вне влияния новых начал, внесенных в строй государственной жизни высочайшим манифестом 17 октября. Однако из этого не следует, чтобы когда-либо войска стали действовать не по указаниям начальства и не по долгу присяги, а соображаясь с возможною оценкою их действий со стороны отдельных групп населения.

Простая справедливость побуждает признать, что войска самоотвержен-

[1]) Это опровержение лишено было всяких оснований, что доказывается, между прочим, и воспоминаниями самого Витте. *Ю. О.*

но выполняют задачу, являющуюся во всех государствах наиболее для них трудною — подавления внутренних беспорядков, — и что тем самым они уже много раз предупредили кровопролитные столкновения между враждующими частями населения. В общей оценке значения деятельности войск не существует разногласия в составе высших военного и гражданского управлений. Спокойное и беспристрастное отношение к делу, несомненно, приведет большинство общества к признанию заслуг войск в происходящем умиротворении страны.

№ 16.

Донесение Трепова морскому министру от 26 октября 1905 г. № 4152.

Морскому министру.

Считаю необходимым сообщить вашему превосходительству для зависящих распоряжений доставленные ко мне с.-петербургским градоначальником сведения о беспорядках среди матросов 8 флотского экипажа:

Около 5 часов вечера в столовую имени императора Николая II явился матрос с просьбой разрешить передать по телефону экстренное сообщение в Суворовской участок, но после долгого ожидания, не передав по телефону никакого сообщения, очевидно, от неуменья пользоваться аппаратом, ушел. Затем около 8 часов вечера другой матрос являлся в дом № 85, по Большому проспекту, к управляющему названным домом крестьянину Ивану Соболеву, прося по важному делу переговорить по телефону с управлением Суворовского участка по поручению дежурного офицера 8 флотского экипажа и передал по телефону почти дословно следующее: «Дежурный офицер 8 флотского экипажа просит прислать к казармам экипажа казаков, так как у казарм собралась толпа рабочих и матросы, подстрекаемые толпой, забирают ружья и патроны, желая примкнуть к толпе». После этого, выйдя на улицу, Соболев увидал около казарм экипажа толпу рабочих, которые кричали, вызывая матросов на улицу. Бывший среди этой толпы в штатском платье околоточный надзиратель Сырлей был очевидцем, как в дверях подъезда казарм стоял флотский офицер, уговаривая матросов не выходить из казарм. При этом среди матросов было постороннее лицо, говорившее речь о событиях дня и приглашавшее матросов следовать с толпой для участия в беспорядках; матросы громко в присутствии офицера одобряли оратора и тут же курили папиросы. С прибытием к казармам полиции и роты л.-гв. Финляндского полка офицер ушел с подъезда с частью матросов в казармы.

По прибытии наряда картина беспорядков представлялась в следующем виде: у главного подъезда казарм, против Гаванской улицы, стояла толпа посторонних матросов до 150 чел., на другой стороне улицы другая толпа до 500 человек. Все открытые окна казарм были переполнены матросами, которые при появлении наряда подняли крик вместе с толпой; слышалась брань с той и другой стороны. По предъявлении требования разойтись толпа посторонних, как от подъезда, так и с другой стороны улицы, отошла в Гаванскую улицу, а бывшие у подъезда матросы отошли в сторону Кожевенной линии и остановились на углу. На приказание штабс-капитана Педашенко закрыть окна казарм оттуда послышалась брань. По требованию означенного офицера явился патруль из 4 матросов и доложил, на вопрос названного офицера, что матросы, действительно, собирались выйти из казарм на улицу и присоединиться к толпе, но были остановлены боцманами и взводными.

Свиты его величества генерал-майор

Трепов.

Самоубийство Н. П. Шмидта.

Николай Павлович Шмидт, владелец мебельной фабрики на Пресне, сгоревшей во время декабрьского восстания 1905 года в Москве, был арестован 17 декабря в числе активных участников вооруженной борьбы московских рабочих с самодержавием. По словам обвинительного акта, он, вместе с рабочими его же фабрики Михаилом Николаевым, Михаилом Золкиным, Романом Туляковым, Василием Юдиным и Андреем Ивановым, «в декабре 1905 г. в г. Москве заведомо принял участие в насильственном посягательстве на изменение установленного законами основными в Российской империи образа правления, присоединившись к вспыхнувшему в Москве вооруженному восстанию, направленному на достижение указанной цели, при чем, действуя заведомо сообща между собою и другими необнаруженными лицами, Шмидт способствовал организации на его фабрике в Москве революционной боевой дружины, вошел в ее состав и вместе с другими участниками ее учинил вооруженное нападение на управление 3-го участка Пресненской части, сопровождавшееся разоружением чинов полиции и уничтожением портрета государя императора и части официальной переписки».

Шмидт и его товарищи, обвинявшиеся по 51 и 100 ст. ст. уголовного уложения, подлежали суду московской судебной палаты с участием сословных представителей, но Шмидту не суждено было предстать на этот суд: не выдержав условий четырнадцатимесячного тюремного режима, он 13 февраля 1907 года покончил жизнь свою самоубийством.

Предварительное следствие по делу Шмидта и др. тянулось долго в силу ряда причин, среди которых сыграла немалую роль необходимость освидетельствования «умственных способностей» Шмидта, по его собственному настоянию. По окончании шестидневной голодовки, имевшей целью добиться свидания с родными, в апреле 1906 г., Шмидт подал заявление прокурору моск. судебной палаты о переводе его из пересыльной тюрьмы в тюремную больницу и об освидетельствовании его здоровья врачами-специалистами: Россолимо (по нервным болезням) и Усовым (по внутренним). Вместе с тем Шмидт просил изменить «меру пресечения», отпустив его на поруки «под любой залог» или назначив ему домашний арест. Это заявление было подано 23 апреля, а 8 мая судебный следователь моск. окр. суда по важнейшим делам сообщил прокурору моск. суд. палаты, что Шмидт будет освидетельствован им и врачами тюремной больницы, — что же касается изменения меры пресечения, то для удовлетворения просьбы об этом не представляется оснований. 19 мая прокурор судебной палаты подтвердил, с своей стороны, что он также не находит возможным освобождение Шмидта из-под стражи, указав, что обвиняемый может обратиться с ходатайством об этом в судебную палату. 7 июля моск. окружной суд, по освидетельствовании умственных способностей Н. П. Шмидта, определил «подвергнуть его испытанию в специальной больнице в течение трех месяцев, по истечении какового времени произвести новое освидетельствование в заседании окружного суда».

8 июля прокурор окр. суда отдал распоряжение о переводе Шмидта в тюремную больницу, но Шмидт подал ему просьбу поместить его в специальную психиатрическую больницу «за собственный счет»; однако и эта просьба его была отклонена. Пока шла переписка, Шмидт оставался в пересыльной тюрьме. 17 июля прокурор окр. суда подтвердил начальнику тюрьмы «о безотлагательном исполнении его распоряжения, основанного на постановлении окружного суда, независимо от заявлений и прошений Шмидта». Прокурор судебной палаты 29 июля

также приказал оставить прошение Шмидта без последствий и подтвердил распоряжение прокурора окр. суда о помещении Шмидта в тюремную больницу, указав, что помещение в частную лечебницу явилось бы, по существу, одним из способов уклонения от следствия и суда. 28 июля Шмидт был помещен в тюремную больницу.

10 ноября Шмидт был подвергнут освидетельствованию в заседании окружного суда и признан был «нормальным как в настоящее время, так и во время приписываемого ему преступления» («расстройство со стороны нервной системы, выраженное неврастенией; в психическом отношении представляется нормальным»). 25 ноября министерство юстиции запросило прокурора моск. судебной палаты, на какое число назначено заслушание дела Шмидта; прокурор ответил, что 22 ноября дело о Шмидте возвращено им судебному следователю для доследования в виду поимки ранее разыскивавшегося по этому делу Мих. Николаева. Наконец, 14 декабря судебный следователь препроводил прокурору судебной палаты «предварительное следствие в трех томах по делу о Николае Шмидт, Николаеве и др., обвиняемых по 100 ст. уголовного уложения»; всего по делу привлекалось 6 обвиняемых и 27 свидетелей.

24 декабря 1906 г. мать Шмидта, Вера Викуловна, подала прокурору моск. суд. палаты прошение, в котором, заявив, что ею подана в моск. судебную палату жалоба на определение окр. судом состояния здоровья ее сына, просила прокурора приостановить или замедлить следственное дело Н. П. Шмидта, направленное к нему для составления обвинительного акта, впредь до разрешения суд. палатой поданной ею жалобы. Накануне же, 23-го, сам обвиняемый подал аналогичное прошение, в котором, он между прочим, вновь настаивал на освобождении его из тюрьмы.

Психическое состояние Шмидта, повидимому, ухудшалось crescendo. Мать и сестра его 11 января 1907 г. обратились к министру юстиции с телеграммой, в которой указывали, что здоровье их сына и брата «невыносимо плохо, грозит полное душевное расстройство; положение критическое, необходимо немедленное освобождение из тюрьмы и серьезное лечение». Просительницы умоляли министра оказать им «скорейшее в этом содействие». В тот же день первый департамент министерства юстиции предложил прокурору суд. палаты «сообщить в возможно непродолжительном времени, сведения о состоянии здоровья Николая Шмидта, обвиняемого в государственном преступлении». Только 16 января прокурор ответил министру, что Шмидт, «по отзыву врача тюремной больницы, страдает психическим расстройством — первичное помешательство... Болезнь — в этой форме наследственная — не проявляется в видимых признаках, и по внешнему виду Шмидт совершенно здоров».

«Первичное помешательство» обвиняемого не помешало, однако, прокурору 23 января 1907 г. «представить» дело о Шмидте палате на рассмотрение. Но обвиняемый не захотел дожидаться суда: утром 13 февраля он покончил с собой, перерезав себе осколком оконного стекла сонную артерию.

Печатаемые ниже документы о трагическом конце Н. П. Шмидта извлечены из фонда моск. судебной палаты (дело № 945 — 1906 г.), хранящемся в Моск. Архиве Революции и Внешней Политики.

А. С.

1.

Телеграмма прокурора московской судебной палаты министру юстиции от 13/26 февраля 1907 года.

Сегодня Николай Шмидт, обвиняемый [по] 100 статье и содержавшийся [в] Московской тюремной больнице, осколком оконного стекла перерезал себе сонную артерию. Предварительное следствие подтверждает самоубийство. Подробности будут донесены дополнительно.

Прокурор палаты *Александров-Дольник.*

2.

«Представление» прокурора московского окружного суда прокурору московской судебной палаты.

13 февраля 1907 года, около 6 часов утра, в изоляторе № 5 московской тюремной больницы обнаружен без признаков жизни политический арестант Николай Шмидт, обвиняемый по 100 ст. улож. уголовного за участие в вооруженном восстании в гор. Москве в декабре 1905 года; на шее покойного усмотрены две резаные раны в области сонной артерии, стекло в окне изолятора оказалось разбитым, и осколки стекла валялись на полу, обильно смоченном кровью.

По сему поводу мною возбуждено предварительное следствие, выяснившее пока нижеследующее:

13 февраля, в указанное выше время, старший надзиратель при тюремной больнице Кожин, выйдя на проверку, вошел вместе с дежурным надзирателем Козловым со свечою в руках в изолятор № 5, и там оба они увидели лежащего в белье и халате на полу около кровати, лицом вниз, арестанта, потомственного почетного гражданина Николая Павловича Шмидт, на шее у которого была заметна кровь. При беглом осмотре Кожин и Козлов заметили, что пол около лежащего Шмидта обильно смочен кровью, что одно из звеньев единственного окна изолятора разбито, что около окна на полу лежит скомканное одеяло и что осколки стекол, частью окровавленные, валяются на полу, на подоконнике и на столе. Убедившись, что тело Шмидта еще теплое, Кожин дал знать о случившемся заведующему больницей помощнику начальника тюрьмы Терещенко, который тотчас же прибыл вместе с врачом, при чем последний констатировал смерть Шмидта.

По словам Козлова, он дежурил с 12 часов ночи, несколько раз заглядывал в дверное окошечко изолятора и ничего подозрительного не замечал. Около четырех часов утра Козлов принес Шмидту, по его просьбе, кружку воды и новую свечку, так как первая догорела. После этого Козлов еще в течение нескольких минут видел свет в изоляторе, а затем огонь погас и вплоть до самого прихода на поверку он, Козлов, никакого шума или звона разбиваемых стекол не слышал.

При осмотре, произведенном судебным следователем, прежде всего было обращено внимание на окно, при чем оказалось, что разбиты нижнее звено зимней рамы и соответствующее ему звено в летней раме, что размер разбитых звеньев крайне незначительный ($^{7}/_{10}$ вершков) и что стекло выдавлено изнутри наружу, повидимому, при помощи одеяла, так как на нем было усмотрено несколько свежих порезов. Подушки на кровати Шмидта, матрац, пододеяльник и простыня оказались в местах, прилегающих к изголовью и к стене, настолько сильно пропитанными кровью, что она даже просочилась до деревянного щита под матрацом; стена около изголовья оказалась также сильно запачканной кровью; всего же больше крови было обнаружено под кроватью, соответственно изголовью, — здесь была усмотрена целая лужа ее с продолжающимся в виде тонкой ленты потоком вдоль пола, по направлению от окна к выходной двери. На самом трупе были усмотрены две резаные раны в области шеи, по обеим сторонам ее, и незначительные красноватые пятна с осаднениями над левой бровью, на верхнем левом веке и на правой коленке.

По осмотру можно предполагать, что Шмидт выдавил одеялом одно из звеньев окна и затем, воспользовавшись одним или несколькими подходящей формы осколками стекол, порезал себе шею, при чем сначала он лежал на кровати лицом к стене, а затем уже, после причинения себе ран, повернулся и скатился с кровати на пол. Очевидно, Шмидт, причиняя себе раны, держал осколки стекла завернутыми в полотенце или платок, так как на руках его нет никаких порезов, а между тем полотенце и платок перепачканы в крови. Что касается вопроса о том, могли ли

дежурные внутреннего и наружного постов не слыхать звона разбиваемых стекол, то обстоятельство это допустимо, так как изолятор имеет продолговатую форму с окном в одной стороне и выходной толстой, обитой железом дверью с другой стороны, так что, если надзиратель во время разбития стекла находился не около изолятора Шмидта, а в другом конце коридора, то возможно, что он и не мог слыхать звона; точно так же и надзиратель наружного поста на дворе мог не слыхать звона разбиваемого стекла, так как линия вдоль корпуса больницы значительная.

Покойный Шмидт содержался в пересыльной тюрьме с 15 января 1906 года, по постановлению судебного следователя по важнейшим делам (по обвинению по 100 ст. угол. улож.); в тюремную больницу Шмидт был переведен как больной 14 января 1907 года, а на другой день, по собственному желанию и по распоряжению главного врача, был переведен из общей больничной камеры в изолятор; с 14 января 1907 года Шмидт числится содержанием за московской судебной палатой, куда производство о состоянии умственных способностей Шмидта поступило по жалобе последнего на определение московского окружного суда, признавшего Шмидта психически здоровым.

Произведенным сего числа судебно-медицинским вскрытием трупа Шмидта обнаружено: 1) на левой руке у запястья в области пульса неглубокий порез, 2) на левой стороне шеи неглубокая рана и 3) на правой стороне шеи резаная рана с повреждением вены и сонной артерии. Последнее поранение послужило причиною смерти Шмидта. Характер ран указывает на то, что они нанесены не острым орудием, но каким-либо зазубренным предметом в виде осколка стекла.

По заключению эксперта — профессора Минакова, смерть Шмидта последовала, видимо, от самоубийства.

Следствие по сему делу производится судебным следователем окружного суда по важнейшим делам Всесвятским, под наблюдением товарища прокурора Тульпугова и под непосредственным моим руководством.

Об изложенном доношу вашему превосходительству, присовокупляя, что копия настоящего донесения представляется министру юстиции вместе с сим за № 3776.

Прокурор *Влад. Арнольд*. Секретарь *Раковский*.

Февраля 14 дня 1907 года. № 3775.

3.

Копия.

Постановление моск. судебной палаты от 26 февраля 1907 г. о прекращении судебного преследования Н. П. Шмидт.

№ дела 100. 1907 года. Февраля 26 дня. По указу его императорского величества, московская судебная палата по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента А. М. Ранга, в составе членов палаты: Н. К. Демонси и Д. П. Стремоухова, при товарище прокурора И. М. Золотареве и при секретаре К. Я. Зеньковиче слушала: 1) представление судебного следователя московского окружного суда по важнейшим делам от 15 февраля 1907 года за № 91, коим он доносит о смерти Николая Шмидт, обвиняемого по 100 ст. угол. улож.; 2) справку, из коей видно, что в производстве судебной палаты имеется поступившее 25 января 1907 года еще не решенное дело о потомственном почетном гражданине Николае Павлове Шмидт и др., обвиняемых по 51 и 100 ст. ст. угол. улож. и 3) словесное заключение товарища прокурора судебной палаты.

Принимая во внимание, что на основании 1 п. 16 ст. уст. уг. суд. начатое судебное преследование в отношении уголовной ответственности обвиняемого, за смертью его, подлежит прекращению и что смерть обвиняемого

потомственного почетного гражданина Николая Павлова Шмидт установлена, судебная палата определяет: судебное преследование в отношении уголовной ответственности Николая Павлова Шмидт за смертью его и на основании 1 п. 16 ст. уст. уг. суд. прекратить. Надписано «не решенное». С подлинным верно. Секретарь (подпись).

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: Вл. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив», тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. И. Полонского и В. М. Фриче.
2. Русско-германские отношения. (Сборник секретных документов.) С предисловием М. Н. Покровского.
3. Ф. М. Достоевский, Исповедь Ставрогина (неизданные главы из романа «Бесы») и житие великого раешника. (План романа.) Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.
4. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.
5. Дневник А. Г. Достоевской.
6. Сборник материалов и статей по архивному делу.
7. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием Вл. Максакова.
8. И. С. Тургенев. (Новые материалы.)
9. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.
10. «Архивное дело». Выпуски I, II, III—IV и V.
11. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.
12. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.
13. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.
14. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.
15. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского.
16. Переписка Николая и Александыр Романовых. Т. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.
17. Бакунин (материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.
18. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакц. Б. Б. Веселовского, В. М. Фриче и В. И. Пичета.
19. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.
20. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.
21. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского и с предисловием В. И. Невского.
22. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. покровского.
23. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.
24. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.
25. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. Под редакцией А. А. Покровского, с предисловием Покровского.
26. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.
27. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией В. В. Максакова.

28. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.
29. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
30. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского.
31. Восстание декабристов. Т. VIII. (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.
32. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.
33. Правила постановки архивной части делопроизводства в государ., профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 2 изд.
34. Письма Ф .М. Достоевского. Под общей ред. В. Ф. Переверзева.
35. Рабочее движение в годы войны. Под общей ред. А. Лозовского.
36. Политическое значение архивов.

Материалы по истории восстания декабря 1925 года.

Под общей редакцией *М. Н. Покровского.*

1. «Восстание декабристов»(Следственное дело). Т.т. I (вышел в свет), II, III, IV, V и VI печатаются.
2. «Русская Правда» П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова (печатается.)
3. «Восстание декабристов», т. VIII (Алфавит декабристам). Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса (вышел в свет).
4. Восстание Черниговского полка. Под редакцией Ю. Г. Оксмана. (печатается).
5. М. Н. Покровский. Декабристы. Общий очерк.
6. А. Е. Пресняков. День 14 декабря. (печатается).
7. П. Е. Щеголев. Восстание Черниговского полка.
8. С. С. Мильман. П. И. Пестель.
9. М. В. Нечкина. Общество Соединенных славян. (печатается).
10. Описи архивных дел по истории декабристов
11. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов (печатается).
12. Хрестоматия. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Лаврова и Б. Модзалевского (печатается).

1917 г. в документах и материалах.

Под редакцией *М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева.*

1. 1-й Съезд Советов.
2. Петроградский Совет Р. и С. Д. 1917 г. (вышла в свет).
3. Аграрное движение в 1917 г.
4. Рабочее движение в 1917 г. (печатается).
5. Движение железнодорожников в 1917 г. (печатается).
6. Разложение армии в 1917 г. (вышла в свет).
7. Материалы II Съезда Советов.
8. Буржуазия перед революцией (печатается).

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией *А. Лозовского.*

1. Морозовская стачка. С предисловием В. Н. Невского (вышла в свет).
2. Стачечное движение 90-х годов (печатается).
3. Рабочее движение начала 900-х годов.
4. Стачечное движение 1905 года.
5. Рабочее движение в годы революции.
6. Ленские события (вышла в свет).
7. Рабочее движение в годы войны (вышла в свет).
8. Материалы по истории рабочего законодательства (печатается).

---

1. Пугачевщина, т. I. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского (печатается).
2. Политические процессы 60-х годов. В II.
3. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.
4. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (печатаются).
5. Пугачевщина, т. II и III (печатается).
6. 1 марта 1887 г. (Дело Александра Ульянова, П. Шевырева и др.) (печатается).
7. Материалы по истории «Народной Воли».
8. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче (печатается).
9. Студенческое движение 1905 г.
10. Революционное движение в армии и флоте.
11. Последние дни Колчаковщины. (печатается).
12. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V (печатается).
13. Письма Победоносцева к Александру III. Т. II (печатается).
14. Дневник Ламздорфа. Под редакцией Ф. А. Ротштейна (печатается).
15. Дневник Е. А. Перетца (печатается).
16. Русско-польские отношения (печатается).
17. Русский империализм на Дальнем Востоке.
18. Наказы депутатам в 1 Гос. Думу.
19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материал к роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.
20. Материалы к роману «Преступление и наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.
21. Материалы к роману «Бесы». По редакцией Н. Л. Бродского.
22. Материалы к роману «Подросток» Под редакцией В. Ф. Переверзева.
23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.
24. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под ред. Е. А. Преображенского (печатается).
25. 14 декабря 1825 г. в письмах и воспоминаниях царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского (печатается).
26. Стенографический отчет о работах первого съезда архивных деятелей (печатается).

Государственное Издательство РСФСР

МОСКВА

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Под ред. и с пред. М. Н. ПОКРОВСКОГО

ДЕЛА ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
И СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ

ТОМ I
Стр. 540. Ц. 6 р.

ЦЕНТРАРХИВ

ТОМ II
(Печатается).

В первый том вошли следственные дела декабристов, принадлежащих к Северному Тайному Обществу (Дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского 1, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Б. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева и М. А. Бестужева). Материалы дают впервые совершенно полное и точное воспроизведение „дел", с сохранением всех особенностей расположения правописания и пунктуации.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

А. Е. ПРЕСНЯКОВ

14-ое ДЕКАБРЯ 1825 года

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Общественная почва восстания. 2) Северное общество. 3) Династический кризис. 4) Канун восстания. 5) День 14-го декабря. 6) Ликвидация восстания. 7) Библиограф. послесловие.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМ

ДЕКАБРИСТЫ

12 ПОРТРЕТОВ ДЕКАБРИСТОВ
И 12 СЮЖЕТНЫХ РИСУНКОВ

Рисунки художника **Д. Н. Кардовского.** ★ Текст **М. Я. Цявловского.**

Продажа производится: в Торговом Секторе, Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Ленинград, „Дом Книги", Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-49-32, в магазинах, киосках и провинциальных отделениях Государственного Издательства.

Государственное Издательство РСФСР

ПЕРИОДСЕКТОР

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ, В 25 ТОМАХ

Под редакцией Л. Б. Каменева

Кроме материала, вошедшего в I издание, в новое издание включено до 50 печатн. листов вновь разысканных статей, 2 тома писем В. И. Ленина.

Издание иллюстрировано портретами В. И. Ленина и снимками с рукописей и редких изданий.

(Формат книги 15½×23½ см.)

Все издание будет выпущено на лучшей бумаге „Верже", в прочных тисненных переплетах.

Техническое выполнение изданий под наблюдением **И. И. Ионова и Д. К. Богомильского.**

ПЕРВЫЙ ТОМ ВЫШЕЛ И РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИК М.

Цена всего издания 40 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ. Задаток при подписке 4 руб., остальные 36 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (по два тома и последний 3 т.) наложенным платежем по 3 руб.

Пересылка за счет подписчика.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, УДЕШЕВЛЕННОЕ, В 25 ТОМАХ

Под редакцией Л. Б. Каменева

В это издание включен полностью весь материал, вошедший во второе издание.

Все издание будет выпущено в прочных переплетах.

(Формат книги 14×21 см.)

Техническое выполнение изданий под наблюдением **И. И. Ионова и Д. К. Богомильского.**

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ТОМ ПЕРВЫЙ.

Цена всего издания 20 рублей.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: Задаток при подписке 2 руб., остальные 18 руб. уплачиваются при получении 12-ти посылок (11 по 2 т. и в последней 3 т.) наложенным платежом по 1 р. 50 к.

Пересылка за счет подписчика.

Подписка принимается: В ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-89-54. Ленинград, „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28), в провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора, снабженных соответствующими удостоверениями.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

БИБЛИОТЕКА МАРКСИСТА

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ **Д. РЯЗАНОВА**

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Выпуск I. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Коммунистический манифест. С пред. и прим. Д. Рязанова. Стр. 144. Ц. 50 к.

Выпуск II. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке. С предисл. Д. Рязанова и примеч. Г. Зайделя и И. Луппола. Стр. 166. Ц. 70 к.

Выпуск III. Энгельс, Ф. Крестьянская война в Германии. С пред. Д. Рязанова и прим. Ц. Фридлянда. Стр. 160. Ц. 70 к.

Выпуск IV. Карл Маркс — мыслитель, человек, революционер. С пред. Д. Рязанова. Стр. 174. Ц. 80 к.

Выпуск V. Лафарг, Поль. Томас Кампанелла. С пред. Д. Рязанова. Стр. 102. Ц. 50 к.

Выпуск VI. Плеханов, Г. Основные вопросы марксизма. С пред. и прим. Д. Рязанова. Стр. 134. Ц. 60 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Выпуск VII. Маркс, К. 18-е Брюмера Луи Бонапарта.

Выпуск VIII. Маркс, К. Заработная плата, цена и прибыль.

Выпуск IX. Плеханов, Г. Русский рабочий в революционном движении.

Выпуск X. Маркс, К. Наемный труд и капитал.

Подготовлены к печати еще 30 названий:

произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, Каутского, Лафарга, Лассаля, Меринга, Люксембург и Лабриола.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

ИЗВЕСТИЯ ЦК ВКП (б)

Еженедельный орган ЦК ВКП (б)

52 номера в год.

Подписная цена:

на год — **4** р., на 6 мес. — **2** р., на 3 мес.—**1** р.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Орган Агитпропа ЦК ВКП (б).

Отв. ред. С. Сырцов.

Выходит два раза в месяц.

Подписная цена:

на год—**7** р. **20** к., на 6 мес—**4** р., на 3 мес. — **2** р.

КОММУНИСТКА

Ежемесячный орган Отдела ЦК ВКП(б) по работе среди работниц и крестьянок.

Отв. ред. Н. К. Крупская.
Отв. секр. М. Разумова.

Подписная цена:

на год—**3** р., на 6 мес.—**1** р. **60** к., на 3 мес.—**80** к.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган Истпарта Отд. ЦК ВКП (б) по изучению Октябрьской революции и ВКП (б).

Отв. ред. С. Канатчиков.

Подписная цена:

на год — **12** р., на 6 мес. — **6** р., на 3 мес. — **3** р.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Центральный руководящий орган Главполитпросвета, посвященный вопросам теории и практики политпросветительной работы.

Под ред. Н. А. Рузер-Ниро вой.

Выходит раз в два месяца.

Подписная цена:

на год—**7** р., на 6 мес.—**3** р. **75** к.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Ежемесячный орган Наркомпроса РСФСР

Отв. ред. М. Эпштейн.

Подписная цена:

на год—**11** р., на 6 мес.—**5** р. **50** к., на 3 мес. — **3** р.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК НАРКОМПРОСА

Отв. ред. И. Перель

Подписная цена:

на год — **10** р., на 6 мес. — **5** р., на 3 мес.—**3** р.

Подписная цена на журнал **Народное Просвещение** вместе с **Еженедельником НКП** на год—**20** р., на 6 мес.—**10** р., на 3 мес.—**5** р. **50** к.

ПОМОЩЬ САМООБРАЗОВАНИЮ

Ежемесячный журнал.

Орган Отдела Помощи Самообразованию Главполитпросвета, Агитпропа ЦК ВКП, Политпросвета ЦК РЛКСМ и Культотдела ВЦСПС.

Отв. ред. Н. Крупская, Н. Заровнядный, А. Станчинский, В. Фрейман, В. Юдовский, С. Минина, С. Шульга и С. Шульман.

Подписная цена:

на год—**4** р. **80** к., на 6 мес.—**2** р. **40** к., на 3 мес.—**1** р. **25** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (**Москва,** Воздвиженка, 10/2, Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Телеф. 5-49-32). В **провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора.**

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ЖУРНАЛОВ ГОСИЗДАТА—ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

СЕКТОР ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Москва, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 г. НА ЖУРНАЛЫ:

КРАСНЫЙ АРХИВ

Историко-революционный журнал.
Орган Центрархива.
Отв. ред. В. Максаков, М. Покровский и В. Фриче.
Выходит раз в 2 месяца.
Подписная цена:
на год—**15** р., на 6 мес.—**8** р.

КРАСНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ

Ежемесячный журнал библиотечной теории и практики.
Орган Библиотечного Отдела ГПП.
Отв. ред. М. А. Смушкова.
Подписная цена:
на год—**7**р., **50** к., на 6 мес.—**3** р.,**75** к., на 3 мес.—**1** р. **90** к.

КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ

Журнал, посвященный вопросам печати и печатной агитации.
Орган Отдела Печати ЦК ВКП (б).
Выходит 2 раза в месяц.
Подписная цена:
на год—**12** р.,на 6 м.—**6** р.,на 3 м.—**3** р.

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

Журнал литературы, искусства, критики и библиографии.
Под ред. Вяч. Полонского. При уч.: А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, И. И. Степанова-Скворцова и М. Н. Покровского.
Выходит 8 раз в год.
Подписная цена:
на год—**12** р., на 6 мес.—**6** р. **50** к.

КНИГОНОША

Еженедельный журнал критики, библиографии и книжного дела.
Отв. ред. Л. Тарский.
Подписная цена:
на год—**12** р., на 6 м.—**6**р., на 3 м.—**3** р.

КРАСНОЕ СТУДЕНЧЕСТВО

Ежемесячный орган Центрального Московского Бюро Пролетстуденчества.
Отв. ред. Н. Крупская.
Выходит 9 номеров в год.
Подписная цена:
на год—**3** р., на 6 мес.—**1** р. **75** к.

ОКТЯБРЬ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-бытовой журнал Всесоюзной Ассоциации Пролетарских Писателей (ВАПП)
Отв. ред. Г. Лелевич.
Подписная цена:
на год—**7** р., на 6 мес.—**3** р. **50** к.

КРАСНАЯ НОВЬ

Ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал.
Под ред. А. Воронского, В. Сорина и Ем. Ярославского.
Подписная цена:
на год—**18** р., на 6 мес.—**9** р., на 3 мес.—**4** р. **50** к.

СОВЕТСКОЕ ПРАВО

Журнал Института Советского Права.
Выходит раз в 2 месяца.
Подписная цена:
на год—**7** р. **50** к., на 6 мес.—**3** р. **75** к.

ИСКРА

Ежемесячный общедоступный научный журнал.
Отв. ред. Н. Н. Андреев.
Подписная цена:
на год—**4** р. **80** к., на 6 мес.—**2** р. **40** к., на 3 мес.—**1** р. **20** к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: в ПЕРИОДСЕКТОРЕ ГОСИЗДАТА (Москва, Воздвиженка, 10/2, Ленинград, „Дом Книги“, проспект 25 Октября, 28. Телеф. 5-49-32). В провинциальных конторах и у уполномоченных Периодсектора.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ ЖУРНАЛОВ ГОСИЗДАТА—ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
ПЕРИОДСЕКТОР

МОСКВА, Воздвиженка, 10/2. Тел. 5-88-91 и 5-89-54.

Адрес для телеграмм: *Москва, Периодсектор*

Текущ. счета в Моск. к-ре Госбанка—№ 1090 и в Моск. Сбер. Кассе № 207052.

КОНТОРА ПЕРИОДСЕКТОРА ЛЕНПРЕДГИЗА

Ленинград, Ленинградское представительство, Проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-49-32.

Телеграф. адрес: *Ленпредгиз.*

КОНТОРЫ и УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ПЕРИОДСЕКТОРА

Артемовск, Магистратская, 39.
Астрахань, Ул. Свердлова, 48.
Баку, Пл. К. Маркса, 10.
Батум, Ул. Интернационала, 12.
Барнаул, Отделение Сибкраиздата.
Благовещенск, Ленинская, 131.
Брянск, Ул. III Интернационала, 66.
Верхнеудинск, Бурятская, 26.
Винница, Пр. Ленина, 44.
Витебск, Ул. Ленина, 25.
Владивосток, Ленинская, 37.
Владимир, Ул. III Интернационала, 12.
Вологда, Площ. Свободы, 6.
Воронеж, Пр. Революции, 1-й дом Совета.
Вятка, Ул. Грилевского, 7.
Гомель, Советская, 25.
Грозный, Просп. Революции, 11.
Екатеринослав, Садовая, 15, кв. 22.
Житомир, Ул. К. Маркса, 27.
Иваново-Вознесенск, Красноармейская.
Ижевск, Коммунальная, 5.
Иркутск, Здание Губпрофсовета, ул. К. Маркса, 16/19.
Казань, Чернышевская, 6.
Калуга, Пр. Революции, 7.
Киев, Ул. Воровского, 38.
Кострома, Советская, 11.
Краснодар, Красная, 35.
Красноярск, Ул. К. Маркса, 145.
Курск, Ул. Володарского, 35.
Минск, Советская, 54.
Н.-Новгород, Ул. Свердлова, 14.
Новониколаевск, Кр. Проспект, 19.
Новороссийск, Ул. Советов, 35.
Одесса, Ул. Лассаля, 14.
Омск, Ул. Ленина, 16.
Орел, Ленинская, 23.
Оренбург, Артиллерийский п., д. 11, кв. 2.
Петропавловск (Акмол. г.), Управская, 69.
Пенза, Интернациональная, 52.
Пермь, Ул. К. Маркса, 17.
Покровск, Тцянь-Тзинь, ул. Самбурского.
Полтава, Сретенская, 25.
Пятигорск, Советский просп., 48.
Ростов-Дон, Пр. Ворошилова, 12.
Рыбинск, Дом Союзов, комн 2.
Рязань, Ул. Подбельского (б. Почтовая), д. Крюкова.
Самара, Советская, 113.
Саратов, Ул. Республики, 4/6.
Свердловск (Екатеринбург), ул. Гоголя, 10.
Симферополь, Проспект Троцкого, 14.
Смоленск, Б. Советская, 12.
Сталинград, Советская, 25.
Сухум, кн. маг. Наркомпроса Абхазии.
Тамбов, Кооперативная, 7.
Тверь, Ул. Урицкого, 31/34.
Тифлис, Пр. Руставели, 34.
Томск, Благовещенский пер., 5.
Тула, Ул. Коммунаров, 28.
Ульяновск (Симбирск). Уг. ул. К. Маркса и Покровской, д. Губоно, комн. 11.
Хабаровск, Лисуновская, 51.
Харьков, Сергиевская пл., 3, Московские ряды.
Челябинск, Ул. Цвилинга, 3.
Чита, Бутынская ул. д. против Мариинск. театра.
Ярославль, Линия Социализма, 6.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

СРЕДНЕ-АЗИАТСКОЕ. Акц. Об-во „Туркпечать".
Ташкент, Пр. К. Маркса, 37.

ОТДЕЛЕНИЯ ЕГО в Алма-Ата, Аулиэ-Ата, Коканде, Кагане, Пишпеке, Полторацке, Самарканде и Старой Бухаре.

Т-ВО „БАШКНИГА", Уфа.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРИНАДЦАТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

М. Н. Покровский. Статья.— Восстание Черниговского полка.— Записка Н. И. Тургенева.—М. Ф. Орлов и 14 декабря 1825 г.—„Практические начала политической экономии“ П. И. Пестеля.— К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным.—Заговор в Зерентуйском руднике.— П. И. Пестель: „Конституция. Государственный Завет“.— Рассказ Телешева о 14 декабря.— Солдаты Московского полка о 14 декабря. Казнь моряков-декабристов.—Из писем и записок В. Ф. Раевского—и др.

ЦЕНТРАРХИВ
1925

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

1. Предисловие М. Н. Покровского. . . . . V—VIII
2. Восстание Черниговского полка в показаниях участников. *В. Сыроечковский* . . . 1— 67
3. Записка Н. И. Тургенева. *Н. Ф. Бельчиков* . . . . . 68—147
4. М. Ф. Орлов и 14 декабря. *П. С. Попов.* . . . . . 148—173
5. „Практические начала политической экономии“ П. И. Пестеля. *С. С. Мильман* . . 174—249
6. К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным. *Н. Ф. Лавров.* . 250—257
7. Заговор в Зерентуйском руднике. *М. В. Нечкин.* . . . . . 258—279

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА.

8. П. И. Пестель „Конституция Государственный завет“. *С. С. Мильман* . . . . . 280—284
9. Рассказ И. Я. Телешева о 14 декабря 1825 г. *Б. Сыроечковский* . . . . . 284—288
10. Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г. *А. В. Шебалов* . . . . . 288—292
11. Казнь моряков-декабристов. *А. К. Дрезен* . . . . . 292—297
12. Из писем и записок В. Ф. Раевского. *Ю. Г. Оксман.* . . . . . 297—314
13. О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов. *П. Попов.* . . —314
14. Месяцеслов на 1827 г. *А. С. Николаев* . . . . . 314—320
15. Завещание П. И. Пестеля. *Б. Пушкин.* . . . . . —320

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче.

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ ТОМОВ В ГОД.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ:

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем.—П. Г. Зайчневский.—Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.— Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.— Александр-III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.— С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и М. В. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910 — 1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России.— Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. — **Из записной книжки архивиста**: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“.—Достоевский в Твери.—Речь Щапова.— Революционное движение в войсках во время мировой войны.—Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г.— Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка).— Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.) — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина.— Письма участников процесса 193-х.— Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.— С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине.— Верховное командование в первые дни революции. Из переписки Николая I в декабре 1825 г.— Письма Д. И. Писарева из крепости.— Два письма П. Ф. Якубовича.— **Из записной книжки архивиста**: Г. В. Плеханов и „шпионские забавы“.— Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.—В. Чернов и июльск. дни.—Распутин в освещении охранки.—От редакции.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут.— Константинополь и проливы.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Из архива Л. Тихомирова.— Временное правительство после Октября.— Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову.— Л. Толстой и помощь голодающим.— **Из записной книжки архивиста:** Два письма Карла Маркса.— Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой.— К иконографии декабристов.—Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание).— Константинополь и проливы (окончание).— Из дневника А. Н. Куропаткина.— Автобиографическая записка и письма С. Ширяева.— М. Бакунин и экспедиция на пароходе „Ward Jackson".— Достоевский „Преступление и наказание".— Омские события при Колчаке.— **Из записной книжки архивиста:** Неизданный манифест Исполнительного Комитета „Народной воли".— Неизданные письма Л. Толстого Иславиным.— Стихотворение Я. П. Полонского „Простая быль".

ВОСЬМОЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г.— Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г.— Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г.— март 1906 г.) — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 г.г.) — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича).— Октябрьский переворот и Ставка.— Омские события при Колчаке (окончание).— Указы Пугачева и его коллегии.— Литература 60-х годов по отчетам III отделения.— Ф. М. Решетников и „Северная Пчела". Неизданная сказка А. П. Чехова.— **Из записной книжки архивиста:** Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве.— В годы реакции.— Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову.— Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.—Пенсионная практика Временного Правительства.— Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание).— Отражение событий 1905 г. за границей.— Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г.— Крестьянское движение 1905 г. Волнения во флоте в 1915 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.— Показание А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и Ставка (окончание).— Вокруг Гатчины.— Записка А. К. Бошняка.— Марксистская периодическая печать 1896—1906 г.г.— **Из записной книжки архивиста:** „План убийства" Вильгельма II.— Письмо Балашова к Столыпину.— Письмо Гапона.— Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г.— Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцева о займе 1905—1906 г.г.— С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы.— Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана.— Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко; 2) записка В. Степанова.—Протоколы заседаний ЦИК С Р. и С Д. 1 созыва после Октября.— Из дневника ген. Селивачева.— Из дневника А. Д. Протопопова.— Буташевич-Петрашевский в Сибири.— Из дневника в. кн. Константина Николаевича.— 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде.— Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге.— **Из записной книжки архивиста:** Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. Думы.— К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен.— М. Корф в полемике с Герценом.— Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости.— Репрессивный фонд 1914—1916 г.г.— Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского.— 9 января 1905 г.— Проект манифеста о событиях 9 января.— Манифест 17 октября.— Из архива С. Ю. Витте.— Доклады С. Ю. Витте Николаю II.— Хроника вооруженной борьбы в 1905 г.— Аграрное движение в 1905 г.— по отчетам Дубасова и Пантелеева. Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца „Потемкин-Таврический", б) „Георгий Победоносец."—Прибалтийский край в 1905 г.— Движение в войсках на Дальнем Востоке.— Штурм Пресни.— Карательная экспедиция Римана.— Заем 1906 г. в донесениях русского посла.— **Из записной книжки архивиста:** Николай II в 1905 г.— Письма Николая II к Дубасову.— К убийству Н. Э. Баумана.— Подвиги барона Меллера-Закомельского.— К истории 9 января 1905 года.— Из бумаг Д. Ф. Трепова.— Самоубийство Н. П. Шмидта.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского,
В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ШЕСТОЙ (ТРИНАДЦАТЫЙ)

1925

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Главлит 55261. Гиз 15153.

Тираж 2000.

XIII том «Красного Архива» целиком посвящается юбилею 14 декабря 1825 г. Порвав с традицией, которая от декабристов вела русскую революцию, историки марксисты не могут пройти мимо событий 1825—1826 годов как высшей точки подъема общественной сознательности данной эпохи — эпохи разложения крепостного хозяйства и зарождения буржуазной России. Шестидесятые годы, последняя решительная попытка русского помещика приспособиться и приспособить свое хозяйство к условиям буржуазного общежития, первая попытка русской буржуазной демократии поднять голову и заговорить своим языком — шестидесятые годы были бы немыслимы без героического подъема двадцатых годов, как немыслима была бы русская буржуазная революция 1905 года без «Народной Воли». А кое-какие, пусть бледные и слабые, намеки на народовольчество просвечивают уже на левом крыле декабристов — и не фетишизируя этих последних, не делая из них титанов вне времени и пространства, разбудивших «спящий народ», найти декабристам место, законное и обеспеченное, в развитии русской революционной идеологии легче всего именно марксистам.

Дать последним фактическую базу для их научной работы, базу, какой, нужно сказать, не имели буржуазные историки 14 декабря, составляет основную задачу всех публикаций Центрархива, связанных с восстанием декабристов. В настоящий том вошли те, более мелкие, но, тем не менее, глубоко интересные «памятники декабризма», которые относятся к этой теме. Читатели без труда выделят важнейшие из этих памятников. Идеологическую крайнюю левую» движения мы имеем в Пестеле: «Соединенные Славяне» были, несомненно, левее Пестеля по своим настроениям, — законченной, четкой идеологии они не оставили. Но идеология Пестеля ставит всякого, марксистски мыслящего, историка перед рядом загадок. Откуда взялся этот русский якобинец, не имея, в качестве фона, не только столярной мастерской Дюплэ *), но и парижской адвокатуры, из которой вышел Дантон? Не в кавалергардском же полку — и не в канцеляриях сибирского генерал-губернатора учился он якоби-

*) В семье столяра Дюплэ жил Робеспьер.

низму. Помещаемый на страницах XIII тома «Красного Архива» политико-экономический трактат раннего Пестеля дает отчасти ответ на этот вопрос. У нас теперь есть материал для диалектики Пестеля. Он не родился якобинцем, он им сделался. В 1820 году, к которому, наиболее правдоподобно, относится трактат, он еще верит в возможность совершить переворот руками дворянства — а, быть может, обойтись и вовсе без насильственного переворота. И Пестель был членом «Союза Благоденствия». Был им не только формально, а верил в «благоденственные» идеалы, в возможность мирного и постепенного освобождения крестьян и тому подобное. Детальный анализ издаваемой нами вскоре «Русской Правды» в ее последовательных напластованиях должен показать точку надлома этой, еще нереволюционной, или, если хотите, предреволюционной, идеологии Пестеля. Политико-экономический трактат, точнее, беглые замечания, канва трактата, помогают нам уловить кое-какие признаки надвигающейся идеологической катастрофы. Учителем политической экономии у генерал-губернаторского сына, ездившего в карете «четверней на вынос» (см. его завещание, напечатанное в этом же томе) и думавшего по-французски— на этом языке был написан и трактат, мы даем перевод,— был, насквозь мелкий буржуа, Сисмонди. Тот самый, что вдохновлял потом наших почтенных народников. Насколько Пестель опередил последних — и насколько атмосфера крестьянской страны действовала на мыслящего человека сильнее, нежели всякие индивидуальные, семейные, групповые, профессиональные связи и традиции!

Прибавим только, что Пестель шел от Сисмонди к революции, а народники обратным маршем — от революции к Сисмонди. Если бы трактат Пестеля был известен в 1890-х годах, он бы сослужил тогдашним марксистам, и особливо левому их крылу, хорошую службу в их полемике с Михайловским и К-о.

В настоящее время — и в настоящем своем виде — трактат только лишь материал для истории возникновения революционной идеологии русского якобинца 1820-х годов. Пишущий эти строки не совсем согласен с прекрасным комментарием к этой вещи, данным тов. С. С. Мильманом. Едва ли можно выводить «потребительскую» точку зрения Пестеля из его положения интеллигента, «совершенно оторванного от производства». А кто из интеллигентов-революционеров — будь то Чернышевский, Нечаев или Желябов, был с производством связан? Техническая интеллигенция появляется у нас только к самому концу XIX столетия — и она была всего менее революционна. Потребительская же точка зрения на промышленность есть в высшей степени крестьянская точка зрения. Любой зажиточный крестьянин, часто появляющийся на рынке в качестве покупателя, и теперь повторил бы многое из того, что говорит на этот счет Пестель. Тут дело не в оторванности от производства, а в неуменьи выглянуть за горизонт мелкого производства. Мелкобуржуазным мыслителем с головы до пяток Пестель является уже в этом трактате:

мелким буржуа, идеологически, он был раньше, нежели стал революционером. Первым было легче стать, нежели вторым: до-технический интеллигент был еще ближе к миру мелких производителей по своей интеллектуальной физиономии, нежели наш современник, технический. А ведь и последний как иногда близок!

Совершенно иные мысли вызывает другой крупный документ настоящего тома — оправдательная записка Н. И. Тургенева. Факт ее существования и ее содержание известны давно — но полный текст дается только теперь. Чтобы найти более совершенное отречение от революции, нужно спуститься до Льва Тихомирова. Записка невольно напоминает и еще один печальный памятник революционного движения — знаменитую «Исповедь» Бакунина. Но какой контраст! Там был человек, заживо замурованный в могилу и готовый вырваться из нее какой угодно ценой. Притом, Бакунин не скрывал своего участия в революции — он только старался изобразить революцию в приемлемых для Николая тонах — и, как ни странно, до некоторой степени в этом успел. Н. И. Тургенев весьма спокойно, и нимало не нуждаясь, жил в Англии. Никаких неприятностей в этой стране, — позже десятилетиями оказывавшей гостеприимство Герцену, — ему не угрожало: никаких, кроме разве косых взглядов английских мещан в ресторане, — да и то эти взгляды едва ли не почудились русскому «революционеру». Казалось бы, какой великолепный случай бросить в лицо Николаю всю правду, стать адвокатом дела замученных в царских тайниках товарищей перед лицом всего цивилизованного мира. И, вместо этого, такие тирады:

«Я хотел революции? Я, который говорил, что если есть в России что-либо похожее на элемент революции, то сей элемент есть единственно крепостное состояние нескольких миллионов. Желанием, целью моею было: отстранить сей элемент революции — и я мог хотеть революции! Все дела мои ограничиваются советами отпускать людей на волю, и я мог знать, что даю сии советы тем, кои желают революции. И я мог давать советы, противные их намерению»... «Я вступил в общество уже устроенное, но не преступное, и содействовал к его уничтожению. В устройстве новых обществ хотя не участвовал, хотя не вступал в сии общества, но знал и слыхал, что некоторые лица хлопочут об устройстве новых обществ. Никогда однако же не знал, не слыхал и не подозревал, чтобы новое общество было устроено». И наконец: «Рапорт Следственной Комиссии представил все адское дело во всей полноте, со всеми подробностями беспримерного разврата и бешеной кровожадности... Душа моя содрогнулась, ужасные ощущения ее терзали. Тогда я увидел, что совещания, на коих я некогда присутствовал, превратились, наконец, в настоящее скопище разбойников; я увидел, что люди, с коими и я некогда говаривал, явили себя истинными злодеями и что в то самое время, когда я с ними говорил, мысль злодейства уже таилась в их сердце развращенном».

И находятся до сей поры русские интеллигенты, свято блюдущие культ Н. И. Тургенева! Тогда как единственный интерес, какой представляет этот человек в истории революционного движения двадцатых годов, это интерес эксперимента: что будет, если среднего декабриста из Северного общества поместить в максимально благоприятные условия, абсолютно вне пределов досягаемости для Николая? Ответ мы имеем: будет записка Тургенева. Отныне этот человек, на которого еще Пыпин ссылался, как на одного из главнейших историков заговора, остается чем угодно — экономистом, финансистом, — но историк декабристов он такой же, как Тихомиров историк «Народной Воли». «Записка» Тургенева дискредитирует «либеральную легенду» декабристов больше, чем это могли бы сделать писания дюжины критиков.

Собранные в одно целое отрывки из «Дела», касающиеся восстания Черниговского полка, приканчивают другую легенду, почти не стоявшую уже на ногах после издания записок Горбачевского. Теперь мы не из рассказа явно не беспристрастного к «аристократам» мемуариста, а со слов самих южан знаем наверное, что они «проходили» восстание, так же, как их собратья на севере «простояли» его — так и не перейдя к активным военным операциям. И если бы не «Соединенные Славяне», никакого восстания, вероятно, на юге и вовсе не было бы — Муравьев был бы арестован так же «мирно», как Пестель, но за то, надо думать, не был бы, как Пестель, повешен. Горячая офицерская молодежь сразу и сделала из своего начальника героя, и погубила его.

Прочие документы носят менее значительный характер, но все прибавляют что-нибудь новое к тому, что было уже известно. В «Записной книжке архивиста» особенно ценен рассказ Телешева о 14 декабря— прибавляющий кое-какие штрихи к истории этого дня, как начала массового движения. Мы узнаем из него, что декабристы — или сочувствовавшие им — были не только в военных мундирах или во фраках, но и в «синих кафтанах».

Кое-что весьма интересное, напр., письма родных к Пестелю, рисующие его семейную среду — не могли войти в этот том из-за размеров, и будут опубликованы нами впоследствии.

М. Покровский.

Восстание Черниговского полка в показаниях участников.

Восстание Черниговского полка является одним из самых ярких эпизодов в истории движения декабристов. Именно здесь, в Южном обществе, особенно в наиболее революционной части его — в Васильковской управе и в обществе Соединенных Славян, — задумали и подготовляли вооруженное восстание, которое должно было привести к захвату власти. События, происшедшие на севере, спутали планы южан; общество было открыто, начались аресты. Но у южан нашлось достаточно решимости и активности, чтобы на удар по организации ответить восстанием.

История восстания Черниговского полка не раз уже излагалась. Помимо мемуаров и официальных донесений, в основу изложения обычно ложились те архивные материалы, которые публикуются здесь. И если поэтому настоящая публикация не изменяет в существе наших представлений о восстании и понимания его, все же она имеет определенный интерес: в показаниях арестованных и преданных суду декабристов мы слышим голос непосредственных участников событий; притом, записанные вскоре после событий, эти показания еще сохраняют свежесть впечатлений и переживаний, уже утраченную в более поздних мемуарах.

В предлагаемом вниманию читателей подборе материалов охвачен весьма ограниченный хронологически период — последние дни декабря 1825 г. и первые — января 1826 г., когда и разыгрались события, называемые восстанием Черниговского полка. Основной задачей при подборе материалов было дать описание восстания, сделанное самими участниками его. Но показания участников, к сожалению, далеко не полны. Помещая ниже рассказы руководителя восстания С. И. Муравьева-Апостола, М. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Муравьева-Апостола, мы не можем дать в той же полноте показаний других весьма активных его участников, потому что дела Соловьева, Сухинова и других офицеров, разбиравшиеся Комиссией военного суда при главной квартире 1 армии в Могилеве, до сих пор не найдены в архивах; известен только аудиториатский доклад по этому процессу. По аналогичной причине слишком глухи дошедшие до нас показания и рядовых, участников восстания, которые судились в Белой Церкви. Ход следствия, повторные допросы вновь и вновь возвращали допрашиваемых все к тем же вопросам; с другой стороны, понятно, что и их собственная мысль не могла оторваться от слишком важных для каждого из них событий. Отсюда неизбежные повторения в показаниях. Мы сочли излишним их устранять редакторскими купюрами, так как каждый раз они все-таки дают или новые детали событий, или новые оттенки мысли, важные для понимания самых событий.

Незначительная часть показаний С. И. Муравьева-Апостола была уже опубликована Л. Ф. Пантелеевым в «Современнике», 1913 г., № 4. Мы позволили себе перепечатать ее, чтобы не нарушить цельности показаний Муравьева. Точно так же приведено здесь и небольшое показание И. Ракузы, уже напечатанное в другой связи М. Ф. Шугуровым в «Русском Архиве», 1902 г., № 6.

События, разыгравшиеся между Васильковым, Белою Церковью и Фастовым, тотчас отозвались в районе Житомира, Новоград-Волынска и Старого Константинова, где был центр общества Соединенных Славян, где Славяне давно готовились и с часу на час ждали общего восстания, и теперь, связанные клятвою с Южным обществом, сделали попытку восстать на поддержку Муравьева. Считая нужным осветить и эту сторону движения, мы даем материалы, относящиеся к попыткам Андреевича 2-го и братьев Борисовых вызвать движение в Ахтырском, Пензенском, Троицком полках, с разработанным широким планом похода, в случае удачи, на Киев, Бобруйск и даже Москву.

Следует указать, что часть показаний, печатаемых ниже, находятся в выпускаемом Центрархивом РСФСР издании «Восстание Декабристов». (Материалы, т.т. IV и V.) Здесь же в удобообозримом виде собраны все раскиданные по разным архивным делам показания участников южного восстания. Все материалы, приводимые здесь, хранятся в Особом отделе Архива Октябрьской Революции и заключены в делах о декабристах, составлявших в бывшем госуд. архиве «Разряд I В». В дальнейшем мы указываем только номера и листы отдельных дел.

В. Сыроечковский.

I. ВОССТАНИЕ ЧЕРНИГОВСКОГО ПОЛКА.

Из показаний С. И. Муравьева-Апостола.

1. Из показания, данного С. И. Муравьевым-Апостолом во дворце В. В. Левашеву 21 января 1826 г. [1]).

Общество Южное неоднократно намеревалось действовать, но всегда отлагало по недостаточным средствам. В 1823 году полк наш [2]) был в Бобруйской крепости. Тогда назначен был смотр дивизии государем. Мы решились — Швейковский [3]), Бестужев, Норов и я — начать действие. Положили овладеть государем и потом с дивизиею двинуться на Москву. Сие осталось без исполнения по недостаткам средств. В 1825 году при сборе корпуса в Лещине, когда был отнят полк у Швейковского, решились опять действовать. Совещание о сем было на

---

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л. 2.

[2]) С. И. Муравьев-Апостол с 1822 г. служил в Черниговском пехотном полку.

[3]) И. С. Повало-Швейковский — командир Алексопольского полка.

квартире у Швейковского, где были Швейковский, Тизенгаузен, Муравьев Арт., Бестужев [1]) и я. Мы предложили Швейковскому начать действие, овладев корпусным командиром и начальником штаба, что было всеми принято. Бестужев должен был ехать уведомить о сем Южную управу. При совещании сем Артамон Муравьев предложил ехать сам в Таганрог истребить государя; но ему сказали, что присутствие его нужно в полку. На другой день Швейковский упросил намерение взятое отложить, и мы для сего съехались к Артамону Муравьеву, где и было положено Бестужеву уже не ехать, а действие начинать при первом удобном случае, но никак не пропуская 1826 года. В продолжение же лагеря при открытии Славянского общества были из оного приготовлены несколько человек, для отправления в Таганрог для истребления государя, буде на то необходимость встретится. Всех сих лиц наверное я не знаю, но в числе оных были: Горбачевский, Бечасный, Пестов, Спиридов, о прочих может, наверное, сказать Бестужев. Артамон Муравьев один вооружался против отсрочки действия и по окончании лагеря приезжал ко мне в Васильков опять с предложением начинать; иначе, говорил, что он один в Таганрог отправится. Мы его остановили, говоря, что как уже решено не пропущать будущего года, то удобнее дождаться назначенного смотра трех корпусов. После сего общество осталось некоторое время без действия, и тогда узнали о смерти государя. Мы ожидали уведомления из Северного общества, дабы согласовать наши действия. Перед отъездом Трубецкого из Киева в Петербург он обязался нас о всем уведомлять.

В прошедшем декабре 25 числа, быв в Житомире, я видел гр. Мошинского [2]), у коего спрашивал, что их общество теперь будет делать? Он мне отвечал, что они слишком слабы, чтоб действовать одним, и что будут соображаться с нами. Из Житомира был я в Трояновe у Александра Муравьева, где, чрез письмо из Петербурга к г. Шуазейлю, узнал о происшествии 14 числа. Предузнав судьбу, меня ожидающую, но желая вместе скрыть чувства мои от Александра, я объявил ему, что далее остаться не могу, поеду в полк, но прежде посещу Артамона. В Любаре [3]) по приезде моем вскоре прибыл Бестужев с известием, что приехали меня арестовать и бумаги уже взяли. Тогда решились мы прежде бежать; но после отправились в полк с намерением, оной собрав, начать действовать. Поехали мы чрез Бердичев, Паволочи в Трилесы, где стояла 5 рота. Здесь надеялся я скрыться, доколе не получу известия о моем преследовании. Для сего Бестужев

---

[1]) В. К. Тизенгаузен командовал Полтавским полком, М. П. Бестужев-Рюмин был офицером того же полка, Арт. З. Муравьев командовал Ахтырским гусарским полком.

[2]) Гр. Мошинский — волынский предводитель дворянства, член Польского общества.

[3]) В Любаре стоял Ахтырский полк, которым командовал Арт. З. Муравьев.

отправился к Житомиру, но в Брусилове нашел жандармов, меня ищущих, почему и воротился. Я же вечером послал записку поручику Кузьмину в Васильков, вызывая его вместе с Соловьевым и Щепилло [1]) в Трилесы. Призывал их для того, чтоб по известиям, которые они мне привезут, послать по-ротно собрать оные. В ожидании их среди ночи полковник Гебель [2]) сыскал меня, против чаяния моего, и объявил мне и брату об аресте. Он тут остался до утра. На рассвете приехали ко мне вышеозначенные лица, и еще Сухинов [3]), которого я не приглашал. Кузьмин успел спросить у брата, что ему делать? на что брат отвечал: ничего; а я на тот же вопрос сказал: избавить нас. — Вслед засим услышал я крик в сенях; я вышиб окошко, выскочил на улицу, где нашел часового, хотящего меня остановить; но я на него закричал и вырвал из рук ружье. Я побег тогда на шум и нашел Гебеля, борющегося против офицеров; я им сказал его оставить, чем он воспользовался, сел было в сани, но, боясь, чтоб он обстоятельства сего не разгласил, я его велел воротить, а потом он поехал на панский двор. Тогда я велел поручику Кузьмину, собрав 5 роту, итти на 2 гренадерскую, куда я сам наперед поехал и где с обеими сими ротами в деревне Ковалевке ночевал. Тогда же я послал унтер-офицера Какаурова с письмом в Белую Церковь к подпоручику 17 егерского полка Вадковскому, уведомляя его, что общество открыто, что я с полком действую и чтоб он содействовал мне с 17 егерским. Он на другой день сам приехал ко мне и объявил, что средства действовать с своим полком не имеет, после сего поехал назад. Из Ковалевки пошел я в Васильков, где нашел все роты, кроме второй, 1 гренадерской и 1 мушкатерской. Здесь мы еще переночевали. Я взял к себе знамена и казенный ящик; арестантов из гауптвахты выпустил и поставил в ряды. На другой день поутру полк выстроился на площади; священник, коему, дабы склонить на сие, дал 200 рублей, отслужил молебен, прочел катехизис, мною сочиненный, и тогда мы пошли на Мотовиловку, дабы соединиться с первой мушкатерской и 1 гренадерской ротами, но они к нам не пристали и пошли ночью же в Белую Церковь. Здесь я для нового года передневал. 2 числа пошел к Белой Церкви и ночевал в деревне Пологах, где, узнав, что 17 егерский полк уже выступил, решился итти на Волынь, по направлению Трилес. Не доходя до оного, был встречен отрядом под командою ген. Гейсмара. После нескольких выстрелов картечью по нас батальон бросил ружья и сдался. Меня взяли мои люди и привели к эскадронному командиру гусарскому.

---

[1]) Все трое — офицеры Черниговского полка и члены общества Соединенных Славян.

[2]) Г. И. Гебель — командир Черниговского полка — был произведен: в подполковники — с 20 сент. 1817; в полковники — 9 янв. 1826 г.

[3]) И. И. Сухинов, член общества Соединенных Славян, был недавно переведен из Черниговского в Александрийский полк.

2. Ответы на вопросы от 10 января 1826 г. при штабе 1 армии в Могилеве [1]).

На вопрос 1. Декабря 24 дня прошлого года, я, отпросившись у полкового командира, отправился в г. Житомир [2]) для испрошения, буде возможно, отпуска Бестужеву-Рюмину, который только что получил известие о кончине матери. Из Житомира же я поехал в Троянов и Любар для посещения братьев. Впрочем, я с упомянутыми братьями моими не имел никаких ни дел, ни совещаний.

На вопрос 2. Приехавши в Любар, я был извещен Бестужевым-Рюминым, приехавшим туда, что приезжали в г. Васильков брать мои бумаги и меня, а потому, не желая навлечь неприятности брату моему и больной жене его, я решился, не отлагая времени, ехать в полк, что сейчас и исполнил, проезжая чрез м. Бердичев в Паволочи и оттудова в Трилесы. В Трилесах же я решился остановиться потому, что уверен был — в сем селении меня не отыщут, тем более что фурман, нанятый мною в Паволочах, был ряжен для (sic!) м. Фастова; из с. Трилес же он отправился вместе с Бестужевым-Рюминым в м. Брусилов, потому что я полагал, что так как Бестужева-Рюмина не велено арестовать, то он безопасно может туда проехать и получить сведения; сам же я расположился ночевать в Трилесах, уведомив о прибытии моем поручика Кузьмина и прося его приехать ко мне. Просил же я его приехать ко мне, чтобы получить известие о том, что происходит в Василькове, но, повторяю я, без всякого намерения противу подполковника Гебеля, ибо я уверен был, что след мой пропал.

В половине ночи явился на ту квартиру подполковник Гебель с жандармским офицером, и он оставался до утра, а в самое то время, когда прибыл Кузьмин, Щепилло с бароном Соловьевым и Сухиновым, которые, узнав чрез Кузьмина, что я в Трилесах, приехали осведомиться о том, что со мною делается. Сии г.г., вошедши в комнату, нашли меня арестованным, и когда Кузьмин подошел к брату, лежащему в другой комнате, с вопросом, что ему делать? он ему отвечал: ничего; а я на тот же самый вопрос отвечал: избавить нас. Я же никакого приказания не отдавал снять часовых потому, что солдаты меня не послушались бы, и именно вот почему. Офицеры принуждены были напасть на подполковника Гебеля; что солдаты их не послушались бы, в доказательство того может служить, — когда я услышал шум и выбил окошко с тем, чтобы бежать, то часовой, у окошка стоявший, обернулся ко мне со штыком и только тогда отошел, когда я стал кричать на него. Я вырвал у него ружье, и с сим-то ружьем я побежал вперед, но не с тем, чтобы наносить раны и обиды кому бы то ни было. Я честию клянусь, что ни одной раны не нанес подполковнику Гебелю, также

---

[1]) Дело № 395, л. л. 20—22.

[2]) В Житомире находилась главная квартира 3 корпуса.

не ходил искать его и по селению с заряженными пистолетами, а когда он, сев в сани, было уехал, то воротили его назад, чтобы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии. Вслед же за сим, дав приказание поручику Кузьмину собрать 5 мушкатерскую роту, сам поехал во 2 гренадерскую роту. Прочее все так, кроме того, что я никогда не позволял солдатам делать по городу буйства и грабительства, напротив, строгое на счет оного приказание было отдано.

На вопрос 10. В это время в беспрестанном движении мне было некогда наблюдать дух в ротах по особенности, но, повторяю я, строго мною было смотрено, чтобы никто не позволял себе ни буйства, ни грабежа и неистовства всякого рода.

На вопрос 11 [1]). По происшествию возмущения Черниговского полка, я возмутил его сам один, потому никаких фамилий чиновников военного звания или частных лиц назвать не могу.

На вопрос 12. Когда прибыл в с. Трилесы подполковник Гебель для арестования меня и брата моего, то я не только никакого не отдавал приказания солдатам, находящимся в карауле 13-ти человекам, но не знаю даже, когда их привели; а перед отъездом моим в с. Ковалевку я дал 25 рублей Алексею Григорьеву за то, что он остановил часового, который кинулся ко мне с ружьем, а насчет того, чтобы колоть Гебеля, о том мною ни слова не было говорено.

На вопрос 13. Насчет собрания 5 мушкатерской роты отдавал приказание поручику Кузьмину, а если что и приказывал фельдфебелю Шутову, того не упомню.

На вопрос 14. Разжалованные: Грохольский и Ракуза находились при полку и шли с своими ротами, а если они употреблялись в должности какие, то не упомню; я же, с моей стороны, никакого ни обещания, ни награды им не делал; насчет же Башмакова [2]) — с самого отъезда моего из г. Василькова я его не видал.

На вопрос 15. Я прежде возмущения Черниговского полка и во время самого бунта не имел никаких особенных видов на полки пехотные, егерские и кавалерийские, вблизи расположенные, и не мог знать, последует ли кто из них моему предприятию; тайные же сношения на возмущение в день приближения моего ни с одним полком не имел.

На вопрос 16. Мною заблаговременно никто из нижних чинов, фельдфебелей, унтер-офицеров и из прежде бывших семеновских солдат в заговор введены не были, и я не употреблял на сей предмет ни офицеров, ни моих собственных людей, и в том намерении мною деньги не были раздаваемы, и я не посылал никого к другим полкам при назначении для возмущения, которое случилось от моего арестования и от обстоятельств, в прежних пунктах объясненных.

---

[1]) Вопросы 11—16 имели целью установить степень участия в возмущении военных чиновников и нижних чинов.

[2]) Башмаков так же, как Ракуза и Грохольский, был разжалованным из офицеров рядовым Черниговского полка.

Православный Катихизис.

Вопр. Отъ кого Богъ Создалъ человѣка?

Отв. Отъ того, кто онъ былъ Создалъ, чтобъ Свободенъ Щастливъ.

Вопр: Кто Желаетъ быть Свободенъ?

Отв: Богъ нашъ Іисусъ Христосъ Самодержецъ надъ всѣмъ Свѣтомъ надъ Всѣми Остальными нами Отецъ Свой Самодержецъ Открылъ Свѣтъ Свободу Сладость Вольности истинному Сыну Своему Господину Нашему

Вопр: Кто Желаетъ быть Свободенъ Щастливъ?

Отв: Всѣ Свободы любятъ Щастія. Вольности Спасителя нашего Господа Іисуса Христа Купленъ Кто Свободенъ Желаетъ быть Господомъ.

Вопр: Отъ Чего Русскій народъ Русская Вольность нещастье?

Отв. Отъ того, что цари похитили у насъ Свободу.

Вопр: Стали Цари. Цари поступать вопреки Воли Божіей.

Отв: Отъ Которыхъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ Божій Сынъ, Освободитъ Волю Божію Царь тиранствуетъ только плоть.

Вопр: Отъ какихъ Похищеній Царскихъ Божій Законъ поступаютъ вопреки Воли Божіей?

Отв: Отъ Іисуса Христа Спасителя нашего Господа Іисуса Христа Самодержца надъ всѣмъ Свѣтомъ Отъ того Русскій народъ Русская Вольность Страдаетъ Кто похищаетъ Волю Царскую.

Вопрос. Откуда Святая Русская Земля Наша Православная Христова Русскому народу Вольность

Отвѣтъ Божественное Откровеніе Божественной Исторіи Христовой Церкви Православной Христовой Церкви Православной Христовой Церкви Православной

3. Из ответов на дополнительные вопросы от 11 января 1826 г. [1]).

На вопрос 20. К заставе г. Василькова действительно был наряжен в караул прапорщик Мозалевский, который ночью арестовал двух жандармских офицеров с бумагами и деньгами, из коих бумаги были брошены, а деньги розданы по-ротно; на другой же день Мозалевского посылал я с четырьмя рядовыми в Киев для узнания, что там делается; погонов же я у нижних чинов не порол. Даны ли были им при сем случае катехизисы, я не упомню, ибо они могли быть даны другим кем-либо, а не мною; я же сам не давал. Что же касается до письма Курского полка майору Крупникову [2]), то объявляю, что, действительно, оно дано было, а (sic!) не с тем, чтобы он шел на сборное место в м. Брусилов, а для того только, чтобы уведомить его о моем намерении и узнать его мнение, ибо я до сих пор не был с ним знаком и не знаю его, Крупникова; писал же я к нему потому, что говорил мне об нем поручик Кузьмин, как о человеке, которого он знает, и сие одно на всякий случай побудило меня писать упомянутое письмо к нему [3]).

4. Из ответов на вопросные пункты от 31 января 1826 г. [4]).

На 35 вопрос. Приехав в с. Трилесы, имел я намерение скрыться в оном несколько дней, полагая, что ушел от всех поисков, тем паче, что в Паволочах нанял я фурмана до Фастова, а в самый день приезда моего в Трилесы Бестужев на нем же поехал до Брусилова для получения там сведений и чтобы проехать, буде возможно, в Новгород-Волынск к Славянам, для извещения оных. Перед отъездом Бестужева я взял с него обещание, что, буде он в Брусилове увидит, что проезд до Новгорода-Волынска затруднителен, то он возвратится к нам, а я обещал ему ждать его в Трилесах, не предпринимая ничего до его возвращения. Вечером я написал записку в Васильков к поручику Кузьмину, прося его приехать ко мне и не говорить о прибытии моем никому совершенно, как разве Соловьеву и Щепилле, которые могут с ним при-

[1]) Дело № 395, л. 24 об.

[2]) Майор Крупников, или Крупенников, как его называет в других местах С. И. Муравьев, не был отыскан Модзалевским. (См. «Восстание декабристов», т. VIII). Повидимому. Кузьмин имел ввиду поручика Курского полка Крупенникова. О нем см. дело № 20, л 11 об.

[3]) «30 декабря в Василькове говорил мне умерший поручик Кузьмин, что в Курском полку есть майор Крупенников и что если это тот, которого он знает, то предполагает, что он не откажется содействовать нам. По сему разговору с Кузьминым решился я, на всякий случай, написать к сему майору Крупенникову письмо, которое вручил я для отдачи вызвавшемуся добровольно на сию поездку, прапорщику Мозалевскому, и дал ему 4 солдата и 4 катехизиса для раздачи в Киеве». (Из показаний С. И. Муравьева-Апостола от 31 января 1826 г. Дело № 395, л. 166).

[4]) Дело № 395, л.л. 166—168.

ехать ко мне, если они в Василькове. В ночь приехал в Трилесы подполковник Гебель с жандармским офицером и объявил мне и брату арест. В сем положении пробыли мы до света, когда вдруг наехал поручик Кузьмин с поручиком Сухиновым и вслед за ними ш.-капитан Соловьев и поручик Щепилло. Кузьмин, подошед к брату, спросил его, что делать? на что брат отвечал ему: ничего; а я на таковой же вопрос Кузьмина отвечал: избавить нас. Вскоре после краткого сего разговора услышал я шум в передней комнате, и первое мое движение было выбить окно и выскочить на улицу, чтобы скрыться. Часовой, стоявший у окна сего, преклонив на меня штык, хотел было воспрепятствовать мне в том, но я закричал на него и вырвал у него ружье из рук. В это время налево от квартиры увидел я Гебеля, борющегося с Кузьминым и Щепиллою и, подбежав туда, после первой минуты изумления, произведенного сим зрелищем, вскричал я: «полно-те, господа!» И тут подполковник Гебель, освободившись и нашед на дороге сани, сел в оные, чтобы уехать, и мы побежали было, чтобы воротить его, дабы он заблаговременно не дал знать о сем происшествии, что Сухинов, сев верхом, и исполнил. Происшествие сие решило все мои сомнения; видев ответственность, к коей подвергли себя за меня четыре сии офицеры, я положил, не отлагая времени, начать возмущение; и, отдав поручику Кузьмину приказание собрать 5 роту и итти на Ковалевку, сам поехал туда вперед для сбора 2 гренадерской роты. Соловьеву же и Щепилле приказал из Ковалевки ехать в свои роты и привести их в Васильков. К вечеру 5 рота пришла в Ковалевку, и я решился переночевать в оной по причине дурной погоды и мятелицы и дабы дать время собраться и 2 гренадерской роте. Из Ковалевки посылал я вышеупомянутую записку 17 егерского полка подпоручику Вадковскому через унтер-офицера Какаурова [1]). На другой день рано поутру выступил я с ротами 2 гренадерской и 5 мушкатерской, пришел с оными к Мытнице, на большой дороге, в 8-ми верстах от Василькова, велел людям зарядить ружья и подвинуться к городу (в Мытнице нашел я Бестужева, возвратившегося из Брусилова и ожидавшего нас). Вступив в Васильков часу в 5-м пополудни без всякого сопротивления, велел взять на свою квартиру знамена и полковой ящик, уговаривал

---

[1]) «Из с. Ковалевки посылал я, действительно, унтер-офицера Какаурова с письмом к Вадковскому, где не говорил ему ничего другого, как чтобы он приехал в г. Васильков на другой день, что мне очень нужно с ним видеться. На другой день, действительно, приехал в Васильков Вадковский, по приглашению моему, и когда я объявил ему мое намерение, то он отвечал мне, что он в 17 полку ничего не намерен делать, и вслед за сим поехал обратно в тот же вечер». (Из показаний 11 января 1826 г. Дело № 395, л. 24 об.).

«17 егерского полка подпоручика Вадковского призывал я в Васильков, потому что он был член общества, и, действительно, уговаривал его, чтобы, когда полк будет послан противу нас, он постарался произвести в оном возмущение, подобное нашему, на что он мне отвечал, что он, если б и имел намерение нам содействовать, в полку не в силах ничего сделать». (Из показаний 31 января 1826 г. Дело № 395, л. 166).

солдат 3 и 4 мушкатерских рот быть с нами заодно; выпустил из-под ареста и поставил в ряды двух арестантов, Алексеева (за побег из 11 дивизии) и Переметьева (за неумышленное смертоубийство, им самим объявленное), и приказал занять въезды караулами; распустил остальных людей на квартиры (в это время приезжал ко мне Вадковский из Белой Церкви). В течение ночи приводили ко мне Ушакова (чина не знаю), гусарского принца Оранского полка, проезжающего в полк, коего я велел, не задерживая, пропустить [1]), и прапорщик Мозалевский, стоявший в карауле у Б.-Церковского въезда, принес мне бумаги и 900 руб. денег, найденные им у двух арестованных жандармских офицеров. Бумаги я сжег, а деньги отдал для роздачи в роты. Из Василькова я мог действовать трояким образом: 1-е — итти на Киев, 2-е — итти на Белую Церковь и 3-е — двинуться поспешнее к Житомиру и стараться соединиться с Славянами. Из сих трех планов я склонялся более на последний и на первый, по сей самой причине, когда посылал я Мозалевского с письмом к майору Крупенникову, назначил ему приехать в Брусилов, ибо из Брусилова я мог одним переходом прийти в Киев, если б получил от Крупенникова удовлетворительный ответ; в противном же случае я находился также в расстоянии одного перехода от Житомира. На другой день, 31 декабря, выждав до полудни, чтобы дать приблизиться 2 мушкатерской роте, я собрал роты, в городе находящиеся. Полковой священник после молебствия прочел катехизис, сочиненный мною, и я вернулся с ротами на Мотовиловку по дороге к Брусилову, где были роты 1 гренадерская и 1 мушкатерская. Приметив же, что прочтение катехизиса произвело дурное впечатление на солдат, я решился снова действовать во имя великого князя Константина Павловича. Приближась к сумеркам в с. Мотовиловке (sic!), нашел там собранные обе упомянутые роты без ротных командиров, уговаривал их пристать к нам. Часть 1 мушкатерской роты согласилась, 1 же гренадерская отказалась и пошла ночью в Белую Церковь. Переночевав в Мотовиловке с остальными ротами (2 мушкатерская прибыла на другой день поутру), я решился здесь передневать, по случаю нового года, дабы не возбудить ропота в солдатах. На другой

---

[1]) «Что касается до Ушакова, вот как сие происходило. Когда Черниговский полк по возмущении занял Васильков, то были приставлены солдаты к почтовому двору, с тем чтобы никому из военных лошадей не давать, не уведомя предварительно нас. Солдаты же Ушакова, возвращающегося в полк, привели к нам на квартиру. Ни с кем из нас он знаком не был. Видя, что мы восприяли действия, он воспламенился и желал нам успеха. Мы поручили ему немедленно уведомить о виденном принца Оранского полк, где мы на некоторых офицеров считали (на Жукова, Паскевича, Веселовского, Поздеева, Рославлева. Комитету известно, что они действительными членами не были; а Рославлеву об обществе и говорено не было). Быть может, что я дал Ушакову написанный нами катехизис, но о сем ясно вспомнить не могу. (Благоволит Комитет о сем узнать от Муравьевых.) Ушакову, впрочем, ничего об обществах говорено не было; и под Королевкою он находился в отряде, против нас действовавшем». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л.л. 152, 153).

же день, т.-е. 2 генваря, не имея никаких известий о Мозалевском и заключив из сего, что он взят или в Киеве, куда, следственно, мне итти не надобно, или в Брусилове, где, стало быть, уже предварены о моем движении, и зная, сколько первая встреча подействует на солдат, я решился двинуться на Белую Церковь, где предполагал, что меня не ожидают, и где надеялся не встретить артиллерии; в том предположении дошел я до с. Пологи, в 15-ти верстах от Белой Церкви, где ночевал, ибо на сем переходе узнал от мужиков, что вся пехота, бывшая в местечке, выступила в г. Сквиру и что там осталась одна рота для караула. Для большого удостоверения ночью посылал я верхом поручика Сухинова с тремя солдатами, но они возвратились без всякого сведения, а поутру поручик Щепилло подтвердил мне сие известие, узнанное им посланным нарочным. Не имев уже никакой цели итти на Белую Церковь, я решился поворотить на Трилесы и стараться приблизиться к Славянам, по первому моему предположению [1]). На сем переходе, между деревнями Устимовкою и Королевкою, быв встречен отрядом генерала Гейсмара, я привел роты, мною водимые, в порядок, приказал солдатам не стрелять, а итти прямо на пушки, и двинулся вперед со всеми остававшимися офицерами. Солдаты следовали нашему движению, пока попавшая мне в голову картечь не повергла меня без чувств на землю. Когда же я пришел в себя, нашел батальон совершенно расстроенным и был захвачен самими солдатами в то время, когда хотел сесть верхом, чтобы стараться собрать их. Захватившие меня солдаты привели меня и Бестужева к Мариупольскому эскадрону, куда вскоре привели и брата и остальных офицеров. На все возмущение Черниговского полка самое большое влияние, и, могу прибавить, единственное влияние, имел я. Брат, будучи во фраке и не знав почти никого не только из солдат, но даже из офицеров, не мог мне много содействовать, равно и Бестужев, будучи только подпоручиком и чужого полка. Из Черниговских же офицеров самое большое участие находил я в четырех вышеназванных мною. Прочие же все, хотя и большая часть оных последовали сначала (но не зная, что им делать) за ротами; но вскоре все разъехались, иные из Мотовиловки, другие из Полог, так что при Королевке оставался один только подпоручик Быстрицкий.

5. Из показаний 5 апреля 1826 г. [2]).

Утверждая в 29 пункте моих ответов, что возмущение Черниговского полка последовало от предшествовавших ему обстоятельств, но прежде не имел я решительного к тому намерения, я не разумел,

---

[1]) «17 егерский полк стоит в Белой Церкви. Брат надеялся, что он к нему пристанет, потому что в нем было два члена Южного общества — Молчанов и Александр Вадковский. Следуя на Трилесы, брат имел намерение соединиться с 8 дивизиею». (Показание М. И. Муравьева-Апостола. Дело № 397, л. 64).

[2]) Дело № 395, л. 262 об.

что обстоятельства сии родили вдруг во мне мысль о возмущении, до того никогда в голове у меня не бывшей, а хотел только выразить, что обстоятельства сии уничтожили сомнения мои и колебания. Что справедливо; ибо я до того действовал таким образом, чтобы, вследствие решительно принятого нами намерения в Лещине, начать возмущение в 1826 году, при сборе войск, что может засвидетельствовать Арт. Муравьев, который, быв у меня в Василькове в ноябре месяце прошлого года, предлагал мне начать с полком, не отлагая времени, и коего я уговаривал оставить сие намерение, доказывая ему выгоду начинания при сборе войск и летом. И потому я спрашиваю: если б я имел намерение начать возмущение до 1826 года, не воспользовался ли бы я сим Арт. Муравьева предложением? К тому же все действия мои доказывают, что я имел в виду начало возмущения в 1826 году, при сборе войск, как-то: приготовление к возмущению семеновских солдат, которое на восстание Черниговского полка не могло иметь никакого влияния, ибо в оном ни одного Семеновского солдата не находится; преданность же ко мне Черниговских солдат, особенно же моего батальона, засвидетельствованная братом Матвеем и Бестужевым, совершенно справедливо, ничего не доказывает, ибо я со времени вступления моего в полк стал оную приобретать. Показание подполковника Поджио и кн. Барятинского, кроме того, что тот и другой, не быв никогда свидетелями моих неусыпных стараний приготовить войска к начатию действий, могут, следственно, основать оное на одних слухах,—ничего также не доказывает. Приведенные Арт. Муравьевым слова мои при отъезде от него [1]), совершенно справедливо, ничего не доказывают так же, кроме наклонности моей к начатию возмущения, ибо, если б я имел твердое и решительное на то намерение, я бы, отъезжая от него, не сказал, что живого не возьмут, а сказал бы, что такого-то числа я буду в полку, такого-то я начну и ожидаю от тебя содействия, давно предложенного тобою. О приезде к нему, Арт. Муравьеву, Андреевича с предложением присоединиться к Черниговскому полку слышу в первой раз, и я уверен что Андреевич сам сознается, что не имел на сей счет поручения ни от Бестужева, ни от меня[2]). От Пестеля же ни в декабре месяце, ни прежде, ни после не получал нарочного для удержания меня от начинания действия, как показывают Давыдов и Волконский. Показание же Горбачевского, Спиридова, Тютчева, Лисовского и других о приглашении будто бы Бестужевым к ним через отставного Борисова поднять оружие в пользу начатого возмущения вовсе несправедливо, и вот тому доказательства. Когда я поехал в Житомир, Бестужев не мог уведомить сказанных членов о возмущении, на которое не было еще никакого намерения с нашей стороны. Когда же мы опять соединились в Любаре, у Арт. Муравьева, мы уже неразлучно оставались вместе, кроме поездки из Трилес в Брусилов

[1]) См. ниже показание Арт. Муравьева, стр. 29.
[2]) См. ниже показания Я. М. Андреевича 2-го, стр. 43.

в намерении, с его стороны, пробраться, буде возможно, до Славян. На счет сей поездки замечу я: 1) если бы Бестужев уведомил уже Славян не о начатом, а о намереваемом только будто бы возмущении, нужно ли было бы ему стараться пробраться к ним, с опасностью быть схваченным? К сему прибавлю, что я подтверждаю опять сделанное мною показание, что, при отъезде его в Брусилов, я взял с него обещание, что, если он встретит слишком много затруднения к достижению до Славян, он возвратится к нам, а я, с своей стороны, обещал ему ничего не предпринимать до возвращения его; 2) если бы возмущение Черниговского полка принадлежало к плану, давно нами умышляемого [1]) то не проще ли было Бестужеву ехать к Славянам от Арт. Муравьева, что от Любара мог он сделать легко и без всякой опасности, а мне возвратиться к полку одному. После же безуспешного покушения его доехать к Славянам и возвращения к нам мы, как я выше сего сказал, оставались вместе неразлучно до самого конца, и я наверное свидетельствую, что он не имел ни свидания, ни переписки с означенным Борисовым (каковое обстоятельство не могло бы укрыться ни от меня, ни от брата Матвея, ни от других, бывших с нами почти неразлучно во все продолжение возмущения). Из всего выше сказанного следует, что Бестужев до начатия возмущения не сообщал о нем к Славянам, ибо не было еще решительного на то намерения нашего; во время же начатого возмущения, как показывают Славянские члены, он не имел ни свидания, ни переписки с Борисовым, что он, Бестужев, ни мне, ни брату Матвею и никому никогда не говорил о сем Борисове ни до возмущения, ни во время оного, и потому, не опровергая показания единогласного четырех вышереченных членов, я могу утвердительно сказать, что отставной Борисов сам от себя выдумал привезенное им будто бы от Бестужева приглашение, в чем Комитет легко удостовериться может.

Из показаний М. И. Муравьева-Апостола.

1. Из показаний при штабе 1 армии в Могилеве 7 января 1826 г. [2])

1. Я приехал к брату 24 ноября 1825 г. с тем, чтобы у него пробыть до 25 декабря того же года. Бестужев, узнав о кончине матери своей, желая посетить своего отца, попросил брата моего, чтобы он постарался получить для него отпуск от корпусного командира. Я же, чтобы не расстаться с братом прежде срока, который я себе назначил у него пробыть, отправился с ним в Житомир. Мы там провели сутки. Мы воспользовались соседством братьев наших, Муравьевых, чтобы у них побывать в Троянове и Любаре. Бестужев к нам приехал, чтобы нам объявить, что приезжали в ночь 24 числа на 25 взять бумаги брата

[1]) Так в оригинале.

[2]) Дело М. И. Муравьева-Апостола, № 397, л. 6.

моего и поспешали скорее ехать назад, чтобы о сем узнать подробнее. Мы для предосторожности остановились в деревне, где квартировала 5 рота Черниговского полка. По прибытии нашем в сию деревню брат послал к Кузьмину с тем, чтобы он к нему приехал. Мы легли спать: в часу в пятом, как я могу полагать, мы услышали, что кто-то с шумом входил в комнату; я был в полном уверении, что это — г. Кузьмин, с которым я вовсе до того не был знаком. Свечку подают, и тут уже я разуверился, когда подполковник Гебель мне объявил, что я арестован и должен ехать с жандармом, не помню куда. Час времени прошло после сего, когда уже Кузьмин приехал с Щепиллою. Кузьмин ко мне подошел, — я лежал на постели за перегородкою — и, взяв меня за руку, спросил у меня, что делать? на что я ему отвечал: ехать, куда повезут. Я сделаю здесь замечание, что Кузьмин уже с давнего времени хотел отомстить подполковнику Гебелю, не знаю за какую грубость; мне брат в разговоре еще в деревне сказал, что он Кузьмина остановил в сем намерении. Тут и другие два офицера приехали — Соловьев и Сухинов. Я продолжаю рассказ. Полчаса после приезда этих господ мы вдруг услышали крик, — жандармский офицер из комнаты бежал, я сам вышел и увидел, что Щепилло и Кузьмин гонятся за подполковником Гебелем. Я Щепилло остановил за руку и просил его оставить; он мне на это отвечал вскоре: «вы его не знаете; он самый подлый человек и так обрадовался, когда жандармы к нему пришли». Однако ж я его отвел и взял его крепко за руку, я его не пустил из сеней. Шум утих, и сказали мне, что подполковник Гебель бежал. Кузьмин собрал 5 роту, мы пошли ночевать в деревню, где квартировала 2 гренадерская рота. Видя в каких обстоятельствах брат мой находится, я не хотел уже более его оставить. На другой день мы пошли в г. Васильков, где провели ночь; на другой же день часу в первом мы выступили в деревню Мотовиловку; тут мы дневали; в субботу 2 числа генваря мы пошли и имели ночлег в деревне Пологах; 3 числа нас отряд встретил на дороге, и после нескольких пушечных выстрелов нас всех забрали.

2. Из ответов на дополнительные вопросы при штабе 1 армии 9 января 1826 г. [1]).

27 декабря мы были в Любаре у Артамона Муравьева... В Любар приехал к нам Бестужев сказать, что жандармы ищут моего брата и арестовали его бумаги. Мы отправились и приехали засветло 29 в ротный двор 5 роты Черниговского полка. Сейчас после нас приехал туда полковник Гебель и объявил моему брату, что он арестован, который ему и шпагу отдал. Я лежал за перегородкой, и полковник спрашивал: кто там лежит, и когда он слыхал, что это я, говорил, что я тоже арестован; но я остался на месте и не вставал. Полковник остался в комнате и велел себе сделать чай...

[1]) Дело № 397, л. 12.

Пришли поручики Кузьмин и Щепилло и, видавши часовых около ротного двора, они спрашивали полковника, что это значит, не арестованы ли и они тоже. Полковник вышел, и в это самое время я услыхал шум и крик. Вышедши, увидел я Щепилло со штыком в руках, которым он поранил полковника, который от его бежал. Я удержал Щепилло и ему сказал, что сие стыдно, но Щепилло отвечал, что полковник мерзкий человек, который его лично обидел.

В это самое время началось возмущение, но без всякого приготовления. Доказательством еще служит то, что полк только накануне был распущен, бывши собранным для присяги, и что тогда гораздо легче было бы их употребить, нежели отыскивать по одиночке...

Нижние чины никогда не были приготовлены, и также офицеры, которые участвовали, ничего не знали о том. Мне кажется, что армия теперь в таком положении, что она готова двигаться, лишь бы только не оставаться в нынешнем положении.

Когда мы 29 декабря приближивались к Василькову, то майор Трухин приказал роте, находившейся на площади, зарядить ружья, но они этого не сделали единственно для того, что они майора терпеть не могут.

Многие офицеры упрекали моему брату, что он им прежде о том ничего не говорил, и что они лучше приготовились бы.

Что больше случилось, довольно известно, и также на сей счет запросные пункты сняты с меня в Белой Церкви. Я только уверяю, что сие возмущение не было приготовлено и что вообще ныне открытое тайное общество было так пустое, что я давно хотел от его отклоняться, потому что люди, которые в оном находились, не имели довольно духу.

3. Из первоначального допроса во дворце 17 января 1826 г. [1]).

24 ноября я приехал в Васильково к брату. 20 декабря Бестужев, узнав о кончине матери своей, просил Сергея выпросить ему от генерала Рота отпуск к отцу. Насчет сего мы с братом поехали в Житомир, где Сергей услышал от г. Рота [2]) о происшествии петербургском. На другой день, 26 числа, мы поехали в Александрийский полк к двоюродному брату, полковнику Александру Муравьеву, который обществу не принадлежит и ничего об оном не знал, и у него чрез письмо из Петербурга к Шуазейлю узнали о всем случившемся. 27 числа поехали мы к Артамону Муравьеву в Любар, где Бестужев приехал известить, что прислано нас арестовать в Васильков, что, не заставши нас дома, бумаги все забрали и поехали нас отыскивать. Тогда мы отправились в полк и остановились в крайней роте 2 батальона в деревне Трилесах. Отсюда послал Сергей к ротному командиру Кузьмину

---

[1]) Дело № 397, л. 2.

[2]) Л. О. Рот — командир 3 корпуса.

в Васильков, дабы узнать о всем и просить, чтобы он сам приехал о сем сказать. Бестужев же поехал к обществу Славян в 8 дивизию, дабы содействовать; но, узнав на дороге, что за ним тоже прислано, возвратился назад. Ту же ночь мы услышали большой шум и вскоре узнали, что подполковник Гебель приехал нас взять. Объявя сие, остался еще часа полтора, когда Кузьмин и Щепилло и вскоре после Соловьев и Сухинин взошли в избу. Я лежал за перегородкою, ко мне подошел Кузьмин и спрашивал, что делать? Я ему отвечал: ехать, куда повезут. Но на сие не согласясь, вышел в сени, и вскоре услышал я крик. Когда же вскочил и побежал на оный, нашел Щепилло, который со штыком стремился на Гебеля, уже раненного. Я его остановил, и тем Гебель успел убежать. Мой брат собрал 5 роту, а сам поехал во вторую, куда присоединилась и пятая. С утром мы пошли на Васильков, где пристал полк, хотя майор Трухин приказывал по нас стрелять караулу, который сего не исполнил [1]). Арестовав Трухина, брат взял знамена к себе. Всех проезжающих жандармов целую ночь 30 числа мы останавливали, а 31 в полдень, собрав шесть рот и построив карре, священник отпел молебен, прочел катехизис, и мы пошли к 1 гренадерской и 1 мушкатерской ротам, которые к нам не пристали, но ушли в дивизионную квартиру с ротными командирами Козловым и Вульфертом. 1 генваря мы имели дневку. 2 — пошли к Белой Церкви, имев намерение присоединиться к 8 дивизии, где имели мы сношения. Ночь нас застала не дойдя Белой Церкви, и мы остановились ночевать. На другой день, узнав, что в Белой Церкви есть артиллерия и 2 полка пехоты, нам неизвестных, мы пошли на деревню Трилесы, куда не дойдя, встретили артиллерию под прикрытием гусар. После первого выстрела люди наши побросали ружья, и кавалерия нас окружила и всех взяла в плен. Брат мой Ипполит проезжал чрез Васильков из Москвы в Тульчин, застал нас, выступая с полком, и к нам пристал. Он говорил, что имел от Трубецкого письмо к брату, но, узнав в Москве, что Свистунов арестован, он оное сжег, коего содержание не знал.

4. Из записки, поданной 22 января 1826 г. [2]).

Мой брат получил позволение отлучиться на несколько дней. Мы отправились 24 числа после обеда из Василькова; 25 числа поутру мы были в Житомире. Мой брат тотчас представился генералу Роту, который ему сказал, что не может дать отпуск Бестужеву. Он пригласил моего брата к себе обедать. Во время обеда мой брат в первый раз услышал о том, что происходило в Петербурге. Обещав еще прошлого лета нашим сестрам побывать у них, мы поехали 26 в Трояновку, куда при-

---

[1]) Майор Трухин в отсутствие Гебеля принял командование Черниговским полком.

[2]) Дело № 397, л. 28.

были к обеду у Александра Муравьева, который никогда не принадлежал к обществу и не знал даже, как я полагаю, о его существовании.

Письмо, которое Шуазейль получил из Петербурга, объяснило нам подробнее происшествие 14 декабря. После обеда мы отправились в Любар и, как мы ехали на тех же лошадях, которые привезли нас в Житомир, провели ночь в Чуд[н]ове. 27 поутру прибыли в Любар. Менее четверти часа по прибытии нашем приехал Бестужев и известил нас, что ночью с 24 на 25 декабря Гебель, сопровожденный жандармским офицером, пришел к моему брату, который взял все бумаги и книги, какие мог найти, что поехал в Житомир. Мой брат решился отправиться тотчас, чтобы отклонить от нашей двоюродной сестрицы, которая была нездорова, нечаянность нашего арестования у ней. Мы поехали по дороге Василькова в Бердичев, Павловичи и Трилесы, куда мы все трое прибыли, т.-е. Бестужев, мой брат и я. 28 числа поутру Бестужев отправился отсюда к Славянам, потому что Гебель, который его видел в Василькове, сказал ему, что не было никакого касательно его приказания. Брусилову сказал он, что его преследуют [1]), и от Брусилова он возвратился по своим следам.

По отъезде Бестужева мой брат писал Кузьмину — (так назывался офицер, командовавший 5 ротою, в квартире которой мы находились в Триславле [2]) — приехать к нему, потому что он всегда полагал, что пришли взять его бумаги, как в 1823 году, не имев приказания его арестовать. 5 рота возвратилась в эту ночь из Василькова, где все полки были собраны, — другое доказательство, что не было преднамерения к возмущению. В отсутствии Гебеля полк командуем был некоторым майором Трухиным, с которым офицеры делали все, что хотели, как говорил мне мой брат. Следовательно, легко было бы удержать роты в Василькове под каким-нибудь предлогом и избегнуть все переходы, которые должны были делать, чтоб их собрать.

29 числа в 5 часу утра мы слышали большой шум в ближней комнате. Я подумал сначала, что это Кузьмин приехал; слышу, что велят подать огня. Это был подполковник Гебель с жандармским офицером, который пришел нам объявить, что мы арестованы. Он велел подать чаю, сделал некоторые распоряжения, которые продлились целый час. Кузьмин и Щепилло приехали в это же время. Я слышу Гебеля, сказывающего Кузьмину, почему он не прибыл с ротою. Кузьмин ему отвечал, что время праздничное. Я остался на постели позади перегородки, которая находилась в сей комнате. Кузьмин подходит ко мне, сказывает, сколь ему досадно о том, что со мною случилось, и спрашивает у меня, что делать? Я ему тотчас отвечал, — ехать куда повезут. Два офицера Соловьев и Сухинин [3]) приехали спустя несколько минут. Жандармский офицер выходит из комнаты, и за ним Гебель.

---

[1]) Очевидная описка М. Муравьева, вместо: в Брусилове узнал он...

[2]) Вместо: «в Трилесах».

[3]) Т.-е. Сухинов.

Вдруг мы слышим крики, коих не знали чему приписать. Тогда мой брат расшиб окошко и вышел в оное. Я тогда видел Кузьмина и Щепилло вооруженных и преследовавших Гебеля. Я остановил Щепилло, который хотел со всею силою броситься на Гебеля. Сии два офицера еще несколько месяцев прежде сего имели намерение отомстить Гебелю за какое-то его самовольство, против них оказанное. Тогда мой брат принял намерение возмутить полк. Тотчас отправился в деревню Ковалевку, где была вторая гренадерская рота. Я с ним сошелся в вечеру. Из Ковалевки мой брат послал нарочного к Алек. Вадковскому, чтоб он прибыл на другой день в Васильков. Мы нашли в экипаже Гебеля, который мы взяли, чемодан с вещами. Я вынул пятьдесят рублей из моего портфеля, который находился между книгами моего брата.

30 числа мы отправились с двумя ротами в Васильково. Майор Трухин впереди одной роты не имел даже присутствия духа, чтобы сделать малейшее сопротивление при нашем входе в город. Я твердо уверен, что две роты уступили [бы] малейшему препятствию. Мой брат взял полковые знамена к себе. Все офицеры пришли к нему явиться сами от себя, en faisant force protestation, потому что мой брат им объявил, что они могут остаться. Обе роты стояли в городе. Майор Трухин был арестован. Соловьев и Щепилло, которые поутру возвратились в Васильков и которых Гебель приказал арестовать, были освобождены. Александр Вадковский прибыл по приглашению моего брата и, сказав, что в главной дивизионной квартире еще ничего не знали о движениях Черниговского полка, отправился тотчас в Белую Церковь. В течение ночи задержали всех жандармов, которые проезжали чрез Васильков. Что же касается до города, то не было в оном никакого беспорядка. В эту ночь Бестужев заставил списать несколько копий своего [1]) катехизиса. По его-то внушению мой брат заставил читать оные пред полком, несмотря на мои убеждения не делать сего. 31 числа мой брат послал одного офицера (коего имени не припомню) в Киев с запискою к одному майору Крупенникову Курского полка, коего имя я в первый раз тогда слышал. Роты собрались в 12 часу на площадь. Брат мой Ипполит, который ехал из Москвы в Тульчин, к несчастию, застал нас вовсе неожиданно. Я его просил в стороне и сильно убеждал продолжать свой путь, что и брат мой Сергей может подтвердить. Но он тотчас решился и объявил нам, что он нас не оставит. Он сказал брату, что имел к нему от князя Трубецкого письмо, которое истребил, когда пришли арестовать Свистунова, с которым он жил в Москве: содержание письма сего он не читал. Я был с Ипполитом в нашей квартире, где он переменил свой костюм. Между тем временем полковой священник читал молебствие и катехизис, после чего роты пустились в поход к Мотовиловке, где квартировала 1 мушкатерская рота. Она не хотела следовать с другими ротами.

[1]) Катехизис был составлен С. И. Муравьевым-Апостолом. См. выше, стр. 4.

1 гренадерская сделала то же. Мы провели 1 генваря в Мотовиловке. 2 на рассвете мы отправились к Белой Церкви; провели ночь в деревне Пологи, которая стоит в 15 верстах от Белой Церкви. Брат мой послал Сухинина узнать, что происходит в Белой Церкви; он возвратился одним или двумя часами пред рассветом с известием, что там пушки. 3 числа утром мы переменили направление наше. Мы хотели провести ночь в Трилесах. Во время этого похода отряд кавалерии нас встретил. После нескольких выстрелов из пушек солдаты бросили оружие, не делая ни малейшего сопротивления. Мой брат Сергей, который был ранен — en face de pièces qui jouaient sur nous, reçut un coup de mitraille dans la tête [1]). Щепилло и мой брат Ипполит убиты. Нас привели в Трилесы. Там-то Кузьмин пистолетом, который всегда носил при себе и успел спрятать, se brula la cervelle [2]) в присутствии нашем. Один брат убитый, другой раненый, Кузьмин в ужасных конвульсиях умирающий, — вот как кончилось сие виновное предприятие.

5. Из ответов 29 января 1826 г. [3]).

24 декабря брат получил позволение ехать в Житомир; после обеда мы отправились. 25 поутру мы были в Житомире. — По приезде брат явился корпусному командиру, который ему сказал, что он не может дать отпуска Бестужеву-Рюмину. Генерал Рот пригласил брата обедать к себе, и за столом брат первый раз услышал о происшествии, случившемся в С.-Петербурге. 26 мы отправились рано поутру в Троянов к Александру Муравьеву. Мы приехали к обеду. Гр. Шуазейль получил письмо из Петербурга, в котором ему сообщали более подробностей о 14 декабря. Он брату дал прочесть сие письмо. После стола мы пустились в путь. В Чуд[н]ове мы провели ночь, и 27 числа декабря мы приехали в Любар к Артамону Муравьеву. Не было полчаса, что мы были у него, так что не успели еще подать нам чаю, когда Бестужев-Рюмин является и говорит нам, что в ночь 25 на 26 число подполковник Гебель с жандармским офицером приходил на квартиру брата, что они забрали все книги и бумаги и тот же час поехали в Житомир. Брат решил сейчас ехать, послал за лошадьми, и мы все трое — Бестужев-Рюмин, брат и я — отправились в Бердичев. В Бердичеве мы наняли лошадей до местечка Павловичи и деревни Трилес, где стояла 5 рота Черниговского полка. 28 декабря мы приехали поутру в деревню Трилесы. Бестужев-Рюмин в полдень поехал отсюда; он намеревался видеть Славян, чтобы им сказать, что случилось с братом, и чтобы они были готовы. Но он не успел исполнить сего: в Брусилове он узнал, что его также велено остановить. После отъезда Бестужева-Рюмина брат писал к Кузьмину в Васильков, чтобы он к нему приехал. Вечером около семи часов

[1]) ...находясь прямо против паливших в нас пушек, получил удар картечью в голову.

[2]) Застрелился.

[3]) Дело № 397, л.л. 64 об.—69.

пятая рота воротилась из Василькова, где полк был собран. Брат полагал, что не так скоро могут найти наши следы. Деревня Трилесы — в стороне на старой Киевской дороге. Мы легли спать.

В 5 или 6 часов утра 29 декабря мы слышим, что кто-то взошел с шумом в комнату, которая была подле нашей. Я подумал сначала, что это Кузьмин. Подают огня, и подполковник Гебель объявляет нам, что мы оба арестованы. Я надел платье и опять лег на постелю. Гебелю подали чаю, он делал какие-то распоряжения, между которыми прошел час. Кузьмин и Щепилло приезжают. Гебель допрашивает у Кузьмина, для чего он не пришел с ротой? Кузьмин отвечает довольно дерзко: теперь праздничное время! Кузьмин подходит ко мне, говорит мне, что он очень сожалеет об том, что с нами случилось, и вдруг спрашивает у меня: что делать?—Ехать, куда повезут, я ему отвечаю. Это был первый мой разговор с Кузьминым. Я до того время его даже не видал. Два офицера еще приезжают—Соловьев и Сухинин. Гебель им говорил, для чего они отлучились от своих рот? Я не помню, что они отвечали. Гебель выходит из комнаты, и вдруг мы слышим крик. Брат пробивает раму и вылезает из окошка. Я вижу Кузьмина и Щепилло, которые с штыками в руках гонятся за Гебелем. Я бросаюсь на Щепилло и говорю ему: «как вам не стыдно!» Он мне отвечает в исступлении: «вы не знаете этого подлеца, как он обрадовался, когда узнал, что велено вашего брата арестовать». Между тем Гебель убежал и скрылся у эконома той деревни. Тут брат взял намерение поднять полк. Он приказал Кузьмину собрать 5 роту и итти в деревню Ковалевку, где стояла 2 гренадерская рота. Кузьмин сказал, что он давно имел намерение отомстить Гебелю за какую-то грубость, им от него полученную. Брат поехал в Ковалевку. Щепилло, Сухинин и Соловьев также уехали. Тут приехал из Василькова разжалованный Башмаков, — брат его нашел в крайней бедности и пригласил его жить с ним. Он мне сказал, что Андреевич [1]) приезжал из Киева узнать, что с братом делается, что Кузьмин, Щепилло, Сухинин и Соловьев дали ему слово не выдать брата. Вскоре он отправился. Он хотел проехать до Оранского гусарского полка, в котором находились два члена Южного общества, Поздеев и Жуков. Я к брату поехал к вечеру. 5 рота прибыла в Ковалевку, где они стали по квартирам. Гебель оставил бричку свою, мы ему везли ее в Васильков. Мы в ней нашли чемодан с книгами и с бумагами, которые он взял, когда приходил к брату на квартиру. Я вынул из моего портфеля 50 руб. денег, которые я оставил в нем. Брат послал солдата с письмом в Белую Церковь к Александру Вадковскому; он ему писал, чтобы он к нему приехал на другой день в Васильков.

30 декабря поутру брат собрал 2 гренадерскую роту и 5 роту, сказал им, что пришло время, где им надо показать, что от них

---

[1]) Я. М. Андреевич — офицер 8 артил. бригады, член общества Соединенных Славян.

теперь зависит быть счастливыми или нет. После сих слов роты построились, и мы пошли к Василькову. В деревне Марьяновке был привал. Верст восемь от Василькова Бестужев-Рюмин приехал назад. На дороге встретился один офицер Черниговского полка Вролович (он был послан за чем-то к дивизионному командиру). Он сказал брату, что в Василькове целая рота в карауле, что майор Трухин командует полком. Не доходя до Василькова версты две, брат отрядил Сухинина с несколькими людьми, чтобы окружить квартиру Гебеля. Брат это сделал больше для осторожности и для самого Гебеля, на которого офицеры были очень злы, как можно видеть по происшествию в деревне Трилесы. — Когда обе роты показались на горе, майор Трухин велел роте, которая была в карауле, зарядить ружья, но он не умел заставить солдат исполнить свое приказание. Я уверен, что ежели бы он сделал малейшее сопротивление, обе роты разошлись.—Когда брат вступил в Васильков, он взял к себе знамена полка. Щепилло и Соловьев, которых Гебель посадил под арест, были выпущены из-под караула. Александр Вадковский приехал в Васильков. Он брату сказал, что в Белой Церкви ничего не знают о движении Черниговского полка. Он обещал приготовить 17 егерский полк и вскоре поехал в Белую Церковь. По приезде туда он был арестован.

Майор Трухин был арестован. Брат велел останавливать всех жандармов, которые будут проезжать чрез Васильков. Два жандармские офицера были остановлены, и не знаю, сколько жандармов. Офицеров брат отпустил с половины перехода к деревне Мотовиловке, а нижних чинов, когда роты пошли на Белую Церковь и, не дойдя, провели ночь в деревне Пологи. — 2 гренадерская рота и 5 мушкатерская квартировали в Василькове. Караулы были поставлены у обеих застав. Явного беспорядка не было. В сию ночь Бестужев-Рюмин велел двум полковым писарям переписать начисто катехизис, которого было сделано несколько копий. Когда отряд забрал Черниговский полк, сии копии были истреблены. — 31 декабря Кузьмин приходил к брату и сказал, что Андреевич ему говорил, что он принял майора Крупенникова, что Крупенников находился тогда со своим батальоном в Киеве. Крупенников служил в Курском полку. Брат ему писал чрез Черниговского полка офицера, которого я видал в первый раз и которого я имя не помню. В письме брат его уведомлял о возмущении Черниговского полка. В 12 часов пополудни роты были собраны, и тут брат мой меньшой Ипполит меня крайне огорчил своим неожиданным приездом. Он ехал из Москвы в Тульчин. Он решился с нами остаться, как я его ни упрашивал продолжать свой путь. Он сказал брату, верно, что он имел к нему письмо от кн. Трубецкого, но что он истребил его в Москве, когда пришли арестовать Свистунова, с которым он жил. Содержание письма он не знал; истребив его в самое скорое время, он не успел его прочесть. Я пошел с меньшим братом на квартиру, где он переоделся и отпустил почтовых лошадей. Между тем священник Черниговского полка отпел молебствие и прочел кате-

хизис по совету Бестужева-Рюмина. После сего роты пошли в поход. Я забыл сказать, что офицеры Черниговского полка накануне, когда брат Сергей вступил в Васильков, приходили к нему и объявляли, что они желают итти с ним. Брат им говорил, что он их не принуждает. В часу 7 вечера роты пришли в деревню Мотовиловку и стали по квартирам. 1 гренадерская рота была собрана в Мотовиловке, где квартировала 1 мушкатерская рота. 1 гренадерская рота не согласилась пристать к прочим ротам и большая часть 1 мушкатерской роты. Обе сии роты отправились в ту же самую ночь в Белую Церковь в дивизионную квартиру. 1 генваря была дневка в Мотовиловке. Брат, опасаясь быть атакован, к вечеру выставил часовых и караулы около деревни. Днем прибыла часть какой-то роты. Офицер, который ее привел, объявил, что он не хочет итти, на что брат не сделал никакого возражения. Этот офицер поехал в Васильков. Люди стояли по квартирам; ничего не происходило замечательного вообще этот день.— 2 генваря [1]) часу в 6 поутру роты собрались около квартиры брата и, собравшись, выступили в поход. Не дойдя верст 15 до Белой Церкви, они провели ночь в деревне Пологи. Ночью брат посылал Сухинина с четырьмя солдатами узнать, что делается в Белой Церкви и кто там стоит. Сухинин воротился час или два пред тем, что рассвело. Он сказал, что везде около местечка стоят часовые и что помнить надобно, что там егерская бригада 9 дивизии собрана. Брат оставил намерение итти на Белую Церковь и старался соединиться скорее с 8 дивизиею, и для того 3 генваря [1]) роты пошли на деревню Трилесы. На походе они встретили конный отряд. После нескольких ударов картечью солдаты, не сделавши малейшее сопротивление (не было ни одного выстрела из ружья), побросали ружья. Брат Сергей, который стал против пушки, был сильно ранен в голову картечью; брат мой меньшой Ипполит и Щепилло были убиты. Кузьмин и Быстрицкий ранены. Нас повели в Трилесы. Кузьмин умел как-то спрятать пистолет, который был при нем, и, когда брату Сергею сделался обморок от сильного кровотечения (при отряде не было лекаря, брат был перевязан только что на другой день), Кузьмин застрелился при нас. Были взяты брат Сергей, Бестужев-Рюмин, Соловьев, Быстрицкий; Сухинин скрылся, прочие офицеры, которые выступали из Василькова с ротами, до того разъехались. Во время мятежа говорили солдаты, что вся 8 дивизия восстала, гусарский полк и проч., что все сии полки требуют великого князя цесаревича, что они ему присягали, — вот главная пружина мятежа Черниговского полка.

6. Из ответов 10 апреля 1826 г. [2]).

3 января шесть рот Черниговского полка, которые были возмущены, выступя из деревни Пологи, делали привал в деревне Мотовиловке. Говорили, что эскадрон гусар разъезжает около сих

[1]) В оригинале ошибочно: «декабря».
[2]) Дело № 397, л. 107.

мест. Брат мой, Бестужев уверяли, что этот эскадрон идет к ним на помощь. Выступая из Мотовиловки, в верстах двух, конный отряд встретил нас. Брат построил этих шесть рот в взводную колонну и стал впереди колонны и пошел навстречу отряду. Тут два конных орудия были выставлены против нас. Сначала они пустили одно ядро на елевацию через колонну. Солдаты тут же остановились и стали роптать на брата. Брат сказал—вперед; но отряд, видя, что эти шесть рот все стоят выстроивши[сь], пустил картечью. Брат Сергей упал раненый в голову. Брату моему Ипполиту раздробило левую руку. Я пошел, чтобы сказать, нет ли какого-нибудь фелдшера, чтобы перевязать их, но тут же эскадрон наехал в хвост колонны. Гусары кричали солдатам: бросайте ружья, — что они очень охотно делали; не было ни одного выстрела из ружья. Я уже нашел брата моего Сергея окруженного гусарами, и мне тут сказали, что Ипполит после был убит на другой день, когда нас отправили в Белую Церковь. Майор, который нас конвоировал, был Мариупольского полка, по моей просьбе позволил мне проститься с Ипполитом. Я его нашел: он лежал, раздетый и брошенный, в сенях малороссийской хаты.

Из показаний М. П. Бестужева-Рюмина.

1. Из показаний при штабе 1 армии в Могилеве от 7 января 1826 г. [1]).

Получив известие о кончине матери моей, просил я полковника Тизенгаузена уволить меня на несколько дней в Москву увидеться с дряхлым отцом своим, но как бывших Семеновских офицеров строго запрещено выпускать из расположения полков, куда каждый переведен, то полковник Тизенгаузен на мою просьбу согласиться не мог; а дабы доставить мне случай чрез моих знакомых исходатайствовать отпуск у корпусного командира, я получил предписание ехать в Киев для принятия следуемого в полк жалованья. Нашед, что оное уже принято квартирмейстром, донес я о сем полковому командиру, а сам поехал в Васильков посоветоваться с Муравьевым, каким образом получить позволение генерала Рота съездить к моему отцу,—быть может, принять последнее благословение. Но все мои старания были тщетны, я не мог исходатайствовать позволения исполнить священный долг человека.

Между тем жандармы приехали взять Муравьева и меня. Тогда, приведенный в отчаяние, решился присоединиться к Черниговскому полку, который ополчился для возведения на престол цесаревича Константина, коему несколько дней пред тем мы все клялись в подданстве. Доблесть его, сделавшись общей молвой, служила нам побуждением. Приготовлений к восстанию никаких не было; вот ход дела.

---

[1]) Дело М. П. Бестужева-Рюмина, № 396, л. 14.

Арестовав жандармов, приехавших за нами, подполковник Муравьев с двумя ротами пришел в Васильков, где с восклицанием был он принят всеми там находящимися войсками. Тогда принесли знамена и при них повторили присягу Константину. На другой день, отслужа молебен, Муравьев двинулся из Василькова. Число желающих следовать за ним было столь велико, что он был принужден употребить усилие, дабы устранить тех, кои не были в состоянии выдержать похода [1]). Офицеры Черниговского полка не все мне знакомы, и потому (за исключением убитых и явившихся) я могу только назвать Петина и Сухинова, из тех, кои восстали за Константина. Башмаков, ныне содержащийся под арестом, с нами вовсе не был. Первый день ночевали мы в Мотовиловке, где мы нашли 2 гренадерскую и 1 мушкатерскую роты; часть сей последней присоединилась к нам. 1 гренадерская же рота ушла в дивизионную квартиру. Другой день была дневка (по причине нового года), на третий прибыли мы в м. Пологи, где множество офицеров, в том числе и Петин, покинули нас. В четвертый день между с. Ковалевкой и с. Королевкой встретили мы конницу и артиллерию, против нас посланную. Не желая начинать междуусобной войны, Муравьев и я, находящиеся в голове колонны, — мы велели положить оружие, предпочитая жертвовать собою ужасу быть причиной смерти и всех бедствий соотечественников наших. Но командир артиллерии, не взирая на брошенное оружие и расстройство колонны, продолжал пальбу. Муравьев был ранен в голову, Щепилло убит. Желая каким бы то образом ни было спасти людей, избравших его начальником, Муравьев, хотя мог скрыться, достигши Ковалевки, предпочел сдаться, дабы хотя сим образом заставить молчать орудия. С нашей стороны ни одного выстрела не было. С Муравьевым сдались и мы; один брат Муравьева, имевший при себе пистолет, мог прекратить жизнь свою.

2. Из показаний в дворце [2]) (без даты).

В последнем декабре 25 числа я был на квартире Сергея Муравьева, когда приехали жандармы взять его и бумаги его. Он был в Житомире и потом Любаре. Я поехал его о сем уведомить. Нашел его у Артамона Муравьева, где слышал о случившемся в Петербурге. Тогда мы хотели скрыться, но потом решились упорствовать, и я поехал в Новгород-Волынск к обществу Славян. Дорогой узнав, что меня жандармы ищут, я возвратился назад и нагнал Муравьевых уже близ Василькова с двумя ротами. Тут услышал я, что Гебеля ранили, Мы пошли в Васильково, где пристали к нам все прочие роты, кроме 1 гренадерской и 1 мушкатерской. Передневав в Василькове,

[1]) «Когда Муравьев двинулся из Василькова, то все нижние чины, канцелярия, ремесленники, музыканты объявили желание итти с ним, — их-то он и удержал». (Дело № 396, л. 84).

[2]) Дело № 396, л. 4.

на другой день мы собрали полк, отслужили молебен, прочли написанный катехизис и пошли к первым ротам. Оные к нам не присоединились. Опять продневав в деревне Мотовиловке, мы пошли к Белой Церкви. Узнав, что в оной войска, к нам расположенного, нет, пошли к конной роте на Трилесы. На дороге оной встречены конною артиллериею и гусарами, и по первым выстрелам батальон положил оружие, и мы все взяты.

3. Из показаний от 28 января 1826 г.[1]).

В ночь с 25 на 26 декабря приехали жандармы арестовать Муравьева, но он был в Любаре. Я отправился разыскивать его. Мы стали советоваться, что делать. Поднять раскинутые по квартирам подготовленные нами части было делом трудным. Хотя Артамон и обещал присоединиться к нам, если мы выступим, но расстояние, которое надо было пройти для того, чтобы осуществить это соединение, было слишком велико. Полки, которые были на нашем пути, не были нашими. Эти соображения привели нас в уныние, и мы решили скрываться. Но, размыслив затем, что мы неминуемо были бы открыты, решили мы попытать счастья [2]).

Я отправился предупредить Славян, чтобы они приготовили солдат, чтобы соединиться с нами, когда мы явимся. Но, узнав, что кругом жандармы, которые ищут меня, я повернул обратно [3]).

---

[1]) Дело № 396, л.л. 6—7. Это показание, написанное М. П. Бестужевым-Рюминым по-французски, здесь приводится в переводе.

[2]) «Предварительного намерения начать возмущение в Черниговском полку не было. 14 декабря не слишком было ободрительно. Тогда даже, как узнал Муравьев о захваченьи всех бумаг и повелении его арестовать, первая представившаяся мысль была бегство. Но, обдумав, что мы, несомненно, будем найдены, Муравьев решил действовать, надеясь на вспомоществование прочих членов общества»...

«Намерением было воспользоваться предполагаемым нами негодованием войск, дабы увлечь их за собою, представляя выгоды, кои их ожидают при введении нового порядка вещей. Считали же мы особенно на содействие конной артиллерии, Ахтырского полка, 8 дивизии и 8 артиллерийской бригады»...

«Содействие же Ахтырского полка считали мы верным, ибо им командовал Артамон Муравьев, который обещал к нам присоединиться. На конную артиллерию мы питали, ибо оба командира рот принадлежали обществу; на 8 артиллерийскую бригаду и 8 дивизию, потому что там были Славяне»... (Показания М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л.л. 51 об., 52, 84).

[3]) «Из Трилес, когда Бестужев поехал от нас, его намерение было поехать к Славянам, взять несколько человек из них и отправиться в Житомир, чтобы посягнуть на жизнь генерала Рота. Он доехал до деревни графа Олизара, который ему сказал, что жандармы весь дом его осмотрели, чтобы его найти. Бестужев у гр. Олизара переоделся и возвратился в Васильков». (Показание М. И. Муравьева-Апостола. Дело № 397, л. 109).

«В Трилесах было положено, чтобы мне с помощью Славян арестовать г. Рота, а не умертвить. Но, быть может, что в пылу разговора я и сказал, что ежели Рот станет защищаться и мы найдемся в большой опасности, то и жизни

Между тем полковник Гебель в сопровождении жандармов приехал арестовать Муравьева. Но офицеры, которые были там, давно озлобленные на Гебеля, бросились на него и нанесли ему несколько ударов штыками. Затем они поспешили схватить жандармов. На следующий день Муравьев во главе двух рот отправился в Васильков. Я присоединился к нему уже в пути. Все, кого выслали против него, стали под его команду. Мы вступили в город. Принесли знамена, Муравьев приказал освободить солдат, бывших под арестом, принести к нему полковую казну и провел ночь в составлении плана похода.

Утром 31 декабря после того, как отслужили молебен и полковой священник прочел нечто вроде катехизиса, Муравьев оставил Васильков. Мы пошли в Мотовиловку, где были собраны первая гренадерская и первая мушкатерская рота. К нам присоединилась только часть мушкатерской роты. С этого времени стало падать настроение. Солдаты утомились от переходов. Порядок, который старался установить

его не пощадим. Узнав от Олизара о ищущих меня жандармах, я переоделся и поехал назад к Муравьевым в Трилесы, но там уже их не застал, а догнал близ Василькова». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело № 396, л. 151).

«Едва я приехал из Крыма в мою польскую деревню, как вдруг явился неизвестно откуда Бестужев, 28 или 29 декабря. Он пообедал у меня и попросил лошадей до Бердичева, куда он ехал по своим личным делам (так он говорил, по крайней мере). Не имея своих лошадей, я помог ему нанять лошадей в деревне. На следующий день утром приехал разыскивать в моем доме офицер, присланный генералом Ротом. Получив относительно Бестужева все сведения, упомянутые мною выше, офицер поехал по его следам на лошадях, которых я также нанял для него в деревне.»

«В тот же день я отправился в Радомысль, где узнал от уездного маршала, что он только что получил циркуляр, содержащий текст присяги, которую следует принести новому императору. В виду этого он уже оповестил дворянство, назначив для собрания шестидневный срок. Я не мог оставаться так долго в городе и поехал обратно домой; в дороге я остановился у одного из моих арендаторов переночевать. Кстати сказать, в провинции военные (и в особенности обер-офицеры) благодаря своей форме слишком часто позволяют себе злоупотребления, притесняют наших крестьян, берут у них лошадей и за них не платят и ни перед кем не дают ответа в этих произвольных поступках. Проезжая через мою деревню, Бестужев поступал так же. Я не успел еще одеться, как услыхал, что мой арендатор горячо спорит с каким-то военным, который забрал у крестьян свежих лошадей, чтобы ехать через мои леса в Брусилов (как он им сказал). Выйдя из комнаты, я действительно увидал Бестужева, но уже в санях, за двором. Так как это второе путешествие через мои деревни мне показалось подозрительным, тем более, что офицер генерала Рота говорил мне, что у Бестужева не было отпуска, я повернул с дороги: вместо того, чтобы ехать домой (где я не провел дня после долгого путешествия), я отправился в уездный город, до которого было всего несколько верст от деревни, где я ночевал. Там я обо всем заявил исправнику, предложив ему принять меры, чтобы задержать преступника, который не должен был быть очень далеко, произвести опрос на местах, словом, сделать все, что было его обязанностью. На следующий день я выехал в Кие в

(Показание гр. Олизара 12 февраля 1826 г.) (дается в переводе с французского). Дело № 71, л. 19).

Муравьев, вызывал ропот. Наконец, после того как мы шли 4 дня, словно погребальное шествие, на поле у Ковалевки мы встретили конную артиллерию с прикрытием в несколько эскадронов гусар. (Артиллерия была из части Сухачева, который был членов нашего общества.). Хотя у нас была возможность пробиться, Муравьев предпочел скорее пожертвовать собою, чем начать гражданскую войну. Он приказал всему отряду положить оружие. Не было сделано ни одного ружейного выстрела. Но несмотря на то, что беспрепятственно и совершенно ясно можно было различить все, что происходило в колонне, вместо парламентера нам послали ядро, и канонада продолжалась. Удар картечью поверг Муравьева. Тогда я снова приказал рассыпаться и, подняв Муравьева, пошел вместе с ним навстречу гусарам, которым мы сдались. Ипполит Муравьев, у которого были пистолеты, застрелился.

4. Из показаний 5 апреля 1826 г. [1]).

Когда картечный выстрел поверг Муравьева без чувств на землю, я приказал колонне бросить оружие (сие легко узнать от 2 гренадерской роты). Муравьев, вставши, хотел сесть на лошадь, но не мог. После того уперся на меня, и мы, не говоря ни слова, почти оба без чувств шли, не зная сами куда. Между тем колонна расстроилась, и гусары стали подъезжать к оной. Тогда некоторые солдаты Черниговского полка кинулись на нас и, вероятно, хотели тащить навстречу гусарам. Но один гусарский офицер подскакал к нам. Мы ему сдались. Первое слово уже выговорил Муравьев, окруженный гусарами, чтоб спросить об участи братьев. Ему отвечали, что один лежит мертвый, а другого ведут также в круг. С тех пор мы с Сергеем Муравьевым о Королевском деле рта не раскрывали, и посему, какое у него было намерение, мне не известно. Но я не полагаю, чтобы таковое, как он показывает, — ибо легко можно было отгадать (в чем после удостоверились), что за авангардом в резерве находится целая артиллерийская рота с сильным прикрытием, — и нам не на кого было надеяться.

Из показаний Арт. Зах. Муравьева.

1. Из показания 4 января 1826 г. при штабе 1 армии в Могилеве [2]).

27 минувшего декабря поутру, часу в 10, он [3]) приехал ко мне от брата моего командира Александрийского гусарского полка, полковника Муравьева 2, и говорил, что он, узнавши от означенного

[1]) Дело № 396, л. 145.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 36.
[3]) С. И. Муравьев-Апостол.

брата моего о моей болезни, приехал меня посетить; потом читал получаемые мною газеты и разговаривал со мною и с приехавшим вместе с ним братом его, отставным подполковником Матвеем Муравьевым-Апостолом, о происшествии, случившемся в С.-Петербурге 14 декабря. Но когда по прошествии не более часу приехал Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев, служивший вместе с ним, Апостолом-Муравьевым, в Семеновском полку, и объявил ему, Апостолу-Муравьеву, что во время его отсутствия забраны на квартире у него подполковником Гебелем бумаги, добавя притом, что его и не спрашивали, то при сем случае я заметил, что Сергей Муравьев-Апостол смутился и начал спешить к отъезду, прося у меня для того лошадей. Но я, опасаясь за сие какой ни есть ответственности, не дал ему оных, а нанял он таковых у евреев и отправился вместе с упомянутыми—отставным братом своим, подпоручиком Бестужевым,—как я полагаю, к своему полку; однако наверно сего не знаю по причине болезни жены моей, которая меня более занимала, нежели обстоятельства, касавшиеся Муравьева-Апостола; что же я сделал упущение против порядка службы тем, что, заметивши подозрительность сказанных Муравьевых-Апостоловых и подпоручика Бестужева-Рюмина, то сие произошло от тогдашних моих беспокойств о болезни жены моей, а более от родственных чувствований, чтобы не быть орудием несчастия своих братьев, однако никогда не имел намерения, чтобы скрывать как бытность их у меня, равно и то, чтобы не указать средства к отысканию их; почему, когда после того в 9 часу пополудни прибыл ко мне командир Черниговского пехотного полка подполковник Гебель с жандармами и спрашивал у меня об означенном Муравьеве-Апостоле, то я в то же время сказал, что он, точно, был у меня, но не знаю наверно, куда поехал; предложил ему послать за тем жидом, у коего Муравьев-Апостол нанял лошадей, что и было им сделано, и я способствовал к тому, чтобы он узнал от испугавшегося тогда еврея, куда поехал тот Муравьев, — который и объявил, что в Бердичев. И посему подполковник Гебель вместе с жандармами отправился туда и, не доезжая Бердичева, встретил везшего их ямщика, который указал, как я после слышал, квартиру, где останавливались и где наняли лошадей Муравьевы-Апостолы для продолжения их пути. Что же касается до предприятий Сергея Муравьева-Апостола, обнаруженных правительством, то я узнал о сем только 31 декабря у брата моего родного, вышеупомянутого командира Александрийского полка, к коему прибыл я по приглашению дивизионного начальника, чтоб на новый год ехать к корпусному командиру для поздравления. В заключение насчет невинности моей и непричастия ни к какому заговору могу с чистою совестию добавить, что поступки мои по службе ясно доказывали ревность мою к оной; разъездов я никаких не делал, кроме по службе, писем ни от кого не получал, относящихся к какому-либо злоумышлению, и никуда таковых не посылал.

2. Из показаний 30 января 1826 г. [1]).

24 декабря Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, из коих первый был у корпусного командира в Житомире для исходатайствования Бестужеву отпуска в Москву по причине смерти его матери, были у брата моего и заехали ко мне; в это время разговор был между нами относительно события 14 декабря в С.-Петербурге. Они мне сообщали известия, слышанные ими, а я им дал газеты и получаемые мною приказы. Вот что занимало нас до прибытия Бестужева-Рюмина, и нисколько не было тогда в помышлении у Муравьева-Апостола сделанное им возмущение в Черниговском полку; почему и не полагаю, чтоб Швейковский и Тизенгаузен разделяли бы предприятие его [2]). Бестужев вбегает в комнату и объявляет Муравьевым, что бумаги их взяты, но что ни подполковник Гебель, ни жандармские офицеры, для сего присланные, его, Сергея Муравьева, не спрашивали, на что Сергей и говорил, что это невероятно, но что быть может, ибо с им подобный случай был, что забрали его бумаги, а его не спрашивали. Тут разные подаваемы были советы; решался Муравьев остаться у меня, и если по следам его за им приедут, то отдаться в руки, убеждая брата своего Матвея и Бестужева ехать, на что мы не соглашались; и я именно сказал, что если бы я искал себя спасти, то должен бы был их арестовать, но этого не сделаю; а я же предложил им всем вместе ехать, придумать холоднокровно дорогою, что предпринять на будущее время, и стараться изведать, точно ли его бумаги взяты без приказания его взять. В эту минуту Сергей Муравьев сказал, что — это и моя мысль, но если доберусь до батальона, то живого не возьмут.— Бестужев обратился ко мне и говорит: «ты, верно, не отстанешь с полком, говоря, то, что ты говорил, и предлагая то, что ты предлагал». Тут-то я почувствовал, и не в первый раз, следствия преступных слов и вместе увидел, что говорил то, что не мог выполнить; но, дабы не остановить их, дабы не покраснеть пред ими, открыв себя, я новым преступлением сделался виновным, обещав содействие. Обстоятельства отъезда их и приезда подполковника Гебеля с жандармскими офицерами в показании моем в Могилеве справедливы. Остается мне доказать, что участвовать в возмущении не было даже в мысли моей. Пусть изведают после их отбытия все шаги мои и слова; ни одного нет, который бы не доказал истины нежелания моего принять участие. Включить должен, что Бестужев оставил мне записку, в коей пишет офицеру артиллерийскому, за Старым Константиновым с ротою расположенному, чтобы он известил всех, что бумаги схвачены, и чтобы чрез 8 дней были

[1]) Дело Арт. Зах. Муравьева, № 403, л. 17 об.

[2]) «Здесь я почитаю долгом сказать, что, приехав в Бобруйск уже после кончины государя, я уговаривал Тизенгаузена начать действия, увлекая за собой Могилевский и Смоленский полки, но что он сие предложение отвергнул, говоря, что, может быть, Константин Павлович будет лучше покойного государя». (Показание М. П. Бестужева-Рюмина. Дело В. К. Тизенгаузена, № 406, л. 69).

готовы. Я, не послав ее, истребил, имя же, к кому была адресована, забыл в смущении. На 2-й день их отъезда вбегает офицер артиллерийский, по имени Андреевич, и говорит мне уже известное, приглашая действовать, говоря, что Кременчугский полк и артиллерия готовы. Я и ему сказал, чтоб оставил меня и не губил бы, что полк не поведу я [1]). Наконец, 30 числа подполковник Арсеньев [2]) также, ко мне войдя, говорит: «при теперешних обстоятельствах не быть ли готову?» Я и ему сказал, что преступно для спасения своей кожи губить людей безвинных. И, наконец, я бы должен итти против брата родного своего.

3. Из показаний 15 апреля 1826 г. [3]).

Касательно разговоров в Любаре я за всякое слово отвечаю, ибо события того времени, к несчастию моему, свежи в моей памяти, и я уже тогда мерил слова свои, хотя поздно. Матвей Муравьев брату своему застрелиться с собою не предлагал, это ложно. Но вот как было. Когда Бестужев объявил, что бумаги взяты, то Сергей сказал: «я останусь и отдамся, а ты, брат, уходи с Бестужевым». Но Бестужев сказал, что его не спрашивали, и даже, что жандармы вернулись, чему хотя Сергей не верил, но полагал возможным, ибо подобное с им случилось, что бумаги были взяты, а его не требовали, то тогда Матвей Муравьев спросил про свой портфель, взят ли он и когда? Бестужев сказал, что, не взирая на то, что он многие бумаги называл своими, но все взяты, то тогда Матвей Муравьев вскрикнул: «проклятая привычка беречь письма, я ими многих погублю!». И добавил: «я готов, право, пулю себе в лоб пустить». Но без больших затруднений оставил и говорить про сие, услышав, что мы все ему сказали: «вот это зачем, тебя же погубили, может, ну так что же»? Вот почти все слово от слова.

Из показаний Н. Н. Семичева [4]).

Из показания 15 марта 1826 г. [5]).

Еще слышал я, когда Муравьевы-Апостолы приезжали к полковнику Муравьеву, что уже было после писания в газетах об петербургском бунте, я пришел, застал их о сем разговаривающих, то Муравьев полковник говорил: «вот я поеду и Апраксину сделаю выговор»; но кто такой Апраксин, мне неизвестно. Говорили, что не умели бунта сделать. Потом, как Бестужев приехал и сказал им, что велено взять Муравьева-Апостола, то я пошел, а они остались обедать у полковника и потом уехали. Полковник мне на другой день говорит, что он не знает, куда они уехали, и что ежели Бестужев приедет, то велел его полковому адъютанту арестовать.

---

[1]) См. ниже показания Я. М. Андреевича 2-го, стр. 43

[2]) См. ниже показание В. А. Бечаснова, стр. 44.

[3]) Дело № 403, л. 24.

[4]) Н. Н. Семичев — ротмистр Ахтырского гусарского полка.

[5]) Дело Н. Н. Семичева, № 92, л. 19.

Из показаний В. О. Сизиневского [1]).

Из показания при штабе 4 корпуса в Киеве 2 января 1826 г. [2]).

В день полкового праздника, то-есть 25 истекшего декабря, во время ужина, во втором часу ночи, при собрании множества как гражданских, так и военных чиновников у командира полка подполковника Гебеля, кто-то объявил ему, что прибыл курьер, коего Гебель приказал просить к себе, с коим неизвестно что-то говорил; и потом тотчас, взяв шинель и шапку, поехал с сим же курьером, но куда — неизвестно; отколь вскоре возвратились. Я же с полковым адъютантом бегали узнать, куда они уехали, и мы видели, что тройки лошадей стояли возле квартиры подполковника Муравьева. После того г. Гебель приказал запречь свою бричку, а жандармские офицеры тем временем у него ужинали и чай пили; и потом, запечатав какие-то бумаги, поехали все трое вместе неизвестно куда. 29 декабря вечером, в седьмом часу, деньщик мой Николай Кистерин, прибежав ко мне в квартиру майора Трухина, сказал, чтоб я шел домой, где, прийдя, я нашел полкового штаб-лекаря Никольского, который предъявил мне письмо к нему капитана Козлова, в коем Козлов уведомлял Никольского, что подполковник Гебель весь изранен, и просил меня дать ему казенных лошадей, дабы ехать к Гебелю в село Снитенку, о чем мы вместе объявили майору Трухину. На другой день я слышал, что Гебель был доставлен в полковой штаб капитаном Вульфертом; и того же дня к вечеру подполковник Муравьев прибыл туда с двумя ротами или более, неизвестно, и, потребовав меня к себе, спрашивал, все ли деньги в казенном ящике? На что я ему отвечал, что артельные деньги все, а полковые находятся у подполковника Гебеля, почему он и послал меня за оными к Гебелю. Но как Гебель был без чувств больным, то жена его отвечала мне, что полковые деньги с ящиком унесены разжалованным аудитором Каблуковым, о чем я тотчас сказал Муравьеву, и сей отвечал: «это дурно». После того на другой день штабс-капитан барон Соловьев объявил мне приказание его, Муравьева, чтобы я распорядился насчет провианта, о чем подтвердил мне и полковой квартирмейстр подпоручик Войнилович; почему, вытребовав провиант из васильковского магазейна на весь полк за генварь месяц, и оставив, по приказанию его, Муравьева, в магазейне муки 62 четверти с препорциею круп, для остающихся в г. Василькове людей, последние 300 четвертей муки и круп 28 четвертей с четвериками проданы, и деньги отданы мною ему, Муравьеву. После чего в 12 часов пополуночи, перед выступлением полка в поход, вынесены были знамена, и священник, отслужив молебен, читал какой-то катехизис, а люди

---

[1]) В. О. Сизиневский — казначей Черниговского полка.

[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л.л. 72, 73.

все стояли во фронте. Тут я получил приказание, чтобы скорее приготовить ящики к выступлению в поход, в каковой полк тотчас и выступил, направив путь в село Мотовиловку; а я отпросился у Муравьева остаться в Василькове, на что и получил его дозволение с тем, чтобы непременно прибыть на ночь в Мотовиловку, что выполнив, явился к нему. В Мотовиловке была дневка, и я, быв поутру у Муравьева, получил приказание послать за фельдшером Макухиным в г. Васильков с его, Муравьева, к сему фельдшеру запискою, который к нему и прибыл. Сего дня же поутру, при выступлении полка в поход, я, потребовав тройку обывательских лошадей, ехал за полком до корчмы помещика Руликовского, в 5 верстах от Мотовиловки отстоящей, а близ оной отстал от полка вместе с полковым квартирмейстром подпоручиком Войниловичем, полк же пошел далее по дороге, ведущей к селению Ковалевке.

Из показаний А. С. Войниловича [1]).

Из показания при штабе 4 корпуса в Киеве 2 января 1826 г. [2]).

1825 года декабря 25 числа в день праздника рождества христова были все офицеры у полкового командира, но Муравьева не было, и в тот же день пополуночи в два часа приехали два жандармские офицера и, отдавши подполковнику Гебелю какую-то бумагу, уехали с ним неизвестно куда. 27 числа капитан Козлов из с. Снитенки прислал к командовавшему тогда полком майору Трухину рапорт, что полковой командир привезен к нему солдатом, весь израненный, и для пользования его прислал за лекарем, который немедля туда отправился; в каковое самое время майор Трухин дал ему, Войниловичу, предписание, чтоб ехал вместе с жандармским из вышеописанных офицером Скоковым, после в Васильков возвратившимся, и осведомился, действительно ли справедливо донесение капитана Козлова; куда они прибывши, нашли, точно, полкового командира раненого; после чего он возвратился, Войнилович — к майору Трухину, а Скоков отправился с 1 гренадерскою ротою в расположение 5 мушкатерской роты для преследования Муравьевых и прочих, с ними в том преступлении участвовавших. Когда же Войнилович возвратился в Васильков с приказанием от подполковника Гебеля, что если бы из них кто оказался в городе — арестовать, в сие время узнали, что штабс-капитан барон Соловьев и поручик Щепилло в отсутствии Войниловича приехали к нему на квартиру, куда посланы были за ними конвойные, взяли и посадили на гауптвахту, а он, Войнилович, оставался в ту ночь вместе с полковым адьютантом в квартире майора Трухина, от коего на рассвете 28 числа послан он, Войни-

[1]) А. С. Войнилович — полковой квартирмейстер Черниговского полка.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л.л. 74—77.

лович, о происшествии сем с донесением в командующему дивизиею генерал-майору Тихановскому, коему, отдав рапорт, объявил словесно обо всем, что только видел и слышал; при чем также Войниловичь известился от генерал-майора Тихановского, что 5 мушкатерская рота из своих квартир выступила в Васильков с заряженными ружьями и примкнутыми штыками. При получении же от генерал-майора Тихановского предписания майору Трухину насчет распоряжения в таком случае, имел он, Войнилович, особенно словесное приказание удвоить на всех постах караулы и взять всю предосторожность, а когда прибудет 5 рота в Васильков, то вытребовать против оной еще две ближайшие и какие понадежнее для защищения в случае нападения, также сберегать подполковника Гебеля, заготовить лошадей по почтовому тракту для генерал-майора Тихановского, который тотчас хотел выехать в Васильков. Не доезжая сего города одной версты, Войнилович настиг Муравьева с двумя ротами, 2 гренадерскою и 5 мушкатерскою, следовавшими в город. Тут остановили его, Войниловича, арестовали по приказанию Муравьева и взяли у него бумаги и пустили одного в город на почтовых лошадях, где, встретя майора Трухина, хотя объявлял ему приказание генерал-майора Тихановского, но он, будучи в замешательстве, видя, что роты с Муравьевым идут в город, оставил Войниловича без внимания, приказывал бить тревогу, собирал караулы для удержания их стремления, в каковое время он, Войнилович, ушел в дом секретаря и, находясь в оном, не видал, что на площади происходило. После, пройдя глухим переулком в свою квартиру, застал в оной караул Муравьева с таким приказанием, чтобы останавливать всех проезжающих и отбирать у них бумаги, а его, Войниловича, не выпускать из города. Чрез несколько времени позван был Войнилович к Муравьеву и получил от него приказание принять провиант на весь полк месячную пропорцию, что, по случившемуся тогда позднему времени, отложено было до другого дня.

Поутру в 7 часов пришел к нему, Войниловичу, на квартиру переведенный в Александрийский гусарский полк поручик Сухинов с заряженным пистолетом, угрожая, чтобы Войнилович не оставался, а шел с полком и не упущал бы никакого средства к выполнению предприятий Муравьева, даже требовал в том клятвы, и когда вынудил таким образом от Войниловича согласие, он, Сухинов, от него ушел. После позван был Войнилович к Муравьеву, от коего послан в магазейн для приема вместо провианта, если можно, денег, но комиссионер отозвался, что денег у него нет, а имеет провиант. И когда объявлено о сем Муравьеву, тогда он чрез Войниловича поручил полковому казначею Сизиневскому принять, который, приняв, продал и деньги доставил Муравьеву, а Войниловича отправил с предписанием в 1 гренадерскую и 1 мушкатерскую роты с двумя конвойными унтер-офицерами и приказал ему же словесно объявить солдатам, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович никогда от царствования не отрекался, а письма о сем предмете

есть будто бы фальшивые, удостоверяя, что прислан от его высочества из Варшавы польский офицер с тем, чтобы Муравьев прибыл с полком в Варшаву. После мною узнано, что офицер сей прибыл не из Варшавы, а из С.-Петербурга — родной Муравьева брат по квартирмейстерской части. Ротным командирам, между прочим, приказал объявить, что если они не пожелают следовать, то могут оставаться; почему Войнилович, приехавши в 1 мушкатерскую роту, командуемую капитаном Вульфертом, застал оную собранную у корчмы; объявил ему означенное приказание. Вульферт требовал от Войниловича предписания, но, получив оное, от замешательства не прочел и возвратил обратно. После Войнилович поехал в 1 гренадерскую роту, чтобы оная прибыла туда же, где и 1 мушкатерская, объявил вышеписанное приказание Муравьева и командиру сей роты капитану Козлову. При отправлении Войниловича в обе те роты Муравьев говорил, что если он осмелится не выполнить данного ему приказания, то посланы будут за ним поручик Сухинов и другие по разным дорогам, которые не преминут его поймать и лишить жизни; при чем унтер-офицерам приказал, что буде бы Войнилович вздумал ехать в другое какое-либо место в сторону, а не туда, куда приказано, то б лишили его жизни, для чего они имели заряженные ружья. Находясь в столь крайних обстоятельствах, Войнилович не в состоянии был не явиться, как бы желал, к своему настоящему начальству, ниже дать какого-либо противного ротам приказания вопреки воле Муравьева. Исполнив оную и возвращаясь в Васильков, встретился с остальными шестью ротами, идущими в с. Мотовиловку, где они, расположась, имели ночлег и дневку, расставивши караулы и цепь, как для того, чтобы никто не мог отлучиться, равно как и для своей безопасности, в каковое время Муравьев приказывал Войниловичу принять 1 мушкатерскую роту, квартировавшую в Мотовиловке по ненахождению при оной командира оной капитана Вульферта; однако Войнилович, объяснив, что он — по должности квартирмейстра и что так как старшие его не командуют, отказался от сего предложения.

Генваря 2, пред выступлением полка в Бишев, собраны были в квартиру Муравьева все офицеры, коим он приказывал быть в своих местах и уговаривать солдат, что якобы его императорское высочество цесаревич Константин Павлович не отрекался от трона, а что есть в том одна интрига его императорского величества Николая Павловича, притом ободряли бы солдат, дабы не теряли духу и в случае нападения отражались. Однако он, Войнилович, сего солдатам не говорил, имея намерение при первом случае от них удалиться, а для лучшего приведения сего в действие, объявил свое желание полковому казначею Сизиневскому, который также на то согласился, и выжидали к оному удобного случая. Хотя же предположено было полку следовать до м. Бишева, но вместо того взяли направление в м. Белую Церковь, не доходя стоящей по тому тракту корчмы, называемой «Зыбкая». Узнав от полкового казначея, что деньщик его, Войниловича, проколот

штыком, сказал оному казначею, что при сем случае есть удобность удалиться, и остались под видом делания перевязки деньщику в сей корчме, нарочно медля, будто искали нужные для пособия потребности. Офицеры же некоторые, хотя требовали после ухода полка, чтобы вместе с ними к полку отправлялись, но, не дождавшись, уехали, а они, Войнилович и Сизиневский, пользуясь сим временем, на обывательских лошадях последнего воротились в Васильков, где, не нашедши никого, получа от тамошнего городничего лошадей, следовали в Киев, но, не доезжая до оного за три версты, повстречали майора Трухина, который, сочтя их за единомышленников Муравьева, арестовал обоих, возвратился с ними в Киев к г. начальнику штаба 4 пехотного корпуса. При чем Войнилович добавил, что участия он никакого с Муравьевым и другими не имел и намерения их вовсе не знает.

Из показаний Д. Грохольского. [1])

Показание 8 апреля 1826 г. Комиссии военного суда при Белой Церкви [2]).

Муравьев и сообщники его, по приходе в Васильков 30 числа с двумя ротами, взяв знамена и денежный ящик, освободили из-под караула арестантов, арестовали майора Трухина и жандармских офицеров. А 31 числа при сборе полка священник служил молебен и читал катехизис. Содействовали же в том случае, как я мог заметить, все офицеры Черниговского полка одинаково. Того же 31 числа выступили оттуда в Мотовиловку, где я хотя просился возвратиться в Васильков, но поручик Щепилло от того удержал и, для сильнейшего моего убеждения, показал письмо артиллерийского офицера, по фамилии Горбачевского, в котором, между прочим, было написано, что они людей уже не приготовляют, но удерживают; а другое письмо от солдат Пензенского пехотного полка о том, что они с нетерпением ожидают. Вместе с ним и все тут бывшие, как-то: Муравьев и Бестужев, убеждали меня остаться с ними, говоря, что мне будет хорошо, почему я и оставался с ними до самого забратия гусарами.

Из показаний И. Ракузы. [3])

Показание Комиссии военного суда при Белой Церкви. Март 1826 г. [4]).

Когда Муравьев, по прибытии из Трилес, собрал полк Черниговский, тогда говорил нижним чинам: «Мы, братцы, идем доброе дело

---

[1]) Грохольский, — штабс-капитан Полтавского полка, разжалованный в рядовые и переведенный в Черниговский полк.

[2]) Дело № 245. «Справки о разных лицах, собранные главнокомандующим 1 армии», л. 24.

[3]) Ракуза — бывший поручик Пензенского полка, разжалованный в рядовые и служивший в Черниговском полку.

[4]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л. 198.

делать», упоминал, что о сем уже известны многие полки не только 3, но и 4 корпусов. Когда некоторые из нижних чинов возразили: куда ж мы идем и зачем, то Муравьев и сообщники его офицеры повторяли: избавить народ из рабства, вам службу убавить, и некоторые другие обещания благодетельности, приговаривая солдатам, что все это от вас зависит, все это в ваших руках. На сие нижние чины отвечали, что ежели все полки согласны, то и они, лишь бы не было обмана. Во время сего возмущения из числа офицеров: Сухинов, Бестужев, Кузьмин, Щепилло были главными возмутителями, барон Соловьев также. 31 числа, когда в Василькове находились шесть рот, то с ними были и офицеры, кои, впрочем, особенного содействия к возмущению не оказывали; однако же и угроз и принуждения им от Муравьева, дабы непременно следовать за ротами, делано не было. Когда читали солдатам катехизис, я слышал, но содержания оного не упомню. Нижние чины едва ли могли слышать читанное. Таким же образом уговаривал Муравьев и в Мотовиловке две роты, 1 гренадерскую и 1 мушкатерскую, но сии отвечали, что без ротных командиров не пойдут. При чем просили, чтобы им доставить майора Трухина, о чем спрашивали некоторые и из прочих рот. Муравьев ответствовал, что Трухин прибудет на следующий день. Впрочем, во время похода нижние чины никаких неблагопристойностей и обид жителям не делали, за чем офицеры в особенности смотрели, предупреждая, что они идут для спасения народа.

Из показаний А. Е. Мозалевского [1]).

1. Показание 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [2]).

Минувшего 1825 года декабря 29 числа перед вечером, когда пришли в Васильков две роты, 2 гренадерская и 5 мушкатерская, с Муравьевым-Апостолом, с коим были вместе Бестужев, Матвей Муравьев, Сухинов, Петин, Кузьмин, тотчас были освобождены барон Соловьев и Щепилло, кои были прежде посажены на гауптвахту майором Трухиным. В то же время Мозалевский поставлен был на заставу в караул с таким приказанием: чтобы никого не пропускать и брать всех под караул. В таком случае он взял двух жандармских офицеров, присланных из главной квартиры, отобрав от поручика Несмеянова тысячу сто рублей, и доставил с бумагами к Муравьеву, а у Скокова взял 10 рублей и отдал караульным; остальные же деньги и бумаги взял у него Сухинов. От Кузьмина слышал, что из Трилес Муравьев послал разжалованного Башмакова в Ахтырский и Александрийский гусарские полки. По приезде из Петербурга в Васильков свитского прапорщика Муравьева-Апостола 30 числа в 10 часов утра, чрез час

[1]) А. Е. Мозалевский — прапорщик Черниговского полка.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 65.

Муравьев-Апостол вручил Мозалевскому три катехизиса и приказал ему следовать в Киев с 4-ми солдатами, по прибытии найтить Курского пехотного полка майора Крупенникова, или Крупникова, и сказать, чтобы он следовал с батальоном в м. Брусилов; исполнивши сие в Киеве и раздавши катехизисы, ехать в Брусилов, объявивши, что он там найдет его с полком. При отправлении Муравьев-Апостол говорил Мозалевскому, что к нему пристанет Кременчугский пехотный полк, Александрийский и Ахтырский гусарские полки и что собрана для сего же 8 пехотная дивизия. Мозалевский слышал от Щепилло, что 4 пехотной корпус также будет собираться скоро и пристанет к Муравьеву. Щепилло же говорил ему, что 2 корпус также соединится с ними. Мозалевский слышал от разжалованного капитана Грохольского, что Муравьев намерен итти в Житомир. Муравьев говорил офицерам, что он надеется на соединение с гусарами и конно-артиллерийской ротой.

2. Из показания 9 января 1826 г. при штабе 1 армии [1]).

Находясь в полковом штабе в г. Василькове по болезни, прошлого 1825 года декабря 30 дня пополудни часу в четвертом, по прибытии подполковника Муравьева-Апостола в оный город Васильков со 2 гренадерскою и 5 мушкатерскою ротами, служащий в Черниговском же пехотном полку рядовым, разжалованный в сие звание из штабс-капитанов Полтавского пехотного полка, Грохольский, пришед ко мне на квартиру, просил от имени штабс-капитана барона Соловьева, поручиков — Щепилы, Кузьмина, Петина и переведенного в Александрийский гусарский полк поручика ж Сухинова, чтобы я пришел к сим офицерам; почему я и пошел к ним, кои все предложили мне следовать с ними в Брусилов, говоря, что тут собраны будут Алексопольский и Кременчугский пехотные, Ахтырский и Александрийский гусарские полки, которые, равно и другие полки, бунтуются и из Брусилова пойдут в Житомир, где будто бы собрана уже и 8 пехотная дивизия. Почему когда я согласился на таковое их предложение, то в тот же вечер наряжен я с нижними чинами в караул на Богуславскую заставу с приказанием, чтобы всех проезжающих брать под арест и доносить об оных подполковнику Муравьеву-Апостолу; при каковом случае ночью и взяты были два жандармские офицеры Несмеянов и Скоков, по доставлении коих на гауптвахту отобраны от них бумаги и деньги и все оные доставлены к сказанному подполковнику Муравьеву. На другой же день поутру, в часу 12-м, по смене с караула, позван я к оному Муравьеву, который, дав мне надеть партикулярное платье и сделав наставление, чтобы я был осторожнее, вручил три катехизиса, запечатанные в конверт, но не надписанные, приказав,

[1]) Дело С. И. Муравьева-Апостола, № 395, л.л. 26—28.

чтобы по приезде в Киев по распечатании отдать их отправившимся со мною трем рядовым и одному унтер-офицеру в шинелях, у которых сам же Муравьев отпорол погоны, с тем, чтобы они роздали те катехизисы состоящим в Киеве солдатам, также дал мне письмо Курского пехотного полка к майору Крупникову и велел сказать ему, чтобы шел с батальоном в Брусилов на сборное место. По прибытии в Киев, сказанные катехизисы брошены солдатами в разных местах на тот конец, чтобы оные были сысканы находящимися там воинскими чинами; письмо ж, по неотысканию майора Крупникова, осталось у меня, и я в ту же ночь, в которую приехал в Киев, и выехал из оного; а прибывши в селение Борщиевку [1]), остановился тут в трактире кормить лошадей, где приехавшим каким-то чиновником взят вместе с бывшими при мне сказанными нижними чинами и привезен обратно в Киев к тамошнему полицмейстеру, а от него представлен в дежурство 4 пехотного корпуса. Обещаний мне при приглашении к сообществу возмутителей никто никаких не делал, а только говорили вышепоименованные офицеры, что деньги у нас будут, и нужды никакой не будем иметь. Из нижних чинов никого главнейшим сообщником возмутителей я не заметил, но все, будучи обласканы своими начальствующими возмутителями, получали от них деньги на вино, напивались допьяна, и когда рота поручика Кузьмина просилась из Василькова на ротный двор в Трилесы для забрания своих вещей, то он, Кузьмин, дав на роту 200 рублей ассигнациями, говорил: «нейдите, мы ни в чем нуждаться не будем, сходим только в Брусилов и Житомир, а потом возвратимся опять в Васильков». Таким же образом и другие ротные командиры обласкивали своих нижних чинов и давали им деньги; но знал ли кто-либо из нижних чинов настоящую цель предприятия возмутителей, о том мне неизвестно; а только слышал, по прибытии в Васильков сказанных 2 гренадерской и 5 мушкатерской рот с подполковником Муравьевым-Апостолом, когда оные роты освободили из-под ареста штабс-капитана барона Соловьева и поручика Щепилло, то первый из них, выйдя на плац-форму, говорил солдатам, чтобы не робели, что полковым командиром подполковник Гебель уже не будет, что срок службы их будет сокращен на 20 или 15 лет, при чем некоторых из них целовал. Чтобы назначено было время к начатию возмущения, о том мне неизвестно, и ни от кого не слыхал; также и причины настоящей к сему предприятию не знаю; а полагаю, что было поводом к тому предложение арестовать подполковника Муравьева. 30 ж числа декабря говорил мне поручик Кузьмин, что приезжавшие 26 декабря в Васильков к подполковнику Муравьеву два офицера — один Ахтырского гусарского полка, а другой конно-артиллерийский — говорили ему, Кузьмину, и поручику Щепилле, что бунтуются Ахтырский и Александрийский гусарские полки и какая-то артиллерийская рота. Из оных офицеров артиллериста видел и я того ж 26 числа, кото-

[1]) Т.-е. Борщаговку.

рый росту высокого, лица белого, круглого с черными усами, лет около 28. Также 30 декабря видел 17 егерского полка поручиков — Вадковского и Молчанова, кои были с Муравьевым возле гауптвахты, и при сем случае Муравьев говорил солдатам: «вот и 17 егерский полк готов и с нами же пойдет в поход». Касательно разжалованного из полковников артиллерии Башмакова, то я слышал от поручика Кузьмина, что тот Башмаков послан был еще из Трилес Муравьевым в Ахтырский и Александрийский полки. Приезжал ли кто-либо из Кременчугского и Алексопольского пехотных полков к Муравьеву, о том я не знаю и ни от кого не слыхал. Кто переписывал врученные мне вышеупомянутые катехизисы, того точно не знаю, но полагаю, что полковые писаря, коих я видел писавшими у Муравьева 31 числа поутру. Оные катехизисы вручены мне прежде, нежели прибыл из Петербурга брат подполковника Муравьева свитский прапорщик Муравьев же, который приехал того же 31 декабря тогда, когда уже собрался полк к походу, и служили молебен, при коем читан был и катехизис полковым священником. Чтобы приезжал во время возмущения в Васильков какой-либо генеральский адьютант, о том я не знаю. Офицеры же, совокупившиеся с Муравьевым в Василькове, были следующие: штабс-капитаны — Маевский и барон Соловьев; поручики — Щепилло, Кузьмин, Петин, переведенный в Александрийский гусарский полк Сухинов, полковой казначей Сизиневский; подпоручики — полковой квартирмейстр Войнилович, Быстрицкий, Рыбаковский, Кондырев; прапорщики: князь Мещерский, Апостол-Кегич и Белелюбский; отставной подполковник Муравьев и свитский прапорщик Муравьев же; да Полтавского пехотного полка подпоручик Бестужев-Рюмин и разжалованные из офицеров в рядовые Грохольский, Тарасов, Ракуза, а Башмаков, как выше изъяснено, был послан в Ахтырский и Александрийский полки; и из сих рядовых видел одетыми в офицерское платье Грохольского и Ракузу. В вечеру же 30 декабря слышал я от порутчика Сухинова, что подполковник Муравьев с ротного двора 2 гренадерской роты послал каптенармуса той же роты Какаурова в какую-то конно-артиллерийскую роту, но для чего, мне неизвестно.

Из показаний рядовых Черниговского полка.

Показание рядового Алексея Федорова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1]).

1825 года декабря 29 числа, как он слышал от солдат, приехал в ротный двор [2]) полковой командир [3]) и, остановясь в квартире ротного командира Кузьмина, поставил около квартиры Муравьева караул.

[1]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 68.
[2]) В Трилесы.
[3]) Г. И. Гебель.

Скоро пришел к полковому командиру поручик Щепилло; не скидая шапки, вошел так в квартиру, но когда первый стал последнему говорить, тогда Щепилло, сбросивши с себя шапку, выхватил у часового ружье, начал полкового командира колоть, а Муравьев, пришедши, бил его прикладом; полковник однако ж вырвался и ушел. После собрана была рота и вышла в Васильков, оставив на квартирах ранцы, кивера и прочие вещи, а некоторые и из сих вещей брали с собою; все же без изъятия взяли ружья и сумы с патронами. По собрании полка в Василькове при знаменах полковой священник читал катехизис, и после заряда ружья пошли к Житомиру; а его, Федорова, и прочих трех рядовых послали с Мозалевским в Киев, куда, прибывши 31 декабря вечером, были все, кроме его, Федорова, на пивоварне, и затем поехали на Подол, где Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал из них Прокофьева отыскивать майора Тамбовского или Муромского полка (фамилии коего не упомнит) для узнания об нем; посылал Прокофьева в полковую канцелярию, но, не отыскавши, заезжали в трактир, сам Федоров оставался у лошадей; после Мозалевский посылал Софронова с какими-то бумагами, и затем выехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев. На шинелях у него, Федорова, и у прочих трех рядовых эполеты обрезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не узнали, какого они полка.

Показание унтер-офицера Ивана Харитонова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1]).

Декабря 29 числа 1825 года приказано было собраться 5 мушкатерской роте в селении Ковалевке, где батальонный командир Муравьев и ротный Кузьмин сказывали, что рота пойдет в Васильков, куда прибывши, уговаривали они, чтоб только их слушали; говорили притом: «все будет наше». Полковой священник читал при знаменах катехизис. Полк, собравшись, зарядя ружья, вышел к Житомиру, а его, Харитонова, с Мозалевским и тремя солдатами послали в Киев. Приехавши же, Мозалевский, оставаясь сам на повозке, посылал рядового Павла Прокофьева в канцелярию Курского пехотного полка отыскивать майора того полка Крупенникова; однако оного не нашли. После, отъехавши от канцелярии, повстречали писаря Курского полка, коего Мозалевский взял с собою, и были в трактире около четверти часа, при чем Мозалевский спрашивал того писаря о майоре Крупникове и что в Киеве слышно. А когда писарь отвечал, что майора Крупенникова в полку нет, а есть поручик Крупенников, тогда, более не расспрашивая, послал рядового Софронова и велел данные ему три бумаги бросить под ворота близ большой дороги, отъехавши от трактира версты две. И после отправились в Брусилов, дабы догнать полк; но в деревне Борщаговке, от Киева в 13 верстах, взяты и доставлены

[1]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 69.

в Киев. Добавил притом, что ранцы, кивера и прочие солдатские вещи приказано Муравьевым оставить на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; ружья же, сумы с патронами взяты всеми без изъятия. На шинелях как у Харитонова, так и у прочих трех рядовых эполеты отрезаны по приказанию Мозалевского для того, чтобы не знали, какого они полка.

Показание рядового Акима Софронова 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [1]).

31 декабря приказал Муравьев-Апостол ему и прочим трем солдатам, сняв амуницию, ехать с Мозалевским в Киев, а зачем, не знает. Приехавши, были на Подоле, где Мозалевский посылал Прокофьева отыскать майора Крупенникова или Крупникова, но не нашедши, возвращаясь, Мозалевский на дороге близ трактира велел данные ему какие-то три бумаги бросить, что ими исполнено; и после поехали в Борщаговку, где были взяты и доставлены в Киев. Пред выездом их из Василькова ротный командир Кузьмин уговаривал всех солдат ничего не бояться и делать, что приказано будет. После был собран полк и, зарядя ружья, пошел к Житомиру, а их послали в Киев. При собрании полка в Василькове читан был полковым священником всем катехизис при знаменах. Ранцы, кивера и прочие вещи от рот, по приказанию Муравьева, оставлены на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою, а сумы с патронами и ружья взяты всеми без изъятия. На шинелях, как у него, Софронова, так и у прочих трех эполеты по приказанию Мозалевского обрезаны единственно для того, дабы не узнали, какого они полка.

Показание рядового Павла Прокофьева 2 января 1826 г. при аресте в Киеве [2]).

1825 года 31 декабря, по приказанию Муравьева и Кузьмина, послан он с Мозалевским и тремя солдатами в Киев к майору Курского полка Крупенникову, или Крупникову, за которым, по приезде в Киев, вечером, для отыскания послан был Мозалевским в канцелярию того полка, где ему объявили, что у них майора Крупенникова нет, а есть поручик Крупенников, о чем он сказывал Мозалевскому, который оставался на повозке с прочими около канцелярии; после чего повстречали какого-то писаря Курского полка, с коим Мозалевский ходил в трактир и был там с полчаса. Затем Мозалевский дал рядовому Софронову три записки, кои им близ трактира брошены; они же уехали в Борщаговку, где взяты и доставлены в Киев. Пред выездом дня за два ротный командир Кузьмин уговаривал всех солдат, чтоб только его слушали,

[1]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 70.
[2]) Дело № 20 «О возмущении в Черниговском полку», л. 71.

при чем читал им полковой священник катехизис. 31 декабря, собравшись, полк и, зарядя ружья, пошел к Житомиру. Сказывали при том, что с ними соединится кавалерия, 8 пехотная дивизия и пионеры в Бобруйске. Ранцы, кивера и прочие вещи, по приказанию Муравьева, остались на прежних квартирах, а некоторые взяли с собою; равно всеми без изъятия взяты ружья и сумы с патронами. На шинелях, как у него, Прокофьева, так и у прочих трех рядовых эполеты, по приказанию Мозалевского, обрезаны, дабы не узнали, какого они полка.

Из показаний В. Л. Давыдова.

Из показаний 25 февраля 1826 года [1]).

Я не имел честь объявить высочайше утвержденному Комитету о вопрошенном обстоятельстве единственно оттого, чтобы не подвергнуть человека, совершенно чуждого обществу и не знающего даже о его существовании, несчастью, им не заслуженному. Что же касается до меня, то если бы не случайно, я бы ничего и не слыхал о сем офицере. Вот каким образом сие происходило. Идучи с женой мимо дома, доктором Зинкевичем занимаемого, я взошел один к нему, чтобы поговорить о здоровье одного из детей моих. Он же, услыша, что я иду, вышел ко мне навстречу, и в полуотворенную дверь я увидел незнакомого человека, пьющего у него чай. Так как к доктору много ездит для пользования особ мне незнакомых, то я и принял сего офицера, который был в партикулярном платье, за больного. Доктор сказал мне после, что это — офицер, бежавший после рассеяния мятежников от Сергея Муравьева и который пробирается домой к Херсоню, надеясь там скрыться у родни. Я просил доктора не держать его у себя и советовать ему оставить местечко; но он мне ответил на сие, что сей офицер уже удалился. Я говорил доктору, что удивляюсь, что он надеется скрыться в семействе, еще говорил, что разве за границей может спастись, если удастся ему переправиться через оную. Но его уже не было. Я его никогда не знавал, не слыхал об нем, и тут видел издали одну секунду и случайно. Сей офицер, по словам доктора, мало что знал о точном намерении Сергея Муравьева, говорил только, что они надеялись на многие полки, пехотные и гусарские, что уже высочайше утвержденному Комитету известно, что С. Муравьев имел сношения с Петербургом и что меньшой его брат, прибывший перед возмущением, привез ему какое-то известие. Все сие рассказывал доктор с удивлением, как чело-

[1]) Дело № 244 «Справки о разных лицах», л.л. 55—56. Печатаемое здесь показание В. Л. Давыдова касается одного эпизода из истории бегства поручика И. И. Сухинова, единственного офицера Черниговского полка, пытавшегося скрыться после того, как полк был разбит. Через несколько дней Сухинов добрался до местечка Каменки, принадлежавшего В. Л. Давыдову. Доктор Зинкевич служил раньше в Черниговском полку; Сухинов надеялся, что доктор поможет ему скрыться. Выдержки из показаний самого Сухинова были напечатаны в «Рус. Архиве», 1902 г., № 6, стр. 298—301.

век, слышащий в первый раз. Из одного человеколюбия дал он рубашки и 25 рублей сему офицеру на дорогу, ибо он был истощен от голода и не имел, на что хлеба купить. Священным долгом поставляю утвердительно сказать здесь, что не только господин доктор Зинкевич ни мало не причастен никогда не был к обществу, но совершенно подобными предметами никогда не занимался и не занимается, а единственно предан одному ремеслу своему. Имя сего бежавшего офицера Сухин или Сухов; местопребывание его мне и доктору неизвестно; сказывал он только ему, что неподалеку от Херсона.

II. ПОЕЗДКА Я. М. АНДРЕЕВИЧА 2-го.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из показаний 13 января 1826 г. в штабе 3 корпуса [1]).

Приехал я в г. Киев на первый день или накануне праздника рождества первого дня — не помню, в четыре часа пополудни, и явясь на другой день начальнику киевского арсенала г. генерал-майору князю Абамелику. На другой день выезжал из Киева в г. Васильков, куда приехав и не застав дома Муравьева, а только трех офицеров, и, кто они были, не знаю, а потому, не имея надобности пробывать с ними, я тотчас отправился назад обратно в г. Киев и там пробывал до сего времени и никуды не отлучался, о чем могут свидетельствовать начальник киевского арсенала генерал-майор князь Абамелик и подполковник Шварценберг, у коих я нахожусь под начальством.

Из показаний А. З. Муравьева.

Из показаний 19 февраля 1826 г. [2]).

Точно и положительно имею честь уведомить Комитет, что Андреевич приезжал ко мне с запискою от Башмакова и спрашивал про Бестужева и Муравьева и приглашал действовать, говоря, что иначе пропали. Тогда возмущения Черниговского полка не было, ибо когда он из Василькова выехал, то упомянутые Бестужев и Муравьев там не находились. Бечасной у меня не был, и я его в глаза не видал [3]), может, после выезда моего 31 числа рано утром в Троянов он и приезжал, но того не знаю, ибо я уже домой не возвращался, быв того же дня вечером арестован. Я бы ни чем не мог бы оправдаться, не упомянув в показании моем столь важного обстоятельства, как приезд Бечасного. •

---

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 8.

[2]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 48.

[3]) Показание В. А. Бечаснова см. ниже. В. А. Бечаснов — прапорщик 8 артилл. бригады, член общества Соединенных Славян.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из показаний 24 февраля 1826 г. [1]).

В 26 день декабря 1825 года, сделал отлучку без позволения начальства из города Киева в город Васильков к Сергею Муравьеву, ничем иным побуждаемый, как недостатком в деньгах, которых у него надеялся занять; но, прибыв туда, не застал его дома, кроме офицеров оного полка. Лишась всякой надежды, хотел тотчас ехать обратно, но, не имея чем заплатить нанятому мною извозчику, решился просить сих офицеров, дабы они одолжили мне для уплаты оному извозчику. Они, обещав мне сие, удержали еще меня на время. Между тем рассказали, что у Муравьева жандармы забрали все бумаги и поехали искать его самого, он же сего не знает, и что они, узнав о сем, собрались к нему и ожидают его приезда. А потому, если вы любите Муравьева, то сделайте ему и нам одолжение и услугу. Вы совсем посторонний человек, поезжайте за ним вслед и объявите ему оное. Я сначала извинялся, что без спросу выехал и долго не могу ездить, а должен тотчас возвратиться обратно, но все это было тщетно. Они упрашивали меня для бога сделать сие, и я, не могши отказать усиленным их просьбам, решился. Они дали мне денег около ста рублей, наняли лошадей. Сказали, что он должен находиться в городе Житомире, и я, севши, отправился, не быв у них более получаса. Дали притом мне и подорожную для поспешности. Выезжая уже, говорил, что денег сих мало, чтобы возвратиться назад; но они мне объявили, что я могу заехать в Радомысле к полковнику Швейковскому, который никак в них не откажет И я проездом был у него и рассказал ему, что меня упросили офицеры Черниговского полка, чтобы уведомить Муравьева о том, что его хотят взять, но дали мне мало денег, уверяя, что вы не откажете; а потому и решился вас беспокоить, рассказав ему притом, что офицеры оного полка, собравши[сь] у Муравьева на квартире, и хотели итти с полком в Киев, но я им отсоветовал, и лучше, говорил, дождаться Муравьева; а потому, чтобы они в сие время не наделали каких беспорядков, мне надобно поспешить. Узнавши от него, что Сергей Муравьев должен быть в Любаре у брата, я уехал.

Прибывши же в местечко Любар к полковнику Ахтырского полка Артамону Муравьеву, объявив ему причину моего приезда и получа в ответ, что Сергей Муравьев уже о сем знает и поехал [в] полк, тут я спросил еще его, как они думают со своим полком. Он же отвечал: «поезжайте, ради бога, от меня, я своего полка не поведу, делайтесь вы там, как хотите, меня же оставьте и не губите, у меня семейство». Более же разговоров у меня с ними не было никаких, и не помню, чтобы я говорил ему об артиллерии или об готовности Кременчугского полка. И, пробыв не более четверти часа, тотчас вышел и поехал прямо в Киев, чрез Васильков.

---

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 51.

Проезжая же чрез местечко, от Василькова в тридцати верстах лежащее, Фвастов и остановясь там переменить лошадей, узнал от жида, что Муравьев находится в Василькове и что там теперь уже почти нельзя проехать, ибо всех хватают, и что солдаты взбунтованы совершенно целого полка, наконец, что он хотел выйти скоро из Василькова в Белую Церковь. Узнавши уже подробно обо всем, я, переменивши лошадей, отправился прямо в Киев, беспокоясь о моей безрассудной поездке, прибыл в оный на рассвете дня и с Муравьевым нигде не виделся, а находился все в Киеве до дня моего ареста, не выезжая и не отлучаясь никуда, ожидал спокойно, что по сем со мною случиться долженствовало; занимался черчением данного плана мне от арсеналу.

Из показаний В. А. Бечаснова.

Из показаний 19 февраля 1826 г. [1]).

Будучи в местечке Бердичеве за разными покупками, где намеревался провести первый день нового 1826 года, накануне оного вечером часу в 9 услышал я, что гусары выступают, ни минуты не медля, но неизвестно куда, и в то же время по трактирам и заездным домам кого-то с фонарями искали, а потому, встревожась сим происшествием, решился я немедленно м. Бердичев оставить и ехать в ротный штаб, м. Барановку, где была также моя квартира. А как в сие местечко из Бердичева лежат две одинакового расстояния дороги, — одна чрез Чудново, другая чрез Любар, — то я и решился избрать последнюю, дабы, проехавши от Бердичева 70 верст, остановиться в Любаре кормить лошадей и между тем зайти к полковнику Артамону Муравьеву, от коего надеялся узнать причину скорого их похода, куда именно выступают, и все сие потом сообщить Горбачевскому и Борисову (Петру) [2]), дабы не упрекали в недействии, что по пустому езжу, собственно только для своих удовольствий и ничего не стараюсь узнать. На дороге между Бердичевым и Любаром ближе к сему последнему остановился я около корчмы дать на минуту лошадям отдохнуть, а сам зашел в комнату закурить трубку и там увидел двух или трех евреев, ехавших также в Любар и остановившихся около же сей корчмы, кои сказывали мне, что их недавно обогнал полковник Арсеньев, что слышна в Василькове большая тревога, что квартирующий там полк поднялся, не хочет присягать и разбойничает; говорили же все сие неясно, с опасением, как слышанное. Я, не любопытствуя знать, откуда они и кто такие, выкуривши трубку, вышел и поехал, полагая, что они должны быть любарские, что знают Арсеньева и слышали о возмущении [от] своих же приезжающих, а, может, около тех мест и сами были, но опасаются

[1]) Дело В. А. Бечаснова, № 435, л.л. 37—39.

[2]) И. И. Горбачевский, П. И. Борисов 2-й — офицеры 8 артил. бригады, члены общества Соединенных Славян.

прямо говорить, но что я узнаю подробнее от Муравьева Артамона. В исходе пятого часа по полуночи приехал я в Любар, где уже многие жители проснулись, и при въезде в заездной дом встал с повозки, увидев идущего неподалеку от себя с фонарем офицера, к коему подошедши, спрашивал его: дома ли полковник Муравьев? Он отвечал, что нет, но что часа чрез три будет, спрашивая меня, зачем мне Муравьев? Я сказал, что имею к нему надобность. Потом сей офицер, узнавши от меня мою фамилию, объявил, что он есть полковой квартирмейстр или казначей, но вернее, кажется, первой—Лыков (если в фамилии его не ошибаюсь), поручичьего чина, и приглашал меня дождаться в квартире Муравьева его приезда, где говорил также дожидается его и подполковник Арсеньев, приехавший недавно из Бердичева, но я отказался и остановился на квартире у еврея Лейбы, потребовал у хозяйки чаю. Она вошла сама и спрашивала, что значит, что гусары выступают, куда, кто я такой? Я, не объявляя ей своей фамилии, сказал, что артиллерийский офицер и имею надобность к Муравьеву; впрочем, советовал ей оставить вопросы и лишнее любопытство и после чаю пошел в квартиру полковника Муравьева узнать, где он находится, но ни Арсеньева, ни офицеров никого не застал; человек же его или деньщик сказал, что полковник в Троянове, но что в часу в 10 будет назад, что подставные лошади стоят, и я, не отвечавши на вопрос его: «как обо мне доложить, когда приедет полковник», сказал только, что сам буду, и пошел на свою квартиру, где, приказавши кормить лошадей, сам лег отдохнуть. Часу в 9 посылал я опять в квартиру Муравьева узнать, приехал ли он? Но отвечали, что скоро ожидают. Вышедши за вороты, спрашивал я также проходящего гусарского унтер-офицера, но сей также отвечал, что полковника нет, но что полк выступил. В исходе 10 часа услышал я от стоявших около ворот евреев и от хозяйки, что у полковника Муравьева печатают квартиру, почему я, опасаясь долее оставаться, велел скорее запрягать лошадей, а сам, будучи побуждаем любопытством, пошел в квартиру полковника Муравьева узнать, что там происходит, не веря слышанному от жидов, коих толпа неподалеку квартиры стояла. Я, взошедши на крыльцо, стоявшим около дверей на часах гусаром не был впущен в комнаты, и в ту же минуту вышел полковой адъютант Алексеев 2. Я, видевши его в лицо раз только в 1821 году, узнал его, но, однакоже, точно утверждать не могу, чтобы то был, но кажется не ошибаюсь; но, не будучи с ним знакомым, опасался расспрашивать о происходившем, только спросил: будет ли полковник Муравьев сегодня в Любаре? Он коротко отвечал, что не приказано никого впускать в его квартиру, и тотчас ушел, а я, возвратившись на свою квартиру, сел в повозку и поехал. По приезде моем в роту, увидевшись, кажется, на 3-й день с Горбачевским и потом с отставным Борисовым, возвращавшимся уже из Старого Константинова, на вопросы их: что слышно и где я был, не рассуждая о последствиях, отвечал, что как в Бердичеве из членов нашего общества я никого не нашел, то заезжал по дороге к Артамону Муравьеву и будто с ним виделся, но очень ко-

ротко, что будто от него слышал, что Черниговский полк поднялся, что не хочет присягать и что гусары посланы усмирять его (ибо о сем уже не только дорогой от жидов, но и в Любаре уже я слышал утром, что квартирующий в Василькове полк не присягает и разбойничает, почему легко уже мог я судить, что Черниговский), но что гусары против Черниговского полка действовать не будут (это сказал, сообразуясь с Бестужевыми словами, что будто гусары готовы к революции и как всегда он говорил: «я еду к гусарам»).

Все сие Горбачевскому и Борисову сперва отставному потом и Петру сказано было мною (т.-е. о свидании мнимом с Муравьевым и разговоре) единственно для того, дабы не упрекали меня, что понапрасну только езжу, ни с кем не стараюся видеться и ничего не хочу узнавать и действовать. А что я действительно с Артамоном Муравьевым не виделся, кроме как только один раз под Лещиным, то не только оный сам, который раз меня видел у Сергея Муравьева-Апостола, но вышеупомянутый мною полковой квартирмейстр, бывший свидетелем моего въезда в Любар, самый хозяин любарской еврей Лейба или жена его и домашние, где я останавливался, могут свидетельствовать, в котором часу я приехал в Любар, и сии же самые, равно как и все находившиеся в штабу Ахтырского полка г.г. штаб- и обер-офицеры, жители м. Любара и дворовые люди полковника Муравьева могут показать, ночевал ли дома полковник Муравьев и был ли в Любаре в то время, в которое я там кормил лошадей, т.-е. на новый 1826 год от исхода 5 часа по полуночи до 10 часов утра нового года. До сего же времени я также у Муравьева никогда не бывал, ибо находился безотлучно при роте на следствии до 28 декабря месяца 1825 года, которого числа и выехал в Бердичев. Вечером приехал и ночевал в м. Чуднове, а 29 к вечеру приехал в Бердичев, остановясь там на квартире у штабс-ротмистра Пехотинского, с коим познакомился я по следственным делам, а вечером накануне нового года выехал из м. Бердичева в м. Любар.

III. ПОЕЗДКА А. И. БОРИСОВА I-го.

Из показаний А. И. Борисова 1-го [1].

1. Из начального допроса 11 апреля 1826 г. [2].

В декабре 1825 г. я получил от брата и Горбачевского письмо, в котором, уведомляя о принятии в общество Бестужева-Рюмина, имеющего большие связи и потому могущего быть полезным, советовали ехать в Киев и с ним там увидеться. Не нашед Бестужева в Киеве, я поехал в Новгород-Волынск к брату, от которого узнал, что Славянское общество присоединилось к Южному, которое очень сильно и

[1] А. И. Борисов, отставной офицер, член общества Соединенных Славян.
[2] Дело № 432, л.л. 2—4.

имеет целью введение в государстве республиканского правления с истреблением государя и всей императорской фамилии, и что брат мой при общем стремлении членов не мог тому воспротивиться. Услышав сие, я крайне негодовал на брата за соглашение на цель, столь противную принятым нами прежде началам. Пробыв у брата с неделю, я поехал опять в Курскую губернию чрез Житомир и Киев с намерением повидаться там с старыми товарищами и с Бестужевым. В Житомире увиделся я с Киреевым, комиссионером Ивановым, Веденяпиным 1-м и 2-м и Нащокиным [1]), от коих узнал, что общество открыто, многих берут под арест, рано или поздно дойдет и до них, и что 2 армия уже взбунтовалась. Тут по общему совещанию положили мне ехать обратно в 8 бригаду и в пехотные полки и возбудить членов общества к вооружению, с имеющимися у них в готовности частями следовать сначала на Житомир, потом Киев и, наконец, овладеть крепостью Бобруйском, в коей дожидаться подкрепления со стороны других войск. Киреев и Иванов дали мне письма, с коими я возвратился в 8 бригаду к брату и Горбачевскому, и передал им сие преднамерение. Горбачевский и брат дали мне также письма в Пензенский полк к Громницкому, коего знал я прежде. Нашед сего последнего у Лисовского, я говорил им обоим то, что положено было на совещании в Житомире, присоковупив, что, по словам сочленов наших, 7 и 9 дивизии, гусары и артиллерия 3 корпуса и несколько полков 2 армии готовы действовать и соединиться с нами. Громницкий и Лисовский [2]) обещались итти по смене с караула их рот и снабдении их патронами. Поезд же мой в Троицкой полк к капитанам Ярошевичу и Киселевичу с тем же предложением они мне отговорили, сказав, что когда они сами пойдут, то и роты сих офицеров присоединят к себе. Оттуда поехал я к Тютчеву, который сперва было согласился итти, но после сказал, что посоветуется с Спиридовым и нарочно поедет к нему. От Тютчева отправился я в с. Барановку к Горбачевскому и располагался ехать в 1 роту к брату, но Горбачевский сего не одобрил, говоря, что и без того полковник Эйлер 2-й уже подозревает меня, почему я и отправился в Житомир, где Иванов также сказал мне, что генералу Богуславскому [3]) известны мои разъезды и что я и тут угрожаюсь опасностями. Сие заставило меня поспешно ехать в Киев. Тут остановился я по случаю болезни три дня у Андреевича 2-го, в продолжение которых Андреевич был арестован, а я, как найденный у него в квартире, взят также был генералом Красовским [4]) и допрашиван. Не сознавшись же ни

[1]) И. В. Киреев, Ап. В. Веденяпин 1-й, Ал. В. Веденяпин 2-й, П. Нащокин — офицеры-артиллеристы, стоявшие в Житомире, члены общества Соединенных Славян. И. И. Иванов—провиантский чиновник, секретарь того же общества.

[2]) П. Ф. Громницкий, Н. Ф. Лисовский, А. И. Тютчев, М. М. Спиридов — офицеры Пензенского полка, расположенного в Ст. Константинове и окрестностях его, члены общества Соединенных Славян.

[3]) Ген.-м. Ал. Ан. Богуславский — начальник артиллерии 3 корпуса.

[4]) Ген. А. И. Красовский—начальник штаба 4 корпуса.

в чем, вскоре был отпущен и возвратился к отцу в Курскую губернию, у коего жил до самого арестования своего и отправления в Петербург.

2. Из ответов на вопросы от 22 апреля 1826 г. [1]).

На вопрос 10. По прибытии в Житомир, я нашел Иванова, Веденяпиных 1 и 2, Киреева и Нащокина, где с общего согласия приняли мнение Иванова о необходимости защищать свою жизнь, в чем я настоятельно требовал от них на бумаге изложения всех причин и подписки, но они отказались от сего.

Мы хотели защищать свою свободу и жизнь, но отнюдь не делать отдельного бунта. Я предполагал удалиться в Бобруйск, ежели сие удастся и ожидать, пока все недовольные к нам присоединятся.

Комитету угодно, чтобы я сказал, что желал соединиться с Муравьевым, но о возмущении его узнал я на обратной дороге, когда Муравьев был уже разбит и арестован. А я, не нашед явного расположения в товарищах к защищению себя от наказания, решился удалиться и ожидать покойно готовившейся нам участи.

Все сие я говорил для возбуждения духа мужества в товарищах и слышал от Иванова или Киреева, не упомню [2]).

Все сие положено по общему совещанию в Житомире [3]).

На вопрос 11. Письма [4]) требовал я потому что, те члены, на чье имя даны были оные, приняты без меня, равно и от Горбачевского и брата моего для сей же причины брал оные.

На вопрос 12. В Житомире писал Киреев и Иванов к Громницкому и Лисовскому, но особенных писем не давал ни к Ярошевичу, ни к Киселевичу. Громницкий и Лисовский, получа записку Киреева, возвратили мне оную по прочтении для отдачи Тютчеву.

На вопрос 13. Тютчев, точно, получил письма от Горбачевского, брата моего и записку Киреева, ту же самую, которая была на имя Громницкого.

На вопрос 14. По причине болезни, случившейся со мною в дороге, я остановился у Андреевича 2-го, где и был на 3-й день вместе

---

[1]) Дело А. И. Борисова 1-го, № 432, л.л. 12—13.

[2]) Ответ на вопрос Следств. Комитета: «Действительно ли вы Громницкому и Лисовскому говорили следующее: что общество ваше открыто правительством чрез донос полковника Габбе, что он хотел скрыться, но Андреевич поехал догонять его по фальшивой подорожной с намерением лишить его жизни, что 7 и 9 дивизии и много полков 2 армии уже соединились и будут действовать против правительства, гусары 3 корпуса с артиллериею тронулись с мест и идут форсированным маршем к тем полкам на подкрепление; 8 же артиллерийская бригада не может тронуться без подкрепления, она дожидается вас, непременно поспешите. Если умирать, то лучше с оружием в руках, нежели гнить в цепях вечно».

[3]) Решение поднять восстание.

[4]) К офицерам Пензенского полка.

с ним арестован, но чрез сутки получил свободу, возвратясь в Харьковскую губернию, не упомню которого числа, но знаю, что на 4 день по выезде из Киева к вечеру.

Из показаний Я. М. Андреевича 2-го.

Из ответов на вопросы от 19 апреля 1826 г. [1]).

Отставной подпоручик Борисов 1-й, бывши у меня по возвращении из 8 артиллерийской бригады и Пензенского пехотного полка, рассказывал мне о своей поездке. Но я, расстроенный духом и спокойствием, мало внимал его рассказам, и как могу припомнить, то, кажется, он говорил, что ездил предлагать им о действии. Но от кого был послан и с какою целью, я ничего не знаю, и о последствиях поездки своей говорил, что они с трудом на его предложение соглашались, и почти теряет надежду, чтобы они начали действия.

Из показаний П. И. Борисова 2-го.

1. Из показаний на вопросы от 13 февраля 1826 г. [2]).

Прожив 5 дней у меня, поехал он [3]) обратно в Киев через Житомир с намерением просить Бестужева о помощи насчет определения в службу, но по приезде своем в Житомир узнал от Иванова и Киреева о приказе арестовать Муравьевых и Бестужева и об опасности, всем конституционерам угрожающей. Они говорили, что одно средство избегнуть жесточайшего наказания есть умереть с оружием в руках. Это было предложение Муравьева-Апостола, переданное им Андреевичем 2-м. Мой брат, по совету их, возвратился назад 1 генваря сего года в г. Новгород-Волынский и уведомил о всем им слышанном меня и Горбачевского. Опасность всех тех, с коими соединил я мой жребий, опасность моя собственная, решили меня последовать вышеупомянутому совету Муравьева. Я видел, что Горбачевский колебался и был в нерешимости, почему я сам написал письма к Тютчеву и Громницкому, в коих изобразил грозу, сбирающуюся над главами преобразователей, напоминал им о клятве и честном слове, данном нами Бестужеву, и предлагал, возбудя в солдатах революционный дух, итти в г. Новгород-Волынский, где я думал, с помощью их легко арестовавши полковника и офицеров, которые бы не согласились на мое предложение, и овладевши лошадьми и резервом, взять артиллерию и, преклонив на свою сторону канониров, следовать к Житомиру.

---

[1]) Дело Я. М. Андреевича 2-го, № 437, л. 58.
[2]) Дело П. И. Борисова, № 431, л. 30.
[3]) Т.-е. А. И. Борисов 1-й.

Там предполагал я получить помощь от командира Ахтырского гусарского полка [1]), слышавши, что сей полк сбирается в штаб, и от полковника Швейковского, полагая, что он был в Александопольском пехотном полку, которым прежде командовал.

Сделавши сей безрассудный план, вымышленный отчаянием, просил я моего брата ехать в Старый Константинов, ибо нам было невозможно отлучиться от рот, не навлекши на себя подозрения. Он оставил Новгород-Волынский 3 числа вечером. При нашем прощании я советовал ему ехать из Константинова прямо домой и стараться сохранить себя для наших родителей.

На возвратном пути мой брат виделся с Горбачевским и Бечасновым, коих уведомил, что Тютчев и Громницкий обещались последовать нашему предложению. Меня же уведомил о том запискою из-под Житомира, из коей я ясно видел, что он находился в чрезвычайном отчаянии и сильно раскаивался, что оставил дом своих родителей и поехал в Волынскую губернию.

О том же, что заставило Тютчева и Громницкого переменить свои мысли, я ничего совершенно не знаю, ибо первого видел я мельком 15 генваря, будучи уже арестованным в корпусной квартире, где не мог с ним ничего говорить. Ту записку, которую написал ко мне Иванов чрез брата и которой я не мог разобрать половины, потому что была написана весьма связно [2]),я отослал Тютчеву и содержания оной не помню.

2. Из показаний 20 апреля 1826 г. [3]).

Намереваясь возвратиться в Курскую губернию, брат мой поехал на Житомир, где был уведомлен Киреевым и Ивановым о приказе арестовать Бестужева-Рюмина и Муравьева-Апостола, об открытии правительством Южного общества и его намерений, об опасности, всем нам угрожающей, и о предложении Сергея Муравьева, будто бы переданном им Андреевичем 2-м, начать возмущение и лучше умереть, нежели подвергнуться жесточайшему наказанию, нас ожидающему. Узнав сие, он немедленно оставил Житомир в намерении известить меня о всем этом и приехал снова ко мне 1 генваря текущего года. Услышав от него все вышесказанное, я просил его ехать в Пензенский полк, ибо я сам и никто другой не могли отлучиться, не подав на себя подозрения. Мы предположили, как я прежде сказал, итти первоначально в Житомир и завладеть корпусною квартирою, потом на Киев, из Киева на Бобруйск или прямо из Житомира в Бобруйскую крепость, смотря по обстоятельствам. Я думал, что Швейковский с Александопольским полком, которым он командовал прежде, а Артамон Муравьев

---

[1]) Т.-е. Арт. Зах. Муравьева.
[2]) Т.-е. неразборчиво.
[3]) Дело № 431, л. 46.

с Ахтырским гусарским подкрепят нас, ибо слышал, что солдаты и офицеры сих полков очень любили как того, так и другого. В помянутой крепости думал найти Тизенгаузена с его полком [1]) и укрепиться в оной или итти к Москве, ежели 5 и 4 корпуса последуют нашему примеру, поднимут оружие и сделают с нами коммуникацию и ежели вторая армия поступит таким же образом.

Я не знаю, имел ли мой брат письма от Иванова в Троицкий полк; я их у него не видал. Киреев писал ко мне так же, как и Иванов, но записка сего последнего была написана так связно и дурно, что я не мог разобрать половины оной. Я, как это видно из моих ответов, видя замешательство и нерешимость Горбачевского, написал сам к Тютчеву, Громницкому и Лисовскому. Горбачевский же по убеждению моему написал после записочку к Спиридову и, отдавая оную брату моему, сказал: «что отдашь тогда, когда Тютчев найдет сие нужным». О намерении моего брата пробраться в Троицкий полк к Ярошевичу и Киселевичу я ничего не знаю и от него о сем не слыхал. При отъезде же его я наказывал ему сказать Тютчеву, что буде они имеют средство, то дабы дали знать о сем офицерам Саратовского полка, принадлежащим к обществу, и ежели будет нужно, то дабы он, мой брат, не отказался исполнить сего нового препоручения.

На возвратном пути из С. Константинова он виделся с Горбачевским и Бечасновым и, не заезжая в Новград-Волынск, по их совету, поехал прямо на Житомир и, не доезжая сего города, пустился по проселочной дороге к Киеву, но доехал ли он до Киева, был ли в Курской губернии, я сего не знаю.

... Вооружив вверенные нам части войск, я и другие члены думали исполнить клятву, данную Бестужеву в собрании, бывшем у Андреевича 2-го. Я предполагал соединиться с Муравьевым-Апостолом и подкрепить его, ибо хотя еще не слыхал о возмущении Черниговского полка, но полагал, что Муравьев не оставит им предпринятого, зная решимость и твердость его характера.

Брат привез ко мне письма от Киреева и Иванова. Первый, уведомляя об опасности, нам угрожающей, и о том, что они видят беспрестанно провозимых чрез корпусную квартиру жандармами арестованных заговорщиков, писал, что они решаются, по примеру Муравьева, для избежания наказания умереть. Второй советовал уведомить о сем всех наших друзей, как-то — Громницкого, Тютчева, Лисовского, Бечаснова и Горбачевского. Но его записку я не мог прочесть всю, потому что худо была написана.

Я не знаю, что писал Горбачевский к Спиридову, ибо не читал его записки. Я же уведомлял в своем письме Тютчева, Громницкого и Лисовского об опасности, висящей над главами преобразователей, о приказе арестовать Бестужева и Муравьева, напоминал им данную ими клятву и честное слово и приглашал, возбудивши в солдатах революционный дух, итти в г. Новград-Волынск, а оттуда, взявши артиллерию, — в Житомир, где будем думать о дальнейших предприятиях.

[1]) Полтавским.

К сему прибавил, дабы они удерживали солдат от убийств, насилий и грабежа.

Горбачевский после свидания с моим братом говорил мне, что сначала офицеры Пензенского полка не верили словам моего брата и что он едва мог убедить их в истине своего известия, показал письма Киреева и Иванова, которые они писали ко мне, также и моими к Тютчеву и другим писанными, что они соглашались последовать совету Муравьева и моему приглашению и намерены были тотчас послать в деревни за патронами и потом, вооружив свои роты, итти в Новград-Волынск и что Лисовский не надеялся на свою роту; при отъезде же брата они поехали советоваться со Спиридовым. Что было после, я не знаю.

Из показаний И. И. Горбачевского.

Из показания 27 марта 1826 г. [1]).

Когда Борисов возвратился из Житомира в Новград-Волынск с запискою Киреева, тогда меня не было дома, и когда я пришел на квартиру, где были Борисовы, то в сенях квартиры встретились мне два или три незнакомых во фраках человека, выходящих из дверей Борисова квартиры, между которыми был один, с которым я был знаком и его знал—отставной поручик Красницкий. Я их пропустил, и когда взошел в комнату, то увидел приехавшего Борисова, который сказал, что он едет в Пензенский полк (то, что здесь происходило, то я написал в прежнем моем показании). После всего сего, когда уже уехал Борисов и когда я опять в другой раз возвратился домой, то я спросил у Петра Борисова, кто сии люди были во фраках и кто они таковы? Тогда он мне отвечал, что это были поляки, принятые в общество (не сказал, в которое,—и я не знаю) отставным поручиком Красницким, которые служат экономами в имении покойного ген.-ад. Уварова, где и Красницкий служит, и что он, Борисов, написал, письмо, к юнкеру Головинскому, который состоит в Славянском обществе и служит в 4 парочной батарейной роте 8 артиллерийской бригады, чтобы он, ежели может, бунтовал бы и возмутил бы солдат, и что он отдал сие письмо Красницкому, а Красницкий сему юнкеру перешлет через одного из сих поляков.

Из показаний П. И. Борисова 2-го.

Из показания 9 апреля 1826 г. [2]).

Причины, побудившие меня писать к Головинскому, были следующие: когда брат мой поехал в Константинов с приглашением к возмущению офицеров Пензенского полка, то я полагал, что они устоят

[1]) Дело Щеколлы, Островского, Невенгловского, Головинского, Красницкого и Катыры № 146, л. 4.

[2]) Дело № 146, л. 1 об.

в данном слове подполковнику Муравьеву-Апостолу и по первому знаку поднимут оружие для введения конституции, почему и надеялся, что они придут с вверенными им частями войск в г. Новград-Волынский, откуда, как я показал в своих ответах, намерен был следовать в г. Житомир и завладеть корпусною квартирою, из коей, смотря по обстоятельствам, итти к Киеву или в крепость Бобруйск. А как 4 парочная рота квартирует на дороге, ведущей к сему последнему месту, и я не думал, чтобы все канониры 1 батарейной роты и 2 легкой согласились на мое предложение, то предполагал заменить недостающее число солдатами 4 парочной, коих бы удалось мне склонить к возмущению, почему я написал к Головинскому, дабы он узнал дух и мысли солдат сей роты, но не писал, чтобы он их возмущал. Просил его также уведомить, какого мнения помещики Овруцкого повета. Головинский же даже не отвечал на мое письмо, а сказал словесно, что он ничего не знает и ничего из моих поручений не может исполнить. Одним словом, Головинский явно отказался принимать участие в моих действиях, цели коих он совершенно не знал; относился же я к нему потому, что знал его к себе привязанность.

К сему еще прибавлю, что я не предлагал Головинскому бунтовать 4 парочной роты, что Горбачевский показывает несправедливо, ибо возмущение помянутой роты не могло принести никакой пользы мятежникам. Солдаты, не имеющие никакого другого оружия, кроме тесаков, не могли бы противиться даже крестьянам, вооруженным дубинами, и, следовательно, таковое намерение было бы противно здравому смыслу.

Из показаний И. И. Иванова.

Из показания на вопросы 20 апреля 1826 г. [1]).

Отставной подпоручик Борисов, заехавши в Житомир ко мне в последних числах декабря месяца прошлого 1825 года, просил меня показать квартиру артиллерийских офицеров, на что я согласился, и, прибывши к ним, застали их несколько человек, где узнали, что общество открыто и многих уже берут под арест. Тогда Борисов отозвался, что всех такая же участь ожидает, а потому мне надобно отправиться обратно в Новоград-Волынск и в Староконстантинов объявить о том Горбачевскому и прочим для предпринятия мер,—что подтвердили прочие офицеры, там бывшие, и еще о чем-то между собою разговаривали, на что я не обращал внимания. Затем один из них писал письмо к Борисову 2-му, и когда я, приписавший внизу на оном к нему же, хотел было прочитать, что он писал, то мне не позволил. (Да и во время лагерного сбора войск прошлого лета под Лещином и после того замечал, что от меня всегда устороняют[ся.]). После тот же самой офицер, что писал письмо, дал денег на нанятие лошадей до Новоград-Волынска.

[1]) Дело И. И. Иванова, № 447, л. 31.

О возмущении Муравьева, и отдельно ли другие имели вооружиться, я в бытность Борисова тогда в Житомире не был известен.

Вышепрописанное мною совещание происходило в доме Уварова, где квартировали артиллерийские офицеры, коих фамилий не упомню.

Я особо отставному Борисову никакого письма не давал, а только приписал внизу вышепрописанного засвидетельствование мое почтение Борисову 2-му и Громницкому, последнего же просил кланяться знакомым мне Троицкого полка офицерам — Киселевичу и Ярошевичу.

После известия в квартире артиллерийских офицеров об открытии общества отставной Борисов 1-й отозвался, что ему остается только возвратиться и посоветоваться в бригаде с прочими; более разговоров не слыхал.

При проезде затем отставного Борисова чрез Житомир я вовсе его не видал и о угрожаемой ему опасности не был известен.

Из показаний И. В. Киреева.

1. Из показания, данного при начальном допросе[1]) (без даты).

...После происшествия Черниговского полка отставной Борисов приезжал к нам в Житомир, где я стоял с Веденяпиным, и, объявя, что общество открыто, приглашал действовать. Сие было невозможно, ибо мы все были разделены на большом пространстве. Тогда он поехал к брату с тем же намерением и, вскоре возвращаясь через Житомир домой, сказал, что теперь остается токмо искать спасения.

2. Из показания 11 марта 1826 г.[2]).

Отставной Борисов, едучи из Новгород-Волынска домой, имел от Горбачевского к Бестужеву письмо; но так как это было во время ареста сего последнего и вместе Муравьева, то я и отсоветовал ему ехать в Киев. Сверх того, узнав, что Муравьев принял уже решительные меры действовать, что общество открыто и что рано или поздно будем взяты и мы, положили, чтобы отставной Борисов, возвратясь в Новгород-Волынский, известил о всем происходившем. Посему я писал к Петру Борисову письмо, в котором говорил ему, что Муравьев, вероятно, будет итти на Житомир и что они хорошо бы сделали, если бы, соединясь с пензенцами, дали ему помощь. Последствия двух дней заставили меня раскаиваться в сем предложении, ибо это, в случае исполнения оного, значило бы прибавлять только число несчастных и жертв, не имея никакой цели. Рассмотревши все сие, я должен сознаться, что, может быть, причиною поездки Борисова в Старый Константинов было мое письмо.

---

[1]) Дело И. В. Киреева, № 441, л. 1 об.

[2]) Дело № 441, л. 19.

3. Из ответов на вопросы от 26 апреля 1826 г.[1]).

На вопрос 1. Хотя отставной Борисов и показал, что решительное положение действию 8 артиллерийской бригады и Пензенскому полку было сделано на совещании Нащокина, моем, комиссионера Иванова, двух братьев Веденяпиных и его собственном, но дело сие происходило иначе, именно: отставной Борисов, приехав ко мне на квартиру, застал на оной меня, братьев Веденяпиных и Нащокина, комиссионера же Иванова (сколько могу припомнить) в бытность у меня отставного Борисова я не видал, что, вероятно, подтвердят и братья Веденяпины.

Здесь отставной Борисов, узнав, что общество открыто, начал приглашать нас к соединению и вооружению, что услышав бывший тут Нащокин тотчас удалился. Таким образом остались только я, отставной Борисов и братья Веденяпины. Итак, хотя сии последние слышали помянутого Борисова и мое мнение, чтобы вооружиться и дать помощь Муравьеву, но, кажется, с сим согласны не были и отклоняли оное, говоря, что это будет бесполезно. В сие-то время я, написав к Петру Борисову письмо, в котором убеждал о вооружении, отдал при прощании для доставления к нему, отставному Борисову. Письмо, мною писанное, не было прочитано никому; а потому могли ли Веденяпины или, еще более, Нащокин и комиссионер Иванов быть участниками в побуждении 8 артиллерийской бригады и Пензенцев к вооружению, когда они совсем не знали о моем письме? Припомнив сии обстоятельства, вероятно, и отставной Борисов признает оные справедливыми или точно былыми.

Веденяпиным же я не прежде открыл о содержании письма, посланного мною к Петру Борисову, как уже по арестовании Муравьева, Бестужева и всех с ними вооружившихся, и, как мною было сказано прежде, раскаивался в своей поспешности.

В рассуждении же вооружения или готовности к оному 7 и 9 дивизии, также гусаров и артиллерии 3 корпуса я не знаю, кто мог говорить и ручаться, ибо в 7 дивизии мы не знали никого, а с прочими сими частями не имели никакого о сем предмете сообщения.

На вопрос 2. Приезд отставного Борисова и мое с ним рассуждение было у меня на квартире в доме Уварова, где квартировали также и Веденяпины 1-й и 2-й.

На вопрос 3. Андреевич 2-й, проезжая через Житомир, заезжал ко мне, говорил мне, что он везет письмо от Бестужева к Горбачевскому и, между прочим, советовал ехать в Новгород-Волынский, говоря, что скоро действия начнутся. На вопрос же мой, от кого он сие знает, говорил, что от Бестужева, прибавив, что сей последний поехал в Бобруйск и обещал с решительными известиями оттуда возвратиться

[1]) Дело И. В. Киреева, № 441, л. 22.

в самом скором времени. Посему-то сие происходило, как кажется, прежде поиска над Муравьевым и Бестужевым.

На вопрос 4. Кроме письма, писанного мною к Петру Борисову (сколько могу себе припомнить), ни к кому более я не писал. Что же касается до письма комиссионера Иванова, об оном ничего высочайше учрежденному Комитету сказать не могу; ибо как не видал его собственно сам, так и ничего не слыхал об оном от помянутого Иванова.

Из показаний Ап. В. Веденяпина 1-го.

Из показания 13 февраля 1826 г. [1]).

Прошлого года 31 декабря поутру отставной Борисов проездом чрез г. Житомир был у нас на квартире. Прежде же сего я об нем и не слыхал. Здесь я слышал, что он имел надобность ехать в Киев к Бестужеву; но как в городе известно было, что за Муравьевым послан был поиск, то он тогда же хотел отправиться обратно. Какие же поручения он имел к Бестужеву, того от него не слышал. Что же касается до того, по чьему поручению действовали Борисов и Горбачевский, того мне неизвестно...

2. Из показания 20 апреля 1826 г. [2]).

Прошлого декабря 31 дня, пришедши на квартиру, где я по приезде моем в г. Житомир остановился у брата моего, стоящего вместе с прапорщиком Киреевым, нашел там и отставного подпоручика Борисова 1-го, приехавшего к нам с комиссионером Ивановым, а также и поручика Нащокина, который, имея с нами общий стол, пришел к обеду. Нащокин и брат мой сей же час вышли в школу, Борисов же рекомендовал мне себя и вместе требовал совета, как ему поступить, говоря, что он имел надобность видеться с Бестужевым, для чего и ехал к нему в Киев. Но как здесь он услышал, что за Муравьевым отправлен поиск, то он не знает, что ему делать, на что я ему не отвечал ничего, ибо, во 1-х, замешательство присутствовавших, а 2-е, неизвестность мне его, Борисова, заставляли удалиться от всякого с ним разговора. А посему на сделанные мне вопросные пункты в добавление 14 пункта прежнего моего показания честь имею отвечать.

1-е. В половине декабря месяца подпоручик Андреевич 2-й приезжал из Киева в 8 артиллерийскую бригаду. В бытность свою у нас на квартире говорил нам, что заговор открыт (что по слухам было уже нам известным) и что Бестужев, находясь в Киеве, поехал в Бобруйск к своему полку, а хотел через два месяца быть назад. Следовательно, сие должно было быть известным и г-ну Борисову 1-му и всем членам 8 артиллерийской бригады, а посему показание его, что он

[1]) Дело Ап. В. Веденяпина 1-го, № 443, л. 15.
[2]) Дело № 443, л. 17.

узнал об открытии общества в Житомире, несправедливо, — равно как и о возмущении 2 армии. А то, чтобы, вооружив войска Пензенского полка, итти на Киев и в Бобруйск, чего я совершенно ни от кого не слыхал, а только прапорщик Киреев говорил ему, чтоб он возвратился обратно в Новград-Волынск.

2-е. О возмущении Черниговского полка мы уведомились того же дня уже в 10 часов вечера, когда было о том дано знать от господина генерал-майора Богуславского. В бытность же Борисова того действительно известно не было, а только Иванов говорил, что у него был тайно подпоручик Андреевич 2-й, который говорил ему, что будто бы он едет уведомить Муравьева о посланном за ним поиске. Объявление же Борисова о слышанном будто бы от нас вооружении войск 3 корпуса вовсе несправедливо, ибо никому из нас не было известно об участии прочих войск корпуса.

3-е. Хотя подпоручик отставной Борисов 1-й и был на нашей квартире, но совещания, как он показывает, никакого не было, ибо и он сам приезжал более для того, чтобы взять для своего проезда денег, которые и даны ему прапорщиком Киреевым.

4-е. Предложение же о вооружении Пензенского полка было сделано от него самого, Борисова, на что он просил у нас согласия, а вместе и письма к членам Пензенского полка, прибавляя к тому, что таковое решительное начало действия необходимо, ибо, конечно, мы не избежим наказания. Когда же я отклонял от того, советуя не писать ничего, отказываясь от предложения господина Борисова, тогда прапорщик Киреев написал с ним от себя записку, говоря мне, что он пишет в бригаду о своих надобностях, содержания же ее я не знаю, а равно и о письме Иванова.

Из показаний Ал. В. Веденяпина 2-го.

1. Из показания 20 апреля 1826 г. [1]).

Отставной поручик Андрей Борисов 1-й, когда мы обедали, то-есть я, Нащокин и Киреев, пришел на нашу квартиру вместе с Ивановым. (Брата в то время не было. Он был по должности у свиты его императорского величества капитана Апиха.) Так как оный Борисов 1-й нам не был знаком, то мы остались за столом, и вышел один Киреев. Что они говорили, я не знаю. По выходе из-за стола, когда взошел, он начал говорить Нащокину, что взбунтовался Муравьев и гусары, но Нащокин, не сказав ему ни слова, сделав холодный поклон, вышел, ушед на свою квартиру. А я, как был дежурным по школе, отправился за ним следом, встретясь с братом, которому и объявил, что приехал брат Борисова 2-го. Что было, какое совещание, кто первый дал совет, и даже писал ли Киреев письма, не знаю; притом я не знал, был

[1]) Дело Ал. В. Веденяпина 2-го, № 444, л. 15.

ли Борисов 1-й членом общества, ибо я его увидел тогда в 1 раз и ни от кого не слыхал. Был ли Нащокин членом, хотя более месяца вместе жили, тоже не знаю. Касательно совещания никто мне не говорил ничего, слышал, что он поехал (когда я был в классах) на наемных жидовских лошадях. На мои вопросы было отвечено, что Борисов известный человек пустой.

2. Из показания 3 мая 1826 г. [1]).

Вспомнив несколько подробнее касательно дела отставного поручика Борисова 1-го, спешу объяснить все, что мог вспомнить. Оный поручик Борисов 1-й был в Житомире и на квартире нашей (общей) два раза. В первый раз, как я показал, он, точно, застал нас за обедом в отсутствии моего брата, и по выходе из-за стола поручик Нащокин тотчас ушел на свою квартиру, не говоря ни слова с оным Борисовым 1-м. И я чрез несколько минут тоже вышел, идя в школу. Встретясь с братом, я уведомил его о приезде Борисова. Но при мне не было ни совета, ни письма Киреев не писал также, равно об оном до сих пор и не знал. Во второй же приезд он адресовался к Нащокину о Муравьеве и гусарах, и Нащокин тоже ушел, не сказав ни слова (он сказал, что гусары выступили, чтобы поддержать Муравьева). Я вышел к Нащокину, сказал ему, какую он привез новость; это было еще до обеда. Борисов у нас обедал, и я был около получаса на квартире, но и тут ничего не слыхал, кроме рассказов о разбитии Муравьева и некоторых анекдотов о нем же.

Из показаний В. А. Бечаснова.

Из показания 12 февраля 1826 г. [2]).

О вызвании Горбачевским отставного Борисова из Курской губернии и посылании его к Тютчеву, Громницкому, Лисовскому и проч. я вовсе не известен и даже от окончания маневров до наряжения меня и Горбачевского в военно-судную комиссию я очень редко с ним и виделся, но когда назад уже Борисов отставной ехал из Старого Константинова и проезжал нашу ротную штаб-квартиру, м. Барановку, то и я в то время был там, и Борисов заехал ко мне на квартиру, что было чрез несколько дней после нового года вечером. Не сказывая мне, по чьему поручению ездил, говорил только, что четыре роты Пензенского полка завтра выступят и будут в Барановке (которая на большой дороге от Константинова около 100 верст между сим городом и Новоград-Волынском) и чтобы мы тоже были готовы. Но я ему мало верил, а просил скорей уезжать, куда только ему заблагорассудится, ибо, — говорил я, — теперь обстоятельства ужасные, ты шатаешься,

[1]) Дело Ал. В. Веденяпина 2-го, № 444, л. 21.
[2]) Дело В. А. Бечаснова, № 435, л. 28—29.

тебя схватят, а чрез тебя и меня, что принял.— Потом послал за извозчиком и просил находившегося тут же Горбачевского выпроводить скорей Борисова, а сам оставил свою квартиру. Возвратясь же чрез час места, Борисова уже не застал, а Горбачевский сказывал мне, что оный поехал на Житомир, и мы никаких приуготовлений в ожидании Пензенского полка не делали, ибо речи Борисова мне даже казались смешными.

IV. В ПЕНЗЕНСКОМ ПОЛКУ.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

1. Из показания при начальном допросе 9 февраля 1826 г. [1]).

В последнем генваре приехал к нам в Константинов отставной Борисов, коего я никогда не видал. Он объявил, что общество открыто, и говорил: чем в цепях умирать, лучше действовать,— чего и требовал настоятельно. Чтобы от него отделаться, мы сие ему обещали, но совершенно ничего не делали.

2. Из показаний от 14 февраля 1826 г. [2]).

Ожидав своего перевода и радуясь, что скоро избавлюсь гнусного общества, как вдруг прошлого третьего генваря, в два часа ночи, к Громницкому приехал, которой, к несчастию моему, ночевал у меня, Борисов 1-й, человек, которого в первый раз вижу. Взойдя в комнату, спрашивал Громницкого и что он имеет к нему секретное дело. Тогда Громницкий вышел к нему в другую комнату, и чрез несколько минут воротились оба. Борисов начинает говорить: общество наше открыто правительством чрез донос полковника Габбе (кажется, командир 16 егерского полка), ругая притом Бестужева, что он его принял. Он хотел скрыться, но Андреевич поехал догонять его по фальшивой подорожной с намерением лишить его жизни. 9, 7 дивизии и много полков 2 армии уже соединились и будут действовать против правительства, гусары нашего корпуса своей артиллерией тронулись с места и идут форсированным маршем к тем полкам на подкрепление, а моя же артиллерийская бригада не может тронуться без подкрепления; она дожидает вас, непременно поспешите. Если умирать, то лучше с оружием в руках, нежели гнить в цепях вечно. Я имею письма в Троицкий полк, к двум ротным командирам, к поручику Ярошевичу и капитану Киселевичу. Они приняты в общество комиссионером Ивановым; соединятся с вами на дороге к Новоград-Волынску, и оттуда двинемся

---

[1]) Дело Н. Ф. Лисовского, № 450, л. 1 об.
[2]) Дело № 450, л. 17 об.

на Житомир, после на Киев, там присоединится к нам больше и потом в Бобруйскую крепость; завладев оною, будем дожидать главнейшего подкрепления. Мы сказали ему, что действовать не будем; но видев усиленные его требования, решились обмануть, сказав, что мы будем, но с тем, чтобы до нашего приходу они своей артиллерией ни под каким видом не трогались бы с места; также и в Троицкий полк ехать ему не позволили; взяв от его письма, сказали, что мы от себя отправим, и, когда он уехал, сожгли. И сим поступком удержали от пагубного их намерения. Из обещанного же ему, Борисову, мы ничего совершенно не исполняли.

Из показаний П. Ф. Громницкого.

Из показаний 14 февраля 1826 г. [1]).

В лагерях при Лещине, когда в собраниях была уже открыта настоящая цель общества, Лисовский и я положили впредь не действовать, не обнаруживая однако ж сего никому из сочленов, а показывая, напротив, вид совершенной приверженности. В противном случае, т. е. явное отречение могло бы навлечь на нас гибель: сами наши сообщники должны были лишить нас жизни, как изменников. Вследствие сего предположения части наши не были нами приготовлены.

3 числа прошлого генваря прибыл к нам Борисов (отставной) с уведомлением, что 9 и гусарская дивизии нашего корпуса уже выступили в поход, что 2 армия должна скоро начать действия,что он прислан с извещением к нам, дабы мы с своими частями выступили в Новоград-Волынск, где, соединившись с артиллериею, должны вместе следовать на Житомир, потом на Киев и, наконец, в Бобруйск, где ожидать дальнейших распоряжений. Чей это был план, мне неизвестно. Я возражал сначала, что нельзя действовать столь поспешно, наконец, исполнил его желание, обещав решительно действовать. Намерение Борисова ехать в Троицкий полк к Киселевичу и Ярошевичу мы отклонили тем, что он разъездами своими может навлечь подозрение, что нас откроют, и намерения наши останутся тогда без исполнения; но что наш тракт к Новоград-Волынску — чрез расположение Троицкого полка, где мы, присоединив Киселевича и Ярошевича, придем вместе с ними на назначенный пункт. Желания же его быть у Тютчева, квартировавшего верстах в 10 от города, мы отклонить не могли. Он отправился к Тютчеву и, спустя часа два, возвратился с ним, хоть мы и просили Борисова не возвращаясь от Тютчева, а прямо ехать в Новоград-Волынск. Тютчев решался выступить и приехал к нам советоваться, как бы сие удобнее исполнить. Больших усилий стоило Лисовскому и мне отсрочить выступление, обещанное Борисову в тот же день. Кончилось тем, что Борисов уехал, ожидая известия чрез нарочного верхового о приближении наших рот. Тютчеву, по отъезде Борисова,

[1]) Дело П. Ф. Громницкого, № 440, л. 15 об.

мы представили всю важность предприятия, на которое он решался, и он остался покойным. Почему Горбачевский вызвал Борисова из Курской губернии, для чего последний искал Бестужева в Киеве и других местах, это мне неизвестно. По чьему поручению действовали Горбачевский и Борисов 2-й, также не знаю; но, как говорил присланный к нам Борисов, что мы открыты, что поэтому-то начались действия, что поэтому же должны и мы действовать, что лучше нам умереть с оружием в руках, нежели пожертвовать собою, не сделав ничего,— думаю, что открытие правительством общества заставило Борисова и Горбачевского желать начатия действий. Писем в Троицкий полк ни к кому не было; но были письма от Борисова 2-го ко мне, в коих он убеждал нас начать действия, просил меня сообщить о том всем членам союза и требовал нашей решительности. Тут же была приложена записка от Иванова, в коей объявлял он, что открыл Киселевичу и Ярошевичу об обществе и принял их. До того времени я не знал о сем; но теперь поместил и их в 1 пункте моих показаний. Помянутые письма сжег я при Лисовском, но в Троицкий полк не было ни одного письма, о сем может удостоверить Борисов. Письма же, как мне принадлежащие, истребил я потому, чтобы они не могли кому-нибудь нечаянно попасться. Приглашение Борисовым 2-м было мне сделано,— в том-то и заключались письма его,— но не исполнено Лисовским и мною потому, что принято уже было нами намерение в лагере, в начале сего пункта мною описанное, а Тютчев был отклонен нами. Но, впрочем, и он не мог бы действовать, ибо часть его не была готова, как он сам после объявлял. О неготовности части Лисовского и моей мы говорили пред Спиридовым и Тютчевым, что к 1826 году мы успели бы приготовить их, но внезапный теперешний случай заставляет нас не действовать.

Из показаний П. А. Зарецкого [1]).

Из ответов на вопросы 18 мая 1826 г. при штабе 1 армии [2]).

...В последних же числах декабря месяца нечаянно приходит в мою квартиру часу в одиннадцатом ночи поручик Борисов, которого я только в первый раз жизни видел. В сие время были у меня в квартире поручики Громницкий и Лисовский, кои и оставались ночевать. Борисов, войдя в переднюю комнату, когда уже были погашены свечи, спрашивал, здесь ли поручик Громницкий? на каковой вопрос Громницкий отозвался, что здесь, и спрашивает, кто вы такой? Пришедший говорит, что поручик Борисов, и сейчас же без свечей вызвал Громницкого на двор и что-то ему говорил. Потом вошли они оба в горницу и велели зажечь свечу. Я тут увидел совсем мне незнакомого человека

[1]) П. А. Зарецкий — поручик Пензенского полка.
[2]) Дело Быстрицкого, Бельченко, Зарецкого, № 145, л. 23 об.

и не почитал его за военного, ибо он был в партикулярном платье. Когда же я спросил Громницкого, кто он таков, то он сказал, что 8 артиллерийской бригады поручик Борисов, и после Громницкий, отозвавши Лисовского в другую комнату, вместе говорили. Меня любопытство заставило узнать о тайном их переговоре, на что поручик Лисовский сказал мне в другой комнате, что этот Борисов приехал дать им знать, чтобы они командуемые ими роты выводили к действию и соединились бы вместе с 8 артиллерийскою бригадою и что тайна их уже открыта. Таковым объяснением он меня испугал, и я, сколько можно, уговаривал поручиков Громницкого и Лисовского, отзывая их по одиночке в другую комнату, чтоб они никакого зла не предпринимали, на что они втайне от Борисова мне сказали, что они никогда к тому не приступят, а скажут ему, чтобы он ехал к майору Спиридову, так как они говорили, что он старший, что они то же самое и Борисову сказали. И потом оный в скорости отправился к майору Спиридову; но поручик Лисовский вовсе мне не говорил, чтоб дать знать полковому командиру; по выезде же Борисова, я опять уговаривал Лисовского и Громницкого, в противном же случае я располагал так, что ежели они согласны будут выводить командуемые ими роты, то в то время хотел дать знать полковому командиру, но они мне говорили, что никогда этого не сделают, и майора Спиридова не послушаемся, ежели бы он и согласен был на то, и раскаивались, что они завлечены в такое общество. На другой же день поутру рано, опять приезжал поручик Борисов вместе уже с капитаном Тютчевым ко мне же в квартиру, где еще застали поручиков Громницкого и Лисовского. Капитан Тютчев хотя и говорил поручикам Лисовскому и Громницкому, чтобы выводили командуемые ими роты для соединения с 8 артиллерийскою бригадою, но они противны были его намерению и уговорили его оставить злое намерение, на что согласился капитан Тютчев, чему последовал и поручик Борисов, и вместе все раскаявшись, что они намеревались приняться на злое дело; и с тем поручик Борисов отправился к своему месту; после того в скорости слышно было о возмущении в Черниговском пехотном полку; тогда и более я слышал раскаяние их.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

Из показания 30 мая 1826 г. [1]).

Поручик Зарецкий показывает, что я вызывал его в другую комнату и говорил ему: это Борисов 1-й приглашает нас выводить командуемые мною и Громницким роты к действию и соединить с 8 артиллерийскою бригадой, ибо тайна общества открыта.

Таковое несправедливое показание Зарецкого доказываю тем: 1-е, что я Борисова 1-го никогда не знал, не видел и не слышал об нем; 2-е, что когда приехал он, то, войдя в первую комнату, в которой спал

[1]) Дело № 145, л. 33.

Громницкий, спрашивал: «здесь ли Громницкий?» и получил ответ, что здесь, сказал ему: «встаньте и пойдем в другое место, я имею к вам секретное дело». Чрез несколько минут воротились оба и вошли в ту комнату, где был я и Зарецкий. Тогда Борисов сказал (не так тихо, чтобы Зарецкий не слышал, бывши здесь), но говорил громко, ибо был предупрежден Громницким, что ему здесь бояться нечего, потому что я, также и Зарецкий к обществу принадлежим: «Общество открыто правительством, и чтобы избежать жестокого наказания, то лучше умереть с оружием в руках». И как Зарецкий, так и я и Громницкий расспрашивали обстоятельно сие дело у Борисова и, узнавши, ни мало не колебались в ответе, что действовать не будем. Также и то, что меня и Громницкого Зарецкий никогда не уговаривал, но ясно знал наше намерение, что мы действовать никогда не хотели и были всегда противны тому и без Зарецкого увещаний и уговоров. Но что отправили Борисова к Спиридову, это точно. Если же я говорил Зарецкому, что объявим полковому командиру о приезде Борисова, то не потому, чтобы удержать от действия кого-нибудь из нас (ибо мы не были некогда намерены), но потому, что, видевши ясно свою погибель, думал хотя несколько поддержать себя сим открытием и тем показать мое раскаяние и помешать артиллеристам и 8 бригаде, ибо, по словам Борисова, они твердо решились действовать.

Из показаний А. И. Тютчева.

1. Из показания 30 мая 1826 г. [1]).

В генваре 1826 года приехал отставной Борисов прямо в Константинов и виделся с Громницким, Лисовским и Зарецким, объявил им, что он приехал с приглашением от Горбачевского действовать и соединиться в Новоград-Волынске, и, переговорив с ними, послали его ко мне. По приезде Борисова ко мне, сказал, что Лисовский и Громницкий велели ехать к Спиридову и объявить об оном. Я знал, что Спиридов располагал выехать в Саратовский полк для окончания сдачи роты, не поехал к Спиридову, а приехал в Константинов к Зарецкому и где действительно приглашал вывесть им вверенные роты, но они уговорили меня таким образом: неужели ты не видал своего заблуждения? Тогда мы все тут раскаялись, сам сказал, я вижу, что мы должны навсегда погибнуть от нашего необдумания.

2. Из показания 9 февраля 1826 г. [2])

Сие мне не было известно, что отставной Борисов сколь и Бестужев были вызваны Горбачевским 1-м из Курска, из Киева, из других мест.

---

[1]) Дело № 145, л. 27.

[2]) Дело А. И. Тютчева, № 439, л. 17 об.

Отставной Борисов был прислан от Горбачевского ко мне, Громницкому и к Лисовскому и к Спиридову с известием об открытии общества и приглашением вооружить вверенные нам части и следовать в Новоград-Волынск и оттудова в Житомир. Я тут только познакомился с ним и где он мне дал записки Горбачевского, своего брата Борисова, Киреева и комиссионера Иванова о приглашении и убедительной просьбы действовать и лично просимы были Борисовым, чтобы начать действовать. Тут из письма Иванова узнал я, что в Троицком полку приняты были штабс-капитан Киселевич и поручик Ярошевич, и просил, чтобы им сообщить сии сведения для вместного соединения действовать. Но из нас никто не посылал означенным членам, потому что мы не принимали и не имели намерения к действованию. А Борисову было объявлено, что мы, ежели начнем действовать, то вместе с оным дадим вам знать. С этим ответом он и поехал. Благоразумие нам воспретило сие сделать.

По чьему поручению действовал Горбачевский и Борисов, сие мне неизвестно, и отставной Борисов нам не говорил.

Из показаний Н. Ф. Лисовского.

1. Из показаний между 9 и 14 февраля 1826 г.[1]).

...Когда приехал Борисов 1-й приглашать к возмущению, я решил было объявить полковому командиру, дабы его схватили, думая тем разрушить их пагубные намерения; но, верно, всевышнему богу было угодно не допустить меня до сего. Я открыл о сем поручику Зарецкому, который вооружился против сего, и, пока не уехал Борисов, он от меня не отставал. Когда уже я был арестован и привезен корпусному командиру генерал-лейтенанту Роту, я объявил ему о всех тех, кои принадлежали к обществу и не были арестованы.

2. Из показаний 29 марта 1826 г.[2]).

...Но когда приехал Борисов 1-й приглашать нас к возмущению, то я, вызвав Зарецкого, сказал ему, что так как ты увлечен в сие общество невинно и я тоже по несчастному случаю, то пойдем к полковому командиру и объявим о Борисове, пусть его схватят, и тем уничтожим пагубное их намерение, прибавив, что ты видишь теперь ясно несчастие, в которое мы попали. Но вместо ответа и согласия он сказал, чтоб я не смел об этом и думать, называв сие малодушием. Тогда я вспомнил, что Тютчев не ошибся, что он хороший малой. Сим разрушил он все мои личные надежды, в том могу и уличить его.

---

[1]) Дело Н. Ф. Лисовского, № 450, л. 5.

[2]) Дело № 145, л. 9 об.

Из показаний П. Ф. Громницкого.

Из показаний 30 мая 1826 г. [1]).

Намерение поручика Лисовского донести полковому командиру о приезде Борисова не было мне известно; говорил ли он о сем Зарецкому, также не знаю. Думаю, что Лисовский не скрыл бы от меня такого намерения, и если бы он действительно говорил Зарецкому, то, верно, от того или другого было бы сообщено и мне.

Из показаний П. Д. Мозгана [2]).

1. Из показаний 24 февраля 1826 г. [3]).

Когда же назначено было нашего полка первому батальону следовать в караул в корпусную квартиру, то велено было собраться ротам того батальона 6 числа генваря в полковую штаб-квартиру, куда прибыл и майор Спиридов, то я, узнавши о его прибытии, пришел к нему, где застал капитана Тютчева, и слышанное мною от квартирмейстра нашего полка подпоручика Щербинского, что полковой командир Ахтырского гусарского полка полковник Муравьев взят, сказал Спиридову. Потом за мною вскоре пришел Лисовский, от полкового командира, и сказал, что Черниговский полк взбунтовался и что Сергей Муравьев взят, и что гусарская дивизия пошла усмирять, почему и роптал Тютчев и говорил, что худо сделал, что открыл, и мы теперь несчастны, а Спиридов охуждал Сергея Муравьева за то, что сделал возмущение и никому о том не дал знать. После чего я попростился и уехал в деревню, где расположена была рота на ночлег, и Спиридов меня просил, чтобы известить его обо всем по прибытии в Житомир, но я ему ничего не писал и не видался более с ним.

2. Из письма ген.-ад. В. В. Левашову от 16 марта 1826 г. [4]).

...Когда же, бывши у Спиридова, узнали о возмущении, то Спиридов говорил, что он не имеет настоящей своей части, а чтобы мы были готовы, если потребуется. И я, послушав его совета, призывал к себе рядового Бородина, бывшего в Семеновском гвардейском полку, и усовещевал его, чтобы он склонял товарищей не действовать противу возмутившихся войск, спрашивая, был ли он у Муравьева, на что он отвечал, что не был, а был его товарищ Гульбин. И я сказал, что Гуль-

---

[1]) Дело № 145, л. 29.

[2]) П. Д. Мозган — подпоручик Пензенского полка, член общества Соединенных Славян.

[3]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 17 об.

[4]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 23.

бин знает, старайтесь присоединиться к ротам Тютчева, Громницкого и Лисовского; с сим его отпустил. Сие было на походе, следуя в Житомир, и более его и никого не призывал и ничего не говорил.

Из показаний рядовых Бородина и Гульбина.

(Копия с рапорта главнокомандующему 1 армией Комиссии военного суда в Белой Церкви от 29 апреля 1826 г. [1]).

Во исполнение сего [2]), доставленный в Комиссию [3]) упомянутый рядовой Бородин, а равно и Гульбин, прежде еще в Комиссию вытребованный, были допрашиваны со всею подробностию и на допросах показали: 1-е Бородин, что, действительно, по выступлении полка из Старого Константинова в г. Житомир подпоручик Мозган призывал его на первом переходе в селении Провалах к себе и, подавши стакан водки, говорил, что подполковник Муравьев, возмутивший Черниговский полк, взят. Но он,—прибавил Мозган,— погорячился, а мы еще подождем. Засим начал его склонять, чтобы он не действовал противу возмутившихся войск и уговаривал бы к тому же и прочих своих товарищей, сказывая, что роты 2 гренадерская под командою поручика Громницкого и 2 мушкатерская под командою капитана Тютчева уже на сие готовы, но о 5 мушкатерской роте, бывшей под командою поручика Лисовского, не упоминал. Потом спросил, был ли он у Муравьева, и на ответ его, что не был, а был Гульбин, велел поговорить с ним, ибо он знает, что говорил Муравьев. На другой день по выступлении из упомянутого селения Бородин сошелся с Гульбиным и на спрос его, зачем он был у Мозгана и что тот говорил, сказал только, что Мозган говорил, будто Муравьев взят или убит, и что он велел спросить у него, Гульбина, что с ним говорил Муравьев при посещении его. Гульбин, не объясняя говоренного ему Муравьевым, промолвил только: «что бог даст, то и будет, глупых речей нечего слушать». Дальнейшего разговора у них не было.

Сие последнее обстоятельство подтвердил и рядовой Гульбин. Но чтобы они рассказывали о внушениях Мозгана прочим своим товарищам и склоняли их не действовать противу возмутившихся войск, и чтобы знали кого-либо из нижних чинов упомянутых рот 2 гренадерской и 2 и 5 мушкатерских, получавших подобные же внушения от своих ротных командиров, да и в чем могли бы заключаться подобные внушения, в том допрошенные, при всей строгости и настоятельности учиненных им допросов, не сознались.

Засим Комиссия для ближайшего и скорейшего открытия, до какой степени развращена нравственность в упомянутых ротах, нахо-

---

[1]) Дело П. Д. Мозгана, № 446, л. 32.

[2]) Во исполнение предписания дежурного генерала армии г.-л. Ольдекопа от 11 апр. 1826 г.

[3]) Комиссия военного суда в Белой Церкви.

дившихся под командою Тютчева, Громницкого и Лисовского, вытребовала к себе девять человек нижних чинов из прежнего состава лейб-гвардии Семеновского полка, состоявших ныне в разных ротах Пензенского пехотного полка, и их, а равно и прежде вытребованных из сего же полка трех человек рядовых, также допрашивала со всевозможною подробностию и настоятельностию. Но при всех усилиях не могла вынудить от них сознания не только о внушениях злоумышленных офицеров, но даже и самого подозрения, могущего подать хотя малейшее понятие о сущности какого-либо заговора, в Пензенском пехотном полку существовавшего. Все допрошенные твердо устанавливают, что ни от одного офицера никаких противных службе и существующему порядку внушений не слыхали, и даже, кто бы из товарищей их был к тому подговариваем, они не заметили.

Записка Н. И. Тургенева.

Публикуемая записка — вторая по счету оправдательная [1]) записка, составленная Н. И. Тургеневым, по совету братьев для Николая I, во второй половине 1826 г. (закончена приблизительно в октябре 1826 г. [2]).

Подлинный текст ее, находившийся в архиве б. библиотеки Зимнего дворца, теперь хранится в архиве Октябрьской Революции, особ. отдел, фонд XXI—В, № 1447). Рукопись представляет собой тетрадь в дорогом мягкой кожи зеленого цвета переплете, в 91 + 14 нумеров. страниц большого почтового формата тонкой бумаги. Заглавие записки таково: «Записка о свойстве и мере моего участия в тайных обществах».

Эту записку Н. И. Тургенев сопроводил по совету братьев и особенно гр. Разумовской, приезжавшей к нему в Лондон в июне и вторично в августе 1827 г. [3]), письмом на имя Николая [4]).

Жуковский передал оправдательную записку Н. И. Тургенева Николаю вместе с собственным письмом — ходатайством за Тургенева (датировано 29 декабря 1827 г.) [5]) и письмом [6]) на французском языке гр. Генриетты Разумовской следующего содержания, которое даем здесь в переводе: «В ночь с 28-го на 29-е ноября (1827 г.)..

---

[1]) Всего записок было четыре. Историю попыток Н. И. Тургенева оправдаться и историю четырех его записок подробно излагает Е. И. Тарасов в своей работе «Декабрист Н. И. Тургенев в Александровскую эпоху. — Очерк истории либерального движения в России». Самара, 1923 г., гл. 12, стр. 399—447.

[2]) Это видно по письмам Н. И. Тургенева к братьям 1826—1827 г.г. (напеч. в «Рус. Архиве», 1895 г., № 8, стр. 467, 470).

[3]) См. об этом в письме Н. И. Тургенева в Париж к брату Александру Ивановичу и Жуковскому, напеч. в «Рус. Архиве», 1895, № 11, стр. 339.

[4]) Письмо напеч. в «Рус. Архиве», 1895, № 9, стр. 30—32. Ни автографа, ни копии этого письма при публикуемой записке нет.

[5]) Письмо Жуковского опубликовано Бартеневым в «Русском Архиве,» 1895, № 7, 519—520 по черновику с небольшими отличиями от белового текста, котсрый в автографе сохранился в тексте с рукописью записки Н. И. Тургенева (там же, № 1447).

[6]) Текст письма гр. Разумовской (умершей 17 дек. 1827 г.) до сих пор неизвестен в печати. П. И. Бартенев выражал сомнение в его существовании («Рус. Архив» 1895, № 11, стр. 343, второе примечание), потому что письмо было недоступно и хранилось в б. библиотеке Зимнего дворца, вместе с рукописью записки Н. И. Тургенева (там же, № 1447).— Письмо Ген. Разумовской Жуковскому прислал Александр Иванович Тургенев. (См. об этом в его письме брату Ник. Ивановичу 17 дек. 1827 г.— «Рус. Архив», 1895, № 10, стр. 198).

...Единственная мысль, еще удерживающая меня здесь — это мысль о Николае [1]). Я бы хотела, чтобы и после моей смерти он имел доказательства моей дружбы к нему. Просьбы умирающего — в них не должно отказывать, — сделайте так, чтобы моя просьба дошла до государя. Клянусь именем бога, перед коим я вскоре предстану, именем бога, который отпускает нам прегрешения, если мы отпускаем их другим, клянусь, — Николай Тургенев невиновен; но я собственно хотела говорить не об этом. Другие знают также о его невиновности. Пусть голос совести подскажет государю, как должно поступать с невинным, пока невиновность его еще не доказана, я взываю к нему, — это умирающая умоляет его сжалиться над больным Николаем, которого убивает климат Англии. Пусть государь дозволит нашему другу вернуться на континент. Пусть ему будет разрешено жить здесь в полном спокойствии. Я умоляю государя сжалиться над ним, я прошу его об этом во имя его жены, его детей. Я призываю на помощь императрицу — этого доброго и чистого ангела, — душу которой вы дали мне познать. Передайте ей и через нее мои последние мольбы. Он не может не внять им; ведь они уже наполовину из другой жизни, из той жизни, в которой нам зачтутся одни лишь наши милосердные дела; там мольбы мои обратятся в благословения. Я чувствую на себе, мой друг, благотворное действие ваших прекрасных писем; они проникли мне в душу, дали свои плоды, и смерть представляется мне теперь такою, какою вы сумели представить мне ее, когда мы говорили о Сергее и о Полине. Еще несколько часов, еще немного дней, и я буду с ними. Благословляю вас и молю бога, чтобы он дал вам завершить труд ваш и чтобы результаты вашей работы оказались достойными вас. Благословляю это дитя и его отца, — молю его верить, что Николай невиновен.

Генриетта Разумовская.

На 4 й стран. — «Переслать Жуковскому после моей смерти».

Записку Тургенева Николай I отдал на просмотр и отзыв в. кн. Константину Павловичу. Автограф его отзыва на французском языке сохранился при записке. Приводим отзыв полностью в переводе.

«Я прочитал с величайшим вниманием оправдание Николая Тургенева, которое ваше величество соблаговолили дать мне в Петербурге, и имею честь возвратить оное при сем. Так как вы желали, чтоб я выразил мое мнение о его деле, то я позволю себе сказать, что там есть места очень достопримечательные и которые могут уменьшить преступления, в которых обвиняется упомянутый Тургенев, но отнюдь не оправдать его вполне. Он сам сознает это, несмотря на все, что он приводит в свое оправдание. Но наиболее достойным осуждения в нем мне кажется то, что он не явился на суд, потому что одно из двух: или он считает себя виновным, или не считает. В первом случае очень естественно, что он избегает возмездия законов; во втором — чего ему бояться, если он чувствует себя невиноватым? Его неявка на суд, по моему мнению, не оставляет сомнения в его виновности. Не могу пройти молчанием неуместность письма Жуковского, которого я даже не знаю. Повидимому, судя по его содержанию, мне кажется, что принципы, которыми он пользуется, несовместимы с порядком вещей, установившимся в нашем правительстве, и которые могут только клониться ко вреду его ученика. Что касается до г-жи Разумовской, то тут нечего сказать. Эта женщина, кажется, была в связи с Тургеневым, и страсть к нему ослепляет ее».

---

[1]) Н. И. Тургеневе.

Отзыв Константина Павловича имел решающее значение, и Тургенев не был помилован на этот раз (помилование состоялось позднее, в 1831 г.), хотя в этой записке Николай Иванович приносит полное раскаяние и грубо отрекается от прошлого. Он заходит так далеко в это время в своем отречении от прошлого, «что никого,— жалуется он братьям, не мог уверить в ничтожности, незначительности того, что называют тайным обществом». Не только «в угоду раздраженному правительству», как утверждает Е. И. Тарасов, пытаясь смягчить впечатление от записки, стоит здесь позорно коленопреклоненным Николай Тургенев перед царем, — он выразил здесь свое подлинное тогдашнее настроение, высказанное им без стеснения еще в письмах того времени к братьям и Жуковскому [1]).

Записка эта окончательно разрушает либеральную легенду о том, что Николай Тургенев «не предпринял для своего оправдания почти ничего» [2]).

Записку частично цитирует Е. И. Тарасов в названной работе [3]), ссылается на нее и А. Шебунин [4]). Оба они пользуются рукописью из архива бр. Тургеневых, сохраняющейся в рукописном отделении Академии Наук.

Полный текст записки [5]) появляется впервые и печатается по тому списку, который был без сомнения в руках Николая I.

Н. Бельчиков.

Для того, кто желает видеть простое изложение обвинений, показаний и ясных доказательств против меня, достаточно прочесть Таблицу. Она, в строгих пределах правосудия, представляет все, до меня касающееся.

Тот, кто желает видеть подробное изъяснение моих поступков, намерений, мнений, и притом, не имея невыгодного предубеждения, войдет в настоящее мое положение, вспомнит, что я изъясняю обстоятельства, за несколько пред сим лет случившиеся и давно забытые, тот найдет сие изъяснение, изъяснение сущности дела, в записке [6]).

ЗАПИСКА О СВОЙСТВЕ И МЕРЕ МОЕГО УЧАСТИЯ В ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ.

Оглавление.

Часть первая: Историческое изложение обстоятельств, до меня касающихся.

Часть вторая: Изъяснения на заключения Верховного Уголовного Суда, относительно цели и средств, равно и других обстоятельств, до тайных обществ касающихся.

---

[1]) «Р. Архив», 1895, № 10, стр. 341

[2]) В. М. Истрин — Ж. М. Н. Просвещ. 1913, III, стр. 25—26.

[3]) См. гл. 4, 412—421.

[4]) «Н. И. Тургенев», М. 1925 г. стр. 105.

[5]) На архивной синеватой бумаги обложке дата: «Чельтенгам 27 октября, 1826 г.».

[6]) Эти два абзаца составляют как бы эпиграф к «Записке» и написаны на ервой странице рукописи.

Часть третья: Различные соображения, представляющие мое участие в тайных обществах в истинном виде.

Часть первая: О приговоре.
О предубеждении против меня.
О первом изъяснении.
О виновности моей.
Об участии в учреждении общества.
Вступление мое в общество.
Моя деятельность.
Об умысле на введение республиканского правления.
Об уничтожении общества в Москве.
О моем председательстве.
О восстановлении общества и о принятии других.
О последнем совещании.
Мои виды, мнения, разговоры и удаление от тайных сношений.
Различение эпох касательно обществ.
Различение эпох касательно показаний.
Различные показания против меня.
Часть вторая: О цели и средствах по заключению Верховного Уголовного Суда.
О цели и средствах по рапорту Следственной Комиссии.
Мое мнение о цели.
Статьи решения Суда.
Часть третья: Соображения.

Часть первая.

Историческое изложение обстоятельств, до меня касающихся.

Приговор смертный был произнесен надо мною за то, «что я был деятельным членом тайного общества, участвовал в учреждении, восстановлении, совещаниях и распространении оного принятием других, и равно участвовал в умысле ввести республиканское правление, и, удалясь за границу, по призыву правительства к оправданию не явился, чем и подтвердил сделанные на меня показания».

Как громовым ударом я был поражен сим приговором! Но я не явился к оправданию — и теперь не имею права жаловаться на строгость оного... Опомнившись от объявшего меня ужаса, первым моим чувством было некоторое утешение, что по крайней мере в окончательном приговоре о мне не упомянуто ужаснейшее из всех обвинений. Но имя стоит на ряду с замышлявшими цареубийство! Какими путями я дошел до сего положения? спрашивал я сам себя, — и не постигая того, что со мною происходит, я поддерживал себя покорностью воле провидения и надеждою, что время, рано или поздно, приведет все в ясность и каждой вине определит ее степень.

Но между тем я не могу оставаться в молчании. Сильное, непреодолимое чувство побуждает меня содействовать к обнаружению истины; голос совести заставляет меня, сознаваясь в том, в чем я действительно виновен, отстранить от себя обвинения по таким замыслам, кои мне и на мысль никогда не приходили. На мне есть вина, но не та, которую мне приписывают.

Ужасное положение, в котором я теперь нахожусь, горе, смущение души не позволят мне представить всех обстоятельств, до меня касающихся, с надлежащею правильностью и полнотою. Страшусь даже, что весьма сильное предубеждение, возникшее против меня из показаний других подсудимых и из моей неявки к суду, не позволит верить словам моим... Воля провидения да исполнится! Я не могу, я не должен обвинять себя в том, в чем я невиновен; я не могу, я не должен клеветать на себя. И то, в чем я действительно виновен, тяготит уже мою душу чрезмерно и будет тяготить до гроба. Чаша бедствий не наполнилась ли для меня уже и тем, что я поставлен в жестокую необходимость оправдываться в преступлениях, никогда в душу мою не проникавших, так что ужасаемый и обвинениями и приговором, я теряюсь в мыслях и стараюсь объяснить чего сам не постигаю, сам себя иногда спрашиваю: Не был ли я подлинно когда-либо злоумышленником? Ищу ответа и как будто сам желаю обвинить себя и покориться беде за заслуженную вину... Но нет! Свидетельство совести, воспоминания всей моей жизни мне отвечают, что злоумышленником я никогда не был — и тогда луч небесной надежды дает мне силу и бодрость оправдываться.

Но предубеждение против меня так сильно, что некоторые почитают меня главною пружиною тайных обществ; другие даже и в теперешнем моем положении — приписывают мне сочинение каких-то мне неизвестных артиклей газетных... если б [1]) настоящее мое положение, если б состояние души моей было лучше известно, то оно возродило бы обо мне мнение иного рода. Жизнь, обреченная бедствию, душа, терзаемая горестью, мысль, что я делаю несчастие [2]) не только самого себя, но и своих ближних, — все сие показало бы, что, говоря о себе, я ничего не могу говорить противного истине и внутреннему моему убеждению. Но если б я, победив неопреодолимое чувство необходимости говорить истину, стремился еще напротив искажать истину, то где хотя малейшая возможность успеха? Не ясно ли, что в теперешнем моем положении одно только полное признание может быть для меня выгодно? Но выгод или невыгод я не могу искать иначе как в истине. Не скрываю вины моей, не защищаю моих намерений, мнений, но представляю все в истинном виде. Не хочу и не могу сделать себя ни лучше, ни хуже того, чем я был; стремясь только представить себя

[1]) Тургенев везде писал «естьлиб» и «есть ли». Здесь даем принятое теперь написание. *Прим. ред.*

[2]) Тургенев писал всюду «нещастие» и «щастие». Здесь даем современное написание этих слов. *Прим. ред.*

тем, чем я был действительно, а не тем, чем меня делают обстоятельства и показания других.

Первое мое объяснение произвело против меня еще более негодования, усилило мнение о моей виновности, особенно потому, что я говорил о тайном обществе, как о вещи незначительной, ребяческой. Сие негодование было справедливо, и могу ли я не признать сего, когда даже и брат мой заклинает меня не представлять общества, столь ужасного, в сем виде ничтожности,— как будто и с своей стороны сомневаясь в истине слов моих?—Но и не надеясь успеха, страшась даже к мнению, что я лжец и преступник, присовокупить мнение, что я лжец и преступник закоснелый, я обязан, пред богом и пред совестию сказать, что тогдашние слова мои были истинным выражением т о г д а ш н е г о моего мнения. В то время, когда я писал первое объяснение, знал ли я все то, что знали все те, кои его читали; и в то время когда читали? Я знал, что было возмущение. Между мятежниками я видел только имя Трубецкого, которое мне было коротко известно по обществу. Между теми, коим известия приписывали тогда главнейшие злодейства, я видел только имена таких людей, кои мне совершенно были неизвестны ни по обществу, ни иначе. Я не знал даже тогда, что после различных попыток, составилось, наконец, новое общество в Петербурге. Я думал, что идея о бунте родилась между мятежниками при виде обстоятельств, казавшихся им удобными для произведения возмущения. Обстоятельство, что бунт приписывается тайному обществу, я изъяснял себе тем, что между мятежниками были и члены общества, кои при допросах показали о бытии общества. Мне казалось, что открытие сего общества естественно указало на сие общество, как на первый источник бунта; но что дальнейшими исследованиями объяснится, что бунт произошел от злодейских намерений частных лиц, членов и не членов общества, а не от самого общества. И мог ли я тогда думать иначе, никогда не подозревав, чтобы общество, которое мне было известно, или разные лица, с коими я бывал в сношениях по обществу, когда-либо направлялись к сей цели крайних преступлений, или могло когда-нибудь произвести что-нибудь похожее на то, что случилось? Мог ли я думать иначе, вспоминая о тех, с коими я наиболее был связан по обществу, и кои, кроме общего ужаса, оплакивали в бунте и личные потери? Зная коротко сих людей, я был уверен, что они ничего не знали о намерениях бунта. Не знал бы и я, если б и был в Петербурге, говорил я сам себе. Все сие ни мало не позволяло мне опасаться, что имя мое когда-либо будет смешано с именами бунтовщиков.

Но мало-по-малу известия становились полнее и подробнее. Ужасные тайны открывались признаниями самих виновных, и, наконец, рапорт Следственной Комиссии представил все адское дело во всей полноте, со всеми подробностями беспримерного разврата и бешеной кровожадности... Душа моя содрогнулась, ужасные ощущения ее терзали. Тогда я увидел, что совещания, на коих я некогда присутствовал, превратились, наконец, в настоящее скопище разбойников; я уви-

дел, что люди, с коими и я некогда говаривал, явили себя истинными злодеями, и что в то самое время, когда я с ними говорил, мысль злодейства уже таилась в их сердце развращенном! Сии страшные воспоминания довершили мое смущение. Мысль, что я был в обществе, к коему принадлежали и злодеи, заглушило во мне всякое другое чувство; я не внимал гласу совести, которая говорила мне, что злодейство никогда не проникало в мою душу: после всего, что случилось, я не верил самому себе и, не постигая того, что я видел и чувствовал, с жадностью искал объяснения и успокоения в самом описании поразивших меня ужасов, в самих признаниях злодеев, коих в эту минуту я почитал себя как будто соучастником! Но находя объяснения, я не находил успокоения, читая подробности заговоров и убийств! Я видел, что если могу отстранить себя от соучастия в злодейских замыслах, то не могу исторгнуть моего имени из среды имен злоумышленников — оно провозглашено уже вместе с их именами! Это доводило меня до отчаяния. И без соучастия в преступных намерениях и делах, одно соучастие в обществе, одно помещение моего имени между именами доказанных злодеев есть и будет самым тягостным бременем на всю мою жизнь. Смотрю с ужасом на прошедшее. Вижу теперь всю опасность существования каких бы то ни было тайных обществ, вижу, что из тайных разговоров дело могло обратиться в заговор, и от заговоров перейти к бунтам и убийствам. Вижу, что покров тайны, равно скрывая и заблуждения и преступения, сим самым подвергал их равному подозрению. Знаю и чувствую, что я не видал этого прежде, что я никогда не был ни злодеем, ни злоумышленником; но сие чувство не позволит мне никогда простить и самому себе этого теперь для меня непонятного заблуждения, которое привело меня в настоящее, горестное, безотрадное положение. И какой печальный пример подаю я собою! Неужели человек, питавший в душе своей всегда чистые, бескорыстные намерения, желавший блага для всех и зла ни для кого, должен находить гибель за свои намерения и желания?.. Но правосудие небесное не ошибается, и если я осужден на несчастие, то, конечно, заслужил его, если не в сем случае, то чем-нибудь иным.

Но сего бедствия было недостаточно и мне было суждено усугубить его и довершить несчастие неявкой к суду. Ясно теперь вижу, что сия неявка усилила строгость приговора. Ясно вижу, что я ничем столь много не повредил сам себе, как сею неявкою. Все, что я теперь представляю и доказываю, я мог бы представить и доказать с большею удобностию на очных ставках с другими и тем отстранить самые тяжкие обвинения против меня. Но я не явился, терплю за сие много, много, может быть более... Но вина сия действительна, и я не могу в ней оправдываться. По крайней мере, она может быть, однакоже, отделена от первоначальных обвинений, в которых я не могу не оправдываться, сознаваясь, впрочем, в том, в чем я действительно виновен.

Я был членом тайного общества. Вот начало всего моего бедствия. Вот в чем состоит весь вопрос, вся сущность дела, по коему я могу

подлежать ответу, и преследование коего определит мою вину, так что если вступление в сие общество преступно, то я виновен; и обратно. Я не был учредителем общества. Я не был также и восстановителем общества, хотя и был с моей стороны один поступок, по которому другие могли заключить, что я желаю восстановления общества. Наконец можно обвинять меня в принятии если не многих, то одного члена, хотя подробное изложение сего обстоятельства и покажет, что сие принятие едва ли может быть, в строгом смысле, сочтено действительным принятием и следовательно распространением общества, общества, которого я не почитал и не мог почитать преступным, и которое законом не было запрещено, как и по рапорту видно. Умысла ввести республиканское правление не имел. Откровенное изложение участия моего по тайному обществу покажет, в чем состоит вина моя. По самому свойству обвинений и для представления всего до меня касающегося сколь возможно в ясном виде, как в пользу мою, так и против меня, я должен говорить не только о поступках, но и о намерениях, и даже о мнениях моих. Равным образом должен представить действия, разговоры, мнения других. Все, что осталось в моей памяти не будет скрыто. Конечно в изложении обстоятельств, за несколько лет бывших, и о коих в течение сего времени я ни мало не думал, должна встретиться неточность, недостаточность, но сие может касаться только до подробностей. Главное и существенное будет представлено и справедливо и откровенно. Если бы я мог надеяться, что слова мои будут приняты без того предубеждения, которое я сам произвел против себя, то я мог бы излагать все сие гораздо спокойнее. Но я могу, по крайней мере, ожидать, что обстоятельства самого дела, в рапорте Следственной Комиссии изложенные, должны служить подкреплением для слов моих. Ссылаясь на сей рапорт, я покажу, какого общества я был членом, какого рода могла быть моя деятельность в сем обществе, что я мог иметь целью и какие средства я мог признавать нужными—для достижения сей цели. Прошу, желаю только внимания, хладнокровия в чтении сей записки и, если возможно, отстранение на это время существующего против меня предубеждения. В сей записке я изложу в с е и к оправданию и к обвинению. После такого прочтения записки я буду ожидать решения высшего правосудия. Судьею в собственном деле никто быть не может. Безнадежное мое положение позволяет мне, по крайней мере, быть верным изъяснителем дела.

О б у ч а с т и и в у ч р е ж д е н и и. Первое обвинение против меня состоит в том, что я участвовал в учреждении общества и основано на показании трех лиц: Трубецкого, Семенова и Матвея Муравьева.

Не находя в рапорте Следственной Комиссии никаких показаний против меня в том, что я участвовал в учреждении общества, под названием Союза Благоденствия, я должен полагать, что сие обвинение в у ч р е ж д е н и и, есть то же самое, которое состоит в в о с с т а н о в л е н и и общества. О сем восстановлении я говорю ниже.

Если же обвинение в учреждении есть отдельное и независимое от восстановления, то я должен на сие представить следующее объяснение:

По рапорту Следственной Комиссии (ст. 6) видно, что первая мысль об учреждении тайного общества родилась по возвращении войск из-за границы. Я не помню именно когда я возвратился из-за границы; но знаю, что после того как войска оставили чужие государства, я оставался с год за границей по ликвидационным делам.

Между именами тех, кои первые подали мысль к учреждению общества, кои присутствовали при первых совещаниях (стр. 7), нет моего имени. О первом тогда возникшем обществе, под названием Союза Спасения, я даже никогда не слыхал и впоследствии, и узнал в первый раз из рапорта Следственной Комиссии. На стр. 8 исчисляются имена всех тогдашних членов. На стр. 9 — имена тех, коим предлагаемо было вступить. Нигде о мне не упоминается. После сего общества и после цареубийственных замыслов в Москве, составилось, как видно на стр. 11 рапорта, общество под названием: Союза Благоденствия. В числе сочинителей устава сего общества или основателей оного о мне не упоминается.

Я не могу определить времени, когда именно я вступил в общество; но простое изложение обстоятельств моего вступления покажет, что я не был в числе учредителей общества.

По возвращении моем из-за границы в Петербург, я не был ни в каких сношениях или связях ни с одним из лиц, коих узнал впоследствии по обществу. Некоторых из них, а именно Орлова, я видал прежде во Франции. Встретясь с ним в Петербурге, он однажды начал мне говорить о высших степенях масонства и дал мне две тетради, содержащие ритуал принятия в две высшие степени. Все, что я теперь помню о сем ритуале, состоит в том, что принятие в сии степени было сопровождаемо различными мистическими обрядами; не помню даже названия Русских рыцарей, которое нахожу в рапорте Следственной Комиссии. Так как Орлов говорил мне, что одну из сих тетрадей он получил от графа Мамонова, коего я не видывал, и так как я слышал, что граф Мамонов находится в связях с старыми московскими масонами, то я полагал, что все сие происходит оттуда. При сем случае я впервые услышал, что в Петербурге есть тайное общество, когда Орлов сказал мне, что его приглашали вступить в сие общество, но что после свидания его с Александром Муравьевым он от вступления отказался. Сего Александра Муравьева я не знал ни тогда, ни после. Потому ли что мне говорил Орлов, или почему нибудь другому, не знаю; но я представлял себе тогда, что общество, о котором я слышал, состоит в масонской ложе. Помню также, что Орлов, ссылаясь на Муравьева, говорил, что в сем обществе 40 или 60 человек. После сего я продолжал видеться с Орловым. Он говорил мне, что хорошо бы основать масонскую ложу и после первых трех степеней сообщать его высшие степени. Я с ним соглашался и с своей стороны придумывал сред-

ства соединить с обязанностями высших степеней отпуск крепостных людей на волю. Эта идея освобождения крепостных людей владела мною исключительно и прежде и после. Она была целью моей жизни, она и причиною теперешнего моего несчастья. Дальнейшие объяснения более обнаружат сие обстоятельство. Вскоре после того Орлов уехал из Петербурга и все и его и мои проекты прекратились [1]).

Вступление в общество. После сего пришел однажды ко мне Трубецкой, коего я почти совсем не знал, и без дальнейших объяснений, предложил мне вступить в общество, представляя вместе и устав оного. Это была так называемая Зеленая книга. О второй части сего устава я никогда ничего не знал; не знал даже, существовала ли она в проекте. Сообщая мне Зеленую книгу, Трубецкой сказал, что никакой другой или второй части нет. Содержание сего устава известно по рапорту Следственной Комиссии. По прочтении, возвращая его Трубецкому, я сказал, что несмотря на обширность занятий, за кои союз берется, я не вижу ничего кроме благонамеренных желаний и не откажусь вступить. Тут Трубецкой назвал мне многих членов общества и сказал, что все число их, включая и тех, кои уже отстали, простирается до 100.

Деятельность моя. Вступив в общество, я ожидал, судя по уставу, что мне сделаны будут какие-либо поручения или предписано исполнение какой-либо обязанности. Но ничего подобного не случилось. Я спрашивал, где же правление союза, где управы, о которых говорится в уставе? Ответы были неудовлетворительны. Я желал, по крайней мере, видеть членов, бывших в Петербурге, и меня начали приглашать на совещания. Принадлежал ли я тогда к коренному союзу или к коренной управе, или к какому-нибудь совету, управлявшему обществом, я и по сие время сего не знаю. На совещаниях я немедленно увидел, что общество не имело никакой деятельности. Я не мог также знать, имело ли общество какие-либо сношения вне Петербурга, ибо не видал никакого повода к сношениям — о чем было сноситься?

Предметом рассуждений на сих совещаниях была всегда сия самая недеятельность общества. Как бы дать более деятельности обществу; как лучше устроить советы, управы? Вот о чем обыкновенно рассуждали на сих совещаниях. «Но к чему все это ведет? Что надлежит делать обществу?» спрашивали члены беспрестанно один другого. Постоянным ответом других было: «Надобно распространять политические сведения, надобно умножать число членов». Я всегда соглашался с первым, и с своей стороны советовал покупать на общие деньги книги, читать,

---

[1]) Время выезда Орлова из Петербурга легко может быть определено. Общество существовало уже в бытность его в Петербурге. Но в продолжении бытности его в Петербурге, я в общество не вступал, следственно не участвовал в учреждении. Впрочем, многие другие обстоятельства, напр., учреждение вольных обществ после основания Союза Благоденствия (стр. 16 рап.), о коих я слыхал, как о существовавших до моего вступления, показывают, что я общества не учреждал, а вступил в общество учрежденное. *(Прим. автора записки.)*

учиться. Умножать число членов я не только не советовал, но часто говорил против сего, ибо скоро увидел, что для успеха в намерениях общества не было никакой нужды увеличивать числа членов; ибо посторонние, не принадлежа к обществу, не менее могли содействовать сему успеху, как и члены общества.

Обыкновенно рассуждения об обществе скоро прекращались на сих совещаниях,—ибо действительно не о чем было говорить,— и разговоры обращались к общим предметам политическим, литературным, о современных происшествиях и т. п. Говоря, между прочим, и о различных формах правления, я соглашался с другими в выгодах правлений представительных; но всегда старался убедить других, что касательно России, в настоящем ее положении, надлежит думать ни о чем ином, как об уничтожении рабства. Впоследствии я представлю более объяснений о сем предмете моих разговоров.

Я ни мало не удивлялся, что предписания устава не исполнялись, ибо видел, что большая часть членов, по недостатку сведений, не были ни мало в состоянии исполнить сих предписаний! Но видя сей недостаток, я вместе видел в них и желание добра, хотя они и не могли сами себе дать отчета в том, чего желают, и потому я сделал однажды предложение: вменить в обязанность всем членам отпустить на волю людей-дворовых немедленно, а касательно крестьян, приступать к увольнению их в свободные хлебопашцы или на других условиях. Мое предложение было всеми принято. В сие время долженствовало быть и то совещание, где я, по словам Пестеля, дал голос, что желаю в России республиканского правления. Нелепость сего показания объясню ниже.

Я присутствовал не более как на 4 или 5 таких совещаний. Ни на одном ничего никогда не слыхал такого, из чего можно бы было вывести заключение, чт общество имеет целью испровержение существующего порядка в государстве. Цель общества никогда при мне не была ни явно, ни скрыто опредлена, и сами члены всегда говорили, что нечего делать, кроме как распространять сведения и умножать число членов. Ниже я покажу, что и рапорт Следственной Комиссии не приписывает обществу столь преступной цели в сию эпоху. Но по сему рапорту видно, что и в сие время и прежде, некоторые члены имели уже преступные, цареубийственные замыслы. В сем только те ответствовать могут, кои участвовали в сих замыслах или знали об оных.

Покуда я надеялся, что могу что-либо сделать в обществе к содействию моей цели освобождения крестьян, я думал, что общество, несмотря на незначительность оного в других отношениях, может еще быть полезно. Но впоследствии я увидел, что предложение мое, охотно принятое всеми, никем не исполняется. Это охладило меня к обществу, а в некоторых членах поселило ко мне негодование. Молодость и необразованность, думал я, не мешают им отпускать людей на волю.

Тогда я начал думать о средствах другого рода к содействию моей цели. Первым из сих средств представилось мне издание журнала. Ниже я объясню, что издание журнала никем не было мне поручаемо,

что сие мое намерение ни мало не касается до общества. Составив проспект, я начал готовить некоторые статьи для печати и, наконец, созвал несколько человек, о коих я думал, что они могут содействовать изданию журнала. На сем совещании были некоторые члены общества, но были и посторонние лица. Многие изъявили желание и охоту содействовать, обещали сообщать мне статьи по разным предметам. Но все сие предприятие не имело никакого результата.

Видя со всех сторон неудачу в моих желаниях, я начал менее думать о таких средствах; а вместе с сим и об обществе, которое всегда соединялось в моих понятиях только с главною, единственною моею целью. Внимание мое обратилось на деятельность, в сем смысле, по службе и на представление покойному императору рассуждения о невыгодах крепостного состояния и о средствах отвратить сии невыгоды, о чем упомяну ниже.

Таким образом я не только мало-по-малу отставал от общества, но, наконец, почти о нем и не думал.

Вот краткое изложение, как участия моего в обществе, так и деятельности моей по оному. Вступив в общество, я сначала ожидал, что оно может содействовать к чему нибудь доброму или, по крайней мере, что я тогда почитал добром. Впоследствии я увидел, что оно ни к чему совершенно способствовать не может: ни к доброму, ни к злому. Впрочем, я никаких вредных последствий от общества тогда и не предполагал и не мог предполагать, не видев ни в уставе, ни в объявляемых мнениях членов ничего похожего на злоумышленность. Дальнейшее изложение более объяснит тогдашнее мое мнение о незначительности общества. Ниже я буду более говорить и о себе и о других; не могу теперь ничего припомнить, чтобы я мог отнести особенно к сей эпохе, кроме совещания, на котором я, по показанию Пестеля, дал голос на введение республиканского правления в России.

Об умысле республики. С большим затруднением и с каким-то недоумением приступаю к изъяснению слов: «le président sans phrases», которые показал на меня Пестель. Когда я в первый раз узнал, что на меня сделано такое показание, я не мог понять, кто сделал сие показание, что могло его к сему побудить и как он мог помнить слова, которых я сам не помнил. Я старался себе припомнить, где, когда мог бы я произнести слова сии; но усилия мои были тщетны. Я только думал, что показание может быть весьма справедливо в том, что я произнес слова сии, ибо я часто говорил неосторожно; вспомнил также, что я когда-то сказал что-то с прибавлением «без фраз». Но вместе с сим я ни мало не сомневался, что и показывающий представлял сии слова в том виде, как они произнесены быть могли, то-есть в виде шутки. Но с чем может сравняться изумление мое, когда я, наконец, увидел, из рапорта Следственной Комиссии и из записки, о мне составленной, что сии слова были показаны на меня, как ответ, изъявляющий мое мнение на введение республиканского правления в России? Неужели, думал я, истина может быть искажаема до такой неимоверной степени? Как самая

нелепость показания не удержала языка клеветника? Не постигая же самого показания, ни намерения, с каковым оно было сделано, я искал изъяснения в самом рапорте Следственной Комиссии. По всему видно, что главная цель Пестеля была в это время, на которое он ссылается, уверить свое общество во 2 армии, что петербургские члены желают республиканского правления. Имея цель сию, ему весьма было легко, видаясь с различными членами в Петербурге, заводить разговоры о различных формах правления и после разговоры сии представлять в виде совещаний и ссылаться на сии совещания для убеждения своих сочленов в собственном своем мнении о республиканском правлении. Сие намерение его явствует и из того, что он уверяет (стр. 19 рап.), что заключение коренного союза или управы определено было сообщить всем другим и что он сообщил тульчинской, между тем как Семенов, секретарь общества, показывает, что никакого определения сделано не было. Таким образом Пестель, противно истине, представляет разговоры совещаниями, говорит, что он будто по вызову блюстителя исчислял выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского и что, наконец, собирали голоса. Но, кроме искажения истины, в показаниях его в сем случае видно явно злобное намерение клеветать на других, что особенно доказывается показанием его, будто полковник Глинка предлагал вручить скипетр императрице, — показанием, никем не подтвержденным.

Показание Пестеля против меня двое подтвердили, а четверо не подтвердили. Что я могу сказать, с своей стороны, о сем показании, состоит в следующем:

Если вопрос состоит в том: дал ли я голос на совещании членов общества о введении республиканского правления в России? — то я не обинуясь и решительно ответствую: нет. И в подкрепление сего ответа, сверх показаний четырех членов, меня оправдывающих, я представляю следующие соображения:

1. Пестель представляет, что слова мои были произнесены на совещании. Другие говорят, что то, что Пестель называет совещанием, были обыкновенные разговоры; к чему один присовокупляет, что не было сделано никакого определения; другой, что все сие не имело никакого влияния на образ мыслей и действий членов и что не сделано никаких предписаний подведомственным управам, кроме тульчинской (т.-е. той, где был сам Пестель). Сие последнее подтверждается тремя другими. Самый рапорт (стр. 18) говорит, при изложении сего обстоятельства, что «о разных образах правления были разговоры и прения, которые иным м о г л и к а з а т ь с я правильными совещаниями». Таким образом и Следственная Комиссия не признала сих разговоров совещанием. К сему можно присовокупить, что эти разговоры могли казаться правильным совещанием тем только, кто имел свои особенные виды представлять их совещанием. Что Пестель имел сии виды, явствует из всех его в рапорте Следственной Комиссии описываемых действий, по возвращении из Петербурга в его общество.

2. О вызове блюстителя, о котором говорит Пестель, я ничего не могу сказать, как только, что никакого вызова делаемо ему быть не могло, и не знаю, кого он называет блюстителем.

3. В записке, к рапорту приложенной, сказано, по показанию Пестеля, что после долгих прений состоял вопрос: «Кого желают: монарха или президента?» Но прежде всякого ответа на такой вопрос и даже прежде постановления такого вопроса надлежало говорить или решить что-нибудь об уничтожении монархии; надлежало бы, судя по обнаруженным ныне замыслам Пестеля, вступать в рассуждения о цареубийстве! Никто, даже и сам Пестель, не показывает и даже не намекает, чтобы при мне говорено было, когда-либо в сие заседание или после оного, о чем-либо подобном. Нет! Такие рассуждения Пестель готовил для совещаний иного рода, как видно из рапорта (стр. 20) — совещаний, известных не обществу, а некоторым только членам оного — соумышленникам Пестеля.

Если же во время разговоров, или, как называет Пестель, совещания, о котором я говорю, не было даже упоминаемо ни о чем, хотя несколько похожем на то, о чем Пестель рассуждал впоследствии с двумя Муравьевыми, то откуда мог явиться повод постановить вопрос: «Кого желают: монарха или президента?». Как все решили, что хотят президента, когда никто ни прежде, ни после не говорил о монархе? Не явно ли сие соображение доказывает не только нелепость, но даже злонамеренность и клевету показания Пестеля? Но между тем на сем единственно показании основано заключение Верховного Уголовного Суда, что я участвовал в умысле ввести республиканское правление в России! Истина в том, что никогда не было, по крайней мере при мне, никакого совещания, где было бы рассуждаемо о введении республиканского правления в России; никогда я не видал и не слыхал, чтобы кто-либо вызывал Пестеля излагать его мнение; не могу даже вспомнить ничего, что он мог говорить о республиках, и никогда не было делаемо вопроса, показываемого Пестелем. Бывали разговоры общие о различных формах правления. Я не один раз мог участвовать в сих разговорах. Что ж касается до республиканского правления, то я не могу даже дать отчета и в общих моих мнениях о сем предмете, так как я могу сие сделать касательно правления представительного. О правлениях представительных я часто имел случай думать, читать, слышать. О республиках я никогда не думал и не имел повода думать, ибо ничего не читал о сем предмете; — и кто теперь в Европе занимается республиками? Если мне случилось говорить о республиках, то разговоры мои не могли быть обстоятельны, ибо и понятия мои о сем предмете были темны. Мне всегда казалось, при мысли о древних республиках, что подобные установления возможны только в теориях каких-нибудь Утопий, что гражданами в таких республиках могут быть разве ангелы, а не люди. Северная Америка ни мало не соответствует, казалось мне, сим теориям. Я думал и говаривал, что президент в Америке имеет власть не менее пространную, как и король английский. Обра-

щаясь же к приписываемым мне словам, я не иначе мог произнести их, как в ответ на другие слова, где было говорено о фразах. В рассуждениях наших часто встречалось, что один другому отвечал: «Но все это фразы». Так и я в рассуждении о республиканском правлении вообще, а не для России, мог на такое возражение отвечать: «Так чего же вы хотите: разве президента без фраз?» Иначе слова мои ни в каком случае не могут даже иметь грамматического смысла. Я не могу утвердительно сказать, в этот ли раз, о котором говорит Пестель, я произнес слова сии; но действительно помню, что я сказал однажды что-то с прибавлением: «без фраз», и сказал, кажется, в ответ на какое-то возражение, сказал более в смысле опровержения, нежели утверждения, и, наконец, помню, что и сказал это со смехом и другие приняли это также со смехом; так что все приписываемое мне преступление ограничивается только шуткою. Если б показание Пестеля было во всех частях справедливо, то ответ мой не только бы остался в собственной моей памяти, но резкостью, напомнив ужасные слова одного из убийц Лудвига XVI, остался бы и в памяти других. Наконец, если б ответ сей был голосом моим на введение республики, то, напоминая слова: «la mort sans phrases», он, естественно, означал бы, что дело шло и тут о цареубийстве. Но для такого обвинения против меня нет и тени возможности ни в обстоятельствах дела, ни даже и в показаниях Пестеля. На каком языке я произнес слова, мне приписываемые, не знаю; но не думаю, что на французском, ибо я не имел привычки говорить по-французски. И как могу я обстоятельно помнить то, что я в разговоре сказал назад тому 7 или 8 лет?

О съезде в Москве. Приступаю теперь к изложению обстоятельств о съезде в Москве и об уничтожении общества.

Петербургское общество было в совершенном упадке, когда Фон-Визин, будучи в Петербурге, начал представлять различным членам общества, что надлежит или дать новое устройство обществу, или все уничтожить; что в настоящем положении неизвестно, существует ли общество, или нет; что члены рассеяны по всему государству, не имеют никаких сношений, и никто ничего не делает. Для решения сего дела Фон-Визин предлагал, чтобы некоторые из Петербургских членов приехали в Москву, где будут члены общества из других мест. Так как я и без того собирался тогда в Москву, то объявил, что могу быть в Москве для предполагаемого совещания.

В рапорте Следственной Комиссии говорится, что я поехал в Москву по поручению от общества вместе с полковником Глинкою. По поручению или по собственному произволу я поехал в Москву, сие вины не переменяет. Но для изложения всех обстоятельств в истинном виде я должен сказать, что никто никаких поручений мне не давал, что я не был ни на одном совещании, где бы рассуждаемо было о каких-либо поручениях. Фон-Визин говорил мне, так как он говорил и другим, что надобно что-нибудь окончательно решить о обществе. Я отвечал ему, что еду в Москву и без того и буду на совещаниях. Если б я

в Москву и без того не собирался, то, конечно, единственно для совещаний по делам общества я бы туда не поехал; ибо не почитал дел сих довольно для сего важными. До отъезда моего из Петербурга я даже не знал, что Глинка едет также в Москву. Встретив его там, он мне также ни о каких поручениях не говорил, ибо и ему никаких поручений делаемо не было, и быть не могло, смотря по состоянию общества.

Теперь я вижу по рапорту (стр. 22), что в сие время во 2 армии Пестель и другие спорили о диктаторстве, о триумвиратстве и полагали быть съезду депутатов в Москве — для точнейшего определения цели и действий союза. Но в Петербурге Фон-Визин не говорил ни о каких спорах, а просто, что надобно или вновь устроить общество, или уничтожить, ибо теперешнее не существует на самом деле. О диктаторстве и т. п. я ничего никогда не слыхал ни прежде, ни в Москве, ни после.

В рапорте говорится также, что на сем съезде в Москве были делаемы различные предложения о новом устройстве общества, были несогласия, споры и что, наконец, общество было уничтожено. Двое из бывших в Москве [1]) членов (Ф.-Визин и Якушкин) показывают, что бывшие в Москве члены тогда же решились составить новое общество, и при сем Якушкин говорит, что общество тогда же составилось с новым уставом и с названием, коего он не помнит (стр. 27), Фон-Визин, напротив, что все сие окончилось одними предположениями и признанием, несколько раз повторенным, что никакая цель не оправдывает средств.

Стараясь привести себе на память все, что происходило в Москве, я не могу именно припомнить всех предположений, кои были делаемы различными членами и даже мною самим; но, не обинуясь, признаю, что действительно и после объявления об уничтожении общества члены опять начали рассуждать о предложениях, прежде сделанных, и предлагать новые проекты. Между прочим, я сам и прежде и после уничтожения делал различные предложения и проекты, кои отличались от прочих только тем, что в моих предложениях все клонилось к уничтожению рабства. Другие в предложениях своих наиболее говорили о пользе учреждения и распространения народных училищ по Ланкастерской методе, о взаимных пособиях между членами. Цели изменения государственных постановлений в сих проектах излагаемо не было, и быть не могло, ибо я не помню, чтобы когда-либо члены говорили серьезно и в виде рассуждения о сем предмете.

Что касается до правила, что цель не оправдывает средства, то я мог повторить сии слова, как простое правило нравственности. Другие могли придавать особенный смысл оному, зная, что прежде были замыслы преступные; но я о сем не мог думать, ибо замыслы сии мне были неизвестны. Часто случалось, что говорили, что надобно

[1]) Никита Муравьев не мог знать истинных причин, побудивших к объявлению об уничтожении общества, ибо он в Москве не был. Это показывает только, что он обо всем говорит, что знал и чего не знал, следуя токмо личному своему мнению о вещах и лицах. *(Прим. автора записки.)*

всеми средствами выслуживаться, достигать мест для влияния; на это отвечали, что цель не оправдывает средств, что и для хорошей цели гнусных средств употреблять не должно. Бывшие свидетели сих совещаний должны согласиться, что никто более меня не провозглашал сего правила. Другие, повторяя сие правило, имели, может быть, в виду заранее отвратить предложение каких-либо преступных средств; ибо, как я вижу теперь из рапорта Следственной Комиссии, некоторые из бывших в Москве членов знали о бывших за несколько лет до сего цареубийственных замыслах. Я, с моей стороны, и не знав и ни мало не предполагав ничего подобного, повторял сие правило, как общее правило нравственности, всегда мною руководившее. Так и для освобождения от рабства крестьян указывал я на одни законные средства, и предлагал давать отпускные, увольнять в свободные хлебопашцы и пр.

В таких разговорах состояли совещания [1]). Но все этим действительно и кончилось; ни одно из предложений о новом устройстве общества решительно принято не было. Если б, как говорит Якушкин, общество было составлено, то мудрено было бы, что он не помнит даже и названия сего общества. Я, с моей стороны, также никакого названия не помню, и все предложения, как других, так и мои собственные, впоследствии изгладились из моей памяти.

Несмотря на множество предложений, кои были делаемы, я уверен, что едва кто-либо из членов, в Москве бывших, имел какую-нибудь надежду успеха в новом устройстве общества. Все видели недействительность и бесполезность прежнего общества. К тому же с некоторого времени многие признаки показывали, что существование тайного общества известно было правительству. Это мнение усилилось в Москве уже при самом окончании всех совещаний: Орлов, отказавшийся от общества еще прежде уничтожения оного, сообщил чрез несколько времени некоторым членам известие, не знаю от кого им только что полученное и в том состоящее, что и съезд членов в Москве обратил уже внимание правительства.

О моем председательстве. Относительно показания, до меня особенно касающегося, и именно, что я был избран председателем на время съезда и показывал себя весьма умеренным, я должен объяснить, что я избран был председателем не на время съезда. Обыкновенно совещания начинались без всяких формальностей; но когда беспорядок в разговорах мешал и говорить и слушать, то члены поручали кому-нибудь из присутствующих управлять рассуждениями. В один день это поручалось одному, в другой — другому. Однажды

---

[1]) Вообще истина требует заметить, что на сих совещаниях я ничего не слыхал и не говорил такого, чего бы я не слыхал или не говорил в разговорах с другими лицами, к обществу не принадлежавшими; так что рассуждения посреди членов общества не представляли для меня ничего особенного или нового. Если б я что-либо, сверх показываемого, мог вспомнить, то теперь все сказал бы с полною откровенностию. *(Прим. автора записки.)*

поручили эту обязанность мне. Это было в то самое совещание, когда решено было уничтожить общество. Что касается до показываемой мною умеренности, то я должен сказать, что к неумеренности не было никакого повода. Никто не говорил ничего неумеренного [1]).

Мне неизвестно также, были ли сожжены какие-либо бумаги в Москве. Некоторые из бывших в Москве уехали вскоре после объявления об уничтожении общества; другие разъехались мало-по-малу, оставшиеся продолжали видеться и говорить об обществе и о других предметах. В то время, когда я оставил Москву, я истинно и решительно могу сказать, что ни я, ни те, коих я видел, не только не составляли никакого общества, но даже почитали невозможным составить что-либо впредь. Я, с моей стороны, не думая об обществе, продолжал, однако же, попрежнему думать о предмете, который всегда занимал меня, и не переставал говорить и советовать освобождение крестьян [2]).

О восстановлении общества. Приступаю к другому обвинению против меня относительно восстановления общества. Обвинение весьма важно; но показания на меня в сем отношении весьма неполны, противоречащи. Я могу объяснить только то, что знал и знаю о сем предмете.

Один из подсудимых (Никита Муравьев) говорит (стр. 26 рап. С. К.), что по уничтожении общества в Москве оно было, в Петербурге по крайней мере, совершенно расстроено. Другой (тит. сов. Семенов) говорит, что по возвращении из Москвы, в 1821 году, я начинал из некоторых членов уничтоженного союза составлять новое тайное общество, приглашал в оное Оболенского, полк. Нарышкина и его, Семенова, да принял полк. Митькова, Якова Толстого и Миклашевского, что вскоре потом гвардия выступила в поход и действия общества прекратились. Далее Семенов говорит, что не знает, имело ли общество устав, и прибавляет, что ни я, ни другие члены не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии [3]).

---

[1]) Слов, сказанных Якушкиным Комарову, кои означались на стр. 22 рапорта Следственной Комиссии, я никогда не слыхал.

[2]) Я упоминаю здесь только о тех обстоятельствах, происшествиях, разговорах во время съезда в Москве, кои были и могли быть мне известны. Не во все продолжение сего съезда я находился в Москве. Получив отпуск только на 28 дней и пробыв несколько времени в Москве, я отправился в Симбирск и оттуда в деревню для сделания некоторых распоряжений в управлении крестьян и в их повинностях, распоряжений, согласных со всегдашним образом моих мыслей о сем предмете и лежавших в пределах возможности. Что происходило в Москве во время моего отсутствия, что другие члены между собою говорили, что предлагали, в чем соглашались,— все сие было мне и теперь остается неизвестным. С большею частью членов, коих я видел в Москве, или, справедливее сказать, со всеми, кроме Глинки, я после, по сие время, ни разу не виделся, и потому образ их мыслей, их правила, мнения и проч. были мне неизвестны. Сие изъясняет, каким образом я оставался чуждым многому, в чем теперь сии члены сознаются.

[3]) Говоря о том, чего я не обнаруживал, для чего Семенов не упоминает о том, что он слыхал от меня несколько раз относительно бесцелия, бесполезности общества? Для чего не представляет мнений моих о обществах и о членах?

Потом Никита Муравьев еще показывает, что основателями или возобновителями общества были: он сам, Оболенский и я, но что я не участвовал в принятии новых членов. Наконец, Оболенский показывает, что по возобновлении общества мне предлагали место правителя, но что я отказался.

Соображая сии показания, видно, что, с одной стороны, говорят, что я начинал составлять общество и что даже участвовал в возобновлении; следственно, желал нового общества; с другой,—что я отказывался от места правителя. Как согласить и желание мое составить общество и отказ участвовать в оном? Далее видно, с одной стороны, что я принимал членов; с другой, что не только не принимал сам, но и не участвовал в принятии новых членов. Сии показания противоречат одно другому. Какую силу противоречащие показания имеют пред законом? Но в сих показаниях справедливость смешана с несправедливостью. Я скажу все, что знаю.

Возвратясь из Москвы в Петербург, я слышал, что некоторые из членов общества были недовольны уничтожением. Я должен здесь упомянуть, что я сам не видался с большею частию членов, но известия о них сообщал мне сей самый Семенов, которого я видал почти ежедневно. Семенов часто мне говорил, что некоторые члены, в числе коих я помню имя Оболенского, о коем я слыхал всех более, негодуют на московское совещание и не признают общества уничтоженным. То же, как я после слышал от Пестеля, было и во второй армии. Семенов говорил мне, что сии члены, имея ко мне особую доверенность, приступают, чтобы я имел с ними совещание. Семенов видел и знал мою неохоту опять вступать в сношение с людьми, от коих я совершенно ничего не мог ожидать; он видел и знал мое мнение о ничтожности всех сих затей и не может, не оскорбляя истины, показывать противного сим словам моим. Но настояния его, Семенова, от имени членов мне делаемые, продолжались; и я, наконец, поехал к ним и сообщил им все, что было решено в Москве относительно уничтожения общества, равно как и то, что было предлагаемо касательно нового устройства общества. При сем совещании я, между прочими, помню Оболенского, Миклашевского и, кажется, Толстого. Не помню, но думаю, что тут был и Семенов. Они говорили, что не могут согласиться на совершенное уничтожение общества, что будут продолжать почитать общество существующим, переменив только образование оного. Предлагали мне вступить в общество или заняться новым устройством. Я отказался. После сего я не видал Миклашевского никогда, иначе как в Английском клобе, и Толстого, иначе как обедав у него раза два с лицами посторонними. Кажется, сколько помню, что о Миклашевском говорили, что он один из тех, кои желают принадлежать к новому обществу. Мои изъяснения и сообщения различных мнений и проектов в присутствии его и других представляются теперь принятием его и Толстого в общество! — Между сими мнениями и изъяснениями я, конечно, более говорил им о моем собственном, об освобождении крепостных людей, говорил, может быть,

с жаром, стараясь убедить их в необходимости освобождения. Сии мои мнения продолжали и тогда владеть мною. Можно ли сии мнения, сии изъяснения с моей стороны почесть принятием? а я кроме сего раза, ни Миклашевского, ни Толстого не видывал, иначе как посреди людей посторонних.

Семенов говорит, что не знает, — был ли устав для сего общества. Как же я мог принимать членов, по его словам, когда не было устава? И в чем могло состоять принятие? Брал ли я какие-нибудь подписки или обещания? Объявлял ли я какую-нибудь цель, средство к достижению оной? Ни Семенов и никто ничего подобного не показывает.

Далее: Семенов говорит, что я начинал составлять общество, но не говорит, что я его составил; напротив, что вскоре действия сего общества прекратились. Тут же по рапорту Следственной Комиссии видно (стр. 26), что общество вновь составлено в исходе 1822 года. Семенов говорит, что я принимал членов в 1821 году. Куда же я принимал, когда и общество еще составлено не было? И в чем состояли действия еще не составленного общества, — действия, кои вскоре прекратились, говорит Семенов? Что может быть слабее, ничтожнее таких показаний? Не ясно ли, что грубые противоречия доказывают их несправедливость? И могут ли они служить основанию обвинению уголовному?

Можно ли назвать участием в восстановлении общества то, что я один раз говорил сим лицам (из коих большая часть были уже членами первого общества и все желали иметь новое общество) то, что было предлагаемо, хотя и не принято в Москве. Я отвечал на их вопросы, что было делаемо в Москве, ни мало не думая скрывать ничего, даже и потому, что не приписывал никакой важности ни их вопросам, ни моим ответам, ни тому, о чем разговаривал. Относительно показываемого на меня принятия Миклашевского и Толстого я не могу сказать ничего иного, как только то, что я видел их в сем совещании. Находясь, может быть, в первый раз между людьми, рассуждающими о обществе, они могли сим самым почитать себя как будто сопричисленными обществу. Иначе я никак не могу изъяснить сего показания, что я их принял. Я, с моей стороны, так мало думал, что я их принял, что когда меня в первый раз уведомили, что двое из подсудимых показывают, что я их принял в общество, то я отвечал, что помню об одном (Митькове), который просил меня ввести его в общество, но что о других никак не могу вспомнить.

Принятие Митькова, если бы оно действительно относилось к сему времени, как показывает Семенов, было бы столь же слабым обвинением против меня, как принятие Миклашевского и Толстого; ибо сие опровергалось бы тем, что и общество в сие время еще составлено не было и что, и по словам Семенова, я начинал, но не окончил составление оного. Но нет. Не скрывая истины, я должен сказать, что я всегда сам думал, что Митьков, хотя и не по моему предложению, и даже про-

тив моих советов, и не мною введенный, но при всем том после данной мною ему Зеленой книги вступил в общество.

Гораздо прежде поездки моей в Москву, видаясь с Митьковым у одного из наших общих знакомых, он показывал мне желание вступить в общество, о коем он слыхал уже от других, и, наконец, несколько раз просил меня ввести его в сие общество. Я очень помню, что говорил ему, что он ошибается, если предполагает найти в обществе что-либо значительное, что оно ничего не делает и не может ничего делать и что я сам почти совсем уже отстал от всякого участия в обществе. Но настояния с его стороны продолжались, и я обещал дать ему для прочтения устав общества. Для сего я взял, не помню у кого, Зеленую книгу. Вскоре за сим Митьков пришел ко мне, и я дал ему оную [1]). Вот чем единственно ограничиваются действия с моей стороны в принятии Митькова: я советовал ему не вступать в общество, дал ему прочесть Зеленую книгу и после ни разу не видался с ним по обществу. Как впоследствии и с кем из членов общества Митьков сблизился,—это мне совершенно неизвестно. Он знал многих из членов и прежде, нежели я сообщил ему Зеленую книгу. Я не помню, чтобы я его с кем-либо познакомил. Я видал его впоследствии, но не по обществу; ни на одном совещании с ним не присутствовал; не помню даже, чтобы я когда-либо после говорил с ним о обществе. Я полагал, что он не принимает никакого участия в обществе, ибо я не видел и возможности делать что-нибудь по обществу. Как он попал в связи с членами вновь устроенного общества, я также ни мало не знаю. Он сам мне никогда об этом не говорил, несмотря на то, что я видал его за границею и в одно время даже жил с ним вместе. Теперь я вижу по рапорту, что он изъявлял согласие на мнения самые преступные. Он не только мне ничего в чужих краях не говорил о сих мнениях, но по всему, что я о нем знал, я ни мало не мог предполагать, чтобы он был в состоянии разделять или даже слышать хладнокровно такие мнения. Раза два я говаривал с ним об увольнении его крепостного человека, бывшего с ним за границею, и других дворовых его людей, и при сем случае оказывал даже негодование, видя, что не весьма расположен сие делать. Сколько я могу теперь судить, я уверен, что Митьков постыдился бы сообщить мне что-либо о тех замыслах, кои ему были известны, и еще менее сознаться, что и он разделял их. Мои мнения, мои желания были ему известны. Где нашел бы он довольно бесстыдства в ответ на мои мнения, что надобно отпускать людей на волю, в ответ на мои упреки, что он не отпускает своих людей, имея на то полную возможность, говорить: «Нет. Мы не хотим отпускать на волю крепостных людей, а хотим истребить...». Впрочем, я должен сказать, что и теперь я не могу приписывать какому-либо действительному намерению преступных слов, в коих Митьков сам

---

[1]) Это было первое его посещение. Я могу теперь припомнить, что Митьков нашел меня за работою. Я приготовлял тогда к печати мою книгу (публикованную в 1821 году) и извинялся, что не могу принять его. В этот раз или после я дал ему Зеленую книгу,—не помню.

сознался; ибо я часто замечал, что он охотно говорит о всем, о чем говорят другие, часто худо понимая предмет, о коем идет дело. Но при всем том я не постигаю, как он мог забыться до такой степени, как мог не только слушать, но соглашаться в мнениях столь безумно жестоких. Я никогда не видал в нем ничего похожего на что-либо злодейское.

Семенов показывает на меня также, что я приглашал в общество его самого, Нарышкина, Оболенского. На сие я могу только сказать, что ему, Семенову, я такого предожения не делал и делать не мог по той ясной причине, что все известия о желании восстановить общество доходили до меня посредством его, Семенова, от имени Оболенского и других. Семенов беспрестанно говорил мне, что члены, между коими я всего чаще слыхал имя Оболенского, не признают уничтожения и желают восстановления общества. Как же мог я приглашать его в общество, впрочем, и по его словам еще не составленное, как мог приглашать Оболенского, когда я беспрестанно слышал от него, что Оболенский не признает уничтожения и не желает устройства нового общества? Как приглашать, не показывая и устава?

Что касается до Нарышкина, которому я также по словам Семенова предлагал вступить в общество, скажу только, что я не помню, чтобы я с Нарышкиным когда-либо говаривал.

В первых показаниях Семенова, может быть, ошибочность — неумышленная. Во вторых — явная клевета.

Показание Никиты Муравьева, что я вместе с ним и Оболенским восстановил общество, я могу и обязан назвать совершенно несправедливым. Показания лиц, обвиняющих меня, конечно, сильны, когда они и сами себя тут же обвиняют. Но должен ли я отказаться от оправдания, когда не вижу и тени справедливости в обвинении. К тому же нахожу в рапорте Следственной Комиссии несколько таких совершенно несправедливых против меня показаний, которые могу опровергнуть несомнительными доказательствами и в числе коих одно сего же самого Никиты Муравьева, которое опровергается просто означением числа, месяца и года. Почти во всех сих показаниях я не вижу намерения клеветать; но только или легкость, с какою люди в сих случаях обыкновенно говорят об отсутствующих, или влияние собственных мнений, понятий, — влияние, вследствие коего люди часто невольно приписывают другим то, что сами думают, чего сами желают [1]).

Вспоминая все обстоятельства, которые могли дать повод к показанию Муравьева, что я вместе с ним был основателем общества, я не нахожу ни малейшей к сему причины. Напротив, все сношения мои с Муравьевым в это время показывают совершенно противное, а именно:

---

[1]) Так один, желая республики, говорит, что́ и я желал республики; другой, безумствуя о вывозе императорской фамилии за границу, говорит, что и я разделял сие мнение. Так и Муравьев, стараясь восстановить общество или восстановив оное, говорит, что и я участвовал в восстановлении.

Я помню, что Оболенский и другие члены, о коих мне говорил Семенов, и в это время особенно жаловались на Никиту Муравьева, и не были, сколько я мог судить, ни в каких с ним сношениях.

Далее, я очень хорошо помню, что в то же время сей самый Муравьев предлагал мне присоединиться к нему и к Лунину для составления нового общества. При сем случае он показывал мне какой-то листок литографированный, содержащий правила предполагаемого общества. Это было в его доме на Каменном острову. Я не помню о сих правилах ничего другого, как только, что их можно было показать без опасения всякому. Я отказался под различными предлогами, и единственное впечатление, которое произвело на меня сие предложение, было некоторое удивление, что Никита Муравьев думал еще об обществах, когда прежде он несколько раз говорил о бесполезности обществ. Видя мой отказ и зная, что недоброжелательствовавшие к нему другие члены бывшего общества показывали всегда, напротив того, доверенность ко мне, он мог, конечно, подумать, что я отказываюсь от его предложения потому, что думаю завести или завел другое общество с сими членами. Он мог даже сделать сие заключение из моих ответов на его предложение и особенно на настояния Лунина, которые были гораздо сильнее и которым, казалось мне, и Муравьев следовал. Но я, конечно, не отвечал ему именно, что принадлежу уже к другому обществу: я никогда никого не обманывал ни в обществе, ни в свете.

После сего как сообразить предложение Муравьева, сделанное мне, соединиться с ним для устройства нового общества, и мой ему отказ, с его же показанием, что я вместе с ним и Оболенским устроил другое общество? Как сообразить сие, когда в одно и то же время он не только не был в сношениях с Оболенским, но сей Оболенский и другие были им весьма недовольны? Как сообразить показание, что я был основателем общества, с другим показанием, что я отказался быть правителем? И все то около одного и того же времени, как видно из рапорта Следственной Комиссии (стр. 26, 27).

Далее: сличение эпох показывает совершенную неосновательность показания Муравьева, что я с ним основал общество. На стр. 26 рапорта говорится, что общество снова образовалось в исходе 1822 года и что я был одним из основателей. Основатели же, как следует из изложения, начальствовали в обществе. Но на стр. 27-й говорится, что возобновив тайное общество, начальником оного признавали одного Никиту Муравьева до 1823 года. Эти обстоятельства противоречат одно другому. Впрочем, показание Никиты Муравьева, что я с ним завел общество, теряет всякую силу противоречием с показанием, называемого им третьим основателем общества, — Оболенским, который говорит, что я в то же время отказался от предлагаемого мне какого-то места. Если б я восстановлял общество, если б я желал иметь новое общество, то как посреди хлопот и исканий о восстановлении отказываться от места, которое давало мне средства к сему восстановлению?

Я с моей стороны тем менее могу изъяснить все сие, что вижу, что в 1822 и 1823 годах (следственно еще в бытность мою в Петербурге) новое общество окончательно образовалось, между тем как я этого совершенно не знал. Когда, как Муравьев соединился с Оболенским, — это остается для меня и теперь загадкою. Я не знаю, видел ли я когда-либо Муравьева и Оболенского вместе. Как же я с н и м и мог основать общество? Я видел, или более слышал, что, с одной стороны, хлопочат об учреждении обществ Лунин и Никита Муравьев, с другой— к. Оболенский, видел, что они хлопочат не только отдельно один от другого, но даже с расположением неудовольствия от одного к другому. Теперь меня называют основателем общества с обоими из сих лиц!.. Но где не только доказательства, но даже признак справедливости показания Муравьева? Приводит ли он что-либо, из чего можно заключить, что я восстановитель общества? Говорит ли он, что я сделал или принял какое-либо предложение? Что я сделал или принял какой-либо устав, что я был на каком либо-совещании о восстановлении общества? Он говорит только, что я восстановил общество с ним. Если б я мог при следствии спросить его: как, когда я восстановил? Он не мог бы дать никакого ответа. И должен бы признать свою ошибку, свою клевету. Пусть спросят его и всех других о сем, и если хотя кто-либо приведет какое-либо действие, какое-либо изъяснение мнения или намерения с моей стороны, подтверждающее показание Муравьева, то я готов принять на себя всю тяжесть ответственности и за восстановление общества и за опровержение сего ложного показания.

Повторяю, что не могу изъяснить сего показания самому себе иначе, как тем, что показывающий приписывал отказ мой заводить с ним его общество той причине, что будто я хочу заводить другое общество. Думая, что я завожу общество с Оболенским, Никита Муравьев, соединившись впоследствии с ним, мог полагать, что соединился и со мною. Но пусть он приведет хотя что-либо оправдывающее такое предположение... Но я чувствую, что никакие объяснения с моей стороны не могут объяснить того, чего я сам не понимаю. Я могу только говорить то, что знаю, и в сем отношении к тому, что я уже сказал выше, я присовокуплю, что, отказав Лунину и Муравьеву, с одной стороны, Оболенскому и прочим—с другой, соединиться с ними, я продолжал иногда слышать, что старые члены, как-то: Оболенский и другие [1]) с ним толкуют об учреждении общества. Я не обращал на сие большого внимания. Сколько помню, они и после возобновляли мне свои предложения о вступлении в общество или об устройстве общества. Я отказывался и прежде и после. Они показывают, что «я отказался от места правителя за нездоровьем, множеством дел и худым успехом председательства в Москве». Истина в том, что я отказался от возобновления общества, от участия в сем возобновлении вообще, а не от места правителя. Не

---

[1]) О Муравьеве я даже и сего не слыхал, и он сам ни разу не говорил мне после о намерении восстановить общество.

знаю, какое место они мне предлагали, и тогда я этого не знал; ибо не видал ничего устроенного или решенного. Причины отказа были не только нездоровье и дела. Отказываясь, я говорил, что не вижу никакой пользы в обществах, что все это мне надоело и что ни один из членов, принявших мое предложение об освобождении крепостных людей, не исполнил оного. Сию причину я всегда упоминал при отказах своих, как потому, что такая причина была положительная; так, признаюсь, и потому, что я продолжал питать негодование на всех членов за неисполнение предложения, которое я сделал по предмету для меня самому важному. На худой успех председательства в Москве, я ссылался, говоря, отчасти шуткою, отчасти серьезно, что и затеваемое общество может ожидать от моего влияния такой же развязки, какую имело прежнее.

Кроме сих показаний, в рапорте изложенных, в записке о мне сказано, что еще называют меня восстановителем: Трубецкой, Орлов и Матвей Муравьев-Апостол.

Что касается до первого, я должен сказать, что он был за границею, когда происходили означенные переговоры о восстановлении общества, и если общество было составлено в 1822 году, то в сие время также Трубецкого не было в Петербурге. Следовательно, он не мог знать об участии, которое я мог иметь в восстановлении общества, и говорит, вероятно, по слухам. В конце 1823 года, как видно из рапорта Следственной Комиссии, Трубецкой был присоединен к начальнику общества, Муравьеву, вместе с Оболенским. Я видел Трубецкого по возвращении его из-за границы; но никогда не говорил с ним ни о чем, до общества касающемся, кроме одного, по предложениям Пестеля, о чем я излагаю ниже. Относительно Трубецкого я не замечал даже, что он желает восстановления общества.

Относительно Орлова я могу только сказать, что он, оставив Москву, прежде нежели другие разъехались оттуда, не быв после со мною ни в каких сношениях, не видав меня ни разу и не быв даже после в Петербурге, не мог знать, участвую ли я, или нет в восстановлении.

Матвей Муравьев никогда не говаривал со мною об обществах, кроме того, когда был у меня вместе с Пестелем, о чем будет изложено ниже. Он даже не принадлежал, думаю, никогда к Петербургскому обществу, следовательно, также не знает моего участия в восстановлении. Он, кажется, даже не был и в Петербурге в то время, когда мне говорили о восстановлении общества.

Итак, их показания недостаточны. Они могли полагать, по слухам, что я был восстановителем общества, или предполагать сие по личным обо мне их мнениям. Но и в этом и в другом случае они ошибались.

Вот в чем состоят мои действия относительно тайных обществ по возвращении из Москвы. Сообщив некоторым все, что было делаемо в Москве, я оставался совершенно чуждым всяким другим предприятиям прочих лиц. Продолжал иногда слышать, что некоторые не перестают хлопотать об устройстве общества, и сначала слышал, что

продолжают желать моего участия; но мало-по-малу я слышал о сем менее и менее и, наконец, совсем перестал слышать, и сам не думал ни о каких обществах, ни о каких новых предприятиях.

Последнее свидание мое с членами. В сие время, когда я уже совершенно ничего не знал, что бывшие члены делают, что затевают, приехал в Петербург Пестель. Я почти совсем не знал Пестеля, видал его только раза два прежде во время существования прежнего общества и слыхал, хотя весьма поверхностно, что он имеет особенное влияние в своем тайном обществе. Сношений между ним и бывшим петербургским обществом никаких не было. По крайней мере, я ни о каких сношениях сего рода не знал. Однажды Пестель пришел ко мне вместе с Матвеем Муравьевым, которого я также знал весьма мало, но видал несколько раз у Никиты Муравьева.

После обыкновенных разговоров Пестель начал говорить с негодованием о московском съезде, уничтожившем общество, не имев на то, как он изъяснял, никакого права; что с того времени все общество совершенно расстроилось и что особенно в Петербурге ничего не делается для поддержания или для нового основания общества. Я отвечал ему, что если в Петербурге ничего не делается, то видно, что нечего делать, ибо, по возвращении из Москвы, я видел, что многие хлопотали о новом устройстве общества; но что успеха не было, что, впрочем, не видаясь с бывшими членами общества, я не знаю, что они делают, и что даже давно уже ничего не слыхал о них. На сие Пестель говорил мне в виде какого-то упрека, что мой пример действует на других и что он вообще находит много холодности во всех членах бывшего общества. Когда же я спросил его: «Но что делаете вы сами?» он — отвечал, что у них, во 2 армии, общество расстроилось со времени московского съезда, что недеятельность в Петербурге парализует и их действия, но что, по крайней мере, там есть несколько человек, которые никогда не признавали общества уничтоженным, и т. п. «Если вы сами не могли устроить общества,—заметил я Пестелю,— то не жалуйтесь на недеятельность и на холодность петербургских членов». На сие Пестель с жаром отвечал мне: «Но вы первый подаете пример другим своим удалением. По крайней мере, теперь многие здесь, в Петербурге, думают, что у нас, во 2 армии, есть что-нибудь значительное. Но все рушится, когда узнают, что и наше общество считает не более 5 или 6 настоящих членов». Сии слова, с негодованием и как будто невольно произнесенные, остались по сию пору в моей памяти.

Далее Пестель мне говорил, что он приехал в Петербург единственно затем, чтоб ввести членов петербургских в сношения с членами его общества, что всех надлежит соединить; при чем он говорил также, что первым правилом всякого нового устройства должно быть беспрекословное повиновение членов начальникам общества. На сие я отвечал ему, что если не почему другому, то уже по сему правилу он, конечно, никогда не успеет в своих намерениях в Петербурге. Тут он начал говорить, что я много могу содействовать успеху; уговаривал

меня отложить мою поездку за границу, заняться устройством общества. На все сие отвечал, что я давно уже отстал от всего подобного, что внутренно убежден, что никакое общество ни к чему служить не может, что даже при теперешних моих занятиях по службе я и времени не имею ни о чем ином думать и что во всяком случае я скоро поеду за границу и что посему, если б я хотел, то не могу участвовать ни в каких новых устройствах или соединениях. После сего Пестель более не настаивал и начал говорить о других предметах и, между прочим, перешел к изложению какой-то теории, по которой он полагал, что земля может быть общею собственностью так, как вода и воздух. Так как Пестель не обнаруживал при сем никаких намерений, ни злых, ни добрых, то в изложении его мнений о земельной собственности я видел только действие ребяческой мечтательности, соединенной, однако же, с каким-то упорством; ибо никакие опровержения его не останавливали. Видев Пестеля прежде весьма мало, я не знал ни характера, ни способностей его. Тут я увидел в нем доказательства необыкновенного невежества. Более ни о чем говорено не было, и Пестель ушел от меня, как я мог ясно заметить, недовольный мною. Вероятно, Пестель говорит о сем свидании, показывая, что он, видевшись со мною в 1824 году, «нашел меня в республиканском образе мыслей». Я Пестеля, кроме сего раза, более в сие время не видел. Не вижу даже и малейшего повода к заключению его о моих республиканских мнениях; ибо о республиках и упоминаемо тут не было. Впрочем, видя в другом случае не только ошибочный, но даже злобный оборот, который Пестель дает словам моим, я могу утвердительно сказать, что он не преминул бы и в сем случае привести каких-нибудь слов моих, если бы к тому была какая-нибудь возможность. Наконец, в опровержение его заключения о моем республиканском образе мыслей, я могу сослаться на свидетельство Матвея Муравьева, который был у меня вместе с Пестелем и в полной мере разделял его теорию о праве собственности людей на земли.

Могло ли это свидание с Пестелем родить во мне какое-либо опасение на счет общества? Напротив того, невольное его признание, что и во 2 армии общество состоит только из 5 или 6 человек, еще более, если возможно, убедило меня в ничтожности всех затей устроить новое общество.

После сего я слышал, что Пестель многим из бывших членов говорил то же, что и мне, о новом устройстве общества и о соединении с обществом 2 армии, но что везде находил сопротивление. Когда мне говорили об этом, я также не советовал бывшим членам вступать в сношения с Пестелем как потому, что не желал этого для них самих, так и потому, что нелепые теории Пестеля поселили во мне какое-то против него предубеждение. Я говорил другим о сих теориях. Наконец, мне сказали, что Пестель требует, чтобы все принадлежавшие к петербургскому обществу собрались и дали ему решительный ответ. Трубецкой, которого я случайно встретил, сказал мне, что для сего

все собираются, и предложил мне ехать с ним на сие совещание, желая, чтобы и я, с моей стороны, содействовал отказу в предложениях Пестеля. Я поехал; но содействие мое было излишне, ибо я нашел, что никто не хотел принять сих предложений.

Вот последнее действие моего участия по делам тайных обществ. Я не знаю, было ли уже в это время устроено петербургское общество. В рапорте Следственной Комиссии говорится, что оно вновь устроено в 1822 и 1823 годах, следовательно, прежде сего совещания. Но я ничего не знал, что делали члены прежде сего совещания, а в сем совещании видел только членов бывшего общества, рассуждавших о том, надлежит ли соединиться с членами общества 2 армии. Ничто не могло во время сего совещания показать мне, что было какое-либо общество устроено в Петербурге. Напротив того, видя что члены рассуждали о первейших основаниях устройства тайного общества, как-то: о правиле повиновения, я имел все право думать, что общество не существует. Впрочем, в сем свидании или совещании я едва ли присутствовал долее $^1/_4$ или $^1/_2$ часа, ибо помню, что торопился домой [1]).

На сем совещании Пестеля не было. Я помню это и потому, что иные тут невыгодно о нем отзывались. Ни на каком другом совещании я не присутствовал [2]).

Я попал на это совещание случайно. Мне как старому члену предложили содействовать отказу на предложения Пестеля. Я в то время даже и не почитал сего совещанием, но простым свиданием всех тех, к коим Пестель обращался и требовал ответа. Я хотел повторить то пред другими, что я отвечал Пестелю.

Сие совещание ни мало не переменило моего мнения о ничтожности усилий, кои могли еще оказываться между некоторыми членами бывшего общества. С одной стороны, я видел, что Пестель, не имея успеха во 2 армии, ищет пособия в Петербурге; с другой, что петербургские члены, не соглашаясь с Пестелем, продолжают толковать о начальных основаниях общества. То же самое я слыхал и за два года. Видя, что и после двух лет толки и рассуждения остаются в одном и том же виде, я ни мало не сомневался, что и успех будет такой же и что говорящие

---

[1]) Сие совещание было на другой стороне Невы, если не ошибаюсь, в квартире Рылеева или Пущина, ввечеру, зимою, и я торопился, потому что возвращался домой пешком.

[2]) Один из подсудимых, Никита Муравьев, показывает (стр. 45), что на одном совещании, где был Пестель, был и я. Это еще более доказывает неосновательность его показаний, вообще, особенно потому, что, по его же словам, он на сем совещании сам не был. Несправедливость сего показания явствует и из того, что Пестель и Рылеев говорят, что впоследствии все согласились соединиться с обществом Пестеля. Это было или без меня, или даже после моего отъезда из Петербурга, ибо на совещании решительно отказались от предложения Пестеля. Многие подобные показания, в различных местах рапорта рассеянные, содействуют предубеждению против меня; между тем как несправедливость их может быть доказана точнейшим определением обстоятельств и числ. Неявка моя сделала для меня невозможным в самом начале опровергнуть и доказать их несправедливость.

теперь, наскучив бесплодными хлопотами, перестанут, наконец, и думать об обществе так, как перестал я и многие другие.

Если в сие время новое общество уже было решительно устроено, то может казаться невероятным, что я, находясь посреди членов тайного общества, не знал что общество существует. Я сам вижу сию невероятность. Но, говоря, что я действительно не знал о новом устройстве общества, я говорю истину и надеюсь, что дальнейшие изъяснения подкрепят слова мои. Впрочем, я излагаю м о и мнения, м о и убеждения. Счастлив буду, если они подтвердятся показаниями других. Но о п а с е н и е п р о т и в о р е ч и я не может заставить меня говорить противно истине. Представляя верный отчет в моих действиях и намерениях, иногда мне кажется, что невозможно не верить словам моим. Иногда, вспоминая приговор, надо мною произнесенный, мне кажется, что мне ни в чем не поверят. Но какое-то сильное чувство невольно влечет, принуждает меня говорить. Следую сему непреодолимому чувству. Авось, оно меня не обманет!

Сим единственным совещанием ограничиваются все мои действия касательно тайных обществ в последнее время пребывания моего в России, т.-е. в продолжение двух или трех лет. К первому обществу, известному под названием Союза Благоденствия, я действительно принадлежал. Но во второе, основанное, как видно из рапорта Следственной Комиссии, в конце 1822 года, я никогда не вступал и не знал даже, что оно действительно было основано. Все, что я знал, состояло в том, что некоторые члены прежнего общества хлопотали или желали восстановить старое или устроить новое общество; но я был уверен, что все их усилия не будут иметь никакого успеха, ибо я видел на опыте, что все тайные действия и прежде не имели никакого успеха. Имев столь мало сношений с членами бывшего общества, мудрено ли, что я не знал об окончательном устройстве нового общества? Мудрено ли, когда и сие новое общество, устроенное в конце 1822 года, начало показывать, как говорит Следственная Комиссия (стр. 52), большую против прежнего и беспокойную деятельность, особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого, т.-е. в конце 1824 или в 1825 году (как видно на стр. 27, 52, 54 рапорта), когда я был уже за границею?

М о и в и д ы, м н е н и я, р а з г о в о р ы. После сего я должен представить некоторые изъяснения, которые покажут, чего я желал будучи в обществе, какими побуждениями действовал, к чему стремился.

Одна главная мысль владела и направляла моими поступками во всю мою жизнь, — мысль уничтожения крепостного состояния в России. Сия цель казалась мне священною и достойною целью всей жизни. В стремлении к ней я видел все мои обязанности и иногда почитал себя каким-то миссионером в святом деле. Я почитал для себя непременным долгом всегда и везде содействовать к достижению сей цели, цели моего существования. На все обстоятельства, на все дела, на все

происшествия я смотрел с одной и той же точки зрения. Везде и во всем я искал одного. При всяком случае я спрашивал самого себя: нельзя ли из этого извлечь чего-либо для освобождения крестьян? Эта мысль, наконец, так сильно овладела мною, что все прочее казалось мне незаслуживающим внимания. Просвещение, законодательство,— одним словом, все казалось мне ничтожным в сравнении с освобождением крестьян. Эту мысль, это убеждение я всегда желал сообщить и другим членам и не членам общества. Я солгал бы, если б сказал, что никогда не любил конституций вообще. Нет, я в сем отношении мог разделять мнения других. Но в отношении к России все мои мысли, все желания были подчинены условию, в моем мнении гораздо важнейшему,—уничтожению рабства. В разговорах о предметах политических и с членами общества и с посторонними лицами я всегда представлял освобождение крестьян самою главною необходимостью. Замечая во всех сих разговорах вообще, что мнения мои не разделяются другими во всей полноте, я несколько раз говаривал: «Вы мечтаете о правах политических; но вспомните, что несколько миллионов вам подобных не имеют прав гражданских, коими вы пользуетесь. У вас никто не отнимает вашей собственности, никто не касается вашей личности (вас не продают, были настоящие слова мои), а вы сами продаете и покупаете людей, христиан, вам подобных! Дайте им то, что вы сами дать можете, и потом думайте о самих себе».—Если б я не боялся привлечь имен почтенных к делу ненавистному, то я мог сослаться на многих, кои слыхали от меня такие возражения. Часто я с негодованием говорил, что если б кто желал конституции для России, тот доказал бы только недостаток сведений, невежество или эгоизм,— и, увлекаемый своим предметом, я иногда восставал даже против всяких конституций и ссылался на конституционные государства (Англию, Америку), в коих уничтожение рабства встречало непреодолимые препятствия, и на государства самодержавные (Данию и некоторые немецкие государства, как-то Пруссию и пр.), где рабство с успехом уничтожилось волею правительства. Наконец, рассуждения других о конституциях вообще не только не встречали согласия с моей стороны, но раздражили меня, ибо мне казалось, что рассуждающие только болтают о том, чего сами не понимают, и не хотят при том, опасаясь ущерба в своей собственности, делать того, что я почитал равно священным и необходимым. В изъявлении моих мнений вообще я мог быть, и,конечно, был, часто весьма неосторожен; выражения мои могли быть неумеренны; но сущность, смысл, намерения, желания,— все сие, конечно, не простиралось за пределы того, что я теперь показываю. Горестно было бы видеть, если бы по сему изложению могли и теперь предполагать во мне те же мнения и в такой же степени, какие я имел тогда. Не говоря уже о том, что лета более практической опытности, вид нескольких десятков тысяч людей без работы и без хлеба в государстве, где нет рабства и где есть конституция, долженствовали уже изменить сии мнения,—ужас бедствия, меня постигшего, делает для

меня даже невозможным думать о чем-либо ином. Я говорю о прошедшем, стараясь вспомнить все и в пользу мою и против меня, дабы, если не в выгодном, то в настоящем виде представить и вину и возможное оправдание.

Все мои действия по обществу, все мои разговоры с членами общества направлялись, очевидно, к сей цели исключительно. Слыхал ли кто-либо от меня, что общество должно стремиться к испровержению существующего порядка? Советовал ли я кому-либо употребить средства насилия к достижению какой-либо цели? Обманывал ли я других, говоря, что в России прежде всего надлежит уничтожить рабство; что всякий новый порядок в государстве, новые права помещикам могут только утвердить, усугубить сущность крепостного состояния; что сие рабство может быть уничтожено только властию самодержавною, что помещики должны сами представлять просьбы правительству об освобождении крестьян? Наконец, желал ли я бунтов, говоря, что я почту себя счастливым, если на моем веку увижу по крайней мере твердое основание, начало к постепенному уничтожению рабства?—Посреди молодых людей пылких, неосторожных, такими ли речами мог я их подвигать к возмущению? Еслиб я желал бунтов, то мне следовало бы говорить в противном смысле. Но в сем противном смысле я не говорил, и никто ничего подобного обо мне не показывает.

Надеялся ли я когда-либо успеха в моих желаниях посредством общества?

Сначала я надеялся, что члены общества без затруднения дадут по крайней мере несколько отпускных, и видел в сем практическую пользу. Далее я надеялся, что некоторые, убедившись в необходимости и даже в выгодах отпуска на волю крестьян, представляя о сем правительству, обратят особенное внимание оного на законы о вольных хлебопашцах, столь затруднительные в исполнении; что законы сии будут изменены, заключение условий с крестьянами будет облегчено и что, таким образом, освобождение сделается более возможным для помещиков. Одним словом, я надеялся, что со временем меры, принятые для освобождения крестьян в Остзейских губерниях, будут введены и в России. Надежды мои не исполнились в сем случае. Ни одного представления не было сделано вследствие моих советов. Но перед отъездом из России я имел еще сладостное утешение составлять журнал Государственного Совета, в котором представлялось государю императору о необходимости переделать закон о вольных хлебопашцах и вообще облегчить заключение условий помещиков с крестьянами. Сие обстоятельство и тогда еще более убедило меня, что тайные действия, даже и к пользе направленные, как будто по одному качеству тайны, неразлучно сопряжены с невозможностию успеха.

Имел ли я в виду надежды каких-либо иных перемен посредством общества, как-то достижения конституций или чего-либо подобного?

Смело и перед богом говорю, что в сем отношении я даже и не заблуждался! Ибо никогда, ни на одну минуту, никакая надежда сего

рода не проникала в мою душу, при всей приверженности моей к конституциям.—И могло ли это быть иначе? Если не верить справедливости слов моих, то нельзя мне приписывать таких надежд, не предполагая такой степени невежества, какого мне приписывать нельзя. Обстоятельства позволили мне в самой молодости приобрести достаточно сведений исторических и политических для того, чтобы знать, что во всех государственных переменах польза и прочность соединены не только с постепенностью, но и со сходством перемен с существующим порядком вещей, с характером народа, с историею государства. И не ясные ли практические уроки видели все те, кои со вниманием следовали за современными происшествиями, в возмущениях гишпанцев и итальянцев, в возмущениях, кончившихся гибелью и для бунтовавших и для земли их?—Как без сумашествия мог бы я думать, что несколько молодых людей могут дать новое устройство России? Могли так думать или люди с понятиями весьма пылкими и с большим невежеством, или злодеи. Я не имел никогда ни пылкости в характере, ни такого невежества. Злодеем я также никогда не был.

М о е м н е н и е о д р у г и х. Что я могу сказать в сем отношении о других членах общества? Я видел, что многие говорили в так называемом либеральном образе мыслей; рассуждали о всех предметах политических. Надеялись ли другие достичь чего-либо посредством общества, я сего никак не могу сказать; ибо не могу ничего припомнить такого, что могло бы мне позволить думать, что кто-либо имел такие надежды. Те же, с коими я наиболее разделял мнения (как-то: Глинка, фон дер Бриген), не только никогда сей надежды не имели, но даже часто с негодованием или, просто сказать, с презрением, говорили и о мнениях и о желаниях других.

Но все сии толки, все разговоры между членами общества не могли удивлять меня, не могли казаться мне особенно значительными, в каком бы то ни было отношении, ибо я то же самое слыхал и от людей посторонних, к обществу не принадлежавших.

«И на мнения есть мода», говорит Следственная Комиссия. И мода на так называемые либеральные идеи была и в России в одно время. Да и кто в жизнь свою не имел таких мнений, кои впоследствии изменились? И я сам вижу и чувствую теперь, что мои мнения, все мои рассуждения, все мои действия, поступки не имели бы никакой особенной значительности, не подвергнули бы меня никакой ответственности, еслиб я не имел несчастия принадлежать к тайному обществу. Те же мнения, которые в открытых разговорах с людьми посторонними казались незначительными, в разговорах с членами тайного общества принимали вид какой-то значительности, могли казаться замыслами, кои только в тайне сообщать можно. И вина, и несчастие мое происходят от того, что я говорил и действовал под покровом тайны, тогда как ни слова, ни поступки мои не имели никакой нужды в сем покрове тайны. Истинно говорю, что я никогда не изъявлял по обществу таких мнений, коих я в то же время не объявлял бы и посторонним

лицам. И в чем могли бы состоять сии мнения? И членам и не членам я всегда твердил одно: рабство и безбожно и беззаконно, невыгодно и для рабов и для помещиков. Как уничтожить рабство? Представлениями правительству. Итак, ни в цели, ни в средствах, мною исповедуемых, не было ничего такого, что требовало бы тайны.

О моем удалении от тайных сношений. Ни на совещаниях, ни в частных моих разговорах с членами общества я не только ничего не слыхал о бунтах, возмущениях, но и ни в одном из членов никогда не предполагал и не имел повода предполагать каких-либо намерений к подобным преступлениям. И еслиб мне тогда кто-либо сказал, что Трубецкой будет чрез несколько лет одним из начальников бунта, то я скорее бы поверил всякой другой невозможности. Обыкновенно я видел, что самые ревностные члены, потолковав, похлопотав об обществе, мало по малу переставали заниматься обществом: иной посвящал свою деятельность исключительно службе, другие женились и сим самым, казалось мне, вступая в обязанности нового, серьезного рода, оставляли мнения молодости.

Я и сам, не находя для себя в обществе ничего занимательного, видя, что предложения, мною сделанные и всеми принятые, никем не исполняются, я начал тогда же отставать от общества. Я продолжал видеться с некоторыми из членов по частному знакомству, как-то: с Бригеном, Глинкою, Никитою Муравьевым. Все они в полной мере разделяли мое мнение о незначительности общества. В чистосердечии их в сем случае я не мог сомневаться. Но теперь вижу по рапорту Следственной Комиссии (стр. 22, показания Никиты Муравьева), что когда какой-либо член начинал оказывать холодность к обществу, то старались его уверить, «что не он один, а и все прочие переменили образ мыслей, что общество распадается на части и почти уже не существует». Именно сие я неоднократно слыхал от Никиты Муравьева! Где мог я чайти причину подозревать, что слова сии были притворны?

Съезд московский сблизил меня с различными членами общества. Возвратясь в Петербург, хотя я и не думал вступать в какое-либо новое общество, ибо почитал всякое новое общество просто невозможным, но не менее того виделся с различными членами общества, толковал о обществах. Из сих моих поступков желавшие нового общества могли заключать, что хотя я и отказываюсь участвовать в заведении нового общества, но что они во всяком случае, так сказать, на меня, считать могут. Мне сие тогда не приходило в голову, ибо я и не предполагал, что они когда либо успеют завести новое общество. Теперь я вижу, как сильно я ошибался! Я судил о себе по собственным моим мнениям, а не по тем, по коим другие судить о мне могли. Я думал, что, видя мой отказ участвовать в новом устройстве общества и видя особенно совершенное мое удаление от всяких с ними сношений, различные члены, хлопотавшие об устройстве петербургского общества, ни в каком случае не могут почитать меня своим соучастником. Не родилась ли в них сия идея о моем участии в обществе, когда они увидели

меня посреди их говорящего о предложениях Пестеля? Это вероятно. Приписывая прежние отказы мои другим моим занятиям, они могли тут подумать, что я только не могу, а не не хочу, участвовать в их обществе. Они могли думать, что я знаю все, что они до того делали, между тем как я не знал ничего совершенно, не узнал даже и быв вместе с ними; ибо я думал, что они все еще продолжают толковать попрежнему об устройстве общества. Впрочем, едва ли что и узнать я мог; ибо и Следственная Комиссия не узнала ничего особенного о сей эпохе бытия петербургского общества и говорит, что деятельность сего общества началась уже после.

Я мог бы покрайней мере перед отъездом моим заграницу объявить, что я прекращаю всякое участие во всех сношениях тайных. Но что могло меня побудить к такому поступку, когда я до того времени уже не имел никаких сношений по тайным обществам, когда я не почитал себя принадлежащим к какому-либо обществу, не знал даже, есть ли какое-нибудь общество? И к кому я адресовал бы мое объявление? К Никите Муравьеву? Но я за два года отказал ему вступить в заводимое им общество с Луниным и с того времени никогда не слыхал от него ни об успехах его общества, ни о том, что он соединился с другими, и ни разу не видал его даже вместе с сими другими. К Трубецкому? Но Трубецкой никогда не говорил мне, что общество вновь устроилось, и когда он пригласил меня ехать с ним для совещаний о предложениях Пестеля, то я видел в сем только, что Пестель требует ответа от всех прежних членов общества касательно восстановления и соединения с его обществом. К Оболенскому? Но я Оболенского не видывал с тех пор, как сообщил ему, за два или за три года, результат московского съезда. К тому же я прежде видал, что члены, даже деятельное участие принимавшие в старом обществе, отставали от него без всяких формальностей [1]). Где же мог я найти причину формально объявить мое удаление, когда я не почитал себя ни в каких тайных сношениях ни с кем?

Удаление мое от всяких сношений вообще с членами и их проектами и обществами явствует также и из того, что гораздо прежде 1824 года (если помню, в 1822) я вознамерился уже ехать за границу и представлял о сем письмо покойному государю императору. Его величество приказал мне объявить, что он весьма мною доволен, забывает прежние мои неосторожности, но желает, чтобы я оставался при занимаемой мною должности, что если, впрочем, я желаю каких-либо вознаграждений, то они будут мне доставлены. Сии слова тронули меня до глубины сердца, потому особенно, что я полагал, что государь император продолжает на меня гневаться по жалобе бывшего министра финансов. Желая сколь возможно оправдать мнение государя, я усугубил труды и старания по службе, но впоследствии должен был прибегнуть, по

[1]) О том, что один из учредителей общества, Александр Муравьев, отстав от общества, писал к другим членам письмо и уговаривал их оставить затеянное дело, я впервые узнал из рапорта Следственной Комиссии: новое доказательство, что я, находившись в обществе, знал не все.

причине расстроенного сими самыми трудами здоровья, к императору с просьбой об отпуске и получил оный с многими другими милостями. И в это самое время полагают, что я был злоумышленником, когда ничего, кроме глубокой признательности и удивления, не входило тогда в мою душу! Восхищенный не столько милостями, кои мне были оказаны, сколько тем образом, каким они мне были оказаны, и особенно незабвенными и великодушными, ангельскими словами, кои мне были при сем случае сообщены от имени всегда обожаемого мною государя — как мог бы я вынести упреки совести, если бы совесть упрекала меня в каком-либо злоумышлении?

Между другими обстоятельствами, показывающими мое удаление от всяких сношений, до обществ касающихся, я могу также привести и свидание мое с Пестелем, о коем я говорил выше. Если б я принадлежал к обществу, если б я, по словам Никиты Муравьева, был возобновителем общества, или если б я даже был в каких-либо тайных сношениях с членами общества, или если б я, по крайней мере, желал устройства тайного общества, одним словом, если б я имел какие-либо намерения, сопряженные с тайными обществами, то зачем было бы Пестелю уговаривать меня заняться устройством общества, не ездить за границу? Зачем говорить мне в виде упрека, что мое удаление от прочих, моя холодность к тайным союзам вообще имеют невыгодное действие на других, охлаждая и их в подобных предприятиях? Сам Пестель о сем не упоминает. Он как будто мог показывать только вредное и даже злобно искажать показываемое. Говорить в пользу других было для него как будто невозможно! Если б я был при допросах, я заставил бы его сознаться в сих его словах. Теперь только могу ссылаться на обстоятельства, на все мои поступки, ясно показывающие, что я не принимал никакого участия в действии других относительно нового устройства общества.

Еще одно обстоятельство, показывающее, что я не принимал в сие время участия в тайных обществах, я нахожу в рапорте Следственной Комиссии. Кроме совещания, о котором я говорю, видно на стр.42 и 43 рапорта, что были после другие совещания. На одном, говорит Пестель, он, ударив по столу, сказал: «так будет же республика!» На другом Никита Муравьев говорил против соединения общества петербургского с Южным. На сих совещаниях я не был и даже ничего не слыхал о них. Я даже не был в это время ни разу вместе с Никитою Муравьевым и с Пестелем; ибо на единственном совещании, на коем я присутствовал, не было ни того, ни другого. Вообще видно по рапорту Следственной Комиссии, что впоследствии петербургские члены приняли предложение Пестеля и даже соединились с его обществом. Я этого никогда не знал, и, напротив, на том совещании, на котором я был, никто не согласился на предложение Пестеля.

Наконец, еще одно обстоятельство представляется в рапорте, показывающее мое удаление от всех тайных сношений. Я нахожу в рапорте, что между прочими принадлежал к обществу и Корнилович.

Сего Корниловича я часто видал перед моим отъездом в своем доме. Но никогда не знал и не предполагал, что он принадлежит к какому-либо обществу. Мог ли бы я быть в сей неизвестности, если бы я был в сношениях каких-либо с обществом?

Удаление мое от всяких сношений с бывшими членами общества, неохота участвовать в каком-либо устройстве нового общества, решительные отказы, делаемые на предложения других касательно сего,— одним словом, всякое прекращение всех тайных действий были не следствием какой-либо внезапной перемены в моем образе мыслей, не следствием какой-либо идеи, устрашившей меня опасностью, с тайными обществами сопряженною, не следствием, наконец, какого-нибудь внезапного сознания, что я и другие идем по стезе преступления. Нет! Я отстал от старого общества и не принимал никакого участия в учреждении нового единственно потому, что чем более я видел и общество и членов, тем более удостоверялся в бесполезности всяких тайных действий. Теперь я сам не постигаю, как я не предвидел, что все сии тайные действия, при всей их безуспешности тогдашней, могут, наконец, произвести или по крайней мере содействовать каким-нибудь преступным событиям. Но я говорю о том, что я видел, что я думал, тогда, когда я участвовал в тайных сношениях. Я должен был видеть или предвидеть более; но сего б о л е е я и не видал и не предвидел. Сначала я думал, что люди, с коими я имел сношения, могут споспешествовать добру, или, по крайней мере, что я почитал добром. После я увидел, что содействие их ничтожно и что даже то, чего я желал, не имеет никакой нужды в покрове тайны.

Но здесь я должен и против себя заметить, что, не взирая на мое убеждение в бесполезности тайных действий, я согласился быть на совещании, которое имело предметом тайные сношения. Все, что я могу сказать к изъяснению сего поступка, состоит в том, что я не видал никакой причины не согласиться на сие. Напротив того, так как Пестель и мне лично делал предложения об устройстве нового общества и о соединении с ним, то мне казалось, что я при других должен повторить то, что я ему говорил. Я ни мало не почитал сего свидания настоящим совещанием, но видел только, что различные члены бывшего общества собрались для того, чтобы отвечать на предложения, сделанные Пестелем. Если б я мог предвидеть, что присутствием моим на сем совещании я могу дать повод другим думать, что я желаю участвовать в тайных сношениях с кем бы то ни было, или если бы я видел какую-либо значительность в сем моем присутствии, то, конечно, я не только бы не поехал на сие совещание, но не вступил бы и прежде ни в какие разговоры ни с Пестелем, ни с кем-либо другим. Но в сем случае, как и во всех других, я действовал, ни мало не думая о последствиях, и не приписывал никакой важности моим действиям. Все мое участие в тайных обществах изъясняется единственно тем, что я не видел никогда ничего значительного в сих действиях. Иначе, что могло бы помешать мне формально прекратить мои сношения с другими?

Можно также обвинять меня в том, что я, убедившись сам в бесполезности тайных действий вообще, не уговаривал и других оставить все их затеи и отказаться от всех тайных проектов. На сие я могу сказать, что те из бывших членов общества, с коими я наиболее был связан, как-то: Глинка и Бриген, в полной мере разделяли на сей счет мои мнения и сами также не принимали никакого участия в действиях, клонившихся к устройству общества. Никита Муравьев, которого я также продолжал видеть, равномерно не показывал никакой охоты к дальнейшим затеям устройства тайных обществ. Прочих членов я в последнее время пребывания моего в России не видывал, кроме совещания, бывшего по предложению Пестеля. Потому что на сем совещании я мог говорить против предложений Пестеля, другие могли видеть, что мнения мои совсем не благоприятствовали тайным действиям вообще. Если бы я подозревал какую-либо опасность в том, что я тогда видел, то, конечно, я не только бы и сам изъявил мое мнение с большею решительностью, но и им делал какие-либо увещания. Мое собственное мнение о бесполезности тайных обществ было тогда уже решительно мною принято. Я бы почел обязанностью честного человека уверить в сем и других. Но дело в том, что я не воображал, чтобы что-либо могло когда-либо произойти не только опасного, но даже значительного от всех стараний или желаний действовать под покровом тайны.

Где, спрашиваю я теперь и самого себя и других, где во все продолжение и действительного участия в обществе, и в продолжение сношений моих с различными членами бывшего общества, где мог я видеть признак тех ужасов, кои произошли впоследствии? Мысль, что различные члены старого общества или те, кои хлопотали об устройстве нового общества, могут скрывать от меня что-либо, никогда не приходила мне в голову; я, напротив, видел, что все старые члены, более или менее, разделяют мнение о бесполезности всякого рода тайных действий. Теперь я вижу по делу, что различные лица, участвовавшие в злодейских замыслах, скрывали от меня сии замыслы [1]). Не могли ли другие скрывать от меня с намерением деятельности своей в устройстве нового общества? Хотя я и вижу, что, напротив, некоторые члены почитали меня участвующим в обществе, но я должен для возможного объяснения того, что сам не постигаю, делать и сие предположение. Оно имеет некоторую вероятность, ибо те, кои занимались устройством нового общества, видели мое совершенное удаление от всяких с ними сношений и знали, что я давно уже решился ехать за границу. Сообщать мне свои планы, проекты, действия они могли почитать по крайней мере бесполезным, видя и настоящие мои занятия по службе и предстоящий отъезд мой за границу.

---

[1]) Впрочем, из всех подсудимых, признавшихся в злодейских замыслах, я могу здесь разуметь одного Никиту Муравьева, с которым я находился в постоянных связях знакомства. Прочих я либо совсем не знал, или знал весьма мало. Сей же Никита Муравьев, как видно по делу, и сам часто восставал против сих злодейских замыслов.

Таким образом, с одной стороны, ни видав в обществе ни малейшего направления к каким бы то ни было злодеяниям, не заметив в членах, ни в это время, ни после, ничего такого, почему я мог бы судить о их личной злоумышленности, с другой же, что самые пылкие из них, позволяя себе декламировать о всем, не приступали к исполнению того, что я им предлагал по обществу и советовал всегда частно и что почти все, принадлежа к обществу, не исполняли даже простой обязанности вносить деньги в кассу общества, видя, одним словом, что и все и везде ограничивается одними словами, кои меня не удивляли, ибо я то же слышал и от посторонних; видя все сие, мог ли я соединять какую-либо важность с мыслию об обществах? Мог ли я думать, что какое-либо общество в состоянии сделать что-нибудь, когда я видел, что члены нашего общества не могут или не хотят дать несколько отпускных, заплатить несколько рублей? Откуда я мог почерпнуть идею, что общества опасны, когда я видел, что наше общество бессильно и бесплодно даже и в сих отношениях? Повторяю, что разговоры, рассуждения, коих я был свидетелем, никак не могли родить во мне сей мысли; ибо я от членов общества никогда ничего не слыхал такого, чего бы я несколько раз не слыхал от посторонних лиц. Напротив, сии разговоры, являя незрелость ума, недостаток сведений, сим самым еще более убеждали меня в ничтожности своей. Теперь я вижу, что некоторые члены, на своих частных совещаниях, неизвестных прочим, говорили уже о замыслах преступных. Но сие самое доказывает, что тайна некоторых не была тайною всех.

Мое мнение о обществах тайных не могло даже быть инаково; ибо, с одной стороны, я видел, что я не мог ничего сделать к содействию моим намерениям посредством общества; с другой — я убедился, что то, чего я желал, и именно освобождение крестьян, распространение политических сведений, не только не имеет никакой нужды в пособиях тайного общества, но даже и несовместно с действиями тайными. Я это видел уже в бытность в обществе, и потому, соглашаясь с другими в пользе распространения политических сведений, я всегда говорил против другого мнения о деятельности общества, состоящего в умножении числа членов, ибо не видел никакой в сем нужды. Самое сие сопротивление мнению других о распространении общества не показывает ли уже настоящего моего мнения о бесполезности общества? В справедливости же сих слов моих я ссылаюсь на других членов старого общества и особливо на Трубецкого, от которого я наиболее слышал, что общество должно иметь главным предметом умножение числа членов.

Представив, таким образом, участие мое как в тайном обществе, так и в тайных сношениях каких бы то ни было; изъяснив мои действия, намерение и, наконец, мнение мое о тайных обществах и о членах, с коими я бывал в сношениях, я сделаю один вопрос: что сделал бы на моем месте всякой другой человек?

Если б сей другой имел в душе какие-либо преступные замыслы, то он, может быть, вступил бы в общество так, как вступил и я. Но действия его были бы иного свойства. Он, конечно, не толковал бы ни о распространении политических сведений, ни об увольнении крестьян. Наконец, он не остался бы непричастным, чуждым подобным замыслам, кои таились уже в душе других и даже были уже прежде обнаруживаемы. Он скоро открыл бы их тайну, сообщил бы им свою собственную, соединился бы ближе с злоумышленниками и направил бы свои и их деяния к их замыслам. При произведении следствия участие его, конечно, было бы обнаружено с такою же ясностью, как и участие его соумышленников. Другие, показывая на себя и на других то, что они говорили о цареубийствах, о бунтах, то, что они писали о конституциях, обнаружили бы и его участие и в сих замыслах и в сих деяниях. Если бы показания одного были не ясны, не полны, то показания другого, третьего и т. д. объясняли бы неясность, пополнили бы недостаточность.

Если б, напротив того, сей другой не имел в душе никаких преступных замыслов и притом был бы совершенно свободен от всякого влияния каких-либо особенных идей, имел бы уже довольно опытности в жизни, чтобы смотреть и на вещи и на людей с тем хладнокровием, равнодушием, которое нередко граничит с эгоизмом, скрываемым под покровом так называемого благоразумия,—то такой человек, с улыбкою жалости или презрения, отклонил бы предложение вступить в общество.

Между сими двумя крайностями есть средина. Сию же средину избирают особенно люди, чуждые всему злодейскому, но с душою, стремящеюся ко всему доброму или что они добром почитают, и по сему-то пути нередко они достигают или до состояния холодности и эгоизма, или до безнадежности, или, наконец, и до гибели своей. Счастлив тот из сих людей, кто в стремлении своем не преступил за черту мечтаний и заблуждений! Счастлив, если опомнившись, он найдет, что душа его свободна от всякого чувства, от всякого помышления преступного!

Бедствия, несчастия могут быть для него последствием необдуманности, заблуждений, но чистая совесть остается его неоцененным и неотъемлемым достоянием, а с нею и твердое упование на правосудие неба!

Такой человек, исполненный желания блага всему и всем, желаний неопределенных и в коих он сам себе не может дать отчета, и особливо владеемый какою-либо особенною мыслию, направляющею все его поступки к одной известной цели, цели для него священной, — такой человек, конечно, вступил бы в общество, устав коего обещал все доброе и не упоминал ни о чем злодейском или даже непозволительном.

Что сделал бы такой человек, убедившись, что тайные действия не способствуют исполнению его намерений и что стремление к его цели не имеет нужды в тайне и даже несовместно с тайною?

Пусть вопрос сей будет решен с теми соображениями благоволения беспристрастного и человеколюбивого, которое Екатерина II

разумела под сими словами: Justice n'est pas justice, justice est equité. С моей стороны, я думаю, что такой человек удалился бы от общества и перестал бы думать о обществе. Мог ли он почитать своею обязанностью донести о существовании общества? Я не могу определить до какой степени честный человек может сопротивляться сильному отвращению, которое он должен иметь ко всему похожему на донос. Но вместе с сим я знаю, что тот не исполнил бы обязанности человека, обязанности христианина, кто, видя руку убийцы, подъятую над главою другого, не отразил бы удара или не остерег бы угрожаемого опасностью? Но всякая мысль о доносе отстраняется, если не было даже и возможного предмета к доносу, к предостережению; если, напротив, не донесший не видал ни опасности, ни даже значительности в т о м, ч т о о н з н а л, ч т о о н в и д е л.

Что сделал я? И я вступил в общество! Но, не найдя в нем ничего, мысль, что я принадлежу к тайному обществу, не произвела на меня никакого впечатления. Я продолжал принадлежать к обществу, не потому, чтобы я хотел принадлежать к обществу, но потому, что никогда ничто не привело мне на мысль необходимости или нужды выйти формально из общества. Не могу объяснить тогдашнего моего равнодушия к обществу. Могу только сказать, что сие равнодушие не позволило мне решительно и формально прекратить всякие сношения тайные. Вижу теперь более, нежели когда-либо, и виновность и вред существования тайных обществ. Вижу и признаю вину свою собственную. Все мои действия, все мои намерения по тайным обществам делаются виновными уже потому, что я принадлежал к тайному обществу. Необдуманное стремление к одной известной цели не позволило мне тогда же убедиться в моей ошибке. Удаление от общества, уничтожение общества, прекращение всяких тайных сношений, наконец, отъезд за границу, внимание, исключительно на мою болезнь обращенное, изгладили из моей памяти и мое участие в тайных обществах и даже мысль о всяких тайных обществах. Я продолжал жить, не думая ни об обществах, ни о собственной моей виновности. Я позабыл прошедшее, жил только в настоящем; болезнь не позволяла даже мне думать ни о чем, кроме себя. Вдруг вся ужасная картина и бунтов и предшествовавших им заговоров открылась пред глазами моими! За сим я и сам был поражен приговором смерти и каторги! Опомнившись несколько от всех сих ужасных, неожиданных происшествий, я должен был искать в моей памяти всех обстоятельств моей виновности, мною самим давно уже забытых. Я изложил сии обстоятельства сколько мог ясно в ужасном положении, в которое я вдруг был поставлен. Если следовать впечатлению, которое должен произвесть рапорт Следственной Комиссии касательно меня, то, конечно, виновность моя представляется весьма важною, несмотря на то, что я за два года до бунта оставил уже Россию. В одном месте видно, что я желал учредить общество; в другом— что я с решительностью изъявлял мнение о введении республиканского правления в России. Там я председательствовал; принимал и исполнял

поручения; здесь я опять старался восстановить общество, принимал членов или даже восстановил общество. Одни говорят, что я согласился на мнение о вывозе императорской фамилии за границу, другие,— что я особенно направил мнения других к форме правления республиканского. И все сие я сам как будто подтвердил неявкою к суду.

Я откровенно представил и мое участие в тайных обществах и намерение, с коим было сопряжено сие участие. И то, в чем я действительно виновен, уже слишком много тяготит мою душу, и тяжесть сия тем для меня мучительнее, что я вдруг очутился под бременем вины, давно забытой, и обвинений новых, о которых никогда не мог и мыслить, обвинений в таких преступлениях, кои мне и в голову никогда не приходили.

В действительной моей вине я не оправдываюсь. То, что я о ней прежде не думал, есть изъяснение, а не оправдание. Но в обвинениях, кои до меня касаться не могут, я должен оправдываться. Собственная моя неявка к суду и почти трехлетнее отсутствие из России не позволяют мне представить всего с совершенною полнотою; многое неминуемо я должен был забыть. Некоторые подробности я, может быть, представляю неправильно; может быть, существуют иные подробности против меня, коих я теперь не знаю и не помню. Но главное, существенное я излагаю и в возможной полноте и откровенно. Представляю в настоящем виде и намерения и поступки мои. Могут явиться новые на меня показания: но они не усилят действительной вины моей, не переменят ее свойства; ибо никогда не может быть доказано, что я или хотел бунтов, или советовал бунтовать, или знал, что другие намерены бунтовать, или разговаривал о бунтах, или о перемене формы правления.

Основанием, нитью моих объяснений служит рапорт Следственной Комиссии. Находя в сем рапорте обвинения против меня, на показаниях различных лиц основанные, я нахожу вместе с сим, что Комиссия, беспристрастно обозревая все дело, в целом и в частях, излагает такие заключения, кои подкрепляют собственные мои изъяснения. Сие особенно замечательно в заключениях Комиссии о степенях виновности тайных обществ в различные эпохи.

Различение эпох касательно обществ.

Я представлял и в первой моей записке и ныне, что по тому, что я видел в обществе, я почитал сие общество ничтожным.

На стр. 21 рапорта Следственной Комиссии говорится, что тайное общество после 1819 года начало приходить в упадок, по крайней мере в Петербурге, и что сей упадок продолжался и в 1821 году.

Я представляю, что по возвращении моем из Москвы до отъезда моего за границу, я не замечал, чтобы общество было действительно вновь устроено. В рапорте я нахожу подтверждение сим словам моим; ибо на стр. 52 Комиссия говорит, что в петербургском обществе большая против прежнего и беспокойная деятельность явилась особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого; следовательно, до сего времени общество было недеятельно. Мудрено ли, что я не знал об окончательном устройстве общества, когда оно было

недеятельно? Деятельность же сия, и при том беспокойная, явилась после моего отъезда за границу, ибо, как видно на стр. 27, Трубецкой отправился в Киев в конце 1824 года, а я выехал из Петербурга в начале 1824 г., и именно 9 апреля.

На стр. 28 говорится о сношениях общества петербургского с Южным, и между прочим: «что сии общества имели одну цель: испровержение существующего порядка, и в обоих уже занимались сочинением законов для преобразования России. Для достижения же сей цели, также в обоих, думали употребить одни средства: «силу действия войск, кои надеялись склонить к возмущению». «По сему видно, (говорит Следственная Комиссия в примечании на стр. 29), что сия мысль родилась в них не прежде 1821 года и, вероятно, вследствие бывших революций в Испании, Неаполе и Пиемонте. Иные, говорит Пестель, полагали, что возмущение должно быть в Петербурге; другие, что надобно начать в армии, итти на Москву и там принудить сенат провозгласить перемену, установить новый образ правления».

Очевидно, что если в это время и в Петербурге принимали уже целью испровержение и средством бунт, то это ограничивалось только теми, кои сочиняли означенные законы или знали о сем сочинении и кои участвовали в замыслах цареубийственных или знали о сих замыслах [1]); ибо в 1821 году не было еще общества в Петербурге, которое, как видно на стр. 26 рапорта, вновь образовалось не прежде как в конце 1822 года, а начало показывать особую деятельность в конце 1824. По всему производству нет нигде ни малейшего признака, чтобы и новое петербургское общество, в качестве общества, до сего времени питало какие-либо преступные намерения. Никто не показывает, чтобы в совещаниях общества члены рассуждали, предлагали или принимали какие-либо замыслы преступные. Злодейские замыслы были обнаруживаемы некоторыми лицами во все время существования всех обществ, и даже прежде учреждения старого общества. Но сии замыслы составляли тайну некоторых лиц, а не тайну общества. Старому обществу не приписывается таковых замыслов. В новом петербургском обществе первый признак таковых злодейских намерений всего общества представляется в показании Александра Бестужева (стр. 27 рапорта), где он упоминается, что многим членам говорили, «что их дело рубиться». Но сей первый признак злодейства всего общества должен быть отнесен к тому времени, когда Рылеев вступил в думу общества, т.-е., как видно на стр. 27, к концу 1824 года. Сей Бестужев, как видно на стр. 52 рапорта, был принят Рылеевым и причислен к верхнему кругу в апреле 1825 года.

Из сих соображений следует, что новое петербургское общество направилось к преступлениям не прежде конца 1824 года, что до того

---

[1]) Я, с моей стороны, никогда не слыхивал о сих мнениях: где надлежит начать бунт, куда итти, что провозгласить. Не видывал также ни одного из проектов конституций, о коих говорят в рапорте След. Комиссии.

времени замыслы преступные принадлежали только некоторым лицам, как сие было и прежде. В сих отдельных замыслах я не только ни прежде и никогда не участвовал, но и ничего не знал об оных. Дальнейшие изъяснения покажут, что по всему делу нет ни малейшего повода полагать, чтобы я мог знать о сих замыслах. Когда же все общество разделило сии замыслы, т.-е. в 1824 году, тогда я был уже за границею.

Итак, первое общество было в упадке с 1819 года по 1821 г., т.-е. до самого уничтожения оного; ибо оно в сем году уничтожено.

Новое общество, устроенное в 1822 году, было недеятельно до конца 1824, когда оно направилось к преступлениям.

Из сего следует, что по обществу: ни по старому, к которому я принадлежал, ни по новому, если бы я к нему и принадлежал, я не участвовал в замыслах преступных. В частных замыслах я равно не участвовал.

Различение эпох касательно показаний.

Таким образом различение эпох касательно тайных обществ показывает, что ни в то время, когда я принадлежал к обществу, ни тогда, когда я был или мог быть в сношениях с членами общества, ни общество, ни сии члены не направляли ни действий, ни рассуждений своих ни к каким преступлениям, а сие самое и изъясняет и мое мнение собственное о ничтожности общества. И доподлинно. Отстраните от тайных обществ, от всех сих тайных действий все злодейское, и что останется? Что, кроме заблуждений? Что, кроме ребячества?

Сие различение эпох должно быть, для обнаружения истины, принято в некоторое соображение и касательно показания подсудимых. Сии показания и признания их о виновности обществ, о преступных намерениях и предприятиях относятся ко всему времени существования общества, а не только к тому времени, покуда я был в России. Около двух лет протекло со времени моего отъезда до происшествия бунта. В сие время различные лица имели совещания, усилили свою деятельность, могли изменить прежние свои мнения, направиться к иной цели, избрать новые средства. И действительно, деятельность и преступные замыслы общества именно обнаружились, как видно по рапорту, уже после моего отъезда за границу. Делая показания и признания, подсудимые, конечно, не разделяли времени существования общества на эпоху до 1824 и после 1824 года и говорили о обществе, естественно, в том виде, в каком оно существовало в минуту бунта, и о своих намерениях в том виде, в каком они были в сие же время. Но для меня разделение времени бытия общества на эпохи до и после 1824 г. весьма важно. Если и принять, что я шел по одному и тому же пути с другими, то нельзя не согласиться, что я не шел так далеко, как другие; нельзя не признать, что я прекратил сие странствие вначале, когда и успехи на пути были ничтожны и когда цель была не определена. Что, в таком случае, я шел по пути погибели, я этого не знал, и обстоятельства показывают, что я мог сего не знать. Эпоха выезда моего из России показывает по крайней мере, что я оставил сей путь прежде,

нежели явились признаки, кои каждого могли убедить, что и цель и стремление к цели равно преступны.

Таким образом показания и признания подсудимых, относящихся ко всему времени существования общества, не могут подвергать меня равной с ними ответственности, по крайней мере за время, в которое я уже не был в России. Если в это время члены переменили свои намерения и направились вместе с обществом к преступлениям, или если они теперь признаются в сем преступном направлении, в замыслах, в действиях преступных, то все сие до меня касаться не может.

Но как в показаниях и признаниях различных лиц отделить то, что может быть отнесено к одной эпохе, и то, что относится к другой? Это, я чувствую, весьма трудно; ибо и сами показывающие говорят о всем времени, не разделяя эпох. Нет для сего иного средства, как, обозрев все в совокупности, определить: когда общество было менее, когда более преступно. Рапорт Следственной Комиссии указывает на сии эпохи, излагая, что первое общество было всегда в упадке, а новое начало оказывать деятельность и направляться к преступлениям не прежде конца 1824 года. К тому же и по всему производству видно, что если какой-либо факт, доказывающий замыслы злодейские, представляется, то сей факт всегда относится или ко времени после 1824 года, или к иным обществам, или касается до кого-либо лично, в чем каждый по мере участия и ответствовать обязан.

Сие различение эпох особенно важно в тех показаниях, кои говорят о цели и средствах общества. Здесь наиболее справедливость требует принимать в соображение: были ли сия цель и средства приняты всем обществом, каким обществом именно, когда приняты, и не были ли и сия цель и сии средства в намерении только некоторых членов, и не были ли сии намерения приняты мало по малу перед тем временем, когда произошло возмущение? Самая важность обвинения требует также, чтобы что-либо положительное было доказано против того, кто обвиняется. Слова, мнения, заключения других не могут заменить в сем случае доказательств. Если один член общества имел в виду цель преступную и соглашался на средства преступные, то из сего еще не следует, что и другой имел ту же цель и соглашался на те же средства, если не доказано, что сей другой знал цель сию или сии средства.

Различные показания.

Представив участие мое в тайных действиях вообще, я должен теперь говорить о различных против меня показаниях, о коих не упоминается в приговоре, надо мною произнесенном.

Прежде всего я буду говорить об одном показании, о коем хотя и не упомянуто в приговоре, но которое для меня особенно важно и которое, конечно, содействовало мнению о моей виновности вообще.

Рылеев показал, что я изъявил согласие на предложение его: «не вывезти ли императора за границу?» (стр. 60). Вместе с сим он говорит, что в сие время было рассуждаемо о собрании великого Собора.

Другой (Матвей Муравьев) показывает, что сие совещание происходило в квартире полковника Митькова.

В отчет на сие показание я могу предварительно сказать, что если я видел когда-либо Рылеева по делам тайных обществ или тайных сношений, то сие в тот раз единственно, когда было отказано Пестелю в предложении его; что я ни однажды в жизни не только сам не рассуждал, но и от других не слыхивал ничего подобного на замыслы против государя императора; столь же мало я слышал о великом соборе, название, в первый раз в рапорте Следственной Комиссии мне представившееся, и, наконец, что я никогда не присутствовал на совещании у Митькова [1]).

Кроме сего, я нахожу в рапорте Следственной Комиссии неоспоримые доказательства несправедливости сего показания, столь особенно для меня тягостного.

По изложению рапорта, стр. 58, 59, 60, видно, что сие совещание происходило в то время, когда государь император не был уже в Петербурге; следовательно, после апреля 1824 года, когда я выехал из Петербурга; далее, что в сие время был уже в обществе Александр Бестужев (стр. 59), который, как видно на стр. 52-й, был принят и причислен к верхнему кругу в 1825 году, и, наконец, сам Рылеев показывает, что, приняв его предложение, «для сего ему от думы велено приготовлять кронштадтский флот и что, исполняя сие поручение, он говорил с Торсоном и проч.» (стр. 60). Сей Торсон, коего имя я в первый раз узнал из рапорта, принят в общество в 1825 году, как видно на стр. 52-й.

Но если сие столь явно ложное показание тягостно для меня по ненавистному и ничем не заслуженному свойству обвинения, то вместе с им оно необходимо должно быть для меня выгодно, представляя ясный пример, с какою неосновательностью, с какою легкостью подсудимые присовокупляют меня к собственным своим мнениям и замыслам, как будто не сомневались, что я никогда не различествовал или, по крайней мере, не мог различествовать с ними в мнениях и действиях. В сем отношении показание Никиты Муравьева особенно замечательно. Он говорит, что «знает только, что сие совещание происходило не задолго до моего отъезда заграницу, но что не в состоянии привести выражений, коими я изъявил мое условное согласие». Такое показание имеет все признаки вероятия, ибо показывающий говорит, что об одном обстоятельстве он не помнит, но о другом з н а е т. Итак, по его словам, я достоверно был на сем совещании и даже изъявил согласие, хотя и условное. Между тем сличение эпох доказывает, что я по крайней мере за год до сего совещания выехал из России! — После сего какую веру заслуживают другие показания против меня сего самого Никиты

---

[1]) Если я почему-либо могу здесь даже вспомнить имя Рылеева, то это единственно потому, что совещание по предложениям Пестеля, о котором я говорю, было, кажется, в его доме.

Муравьева? Показания, столь же несправедливые, но которых я не могу опровергнуть сличением чисел, и, лишив себя средств опровергнуть очными ставками, я могу теперь опровергать только изъявлением истины, ссылкою на обстоятельства и на самих тех, которые делали такие показания. Я нимало не предполагаю, чтобы в показаниях против меня Никиты Муравьева было какое-либо злобное намерение, которое так для меня ясно в показаниях Пестеля; вижу только, к несчастию, что он так сильно желал сделать сколь возможно полное признание, что, не жалея себя, ему и в мысль не пришло пощадить других от показаний неосновательных и несправедливых. Я не сомневаюсь, что если он увидит мои ответы, то сознает свою ошибочность и согласится в истине моих опровержений [1]).

Теперь приступаю к изложению показаний, о коих не только не упоминается в приговоре, но коим я не нахожу совершенно никакого изъяснения в рапорте Следственной Комиссии. Сии показания носят на себе печать явной несправедливости, или относясь к предметам неопределенным, или быв сделаны лицами, которых я совершенно не знаю и даже не видывал и кои меня совсем не знали. Таким образом сии люди говорили обо мне по слухам и вследствие мнения, которое сии слухи произвели в них на мой счет. Сии показания не были приняты в уважение в приговоре, обо мне произнесенном, но, конечно, содействовали сему приговору. Они содержатся в записке и суть следующие:

Трое показывали, что я был директором. Сии трое суть: Бестужев-Рюмин, Матвей Муравьев, Юшневский.

В рапорте Следственной Комиссии ничего касательно директорства не упоминается, кроме разве того обстоятельства (стр. 27), что мне предлагали место правителя и что я от оного отказался. Я объяснил сие обстоятельство выше, показав, что я отказывался вообще от всякого участия в затеваемом обществе. Я не только не был никаким директором, но и не понимаю, на чем могли основываться слухи, что я таковым был когда-либо. Из трех лиц, кои делают сие показание, двух, и именно Бестужева-Рюмина и Юшневского, я никогда не видывал, так же как и они меня. Показание третьего, Матвея Муравьева, показывает только, какую веру заслуживают другие его показания.

Один (Митьков) показал, что в 1823 году в бывшем у него, Митькова, собрании читали написанные мною и всеми одобренные правила о изыскании средств к изменению правительства и к получению конституции.

На сие я должен сказать, что я никогда не писал никаких правил не только для изменения правительства и получения конституции, но и вообще ничего о конституциях.

Я думал и писал только об освобождении крестьян, об издании журнала, о переменах в уголовном судопроизводстве. Далее я могу

---

[1]) В одном месте (стр. 45) Никита Муравьев говорит о моем присутствии на таком совещании, на котором, по его словам, он и сам не был.

сказать, что я никогда не присутствовал ни на каком собрании у Митькова. Впрочем, и он не говорит, чтобы я был при сем чтении. Если действительно у Митькова что-нибудь читали подобное, то, конечно, не моего сочинения. Мне Митьков никогда не говорил ни о чем подобном, и иначе до моего сведения ничего подобного не доходило. Наконец, Митьков говорит, что сии правила были одобрены всеми; но никто, кроме его, о сих правилах не упоминает. То, что я писал действительно, я показывал обыкновенно моим знакомым, представлял высшим, и одно мое рассуждение было даже доведено до сведения покойного императора. Не понимаю, к чему может относиться показание Митькова; но, видя, что никто оного не подтверждает, я должен думать, что оно основано на какой-нибудь ошибке.

Матвей Муравьев показал, что я разделил с другими преступное предложение Южного общества ввести республиканское правление с истреблением всей императорской фамилии, а между сими другими называет таких лиц, кои вовсе никогда мне известны не были. После Матвей Муравьев сам опровергнул сие показание, объявив, что «он мне сказал только, что южная управа положила введение республиканского правления, и что сказал ему Пестель, что он говорил с главами северной управы об удалении из России императорской фамилии».

С великим трудом я мог и списать сии слова с записки. Клевета явствует из самого противоречия. Но и во втором показании Муравьев клевету только уменьшил, а не отказался от нее вовсе. Страшусь и оправдываться от первого показания; но о втором я должен сказать, что никогда Матвей Муравьев не говорил мне о их намерении ввести республиканское правление.

Но если, с одной стороны, ложные показания меня губят, то да послужат они мне и в пользу, когда клеветники сами себе противоречат, сами себя опровергают. Ничто не сотрет с таких показаний печати лжи. Какое же вероятие могут иметь другие показания таких людей? Сие показание и последовавшее опровержение оного самим показателем представляет мне печальное доказательс[тво] вреда, который я причинил самому себе неявкою. Матвей Муравьев сделал ужасное показание против меня. Но случилось, что его вторично спросили о сем показании, и он его не подтвердил. Еслиб и от других лиц вторично было требовано подтвердить, объяснить их показания, то, конечно, многие из сих последних были бы уничтожены, подобно показанию Матвея Муравьева [1]).

Пестель показал, что в 1824 году, в Петербурге при свидании со мною, он нашел меня в республиканском образе мыслей и что «Бестужев-Рюмин сказывал ему, Пестелю, что Трубецкой и Бриген сообщили ему о намерении Северного общества назначить меня производителем дел в предполагавшемся верховном правлении».

[1]) Неосновательность показаний сего Муравьева явствует и в других случаях. Сама Комиссия признала одно из его показаний несправедливым и основанным на догадках (стр. 17, в примеч.).

О свидании моем с Пестелем я изъяснил выше, показав, что в это время не было ни одного слова произнесено о республиках, и я не вижу ни малейшего повода, по коему Пестель мог бы заключать о республиканских мнениях с моей стороны. Итак, он ошибался или обманывал других своим показанием. Что ж касается до второй части сего показания, то я не могу отвечать за то, что другие могли говорить о мне Бестужеву-Рюмину, а сей — Пестелю. Твердо, однако же, уверен, что Бриген никогда не говорил и не мог говорить ничего подобного Бестужеву и никому. Итак, тут несправедливость падает или на Бестужева, или на Пестеля. Впрочем, я никогда ни от кого не слыхал ни о каких предположениях о верховном правлении.

Наконец, сей же Бестужев-Рюмин на вопрос: «Кто из членов общества наиболее стремился к достижению и исполнению цели введения республики, посредством революции, советами, сочинениями и влиянием своим на других»? отвечал: «Директоры общества: Тургенев на Севере, и Пестель на Юге», присовокупив, что «общество вознамерилось ввести в Россию республиканское правление с самого начала, по предложению, сделанному Николаем Тургеневым».

Сие показание для меня, если возможно, неизъяснимее всех других. В каждом слове явная ложь, и оно меня давит своею непостижимостью, даже и после других, столько же ложных, показаний. Во всех исследованиях и допросах бывают показания ложные; но я, кажется, могу служить особенным примером между жертвами неосновательности и клеветы. Что могу сказать о показании человека, которого я не видывал, о котором не слыхивал, о показании, которое ссылается на мои советы, на мои сочинения, на мое влияние, между тем как другие, коим я мог давать советы, мог показывать сочинения, на коих мог иметь влияние, коим мог сделать предложение о республике, не говорят ни о чем подобном, хотя говорят все и правду и неправду?

Стараясь угадать причину такого показания, я должен откровенно сказать, что не вижу иной, кроме влияния Пестеля, с коим Бестужев, как видно, был в коротких сношениях. Догадка моя, может быть, несправедлива; но злобный оборот, данный Пестелем словам моим, ложное сие показание о моем мнении о республиканских правлениях, делают сию догадку позволительною. Иначе с чего Бестужев стал бы так грубо клеветать человека, вовсе ему неизвестного?

Но я обязан отвечать и на это показание. Итак, я скажу, что я никогда не стремился к достижению и исполнению цели введения республики посредством революции, не иначе, ибо никогда я не имел сей цели; что я никогда никому не давал советов в сем смысле; что я не сочинял ничего в сем смысле и не употреблял никакого для сего влияния; что я никогда не был директором и что никогда никому не предлагал ввести республиканского правления. Нет для меня возможности иначе опровергать сего показания, ибо, кроме слов показывающего, ничего против меня не представляется. Где видно мое влияние? Кому я давал

советы? Кому делал предложения? Где мои сочинения о республиканских правлениях?

Все сии показания не были приняты в уважение Следственною Комиссиею; ибо Комиссия в записке, исчислив все, как сие, так и другие показания, упоминает, что против меня остаются только два показания: Рылеева и Пестеля, о коих я говорил выше, следовательно, все прочие оставила без внимания.

Но невыгодное против меня предубеждение, сими показаниями произведенное, не менее того осталось; ибо в приговоре сказано, что я виновен в умысле ввести республиканское правление. Сие обвинение не могло основываться на остальном показании Пестеля, ибо сие показание, утверждаемое двумя, отвергалось четырьмя; Комиссия почитала опасным признать оное достаточным к обвинению; закон же таким показаниям веры не дает. Из сего, очевидно, следует, что самое тяжкое обвинение против меня имело побудительною причиною показания явно ложные, нелепые и даже Следственною Комиссиею оставленные без внимания!—Могу ли я после сего истребить в душе моей надежду, что, наконец, настанет для меня время оправдания и истины?

Часть вторая.

Изъяснения на заключения Верховного Уголовного Суда, относительно цели и средств, равно и других обстоятельств, до тайных обществ касающихся.

В решении Верховного Уголовного Суда сказано о родах преступлений, что все части обширного дела о злоумышленных обществах представляют один главный умысл; «умысл на потрясение империи, на ниспровержение коренных отечественных законов, на превращение всего государственного порядка»; что три средства, три главные рода злодеяний предполагаемы были к совершению сего умысла: 1) цареубийство, 2) бунт, 3) мятеж воинский.

Далее, о видах преступлений, что все преступления принадлежат к трем видам: 1) к знанию умысла, 2) к согласию, 3) к вызову на совершение оного.

По первому из сих трех пунктов означаются следующие постепенности:

1) Умысл на цареубийство и проч.

По второму пункту:

1) Учреждение и управление тайных обществ, имевших целью бунт; приготовление способов к бунту или назначением к тому срочного времени, или составлением планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги, или возбуждением и подговором нижних воинских чинов.

2) Деятельное участие в сем умысле, когда он уже был основан другими, участие или распространение возмутительных сочинений и проч.

3) Участие в сем умысле, распространением обществ, или посредством привлечения товарищей, или принятием поручений, и проч.

4) Участие в умысле, но без согласия на меры жестокие или даже и с противоречием оным.

5) Участие в учреждении тайных обществ, впоследствии не только изменившееся, но и сопровождаемое совершенным отстранением от оных.

6) Полное знание сего умысла, хотя без всякого действия.

7) Неполное знание сего умысла, особенно же жестоких его мер, с принятием или без принятия членов.

По третьему пункту о мятеже.

Далее суд излагает, что вины подсудимых у с и л и в а ю т с я: тяжкими последствиями зловредного примера, разрушением воинского порядка, кровавыми действиями некоторого буйственного рассвирепения. Что, напротив, вины о с л а б л я ю т с я:

1) признаками расскаяния, как-то: совершенным удалением от участия в тайном обществе, изменением его видов и отступлением от жестоких его преднамерений;

2) особыми поступками некоторых подсудимых, также к смягчению относящимися;

3) скорым и чистосердечным признанием при следствии;

4) наконец, юностью лет при увлечении в злонамеренное общество.

Наконец, суд упоминает, что вины подсудимых утверждены собственным их признанием и что найдены только четыре лица, коих вины утверждаются по обстоятельствам, а не на сознании.

В числе сих четырех нахожусь я. Быв потребован явиться к суду для оправдания, я не явился. Сия моя неявка ничем достаточно оправдана быть не может. Несмотря на мою болезнь невымышленную, а действительную, не смотря на то, что управляющий министерством иностранных дел в то же время предписывал огласить меня, в случае отказа, государственным преступником; несмотря, наконец, на тогдашнее мое убеждение, что незадолго перед тем посланное мое оправдание будет достаточно для отстранения от меня всех обвинений, с злоумышленностью сопряженных, несмотря на все сие, долг мой был явиться. Я сего долга не исполнил. Признаю себя в полной мере виновным по сему обстоятельству. Но сия вина, за которую я терплю уже будучи поражен ужасным приговором, который я мог бы отстранить от себя, если б лично и в самом начале опровергнул многие и изъяснил некоторые показания, сия вина независима от вины моей, в участии в тайных обществах состоящей. В сей вине я также не оправдываюсь. Я принадлежал к тайному обществу. Но как могу я сказать, что я когда-либо питал в душе что-либо похожее на умысл: «потрясти империю, испро-

вергнуть коренные отечественные законы, превратить весь государственный порядок»? Как могу я сказать, что я для сего когда-либо, хотя на одну минуту желал: «цареубийства, бунта, мятежа воинского»? Нет! Если б жизнь моя зависела от такого поклепа на самого себя — я предпочел бы смерть; ибо собственное презрение к самому себе не позволило бы мне искать утешения в чувстве собственной невинности; я не смел бы тогда взглянуть на небо для отрады! Если же я действительно чувствовал себя виновным в каком-либо из сих преступлений, то где нашел бы я довольно духа и силы оправдываться? Внутреннее чувство, что я искажаю истину, не может дать сей силы. Если же я говорю, то это потому, что я чувствую, что говорю правду, что следую какому-то внутреннему голосу души, который сильно побуждает меня говорить и оправдываться в том, в чем я не виновен.

Обстоятельства, меня обвиняющие, сильны. Но сколько примеров история уголовного судопроизводства представляет, что осужденные по самым ясным обстоятельствам были впоследствии признаны невинными. И судьи Каласа были убеждены в его виновности, когда произносили приговор его! В моем деле приговор основан на обстоятельствах. Он не мог быть основан иначе по причине моей неявки. Но здесь одна вина не может усугубить другой, и если я виновен в неявке, то из сего еще не следует, что я виновен и в умыслах преступных.

Заключение Верховного Уголовного Суда о преступной цели и преступных средствах относится до всех тайных обществ или до всех отраслей тайного общества, и притом до всего времени существования сих обществ или отраслей общества с самого времени их основания до последовавшего бунта. Я не во всех сих обществах участвовал и не во все продолжение их существования. Приняв в совокупности все отрасли общества все умыслы, мнения, все показания, признания членов, — конечно, все сие в целости представляет какую-то огромную массу преступления. Но все ли части общества, и во все ли время, все ли члены общества были равно преступны? Относительно виновности членов — степени были распределены различно. Следовательно, не все признаны равно виновными. Различать эпохи в виновности самых обществ было не нужно; ибо виновностью членов определялось все существенное. Посему каждый ответствует за свое участие. Но все сии члены были налицо; делая признания, они могли опровергать то, что находили несправедливым. Они имели все средства к оправданию. Хотя и собственною виною, но я был лишен средств сих; и потому, делая и мое признание, я обязан ссылаться на самые эпохи существования общества. Ссылка на сии эпохи должна споспешествовать к объяснению слов моих. Надеюсь, что по внимательном рассмотрении обстоятельств, мною излагаемых, и особенно приняв в соображение ужасное положение, в котором я нахожусь, изъяснения мои найдут, наконец, веру, которой они истинно заслуживают, несмотря на обвинения, меня тяготящие.

Следственная Комиссия в рапорте своем (стр. 28) говорит, что оба общества, новое С.-петербургское и Южное, имели одну цель: испровержение существующего порядка, и в обоих уже занимались сочинением законов для преобразования России; и для достижения сей цели, также в обоих, думали употребить одни средства: силу, действие войск; и при сем Комиссия замечает, что по всему видно, что сия мысль родилась в них не прежде 1821 года [1]).

Из сего следует, что прежде сего времени общество, известное под названием Союза Благоденствия, не признавало испровержение порядка целью и возмущения — средствами. Я принадлежал только к сему первому обществу; я никогда не знал в обществе другого устава, кроме Зеленой книги. Сие общество было уничтожено, прежде нежели родилась мысль о бунте, и Комиссия приписывает сию мысль именно новому петербургскому, а не старому обществу. По уничтожении общества в Москве, я в новое никогда не вступал. Я, конечно, знал, что старые члены старались образовать новое общество, но никогда не знал, что оно действительно образовалось. Показание одного, что я сам начинал, но не кончил, составление общества, я объяснил выше; впрочем, о цели и средствах сего несоставленного общества в показании ничего не упоминается. Показание Никиты Муравьева, что я с ним основал новое общество, явно ложно, как я изъяснил выше, повторяю теперь и повторил бы при последнем издыхании жизни [2]). Показание Рылеева, что я участвовал на совещании, опровергается числами. Одним словом, никто не показывает именно, кроме меня самого, чтобы я действительно принимал какое-либо участие в новом обществе, в 1822 году

---

[1]) Новое С.-петербургское общество основано, как видно по рапорту (стр. 26), не прежде конца 1822. По сему сии слова рапорта должны относиться более к обществу Южному или лично к членам, в Петербурге бывшим.

[2]) Теперь, взглянув на рапорт Следственной Комиссии, нахожу новое противоречие в сем показании Никиты Муравьева, которого не заметил прежде. На стр. 26 рапорта говорится, что в новом петербургском обществе союз убежденных, или верхний круг, составлялся из основателей; принимали в оный и других из союза соединенных, но не иначе, как по согласию всех находящихся убежденных. Так как по словам Никиты Муравьева я был одним из основателей, то я принадлежал к союзу убежденных и давал согласие на принятие. Но тут же Муравьев говорит именно, что я не участвовал в принятии новых членов. Что же я делал в обществе? В чем участвовал? По словам Муравьева можно заключать, что если я не участвовал в принятии, то другие принимали или что-нибудь делали. Как не мог он вспомнить никакого действия с моей стороны? Может ли и теперь он вспомнить, что он по крайней мере сказал мне что-либо о восстановлении общества? По самому показанию Муравьева очевидно, что он чувствовал, что я ничего не делал, ибо именно прибавляет, что я не участвовал даже в принятии. Это подкрепляет вышеозначенное предположение мое, что Муравьев, приписав мой отказ соединиться с ним и Луниным моему намерению составить новое общество с Оболенским и другими, соединившись после с ними, думал, что соединился и со мною. Но когда пришлось ему говорить обо мне, то он, даже и под влиянием сего мнения, сказал, что я не принимал членов. Таким образом ошибочное свое предположение, что я участвовал в возобновлении общества, Муравьев сам опровергнул положительным объявлением, что я не действовал в качестве основателя.

устроенном; то-есть, чтобы я присутствовал на совещаниях, делал предложения, разделял мнения других. Все мое участие в делах тайных обществ после 1822 года состоит в совещании, на которое я попал случайно, и сие участие я показываю сам на себя, ибо обязан говорить истину и против себя и в оправдание мое. На сем совещании, как я выше изложил, было рассуждаемо о начальных основаниях обществ и о соединении с Южным. Следственно, ни о цели, ни о средствах говорено не было.

Из сего следует, что не только я сам лично никогда не признавал ни цели испровержения, ни средства возмущения, но что и общество, в котором я действительно находился, сей цели не имело. Устав сего общества известен. Я не знавал другого устава. Но и в сем обществе, еще задолго до его уничтожения, я уже не принимал никакого деятельного участия. Не видя успеха в моих предложениях, я и от сего общества отстал. Совещания в Москве опять возбудили было во мне заснувшие надежды касательно способствования к освобождению крестьян, но, к счастию, все кончилось одними словами, и ничего не было вновь устроено.

В другом месте (стр. 52) Следственная Комиссия говорит, что в петербургском обществе бо́льшая против прежнего и беспокойная деятельность явилась особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого. Рылеев, как видно на стр. 27 рапорта, вступил в думу в конце 1824 года. Я оставил Петербург в начале 1824. Следовательно, деятельность в обществе явилась после моего отъезда за границу. Сие показывает также, что я весьма легко мог быть в совершенной неизвестности о вновь устроенном обществе; ибо оно было не деятельно, покуда я мог, находясь в Петербурге, по крайней мере что-либо узнать о новом обществе.

Но если преступная цель и преступные средства не были изложены в уставе общества, к которому я принадлежал, то сия цель и средства преступные явствуют из признания самих подсудимых. Так конечно. И если действительно члены общества признавали цель и средства преступные, даже и не написав сего в уставе, то я был бы равно виновен. Но члены общества, делая сии признания, говорили о всем времени существования всех обществ с самого начала до возмущения. Как могли изменяться и мнения и намерения их не только с того времени, когда я уже отстал от них, но даже и со времени моего отъезда за границу! И не явствует ли из рапорта Следственной Комиссии, что действительно общество петербургское направилось к преступлениям именно в течение сего времени, то-есть тогда, когда я не был уже, не только в обществе, но и в России?

К тому же признания различных подсудимых о преступности цели и средств обществ не все одинаково касаются до каждого из членов общества. По рапорту видно, что не только во все существование общества, к которому я принадлежал, но и прежде и после, некоторые члены питали и сообщали друг другу самые преступные, злодейские намерения.

О сих намерениях они говорили не в совещаниях общества, а в частных своих, прочим неизвестных, совещаниях. Те, коим намерения сии были вовсе неизвестны, не могут в оных ответствовать. Одни признаются в замыслах на цареубийство, другие в намерении бунтовать, и где и как начать бунт, иные в сочинении проектов конституций [1]). Но те, кои никогда ничего не знали о замыслах цареубийственных, о намерениях бунтовать, кои не читали их конституций, не могут в сем ответствовать. Лично на меня нет не только никаких показаний, что я когда-либо знал о намерениях цареубийственных; но никто даже не показывает на меня именно, чтобы я изъявлял какие-либо мнения, означающие мои желания ввести конституцию или каким бы то ни было образом изменить существующий государственный порядок. Все, что может в сем отношении относиться до меня в качестве члена общества, состоит в показаниях Якушкина и Фон-Визина, с одной стороны, и в показании Семенова—с другой. Но показания первых двух относятся к совещаниям в Москве, оставшимся без результата. Итак, остается показание Семенова (стр. 16), сходное с первыми, что «целью Союза было изменение государственных установлений и что для сего признавали нужным усиливать общество, распространять политические знания и стараться овладеть мнением публики».

Ниже сего я излагаю, что́ было моею целью и в обществе и в жизни. Теперь скажу только вообще, что я никогда и сам не имел целью изменения государственных постановлений (и не знал и не видал), чтобы общество, к которому я принадлежал, приняло цель сию. За частные мнения членов я отвечать не могу, тем более, что мнения весьма немногих были мне известны. Даже я редко имел случай и слышать сии мнения, и, например, показания Фон-Визина и Якушкина о изъявлении сей цели в Москве могут относиться к тому времени, когда я в Москве не был, ибо, как я упомянул выше, во время съезда московского, я съездил в Симбирск и в деревню для устройства дел.

Вот относительно цели и средств общества обвинение некоторым образом меня касаться может. К обвинению меня в желании цареубийств, бунтов, мятежей нет никакого основания во всем производстве дела. Против же сего первого обвинения, на показании хотя одного лица основанного, я обязан ответствовать и исполню сие откровенно, не обременяя совесть неправдою.

Ответ мой разделяется на две части: цель общества и цель моя собственная.

---

[1]) Один из подсудимых (Никита Муравьев) в признании своем говорит, что самое существование общества было противно нравственности (стр. 7); рассуждавшие о цареубийстве могут делать такие показания. Но какая сила могла бы меня на минуту удержать в обществе, если б, по вступлении в оное, я нашел, что оно противно нравственности? Мог ли я тогда предвидеть, какие ужасные последствия будут выведены из учреждения, которое я до того почитал ничтожным, что никакая мысль об ответственности не входила мне в голову, об ответственности как перед законами, так и перед собственною совестью?

Имело ли общество целью изменение государственных установлений?

Соображая впечатления, которые остались в моей памяти о том, что я слыхал от различных членов общества, с тем, что я ныне вижу в рапорте Следственной Комиссии, я думаю, что многие члены с каким-то удовольствием думали или, может быть, только говорили о представительных формах правления.

Надеялись ли они достижения сей цели в России, и достижения особенно посредством общества? Сего я никак не могу утвердительно сказать, ибо такой надежды я никогда ни в ком не замечал.

Я утвердительно могу сказать, ни мало не оскорбляя истины, что изменения государственных постановлений не было никогда принимаемо обществом, при мне, целью, не только письменно, но и словесно. Но полагаю теперь, что уже существование общества тайного как будто намекало на такую цель, так что вступавшие могли ожидать или предполагать цель сию. Однако ж, вступив в общество и не видя в нем сей цели, члены часто спрашивали один другого: «Но где цель общества?» На такие вопросы я не слыхивал иных ответов, как: «Старайтесь распространять политические сведения, умножать число членов» [1]). Иные часто настаивали, что целью общества должно быть, кроме сего, помогать друг другу. Ничего не могу сказать о том, какую цель и каким образом различные члены сообщали новопринимаемым членам [2]). Когда я сам вступил в общество, мне также никакой особенной цели не объявляли.

Вот все, что я знал о цели и средствах как самого общества в целости, так и различных членов общества. Ужасные подробности всех действий и намерений различных обществ и членов, которые я узнал из рапорта Следственной Комиссии, наполнили мою душу горестью и какою-то неизъяснимою, мучительною досадою.

Тут впервые узнал я то, о чем не имел даже предчувствия. С кем был я в сношениях, — спрашивал я сам себя, — и в сношениях тайных! Это ненавистное качество т а й н ы должно неминуемо распространиться на всех и на все; тайные злодейства должны заразить и тайные заблуждения. И для чего было покрывать завесою тайны м о и намерения? И, наконец, чего я искал, чего я надеялся от сих тайных сношений? Упреки позднего

[1]) Если тогда уже была принята мысль о возмущении, то для чего было бы членам беспрестанно спрашивать друг друга о цели общества? Для чего говорить о распространении политических сведений? Все сие явно противоречит с мыслью о возмущении. Истина в том, что цель при мне никогда не была положительно определена; а средств при мне не только принимаемо, но и предлагаемо не было никаких, кроме тех, о которых я говорю.

[2]) Впрочем, показания на стр. 8 и 27 рапорта Следственной Комиссии, что к сведению о цели общества приготовляли нововступающих понемногу, относятся: первое, к обществу под названием Союза Спасения, существовавшему прежде Союза Благоденствия, а второе — к новому петербургскому обществу. Ни то, ни другое до меня не касается.

благоразумия теснились в мыслях моих, и всему я находил если не оправдание, то изъяснение в несчастной моей идеи уничтожения рабства, которая точно была моею нравственною болезнию, какою-то лихорадкою, которая мучила меня беспрестанно и не позволяла мне хладнокровно видеть вещи в настоящем их виде. Это ослепление простиралось до такой степени, что хотя я и видел, что имею дело с людьми, по большей части совершенно ничтожными и по молодости и по крайней необразованности; хотя и видел, что одни меня не понимают, другие не хотят понимать, но при всем том я старался извлечь из них пользу для дела, мне священного. «Они молоды, необразованны, думал я, но они — помещики, имеют крепостных людей. Разговаривать с ними для меня скучно, но разговоры мои могут иметь последствием несколько отпускных!» Иногда мне входило в голову, что другие мои знакомые, не принадлежащие к обществу, может быть, не одобряют связей моих с обществом. Но я отвечал сам себе, что без эгоизма я не могу отказаться и от сего скучного средства действовать к цели для меня важной.

После всего может ли показаться невероятным, когда я скажу, что я лично никогда, ни в обществе, ни в жизни, не имел иной цели, кроме освобождения крепостных людей? О предметах политических вообще я сначала слушал разговоры других терпеливо, но под конец я восставал против всех так называемых либеральных мнений, видя, что говорившие только говорят и ничего не хотят сделать для отпуска своих людей. Часто доказывал я им, что в государствах конституционных уничтожение рабства гораздо труднее, нежели в государствах самодержавных [1]). Иногда, слыша критические замечания на счет правительства, я отвечал, что они хулят правительство, а сами достойны хулы всего более, ибо не хотят отказаться от прав на крепостных людей. Правительство, говорил я им, защищает крепостных людей от ваших угнетений. Пусть спросят сего самого Семенова, о показании коего я говорю; не слышал ли он от меня несколько раз всего, что я здесь излагаю. Ему, более нежели кому-либо, я говорил это, ибо через него слышал о том, что говорили другие. Ему мой образ мыслей о всех сих предметах был совершенно известен. Пусть он говорит все, что от меня слышал, пусть говорит о моих мнениях, о моих намерениях. Я ничего не желаю, кроме истины. Не хочу быть в глазах других ни лучше, ни хуже того, чем я был в самом деле. Я готов признать ответственность за все то, чем я был: прошлое не в нашей власти, но не могу ответствовать за то, чем меня делают показания других. Как, в особенности, могу я ответствовать за желание конституций, когда я всегда почитал всякую конституцию не только препятствием к уничтожению рабства, но и сильнейшим укоренением оного. Терпеть

[1]) Неоднократно случалось мне говорить в виде сравнения, что представительные формы правления суть дессерт, а голодному нужен хлеб, разумея под оным уничтожение рабства крестьян.

за истину есть уже несчастие, но терпеть за то, против чего я сам восставал!

Я откровенно признаюсь в мнениях моих и в смысле моих действий и разговоров касательно уничтожения рабства. Признаюсь, что я жил для сей цели, признаюсь, что жертвовал всем, чем мог, для достижения сей цели,— спокойствием, выгодами и приятностями жизни и даже всем бытием моим, как последствия показали!

Если желание и стремление к сей цели было преступление, если уничтожение рабства есть испровержение государственного порядка, то я виновен. Не могу решить сам сего вопроса, как потому, что при всей чистоте моих намерений я не могу быть судьею в собственном деле, так и потому, что сия цель и стремление к ней слишком владела и управляла мною во всех поступках моих, так что я не могу хладнокровно различить, где останавливается стремление позволительное и где начинается преступное.

Все, что я могу сказать в свою пользу, есть, что мои желания, мои надежды находили иногда некоторое одобрение со стороны т о г о, который, будучи выше предрассудков прочих людей и душею и саном, назначен был, казалось мне, самим небом для избавления России от величайшего несчастия, от единственной преграды ко всем успехам образования, промышленности, богатства. Изложив однажды и невыгоды крепостного состояния в России и некоторые средства к отстранению сих невыгод, и изложив с совершенною свободою и мыслей и выражений, сие рассуждение мое было представлено покойным графом Милорадовичем государю императору. И теперь я осужден оправдываться в деле, где рука злодея прекратила жизнь человека, коему я обязан, может быть, счастливейшими минутами в жизни! Представив мое рассуждение государю императору, граф Милорадович сообщил мне, что его величество имеет несколько подобных планов, что намерен со временем избрать лучшее из всех и что при сем государь император показывал графу печать покойной императрицы Екатерины II, с изображением улья с пчелами, говоря, что это был девиз его бессмертной бабки и будет его девизом для сего дела. При сем граф Милорадович так живо осыпал меня различными ласками, что я принужден был просить его умерить его голос, ибо это происходило в Государственном Совете, и я не желал, чтобы внимание других членов Г. Совета было обращено на предмет, о котором говорил граф. Какие бы бедствия ни тяготили меня, это происшествие будет для меня вечным утешением в моем несчастии!

Изложив все то, в чем я подлежу ответственности касательно цели и средств тайного общества, быть может, строгость правосудия, объявив, что нет по делу ясных доказательств к обвинению меня в умысле испровержения государственного порядка и в средствах цареубийства, бунта, мятежа, не освободит меня от подозрения в таком умысле и в таких средствах. Но и подозрения в преступных намерениях, вовсе и всегда мне чуждых, я снести не могу. И бремя действительной вины так уже

сильно тяготит меня, что только мысль, что мои намерения были всегда чисты, несколько меня поддерживает. Вина моя в заблуждении. Причина заблуждения — одна главная идея, исключительно овладевшая всеми моими мыслями, всеми чувствами; необузданное стремление к сей идеи. Тут и вина, тут и мое несчастие. Должно ли сие несчастие быть увеличено подозрением, которого я никогда не заслужил, даже в минуты самых сильных порывов? Нет! Никогда, никогда никакой злой умысл не входил ни на минуту в мою душу, и посему я не заслужил и, надеюсь, не заслужу никакого подозрения!

Означив роды и виды преступлений, Верховный Уголовный Суд означает различные постепенности по первому, второму и третьему пункту. Так как в приговоре сего Суда обо мне не упоминается о пунктах 1-м и 3-м, то я должен говорить только о втором, т.-е. о бунте. Постепенности в сем случае суть следующие:

1. Учреждение и управление тайных обществ, имевших целью бунт, приготовление способов к бунту или назначением к тому срочного времени, или составлением планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги, или возбуждением и подговором нижних чинов.

Если принимать сие изложение в строгом, буквальном смысле, т.-е. признать, что только те общества виновны, кои имели целью бунт, то сие обвинение до меня касаться не может, ибо нигде во всем производстве дела никто не показывает, чтобы то общество, к которому я принадлежал, или даже новое петербургское общество (коего почитают меня восстановителем) во все время, покуда я находился еще в России, имело целью бунт. Если же некоторые члены и старого, общества и в то время, когда я принадлежал к нему, имели цель сию, то я оставался чужд их намерениям, и вообще никто не показывает, чтобы я участвовал в таких намерениях по какому бы то ни было обществу.

Впрочем, я не учреждал и не управлял никаким обществом. Если сюда же относится восстановление общества, то в сем хотя меня и обвиняют, но сии показания опровергаются обстоятельствами, числами, неопределительностью и противоречием показаний между собою. Все сие я изъяснил выше. Вина моя состоит в том, что я принадлежал к обществу тайному, но не имевшему целью бунта. Сие ясно видно из самого рапорта Следственной Комиссии. Итак, для сей моей вины нет категории в решении Верховного Уголовного Суда, и в сем отношении я повергаю и вину и участь мою правосудию и великодушию государя императора.

Равномерно по всему же производству дела нет никаких против меня показаний касательно приуготовления способов к бунту, назначения срочного времени, составления планов, уставов, конституций, прокламаций, форм присяги и подговора нижних чинов.

Здесь я должен упомянуть, что не только я сам ничего подобного не составлял, но никогда не читал, и не видал, и не слыхал о проектах

конституций, составляемых, как видно по рапорту След. Комиссии Пестелем, Муравьевым, Трубецким [1]).

2. Деятельное участие в сем умысле, когда он уже был основан другими, участие или распространение возмутительных сочинений и пр.

Никто на меня не показывает сочинения чего-либо возмутительного. Показание Митькова о том, что у него читали одобренную в семи мою записку о средствах получить конституцию, не может быть отнесено сюда, ибо Митьков не говорит, чтобы сия записка была возмутительная. Впрочем, я объяснил выше неосновательность сего никем неподтвержденного показания. Теперь же присовокупить должен, что я даже и не читывал никогда подобных сочинений.

3. Участие в сем умысле распространением обществ или посредством привлечения товарищей, или принятием поручений.

Я изъяснил, что Митьков, коего принятие в общество на меня показывается, знал об обществе прежде и не чрез меня, что я отговаривал ему вступать в общество и что все мои действия в сем отношении ограничиваются тем, что я дал ему прочесть Зеленую книгу, после чего я никогда даже и не видал Митькова по обществу. Никакой цели, никаких умыслов я Митькову не сообщал. Принятие Миклашевского и Толстого я также объяснил, но и тут не могло быть участия в умысле бунта, ибо показывающий на меня сие принятие говорит, что не знает, был ли и устав общества, в которое я сих членов, по его словам, принял. По рапорту же Следственной Комиссии видно, что в это время и общество новое еще образовано не было, а старое было разрушено.

Таким образом и здесь вина моя не подходит под категорию, судом постановленную, и участь моя и в сем случае должна зависеть единственно от воли государя императора.

Что касается до принятия поручений, то в сем случае есть два показания против меня: 1) поручение ехать в Москву и 2) поручение издавать журнал.

По поручению или по собственному вызову я поехал в Москву, это не изменяет виновность. Но результат поездки должен несколько уменьшить сию виновность, ибо самое общество было разрушено.

Издание журнала мне никто не поручал. Впрочем, если бы и было такое поручение, то оно не было исполнено, ибо журнала не было издаваемо. Показание, что издание журнала было поручено мне обществом,

---

[1]) Здесь представляется новое доказательство, как мало я был в тайных сношениях с прочими членами. Трубецкой еще при мне возвратился из чужих краев; Муравьева я довольно часто видал даже и тогда, когда уже не думал об обществах, но ни один из них никогда не сообщал мне своих проектов, хотя бы, по роду моих занятий, казалось, что мне они скорее бы должны были сообщить сии проекты, нежели прочим. Не показывает ли сие также, что сии сочинители конституций полагали, конечно, что я не разделял в сем отношении их мнений?

о коем говорится в примечании на стр. 18 рапорта Следственной Комиссии, я изъясняю тем, что показавший сие, зная, что я принадлежал к обществу, мог думать, что я действую по поручению общества. В сем показании, никем, впрочем, не подтвержденном, говорится также, что, кроме журнала, общество намеревалось действовать на общее мнение посредством песен, карикатур и хотело для сего иметь литографию за границей и тайную типографию. Я на сие могу только сказать, что я никогда не слыхал никаких предложений ни о песнях, ни о литографиях и типографиях. Журнал же я предполагал публиковать не иначе как публикуются другие журналы.

4. Участие в умысле, но без согласия на меры жестокие или даже и с противоречием оным.

Не слыхав никогда ни от кого о сем умысле, я не имел случая ни изъявлять согласия, ни противоречить. Единственное против меня показание Рылеева, что я изъявил согласие на вывоз императора за границу, Верховным Уголовным Судом не принято во внимание и теперь опровергается сличением чисел.

5. Участие в учреждении тайных обществ, впоследствии не только изменившееся, но и сопровождаемое совершенным отступлением от оных.

Я не участвовал в учреждении, но вступил уже в учрежденное общество, которое после было уничтожено. В новое общество я не вступал и, наконец, за два года до происшедшего бунта не был даже и в России и в это время ни с одним из бывших членов общества не был ни в какой переписке.

6. Полное знание сего умысла, хотя без всякого действия.

Нет ни одного показания в деле, чтобы я знал не только вполне, но даже и малейшею частию умысел бунта.

7. Неполное знание сего умысла, особенно же жестоких его мер, с принятием или без принятия членов.

Нет ни одного показания, чтобы я знал или слыхал о каких-либо жестоких мерах. Показание Рылеева опровергается числами.

Во всех сих статьях я ищу вины моей — и не нахожу нигде. Итак, действительная вина моя еще не определена.

Далее суд излагает, что вины подсудимых у с и л и в а ю т с я: тяжкими последствиями зловредного примера, разрушением воинского порядка, кровавыми действиями некоего буйственного рассвирепения. Все сие до меня касаться не может.

Что, напротив того, вины ослабляются: 1) признаками раскаяния, как-то: совершенным удалением от участия в тайном обществе, изменением его видов и отступлением от жестоких его предназначений; 2) особыми поступками некоторых подсудимых; 3) скорым и чистосердечным признанием при следствии; 4) наконец, юностью лет.

Видя из сего, что даже и вина, в умысле бунта состоящая, ослабляется совершенным удалением от участия в тайном обществе, могу ли

я не надеяться, что моя вина, в принадлежности к тайному обществу состоящая, но непричастная никакому умыслу бунта, будет также уменьшена совершенным моим удалением от тайного общества, удалением, явствующим по крайней мере из отъезда моего за границу за два года до бунта. Конечно, я сознаюсь, что не раскаяние побудило меня ехать за границу и даже что не раскаяние побудило меня оставить все тайные сношения гораздо прежде сего отъезда. Нет! первое чувство истинного, глубокого раскания родилось во мне не прежде как тогда, когда из рапорта Следственной Комиссии узнал все ужасы тайных обществ. Прежде я не только не чувствовал виновности своей, но почитал общество делом ничтожным и даже ребяческим, и заблуждение, ослепление сие, простиралось до такой степени, что, когда впервые я узнал о возмущении, я и тогда не воображал, что оно произошло или даже могло произойти от тайных обществ! Если меня будут осуждать за сие ослепление, то я ничего не имею сказать в свое оправдание, ибо это истинно и справедливо. Я никогда не воображал, чтобы то, что я знал о обществах и о членах, могло иметь когда-либо такие ужасные последствия! [1])

Часть третья.

Соображения.

В продолжение моих изъяснений я старался показать, ссылаясь на производство всего дела, в рапорте Следственной Комиссии изложенное, что оно не представляет доказательств достаточно ясных и несомненных к обвинению меня в намерениях злоумышленных, в намерениях убийств и бунтов. Не могу не надеяться, что, несмотря на горе и смущение, не позволяющих мне сделать более правильных изъяснений, несмотря на прошествие нескольких лет, изгладивших из моей

---

[1]) В подкрепление и изъяснение того, что я говорю выше о различии эпох и отраслей общества, не могу ли я — даже для собственного моего утешения — сослаться на самое пространство изложения в рапорте Следственной Комиссии о каждой из эпох и отраслей общества? Рапорт сей изложен на 88 страницах. Из сего числа только 10 (от 12 до 21) посвящены изложению о Союзе Благоденствия, к коему я принадлежал; 2 (23—24) — изложению о московских совещаниях; 3 (26—28)—о новом обществе в Петербурге, до времени моего отъезда за границу. Итак, пять шестых частей всего производства дела нимало до меня даже не может касаться или по совершенной неизвестности, или по причине отсутствия. И изложение о той эпохе, которая до меня касается, не только отличается краткостью, но и меньшею значительностью обстоятельств. В сем изложении (12—21) содержится и устав Союза Благоденствия и описания некоторых совещаний. Все ужасы и злодейства принадлежат к другими эпохам или обществу Южному, коего планы и действия вовсе были мне неизвестны и в коих никто меня не обвиняет. Сие обстоятельство, не оправдывая тайного общества ни в какую эпоху, показывает, однако же, что общество в то время, когда я к нему принадлежал или даже мог принадлежать, по самому изложению происшествий, не было так виновно, как другие или во время моего отсутствия из России.

памяти все с тайными обществами сопряженное, и сии изъяснения будут, по крайней мере в сем отношении, успешны. Но надежда моя, сильная внутренним чувством совести, простирается далее: я ищу отстранить от себя и малейшее подозрение в таких намерениях. Но как отстранить подозрение, когда я сам признаю вину свою в принадлежности к тайному обществу? Это, конечно, трудно, но не невозможно. Это даже должно быть возможно, ибо отстранение т а к о г о подозрения будет только утверждение истины. Истина всегда м о ж е т торжествовать, хотя и не всегда торжествует. В подкрепление слов моих да позволено мне будет представить некоторые соображения, кои могут показать, что все, что я говорю о неучастии моем в злоумышленности, имеет гораздо более основательности и правдоподобия, нежели сколько можно предполагать при первом взгляде на все дело. Облегчив душу и признанием вины и отстранением обвинений не заслуженных, я тем с большею доверенностию буду излагать сии соображения, что уверен, что и для судей и для людей вообще, по самому свойству сердца человеческого, легче возвратиться к мнению выгодному о человеке, коль скоро есть сомнение в виновности и правдоподобие в невинности, нежели продолжать питать мнение невыгодное, когда обстоятельства обвинения уже изменились и когда нет тех ясных причин для осуждения, коих требуют законы человеческие и еще более закон христианский.

Как, скажут мне, посреди всех этих ужасов, изъяснение коих утомляет и душу и воображение каким-то омерзением, как случилось, что я во всех сих ужасах не только не участвовал, но и не знал о них совершенно ничего? Я был в сношениях, и в сношениях тайною покрытых, с злоумышленниками; в чем же состояли сии т а й н ы е сношения, если не в участии в сих преступных замыслах?

Вот изъяснение сей невероятности:

Прежде всего я скажу, что при всех недостатках и пороках моих я никогда не питал в душе моей ничего злодейского. Всякое злодейство, всякое гнусное дело, даже всякая несправедливость наполняли душу мою сильным негодованием. Напротив, я всегда, особливо в молодости, питал любовь или сильное доброжелательство к людям вообще; пламенно любил добро и с каким-то энтузиазмом, может быть, чрезмерным, обожал справедливость, правду. Вследствие сего, с одной стороны, я, естественно, предполагал те же чувства, в большей или меньшей степени, в людях вообще, особливо же в тех, кои говорили о пользе общей, о благе общем. Веря добродетели, я верил и людям, говорившим о добродетели. Недоверчивость к людям рождается с летами и с несчастливою опытностью. Сначала, в молодости, те только не верят людям, кои ничему не верят. С другой стороны, сии мои чувства и изъяснение оных долженствовали препятствовать и предупреждать других сообщать мне что-либо, противное оным.

В сем расположении мнений и чувств я узнаю людей, соединившихся особенною связью, дабы действовать общими силами для пользы не своей собственной, но для пользы общей [1]). Сии люди показывают мне правила [2]), по коим они действуют или желают действовать. В сих правилах я нахожу только один недостаток: слишком обширное пространство круга действий. Но, думаю я, если сотая часть их предположений исполнится, то и то хорошо. Я не видел никакой причины отказаться от предложения, мне сделанного, вступить в связь сию. Напротив, я видел для себя лично особенный повод для вступления: в уставе говорилось и об изложении правила государственного хозяйства. Сим предметом я занимался более прочих, кого я знал тогда в России, и предполагал, что мое содействие в сем отношении должно быть особенно полезно. Ни малейшая догадка, никакое подозрение злоумышленности не могло войти мне в голову. Я не находил в уставе, ни от людей, оный мне сообщивших, не слыхал ничего такого, что могло бы произвести во мне такое подозрение. Теперь я вижу, что прежде сего устава, прежде сего Союза Благоденствия, был уже другой устав, был другой союз, были даже замыслы на цареубийство, на бунты. Но участвовавшие или знавшие о сих уставах, о сих замыслах хранили их от меня в тайне. И что могло бы их побудить сделать меня участником сих тайн? Находили ли они во мне что-нибудь такое, по чему они могли бы заключить, что я одобряю такие умыслы или даже, что я хладнокровно услышу сообщение таких умыслов?.. Не знаю теперь, должен ли я благодарить судьбу за то, что она сохранила меня не только от знания и от подозрения сих замыслов. Не полезнее ли было бы для меня, еслиб я в самом начале узнал и о злодейских правилах и о злодейских замыслах? Не знаю! Душа моя чиста, и я не страшусь видеть во всем волю провидения, и, не зная, что было бы для меня полезнее, я обязан благодарить небо за сохранение меня, столь явное, и от участия, и от всякого сведения всего, что в общем деле есть злодейского, злоумышленного. Не могу даже не признать в сем сохранении явного покровительства свыше. Провидение меня сохранило! Самые злоумышленники пощадили меня от сообщения мне их преступных замыслов! Неужели мои судьи... Нет, в спасении прошедшем я вижу залог спасения будущего, признание полной моей невинности в каких бы то ни было з л ы х умыслах!

Вступив в общество, я скоро увидел, что оно ничего не делает; познакомясь покороче с некоторыми членами общества, я убедился,

[1]) Теперь первоначальные учредители сей связи говорят, что честолюбие было не чуждо их намерениям. Я не могу, может быть, освободить себя вовсе от собственных упреков в честолюбии, но могу сказать, что честолюбие никогда не было побудительною причиною моих действий. К тому же я никогда не видал и не мог видеть пищи для честолюбия иначе как в службе государственной; и так как мои планы и надежды по службе не были никогда неумеренны, то в удачах, кои мне по службе встречались, я находил даже более, нежели сколько ожидал, и сколько мог благоразумно ожидать.

[2]) Сии правила изложены в так называемой Зеленой книге.

что почти все они и не в состоянии ничего делать. Но вместе с сим я видел, что если они не могут действовать, по недостатку средств и образованности, то по крайней мере они расположены ко всему полезному, показывают большую охоту к занятиям, к учению, читают книги, желают заведения школ и т. п. Мне казалось, что если они не будут полезны для других, то найдут пользу для себя. Многие спрашивают моих советов о книгах, о предметах занятий. Я давал сии советы; но, видя, что недостаток приуготовительных сведений не позволяет им приобрести много пользы из книг, кои и понимать им будет трудно, я решился облегчить для них занятия изложением первоначальных правил политики общей. Для сего я начал переводить одну из моих тетрадей, написанную мною при слушании лекций о политике в Геттингене, лекций, с коих начинают свое ученье все посвящающие себя наукам политическим. Сим переводом я занимался несколько времени; но так как сношения мои с членами общества становились со временем реже и реже и, наконец, прекратились, то я оставил перевод, и сие намерение мое не имело никакого результата.

Между тем я присутствовал на некоторых совещаниях. Со вступления моего в общество до уничтожения оного в Москве, едва ли таких совещаний, где я был, было более пяти. Обыкновенно повод к сим совещаниям для меня состоял в том, что секретарь общества, Семенов, приходил ко мне и говорил: «Оболенский и другие члены, особенно офицеры Измайловского полка, жалуются на недеятельность общества и особенно на Никиту Муравьева. Я говорил о сем Муравьеву,—продолжал Семенов,—положено собраться в такой-то день у Муравьева». В другой раз Семенов говорил: «Положено собраться у Колошина, у Глинки». Но причина собраний всегда была одна и та же: жалобы различных членов, между коими всего чаще слыхал имя Оболенского. Вследствие сего собирались на совещания. Жаловались на худое устройство общества; но так как никто не мог придумать лучшего, то скоро разговоры об обществе прекращались и переходили к общим предметам: один сообщал газетные новости о камере депутатов во Франции, хвалил новую книгу Прадта, Констана, другой читал новые стихи Пушкина, третий смеялся над цензурою журналов и театров и пр. и пр.

В одном из сих так называемых совещаний, на которых, впрочем, никогда не было ничего решаемо, я предложил вменить всем в обязанность отпускать крепостных людей на волю. Все приняли мое предложение. Но охота, с которою оно было принято, происходила, думаю, более от того, что члены как будто рады были, что, наконец, явилось хотя одно предложение и что, наконец, состоялось хотя одно постановление: так что по крайней мере хотя одно совещание имело цель и результат. Я надеялся, что мое предложение не только будет превращено в постановление, но и исполнено. Исполнения никакого, однако же, не было, и когда впоследствии Семенов являлся ко мне с сообщениями, что члены жалуются на недеятельность общества, то я отвечал, что они

сами не исполняют собственных своих постановлений. После сего сношения мои совершенно прекратились.

Вот единственное совещание, о котором я могу привести какой-нибудь факт. Все прочие не имели иного повода, кроме жалоб на недеятельность общества, и совершенно никакого результата. К сему же времени должно относиться и совещание, о котором говорит Пестель. Я помню, что видел однажды Пестеля в это время; помню, что нередко говорили о различных формах правления, вспоминаю и собственную свою шутку, при которой я сказал что-то: без фраз, в ответ, вероятно, на слова другого. Но как верить Пестелю, что было совещание о том: «какой образ правления надлежит ввести в Россию?» Откуда могло вдруг родиться такое предложение, когда во всех совещаниях до того времени говорили только о том, как устроить не Россию, а Союз Благоденствия? Может быть, о введении форм правления и особливо республиканского в России Пестель рассуждал с некоторыми членами частно, что весьма вероятно, ибо они рассуждали о цареубийстве! Одно совещание, обществу чуждое, он мог смешать с другим. Но как на совещаниях наших от устройства общества, от отпускных можно было перейти вдруг к предмету о введении республиканского правления в России? Такая чудовищная невероятность была бы достаточна для уничтожения показания Пестеля, если б оно и не было именно опровергаемо другими членами.

Здесь я должен изъяснить, что большую часть членов, коих я встречал на совещаниях, я нигде более не встречал. Вне совещаний я виделся только с весьма немногими. С одним, Никитою Муравьевым, я видался в его доме, где по воскресеньям бывал на обедах. У него видал Трубецкого и двух других Муравьевых, также Лунина. О обществе, во время таких свиданий, не говорили, как потому, что мы бывали тут не одни, так и потому, что и нечего было говорить и что и на совещаниях разговоры о обществе наводили на всех скуку и потому скоро были оставляемы. Кроме сего, я виделся, хотя и реже, еще с двумя членами: Глинкою и Бригеном. Поводом моих с ними свиданий было, конечно, не общество, но привязанность, которую я к ним имел лично. Первый вообще мало думал об обществе, быв занят размышлениями иного, высшего рода. Последний посвятил все свое время чтению книг, учению, и от него я никогда не слыхивал о обществе и о различных членах ничего, кроме насмешек и шуток, показывавших совершенное его убеждение в ничтожности общества и в истинном ребячестве большой части членов.

Многих членов я совсем не знал и слыхал о них только от Семенова. Вообще члены общества, сколько я могу судить, более знались между собою, так сказать, отдельными обществами, так что все общество разделялось на несколько отдельных отраслей. Иные жили вместе, иные были связаны приязнию. Я более всего слыхал о Оболенском и о некоторых офицерах Измайловского полка, коих и имен теперь не помню.

Приняв все сие в соображение, может ли еще казаться невероятным, странным, что я почитал общество ничтожным, ребяческим? Где признаки, по коим я мог бы находить общество опасным? Где мог я тогда заметить семена зловредные, произведшие такие ужасные последствия? Если даже некоторые члены буйностью разговоров могли уже обещать буйность действий; но таких разговоров я не слыхал ни на совещаниях, ни на частных свиданиях. Я утвердительно думаю, что надлежало бы иметь необыкновенное предвидение, дабы быть в состоянии предвидеть тогда, что случилось после. И я ли один почитал общество ребяческим? Не разделяли ли сего мнения и многие другие?

Я, с своей стороны, также не подавал повода другим сообщать мне какие-либо злые помышления. Человек, носящий в сердце злой умысел, не всякому будет сообщать его. Он не прежде откроет тайну, как когда найдет вероятность, что тайна его будет принята или выслушана по крайней мере хладнокровно. Но где была сия вероятность для злоумышленников относительно ко мне? Они видели, что я хлопочу о рабстве, об уголовном судопроизводстве, о присяжных, о банкротском уставе, о процессах; слышали от меня неоднократно, что главною целью всех должно быть уничтожение рабства, что в государствах конституционных уничтожение рабства гораздо труднее, нежели в государствах самодержавных, что состояние рабов всегда тягостнее в государствах конституционных, нежели в самодержавных; что рабство с большею удобностью уничтожается в сих последних, нежели в первых; они знали, наконец, и личную мою приверженность к покойному императору, и причину сей приверженности... с чего они могли вздумать сообщать мне умыслы о бунтах, о убийствах? С чего сообщать мне проекты своих конституций? Было ли хотя какое-либо соотношение между моим характером, мнениями, заключениями, разговорами и такими их злодейскими или безумными предположениями? Как даже мог бы я говорить то, что я говорил, еслиб знал или подозревал, что те, кому я говорю, решились уже на революцию? Еслиб я видел, что другие решились употребить средство революции, или если я сам почитал это средство нужным, еслиб я даже помышлял об этом средстве, не странно ли, не смешно ли было бы с моей стороны предлагать освобождать крепостных людей? Решившись на бунт, мог ли бы я думать о сем средстве освобождения, столь далеко отстоящего от бунта, и в столь противном направлении? Мог ли бы я говорить «давайте отпускные, представляйте правительству просьбы об отпуске крестьян на волю», людям, кои уже решились бунтовать войско?

Все сие изъясняет, почему никто мне ни о чем злоумышленном не говорил, почему я остался и посреди злоумышленников непричастным злоумышлению.

Но дабы более удостовериться в невероятности и даже в невозможности моего участия с злоумышленниками, пусть примут в соображение следующее:

Еслиб я хотел революции, бунтов и т. п., то зачем было бы мне толковать о чтении книг, о распространении сведений политических? Чем более человек совершенствуется в образовании, особенно политическом, тем более он должен удостоверяться в непрочности перемен, насилием произведенных. Еслиб я желал революции, то я говорил бы другим: угнетайте мужиков, мучьте солдат, возмущайте, раздражайте всех против правительства. Но я говорил всегда противное. Еслиб я желал революции, то зачем было бы мне, сверх дел по службе, заниматься изложением правил для улучшения уголовного судопроизводства, составлением проекта коммерческих законов? Еслиб я желал революции, то как мог бы я показывать такую деятельность по службе, как мог бы стараться, чтобы дела текли правильно и скоро? Желая революции, я долженствовал бы делать противное и неисправным течением возбуждать негодование. Еслиб, далее, я желал бы в каком бы то ни было смысле действовать посредством тайных обществ, зачем было бы мне отказывать Лунину и Муравьеву соединиться с ними, Пестелю — восстановить общество и соединить оное с Южным, Оболенскому и другим — участвовать в образовании нового общества?

Имев, напротив того, одно желание: содействовать освобождению крестьян, откуда я мог более надеяться сего: от общества или от правительства? Члены общества, как опыт доказал мне, не могли сделать в сем отношении совершенно ничего. Напротив, правительство в это время уничтожило рабство в трех губерниях: государь император в решениях дел сего рода всегда склонялся более на сторону освобождения и одобрял собственные мои представления о сем предмете. Итак, я смотрел на престол монарший, как на источник, откуда исполнение всех моих желаний произойти долженствовало. Но под конец мысли мои о сем предмете если не изменились, то весьма ослабились, ибо занятия по службе и болезнь, не позволяли предаваться моим мечтаниям; так что я, наконец, даже перестал говорить о сем предмете, особливо после слов, сообщенных мне от имени государя императора.

Я хотел революции! Я, который говорил, что если есть в России что-либо похожее на элемент революции, то сей элемент есть единственно крепостное состояние несколька миллионов. Желанием, целью моею было: отстранить сей элемент революции, — и я мог хотеть революции! Все дела мои ограничиваются советами отпускать людей на волю, и я мог знать, что даю сии советы тем, кои желают революции! И я мог давать советы, противные их намерению!

Пусть теперь войдут в тогдашнее мое положение и решат далее: мог ли я находить, наконец, какую-либо приманку в обществе, какую-либо причину поддерживать или усиливать мои связи с членами общества по обществу? Не видав злодейства, что, кроме ребячества, мог я видеть в тех, кои еще хлопотали, ажитировались в бесплодном кругу тайных действий? Те, коих я почитал более благоразумными, с коими был связан некоторою приязнию, как то: Глинка, Бриген, совершенно разде-

ляли в сем отношении мое мнение [1]). Никита Муравьев также изъявлял всегда такое же мнение о ничтожности обществ, о ребячестве членов, еще надеявшихся что-либо сделать из общества. Я никогда не сомневался в искренности сего мнения. Теперь нахожу его признание, что членам, отставшим от общества, говорили другие, что общество действительно распадается и пр. Обманывал ли он и меня такими словами? Не могу сказать утвердительно. Вижу только, что и в других случаях Муравьев скрывал от меня многое.

Таким образом, никогда не ожидав чего-либо важного, я мало-помалу начал не ожидать ничего совершенно от общества, прекратив все сношения с членами. Я тем легче мог таким образом отстать от общества, что в это время — и по рапорту Следственной Комиссии сие ясно видно — общество было в упадке, в расстройстве. Тогда приехал в Петербург Фон-Визин и говорил мне и другим, что общество ничего не делает, что надобно его или вновь устроить, или уничтожить. Эти действия и слова Фон-Визина также показывают ничтожность общества в то время. Я поехал в Москву. Общество было там уничтожено. Некоторые показывают, что сие уничтожение последовало для того, что хотели удалить многих охладевших к обществу членов.

Но никто в Москве сего намерения не изъявлял, а говорили вообще, или что общество бесполезно, что трудно или невозможно устроить новое, или что в настоящее время существование общества может быть сопряжено с опасностью, как потому, что правительство обратило внимание на тайные общества, на масонство, так и потому, что множество членов от общества отстали, и хотя ни один не доносил на общество, вероятно, чувствуя ничтожность общества, но что за будущее ручаться нельзя. Но если общество было уничтожено, если напоследок были отстранены все предложения устроить новое общество, то, конечно, главною причиною сему было: внутреннее убеждение всех бывших в Москве, что общество ни к чему служить не может.

Здесь я должен сказать, что совещания в Москве имели вид более серьезный и не походили на пустословные совещания в Петербурге, особливо под конец, когда многие уже разъехались. И если я сам когда-либо рассуждал серьезно о обществах, то это единственно в Москве. В начале некоторые как будто совестились соглашаться на уничтожение общества, но окончательным результатом совещаний было уничтожение общества и отстранение предложений к новому устройству общества.

Возвратившись в Петербург, я оставался в России около трех лет. На меня показывают, что я, по возвращении в 1821, начинал составлять общество и принимал членов. Я изъяснил, что можно разуметь под сим принятием в общество, еще не составленное.

---

[1]) Изложение сего моего убеждения в первой моей записке особенно возбудило против меня негодование. Но пусть спросят других, о коих я говорю. Не почитали ли и они, так же, как я, общества делом ничтожным, ребяческим? Я не выдумал сего мнения: оно существовало и было мне обще со многими другими.

Далее Никита Муравьев показывает, что я с ним и Оболенским учредил новое общество, а Оболенский тут же показывает, что я отказался от места правителя. Сие показание Муравьева, сколь оно не определительно, ослабляется явною несправедливостью других его показаний и противоречием. К тому же он, говоря, что я восстановил общество, ничего не приводит ни о моих действиях, ни о моем участии, ничего, что могло бы указать на мое участие в восстановлении общества. Но, не видя и тени справедливости в сем показании, я не могу изъяснить оного.

Более сих нет на меня других показаний за сие время, кроме таких, кои и судом оставлены без внимания. Никто не говорит, чтобы я каким-либо образом участвовал в обществе, чтобы я делал предложения, разделял мнения и т. п. Никто даже — кроме меня самого — не показывает, чтобы я был при каком-либо совещании.

В начале сего времени, т.-е. от 1821 до 1824 г., я слыхал, что некоторые члены толкуют о новом устройстве общества и, как изъяснил выше, сам говорил о сем однажды с Оболенским, Семеновым, Миклашевским, в другой раз с Никитою Муравьевым и Луниным, но сии разговоры не имели результата для меня и иметь не могли, ибо я тут не изъяснял желания основать общество, а, напротив, отказывал в сем и Оболенскому и Муравьеву с Луниным. После сего я ни с кем и не говаривал ни о каких обществах и почти никого не видывал из бывших членов, покуда приехал в Петербург Пестель. Все сие изъяснил выше.

Что между тем, и именно в конце 1822, общество устроилось, было мне неизвестно. И еслиб я участвовал в обществе, еслиб я основал общество, то неужели никто в течение двух лет почти — с 1822 до 1824 г. — не нашел бы чего-либо сказать о моем участии в обществе?

Где же доказательства, что я принадлежал к обществу? [1])

Я изъяснил выше, почему я не узнал, быв даже на совещании (по предложениям Пестеля бывшем), что общество устроено. Я думал, что это совещание не имеет иного предмета, как дать ответ Пестелю на его требования, ко многим из бывших членов обращенные. И сам Пестель, быв у меня, уговаривал меня: не *соединить устроенное* петербургское общество с Южным, а остаться в России *устроить* новое общество и соединиться с Южным. Пестель говорил мне об устройстве общества. На совещании я слышал об устройстве общества. Откуда же я мог узнать, что общество *было уже* устроено? Еслиб я даже подозревал, что общество было уже устроено, то простое любопытство заставило бы меня спросить по крайней мере при сем случае: есть ли общество? с каким уставом? с каким устройством? кто в нем?

---

[1]) За сие время, то-есть за время от восстановления общества до выезда моего за-границу, по всему производству дела нет ни одного показания против меня в каком бы то ни было отношении. Где же мое преступление по новому обществу, когда нет не только обвинений, но и показаний? Может ли после сего иметь какое-либо вероятие голословное, ни на что не ссылающееся, показание Никиты Муравьева, что я был одним из восстановителей общества?

Но я так далек был от мысли об устроенном обществе, что даже и сделать сего вопроса не приходило мне в голову, ни при сем совещании, ни после!

В сем состоянии моих мнений я оставил Россию. Убеждение мое было: что не только я не принадлежу ни к какому обществу, но что в Петербурге и общества никакого не существует. Я даже не думал тогда, чтобы какое-либо общество существовало в России. Пестель мне говорил, что его общество состоит только из пяти или шести человек — я не мог видеть в сем общества. О других обществах, в рапорте Следственной Комиссии описываемых, я не имел никакого понятия. Слыхал прежде, что есть другие общества, но не верил слухам.

Но откуда, спрашиваю теперь сам себя, родилось общее мнение, столь для меня невыгодное? Я знаю, что и прежде в глазах многих людей я слыл каким-то буйным либералом, якобинцем. Конечно, разговоры мои могли сему способствовать: я всегда говорил все, что думал, а часто и то, о чем мало думал. Но, при всей неосторожности, одни разговоры не могли основать сего мнения, ибо я весьма мало жил в свете, мало обращался с людьми. Сие показывает мне, что я должен искать главной причины сему невыгодному мнению в моей книге. В ней я излагал смелые (и отчасти такие, коих не изложил бы теперь) мнения и о рабстве, и о разных других предметах политических. Читавшие сию книгу могли, естественно, думать, что если я публикую такие мнения, то другие мои мнения, коих я не могу публиковать, должны быть еще смелее, непозволительнее. Но истина в том, что не только я не имел ни прежде, ни после мнений более смелых или далее простиравшихся, но, напротив, впоследствии мои мнения сделались гораздо умереннее. Впрочем, я не имел и нужды скрывать никаких мнений, ибо цензура не показывала тогда никакой строгости в пропуске книг.

С другой стороны, однако же я знаю, что многие из тех, кои знали меня короче, не одобряя моих мнений, почитали меня человеком честным. И сам покойный император в самое время гнева на меня говорил, что я честный человек.

Я виновен в участии в тайных обществах. Но вина моя не в намерениях. Где доказательства, где вероятность, что я участвовал в умыслах преступных? Если я преступник неумышленный, то я оправдываться не могу. Но самое слово п р е с т у п л е н и е неразлучно сопряжено с н а м е р е н и е м п р е с т у п н ы м. Не имев никогда намерений преступных, мог ли я быть преступником?

Преступником з л о у м ы ш л е н н ы м я никогда не был; сие видно по всему делу. Нет ни одного не только доказанного, но хотя несколько правдоподобного показания, чтобы я участвовал в каких-либо злых замыслах. И даже общество, к которому я принадлежал, сих умыслов не имело. Говорят ли и те лица, кои приписывают мне основание нового общества, что я основал его с целью бунта? Говорят ли те, коих я принимал в общество, что я им сообщал цель бунта? Делает ли

меня кто-либо участником этой громады злых умыслов, в коих все и вполне признаются?

В обвинениях уголовных нельзя всего основывать на словах и на мнениях других. Надлежит, чтобы и со стороны обвиняемого были какие-либо факты, ясно доказывающие его преступление. Что доказано против меня?

1. Что я принадлежал к тайному обществу, которое имело уставом Зеленую книгу. В сей книге преступной цели не было, и вообще тайные общества тогда еще запрещены не были, следовательно, и существование сего общества, с уставом без преступной цели, не было преступлением. Один только показывает, что целью, хотя не объявленною, но сокрытою, сего общества было изменение государственного порядка; средствами же не бунт, не цареубийство, не мятеж.

2. Что я сообщил Митькову Зеленую книгу, с советом однако же не вступать в общество. Сие общество было уничтожено самими членами, и я участвовал в сем уничтожении.

Участие мое в сем устройстве нового общества никем и ничем не доказано. Показания, сделанные в сем отношении, не имеют, как я изложил выше, силы доказательства несомненного.

Если по уничтожении общества я могу быть в чем-либо обвиняем, то это в том:

3. Что я сообщил некоторым лицам, из коих некоторые не принадлежали к прежнему обществу, то, что было делано, решено, предлагаемо в Москве при уничтожении общества.

После сего может еще быть сочтено обвинением:

4. Случайное присутствие мое на совещании, на котором отказано Пестелю в его предложениях, но о котором, кроме меня самого, никто на меня не показывает, так что другие, вероятно, и не почитали сего, так как и я сам, настоящим совещанием.

Самую же вину можно в коротких словах изобразить следующим образом:

Я вступил в общество уже устроенное, но не преступное, и содействовал к его уничтожению. В устройстве новых обществ хотя не участвовал, хотя не вступал в сии общества, но знал и слыхал, что некоторые лица хлопочут об устройстве новых обществ. Никогда, однако же, не знал, не слыхал и не подозревал, что бы новое общество было устроено.

Вот истинные обвинительные пункты, вот истинная вина, кои до меня касаться могут.

Я не оправдываю себя в вине, но должен всеми силами души оправдываться от злоумышленности, никогда в сию душу не входившей, ни в виде намерения, ни в виде заблуждения.

И что доказано против меня злоумышленного по принадлежности моей к обществу? Совершенно ничего! Нет никаких доказательств, чтобы я желал бунтов, чтобы я советовал бунтовать, чтобы я когда-либо говорил о бунтах. И всего этого не только не доказано, но никто на меня сего и не показывает. И в чем состоят самые показания против

меня касательно моих намерений, моей злоумышленности? Все сие состоит в приписываемой мне Пестелем бессмысленной фразе, не подтверждаемой другими! Итак, во все продолжение пребывания моего в России злоумышленное участие мое, и участие д е я т е л ь н о е, в тайных обществах не представляет иных признаков, кроме искаженной, недоказанной, опровергаемой другими шутки.

Неужели в течение нескольких лет, еслиб я был злоумышленником, неужели самые подробные показания, самые полные признания не могли представить против меня чего-либо более? Неужели, еслиб я имел какое-либо понятие о всех ужасах и злодействах, в рапорте описываемых, мое участие в сих злодействах могло быть сокрыто?

Забыв общество, забытый — по крайней мере я так думал и имел причины думать — бывшими членами общества, я оставил Россию. Через два года после моего отъезда бунт изумляет Россию и свет — и дерзостью и безумием предприятия. При известии о бунте мне и на мысль не приходило приписывать его какому-либо обществу. Меня требуют к ответу. Я не явился. Приговор смерти и каторги произнесен надо мною. Но где истинная вина моя? В преступных замыслах или в неявке? Если неявка была причиною приговора, то виновность очевидна; и я оправдываться не могу. Если, как сказано в приговоре, что неявкою я подтвердил сделанные на меня показания, то я должен отвечать, что я не мог подтвердить того, чего я не знал. В уголовных же законах наших нигде не сказано, чтоб неявка к ответу подтверждала показания других или даже утверждала оные, и не определено казни за неявку. Самое собственное признание, по нашим законам, недостаточно к обвинению и служит токмо пояснением или подтверждением, но неполным доказательством. Как же может неявка заменить полную улику в преступлении и навлечь смерть и каторгу?

И мог ли я не только знать, но и подозревать обвинения в таких преступлениях, кои никогда и на мысль мне не приходили. Все, что я знал о себе, состояло в том, что о д и н, как меня уведомляли из Петербурга, приписывает мне фразу, о которой я говорил выше, д р у г о й показывает, что я его принял в общество.

Вот что я знал об обвинениях против меня, когда я отказал явиться к суду. Мог ли я думать, что сим отказом я подтверждаю обвинение в умысле ввести республиканское правление в России, когда я и не догадывался, что меня в сем умысле обвиняют. Я мог, конечно, опасаться, что иные показания будут неосновательны, но мог ли я предвидеть, что явятся показания явно ложные, противоречащие одно другому? Мог ли я предвидеть, что неявкою я навлеку на себя приговор смерти и каторги?.. Я не спас себя от каторги; каторга не только в Сибири, — есть каторга моральная, тяготящая судьбу изгнанника!.. Оглашенный пред отечеством и пред светом на ряду с цареубийцами и явными мятежниками, где могу я найти что-либо иное, кроме сей моральной каторги? Что в сем мире мне осталось?..

(Продолжение см. стр. 147).

Таблица, представляющ

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
1. Принадлежность к тайному обществу.	Показания многих.	Показаниями многих и собственным признанием доказана принадлежность к обществу Союза Благоденствия, в уничтожении коего я участвовал.
		Принадлежность к новому петербургскому обществу ничем не доказана.
Общество имело целию бунт.	О цели и средствах общества Союза Благоденствия есть показание одного лица (Семенова): «что целью было изменение государственных постановлений, а средствами распространение политических знаний и старание овладеть мнением публики» (стр. 16 рап. След. Ком.).	Устав общества Союза Благоденствия не представляет такой цели. Нет никаких доказательств, ни даже показаний, чтобы я знал о намерениях бунта или хотел бунта, или рассуждал о бунте.
2. Участие в учреждении.	Показывают трое: Трубецкой, Семенов, Матвей Муравьев.	Нет доказательств.

обвинения и доказательства достоверные.

Изъяснения.

Таким образом я принадлежал к такому тайному обществу, которое было за 4 года до бунта уничтожено самими членами, в числе коих был и я.

Нет ни одного показания, чтобы я принимал участие в новом обществе: согласием на цель общества или на средства к достижению сей цели, предложением мнений или согласием на мнения других.

Сказав, что нет доказательств против меня в знании той цели, которую определяет Верховный Уголовный Суд, я, далее, могу сказать, что, равномерно, нет доказательств, чтобы я знал и о той цели, в которой сознается один из членов общества (Семенов). Я изъяснил мою цель в записке. Изъяснил также, что общество никогда подобной цели, то-есть какую признает Семенов, при мне не признавало. Впрочем, всякая цель с уничтожением общества неминуемо исчезла. По рапорту Следственной Комиссии видно, что мысль бунта родилась не прежде 1821 года (стр. 29), а в сем году общество было уничтожено. Нигде в рапорте Следственной Комиссии цель бунта не приписывается обществу Союза Благоденствия.

В учреждении общества Союза Благоденствия я не участвовал и не мог участвовать. Сие я изъяснил в моей записке, стр. 76. Впрочем, еслиб я и участвовал в учреждении оного, то сие мое действие отстранялось бы последовавшим уничтожением общества, в коем я участвовал.

Семенов показывает (стр. 26 рапорта С. К.), что я начинал составлять общество в 1821 году. Сие показание не может быть доказательством, что я учредил общество; ибо сие общество на самом деле не существовало, и по всему производству нигде об этом более не упоминается. Сам Семенов говорит, «что действия сего общества вскоре прекратились и что он не знает, имело ли оно устав». Итак, еслиб и было доказано, что я начинал составлять общество, то вместе с сим было бы доказано, что сие мое намерение не имело результата. Впрочем, Семенов не говорит, какого рода были сии действия, вскоре прекращенные, не говорит, чтобы они клонились к бунту, но, напротив, присовокупляет, что ни я, ни другие не обнаруживали при нем злодейственных намерений против императорской фамилии.

Трубецкой, как видно по рапорту Следственной Комиссии (стр. 27), был в 1821 году за границею. Матвей Муравьев, как видно по рапорту Следственной Комиссии, принадлежал к Южному обществу. Следовательно, показания их не могли быть основаны на личном свидетельстве, но только на слухах, каковые показания не могут составлять доказательства.

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям, в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
3. Участие в восстановлении общества.	Показывают четверо: Трубецкой, Орлов, Никита Муравьев, Матвей Муравьев.	Нет доказательств.
4. Участие в совещаниях.	Показания многих.	Доказано участие в совещаниях по обществу Союза Благоденствия, уничтоженному. Участие в совещаниях по новому обществу не доказано, и даже нет о сем показаний.
5. Участие в распространении общества привлечением других.	Показывают трое: Семенов, Миклашевский, Митьков.	Доказано принятие. Не доказано, что я принимал членов в новое петербургское общество.

Изъяснения.

Новое общество в Петербурге было учреждено в 1822 году (рапорт С. К., стр. 26). В сие время Трубецкой был за границею (стр. 27); следовательно, не мог знать о моем участии в восстановлении общества. Орлов также не был в Петербурге в сие время и со времени съезда в Москве, в 1821 году, доныне не видал меня, не был в сношениях со мною или в переписке. Матвей Муравьев не принадлежал к Петербургскому обществу (стр. 89). Из сего явствует, что все сии показания не были и не могли быть основаны на личном свидетельстве, но токмо на слухах, каковые показания не приемлются доказательством.

Остается показание Никиты Муравьева. Голословное показание одного лица, не основанное ни на каком действии с моей стороны, не подкрепляемое никаким действием с моей стороны и даже не ссылающееся ни на какое мое действие, также недостаточно для доказательства. Сверх сего, сие показание теряет вероятие показанием Оболенского, которого Муравьев называет третьим участником в восстановлении общества и который говорит (стр. 27), что мне предлагали место правителя, но что я отказался [1]).

Как мог я и восстановлять общество и, следовательно, желать нового общества, и отказываться участвовать в устройстве или в управлении общества? Я не только не восстановлял общества, но и не знал об окончательном оного восстановлении и оставил Россию в полном убеждении и уверенности, что не только не принадлежу ни к какому обществу, но что и нет никакого общества. Неизвестность, в которой я находился относительно того, что общество было в 1822 году устроено, представляется весьма вероятною, ибо до моего отъезда сие общество было недеятельно, как видно по заключению Следственной Комиссии, которая нашла (стр. 52 рапорта), что «в обществе петербургском явилась большая против прежнего и беспокойная деятельность особливо со времени вступления Рылеева в думу на место Трубецкого». Трубецкой оставил Петербург, как видно на стр. 27 рапорта Следственной Комиссии, в конце 1824 года. Я выехал из Петербурга в начале 1824 г.

Единственное совещание, на котором, по показанию Рылеева, я, будто бы присутствуя, изъявил согласие на вывоз императора за границу, происходило после моего отъезда за границу, как я изъяснил выше в записке моей, стр. 111. Впрочем, сие показание, не подтвержденное прочими подсудимыми, Комиссиею признано недостаточным к обвинению и Верховным Уголовным Судом отстранено. Следовательно, нет ни одного показания, чтобы я присутствовал на совещаниях нового петербургского общества.

Я сам на себя показываю, что я был на одном совещании после 1822 года, т.-е. после того, как новое общество было устроено. Но, кроме того, что я не знал об устройстве общества, сего совещания ни я, ни, вероятно, другие не почитали настоящим совещанием, как я изъяснил сие в записке.

Трое показывают, что я распространял общество принятием других. Из них двое показывают, что они приняты мною. Такое показание, конечно, должно иметь более силы, нежели мои изъяснения. Но в таком случае справедливость требует определить: в какое общество были сии лица приняты мною? Что говорит самое сие показание, пред

[1]) Основатели сего общества, как видно на стр. 26 рапорта С. К., участвовали в принятии новых членов. Н. Муравьев говорит, что я в принятии новых членов не участвовал. Что же я делал? В чем участвовал?

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям, в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
6. Участие в умысле ввести республиканское правление.	Пестель показал, что «в начале 1820 года, в собрании коренной думы Союза Благоденствия, в котором после долгих прений, все единогласно приняли республиканское правление, на вопрос, кого желают: монарха или президента? я отвечал: le president sans phrases»; что сие заключение коренной думы сообщено было всем подведомственным управам, и с сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархичес-	Нет доказательств.

Изъяснения.

коим должно умолкнуть собственное мое убеждение, может быть, ошибочное? Сие показание говорит (стр. 26, рап. С. К.), что сии лица были приняты мною в то самое общество, которое я начинал составлять, коего действия потом вскоре прекратились и о котором неизвестно, имело ли оно устав. Более о сем обществе нигде по производству дела не упоминается. Итак, если сие общество начиналось составляться, то оно не составилось окончательно. Следовательно если принимаемы были члены в такое общество, то принятие уничтожилось само собою вместе с обществом. Нигде не видно никаких следов существования сего общества, не видно цели, с какою оно начиналось составляться, не видно средств, коими оно предполагало действовать. В чем же состоит виновность распространения сего неизвестного общества?

Может ли сие принятие членов относиться к новому петербургскому обществу? Нет, потому что показание говорит, что сие принятие происходило в 1821 г., а новое петербургское общество составлено в исходе 1822 года (стр. 26, рап. С. К.).

Из сего ясно следует, что в новое петербургское общество я никого не принимал, и Никита Муравьев, восстановитель сего общества, ошибочно показывая, что я участвовал в восстановлении, прибавляет, однако же, что я не участвовал в принятии новых членов (стр. 26, рап. С. К.).

Могло случиться, что разговорами моими о тайных обществах я мог содействовать желанию сих лиц вступить в новое тайное общество, мог даже поселить в них мнение, что они, вследствие моих разговоров, принадлежав однажды к тайному обществу, могут по сему самому вступить в новое без особого принятия. Но как меня обвинять в сем? И могу ли, должен ли я ответствовать за изъяснения другими того, что они почитали моими мыслями? Скажу только, что после 1821 года до моего отъезда за границу я с ними никогда не говорил о обществах и никогда не знал, как, когда они вошли в сношения с членами нового общества. Не я ввел их в новое общество. Они вошли в него сами. Не я должен и ответствовать за принадлежность их к обществу, мне неизвестному.

Показание, делаемое одним и подтверждаемое двумя, но опровергаемое четырьмя, не может быть доказательством.

Другое показание (Бестужева-Рюмина), что «я стремился к достижению и исполнению цели введения республиканского правления посредством революции и пр. и что общество вознамерилось ввести в России республиканское правление с самого начала, по предложению, мною сделанному», показание, сделанное человеком, коего я ни разу в жизни не видывал, о коем никогда не слыхивал, показание, которое я должен почитать ничем иным, как отголоском показания Пестеля, сие другое показание не было принято во внимание Комиссиею, ибо, исчислив все сего рода показания против меня, Комиссия говорит:

«Следовательно, остаются только показания двух членов общества: Пестеля и Рылеева, и то по разным предметам, которых Комиссия, почитая опасным в столь важном преступлении принять достаточными к обвинению, считает справедливым предоставить сие обстоятельство рассмотрению Верховного Уголовного Суда.

Показание Рылеева (о коем я упомянул в 4 пункте: участие в совещаниях) не было принято Верховным Уголовным Судом во внимание и не относится, впрочем, к умыслу ввести республиканское правление. Но показание Пестеля, недостаточное к обвинению, было сочтено достаточным к осуждению.

Обвинения, в решении Верховного Уголовного Суда означенные.	Показания, по сим обвинениям в записке Комиссии изложенные.	Доказательства.
	кими». Двое: Никита Муравьев [1]) и Сергей Муравьев, сие показание подтвердили;—трое: Семенов, Бриген, Колошин, не подтвердили. Четвертый: Глинка, даже бытность сего совещания отвергает.	

[1]) По рапорту Следственной Комиссии, стр. 19, видно, что Никита Муравьев не во всех частях подтверждал показание Пестеля, говоря, что сие совещание не имело никакого влияния на образ мыслей и действия членов вообще, что не было сделано предписаний управам (кроме Тульчинской) и что на многих собраниях после не говорено о республиканском правлении.

Приговор произнесен... он известен свету. Где бы я ни был, я нигде не могу быть иначе как беглецом от казни [1]). Чистая совесть еще мне осталась, но сия совесть известна только тому, кто все знает, все видит. Люди ей не верят или не хотят верить. Мог ли бы я жить хотя минуту, если б убеждение, что всеведующий знает мою душу, не поддерживало сей жизни, изнуренной страданиями и нравственными и физическими.

Все делается промыслом бога всемогущего. Его волею я терплю, не заслужив терпеть, по крайней мере за то, в чем меня обвиняют. Его волею я погибну — или восстану к новой жизни.

Чельтенгам. 18 октября 1826 [2]).

---

[1]) Таковым я был провозглашен в одной газете, которые читали сидевшие подле меня за столом в Чельтенгаме. (*Примечание автора записки.*)

[2]) Далее в оригинале приводится таблица, помещаемая здесь по техническим условиям на стр. 140 — 146.

М. Ф. Орлов и 14 декабря.

Публикуемые ниже письма и записки М. Ф. Орлова все сосредоточены вокруг одного центрального события его жизни,— все они написаны в связи с его арестом, когда он был задержан в Москве после 14 декабря и отвезен потом в Петербург. В связи с событиями 14 декабря М. Ф. Орлов оказался первым москвичом, привлеченным по этому делу распоряжением Николая: 21 декабря Орлов в Москве был взят под стражу. Собственно, он не принадлежал к числу декабристов,— он не входил ни в одно из обществ, непосредственно связанных с событиями 1825 года; но в свое время он был членом Союза Благоденствия, а еще ранее Орлов, можно сказать, был вдохновителем того умонастроения, которое легло в основание плана учреждения в России тайных обществ. Кроме того, Орлов, несомненно, был очень крупной и значительной величиной в интеллектуальном отношении. Поэтому, хотя он был вовсе в стороне во время событий 1825 года, его привлекли к ответственности, и он, действительно, мог казаться в глазах перепуганного правительства одним из руководителей движения 14 дек. 1825 г. Татищев, председатель Комитета по декабрьскому восстанию, послал такую бумагу москов. генерал-губ. Голицыну: «По воле государя императора, прошу покорнейше ваше сиятельство приказать находящегося в Москве генерал-майора Михайлу Орлова взять немедленно под арест и содержать, не допуская никого иметь с ним ни малейшего сношения. Бумаги же его отобрать так, чтобы он не имел времени к их истреблению, и прислать оные с вернейшим курьером прямо к его императорскому величеству в собственные руки» [1]).

Орлов, по его собственным словам, предполагал, что петербургские события могут отразиться и на его судьбе. Но он, разумеется, не ожидал все же, что дело получит такой серьезный оборот, поэтому первые его письма и заявления написаны в совсем ином тоне, чем он стал писать позднее, когда многое уже предстало в другом свете.

Как оценить вообще поведение Орлова, когда он находился под арестом в Москве и затем в Петербурге — во время ведения следствия? Конечно, он сообщил правительству много лишнего, чего не должен был разглашать. Но на это, собственно, специально сетовать в отношении Орлова не приходится,— почти все декабристы при следствии заявляли лишнее и подводили друг друга. Тут приходится принять во внимание другое: несомненно, в отдельных признаниях и обращениях тон у Орлова неприятный; он подчас расценивает свою роль так, будто он чувствует прямую обязанность послужить правительству и тем самым родине, — он пытается представить дело в таком свете,

---

[1]) Архив Октябр. Рев. в Москве. Особый отдел быв. Гос. Архива, I В, дело № 30, л. 62.

что хотя он и был в стороне и многого не знает, но кое-что ему известно. Он просит Николая посчитаться с его точкой зрения, которая послужит на пользу царю и отечеству. В таких строках Орлов прямо солидаризируется с Николаем: тут он как будто готов на всяческие разоблачения. На ряду с этим у Орлова было большое самомнение, себя он расценивал весьма высоко. Несомненно, он был умен и хитер. Чтобы выгородить себя, он сделал очень много; но самолюбие и уважение к самому себе не позволяло ему перейти за известные грани, и вот при первом и единственном его разговоре с самим Николаем произошел конфликт: Николай выгнал его из своего кабинета, и положение Орлова сразу ухудшилось. Сам Николай в своих записках 1831 г. так характеризует Орлова, когда тот был доставлен по прибытии в Петербург в кабинет императора: «Сам он, полагаясь на свой ум и увлеченный своим самонадеянием, полагал, что ему стоит будет сказать слово, чтоб снять с себя и тень участия в деле. Таким он явился... Он слушал меня с язвительной улыбкой, как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал, и потому и к нему принадлежать не мог; но что ежели б и знал про него, то над ним бы смеялся, как над глупостию» [1]).

Очевидно, Орлов при разговоре с Николаем не мог поступиться чувством собственного достоинства. Это и взбесило Николая, который любил холопство и не терпел сопротивления. С моральной точки зрения Орлов вышел победителем: от него Николай требовал назвать имена, при чем сказал, что если Орлов не желает, то он его и не принуждает к таким разоблачениям. Орлов замолчал и имен не назвал. Тогда это вывело Николая из себя, и он весь отдался своей гневной вспышке. Нервный тон, который можно заметить в строках записок Николая, где речь идет об Орлове, показывает, что впоследствии Николай чувствовал себя задетым и уязвленным. Но после разговора с Николаем сам Орлов все же пал духом и, если не сдался, то во всяком случае стремился казаться сдавшимся и всецело покорившимся воле императора. Он умолял Николая дать ему новую аудиенцию, чтобы объясниться. Николай не пожелал больше разговаривать с Орловым, и Орлову было предложено все изложить письменно. Так была составлена известная записка о тайном обществе, опубликованная в материалах Довнар-Запольского [2]).

Но этому предшествовала другая записка, тоже значительная по объему, на французском языке. Ныне она публикуется впервые. Тон ее несколько иной. Вообще Орлов шел по некоторой кривой,— от общих утверждений и сердечных признаний он постепенно переходил к все более и более детальному изложению обстоятельств дела. В первых письмах (московских) он просто хотел заверить, что он решительно не при чем. Искусно обходя молчанием, что у него после событий 14 декабря были Фон-Визин, Якушкин, Муханов и Ипполит Муравьев, он пытается дать такую картину своего времяпрепровождения в Москве, при которой, казалось, и речи быть не может о его причастности к делам тайного общества. Но Орлову не поверили в Петербурге; его помнили, как прежнего вольнодумца; кроме того, в руках правительства все же оказались кое-какие факты, которые компрометировали Орлова. И вот, увидевши, что сердечными излияниями поправить дела нельзя, Орлов переходит к иному стилю письма,— делового, в духе точного повествования и детального разоблачения. Французская записка от 29 декабря еще отзывает лирикой,— по тону она занимает промежуточное место.

---

[1]) «Красный Архив», т. VI, стр. 231.

[2]) См. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», стр. 1—22.

Записка, опубликованная Довнар-Запольским, носит уже чисто деловой, официальный характер. В этом отношении Орлов шел, так сказать, со ступеньки на ступеньку.

Декабристов Орлов третирует; они для него — молодые люди, разгорячившие свое воображение и отдавшиеся, очертя голову, самому гнусному мятежу; их планы и замыслы для него — «бредни, порожденные больным воображением». Еще неприятнее те строки, когда Орлов заявляет, что он готов все разоблачить. В маленькой записке от 2 января он прямо пишет: «у меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти». Облик величия и благородства Орлов пытается сохранить за собою тем, что, по его заявлению, он готов разоблачать и свою собственную деятельность и давать показания и улики против самого себя. Становясь в эффектную позу, Орлов заявляет: «вы мне приказываете рассказать, что я знаю о других. Первого я выставляю себя и не отгораживаюсь от вашего гнева».

Но свое умение писать и внушать свои мысли другим Орлов употреблял и для другой цели, и тут нужно отдать ему справедливость: разоблачения Орлова все же были общего характера, он маскировал и скрывал подчас то, что могло повредить его прежним друзьям и товарищам. Так он скрыл весь эпизод с Мухановым, и если бы не болтливость Митькова, который своими показаниями прямо подвел Муханова, то несомненно этот последний не пострадал бы так сильно. Орлов не сказал ничего; впоследствии от него затребовали объяснения. Эти объяснения сохранились в деле Муханова. Но тут Орлов только подтвердил то, что уже было известно из других показаний. Это было поставлено в вину Орлову, как явствует из сводки в докладной записке, публикуемой ныне среди новых материалов об Орлове. Итак, Орлов спасал, кого мог — особенно, поскольку он при этом сам оставался в стороне. В высшей степени доброжелательны показания Орлова по отношению к Владимиру Раевскому. Орлов старается представить дело в наиболее благоприятном для Раевского духе и прямо заявляет, что тут главная вина в пунше, которым злоупотреблял Раевский. Но, конечно, все это было у Орлова лишь — «постольку-поскольку». Доблести в поведении Орлова не оказалось. Если тот же Раевский в свое время писал из тюрьмы:

Скажите от меня Орлову,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил,

то, с своей стороны, Орлов по совести не мог бы ответить о себе в тех же выражениях.

И главная трагедия была в том, что все же Орлову не верили. Это вполне явствует из публикуемых материалов. Спасло Орлова заступничество брата, Алексея Федоровича, которым Николай очень дорожил и который действительно выручил Николая при событиях 14 декабря. А верить — Михайлу Федоровичу не верили, поэтому и был до конца жизни установлен за ним надзор. Единственно, кто верил Орлову, это был благодушный вельможа Москвы — генерал-губернатор Д. В. Голицын. Он в своих письмах в Петербург заступался за Орлова: недаром первым долгом Орлов обратился после ареста именно к Голицыну.

В публикуемых ныне материалах, прежде всего, любопытны неизвестные ранее подробности в деле Орлова, которые дают много новых характерных черт для понимания его личности и бросают новый свет на его поведение,— в частности представляют весьма важный корректив к страницам записок Николая I. Но, кроме того, особо следует вы-

делить один отрывок, который интересен по существу тогдашних исторических событий, в смысле общей оценки декабрьского восстания. Орлов писал: «вы ищете вожаков заговора, ваше величество. Вы сомневаетесь, не вблизи ли вас находится тот человек, который организовал заговор, давал на него средства и поддерживал его. Это, государь, как раз то, относительно чего ваше величество просили меня помочь. Так вот, государь мой, взгляд на это таков: восстание носило совершенно демократический характер; это — ужасное оружие, поднятое 60 заговорщиками, и ложное знамя Константина, под которым соединилось 1000 солдат. Вот и все, если попросту это выразить». Характеристика восстания, как д е м о к р а т и ч е с к о г о, и указания на то, что дело не в личности вожаков — весьма любопытны: Орлов был человек очень значительный; он видал виды и всегда выделялся и как дипломат, и как крупный военный и общественный деятель, и как европейски образованный человек, интересовавшийся жизнью народов и наблюдавший проявления исторических сдвигов эпохи. Данная его оценка положения вещей весьма знаменательна.

Всего у нас налицо 7 неопубликованных писем Орлова: 3 письма к Голицыну [1]), 2 письма и большая записка к Николаю и письмо к генералу Левашову. Текст последних 4-х документов извлечен из подлинного дела Орлова, хранящегося ныне в Архиве Октябрьской Революции [2]). Эти документы в свое время не были опубликованы в издании Довнар-Запольского. Кроме писем Орлова, в публикуемых сейчас материалах дана выписка из журнала Комитета от 30 декабря, докладная записка с резолюцией по делу Орлова и несколько справок касательно надзора за Орловым по данным секретного отделения архива моск. ген.-губернатора. С настоящей публикацией можно считать «дело» Орлова исчерпанным, если откинуть ранний (и поэтому очень неполный) формулярный список Орлова, черновую сводку параллельных показаний и две-три незначительных справки, имеющиеся в той же папке,— все это, как мало интересный материал, мы не приводим вовсе. Все письма Орлова представлены в переводе с французского; лишь первое письмо к Николаю Орлов написал по-русски.

I Письмо М. Ф. Орлова кн. Д. В. Голицыну.

Ваше сиятельство!

Я беру на себя смелость обратиться с письмом к его императорскому величеству. Мне было бы очень важно, если бы вы благоволили взяться препроводить его императору.

Уверенный в своей невиновности, я не допускаю мысли, чтобы я мог хоть в малейшей степени быть скомпрометированным в петербургских делах. Я смотрю на свой арест, как на меру предосторожности и как на продолжение и последствие прежних обвинений, о которых я думал, что они уже отпали в сознании правительства. Как бы то ни было, князь, мне очень существенно иметь подтверждение с вашей стороны, и, чтобы его получить, я коснусь некоторых подробностей.

---

[1]) Текст их взят в переводе с французского по копиям оригиналов, хранившихся в свое время в одном из архивов князей Голицыных, через В. Голицына.

[2]) Особый Отдел б. Гос. Архив, I В, дело № 83.

Я приехал в Москву повидаться с своим братом [1]), которого я не видел уже 8 лет, и графиней Орловой, моей благодетельницей [2]); ей я хотел представить своего сына [3]).

Я остался в Москве, потому что моя жена беременна и слабого здоровья. В связи с этими двумя обстоятельствами я не мог допустить, чтобы она предприняла столь длительное путешествие по плохим дорогам и при очень сильных холодах.

Если мое предшествовавшее поведение служило поводом для каких-нибудь подозрений относительно моих намерений, то полиция должна была следить за мной. Никто лучше вас, князь, не мог быть осведомленным относительно всего, что я делал, относительно всего, что я писал, относительно всего, что я говорил. Я задаю открыто вопрос: делал ли я, писал ли я, говорил ли я что-либо предосудительного? За все время моего пребывания в Москве я вел деловую переписку с управляющим моих имений и был занят работой, которую я пишу вот уже год; работа эта должна была быть представлена его величеству императору Александру [4]). Эта работа, из которой готова лишь одна глава, находится в числе отобранных у меня бумаг. На ряду с этим имеется много тетрадей с заметками, сделанными лично для себя и относящимися к этому сочинению. Эти тетради находятся также в распоряжении властей. Я прошу вас, уважаемый князь, ходатайствовать, чтобы эти бумаги были мне возвращены, как только в них минует надобность в Петербурге. Я этого особенно желаю, так как я почти уверен, что мой труд может быть о ч е н ь п о л е з е н для отечества. Моим словам можно верить, так как, конечно, сейчас для меня неуместно хвастовство.

Среди других изъятых бумаг имеется ряд писем, касающихся разных дел по моему имению. Они не могут показаться значительными, также и письма моей жены, несколько частных писем и несколько адресов. Совершенно очевидно, что моя переписка не обширна. Из нее также ничего нельзя извлечь. Может быть, кто-нибудь сказал бы, что я уничтожил свои бумаги. Было бы несправедливо этому поверить, ведь я не мог предвидеть того, что со мной случилось. Кроме того — это значило бы обвинять меня зараз и в большой предусмотрительности и в чрезмерной неосторожности. Как соединять эти два обвинения и предполагать, что я зараз обнаружил столько непредусмотрительности в своих поступках и такую обдуманность в желании скрыть эти поступки.

---

[1]) Повидимому, тут речь идет о Федоре Федоровиче Орлове, женатом на москвичке Наумовой.

[2]) Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785—1848); Михаил был обласкан Ан. Ал-ой и в честь нее назвал Анной свою дочь, которой в это время была беременна его жена. У Анны Алексеевны Орлов и жил в Москве.

[3]) Николай; ему было тогда всего 3 года.

[4]) Об этой работе Орлов говорит в своей записке о тайном обществе, посвящая ей пункт 25. Довнар-Запольский, стр. 14.

Среди моих бумаг имеется еще несколько тетрадей прежнего времени с выписками. Я теперь уже не помню их содержания. Во всяком случае я знаю наверно одно, — что вот уже целых 4 года, как я забросил эти книги, чтобы их больше не открывать.

Остается вопрос, кого я видел, кого я посещал за время своего пребывания в Москве. Еще раз, князь, позвольте указать, что эти подробности должны быть вам известны так же хорошо, как и мне. Что касается разговоров, которые велись у меня, то достаточно высчитать, сколько времени мой брат и графиня Орлова провели здесь и видеть самое расположение моего кабинета, который представляет собой проходную комнату, чтобы быть глубочайшим образом убежденным, что я физически не мог отдаться никаким махинациям: для этого нужно и больше времени и больше удобства.

Я прибавлю еще одно, — сколь бы ничтожным ни казалось это обстоятельство на первый взгляд, оно может бросить свет на мои занятия. Накануне того дня, когда известие о вступлении на престол его величества дошло до Москвы, я участвовал в печальной похоронной процессии женщины, которая взяла меня на свое попечение при моем рождении и всегда была мне второю матерью. На другой день весь город уже знал, и только я один был в полном неведении до 4-х часов дня [1]). Все были на ногах, а я один был болен и привязан к дому. Вот, князь, ряд соображений: по существу они имеют значение только для меня, не для других, но их во всяком случае достаточно для того, чтобы доказать мою безупречность за все время моего пребывания здесь. Но, скажут, ведь были прецеденты в прошлом? Каковы же эти обстоятельства? Неясные подозрения, голословные обвинения, смутные толки о виновности, которые не были доказаны, которые, тем не менее, привели к тому, что я потерял во мнении многих людей. Я спрашиваю об уликах, — если их нет, то я невинен и являюсь лишь жертвой.

Я прошу вас, князь, написать обо мне его величеству, написать настойчиво, дать ясную картину моего времяпрепровождения здесь, о чем вы осведомлены, заявить открыто, что я невинен, потому что я уверен, что вы имеете внутреннее в том убеждение, и просить у его величества:

1. Судить меня, если есть данные.

2. Не оставлять меня под гнетом столь тяжкого обвинения, не обозначая по пунктам моей виновности.

3. Если подозрение значительно, — препроводить меня в Петербург и предать суду.

4. Если улики незначительны, — отпустить меня домой на свободу под честное слово с тем, чтобы я явился, когда меня вызовут. И вы

---

[1]) В своей записке от 4 января Орлов писал о том, как он узнал о мятеже 14 декабря следующее: «Я все это узнал за обедом у графини Орловой, где я жил». Довнар-Запольский, стр. 16.

можете быть уверены, что если я дал слово, то я без жандармов принесу свою голову на плаху.

5. Вернуть мне мои бумаги, если в них нет ничего заслуживающего порицания.

6. Наконец, если меня признают невинным, реабилитировать мою честь достаточно явственным удовлетворением, чтобы пятно, нанесенное арестом, само собою стерлось.

Князь, вы должны простить мне мою смелость, я говорю языком невинности. Я знаю самым положительным образом, что я вне всяких нападок, что ни мои поступки, ни мои письма, ни мои слова, ни мои дружеские признания, ни признания, которые сделаны мне, не являются преступными, и это не со вчерашнего или сегоднешнего дня, но с того самого времени, как я существую.

Таким образом, чтоб объяснить свой арест и изъятие своих бумаг, у меня нет других данных, как предположить, что я скомпрометирован без своего ведома, что мое имя было упомянуто. Но и в этом я не усматриваю никакой тяжкой вины. Если бы относительно меня были какие-нибудь положительные данные, меня бы отправили в Петербург, меня бы допросили, мне бы сделали очную ставку, то-есть пошли бы совсем другим путем, и я бы хотел, чтобы это произошло, как только над моей головой скопятся тяжкие улики. Я совершенно уверен, что при первой же очной ставке, при первом же допросе все эти подозрения рассеются.

Я, однако, не могу отвечать за то, что, заподозренный в либерализме в отношении правительства, при чем правительство устранило меня от должности, я мог оказаться зачисленным в группу недовольных, хотя это вовсе и не так: исходя отсюда, меня могли пристягнуть без моего ведома к проектам настолько же гнусным, как и нелепым. Но в этом не моя вина, и это не могло составить преступления. Эти пустые люди рассчитывали на всю гвардию, и рассчитывали зря. Так же обстоит дело и со мной, и, конечно, я не мог бы распространять этих бредней, порожденных больным воображением.

Я хотел, князь, написать вам это письмо без всяких прикрас, и я убежден, что, читая его, вы сможете поверить, что тут нет ни одного слова неправды.

Я вас прошу переслать его моему брату, прибавив от себя несколько слов [1]). Ему нужно быть уверенным в отношении меня, и он, может быть, предпримет несколько полезных шагов. Что до меня, князь, то я не в состоянии сегодня писать лицам, с которыми я всегда был дружен. Я боюсь, чтобы какая-нибудь фраза, вырвавшаяся вследствие моей привычки откровенных признаний, не выразила бы слишком сильно моей жгучей печали и глубокого чувства подавленности и скорби, которое я испытываю.

---

[1]) Письмо переслано не было; брат — А. Ф. Орлов.

Благоволите, князь, принять мои выражения глубокого уважения, с каковыми честь имею быть вашего сиятельства почтительным и покорнейшим слугою *Михаилом Орловым*.

22/XII [1]) 1825. Москва.

Голицын в общем верил Орлову. Сохранились две его рекомендации Николаю. В рапорте Николаю от 23 декабря 1825 года, препровождая через фельдегеря бумаги Орлова, отобранные при обыске, он, между прочим, писал так: «Я долгом поставлю донести..., что в поведении генерал-майора Орлова во все время последнего его здесь пребывания ничего мною предосудительного не замечено, и я не смел отказать ему в принятии на высочайшее вашего императорского величества имя всеподданнейшего его прошения, которое я имею счастие при сем представить» [2]). Это прошение, о котором идет речь и в начальных строках вышеприведенного письма Орлова к Голицыну, помещено ниже под № 2. Когда, далее, был отправлен в Петербург и сам Орлов, то Голицын не преминул замолвить за него словечко. 24 декабря он писал Николаю так: «Спешу донести вам через офицера, коему поручено сопровождать г.-м. Орлова в С.-Петербург, что приказание я вашего величества выполнил. Он был очень тронут милостивыми словами, написанными ему вашим величеством. Он неоднократно уверял меня, что никогда не участвовал ни в одном из гнусных заговоров, учиняемых негодяями и достойными сожаления молодыми людьми, которые допустили сбить себя с толку идеями разрушения существующего строя и столь сильно провинились против своего монарха. Что касается лично его, то он считает себя жертвой сложившегося о нем мнения. Зная его характер, можно верить правдивости его слов; а за эти три-четыре месяца, что он находится в Москве, он не дал повода ни к каким подозрениям, что я могу удостоверить, так как я распорядился установить за ним здесь наблюдение в виду того, что прежнее его поведение давало администрации право на такой надзор» [3]).

2. Письмо М. Ф. Орлова Николаю I [4]).

Всемилостивейший государь.

Декабря 21 числа в 7 часов пополудни, по повелению вашего императорского величества, я был арестован, и все мои бумаги были запечатаны.

Должен согласиться, что в нынешних неожиданных обстоятельствах, где осторожность должна быть первым правилом правительства, сия мера, сколь ни жестока для моего сердца, есть мера столь же муд-

---

[1]) Наличность этого письма опровергает указания М. О. Гершензона, будто после ареста 21 декабря в Москве Орлов был «тотчас отвезен в Петропавловскую крепость». Гершензон. «История молодой России». 1908, стр. 47.

[2]) Дело № 30, л. 63.

[3]) Красный Архив, т. V, стр. 244.

[4]) Сверху над письмом имеется пометка: «Получ. 26 декабря». Сбоку написано: «Доложить присутствию. Докл. 26 положено иметь в виду при допросах» (Дело № 83, л. 2).

рая, сколь необходимая. Я знаю, государь, что давно нахожусь в сомнительном состоянии, но знаю также, что все подозрения, павшие на меня, суть последствия обстоятельств, а не моей виновности.

Еще в 1816 году, когда приехал я из чужих краев, полагали, что я во Франции устроил связь с тамошними возмутителями. Но опыт доказал, что я не веду и не вел никакой переписки и другого друга, кроме брата моего [1]), в чужих краях не имею.

Во время командования моего 16 пехотною дивизией все мои дела, все мои переписки, все мои партикулярные и служебные бумаги оставались в руках моих обвинителей. Что ж из сего вышло? Клевета осталась клеветою, и даже [если] я лишен тогда начальства, другому не могу приписать, как только тому, что не хотели уронить заслуг человека, меня обвиняющего, но служившего более и, м о ж е т б ы т ь, лучше меня [2]).

Думали, что, отделен будучи от военной деятельности, которая много отнимала у меня времени, я опять и еще ревностнее коснусь до политических предметов, но сии 4 года я обратил на совсем другое занятие и предался изучению естественных наук; но все сие время я был не что другое, как хозяин, супруг и отец.

Полагали, что посредством масонических обществ я имею большое влияние над всеми Вольными Каменщиками. Но даже и имени моего в списках не нашли.

Думали, что моя связь с графом Мамоновым [3]) была основана на политических замыслах. Граф Мамонов сошел с ума; бумаги, книги, записки его в руках правительства, и я остался чужд от всяких нареканий.

Наконец, в Петербурге готовятся ужасные происшествия, бунт, кровопролитие, начало общего переворота. А я живу здесь в Москве, ничего не зная, ни с кем переписки не веду, редко езжу в собрания, мало к себе принимаю, занимаюсь собственными делами и воспитанием сына. Государь! Можно во многом меня упрекать, но не в трусости, ниже в подлости. Ежели я был заговорщиком, я был бы там, где заговор исполняется.

Но, государь, извините сии, может быть, слишком дерзновенные слова. Я обижен, арестован, мои бумаги запечатаны, над головой моей летает подозрение, будущность моя вся испорчена, и даже сама честь моя страдает. Позволено ли мне теперь по крайней мере надеяться, что ежели этот раз все обвинения падут в ничтожность перед престо-

---

[1]) Григорий Федорович Орлов, ум. в 1850 г.

[2]) Повидимому, имеется в виду корпусный командир Сабанеев, выступивший с обвинениями против Орлова.

[3]) Граф Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, родив. в 1790 г.,—обер-прокурор департамента сената, — принимал участие в отечеств. войне, примыкал в Москве к «обширному кружку недовольных», мартинист, задумавший вместе с Орловым общество и увлекавшийся планами внутренних преобразований. Семевский — «Политические и общественные идеи декабристов», стр. 384, 663—668.

лом вашего императорского величества, то выйду, наконец, совершенно чистым, не только пред буквою закона, но также и пред совестью судьи?

Ежели таковой должен быть конец моего дела, то благословляю ту минуту строгости, в которую вы, государь, повелели лишить меня свободы впредь до совершенного моего оправдания.

Всемилостивейший государь!

Я не виновен ни самым делом, ни замыслом, ни ведением дела, ни перепискою — словом, ничем.

Может быть, кто-нибудь в сем горестном происшествии употребил во зло имя мое, но те, кои считали на возмущение целой гвардии твоей, могли также считать и на мое содействие. Гвардия осталась тебе верной, и я также не могу отвечать за дерзновенное посягательство на честь мою и верность моей присяги.

Судите меня, государь, но благоволите вспомнить, что день торжества для невинности есть также день торжественный и для судьи.

Вашего императорского величества всемилостивейшего государя
верноподданный *Михаил Орлов*.

Сего 22 декабря 1825 года, город Москва.

Следующее письмо написано Орловым уже после разговора его с Николаем. Разговор происходил 28 декабря. В этот же день комендант Сукин писал в своем донесении: «Во исполнение высочайшего в. и. в. повеления, присланный при оном ген.-майор Орлов мною принят и посажен в доме Алексеевского равелина в арестантский покой № 12, с строжайшим наблюдением, чтобы он ни с кем никакого сношения иметь не мог» [1]. На следующий день Орлов писал Николаю:

3. Письмо М. Ф. Орлова Николаю I.

Государь. Лестные слова, которыми ваше величество удостоили меня в приписке, обращенной ко мне в письме моего брата, слова, произнесенные вами, когда я имел счастье быть принятым в вашем кабинете, главным же образом чувство моей невинности в деле, о котором идет речь, — все это взволновало мое сердце и преисполнило его надежды. Еще до того, как ваше величество ободрили меня, я был расположен к самой большой откровенности. Но мое сердце осталось холодным, благодаря присутствию третьего лица, хотя я и отношусь к нему лично с полным уважением. Я не мог говорить непринужденно и откровенно; такая откровенность была бы возможна лишь в частном разговоре с вашим величеством. Это перо, которое все время подстерегало, связывало мой язык [2].

---

[1]) Донес. от 28 дек. 1825 года (Дело № 30, л. 64); в связи с этим следует исправить дату на стр. 246 V т. «Красного Архива». Сказано: «был заключен в крепости с 29 дек. 1825 г.», следует — «с 28-го».

[2]) Намек на ген. Левашова, который обычно снимал первые допросы с привлеченных.

Государь, я вас прошу дать мне возможность поговорить с вами с глазу на глаз. Я расскажу все, что я знаю, но я не думаю, чтобы мои признания были бы сами по себе очень существенными, так как, повторяю, я вовсе не пользовался доверием со стороны этих господ, и если у меня в голове имеются кое-какие соображения относительно всего этого дела, то я обязан этим не столько их откровенности, сколько моей собственной сообразительности. Пусть ваше величество сами в разговоре наметите те пункты, которых я должен буду держаться, и я постараюсь использовать предоставленное мне время, стремясь быть точным, насколько мне это позволит моя память. Я вручу соответствующую записку в руки вашего величества, и вы сможете прочесть в ней всю правду.

Еще одно обстоятельство сделало безрезультатной беседу, которой удостоили меня ваше величество: дело в том, что я приготовился отвечать на одно, а спросили меня о другом. Я полагал, что при обвинениях на основании ложных показаний мне придется защищать свою честь против этих обвинений и представить вашему величеству фактические и моральные доказательства своей невинности до всяких других разговоров; раз такие доказательства были бы представлены, я бы получил свободу мысли и действия, меня бы тогда не столько спрашивали обо всем этом деле, сколько советовались бы со мною. Это было для меня самым существенным пунктом, и я предполагал потом в последовательной конфиденциальной беседе осветить все это дело, поскольку оно мне было известно. В действительности обстоятельства повернулись иначе. Еще до начала разговора я оказался в достаточно счастливом положении, чтобы из ваших собственных уст услышать заявление о своей невинности. Этим доверием вашего величества я главным образом обязан вашей доброте, отчасти тем текущим показаниям, которые вы уже имели; я был полон чувства благодарности. Но когда я начал рассказ, которого ваше величество у меня не спрашивали, и когда я начал это делать с откровенностью, то мне было предложено назвать собственные имена. Тут во мне проснулся невольный ужас перед такого рода разоблачениями. Я думал, что, если вы говорите по вопросу совсем новому и для меня недоступному, а я желал остановиться на подробностях, о которых меня не спрашивали, вы могли бы простить мне мое молчание, тем более, что раз все нити в ваших руках, то объяснения сами собою явятся подкреплением и дополнением к моим речам.

Кроме того, если бы ваше величество мне решительно приказали назвать имя, я бы это сделал. Но вы мне сами предоставили выбор говорить или молчать. Это д а или н е т, произнесенное вашим величеством, позволило мне думать, что мне предоставлен выбор назвать имя или молчать, и я замолчал. Я не предполагал, что молчание вызовет гнев вашего величества и что только благодаря этому обстоятельству я, невинный до этого мгновения, приказанием, произнесенным вашими собственными устами, буду ввержен в позорную тюрьму.

Но не эта тюрьма является в данном случае для меня наиболее существенной вещью. Если бы у меня были сомнения в моей невинности, я сам бы просил, чтобы меня отвели в тюрьму, пока мое дело не станет совершенно ясным. Я еще вчера утром говорил это с полным убеждением своему брату: вы можете его спросить. Но гнев вашего величества, чувство унижения, отсутствие сношения с женщиной, которую я обожаю и которую не знаю как известить о моем несчастии [1]), все это вместе повелительно заставляет меня обратиться к вам с этой просьбой. Благоволите признать это за благо, благоволите удостоить меня частной беседой. По этой причине, государь, я осмелился дважды докучать вашему величеству через генерала Левашова.

Имею честь считать себя и быть самым искренним образом вашего величества покорным верноподданным *Михаилом Орловым*.

29 дек. 1825.

4. Записка М. Ф. Орлова для Николая I. [2]).

Во время допроса — я осмелюсь назвать его д р у ж е с т в е н н ы м,— которым ваше императорское величество осчастливили меня вчера, 28 декабря, я был преисполнен благодарности, когда услышал до всяких последующих объяснений с моей стороны, что ваше императорское величество считаете меня невинным в ужасах, происшедших в Петербурге. Ваше величество не только отвели от меня это злодейство, вы соблаговолили даже приобщить меня, так сказать, к тому благому делу, которое вы решили осуществить. Я то же глубочайшим образом почувствовал.

Но в то самое время, когда ваше величество потребовали от меня назвать одно имя, мгновенная мысль пронзила мое сознание и парализовала мой язык. Я подумал, что в ту самую минуту, когда я делался свободным от всякого подозрения, я, может быть, отягчаю участь другого. Пусть, ваше величество, вы сами решите, может ли такая мысль быть приписана недостатку доверия к вам, или она зависела от какого-нибудь другого чувства, достойного порицания. Как бы то ни было, но потом у меня возникло соображение, и я даже почувствовал, что тем, что мне нужно было сказать, я никому не повредил бы, но рассказал бы просто факт. Примите, государь мои извинения, если я хотя бы в малейшей степени мог оскорбить ваше императорское достоинство или лично вас. Я ни в какой мере не хотел этого.

Я приступаю к делу, по распоряжению вашего величества. Эта записка оправдательная, но во многих отношениях она является обвинительной, в особенности в начале. Таков я, государь, по своей при-

---

[1]) Очевидно, тут Орлов имеет в виду свою жену.

[2]) Очевидно, Николай, не допустив Орлова до свидания, потребовал от него письменного изложения.

роде. Вы мне приказываете рассказать, что я знаю о других. Первым я выставляю себя и не отгораживаюсь от вашего гнева.

Мне кажется, я первый задумал в России план тайного общества. Это было в 1814 году. Я был тогда проникнут мыслью о том значении, которое Tugend-Bund приобрел в политике. С другой стороны, я воспринял слова императора Александра, которые он сказал в Париже: внешние враги сражены на долго, будем сражаться с врагами внутренними. С такими мыслями я вернулся в Россию. Я хотел переменить свое поприще, оставить войско и заняться административной деятельностью, где, государь, как вы знаете, гнездятся наполеоны в качестве внутренних разбойников. В таком смысле я вел переписку с графом Мамоновым. Я уговаривал его участвовать в моих планах. Он мне ответил, что враг внутренний сильнее всякого внешнего врага и что он сомневается в успехе. Тем не менее мы согласились тогда относительно некоторых предположений.

Наступили события 1815 года. Основание Польского царства, бесполезность моих хлопот при царствовавшем тогда государе против этого плана, убеждение, что в Польше существует тайное общество, которое незаметно работает над ее восстановлением (общество существует и сейчас), значение, благодаря которому польский вопрос все больше выдвигался в планах государя или казался выступающим на первый план, так как это было время создания Литовского корпуса,—все эти причины, взятые вместе, внушили мне мысль связать противодействие польской системе с моими первоначальными планами. В связи с этим в 1816 и отчасти в 1817 г. вместе с Мамоновым я был занят одним делом. Но это дело осталось неосуществленным и вскоре было совершенно им оставлено из-за его путешествия и болезни, а мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал. Именно, я узнал о соорганизовавшемся обществе молодых людей, большею частью гвардейских офицеров; они также были в восторге от успеха Tugend-Bund'а и работали в этом смысле. Не присоединяясь к ним, я с ними сблизился. Один Новиков вступил с ними в связь. Это была одна из организаций. Вскоре установилось доверчивое отношение, и мало по малу я узнал, в чем дело. Их устав, который я, впрочем, прочитал только несколько лет спустя, был списан с Tugend Bund'а. Все филантропические и либеральные взгляды были перенесены в форме какого-то необдуманного шаблона; его с трудом можно было прочесть и еще труднее было понять. Это было что-то тяжелое, скучное; для ума не было ничего возбуждающе-живого. То, что там заключалось, можно было найти в сотнях различных книг и в лучшем изложении и с лучшим объяснением. Молодые люди, входившие в состав этого общества, Союза Благоденствия, находились тогда исключительно под влиянием либеральных идей, в их головах еще не было ни одной революционной идеи. Сверх того, они считали себя сильными, и это убеждение вызывало в них большую активность. Я не входил тогда в состав их общества и оставил без

осуществления план того общества, которое я сам хотел организовать, потому что я думал со временем воспользоваться их организацией и направить ее соответственно моему собственному замыслу [1]).

Так я уехал, будучи назначен начальником штаба 4 корпуса, и на месте был всецело поглощен серьезными занятиями, которые заставили меня забыть всякую мысль об обществе. Я потерял из виду деятельность этих молодых людей, и ваше величество скоро увидите, что, собственно, не за чем было следить. Впрочем, с 1817 по 1820 год я познакомился с некоторыми из этих господ, между прочим, с Пестелем, который пользовался тогда всеобщим недоверием со стороны их всех. Он мне казался очень умным человеком, и он действительно таков.

В 1820 году, будучи назначен начальником 16 пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня обрушились Фон-Визин, Пестель и Юшневский. Все чувствовали, что они находятся на краю опасности и понапрасну подвергают себя этой опасности. Они заимствовали систему иллюминатов для обществ — иметь двум подчиненным одного вышестоящего и итти далее таким же дроблением на двое [2]). Но такая система требует, чтобы до нее доросли и неизменно ее применяли, к чему в данном случае были неспособны. Все разветвления были спутаны, и каждый член был известен всем другим членам. После приблизительно трехлетней работы их оказалось около 80 человек. Они были рассеяны по всему пространству империи, без связи и без цели, поднимая без толку крик и съезжаясь после длинных перерывов по два, по три человека, чтобы перемолвиться несколькими фразами. Таково было положение вещей в провинции, и я имею тысячу оснований предполагать, что не иначе обстояло дело и в столице. Говорят, наиболее возбужденными были умы во время пребывания двора в Москве, и причиною этого возбуждения был арест одного из самых ревностных членов — Александра Муравьева. Его дело было принято к сердцу со всею преданностью сословного духа в казарме. Этот Александр Муравьев первый покинул общество. Тут я отдаю ему полную справедливость. Он отдался религии, и с тех пор я более ничего не слышал о нем. Таким образом, когда я прибыл в Тульчин, меня стали увещевать, что если я знаю все их тайны, то не великодушно мне самому оставаться вне опасности. Я поддался этому доводу. Происходило все это в 1820 году в июле или августе месяце. Во все последующие месяцы я ничего не слышал. У меня было два офицера, которые входили в общество: Раевский (майор, арестант в Тирасполе) и Охотников. Последний умер. Это был храбрый и превосходный молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу). У Раевского много умственных достоинств и душевной теплоты. К несчастью, от одного стакана пуншa

[1]) На полях другой рукой написано карандашом: «каков этот замысел?».

[2]) Орлов поясняет данную систему особым схематическим изображением на полях в той записке, которая напечатана Довнар-Запольским, но без воспроизведения рисунка.

он становится совершенно несдержанным и делает много глупостей. Все глупости, которые он говорил или делал,— все это под влиянием вина. Я пользовался этими двумя офицерами, главным образом, чтобы знать о положении низшего сословия у отдельных командиров дивизии, и они значительно помогли мне уменьшить число злоупотреблений. Вместе с другими они ревностно заботились о благосостоянии солдат. Многие их возненавидели.

В 1821 г. я отправился в Москву для устройства своих дел и ради своей женитьбы, которая уже почти что была решена. Там я застал собравшимися Фон-Визина, Тургенева, Бурцева, Охотникова, Граббе и Фон-Визина брата. Там мы принялись за дело, чтобы выяснить, на что собственно мы способны. С самого начала я увидел, что все идет вкривь. Насколько я помню, при подсчете числа членов мы никогда не доходили до 100. Тут я решил разойтись навсегда, и я заявил об этом публично. Спор со мною ни к чему не привел. Мое решение было твердо, и я при нем и остался. Немного времени спустя я узнал уже в Киеве, что общество распалось, — об этом сообщил мне Бурцев.

Мне думается, что Бурцев больше уже не возвращался в общество при его возобновлении, равно и оба Фон-Визина.

Прошел 1821 г., и ничего не было слышно. Я женился и вернулся в дивизию. Но этот год в известном отношении оказался для меня очень несчастливым. Я не знаю, верно ли это, но мне кажется, что власти некоторое время подозревали, не причастен ли я делу Ипсиланти. Факт тот, что я услышал об этом уже после восстания. Мои злоключения, которые лишили меня последнего доверия властей, отняли у меня дивизию; об эту пору общество «Союз Благоденствия» совершенно распалось, и в 1821 и 22 г. я о нем ничего не слышал. Вот почему все дело Раевского не имеет ни малейшей связи с тайными обществами. Он действовал вполне самостоятельно и никого не компрометировал. Я должен здесь сделать одно признание, чтобы засвидетельствовать истину,— я находился тогда под бременем совершенно несправедливых обвинений, и бог мне свидетель, что за все время своего командования и в 4 корпусе и в 16 дивизии я не привлек ни одного последователя и не принял ни одного члена, вращаясь только в обществе, с которым я был связан лишь моими обязанностями; и вот в эту пору столь тяжких испытаний для меня я не мог защищаться со всей энергией, так как я боялся раскрыть обстоятельства, которые, правда, были ликвидированы, но разоблачение которых могло бы иметь тяжкие последствия для многих. Вот, государь, новая улика против меня.

Такова правда, и вся правда, относительно этого первого общества «Союза Благоденствия» или Зеленой книги, это совершенно то же самое. Название Зеленой Книги сделалось нарицательным для обозначения общества. Между молодыми людьми, которые его составляли, было много немецких идеологов, и я не видел ни одного французского якобинца. Я знаю, что можно представить это дело в совсем другом

свете. Единственно серьезная мысль заключалась в присоединении членов по двое, с возглавлением начальника, — это было гарантией для возрождения общества. Но эта мысль была как раз откинута с самого начала. Те, которые расценивали эту мысль теоретически, никогда не смогут действительно ее понять. Выраженная на бумаге, она получает другой смысл: смысл же ее таков, как я воспроизвел ее вам, ваше величество.

Я перехожу теперь ко второму обществу, и, поверите ли, ваше величество, я ведь не знаю, как оно называется, и думаю, что у него вовсе нет названия. Вот в этом и заключается главная трудность моего положения. Это несомненно наиболее интересная сторона дела, и менее всего могу я здесь дать подробности. Не примите, государь, эту фразу за желание скрыть правду в этом деле. Я вам даю честное слово, что я скажу все, что я знаю, и ничего не утаю от вашего величества.

Прежде, чем входить в существо дела, позвольте мне присоединить один вопрос, который касается лично меня. Являюсь ли я сам членом нового общества, или нет? Вы ответили в мою пользу на этот вопрос, государь. Нет, я не член общества, и вот доказательство этому [1]).

1. Кого принял я в качестве члена? Никого.

2. Кем я был принят? Никем.

3. Какая работа была на меня возложена? Никакая.

4. Чем доказано, что я нахожусь в обществе? Доносами людей, которые наперерыв заявляли это, может быть, потому, что я действительно был членом, а может быть, для того, чтобы вызвать к себе доверие, может быть, из желания меня скомпрометировать? Заметьте, государь, обычная тактика всех тайных обществ заключается в том, чтобы предполагать существование воображаемых или невидимых начальников.

5. Наконец, государь, мое положение в общественных кругах вело к тому, чтобы заставить их поверить, будто рано или поздно, но в конце концов я стану их, и чтобы они меня причислили, без моего согласия, к числу своих. Путь либеральных идей очень скользок для большинства людей. Встречая противодействие и отпор, оказывают этому сопротивление, начинают действовать убеждениями, кончают — желанием употребить силу. Сначала разговор идет о том, чтобы потихоньку внушать власти либеральные идеи, а кончают тем, что верят, будто можно и должно навязывать власти известные условия. Я по собственному опыту знаю кое-что из этой области, и хотя я никогда не доходил до преступления, но я пережил тут много ошибок. Эти господа верили, увлекаясь своими фантазиями, что, может быть, я иду вместе с ними или скоро буду с ними. С другой стороны, они видели, что я в немилости, и считали, что я принадлежу к числу недовольных. Они думали, что я нетерпеливо сдерживаю свою досаду и что я демонстративно выйду из того спокойного положения, которое я начинал

[1]) На полях: «знал ли он об его существовании?»

любить все больше и больше. Единственно таким способом я могу объяснить это ожесточение, с каким они, как говорят, заявили, что я нахожусь в числе их членов.

Я возвращаюсь к прерванному рассказу. Кажется, к концу 1822 или в 1823 г. до меня дошел неясный слух [1]), что 7 или 10 членов прежнего общества поклялись не расходиться. Так ли это? Не знаю. Но что несомненно, это то, что тогда мне были сделаны предложения войти в общество через человека, который к нему еще не принадлежал. Это был Сергей Муравьев. Он обещался войти в общество, если бы я сам вступил туда. После этого я получил еще предложение со стороны Пестеля, но, так как я всегда отказывался, они наметили иной путь.

Они сорганизовались в два самостоятельных общества, одно — в Петербурге, при чем начальниками его, думается, были Никита Муравьев и Трубецкой; другое — в Тульчине под руководством Пестеля и Юшневского, — так по крайней мере я думаю, но уверенности у меня нет. Потом они снеслись со мной через Пестеля или другого (я теперь точно не помню) и предложили мне быть общим начальником [2]). После того, как я отклонил это предложение, связи наши почти вовсе порвались, и если я еще пользовался доверием, весьма незначительным, то скорее по болтливости людей, а не потому, что я заслуживал это доверие.

Я должен сказать, что Юшневский никогда не говорил со мною о новом обществе ни с какой точки зрения: в этом отношении он меня оставил совершенно в покое.

Впрочем, тогда не трудно было узнать членов общества. Их утопии сильно развились и оказали большое влияние на то, что они говорили. Но я мало жил с ними, да и род моих занятий был совсем другой, поэтому эти известия доходили до меня редко. Меня начинали все больше и больше сторониться, рассчитывая на мое любопытство в том, чего они не могли достичь другими путями. Именно как раз в это время начали злословить, будто я совершенно опустился. Говорили, что я нахожусь под влиянием своей жены и зятя [3]), их заклятого врага, составлявшего единственное препятствие к соединению с ними. Они много писали, казались поглощенными делами, проявляли большой энтузиазм к труду Дестюде Траси о Монтескье и исповедывали идеи американского федерализма. Словом, по этому указанию ваше величество найдете в захваченных бумагах много следов их взглядов в эту эпоху. Вот что, во всяком случае, я смог уловить из нескольких разговоров, которые я вел с ними очень изредка в продолжение 1823 г.

В 1824 г. мне казалось, что все обстоит очень спокойно в продолжение всего времени, пока Эртель [4]) был в Киеве. Тогда офицерам было запрещено покидать свои полки.

---

[1]) На полях: «Через кого?».

[2]) На полях: «Почему он не предупредил?».

[3]) А. Н. Раевского.

[4]) Федор Федоров. Эртель (1768—1825) — генерал-лейт., военный полицмейстер.

В 1825 г. приехал Трубецкой. Должен сказать, государь, что он был очень осторожен со мной, я даже был удивлен. В это время весь Киев бегал к новым приехавшим начальникам, я же проводил часть своего времени в деревне и видался с очень немногими.

Что касается либеральной или даже политической переписки, то я думаю, государь, мне нет нужды вас уверять, что такой корреспонденции я за последнее время не вел вовсе. Также никто из этих господ никогда мне не показывал ни одного документа, принадлежащего обществу, ничего, о чем бы я мог говорить, как о прочтенном своими собственными глазами. Кроме того, кажется, в это время все значительные события общества происходили в Петербурге [1]), там вербовались новые лица, о которых я никогда и не слышал. Теперь мы подошли к самым решительным событиям.

Когда я приехал в Москву, из членов общества я виделся прежде всего с Никитой Муравьевым. Он как-то зашел ко мне; разговор у нас был короткий и мало последовательный [2]). Нужно добавить, государь, что с тех пор, как я живу на белом свете, я его видел всего каких-нибудь три-четыре раза. Моя жена перебила беседу, разговор стал общим, и Муравьев ушел. Он был после этого у меня только в Михайлов день, 8 ноября, и с тех пор я его больше не видал [3]).

После смерти его величества последовало принесение присяги великому князю Константину. Все происходило в величайшем порядке. Но потом пошел по Москве зловещий слух о разделении. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также и Курляндии, и что эта уступка утверждена Священным Союзом. Это был благоприятный момент для недовольных и бунтовщиков, чтобы выступить или, во всяком случае, чтобы попытаться поднять голову. Некоторые истинно русские люди, государь, пришли в уныние от этой вести, и я с ними, пока мы совершенно не разуверились. Я совершенно убежден, что такого неспокойного элемента, который обнаружился здесь, в Москве очень мало.

Долгое время все было спокойно, и я ни о чем не слышал, как вдруг в зале, где собралось дворянство для выборов, разнеслась весть, что ваше величество вступили на престол и что одновременно произошел мятеж и бунт в войсках, во время которого был убит Милорадович. К вечеру весь город говорил об этих событиях. Вот тогда-то Фон-Визин в первый раз за пять лет своего неотлучного пребывания в деревне [4]) пришел ко мне и показал письмо, адресованное не знаю кому, без подписи, помеченное, если меня не обманывает память, 12-м. Я думаю, что это письмо от Пущина. Это письмо, которое я тут же сжег собственной рукой, представляет собою любопытный документ; оно дает ключ

---

[1]) На полях: «Откуда он это знает и через кого?».

[2]) На полях: «О нем, может быть, он нам расскажет?».

[3]) «Мне кажется, что я тут ошибаюсь, и мне здесь нужно будет представить некоторые пояснения. Я над этим еще подумаю». *(Прим. Орлова).*

[4]) «Он приехал на выборы». *(Прим. Орлова).*

к пониманию того, что произошло. Я шаг за шагом прослежу его содержание, насколько мне позволит память. Письмо написано по-русски.

1. «В тот момент, когда вы получите эти строки,—гласит письмо,—все будет решено». Следовательно, решение было принято за несколько дней, решение рискованное, но они были совершенно уверены в успехе.

2. «Мы работаем ежедневно с Трубецким, и мы все все время вместе». Вот, следовательно, как сочинялись все документы, которые должны были быть захвачены.

3. «Нас здесь 60 членов». Это, государь, совершенно точно, я как будто сейчас вижу это число перед глазами. Сначала их было всего 60; остальные были набраны потом.

4. «Мы уверены приблизительно в 1000 солдатах». Вот еще вполне точные их средства.

5. «Случай очень удобный; если мы не будем действовать, мы заслужим имя подлецов; прощайте, оплакивайте нас» и т. д.

Вот как эти молодые люди разгорячили себе воображение и после двухлетней болтовни, очертя голову, отдались мятежу, самому гнусному, и предприятию, самому сомнительному в смысле успеха, без средств и надежды, исключительно из-за стыдливого чувства остаться в бездействии после упорной работы, направленной к тому, чтобы все поднять с собой.

6. Можно ли поверить, государь, чтобы в этом письме, в котором автор, казалось, перечисляет все средства и все основания, почему заговорщикам следует действовать, можно ли поверить, чтобы автор, обозначив все средства, которые были в их распоряжении, не назвал тех могущественных лиц, которые тайно служили им опорой? Ибо я хорошо понял, на чем вы настаивали, ваше величество, при моем допросе. Вы ищете вожаков заговора, ваше величество, вы сомневаетесь, не вблизи ли вас находится тот человек, который организовал заговор, который давал на него средства и который его поддерживал. Это, государь, как раз то, относительно чего ваше величество просили меня помочь. Так вот, государь, мой взгляд на это таков — восстание носило совершенно демократический характер; это: ужасное оружие, поднятое 60 заговорщиками, и ложное знамя Константина, под которым соединилось 1000 солдат. Вот и все, если попросту это выразить. К этому присоединились тяжелые события, всеобщий ужас и замешательство в ожидании грядущего. Или я ошибаюсь, или в этом и лежит вся истина. Вот, государь, что бы я вам сказал без обозначения имен в тот момент, когда ваш гнев предписал мне молчание. Это самая сильная сторона и самое убедительное из того, что я знаю в этом злосчастном и ужасном деле.

Но скажут: ведь письмо сожжено, кто может подтвердить правильность этого рассказа?

1. Фон-Визин, если только он не растеряется и не будет думать, что это новая улика против него. От него нужно знать все, действуя мягко.

2. Сам Пущин, который находится в вашем распоряжении.

3. Наконец, я сам, государь, прежде всего со своим честным словом и затем с указанием тех компрометирующих меня вещей, которые находились в этом письме, почему я его и сжег. Там было сказано: «покажи это письмо Михаилу Орлову». Так как я уверен в своем деле, я не боюсь слишком большой откровенности; я смею верить, что эта откровенность не будет вполне неугодной вашему императорскому величеству, впрочем, ведь таким образом я только сдержал слово, данное в начале этой записки.

Наконец, государь, мне остается лишь сказать о письме Трубецкого. Мне никогда не передавали этого письма. Оно было поручено Ипполиту Муравьеву, которого я знал еще ребенком; в первый и последний раз он был у меня 19 или 20. Он должен был притти снова и взять письмо у моей жены. Но он больше не приходил. Возможно, что это письмо было отправлено почтой. В нем не было ничего такого, чего нельзя было бы написать. Совершенно нелепо было Трубецкому писать мне 13, чтобы я приехал помогать 14, и за этот акт безумия я не являюсь ответственным.

Ко всему этому мне остается присоединить только одно слово. Если ваше величество хотите иметь сведения о каких-нибудь лицах, благоволите назвать тех, коих характеристику вы желаете от меня получить. Я обещаю сделать это с такою же откровенностью, с какою я написал эту записку. Государь, может быть, я знаю меньше, чем вы думаете, но тех, кого я знаю, я знаю хорошо.

Генерал-майор *Михаил Орлов* [1]).

Военный советник *Боровков*.

29 декабря 1825 года, Санкт-Петербург.

5. Выписка из журнала Комитета 30 декабря 1825 года.

Комитет по выслушании показаний генерал-майора Орлова, находя, что в оных не видно чистосердечия и что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими, положил испросить соизволения его императорского величества, дабы запрещены были всяческие сношения с ген.-майором Орловым.

На докладной о сем записке 30 декабря государь император изволил собственноручно написать следующее:

«К р о м е с б р а т о м е г о А л е к с е е м» [2]).

---

[1]) Текст этой записки, до сих пор непечатавшейся, был отчасти использован в исследовании Семевского «Политические и обществ. идеи декабристов». Стр. 380—381 и 397—398.

[2]) С Алексеем Фед. брат постоянно виделся. Даже на другой день после бурных нападок Николая состоялось свидание М. Орлова с Алексеем в комнате

Так как докладная записка была признана неудовлетворительной, то текст ее был возвращен Орлову; на полях были поставлены вопросы, по которым Орлов должен был дать объяснения. Вопросы эти приведены выше. Орлов приступил к составлению новой записки, а старую вернул. Следующее письмо направлено, повидимому, к Левашову, — к нему обычно обращался Орлов, — и указывает на данное обстоятельство.

6. Письмо Левашову [1]).

Имею честь вернуть вам, дорогой генерал, записку, многие пункты которой требовали объяснения. Я постараюсь все это включить в новую записку, которую я сейчас составляю.

Будьте уверены, генерал, что я так же хорошо, как и вы, чувствую, насколько важно для нашего монарха, для отечества и, в частности, для меня самого, чтобы монарх был уверен и убежден в том, что зло действительно искоренено. Я сделаю все, что можно сделать в этом отношении, но я не могу итти дальше моих средств, которые, к сожалению, ограничены.

У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю честное слово написать обо всем, что сохранилось в моей памяти.

Примите, генерал, выражения моей нежной и давней приязни.

Михаил Орлов.

2 января 1825 года.
10 часов утра.

В результате новых требований Комитета Орлов и написал свою пространную записку на русском языке, которая уже опубликована Довнар-Запольским. Текст этой русской записки следует иметь в виду при чтении вышеприведенной французской записки от 29 дек.,—она восполняет и подтверждает изложенные в этой последней данные. Все дальнейшие дополнительные показания приведены Довнар-Запольским, так что тут остается отослать читателя к стр. 22—26 его книги.

Все дело Орлова завершилось докладной запиской, составленной Боровковым. На этой записке и была положена резолюция. Текст этой записки подводит итог всему делу Орлова, и мы помещаем его целиком.

7. Записка Боровкова о генерал-майоре Орлове.

Орлов по примеру Трубецкого намеревался учредить тайное общество для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам. Между тем, как он занимался составлением устава, Александр Муравьев

коменданта Сукина (д. № 30, л. 65). 30 дек. Сукин доносил, что согласно высочайшего повеления Орлов из равелина переведен на плац-адъютанскую квартиру в крепости у Петровских ворот (л. 66а); мы видим, что и содержался Орлов хорошо, не как рядовой арестованный.

[1]) Сверху надписано: «принять к сведению в ожидании от Орлова новых показаний».

в 1817 году объявил ему, что подобное общество уже существует, и приглашал его вступить в оное; однако он тогда на сие не согласился.

Во время пребывания его в Киеве начальником штаба 4 корпуса он более, нежели когда-нибудь, был привержен свободным мыслям, особенно потому, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила в нем и рвение и упование. Сей дух свободомыслия, управляющий всей его перепискою и всеми его речами, поддерживал доверие общества, которому он, хотя еще и не принадлежал, но уже знал о действии в оном и переменах.

В 1820 году в проезд Орлова через Тульчин, в июле или августе, Фон-Визин, Пестель и Юшневский убедили его вступить в Союз Благоденствия, говоря, что, зная все их тайны и имена многих, невеликодушно не разделять их опасности. По вступлении в оное особенного поручения или занятия никакого не получил и во все времена способствовал к принятию только одного члена Василия Давыдова [1]). В 1821 г. Орлов находился на совещании о преобразовании общества; там совершенно от всего отказался, объявя, что более членом быть не хочет. Вскоре он отправился в Киев, куда приехал Бурцев, а потом Охотников и сообщили ему, что общество разрушилось.

Общество возродилось в 1823 году; Орлову предлагали к оному присоединиться; но как все настояния остались безуспешны, то ему и не открыто никаких тайн. Встречи его с членами сделались редки, и то публичные, а, наконец, мало по малу и совсем прекратились.

Весь 1824 год Орлов был избавлен от их преследования; но в начале 1825 года Бестужев-Рюмин сказал: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения». Орлов, прервав речь его, отвечал: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не русские — прощайте!» [2])

Наконец, Орлов излагает причины, по коим он не донес о существовании тайного общества. 1-е. Он полагал, что правительству должно быть о сем известно. 2-е. Тайны он их не знал, не предполагал,чтобы они готовились к действию, и был уверен, что при жизни покойного императора они ничего предпринять не могли. 3-е. С другой стороны, думал, что чад переворотных их мыслей также рассеется, как филантропические порывы первого общества. 4-е. В 1823 году, когда государь осматривал 2 армию, он просил через начальника штаба позволения представиться государю, и ежели бы удостоился благосклонного приема его императорского величества, то не вытерпел бы известить его о существовании тайного общества. Но, к несчастию, на приезд его соизволения не последовало. 5-е. После сего ему оставалось только молчать, особенно чувствуя отвращение от доносов и опасаясь, чтобы поступка сего не отнесли к личным выгодам.

---

[1]) Об этом Орлов умолчал в своей французской записке; признал он это лишь 4 января. Довнар-Запольский, стр. 7.

[2]) Это выявил Орлов тоже лишь в своей русской записке, в пункте 22-м. Довнар-Запольский, стр. 11.

Приехавши в Москву около сентября 1825 года, Орлов вел жизнь уединенную, занимался сочинением, которое намерен был представить правительству и которое докажет, что правила его далеки от всякого мятежнического покушения. В октябре посетил его Никита Муравьев, который сообщил ему о намерении Якубовича посягнуть на жизнь покойного императора [1]). 17 декабря приезжал к нему вечером Михаил Фон-Визин и привозил письмо Пущина от 12 декабря, которое велено показать Орлову и которое он тотчас сжег. Оно содержало извещение о том, что предпринимают, а не приглашение к содействию. 19 или 20 поутру вдруг явился к Орлову Ипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, который приглашал его в С.-Петербург; но письмо Муравьевым разорвано и сожжено. Орлов заключает, что письма сии или писаны наобум, то-есть — приедет — хорошо, а не приедет — и без него обойдется, или с намерением отомстить ему за то, что он в течение 4-х лет совершенно от них удалился.

Признание Орлова подтверждается показаниями, о нем сделанными. Трубецкой же насчет письма его к Орлову говорит, что решился вызывать его в С.-Петербург в том предположении, что образ мыслей его, столь гласный прежде, не изменился, почему, хотя он теперь ни во что не вмешивается и от всех обществ отстал, однако в случае надобности на него надеяться можно.

Против показания Якушкина, что штабс-капитан Муханов говорил в Москве у ген.-майора Орлова после происшествия 14 декабря, что взятых под арест возмутителей ничто не спасет, кроме смерти государя, и что он знает человека, который готов убить его, при чем Орлов подрал его, Муханова, за ухо [2]), Орлов отвечал, что Муханов

---

[1]) Этот факт Орлов усиленно маскировал. Во француз. записке он не без хитрости поместил в примечании туманную оговорку к соответствующему месту: «мне кажется, что я ошибаюсь, и мне здесь нужно будет представить некоторые пояснения». В русской записке то же сказано прикровенно (ср. пункт 26-й); и только когда вопрос был поставлен напрямик и в упор, Орлов ответил 10 января: «точно, вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении к о г о - т о покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора»; и далее: «теперь, когда злодейское сие намерение кажется по показанию капитана Муравьева совершенно доказанным, я должен сознаться, что не прощаю себе мою недоверчивость к его словам» (Довнар-Запольский, стр. 22—23). И вечером в тот же день Орлов, в дополнение к бумаге, пытается как-нибудь выгородить себя, хотя и сам замечает, что объяснение отзывает чем-то неправдоподобным. «Все обстоятельства, кои я описал в моей бумаге, совершенно справедливы, начиная с того, что и как мне говорил капитан Муравьев, и кончая с того, что сия часть нашего разговора совершенно изгладилась из памяти моей до получения повеления Комитета. Как это ни странно, но это истинно» (ibid., стр. 24).

[2]) Насчет того, что Орлов п о д р а л М у х а н о в а з а у х о, имеются указания повсюду (см. все дело Муханова, № 356); эта формулировка была спасительна для Орлова, — этим О. как бы выражал свой протест и осуждение словам Муханова. На самом деле было и другое, что могло совсем иначе осветить умонастроение Орлова — он чмокнул Муханова в лоб. Якушкин сообщает в своих записках: «Услышав этот вызов, М. Орлов взял его (Муханова) за ухо и поцеловал за такое намерение в лоб... Мне показалась одна возможность спасти Муханова:

19 или 20 декабря действительно заезжал к нему и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Он, точно, сказал, что все те, которые взяты, погибнут, но прибавил ли что другое, не помнит. Орлов же, прервав речь Муханова, сказав ему: полно, братец, врать, чему быть, того не миновать, и в ту же минуту вышел из комнаты по вызову его человека. Что касается до слов Муханова, будто он знает человека, готового посягнуть на жизнь императора, то сего совершенно не слыхал. Муханов также не сознался, чтобы говорил сие; а Якушкин пояснил, наконец, что Муханов в словах был весьма невоздержан.

8. Справка из доклада аудиториатского департамента о бывшем командире 16 пехотной дивизии генерал-майоре Орлове 1.

Аудиториатский департамент находит виновным генерал-майора Орлова 1 в том, что он, не удостоверясь поведением майора Раевского, поручил ему в управление юнкерскую школу, потом, заметив в нем пылкие выражения и услышав о поступках Раевского во время командования им в полку ротою, не удалил его от юнкеров и, не приступя к секретному о том исследованию, оставил его по прежнему начальником школы, при коей находясь, он до самого ареста внушал юнкерам вредные правила; сверх того, он, Орлов, приказами по дивизии объявлял покровительство свое нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и дисциплина. А как по сему же поводу произошли все неустройства в 16 дивизии и даже сделан нижними чинами Камчатского пехотного полка весьма нетерпимый буйственный поступок, коим Орлов при инспекторском смотре осмелился объявить прощение, не имея на сие право, то аудиториатский департамент полагает: отставя его, Орлова, от службы, впредь никуда не определять и не позволять ему выезжать из того места, где изберет жительство.

Содержится в крепости с 28 декабря.

На подлинной докладной записке означена следующая высочайшая резолюция, за подписанием барона Дибича: «Продержав еще месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуды не определять. По окончании же срока ареста, отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный тайный надзор».

После освобождения из крепости Орлов прибыл в Москву и счел нужным отправить Голицыну следующую записку:

«Ваше сиятельство!

Честь имею препроводить вам письмо, которое я осмелился написать его величеству. Его величество удостоило меня изъявлением стольких благодеяний за все

описать мое свидание с ним у Орлова и Митькова, не показывая, разумеется, что Орлов целовал его» (стр. 103); спасти Муханова уже нельзя было, но это умолчание Якушкина оказалось спасительным для Орлова, относительно которого власти думали, что он о с у ж д а л намерение убить царя, тогда как на самом деле он о д о б р я л его своим поцелуем Муханова» (ср. также стр. 76 записок Якушкина).

время моего заключения, что я не смог отказаться от выражения всей моей признательности. Мое письмо открыто для прочтения; и ваше сиятельство, ознакомившись с ним, увидит, что оно содержит лишь то, что я имею право изложить его величеству.

Благоволите, князь, принести к подножию трона проявления моей живой признательности и принять выражения моего глубокого уважения, с каковым я имею честь, князь, быть почтительным и покорным слугой вашего сиятельства *Михаилом Орловым*.

26 июня 1826 г. Москва.

При чтении этих строк уже невольно припоминается характеристика более позднего времени, данная Орлову Герценом. Характеристика эта жестокая и, может быть, даже не вполне справедливая, но в ней есть своя доля правды. Это подтверждается как раз текстом наших писем. Герцен так писал об Орлове: «Стереть прошедшее и явиться кающейся Магдалиной», — говорил один голос; «не сходить с величественного пьедестала, который дан ему прошедшим интересом, и оставаться окруженным ореолом оппозиционности»,—говорил другой голос. От этого Орлов делал непрерывные ошибки, вовсе без нужды и без пользы громогласно иной раз унижался и приобретал один стыд. Ибо те, перед которыми он это делал, не доверяли ему, а те, которые были свидетелями, теряли уважение» [1]).

И действительно,— власти перестали доверять Орлову; в последнем публикуемом письме своем к Голицыну Орлов говорит о своем отъезде из Москвы в Калужскую губернию и о том, что «по смыслу полученных распоряжений... нет нужды фельдъегерю сопровождать меня за пределами столицы». Между тем его не только сопровождали, но Калужский губернатор должен был тщательно следить за поведением Орлова на месте согласно вышеприведенной резолюции.

9. Письмо кн. Д. В. Голицыну.

Ваше сиятельство!

Здоровье моей жены достаточно окрепло [2]), и я могу покинуть Москву; в связи с этим я полагаю, что если бы я остался более продолжительное время здесь, я до некоторой степени злоупотребил бы милостями его величества. Поэтому я решил выехать завтра, 20 июля. Я прошу ваше сиятельство благоволить дать распоряжения о необходимых мерах в этом деле:

1. О выдаче мне подорожной от Москвы до Мосальска, — последнего города в окрестностях моих владений, куда я предполагаю водвориться [3])

2. Выяснить, до какого пункта и кто будет сопровождать меня в моем путешествии. Мне кажется, что по смыслу полученных распоряжений относительно меня нет нужды сопровождать меня за пределами столицы.

3. Я полагаю, что было бы целесообразным дать распоряжение, чтобы в газете не упоминалось о моем отъезде так же, как это не было

---

[1]) Сочинения Герцена, т. VI, стр. 5.

[2]) После рождения дочери Анны.

[3]) В имение Милятино Калужской губернии.

сделано при моем приезде. Во всяком случае я желал бы, чтобы это было так, поскольку это возможно.

Впрочем, я вполне вверяюсь всем решениям вашего сиятельства, которые вы примете в этом деле; я вперед убежден, что ни одно ваше распоряжение не будет направлено к отягчению того мучительного положения, в котором я нахожусь.

Имею честь пребывать с самым глубоким уважением, князь, вашим почтительным и покорным слугою *Михаилом Орловым*.

28 июля 1826 г. Москва.

За Орловым был установлен тайный надзор. Он продолжался и значительно позднее, когда Орлову уже был разрешен въезд и проживание в Москве. В делах секретного отделения московск. ген.-губернатора имеется «дело о надзоре за отставным генерал майором-Орловым» [1]).

13 мая 1831 года Бенкендорф уведомил московского губернатора Голицына, что Орлов удостоился получить дозволение жить в Москве. Хотя о продолжении надзора в бумаге не было речи и в своем уведомлении обер-полицеймейстеру Голицын ничего не говорил о надзоре, будучи сам благодушно настроен по отношению к Орлову, тем не менее исправляющий должность обер-полицеймейстера полковник Муханов решил, что «как в предписании... сказано, что над ним (Орловым) был учрежден надзор в месте прежнего его жительства, то я счел нужным предписать г. полицеймейстеру 1 отделения иметь за ним секретное наблюдение». И по бумагам секретного отделения можно проследить, как сначала Орлов жил в доме своей тетки Анны Ал. Орловой-Чесменской, как он затем выезжал в Новгород, в Мосальск, в свою вотчину Якимовское Тульской губ. и т. д. Орлов умер в 1842 году, а еще за 1841 год имеется бумага о том, что «Орлов имеет намерение в течение сего лета отправиться в Ревель, к находящейся там супруге его...» Так, несмотря на все старания, до конца жизни, этот прежний либерал и вольнодумец не снял с себя печати недоверия и клейма правительственного надзора.

Сообщил *П. Попов*.

---

[1]) № 18 за 1831 год; хранится в Архиве Революции XIX и XX в. в Москве.

«Практические начала политической экономии» П. И. Пестеля.

Работа Пестеля «Практические начала политической экономии», трактующая вопросы экономической политики, появляется в печати впервые. В огромной литературе о декабристах, в том числе и в трудах В. И. Семевского, об этой работе Пестеля ни разу не упоминается. Это обстоятельство в значительной степени объясняется местонахождением рукописи: «Практические начала политической экономии» вшиты в «дело» [1]), в котором собраны преимущественно военные записки Пестеля, не привлекавшие, несмотря на свой исключительный интерес, до сих пор внимание историков, в том числе и военных. Но, кроме того, и внешний вид рукописи легко может ввести в заблуждение исследователя. В отличие от всего остального литературного наследия Пестеля, в особенности «Русской Правды», публикуемая ниже работа написана довольно четким, каллиграфическим почерком, почти без помарок. Лишь последние 18 страниц, представляющие собой первоначальные черновые наброски, испещрены помарками и исправлениями. Рукопись к тому же написана на французском языке, в то время как подавляющее большинство бумаг Пестеля написано на русском языке [2]). Эти чисто внешние обстоятельства, должно быть, и послужили причиной того, что указанная работа Пестеля оставалась незамеченной. Необычный, в сравнении с другими бумагами Пестеля, вид рукописи первоначально ввел в заблуждение и лиц, изучающих историю декабристов в самое последнее время, у которых возникло предположение, что «Практические начала политической экономии» являются конспектом прочитанной Пестелем какой-нибудь книжки по политической экономии.

Этой аберрации первоначально поддался и автор этих строк. Лишь внимательное чтение документа обнаружило, что перед нами подлинная оригинальная и притом наиболее ранняя работа Пестеля.

Написана она не раньше 1819 года. Основанием для такого утверждения служат достаточно убедительные данные. Сличая эту работу Пестеля с экономической и политической литературой того времени, легко заметить, что она написана под впечатлением и даже под влиянием известного труда Сисмонди «Nouveaux principes d'écono-

[1]) А. О. Р. «Госархив» I В, дело № 473: «Черновые записки П. И. Пестеля по делам военного управления, по командованию полком, по командировке в Бессарабию и некоторые выписки из книг».

[2]) В настоящем издании дается перевод французского текста в виду того, что последний имеет быть в точности воспроизведен в издании Центрархива: «Русская Правда» П. И. Пестеля.

mie politique». Сисмонди настолько сильно овладел вниманием Пестеля, что в публикуемом документе очень часто можно встретить пересказ мыслей из «Nouveaux principes». [1]).

Правда, Пестель далеко не рабски подражал своему литературному источнику, и в целом концепция его трактата значительно отличается от концепции Сисмонди. Но все же и в терминологии и в последовательности изложения все время чувствуется влияние швейцарского экономиста, мелкобуржуазная критика капитализма которого сильно пришлась по вкусу первого идеолога мелкой буржуазии в России. Имя Сисмонди упоминает и сам Пестель в своих «Практических началах политической экономии», в главе «Цены земледельческих продуктов», называя его там Simonde («Но как утверждает Симонд, Франция потеряла много своих производительных капиталов») [2]). Полное начертание фамилии Сисмонди — Simonde de Sismondi, но Пестель для краткости называет лишь первую половину фамилии — Simonde, — как мы, например, часто говорим Туган, — вместо Туган-Барановский, Муравьев — вместо Муравьев-Апостол и т. п. Что в указанной главе трактата Пестеля речь идет именно о Сисмонди, видно из того, что в 5 книге II тома «Nouveaux principes d'économie politique» Сисмонди, действительно, свою мысль о пагубном влиянии чрезмерного выпуска бумажных денег иллюстрирует примером из истории Франции. Вышла же в свет упомянутая работа Сисмонди только в 1819 г., в Париже. Следова-

[1]) Вот два примера:

Сисмонди. Т. I, кн. 3-я, гл. II, стр. 161—162 (изд. 1819 г., Париж).

Торговля или промышленность страны не могут считаться процветающими лишь потому, что небольшое число купцов нажило огромные состояния; наоборот, их необычайные прибыли почти всегда свидетельствуют против о б щ е г о благосостояния страны.

On ne regarde point comme prosperans le commerce ou les manufactures d'un pays, parce qu'un petit nombre de négocians y ont élevé d'immenses fortunes,—au contraire, leurs profits extraordinaires témoignent presque toujours contre la propriété générale du pays.

Пестель, ч. 1-я, гл. I, отд. I, стр. 194.

Но большие проценты, малое число капиталистов, имеющих большие доходы, служат всегда показателем национальной бедности.

Mais de gros intérêts, un petit nombre de capitalistes, de grands profits, qu'ils font, est toujours un signe de la pauvreté nationale.

Сисмонди. Т. I, кн. 3-я, гл. X, стр. 243.

Для воспроизведения земельного богатства, в общем, достаточно, чтобы владение землей перешло в руки человека искусного, который сумел бы ею управлять, тогда как она остается собственностью богача, который не питает ни того интереса, ни той склонности к работе и думает лишь о наслаждениях. Между тем национальный интерес часто требует, чтобы собственность перешла в руки того лица, которое использует ее лучше.

Il suffit en général, pour la reproduction de la richesse territoriale, que l'usage de la terre soit transmis à l'homme industrieux qui peut la faire valoir, tandis que la propriété demeure á l'homme riche, qui n'a plus ni le même intérêt, ni la même aptitude au travail et qui ne songe qu'à juir. Cependant l'intérêt natinal demande souvent aussi que la propriété elle-même passe en des mains qui en feront un meilleur usage.

Пестель, ч. 1-я. гл. I. отд. I, стр. 192.

Наконец, крупный землевладелец редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель. Он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях.

Enfin le grand propriétaire possède rarement les connaissances nécéssaires pour l'amelièration de ses ters. Il sert dans le militaire ou dans le civil, ou bien il s'amuse.

[2]) См. текст стр. 211.

тельно, мы имеем полное основание утверждать, что трактат «Практические начала политической экономии» написан не раньше 1819 г.

Нам остается еще установить, в какой именно год в периоде между 1819—1825 г.г. написан этот трактат. Хотя для абсолютно точного ответа на этот вопрос мы не располагаем такими же объективными данными, как в первом случае, но, при сопоставлении «Практических начал политической экономии» с другими работами Пестеля, мы в состоянии удовлетворительно разрешить интересующую нас задачу. К числу наиболее ранних произведений Пестеля, кроме «Практических начал», относятся две его большие незаконченные работы: «Записки о государственном правлении» и «Краткое умозрительное обозрение государственного правления», сшитые вместе с черновиками «Русской Правды» [1]). Обе эти записки написаны не позже 1820 года, о чем свидетельствуют следующие данные. На обложке «Краткого умозрительного обозрения государственного правления» указан год, когда написана эта работа — «1820» — и автор ее — «сочинение молодого гусара». «Молодой гусар» — не кто иной, как Пестель, который в 1820 г., как видно из его послужного списка [2]), служил в Мариупольском гусарском полку. Следовательно, указанной на обложке «Краткого умозрительного обозрения» датой можно вполне руководствоваться. В свою очередь «Записка о государственном правлении» написана в том же 1820 г. или на несколько месяцев раньше, в чем легко убедиться при сличении ее с «Кратким умозрительным обозрением» [3]), так как последняя работа дополняет и развивает содержание «Записки о государственном правлении». И вот, сопоставляя публикуемую нами работу Пестеля с двумя только что названными его рукописями, легко можно установить, что «Практические начала политической экономии» написаны раньше. Это видно из того, что ряд мыслей Пестеля, изложенных им в «Практических началах» в самых общих чертах, в «Записке о госуд. правлении» и в «Кратком умозрительном обозрении» развиты более обстоятельно и притом в форме уже определенных политико-юридических положений. Так, например, мысль о том, что правительство обязано установить бдительный надзор за качеством промышленных товаров, в «Практических началах» Пестелем изложены еще, так сказать, в «академических» тонах, без указания соответствующего правительственного органа, который должен был выполнять эту обязанность. В «Записке о государственном правлении» эти же мысли изложены уже, как обязанность определенного органа реформированного государственного аппарата — «государственного приказа благочиния»,— задача которого «состоит в учреждении безопасности для правительства, представляющего целые гражданские общества» и «... в учреждении оной (безопасности.—*С. М.*) для народа или для частных лиц» [4]). Одной из основных обязанностей этого «приказа» является «надзор за всеми промышленниками, дабы они условия, с частными людьми делаемые, в полной мере держали и свои работы своевременно и в условленной представляли доброте, равно как и разбирательства по сим предметам. Для сего весьма полезно, чтобы каждый промышленник обязан был держать условную книгу или запись, в которую записывались бы все условия, делаемые между им и частными людьми, и по которой несогласия между ими могли быть разбираемы и решаемы. Сии книги должны быть

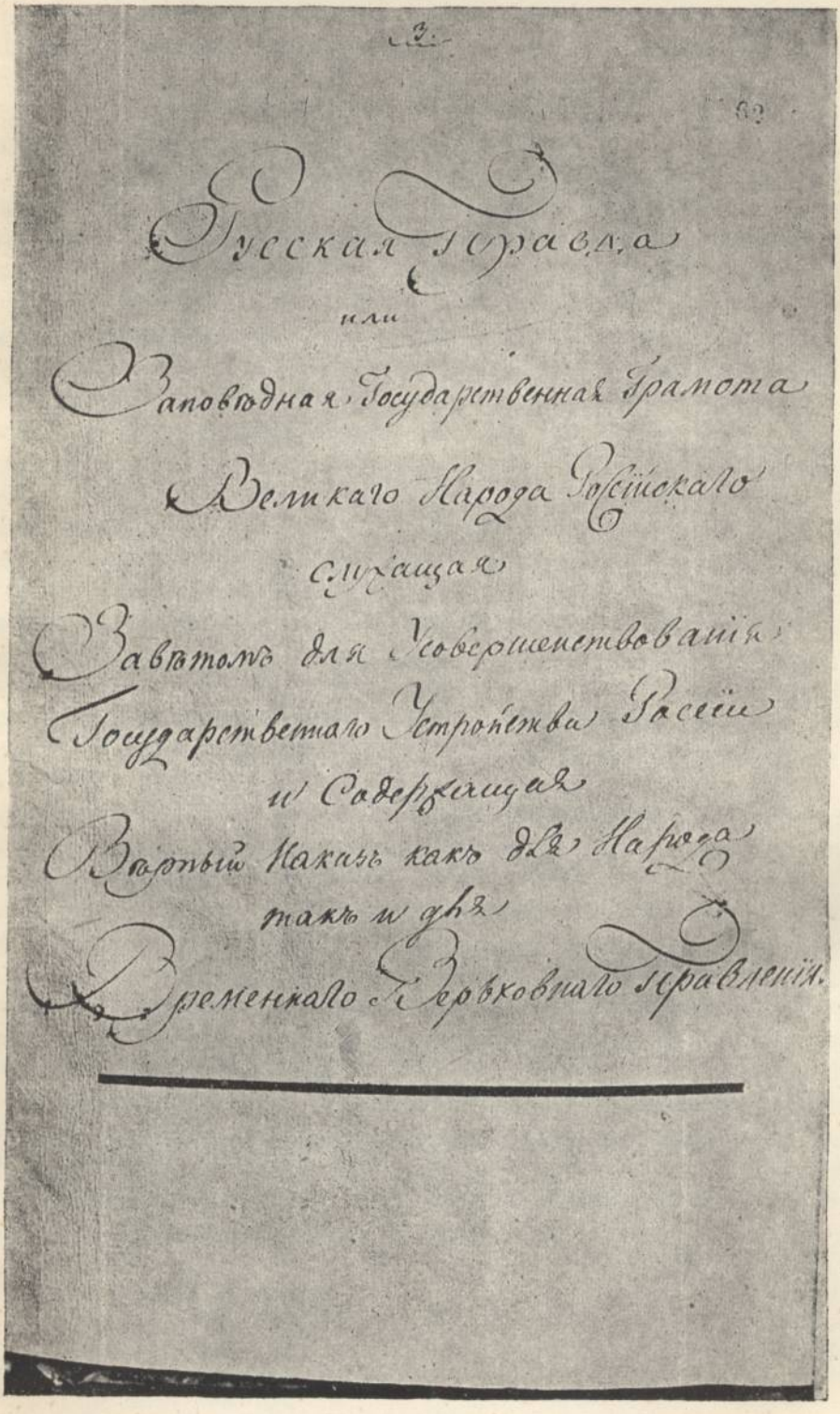
---

[1]) Арх. Окт. Рев. «Госархив». I В. дело № 10, л.л. 145—197 и 198—229.

[2]) А. О. Р. «Госархив». I В, дело № 394, л. 112 об.

[3]) Подробное обоснование этого положения читатель найдет в предисловии к новому изданию «Русской Правды», выпускаемому Центрархивом.

[4]) Дело № 10, л.л. 159 об.



Титульный лист „Русской Правды."
(Архив Окт. Революции. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 10, л. 62).
(В уменьш. виде).

скреплены чиновниками благочиния, а посему я назвал сие действие нотариатом. — Я думаю, что сии условные записи ограждали бы частных лиц от обмана промышленников и заставляли бы сих последних представлять хороший товар, действуя в сем отношении гораздо успешнее, нежели гильдии и цехи...» [1]).

В «Практических началах» Пестель, желая добиться максимума гарантии в доброкачественности промышленных изделий, договорился в конце концов до необходимости учредить явно архаический средневековый институт цеховых корпораций [2]). В «Записке о государственном правлении» этот проект уже оставлен. Другой пример. В первой главе «Практических начал» Пестель, отстаивая принцип буржуазного землевладения, подвергает довольно резкой критике институт «фамильной», земельной собственности [3]), когда старший в роде является лишь представителем всей семьи, и поэтому он не может свою землю ни продать, ни разделить [4]). Это же положение в «Кратком умозрительном обозрении государственного устройства» изложено опять-таки в виде определенной юридической нормы: «Всякое различие между родовом и благоприобретенном имении [5]), следовательно, должно быть уничтожено тем более, что право собственности основано быть должно на истинной неприкосновенности сего права, а отнюдь не на побочном движении [5]) об образе, коим вещь в собственность поступает, если только сей образ есть законный» [6]). В отличие от «Практических начал» в цитируемом тексте принцип буржуазного землевладения провозглашен без каких бы то ни было экономических доводов. Эти два примера указывают, что «Практические начала политической экономии» написаны несколько раньше «Записки о государственном правлении» и «Краткого умозрительного обозрения государственного правления», т.-е. не позже 1820 г. Таким образом мы видим, что публикуемая работа написана Пестелем в 1819—20 г.г.

Судя по плану, помещенному на последней странице рукописи, Пестель в эти годы задумал большой труд, и, очевидно, «Практические начала» являются к нему как бы подготовительной работой, которая осталась незаконченной. Но и в таком виде «Практические начала» являются для изучения идеологии Пестеля чрезвычайно ценным материалом, ибо этот трактат, являясь одной из самых ранних работ Пестеля, и притом еще посвященной исключительно вопросам экономической политики, дает нам возможность ознакомиться с наиболее ранней фазой его идеологии, и притом у ее первоначальных экономических истоков. В этом смысле точное установление времени написания «Практических начал политической экономии» имеет не только историко-библиографическое значение, но крайне важно для понимания эволюции идеологии Пестеля, ибо в этом документе по целому ряду центральных узловых вопросов Пестель придерживался взглядов, резко отличных от изложенных в «Русской Правде» в ее последних двух редакциях. В этом отношении особенно сильно и резко отличаются его точки зрения на крестьянский вопрос.

---

[1]) Дело № 10, л. 159 об.

[2]) См. текст, стр. 234—235.

[3]) Особенно резкой критике этот тип землевладения подвергся в «Русской Правде», где Пестель уже определенно именует его общепринятым термином «майорат».

[4]) См. текст, стр. 190.

[5]) Так в оригинале.

[6]) Дело № 10, л. 212.

В отличие от «Русской Правды», в которой крестьянский вопрос разрешается чрезвычайно радикально — на революционное правительство возложена обязанность освободить крестьян («рабство должно быть решительно уничтожено») и с землей («каждый россиянин будет посредством сего постановления обладателем земли»)—в «Практических началах политической экономии» Пестель хотя и признает необходимым уничтожение крепостного права, но он предлагает освободить крестьян с крайне медлительной постепенностью, а главное—без земли. «Раб предварительно должен пройти несколько промежуточных этапов, прежде чем достигнет положения свободного фермера. Эти различные этапы таковы: 1) Из раба, который может быть продан без земли, он становится рабом, который может быть продан только с землей. 2) Потом он становится земледельцем, который может покинуть свою землю с разрешения установленных властей. 3) Наконец, он становится — свободным работником. 4) После этого он приобретает небольшую земельную собственность и становится половником. 5) Наконец, он выходит из этого класса в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал. На каждой новой ступени он получает новые права, и с каждым разом увеличиваются его имущество и просвещение. Декретированная свобода не сразу увеличивает народное богатство и не сразу распространяет просвещение... Закон же, который гласит об этом, может оказаться бесполезным и опасным. Гораздо лучше итти медленным, но верным шагом, освобождая крестьян постепенно. Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли» [1]).

Как же объяснить такую менее чем умеренную программу, под которой расписались бы не только наиболее правые из декабристов, но и большое число помещиков, стоявших далеко вправо от них? Ключ к ответу на этот вопрос мы найдем лишь после того, как выясним, что собой представлял Пестель в 1819—20 г.г.

Прежде всего следует отметить, что в эти годы Пестель еще не был тем революционером-якобинцем, каким он выступает перед нами в 1822—25 г.г. В 1819—20 г.г. он являлся членом единой, но пестрой по своему составу организации Союза Благоденствия, объединявшей людей крайне разнородных как по своему классовому, так и политическому облику. Впоследствии Пестель дал Союзу Благоденствия весьма нелестную характеристику: «Все члены Союза Благоденствия согласны были в намерении содействовать к введению в России нового порядка вещей и в том, что сие иначе произведено быть не могло, как через количественное усиление членов общества и распространение Союза Благоденствия по елико возможным большим местам; но по всем предметам и статьям не было общей мысли и единства в намерениях и видах. Сие разногласие относится преимущественно до средств, коими произвести перемены в России, и до порядка вещей и образа правления, коим бы заменить существование правительства... Часто одни и те же члены мнения свои переменяли или пополняли... Да и вообще едва ли найдется кто-либо из нас, который с самого начала все одно мнение бы имел» [2]).

Какого же «мнения» придерживался сам Пестель в эти годы?

В «Практических началах» Пестель придерживается еще монархических взглядов. Это видно из того, что он, отстаивая неприкосновенность частной собственности, считает вполне законной конфискацию земельной собственности у лиц, совершивших «пре-

---

[1]) См. текст, стр. 195.

[2]) Архив Окт. Рев. Госархив I В, дело № 394, л. 5 об.

ступление в оскорблении его величества» [1]). Правда, мы располагаем рядом бесспорных свидетельств, в том числе и самого Пестеля, о том, что уже в 1820 г. он на совещании у Глинки энергично и настойчиво высказался за республиканский образ правления. Как же связать эти два противоречивых факта? Дело в том, что Пестель и в более поздние годы, оставаясь принципиально республиканцем, все же готов был согласиться на установление в России конституционной монархии. Так, напр., в многочисленных черновых набросках подготовляемой им «Русской Правды» мы встречаем отрывки, написанные и в монархическом и в республиканском духе. В монархическом духе написана и «Записка о государственном правлении». Такая двойственность отчасти была вызвана чисто тактическими соображениями. Опасаясь откола правого монархически настроенного крыла Союза Благоденствия, Пестель готов был пойти ему на уступки. Но было бы явной ошибкой считать монархизм Пестеля в эти годы только тактическим маневром, ибо, судя по его отношению к другим политическим вопросам, видно, что он в эти годы склонялся к умеренной программе и тактике. Особенно ярко это видно из того, как он разрешает в трактате вопрос о политическом равенстве. Основным лейтмотивом республиканизма Пестеля в то время, когда писалась «Русская Правда», являлось политическое равенство. «Все российские граждане должны одинаковым образом пользоваться всеми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться оными в целом пространстве всего государства» [2]).

В «Практических началах» мы встречаем совсем другую точку зрения — «... политические учреждения должны ограничивать естественную свободу, не говоря уже о равенстве, *которое является заблуждением* как в физическом отношении, так и в нравственном, *и еще больше в политическом*»... [3]). Очевидно, если монархизм Пестеля еще можно было объяснить одними тактическими соображениями, то таким же образом объяснить его выпад против политического равенства никак нельзя. Слишком это диссонирует всему характеру политического облика Пестеля — автора «Русской Правды». Очевидно, что занимающий нас документ отражает этап в развитии идеологии Пестеля, когда он еще окончательно не был ни демократом, ни республиканцем, ни революционером,—этап, о котором он сам говорит в одном из своих показаний... «и начали во мне рождаться почти совокупно как и конституционные, так и революционные мысли. Конституционные были совершенно монархические, а революционные очень слабы и темны» [4]).

Но какое же тогда значение имеет публикуемый трактат для изучения идеологии Пестеля? Чем Пестель именно в этом трактате отличается от остальных членов Союза Благоденствия? Ответ на этот вопрос мы найдем в общей концепции трактата. Центральной проблемой, которую Пестель надеется разрешить в «Практических началах политической экономии», является развитие производительных сил страны, при чем развитие в определенном направлении — в буржуазном, капиталистическом. «Принцип свободы здесь (в сельском хозяйстве—*С. М.*), как и вообще в политической экономии, является основным. Необходимо даровать землевладельцам, фермерам и рабочим свободу, вытекающую в их наиболее полной неприкосновенности. Необходимо стараться увеличить разделение труда, для чего потребуется затрата капитала, а поэтому

[1]) См. текст, стр. 189.
[2]) Дело № 10, л. 248.
[3]) См. текст, стр. 236. (Курсив мой. *С. М.*)
[4]) Дело № 394, л 109 об.

необходимо облегчить свободный оборот капитала. Когда правительство достигнет этих трех целей, тогда оно действительно сделает для земледелия все, что имеется в его власти» [1]). Таким образом основными условиями для развития производительных сил в сельском хозяйстве Пестель считал предоставление максимума буржуазной свободы как землевладельцам (и постоянным и временным держателям), так и непосредственным производителям. «В результате всего вышесказанного мы видим, что неприкосновенность личности и частной собственности являются основными принципами политической экономии» [2]). Но в конкретной русской действительности эти начала не могли быть реализованы, поскольку оставались нетронутыми два архаичных антибуржуазных института — сословно-привилегированное землевладение и крепостное право.

Первый институт Пестель подверг резкой критике. Монопольная исключительность сословного землевладения приводит к тому, что такой земельный собственник не является организатором производства, непосредственно хозяйствующим субъектом, а «он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях», благодаря чему он «редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель», но в то же время такого рода земельная собственность имеет тенденцию к беспрерывному укреплению, и земля, в конце концов, юридически закрепляется за строго ограниченным кругом лиц, что служит препятствием для проникновения капитала в сельское хозяйство. В результате — крупный земельный собственник, не обладая необходимым капиталом, вынужден вести крупное сельское хозяйство, но архаичное, пользуясь трудом крепостных («рабов»), что еще больше задерживает развитие производительных сил в сельском хозяйстве. В отличие от Сисмонди, Пестель в трактате вовсе не является противником крупного сельского хозяйства. Наоборот, мелкое, парцелярное крестьянское хозяйство осуждается им так же резко, как и крупное крепостное. К последнему он относится отрицательно лишь потому, что оно является результатом не экономической эволюции, а «фамильной», сословной монополией, которая в конечном счете не только задерживает развитие производительных сил, но еще «может стать опасным для правительства».

Какой же вывод намечает Пестель? Ни конфискации, ни даже принудительного отчуждения за выкуп, как это встречается в многочисленных вариантах «Русской Правды» автор «Практических начал», вопреки ожиданиям, не рекомендует. И не рекомендует отнюдь не оттого, что в эти годы он субъективно является глашатаем интересов помещичьего дворянского землевладения, как это может показаться с первого взгляда. Наоборот, в «Практических началах политической экономии» в 3 отделе, в главе «Помощь, оказываемая правительством землевладельцам», Пестель очень далек от защиты классовых интересов дворянского землевладения. В указанной главе он, не употребляя термин «дворянство», быть может, из тактических соображений, фактически подвергает уничтожающей критике всю систему правительственных поощрений дворянского землевладения, как-то: «денежные ссуды из банка», «система кредита и ипотеки» и «покупка земель разорившихся землевладельцев», систему, которая махровым цветом процветала при помещичьей «матушке» Екатерине II, широко практиковалась при Александре I и достигла своего апогея (в дореформенной России) при Николае I.

---

[3]) См. текст, стр. 189.

[4]) См. текст, стр. 195.

Отсутствие в «Практических началах» плана принудительного отчуждения земли у крупных сословно-привилегированных собственников объясняется другими причинами. Дело в том, что Пестель в эти годы еще не сознавал, в пользу кого бы он мог предложить столь радикальную операцию, одно заявление о которой отпугнуло бы от него не только правое крыло, но и подавляющее большинство членов Союза Благоденствия. «Раздел земли (а не полное отчуждение—*С. М.*) даже как гипотеза встречает сильную оппозицию» [1]),—писал уже несколько лет спустя Матв. Муравьев-Апостол своему брату С. И., характеризуя господствующие настроения в Северном обществе, которое и по своему составу, идеологии и тактике было значительно радикальнее Союза Благоденствия.

Ну, а в пользу крестьян?—скажет читатель. Но как раз в крестьянстве, в том современном Пестелю крепостном придавленном крестьянстве, он тогда—в 1819 - 20г. г.— не видел реальной общественной силы, которая способна была бы более рационально, экономически более прогрессивно эксплоатировать землю. «Еще хуже, отдать землю крестьянам. Здесь речь идет не о количестве рабочих рук, а о капитале и просвещении, а крестьяне не имеют ни того, ни другого». [2]) А между тем основной задачей «Практических начал» является указание такой системы землепользования и производства, которая содействовала бы поднятию сельского хозяйства.

«Оказание помощи (правительством) земледелию»,—читаем в указанном 3 отделе «Практических начал»,—«означает не что иное как способствование увеличению производства земледельческих продуктов». [3]) А поскольку это пожелание осуществимо лишь в условиях буржуазного землевладения и хозяйства, то апологии последнего и посвящен трактат Пестеля.

Но что является наиболее важным и характерным в «Практических началах» — это тот факт, что Пестель апологизирует не буржуазное сельское хозяйство вообще, а его высшую в капиталистических условиях форму — капиталистическое фермерство, которое по своему производственному эффекту превосходит и крупное помещичье хозяйство, и мелкое крестьянское.

«Землевладельцы бывают крупные и мелкие, последние могут сами обрабатывать землю, и большею частью они вынуждены прибегать к этому вследствие недостатка у них капитала, необходимого для содержания значительного числа рабочих. Крупные же владельцы, обладая большим капиталом, содержат много рабочих, надзор за которыми очень утомителен. Для большего удобства они возлагают заботы по надзору на комиссаров, а мало по малу поручают им и всю обработку земли, за что эти последние в свою очередь платят землевладельцам ренту и приобретают звание фермеров.

Фермеры живут, таким образом, на земле крупных помещиков, которым они выплачивают ренту и землю которых они обрабатывают на собственный капитал и по своему усмотрению. Фермеры являются капиталистами земледельческого класса.

Вычтя из валового дохода все издержки, фермеры делят чистую прибыль на три части, из которых одну отдают землевладельцу в качестве ренты, вторую — правительству в виде налога, а третью оставляют себе как про-

[1]) М. И. Муравьев-Апостол, «Воспоминания и письма», изд. «Былое», 1922, стр. 81.

[2]) См. текст, стр. 198.

[3]) См. текст, стр. 214.

цент на капитал. Мелкий землевладелец является одновременно и своим же собственным фермером, поэтому в его доход входят и рента и процент на капитал.

Первое положение вещей гораздо благоприятней для земледелия, чем второе. В первом случае возникает крупное сельское хозяйство, которое дает большую чистую прибыль и достаточную ренту. В последнем случае мы имеем мелкое сельское хозяйство, дающее небольшую чистую прибыль и ничтожную ренту. Оно дает мало дохода правительству и порождает только обременительное для государства население. Система фермерства встречается только в странах, где среди земледельцев образовался класс капиталистов, как, например, в Англии, Голландии, Ломбардии и в некоторых провинциях Дании и Германии. Во всех же других государствах Европы землевладелец вынужден быть в то же время и своим же собственным фермером, и обработка его земли производится или половниками, или земледельцами, прикрепленными к земле, или же рабами». [1])

Но капиталист-фермер мог образоваться лишь среди крестьянства. Это признает и Пестель — «наконец, он («раб»—*С. М.*) выходит из этого класса (полусвободных половников—*С. М.*) в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал» [2]). Следовательно, только освобождение крестьян способно создать условия, необходимые для вызревания прогрессивной формы производства в сельском хозяйстве. И это признает Пестель: «Целью правительства,—читаем мы в той же главе трактата,—должно быть последовательное освобождение класса земледельцев для того, чтобы между ними могли образоваться капиталисты, которые бы получили возможность стать фермерами» [3]). Но как раз тут Пестель ставит своего читателя в недоуменное положение.

Если капиталистическое фермерство является наиболее прогрессивным типом производства, то почему же тогда он растягивает освобождение крестьян на такой мучительно долгий срок? Допустим, что он избегает рекомендовать освобождение крестьян с землей — единственно реальное условие для возникновения капиталистического крестьянского хозяйства — из тактических соображений, опасаясь за судьбу Союза Благоденствия. Но почему же он растягивает срок и проектируемого им безземельного освобождения крестьян, как это явствует из приведенной нами на стр. 178 цитаты? Или, быть может, эта цитата заключает в себе общее положение, не относящееся конкретно к России? Но, во-первых, весь трактат (точнее—фрагменты трактата) написан в чисто «академических» тонах, без указания страны, в которой Пестель хотел бы видеть осуществление развиваемых им положений. А, во-вторых, в той же главе и в том же отделе «Практических начал» мы вновь встречаем этот план, развиваемый применительно к России. Это видно из того, что в этом абзаце все примеры приведены из российской действительности. Вот этот план: «Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли. Затем предоставьте ему право оставить землю после того, как установленные власти признают, что он ничего не должен хозяину, на земле которого он жил, и пусть перемена его местожительства приурочивается всегда к известному времени

---

[1]) См. текст, стр. 191 — 192.
[2]) См. текст, стр. 195.
[3]) См. текст, стр. 192.

года. Таково было положение русских крестьян до Петра Великого и украинских— до Екатерины II. Разрешите затем землевладельцам отпускать крестьян на волю, если они найдут это нужным, и на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми. Так делается в настоящее время в России [1]). Наконец, необходимо заняться уставом о земледелии, где были бы точно определены обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу и по отношению к государству. Комиссия по делам Лифляндии занимается чем-то в этом роде. При таких предварительных законах можно надеяться, что наступит день, когда можно будет объявить освобождение крестьян» [2]). Такая медлительность со стороны Пестеля особенно непонятна, если принять во внимание его личное признание в том, что, в отличие от всех остальных отрицательных явлений современной ему российской действительности, «рабство крестьян всегда сильно на меня действовало» [3]). С другой стороны, против более быстрого освобождения крестьян не возражало бы и большинство членов Союза Благоденствия. Задуманный Якушкиным план освобождения крестьян служит лучшим доказательством. А Якушкин не являлся исключением. В изданных Академией Наук бумагах Н. И. Тургенева можно встретить детально разработанные планы освобождения крестьян, рассчитанные на неизмеримо более короткий срок.

Но дело в том, что помещичье большинство Союза Благоденствия разрешало крестьянский вопрос, а особенно освобождение крестьян, исходя из интересов своего, помещичьего, производства. Они добивались освобождения крестьян, точнее—освобождения земли от крестьян, желая эксплоатировать эту землю наивыгоднейшим образом, дабы использовать благоприятную хозяйственную конъюнктуру — высокие хлебные цены. С этой целью они старались провести эту операцию (безземельное освобождение крестьян) как можно скорей.

Но Пестелю незачем было торопиться, ибо ему был чужд такой чисто помещичий подход к крестьянскому вопросу. И не только потому, что он сам не был помещиком. Этот чисто отрицательный момент сам по себе не играл существенной роли. Решающее значение имел другой факт. Это то, что Пестель представлял собой новый для России 20-х г.г. прошлого века социальный тип, у которого были порваны все связи с каким бы то ни было производством, тип мелкобуржуазного интеллигента, юридически еще считавшегося членом господствующего класса, но который фактически общим ходом экономического развития — внедрением в старый хозяйственный режим новых капиталистических отношений—уже был выброшен из сферы производственных отношений. Но почему же тогда, спросит недоумевающий читатель, он уделил в своей работе так много внимания проблеме развития производительных сил в сельском хозяйстве, а, в частности, экономической несостоятельности крепостного хозяйства, или, выражаясь его языком, «работы рабов»?

И проблема развития производительных сил и крепостное право как институт, препятствующий этому развитию, интересуют Пестеля прежде всего как потребителя, и притом потребителя мелкобуржуазного, который только что столк-

---

[1]) Очевидно, Пестель ссылается на закон 1803 г. о так называемых «вольных хлебопашцах». Но только он не совсем точно его толкует, ибо по этому закону помещики как раз «были лишены права освобождать своих крестьян на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми», т.-е. без земли.

[2]) См. текст, стр. 195—196.

[3]) АОР. Госархив. Дело № 394, л. 109 об.

нулся лицом к лицу с дотоле неведомой ему стихией капиталистического распределения—рынком. Сквозь призму интересов такого мелкобуржуазного потребителя он разрешал все вопросы экономической политики, и общие и частные. Так, напр., одна из глав трактата специально посвящена критике увлечения правительства правом эмиссии. Что же больше всего смущает и возмущает Пестеля? «Вздорожание денег будет препятствовать спросу и потреблению. Человек, получавший 1.000 руб. жалованья звонкой монетой, не будет иметь возможности делать те же затраты, когда он получает жалованье бумажными деньгами, которые стоят всего 500 рублей. Он может потреблять только половину того, что потреблял раньше. Он будет лишен возможности попрежнему питаться, одеваться и пользоваться таким же, как раньше, помещением; а так как производство зависит от потребления, то земледелие и фабричная промышленность будут производить только половину того, что они производили раньше. С уменьшением производства национальное богатство ежедневно терпит убытки, несмотря на высокую номинальную цену этой никуда негодной бумаги» [1]). В этой цитате каждая фраза — стон испуганного мелкобуржуазного потребителя, для которого жалованье является единственным источником существования и который глубоко убежден, что как только он перестанет «попрежнему питаться и одеваться», то рухнет вся хозяйственная система, а за ней и весь общественный режим. «Не будь ассигнаций, не было бы французской революции», [2]) пророчески возвещает Пестель. Не менее характерно для идеологии Пестеля, что он считает основной причиной расширения производства. «Увеличение производства является результатом исключительно экономии», и потому «действительная помощь, которую правительство [3]) может оказать земледелию, заключается в том, чтобы приучить все три земледельческие класса к экономии и внушить им желание делать сбережения» [4]). Таким образом личная экономия—основное требование пуритан, английских мелких буржуа на заре развития английского капитализма—стало экономической максимой и для первого идеолога русской мелкой буржуазии в годы возникновения промышленного капитализма в России.

Но наиболее рельефно чисто потребительская концепция «Практических начал политической экономии» выявилась во второй части трактата, в первой ее главе, где Пестель определяет разницу между крупной капиталистической промышленностью, фабрично-заводской и мелкой, докапиталистической, ремесленной. «Итак, фабрики суть такого рода предприятия, где: 1) обрабатывают сырье, 2) для общих нужд, 3) в большом количестве и 4) продукт производства которых сохраняется долго. Ремесленные предприятия суть такие, где: 1) обрабатывают продукты фабричного производства, 2) для индивидуальных нужд, 3) в деталях, и продукты производства которых 4) предназначаются для непосредственного потребления» [5]). В глазах Пестеля фабрика и завод отличаются от ремесленной мастерской не лишением пролетаризованного производителя средств производства, не концентрацией последних, не углублением классового антагонизма между собственниками средств производства и непосредственными производителями, а лишь нуждами потребителя. «Сырье обрабатывается для потребления его всеми вообще людьми или по крайней мере большим

[1]) См. текст, стр. 211.
[2]) См. текст, стр. 211.
[3]) См. прим. на стр. 214.
[4]) См. текст, стр. 214.
[5]) См. текст, стр. 221.

числом людей, например, мука, сукно, шелк, или уже обработанные предметы изготовляются для потребностей одного человека, согласно его личным нуждам, его росту вкусам... В первом случае мы имеем работу фабричную, а во втором — работу ремесленную, напр., суконная фабрика и ремесло портного, кожевенный завод и сапожник» [1]

И к анализу капиталистического хозяйства в целом и свойственных капитализму противоречий Пестель так же подходит, как потребитель.

В отличие от Сисмонди, его внимание устремлено не на защиту мелкобуржуазного производителя от экспроприаторских тенденций капиталистического производства, а на защиту мелкобуржуазного внепроизводственного потребителя от стихии капиталистического рынка. Мелкий буржуа, только-только вытолкнутый из спокойного логовища почти натурально хозяйственного уклада мелкопоместного дворянского «ойкоса» и вынужденный поэтому, при строго ограниченном бюджете, покупать все на рынке,— Пестель полон самым элементарным страхом — как бы его не обманули, не надули. И, что характерней всего, его не столько смущает надувательство в цене, сколько в качестве товара. Укоренившаяся веками привычка удовлетворять свои потребности большей частью продуктами своего домашнего производства или, в крайнем случае, простым товарным обменом, заставляет его относиться с крайним недоверием и подозрением к анонимному товару капиталистического производства. Он так сильно объят этим страхом, что в целях ограждения себя от эксплоататорских поползновений промышленной буржуазии, у которой «жадность к наживе безгранична» [2]), настойчиво рекомендует целую систему правительственного контроля и регламентации как производства, так и распределения. Для этой цели, по его мнению, правительством должна быть учреждена специальная «фабричная коллегия», которая обязана «сохранять ценность изделий и их цену путем запрещения плохой выработки их, а для этого коллегия должна получать от каждой фабрики пробы», а, «в целях сохранения народного доверия, необходимо иметь на рынке инспекторов для того, чтобы они не допускали продажи плохих товаров, и для того, чтобы они занимались сортировкой товаров. Все эти меры вдвойне необходимы в той стране, где фабрики и заводы находятся еще в зачаточном состоянии» [3]), т.-е. в первую очередь в России.

И хотя рекомендуемые им мероприятия противоречат провозглашенному им же, в первой части трактата, принципу экономического либерализма, он все-таки настойчиво требует осуществления их, вплоть до учреждения цехов. А что касается провозглашенной им полной экономической свободы как в производстве, так и в распределении, то последняя в интересах мелкобуржуазного потребителя должна быть сжата. «Промышленность, плохо налаженная, приводит к самым дурным последствиям во всех государствах, *и философские рассуждения о природе собственности и прав человека совсем неуместны, когда речь идет об открытии в государстве фабрик*» [4]). И на ряду с такими преувеличенными заботами об интересах мелкобуржуазного потребителя мы в «Практических началах политической экономии» сталкиваемся с полным почти равнодушием к интересам мелкобуржуазных производителей. Наоборот, во всех случаях, когда борьба между мелкими производителями и крупным капиталистическим производством может повредить интересам потребителя, Пестель без колебаний

[1]) См. текст, стр. 220.
[2]) См. текст, стр. 234.
[3]) См. текст, стр. 231, 234.
[4]) См. текст, стр. 234. (Курсив мой. *С. М.*).

жертвует первыми. Вот один из многочисленных примеров.. Опасаясь ухудшения «качества» товара вследствие ненормальной конкуренции, он считает, что «мелкую работу следует предоставить крестьянам и мещанам, но необходимо запретить подражать работе больших, так как, делая свою работу плохо, они подорвут дверие к хорошим фабрикам, в особенности со стороны иностранцев, удорожает сырой материал, развратят рабочих и (вот что главное! *С. М.*) *вынудят большие фабрики работать так же плохо, как и они сами, или же заставят точно так же регламентировать и их* (крестьян-*С. М.*) *работу*» [1]. Какая пропасть лежит между этой формулой и «Русской Правдой», которая резко осуждает «распределение народа по отраслям промышленности», ибо «таковое распределение частных лиц породило бы скоро новый род отдельных сословий, которые бы имели основанием своего бытия богатство. Таковые сословия суть самые безрассудные и зловредные, потому что они самые бесчеловечные, что они умножают до чрезвычайности число бедных и нищих» [2]...

В тех же случаях, когда Пестель в «Практических началах» касается вопросов быта мелкого производителя, он также не в силах преодолеть своей потребительской ограниченности, ибо в подобных случаях его тревожит не пролетаризация такого мелкого производителя, а пауперизация последнего, которая лишит производство квалифицированного производителя. И только [3].

Вот эта потребительская ограниченность мелкого буржуа, лишенного всяких производственных связей и взирающего на развитие капиталистических отношений сквозь призму потребления, а не производства, определила позицию Пестеля в крестьянском вопросе в те годы, когда он писал свой трактат. Его апология капиталистического фермерского хозяйства продиктована не его вниманием к нуждам крестьянства, а его общим отношением к капиталистическому хозяйству.

В отличие от Сисмонди, который во имя спасения мелкого производителя отрицал прогрессивное значение капитализма и призывал в своих «Nouveaux principes d'économie politique» общество свернуть с «ложного пути» капиталистического развития, Пестель, наоборот, в своем трактате приветствует капитализм, ибо в капиталистическом обществе перед ним—мелкобуржуазным интеллигентом—открывалось неограниченное поле деятельности.

«Фабрики открывают новый источник богатств, не зависящих от земельной собственности, источник богатств, который делает художника гражданином всех стран и распространяет дух независимости и свободы. Земледелие, напротив, утверждает самый точный принцип собственности и неравенства и покровительствует рабству. Свободные искусства: живопись, скульптура, архитектура—много выигрывают от прогресса фабрик, для которых они работают. Химия, механика, ботаника, физика находят здесь объект, достойный своих изысканий, и даже философские науки суть изыскания о природе народного богатства, которое возрастает на их глазах. Наконец, благосостояние, распространяемое фабрикантами среди всех классов населения, непременно порождает покровителей искусств и наук. Италия при Медичи, Голландия в счастливые дни свободы, Франция при Кольбере, Англия в настоящее время свидетельствуют, что эпоха процветания фабрик была также и временем прогресса искусств и наук вообще» [4].

---

[1]) См. текст, стр. 233. (Курсив мой. *С. М.*)

[2]) Дело № 10, л. л. 245—246.

[3]) См. текст, стр. 237, начиная со слов: «Наконец, не безразлично и то, разоряется ли какой-нибудь рабочий...».

[4]) См. текст, стр. 228.

Но, приветствуя капитализм, он опасается, как бы разрушительные тенденции капиталистического развития не оказались сильнее созидательных. Чтобы предупредить эту опасность, Пестель разработал целую систему планирования капиталистической промышленности, развитие которой должно соответствовать интересам внутреннего рынка, рынка потребителей, а главное, не итти по пути неурегулированного грюндерства.

«Невежество предпринимателей очень велико. Им безусловно нужно показать, как нужно работать, нужно их познакомить с лучшими инструментами, нужно заставить их выписать и призвать лучших мастеров. Жадность к наживе безгранична. Едва лишь одна фабрика начинает преуспевать, как десять других появляются по соседству и разоряют ее. *Все вновь открытые фабрики работают плохо, а плохая работа губит хорошую.* (Опять «качество»! *С. М.*) *Правительство должно в это вмешаться и обозначить места, где разрешается открывать новые фабрики. Одним словом, правительство должно руководить вновь нарождающимися фабриками, как отец руководит своими детьми*» [1]).

А одним из наиболее реальных и самым важным фактором, который в действительности может обеспечить органическое, лишенное корыстного предпринимательского ажиотажа, развитие капитализма, служит, по мнению Пестеля, высокий уровень сельского хозяйства. «Фабрики являются уделом только богатых стран потому, что требуют больших средств. Желание учреждать их насильно в бедных странах,—означало бы привлекать к ним капиталы, которые с большей пользой могут быть употреблены в сельском хозяйстве... Совершенно неверным является общераспространенное мнение что в Англии земледелием пренебрегают в пользу фабрик... Английские фабрики возникли и развиваются на усовершенствованном английском земледелии» [2]). И когда Пестель пропагандирует капиталистическое фермерство как наиболее прогрессивную форму производства в сельском хозяйстве, он этим преследует определенную цель: чтобы на основе высоко-развитого сельского хозяйства развитие капитализма шло бы в уровень с потребностями внутреннего рынка без грюндерского ажиотажа, который дезорганизует рынок и отдает потребителя во власть капиталистов. Далеко не случайным является и тот факт, что свою мысль Пестель обосновывает примером из истории Англии. Англия в начале XIX века отличалась от стран европейского континента не только диапазоном своего капиталистического развития, но и характером структуры своего капиталистического хозяйства. С эмиграцией английского торгового капитала в колонии, в которых он создавал питательную базу для промышленного капитала метрополии, последний внутри страны (Англии) принял совсем иной характер, чем промышленный капитализм в Австрии, Пруссии, России и даже во Франции. Английский капитализм к 20-г.г. прошлого века почти [3]) органически сросся с внутренним рынком, ибо благодаря своей более высокой технической организации он удовлетворял не только интересы потребителя («цена» и «качество»), но и пролетаризованных мелких производителей и мелкобуржуазной интеллигенции, втягивая их в сферу своего хозяйства, — одних в производство в качестве рабочих фабрик и заводов, а других в аппарат управления. Английский капитализм, употребляя термин тов. Ленина, был типом «демократического» капитализма. «Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический (реалистический, демократический, «активности» полный) капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочим капитализм за «жадность»

[1]) См. текст, стр. 234. (Курсив мой. *С. М*).

[2]) Окончательно в конце 40-х г.г.

[3]) См. текст, стр. 229.

и «жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта» [1]). Вот о таком «демократическом» капитализме, в отличие от капитализма, развивающегося в 20-х г.г. XIX века в России, и мечтал Пестель; вот почему и система английского сельского хозяйства — капиталистическое фермерство — играет такую крупную роль в его концепции.

В этом смысле концепция «Практических начал политической экономии» по выраженным в ней тенденциям является безусловно прогрессивным фактом в истории русской общественной мысли. Трактат Пестеля отражал объективный экономический процесс, сущность которого заключалась в том, что в 20 г.г. XIX века завязывался основной узел противоречий российской экономики, в которой перекрещивались и боролись между собой противоречивые тенденции капитализма «демократического» и «черносотенно-октябристского».[2]) Но это было отражение искривленное, искривленное потребительской ограниченностью идеологии Пестеля, которая мешала ему осознать самый главный факт: что в России «демократический» капитализм мог бы развиться лишь с освобождения крестьянства от гнета торгового капитала, который хозяйничал внутри страны, в русской деревне, как английский торговый капитал—в Индии. Освободить же крестьянство от хищнической эксплоатации торгового капитала — это означало освободить крестьянство от эксплоатации сословно-привилегированного дворянского землевладения, а в первую очередь крупного, для чего прежде всего требовалось немедленное освобождение крестьян и экспроприация дворянской земельной собственности. Но этому как раз и мешала его чисто потребительская ограниченность, которая лишала его возможности осознать всю совокупность интересов мелкой буржуазии, подавляющее большинство которой в России составляла не горсточка интеллигентов из деклассированных мелкопоместных дворян, а многомиллионное крестьянство. Эта ограниченность привела к тому, что хотя Пестель субъективно и относился резко отрицательно к крупному дворянскому землевладению, но объективно его экономическая политика лила воду именно на мельницу крупных земельных собственников, ибо капиталистическое фермерство при неприкосновенности дворянского землевладения, могло развиться лишь на землях знати, о чем наиболее дальновидный представитель последней, гр. М. С. Воронцов, мечтал еще в 20 г.г. прошлого века.

Но вскоре и Пестель понял, в какой заколдованный круг приводят его «Практические начала политической экономии». Через несколько лет, после мучительных и долгих поисков (свидетельством чему служат черновые наброски «Русской Правды»), он нашел, наконец, форму разрешения крестьянского вопроса в виде немедленного освобождения крестьян с землей и полной ликвидации дворянской земельной собственности. К этому он пришел не под впечатлением прочитанной новой книжки (наоборот, в «Русской Правде» влияние Сисмонди чувствуется более сильно, чем в «Практических началах политической экономии»), а в результате объективных фактов. Распад Союза Благоденствия, борьба Северного общества с Южным, внутри-фракционная борьба в последнем—постепенно помогли ему более четко осознать свои социальные интересы,— интересы мелкобуржуазного интеллигента, которые побуждали его подготовить себе «на другой день после революции» опору в среде основных кадров русской мелкой буржуазии—в среде многомиллионного крестьянского населения. *С. Мильман.*

[1]) «Письма В. И. Ленина к М. Горькому», 1924 г. стр. 42.

[2]) Подробнее об этом см. в подготовляемой к печати работе автора этих строк «П. И. Пестель».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Земледелие.

Принцип свободы здесь, как и вообще в политической экономии, является основным. Необходимо даровать землевладельцам, фермерам и рабочим свободу, вытекающую из их наиболее полной неприкосновенности. Необходимо стараться увеличить разделение труда, для чего потребуется затрата капитала, а поэтому необходимо облегчить свободный оборот капитала.

Когда правительство достигнет этих трех целей, тогда оно действительно сделает для земледелия все, что имеется в его власти.

Из вышесказанного видно, что трактат о практических началах политической экономии, в части, касающейся земледелия, обязательно должен подразделяться на три главы, из которых в первой трактуется вопрос о трех производительных классах, занятых в земледелии, во второй — об увеличении производительных сил и в третьей — об обороте капитала.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О трех производительных классах.

Земледельческие работы прикрепляют земледельца к земле, но, поскольку у него не будет полной уверенности в том, что его не прогонят с занимаемого участка, у него нехватит решимости успешно заниматься обработкой земли. Поэтому неприкосновенность земельной собственности является основой всего того, что правительство может сделать для земледелия. Земля есть или частная собственность, или собственность правительства.

Отдел первый.

Частная земельная собственность.

Землевладельцы.

Землевладельцам правительство должно даровать самую широкую гарантию: 1) по отношению к правительству, 2) по отношению к согражданам.

1) По отношению к правительству. Землевладелец может быть лишен земельной собственности не иначе, как совершив преступление в оскорблении его величества или же вследствие пресечения его рода, но ни в коем случае за какие-либо другие политические преступления, тем менее за обычные гражданские правонарушения. Преступлением оскорбления величества является покушение на государя или его представителя. Но даже в этом

случае необходимо, чтобы специально назначенный суд рассмотрел это преступление согласно существующим и общеизвестным в стране законам. В случае же пресечения рода необходимо, чтобы последний его представитель умер, не оставив завещания.

2) По отношению к согражданам. Гражданский кодекс должен ясно и точно установить правила приобретения, потери, продажи или покупки земельной собственности, а также и наследования и составления завещания. Исключительно лишь согласно этим точно установленным и общеизвестным законам, в соответствии с правом и приговором установленных властей, должны подлежать обсуждению все дела о земельной собственности, но ни коим образом не в силу чьего-либо случайного решения или частного мнения.

Существуют два различных принципа, по которым гражданский закон может определить все нормы, касающиеся земельной собственности. Последнюю рассматривают или как фамильную собственность, тогда старший в роде является лишь представителем всей семьи, и он самовольно не может ни продать, ни разделить это земельное владение, или же земля считается полной собственностью лица, владеющего ею в настоящее время, и тогда оно имеет неограниченное право распоряжаться ею.

Первый принцип порождает права первородства в наследовании, не распространяясь на лиц женской линии. Римляне не знали этих прав, ибо таковые возникли только в средние века. Этот принцип благоприятствует крупным землевладельцам, увеличивает их могущество и неизбежно влечет за собой рабство, как опору этого могущества, которое может стать опасным для правительства. Этот же принцип обычно служит причиной длительных процессов о праве наследования между целыми семьями, у которых отношения родства не очевидны; поэтому он подрывает доверие к частной недвижимой собственности, заставляет отказаться от мысли о возможности распоряжаться своею собственностью по своему усмотрению и препятствует свободному обращению земель. Опыт показал, что даже в Англии хуже всего обработаны земли, которые веками принадлежали одной и той же семье, тогда как наиболее усовершенствованная обработка земли наблюдалась в поместьях, переходивших время от времени от одного владельца к другому.

Второй принцип предоставляет наибольшую полноту прав земельной собственности лицу, являющемуся владельцем ее в настоящее время [1]). Юридически не существует никакой разницы между недвижимой и движимой собственностью, ибо как та, так и другая могут быть одинаково отчуждены и приобретены. Но первая представляет своим владельцам в настоящее время бóльшие политические права, ибо она не может так же легко переноситься из одной страны в другую, как движимая собственность, поэтому они, владельцы не-

[1]) В оригинале: «Possesseur actuel».

движимой собственности, более связаны с благом того государства, в котором они живут [1]).

Политические права касаются главным образом прав голосования и представительства в политических делах, достижения некоторых должностей, и, наконец, они доставляют их обладателям наибольшее доверие со стороны правительства. Редким исключением из этого правила являются небольшие государства, где фабрики и торговля являются главным занятием населения.

Фермеры крупные и мелкие.

Землевладельцы бывают крупные и мелкие; последние могут сами обрабатывать землю, и большею частью они вынуждены прибегать к этому вследствие недостатка у них капитала, необходимого для содержания значительного числа рабочих. Крупные же владельцы, обладая большим капиталом, содержат много рабочих, надзор за которыми очень утомителен. Для большего удобства они возлагают заботы по надзору на комиссаров, а мало по малу поручают им и всю обработку земли, за что эти последние в свою очередь платят землевладельцам ренту и приобретают звание фермеров.

Фермеры живут, таким образом, на земле крупных помещиков, которым они выплачивают ренту и землю которых они обрабатывают на собственный капитал и по своему усмотрению. Фермеры являются капиталистами земледельческого класса.

Вычтя из валового дохода все издержки, фермеры делят чистую прибыль на три части, из которых одну отдают землевладельцу в качестве ренты, вторую — правительству в виде налога, а третью оставляют себе как процент на капитал. Мелкий землевладелец является одновременно и своим же собственным фермером, поэтому в его доход входят и рента и процент на капитал.

Первое положение вещей гораздо благоприятней для земледелия, чем второе. В первом случае возникает крупное сельское хозяйство, которое дает большую чистую прибыль и достаточную ренту. В последнем случае мы имеем мелкое сельское хозяйство, дающее небольшую чистую прибыль и ничтожную ренту. Оно дает мало дохода правительству и порождает только обременительное для государства население. Система фермерства встречается только в странах, где среди земледельцев образовался класс капиталистов, как, например, в Англии, Голландии, Ломбардии и в некоторых провинциях Дании и Германии. Во всех же других государствах Европы землевладелец вынужден быть в то же время и своим же собственным фермером, и обработка его земли

---

[1]) В оригинале: «Les premiers donnent seulement aux possesseurs actuels des droits politiques plus grands puisque ne peuvent se porter aussi facilement d'un pays dans un autre; ils doivent être plus attachés au bien de l'Etat, où ils vivent».

производится или половниками, или земледельцами, прикрепленными к земле, или же рабами.

Целью правительства должно быть последовательное освобождение класса земледельцев для того, чтобы между ними могли образоваться капиталисты, которые получили бы возможность стать фермерами.

Всюду, где землевладелец является своим собственным фермером, капитал, помещенный в земледелие, является лишь суммой капиталов, вложенных в земледелие одним только классом собственников, но когда в стране имеются фермеры, то тогда они своими затратами значительно увеличивают общее количество капиталов, вложенных в сельское хозяйство.

Наконец, крупный землевладелец редко обладает знаниями, необходимыми для улучшения своих земель. Он обычно находится или на военной службе, или на гражданской, или же проводит жизнь в увеселениях. Фермер же всегда остается на своем участке и должен специально заниматься изучением науки о земледелии. Таким образом применение земледельческой системы, которая вводит фермерство, увеличивает земледельческий капитал и сумму знаний о земледелии.

В Англии рента составляет почти треть чистого дохода, но эта треть больше, чем вся сумма чистого дохода, получаемая крупными земельными собственниками с земель, эксплоатируемых ими самими; во Франции, наоборот, вследствие того, что там вовсе не имеется фермеров, такая же земельная площадь приносит гораздо меньше дохода: в отношении 100 к 168.

Самое трудное — это установить обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу. Но все эти трудности — эти барщины, десятины, денежные уплаты—кончаются, когда имеются фермеры. Землевладелец знает только своего фермера, с которым он заключил контракт на ренту, а дело найма рабочих касается уже самого фермера.

Правительство может оказать поддержку системе фермерства — 1) даруя постепенно свободу рабам; 2) предоставляя полную обеспеченность контракту, заключенному между фермером и землевладельцем, 3) покровительствуя контрактам, заключенным на долгий срок, запрещая сдачи земли в аренду меньше, чем на 10—12 лет. Опыт показал, что арендование земли на 10 лет и долее больше всего способствовало улучшению земли. Если срок аренды короток, то фермер не рискнет производить улучшения, которые требуют срока от 4 до 6 лет, ибо он не уверен в том, что, сделав улучшения, он сможет удержать за собой землю, хотя бы даже и не по прежней цене. В таких случаях он, рискуя ошибиться в своих расчетах, не будет располагать необходимым временем, чтобы возместить свои убытки каким-нибудь другим лучше рассчитанным предприятием. Он тогда постарается извлечь из земли какую только возможно будет выгоду за короткий срок пользования ею, и поэтому, вместо улучшения ее за свой счет, он лишь истощит ее.

Рабочие.

В каком случае увеличится валовой доход в земледелии: при обработке ли земли рабами, или же при возделывании ее свободными рабочими? При каких условиях будут собственник и фермер иметь наибольший общественный доход? Таковы возникающие перед нами политические вопросы, не говоря уже о правах человека.

Земледельцы составляют самый многочисленный класс. Их богатство, их благосостояние составляет большую часть национального богатства. Богатство небольшой кучки частных лиц может быть чрезмерным среди общественной нищеты. Такое государство с трудом может выдержать несколько лет войны.

Наконец, наибольшая сумма общественных доходов всегда поступает от самого многочисленного класса, т.-е. от класса земледельцев. Последние дадут гораздо больше, если будут служить добровольно. Благосостояние рабочих зависит от их жалованья и неприкосновенности сбережений, сделанных ими из этого жалования. Раб не имеет определенного жалования, соразмерного с его работой, и никакой гарантии своим сбережениям, поэтому не встречается зажиточных рабов. Наконец, рабство препятствует свободной деятельности и проявлению способностей, так как оно принуждает каждого применить свой труд и таланты только к работе, заданной хозяином. Откуда же мануфактуры, художества, ремесла и торговля приобретут рабочих, если земледельцы, самый многочисленный класс среди всех граждан, будут рабами?

Остается еще узнать, в каком случае увеличится доход помещика или фермера: тогда ли, когда он будет пользоваться трудом рабов, или же когда будет применять труд свободных рабочих. Соглашаясь с тем, что рабство приносит хозяину большой доход, необходимо, однако, признать, что этот принудительный доход, накопляющийся среди постоянно многочисленного [1]) класса, повлечет за собой как неизбежное следствие общественную нищету. Один богатый человек придется на тысячу нищих. К тому же страна будет плохо обработана, ибо раб нисколько не заинтересован в том, чтобы хорошо выполнять свою работу. Вот почему сахар и кофе, получаемые из Кохинхины, добываемые трудом свободных людей, на $^2/_3$ дешевле, чем те же продукты, идущие из Ямайки и из С.-Доминго, где они добываются рабами, хотя их производительный капитал уже восстановлен [2])... и сахар составляет чистый доход.

В стране рабов проценты на капитал всегда велики, так как число капиталистов незначительно и вследствие того, что, благодаря рабскому труду, можно много заработать на этот капитал.

---

[1]) В оригинале: «nombreuse», очевидно, описка.

[2]) В оригинале далее следует неразборчивое слово.

Но большие проценты и малое число капиталистов, имеющих большие доходы, служат всегда показателем национальной бедности. Совсем противоположное происходит в богатой стране.

Свободный рабочий получает жалованье, соответствующее спросу, он делает некоторые сбережения, у него образуется небольшой капитал, что и побуждает его хорошо работать, а эти капиталы образуют значительную сумму, которая и является национальным богатством.

Никогда промышленность и торговля не будут процветать в той стране, где рабочими будут или иностранцы, или рабы.

Рабство опасно для страны, которая сообщается со странами свободными и просвещенными.

Богатство хозяев становится даже опасным, ибо совершенно немыслимо, чтобы рабам была какая-нибудь польза от этого богатства, а как только они смогут приобрести какую-либо собственность, то необходимо будет их очень остерегаться. Война с рабами у римлян, недавний пример С.-Доминго и ряд других примеров новейшей истории подтверждают, что это не вымышленная опасность.

Нравственная сила государства заключается в характере его граждан. В опасных случаях она определяет характер нации, $^2/_3$ населения которой суть рабы. А разве рабский дух самого многочисленного класса не сообщится незаметно и свободным классам. С подчиненными будут обращаться, как с рабами, начиная с первой должности в государстве и кончая последней. Законы, даже суровые и своевольные, должны быть всегда сообразованы с национальным характером. Управление страной устанавливается согласно законам, следовательно, правосудие и полиция будут носить деспотический характер. Нельзя составить свод законов б о л е е л и б е р а л ь н ы м для нации, $^2/_3$ населения которой являются рабы.

Часто говорят, что раб работает так же хорошо, как и свободный, но с меньшими издержками. Правда, жалованье раба почти ничтожно или очень мало, и, следовательно, доход капиталиста, очень велик, но уже было сказано, что небольшое количество крупных капиталистов свидетельствует об общественной нищете; земля обрабатывается плохо, и владелец, который не находит фермера, получает, вместо ренты, только проценты на свой капитал. С т ю а р т, Т ю р г о и С м и т доказали, что труд рабов гораздо менее продуктивен, чем труд свободных рабочих. С э й поощряет работу, выполняемую рабами, но это может относиться только к плантациям сахара и кофе на островах [1]), но не к земледелию в Европе. Да и следует ли еще раз повторять вышесказанное, подтверждаемое примером Кохинхины.

Существуют еще другие возражения: указывают на то, что владелец понесет убытки при освобождении рабов, ибо освобожденные убегут. Все эти трудности устраняются в том случае, когда в стране имеются фермеры. Владелец получает ренту от фермера, а тот всегда

---

[1]) Речь идет об островах Вест-Индии. *Ред.*

найдет за свои деньги рабочие руки в государстве, в котором имеются свободные рабочие.

В результате всего вышесказанного мы видим, что неприкосновенность личности и приобретенной собственности является основным принципом политической экономии. Там, где гражданский закон утверждает наибольшую неприкосновенность личности и имущества, можно с уверенностью ожидать увеличения народного богатства. Англия обязана своим величием исключительно законам, обеспечивающим эту неприкосновенность, а вовсе не своей политической системе, и еще менее меркантильным правилам торговли.

Что касается землевладельцев, то гражданский закон легко может дать им такую гарантию, тогда как в отношении класса рабочих, из которого должны когда-либо выйти фермеры, представляется значительно больше затруднений. Необходимо начать с устранения наибольшего из них, а именно — затруднения в свободном обращении физических и моральных сил, а также и капиталов. Уничтожение рабства не может быть делом одного дня. Не законы освобождают, но индустрия, капитал и просвещение, которые распространяются очень медленно. Освобожденный раб начнет злоупотреблять своей свободой или будет несчастен, или, наконец, будет искать себе другого хозяина. Необходимо, чтобы он имел средства к жизни и мог вести независимое существование.

Разница между рабом и свободным фермером велика. Трудно уничтожить ее одним росчерком пера. Раб предварительно должен пройти несколько промежуточных этапов, прежде чем достигнет положения свободного фермера. Эти различные этапы таковы:

1) Из раба, который может быть продан без земли, он становится рабом, который может быть продан только с землей.

2) Потом он становится земледельцем, который может покинуть свою землю с разрешения установленных властей.

3) Наконец, он становится — свободным работником.

4) После этого он приобретает небольшую земельную собственность и становится половником.

5) Наконец, он выходит из этого класса в класс свободных фермеров, приобретших более значительную собственность и капитал.

На каждой новой ступени он получает новые права, и с каждым разом увеличиваются его имущество и просвещение. Декретированная свобода не сразу увеличивает народное богатство и не сразу распространяет просвещение, необходимое для реального освобождения. Закон же, который гласит об этом, может оказаться бесполезным и опасным. Гораздо лучше итти медленным, но верным шагом, освобождая крестьян постепенно. Начните с закона о том, что крестьянин не может быть продан без земли.

Затем предоставьте ему право оставить землю после того, как установленные власти признают, что он ничего не должен хозяину, на земле которого он жил, и пусть перемена его местожительства при-

урочивается всегда к известному времени года. Таково было положение русских крестьян до Петра Великого и украинских — до Екатерины II. Разрешите затем землевладельцам отпускать крестьян на волю, если они найдут это нужным, и на условиях, какие они сами сочтут приемлемыми. Так делается в настоящее время в России. Наконец, необходимо заняться уставом о земледелии, где были бы точно определены обязанности крестьянина по отношению к землевладельцу и по отношению к государству. Комиссия по делам Лифляндии занимается чем-то в этом роде. При таких предварительных законах можно надеяться, что наступит день, когда можно будет объявить освобождение крестьян.

Отдел второй.

Государственные земельные владения.

Этими владениями являются: 1) имения, 2) все земли, не принадлежащие частным собственникам, как пахотные, так и не пахотные.

Об имениях [1]).

Первый вопрос состоит в том: нужно ли сохранять или увеличивать государственные имения.

1) Свободное обращение постоянного капитала настолько же необходимо для прогресса в земледелии, как и свободное обращение переменного капитала.

Опыт показал, что, если первый остается в течение многих веков в одних и тех же руках, то земли будут плохо обработаны и во всяком случае хуже, чем когда владельцы их время от времени меняются. Причина этого явления следующая: владелец решает продать землю или потому, что он расточителен, или потому, что ничего не понимает в земледелии, или вследствие того, что ему не везет в его предприятиях, или же наконец по той причине, что ему больше нравится вложить свой капитал в другую отрасль промышленности.

Если он волен продать свое имение, то обработка земли от этого выигрывает во всех случаях, ибо тот, который ее покупает, имеет капитал, необходимый на покупку и первые затраты. Он покупает эту землю потому, что имеет на то желание и надеется получить от этого выгоду; у него есть познания, необходимые для того, чтобы заниматься обработкой земли, и он владеет всеми необходимыми средствами для успешного ведения сельского хозяйства, так что в таких случаях земля только выигрывает от смены владельца. Но если первый владелец не имеет права продать землю, так как закон это запрещает ему, то земля, к которой он привязан против своей воли, страдает во всех отношениях. Следовательно, если правительство является таким владельцем, который не имеет права продавать свою землю,

[1]) В оригинале: «Des domaines».

то его владения будут обрабатываться хуже, чем земли тех собственников, которые, в случае их неумения успешно вести хозяйство, сменяются другими, более способными.

2) Мелкое хозяйство мало содействует прогрессу земледелия, ибо оно дает малый доход, при котором невозможно производить значительные улучшения. В крупном же хозяйстве обычно наблюдается большой прогресс в земледелии, так как значительный капитал приносит достаточный доход для того, чтобы можно было предпринять улучшения. Но в крупном хозяйстве встречаются и некоторые отклонения от такого положения вещей. Когда скупают слишком много земли для увеличения производительного капитала, часть этих земель останется невозделанной, или же если вся земля будет возделываться, то хозяйство будет очень посредственным. Правительство обычно находится в таком положении, так как оно владеет большим излишком земли в сравнении с тем производительным капиталом, который оно может вложить в него.

3) Улучшения в земледелии возможно производить только за счет некоторых сбережений, сделанных из чистой прибыли. Фермер тратит в течение некоторого времени почти весь свой доход на улучшения в надежде получить больший через несколько лет. Правительство не может вести таких расчетов. В управлении имениями оно преследует чисто финансовые цели; оно стремится исключительно к увеличению ежегодного дохода. Расходы не позволяют ему делать большие сбережения из чистой прибыли, поэтому правительство не в состоянии предпринимать крупных улучшений.

4) Расходы по управлению имениями всегда очень велики, так как необходимо содержать министра или коллегию, канцелярии и большое число чиновников. На содержание всех этих людей идет значительная часть чистой прибыли. Кроме того, всегда неисчислимы и неизбежны совершаемые злоупотребления там, где имеется огромный штат служащих.

5) Правительство покровительствует производительным классам, но само оно не является производительным элементом, ибо оно не есть ни земледелец, ни фабрикант, ни торговец. Предположим, что оно с успехом будет выполнять все эти функции, что, однако, весьма сомнительно, тогда успех этот, по мере своего роста, вызвал бы обеднение производительного класса, а если успех будет почти ничтожным или весьма посредственным, то и тогда у производительного класса будет мало работы. В таких случаях правительство мешает частным лицам работать с большим успехом, оно отнимает у них все средства к этому, оно портит им рынок.

6) Если бы государственные имения принадлежали частным лицам, то правительство могло бы применить такую финансовую систему, при которой путем известного распределения налогов на землевладельцев оно извлекало бы такой же доход с меньшими затруднениями, так как ему нужно было бы только увеличить налоги, не заботясь об упра-

влении означенными землями. Государственные имения, таким образом, составляют бремя правительства и зло нации.

Что же делать? Отдать земли землевладельцам означало бы исчерпать один из источников общественного дохода; во всяком случае, необходимо раньше узнать, имеется ли у землевладельцев капитал, необходимый для того, чтобы управлять этими землями. Эта благодетельная сама по себе перемена должна быть, однако, проведена с большой осторожностью. Следует давать земли только тем лицам, у которых имеется наличный капитал, и в то же время необходимо ввести финансовую систему, сообразную с убытком, падающим на общественную казну с передачей этих земель. Проведение всех этих мер возможно, но всегда очень затруднительно, а часто, в силу местных условий, дело это становится и вовсе невыполнимым.

Еще хуже — отдать землю крестьянам. Здесь речь идет не о количестве рабочих рук, но о капитале и просвещении, а крестьяне не имеют ни того, ни другого.

Лучше всего было бы продать эти земли. Покупатель доказывает на деле, что он покупает именно то, о чем идет речь, и что он имеет необходимый для ведения хозяйства капитал. Возможно, что это средство, хорошее само по себе, на практике будет мало применимо, ибо нехватит капиталов на покупку таких больших земель. Землевладельцы не являются самым богатым классом государства, а купцы и крупные фабриканты не вмешиваются в земледелие. Из всех этих соображений вытекает, что высшим законом, коим должно руководствоваться правительство в отношении своих имений, является следующий: не увеличивать их новыми покупками. Последние лишают граждан средств производства и вовлекают правительство в непроизводительные траты.

Если основа могущества правительства не зиждется на больших размерах его имений, то мало по малу, в силу известных обстоятельств, оно может продать свои земли, может передать их тем лицам, которые докажут, что они имеют достаточно средств на производство улучшений в земледелии. Но следует сделать одно замечание. Если имение, которое государство дарит кому-нибудь, раньше никому не принадлежало, то в этом акте дарения нет ничего дурного; но если государство само купило эту землю, то оно поступает нехорошо, если оно делает подарок одному лицу за счет всей нации, так как оно раньше сделало эту покупку на общественные деньги; такие земли никогда не должны дариться, а должны всегда продаваться, для того, чтобы общественная казна была всегда восполнена.

При современном состоянии национального богатства у большинства европейских наций правительство при всех своих наилучших намерениях сохранит всегда слишком много имений в виду недостатка частного капитала. Волей неволей правительство должно управлять своими имениями, а чтобы уменьшить это зло, нужно вести управление насколько возможно лучше, т.-е. по крайней мере

согласно принципам, указанным в этом отделе по отношению к фермерам и рабочим, ибо государство является здесь землевладельцем. Его доход удвоится, ибо в качестве собственника оно получит ренту, а как правительство — налог.

Земли невозделанные.

Невозделанные земли бывают двух родов: пахотные и бесплодные.

1. Земли невозделанные, но пахотные. Такие земли находятся или в странах мало населенных, или же в странах, жители которых являются главным образом охотниками, рыболовами или кочевниками.

Одним из средств заселить малонаселенные земли служит колонизация. Колонии:

1) Или являются следствием слишком большой населенности государства; тогда эмиграция происходит добровольно, и такие колонии, состоящие из переселенцев, бывают вполне независимы от метрополии. Таковы были колонии греческие и частью римские.

2) Или они организуются специальными государственными мероприятиями с целью закрепить за собою завоеванную страну. В последнем случае колонии зависят от метрополии, и эмиграция, добровольная или принудительная, совершается всегда по распоряжению правительства. Таковы были военные колонии римлян.

3) Или же колонии создаются из туземцев и находятся под непосредственным управлением государства. Государство разрешает эмиграцию, но оно устанавливает род промышленности, который должен быть развит в новой стране, согласно меркантильным принципам. Таковы были английские колонии в Америке.

4) Или правительство ссылает в эти местности преступников и принимает беглецов, подобно Ромулу, англичанам в Батанибее и русским в Сибири.

Первый способ колонизации — наилучший, лишь бы только правительство не принуждало жителей к эмиграции и предоставило бы им время для приискания нового местожительства и оказало бы им необходимую помощь в благополучном переселении, чтобы не причинять убытка их производительному капиталу.

Отличие колоний, находящихся в европейских странах, образующих непрерывное пространство, состоит в том, что здесь колонисты не будут независимы, как у греков, но будут всегда, как обитающие внутри границ государства, находиться в зависимости от правительства. Следовало бы проводить следующие принципы:

1) Правительство не побуждает, не одобряет и не препятствует эмиграции. 2) Каждый свободный человек получает навсегда участок невозделанной пахотной земли в соответствии со своим наличным производительным капиталом, которым он владеет, при условии,

что он может потерять свою новую собственность, если он не возделает ее в срок, установленный законом. 3) Выбор невозделанной земли должен быть вполне свободным. 4) Преступники-беглецы не могут быть членами новой колонии. По такому принципу были возделаны земли свободных государств северной Германии.

Второй способ колонизации менее совершенен.

Старики — военные с трудом становятся хорошими земледельцами, ибо старые привычки меняются не легко. Однако пограничные земли допускают такой род колонизации, и они служат охраной внешних границ государства.

Третий способ колонизации вовсе несовершенен.

Правительство никогда не должно предписывать колонистам выбор рода промышленности. Этот несправедливый и неполитичный способ никогда не должен применяться на континенте.

Четвертый способ иногда бывает удачен, как, напр., в Риме, но обыкновенно он дурен. Никогда благодетель [1]) не сделается хорошим отцом семейства и ревностным земледельцем. Для него домашний очаг есть наказание, принудить его к этому может лишь приговор суда с точным обозначением работы. Преступников посылают большей частью на работы в шахты. Но если копи дают ренту, процент на капитал и заработную плату рабочим, то они прибыльны, и свободные рабочие будут работать лучше, чем преступники. Если же они не приносят дохода, то они не прибыльны, и нет смысла их разрабатывать, а тогда работа преступников окажется слишком незначительной поддержкой.

Отсюда следует, что колонизация из туземцев должна производиться первым или вторым способами. Колонизация иностранцами будет слишком дорого обходиться, если она будет совершаться на счет правительства. Нигде еще в таком случае доход не покрывал расход. Но если она происходит без затрат государства, то в известных условиях она может быть полезна. От новых колонистов спрашивается или достаточный для производства капитал, или, по крайней мере, знания, необходимые для применения капитала, если государство может вложить свой собственный в это дело капитал и если род их труда окажется очень полезным для правительства.

Одним словом, население является следствием хорошего управления. Население бывает всегда пропорционально средствам пропитания; средства же пропитания соответствуют производительности труда; производительный труд равен сумме производительных капиталов. Облегчить способы увеличения этих средств, — вот все, что правительство может сделать для увеличения населения. Что касается местностей, населенных кочевниками или охотниками, то нужно отличать климатические области, т.-е. такие, которые пригодны только для охоты или для скотоводства, от стран, в которых земледелие

---

[1]) В оригинале, очевидно, описка: «bienfaiteur» вместо: «malfaiteur».

возможно, но не распространено, вследствие нелюбви охотников и кочевников к этому роду промышленности. Разумеется, правительство должно озаботиться постепенным введением земледелия в местностях второго рода. Старинные законодатели с успехом умели объединять охотников и кочевников в селения и приучали их к земледелию. Они придавали своим установлениям религиозный характер. Нужно начать с закрепления собственности, потом постепенно уничтожить кочевую жизнь, поощрять земледельческое хозяйство, оказывая некоторую помощь и выгоду, но не относиться к кочевникам и охотникам с самого начала, как к народу земледельческому. Местные особенности этих народов и их верования укажут надлежащие способы управления. Для них потребуется особого рода управление, более упрощенное.

2. Земли невозделанные и бесплодные.

Бесплодность бывает абсолютная и относительная. Последняя проистекает от того, что требует первоначальных поземельных затрат, слишком больших для вложенного в земледелие капитала. К этому классу земель принадлежат большие леса, болота, местности, затопленные наводнением. Абсолютно бесплодны скалы и пески. В действительности имеется мало местностей абсолютно бесплодных, а может быть, и вовсе не существует таких, в которых не могли бы возникнуть промышленность и найти себе применение капиталы, как то подтверждают примеры Китая, Савенн и многих местностей в Голландии. Что должно делать правительство в таких случаях?

1) Леса некогда покрывали всю земную поверхность. По мере того, как вводилась обработка земли в какой-либо местности, леса превращались в пашни, и это уничтожение лесов продолжается до тех пор, пока лес не приносит ту же ренту, тот же капитал, ту же заработную плату для рабочих, как и хлебное поле, занимающее такую же площадь. Тогда начинается научное лесоводство на земле, пригодной для земледелия, так как в климате, который не способствует земледелию, леса будут сохранены для того, чтобы они принесли хоть какой-нибудь доход. На землях, пригодных для обработки, нет смысла приостанавливать уничтожение лесов, поскольку увеличивающийся спрос требует новых полей. Уничтожение лесов служит доказательством расширения рынка для продуктов земледелия, т.-е. указывает на то, что число потребителей увеличилось, а это является несомненным доказательством увеличения населения, промышленности и капитала. Но необходимо сделать одно замечание. Большие леса дают еще материал, необходимый для охраны государства, для флота, артиллерии, крепостей. Правительство должно пожертвовать частным интересом ради интереса общественной безопасности и запретить вырубку лесов, необходимых для снабжения армии лесом. Кроме того, урон леса бывает гораздо больше при непроизводительном его использовании, нежели в результате расширения площади земледелия. Правительство должно приостановить такое бесполезное уничтожение лесов. Наконец, для

восстановления уничтоженных лесов необходимы целые века. Встречаются даже такие местности и такой климат, где это совершенно невозможно; в таких случаях правительство должно принять меры к тому, чтобы запретить уничтожать ту часть леса, которую оно считает необходимой для удовлетворения нужд страны. В таких случаях правительство не должно дожидаться, когда лес будет приносить такой же доход, как и хлебное поле, а должно предупредить наступление этого срока установлением правил лесничества.

2) Болота, озера, местности, затопленные наводнением, не должны осушаться за счет правительства, если они не представляют опасности для здоровья жителей. Только в последнем случае правительство должно позаботиться об этом. При других же обстоятельствах их осушка составляет предмет частной предприимчивости.

3) Повреждения, причиняемые реками, подлежат ведению правительства всякий раз, когда опасность угрожает собственности частных лиц, которые сами не в силах остановить такое разрушение.

4) Пески, пустоши, каменистые земли, меловые залежи, скалы вовсе не касаются правительства, исключая тех случаев, когда они мешают внутренней коммуникации. Правда, можно доставить землю и провести воду до вершины скал, но все это составляет предмет промышленности частных лиц. Последние займутся этим тогда, когда останется мало земли, поддающейся более легкой разработке, когда у них найдется необходимый для этого капитал и когда они будут в этом более заинтересованы. Мы в Европе еще очень далеки от этого, так как нигде еще не привлечены для обработки все пахотные земли. Такие примеры наблюдаются только в Китае.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Увеличение производительных сил.

Можно увеличить производительность производственного труда: 1) разделением его, 2) применением машин, 3) увеличением числа рабочих.

Участие правительства в улучшении состояния трех производительных классов, о которых мы говорили в первой главе, должно быть почти всецело отрицательным. Оно должно лишь удалять препятствия, непреодолимые частными лицами, и гарантировать последним полную безопасность. Участие правительства в увеличении производительных сил, о которых мы говорим в настоящий момент, может быть: 1) или отрицательным, 2) или положительным.

Отдел первый.

Отрицательные мероприятия.

Разделение труда является результатом накопления капитала. В бедной стране крестьянин является и земледельцем и фабрикантом. Правительство не может ничего сделать, кроме того, что сказано в первой главе. Свобода и неприкосновенность личности и имущества будут способствовать увеличению капитала, и, следовательно, разделение труда будет сответствовать размерам рынка.

Точно так же и применение машин зависит от капитала, необходимого для их первоначальной установки, и от цены, которой оплачивается труд рабочих в данной местности. Если эта цена будет ниже суммы, требуемой для установки и содержания машин, то желание их ввести будет безрассудно. Это уже дело частного лица заняться соответствующей калькуляцией. Сэй отмечает, что большинство машин, употребляемых на английских фабриках, было изобретено во Франции, где они, однако, не получили распространения, — факт очень естественный. Англия богаче Франции, и поэтому она могла ввести употребление этих машин. Что за фантазия вводить их в России! Наконец, число рабочих зависит от количества населения, величина последнего зависит от количества средств питания, а эта величина — от размера производительного капитала. Правительство не может сделать ничего другого, как только обеспечить неприкосновенность и свободу, и в таком случае население будет всегда пропорционально средствам питания и капиталу. По словам Смита, в горных местностях Шотландии часто случается, что женщина производит на свет двадцать человек детей, из которых только двое остаются в живых, остальные же умирают от недостатка средств существования. Вообще у низших классов населения большей частью встречаются многодетные семьи. Но следовало бы желать лишь того, чтобы в каждой семье осталось только трое детей: — один ребенок — для замещения мужа, другой — чтоб заменить жену, и третий — для роста населения. Но это нигде не наблюдается. Нигде в Европе население не удвоилось за 20 лет, каким оно должно было бы быть в соответствии с рождаемостью. Прирост населения задерживается в особенности упадком земледелия и ускоряется благосостоянием жителей. Установлено, что число жителей в Европе удваивается только в течение 500 лет, что служит наилучшим доказательством медленного возрастания национального богатства. В Соединенных Штатах Америки количество населения удвоилось за 25 лет вследствие того, что там имелась годная для разработки огромная площадь земли, которая еще не была разделена между земледельцами. В Европе вся земля уже разделена. Мы заканчиваем статью замечанием по поводу земледелия.

Земледельческие работы настолько просты, что они не допускают разделения труда и применения машин в таких же размерах, как на

фабриках. Поэтому земледельцы своей численностью превосходят фабрикантов. Проекты по улучшению земледельческих машин должны быть обсуждаемы частными лицами, но не правительством.

Отдел второй.

Положительные мероприятия.

Положительные мероприятия ограничиваются распространением просвещения и расширением рынка.

1. Обычно земледелец знает очень хорошо свое ремесло. Однако привычка, точнее предрассудок, работать по способу, употреблявшемуся еще его предками, — а последние пользовались им еще в то время, когда их капитал был не велик и рынок не был так обширен, — иногда задерживают прогресс земледелия даже тогда, когда увеличившийся капитал и расширившийся рынок могли бы допустить некоторые улучшения. К тому же простой крестьянин не знает каких-либо способов улучшения, еслибы даже он и пожелал их предпринять. На него большое влияние оказывает пример. Если в государстве имеются фермеры, то можно надеяться, что крестьяне воспользуются их познаниями, если же их нет, то желательно было бы, чтобы элементарные сведения о земледелии преподавались в центральных школах и чтобы духовные лица имели участок земли, на котором они могли бы эти знания применять.

2. Рынок должен быть также расширен насколько возможно. Тут правительство может оказать много добра, — сохраняя мир с соседями, заключая торговые договоры, предоставляющие неприкосновенность торговцам, уничтожая преграды и пошлины внутри страны и увеличивая количество больших проезжих дорог, а также водные пути сообщения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оборот капитала.

Производственный капитал употребляется или в производстве, или в торговле, как внешней, так и внутренней.

Отдел первый.

Производство.

Производственный капитал, вложенный в земледелие, будет употреблен на производство или таких продуктов, которые дают доход во всякое время, или же таких, которые приносят его в известное время и в известном месте. К первому классу принадлежит зерновой хлеб, ко второму—фабричное сырье.

Продукты, которые постоянно дают доход, конечно, гораздо выгодней тех, которые дают его только в известное время. Производство

продуктов первой группы будет всегда предпочитаться и будет служить средством установления доходности всех других продуктов земледелия, т.-е. на последние не будет обращаться внимание до тех пор, пока они не начнут приносит доход такой же, как и зерновой хлеб.

1. Культура зернового хлеба имеет ту особенность, что ни люди, ни животные не могут обойтись без хлеба. Следовательно, на известное количество зернового хлеба можно приобрести столько рабочих рук, сколько работников можно будет прокормить этим зерном. Но земля производит гораздо больше зерна, чем требуется на прокормление рабочих и на уплату процентов на производственный капитал. Этот излишек и составляет ренту. Земля, которая настолько бедна, что не дает этой ренты, будет заброшена, а если и будет обрабатываться, то только в силу необходимости, и в таком случае хозяин должен быть своим собственным фермером. Следовательно, культура хлеба дает доход трех родов и становится поэтому самой выгодной для частных лиц и государства. Размеры этих трех родов дохода зависят от плодородия почвы. Они могут быть настолько велики, что достаточно будет даже примитивной обработки или же улучшения, требуемого для почвы средней плодородности. Величина дохода зависит от размеров капитала, а также и от просвещения. Капиталы, занятые в промышленности и торговле, подвержены многочисленным политическим революциям, тогда как если они вложены в земледелие, то они, так сказать, зарыты в землю, и страна всегда будет богата, хотя бы от политической революции или перемены в ходе торговли и погибли ее промышленность и торговля. В средние века существовало много очень богатых торговых городов, которые, после открытия морского пути в Индию лишились торговли и обеднели, но города, употребившие излишек своего капитала на улучшение окружающих земель, сохранили остаток своего былого величия. Англия может потерять свою торговлю и промышленность, но миллионы, которыми она утучнила свою землю средней плодородности, всегда у нее сохранятся, Англия всегда будет богатой страной. Доход, который дает земледелие, зависит от более или менее благоприятного местоположения земельного участка. Города снабжают рынок более обширный, нежели деревни, и поэтому земля, расположенная вблизи большого города, ценится гораздо дороже, чем находящаяся в глуши. Можно улучшить местоположение участка земли водным и сухопутным сообщением. Тогда земли, отдаленные от рынка, вновь приобретают ценность, уничтоженную монополией земель, находящихся вблизи рынка, не причиняя в то же время последним существенного вреда, ибо культура полей имеет ту особенность, что прогресс в земледелии одной страны не подрывает развития земледелия в другой. С увеличением производства возрастает и спрос, так как, чем больше средств питания, тем больше увеличивается население.

2. Что касается лугов, доставляющих большую часть пищи домашним животным, то следует заметить, что они дают доход

гораздо позже, чем хлебные поля. Подобно тому как цена зернового хлеба устанавливает степень усовершенствования способов обработки земли, так и цена мяса служит показателем ухода за лугами. Если цены на мясо низки, то нечего и думать об улучшении лугов, так как капитал, если он имеется налицо, вкладывается в более доходные хлебные поля. Если мясо стоит в одинаковой цене с зерном, то все-таки нельзя еще заниматься улучшением лугов, так как хлебное поле производит большее количество средств питания, чем луга той же площади. Но когда цена мяса стоит значительно выше цены хлеба, то в этом случае можно заняться улучшением лугов. Нужно также, чтобы цена на мясо стояла выше цены на хлеб еще и потому, что хлебное поле приносит доход ежегодно, тогда как луга дают его только через 4 или 5 лет, — в этом возрасте домашние животные становятся предметом торговли. Отсюда следует, что если цена на мясо только в 4 или 6 раз выше цены на хлеб, то эти цены будут равны. Когда пуд ржи будет стоить 1 рубль, а пуд мяса 5 рублей, то нечего ждать улучшения лугов, ибо цены на мясо и хлеб в таком случае одинаковы. Но когда мясо будет стоить 7 или 8 рублей, то можно надеяться, что капиталы будут употреблены для улучшения лугов. Если повышение цены на мясо не является следствием политических обстоятельств или состояния торговли, то оно, несомненно, указывает на прогресс в земледелии. Доход, получаемый от хлебных полей, определяет обработку лугов, а то и другое вместе — состояние всех остальных земледельческих культур, т.-е. это означает, что не будут заниматься возделыванием последних, покуда они не будут приносить доход, равный доходу извлекаемому эксплоатацией полей и лугов.

3. Главные предметы земледелия, которые не дают постоянного дохода: 1) рис, 2) картофель, 3) садоводство и фруктовые деревья, 4) виноградники, 5) оливки, 6) сахарный тростник и кофе, 7) крупы и горох. Ни одна из этих культур не способствует благосостоянию государства, поэтому правительство и не вмешивается в их возделывание. Такое вмешательство бесполезно даже в тех случаях, когда эти продукты дают доход одинаковый или больший, чем хлебные поля и луга, потому что тогда земледельцы и фермеры могут возделывать их сами; но зато это вредно тогда, когда эти продукты не будут приносить доход. Тогда поощрение, оказываемое правительством этим земледельческим культурам, за счет зернового хлеба и лугов, привлекло бы к производству, не приносящему дохода, капиталы, вложенные в доходное дело. Только выращивание картофеля заслуживает поддержки правительства, ибо он составляет продукт питания, часто возмещающий недостаток хлеба.

4. Есть еще ряд земледельческих культур, которые не являются предметами питания, но идут на фабрики для выработки одежды, а также для оборудования жилищ и изготовления предметов роскоши, и которые дают иногда доход. Они очень многочисленны, и всем им свойственна одна черта—не всегда приносить

доход. Главные предметы этого рода относятся или к царству животных, или к растительному, или к минеральному.

Принцип, которому должно следовать правительство, всегда один и тот же. Всякий продукт земледелия, который дает заработную плату рабочим, процент на капитал и ренту землевладельцу, безусловно будет возделываться и без вмешательства правительства; если он не дает этих трех родов дохода, то он не будет возделываться, а если все-таки будет возделываться, то станет общественным несчастьем и принесет ущерб национальному богатству. Поэтому правительство должно остерегаться оказывать покровительство производству такой культуры за исключением лишь тех случаев, когда это требуется безопасностью государства.

Не следует отдаваться мечтам о будущем, когда дело идет о настоящем. Никогда не может возникнуть вопрос о том, какова будет когда-нибудь выработка какого-либо предмета. Сущность вопроса заключается в том, что может дать этот предмет в данное время при современном положении капиталов и рынка. Кто может учесть все события будущего? И если это даже окажется возможным, то пусть эти расчеты будут произведены частным лицом, а не правительством.

Вот кое-какие примеры: земельная рента в Англии составляет одну треть общей прибыли, рента с угольных копей—одну десятую, рента корнваллийской оловянной руды — одну шестую, рента золотых россыпей в Мексике — одну двадцатую.

Смит выразился очень удачно: самые богатые копи драгоценных металлов и драгоценных камней прибавляют очень мало ценностей к мировому богатству. Ценность драгоценных металлов и драгоценных камней зависит всецело от их редкости.

Как только они появляются в изобили, ценность их падает. Напротив, ценность ржи и других предметов, идущих на питание, одежду и жилище, абсолютна, т.-е. эти предметы ценны во всякое время и повсюду, так как везде имеются люди, которых нужно питать и одевать; она не так относительна, как ценность драгоценных металлов, как ценность продуктов недр земли. Землевладелец всегда может располагать трудом других людей, а земля наименее плодородная [1]) ничего не теряет от соседства с самой плодородной землей, как это случается с рудниками. Наоборот, земля менее плодородная от этого только выигрывает, так как обилие продуктов, производимых плодородной землей, давая средства к существованию многочисленного населения, сделает более плодородной и землю средней плодородности вследствие применения труда и капитала. Наконец, все, что увеличивает плодородие почвы или хлебного поля, оказывает благодетельное влияние на производство других земледельческих продуктов, а также на луга, скотоводство и даже на копи, давая возможность большему

[1]) В оригинале: «а земля наименее плодородная» надписано над зачеркнутыми словами: «á nourrir et á habiller» — «кормить и одевать».

числу рабочих заняться этими промыслами и увеличивая вообще число потребителей, которым понадобится большое количество продуктов копей, лугов и т. п.

В изобилии продуктов первой необходимости не только заключается большая часть мирового богатства, но благодаря этому изобилию и другие богатства приобретают ценность. Когда человек сыт и одет, то у него найдется время подумать о своих удобствах, т.-е. о том, как лучше питаться, одеться и устроить свое жилище.

Капиталы естественно распределяются в соответствии с прогрессом культуры, ибо как только какая-либо отрасль индустрии перестает приносить обычные проценты, то это служит показателем того, что при современном состоянии рынка в эту отрасль вложено слишком много капиталов. Тогда капиталисты вынимают оттуда излишек своих капиталов и помещают их в другие отрасли, приносящие больше дохода. Правительство никогда не должно руководить употреблением капиталов посредством монополий, приказаний или запрещений. Это всегда приносит только вред, так как до этого существовали капиталы, которые приносили известные ренту и проценты, а подобные меры принуждают употреблять эти суммы на другие предметы, которые без монополии не дали бы ни ренты, ни процентов. Даруя монополии, правительство дает ее владельцу привилегию над обществом, которое должно платить дороже за предметы его производства, для того чтобы тот мог получить и свою ренту и проценты на капитал, которых в противном случае он не получил бы. Если правительство вынуждено, кроме того, помогать новому учреждению из своих денег, то оно не должно брать эти деньги из общественных сумм, так как последняя предназначена для охраны общественной безопасности и на преодоление тех трудностей, которые превосходят силы частных лиц. Но говорят, что нам нужно такое-то производство.

Только на случай общественной безопасности правительство имеет право приносить такие жертвы, но при этом необходимо знать, не существуют ли какие-либо другие средства к побуждению частных лиц заняться производством, в котором имеется нужда. Во всех других случаях установить такое производство будет легко, как только появится на него необходимый спрос, и тогда это будет сделано без помощи правительства; если же учреждение его будет затруднительно, то в таком случае вредно будет принуждать к этому кого бы то ни было, потому что тогда придется изъять производительный капитал из предприятий, уже существующих и в которых имеется потребность, и поместить этот капитал в такое предприятие, на которое не существует спроса.

Если же, наконец, трудность заключается в том, что необходимое сырье составляет редкость, то от этого предприятия нужно вовсе отказаться и заняться другим, для которого имеется достаточно материала. Изобилие последнего хватит, чтобы обменять его на те предметы, для производства которых нехватает материала. Башмачник шьет только

башмаки и предоставляет [1]) другим ремесленникам вырабатывать необходимые ему предметы. Он поступает так даже в том случае, если бы он мог сделать сам эти предметы, но он уверен, что сможет всегда получить их из излишка других ремесленников, в обмен на излишек изготовленных им башмаков.

Лен, конопля и овечья шерсть стали в Европе необходимыми предметами. Рынок их велик, поэтому и производство их увеличится без помощи правительства.

В шелке нет такой настоятельной нужды. Принуждать к производству шелка, в то время как другие отрасли промышленности, как напр., рыбная ловля, скотоводство, хлебопашество, приносят больший или же более верный и менее отдаленный доход, — совершенно противоречит нашим убеждениям.

Такому же правилу необходимо следовать в отношении марены и других материалов, полезных для фабрик. Одна возможность заниматься такого рода культурой в известной местности еще не является достаточной для того, чтобы ее поощрять деньгами или привилегиями. Даже добыча драгоценных металлов не требует поощрения со стороны правительства. Этим занимаются без приказаний и без привилегий, как только будет достаточно капитала, чтобы иметь возможность вложить его в эти работы, и при том лишь с того момента, как эти работы начнут давать ренту и проценты на капитал.

Отдел второй.

О ценах на земледельческие продукты.

Изменения цен на продовольствие часто сбивает с толку политиков и становится предметом общественного недовольства. Эти изменения бывают или естественные, или случайные. Естественные изменения цен могут быть вызваны: 1) богатством копей, доставляющих благородные металлы, 2) излишком бумажных денег, 3) увеличением потребления, т.-е. ростом национального богатства. В первых двух случаях все вообще товары дорожают. В последнем — дорожают только некоторые товары.

Когда в стране имеется мало денег и много товару, то цены, естественно, падают, т.-е. можно уделять меньше денег на известное количество товаров. Такой случай имел место в Европе до открытия богатых рудников Потози. Цены на все товары стояли в четыре раза ниже, чем после открытия этих рудников. Одно и то же количество зернового хлеба, какое после открытия рудников покупалось за 6—8 унций, до открытия стоило всего 2 унции. Рудники увеличили количество денег в 10 раз, но спрос не мог увеличиться с такой же быстротой, он возрос только в 2 или $2^1/_2$ раза, поэтому ценность денег падает в 4 раза, т.-е. за все товары платят в 4 раза дороже. В 1650—1750 г.г. рудники

[1]) Следует зачеркнутое и не поддающееся прочтению слово.

не доставляли столько металла, а спрос увеличился, поэтому цена денег немного поднялась, и, под влиянием вновь установившихся цен, стали платить за товары немного дешевле.

Если законы нации запрещают вывоз денег и если последние поступают в обращение ежегодно в большом количестве, как, напр., в Испании, то деньги потеряют свою цену, все товары сильно вздорожают, и национальное богатство от этого ничего не выиграет. Но зато тогда обнаружится недостаток иностранных товаров, разовьется контрабанда, благодаря которой деньги все-таки уйдут из страны, несмотря на все запрещения.

Бумажные деньги производят то же действие с той только разницей, что они не могут уйти из государства, как металлические деньги. Если злоупотреблять таким способом увеличения количества денег, то их номинальная цена будет огромна, в то время как реальная стоимость их не увеличится. Бумажные деньги никогда не должны равняться сумме металлических денег, находящихся в обращении, так как последние должны быть строго пропорциональны сумме товаров, пущенных в оборот. Предположим, что какое-либо государство нуждается в 100 миллионах рублей для оборота, тогда как денег нельзя прибавить ни на один миллион, потому что этот миллион будет уже лишним и должен уйти из страны, если ему не найдется применения. В чем же заключается польза от бумажных денег? Когда недостаток капиталов препятствует прогрессу земледелия и фабрик, то известная сумма бумажных денег может сообщить больше силы национальной промышленности. Она даст возможность государству употребить известную сумму денег на необходимые предприятия, не нанося вреда национальной промышленности. Но когда число бумажных денег увеличится настолько, что национальная промышленность не сможет их поглотить, то тогда звонкая монета уйдет из страны, потому что бумажных денег будет слишком много, а их излишек все равно останется внутри страны. Если выпуск бумажных денег будет продолжаться и дальше, то они совсем потеряют ценность, ибо они лишь замещают реальную стоимость денег: купец всегда расценит их по цене, получаемой им от цивилизованных наций. 100 миллионов бумажных денег будут стоить только 50 миллионов металлическими деньгами. Если выпуск бумажных денег будет продолжаться, то кончится тем, что ценность их сведется к стоимости одной бумаги, а эта ценность настолько мала, что почти равна нулю.

Таким образом произошло падение ассигнаций во Франции. Национальное банкротство является неизбежным следствием этого мероприятия. Богатые люди, которые обменяли свои металлические деньги на бумажные, обеднеют. Государство получает огромные суммы в виде бумажных денег, но все эти суммы в действительности имеют очень незначительную ценность. Цены на предметы продовольствия будут огромны. Цена фабричных изделий, которая обусловливается величиной заработной платы, зависящей, в свою очередь, от продоволь-

ственных цен, будет чрезмерна, хотя их действительная ценность, как и национальное богатство, от этого не увеличится. Больше того, нация начнет разоряться и притом не только в результате всеобщего банкротства, которое все и вся взбудоражит, но уже задолго до этого, вследствие недостатка звонкой монеты, вызванной переполнением рынка бумажными деньгами.

Вздорожание денег будет препятствовать спросу и потреблению. Человек, получавший 1.000 руб. жалованья звонкой монетой, не будет иметь возможности делать те же затраты, когда он получает жалованье бумажными деньгами, которые стоят всего 500 руб. Он может потреблять только половину того, что потреблял раньше. Он будет лишен возможности попрежнему питаться, одеваться и пользоваться таким же, как раньше, помещением; а так как производство зависит от потребления, то земледелие и фабричная промышленность будут производить только половину того, что они производили раньше. С уменьшением производства национальное богатство ежедневно терпит убытки, несмотря на высокую номинальную цену этой никуда негодной бумаги.

Хотя это несчастие, которое является неизбежным результатом злоупотреблений правительства, стремящегося увеличить свои средства выпуском бумажных денег, не остается безизвестным, но все-таки большинство государств из-за этого разорилось.

Отчего это происходит? Из-за непосильных правительству предприятий. Напр., хотят осуществить какой-нибудь проект, но не могут вследствие недостатка денег; и долгое время его выполнение будет невозможно, ибо ничто не возрастает так медленно, как капитал. А между тем хотят возводить строения, прорывать каналы, учреждать школы, содержать армию, и все это в гораздо большем размере, чем то позволяет денежный фонд. В таких случаях у правительства нет другого исхода, как увеличить выпуск бумажных денег. Действие последних чудесно на одно лишь мгновение, а разрушительные последствия неизбежны. Не будь ассигнаций, не было бы французской революции, без бумажных денег Австрия не могла бы собрать полмиллиона солдат. Но как утверждает Симонд [1]), Франция потеряла много своих производственных капиталов, ее благосостояние поколебалось, несмотря на победы, на контрибуции и на большой порядок, который последовал за террором. Австрия совершенно разорена; и не потеря провинций разоряет ее, но огромная сумма в два миллиарда флоринов бумажных денег, которую ей нужно выплатить или сократить тем или иным способом, чтобы предупредить общее банкротство, разоряющее это некогда столь богатое государство.

Наконец, мы заметим, что государство мало культурное, но которое обладает большими еще не использованными ресурсами, в особенности большим количеством пахотной земли, может употреблять бумажных денег значительно больше, чем культурное государство, не подвергаясь

[1]) В оригинале: Simonde.

опасности разорения. А если малокультурное государство и по своей территории больше, то оно и бумажных денег поглотит больше. Все это истинно, и опыт показал, что, когда учредили банки в Шотландии, то земледелие и фабрики изумительно процветали, но так как эта страна не особенно велика, то прогресс индустрии остановился, как только бумажные деньги произвели свое целебное действие. А когда начали увеличивать выпуск этих денег, то дурное действие их дало себя знать, и многие люди разорились при этом. Когда императрица Екатерина II выпустила первые 100 миллионов банковых билетов, то земледелие всюду приобрело новые силы, при чем стоимость банковых билетов не понизилась по сравнению с металлическими деньгами. Начали даже платить за обмен денег на билеты, так как последние более удобны, но в виду того, что бумажные деньги обесцениваются с давних пор, а теперь все более и более, то это показывает, что их слишком много. Дурные последствия их избытка дали бы себя еще сильнее почувствовать, если бы Россия не имела двух больших преимуществ: не была бы страной мало культурной и не имела бы много провинций к и тому же не занимала бы такой огромной территории.

В этом случае цены поднимаются вследствие роста потребления. Когда едят больше мяса и употребляют хлеба больше, чем страна может производить, как то произошло в Голландии, то мясо и рожь должны вздорожать. Но таких стран, в которых бы действительно обрабатывались все пахотные земли, мало, так что этот случай в Голландии является почти единственным. Во всех других странах должно происходить совершенно обратное, потому что с увеличением спроса, тотчас увеличивается и производство. Смит говорит даже, что если производство увеличится, то цены непременно понизятся.

Если существует дороговизна, несмотря на возрастающее производство, то это происходит от случайных обстоятельств.

Предметы продовольствия бывают двоякого рода: количество одного увеличивается независимо от производства, как, напр., рыба и дичь. Тогда их цена может подняться очень высоко по мере увеличения потребления их, а это служит показателем прогресса культуры. Наоборот, количество предметов продовольствия второго рода может быть увеличено человеческим трудом. Здесь на первом месте стоит зерновой хлеб, а на втором — домашние животные. Зерно, естественно, не может подняться в цене выше, чем то необходимо на уплату ренты, процентов на капитал и заработной платы рабочим. Если оно упадет ниже этой цены, то производство этого продукта будет страдать; если же цена, в силу случайных причин, поднимется немного выше, то это также заставит страдать производство, ибо тогда потребление понизится до последней крайности. Но среднее повышение цен благоприятствует земледелию, потому что оно побуждает землевладельцев расширять и усовершенствовать обработку земли. Скотоводство подвергается большим случайностям, и поэтому цена на мясо должна всегда стоять выше цены на рожь. Наконец, есть много предметов первой необходи-

мости, цены которых сильно зависят от случайных обстоятельств [1]). Различные ступени культуры у той или иной нации принуждают повышать цены на один предмет и понижать на другой. Например, мясо не занимает такого большого места на рынке, как шерсть, кожа, говяжье сало, предметы, которые могут перевозиться на далекое расстояние без порчи, следовательно, в стране, где земля плохо обрабатывается, мясо будет стоить очень дешево, тогда как шерсть, кожа и сало будут иметь больше цены, так как они требуются в другие культурные страны. Быков будут убивать из-за шкуры, а мясо оставят сгнивать или же из него извлекут весь жир, а остальное выбросят. Если же страна станет более населенной и более культурной, то цена на мясо поднимется гораздо больше, чем на шерсть и сало, так как мясо найдет более обширный рынок сбыта, тогда как другие предметы имеют уже его с давних пор. Правительственные распоряжения, имеющие целью вызвать понижение цен на шерсть и на кожу, напр., запрещением их вывоза, производят различное действие в стране культурной и некультурной. В первом случае землевладелец и фермер повышают цены на мясо, чтобы покрыть свои убытки, из-за отсутствия сбыта шерсти и кожи, и тогда они ничего не теряют; в стране же мало культурной мясо не имеет почти никакой ценности, и поэтому они несут большие убытки.

Что касается минералов, то развитие этой отрасли промышленности непосредственно зависит от естественного обилия минералов и различных несчастных случаев в рудниках, но главным образом оно зависит от общего состояния земледелия и промышленности, которые дают стране возможность покупать металлы и таким путем уплачивать ренту, процент на капитал и заработную плату рабочим, так как в противном случае невозможна была бы эксплоатация рудников.

Отсюда следует, что по ценам, высоким или низким, нельзя выводить заключение о культурности или дикости страны, так как уровень цен зависит от большего или меньшего количества денег в стране. Если цены на все товары повышаются или понижаются во всех странах, то ничего другого о них нельзя заключить, как только то, что копи их более или менее богаты. Но зато по отношению цены одного товара к цене другого, в один и тот же период, можно с большей уверенностью заключить о степени культурности и национального богатства данной страны.

Отдел третий.

О помощи, оказываемой государством земледелию.

Эта помощь может быть оказана:

1) Землевладельцам.

2) Фермерам и рабочим.

[1]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «la graisse» — «жир».

а) Поддержка в несчастных случаях.
б) Награда за экспорт.

Помощь, оказываемая землевладельцам.

Оказание помощи земледелию означает не что иное как способствование увеличению производства земледельческих продуктов. Увеличение производства является результатом исключительно экономии. Земледельческий продукт должен оплатить ренту, проценты на капитал и заработную плату рабочим. Если все эти три класса расходов поглощают весь доход, то земледелие находится в положении стационарном, если же на них тратится больше этой суммы, то земледелие регрессирует, но если на них затрачивается не весь доход и если при этом путем сбережений накопляется капитал, который снова помещается в земледелие, то последнее будет прогрессировать. Единственное средство, которое может способствовать процветанию земледелия, — это побуждать все три земледельческие класса, делать сбережения, которые снова вкладывались бы в земледельческие работы. Это не значит обуздывать роскошь и желать свести ее только к удовлетворению насущнейших потребностей. Роскошь имеет свои достоинства, ибо она питает фабричное производство и торговлю. Но тут дело идет лишь о том, чтобы три земледельческих класса не растрачивали все свои доходы или чтобы их траты не превышали суммы, необходимой для восстановления производственного капитала, постоянного и переменного. Если же расходы трех земледельческих классов будут равны всей чистой прибыли или же превышать ее, то нет такой силы в мире, которая могла бы вызвать процветание земледелия или остановить его упадок.

Торговцы и фабриканты истолковали в свою пользу тот принцип, что потребление регулирует производство. Принцип этот верен, но нельзя им злоупотреблять. Для того, чтобы земледелие прогрессировало, необходимо, чтобы доход не потреблялся полностью. Земледельцы неминуемо разоряются вследствие ложного применения этого меркантильного принципа.

Действительная помощь, которую земледелие [1]) может оказать земледелию, заключается в том, чтобы приучить все три земледельческие класса к экономии и внушить им желание делать сбережения. Как же может оно этого достигнуть? Своим примером, а в особенности, своим законодательством и организацией своей администрации.

Пример государства имеет огромное влияние. Если государь любит чрезмерную роскошь, то он заставляет этим своих придворных, желающих ему угодить, подражать ему, и они благодаря этому разоряются. Разорившиеся крупные собственники всеми способами стараются раздобыть денег у капиталистов. Проценты повышаются, и фермер не может найти за обычный процент капитала, какой ему необхо-

[1]) В оригинале, повидимому, описка — «земледелие» — вместо «правительство».

дим для первых затрат в его работе. Земледелие страдает от этого. С другой стороны, вельможи стараются извлечь из своих фермеров как можно больше денег, а если они являются своими собственными фермерами, то — из своих крестьян, которых в силу необходимости они притесняют. Фермеры и крестьяне стараются возместить свои убытки, повышая цены на съестные припасы. Таким образом общество вынуждено оплачивать расходы государя. Общество доводит свои расходы мало-по-малу до самого необходимого по причине дороговизны цен, потребление уменьшается насколько возможно, и производство от этого неизбежно страдает, а земледелие регрессирует.

Существует еще и другой род расточительности правительства, имеющий место, когда, вопреки бережливости государя, расходы на общественные работы, постройки, университеты, картинные галлереи, коллекции мрамора, на содержание армии и штата гражданских служащих превосходят сумму государственных доходов, и тогда возникает необходимость в увеличении налогов и выпуске бумажных денег. Как то, так и другое разоряет земледелие.

Третий способ расточать общественный доход — это плохая финансовая система, при которой вся тяжесть налогов падает на улучшение земледелия, причем эти налоги зиждятся на том, что класс фермеров выбивается из последних сил для того, чтобы возместить ссуженные им государству средства, а между тем сбор налогов поручается большому числу чиновников, которые дорого обходятся государству и из которых каждый старается обогатиться и т. п.

Итак, правительство может внушить земледельческому классу желание делать сбережения:

1) подавая пример своим экономным образом жизни.

2) подавая такой же пример в общественных предприятиях.

3) учреждая хорошую финансовую систему.

Но еще больших результатов оно может достигнуть посредством своего законодательства. Нравственность нации зависит не от проповедей, но от духа порядка, правосудия и справедливости, который должен царить в законодательстве и в организации администрации. Если вы сделаете земледельцев рабами, то вы отнимете у них охоту делать сбережения, потому что рабы не имеют собственности. Таким образом вы скопляете богатство в руках землевладельцев, которые являются потребителями, склонными к расточительности. Деньги скоро перейдут из их рук к купцам и фабрикантам [1]), которые будут давать их землевладельцам же взаймы под большие проценты, и земледелие будет от этого только страдать. Это общее правило: где земледелец — раб, там землевладелец расточителен. А расточительность разоряет земледелие, которое может прогрессировать только при наличии сбережений. Если вы покровительствуете классу фабрикантов и купцов,

---

[1]) В оригинале следует несколько зачеркнутых слов, не поддающихся прочтению.

принося им в жертву земледелие, то их стремление к неумеренной наживе, свойственное их классу, в виду того, что они сильно рискуют, — а это совершенно незнакомо помещикам, так как их доход более верный, — сообщается всей нации. Благородные чувства, возвышенность характера, патриотизм будут встречаться все реже. Купец и фабрикант не имеют отечества, только земледелец имеет его. Заработать насколько возможно больше, при случае обмануть, — вот какие чувства станут всеобщими. Только богатый человек сумеет стать талантливым человеком, а народ огрубеет и станет скупым.

Но если вы будете уважать права каждого класса граждан, если вы будете оказывать им покровительство без всякого предпочтения, если вы обеспечите им неприкосновенность, возможно более широкую, то задатки добродетели, имеющиеся в сердцах всех людей, разовьются, и ваша нация будет нравственна.

Но так как гораздо легче дать некоторую сумму денег или же отдать какие-либо приказы в пользу одного класса, чем следовать указанным принципам, то придумали другие способы оказывать помощь земледелию. Этими способами являются:

1. Денежные ссуды из банка.
2. Система кредита или ипотеки.
3. Покупка земель разорившихся землевладельцев.

1. Банковые ссуды. Общее правило таково, что сумма банковых билетов не должна превосходить суммы золота или серебра, которую они заменяют. Следовательно, если сумма, требующаяся для оборота, составляет 100 миллионов, то она должна всегда оставаться таковой, в виде или чеканной монеты, или бумажных денег, или же в виде чеканной монеты и бумажных денег, взятых вместе. Поскольку это правило будет соблюдаться, постольку бумажные деньги будут равняться стоимости чеканной монеты. Предположим, что землевладельцам на их нужды требуется 50 миллионов, и банк ссужает им в помощь 50 миллионов бумажными деньгами. Каковы будут последствия этой ссуды? Землевладельцы, получив эти 50 миллионов, не спрячут их в сундук, а пустят их в оборот, на уплату долгов, на свои расходы, а на улучшение своих земель употребят только меньшую часть всей суммы. Итак, в обороте имеется 150 миллионов. Для нужд обращения это слишком много. Предположим, что улучшение земель поглотило 10 миллионов, все-таки остается лишних 40 миллионов. Эти 40 миллионов не могут уйти из государства, потому что они имеют форму бумажных денег, а, следовательно, для восстановления равновесия из страны уйдут 40 миллионов металлических руб. Наконец, бумаги опять вернутся в банк, для обмена на металлические деньги, но у банка не будет таких денег, так как их никогда и не было в стране, ибо банк выпустил бумажных денег на сумму в 50 миллионов, не имея капитала для их реализации.

В прежнее время банку требовалось не более 20 миллионов для ежедневного размена, в настоящее же время для тех 40 миллионов,

которые не имеют обеспечения, потребуется на много больше звонкой монеты. Результатом выпуска необеспеченных металлом бумажных денег является обесценение последних, по мере трудности их размена, благодаря чему общество и чувствует, что эти деньги не имеют обеспечения. Английский банк совершил однажды ошибку, выпустив слишком много банковых билетов, и не смог их оплатить; шотландские банки окончательно пришли в упадок; учетная касса во Франции разорилась. Итак, банк, который захочет оказать помощь землевладельцам, выдавая им бумажные деньги вместо металлических будет разорен всякий раз, как будет принужден оплачивать банковые билеты звонкой монетой, как это полагается: металлические деньги уйдут из страны, и последняя будет разорена.

Как же восстановить кредит бумажных денег и предупредить крах банка? Не иначе как путем извлечения и уничтожения 40 миллионов бумажных денег, не имеющих никакого обеспечения. Но как их изъять? Правда, землевладельцы должны эту сумму банку, но ведь они не имеют никакой возможности выплатить эти деньги. Часть взятых денег была употреблена ими на уплату долгов и на ряд других расходов, а для того, чтобы уплатить эту сумму банку, землевладельцы должны обратиться к помощи капиталистов, т.-е. они снова задолжают, да еще более прежнего. Другая часть этих 50 миллионов пошла на улучшение земли, но ее нельзя будет извлечь тотчас же из возведенных построек, из выполненных предприятий, ибо постоянный капитал, вложенный в земледелие, выплачивается очень медленно. Следовательно, землевладельцы могут уплатить банку, не иначе как продав свои земли.

Таким образом доказано, что помощь, оказываемая землевладельцам ссудой бумажных денег, не является реальною помощью, а лишь ускоряет их разорение. Если им и можно помочь, то исключительно ссудой звонкой монеты.

2. Для того, чтобы найти необходимые деньги, было организовано общество из всех землевладельцев, взаимно ответственных за свои долги и дающих в долг друг другу свои фонды под земельные закладные. Такова система ипотек или кредита, но эта система не создает новых капиталов; эта система дает возможность некредитоспособным землевладельцам получать ссуды за поручательством лиц, пользующихся кредитом. Эти последние предоставляют им свой кредит под закладные их земель. Поэтому необходимо, чтобы большинство землевладельцев пользовалось кредитом, так как если все они имеют долги, то их общество ни в чем им не поможет. Остается узнать, захотят ли лица, пользующиеся кредитом, ссужать его некредитоспособным лицам, так как, беря на себя ответственность за последних, они рискуют своим собственным кредитом. Но предположим, что таковое общество будет иметь место, как, например, это было в Силезии, в 1770 г. Каковы будут последствия, если разоренные помещики, получив деньги, будут продолжать расточать их, как, по всей вероят-

ности, поступает большинство разорившихся по своей вине? Деньги, полученные из кредитного фонда, ни в чем им не помогут. Они кончат тем, что окончательно потеряют свои имения, так как кредитный фонд должен будет продать их для восполнения своей наличности. Но если только землевладельцы не расточительны, если они разорились случайно, то ипотечная система может оказать им большую помощь. Итак, действие этой меры всецело зависит от обстоятельств.

3. Третий способ — самый печальный. Государство покупает часть имений у разорившегося землевладельца для того, чтобы он оказался в состоянии выплатить свои долги и сохранить остальную землю. Правда, что в руках расточителя земле бывает мало пользы, но и в руках правительства она тоже мало выиграет, как мы это уже доказывали в статье о государственных имениях. Чем больше у государства таких владений, тем больший капитал требуется ему для их улучшения. К тому же земли, купленные у расточителей, суть разоренные земли. У государства нет ни денег, ни людей, ни средств для надзора, необходимых для выполнения обязанностей хорошего фермера; лучше было бы, если бы государство вовсе не покупало этих земель, а приказало бы продать часть их для уплаты кредиторам. Если же никто не пожелает их купить, то не останется сделать ничего другого как только раздать их кредиторам, которые обычно являются капиталистами, так как весьма вероятно, что некоторые из них вложат в землю свои капиталы и постараются извлечь из этой операции как можно больше пользы.

Помощь, оказываемая фермерам и земледельцам.

Эта помощь бывает двоякого рода: во-первых, помощь в случае пожара, наводнения, эпидемии среди скота или же в случае другого какого-либо общественного бедствия, во-вторых, награды за вывоз продуктов и их производство.

1. Помощь в несчастных случаях может быть оказана землевладельцам, фермерам и земледельцам. Если последние будут рабами, то правительство должно обязать их хозяев выполнить свой долг по отношению к ним и помочь им. Если земледельцы будут людьми свободными, то правительство должно учредить:

1) Для всех этих классов хорошую сельскую полицию, чтобы предупреждать и быстро ликвидировать эти несчастия.

2) Денежный фонд, посевный, сырых материалов, как, напр., строевой лес и т. д. Фридрих Великий учредил такой фонд для Пруссии. Свободные граждане работают на своих хозяев; необходимо, чтобы и хозяева делали то же самое.

2. Награды могут выдаваться за вывоз, в особенности зернового хлеба, или за производство.

Примером может служить Англия, которая уплачивала вознаграждения с 1688 г. по 1770 г. почти без перерыва. Благоприятное дей-

ствие этого принципа завербовало ей многих сторонников, но все-таки против него существуют возражения. Награды оплачиваются правительством. Где же оно берет для этого деньги? Из общественных сумм; следовательно, эти вознаграждения оплачиваются населением. Берут деньги одних, чтобы дать их другим. Награды эти поддерживают цену ржи гораздо выше той, какая была бы без этого. Следовательно, общество оплачивает и награду и повышение цены на зерновой хлеб. Но выигрывает ли от того земледелец? Его выигрыш — только кажущийся, так как он сам вынужден платить дороже за все другие товары, на которые цена повышается соразмерно с ценою хлеба.

Награды за производство гораздо ценнее, ибо получает их земледелец, а не купец. Запрещение вывоза сырья приносит мало пользы земледелию. Благодаря своему большому объему, вывоз сырых материалов всегда незначителен сравнительно с общим потреблением.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Фабрики.

Все то, что правительство может сделать для прогресса фабрик, искусств и ремесл, должно согласоваться с их природой. Поэтому мы упомянем:

1) О природе фабрик, искусств и ремесл.

2) О мерах, которые правительство может предпринять для ускорения их прогресса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Природа фабрик.

Эта глава подразделяется на шесть следующих отделов: 1) общие идеи, 2) о капитале, помещенном в фабрики, 3) цены, 4) усовершенствование фабрик, 5) влияние фабрик, 6) размышления о государствах земледельческих и промышленных.

Отдел первый.

Общие идеи.

Сырые продукты, получаемые от земледелия, в своем первоначальном виде мало пригодны для человеческого потребления. Это сырье необходимо предварительно подвергнуть переработке, что и составляет предмет деятельности фабрик, искусств и ремесл, или же промышленности в узком смысле. В более обширном смысле понятие промышленности охватывает также и земледелие и торговлю.

Нет ни одной нецивилизованной нации или дикого народа, которые не занимались бы подобного рода промышленным трудом, потому что все они принуждены сырой материал подвергнуть хорошей или плохой промышленной переработке. Таким образом фабрики, искус-

ства и ремесла берут свое начало одновременно с охотой, рыбной ловлей и земледелием, а не являются более поздним результатом этих занятий.

Прежде всего должны были возникнуть самые необходимые фабрики, способные сделать сырой материал пригодным для удовлетворения наших естественных нужд. Работа этих первых фабрик и груба и несовершенна. Но по мере того как нарождаются и увеличиваются искусственные потребности [1]), работа фабрик становится все более законченной и совершенной. Следовательно, фабрики грубые и несовершенные должны предшествовать во всех странах фабрикам более совершенным. Фабрики этой последней категории появляются в тех странах, где встречается сырой материал лучшего качества и в большем количестве. История говорит нам, что они происходят из Индии, Китая, Персии и Малой Азии. Оттуда они перешли в Италию, Фландрию, Голландию, Францию, Германию и Англию.

Над сырьем производится двоякого рода работа: 1) сырье обрабатывается для потребления его всеми вообще людьми или, по крайней мере, большим числом людей, напр.: мука, сукно, шелк, 2) или уже обработанные предметы изготовляются для потребностей одного человека, согласно его личным нуждам, его росту, его вкусам.

Легко заметить, что работа первого рода допускает организацию крупных предприятий и делает их часто необходимыми, тогда как второй род работы не допускает, или, по крайней мере, не обязательно требует больших предприятий. В первом случае имеем работу фабричную, во втором—работу ремесленную, напр.: суконная фабрика и ремесло портного, кожевенный завод и сапожник. Среди этих ремесл и фабрик некоторые требуют большого искусства, напр.: часовое мастерство, ювелирное, и называются — искусством. Поэтому и говорят: фабрики, искусства и ремесла.

Многие ремесла могут приближаться по своей природе к фабрикам, если мастер [2]) заставляет своих рабочих выделывать большое количество предметов известного рода, которыми он предполагает, имея их в большом количестве, удовлетворить нужды многих индивидуумов. Так, напр., имеются магазины башмачные, сапожные, мебельные и магазины платья. Собственно говоря, это все ремесла, но по своему характеру приближающиеся к фабрикам, работающим для большого числа людей или для всех людей вообще. Есть также и фабрики, приближающиеся по своей природе к ремеслу, т.-е. такие, которые работают для индивидуальных нужд, но с таким разнообразием, что можно предположить, что огромное число людей найдет там для себя что-либо подходящее, напр.: оружейные заводы, фарфоровые, стеклянные, часовые фабрики, кружевные, обойные. Эти предприятия бывают сходны с фабриками благодаря своим размерам, необходимым

---

[1]) В оригинале: «factices».
[2]) В оригинале: «maître ouvrier».

для установки машин, разделению труда и величине требуемого ими капитала, а с ремеслами они имеют сходство в разнообразии продуктов производства, которые они делают пригодными для удовлетворения всякого рода индивидуальных нужд.

Есть еще известный род индустриальных работ, предназначающихся для всех людей, но это производство носит другой характер, т. к. продукт его не может храниться долго; такова, напр., работа мясника, булочника, повара, кондитера. Мы причисляем этот труд к классу ремесл по той причине, что особенности производства не допускают больших размеров предприятий, а также и потому, что индивидуальные потребности людей, их богатство и вкус являются здесь особенно решающими.

Итак, фабрики суть такого рода предприятия, где:

1) обрабатывают сырье,
2) для общих нужд,
3) в большом количестве, и
4) продукт производства которых сохраняется долго.

Ремесленные предприятия суть такие, где:

1) обрабатывают продукты фабричного производства,
2) для индивидуальных нужд,
3) в деталях, — и продукты производства которых
4) предназначаются для непосредственного потребления.

Ремесла предшествуют фабрикам.

Прежде всего владелец сырья должен подготовить его для своего личного потребления, потом опыт учит его, что, посвящая себя определенному роду труда, он приобретет более навыка, будет вырабатывать продукт лучшего качества и в большем количестве; тогда он начинает работать и для других, которые платят ему из своего излишка. Таким образом он становится рабочим, его занятие составляет ремесло, и его труд не требует большого капитала.

Наконец, опыт показывает, что изготовление большого числа предметов для потребления их многими людьми стоит вообще дешевле и что они могут быть изготовлены в большом количестве и еще лучшего качества в одно и то же время и при одной и той же затрате сил, если их вырабатывать в большом предприятии; для этого требуется большой капитал, являющийся плодом сбережений. Тогда возникают фабрики.

В виду того, что вкусы, способности, величина капитала, легкость добывания сырья, свойства спроса решают род ремесла, то каждый может устроить себе фабрику согласно своим желаниям и возможностям. Отсюда следует, что наибольшая свобода должна быть основным принципом в деле естественного учреждения фабрик частными лицами.

Предметы, изготовляемые для всех людей вообще или для большого числа людей, бывают разнообразны: одни требуют грубой работы и применения большой силы, другие нуждаются в более изящной работе, сделанной с большим талантом и искусством. Учреждения первого рода назвали заводами-fabriques, от латинского слова «faber» —

рабочий, работающий топором и молотом, а другого рода — фабриками-manufactures, от латинского слова «manus» — рука. Поэтому и говорят: «fabrique de fer» — железоделательный завод и «manufacture de soie» — шелковая фабрика. Но так как оба эти рода работы требуются во многих предприятиях, то оба термина спутались в разговорной речи. Во всяком случае лучше называть заводом учреждение, где выполняется тяжелая и грубая работа, а фабрикой — учреждение, где выполняется более изящная работа. Для обозначения смешанных работ следует применяться к особенностям языка, напр., суконные фабрики французами именуются «manufactures de drap», а русскими — «fabrique de drap».

Можно подразделить фабрики на большие и малые, или рассеянные.

Большие фабрики предназначаются для производства, требующего объединения многих сил и большого капитала, напр.: рудники, железоделательные заводы, стеклянные заводы.

Для того, чтобы они имели успех, требуется: 1) чтобы их производство возможно меньше подвергалось изменениям моды 2) или же, чтобы их доход был настолько велик, что мог бы покрывать все убытки, которые влекут за собой эти изменения, 3) их местоположение должно быть выбрано с большим вниманием для того, чтобы облегчить доставку сырого материала и транспортирования готовых продуктов производства.

Рассеянные фабрики — суть такие, которые не требуют непременно этих преимуществ, которые каждый может свободно завести у себя дома, для которых всюду можно найти сырой материал и которые не требуют большого числа рабочих, напр., мануфактура простого холста и полотна, мануфактура хлопчато-бумажная, недорогого шелка, грубого сукна и т. п.

Как большие фабрики, так и малые имеют свои выгоды и недостатки. Экономисты покровительствуют малым, а меркантилисты — большим.

Экономисты приводят следующие доводы:

1) Большие фабрики требуют большого капитала, большого числа рабочих и сложных машин. Все эти расходы должны повысить цену товара, а между тем крупная фабрика не может продавать его по более дорогой цене, чем маленькая, которая не несет этих расходов.

О т в е т. Это верно, но зато разделение труда и машины на большой фабрике настолько увеличивают продукцию, что этим вдвойне покрываются все издержки.

2) Благодаря беззаботности доверенных, инспекторов и их помощников, на больших фабриках теряется много мелких предметов. Общая стоимость всех пропадающих мелких вещей, на которые не обращают внимания, в конце концов, становится довольно значительной. На мелких фабриках ничто не пропадает.

О т в е т: 1) Увеличение продукции оплачивает все это. 2) Существует громадная разница между государственными учреждениями

и учреждениями частных лиц. В первых теряется гораздо больше, чем во вторых.

3) В больших учреждениях устанавливается механический порядок, военный деспотизм, совершенно противоречащий свободному духу, который должен царить на фабриках. Для больших предприятий требуются рабы, а свободные рабочие всегда постараются найти себе маленькие фабрики.

О т в е т. Там, где число предметов велико, там непременно нужен точный порядок, но рабство и военный деспотизм не обязательны. Правда, в маленьких предприятиях больше свободы, но зато большие фабрики имеют и свои преимущества для рабочего, ибо на них труд оплачивается лучше и более точно. Крупный предприниматель, сколько угодно, может платить рабочему, в котором он безусловно нуждается, и рабочий может быть более спокоен за свое существование.

4) Крупный предприниматель часто терпит большие убытки в своих крупных спекуляциях, а мелкий никогда не бывает в таком положении.

О т в е т. Отчасти это верно, но барыши там тоже больше, и к тому же первому требуется больше ума.

5) Крупный предприниматель часто бывает вынужден продавать по любой цене, лишь бы добыть деньги; у мелкого не бывает таких настоятельных нужд.

О т в е т. Такие случаи имеют место, когда капитал недостаточен или когда он рассеивается на слишком крупные предприятия, но как то, так и другое является лишь несчастной случайностью, но отнюдь не присуще большим фабрикам.

6) Крупный предприниматель должен закупать сырой материал оптом. В таком количестве материал можно найти только у перепродавца, следовательно, он должен покупать дороже. Мелкий же предприниматель покупает в розницу из первых рук.

О т в е т. Во-первых, крупному предпринимателю вовсе нет необходимости покупать оптом, ибо он может иметь доверенных, которые покупали бы в розницу; если же он не хочет обременять себя такими заботами, то он хотя и переплачивает перепродавцу, но не много, т. к. покупает оптом. Увеличение продукции вознаграждает все его издержки.

7) Наибольшее благо от фабрик заключается в том, что большое число жителей применяют свои силы, время и капиталы продуктивным образом. Рассеянные фабрики способствуют большему распространению индустрии и увеличивают число капиталистов. Крупные фабрики суть, так сказать, академии промышленного труда.

О т в е т. Все это верно, но из этого следует лишь то, что крестьянам, мещанам и мелким собственникам нужно предоставить всю ту производственную работу, которую они действительно в состоянии выполнить. Однако из этого нисколько не следует, что им можно разрешить работу, которая может быть хорошо выполнена только на боль-

ших фабриках. Нужно им строго запретить такой род работы, так как они не в состоянии выполнить ее хорошо, а тем самым они наносят ущерб национальному кредиту, удорожают сырье [1]), развращают рабочих, продают свои изделия по низкой цене и вызывают крах крупных предпринимателей изобилием плохих товаров. Большинство таких фабричных изделий должно изготовляться только на предприятиях определенной величины.

Некоторые авторы-экономисты назвали земледелие первой, древнейшей и величайшей из фабрик, но такой способ выражения не вполне точен, так как отличительной чертой фабрик является обработка сырья, тогда как отличительная черта земледелия это — его производство.

Отдел второй.

О капитале, помещенном в фабрики, искусства и ремесла.

Фабрики и заводы в собственном смысле или крупные предприятия требуют капитала, достаточного:

1) на покупку сырья,

2) на покупку и содержание инструментов, машин и построек,

3) на содержание и заработную плату рабочим,

4) на сохранение изготовленных предметов до того момента, когда они начнут приносить доход [2]).

Поэтому предприниматель фабрики должен быть капиталистом. Что касается знаний, необходимых для изготовления предметов его производства, то ему достаточно иметь общее о них понятие, но от него вовсе не требуется умения самому их изготовлять.

Искусства и ремесла требуют капитала:

1) на покупку инструментов и на приобретение подходящего для них помещения,

2) на содержание и заработную плату рабочим,

3) на небольшие издержки, которые необходимо иногда сделать для окончательной обработки уже изготовленных предметов, напр., таких, как нитки, вар и пр.

Вовсе не требуется, чтобы такого рода предприниматель обладал капиталом, необходимым на покупку уже готовых предметов, которые он только подвергает отделке для чьих-либо личных нужд. Тот, кто делает заказ, должен снабдить его этими изделиями. Еще менее требуется ему капитал для хранения этих предметов. Но зато такой предприниматель должен знать свое ремесло во всех его деталях и уметь выполнять его самостоятельно. Поэтому-то его и называют мастером [3]). Он может начать

---

[1]) В оригинале, повидимому, описка: «les premières untiers», вместо: «les premières matières».

[2]) В оригинале: «jusqu'à la rente».

[3]) В оригинале: «maître ouvrier».

свою работу с очень маленьким капиталом, но он не может начать ее, если не знает ее [1]) детально.

Собственно говоря, ему нужно возместить себе затраченный капитал и получить:

1) обычные проценты на затраченный капитал,

2) вознаграждение за применение своих способностей. Обычные проценты он мог бы получить при всякой другой затрате капитала, но отнюдь не вознаграждение. И то и другое составляет чистый доход от фабрики или от ремесла. Естественное продолжение деятельности предприятия зависит от этого чистого дохода.

Чистая прибыль получается от лучшего качества или от большего количества выработанных предметов, или от того и другого вместе. Во всех этих случаях национальное богатство выигрывает от такого промышленного труда. Чистая прибыль может быть получена также вследствие случайных причин в виде запрещений, привилегий, помощи со стороны правительства, войн, торговых договоров. Тогда предприниматель выигрывает от этого за счет национального богатства, т. к. общество теряет столько, сколько он выигрывает. Экономисты отрицали, что промышленный труд приносит чистую прибыль, которая увеличивает национальное богатство, говоря, что фабрики, искусства и ремесла отдают только то, что ими извлечено из продуктов земледельческого производства. Но:

1) предприниматель отдает больше и платит лишь частью своего производительного труда за то, что он извлек из этих продуктов;

2) экономисты смешали работу природы в земледелии, которая есть истинное созидание, с человеческим трудом; последний остается одним и тем же в применении как к земледелию, так и к фабрикам и ремеслам;

3) наконец, силы природы также принимают участие и в работе на фабриках: напр., воздух, вода, огонь, низшие качества сырья. Следовательно, нет никаких причин отрицать, что доход от фабрик является действительным увеличением национального богатства.

Согласно теории Адама Смита—народное богатство есть сумма всех продуктов, являющихся результатом производительного труда, т.-е. все сырье и все фабричные изделия. Деньги как металл составляют только часть его, но как средство оборота они не продуктивны. Это народное богатство есть капитал, находящийся в народе, и он подразделяется на постоянный капитал, оборотный капитал и потребительский капитал. Два первых суть производительные капиталы, а последний, как и деньги, не производителен. Первые два называются так потому, что дают ренту землевладельцам, проценты капиталистам и заработную плату рабочим. По этой теории, капитал, вложенный в фабрики, есть или постоянный капитал, или оборотный, но как тот, так и другой производительны, ибо они дают доход, или чистую прибыль. Лео-

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «monde».

польд Пирни в своем труде о народном богатстве Пруссии дает другое подразделение капитала. Он делит его на мертвый и живой. Первый непроизводителен, второй — производителен. Первый не дает никакого чистого дохода, второй дает его. Живой капитал заключается в обработанной земле и в продуктах, предназначенных для внешней торговли. Мертвый капитал заключается в капитале, затраченном на внутреннюю торговлю, фабрики, искусства и ремесла, работающие на внутренний рынок страны, во всех вообще строениях и в инструментах, наконец, даже в самих людях. Хотя мертвый капитал и дает доход, все же это не есть чистый доход, который действительно увеличивает народное богатство, это только оборотный доход, получаемый от чистого земледельческого дохода и от внешней торговли, а также и от фабрик, работающих на внешний рынок [1]). Эта система занимает среднее место между системами экономистов и Адама Смита.

Но было бы ошибочно отрицать чистый доход оборотного капитала, так как: 1) при его отсутствии земледелие давало бы очень мало дохода или вовсе ничего не давало бы, а если он производителен для земледелия, почему же не быть ему таковым и для фабрик, которые работают для самой страны, для внутренней торговли? Одно только увеличение производства не увеличивает народного богатства и не дает дохода. Без оборота — оно действительно является только мертвым капиталом. Если же именно оборот является той причиной, благодаря которой оно приносит доход, то как же отрицать доход, получаемый от [2]) оборота? 2) в капитале, скопившемся от земледелия, всегда заключаются части, получаемые от работы фабрик, и поэтому этот капитал был бы производителен для земледелия, но не для фабрик; 3) точно так же, как земледелие дает доход при затрате труда и капитала, дает его и оборотный капитал.

Отдел третий.

Цены.

То, что предприниматель фабрик и мастер получают взамен своего труда, называется ценой. Цены падают: 1) с увеличением производительности, возрастающей с увеличением числа рабочих, 2) при усовершенствовании инструментов и машин, 3) при разделении труда. Во всех этих отношениях фабрики допускают неограниченное возрастание производства. Земледелие ограничивается степенью плодородия почвы и особенностями земледельческого труда, который не допускает применения стольких машин и такого большого разделения труда. Этим и объясняется, что увеличение спроса по-разному влияет на уровень цен продуктов земледелия и изделий фабрик и ремесел. Чем больше

---

[1]) В оригинале: «pour l'étranger».

[2]) В оригинале следуют несколько зачеркнутых и неподдающихся прочтению слов.

возрастает спрос на первые, тем более цены на них повышаются, так как их производство не может следовать за ростом спроса, тогда как, чем более увеличивается спрос на фабричные изделия, тем более усовершенствуется их производство, тем более их цена понижается. Значит, по мере того, как увеличивается народное богатство: 1) земельная рента возрастет, 2) доход с фабрик понизится так же, как и 3) проценты на капиталы, количество которых увеличилось. В результате получится, что, поскольку оборот капиталов будет более свободным, доход с фабрик выравнится и будет умеренным.

Откуда происходят чрезвычайно высокие цены на фабричные изделия? 1) От особенностей почвы страны, которая поставляет исключительно известный род сырья, специально требуемый, или же еще от исключительных [1]) способностей мастера или фабриканта, с которыми никто не может соперничать, 2) от случайных причин, привилегий, монополии, политических обстоятельств.

Отдел четвертый.

Усовершенствование фабрик.

Усовершенствование фабрик, искусств и ремесл заключается: 1) в том, чтобы их хватало для внутреннего потребления, 2) в том, чтобы они могли выдержать иностранную конкуренцию.

Первая ступень усовершенствования будет достигнута тогда, когда производство фабрик будет соразмерно с существующими потребностями рынка страны. Нужды эти колеблются в соответствии с климатом, народным богатством и степенью культурности жителей.

Вторая ступень будет достигнута тогда, когда фабричные изделия будут удовлетворять современным требованиям рынка многих стран. Они приобретут превосходство и даже естественную монополию на этих рынках, если удастся транспортировать товары в наибольшем количестве, лучшего качества и по наиболее низкой цене. Такое явление бывает результатом разделения труда, введения машин и забот по улучшению сырья. В этом заключается исключительная монополия Англии на всех рынках цивилизованного мира.

Отдел пятый.

Влияние фабрик.

Чем больше в стране имеется фабрик, искусств и ремесл разного рода, тем больше имеется средств удовлетворить естественные и искусственные нужды жителей.

Чем больше увеличивается число фабрик, тем больше они потребляют сырья и рабочих. Тогда и цены на продукты земледелия непременно повысятся. Но наука земледелия будет также прогрессировать, потому что фабрики привлекают большое число рабочих из деревни,

[1]) В оригинале: «supérieur».

а с другой стороны, увеличивают свой спрос на сырье и тем самым они принуждают меньшее число рабочих, остающихся в деревне, поставлять большее количество сырого материала. Это в свою очередь вынуждает земледельцев задуматься над способами удовлетворения такого большого спроса при наличии меньшего числа рабочих рук, а это как раз и способствует улучшению земледелия. Сырой материал очень объемист. Его требуется огромное количество для производства какой-либо значительной ценности. Фабрики, наоборот, поставляют такие же ценности в гораздо меньшем объеме, поэтому транспорт бесконечно выигрывает на последних. Сырье же настолько разнообразно, что может всюду найти себе рынок. Фабрики разнообразят его до бесконечности и находят ему рынок там, где оно никогда не смогло бы его найти в своем естественном виде. Благодаря этому товарооборот оживляется, и торговля от этого много выигрывает.

Влияние фабрик на наши удовольствия весьма чувствительно. Они увеличивают наши искусственные потребности до бесконечности и тем самым втягивают в оборот богатства крупных землевладельцев, которые тратили бы их в противном случае на прокормление большого числа бездельников, как это случалось в средние века.

Капитал, пущенный в оборот, приносит доход, становится производительным и увеличивает народное богатство.

Фабрики открывают новый источник богатств, не зависящих от земельной собственности, источник богатств, который делает художника гражданином всех стран и распространяет дух независимости и свободы. Земледелие, напротив, утверждает самый точный принцип собственности и неравенства и покровительствует рабству. Свободные искусства: живопись, скульптура, архитектура — много выигрывают от прогресса фабрик, для которых они работают. Химия, механика, ботаника, физика находят здесь объект, достойный своих изысканий, и даже философские науки суть изыскания о природе народного богатства, которое возрастает на их глазах. Наконец, благосостояние, распространяемое фабрикантами среди всех [1]) классов населения, непременно порождает покровителей искусств и наук. Италия при Медичи, Голландия в счастливые дни свободы, Франция при Кольбере, Англия в настоящее время свидетельствуют, что эпоха процветания фабрик была также и временем прогресса искусств и наук вообще.

Отдел шестой.

Размышления о земледельческих и промышленных государствах.

Промышленным государством называют государство, в котором огромное число жителей занимается фабричным производством, напр.: в Англии 5 миллионов из 15 миллионов жителей, а в Голландии еще

[1]) В оригинале дальше следует густо зачеркнутое слово, неподдающееся прочтению.

больше. Вообще трудно решить вопрос, чем полезнее заниматься — развивать ли преимущественно земледелие, или же фабричную промышленность.

1) В предметах первой необходимости, в особенности хлебе, крайне нуждаются все люди. Эти предметы требуются в таком большом количестве, которое невозможно получить из-за границы по той же цене, что в своей собственной стране с плодородных земель. Следовательно, земледелие представляет собой основное занятие главным образом в странах бедных, которые не могут дать в обмен ничего, кроме сырья.

2) Фабрики являются уделом только богатых стран, потому что требуют больших средств. Желание учреждать их насильно в бедных странах — означало бы привлекать к ним капиталы, которые с большей пользой могут быть употреблены в сельском хозяйстве. К тому же бедные страны мало населены. Класс фабричных рабочих очень плодовит, а поэтому общая сумма их заработной платы очень велика, так что на уплату ее уйдет большая часть дохода с фабрик и несмотря на это нельзя будет найти рабочих.

Учреждение фабрик в таких странах принесло бы больше убытку, чем барыша, поэтому здесь следует больше заниматься земледелием. Закон политической экономии указывает, что нужно заниматься тем родом труда, который обходится дешевле, то есть, который создает наибольшие ценности при наименьших затратах. Если бесплодие почвы требует столь большого капитала, что можно было бы получать зерновой хлеб из плодородных местностей по более дешевой цене, то в этом случае предпочтительнее заниматься фабричным производством, так как в торговле дело идет лишь о меновых ценностях и безразлично, будут ли они заключаться в сырых материалах или в фабричных изделиях, как напр.: в Голландии, Швейцарии и других горных местностях, в Богемии и Силезии.

3) Промышленные государства, имеющие почву средней плодородности, обладают всегда превосходным земледелием, напр. Англия, Ломбардия и даже Голландия. Английские фабрики обязаны своим возникновением и дальнейшим блестящим развитием земледелию. Адам Смит оценивает английское земледельческое производство в 80 миллионов фунтов стерлингов: фабричное и коммерческое в 30, а навигационное в 10. Английские фабрики зиждятся [1]) на усовершенствованном английском земледелии.

4) Хотя все зависит от обстоятельства, однако нужно признаться, что государство земледельческое всегда более независимо, нежели государство чисто промышленное. Политические обстоятельства могут изменить торговый курс и повлечь за собой крах фабрик, капиталы которых не так легко могут перемещаться в другие отрасли. Новые

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутое неразборчивое слово.

рынки не так легко обретаются. Голландия, которая жила торговлей, фабриками и рыбной ловлей, понесла большие потери с прекращением ее морской торговли.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Правительственные мероприятия.

Меркантильная система требует, для достижения цели, следующего: 1) Учреждения коллегии, уставов и инспекторов, одним словом, специальной полиции для надзора за фабричными работами. 2) Учреждения корпораций и цехов для искусств и ремесел. 3) Оказания положительной помощи в виде привилегий и наград, денежных пособий. 4) Заключения выгодных торговых договоров и выработки тарифов в пользу местных фабрик.

Система экономистов отвергает все эти способы покровительства фабрикам, искусствам и ремеслам и провозглашает тот принцип, что частный интерес является единственным и главным двигателем индустрии и что поэтому правительству остается только предоставить ему наибольшую свободу действия, устраняя все те затруднения, которые он не сможет преодолеть, а в первую очередь, уничтожив меры, рекомендуемые меркантилистами.

Система Адама Смита высказывается тоже против этих мер и почти во всем согласуется с системой экономистов. В этом отношении с означенными системами происходит то же, что и со многими другими. Все современные авторы по политическим наукам вполне согласны между собой в вопросе о дурном действии мер, предпринятых в соответствии с меркантильной системой, и стремление защитить их даже при некоторых их видоизменениях было бы непростительной ошибкой. Но правительства действуют всегда более или менее согласно принципам меркантильной системы, провозглашая в то же время во всех своих актах принципы других систем. А так как в Европе всегда существуют эти мероприятия и учреждения, то необходимо знать их свойства, а также их дурное и хорошее действие.

Отдел первый.

Меркантильная система.

Организация особой полиции для фабрик и заводов требует учреждения фабричной коллегии, обстоятельно составленных уставов, инспекторов и доверенных лиц для наблюдения за их выполнением.

Меркантилисты утверждают, что необходимо учреждение специального суда для разбора дел, касающихся фабрик, ибо другие суды не обладают знаниями, необходимыми для разбора такого рода дел. Этот суд должен служить противовесом по отношению к другим гражданским судам, с которыми фабриканты могут иметь дела. Ходатайство

такой коллегии имеет большее значение, нежели иск частного лица, особенно в том случае, когда предприниматель имеет дело с конкурентом. Медлительность, царящая в работе коллегии, предохраняет предпринимателя от слишком поспешных приговоров. Для фабрик не годится быстрота, они прогрессируют медленно, следовательно, и меры, принимаемые по отношению к ним, должны соответствовать их характеру. Без такой коллегии предприниматель смешается с толпой граждан, которые рискуют меньшим, и окажется в зависимости от провинциальных судов. Апелляции в высшие инстанции для него еще более опасны, ибо какая у него может быть уверенность в том, что его делом действительно займутся в учреждении, куда поступают самые разнообразные дела со всех концов государства? Может ли он предположить, что у этих верховных судей найдутся знания и добрая воля, необходимые для того, чтобы вникнуть во все подробности его дела? Между тем всеми этими качествами обладают члены фабричной коллегии. В случае требования, предъявляемого предпринимателям правительством, кто же займется раскладкой, если не будет коллегии? Может быть, секретарь министра, который никогда не видел ни одной фабрики? А если дело идет об оказании помощи, то у кого ее просить? Она будет распределена в результате личного расположения, а не точного знания всех фабричных нужд. Если дело идет о жалобах предпринимателей на рабочих или наоборот, то у кого в обычных судах найдутся знания, необходимые для разбирательства таких щекотливых и важных дел? Если будет существовать какой-либо фабричный устав, то кто будет наблюдать за его выполнением? Одним словом, фабрики, затрачивая большие капиталы и выполняя специальные работы, настоятельно требуют учреждения коллегии, которая могла бы защищать их интересы и была бы детально знакома с их работой. Кроме того, фабричная коллегия обязана: 1) увеличить фабрики и заводы, изделия которых служат предметом внешней торговли и сырье для которых находится в самой стране: 2) сохранять ценность изделий и их цену путем запрещения плохой выработки их. А для этого коллегия должна получать от каждой фабрики:

1) Пробы товара, осведомляться о капитале и доходе фабрик, чтобы иметь возможность судить о том, какая фабрика процветает и какая приходит в упадок. Кроме того, коллегия должна следить за учреждением фабрик и заводов, дабы новые фабрики и заводы, перегрузив определенную отрасль промышленности, не разорили бы старых.

2) Затем нужны, продолжают меркантилисты, уставы и инспектора. Фабричная работа заключается в обработке сырья, требующей широкого разделения труда в производстве. Искусства и ремесла, напротив, требуют такой работы, которую может в точности выполнить один рабочий. Следовательно, не только трудно, но и вредно для прогресса фабрик стремиться к уменьшению их размеров, так как для успешности работ они требуют определенной величины. Вот несколько

примеров. Намеревались сократить размеры полотняных фабрик; а, между тем, они по роду своей работы требуют еще больших размеров, так как волокна, необходимые для изготовления фламандского полотна, равендука [1]) и коломянки встречаются лишь в малом количестве, да и то не всюду и не во всякое время; таким образом для этого производства не имеется необходимого, большого количества сырья. Крестьяне хотя и обрабатывают волокна всех родов, но в малом количестве. Между тем для полотна надо иметь самый большой выбор ниток, еще больший, чем для шерстяных материй, т. к. одни и те же нитки пригодны не для всякого рода полотна.

Такой ассортимент волокон, без которого нельзя выткать хорошего полотна, требует знаний и большого количества ниток, которых у крестьян не имеется.

Подходящие нитки должны быть выбелены, а для этого требуются печи, котлы, чаны, поташ, пространное помещение для развешивания полотен и здания, которые могли бы отапливаться. Но все это слишком дорого для одного или двух ремесленных цехов.

Легкие полотна требуют еще больших приспособлений. Крестьянину совершенно невозможно браться за это дело, а поэтому ему остается только вырабатывать грубую холстинку, что в настоящее время он и делает. Все же остальные полотняные изделия должны изготовляться на больших фабриках. Шелковые фабрики требуют еще больших издержек. Хороший шелк слишком дорог для маленьких предприятий, которые вырабатывают плохие шелковые ткани с огромной быстротой и продают плохой товар по низкой цене и тем самым отбивают кредит у хороших фабрик. А между тем, шелковые материи требуют самого большого надзора, так как на них-то и легче всего обмануть покупателя, ибо часто вырабатывают шелковые материи весьма различного качества, но которые внешне совершенно сходны между собой. Возьмем для примера самую простую шелковую материю—тафту. Во Франции ее вырабатывают шириной в $^3/_4$ аршина. Если убавить ширину на полвершка, то можно много выгодать на всем количестве материи, а между тем это трудно заметить. Да и как можно различить, был ли гребень о 800 зубьях, как он и должен быть, или в 600. Как узнать, хорошо ли был проварен шелк. Шелковая материя, плохо проваренная, кажется даже прочнее, и только при употреблении можно заметить, что тафта скоро теряет свой блеск. Еще легче обмануть на гродетуре [2]), на бархате и т. д. Окраска шелковых материй открывает еще больше возможности для обмана. К такого рода надувательствам нельзя относиться безразлично, потому что плохие шелковые материи продаются по низкой цене и отнимают рынки у хороших тканей. Кроме того, такие плохие фабрики удорожают сырье и лишь развращают рабочих.

---

[1]) Грубый сорт полотна. *Ред.*

[2]) Род материи. *Ред.*

Отсюда следует, что шелковые фабрики должны оставаться большими предприятиями и иметь строгий надзор для того, чтобы они могли преуспевать и поставлять хорошие шелковые материи. Знаменитые лионские шелковые производства были подчинены самому подробному уставу. Там было введено самое строгое разделение труда, и каждая отрасль производства имела свой устав и своих инспекторов. Согласно этим правилам, купец делал заказ и был уверен в том, что он увидит его выполненным согласно уговору. При этом купец сам поставлял сырье. Такая точность и наличие устава доставили лионскому шелку превосходство, хотя тех же самых рабочих можно было бы найти и в другом месте, и таким же способом вырабатывается и итальянский шелк. Противоположный пример представляют голландские сукна. Известно, что Голландия первая открыла суконные фабрики и что она поставляла сукна во Францию. Но так как в Голландии каждый мог их вырабатывать, как хотел, то скоро эти суконные фабрики лишились доверия. Наоборот, во Франции суконные фабрики со времени Людовика XIV умножились, и так как им были даны уставы и инспектора, то вскоре они стали настолько знамениты, что овладели всей торговлей с Левантом. Английские суконные фабрики также работают по уставу. Другой пример: в виду того, что в первой половине XVIII века появился большой спрос на кипорную материю [1]), то в России число фабрик, вырабатывающих эту материю, настолько возросло, и их работа настолько ухудшилась, что они друг друга разорили, а к 1760 г. и вовсе исчезли. Поэтому правительство, будучи не в состоянии найти для армии эту ткань, вынуждено было привлечь к ее производству существовавшие в России суконные фабрики, которые совершенно не занимаются выработкой кипорной материи. Еще один пример — рудники в России. В то время когда они были подчинены уставу и посещались государственными инспекторами, число этих рудников сильно возросло, и они процветали. Но как только были отменены уставы, большинство их пришло в упадок за недостатком надзора. Одним словом, хотя фабрики и заводы различны между собой, хотя один класс будет настоятельно требовать больших предприятий, а другой будет требовать обратного, однако всем промышленными предприятиям присуще одна черта: перепроизводство плохих товаров неминуемо разоряет их, и, чтобы избежать этого [2]) несчастья, существует единственный способ: устав и надзор. Мелкую работу следует предоставить крестьянам и мещанам, но необходимо запретить им подражать работе больших фабрик, так как, делая такую работу плохо, они подорвут доверие к хорошим фабрикам, в особенности со стороны иностранцев, удорожат сырой материал, развратят рабочих и вынудят большие фабрики работать так же плохо, как и они сами, и в конце концов вынудят правительство точно регламентировать свою работу. Крупные предприятия должны подчиняться уставу

[1]) В оригинале: «crois».

[2]) В оригинале далее следует зачеркнутое слово: «moyen» — «средство».

и инспекции, и нужно запретить вырабатывать все на одной и той же фабрике, но необходимо, чтобы на фабриках было введено разделение труда. Даже заготовка сырья требует правительственного надзора. Если же в стране не имеется достаточно капитала или знаний, то правительство обязано сделать первые издержки: открыть магазины, белильни, красильни и т. д.

Наконец, в целях сохранения народного доверия, необходимо иметь на рынках инспекторов для того, чтобы они не допускали продажи плохих товаров, и для того, чтобы они занимались сортировкой товаров. Все эти меры вдвойне необходимы в той стране, где фабрики и заводы находятся еще в зачаточном состоянии. Невежество предпринимателей очень велико. Им безусловно нужно показать, как нужно работать, нужно их познакомить с лучшими инструментами, нужно заставить их выписать и призвать лучших мастеров. Жадность к наживе безгранична. Едва лишь одна фабрика начинает преуспевать, как десять других появляются по соседству и разоряют ее. Все вновь открытые фабрики работают плохо, а плохая работа губит хорошую. Правительство должно в это вмешаться и обозначить места, где разрешается открывать новые фабрики. Одним словом, правительство должно руководить вновь нарождающимися фабриками, как отец руководит своими детьми. Недостаточно быть трудолюбивым, нужно еще знать, как им стать для блага государства. Промышленность, плохо налаженная, приводит к самым дурным последствиям во всех государствах, и философские рассуждения о природе собственности и прав человека совсем неуместны, когда речь идет об открытии в государстве фабрик.

Искусства и ремесла имеют с фабриками общего то, что плохая работа по дешевой цене подрывает хорошую, которая, конечно, стоит дороже. Правительство должно предупредить это злоупотребление введением корпораций и цехов. Цех является такого рода институтом, в котором весь класс рабочих делится на три разряда: учеников, подмастерьев и мастеров.

Необходимо пробыть известное число лет в первом разряде, чтобы иметь возможность при соблюдении определенных формальностей вступить во второй, и этим приобрести известные права. А для вступления в третий разряд требуется доказать свои знания и внести известную сумму в пользу цеха. Сословие мастеров образует корпорацию, которая имеет своих старейшин и председателя, наблюдающих за безопасностью и благосостоянием своей организации. Число мастеров в одном городе может быть или неопределенно, или точно установлено правительством. При таком устройстве можно быть уверенным, что работа [1] ремесленников будет всегда доброкачественна; в противном случае старшина разрешит спор между ремесленником и заказчиком. Среди них создастся дух соревнования, который будет им препятствовать

[1] В оригинале следует густо зачеркнутое слово.

плохо выполнять работу. Они будут зажиточны, потому что число ремесленников будет естественным образом соответствовать спросу общества. Хорошее качество работы создаст им хорошую репутацию и, естественно, расширит их рынок. Наконец, водворится полный порядок в классе подмастерьев и учеников. Люди, занимающие такое положение, обыкновенно необразованны, своими капризами производят беспорядок и разоряют своих хозяев-мастеров. Хороший устав корпорации предупреждает такие злоупотребления, препятствует людям, плохо знающим свое ремесло, портить рынок другим; а тем, кто хорошо работает, но которые предъявляют чрезмерные требования, такой устав воспрещает покидать своих хозяев когда бы им ни вздумалось и причинять последним разные неприятности.

Опыт показал, что все города, где существуют такие корпорации и цехи, сделали большие успехи в усовершенствовании работы, почему и увеличилось их богатство, и, напротив, там, где этих учреждений не имеется, рынок перегружен плохими изделиями, и даже хороший рабочий должен работать плохо, чтобы заработать на хлеб. А так как вообще весь этот класс рабочих плохо воспитан, то, конечно, их требования преувеличены; жадность наживы доводит их до того, что они присваивают себе права, которые становятся в тягость обществу и даже разоряют другие корпорации. Поэтому опасно поручать им самим составлять устав,—это должно быть делом правительства, которому надлежит при этом руководствоваться следующими принципами: 1) выборы старшин должны происходить под его, правительства, наблюдением. 2) декреты старшин приобретают для корпорации силу закона лишь с того момента, как они одобрены правительством.

Взаимоотношения между этими тремя классами должны быть установлены правительством так, чтобы устранить при приеме в класс мастеров излишние трудности и затраты, установить срок пребывания в первом классе для того, чтобы не подвергать учеников напрасной потере времени и не делать их рабами хозяев, установить отношения одной корпорации к другой так, чтобы ни одна из них не могла пользоваться особым расположением правительства, сделать возможным учреждение новой корпорации. Всякий раз, как правительство сочтет полезным введение нового рода работы, оно должно облегчить подмастерьям и мастерам переход из одной корпорации в другую, сходную с ней; такое же право должно быть предоставлено подмастерьям и мастерам тогда, когда этого потребуют их личные интересы. Правительство должно следить за тем, чтобы всегда имелось достаточно мастеров-хозяев, в противном случае недостаточное их число создаст им монополию по отношению к обществу. Правительство должно также предоставить мастеру наибольшую свободу придавать своей работе такую форму, которую он найдет наиболее соответственной потребностям своего рынка. Правительство ни в коей мере не должно вмешиваться в назначение мастером цен на свою работу. Большинство городов, поручая корпорациям составление устава, тем самым обременило их законами

бесполезными, притеснительными и даже смешными. Среди них образовался сословный дух, вредный и часто опасный, сильнейший эгоизм; одним словом, все эти злоупотребления совершенно извратили само по себе хорошее и даже необходимое учреждение [1]). Но вся ошибка заключается в том, что правительство не позаботилось о корпорациях и цехах. Итак, необходимо устранить все, что есть вредного и лишнего в этих уставах, но не уничтожать самые учреждения.

Благодаря злоупотреблениям, которые вкрались в корпорации и цехи, последние снискали себе ненависть общества. Особенно экономисты, поборники свободы и равенства, утверждавшие, что целью хороших политических учреждений должно быть наивозможное облегчение производительного труда всех членов общества, уверяли, что корпорации и цехи находятся в полном противоречии с этим принципом. Но ответ на эти слова они произнесли сами: «облегчить производительный труд, насколько возможно», т.-е. согласно свойствам работы. Но производительный труд не облегчается перегруженностью рынка плохим товаром и вследствие этого таким понижением цен, что хорошая работа не может быть реализована по своей настоящей цене; развращением мастеров свободой, не подчиняющейся никаким правилам и разоряющей хозяев; предоставлением ученикам выбора учиться или не учиться. Именно этим и затрудняется производительность труда, несмотря на повсеместное провозглашение свободы и равенства. Этим самым причинили зло в такой же мере корпорациям и цехам, как и прочим политическим учреждениям. И подобно тому, как все другие политические учреждения должны ограничить естественную свободу, не говоря уже о равенстве, которое является заблуждением как в физическом отношении, так и в нравственном и еще больше в политическом, точно так же и уставы корпораций должны ограничивать свободу, которая вредит производительному труду. Подразумевается ли под производительным трудом какой бы то ни было труд? Неужели думают, что одна масса выполненных работ или возрастание их числа увеличивает народное богатство? А разве качество работы не имеет никакого значения? Жестоко ошибаются: плохая работа в основе суживает рынок, делая его доступным классу бедных и мало образованных покупателей, хорошая же работа расширяет рынок для всех классов и даже для всех частей света. Поэтому слова: «облегчить насколько возможно производительный труд» означают: «облегчить доброкачественную производительную работу», и единственным способом достичь этого служит учреждение корпораций и цехов.

Но, говорят друзья свободы, хорошая работа и без того узнается и найдет себе рынок, а плохая работа разорит того, кто ее сделал; однако это возражение не подтверждается опытом. Класс бедных или предпочитающих низкие цены людей всегда настолько велик, что и

[1]) В оригинале эта фраза читается так: Il s'est formé parmi eux un ésprit de corps nuisible et souvent dangereux, une institution bonne en elle-même et necessaire».

плохая работа найдет себе рынок. Хорошая работа становится еще трудней, потому что ее рынок, и без того небольшой благодаря своей высокой цене, еще более суживается под влиянием плохой работы. Наконец, не безразлично и то, разорится ли какой-нибудь рабочий, или нет. Хороший работник [1]), видя благосостояние, в каком живет его хозяин, устраивается, с его ведома, вблизи него. Прежде всего он женится и начинает по возможности подражать образу жизни своего прежнего хозяина. Но так как он не располагает ни связями, ни доверием публики, которое нужно прежде всего приобресть и заслужить, то он в начале не находит работы. Однако необходимо жить, следовательно, нужно приобресть работу, поэтому он насколько возможно начинает понижать цены. Тем самым он вынуждает и своего прежнего хозяина поступать так же. Наконец, когда этот способ исчерпан, и он не может более понижать цены, то он начинает исполнять свою работу хуже. Таким образом возникает плохая работа, разрушающая все ремесла. Если же несмотря на все это, он не сможет себя содержать, то с горя он станет вести дурной образ жизни, начнет пить, чтобы забыться, и он сам и его семья будут разорены. Ремесло потеряло навсегда хорошего работника, ибо разорившийся мастер, обремененный семьей, почти никогда не может снова вернуться в класс рабочих.

Отдел третий.

Торговля.

Статья первая.

История торговли.

§ 1.

Работа и обмен служат источниками народного богатства. В начале обмен производился без придачи [2]), но так как этот способ обмена заключает в себе бесконечное множество неудобств, то наиболее культурные нации выбрали золото и серебро мерой всех ценностей, после чего обмен, облегченный употреблением денег, становится торговлей.

§ 2.

Предметом торговли является все, что служит для удовлетворения наших нужд, естественных или искусственных. Эти последние называются роскошью. Торговля бывает или внутренняя, или внешняя—последняя производится на суше или на море. Торговля морская предполагает мореплавание и называется торговлей мировой.

---

[1]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «maitre».

[2]) В оригинале: «par troc».

§ 3.

Южная Азия, будучи самой богатой и самой культурной страной, была также и колыбелью фабрик, а вследствие этого и торговли. Все нации других континентов вели долгое время самую крупную торговлю продуктами ее богатых стран.

§ 4.

Финикияне, изобретатели мореплавания, установили мировую торговлю. Тир и Сидон сделались складочным местом товаров Востока и Запада. Карфаген, колония Тира, вел первые торговые войны.

§ 5.

У греков единственный город—Коринф—вел обширную торговлю. Фокеяне после изгнания их из своей страны основали Марсель и вновь сделались рыболовами, купцами и мореплавателями.

§ 6.

Александр Великий уничтожил торговлю Тира и создал торговлю Египта, построив Александрию, которая сделалась центром торговли между Индией и Западом. Птоломеи последовали его примеру и закрепили успех своей морской торговли.

§ 7.

Рим, став после падения Карфагена владыкой мира, пренебрегал торговлей, но все же оказывал ей много добра, предоставив ей полную свободу и возможно большую безопасность, объединив лучшие части Азии, Африки и Европы.

§ 8.

Византия, став столицей Римской империи, явилась самым значительным складом товаров в торговле между Азией и Европой; в ней скопились огромные богатства, которые поддерживали ее против варваров в течение 1000 лет.

§ 9.

Падение Римской империи уничтожило мировую торговлю и причинило огромные убытки внутренней торговле, которая была почти совсем уничтожена феодальным правлением, властью пап и разбоем мелких военных государств.

§ 10.

Крестовые походы восстановили мировую торговлю, так как крестоносцы предпочитали морской путь сухопутному, ибо последний представлял непреодолимые трудности.

§ 11.

Города Италии способствовали расцвету возрождающейся торговли. Венеция сделалась чрезвычайно богатой и могущественной благодаря своим владениям в Пелопонесе и Архипелаге. Генуя получает выгоды от Венеции, помогая грекам снова овладеть Константинополем, Флоренция увидела расцвет своих фабрик.

§ 12.

Брюгге сделался большим складом товаров в торговле Италии с другими частями Европы и оставался таковым до открытия пути в Индию мимо мыса Доброй Надежды.

§ 13.

В виду того, что великие бароны беспокоили торговлю своим разбоем, 80 городов, известных под именем Ганзейских, для большей безопасности в XIII веке объединились и отдали себя под покровительство Тевтонского ордена. Города эти были разделены на четыре класса, из которых каждый управлялся главным городом. Этими городами были: Любек, Кельн, Брауншвейг и Данциг. Раз в 10 лет происходило общее собрание. Зависть германских князей их торговле, а еще более их взаимные раздоры разрушили в XVI веке союз этих ганзейских городов, которые в течение еще нескольких лет находили для себя некоторую поддержку в торговле сельдями.

§ 14.

Евреи держали в своих руках внутреннюю торговлю. Часто гонимые, часто вновь призываемые, они старались вознаградить себя неумеренным барышом за ту малую долю безопасности, какой они обладали [1]). Желая скрыть свои богатства от алчности христиан, они в XII веке в Ломбардии изобрели векселя.

§ 15.

Бодуэн Младший, граф фландрский, даровал в X веке вольности фабрикам, которые благодаря этому стали процветать; его приемники отобрали в XIV веке эти льготы, и фабрики перешли в Брабант, а оттуда в Голландию и в Англию.

---

[1]) В оригинале следуют зачеркнутые слова: «pour leur commerce» — «для их торговли.»

§ 16.

В XV веке Бартоломей Диасс, а затем и Васко де Гама открыли путь в Индию мимо мыса Доброй Надежды. Христофор Колумб открыл Америку для короля Кастильского, а Альварец—Бразилию для короля португальского. Испанцы и португальцы стали пренебрегать фабриками и торговлей и занялись золотоискательством, благодаря чему они и обеднели.

§ 17.

В начале XVI века Франция открыла Новую Землю и соседние берега, но внутренние религиозные смуты, вызвавшие столь большую эмиграцию, помешали [1]) ей извлечь выгоду из этих открытий. Кардинал Ришелье учредил американскую компанию, а Кольбер довел французскую колониальную торговлю до высшей степени совершенства.

§ 18.

Эмиграция французов в XVI веке, войны испанцев, которыми сумели воспользоваться голландцы, захватившие в свои руки рыбную ловлю, и упадок тевтонской Ганзы, способствовали подъему торговли Нидерландов, которая распространилась на Балтийское море. Торговля пряностями из Индии бесконечно обогатила Нидерланды. В 1621 г. Вест-Индская компания захватила Каракао, о-в св. Евстахия и часть Бразилии. Голландцы овладели Цейлоном, основали предприятие на мысе Доброй Надежды, но были изгнаны из Африки и Бразилии.

§ 19.

Англия обогатилась благодаря своим шерстяным фабрикам, торговля товарами которых [2]) расширила ее мореплавание... [3]) государство против Испании учредила Ост-Индскую компанию в 1599 г., при Елизавете. Кроме того, она в 1594 г. открыла Виргинию, оспаривала Ямайку у испанцев с 1590 г., а в конце XVIII века основала крупные предприятия в Америке, которая была богата рыбной ловлей, пахотной землей и строевым лесом [4]). Ее богатства и торговля обеспечивают за ней монополию, которую никто не может оспаривать.

---

[1]) В оригинале это слово написано над зачеркнутыми: «les empêchaient» — «помешали им».

[2]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «fit» — «сделала».

[3]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[4]) В оригинале дальше следует несколько слов, из которых поддаются прочтению только часть: «et le voisinage de possessions» — «близость владений».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Просвещение.

Отдел первый.

Основные взгляды.

§ 1.

Мы подразумеваем под словом просвещение, образование ума и сердца, развитие наших нравственных и физических способностей. Образование бывает и практическое и теоретическое, и это последнее подразделяется на несколько отраслей. Нация может быть очень передовой в одной отрасли культуры и отсталой в другой — все зависит от духа законодательства. Кроме того, следует различать культурность различных классов граждан.

§ 2.

Культурность человека есть следствие его воспитания, в особенности — физического, которое имеет большое влияние на воспитание нравственное. Физическое воспитание способствует развитию климатических народов [1]). Великими средствами морального воспитания у земледельческих народов служат религия, законодательство и науки. Два первых создают нравственность народа, вторые — его просвещение.

§ 3.

Религия служит основным способом морального развития, и для правительства не безразлично, какая религия является господствующей, так как различные религии не одинаково влияют на интелектуальные развитие населения. Законодательство оказывает большое влияние на общее развитие населения, ибо граждане, обязанные подчиняться законам, естественным образом воспринимают и их характер, а также и потому, что законы гражданские и уголовные, отчасти направляя поведение индивидуумов, могут внедрить в них принципы морали и добродетели.

§ 4.

Воспитание как физическое, так и моральное лежит на обязанности родителей, но так как последним в этом деле могут встретиться неопредолимые трудности, то правительство должно принять активное участие в нем, основывая для этой цели особые дома и учреждения. Отрицательными средствами, которые правительство может применить для ускорения прогресса просвещения,

[1]) Так в оригинале.

являются общественные... [1]), полиция по борьбе со всяким оглашением пороков, цензура и отличия, даруемые за заслуги [2]).

5.

Нации, обитающие в местностях, похожих одна на другую, религия и законодательства которых сходны между собой, находятся на одной и той же ступени культуры и имеют одни те же нравы, один и тот же национальный характер.

Отдел второй.

Франция.

§ 6.

Отличительный характер французского языка составляют его большая чистота и пригодность для жизненных сношений. Язык этот беден, лишен силы и достоинства. Революция, способствовав зарождению великих мыслей и воззбудив воображение, породила бесконечно много новых слов.

§ 7.

Французская литература при Людовике XIV достигла высшего блеска. Этот век дал величайших авторов, которые навсегда обессмертили Францию и поставили ее вне всякого соперничества в области словесности. Что же касается наук глубоких и философских, то в них французы не особенно отличились. Французские богословы были мало просвещенна, и терпимость утратилась давным-давно. Французские юристы составляют один из наиболее уважаемых и образованных классов. Медицина, в особенности хирургия, была хорошо разработана.

§ 8.

Воспитание детей высших классов было поручено иезуитам; но для класса неимущих не хватало школ. Однако живой интерес, который люди этого класса проявляют ко всему, что доступно их изучению, доставляет им поверхностные знания о многих вещах, что походит на действительную культурность. География находилась в большом пренебрежении; но революция распространила много политических знаний и уравняла культурность различных классов.

§ 9.

Во Франции имеется много учебных заведений. Раньше имелись 21 университет и 39 академий. В настоящее время закон определяет 4 ступени обучения: 1) начальные школы, 2) средние школы, 3) лицеи

---

[1]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале: «Les moyens négatifs que le gouvernement peut employer pour accélerer les progrès des lumières sont les... publics, la police contre toute publicite de vice, la censure et les marques de distinction accordées au mérite».

и 4) специальные школы. Два первых вида содержатся за счет коммун, а два последних — за счет народной казны.

Национальный Институт заменил академии. Имеется много литературных обществ, между прочим, Статистическое общество. Можно отметить еще: Бюро по измерению долготы [1]), Музей и большую Национальную Библиотеку. Французский колледж и... [2]) служат подготовительными заведениями. Политехническая школа в Париже занимается исключительно математическими, географическими и физическими науками. Здесь, во Франции почти все рассчитано для военной службы — как образование, так и образ жизни.

§ 10.

Что касается искусства, то французы имели великих мастеров в живописи, архитектуре, механике и т. д.

Отдел третий.

Англия.

§ 11.

Господствующая религия в Англии епископальная, высшая и англиканская [3]), в Шотландии — пресвитерианская. Религия считается оплотом государства и исключительно дает права гражданства. Другие секты там терпимы, но не принимаются во внимание. В былые времена они даже были очень угнетаемы.

§ 12.

Что касается науки, то Англия имеет знаменитых авторов во всех ее отраслях, особенно в политических науках.

Учебные заведения [4]) организованы очень плохо, в особенности старинные университеты Оксфорда и Кэнтэрбери.

Население предпочитает получить образование частным образом и содержит [5]) низшие школы. Народные школы также плохо поставлены. В Ирландии народное образование [6]) плохо организовано. Лучшее учебное заведение находится в Эдинбурге, где преподаются все науки. Британский музей, Академия наук, большие библиотеки и значительное число литературных обществ всех родов свидетельствуют о большом уважении к наукам.

---

[1]) В оригинале: Bureau de Longitudes.

[2]) В оригинале дальше следует неразборчивое слово.

[3]) Так в оригинале.

[4]) В оригинале слова: «Учебные заведения» надписаны над зачеркнутым словом: «puisque».

[5]) В оригинале дальше следует зачеркнутые слова: «pour la plupart» — «большей частью.»

[6]) В оригинале дальше следует зачеркнутое слово: «aussi».

§ 13.

Что касается и с к у с с т в, то Англия обладает богатейшими коллекциями, которые рассеяны по загородным домам. Гравюра является родом искусства, в котором англичане особенно отличились, в других же искусствах они вовсе не имеют крупных мастеров.

§ 14.

Никакой народ не способствовал настолько расцвету искусств и ремесел, как англичане, а введенные ими усовершенствования в фабричном деле служат показателем большого прогресса в области национального богатства.

§ 15.

Главными чертами английского характера являются гордость, благородство, хладнокровие и щедрость. Их... [1]) и их странные обычаи делают их мало приятными людьми для общества, хотя они способны на задушевную дружбу. Их игры и развлечения носят жестокий и кровожадный характер.

Отдел четвертый.

Австрия.

§ 16.

Ц е н з у р а здесь очень строга, однако правительство ничуть не противится развитию просвещения, но, напротив, оно охотно принимает во внимание все полезные советы.

§ 17.

И с к у с с т в а, в особенности музыка, достигли высшей степени совершенства. В Вене имеются академии искусств и богатые коллекции картин.

§ 18.

Система образования разработана до мельчайших деталей, и все в ней точно указано. К занятию должностей допускаются лишь студенты [2]), имеющие диплом университета, в котором они обучались, удостоверяющий о том, что они прошли полный курс. Последний начинается с нормальной школы, затем идут гимназии 2-го и 1-го разряда, затем лицеи и, наконец, университеты в Вене, в Праге, Лемберге и Инсбруке. Имеются также промышленные институты, несколько экономических обществ и большое число академий по всем предметам. Каждый полк имеет свою школу, рассчитанную на 40 человек детей. Паписты и экс-иезуиты пользуются большим влиянием.

---

[1]) В оригинале далее следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале следует густо зачеркнутое слово, не поддающееся прочтению.

Отдел пятый.

Пруссия.

§ 19.

Существует мало государств, в которых просвещение было бы так распространено. Учебные заведения хорошо организованы и хорошо управляются. Студенты университета содержатся на свой собственный счет, и профессора очень усердны.

§ 20.

Книжная торговля очень способствовала народному образованию. «Литературная Газета» в Галле не имеет себе равных. Цензура очень мало ограничивала свободу писателей. Берлинская библиотека — одна из самых замечательных. Высшая школьная коллегия управляется министром.

Отдел шестой.

Германия.

§ 21.

В отношении просвещения Германия делится на северную и южную. Первая была гораздо культурнее, потому что [1]) лютеранство ввело туда свободу, которой католицизм не выносил. Эта страна была, несомненно, самой культурной в Европе, и на Южной Германии благоприятно отразилась близость университетов, учрежденных в северной области.

§ 22.

В Германии существовали два метода преподавания: старый и новый. Первый метод стремился главным образом внушить любовь к труду и воспитать людей, которые могли бы заняться исследованием всех предметов. Второй же предлагал научить всему играя и причинил этим много зла, так как истину нельзя познать играя, а необходимо уметь работать, чтобы с успехом выполнять свои обязанности на административных должностях.

§ 23.

Науки в университете были распределены между четырьмя факультетами: 1) философским, 2) богословским, 3) медицинским и 4) юридическим. Профессора получали скромное жалованье и читали, кроме того, частные курсы. Такой метод заключал в себе много хорошего, ибо предоставлял студентам большую свободу выбора в их занятиях.

[1]) В оригинале дальше следует зачеркнутые слова: «Y regnoit plus de liberté».

§ 24.

Занятия в университете перенесли две революции: метафизическую и политическую: первая произошла под действием философии Канта и привила вкус к новым системам и новой терминологии; вторая явилась результатом французской революции и вызвала большие споры о политических науках, в особенности в вопросах публичного права.

§ 25.

Французская революция оказала большое влияние на нравы, которые сильно изменились и стали более социальными [1]).

Даже ученые, живущие очень замкнуто, начали перенимать образ жизни французских ученых.

Отдел седьмой.

Швейцария.

§ 26.

Религия часто возбуждала вражду между католическими и реформатским кантонами. Народное образование организовано лучше в последних, нежели в первых. Единственным университетом являлся Базельский, но он пришел в упадок; напротив, гимназия в Берне прославилась. Имеется много хороших библиотек и литературных обществ.

§ 27.

В реформатских кантонах искусства достигли большого прогресса. Немецкий язык преобладает в северной части, французский язык — в южной, а итальянский — в Альпах. Швейцарцы народ простой, любезный и образованный; они более всех прочих сохранили добрые нравы прежних времен.

Отдел восьмой.

Голландия.

§ 28.

Господствующей религией была реформатская, при чем священники пользовались большим влиянием, однако ни одна страна не была столь терпима, так что все секты пользовались правом публичного культа.

---

[1]) В оригинале в начале фразы стоит зачеркнутое слово: «cet».

§ 29.

Народное образование было организовано очень хорошо. Для простого народа имелись превосходные школы, прекрасные гимназии, особенно амстердамская, которая носила имя Атенея по справедливости, знаменитые университеты и очень богатые и полезные институты. В особенности Лейден обладал большими библиотеками и богатыми музеями. Книжная торговля достигла здесь высшей степени совершенства благодаря свободе печати.

§ 30.

Искусства развивались главным образом во Фландрии, и Фламандская школа славится в живописи. Гравюра там была доведена до высшей степени совершенства.

§ 31.

Голландцы имеют изумительную склонность к экономии и ко всему тому, что касается торговли. Они славятся своей чистотой. Жители Нидерландов придерживаются больше французского тона, и женщины пользуются дома большой свободой.

Отдел девятый.

Дания.

§ 32.

Учебные заведения организованы очень хорошо. Имеются хорошие школы, гимназии, университеты и прекрасные литературные учреждения. Королевская библиотека считается одной из лучших в Европе. Имеется много превосходных специальных школ.

§ 33.

Господствующая религия лютеранская, и при этом соблюдается наибольшая терпимость по отношению ко всем другим вероисповеданиям. Законодательство очень хорошее. Дух правительства очень умеренный. Датчане вообще патриоты, мужественный и искусный народ.

Отдел десятый.

Швеция.

§ 34.

Господствующая религия — лютеранская с епископальной формой, к другим вероисповеданиям стали терпимо относиться только с 1781 года.

Народ — горд и отважен, но дворянство всегда возбуждало недовольство.

§ 35.

Учебные заведения поставлены очень плохо. Университеты организованы по-старому и не отвечают культуре нашего века. Однако имеется много ученых обществ, между прочим с т а т и с т и ч е с к о е, т.-е. контора... [1]).

О т д е л о д и н н а д ц а т ы й.

И с п а н и я.

§ 36.

Только класс богатых людей был культурен, но зато прочие [2]) классы были очень отсталыми, и народное образоване в университетах так же, как и организация академий, были еще средневековыми.

§ 37.

Господствующей р е л и г и е й, и единственно терпимой, являлась католическая. Нигде еще власть папы не была столь безгранична. Инквизиция была общественным бичом, который причинял бесконечное зло просвещению и поддерживал предрассудки простонародья.

§ 38.

Португалия находится точно в таком же положении. Между тем Помбаль оказал стране много добра, он реорганизовал университет Коимбры, академию наук в Лиссабоне и Томасе, но в особенности, географический институт в Лиссабоне.

О т д е л д в е н а д ц а т ы й.

И т а л и я.

§ 39.

Господствующая р е л и г и я, и единственно терпимая в течение долгого времени — католичество, но теперь относятся терпимо ко всем сектам. Народное образование организовано очень плохо, в особенности институты второго и последнего разрядов, но зато имеются очень хорошие сословные институты, а также много университетов и разного рода академий. Ватиканская библиотека весьма замечательна.

§ 40.

Италия — страна искусств, где они достигли высшей степени совершенства. Каждое место напоминает здесь о памятниках древности, изыскания которых беспрестанно продолжаются.

---

[1]) В оригинале следует неразборчивое слово.

[2]) В оригинале следует зачеркнутое слово: «peuples» — «народы».

Статистика. Введение или теория [1]).

1-я часть: Состояние нации.

Введение.

1-я глава. Население.

Отдел 1-й. Все в целом.
Отдел 2-й. Деление.
Отдел 3-й. Отношение.

II-я глава. Народное богатство.

Отдел 1-й. Земледелие.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 2-й. Фабрики.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 3-й. Торговля.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.

III-я глава. Просвещение.

Отдел 1-й. Религия.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 2-й. Образование.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.
Отдел 3-й. Нравы.
Статья 1-я. Россия и т. д. и т. д.

---

[1]) Этот столбец написан на обороте последней страницы рукописи. (См. предисловие, стр. 177).

К истории освобождения крестьян декабристом И. Д. Якушкиным.

Проект освобождения крестьян И. Д. Якушкиным неоднократно обсуждался в литературе в связи с выяснением взглядов на крепостное право либеральных кругов русского общества первой четверти XIX в. Проект Якушкина действительно дает в известной мере возможность понять причины возникновения и характер реформ, намечавшихся в среде декабристов, понять, что́ заставляло их ставить во главу угла своих планов ликвидацию крепостного права. Якушкин объяснял это слабой производительностью крепостного труда. Крестьяне «трудились, по его словам, и на себя и на барина, никогда не напрягая своих сил» [1]). Можно не сомневаться, что это явление было распространено по всей крепостной России. Не один Якушкин, а многие русские помещики крепостной эпохи «придумывали способы возбудить деятельность крестьян и поставить их в необходимость прилежно трудиться» [2]). В то время не мало было составлено проектов «освобождения крестьян», при чем авторы этих проектов обычно пытались доказать, что «вольный» труд производительнее труда крепостного. Дворянство в массе решало вопрос об увеличении производительности крестьянского труда по старине — усилением крепостного гнета — и, несомненно, не желало и слышать о каких-либо реформах социального быта. Об этом свидетельствует Якушкин [3]) и многие другие. Крепостнику-реакционеру надо было конкретно показать, что при известных условиях ликвидация крепостного права может быть для него выгодна. Попыткой освобождения своих крестьян Якушкин едва ли не имел в виду дать именно показательный пример [4]). С этой точки зрения попытки Якушкина представляют особый интерес.

До сих пор проект Якушкина и попытки его осуществления были известны лишь в изложении его самого, приведенном в его записках. Подлинное прошение Якушкина на имя министра внутренних дел и дальнейшее производство по нему оставались неизве-

---

[1]) Записки И. Д. Якушкина, изд. 3. Спб. 1915, стр. 29.

[2]) Перифраз слов Якушкина. Там же.

[3]) Там же, стр. 6.

[4]) По ходу изложения и в связи с прошением Якушкина автор этих замечаний остановился лишь на причинах экономического характера, вызывавших тогда проект ликвидации крепостного права. Следует отметить, что указание только лишь этих экономических причин было бы односторонне. Не меньшее, если не большее, значение в этом отношении имела ни на минуту не прекращавшаяся и все усиливавшаяся борьба, которую вели крестьяне против помещиков.

стными. Исследователи безуспешно разыскивали эти документы в быв. архиве министерства внутренних дел. Оно показано в описи уничтоженным [1]).

Подлинники хранятся в 3-м отделении юридической секции Ленинградского центрального Историч. Архива (архив быв. м-ва внутрен. дел), в деле 1819 г., № 203, под названием «о увольнении крестьян в свободные хлебопашцы помещиком *Якушкиным*» Нач. 13 июля 1819 г. конч. 7 генваря 1820 г. (на 12 листах).»

Сообщил *Н. Лавров.*

1.

Письмо И. Д. Якушкина мин. внутр. дел. О. П. Козодавлеву.

Милостивый государь

Осип Петрович.

Осмеливаюсь беспокоить ваше высокопревосходительство письмом моим, могу оправдать себя тем, что обстоятельства поставляют меня в необходимость отнестись лично к вашему превосходительству.

Желая отпустить на волю доставшихся мне по наследству крестьян, Смоленской губернии, Вяземского уезда, числом сто двадцать [2]) душ, предоставляя им их имущество, строение и землю, находящуюся под усадьбами, огородами и выгонами, не требуя с них никакой за это платы, принимаю смелость спросить ваше высокопревосходительство, могут [ли] люди сии получить освобождение на означенном положении и могут ли по освобождении своем причислены быть к сословию вольных хлебопашцев и пользоваться правами сих последних; могу ли я по отпущении на волю крестьян заключать с ними добровольные с их стороны условия касательно обрабатывания земель моих?

Зная, сколько ваше высокопревосходительство снисходительны были к представлениям многих частных людей, смею надеяться, что удостоите и мое вашего внимания, почему честь имею уведомить ваше высокопревосходительство, что я живу в деревне своей, Смоленской губернии, Вяземского уезда, в сельце Жукове.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, покорнейший слуга *Иван Якушкин.*

1819 года, июля 29.

---

[1]) Дело было в числе тех архивных дел, которые предназначались к уничтожению и отмечено в описи, как уже уничтоженное. Как оказалось, служащие архива не привели в исполнение этого приговора в отношении тех дел, которые представлялись им ценными, как и дело «об освобождении крестьян помещиком Якушкиным».

[2]) В подлиннике «сто двенадцать», но в слове «двенадцать» вычеркнуты буквы: «ен», и получилось «двадцать».

2.

Отношение департамента гос. хозяйства и публичных зданий 17 июля 1819 г. № 280 смоленскому губернскому предводителю дворянства.

Смоленской губернии помещик г. Якушкин в письме своем к г. министру внутренних дел объясняет, что он намерен крестьян своих Вяземского уезда, в числе 112 душ, уволить с землею и со всем их имуществом в свободные хлебопашцы, не требуя с них за сие никакой платы, но обязав их повинностями в обрабатывании земель его; а потому и требует об оказании ему содействия в сем предприятии.

В высочайшем указе 20 февраля 1803 и в правилах, 21 февраля того ж года высочайше конфирмованных, подробно изображен порядок, на основании коего должно быть совершаемо увольнение родовых или благоприобретенных крестьян в свободные хлебопашцы, и как узаконениями сими требуется, дабы о сем предварительно заключено было помещиком с увольняемыми им крестьянами добровольное условие, с точным изъяснением в оном всех повинностей, приемлемых сими последними за увольнение, то и зависит совершенно от воли г. помещика Якушкина поступить в исполнении своего намерения согласно сему постановлению и сделать с крестьянами своими, по взаимному с ними согласию, условие насчет исправления ими тех повинностей, какими он за увольнение обязать их желает.

Департамент государственного хозяйства и публичных зданий долгом считает предварить вас о таковом намерении г. Якушкина, и поелику вообще сделки об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы заключаемые, по силе вышеупомянутых правил 21 февраля 1803, подлежат предварительному рассмотрению г.г. предводителей дворянства: то департамент просит вас руководствовать г. помещика Якушкина в исполнении его предприятия и содействовать ему, дабы дело о увольнении крестьян его приведено было в законный порядок, о последствии же сего департамент уведомить.

Подписал директор *Степан Джунковский.*

Скрепил нач. отд. капитан *Кирилов.*

3.

Отношение смоленского губ. предводителя дворянства 11 авг. 1819 г. № 861 в департамент гос. хозяйства и публичных зданий.

Во исполнение предписания оного департамента истекшего июля от 17 числа за № 280, в коем изъяснено господину министру внутренних дел желание вяземского помещика г. Якушкина, что он намерен

крестьян своих того уезда в числе 120 душ уволить с землею и со всем их имуществом в свободные хлебопашцы, не требуя с них за сие никакой платы, но с обязанием их повинностями в обрабатывании земель его, отнесся я с приложением копии того предписания к вяземскому г-ну дворянства предводителю, дабы он согласно высочайшему указу 20 февраля 1803 г. и правил, 21 февраля того ж года высочайше конфирмованных, объявил помещику Якушкину о сделании с крестьянами своими условия с подробным изъяснением всех повинностей, какие они приемлют за свое увольнение: а) условие произвести ему, г. Якушкину, при г-не предводителе и земском исправнике, означив притом число десятин земли всей, уступаемой им, и то условие для дальнейшего по нем исполнения представил бы он, Якушкин, при своем прошении ко мне; а между тем если состоят на имении сем какие казенные долги или иски, то чтоб и оные к совершенной заплате были им, Якушкиным, обеспечены. О чем департаменту государственного хозяйства и публичных зданий имею честь донести.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

4.

Отношение смоленского губ. предводителя дворянства 20 окт. 1819 г. № 1322 в департамент гос. хозяйства и публичных зданий.

Вяземский уездный предводитель на отношение мое с приложением в копии предписания оного департамента от 17 июля сего года, за № 280, доставил ко мне просьбу капитана Ивана Якушкина, изъявившего господину министру внутренних дел желание на увольнение крестьян его, согласно указу 20 февраля 1803 года, в свободные хлебопашцы, — из которой видно, что г. Якушкин, располагая дать 121-й душе крестьян своих свободу, не руководствовался ни мало правилами, в помянутом указе постановленными; ибо, отпуская оных на волю, он дает им только по 9 десятин земли на каждую деревню, что под ее селением, огородами, гуменниками и выгоном; следовательно, крестьяне без земли для хлебопашества, лугов и других угодий могут быть без пропитания и к платежу государственных податей безнадежны. За сию свободу крестьянам он, г. Якушкин, не требует с них никакой платы, ни работы и условия не заключает с ними. Обстоятельство сие предавая благорассмотрению оного департамента, имею честь представить подлинную его, г. Якушкина, просьбу.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

5.

Прошение И. Д. Якушкина.

Его высокоблагородию вяземскому г. уездному дворянства предводителю Матвею Петровичу Потулову.

От капитана Ивана Дмитриева сына Якушкина

Прошение [1]).

На объявленное мне вами предписание господина смоленского губернского предводителя от 22 августа сего года, сим вам объяснить имею, что отпущаемых мною в вольные хлебопашцы крестьян за мною состоит: Вяземского уезда в деревнях Истоминой 47, Арефановой 30 и Земщине 35 да переводимых Бельского уезда из деревни Павловой в деревню Истомину 4 и в Арефанову пять, всего ж с переводимыми 121 [2]) ревижских душ, коим я предоставляю всю под поселением, огородами, огуменниками и под выгоном лежащую землю всего к каждой деревне по девяти десятин с их строением имуществом, скотом, с наличным и посеянным на принадлежащей мне земле к 1820 году хлебом, оставляя всю прочую землю за собою, не требуя за сие и за их увольнение от них никакой платы, ни работы, и не предполагаю теперь заключать никакого рода с ними условия. Если ж сей земли для них будет и недостаточно, то они могут у меня или и у других помещиков нанимать по добровольным между собою условиям, сколько им будет потребно, о чем и в письме моем к г-ну министру внутренних дел относился; поясняя к тому, что на мне и имении моем долгов казенных и партикулярных не состоит, кроме взятых в 1813 году на продовольствие тех же крестьян, но и оной платеж, не обременяя крестьян, приемлю на себя, кои имею взносить в свое время в надлежащее место, обеспечивая платеж оных четырьюстами земли, Вяземского уезда в сельце Жукове имеющейся, что объясня вашему высокоблагородию, покорнейше прошу с прописанием всего вышеписанного довести до сведения вышнего начальства.

К сему прошению капитан *Иван Дмитриев* сын *Якушкин* руку приложил [3]).

Сентября 12 дня 1819 года.

---

[1]) Наверху листа помета: «Подано 1819 года сентября 13 дня».

[2]) Переправлено из «120».

[3]) Прошение писано писарским почерком, подписано же собственноручно И. Д. Якушкиным.

6.

Доклад [1]).

Смоленской губернии помещик Якушкин в письме к покойному министру внутренних дел изъявил желание уволить в свободные хлебопашцы крестьян своих в числе ста двадцати одной души, с землею, без всякой за то платы или особых повинностей, просил об оказании содействия ему в таковом предположении.

Поелику, по правилам об увольнении крестьян в свободные хлебопашцы, 21 февраля 1803 высочайше конфирмованным, вообще сделки сего рода, заключаемые помещиками, подлежат предварительному рассмотрению г.г. предводителей дворянства, то и писано было смоленскому губернскому предводителю дворянства, дабы он принял на себя руководствовать Якушкина в исполнении его предприятия и по заключении помещиком условия с крестьянами его, привел бы вообще сие дело в порядок, какой постановлен для сих случаев в высочайшем указе 20 февраля 1803 и означенных правилах.

Губернский предводитель ныне препроводил просьбу помещика Якушкина, в которой сей объясняет, что он увольняемым им крестьянам — всего 121 душе — предоставляет во владение всех их строение, скот и прочее имущество и 27 десятин земли, не требуя с них за увольнение никакой платы, работ или других каких-либо повинностей, условия же с ними о сем теперь не предполагает заключать; если же уступаемой от него крестьянам в собственность земли недостаточно, то они могут пользоваться оною из найма у него самого или у других соседних помещиков.

Г. предводитель, с своей стороны, присовокупляет, что поелику помещик Якушкин уступает 121 душе крестьян всей вообще земли только 27 десятин, то по таковому количеству крестьяне могут быть без пропитания и к платежу государственных податей безнадежны.

Справка. 1) Высочайший указ 20 февраля 1803 [г.] по точным словам I пункта оного относится к тем случаям, если кто из помещиков пожелает отпустить по одиночке или целым селением на волю, и вместе с тем утвердить им участок земли или целую дачу.

Таковым крестьянам дозволено 4 пунктом, буде не пожелают войти в другие состояния, оставаться на собственных землях землевладельцами, составляя особенное состояние свободных хлебопашцев.

2) В 1807 году по поводу духовного завещания виленского помещика Нагурского, коим он дал свободу своим крестьянам без земли, оставив их в некоторых обязанностях к наследникам, и споров, по сему возникших, последовал 14 декабря 1807 [г.] высочайший указ правительствующему сенату, коим хотя увольнение людей сих и утвер-

---

[1]) На поле приписка: «Г. управляющий утвердил заключение. Ноября 28 1819».

ждено, но вместе постановлено, чтобы впредь в увольнении крестьян целыми селениями на волю поступаемо было не иначе как на основании изданного о свободных хлебопашцах положения, в коем подробно изображены способы как к исправному отправлению повинностей, так и к предохранению самых селений в их целости.

Заключение. Департамент полагает отнестись к смоленскому губернскому предводителю дворянства, дабы он, войдя с помещиком Якушкиным в ближайшее сношение, внушил бы ему, что как он, без сомнения, предполагал при сем увольнении крестьян умножение их благосостояния: то сие не может быть иначе как с их собственного согласия, и как увольнение целым селением без земли не дозволяется, то и нужно, чтобы крестьяне сами, если желают быть в звании свободных хлебопашцев, изъявили свое мнение о способах, коими они могут иметь достаточное количество земли как для своего продовольствия, так и для обеспечения правительства в исправном платеже податей и земских повинностей, а посему необходимо нужно такое между помещиком и крестьянами постановление, которое, согласно с правилами о свободных хлебопашцах, давало бы и ему и тем свободное право к исполнению их желаний.

Директор *Степан Джунковский.*

Начальн. отд. *К. Кирилов.*

7.

Отношение департамента гос. хозяйства и публичных зданий 5 дек. 1819 г. № 708 смоленскому губернскому предводителю дворянства.]

Из сообщенных вами от 20 минувшего октября сведений по делу об увольнении помещиком Вяземского уезда Якушкиным ста двадцати одной души крестьян его в свободные хлебопашцы вижу я, что помещик сей не предполагает заключить с крестьянами условия или акта об увольнении их, так как не требует с них никакой платы и не обязывает их никакими в пользу свою повинностями, и что при сем увольнении уступает он им всей земли только двадцать семь десятин. Поелику же увольнения крестьян в свободные хлебопашцы не иначе совершено быть может, как на точном основании высочайшего указа 20 февраля 1803 [г.], коим требуется предварительное составление между помещиком и крестьянами надлежащего о том акта, и как настоящее распоряжение г. Якушкина имеет целью единственно благотворение его крестьянам, то и не нахожу я особой причины, по коей мог бы он затрудняться заключением с крестьянами означенного увольнительного акта, которым бы он мог устроить прочным образом будущее их состояние.

Я прошу вас, милостивый государь мой, войдя в ближайшее сношение с помещиком Якушкиным, внушить ему, что увольнение крестьян необходимо нужно постановить с обеих сторон такое усло-

вие, [1]) в котором бы, согласно правилам о свободных хлебопашцах, 21 февраля 1803 [г.] высочайше конфирмованным, изъяснено было взаимное помещика и крестьян согласие на увольнение и которое давало бы ему законное право к исполнению их желаний.

Вместе с сим вы не оставите также сообщить ему, что, судя по числу крестьян, количество уступаемой им в собственность земли слишком для них недостаточно и вместо того, чтобы обеспечить их благосостояние, может действительно обратиться в тягость и разорение.

Как же высочайшим указом 14 декабря 1807 [г.], правительствующему сенату данным, увольнение крестьян вовсе без земли воспрещено, то если помещик не может дать им соразмерного по званию хлебопашца количества земли, по крайней мере нужно бы в самом акте, который между помещиком и крестьянами заключить полагается, изъяснено было надлежащее со стороны крестьян удостоверение о тех способах, коими они немедленно приобресть себе могут количество земли, достаточное как для своего пропитания, так и для обеспечения правительства в исправном от них платеже податей и других казенных повинностей.

Я буду ожидать от вас, милостивый государь мой, подробного уведомления о последствии сношения вашего по сему делу с помещиком Якушкиным.

Управляющий министерством внутренних дел граф *В. Кочубей*.
Директор *Степан Джунковский*.

8.

Рапорт смоленской губ. предводителя дворянства от 24 дек. 1819 г. № 1422 управляющему мин. вн. дел гр. В. П. Кочубею.

На предписание вашего сиятельства сего декабря, № 708, полученное в городе Смоленске 10, а ко мне дошедшее 20 числа в город Вязьму, где в отделенном присутствии принимаю рекрут, — о внушении помещику Вяземского уезда Якушкину, что для увольнения крестьян его в свободные хлебопашцы согласно высочайше конфирмованному указу 1803 года февраля 21 дня нужно ему условие с ними сделать, в котором бы по крайней мере изъяснено было надлежащее со стороны крестьян удостоверение о тех способах, коими они немедленно приобресть себе могут количество земли, достаточное для своего пропитания и для исправного платежа казенных податей и повинностей и о прочем.

Имею честь всепокорнейше донести, что по возвращении г. Якушкина из Саратовской губернии, куда на время он отъехал, предписание вашего сиятельства исполнено быть имеет.

Губернский дворянства предводитель и кавалер *Сергий Лесли*.

№ 1422, декабря 24 дня 1819 года. Вязьма.

[1]) Так в оригинале.

Заговор в Зерентуйском руднике.

Кажется с первого взгляда, что мысль о восстании совершенно покинула декабристов в Сибири. Разбитые, побежденные царским правительством, раскиданные по глухим сибирским углам, многие из них далеко ушли от прежних революционных настроений. Даже намерение бежать мелькало у немногих, и то лишь в первое время. Тем ярче выделяется на этом фоне уныния и упадка сил попытка декабриста И. И. Сухинова организовать восстание в Зерентуйском руднике, поднять и освободить ссыльных и каторжан Нерчинского округа и, наконец, освободить всех государственных преступников читинского острога. Заговор был открыт, и правительство жестоко расправилось с его участниками расстрелами, кнутом и плетьми. Главный организатор его И. И. Сухинов удавился в тюрьме ночью 1 декабря 1828 г. перед исполнением приговора. Из всей жизни декабристов в Сибири это единственная попытка подняться с оружием против власти, вырваться вновь на волю, и из всех декабристов И. И. Сухинов принадлежит к числу немногих, для которых революционное дело не умерло в сибирских рудниках.

О восстании в Зерентуйском руднике мы знали до сих пор преимущественно по мемуарной литературе. Наиболее полно рассказывает о нем неизвестный автор очерка «И. И. Сухинов», впервые напечатанного в «Русском Архиве» за 1870 г., принадлежащего, надо полагать, бар. Соловьеву. Многие документы, относящиеся к этому восстанию, впервые публикуются в настоящей статье [1]), в сопоставлении с данными мемуарной литературы.

И. И. Сухинов принадлежал к наиболее демократической группе декабрьского движения — к обществу Соединенных Славян. Он происходил из «свободного состояния» Херсонской губернии, родом из села Краснокаменки. Отец его отставной коллежский регистратор, бывший столоначальник нижнего земского суда в г. Крылове, имел 112 дес. земли при четырех душах мужского пола крестьян и занимался хлебопашеством и солепромышленностью. В 1809 году Сухинов поступил в Лубенский гусарский полк рядовым «по вербунку», в 1815 году произведен в унтер-офицеры, а затем «за неспособностью переведен в Инвалид, из оного в Изюмский гусарский полк, а оттоль в Черниговский пехотный». В 1817 году Сухинов «нашел средство доказать дворянство и на праве оного произведен в офицеры». В 1825 г. Кузмин, его сослуживец по Черниговскому полку, принимает его в общество Соединенных Славян, в котором Сухинов является деятельным участником. На рубеже 1825—26 годов он — один из немногих «Славян», участвовавших в возмущении Черниговского полка и сыгравших в нем большую роль. Ему удается бежать с поля битвы с правительственными войсками; некоторое время он скрывается, затем отдается в руки власти [2]). Сухинов был судим Комиссией военного суда в Могилеве, при

штабе 1 армии и по первоначальному постановлению должен был быть казнен, но по измененному Николаем I приговору был лишен чинов и дворянства, подведен под виселицу после преломления над его головой шпаги и сослан в Сибирь в вечную каторжную работу [3]). Вся его революционная деятельность отмечена пылкостью, беззаветной преданностью делу и храбростью. Одна из официальных бумаг о нем «справедливо» говорит: «в числе злодеев, бывших главными пружинами возмущения сего, состоит поручик Сухинов» [4]).

Мемуарная литература сохранила воспоминание об одной отличительной черте настроения Сухинова на каторге — он не мог примириться со своей участью, ненавидел правительство и горел желанием мести. При встрече с Сухиновым в Чите княгини Трубецкая и Волконская заметили в нем «озлобление против правительства и желание отомстить ему каким бы то ни было образом» [5]). Особенно ясно и точно такое указание: «вредить правительству чем бы то ни было сделалось для него потребностью; освободить себя и всех было его любимой мыслью. Он жил только для того, чтобы до последней минуты своей жизни быть вредным правительству. Любовь к отечеству, составляя всегда отличительную черту его характера, не погасла, но, по словам самого Сухинова, она как бы превратилась в ненависть к торжествующему правительству» [6]).

Обращаемся к официальным документам, относящимся к восстанию.

Первым дошедшим до нас официальным известием о заговоре Сухинова является рапорт начальника Нерчинских заводов берггауптмана фон-Фриша генерал-майору Лепарскому, коменданту при Нерчинских рудниках, от 31 мая 1828 года за № 8. Мы имеем его в копии, скрепленной подписью самого Лепарского и посланной гр. Дибичу в Петербург вместе с отношением Лепарского. Тяжелым «суконным» языком фон-Фриш извещал о событии всего тремя длиннейшими фразами, обнаружив, между прочим, даже незнание того, за что Сухинов сослан в Сибирь. Вот этот любопытный документ:

По обстоятельствам, встретившимся в 24 число сего мая при Зерентуйском руднике, сколько немаловажность оных дознано теперь только еще предварительными спросами, до настоящего исследования я за долг почел вашему превосходительству донести, что в означенное число, по объявлению ссыльного Казакова [7]), управляющему Нерчинскою горною конторой открыто большое сомнение на заговор составившейся партии злоумышленников из проживающих в Зерентуйской казарме ссыльно-рабочих, около двадцати человек, кои предпринимали будто бы намерение в наступавшую того 24 числа ночь под предводительством ссыльного Ивана Сухинова (того самого, который сослан сюда из Польши за участие в возмущении), собраться в назначенное место, итти забрать наипервее из тамошнего цейхгауза солдатские ружья с патронами, потом следовать вооруженными в казармы, где жительствуют ссыльно-рабочие, и принудить их к побегу; разбить тюрьму и освободить всех в оной содержащихся под стражею колодников, потом зажечь все селение при Зерентуйском руднике, итти в здешний Нерчинский завод и далее, истребляя все, что только будет упорствовать их желанию, и что все вышеозначенные ссыльные пьянствовали (в чем и сам упомянутый доносчик, ссыльный Казаков, сознался участником) якобы на счет означенного Сухинова, который поил их с тем, чтоб тем более возбудить дух буйства. Сверх того, когда по сему доносу предприняты были со стороны управляющего конторой меры к забранию всех злонамеренных, то при первых словесных спросах еще один ссыльный — Голиков — сознался во всех намерениях к произведению вышеписанных злодеяний, дополняя при том, что при сем предприятии хотели еще разбить пороховой подвал, кладовую и вынуть из них порох, денежную казну и принудить вооруженною рукою к бунту и побегу, и чтоб, набрав таким образом многолюдную разбойническую шайку, итти с нею по всем заводам и рудникам, приглашая и принуждая с собою всех, и, достигнув до читинского

острога, из оного освободить всех государственных преступников; к предпринятию же всех сих злодеяний был он, Голиков, как и прочие, подговорен помянутым Сухиновым; у Сухинова же при обыске найдено ружье с небольшой частью пороха и кинжал.

По получении о сем рапорта, тотчас предприняты мною меры на крепчайшее содержание злоумысливших, на деятельнейшее соблюдение повсеместно тишины и спокойствия и строжайшей предосторожности во всех ведения сего начальства местах; для надлежащего же сего случая обследования и дознания сущей истины отряжен высший чиновник; и, какой в самом деле по обстоятельном исследовании сие происшествие окажется важности, о том вашему превосходительству я не премину особенно донести без промедления.

Подлинное подписал берггауптман и кавалер *фон-Фриш*.

Итак, 31 мая фон-Фриш донес Лепарскому об открытом заговоре: 8 июня он же послал донесение в Петербург кабинету его величества, в ведении которого находились Нерчинские заводы, и другое донесение непосредственно Николаю I. Лепарский послал 8 июня рапорт о случившемся начальнику главного штаба графу Дибичу, где между прочим сообщал и о бегстве В. Бочарова. Первым в Петербург пришло донесение фон-Фриша; генерал-лейтенант Селявин получил его 28 июля, того же числа он рапортовал о полученном известии товарищу начальника главного штаба, и в тот же день был направлен к фон-Фришу ответ с указаниями необходимых мер. Предписывалось:

1-е) принять деятельнейшие меры к преследованию и открытию скрывшегося преступника Бочарова; 2-е) усилить караулы и надзор за ссыльно-рабочими во всех рудниках и заводах в предупреждение подобных происшествий; 3-е) как из донесения г. Фриша видно, что ссыльно-рабочие, участвовавшие в сем происшествии, были в пьяном виде, то обратить должное внимание к отвращению их от пьянства, а между тем донести, почему они допущены к питью вина в самые даже рабочие дни; 4-е) если об оном происшествии не дано было знать коменданту при Нерчинских рудниках генерал-майору Лепарскому, то немедленно к нему отнестись для принятия с его стороны надлежащих предосторожностей и 5-е) о последствиях сего дела донести кабинету во всей подробности. Сверх того, о происшестии сем и сделанных нерчинским горным начальством и кабинетом распоряжениях ныне же в подробности донесено мною господину министру императорского двора.

Донесение Лепарского на имя Дибича за № 323 от 8 июня 1828 г., и полученное последним 31 июля, было следующего содержания:

Имею честь при сем вашему сиятельству представить список из отношения ко мне исправляющего должность начальника Нерчинских заводов г-на берггауптмана фон-Фриша.

Из оного ваше сиятельство усмотреть изволите, что хотя начатое следствие еще не открыло всех обстоятельств истины по злоумышлениям каторжно-ссыльных в Нерчинских заводах и хотя, может быть, самые их злобные намерения не произвели бы важного успеха в принуждении всех жителей к общему мятежу и не причинили бы в тамошних рудниках, а тем паче в читинском остроге, другой опасности, кроме всеместной тревоги, при всем том я почел моим долгом о сем происшествии довести до сведения вашего сиятельства, яко о деле, касающемся до моего поста.

По сему случаю не меньше поставляю моей обязанностью доложить и о том, что сколько по разным соображениям понимать мне можно, я примечаю, что открывающиеся заговоры каторжно-ссыльных в заводах оказывают ежегодно более замысловатости. Так и в прошлом году, одна партия, два раза взбунтовавшаяся, хотя не была сильнее 25-ти человек и в последствии почти на самой черте китайской границы побеждена пограничными казаками, но при своей защите производила, наступая и отступая

правильные эволюции, имея в предмете напасть на разные рудники, присоединить к себе убеждением или силою, под лишением жизни, каторжно-ссыльных и, таким образом, усилясь, следовать по рубежу китайской границы, с направлением своего побега к Бухарии. Таких планов в прежние времена предпринимаемо не было.

Для предупреждения на будущее время подобных злонамерений или для укрощения оных при самом их открытии я осмеливаюсь вашему сиятельству представить, что скорое укомплектование и усиление весьма слабого 5 горного батальона необходимо нужно, который совершенно утомлен по малолюдству отправлением самой тяжелой и едва ли где равной во всей империи службы. Да к тому край, имеющий в длину более тысячу двухсот верст, отделяемый от России цепью гор Яблонового хребта и морем Байкалом, имеющий *) для наблюдения за внутренним спокойствием оного не более нескольких небольших инвалидных команд и одного казачьего Забайкальского полка, раскомандированного для провождения ссыльных по этапам, и где этапных команд вовсе не состоит, требует необходимого умножения военной силы хотя в Нерчинском заводе, куда ссылаются столь вредные для обществ люди, а в числе коих часто попадаются самые утонченные злоумышленники.

Генерал-майор *Лепарский.*

Товарищ начальника главного штаба граф Чернышев, получив извещение о всем происшедшем одновременно и от Селявина и от Лепарского, 29 июля написал Селявину бумагу с просьбой принять немедленные меры к усилению 5 батальона (отношение за № 522); 31 июля Чернышев написал и Лепарскому, с просьбой уведомить о дальнейшем ходе дела. В тот же день Чернышев получил от Селявина сообщение, в каком состоянии находился 5 горный батальон (по сведениям, которые имелись в кабинете), и какие меры приняты к его усилению. Ранее этого были составлены новые штаты, по которым решено было пополнить батальон. Они еще не были утверждены, но по неотложности дела было дано срочное предписание исполняющему должность начальника Нерчинских заводов приступить к укомплектованию батальона на основании этих новых штатов.

Сам Николай I оказал делу о Зерентуйском заговоре совершенно исключительное внимание. Он интересовался всеми подробностями и был, видимо, сильно обеспокоен. Он поэтому уполномочил Лепарского действовать при расправе с мятежниками по законам военного времени. В наших материалах сохранилась заверенная Селявиным копия с этого рескрипта.

Секретно. Коменданту при Нерчинских рудниках господину генерал-майору Лепарскому.

Усмотрев из представленного мне донесения кабинета, что ведомства Нерчинских горных заводов в Зерентуйском руднике каторжные в большом числе под предводительством Ивана Сухинова в пьяном виде намеревались произвести возмущение, но по доносу Алексея Казакова были взяты и содержатся под стражею, кроме Василия Бочарова, который скрылся, я повелеваю вам приказать отыскать непременно Василия Бочарова и всех предать немедля военному суду, по окончании коего над теми, кои окажутся виновными, привести в исполнение приговор военного суда по силе § 7 учреждения о действующих армиях и впредь в подобных случаях разрешаю руководствоваться сим же правилом, донося о том начальнику главного штаба моего и министру императорского двора.

Подлинный подписан собственною его императорскою величества рукою

Николай.

в Одессе
13 августа 1828.

Верно, генерал-лейтенант *Селявин.*

*) В оригинале: «не имеющий».

Упомянутый § 7 был сообщен в выписке Лепарскому для руководства и гласил следующее:

§ 7. Главнокомандующий утверждает окончательно смертные приговоры, лишение чинов и гражданскую смерть по судам над обер-офицерами, штаб-офицерами и полковниками, и приговоры сии приводятся в действие по его приказанию.

Мемуарная литература, освещая дело о приговоре над Сухиновым и его товарищами, полагает, что смертный исход был Николаем I предписан. Автор названной выше статьи о Сухинове пишет, что Лепарскому из С.-Петербурга «было повелено конфирмовать военно-судное дело, главных участников в открытом заговоре расстрелять, а их соумышленников наказать кнутом и плетьми по собственному усмотрению». Это не совсем так: Лепарскому были даны широкие полномочия и известный простор в выборе строгих и решительных мер. 27 декабря 1828 г. Николай, еще не зная об исходе дела, через канцелярию дежурного генерала главного штаба дал приказ Лепарскому ведать всех преступников, осужденных Верховным Уголовным Судом и всех «тех, кои впоследствии суждены за государственное же преступление военным судом. На сем основании должны поступить в ваше ведение суждённые за возмущение Черниговского полка Сухинов, Соловьев, Мозалевский и Быстрицкий...» Поэтому приказывалось Соловьева и Мозалевского немедленно перевести к Лепарскому из Зерентуйского рудника. «Что же касается до содержащегося в Зерентуйском руднике преступника Сухинова, то как он прикосновенен к известному вам делу о возмущении каторжно-ссыльных того рудника, то его величеству благоугодно, чтоб он оставался там впредь до окончания о нем дела».

Теперь ясно: Николай I указанием на § 7 правил о действующих армиях дал Лепарскому возможность применить любой вид наказания до смертной казни включительно. Но определенного указания на смертную казнь Сухинова дано не было; даже, наоборот, несмотря на знакомство Николая со следственным делом восстания в Зерентуйском руднике, он, очевидно, не предполагает, что Сухинов обязательно подвергнется смертной казни: он дает повеление перевести его после следствия в читинский острог [8]). Таким образом, вся тяжесть смертного приговора Сухинову в конечном счете ложится на генерал-майора Лепарского. Приведенная выше переписка велась в декабре, — Сухинов в это время был уже мертв.

После краткого обследования заговора Нерчинскою горною конторою, действовавшей «по горячим следам», дело было передано особой комиссии, организованной конторою. В состав комиссии входили — берггауптман Киргизов *), коллежский секретарь Нестеров и прапорщик Анисимов **). Киргизов и Анисимов были наряжены экспедицией для ведения следствия 30 мая. Киргизов приехал в Зерентуйский рудник 1 июня и получил начатое, но неконченное конторой следственное дело. Во время производства следствия Киргизов заболел, и дело довели до конца Нестеров с Анисимовым. Комиссия пьянствовала и творила всяческие бесчинства. Автор статьи о Сухинове положительно утверждает, что, будь у Соловьева и Мозалевского деньги, можно было бы добиться от нее совсем другого приговора. Сухинов, не желавший давать показаний, был этой комиссией закован. В записках Горбачевского судьи называ-

*) В очерке «И. И. Сухинов» неправильно указан Кириллов.

**) В очерке неправильно назван подпрапорщиком.

ются невеждами, развращенными и бесчувственными *). Тем не менее следствие продвигалось вперед, и 24 сентября Лепарский мог уже направить в Петербург поступивший к нему самому от фон-Фриша 5 сентября «список из следствия». Судя по пометке на документе, гр. Чернышев получил его в Петербурге 16 ноября. В рапорте, при котором была направлена выписка, Лепарский, между прочим, писал: «Относительно же государственных преступников, находящихся в моем ведении, ничего мною не замечено, чтобы происшествие, случившееся в Зерентуйском руднике, имело какое на них вредное влияние».

В последнем утверждении Лепарский не вполне прав: о заговоре Сухинова хранят память многие мемуары, и некоторые из них, напр., мемуары М. Н. Волконской, отзываются о нем взволнованно и сочувственно. Но есть и случаи скептического и прямо насмешливого отношения к заговору, — напр., у Завалишина **).

Между тем в Сибири шло следствие по заговору Сухинова. Приводим «список из следствия» по копии Лепарского:

Выписка, учиненная в Нерчинской горной экспедици из следствий, произведенных сначала Нерчинскою горною конторою, потом, по поручению от сей экспедиции, г.-г. берггауптманом Киргизовым, коллежским секретарем Нестеровым и прапорщиком Анисимовым и напоследок вновь переследованного в присутствии сей экспедиции о намерении, будто бы предпринятом при Зерентуйском руднике ссыльными Голиковым с товарищи в 24 числе мая сего года учинить побег с произведением разных злодеяний, из которого значится.

Рапортом Нерчинская горная контора от 28 числа мая сего 1828 года донесла, что 24 числа того мая пополудни в 3 часу [9]) по приезде г. управляющего тою конторою из Кадаинского в Зерентуйский рудник явился к нему ссыльный Алексей Казаков в пьяном виде и объявил, что из числа проживающих в Зерентуйской казарме ссыльно-рабочих Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Семен Семенцов, Василий Михайлов и Тимофей (коего прозвания не припомнит [10]) и другие, коих он поименно не упомнит же, числом около двадцати человек, согласились в ту ночь под предводительством ссыльного Ивана Сухинова, сосланного за участие в государственном возмущении, собраться в назначенное ими место и, учиня побег, забрать наперво из цейхауза при том Зерентуйском руднике солдатские ружья с патронами, потом итти вооруженными в казармы того же рудника и принудить рабочих к побегу с ними, разбить тюрьму и освободить всех арестантов, потом зажечь все селение при Зерентуйском руднике, итти в Нерчинский завод и далее, истребляя все, что только будет упорствовать против исполнения их желания, и что он, Казаков, лично об этом слышал от ссыльных Голикова и Бочарова, коими он к сему был соглашаем, и что он, Казаков, и обещание в том дал, но, обдумав сие злостное предприятие, решился о сем объявить с тем, что означенные ссыльные вообще все пьянствуют на счет помянутого Сухинова, который поит их для того, чтоб более возбудить в них дух буйства.

Вследствие такового объявления тот же час приняты были меры к захвачению означенных ссыльных, которые все, кроме Василия Бочарова, узнавшего о доказательстве и тот же час скрывшегося неизвестно куда, были взяты под стражу и закованы, как равно взят и Иван Сухинов под крепкий караул [11]). Между тем для исследования сего столь важного дела и скорейшего отыскания всех злоумышленников и участвующих в оном людей сделано было наипервее словесное разбирательство, по коему один только ссыльный Голиков сознался во всех замыслах к произведению вышеозначенных злодеяний, дополняя при том, что, сверх тех предприятий, хотели еще они разбить порохо-

*) Записки Горбачевского. Изд. 1916 г., стр. 207 и 231.

**) Записки М. Н. Волконской. 1904, стр. 84. Завалишин. «Записки декабриста». Мюнхен 1904 г., стр. 128.

вой подвал, кладовую и вынуть из них порох, денежную казну, принудить вооруженною рукою всех к бунту и побегу и, набрав таким образом сильную разбойническую шайку, итти с нею по всем заводам и рудникам, приглашая и принуждая с собою всех, и достигнуть до читинского острога, из коего освободить всех государственных преступников [12]), наконец, что к предприятию всех сих злодеяний был и ссыльный Бочаров подговорен помянутым Сухиновым, коим, однако ж, два другие его товарища, и именно Вениамин Соловьев и Александр Мозалевский, не были соглашаемы и совершенно ничего о сем деле не знали. О чем и начато было тою конторою производиться строжайшее исследование; доказателю ж ссыльному Казакову велено было управляющим итти в контору, но он, неизвестно куда, скрылся.

А посему, дабы сколь возможно поспешнее удостовериться в истине показанного в рапорте намерения, предпринятого ссыльными и участвующими с ними, и паче дознаться, не подал ли кто-либо повода им на мстительное озлобление, то по определению сей экспедиции, учиненному 30 числа того ж мая для приведения всего того в ясность внимательнейшим исследованием, командирован был г-н бергауптман Киргизов с придачею ему в помощь прапорщика Анисимова с тем, чтоб он, вытребуя от горной конторы начатое оною следствие, учинил по оному точнейшее изыскание начинщиков и участников в том заговоре, и нет ли у них где-либо в иных местах соумышленников на исполнение сего злостного намерения и, пока не будет приведено обстоятельство дела сего в ясность, разместить подозреваемых в преступлении и оговариваемых ими людей по разным местам под строжайшую стражу и по окончании следствия представить в сию экспедицию. О чем того ж 30 числа на сведение дано знать и Нерчинской горной конторе, которая по прибытии на Зерентуйский рудник г-на берггауптмана Киргизова и передала 1 числа июня при отношении начально произведенное ею по вышеозначенному предмету недоконченное следствие; из оного значится, что спрошенный в Нерчинской горной конторе 25 числа мая ссыльный Павел Голиков показал, что в последних числах апреля сего года бывал он неоднократно в квартире у ссыльнорабочих Вениамина Соловьева, Александра Мозалевского и Ивана Сухинова, познакомясь с ними, иногда Сухинову услуживал по доме, имел нередко с ним, Сухиновым, разговор, когда где случится, о бедном его, Голикова, и прочих рабочих состоянии; и в том апреле месяце Сухинов по вызову Голикова о неимении у его сапогов велел ему приискать таковые и на штаны купить дабы, обещаясь заплатить за то деньги, что и выполнил. После того, в одно время, проходя, он, Сухинов, с ним, Голиковым, по улице, и, между прочим, он, Сухинов, вызвался ему, Голикову, постараться подговорить к общему с ним побегу из проворных ссыльных хотя до 20 человек, обещаясь за то вознаградить все его недостатки, на что Голиков и согласился, будучи и сам к побегу готов; а при том просил его Сухинов сходить в Нерчинский завод и также пригласить к побегу проворных и известных ему, Голикову, ссыльных, но он от того ему отозвался тем, что ему никак итти в Нерчинский завод нельзя, ибо в оном есть ссыльные, отосланные для работ с Зерентуйского рудника, которые имеют на его, Голикова, злобу и в случае его к побегу вызова, могут о том доказать; на сие Сухинов просил его прислать ему ссыльного Василия Бочарова для посылки его в Нерчинский завод, сказав при том, если Бочаров не согласится итти в Нерчинский завод, то может съездить в оный и сам Сухинов; по просьбе коего он, Голиков, тогда же обратился в казармы, вызвал из оных Бочарова и с оным пришли оба к Сухинову, стоявшему в улице между огородами, принадлежащим к домам рядового Калашникова и ссыльного Игнатия Борисова: по приходе их, Голикова и Бочарова, к Сухинову сей последний просил Бочарова сходить в Нерчинский завод для приглашения к побегу ссыльных—Пятина и ему подобных, которых де Пятин при личном с ним, Сухиновым, свидании в заводе обещался подговорить, на что Бочаров дал ему обещание и вызвался, что он не имеет штанов, которые ему Сухинов обещался дать по времени и потаенно от его товарищей, почему Бочаров в 13 число мая ушел в Нерчинский завод и, обратясь из оного в ночи на 14 число около 11 часа, пришел прямо в казармы, застал его, Голикова, неспящим и сказал ему, что он никому о своем намерении не вызвался, ибо в рассуждении праздничного тогда дня все знакомые ему ссыльные были пьяны; а хотя он и старался увидеться со ссыльным Алексеем

Пятиным и, отыскивая его, встретил по улице 4-х рядовых, ведущих в полицию Пятина пьяного. Все сие пересказано Бочаровым 14 числа на дворе у квартиры потаенно и Ивану Сухинову, который просил его, Бочарова, постараться отыскивать к побегу людей в Зерентуйском руднике, и если таковых будет приглашено хотя до 20-ти человек, то можно усилиться забрать из цейхгауза солдатские ружья с патронами, потом итти в казармы, где проживают рабочие, и принудить всех их насильственным образом к общему побегу, разбить тюрьму, взять колодников с собою, достать из порохового подвала порох и из кладовой деньги, зажечь жительство, а чиновников посадить в тюрьму и зажечь; по выполнении ж сего итти в Нерчинский завод и сделать то же, как и в Зерентуйском руднике, забрав в оном наипервее при гаупвахте из фронта ружья, освободя из тюрьмы колодников, приглася их с собою, забрав пушки из военного цейхгауза, все ружья и патроны; а забравши сие в свою разбойническую партию, то при умножении оной и вооружении ничего уже сделать не могут, после чего проходить по заводам и рудникам, забирать в партию людей, с коими пройти свободно до читинского острога и, буде возможно, освободить из оного всех содержащихся там государственных преступников, с коими соединясь, сделать тогда особенное распоряжение и принять другие меры. В 15 или 16 число мая Сухинов послал с ним, Голиковым, Бочарову дабовые голубые шаровары и велел отдать их за услуги Бочарову, кои ему того же дня и отданы.

К побегу им, Голиковым, подговорены были ссыльные Федор Моршаков, Аврам Леонов, Василий Михайлов, Иван Каверзенко, Алексей Казаков, Антон Кавальчуг, Григорий Глаухин и Григорий Шинкаренко. Всех сих людей приглашал он, Голиков, каждого порознь и потаенно, где только случится могло, при чем о вышеприписанном намерении, хотя он тем товарищам и наказывал подробно, однако ж уверял, что будет человек способный путеводителем.

Во вторичном же допросе, отобранном в той же Нерчинской горной конторе 31 числа того ж мая, помянутый Голиков показал, что он сговор вышеписанным ссыльным к побегу учинил в пьяном образе, от ссыльного ж Сухинова хотя в разговорах и слышал об одном только побеге, и то из одного сожаления, что многие ссыльнорабочие очень в бедном положении, и если бы он был в таковом же, то б непременно учинил побег или лишил себя жизни, по каковому поводу он, Голиков, и приглашал вышеписанных ссыльных, но о прочих обстоятельствах, как то: о заборе из военного цейхгауза ружей с патронами и прочих злостных умыслах вовсе он, Голиков, от Сухинова и никогда не слыхал, да и по приезде Сухинова из Нерчинского завода в 23 и 24 число вовсе его не видал и ни о чем с ним не разговаривал; в 24 число, после обеда, по приходе его, Голикова, в питейной, сказал ему сиделец Птицын [13]), что Сухиновым оставлено у него следующих ему, Голикову, под работу денег 1 рубль 80 копеек, в число которых забрано им, Голиковым, в тот же день вином 1 рубль 60 копеек, а достальные 20 копеек получил наличными; прежнее же его, Голикова, показание учинено несправедливо оттого, что он после трехдневного пьянства был с похмелья и тем, мнительно, хотел себя оправдать; однако ж по взятию его, Голикова, в означенное 24 число в горную контору под стражу, от побега он и прочие были удержаны; о всех вышеписанных обстоятельствах и ссыльному Бочарову им, Голиковым, сказано не было; а только было с ним согласие к побегу и приглашение к таковому прочих людей.

Сие показание ссыльный Голиков подтвердил и при производимом г-м берггауптманом Киргизовым вообще с прапорщиком Анисимовым следствии.

А как между производством сего следствия г. берггауптман Киргизов заболел, то показанное следствие и поручено было производством докончить коллежскому секретарю Нестерову с упоминаемым прапорщиком Анисимовым.

При спросе ж оными г.г. Нестеровым и Анисимовым показанный ссыльный Павел Голиков, учинив отпирательство от первого показания [14]), подтвердил тоже последние два показания с дополнением, что взятые им от ссыльного Сухинова для отдачи ссыльному Бочарову голубой дабы шаровары он, Голиков, ему, Бочарову, не передавал, а удержал в свою пользу и после оные променял ссыльному Рубцову на сукманные с придачею от него ему, Голикову, денег 70 копеек.

Явившийся в Зерентуйский рудник в казармы ночью на 1 число минувшего июня из бегов ссыльной Василий Бочаров [15]) в произведенном г. г. берггауптманом Киргизовым и прапорщиком Анисимовым допросе показал, что он о сговоре к побегу и прочим злым намерениям ни от кого не слыхал и никто его не подговаривал, а он сам о побеге со ссыльным Голиковым, говорил или нет, будучи в 24 число мая пьян, совершенно не помнит. В Нерчинский завод пред учиненным побегом прежде за две недели с билетом на два дня для покупки соли ходил и ссыльного Павла Голикова на сход дабинные голубые шаровары и полусапожки брал и обратно пришел на рудник ему ж, Голикову, отдал; до побега ж его, Бочарова, совершенно по бедности его и по просьбе ссыльного Ивана Сухинова он ему со ссыльным Павлом Голиковым штаны синие дабинные прислал, а не из чего другого какого-либо случая, с чего же ссыльный Алексей Казаков сделал управляющему конторой и рудниками донос, он, Бочаров, совсем не знает, и сговору на злодейское предприятие к побегу намерения его ни с кем не было.

На очной ставке Голиков уличал Бочарова, что он его, Бочарова, к побегу подговаривал, но Бочаров в том не признался.

Ссыльный же Иван Сухинов в отобранных от него Нерчинскою горною конторою и берггауптаном Киргизовым показаниях в намерении к побегу и в подговоре к тому ссыльных Голикова и Бочарова и в посылке последнего для такового ж подговора ссыльных в Нерчинский завод и в прочих злых предприятиях признания не учинил, показывая, что он ничего о том не знает и пояснить не может. Ссыльным Павлу Голикову в работу за его, Сухинова, и по бедному его состоянию давал значущиеся в показании его деньги и вещи. И Василию Бочарову по просьбе его и бедности дал штаны синей дабы, которые и послал к нему, Бочарову, с Голиковым; впрочем, с ними никакой законопротивной связи он, Сухинов, не имел. А с чего он, Голиков, на его, Сухинова, и сие взвел, истинно не знает, в чем утвердился и на очной с Голиковым ставке.

Во время производства сего следствия, 13 числа июня до полудни проживающий в Зерентуйском руднике служитель Мирон Рудаков доставил в Нерчинскую горную контору притащенную к дому его собакою со степи человеческую левую руку, отделенную от самого плеча и имеющую невредимыми всю часть от кисти до локтя, почему в то ж самое время г. шихтмейстер Мелехин с пристойным числом людей отыскивали в окрестности Зерентуйского рудника мертвое человеческое тело, от которого и найдено в неглубоком шурфу, находящемся не доходя от кладбища до Ново-Зерентуйского приска примерно в 250-ти саженях, череп головной с волосьями и кишки, одежных вещей, шинель сукманная, белая рубаха холщевая, чарки юфтевые, кушак шерстяной, шапка овчинная, рукавицы юфтевые, пагаленки шерстяные и лоскут полушелковый старый. Все сии вещи доставлены в контору, а равно и череп головной с волосьями, которые вообще с рукою и внутренностию после освидетельствования медицинским чиновником преданы земле; при рассматривании ж найденной одежды дознано и утверждено некоторыми из рабочих, проживающих в зерентуйских казармах, что оные вещи принадлежат потерявшемуся 24 числа мая с Зерентуйского рудника ссыльному Алексею Казакову; а как он, Казаков, учинил словесный донос в то же 24 число о заговоре многими ссыльными к общему побегу из Зерентуйского рудника и о прочих злостных намерениях и после сего доказательства не был видим, то, известно, сомнение, не учинено ли ему убийство кем-либо из ссыльных, сговаривавшихся к побегу, из злобного отмщения за то, что Казаков учинил доказательство, или не приключилась ли ему смерть от других каких-либо случайных причин.

Дело сие доставлено для окончательного исследования г. берггауптману Киргизову: от оного ж за болезнию его передано оно по предписанию сей экспедиции на исследование г.г. коллежскому секретарю Нестерову и прапорщику Анисимову. Сими следствиями при представлении допросов, отобранных от служителей Рудакова, объявившего притащенную собакою человеческую левую руку, и бергауера Зиновьева, объявившего ж после того найденную им около того места, где найдены части человеческого тела, шапку, признанную рабочими принадлежащею потерявшемуся в 24 число мая ссыльному Алексею Казакову; в рапорте объяснено, что в 24 число мая по объявлению ссыльного Казакова начаты, хотя и неупустительно распоряжением г. управляю-

щего горною конторою, забираться принадлежащие к злостным намерениям люди под караул, в контору к спросам; но так как собираны были они из разных мест и особенно некоторые найдены были в березнике около селения Зерентуйского, то по сему и сбор всех тех людей продолжался после полудня того 24 числа мая, с 5-го по 7 час, по потере уже ссыльного Казакова; кем же он убит или другим каким образом лишен жизни, о сем обстоятельство очень темно, и никакими при исследовании дела убеждениями не можно было тогда открыть и дознать в убийстве его сущих виновников, да и прочих членов тела, кроме известных по делу головного черепа, левой руки и части кишек, нигде не отыскано; из одежных же вещей по особо вытребованному тем следствием от горной конторы в 28 число минувшего июня сведению означается, что, сверх прежде найденных в 29 число прошедшего мая, то-есть через 5 дней по потере ссыльного Казакова, еще найдена и объявлена была бергауером Зиновьевым, ходившим тогда в лес за дровами, его, Казакова, шапка, которая также хранится с прочими вещами в той конторе. Найдена же та шапка Зиновьевым, как из дела видно, в недальном расстоянии от Зерентуйского рудника и от того места, где после, то-есть в 13 число июня, по объявленной служителем Рудаковым человеческой руке отысканы головной череп, кишки и одежда, не более 10 и 15 сажень, как о том Нерчинская горная контора в доставленном по требованию того следствия сведении означает. А как при общем свидетельстве 14 числа июня находившимися при следствии чиновниками равно управляющим горною конторою с его помощником и прикомандированным сею экспедициею лекарем г. титулярным советником Владимирским того места, на котором найдены были некоторые человеческого тела члены и одежда, оказалось, что от того шурфа, где найдены кишки и одежда, не более примерно 2-х только сажен, очень приметно, что тут был убит и лежал ссыльный Казаков, потому что место то крайне утолочено и трава вся вымята, довольно же как на сем месте, так и около упомянутого шурфа имеется от одежды его изорванных или растерзанных собаками или другими дикими зверьми разных небольших и даже мелких лоскутков и часть черных волосов, бывшие же на нем чарки были найдены особо и недалече от того места; однако ж каждый один от другого порознь, и, как кажется, по целости их были кем-либо с него сняты: а по всему тому и можно полагать, что означенный ссыльный Казаков был убит, но каким орудием или как иначе, того по растерзанным, найденным немногим частям тела и одежды, того по делу не дойдено, равно и лекарским свидетельством (которое при том же приложено) не доказывается.

Засим помянутые ссыльные Голиков, Бочаров и все бывшие, по показаниям их в заговоре к побегу, вытребованы от Нерчинской горной конторы за стражею каждый порознь и в присутствии сей экспедиции допрошены, из коих Голиков утвердил первоначально сделанные ими в Нерчинской горной конторе 25 числа мая показания, а ссыльный Бочаров, сознавшись во всех обстоятельствах, согласно показанию Голикова, как о сговоре к побегу, так и о намерении по подговору ссыльного Сухинова привесть в действие все злостные намерения, помещенные в том Голикова показании, и, вообще, Голиков и Бочаров дополнили: что Голиков в 24 число мая от питейного дома (где он производил пьянство с товарищами) пошел один к квартире Сухинова и узнал от ссыльного Кириллы Анисимова, что Сухинов ушел вверх по улице, почему и он пошел к казарме и встретился в сенных той казармы дверях с Сухиновым, который сказал ему, Голикову, что он был в Нерчинском заводе и пригласил к побегу людей довольно, почему и нужно в ночи на 25 число в 10 часов собираться всем согласившимся людям около кладбища, что слышал и находившийся тут же Бочаров, на что Голиков вызвался Сухинову, что необходимо нужно для ободрения людей купить вина, посему Сухинов велел брать вина у сидельца, ссыльного Птицына, но с тем, чтоб замечать друг за другом, дабы кто-либо не доказал о предпринимаемом умысле. Окончив сей разговор, Сухинов пошел домой, а он, Голиков, сказавши прочим товарищам итти в питейный, пошел наперед сам, а за ним и прочие туда же, но не все вместе, а порознь. Подходя к питейному, пошел к огороду квартиры Сухинова и получил от него записку к Птицыну на отпуск вина на 70 копеек, которое и пили он, Голиков с Бочаровым, Моршаковым и Михайловым; после того Птицын отказал им более в отпуск

вина и требовал деньги, почему Голиков от питейного, увидав Сухинова в огороде, подошел к плетню, сказал ему, что целовальник Птицын более вина не отпускает, а между тем и целовальник Птицын, вышедши из питейного, вскричал Сухинову, что Голиков просит на счет его вина пол-осьмины,—Сухинов в ответ сказал, отпустить, обещаясь тотчас доставить деньги [16]), а засим поспешил он, Сухинов, из огорода в свою квартиру за деньгами, а Голиков обратился в питейный, куда очень скоро пришел и Сухинов, и при нем Голиков (sic!) в сенях того питейного дома отдал Птицыну пятирублевую ассигнацию и просил за вычетом из них собственного его долгу 1 рубль 80 коп., в том числе и за взятое им, Голиковым, того дня по записке вино —70 копеек, всего на остальные из оной 3 рубли 20 копеек, в числе коих причтены и за взятое перед тем по слову Сухинова вино 70 копеек, отпускать ему, Голикову, вина, и когда он с Моршаковым и Бочаровым и Михайловым равно и прочими их товарищами забрали у сидельца данные Сухиновым деньги и разошлись от питейного, и он, Голиков, ушел в казарму, где и пробыл часу до 2-го или до тех пор, как товарищ его, Бочаров, пришедши к казарме, сказал ему скрытно от прочих, что ссыльный Алексей Казаков, приходя к управляющему, объявил о всем их заговоре и побеге и что о сем ему, Бочарову, поспешил предварить ссыльный Моршаков с тем, чтоб он, Голиков, отыскал того Казакова и постарался напоить его допьяна и усыпить. Почему, знавши Голиков важность сего заговора, тотчас решился на отыск Казакова, и в то ж время увидели он, Голиков и Бочаров шедшего из улицы к казарме означенного Казакова пьяного; сказал Голиков Бочарову, чтоб зазвать Казакова в березник будто бы пить вина, что Бочаров и исполнил; и оба они пошли в чащу, а Голиков, не мешкав, следовал за ими и, отошедши от казармы саженях в 150, догнал Бочарова и Казакова и, бросившись к Казакову с азартом, взявши его за ворот, сказал Голиков, что он, Казаков, доноситель и, несождав от него, весьма оробевшего, никакого ответа, ударил Голиков имевшимся у него в руке камнем Казакова в висок так сильно, что он в то же время упал на землю, при чем он тем же камнем, ударив еще по голове несколько раз и видя его, Казакова, мертвым, привязали с Бочаровым ему за ноги кушак Бочарова, и сим средством оттащив от места убийства примерно сажень через 10 к шурфу, где снявши кушак бросили в тот шурф убитого и забросали ветвями и частию из отвала щебнем. По окончании сего, возвратившись, зашли на ключ, имеющийся на пути от березника, и Голиков, обмыв с рук кровь, пошли с Бочаровым вместе к питейному, где у сидельца Птицына выпили в одолжение вина на 20 копеек. В то ж время бывшая у питейного неизвестная им лет десяти девушка сказала, что их ищут солдаты в полицию, почему они поспешно пошли в рощу, не заходя никуда, особливо к ссыльному Сухинову, и потому о убийстве Казакова не имели случая сказать ему, Сухинову; в роще же, нашедши спящим ссыльного Моршакова, разбудили его и, не говоря ему о сделанном убийстве, пошли с ним в казарму и на пути повстречались с идущим от казармы надзирателем Астраханцовым, который и приказал им всем итти в контору; между тем подошел и Василий Михайлов, которому тоже приказано было итти туда ж; почему Голиков, Моршаков и Михайлов, пришедши в оную, взяты под караул: а Бочаров с дороги отпросился сходить в ту казарму под предлогом якобы взять кушак, но между тем, как и выше значит[ся], учинил побег. Про убийство ж сие Голиков никогда и никому из товарищей не сказывал и, знали ль они о сем каким-либо случаем, не знает, как равно, был ли кто намерен к таковому убийству ссыльного Казакова, тоже доказать не может. В прежних же допросах они, Голиков и Бочаров, о убийстве ссыльного Алексея Казакова не признались, и, наконец, изменил Голиков и первое показание на счет предпринимаемого побега с злоумышлением, ни от чего иного как для того только, что полагали от такового непризнания все то быть сокрытым и через то с своими товарищами избегнуть должного наказания.

Ссыльный Иван Сухинов в произведенных показаниях, а напоследок и на очных ставках по показанию ссыльного Голикова о сделанном тем Сухиновым, его, Голикова, подговоре к побегу, соглашении тому других и прочих предпринимаемых ими злых намерениях, а равно и с Бочаровым в посылке его в Нерчинский завод для подговора к побегу ссыльного Пятина и других, ни в чем признания не учинил, показывая,

напротив, что одежные вещи купил Голикову и дал Бочарову по их бедному состоянию из человеколюбия. На пропой Голикову с товарищами об отпуске вина сидельцу Птицыну записок не давал, а иногда случалось только, что посылал Голикова за вином с записками по малой части собственно для себя и товарищей; и в последний раз 24 мая дал в сенях питейного дома сидельцу Птицыну пяти-рублевую ассигнацию с тем, чтобы из нее зачел Птицын следующего с его, Сухинова, ему долга не 3 рубли 20 коп., как он в показании 19 числа сего июля утверждал, а по приведении ему сидельцем Птицыным на очной с ним ставке расчета, вспомнил, что 1 рубль 80 копеек, достальные же 3 рубля 20 копеек, в том числе и за отпущенное по слову его, Сухинова, вино тому Голикову 70 копеек, точно, отданы Голикову в наем за его, Сухинова, в работу; Бочарову поштанников белых холщевых с Голиковым не посылал, а послал синие дабовые штаны; в завод Бочарова к ссыльному Пятину не посылал, и неизвестно ему, был ли в заводе Бочаров, ибо от него о том не слыхал; а хотя в апреле месяце и мая 23 числа и был он, Сухинов, в Нерчинском заводе за покупкою для себя и товарищей разных вещей в торговом ряду у купцов Попова, Кандинских и Белокопытова, но со ссыльным Пятиным нигде не видался и вовсе его поныне не знает; по приезде ж в оба раза имел квартиру у экспедитора Климонтова и в лавки за покупкою вещей ходил с проживавшим у того Климонтова ссыльным Молессоном, что и сей в точности подтвердил.

Живущие вообще с Сухиновым товарищи его ссыльные Александр Мозалевский и Вениамин Соловьев показали, что они не слыхали ни от кого вызыву к учинению побега или какому-либо злостному намерению, равно и за Сухиновым ничего особенного, относящегося к какому-либо злоумышлению или подозрительной связи с другими ссыльными, они совершенно не замечали.

Ссыльный Алексей Пятин побег учинил из Нерчинского завода на 28 число июня и поныне не пойман; почему и остался неспрошенным.

Вышеписанными ж ссыльными Голиковым и Бочаровым, доведенными в присутствии сей экспедиции до признания, были подговорены к побегу и дали на то согласие, именно: Тимофей, непомнящий родства, Федор Моршаков, Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Иван Каверзенко, Григорий Глаухин и Никита Колодин, в чем они и признались. Прочие ж, и именно—Семен Семенцев, Василий Михайлов, Николай Григорьев, Антон Ковальчуг и Мирон Акатьев, признания в том не учинили, а Павел Анедин и Ефим Ильин подговариваны к побегу не были, в чем с них сговорил и Голиков.

А как из отобранных Нерчинскою горною конторою равно и в следствии производимом чиновниками, со ссыльных по вышеописанному происшествию, случившемуся в 24 число мая показании, доказывается, что из них многие пьянствовали не токмо в то 24 число, но и пред тем, то-есть 22 и 23, от какового пьянства делали они и в показаниях своих разные изменения и при том отзывы на беспамятство, то почему они были как рабочие люди допущены немалое время пьянствовать, об оном на посланный от следователей запрос Нерчинская горная контора объяснила, что из прикосновенных по следственному делу ссыльных замечен в пьянстве в 22 и 23 числа мая наиболее Голиков и Бочаров, а в 24 число и многие по их же приглашению совокупившиеся, из коих Бочаров и Моршаков были за таковое наказаны соразмерно, первый палками, а другой лозами, и Голикову учинено строжайшее подтверждение.

По всему вышеозначенному исследованию ссыльный Иван Сухинов в показываемом на него заговоре к побегу и другим злоумышлениям сознания ни в чем не учинил и прямыми доказательствами ни от кого не обличен, кроме оказавшихся в показаниях его разностей и сомнения в даче ссыльному Голикову денег.

Подлинную подписали обер гиттен-фервалтер *Рик.*
Обер гиттен-фервалтер *Чебаевской.*
Секретарь *Казаков.*
Губернский регистратор Дмитрий *Степанов.*
С подлинного сверял генерал-майор *Лепарский.*

Николай изучил этот документ так, как его изучит не всякий историк. Его взволновал главным образом слишком «свободный» режим декабристов и вообще каторжан в Сибири. От его внимательного глаза не укрылась ни одна мелочь: отчего Сухинов ходил по воле; отчего каторжники пьянствуют в будни; как смел каторжанин отлучаться в Нерчинский завод и иметь наемную прислугу. — Все эти детальнейшие замечания, записанные со слов Николая, сохранились в проекте отношения министру императорского двора, хранящемся среди документов по делу восстания. Они ясно обрисовывают образ Николая — тюремщика декабристов не только во время следствия над ними, но и позже, по ссылке в Сибирь.

№ 657-й
23 ноября 1828 года.

Проект отношения министру императорского двора.

Из донесений, поступивших в кабинет его величества в июле месяце сего года, ваше сиятельство изволите быть известны об открытом 24 мая сего года Нерчинских горных заводов в Зерентуйском руднике, посредством доноса ссыльного Казакова, заговоре каторжно-ссыльных к побегу и произведению разного рода буйства под предводительством одного из них, Ивана Сухинова.

13 августа воспоследовал на имя коменданта при Нерчинских рудниках генерал-майора Лепарского высочайший указ, чтоб виновные в сем возмущении преданы были военному суду и приговор приведен был в исполнение по силе 7 § учреждения о большой действующей армии.

А как в одно время с присланным в кабинет донесением от нерчинского горного начальства получен был об означенном происшествии рапорт и в главном штабе его величества от генерал-майора Лепарского, то я тогда же предписывал ему донести, что откроется по изысканию, в Зерентуйском руднике производившемуся.

Во исполнение сего генерал-майор Лепарский, донося мне ныне о получении им означенного высочайшего указа, представил вместе с тем копию из следствия, полученную им от управляющего Нерчинскими заводами берггауптмана Фриша.

Сие донесение генерал-майора Лепарского я имел счастие представлять государю императору.

Его императорское величество, рассмотрев во всей подробности обстоятельства и ход произведенного в Зерентуйском руднике по распоряжению горного начальства изыскания, изволил сделать на оное следующие замечания:

1-е) Ссыльный Сухинов, сосланный в каторжную работу как государственный преступник за участие в возмущении Черниговского полка, пользовался в Зерентуйском руднике совершенною свободою, ибо не только ходил невозбранно по улицам в питейный дом, но отлучался даже 23 мая и в Нерчинский завод.

2-е) Когда 24 мая ссыльный Казаков объявил в Зерентуйском руднике управляющему о заговоре ссыльных, то не только не был тогда же взят под стражу для предупреждения его от побега как единственное лицо, могущее обнаружить и доказать все подробности заговора, но был тогда же отпущен, а сие было следствием, что ссыльные Голиков и Бочаров из злобы на него за открытие их злоумышлений в тот же день его, Казакова, убили в самом недальном расстоянии от завода.

3-е) Голиков и Бочаров показали, что сего последнего посылал Сухинов в Нерчинский рудник, незадолго до открытия заговора, к ссыльному Пятину уговаривать и там к возмущению тех ссыльных, которых он, Пятин, при свидании с Сухиновым обещал подговорить. Но следователи не обратили никакого внимания на ссыльного Пятина и нетолько не взяли с него в течении слишком месяца показания, посредством коего мог бы обнаружиться злой умысел Сухинова, но даже не приняли меры к арестованию его как лицо прикосновенное к столь важному делу, и чрез то сей Пятин, не быв вовсе спрошен, 28 июня сделал побег, доказав тем явно участие его в злонамерении ссыльных Зерентуйского рудника.

4-е) Ссыльные, участвовавшие в заговоре, обращались в пьянстве 22, 23 и 24 мая и в сей последний день, предназначенный к возмущению, пьянствовали в питейном доме в числе десяти человек; из показания же ссыльного Бочарова видно, что и в Нерчинском руднике, когда он послан был туда Сухиновым, ссыльные тоже были пьяны. На вопрос следователей о причине допущения ссыльных к пьянству Нерчинская горная контора, признавая сама, что ссыльные, действительно, обращались в пьянстве, отвечала, что за оное Бочаров и Моршаков были наказаны соразмерно—один палками, а другой лозами, а ссыльному Голикову, обнаруженному по следствию одним из первых злоумышленников, сделано строжайшее только подтверждение. Из сего замечается, что со стороны местного горного начальства не только слабый надзор за каторжно-ссыльными, но явное попущение их к пьянству, могущее легко расположить к буйству и злоумышлению сих людей и без того закоренелых в пороках и преступлениях всякого рода.

5-е) Кроме показаний Голикова, Бочарова и Сухинова, других отобранных от прочих ссыльных, участвовавших в возмущении, в подробности не объяснено, и чрез то нельзя сделать соображения, в какой мере сходствуют оные с допросами Голикова и Бочарова и открывают умысел Сухинова. Не видно также в подробности и показания сидельца питейного дома ссыльного Птицына, который как свидетель пьянства ссыльных в день, назначенный к мятежу, получавший деньги от Сухинова на отпуск им вина, мог и должен знать некоторые обстоятельства, ведущие к открытию истины. Голиков говорит, что когда отпущенное ему по записке Сухинова сидельцем Птицыным вино было выпито, то сам Птицын, выйдя из питейного дома и увидя Сухинова, кричал ему, что Голиков просит вина полосьмины, на что Сухинов отвечал: отпустить; но по делу не видно, чтоб противу сего отобрано было показание от Птицына и от Сухинова.

6-е) Несмотря на то, что все прикосновенные к делу лица находились под рукою, следствие сие производилось весьма медленно, слабо и вообще не обращаемо было при оном того внимания и не употреблено той точности, каких требовала важность сего дела. Убийство ссыльного Казакова, произведенное Голиковым и Бочаровым близ самого завода 24 мая, не было открыто мерами розыска, а обнаружилось уже 13 июня, когда рука убитого была притащена собакою в самое селение рудника. Из сего следует, что с самого 24 мая, когда пропал без вести Казаков, или вовсе не был он отыскиван, или поиски производились слабо.

Все сии замечания государь император высочайше повелеть мне соизволил сообщить вашему сиятельству вместе с прилагаемою при сем представленною от генерал-майора Лепарского копиею из следствия на тот предмет, дабы вы изволили доложить по сему делу его величеству для получения по сему предмету дальнейших высочайших повелений.

Подписал: товарищ нач. глав. штаба граф *Чернышев*.
Верно: Правитель канцелярии *Вердеревский*.

Эти замечания — первый этап строжайшего исследования о режиме каторжно-ссыльных, поднятого зерентуйским делом. 27 ноября 1828 г. эти замечания, переработанные в оффициальное отношение, пошли за № 5764 из кабинета его императорского величества к товарищу начальнику главного штаба. 29 ноября 1828 г. Чернышев уже отсылал следующий приказ Лепарскому (за № 681):

Получив рапорт вашего превосходительства от 24 сентября № 537, с копиею из следствия, произведенного горным начальством по случаю заговора каторжно-ссыльных в Зерентуйском руднике, я имел счастье представлять государю императору. Его величество, усматривая, между прочим, из сего изыскания, что ссыльный Сухинов, сосланный в каторжную работу как государственный преступник за участие в возмущении Черниговского полка, ходил по воле, отлучался из Зерентуйского рудника в Нерчинский завод и даже имел для прислуги другого каторжного, высочайше повелеть соизволил строжайше исследовать, по чьему распоряжению сие было допущено.

государю императору угодно, чтоб сведение сие приказали вы произвесть состоящему при вас плац-майору, буде найдете то возможным его отлучить, в противном же случае избрали бы для того одного из надежнейших штаб-офицеров, вновь назначенных в Нерчинский горный батальон из внутренней стражи.

Объявляя вашему превосходительству сию высочайшую волю к надлежащему и немедленному исполнению, прошу вас донести мне в свое время, что по изысканию сему окажется, для доклада государю императору.

А пока Петербург изучал погрешности в режиме декабристов и строго запрашивал Лепарского о причинах послаблений, свершалась одна из самых страшных казней, которые видела Сибирь.

Первоначальное постановление комиссии по делу зерентуйского заговора нам известно по окончательному приговору Лепарского в его приказе от 29 ноября 1828 г. на имя исправляющему должность начальника Нерчинских заводов — берггауптману фон-Фришу *). Приговор комиссии был представлен Лепарскому 4 ноября. Лепарский нашел приговор «сходным с законами», но изменил его на основании приведенного выше приказа Николая I. Вина Сухинова было одинаково понимаема и комиссиею и Лепарским, но приговоры были различны. Комиссия постановила: «Ссыльного Ивана Сухинова за соглашение ссыльных Голикова и Бочарова к общему с ним побегу, принявшего злоумышление набрать партию ссыльных до двадцати человек и более, с ними взять насильственно в Зерентуйском руднике и Нерчинском заводе солдатские ружья, порох, пушки и денежную казну, итти по прочим рудникам и заводам, разбивать всюду тюрьмы для присоединения к себе колодников, приглашать и принуждать проживающих отдельно в казармах рабочих ссыльных и из жителей к общему бунту, истребляя все, что только ему противиться будет, а чиновников, находящихся в Зерентуйском руднике, забрать в тюрьму и зажечь оную; усиля же свою разбойническую шайку, пробраться в читинский острог, где освободить государственных преступников, принять тогда с ними решительные меры к дальнейшим злодеяниям; и, хотя он, Сухинов, ни в чем прописанном собственного сознания не учинил, а, напротив, опровергал то разного для сего околичностями и изменениями собственных своих сознаний, но достаточно на очных ставках изобличен ссыльными Голиковым и Бочаровым, а к тому, как он сослан в Нерчинские заводы в работу за участие в возмущении против высочайшей власти, довольно доказывается виновным; почему на основании указа 1775 года, апреля 28 дня, не домогаясь от него, как шельмованного и лишенного всех прав и доверия, собственного сознания за вышепрописанные его на сии злодейства покушении, по силе узаконений: воинских артикулов на 99-й толкования, 127-го, 135 и 137 -го с толкованием, и указа 1754 года мая 13-го, пункта 8-го, учинить ему, Сухинову, смертную казнь, повесить, но, сообразуясь с силою указов 1754 года, сентября 30 и 1817 года, декабря 25 дня до воспоследования разрешения наказать его кнутом тремястами ударами, поставить на лице клейма и, дабы он впредь подобных к преступлениям покушений сделать не мог, заключить его, Сухинова, в тюрьму».

Лепарский постановил: «Вместо того, согласно полевого уголовного по уложения (sic) главы II, § 7-го, главы V, § 40-го, определяю: Ивана Сухинова расстрелять».

Павел Голиков был признан «склонившимся к общему побегу и обольстясь обещаниями Сухинова и давшим слово к подговору других ссыльных; согласившим Бочарова сходить в Нерчинский завод для сего же подговора и по возвращении Бочарова уве-

*) «Былое» 1906 г. № 8, стр. 130—135.

домить о не сделании им на заводе успеха, неотставшим от Сухинова и тогда, когда оной ему объявил весь план злодейств, предпринимаемых им, привести в действие после побега; попустился учинить убийство бывшему в общем заговоре Казакову, открывшему, наконец, своему начальнику о заговоре к побегу, за утайку при неоднократных спросах о том убийстве и изменения его показаниев, по силе соборного уложения XXI-ой главы 72-го пункта, воинских артикулов: 43-го с толкованием, на 99-й толкования, 127-го, 135-го, 137-го с толкованием и указа 1754 мая 13-го, пункта 8-го учинить ему смертную казнь, повесить, но, сообразуясь с силою указов 1754 сентября 30 и 1817 года декабря 25 дня до воспоследования разрешения, наказать кнутом четыреста ударами и, подновив штемпельные знаки, заключить в тюрьму, дабы он впредь подобных преступлений сделать не мог». Лепарский изменил приговор: «Вместо того, согласно того же полевого уголовного положения и тех же параграфов, определяю: Павла Голикова расстрелять». Вина Бочарова была установлена в том, что он знал от Голикова и Сухинова о плане побега, подговаривал к тому других, пьянствовал, не исполнял назначенной ему работы даже после наказания палками, содействовал Голикову при убийстве Казакова, не послушался надзирателя и самовольно ушел в казарму, а затем учинил побег, во время следствия сделал «ложный извет на следователя берггауптмана Киргизова, утаил свои преступления при допросах и дал ложные показания». Комиссия вынесла такое же постановление, как и Голикову (с той разницей, что ударов кнутом Бочарову было назначено 350); Лепарский постановил: «Вместо того, согласно того же полевого уголовного положения и тех же параграфов, определяю: Василия Бочарова расстрелять».

Федора Моршакова, Тимофея непомнящего и Василия Михайлова комиссия определила наказать по 300 и 250 ударов кнутом и оставить на каторге; Лепарский постановил расстрелять и их.

Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Семен Семенцов, Григорий Глаухин, Иван Каверзенко, Никита Колодин, Николай Григорьев, Антон Ковальчуг, Мирон Акатьев, Павел Анедин, Ефим Ильин, Алексей Рубцов и Кирилл Анисимов были приговорены комиссиею к наказанию от 200 до 300 ударов кнутом. Лепарский приговор утвердил.

Комиссия и вслед за ней Лепарский признали не подлежащими наказанию: Соловьева и Мозалевского, так как было доказано, что никакого причастия к заговору они не имели. Было постановлено освободить их, «но, дабы они между собой не могли впредь иметь соглашения и свидания, разослать для определения в работы в разные рудники, усугубя местному начальству за их поступками внимательный присмотр» *).

О первоначальном постановлении комиссии кто-то сейчас же сообщил Сухинову [17]). Мысль о позорном наказании была непереносимой для Сухинова: он решил покончить с собой. Два раза Сухинов в тюрьме отравлялся мышьяком, скрывая свои страдания от часового, но оба раза его спасали усилия врача. Наконец, последняя ночь перед казнью решила его участь: он повесился в тюрьме на ремне, которым подвязывались оковы.

Между тем шли приготовления к казни. Неподражаемая «записка» Лепарского об обряде казни **) дает много ярких фактических штрихов. Первое, что надо было заготовить, — это деревянный столб «длиною поверх земли 2 арш. 12 верш., в земле 1 аршин».

---

*) Цитируемый документ сохранил указание и на то, что все военно-судное дело о зерентуйском заговоре занимало 370 писаных листов.

**) «Былое» 1906 г. № 5, стр. 37—38.

Сзади велено было вколотить два кольца. Лепарский приложил даже чертеж, как все это должно было быть расположено. Позади всего «в двух аршинах должна быть вырыта яма в земле глубиною, как роют для могилы, а шириною, чтобы тела шести человек могли поместиться». Велено было затем сделать «смертных шесть рубах белого холста, длиною чтоб не доходили до земли четверть аршина, и столько же широки, чтобы можно их одевать сверх одежды. А также шесть белых холщевых платков для завязыванья глаз». «И шесть веревок крепких двухсаженных...»

Велено было откомандировать шесть человек ссыльных, чтобы они отвязывали тела, бросали в яму и зарывали. В патронах велено было иметь не более 2 золотников пороху. Господину поручику Рику было приказано осмотреть ружья и карабины, проверить патроны по калибрам, «дабы при заряжении не было конфузии, если патрон не войдет в дуло». Для стрельбы было отряжено 15 человек. Для надзора за наказанием каждого вида (расстрел, кнут и плети) было отряжено по чиновнику. Место экзекуции должны была окружать до 20 служителей на конях, с заряженными ружьями («вместо жандармов»). Очень характерно заключение: «Все время до дня экзекуции, особливо в последнюю ночь, должно усугубить надзор за арестантами, и если можно, и прибавить караулы, ибо они, узнавши о приготовлениях, готовы решиться опять на что либо отчаянное». Записка «обряд казни» датирована 29 ноября 1828 года.

3 декабря 1828 года Лепарский рапортовал графу Чернышеву о казни над восставшими, в скобках сухо упоминая о смерти Сухинова.

Секретно. Товарищу начальника главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

Коменданта при Нерчинских рудниках
генерал майора Лепарского

Рапорт.

По высочайшему государя императора повелению, последовавшему ко мне за собственноручным его величества подписанием от 13 числа прошлого августа, исполнен мною приговор, заключенный комиссиею военного суда, при Нерчинском заводе учрежденной, над подсудимыми ссыльными, намеревавшимися в прошлом мае месяце под предводительством ссыльного же Ивана Сухинова учинить из Зерентуйского рудника побег, произвести возмущение и разные злодеянии, по которому приговоренные из них к смертной казни, а именно: Иван Сухинов, Павел Голиков, Василий Бочаров, Федор Моршаков, Тимофей непомнящий прозвания, Василий Михайлов, по силе учреждения для большой действующей армии (кроме Ивана Сухинова 1-го сего декабря удавившегося в тюрьме) при мне сего числа расстреляны.

По тому же делу наказаны кнутом, с подновлением штемпельных на лице знаков, Аврам Леонов, Григорий Шинкаренко, Семен Семенцев, Григорий Глаухин.

Наказаны плетьми: Иван Каверзенко, Никита Колодин, Николай Григорьев, Антон Ковальчук, Мирон Акатьев, Павел Анедин, Ефим Ильин, Алексей Рубцов, Кирило Анисимов.

Освобождены от дела: Вениамин Соловьев, Александр Мозалевский, Константин Птицын.

О чем вашему сиятельству имею честь донести, а равно, что о том же донесено мною сего числа за № 660 господину министру императорского двора.

Генерал майор *Лепарский*.

№ 661
Декабря 3 дня
1828 года
Нерчинский завод.

А вот мемуарный рассказ об этой же казни:

На другой день после смерти Сухинова начались приготовления к наказанию Голикова, Бочарова и их сообщников. Рыли глубокую яму, ставили столбы, шили саваны, делали новые и поправляли старые кнуты и плети... Генерал присутствовал сам и распоряжался экзекуциею. Он приказал производить вдруг все роды наказания, вероятно, для сокращения времени. Все преступники были приведены на лобное место, и охладевшее тело Сухинова между ними видимо было, которое тотчас бросили в приготовленную яму. На приговоренных к смерти надели белые саваны, и первый Голиков был привязан к столбу у самого края вырытой ямы. Он был весьма спокоен и просил убедительно оставить его глаза незавязанными, но его просьбы не были уважены. Незадолго до выстрелов, он начал что-то говорить... «Я не виноват»,— были последние слова, как ружейный залп вырвал у него жизнь с быстротою молнии. Бездушное тело спустилось вниз по столбу, сейчас было отвязано и брошено в яму.

Потом расстреливали Бочарова. Должно думать, что сия необыкновенная сцена подействовала на самих исполнителей приговора, ибо солдаты потеряли меткость. Бочаров был только ранен; унтер-офицер подошел к нему, вонзил штык в грудь и сим кончил мучения бедного страдальца. Михайло Васильев выдержал залп и остался невредим. Солдаты укоротили дистанцию и начали поодиночке стрелять.

Генерал Лепарский сердился, кричал, бранил офицера и батальонного командира за то, что подчиненные их не умеют стрелять, и приказал скорее как-нибудь сию трагическую сцену кончить. Солдаты ранили Васильева несколькими пулями, но не убили; наконец, подскочили к нему и прикололи его штыками. С двумя последними сообщниками Голикова и Бочарова почти то же самое случилось, что и с Михайлом Васильевым.

В одно и то же время, когда одних расстреливали, три палача наказывали кнутом и плетьми других, приговоренных к сим наказаниям. Невозможно представить себе всех ужасов сей кровавой сцены. Вопли трех жертв, терзаемых палачами, командные слова, неправильная пальба, стон умирающих и раненых,—все это делало какое-то адское представление, которое никто не в силах передать и которое приводило в содрогание самого бесчувственного человека [18]).

Эти воспоминания рисуют во всей живости и трагичности сцену, о которой сухо и кратко доносит генерал Лепарский. Мемуарист развил, углубил каждую деталь. И, наоборот, есть одна трагическая сторона расстрела, которой не может вскрыть мемуарист: он лишь отмечает что-то неладное с расстрелом — расстреливали плохо: предположительное объяснение мемуариста — волнение солдат, которые из-за этого потеряли меткость. Но вот документ, открывающий секрет трагедии расстрела:

Товарищу начальника главного штаба его императорского величества господину генерал-адъютанту и кавалеру графу Чернышеву

Коменданта при Нерчинских рудниках
генерал майора Лепарского

Рапорт.

Команда 5 горного батальона, квартирующая в Нерчинском заводе, имея налицо 170 человек рядовых, не могла для 70 человек, находившихся в параде для экзекуции при расстреливании осужденных преступников, о коих я имел честь вчерашнего числа рапортом за № 661 донести вашему сиятельству, набрать более 40 ружьев; из оных выбранных пятнадцати половина людей не могла исправно стрелять, и за всем тем, что я приказал уменьшить пороху в патронах, не без опасности по ослаблении казенных шурупов, можно было решиться употребить для пальбы сии ружья, поступившие в оной батальон еще в 1775 году и у коих все пружины и шурупы совершенно негодные, а штыки уже вовсе не употребляются, имея развернутые трубки.

Почему полагая, что кабинету его величества в таком виде о негодности ружьев никем не было представляемо, да притом, считая оной батальон вооруженным теперь хуже, как бы он имел одни только пики, я почел долгом службы довести о всем сказанном до сведения вашего сиятельства.

Подлинный подписал генерал майор *Лепарский*.

№ 662.
Декабря 4 дня
1828 года.
Нерчинский завод.

Царское правительство «не умело повесить» декабристов 13 июля 1826 года на кронверке Петропавловской крепости: у троих оборвались веревки. Не умело оно и расстрелять, не причиняя лишних, нечеловеческих мук тем, кто пытался в первый и единственный раз восстать во имя освобождения декабристов в Сибири.

В ответ на рапорт ген. Лепарского о негодности ружей военный министр дал распоряжение 27 января 1829 года (за № 5) артиллерийскому департаменту, по поручению Николая I, отправить нужное количество ружей в Нерчинские рудники.

Между тем Петербург все не забывал о слишком свободном режиме каторжан, а вопросы, возбужденные Николаем при чтении следственного дела, продолжали оставаться без ответа, и чуть ли не через полгода после первых распоряжений по поводу восстания в Зерентуйском руднике Лепарский получил напоминание 31 марта 1829 года от дежурного генерала главного штаба.

Отвечая, Лепарский в рапорте от 1 июня 1829 г. отговорился болезнью, как своей, так и состоящего при нем плац-майора. Другой причиной промедленья была задержка прибытия вновь назначенных штаб-офицеров. Свой рапорт Лепарский заканчивал уведомлением, что 30 мая командирован им для следствия плац-майор.

Лепарский взялся за дело следствия и на этот раз выполнил задачу, по крайней мере с канцелярской стороны. 16 июня, через год с лишним после открытия зерентуйского заговора, в Петербург из далекого Забайкалья было отправлено объемистое «дело».

В нем имеются очень интересные документы по препровождению Сухинова в Сибирь: дан список партии каторжан, с которой он шел, указание сопровождавшим кордонным казакам, как вести себя, конвоируя осужденных, большое количество отношений в Нерчинскую горную экспедицию от иркутского губернского правления с препровождением статейных списков отправляемых преступников и другие ценные документы.

Самое следствие было ведено через плац-майора при Нерчинских рудниках Северского конно-егерского полка капитана Лепарского. По требованию последнего давались сведения начальником Нерчинских заводов фон-Фришем и Нерчинской горной экспедицией. Последняя и дала наиболее полное объяснение о неисправностях в режиме каторжно-ссыльных.

Оказалось, что Соловьев, Сухинов и Мозалевский «с товарищи» были приведены закованными, но сопровождавшие их кордонные казаки имели письменное предписание по приводе преступников кандалы забрать и отнести обратно. Никаких особых предписаний о новом закковании Сухинова и его товарищей не было, — поэтому начальством были «назначены употреблению в работу» раскованными и «разосланы от сей экспедиции сообразно потребности в людях по разным заводским местам, из коих Сухинов, Соловьев и Мозалевский—в Нерчинскую горную контору...» О том же, каков

был режим их по рассылке, «экспедиция была неизвестною», так как все те «места» непосредственно отчитывались перед Лепарским. Посему отписка экспедиции в конце и намекала:

«А посему о всем вышеизъясненном представить к исправляющему должность начальника заводов и кавалеру для представления от него всего того, куда следовать долженствует».

Едва ли это объяснение удовлетворило правительство. Предпринятая концентрация «государственных преступников» в Петровском заводе должна была облегчить надзор за ними и предупредить возможность попыток к бегству. В общем, зерентуйское дело повлияло на ухудшение режима декабристов.

Тем закончилось зерентуйское восстание, — единственная организованная попытка освобождения, предпринятая декабристом.

М. Нечкина.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Они находятся в Москве, в Военно-историческом архиве в делах «секретной части канцелярии дежурного генерала» за 1828 год: связка 43, дело № 92 «об открытом в Зерентуйском руднике Нерчинских заводов намерений ссыльно-каторжных к побегу и произведению разного рода неистовств», и дело № 115 той же связки, того же года под заглавием «По представлению коменданта при Нерчинских рудниках, должны ли поступать в его ведение присланные к нему преступники Дмитрий Таптиков, Василий Колесников и Андрей Быстрицкий и об отправлении к нему в читинский острог преступников: Соловьева, Мозалевского, Завалишина и Сухинова по окончании над последним дела в Зерентуйском руднике, и Дружинина».

2) Об истории этого бегства и многом предшествовавшем ему в жизни Сухинова (о получении дворянства) см. статью Ю. Г. Оксман «Поимка поручика И. И. Сухинова», в сборнике «Пушкинского Дома» «Декабристы. Неизданные матерьялы и статьи». М. 1925, стр. 71 и др.

3) Военно-исторический архив в Москве, опись № 847, связка 14, дело 88 — «Дело по рапорту ген.-адъют. бар. Толя об остановленном в киевской почтовой конторе письме полк. Бриггена к кн. Трубецкому», л.л. 5—7, а также по той же описи, в связке 15 под № 132, «Дело о поручике Александрийского гусарского полка Сухинове, участвовавшем в возмущении Черниговского пехотного полка».

4) Там же, л. 5, копия с отношения ген.-адъют. бар. Толя к херсонскому губернатору от 16/I 1826 за № 99.

5) Мемуары, приписываемые И. И. Горбачевскому. М. 1916, под ред. Б. Е. Сыроечковского, стр. 195.

6) Там же, стр. 197. Ср. «Записки кн. М. Н. Волконской», 1904, стр. 86. Здесь Сухинов ошибочно назван Сухининым.

7) Не только Казакова. В «Записках» Горбачевского есть указание на второй донос («Записки» Горбачевского, стр. 205), в очерке же о Сухинове (там же, 231 стр.) указывается, что этот второй доносчик был Тимофей, непомнящий прозвания. Если Казаков был пьян, и настолько, что Черниговцев (управляющий Нерчинским рудником) его отослал проспаться, едва ли он мог сообщить сразу столько подробностей о заговоре, позже подтвержденных следствием.

8) Лефортовский Архив, опись 847, связка 43, дело 115, см. выше примечание 1-е.

9) В очерке «И. И. Сухинов» неправильно указано, что Казаков сделал донос 2 мая («Записки» Горбачевского, стр. 231).

10) Павел Голиков, казарменный староста, некогда был фельдфебелем в учебном карабинерском полку, за какой-то проступок был разжалован, наказан кнутом и сослан в Сибирь. В «Записках» Горбачевского говорится, что он «поражал всех диким и независимым своим нравом; какая-то душевная сила возвышала его над всеми другими и приводила в трепет самых закостнелых, отчаянных воров и разбойников». Василий Бочаров был сыном богатого астраханского купца, так же за какое-то преступление был наказан кнутом и сослан. О нем Горбачевский говорит: «Тонкий и хитрый ум Бочарова и некоторая степень образованности покоряли ему развращенную и необдуманную толпу его товарищей». Из среды других каторжников мемуарист выделяет также «Михаила Соловьева», вероятно, спутывая имя и фамилию Василия Михайлова; последний ранее также был фельдфебелем в одном гвардейском полку. Трое упомянутых лиц и еще двое их товарищей, имена которых автор записок забыл, «были каждый в своем роде весьма замечательные люди и отличались от презренной толпы обыкновенных воров и разбойников. Ни страх наказания, ни видимая опасность не могла удержать их ни в каких замыслах; будучи доведены до крайней нищеты и унижения, не имея никакой надежды к избавлению, испытывая беспрерывно несправедливости, они были ожесточены против всяких начальств. Ненависть, злоба и мщение наполняли их сердца; разврат погасил в их сердцах чувствование своего достоинства; однако же при всем своем унижении, они отличались от всех других ссыльных каким-то особенным над ними влиянием и, видимо, брали везде над своими товарищами поверхность»: Тимофей, непомнящий прозвания, второй доносчик, был денщиком Черниговцева и жил у него в доме. («Записки» Горбачевского, 198—199, 228—229).

11) В «Записках» Горбачевского неправильно указано, что Сухинов арестован 26 мая вечером (стр. 205). В очерке же «И. И. Сухинов» — также неправильно указывается, что арест имел место 23 мая в 5 часов вечера. Из комментируемого документа видно, что арест Сухинова, как и прочих, произошел 24 мая.

12) В очерке «И. И. Сухинов» упомянуты еще две важные детали плана: восставшие хотели прервать почтовые сношения и, после освобождения государственных преступников, бежать за границу. В этом нет ничего несбыточного: китайская граница была близко, и каторжники в своих побегах обычно стремились к ней. («Записки» Горбачевского, 232).

13) Целовальник Птицын — бывший юнкер Гусарского полка в очерке «И. И. Сухинов» называется одним из важнейших участников заговора (стр. 228—229). Участники заговора все время пьянствуют в его заведении, и любому непредубежденному читателю следственного дела ясно, что Птицын играл в заговоре большую роль. На это обратил внимание Николай I, заметивший, что «Птицын как свидетель пьянства ссыльных в день, назначенный к мятежу, получавший деньги от Сухинова на отпуск им вина, мог и должен знать некоторые обстоятельства, ведущие к открытию истины». Между тем Константин Птицын был освобожден от дела за непричастностью. Не сыграл ли здесь роль подкуп?

14) Характерно для всего дела отпирательство подсудимых от первоначальных показаний. В «Записках» Горбачевского и в очерке «И. И. Сухинов» определенно утверждается, что при допросах применялись всяческие способы воздействия, начиная с угроз, вплоть до пыток: «допросы сопровождались жесточайшими побоями» (там же, стр. 230). «Известно, каким образом в Сибири производятся допросы: плети, палки и розги почитаются в сем случае лучшими путеводителями к истине. Телесные истязания заставили Голикова признаться...» (Там же, стр. 205.)

15) В «Записках» Горбачевского неправильно указано, что Бочаров был пойман. Если б это было действительно так, начальство рудников не преминуло бы подчеркнуть это. Случаи добровольного возвращения беглых часты в сибирской каторге, так тяжелы условия побега.

16) Невольно рождается вопрос, откуда у Сухинова было так много для его положения денег. Точных указаний на это важное обстоятельство нам не удалось разыскать ни в мемуарной литературе, ни в документах. Есть указание на то, что у Соловьева,

Мозалевского и Сухинова «вещи и деньги — все было общее» («Записки» Горбачевского, стр. 203) и что Сухинов тратил очень много; это вызывало неудовольствие товарищей, не решавшихся из деликатности упрекать Сухинова. Была некоторая связь и с читинским острогом. Во время следствия Соловьев и Мозалевский виделись с Сухиновым, и, будь у них деньги, дело могло бы принять другой оборот. Волконский прислал к ним нарочного с предложением снабжать их всем нужным, но «хотя писали они в Читу и просили денег, но ответа никакого не получили; вероятно, письма их не достигли своего назначения» (там же, стр. 233—очерк «И. И. Сухинов»).

17) В только что вышедшей книжке «Былого», посвященной столетию восстания декабристов (1925, № 5 (33), стр. 109 — 114) опубликована М. Азадовским любопытная записка, относимая им к заговору Сухинова. Она обращена к некоему Тимофею Васильевичу, подписана Иваном Бушуевым и содержит указание на грозящее первому наказание кнутом на какое-то воззвание к народу и цареубийство. Азадовский полагает, что это и есть записка, предупреждающая Сухинова. Я считаю это толкование мало-вероятным — комментатор упускает из виду, что заговор был в Зерентуйском, а записка найдена в Акатуевском руднике, и объяснения этому не дает.

18) «Записки» И. И. Горбачевского, стр. 211—213.

Из записной книжки архивиста.

П. И. Пестель. «Конституция Государственный завет».

«Конституция Государственный Завет» печатается не с подлинной рукописи Пестеля, а с копии. Краткая история этой копии такова: Бестужев-Рюмин, развив среди «Соединенных Славян» энергичную агитацию за организационное слияние их общества с Южным, для вящшего убеждения Славян выдвинул аргумент, пользовавшийся среди членов и Южного и Северного общества исключительной силой убедительности: «...дабы избежать долговременности и кровопролития революции французской, необходимо предварительно приготовить хорошую конституцию, дабы, разрушив существующий порядок вещей, его немедленно заменить лучшим» [1]). И для доказательства, высокой организованности расхваливаемого им [2]) Южного общества он заявил Славянам, «что у нас конституция уже давно сочинена, и потому если хотят (славяне. *С. М.*) променить цель невозможную (т.-е. объединение всех славянских племен в единую федеративную демократическую республику. *С. М.*) на истинно для России полезную, то они должны присоединиться к нашему обществу» [3]).

Но Бестужев-Рюмин, видя колебания Славян, понял, что одними словесными заявлениями о том, что Южное общество настолько подготовилось к революционным действиям, что даже предусмотрительно составило конституцию, ему не удастся окончательно убедить Славян в необходимости слияния обоих обществ. Поэтому он решил подкрепить свои слова фактами — показать Славянам конституцию Южного общества. Горбачевский в своих воспоминаниях очень красочно рассказывает, что Славяне заставили Бестужева-Рюмина показать им хваленую конституцию: «Потом начал говорить он (Бестужев-Рюмин. *С. М.*) о силе своего общества, об управлении оного верховной думой, о готовности Москвы и Петербурга начать переворот, об участии в сих намерениях 2-й армии, гвардейского корпуса и многих полков 3-го и 4-го корпусов. Из его слов видно было, что конституция, заключающая в себе формы республиканского правления для России и получившая одобрения многих знаменитых публицистов английских, французских и германских, принята была единодушно и членами Южного общества. Большая часть Славян соглашалась на соединение, но прежде хотели видеть составленную конституцию, узнать меры к введению оной и имена главных членов Южного общества.

Бестужев обещал немедленно доставить им копию

---

[1]) Показания Бестужева - Рюмина. Дело № 396, л. 142.

[2]) Член о-ва Соединенных Славян Пестов говорит, что Бестужев-Рюмин на собрании Славян «ничего больше не говорил, как восхвалял то общество и тех людей, которые находились в оном». Дело № 436, л. 6.

[3]) Дело № 396, л. 142.

Дѣлешъ Земель

230

1) Кого есть 1000 Душъ и болѣе.

1) Естьли на каждую Душу имѣется по 10 или болѣе Дѣсятинъ Земли тогда половина Земли останется за Помѣщикомъ а другая половина отберется для Волости безъ всякаго помѣщику возмездія.

2) Естьли на каждую Душу имѣется менѣе 10 Дѣсятинъ Земли (по не менѣе пяти) тогда половина Земли останется за помѣщикомъ а другая половина отберется для Волости а за оную получитъ помѣщикъ возмездіе.

а.) 1000.	9.	9000.	4500.	4500.	500.	5000
1000.	8.	8000.	4000.	4000.	1000.	5000
1000.	7.	7000.	3500.	3500.	1500	5000
1000.	6.	6000.	3000.	3000.	2000.	5000
1000.	5.	5000.	2500.	2500.	2500	500
1000.	4.	4000.	2000.	2000.	2000.	400
1000.	3.	3000.	1500.	1500.	1500	3000
1000.	2.	2000	1000.	1000.	1000.	2000
1000.	1.	1000.	500.	500.	500.	1000

такимъ образомъ что ему додается къ его Земель и указанныхъ Земель нужное число Дѣсятинъ дабы итогъ всѣхъ его Земель составлялъ 5000 Дѣсятинъ

3) Естьли на каждую Душу имѣется менѣе 5ти Дѣсятинъ Земли тогда къ половинѣ остающейся за помѣщикомъ додается точно таковое же число Дѣсятинъ таковое отъ него отберется

1) Естьли у Помѣщика имѣется 10,000 Дѣсятинъ Земли или болѣе, тогда отбирается у него половина Земли безъ всякаго Возмездія.

2) Естьли у Помѣщика имѣется менѣе 10,000 по не менѣе 5000 Дѣсятинъ Земли тогда за отбираемую половину Земли дается ему возмездіе состоящее въ таковомъ числѣ Дѣсятинъ Земли чтобы итогъ возмездной Земли и за ними остающейся Земли составлялъ всего на всего 5000 Дѣсятинъ.

3) Естьли у Помѣщика имѣется менѣе 5000 Дѣсятинъ Земли

Страница из подготовительных набросков Пестеля к „Русской Правде“, содержащая проект аграрной реформы.
(Архив Окт. Революции. Особ. Отд. Фонд XXI, д. № 10, л. 230.)

с конституции, объяснить цель, меры и управления оного общества и при окончательном соединении дать наименования главных членов» [1]). Чтобы удовлетворить требование Славян, Бестужев-Рюмин, доставил им документ под названием Государственный Завет, представляющий собой краткое изложение основных положений одного из вариантов «Русской Правды» Пестеля.

Другой «конституции» в Южном обществе не было, но находящийся у Бестужева-Рюмина текст «Государственного Завета» не был написан самим Пестелем.

«Завет сей, — говорит в своих показаниях Бестужев-Рюмин, составлен Пестелем и почерпнут из «Русской Правды» [2]). На вопрос Следственной Комиссии, не является ли он автором найденного у Славян «Государственного Завета», Пестель ответил: «Я не знаю, какой Государственный Завет дан был от Бестужева-Рюмина Славянскому обществу, но точно помню под моей диктовкой писал Бестужев извлечение краткое из «Русской Правды» [3]). Эту свою запись Бестужев-Рюмин и передал члену общества Соединенных Славян Пестову, с которой было снято несколько копий.

Публикуемый нами текст «Государственного Завета» является одной из таких копий, снятой Борисовым 2. Находится она в деле Шимкова [4]), который получил ее от Спиридова [5]). Чрезвычайно любопытны указания Шимкова, что некоторые из циркулировавших между Славянами копий «Государственного Завета» были написаны настолько неразборчиво, что их пришлось уничтожить [6]). Свидетельство Шимкова, как и внешний вид копии Борисова 2, которую мы даем, сохраняя полностью ее орфографию и пунктуацию, должны служить для исследователей предостережением против поспешных выводов и напоминанием, что Пестель не является подлинным автором единственно дошедшего до нас текста «Конституция Государственный Завет».

Сообщил *С. Мильман.*

Конституция Государственный завет.

1) Границы Россійскаго государства Суть . . . . . При семъ случаѣ дѣйствуютъ два Правила: Правило Благопріличія для Россіи и Правило Народности Плѣменъ или Народовъ смѣжныхъ и подвласныхъ — Когда дѣло идетъ о Народѣ Могущемъ пользоватся независимостію и Самостоятельностію, тогда правило Народности беретъ Перевѣсъ. Когда же дѣло идетъ о народѣ не могущемъ оными пользоватся и долженствующимъ Быть подъ покровительствомъ и зависимостію у другой Славнѣйшей державы тогда правило благопріличія для россіи Беретъ перевѣсъ. — Польша. — Правило Народности объявляетъ независимость и Самостоятельность Народа, но правило благопріличія опредѣляетъ въ семъ Случаѣ Частности Границеположенія.

2) Россійское Государство раздѣляется в отношеніи Законнаго своего Пространства на 10 областей и 3 удѣла. Удѣлы суть Столичный въ коемъ пребываетъ и сосредоточивается

---

[1]) Горбачевский, И. И. «Записки и письма». М. 1925, стр. 49—50. Разрядка принадлежит нам. *С. М.*

[2]) Дело № 396, л. 142 об.

[3]) Показания Пестеля. Дело № 394 л. 234.

[4]) Дело Шимкова № 445, л.л. 8—9.

[5]) Там же, л. 11.

[6]) Там же, л. 11.

Государственное Правленіе. Нижній Новгородъ или Москва, Донской и Киргизской. — Каждая Область Состоитъ изъ 5 Губерній или Округовъ. Губерніи Состоятъ изъ уѣздовъ уѣздъ Состоитъ изъ волостей Волости бываютъ цѣльныя и приписныя 1000 обывателей мужеск. пола.

3) Государство Состоитъ изъ Народа и Правительства [1]).

4) Весь Россійскій Народъ Составляетъ одно Сословіе Гражданское всѣ нынѣшнія Сословія уничтожаются и сливаются въ одно Сословіе Гражданское—Всѣ различныя Племена Составляющія россійское Государство признаются Русскими и слагая различныя свои Названія Составляютъ одинъ Народъ русскій всѣ россіянѣ росписаны по волостямъ Каждый россійскій Гражданинъ Есть члѣнъ Которой либо волости Сіе замѣняетъ теперешнее разспредѣленіе россіянъ по сословіямъ. Волость имѣетъ для своихъ Членовъ два Списка Гражданской и Скарбовой Въ Скарбовой Списокъ вносятся Гражданѣ имѣющія въ волости Какую нибудь Собственность Подать берется съ Собственности — Посему Можетъ одинъ и тотъ же человекъ въ Скарбовыхъ Спискахъ Многихъ волостей быть записанъ [2]), но въ Гражданскомъ Спискѣ можетъ каждый Быть записанъ только [3]) по одной волости ибо Гражданской Списокъ означаетъ Политическое Состояніе, а политическимъ [4]) Правомъ пользуется Каждый русскій въ той только волости въ которой Состоитъ въ Гражданскомъ Спискѣ.

5) Вся земля къ Каждой волости принадлежащая, раздѣляется на двѣ Части: Волостную и Частная Первая принадлежитъ всему обществу вторая Частнымъ Людямъ Первая Составляетъ Собственность общественную, вторая Собственность Частную. Волостная земля есть неприкос — (л. 8 об.) новенна, она раздѣляется На участки. участки раздаются по требованіямъ Членовъ волости. Остальная Земля отдается въ Наемъ постороннимъ Людямъ не иначѣ какъ на одинъ Годъ. — Естли требуется болѣе участковъ нежели сколько таковыхъ имеется, тогда не удовлѣтворяется требованіе тѣхъ, которыя наибольшіе [5]) Число участковъ взять желаютъ участки сіи Переходятъ изъ рукъ въ руки въ тѣхъ только Случаяхъ когда являются новыя требователи Сіи Требователи Суть или такія кои прежде никакаго участка не брали или желаютъ нынѣ взять болѣе у кого участокъ отбирается тотъ Самъ назначаетъ какой участокъ онъ отдаетъ. Правило Совокупной Стоятельности (principe de la Solidereté) Передъ Правительствомъ является всегда волость а не люди порознь. — Россіянѣ Составляли народъ Состоящій изъ однихъ обывателей земли всѣ россіянѣ суть помѣщики или частныя или общественныя.

6) Переходъ изъ нынѣшняго Положенія въ порядокъ здѣсь предлагаемый Есть постепейной у нынѣшнихъ Помѣщиковъ Земли откупается оброкомъ или работою лѣтнѣю. Напередъ заводится Сіе въ казенныхъ имѣніяхъ и волостяхъ а потомъ уже въ частныхъ оброчныя Селенія и пахотныя Селенія дворовыя люди заводскія Крестьянѣ продолжая нынѣшніе [6]) занятіе положенное время тѣже сами откупаются а дворовыя в волости поступаютъ.

7) Правительство раздѣляется на вѣрховную [7]) власть и Государственное Правленіе.

8) На щетъ устроенія верховной власти отвергается правило равновѣсія властей но принимается правило Опредѣлительности Круга дѣйствія Вѣрховная власть раздѣляется на Законодательную и верховно Исполнительную. — Первая поручается Народному вечу вторая державной думѣ Сверхъ того нужна

---

[1]) Первоначально было написано «Правления».

[2]) Перв.: «записаннымъ».

[3]) Дальше след. зачеркнутые две буквы.

[4]) Перв.: «политическое».

[5]) Перв.: «наиболее».

[6]) Перв.: «нынешніе».

[7]) Перв.: «верховную».

еще власть блюстительная дабы тѣ двѣ не выходили изъ своихъ предѣловъ власть блюстительная поручается вѣрховному Собору.

9) Народная вечa Состоит изъ Народныхъ Представителей выбранныхъ Народомъ на 5 лѣтъ каждый годъ пятая часть низходитъ и замѣняется новыми выборами тотъ же самый [1]) можетъ опять быть выбран устройство внутреннего Порядка вечa принадлежитъ Сему Самому. Предсѣдатель выбирается ежегодно изъ Членовъ послѣдней годъ Засѣдающихъ Народная Вечa Есть одно цѣлое и на Каморы нераздѣляется, (л. 9) вся [2]) законодательная власть въ ней [3]) обретается она объявляетъ войну и заключаетъ Міръ. различіе въ Составленіи Законовъ Завѣтныхъ и всѣхъ прочихъ Законовъ. Первыя Обнародываются и на сужденіе всей россіи предлагаются. Народная Вечa имѣетъ свое время когда не засѣдаетъ тогда оставляется временная Комиссія. Никто не можетъ разпустить Народной вечи она представляетъ волю въ государстве душу народа.—

10) Державная Дума Состоитъ изъ 5 Членовъ народомъ выбранныхъ на 5 лѣтъ. Ежегодно одинъ из думы выходитъ и замѣняется другимъ выборомъ. Предсѣдатель Есть членъ Засѣдающій послѣдній или пятой годъ Ежегодно предлагаетъ каждая губернія Кандидата изъ числа Сихъ Кандидатовъ выбираетъ Народная вечa окончательно. Державная дума имѣетъ всю верховно исполнительную власть ведет войну и производитъ переговоры но не объявляетъ войны и не заключаетъ Мира [4]) всѣ Министерства и всѣ вообще правительствующія мѣста Состоятъ подъ вѣдомствомъ [5]) и начальствомъ Державной Думы дѣйствуя но с разрѣшеніемъ и Исполняя съ Приказаніемъ она имѣетъ Собственную Свою Канцелярію.

11) Верховный Соборъ Состоитъ изъ 120 Членовъ именуемыхъ [6]) Боярами. Бояри назначаются на всю жизнь и не могутъ участвовать ни въ Законодательномъ ни въ Исполнительномъ порядкѣ. Губерніи назначаютъ Кандидатовъ а Народная вечa замѣщаетъ упразднившееся Число Бояръ. Предсѣдатель выбирается на годъ Самимъ Соборомъ. Соборъ имѣетъ вѣрховно блюстительную власть. Народная вечa препровождаетъ къ нему на утвержденіе свои Законы. Соборъ не разсуждаетъ о сущности предмѣтовъ [7]) но смотритъ на однѣ формы дабы вовсемъ соблюдено законное послѣ Сего утвержденія получаетъ Законъ свою дѣйствительную Силу. Самъ же Соборъ не дѣйствуетъ. Соборъ назначаетъ изъ Своихъ Членовъ по одному Генералъ Прокурору въ каждое Министерство и по одному Генералъ Губернатору въ каждую Область (приказный блюститель) областной Посадникъ) Генералъ Прокуроръ разсматриваетъ журналы палатъ Министерства и утверждаетъ ихъ опредѣленіе взирая на одну Законность и Соблюденіе предлагаемаго порядка но невходя въ сужденіе о Сущности Самаго Содержанія безъ ихъ утвержденія не можетъ исполненіе [8]) послѣдовать они утверждаютъ [9]) за свои дѣйствіи Державная Дума рѣшаетъ а Верховный Соборъ можетъ чиновника отдать подъ судъ (л. 9 об.) Отданный подъ судъ Судится Судебнымъ порядкомъ Генералъ Губернаторъ имѣетъ таковыи же обязанности въ отношеніи Областныхъ Правленій изъ сего явствуетъ что Соборъ удерживаетъ въ предѣлахъ законности Народную вечу и Державную Думу Самъ же не имѣетъ никакого дѣйствія положительнаго. Главнокомандующія дѣйствующихъ армій на-

---

[1]) Перв. предполагалось написать слово, начинающееся слогомъ «ма», по которому потомъ было написано слово: «самый».

[2]) Перв.: «вла».

[3]) Перв.: «немъ».

[4]) Перв.: «Міра».

[5]) Перв.: «ведомствомъ».

[6]) Перв.: «именуямых».

[7]) Перв.: «предмета».

[8]) Перв.: «пополненіе».

[9]) Перв.: «она утверждаетъ».

значаются верховнымъ Соборомъ онъ принимаетъ Начальство надъ Арміею когда выступаетъ за предѣлы Государства и Слагаетъ когда въ предѣлы вступаетъ Губерніи на военномъ Положеніи.

Рассказ И. Я. Телешева о 14 декабря 1825 г.

Автор печатаемого здесь рассказа о 14 декабря 1825 г. Иван Яковлевич Телешев, воспитанник Казанского университета, в 1825 г. был молодым начинающим чиновником и служил в министерстве финансов, по департаменту разных податей и сборов, где состоял под начальством будущего составителя книги о воцарении Николая I—бар. М. А. Корфа. В день 14 декабря Телешев был у дворца, на Сенатской площади и на улицах и в ближайшие же дни, под свежим впечатлением, записал все виденное и слышанное в этот день. Рассказ его не лишен интереса, как впечатления среднего обывателя-чиновника, каких не мало было в тот день в толпе, заполнявшей площади и улицы; интересен он и некоторыми отдельными наблюдениями.

В конце своей записки Телешев приводит отзыв Н. М. Карамзина о восстании декабристов, слышанный им в те дни. Этот отзыв И. Я. Телешев мог слышать в доме у самого Карамзина, при детях которого он «находился», давая им уроки. [1]) Телешев был большой поклонник Карамзина и помогал ему в работах его над «Историей Государства Российского». Карамзин рекомендовал Телешева Д. Н. Блудову, покровительству которого тот в значительной мере обязан был своей дальнейшей карьерой. Телешев служил под началом Блудова в министерстве народного просвещения, по департаменту иностранных исповеданий; когда же департамент этот был передан в министерство внутренних дел, то и Телешев перешел в это ведомство, состоя опять при Блудове, который в те годы (1832—1837) управлял министерством внутренних дел. В то же время Телешев помогал Блудову в разборке и подготовке к печати материалов XII (неоконченного) тома истории Карамзина; продолжал он давать и частные уроки по литературе и истории.

13 октября 1837 года Телешев был назначен курским вице-губернатором. С 1838 г. по 1861 г. он состоял председателем курской казенной палаты. В этой должности он показал себя не выше обычных нравов тогдашнего чиновничества: брал взятки с откупщиков и сквозь пальцы смотрел на всякие злоупотребления в питейном деле. В 1861 г. у него произошло на этой почве столкновение с новым губернатором Деном, не пожелавшим принять услужливо переданной ему Телешевым обычной губернаторской доли из пасхальных приношений откупщиков и открывшим поход против злоупотреблений казенной палаты. Дело это, однако, принесло Дену одни неприятности; впрочем, и Телешеву пришлось покинуть Курск: в 1861 г. он был причислен к министерству финансов.

Вращаясь в кругах, близких литературе, Телешев и сам выступал в печати; им была помещена хвалебная статья-некролог о Д. Н. Блудове в № 125 «Русских Ведомостей» за 1864 г., перепечатанная в № 4 «Домашней Беседы» за 1865 год.

Когда в 1857 году, с высочайшего разрешения, была издана для публики, составленная еще в 1848 году, книга Корфа о восшествии на престол Николая, Телешев, живший тогда в Курске, вспомнил про свои старые записки, разыскал их и в ближайшую поездку свою в Петербург вручил их своему бывшему начальнику. Корф представил их Александру II при следующей докладной записке:

[1]) См. М. Погодин. «Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников». Часть 2, М. 1866 г., стр. 468. Там же напечатан и приводимый Телешевым отзыв Карамзина о 14 декабря.

«Служивший в конце царствования блаженныя памяти императора Александра I под моим начальством и приехавший теперь в Петербург председатель курской казенной палаты Телешев вручил мне современную свою записку о происшествиях 14 декабря, отысканную им, по прочтении моей книги, в старых своих бумагах.

Записка эта любопытна как свидетельство очевидца, который излил свои наблюдения и чувства в самые первые минуты со всем влечением молодости, хотя там, где он положился на слышанное от других, сведения его местами не совсем точны. Сверх того, в ней есть несколько драгоценных слов в бозе почившего императора, твердо врезавшихся в память и сердце молодого человека. Наконец, примечателен и взгляд на это событие Карамзина.

Заметки сии осмеливаюсь повергнуть на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества. Статс-секретарь барон *Модест Корф*. 15 января 1858 г.».

На записке этой Александр II сделал пометку:

«Читал с любопытством, хотя и есть много неверностей».

В настоящее время приведенная докладная записка М. А. Корфа и приложенный при ней рассказ Телешева хранятся в Особом Отделе «Архива Октябрьской революции» в Москве в составе бумаг быв. «Библиотеки Зимнего дворца» в деле № 2073, носящем заглавие: «Докладные записки бар. М. А. Корфа имп. Николаю I и цесаревичу Александру Николаевичу по делу об издании «Истории восшествия на престол имп. Николая I (1848—1858 г.г.)».

Сообщил *Б. Сыроечковский*.

---

14 декабря 1825 г. в С.-Петербурге.

Грозный урок провидения был началом царствования Николая I. Государь прекрасно выдержал испытание рока, и счастливый конец грозы ужасной был наградою за его твердость великодушную. 14 декабря 1825 года есть день великий для России, единственный для императора Николая. Да будут следствия его столько же благодетельны для царя и народа, сколько злы и пагубны были замыслы первенствующих в заговоре мятежников! Этот день никогда не изгладится из моей памяти: мне многое удалось видеть и слышать. Постараюсь описать его сколько можно подробнее.

Утро было ясное и довольно теплое. Я медленно шел в департамент разных податей и сборов, желая более воспользоваться хорошим временем, чрезвычайною редкостью в С.-Петербурге, как вдруг был поражен словами одного мальчика, который, выбежав из мелочной лавочки (в Чернышевом переулке) с газетным листом бумаги, кричал во всю улицу:

— У нас новый государь, у нас царствует Николай Павлович! вот и указ!..

С каким-то беспокойным чувством я ускорил шаги мои и, пришедши в департамент, точно узнал, что великий князь Николай Павлович вступил на престол всероссийский, потому что император Константин от оного отказался. Вскоре приехал директор, привел всех чиновников к присяге и уехал в другой вверенный ему департамент. Разумеется, тут никто не думал приниматься за дело, и все, разделясь на партии, передавали друг другу свои замечания и чувствования о сем важном и для них нечаянном событии. В сие время приезжает курьер и сказывает, что на площади против Зимнего дворца народ и войско ожидают нового императора, чтоб изъявить ему верноподданническое свое поздравление. Сия весть, как пожар, всех выгнала из департамента; толкая один другого на лестнице, все бежали на улицу и, боясь опоздать на площадь, старались наперерыв занимать извозчиков. Я, как не очень проворный, уже не мог найти саней и потому отправился туда же пешком.

Идучи Невским проспектом, я не заметил ничего необыкновенного, и

мне казалось, что еще немногим была известна столь важная новость столицы. Но, подходя к арке Главного штаба, я увидел множество народа и едва мог пробраться до того места, где государь осматривал лейб-гвардии Преображенский полк; я узнал его по голубой ленте, и как теперь помню, что лицо императора, как полотно, было бледно. Солдаты были в серых шинелях, и это несколько удивило меня; но чувство неизъяснимо приятное заступило место удивления, когда я услышал радостные восклицания народа и милостивое к нему обращение государя; сие чувство овладело мною совершенно, и я готов был плакать от умиления...

Устроив войско, государь сел на лошадь и, сопровождаемый преображенцами, тихо поехал на площадь Адмиралтейскую. Посреди сей площади, против самого шпица адмиралтейского, он остановился и, обратясь к народу, сказал:

— Ну, братцы! Я на все готов: кто прав перед богом и совестью, тому нечего бояться.

Не зная ничего, я совершенно не понимал слов императора и, не смея что-либо угадывать, стоял в самом неприятном ожидании развязки. Не долго я находился в недоумении: раздался залп из нескольких ружей в стороне сената, и вся площадь взволновалась; слово «бунт» с громким шопотом было повторяемо в народе, ужас был изображен на лице каждого... Государь смутился, но с твердостью отдал приказ одному из окружающих его генералов узнать, кто стреляет. Генерал поехал по краю площади, и государь сказал ему:

— Ваше превосходительство! Извольте ехать прямо,—прямо и скорее!

Посланный скрылся; перестрелка продолжалась, и вся свита императора была в чрезвычайном смущении: лицо каждого перед глазами государя имело принужденную на себе улыбку; но как скоро государь не мог их видеть, то все их движения выражали не только скорбь, но даже отчаяние, чувства которого они знаками передавали друг другу. Тут-то я увидел в первый раз, как искусно и проворно придворные, по обстоятельствам, могут переменять наружный вид свой. В сем смятении государь несколько раз обращался к народу и уговаривал всех итти по домам для их безопасности, но никто не думал исполнять сего, жаль только, что не из усердия к монарху, а из одного любопытства, ибо при сильных залпах у сената все толпами бежали в улицы и, оставляя государя одного в опасности, возвращались к нему тогда лишь, когда пальба делалась меньше. Как не любить государю военных более, думал я с огорчением, когда без них некому защищать его в случаях чрезвычайных.

Между тем генералы, штаб- и обер-офицеры, приезжающие от сената, беспрестанно докладывали императору, и грустный вид его ясно показывал, что нерадостные доходили до него вести. Из числа их один кавалерист сошел с лошади, снял шляпу и, подойдя к государю, довольно долго и тихо с ним разговаривал. По черной на голове повязке я узнал в сем офицере Якубовича, давно с самой дурной стороны по слуху мне известного. Государь выслушал его с великим вниманием и потом, взяв за руку, сказал сперва окружающим:

— Ошибиться может всякий, но он сознался в своем заблуждении, и я свидетельствуюсь всеми вами, что признаю его за человека благородного,—а после Якубовичу:

— Поздравляю вас!

Я стоял не более на сажень от государя и потому мог хорошо слышать все слова его, когда он говорил, оборачиваясь на мою сторону. Поступок необыкновенно дерзкий удивил меня при сем случае: тогда как государь объявил прощение Якубовичу, стоявший подле меня мужик не мог удержать своего доброго восторга:

— Господи, какой он добрый, батюшка! какой милостивый! Да здравствует, да здравствует Нико...

И в сие мгновение сосед его, одетый в синем кафтане, черноволосый, сурового вида человек, зажал рот мужику и с сердцем насмешливо сказал ему:

— Погоди, брат, погоди! Еще рано кричать!.. что-то будет!

Мужик остолбенел и не знал, что делать; бунтовщик отвел его в сторону, тихо стал говорить с ним на ухо, и потом они оба скрылись. Ужас и негодование овладели мною. Государь показал, что ничего не приметил, тогда как все сие происходило перед его глазами; он продолжал свои распоряжения с видом печальным, но с твердостью необыкновенною. В короткое время он простил еще несколько офицеров; но как они подходили к нему с другой стороны, то я не мог слышать его с ними разговоров.

Уже был третий час за полдень; пальба усиливалась у сената, и государь непременно требовал, чтобы все шли по домам и не подвергали себя бесполезной гибели, что он надеется и без них усмирить непокорных. Но любопытные трусы оставались на своих местах, а я, желая знать, что происходило внутри города, оставил площадь и, зайдя на минуту в свою квартиру (между Полицейским и Конюшенным мостом в доме Рекети), отправился потом в Итальянскую улицу к двоюродным сестрам своим.

Чем далее отходил я от Адмиралтейства, тем менее встречал народа; казалось, что все сбежались на площадь, оставив дома свои пустыми. Везде ворота были заперты, магазины закрыты, и только одни дворники изредка выглядывали из калиток и узнавали, что делается на улице. Тишина самая печальная и самая беспокойная царствовала повсюду. Рассказав у сестер, что делается на площади, я тотчас после обеда ушел от них, беспокоясь о брате; но, узнав дома, что он также пошел к сестрам, я захотел еще раз побывать у Адмиралтейства. Это был уже 5-й час, и я только что успел в тесноте дойти до места, где Малая Морская пересекает Невский, как вдруг весь народ побежал от площади Адмиралтейской к Полицейскому мосту; пешие и конные давили друг друга, и гибель была неминуема для того, кто хоть раз не мог удержаться на ногах; пушечные выстрелы увеличивали смятение. Перед глазами моими видя погибающих под лошадьми или экипажами, я каждую минуту находился в величайшей опасности; но господь сохранил меня: влекомый толпою по тротуару Невского, я вырвался из давки в Миллионную улицу, прошел чрез двор известного дома Котомина на Мойку и, перебежав оную по льду, благополучно пришел домой, где ожидал меня брат мой с большим беспокойством. Я не менее рад был его видеть и, рассказав ему все, чему я был свидетелем на площади, куда он как-то не попал, отправился с ним вместе на Невский, где было очень тихо и очень пусто. С Невского мы пришли к Отсолигу, где пили чай, и в разговорах вечер пролетел неприметно.

Тут я узнал, что происшествие у сената было следствием возмущения в некоторых гвардейских полках: солдаты, обманутые бунтовщиками-офицерами, не хотели присягать новому государю, думая, что Николай Павлович есть похититель престола и что Константин от оного отказался не произвольно; иные из них даже были уверены, что Константин Павлович посажен под стражу. Таким образом, предполагая защищать государя законного, они едва не сделались виновниками бедствия не только столицы, но и всей России. Некто из офицеров, Панов, уже с партиею бунтовщиков вошел в Зимний дворец, искал императорской фамилии, и, может быть, бог знает что бы случилось тут, если бы не удачные распоряжения генерала Башуцкого. Он, встретясь с ними в коридоре и узнавши их намерение пробраться в комнаты государя, сказал, что они совсем не туда идут, и указав на одну маленькую лестницу, как на кратчайший путь к их цели, сделал, что они по оной вышли на двор. Между тем у комнат императора верный караул так был увеличен, что бунтовщики уже не могли пройти в оные. Тут же я слышал, как первоклассные сановники, один светский, а другой духовный, совершенно противуположно отличились на Сенатской площади. Первый — С.-Петербургский военный генерал-губернатор граф Милорадович,

в 50-ти сражениях доказавший свою храбрость, с обыкновенною своею неустрашимостью подъехал к непокорным и стал их уговаривать. Его стращали смертию, он смеялся над угрозами и, наконец, когда начал склонять солдат на свою сторону, был поражен смертельною раною из пистолета (Каховский был его убийцею). Другой — митрополит Серафим, в полном облачении и с крестом в руках, подошедший, по высочайшему повелению, словами веры смирить мятежников, бежал от них, как трус малодушный, при первой насмешке, может быть, такого же храбреца из их партии. Смех сопровождал высокопреосвященного, который, выбившись из сил, на самом скверном извозчике спасал остаток дряхлой и, конечно, непрекрасной своей жизни.

В 12-м часу ночи мы возвратились домой, конвои один за другим беспрестанно нас встречали на улицах, и, хотя везде было видно, что правительство успело принять меры самые действительные для безопасности города, но, верно, никто в эту ночь не ложился в С.-Петербурге спать совершенно покойно.

Чрез несколько дней после сего я имел приятнейшее удовольствие слушать рассуждение о сем происшествии незабвенного Николая Михайловича Карамзина. Он находил в нем особенное милосердие вседержителя, который, как бы желая удивить нас своею благостию, чудесным образом открыл пред нашим отечеством бездну ужаса для того, чтоб чудесно спасти его от гибели.

Провидение, — говорил он, — омрачило умы людей буйных, и они в порыве своего безумия решились на предприятие столь же пагубное, сколько и несбыточное: отдать государство власти неизвестной, злодейски свергнув законную. Бунт вспыхнул мгновенно; обманутые солдаты и чернь ревностно покорились мятежникам, предполагая, что они вооружаются против государя незаконного и что новый император есть похититель престола старшего своего брата Константина. В сие-то ужасное время общего смятения, когда смелые действия злодеев могли бы иметь успех самый блистательный, милосердный погрузил предприимчивых извергов в какое-то странное недоумение и неизъяснимую нерешительность: они, сделав каре у сената, несколько часов находились в бездействии, а правительство между тем успело взять все нужные противу них меры. Ужасно вообразить, что бы они могли сделать в сии часы роковые; но бог защитил нас, и Россия в сей день спасена от такого бедствия, которое если не разрушило, то конечно бы истерзало ее.

Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г.

Мы имеем показания о событиях 14 декабря в допросах их участников и руководителей [1]); гораздо реже и лишь отрывочно доходят до нас показания о тех же событиях замешанных в них солдат и матросов. Печатаемые ниже документы содержат показания о событиях, разыгравшихся 14 декабря в Московском полку. Снятые допросы с нижних чинов этого полка дополняют и подтверждают показания по тому же вопросу М. и А. Бестужевых, Щепина-Ростовского и других декабристов.

Документы эти хранятся в Ленинградском Центральном Историческом Архиве.

А. Шебалов.

1826 года января 23 дня [2]) л.-гв. Московского полка 2 фузелерной роты правящий за фельдфебеля унтер-офицер Александр Сергузеев показал: 14 декабря в 9 часов утра услышал

[1]) См. дела членов Северного общества, издаваемые Центрархивом, т.т. 1, 2, 3.

[2]) Дело главного штаба, № 333.

он от рядового 2 роты Гавриила Бондаренко, что люди 1 роты одеваются к присяге. В скором после сего времени получена записка из полковой канцелярии, чтобы людям быть одетым и выходить по сбору на полковой двор, а для чего сказано не было. Прежде 14 декабря в ночи и по утру оного ж числа он не видал и не слыхал, чтобы кто приходил в казарму и возмущал людей. Того ж утра часу в 10, когда уже все одеты были, приходил в роту поручик Броке (командовавший тогда ротою) и по окончании расчета сказал людям: «знаете ли, ребята, для чего вы оделись?» Люди отвечали: «не знаем», то продолжал: «вот для чего: Константин Павлович отказывается от престола, и мы пойдем присягать Николаю Павловичу». Сказавши сие, ушел из роты неизвестно куда. Через полчаса после сего Броке пришел с двумя Бестужевыми и Щепиным в роту; при входе на лестницу дежурный унтер-офицер Максаков, увидя из них адъютанта Бестужева и полагая его за генерала, при Броке отрапортировал о благополучии роты. После чего все четверо вошли в покои 4 отделения и, остановясь посредине оного, адъютант из них говорил: «Ребята знаете ли для чего вы одеты?» Люди отвечали: «К присяге». Потом продолжал: «Я приехал известить вас, что вас обманывают. Я —адъютант Константина Павловича, прислан от него вас предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней не более как присягали вы государю Константину Павловичу, целовали крест. Вы христиане, знаете бога и не должны присягать другому государю, тогда как государь ваш жив. Вас обманывают, и сие знают вот ваши офицеры и ротный ваш командир. Бойтесь, ребята, бога, вот сабля Константина Павловича; стойте за него крепко». Люди кричали: «Рады стараться». Потом спросил: «Где, ребята, шеф ваш Михаил Павлович?» Люди отвечали: «В Варшаве». Он же продолжал: «Нет, ребята, он поспешал повестить вас о том же, о чем я вам сказывал, но его остановили за Нарвою». После сего бывшие с ним Бестужев, Щепин и Броке ушли наверх в 3 отделение, а адъютант отстал, разговаривая с одним старым солдатом Савельем Пархоменкою и потом пошел за ними же в означенное отделение, за коим и он, Сергузеев, следовал, при чем он приказал ему сказать людям, чтобы они взяли на всякий случай боевые патроны. Он же, будучи в смущении, без всякого намерения приказал о том дежурному по роте унтер-офицеру Максакову. При входе же в покой 3 отделения видел он, что Щепин говорил тоже возмутительные речи со слезами, где были люди со всех отделений, кроме 4, кои без его, Сергузеева, были собраны, где адъютант повторил прежде сказанные им слова... Все бывшие в роте люди весьма уверены были в справедливости всего выше сказанного бунтовщиками, потому более, что командующий ротою Броке сам присутствовал при том, который не только не дал нужного при том совета, но даже во все то время не подал противного тому вида, из которого люди, вероятно, могли бы тотчас заметить, что все сказанное бунтовщиками есть злая ложь. После сего в скором времени Броке прибежал в роту, собрал людей и всем подтвердил, чтобы люди никак не присягали до тех пор, покуда не приедет генерал-лейтенант Бистром I, и ему, Сергузееву, приказал то же самое еще подтвердить людям и сам ушел из роты, куда—ему не известно. Он же, видя, что ничего нет постоянного, приказал людям взять с собою артельные и, у кого есть, собственные деньги, говоря, чтоб и с нами не случилось того, что с Семеновским полком. Потом он вышел на двор, желая узнать что-либо насчет присяги от фельдфебеля 1 роты, при чем поручик Броке встретился с ним под воротами дворика и приказал сказать людям, чтоб ничего не делали, и убежал от него на большой двор, почему он воротился в роту,—то в ту же самую минуту адъютант Бестужев с маленького дворика закричал: «вон», и люди, слыша то, стали выходить на дворик, при чем адъютант Бестужев кричал: «скорей». Потом велел ему, Сергузееву, командовать от ноги, чего он еще произнесть не успел, а он уже скомандовал направо, закричал «ура» и побежал

со двора малого на большой. И как люди бежали за ним в беспорядке, то он бежа за ними же, крича, «стой», остановил всех на дворе и стал строить полувзводы, при чем поручик граф Ливен, подойдя к правому флангу роты, говорил: «стойте ребята, не ходи», что увидя, адъютант Бестужев прибежал к нему с пистолетом, спустил курок против него, но не выстрелил, почему граф Ливен отстранился от роты, а люди с Бестужевым побежали к учебной зале, крича, «ура», что он видя отстал от роты и стал подле Фурштадских казарм, откуда видно ему было под воротами в толпе ужасное смятение—солдаты одни от других отнимали штыками знамена, потом толпа бросилась на двор, где, разделившись на две части, одна убежала со двора, а другая осталась на оном. Рядовой Павел Васильев, бывший на вестях в дивизионном дежурстве, пришел из оного (как он после узнал) в казарму, надел шинель и вышел на двор для присяги; не зная о происшествии и идя около бунтовавшей толпы, оставшейся на дворе, вошел в оную, где, увидя на земле от знамя кисти и крест, подняв, взял к себе и от неизвестного ему солдата отобрал часть изорванного знамя, спрятавши все то в рукав шинели, ушел опять в казарму. А когда приехал его высочество шеф полка, то он объявил о том поручику Броке и полковнику Фридрихсу, кои велели то хранить ему, покуда возвратится с площади полк.

Налицо 14 декабря состояло в роте: поручик Броке, подпоручики князь Кудашев и князь Цицианов и прапорщик Малиновский, коих во время выхода из казарм роты никого при оной не было, и ему неизвестно по какой причине. При присяге же все они находились во фронте и потом уведены оба батальона на площадь его высочеством.

1826 года января 22 дня л.-гв. Московского полка 5 фузелерной роты фельдфебель Григорьев [1]) показал: 14 декабря прошлого 1825 года еще до рассвета получена записка из полковой канцелярии, чтобы ротам быть одетым в караульной форме и по сбору выходить на полковой двор, но для чего—никому известно не было. В девятом часу того ж утра приходил в роту командир оной штабс-капитан Волков, который имел против обыкновенного большую перемену в лице, и как люди были собраны в одну комнату и стояли во фронте, то он сказал: «Вот, ребята, у нас был государь Константин Павлович малое время, а теперь будем присягать Николаю Павловичу, потому что цесаревич отказывается от престола». После сего распустил людей и ушел, куда — не известно. Ни прежде 14 декабря, ни в ночи на оное число никто не приходил в казармы и не возмущал людей, а того числа в 10 часу утра приходил в казарму 1 отделения командир роты штабс-капитан Волков и с ним штабс-капитаны Бестужев, Лашкевич и адъютант, назвавшийся братом Бестужева. Сей последний говорил людям: «Ребята, знаете ли, что вас хотят заставить присягать Николаю Павловичу?» Люди отвечали: «Знаем». Тогда опять начал говорить: «Это обман, ребята; я сейчас только приехал из Варшавы от Константина Павловича для того, чтобы вам сказать, что Константин Павлович не отказывается от престола. Шеф вашего полка, его высочество за четыре станции до Нарвы остановлен. Государь же Константин Павлович обещал вам 15-летнюю службу. При присяге с вами не будет никого, кроме одного бригадного командира; вы — русские и должны знать, что значит присяга. Государь ваш жив, и вас хотят принудить присягнуть другому». А как люди молчали, то штабс-капитан Бестужев закричал на них: «Что же вы молчите, пойдемте в мою роту (3 фузелерную) и посмотрите, как все они умереть готовы за государя Константина Павловича». Потом, когда шли из покоя, то унтерофицер Григорий Шмарев спрашивал у своего ротного командира Волкова: «Что нам делать и кому присягать?» Волков обратился к нему, сказал: «Константину» и сие произнес довольно громко, что слышали бывшие при том

[1]) Дело главного штаба № 334.

люди. По настоянию Бестужева люди не ходили в 3 роту. Через час почти времени после вышеупомянутого прибежал из 3 роты унтер-офицер Петр Федоров в покой 4 отделения и сказал, что ротный командир Волков прислал его к нему, Григорьеву, дабы сказать, чтоб он поскорее выводил роту на маленький дворик, говоря, что прочие роты уже вышли на оный, что все люди 4 отделения, бывшие при том, слышали, у коего он спрашивал: «Где Волков? То он отвечал: «На дворике дожидается» и торопил выходить. Почему, когда он вышел на сказанный дворик, называемый черный, то адъютант Бестужев и Щепин-Ростовский ротам, стоявшим уже во фронте, 2, 3 и 6, скомандовал: «Направо, ружье на руку, ура!» и побежали с оными ротами на большой двор. После чего построил он, Григорьев, роту, которая находилась еще в повиновении, повел на большой двор и, когда вышли на оный и увидели под большими воротами в учебной зале большое смятение в толпе и волнение оной со знаменами, то все бывшие с ним туда же побежали, коих он никак остановить не мог. После сего, когда он, Григорьев, увидел на дворе ротного своего командира и спрашивал, он ли присылал 3 роты унтер-офицера Федорова с приказанием выводить роту на черный двор, который говорил, что он такового не присылал. Г.г. субалтерн-офицеры состояли тогда в роте: поручик Лагада и подпоручик Ивановский и прапорщик Воропай, коих при роте до происшествия не было, и по каким причинам ему, Григорьеву, неизвестно. Первый вперил в людей мысль, влекущую к пагубному возмущению, адъютант Бестужев и все бывшие с ним штабс-капитаны — Бестужев, Лашкевич и ротный командир Волков, особливо сей последний, приказывал присягнуть Константину. Во все время злых наставлений адъютанта он говорил с ним и с прочими по-французски с лицом ясно доказывающим, что их слова признает справедливыми и не подал ни малейшего людям вида такого, по которому можно было бы видеть, что он с ними не согласен. Штабс-капитан Лашкевич также участвовал разговаривая с ними, и когда адъютант обращался к нему со словами, требующими подтверждения, то он утверждал, говоря; «да». Знамена находились в учебной зале со взводом гренадер роты его высочества. Кто их имел и как попали в руки бунтовщиков и что при том происходило, он, Григорьев, не видел, потому что был далеко на дворе от них, также когда ранили бригадного и полкового командиров и прочих, кто и как к тому допущены были, он сам не видел. Только известно ему, что командовали толпою Щепин-Ростовский и два Бестужевых; из роты находилось в оной и ушли со двора 9 унтер-офицеров и 130 рядовых. Что удержало другую бунтующую толпу на дворе казарм с одним знаменем, ему неизвестно, а видел издали, когда командующий корпусом генерал Воинов, подъехавши, уговаривал их обратиться к повиновению, то бывшие в оной толпе люди вдруг закричали «ура» и взяли ружья, бывшие у ноги, на руку. Во время чего командующий корпусом отъехал от них прочь. В особенности действующих и возбуждающих более других к неповиновению он по отдаленности не заметил и отчего не слушали увещания начальства и без его высочества шефа полка не хотели присягать, ему неизвестно. Когда же приехал генерал-лейтенант Бистром, то уговорил их, кои пристроились к своим частям, стоявшим во фронте, а по прибытии его высочества приняли присягу на верноподданство е. и. в. государю Николаю Павловичу и отведены на Сенатскую площадь. Из казарм люди взяли боевые патроны самовольно без позволения.

1826 года января 22 дня л.-гв. Московского полка 3 фузелерной роты фельдфебель Карп Нежинцов [1]) показал [2]): ....14 декабря в половине 10 часа, придя в роту, командир оной штабс-капитан Бестужев и с ним Щепин-Ростовский возмущал оную роту ложными уверениями. Потом Бестужев сам вывел роту на маленький дворик, при чем

[1]) Дело главного штаба № 334.

[2]) В начале то же, что и Григорьев.

люди во всем ему повиновались и следовали примеру его и вместе с Щепиным-Ростовским, который уже ожидал его с 6 ротою, с маленького дворика побежали на большой и потом к учебной зале, где находились тогда знамена, крича «ура». Прибежавши под ворота, остановились, произнося тоже «ура». Потом сия бунтующая толпа бросилась обратно на двор, где разделилась на две части, одна ушла со двора, а другая осталась на оном; но не строилась как следует, а противилась принимать присягу. 14 декабря состоял в роте налицо подпоручик Бахметьев, коего в оной при выходе из казарм и прежде того не было, которого уже после смятения видел на дворе казарм, и по принятии присяги командовал он оставшими людьми сей роты. Между людьми в роте не было и ныне нет никаких толков и суждений, нарушающих порядок службы и спокойствие.

Казнь моряков декабристов [1]).

Морских офицеров гвардейского и др. флотских экипажей привлечено было по делу декабристов Следственной Комиссией 23 человека. Из них 15 человек, т.-е. одна восьмая всех осужденных и четвертая часть осужденных членов Северного общества, были, как государственные преступники, приговорены по лишении чинов и дворянства к каторге с разными сроками и на поселение; некоторые «написаны в солдаты».

Местом совершения гражданской казни для моряков была выбрана лично Николаем I «практическая эскадра» Балтийского моря, именно флагманский корабль 74-х пушечный «Князь Владимир». Таким образом казнь над декабристами из моряков должна была совершиться сугубо в морской обстановке. Небезынтересно, что весь экипаж «Владимира», свыше 600 ч., состоял из того же гвардейского экипажа, большинство офицеров которого за бунт было предано суду.

Казни предшествовала некоторая подготовительная работа, которая производилась при ближайшем участии самого Николая. Дважды до дня казни в течение полутора месяцев, с начала открытия летней кампании, Николай лично приезжал в Кронштадт, где делал смотр эскадре, особенно при этом выделяя «Владимира». Монаршее благоволение начальнику эскадры Кроуну, командиру корабля «Владимир», гвардейского экипажа капитану 1 ранга Качалову, а также всем линейным штаб- и обер-офицерам того же корабля, пожалование нижних чинов рублем — играли роль подготовки всего личного состава «Владимира» в предстоящей в ближайшем будущем церемонии казни [2]). «За исправное и скорее действие» при вступлении «Владимира» и др. судов под паруса Николай не истратил бы на одних нижних чинов слишком четыре с половиной тысячи рублей. Посещения им эскадры адмирала Кроуна 1 мая и 1 июня 1826 г. были разведкой царя, возможно ли здесь произвести церемониал гражданской казни? Имея уверенность в личном составе, обласканном и достаточно наученном результатами события 14 декабря, Николай смело мог провести намеченный план. О настроении Николая перед днем казни свидетельствует ряд фактов: отъезд из Петербурга в Царское Село, введение в Кронштадт

[1]) Настоящая статья составлена главным образом по архивным материалам 1 и 2 отделов 2 отделения Военно-Морской секции Е. Г. А. Ф. Главными фондами, давшими материал, явились: военная по флоту е. и. в. канцелярия, шканечные журналы, канцелярия флотского начальника в С. П. Б. и гвардейский экипаж. Из прочих материалов для данной статьи были использованы имеющиеся в печати данные Следственной Комиссии и Верховного Уголовного Суда.

[2]) Дело военной по флоту канцелярии, № 1296 за 1826 г.

до казни новых войск, коими занимаются караулы в городе, а также и форты, — все это достаточно показательно.

С другой стороны, Николай отдавал дань и международному мнению. За час до начала церемонии на флагманском корабле из строя вышли, согласно сигнала с «Владимира», для направления в Лондон с секретным поручением два фрегата: «Константин» и «Елена». В трюме первого находилось сто слишком пудов золота, на втором несколько меньше — 72 пуда 09 фунтов. Больше 172 пуд. золота в слитках направилось в этот день в адрес банкиров Ротшильда и Гарамн и К⁰ для «равновесия международного мнения», которое можно было всегда выровнять золотом чистой пробы [1]). Сумма в 381.427 фунтов стерлингов (ассигнациями 9.699.011 руб.), вырученные с продажи золота и ушедшие на выплату части займов и процентов Ротшильду и др.[2]), должна была подчеркнуть, что в России все спокойно, золото прикрывало действительное политическо-экономическое состояние страны.

Церемониал гражданской казни, обставленный соответствующими обрядами морской службы, частью взятыми из старого петровского устава, большею же частью из установившегося обычая, был разработан начальником главного штаба бар. Дибичем и сообщен в распоряжении от имени самого императора 11 июля на имя начальника морского штаба Моллера 2-го. «Чтобы ваше превосходительство приготовили свою яхту, которая могла бы принять из крепости всех преступников, морскому ведомству принадлежащих, и потом вести их прямо, не заезжая никуда, на адмиральский корабль адмирала Кроуна, где и разжаловать их непременно в тот же день, т.-е. 13 числа, по обрядам морской службы. Дабы в случае противных ветров не могла встретиться остановка в доставлении на адмиральский корабль, государю императору угодно, чтобы для буксирования яхты был готов пароход».

Моряки-декабристы были обвинены «в умышлении на царя, на убийство и истребление императорской фамилии, знании умысла цареубийства, участии в бунте с привлечением товарищей, в принятии члена в тайное общество» (Торсон) и даже просто за присутствие на площади.

Согласно книги пятой морского устава, в главе «третия на десять» мы читаем: «офицеров, которые к сему повод дали (к сходбищам непристойным. *А. Д.*) или таким непристойным сходбищам позволили, или рядовых каким-нибудь образом тому допустили и научили, или иным образом к тому причину дали, наказать лишением чести, имени и живота».

По этой же книге, глава первая, тому, «кто будет злоумышлять против его величества или ведает и не известит» — полагается четвертование в первом случае и вообще «живота лишен» во втором. Там же: «кто дерзает оружием против вышних командиров» — «буде кто генерала, адмирала или вышних начальников дерзает вооруженной силой рукой атаковать, или оному в сердцах противиться и в том оный весьма обличен будет, оный имеет, хотя он тем ружьем повредил или не повредил, для прикладу другим всемерно, живота лишен будет...» и последняя в книге пятой: глава 143, «на преступлении, на которые в сей книге примеру нет, иметь решение с совету и доносить в коллегию».

Связывая указанные обвинения с этими пунктами морского устава, поголовно всех подсудимых - моряков можно было при известном настроении «лишить живота».

В результате судебного приговора, «смягченного» Николаем, последовали следующие кары: лейтенантам Завалишину, Арбузову и мичману Дивову вместо смертной казни — вечная каторга; капитан-лейтенанту Бестужеву и его брату, бывшему офицеру гвар-

---

[1]) Дело военной по флоту канцелярии, № 3120 за 1826 г.

[2]) Отчет о действиях и обозрение оборотов сумм министерства финансов особенной канцелярии по кредитной части за 1826 г.

дейского экипажа, Михаилу срок каторги и ссылки остался без изменения.

Торсон, приговоренный Верховным Судом к одному с Н. Бестужевым наказанию, получил смягчение — вечная каторга заменялась 20-летней и поселением.

Два брата Беляевых, осужденные каждый на 15 лет каторги, получили смягчение на три года; лейтенант Кюхельбекер вместо 10 лет каторги получил 8 и затем поселение; мичман Бодиско по новой редакции ссылался на крепостную работу.

Приговор по отношению лейтенанта Чижова остался без изменения: лишение чинов и дворянства и ссылка на поселение. Лейтенанту Бодиско 1-му, осужденному по одному разряду с Чижовым, поселение было заменено «написанием в матросы». В отношении остальных четырех осужденных по II разряду приговор остался в силе — лишение чинов и написание в солдаты без выслуги.

12 июля утром подсудимым был прочитан приговор, и не прошло еще и 24-х часов после того, а приговор для пяти находящихся вне разрядов и прочих не-моряков был рано утром 13 июля приведен в исполнение. На рассвете того же 13 июля 1826 г. моряков, наравне с прочими приговоренными Верховным Уголовным Судом, вывели на крепостную площадку, где, как указывает в своих воспоминаниях декабрист Розен, было уже выставлено каре и 4 шеринги из лейб-гвардии Павловского полка и крепостной артиллерии.

Все осужденные, за исключением моряков, составлявших отдельную группу, были введены в середину образованного из войск четерехугольника, моряки же были затем направлены к воротам крепости, выходящим на Неву. С пристани С. Петербургской крепости они были посажены в два крытых баркаса с решетками на окнах, приготовленных начальником морского штаба, как это видно из его ответа генерал-адъютанту Дибичу: «Сообщая, писал он, об изготовлении шхуны «Опыт» с пароходом . . . но как мне неизвестно еще количество преступников, приговоренных Верховным Уголовным Судом к лишению чести, то я вместе с яхтой приказал быть двум баркасам с закрытыми каютами, ибо яхта весьма малое количество может вместить людей у себя» [1]).

Отвалив от пристани С. Петербургской крепости и пройдя плавучий Исаакиевский мост (где памятник Петру I), баркасы причалили к шхуне «Опыт». Там все уже было готово к отправке. Здесь же находились и два казенных портовых парохода. Баркасы и шхуны, буксируемые пароходом, двинулись к Кронштадту. Арестанты были оставлены на баркасах в закрытых каютах.

Ответственность по доставлению арестованных на адмиральский корабль была возложена на капитана 3 ранга морской артиллерии Балашова, состоящего в этот день дежурным штаб-офицером. Полученная им инструкция определяла как его обязанности, так и порядок доставки и характер гражданской казни арестованных декабристов-моряков.

В инструкции капитану Балашову указывалось: «государственных преступников, находящихся в Петропавловской крепости, кои по приговору Верховного Уголовного Суда, высочайше утвержденного, должны быть лишены чести, как над именем каждого означено, предписываю вам принять всех их по упомянутому списку из крепости на баркасы, в ведении вашем состоящие, и, пересадя на шхуну «Опыт», под строгим караулом отправить на Кронштадтский рейд и тамо сдать их на корабль «Князь Владимир», где по данному от меня адмиралу Кроуну предписанию имеет быть приведено им к исполнению высочайшее е. и. в. повеление, после чего надлежит вам, приняв их обратно на шхуну «Опыт», кроме Бодиско первого, доставить под тем же строгим караулом в С. П-бург; в попечении вашей известной расторопности лежит точное и

---

[1]) Дело № 1299 военной по флоту канцелярии за 1826 г.

неукоснительное сего поручения исполнение» [1]).

За «неукоснительное исполнение» впоследствии капитан Балашов получил орден Анны 2 степени.

«В четыре часа по полуночи,— читаем в рапорте командира бранвахты большого Невского фарватера,— прошли мимо бранвахты в Кронштадт казенные пароходы «Проворный» и «Скорый»; первый буксировал шхуну «Опыт» и при оной два двенадцативесельных катера. На шхуне были командир штурманский помощник 14 класса Сергеев, команда гвардейского экипажа, один квартирмейстер, один барабанщик, шесть матросов и один артиллерийский канонир.

На катерах — 15 флотского экипажа капитан лейтенант Зыбин, лейтенанты Евсюков, Воинов, два квартирмейстера, 24 матроса, третьей морской артиллерийской бригады унтерофицеров — 3, канониров — 6; на оных же катерах, — заканчивает свой рапорт командир, — находятся из Петропавловской крепости арестанты, какие именно и сколько, мне того неизвестно». [2]).

Распоряжение о строгом карауле при офицерах, таким образом, было выполнено полностью. Одновременно 12 июля было дано соответствующее распоряжение адмиралу Кроуну, относящееся к церемонии разжалования, при чем вместе с распоряжением был послан и четырехугольный черный флаг. Флаг этот должен был быть поднят как сигнал, согласно распоряжения на адмиральском корабле в день казни, как только увидят с корабля «Опыт» с баркасами [3]).

В это же время на суднах эскадры адмирала Кроуна происходила подготовка встречи «гостей». Командиры отдельных судов, согласно полученным от адмирала распоряжениям, вытекающим из полученной Кроуном штабной инструкции, обязаны были выслать на «Князь Владимира» старшего после командира офицера, одного лейтенанта и мичмана. Сигналом для этого должно было служить поднятие при пушечном выстреле на крюг-стеньге «Владимира» четырехугольного черного флага. В распоряжении на имя адмирала Кроуна по вопросу церемонии читаем: «поутру весьма рано на шхуне «Опыт» с пароходом прибудут на «Князь Владимир» государственные преступники. Разжаловать их непременно в тот же день, сделав следующее распоряжение завтра, во вторник: когда с эскадры видно будет, что приближается к оной шхуна «Опыт» с пароходом (может быть, с ними будут еще два баркаса с каютами), тогда на адмиральском корабле поднять на крюг-стеньге при пушечном выстреле черный флаг, при сем препровождаемый, по поднятии которого тотчас съезжаются с судов, находящихся на Кронштадтском рейде, офицеры в порядке и количестве, указанном выше».

«По вступлении преступников на корабль,—читаем дальше в инструкции,— тотчас проходить им в присутствии всего экипажа корабля и тех, кто собран сигналом».

О командире практической эскадры Романе Васильевиче Кроуне, на которого возложено было проведение церемонии лишения чести моряков-офицеров и чтение приговора, декабрист Александр Беляев в своих воспоминаниях пишет: «Адмирал был очень хорошо расположен к нашим офицерам; каждый день двое или трое из нас были приглашаемы к обеду. Это был чудный, милый, добрейший адмирал, истинный моряк, несмотря на свои 70 лет. Могло ли кому притти в голову тогда, что его офицеры будут привезены к милому их адмиралу в тюремном судне для исполнения адмиралом над ними приговора». В 6 часов был произведен пушечный выстрел с «Владимира», и одновременно был поднят черный флаг [4]). Вдали у Кронштадта

---

[1]) Дело № 56 военной по флоту канцелярии за 1826 г., исх. № 1433 от 12/VII.

[2]) Дело № 1299 военной по флоту канцелярии.

[3]) Исходящий журнал № 56 военной по флоту канцелярии.

[4]) Шканечный журнал начальника практической эскадры адмирала Кроуна за 1826 год.

была видна шхуна «Опыт», буксируемая пароходом. По поднятии сигнала немедленно стали прибывать на флагманский корабль по два, по три офицера с судов, находящихся в составе эскадры и на рейде, а также и гребные суда с нижними чинами.

Через час шхуна «Опыт» с баркасами, буксируемая «Проворным», подошла довольно близко к «Владимиру» и стала на якорь. К тому времени подошел второй пароход «Скорый» и стал обходить кругом адмиральского. Через полчаса, пользуясь гребными судами, шхуна «Опыт» с баркасами была подведена к правому борту «Владимира» и поставлена у трапа. «Государственные преступники» были выведены с баркасов на корабль и поставлены в середине построенного на шканцах каре из экипажа корабля «Владимира». Здесь же находились прибывшие с отдельных судов эскадры офицеры и нижние чины.

Как только арестованные вступили на палубу адмиральского корабля и были окружены «войском», второй пароход, все время ходивший кругом, стал на якорь [1]).

По прочтении приговора Кроуном над головами лейтенантов Арбузова, Завалишина, мичмана Дивова, капитан-лейтенантов Бестужева и Торсона, мичманов Беляевых, Александра и Петра, Бодиско 2-го, лейтенанта Кюхельбекера и Чижова, согласно морской службы и обычая, были переломлены (заранее подпиленные) сабли, оторваны эполеты, которые вместе с мундирами выброшены за борт.

Остальные осужденные, дополненные лейтенантом Бодиско 1-м, были лишены, по прочтении приговора, мундиров и сабель. В отношении на имя Дибича того же 13 июля мы читаем о совершении церемонии: «над десятью переломлены сабли и оторваны эполеты, как и мундиры их брошены за борт, прочие лишены мундиров и сабель».

«По прочтении им высочайшей конфирмации затем отправлены обратно для содержания до ночи в С. П-ской крепости...». По воспоминаниям Завалишина, мундиры были розданы матросам, а не выброшены за борт.

К половине девятого часа все было окончено. Осужденных, за исключением Бодиско 1-го, отправляемого в Кронштадт, переодетых в матросскую верхнюю одежду, перевели обратно на баркасы [2]).

Направляемый в Кронштадт Бодиско 1-й, разжалованный в матросы, был намечен к отправке в 22-й флотский экипаж в Свеаборг, при чем отправление предполагалось на фрегате «Легком».

В шканечных журналах 74-х пушечного корабля «Сысой Великий» и 44-х пушечного фрегата «Вестовой» от 13 июля читаем: «в $^3/_4$ девятого министерская яхта отошла от адмиральского корабля» [3]) и «в $^3/_4$ девятого прошли обратно с буксируемой яхтой и баркас» [4]).

Таким образом около 9 часов утра шхуна с баркасами, буксируемая и

---

[1]) Церемония казни только у Завалишина получила некоторое освещение. «Мы стали сходить на палубу,—пишет он,— и тут ожидало нас новое торжество: командир корабля и офицеры встречали нас пожатием руки, а стоявшие вдали приветствовали знаками. Началось чтение приговора; старик адмирал не выдержал и зарыдал; плакали навзрыд матросы и офицеры; многие из последних не могли перенести сцены и, замахав руками, бросились вниз» (т.-е. в жилые палубы *А. Д.*).

Приводимые Завалишиным подробности никем больше не подтверждаются, а сцена с пожатием руки командиром корабля, т.-е. капитаном 1 ранга Качаловым, командиром гвардейского экипажа, представляется мало вероятной.

[2]) По рассказу того же Завалишина, здесь их ждал «вкусный завтрак, чай и кофе, так что возвращение наше совершилось еще веселей, нежели передний путь».

[3]) Шканечный журнал 74-х пушечного корабля «Сысой Великий» за № 3797 от 1826 г.

[4]) Штурманский журнал 44-х пушечного фрегата «Вестовой» № 3806 за 1826 г.

конвоируемая теми же пароходами, направилась в обратный путь. Привожу выдержку из другого рапорта известного нам уже командира Невской бранвахты о возвращении из Кронштадта «Опыта». «Сего числа по полудни в час возвратились из Кронштадта обратно казенные пароходы, на которых находятся арестанты, те же самые, которые были отправлены сего числа из Петропавловской крепости». Командир бранвахты допустил невольную ошибку в своем рапорте: не 15 человек государственных преступников вернулись из Кронштадта, а только 14, так как пятнадцатый, Бодиско 1-й, был оставлен в Кронштадте.

В инструкции, данной капитану 3 ранга Балашову (выше приведено ее начало), было предусмотрено, как поступить по возвращении в С.-Петербург; «первых восьмерых по списку (Арбузова, Завалишина, Дивова, Н. Бестужева, Торсона, Беляевых, А. и П., Кюхельбекера, *А. Д.*), также и лейтенанта Чижова, представить тотчас в С.-Петербургское губернское правление для отсылки по принадлежности; Бодиско же 1-го отослать с корабля «Владимир» в Кронштадт для написания в матросы во флот, а из остальных — Бодиско 2-го препроводить в инженерный департамент военного министерства, а прочих, как то — П. Бестужева, Вишневского, Мусина-Пушкина и Акулова, доставить в инспекторский департамент главного штаба е. и. в.».

Прибыв на старое место около Исаакиевского моста и «полагая неудобным разводить их днем по городу для доставления по принадлежности», адм. Моллер обращается к коменданту С. Петербургской крепости генерал-ад. Сукину с просьбой принять их в крепость, кроме одного, оставленного в Кронштадте — Бодиско.

«Из крепости они могут быть приняты ночью». В своем докладе от 14 июля на высочайшее имя Моллер подчеркивает, что «преступники не только не были в губернском правлении, но и на берегу, и что на судах никто с ними никакого сообщения не имел и свидания также».

Распоряжением свыше моряки были приняты в Петропавловскую крепость известным плац-майором крепости полковником Подушкиным.

А. Дрезен.

Из писем и записок В. Ф. Раевского.

Письма В. Ф. Раевского к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину.

Перехваченное тайной военно-полицейской агентурой письмо майора В. Ф. Раевского от 1 февраля 1822 г. к полковнику А. Г. Непенину явилось, как доказывают материалы главного аудиториата [1]), ближайшим поводом к аресту автора письма и к официальному открытию остававшегося до тех пор негласным следствия по его делу.

Все бессарабское гнездо Союза Благоденствия неожиданно оказалось под ударом, и если бы не своевременное уничтожение В. Ф. Раевским большей части принадлежащих ему бумаг, — в распоряжении руководившего дознанием ген. Сабанеева оказался бы гораздо более обильный документальный материал, чем тот, которым пришлось ограничиться при формулировке важнейших обвинительных пунктов. Но в последних все же нашли себе место осколки обширной корреспонденции В. Ф. Раевского. — Проживая перед арестом в кишиневской квартире К. А. Охотникова, он невольно привлек внимание розыскных органов к бумагам своего приятеля, откуда и были извлечены при обыске восемь собственных его писем за время с 23 ноября 1820 г. по 17 ноября 1821 г. Это был как раз период особенно напряженной просветительно-пропагандистской работы в районе 16 пехотной дивизии [2]).

[1]) Дело аудиториатского департамента о майоре 32-го егер. полка Раевском 5-м, 1827 г., № 42, лит. А, том. 3, л.л. 5—8.

[2]) Обильный материал о бессарабской группе Союза Благоденствия еще ждет

Вдохновляемая дивизионным командиром, одним из виднейших деятелей Союза Благоденствия — ген. М. Ф. Орловым, — эта работа своими опорными пунктами имела широко распространенные в эти годы на местах стоянок отдельных воинских частей Ланкастерские школы взаимного обучения и направлена была столько же на поднятие общего культурного уровня солдатской массы, сколько и на определенное политическое ее развитие. Революция в Испании, восстание в Пьемонте, Семеновская «история», та или иная очередная вспышка военных поселян, — все эти волнующие эпизоды политической летописи 1820—1821 г.г. живо интрепретировались в дивизионной юнкерской и солдатской Ланкастерской школах, при чем, как свидетельствует позднейший обвинительный акт, «вместо данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил свои рукописные прописи, поместив в оных слова: свобода, равенство, конституция, Квирога, Вашингтон, Мирабо, а в своих беседах с учащимися неустанно доказывал, что «конституционное правление лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется деспотизмом».

Распространение «вредных и возмутительных мыслей» в местах расквартирования 16 пехотной дивизии делало тем большие успехи, чем труднее становились общие условия армейского быта, чем явственнее обозначались тенденции восстановления старой палочной дисциплины и чем резче проводимая сверху система переобучения войск противоречила специфическим трудностям несения пограничной службы в далекой и тогда еще полудикой окраине.

Публикуемые здесь письма Раевского к его друзьям, как и записка его «О солдате», отражают мысли и суждения этого видного деятеля левого крыла «Союза Благоденствия», вызванные переменой режима в войсках, в связи с общей политической ситуацией начала 20-х г.г.

Как известно, в последнем всеподданнейшем докладе по делу В. Ф. Раевского несколько цитат, выдернутых из его писем к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину, послужили, вместе с рассуждением «О солдате», материалом для целого (по счету 9-го) параграфа обвинительного акта: «Из писем Раевского видно, что он, кроме многих непонятных мистических изречений, входил в рассуждения о неаполитанских происшествиях, присовокупляя, что Охотников найдет в письме его, Раевского, ту простоту и откровенность, которая свойственна им, оживотворенным одною благородною целью, тем же стремлением к пользе общей, тою же надеждою к достижению; что терпение и скромность должны быть девизом и что при начальстве вандалов служба становится хуже всего; при чем Раевский упоминал о какой-то новой администрации... Кроме того, Раевский в сих письмах дерзко порицал сделанные начальством распоряжения как насчет устройства при полках учебных команд, так и относительно наказания солдат, объясняя: «что Вахтен при смотре разрешил унтер-офицерам и ефрейторам бить солдат палками до 20-ти ударов и благородный порядок обратил в порядок палочный; и что Сабанеев вдруг все учреждения Орлова насчет побоев солдат и Охотского полка перевернул вверх дном». [1]).

С гораздо большею обстоятельностью бумаги Раевского разбирались в военно-судной Комиссии при 6 корпусе, когда от обоих корреспондентов потре-

---

своего исследователя. Много данных, относящихся к этой теме, собрано П. Е. Щеголевым («Исторические этюды», СПБ, 1913 г. стр. 186 — 198), в статье о «М. Ф. Орлов» — М. О. Гершензона («История молодой России», М. 1908) и в изсл. С. Н. Чернова: «К истории полит. столкновений на москов. съезде 1821 г.» Саратов, 1925 г.

[1]) Доклад этот, конфирмованный 15 октября 1827 г., опубликован в книге П. Е. Щеголева «Исторические этюды», СПБ, 1913 г., стр. 237—252.

бованы были детальные разъяснения едва ли не всех темных мест их переписки. Следует, впрочем, отметить, что в одном и другом случае остались нераскрытыми «многие непонятные мистические изречения», привлекавшие к себе внимание следственной и судебной власти едва ли не в большей степени, чем высказывания, проникнутые подлинным пафосом политического заговора и конспирации. А между тем, все эти якобы «мистические изречения» (их особенно много в первых двух письмах) представляли собою не что иное как характерную для воинствующего материализма 20-х годов пародию на модные в то время прозрения и афоризмы метафизического порядка, при которой сознательно не различались бредовые идеи Юнг-Штиллинга и Эккартсгаузена от «натур-философских» построений Шеллинга и Велланского.

Остается сказать несколько слов о самих адресатах В. Ф. Раевского; один из них — капитан К. А. Охотников, заведывавший кишиневской Ланкастерской школой, адъютант ген. М. Ф. Орлова и товарищ его по тайной организации, вместе с ним явившийся делегатом 16 пех. дивизии на московском январском съезде 1821 г.,— занимал в рядах Союза Благоденствия еще в 1818 г. настолько видное место, что именно к нему был направлен для ближайшего ознакомления с законоположениями Зеленой книги только что принятый в Тульчине в тайное общество В. Ф. Раевский. Как свидетельствует последний в своих показаниях об этом знакомстве, он в Кишиневе в 1818 г. виделся с Охотниковым «не более пяти или шести раз»; но узнал Охотникова «из общей молвы и общего об нем мнения» короче, нежели из обращения с ним. «Этот человек, получая несколько тысяч в год от отца, тратил на себя одно жалованье. Получаемые же деньги были принадлежностию бедных; все несчастные в Кишиневе знали его. Я сам был свидетелем, когда Охотников, не имея денег, продал последний бриллиантовый перстень (подарок короля Прусского) за 3.000 левов, дабы обеспечить участь одного израненного и бездомного офицера, служившего с ним вместе в турецкую и французскую войну. Он купил ему виноградный сад и дом близ Кишинева. Известно мне, что здесь не место исчислять достоинства Охотникова, но это самоотвержение для общей пользы, строгая жизнь и чистая добродетель без личных видов глубоко врезалась в груди моей. Я тайно завидовал, что человек почти одних со мною лет, так далеко ушел от меня в совершенстве нравственном — и поклялся истребить последние недостатки в себе самом... Вот почему в письмах моих находятся слова: нам, оживотворенным стремлением к одной цели, вот причины моей привязанности к нему, а не тайные связи, не вредное соумышлие и не буйные замыслы» [1].

Тактика запирательства и полного отрицания предъявленных ему обвинений заставила Раевского упорно отрицать на следствии «вредное соумышлие» и «буйные замыслы» бессарабской ячейки тайного общества,— и поэтому моральный облик К. А. Охотникова совершенно заслонил в только что приведенной характеристике его, ныне хорошо нам известную, крупную политическую роль ген.-адьют. Орлова.

Что касается второго адресата Раевского — полк. А. Г. Непенина, то заметной роли в тайной организации, в которую принят был Пестелем Кальмом в 1819 г. [2]), он никогда не играл, но, являясь командиром 32 егерского полка, служил как бы прикрытием всей проводимой в полку пропагандистской работы.

Ликвидация Союза Благоденствия после московского съезда в январе 1821 г. едва ли серьезно отразилась на деятельности его бессарабской группы. Формально из общества выступил, продолжая активно сочувствовать его задачам и не теряя связи с его работниками, лишь М. Ф. Орлов, да отпали и без того утратившие связь с ячей-

[1]) Дело б. государств. архива о майоре В. Ф. Раевском, I В, № 49, л.л. 13—14.

[2]) Дело б. государств. архива о полк. А. Г. Непенине, № 96, л.л. 7—10.

ками союза его номинальные члены. Директивы тульчинской управы, отказавшейся, как известно, от признания постановления о роспуске союза, позволили В. Ф. Раевскому и К. А. Охотникову развивать без перебоев пропагандистскую работу до самого начала февраля 1822 года.

Письма В. Ф. Раевского к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину печатаются нами с оригиналов, находящихся в деле главного аудиториата «О майоре 32 егерского полка Раевском 5-м», 1827 г., № 42, т. 7, л.л. 117—134. Очевидно, сейчас же по приобщении их к делу все письма были особо зарегистрированы, — и уже во всеподданнейшем докладе аудиториатского департамента от 31/XII 1824 г. каждое из них фигурирует под своим порядковым номером. Однако, в виду того, что нумерация эта была совершенно случайной, мы не сохранили канцелярского размещения писем, а попытались восстановить строгую хронологическую их последовательность. Следует отметить, что на некоторых письмах сохранились следы сургучной печати В. Ф. Раевского — с изображением миниатюрной пятиконечной звезды.

Ю. Г. Океман.

Письма В. Ф. Раевского.

23 ноября [1820 г.]. С. Каракмазы.

Насилу собрался я писать к тебе, любезный Охотников, за то надеюсь помучить тебя добрые полчаса над моим письмом, содержание коего не будет, конечно, заключать ни верных метафизических доводов Шанди отца Тристрамова, ни объективных углов атаки и продовольствия Буллова, ни пиитического жару усопшего Хвостова и его собратий... Но ты найдешь в нем ту простоту и откровенность, которые свойственны *нам*, оживотворенным одною благородною целью, тем же стремлением к пользе общей, тою же надеждою к достижению... баста!.. Самохвальство прилично только старым воинам, которые при покойной блаженной памяти императрице Екатерине переносили ужасные труды, при переходах от Киева до Днестра и от Днестра до города Глухова! — а нам оно несвойственно; т е р п е н и е есть девиз солдата русского; терпение и скромность должно быть девизом нашим.

Надо предуведомить тебя, что я пишу к тебе из комнаты, которая ничем не лучше той, которую описал Грессет в своей «La Chartreuse», с тою разницею, что я защитил себя от в н е ш н и х ветров, а крыс и кошек, по счастью, в целом дворе нет!.. Не достает только пера и воображения Грессетова, — а то бы дело было в шляпе, и на место этого письма получил бы ты предлинное послание; но, увы! на берегах Тираса все усыпляет пылкие и еще (Mercurii sublim. Sapsap, и серными ваннами) не погашенные чувства; здешний народ и дикая природа сильнее действуют на нервы и мышцы, нежели действие жрецов над Дельфийскою Пифиею или Месмера над молодыми девками;— магнетическими прикосновениями они приводили в магнитной сон, или в снобдение (somnambulismus), или в провоззрение, или, наконец, в просветление — а меня здесь все приводит в недоразумение, утомление, нетерпение и, наконец, в усыпление. Только было взошел я на кафедру (перед 9 егерской ротою) и во имя Демосфена, Цицерона и Красса загремел о подвигах предков наших, о наших собственных подвигах и будущих наших подвигах, о Румянцове при Кагуле, о Кутузове при Бородине, и только было полетел с Суворовым от Рымника по верхам Альпийским, как Михаил Федорович [1]) обрезал или перерезал мой полет приказом своим за №, кажется, 34. И я, как Икар, — в воду, с тем различием что Икар не командовал ротою, а я при-

[1]) Командир 16 пех. дивизии ген. М. Ф. Орлов.

нужден остаться теперь командиром 50 или 60 человек настоящего папского войска.

Не думай, чтобы я писал это в сомнабулизме, совсем нет, дело идет вот о чем: у нас (да я думаю и везде так, даже и у кафров и готтентотов) водится обыкновенно, что кто больше имеет смысла и разума — что составляет теперь по новой системе Шилинга или Веланского, ум, — следственно, кто больше имеет ума и опытности, и заслуг, тому поручают более власти с доверенностию управлять ею по рассудку и законам: капитан управляет ротою, полковник полком, генерал дивизиею и т. д. Теперь вышло с нашего левого флангу на изворот— и с большим ущербом для благородных намерений Михаила Федоровича. 1) При батальоне составлена учебная команда, состоящая из 80 человек отборнейших людей, надежды и опоры целой роты; ею командует подпоручик N., который едва ли в три шеренги поставленную нумерацию с знаком будет уметь привести в одно целое. Вы скажете: а где ж батальонный командир? Великий Алла!—У него есть паши, Тападжи-Паши, Кападжи-паши, Кади и... [неразб.], и проч. и проч.; зачем же ему думать о Суворове, Румянцове о нравственности и духе солдата? Он приказал, и учебного солдата вертят, стягивают, крутят, ломают, толкают, за—и перетягивают, коверкают, щипают и, чорт возьми! иногда и—кусают!.. А визирь выходит, чтобы иногда сказать: Изрядно! — а чаще всего: Скверно, гадко, мерзко,— прибавляя за каждым разом русскую солдатскую п р и в ы ч к у... я вас перекатаю! в г... зарою! Вот и Суворов, вот Румянцов, Кутузов, Воронцов... все полетело к чорту, и солдаты остаются все те же, с тою разницею, что они забывают своих товарищей в роте, своих начальников, и теряют то единодушие, которое было неразлучно с знаменами Суворова!.. Капитан знает в своей роте каждого солдата, он знает нравственность каждого, он обходится с Константином иначе, как с Федулом, он Петру говорит: «Это, любезный друг, нехорошо», а Тарасу говорит: «Ты скотина, я тебя заставлю это делать», а в учебной команде и Константину, и Федулу, и Петру, и Тарасу—одна честь, одно обхождение одни темпы брани!..

2) При полковой команде все то же, только тут султан приказывает визирю или янычар-аге! Да ему и без того дела много.—И тут однако ж командует подпоручик Х., который хотя и благороднее и умнее первого, но он не виноват, если отец не имел состояния учить его, а краткость века воспретила видеть поля Кагульские, Бородинские, Лейпцигские! Но между тем у ротного командира остается 50 человек, а учебной команды при полку под командою подпоручика 240 человек. Поверь, любезный друг, что не одно честолюбие говорит здесь, нет, — польза общая того требовала, я хотел в короткое время моего командования выставить роты на о б р а з е ц. Накупил грифельных досок, бумаги, чернил, азбук, перьев—и вдруг со всеми этими принадлежностями остался командиром человек 40 портных, сапожников, артельщиков, горбатых, хромых, кривых, словом сказать, целой кунскаморы! К которой боюсь приступить, ибо петербургские пригляделись и надоели.—Но что еще удивительней, что, отобравши у нас самых лучших и способнейших людей, после отдадут всю хвалу и славу тем, которые едва ли успели разглядеть лица этих людей, не только узнали, как кто из них зовется.

Finis.

Не радуйся, любезный друг! Ты думал, что finis заключает в себе совершенное finis, ты крепко ошибся: за о д н у о с ь м у ш к у твоего письма я хочу наказать тебя целыми двумя листами. И, по всем вычислениям Ейлера и Лагранжа, все мои идеи истощатся к концу этого листа. Finis значит только finis той скучной материи о к о м а н д а х, которая заключает в себе половину письма, но, взявши Кондильяка и прочтя его со вниманием, ты согласишься, что я говорил правду, не знаю, однако ж, согласится ли с этим генерал.

Я не был в Одессе, не получал ниоткуда никаких известий, и сам прекратил со всеми переписку, ибо на два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у м о р я ж д у п о г о д ы! Ничто не развлекает, ни занимает меня, я сижу, как дервиш, по[до]бравши ноги, и думаю только о том, чтобы эта ночь была для меня приятней прошлой и чтобы товарищ Морфей был ко мне поснисходительней, ибо он часто меня отдает на жертву воображения, которое, подобно азоту, заставляет меня на утро прокашлять более обыкновенного! Чорт возьми! Здесь есть чудесные молдаванки, и я всегда забываю свою Психею или Аглаю, или Галатею, когда смотрю на какую-нибудь Гракину, Аксенею, или Настазию! Еслиб ты был на моем месте, то сделал бы то же, не забыл бы, конечно, своего идеала,—но твое всегда неограниченное воображение и фокус зрения в соединении лучей представил бы тебе Рим, Византию! Лукрецию, Корнелию!.. триумфы невинности, добродетели, свободы, представил бы тебе все невозможное возможным, возможное невозможным, и Аксения — отрасль какого нибудь Гракха — или Мария, или побочная натуральная, и вернее прочих, отрасль Овидия, который умер здесь на берегах Тираса,—была бы существом выше обыкновенным, существом дышущим свободою своих предков; — но я — я слабый смертный, сознаваясь с Баумейстером, что с у щ н о с т ь с у щ е г о е с т ь в е з д е с у щ а, забываю о простых земных благах, пью небесный дар в объятиях какой-нибудь Гракины — только не Агрипины — и забываю Лицей Приапов и почтенного Колумба, который, открыв Америку, заставил меня из уважения к его памяти есть так долго меркурий и запивать нектаром — декохтом.

Наконец, из этого хаоса моих мыслей и истин, положенных на бумагу, ты знаешь теперь, что я делаю и что думаю. Теперь скажу, что делается и думается у н а с: с нового года в нашем полку учреждается библиотека. Мы выписываем 2 иностранных журнала и все русские, выписываем ландкарты и рублей на 500 книг, — вот тебе отчет об успехах. Это з а к л ю ч е н и е хаоса. Кланяйся от меня почтенному Липранди, всем вашим и Федор Федоровичу [1]) мое истинное почтение скажи.

Если это письмо тебя не заставит зевать, то пиши ко мне. Я отвечать аккуратно буду, однако, пожалуйста, не на о с ь м у ш к е. Наконец, идеи мои истощились по самому обещанию, лист кончается, свеча догарает, будить человека не хочется— все согласилось, чтобы я перестал писать и дал покой твоему чувству зрения, которое наверно весьма утомилось. Прощай. Остаюсь тебе преданный

Раевский.

2 [2]).

[1 мая 1821 г.]

Я получил письмо твое, любезный Охотников, перед самым отъездом в Одессу, но выполнить твоего поручения не мог, потому что аспидных досок купить по дороговизне невозможно, и даже в греческую Ланкастерскую школу выписывали из Парижа.

Новостей в Одессе никаких нет, ибо более недели ни один карабль в порт не входил. Неаполитанские происшествия меня взбесили. Полагаю пиемонтцы менее будут и т а л ь я н ц а м и.

Впрочем, сущность сущаго при единстве разнородной гармонии составит то действительное, которое в эмпирическом действии, при деятельном движении побочных организованных существ, может как субъективно, так и объективно дать целому веществу то свойство, которое Невтон, или Нютон, доказал центральным влечением.

Однако диссолютное в отношении к абсолютному не то ли же имеет дей-

---

[1]) Ф. Ф. Орлов — брат М. Ф. Орлова.

[2]) На обороте адрес: «Его благородию милостивому государю Константину Алексеевичу Охотникову. При дивизионной квартире в Кишиневе».

ствие в производстве мистико-техническом, какое парабола при своей конечности — к черепу земли?

Из сего ясно видеть и уразуметь можно, что Кант+Шиллинг+Эккартсгаузен+Фихте+Штилинг+Веланский—составят то единое метафизическо-сферическое тело, которое, соединясь элипсом в параболе, заставит в уразумении усомниться, ибо:

«Сомненье мудрости есть самый зрелый плод»... *Батюш[ков.]*

Но при всем этом не заставит усомниться тебя в дружбе моей. Прощай и пиши к преданному тебе *Раевскому*.

1 мая. (Сижу целый день дома!)

3.

[Конец апреля — начало мая 1821 г.].

Любезный Охотников! Я не отвечал на последнее письмо твое, ожидая удобного случая сказать полковнику о помощи юнкерам, но весьма кстати Таушев [1]) приехал сюда, видел все и скажет тебе подробно все здешние обстоятельства.

Моя школа приняла свой ход, но ни места, ни способов не было, чтобы устроить так, как хотелось. В юнкерской и Ланкастерской—все один и сам. Люди успевают, но на господ юнкеров, будущих товарищей наших, надо обратить особенное внимание. Эти члены и столбы отечества, у нас в самой низкой доле! Чего можем мы ожидать от юношей, погрязших в распутстве, невежестве, и, будучи повреждены вначале,— ничего больше не обещают в будущем [кроме], пагубы самим себе, стыда мундиру, бесполезного бремя другим и отечеству. Михайло Федорович, кажется бы, из патриотизма или из сострадания должен обратить на них свой взгляд и попечение. Ему будет честь и общая благодарность тех, которые не чувствуют самих себя. Полки будут иметь хороших офицеров. А он—хороших, благородных подчиненных, которые облегчат в о в с я к о м с л у ч а е труды его.

Я ожидаю производства с нетерпением. Почему оно затянулось, не понимаю,—только я бы согласился лучше устремить все свои труды на нравственное образование большого числа юношей, нежели на ноги их. Советую тебе, приступя к благородному делу, обратить первое на нравственность, а потом — на образование и науки. Ибо едва ли можно вообразить, до какой степени достигла порча нравов!..

Я все собирался быть у вас, но по некоторым причинам до приезда М. Ф. я быть не могу и потому все подробности оставляю до личного свидания с тобою. Прощай. Будь здоров и пиши к преданному тебе *Раевскому*.

4.

[17 июня 1821 г.]

Благодарю тебя, любезный Охотников, за поздравление. Я не столько свободен, сколько ты воображаешь; те же занятия и одна и та же цель заставляют меня быть невольником. Классы для юнкеров и Ланкастерская школа суть цепи для меня весьма приятные, ибо я делаю пользу отечеству и отдаю ему долг мой, сколько в силах теперь. Я наверное ручаюсь, что из школы моей юнкера будут лучшие по армии. Это не гордость и самолюбие, но твердая уверенность на старание моих юных сотоварищей!..

Устремимся, любезный друг, к пользе общей, и мы увидим успехи наши, увенчанные, если не бессмертием, то, наверное, благодарением обязанных и хвалою собственных чувств!!!

Предлинную диссертацию напишу тебе в ответ на письмо твое — теперь ограничиваюсь этим.

Поблагодари от меня любезного Таушева за память и письмо и отдай ему дружеский мой поклон.

Прощай. Преданный тебе
Раевский.

17 июня.

---

[1]) Поручик Таушев, Николай Степанович, гевальтигер 16 пех. див., вероятно, член Союза Благоденствия. После ареста В. Ф. Раевского содействовал уничтожению материалов, изобличавших его друга в пропаганде. После событий 14 декабря уволен от службы и отдан под надзор полиции.

5.

[14 июля 1821 г.]

Любезный Охотников, я начинал уже досадовать за твою беспечность, как получил от тебя маленькую записочку, за которою благодарю, равно и за присылку номеров.

С нетерпением жду времени, когда буду свободен, дабы посетить Кишинев. Я хочу видеть твои занятия и успехи учеников, в чем не сомневаюсь при твоих трудах.

Я просил тебя об Михаловском [1]) и еще повторяю мою просьбу. Но ты не найдешь в нем учителя по твоему ожиданию: русский язык он знает плохо, арифметику до тройных правил хорошо, географию — Европу и Азию изрядно. Но способности и отлично благородные чувства заставляют меня желать ему добра, и все, что ты для него сделаешь, будет мне порукою в твоей приязни. Только поспеши его взять и не смотри ни на какие отговорки. Скажи, когда война будет, ты его отпустишь. Из нашего полка двух или трех юнкеров лучших перевели в 17 дивизию.

Когда возьмешь Михаловского, уведомь меня тотчас.

Я посылаю тебе первую тетрадь географических уроков, составленных мною для полка. По получении от тебя ответа пришлю остальные — русского языка и арифметики; до тройных правил преподавать арифметику можешь поручить Михаловскому, равно и кратко географию. Да отдай ему эту записку.

Я не теряю здесь времени: вместо ушедших с полком людей из школы набрал рекрут и учу по методе Ланкастерской. Чрезвычайно успевают. По письмам из России я вижу, что эту методу хотят уничтожить, дабы не дать просвещению так быстро распространиться. Итак, любезный, спеши, пока время, дать какие-нибудь понятия юнкерам. Я убеждаю тебя, а отечество и обязанные будут тебе благодарны.

Будем делать, что можем теперь!.. не теряй времени делать добро другим.

Ты ничего не пишешь о Мих. Фед., о новостях, которые для меня столь занимательны. У нас пустыня; из Одессы ничего не слышно, но я послал туда нарочного узнать обо всем и сегодня получу ответы.

Пожалуста, пиши ко мне как можно больше. Ничем меня более не обяжешь.

Мнение мое о учении юнкеров я опишу тебе в будущем письме, т.-е. после ответа твоего; — вели и Михаловскому писать ко мне.

Я предполагаю, война до весны начаться не может. Заготовлений никаких нет. — И как скоро я узнаю, что это все пустое, то останусь в Аккермане. Но как бы ни было, а намерен в непродолжительном времени побывать у вас. Как сожалею о потери Липранди! [2]). Я писал к нему. Я боюсь обременить тебя, а то в полку нашем есть еще два юнкера, обещающие много: Перхалов и Лукомский; если можешь возьми, а если нет — как хочешь. Главная моя просьба о Михаловском. Остальная молодежь весьма с худою нравственностью, следовательно, о них думать нечего.

Кланяйся от меня Таушеву, Друганову [3]) и хозяйке своей. Прощай. Пиши и исполни просьбу преданного тебе.

Раевский.

P. S. Покамест начнешь географию учить по карте, вели им учить на память.

14 июля.

---

[1]) Портупей-юнкер 32 егерского полка, ученик В. Ф. Раевского, откомандированный им в Кишинев, в дивизионную школу; впоследствии — один из важнейших свидетелей по обвинению Раевского в революционной пропаганде.

[2]) Подполковник 33 егерского полка И. П. Липранди, по свидетельству кн. С. Г. Волконского — член Союза Благоденствия, под впечатлением революции в Италии возбудил ходатайство о «дозволении стать в ряды волонтеров народной итальянской армии»; ходатайство это было принято, как «дерзость», и Липранди вынужден был подать в отставку. Ср. записки С. Г. Волконского. СПБ, 1901 г., стр. 318.

[3]) Друганов—адъют. ген. М. Ф. Орлова.

6 [1]).

22 июля 1821 г.

Здравствуй!

На последнее письмо твое отвечать тебе буду лично — в Кишиневе, ибо сейчас получил позволение от Орлова приехать — письмом через Калакуцкого. Я чрезвычайно этим доволен. Там поговорим о пользе отечества! О способах дать образование (этим) юношам! Если можешь, до моего приезда постарайся о юнкере Левецком 1-м, дабы не потерять его из дивизии; он необходим будет при заведении большой школы.

Рад, что ты доволен Михаловским. В 32 полку есть хотя не такие, но весьма изрядные; но без меня не делай ничего и не требуй никого.

Буде можно, похлопочи мне о квартире недалеко от школы и от тебя. Прощай.

Ожидай преданного тебе

Раевского.

Скажи Михаловскому, что я буду.

7 [2]).

[25 июля 1821 г.]

Любезный Охотников! Неожиданный поход, смотр Вахтена [3]), неизвестность ничего — или для чего это все — мне вскружили голову; и так до совершенной известности я остался здесь как командир двух рот, для содержания караула оставленных.

Приказы Орлова, кажется, написаны были на песке! Вахтен при смотре разрешил не только унтер-офицерам, но и ефрейторам бить солдат палками до 20 ударов!!! и благородный порядок обратился в порядок палочный. Об смотре ты можешь подробно узнать от солдат и офицеров, но не от полковника, которого я постичь не могу. Он все дерзости сносил равнодушно, — хотя безвинно, и полк был представлен в наилучшем виде.

Я здесь останусь, пока не узнаю наверное, что кампания будет.

Поручаю, прошу тебя и убеждаю премного портупей-юнкера Михаловского нашего полка вытребовать и взять к себе в школу; он оказал очень много успехов, и мне не хочется оставить его на жертву носков и Киселистов! Ты можешь его выпросить у дивизионного командира, а меня этим навсегда премного обяжешь. Все, что для него нужно, я беру на свой отчет.

Не забудь, пришли мне номера на эполеты — и пиши как можно чаще. Податель сего есть штабс-капитан Прокопов. Он получил отставку и ищет места. О смотре нашем от него узнать можешь.

Если дивизионная квартира не скоро тронется, я сам у вас скоро буду, только уведомь меня о приезде вашего генерала. Прощай и пиши.

Раевский.

25 июля.

Любезному Таушеву кланяйся. Да о юнкере опять прошу тебя.

8 [4]).

[Последние числа июля 1821 г.]

Любезный Охотников! На удачу пишу: — не знаю, приехал ли ты, или нет? Очень бы рад был, если б это письмо застало тебя, тем более что отсутствие генерала сделало много худых перемен и у нас в полку. Я бы приехал сам в Кишинев, если б наверное знал, что вы уже там.

В короткое время при начальстве вандалов служба становится хуже горькой редьки. Прощай, любезный друг. Пиши подробно, что знаешь, что ви-

[1]) На обороте адрес: «Его благородию милос[тивому] госуд[арю] Константину Алексеевичу Охотникову. Капитану и кавалеру. При дивиз. квартире».

[2]) На обороте адрес: «Его благородию Константину Алексеевичу Охотникову. В Кишинев. При генерале Орлове».

[3]) Генерал-майор Вахтен — нач. штаба 6 арм. корпуса.

[4]) На обороте адрес: «Милостивому государю Константину Алексеевичу Охотникову. Капитану и кавалеру».

дел и слышал. Письмо непременно дойдет в мои руки...

Будь здоров и помни преданного тебе

Раевского.

Юнкер Песецкой есть податель этого письма.

9 [1]).

[1 февраля 1822 г.]

Милостивый государь
Андрей Григорьевич!

Спешу вас уведомить обо всем здесь происходящем кратко и ясно. Когда прочтете, предайте письмо огню. После отъезда благородного нашего генерала С... в приехал сюда, и вдруг все учреждения Орлова насчет побоев солдат и Охотского полка перевернул кверх дном!.. Не знаю, кто, каким образом, все дела Орлова представлены ему были совершенно в противном виде; он даже сначала начал действовать, как противу возмутителей, он подозревал Орлова, как будто в революционных замыслах, велел в некоторых полках все его приказы сжечь, уничтожить и возобновить жестокость и побои!

Мы дали знать через нарочных курьеров обо всех происшествиях нашему генералу. Он на днях сюда будет; не знаю, чем кончится?

Между тем Сабанеев, видя, что ничего нет, охладил жар свой; однако не престает самыми сильными средствами вредить генералу. Киселев завтра или после завтра сюда будет. Не знаю, чем это кончится.

Между тем подлец Сущов [2]), будучи недоволен моим с ним, как и с прочими юнкерами, строгим обращением, подстрекаемый адъютантами Сабанеева и врагами новой администрации, приступил к прекрасному средству — украл у меня какие-то бумаги и письма, написал Вержейскому [3]) на меня донос, и все это отдано в руки Сабанееву; еще дело не открыто, в чем это все состоит. — Однако Сабанеев тотчас взял из нашей лицеи этого подлеца и отослал в Тирасполь под свое крыло.

Я не знаю, что он там наплел на меня? Бумаг важных у меня никаких не было, но все неприятно, и, атакуя меня, думаю, генералу хотят сделать неприятность.

До вас одна и важная просьба: если к вам будут какие-нибудь запросы, постарайтесь им дать ответ благородный; и если сильно напрут, то подкрепите свидетельством от офицеров о моем благородном поведении и примерном. Тем более это нужно, что Неймман [4]) глаголит: что и офицеры в полку мною недовольны. Постарайтесь; я надеюсь на ваше благородное расположение.

Сущов за мое добро мне славно заплатил! Уведомьте, что у вас делалось. Но только пишите не по почте. Если что-нибудь важное будет, уведомьте чрез нарочного. Липранди 1-й еще здесь. Охотников просит вас о деньгах. Остаюсь истинно вам преданным и покорным слугою.

В. Раевский.

1 февраля.

P. S. Если есть на имя Павла Петровича Липранди письма или посылки, перешлите сюда ко мне.

Примечания.

1. Письмо от 23/XI 1820 г. При приобщении к следственному делу (под № 5) оно неправильно отнесено было

[1]) На обороте адрес: «A monsieur monsieur de Nepenin chef et chevalier à табак».

[2]) Подполковник 32 егерского полка, один из самых ранних «обличителей» Раевского.

[3]) Майор Охотского пехотного полка, отстраненный ген. Орловым за свои «неистовства» и истязание нижних чинов от командования батальоном и преданный военному суду. Ср. приказ по 16 пех. дивизии от 6/I. 1822 г., № 3.

[4]) Юнкер 32 егер. полка, пользовавшийся некоторое время большим доверием Раевского и проживавший даже в его квартире. В процессе Раевского играл большую роль как один из главных свидетелей обвинения.

к 1821 г.; между тем, устанавливаемая нами дата — 1820 г. — представляется совершенно несомненной, во первых, потому, что в ноябре 1821 г. автор письма жил не в сел. Каракмазах, а в Кишиневе, и, во вторых, по самому характеру упоминаний о работе в 9 егерской роте, от командования которой Раевский был освобожден еще в апреле 1821 г.

Военно-судной Комиссии при 6 корпусе, при требовании объяснений о значении первых тирад письма — В. Ф. Раевский указал, что «благородною целью называл он стремление ко всему благородному, что основано на справедливости, человеколюбии и прочих гражданских добродетелях; общею пользою он разумел пользу людей тех, в кругу коих им определено быть, при том и польза оных основывалась бы на чистоте нравов членов еге; говоря о надежде к достижению, он, Раевский, имел в предмете усовершенствование всех нравственных способностей, которые терпением и временем только приобретены быть могли». При запросе следственной властью К. А. Охотникова о смысле полученного им письма, тот «отозвался», что «об особенной какой-либо цели майора Раевского, клонящейся к пользе общей, он ничего не знает; что же касается до слов: терпение и скромность должны быть нашим девизом, он никакого подразумеваемого в словах сих смысла не понял». Эти разъяснения, конечно, не удовлетворили ни следователей, ни судей, и ген. Сабанеев в своем заключении относительно обмолвки первого письма о «нас, оживотворенных одною благородною целью» и т. д. — правильно заметил, что «здесь подразумевается какая-то тайна, известная только тем, кто переписывается». Характерно, что, уделяя так много внимания начальным тирадам Раевского, следственные власти совершенно прошли мимо чрезвычайно интригующего признания в конце письма: «Я не был в Одессе, не получал ниоткуда никаких известий и сам прекратил со всеми переписку, ибо на два письма не отвечал в Тульчин ни слова. Но знаю и ведаю, что все идет хорошо, и, соглашаясь с твоими же словами, я теперь у моря жду погоды». Между тем, это глухое свидетельство о связях Раевского с тульчинскою управою Союза Благоденствия и с Одессою могло бы послужить для раскрытия всех нитей заговора во 2 армии.

2. Письмо от 1 мая 1821 г. (к следств. делу приобщено под № 8). На запрос по поводу некоторых мест этого письма Раевский «ответствовал» военно-судной Комиссии, что «как он не имеет всего письма, то и не припомнит, в каком случае он писал таковое; но что пьемонтцы будут менее итальянцы значит, что они не столько развращены, как другие народы Италии и известны своими добродетелями и лучшими офицерами в войсках; прочих же слов в том письме или всего смысла оного объяснить он, Раевский, не может. Письмо сие написано в шутку и есть одна шутка для дополнения письма, ибо писать было нечего; бесить же его итальянские происшествия могли потому, что все тогда ожидали войны и даже 2 армии один корпус вышел в поход; а как он, Раевский, слышал, что заключен уже был мир, то сие ему и досадно было, поелику он и службу продолжал, надеясь единственно на войну». Капитан Охотников «на вопрос военного суда о пояснении смысла мистических выражений, заключающихся в письме майора Раевского, объявил, что, прочтя сие письмо, он, Охотников, совершенно ничего из оного не понял и видел только набор слов, не заключающий в себе никакого смысла».

3. Дата этого письма (к следств. делу приобщено под № 3) определяется нами на основании упоминания в его тексте об ожидаемом Раевским «производстве» — «почему оно затянулось — не понимаю». Между тем, в майоры В. Ф. Раевский был произведен, как свидетельствует его формуляр, 22 апреля 1821 г.; учитывая, что в штабе 32 егерского полка приказ этот мог быть получен с известным опозданием, мы относим письмо к концу апреля, началу мая 1821 года.

4. Письмо от 17/VI 1821 г. К следственному делу приобщено под № 4.

5. Письмо от 14/VI 1821 г. К следственному делу приобщено под № 1. Внимание органов надзора обращено было на школы взаимного обучения тотчас же после Семеновской истории, при чем инициатива гонений принадлежала на этот раз самому императору Александру.

6. Записка от 22/VII 1821 г. К следственному делу приобщена под № 2.

7. Письмо от 25/VII 1821 г. К следств. делу приобщено под № 6. По характеру упомин. о Михаловском, вероятно, в дате письма ошибка: не июль, а июнь 1821 г.

8. Записка эта (по нумерации следств. дела № 7) датируется последними числами июля, так как 5 августа Раевский был уже в Кишиневе. В своих объяснениях военно-судной Комиссии некоторых особенностей содержания этой записки В. Ф. Раевский указал, что «отсутствие генерала — значит отсутствие бывшего дивизионного начальника ген.-майора Орлова, который находился в отпуску. Перемены — он, Раевский, разумел вновь возобновившиеся в отсутствие его жестокости в обращении с нижними чинами 32 егерского полка; начальством вандалов — называл он, Раевский, начальство батальонных начальников того полка. Под словом вандализма разумел он беспорядок, основанный на употреблении во зло власти, которая сделала службу действительно хуже горькой редьки».

9. Письмо от 1/II, 1822 г. к А. Г. Непенину (к следств. делу приобщено под № 9). Объяснения, данные В. Ф. Раевским относительно этого письма, сводились к следующему: «Учреждениями насчет побоев разумел он, Раевский, приказы ген.-майора Орлова, которые заключали в себе желание вывести непомерные побои; а повернул кверх дном, значит уничтожение как приказов, так и того, что сказанный Орлов сделал в Охотском полку. Сие заключение основано на нижеследующем: по жалобе унтер-офицеров Кочнева и Матвеева произведено следствие в Охотском полку, где оказалось, что майор Вержейский, капитан Гимбут и другие офицеры производили непомерные побои и столь сильные, что сам майор Вержейский сказал подполковнику Липранди, — если закон его не осудит, то совесть его убьет; за что ген.-майор Орлов представил как Вержейского, так и Гимбута под суд.

«По отъезде ген.-майора Орлова в отпуск, ген.-от-инфант. Сабанеев уехал в Кишинев, и там 1) Охотского пехотного полка унтер офицеры Кочнев и Матвеев, которые по резолюции Орлова переведены в другие полки без наказания, были взяты по приказу ген. Сабанеева под арест и преданы суду при 33 егер. полку. 2) Брат майора Вержейского, юнкер, говорил в школе, что он слышал от брата, что ему ничего не будет по представлению ген.-майора Орлова и что о сем будто бы ген. Сабанеев сам говорил. 3) Капитан Гимбут, который равно был представлен к суду и арестован, выпущен и даже наряжен по караулу дежурным. 4) Приказы ген.-майора Орлова в Селенгинском пехотном полку велено было уничтожить чрез майора Кочубея, что он, Раевский, слышал оного ж полка от майора Геевского.

«Делами ген.-майора Орлова называл он, Раевский, все его действия и намерения, чтобы вывести непомерные жестокости в полках, а что представлены они в другом виде, — сие значит то, что ген. Сабанеев прежде сказал в приказе, что жестокие побои производят или от незнания законов, или от употребления во зло власти, а после, призвав Камчатского полка офицера, приказал солдат бить попрежнему.

«О действиях, как противу возмутителей» он, Раевский, основывается: 1-е, на вышеупомянутом сборе офицеров Камчатского пехотного полка и на приказе возобновить побои. 2-е, на отдаче под суд прощенных ген.-майором Орловым унтер-офицеров Кочнева и Матвеева; 3-е, на освобождении капитана Гимбута из-под ареста; 4-е, на арестовке Камчатского пехотного полка майора

Логвинова за то, что сказал 1 мушкатерской роте: «лишнего не болтать» тогда, как они шли на следствие к ген. Сабанееву. 5-е, на слухах, которые носились, что ген.-майор Орлов арестован и что юнкера, а особливо Янович, находившийся в дивизионной школе, громко говорил при солдатах: «что и Орлов попался». 6-е, а главное, на общем слухе, что еще с декабря месяца адъютанту ген. Сабанеева гвардии капитану Радичу поручено было надзирать за поведением ген.-майора Орлова.

«Новая администрация (управление) значит тот порядок, который начал существовать в 16 пехотной дивизии с принятием начальства ген. Орловым, то-есть о доведении солдат без жестокостей, которые существовали прежде. Врагами новой администрации называл он, Раевский, майора Вержейского и капитана Гимбута; впрочем, он, Раевский, имел надобность писать таковое письмо, ибо известно ему было, что на него, Раевского, подан донос и доносу дан вес. Ответ благородный ясно изображает, что он, Раевский, ничего более не хотел, дабы ответ был справедливый и по сущности дела благородный; подкрепление же свидетельства офицеров он, Раевский, просил, как верной опоры, которая бы могла опровергнуть еще более донос, относившийся к тому времени, как он, Раевский, был в полку».

«О солдате».

Записка В. Ф. Раевского.

Записка майора В. Ф. Раевского «О солдате», захваченная при аресте его 6 февраля 1822 года по обвинению в революционной пропаганде в войсках 16 пехотной дивизии, была сразу учтена следственною властью, как одно из важных подтверждений «вредных и возмутительных мыслей» заговорщика, но в своей основной части осталась вне поля зрения и позднейших ликвидаторов «декабризма» и виднейших его историографов.

Случайной ссылкой в опубликованном в книге П. Е. Щеголева последнем «всеподданнейшем докладе» по делу Раевского [1]) да двумя упоминаниями в известном труде В. И. Семевского [2]) исчерпывались до сих пор в печати все свидетельства о погребенном в делах аудиториатского департамента интереснейшем памятнике политической мысли единственного пропагандиста-массовика в рядах Союза Благоденствия и Южного общества.

Мы знаем, с какой исключительной настойчивостью правительство императора Николая старалось во время следствия и суда над декабристами дать себе отчет в том, «какими средствами злоумышленники надеялись обольстить войско, народ и вообще найти себе пособников между непринадлежавшими к их сообществам» [3]).

Применительно к только что подавленному восстанию Черниговского полка главное командование 1 армии выдвинуло эту же проблему с гораздо большею определенностию и остротою. «Каким образом в войске, отличающемся твердостию в вере и непоколебимою преданностию и верностию к престолу, два или три мятежные офицера, без денег, без славы и, следовательно, без доверенности, — в одно мгновение могли возмутить почти целый полк и, не встречая сопротивления, увлечь всех за собою, и каким образом ложное и безрассудное учение их принято так внезапно и безусловно людьми

[1]) П. Е. Щеголев. Исторические этюды, СПБ., 1913 г., стр. 241.

[2]) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов, СПБ., 1909 г., стр. 111 и 114—115.

[3]) Секретное приложение к докладу Следственной Комиссии 1826 г. «Рус. Архив», 1875 г., III, 434.

неиспорченными и простыми, коих понятия и желания должны бы быть учению сему совершенно противуположны?» [1]).

Записка В. Ф. Раевского, несмотря на всю свою незаконченность и фрагментарность (работа над ней была, очевидно, прервана арестом), давала почти исчерпывающий ответ на все поставленные выше вопросы.

В «презревших печать» рассуждениях «первого декабриста» как бы суммировались те разрозненные и случайные указания на дефекты хозяйственной и административной организации русской армии после наполеоновских войн, которые ныне нам хорошо известны и из официальных и из частных источников.

Как свидетельства, наиболее близкие построениям В. Ф. Раевского, мы напомним здесь хотя бы замечательное письмо начальника штаба 2 армии П. Д. Киселева от 15/IV 1822 г. генералу А. А. Закревскому [2]) и сделанный на следствии в Петербурге Матвеем Муравьевым-Апостолом бегло перечень оснований, по которым «армия готова двигаться», т.-е. откликнуться на первый же мятежный призыв [3]).

Тезисы трактата «О солдате» давали, однако, не только четкую характеристику положения армейских низов, но, в противоположность всем прочим высказываниям на эту тему, с одинаковой трезвостью обнажали и экономическую и социальную подоплеку тех антагонистических настроений в военной среде, возможность использования которых в интересах организаций, взявших на себя инициативу государственного переворота, представлялась Раевскому совершенно несомненной.

Опора на солдатскую массу, на угнетенного «кандалами беззакония» и насильственно облеченного в военный мундир крестьянина и мастерового диктовалась всем построением трактата, в котором тесно переплелись и итоги живого опыта пропагандистской работы и прямо вытекающие из них новые директивы идеологического и тактического порядка.

Трудно сказать, могла ли рассчитывать на серьезный успех в ячейках Южного общества выдвигаемая В. Ф. Раевским программа. Тульчинская директория в это время была еще как бы на перепутьи, методы агитационной работы развертываемых ею «управ» еще только определялись, но на сколько важен был бы в этот переходный момент голос автора записки «О солдате», свидетельствует хотя бы тот факт, что даже Пестелем появление в революционных войсках В. Ф. Раевского предусматривалось в декабре 1825 г. [4]), как необходимая предпосылка последнего неосуществленного плана переворота.

Записка «О солдате» печатается с чернового оригинала, находящегося в деле аудиториатского департамента о майоре Раевском, 1827 г., № 42, лит. В, том 10, л.л. 7—12. («Дополнительное исследование о Союзе Благоденствия и о дружеском листе, который был заведен в 32 егерском полку, 1819 года, в м. Линцах.»)

Текст ее занимает 6 листов синей бумаги обычного канцелярского формата, исписанных с обеих сторон. Зачеркнутые и исправленные автором места рукописи нами не восстанавливаются в их начальной редакции, так как решительно все сводятся к мелким вариантам чисто стилистического порядка. При приобщении рукописи В. Ф. Раевского к следственному делу 4-й лист ее оказался неправильно подшитым, лицевая сторона заняла место оборотной, и конец главы «О работах» попал в середину. Этот случайный недосмотр канцеляриста (нами установленный и устраненный) обусловил неправильное чтение всей рукописи при снятии копий с нее для аудиториата и при включении ее текста

[1]) Отношение гр. Сакена от 7/I 1826 г. на имя ген.-лейт. Рота — в деле штаба 1 армии о возмущении Черниговского пехотного полка, № 10, л. л. 119—120.

[2]) «Граф П. Д. Киселев и его время», т. I, СПБ, 1882 г., стр. 164.

[3]) П. Е. Щеголев, op. cit., стр. 345.

[4]) « Былое», 1906, IV, 275.

во всеподданнейший доклад по делу Раевского от 31 декабря 1824 г.

Судя по намеченному в начале записки плану, в ней недостает двух последних пунктов — «О войне» и «Об отношении его (солдата) к офицеру». Вероятнее всего, работа Раевского была прервана арестом, — и недошедшие до нас части трактата так и остались ненаписанными.

Что же касается даты рукописи, то на основании некоторых внутренних признаков (напр., осуждение действий ген. Сабанеева [1]), близость некоторых мест записки письму к А. Г. Непенину от 1 фев. 1822 г., наконец, характер ссылки в одном из примечаний на 1821 год, как на прошлый), — ее довольно точно можно определить последними числами января 1822 г.

Ю. Г. Оксман.

О солдате.

В России военный класс составляет как бы отдельную часть народа [2]). Другие законы, другие обязанности и совершенно другой образ мыслей отделяют его от гражданина.

Дворянин или офицер исключается из этого числа. Он может оставить службу и быть снова тем же дворянином. Следственно, участь его не стоит внимания, достойный и храбрый офицер и в бедности найдет себе помощь, — невежда и негодяй не стоит сострадания.

Но об солдате хочу я говорить. — А дабы вразумить лучше его состояние, я разделяю на следующие статьи рассуждение мое.

1. О вступлении в службу.
2. О трудах его в мирное время.
3. О войне.
4. Об отношении его к офицеру.

О вступлении в службу.

18 до 30-ти лет суть лета, когда человек, известного роста и крепкого сложения, принимается в службу военную. И в эти лета вдруг, оставя семейство, земледельческое состояние и навык к сей единообразной жизни, — он клянется царю и службе на 25 лет сносить труды и встречать мученья и смерть с безмолвным повиновением. Клятва ужасная!! Пожертвование кажется невозможное! — Но необходимость общественной безопасности и искусное устроение махины управления весьма постоянно действуют, и солдат начинает рассуждать и действовать так, как определено ему рассуждать и действовать!

О трудах в мирное время.

1. Ученье и
2. Караулы

суть обязанности, предписанные законом солдату в мирное время.

Хорошо содержанный солдат и под хорошим начальством — первое считает вместо забавы; второе почитает необходимостью и даже за стыд считает уклоняться *).

Он старается узнать фронт, точность дела, исполнять все требуемое потому, что видит с этим сопряженную честь своих начальников, некоторым образом облегчение участи своей, непременную необходимость и даже то, к чему единственно назначен он во время

---

[1]) О том, что речь шла в записке, действительно, о ген. Сабанееве, восстанавливавшем в январе 1822 г. палочную дисциплину в дивизии М. Ф. Орлова, свидетельствует одно из показаний В. Ф. Раевского на следствии: «На спрос военного суда, — Раевский отвечал, что генерал, о котором говорит он, есть генерал-от-инфантерии Сабанеев».

[2]) В разрядку напечатаны все слова, подчеркнутые автором в оригинале.

*) В 1821 году, при содержании караула в Аккермане, во время сильной вьюги я велел фельдфебелю всех кавалеров и сильно раненых сменить с часов и ставить на открытых постах молодых и крепкого сложения солдат. Один из 12 кавалеров пришел от имени прочих, сказать, что они считают за стыд увольнение от службы. Мы не лазаретные служители, — сказал он, улыбаясь. И я с восторгом заметил все благородство прямодушных солдат.

Прим. Раевского.

мира. — И видит упражнения мирные, как приготовление к войне.

Отвергнуть нельзя (даже и в наше очищенное от предрассуждений время) пользы и необходимости людей военных. На них отдыхают безопасно и трон и народ от внешней опасности и внутренних беспокойств.

Следственно требовать строго исполнения обязанностей от солдата — несомненно надлежит, но облегчить участь его повелевает и религия и устав чести!

Офицер или дворянин имеет право, (если он недоволен), оставить службу, — офицер имеет в виду награды чести или награды денежные, для которых в нашем монархическом правлении все дворянство служит. Но солдат имеет в виду бедность, труды и смерть. Редко, очень редко без одного проступка прослужить можно 25-ть лет, — а сделавши один проступок, он обрекается законом на вечную службу!!

На сих-то тяжелых правах русский крестьянин надевает мундир, — но участь его была бы сносною, если б вкравшиеся злоупотребления, основанные на лихоимстве и бесчеловечии, не вырвались из пределов своих и не обременили солдата кандалами беззаконного насилия и не принудили бы его видеть в начальниках тиранов, которых он боится и ненавидит. —

Один из генералов наших сказал: «что солдат жалуется тому, к кому он имеет более доверенности!» Истина неоспоримая. Но не перед глазами ли нашими пример, что жалобы мимо своих утеснителей считают преступлением? *).

Воронцов позволил обиженному прямо приходить к себе... Уничтожил побои, и никогда отдельный корпус в чужой земле (во Франции!) не мог бы иметь лучшей дисциплины и быть в лучшем устройстве при самой систематике палочной администрации!

Из сего заключить можно, что первое зло, которое вкралось в русскую армию, есть несоразмерно жестокие телесные наказания, которые употребляют офицеры вопреки всем законам для усовершенствования солдат, и — к несчастию и стыду — других средств большая часть из них не постигает!

О работах.

Хотя закон говорит в пользу обиженного, но выгоды полковых и батальонных командиров, сопряженные с выгодами ротных, всегда заставляют давать худой толк правому делу. И тех, кои дерзают приносить жалобы, или обвиняют в возмущении и наказывают, или, если капитан виноват, оставляют без всякого внимания, и горе тому солдату, который жаловался и остался в том же полку!

Производства следственных дел очень часто вверяются тем людям, кои для собственной защиты обвиняют подчиненного. Правое же решение считают за вражду или незаконное пристрастие!

Наши офицеры от чистого сердца верить не могут еще, чтобы солдат мог быть когда-нибудь прав!

Ни один беспорядок в армии не возник собственно от солдат, — либо жестокость или корыстолюбие и неразумие начальников были тому поводом. Русский солдат с каким-то благоговением видит власть, повинуется ей безмолвно, но любит видеть власть законную и справедливую.

Смело заключить можно, что из 20-ти наказанных самовольно, два солдата только сознаются, что они наказаны справедливо, другие все ропщут на несправедливость и жестокость. Но, предоставя закону определение наказания, офицер спокоен, и солдат роптать не посмеет.

Многие, особливо молодые офицеры, не имея ни достаточных познаний, ни природного ума и лишенные даже пристойной наружности, дабы обратить на себя внимание и вспомнить солдату о существе своем, прибегают к своеручным побоям или палкам,

*) И генерал, который судит так справедливо, сам первый нанес удар свободе искать справедливости.

Прим. Раевского.

полагая в этом одном все право и средство заставить уважать себя.

Унтер-офицеры, подражая офицерам, ефрейторы — унтер-офицерам, считают некоторого рода отличием бить, и несчастный солдат, не находя нигде защиты, не смея даже жаловаться на инспекторских смотрах, впадает в бесчувственное ожесточение, и часто для спасения своего делает извинительный побег и наказанный по закону навсегда теряет свое честное имя — и службу.

Если бы солдаты были вверены исключительно людям справедливым, благоразумным и образованным,—тогда (и то с трудом) побои допустить бы можно было. Но где они?

Участь благородного солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума. Чего же ожидать можно? Солдат чувствует это и молчит потому, что молчать страх повелевает.

Малейший р о п о т вменяется в преступление. Ж а л о б а мстится сильнее, нежели самое преступление!

О употреблении во зло власти.

Неизвестно с каких времен водворилось самовластное право телесно наказывать солдат в русской армии; но известно то, что во времена Петра Великого и прежде без суда никто не имел права поднять руки на подчиненного. — Ни в одной статье строгого устава Петра Великого не разрешается с а м о у п р а в и е; но — 2-й части глав. 33 и далее «строго под изгнанием из службы запрещается жестоко и часто наказывать солдат без важных причин», а так как за важные причины определен с у д и з а к о н ы, следственно, всякое наказание самовластное есть противно уставу.

От Петра Великого до наших времен ни один закон не разрешил того, что противно и религии и природе.

Уставом воинским Александра именно воспрещается всякое телесное наказание рекрут во время ученья.

Но наши офицеры, большею частью взросшие в невежестве и не получа хороших начал, — презрели все уставы и порядок, на которых основана и с т и н н а я дисциплина, — приступили к доведению солдат не терпением и трудами, но простым и легчайшим средством—п а л к а м и. Отсюда начались все неустройства, частные беспорядки и безнравие солдат.

Солдат не ропщет на законное и справедливое наказание, но он ненавидит корыстолюбивого и пристрастного начальника.

Вот сравнительная и достоверная таблица наказаний, которые определяет воля капитана и сила законов.

По с у д у. За первый побег рекруту —500 шпицрутенов. Старому солдату—1.000. За воровство, по воле капитана — 50 ударов, за ошибку на ученьи—300 [1]); за то, что ограбил жида 70; за то, что один солдат скинул шапку с жида во время маршировки— весь взвод по 100 палок. За то, что не привел девку — 100 шомполов, за то, что ремень не вычищен — кавалеру 100 палок; за то, что усы не наф[абрены] избит часовой.

Р а б о т ы.

Н е з а к о н н ы е р а б о т ы суть вторая угнетающая солдата пружина. Сенокосы, отделка домов, хуторов и проч., домашняя прислуга офицерам, послабляя устройство и истинную дисциплину, изнуряя и совершенно уничтожая нравственность, как бы омужичивает солдата. Сколь ни сильно воспрещено это в армии несколькими приказами императора, но солдат безмолвствует против начальника, а особливо сильного, ибо страх ему говорить воспрещает.

Во всяком справедливом следственном деле открываются неустройства эти, но так как не один генерал бывал тому примером, то подобные претензии уничтожаются, и солдат под мстительными ударами узнает, как опасно искать справедливости.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «За то, что споткнулся во время церемониального марша и испортил фронт—1000.

Часть людей на капитанской работе, другая работает полковому и батальонному командирам, а самая меньшая исполняет обязанности службы, которая для малого числа становится отяготительною, изнуряет их и служит второю причиною беспорядков и тайного ропота солдат.

Мастеровые в полках суть как бы подданные полкового командира, они не только употреблены для собственной до службы не касающейся работы полковника, но часто отдаются помещикам и жидам по договору; — может ли солдат сохранить все благородство своего звания и назначения, если жид обходится с ним, как с поденщиком своим?

У слабых командиров адъютанты, квартермистры или казначеи присвоивают себе совершенное право распоряжаться мастеровыми, как своею собственностью, и, дабы люди не роптали, они дают им некоторое послебление к разврату—прикрывают неустройства, видя в том исполнение своих корыстолюбивых расчетов.—

Оттого-то в целой русской армии весьма редко встретить можно мастерового не пьяницу или не вора. А зло это существовать будет дотех пор, пока мастерового употреблять не будут иначе, как на работу законную.

О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.

В Детском (б. Царском) селе в Александровском парке имеется известное лошадиное кладбище, где под плитами с соответствующими надписями хоронились царские лошади. В одном из удаленных рядов (8 от дорожки) имеется сравнительно большая надпись над трупом лошади, на которой Николай I разгонял мятежные войска на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Надпись эта сделана на мраморной доске, помещенной на гранитной плите, и имеет характер краткой «биографии» лошади. Звали ее «Милая». Из сопоставления дат, помещенных в надписи, видно, что срок службы лошади был сравнительно непродолжительным. Царские лошади бывали в употреблении недолго, а затем заменялись другими, более молодыми, и лошадь выходила «в отставку», продолжая пользоваться благами царских конюшен.

Вот самая надпись:

«Верховая лошадь, кобыла гнедая, «Милая» служила их императорским величествам государю императору Николаю Павловичу и государыне императрице Александре Федоровне 5 лет. Пала 1842 г. Сент. 28 числа. На сей лошади его императорское величество государь император Николай Павлович изволил 14 дек. 1825 г. предводительствовать верною гвардиею против мятежников и, несмотря на несколько залпов, остался по милости божией невредим. Лошадь также не была ранена». *П. Попов.*

Месяцеслов на 1827 год.

«Месяцеслов на 1827 год» Академии Наук, в отделе: «Хронологическое показание достопамятнейших происшествий», рассказывал, между прочим, и о событиях 14 декабря 1825 года и связанных с ними событиях 1826 года. В пяти его статьях даны заметки о 14 декабря, о подавлении 3 января 1826 г. восстания С. Муравьева, об учреждении 1 июня Верховного Уголовного Суда, о конфирмации 10 июля приговора и о казни 13 июля.

Текст этих статей «Месяцеслова» поставил в большое затруднение министра народного просвещения и главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий адмирала Александра Семеновича Шишкова.

«В издаваемом при императорской Академии Наук «Месяцеслове» заклю-

чается, — писал Шишков Николаю, — статья под названием: хронологическое показание достопамятнейших происшествий.

Статья сия о происшествиях прошедшего и нынешнего годов, отпечатанная в корректурных листах для помещения в «Месяцеслове» на 1827 год, представлена на мое утверждение. Не смея сам собою ни разрешать, ни воспретить печатания некоторых заключающихся в ней обстоятельств, я долгом почел выписать из означенной статьи все, что касается до важнейших в России событий и, присовокупив некоторые замечания мои, всеподданнейше представить их на высочайшее вашего императорского величества благоусмотрение».

Что руководило министром? Осторожность, сугубая осторожность, опасение *напоминать* о происшедшем? «Нужно ли в календарях описывать с такою подробностью? — спрашивал Шишков. — Не лучше ли упомянуть о сем слегка и короче? Нет никакой надобности упоминать и оставлять о сем память в календаре. О худых примерах лучше умалчивать, нежели твердить о них и предавать во всенародное известие. Желательно, чтоб подобные происшествия для чести государства в самой истории забыты были, и твердить о них в календарях под именем достопамятных событий кажется мне весьма непристойно и неполезно».

Вот, что беспокоит искушенного годами и опытом министра — надо изъять и изгладить из памяти потомства такие «достопамятные события». Неловко говорить по поводу декабристов и о милосердии. Министр очень смутился одним местом календарной заметки и осторожно в кудрявых выражениях заметил под 13 июля: «при том же и в выражениях надобно наблюдать осторожность, чтоб не могло выходить из них некоторого нехорошего смысла, как то здесь сказано: «Вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни», слово смягченных при словах преданы смертной казни делает некую несовместную игру слов».

Далеко не во всем соглашается со своим престарелым министром пылкий молодой самодержец, только что раздавивший «гнусный заговор».

Происшедшее — воля мудрого провидения, отвратившего от страны «всеобщее низвержение», рассуждает Николай. Вопреки своему советчику, он думает, что надо найти «простые» и «сильные» слова, чтобы изобразить все величие момента. В момент общенародной «Присяги» (это слово Николай даже пишет прописною буквою) кучка злодеев-мятежников замыслила заговор, «стремившийся ко всеобщему низвержению»; изумление и испуг охватили верноподданных, когда разошлась весть о начале мятежа; государь бодрствовал; по его «первому мановению» гвардия явилась защищать престол; все было истощено, чтобы не прибегать к силе оружия, но мятежники убивали тех, кто к ним приближался, и понесли заслуженное. Мятеж подавлен. Присяга принесена, и у всех — одна мысль: благодарение богу, что «недоумение» кончилось, а бунтовщиков постигла кара.

Хотя в суждениях Николая видное место отведено благодетельному промыслу, но вместе с тем не отсутствуют и очень мелкие житейские расчеты и соображения. Промысл — промыслом, а надо не забыть, например, упомянуть для памяти потомства, что «по первому мановению государя» первыми на защиту престола пришли первый батальон Преображецев и потом Конная Гвардия. Можно населению объявить даже, что в городе Васильков Киевской губернии тоже вспыхнуло возмущение части Черниговского полка, но об этом «можно коротко сказать, как бы затем только, чтобы доказать везде усердие и верность войска». Не следует забывать и о царском милосердии к виновным и благодарности к верным слугам. Николай напоминает: «оговорить, что приговор над государственными престу-

никами исполнен с возможным милосердием (пять повешено. *А. Н.*) и что на другой день было молебствие на том самом месте, где ровно за семь месяцев происходил мятеж, и сделано поминовение за вечной памяти достойного г. Милородовича и падших с ним воинов».

Николай не ограничился просмотром статей «Месяцеслова» о декабристах, он прошел с карандашом в руке все статьи «о достопамятнейших внутренних происшествиях» в России в 1825 и 1826 годах, которые Академия Наук ввела в свой «Месяцеслов». Все эти статьи смыкаются в ограниченный круг: путешествие Александра I в Таганрог, поездки его же из Таганрога, болезнь и смерть его, вступление на престол Николая I, немногое об обстоятельствах, связанных с 14 декабря, перевезение тела Александра I, прославление в полках памяти Александра I, военные подвиги на Кавказе, путешествия императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны, конвенция с Швецией и Норвегией, кончина Елизаветы Алексеевны и перевезение ее тела, рождение царственных особ, освящение Ладожского канала, коронование Николая I, учреждение министерства императорского двора, война с персами.

Редакторская рука императора прошлась и по части этих календарных сообщений. Он усердно и старательно подчеркивает свой глубокий пиетет перед памятью Александра I. Так, ему не нравится выражение: «в 10 часов 50 минут до полудня скончался, к величайшему всеобщему прискорбию, его величество государь император Александр Павлович». Он ищет более сильного слова и находит — «к неизмеримой всеобщей горести». Календарь, упоминая о высочайшем манифесте 12 декабря, в коем объявлялось, что Николай I воспринял «венец своих предков», обронил выражение: «высочайший манифест о сем радостном событии». Николай почувствовал неловкость при такой формулировке, и упоминание «о сем радостном событии» было им под 12 декабря вычеркнуто. Не понравилась ему и редакция под 19 января 1826 года: «полки лейб-гвардии приняли торжественно высочайше пожалованные им мундиры» Александра I. «Слова «приняли торжественно» нехороши: лучше сказать, — заметил Николай, — полкам лейб-гвардии высочайше с торжественною церемониею пожалованы и вручены»...

Не лишены некоторого любопытства и еще две высочайшие властные пометки Николая. Под 28 января 1826 года упоминается манифест о «наследии престола»; на случай кончины Николая и несовершеннолетия наследника упомянуто об учреждении «опеки особы наследного государя». Шишков поэтому поводу робко спрашивает: «Не нужно ли упомянуть здесь имя его высочества Михаила Павловича?» Следует резолюция: «включить». Рассказывая под 13 марта 1826 года, как погребали в Петропавловском соборе Александра I, календарь упоминает лишь о «последнем лобзании гроба императорскою фамилиею». Шишков осторожно спрашивает: «не нужно ли присовокупить: «и всеми присутствовавшими при том особами?» Николай пишет: «можно».

Министр народного просвещения получил обратно свой всеподданнейший доклад со вложенными в нем статьями о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, с общею резолюцией: «я полагаю, что можно будет сделать изменения по отметкам, мной сделанным, придерживаясь не слов моих, но мыслей».

Министр очень старательно изучил все карандашные отметки царя и старательно своим старческим уставным почерком переписал их чернилами. Случилась все-таки некоторая неточность: резолюции Николая переписаны очень грамотно, тогда как на самом деле они чрезвычайно безграмотны.

Строй его речи любопытен. Вот некоторые образцы его синтаксического построения: «избравший сию минуту к открытию всего ужаса заговора

стремившегося ко всеобщему низвержению», или «не смотря нато что мятежники убивали тех, которые к ним приближались», или «открытие заговора во всех его отраслях и принятые меры для всеобщей безопасности».

Всеподданнейший доклад А. С. Шишкова «О Месяцеслове на 1827 год» со вложенными в него статьями «о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, кои Академия Наук предполагает внести в обыкновенный месяцеслов на 1827 год» хранится в I Отделении Историко-Культурной Секции Ленинградского Центрального Исторического Архива (в папке всеподданнейших докладов императору Николаю I (за годы 1827 — 1839). На данном всеподданнейшем докладе (от 1827 года в папке хранится 15 всеподданнейших докладов) даты нет. Она устанавливается косвенным путем: в книге исходящего журнала за 1826 год на обороте стр. 129 под № 641 значится среди всеподданнейших записок, доложенных Николаю 19 декабря, шестнадцатая записка—о Месяцеслове на 1827 год (инвентарный № входящего журнала в Отделении —132089).

При печатании текста «Месяцеслова» опущены его статьи, не имеющие отношения к событиям междуцарствия и не вызвавшие поправок со стороны Николая I.

Статьи о достопамятнейших внутренних происшествиях в 1825 и 1826 годах, кои Академия Наук предполагает внести в обыкновенный месяцеслов на 1827 год [1]).

[1]) Наверху всеподданнейшего доклада рукою Шишкова чернилами написано: «Получено от государя императора с следующим собственноручным его величества карандашом написанным решением: «я полагаю, что можно будет сделать изменения по отметкам мною сделанным, придерживаясь не слов моих, но мыслей».

1825 г.

Декабрь.

12. Его величество государь император Николай I воспринял венец своих предков, принадлежащий ему и вследствие торжественного, совершенно произвольного отречения государя цесаревича, и по назначению в бозе почивающего императора Александра, и в силу коренных законов империи о наследии престола.

14. По обнародовании высочайшего манифеста о восшествии на престол тогда, когда все государственные сословия и чины военные и гражданские, народ и войско единодушно приносили присягу в верности государю императору Николаю Павловичу и его наследнику [1]), горсть непокорных

[1]) Рукою Шишкова после слова «наследнику» поставлен чернилами крест; чернилами же отчеркнуто по полю от слов «наследнику» до слов «Наложен траур»...; на полях чернилами рукою Шишкова написано: «Нужно ли в календаре описывать сие с такою подробностью? не лучше ли упомянуть о сем слегка и короче, например, следующим или тому подобным образом: в то время некоторая малая часть воинских команд, введенных в заблуждение, дерзнула оказать неповиновение, которое вскоре укрощено было; но при сем открылось преступное злоумышление некоторых участвовавших в том разного звания лиц, из коих главнейшие зачинщики по суду государственного совета и сената осуждены на казнь, другие же сосланы в заточение, и прочие меньше виновные прощены».

Рукою Николая I карандашом написано: «Я полагаю, что было бы не благодарными быть к провидению, если бы не признавать в сем событии явный промысл божий, избравший сию минуту к открытию всего ужаса заговора, стремившегося ко всеобщему низвержению. Мне кажется, должно простыми, но сильными словами изобразить то, что было: присягу и всеобщую одну мысль, благодарение богу, что недоумение кончилось; изумление испуг, когда весть разошлась об начале мятежа, всеобщее усердие гвардии по первому мановению государя

здесь, в столице, дерзнула противостать общей присяге, закону, власти, военному порядку и убеждениям. — Надлежало употребить силу, чтоб рассеять и образумить сие скопище. Вследствие сего смутного происшествия взяты под стражу главные зачинщики мятежа; а рядовым, вовлеченным в сей мятеж обманом и изъявлявшим живейшее раскаяние, даровано высочайшее прощение. Оный мятеж обнаружил существование весьма гнусного заговора, имевшего целью испровержение престола и отечественных законов, превращение порядка государственного и введение безначалия. Высочайше учрежденной на сей случай Следственной Комиссии предоставлено было открытие сих ужасных преступлений и злобных замыслов, во всем их пространстве и подробности.

Наложен траур на один год по его величестве, блаженной и вечной славы достойном памяти, великом государе императоре Александре Павловиче, считая оный от 19 дня ноября 1825 года.

1826 г.

Генварь.

1. Государь император, высочайшим манифестом, даровал смягчение наказаний преступникам [1]), осужденным по день восшествия его величества на престол, то есть по 19-е число ноября 1825 года, и всемилостивейше простил некоторые недоимки прежних лет

явиться для защиты престола, при чем упомянуть, что первый прибыл 1 б. Преобр., потом Кон. Гвардия. Что все истощено было, чтоб не прибегать к силе оружия, несмотря на то, что мятежники убивали тех, которые к ним приближались, наконец, то, чем все кончилось. Открытие заговора во всех его отраслях и принятые меры для всеобщей безопасности».

Далее рукою Шишкова чернилами повторена эта же надпись Николая I.

[1]) Рукою Шишкова чернилами поставлен крест и написано: «сосланным в заточение». Рукою Николая I карандашом написано: «справедливо».

3. Прекращено возникшее в городе Василькове Киевской губернии возмущение части Черниговского полка. Главные зачинщики сего мятежа, принадлежавшие к обнаруженному уже гнусному заговору, преданы вместе с прочими злоумышленниками высочайше учрежденной Следственной Комиссии [2]).

19. Полки лейб-гвардии и приняли торжественно высочайше пожалованные им мундиры [3]), которые изволил носить в бозе почивающий государь император Александр I, для хранения их в память сего незабвенного монарха [4]).

28. Дан высочайший манифест, коим его величество государь император, желая при самом вступлении на престол изъявить монаршее попечение о непоколебимости законов, спокойствие государства ограждающих, в силу коренных законов империи о наследии престола, определить изволил правителя государства, на случай своея кончины и несовершеннолетия наследника, и учредить опеку особы наследного государя.

---

[2]) В тексте на полях все изложенное под 3 января рукою Шишкова отчеркнуто и чернилами написано: «мне кажется, нет никакой надобности упоминать и оставлять о сем память в календаре; о худых примерах лучше умалчивать, нежели твердить об них и предавать во всенародное известие». Рукою Николая I карандашом: «можно коротко сказать: что вспыхнуло как бы затем только, чтобы доказать везде усердие и верность войска».

[3]) Под 19-ть первые восемь слов подчеркнуты карандашом; после слова «им» поставлен карандашом крест; слово «торжественно» зачеркнуто; рукою Шишкова чернилами написано: «слова «приняли торжественно» не хороши, лучше сказать»: «полкам лейб-гвардии высочайше с торжественною церемониею пожалованы и вручены».

[4]) Рукою Николая I в конце карандашом приписано: «под личным предводительством коего приобрели они незабвенную славу в походах 1812—1813 и 1814 года против всеобщего врага».

Все союзные дворы, разделяя глубокое прискорбие о последовавшей кончине незабвенного императора Александра, отправили к российскому двору высоких своих представителей как для изъяснения своих чувств и намерений, так и для поздравления его величества государя императора Николая I с восшествием на престол.

Июнь.

1. Учрежден высочайшим манифестом Верховный Уголовный Суд для суждения преступников государственных, коих ужасные преступления и замыслы обнаружены во всем их пространстве и подробности высочайше учрежденною на сей случай Следственною Комиссиею [1]).

Июль.

10. По окончании высочайше учрежденным Верховным Уголовным Судом вверенного ему дела, приговоры его, на законах основанные, смягчены его величеством государем императором, сколько долг правосудия и государственная безопасность дозволяли, и обращены к надлежащему исполнению и изданию во всеобщее известие [2]).

13. По утру, вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни публично пять самых главных преступников государственных; прочие же государственные преступники получили тогда же определенное им наказание и сосланы по назначению. Таким образом очищена навсегда святая Русь от оной заразы, извне нанесенной и уже давно гнездившейся. По сему случаю произнесено было благодарственное молебствие всемогущему творцу следующего дня по утру, на Сенатской площади, на том самом месте, где семь месяцев тому назад, при внезапном мятеже, открылась тайна гнусного заговора [3]).

21. По полудни их величества, государь император и государыня императрица Александра Феодоровна, изволили прибыть в петровский дворец в вожделенном здравии. Государь император имел торжественный въезд в древнюю столицу высоких предков своих. Наружный блеск царственного шествия возвышен и украшен был душевным восторгом усердного и верного народа, который с радостным умилением и восторгом встречал великого государя в стенах первопрестольного града.

---

[1]) В тексте подчеркнуты карандашом последние слова, начиная от «коих ужасные...» до конца. Чернилами рукою Шишкова написано: «о сем уже выше сказано, то, кажется, и не нужно повторять». Николай I написал: «Сказать, что по окончании Следственной Комиссии назначен Верховн. Суд».

[2]) Изложенное под 10 июля на полях отчеркнуто карандашом и зачеркнуто. Рукою Шишкова чернилами написано: «То же, повторение сие, кажется, не нужно». Рукою Николая I карандашом отмечено: «Оговорить, что приговор над государ. преступниками исполнен с возможным милосердием и что на другой день было молебствие на том самом месте, где ровно 7 месяцев происходил мятеж, и сделано поминовение за вечной памяти достойного г. Милорадовича и падших с ним воинов».

[3]) Изложенное под 13 июля отчеркнуто на полях и перечеркнуто в тексте. Рукою Шишкова написано: «О сем также сказано уже было выше сего, и довольно сказать однажды. Желательно, что подобные происшествия для чести государства в самой истории забыты были, но распространяться и твердить о них в календарях под именем достопамятных событий, кажется мне, если не обманываюсь, весьма не пристойно и не полезно. При том же и в выражениях надобно наблюдать осторожность, чтобы не могло выходить из них некоторого нехорошего смысла, как то здесь сказано: «вследствие оных приговоров, смягченных его величеством, преданы смертной казни», — слово смягченных при словах преданы смертной казни делает некую несовместную игру слов». Вдоль изложения под 10 и 13 июля Шишковым чернилами дважды написано: «Статьи сии вымараны государем» и «Тож вымарано государем».

В сем месяце учинено на российских границах с Персиею, в разных пунктах, внезапное воинское вторжение в Российские пределы. Генералу Ермолову вследствие сего высочайше повелено было, отражая силу силою, очистить прежде всего сию границу и требовать от персидского правительства изъяснения и полного удовлетворения. Сообщил *А. Николаев.*

Завещание П. И. Пестеля.

«Завещание» П. И. Пестеля, неизвестно по какому поводу составленное, сохранилось в автографе. Автограф был обнаружен среди арестованных бумаг Пестеля. Вопрос о дате документа приблизительно разрешается; 3-й его пункт говорит о «даре» П. И. Пестелем своему сослуживцу по полку кап. Майбороде, ставшему предателем своего же покровителя и начальника. Можно полагать, что «Завещание», относящееся с такою теплотой к Майбороде, писано до начавшегося разрыва отношений между Пестелем и Майбородою, т.-е. не позже половины 1825 года.

Приводим текст автографа полностью:

«Оставляю в знак памяти и дружбы.

1) Г. майору Гриневскому.

1) Верховую серую лошадь Каспаровскую.

2) Дрожки с простыми тремя хомутами.

2) Г. майору Чаплыгину.

1) Верховую серую лошадь Менгденскую.

3) Г. капитану Майбороде.

1) Верховую мою вороную кобылу.

2) Верхового чалого татарина.

3) Три вьюка: один перекладной и два седельные.

4) Г. поручику Мишевскому.

1) Тройку дрожечных моих гнедых лошадей.

5) Г. подпоручику Сомовичу.

1) Пару моих лошадей: Скакуна и Муравского.

6) Г. прапорщику Гореславскому.

1) Верховую серую лошадь Басаргинскую.

2) Новое седло с муштуком.

7) Г. прапорщику Майбороде.

1) Старое седло с муштуком.

8) Штабс-капитану Бабакову.

1) Всю стеклянную посуду с приборами для водки и уксуса.

2) Всю фаянсовую и оловянную посуду.

3) Всю медную посуду, что в кухне.

Сверх того:

1) Господину генерал-интенданту Юшневскому.

1) Четверку рыжих моих каретных лошадей.

2) Наборные хомуты на четверку со всем прибором.

3) Коляску.

2) Господину доктору Плесли.

1) Три пары позолоченных подсвечников.

2) Лампу и все кенкеты [1])».

Сообщил *Б. Пушкин.*

---

[1]) А. О. Р., Особый Отдел, Фонд XXI, «Госархив I В», дело № 293, л. 326.

Редакционно-издательская коллегия Центрархива.

Ответственная редакция: { Вл. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

Издания Центрархива РСФСР.

Центрархивом выпущены следующие книги:

1. «Красный Архив». Исторический журнал. Под редакцией В. В. Адоратского, В. В. Максакова, М. Н. Покровского, В. П Полонского и В. М. Фриче. Т.т. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11—12, 13.

2. «Архивное Дело». Журнал, посвященный вопросам теории и практики архивного дела. Под редакцией М. С. Вишневского, В. В. Максакова и А. А. Сергеева. Выпуски I, II, III—IV, V—VI.

3. Русско-Германские отношения. Сборник секретных документов. С предисловием М. Н. Покровского.

4. Царская Россия в мировой войне. С предисловием М. Н. Покровского.

5. Русско-Польские отношения в период мировой войны. С предисловием М. Г. Валецкого.

6. Революция 1848 г. во Франции. Под редакцией и с предисловием С. Красного и Г. Зайделя.

7. Крестьянские движения 1902 г. Вып. III. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

8. Аграрный вопрос в совете министров в 1906 г. Вып. IV. Под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче.

9. Политические процессы 60-х годов. Вып. I. Под редакцией Б. П. Козьмина.

10. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

11. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II. Под общей редакцией и с предисловием М. Н. Покровского.

12. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса.

13. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Составил Ю. Г. Оксман при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского.

14. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 г. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года».

15. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов. В мемуарах и переписке членов царской семьи. Под редакцией Б. Е. Сыроечковского.

16. Южно-русские рабочие союзы. Под редакцией В. В. Максакова и В. И. Невского.

17. Морозовская стачка. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. И. Невского.

18. Ленские события. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием В. Владимировой.

19. Рабочее движение в годы войны. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием М. Г. Флеера.

20. Рабочий вопрос в комиссии Коковцова в 1905 г. Под редакцией А. Лозовского. С предисловием Б. А. Романова.

21. Петроградский Совет Р. и С. Д. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

22. Разложение армии в 1917 г. Под редакцией М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. С предисловием Я. А. Яковлева.

23. Партизанское движение в Сибири. Под редакцией и с предисловием В. В. Максакова.

24. Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова.

25. Пугачевщина. Т. I. Под ред. и с предисловием М. Н. Покровского.

26. Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. предисловием М. Н. Покровского.

27. Переписка Николая и Александры Романовых. Т.т. III и IV. С предисловием М. Н. Покровского.

28. Письма Победоносцева к Александру III. Т. I. С предисловием М. Н. Покровского.

29. Русско-Японская война. По дневникам А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского.

30. Лейтенант Шмидт. (Письма и воспоминания.) Под редакцией и с предисловием В. Максакова.

31. Дневник П. А. Кропоткина. С предисловием А. А. Борового.

32. Бакунин. (Материалы для биографии). Под редакцией В. П. Полонского.

33. Дневник В. Н. Ламздорфа. Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна.

34. Ф. М. Достоевский. «Исповедь Ставрогина» (Неизданные главы из романа «Бесы») и «Житие великого грешника» (план романа). Под редакцией В. М. Фриче и Н. Л. Бродского.

35. Письма русских писателей. Из архива Достоевского. Под редакцией Н. К. Пиксанова.

36. Дневник А. Г. Достоевской.

37. Письма Достоевского к жене. Под редакцией В. Ф. Переверзева. С предисловием Н. Ф. Бельчикова.

38. Письма Скрябина. Под редакцией Л. Сабанеева.

39. И. С. Тургенев. (Новые материалы).

40. А. П. Чехов. Неизданная пьеса.

41. Сборник материалов и статей по архивному делу.

42. Сборник узаконений и распоряжений по архивному делу.

43. Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. 3 издание.

44. Инструкция по ведению архивной части делопроизводства в волостных (районных) исполнительных комитетах.

45. Стенографический отчет о работах I съезда архивных деятелей.

Материалы и исследования по истории восстания декабристов.

Под общей редакцией М. Н. Покровского.

1. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. I — следственные дела С. П. Трубецкого, К. Ф. Рылеева, Е. П. Оболенского, Н. М. Муравьева, П. Г. Каховского, Д. А. Щепина-Ростовского, А. А. Бестужева, М. А. Бестужева. (Вышел в свет.)

2. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. II — следственные дела А. П. Арбузова, Н. А. Бестужева, Н. А. Панова, А. Н. Сутгофа, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. И. Одоевского, А. И. Якубовича, Н. Р. Цебрикова, Н. П. Репина. (Вышел в свет.)

3. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. III — следственные дела А. Н. Муравьева, И. Д. Якушкина, М. А. Фон-Визина, Ф. П. Шаховского, М. С. Лунина, П. А. Муханова, М. Ф. Митькова, Д. И. Завалишина. (Печатается.)

4. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. IV — следственные дела

П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола. (Печатается.)

5. Восстание декабристов. Дела верховного уголовного суда и следственной комиссии. Т. V — следственные дела П. И. Борисова 2-го, А. И. Борисова 1-го, М. М. Спиридова, И. И. Горбачевского, В. А. Бечаснова, А. С. Пестова, Я. М. Андреевича, Ю. К. Люблинского, А. И. Тютчева. (Печатается.)

6. Восстание декабристов. Т. VI. Восстание Черниговского пехотного полка. (Печатается.)

7. Восстание декабристов. Т. VII. Русская Правда П. И. Пестеля. Под редакцией С. С. Мильмана и С. Н. Чернова. (Печатается.)

8. Восстание декабристов. Дела следственной комиссии о злоумышленных обществах. Т. VIII. Алфавит декабристов. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Вышел в свет.)

9. Декабристы. Сборник отрывков из источников. Сост. Ю. Г. Оксман, при участии Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского. (Вышел в свет.)

10. М. Н. Покровский. Декабристы. Сборник статей. (Печатается.)

11. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. С приложением военно-исторической справки Г. С. Габаева: «Гвардия в декабрьские дни 1825 года». (Вышло в свет.)

12. С. С. Мильман. П. И. Пестель.

13. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. (Печатается.)

14. Библиография. Н. К. Пиксанов и Н. М. Ченцов. (Печатается.)

15. Опись архивных дел.

Материалы по истории рабочего движения в России.

Под общей редакцией А. Лозовского.

1. Рабочее движение 70-х г. г.

2. Морозовская стачка. С предисловием В. И. Невского. (Вышло в свет.)

3. Рабочее движение 1881—1895 г. г. (Печатается.)

4. Стачечное движение 90-х г. г.

5. Рабочее движение начала 900-х г.

6. Революционное движение 1898—1905 г. г. (Печатается.)

7. Рабочий вопрос в комиссии Коковцева в 1905 г. С предисловием Б. А. Романова. (Вышло в свет.)

8. Ленские события. С предисловием В. Владимировой. (Вышло в свет.)

9. Рабочее движение в годы войны. С предисловием М. Г. Флеера. (Вышло в свет.)

---

1. Революция 1848 г. во Франции. Донесения Кисселева.

2. Пугачевщина. Т.т. I, II, III. Под редакцией и с предисловием М. Н. Покровского. Т. I — вышел в свет, т. II — печатается, т. III — подготовляется.

3. Политические процессы 60-х годов. В. II.

4. Политические процессы 70-х и 80-х гг. Под редакцией В. В. Максакова, В. И. Невского и П. Е. Щеголева.

5. Крестьянские движения до 60-х гг. XIX стол. (Печатается.)

6. Дело 1 марта 1887 г. (Дело П. Шевырева, Александра Ульянова и др.) (Печатается.)

7. Процесс Каракозова. 2 тома.

8. Материалы по истории «Народной Воли».

9. Дневник Л. Тихомирова. Под редакцией В. М. Фриче. (Печатается.)

10. Студенческое движение 1905 г.

11. Революционное движение в армии и флоте.

12. Последние дни Колчаковщины. (Печатается.)

13. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. (Печатается.)

14. Письма Победоносцева к Александру III. С приложением писем к Николаю II и Сергею Александровичу. Т. II. (Печатается.)

15. Дневник Е. А. Перетца. (Печатается.)

16. Русский империализм на Дальнем Востоке.

17. Наказы депутатам в I Государственную Думу.

18. Европейская биржа и русские финансы во время русско-японской войны. Под редакцией Е. А. Преображенского. (Печатается.)

19. Из архива Ф. М. Достоевского. Материалы в роману «Идиот». Под редакцией П. Н. Сакулина.

20. Материалы к роману «Преступление и Наказание». Под редакцией И. И. Гливенко.

21. Материалы к роману «Бесы». Под редакцией Н. Л. Бродского.

22. Материалы к роману «Подросток». Под редакцией В. Ф. Переверзева.

23. Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Под редакцией П. Н. Сакулина.

Государственное Издательство
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ
Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ
В 1917 ГОДУ

Подготовлено к печати Н. Е. КАКУРИНЫМ. С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА
Стр. 192+карта. Ц. 1 р. 50 к.

„При составлении настоящего сборника было использовано главным образом делопроизводство Ставки, канцелярии военного министерства и кабинета военного министра. Дела Ставки дореволюционного периода довольно полно отражают картину постепенного разложения армии; начало ее разложения также достаточно полно выявляется в документах, относящихся к совещаниям главнокомандующих в Ставке 1917 г. и в первых донесениях начальников частей по этому поводу. Внутренняя жизнь старой армии и ее настроение в моменг окончательного разложения и в эпоху т. н. керенщины ярче всего выявились в делопроизводстве кабинета военного министра". (От редакции).

Н. АВДЕЕВ

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 года
ХРОНИКА СОБЫТИЙ

ТОМ I. ЯНВАРЬ—АПРЕЛЬ. Стр. 213. Ц. 1 р. 40 к.

ТОМ II. АПРЕЛЬ—МАЙ. Стр. 307. Ц. 2 р. 50 к.

В. МАКСАКОВ и Н. НЕЛИДОВ

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИИ

ВЫПУСК I. 1917 ГОД. Стр. 143. Ц. 50 к.

„Предлагаемая „Хроника Революции" представляет собой сжатое изложение революционных событий 1917 года... В задачи составителей входило дать, по возможности, исчерпывающий и проверенный перечень наиболее важных событий, могущий служить справочником для лекторов партшкол, учащихся высших учебных заведений и рядового партийного работника". (Предисловие Истпарта к книге).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

Государственное Издательство

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ЦЕНТРАРХИВ

1917 год в ДОКУМЕНТАХ и МАТЕРИАЛАХ

Под редакцией М. Н. ПОКРОВСКОГО и Я. А. ЯКОВЛЕВА

ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Протоколы заседаний Исполнительного Комитета и Бюро И. К.

Подготовлено к печати Б. Я. Наливайским.

С предисловием Я. А. ЯКОВЛЕВА

Стр. 375. Ц. 2 р. 75 к.

В книге собраны все сохранившиеся протоколы заседаний Исполнительного Комитета за время с 3 марта по 9 августа 1917 г. и протоколы заседаний Бюро И. К. за время с 20 апреля по 17 июня того же года.

„Мы публикуем эти протоколы заседаний меньшевистского Совета, так как они представляют исключительный интерес для истории всей нашей революции,—и в частности, для истории того, как меньшевики пытались превратить Советы в органы, подсобные Временному Правительству, и как вооруженные рабочие в союзе с крестьянами-солдатами превратили Советы в органы государственной власти". (Из предисловия Я. А. Яковлева).

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ В 1917 ГОДУ

Печатается.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: в Торговый Сектор Госиздата, (Москва, Ильинка, Биржевая площадь), в магазины, киоски и во все отделения Госиздата.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г.)—(Материалы по истории крестьянских движений в России под ред. Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. IV). Стр. 178. Ц. 1 р. 20 к.

Аксельрод, Л. И. Этюды и воспоминания. Стр. 61. Ц. 35 к.

Анишев, Ан. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920. Стр. 288. Ц. 2 р.

Арский, Пазел. 1905 год. Литературно-исторический сборник. Под редакцией Ильи Садофьева. Стр. 218. Ц. 1 р.

Барт, Эмиль. В мастерской германской революции. Пер. с нем. С. Крицман. С пред. Я. Вальхера. Стр. 204. Ц. 1 р.

Бебель, Август. Из моей жизни. Перевод с рукописи под ред. и со вступительной статьей Д. Рязанова. Стр. 547. Ц. 3 р.

Борьба за Петроград. 15 октября—6 ноября 1919 г. Стр. 279. Ц. 2 р.

Браун, Лили. Роман моей жизни. (Мемуары социалистки.) Перев. с нем. З. Журавской. Т. I. Изд. 2-е. Стр. 363. Ц. 50 к.
Т. II. Изд. 2-е. Стр. 371. Ц. 50 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Стр. XLVII, 471. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Воспоминания. Царствование Николая II. Том II. Стр. 518. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. Том III. Детство. Царствования Александра II и Александра III (1849—1894). Стр. XVI, 395. Ц. 3 р.

Войтоловский, Л. По следам войны. Походные записки. 1914—1917. Том I. Предисл. Демьяна Бедного. Стр. 220. Ц. 2 р. 50 к.

Волкенштейн, Л. А. Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. С портретом автора. (Серия „Библиотека мемуаров"). Стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Волконская, М. Н. Записки. Вступительная статья и примечания. П. Е. Щеголева. Стр. 72. Ц. 50 к.

Воронцин, И. История одного каторжанина. Ц. 2 р.

Восстание декабристов. Материалы. Дела Следственной Комиссии о злоумышленных обществах. Том VIII. **Алфавит декабристов.** Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. (Материалы по истории восстания декабристов. Под общей ред. и с предисловием М. Н. Покровского.—Центрархив.) Стр. 4 н., 431. 5 н. Ц. 4 р. 50 к.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический".—Воспоминания, материалы и документы. Под ред. и со вступ. статьей В. И. Невского. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Генкин, И. По тюрьмам и этапам. Стр. 486. Ц. 2 р.

Гинзбург, Илья. Из прошлого. (Воспоминания.) С портретом автора и 9 снимками. Стр. 183. Ц. 1 р.

Горев, Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895—1905. Отр. 91. Ц. 50 к.

Дневник б. великого князя Андрея Владимировича.—1915 год. Редакция и предисл. В. П. Семенникова. Стр. 111. Ц. 85 к.

Допрос Колчака. Под редакцией и с предисловием К. А. Попова. Текст подготовлен к печати и снабжен примечаниями М. М. Константиновым. (Центрархив). Стр. XI, 236. Ц. 1 р. 50 к.

За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева). Ред. и вступит. статья В. П. Семенникова. Стр. XXXIV. 175. Ц. 1 р. 40 к.

Залежский, В. Н. На партийном фронте между двумя революциями. I. В эпоху реакции (1905—1912 г.г.). Стр. 91. Ц. 40 к.

Известия Совета Рабочих Депутатов. С.-Петербург, 17 октября — 14 декабря 1905 года. С предислов. и примечаниями Дм. Сверчкова и с приложениями фотографических снимков „Известий". (Ленингр. Истпарт.) Стр. 98. Ц. 1 р. 30 к.

Иренин, М. Первый Совет Рабочих Депутатов. (Краткий очерк.) Стр. 48. Ц. 30 к.

Историко-революционный сборник. Под ред. В. И. Невского. Том второй. Группа „Освобождение Труда", с портретами и снимками с документов на 7 отд. листах. Стр. 428. Ц. 2 р. 75 к.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том I. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 428. Ц. 2 р.

История классовой борьбы в России в материалах и документах. Под редакцией Н. Карпова и М. Мартынова. Том II. (Серия „Библиотека обществоведения".) Стр. 424. Ц. 2 р.

Кантор, Р. М. В погоне за Нечаевым. К характеристике секретной агентуры III отделения на рубеже 70-х г. г. 2-е исправленное и дополн. изд. Стр. 155. Ц. 1 р. 20 к.

Карпов, Н. Крестьянское движение в революции 1905 года в документах. Стр. 276. Ц. 2 р. 20 к.

Колонтай, А. М. Отрывки из дневника 1914 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

Корнилов, А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Стр. 590. Ц. 3 р. 75 к.

Куделли, П. Народовольцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и „летучих листков" группы народовольцев 1892 и 1895 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 168. Ц. 1 р. 20 к.

Левин, Ш. М., и И. Л. Татаров. История РКП (б) в документах. Том I. 1883—1916. Предисловие В. И. Невского. Стр. XV, 696. Ц. 2 р. 50 к.

Ледер, З. 1905 год в бывшей царской Польше. Стр. 32. Ц. 20 к.

Лемке, М. Политические процессы в России 1860 г.г. По архивным документам. 2-е изд. Стр. VIII, 684. Ц. 3 р.

Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов—1917 г. (Статьи, воспоминания и документы.) Ц. 75 к.

Лепешинский, П. На повороте. (От конца 80-х годов к 1905 г.). Попутные впечатления участника революционной борьбы. Стр. 237. Ц. 70 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Малаховский, Вл. Из истории Красной Гвардии. Красногвардейцы Выборгского района. 1917. (Очерк с приложением документов и иллюстраций.) Предисловие и редакция Ц. Зеликсон-Бобровской. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 63. Ц. 50 к.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. Т. II. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г.—29 февраля 1882 г.) Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адмони. Стр. XXXII, 542. V. Ц. 3 р. 50 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна и крестьянство. Проблема смычки города и деревни в революцию 1871 г. Стр. 80 к. Ц. 30 к.

Молок, А. И. Парижская Коммуна 1871 года в документах и материалах (хрестоматия). С приложением карт и факсимиле документов. Стр. 581. Ц. 1 р. 50 к.

Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). Предисловие В. И. Невского. Редакция и вступ. статья В. П. Семенникова. Стр. 154. Ц. 1 р.

О Ленине. Сборник воспоминаний. I. Под редакцией Л. Б. Каменева. [Институт Ленина при ЦК РКП (б)] Стр. 159. Ц. 60 к.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства (в 1917 г.), Редакция П. Е. Щеголева.

Том. I. Допросы. А. Н. Хвостова, Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Кафафова, Наумова, Андроникова. Стр. XXX, 432. Ц. 2 р. 75 к.

Том. II. Допросы А. Д. Протопопова, кн. М. М. Андроникова, А. Т. Васильева, И. Ф. Манасевича-Мануйлова, А. А. Макарова, К. Д. Беляева, кн. Н. Д. Голицына, Н. А. Добровольского, И. Г. Щегловитова. Стр. VI, 439. Ц. 2 р. 75 к.

Том. III. Допросы и показания: А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, С. П. Белецкого, И. Л. Горемыкина, О. А. Лохтиной, С. В. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе. Стр. IV, 508. Ц. 3 р.

Том IV. Записки А. Д. Протопопова и С. П. Белецкого. Стр. 536. Ц. 3 р.

Новорусский, М. В. Записки шлиссельбуржца. 1887—1905. С портретами и рисунками. Стр. 245. Ц. 60 к.

Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. Сборник II. По фабрикам и заводам. Под редакцией Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт"). Стр. 147. Ц. 60 к.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914—1915 г.г. Том III. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. XXXIV, 524. Ц. 5 р. (Центрархив).

Петров, Е. Социальная революция и международная политика в переписке Маркса и Энгельса. Исторические очерки. Стр. 122. Ц. 60 к.

Поливанов, П. С. Алексеевский равелин. Биографический очерк. И. И. Майкова. Редакция текста, примечания и послесловие П. Е. Щеголева. („Библиотека мемуаров".) Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Попов, Александр. Из истории забастовочного движения в России накануне империалистической войны. Бакинская забастовка 1914 г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 152. Ц. 80 к.

Прибылев, А. В. В динамитной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Прибылева-Корба, А. П., и В. Н. Фигнер. А. Д. Михайлов. (Историко-революционная социалистическая библиотека.) Стр. 230. Ц. 1 р. 80 к.

Революционное юношество. Сборник I. Из истории движения учащихся среднеучебных заведений Петербурга. 1905—1917 г.г. (Ленинградский Истпарт.) Стр. 277. Ц. 1 р. 25 к.

Революция 1848 г. во Франции. (Донесения Я. Толстого.) Под редакцией и с предисловием Г. Зайделя и С. Красного. (Центрархив.) Стр. 184. Ц. 1 р. 70 к.

Робеспьер, Шарлота. Воспоминания. Перевод с французского. Е. Л. Овсянниковой. С предисловием и примечаниями А. А. Ольшевского. Стр. 62. Ц. 55 к.

Розин-Азис, Фр. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике. Вступительная статья П. Стучки. Перевод, примечания и предисловие к русскому изданию А. Я. Кляве-Клявина. Стр. 233. Ц. 1 р.

Русско-японская война. Из дневника А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. VII+189. Ц. 1 р. 80 к.

Сверчков, Д. На заре революции. Издание четвертое, иллюстрированное. Стр. 336. Ц. 2 р.

Сталин, И. На пути к Октябрю. Статьи и речи. Март—Октябрь 1917. Изд. 2-е. Стр. XLV+220. Ц. 90 к.

1905 г. в Петербурге. Выпуск I. Социал-демократические листовки. Собрали: С. Н. Вальк, Ф. Г. Матасова, К. К. Соколова и В. Н. Федорова. Вступительная статья К. Шелавина. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 444. Ц. 2 р.

Уорд, Джон, Союзная интервенция в Сибири. 1918—1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда. С предисловием И. Майского. Стр. 172. Ц. 1 р. 20 к.

Царская Россия в мировой войне. Том I. С предисловием М. Н. Покровского. (Центрархив.) Стр. XXIV, 304. Ц. 3 р. 20 к.

Цыперович, Г. За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске. Изд. 2-е. Стр. 242. Ц. 1 р. 50 к.

Шелгунов, А. В. Воспоминания. Редакция, вступ. статья и прим. А. Шилова. (Библиотека мемуаров), Стр. 317. Ц. 1 р.

Шилов, А. А. Девятое Января. Книга для чтения. Предисловие В. И. Невского. Стр. 238. Ц. 1 р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ в Торговый Сектор Госиздата, Москва, Ильинка, Богоявленский п., 4, ■ Ленинград, Проспект 25-го Октября 28, во все магазины, киоски и отделения Госиздата.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА (Москва, проезд Художественного театра, 6) **высылает книги немедленно по получении заказа наложенным платежом почтовыми посылками или бандеролью.**

КАТАЛОГИ и БЮЛЛЕТЕНИ ВЫСЫЛАЮТСЯ по ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ БЕСПЛАТНО.